

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

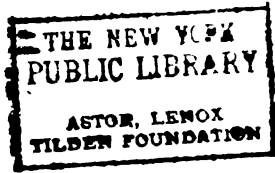
ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

—
1859.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
указанное число экземпляровъ. Москва, 12-го января 1859 года.

Ценсоръ *Н. Гиларовъ-Платоновъ*

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛЪ

ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ

Первыя пять лѣтъ, послѣдовавшія за смертію Петра I, и даже весь этотъ періодъ времени до самаго воцаренія Екатерины II, представляется съ перваго взгляда цѣпью потрясеній и переворотовъ, не имѣющихъ между собою видимой связи. Есть что-то восточное, что-то мрачно-таинственное въ этихъ перемѣнахъ правительства, совершавшихся въ одну ночь, въ этомъ вмѣшательствѣ гвардейскихъ солдатъ, въ этихъ интригахъ иностранныхъ министровъ, въ этомъ мгновенномъ возвышеніи изъ ничтожества до высшихъ государственныхъ должностей однихъ, и въ мгновенномъ же паденіи, ссылкѣ, заточеніи, казни другихъ. Еслибъ эти жертвы и эти триумфаторы не носили русскихъ именъ, съ младенчества намъ знакомыхъ, еслибы не Москва и Петербургъ были театромъ этихъ драмъ, то можно бы подумать, что мы читаемъ страницу изъ исторіи какой-нибудь средневѣковой республики италіанской, или слушаемъ преданіе о тайнахъ дворца какого-нибудь восточнаго повелителя.

Бурями и непогодами былъ окруженъ ростокъ посаженнаго Петромъ I сѣмени; но это сѣмя не умерло. Интриги, ссылки, низверженіе однихъ, возвышеніе другихъ составляютъ лишь драматическую обстановку русской исторіи XVIII вѣка, наружный покровъ ея, прежде всего кидающійся въ глаза, но не всю сущность, не весь серьезный смыслъ исторіи огромнаго государ-

ства. Бури качали вершину дерева, обламывали сучья, но корни продолжали свое питаніе, и дерево уцѣлѣло. Какъ же было бы иначе объяснить то, что черезъ десять какихъ-нибудь лѣтъ послѣ смерти Петра, въ эпоху полного разгула свирѣпой *бирюзовщины*, между переворотомъ, возведшимъ на престолъ Анну, и другимъ, низложившимъ малолѣтнаго Іоанна, является первый національный поэтъ, скоро потомъ учреждается первый національный театръ, ведутся блестящія войны, заключаются славные мирные договоры, и Россія, — это государство, по сужденіямъ иностранныхъ писателей, одряхлѣвшее прежде возмужалости, — обнаруживаетъ неотразимое вліяніе на сосѣдственные народы, расширяется во всѣ стороны, вносить элементы своей національности въ отдаленнѣйшія пустыни, омываемые Восточнымъ океаномъ?..

Мы, Русскіе, должны внимательнѣе иностранцевъ смотрѣть на судьбы своего отечества и не ограничиваться въ его изученіи одними придворными переворотами. Не будемъ отрицать ихъ, напротивъ тщательно запишемъ ихъ, но постараемся отыскать серіозное значеніе, внутренній смыслъ происшествій, безъ коихъ исторія вообще, а наша въ XVIII вѣкѣ въ особенности, можетъ представить лишь интересъ занимательнаго романа или потрясающей драмы.

Кажется, принято уже за несомнѣнный фактъ, что въ исходѣ XVII вѣка въ Россіи смутно чувствовались отдаленные отголоски Запада. Начавъ развитіе свое въ сферѣ, отдѣленной отъ той среды, гдѣ выработывалась жизнь обще-европейская, отечество наше стояло однакожь на первой очереди въ числѣ народовъ, неодолимою силою притяженія привлекаемыхъ въ эту среду. Эта сила притяженія стала, хотя еще и весьма слабо, обнаруживать свое вліяніе, когда явился Петръ. Но то, что нѣкоторые начинали инстинктивно чувствовать, не сознавая, Петръ угадалъ и уяснилъ, усвоилъ и оплодотворилъ силою своей могучей воли, и повлекъ народъ свой по пути, неизбѣжно ему указанному судьбами исторіи. Такимъ образомъ инициатива нашего преобразователя предохранила, можетъ-быть, Россію отъ обиднаго вмѣшательства постороннихъ правительствъ; онъ вывелъ силою свой народъ на путь цивилизаціи, на который народы болѣе отсталые выводятся оружіемъ чуждыхъ завоевателей; но съ другой стороны, не соответствуя понятіямъ большинства націи, дѣло преобразования казалось тягостнымъ и несноснымъ народу. Все было противъ Петра: сила преданій и вѣрованіе въ

старину, нигдѣ можетъ-быть столько не укоренившееся, какъ въ тогдашней Россіи; природная или вздѣлѣнная нашею исторіей безпечность и недѣятельность народа, словомъ: свойства народныя и его убѣжденія, инерція внутри государства и противодѣйствіе внѣшнихъ враговъ. Простолюдины бѣгали со службы и съ общественныхъ работъ; дворяне уклонялись отъ трудовъ служебныхъ; духовенство недовѣрчиво взидало на нововведенія, подозрѣвая въ нихъ посягательство на святыню; знатные люди оскорблялись требованіемъ отъ нихъ службы на ряду съ мелкимъ шляхетствомъ и разночинцами. Но непобѣдимая воля Петра крѣпчала по мѣрѣ сопротивленія; энергія его доходила до жестокости. Онъ удерживалъ войска подъ знаменами страхомъ мучительныхъ наказаній, насильно заставлялъ учиться грамотѣ, отнять значеніе у духовенства, погралъ боярскую спѣсь табелью о рангахъ.

Это было точно тяжелое время; Россія несла бремя своего величія, обливаясь кровавымъ потомъ! Сотни тысячъ поселянъ пали въ войнахъ, на общественныхъ работахъ; помѣщики, чаевшіе жить и умереть по дѣдовскому завѣту, на родномъ пепелищѣ, принуждены были отправляться за отдаленныя моря, и мало, можетъ-быть, оставалось знатныхъ родовъ, которые бы не оплакивали кого-либо изъ своихъ членовъ, сосланнаго, мучительно наказаннаго, или казненнаго. Понятно, что, при этомъ, пострадавшее лицо не казалось виновнымъ, и что его ближніе роптали...

Въ числѣ самыхъ близкихъ сподвижниковъ Петра, людей, которые составляютъ въ нашей исторіи Петрову плеяду, было весьма немного такихъ, которые горячо сочувствовали его дѣлу. Ромодановскіе, Апраксины, Трубецкіе, служили ему болѣе или менѣе честно и усердно, какъ служили ихъ отцы и дѣды его предкамъ, и неволью подчинялись его моральному превосходству; но понять все величіе его замысловъ они были не въ состояніи; такъ почтенный *Стародумъ* Петровыхъ временъ, честный, но упрямый князь Яковъ Долгоруковъ, говорилъ, что царь Алексѣй сдѣлалъ больше, чѣмъ сынъ его; въ области внутренняго управленія и уступаетъ ему только въ отношеніи къ внѣшней политикѣ. Такъ князь Дмитрій Голицынъ, человекъ, принадлежавшій уже къ болѣе-юному поколѣнію, покачивалъ головою, приговаривая: «Зачѣмъ всѣ эти иностранныя затѣи?.. Дѣды наши обходились и безъ нихъ!..»

Петръ могъ требовать полного повиновенія; но ни знанія,

ни опытности, ни, наконецъ, любви къ дѣлу, котораго важности никто не понималъ, не могъ онъ требовать отъ людей, которыхъ преданія коренились въ старинной почвѣ. Поэтому между своими потѣшными, гвардейскими солдатами, между учениками заведенныхъ имъ школъ, онъ отыскивалъ людей безродныхъ, способныхъ, трудолюбивыхъ, въ немъ одномъ полагавшихъ всю надежду; приближалъ ихъ къ себѣ, приучалъ къ практической дѣятельности разнообразными порученіями, вышлалъ быстро, строго за ними присматривая, и наконецъ образовалъ, къ концу своего царствованія, цѣлую группу людей, болѣе или менѣе способныхъ, практически полезныхъ, безусловно преданныхъ дѣлу преобразованія, которымъ, во вниманіи къ этимъ качествамъ, онъ былъ иногда принужденъ прощать безнравственность частную и общественную. Таковы были: Меншиковъ, Шафировъ, Головкинъ, Толстой, Ягужинскій, Румянцевъ, Ушаковъ, Девіеръ, Макаровъ и др.

Другимъ элементомъ Петровой плеяды были вызванные имъ иностранцы, преимущественно Нѣмцы. Это были специалисты—каковы: Брюсъ, Вейде, Минихъ, Крюкъ, Генингъ,—или люди, природными способностями, а чаще усидчивостію и терпѣніемъ приобрѣтшіе необходимую въ дѣлахъ опытность; между послѣдними ярче всѣхъ сіяетъ Остерманъ.

Возвышенные Петромъ Русскіе и нѣкоторые изъ иностранцевъ образовали едвали не значительнѣйшую часть личнаго состава въ высшихъ управленіяхъ. Естественно, что на нихъ съ непріязнію смотрѣли представители старинныхъ семей, сливая и тѣхъ и другихъ въ одно понятіе *нѣмецкой партіи*—названіе, которое не лишено мѣткости. Но при жизни Петра объ эти партіи, какъ нѣмецкая, такъ и противоположная ей, не имѣли возможности сильно обозначиться: государь былъ справедливъ, равно награждалъ заслугу и строго наказывалъ злонамѣренность. Совсѣмъ иное началось съ его смертію. Самое восшествіе Екатерины I на престолъ было дѣломъ Меншикова, замѣтнѣйшаго изъ выслужившихся людей, и Бассевича, голштинскаго министра (1). Здѣсь уже, очевидно, произошло сліяніе обоихъ элементовъ, враждебныхъ родовой русской аристократіи. Въ то время какъ высшіе государственные сановники собрались во дворецъ разсуждать объ устройствѣ судебъ рус-

(1) *Eclaircissements* etc., составленные изъ подлинныхъ бумагъ Бассевича и помѣщенные въ т. IX *Магазина* Бюшинга.

скаго престола и въ лицѣ внука государевидѣли единственнаго вѣремника престола, — Меншиковъ, при содѣйствіи Басевича, графа Толстаго и кабинетъ-секретаря Макарова, овладѣлъ казною, окружилъ дворецъ, съ собравшимися тамъ сановниками, гвардіею и, на основаніи словесно изъявленной будто бы государемъ воли, провозгласилъ Екатерину I императрицею.

Подобнаго необузданнаго произвола со стороны частнаго лица Россія еще никогда не видала. Бывали насилія со стороны любимцевъ, временщиковъ, но никогда ни одинъ изъ нихъ не простиралъ смѣлости до того, чтобы располагать престоломъ, и никогда иноземное вліяніе не подавало болѣе законной причины себя ненавидѣть!.. Но этого мало. Голштинскій дворъ, дворъ герцога, лишеннаго собственнаго владѣній въ Германіи, казался, сдѣлався въ Петербургъ сильнѣе двора русской императрицы: интересы голштинскіе взяли верхъ надъ русскими, и мы, преслѣдуя ихъ, едва не были втянуты въ войну съ Даніею и Англіею. Съ тѣмъ вмѣстѣ на единственную отрасль стариннаго царскаго Дома, на юнаго царевича, никто не обращалъ вниманія; старшая дочь Петра, черезъ нѣсколько дней по выходѣ замужъ, начала подвергаться самымъ оскорбительнымъ поступкамъ со стороны своего мужа, который проводилъ цѣлые дни, выравнивая и обучая солдатъ (1).

Съ своей стороны Меншиковъ, сдѣлавшись первымъ совѣтникомъ императрицы, приобрѣтя чрезъ новыя ея щедроты еще огромную прибавку къ несмѣтнымъ своимъ богатствамъ и полное всепрощеніе за всѣ свои старыя беззаконія, сдѣлався истиннымъ тираномъ всего государства. Все дѣлалось только имъ и чрезъ него; его благорасположеніе было источникомъ надеждъ, почестей, богатства; его гнѣвъ былъ равнозначащъ опалѣ, удаленію отъ двора, ссылкѣ и отнятію имѣній. Всѣ его трепетали и всѣ его ненавидѣли, а онъ, смѣясь надъ этою ненавистью, обдумывалъ планъ связать судьбу своего семейства съ судьбами царскаго дома; онъ вступилъ въ соискательство на герцогскій курляндскій престолъ, не обращая вниманія ни на права и вольности курляндскаго народа, ни на то, что его притязанія могли возжечь войну между Россіею, которая поддерживала ихъ, и Польшею, которой Курляндія была вассальнымъ леномъ (2). Погруженный въ

(1) *Gesch. des Russ. Staats* v. Herrmann, Hamb., 1849, 472, 482: депеша Лефорта, саксонскаго посланника, 14/3 мая 1726, 493, 1 февр. (20 янв.) 1727 и пр.

(2) Этотъ любопытный эпизодъ о соискательствѣ на курляндскій пре-

такіе обширные замыслы, онъ занимался текущими дѣлами безъ вниманія, дѣлалъ распоряженія наскоро, либо откладывалъ ихъ до другаго раза, и едва показывался въ коллегіи, гдѣ председательствовалъ, считая, что ему достаточно туда изрѣдка появиться съ грознымъ видомъ, пошумѣть и побранить, чтобы дѣла шли наилучшимъ образомъ... Они, напротивъ того, вовсе не шли; всеобщее утомленіе, повсемѣстная апатія замѣнила слишкомъ, можетъ-быть, напряженную дѣятельность Петрова времени. «Все лѣнливо, все остановилось, писалъ Лефорть, саксонскій посланникъ, черезъ полгода по вступленіи на престолъ императрицы: всѣ недовольны правительствомъ» (1). «Формою правленія въ это время, пишетъ знаменитый Минихъ, былъ самовластный произволъ князя Меншикова» (2).

Что же дѣлала въ это время партія недовольныхъ, *партія Русскихъ*, какъ ее наивно называютъ иностранные писатели? Новое правительство было сначала ласково къ представителямъ знатныхъ фамилій. Такъ, оно вызвало изъ Украйны и старалось привлечь къ себѣ одного изъ героевъ петровскихъ войнъ, князя Михаила Михайловича Голицына; братъ его, Дмитрій, сдѣланъ членомъ вновь учрежденнаго верховнаго тайнаго совѣта; Рѣпинъ — фельдмаршаломъ; одинъ изъ Долгоруковыхъ, Василій Владиміровичъ, замѣшанный по дѣлу царевича, возвращенъ изъ ссылки ко двору. Но Меншиковъ всегда находилъ благовидные предлоги удалять тѣхъ, коихъ могъ сколько-нибудь опасаться: Рѣпинъ все время его могущества начальствовалъ въ Ригѣ, гдѣ и умеръ; Долгоруковъ не замедлилъ получить назначеніе на персидской границѣ; Голицынъ возвратился въ Украйну; значеніе его брата было парализировано большинствомъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, принадлежавшихъ къ противоположной партіи, и въ особенности влияніемъ самого Меншикова.

—
 столъ Меншикова и графа Морица Саксонскаго требуютъ еще подробнѣшаго изученія.

(1) *Gesch. d. Russ. Staats*, 475. Чтобы быть справедливымъ, слѣдуетъ указать на докладъ верховнаго тайнаго совѣта, съ указаніемъ неудовлетворительнаго состоянія Россіи по разнымъ частямъ управленія и манифестъ объ исправленіи этихъ недостатковъ (см. *Царств. Екатерины I*, Арсеньева); но это была попытка, почти не имѣвшая результатовъ, а если она съ теченіемъ времени и оказала какія-либо послѣдствія, то уже подъ другими влияніями.

(2) *Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie*; Copenhague, 1774.

Верховный тайный совѣтъ, высшее въ государствѣ правительственное мѣсто, учрежденъ былъ въ началѣ 1726 года. Какая была цѣль этого учрежденія? Нѣкоторые думаютъ, что, создавъ эту новую инстанцію, Меншиковъ, который, разумеется, занялъ въ немъ самое видное мѣсто, думалъ еще на одну ступень отдѣлиться отъ толпы обыкновенныхъ слугъ царскихъ. Другіе, напротивъ, предполагаютъ здѣсь совершенно особыя цѣли; вотъ что доносилъ своему правительству англійскій резидентъ въ 1726 году (1): «Учрежденіе это повидимому кладетъ первый камень зданію, которое главнѣйшіе русскіе намѣреваются исподоволь возводить, а именно... принять участіе въ управленіи государствомъ». «Можно полагать, продолжаетъ онъ, что дѣла пойдутъ желаемымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока члены совѣта будутъ дѣйствовать единодушно; съ другой стороны, не трудно предвидѣть, что это есть первый шагъ къ измѣненію формы правленія... въ нѣчто, подобное англійскому... Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе разсудительныхъ людей о послѣдствіяхъ новаго учрежденія.»

Что вся Россія негодовала на самоуправство Меншикова, что знать въ особенности была оскорблена этимъ чрезмѣрнымъ развитіемъ фаворитизма, и что многіе думали о томъ, какъ бы устранить подобное самоуправство и прекратить фаворитизмъ, это болѣе нежели вѣроятно, и догадки Кампредона, хоть и не во всей ихъ обширности, кажется, не лишены основанія. Но учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта ни мало не устранило самоволія необузданнаго временщика: въ слѣдующемъ году членъ того же совѣта, графъ Толстой, содѣйствовавшій возведенію Екатерины на престолъ, одинъ изъ способнѣйшихъ сотрудниковъ Петра I, который простилъ ему участіе въ старинныхъ стрѣleckихъ мятежахъ во вниманіи къ большому его уму; генералъ-полицеймистеръ графъ Девіеръ; генералъ Ушаковъ, членъ всѣхъ важнѣйшихъ судныхъ комиссій и исполнительъ всѣхъ значительнѣйшихъ казней; Скорняковъ-Писаревъ, нѣкогда клеветъ самого Меншикова; старый воинъ, И. И. Бутурлинъ; наконецъ Нарышкинъ, родственникъ царскій, были подъ самымъ незначительнымъ предлогомъ, и безъ положительныхъ уликъ въ обвиненіяхъ болѣе важныхъ, въ сущности едва ли не за противодѣйствіе Меншикову, лишены чести и

(1) Делеша Кампредона 23/12 февр. 1726.

имѣній, нѣкоторые биты кнутомъ, подвергнуты истязаніямъ и сосланы.

Такое теченіе дѣлъ глубже и глубже разъядало общественную рану. Характеры измелъчались; личности сглаживались подъ вліяніемъ этого капризнаго произвола. Находились люди, державшіе упрямо спорить съ Петромъ: никто не смѣлъ возражать Меншикову. Заслуженный и храбрый фельдмаршалъ Голицынъ писалъ къ брату своему Дмитрію, члену верховнаго совѣта, чтобъ онъ старался во всемъ угождать *свѣтлѣйшему*, не прекословить ему и слѣпо исполнять его волю (1).

Этотъ самый Дмитрій Голицынъ, человекъ впрочемъ рѣшительный и твердый, какъ его изображаютъ современники и какимъ мы его скоро увидимъ, былъ однимъ изъ угодивыхъ судей въ процессѣ Девіера. Что же сказать о другихъ, ни по славнымъ семейнымъ преданіямъ, ни по богатству и связямъ, ни по личнымъ свойствамъ, не могшихъ выказать самостоятельности? Девіерь, по свидѣтельству Лефорта, оставивъ на произволь судьбы свои важныя обязанности генераль-полицеймейстера, безвыходно толкался въ дворцовыхъ переднихъ между придворною прислугою (2), что однакожь не спасло его, какъ мы видѣли, отъ кнута и ссылки!

Пропарствовавъ съ небольшимъ два года, императрица Екатерина скончалась въ маѣ 1727 года. Послѣ нея не могло возникнуть спора о престолонаслѣдіи, и всѣ немедленно присягнули Петру II; но ко всеобщему удивленію, совершенно неожиданно было при этомъ объявлено ея духовное завѣщаніе, въ которомъ, рядомъ съ распоряженіями о судьбахъ русскаго престола, выражены желанія, чтобъ императоръ вступилъ въ бракъ съ одною изъ дочерей князя Меншикова, чтобы были соблюдены голштинскіе интересы и былъ купленъ для голштинскаго посольства «приличный домъ, который будетъ навсегда свободенъ отъ всѣхъ тягостей и судебныхъ взысканій».

Можно вообразить, съ какимъ изумленіемъ слушало собраніе

(1) *Gesch. d. russ. St.*, 483: деп. Леф. 11 іюня (31 мая) 1727.

(2) *Gesch. d. russ. St.*, 476. Лефортъ, въ депешѣ своей ²³/₁₂ іюня и ¹⁴/₁₂ іюля 1725, выражается болѣе рѣзкимъ образомъ; вотъ его слова: «Welch eine Vertheilung der Rollen! Dewier, der Generalpolizeimeister, verrichtet die Geschäfte eines Adjutanten, oder vielmehr eines Kammerdieners, und lässt darüber die Angelegenheiten des Staates und die Geschäfte seines Amtes gehen, wie sie wollen!»

важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ эти посмертныя попеченія объ удобствахъ помѣщенія ненавистныхъ иноземцевъ и о судьбѣ не менѣе ненавистнаго князя Меншикова! Распространился слухъ, что оно подложное (1), но это ничѣмъ однакожь не доказано; цесаревна Елисавета подписала его, какъ подписывала все и всегда вмѣсто покойной императрицы; что же касается до участія Бассевича и Меншикова (2) въ его составленіи, то въ этомъ не могло быть сомнѣнія, и въ обоихъ случаяхъ оно не могло не нанести глубокаго огорченія національному русскому чувству.

Но торжество и русскаго, и иноземнаго временщиковъ было не продолжительно. Герцогъ голштинскій, поссорясь съ Меншиковымъ, долженъ былъ оставить Россію со всѣмъ своимъ дворомъ, и Меншиковъ, черезъ четыре мѣсяца послѣ вступленія на престолъ своего нареченнаго зятя, удаленъ изъ Петербурга, лишенъ чиновъ и имѣній и сосланъ въ Березовъ, мѣсто, прославленное знаменитыми изгнанниками.

Причины паденія его извѣстны, и едва ли позднѣйшія розысканія откроютъ въ этомъ что-либо, кромѣ придворной интриги; но причина ссылки его въ Сибирь гораздо серіознѣе: онъ былъ обвиненъ и едвали не уличенъ въ формальной государственной измѣнѣ! Вскорѣ по удаленіи его отъ двора, посланникъ нашъ въ Швеціи донесъ о существованіи между нимъ и шведскимъ правительствомъ преступной переписки, въ которой первый сановникъ русскій за деньги передавалъ непріязненному намъ двору государственныя тайны и хвалился служеніемъ шведскимъ интересамъ (3). Не знаемъ, что открыло наряженное по этому доносу слѣдствіе, но ссылка Меншикова въ Березовъ совпадаетъ съ этимъ чудовищнымъ открытіемъ. Не осмѣливаемся произнести надъ нимъ при-

(1) *Gech. d. russ. Staats*, 497: деп. Леопорта 27/16 сент. 1727. «Comme la Princesse Elisabeth signait tout au nom de la Czarine, le Duc de Holstein et Mentzikow lui ont fait aussi signer le testament, dont la pauvre defunte n'a jamais rien su?»

(2) Участіе это доказано нынѣ положительно; изъ слѣдовавшихъ герцогу по духовному завѣщанію денегъ, Меншиковъ удержалъ въ свою пользу 60 т. р. въ уплату за оказанныя ему при составленіи этого акта услуги, (см. протоколы верховнаго совѣта, 29 іюля 1727 (въ *Чтеніяхъ Имп. Общ. исторіи и древностей* 1858, кн. 3).

(3) Протоколы верховнаго тайнаго совѣта, въ 3 книжкѣ *Чтеній* за 1858 годъ. Протоколъ 3 дек. 1727.

говора, но должны признаться, что нѣкоторыя предшествующія его дѣйствія, уступка Штетина, доведение Россіи почти до разрыва съ Польшею по поводу курляндскихъ дѣлъ представляются намъ шагами на такомъ пути, по которому человѣкъ прямо приходитъ къ государственной измѣнѣ.

И что же однакожь? Помимо того мелодраматическаго интєреса, который брошенъ на его заточеніе, мы не можемъ запретить воображенію своему любоваться этимъ чуднымъ соединеніемъ ума и воли, которое представляетъ личность Меншикова. Это типъ, это олицетвореніе той героической и морально-безобразной эпохи, когда и жизнь человѣка была ничто, и личная свобода не имѣла никакого права заявлять себя, и когда, для осуществленія великой идеи, требовались отъ человѣка только неуклонная воля и непобѣдимая энергія. Чѣмъ крѣпче была закалена сталь, тѣмъ болѣе дорожилъ ею Петръ: Меншиковъ былъ имъ возвышенъ надъ всѣми, не взирая на свои доказанныя преступленія, а Яковъ Долгоруковъ, не взирая на свою суровую честность, не имѣлъ андреевской ленты! Зато, гдѣ надо было сдѣлать что-нибудь невозможное, создать городъ и портъ посреди пучинъ морскихъ, возвестъ столицу въ виду непріятеля, обезоружить воинственный народъ, подстрекаемый къ возстанію голосомъ побѣдоноснаго завоевателя, — для такихъ дѣлъ у Петра былъ одинъ только Меншиковъ!

Почти всѣ писавшіе о немъ видятъ совершенно новую сторону его характера во время его ссылки, удивляются его смиренію и твердости его души. Покорность волѣ небесъ и рѣшенію государя была характеристическою чертой тогдашнихъ нравовъ, и много можно насчитать примѣровъ подобнаго же христіанскаго смиренія (1); что же касается до твердости, съ которою Меншиковъ переносилъ свое несчастіе, то душа его, кажется намъ, была не изъ тѣхъ, которыя размягчаются и расплываются при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ: обнаруживать непрклонную энергію въ какой бы ни было сферѣ дѣйствія—было свойствомъ его природы. Намъ случилось видѣть портретъ его, сдѣланный въ Сибири (2). На лицѣ его нѣтъ той стереотипной,

(1) См. письмо графа Толстаго, простое и беззлобное, послѣ его осужденія по дѣлу Девіера, помѣщенное въ приложеніяхъ къ *Царствованію Екатерины I*, Арсеньева, и еще болѣе завѣщаніе князя В. А. Долгорукова, приложенное въ концѣ этой статьи.

(2) Портретъ этотъ принадлежалъ г. Юни, умершему въ Москвѣ въ

важно-снижодительной улыбки, которая, свойственна почти всѣмъ портретамъ прошедшаго вѣка; колоссальный парикъ на скрываетъ очертаній его лица; онъ изображенъ въ красной рубашкѣ и скромъ кафтанѣ; на похудѣломъ лицѣ сильно выдѣлся орлиный носъ, широкій лобъ осѣненъ сѣдыми волосами; седая борода ниспадаетъ съ скулистыхъ щекъ; изъ-подъ нависшихъ бровей строго смотрятъ глубоко впавшіе глаза. Таковъ въ самомъ дѣлѣ и былъ, вѣроятно, Меншиковъ.

Между тѣмъ Петербургъ торжествовалъ и прославлялъ паденіе страшнаго фаворита: «Прейде и погипе суетная слава сего прегордаго Голаза! писалъ въ это время одинъ изъ членовъ военной коллегіи, Пашковъ: у насъ, за помощію Божією все благополучно суть и такихъ страховъ нынѣ ни отъ кого нѣтъ, какъ бывали въ бытность князя Меншикова» (1). Радость эта доказываетъ недалковидность Пашкова и всѣхъ тѣхъ, очень многихъ, которые одинаково съ нимъ разсуждали. Они должны бы были подумать, что если такой баловень счастія, такой исполнѣнъ фаворитизма, человекъ такъ неизмѣримо высоко передъ всѣми поставленный милостію трехъ государей, мгновенно палъ, палъ не передъ уликами въ беззаконіяхъ (2), а подѣ наговоромъ двадцатилѣтняго фаворита и подѣ приговоромъ двѣнадцатилѣтняго государя, то кто же можетъ считать себя безопаснымъ?

Этотъ двадцатилѣтній фаворитъ былъ князь Иванъ Долгоруковъ, бывший при государѣ гофъ-юнкеромъ еще съ 1726 г.; замѣшанный въ исторію Девіера и пощаженный тогда по неотступнымъ просьбамъ царевича. Какъ этотъ молодой человекъ, такъ и отецъ его, князь Алексѣй Григорьевичъ, бывший вторымъ (3) гофмейстеромъ великокняжескаго двора, были неотлучно при будущемъ государѣ еще въ то время, когда многіе изъ придворныхъ не обращали на него большаго вниманія; изучили его нравъ, угадали его недостатки, рано начали имъ потворствовать, и не замедлили вполнѣ овладѣть имъ (4). Подѣ ихъ сугубымъ влияніемъ вступилъ Петръ и на престолъ.

1857 году, и копія съ него хранится у одной изъ правнукъ знаменитаго изгнанника, А. А. В.—й.

(1) *Царств. Петра II*, Арсеньева.

(2) Ибо доносъ изъ Стокгольма едва ли былъ бы присланъ, еслибъ Меншиковъ не былъ уже удаленъ изъ Петербурга.

(3) Первымъ былъ Остерманъ.

(4) Князь Щербатовъ (*О поврежд. нравовъ*) объясняетъ начало не-

Князь Алексѣй Григорьевичъ, равно какъ и сынъ его, были люди хотя честолюбивые и хитрые, но незначительные по своимъ способностямъ, самонадѣянные, заносчивые. Милость къ нимъ юнаго государя скоро поставила ихъ въ число значительнѣйшихъ при дворѣ людей. При томъ они имѣли опору въ многочисленной и сильной роднѣ. Князь Алексѣй и его два брата, Иванъ и Сергѣй, родные племянники знаменитаго князя Якова Θεодоровича, оставившаго въ народѣ такую почтенную славу, посредствомъ брачныхъ своихъ союзовъ имѣли связь съ лучшими нашими фамиліями; двоюродный ихъ братъ, Василій Лукичъ, очень умный, очень искусный, очень хитрый и лукавый человекъ (1), постоянно употребляемый еще со временъ Петра I по дипломатическимъ дѣламъ; дальніе ихъ родственники: Василій Владиміровичъ, почтенный ветеранъ Петровыхъ войнъ, человекъ твердый въ мнѣніяхъ своихъ и словъ, и его братъ Михаилъ, — вотъ группа, которую представляла въ то время фамилія Долгоруковыхъ. Преобладающими лицами въ ней были: по положенію своему при дворѣ, князь Алексѣй и его сынъ; по уму князь Василій Лукичъ; по характеру и значенію въ общественномъ мнѣніи, князь Василій Владиміровичъ. Этотъ послѣдній былъ изъ значительныхъ людей въ такъ-называемой *русской партіи*, патриотъ по тогдашнимъ понятіямъ, врагъ иноземцевъ, приверженецъ царевича Алексѣя, за что и понесъ опалу Петра I. Василій Лукичъ, проведя большую часть своей жизни за границею, едва ли могъ раздѣлять подобный образъ мыслей; но будучи до чрезвычайности уклончивъ, онъ, кажется, неспособенъ былъ къ какому бы то ни было твердымъ убѣжденіямъ и служилъ одному кумиру, своему

измѣнной дружбы Петра къ Ивану Долгорукову тѣмъ, что сей послѣдній объяснилъ ему неоспоримыя его права на престолъ и завѣрилъ въ преданности всего рода Долгоруковыхъ его интересамъ. Объясненіе это кажется вѣроятнымъ; мысль Долгорукова не могла не запастъ глубоко въ душу отрока, отъ котораго весьма вѣроятно скрывали многое до него касающееся.

(1) Изъ допросовъ въ слѣдственномъ дѣлѣ о князьяхъ Долгоруковыхъ видно, что, во время поѣздки его съ императрицею Анною въ Москву, онъ, желая ли заискать ея довѣренности или очернить непріятеля, наговорилъ, что будто бы Шаѣровъ сочинялъ отъ имени Петра II духовное завѣщаніе, которое было дѣйствительно сочинено, какъ увидимъ, самими Долгоруковыми и, въ числѣ другихъ, имъ самимъ, Василицемъ Лукичемъ.

личному интересу. Что касается до Григорьевичей и фаворита они тоже были за старину и противъ «Нѣмцевъ»,—видя экземпляръ этихъ послѣднихъ въ Остерманѣ, первомъ гофмейстерѣ и воспитателѣ царскомъ, соперникѣ своемъ по милости къ нему государя.

Остерманъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, завѣщанныхъ Россіи Петромъ, однимъ изъ этой плеяды, въ которой прежде только Меншиковъ затмѣвалъ, а въ послѣдствіи только Минихъ оспаривалъ блескъ его имени. Уступая имъ обоимъ по силѣ характера и той непреклонности стремлений, которой все уступаетъ, онъ превосходилъ ихъ обоихъ тѣмъ свойствомъ ума, который называется практическимъ смысломъ. И Меншиковъ, и Минихъ, увлекаемые пылкостью своихъ желаній, слишкомъ надѣясь на свою мощь, избалованные можетъ-быть счастьемъ, требовали иногда отъ него больше того, что оно могло имъ дать: въ этомъ была ихъ сила и слабость; Остерманъ въ свою жизнь не сдѣлалъ ни одного шага, который не былъ бы глубоко обдуманъ. Никогда не теряя своего личного интереса изъ виду, онъ во все время долгаго своего правительственнаго значенія, нерѣдко значенія преобладающаго, поддерживалъ начало порядка и благоразумнаго прогресса. Должно пожалѣть, что въ царствованіе Петра II вліяніе его не долго оставалось господствующимъ; и если въ это царствованіе, равно какъ въ предшествующія и послѣдующія, поведеніе Остермана, какъ придворнаго, преданнаго непрестанной заботѣ о сохраненіи своего положенія, далеко не безукоризненно и мало внушаетъ къ нему сочувствія; если и относительно Меншикова, какъ въ послѣдствіи относительно Волинскаго, онъ является злымъ и мстительнымъ: то дѣйствія его, какъ государственнаго человѣка и администратора, достойны всякихъ похвалъ и подражанія. Съ безукоризненною честностію (1), качествомъ въ то время весьма рѣдкимъ, онъ соединялъ близкое знакомство съ дѣлами всякаго рода и неутомимую кабинетную дѣятельность; вся переписка съ нашими посольствами шла черезъ него; на депешахъ и теперь можно видѣть помѣты, замѣчанія, а иногда и цѣлые проекты отвѣтовъ, его рукою написанные; имѣя пріятелей между дѣловыми людьми, нерѣдко

(1) *Валыскы Дюка де Лурія* въ переводѣ Языкова: депеша 10 янв. 1728 (30 дек. 1727). *Gesch. d. russ. St.*, 542: деп. Лефорта 6 февраля (26 янв. 1730).

Нѣмцами, во всѣхъ коллегіяхъ и управленіяхъ, онъ одинъ въ верховномъ совѣтѣ былъ всегда въ состояніи разрѣшить затруднительный вопросъ и подать дѣльное мнѣніе по всякому вѣдомству. За то можно сказать, что онъ былъ душою правленія, и когда случалось, что онъ не пріѣзжалъ въ совѣтъ, то его сочлены «поговоривъ между собою и выпивъ по рюмкѣ водки, говорить англійскій резидентъ Рондо, должны бывають разбѣхаться по домамъ» (1).

Прибавимъ къ этому, что Остерманъ, какъ человѣкъ, въ высшей степени искательный и предусмотрительный, всегда умѣлъ находить случаи быть полезнымъ для всѣхъ особъ царскаго дома, начиная отъ трехъ царевенъ старшей династіи, которыя, посреди нерасположеннаго къ нимъ двора, къ нему одному обращались съ своими просьбами и жалобами (2), и царицы-бабки, которой родственникамъ, Лопухинымъ, онъ поспѣшилъ сдѣлаться покровителемъ (3), до любимицы и сестры государевой, великой княжны Наталіи, которая до самой смерти своей была его надежною опорой и союзницею, и имѣла въ первое время сильное вліяніе на своего брата.

Таково было положеніе важнѣйшихъ при дворѣ лицъ, когда Петръ II вступилъ на престолъ: съ одной стороны люди дѣловые, полезные, отчасти иностранцы, отчасти питомцы Петровой правительственной школы, и во главѣ ихъ, горячо поддерживаемый великою княжною, Остерманъ со всѣмъ авторитетомъ его заслугъ и правительственной значительности, но и со всею скукою благоразумныхъ совѣтовъ, ученія и наставленій; съ другой, Долгоруковы, и за ними вся русская родовая знать, почти, можно сказать, все государство, съ лозунгомъ: «прочъ иноземцевъ»!

Эта партія, можетъ-быть, съ большею радостью привѣтствовала вступленіе молодаго государя на престолъ, нежели другая, въ которой много было людей, участвовавшихъ въ судѣ царевича Алексѣя, и которая была преобладающею въ предшествовавшее царствованіе. Національная партія надѣялась восторжествовать въ свою очередь при государѣ, отецъ котораго былъ надеждою нѣкоторыхъ изъ ея членовъ, и который удалилъ

(1) Деша ²⁹/₁₇ сент. 1728.

(2) *Царств. Петра II*, Арсеньева. Въ Московскомъ Архивѣ иностр. дѣлъ хранится множество писемъ къ нему отъ герцогини Курляндской.

(3) *Gesch. d. russ. St.*, 521. деп. Лефорта 16 и 23 (5 и 12) дек. 1727.

Голштинцевъ и Меншикова и оказывалъ особую милость ко-реннымъ Русскимъ—Долгоруковымъ. Къ сожалѣнію, эта партія, заключающая въ себѣ много достойныхъ почтенія личностей, была совершенно лишена практическаго знанія дѣла, которое было вполнѣ на сторонѣ ея противниковъ: В. Л. Долгоруковъ и Дм. Голицынъ, братъ его, фельдмаршалъ, и Вас. Влад. Долгоруковъ, самые видные въ ней люди, могли имѣть болѣе или менѣе замѣчательныя достоинства, какъ дипломаты или воины, или развитый умъ и твердыя убѣжденія, какъ старшій изъ Голицыныхъ; но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ рѣшительнаго голоса въ верховномъ совѣтѣ, гдѣ первая роль принадлежала Остерману, а потому мы и видимъ, что эта партія обратила все свое вниманіе и всѣ усилія на арену придворную, на увеселенія и забавы, на маленькія важныя дѣла, и увлекла туда за собою государя.

Но этого мало. Чтобы приобрести болѣе на него вліянія, они потворствовали слишкомъ рано, къ сожалѣнію, развившимся въ немъ дурнымъ наклонностямъ; они не удерживали, но напротивъ, разжигали въ немъ преждевременныя порывы необузданнаго самовластія, которое онъ уже выказалъ въ отношеніи Меншикова; они же были его наставниками въ беспорядочной жизни. Каждодневно, при наступленіи ночи, онъ, вдвоемъ съ своимъ развратнымъ любимцемъ, тайкомъ выѣзжалъ изъ дворца, неизвѣстно гдѣ пропадалъ всю ночь, и лишь къ утру возвращался (1). Разумѣется, за тѣмъ большая часть дня отдавалась сну, и слѣдовательно торжественно объявленное государемъ намѣреніе засѣдать въ верховномъ совѣтѣ оставалось словомъ безъ значенія, равно какъ замѣчательная роспись занятія и урокамъ, составленная Остерманомъ (2), покрывалась пылью забвенія вмѣстѣ съ книгами, глобусами и тетрадами...

И великая княжна и Остерманъ грустили, глядя на такой образъ жизни молодаго монарха; осторожно пробовали убѣждать его, но онъ уже не любилъ возраженій, уже приученъ былъ Долгоруковымъ къ безусловному повиновенію. Однакожь Остерманъ, по чувству ли долга, или изъ боязни усиливав-

(1) *Gesch. d. Russ. St.* 520: деп. Лефорта ^{27/10} нояб. 1727.

(2) *Царствованіе Петра II*, Арсеньева. О намѣреніи государя присутствовать въ верховномъ тайномъ совѣтѣ было объявлено вслѣдъ за изложеніемъ Меншикова, 8 сент. 1727. См. *Полн. Собр. Зак.*, т. VII, № 5151.

шагося вліянія фаворита, рѣшился однажды высказать государю всѣ печальныя послѣдствія такого поведенія, какъ относительно собственной его особы, такъ и относительно отечества. Остерманъ употребилъ все свое краснорѣчіе, плакалъ, какъ это всегда бывало въ важныхъ случаяхъ; государь выслушалъ его со вниманіемъ, обнялъ, и въ ту же ночь отправился съ Долгоруковымъ кататься по городу (1).

Осторожный Остерманъ не рѣшался во второй разъ возобновлять объ этомъ рѣчь; великая княжна начинала терять прежнее вліяніе на брата; напротивъ того, при дворѣ стали замѣчать необыкновенное расположеніе императора къ его теткѣ, цесаревнѣ Елисаветѣ, блиставшей въ то время всѣмъ очарованіемъ шестнадцатилѣтней красоты, любительницѣ развлеченій, танцевъ, охоты, забавы, страстно государемъ любимой. Она съ своей стороны обратила милость его на своего камергера Бутурлина, имѣвшаго въ послѣдствіи случай выказать на обширномъ поприщѣ свою незначительность (2), но въ то время останавливавшаго на себѣ вниманіе мужественною красотой своею. Государь полюбилъ его, а дворъ не замедлил привѣтствовать въ немъ новаго фаворита, соперника Ивану Долгорукову, соперника тѣмъ болѣе опаснаго, что онъ былъ готовымъ оружіемъ въ рукахъ Голицыныхъ, будучи зятемъ фельдмаршала.

Между тѣмъ еще въ октябрѣ 1726 года было объявлено манифестомъ намѣреніе юнаго государя отправиться въ Москву, для совершенія торжественнаго обряда коронаціи (3). Намѣреніе это не нравилось Остерману. Подобно всѣмъ людямъ своей партіи, онъ не любилъ древней столицы, гдѣ его значеніе терялось посреди всей этой знати, его чуждавшейся, посреди неизбѣжныхъ забавъ и празднествъ, отнимавшихъ у него время, а у государя послѣднюю охоту тѣмъ-нибудь заняться.

Многіе ожидали важныхъ послѣдствій отъ свиданія императора съ царицею-бабкой, которая была надеждою всѣхъ, не весьма впрочемъ многочисленныхъ, заклятыхъ враговъ всякой

(1) *Gesch. d. Russ. St.* 520. «...Courir la prétontaine dans les boues.»

(2) Онъ командовалъ нашею арміею противъ Фридриха II. Лесортъ, саксонскій посланникъ, еще въ 1729 году писалъ о немъ: «... Ein Mensch, der das Pulver nicht erfunden, den aber Gott im Zorn zum General-major gemacht hatte.» (*Gesch. d. Russ. St.* 531.)

(3) *Полн. Собр. Зак.*, т. VII, № 5179.

новизны и всего иноземнаго. Остерманъ боялся этихъ послѣдствій и по понятіямъ своимъ и потому, что государыня-инокня сильно покровительствовала его старому сопернику, Шафирову. Но его опасеніе оказалось напраснымъ; свиданіе это было довольно холодно и не имѣло рѣшительно никакихъ послѣдствій (1).

Между тѣмъ Голицыны, опираясь на расположеніе государя къ цесаревнѣ и на милость его къ Бутурлину, начинали подниматься; но Долгоруковы зорко за этимъ наблюдали. Остерманъ, съ своей стороны, видя, если не охлажденіе, то равнодушіе къ себѣ государя, не постыдился низойти до заискиванія передъ двадцати-лѣтнимъ фаворитомъ, преслѣдовалъ его увѣреніями своей преданности, *плакалъ*... и наконецъ приобрѣлъ его временную дружбу обѣщаніемъ дѣйствовать съ нимъ заодно противъ Бутурлина (2), который и былъ подъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ удаленъ въ Украйну; чтѣ же касается до цесаревны, то дворъ не безъ удивленія замѣтилъ 26 августа, на именинномъ балѣ у великой княжны, рѣзкое къ ней охлажденіе государя, а черезъ нѣсколько дней, въ день собственныхъ ея именинъ, онъ явился къ ней передъ самымъ ужиномъ и уѣхалъ тотчасъ послѣ стола (3).

Эта перемѣна въ обращеніи съ нею государя не сильно подѣйствовала на легкій нравъ цесаревны, которая только думала о забавахъ; но подобная же перемѣна въ отношеніи великой княжны, столь нѣжно имъ прежде любимой, эта незаслуженная холодность, эта такъ дурно вознагражденная горячая привязанность, глубоко уязвили ея сердце и подѣйствовали на ея здоровье. Она слегла осенью 1727 года; доктора лѣчили ее отъ чахотки, «но не въ этомъ ея болѣзнь, пишетъ горцогъ де-Лирія, и одинъ только врачъ можетъ ее вылѣчить—ея братъ.» Этотъ врачъ не пришелъ къ ней на помощь, и великая княжна, «идеаль всѣхъ честныхъ людей и перлъ русскаго двора», по словамъ того же де-Лирія, скончалась, любя по прежнему и благоговая брата.

Со смертію великой княжны, вліяніе Долгоруковыхъ на государя сдѣлалось исключительнымъ; на нихъ посыпались новыя милости: князя Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ были

(1) *Записки Д. Лир.*, 23.

(2) *Записки Д. Лир.*; 49, 62.

(3) *Записки Д. Лир.*, 40.

сдѣланы членами верховнаго тайнаго совѣта; князь Иванъ оберъ-каммергеромъ и андреевскимъ кавалеромъ; князь Василій Владиміровичъ фельдмаршаломъ и подполковникомъ гвардіи, и имѣнія, нѣкогда у него конфискованныя за участіе въ дѣлѣ цесаревича, возвращены ему. Голицыны съ негодованіемъ и злобою смотрѣли на это быстрое возвышеніе фамиліи, съ которою они соперничествовали, и была минута, когда, казалось, наступить и ихъ чередъ: государь полюбилъ сына князя Дмитрія, Сергія Дмитріевича, человѣка еще довольно молодого, но уже пріобрѣтшаго почетную извѣстность на дипломатическомъ поприщѣ. Дворъ снова заговорилъ было о новомъ любимцѣ; но Остерманъ, вѣрный цѣнитель указаній придворнаго барометра, рѣшился угождать еще прежнему фавориту и поспѣшилъ дать его сопернику назначеніе къ берлинскому двору (1).

Не взирая однакожь на это и на многія другія угожденія, которыя дѣлалъ старый министръ безбородому фавориту, дружбы между ними не было, сближенія были случайныя, не прочныя, и выгодами этихъ сближеній пользовался всегда Долгоруковъ, Остерманъ же оставался при своемъ искательствѣ, трудахъ и огорченіи видѣть, какъ старанія его мало цѣнятся. Казалось бы, что за надобность была Остерману, продолжавшему пользоваться огромнымъ вліяніемъ на дѣла,—что за надобность была ему хлопотать о расположеніи фаворита? Онъ имѣлъ безспорно первое мѣсто въ правительствѣ,—зачѣмъ же ему было такъ настойчиво втираться въ толпу придворныхъ, и кстали ли было ему, старику, обремененному государственными заботами, человѣку холодному по природѣ, чуждому праздныхъ забавъ и въ молодости, недовѣрчивому, котораго улыбка и увѣреніямъ въ свою очередь никто не вѣрилъ, вдобавокъ подагрику, вымаливать мѣсто на пирахъ и охотахъ царскихъ, когда онъ съ такимъ достоинствомъ занималъ мѣсто въ верховномъ совѣтѣ?.. Въ другой странѣ, въ другую эпоху, при другихъ понятіяхъ, это было бы справедливо; но Остерманъ вѣрно оцѣнивалъ свое положеніе. Свѣжъ еще былъ примѣръ Меншикова, котораго не спасло отъ ссылки несравненно возвышеннѣйшее положеніе!.. Тому же Долгорукову, который низвелъ Меншикова, стоило только внушить нерасположеніе въ государя къ Остерману, и нашлись бы судьи, которые обвинили

(1) *Зап. Д. Жур.*, 54, 63.

бы его въ злоупотребленіяхъ и въ оскорбленіи величества, и въ государственной измѣнѣ!

Между тѣмъ Долгоруковы все болѣе и болѣе достигали исключительнаго вліянія на молодого монарха. Ежедневно онъ уѣзжалъ въ Измайлово, гдѣ князь Алексѣй и его братья, удаливъ его отъ всякаго посторонняго вліянія, въ застольныхъ бесѣдахъ, послѣ трудовъ псовой охоты, нарѣзывали, на незрѣломъ его умѣ, свои политическія убѣжденія; говорили какъ его славные предки не рѣдко удалялись въ свои подмосковныя села отъ заботъ государственныхъ, предоставляя ихъ боярской думѣ; какъ упражнялись тамъ въ благородной соколиной и псовой охотѣ съ преданными царедворцами, все природными, родовитыми русскими вельможами, а не Нѣмцами и пришлецами со всего свѣта, которыми блаженной памяти Петръ Алексѣевичъ наполнилъ всё управленія, и съ которыми, не щадя драгоценнаго живота своего, изволилъ, какъ простой человѣкъ, трудиться. Такія рѣчи были по сердцу молодому государю!

Внушенія Долгоруковыхъ могли этимъ не ограничиваться. Не трудно было представить государю, равнодушному къ дѣламъ государственнымъ, обвиненіе царевича Алексѣя дѣломъ личной къ нему ненависти его родителя и, можетъ-быть, разшевелить чувства любви сыновней... Тогда, естественно, ему должны были сдѣлаться ненавистными всё участвовавшіе въ судѣ и обвиненіи царевича: Головкинъ, Остерманъ, Голицыны, — фамилія, которой четыре члена подписали его приговоръ (1), тогда какъ нѣкоторые изъ Долгоруковыхъ за него пострадали...

Поддаваясь все болѣе и болѣе подобнымъ внушеніямъ и увеселеніямъ, которыми эти внушенія сопровождались, Петръ по цѣлымъ мѣсяцамъ не возвращался въ Москву; дѣла останавливались: верховный совѣтъ не собирается», доносилъ дукъ де-Лиріа своему правительству (2). Да и не кому было собираться: оба Долгоруковы почти безотлучно находились при государѣ, графъ Головкинъ страдалъ подагрой, Остерманъ былъ боленъ съ горя, а князь Голицынъ, подъ тѣнистыми аллеями своего Архангельскаго, посреди собранной тамъ его попеченіями прекрасной бібліотеки, обдумывалъ новыя условія государственной жизни, и приготавливалъ къ нимъ много-

(1) «Объявленіе розыскаго дѣла» и пр., въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1829 г.

(2) *Зап. Д. Лир.*, 56: деп. февраля 1729.

численныхъ своихъ кліентовъ... Всѣ пружины управленія окончательно ослабли. «Россія похожа теперь на корабль, котораго кормчіи и матросы покоятся безмятежнымъ сномъ», доноситъ Лефортъ саксонскому двору (1). «При этомъ безпорядкѣ, пишетъ испанскій посланникъ (2), я дѣлаюсь совершенно не нужнымъ въ Россіи, гдѣ достаточно будетъ одного резидента или секретаря.» Онъ не скрывалъ своего мнѣнія и отъ нашего правительства, и говорилъ Остерману, единственному челобѣцу, въ которомъ подобныя мысли могли встрѣтить сочувствіе, что по теченію дѣлъ въ настоящее время, лишень будучи случаевъ видѣть когда-либо государя, онъ полагалъ, «что бесполезно для короля держать его въ Россіи, и что это даже неприлично для королевскаго достоинства.» Не довольствуясь этимъ, де-Лириа и имперскій посланникъ, графъ Вратиславъ, коллективно сообщали о томъ канцлеру... Конечно никогда русское правительство не испытывало подобнаго униженія, никогда не доходило до того, чтобъ иностранныя правительства, устами своихъ представителей, напоминали ему о его обязанностяхъ!.. Но если такое полное расслабленіе было въ столицѣ, въ высшихъ слояхъ управленія,—что должно было происходить внутри Россіи, въ низшихъ сферахъ; какая беззаказанность, какой просторъ беззаконіямъ всякаго рода, утѣсненію, грабительству, дѣйствию необузданнаго произвола?..

Въ мартѣ мѣсяцѣ (1729), стали говорить при дворѣ и въ городѣ, что государь, во время поѣздокъ своихъ въ помѣстья Долгоруковыхъ, выдаетъ жену и дочерей князя Алексѣя; а какъ одна изъ княженъ, именно Екатерина Алексѣевна, была очень хороша собою (3), то, соображая глубокое честолюбіе Василья Лукича и безграничную самонадѣянность князя Алексѣя, соображая непримѣрную милость государя къ князю Ивану и преждевременную его развитость,—многіе, и при томъ благоразумнѣйшіе, стали сомнительно покачивать головою, и шопотомъ передавали другъ другу свои опасенія на счетъ воз-

(1) *Gesch. d. Russ. St.*, 529: деп. 27/17 ноября 1728.

(2) *Зап. Д. Лип.*, 51, 56.

(3) *Письма леди Рондо*, 14. Сэръ Рондо, въ депешѣ отъ 20 ноября, пишетъ о ней: Elle a environs 18 ans, est très jolie et douée d'un grand nombre de belles qualités. Напротивъ того, саксонскій посланникъ Лефортъ, не упоминая о ея наружности, дѣлаетъ о ней отзывъ невыгодный.

возможности родственнаго союза между государемъ и Долгоруковыми. Остерманъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые это предвидѣли и страшились.... Но лѣто прошло, а ничего формальнаго еще не случилось. 1-го сентября (1) былъ охотничій праздникъ; государь отправился въ отъѣзжія поля съ своими приближенными, въ числѣ которыхъ были мать и сестры фаворита. Никогда отсутствіе его не было столь продолжительно; онъ даже не возвратился ко дню своего рожденія (12 окт.), за то о бракѣ его съ Долгоруковою стали говорить громче; многіе полагали это уже дѣломъ рѣшеннымъ. И въ самомъ дѣлѣ, возвратясь въ Москву въ ноябрѣ, государь, 19 числа, формально объявилъ о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ съ Екатериною Долгоруковою, и 30 числа, въ день празднованія Св. Андрея Первозваннаго, было совершено торжественное обрученіе.

Итакъ Долгоруковы, наконецъ, стояли на той высотѣ, которой, въ теченіе послѣдняго полувѣка, удалось достигнуть одному только князю Меншикову.... Какъ будто для большаго сходства съ бывшимъ нареченнымъ государевымъ тестемъ, они начали хлопотать у вѣнскаго двора о дарованіи Ивану Алексѣевичу княжества Кюбельскаго (въ Силезіи), которое нѣкогда было даровано Меншикову.

Что касается до фаворита, то счастье продолжало сыпать на него лучшіе дары свои. Въ то время какъ его отецъ и другіе родственники съ такою заботливостію и усиліями возводили непрочное зданіе своего благосостоянія,—этотъ въ 20 лѣтъ уже пресыщенный баловень судьбы, скучая обществомъ, въ которомъ встрѣчалъ лишь слишкомъ знакомыя лица, скучая наставленіями вѣчно озабоченной, честолюбивой родни, нерѣдко уклонялся отъ обязанности сопровождать государя и, вполне свободный въ его отсутствіи, предавался среди оглушенной Москвы самымъ грубымъ неистовствамъ: «окружась драгунами, часто по всему городу необычайнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный, скакалъ, по ночамъ въ чужіе дома вскакивалъ, гость досадный и страшный» (2). Но счастье не уставало слѣдить за нимъ.

(1) Дюкъ де-Лирія въ своихъ запискахъ (странъ 63) показываетъ именно это число; у Арсеньева, въ его книгѣ *Царствованіе Петра II*, сказано 8 число; едва ли это не ошибка. 1-е сентября—день торжественный для охотниковъ; и врядъ ли государь отказался бы провести его въ отъѣздѣхъ полѣ.

(2) *Описаніе кончины* и пр., Θεοφ. Прокоповича. То же подтвержда-

Въ огромныхъ палатахъ Шереметева жила, послѣ смерти стараго фельдмаршала пятнадцатилѣтняя дочь его, сирота, прекрасная собою, одна изъ богатѣйшихъ невѣстъ Россіи (1). Родственники переговорили между собою, и свадьба была назначена. Фаворитъ царскій дѣлался однимъ изъ первыхъ русскихъ богачей. Но не въ этомъ еще заключалось все его счастье: онъ не зналъ, и не могъ знать, какое сердце ему отдавалось; онъ узналъ его лишь тогда, когда страшная гроза разразилась надъ нимъ и надъ всѣмъ его родомъ, когда на нихъ «со всего свѣту бѣды сокупились», какъ выражается сама знаменитая страдалица. Они были обручены, но еще не обвѣнчаны, когда пронесся первый гулъ бури, умчавшей Долгоруковыхъ и ихъ фортуны; родственники молодой Натальи Борисовны убѣждали ее отдѣлится, пока еще есть время, судьбу свою отъ судьбы человѣка, обреченнаго гибели; другой женихъ просилъ руки ея; но не такъ говорило ея молодое, благородное сердце: «Какая радость, и честная ли это совѣсть, пишетъ она, когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему?» Она осталась вѣрна разъ данному слову, вѣрна святому долгу супруги; «любя мужа, все сносила, и еще его подкрѣпляла, и никогда не раскаивалась, для чего за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу». Такова была эта прекрасная женская личность; на ней съ любовію успокоивается взоръ, утомленный зрѣлищемъ всеобщей безнравственности.

Въ палатахъ царскихъ тоже разыгрывалась тайная, скорбная драма. Княжна Долгорукова съ своей стороны давно уже любила одного изъ кавалеровъ имперскаго посольства, Милезимо (2); но расчеты честолюбивой родни разрушили ея на-

еть и кн. Щербатовъ (*О повр. нрав.*), сходясь почти въ этомъ одномъ съ знаменитымъ витіею, котораго онъ очень рѣзко и, кажется, вѣрно характеризуетъ.

(1) О красотѣ ея пишетъ герцогъ де-Лирія въ своихъ *Запискахъ*, 71; во всемъ послѣдующемъ мы ссылаемся на собственныя ея записки, помѣщенныя въ *Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ*.

(2) *Записки Дюка де-Лирія*, 70; *Письма леди Рондо* въ русск. переводѣ; *Gesch. d. russ. Staats*, 533 и слѣд.: деп. Лефорта ²⁹/₁₇ ноября, 8, 9 декабря (27, 28 ноября) и ¹⁵/₄ декабря 1729; Бантышъ-Каменскій въ своемъ *Словарѣ достопамятныхъ людей* говоритъ, основываясь на свидѣтельствахъ, найденныхъ имъ въ портфеляхъ Миллера, что государыня-невѣста любила своего однофамильца, князя Юрія Юрьевича, съ которымъ и думала сочетаться бракомъ. Но въ такомъ случаѣ, почему

дежды: Милезимо подъ благовиднымъ предлогомъ былъ немедленно отправленъ въ Вѣну. Между тѣмъ и чувства къ ней государя вдругъ быстро охладѣли. Измѣнила ли она своей сердечной тайнѣ, какъ пишетъ болтливая леди Рондо; представленія ли Остермана, старавшагося не допустить этого брака, возымѣли позднѣе дѣйствіе, — но внезапное охлажденіе государя къ своей невѣстѣ не укрылось отъ наблюдательныхъ взоровъ. Съ удивленіемъ замѣчали, что онъ почти никогда съ нею въ обществѣ не разговариваетъ, что онъ сдѣлался рѣзко въ обращеніи съ ея родственниками, и припоминали, что совершенно тѣ же обстоятельства предшествовали паденію Меншикова...

Съ другой стороны такъ же быстро возрасла милость государя къ Остерману, который началъ ежедневно бывать во дворцѣ, и къ которому государь нѣсколько разъ одинъ, какъ будто скрываясь отъ Долгоруковыхъ, пріѣзжалъ.

Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ въ этихъ тайныхъ бесѣдахъ государя съ его старымъ наставникомъ обдумывалось низложеніе Долгоруковыхъ; можетъ-быть, въ то время, какъ вѣя Россія съ завистью смотрѣла на ихъ величіе, противъ нихъ сочинялись обвинительные акты, пріискивались улики, свидѣтели, подбирались надежные судьи и, вмѣсто новыхъ почестей и новыхъ богатствъ, ихъ ожидали застѣнки, Сибирь или позорная казнь. Все это осталось покрытымъ глубокою тайной, и неожиданная смерть государя разсвѣкла спутанный узелъ этой драмы.

Наступило 6 января 1730 года. Государь прибылъ на обычное торжество водоосвященія, стоя на запяткахъ саней, въ которыхъ сидѣла его невѣста (1), и пробылъ съ непокрытою головой на льду и жестокомъ морозѣ около четырехъ часовъ. Возвратясь въ свои покои, онъ почувствовалъ головную боль, и въ тотъ же вечеръ легъ въ постель.

На другой день открылась оспа, которую тогдашніе доктора приняли было за лихорадку. Ему однакожь становилось уже лучше, такъ что 15 января отъ верховнаго тайнаго совѣта былъ разосланъ циркуляръ ко всѣмъ нашимъ резидентамъ при иностранныхъ дворахъ, въ которомъ именно говорится: «Она оспа нынѣ совершенно выступила и уже созрѣла. Итакъ за Бо-

же бы этому браку не состояться послѣ смерти государевой? И почему князь Юрій женился на сестрѣ ея, Еленѣ, а она вышла за Брюса?

(1) *Письма леди Рондо*, 20.

жіею помощію, его императорскаго величества состояніе въ очевидно-вящее исправленіе приходитъ, и по разсужденіямъ докторовъ и по всѣмъ человѣческимъ видамъ надѣяться можно, что въ нынѣшній, яко 9 день, наибольшая опасность минула» (1). Собственная неосторожность, по свидѣтельству Манштейна (2), погубила государя: почувствовавъ себя лучше, онъ подошелъ къ окну и отворилъ его; съ этой минуты не было уже надежды на выздоровленіе, и 19 числа, въ три четверти четвертаго часа по-полуночи, онъ скончался (3).

Въ большей части русскихъ сочиненій, касавшихся сей эпохи, Петръ II представленъ юношей, подававшимъ большія надежды, съ прекрасною наружностію, съ быстрымъ и пронизательнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Изъ современныхъ свидѣтельствъ мы находимъ подобный отзывъ въ запискахъ княгини Н. Б. Долгоруковой, которая говоритъ: «Отнялъ (Господь) милостиваго государя, и великъ былъ плачь въ народѣ». Графъ Минихъ пишетъ: «Онъ скончался.... къ великому сожалѣнію всей націи, которая его обожала...» Манштейнъ тоже упоминаетъ о всеобщемъ сожалѣніи Россіи и присовокупляетъ: «Россія и до сего времени считаетъ это царствованіе самымъ счастливымъ временемъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ». Наконецъ и герцогъ де-Лирія такъ выражается: «Потеря его была не вознаградима для Россіи, потому что добрыя качества сего государя давали надежду на счастливое и славное царствованіе. Въ немъ было много ума, смѣлливости и скромности. Въ немъ не было замѣтно никакой склонности къ какимъ-либо порокамъ, а пьянство, въ то время общее, совсѣмъ было ему не по вкусу. Собою онъ былъ очень красивъ и росту чрезвычайнаго по своимъ лѣтамъ.»

Но какъ же соединить эти посмертныя похвалы съ извѣсти-

(1) Не только 15, но еще и 12 января сообщалось нашимъ резидентамъ при иностранныхъ дворахъ о болѣзни государя; чѣмъ торжественно опровергается обвиненіе, выраженное въ манифестѣ 14 апрѣля 1730 года (*Полн. Собр. Закон.*, № 5532), о томъ, что Долгоруковы скрывали будто бы болѣзнь государеву даже до самой кончины. См. протоколы верховнаго совѣта соответствующихъ числъ.

(2) *Mém. de Manstein*, I. 36. Lyon, MDCCLXXII.

(3) Касательно этого часа показанія разнорѣчивы. Мы руководствуемся протоколомъ верховнаго тайнаго совѣта, 19 января, въ *Чтеніяхъ*, а также манифестомъ, которымъ объявлялось о кончинѣ Петра (*Полн. Собр. Закон.* Т. VIII, № 5499).

ли тѣхъ же самыхъ писателей о царствованіи Петра? Мы не говоримъ о княгинѣ Долгоруковой, которая видѣла въ немъ благодѣтеля своей новой родни, и со смертію его теряла все, чѣмъ красно существованіе. Но Минихъ, Манштейнъ, де-Лирія? Не сами ли же они говорятъ о дурныхъ наклонностяхъ Петра и совершенномъ его равнодушіи къ правленію? «Государственный корабль носится по прихоти волнъ и вѣтровъ, писалъ Ле-Фортъ въ 1727 и 1728 годахъ (1): вездѣ бездѣйствіе, вездѣ застой, и трудно понять, какъ дѣйствуетъ огромная правительственная машина, къ которой никто не хочетъ прикоснуться!» И въ самомъ дѣлѣ, войско и флотъ не только терпѣли нужду во всякаго рода снабженіяхъ, но не получали заслуженнаго жалованья. По ходатайству разныхъ покровителей, офицеры и солдаты изъ дворянъ получали позволеніе не являться цѣлые годы на службу, считаясь въ ней и проживая въ Москвѣ, либо въ своихъ имѣніяхъ (2). Необузданный произволь проникъ и во всѣ вѣтви управленія; губернаторы и воеводы, пользуясь указами 1726 и 1727 годовъ о подчиненіи имъ судебной власти, уничтожили всякую самостоятельность судовъ, и замѣнивъ, можетъ-быть, неудовлетворительныя ихъ дѣйствія собственными, не болѣе удовлетворительными, внесли въ самую идею о правосудіи принципъ произвола и личнаго вмѣшательства. Доходы государственные часто не доходили по назначенію, указанному росписаніемъ, и достаточно было приказанія какого-либо фаворита, чтобы вмѣсто напимѣръ адмиралтействъ-коллегіи они попадали въ руки какой-нибудь грузинской царевны. Неужели все это пророчило «счастливое и славное царствованіе»?

Правда, при Петрѣ II гораздо рѣже, чѣмъ при его грозномъ дѣдѣ и даже при императрицѣ, видимъ мы жестокія казни; страшныя административныя наказанія были смягчены обычаемъ; но казни при преобразователѣ производились по суду, на основаніи законовъ, или по крайней мѣрѣ по важной государственной необходимости, а какое великое беззаконіе рѣшило удаленіе отъ двора (мы не говоримъ ссылку въ Березовъ) Меншикова? Какія великія заслуги рѣшили возвышеніе

(1) *Gesch. des Russ. St.* 520, 524.

(2) Объ этомъ см. любопытныя «Извлеченія изъ журналовъ адмиралтействъ коллегіи» въ *Морск. Сборн.* 1857 года.

(3) *Полн. Собр. Закон.* Т. VII № № 4929 и 5017.

Алексѣя и Ивана Долгоруковыхъ?.. Пусть не было жестокости въ короткое царствованіе Петра II, но не было и справедливости; не жгли, не истязали людей во имя закона, но на законъ перестали и смотрѣть; вездѣ во всѣхъ инстанціяхъ рѣшала милость или вражда; это едва ли не хуже! Тотъ же Пашковъ, который такъ витіевато провозглашалъ блаженство, наступившее съ удаленіемъ грознаго Меншикова, писалъ въ послѣдствіи: «новые временщики привели великую конфузю, такъ что мы съ великимъ опасеніемъ бываемъ при дворѣ; всякій всякаго боится, а крѣпкой надежды нигдѣ нѣтъ.» Что еще можно прибавить къ этой печальной картинѣ?..

Но, скажутъ, все это было слѣдствіемъ малолѣтства государя и недобросовѣстности его окружающихъ. Положимъ, и выразимъ здѣсь горькій упрекъ этимъ окружающимъ, особенно Долгоруковымъ, за все зло, которое они сдѣлали Петру, зло, съ которымъ и позднѣйшія ихъ страданія насъ не примиряютъ; но посмотримъ однакожь, какіе задатки представлялъ характеръ молодаго монарха. Россія рукоплескала ему, когда онъ сказалъ Меншикову: «я научу тебя знать, что я императоръ!» Большая часть современниковъ видѣла въ этомъ признакъ могучей воли, признакъ дѣдовскаго характера. Но великій дѣдъ его умѣлъ выслушать грубыя возраженія честнаго Долгорукова; дѣдъ его былъ крутъ и неумолимъ, но единственно для осуществленія тѣхъ идей, которыхъ онъ былъ первымъ слугою: а то ли мы видимъ теперь?... Вступить въ права совершеннолѣтія и ими пренебречь; формально объявить о намѣреніи заняться дѣлами правленія (1) и никогда не показываться въ верховномъ совѣтѣ, это не позволяетъ предполагать признаки твердой воли въ Петрѣ II. Мы думаемъ напротивъ, что онъ начиналъ обнаруживать характеръ слабый и своенравный, сердце холодное и непостоянное. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ его привязанности къ сестрѣ, къ Остерману, къ цесаревнѣ, наконецъ къ невѣстѣ, имъ самимъ избранной, были привязанности мимолетныя и ненадежныя. И потомъ, когда минутное обаяніе проходило, онъ отворачивался съ жестокостію, безъ малѣйшаго со-

(1) 8 сентября былъ указъ о томъ, что рѣшенія верховнаго совѣта должны подлежать исполненію лишь утверждены будучи подписью государя (*Молл. Собр. Зак.*, Т. 171, № 5151), а 3 октября уже повелѣвалось довольствоваться, для исполненія по онымъ, подписью кабинетъ-секретаря, Степанова (№ 5173).

жагѣнія, а это несомнѣнный признакъ или холоднаго сердца, или мгновенно гальванизируемой слабохарактерности. Знаемъ, что многое можно было бы исправить въ немъ внимательнымъ просвѣщеннымъ воспитаніемъ; но при извѣстныхъ уже данныхъ мудрено, повторяемъ, было предвидѣть въ его царствованіи эпоху счастья и славы.

Возвращаемся къ изложенію событій.

Исходъ болѣзни государевой долженъ былъ рѣшить для Долгоруковыхъ вопросъ: быть или не быть? По нѣскольку разъ въ день подѣзжали они къ Головинскому дворцу, гдѣ жилъ Алексій Григорьевичъ съ семействомъ, справляться о ходѣ болѣзни, о которой князь Иванъ присылалъ частыя, но не утѣшительныя свѣдѣнія: «государь въ жару, государь въ безпамятствѣ, доктора теряютъ всякую надежду!...» Начинались сѣтованія, слезы, разсужденія о томъ, что будетъ съ ними, если государь скончается, и кто будетъ послѣ него государемъ?... Можно думать впрочемъ, что вопросъ личный стоялъ на первомъ планѣ; толковали, совѣтовались, строили разныя предположенія и наконецъ остановились на чудовищной мысли—возвести на престолъ царскую невѣсту... Конечно, уму здравому и спокойному не могли не представиться и вся нелѣпая беззаконность и вся безнадежность этого замысла; но въ послѣдніе года совершилось столько невѣроятнаго, столько невозможнаго!.. На первый разъ Долгоруковымъ надо было по крайней мѣрѣ обезпечить себѣ содѣйствіе всѣхъ своихъ однофамильцевъ; по этому немедленно послали звать уважаемаго за свои лѣта и заслуги Василя Владиміровича. Бывъ въ это время за городомъ, старый фельдмаршалъ прибылъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Михаиломъ, не ранѣе какъ на другой день, и прямо изъ дворца, гдѣ уже не могъ видѣть безнадежно больнаго государя, проѣхалъ въ Головинскій домъ. Ихъ провели въ спальню князя Алексія (1), гдѣ были, кромѣ самого хозяина, сынъ его Иванъ, братъ князя Сергій и Василій Лукичъ.

Когда двери были тщательно заперты, князь Василій Лукичъ осторожно развернулъ и прочелъ только-что полученное имъ письмо отъ датскаго посланника Вестфалена (2). «Слухъ носится,

(1) Изъ имѣющихся у меня выписокъ изъ слѣдственнаго дѣла о князьяхъ Долгоруковыхъ.

(2) Важное это обстоятельство открыто въ слѣдственномъ дѣлѣ, про-

писалъ Вестфаленъ, что его величество весьма боленъ, и ежели наслѣдство Россійской имперіи будетъ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, то датскому королевскому двору съ Россією дружбы имѣть не можно; а понеже его величества обрученная невѣста фамилія вашей, то и можно удержать престолъ за нею, такъ какъ послѣ кончины Петра Великаго двѣ знатныя персоны, а именно Меншиковъ и Толстой, государыню императрицу Екатерину удержали, что и вамъ по вашей знатной фамиліи учинить можно и (потому еще), что вы больше (чѣмъ Меншиковъ и Толстой) силы и славы имѣете.»

«Государь опасно боленъ, сказали по окончаніи этого чтенія князя *Григорьевичи*, и если скончается, то надо стараться удержать престолъ за обрученною невѣстою, княжною Екатериною.» Такое притязаніе смутило почтеннаго фельдмаршала. «Неслышанное дѣло вы затѣваете, воскликнулъ онъ: кто захочетъ ей подданнымъ быть! Не только посторонніе, но и я самъ и прочіе нашей фамиліи, никто въ подданствѣ у ней быть не захочетъ! Княжна Екатерина съ государемъ не вѣнчана.»—Хоть не вѣнчалась, но обручалась, возразилъ князь Алексѣй. «Вѣнчаніе иное, а обрученіе иное. Да еслибъ она за его величествомъ и въ супружествѣ была, то и тогда бы во учиненіи ее наслѣдницею не безъ сумнѣнія было,» присовокупилъ фельдмаршалъ, припоминая возраженія нѣкоторыхъ при восшествіи на престолъ Екатерины I.

Григорьевичи однакожь продолжали настаивать, говорили, что надѣются склонить на свою сторону Головина и князя Д. Голицына, и выразили надежду на содѣйствіе гвардіи.

«Ты въ Преображенскомъ полку подполковникъ, а князь Иванъ майоръ: какъ не сдѣлаться по нашему? А еслибы кто вздумалъ сопротивляться, прибавили они: мы будемъ ихъ бить!» Это безумное покушеніе, въ которое хотѣли вовлечь старика, окончательно раздражило его. «Чтѣ вы ребячье врите! воскликнулъ онъ, какъ тому можно сдѣлаться? И какъ мнѣ полку о томъ объявить? За это объявленіе меня самого обьютъ! Лучше хочу правду вамъ говорить, прибавилъ онъ вставая, а не манить,» и уѣхалъ съ братомъ изъ этого безумнаго собранія.

Силу возраженій фельдмаршала лучше всѣхъ понималъ князь

изводившемся надъ Долгоруковыми, и помѣщено въ сочиненіи г. Арсеньева *Царствованіе Петра II.*

Василій Лукичъ; но увлеченный настойчивостію своихъ родственниковъ и, къ сожалѣнію, не обладая ни сильнымъ чувствомъ правды, ни самостоятельностью, онъ остался съ Григорьевичами, и вмѣстѣ съ княземъ Алексѣемъ началъ диктовать Сергѣю Григорьевичу, отъ имени императора, въ пользу обрученной невѣсты, духовное завѣщаніе, которое было тутъ же переписано тѣмъ же княземъ Сергѣемъ; одинъ изъ этихъ экземпляровъ подписалъ князь Иванъ Алексѣевичъ, такимъ почеркомъ, «какъ его величество имя свое подписалъ», а другой предположено было, если представится возможность, поднести къ подписанію умирающаго государя, но если этой возможности не представится, рѣшились предъявить и тотъ, который подписанъ вмѣсто государя княземъ Иваномъ.

Самонадѣянный фаворитъ поѣхалъ во дворецъ съ обоими этими завѣщаніями; но государь былъ въ постоянномъ безпамятствѣ до самой кончины своей, и не было никакой возможности поднести къ его подписанію приготовленный актъ. Такимъ образомъ, говоритъ князь Щербатовъ, вся надежда Долгоруковыхъ «яко скудельный сосудъ разбилася».

Что случилось съ этими завѣщаніями? Манштейнъ, основываясь на извѣстїи, сообщенномъ ему однимъ изъ Долгоруковыхъ, полагаетъ, что когда государь окончался, то князь Иванъ вышелъ изъ его опочивальни съ подписаннымъ имъ самимъ, княземъ Иваномъ, завѣщаніемъ въ залу, гдѣ находились придворные, обнажилъ шпагу и воскликнулъ: «Да здравствуетъ императрица Екатерина!» но что встрѣченный неодобрительнымъ безмолвіемъ, вложилъ шпагу въ ножны и немедленно уѣхалъ домой, гдѣ и сжегъ обѣ бумаги. Извѣстіе это было повторено нѣкоторыми изъ позднѣйшихъ писателей, и хотя оно не поражаетъ невѣроятностію (что въ самомъ дѣлѣ было невозможно въ то время насиліемъ?), но положительныя свидѣтельства опровергаютъ это извѣстіе. Ни о чемъ подобномъ не упоминается въ слѣдственномъ дѣлѣ Долгоруковыхъ (1), а ненависть къ нимъ Бирона конечно не преминула бы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ; изъ допроса бывшаго фаворита видно, что князь Алексѣй прїѣхалъ на слѣдующее утро во дворецъ и вѣроятно, поразмысливъ кладнокровнѣе о нелѣпости своего замысла, взялъ оба духовныя завѣщанія и сжегъ ихъ, какъ по крайней мѣрѣ сказывалъ въ послѣдствїи.

(1) Сколько по крайней мѣрѣ можно судить по имѣющимся у насъ выпискамъ изъ онаго.

Верховный совѣтъ, котораго всѣ члены, разумѣется, находились во дворцѣ, не взирая на ночное время, немедленно собрался въ засѣданіе, и положилъ разослать повѣстки ко всѣмъ находившимся въ Москвѣ высшимъ воинскимъ и статскимъ чинамъ до полковника, чтобъ утромъ въ 10 часу явились въ собраніе совѣта. Въ этомъ важномъ засѣданіи участвовали графъ Головкинъ, канцлеръ, князь Василій Лукичъ и князь Василій Владиміровичъ, фельдмаршалъ, Долгоруковы, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ (1): эти, и только эти лица упомянуты въ протоколѣ верховнаго совѣта; между ними мы не находимъ осторожнаго, лукаваго Остермана, который, сказавшись больнымъ, не оставлялъ своей комнаты до совершеннаго окончанія всей этой политической драмы; не находимъ также князя Алексѣя Григорьевича, вѣроятно окончательно деморализованнаго неудачею съ духовнымъ завѣщаніемъ.

Съ другой стороны, основываясь на свидѣтельствѣ преосвященнаго Теофана, можно думать, что нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ, вмѣстѣ съ чинами верховнаго совѣта, обсуждали въ эту достопамятную ночь вопросъ о томъ, кому наследовать російскій престолъ, послѣ чего *верховники*, оставшись одни, рѣшили другой вопросъ—объ измѣненіи формы правленія. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что оба эти важнѣйшіе вопросы были разрѣшены нѣсколькими сановниками и придворными, а вовсе не «собраніемъ чиновъ», какъ можно было заключить по разказамъ нѣкоторыхъ писателей, что радикально измѣняетъ характеръ происшествія.

Во всемъ этомъ дѣлѣ мы не можемъ видѣть ничего иного, какъ аристократическія стремленія одной партіи,—партіи, называемой иностранными писателями *русскою*, главою которой были Голицыны и Долгоруковы, сблизившіеся, по свидѣтельству Теофана Прокоповича, въ послѣднее время и отложившіе взаимную зависть передъ общею опасностію. Самое рѣшеніе «чиновъ» ни въ какомъ случаѣ не могло быть рѣшеніемъ *народнымъ*, и мы думаемъ, что «собраніе» ихъ правильнѣе было назвать собраніемъ не «чиновъ», а лицъ, пріѣздъ во дворецъ имѣющихъ.

(1) Оба фельдмаршала засѣдали, повидимому, по особому приглашенію, потому что они сдѣланы членами в. т. совѣта, какъ это видно изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей того времени (№ 14 см. извѣстія изъ Москвы отъ 26 января), только 25 числа. То же замѣчаніе дѣлаетъ и авторъ *Сказанія о родѣ Долгоруковыхъ*.

Но посмотримъ, какъ происходили совѣщанія. Члены верховнаго совѣта и нѣкоторые изъ бывшихъ на-лицо сановниковъ удалились въ особую палату. Князь Василій Владиміровичъ пригласилъ было духовныхъ особъ, напутствовавшихъ покойнаго государя, остаться, съ тѣмъ, вѣроятно, чтобъ они приняли участіе въ совѣщаніи, но чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ нимъ снова, прося возвратиться во дворецъ въ 10 часу (1).

Тогда начались пренія о престолонаслѣдіи. Единогласное свидѣтельство современниковъ заставляетъ принять, что едва ли даже не первымъ было при этомъ произнесено имя вдовствующей царицы-инокини. Не мудрено, что князь Василій Владиміровичъ, издавна ей приверженный и близкій по дѣлу царевича, а отчасти и по своей упорной любви къ старинѣ, желалъ бы поднести ей корону, но странно представить себѣ, чтобъ объ этомъ были серіозныя разсужденія. Какъ бы то ни было, но переходъ изъ келліи на престолъ не состоялся.

Повидимому, за недостаткомъ точнаго закона о престолонаслѣдіи естественнѣе всего было бы принять въ основаніе духовное завѣщаніе императрицы Екатерины; но мы уже говорили, что этотъ актъ не пользовался большимъ довѣріемъ. При томъ назначаемая онымъ наслѣдница престола, цесаревна Анна, неизбѣжно привезла бы за собою свою свиту, супруга своего, его министровъ, которые оставили неблагопріятное по себѣ воспоминаніе. То же самое можно было возразить и противъ сына ея (2), котораго малолѣтство, послѣ царствованія малолѣтнаго же государя, естественно, могло устрашать всѣхъ. Что касается цесаревны Елисаветы, то, еслибы она имѣла въ это время какое-нибудь политическое значеніе, какую-нибудь партію, можно думать, что права ея восторжествовали бы; но она ни въ это время, ни долго послѣ, не думала о власти; удовольствія были единственною ея заботой, люди, ихъ раздѣлявшіе, были единственными ея приближенными. Она находилась въ это время за городомъ; небольшое число преданныхъ ей лицъ поспѣшили послать за нею, прося ее возвратиться какъ можно скорѣе въ Москву; но дѣла шли такъ быстро, что она не могла поспѣть вовремя, да и присутствіе ея едва ли измѣнило бы рѣшеніе собранія,

(1) *Описаніе* и пр. Феофана Прокоповича.

(2) Въ послѣдствіи императоръ Петръ III.

которое имѣло причины искать наследника не въ числѣ ближайшихъ къ престолу лицъ. Затѣмъ слѣдовала линия царя Іоанна Алексѣевича. Старшая дочь его Екатерина была въ супружествѣ за герцогомъ мекленбургскимъ, хотя и проживала постоянно при русскомъ дворѣ. Противъ нея было возраженіе то же, что и противъ герцогини голштинской—опасеніе иноземнаго вліянія; наконецъ произнесено было имя вдовствующей герцогини курляндской Анны. При этомъ, «тотчасъ чудное всѣхъ явилось согласіе», пишетъ преосвященный Теофанъ, и верховный совѣтъ опредѣлилъ предложить ей русскую корону (1).

Полагая, безъ сомнѣнія, что вся цѣль совѣщанія уже достигнута, сановники разошлись, а члены верховнаго совѣта, оставшись одни, занялись второю половиною задуманнаго дѣла (2). Князь Дмитрій Голицынъ, обратясь къ своимъ сочленамъ, сказалъ: «Смертію почившаго императора прекратилось мужское поколѣніе Петра I. Россія много терпѣла отъ деспотическаго его управленія, чему не мало содѣйствовали иностранцы, въ большомъ количествѣ сюда привлеченные. Надо ограничить произволь хорошими узаконеніями и поднести императрицѣ корону съ нѣкоторыми условіями» (3). Предложеніе это, конечно, не было неожиданнымъ для членовъ верховнаго совѣта; оно-то, можно думать, и было поводомъ къ сближенію между Голицыными и Долгоруковыми; оно было завѣтною мыслию присутствовавшихъ, кромѣ одного графа Головкина, который, попавъ въ этотъ вихрь замысловъ и переворотовъ, не чувствовалъ въ себѣ

(1) Нѣкоторые современники полагаютъ, что при этомъ было сдѣлано и предложеніе въ пользу обрученной невѣсты Екатерины Долгоруковой, и приписываютъ устраненіе этого предложенія фельдмаршалу Долгорукову; но если, какъ видно изъ протокола верховнаго совѣта (какъ сказано выше), отецъ ея не присутствовалъ въ этомъ засѣданіи, кто же могъ упомянуть о ея мнимыхъ правахъ? Здѣсь, очевидно, недоразумѣніе и повтореніе тѣхъ обстоятельствъ, которыя происходили въ Головинскомъ дворцѣ, въ спальнѣ князя Алексѣя Долгорукова.

(2) «О перемѣнѣ формы или образа правленія... въ семъ же тогда собраніи, хотя не при всѣхъ, но по выходѣ оттуда многихъ прочихъ, говорено...» и далѣе: «тии же то верховные господа... когда царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ императорская власть согласіемъ всѣхъ присутствующихъ присуждена стала, многихъ домой отпустили, а сами совѣтовали, какъ бы власть государеву сократить...» (*Описаніе* и пр. Ѡ. Прокоповича.)

(3) Текстъ этотъ приведенъ изъ *Memoires de Manstein*. Кажется, онъ записанъ вѣрно, потому что въ такомъ же смыслѣ передаетъ событіе и французскій резидентъ Magnan въ депешѣ 5 апрѣля (25 марта 1730 года.

силы ему противиться и даже возражать; поэтому предложеніе князя Дмитрія было немедленно принято, и приступлено къ начертанію условій, которыя должны были, по мнѣнію совѣта, ограничить произволь и устраничь иноземцевъ.

Между тѣмъ дворцовыя залы наполнились сановниками и генералитетомъ. Члены верховнаго совѣта вошли къ нимъ, и канцлеръ объявилъ о кончинѣ государя и объ избраніи Анны Іоанновны, требуя объявить, согласно ли собраніе съ рѣшеніемъ совѣта? Собраніе вполне одобрило это рѣшеніе, и первенствующій членъ сѣнода, архіепископъ новгородскій Феоданъ, отъ имени всѣхъ присутствующихъ выразилъ полное согласіе, предлагая немедленно отслужить благодарственный молебенъ. Но предложеніе это было отклонено членами верховнаго совѣта, которые могли имѣть причины сомнѣваться, приметъ ли императрица предложенную ей корону съ ограниченіями.

Не сохранилось подлинника этихъ ограниченій, условій, или «кондицій російскому правленію», какъ они наименованы въ сохранившейся запискѣ кн. В. І. Долгорукова; они дошли до насъ въ запискахъ герцога де-Лирія и Манштейна и въ депешахъ иностранныхъ министровъ, но съ различными вариантами; мы приводимъ тотъ текстъ, который кажется намъ вѣроятнѣйшимъ (1), и притомъ въ французскомъ переводѣ, не рѣшаясь возстановлять русскій оригиналъ такого важнаго документа.

I. Que l'Impératrice Anne ne régnerait que par les délibérations du Haut-Conseil.

II. Qu'elle ne déclarerait la guerre ni ne ferait la paix.

(1) А именно Манштейновъ, который перепечатанъ во многихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ; съ нимъ сходенъ и тотъ, который сообщалъ своему двору Маньянъ, за исключеніемъ одного только пункта 4-го, не отдѣльнаго у Манштейна отъ 3-го, а именно: «4) on ne conférerait aucun charge considérable sans le consentement du Conseil suprême.» Такимъ образомъ у Манштейна 7 пунктовъ, у Маньяна 8; прочемъ вотъ и остальные тексты этого любопытнаго документа:

а) Другой текстъ того же французскаго резидента Маньяна:

1. Qu'elle ne se remariera jamais, ni à un Russe, ni à aucun étranger.

2. Qu'elle ne pourra, ni de son vivant, ni à l'article de sa mort, nommer aucun pour son successeur; cette autorité d'élire un successeur devant demeurer au pouvoir du Conseil Suprême.

III. Qu'elle ne mettrait aucun nouvel impôt ni ne donnerait aucune charge de conséquence.

IV. Qu'elle ne punirait aucun gentilhomme sans qu'il fût bien convaincu de son crime.

V. Qu'elle ne confisquerait le bien de personne.

VI. Qu'elle ne pourrait disposer des terres appartenant à la couronne, ni les aliéner

3. Qu'elle ne tachera jamais d'entrer au Conseil Suprême, ni accorder aucune grâce, de quelque nature qu'elle puisse être, ni à qui que ce soit, et qu'elle ne pourra conférer d'autre charge que celle de Colonel.

4. Que lorsque la nécessité requerra la présence de la Princesse dans le Conseil, elle n'y aura que deux voix, qu'on lui donne en considération de la dignité suprême, et pour décider lorsque les opinions dans le Conseil seront différentes ou égales.

5. Qu'elle ne pourra jamais changer les membres du Conseil, ni en élire de nouveaux pour les places vacantes.

6. Qu'elle ne pourra jamais rechercher les comptes, ni autres affaires qui se font dans le Conseil, et que quand elle viendra à les savoir, elle ne pourra les annuler, empêcher ni rompre.

7. Qu'elle n'aura autre chose à faire qu'à confirmer ce que le Conseil lui présentera.

Этотъ текстъ по грубости своей формы не могъ быть представленъ для подписи императрицѣ. Но замѣчательны здѣсь 1-й и 2-й пункты, которые наводятъ на мысль, что можетъ-быть имѣлось въ виду при кончинѣ императрицы предложить ея наследнику еще новыя ограниченія.

b' По депешѣ 2 февр.

1. L'Impératrice aura une somme fixe pour les dépenses de sa maison, et elle n'aura que le commendement de la garde qui sera de service à son palais.

2. Il y aura un Conseil Suprême, composé de douze des membres les plus considérables de la noblesse qui réglera toutes les affaires de grande importance, telles que la paix, la guerre et les alliances. On nommera un trésorier qui rendra compte au Conseil Suprême de l'emploi qu'il aura fait des deniers de l'État.

3. Il y aura un Sénat de 36 membres qui examinera les affaires avant qu'elles soient portées devant le Conseil Suprême.

4. Il y aura une Assemblée de 200 personnes, de la petite noblesse pour maintenir les droits de cette classe dans le cas, où le Conseil Suprême voudrait y porter atteinte.

5. Il y aura une Assemblée de gentilshommes et de négocians qui veilleront à ce que le peuple ne soit pas opprimé.

VII. Qu'elle ne pourrait se marier, ne se choisir un successeur sans demander sur tous ces points l'agrément du Haut-Conseil.

Условія эти должны были отвезти въ Митаву генералъ Леонтьевъ, князь Михаилъ (меньшій) Голицынъ, братъ фельдмаршала, и князь Василий Лукичъ Долгоруковъ, и предложить ихъ къ подписи избранной императрицѣ (1). Верховный совѣтъ въ то же засѣданіе начерталъ и инструкцію этимъ тремъ

Этотъ текстъ, можетъ-быть самый замѣчательный, кажется менѣе всѣхъ прочихъ вѣроятенъ, ибо онъ совершенно противорѣчитъ видамъ исключительнаго господства верховнаго совѣта; скорѣе можно думать, что это одинъ изъ проектовъ, представленныхъ совѣту, о коихъ будетъ скоро упомянуто, или крайняя уступка, которую въ послѣдствіи сдѣлалъ верховный совѣтъ настойчивымъ требованіямъ шляхетства.

с) Текстъ, приводимый дюкомъ де-Лирія въ его запискахъ сходенъ съ Манштейновымъ, кромѣ слѣдующихъ, прибавленныхъ у перваго, пунктовъ:

Que le grand Conseil sera composé de 8 membres qui gouverneront la monarchie.

Que la Czarine ne pourra pas donner un emploi quelconque qui soit au-delà du grade de Colonel.

Que les gardes et l'armée entière dépendraient du grand Conseil.

Que la Czarine ne pourrait donner aucun emploi de la cour, soit à un Russe soit à quelque étranger, sans avoir préalablement consulté le grand Conseil.

d. По депешѣ саксонскаго резидента Лесорта отъ 2 марта (21 февраля):

1. Nicht zu heirathen und keinen Nachfolger zu ernennen.

2. Der hohe Rath soll aus nur acht Personen bestehen.

3. Keinen Krieg anzufangen und keinen Frieden zu schliessen.

4. Keine Stelle, bis auf den Obersten herab, ohne vorhergegangene Betrachtung zu vergeben. Dasselbe soll auch von den Hofbedienungen gelten, mögen sie nun Russen oder Ausländer übertragen werden.

5. Keine Güter zu verschenken und kein Geld aus der Staatskasse zu nehmen.

6. Die Garde und die Armee sollen unter dem hohen Conseil stehen.

7. Der Adel soll ohne rechtliches Erkenntniss weder seiner Güter entsetzt noch in seiner Ehre gekränkt werden.

8. Das Volk mit keinen neuen Auflagen zu belasten und alles was zum besten des Volks gereiche, genehm zu halten. « Und wenn ich nach abgeschriebenen Punkten nicht thue, so werde ich verlustig der russischen Krone. »

(1) Нѣкоторые источники приписываютъ этой депутаціи *представитель-*

депутатамъ, въ которой между прочимъ предписывалось просить государыню не брать съ собою ея камергера Бирона, уже извѣстнаго Россіи (1). Депутаты эти отправились изъ Москвы ввечеру 19 января (2).

Ни отправленіе ихъ, ни самая цѣль ихъ поѣздки не остались однакожь, какъ желалъ верховный совѣтъ, тайною; уже на другой день французскій резидентъ доносилъ своему двору объ избраніи Анны Іоанновны и о нѣкоторыхъ предложенныхъ ей условіяхъ, клонящихся къ ограниченію власти, прибавляя при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова: «эти ограниченія даютъ поводъ сомнѣваться, приметъ ли герцогиня курляндская свое избраніе; вѣроятно впрочемъ, что великая прелесть властвованія и надежда сбросить когда-нибудь наложенное на нее иго склонятъ ее принять престолъ, который достался ей случайнымъ счастіемъ...»

И по Москвѣ, въ кругу по крайней мѣрѣ высшихъ сановниковъ, не замедлила распространиться тайная цѣль поѣздки Долгорукова съ товарищами. Далекое не всѣ раздѣляли образъ мыслей верховнаго совѣта, и всѣ безъ сомнѣнія находили, что онъ взялъ на себя слишкомъ много, задумавъ одною своею властію измѣнить форму правленія. Въ числѣ недовольныхъ былъ Ягужинскій, весьма вѣроятно узнавшій отъ своего тестя, Головкина, о распоряженіи верховнаго совѣта, котораго сей послѣдній, по своимъ понятіямъ, не одобрялъ, но которому по слабости характера не отважился явно противодѣйствовать. Ягужинскій былъ рѣшительнѣе стараго канцлера. Во время частыхъ пріѣздовъ вдовствующей герцогини курляндской въ

ный характеръ, говоря, что Долгоруковъ былъ депутатомъ отъ верховнаго совѣта, Голицынъ отъ сената, а Леонтьевъ отъ войска (по мнѣнію дюка де-Лирія, генералитета по показанію Лефорта, или дворянства по извѣстному Манштейна). Не возможно приписывать такое значеніе этой депутации; во всемъ этомъ дѣлѣ главнѣйшую и, можно сказать, единственную роль игралъ верховный совѣтъ; въ его чрезвычайномъ засѣданіи, какъ видно изъ протокола этого засѣданія, было рѣшено отправленіе этой депутации такъ же какъ и цѣль ея отправленія.

(1) Эта инструкция тоже не сохранилась; что она была, это видно изъ собственноручной записки кн. В. Л. Долгорукова, имѣющейся въ Моск. Арх. Инстр. Дѣл. (См. *Выписки Малиновскаго.*) Касательно того, чтобъ Бирона не допускать въ Россію, почти всѣ современныя свидѣтельства согласны, а какъ о томъ не упомянуто въ *условіяхъ*, то вѣроятно это поручено особою инструкціею попеченіямъ депутатовъ.

(2) *Gesch. d. Russ. St.* 539.

Россію, онъ, какъ одинъ изъ приближеннѣйшихъ лицъ при Петрѣ I и его преемникахъ, былъ лично извѣстенъ ей, а потому, не медля ни мало, написалъ ей письмо, въ которомъ изъяснилъ, что желаніе верховнаго совѣта объ ограниченіи ея власти вовсе не есть желаніе всей Россіи; но совѣтовалъ подписать условія, которыя будутъ ей предложены княземъ Долгоруковымъ, съ тѣмъ, что по прибытіи ея въ Москву, когда обнаружится истинный образъ мыслей русскаго народа, она можетъ эти условія, какъ не соответствующія желанію большинства, уничтожить. Письмо это было поручено человѣку, къ которому онъ имѣлъ полную довѣренность, Сумарокову, состоявшему нѣкогда при дворѣ герцогини голштинской (1), который немедленно и отправился въ Митаву.

Есть извѣстія, что подобные гонцы были посланы къ новоизбранной императрицѣ не отъ одного Ягужинскаго: въ самомъ дѣлѣ нельзя было найдти болѣе благопріятнаго случая выразить свое усердіе къ ея интересамъ и напомнить о себѣ. Такъ резидентъ курляндскій, баронъ Левенвольдъ, пріятель Остермана въ Петербургѣ и Бирона въ Митавѣ, довелъ до свѣдѣнія императрицы о ея избраніи, какъ полагаютъ, еще прежде прибытія московскихъ депутатовъ (2). Такъ нѣкоторые думаютъ, что и дальновидный архіепископъ Теофанъ отправилъ отъ себя гонца въ Митаву, съ поздравленіемъ и предложеніемъ своего содѣйствія, если государыня пожелаетъ возвратить права самодержавія (3).

(1) *Gesch. d. Russ. St.* 541.

(2) *Словарь достоп. людей*, Бантышъ-Каменскаго. Т. III.

(3) *Словарь духовныхъ писателей*. Догадка эта подтверждается еще пріветственной рѣчью, произнесенною Теофаномъ, по воспріятіи императрицею самодержавія; онъ говоритъ между прочимъ: «Въ такомъ же всенародномъ благополучіи и персональное во мнѣ самомъ обрѣтается блаженство, когда кого (тою?) *вижду и поздравляю* на всероссійскомъ престолѣ, *отъ котораю многократнымъ благосклонности изъясненіемъ* (хотя кромѣ всякихъ заслугъ моихъ) *и прежде уже обрадованъ былъ.*» Подчеркнутыя слова этой рѣчи, напечатанной въ № 20 *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей* 1730 г., ясно говорятъ, по крайней мѣрѣ, о томъ, что Теофанъ былъ въ числѣ друзей герцогини курляндской. Въ рѣчи этой есть еще другое замѣчательное мѣсто: распространившись о бѣдствіяхъ, которыя нѣкогда переносила императрица, о потерѣ супруга, родителей и проч., лукавый и не слишкомъ смиренно-мудрый пастырь говоритъ: «что вспомнать ужасно, сверхъ многихъ несприятныхъ приключеній *отъ неблагодарнаго раба и весьма безбожнаго*

Ни объ одномъ изъ двухъ послѣднихъ лицъ имѣть доказательствъ неоспоримыхъ; но по смыслу записокъ, оставленныхъ Прокоповичемъ о настоящей эпохѣ, можно заключить, что онъ коротко зналъ все, что дѣлалось около него, и не оставался спокойнымъ зрителемъ; что же касается до Левенвольда, то извѣщать герцогиню о всемъ, до нея касающемся, было прямою его обязанностію; при томъ дѣйствія ея, въ эти чрезвычайно важныя и совершенно необычныя минуты, были такъ спокойны, основательны, что трудно допустить мысль, чтобы предложеніе князя Долгорукова съ товарищами застало ее совершенно врасплохъ.

Между тѣмъ три отправленные къ ней депутата «на частныхъ подводахъ, казалось, говорить Θεοφανъ, летѣли паче, чѣмъ ѣхали.» Дѣйствительно они прибыли въ Митаву, по тогдашнему состоянію дорогъ и почтъ, очень скоро, въ 7 часу вечера 25 января (1), и въ тотъ же день были допущены во дворецъ, гдѣ донесли Аннѣ Іоанновнѣ о кончинѣ государя, о ея избраніи, и наконецъ представили ей начертанныя верховнымъ совѣтомъ «кондиціи». Новая императрица, выразивъ свое огорченіе о неожиданной смерти племянника, приказала прочесть тѣ кондиціи и подписала собственноручно: «По сему обещаюсь все безъ всякаго изъятія содержать.» Обо всемъ этомъ спѣшили донести верховному совѣту В. Л. Долгоруковъ.

Донесеніе его, полученное изъ Митавы, сняло съ сердца *сервовниковъ* тяжкое бремя. Въ самомъ дѣлѣ, неслыханное совершалось въ это время! Больше недѣли прошло послѣ смерти государя, а въ церквахъ продолжали молиться о его здравіи; всѣ знали о его кончинѣ, а между тѣмъ о ней формально не было еще объявлено!... Не было бы ничего удивительнаго, еслибы при такомъ положеніи дѣлъ произошли смуты и важные безпорядки.

Но наконецъ узелъ этотъ развязывался. Анна Іоанновна приняла престоль, вмѣстѣ съ предложенными ей условіями; основаніе любимой мысли князя Д. Голицына утверждено, значе-

злостью, страхъ, тѣсноту и неслыханное гоненіе претерпѣвшую...» Кого онъ отдѣлываетъ? кто этотъ *неблагодарный рабъ*? Не Мевшиковъ ли, который во время своихъ притязаній на курляндскую корону точно много огорчалъ герцогиню? Можно бы впрочемъ, кажется, оставить его въ покоѣ посреди березовскихъ снѣговъ.

(1) *Выписка изъ Управленія* и пр.

ніе верховнаго совѣта на вѣки упрочено на высотѣ недосягаемой!... Теофанъ Прокоповичъ говоритъ, что лица не только верховниковъ, но и слугъ ихъ сіяли радостію! Имъ однако нужно было имѣть эту драгоценную подпись, чтобы видѣть ее собственными глазами и показать ее всенародно. И это желаніе ихъ не замедлило исполниться: 1 февраля (1) генералъ Леонтьевъ привезъ подписанныя государынею кондиціи и рескриптъ отъ 28 января, въ которомъ она, увѣдомляя верховный совѣтъ о принятіи ею престола, писала между прочимъ: «А понеже къ тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для, предъ вступленіемъ моимъ на російскій престолъ, по здоровомъ разсужденіи, избрѣли мы за потребно для пользы Россійскаго государства и къ удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячность и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ къ отечеству нашему и вѣрнымъ вашимъ подданнымъ, и для того, елико время насъ допустило, написавъ какими способы мы то правленіе вести хотимъ и подписавъ нашею рукою, послали въ верховный тайный совѣтъ, а сами сего мѣсяца въ 29 день конечно изъ Митавы къ Москвѣ, для вступленія на престолъ, пойдемъ.»

Такимъ образомъ императрица умалчивала о томъ, что измѣненіе формы правленія было ей предложено какъ необходимое условіе ея избранія, и принимала на себя инициативу этого рѣшенія. Это было совершенно въ духѣ тайныхъ желаній совѣта. Но посреди его торжества было обстоятельство, должноствовавшее непріятно поразить его: князь Долгоруковъ отъ того же 28 января между прочимъ писалъ: «увѣдали мы, что вчерашняго числа (то-есть 27 января) пріѣхалъ въ Митаву съ Москвы Петръ Спиридоновъ г. Сумароковъ и живетъ здѣсь тайно. А понеже при отъѣздѣ нашемъ съ Москвы не только проѣзжіе, и почты всѣ удержаны, того для, мы его Сумарокова нашедъ, допрашивали и тѣхъ разспросныя рѣчи за его рукою, и найденныя у него письма, и его, Сумарокова, оковавъ послали...»

Утромъ 2 февраля отъ верховнаго совѣта были разсланы повѣстки, которыми знатное духовенство, генералитетъ и шляхет-

(1) *Зап. Дюка де-Лирія*, 78. Донесеніе это было получено вѣроятно вечеромъ или ночью 1 февраля, потому что оно вскрыто въ засѣданіи совѣта 2 февраля, а повѣстки, говоритъ Теофанъ, были разсланы о чрезвычайномъ собраніи, назначенномъ на 3 число. Оно показано у герцога де-Лирія бывшимъ 2 числа ошибочно.

ство приглашались въ чрезвычайное собраніе, назначенное на слѣдующій день. Здѣсь былъ прочтенъ рескриптъ императрицы, потомъ подписанныя ею кондиціи. Князь Д. Голицынъ, по окончаніи чтенія, выразивъ надежду, что «отсель счастливая и цвѣтущая Россія будетъ» (1), объявилъ, что каждый имѣетъ право изложить свое мнѣніе о настоящемъ дѣлѣ... Никто, какъ и можно было ожидать, не откликнулся на этотъ вызовъ, ни одобрительно, ни съ порицаніемъ, хотя рѣчь однакожь шла о дѣлѣ необъятной важности; только изъ безмолвной толпы прѣизнесъ кто-то, пишетъ Θεофанъ Прокоповичъ, тихимъ голосомъ: «невѣдаю, да и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать?..» Этотъ тихій вопросъ былъ сдѣланъ весьма мѣтко: въ самомъ дѣлѣ, по собственному ли побужденію императрица отказалась отъ нѣкоторой доли власти, какъ представлялось это изъ прочитаннаго ея рескрипта, или была она къ этому наклонена верховнымъ совѣтомъ, какъ носились слухи?.. Въ этомъ состоялъ весь вопросъ; но это скромно выраженное сомнѣніе осталось и безъ отголоска и безъ отвѣта. Только князь Дмитрій Голицынъ повторялъ «до сытости» о великой милости, оказанной нынѣ государынею, и сочлены его «остро глазами посматривали» посреди безмолвнаго и повидимому безстрастнаго собранія.

Но каждый народъ имѣетъ свой складъ ума и свой характеръ, развитый природою или историческимъ воспитаніемъ: Россія не оставалась въ этомъ дѣлѣ равнодушною, какъ можно было бы подумать по зрѣлищу, представляемому этимъ собраніемъ, и выразила свое мнѣніе, какъ увидимъ въ послѣдствіи, хотя иначе, нежели выразило бы его подобное собраніе въ Англіи или Франціи. Князь Алексій Михайловичъ Черкасскій попросилъ времени, чтобы поразмыслить о всемъ происходившемъ. Духовенство напомнило, что пора наконецъ совершить благодарственное молебствіе. На то и на другое было верховнымъ совѣтомъ дано согласіе, и на этомъ первомъ богослуженіи діаконъ возгласилъ государыню «съ полнымъ монаршимъ титуломъ», съ самодержавіемъ, и такія же титулованія были разосланы во всѣ концы Россіи (2), а на слѣдующій день былъ отъ верховнаго совѣта обнародованъ манифестъ о кончинѣ императора Петра II, о ма-

(1) *Описаніе кончины* и пр. Θεоф. Прокоповича.

(2) *Описаніе кончины* и пр. Θεоф. Прокоповича. Форма титулованія разослана 9 февраля (см. *Полн. Собр. Зак.* т. VIII, № 5501.); въ немъ

браіи Анны Іоанновны на царство «общимъ желаніемъ и согласіемъ всего народа» и о принятіи ею короны (1). Объ «условіяхъ» не было вовсе упомянуто.

Но еще до выхода изъ собранія произошелъ эпизодъ, не всѣми замѣченный. Когда статьи, подписанныя императрицею, были прочтены, князь Дмитрій Голицынъ обратился къ Ягужинскому и, подавая оныя, предложилъ ему прочесть ихъ и сказать свое мнѣніе. Ягужинскій смутился; Голицынъ тогда подозвалъ къ себѣ кабинетъ-секретаря Степанова и приказалъ ему «переговорить съ генераломъ яснѣе». Оба вышли въ другую комнату, куда черезъ нѣсколько минутъ явился фельдмаршалъ Долгоруковъ и арестовалъ Ягужинскаго (2).

Въ тотъ же вечеръ было арестовано еще слишкомъ 30 человекъ, а черезъ два дня Ягужинскаго разжаловали и лишили андреевскаго ордена, Леонтьева же произвели въ генералъ-лейтенанты, что, какъ справедливо замѣчаетъ французскій резидентъ, въ своей депешѣ отъ 18/7 февраля, было дѣломъ весьма многозначительнымъ со стороны верховнаго совѣта.

Обстоятельство о письмѣ Ягужинскаго и побѣздкѣ Сумарокова въ Митаву не могло не обезпокоить сильно членовъ верховнаго совѣта. Ягужинскій былъ зять графа Головкина. Конечно, несправедливо было бы одного ставить въ отвѣтственность за дѣйствія другаго, но трудно было и не предположить между ними соглашенія. Притомъ не взирая на всегдашнее согласіе канцлера съ сильнѣйшимъ голосомъ, онъ съ самой кончины государя постоянно казался озабоченнымъ, смущеннымъ, и далеко не такъ, какъ Долгоруковы и Голицыны, былъ обрадованъ подписаніемъ условій императрицею. Упорная болѣзнь Остермана тоже не предвѣщала добраго; она была слишкомъ похожа на намѣренное уклоненіе отъ участія въ дѣлахъ, на явное неодобреніе, а неодобреніе такого человека, какъ Остерманъ, не могло не имѣть большой важности.

Но еще важнѣе были мнѣнія, которыя начали мало-по-малу высказываться въ разныхъ слояхъ русскаго общества. Задолго до формальнаго объявленія верховнымъ совѣтомъ (3 февр.)

императрица именуется «самодержицею»; но уже отъ 5 числа было указано именовать ее въ церковномъ служеніи и въ просьбахъ на высочайшее имя такимъ же титуломъ, какъ было при императрицѣ Екатеринѣ. (См. тамъ же, № 5500.)

(1) *Зап. Д. de-Lupia 73 Gesch. d. Russ. St. 541.*

(2) *Полн. Собр. Зак. № 5499.*

о подписаніи императрицею условій, слухъ о нихъ распространился въ публикѣ (1), и это извѣстіе было встрѣчено не только безъ сочувствія, но съ весьма-замѣтнымъ неодобреніемъ. Всѣ современныя свидѣтельства въ томъ единогласны; не говоря о Феофанѣ Прокоповичѣ, который можетъ быть заподозрѣнъ, мы ссылаемся на иностранныхъ посланниковъ, которые, не принимая непосредственнаго участія, могли писать только то, что видѣли и слышали. Маньянъ писалъ 6 февр. (26 янв.): «Учрежденіе такого правительства не можетъ нравиться мелкому дворянству, которое очень многочисленно.» ^{13/}, февраля онъ же писалъ: «Многіе изъ числа мелкаго дворянства, у котораго это нововведеніе должно отнять всякое значеніе, дали, говорятъ, почувствовать подъ рукою, что когда дойдетъ дѣло до присяги, то могутъ произойти затрудненія, которыхъ не ожидаютъ.» Англійскій резидентъ еще болѣе опредѣленнымъ образомъ указываетъ на самыя причины неудовольствія шляхетства: «они лучше желаютъ, говорить онъ, имѣть одного господина, нежели нѣсколькихъ». Совершенно ту же мысль выражалъ много лѣтъ спустя, говоря объ этихъ событіяхъ, князь Щербатовъ, исторіографъ (2).

Эта мысль, такъ вѣрно схваченная мистеромъ Рондо, была въ устахъ рѣшительно всѣхъ, даже и тѣхъ, которые въ нѣкоторыхъ основаніяхъ были не далеки отъ идей верховнаго совѣта. Не далѣе какъ 4 февраля подана была совѣту записка за подписью 290 человекъ, между которыми насчитывалось много людей значительныхъ, а именно: Салтыковъ, родственникъ императрицы по ея матери; сынъ адмирала Апраксина; двое молодыхъ графовъ Головкиныхъ; одинъ изъ Лопухиныхъ (Степанъ), двоюродный братъ царицы Евдокіи; князя Алексѣи Михайловичъ Черкасскій (въ послѣдствіи канцлеръ), Никита Трубецкой, въ послѣдствіи генераль-прокуроръ и фельдмаршалъ, Юсуповъ, Барятинскій, Шаховской и Вяземскій; президенты или члены коллегій: Макаровъ, Плещеевъ, Чернышевъ, Новосильцевъ, Ушаковъ, Измайловъ (3). Въ этой запискѣ были подвергнуты анализу не только настоящія обстоятельства, но и самыя основанія

(1) *Описаніе кончины* и пр., Феоф. Прокоповича.

(2) *О поврежд. нравовъ.*

(3) Записку эту мы имѣли случай получить въ старинной современной копіи. Она и есть вѣроятно та самая, о которой говоритъ Дюкъ де-Лирія (стг. 80): «февраля ^{15/} князь Черкасскій, вслѣдствіе дозволенія

государственныхъ учреждений. Опровергая порядокъ, употребленный въ настоящемъ случаѣ верховнымъ совѣтомъ, въ ней говорится: «По закону естественному, избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ: нѣкоторыхъ персонально, другихъ черезъ повѣренныхъ, а не четверемъ или пяти человекъ.» Но какъ ни неправильно произведено это избраніе, оно «оставляется въ молчаніи, потому что народъ персоною ея величества доволенъ и никто не спорить. Токмо сіе должно протестовать для предка, и сочинить на такой нечаянный случай законъ.» Вторымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ членовъ верховнаго совѣта постановляется то, «что они дерзнули собою единовластительство отставить, а ввести аристократію,» скрывая, какія средства были употреблены для склоненія государыни къ подписи условій, и представляя, какъ будто это произошло по собственному побужденію ея величества. Такими дѣйствіями своими они, говорится далѣе, «самовольно власть себѣ вохитили, выключая достоинства и преимущество всего шляхетства и другихъ становъ.» Затѣмъ составители записки обращаются къ изслѣдованію нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ: «по кончинѣ государя безнаслѣдственнаго имѣть ли кто надъ народомъ власть законодательствовать?» Вопросъ этотъ разрѣшается отрицательно, при чемъ объясняется, что какъ никакой законъ у насъ безъ согласія и подписи государевой не можетъ имѣть силы, то естественно, что во время междуцарствія никто не имѣетъ права перемѣнять существующіе законы, равно какъ обнародовать новые. «Притомъ же, говорится далѣе, къ перемѣненію правительства никакой нужды ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ». Въ самомъ дѣлѣ какую же изъ извѣстныхъ формъ правленія имѣлъ въ виду приложить верховный совѣтъ? Какая изъ нихъ можетъ соответствовать Россіи? Демократія, которая можетъ быть допущена въ «единственныхъ градѣхъ»,

ніа, даннаго въ собраніи $13\frac{1}{2}$ (1), подалъ верховному совѣту мнѣніе, подписанное слишкомъ 390 человекъ». Разность въ числѣ подписей можно тоже кажется почестъ слѣдствіемъ ошибки. Сколько намъ извѣстно, ни на эту записку или мнѣніе, представленное совѣту, ни на возраженіе ва него, сдѣланное верховнымъ совѣтомъ, никто изъ писавшихъ о сей эпохѣ не дѣлалъ ссылки, и кажется, что этотъ первый образчикъ политическихъ воззрѣній нѣкоторыхъ людей того времени вообще мало кому извѣстенъ.

(1) Мы уже указывали на эту ошибку Люка де-Лирія: не $13\frac{1}{2}$, а $14\frac{1}{2}$ было чрезвычайное собраніе.

неудобна въ обширныхъ государствахъ. «Въ областяхъ, хотя изъ нѣсколькихъ городовъ состоящихъ, но отъ нападеній непріятельскихъ безопасныхъ, какъ-то на островахъ, можетъ аристократическое быть полезно, а особливо если народъ ученіемъ просвѣщенъ и законы хранить безъ принужденія прилежитъ». Напротивъ того «великія и пространныя государства.. особливо гдѣ народъ недовольно ученіемъ просвѣщенъ, и за страхъ, а не изъ благонравія, или познанія пользы и вреда, законъ хранить», въ такихъ государствахъ, говоритъ записка, потребно единовластіе, что и подтверждаетъ примѣромъ Франціи, Испаніи и др., и наконецъ Римской республики, которая въ затруднительныхъ случаяхъ избирала диктаторовъ. Не довольствуясь этимъ, записка вдается въ изслѣдованіе самаго свойства всѣхъ формъ правленія: демократію отвергаетъ, какъ непримѣнимую по пространству Россіи, а потомъ сопоставляетъ свойства чистой монархіи съ аристократическимъ правленіемъ и находитъ, что Россія испытала ту и другую, что при государяхъ самодержавныхъ отъ Рюрика до Мстислава мы были грозны для сосѣдей, распространили свои границы, что и «науками народъ довольно просвѣщенъ былъ и торгами... довольно обогатился». Но «какъ скоро великіе князи дѣтей своихъ стали равно дѣлать, и оныя удѣльные, не повинуюся великимъ князьямъ, ввели аристократію», тогда наступила година бѣдствій, которая прекратилась со вступленіемъ на престолъ Іоанна III. Прослѣдя столь же оригинальнымъ воззрѣніемъ и дальнѣйшую исторію Россіи, записка восклицаетъ: «Не видѣли ль мы, какъ при самовластномъ (то-есть самодержавномъ), но молодомъ и отъ правленія внутренняго удалившемся (??) монархѣ, велику власть имѣющіе Мазепа дѣйствительно, а Гагаринъ намѣреніемъ подданства отложиться дерзнули?»

Результатомъ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ соображеній, записка, представленная верховному совѣту, полагаетъ, что для Россіи пригодна одна только форма правленія—чистая монархія; однакожь какъ государыня императрица «есть персона женская, потребно нѣчто для помощи ея величеству учредить, а именно: 1) совѣтъ или сенатъ изъ 21 члена, которому оставляются атрибуты нынѣшняго верховнаго совѣта; 2) другое правительственное мѣсто для завѣдыванія дѣлами «внутренней экономіи» изъ 100 человекъ, которыхъ одна только треть попеременно присутствовала бы, а въ полномъ составѣ собиралась бы только въ концѣ года, или для разрѣшенія дѣлъ необыкновенной важ-

ности; 3) опредѣлять на важнѣйшія должности лицъ по избранію этихъ двухъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ совокупно съ членами коллегій, баллотированіемъ, при чемъ трехъ кандидатовъ, получившихъ наибольшее число балловъ, представлять на утвержденіе государыни; 4) высочайшія предположенія касательно изданія новыхъ законовъ посылать во всѣ коллегии на предварительное обсужденіе, ибо, сказано въ запискѣ, «Петръ Великій, хотя и мудрый государь былъ, но въ своихъ законахъ многое усмотрѣлъ, что перемѣнить нужно; того ради лучше оное прежде изданія разсматривать, нежели издавъ перемѣнять, что съ честію монарха не согласуется»; 5) постановить, чтобъ въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ не находилось нѣсколько лицъ одной фамиліи; 6) въ тайной канцеляріи, независимо отъ лица, постановленнаго отъ правительства, быть двумъ отъ сената, «чтобъ смотрѣли на справедливость»; 7) пріискать лучшій противъ нынѣшняго способъ производства въ чины, устроить во всѣхъ городахъ училища, положить сроки военной и гражданской обязательной службы; отдѣлить природное шляхетство отъ выслужившагося; 8) распредѣлить съ большею равномерностію доходы духовенства, для того чтобы деревенскіе священники могли имѣть средства воспитывать своихъ дѣтей; 9) обратить вниманіе на улучшеніе состоянія купечества и промышленности; наконецъ 10) «пункты о наслѣдствѣ отставить, а сочинить о томъ достаточный законъ на основаніи уложенія».

Записка эта, странная во многихъ отношеніяхъ, въ нѣкоторыхъ замѣчательная, представлена была совѣту, согласно данному на то разрѣшенію въ собраніи 3-го февраля; она не измѣнила однакожъ мнѣнія верховнаго совѣта, который желалъ ограниченія власти, но не собственной, и отвѣтствовалъ, что ему «надлежитъ все учрежденное учинить, не требуя ничего совѣта», мнѣніе, которое подписали, кромѣ членовъ совѣта, ихъ друзья и единомышленники, всего 97 (1) человекъ.

Между тѣмъ мнѣніе общественное, какъ оно ни слабо было тогда, съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе выражалось противъ властолюбія и превышенія власти совѣта. Вслѣдъ за запискою, которой извлеченіе мы предъ симъ

(1) Въ числѣ этихъ 97 человекъ подписался одинъ изъ подписавшихъ «Произвольное разсужденіе...», а именно Иванъ Колтовской, противъ котораго въ имѣющей современной копіи стмѣчено: «сей въ обоихъ»

представили, подана была другая—генераломъ Матюшкинымъ, потомъ еще третья—княземъ Куракинымъ (1); умы расшевелились, воображенія разыгрались; одни предлагали копію англійскихъ учреждений, другіе шведскихъ, нѣкоторые даже польскихъ; «безконечное множество мелкихъ партій и подраздѣленій образуется ежедневно», пишетъ французскій резидентъ въ депешѣ отъ 13/2 февраля. Были и такіе, которые, не довольствуясь письменными протестами, предлагали напасть на верховниковъ вооруженною рукою и перебить ихъ (2).

Все это раздражало членовъ верховнаго совѣта, которые, съ своей стороны, принимали мѣры къ собственной защитѣ, угрожали своимъ противникамъ и хватали тѣхъ, которые наиболѣе шумѣли, такъ что многіе, говорить преосвященный Феофанъ, боялись дома ночевать и переходили изъ одного дома въ другой.

Но эти утѣснительныя мѣры не могли, конечно, внушить верховному совѣту большой довѣренности къ собственнымъ силамъ. Онъ, кажется, не находилъ въ самомъ себѣ и тѣхъ средствъ, которыя нужны, чтобъ обработать во всѣхъ подробностяхъ планъ преобразованія, набросанный имъ лишь въ общихъ чертахъ. Ни одинъ изъ Долгоруковыхъ, не исключая Василія Лукича, который впрочемъ былъ въ отсутствіи, не имѣлъ для этого надлежащихъ способностей и познаній; фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ пользовался большимъ уваженіемъ, но болѣе за правдивый свой характеръ и военныя заслуги, нежели какъ государственный человѣкъ. Остерманъ упрямо сидѣлъ дома, хотя никто не вѣрилъ его болѣзни (3), и уклонялся рѣшительно отъ всякаго участія во всемъ происходившемъ. Головкинъ не хотѣлъ, да едва ли и въ состояніи былъ содѣйствовать въ этомъ случаѣ; фельдмаршалъ Голицынъ, храбрый воинъ и уваженія достойный человѣкъ, не имѣлъ государственнаго

(1) *Зап. Д. de-Lur.*, 80. Обѣ эти записки имѣли не много подписей. Въ сочиненіи Германа *Geschichte d. Russ. Staats*, названъ вмѣсто Куракина Долгоруковъ: это, очевидно, ошибка. Что же касается до записки, находящейся во французскомъ старинномъ переводѣ въ приложеніи къ Т. IV названнаго сочиненія, то она имѣетъ много сходства съ разсмотрѣнною нами, но менѣе любопытна, и можетъ-быть есть одна изъ поданныхъ Матюшкинымъ или Куракинымъ.

(2) *Описаніе кончины* и пр. Феоф. Прокопѣвича.

(3) Дешеша Маньяна 9 марта (29 февр.) 1730... le feldmaréchal Golitzine, étant allé rendre visite, il y a quelque temps, à Mr. Osterman qu'il croyait fort malade, et ayant été scandalisé de trouver le contraire...

ума. Оставался одинъ кн. Дмитрій Голицынъ, который и принужденъ былъ принять на себя всю эту огромную и трудную работу (1). Онъ почувствовалъ необходимость сблизиться съ важнѣйшими изъ лицъ, раздѣлявшихъ нѣкоторыя мнѣнія верховнаго совѣта, сдѣлать нѣкоторыя уступки ихъ требованіямъ; совѣтовался съ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, которому огромное состояніе и связи его съ Трубецкими, Нарышкиными и Салтыковыми давали большое значеніе (2). Но сближеніе это было не искренне; основаніемъ политическихъ убѣжденій Голицына были понятія исключительной аристократіи и рѣшительная непріязнь къ иностранцамъ; Черкасскій напротивъ, принадлежа по лѣтамъ своимъ къ поколѣнію, взрослому посреди вызванныхъ Петромъ иностранцевъ, не чувствовалъ къ нимъ отвращенія, а относительно формы правленія онъ былъ почитатель чистой монархіи, и записка, которую онъ представилъ верховному совѣту, выражала только крайнюю уступку, которую онъ дѣлалъ, не зная еще, какія тенденціи обнаружитъ императрица по своемъ прибытіи въ Москву, или даже, какъ полагаютъ нѣкоторые, просто была мистификаціей, которою онъ желалъ выиграть время и забавить верховный совѣтъ (3).

Столько же неуспѣшны были попытки Голицына сблизиться и съ прочими значительными лицами непріязненныхъ ему партій: да и какое сближеніе могло произойти между людьми, не имѣвшими по большей части никакихъ твердо-сложившихся принциповъ, никакихъ выработанныхъ мыслей и наблюденіемъ убѣжденій, но хорошо понимавшихъ, что они обратятся въ ничто, если въ верховномъ совѣтѣ сосредоточится все? Голицынъ встрѣтилъ весьма сильныхъ противниковъ въ лицѣ молодого Кантемира и Вас. Ник. Татищева, людей умныхъ, просвѣщенныхъ, оставившихъ почетную память въ литературѣ, честолюбивыхъ и предприимчивыхъ. Первый изъ нихъ безъ сомнѣнія имѣлъ не малое личное побужденіе дѣйствовать противъ челоуѣка, способствовавшаго къ отнятію у него наслѣдства, и имѣя при

(1) Делегла Маньяна 18/2 февр.

(2) Онъ былъ женатъ сперва на Нарышкиной, а во второмъ бракѣ на кн. Марьѣ Юрьевнѣ Трубецкой, которую Берхгольдъ называетъ красавицей, и которая въ послѣдующихъ происшествіяхъ играла значительную роль; сестра ея Прасковья Юрьевна была за Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ, въ послѣдствіи графомъ и фельдмаршаломъ.

(3) *Зап. Д. де-Лур.*, 80.

томъ виды на дочь князя Черкаскаго (1). Дни проходили, а работа князя Голицына не только не подвинулась, но, можно сказать, и не начиналась. Поэтому, въ то время, какъ одни готовились въ скоромъ времени увидѣть огромныя перемены въ государствѣ, другіе напротивъ начинали сомнѣваться, чтобы и то, что казалось уже сдѣланнымъ, могло удержаться, чтобы «кондиціи» не были уничтожены, и чтобы все не пришло въ прежній порядокъ (2).

Между тѣмъ императрица прибыла 9-го февраля (3) въ село Всесвятское, принадлежавшее тогда князю Грузинскому, и остановилась тамъ, дабы отдохнуть передъ торжественнымъ вступленіемъ въ древнюю столицу и дать время похоронить прахъ покойнаго государя, что и было утромъ 11 февраля совершено (4).

Немедленно по прибытіи императрицы были посланы для содержанія караула при ея особѣ батальионъ Преображенскаго полка и отрядъ кавалергардовъ. Пригласивъ въ свои комнаты офицеровъ этихъ войскъ, она ласково ихъ привѣтствовала и возложила на себя званіе полковника Преображенскаго полка и капитана кавалергардовъ, что произвело, нищеть де-Лирія, въ войскахъ необыкновенный восторгъ, а членамъ верховнаго совѣта, вовсе не ожидавшимъ подобнаго начала, было весьма неприятно. Тѣмъ не менѣ члены этого высшаго правительственнаго учрежденія, сенаторы, нѣсколько лицъ изъ высшаго духовенства и представители отъ генералитета, 14-го числа прибыли, чтобы привѣтствовать государыню и просить о назначеніи дня для торжественнаго вступленія въ Москву.

Князь Д. Голицынъ говорилъ отъ имени прибывшихъ съ нимъ особъ привѣтствіе, а графъ Головкинъ поднесъ орденъ

(1) Княжна Черкасская была одною изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ того времени; сынъ фельдмаршала Шереметева, женись на ней, положилъ основаніе колоссальному состоянію своей фамили. О видахъ кн. Кантемира упоминается Щербатовымъ.

(2) Рондо ²⁶/₁₅ февр.

(3) День прибытія императрицы въ Всесвятское показывается не одинаково; мы руководствовались официальнымъ извѣстіемъ, помѣщеннымъ въ № 14 и 15 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* 1730 года

(4) Число это показано г-мъ де-Лирія и въ примѣчаніяхъ (18), сдѣланныхъ Языковымъ къ переводу его *Записокъ*; наконецъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* того времени (№ 14) показано то же число; непонятно почему названо 12 у преосв. Феофана въ его *Описаніи кончины* и проч.

Св. Андрея (1), а на слѣдующее утро государыня вступила въ столицу съ необыкновеннымъ торжествомъ, при стеченіи всего народонаселенія, при звонѣ колоколовъ, звукахъ военной музыки и громѣ орудій. Князь В. Л. Долгоруковъ съ товарищами ѣхали верхомъ возлѣ императрицыной кареты: это былъ послѣдній ихъ триумфъ!

Царевна Анна, сдѣлавшись герцогинею курляндскою, продолжала сохранять весьма близкія сношенія съ русскимъ дворомъ, при которомъ постоянно находился курляндскій резидентъ Левенъ льдъ; въ Митавѣ проживалъ въ званіи гофмаршала вдовствующей герцогини русской сановникъ Бестужевъ-Рюминъ (2), управлявшій удѣльными имѣніями герцогини и бывшій въ то же время нашимъ дипломатическимъ агентомъ. Анна Иоанновна нѣсколько разъ и сама бывала послѣ своего замужества въ Россіи, гдѣ, кромѣ лицъ царской фамилии, она имѣла родственниковъ, по матери, въ родѣ Салтыковыхъ, Ромодановскихъ (3); наконецъ со многими придворными домами и правительственными лицами, въ особенности же съ Остерманомъ, она имѣла постоянную, довольно-дѣятельную переписку. Болѣе нежели вѣроятно поэтому, какъ уже выше было замѣчено, что Ягужинскій былъ не единственнымъ лицомъ, вошедшимъ съ нею въ непосредственныя тайныя сношенія въ эти столь важныя для нея минуты; и наконецъ есть положительныя извѣстія, что о расположеніи умовъ вообще и образѣ мыслей вліятельнѣйшихъ людей она имѣла вѣрныя свѣдѣнія; что имъ въ свою очередь были извѣстны ея истинныя намѣренія (4), и что всѣ ея дѣйствія въ первое время основаны были на этихъ данныхъ, можетъ-быть внушены тайными ея доброжелателями. Во всякомъ случаѣ эти дѣйствія были очень искусны: совершенно законны и между тѣмъ направлены къ ослабленію вліянія верховнаго совѣта и ободренію его противниковъ, не разоблачая однакожъ цѣлей императрицы. Ласковый пріемъ, оказанный ею гвардейскимъ офицерамъ, и принятіе

(1) Манштейнъ говоритъ, что государыня, принимая орденскіе знаки, сказала: «правда, я забыла ихъ надѣть». *Забыть* надѣть первый орденскій знакъ и при подобномъ случаѣ, кажется, мудро.

(2) Отецъ будущаго графа и канцлера императрицы Екатерины.

(3) Сестра царицы Прасковьи Ѳеодоровны, Анастасія, была за Иваномъ Ѳеодоровичемъ Ромодановскимъ (*Росс. Родосл. Книга*).

(4) *О поворженіи правовъ.*

номинальнаго начальства надъ ними, произвели сильное впечатлѣніе, какъ это засвидѣтельствовалъ испанскій посланникъ; но тѣ, которымъ оно было не пріятно, не имѣли никакого права жаловаться. Не болѣе были имъ пріятны и назначенія, сдѣланныя императрицею въ дамскій ея штатъ; это были: княгиня Черкасская, жена человѣка, котораго можно было считать главою оппозиціи; ея сестра Салтыкова, которой мужъ, подполковникъ гвардіи, имѣлъ вліяніе на гвардейскіе полки; жена генерала Чернышева, члена военной коллегіи, подписавшаго записку 4 февраля; наконецъ баронесса Остерманъ. Назначеніе этихъ дамъ было очевиднымъ одобреніемъ поведенію ихъ мужей (1), и открывало имъ средство войти въ непосредственныя сношенія съ императрицею.

Верховный совѣтъ съ своей стороны принялъ мѣры, чтобъ устранить эти сношенія, такъ что доступъ къ императрицѣ всѣхъ тѣхъ, къ кому онъ не имѣлъ довѣренности, былъ крайне затруднителенъ; такъ напримѣръ, преосвященный Теофанъ пишетъ, что въ Всесвятское нельзя было проникнуть иначе, даже тѣмъ, кто отправлялся туда съ офиціальнымъ привѣтствіемъ, какъ получивъ паспорта отъ верховнаго совѣта, которые каждый лично долженъ былъ предъявить у городской заставы, и что во время аудіенціи князь Василій Лукичъ, находившійся неотлучно при императрицѣ, не спускалъ глазъ съ представлявшихся ей особъ и за всѣми ихъ движеніями «остро наблюдалъ», опасаясь, чтобъ не было сказано слова или передано записки, противныхъ видамъ верховнаго совѣта. Это всечасное соглядатайство не уменьшилось и въ Москвѣ. Долгоруковъ поселился въ кремлевскихъ палатахъ, и помимо его и безъ его присутствія никто не могъ видѣть императрицу.

Такимъ образомъ верховный совѣтъ, по мѣрѣ того какъ почва, такъ сказать, выскользала изъ-подъ его ногъ, видѣлъ себя принужденнымъ прибѣгать къ мѣрамъ насилія и беззаконія; онъ пошелъ еще далѣе по этому пути. Возникъ вопросъ о формѣ присяги, въ какомъ смыслѣ должно было составить ее? Всѣ члены совѣта соглашались, что о самодержавіи, за силою подписанныхъ въ Митавѣ статей, не должно было упоминать; но одни требовали, чтобъ обѣтъ вѣрности былъ принесенъ «государынѣ

(1) Въ числѣ подписавшихъ записку, поданную (4 февр.) верховному совѣту, 158 человѣкъ принадлежало къ военному вѣдомству и кромѣ того 51 гвардейскій офицеръ и 42 кавалергарда.

и государству», другіе, а именно—князь Д. Голицынъ «государынѣ и верховному совѣту» (1). Слухъ объ этомъ не замедлилъ разнестись по Москвѣ, и это новое притязаніе верховнаго совѣта казалося всѣмъ, даже самымъ умѣреннымъ людямъ, безумнымъ беззаконіемъ.

Между тѣмъ какъ продолжались эти пренія, время уходило, и наступилъ день, назначенный для присяги. Св. Синодъ, не получая присяжныхъ листовъ, принужденъ былъ за ними послать въ верховный совѣтъ, естественно желая, особливо при настоящихъ обстоятельствахъ, предварительно знать, кому онъ самъ долженъ присягать и кому требовать клятвы отъ духовной паствы. Совѣтъ затруднялся, уклонялся, медлилъ, а между тѣмъ наступилъ часъ, назначенный для совершения сего торжественнаго акта, и отъ совѣта было прислано о томъ напомнить духовенству. Медлить долѣе, значило бы произвестъ неминуемое смущеніе въ народѣ, который уже наполнялъ церкви. Сановники тѣснились въ Успенскомъ соборѣ, а потому духовенство рѣшилось отправиться, и уже только тамъ получены были присяжные листы: въ нихъ о верховномъ совѣтѣ не упоминалось, а говорилось лишь о государынѣ и государствахъ. Всѣ присягнули по этой формѣ.

Между тѣмъ съ такими условіями возводимое верховнымъ совѣтомъ государственное зданіе было подрываемо со всѣхъ сторонъ. Супруга П. С. Салтыкова была дѣятельнѣйшимъ агентомъ между партіею, къ которой принадлежалъ ея мужъ, и императрицею (2). Герцогиня мекленбургская энергически настаивала, чтобы сестра ея расторгла узы, которыя хотѣлъ на нее наложить верховный совѣтъ. Остерманъ дѣятельно работалъ изъ глубины своей спальни, зорко слѣдя за

(1) *Выписки изъ Управл.* и пр. *Записки Д. де-Лирія*, *Описаніе кончины* и пр. *Ө. Прокоповича*.

(2) Въ любопытныхъ примѣчаніяхъ, которыми Языковъ обогатилъ свой переводъ записокъ герцога де-Лирія, по поводу тайныхъ сношеній императрицы съ ея приверженцами (прим. 25), говорится: «Долгоруковы строго наблюдали, чтобы никто изъ знатныхъ людей не имѣлъ къ ней доступу, и не говорилъ съ ней наединѣ, также надзирали и за ихъ сношеніями съ нею. Но это затрудненіе преодолено было слѣдующимъ образомъ: Штатсъ-дама Прасковья Юрьевна Салтыкова, урожденная Трубецкая, была употреблена для узнаванія мыслей знатныхъ людей скрытнымъ образомъ; для чего она ко многимъ пріѣзжала по ночамъ». И потомъ далѣе:

всѣми дѣйствіями *верховниковъ*, скрытно сносясь съ ихъ противниками и сообщая обо всемъ императрицѣ чрезъ жену свою. Съ своей стороны Черкасскій и друзья его, имѣя за себя несомнѣнное сочувствіе императрицы, стали настойчивѣе въ своихъ сношеніяхъ съ верховнымъ совѣтомъ, и послѣ каждой сдѣланной имъ уступки требовали новыхъ. Ягужинскій, которому уже предлагали свободу, отказался принять ее какъ милость со стороны верховнаго совѣта, требуя формальнаго суда и удовлетворенія за оскорбленіе. Наконецъ императрица медлила издать манифестъ о своемъ вступленіи на престолъ, говоря, что «ей недостаточно быть признанною осьмью лицами...» Дѣло верховнаго совѣта было, очевидно, проиграно!

Въ самомъ дѣлѣ, вся Москва была въ движеніи. Дома князя Черкаскаго, Никиты Трубецкаго, сенатора Новосильцова были съ утра до вечера наполнены недовольными вельможами, офицерами и шляхетствомъ, которые разсуждали, какимъ образомъ приступить къ низложенію верховнаго совѣта. На многочисленномъ собраніи, бывшемъ въ домѣ князя И. Барятинскаго, 23 февраля, было рѣшено подать императрицѣ формальное о томъ прошеніе, которое тутъ же и было написано и послано съ Татищевымъ въ домъ князя Черкаскаго, у котораго тоже былъ большой съѣздъ его единомышленниковъ (1). Мысль, сообщенная Татищевымъ, была принята, и князь Антиохъ Кантемиръ

«Каждый день къ ней приносили младенца, Биронова сына, котораго она отменно любила; ему клали за пазуху записки объ успѣхахъ сего дѣла, и императрица, относивъ сего младенца на рукахъ въ свою спальню, прочитывала ихъ.

«Когда дѣло приведено было уже къ окончанію, новгородскій архіепископъ Теофанъ, въ знакъ усердія, поднесъ ея величеству столовые часы, которые она принимать отрицалась, но онъ убѣдилъ ее принять ихъ. Потомъ она, взявъ Биронова сына, прочла за платье у него положенную записку и узнала, что въ тѣхъ часахъ подъ доскою положенъ планъ, который, прочитавъ, вышла, въ назначенный день, въ тронную залу и, противъ чаянія Долгоруковыхъ, взошла на тронъ, и тутъ множество знатныхъ особъ поднесли ей прошеніе о принятіи самодержавія.

«Она тронута бывъ толь лестнымъ для нея усердіемъ, хотѣла было поклономъ изъявить свое удовольствіе, но помянутая штатсъ-дама удержала ее за платье.»

Но къмъ писано и изъ какого источника почерпнуто это извѣстіе, г. Языковъ и самъ не знаетъ: онъ *нашелъ* его въ своихъ бумагахъ.

(1) *Произвольное и согласное разсужденіе* и проч. Къ этому ласбо-

тутъ же переписалъ на-объяло это прошеніе, которое послано опять въ домъ Барятинскаго для подписи и немедленно возвращено для подписи друзьямъ Черкаскаго. Такимъ образомъ было набрано 167 подписей. Но не довольствуясь этимъ, молодой графъ Матвеевъ и Кантемиръ были посланы въ распоряженіе гвардейскимъ полкамъ и кавалергардамъ, гдѣ собрали еще 95 подписей. Всю ночь и слѣдующій день разъѣзжали по Москвѣ друзья Черкаскаго и Салтыковыхъ, собирая подписи и отыскивая единомышленниковъ.

Императрица знала обо всемъ случившемся черезъ свою штатсъ-даму Салтыкову, и приготовилась разыграть наконецъ послѣдній актъ политической драмы, начатой верховнымъ совѣтомъ. Приверженцы ея, въ восьмомъ часу утра, 25 числа, всѣмъ собраніемъ, въ числѣ отъ 600 до 800 человекъ (1), отправились въ Кремль и отслужили тамъ молебенъ, а оттуда прошли во дворецъ.

Верховный совѣтъ не могъ, съ своей стороны, не знать обо всемъ происходившемъ и, видя угрожающую опасность, рѣшился захватить князя Черкаскаго; будучи объ этомъ предупрежденъ, князя, изъ предосторожности, пріѣхалъ во дворецъ не ранѣе какъ въ 10 часовъ, въ то уже время, когда всѣ его единомышленники наполняли переднія залы: между ними онъ былъ внѣ всякой опасности. Онъ немедленно прошелъ во внутренніе покои и просилъ у императрицы аудіенціи, которая, разумѣется, была безъ затрудненія разрѣшена, и къ которой былъ приглашенъ верховный совѣтъ.

Когда императрица вышла, старѣйшій изъ предстоявшихъ и чиномъ и едва ли не лѣтами, нѣкогда бояринъ, а въ то время фельдмаршалъ, князь И. Ю. Трубецкой поднесъ ей челобитную, которую государыня приказала себѣ прочесть. Трубецкой передалъ ее Татищеву (2). Челобитная эта выражала глубокую благодарность за соизволеніе подписать *предложенныя верховнымъ совѣтомъ* условія, но съ тѣмъ вмѣстѣ выражала и опасенія бѣдствій, коими нѣкоторыя изъ этихъ условій угрожаютъ

пытному документу приложено описаніе дѣйствій единомышленниковъ князя Черкаскаго въ ночь на 24 февраля и въ слѣдующій день и въ утро 25 числа, писанное современнымъ почеркомъ, которое можно слѣдовательно, кажется, считать достовернымъ авторитетомъ.

(1) *Mém. de Manstein; Gesch. d. Russ. St.*; депеша Маньяна 16/6 марта; *Записки дюка de Lupia*, 85.

(2) Объ этомъ обстоятельствѣ указанные выше источники нѣсколько

отечеству; опасенія эти, говорилось далѣе, были представлены верховному совѣту съ просьбою рассмотреть внимательно указываемыя затрудненія и установить, «по большинству голосовъ, форму правленія надежную и твердую» (1), но верховный совѣтъ отказалъ въ этомъ, объявивъ челобитчикамъ, что безъ высочайшаго соизволенія ничего не можетъ переменить. Посему нынѣ челобитчики всеподданнѣйше просятъ рассмотреть представленныя верховному совѣту мнѣнія: «назначивъ для сего по одному, или по два человѣка отъ каждаго семейства, и чтобы по обсужденіи всѣхъ статей установлена была такая форма правленія, которая изберется большинствомъ голосовъ, и представлена на высочайшее благоусмотрѣніе». Въ заключеніе было сказано, что прошеніе это подписано «не столь многими, какъ это могло быть, потому что мы боимся собираться во множествѣ» (2).

По окончаніи этого чтенія, князь Черкасскій хотѣлъ что-то сказать, но князь Василій Лукичъ прервалъ его и предложилъ императрицѣ удалиться въ другой покой, дабы обдумать отвѣтъ

разнорѣчать. Германъ, писавшій по большей части на основаніи денешъ Лефорта, полагаетъ, что челобитную поднесъ князь Юсуповъ; Манштейнъ называетъ графа Матвеева. Это явная ошибка: Андрей Артамоновичъ умеръ въ 1728 году, а сынъ его былъ въ то время малолѣтнимъ какимъ и скончался. Маньянъ и де-Лирія называютъ князя Черкаскаго. Это вѣроятно, такъ какъ Черкасскій былъ болѣе всѣхъ на виду изъ своей партіи. Но современникъ, описавшій событія этого дня и предшествующей ночи съ большою подробностію, именно упоминаетъ о фельдмаршалѣ князѣ Трубецкомъ, который, какъ старшій въ чинѣ изъ присутствовавшихъ и дядя (по ихъ женамъ) двухъ главныхъ дѣйствующихъ, Салтыкова и князя Черкаскаго, весьма естественно могъ быть при этомъ случаѣ уполномоченъ на первую роль. Только одно обстоятельство не совсѣмъ ясно: подъ мнѣніемъ верховнаго совѣта о *Произвольномъ Разсужденіи* между другими подписями стоитъ: «князь Иванъ Трубецкой»; это могъ быть его племянникъ Иванъ Юрьевичъ; но могъ быть и самъ фельдмаршалъ, увлеченный сначала идеями исключительной аристократіи, а потомъ преклоненный мужьями своихъ племянницъ: Колтовскій подписалъ же два противоположныя мнѣнія! Читая прошеніе могъ Татищевъ, какъ человѣкъ много въ это время хлопотавшій, и можетъ-быть даже писавшій черновую просьбу.

(1) Это, вѣроятно, указанія на записки, представленныя Матюшкинымъ, Куракинымъ, и ту, которая называется «произвольное разсужденіе» и пр.; отказъ совѣта лишь нѣсколько иначе здѣсь формулированъ.

(2) Текстъ этого прошенія намъ извѣстенъ изъ иностранныхъ источниковъ или позднѣйшихъ русскихъ сочиненій, оттуда же заимствованныхъ. А потому мы привели лишь извлеченіе изъ перевода, находяща-

на столь важное представлѣніе (1). Богъ знаетъ, чѣмъ разрѣшилось бы все это дѣло, еслибы государыня, согласясь на лукавое предложеніе хитраго дипломата, дозволила себя поставить въ эти минуты подъ исключительное вліяніе верховнаго совѣта!... Но герцогиня мекленбургская удержала ее. Всеобщій шумъ поднялся при этихъ словахъ Додгорукова; сотни голосовъ заговорили разомъ; шляхетство грозило; военные готовы были обнажить оружіе. Молодой Салтыковъ просилъ позволенія привести къ повиненію сопротивляющихся волѣ ея величества. Все это волненіе смутило императрицу, хотя она и не могла ошибаться на счетъ благопріятнаго его характера. «Я здѣсь не въ безопасности», произнесла она. Эти слова и усилія нѣкоторыхъ сановниковъ, знакомыхъ съ обычаями двора, утишили наконецъ безпорядокъ. «Государыня, говорили ей, успокоившись, нѣкоторые изъ военныхъ, — мы вѣрные подданные вашего величества и рады положить за тебя свои головы; прикажи намъ истребить твоихъ злодѣевъ!...» Императрица приказала имъ слушаться распоряженій Салтыкова и оставаться спокойными. Затѣмъ взяла перо и утвердила прошеніе (2).

Но происшествія настоящаго дня этимъ не кончились.

Въ переднихъ комнатахъ шляхетство и прочіе присутствующіе были остановлены своими руководителями. Они объяснили, что такъ какъ государыня соблаговолила-дозволить разсудить и представить ей мнѣніе о наилучшей формѣ правленія, то это можно рѣшить тутъ же, а именно: просить ее о принятіи ею полнаго самодержавія, по примѣру ея предшественниковъ. Предложеніе это, сдѣланное разгоряченными умами, въ удачную минуту, было всѣми одобрено; къ императрицѣ послана депутація просить у нея новой аудіенціи, которая и была назначена въ тотъ же день послѣ полудня, а чтобъ у членовъ верховнаго совѣта отнять возможность какого бы то ни было противодѣйствія, они оставлены были обѣдать во дворцѣ.

гося въ русскомъ изданіи *Записокъ* Дюка Лирийскаго, который впрочемъ почти слово въ слово сходенъ съ французскимъ текстомъ, приведеннымъ въ депешѣ Маньяна.

(1) *Gesch. d. Russ Staats.* Тоже у Германа, который ссылается на дописаніе Лефорта; депеша Маньяна 9 марта (26 февраля); этотъ послѣдній и одинъ изъ кавалеровъ французскаго посольства, de Bussy, подробно всѣхъ описали это происшествіе.

(2) Составитель свѣдѣній о дняхъ 23, 24 и 25 февраля, приложенныхъ къ *Произвольному Разсужденію*, показываетъ, что государыня подписала «учинить по сему».

Въ этотъ промежутокъ времени было написано другое прошение, въ коемъ выражалось желаніе, чтобы государыня правила самодержавно, какъ правила славные ея предки; чтобы верховный тайный совѣтъ былъ уничтоженъ; чтобы сенату возвращено было званіе и значеніе правительствующаго; чтобы онъ состоялъ изъ 21 члена; чтобы въ должности сенаторовъ, также губернаторовъ и президентовъ коллегій, были назначаемы лица по избранію дворянства, какъ было при Петрѣ I (1), и наконецъ чтобы были приняты мѣры къ уменьшенію налоговъ.

Когда наступилъ часъ новой аудіенціи, князь Черкасскій поднесъ государынѣ вновь составленное прошеніе, которое громко прочелъ князь Кантемиръ. Императрица выразила собранію признательность за столь похвальные чувства и сказала, что будетъ сдѣлано по его желанію, а потомъ обратилась къ верховному совѣту: «Такъ это не было желаніемъ народа, чтобы я подписала условія, представленныя мнѣ въ Митавѣ? Стало-быть ты обманулъ меня, князь Василій Лукичъ?» Сказавъ это, она потребовала самыя условія. Онѣ были немедленно поданы графомъ Головкинымъ и тутъ же разорваны. «Государство Россійское, продолжала императрица,—изстари управлялось самодержавно, и я вступаю въ тѣ же права, которыми пользовались мои предки, по преемству отъ которыхъ, а не по избранію, какъ утверждалъ верховный совѣтъ, я вступила на престолъ, и всякій противящійся моей волѣ будетъ наказанъ какъ измѣнникъ.» Впрочемъ императрица прибавила, что она намѣревается властвовать съ кротостію, что благо ея подданныхъ есть пламенное желаніе ея сердца; что она всегда съ радостію будетъ внимать представленіямъ сената, и что строгія мѣры будутъ ею принимаемы лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Присутствующіе громко выражали свое восхищеніе, говорить Манштейнъ,—и по всему городу раздавались радостныя восклицанія; но въ тотъ же вечеръ, продолжаетъ тотъ же писатель,—по небу разлилось кровавое зарево необычайнаго сѣвернаго сіянія, которое сильно смутило суевѣрный народъ...

(1) Производство по баллотированію было введено Петромъ I въ арміи, и соблюдалось во все время его царствованія, но чтобы въ должности президентовъ комиссій, губернаторовъ и пр., были назначаемы лица по баллотированію—этого мы ни откуда не видимъ. Баллотированіе, тамъ, гдѣ оно существовало въ 1726 году (И. С. З. VII № 4986), отмѣнено, потому что избраніе, сказано въ указѣ, производится по страсти.

Суевѣрный народъ былъ правъ въ этомъ случаѣ: это багровое сияніе было зарею кровавой *бироновщины!*

Былъ правъ и старшій олигархъ, Дмитрій Голицынъ, когда, видя разрушеніе любимыхъ своихъ надеждъ, онъ сказалъ: «Пиръ былъ изготовленъ, но гости были его недостойны; я знаю, что бѣда обрушится на мою голову; что нужды,—я страдаю за отечество. Я старъ, и смерть мнѣ не страшна, но тѣ, которые думаютъ насладиться моими страданіями, страдаютъ тяжелѣ моего!» (1)

Этими словами противъ бироновщины мы заключимъ нашъ разказъ о вступленіи на престолъ императрицы Анны. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько событія, изложенныя нами, находились въ соотвѣтствіи съ исторіею до-петровской Руси, мы не можемъ умолчать о нѣкоторыхъ внѣшнихъ вліяніяхъ, которыя обнаружались въ XVII вѣкѣ, и которымъ принадлежитъ извѣстная доля участія въ попыткѣ 1730 года.

На это имѣемъ нѣкоторыя положительныя указанія. Наша публичная библіотека очень богата рукописями, принадлежащими къ началу XVIII вѣка; между ними, кромѣ списковъ старинныхъ лѣтописей и переводовъ сочиненій незначительнаго содержанія, мы находимъ творенія наиболѣе уважавшихся въ то время публицистовъ, историковъ и мыслителей. Гуго Гроцій и Пуффендорфъ между ними господствуютъ; знаменитаго сочиненія перваго *De jure belli ac pacis* и втораго *De jure naturae et gentium*, мы находимъ множество экземпляровъ въ переводахъ, а иногда и въ подлинникахъ; много и другихъ книгъ государственнаго права, какъ напримѣръ *Управленіе гражданское, о его началѣ и власти*, много современныхъ трактатовъ, Статутъ литовскій, хроники, книги историческаго содержанія, сочиненія по римскому праву, тщательно переписанныя, хранились въ частныхъ библіотекахъ, знакомя нашихъ праѣдковъ съ понятіями западной Европы. Не забудемъ упомянуть, что при Петрѣ I было много хорошихъ и серіозныхъ сочиненій переведено, напечатано и пущено въ оборотъ русской мысли: таково было напримѣръ сочиненіе упомянутаго Пуффендорфа «*Введеніе во всеобщую исторію*,» и при томъ, если справедливъ разказъ Голикова, государь былъ очень недоволенъ, что переводчикъ, извѣстный Гавріиль Бужинскій, сократилъ или

(1) *Mém. de Manstein*, I. 58.

выпустилъ тѣ мысли, которыя показались опасными для русской публики, и приказалъ исправить переводъ совершенно согласно оригиналу. Изъ дѣла о Волынскомъ, между прочими любопытными подробностями, обнаруживается, что одинъ изъ наименѣ развитыхъ сподвижниковъ Петровыхъ, графъ Апраксинъ, тоже имѣлъ сочиненіе Липсія (не считавшееся опаснымъ въ это сильное и славное царствование), что творенія Макиавелли были знакомы многимъ Русскимъ, что въ царствование Анны не богатый архитекторъ, Еропкинъ, имѣлъ библиотеку (1), и что усердный служака, но вовсе не охотникъ до книжной мудрости В. А. Нащекинъ зналъ книгу Курція, которую и цитуетъ въ своихъ *Запискахъ*. Наконецъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описываемой эпохи уже начиналось преслѣдованіе за излющную наклонность къ чтенію: однимъ изъ пунктовъ обвиненія противъ извѣстнаго Волынскаго было сочиненіе Юста Липсія (какое именно? не знаемъ), которое онъ будто бы перетолковывалъ, примѣняя злонамѣренно къ современнымъ обстоятельствамъ. Все это доказываетъ, что въ началѣ XVIII вѣка идеи Запада были нечужды образованнымъ Русскимъ.

Замѣтимъ также, что тогдашнія *С. Петербургскія Вѣдомости*, хотя и не анализировали совершавшихся за границею событій, однакожъ довольно обстоятельно сообщали факты, и слѣдовательно могли знакомить читающую часть (весьма, конечно, небольшую!) русского общества съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, содѣйствуя въ нѣкоторой мѣрѣ къ расширенію нашего умственнаго горизонта. Наконецъ обратимъ вниманіе още на одно обстоятельство.

Послѣ смерти Карла XII, армія его и генералы, привыкшіе въ его время составлять въ государствѣ все, а остальные сословія и учрежденія считать ни во что, немедленно провозгласили королевою сестру покойнаго короля Ульрику-Элеонору. Но сенатъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы возратить утраченное свое значеніе; онъ торжественно объявилъ избраніе это неправильнымъ и созвалъ государственные чины, то-есть представителей всѣхъ сословій шведскаго народа, для разрѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи; въ то же время онъ предалъ суду, какъ измѣнника, барона Герца, наперсника Карла XII, суду

(1) *Чтен. въ общ. истор. и древн.* 1858, № II.

неправильному и незаконному, можетъ-быть, но замѣчательному какъ реакція противъ личнаго произвола, въ которомъ обвиняли этого министра. Депутаты отъ сословій, согласно конституціи шведской, собрались, провозгласили престолъ, за немѣнимъ прямыхъ наслѣдниковъ, упраздненнымъ и потомъ приступили къ избранію; выборъ депутатовъ палъ также на сестру Карла XII, Ульрику-Элеонору, которая, постоянно проживая въ Швеціи, успѣла приобрести тамъ и друзей и всеобщую привязанность. Съ этимъ вмѣстѣ былъ обнародованъ актъ, которымъ опредѣлялось совершеннолѣтіе членовъ королевской фамиліи, положеніе, имѣвшее цѣлю предупредить возобновленіе времени Карла XII, сдѣлавшагося государемъ съ неограниченною властію на шестнадцатомъ году; постановлялось, что важныя государственныя должности могутъ быть занимаемы только природными Шведами, — узаконеніе, направленное противъ барона Герца; что законы обязательны для гражданъ только тогда, когда они обсужены государственными чинами: что безъ ихъ согласія не могутъ быть увеличены налоги, ни объявлена война, что вновь избранная королева будетъ управлять государствомъ съ участіемъ и совѣтомъ сената; что въ случаѣ смерти государя безъ прямыхъ наслѣдниковъ будетъ производимо народными представителями свободное избраніе, что дворянинъ можетъ быть приговоренъ къ отнятію чести или жизни рѣшеніемъ только придворнаго совѣта, что президенты комиссій опредѣляются по избранію, что войско должно присягать въ вѣрности королю и королевству и пр. Какъ самыя обстоятельства возведенія на престолъ королевы Ульрики, такъ и знаменитый актъ, содержаніе котораго мы привели имѣютъ слишкомъ явное сходство съ обстоятельствами вступленія на престолъ императрицы Анны и «кондиціями», предложенными ей отъ верховнаго совѣта, а потому весьма естественно предположить вліяніе шведскихъ событій на то, что приготавливалось въ Россіи. Вспомнимъ, что человѣкъ этого же времени, Волинскій, вздыхалъ о независимомъ положеніи польскихъ сенаторовъ и шляхетства вообще; что въ составленномъ имъ проектѣ о различныхъ преобразованіяхъ развиты нѣкоторыя изъ мыслей, указанныхъ въ *Произвольномъ Разсужденіи*: какъ-то объ усиленіи сената, объ освобожденіи его отъ опеки генераль-прокурора, о распространеніи просвѣщенія, объ улучшеніи быта сельскаго духовенства, о прекращеніи замкнутости духовнаго сословія и пр.

Вспомнимъ наконецъ и слова Кампредона, по поводу учрежденія верховнаго тайнаго совѣта, приведенныя нами въ другомъ мѣстѣ, сообразимъ все это, и тогда намъ откроется логическая возможность идей и стремленій, которыя произвели описанный нами эпизодъ.

Мы объяснили, какъ могли, насколько вліяніе современныхъ западныхъ событій и идей расчистило путь описаннымъ выше событіямъ, совершившимся въ Россіи, но неужели это вліяніе было исключительное? Мы этого отнюдь не думаемъ и никакъ не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что русское общество послѣ Петра I потеряло всякую національную самостоятельность. Въ нравахъ, въ обычаяхъ, въ образѣ жизни, въ семейныхъ отношеніяхъ, въ религіозныхъ понятіяхъ, словомъ, во всемъ томъ, что составляетъ самое глубокое основаніе жизни обществъ, намъ открываются съ поразительною яркостію наши старинныя начала: ссылаемся въ этомъ на духовное завѣщаніе князя В. Л. Долгорукова, помѣщенное нами въ приложеніи. Кто не узнаетъ въ составительѣ его русскаго человѣка, кто не узнаетъ въ этомъ документѣ и русскихъ религіозныхъ понятій, и русскихъ семейныхъ отношеній, и всей обстановки стариннаго русскаго быта? Именно въ этомъ-то, довольно трудно уловимомъ, соединеніи старинно-русскихъ основаній съ западно-европейскимъ напластаніемъ и состоитъ характеръ и общества, и общественныхъ явленій въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка, и едва ли даже не во все его продолженіе. При Екатеринѣ II многіе вельможи считали себя совершенными Европейцами, но были въ главныхъ своихъ основаніяхъ коренными русскими людьми; при ближайшихъ преемникахъ Петра I, много было людей, которые съ отвращеніемъ смотрѣли на все иноземное, и однакожъ, не сознавая того, во многомъ подчинялись вліянію западныхъ понятій. Таковы именно были значительнѣйшіе люди времени, къ которому относится нашъ разказъ: Трубецкіе, Черкасскіе, Долгоруковы, Голицыны, князь Дмитрій, напримѣръ, который изучалъ сочиненія Гроція и Пуффендорфа, и передъ которымъ однакожъ меньшей братъ, фельдмаршалъ, не смѣлъ безъ позволенія сѣсть!

П. ЩЕВАЛЬСКІЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Завѣщаніе князя Василія Лукича Долгорукова (1).

Видя крайнюю слабость тѣла моего и признавая, что по вся дни прибавляется, и для того пишу сіе письмо къ сестрамъ и къ маткамъ моимъ государынямъ къ Аннѣ Лукишнѣ (2) и къ Аннѣ Яковлевнѣ (3) и молю ихъ, какъ матерей своихъ, ежели Богъ отлучитъ грѣшную мою душу отъ тѣла, чтобъ ради сына Божія, который страдалъ и умеръ за насъ, учинили по сему моему послѣднему завѣщанію.

Во-первыхъ образы Богородицы, такъ же угодника Христова Николая, такъ же образъ Честоховской Богородицы небольшой, и образъ Василія Великаго и три креста, четвертый который я ношу, въ немъ риза Пресвятыя Богородицы, а и въ вышеписанныхъ крестахъ есть мощи, пожалуйста бейте челомъ прилѣжно, чтобъ по смерти моей повелѣно было всѣ тѣ образы и кресты вамъ отдать, а вы извольте ихъ отдать племяннику моему князь Якову Александровичу (4), чтобъ послѣ меня были въ домѣ его; второе, самими Богомъ васъ матерей и сестеръ моихъ прошу бейте челомъ прилѣжно какъ можете, чтобъ грѣшное мое тѣло было отдано вамъ, а вы погребите его съ прародителями нашими, въ Богоявленскомъ монастырѣ и помяните по христіанскому нашему закону и вкладъ въ тотъ монастырь дайте по возможности, чтобъ поминали души: мою и жены моей (5), и ежели возможно положите грѣшное мое тѣло подлѣ гроба покойной жены моей; наслѣдникомъ по себѣ оставляю, движимому и недвижимому всему, что моево есть, племянника моего князь Якова Александровича, и молю его Бога ради

(1) Интересный этотъ документъ переписанъ съ копій, которой орография здѣсь сохранена; прибавлены только нѣкоторые знаки препинанія; отсутствіе ихъ затруднило бы чтеніе.

(2) Кто эта Анна Лукишна, не знаемъ, и не могли найти ни въ *Росс. родословн. книгѣ*, ни въ *Сказаніяхъ о родѣ кн. Долгоруковыхъ*. Не сестра ли его?

(3) Княжна Анна Яковлевна, дочь кн. Якова Федоровича Долгорукова, была замужемъ за однимъ изъ Шереметевыхъ.

(4) Родной племянникъ князя Василія, сынъ его роднаго брата.

(5) Кто была жена его, не видно ни по *Росс. родословн. книгѣ*, ни по *Сказаніяхъ о родѣ Долгоруковыхъ*; во время пребыванія своего въ Митавѣ, кн. Василій Лукичъ писалъ ей и часто посылалъ поклоны черезъ Макарова и другихъ, — значить жилъ съ нею дружелюбно. Дѣтей у нихъ не было.

помянуть душу жены моей и мою грѣшную душу, вы, матери и сестры мои государини, извольте взять изъ пожитковъ моихъ себѣ по вещи, по какой изволите, такъ же и невѣсткѣ княгинѣ Авдотѣ Ивановнѣ (1) и племянницамъ моимъ княгинѣ Катеринѣ Ивановнѣ (2), Аграфенѣ Александровнѣ (3) и княгинѣ Марѣ Александровнѣ (4) извольте дать всякой по вещи, по какой вы изволите, чтобъ всѣ имѣли на память мою и жены моей; долги, чьи есть на мнѣ, ради Бога извольте заплатить, чтобъ на страшномъ судѣ я въ томъ не отвѣтствовалъ, не запамятуйте долгу Ильи Исаева (5), а у него помнится письмо моей руки въ томъ есть, а о другихъ долгахъ вѣдала покойная жена моя, можетъ быть что была у нее записка; карлицы, вы ведаете, что у меня и жены моей какъ дѣти, я васъ прошу для Бога держите ихъ по ихъ смерть, такъ какъ они были при женѣ моей, чтобъ они бѣдные сироты не въ бѣдности вѣки ихъ дожили и молилибъ Бога за душу покойной жены моей и за меня, и пожалуйте имъ изъ пожитковъ моихъ по вещи по какой вы изволите; вдову Астафевну прикажите довольствоваться по ея смерти и пожалуйте ей что ни есть изъ оставшагося послѣ жены моей платья или инаго чего, что вы изволите, за вѣрную ея службу къ женѣ; дѣвущкѣ Аннѣ Архиповой, которая принята изъ дому Потемкина, прикажите дать изъ оставшагося послѣ жены моей платья или инаго чего, что вы изволите, за ея прилежную хотьбу въ послѣднюю болѣзнь за женою моею; людямъ моимъ всѣмъ, которые на жалованье, прикажите по смерти моей выдать жалованье, также мѣсячину и всякое пропитаніе всякому на цѣлый годъ по ихъ окладамъ не въ зачетъ, чтобъ они молили Бога за грѣшную мою душу также за душу жены моей; которые люди нынѣ со мною, пять человекъ, тѣмъ прикажите дать жалованье годовое и мѣсячину и всякое пропитаніе по ихъ окладу вчетверо за ихъ трудъ, что они были со мною во время моего несчастія и служили мнѣ; крестьянамъ моимъ всѣхъ деревень во всѣхъ податяхъ и въ работахъ дать льготу за цѣлый годъ, и ска-

(1) Кто это Авдотья Ивановна—тоже не знаемъ.

(2) Катерины Ивановны не находимъ ни одной во всей фамили Долгоруковыхъ.

(3) Дочь его брата, кн. Александра Лукича, была замужемъ за Шереметевымъ.

(4) Родная сестра предыдущей.

(5) Илья Исаевъ былъ комиссаромъ въ Ригѣ. При отъѣздѣ императрицы изъ Митавы, кн. Василій Лукичъ просилъ отпуска 10 т. изъ Риги; кромѣ этого знаемъ, что во время домогательствъ Меншикова на курляндскую корону, кн. Долгоруковъ, отправленъ будучи въ Митаву съ такою поспѣшностію, что долженъ былъ взять у кого-то на дорогу *6 рубахъ*, просилъ о выдачѣ ему занюобразно нѣкоторой суммы изъ рижскаго же казначейства. Вѣроятно къ одному изъ этихъ, а скорѣе ко второму, относятся приведенныя слова.

зять имъ чтобъ за то они молили Бога за душу покойной жены моей и за мою грѣшную душу. Ежели князь Якову Александровичу трудно, и не похочеть имъ дать льготу вдругъ на цѣлый годъ, чтобъ хотя въ два года, во всякой по полугоду, и тогобъ учинилось цѣлый годъ, а лучшебъ вдругъ на цѣлый годъ, и я о томъ прошу; кабальнымъ моимъ людямъ и которые взяты изъ деревень въ повары и конюхи и выные чины, дать по смерти моей всѣмъ волю, ради Бога прошу о томъ князь Якова Александровича, чтобъ къ себѣ въ службу ихъ не неволилъ, которые къ нему не похотятъ, Богъ его пробавить и безъ нихъ, и для того далъ бы имъ волю, чтобъ они молили Бога за душу жены моей и за мою грѣшную душу; въ деревняхъ моихъ гдѣ есть церкви прошу приказать Бога ради вездѣ поминать душу жены моей и мою грѣшную душу; еще прошу князь Яковъ Александровича построить по смерти моей церковь каменную въ которой ни есть изъ деревень моихъ, въ которой деревни церкви нѣтъ поминовѣнія души жены моей и моей грѣшной души; еще прошу сестеръ матерей и государынь моихъ, чтобъ приказали нынѣ взять въ домъ мой нищихъ человекъ десять и велѣть ихъ изъ дому моего питать и одевать и чтобъ жили въ домѣ моемъ, и сказать имъ, чтобъ молили Бога за душу покой жены моей и за меня грѣшнаго. Сіе завѣщательное письмо мое за слабостію моею кратко и не порядочно писано, однакожь можете его по смерти моей въ приказѣ объявить, чтобъ по немъ видѣли послѣднее мое завѣщаніе. Писано угорода Архангельска іюля 23 дня 1730 года (1). Подписалъ подлинную: Князь Василій князь Лукинъ сынъ Долгорукой.

(1) Князь Василій Лукичъ собирался, какъ видно, умирать въ 1730 году; но онъ не имѣлъ счастья умереть своею смертію. По поводу довеса, сдѣланнаго въ 1730 году канцеляристомъ Осипомъ Шишинымъ на бывшаго фаворита, какъ этотъ Долгоруковъ, такъ и другіе, находившіеся еще въ живыхъ участники замысла 1730 года и ихъ родственники были допрашиваны, *пытаны*, нѣкоторые казнены, въ томъ числѣ и кн. Василій Лукичъ. Распоряженія его, касательно имѣній своихъ, тоже не могли исполниться, потому что указомъ 15 іюля 1730 года они были конфискованы.

АРИСТОКРАТІЯ И ИНТЕРЕСЫ ДВОРЯНСТВА

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ ПО ПОВОДУ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА

Упраздненіе крѣпостнаго права, очевидно, влечетъ за собою преобразованіе въ общественныхъ и государственныхъ условіяхъ жизни не только крестьянъ, но и помѣщиковъ. Если это преобразованіе совершится въ такомъ направленіи, которое будетъ содѣйствовать улучшенію быта крестьянъ, то оно должно неминуемо сопровождаться улучшеніемъ и въ бытѣ помѣщиковъ: всѣ классы общества находятся въ самомъ тѣсномъ между собою взаимодѣйствіи, и сколько-нибудь *прочное* благосостояніе одного класса, нравственное и матеріальное, невозможно безъ соответствующаго благосостоянія въ прочихъ классахъ; классъ же помѣщиковъ связанъ съ крестьянствомъ узами болѣе тѣсными, нежели другіе классы. Но какое бы ни произошло улучшеніе въ бытѣ помѣщиковъ, во всякомъ случаѣ очевидно для каждаго, что характеръ этого быта измѣнится вслѣдствіе реформы; она непремѣнно должна имѣть могущественное вліяніе на всю совокупность общественнаго и политическаго положенія дворянства. Крѣпостное право обуславливало собою не одну только хозяйственную дѣятельность помѣщиковъ; подъ вліяніемъ этого права сложились всѣ основанія нынѣшняго нравственнаго, юридическаго, гражданскаго и государственнаго быта дворянства, и образовались всѣ его отношенія къ народу. Вотъ почему

крестьянскимъ вопросомъ затрогиваются не только хозяйственные интересы помѣщиковъ, распоряжающихся известною суммою рабочихъ силъ, но равно и тѣ интересы ихъ, которые принадлежать имъ какъ особому классу народа. Эти интересы имѣютъ свои особенности, ни сколько однако не враждебныя интересамъ другихъ классовъ общества. Чтобы раскрыть внутреннюю гармонію интересовъ различныхъ классовъ общества, и отличить то, что временно препятствуетъ этой гармоніи, необходимо вникнуть въ тѣ внутреннія силы общественнаго развитія, подъ влияніемъ которыхъ сложился бытъ известнаго класса общества, и возникли его отношенія къ другимъ классамъ. Взаимность интересовъ между различными группами народа раскрывается точно такъ же, какъ и между различными участниками промышленнаго производства, при всемъ кажущемся ихъ противорѣчіи и временныхъ столкновеніяхъ. Но, какъ въ экономическомъ мірѣ, такъ издѣсь, вмѣсто гармоніи, явится безвыходная борьба, если за сущность жизни мы будемъ принимать нѣкоторыя внѣшнія формы быта и государственныхъ отношеній, и будемъ малодушно привязывать къ нимъ наши симпатіи, наше челоуѣческое достоинство, нашу честь, между тѣмъ какъ общественная жизнь требуетъ иныхъ формъ и иныхъ государственныхъ опредѣленій. На такомъ пути мы можемъ, безъ всякой пользы и для себя, и для общества, потратить много благородныхъ свойствъ нашего духа, тогда какъ мы должны, *для исполненія нашего общественнаго призванія, пользоваться условіями и формами быта, свойственными каждому времени.* Но для этого намъ необходимо тѣ стороны нашего быта, которыя сохранили еще живое значеніе и цѣну для общества, умѣть отличить отъ тѣхъ, которыя ихъ утратили, — живыя связи наши съ народомъ, то-есть связи, благопріятствующія развитію жизни въ другихъ членахъ общества, умѣть отличить отъ связей подгнившихъ, то-есть уже не находящихъ себѣ сочувственнаго отголоска въ народной жизни. Безъ всякаго сомнѣнія, мы болѣе выиграемъ, если всѣ наши нравственные побужденія свяжемъ съ живыми силами нашего быта, а не съ тѣмъ, что обречено въ немъ безвозвратной гибели и давно отзывается гнилью. Нельзя отрицать въ помѣщикамъ классѣ силъ, еще живыхъ и мощныхъ, которыя могутъ и должны дѣйствовать съ пользою въ современной жизни общества и государства; но для того, чтобы онѣ получили вѣсь и значеніе, необходимо, чтобы онѣ вполнѣ очистились, и чтобы весь мертвый грузъ былъ безпощадно выкинутъ за

бортъ. Въ этихъ живыхъ силахъ помѣщичьяго класса хотѣлось бы намъ открыть его истинные интересы, — тѣ интересы, во имя которыхъ онъ можетъ безбоязненно выступить дѣятелемъ въ реформѣ. Для этого мы стараемся выискнуть въ характеръ общественнаго и государственнаго положенія дворянства, въ тѣ его интересы, которые затрогиваются реформой, и которымъ нынѣ дается иное направленіе. Чтобы уразумѣть эти интересы, необходимо оглянуть историческое значеніе привилегированныхъ сословій у другихъ народовъ: несмотря на многія коренныя различія, и можетъ - быть иногда именно вслѣдствіе различій, мы найдемъ много поучительнаго и для самихъ себя. Начала, лежація въ образованіи сословій, общи всѣмъ народамъ и только развивались разнообразно, вслѣдствіе разнообразія историческихъ, этнографическихъ и мѣстныхъ условій.

Предлагаемая статья не имѣетъ претензій на самостоятельныя изслѣдованія. Составляя ее, мы имѣли въ виду представить нашимъ читателямъ сводъ дознанныхъ фактовъ и установившихся понятій. Руководствуясь общою нитью нашей задачи, мы переходили отъ одного автора къ другому и извлекали результаты всѣхъ современныхъ основательныхъ изслѣдованій по этому вопросу. Изъ самой статьи читатели увидятъ, какими авторами мы пользовались; авторитетъ ихъ признанъ всѣмъ ученымъ міромъ.

I.

Вся аристократія западно-европейскихъ государствъ, въ той формѣ и съ тѣми свойствами, какъ она болѣе или менѣе всюду развилась, обязана своимъ образованіемъ феодальной системѣ и феодальному періоду европейской исторіи. Вся сущность отношеній феодальной аристократіи къ государственной власти и къ народонаселенію заключалась въ ленномъ союзѣ, въ силу котораго члены завоевательной дружины и вообще воинственные и честолюбивые люди получали, отъ предводителя или короля, земли въ свое владѣніе, за что они обязывались быть ему безусловно вѣрными и, по его востребованію, служить ему своимъ оружіемъ. Эти ленныя земли постепенно перешли въ наследственную собственность владѣльцевъ. Та же ленная связь была и въ отношеніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ къ болѣе мелкимъ. Самое низшее или крестьянское народонаселеніе потеряло всякую самостоя-

тельность и подчинилось господству феодальных владѣльцевъ, стремившихся сложить съ себя зависимость отъ короля, и болѣе или менѣе, смотря по обстоятельствамъ, успѣвавшихъ въ этомъ стремленіи (1).

Въ средніе вѣка сословіе благородныхъ достигло въ Европѣ апогея своей силы и могущества. Собственно нѣмецкая аристократія, своимъ блескомъ и уваженіемъ, которое она внушала народу, первенствовала передъ всѣми прочими, хотя германо-романская аристократія южной Европы и Франціи превосходила ее тонкостью своего придворнаго образованія. Въ сословіи благородныхъ, въ Германіи, особенно выставлялась высшая аристократія (*der hohe Adel*), которая до половины XIII столѣтія носила названіе *nobiles*, *благородные*, или *sempre freie* (то-есть наисвободнѣйшіе), или *ingenii freie Herren* (свободные господа), и просто *Herren, principes*, князья. Сперва значительно преобладало въ высшемъ сословіи понятіе расы или касты; всякое смѣшеніе благородной крови съ неблагородною производило неблагородныхъ дѣтей. Поэтому отецъ и мать должны были принадлежать къ тому же сословію. Въ послѣдствіи, еще въ средніе вѣка, дѣти неравныхъ браковъ получали права состоянія отца. Но высшая аристократія среднихъ вѣковъ не была замкнутою кастою, въ строгомъ смыслѣ слова; въ ней дѣйствовали и другія начала. Нельзя не признать великою заслугою христіанской церкви, что она рядомъ съ высшими аристократическими родами поставила свою *мичную аристократію*, которая ни въ чемъ не уступала свѣтской и родовой, и во многихъ случаяхъ первенствовала передъ ней. Правда, что высшими духовными званіями бѣльшую частію облакались члены знатныхъ и княжескихъ родовъ, но это все-таки не уничтожало самой сущности великаго начала — личнаго превосходства духа, вступавшаго въ совмѣстничество съ началомъ превосходства крови. Сыновья простыхъ рыцарей, мѣщанъ, крестьянъ садились на первосвятительскія каѣдры архіепископовъ и епископовъ. Въ высшей свѣтской аристократіи были также примѣры возвышенія членовъ низшихъ сословій, прославлявшихся гражданскими или военными подвигами; но это случалось гораздо рѣже. Г. Блунчли (1) съ особенною силою настаиваетъ на той важной сторонѣ высшей средневѣковой аристо-

(1) *Feudalität und Aristocratie* von Dunker. Berlin 1858.

(1) *Deutsches Staatswörterbuch*. Статья *Adel*.

кратіи, что она не была просто аристократіею крѣви, но политическимъ сословіемъ, имѣвшимъ значеніе только въ связи съ государственною организаціею того времени. Одно благородное происхожденіе еще не давало мѣста въ этомъ сословіи; оно было только первоначальнымъ основаніемъ права, которое становилось дѣйствительнымъ лишь при обширныхъ поземельныхъ владѣніяхъ, и затѣмъ при высшей судебной власти и высшихъ государственныхъ должностяхъ. Только въ политическомъ могуществѣ получала высшая аристократія свое полное значеніе. Фамиліи, не удерживавшія за собою этого могущества, переходили въ ряды другихъ сословій. Какъ въ древней Германіи свободная поземельная собственность была необходимою принадлежностію сословія благородныхъ, такъ точно и въ средніе вѣка аристократическое начало садится на поземельное владѣніе, которымъ долженъ быть необходимо надѣленъ всякій членъ аристократіи, и которое влечетъ за собою всѣ его господскія права и привилегіи.

Средневѣковое баронство не есть просто званіе; бароны имѣютъ дѣйствительныя бароніи и въ нихъ находятъ твердое основаніе для своего общественнаго и государственнаго значенія. Ихъ поземельное богатство давало имъ средства держать дворъ, къ которому собирались ихъ вассалы и министеріалы для совѣщанія и военныхъ приготовленій, также для празднествъ; оно же давало имъ средства надѣлать ленами своихъ подручниковъ. Въ государственномъ отношеніи они стоятъ, какъ первенствующее сословіе, подлѣ короля, который самъ избирается изъ ихъ среды. Въ порядкѣ феодальной постепенности они стоятъ во главѣ военной силы и образуютъ собою, параллельно дѣйствицѣ феодальной земской іерархіи, іерархію военныхъ должностей, начиная отъ герцоговъ до самыхъ низшихъ военачальниковъ. Въ своихъ владѣніяхъ и графствахъ держатъ они судъ, только номинально возводя свою судебную власть къ верховной власти короля, и постепенно превращаютъ свои господскія права, въ полное *государство* (Landesherrschaft). Изъ нихъ составляется совѣтъ короля, верховнаго леннаго господина всей земли, и они являются, по приглашенію короля, на земскія собранія, съ голосомъ, какъ полноправные ихъ члены.

Такой, въ общихъ очертаніяхъ, характеръ феодальной аристократіи одинаково преобладалъ во Франціи и Германіи; судьбы аристократіи въ обѣихъ странахъ, составлявшихъ одну и

ту же Франкскую монархію Карла Великаго, шли сперва по одному и тому же пути. И во Франціи получили феодальные вассалы *наслѣдственное* право полнаго господства въ своихъ владѣніяхъ, такъ же какъ и въ Германіи. Но во Франціи централизирующій романскій духъ и стремленіе всей страны къ средоточію въ Парижѣ, привели къ большому единству, и изъ борьбы съ аристократіею наслѣдственная королевская власть вышла побѣдительницею; здѣсь возникла централизирующая абсолютная монархія. Въ Германіи, напротивъ того, центральная государственная власть болѣе и болѣе ослабѣвала передъ могуществомъ владѣтельныхъ династовъ, болѣе и болѣе разрушавшихъ единство монархіи.

Вслѣдъ за высшею владѣтельною аристократіею среднихъ вѣковъ стоитъ *низшая*. Высшая аристократія въ Германіи возводила свое начало къ доисторической эпохѣ народной жизни и приурочивала себя къ мифическимъ преданіямъ древнихъ германскихъ *адалминовъ*, которые вели свой родъ прямо отъ боговъ. Низшая аристократія, простое дворянство или рыцарство возникло и окрѣпло уже на глазахъ исторіи. Значеніемъ, которое она приобрѣла въ средневѣковомъ обществѣ, она обязана преимущественно своимъ дѣйствительнымъ заслугамъ. Здѣсь кровь имѣла гораздо менѣе значенія, чѣмъ въ высшихъ разрядахъ аристократіи. Въ средніе вѣка было еще свѣжо воспоминаніе о происхожденіи рыцарей и служилыхъ людей изъ званія простыхъ свободныхъ людей и даже изъ господской челяди. Сначала съ ними не соединялось званія *благородныхъ*, принадлежавшаго исключительно высшей аристократіи. Въ хроникахъ XIII столѣтія различаются постоянно: 1) *Nobiles*, благородные, 2) *Milites*, рыцари, 3) *Ministeriales*, служилые люди. Только къ концу этого столѣтія измѣняется смыслъ названій, и *благородными* (*Edelleute*) начинаютъ называться всѣ эти три разряда. Кругъ этого сословія расширялся все болѣе и болѣе. Сперва вступленіе въ него происходило само собою; въ послѣдствіи дарованіе правъ благороднаго сословія стало принадлежностью королевской власти.

Эта низшая аристократія, или дворянство (*Ritterschaft*), составила преимущественно изъ массы всякаго рода свободныхъ людей, съ которою она и оставалась въ постоянныхъ родственныхъ связяхъ, несмотря на попытки высшей аристократіи замкнуть, на подобіе себѣ, и низшую. Въ Германіи

дворянство постоянно соединялось браками съ мѣщанами и крестьянами; не допускались только браки съ несвободными. Право на вступленіе въ разрядъ благороднаго сословія давала преимущественно поземельная собственность, въ опредѣленномъ размѣрѣ, или же значительное ленное владѣніе. *Съ поземельною собственностью* соединялось право суда и расправы, а также и тягость военной службы, которая вмѣстѣ съ тѣмъ составляла высшую честь рыцарства. *Ленное владѣніе* влекло за собою вассальную зависимость отъ леннаго господина. Отношенія, возникавшія изъ свободной или полной поземельной собственности, и отношенія леннаго владѣнія въ послѣдствіи смѣшались такъ, что рыцарское званіе и принадлежность рыцарскаго быта цѣнились гораздо выше, чѣмъ право суда, соединенное съ поземельною собственностью. Такъ образовалось мало-по-малу сословіе *свободныхъ рыцарей землевладѣльцевъ*. Когда и въ этомъ сословіи стало, сообразно съ характеромъ всего средневѣковаго общества, высказываться начало наслѣдственности и крови, то стали различать кровное право рыцарства, какъ *предварительное* преимущественное (если и не исключительное) основаніе сословія (но основаніе еще не полное), и *дѣйствительное* право рыцарства, основанное на рыцарскомъ имуществѣ и рыцарскомъ образѣ жизни. Отличившійся воинъ могъ сдѣлаться рыцаремъ, и не владѣя рыцарскимъ имѣніемъ; уже въ самое цвѣтущее время рыцарства было довольно много странствующихъ рыцарей. Но полныя политическія права при дворѣ леннаго господина и на земскихъ собраніяхъ и судебная власть присвоивались только рыцарямъ-землевладѣльцамъ. Сыновья послѣднихъ могли посвятить себя другимъ занятіямъ, и оставаться не возведенными въ рыцарское званіе; но они сохраняли за собою и за всѣмъ своимъ родомъ право рыцарской крови, не принадлежа собственно къ рыцарскимъ союзамъ. Такія лица рыцарской крови оставались на всю свою жизнь такъ-называемыми юнкерами (Junghegg, молодой баринъ) и изъ нихъ образовались цѣлые юнкерскіе роды.

Другая часть низшей аристократіи образовалась изъ людей несвободныхъ, или полусвободныхъ, или *служивыхъ*. Служба при дворѣ важнаго и богатаго господина могла также вести къ отличіямъ и возвышенію. Служба вознаграждалась имѣніями, которыя отдавались на ленномъ правѣ. Такъ образовался около высшей аристократіи особый кругъ придворныхъ людей, мини-

стерядловъ. Это сословіе мало-по-малу совершенно слилось съ, рыцарскимъ.

Въ положеніи сословія благородныхъ, въ средніе вѣка, должно различать естественныя принадлежности благородной крови, способности *быть благороднымъ*, и государственныя права сословія, возникающія изъ его дѣятельности и имущества, *дѣйствительное выполненіе благороднаго призванія*. Первыя обнимаютъ собою женщинъ и дѣтей, весь родъ, и получались вслѣдствіе происхожденія отъ благороднаго отца. Эти принадлежности благороднаго званія обнаруживались въ превосходствѣ воспитанія, въ доступѣ къ рыцарскому обществу на празднествахъ и турнирахъ, въ особенностяхъ и роскошномъ убранствѣ костюма, въ болѣе благородномъ, хотя все еще грубомъ умственномъ развитіи, въ правѣ на фамиліиыя имена, гербы, печати, въ каменныхъ укрѣпленныхъ и изукрашенныхъ жилищахъ и замкахъ, въ правѣ вступленія въ ордена и церковныя товарищества, въ легкости доступа ко двору и придворнымъ праздникамъ государей.

Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что рыцари составляли всю военную силу среднихъ вѣковъ и имѣли сознаніе своей силы. Какъ вассалы князей, владѣльцы рыцарскихъ имѣній представляютъ собою опору для княжеской власти; но соединяясь между собою въ союзы, они противодѣйствуютъ въ своихъ владѣніяхъ центральной государственной власти и противопоставляютъ остальному народонаселенію своихъ владѣній, отъ нихъ зависящему, свои непосредственныя отношенія къ государственной власти, которыхъ оно не имѣетъ. Они довольно сильны, чтобы поддержать свои права оружіемъ. Избытокъ грубаго чувства матеріальной силы возбуждаетъ ихъ къ дикимъ подвигамъ, къ кровавой брани, къ насиліямъ всякаго рода, часто къ постыднымъ грабежамъ и злодѣяніямъ. Надъ крестьянами, которые живутъ въ предѣлахъ ихъ владѣній, имѣютъ они *господское право суда*. Надъ окружнымъ народонаселеніемъ имъ также принадлежалъ иногда извѣстный патронатъ и опека. Они хотя не имѣютъ полной верховной власти, однако имѣютъ наслѣдственную судебную власть, и на земскихъ собраніяхъ, созываемыхъ князьями, они имѣютъ право представительства общихъ интересовъ своего сословія, право подавать голосъ въ обсужденіи всѣхъ новыхъ государственныхъ мѣръ и податей, и отклонять тяжесть государственныхъ повинностей. Имъ принадлежать

и всѣ высшія государственныя должности. Они вообще дѣйствуютъ какъ прирожденные совѣтники князей (1).

Таково было, въ самыхъ общихъ чертахъ, государственное значеніе средневѣковой аристократіи.

Взглянемъ теперь на судьбы феодальной аристократіи, въ эпоху ея паденія.

Возникновеніе и развитіе духа новѣйшей исторіи и современнаго намъ европейскаго просвѣщенія шли, можно сказать, безусловно параллельно съ упадкомъ феодальной аристократіи. Этотъ историческій фактъ перешелъ весьма разнообразныя фазы въ разныхъ государствахъ Европы, но общій его характеръ и значеніе всюду одинаковы. Всего болѣе особенностей представляетъ исторія англійской аристократіи; судьбы англійскаго общества были нѣсколько иныя, чѣмъ на континентѣ, не только въ новѣйшее время, но и въ феодальный періодъ. Объ особенностяхъ англійской аристократіи будемъ мы говорить ниже.

Исторія французской аристократіи, какъ и всего французскаго общества, полна самыхъ противоположныхъ крайностей, образовавшихся преимущественно изъ борьбы двухъ, во многихъ отношеніяхъ глубоко враждебныхъ другъ другу, элементовъ: германскаго и романскаго. Во Франціи, точно такъ же какъ и въ Германіи, было время, когда высшая ленная аристократія (*seigneurs*) пользовалась правомъ верховнаго господства въ своихъ владѣніяхъ. Наслѣдственные бароны были вполнѣ владѣтельными князьями въ своихъ бароніяхъ. Но германское государство постепенно распадалось на самостоятельныя ленныя территоріи, а Франція подчинялась вліянію одного центра и сливалась въ одну монархію. Романская кровь и романскія преданія влекли Францію къ могущественной централизаціи государственной власти, и династія Бурбоновъ поняла эти врожденные инстинкты народа и сумѣла ими воспользоваться. Большая часть феодальной аристократіи была германскаго происхожденія. Такимъ образомъ, борьба за государственное единство противъ обособленія была собственно безсознательною борьбой за преобладаніе между началами романской и германской крови въ народѣ. Побѣда склонялась болѣе и болѣе на сторону перваго начала, согласно всему историческому развитію французской

(1) *Deutsches Staatswörterbuch*, sub v. *Adel*.

цивилизации. Господство высшей аристократии было сломлено королями. Дѣло, начатое Лудовикомъ XI, было закончено кардиналомъ Ришелье. Феодалные князья совершенно утратили свои верховныя владѣтельныя права, но въ вознагражденіе за нихъ не получили прочнаго права государственнаго представительства. Бароны оставались членами генеральныхъ штатовъ или собранія государственныхъ чиновъ, но это право было мертвою буквой, ибо генеральные штаты созывались весьма рѣдко, для одной формы, а при деспотическомъ правленіи Лудовика XIV были преданы совершенному забвенію. Все политическое значеніе аристократіи ограничивалось участіемъ въ придворной службѣ и придворной жизни. Французская аристократія превратилась чисто въ *придворную аристократію*, промѣняла всякое дѣйствительное общественное и государственное значеніе на вышній блескъ и пышность жизни, независимость на прислужничество, гордость на тщеславіе. Не мудрено, что она сдѣлалась ненавистною для народа. Она заперлась отъ всякаго живаго обмѣна мыслей съ остальнымъ народонаселеніемъ и погрязла въ мертвящей исключительности своихъ парижскихъ салоновъ. Когда королевская власть была въ опасности, то французская аристократія была для нея скорѣе затрудненіемъ, чѣмъ подпорою. Притязаніямъ третьяго сословія, объявившаго *равенство* всѣхъ гражданъ основнымъ закономъ государства, она не могла противопоставить ничего живаго, ничего основаннаго на дѣйствительныхъ потребностяхъ страны. Въ государственномъ уложеніи 1791 года было, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ, провозглашено постановленіе, «уничтожавшее навсегда всѣ аристократическіе титулы и всякое различіе рожденія, состоянія и касты», какъ будто для достиженія такого великаго результата всемірной исторіи достаточно высказать его въ законодательствѣ. Французская революція пошла еще далѣе; она захотѣла не только разрушить аристократическое начало, но и истребить самыя аристократическіе роды. Имѣть какое-либо отличіе отъ толпы признавалось за преступленіе. Многіе члены высшаго сословія погибли на эшафотѣ, другіе спаслись бѣгствомъ изъ своего отечества.

Исторія нѣмецкой аристократіи, въ сущности такая же, слѣдовала нѣсколько инымъ путемъ. Сословіе высшей аристократіи *имперскихъ князей* (Reichsfürsten) произвело распаденіе Германіи на отдѣльныя государственныя территоріи; подъ развалинами Германскаго государства пало и это сословіе. Секу-

ляризація духовныхъ княжествъ въ 1803 г. была великимъ успѣхомъ для необходимаго отдѣленія церкви отъ государства, и имѣла весьма плодотворныя послѣдствія для обоихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ рѣшительный ударъ для всего сословія высшей аристократіи. Медіатизація имперскихъ князей была для нея вторымъ роковымъ ударомъ. Мелкія княжества и непосредственные владѣтельные дома потеряли всякое значеніе въ эпоху, которая привела въ движеніе цѣлыя массы народовъ. Они были слишкомъ слабы, и не могли противостоятъ политическимъ бурямъ, разразившимся надъ Европой въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія; по своей бѣдности они не могли удовлетворить новымъ потребностямъ современнаго просвѣщенія. Въ дѣйствительности они перестали быть независимыми государствами, поэтому надлежало имъ перестать быть таковыми и по праву. Медіатизація была важнымъ успѣхомъ для единства Германіи, хотя болѣе въ идеѣ и сущности, чѣмъ въ самомъ исполненіи, которое руководствовалось не естественными народными, историческими и географическими дѣленіями, не естественными племенными правами на государственную самостоятельность, а большею частію разными мелкими личными и династическими интересами и интригами. Такимъ образомъ *владѣльческое господство* высшей аристократіи, за исключеніемъ тѣхъ ея членовъ, которые достигли полной монархической власти и независимости, было совершенно упразднено въ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при распаденіи Германской имперіи, исчезло и другое ея право, — право *голоса на сеймахъ* (Reichsstandschaft). Нельзя сказать, чтобы такая участь была вовсе не заслужена высшею германскою аристократіей. Германскіе князья уже въ теченіи столѣтій пользовались своимъ правомъ голоса на государственныхъ сеймахъ болѣе для своихъ личныхъ и родовыхъ интересовъ, нежели для обезпеченія благосостоянія всего Германскаго государства. Но и это право было ими безпрестанно пренебрегаемо и сохранилось подъ конецъ скорѣе какъ юридическая фикція. Однакожь несмотря на тяжкіе удары времени, до сихъ поръ еще элементъ высшей владѣльческой аристократіи не совершенно исчезъ въ Германіи: многія фамиліи сохранили обширныя поземельныя и родовыя имущества, уваженіе къ своимъ историческимъ именамъ, сознаніе и преданія фамильнаго и корпоративнаго единства, нѣкоторые наследственные инстинкты независимости и достоинства. Все это можетъ сдѣлаться об-

щественною и политическою силой въ рукахъ людей, которые поймутъ условія политической дѣятельности новаго времени, и все это безвозвратно погибнетъ въ его быстромъ движеніи, если наслѣдіе отцовъ будетъ служить только къ тому, чтобы тщетно призывать къ жизни формы быта, навѣки утратившаго всякій смыслъ для народа.

Вслѣдствіе разныхъ историческихъ и этнографическихъ особенностей, нигдѣ феодальныя права господской власти помѣщиковъ или дворянства не сдѣлались такъ ненавистными народу, какъ во Франціи. Это заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо феодальная система пустила менѣе или болѣе глубокіе корни и въ другихъ странахъ континентальной Европы. Между тѣмъ революціонныя движенія, устремившіяся къ уничтоженію феодальнаго ига, тяготѣвшаго надъ народонаселеніемъ, нигдѣ не происходили съ такимъ ожесточеніемъ и не нашли для себя столько лицъ, какъ во Франціи.

Къ концу XVIII столѣтія крѣпостное состояніе и самыя стѣснительныя для личной свободы крестьянъ права господской власти преобладали почти повсемѣстно въ Германіи. Въ то же время почти во всѣхъ провинціяхъ Франціи крестьянинъ пользовался личною свободою, и на немъ оставалось весьма мало слѣдовъ собственно крѣпостной зависимости отъ господина. Но двѣ весьма важныя черты являются особенно выпуклыми въ развитіи французскаго общества; онѣ частію остались чужды другимъ странамъ, частію не приняли въ нихъ такихъ крайнихъ размѣровъ, какъ во Франціи, или были уравновѣшены другими явленіями. Съ одной стороны французскій крестьянинъ издавна имѣлъ особенную склонность къ поземельной собственности, и нигдѣ земля не распалась на столько отдѣльныхъ участковъ личной собственности, какъ во Франціи. Собственность внушала особенное чувство независимости французскому крестьянину, а между тѣмъ она сверхъ сидѣ *обременена была всякаго рода повинностями* въ пользу помѣщика и государства. Съ другой стороны французское дворянство жило подлѣ народа какъ совершенно чуждый ему элементъ, оно не принимало никакого участія въ мѣстномъ управленіи. Французское дворянство успѣло утратить весь политическій элементъ своей власти и сохранилъ только денежный, и даже отчасти приумножить свои господскія хозяйственныя права. Эти права были весьма разнообразны и многочисленны даже въ концѣ XVIII столѣтія; нѣкоторыя изъ нихъ потеряли

всякій смыслъ, и оставались только по имени. Такъ барщина, хотя значительно смягченная, оставалась однако почти повсемѣстно; остались также пошлыны въ пользу помѣщиковъ за проѣздъ по дорогамъ и мостамъ, за торговлю на ярмаркахъ и базарахъ, *исключительное* право дворянъ охотиться, заводить голубятни, обязанность крестьянъ молоть хлѣбъ на мельницахъ помѣщика и выжимать виноградъ въ его заведеніяхъ, пошлина помѣщику за всякую покупку и продажу земли въ границахъ его помѣстія (*seigneurie*). Наконецъ все пространство французской земли обложено было всякаго рода поземельными налогами и повинностями, денежными и натуральными, въ пользу дворянства, и никто даже не имѣлъ права отъ нихъ откупиться. Одна общая черта характеризуетъ всѣ разнообразныя господскія права и крестьянскія повинности: *всѣ они привязаны къ землѣ или къ ея произведеніямъ, всѣ они падаютъ на земледѣльца* (1). Къ дворянству присоединялось въ пользованіи всѣми этими привилегіями и духовенство, которое сдѣлалось предметомъ такой же ненависти, какъ и аристократія.

Тѣ же самыя привилегіи, но въ гораздо сильнѣйшей степени, принадлежали аристократіи въ феодальный періодъ, и не возбуждали противъ себя того ропота, который разразился въ народѣ противъ аристократіи въ эпоху новѣйшей исторіи, преимущественно въ XVIII столѣтіи. Не говоря о многихъ другихъ причинахъ этого явленія укажемъ, здѣсь на то обстоятельство (первостепенной важности для разсматриваемаго нами предмета), что феодальная аристократія составляла часть самаго правительства страны, которому все народонаселеніе подчинялось, какъ одной общей системѣ власти и управленія. Съ развитіемъ единой державы и усиленіемъ монархической власти, создавалась постепенно новая система власти и государственнаго управленія; преслѣдуя свои личныя цѣли, континентальная аристократія не вошла въ эту систему, а оставалась ей чуждою. Въ Англіи аристократія ни на минуту не выпускала изъ своихъ рукъ вліяніе на государственныя дѣла и, безпрестанно уступая свои *господскія* права, старалась только сохранить преимущественно *политическія* права, которымъ народъ подчинялся безъ ропота, какъ силѣ,

(1) *L'ancien régime et la révolution* par Alexis de Tocqueville. Paris, 1856 p. 57, слѣд.

охранявшей законность въ странѣ и обезпечивавшей самостоятельность общества, противъ произвола самовластия центрального правительства. Во Франціи, гдѣ съ одной стороны корона успѣла съ особеннымъ искусствомъ воспользоваться централизирующими влеченіями романскаго духа, а съ другой стороны дворянство промѣняло свое участіе въ мѣстномъ и государственномъ управленіи на блескъ и пышность придворной службы, на прелести свѣтской жизни, — весьма естественно, что дворянство сдѣлалось какимъ-то постороннимъ, ненужнымъ членомъ въ народѣ.

Еще нельзя не обратить вниманія на одну особенность вліянія административной централизаціи на положеніе аристократіи, особенность, преимущественно проявившуюся во французской исторіи. Когда мѣстное управленіе теряетъ всякую самостоятельность и все находится въ зависимости не отъ представителей мѣстнаго народонаселенія, а отъ центральной власти, которая подчиняетъ всѣ мѣстные интересы своимъ агентамъ, тогда нѣтъ того повседнежнаго общенія между гражданами разныхъ классовъ и званій въ обсужденіи и исполненіи одного общаго дѣла, — недостаетъ того, что обобщаетъ ихъ стремленія и, повседнежнымъ столкновеніемъ мелкихъ, практическихъ интересовъ, предупреждаетъ столкновеніе важнѣйшихъ интересовъ и не даетъ возгорѣться враждѣ сословій. Во Франціи граждане и различныя группы народонаселенія оставались совершенно чуждыми другъ другу, ибо имъ не случалось ни въ одномъ публичномъ дѣлѣ сходиться вмѣстѣ и вмѣстѣ напрягать усилія къ водворенію благоустройства въ странѣ или къ охраненію лицъ и имущества отъ всякаго рода насилія; правительство опекало всѣ интересы; нигдѣ не встрѣчаясь между собою для взаимныхъ соглашеній, разные классы общества питали вражду другъ къ другу и обращались для своего замиренія и уравниенія къ единой распорядительницѣ ихъ судебъ — центральной власти (1).

Чтобы дополнить очеркъ континентальной аристократіи, мы представимъ еще нѣсколько характеристическихъ чертъ ея быта. Иначе нельзя судить о значеніи нынѣшнихъ обломковъ феодальной аристократіи, какъ взглянувъ на цвѣтущую ея эпоху, на средніе вѣка. Здѣсь аристократія была краеугольнымъ камнемъ всего общественнаго устройства, и, изучая ее, мы можемъ изучить ту

(1) *L'ancien régime et la révolution*. Ch. VIII и IX.

организацию общества, которую общественные элементы того времени вполне осуществили. Въ устройствѣ аристократія высказалась самымъ яркимъ образомъ социальная идея средних вѣковъ; она дала въ формѣ аристократіи все то, что она могла дать, и когда новыя идеи и начала вступили въ борьбу съ элементами средневѣковаго общества, то весьма естественно, что самые жестокіе удары пали на главную представительницу этихъ элементовъ—аристократію. Въ послѣдствіи мы увидимъ, все ли, вмѣстѣ съ формою, обречено въ ней погибели, все ли безъ изъятія условія ея существованія вымерли въ современномъ обществѣ.

Духъ *союзности и братства* проявился въ средневѣковой аристократіи съ такою силой, какая не имѣетъ доселѣ ничего себѣ подобнаго (1). Въ этомъ отношеніи даже гильдіи и цехи горожанъ уступаютъ аристократіи. Ея товарищества какъ будто осуществляютъ собою идеалы новѣйшихъ утопистовъ, съ тою только существенною разницею, что здѣсь одною изъ основъ была семейная и родовая связь, проникавшая собою все средневѣковыя отношенія, и одною изъ необходимыхъ принадлежностей — сословное обособленіе и замкнутость. Это обособленіе распространялось на все сословіе, а не на отдѣльныя лица, которыя были въ средневѣковомъ европейскомъ обществѣ несравненно менѣе обособлены, чѣмъ нынѣ. Сельскій дворянинъ сидѣлъ большею частію, на земляхъ высшей аристократіи; иногда цѣлое общество дворянъ строило для себя замокъ, или покупало его, нанимало, брало въ аренду и жило въ немъ. Самыми опасными для мирныхъ путниковъ были замки, обитаемые подобными товариществами рыцарей; въ нихъ гнѣздились шайки грабителей и разбойниковъ, омрачающихъ собою исторію феодальной аристократіи. Цѣлые аристократическіе роды строили монастыри, можетъ-быть менѣе для удовлетворенія чувству благочестія, чѣмъ для того, чтобы можно было жить подъ однимъ кровомъ семействамъ, слишкомъ размножившимся и не помѣщавшимся въ родовыхъ замкахъ. Благородныя дѣвицы отдавались въ монастыри для воспитанія не только въ духѣ религіи, но и въ духѣ обычая и дисциплины, обнимавшихъ собою все сословіе.

Соединеніе рыцарства съ монашествомъ было самымъ крайнимъ выраженіемъ корпоративнаго духа среднихъ вѣковъ; въ

1) *Die bürgerliche Gesellschaft* von W. H. Riehl. 1855. *Die mittelalterliche Aristocratie als der Mikrokosmos der Gesellschaft*, стр. 136.

этой чудовищной формѣ уничтожалась всякая личность, а потому и уничтожалось самое общество людей, которое состоитъ изъ лицъ. Но и въ этомъ болѣзненномъ явленіи проявлялся тотъ же духъ союзности аристократіи. Отдѣльныя товарищества связывались между собою въ болѣе обширные круги, которые простирались на большія пространства, захватывали нѣсколько странъ. Чтобы вполнѣ понять характеръ и типъ феодальной аристократіи, нужно, можетъ-быть, всего болѣе обратить вниманіе на этотъ корпоративный ея духъ. Въ немъ отражается все средневѣковое общество, ибо до окончательнаго образованія городскихъ общинъ аристократія составляла все средневѣковое общество.

Строгія правила для рыцарскихъ турнировъ и празднествъ не были только внѣшними обрядами и приличіями, какими они сохранились въ послѣдствіи въ преданіи; въ нихъ заключалась вся нравственная дисциплина сословія, всѣ его понятія о чести и справедливости (1). И эта дисциплина свято соблюдалась всѣми членами, малѣйшее ея нарушеніе было поводомъ къ отлученію отъ союза; дисциплина, охранявшая собою внутренній порядокъ въ союзахъ, происходила изнутри ихъ самихъ и не требовала никакого посторонняго полицейскаго вмѣшательства. Постепенность власти, отличія, разряды, званія и должности — все это было дѣломъ внутренняго распорядка самихъ членовъ корпорацій. Только съ упадкомъ феодальной аристократіи, когда духъ свободнаго товарищества въ ней вымеръ, въ XVI столѣтіи, начинается рядъ государственныхъ постановленій, опредѣляющихъ внѣшнія принадлежности званія и чиновъ аристократіи; но эта формальная регламентація не могла спасти самаго учрежденія, сущность котораго, при измѣнившемся характерѣ общества, исчезла. Естественныя основы жизни феодальной аристократіи, ея органическія связи съ остальнымъ обществомъ именно подтверждаются тѣмъ, что она стояла несравненно ближе къ мѣщанству и крестьянству, чѣмъ новѣйшая аристократія. Прізваніе благороднаго, въ феодальный періодъ, не могло быть иначе мыслимо, какъ въ связи съ землею и поземельною собственностію, и даже находилось въ самой неразрывной зависимости отъ извѣстнаго, опредѣленнаго клочка земли, на которомъ дворянинъ сидѣлъ и господствовалъ. Въ средневѣковыхъ памятникахъ дворяне являются безпрестанно дѣйствующими, совокупно съ прочими

(1) См. тамъ же стр. 140.

сословіями, въ особенности въ кругу свободныхъ общинъ, вмѣщавшихъ въ себя людей всякаго званія (1). Такъ говорится часто: «мы, благородные, и мѣщане» и проч. Осѣдность, привязанность аристократіи къ землѣ въ средніе вѣка давали прочную опору ея отношеніямъ къ народонаселенію.

На общественныя привилегіи феодальной аристократіи надо взглянуть съ точки зрѣнія состоянія общества того времени (2). Одна изъ наиболѣе цѣнныхъ ея привилегій было древнее право быть судимымъ только равными: благородный ни въ какомъ случаѣ не былъ подсудимъ неблагородному. Къ этому присоединялось не менѣе важное преимущество лицъ благороднаго сословія быть всегда, гдѣ бы они ни находились, судимыми по законамъ своего отечества. Въ наше время такое преимущество, не раздѣляемое прочими классами общества, было бы ненавистно и ничѣмъ не оправдываемо. Но въ историческомъ развитіи общества оно находитъ полное свое оправданіе. Въ смыслѣ среднихъ вѣковъ, благородное сословіе или рыцарство представляло собою все образованное общество, или лучше все гражданское общество. Защищая передъ короною свою привилегію *суда чрезъ равныхъ*, какъ и многія другія привилегіи, аристократія защищала свою самостоятельность, свою *общественную льготу* передъ наступавшею на всѣ общественныя льготы и постепенно распространявшеюся центральною государственною властью. Она открывала этимъ путь для другихъ сословій, одно за другимъ пріобрѣтавшихъ нравственную и экономическую самостоятельность и одно за другимъ требовавшихъ для себя отъ правительства тѣхъ же самыхъ привилегій и льготъ. Такимъ образомъ аристократія становилась въ главѣ движенія, мало-по-малу проникавшаго во всѣ слои общества. За сословіемъ благородныхъ, получившимъ наслѣдіе отъ древней жреческой касты, слѣдовало мѣщанство, крестьянство и наконецъ вся масса народа. Но не во всѣхъ странахъ аристократія сумѣла выполнить эту великую историческую и общественную роль. Вмѣсто того, чтобы пріобщать къ своимъ общественнымъ льготамъ всѣ классы общества и почерпать въ нихъ силу для ихъ защиты передъ центральною властью, она обособилась въ узкій сословный эгоизмъ и вступила въ безсмысленную борьбу за свои привилегіи съ прочими классами общества. Весьма

(1) Тамъ же стр. 141.

(2) Тамъ же стр. 147.

справедливо замѣчаетъ г. Риль: «Жилище благороднаго человѣка было неприкосновенною святынею, свободною областью, которая не могла быть безнаказанно нарушена ничьимъ насиліемъ, изъ которой ни хозяинъ, ни его домочадцы не могли быть произвольно изгоняемы. Когда наши новѣйшія законодательства требуютъ, чтобы полицейскій чиновникъ не могъ безнаказанно нарушать миръ частнаго дома, чтобы никакой арестъ не могъ послѣдовать безъ особаго судебного опредѣленія, то это значить, что *миръ замка* долженъ сдѣлаться всеобщимъ для всѣхъ равнымъ *миромъ домашняго очага*, что независимость замка должна распространиться на всю землю, точно такъ же, какъ общественное понятіе замка мало по малу расширилось въ понятіе города и деревни. *Весьма мало можно найти началъ въ современномъ либерализмѣ, которыя бы не были аристократическаго происхожденія.*»

Свобода отъ податей, сдѣлавшаяся одною изъ самыхъ несправедливыхъ привилегій дворянства въ новѣйшихъ государствахъ, была вовсе даже не привилегіею въ феодальномъ періодѣ. Рыцарь уплачивалъ свою подать натурою, постоянно принося въ жертву отечеству свою жизнь. Но этотъ способъ отправления повинности потерялъ всякій смыслъ съ устройствомъ регулярныхъ войскъ, и свобода отъ податей сдѣлалась ничѣмъ не оправдываемою привилегіею съ прекращеніемъ обязательной службы рыцаря знамени своего феодальнаго господина. Чѣмъ болѣе оставались въ своей силѣ государственныя привилегіи дворянства послѣ освобожденія ихъ отъ исключительныхъ государственныхъ обязанностей, тѣмъ тяжелѣе былъ гнетъ его для прочихъ классовъ общества.

Въ XVI столѣтіи начинается процессъ совершеннаго внутренняго разложенія феодальной аристократіи. Внутри ея раздираютъ междоусобныя кровавыя вражды, которыя уже болѣе, чѣмъ средневѣковыя рыцарскія распри. Въ актѣ избранія Карла-V рыцарскіе союзы поставлены на равную степень государственной опасности, какъ и тайные союзы недовольныхъ крестьянъ (1). Духу общественной централизаціи, духъ упрощенія стариннаго сословнаго разнообразія, обхватившій собою всѣ классы общества и работавшій надъ нимъ въ теченіи трехъ вѣковъ, обнаружилъ свое особенное могущество надъ аристократіей,

(1) Тамъ же: *Der Verfall der mittelalterlichen Aristocratie* стр. 156.

Тысячи мелкихъ аристократическихъ группъ соединились, въ продолженіи этой общественной революціи, въ крупныя массы. Монархи, стоявшіе прежде въ сердцѣ феодальной аристократіи, сдѣлались ей чужды; все ихъ вниманіе было обращено на усиленіе своей государственной власти, и они не могли быть равнодушны къ господству феодальныхъ владѣльцевъ. Вся аристократическая группа феодальнаго періода распалась на двѣ главныя группы: *вышую аристократію*, стремившуюся къ верховной власти, сломленную во Франціи и разнесшую Германское государство на отдѣльныя владѣнія, и *низшую аристократію или дворянство*: придворную аристократію, сельское дворянство, титулованную знать и т. д.

Нравственный упадокъ аристократіи представляется въ самыхъ выпуклыхъ чetraхъ во Франціи. Здѣсь она болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь превратилась въ толпу придворныхъ служителей и титулованной знати, не имѣвшей никакого основанія въ дѣйствительныхъ интересахъ народа. Весьма характеристичны слова герцогини Орлеанской, невѣстки Лудовика XIV, въ письмѣ ея къ сестрѣ въ Германію: «Знатные люди здѣсь гораздо болѣе развратны, нежели простой народъ. Французы считаютъ какою-то честью быть развратными, и еслибы кто вздумалъ любить свою жену, то онъ прослылъ бы за дурака (sot), и его бы всѣ презирали. Также считается достоинствомъ не любить своихъ родныхъ: только мѣщане имѣютъ подобныя привязанности» (1). Эта мелкая черта изъ жизни французскаго благороднаго класса наводитъ на весьма-серіозные симптомы его болѣзни. Историческое *сознаніе семейной связи* есть едва ли не одно изъ самыхъ существенныхъ началъ для аристократіи; это начало тѣмъ болѣе важно, что оно само собою не сопровождается никакимъ ущербомъ для всякихъ другихъ проявленій народной жизни, оно не нуждается ни въ какихъ насильственныхъ привилегіяхъ и можетъ свободно развиваться во всѣхъ слояхъ общества: въ крестьянствѣ, мѣщанствѣ, столько же какъ и въ группѣ богатыхъ землевладѣльцевъ и всякаго рода знати. Аристократическія преданія рода, то-есть, извѣстная связь членовъ одного рода около имени, прославленнаго нѣсколькими поколѣніями честныхъ гражданъ, столько же возможны въ крестьянской избѣ, въ купеческой конторѣ, какъ и въ домѣ дворянина. Но когда

(1) Тамъ же стр. 162.

это начало, основанное на естественных свойствах и влеченіяхъ человеческой природы, замѣняется искусственно тщеславною привязанностью къ именамъ болѣе пышнымъ, чѣмъ честнымъ, съ исключеніемъ права на эту привязанность для обдѣнншихъ, захудавшихъ потомковъ рода, тогда такія притязанія дѣлаются посмѣшищемъ и предметомъ презрѣнія въ народѣ.

Нѣмецкое сельское дворянство, которое, строго храня обычаи предковъ, оставалось жить въ своихъ деревняхъ, служило одною изъ любимѣйшихъ темъ для насмѣшекъ въ аристократическихъ салонахъ того времени (1); смыслъ сельской осѣдлой жизни, казалось, былъ совершенно потерянъ для тогдашней аристократіи. Множество дворянскихъ имѣній было продано и раздроблено безъ всякой надобности. Только въ весьма недавнее время дворянство въ Германіи стало снова обращать серіозное вниманіе на свои имѣнія. Какъ ни обособилось, ни сузилось въ своихъ понятіяхъ нѣмецкое сельское дворянство, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, но оно оставалось несравненно болѣе народнымъ, нежели придворное дворянство, потерявшее всякое чутье народности. Сельское нѣмецкое дворянство какою бы стариною ни пахли многія его преданія и обычаи, сохранило свой типъ, несравненно болѣе сочувственный народу, чѣмъ уродливыя сословныя предубѣжденія и притязанія городской и столичной толпы недорослей, *юнкерства*. какъ бы ни были утонченны внѣшнія формы его образа жизни. Постоянное соприкосновеніе сельскаго дворянина съ крестьянствомъ освѣжаетъ дворянство; въ атмосферѣ придворной и исключительно салонной жизни нѣтъ этихъ освѣжающихъ элементовъ.

Рыцарство среднихъ вѣковъ имѣло свои особенныя, строгія понятія о *внѣшнихъ аристократическихъ приличіяхъ*, объ аристократическомъ образѣ жизни. Крайній, утонченный *формализмъ* въ понятіи о достоинствѣ и чести обличалъ, какъ это всегда бываетъ, грубость нравовъ. Постоянно ощущаемая опасность насилія противъ личности, противъ слабѣйшей половины человеческого рода, отсутствіе истиннаго сознанія человеческого дотоинства и нравственнаго уваженія къ женщинѣ заставляютъ всегда и вездѣ окружать личную честь и отношенія половъ разными формальными условіями внѣшняго приличія, которыми одни стараются прикрыть грубость своихъ инстинк-

(1) Тамъ же стр. 163.

товъ, другіе хотя механически защитить отъ посторонняго нарушенія свое чувство чести и естественной стыдливости. Этотъ физиологическій общественный фактъ соединенія крайняго формализма людскихъ отношеній съ крайнею внутреннею безнравственностью ихъ весьма обыкновененъ, и достаточно для его подтвержденія указать на нравы восточной жизни. Но возникновеніе въ народѣ внѣшнихъ правилъ учтивости есть, во всякомъ случаѣ, первый шагъ успѣха въ сознаніи чувства чести, первый шагъ въ нравственномъ пониманіи отношеній къ женщинѣ; только если народъ останавливается на этихъ правилахъ, если они цѣпенѣютъ въ неподвижныхъ формулахъ, то, значитъ, на пути его нравственнаго развитія нѣтъ никакого движенія, Рыцарскіе нравы и обычаи постепенно переходятъ въ массы общества; высшее мѣщанство перенимаетъ по своему внѣшнія аристократическія приличія, которыя мало-по-малу сдѣлались въ настоящее время достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей въ европейскомъ обществѣ. И здѣсь вліяніе аристократіи было благотѣльно, она была учительницею приличнаго обращенія людей для всѣхъ классовъ общества. Но именно то, что служитъ и здѣсь, какъ и въ другихъ сферахъ жизни, честью для аристократіи, то-есть постепенное превращеніе ея монополіи во всеобщее достояніе, то постоянно оспаривается континентальнымъ *благороднымъ* сословіемъ, которое, во что бы то ни стало, не хочетъ понять своего историческаго общественнаго призванія, и во что бы ни стало, силится придать своему достоянію, нравственному и материальному, характеръ сословной *монополіи*, то-есть именно тотъ характеръ, который только и дѣлаетъ ее ненавистною. Рыцарскія понятія о чести и рыцарскія внѣшнія приличія жизни далеко развились и подвинулись впередъ въ умственномъ и промышленномъ движеніи послѣдняго времени; для современнаго человѣка съ высокимъ нравственнымъ развитіемъ и истиннымъ образованіемъ, человѣческая честь вовсе не заключается въ упражненіи тѣла для дуэли, въ удачныхъ интригахъ съ женщинами, въ безобязанной увѣренности побѣдить всѣ женскія сердца, въ потерявшихъ всякій общественный смыслъ гербахъ на каретахъ и ливреяхъ и т. д. Современный образованный человѣкъ простираетъ свои понятія о человѣческой доблести нѣсколько далѣе подобныхъ проявленій рыцарскаго духа, когда-то живыхъ и осмысленныхъ жизнію, теперь давно вымершихъ. Между тѣмъ многіе представители благороднаго сословія на континентѣ Европы оцѣпенѣли въ этихъ обычаяхъ старago

времени и какъ будто убѣждены, что старое время не завѣщало имъ ничего другаго для сохраненія, кромѣ этихъ печальныхъ обломковъ борьбы и объѣдковъ пиршествъ ихъ предковъ.

Нравы и обычаи народа преуспѣвающаго непрерывно видоизмѣняются: обычай, получающій значеніе въ связи съ окружающими его обстоятельствами общественной жизни, и потому ни сколько не нарушающій общественной нравственности своего времени, дѣлается, съ перемѣною обстоятельствъ, не только нелѣпымъ, но часто безнравственнымъ. Такъ обиліе яствъ и питья въ эпоху рыцарства обуславливалось тревожною, воинскою его жизнію, которая требовала частыхъ возбужденій. Въ средніе вѣка говорилось — *nobiliter bibere*, благородно пить, это значить много пить. Но когда благородные потомки, нимало не разставаясь съ своимъ благороднымъ преданіемъ, и въ XVII столѣтіи поставляютъ своею особенною честью напиваться мертвецки пьяными, выпить больше, чѣмъ другіе кружекъ вина не переводя духа, уже не за своею рыцарскою трапезой, а за столомъ своихъ знатныхъ покровителей и королей, то мы понимаемъ, что древнее благородное сословіе доживаетъ свой вѣкъ и справляетъ свою тризну.

Занятія, дѣятельность и связанныя съ ними обязанности феодальной аристократіи представляются въ весьма выпуклыхъ и ясныхъ очертаніяхъ (1). Каждый членъ этой аристократіи точно такъ же твердо и точно сознавалъ свои обязанности и свое общественное призваніе. Въ послѣдующіе вѣка царствуетъ совершенная неопредѣленность и неясность въ занятіяхъ и обязанностяхъ аристократіи. Понятіе о сословной корпораціи исчезаетъ въ понятіи о чинѣ и званіи. Уже измѣненіе въ самыхъ титулахъ аристократіи весьма значительно. Старинными титулами выражались извѣстныя опредѣленныя должности, имѣвшія значеніе для всего общества. Названія графовъ, маркграфовъ, герцоговъ, курфирстовъ, князей и проч., указывали на извѣстные роды дѣятельности, давали извѣстное мѣсто въ обществѣ и государствѣ. Эти характеристическіе титулы или вовсе исчезаютъ, или теряютъ всякое значеніе въ дѣйствительности и обращаются въ пустые звуки.

Англійская аристократія совершенно разнится отъ континентальныхъ аристократій; исторія ея въ высшей степени поучительна, и потому мы сдѣлаемъ отдѣльный очеркъ ея. Мы

(1) Тамъ же, стр. 167.

имѣемъ теперь передъ собою новый трудъ по этому предмету германскаго историка Макса Дункера (1), которымъ преимущественно и воспользуемся, дополняя историческіе факты частью свѣдѣніями, почерпнутыми въ другихъ источникахъ, частью собственными нашими замѣчаніями.

Въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ судьбы Великобританіи и англосаксонскаго общества были почти одинаковы съ континентальною Европой; первый рѣшительный шагъ англійской исторіи по другому пути начинается съ норманскаго завоеванія. Когда Вильгельмъ Завоеватель покорилъ Англію (гастингскою битвою, въ 1066 г.), то тамъ уже существовало рыцарство; но оно еще не успѣло достигнуть полного своего развитія, не захватило еще всѣхъ началъ власти. Вильгельмъ не отдалъ всей страны съ ея народонаселеніемъ въ добычу своей дружинѣ; онъ видѣлъ и зналъ феодализмъ, видѣлъ безсиліе французской короны, посреди владѣтельной аристократіи, кромѣ того ему нужно было въ странѣ, едва завоеванной, оставить свое войско въ болѣе тѣсной и постоянной отъ себя зависимости. Могущество бароновъ на материкѣ заключалось въ пространствѣ иокругленности ихъ поземельныхъ владѣній и въ подчиненіи имъ всего мѣстнаго рыцарства и народонаселенія на правахъ частной, владѣльческой собственности. Вильгельмъ образовалъ бароніи гораздо мельче, изъ участковъ, разбросанныхъ по всей странѣ, и рыцарство каждой бароніи обязано было принести присягу ленной вѣрности не только своему барону, но и королю; такимъ образомъ бароны не могли поднимать рыцарей на брань противъ короля, какъ на материкѣ. Могущество бароновъ на материкѣ основывалось преимущественно на томъ, что они обратили провинціи, округи, то-есть части государства, въ свои господскія владѣнія. Вильгельмъ сдѣлалъ строгое различіе между правительственными округами и бароніями. Баронъ не получилъ никакихъ другихъ правъ кромѣ предводительства и леннаго суда надъ рыцарствомъ своей бароніи, и низшаго суда надъ содержателями его земли. Графства, старинныя дѣленія страны, продолжали существовать подлѣ бароній. Управление ими Вильгельмъ поручилъ особымъ чиновникамъ, шерифамъ; назначалъ въ эту должность прелатовъ, бароновъ, рыцарей, но никогда не отдавалъ ея во владѣніе, какъ

(1) *Feodalität und Aristocratie*. Ein Vortrag am 18 März 1858 zu Tübingen gehalten, von Max Dunker. Berlin, 1858.

мѣ. Въ вознагражденіе даны были не доходы съ земли, а указаны были особые источники. Шерифы были чиновники, назначаемые и увольняемые королемъ. Дабы они никогда не забывали своего положенія, они должны были періодически отдавать казнѣ отчетъ въ управленіи. Не бароны, а шерифы были во главѣ судебной власти въ графствѣ; они созывали къ судебнымъ и административнымъ собраніямъ графства всѣхъ свободныхъ жителей; суду графства былъ подсудимъ баронъ, точно такъ же, какъ и рыцарь, какъ и свободный крестьянинъ, кромѣ дѣлъ, касавшихся ленныхъ отношеній земли. Такимъ образомъ бароны не могли сдѣлать свои бароніи замкнутыми владѣніями, исключительно имъ подсудными, рыцари не могли сдѣлать сосѣднихъ свободныхъ крестьянъ своими подданными. Подчиненіе всѣхъ сословій одной и той же судебной власти положило начало чувству извѣстнаго юридическаго равенства между всѣми сословіями Англій; оно спасло свободу крестьянъ (1). Чрезвычайно любопытно видѣть въ Англій, въ самой глубинѣ феодальнаго періода, эти зачатки разумнаго государственнаго устройства, здравыхъ понятій о разграниченіи сферы частныхъ и государственныхъ отношеній; судебная власть, единственная опора гражданской независимости, является уже въ эту темную эпоху превыше всѣхъ сословныхъ интересовъ. И такъ не въ однихъ своевременныхъ и благоразумныхъ уступкахъ аристократіи заключается могущество англійскаго народа: уже въ самую эпоху повсемѣтнаго варварства, въ самый разгаръ феодальнаго періода, аристократія въ Англій не была тѣмъ, чѣмъ на материкѣ Европы.

Уже въ половинѣ XII столѣтія Генрихъ II отнялъ у бароновъ право защищаться другъ противъ друга оружіемъ, и лишилъ ихъ даже возможности вести междоусобныя брани уничтоженіемъ всѣхъ укрѣпленныхъ баронскихъ замковъ; право имѣть замки онъ предоставилъ только королю (2). Прекращеніе феодальныхъ междоусобій въ Англій весьма важно; ибо они раздирали собою все единство государственной жизни въ континентальной Европѣ, и съ другой стороны давали центральной государственной власти, вслѣдствіе отсутствія единства между поземельными владѣльцами, способы къ излишнему распространенію ея могущества насчетъ земства.

(1) См. названное сочиненіе, стр. 3—5.

(2) Тамъ же, стр. 5.

Генрихъ II даже рѣшился снова вооружить англо-саксонское народонаселеніе, крестьянъ. Эта вооруженная сила находилась въ зависимости отъ шерифовъ, которые назначали офицеровъ, и должна была водворять миръ, принуждая къ нему бароновъ и рыцарей. Крестьяне были обязаны службою только внутри своихъ графствъ и потому не могли быть систематически изнурены военною службою въ отдаленныхъ странахъ, какъ милиція Карла Великаго. Оружіе дало покоренному народонаселенію снова сознание его самостоятельности. Но и противъ самовластия шерифовъ были приняты мѣры: контроль королевскихъ комиссаровъ, судебная власть и присяжные отъ всѣхъ сословій (1).

Въ XIII столѣтіи въ Германіи государство разлагается, во Франціи усиливается королевская власть, въ Англіи упрочивается государственное устройство, и создается конституція. Въ то время какъ германскіе бароны дѣлятъ между собою государство, центральная государственная власть охватываетъ собою всѣ феодальныя владѣнія въ Англіи. Уголовная власть, полиція, ленныя отношенія дѣлаются обильнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ для англійскихъ королей (2), которые дѣлаютъ чувствительною для своихъ вассаловъ феодальную зависимость, въ такой сильной степени, какая была совершенно неизвѣстна на материкѣ.

Для бароновъ Англіи оставалась одна возможность облегчить эту зависимость — ограниченіе пространства и произвола самой королевской власти. Они должны были попытаться пріобрѣсти себѣ ту силу, которая сама собою досталась на долю ихъ собратій на материкѣ, при самомъ образованіи феодальнаго государства, — *голось въ совѣтъ короля* (3).

Но чтобъ эта сила была не мнимая, а дѣйствительная сила, чтобъ участіе въ совѣтѣ короля было не одною формальностью, а полномѣснымъ правомъ въ государственномъ управленіи, необходимо было, чтобы бароны дѣйствовали соединенными силами, чтобъ они явились передъ королевскою властью въ видѣ могущественной корпораціи, а не въ числѣ нѣсколькихъ разобщенныхъ между собою голосовъ. Тутъ возникалъ самый существенный вопросъ: допустить ли рыцари и крестьяне ослаб-

(1) Тамъ же.

(2) Тамъ же, стр. 8.

(3) Стр. 9.

леніе короны, ихъ естественной покровительницы? Къ какимъ уступкамъ ни принудили бы бароны королевскую власть, эти уступки не могутъ быть прочны, если въ нихъ не будутъ заинтересованы всѣ прочія сословія. Англійскіе бароны хорошо все это поняли (1). Воспользовавшись слабостью короля Іоанна Безземельнаго, они приобрѣли себѣ у королевской власти (въ 1215 г.) знаменитую хартію — *magna charta* — первый несокрушимый столпъ англійской конституціи. Хартія уменьшила сборъ съ бароновъ въ пользу короны за переходъ ихъ земель къ новымъ владѣльцамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пониженъ былъ и сборъ съ рыцарей въ пользу бароновъ, за переходъ ленныхъ имуществъ первыхъ. Бароны обязали королевскую власть взимать доходы съ ихъ владѣній только въ случаяхъ разъ навсегда определенныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они обязались, и съ своей стороны, въ томъ же самомъ относительно къ своимъ вассаламъ — рыцарямъ. Вообще всѣ облегченія, выпрошенныя баронами для себя, были ими распространены и на рыцарей. Но не только о себѣ и о рыцаряхъ позаботились бароны, они упрочили льготы и для остальнаго народонаселенія. Они утвердили навсегда за городскими общинами ихъ вольности, которыя не однократно покупались этими общинами и снова отнимались короною. Древнее саксонское обычное право, обезпечивавшее самостоятельность крестьянъ, судовъ и управленія графствъ, было освящено закономъ; крестьяне были ограждены отъ произвола шерифовъ. *Наконецъ право сопротивленія, въ случаѣ нарушенія, со стороны короны, постановленій хартій, предоставили бароны не только себѣ, но и всѣмъ безъ изъятія сословіямъ, корпораціямъ и общинамъ въ государствѣ; копія съ этого договора съ короною должна быть выдана каждому приходу* (2). Ошибочно было бы думать, что англійская корона была расположена во всемъ добровольно подчиняться постановленіямъ хартіи, что она осталась навсегда чуждою искушенію перейти границы своего договора. Такое мнѣніе было бы весьма легкомысленно и противно всѣмъ понятіямъ о естественныхъ пружинахъ и наклонностяхъ власти въ человѣческихъ обществахъ. Подобныя попытки были и въ Англій, и далеко не въ маловажныхъ размѣрахъ; безъ всякаго сомнѣнія, эти попытки и удались бы въ Англій, какъ удались въ

(1) Тамъ же, стр. 9.

(2) Тамъ же стр. 10.

другихъ странахъ, еслибы за англійскими баронами не стояли всѣ прочія сословія, весь народъ. Англійскіе бароны должны были пройти тяжкую школу, прежде нежели они поняли истинное свое призваніе. Но вступивъ въ прочный союзъ съ общинами, англійская аристократія не изолируетъ отъ нихъ своихъ интересовъ, крѣпко за нихъ держится, постоянно призываетъ на свою помощь представителей всѣхъ сословій и выдерживаетъ борьбу побѣдоносно. Благодаря праву являться своимъ лицомъ на парламентахъ, благодаря своему званію, пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ, благодаря своимъ обширнымъ имуществамъ, англійскіе бароны стали во главѣ представителей всѣхъ сословій. Но они честно сохранили союзъ съ земствомъ, взаимность интересовъ съ рыцарями и мѣщанами. Никогда не пытались бароны воспользоваться своимъ положеніемъ въ странѣ, для того чтобъ освободиться отъ налоговъ и тягостей, лежавшихъ на всемъ народѣ, и перенести государственное бремя на прочія сословія. Духовенство также дружно соединилось съ баронами. Оно вмѣстѣ съ ними приобрѣло великую хартію. Въ половинѣ XIII столѣтія, къ сопротивленію бароновъ противъ нарушеній конституціи Генрихомъ III, прелаты Англій присоединили и свое оружіе, церковное отлученіе (1).

Рыцарство раздѣлялось въ Англій не по бароніямъ, а по графствамъ, то-есть по правительственнымъ округамъ. Не по бароніямъ, не какъ жители или подданные владѣній бароновъ, а по графствамъ, какъ подданные всего государства, избирали рыцари своихъ представителей въ парламентъ. Избраніе представителей графствъ производилось подъ наблюденіемъ шерифа, на собраніяхъ всего графства, въ которыхъ принимали участіе, точно такъ же какъ и въ судахъ графствъ, свободные крестьяне. На этихъ собраніяхъ раскладывались и государственныя подати. Вѣроятно, крестьяне въ самомъ началѣ немного участвовали въ выборахъ рыцарей, но чрезвычайно важно самое начало, по которому рыцари являются представителями не одного только собственнаго сословія, а всего народонаселенія графства; въ парламентѣ они должны дать свое согласіе на взиманіе податей не только съ рыцарей, но и съ крестьянъ. Такимъ образомъ и для короны было не возможно и противно ея интересамъ удалять свободныхъ крестьянъ отъ

(1) Тамъ же, стр. 14.

выборовъ (1). Въ этотъ важный для правильной политической жизни вопросъ о *соединеніи и гармоніи сословнаго интереса съ народнымъ* мы надѣемся ближе вникнуть въ послѣдствіи.

Король Генрихъ II предоставилъ рыцарямъ откупаться денежною повинностью отъ ленной воинской службы. Великая хартія дозволила рыцарству свободное отчужденіе частей рыцарскихъ владѣній; но раздробленіе ихъ допускалось лишь въ той мѣрѣ, въ какой неотчужденныя части рыцарскихъ, владѣній достаточны были для выполнения воинской повинности. При Эдуардѣ I (въ 1290 г.), съ согласія всего рыцарства была постановлена *отчуждаемость всякаго рыцарскаго имѣнія* подъ условіемъ, чтобы военная повинность продолжала оставаться на немъ и съ него бы выплачивалась. Съ этой поры каждое лицо въ Англіи могло приобрѣтать поземельную собственность, обложенную военною службой. Генрихъ III обязалъ каждаго наслѣдника леннаго владѣнія получать рыцарскую инвеституру отъ короля, съ уплатою ему за то пошлинь. Въ 1307 г. Эдуардъ II обязалъ рыцарскою инвеститурою *всякаго поземельнаго собственника*, имѣющаго двадцать фунтовъ стерлинговъ ежегодной ренты. Это уничтожало характеръ прежняго рыцарства, и создало совершенно новое рыцарство. Оно дѣлалось отнынѣ совершенно открытымъ сословіемъ, въ которое *всякій значительный землевладелецъ не только могъ, но и долженъ былъ вступить* (2). Рыцарство или сословіе благородныхъ дѣлалось не кастою, а общественнымъ *классомъ*, основаннымъ на умственныхъ и матеріальныхъ интересахъ, на занятіяхъ, для всѣхъ равно доступныхъ, для всѣхъ равно полезныхъ. Такого великаго факта для исторіи сословій, совершившагося въ Англіи въ самомъ началѣ XIV столѣтія, аристократіи другихъ странъ не могутъ выставить даже нѣсколько столѣтій позже; нѣкоторыя не могутъ похвастаться ими до настоящаго дня; къ стыду иныхъ — они даже не вѣруютъ въ его всемірно-историческое значеніе и упорно держатся своихъ антихристіанскихъ преданій, приговаривая: *die Edeln kommen von Gott* (то есть благородные идутъ отъ Бога). Англійское благородное сословіе идетъ отъ великой хартіи, положившей начало свободы для всѣхъ Англичанъ, и такая генеалогія болѣе согласна съ духомъ христіанской религіи, религіи человѣческой сво-

(1) Тамъ же, стр. 17.

(2) Тамъ же, стр. 18.

боды, чѣмъ до-христіанскія преданія касть, преданія рабства и порабощенія чедовѣческаго духа.

Учрежденіе мировыхъ судей было расширеніемъ правъ владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній относительно государственной власти; но оно было выгодно и крестьянамъ, и даже наименѣе самостоятельному разряду крестьянства — поселянамъ баронскихъ и рыцарскихъ имѣній. Свободные крестьяне были уже давно въ независимости отъ сосѣднихъ бароновъ. Поземельные владѣльцы точно такъ же не могли произвольно налагать повинности на лица, жившія на ихъ земляхъ, какъ короли не могли произвольно собирать государственныя подати. Шерифы должны были наблюдать, чтобы крестьяне владѣльческихъ имѣній не были угнетаемы повинностями. Правительство ограничило право господскаго или владѣльческаго суда; уже въ половинѣ XIII столѣтія были воспрещены частныя тюрьмы въ рыцарскихъ имѣніяхъ (1).

Денежныя повинности, которыми обязаны были передъ короной бароны, прелаты, рыцари падали не на жителей ихъ владѣній, а на собственное ихъ имущество. Когда въ виду крайняго финансоваго разстройства казны, требовавшаго возвышенія налога въ 1379 г., сословія отступили отъ этого правильнаго начала и разложили налоги на все народонаселеніе, въ видѣ поголовной подати, тогда обнаружилось сильное волненіе въ низшихъ классахъ народа, которымъ приходилось, кромѣ повинностей въ отношеніи къ поземельнымъ владѣльцамъ, отбывать еще государственныя повинности. Отсюда начинается улучшеніе въ положеніи народонаселенія, находившагося въ нѣкоторой крѣпостной зависимости отъ поземельныхъ владѣльцевъ. Нужно было отказаться отъ попытки облагать государственными податями крестьянъ владѣльческихъ имѣній. Институтъ мировыхъ судей (1386) уничтожилъ остатки владѣльческаго суда. Съ постепеннымъ развитіемъ этого института, въ которомъ помѣщики нашли съ избыткомъ вознагражденіе за потерянное ими право вотчиннаго суда, исчезло одно изъ существеннѣйшихъ различій между свободными крестьянами и помѣщичьими. Оба состоянія были подчинены одному и тому же суду. Эдуардъ IV (въ половинѣ XV столѣтія) значительно упрочилъ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ, предоставивъ имъ право на неотъемлемое пользованіе ихъ участками и право жалобы на помѣщика въ суды графства, въ случаяхъ удаленія ихъ помѣщиками отъ вла-

(1) Тамъ же, стр. 19.

двѣя. Послѣ такого обезпеченія помѣщичьимъ крестьянамъ неприкосновенности ихъ владѣній осталось мало разницы между ними и свободными крестьянами землевладѣльцами. Повинности первыхъ въ отношеніи къ помѣщикамъ превратились въ ренту; изъ людей, подвластныхъ помѣщикамъ, они сдѣлались ихъ наследственными арендаторами. Уже въ концѣ XV столѣтія совершенно исчезаютъ всѣ остатки несвободнаго отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Къ концу XVI столѣтія въ Англіи не оставалось ни одного крѣпостнаго человѣка. Замѣчательно, что въ странѣ, гдѣ аристократія утвердилась съ оружіемъ въ рукахъ, крѣпостное состояніе исчезаетъ нѣсколькими столѣтіями ранѣе чѣмъ въ другихъ государствахъ (1).

Точно также и развитіе городскихъ общинъ имѣетъ въ Англіи свои особенности, которыя не мѣсто здѣсь излагать. Существенною чертою городского сословія въ Англіи служить то, что оно никогда не обособлялось отъ рыцарства и поземельной аристократіи, никогда не замыкало себя и отъ крестьянства никакими ремесленными привилегіями и монополіями, никогда не относилось съ чувствами зависти и ненависти къ поземельной аристократіи, ибо ко всему этому не было у англійскаго мѣщанства никакихъ побужденій: оно никогда не было ни въ какой зависимости отъ сосѣднихъ бароновъ и рыцарей, никогда не видало ихъ грозныхъ набѣговъ, подъемныхъ мостовъ и крѣпостей; оно наравнѣ съ ними участвовало въ мѣстной администраціи и судѣ, пользовалось независимымъ самоуправленіемъ, и наконецъ получило наравнѣ со всѣми свободный входъ въ сословіе рыцарей, которое, какъ сказано, сдѣлалось открытымъ для всѣхъ сословій. Титуль благороднаго, *esquire*, постепенно сообщается высшему мѣщанству, и наконецъ, при Елисаветѣ, уже всѣ пользующіеся общественнымъ уваженіемъ люди называются *esquire*. Нынѣ города имѣютъ почти вчетверо болѣе представителей въ парламентѣ, чѣмъ графства. Рыцари, несмотря на превосходившее ихъ число представителей мѣщанства, никогда не затруднялись засѣдать съ ними въ домѣ общинъ. Англійское рыцарство, или сословіе поземельныхъ владѣльцевъ, уже въ XIV столѣтіи не считало для себя унижительною сидѣть рядомъ съ лавочниками, изъ-за чего возбудило французское дворянство кровавый споръ въ концѣ XVIII ст.,

(1) Тамъ же, стр. 20 — 21.

имѣя даже передъ собою только равное число представителей мѣщанства, тогда какъ въ англійскомъ парламентѣ *лабочниковъ* было больше, нежели рыцарей. Но за то и судьбы аристократіи въ обѣихъ странахъ были иныя (1). Бароны присутствовали въ парламентѣ по *личному* праву, рыцари и мѣщане, или горожане, по *праву представительства* различныхъ корпорацій. Сдѣловія Англіи сумѣли противопоставить королевской власти, болѣе можетъ-быть могущественной нежели въ какой-либо другой странѣ, силу, которой не нашло общество въ другихъ странахъ противъ несравненно слабѣйшей центральной власти, ибо сословія Англіи были побуждаемы въ своихъ дѣйствіяхъ не раздробленными частными интересами, а интересами всей земли, интересами общественными. Въ Англіи мы видимъ явленіе, не повторившееся на континентѣ: *сословные интересы постоянно сливаются съ интересами всего народа; интересы каждой общественной группы приобрѣтаютъ силу и дѣйствительность только въ интересахъ цѣлаго общества, и наоборотъ идея цѣлой націи воплощается въ стремленіяхъ каждого отдѣльнаго класса.* Всѣ классы общества: землевладѣльцы, мѣщане, крестьяне, соединены въ общемъ народномъ собраніи, отражающемъ въ себѣ всѣ отдѣльные и мѣстные интересы, опирающемся на нихъ, и постоянно возводящемъ ихъ къ болѣе широкому объему всенароднаго и государственнаго интереса; этотъ послѣдній интересъ является въ Англіи особенно счастливымъ созвучіемъ всѣхъ разнородныхъ дѣйствительныхъ, практическихъ интересовъ страны, а не отвлеченною формулой закона, поглощающею всѣ особенности, мертвящею все свободное разнообразіе жизни.

Мы не можемъ слѣдовать за всѣми фазами и подробностями развитія англійской конституціи, въ которомъ такая блестящая роль принадлежитъ аристократіи, постоянно стоявшей за права и льготы всей націи. Намъ хотѣлось только указать на духъ, оживлявшій англійскую аристократію съ самыхъ давнихъ временъ и не покидавшій ея до настоящаго времени. Договоръ, заключенный англійскимъ народомъ съ Вильгельмомъ Оранскимъ (1668 г.), безвозвратно упрочилъ не только права протестантизма, но и права всѣхъ сословій. Онъ тщательно обезпечилъ независимость суда отъ произвола административной власти: права

(1) Тамъ же, стр. 22 — 24.

корпорацій, графствъ и городовъ, прав личности и собственности. Мѣстное самоуправленіе графствъ оберегло Англію отъ ученаго чиновничества, которое на материкѣ воспользовалось могуществомъ короны, при замиреніи враждебныхъ между собою сословій, для того, чтобъ утвердить свое собственное владычество, и разобщить монархическую власть, не заключающую въ себѣ никакихъ интересовъ, необходимо враждебныхъ интересамъ народнымъ, — разобщить ее съ народомъ, всюду искоса посматривающимъ на эту группу, воспитанную на своихъ особенныхъ началахъ и преданіяхъ. Торійская партія аристократіи, заключающая въ себѣ крайнихъ консерваторовъ, была на нѣкоторое время, послѣ вступленія на престолъ Вильгельма Оранскаго, удалена отъ управления: ее постоянно подозрѣвали въ заговорахъ и враждѣ къ новому правительству; торіи, изъ чувства собственного самоохраненія, напрягли всѣ свои усилія къ защитѣ независимости судебной власти, неприкосновенности лицъ и собственности. Вотъ на какой почвѣ искали для себя опоры защитники стараго порядка въ Англіи; на этой только почвѣ, нейтральной для всѣхъ партій, и могутъ, сколько-нибудь производительно для общества и выгодно для себя, дѣйствовать всякаго рода охранители стараго порядка вещей. Желательно, чтобы люди, временно попадающіе, по стеченію историческихъ обстоятельствъ, въ этотъ разрядъ партій, брали примѣры съ англійскихъ торіи. Съ водвореніемъ Оранскаго дома, торіи изъ приверженцевъ абсолютизма сдѣлались партіей *охранительною*, стоящею на стражѣ существующихъ государственныхъ учреждений; они стали на сторону англиканской церкви противъ католиковъ и диссидентовъ, и заключая въ себѣ по преимуществу массу помѣщиковъ (*gentry*), они стали оберегать интересы поземельной собственности. А виги, примыкая къ нѣкоторымъ важнѣйшимъ аристократическимъ фамиліямъ, къ городской аристократіи, знатнѣйшему мѣщанству и къ меньшинству помѣщичьяго класса, были поборниками преимущественно интересовъ городского населенія, торговли и промышленности, движенія и реформы. Въ послѣднее время эти партіи значительно измѣнились и перемѣшались.

Положеніе англійской аристократіи, уже отличное отъ благородныхъ сословій на материкѣ въ самую феодальную эпоху, сдѣлалось совершенно особеннымъ съ развитіемъ политической жизни и современной цивилизаціи въ Европѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, аристократія руководила всѣми государственными дѣла-

ми въ Англіи. Изъ нея исключительно составленъ верхній парламентъ, она имѣла въ своемъ распоряженіи многіе голоса въ нижнемъ парламентѣ, многія должности въ церкви и въ управленіи. Но въ настоящее время въ верхнемъ парламентѣ осталось только четырнадцать фамилій перовъ, которыхъ предки восходятъ къ XII, XIII, XIV и XV столѣтіямъ. Такое же число приходится на долю XVI столѣтія; пятьдесятъ четыре пера получили свое достоинство при Стюартахъ, наконецъ *большинство* палаты лордовъ принадлежитъ лишь XVIII и XIX столѣтіямъ. Изъ старинныхъ феодальныхъ имѣній бароновъ осталось въ пѣлости только два; всѣ прочія или перешли въ боковыя линіи или раздробились чрезъ конфискаціи и отчужденія. Титулы древнихъ бароновъ также большею частію исчезли, остался только обычай присоединять къ фамиліи какое-нибудь мѣстное названіе (1). Право королевской власти возводить въ званіе пера постоянно вноситъ въ высшую аристократію элементы личнаго превосходства въ обществѣ и освѣжаетъ ее новыми соками. Значеніе членовъ верхняго парламента основано на наследственности званія, на обширности имуществъ и общественномъ уваженіи, на преданіяхъ политической дѣятельности и опытности, на воспоминаніяхъ о важныхъ заслугахъ передъ государствомъ и народомъ. Палата лордовъ служитъ передъ короною представительницею неизмѣнныхъ и постоянныхъ интересовъ страны, того правильно-консервативнаго характера, котораго никогда не теряетъ политика Англіи; она выставляетъ подлѣ правительства, возникающаго изъ большинства нижней палаты, другое большинство, которое произведено не народными выборами, не настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ текущій день. Она высшая блюстительница правосудія, верховная судебная инстанція. Владѣя обширными имуществами, лорды, участіемъ своимъ въ правленіи, обезпечиваютъ всѣ классы народа, имѣющіе собственность, противъ самовласти партій въ нижней палатѣ, противъ нарушенія права собственности подъ вліяніемъ временнаго торжества одной изъ нихъ. Совершенно независимое отъ всякихъ вліяній положеніе верхней палаты даетъ ей возможность, при какихъ-либо столкновеніяхъ короны съ нижнимъ парламентомъ, быть полноувѣсною между ними посредницею, отклонять за-

(1) Тамъ же, стр. 38.

трудненія нравственно-вѣсильнымъ и безпристрастнымъ рѣшеніемъ, и такимъ образомъ умѣрять и уравнивать ходъ государственной машины. Таково государственное значеніе палаты лордовъ.

Всѣ преимущества лорда заключаются только въ слѣдующемъ. Онъ имѣетъ голосъ въ верхней палатѣ, судится за уголовныя преступленія лишь этою палатою, какъ верховнымъ трибуналомъ страны, не подлежитъ личному арестованію, какъ членъ парламента, ибо этимъ же преимуществомъ пользуются и члены нижней палаты (въ настоящее время поднять вопросъ объ отъѣнѣ этой привилегіи членовъ парламента). Сверхъ этихъ преимуществъ, принадлежащихъ лишь старшимъ членамъ титулованныхъ фамилій, лорды, лично и по имуществу, не имѣютъ ни единой привилегіи, ни финансовой, ни экономической, ни юридической, которая бы отличала ихъ отъ прочихъ англійскихъ подданныхъ. Передъ фискомъ, закономъ и судомъ они несутъ тѣ же повинности и обязанности, какъ и послѣдній крестьянинъ и пролетарій; дѣти лорда равны всѣмъ гражданамъ, не исключая и старшаго сына или другаго члена семейства, къ которому переходитъ мѣсто въ парламентѣ, до его совершеннолѣтія, когда онъ въ случаѣ смерти послѣдняго представителя перій въ парламентѣ, заступаетъ его мѣсто. *По преданію и обычаю*, недвижимое имущество въ Англій (кромя графства Кентскаго, гдѣ господствуетъ саксонское право наслѣдованія всѣхъ дѣтей), *если не было особаго завѣщанія*, переходитъ къ старшему сыну. Законъ дозволяетъ завѣщателю обозначать порядокъ перехода имѣнія въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, то-есть учреждать майоратъ и субститутъ; но тѣмъ же правомъ пользуется и крестьянинъ и перъ Англій (1).

Въ перахъ, въ палатѣ лордовъ заключается собственно все *привилегированное благородное сословіе* Англій, nobility, хотя и она не сословіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, а скорѣе только *политическое учрежденіе*. Но кромѣ лордовъ, Англій не знаетъ никакого другаго привилегированнаго сословія. Рыцарство и рыцарскія имѣнія исчезли здѣсь безъ всякихъ слѣдовъ (2). Военная повинность, лежавшая на рыцарскихъ имѣніяхъ и дававшая

(1) См., кромѣ Дюнкера, также: *Das heutige englische Verfassungs u. Verwaltungsrecht* von R. Gneist, Berlin. 1857.

(2) М. Dunker стр. 39.

нѣкоторое отличіе, уже въ XV и XVI столѣтіяхъ превратилась въ денежную подать и слилась съ общою массою налоговъ, собираемыхъ въ графствахъ. Именно при реакціонерныхъ короляхъ, Карлъ I и Карлъ II, были отмѣнены ленныя пошліны за переходъ рыцарскихъ имѣній отъ одного владѣльца къ другому и за вступленіе новаго владѣльца въ сословіе владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній, то-есть за прежнюю инвеституру. Этимъ самымъ рыцарскія имѣнія сдѣлались совершенно свободными и слились съ общою массою поземельной собственности. Названіе рыцарства, или *gentry*, не означаетъ въ Англіи ничего другаго кромѣ совокупности крупныхъ землевладѣльцевъ. Поземельною собственностію не ограничивается, однако, объемъ класса *gentry*: классъ этотъ обнимаетъ собою, точно такъ же какъ титулъ *esquire*, и достаточныхъ горожанъ, и всѣхъ людей, занимающихъ сколько-нибудь самостоятельное положеніе въ промышленности, искусствахъ, наукахъ; кругъ его расширяется далеко во всѣ стороны и вверхъ и внизъ и совершенно незамѣтными очертаніями сливается съ массою народа. Уже въ средніе вѣка доктора правъ и теологіи получали въ Англіи рыцарскую инвеституру: уже тогда эта *страна промышленниковъ и купцовъ* умѣла дать почетъ умственному превосходству, умѣла безъ всякихъ потрясеній выйти на дорогу, стоявшую столькокихъ кровопролитій континентальнымъ народамъ. Повторяемъ еще разъ, англійское *gentry* вовсе не какое-нибудь привилегированное сословіе, въ смыслѣ родового сословія или дворянства; оно отличается отъ всего остальнаго народонаселенія только тѣмъ уваженіемъ, которое оно невольно къ себѣ внушаетъ, оно такъ же мало наследственно, какъ можетъ быть наследственна личная доблесть, и на столько же наследственно, на сколько не изсякаетъ въ безконечномъ ряду поколѣній свѣжая полоса преданія и почета, оставляемая въ родѣ почтенною личностію одного изъ его членовъ. Противъ такого преданія не властны никакія самыя смѣлыя попытки законодателей и народныхъ движеній; они волею или неволею должны преклониться передъ нимъ, или же быть осуждены на то, чтобы творить шуточные законы о запрещеніи носить какіе-либо титулы, обнаруживая только тѣмъ самымъ печальную необходимость подобнаго запрещенія, и побуждая многихъ ко вкушенію запрещеннаго удовольствія, къ присвоенію себѣ отличія, отмѣченнаго всею строгостію закона. Примѣры этому мы видѣли во Франціи. Только англій-

скій языкъ имѣеть выраженіе, которое обнимаетъ собою всѣхъ образованныхъ, честныхъ и порядочныхъ людей, каковы бы ни были ихъ происхожденіе, мѣстожителство, занятія, отношенія къ обществу и власти—титуль *джентльмена*, для всѣхъ одинаково доступный, для всѣхъ одинаково лестный. Отъ собственнаго произвола каждаго зависитъ прослыть *джентльменомъ*. Быть истиннымъ *джентльменомъ*, истиннымъ порядочнымъ человѣкомъ въ общественномъ мнѣніи, есть величайшій почетъ человѣку отъ общества.

Безъ всякаго сомнѣнія, естественныя, нравственныя и экономическія преимущества богатыхъ и образованныхъ людей передъ недостаточными и необразованными имѣють большой вѣсъ въ Англіи; превосходство фамилій, умѣвшихъ въ теченіи многихъ поколѣній сберечь и приумножить свое матеріальное достояніе, сохранить общественное къ себѣ уваженіе передъ безразличною массою посредственностей и людей безъ всякаго прошедшаго, безъ всякой матеріальной и нравственной самостоятельности въ настоящемъ, всесильно въ Англіи. Дѣйствительно классъ значительныхъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ — сельское *gentry* — имѣеть значительное вліяніе на народное хозяйство, на благосостояніе всего рабочаго народонаселенія и на мѣстное управленіе. Но при этомъ должно имѣть постоянно въ виду, съ одной стороны, что этотъ классъ открытъ для всѣхъ, а съ другой стороны, что нигдѣ кромѣ Англіи не дѣлается помѣщиками такихъ огромныхъ пожертвованій на успѣхи земледѣлія, нигдѣ нѣтъ такихъ миролюбивыхъ отношеній къ фермерамъ и земледѣльцамъ, нигдѣ не развивалась такимъ блестящимъ образомъ агрономическая дѣятельность высшаго сельскаго сословія, и наконецъ, что своимъ вліяніемъ на управленіе высшій классъ въ Англіи имѣеть постоянно въ виду общественное благо, отъ котораго единственно зависитъ его собственное благосостояніе; смотритъ на управленіе, какъ на обязанность передъ отечествомъ, а не какъ на средство угнетенія народа и удовлетворенія собственныхъ стремленій властолюбія и тщеславія, — какъ на необходимое вознагражденіе, въ плачливаемое имъ странѣ за досугъ, которымъ онъ обязанъ значительному поземельному доходу.

Значеніе англійскаго *джентри* въ управленіи выражается преимущественно въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ англійскихъ должностяхъ, весьма оригинальныхъ и заслуживающихъ особеннаго

вниманія. Мы считаемъ необходимымъ остановиться на институтѣ мировыхъ судей (1).

Охраненіе мира—такъ называли въ средніе вѣка полицію и полицейскую дѣятельность со всѣми ея обязанностями для защиты безопасности лицъ и имуществъ; но это была полиція съ судебнымъ значеніемъ, съ судебными формами, потому и съ публичнымъ производствомъ. При первомъ учрежденіи мировыхъ судей, короли обязывали нести эту почетную должность преимущественно лордовъ, владѣтелей рыцарскихъ имѣній и юристовъ, какъ людей, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ. И въ настоящее время мировые судьи назначаются отъ имени короля, по формуляру (составленному въ 1590 г.), которымъ они *уполномочиваются охранять миръ въ странѣ, и для того облакаются всею властію, принадлежащею хранителямъ мира на общемъ правѣ.*

Такимъ назначеніемъ сообщается только *титულъ* мирового судьи. Чтобы получить *право дѣйствовать по своей должности*, мировой судья долженъ получить грамоту отъ короны, *Writ of dedimus potestatem* съ принесеніемъ присяги; тогда онъ дѣлается дѣйствительнымъ мировымъ судьей—*acting magistrate*. Должность мирового судьи обнимаетъ собою два главныхъ круга дѣятельности:

1. *Поуголовной судебной части*—первоначальное слѣдствіе по всѣмъ проступкамъ и преступленіямъ, опредѣленіе маловажныхъ наказаній, не требующихъ суда присяжныхъ, за брань, мелкую кражу, пьянство, бродяжничество, безчинство разнаго рода (*puissance*) и безчисленное множество подобныхъ проступковъ, влекущихъ за собою легкія наказанія, денежные штрафы и арестованіе не далѣе 3-хъ мѣсяцевъ,—далѣе, нѣкоторое право оштрафованія за нарушеніе законовъ о пошлинахъ и податяхъ,

(1) Общія черты государственнаго права Англіи и полную его литературу можно найти въ монографіи г. Моля: *Die Literatur des englischen Staatsrechtes (Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften in Monographien dargestellt* von Robert von Mohl. Erlangen 1856). Борге подробныя свѣдѣнія о системѣ государственнаго управленія въ Англіи находятся въ новѣйшемъ и самомъ замѣчательномъ сочиненіи по этому предмету: *Das heutige englische Verfassungs- und Verwaltungsrecht* von V. Gneist, Berlin. 1857. Послѣднею книгою особенно руководствовались мы въ изложеніи института мировыхъ судей.

и наконецъ право суда по настоящимъ уголовнымъ преступленіямъ, но не иначе какъ предъ общимъ собраніемъ мировыхъ судей графства и съ участіемъ присяжныхъ (Jury); къ этому присоединяется еще полицейскій разборъ споровъ по сдѣлкамъ съ ремесленниками и по найму рабочихъ.

2. *Административныя занятія*—сборъ податей на покрытие мѣстныхъ нуждъ графства, дозволеніе устраивать лавки для мелочной продажи крѣпкихъ напитковъ, харчевни и прочіе public houses, театры, концерты, всякія зрѣлища и проч. Они опредѣляютъ направленіе публичныхъ дорогъ и участвуютъ въ надзорѣ надъ тюрьмами. Они образуютъ собою высшее управленіе мѣстныхъ общинъ, заведеній благотворительности и общественнаго призрѣнія; назначаютъ констаблей, смотрителей за бѣдными, за дорогами, и проч.

Вещественная основа англійской системы мѣстнаго самоуправления заключается въ сборъ мѣстныхъ или провинціальныхъ податей (County Rate), служащихъ къ удовлетворенію разныхъ мѣстныхъ нуждъ. Эти подати находятся въ совершенномъ распоряженіи собраній мировыхъ судей, которые составляютъ для этой администраціи особыя комиссіи.

Для отправленія этихъ административныхъ дѣлъ графства раздѣлены на округа, изъ которыхъ въ каждомъ мировые судьи образуютъ отдѣленія или частныя собранія (petty and special sessions), подчиненныя общимъ собраніямъ мировыхъ судей графства. Такихъ округовъ имѣется въ Англій до 631, по одному на 25—30,000 душъ жителей. Эти частныя собранія составляютъ основаніе всего мѣстнаго управленія; здѣсь отправляются почти всѣ административныя дѣла. Они бываютъ ежемѣсячно и чаще (petty sessions) для исполненія текущихъ административныхъ дѣлъ. Кромѣ того установлены закономъ особыя собранія (special sessions) для особенныхъ, закономъ опредѣленныхъ дѣлъ: такъ напримѣръ бываетъ особое собраніе для разсмотрѣнія состоянія путей сообщенія и для выбора дорожныхъ смотрителей; бываетъ особое собраніе для выдачи разрѣшеній на содержаніе публичныхъ мѣстъ. Въ разрѣшеніяхъ открывать разныя промышленныя и торговыя заведенія не можетъ принимать участіе тотъ мировой судья, который самъ имѣетъ въ дѣлѣ денежный интересъ; такъ пивоваръ не можетъ разрѣшать открытіе пивоварни; устраняется изъ собранія мировыхъ

судей также ближайшій родственникъ того лица, которому слѣдуетъ дать разрѣшеніе.

Исполнители распоряженій мировыхъ судей суть *констаблы*, (*constables*), подчиненныя имъ должностныя лица. Констабль не есть ни полицейскій чиновникъ, ни сельскій староста; это нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ. На каждый приходъ назначается по констаблю; срокъ службы констабля годовой, въ вознагражденіе онъ получаетъ нѣкоторыя пошлины: за позывъ въ судъ, за исполненіе приговора; обязанность констаблей—полицейскій надзоръ ночью (*Watch*) и днемъ (*Ward*).

Общія собранія мировыхъ судей графства, бывающія четыре раза въ годъ и потому называемыя *General Quarter-Sessions*, представляютъ высшее и полнѣйшее выраженіе власти мировыхъ судей.

Для судебныхъ дѣлъ эти общія собранія имѣютъ значеніе *исправительныхъ судовъ* и постановляютъ, съ участіемъ присяжныхъ, рѣшенія по настоящимъ уголовнымъ преступленіямъ, но опредѣляютъ наказаніе не болѣе восемнадцати мѣсяцевъ ареста, и то только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Предсѣдательство принадлежитъ по этимъ дѣламъ юристу — *chairman*, прочіе мировые судьи имѣютъ однако же право подавать свой голосъ при назначеніи размѣра наказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ общія собранія составляютъ апелляціонный судъ, для пересмотра приговоровъ отдѣльныхъ мировыхъ судей и малыхъ собраній, если наказаніе превосходитъ мѣру, опредѣленную закономъ.

Для провинціальной администраціи общія собранія составляютъ инстанцію, въ которую поступаютъ жалобы на мѣстныхъ административныхъ распоряженія; они распоряжаются имуществомъ графства, назначаютъ величину мѣстнаго сбора графства, разбираютъ споры о распредѣленіи таксы для бѣдныхъ, образуютъ изъ себя особыя административныя комиссіи для завѣдыванія тюрьмами, больницами, благотворительными заведеніями, дорогами и проч.

Всѣхъ мировыхъ судей въ Англіи и Валлисѣ болѣе 14.000. Среднимъ числомъ на каждое графство приходится 100—300; но есть графства, гдѣ ихъ 600 и 800. Только половина этой цифры *дѣйствительныхъ* мировыхъ судей и едва одна четверть постоянно занятыхъ.

Уже по первоначальному устройству мировыхъ судей, къ этой должности должны были назначаться *преимущественно землевладельцы*. По узаконеніямъ царствованія Эдуарда III, дол-

жны быть опредѣляемы въ каждомъ графствѣ одинъ лордъ, трое или четверо достойнѣйшихъ людей и нѣсколько юристовъ. Послѣ этого, съ размноженіемъ дѣлъ, число мировыхъ судей постоянно возрастало. При Георгѣ II постановлено, что мировой судья долженъ имѣть въ своемъ владѣніи землю, на правахъ собственности, потомственной или пожизненной, или на правахъ аренднаго содержанія, по контракту не менѣе чѣмъ на двадцать одинъ годъ, съ 600 руб. ежегоднаго чистаго дохода; сюда относятся также духовныя лица, получающія земли въ пожизненное владѣніе.

Весьма важно то свойство должности мирового судьи, дающее ей особенный характеръ, что съ нею *не связано никакого содержанія или жалованья, и въ то же время мировой судья отвѣчаетъ передъ закономъ и судомъ за все свои распоряженія, безъ всякаго права уполномочивать къ отправленію своей должности какое-нибудь другое лицо.*

Само собою ввелось, что всякій человекъ честной репутаціи, имѣющій по закону право на званіе мирового судьи, получаетъ это званіе, по его о томъ просьбѣ. Нерадивое исполненіе обязанностей, отсутствіе на жительствѣ въ графствѣ, утрата поземельнаго владѣнія, и вообще постановленныхъ закономъ условий, суть причины увольненія, которое можетъ произойти исключеніемъ имени въ новыхъ спискахъ мировыхъ судей; но на практикѣ увольненіе бываетъ чрезвычайно рѣдко, и не запомятъ такихъ случаевъ, чтобы мировой судья былъ уволенъ вслѣдствіе политическихъ видовъ партій. Правительство старается допускать въ мировые судьи какъ можно болѣе способныхъ людей и всячески облегчаетъ имъ отправленіе должности; съ этою цѣлю во многомъ уменьшили отвѣтственность мировыхъ судей и въ практикѣ ограничиваютъ ее только дѣйствіями, положительно злонамѣренными (*oppressive and fraudulent actions*). За административныя дѣйствія мировыхъ судей, каковы бы они ни были, англійскіе суды обыкновенно никогда не постановляютъ обвинительныхъ приговоровъ, если *положительно обнаружено, что они дѣйствовали bona fide, добросовѣстно.* Во всякомъ случаѣ, противъ превышенія власти и всякихъ неправильныхъ дѣйствій мировыхъ судей, на нихъ могутъ быть подаваемы жалобы обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ. Но по закону мировой судья долженъ быть всякій разъ письменно объ этомъ извѣщаемъ, дабы онъ могъ окончить споръ мировою сдѣлкой или добровольнымъ вознагражденіемъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что должность мирового судьи сосредоточивается преимущественно въ кругу образованныхъ землевладѣльцевъ или сельскаго *gentry*, то-есть людей, пользующихся поземельною рентой и имѣющихъ досугъ. Съ середины XVIII столѣтія и до настоящаго времени, помѣщичій классъ въ Англіи все съ большею и большею любовью сталъ предаваться занятіямъ мировыхъ судей; въ нихъ находятъ онъ способъ самымъ естественнымъ образомъ имѣть вліяніе на дѣла страны. Достаточно было бы для характеристики помѣщичьяго класса въ Англіи сказать, что онъ давно самопроизвольно отказался отъ всякаго вознагражденія за службу въ должности мирнаго судьи, точно такъ же, какъ отъ жалованія депутатамъ въ парламентъ.

Центръ тяжести провинціального управленія лежитъ въ мировыхъ судьяхъ; счастливое сочетаніе въ этомъ учрежденіи мѣстнаго элемента, изъ котораго поступаютъ всѣ кандидаты на эту должность, и правительственнаго начала, освящающаго своимъ утвержденіемъ права ихъ на должность, не позволяетъ этому учрежденію ни сдѣлаться орудіемъ постоянного преобладанія одного класса надъ другимъ, ни орудіемъ подвижнаго духа политическихъ партій. Съ одной стороны, хотя личный составъ мировыхъ судей принадлежитъ почти исключительно классу значительныхъ землевладѣльцевъ, и во всякомъ случаѣ аристократическимъ силамъ общества,—всеобщее уваженіе, окружающее англійское *gentry*, постоянное стремленіе послѣдняго брать на себя всѣ тягости общественнаго дѣла, и наконецъ зависимость въ послѣдней инстанціи отъ верховной власти и суда,—все это не допускаетъ возможности того зла, которое могло бы возникнуть отъ избытка вліянія, сосредоточеннаго въ одной группѣ общества. Съ другой стороны, хотя правительство назначаетъ мировыхъ судей, но оно не можетъ выступать въ своихъ назначеніяхъ изъ границъ той группы людей, которой, по закону и по самой силѣ вещей и общественнаго мнѣнія, принадлежитъ должность мирового судьи; въ своихъ произвольныхъ вліяніяхъ на нихъ оно связано судебною властью, отъ которой одной мировые судьи зависятъ, въ случаѣ нарушенія своихъ обязанностей. По политическому такту, особенно свойственному англійскому народу, учрежденіе мировыхъ судей не могло быть перенесено на почву народныхъ выборовъ, ибо въ Англіи никакъ не допускаютъ зависимости судебной власти отъ выборнаго элемента и большинства; полная самостоятельность судебной власти—одно изъ первыхъ благъ общества, и это хорошо понято въ Англіи, хотя въ другихъ случаяхъ

Англія умѣетъ примѣнять выборное начало въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Но каковы бы ни были національныя условія учрежденія мировыхъ судей и основаннаго на нихъ англійскаго самоуправленія провинцій, мы не можемъ не согласиться съ г. Гнейстомъ, когда онъ говоритъ, что при сужденіяхъ объ англійскомъ самоуправленіи необходимо должно имѣть въ виду другія силы государственнаго организма Англіи, которыя держатъ этотъ аристократическій элементъ самоуправленія въ должныхъ границахъ и не позволяютъ ему разростись во владычество сословія, хотя бы и не кровнаго. Здѣсь въ особенности важны: *сосредоточеніе законодательной власти и права обложенія податями въ король и парламентъ, строгое ограниченіе круга дѣятельности мировыхъ судей исполнительною властью, ихъ ответственность передъ судомъ, и отправленіе судебной власти не иначе какъ при участіи присяжныхъ.*

Учрежденіе мировыхъ судей развивалось и измѣнялось сообразно съ потребностями времени, но оно осталось до сихъ поръ неизмѣннымъ въ своей сущности, несмотря ни на какія движенія общественной жизни. До сихъ поръ каждый Англичанинъ видитъ въ немъ одно изъ основаній своего самоуправления (self-government), которымъ по справедливости гордится, и которое, какъ доказалъ многолѣтній опытъ, служитъ *единственнымъ обезпеченіемъ противъ самоуправства.*

Въ слѣдующей статьѣ нашей мы будемъ имѣть случай высказать еще нѣсколько общихъ выводовъ относительно англійской аристократіи, говоря о значеніи аристократическаго элемента вообще; теперь укажемъ на нѣкоторыя черты въ исторіи нашего русскаго высшаго сословія.

У всѣхъ славянскихъ народовъ находимъ мы весьма слабое развитіе аристократическихъ элементовъ; въ этомъ безъ сомнѣнія заключается одна изъ отличительныхъ чертъ ихъ въ сравненіи съ другими народами образованнаго міра. Славянскій міръ, сколько намъ извѣстно, не имѣетъ тѣхъ до-историческихъ преданій и религіозныхъ вѣрованій о различныхъ породахъ людей или кастахъ, какія встрѣчаются въ древнемъ періодѣ германскаго міра. Есть сказанія о богатыряхъ, о выдѣлявшихся изъ общественнаго уровня личностяхъ, но нѣтъ и слѣдовъ преданія объ отдѣльныхъ группахъ людей, имѣвшихъ какія-либо особенныя свойства передъ прочими смертными. Классъ рабовъ, сопровождавшій первоначальное развитіе всѣхъ наро-

довъ, точно такъ же и славянскихъ, не имѣеть ничего общаго съ кастами; рабы всегда стояли внѣ системы кастъ и никогда не составляли особой касты. Мы не видимъ такъ же въ государствахъ, возникшихъ на славянской почвѣ, тѣхъ сословныхъ аристократическихъ союзовъ, какіе являлись повсемѣстно въ западной Европѣ въ средніе вѣка. При отсутствіи понятій о кастахъ и феодальной системы, охватывавшей собою всю западную Европу, весьма естественно, что въ славянской Европѣ не могло возникнуть *благородныхъ сословій*, въ смыслѣ западно-европейскомъ. Единственное славянское государство, представляющее весьма сильное развитіе аристократіи, какъ обособленнаго отъ остальнаго народонаселенія сословнаго союза, есть Польша; но это именно то славянское государство, въ исторіи котораго было наиболѣе смѣшенія элементовъ государственнаго развитія западной и восточной Европы, это именно то государство, которое наиболѣе приблизилось въ славянскомъ мірѣ къ типу германскому и романо-германскому.

Но во всякомъ случаѣ естественныя аристократическія начала, въ той или другой степени, въ той или другой формѣ, присущи всѣмъ народамъ и являлись повсемѣстно однимъ изъ условій государственной жизни. Потому не могли остаться имъ вовсе чуждыи Славяне. Съ другой стороны, и восточная Европа имѣла свои средніе вѣка, и своего рода феодальную систему, во многомъ различную, но и во многомъ сходную съ феодальной системой западной Европы. Потому и исторія Русскаго государства не обошлась безъ высшаго первенствующаго класса, изъ котораго произошло нынѣшнее дворянство. Исторія этого класса иная чѣмъ наматерикъ западной Европы, и, полагаемъ, иная не въ ущербъ будущности нашего отечества. Но при общеніи русскаго міра съ западно-европейскимъ, постепенно возраставшемъ съ конца XVII столѣтія, и при ярыхъ стремленіяхъ нашего образованнаго класса подражать высшимъ сословіямъ Европы, съ конца XVIII столѣтія, если не во внутреннихъ живыхъ основахъ жизни, то во внѣшнихъ формахъ, и тамъ отживавшихъ свой вѣкъ, многія сословныя аристократическія понятія были перенесены на нашу почву. Не нашедши для себя пищи, они не принесли настоящихъ плодовъ и не имѣли сколько-нибудь значительныхъ вліяній на развитіе общества. При недостаткѣ исторической дѣйствительности, которая могла бы давать какой-либо смыслъ этимъ аристократическимъ притязаніямъ, нѣкоторые представители

ихъ цѣпляютъ за свои собственные историческія преданія, передѣлывая ихъ на чужой ладъ и кое-какъ приклеивая къ нимъ понятія, выросшія на другой почвѣ. Очевидно, такое направленіе не могло произвести ничего иного, кромѣ самыхъ чудовищныхъ представленій, которыя, къ счастью, мало опасны, и потому могутъ быть только забавны для насъ. Желательно было бы видѣть въ представителяхъ высшаго сословія то воззрѣніе на прошедшее, которое дѣйствительно могло бы преисполнить ихъ нѣкоторымъ чувствомъ самодовольствія относительно настоящаго и нѣкоторымъ чувствомъ аристократическаго превосходства. Это воззрѣніе могло бы корениться въ томъ сознаніи, что въ прошедшемъ нашего высшаго сословія нѣтъ никакихъ затрудненій, а есть многія *возможности* для того, чтобы призвать къ жизни тѣ естественныя общечеловѣческія аристократическія начала, которыя вполнѣ уживаются съ современными движеніями образованнаго міра и безпрестанно сознаются ими.

Водвореніе варяжскихъ князей съ ихъ дружиною въ землѣ Русской весьма сходно съ водвореніемъ въ западной Европѣ германскихъ *гелетовъ*; члены варяжской дружины разсаживаются для учрежденія порядка въ разныхъ частяхъ земли Русской, подобно членамъ германской дружины, получающимъ въ свое господство разныя части завоеванныхъ земель. Но «тамъ на Западѣ, говоритъ г. Соловьевъ (1), члены завоевательной дружины прежде всего стали землевладѣльцами, чрезъ это получили самостоятельное, независимое положеніе; потомъ при образованіи феодализма, мелкій владѣлецъ свободнаго участка отдавалъ его богатому, сильному землевладѣльцу. У насъ же нѣтъ и помину о раздѣленіи земель между членами княжеской дружины, нѣтъ помину о ихъ самостоятельномъ, независимомъ значеніи какъ землевладѣльцевъ, объ ихъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ и съ князьями въ этомъ значеніи; всѣ споры, всѣ усобицы идутъ только между князьями; дружинники по волѣ и по неволѣ переѣзжаютъ съ князьями изъ одной волости въ другую, и это самое уже показываетъ отсутствіе крѣпкихъ, прочныхъ отношеній къ извѣстной мѣстности, къ землѣ, потому что подобныя отношенія необходимо прекратили бы ту сильную передвижку князей и дру-

(1) *Русскій Вѣстникъ* 1858 года № 16: *Историческія Письма*. II.

жинъ ихъ, какую видимъ въ древней Россіи до XIII и XIV вѣка.... Дружина содержалась и кормилась изъ доходовъ княжескихъ. Понятно, что возможность землевладѣнія, какъ постояннаго, такъ и временнаго, не исключалась для дружинника; но главное здѣсь то, что землевладѣніе не было на первомъ планѣ.»

Въ этомъ различіи отношенія дружинниковъ къ землѣ, при самомъ началѣ исторіи на востокъ и на западъ Европы, заключается, безъ сомнѣнія, уже самая могущественная причина совершенно иного направленія въ развитіи ихъ отношеній къ правительству и народу.

Въ связи съ этими отношеніями служилыхъ людей къ государственной власти возникли другія отношенія: за службу жадовались помѣстья, поземельныя владѣнія, и потомъ эти поземельныя владѣнія дѣлаются наследственными; въ теченіи XVII вѣка вотчинное и помѣстное право владѣнія смѣшиваются; понятія: *помѣщикъ* и *вотчинникъ* дѣлаются все болѣе и болѣе тождественными. Право собственности дѣлается одинаково крѣпкимъ и полнымъ и для помѣстья и для вотчины; послѣдняя подчиняется наконецъ государственному характеру перваго; тотъ и другой видъ собственности влекутъ за собой *обязанность* службы. Это понятіе опредѣлилось къ концу XVII вѣка.

Обстоятельство это весьма важно въ исторіи нашего высшаго класса, въ послѣдствіи дворянства. И въ Россіи, какъ въ западной Европѣ, возникли *постоянныя отношенія къ землѣ*, къ поземельному владѣнію и потомъ къ населявшимъ его людямъ, въ связи съ *обязанностію нести службу* по требованію верховнаго правителя земли, и даже преимущественно военную службу. Поземельныя владѣнія, вотчинныя и помѣстныя, были, по справедливому выраженію г. Побѣдоносцева, *служебнымъ фондомъ*, съ котораго отправлялась владѣльцами государственная служба (1). Люди, населявшіе эти земли, сдѣлались также нераздѣльною частью этого фонда. Та же государственная необходимость, которая наложила обязанность службы на высшее сословіе, или землевладѣльцевъ, и тягло государственныхъ повинностей на все народонаселеніе, — закрѣпила службу жителей частныхъ поземельныхъ владѣній въ пользу помѣщиковъ или вотчинниковъ, какъ обладателей этого служебнаго фонда.

(1) *Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи* (Рус. Вѣст. 1858 г. № 16, стр. 579).

Прикрѣпленіе крестьянъ къ помѣщикамъ было безъ сомнѣнія самымъ важнымъ сословнымъ разграниченіемъ, внесеннымъ государственною властью въ нѣдра самую обществу; оно уже не заключалось въ одномъ лишь различіи государственныхъ обязанностей, хотя таково безспорно и было первоначальное его происхожденіе, — но влекло за собою совершенное различіе въ частныхъ гражданскихъ, нравственныхъ и экономическихъ отношеніяхъ людей. Крѣпостное право поставило самую существенную грань между гражданскими правами разныхъ классовъ русскаго общества, ибо оно съ одной стороны создало *привилегированную поземельную собственность*, недоступную для всѣхъ членовъ общества, и съ другой стороны — *господскую власть*.

Эта власть не опиралась у насъ ни на какія преданія объ исключительномъ *благородствѣ* нѣкоторыхъ родовъ, о естественномъ превосходствѣ одной крови людей передъ другою, также не на какія либо частныя *соглашенія* ничтожныхъ людей съ сильными и богатыми, а просто и прямо на силу государственной власти, установившей подчиненность людей крѣпостнаго состоянія къ ихъ господамъ, не сообразно съ отношеніями, которыя исторически и сами собою между ними выработались, а единственно сообразно съ надобностями государственнаго порядка и благоустройства. Первою надобностью явилось здѣсь обезпеченіе фискальнаго интереса—исправнаго поступленія податей и осѣлости народонаселенія, бродившаго по необъятнымъ пространствамъ сѣверовосточной равнины. Огражденіемъ этихъ первостепенныхъ для себя интересовъ и озаботилось правительство Русскаго государства. Господская власть помѣщика представляется намъ несравненно суровѣе на русской почвѣ, чѣмъ на западноевропейской; такъ и слѣдовало быть. Тамъ она развивалась рука объ руку съ историческими преданіями о первоначальныхъ правахъ завоевателей, раздѣлившихъ между собою землю, о доблестяхъ и врожденномъ благородствѣ *земле-владѣльцевъ* и рыцарей, съ строгимъ юридическимъ опредѣленіемъ взаимныхъ правъ и обязанностей одного класса народонаселенія къ другому, отчасти на основаніи ихъ взаимныхъ сдѣлокъ и соглашеній; здѣсь господская власть вся проникнута непреклонною, неумолимою государственною необходимостью, всѣмъ неограниченно - принудительнымъ характеромъ государственной власти. Она окружена самою строгою и точною опредѣленностью съ одной стороны — въ обязанностяхъ относительно государ-

ства, и величайшею неопредѣленностью съ другой стороны— въ отношеніяхъ къ подвластному народонаселенію. Въ этой послѣдней сферѣ хотя и существуютъ нѣкоторыя попытки опредѣленія правъ и обязанностей, но эти опредѣленія такъ неточны и общи, что при буквальномъ даже ихъ соблюденіи нѣтъ никакихъ границъ господскому произволу; они не охраняются никакими гарантіями суда и закона, ими государственная власть старалась какъ будто только отдѣлаться отъ всякаго правильного вмѣшательства въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, оставляя эти отношенія совершенно для себя чуждыми и проникая въ нихъ лишь въ случаяхъ явной государственной опасности. Потому мы находимъ, и у насъ и въ западной Европѣ въ прежнія времена, самый грубый произволъ господской власти, но тамъ произволъ облагороженъ юридическими формами и облеченъ въ наименованія разныхъ правъ; у насъ повторяются тѣ же самыя явленія, — потребности *господскаго тунелдства* одинаковы у всѣхъ народовъ, — но имъ присвоивается у насъ названіе не какихъ-либо правъ *droits de seigneurs*, *Herrenrechte*, а развѣ только господскихъ прихотей. Разумѣется, и послѣдствія иныя. Еслибы сеньйору пожелалось распространить свое право первой ночи и на послѣдующія ночи новобрачныхъ, то законный мужъ могъ бы воспротивиться и отстоять, въ случаѣ нужды, также свое право. Гдѣ нѣтъ права первой ночи, а господскій произволъ въ отношеніи всей личности подвластной женщины, произволъ, не стѣсняемый никакимъ судомъ, кромѣ совѣсти, тамъ конечно не можетъ быть и рѣчи объ ограниченіи господской власти, со стороны законнаго мужа, тою или другою частью правъ его на свою жену. Но произволъ, опирающійся на поддержку государственной власти, уничтожается послѣднею гораздо легче, нежели произволъ, окаймленный юридическими отношеніями, вѣвѣвшимися въ кровь и плоть народа. Если упраздненіе господской власти на Западѣ требовало или глубокихъ государственныхъ и общественныхъ переворотовъ, какъ во Франціи, или постепеннаго и медленнаго перерожденія юридическихъ отношеній какъ въ Германіи, то господская власть въ Россіи можетъ быть *совлечена* государственною мѣрою, столь же рѣшительною, какъ та, которая ее установила. Нельзя не упомянуть здѣсь, въ какой степени въ самомъ народѣ есть сознаніе чисто государственнаго характера помѣщичьей или господской власти; въ пониманіи крестьянъ все преобразование ихъ быта

должно заключаться въ томъ, что господа будутъ (вмѣсто повинностей крестьянъ) *посажены на царское жалованье*.

Съ Петра Великаго новый элементъ, не игравшій до селѣ столь важной роли, вошелъ въ составъ высшаго класса русскаго общества — *образованность*. Настоятельныя нужды государства заставили привлечь къ дѣламъ и вліянію образованныхъ людей всякаго племени, происхожденія и чина. Чрезвычайно любопытный, можетъ-быть единственный въ своемъ родѣ, примѣръ представляетъ намъ это собраніе, вокругъ великаго преобразователя, людей, призванныхъ изъ всякаго званія и племени, лишь во имя таланта, знанія и энергіи къ дѣлу. И здѣсь являются представители древнихъ знатныхъ родовъ, но вмѣстѣ съ обязанностью службы на нихъ налагается и обязанность способности къ службѣ, образованія. Всякій, кто не удовлетворялъ этимъ двумъ необходимымъ требованіямъ общественнаго обновленія службы и просвѣщенія, тотъ, каково бы ни было его прошедшее, не могъ предъявить *никакихъ правъ* на настоящее. Реформа Петра, опредѣлившая все направленіе общественнаго и государственнаго развитія Россіи до настоящаго времени, самымъ рѣшительнымъ образомъ выставила эти два первенствующія, основныя начала высшаго, *благороднаго* класса современнаго русскаго общества: службу и образованность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ начала XVIII столѣтія, этотъ классъ все болѣе и болѣе выдѣляется изъ массы народа, съ которою онъ до того сливался въ едвазамѣтныхъ очертаніяхъ, и общественное сознание начинаетъ отыскивать для него общее названіе, которое бы отличало его отъ остальнаго народонаселенія. Является слово *шляхетство*, слово не русское, и наконецъ *дворянство*; съ первой четверти XVIII столѣтія болѣе и болѣе возникаетъ въ высшемъ классѣ общества сознание *сословнаго* единства, сословныхъ интересовъ и сословной чести, которые мало-по-малу замѣняютъ собою исключительно родовые и фамильные интересы.

При Петрѣ III совершенно отмѣняется обязательная служба дворянства, постепенно смягчавшаяся въ теченіи XVIII столѣтія, вслѣдствіе измѣнившихся государственныхъ потребностей. Событіе это имѣетъ первостепенную важность въ исторіи дворянства; отмѣна обязательной службы дворянъ была *первымъ рѣшительнымъ актомъ перерожденія дворянства изъ служилаго сословія въ иную форму*, но только еще на почвѣ

закона или государственнаго права: обязательность службы для дворянина долго сохраняется въ общественномъ пониманіи какъ необходимая принадлежность дворянства, она даже не исчезаетъ до настоящаго времени. Затѣмъ вторымъ необходимымъ актомъ на пути сложенія съ дворянства характера служиваго сословія, должна была быть отмѣна крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Прикрѣпленіе было послѣдствіемъ государственнаго тягла, наложеннаго на дворянство; оно должно было обезпечивать его службу; отмѣна обязательной службы дворянства безъ отмѣны обязательной службы крестьянъ была бы величайшею государственною несправедливостью и несообразностью. Потому весьма понятно, что въ кругу лучшихъ представителей нашего общества требованіе объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ слышится съ конца XVIII столѣтія, и въ началѣ XIX высказывается съ такою же точно силою убѣжденія, какъ и теперь. Но это требованіе почти исключительно опиралось на соображенія политическихъ, на доводахъ государственной справедливости и мудрости, и частію на отвлеченно-филантропическихъ стремленіяхъ, въ духѣ философіи XVIII вѣка. Къ этимъ побужденіямъ присоединилась въ настоящее время *общественная* необходимость, созрѣвшая посреди новыхъ экономическихъ условій народнаго хозяйства и подъ влияніемъ по преимуществу *общественнаго* характера современныхъ стремленій вѣка. Сообразно съ этими новыми условіями и положеніе нашего высшаго сословія должно совершенно измѣниться.

Обязательная служба государству, стянувшая къ себѣ все классы русскаго общества и наложившая, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей развитія русскаго государства, ярмо разнаго рода ограниченій, стѣсненій и механическихъ прикрѣпленій на всѣхъ членовъ общества: дворянъ, горожанъ, всѣхъ родовъ поселянъ, — эта обязательная служба мало-по-малу снимается во второй половинѣ XVIII столѣтія. На этомъ поприщѣ особенно блистательны были различныя постановленія Екатерины II, положившей начала самостоятельности и самоуправленія для всѣхъ свободныхъ сословій въ государствѣ; еще болѣе остается сдѣлать. Главнымъ подвигомъ на этомъ пути представляется устройство помѣщичьихъ крестьянъ, которыхъ положеніе, съ отмѣною обязательной службы дворянъ, было совершеннымъ противорѣчіемъ новому направленію быта, зачинавшемуся для него съ измѣненіемъ условій государ-

ственной и общественной жизни. Крѣпостное состояніе оставалось самымъ существеннымъ препятствіемъ тому, чтобы нашъ высшій классъ могъ занять въ обществѣ мѣсто, принадлежащее ему сообразно съ новыми условіями народнаго хозяйства и идей современной образованности. Съ отмѣною обязательной службы, дворянство должно было образовать изъ своей среды классъ образованныхъ независимыхъ землевладѣльцевъ. Помѣстья сдѣлались полною собственностью помѣщиковъ, которые должны были уже получать вѣсь и значеніе, не въ силу только служебныхъ обязанностей и служебныхъ преимуществъ, но въ силу нравственнаго и экономическаго вліянія, принадлежащаго образованному землевладѣльческому классу въ обществѣ. Это значеніе было совершенно невозможно для помѣщиковъ, пока оставалась въ ихъ хозяйствѣ заноза изъ прежняго ихъ быта, одно изъ условій прежняго ихъ положенія, одно изъ послѣдствій ихъ *служиваго* характера. Потому, хотя отмѣна обязательной службы и движеніе мыслей въ кругу самаго дворянства, вошедшаго съ конца XVIII столѣтія въ ближайшее общеніе съ западно-европейскимъ образованнымъ міромъ, прокладывали путь къ иному порядку вещей, давали возможность возникнуть инымъ элементамъ въ высшемъ сословіи, мы видимъ, какъ эти элементы до сихъ поръ слабы и незрѣлы, подъ гнетомъ крѣпостнаго права. Сознаніе этого положенія было живо въ средѣ образованнѣйшихъ членовъ дворянства, и постоянно въ теченіи всего XIX столѣтія заявлялось имп.

Въ слѣдующей статьѣ нашей, мы постараемся взглянуть на значеніе и смыслъ аристократическаго начала вообще и на отношеніе къ нему дворянства въ томъ видѣ, какъ оно представляется въ настоящее время. Это поведетъ насъ къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ, относительно интересовъ помѣщиковъ въ совершающейся реформѣ.

В. БЕЗОБРАЗОВЪ.

ЗАПИСКИ

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ этихъ записокъ, отставной генералъ-майоръ Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ, при жизни своей читалъ ихъ семейству своему и въ некоторымъ короткимъ пріятелямъ. Онъ скончался 4-го ноября 1836 г. въ Москвѣ. Въ первое время послѣ его смерти не хватились его записокъ, и онъ потомъ какимъ-то образомъ затерялись. Должно полагать, что записки Льва Николаевича оставались въ имѣніи его, сельцѣ Мурановѣ, Московской губерніи, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ часть года. Тамъ, вѣроятно, убрали ихъ съ кипами разныхъ ненужныхъ бумагъ и газетъ, а какъ въ послѣдствіи и старый домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ сломанъ, то, казалось, исчезли и послѣдніе ихъ слѣды. А. Я. Булгаковъ, знакомый съ этими любопытными, по словамъ его, записками, неоднократно спрашивалъ меня о нихъ и тѣмъ поддерживалъ во мнѣ желаніе отыскать ихъ, хотя всѣ прежніе разспросы мои объ этомъ были тщетны. Нынѣшнею осенью, я находился въ помянутомъ сельцѣ Мурановѣ. Оно досталось по наслѣдству женѣ моей, младшей дочери Л. Н. Энгельгардта, котораго старшая дочь—вдова извѣстнаго нашего поэта Е. А. Баратынскаго. Наконецъ одинъ изъ мурановскихъ дворовыхъ старожилъ, по

разспросамъ моймъ, указалъ мнѣ въ амбарѣ, возлѣ конюшни, большой сундукъ, наполненный разнымъ хламомъ; тутъ-то, между грудями полу-истлѣвшихъ бумагъ съ домашними счетами и вѣдомостями, отрылъ я тетрадки записокъ Л. Н. Энгельгарда, вложенныя въ толстой рукописи переведенной имъ книги: *Triumphes de l'Evangile*. Я съ жадностію бросился на записки и, бѣгло прочитавъ ихъ, привезъ сюда. Здѣсь я предложилъ чтеніе ихъ небольшому кружку людей способныхъ быть вѣрными цѣнителями моей находки. Простота, я ность и чистосердечіе разказа, занимательныя подробности о старинѣ, историческое значеніе нѣкоторыхъ событій, коихъ авторъ былъ свидѣтелемъ, и вообще какой-то характеръ правдивости возбудили самый живой интересъ къ этимъ запискамъ во всѣхъ, ознакомившихся съ ними въ рукописи. Убѣдясь въ этомъ, я рѣшился напечатать ихъ, не касаясь почти ихъ слога. Извѣстный своими критическими и библиографическими статьями М. Н. Лонгиновъ, по благосклонности своей и по страсти къ письменнымъ памятникамъ прошлыхъ временъ, обогатилъ записки Л. Н. Энгельгарда большимъ числомъ примѣчаній, касающихся до лицъ и происшествій, упоминаемыхъ въ нихъ, и до хронологіи событій (*). Пользуюсь случаемъ изъявить ему искреннюю благодарность за услугу, оказанную имъ такимъ образомъ памяти моего покойнаго тестя. Конечно, читатели записокъ будутъ ему также благодарны съ своей стороны.

Н. Путята.

26-го ноября 1858 г.
Москва.

І. Вступленіе.

Записки каждаго частнаго лица о томъ, что случилось видѣть, слышать или чего быть свидѣтелемъ въ жизни, какъ бы оно ни было малозначуще въ свѣтѣ, всегда могутъ быть интересны для будущихъ временъ, касательно нравовъ того вѣка, людей, образа жизни, обычаевъ, политическихъ и военныхъ происшествій и описанія знаменитыхъ лицъ.

Я сожалью, что занялся симъ уже поздно, когда мнѣ минуло

(* Подстрочныя примѣчанія къ этимъ запискамъ двухъ родовъ: обозначенныя буквами сдѣланы самимъ авторомъ, а обозначенныя цифрами сдѣланы М. Н. Лонгиновымъ. Н. П.

шестьдесятъ лѣтъ: многое интересное забыто, а что и вспомнилъ, то уже не такъ вѣрно, какъ должно бы было быть въ связи съ теченіемъ времени. Занятіе это доставило мнѣ удовольствіе вспоминать счастливое время юности; разказывать же о прошедшемъ, какъ говоритъ г. Сегюръ, есть единственное удовольствіе для стариковъ. Эти записки я началъ писать въ 1826 году, слѣдственно все случившееся послѣ, дошедшее до моего свѣдѣнія, будетъ подробнѣе.

Отецъ мой былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Св. Владиміра 2-й степени, Николай Богдановичъ; мать моя была изъ рода Бутурлиныхъ, Надежда Петровна; замѣчательно, что онъ изъ смоленскихъ дворянъ былъ въ числѣ первыхъ, женившихся на Великороссіянкѣ, ибо со временъ завоеванія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Смоленска (1), они, по привязанности къ Польшѣ, брачились вначалѣ съ Польшками, но какъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны были запрещены всякія связи и сношенія съ Поляками, даже ежели у кого находили польскія книги, того ссылали въ Сибирь; то, сперва по ненависти къ Русскимъ, а потомъ уже по обычаю, всѣ Смольяне женились на Смольянкахъ. По этому, можно сказать, всѣ смоленскіе дворяне между собою сдѣлались въ родствѣ. Первый женился на Русской Яковъ Степановичъ Аршеневскій, второй—отецъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина.

1766. Я родился въ 1766 году февраля 10 числа въ Смоленской губерніи, Духовскаго уѣзда, въ деревнѣ Зайцовѣ, родовомъ имѣніи отца моего, которое дано было королемъ польскимъ Сигизмундомъ (2) по взятіи Смоленска предку нашему, генераль-лейтенанту Вернеру Энгельгардту, Курляндцу, служившему у него въ войскѣ, какъ сказано въ жалованной грамотѣ: *za krwawe zasługi przeciwko Moskwie, dajemy dobra*, то-есть: «за кровавыя заслуги противъ Москвы, жалуемъ имѣнія и проч.» Назвали меня Харлампіемъ; но когда привезенъ я былъ родителями моими въ Нижегородскую губернію, Арзамасскаго уѣзда въ село Кирманы, къ бабкѣ моей Натальѣ Федоровнѣ, то она, въ память сына ея Ільва, убитаго въ Семилѣтнюю войну,

(1) Смоленскъ взятъ Русскими 20 сентября 1654 года и остался за Россією по Андрусовскому перемирію, заключенному съ Польшей 30 января 1667 г.

(2) Сигизмундъ III царствовалъ съ 1587 по 1632 годъ.

назвала меня его именемъ; я воспитывался у нея до пяти лѣтъ, то-есть до самой ея смерти.

1771—1773. Бабка моя отдала свое имѣніе, 1.200 душъ, своимъ дочерямъ, то-есть моей матери и теткѣ моей, бывшей замужемъ за Стремоуховымъ, оставя себѣ на прожитіе 100 душъ; по дешевизнѣ въ то время сельскихъ произведеній и по несуществованію водяной коммуникаціи, доходъ ея едва простирался до ста рублей. Однакожъ она довольствовалася симъ доходомъ, не бывъ въ тягость своимъ дѣтямъ и невходя въ долги.

Физическое мое воспитаніе сходствовало съ системою Руссо, хотя бабка моя не только не читала сего автора, но едва ли знала хорошо російскую грамоту. Зимую иногда я выбѣгалъ босикомъ и въ одной рубашкѣ на дворъ, рѣзвиться съ ребятишками, и заоченѣвъ весь отъ стужи, приходилъ въ ея комнату отогрѣваться на лежанкѣ; еженедѣльно меня мыли и парили въ банѣ въ самомъ жаркомъ пару и оттуда въ открытыхъ саняхъ возили домой съ версту. Кормился я самую грубою пищею и отъ того сдѣлался самага крѣпкаго сложения, перенося безъ вреда моему здоровью жаръ, холодъ и всякую пищу; вовсе не учился, и можно сказать былъ самый избалованный внучекъ.

1774. По смерти бабки, отецъ мой, бывъ полковникомъ въ отставкѣ, опредѣленъ воеводою въ отобранную отъ Польши Бѣлоруссію (3), въ городъ Витебскъ, и взялъ меня съ собою. Оставить военную службу заставило его крайне разстроенное его состояніе; онъ задолжалъ теткѣ своей бригадиршѣ Витковичевой, жившей въ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Сарочинцахъ, три тысячи рублей; по тогдашнему, сей долгъ былъ неоплатный, ибо доходы въ низовыхъ губерніяхъ почти ничего не значили, рожь продавалась тамъ по двадцати пяти копѣекъ четверть, да и ту не куда было сбывать; водяной коммуникаціи вовсе не было, винокуренныхъ заводовъ было мало; сказанная Витковичева столь была не снисходительна, что принуждала отца моего ежегодно прѣзжать для переписки векселя изъ Выборга,

(3) Бѣлорусскій край съ 1.800.000 жителей окончательно присоединенъ къ Россіи по первому раздѣлу Польши на основаніи договора, 7 сентября 1773 года, заключеннаго Россією, Австрією и Пруссією съ Польшей.

гдѣ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, былъ на непремѣнныхъ квартирахъ; таковая поѣздка чрезвычайно его разстроила. Какъ доходы были малы и отецъ съ семействомъ жилъ почти однимъ жалованьемъ, то не прежде могъ онъ долгъ сей заплатить, какъ когда пожаловано было ему три тысячи рублей за разореніе имѣнія матери моею партією бунтовщика Пугачева (а).

(а. Емелька, по прозванію Пугачъ, былъ бѣглый донской казакъ, выдававшій себя за императора Петра III, разглашая, что будто онъ спасся и скрывалъ себя въ разныхъ мѣстахъ отъ супруги своей императрицы Екатерины, распространившей слухъ о его смерти, что наконецъ рѣшился онъ прибыть и вѣрить себя явнымъ казакамъ, напоминая присягу и требовалъ отъ нихъ пособія взойти опять на прародительскій престолъ. Сіи казаки, бывъ въ совершенномъ невѣжествѣ, повѣрили и поклялись ему быть вѣрными; вскорѣ пристали къ нему Башкирцы и другая сволочь, а особливо господскіе крестьяне и дворовые люди; онъ обѣщалъ имъ вольность, не брать съ нихъ ни податей, ни рекрутъ, а соль давать безденежно. Дворянъ, которые ему попадались, вѣшалъ, а женъ и дочерей ихъ, наругавшись ими, раздавалъ своимъ сообщникамъ. Начало сего бунта возникло при окончаніи турецкой войны 1771 года и продолжался оный около двухъ лѣтъ, доколѣ собрались войска подъ главнымъ предводительствомъ генерала графа Петра Ивановича Панина (4). Во всей Россіи народъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи; ежели бы Пугачевъ пошелъ къ Москкѣ, а не занимался бы долго въ Уфимской и близъ лежащихъ губерніяхъ, то много бы золь Россія претерпѣла; но онъ не имѣлъ ни ума, ни твердости пользоваться своимъ дерзкимъ предпріятіемъ; онъ подходилъ къ Казани и выжегъ всю, кромѣ крѣпости, которой требовалъ сдачи, но майоръ Иванъ Ивановичъ Михельсонъ (5) съ небольшимъ отрядомъ подоспѣлъ и разбилъ его на Арскомъ полкѣ. У Пугачева было тогда болѣе 20.000, и онъ имѣлъ артиллерію. Послѣ этого онъ бѣжалъ къ Симбирску, а потомъ на Яикъ, гдѣ тѣми же казаками, бывшими его первыми сообщниками, былъ схваченъ и выданъ командующему въ тѣхъ предѣлахъ именитому герою, тогда бывшему генералъ-майоромъ Суворову (6).

(4) Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, генералъ-аншефъ, родоначальникъ нынѣшнихъ графовъ Паниныхъ, родился 1721 г., ум. въ Москвѣ 15 апрѣля 1789.

(5) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, генералъ отъ кавалеріи, началъ службу еще во время Семилѣтней войны. Ум. въ Бухарестѣ 19 августа 1807 г. Битва на Арскомъ полкѣ происходила 12 и 13 августа 1774 г.

(6) Свѣтлѣйшій князь Александръ Васильевичъ Италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій, генералиссимусъ, родился въ Москвѣ 13 ноября 1729, умеръ въ С.-Петербургѣ 6 мая 1800 года. Пугачевъ представленъ былъ къ нему въ началѣ октября 1774 года.

1775. По прїѣздѣ въ Витебскъ, началъ меня учить грамотѣ уніатской церкви дячокъ, и какъ я былъ избалованный внучекъ, то едва въ два года выучился порядочно читать.

1776. Тогда приставили ко мнѣ учителя, отставнаго поручика Петра Михайловича Брауншвейга, учить меня писать по-руески, первымъ правиламъ ариѳметики и по-нѣмецки, за шестьдесятъ рублей въ годъ, а учиться по-французски ходилъ я въ іезуитскій монастырь къ іезуиту Вольфорту; но можно сказать, что отъ таковыхъ учителей мало показывалъ успѣха по тупоумію и лѣности.

1777. Въ послѣдствіи къ старшей моей сестрѣ Варварѣ Николаевнѣ (а) выписана была изъ Вильны madame Leneveu за 500 рублей; вмѣстѣ съ нею я учился цѣлый годъ и уже говорилъ по-французски изрядно; тогда же по-нѣмецки училъ меня іезуитъ Кацаврикъ, который исправно всякую недѣлю наказывалъ меня дисциплиною, отчего я получилъ такое омерзѣніе къ нѣмецкому языку, что никогда не могъ порядочно знать по-нѣмецки и разумѣть, чтѣ читаю.

Тогда же записанъ я былъ въ гарнизонъ сержантомъ. Полковнику Древичу, за заслуги его противъ польскихъ конфедератовъ, пожалованы были, въ Витебской провинціи, деревни и кромѣ того онъ чрезвычайно обогатился во время своихъ дѣй-

Императрица указала рѣку Яикъ переименовать въ Уралъ, а казаковъ именоватъ Уральскимъ войскомъ. Пугачевъ былъ привезенъ въ Москву въ цѣпяхъ и въ желѣзной кѣткѣ съ тремя его главными сообщниками, прочіе же всѣ были прощены.

Императрица предала самозванца судить синоду, сенату и военному генералитету; такъ какъ въ Россіи смертная казнь была отмѣнена, а злодѣйство, имъ учиненное, требовало особливаго постановленія,—синодальные члены въ опредѣленіи своемъ сказали, что Пугачевъ и сообщники его заслуживаютъ смертную казнь, но по духу христіанскому и духовному своему званію, они, синодальные члены, не могутъ подписать приговора. Прочіе члены суда опредѣлили: Пугачева четвертовать и потомъ отрубить ему голову, главному его наперснику также отрубить голову въ Москвѣ (7), что и исполнено; одного изъ его сообщниковъ повѣсить въ Уфѣ, а другаго въ Уралѣ.

(а) Вторая моя сестра, Александра Николаевна отдана была въ Смольный монастырь.

(7) Пугачевъ казненъ въ Москвѣ на Болотѣ 10 января 1775 года.

ствій въ Польшѣ. Отецъ мой оказывалъ ему разныя услуги по сему имѣнію, почему, по прибытіи его въ Витебскъ, опредѣлилъ меня въ гусарскій вербованный Бѣлорусскій полкъ кадетомъ. Я по ребячеству моему, помню, въ какомъ я былъ восхищеніи, когда одѣли меня въ гусарскій мундиръ, а всего болѣе забавляла меня сабля съ ташкою.

Я былъ самыхъ дурныхъ склонностей, ничего не могъ сказать, чтобы не солгать; какъ скоро изъ-за стола вставали, тотчасъ обѣгалъ столъ и все, что оставалось въ рюмкахъ, выпивалъ съ жадностію, кралъ всякія лакомства и все украденное клалъ въ ташку; нерѣдко приводили меня съ поличнымъ къ матери моей, которая со слезами говаривала: «одинъ у меня сынъ, но какого ожидать отъ него утѣшенія при таковыхъ порочныхъ склонностяхъ:» ни наказанія, ни увѣщанія, ничто меня не исправляло, сверхъ того я былъ неловокъ, неопрятенъ, и станъ мой былъ кривъ и сутуловатъ: вотъ какую я общалъ моимъ родителямъ радость.

1778. Такимъ я былъ до 1778 года. Тогда открылись намѣстничества, и отецъ мой помѣщенъ былъ въ Полоцкъ предсѣдателемъ гражданской палаты, а меня отвезли въ Смоленскъ, въ пансіонъ къ содержателю Элерту, гдѣ пробылъ я годъ. Правду сказать, хотя онъ касательно наукъ былъ малосвѣдущъ, и вся учебная дѣятельность его состояла въ сокращенномъ преподаваніи всѣхъ наукъ, то-есть катихизиса, грамматики, исторіи, географіи, мѣлологіи безъ малѣйшаго толкованія и въ принужденіи учениковъ затверживать наизусть французскія фразы; но за то строгостію содержалъ пансіонъ въ порядкѣ, на совершенно военной дисциплинѣ, билъ безъ всякой пощады за малѣйшія вины ферулами изъ подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукамъ, сбѣгалъ розгами и плетью, ставилъ на колѣни на три и четыре часа; словомъ, совершенный былъ тиранъ. Но, кажется, для меня таковой и былъ нуженъ, чтобы перемѣнить злую мою нравственность; какъ я имѣлъ дурную память, то не проходило дня, въ который не былъ я наказанъ, но успѣвалъ я очень хорошо въ ариметикѣ и геометріи, которымъ училъ насъ отставной артиллерійскій сержантъ, Осипъ Ивановичъ Овсянниковъ, отличавшій меня передъ всѣми прочими; также успѣвалъ я въ танцованіи и фехтованіи, чему училъ самъ Элертъ. Французскій языкъ тоже шелъ хорошо по навыку, ибо никто не

смысл ни одного слова сказать по-русски, для чего учреждены были между учениками начальники: младшіе означались краснымъ бантомъ въ петлицѣ и надзирали надъ четырьмя учениками, а старшіе чиновники отличались голубымъ бантомъ и надзирали надъ двумя младшими чиновниками; все они должны были смотрѣть, чтобы никто не говорилъ порусски, не шалилъ, и училъ бы наизусть уроки, заданные для другого дня. Младшіе имѣли право наказывать, если кто скажетъ слово по-русски, однимъ ударомъ по рукѣ фериолою, а старшіе чиновники — по два удара. Если Эллертъ узнавалъ, что сіи чиновники худо исполняли свою должность, или во зло употребляли власть, имъ данную, то наказывалъ ихъ ужаснымъ образомъ, а иногда лишалъ бантовъ. Чтобы заслужить такой знакъ отличія, надобно было вести себя хорошо и прилежно учиться: я почитаю, что поощреніе это много способствовало къ нравственности, но впрочемъ все было основано на побояхъ. Изъ учениковъ отъ такового славнаго воспитанія много было изуродовано, однакожь пансіонъ былъ всегда полонъ. За такое воспитаніе платили сто рублей въ годъ, на все содержаніе Эллерта, кромѣ платья. Танцъ-ботдекъ былъ два раза въ недѣлю; много было дѣвицъ, которыя пріѣзжали учиться танцевать и за выучку платили по тридцати рублей, даже и взрослые, однакожь и имъ не было спуска; одна была дѣвица Лебедева, очень непонятная, одинъ разъ онъ отбилъ ей руки о спинку стула при многолюдномъ собраніи; но до совершеннаго обученія менуэта и контратанцовъ никто не бралъ своихъ дѣтей обратно. Сравните теперь воспитаніе того времени съ нынѣшнимъ, и вѣрно мало тому повѣрите. Однакожь касательно мальчиковъ умѣренная строгость не лучше ли неупотребленія тѣлеснаго наказанія? Нужно, чтобы они съ юности попривыкли даже и къ несправедливостямъ.

Черезъ годъ взяли меня изъ пансіона и привезли въ Полоцкъ. Въ какомъ восхищеніи были мои родители, увидя меня выправленнаго, исправившагося отъ пороковъ, танцующаго на балахъ, говорящаго изрядно по-французски и о всѣхъ наукахъ, хотя я говорилъ какъ попугай, ничего не понимая, и потому вскорѣ все забылъ!

Между тѣмъ Древичъ представилъ меня въ аудиторы, хотя мнѣ было только тринадцать лѣтъ; но какъ ему досталось въ генераль-майоры, а полкъ принялъ мой внучатный дядя, Васи-

лій Васильевичъ Энгельгардтъ, племянникъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина, то вмѣсто аудитора перевелъ меня въ гвардію въ Преображенскій полкъ сержантомъ, въ число служащихъ, а не недорослей (а).

Отецъ мой былъ пожалованъ вице-губернаторомъ въ Могилевъ. Генераль-майоръ Зоричъ (8) выбылъ изъ случая, при чемъ пожаловано было ему мѣстечко Шкловъ въ тринадцатую тысячами душъ. Первое употребленіе монаршей милости было то, что онъ завелъ училище, выписалъ хорошихъ учителей; въ ономъ я учился еще одинъ годъ. Въ послѣдствіи сіе училище названо кадетскимъ корпусомъ, и въ немъ было до трехъ сотъ кадетовъ. Государыня дала привилегію этому Зоричевскому корпусу, чтобы по экзамену принимать кадетовъ въ армію офицерами, и многіе изъ нихъ были съ большими свѣдѣніями, а особливо въ математикѣ. По смерти Зорича казна приняла корпусъ на свой коштъ, помѣстила сперва въ Смоленскѣ, потомъ въ Гродно, а въ 1812 году оный переведенъ въ Кострому; нынѣ состоитъ въ Москвѣ (9).

По окончаніи года взять я былъ изъ онаго училища и, для обученія практической геометріи и геодезіи, отданъ оберъ-квартирмейстеру Матвею Михайловичу Щелину, который по дружбѣ къ моему отцу училъ меня, какъ своего сына, въ Оршѣ; жилъ же я тамъ у генераль-майора Б.; изъ благодарности умолчу о немъ, но пребываніе мое у него въ домѣ много сдѣлало мнѣ вреда касательно нравственности.

Симъ заключилось мое воспитаніе.

(а) Большею частію всѣ дворяне записывали своихъ дѣтей въ гвардію, смотря по связямъ ихъ, капралами, унтеръ-офицерами и сержантами; не имѣвшіе же случая, записавъ малолѣтнихъ своихъ дѣтей недорослями, брали ихъ къ себѣ для воспитанія до возраста; старшинство ихъ считалось по вступленіи въ настоящую службу, а случайные вносились въ списокъ служащихъ; тогда давали имъ паспорта до окончанія наукъ. Въ одномъ Преображенскомъ полку считалось болѣе тысячи сержантовъ, а недорослямъ не было и счету.

(8) Семень Гавриловичъ Зоричъ, флигель-адъютантъ и генераль-майоръ. Онъ былъ родомъ Сербъ. Успѣхи его при дворѣ продолжались не болѣе года; онъ уѣхалъ въ Шкловъ въ іюнь 1778 и вскорѣ основалъ тамъ училище. Умеръ въ 1799 году генераль-лейтенантомъ, чинъ котораго получилъ при Павлѣ I.

(9) Нынѣ 4-й московской кадетскій корпусъ, помѣщенный въ Головинскомъ дворцѣ.

II. ВРЕМЯ ДО ПРИВЪТІЯ МОЕГО НА СЛУЖБУ ВЪ ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ ПОЛКЪ
И НѢКОТОРЫЕ АНЕКДОТЫ.

Еще во время пребыванія моего въ Шкловскомъ училищѣ, вышелъ изъ случая Иванъ Николаевичъ Корсаковъ (1). При дворѣ сталъ имѣть большое вліяніе Александръ Дмитріевичъ Ланской (2). Корсакову пожаловано было въ Могилевской губерніи 6000 душъ, 200.000 рублей для путешествія въ чужіе края, брилліантовъ и жемчуговъ было у него, какъ цѣнили тогда, болѣе нежели на 400.000 рублей; судя по нынѣшнему курсу, имѣлъ онъ денегъ и вещей на 2.400.000 руб. Какъ въ жалованныхъ ему деревняхъ еще не было построеннаго дома, то выпросилъ онъ у тамошняго помѣщика Іезофовича деревню Желивлѣ, верстахъ въ тридцати отъ Могилева, куда и пріѣзжали къ нему всѣ родственники его изъ Смоленской губерніи; не рѣдко и отецъ мой съ семействомъ своимъ ѣзжалъ туда же и меня бралъ съ собою. Какъ ни огроменъ былъ въ Желивлѣ домъ, и какъ ни много было при немъ службъ, но тѣснота бывала ужасная: въ одной комнатѣ помѣщалось фамиліи по двѣ; ежедневно одни пріѣзжали, другіе уѣзжали, но менѣе осьмидесяти человѣкъ никогда не бывало; при такомъ множествѣ господъ, сколько перебивало людей и лошадей? Болѣе шести мѣсяцевъ жилъ онъ такимъ образомъ; все, что можно придумать къ увеселенію и роскоши, все было придумано; посему, а еще болѣе по безпорядку (а), онъ въ короткое время прожилъ много изъ данныхъ ему на путешествіе денегъ. Я для того написалъ сіе въ

(1) Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, также не долго пользовавшійся значеніемъ при дворѣ. Въ іюнѣ 1778 назначенъ онъ флигель-адъютантомъ и пожалованъ генералъ-майоромъ, а въ октябрѣ 1779 оставилъ Петербургъ. Онъ родился въ 1754 г., ум. въ 1831 году.

(2) Александръ Дмитріевичъ Ланской, генералъ-адъютантъ и генералъ-поручикъ. Род. 8 марта 1758, ум. 25 іюня 1784. Онъ пожалованъ былъ флигель-адъютантомъ въ свѣтлое воскресенье 1780, и придворные успѣхи его продолжались до самой его смерти.

(а) Не только его слуги, но и люди гостей пивали шампанское.

началъ главы, что впервые тогда началъ пользоваться обществомъ, помышлять нравиться обоюго пола людямъ и заслуживать къ себѣ вниманіе.

1779. Въ 1779 году, отецъ мой призыванъ былъ вообще со всѣми вице-губернаторами къ императрицѣ Екатеринѣ Великой. Она хотѣла узнать отъ самыхъ лицъ, коимъ ввѣрены казенныя имущества, о доходахъ каждой губерніи и отчетахъ и обстоятельствахъ пространной своей имперіи; видѣть и узнать каждаго, кому поручены ея финансы.

Я слышалъ отъ отца моего, въ какую подробность и тонкость она входила, разспрашивая каждаго глазъ на глазъ; многіе лишены были своихъ мѣстъ, многихъ при первыхъ открывшихся мѣстахъ пожаловала она въ губернаторы и иныя государственныя должности, по способности каждаго, нѣкоторыхъ оставила при себѣ и помнила каждаго изъ нихъ, такъ что безъ всякаго посторонняго покровительства жаловала въ свое время; въ числѣ таковыхъ въ послѣдствіи и отецъ мой удостоенъ пожалованіемъ губернаторомъ въ Могилевъ, на мѣсто бывшаго губернатора, Петра Богдановича Пассека (3).

Вотъ какъ былъ представленъ отецъ мой тогда ея величеству. Наканунѣ генераль-прокуроръ, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій (4), повѣстилъ, чтобы батюшка на другой день въ шесть часовъ явился предъ кабинетъ государыни и чтобы сказалъ ея камердинеру доложить ей о немъ.

Въ первомъ часу отецъ мой позванъ былъ въ кабинетъ государыни. Государыня, пожаловавъ ему поцѣловать ручку, спрашивала о его службѣ, и когда онъ сказалъ, что былъ капитаномъ въ полку Мельгунова (5), то она сказала: «такъ мы съ вами знакомы,

(3) Петръ Богдановичъ Пассекъ, генераль-аншефъ, род 18 февраля 1736, ум. въ Петербургѣ 22 марта 1804 года, въ отставкѣ. Будучи капитаномъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, способствовалъ онъ много восшествію на престолъ Екатерины II, по освобожденіи изъ-подъ ареста, подъ который посаженъ наканунѣ этого дня чрезъ свою неосторожность.

(4) Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій род. 3 августа 1727 г. Онъ былъ генераль-прокуроромъ съ 1764 года до самой смерти своей, послѣдовавшей 8 января 1793. Должность генераль-прокурора соединяла въ себѣ должности начальника тайной экспедиціи и нынѣшнихъ министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.

(5) Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ былъ адъютантомъ императора Петра III, когда онъ былъ еще великимъ княземъ. При Екатеринѣ II

мы были караульнымъ наптаномъ въ Петергофѣ, когда я вступилъ на престоль, я васъ помню». Дѣйствительно это было такъ, во отецъ мой хотя былъ въ короткомъ знакомствѣ съ Орловыми, особенно съ княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ (4), съ которымъ былъ въ одно время адъютантомъ у графа Петра Ивановича Шувалова (5), но по его твердымъ правиламъ ему не открывали заговора; начальствовавшими же въ Петергофѣ при императорѣ Петрѣ III, державшими уже сторону императрицы, никакого особаго наставленія караульнымъ дано не было, а потому ему вовсе заговоръ не былъ извѣстенъ. Потомъ государыня разспрашивала о доходахъ Могилевской губерніи; отецъ мой на многія подробности государынѣ донесъ, что не имѣеть вѣрной памяти и, чтобы не сказать ложно, то просить позволенія справиться съ своею памятною книжкою, которая для сего нарочно была заготовлена и, которую вынувъ изъ кармана, тотчасъ далъ отчетъ на спросы государыни со всѣми подробностями. Императрица сказала: «позвольте взглянуть на вашу память, которая гораздо лучше, нежели бы вы мнѣ отвѣчали словами»; долго разсматривала книжку, въ которой были помѣщены всѣ вѣдомости и отчеты, со всѣми обстоятельствами и съ замѣчаниями, сдѣланными собственною рукою моего отца, потомъ сказала: «можете ли вы меня ею подарить? я каждому вице-губернатору прикажу имѣть такую.» Между прочимъ говорила еще: «Отчего ваша губернія въ прошломъ году такую претерпѣвала въ соли нужду, что жители принуждены были вымачивать сельди и тѣмъ солить свою пищу?» (а)—Государыня, отвѣчалъ мой отецъ,—сіе донесено вамъ было ложно, свидѣтель этому сія же

онъ былъ генералъ-губернаторомъ въ намѣстничествахъ: Ярославскомъ, Костромскомъ, Архангелогородскомъ и Вологодскомъ. Ум. въ 1788 году.

(4) Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, старшій изъ знаменитыхъ братьевъ Орловыхъ, род. 6 октября 1734 г., ум. въ Москвѣ 13 апрѣля 1783 г. Въ 1762 году онъ былъ не болѣе какъ цейхмейстеромъ артиллеріи до самаго восшествія на престоль Екатерины II. Князь Орловъ особенно памятенъ своими дѣйствіями при прекращеніи въ Москвѣ чумы въ 1771 году; черезъ годъ послѣ того оставилъ онъ дворъ, путешествовалъ за границей и постоянное пребываніе свое основалъ въ Москвѣ.

(5) Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, фельдмаршалъ, род. 1771 г., ум. 4 января 1762 г., родоначальникъ всѣхъ нынѣшнихъ графовъ Шуваловыхъ.

(а) Сіе было выдуманно непріятелями бывшаго тогда намѣстника, графа Захара Григорьевича Чернышева.

книжка, въ которой изволите вы уемотрѣть, что великое количество соли отъ каждаго года оставалось во всѣхъ магазинахъ. Она, увидѣвъ вѣдомость о соли и увѣрившись въ справедливости словъ моего отца, сказала: «Я скажу вашему намѣстнику (6), что онъ имѣетъ въ васъ человѣка, который справедливымъ удостовѣрительнымъ образомъ отстаиваетъ его,» что на другой же день и исполнила, сказавъ о томъ брату его, графу Ивану Григорьевичу Чернышеву (а) (7). Еще спросила: «Отчего въ Бешенковской таможенѣ такъ мало собирается пошлинъ? Я знаю, что всѣ эти сборщики таможенъ очень дѣлятся со мною доходами и вовсе ихъ унять нѣтъ средствъ, однакожь надобно знать и совѣсть, а бешенковскіе таможенные, кажется, вовсе ея не имѣютъ.» — Государыня, отвѣчалъ мой отецъ:—за честность ихъ не ручаюсь, и она впрочемъ не подлежитъ моему вѣдѣнію, такъ какъ сія таможня состоитъ въ Полоцкой губерніи, но отговорки ихъ отчасти служатъ къ ихъ оправданію (6), а именно Евреи, въ рукахъ которыхъ въ Бѣлоруссіи почти весь торгъ, вѣдять въ Ригу не для покупки товаровъ, хотя отчасти и покупаютъ тамъ товары, привозимые чрезъ Балтійское море, какъ-то: сахаръ, кофе, пряности, вины, англійское пиво и прочія, но главнѣйшій товаръ покупаютъ на ярмаркахъ, лейпцигской, франкфуртской и кенигсбергской;—они вѣдять въ Ригу для покупки абштуховъ отъ разныхъ тамошнихъ купцовъ. Дѣло вотъ въ чемъ: закономъ постановлено, что если товаръ купленъ въ

(6) Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, фельдмаршалъ и съ 1782 по 1784 годъ главнокомандующій въ Москвѣ, род. 18 марта 1722 года, ум. 29 августа 1784 г. Онъ былъ третій сынъ девицы и любимца Петра I, Григорія Петровича Чернышева, отъ брака его съ Авдотьею Ивановной Ржевской.

(а) При этомъ отецъ мой доложилъ, что какъ въ Польшѣ соль была гораздо дороже, и жители къ тому привыкли, то казна имѣла бы великое приращеніе въ доходахъ, еслибы пустить соль въ продажу по прежнимъ цѣнамъ: жители бы повинность сію приняли безъ ропота и отягощенія. Императрица сказала: «Нѣтъ, я съ вами не согласна, пусть соль, столь необходимая для жизни и сохраненія здоровья, будетъ даже съ убыткомъ казнѣ, нежели наложить подать на народъ!»

(7) Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, братъ предыдущаго, былъ пожалованъ, при восшествіи на престолъ Павла I, генералъ-фельдмаршаломъ по флоту и президентомъ адмиралтействъ-коллегіи. Род. 24 ноября 1726 г., ум. 12 февраля 1797 г.

(6) Когда Бѣлоруссія взята была отъ Польши, то отъ Риги граница была по Двинѣ до Островны, ниже Бешенковичъ верстъ съ пятьдесятъ.

Ригѣ, за который уже пошлины заплачены, то, за подписью свидетельства или абштуховъ рижскихъ купцовъ, съ тѣхъ товаровъ пошлинъ въ таможахъ не брать. Еврей, пріѣхавъ въ Ригу, ожидаетъ отъ своихъ прикащиковъ извѣщенія, сколько какого товара ими закуплено, а потомъ стакнувшись съ извѣстнымъ ему рижскимъ купцомъ и получивъ за подписаніемъ абштухъ, ѣдетъ почти съ пустою баркою по Двинѣ, и ночью причаливъ къ польскому берегу, гдѣ ожидаетъ его купленный на упомянутыхъ ярмаркахъ товаръ, нагружаетъ оную и ѣдетъ мимо Бешенковской таможи, подъ видомъ, что везетъ товаръ изъ Риги; показываетъ абштухъ, таможенные свидѣтельствуютъ и видя, что весь товаръ описанъ точно, не имѣютъ права останавливать и пропускаютъ. «Вотъ большіе искусники ваши бешенковскіе таможенные, сказала императрица:—они не уступаютъ тонкости жидовъ, и я не вижу средства пресѣчь такое злоупотребленіе». Продержавъ же отца моего наединѣ болѣе двухъ часовъ, пожаловала ручку и сказала: «Я бы желала, чтобы всѣхъ наша таковыхъ вице-губернаторовъ, хотя память ваша и хуже моей; доказательство тому, что я васъ вспомнила, и будьте увѣрены и впредь о васъ буду помнить.»

1780. Въ слѣдующій 1780 годъ императрица предприняла путешествіе въ новопріобрѣтенный край, въ Бѣлорусскія губерніи, и въ Могилевѣ назначено было свиданіе съ римскимъ императоромъ Іосифомъ II (8). Для принятія высокихъ путешественниковъ дѣлали большія приготовления; намѣстникъ, фельд-маршалъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, не щадилъ трудовъ, чтобы представить ввѣренныя ему Полоцкую и Могилевскую губерніи въ лучшемъ устройствѣ, и дѣйствительно онѣ были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ по наружности, такъ и по внутренности, какъ по исполнительной, такъ и по судебной и хозяйственной части. Люди, имъ собранные, были отличной нравственности, свѣдущіе въ дѣлахъ и дѣятельные; словомъ, сіи губерніи могли быть образцомъ для всей Россіи.

Вначалѣ жители не могли быть довольны новымъ правительствомъ, и, правду сказать, графъ принялся круто, въ томъ краѣ, гдѣ была совершенная анархія: паны поступали съ сво-

(8) Іосифъ II, императоръ германскій, сынъ императора Франциска I и Маріи Терезіи, род. 2 (13) марта 1741 г., царствовалъ съ 7 (18) августа 1765 г. умеръ 9 (20) февраля 1790 г.

ими крестьянами по произволу, даже и въ жизни ихъ были властны; который изъ нихъ былъ богаче, тотъ утѣснялъ бѣдныхъ, какъ хотѣлъ; итакъ могло ли имъ быть пріятно, когда на всякомъ шагу останавливали ихъ въ буйныхъ дерзостяхъ? дѣланіе же дорогъ произвело общій ропотъ. За то дороги были, не только отъ столицъ, но и ко всѣмъ смежнымъ губерніямъ и уѣздамъ таковы, какимъ во всей Имперіи не было подобныхъ; широкія, прямыя дороги ведены были чрезъ лѣса, горы и буераки, по обѣимъ сторонамъ вырыты были каналы и обсажены въ два ряда березками, горы были скопаны, гати были сдѣланы по непроходимымъ зыбямъ и болотамъ; мосты прочныя, переправы черезъ рѣки безопасныя; на почтовыхъ станціяхъ выстроены были домики и снабжены простыми, но достаточными мебелями, такъ что каждый проѣзжающій находилъ не только спокойный ночлегъ, но и все нужное. Графъ склонилъ помѣщиковъ тѣхъ селеній, гдѣ станціи были учреждены, взять въ свое смотрѣніе не только сіи домики, но и почтовыхъ лошадей и почтальионовъ, одѣтыхъ пристойно по образцу, какъ въ Пруссіи; казна по сходнымъ цѣнамъ платила за то содержателямъ, такъ, что они имѣли небольшой доходъ.

Въ городахъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, присутственныя мѣста выстроены были каменные въ два этажа, съ приличнымъ расположеніемъ и архитектурою. Дома для государева намѣстника съ большою залою, въ коей былъ поставленъ тронъ и все дворянство вмѣщалось для выборовъ; дома для губернатора, вице-губернатора и предсѣдателей палатъ, а въ уѣздахъ для городничихъ. Въ послѣдствіи, когда все сіе учредилось, сей государственный человѣкъ всѣми былъ обожаемъ.

Какъ императрица назначила для своего пребыванія въ Могилевъ семь дней, то чтобы со стороны увеселеній было чѣмъ занять ее и дворъ, графъ выписалъ изъ Петербурга придворную италіанскую оперу, а для концертовъ придворную музыку и лучшихъ артистовъ, въ числѣ которыхъ по тогдашнему времени славилась извѣстная пѣвица Бонафина; для праздниковъ же построилъ на свое иждивеніе театръ и пространную залу, по плану и содѣйствіямъ славнаго архитектора Бригонція.

Собранъ былъ корпусъ войскъ изъ лучшихъ полковъ: перваго кирасирскаго, двухъ гусарскихъ, одного драгунскаго, пяти пѣхотныхъ, пятидесяти орудій полевой артиллеріи и двухъ полковъ донскихъ казаковъ, подъ командою генералъ-поручика

Степана Матвеевича Ржевскаго (9), известнаго по тактическимъ познаніямъ и нѣкоторымъ военнымъ сочиненіямъ, которыхъ, однакожь, въ печать не выдалъ; имъ приготовлены были для императора маневры.

За мѣсяць до прибытія государыни, съѣхались иностранные министры, часть двора, множество иностранцевъ, а особливо знатныхъ и богатыхъ польскихъ вельможныхъ пановъ; тогда Могилевъ уподоблялся болѣе многолюдному, столичному, нежели губернскому городу. Безпрестанные были праздники, балы и карточная игра, каковой, конечно, прежде въ Россіи не бывало, да и сомнительно, было ли и послѣ; графъ Сапѣга (10) проигралъ тогда все свое знатное имѣніе (а).

(9) Степанъ Матвеевичъ Ржевскій, генералъ-поручикъ, род. 17 декабря 1732 г.) ум. 1782 г.

(10) Полагаемъ, что здѣсь говорится о сынѣ графа Петра Ивановича Сапѣги, бывшемъ женихомъ княжны Меншиковой, до назначенія ея невестой императора Петра II. Графъ Петръ Ивановичъ Сапѣга женился потомъ на графинѣ Софьѣ Карловнѣ Скарвонской, родной племянницѣ Екатерины I, и былъ камергеромъ русскаго двора.

(а) Случилось въ то время странное видѣніе бывшему тогда губернатору Петру Богдановичу Пассеку; онъ былъ страстный игрокъ: въ одну ночь проигравъ тысячу съ десять, сидѣлъ около трехъ часовъ у карточного стола и вздремнулъ, какъ вдругъ, очнувшись, сказалъ: attendez; приснился мнѣ съдой старикъ съ бородою, который говоритъ: «Пассекъ, пользуйся, ставь на тройку 3000, она тебѣ выиграетъ соника, загни парои, она опять тебѣ выиграетъ соника, загни сетелева, и еще она выиграетъ соника.» Ба, да вотъ и тройка лежитъ на полу; идетъ 3000». И точно она сряду выиграла три раза. Но сіе видѣніе тѣмъ и кончилось. Пассекъ былъ лѣнивый человекъ. Графъ Захаръ Григорьевичъ требовалъ дѣятельности, а потому Пассекъ безпрестанно получалъ отъ него выговоры и взысканія; въ одинъ день получаетъ онъ изъ Полоцка отъ графа строгій выговоръ; на тотъ разъ былъ у него мой отецъ и многіе другіе его пріатели изъ тамошнихъ чиновниковъ. «Нѣтъ, братцы, говоритъ онъ, я рѣшился идти въ отставку, долго ли терпѣть такія неудовольствія, да и старикъ мой, который заставилъ меня выиграть 21.000, сегодня приснился мнѣ и сказалъ: «Полно, Пассекъ, грустить, поди въ отставку, тебя отставятъ, но не пройдетъ трехъ мѣсяцевъ, какъ пожалуютъ тебя сенаторомъ, а ровно чрезъ годъ отъ сего дня главнокомандующій въ Москвѣ князь В. М. Долгорукій умретъ (11), на его мѣсто будетъ графъ Захаръ Григорьевичъ, тебя же пожалуютъ

(11) Князь Василій Михайловичъ Долгорукій-Крымскій, генералъ-аншефъ и съ 1780 по 1782 годъ, главнокомандующій въ Москвѣ. Родился 1 іюля 1722 г., умеръ 30 января 1782 года.

Наконецъ государыня, чрезъ Псковскую и Полоцкую губерніи, прибыла къ границѣ Могилевской, гдѣ отецъ мой встрѣтилъ ее, а губернаторъ посланъ былъ встрѣчать императора Иосифа II, подъ именемъ графа Фалкенштейна ѣхавшаго со стороны Галиціи. Императрица пожаловала отцу моему поцѣловать ручку и сказала: «Еслибы я сама не видѣла такого устройства въ Бѣлоруссіи, то никому бы не повѣрила, а дороги ваши какъ сады». Передъ вѣздомъ въ Могилевъ императрица ночевала въ Шкловѣ, гдѣ была угощаема Зоричемъ, а на обратномъ пути общала пробить въ Шкловѣ однѣ сутки.

Встрѣча въ Могилевѣ была самая великолѣпная (12); въ трехъ верстахъ, построены были триумфальныя ворота, прекраснѣйшей архитектуры, между ними и городомъ поставлены были войска, а по другой сторонѣ народъ и мѣщанство съ ихъ цеховыми знаками. У самыхъ триумфальныхъ воротъ встрѣтилъ государыню намѣстникъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, съ чиновниками губерніи, и дворянствомъ съ ихъ предводителями, верхами; у городскихъ воротъ—прибывшій наканунѣ фельдмаршалъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій (13), свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ и всѣ бывшіе тутъ генералы; передъ каретою императрицы ѣхалъ эскадронъ кирасиръ. Въ сопровожденіи всѣхъ вышеупомянутыхъ особъ, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, императрица прибыла прямо къ собору, гдѣ встрѣчена была съ крестомъ и св. водою преосвященнымъ Георгіемъ, архіепископомъ могилевскимъ (14); приложась къ образамъ и отслуживъ благодарный молебень, она отправилась

на мѣсто послѣдняго.» Отецъ мой записалъ сей день, и онъ точь-въ-точь въ годъ сбылся. Нужно замѣтить, что князь Долгорукій лѣтами былъ гораздо моложе графа Чернышева и былъ здоровъ.

(12) Вѣздъ Екатерины въ Могилевъ происходилъ 24 мая 1780 г., она оставась тамъ до 30 мая.

(13) Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій, фельдмаршалъ, родился 1725 г., ум. 8 декабря 1796 г. Онъ былъ сынъ любимца и деньщика Петра I, Александра Ивановича, отъ брака его съ графинею Марьею Андреевною Матвеевою, внукою знаменитаго боярина Матвеева, на смерть которой (4 мая 1788 г.) Державинъ написалъ одну изъ превосходнѣйшихъ своихъ одъ.

(14) Георгій Конисскій, архіепископъ бѣлорусскій, родился въ Нѣжинѣ 20 ноября 1717 г., умеръ въ Могилевѣ 13 февраля 1795 г. Сочиненія его изданы въ двухъ частяхъ (Спб. 1835 г.) и разборъ ихъ написанъ Пушкинымъ (*Соч. Пушкина*. Изд. Анненкова, Т. V. стр. 554).

въ домъ намѣстника, гдѣ имѣла свое пребываніе. Тамъ встрѣчена была римско-католическимъ архіепископомъ Сестренцевичемъ (15) съ духовенствомъ, и супругою намѣстника, статсъ-дамою, графинею Анною Родіоновною Чернышевою, съ дамами (16).

На другой день императрица осматривала присутственныя мѣста, и послѣ представлялись ей чиновники губерніи и дворянство. Въ тотъ же день къ обѣду прибылъ и императоръ, въ сопровожденіи своего генераль-адъютанта и фаворита Когцейна (а). Вечеромъ представлялись всѣ дамы; послѣ чего при дворѣ былъ балъ.

Не знаю, справедливо ли, но распространился слухъ, что императрица позвала къ себѣ фельдмаршала, графа Петра Александровича, и говорила ему о планѣ союза съ Австріею; надобно знать, что съ самаго вступленія на престолъ императрицы дворы россійскій и прусскій связаны были тѣснымъ союзомъ; фельдмаршалъ страстно былъ привержень къ Пруссіи; въ Семилѣтнюю войну онъ уже извѣстенъ былъ взятіемъ Кольберга (17), а потомъ былъ съ вспомогательнымъ корпусомъ въ концѣ царствованія Петра III, при королѣ прусскомъ Фридрихѣ II, противъ Австрійцевъ; при восшествіи же на престолъ Екатерины II, оставался зрителемъ побѣдъ Фридриха Великаго. Съ того времени фельдмаршалъ былъ обворожень его воинскимъ и государственнымъ геніемъ; въ послѣдствіи два раза былъ въ Пруссіи съ наслѣдникомъ, для женитьбы его, сперва на прежней великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, урожденной принцессѣ дармштадтской (18), а потомъ на нынѣшней импера-

(15) Сестренцевичъ-Богущъ былъ потомъ митрополитомъ римско-католическихъ церквей въ Россіи.

(16) Графиня Анна Родіоновна Чернышева; урожденная Ведель, род. 1744 г., ум. 9 іюля 1830 г. Сестра ея Марія Родіоновна была замужемъ за графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ (см. прим. 4. къ 1 главѣ). Обѣ сестры остались сиротами послѣ отца своего, заслуженнаго генерала, и взяты были во фрейлины императрицей Елисаветой.

(а) Оный Когцейнъ на третій день пріѣзда въ Могилевъ, ночью хотѣвъ утолить жажду, схватилъ графиню воды, который лопнулъ; мелкіе части стекла врѣзались въ руку его, отъ чего сдѣлался антоновъ огонь, и на другой день онъ умеръ. Погребли его уже по отъѣздѣ двора съ подобающею по чину его военною почестію.

(17) Кольбергъ былъ занятъ Русскими 5 декабря 1761 г.

(18) Великая княгиня Наталья Алексѣевна, первая супруга цесаре-

трицѣ Маріи Теодоровнѣ, принцессѣ виртембергской, да и сама императрица Екатерина Алексѣевна была принцесса цербстская, родственница короля прусскаго Фридриха II. Король чрезвычайно уважалъ фельдмаршала, и онъ со всѣми славными прусскими генералами былъ въ короткомъ знакомствѣ, восхищался прусскою арміею, конечно тогда лучшею въ свѣтѣ, и съ тѣхъ самыхъ поръ постоянно твердо оба двора хранили союзъ; новый же союзъ съ Австрію, по природѣ враждебною Пруссіи, предложенъ былъ княземъ Потемкинымъ, личнымъ непріятелемъ, по нѣкоторымъ причинамъ, съ фельдмаршаломъ (19). Естественно, что онъ опровергалъ этотъ союзъ, но государыня утверждала, «что союзъ сей касательно турецкой войны выгоденъ, и князь Потемкинъ то совѣтуетъ»; фельдмаршалъ сказалъ: «Государыня, вамъ не нужно ни отъ кого принимать совѣты: свой умъ царь въ головѣ.» Императрица отвѣчала: «Правда, но есть и другая русская пословица, не менѣе справедливая: одинъ умъ хорошъ, а два лучше.» Несмотря на представленіе фельдмаршала, союзъ съ Австрію былъ заключенъ лично между двумя монархами (а).

Въ теченіи нѣсколькихъ дней, по утрамъ производились маневры въ присутствіи императора, а по вечерамъ продолжались праздники. На четвертый день пребыванія двора, бывши во дворцѣ, графъ Захаръ Григорьевичъ говорилъ князю Потемкину, чрезъ котораго текли всѣ милости, и съ которымъ онъ былъ тогда въ пріятномъ обхожденіи, что очень бы ему желалось,

вича Павла Петровича, род. 14 іюня 1755 г., вышла замужъ 29 сентября 1773, ум. 16 апрѣля 1776 г. Она была родная тетка императрицы Елизаветы Алексѣевны.

(19) Графъ Румянцевъ не мало способствовалъ возвышенію Потемкина въ первую турецкую войну, но потомъ испыталъ его неблагодарность.

(а) Императоръ, узнавъ, что фельдмаршалъ не былъ къ нему въ добромъ расположеніи, разговаривая съ нимъ однажды, сказалъ: «надобно удивляться блистательнымъ вашимъ успѣхамъ въ турецкой войнѣ, что вы всегда продовольствовали армію въ такъ худо населенной землѣ, какъ Молдавія и Валахія, но что вы били Турковъ, то это сволочь (с'est de la canaille).» Графъ такъ былъ недоволенъ, такимъ комплиментомъ, что въ послѣдующей турецкой войнѣ, никакой диверсін не дѣлалъ въ пользу Австрійцевъ, и когда получалъ извѣстія, что Австрійцы были разбиты, то съ удовольствіемъ говаривалъ: «C'est de la canaille qui bat es troupes belles et régulières de sa Majesté l'Empereur Romain!»

величбы государыня наградила достойнаго пастыря преосвященнаго Георгія панагією; князь съ удовольствіемъ взялся доложить объ этомъ императрицѣ и тогда же пошелъ въ кабинетъ ея величества, откуда вышелъ чрезъ короткое время и отдавая графу панагію, сказалъ: «извольте отвезти сами желаемое вами награжденіе архіепископу.» Графъ тѣмъ обидѣлся и сказалъ: «у васъ есть на то адъютанты, а я уже старъ для разсылокъ.» Явно, что князь хотѣлъ тѣмъ услужить графу, но видя его гордый отвѣтъ, приказалъ при немъ своему адъютанту отвезти панагію къ архіерею, а самъ пошелъ къ государынѣ и пожаловался за сдѣланную ему при всѣхъ грубость. Императрица разгнѣвалась и съ тѣхъ поръ уже обращалась съ графомъ холодно. Щедрія награжденія орденами, чинами и подарками, какія были приготовлены чиновникамъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, остались безъ дѣйствія. Свѣтлѣйшій князь въ тотъ же день отправился. Кажется, что графъ напрасно погорячился и тѣмъ самымъ лишилъ себя и подчиненныхъ своихъ многихъ ожидаемыхъ милостей.

Въ пятый день заложена была церковь во имя Іосифа, для зданія которой императрица и императоръ назначили значительныя суммы; при этомъ императрица послѣ колѣнопреклоненной молитвы, вмѣсто того, чтобы позволить себя приподнять графу, обернулась къ губернатору Пассеку и, подавъ ему руку, сказала: «Петръ Богдановичъ, пособите мнѣ встать.» Послѣ того ея величество уже не была, какъ до сего, ни на какомъ угощеніи.

Въ седьмой день по утру императрица отправилась съ императоромъ Іосифомъ въ Шкловъ. Зоричъ къ пріѣзду ея построилъ преогромный домъ, богато-убранный, выписалъ изъ Саксоніи фарфоровый сервизъ, стоявшій болѣе шестидесяти тысячъ рублей (а). Благородные представили пантомиму на театрѣ, бывшемъ въ томъ же домѣ съ чрезвычайными декораціями, которыхъ

(а) Шкловскій купецъ, Еврей Нотка, былъ посланъ отъ Зорича въ Дрезденъ для покупки того фарфора. За провозъ онаго чрезъ Пруссію у выѣзда въ границы сего королевства взята съ него пошлина, а потомъ также и при выѣздѣ. Нотка письменно жаловался королю, что несправедливо съ него взята вдвойнѣ пошлина за провозимый имъ товаръ, при выѣздѣ и при выѣздѣ изъ его королевства. Король далъ отвѣтъ на его жалобу, въ такихъ выраженіяхъ: «Господинъ шкловскій купецъ Нотка! Справедливо взята съ васъ за товаръ пошлина, положенная законами; также справедливо и то, что при выѣздѣ взята таковая же; ибо еслибы вы не захотѣли платить пошлину два раза, то могли бы купить фарфоръ на моеи берлинской фабриктъ.»

было до семидесяти; сочинилъ оную, а также и музыку, костюмы и декорациі баронъ Ванджурье, отставной ротмистръ австрійской службы; императоръ его тотчасъ узналъ и объявилъ ему сожалѣніе, что онъ оставилъ его службу. Послѣ ужина былъ сожженъ фейерверкъ, дѣланный нѣсколькомѣсяцевъ артиллеріи генераль-майоромъ Петромъ Ивановичемъ Мелиссино (20); павильонъ изъ 50.000 ракетъ былъ достоинъ своего мастера и стоилъ чрезвычайно дорого.

На другой день императрица отправилась въ С.-Петербургъ, чрезъ Смоленскъ и Новгородъ, а императоръ чрезъ Москву.

По отбытіи императрицы былъ обѣдъ у архіерея Георгія, гдѣ графъ Захаръ Григорьевичъ изъявилъ свое огорченіе; послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина, онъ сказалъ: «Ну, друзья мои, я виновать, что никто изъ васъ не награжденъ; признаюсь, не кстатн разгорячился; ну вотъ по крайней мѣрѣ жалованье государыни женѣ моей раздѣлю съ вами». За тѣмъ онъ порвалъ ожерелье жемчужное у сидѣвшей возлѣ его графини, которое разсыпалось и которое послѣ подобрали.

Чрезъ нѣсколько дней Могилевъ изъ многолюднаго города сдѣлался пустой и принялъ свой видъ. Въ исходѣ сего года Пассекъ вышелъ въ отставку, а отецъ мой на его мѣсто пожалованъ губернаторомъ.

1781. Въ 1781 году наслѣдникъ престола, великій князь Павелъ Петровичъ съ великою княгинею проѣзжалъ чрезъ Могилевъ въ чужіе краи (21). Отецъ мой провожалъ его чрезъ всю губернію. Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ въ Чесерскѣ, мѣстечкѣ, принадлежавшемъ ему, угостилъ великаго князя великолѣпно былъ благородный театръ; были даны опера: *Новое Семейство* (22), для сего случая сочиненная бывшимъ тогда полковникомъ С. К. Вязмитиновымъ, а музыка оной—графскимъ адъютантомъ г. Фрейли-

(20) Петръ Ивановичъ Мелиссино, генераль отъ артиллеріи, родился 1726 г., ум. 26 декабря 1797 года. Старшій братъ его Иванъ Ивановичъ (род. 1718 г., ум. 23 марта 1795 г.) былъ съ 1771 года до смерти своей кураторомъ Московскаго университета. Отецъ ихъ былъ лѣкарь, пріѣхавшій въ Россію при Петрѣ Великомъ.

(21) Путешествіе великаго князя съ супругой за границу продолжалось 14 мѣсяцевъ. Они выѣхали изъ Царскаго Села 19 сентября 1781 г. и посѣтили Вѣну, Венецію, Римъ, Неаполь, Швейцарію, Парижъ, Голландію.

(22) Опера эта напечатана тогда же (М. въ Универ. тип. 1781 г.). Сюжетъ ея взятъ изъ русской престонародной жизни.

комъ; потомъ французская комедія *Anglomanie*; спектакль кончился шологомъ, играннѣмъ дѣтьми и сочиненнѣмъ графскимъ секретаремъ Федоромъ Петровичемъ Ключаревымъ (23). Я и старшая сестра моя играли въ оперѣ. По окончаніи театра, актеры представлены были ихъ высочествамъ. Великій князь спросилъ отца моего, записанъ ли я въ службу? Какъ онъ отвѣчалъ, что записанъ въ Преображенскомъ полку сержантомъ, — великій князь сказалъ: «пожалуста не спѣши отправлять его на службу, если не хочешь, чтобъ онъ развратился». Послѣ ужина сожженъ фейерверкъ. На другой день ихъ высочества отправились въ Гомель, мѣстечко, принадлежавшее фельдмаршалу графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, гдѣ были имъ угощаемы, и продолжали далѣе путь свой.

Въ семь году графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ пожалованъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, а Петръ Богдановичъ Пассекъ на мѣсто его въ Могилевъ (24).

1782. Въ 1782 году свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, проѣзжая чрезъ Могилевъ, общалъ отцу моему взять меня къ себѣ въ адъютанты, и въ семь году приобрѣлъ онъ полуостровъ Крымъ, который названъ Таврическою губерніею (25). Свѣтлѣйшій князь пожалованъ генераль-губернаторомъ, какъ въ оной губерніи, такъ въ Новороссійской и Херсонской.

Вотъ происшествіе, случившееся во время проѣзда его свѣтлости. Со времени случая Зорича они между собою были непріатели; хотя князь и не имѣлъ къ Зоричу ненависти, но тотъ всегда думалъ, что онъ къ нему не благоволитъ; чтобы доказать противное, свѣтлѣйшій князь остается въ Шкловѣ на цѣлый день. Одинъ Еврей просилъ позволенія переговорить съ

(23) Федоръ Петровичъ Ключаревъ былъ послѣдователь мистической школы Новикова. Онъ былъ въ послѣдствіи московскимъ почтъ-директоромъ. Изъ сочиненій его напечатана отдѣльно трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ: *Владимиръ Великій* (М. въ Унив. тип. 1779 г.). При графѣ Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ служилъ также въ Бѣлороссіи, а потомъ въ Москвѣ, извѣстный мистикъ Семенъ Ивановичъ Гамалѣя, и покровительствомъ графа пользовались служившіе въ Москвѣ послѣдователи Новикова Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и Иванъ Петровичъ Тургеневъ.

(24) Тутъ есть небольшая неточность; это происходило въ февралѣ 1782 года.

(25) Крымъ присоединенъ къ Россіи 8 апрѣля 1783. Авторъ записокъ нѣсколько ошибается въ этомъ мѣстѣ, относя это событіе къ 1782 г., ибо писалъ на память, которая впрочемъ рѣдко ему измѣняла:

княземъ наединѣ, князь, не ожидая ничего важнаго, не хотѣлъ было его къ себѣ допустить, но какъ тотъ Еврей безотвязно просилъ о томъ, то князь и велѣлъ ввести его къ себѣ въ особливую комнату. Еврей показываетъ сторублевую ассигнацію: «видите ли, ваша свѣтлость, что она фальшивая?» Князь долго разсматривалъ, и не находилъ ничего, такъ она хорошо была поддѣлана, подпись сенаторовъ и разными чернилами, казалось, не могла быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію. «Ну что же тутъ, покажи», сказалъ князь; тогда жидъ показываетъ, что вмѣсто ассигнаціи напечатано ассигнація.—«Гдѣ ты ее взялъ?»—«Если вашей свѣтлости угодно, я вамъ чрезъ полчаса принесу нѣсколько тысячъ. «Кто же ихъ дѣлаетъ или выпускаетъ?» спросилъ князь.—«Камердинеръ графа Зановича и карлы Зоричевы.» Князь далъ Еврею тысячу рублей и приказалъ, чтобъ онъ промѣнялъ ихъ на фальшивыя ассигнаціи и привезъ бы ему на другой день въ мѣстечко его Дубровну, недавно имъ купленное, отъ Шклова по Смоленской дорогѣ вертахъ въ семидесяти.

Отпустивъ Еврея, князь притворился нездоровымъ и въ тотъ же день, до выздоровленія, возвратился въ Дубровну и послалъ за отцомъ своимъ, чтобъ онъ туда къ нему пріѣхалъ; на другой день, какъ скоро батюшка мой къ нему явился, князь, полученный уже тогда пукъ ассигнацій показавъ ему, сказалъ: «Видишь, Николай Богдановичъ, у тебя въ губерніи дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи, а ты не знаешь? Какъ скоро я проѣду Могилевъ, то ту же минуту поручи уголовной палаты предсѣдателю Малѣеву произвести слѣдствіе, не щадя ни самого Зорича, ежели будетъ въ подозрѣніи; я для того не хочу, чтобы ты самъ слѣдовалъ, чтобы въ изысканіи вины Зорича и его друзей-плутовъ не былъ употребленъ Ангельгардтъ, мой родственникъ.»

Теперь я дѣлаю отступленіе и скажу о жизни Зорича и о Шкловѣ. Ни одного не было барина въ Россіи, который бы такъ жилъ, какъ Зоричъ. Шкловъ былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, званія и націй; многіе были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ майоромъ въ гусарскомъ полку, и жили на его совершенномъ иждивеніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ-офицеры, не имѣющіе пріюта, игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы, Французы, Итальянцы, Нѣмцы, Сербы, Греки, Молдаване, Турки, словомъ, всякій сбродъ и побродяги; всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ; единственно для веселья съѣзжалось даже изъ Петербурга, Москвы и разныхъ губерній, лучшее

дворянство къ 1 сентября, дню его именинъ, на ярмарки два раза въ годъ, и тогда праздновали недѣли по двѣ и болѣе; въ одинъ разъ было три рода благородныхъ спектаклей, между прочимъ французскія оперы играли княгиня Катерина Александровна Долгорукая (26), генераль-поручица графиня Мелина (27) и прочія соответствующія симъ двумъ особамъ дамы и кавалеры; по-русски трагедіи и комедіи—князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій (28) съ женою и прочіе; балетъ танцевалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами и другими, польская труппа была у него собственная. Тутъ бывали балы, маскарады, карусели, фейерверки, иногда его кадеты дѣлали военныя эволюціи, предпринимали катанія въ шлюпкахъ на водѣ. Словомъ, нѣтъ забавъ, которыми бы къ себѣ хозяинъ не приманивалъ гостей и много отъ него наживались игрою. Хотя его доходы были и велики, но такового рода жизнь ввела его въ неоплатные долги.

Въ числѣ живущихъ у него былъ турецкій князь Иванъ-Бей, второй сынъ сестры царствовавшего султана; когда Зоричъ былъ въ плѣну, онъ съ нимъ былъ знакомъ и пользовался его благодѣяніями. Сей князь былъ воспитанъ тайно подъ чужимъ именемъ, ибо по турецкимъ законамъ, сестра султана одного только можетъ имѣть въ живыхъ сына, а послѣдующихъ должна при рожденіи задушать. По материнской природной нѣжности мать сберегла его, когда же начали догадываться, что онъ близкій человѣкъ султану, тогда мать его отправила въ чужіе края, и онъ, бывъ во Франціи, данныя ему деньги всѣ прожилъ, а болѣе ему не присылали. Вспомнивъ свое знакомство съ Зоричемъ, пріѣхалъ въ Шкловъ просить взаимной помощи, въ чемъ ему и не было отказано. Онъ былъ прекрасный и любезный человѣкъ, говорилъ хорошо по-французски и скоро выучился изрядно говорить по-русски; въ послѣдствіи старшій братъ его умеръ, и султанъ, узнавъ о немъ, позволилъ ему возвратиться въ Константинополь. Многіе Русскіе потомъ его тамъ видѣли и сказывали, что данъ ему чинъ подавать султану умываться. Я для того сказалъ о немъ, что можно ли было подозрѣвать кого-либо, съ какимъ намѣреніемъ кто тамъ жилъ? Тѣмъ

(26) Княгиня Катерина Александровна Долгорукая (ум. 1811 г.) жена извѣстнаго князя Юрія Владиміровича (род. 1740, ум. 1830 г.). Она была дочь фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина (род. 1694 ум. 1767 г.)

(27) Супруга графа Бориса Петровича Мелина, генераль-поручика (род. 1740, ум. 1793); она была рожденная Грабовская.

(28) Князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій былъ при Павлѣ I.

болѣе Зановичи могли быть безъ малѣйшаго замѣчанія, ибо они прїѣхали какъ путешественники, познакомившись въ Парижѣ съ Неранчичемъ (29), роднымъ братомъ Зорича, котораго и ссудили не малымъ числомъ денегъ, прїѣхали же имѣя паспорта; жили роскошно и вели большую банковую игру.

По слѣдствію открылось, что какъ Зоричъ былъ много долженъ, то Зановичи хотѣли заплатить за него долги, а Шкловъ съ принадлежавшимъ имѣніемъ взять въ свое управленіе на столько лѣтъ, пока не получатъ своей суммы съ процентами; Зоричу же давать въ годъ по сту тысячъ рублей, по тогдашнему времени большую сумму; для сего просиживали они съ нимъ, запершись, ночи, уговаривая его по сему предмету, и употребленъ въ посредство учитель, бывшій въ корпусѣ Сальморанъ. Зоричъ говаривалъ, что скоро заплатитъ свои долги и будетъ опять богатъ, что и подало подозрѣніе, что онъ участвовалъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Тоже послужило къ таковому невыгодному для него мнѣнію, что два карла мѣняли фальшивыя ассигнаціи; это случилось отъ того, что они держали карты, а на большихъ играхъ, особливо когда Зановичи метали банкъ, за карты давали по сту рублей и болѣе.

Графы Зановичи родомъ изъ Далмаціи; меньшей изъ нихъ былъ іезуитомъ; по уничтоженіи сего ордена монаховъ, возвратился къ брату, который, проживъ имѣніе, сталъ жить на счетъ ближнихъ разными оборотами; оба получили хорошее воспитаніе, при большомъ умѣ обогачены были познаніями; во многихъ были государствахъ и вездѣ находили простячковъ, пользовались то игрою, то другими хитрыми выдумками; сказывали даже, что ихъ портреты въ Венеціи были повѣшены, а они, сдѣлавъ какое-то криминальное дѣло, успѣли ускользнуть; такимъ образомъ встрѣтились съ Неранчичемъ въ Парижѣ, какъ сказано прежде, и видно, что планъ ихъ тогда же имѣлъ основаніе.

Когда уговорили Зорича (30) на ихъ предложеніе; то

(29) Неранчичъ былъ братъ Зорича по своей матери. Фонъ-Визинъ въ письмѣ своемъ отъ 18/29 сентября 1778 г., писанномъ изъ Ахена къ графу П. Н. Панину, говоритъ о пребываніи его въ Парижѣ, называя его полковникъ Н—ъ, при чемъ фонъ-Визинъ удостовѣряетъ, будто бы Даламберъ, Мармонтель и другіе писатели низко льстили новѣжественному Неранчичу, надѣясь получить черезъ него подарки отъ русскаго двора.

(30) Зановичи были въ связяхъ съ знаменитымъ искателемъ при-

старший остался въ Шкловѣ, а меньшой уѣхалъ за границу, но въ видомъ тамъ продать свое имѣніе и пріѣхать съ деньгами для заплаты долговъ Зорича, но истинный предметъ былъ, чтобы тамъ надѣлать фальшивыхъ ассигнацій и уже пріѣхать съ готовыми въ Россію, и для дѣланія оныхъ привезти инструменты; онъ былъ за границею нѣсколько мѣсяцевъ, а по возвращеніи проживалъ съ полгода въ Шкловѣ до пріѣзда свѣтлѣйшаго князя. Съ отъѣздомъ его свѣтлости въ Дубровну, меньшой Зановичъ съ Салмораномъ отправились въ Москву.

Отецъ мой послалъ одного курьера обогнать его и извѣстить главнокомандующаго въ Москвѣ, а другаго вслѣдъ для надзиранія за Зановичемъ.

Предсѣдатель Малѣевъ, получивъ наставленія, съ земскою полиціею и губернскими драгунами отправился въ Шкловъ, ночью засталъ старшаго графа Зановича въ постели, отправилъ его за карауломъ въ Могилевъ, прямо въ губернское правленіе; квартиру его окружили карауломъ; также взяты Зоричевы карлы, а съ самого Зорича взята подписка не выѣзжать изъ дома, пока не сдѣлаетъ отвѣта на запросные пункты. На квартирѣ Зановича, по осмотрѣ, ничего подозрительнаго не оказалось; найдено тысячи двѣ рублей золотомъ, нѣсколько сотенъ фальшивыхъ ассигнацій и нѣсколько вещей изъ дорогихъ каменьевъ. Камердинеръ его оказался его любовницею Италянкою, но она ничего не знала, ибо она только ночевала на квартирѣ, а въ прочее все время была въ домѣ у Зорича. Князь Иванъ-Бей былъ великій непріятель сихъ побродягъ, безпрестанно съ ними ссорился и неоднократно уговаривалъ Зорича, чтобы ихъ прогналъ.

Въ допросѣ губернскаго правленія Зановичъ показалъ, что братъ его поѣхалъ чрезъ Москву въ С. Петербургъ явить правительству вымѣненные ассигнаціи за границею отъ Жидовъ за

ключевій Казановой (род. около 1725 г., ум. 1803 г.), который говоритъ о нихъ въ своихъ запискахъ. Трудолюбивый Нѣмецъ Бартольдъ издалъ два тома розысканій о лицахъ, упоминаемыхъ въ запискахъ Казановой. (*Die geschichtlichen Persönlichkeiten in Jacob Casanova's Memoiren*. Berlin 1846.) Бартольдъ сообщаетъ слѣдующія извѣстія о Зановичахъ: Стефанъ и Предиславъ Зановичи были родомъ Далматы; эти искатели приключеній начали подвиги свои въ Венеціи, а оттуда отправились путешествовать по Европѣ. Стефанъ, посѣтивши многія столицы, вошелъ въ сношенія съ разными знаменитостями, и находился между прочимъ въ перепискѣ съ Вольтеромъ и Даламберомъ. Въ апрѣлѣ 1776 г. явился

дешевую цѣну; но послѣ нашли въ его квартирѣ подъ поломъ все инструменты для дѣланія ассигнацій; по открытіи чего онъ и отправленъ былъ въ С.-Петербургъ. Зорича же совершенно оправиль въ незнаніи фальшивыхъ ассигнацій.

Меньшой Зановичъ схваченъ былъ въ Москвѣ у самой заставы; найдено съ нимъ слишкомъ 700,000 фальшивыхъ ассигнацій, все сторублевыхъ. Стакнувшись съ братомъ, онъ показывалъ то же; потомъ, по признаніи ихъ вины, заключены они были въ крѣпость Балтійскій портъ. Во время нападенія на оный портъ Шведовъ въ 1789 году, по малочисленному гарнизону, арестанты были выпущены для защиты онаго; Зановичи оказали особливую ревность и разумными совѣтами нѣкоторыя услуги, за что по освобожденіи порта высланы за границу.

Въ Шкловѣ было множество бродягъ, такъ что ежели случалась нужда отыскивать какого-нибудь сорванца, то государыня приказывала посмотреть, нѣтъ ли его въ Шкловѣ, и

онъ въ Потсдамѣ и успѣлъ втереться въ общество принца прусскаго и его супруги. Стефанъ выдавалъ себя за албанскаго господара, увѣрялъ, что у него 300.000 червонцевъ годоваго дохода, и что онъ располагаетъ тридцатитысячнымъ войскомъ. Но вскорѣ изъ газетъ узнали его прежнія нечистыя продѣлки, и въ январѣ 1778 года его выслали изъ Берлина. 28 января 1778, Фридрихъ II писалъ къ одному изъ своихъ генераловъ въ Бреславль, что туда прибылъ графъ Зановичъ, посѣщавшій разные европейскіе дворы, промышляя обманомъ, а потому ему нужно задержать въ Бреславлѣ, подъ предлогомъ взыскиваемыхъ съ него долговъ. Но Зановичъ успѣлъ бѣжать въ Голландію, куда имѣлъ рекомендательныя письма отъ кавалера Кавалии, венеціанскаго посланника въ Неаполѣ. Онъ такъ умѣлъ воспользоваться этими письмами, что успѣлъ завячь у голландскихъ банкировъ 300.000 гульденовъ, которые скоро исчезли. Голландское правительство хотѣло взыскать эту сумму съ Кавалии, который отказался платить, говоря, что рекомендательныя письма не суть кредитивы. Тогда штаты обратились къ венеціанскому правительству за уплатой, но и оно отъ ней отказалось. По этому случаю дѣло чуть не дошло до войны между Голландією и Венеціей, но императоръ Іосифъ II предложилъ свое посредство, помирилъ противниковъ, и Голландія отступила отъ своего требованія въ 1779 году. Предиславъ Зановичъ за разныя плутни былъ изгнанъ изъ Флоренціи (*Die geschichtl. Persönl. in J. Casan. Memoir. II Band, S 324—327*). Бартольдъ имѣлъ ошибочныя свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Зановичей, онъ говоритъ, что Стефанъ умеръ въ амстердамской долговой тюрьмѣ. Записки Н. А. Энгельгардта открываютъ истину. Вѣроятно, Стефанъ успѣлъ убѣжать въ Парижъ, гдѣ нашелъ своего брата; тамъ познакомились они съ Неранчичемъ и отправились въ Шкловъ къ Зоричу.

иногда точно его тамъ находили. Между прочими, во время французской революціи въ 1792 году, графъ де-Монтегю, бывший капитанъ корабля во французскомъ флотѣ королевской службы, подъ видомъ эмигранта, императрицею принятъ былъ въ черноморскій флотъ; онъ, проѣзжая Шкловъ, притворился больнымъ и оставался тамъ не малое время. Почтмейстеру казался онъ подозрителенъ, тѣмъ болѣе, что не успѣлъ туда пріѣхать, какъ черезъ Ригу адресованы были на его имя иностранныя газеты. Одинъ разъ почтмейстеръ рѣшился распечатать и, осматривая съ прилежаніемъ, замѣтилъ, что на одномъ листкѣ между строкъ шероховато, а когда поднесъ къ огню, оказалось написанное и открылось, что Монтегю былъ Якобинецъ, и ему было поручено сжечь нашъ черноморскій флотъ. Сего Монтегю отправили за карауломъ въ С.-Петербургъ; въ послѣдствіи на эшафотѣ изломали надъ нимъ шпагу, и сосланъ онъ былъ въ Сибирь въ работу 1783. Въ іюль 1783 года, мать моя по болѣзни отправилась въ Нарву (и меня съ собою взяла) пользоваться тамъ отъ главнаго доктора г. Сандерса; гдѣ пробывъ до сентября и не получа облегченія въ своей болѣзни, отправилась въ С. Петербургъ. По прибытіи туда, явился я на службу въ Преображенскій полкъ; майоромъ тогда былъ генералъ-майоръ Николай Алексѣевичъ Татищевъ (31) пріятель моего отца. Отыскалъ, что я написанъ въ спискѣ служащихъ, и уже состою въ третьей сотнѣ и числюсь въ 1-й мушкатерской ротѣ.

(31) Графъ Николай Алексѣевичъ Татищевъ, генералъ отъ инфантеріи, бывший при Александрѣ I военнымъ министромъ, род. 1736, ум. 1823 г.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МАЙОРЪ

МАЛОРОССІЙСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(Повѣщается Николаю Васильевичу Бѣлогорскому.)

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она!

Пушкинъ.

I.

На концѣ одного изъ тѣхъ городковъ, которые наши путешественники обыкновенно называютъ *дрянными городишками*, стояла почтовая станція. Городокъ былъ однакожъ дряннымъ только въ глазахъ путешественниковъ, которые у насъ очень характеристически называются *пробѣжающими*. Эти господа, естественно, видятъ въ городахъ только казенныя улицы, въ украшеніи которыхъ природа играетъ послѣднюю роль. Что касается до мѣстныхъ жителей, то для нихъ въ городѣ NN росли тѣнистые, полные всякой благодати сады; для нихъ протекала вдоль окраины городка камышчатая, лепеховатая рѣчка, оглашаемая громкими криками гусиныхъ стадъ; для нихъ кругомъ городка разстилались плодородныя поля, пересѣкаемыя небольшими лѣ-

сами, между которыхъ, надъ прудами и озерами, стояли помѣщичьи хутора, съ низкими, крытыми соломой постройками и торчащими въ воздухъ крыльями мельницъ...

Читатель видитъ съ первыхъ строкъ, что дѣло идетъ о Малороссіи. Да, намъ пріятно писать о ней, живя на сѣверѣ, что бы въ ней ни происходило. Мы находимъ странное, необъяснимое удовольствіе вспоминать здѣсь даже о томъ, что насъ вовсе не восхищаетъ на родинѣ, напримѣръ, о почтовой станціи городка NN, съ ея тусклыми окнами, съ ея движущимися полами, съ ея жесткою и пыльною мебелью, или о содержателѣ этой станціи, отставномъ корнетѣ Иволгинѣ... Правда, корнетъ Иволгинъ (а по документамъ Иволга) въ своемъ околоткѣ у многихъ, если не у всѣхъ, слыветъ человѣкомъ оченьлюбезнымъ, обязательнымъ и даже просвѣщеннымъ. Правда и то, что онъ во многихъ домахъ перебивалъ *на примѣть*, какъ хорошій женихъ, да и теперь еще, несмотря на его степенныя лѣта, нашлись бы въ уѣздѣ барышни, которыя не отказались бы отъ его фамильнаго имени, облагороженнаго съ нѣкотораго времени великорусскимъ окончаніемъ. Но намъ онъ почему-то не нравится. Трудно, впрочемъ, сказать, почему можетъ не нравиться кому бы то ни было такой человѣкъ, какъ г. Иволгинъ, помѣщикъ такого-то уѣзда и содержатель такой-то станціи. Наружность его, конечно, не изъ самыхъ счастливыхъ, но и не изъ самыхъ несчастныхъ. Вотъ онъ расхаживаетъ по своей станціи взадъ и впередъ, съ трубкою въ рукахъ. Каждый можетъ подойти и рассмотреть его во всѣхъ подробностяхъ. Ростъ Капитона Павловича средній; всѣ части тѣла, за исключеніемъ нѣсколько толстаго живота, пропорціональны: лицо рябоватое, одутловатое, но, можно сказать, дворянское, выразительное, ибо не даромъ его въ дѣтствѣ неразумныя мальчишки-сверстники прозвали *пыкатымъ* (1); ротъ умѣренный; носъ умѣренный; глаза обыкновенные: это написалъ бы о нихъ въ паспортѣ каждый, потому что въ нихъ нельзя опредѣлить ни цвѣта, ни выраженія. Ко всему этому прибавьте солидные, опущенные книзу усы и густыя черныя бакенбарды. Чего же вамъ еще хочется отъ дворянина? Капитонъ Павловичъ Иволгинъ былъ прежде очень богатъ, потому что происходилъ изъ «старинной и коренной малороссійской фамиліи». Онъ не принадлежалъ къ «тѣмъ низкимъ Малороссіянамъ, которые, по

(1) Отъ малороссійскаго слова *пыка*, морда.

словамъ Гоголя (1), выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копѣйку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на о, слогъ «ъ». Нѣтъ, предки Иволгина обогатились иными, простосердечными и такъ-сказать домашними способами. Напримѣръ, дѣдъ его служилъ въ Малороссіи военнымъ комиссаромъ во время Потемкинскихъ походовъ. Отъ времени до времени онъ приготавливалъ пакетъ, припечатывалъ къ нему перо, знакъ того, что пакетъ долженъ летѣть, какъ птица, и, призвавъ къ себѣ богатаго козака въ самую рабочую пору или передъ годовымъ праздникомъ, говорилъ ему ласковымъ голосомъ: «Голубчикъ Иванъ, садись ты на коня и лети птицею съ этою бумагой къ свѣтлѣйшему подь Очаковъ.» Козакъ, разумѣется, просилъ миновать его съ этою бѣдой, или предлагалъ нанять на свой счетъ гонца. «Нѣтъ, голубчикъ, отвѣчалъ простосердечно комиссаръ Иволга, такой важной бумаги нельзя поручить никому другому.» Но, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, старинное дворянское простосердечіе дѣлало уступку, а козакъ съ своей стороны уступалъ комиссару за безцѣнокъ нивку, лѣсокъ, сѣнокосъ и тому подобную бездѣлицу, и такимъ образомъ кротко, мирно и не компрометируя себя, какъ оныя дегтяри и торгаши, увеличивалъ старій Иволга свое благосостояніе и оставилъ внуку своему триста душъ и три тысячи десятинъ земли. Поэтому Капитонъ Павловичъ въ началѣ своей жизни не имѣлъ никакой надобности содержать станцію и сидѣть на ней по цѣлымъ днямъ, какъ это онъ дѣлаетъ нынче. Но, къ несчастью, воспитываясь въ пансіонѣ у одного строгаго и глубоко-правдиваго Нѣмца, онъ получилъ непреодолимую страсть къ разгульной жизни и, вырвавшись изъ пансіона въ уланскій полкъ, надѣлалъ столько долговъ, что долженъ былъ выйдти въ отставку и заложить наследственное имѣніе. Эта печальная необходимость не умѣршила нисколько въ немъ страсти къ пирушкамъ. Въ нѣсколько лѣтъ, изъ вертляваго офицера, красы хуторскихъ вечеринокъ, онъ сдѣлался обрюзглымъ и наспиртованнымъ флегматикомъ. Въ нѣсколько лѣтъ, изъ владѣльца трехъ сотъ душъ онъ сдѣлался владѣльцемъ тридцати душъ, и ничего не было въ

(1) См. *Старосельскіе помѣщики*.

томъ невѣроятнаго, что его состояніе дойдетъ наконецъ до нуля. Но сосѣди-аристократы, помогавшіе ему промотаться, слишкомъ неосторожно дали ему почувствовать свое пренебреженіе къ обѣдѣвшему собрату. Тутъ оказалось, что Иволгинъ человекъ не безъ энергіи. Остановясь, такъ-сказать, на краю пропасти, онъ взялся содержать почтовую станцію, и не только поддержалъ этимъ свои разстроенные финансы, но и самое значеніе свое въ уѣздѣ. Черезъ городокъ NN проѣзжали разные генералы, князья, графы. Иволгинъ, обладая счастливою способностью постигать склонности и вкусы знатныхъ людей, предлагалъ имъ кстати свои услуги, въ качествѣ добродушнаго малороссійскаго помѣщика, — смѣшилъ ихъ своими анекдотами, въ качествѣ малороссійскаго юмориста, и, составляя такимъ образомъ кругъ знакомствъ внѣ уѣздной сферы, возвышалъ себя во мнѣніи самыхъ гордыхъ сосѣдей-аристократовъ. Къ чести его характера, надобно прибавить, что, кромѣ благосклонности, онъ ничего не домогался отъ своихъ знатныхъ знакомыхъ. Онъ имъ служилъ тѣмъ только могъ, отъ всей души, безъ всякихъ корыстныхъ побужденій, служилъ, благоговѣя передъ ихъ знатностью и желая возвысить въ глазахъ уѣзднаго общества то, что онъ въ себѣ чтилъ выше всего, — дворянское имя Иволгина.

Капитонъ Павловичъ давно уже расхаживаетъ взадъ и впередъ по своей почтовой станціи. Кто привыкъ встрѣчать Капитона Павловича въ его обыденномъ костюмѣ, тотъ удивился бы не мало, видя на немъ новый сюртукъ, который надѣвалъ онъ только по праздникамъ. Капитонъ Павловичъ чисто выбритъ, что случается съ нимъ довольно рѣдко. Бѣлья не видать изъ-подъ его чернаго галстука и изъ-подъ пестраго жилета; но въ городкѣ NN немногіе показываютъ наружу свое бѣлье, если же и показываютъ, то это манишки, которыя Капитонъ Павловичъ презираетъ по всей справедливости. Онъ одѣтъ, что называется, солидно. Онъ дотога чуждъ страстишки казать себя людямъ снаружи, что даже серебряный крестикъ *pro virtute militari* носить подъ лацканомъ, и только въ важныхъ случаяхъ, гдѣ требуется произвести эффектъ, вдругъ застегивается на всѣ пуговицы и изъ штатскаго человекъ является изумленному взору военнымъ кавалеромъ. При всемъ томъ въ его костюмѣ, въ поступи и осанкѣ замѣтна сегодня какая-то торжественность.

Двѣ тройки лучшихъ почтовыхъ лошадей съ самаго утра стояли въ хомутахъ. Единственный на станціи бородастый ямщикъ и его молодой сынъ въ русской рубашкѣ пропустили свои оче-

реди, оставаясь въ бездѣйствіи. Жалобная книга дважды была потребована обиженными проѣзжающими, и въ ней выражено сильное и угрожающее негодованіе, надъ которымъ могъ смѣяться одинъ только Капитонъ Павловичъ, очень хорошо знакомый съ губернскимъ почтмейстеромъ, а еще лучше съ его письмоводителемъ. Обыкновенно Капитонъ Павловичъ обѣдаетъ у своихъ родныхъ и знакомыхъ, которыхъ у него въ самомъ городѣ и въ его окрестностяхъ множество, но на этотъ разъ обѣдъ готовили ему на станціи. Онъ помѣстился за столомъ противъ отвореннаго, обращеннаго къ полю окна, и безпрестанно въ него посматриваетъ. Очевидно, что онъ кого-то поджидаетъ.

Въ городѣ давно всѣ знали обо всемъ этомъ, и уже человѣка два изъ чиновнаго люду навѣдывались на станцію съ вопросами: кого онъ ждетъ? не будетъ ли проѣзжать губернаторъ? и тому подобными. Но Капитонъ Павловичъ сдѣлался необыкновенно молчаливъ и торжествененъ. Онъ отвѣчалъ короткими фразами, что какъ дескать ему знать о такихъ важныхъ лицахъ и ихъ проѣздахъ, что объ этомъ было бы сообщено городскимъ властямъ по законному порядку, и кашлянувъ съ таинственной миною, которую онъ любилъ на себя принимать, прибавлялъ: «Что мы? гдѣ намъ? мы такъ-себѣ, хуторяне, захолустники», и прочее въ этомъ тонѣ.

Лѣтній день склонялся уже къ вечеру. Съ полей потянуло свѣжимъ запахомъ молодыхъ хлѣбовъ. Но на дорогѣ, далеко виднѣющейся на степномъ бугрѣ, не показывался тотъ, кого ожидалъ Капитонъ Павловичъ. Уже соломенная крыша почтовой станціи съ двумя трубами бросила отъ себя тѣнь по зеленому городскому выгону, на подобіе готической башни. Въ жалобной книгѣ прибавилась еще одна жалоба, отъ молодаго офицера, проѣзжавшаго по казенной надобности. На большой дорогѣ замычала сотнею голосовъ *череда* (1), возвращаясь домой въ облакахъ пыли. Солнце прекрасно освѣщало рыжіе бока коровъ, которыя издали подавали своимъ дѣтенышамъ материнскій голосъ. Самая пыль въ его золотистыхъ лучахъ живописно переходила изъ густаго сѣраго въ розоватый прозрачный тонъ. Степной однообразный пейзажъ, видный въ обращенное къ полю окно станціи, вдругъ оживился и сдѣлался достойнымъ кисти

(1) Общественное стадо. Слово *череда* пошло въ ходъ отъ общественныхъ пастуховъ, чредою смѣнявшихъ одинъ другаго.

художника. Но Капитону Павловичу было не до пейзажей. Онъ досадовалъ, что облака поднятой чередою пыли закрыли отъ него дальній бугоръ на горизонтѣ, по которому тонкою, темною чертой шла столбовая дорога.

Медленно двигалось нестройное стадо, состоявшее наполовину изъ рогатаго скота, наполовину изъ овецъ, а частію изъ еврейскихъ козъ и анти-еврейскихъ свиней, которыя норовили попасть въ сосѣдніе огороды и задавали много лишней работы пастухамъ и ихъ длиннымъ, громко хлопающимъ *пугамъ* (1). Разнообразные ихъ крики—одни къ коровамъ, другіе къ овцамъ, третьи къ козамъ, прыгавшимъ на увитые зеленью плетни, четвертые къ непокорнымъ свиньямъ—смѣшивались съ разнообразными голосами самой череды и производили кутерьму звуковъ, которая, при всей своей нестройности, какъ-то попадала въ тонъ съ раскинутымъ широко пейзажемъ полей и разбросанными въ дикомъ безпорядкѣ предмѣстями городка NN. А солнце между тѣмъ торжественно заходило, и тонкая, стелющаяся туманомъ пыль проникалась освѣжительнымъ запахомъ полей, и соловьи громко щелкали тутъ же въ дикой заросли, позади почтовой станціи.

Медленно двигалось впередъ нестройное стадо. Вдругъ произошло въ немъ какое-то смятеніе. Захлопали громче прежняго длинными пугами пастухи и выразительнѣе прежняго закричали на череду, всѣми своими зовами. Черода разступилась, и изъ облака пыли вырѣзалась освѣщенная заходящимъ солнцемъ шестерня лошадей, съ форрейторомъ, кучеромъ и сверкающими стеклами фонарей дорожной тяжелой коляски.

Въ одно мгновеніе Капитонъ Павловичъ очутился у подѣзда и съ низкими поклонами привѣтствовалъ подкатившаго къ станціи проѣзжающаго. Въ коляскѣ сидѣлъ съ своимъ камердинеромъ тучный старикъ, съ самымъ добродушнымъ выраженіемъ лица, какое только можно себѣ представить. Капитонъ Павловичъ назвалъ его вашимъ сіятельствомъ и по видимому жалѣлъ, что дворянская честь не позволяетъ ему поцѣловать жирную изнѣженную руку, протянутую къ нему изъ коляски очень благосклонно. Онъ прикоснулся къ ней, какъ къ святынь, своею тоже довольно жирною, но смуглою и огрубѣлою рукой, и еще ниже поклонился его сіятельству.

(1) Квугамъ.

Спрошено было у его сіятельства о здоровьи, съ самымъ нѣжнымъ участіемъ. Выражена была радость всего уѣзда, по случаю разнесшагося слуха, что его сіятельство благоволило посѣтить свои владѣнія (находившіяся, какъ видно, тутъ же въ окрестностяхъ). Сообщено было его сіятельству о здравіи и благоденствіи нѣсколькихъ лицъ, составляющихъ его ближайшій кругъ во время сельскаго отдыха отъ столичныхъ трудовъ.

Его сіятельство принялъ все это съ дивною благосклонностью, и значительно расширилъ пріятною улыбкою свою и безъ того обширную физиономію; но на вопросы Капитона Павловича отвѣчать не могъ, по причинѣ пыли, причинившей ему перхоту. Капитонъ Павловичъ свирѣпо взглянулъ раза два на городскую череду, двигавшуюся мимо, въ живописномъ безпорядкѣ; но устранить сего непредвидѣннаго казуса было рѣшительно не возможно.

Сидѣвшій рядомъ съ княземъ камердинеръ, зная нужды и желанія своего сіятельнаго спутника, обратился къ Капитону Павловичу и прервалъ его плавныя и сладкія рѣчи словами:

— Капитонъ Павловичъ, велите-ка заложить лошадей.

Хотя эти слова излетѣли и неизъ сіятельныхъ устъ; но, такъ какъ Капитонъ Павловичъ хорошо зналъ интимныя отношенія камердинера къ его господину, то это было для него все равно, какъ еслибы самъ князь произнесъ ихъ. Тѣмъ не менѣе однакожь онъ не обратилъ на нихъ вниманія и продолжалъ всепокорнѣйше доносить князю о жизни и дѣяніяхъ разныхъ лицъ, которыя, зналъ онъ, наиболѣе интересовали его сіятельство въ здѣшнихъ мѣстахъ. Такое невниманіе противорѣчило всѣмъ чувствамъ, которыя онъ доселѣ выразилъ предъ княземъ; но у Капитона Павловича былъ свой расчетъ, который читатель уразумѣетъ послѣ.

Откашлявшись и получивъ употребленіе языка, князь сказалъ лично въ отвѣтъ на его разказы:

— Очень хорошо, любезнѣйшій; все это вы мнѣ потомъ перескажете, а теперь велите заложить лошадей.

— Сію минуту, ваше сіятельство! отвѣчалъ Капитонъ Павловичъ, однакожь съ мѣста не трогался и продолжалъ юлить передъ коляской попрежнему.

Князь былъ очень деликатенъ и прослушалъ его еще съ минуту, не измѣняя ласковаго и благосклоннаго выраженія лица. Черода прошла мимо и причинила ему новую перхоту. Откашлявшись, онъ опять напомнилъ о лошадяхъ.

— Лошади для вашего сѣтельства съ утра готовы, отвѣчалъ Капитонъ Павловичъ:—сію минуту выведутъ! и опять понесъ свои исторіи. Наконецъ, видя, что сѣтельный путешественникъ началъ морщить брови, несмотря на привычную свою благосклонную улыбку, онъ бросился на станціонный дворъ и поднялъ страшную тревогу.

Лошади дѣйствительно стояли у самыхъ воротъ; но борода-стому ямщику и его сыну сообщено было съ утра конфиденціально, чтобъ они не выводили со двора лошадей, пока Капитонъ Павловичъ не явится на дворъ и лично не выберетъ ихъ за медленность.

Въ одну минуту нацѣплены были построжки на крючья и вальки княжеской коляски. Ямщикъ молодцомъ вскочилъ на возы, форрейторъ очутился мигомъ на сѣдлѣ. Капитонъ Павловичъ вскрикнулъ: Готово! и въ то же время раскланялся передъ княземъ. Застоявшіеся кони подхватили тяжелую коляску точно на крылья, и облако пыли занесло Капитона Павловича, довольнаго собой и всѣмъ истекшимъ днемъ.

Солнце сѣло на противоположномъ концѣ города. Тонкая пыль перерѣзала пополамъ дома и растущіе возлѣ нихъ тополи узкою сѣрой полоскою. Городской шумъ умолкалъ съ каждою минутой замѣтно больше и больше. Громче запѣли соловьи въ дикой заросли позади станціи и въ городскихъ садахъ. На мѣсто дневной мелочной суматохи и шуму, на землѣ и въ воздухѣ водворялось что-то спокойно-величавое. Дома съ своею пестротой, сады съ своими торчащими не всегда кстати деревьями, сливались въ крупныя сѣрыя и темныя массы. Небо какъ будто опустилось ниже къ землѣ, и каждому созданію Божію сдѣлалось какъ-то уютнѣе. Запоздалые пахари, накинувъ на себя *кобеняки* (1), поспѣшали домой. Вездѣ по городу притворялись ставни. По домамъ все усаживалось за ужинъ, или располагалось на ночлегъ, кто въ охлажденной вечернимъ воздухѣ комнаткѣ, кто въ сѣняхъ, на крыльцѣ, подъ навѣсомъ у амбара, а иные и просто подъ открытымъ благодатнымъ мало-россійскимъ небомъ.

Одинъ только Капитонъ Павловичъ не помышлялъ о ночлегѣ. Онъ мчался по полю верхомъ на сѣрой лошаdkѣ, запаленной по-чтовою гоньбой, хрипящей, но тѣмъ не менѣе быстрой. Мчался

(1) Плащи съ капишонами (*відлонами*).

онъ не къ собственному хуторскому дому, въ которомъ никогда не отворялись днемъ всѣ ставни, въ которомъ ночью рѣдко бывало освѣщено больше двухъ оконъ, исключая торжественныхъ случаевъ, когда хозяинъ ни съ сего, ни съ того запрашивалъ къ себѣ гостей, чаще всего переходящихъ офицеровъ, и задавалъ имъ шумную пирушку. Вѣрный конь его, надорванный безтолковою гоньбой, скакалъ по направленію къ хутору Майоровщинѣ, который основалъ нѣкій майоръ, въ память своего майорскаго существованія. Въ ночной тишинѣ, среди благоухающихъ полей тяжело раздается конскій топотъ и храпъ. Не даетъ всадникъ своему буцефалу перевести дыханіе. Можно подумать, что онъ везетъ кому-то вѣсти, отъ скорого или медленнаго полученія которыхъ зависитъ жизнь или смерть человѣческая. Но Капитонъ Павловичъ везъ сосѣду майору въ основанный имъ хуторъ Майоровщину не болѣе, какъ простое извѣстіе, что неожиданно, негаданно пріѣхалъ въ свое помѣстье князь Великданъ, вельможа, играющій важную роль въ столицѣ, и гостепріимный сосѣдъ для всѣхъ помѣщиковъ, которые посѣщаютъ его въ сельскомъ уединеніи. Самъ князь Великданъ не бывалъ ни у кого, желая воспользоваться полнымъ досугомъ малороссійской помѣщичьей жизни, которую онъ очень любилъ. Но еще больше любилъ онъ столицу съ ея англійскимъ клубомъ и тому подобными принадлежностями, почему и проживалъ все время тамъ, а въ Малороссію навѣдывался ежегодно на одинъ, на два мѣсяца.

Со времени послѣдняго посѣщенія имъ наслѣдственнаго имѣнія, майоръ Лушнинъ неожиданно возвысился въ мѣстности всего уѣзда: князю Великдану опять понравилось мѣстоположеніе его усадьбы; онъ дважды пріѣзжалъ любоваться ея широкими прудами и лѣсистыми горами, сравнивалъ эту мѣстность съ окрестностями Женевского озера и одинъ разъ удостоилъ даже напиться чаю у майора на балконѣ, съ котораго открывался живописный видъ. Съ того времени Капитонъ Павловичъ чувствовалъ особенное расположеніе къ майору, началъ бывать у него очень часто, привозилъ ему молодыхъ дрофъ или журавлей въ подарокъ и вообще оказывалъ ему всяческое вниманіе даже и не по чину. Сіятельный князь какъ-будто пролилъ свои лучи на отставнаго майора, очень обыкновеннаго хуторянина, и, въ отсутствіе князя, майоръ какъ будто замѣнилъ его для Капитона Павловича, подобно тому, какъ луна замѣняетъ ночью солнце для прочихъ смертныхъ. Съ своей сто-

роны и майоръ не могъ быть равнодушнѣмъ къ столь обязательному сосѣду. Рано ли, поздно ли онъ пожалуетъ въ хуторъ Майоровщину,—закуска на столѣ, съ шеренгою водокъ и наливокъ, всегда являлась къ его услугамъ. Это послѣднее обстоятельство, маловажное для иного посѣтителя, было весьма важно въ глазахъ Капитона Павловича, у котораго въ домѣ часто господствовала совершенная пустота, относительно съѣстныхъ припасовъ. Чтò же касается до настоекъ, запеканокъ и наливокъ, то онъ, по собственному его разказу, никакимъ образомъ не могъ завести ихъ: лишь только начинали онъ настанваться, онъ ихъ сливалъ и спивалъ, чтò называется до *опенекъ*. Этакъ по необходимости долженъ былъ онъ довольствоваться простымъ пѣнникомъ. А была у него губа не дура, любила выпить всего, чтò есть наилучшаго въ мѣрѣ по предмету винодѣлія. Такимъ образомъ, будучи влекомъ къ майору высшими и низшими своими чувствами, Капитонъ Павловичъ жилъ съ нимъ въ самой тѣсной дружбѣ, или по крайней мѣрѣ посѣщалъ его чаще, нежели кого-либо изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ.

Иной подумалъ бы, что это люди одного характера, однихъ привычекъ, однихъ склонностей. Вовсе нѣтъ: майоръ Лушинъ расхотѣлся во всемъ съ корнетомъ Иволгинымъ, начиная съ происхожденія и первоначальнаго воспитанія. Капитонъ Павловичъ былъ по происхожденію аристократъ; майоръ Лушинъ—демократъ. Странно однакожь, что о родѣ Иволгиныхъ сохранилось въ народѣ очень мало преданій: бывшее ихъ погребено было въ бумагахъ, которыхъ никто не читалъ, тогда какъ демократическій родъ Лушина восходилъ, по изустнымъ преданіямъ старожилловъ, ко временамъ Хмѣльницкаго. Съдусые пасичники-козаки, знающіе всякую всячину, не упоминали въ своихъ разказахъ о Хмѣльницкомъ, но сохранили воспоминаніе о *займанщинѣ*, то-есть о вольномъ займѣ земель общинами и отдѣльными лицами, который совершался въ то время, когда въ Украинѣ произошелъ великій переворотъ подъ именемъ *руины* и «всѣ земли стали козакамъ спольны и общи», какъ гласитъ старинная лѣтопись. Въ оное-то приснопамятное время процвѣталъ на Украинѣ нѣкоторый Лушня (1), «знатный

(1) *Лушня* значитъ подпорка въ малороссійскомъ возу, между осью и облучкомъ, имѣющая луковидную форму.

козакъ», или *дука*, какъ называли его сѣдоусые старожилы-пасичники. Сей Лушня, по ихъ разказахъ, занялъ себѣ большую займанщину въ урочищѣ Урви-Хвистъ, гдѣ нынѣ хуторъ Майоровщина. Неизвѣстно, отъ кого онъ получилъ право на займанщину, отъ самого гетмана, отъ полковника или отъ сотенной *промады* (1), владѣвшей сообща неизмѣримыми землями; но получилъ на условіи, чтобы владѣть ему землю на такомъ разстояніи, какое пробѣжить онъ, не останавливаясь и не переводя духу. А былъ толстъ и тученъ знатный козакъ Лушня, называемый дукою. Несмотря однакожь на свою тучность, побѣждалъ онъ, какъ быкъ, черезъ лѣсъ и поле, въ присутствіи конныхъ свидѣтелей займанщины. Уже выбился изъ силъ, уже у него захватываетъ дыханіе: но, видно, предчувствовалъ онъ, какъ вздорожаетъ когда-то земля, и желалъ обезпечить будущность своего роду. Бѣжалъ онъ до тѣхъ поръ, пока упалъ въ изнеможеніи, но, падая, протянулъ впередъ обѣ руки и вскричалъ: «И се моя!» Это были послѣднія слова его. Такъ гласитъ преданіе. На томъ мѣстѣ, гдѣ жадный духъ старосвѣтскаго козака-дуки отлетѣлъ въ вѣчность, до сихъ поръ указываютъ половину мельничнаго жернова, которымъ обозначилъ свою границу его наслѣдникъ.

Такъ ли оно было или иначе, но только козаки сидѣли хуторомъ съ давнихъ поръ въ урочищѣ Урви-Хвистъ. Черезъ него въ старину пролежала топкая дорога; на ней вязли возы, ломались въ возахъ, какъ это часто бываетъ, деревянные шкворни, кони или волы отрывались съ передкомъ: это-то и дало урочищу его названіе. Козаки Лушни изъ рода въ родъ были дуками и исправляли разныя войсковыя должности. Когда Екатерина II всемилостивѣйше повелѣла козакамъ переименоваться въ соотвѣтствующіе ихъ войсковымъ званіямъ Россійскіе чины, прадѣдъ майора Лушнина, по простотѣ своей, не понявъ монаршей милости, не принявъ предложеннаго ему чина корнета, и просилъ записать его просто козакомъ. Или онъ воображалъ, что это званіе сохранить свое значеніе изъ рода въ родъ, или желалъ умереть козакомъ, не извѣстно; только дѣти его и внуки начали платить подушный окладъ и, сохранивъ одно воспоминаніе, что предки ихъ были дуками, вели простую земледѣльческую жизнь. Тѣмъ не менѣ пред-

- (1) Общество.

ковская займанщина, урочище Урви-Хвистъ, съ окрестными лѣсами, полями и сѣнокосами,—принадлежала имъ по всѣмъ правамъ, и были они люди богатые. Случилось такъ, что всѣ эти земли, раздробленныя наследниками на мелкіе участки, очутились, по смерти бездѣтныхъ братьевъ, въ рукахъ одного майорова отца, козака Родіона Лушни. У Родіона было трое взрослыхъ сыновей, славныхъ молодцовъ, когда, во время польскаго возстанія, послѣдовалъ вызовъ въ козаки на время кампаніи. Это была проба: охладѣла ли козацкая кровь, въ теченіе полулѣтка иного быта? Оказалось, что она не охладѣла нисколько. Одно слово: на *Ляхивъ!* вооружило въ двѣ недѣли пятнадцать тысячъ конныхъ волонтеровъ. Такое рвеніе къ боевой жизни было оцѣнено по достоинству. По окончаніи польской кампаніи козаковъ-волонтеровъ оставили на службѣ и перевели на Кавказъ.

Въ эти-то козаки вступилъ волонтеромъ и нынѣшній пріятель Иволгина, Иванъ Родіоновичъ Лушня, записанный въ реестръ, для благозвучія, подъ именемъ Лушнина. Онъ побывалъ въ Польшѣ, побывалъ на Кавказѣ, дрался съ Поляками и Черкесами одинаково храбро, нѣсколько разъ отличился въ отважныхъ экспедиціяхъ, и наконецъ *вышелъ въ люди*, какъ обыкновенно выражаются у насъ о выслужившихся козакахъ и вообще о простолюдинахъ. Потолкавшись по свѣту, украсивъ свой мундиръ множествомъ крестиковъ, поубавивъ себя здоровья ранами и трудными походами, воротился онъ наконецъ со славою домой, въ урочище Урви-Хвистъ, гдѣ надъ самою водой стоялъ предковскій его хуторъ. Пока онъ геройствовалъ и пожиналъ лавры, смерть пожала его отца и мать, и не только ихъ однихъ, но и двоихъ братьевъ его съ женами и дѣтьми, ибо это была холерная смерть, истребившая въ Малороссіи цѣлыя хуторскія поселенія. Майоръ засталъ однѣ развалины отцовскаго, нѣкогда благоустроеннаго, хутора, засталъ то, что малороссійски называется *пустка*. Нашлись добрые люди, которые расхитили пасику, распродали рогатый скотъ и лошадей, а на поминаеніе усопшихъ душъ употребили всю домашнюю движимость. Земли отданы были въ опеку, до вызова наследниковъ, изъ которыхъ онъ былъ ближайшимъ. Заплакалъ майоръ, глядя назапустѣніе отцовскаго жилища, и такъ какъ мѣсто оказалось, очевидно, несчастнымъ, то онъ не захотѣлъ на немъ строиться, а основалъ себѣ хуторъ повыше, въ дубовомъ лѣсу, и нарекъ его Майоровщиной.

Къ этому-то хутору мчался черезъ поля Капитонъ Павловичъ, почтенный членъ уѣзднаго общества, содержатель почтовой станціи, ревностный слуга знатныхъ людей, каковъ былъ князь Великданъ, и пріятель майора Лушнина. Въ такую позднюю пору было бы странно пріѣхать во всякій иной хуторъ безъ особенной надобности. Но майоръ жилъ старымъ холостякомъ и во всякое время дня и ночи радъ былъ видѣть говорливаго сосѣда. У него въ домѣ жила, правда, вдова-сестра съ дочерью, но онѣ были простыя козачки, и потому Иволгинъ съ ними не церемонился. Майоръ повель свою племянницу, какъ выражался самъ онъ, *по-исподски*; носила она платья, шитыя выписною швеєю; ѣздила она въ церковь въ рессорной бричкѣ-нетечанкѣ, и было весьма вѣроятно, что къ ней перейдетъ все наслѣдство майорское. Но все-таки, въ глазахъ Иволгина, она была простая козачка, и потому онъ съ нею не церемонился.

Занятый мыслью о пріятномъ разказѣ, который онъ везъ майору, проскакалъ онъ верстъ пять или шесть по полямъ. Небо между тѣмъ потемнѣло; на горизонтѣ вырѣзался большимъ золотымъ кругомъ мѣсяцъ. Дорога повернула вправо, спустилась въ глубокой оврагъ; внизу стояла неподвижная плоскость воды; за ней поднимался на гору старый дубовый лѣсъ, не истребленный со временъ памятной народу займанщины. Это не была рытвина среди ровныхъ полей; это была широкая котловина исчезнувшей въ незапамятныя времена рѣки, отъ которой остался только узкій протокъ, напаявшій полунатуральные, полуискусственные пруды. Когда опустился въ долину Иволгинъ, онъ очутился точно въ какомъ-то иномъ мѣрѣ. Полевой запахъ уступилъ мѣсто влажнымъ испареніямъ водяныхъ растений, къ которому примѣшивался ароматъ лѣсныхъ цвѣтвъ. Воздухъ въ долинѣ стоялъ неподвижно, и въ немъ тонкое обоняніе могло распознавать разнообразныя струи благоуханій; но Иволгинъ не отличался тонкостію чувствъ и находилъ, что въ темную ночь къ майору пускаться не безопасно. Водяное царство отзывалось къ нему тысячами голосовъ своихъ; эти голоса для него значили только, что здѣсь въ осеннее время очень топко. Лѣсные нагорные соловьи перекликались съ низовыми,—онъ подъ ихъ овисть, въ разсѣянности, началъ насвистывать комарицкую. Изъ лѣсу неслись голоса дивчатъ, собравшихся на лѣтнія нерабочія вечерницы,—онъ подумалъ, что майоръ вовсе не такъ глупъ, какъ слѣдовало бы ему быть

по его происхожденію, и что къ женитьбѣ его и калачомъ не приманишь. И при всемъ томъ какъ-то хорошо сдѣлалось на душѣ у Иволгина, когда онъ проѣзжалъ черезъ неподвижную, полумрачную долину, заснованную легкимъ туманомъ, наполненную благоуханными теплыми парами и оглашаемую со всѣхъ сторонъ голосами, которые не напоминали тяжкихъ условій жизни, а составляли ея роскошь. Хоть въ головѣ его мелькнула только одна осенняя топкость, хоть его душа отозвалась на соловьиныя пѣсни только пѣсней про комарицкаго мужика, зароненною въ него когда-то старымъ сонливымъ лакеемъ, хоть онъ съ голосами сельскихъ дивчатъ не могъ связать иной идеи, кромѣ холостой жизни майора; но, самъ не зная почему, онъ позволилъ своему надорванному коню идти шагомъ.

Проѣхалъ онъ шагомъ всю долину и поднялся въ нагорный дубовый лѣсъ. Тутъ онъ очутился совсѣмъ въ потемкахъ, но потемки отъ времени до времени смѣнялись яркимъ луннымъ освѣщеніемъ. Это заняло Иволгина, какъ ребенка. А голоса дѣвушекъ раздавались между тѣмъ ближе и ближе. Ему захотѣлось подсмотрѣть ихъ игры. Онъ своротилъ въ сторону отъ дороги и скоро очутился на урочищѣ *Гойдалки*. То была поляна посреди лѣсу, уставленная одинокими и парными дубами, которые раскидывались на просторѣ шатромъ и служили натуральными бесѣдками для сельской молодежи. Въ одномъ мѣстѣ между двухъ дубовъ, поцѣплены были качели, на которыхъ *гойдались* (колыхались) паробки съ дивчатами, можетъ-быть, со временъ Хмѣльницкаго. Отъ этого и произошло названіе урочища. Ярко-прозрачными полосами ложился по травѣ свѣтъ мѣсяца рядомъ съ тѣнями, падавшими отъ дубовъ и наполнявшими ихъ раскидистые наметы. Хохотъ перебѣгавшихъ съ мѣста на мѣсто дивчатъ и пѣсни, несшіяся изъ таинственной тѣмы, придавали Гойдалкамъ что-то непобѣдимо-увлекательное. Иволгинъ, самъ не зная отчего, вздохнулъ и призадумался. Даже свиданіе съ княземъ Великданомъ и вѣсти, которыя онъ везъ майору, на время вылетѣли у него изъ головы. Вдругъ конь его вздрогнулъ и отпрянулъ въ сторону. Его испугала чета молодыхъ людей, испуганная тоже внезапнымъ появленіемъ Иволгина. Двѣ стройныя фигуры мелькнули въ лунномъ свѣтѣ и скрылись въ темнотѣ. Но Иволгинъ успѣлъ разсмотрѣть ихъ и точно вдругъ проснулся отъ пріятной дремоты. Съ досадою проворчалъ онъ что-то себѣ подъ носъ и пустилъ коня во весь опоръ прямо къ майорскому хутору, который сто-

яль на крутой высотѣ, не позволявшей подняться къ нему прямо отъ пруда.

Еслибы взглянуть въ эту минуту на Капитона Павловича при дневномъ свѣтѣ, то его багровое, одутловатое лицо оказалось бы поблѣднѣвшимъ въ значительной мѣрѣ, потому что кровь прилила ему къ сердцу. Трудно сказать, что произошло въ этомъ сердцѣ: тамъ отозвалась и печаль, какая-то старая печаль, современная поступленію его въ нѣмецкій пансіонъ, и зависть, самому ему непонятная, та зависть, съ которою голодный смотритъ на роскошную трапезу своего ближняго, и ревность, на которую онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права, и сознание своего нравственного и всяческаго ничтожества, чувство, самое убійственное изъ всѣхъ, какія только заползаютъ въ пустое и тщеславное сердце. А что сердце Иволгина было пусто, въ этомъ сомнѣваться невозможно. Съ самаго дѣтства онъ никого не любилъ и не увлекался ни одною высокою мыслію. Онъ любилъ свою мать, но не больше того, какъ любить корову теленокъ, а пожалуй и меньше; ибо корова кормитъ своего теленка собственнымъ молокомъ, а его, бѣднаго, вскормила чужая, крѣпостная мать. Онъ любилъ сонливаго лакея, который былъ первымъ другомъ его дѣтства, первымъ его воспитателемъ по предмету понятій о вещахъ и людяхъ, такъ какъ матери некогда было имъ заняться; но та любовь была еще слабѣе. Онъ благоговѣлъ вмѣстѣ съ лакеемъ-дядькою передъ богатствомъ и знатностію своего отца, который всю жизнь угощалъ губернаторовъ и генераловъ; но это благоговѣніе не возвысило его характера и сдѣлало его на всю жизнь добровольнымъ холопомъ знатныхъ людей. Онъ пробовалъ любить товарищей, но ихъ не связывало ничто, кромѣ бутылки и еще кой-чего похуже. Онъ слыхалъ отъ нихъ про такую любовь, какая описана въ повѣстяхъ Марлинскаго; онъ самъ читывалъ эти повѣсти и пробовалъ сдѣлаться эффектнымъ героемъ романа, на походѣ, на балѣ, на бивакахъ. Но его пробы выходили какъ-то неудачны, или онъ чувствовалъ, послѣ случайнаго успѣха, какую-то глупую скуку и не зналъ, какъ ему быть потомъ съ предметомъ искусственнаго обожанія. Женитьбы онъ боялся инстинктивно, иначе его бы сто разъ уже женили и товарищи во время службы и родные послѣ отставки. Поэтому сердце его было холодное и пустое душло, въ которомъ гнѣздилась только змѣя дворянской гордости, господствуя надъ всѣми иными чувствами. Странная связь существовала между влюбленною четой, выпу-

гнутою изъ-подъ развѣсистаго дуба, и этимъ пустымъ нелюбящимъ сердцемъ, однакожь существовала, иначе не взволновался бы успокоенный и какъ бы очарованный ночью природой Ёздокъ и не погналъ бы вдругъ коня своего къ майорскому дому, и не прихлынула бы ему къ сердцу кровь, пропитанная спиртовыми атомами.

Но вотъ онъ у воротъ. Вотъ онъ встрѣченъ громкимъ лаемъ собакъ, которыя вдругъ приутихли, узнавъ въ немъ частаго и ласковаго къ нимъ посѣтителя.

II.

Каждое человѣческое жилище имѣетъ свою исторію и поэзію: надобно только взглянуть на него повнимательнѣе и сочувственнѣе. Даже солдатскія казармы, въ которыхъ каждая личность должна быть возможно болѣе похожа одна на другую, даже военныя поселенія, развернувшія въ прямую линію, на голомъ просторѣ, предковскія, произвольно раскинутыя жилища поселянъ, съ ихъ вѣковыми садами или съ одинокими старыми деревьями, оплаканными во время срубки и потомъ воспѣтыми въ пѣсняхъ, полны историческихъ воспоминаній и трогательной поэзіи. Подгулявшій военный пахарь, не попадающій въ свою нумерованную избу, во всемъ похожую на сотню другихъ избъ, такой же поэтической типъ своего времени, какъ и его предокъ-*метла* (1), который говорилъ, сидя въ корчмѣ:

Знати, знати козацьку хату
Скрізь десяту!.. (2)

И майоръ, основавшій хуторъ Майоровщину въ память своего майорскаго существованія, никакъ не долженъ уступать въ поэтичности тому козаку-дукъ который испустилъ духъ, увеличивая свою займанщину одною саженью. Все зависитъ отъ того, какъ на него взглянуть. Впрочемъ, еслибы въ хуторѣ Майоровщинѣ поселить самое прозаическое, пошлое, без-

(1) Неработающій и немущій.

(2) См. *Думу о коз ацкой жизни*, въ I томѣ *Записокъ о южной Руси*, стр. 215—220.

цвѣтное существо, то оно сдѣлалось бы высоко интереснымъ по одному контрасту его съ живописною мѣстностію, безпрестанно что-то говорящею душѣ. Днемъ ли, ночью ли, при восходѣ, или при заходѣ солнца, всегда жива и краснорѣчива здѣсь природа. Самое имя Майоровщина, совершенно противоположное общему впечатлѣнію мѣстности, какъ будто возвышало ея достоинство въ глазахъ цѣнителя природы, творящей свои чудеса свободно, безъ вмѣшательства неумѣлаго человѣка, природы, дотога здѣсь могущественной, что идущая по лѣсистымъ взгорьямъ и широкой долинѣ узкая проселочная дорога терялась какъ царапина въ крупныхъ и смѣлыхъ линіяхъ овраговъ, песчаныхъ береговъ и вздымающагося гордыми массами дубоваго лѣса, а хуторъ майора съ сосѣдними бѣлыми хатками казался съ противоположныхъ высотъ птицами, усѣвшимися отдыхать между зеленью.

Отъ майора, основавшаго хуторъ въ память своего чина, надобно было бы ожидать воспроизведенія тѣхъ домовъ, на которые онъ насмотрѣлся во время своихъ военныхъ странствованій, и которые, будучи поставлены между простыми хуторскими строениями, напоминаютъ какое-нибудь офиціальное лицо, посреди широко-разступившейся толпы смиренныхъ поселянъ. Хотя въ подобныхъ явленіяхъ есть своего рода поэзія, но живопись, эта вдохновенная скиталица по пустынямъ и лишеннымъ позолоты захоlustьямъ, ищетъ иныхъ контрастовъ, и тогда только плѣняется гордыми зданіями посреди убогихъ селъ, когда разрушеніе смягчитъ ихъ жесткія, прямолинейныя черты. Эта полудикая странница, любящая на архитектурныхъ чудесахъ пустынный плющъ и предпочитающая въ пейзажѣ лохмотья нищаго шитому золотомъ мундиру, охотно забрела бы въ хуторъ Майоровщину, и первый взглядъ на майорскій дворъ успокоилъ бы ее насчетъ необходимости бѣжать отсюда въ поселенія нечиновнаго люда.

Это было что-то слишкомъ простое и потому чуждое подражанія чему бы то ни было. Передовую линію двора противъворотъ, занималъ рядъ амбаровъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ. Влѣво, надъ крутымъ скатомъ къ пруду, стоялъ небольшой бѣлый домикъ подъ соломенною крышею, почти хата, вправо, къ лѣсу, такой же домикъ, еще ближе подходившій простотою постройки къ сельской хатѣ. У самыхъ воротъ, по обѣ стороны ихъ, стояло по настоящей малороссійской хатѣ, съ сѣнями, коморою и повѣтками. Вся внѣшняя роскошь майор-

скаго жилища заключалась въ окруженномъ бѣлою березовою решеткою палисадничкѣ передъ окнами, изъ котораго высоко торчали усыпанныя цвѣтами малороссійскія мальвы. Такой же палисадничекъ виденъ былъ и подлѣ другаго домика, къ лѣсу. Въ устройствѣ незатѣйливыхъ цвѣтниковъ замѣтенъ былъ простой малороссійскій вкусъ. Мальвы при лунѣ очень красиво рисовались на бѣлыхъ стѣнахъ своими натуральными фигурами и вѣрными ихъ тѣневыми силуэтами.

Съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ Иволгинъ на простую обстановку майорскаго двора и внутренно упрекнулъ хозяина въ мужичьемъ происхожденіи. Въ его воображеніи мелькнулъ видъ его собственнаго дома, съ мезонинами и высокими тополями, симметрически посаженными попарно съ обѣихъ сторонъ широкаго подъѣзда, мелькнули отцовскія конюшни, кладовыя, амбары, построенные съ притязаніемъ на великолѣпіе, и не зналъ онъ, что истинною и разумною прелестью всего этого зодчества было именно то, что онъ охотно прогналъ бы, но не могъ прогнать, изъ своего воображенія. Я разумью проступившую вездѣ ветхость, мохъ и дикіе цвѣты, занесенные вѣтромъ на гнѣющія крыши; я разумью обвалившіеся деревянныя рѣзные косяки и карнизы, которые очень краснорѣчиво говорили, что не могъ продолжаться изъ рода въ родъ старый порядокъ вещей, что прочно стоятъ и поддерживаются только тѣ зданія, которыя вызваны разумными потребностями общества.

Иволгинъ никогда не могъ забыть, что онъ сынъ знатнаго барина, но, по странному противорѣчію его характера, это не мѣшало ему прискакать ночнымъ гонцомъ къ сыну простаго казака, отличеннаго случайною благосклонностію вельможи. Устройство майорскаго хутора, какъ будто въ упрекъ ему, носило на себѣ печать демократическаго вкуса, не искорененнаго въ хозяинѣ даже и высокоблагороднымъ чиномъ. Не привыкнувъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ душевныхъ движеніяхъ и поступкахъ, онъ легко подавилъ въ себѣ какое-то отвращеніе къ собственной роли, тѣмъ болѣе, что въ немъ заговорило иное, новое чувство, похожее на ревность, на зависть и на смертельную обиду. Онъ дико посмотрѣлъ на безмолвнѣйшій домикъ, стоявшій съ правой стороны двора и, отдавъ своего коня вышедшему изъ хаты хлопчику въ накинутаю на плеча свиткѣ, направилъ влѣво шатающіяся послѣ ѣзды ноги, немного пораженные подагрой.

Онъ зналъ, что майоръ еще не спитъ; зналъ, что онъ сидитъ у себя на балконѣ въ старой походной шинели и куритъ со-тую трубку. Майоръ оставался въ отставкѣ вѣрнѣе усвоеннымъ на службѣ привычкамъ, въ числѣ которыхъ было и позднее сидѣнье по ночамъ. Трудно въ нѣсколькихъ словахъ дать понятіе о характерѣ майора Лушнина. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые высказываются очень мало, отдѣлываются отъ вопросовъ ничего незначащими фразами, а между тѣмъ какъ будто вѣчно что-то обдумываютъ. Наружность его принадлежала къ самымъ красивымъ, къ тѣмъ наружностямъ, которыя и въ глубокой старости сохраняютъ привлекательныя черты свои. Это былъ человѣкъ средняго роста, очень хорошо сложенъ, нѣсколько медлителенъ, но вмѣстѣ и легко въ своихъ движеніяхъ, особенно если что-нибудь оживляло его. Завитые отъ природы, посѣдлые волосы, бакенбарды съ просѣдью, полукругомъ, и едва тронутые сѣдиною черные закрученные вверху усы, при правильныхъ и задумчивыхъ чертахъ лица его, дѣлали такое впечатлѣніе, что Иволгинъ не разъ, глядя на него, думалъ: «былъ вѣдь простой козакъ, пахарь, а вотъ какъ служба облагородила: смотреть генераломъ!»

Но тотъ же Иволгинъ строго осуждалъ его простой образъ жизни, его воздержаніе отъ крѣпкихъ напитковъ и отвращеніе къ разнымъ соусамъ и другимъ утонченнымъ выдумкамъ французской кухни. Все это онъ приписывалъ его необразованности и закоснѣлости мужицкаго вкуса. Внутреннее убранство майорскаго жилища тоже не нравилось Иволгину. Онъ предлагалъ ему часть отцовской мягкой мебели, которой не доставало только свѣжей покрывки; но майоръ Лушнинъ довольствовался простыми деревянными стульями и софами, которыя обтянулъ клѣтчатою шерстяною тканью, или просто сказать, сельскими *плахтами* (1). Столъ въ его спальнѣ былъ покрытъ шелковою плахтой его покойной матери, добытою имъ изъ другихъ рукъ, по разпросамъ. Все это Иволгинъ находилъ очень страннымъ и облакалъ въ анекдоты, которые любилъ разказывать по сосѣднимъ хуторамъ, и на которые былъ великій мастеръ. Но особенно былъ онъ недоволенъ тѣмъ, что майоръ всѣ свои ордена повѣсилъ подъ образами, которые покрыты

(1) *Плахта*—большой двойной кусокъ несшитой ткани, которою обвертываются наши поселянки вмѣсто юбки, и вѣшаютъ спереди *закраску*, то-есть передникъ.

были сверху расшитымъ красною бумагой полотенцемъ, по обычаю простолюдиновъ, и безпрестанно украшались свѣжими цвѣтами, а въ зимнее время зеленымъ барвинкомъ. Это была забота племянницы, которая жила съ матерью въ противоположномъ домикѣ, но, точно невидимою рукою, поддерживала доведенную донельзя чистоту въ домикъ дяди и украшала по своему вкусу эту *квартиру*, какъ называлъ онъ свое жилище. Ордена не хуже, чѣмъ и на мундирѣ, сіяли золотомъ и разноцвѣтными лентами въ углу простой майорской гостиной, которую племянница звала свѣтлицею, но съ ними соперничали ярко оранжевые чернобривцы, пунцовый королевъ цвѣтъ и пышныя душистыя гвоздики. Это казалось Иволгину профанаціею святости, и посматривая на нихъ, онъ съ невольнымъ вздохомъ помышлялъ о своемъ серебряномъ крестикѣ, спрятанномъ подъ отворотомъ сюртука.

Малороссійская обстановка майорской жизни могла бы навести свѣжаго наблюдателя на мысль, что здѣсь живетъ *пань-Малороссіянинъ*. Подъ этимъ именемъ разумѣются у насъ люди, старающіеся возвратиться, сколько возможно, къ національнымъ обычаямъ и устраивающіе себѣ усадьбы во вкусѣ родной старины. Но майоръ нашъ вовсе не принадлежалъ къ *панамъ-Малороссіянамъ*, въ объясненномъ мною смыслѣ этого термина, не принадлежалъ онъ къ нимъ уже по одному тому, что не имѣлъ ихъ образованности. Малороссійская обстановка его домашняго быта устроилась у него, можно сказать, мимо его вѣдома. Когда онъ воротился изъ службы и нашелъ отцовскій хуторъ въ запустѣніи, онъ перенесъ изъ него двѣ хаты на то мѣсто у воротъ, гдѣ онѣ стоятъ нынѣ, и поселился въ нихъ съ своею прислугой на время. Зимой сосѣдніе козаки, по его указанію, повалили въ лѣсу нѣсколько десятковъ строевыхъ деревьевъ, а весной срубили разныя постройки въ собственномъ вкусѣ. Онъ опредѣлилъ только размѣры и далъ общій планъ хутора, но и тутъ практическія сельскія головы обязательно указали ему многое, какъ чему слѣдуетъ быть, и майоръ добродушно ихъ послушался. Отъ этого и вышелъ его хуторъ вполнѣ малороссійскимъ, и сосѣдніе козаки находили, что лучшаго хутора *лабуть нема ѣ на свѣті*, въ чемъ не совсѣмъ и ошибались. Князь Великданъ сравнивалъ Майоровщину и ея окрестности съ мѣстностями у Женевского озера; къ сожалѣнію тамошняя каменная почва не могла образовать такихъ мягкихъ очертаній пейзажа и брала только свою грандіозностію. Нельзя равнѣо

душно видѣть сіяющихъ вверху, надъ орѣховыми рощами, снѣговъ и льдинъ альпійскихъ; но за то и уроженецъ береговъ поэтического Лемана заглядѣлся бы на равнину полей, которая, наклоняясь то справа, то слѣва, виднѣлась изъ оконъ майорскаго домика тонкими, прозрачно уходящими вдаль планами по ту сторону рѣчнаго широкаго корыта.

Надобно замѣтить, что раны, полученныя майоромъ въ сраженіяхъ, были не шуточные, и что онъ вышелъ въ отставку именно для того, чтобы дожить вѣкъ на родинѣ. Онъ часто говорилъ, что ему «недолго коротать на свѣтѣ», хотя съ виду казался еще довольно крѣпкимъ человекомъ. Только меланхолическое выраженіе лица и любовь къ неподвижности обнаруживали въ немъ упадокъ силъ и, можетъ-быть, физическія страданія, на которыя онъ никогда не жаловался.

Жизнь его протекала однообразно. Поутру онъ пилъ долго чай съ трубкою, накинувъ на себя шинель вмѣсто халата, потомъ одѣвался въ военную униформу и обходилъ свой хуторъ. Прогулка эта, какъ видно, соответствовала привычнымъ выходамъ на ученіе и не имѣла никакой хозяйственной цѣли. Хозяйствомъ занималась у него сестра его на простой сельскій ладъ. Онъ не входилъ въ ея распоряженія и велъ себя, какъ постоялецъ, называя свой домъ *квартирой*, а сестру и племянницу *хозяйшками*. Въ опредѣленно время онъ заходилъ къ нимъ обѣдать, и это, кажется, была самая веселая часть его дня. Тутъ иногда онъ оживлялся и увлекалъ сестру и племянницу разказами о своихъ походахъ въ Польшу и на Кавказѣ. Посидѣвъ немного послѣ обѣда, онъ закуривалъ трубку и уходилъ къ себѣ на квартиру, гдѣ, почти не сходя съ мѣста, сидѣлъ зимою у окна, а лѣтомъ на балконѣ, сидѣлъ, курилъ и все о чемъ-то размышлялъ, по крайней мѣрѣ такъ казалось со стороны.

Съ сосѣдями-помѣщиками онъ не сошелся: ему было тягостно и скучно въ ихъ кругу. Онъ былъ чуждъ ихъ экономическихъ и родственныхъ интересовъ, и притомъ они невольно давали ему чувствовать, что онъ *homo novus*. Сперва онъ кое-гдѣ появлялся на сельскихъ вечеринкахъ, потомъ начали видать его рѣже, рѣже, и наконецъ онъ совсѣмъ пересталъ выѣзжать, отговариваясь нездоровьемъ. Но къ нему ѣздили многіе, и именно *на пульту*, такъ какъ деньги у него водились, и онъ довольно часто проигрывалъ.

Другаго рода его посѣтители были сосѣди-казаки. Эти прихо-

дали къ нему по праздникамъ послѣ обѣда и, находя у него щедрое угощеніе, очень были имъ довольны, а объ его визитахъ заботились еще меньше любителей пульки. То были большею частію знакомые отца его и дальніе его родственники, которые смотрѣли на него, какъ на своего патрона, гордились его возвышеніемъ, съ дѣтскимъ любопытствомъ разсматривали его ордена подъ образами и считали за честь посидѣть на его стульяхъ и софахъ, обтянутыхъ плахтами.

Но майору, повидимому, ничто не доставляло особеннаго удовольствія. И съ дворянами, и съ козаками онъ былъ одинаково малорѣчивъ, на вопросы любопытныхъ отвѣчалъ по большей части ходячими фразами или офицерскими, не очень глубоко-мысленными прибаутками, и все какъ будто что-то обдумывалъ. Но, судя по его болѣзненному бездѣйствію и по тому, что онъ не заглядывалъ ни въ какія книги, кромѣ святцевъ, никакъ не слѣдовало допускать, чтобъ его умъ былъ занятъ какими-нибудь головоломными мыслями. Конечно, въ его жизни была пора, когда онъ раскидывалъ умомъ во всѣ стороны, напрягая всю силу природнаго дара соображать многоразличныя обстоятельства, и вѣроятно, съ того времени осталось у него обдумывающее выраженіе лица, хотя теперь ему, выбитому изъ служебной колеи недугомъ, нечего было ни соображать, ни обдумывать. Жизнь его, обезпеченная пенсіей, наслѣдственными землями и нѣжными заботами сестры и племянницы, текла въ такой тишинѣ, о какой только можетъ мечтать избитый походами и сраженіями служака. Майоровщина каждому казалась безмятежнымъ раемъ и не нравилась одному только Иволгину своимъ демократическимъ устройствомъ.

Я описалъ майора Лушнина, кажется, со всѣхъ сторонъ, и при всемъ томъ не могу сказать, чтобъ это былъ портретъ конченный и вѣрный съ оригиналомъ. Самыя характерныя черты этой личности, если можно такъ выразиться, были обращены внутрь и скрыты отъ наблюдателя его спокойною, меланхолическою внѣшностью, очень привлекательною, но и очень обыкновенною. Еслибы предположить, что въ немъ замерли живыя сочувствія и порывы какой-нибудь господствующей страсти, уступивъ дѣйствію неизбежныхъ вліяній среды, въ которую онъ попалъ, будучи еще очень молодъ, то не заплакалъ бы онъ при видѣ запусѣлаго отеческаго дома, не разыскивалъ бы, въ чьихъ рукахъ находятся вещи, принадлежавшія его матери, не выкупалъ бы ихъ удвоенною цѣною и не хранилъ бы, какъ

святыню. Еслибы онъ былъ *майоръ* и больше ничего, — не пригласилъ бы онъ къ себѣ изъ дальняго села вдовы-сестры съ ея дочкою, не предоставилъ бы своихъ земель въ ея полное распоряженіе и не ограничился бы въ своихъ издержкахъ одною пенсіей. Еслибы онъ весь ушелъ въ свои чины, — не прилагалъ бы онъ стараній о племянницѣ, которую изъ бѣдной сельской дѣвочки желалъ по своему вывести въ люди и не пропускалъ праздника, именинъ или другаго случая, чтобъ не увеличить добра, которымъ наполнялась, по малороссійскому обычаю, ея скриня (1). Еслибы, наконецъ, въ немъ совершенно было подавлено все, что составляетъ нравственное наслѣдство его рода и племени, — онъ бы не собиралъ у себя стариковъ и старухъ сосѣдей, не сажалъ бы ихъ на свою обтянутую плахтами мебель, не угощалъ бы ихъ наливками, заготовляемыми сестрою, не вслушивался бы въ ихъ простыя рѣчи и въ воспоминанія о старинѣ; ибо мы очень хорошо знаемъ, какъ все это кажется скучнымъ для людей необразованныхъ, положившихъ на службѣ всю внутреннюю жизнь свою, и какъ оно кажется тривиальнымъ для людей высшаго полета, улетѣвшихъ въ какія-то пустыя сферы жизни отъ родныхъ преданій и обычаевъ. Мы знаемъ мелкопомѣстныхъ Малороссійянъ, которые находятъ бездну интереса въ бесѣдѣ о вчерашнемъ преферансѣ и не находятъ никакого интереса въ такихъ разказахъ простонародья, какіе переданы намъ недавно Маркомъ Вовчкомъ. Мы знаемъ вельможъ Малороссійянъ, которые съ умиленіемъ любятъ народными иноземными сценами въ искусственныхъ представленіяхъ и, пріѣзжая на родину для хозяйственныхъ распоряженій, отдають приказъ, чтобы національныя *обжинки* (2) были простымъ угощеніемъ рабочихъ, безъ свободнаго говору, безъ пѣсень и танцевъ. Майоръ нашъ далеко стоялъ впереди тѣхъ и другихъ, и хоть онъ мало говорилъ съ своими нечиновными посѣтителями, но слушалъ ихъ внимательно, и ни одинъ разъ не пришло ему на мысль отказаться отъ подобнаго общества, какъ это сдѣлали бы многіе въ его положеніи. Я думаю даже, что еслибы онъ вмѣстѣ съ орденами могъ повѣсить подъ иконами и все прочее, чѣмъ наградила его долгая служба, то языкъ его развязался бы въ свободную, живописную

(1) Большой сундукъ.

(2) Праздникъ по окончаніи жатвы.

рѣчь его гостей, и весело было бы ему между ними, какъ и послѣднему изъ ихъ общества. Но майоръ, въ видѣ орденовъ, принесъ Богу только благодареніе за спасеніе его жизни посреди невѣроятныхъ опасностей, которымъ оно подвергалъ себя, не колеблясь ни одной минуты въ упованіи на Его промыслъ; а военную униформу очевидно носилъ съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ во времена оны покрывались мертвыя тѣла

Червоною китайкою,
Заслугою козацкою...

Всему, что я сказалъ въ пользу поэтичности его природы, нѣсколько противорѣчила его дружба съ Иволгинымъ, основанная единственно на благоволеніи къ нему любителя красивыхъ мѣстоположеній, заѣзжаго въ провинцію вельможи. Но это основаніе лежало только въ характеръ Иволгина. Что касается до майора Лушнина, то онъ не могъ оттолкнуть отъ себя и ласкающуюся собачку, не только человѣка, который привозилъ ему, какъ живая газета, новости цѣлаго уѣзда и слухи объ отдаленныхъ мѣстахъ, собираемые на станціи отъ проѣзжающихъ. То правда, что льстивый языкъ Иволгина чаще всего избиралъ тему своихъ бесѣдъ личность хозяина; но майоръ вовсе не принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ героямъ, которые умѣютъ защищаться отъ тончайшаго изъ всѣхъ ядовъ — лести. Такимъ образомъ онъ не только сносилъ присутствіе Иволгина, но даже и любилъ частыя его посѣщенія. И при всемъ томъ, однакожъ, дружбы между ними не было, потому что даже и Иволгинъ не могъ видѣть въ майорѣ другаго себя, а тѣмъ болѣе майоръ въ Иволгинѣ.

Теперь мы достаточно, кажется, познакомились съ хозяиномъ домика, освѣщеннаго луною и украшеннаго мальвами, чтобы ввести въ него знакомаго уже намъ гостя.

На балконъ, обращенный къ прудамъ, можно было пройти не иначе, какъ черезъ сѣни и черезъ гостиную, которую племянница майора называла свѣтлицею. На стукъ частаго посѣтителя, сѣни отворила безъ оклика босая дѣвочка, полузаспанная, но тѣмъ не менѣе бодрствовавшая до отхода майора ко сну. Майоръ не держалъ при себѣ больше никакой прислуги. Онъ сохранилъ нѣкоторыя привычки первоначальнаго быта и между прочимъ не любилъ лакейскихъ услугъ, что крайне скандализировало Иволгина, воспитаннаго съ дѣтства среди лакеевъ. Свѣт-

лица была тускло освѣщена висѣвшею передъ образами лампадой. Слабые лучи ея падали на майорскіе ордена, перемѣшанные съ чернобривцами и другими цвѣтами. Иволгинъ машинально поправилъ подъ отворотомъ *pro virtute militari*. Въ отворенную на балконъ дверь и въ окна падали сіяющія полосы луннаго свѣта.

Майоръ допивалъ послѣдній, давно простывшій стаканъ чаю, и любовался табачнымъ дымомъ, сквозившимъ при лунѣ. Въ военной фуражкѣ и старой походной шинели, онъ казался не хозяиномъ малороссійскаго хутора, а постояльцемъ, котораго судьба или воля начальства бросила въ эту глушь на неопредѣленное время. Военная фуражка и шинель дѣлали его чѣмъ-то до такой степени чуждымъ этой природѣ, звучащей свободными голосами разгулявшейся при лунѣ сельской молодежи, что не возможно было безъ грусти видѣть его одинокую фигуру, отличавшуюся, посреди живописной природы, столь неживописнымъ нарядомъ.

Но это чувство не было чувствомъ Иволгина. Иволгинъ принялъ на себя веселый видъ и расшаркался передъ майоромъ, копируя одного господина, для котораго необходима была большая зала, чтобы раскланяться отъ всей души. Майоръ хорошо зналъ его продѣлки, имѣвшія цѣлью разсмѣшить хозяина, и слегка улыбался, не трогаясь съ мѣста. Иволгинъ подскочилъ къ нему съ ловкостью записнаго танцора, и, пожимая ему руку, въ то же время громко стукнулъ каблуконъ о каблукъ. Этимъ окончилась мимическая часть его игры. Ноги Иволгина, пораженные въ нѣкоторой степени подагрой, не вполне согласовались съ его ухорствомъ. Оказалась настоятельная надобность въ отдыхѣ. Онъ схватилъ стулъ и сѣлъ противъ майора у столика, уперши обѣ руки въ свои довольно тучныя ляшки. Въ этомъ положеніи онъ былъ очень молодцоватъ, или по крайней мѣрѣ такъ казалось ему самому.

Между тѣмъ майоръ спросилъ его тихимъ и протяжнымъ своимъ голосомъ:

— Что это васъ такъ давно не видать, Капитонъ Павловичъ?

— Да все мои знакомства, Иванъ Родіоновичъ, отвѣчалъ Иволгинъ.—Я, право, ужъ и не радъ имъ.

— Какія же это знакомства?

Иволгину не понравился спокойный вопросъ майора: въ его медлительномъ тонѣ слышалось что-то насмѣшливое.

— Конечно!... да! отвѣчалъ онъ:—съ кѣмъ намъ знакомить-

са?... Но, кромѣ шутокъ, майоръ, ей-Богу, не понимаю, что имъ во мнѣ, этимъ важнымъ лицамъ, этимъ богачамъ, этимъ аристократамъ. Я себѣ человекъ смиренный, хуторянинъ, а они люди большаго свѣта; но непременно имъ нужно знать, что въ такомъ-то уѣздѣ существуетъ такой-то Иволгинъ,—нужно видѣться съ нимъ, нужно болтать съ нимъ о всякихъ пустякахъ... Ей-Богу, не понимаю!

Майоръ слушалъ его спокойно и потомъ спросилъ:

— Вѣрно опять задали пирушку офицерамъ?

— Офицерамъ! повторилъ обидясь Иволгинъ:—невидалъ для меня офицеры! Есть у меня и генералы сослуживцы. Еслибъ я послужилъ съ ваше, майоръ, я самъ былъ бы теперь генераломъ.

Этими послѣдними словами онъ хотѣлъ отплатить майору за его насмѣшливость. Но майоръ отвѣчалъ съ неизмѣннымъ спокойствіемъ:

— Я не сомнѣваюсь. Съ вашими способностями, на службѣ вы ушли бы дальше, чѣмъ въ отставку.

Тутъ Иволгинъ обидѣлся ужь окончательно, однакожъ рѣшился не понять намека и продолжалъ:

— Но что толку въ генеральствѣ, когда оно получается не на полъ чести? У иного генерала на груди пустыня Аравійская... всего какихъ-нибудь два крестика... а генераль! Что это за генераль? Такое генеральство я отдалъ бы съ придачею своего хутора за ваше майорство. Только я бы не повѣсилъ своихъ орденовъ подъ образами. На что Богу ваши ордена? Ему пріятнѣе, можетъ-быть, иной цвѣтокъ, чѣмъ Владиміръ или Георгій (Иволгинъ любилъ повольнодумствовать). Нѣтъ, я бы украсилъ ими геройскую грудь свою. Пускай бы всѣ видѣли памятники подвиговъ, о которыхъ печатано было въ *Инвалиды!* Вѣдь о вашихъ подвигахъ, Иванъ Родионовичъ, слава трубила въ огромнѣйшую трубу. Вѣдь до сихъ поръ вспоминаютъ о нихъ офицеры; а недавно я познакомился съ генераломъ Перельгинымъ. Чуть я напомнилъ... «А! говоритъ, Лушнинъ! это нашъ кавказскій герой!» Всѣ васъ подъ этимъ именемъ знаютъ...

— Даже и ваши хуторскіе мальчишки, сказалъ майоръ,—если только вы у себя въ хуторѣ говорите то самое, что у меня.

Иволгинъ не обратилъ вниманія на это замѣчаніе и продолжалъ ораторствовать съ прямодушіемъ тѣхъ людей, которые говорятъ: «Я не умѣю хитрить, и въ глаза скажу вамъ, что вы великій человекъ!»

Майоръ слушалъ его съ улыбкою и думалъ: «Знаю, братъ, я тебя! знаю, какъ ты разглагольствуешь о моемъ мужицкомъ вкусу Мазницына!» (Мазницынъ былъ сосѣдь-помѣщикъ съ аристократическими претензіями.) И, несмотря на то, что зналъ Иволгина, какъ двоедушнаго пустомелю, чувствовалъ въ сердцѣ какое-то услажденіе отъ его льстивыхъ рѣчей.

— Капитонъ Павловичъ, сказалъ онъ ласковѣ обыкновеннаго, — не хотите ли закусить чего-нибудь? Сестра устроила мнѣ сегодня какую-то *бабу* изъ лапши. Я велю подогрѣть, а между тѣмъ подадутъ поросенка подъ хрѣномъ да водочки.

Не успѣлъ онъ сказать, а ужъ дѣвочка, въ вышитой красными нитками сорочкѣ, несла и водку и поросенка подъ хрѣномъ. Сестра майора изучила его обычай и предупреждала его желанія. Въ противоположномъ домикѣ свѣтились окна, и, безъ сомнѣнія, въ печи стояла уже баба, понравившаяся майору за обѣдомъ.

Съ удовольствіемъ окинулъ Иволгинъ взоромъ поднось, принесенный черноокою Марьянкой. Онъ высоко цѣнилъ кушанья, наливки и запеканки майорской сестры, хоть и называлъ ее мужичкою у Мазницына и вездѣ, гдѣ случалось.

— Еслибы не ваши раны, Иванъ Родіоновичъ, быть бы вамъ генераломъ!

Эти слова произнесъ онъ, наливая себѣ душистой запеканки.

— Какой цвѣтъ! сказалъ онъ, поставивъ полную рюмку между луной и своими оживившимися глазами.

— А вкусъ еще лучше! сказалъ хозяинъ, приглашая выпить.

— Дивная женщина ваша сестра!

Засвидѣтельствовавъ этими словами достоинство выпитой запеканки, Иволгинъ дѣятельно занялся закускою. Аппетитъ его доставлялъ майору видимое удовольствіе. Вскорѣ однакожь понадобилось поощреніе аппетита изъ другаго графинчика.

— Ей-Богу, быть бы вамъ генераломъ! сказалъ Иволгинъ, наливая рюмку. — Да что за запахъ! Откуда она беретъ эти ароматы?

Но ароматы были только предлогомъ, чтобы поближе поднести рюмку къ усамъ. Рюмка опрокинулась въ горло плавнымъ, вѣрнымъ движеніемъ. Въ знакъ удовольствія, Иволгинъ поднялъ ее надъ головою съ торжественнымъ жестомъ. Слезистыя грани хрустала засверкали въ лунномъ сіяніи.

— Ужь признаюсь, послѣ трехдневнаго дежурства, и очутиться въ такомъ раю... просто, мое почтеніе!

Съ этими словами Иволгинъ обратился къ поросенку, который потерялъ уже за обѣдомъ нѣкоторыя свои части.

— А! поди сюда, голубчикъ! сказалъ онъ, втыкая вилку въ затылокъ поросенку, и, замѣтивъ, что майоръ съ удовольствіемъ слѣдитъ за его движеніями, продолжалъ разговаривать съ поросенкомъ, какъ съ живымъ существомъ. — Ты думаешь, голубчикъ, что я не знаю, гдѣ у тебя замокъ въ затылкѣ? Я отыщу его и въ потемкахъ, а не только при такой благодатной лунѣ!... Повернись-ка вотъ этакъ! Дай мнѣ отвѣдать твоего нѣжнаго ушка!... Чортъ возьми, какъ вкусно! да хрѣнъ какой! въ глазахъ двоится!... Теперь позволь приподнять эту жирную, прозрачную кожуцу... Хрупъ! замочикъ отскочилъ... вотъ и таинственная скважинка въ твоемъ черепкѣ. Я, голубчикъ, проходилъ анатомію на практикѣ... Прелесть прелестей мозги! Майоръ, позвольте предложить вамъ половинку! Просто сюперфлю!

Майоръ находилъ, что ужинъ для него вреденъ, и отказался отъ сюперфлю.

— Ужь признаюсь, послѣ трехдневнаго дежурства... началъ опять Иволгинъ.

— О какомъ дежурствѣ вы говорите? спросилъ майоръ: — вѣрно, на станціи?

— А что бы вы думали, ваше превосходительство?

Иволгинъ часто величалъ этакъ майора.

— Ничего бы я не думалъ.

— Гмъ, ничего!.. Конечно... гдѣ намъ? куда намъ? что мы значимъ? До насъ никому дѣла нѣтъ... Мы такъ-себѣ, хуторяне!

Иволгинъ замолчалъ и началъ ѣсть очень дѣятельно; только его брови, глаза, морщины на лбу и движенія плечъ говорили: «Гдѣ намъ? куда намъ? что мы значимъ?» и такъ далѣе.

Майоръ окончательно убѣдился, что онъ пріѣхалъ съ какою-то интересною новостью; но, чтобъ его помучить, молчалъ и равнодушно пускалъ изъ дыму кольца въ лунный кругъ.

— Такъ хотите знать, зачѣмъ я трои сутки дежурилъ? ска- залъ наконецъ Иволгинъ, потерявъ терпѣніе.

— Скажите, отвѣчалъ равнодушно майоръ.

— Ужь вы на меня смотрите какъ хотите спокойно, ваше превосходительство, а я вамъ объявлю такое, что отпрыгнете вонъ куда! (Иволгинъ указалъ на противоположный берегъ

пруды.) Знаете ли, кто пріѣхалъ?... Но нѣтъ, слушайте все по порядку... Дежурю я однѣ сутки, подѣ вечеръ возвращается вице-губернаторъ изъ Петербурга, и воображаетъ, что я для него сижу на станціи. «А, Капитонъ Павловичъ! любезнѣйшій!» обрадовался ужасно и ну ко мнѣ ласкаться. «Разкажите-ка мнѣ, какъ вы вступали съ распущенными знаменами въ Дубно. Мнѣ пересказывали вашъ анекдотъ въ Петербургѣ...» Чтò вы не вѣрите, майоръ? ей-Богу! «Мнѣ, говоритъ, въ Петербургѣ пересказывалъ сенаторъ Козолуповъ... я помиралъ со смѣху. Разкажите, разкажите!» А я ужъ и не помню, о чемъ я говорилъ съ сенаторомъ Козолуповымъ. Нечего дѣлать, долженъ былъ я представить ему въ лицахъ пару телятъ передъ знаменами. Вообразите себѣ картину: мы идемъ торжественно подѣ суворовскій маршъ, а телята, задравши хвосты, впереди, бэ-э! отъ самой заставы черезъ весь городъ.

И Иволгинъ, вскочивъ со стула, представилъ въ лицахъ майору испуганныхъ телятъ, подражая ихъ реву и движеніямъ въ совершенствѣ. Мимическій талантъ развилъ онъ еще въ пансіонѣ, представляя товарищамъ ненавистнаго Нѣмца въ тысячѣ карикатуръ.

Майоръ былъ человекъ не смѣшливый, но искусство актера побѣдило его, и онъ, схватясь за грудь, какъ дѣлаютъ больные, закачался на стулѣ, издавая легкіе звуки хохота.

— Я, право, не знаю, чтò тутъ смѣшнаго, скромно продолжалъ Иволгинъ, возвратясь на свое мѣсто. Но лишь только замѣтилъ, что майоръ перестаетъ смѣяться, опять заговорилъ о телятахъ, о трубахъ, о распущенныхъ знаменахъ, и, сидя, представилъ движеніемъ рукъ и фалдъ, какъ телята бѣжали по городу, а голосомъ очень искусно подражалъ ихъ реву.

— А вѣдь не посчастливилось ихъ высокородію въ столицѣ! повелъ онъ рѣчь далѣе:—ужъ я вижу, что не посчастливилось! Знаете ли, чего ихъ высокородію хочется?.. Бездѣлицы—губернаторства! А тамъ эти мѣста въ цѣнѣ, это мы знаемъ. Такъ они и воротились ни съ чѣмъ. У меня тонкое чутье: не въ духѣ ихъ будущее превосходительство. Даромъ пропасть посьвъ!

— Да почемъ же вы все это знаете?

— Почемъ знаю! конечно! намъ ли проникать въ тайны савонниковъ? мы только про телятъ способны разказывать; а то намъ и не въ домекъ, что ямщика велѣли высѣчь.

— Какъ высѣчь? за чтò?

— Такъ высъчь, просто, какъ обыкновенно съкутъ розгами. А за чтò? за то, что ямщикъ надѣлъ шапку. Ихъ будущее превосходительство сѣли ужь въ экипажъ, да какъ-то оглянулись и замѣтили, что ямщикъ, стоя въ воротахъ, надѣлъ шапку. Воротились, и, для порядку, велѣли ямщика высъчь (1)... Ну, вотъ вамъ смѣшно, а мнѣ вовсе не смѣшно: ямщикъ у меня очередной,—какъ прикажете посадить его на козла?

И Иволгинъ вздохнулъ, чтобы придать больше комизма своему разказу.

— Ужъ моимъ ямщикамъ такое счастье въ эту недѣлю, продолжалъ онъ.—Вчера я опять дежурю. Къ вечеру ѣдетъ какой-то нѣмецкій князекъ съ отвислою губой, и воображаетъ, что Иволгинъ поджидаетъ на станціи его нѣмецкой свѣтлости. Какъ бы не такъ! Послѣ короткаго знакомства съ Генрихомъ Христофоровичемъ, я охотнѣе встрѣчаюсь съ жидовскою козою, чѣмъ съ самымъ знатнымъ Нѣмцемъ. И что же? какъ на зло! ямщика угораздило попросить на водку. Отвислая губа поширилась въ карманъ и дала собственноручно.... чтò бы вы думали?.. мѣдный пятакъ! Ей-Богу! Ямщикъ что-то сказалъ въ родѣ дьявола или шельмы. Вѣдь понялъ же нѣмой языкъ и велѣлъ высъчь ямщика! Высѣкли, а тутъ очередь. Просто разоряютъ станцію!

— А вы все дежурите? спросилъ майоръ.

— А я все дежурю. Но не для кандидатовъ въ превосходительные и не для нѣмецкихъ князьковъ дежурю. Это замѣтите. Есть у насъ инья кой-какія знакомства.... Ничего!.. мы такъ-себѣ, хуторяне, только знаемъ за три дня, кто будетъ проѣзжать... До насъ никому дѣла нѣтъ; только насъ хватаютъ за полу графы и князья...

— Теперь я догадываюсь, въ чемъ дѣло, сказалъ майоръ съ замѣтнымъ удовольствіемъ:—князь Великданъ пріѣхалъ?

Вмѣсто отвѣта, Иволгинъ послалъ ему только поцѣлуй рукою, и, упершись руками въ ляшки, а локти разставивъ врозь, смотрѣлъ на майора съ минуту неподвижно. Наконецъ сказалъ:

— Ей-Богу, я и не знаю, чтò во мнѣ этимъ великимъ людемъ! Непремѣнно вотъ будь на станціи, чтобъ съ первымъ со мною повидаться! Я хлопочу, чтобы скорѣе лошадей, куда тебѣ! Схватилъ за пуговицу, не отпускаетъ отъ коляски, и этакъ съ

(1) Это замѣчательное событіе случилось во второй половинѣ XIX вѣка.

полчаса продержалъ. Обо всемъ разспрашивалъ... Освѣдомлялся и о васъ. Велѣлъ передать вамъ поклонъ. «Скажите, говорить, любезнѣйшій, майору, что я дружески ему кланяюсь.» Именно этими словами: *дружески кланяюсь!*

Майоръ выслушалъ Иволгина съ умиленіемъ и сказалъ:

— Добродѣтельный вельможа!

— А по моему, возразилъ Иволгинъ,—такъ со стороны князя нѣтъ въ этомъ никакой добродѣтели. Чтò тутъ за добродѣтель? Просто долгъ, вотъ и все! Ну, посудите сами: какой бы онъ былъ государственный мужъ, еслибъ не обратилъ вниманія на воина, прославленнаго столькими сраженіями!

— Ну, ужъ полно, Капитонъ Павловичъ! говорилъ майоръ:—ужъ вы запустите свою философію!

— Да тутъ и философіи не надо; тутъ дѣло ясно само собою. Вѣдь посмотрите: есть у насъ пятисотные помѣщики, есть и тысячники, а вѣдь князь никого изъ нихъ не почтилъ визитомъ. Всѣ придите поклонитесь сами,—и то считаютъ за счастье, а вы сидите себѣ въ хуторѣ и не думаете о высокихъ порогахъ,—глядь, къ вамъ на дворъ сіятельные гости!

— Ужъ вы сумѣете представить! говорилъ майоръ, скрывая свое удовольствіе:—разкажете не хуже, какъ и про телятъ.

— Да, я былъ бы теленокъ, когда бы не понялъ, въ чемъ тутъ дѣло! сказалъ Иволгинъ, любившій въ свою ложь простодушно ввертывать истину.—Я вамъ скажу, что Мазницынъ отдалъ бы мнѣ свою нетечанку, за которую безсовѣстно просить 200 цѣлковыхъ... да чтò объ этомъ и говорить! Князь Великданъ пріѣхалъ; я съ княземъ видѣлся; князь вамъ дружески кланялся: вотъ и все. Ура!

Съ этимъ словомъ Иволгинъ налилъ и осушилъ залпомъ рюмку.

— А чтò же баба? сказалъ майоръ, ища глазами своей прислуги.

Но баба какъ тутъ была. Горячая, жирная, вся движущаяся отъ печной нѣги, она была поставлена передъ Иволгинымъ и вполнѣ вознаградила его за привезенныя новости. Онъ не любилъ сладкаго, и отвергъ предложенный ему майоромъ сахаръ; за то сычалъ и шипѣлъ на всѣ лады, прохладя у себя во рту лакомое кушанье.

— Надолго князь пожаловалъ въ свое владѣніе? спросилъ майоръ.

— По секрету онъ мнѣ сказалъ, что важныя государственныя дѣла должны вызвать его отсюда вскорѣ, но вы этого не разглашайте. Знаете чѣмъ, ваше превосходительство, вамъ бы не мѣшало сдѣлать ему визитъ.

— Почему же, отвѣчалъ майоръ.—Я охотно...

— А то, посудите, продолжалъ Иволгинъ:—вельможа, государственное лицо, и долженъ ѣздить къ вамъ на поклонъ... Этакъ вы прослывете еще гордецомъ. Мнѣ было бѣ очень больно, когда бы ваше имя поставили на ряду съ вашимъ сосѣдомъ Сагайдачнымъ.

— Дался вамъ этотъ Сагайдачный! сказалъ майоръ. — Полно вамъ на него. Я очень его уважаю, хоть незнакомъ съ нимъ.

— Есть за чѣмъ уважать! Развѣ за то, что онъ не уважаетъ никого!

— Да съ чего же вы взяли, что онъ никого не уважаетъ?

— Вотъ вопросъ! Да для него ничего нѣтъ священнаго; это видно всякому, кромѣ васъ, майоръ! Приѣхалъ изъ Петербурга и ни къ кому даже черезъ порогъ не плюнулъ. Важная птица—коллежскій ассессоръ!

— Онъ, говорятъ, вѣчно занятъ, сказалъ майоръ.—Работаетъ съ утра до вечера. Это человѣкъ необыкновенный, не то, что мы съ вами: онъ и механикъ, и агрономъ, и все, чѣмъ вамъ угодно.

— Гордецъ и больше ничего! сказалъ съ досадою Иволгинъ.— Гордецъ, философъ, вотъ и все!

— Съ этимъ я не согласенъ. Покойная мать его была чудная женщина, да и отецъ, говорятъ, былъ человѣкъ рѣдкій.

— А онъ гордецъ! воскликнулъ Иволгинъ.

— Чѣмъ это была за женщина! такой доброты поискать во всемъ свѣтѣ.

— А онъ философъ!

— Сколько бѣдныхъ она призрѣла!

— А онъ гордецъ, философъ и въ добавокъ повѣса!

— Отчего жь повѣса? Всѣ козаки говорятъ, что это человѣкъ непорочный. А козаки вѣдь все берутъ на замѣчаніе.

— Козаки ваши видятъ не дальше своихъ усовъ. Я вамъ говорю, майоръ, что Сагайдачный просто повѣса и петербургскій развратникъ!

— Ну, ужь это изъ рукъ вонъ! Этимъ вы и меня обижаете.

— Я знаю, чѣмъ говорю, майоръ. Современемъ узнаете и вы, да будетъ, можетъ-быть, поздно.

— Чтò же вы этимъ хотите сказать?

— То, чтò слышите! отвѣчалъ Иволгинъ и, закуривъ трубку, погрузился въ размышленія.

— Странные вы люди, господа помѣщики! началъ, помолчавши, майоръ.— Чуть явится межъ вами человѣкъ, непохожій на другихъ, вы тотчасъ и подхватите его на зубы. Онъ у васъ и гордецъ, и философъ, и еще хуже того. А чѣмъ онъ виновать? единственно тѣмъ, что сидитъ дома и дѣлаетъ свое дѣло.

— Ну, этотъ успѣваетъ работать и на сторонѣ!

— Какъ же это?

— Да такъ, по столичному. И не только днемъ, да и ночью.

— Чтò же *это* еще такое?

— Такъ, ничего; замѣтка въ скобкахъ.

Майоръ посмотрѣлъ на графинчикъ съ запеканкой и покачалъ головою.

— Я думаю, поздній прїездъ мой обезпокоилъ у васъ кого-нибудь? сказалъ Иволгинъ.

— Ни мало. Сестрѣ никогда не спится, она все думаетъ о своемъ хозяйствѣ. Этакой хлопотуньи я не встрѣчалъ и въ Польшѣ. А племянница не обратила бы на васъ вниманія, хоть бы вы взѣхали на дворъ съ трубачами, какъ въ Дубно.

— Да, сказалъ Иволгинъ, и, помолчавъ, повторилъ:— да... да!

Потомъ выпилъ еще одну рюмку чего-то и еще тверже сказалъ: дда!

— Однакожъ, прибавилъ онъ, прохаживаясь по балкону, — у васъ въ хуторѣ не всѣ спятъ. Какъ весело поютъ въ лѣсу дивчата!... Одинъ голосъ какъ-будто знакомый. Вы не узнаете его, майоръ?

— У меня не такой тонкій слухъ, отвѣчалъ майоръ.

— А у меня, сказалъ Иволгинъ, — слухъ очень хорошъ, а зрѣніе еще лучше, и я многое слышу и вижу, чего другіе не слышатъ, или не хотятъ слышать, не видятъ или не хотятъ видѣть.

— Чтò это у васъ за загадки сегодня, Капитонъ Павловичъ?

— Такъ, ничего-съ, ваше превосходительство.

— Куда же вы? сказалъ майоръ, замѣтивъ фуражку въ рукахъ у гостя.

— Прощайте, до свиданія! прощайте, до свиданія! проговорилъ гость и быстро вышелъ черезъ гостиную, въ которой дремала, склонясь на столъ, дѣвочка.

Все это было въ его манерѣ, и потому майоръ ни мало не удивился ни его таинственнымъ полусловамъ, ни странному прощанію. Иволгинъ всегда привозилъ ему какой-нибудь секретъ и уѣзжалъ, давъ понять, что у него въ запасѣ много еще другихъ секретовъ.

Съ отъѣздомъ Иволгина замолкли пѣсни въ лѣсу. Настала глубокая тишина, которою наша южная природа любитъ перемежать своя многоголосныя рѣчи. Мѣсяцъ поднялся высоко. Майоръ видѣлъ внизу на дорогѣ неясную фигуру всадника, мчавшагося во весь опоръ, слышалъ топотъ копытъ и даже болѣзненный храпъ его коня. Потомъ умолкло все. Майоръ поставилъ къ століку докуренную трубку и прошелъ въ свою спальню, разбудивъ мимоходомъ разоспавшуюся дѣвочку и велѣвъ ей убрать съ балкона закуску. Запершись въ своей спальнѣ, онъ сталъ на колѣни и началъ читать молитвы, которымъ научила его въ дѣтствѣ мать и которыя засіяли въ его сердцѣ огненными буквами, когда онъ очутился на чужой сторонѣ, среди опасностей войны. Эти молитвы казались ему тогда спасительнымъ, всеотвращающимъ материнскимъ предстательствомъ у Бога, и привыкъ онъ съ того времени произносить ихъ не иначе, какъ на колѣняхъ.

Кончивъ майоръ молитву и подошелъ къ отворенному окну, чтобы затворить его на ночь. Лунный свѣтъ обливалъ весь дворъ. Мурава отъ росы немного посѣдѣла, и въ ея сѣдинахъ кой-гдѣ сверкали серебряныя, чуть замѣтныя искры. Тѣнь отъ построекъ казалась на ней черною, и тѣмъ чернѣе, чѣмъ ярче сіяли противъ мѣсяца бѣлыя стѣны противоположнаго домика. Подлѣ домика, въ мохнатомъ, увитомъ темною зеленью плетнѣ, видѣлся перелазъ. Знакомая майору ступенька у перелаза казалась издали свѣтлымъ пятномъ въ тѣни. Вдругъ что-то бѣлое мелькнуло по ту сторону, въ саду... То были бѣлыя женскіе рукава. На перелазъ поднялась дѣвушка въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ. Стройная, увѣнчанная фигура ея выказалась вдали главными своими линіями, но черты лица и подробности наряда терялись въ общихъ массахъ, обрисованныхъ падавшимъ съ боку луннымъ свѣтомъ. Вотъ она перешагнула на ступеньку... мелькнула бѣлая полоса обыкновенно мереженнаго на показъ подела... Ночная нимфа обернулась назадъ, и звонкій поцѣлуй раздался въ тишинѣ. Съ легкостью молодости выпрыгнула она

изъ саду на дворъ, а въ саду мелькнула высокая мужская фигура въ соломенномъ брилѣ (1) и исчезла за деревьями...

Что-то странно толкнуло майора въ сердце, когда женская фигура проскользнула, какъ тѣнь, подъ навѣсъ домика, въ которомъ жила его сестра съ дочкою. Невольно вспомнилъ онъ загадочныя слова и ужимки Иволгина.

(1) Брилъ—шляпа съ полями. Соломенные и войлочные брили такъ же употребительны у малороссійскихъ поселянъ лѣтомъ, какъ барашковыя кучмы—зимою.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

П. Кулишъ.

КАДРИЛЬ

Посвященіе Е. А. Баратынскому.

Ты мечты моей созданью
Ждалъ счастливаго конца...
И вѣрна души призванью,
Этотъ трудъ печальной данью
Я кладу на гробъ пѣвца:

Въ память думъ твоихъ, Евгенийъ,
Полныхъ чистаго огня,
Въ память свѣтлыхъ вдохновеній,
Въ память радостныхъ мгновеній,
Въ память горестнаго дня.

Для маскарада ужь одѣта,
Замокъ алмазнаго браслета
Смыкая на рукѣ, вошла
Графиня въ двери кабинета;
И въ этотъ вечеръ какъ была,
Въ нарядѣ вишневаго цвѣта,
Она прекрасна и бѣла!
Какимъ сіяньемъ талисмана
Въ ея вѣнцѣ блестятъ опалъ!
Какъ пышно, вокругъ младаго стана,

Тяжелый бархатъ упалъ!
 Бѣгъ девять. Взоръ склонивши томный,
 Она сидитъ и ждетъ подругъ;
 Сложила, на одеждѣ темной,
 Блестящій мраморъ дивныхъ рукъ.
 Какъ знать, что, подъ густой рѣсницей,
 Высказываетъ яхонтъ глазъ?
 Въ какую даль, младою птицей,
 Теперъ мечта ея взвилась?
 О чемъ задумалась такъ мило?
 Какимъ забылась тайнымъ сномъ?
 Владѣть ли ея умомъ
 То, быть чему... иль то, что было?
 Но вотъ, къ хозяйкѣ молодой
 Три юныя подруги, рядомъ,
 Шелковымъ зашумѣвъ нарядомъ,
 Вошли въ затѣйливый покой.

Встаетъ съ богатаго дивана
 Графиня: «Какъ любезны вы,
 Что съѣхались ко мнѣ такъ рано!»
 И быстро съ ногъ до головы
 Ихъ осмотрѣла: «Какъ пристала
 Къ Надинѣ яркая жонкиль!
 Какъ бѣлый бархатъ рядить Олю!»
 И язычкамъ своимъ далъ волю
 Очаровательный кадиль....
 А засыпалъ ужъ православный
 Широкой городъ между тѣмъ;
 Въ его срединѣ Кремль державный
 Свѣтлѣлъ, какъ призракъ, грозно-нѣмъ;
 Ночь воцарилась.

Южной ночи

Не знаю я, Россіи дочь;
 Но какъ у насъ, въ морозной мочи,
 Январская волшебна ночь!
 Когда, молчаніемъ объаты,
 Бѣло стоять Москвы палаты;
 Когда стозвѣздна синева;
 И будто въ ледяныя латы
 Одѣта дивная Москва!
 На эти долгіе морозы
 Роптала я въ моей веснѣ;
 Играли молодыя грезы,

Просили многого онѣ.
 Теперь съ тобою было бѣ больно
 Разстаться мнѣ, Москва моя!
 Безвѣстной долей я довольна,
 Страшусь иного бытія.
 Прошли воображенья чары;
 Давно не возмущаютъ сна
 Ни андалузскія гитары,
 Ни грохотанье Ніагары,
 Ни главъ альпійскихъ бѣлизна.
 Привыкла къ скромной я картинѣ,
 Къ уединенному труду;
 И взорамъ видъ любимый нынѣ—
 Дитя веселое въ саду.

.
 Зачѣмъ, качая головою,
 Такъ строго на меня смотря,
 Зачѣмъ стоишь передо мною,
 Призракъ пѣвца-богатыря?...
 Ужели думъ моихъ обманы
 Увлечъ дерзнуть мой дѣтскій стихъ
 Въ завѣтный міръ твоей Татьяны,
 Въ міръ свѣтлыхъ образовъ твоихъ,
 Гдѣ облачалъ мечту-царицу
 Ты въ лучезарный дионирамбъ,
 И клалъ ей въ гордую десницу,
 Какъ звучный мечъ, свой мочный ямбъ?
 Увы! гдѣ тотъ, въ отчизнѣ цѣлой,
 Кто бѣ могъ, какъ ты непобѣдимъ,
 Владѣть теперь, въ надеждѣ смѣлой,
 Твоимъ оружіемъ золотымъ?
 Сраженный смертію неожиданной,
 Доспѣхъ ты чудный взялъ съ собой,
 Какъ въ старицу булатъ свой бранишь
 Въ свою гробницу бралъ герой.
 И всѣ робѣютъ и понынѣ,
 Поэта вспоминая видъ:
 Все страшень ты пѣвцовъ дружинѣ,
 Какъ рати Мавровъ мертвый Сидъ.

.
 Ночь воцарилась. Ужъ мерцали
 Средь мрака фонари блѣднѣй;
 Кой-гдѣ, какъ бы, по твердой стали,
 Звучалъ летучій скрипъ саней.

На улицахъ первопрестольной
 Все было тихо, холодно;
 Гулялъ по нимъ лишь вѣтеръ вольный,
 Метель стучалася въ окно.
 Но, недоступны хладнымъ вьюгамъ,
 Зимы чудесные цвѣты,
 Передъ каминомъ, тѣснымъ кругомъ,
 Четыре съли красоты.
 Въ непринужденномъ разговорѣ
 Уже быстрѣе ихъ слова
 Сливаться стали; рѣчь сперва
 Была о свѣтскомъ, пестромъ вздорѣ,
 Которымъ тѣшится Москва;
 Но женская бесѣда вскорѣ
 Пошла привычной колеей;
 И, тотчасъ вспыхнувъ, споръ живой
 Родное принялъ направленье:
 Мужинъ и женщинъ назначенье,
 И сердца выборъ роковой,
 И тяжкое разувѣренье.
 Всегда, въ бесѣдѣ мы своей,
 Невольно въ рѣчь впадаемъ ту же:
 Молчимъ почтительно о мужѣ,
 Но вообще бранимъ мужей.

— Нѣтъ, я не соглашуся съ вами;
 Признаемся, почти всегда
 Во всемъ мы виноваты сами.

— Помилюйте, графиня!

— Да;

Тѣхъ бѣдствій женщина могла бы
 Избѣгнуть, еслибы она
 Сама себѣ была вѣрна;
 Но всѣ мы вѣтрены и слабы.
 Глубоко въ сердце вложено
 Намъ чувство счастья и блага;
 Но отъ рѣшительнаго шага
 Когда удержитъ насъ оно?
 Насъ самолюбье губить вѣчно;
 Кто скажетъ намъ, что не грѣша
 Нельзя насъ не любить сердечно, —
 Въ томъ и высокая душа,
 Тому ввѣряемся безпечно.

Притомъ пугаетъ, съ раннихъ поръ,
 Насъ предразсудка приговоръ.
 Не смѣемъ ждать мы благородно
 Того, чье сердце съ нашимъ сходно,
 Съ кѣмъ мы сойдтись бы на пути
 Могли; — съ кѣмъ и сошлись, но поздно,
 Когда обомъ уже розно
 На вѣкъ назначено идти.
 Не мы ль, скажите, виноваты?

— Легко вамъ говорить о томъ,
 Графиня; были вы богаты,
 Не принуждали васъ ни въ чемъ.
 Вы жили вольно, прихотливо,
 Всѣмъ наслаждались вполне;
 Вамъ было золото не диво,
 Вамъ не твердили суетливо
 Вседневно о его цѣнѣ.
 Вамъ и не грезилось во снѣ,
 Что часто дочь—у насъ уплата
 Долговъ отца, издержекъ брата,
 И что избѣгнуть невольна
 Она законнаго разврата.
 Ея ли грѣхъ? ея ль вина?...
 Быть-можетъ, искренно и свято
 Любить умѣла и она!

— Такъ, правда; но признайтесь, Лиза,
 Что замужъ часто же идемъ
 Мы изъ досады, изъ каприза;
 И горько каемся потомъ.

— Нѣтъ, не всегда. Судите сами,
 Могу ль я согласиться съ вами?
 Идти за мужа тщетно мать
 Меня просила; давши слово,
 Отказываться я опять
 Уже совсѣмъ была готова.
 Да вышла жъ; да и не тужу.
 А странная тому причина ...

— Что жъ? разкажите же, Надина.

— Коли хотите, разкажу.

РАЗКАЗЪ НАДИНЫ.

Тому шесть лѣтъ, ни роскоши я свѣтской,
 Ни пестроты не знала городской.
 Жила я жизнью простой и дѣтской
 У матери, въ губерніи Тверской;
 Вѣжала съ ней лишь въ городокъ уѣздный,
 Занятъ были тѣ же и одни
 Всегда, и проходилъ мой день полезный
 Скорѣй тогда, чѣмъ нынѣшніе дни.
 Разъ, помню, въ утро жаркое іюня,
 Къ намъ съ дочерью пріѣхалъ нашъ сосѣдъ;
 Она была со мною равныхъ лѣтъ.
 Пошли мы обѣ въ садъ, и стала Дуня
 Разказывать, что вдругъ, тому дня съ два,
 Въ село Покровское помѣщикъ новый
 Явился, что идетъ о немъ молва
 Престранная, что, мрачный и суровый,
 Онъ по ночамъ гуляетъ, какъ сова...

Есть старыя, всеобщіе обманы;
 По моему, то мнѣнье въ ихъ числѣ,
 Что вредно дѣвушкамъ читать романы,
 Что насъ занять прилично лишь иглѣ.
 Я по себѣ сужу: я не читала
 Романовъ; должно было жить весьма
 Разчетливо; досуговъ было мало;
 Я матеря въ хозяйствѣ помогала,
 И на себя работала сама.
 Но думаю, что никакое чтенье,
 Что никакой бы пламенный поэтъ
 Не могъ во мнѣ развить воображенье,
 Такъ какъ оно, въ тиши тѣхъ юныхъ лѣтъ,
 Въ умѣ безъ дѣла возрастая скрытно,
 Свободно расцвѣло и самобытно,
 Глухихъ пустынь роскошно-дикій цвѣтъ.
 Вы знаете, покуда наши пальцы
 По кисеѣ скользятъ или тафтѣ,
 Какъ пагубно-благопріятны пальцы
 Сердечнымъ снамъ и молодой мечтѣ!
 Я помню, какъ, работая безъ скуки
 Весь день, душой была я далека;

Какъ, на шитьѣ остановивши руки,
 Недвижный взоръ вперяла въ облака;
 Какъ ночью, спрятавшись подъ одеяло,
 Чудесныя событія вымышляла,
 Средь полутьмы, при лампочкѣ иконъ;
 И сказку, спутанную сномъ, сначала
 Трудясь вести, сердилась я бывало
 На молодой, неотразимый сонъ.
 И поутру, на лбу свивая локонъ,
 Предъ зеркаломъ задумчиво стоя,
 Ужь въ тайный бредъ вновь погружалась я.
 Мушина, еслибъ насъ подслушать могъ онъ,
 Подумалъ бы, что должно знать мнѣ честь
 И болтовнѣ не предаваться женской.

Я объяснить хотѣла, какъ та вѣсть
 Подруги, въ миръ жизни деревенской,
 Мои мечты должна была занять.
 Меня не разъ съ тѣхъ поръ бранила мать.
 Случалось, что въ думѣ безпредѣльной,
 Сводя по прежнему расходъ недѣльный,
 Чрезъ полчаса умѣла я едва
 Счесть вмѣстѣ, безъ ошибки, дважды два.
 Кто жь могъ онъ быть, затворникъ тотъ надменный,
 Тотъ недругъ дня, въ глуши уединенной
 Такъ глубоко сокрывшійся отъ всѣхъ?
 Его душа таила незабвенный,
 Тяжелый, можетъ, и безвѣстный грѣхъ.
 Мнѣ незнакомъ былъ и Манфредъ и Лара,
 Но мнѣ фантазія, поэтъ нѣмой,
 Ихъ создала; и всюду предо мной
 Сверкала, средь грезъ душевнаго угара,
 Двухъ мрачныхъ глазъ взоръ грозный, но родной.
 Подъ осень, разъ, вечернею порой,
 Вхожу я въ чайную: у самовара
 Сидѣлъ тамъ гость какой-то, мнѣ чужой,
 Толстякъ сутулый, лысый и рябой.
 Мать назвала его... Какъ отъ удара
 Шатнулась я; — то былъ страдалецъ мой,
 Мой собственно-изобрѣтенный Лара,
 Мой иннокъ, мой преступникъ, мой герой, —
 Андрей Ильичъ! Чуть-чуть я не всплеснула
 Руками. Онъ, съ трудомъ привставъ со стула
 И поклонясь, опять сѣлъ тяжело.
 Возобновилась рѣчь ихъ; дѣло шло
 О томъ, что уродилася гречиха.

Я вышла вонъ, въ пустынный садъ скорѣй
Ушла, и, средь желтѣющихъ аллей,
Заплакала я горестно и тихо,
Какъ объ умершемъ, о мечтѣ моей.

Прошли четыре дня, въ концѣ недѣли
Я только-что успѣла встать съ постели,
Какъ дѣвушка мнѣ доложить пришла:
Вась маменька къ себѣ позвать велѣла.
Мать въ спальнѣ ужь сидѣла у стола
Съ письмомъ, и на меня съ улыбкой глядя,
Спросила тотчасъ: — Хочешь ли ты, Нада,
Женою быть Андрею Ильичу?
Я громко вскрикнула: — Нѣтъ! не хочу!
Нѣтъ! ни за что на свѣтѣ!

Тутъ мнѣ стала
Мать говорить все, что сама я знала:
Что жениха такого мнѣ вѣвѣкъ
Не встрѣтитъ; что онъ добрый человекъ;
Что не найду жь я мужа-идеала;
Что мнѣ грѣшно нейти за богача;
Что жить нельзя одними лишь мечтами;
Что всякая обѣими руками
Сейчасъ взяла бъ Андрея Ильича.
Я слушала, и все одно твердила:
— Нѣтъ! не хочу!

Весь день прошелъ уныло;
А на другой пріѣхала родня,
И упросили наконецъ меня
Хоть подождать съ рѣшительнымъ отвѣтомъ...
Какъ объяснилась впрочемъ мать объ этомъ
Въ своемъ письмѣ къ Андрею Ильичу,
Не знаю: только въ церкви нашей тѣсной
Всегда съ тѣхъ поръ, какъ помню, въ день воскресный,
Она въ обѣдню ставила свѣчу.
Такъ время шло, и положенье это,
Не измѣнясь, продлилось до зимы;
Но матушка уже съ исхода лѣта
Хворала; стало хуже ей, и мы
Рѣшилися въ Москву поѣхать съ нею,
Ее лѣчить. Пришелъ отъѣзда часъ;
Андрей Ильичъ въ то утро былъ у насъ;
Какъ все сбилось, сама вамъ не умѣю
Сказать; мать вдругъ мнѣ бросилась на шею
И, вся дрожа, слезами залилась.

Мнѣ показалось грѣшной и безбожной
Моя упорность, и какъ разъ потомъ
Стояла въ шляпкѣ я уже дорожной,
Рука съ рукой съ Андреемъ Ильичемъ.
Мы прибыли въ Москву, и жизнь столицы
Черезвычайно полюбилась мнѣ.
По милости двоюродной сестрицы
Я шумомъ насладила вполнѣ;
О будущемъ супругѣ забывала
Частехонько въ очарованьи бала,
И, руку взявъ любаго усача,
Оставить полагала долгомъ только
Я свой букетъ, когда гремѣла полька,
Подъ стражею Андрея Ильича.
А между тѣмъ привыкла къ блеску свѣта,
Къ причудливымъ заботамъ туалета
И къ суетѣ, къ веселому житію;
И видѣла, какъ радостно бы дочки
Знатнѣйшихъ дамъ, не требуя отсрочки,
Рѣшились на будущность мою.
Но на нее хоть и съ другой ужъ точки
Смотря, бралась за каждый я предлогъ,
Чтобъ отложить докучной свадьбы срокъ.
И мнѣ, своимъ разстроеннымъ здоровьемъ,
Всю зиму въ томъ способствовала мать.
Я соглашалась спокойно ждать
Рѣшительнаго дня, но лишь съ условьемъ
Ждать долго, можетъ безъ конца... Какъ знать?
Зачѣмъ мечта мнѣ бъ не сдержала слова?
Зачѣмъ бы мнѣ не сдѣлаться женой
И богача, прекраснаго собой,
И прелюбезнаго, и молодаго?
Терпѣніе Андрея Ильича
Не истощалось; дни летѣли мимо,
Зима прошла, и, по словамъ врача,
Пришлось маменькѣ необходимо
Въ Германію отправиться къ водамъ.
Андрей Ильичъ, чтобъ угодить невѣстѣ,
Уговорилъ шапан на это самъ,
И захотѣлъ поѣхать съ нами вмѣстѣ,
И новый міръ открылся снова мнѣ,
И удовольствія и впечатлѣнья
Безъ усталы мѣняла каждый день я,
И я жила какъ будто въ дивномъ снѣ,
И какъ во снѣ сдавалось мнѣ, порой,

Что можетъ это все не въ самомъ дѣлѣ,
 Что дома я проснусь въ своей постели,
 И рощицу увижу подъ горой.
 Не стану говорить про быть Карльсбада;
 Уже давно переимѣнить бы надо
 Намъ это прозвище *чужихъ краевъ*,
 Путь къ нимъ, хоть разъ, вѣдь какъ урокъ намъ заданъ,
 И знаемъ всѣ почти Веймаръ и Баденъ
 Мы лучше, чѣмъ Рязань или Тамбовъ.
 Вамъ также за границей жить не ново.
 Пріѣхали въ началѣ сентября
 Мы въ Дрезденъ; мать почти уже здорова
 Была тогда, водамъ благодаря.
 Здѣсь мать мнѣ объявила наконецъ,
 Что дольше ждать мы права не имѣли,
 Что срокъ прошелъ, и черезъ двѣ недѣли,
 А много три, пойду я подъ вѣнецъ.
 Я приняла, не возразивъ ни слова,
 Извѣстье матери; была готова
 Почти ужъ годъ его я слышать, но,—
 (Хоть это странно) словно потому-то
 Казалось мнѣ, что не придетъ минута,
 Мнѣ угрожающая такъ давно.
 День цѣлый размышляла я серьезно
 О томъ, что дѣлать и какъ быть; не разъ
 Мнѣ смѣлый и рѣшительный отказъ
 Пришелъ на умъ. Но было слишкомъ поздно:
 Какъ матери мнѣ вынести укоръ?
 И что сказалъ бы строгій голосъ свѣта?
 А между тѣмъ казалась свадьба эта
 Противнѣе мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ,
 Богъ вѣсть съ чего. А можетъ шепотъ сердца
 Напоминалъ невнятно мнѣ тогда
 Про одного красиваго Венгерца,
 Съ которымъ я встрѣчалась иногда.
 До ночи все я задавала снова
 Себѣ вопросъ все тотъ же, и легла,
 Придумывая средства безъ числа,
 Одно все невозможнѣе другаго;
 И очень долго не могла заснуть,
 И наконецъ заснула съ тѣмъ, что къ цѣли
 Найдется можетъ мнѣ неожиданный путь,
 Что мнѣ еще остались три недѣли,
 Что можетъ-быть случится что-нибудь.
 И возложивъ, какъ долгъ, на власть судьбины,

- Чтò было въ тягость мнѣ свершить самой,
 Я будто успокоилась душой.
 Шло время, но вѣдь не было причины,
 Прождавши день, не переждать другой.
 Напрасно такъ переждавъ почти до срока,
 И тайнаго стыдѣсь самоупрека,
 Я принялася разсуждать о томъ,
 Что въ самомъ дѣлѣ вѣдь не такъ жестоко
 Супружество съ Андреемъ Ильичомъ;
 Что дѣтская не кстати тутъ причуда,
 Что вѣдь судьбѣ противиться нельзя жь,
 Что, впрочемъ, все-таки имѣть не худо
 Роскошный домъ, блестящій экипажъ,
 Хоть рѣчь идетъ совсѣмъ, не о фортунѣ.
 И будущаго своего житъя
 Себѣ удобства исчисляла я
 До самага дня свадьбы.

Наканунѣ

Въ своемъ я кабинетикѣ одна
 Ужь подъ вечеръ стояла у окна.
 За Эльбою носились звуки пѣсенъ.
 Въ осеннемъ воздухѣ сіяла даль,
 Спускалось солнце, вечеръ былъ чудесенъ;
 Мнѣ грустно стало и чего-то жаль.
 Раздуміе о предстоящей долѣ,
 О прежней жизни залегло во мнѣ;
 Все утихало; ласточки по волѣ
 Кружилися въ прозрачной вышинѣ.
 И, на берега смотря веселой Эльбы,
 Подумала съ тяжелымъ вздохомъ я,
 Что избрала иную въ жизни цѣль бы,
 Что не того ждала душа моя!
 Что можетъ-быть сквозь винограда лозы
 Желанный тамъ бѣлѣть уголокъ,
 Что здѣсь легко мои сбывлись бы грезы,
 Что сердца сонъ здѣсь воплотиться бь могъ!
 И долго, въ забытьи своемъ глубокомъ,
 Глядѣла въ слѣдъ я лодочкѣ одной,
 Качаемой вдали спокойнымъ токомъ.
 Вдругъ чей-то шагъ послышался за мной.
 Я оглянулась съ трепетомъ испуга:
 Входила горничная и, съ письмомъ
 Отъ будущаго моего супруга,
 Мнѣ ларчикъ подала; нашла я въ немъ
 Нарядъ брильянтовый, цѣны огромной,

Роскошный даръ Андрея Ильича.
 Горѣли камни на подушкѣ темной
 Сіяніемъ стоцвѣтнаго луча.
 Нежданья бываютъ проявленья!
 Увидя этотъ дорогой нарядъ,
 Была бы внѣ себя отъ восхищенья
 Я, вѣроятно, часъ тому назадъ.
 Но въ поэтическую ту минуту,
 Когда я уносилася мечтой
 Къ блаженному какому-то приюту,
 Въ какой-то міръ прелестный и святой,
 Внезапный видъ надменнаго подарка
 Мнѣ чувствомъ тягостнымъ наполнилъ грудь.
 И сдѣлалось больно вдругъ и жарко
 Какъ отъ обиды мнѣ какой-нибудь.
 Въ своихъ рукахъ я свѣтлые камня
 Держала, будто взвѣшивая ихъ
 Въ невольной думѣ горькаго сравненья
 Съ цѣной надеждъ и чудныхъ сновъ моихъ.
 Въ досадѣ тайной на восторгъ служанки
 Я ей велѣла выйдти, оперлась
 На столъ, вблизи сверкающей приманки,
 И слезы гнѣва брызнули изъ глазъ;
 Толкнула отъ себя я даръ богатый,
 И зазвучалъ сердечному чутью
 Онъ грозно, какъ задатокъ, мною взятый
 За проданную будущность мою.
 И тутъ во мнѣ проснулася отвага,
 И я, въ душевномъ взрывѣ, сгоряча
 Рѣшила: что ни за какія блага
 Не выйду за Андрея Ильича,
 Чтò бъ мать ни говорила негодую
 И какъ бы свѣтъ ни осуждалъ меня;
 Что не пойду, что съ завтрашняго дня
 Ему его брильянты отошлю я;
 Что мнѣ невыносимъ Андрей Ильичъ;
 Что легче соглашусь я жить въ затворѣ.
 И горячася все больше на просторѣ,
 Я понесла рѣшительную дичь
 И бунтовала такъ до поздней ночи,
 И наконецъ, мятежныхъ думъ полна,
 Наплакавшись и выбившись изъ мочи,
 Я въ креслахъ задремала у окна.
 И помню, сонъ приснился мнѣ превздорной.
 Усѣлась будто при лучахъ луны

Я дома, въ маленькой своей уборной.
 И все тамъ какъ бывало; у стѣны
 Лишь зеркало огромной вышины
 Чужое мнѣ, и вижу, какъ картину,
 Я въ немъ и садъ, и рощу, и осину,
 Стоящую передъ моимъ окномъ;
 И гдѣ куртинъ вдали чернѣютъ тѣни,
 Является изъ-за куста сирени
 Вдругъ человекъ, окутанный плащомъ.
 Нежданный гость, испанскій caballero,
 Подъ мышкой мечъ, на головѣ sombreго,
 Гитарою разсѣянно бренча,
 Подходитъ онъ небрежно и удало,
 И съ плечъ его скользнула епанча,
 Съ него слетѣла шляпа, и узнала
 Въ Испанцѣ я Андрея Ильича.
 И на меня взоръ устремивъ онъ ярый,
 Шагнувъ впередъ, и бросилъ вдругъ гитарой
 Мнѣ прямо въ лобъ. Меня едва спасло
 Счастливое движенье отъ удара,
 И стукнулась о зеркало гитара,
 И вдребезги разсыпалось стекло.
 Передо мной исчезла вся картина;
 И я, при стукѣ звонкаго стекла
 Проснувшись, голову приподняла.
 Гляжу — въ окно прыгнулъ ко мнѣ мущина.
 Вскочила я, всмотрѣлась: точно, да,
 Мущина стройный, молодой, прекрасный,
 Высокій станъ, взоръ дерзостный и страстный,
 И черная, густая борода.
 Глядѣла неподвижно, бояливо
 Во всѣ глаза я: это что? обманъ,
 Сонъ? иль давно ожидаемый романъ?
 Онъ подошелъ, и шляпу снялъ учтиво:
 «Сударыня, сказалъ онъ мнѣ, у васъ
 Чудесные брильянты здѣсь въ шкатулкѣ;
 Они мнѣ нужны, нужны сей же часъ,
 Мы здѣсь одни, и въ этомъ переулкѣ
 Кругомъ все пусто какъ бы на заказъ.
 Въ дому же всѣ отсюда спать далеко,
 Такъ въ крикъ вамъ немного будетъ прока.
 Нашъ разговоръ быть можетъ очень тихъ,
 Алмазы эти стерегу давно я,
 Осмѣлюсь взять ихъ, васъ не беспокоя.
 Жалѣть тутъ не о чемъ; вамъ вмѣсто ихъ

Другіе вѣрно подарить женихъ.
И случаемъ подобнымъ было бѣ глупо,
Признайтесь не воспользоваться мнѣ.
Позвольте же. •

Безмысленно и тупо
Я слушала сначала какъ во снѣ;
Однако же въ себя довольно скоро
Пришла, и даже удалого вора
Не слишкомъ испугалась. Въ тотъ же мигъ
Я вспомнила моихъ любимыхъ книгъ
Свидѣтельства, что въ мѣрѣ жилъ разбоемъ
И не одинъ прекрасный человекъ.
Такъ и глядѣлъ онъ сказочнымъ героемъ;
Приятно встрѣтиться, хотъ разъ въ свой вѣкъ,
Съ какимъ-нибудь Сбогаромъ или Робъ-Роемъ.
Итакъ совсѣмъ безъ страха ужъ взирала
На гостя я незваного, хотя
Немного и смутилася сначала;
Но видя, что шагнулъ онъ не шутя
Къ столу, гдѣ ларчикъ былъ оставленъ мною,
Остановила смѣлою рукою
Его я вдругъ, и передъ нимъ стоя:
• Послушайте, ему сказала я,
Здѣсь противъ васъ мои усилія слабы...
Такъ точно, съ вами я наединѣ,
Нѣтъ помощи, и право, вѣрьте мнѣ,
Тѣ камни вамъ сама я отдала бы.
Но слушайте: предложены они
Въ замѣну мнѣ за всѣ мои желанья,
За всѣ мои святыя ожиданья,
За всѣ мои блаженнѣйшіе дни.
Брильянты эти отослать должна я,
Или на вѣкъ пожертвовать собой,
Жить безъ любви, и сдѣлаться рабой...
Ужель вы ихъ возьмете, это зная?
Рѣшите вы, и будьте мнѣ судья:
Должна ли я утратить вамъ въ угоду
Мои права на радость и свободу,
На миръ души, на счастье бытія?
Нѣтъ! вы не совершите святотатства,
Въ томъ ларчикѣ не только блескъ богатства,
Въ немъ будущность, надежда, жизнь моя!
И много тутъ наговорила я
Прекраснаго ему, въ пылу порыва;
И очень я была краснорѣчива.

А онъ меня, не тратя лишнихъ словъ,
 Отсторонилъ съ весьма любезнымъ взглядомъ,
 И ларчикъ взявъ съ бриллантовымъ нарядомъ,
 Пошелъ къ окну, прыгнувъ, — и былъ таковъ.
 И вотъ чѣмъ дѣло кончилось, и такъ-то
 Осталася я въ комнатѣ одна,
 Ужасно, признаюсь, раздражена
 Разбойникомъ безъ чувства и безъ такта;
 И наглаго Сбогара своего
 Бранила я въ душѣ съ великимъ жаромъ,
 Особенно сердясь на него
 За то, что рѣчь моя пропала даромъ.
 Но, гнѣвомъ такъ натѣшившись вполне,
 Спросила я себя: гдѣ тутъ спасенье?
 Какъ съ женихомъ теперь разстаться мнѣ?
 Отдать ему, что стоили каменя?
 Но гдѣ добыть? все, что имѣла мать,
 Составило бѣ не больше третьей доли.
 А иначе, возможноль отказать?
 Взять на себя весь стыдъ безчестной роли!
 И до утра, глазъ не смыкая сномъ,
 Проплакала я тутъ и протужила,
 И обвинчалася, весьма уныло,
 Въ тотъ самый день съ Андреемъ Ильичомъ.
 Живу теперь, безъ горя и разбора,
 Съ нимъ пятый годъ, и увѣряю васъ
 По совѣсти, что дрезденскаго вора
 Благодарить желала я не разъ.

— И все, Надина?

— Все.

— Чудесно!

Вы героиня хоть куда;
 И точно вы, признайтесь честно,
 Не будь съ алмазами бѣда,
 Не вышли бѣ?

— Нѣтъ, а можетъ да.

Легко на все рѣшиться смѣло:
 Покуда не дошло до дѣла,
 Мысль удивительно храбра;
 Но женщинѣ, какъ и мужчинѣ,
 Случится рѣдко сдѣлать нынѣ,
 Что было рѣшено вчера.
 И потому я лишь девиза
 Держуся: qui vivit, vegeta.

Со мной вы не согласны, Лиза?
 — Нѣтъ! думаю, что не всегда
 Души намѣренье ничтожно;
 Одну минуту, иногда,
 Во весь свой вѣкъ забыть не можно,
 И намъ, отъ слова одного,
 Отъ одного полудамека
 Приходить снова то на умъ,
 Чтò годы увели далеко,
 И заглушил житейскій шумъ.
 Мнѣ вызвалъ вдругъ разказъ Надины
 Житья прошедшаго картины,
 И предъ умомъ онѣ стоятъ:
 И ветхій домъ, и старый садъ,—
 Гдѣ зелень разраслась такъ густо,
 Гдѣ прудъ засохъ отъ тростника,
 Гдѣ рядомъ возлѣ цвѣтника
 Насажена была капуста,—
 И то мѣстечко, гдѣ ветла
 Раскинулась надъ косогоромъ,
 Гдѣ, глядя въ поле жаднымъ взоромъ,
 Я часто трепетно ждала, —
 И на краю полей широкихъ
 Скамейка та среди березъ,
 Гдѣ много горькихъ, одинокихъ
 И тщетныхъ пролила я слезъ.
 — Послѣдуйте жъ примѣру Нади,
 Вслухъ вспомните о быломъ.
 — Пожалуй, только Бога ради!
 Въ разказѣ о житиѣ моемъ
 Не ожидайте приключеній;
 Онъ будетъ полонъ общихъ мѣстъ
 И вамъ навѣрно надоѣсть.
 — Ну, полно, и безъ опасеній
 Начните.

Лиза повела

По кудрямъ бѣлою рукою,
 Облокотясь на край стола,
 И вновь взволнованной душою,
 Сродняясь съ жизнію былою
 Разказъ свой тихо начала.

К. ПАВЛОВА.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

. ВЪ ДО-ФЕОДАЛЬВУЮ ЭПОХУ.

ОЧЕРКИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ И СОСЛОВ-
НЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ФРАНЦІИ, АНГЛІИ И ГЕРМАНИИ

Въ настоящее время ни одинъ предметъ въ такой степени не поглощаетъ вниманія всего образованнаго міра и не занимаетъ въ такой мѣрѣ публицистовъ, историковъ и государственныхъ людей, какъ тѣ поразительные контрасты, которые мы замѣчаемъ, съ особенною ясностью въ наши дни, въ политическомъ развитіи и государственномъ устройствѣ Англій, Франціи и Германіи, тѣ совершенно противоположные результаты, къ которымъ привело, въ каждой изъ этихъ трехъ странъ, развитіе однихъ и тѣхъ же элементовъ, тѣ, каждому въ глаза бросающіяся различія, которыя мы видимъ въ политическихъ учрежденіяхъ, административномъ устройствѣ, судебныхъ формахъ и сословныхъ отношеніяхъ въ названныхъ трехъ государствахъ западной Европы. Вопросъ о томъ, откуда произошли такіе контрасты, отчего то, что удалось въ одной странѣ, не удалось въ другихъ, наполняетъ собою цѣлую литературу, разбирается въ большихъ серьезныхъ сочиненіяхъ и въ журналистикѣ, раздается съ профессорскихъ кафедръ и слышится даже въ рѣчахъ государственныхъ людей. Особенно, событія 1848 года и ихъ

дальнѣйшія послѣдствія обратили на этотъ предметъ вниманіе историковъ, публицистовъ и всѣхъ мыслящихъ людей. Одностороннія политическія теоріи, до сего времени безусловно владѣвшія умами, получили плачевный исходъ; разсѣялись долго лелѣянные мечты, и именно въ эти годы, въ послѣднее десятилѣтіе, представились во всей наготѣ и рѣзкости всѣ контрасты, всѣ противоположные результаты въ политическомъ развитіи трехъ передовыхъ государствъ западной Европы. Мыслящіе люди освободились отъ омыта теорій, возвратились къ фактамъ, къ положительной дѣйствительности, обратились къ прошедшему и стали искать въ немъ причины такого исхода, такихъ поразительныхъ контрастовъ. Это обстоятельство повело къ совершенному измѣненію взгляда на весь ходъ историческаго развитія, чрезвычайно подвинуло впередъ науку и дало начало совершенно новому направленію и новому методу изученія, который принесъ уже богатые плоды и еще болѣе обѣщаетъ въ будущемъ. Уже одинъ поверхностный взглядъ на весь ходъ историческаго развитія достаточно убѣдилъ въ томъ, что такіе рѣзкіе контрасты и противоположныя явленія, какія мы видимъ въ жизни Англіи, Франціи и Германіи, не могли превзойти вдругъ, но что они составляютъ плодъ продолжительнаго и сложнаго историческаго процесса и произошли постепенно, вслѣдствіе отдаленныхъ, безпрерывно дѣйствовавшихъ причинъ и вліяній. До сихъ поръ исходныя точки столь разнороднаго развитія государственной жизни Англіи, Франціи и Германіи, отыскивались по большей части въ довольно близкомъ для насъ времени. Англійская революція XVII столѣтія, французская революція 1786 года и вышедшая изъ ней военно-административная система управленія Наполеона I, Вестфальскій миръ и послѣдствія его во внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ Германіи, казалось, представляли самыя удовлетворительныя, объяснительныя причины того, что въ наши дни является типомъ государственнаго устройства этихъ трехъ странъ. Новѣйшія изслѣдованія, приведшія явленія нашихъ дней въ связь со всѣмъ ходомъ прошедшаго развитія, бросили новый, болѣе яркій свѣтъ на этотъ предметъ и показали, что причины, начала и зародыши этихъ явленій, поражающихъ cadaго въ настоящее время, что исходныя точки противоположнаго развитія политическаго устройства Англіи, Франціи и Германіи лежатъ гораздо глубже и таятся въ гораздо болѣе отдаленномъ времени. Подробное и обстоятельное изученіе англійскихъ политическихъ учрежденій въ

ихъ историческомъ развитіи показало, что государственное устройство Англіи въ его настоящемъ видѣ не есть плодъ революціи 1688 года, но что основные его элементы цѣликомъ сложились уже въ продолженіе среднихъ вѣковъ; уже въ средніе вѣка образовалось то правильное, гармоническое отношеніе сословій, которое составляетъ силу англійскаго государственнаго быта; революція 1688 г. только упрочила и окончательно утвердила дѣло прежнихъ столѣтій. Мало того. Новѣйшія изслѣдованія показали, что многое, чѣмъ нынѣ гордится Англія, многія основы и элементы ея политическаго устройства являются еще раньше и составляютъ прямое наслѣдіе англосаксонскаго періода. Что касается Франціи, то новые труды достаточно убѣдили въ томъ, что искусственная централизація, поглощеніе государствомъ всѣхъ отправленій общественной жизни, уничтоженіе всякой областной и мѣстной самостоятельности и мѣстнаго свободного управленія не есть дѣло революціи и Наполеона I; но что все это было создано и приготовлено старою монархіею въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Равнымъ образомъ, изслѣдованія нѣмецкихъ историковъ и публицистовъ показали, что исходныя точки особеннаго, единственнаго, въ своемъ родѣ, политическаго развитія Германіи лежатъ не въ Вестфальскомъ мирѣ, и даже не въ реформаціи, но уже обозначаются въ трагической исторіи Генриха IV. Въ каждой изъ этихъ трехъ странъ весь ходъ прошедшаго политическаго развитія представляется такимъ образомъ въ видѣ одного живаго, нераздѣльнаго цѣлага, органически связаннаго съ явленіями и событіями нашихъ дней. Мы имѣемъ въ виду передать по крайней мѣрѣ главные результаты этихъ новыхъ изслѣдованій, имѣющихъ такой живой и современный интересъ для всякаго образованнаго человѣка, и познакомить съ направленіемъ новой исторической и политической литературы.

Вопросъ о причинахъ контрастовъ въ государственномъ устройствѣ трехъ передовыхъ странъ Запада, о причинахъ успѣшнаго политическаго развитія въ одной и неудачнаго исхода его въ другихъ, — вопросъ этотъ очень естественно привелъ новѣйшихъ историковъ и публицистовъ къ сравненію политическихъ формъ, сословныхъ отношеній, судопроизводства и административнаго устройства Англіи, Франціи и Германіи, и такимъ образомъ далъ начало сравнительному методу изученія. Это чрезвычайно важный шагъ въ наукѣ. Извѣстно, какую пользу и какіе богатые плоды принесло приложеніе сравнительнаго

метода къ языкознанію, къ мѣологіи, къ естественнымъ наукамъ. Судя по сдѣланнымъ началамъ и отдѣльнымъ попыткамъ, такихъ же результатовъ должно ожидать отъ приложенія этого метода къ области права и исторіи.

Ничто такъ всесторонне не разъясняетъ хода и характера политическаго развитія одной страны, какъ сравненіе его съ ходомъ и характеромъ развитія другой. При сравненіи политическихъ учреждений Англии, Франціи и Германіи, отличительныя черты каждой изъ этихъ странъ представляются намъ гораздо яснѣе и опредѣленнѣе. Такое сравненіе даетъ намъ возможность открыть причины каждаго явленія и бросаетъ необыкновенный свѣтъ на все то, что, изучаемое само по себѣ и въ отдѣльности, оставалось непонятнымъ или неяснымъ. До сихъ поръ мы не имѣемъ еще полнаго, обстоятельнаго и систематическаго приложенія сравнительнаго метода къ изученію политическихъ учреждений всѣхъ трехъ названныхъ государствъ. Довольно много сдѣлано для сравненія учреждений Англии и Франціи, гораздо менѣе для сравненія учреждений той и другой съ Германіею и для сравненія всѣхъ ихъ вмѣстѣ. До сихъ поръ еще разные публицисты и историки, избирая предметомъ изученія только одну изъ этихъ странъ, и выставляя ее на первомъ планѣ, дѣлаютъ сравненія только мимоходомъ. Между тѣмъ, чувствуется потребность въ большемъ трудѣ, который бы, помѣщая всѣ три страны на одномъ планѣ, представилъ сравнительное изученіе постепеннаго развитія ихъ политическихъ учреждений. Надобно ожидать, что въ близкомъ будущемъ трудъ такой, въ высшей степени нужный и полезный, появится въ которой-нибудь изъ литературъ Запада. Въ концѣ прошлаго года небольшая попытка такого сравнительнаго обзора политическаго развитія Англии, Франціи и Германіи уже сдѣлана Бидерманомъ въ *Историческомъ альманахѣ* Раумера. Трудъ этотъ очень не великъ по объему, онъ указываетъ только на главныя стороны предмета, представляетъ одни лишь самыя общіе результаты, и вся заслуга его собственно состоитъ въ томъ, что въ немъ очень удачно поставленъ вопросъ, и опредѣлена задача. Въ нашемъ обзорѣни мы также попытаемся по возможности, и на сколько это удастся, употребить такой сравнительный методъ изученія; то-есть будемъ изучать каждое явленіе и каждую фазу развитія одной страны сравнительно и параллельно съ соответствующимъ явленіемъ и соответствующею фазою другихъ. Предпринимая сравнительное изученіе полити-

ческаго развитія Англіи, Франціи и Германіи, мы обратимъ преимущественное вниманіе на происхожденіе и постепенное сложеніе сословій, на роль, которую играетъ каждое изъ нихъ въ продолженіе средней и новой исторіи, на взаимныя ихъ отношенія, на права ихъ и особенности, смотря по различію странъ и народовъ, на мѣру, въ какой каждое изъ нихъ участвовало въ созданіи государственныхъ формъ и политическихъ учрежденій западной Европы, на заслуги ихъ и на недостатки. Въ наше время, политическое образованіе въ высшей степени необходимо для всякаго. Потребность его чувствуется съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Ничто не можетъ лучше способствовать политическому образованію, ничто не можетъ принести такой существенной, практической пользы, какъ изученіе политическихъ учрежденій, законодательства, государственнаго устройства, судопроизводства и администраціи разныхъ странъ и народовъ. Въ этомъ отношеніи исторія будетъ для всякаго въ настоящемъ смыслѣ *magistra vitae*; всякій извлечетъ изъ ней много практическихъ уроковъ, полезныхъ во всякой сферѣ жизни, во всякомъ родѣ дѣятельности. Она покажетъ, что вся сила, вся крѣпость, весь успѣхъ политическаго развитія зависитъ отъ дружнаго дѣйствія и гармоническаго соотношенія сословій, и что, напротивъ, вражда и несогласіе сословій всегда приводятъ къ вреднымъ послѣдствіямъ и ненормальному, одностороннему, опасному состоянію общества; она научитъ, что правительство страны не можетъ брать на себя все бремя заботъ о внутреннемъ благосостояніи общества, не можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ его, но что въ этомъ дѣлѣ многое зависитъ отъ личной, разумной инициативы самихъ гражданъ; что высшая степень политическаго развитія достигается не насильственными переворотами и физическою силою, но постепенными, разумными, мирными реформами; что въ государствѣ для блага гражданъ гораздо важнѣе хорошее устройство судовъ, правильное положеніе администраціи, строгое разграниченіе между этою послѣднею и юстиціею, надлежащая мѣра гласности, равенство правъ для всякаго, обезпеченіе личной свободы, чѣмъ самая размашистая конституція, остающаяся только на бумагѣ; что строгое государственное единство, соединеніе всѣхъ государственныхъ отправленій и всѣхъ живыхъ силъ страны въ одномъ центрѣ не всегда есть непремѣнное благо, и что раздробленіе, мѣстная самостоятельность, областное самоуправленіе не всегда есть непремѣнное зло.

Сравнительно-историческое изученіе развитія политическихъ учреждений Запада приносить еще другаго рода пользу. Оно можетъ служить самымъ успѣшнымъ средствомъ и постояннымъ противоядіемъ противъ всѣхъ отвлеченныхъ, одностороннихъ, ложныхъ теорій, строящихъ по той или другой системѣ счастье рода человѣческаго. Теоріи эти очень завлекательны, потому что онѣ разрѣшаютъ однимъ разомъ всевозможные вопросы и освобождаютъ человѣка отъ серьезнаго труда и собственнаго мышленія. Теоріи эти опутываютъ своею догматикою, но не оставляютъ въ немъ ничего прочнаго и надежнаго; онѣ исчезаютъ отъ прикосновенія серьезной науки и обращаются въ ничто при положительномъ изученіи фактовъ и живой дѣйствительности. Отвлеченныя теоріи, пренебрегающія фактами, даютъ очень скудную пищу для образованнаго человѣка. Если теоріи эти, какъ всегда случается съ ними, окажутся неосуществимыми и получатъ отъ дѣйствительности категорическое отрицаніе, то послѣ нихъ остаются только уныніе и апатія. Другую пищу даетъ подробное, фактическое изученіе всего хода политическаго и общественнаго развитія и, вообще, знакомство съ положительными политическими науками. Человѣкъ, коротко знакомый съ ними, никогда не отчаивается и никогда не унываетъ. Серьезное изученіе исторіи даетъ ему непоколебимую, неразрушимую вѣру въ будущность; въ самыя тяжкія минуты онѣ не падаетъ духомъ, ибо знаетъ, что всякое хорошее сѣмя, брошенное на почву исторіи, принесетъ свои плоды раньше или позже; что никакое благородное усиліе не пропадаетъ въ исторіи, что никакая внѣшняя сила не въ состояніи пресѣчь развитія.

Чтобы найти исходныя точки для изученія постепеннаго развитія политическихъ учреждений Франціи, Англіи и Германіи, мы должны обратиться къ тому времени, въ которое еще не существовало ни Франціи, ни Англіи, ни Германіи въ позднѣйшемъ и теперешнемъ ихъ видѣ и значеніи, то-есть къ общегерманскому періоду западно-европейской исторіи, который продолжается съ V по X столѣтіе. Извѣстно, что государства но-

вой Европы образовались не вслѣдствіе завоеванія Римской имперіи Германцами (какъ обыкновенно говорится), но болѣе вслѣдствіе постоянной, нѣсколько столѣтій продолжавшейся иммиграціи германскихъ поселенцевъ въ разныя области Римской имперіи. Настоящаго, вдругъ происшедшаго завоеванія, собственно не было; скорѣе это было постепенное военное занятіе, а еще чаще, совершенно мирное поселеніе. Уже Западная Римская имперія давно не существовала, а все еще въ теченіе VI, VII, VIII, IX и даже X столѣтій продолжалось это переселеніе, и совершались, то изъ глубины самой Германіи, то изъ Скандинавскаго сѣвера и нынѣшней Россіи новые и новые наплывы германскаго элемента въ прежнія римскія области. Поселеніями Датчанъ въ Англіи и завоеваніемъ этой страны Норманами завершается кругъ этихъ постоянныхъ переходовъ, мирныхъ переселеній, военныхъ занятій и настоящихъ завоеваній. Въ X и XI столѣтіи, изъ общей массы германскаго наплыва выдѣляются наконецъ отдѣльныя народности; съ тѣхъ поръ уже никакіе новые элементы не прибавляются къ ихъ составу; прежніе же составные элементы проникаютъ другъ друга, соединяются, смѣшиваются и образуютъ самостоятельные типы европейскихъ народностей. вмѣстѣ съ тѣмъ, формы политическаго и общественнаго быта получаютъ твердость и опредѣленный характеръ, и обозначаются окончательно отдѣльные государственные организмы новой Европы. Съ тѣхъ поръ уже мы можемъ слѣдить за развитіемъ cadaго изъ нихъ въ отдѣльности. Весь предшествующій періодъ, съ V по X столѣтіе, есть время постепеннаго образованія этихъ народностей и постепеннаго сложенія этихъ государственныхъ организмовъ, время, въ которое получаютъ начало, вырабатываются, опредѣляются всѣ основные элементы и всѣ составныя стихіи дальнѣйшаго политическаго и общественнаго развитія. Едва ли найдется въ исторіи болѣе смутная, болѣе неясная, болѣе хаотическая, болѣе трудная для пониманія, эпоха, какъ этотъ періодъ съ V по X столѣтіе. Едва ли найдется время, въ которое было бы болѣе неопредѣленности, шаткости, колебанія въ государственныхъ формахъ, болѣе неясности, запутанности въ политическихъ и общественныхъ отношеніяхъ. Въ эту переходную эпоху мы видимъ рядомъ самыя противоположныя явленія, встрѣчаемъ нагроможденіе самыхъ разнородныхъ элементовъ, еще не пришедшихъ въ связь и гармонию между собою, еще не сложившихся въ органическое цѣлое. Въ продолженіе пяти столѣтій происходитъ внутренняя, мучитель-

ная, постоянно прерываемая и постоянно возобновляемая работа, плодомъ которой являются государственныя и общественныя формы средневѣковаго періода. Германскія племена, вступивши на римскую почву, столкнулись съ римскими учрежденіями, съ преданіями и понятіями, застали во всѣхъ областяхъ западной имперіи уже сложившуюся іерархію христіанской церкви; съ своей стороны племена эти принесли изъ родины свои собственныя учрежденія, свои обычаи, свои понятія. Прошло много времени, пока эти три, столь разнородныя стихіи: римская, христіанская и германская, не ужились другъ съ другомъ, не пришли въ тѣсную связь между собою. Борьба между ними была неизбѣжна; столкновенія ихъ постоянно возобновлялись. При томъ, каждый разъ, какъ скоро вслѣдствіе взаимнодѣйствія и смѣшенія этихъ стихій, начинали возникать новыя, сколько-нибудь правильныя формы жизни и учрежденія, каждый разъ новый наплывъ германскаго элемента, новое завоеваніе или новая иммиграція останавливали только-что начавшееся развитіе, уничтожали возникавшія формаціи и опять приводили все въ прежнее стояніе броженія, хаоса, шаткости и колебанія. Не разъ случалось, что мощная рука великой исторической личности, какъ напримѣръ: Теодорика, Альфреда, Карла Великаго, пыталась соединить всѣ разнородные элементы въ одно цѣлое, дать имъ правильную организацію, основать твердыя учрежденія. Великіе организаторы, повидимому, успѣвали въ своемъ дѣлѣ; но уже при второмъ поколѣніи начиналось разложеніе, распадалось искусно-задуманное государственное устройство, и опять начиналась борьба всѣхъ элементовъ. Но среди этого броженія и хаоса, среди этого постоянно прерываемаго и постоянно вновь начинаемаго развитія, рано уже обозначаются нѣкоторыя главныя направленія въ образованіи государственныхъ и общественныхъ формъ, вырабатываются нѣкоторыя общія начала, приведшія, въ концѣ эпохи, къ повсемѣстнымъ одинаковымъ результатамъ. Послѣ продолжительной борьбы, разнородные элементы, нагроможденные на европейской почвѣ, вслѣдствіе столкновенія германскаго, римскаго и христіанскаго міровъ, вступаютъ мало-по-малу въ извѣстныя, постоянныя комбинаціи, совершенно независимо отъ воли великихъ организаторовъ, и даже вопреки ихъ стремленіямъ; мало-по-малу создаются и устанавливаются сами собою, вслѣдствіе внутренней необходимости, общія, постоянныя формы жизни, и, въ безконечномъ

разнообразіи противоположныхъ явленій, видны наконецъ единство началъ и гармонія. Пятивѣковая борьба, броженіе и хаосъ оказываются не безплодными: плодомъ ихъ является феодальная система, которую мы видимъ въ X и XI столѣтіи уже въ полномъ развитіи и съ совершенно опредѣленнымъ характеромъ. Эта феодальная система и будетъ для насъ исходною точкою для дальнѣйшаго изученія. Феодализмъ есть явленіе обще-европейское; изъ феодализма развились государственныя учрежденія Англіи, Франціи, Германіи. Поэтому мы сперва будемъ говорить о немъ вообще, безъ особеннаго приложенія къ той или другой странѣ, постараемся уяснить себѣ его значеніе, его сущность, показать его составные элементы, его отличительныя черты, общія всѣмъ тремъ странамъ. Потомъ, когда мы займемся каждымъ государствомъ въ отдѣльности и сравнительно съ другими, то будемъ имѣть случай показать, чѣмъ отличался феодализмъ во Франціи отъ феодализма въ Англіи и Германіи.

Что разумѣется подъ словомъ феодализмъ? Вотъ первый вопросъ, который представляется намъ для разрѣшенія. Феодализмъ есть понятіе, чрезвычайно сложное, понятіе, которое трудно опредѣлить синтетически: онъ означаетъ и государственное право среднихъ вѣковъ, то-есть сложную систему государственнаго устройства, и особенную систему поземельныхъ отношеній, и наконецъ особенную систему частныхъ правъ. Трудно найти такое синтетическое опредѣленіе, которое бы а ргіогі исчерпывало весь предметъ и совмѣщало въ себѣ всѣ стороны феодализма. Гораздо легче достигнуть цѣли аналитическимъ путемъ, или еще лучше, объяснить понятіе феодализма генетически, то-есть показать главные моменты его постепеннаго образованія. Когда мы уяснимъ себѣ, какъ и изъ какихъ элементовъ сложился феодализмъ, и что способствовало его развитію, тогда намъ будетъ легче извлечь изъ всего сказаннаго общее опредѣленіе феодализма. Для этого мы должны проникнуть въ древнюю Германію, взглянуть на внутреннее ея состояніе, до начала переселенія германскихъ племенъ на римскую почву, и потомъ послѣдовать за этими племенами въ Галлію; ибо въ Галліи мы встрѣчаемъ первые начатки феодализма; тамъ онъ ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ достигаетъ своего развитія, и тамъ всѣ моменты его постепеннаго образованія представляются яснѣе и полнѣе.

I.

Первоначальное политическое устройство Германцевъ было чрезвычайно просто, какъ обыкновенно это бываетъ у полуварварскихъ первобытныхъ народовъ. У Германцевъ не существовало ни государственнаго единства, ни большихъ и сложныхъ государственныхъ организмовъ. Политическое устройство ихъ было чисто-общинное. Основаніемъ всего устройства, самымъ простымъ его организмомъ и, такъ сказать, элементарною единицею его была волость (Gau, pagus), состоявшая изъ нѣсколькихъ малыхъ общинъ, или чаще составлявшая одну большую общину. Всѣ члены общины жили сосѣдями или отдѣльными дворами на общей землѣ, маркѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, болотомъ или другою природною границей. Земля дѣлилась на двѣ части, одна содержала въ себѣ усадьбы и участки отдѣльных членовъ общины, въ другой заключались общіе выгоны, луга и лѣса. Первоначально не существовало твердой, наследственной частной собственности; члены общины ежегодно мѣнялись своими участками. Потомъ, вслѣдствіе большаго развитія осѣлости и успѣховъ хлѣбопашества, вслѣдствіе сближенія съ Римлянами и другихъ внѣшнихъ историческихъ причинъ, совершился мало-по-малу переходъ къ частной поземельной собственности. Вѣроятно, сначала мѣсто ежегодныхъ передѣловъ заступили болѣе продолжительные сроки владѣнія, замѣненные въ свою очередь наследственностію участковъ. Но рядомъ съ частною собственностію отдѣльных членовъ общины постоянно существовало общее владѣніе лугами и лѣсами. Верховная власть принадлежала волостному собранію (Gauding), состоявшему изъ всѣхъ свободныхъ, полноправныхъ владѣльцевъ, принадлежавшихъ къ волости. Собраніе это производило рѣшеніе о мирѣ и войнѣ, дѣлало общія, для всѣхъ обязательныя постановленія, производило судъ и расправу надъ свободными; въ немъ сосредоточивалась вся законодательная и судебная власть. Исполнительная власть и предсѣдательство въ судѣ поручались старшинамъ (principes, Gaugrafen, Gaufürsten), которые избирались пожизненно волостнымъ собраніемъ. На время войны избирались военные предводители (герцоги), которымъ поручалось начальство надъ всеобщимъ народнымъ ополченіемъ

(Heerbann), состоявшимъ изъ всѣхъ свободныхъ людей волости. Только у немногихъ германскихъ племенъ является съ древнѣйшаго времени наследственная королевская и княжеская власть. Все народонаселеніе волости раздѣлялось на два класса—на свободныхъ и несвободныхъ. Классъ свободныхъ людей состоялъ изъ всѣхъ владѣльцевъ поземельныхъ участковъ, изъ всѣхъ полноправныхъ членовъ общины. Только свободные имѣли право носить оружіе и составляли народное ополченіе; только свободные, владѣвшіе поземельною собственностію, имѣли голосъ въ волостномъ собраніи. Понятіе о поземельной собственности срослось съ понятіемъ свободы; первую условливалась вторая: кто не имѣлъ поземельной собственности, тотъ не былъ въ полномъ смыслѣ свободнымъ, не участвовалъ въ собраніи, былъ не членомъ общины, но ея подданнымъ. Каждый свободный владѣлецъ участка пользовался совершенною независимостію въ предѣлахъ своего владѣнія; въ своемъ участкѣ онъ былъ полный господинъ и имѣлъ верховную власть надъ своимъ семействомъ, надъ своею домашнею прислугой, надъ всѣми людьми, жившими на его землѣ и надъ всѣмъ, что находилось въ ней и на ней. Свободный человѣкъ повинуется только тѣмъ властямъ, въ избраніи которыхъ онъ участвовалъ самъ, какъ членъ волостнаго собранія. Онъ можетъ быть судимъ только равными себѣ, своими товарищами, перами, то-есть такими же, какъ онъ, свободными и полноправными членами общины. Судъ посредствомъ перовъ, это—коренный германскій обычай, получившій въ послѣдствіи большое значеніе и развитіе въ феодальномъ правѣ. Только свободные люди составляютъ въ настоящемъ смыслѣ народъ (*populus*), только для нихъ существуетъ народное, публичное право. Совершенное равенство правъ всѣхъ свободныхъ людей подразумѣвается само собою. Но рядомъ съ этимъ демократическимъ основаніемъ всего устройства, уже съ древнѣйшихъ временъ, мы замѣчаемъ существованіе аристократическаго элемента. Между свободными людьми отличались нѣкоторые отдѣльные благородные роды (*Adalingi*), пользовавшіеся особеннымъ почетомъ и уваженіемъ. Уваженіе это основывалось на предполагаемомъ происхожденіи этихъ родовъ отъ боговъ и древнихъ героев. Вѣроятно, адалинги отличались преимущественно передъ другими свободными людьми своимъ богатствомъ и обширностію поземельныхъ владѣній; но въ политическомъ отношеніи они не пользовались особенными правами. Обыкновенно изъ нихъ

избирались волостные судьи и герцоги на время войны, но этого достоинства могъ достигнуть и всякій свободный человекъ своими заслугами. Только тамъ, гдѣ издревле существовала королевская и княжеская власть, она принадлежала наследственно одному изъ такихъ благородныхъ родовъ. Невѣроятно также, чтобъ адалинги пользовались, до переселенія народовъ, особенными преимуществами въ частныхъ правахъ: какъ напримѣръ, въ бракѣ, въ наследственномъ правѣ или въ судебномъ отношеніи. Они отличались передъ другими свободными только внѣшнимъ почетомъ, первымъ мѣстомъ, и первымъ голосомъ въ народномъ собраніи. Существованіе адалинговъ не разрушало чисто-демократическаго характера всего устройства.

Въ противоположность свободнымъ людямъ стояли несвободные. Классъ этотъ заключалъ въ себѣ все остальное народонаселеніе волости, всѣхъ людей, жившихъ по дворамъ и на земляхъ владѣльцевъ участковъ. Эти несвободные принадлежали вмѣстѣ съ землею, на которой жили, владѣльцу, сросались, можно сказать, съ землею и вмѣстѣ съ нею составляли его собственность. Они признавали въ немъ своего единственнаго господина и повелителя, не имѣли голоса въ общинѣ и даже самостоятельной личности: передъ судомъ и вездѣ представлялъ ихъ, говорилъ и дѣйствовалъ за нихъ господинъ. Отношеніе это называлось *mundium*. Народное право (*Volksrecht*) и волостныя власти для несвободныхъ не существовали. Они знали только одну власть, власть ихъ господина, и одно право, волю господина, изъ которой образовалось въ послѣдствіи такъ-называемое дворовое право (*Hofrecht*), то-есть обычное право, опредѣляющее отношенія господина къ несвободнымъ людямъ, отъ него зависящимъ и живущимъ на его землѣ и въ его дворѣ. Лишенные голоса и самостоятельной личности, подведенные подъ общее понятіе собственности, несвободные люди вслѣдствіе этого не имѣли мѣста въ публичномъ правѣ, а составляли предметъ частнаго права. Несвободные люди не составляли однакожъ одной безразличной массы, но подраздѣлялись на два разряда: къ первому относились рабы, въ собственномъ смыслѣ (*servi, mancipia, Knechte*), совершенно несвободные, безъ всякой личности и самостоятельности, и ничѣмъ не отличавшіеся отъ всякой другой движимой собственности владѣльца. Господинъ употреблялъ ихъ для домашнихъ услугъ и для обработки своихъ полей: это были дворовые люди. Дру-

гой разрядъ составляли такъ-называемые *lassi, litti, Hörige, pertinentes, zinspflichtige Leute*, то-есть оброчные люди, *Hintersassen*, то-есть люди, посаженные господиномъ на его землѣ и имѣющіе свое собственное хозяйство и свои усадьбы. Они обрабатывали выдѣленные и предоставленные имъ господиномъ участки; одну половину плодовъ въ видѣ оброка отдавали господину, другую обращали въ свою пользу. Кромѣ оброка на нихъ лежали разныя повинности и господскія работы, то-есть, они обязаны были помогать господину въ обработкѣ его собственныхъ полей. Эти оброчные люди, соответствующіе римскимъ *colonus*, находились такимъ образомъ въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ собственные рабы и дворовые люди. Не имѣя личности и самостоятельности въ общинѣ, они сохраняли нѣкоторую самостоятельность и личность въ отношеніи къ своему господину, по крайней мѣрѣ не составляли движимой собственности; но, сросшись съ землею, сдѣлались недвижимыми, вмѣстѣ съ нею. По всему вѣроятію, участки, выдѣленные имъ изъ господскаго поля, и усадьбы часто переходили по наследству отъ отца къ сыну—и такимъ образомъ давали начало нѣкотораго рода ограниченной собственности, соединенной съ повинностями и оброкомъ. Въ положеніи такихъ оброчныхъ людей были различныя оттѣнки; нѣкоторые изъ нихъ почти приближались къ свободному состоянію и составляли переходъ къ нему.

Изъ всего сказаннаго видимъ, что главный дворъ владѣльца съ дворовыми людьми, съ землею, къ нему принадлежавшею, съ участками и усадьбами оброчныхъ людей представлялъ собою какъ бы маленькое государство, въ которомъ верховная власть надъ всѣмъ принадлежала господину, дѣйствовавшему въ силу *двороваго права*. Господинъ судилъ и наказывалъ зависимыхъ отъ него людей, опредѣлялъ мѣру ихъ повинностей и работъ; получалъ отъ нихъ подати въ видѣ оброка; опредѣлялъ ихъ взаимныя отношенія, браки, наследства; заботился объ участи ихъ дѣтей, однимъ словомъ, правилъ и управлялъ въ полномъ смыслѣ этого слова въ предѣлахъ своего участка. Это соединеніе поземельной собственности съ правами верховной власти есть коренное и основное германское понятіе. Оно для насъ чрезвычайно важно, потому что оно, какъ увидимъ въ послѣдствіи, цѣликомъ переходитъ въ феодалное право. Замѣтимъ еще другое германское понятіе, столь же важное для дальнѣйшаго развитія: отъ характера соб-

ственности и владѣнія зависѣло личное состояніе владѣльца, большая или меньшая степень его свободы. Только полная свободная собственность, на которой не лежатъ никакія повинности или налоги, никакія личныя и вещественныя обязательства, дѣлаетъ человѣка вполнѣ свободнымъ; собственность, соединенная съ повинностями и налогами, указываетъ на не-свободное состояніе и необходимо условливаетъ его.

Въ дополненіе этого краткаго очерка германскаго быта слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ явленіи, получившемъ въ послѣдствіи большое развитіе, и которому прежде придавалось чрезвычайное значеніе, именно о дружинѣ (*comitatus, Gefolge*). Волостные старшины и герцоги окружали себя отрядомъ храбрыхъ воиновъ, которые добровольно вступали къ нимъ въ службу, обязывались имъ вѣрностію и преданностію, выходили на войну подъ ихъ начальствомъ и, въ замѣнъ того, пользовались ихъ постояннымъ обществомъ, сожительствомъ и получали разные подарки и награды. Эта личная связь свободныхъ воиновъ съ добровольно избраннымъ вождемъ и называлась дружиною. Она скрѣплялась, обыкновенно, присягою. Отъ храбрости и заслугъ дружинниковъ зависѣло мѣсто, которое каждый изъ нихъ, по опредѣленію вождя, занималъ въ дружинѣ; всѣ соперничали другъ съ другомъ о первенствѣ. Такая добровольная служба не наносила урона ни свободѣ, ни чести; потому, даже молодые адалинги вступали въ дружину. Вѣрность дружинниковъ своему вождю считалась ненарушимою и продолжалась до смерти. Дружинники обязывались дѣлать все, что только могло послужить къ славѣ и выгодѣ вождя; его слава была ихъ славою. Но связь эта была обоюдная: вождь дружины, съ своей стороны, долженъ былъ хранить вѣрность своимъ дружинникамъ, стоять за нихъ во всемъ и раздѣлять съ ними всѣ выгоды. Въ мирное время дружина составляла почетную свиту вождя. На войнѣ она отличалась впереди народнаго ополченія. Преступные историки, по примѣру Эйхгорна и Гизо, придавали слишкомъ большое значеніе дружинѣ, видѣли въ ней особенную самостоятельную форму быта, равносильную общинѣ и рядомъ съ ней стоящую. Обыкновенно принималось, что внѣшнія войны и завоеванія дѣлались дружинами, а народное ополченіе служило только для защиты страны; что всякій знатный и богатый человѣкъ, всякій адалингъ могъ держать дружину, если имѣлъ для этого средства, и что мало-по-малу, вслѣдствіе войнъ съ Римлянами и постепеннаго завоеванія римскихъ областей, самъ

общинный бытъ переходить въ дружинный, и цѣлыя племена, переселяясь на римскую почву, дѣлаются большими дружинами. Новѣйшія изслѣдованія показали, что дружина не была такою самостоятельною формою быта и не имѣла такого развитія; что она была подчинена общинѣ; что только волостные старшины (Gaugrafen) и короли, тамъ, гдѣ существовала королевская власть, могли имѣть дружину; что, вслѣдствіе этого, дружины были немногочисленны, и что внѣшнія войны и завоеванія дѣлались народными ополченіями, и дружины графовъ и королей составляли только часть всего войска, какъ бы передовые его отряды. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя не замѣтить, что начало, на которомъ основывается дружина, стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчій съ германскимъ понятіемъ о свободѣ и, вообще, съ духомъ первоначальнаго общиннаго устройства. Основаніемъ свободы служила личная независимость и подчиненіе только волостнымъ собраніямъ. Въ дружинѣ, напротивъ, является личная зависимость и повиновеніе одному. Служба въ народномъ ополченіи была общею обязанностію всѣхъ свободныхъ; никто въ ней не отличался другъ отъ друга; это была временная служба, оканчивавшаяся вмѣстѣ съ войною и притомъ для общей пользы и въ интересѣ всѣхъ. Въ дружинѣ служба дѣлается постоянною; дружинники служатъ вождю для его личной пользы, выгоды и славы; интересъ личный занимаетъ мѣсто интереса общаго. Притомъ, дружина вела необходимо къ усиленію власти волостныхъ старшинъ и герцоговъ на счетъ общей свободы и равенства права; вообще, въ ней лежитъ начало, разлагающее первоначальное общинное устройство.

Таково было внутреннее состояніе Германіи до начала переселенія народовъ. Въ III и IV столѣтіяхъ, по мѣрѣ того, какъ столкновенія Германцевъ съ Римлянами дѣлаются чаще, мы замѣчаемъ въ ихъ внутреннемъ быту нѣкоторую перемѣну. Безконечное дробленіе германскихъ племенъ уступаетъ мѣсто большимъ союзамъ; маленькіе народцы соединяются въ большія массы, старья имена исчезаютъ, новыя являются на ихъ мѣсто, и вездѣ, у всѣхъ племенъ, за исключеніемъ Саксовъ, Фризовъ и нѣкоторыхъ другихъ, возникаетъ наследственная королевская власть. Замѣтимъ, что эта королевская власть во многихъ случаяхъ должна была образоваться изъ герцогской власти, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ. Пока германскія племена остаются еще на своей родной почвѣ, это возникновеніе королевской власти не производятъ существенныхъ перемѣнъ въ основахъ прежняго об-

щиннаго и волостнаго устройства. Все остается попрежнему. Законодательная и судебная власть попрежнему сосредоточивается въ народномъ собраніи; король заступаетъ мѣсто пожизненнаго судьи и временнаго герцога. Возникновеніе королевской власти не измѣняетъ ни поземельныхъ имущественныхъ отношеній волости, ни правъ, связанныхъ съ поземельною собственностію. Король не имѣетъ въ волости особенно большихъ, ему исключительно принадлежащихъ, владѣній, то-есть, говоря позднѣйшимъ языкомъ, нѣтъ еще тогда въ Германіи доменовъ, государственныхъ земель. Собственныя владѣнія короля, его участокъ, конечно обширнѣе участковъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ членамъ общины; но между однимъ и другимъ нѣтъ большой несоразмѣрности. Большій или меньшій свободный участокъ (Hufe) остается основою имущественныхъ отношеній. Чтò не составляетъ наследственной частной собственности, то необходимо принадлежитъ всѣмъ, составляетъ общее поле, принадлежитъ всей общинѣ, или всей волости. Въ такомъ общинномъ и волостномъ устройствѣ нѣтъ еще элементовъ, способствующихъ особенному развитію и усилению королевской власти насчетъ общей свободы.

Все переищается съ тѣхъ поръ, какъ германскія племена переселяются на римскую почву,—съ тѣхъ поръ, какъ вслѣдствіе завоеванія, или военнаго занятія, или мирнаго нашествія, Германцы являются владѣтелями обширныхъ римскихъ областей. Намъ необходимо было остановиться нѣсколько на этомъ первоначальномъ германскомъ устройствѣ для того, чтобы видѣть, какія начала и какія понятія вносятъ съ собою Германцы на римскую почву. Эти начала, понятія и обычаи имѣютъ вліяніе на все дальнѣйшее развитіе. Изъ нихъ выходятъ новыя формы жизни, при содѣйствіи элементовъ, найденныхъ на новой почвѣ. Перечислимъ вкратцѣ эти начала.

Германцы вносятъ съ собою, вопервыхъ, особенную склонность къ раздѣльному, раздробленному быту и неспособность къ большимъ и сложнымъ организаціямъ. Въ связи съ этою склонностію стоитъ начало мѣстнаго самоуправления, которое проникаетъ все внутреннее ихъ устройство.

Далѣе, вмѣстѣ съ ними переходятъ на новую почву народныя собранія, съ законодательною и судебною властію, въ которыхъ участвуютъ всѣ свободные люди; судъ перовъ, равенство правъ всѣхъ свободныхъ людей; понятіе о свободѣ, основанной на поземельной собственности, безъ повинностей и налоговъ; вер-

ховная власть поземельнаго собственника надъ всѣмъ, что находится въ предѣлахъ его владѣнія; обязанность всѣхъ свободныхъ людей участвовать въ народномъ ополченіи; начало личной дружинной связи, вѣрности избранному вождю и личной зависимости отъ него, безъ уничтоженія свободы; наконецъ—чрезвычайно ограниченная наследственная королевская власть.

II.

Долгое время въ наукѣ преобладало и повторялось мнѣніе, что основаніемъ новыхъ германскихъ государствъ, возникшихъ на римской почвѣ, была дружина. Обыкновенно думали, что завоеваніе римскихъ областей совершено было дружинами, выдѣлившимися изъ германскихъ общинныхъ и племенныхъ союзовъ; что короли-завоеватели были не вожди извѣстнаго германскаго племени, не представители племеннаго единства, но простые вожди дружинъ, большихъ или меньшихъ разнородныхъ шаекъ, въ родѣ позднѣйшихъ кондотьеровъ; что массы, которыя переселялись подъ ихъ начальствомъ въ римскія области, не были соединены никакими государственными, узами, были не племена, жившія на родной почвѣ въ общинномъ союзѣ и въ такомъ же союзѣ переселявшіяся на другую почву, а толпы, связанныя только личнымъ своимъ отношеніемъ къ вождю и составлявшіяся на подобіе войскъ Тридцатилѣтней войны, изъ искателей приключеній и людей разнаго рода, соединявшихся случайно подъ однимъ начальствомъ добровольно избраннаго ими самими предводителя. Согласно съ этимъ полагалось, что вслѣдствіе переселенія завоеванія первоначальный общинный бытъ преобразовывался мало-по-малу въ дружинный; что цѣлыя племена дѣлались большими дружинами и что самая королевская власть образовалась изъ дружиннаго, предводительства. Изъ этихъ дружинныхъ отношеній прежніе историки строили новыя германскія государства и выводили изъ нихъ все дальнѣйшее развитіе. Такимъ образомъ германскія государства представлялись уже съ самаго начала вассальными государствами, основанными не на простомъ подданствѣ всѣхъ свободныхъ людей общему главѣ

государства, а на вассальномъ отношеніи, на личной зависимости дружинниковъ отъ вождя дружины. Новѣйшія изслѣдованія значительно измѣнили это мнѣніе, внесенное въ науку Эйхгорномъ въ Германіи и Гизо во Франціи и повторяемое позднѣйшими ихъ послѣдователями. Первый, въ значительной мѣрѣ, отступилъ отъ него Вайцъ; но самое обстоятельное, подробное и основательное опроверженіе этой теоріи представилъ Ротъ, въ сочиненіи своемъ: *Geschichte des Beneficialwesens von den ältesten Zeiten bis ins zehnte Jahrhundert*. Результаты его были приняты большею частію новѣйшихъ историковъ, нѣмецкаго права: Вальтеромъ, Цеплемъ, Гиллебрантомъ и развиты ими дальше. Вслѣдствіе этихъ новыхъ изслѣдованій сдѣлалось яснымъ, что завоеваніе и заселеніе римскихъ областей совершено было не одними только дружинами; что пѣлыя племена или части племенъ дѣлались войскомъ и переходили на римскую почву въ прежнемъ своемъ общинномъ союзѣ и составѣ; что дружины были немногочисленны, принадлежали однимъ лишь королямъ и герцогамъ и составляли только часть всего ополченія. Король велъ съ собою свое племя, котораго онъ былъ главою и представителемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свою собственную дружину, находившуюся въ болѣе близкой связи съ нимъ, въ непосредственной личной зависимости отъ него. Новыя германскія государства были настояція государства, основанныя на простомъ подданствѣ всѣхъ свободныхъ людей общей верховной власти короля, а не военныя колоніи, основанныя на личной, вассальной зависимости дружинниковъ отъ вождя дружины. Только въ послѣдствіи, мало-по-малу и постепенно, государства эти дѣлаются вассальными, и отношеніе подданства переходитъ въ вассальное отношеніе, связь государственная въ связь личную и частную. Но Ротъ зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ окончательныхъ выводахъ: онъ совершенно отрицаетъ существованіе бенефицій, изъ которыхъ развились вассальное государство и феодальная система, отрицаетъ существованіе ихъ въ меровингскую эпоху и даже до половины восьмага столѣтія, и даетъ имъ случайное происхожденіе: именно, онъ видитъ начало бенефицій въ секуляризаціи церковныхъ имѣній и раздачѣ ихъ военнымъ людямъ, сдѣланной Карломъ Мартеломъ и Пипиномъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что начало бенефицій коренится гораздо глубже; доказательства, приводимыя Ротомъ, не разрушаютъ прежнихъ, очень сильныхъ доказательствъ въ пользу ихъ существованія еще въ меровинг-

скую эпоху. Вассальныя отношенія развиваются очень рано; зародышъ ихъ лежитъ въ королевской дружинѣ; но они дѣлаются господствующими не вдругъ и не съ самаго начала, а разрушаютъ и разлагаютъ прежній государственный союзъ постепенно и мало-по-малу. Мы постараемся привести выводы Рота въ надлежащую мѣру и соединить ихъ съ тѣмъ, что было вѣрно и неоспоримо въ прежнихъ теоріяхъ.

Мы упомянули уже выше, отчего, при изученіи начатковъ феодализма, надобно имѣть въ виду преимущественно Галлію. Франкское племя, завоевавшее Галлію, является господствующимъ въ періодъ отъ V до X столѣтія и создаетъ формы, которыя должны быть исходною точкою для изслѣдователя. Завоеваніе и заселеніе Галліи Франками произошло не вдругъ, но совершилось въ разное время, различнымъ образомъ и при различныхъ обстоятельствахъ. Еще задолго до Хлодвига вся сѣверо-восточная часть Галліи была занята ими, отчасти вслѣдствіе мирнаго переселенія, отчасти вслѣдствіе военной оккупациі. Послѣ завоеваній Хлодвига Франки распространились до Луары; позднѣйшія побѣды Хлодвига, сыновей и внуковъ его, подчинили франкскому владычеству южныя и юго-западныя области Галліи, занятыя прежде Вестготами и Бургундами; потомъ приведены были въ зависимость и поставлены въ данническое отношеніе племена, оставшіяся на германской почвѣ: Тюринги, Аллеманы и Бавары. Такимъ образомъ, уже во второй половинѣ VI столѣтія, франкское государство сдѣлалось первенствующимъ на западѣ и соединило въ себѣ главныя силы германскаго міра.

Обыкновенно, германскіе завоеватели, поселяясь въ римскихъ областяхъ, прибѣгали къ болѣе или менѣе правильному раздѣлу земель между собою и туземцами, брали себѣ двѣ трети или одну треть не всей вообще земли, а только тѣхъ частей, которыя были заняты ими; все прочее оставляли туземнымъ владѣльцамъ. Такой системѣ слѣдовали Остготы, Вестготы, Бургунды, Вандалы. Что касается Франковъ и поселенія ихъ въ Галлію, то мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій о такомъ правильномъ дѣленіи занятыхъ ими земель, и, вѣроятно, его не было. Такъ какъ переселеніе Франковъ происходило въ разныя времена и при различныхъ условіяхъ, то и не могло быть одной общей системы въ завладѣніи и распредѣленіи земель между завоевателями. Положительно извѣстно, что въ сѣверо-восточной

части Галліи, которая еще задолго до Хлодвига занята была Франками отчасти насильственнымъ, отчасти мирнымъ образомъ, совершенно исчезаетъ римскій языкъ и, вообще, всякій слѣдъ римскаго элемента и даже христіанства. Это обстоятельство указываетъ на то, что здѣсь римское народонаселеніе было весьма немногочисленно, и еще болѣе на то, что завоеватели поступили съ нимъ безъ всякой пощады, завладѣли всѣми землями, которыя были имъ нужны; владѣльцевъ частью истребили, частью подчинили себѣ и привели ихъ въ состояніе податныхъ, оброчныхъ людей, наподобіе германскихъ *liti*, *Hörige*, *Hintersassen*. Въ другое время и въ другихъ мѣстахъ, Франки то занимали однѣ лишь прежнія государственныя, фискальныя земли, домены римскихъ императоровъ, или никому не принадлежавшія, свободно лежавшія и покинутыя пространства; то завладѣвали участками убитыхъ въ войнѣ владѣльцевъ; то приступали къ правильному дѣлежу завоеванныхъ, насильственно отнятыхъ или конфискованныхъ земель. Вообще слѣдуетъ замѣтить, *во-первыхъ*, что въ Галліи было очень много земель, опустошенныхъ и покинутыхъ вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, грабежей и нападеній варваровъ; на нихъ по преимуществу селились Франки. *Во-вторыхъ*, заселеніе Галліи Франками было чрезвычайно неравномѣрно. Очень густое въ сѣверной и сѣверо-восточной части и, вообще, до самой Лоары, франкское народонаселеніе становилось все рѣже и рѣже, чѣмъ дальше къ югу. На югѣ вообще преобладалъ элементъ романскій, на сѣверѣ германскій. На сѣверѣ большая часть всей поземельной собственности перешла въ руки франкскихъ завоевателей; на югѣ въ большомъ количествѣ остались владѣльцами Галло-Римляне. Преобладающею формою поземельныхъ отношеній въ Галліи, еще до нашествія Франковъ, были *latifundia*, огромныя владѣнія знатныхъ римскихъ, такъ-называемыхъ сенаторскихъ семей, съ множествомъ поселенныхъ на нихъ колоновъ. Эти знатные Римляне большею частію сохранили свои владѣнія, преимущественно въ средней и южной половѣ; можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они принуждены были подѣлиться ими съ завоевателями; но во всякомъ случаѣ, *romani possessores* постоянно упоминаются въ современныхъ источникахъ и законахъ. Что касается мелкихъ поземельныхъ владѣльцевъ, которыхъ число и такъ было очень не велико, то, вѣроятно, большинство ихъ, особенно на сѣверѣ, обращено было Франками въ оброч-

ныхъ людей (*tributarii*), и поставлено наравнѣ съ германскими *Hörige*. *Въ-третьихъ*, слѣдуетъ еще замѣтить, что очень долгое время послѣ того, какъ франкское владычество утвердилось въ Галліи, продолжались все новые и новые наплывы германскаго элемента, то въ качествѣ добровольныхъ выселенцевъ изъ-за рейнскихъ странъ, то въ качествѣ плѣнныхъ, которыхъ переводили въ Галлію вслѣдствіе походовъ франкскихъ королей противъ Тюринговъ, Аллемановъ и Баваровъ. Эти новые прибавлявшіеся элементы размѣщались посреди прежнихъ, поступали въ число собственниковъ или въ число зависимыхъ оброчныхъ людей, и вообще производили все новыя и новыя перемѣны въ распределеніи поземельной собственности. Слѣдствіемъ этихъ перемѣнъ могло быть постоянное уменьшеніе числа галло-римскихъ владѣльцевъ и переходъ большей части поземельной собственности въ руки германскихъ завоевателей.

Но какимъ бы образомъ и въ какой бы формѣ ни происходило завладѣніе и распределеніе земель, общіе результаты франкскаго завоеванія и поселенія были слѣдующіе:

Всѣ свободные Франки, состоявшіе прежде на родинѣ своей въ общинномъ союзѣ, являются, вслѣдствіе ли правильнаго дѣлежа или простой оккупациі, владѣльцами поземельныхъ участковъ, которые поступаютъ въ ихъ полную, независимую, наследственную собственность. Это даетъ начало такъ-называемой аллодіальной собственности, то-есть чистой, полной, свободной собственности, которую владѣлецъ можетъ отчуждать, дѣлить, передавать по наследству или завѣщанію, и вообще, распорядиться ею по своему усмотрѣнію,—и на которой не лежитъ никакихъ повинностей, кромѣ общихъ государственныхъ повинностей, о которыхъ скажемъ послѣ. Люди, живущіе на такомъ свободномъ участкѣ и вновь поселенные на немъ аллодіальнымъ владѣльцемъ (то-есть прежніе галло-римскіе колонны или прежніе галло-римскіе владѣльцы, обращенные въ трибутарыевъ, или наконецъ рабы и оброчники приведенные свободнымъ Франкомъ изъ Германіи), поступаютъ къ нему въ такое отношеніе, въ какомъ находились рабы, дворовые, крѣпостные и оброчные люди къ своему господину въ Германіи. Какъ ни велико было число Франковъ, завоевавшихъ Галлію и получившихъ участки, все-таки сумма всѣхъ этихъ участковъ, выпавшихъ на долю свободныхъ людей, составляла относительно-небольшую часть всего пространства завоеванной страны. За исключеніемъ этихъ аллодіальныхъ участковъ, оста-

валось огромное пространство земли, не поступившей въ раздѣлъ между свободными Франками. Такъ какъ эти послѣдніе получили свои участки не въ одномъ мѣстѣ, не въ одной только части страны, не рядомъ и не другъ подлѣ друга, но разсѣянно, въ разныхъ частяхъ страны; то ясно, что и пространства, не занятые Франками, также не составляли одной сплошной массы, но были разбросаны вездѣ, окружали и пересѣкали аллодіальные участки. Спрашивается: кому же достались вслѣдствіе завоеванія, эти пространства завоеванной страны, не поступившія въ частную собственность свободныхъ Франковъ? Въ Германіи главною и коренною поземельною формою была замкнутая марка (*geschlossene Feldmark*); она составляла матеріальное основаніе, общиннаго единства всѣхъ жителей волости. Чтò не составляло въ ней личной собственности, *haereditas*, то принадлежало всей общинѣ, всей волости. Теперь, въ движеніи завоеванія и переселенія, исчезаетъ это общинное единство, и перемѣняется основная поземельная форма. Германскія племена, оставляя родину, находятся еще въ общинномъ союзѣ; но вслѣдствіе войны и послѣдовавшаго за нею распредѣленія земель, союзъ этотъ разрѣшается. При большомъ пространствѣ завоеванной земли и относительно маломъ числѣ завоевателей, свободные люди, связанные прежде общиннымъ союзомъ, неизбежно должны были разсѣяться по всей странѣ. Исчезаетъ общинное единство, а вмѣстѣ съ нимъ и замкнутая марка; основною поземельною формою являются разбросанные въ разныхъ частяхъ страны аллодіальные участки, окруженные со всѣхъ сторонъ пространствомъ, не поступившимъ въ частную собственность свободныхъ Франковъ. Такимъ образомъ, на галльской почвѣ разлагаются и уничтожаются основные элементы первоначальнаго волостнаго устройства (*Gauverfassung*). Правда, Франки примыкаютъ въ Галліи къ римскому раздѣленію страны на паги (*pagus*) и сохраняютъ его болѣе или менѣе; вслѣдствіе чего возникаютъ новыя волости (*Gaue*, графства, *comitatus*) и новое волостное устройство; но это уже искусственныя волости; сохраняется прежняя форма, но не достаетъ сущности: прежней самостоятельности и замкнутого единства волости и волостныхъ жителей. Вслѣдствіе этихъ новыхъ отношеній, то, чтò не поступило въ частную собственность свободныхъ Франковъ, тѣ огромныя пространства, которыя не были заняты завоевателями и не подверглись дѣлежу, не могутъ уже при-

надлежать Франкской общинѣ, такъ какъ не существуетъ болѣе общины въ прежнемъ ея смыслѣ. Мѣсто общины, общиннаго союза и общиннаго единства теперь занимаетъ король, представитель племеннаго единства. Съ исчезновеніемъ малыхъ мѣстныхъ союзовъ, остается только одна большіи, общій племенный союзъ, который выражается въ королѣ, какъ главѣ племени. Страна завоевана всѣмъ Франкскимъ племенемъ подъ предводительствомъ короля и принадлежитъ всему племени, какъ единицѣ: естественно, что всѣ тѣ земли, которыя не были раздѣлены, или не могли быть раздѣлены между свободными людьми, должны принадлежать королю, какъ представителю племеннаго единства. Такимъ образомъ, по простому первоначальному понятію, король является владѣльцемъ огромныхъ участковъ, не поступившихъ въ частную аллодіальную собственность Франковъ и разбѣянныхъ по всей странѣ. Это обстоятельство совершенно измѣняетъ характеръ королевской власти. Въ Германіи, король не стоялъ внѣ и выше общиннаго устройства, но былъ съ нимъ органически связанъ и находился въ его сферѣ; теперь же королевская власть получаетъ высшее, обширнѣйшее значеніе, переходитъ въ высшую сферу. Прежде всего ясно, что огромная масса земель, оставшихся внѣ аллодіальныхъ участковъ и поступившихъ во владѣніе короля, не могла для него имѣть характера простой, обыкновенной собственности, какою былъ нѣкогда въ Германіи принадлежавшій ему поземельный участокъ въ волости. Онъ могъ прежде заниматься и занимался самъ непосредственно хозяйствомъ и обработкою своего участка, какъ всякій частный владѣлецъ. Теперь является другое: теперь вмѣсто личнаго хозяйства является новое для Германцевъ понятіе о государственномъ управленіи. Большія пространства земли, доставшіяся королю внѣ аллодіальныхъ участковъ, не могли быть для него обыкновенною собственностью, уже по одной обширности своей и разбросанному положенію, и еще болѣе по внутреннему своему составу. Пространства эти заключали въ себѣ: владѣнія императорскаго фиска, государственныя земли и императорскія домены, города съ принадлежавшими къ нимъ округами (свободные Франки, не знавшіе городского быта и не привыкшіе къ нему, не селились по городамъ), обширныя помѣстья знатныхъ римскихъ владѣльцевъ, помещенныя завоевателями, и небольшое число мелкихъ владѣній, не поступившихъ въ составъ аллодіальныхъ участковъ;

церковныя поземельныя имущества, довольно значительныя, и наконецъ, никому непринадлежавшія, покинутыя или вообще никѣмъ не занятыя пространства (1). Изъ всей этой массы земель одна доля дѣйствительно поступила въ частную собственность короля и составила королевскія домены; сюда вошли прежнія императорскія домены и фискальныя земли, пустопорожнія пространства, конфискованныя помѣстья большихъ римскихъ владѣльцевъ, земли мелкихъ римскихъ владѣльцевъ, обращенныхъ въ королевскихъ трибутаріевъ, и даже нѣкоторые города съ ихъ округами. Эти огромныя королевскія домены составляютъ частную собственность короля, его аллодъ, на подобіе аллодовъ свободныхъ Франковъ. Вслѣдствіе обширности этихъ земель, личное хозяйство уступаетъ мѣсто казенному управленію; но вся почва, плоды ея и доходы принадлежатъ королю, какъ частная собственность. Въ доменахъ своихъ король является вмѣстѣ и собственникомъ и государемъ; онъ владѣетъ землею и имѣетъ верховную власть надъ всѣми, на ней живущими. Но въ отношеніи къ остальному пространству, въ отношеніи къ значительнымъ римскимъ владѣльцамъ, сохранившимъ свои помѣстья, въ отношеніи къ городскимъ землямъ, не включеннымъ въ домены, къ церкви и ея владѣніямъ, онъ является въ совершенно новомъ для Германцевъ качествѣ верховной государственной власти, верховнаго правителя, въ качествѣ государя, а не просто собственника или владѣльца. Города, галло-римскіе владѣльцы, церковь и принадлежащія имъ земли вступаютъ къ франкскому королю въ такое отношеніе, въ какомъ прежде они находились къ римскому императору. Король здѣсь уже не владѣетъ землею, не пользуется всѣми ея доходами, но только правительствуетъ, получаетъ подати и пользуется всѣми правами римскихъ императоровъ.

Это новое значеніе короля имѣетъ вліяніе на отношеніе его къ свободнымъ Франкамъ. Отношеніе это должно было перемѣниться уже вслѣдствіе переселенія и завоеванія. Прежде, свободный человекъ подчинялся только общинѣ, въ ко-

(1) Прежде полагали, что король бралъ для себя только фискальныя земли, то-есть прежнія домены римскихъ императоровъ. Это предположеніе не очень вѣроятно. Едва ли германскіе варвары были въ состояніи различать фискальныя земли отъ прочихъ земель и дѣйствовать такъ систематически.

торой сосредоточивалась верховная власть (известно, что король былъ нераздѣленъ съ общиною). Теперь, съ распаденіемъ общинныхъ союзовъ, въ права общины вступаетъ король; союзъ общинный замѣняется обширнѣйшимъ государственнымъ союзомъ; свободные люди вступаютъ къ королю въ отношеніе подданства, подчиняются его верховной власти, приносятъ ему присягу въ вѣрности и повиновеніи, и обязаны нести общія государственныя повинности. Повинности эти ограничиваются въ это время: 1) обязанностію всѣхъ аллодіальныхъ владѣльцевъ по призыву короля участвовать въ народномъ ополченіи (Heerbann), вооружаться на свой счетъ и отправляться на войну или защищать страну, и 2) обыкновеніемъ, въ известныя времена, дѣлать королю подарки и добровольныя приношенія. Вступленіе короля въ прежнія права римскаго императора, въ отношеніи къ галло-римскому народонаселенію, и вообще, влияніе римскихъ понятій, потомъ влияніе христіанской церкви, возвысившей королевскій авторитетъ религіознымъ освященіемъ, — все это способствовало усиленію королевской власти и скрѣпленію государственнаго единства. Огромныя частныя владѣнія короля — его домены — давали ему средства поддерживать такую власть, доселѣ незнакомую Германцамъ.

Таковы были первые, общіе результаты завоеванія Галліи Франками. Но этимъ первоначальнымъ распредѣленіемъ земель еще не исчерпывается сумма новыхъ поземельныхъ отношеній, возникшихъ вслѣдствіе этого завоеванія. Мы сказали, что у короля была своя дружина, которая находилась въ гораздо болѣе близкой связи съ нимъ, чѣмъ другіе свободные люди, составлявшіе франкское племя, дружина, которая была въ личной, непосредственной зависимости отъ него. Дружинники были тѣлохранители короля и составляли передовой отрядъ всего ополченія; инымъ изъ нихъ, самымъ храбрымъ, король могъ поручать начальство надъ отдѣльными отрядами народнаго ополченія. Уже прежде, на родинѣ, въ Германіи, дружинники, вслѣдствіе личнаго своего отношенія къ вождю, были какъ бы внѣ общиннаго союза и выдѣлялись изъ него. Теперь, послѣ завоеванія они сохранили эту личную связь съ королемъ, и въ распредѣленіи завоеванныхъ земель не поступили въ массу аллодіальныхъ владѣльцевъ. Король сдѣлался теперь владѣльцемъ обширныхъ имуществъ, собственникомъ огромной массы земель, почти ничего для него не стоившихъ, потому что ихъ было больше, чѣмъ дѣйствительно было ему нужно. Это давало

ему возможность щедро награждать своихъ дружинниковъ за ихъ храбрость, вѣрность и заслуги. Въмѣсто прежнихъ подарковъ—оружія, платья, лошадей, пиршествъ—онъ могъ надѣлять ихъ теперь поземельною собственностію изъ своихъ владѣній. Многіе изъ дружинниковъ остались при королѣ, продолжали служить ему и составили его придворную свиту; но другіе получили отъ короля земли и поселились на нихъ. Эти подаренныя земли были гораздо обширнѣе простыхъ аллодіальныхъ участковъ. Король имѣлъ довольно средствъ, чтобы дарить щедрою рукою; притомъ, очень естественнымъ желаніемъ его было отличить своихъ дружинниковъ передъ другими Франками. Этого достигалъ онъ, дѣлая ихъ владѣльцами огромныхъ имѣній.

Подаренныя земли поступали въ ихъ полную наследственную собственность, подобно обыкновеннымъ аллодамъ, и первоначально не были связаны ни съ какими особенными обязательствами. Отъ аллодіальной собственности простыхъ Франковъ, эти имѣнія, выдѣленные изъ королевскихъ владѣній, отличались только своею обширностью. Прежніе дружинники короля составили теперь классъ большихъ поземельныхъ собственниковъ. Естественно, что вслѣдствіе этого, прежняя, личная и близкая ихъ связь съ королемъ ослабѣла; уже при второмъ поколѣніи, наследовавшемъ подаренныя имѣнія, она совсѣмъ прекратилась и дала мѣсто обыкновенному отношенію подданства, наравнѣ съ прочими свободными Франками (1). Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что короли, дая своихъ дружинниковъ большими помѣстьями изъ своихъ владѣній, были столько же, и еще болѣе, щедры въ отношеніи къ церкви. Духовенство съ самаго начала получило большое значеніе. Епископы и аббаты явились главными совѣтниками меровингскихъ королей и подпорами ихъ власти. Уже первые франкскіе короли надѣляли церкви и монастыри большими имѣніями. Позднѣйшіе Меровинги и Каролинги продолжали дарить церквамъ земли изъ своихъ владѣній. Вслѣдствіе такой щедрости королей, вслѣдствіе все болѣе и болѣе умножавшихся завѣщаній и дарственныхъ записей частныхъ лицъ и тщательной воздѣлки пустопорожнихъ пространствъ,

(1) Это доказано Ротомъ, противъ прежнихъ историковъ, которые полагали, что уже первые дружинники короля получали отъ него участки доменовъ не въ аллодіальную собственность, а въ бенефиціальное владѣніе.

в руках церкви рано скопились огромныя недвижымыя имущества. Если прибавимъ къ этому обширныя помѣстья пощаженныхъ галло-римскихъ знатныхъ владѣльцевъ, то это дополнитъ намъ образъ первоначальнаго распредѣленія поземельной собственности въ государствѣ франкскомъ. Возлѣ аллодіяльныхъ участковъ, принадлежавшихъ свободнымъ Франкамъ, существуютъ многочисленныя королевскія домены и обширныя поземельныя имущества прежнихъ дружинниковъ короля и ихъ потомковъ, далѣе галло-римскихъ знатныхъ владѣльцевъ, и наконецъ—церкви. Королевскія домены, первоначально, если не превосходятъ, всей суммы остальной частной поземельной собственности, то по крайней мѣрѣ равняются ей своимъ объемомъ. Съ теченіемъ времени образуется новая форма поземельнаго владѣнія, которая, мало-по-малу, дѣлается преобладающею, а потомъ почти совершенно вытѣсняетъ прежнія формы. Это—бенефициальная форма владѣнія; вмѣстѣ съ нею возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ личныхъ вассальныхъ отношеній, въ противоположность къ первоначальному простому подданству всѣхъ свободныхъ людей королю, какъ верховной власти въ государствѣ. Поставимъ яснѣе себѣ начала и причины этихъ новыхъ явленій.

III.

Извѣстно, что франкская монархія раздѣлилась между сыновьями и внуками Хлодвига. Въ понятіяхъ германскихъ завоевателей долгое время не могло утвердиться настоящее значеніе государства и государственной власти. Въ эти первоначальныя времена и даже во все продолженіе среднихъ вѣковъ, господствуетъ во всѣхъ сферахъ жизни постоянное смѣшеніе публичнаго и частнаго права. Это — главная, отличительная особенность всѣхъ юридическихъ отношеній эпохи. Франкскіе короли смотрѣли на государство, какъ на свою частную собственность, и раздѣляли его какъ частную собственность между своими сыновьями. Эти дѣлежи не повели за собою распаденія франкскаго государства, лишь потому что, время отъ времени, опять всѣ части его соединялись въ одной рукѣ.

Но слѣдствіемъ дѣлежей были постоянныя домашнія и семей-

ныя войны меровингскихъ королей. Такъ какъ это были семейныя, частныя, а не народныя войны, войны, касавшіяся ихъ лично, а не общихъ интересовъ всего племени и всего государства, то короли не могли вести ихъ посредствомъ народного ополченія, состоявшаго изъ всѣхъ свободныхъ людей, а должны были прибѣгать къ другимъ средствамъ. Свободный человѣкъ обязанъ былъ королю военною службою въ народномъ ополченіи, только въ случаѣ внѣшней войны, и когда было нужно защищать страну отъ нападенія внѣшнихъ враговъ. Но онъ вовсе не былъ обязанъ слѣдовать за королемъ противъ его братьевъ и родственниковъ. Безъ злоупотребленія и опасности король не могъ его принудить къ этому. Вслѣдствіе этого оказалась для короля потребность въ постоянной, такъ сказать, домашней, лично ему принадлежащей военной силѣ, которою онъ могъ бы всегда распоряжаться по своему усмотрѣнію и пользоваться ею для своихъ личныхъ цѣлей. Прежняя дружина короля была для этого недостаточна. Она значительно уменьшилась вслѣдствіе поселенія многихъ дружинниковъ на подаренныхъ имъ отъ короля земляхъ и обратилась въ простую его придворную свиту. Теперь, нужно было составить новую дружину, болѣе многочисленную, собрать значительный отрядъ военныхъ людей. Это было возможно только за плату и вознагражденіе. Между тѣмъ, въ это время было въ обращеніи еще чрезвычайно мало денегъ, и вообще, драгоцѣнныхъ металловъ. Деньги накапливались въ немногихъ рукахъ и не пускались въ оборотъ, а скрывались въ видѣ сокровища. Массу драгоцѣнныхъ металловъ поглощали церкви; вмѣсто денежной мѣны преобладала простая, естественная мѣна или, какъ говорятъ Нѣмцы, вмѣсто *денежнаго хозяйства*—*натуральное хозяйство*. Главною формою богатства было богатство поземельное; земля представляла тогда собою главную, едва ли не единственную и исключительную цѣнность. Другихъ цѣнностей почти не существовало. Естественно, что земля должна была сдѣлаться средствомъ платы и обмѣна услугъ въ сношеніяхъ между людьми. Главное богатство короля состояло также не столько въ денежныхъ капиталахъ и драгоцѣнныхъ металлахъ, сколько въ массѣ поземельной собственности. Несмотря на раздачу многихъ земель, королевскія владѣнія все еще занимали огромныя пространства. При томъ, они постоянно увеличивались вслѣдствіе частныхъ конфискацій, о которыхъ постоянно упоминаютъ современные источники, вслѣдствіе новыхъ завоеваній и, наконецъ, вслѣдствіе того, что всѣ вымороч-

ныя имѣнія поступали въ королевскую казну на основаніи первоначальнаго понятія, что все, что не составляет частной собственности, принадлежитъ королю. Такимъ образомъ король имѣлъ довольно средствъ, чтобы содержать военныя силы, нужныя для его личныхъ цѣлей. Онъ могъ землями вознаграждать людей, которые добровольно вступали къ нему въ военную службу. Дѣйствительно, рано возникаетъ обычай, что военные люди, служащіе лично королю получаютъ отъ него, вмѣсто жалованья, участки доменъ, во временное или пожизненное пользованіе. Король могъ первоначально давать эти участки, какъ однократное вознагражденіе за совершенную службу и оказанныя услуги, безъ дальнѣйшихъ обязанностей. Но мало-по-малу утверждается обычай, что король предоставляетъ военнымъ людямъ въ пользованіе участки изъ своихъ доменъ, съ обязанностью постоянной военной или придворной службы. Получающій такую землю вступаетъ къ королю въ отношеніе особенной личной зависимости, приноситъ ему особенную присягу въ вѣрности, отличную отъ обыкновенной общей присяги въ подданствѣ всѣхъ свободныхъ людей, и обязывается слѣдовать всякому его призыву, служить на войнѣ или исполнять разныя обязанности при дворѣ. Политическій союзъ подданства верховной власти замѣняется здѣсь личнымъ, частнымъ союзомъ, союзомъ, имѣющимъ частный характеръ договора, контракта. Получившій въ пользованіе участокъ королевскихъ доменъ сохраняетъ его до тѣхъ поръ, пока остается вѣренъ королю. Король можетъ отнять дарованную землю въ случаѣ измѣны, неповиновенія, неисполненія присяги. Такъ какъ получающій участокъ обязывается служить королю только лично за себя, то естественно, что со смертью его прекращается эта личная связь, и участокъ возвращается въ королевскій фискъ. Король можетъ оставить участокъ сыну или внуку умершаго въ дальнѣйшее владѣніе, съ прежними обязанностями; но это зависитъ совершенно отъ его доброй воли. Правиломъ остается пожизненность владѣнія, согласно съ личнымъ только обязательствомъ получающаго. Если прежде умираетъ король, то пожизненный владѣлецъ участка доменъ долженъ искать у новаго короля утвержденія въ этомъ владѣніи. Новый король можетъ отказать ему въ утвержденіи, взять назадъ землю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освободить его отъ обязанности военной или придворной службы. Онъ въ полномъ правѣ не признавать договора своего предшественника. Такія земли, выдѣ-

ляемая королемъ изъ своихъ доменъ и отдаваемая въ пожизненное пользованіе и владѣніе, съ обязанностію военной или придворной службы, называются *бенефиціями*. Обязанность военной службы, соединенная съ бенефиціею, есть личная, а не вещественная повинность. Не владѣніе бенефиціею условливаетъ собою и влечетъ за собою обязанность военной службы, но на оборотъ, личная военная служба даетъ право на пользованіе и владѣніе бенефиціею. Отсюда ясно открывается первоначальная пожизненность бенефицій. Но въ природѣ всякаго поземельнаго владѣнія лежитъ естественная склонность къ наследственности. Владѣльцы бенефицій уже рано обнаруживаютъ стремленіе сдѣлать бенефиціи изъ пожизненныхъ наследственными, обратитъ личное пожизненное владѣніе и пользованіе въ полную, потомственную собственность, хотя и связанную съ лежащими на ней обязанностями. Короли старались, по возможности, противодействовать этому стремленію. Но не всегда удавалось остановить теченіе, лежащее въ природѣ вещей. Узурпаціи были неизбежны. Сильные короли систематически отбирали въ фискъ земли умершихъ бенефиціантовъ. Но монархи слабые, или озабоченные внѣшними войнами, внутренними раздорами и беспорядками, часто не имѣли ни средствъ, ни возможности послѣдовательно и систематически приводить въ исполненіе такую мѣру. То, что разъ было отдано во владѣніе, отнимать было трудно и неудобно, часто даже опасно.

Рѣдко дѣти бенефиціантовъ добровольно возвращали въ фискъ отцовскія владѣнія; всего чаще нужно было принуждать ихъ къ этому силою. Притомъ, короли, нуждаясь постоянно въ военныхъ силахъ, часто сами оставляли за сыномъ отцовскую бенефицію, потомъ утверждали ее за внукомъ. Прецедентъ мало-по-мало обращался въ постоянный обычай. Такимъ образомъ, значительное число бенефицій переходило само собою въ наследственную собственность, отличавшуюся отъ аллодіальной собственности своимъ производнымъ характеромъ; это была собственность, возложенная свыше, договорная и условная; она ставила владѣльца въ отношеніе личной зависимости отъ первоначальнаго дарителя, съ нею связаны были извѣстные обязанности и повинности частнаго, а не публичнаго, свойства; каждый новый наследникъ принужденъ былъ возобновлять договоръ, то-есть искать утвержденія въ своемъ владѣніи и приносить новую присягу въ вѣрности, которое условливалось его право владѣнія. Ясно, что по мѣрѣ того,

какъ бенефиціи переходятъ въ наследственную собственность, связанныя съ ними обязанности военной или придворной службы принимаютъ мало-по-малу характеръ уже не личной, а вещественной повинности; то-есть владѣніе землею необходимо влечетъ за собою обязанность службы; обязанность лежитъ въ землѣ: получавшій бенефицію по наследдію, въ силу этого наследдія вступалъ въ личное служебное отношеніе къ королю. Такимъ образомъ, вслѣдствіе возникающей наследственности ббльшаго числа бенефицій, постепенно готовится переходъ отъ *beneficium* къ *feudum*, отъ бенефиціального владѣнія къ позднѣйшей формѣ леннаго владѣнія. Раздаваемые королемъ бенефиціи были разной величины и разнаго объема. Простые военные люди получали изъ королевскаго фиска небольшіе участки. Но знатные воины, отличавшіеся храбростію, оказавшіе особенныя заслуги, бывшіе въ особенной милости у короля, предводители отдѣльныхъ отрядовъ, или такіе, которые исполняли при дворѣ разныя должности, приближенные короля получали отъ него, въ видѣ бенефицій, большія земли и поступали въ число крупныхъ землевладѣльцевъ. Огромныя домены короля давали ему возможность дарить щедрою рукою. Притомъ, число бенефицій увеличивалось постепенно, такъ какъ многія изъ нихъ не возвращались въ фискъ, и короли, вслѣдствіе однихъ и тѣхъ же постоянно дѣйствовавшихъ причинъ, принуждены были раздавать новыя. Между тѣмъ какъ аллодіальная собственность переходила изъ рукъ въ руки и постоянно дробилась, бенефиціальныя владѣнія, которыя, уже по природѣ своей и лежавшимъ на нихъ личнымъ обязанностямъ, не могли быть дѣлимы и отчуждаемы, представляли собою большія, твердыя и неподвижныя массы поземельной собственности.

Здѣсь мѣсто обратить вниманіе на одинъ моментъ бенефиціальной формы владѣнія, чрезвычайно важный для дальнѣйшаго развитія. Мы сказали, что король въ доменахъ своихъ былъ вмѣстѣ и государь, и собственникъ, владѣлъ землею и былъ верховнымъ повелителемъ и господиномъ всѣхъ людей, на ней жившихъ. Онъ получалъ подати отъ жителей городовъ, включенныхъ въ домены, и часть поземельныхъ доходовъ и плодовъ земли отъ рибутаріевъ, колоновъ и вообще несвободныхъ людей, поселенныхъ въ его помѣстьяхъ, и находившихся къ нему въ отношеніи германскихъ зависимыхъ людей (*Hörige*). Онъ былъ

вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ верховнымъ судьей. Передавая части своихъ доменъ въ бенефициальное владѣніе, король, разумѣется, передавалъ землю вмѣстѣ съ людьми, на ней поселенными. Королевскіе трибутаріи вступали, вслѣдствіе этого, къ бенефицианту въ такое же отношеніе, въ какомъ прежде находились къ королю. Вмѣстѣ съ правомъ владѣнія землею, бенефициантъ приобреталъ верховныя права короля, судъ и подати, въ частное владѣніе. Судъ и подати были въ тогдашнее время двѣ главныя формы всей государственной жизни, два основныя элемента государственной власти, элементы, почти исчерпывавшіе все ея содержаніе; такимъ образомъ, уже тогда возникаетъ понятіе, въ которомъ заключается смыслъ всей средневѣковой исторіи и основаніе всѣхъ политическихъ формъ и учреждений этой эпохи,—понятіе, что политическія права, права верховной государственной власти, могутъ быть частною собственностію и могутъ быть приобретены вмѣстѣ съ землею. Источникъ этого, столь много значительнаго по своимъ послѣдствіямъ явленія лежитъ въ упомянутой уже мною, свойственной германскимъ завоевателямъ неспособности и невозможности отличать публичное право отъ частнаго права, и въ постоянной ихъ склонности смѣшивать эти двѣ, совершенно противоположныя области. Домены; были частною собственностію короля; но онъ считалъ такую же частною собственностію и всѣ свои государственныя права, судебную власть, законодательство, подати и вообще всѣ права верховной власти; онъ видѣлъ въ нихъ свою частную собственность, которую такъ же можно было отчуждать, дѣлить, передавать и уступать другому и даже продавать, какъ и землю.

Число бенефиций постоянно возрастало съ теченіемъ времени. Къ прежнимъ причинамъ, побуждавшимъ королей раздавать ихъ, присоединились мало-по-малу и другія. Чѣмъ дальше мы проникаемъ въ эпоху, тѣмъ болѣе и болѣе замѣчаемъ одно общее, всюду повторяющееся явленіе, именно: постепенное уменьшеніе числа свободныхъ людей, составлявшихъ народное ополченіе. Объясненіе этого явленія само собою послѣдуетъ изъ дальнѣйшаго изложенія. Теперь мы приводимъ это явленіе, какъ голый фактъ, причины котораго сдѣлаются для насъ ясными дальше. Слѣдствіемъ этого явленія было то, что короли, даже во внѣшнихъ войнахъ своихъ, принуждены были разчитывать болѣе на свои собственныя, лично отъ нихъ зависящія военныя силы бенефициантовъ, чѣмъ на народное ополченіе. Осо-

бонно оказалась для королей потребность снискать себѣ, посредствомъ даренія бенефицій, содѣйствіе большихъ поземельныхъ владѣльцевъ, которые, какъ сейчасъ это увидимъ, сами располагали теперь значительными силами, лично имъ принадлежавшими. Между тѣмъ королевскія домены, вслѣдствіе того что многія бенефиціи сдѣлались наследственными, но болѣе еще вслѣдствіе постоянной раздачи множества земель церквамъ и монастырямъ, значительно уменьшились. Тогда по необходимости послѣдовала реакція. Карлъ Мартелль и сыновья его, нуждаясь постоянно въ военныхъ силахъ противъ Арабовъ, за-рейнскихъ Германцевъ, Лонгобардовъ, принуждены были приступить къ секуляризаціи церковныхъ имѣній, то-есть отняли у церквей подаренныя имъ земли и роздали ихъ, въ видѣ бенефицій, военнымъ людямъ, преимущественно большимъ владѣльцамъ. Это былъ рѣшительный шагъ, поведшій въ скоромъ времени къ тому, что бенефициальная форма владѣнія стала преобладающею формою и въ послѣдствіи времени вытѣснила всѣ другія формы. Притомъ замѣтимъ, что сильная рука первыхъ Каролинговъ была еще въ состояніи воспрепятствовать обращенію всѣхъ бенефицій въ наследственную собственность; но наследники ихъ уже были не въ силахъ остановить стремленіе, лежавшее въ самой природѣ вещей, и вмѣстѣ съ преобладаніемъ бенефициальной формы владѣнія, во второй половинѣ IX столѣтія, утверждается окончательно наследственность бенефицій, то-есть переходъ ихъ въ ленную собственность, *feudum*.

Перейдемъ теперь къ дальнѣйшему моменту въ развитіи бенефициальной формы владѣнія, моменту, который наиболѣе послужилъ къ окончательному ея преобладанію. Королевскія бенефиціи не были единственною и исключительною формою бенефициальнаго владѣнія. По примѣру короля, большіе поземельные владѣльцы стали также выдѣлять изъ своихъ земель участки и раздавать ихъ въ видѣ бенефицій свободнымъ людямъ, добровольно поступавшимъ къ нимъ въ службу. Подобно королю, знатные владѣльцы имѣли обыкновение содержать при себѣ многочисленную свиту и прислугу, которую первоначально они набирали изъ несвободныхъ людей, жившихъ на ихъ землѣ. Эти служащіе люди, извѣстные подъ именемъ министеріаловъ (*ministerial-s*), исполняли разныя домашнія обязанности, сопровождали вездѣ своего господина, служили для защиты его дома и его особы, и составляли даже его военную силу въ частныхъ раздорахъ съ сосѣдями. Жительство въ домѣ гос

нодина, постоянное сообщество съ нѣмъ, возвышало этихъ министеріаловъ надъ обыкновенными несвободными людьми, нѣкоторымъ образомъ облагораживало ихъ и почти приближало ихъ къ свободному состоянію. Служить знатному человѣку не считалось унижительнымъ. Оттого мало-по-малу и люди свободные начинаютъ поступать къ большимъ владѣльцамъ въ службу или въ личное зависимое отношеніе, соединенное съ извѣстными обязанностями, и за это получаютъ отъ нихъ въ вознагражденіе бенефиціи. Обыкновенно это дѣлали такіе свободные люди, которые не имѣли поземельной собственности. Уже сказано было прежде, что долгое время послѣ завоеванія, германскіе выселенцы продолжали переходить въ Галлію изъ-за Рейна. Вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ Алеманами, Баварами, потомъ съ Саксами и Фризами, многіе свободные люди отведены были въ Галлію въ видѣ плѣнниковъ и заложниковъ. Въ самой Галліи многіе свободные люди, потомки первоначальныхъ аллодіальныхъ владѣльцевъ, *лишались поземельной собственности вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ* или бѣднѣли. Всѣ такого рода люди всегда были готовы вступить въ службу къ знатнымъ владѣльцамъ, ибо въ награду за это они получали бенефиціи и дѣлались сами землевладѣльцами. Но и многіе свободные люди, имѣвшіе поземельную собственность, особенно мелкіе аллодіальные владѣльцы, входили въ личное отношеніе зависимости къ знатнымъ господамъ, для того чтобы получить отъ нихъ бенефиціи и такимъ образомъ увеличить свое имѣніе. Съ другой стороны знатные господа давали бенефиціи въ вознагражденіе и нѣкоторымъ министеріаламъ своимъ, пользовавшимся ихъ особенною милостію, и этимъ возводили ихъ въ состояніе свободныхъ людей. Такимъ образомъ все болѣе и болѣе распространялась бенефиціальная форма поземельнаго владѣнія. Бенефициантъ частнаго человѣка вступалъ къ нему въ такое же отношеніе, въ какомъ королевскій бенефициантъ находился къ королю. Онъ приносилъ своему господину, своему сеньйору, присягу въ вѣрности (*fidelitas*), обязывался защищать его, содѣйствовать ему во всемъ и являться къ нему по первому призыву, или принималъ на себя разныя обязанности въ его домѣ и оставался въ числѣ его приближенныхъ. Онъ сохранялъ бенефицію до тѣхъ поръ, пока оставался вѣренъ сеньйору и соблюдалъ присягу. Вообще частныя бенефиціи представляютъ въ своемъ развитіи тѣ же явленія, тѣ же особенности, что и

королевскія. Естественно, что частные бенефицианты должны были, подобно королевским бенефициантамъ, стремиться къ тому, чтобъ обратить пожизненное владѣніе въ наследственную собственность, и несмотря на сопротивление сеньйоровъ, они часто успѣвали въ этомъ; обыкновенно частные бенефицианты сопровождали своего сеньйора на войну. Теперь намъ понятно, отчего первые Каролинги, занятые постоянными внѣшними войнами, старались снискать себѣ живое содѣйствіе большихъ владѣльцевъ, сеньйоровъ, и для этой цѣли надѣляли ихъ большими бенефіціями изъ отобранныхъ церковныхъ имѣній. Сеньйоры были въ возможности привести имъ значительныя военныя силы, лично отъ нихъ зависѣвшія. Получая отъ короля бенефіціи, большіе аллодіяльные владѣльцы входили на основаніи этихъ бенефіцій въ болѣе близкое, личное отношеніе къ королю, и поступали въ число его бенефициантовъ. Сеньйоръ соединялъ земли, полученныя въ бенефіціальное владѣніе, съ прежними своими аллодіяльными землями. Слѣдствія этого были очень важны. Такъ какъ многія изъ этихъ бенефіцій стали переходить въ наследственную собственность, подобно аллодамъ, то мало-по-малу сглаживалось и забывалось первоначальное различіе между бенефіціальными и аллодіяльными владѣніями сеньйора, особенно въ дальнѣйшихъ его поколѣніяхъ. Различіе это постепенно теряло значеніе и для короля и для бенефицианта; бенефіціи и аллоды смѣшивались въ одну общую массу, и такимъ образомъ большая, свободная, независимая аллодіяльная собственность сама собою и незамѣтно принимала характеръ зависимой, производной, условной собственности. То, что происходило въ высшихъ сферахъ, необходимо повторялось и къ низшихъ, то-есть такимъ же образомъ постепенно сглаживалось и забывалось различіе между бенефіціальными владѣніями и собственными аллодіяльными участками частныхъ бенефициантовъ; мелкая аллодіяльная собственность принимала бенефіціальный характеръ, и можно сказать, исчезала въ массѣ бенефіціальной собственности. Но не одни только знатные аллодіяльные владѣльцы раздавали бенефіціи. Мало-по-малу утвердился обычай, что и большіе королевскіе бенефицианты стали выдѣлять изъ полученныхъ отъ короля земель участки и отдавать ихъ въ бенефіціальное владѣніе свободнымъ людямъ, которые вслѣдствіе этого обязывались сопровождать ихъ на войну. Такая передача частей зависимаго, свыше вложеннаго владѣнія въ третьи руки въ послѣдствіи

называлась *инфеодаціей* (*infodatio*.) Если королевская бенефиция переходила къ другому владѣльцу, то онъ обыкновенно старался удержать при себѣ бенефициантовъ прежняго владѣльца. Вслѣдствіе такой инфеодаціи возникалъ новый, низшій слой личныхъ зависимыхъ отношеній. Все это вело мало-по-малу къ разложенію первоначальнаго племеннаго союза, основаннаго на общинномъ бытѣ, и къ разрѣшенію его въ личные и частные союзы, которые составили со временемъ цѣлую лѣстницу высшихъ низшихъ и зависимыхъ положеній.

Такимъ образомъ обычай королей раздавать свободнымъ людямъ бенефиціи изъ своихъ доменъ въ вознагражденіе за военные или придворныя услуги, обычай частныхъ владѣльцевъ, которые, по примѣру короля, дарили бенефиціи своимъ министрамъ и вообще свободнымъ или несвободнымъ людямъ, вступавшимъ въ служебное къ нимъ отношеніе, инфеодаціи королевскихъ бенефицій, то-есть передача отдѣльныхъ частей ихъ въ третьи руки, постепенно возникающая наследственность королевскихъ и частныхъ бенефицій, вотъ первыя причины возникновенія новой формы поземельнаго владѣнія и новыхъ вассальныхъ отношеній. Но причины эти не были единственныя. Рядомъ съ ними существовали другія, которыя съ совершенно-противоположной стороны и инымъ путемъ привели къ тѣмъ же результатамъ. Бенефициальная форма владѣнія и вассальныя отношенія получили свое начало сверху, то-есть вслѣдствіе инициативы королей, сеньйоровъ и королевскихъ бенефициантовъ, но развивались въ то же время и снизу, вслѣдствіе извѣстнаго, всюду господствовавшаго тогда обычая, который назывался коммендаціей (*commendatio*, или *recommendatio*). Наконецъ самое политическое устройство франкскаго государства привело мало-по-малу къ тому, что свободная, полная аллодіальная собственность вездѣ была вытѣснена зависимою формою бенефициальнаго, а потомъ формою леннаго владѣнія, и что первоначальное племенное государство перешло въ государство вассальное. Сперва мы будемъ говорить о коммендаціи, объяснимъ значеніе и послѣдствія этого обычая, а потомъ перейдемъ къ краткому очерку политическаго устройства франкской монархіи. Мы рассмотримъ такимъ образомъ по очереди всѣ три главныхъ источника, всѣ три главныя исходныя точки, изъ которыхъ развилось феодальное устройство и вассальное государство, именно: 1) королевскія и частныя бенефиціи; 2) коммендацію и 3) самыя политическія учрежденія франкской монархіи.

IV.

Между первоначальными и основными юридическими понятиями Германцев самое важное значение для феодального права имѣеть понятіе о такъ-называемомъ *mundium*. *Mundium*, или *mundeburdis*, *mundeburdium*, слово, которое сохранилось въ теперешнемъ *Vormund* опекунъ, *Vormundschaft* опека, обозначаетъ прежде всего сумму семейнаго права. Въ этомъ значеніи *mundium* есть право и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность главы семейства защищать и охранять всѣхъ его членовъ, быть ихъ опекуномъ, покровительствовать имъ вездѣ и во всемъ, заступаться за нихъ и въ особенности представлять ихъ передъ судомъ. *Mundium*, то-есть опека, покровительство, заступничество, въ первоначальномъ семейномъ значеніи бываетъ троякаго рода: *mundium* мужа, *mundium* отца и *mundium* ближайшаго старшаго родственника. Но во всѣхъ этихъ видахъ, по сущности своей оно вполне одинаково и совмѣщаетъ въ себѣ три отдѣльных и самостоятельныхъ понятія римскаго права: *власть отца* (*patria potestas*), *власть мужа* (*manus mariti*) и *опеку* (*tutela*). Въ *mundium* дѣйствительно заключается понятіе власти, но особенность его состоитъ въ томъ, что въ немъ право тѣсно соединяется съ обязанностію, право истекаетъ изъ обязанности опеки, покровительства. *Mundium*, какъ власти, влечетъ за собою необходимо *obsequium*, повиновеніе со стороны лицъ, состоящихъ въ опекѣ. Вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія этого понятія глава рода имѣеть, подобно главѣ семейства, *mundium* надъ цѣлымъ родомъ и всѣми его членами. Но кромѣ этого тѣснаго, на семейномъ правѣ основаннаго значенія, *mundium* имѣеть другое, болѣе обширное значеніе. Слово это обозначаетъ еще власть, опеку и покровительство поземельнаго владѣльца надъ домашнею его прислугою, и надъ всѣми людьми, живущими на его землѣ. Тотъ, кто имѣеть *mundium* надъ другими (*Mundherr*, *mundvaldus*, *tutor*), пользуется вслѣдствіе этого слѣдующими правами: 1) такъ какъ онъ представляетъ передъ судомъ лица, состоящія подъ его покровительствомъ, то поэтому онъ получаетъ *Wehrgeld*, то-есть

денежную виру за убійство, увѣче или оскорбленіе котораго-нибудь изъ этихъ лицъ; 2) онъ получаетъ извѣстную сумму, *pretium*, въ случаѣ выхода замужъ дѣвицы, находящейся подъ его опекою; 3) ему принадлежитъ въ видѣ вознагражденія за опеку право пользованія имуществомъ лицъ, состоящихъ въ *mundium*, и особенно малолѣтнихъ; 4) *mundium* доставляетъ ему право наслѣдовать имущества лицъ, находящихся подъ его опекою, если у нихъ не имѣется прямыхъ наслѣдниковъ. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что всѣ эти права, съ нѣкоторыми измѣненіями, цѣликомъ переходятъ въ феодальное право. Въ дальнѣйшемъ развитіи и въ самомъ обширномъ смыслѣ, *mundium* означаетъ вообще опеку и покровительство сильнаго надъ слабымъ и соотвѣтствуетъ римскому патронату.

Въ первобытномъ состояніи общества, когда не существуетъ еще твердаго порядка, который ограждалъ бы личную безопасность и неприкосновенность частнаго имущества, единственная гарантія такой безопасности, для менѣ сильныхъ, заключается въ покровительствѣ и опекѣ болѣе сильныхъ. Въ такомъ состояніи общества, когда нѣтъ еще твердыхъ, общихъ законовъ, а господствуетъ обычай, или, когда законы безсильны противъ произвола, только могущественная личность можетъ защитить слабого отъ насилія и произвола другихъ личностей. Отсутствіе твердаго порядка, ограждающаго безопасность лицъ и имуществовъ, восполняется тогда личными отношеніями покровительства между сильными и слабыми, патронатомъ и клиентствомъ. Всякій человекъ, не разчитывающій на свои собственныя силы и средства, ищетъ себѣ могущественнаго покровителя, который можетъ защитить его противъ внѣшняго насилія дѣятельнѣе и лучше, чѣмъ отдаленная государственная власть. Въ первыя и самыя смутныя времена общегерманскаго періода, въ эпоху личнаго произвола, преобладанія грубой физической силы, вражды и непрерывной борьбы разнородныхъ элементовъ, *mundium* естественно долженъ былъ получить сильное развитіе, потому что, при недостаткѣ другихъ гарантій, онъ хоть сколько-нибудь удовлетворялъ естественному стремленію всякаго общества къ порядку, внутренней безопасности и законному быту. Свободные люди, нуждавшіеся въ защитѣ своей личности или своего имущества, избирали себѣ могущественнаго патрона, поступали подъ его опеку и покровительство. Этотъ обычай, добровольно отдавать себя, даже вмѣстѣ съ своимъ иму-

ществомъ подѣ покровительствомъ могущественной особы, назывался *коммѣндаціей* или *рекоммѣндаціей*. *Commendare se alicui*, *commendare se in mundium alicujus* было техническимъ выраженіемъ для подобныхъ отношеній. Такого рода покровительство не уничтожало личной свободы человѣка, но оно все-таки не обходилось безъ нѣкотораго пожертвованія этою свободою, уменьшало ее. *Commendatus* вступалъ въ отношеніе личной зависимости отъ своего покровителя. *Mundium* влекъ за собою съ его стороны *obsequium*, а часто даже, *servitium*, то-есть извѣстныхъ услуги, обязанности и повинности, и прежде всего *fidelitatis promissio*, то-есть присягу въ вѣрности. Коммѣндація совершалась подѣ различными условіями; подобно раздачѣ бенефицій, она была источникомъ цѣлаго ряда болѣе или менѣе зависимыхъ положеній. Чѣмъ могущественнѣе была личность, тѣмъ болѣе гарантій безопасности для слабыхъ представляло ее покровительство, тѣмъ большее число людей, нуждавшихся въ защитѣ, вступало къ ней въ зависимое отношеніе, посредствомъ коммѣндаціи. Самою могущественною личностію во франкскомъ государствѣ былъ король. Могущество его и богатства, состоявшія въ обладаніи огромными доменами, которыя давали ему средства щедро вознаграждать лично оказанныя ему услуги; священный авторитетъ, которымъ окружала его имя церковь, сильное развитіе и значеніе его власти, доселѣ незнакомое Германцамъ,—все это чрезвычайно возвышало его въ глазахъ современниковъ. Поэтому непосредственное покровительство короля, *mundeburdium regis*, было особенно заманчиво для всякаго; оно представляло наиболѣе гарантій для личной безопасности: король имѣлъ болѣе, чѣмъ кто-либо, средствъ защитить всякаго, кто прибѣгалъ къ его опекѣ противъ внѣшняго насилія. Многія лица, уже сами по себѣ, безъ коммѣндаціи и особенныхъ обязательствъ, стояли *in mundeburdio regis*, то-есть пользовались его особеннымъ покровительствомъ. Сюда принадлежали: вдовы, сироты, малолѣтніе, иностранцы, также многія духовныя особы, которымъ король черезъ это хотѣлъ оказать особенную милость и уваженіе. Всѣ эти лица пользовались нѣкоторыми преимуществами и предпочтеніемъ въ судебномъ отношеніи; въ случаѣ обиды, оскорбленія, насилія, могли прямо и непосредственно обращаться къ королю; за всякое преступленіе, совершенное противъ ихъ особы, часть положенной денежной пени, *fredum*, поступала въ казну короля. Но гораздо большее число разныхъ лицъ отдавало себя подѣ опеку и покровительство короля по

средствомъ настоящей коммѣндаціи. Къ коммѣндаціи прибѣгали не только слабые и несостоятельные, но и сильные люди, большіе поземельные владѣльцы, знатные *gropiani possessores*. Считалось особенною честью стоять въ близкомъ, непосредственномъ отношеніи къ королю, быть въ числѣ его приближенныхъ, приносить присягу въ подданствѣ и вѣрности въ собственныя его руки (*in manum regis*). Многихъ побуждало къ тому желаніе снискать себѣ его милость, получить отъ него бенефиціи, достигнуть придворныхъ или государственныхъ должностей. Такие люди, стоявшіе въ болѣе тѣсной связи съ королемъ, назывались его *fideles, antrustiones*. Находиться *in truste dominica* значило то же, что *in mundeburdio regis*. Различно объясняютъ это слово: *trustis, antrustio*. Одни производятъ его отъ готскаго *trausti, Treue, fides*, вѣрность; другіе отъ *trust, Trost*, свита. Королевскіе антрустіоны, въ знакъ отличія, пользовались тройною вирою, то-есть: если за убійство простаго свободнаго Франка полагалась денежная пеня во 100 *солидовъ*, то жизнь антрустіона цѣнилась въ 300 *солидовъ*. Въ каролингскую эпоху такое отношеніе личной зависимости принимаетъ названіе *vassaticum*. *Vassaticum* значитъ то же что и *commendatio*. Въмѣсто *antrustiones* возникаетъ терминъ *vassi, vassali*. Вассалами короля называются все тѣ лица, которые приносятъ присягу на вѣрность въ собственныя руки королю, вслѣдствіе этого находятся подъ его особеннымъ покровительствомъ и, въ замѣнъ этого, обязываются къ разнаго рода услугамъ. Вассаломъ короля, посредствомъ коммѣндаціи, могъ быть всякій: и знатный, и простой свободный человѣкъ, часто даже и несвободный, *litus, tributarius, Hörig*. Многие вассалы оставались при особѣ короля, при его дворѣ; другіе жили на своихъ земляхъ и только обязывались въ извѣстныхъ случаяхъ слѣдовать его призыву. Король поручалъ преимущественно своимъ вассаламъ разныя должности; придворныя и государственныя, начальство надъ народнымъ ополченіемъ, или своею собственною дружиною, управленіе доменами, областями и округами государства. Областные и окружные правители, графы, *comites, vice-comites, centenarii*, должностныя лица, о которыхъ будемъ говорить въ послѣдствіи, назначались королемъ, по преимуществу, изъ числа его вассаловъ. Такъ какъ эти должностныя лица должны были представлять власть короля въ разныхъ частяхъ государства и управлять отъ его имени, то естественно, что онъ поручалъ государственныя должности такимъ людямъ

на которых могъ болѣе полагаться, которые были въ личной зависимости отъ него, которые были привязаны къ нему особенною присягою вѣрности, а вслѣдствіе этого, могли лучше другихъ представлять его личные интересы, или интересы его власти. Понятно, что король раздавалъ бенефиціи преимущественно своимъ вассаламъ, въ вознагражденіе за ихъ заслуги. Но не всѣ вассалы имѣли бенефиціи. Сначала—коммѣндація и *вассалитумъ* было чисто личное отношеніе; вассальное отношеніе не соединялось необходимо съ бенефиціей. Всякая бенефиція влекла за собою вассальное отношеніе и зависимость личную; но не всякій вассалитумъ и не всякая коммѣндація были соединены съ зависимою имущественною. Впрочемъ въ дальнѣйшемъ развитіи коммѣндація, по самой природѣ вещей, должна была распространиться и на землю, совмѣстить въ себѣ оба рода зависимости. Свободный аллодіальный владѣлецъ, поступая подъ покровительство короля, дѣлаясь его вассаломъ, вмѣстѣ съ личностью своею отдавалъ подъ покровительство короля и свою землю, свою аллодіальную собственность. Вслѣдствіе того, его аллодіальная земля мало-по-малу принимала характеръ зависимой, условной собственности, уподоблялась бенефиціальной формѣ владѣнія; ибо владѣлецъ ея, подобно королевскимъ бенефиціантамъ, обязанъ былъ, въ силу своего вассальнаго отношенія къ королю, нести извѣстныя повинности. Если такой вассалъ получалъ, въ послѣдствіи, отъ короля бенефицію и соединялъ ее съ прежнимъ своимъ владѣніемъ, то тѣмъ легче еще сглаживалось различіе между чистою, полною, свободою собственностію и зависимою, производною, бенефиціальною ея формою.

Но, какъ уже замѣчено выше, не только у короля были *вассалы* и *коммѣндаты*. Свободные и несвободные люди, нуждавшіеся въ защитѣ, желавшіе оградить себя противъ внѣшняго насилія, прибѣгали къ покровительству знатныхъ господъ, большихъ поземельныхъ владѣльцевъ,—и посредствомъ коммѣндацій вступали къ нимъ въ отношеніе личной зависимости. Знатные господа, сеньйоры, подобно королю, имѣли также своихъ вассаловъ, или, какъ говорилось просто, своихъ *людей* (*homo alicujus* и *vassus, vassalus* были однозначашіе термины). Въ свою очередь, знатные королевскіе вассалы (*majores homines*) могли имѣть также меньшихъ вассаловъ (*minores homines*); нѣмецкій общепринятый терминъ для этого есть: *Aftervassal-n*, слово въ слово—задніе вассалы. Хаотическое состояніе общества, по-

стоянныя усобицы, господство личнаго произвола и сильной физической силы, грабежи и нападенія внѣшнихъ враговъ, и при всемъ томъ, безсиліе наслѣдниковъ Карла Великаго, все это способствовало къ распространенію обычая коммѣндацій и развитію не только королевскихъ, но и частныхъ вассальныхъ отношеній. Коммѣндація не только была въ интересъ частныхъ лицъ, нуждавшихся въ защитѣ, но даже сами короли благопріятствовали ей, видя въ ней нѣкоторое ручательство за внутреннюю безопасность и общественный порядокъ; при томъ же, какъ увидимъ дальше, коммѣндація была для нихъ важна и выгодна въ дѣлѣ военнаго устройства. *Капитуляріи* Каролинговъ прямо предписываютъ всякому свободному человѣку средняго состоянія искать себѣ патрона, рекомендовать себя сеньйору и не покидать его безъ законной причины. Первоначально, вассальный союзъ могъ быть во всякое время разорванъ вассаломъ, такъ какъ союзъ этотъ былъ добровольный. Покидая своего сеньйора, вассалъ обязанъ былъ возратить ему все, отъ него полученное: оружіе, земли и т. д., а также все, или часть всего, что было приобрѣтено имъ въ службѣ сеньйора. Но постепенно, само собою и вслѣдствіе королевскихъ постановленій, связь вассала съ сеньйоромъ дѣлается крѣпче и постояннѣе. Мало-по-малу утверждается обычай, что вассалъ не можетъ оставлять сеньйора безъ его позволенія, избирать себѣ другаго сеньйора и переходить къ нему безъ согласія перваго. Съ своей стороны, Каролинги стараются ограничить право вассаловъ покидать сеньйора и предоставляютъ имъ это право только въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ. Такъ какъ основаніемъ союза вассала съ сеньйоромъ были обоюдныя обязанности, то вассалъ могъ законнымъ образомъ разорвать союзъ и оставить сеньйора, если послѣдній не исполнялъ этихъ обязанностей, если онъ не защищалъ или не хотѣлъ защищать его надлежащимъ образомъ, если онъ угрожалъ его жизни, притѣснялъ его, наносилъ ему обиду, оскорблялъ его жену или дочь, насильственнымъ образомъ лишалъ его собственности. Само собою разумѣется, что со смертію сеньйора или вассала союзъ прекращался. Но постоянно господствовалъ обычай, что по смерти сеньйора вассалы рекомендовали себя его сыну или наслѣднику, и что сыновья умершаго вассала вступали въ отцовское отношеніе. Необходимымъ послѣдствіемъ сильнаго распространенія обычая коммѣндаціи и развитія вассальныхъ отношеній, было постепенное уменьшеніе числа свободныхъ людей, то-есть людей,

называющихся полною самостоятельностью и не стоящихъ ни въ какой личной зависимости. Къ концу эпохи такіе люди исчезаютъ совершенно; вассальные отношенія обхватываютъ все общество, и состояніе личной свободы и самостоятельности переходить въ цѣлый рядъ высшихъ и низшихъ зависимыхъ состояній. вмѣстѣ съ исчезновеніемъ свободныхъ людей, стоящихъ внѣ вассальнаго союза, исчезаетъ и свободная поземельная собственность, и вся масса поземельной собственности принимаетъ бенефициальный характеръ.

Въ сферѣ поземельныхъ отношеній существуетъ одинъ экономическій законъ, который вездѣ и всегда проявляется одинаково. Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что большая поземельная собственность всегда поглощаетъ малую собственность, или, если не поглощаетъ ее, то по крайней мѣрѣ ставитъ въ зависимость отъ себя. Съ самаго начала, во франкскомъ государствѣ являются рядомъ двѣ системы поземельнаго владѣнія: аллодіальная и бенефициальная. Бенефициальная система представляетъ собою большую собственность, большія массы земли. Мы видѣли, что бенефиціи, выдѣляемыя изъ королевскихъ доменъ, далеко превосходили своимъ объемомъ аллодіальные участки свободныхъ Франковъ. Притомъ мы показали, какъ большіе аллоды знатныхъ господъ, сеньйоровъ, вслѣдствіе вассальнаго отношенія къ королю, принимали также характеръ бенефициальнаго владѣнія. Аллодіальная собственность, напротивъ, которая уже съ самаго начала не была слишкомъ значительна, и которая въ силу наследственнаго права, продажи и отчужденія, дѣлилась, дробилась и переходила въ многія руки, представляла собою малую собственность.

Между обѣими системами владѣнія: полною, чистою, независимую, но небольшою собственностію и между неполною, условною, зависимою, но большою собственностію, произошла борьба, которая необходимо должна была кончиться не въ пользу первой. Мы видѣли, какъ постоянно возрастало число королевскихъ и частныхъ бенефицій; бенефициальныя владѣнія окружали со всѣхъ сторонъ, обнимали собою отдѣльно разбросанныя аллодіальные участки. Мелкіе аллодіальные владѣльцы находились въ совершенно изолированномъ положеніи; посреди окружавшей ихъ массы бенефициальныхъ земель. При такой обстановкѣ, и при естественномъ стремленіи большихъ поземельныхъ владѣльцевъ захватить или привести въ зависимость сосѣдственные свободные участки — и такимъ образомъ

округлить свои имѣнія—мелкимъ аллодіальнымъ собственникамъ было чрезвычайно трудно и даже невозможно сохранить свою независимость. Имъ угрожали постоянныя опасности; такое беззащитное, изолированное положеніе необходимо побуждало ихъ прибѣгать къ коммѣндаціи. Вслѣдствіе этого возникло явленіе, которое привело къ окончательному, исключительному господству бенефициальной формы владѣнія, именно: добровольное обращеніе (*conversio*) аллодовъ въ бенефиціи. Владѣлецъ аллодіальнаго участка являлся передъ сеньйоромъ, совершалъ коммѣндацію, личную и имущественную, то-есть отдавалъ сеньйору себя и свою землю, приносилъ ему вассальную присягу, объявлялъ себя его человѣкомъ (*eius homo*) и, вслѣдъ за тѣмъ, получалъ отъ сеньйора назадъ ту же землю, но уже въ видѣ бенефиціи. Такимъ образомъ онъ добровольно отказывался отъ своей независимости, сопряженной съ постоянными опасностями, для того чтобы снискать себѣ могущественнаго покровителя и защитника. Онъ получалъ назадъ свою землю съ меньшими правилами и съ вассальными повинностями, но за то могъ владѣть ею въ покоѣ и безопасности. Подобнымъ образомъ и большіе землевладѣльцы охотно отдавали свои земли королю съ тѣмъ чтобы получить ихъ назадъ, въ видѣ бенефицій, и поступить въ число его вассаловъ. Это было для многихъ очень выгодно, потому что званіе королевскаго вассала сопряжено было со многими почестями, открывало поприще для честолюбія, пролагало путь къ высокимъ придворнымъ и государственнымъ должностямъ и давало возможность увеличить имѣнія новыми бенефиціями, вслѣдствіе королевской милости. Такимъ образомъ, бенефициальная форма владѣнія возникаетъ не только сверху, то-есть вслѣдствіе раздачи бенефицій, но и вгнѣстъ снизу, вслѣдствіе добровольнаго обращенія аллодовъ въ бенефиціи. Были бенефиціи не только жалованныя — *beneficia data*, но и *beneficia oblata*, то-есть-поднесенныя.

Не всегда однако же свободные аллодіальные владѣльцы дѣлались вассалами сеньйора посредствомъ коммѣндаціи и, передавая ему свою землю, получали ее назадъ на одинаково выгодныхъ условіяхъ. Самымъ выгоднымъ положеніемъ было, если при этомъ они обязывались только къ придворной или военной службѣ, сеньйору. Часто случалось, что они получали назадъ свою землю съ тѣмъ, чтобы платить за нее сеньйору извѣстную большую или меньшую сумму дани, оброкъ (*seignior*) деньгами или натурою, хотя и сохраняли при этомъ личную

свободу. Вслѣдствіе этого они вступали въ положеніе большей зависимости, чѣмъ настоящіе вассалы, занимали низшую степенъ въ системѣ личныхъ, зависимыхъ состояній и составляли классъ, такъ называемыхъ *цензуаловъ*. Особенно такая участь постигала самыхъ мелкихъ аллодіальныхъ владѣльцевъ. *Цензуалы*, въ сущности, немногимъ уже отличались отъ несвободныхъ оброчныхъ людей, трибутаріевъ, *Hörige, villani*. По понятіямъ времени, всякаго рода оброкъ и дань были несовмѣстны съ свободою и влекли за собою ея уничтоженіе. Оттого общественныя различія легко сглаживались—и многіе *цензуалы* современемъ переходили въ состояніе настоящихъ трибутаріевъ, *виллановъ*, то-есть несвободныхъ людей, надъ которыми сеньйоръ имѣлъ полную и неограниченную власть. Классъ такъ-называемыхъ *цензуаловъ* пополнялся такими свободными людьми, которые, не имѣя сами поземельной собственности или лишившись ея по разнымъ причинамъ, охотно селились на земляхъ большихъ владѣльцевъ; они обрабатывали ихъ; за пользованіе землею, платили оброкъ; но при этомъ выговаривали себѣ сохраненіе личной свободы. Это были, говоря нѣмецкимъ терминомъ, *freie Grundholden* — свободные поселенцы.

Рядомъ съ добровольнымъ обращеніемъ аллодовъ въ бенефиціи происходило обращеніе насильственное. Знатные поземельные владѣльцы принуждали силою своихъ мелкихъ аллодіальныхъ сосѣдей, превращать свободные участки въ бенефиціи и вступать къ нимъ въ вассальное отношеніе. Но чаще, такіе знатные господа отнимали просто у мелкихъ, беззащитныхъ владѣльцевъ ихъ земли и обращали этихъ владѣльцевъ въ своихъ трибутаріевъ. Кто заблаговременно не прибѣгалъ къ коммемдаціи, которая давала возможность сохранить владѣніе землею, хотя и съ меньшими правами, тотъ раньше или позже дѣлался жертвою хищнаго сосѣда. Современные источники наполнены постоянными извѣстіями о такого рода грабительствѣ знатныхъ владѣльцевъ. *Капитуляріи* Каролинговъ содержатъ въ себѣ множество постановленій, направленныхъ противъ такого злоупотребленія. Но напрасны были всѣ законы, предписанія, угрозы. Королевская власть была не въ силахъ защитить мелкихъ, свободныхъ людей отъ притѣсеній знатныхъ господъ. Множество мелкихъ аллодіальныхъ владѣльцевъ теряло, вслѣдствіе внѣшняго насилія, вмѣстѣ съ аллодіальною собственностію и личную свою свободу, и поступало въ классъ несвободныхъ людей, *Hörige, villani*.

V.

Общие результаты развитія личныхъ и поземельныхъ отношеній на галльской почвѣ, въ переходную, до-феодальную эпоху, были слѣдующіе:

1) Постепенное уменьшеніе числа независимыхъ людей. Одни изъ нихъ, сохраняя свободу, вступаютъ въ отношеніе личной зависимости къ королю или къ знатнымъ господамъ, дѣлаются вассалами короля или вассалами королевскихъ вассаловъ и большаго аллодіальныхъ сеньйоровъ; другіе теряютъ свободу и переходятъ или въ полусвободное состояніе цензуаловъ, или въ несвободное состояніе оброчныхъ, крѣпостныхъ людей, трибутаріевъ, виллановъ, *Höfige*.

2) Постепенное исчезновеніе свободной, независимой, аллодіальной собственности и переходъ ея въ зависимое, условное, бенефиціальное владѣніе, а потомъ, съ утвержденіемъ наследственности бенефицій, въ ленную собственность, связанную съ вассальными обязанностями и повинностями.

3) Образованіе сеньйората, какъ преобладающей общественной формы, то-есть развитіе территоріального господства сеньйоровъ.

Мы видѣли, какъ посредствомъ коммемдаціи и вслѣдствіе добровольнаго или насильственнаго обращенія аллодовъ въ бенефиціи, малая собственность поступала въ зависимость отъ большихъ владѣльцевъ; мы видѣли притомъ, какъ мелкіе аллодіальные владѣльцы, изолированные среди окружавшей ихъ массы большихъ владѣній, дѣлались жертвою хищности могущественныхъ сосѣдей, которые насильственнымъ образомъ отнимали у нихъ землю и обращали ихъ въ своихъ оброчныхъ людей. Все это послужило къ образованію большихъ территорій, надъ которыми, въ большей или меньшей степени, распространялась власть сеньйоровъ. Въ составъ территоріи сеньйора входили: 1) бенефиціи его вассаловъ, 2) собственныя его аллодіальныя или бенефиціальныя земли, и 3) разнаго рода участки, предоставленныя свободнымъ поселенцамъ (*freie Grundholden*), цензуаламъ, трибутаріямъ и

крѣпостнымъ рабамъ (*servi*); участки эти, смотря по состоянію людей, владѣвшихъ ими, назывались *mansi ingenuiles*, *mansi litiles* и *mansi serviles*. На каждомъ изъ нихъ лежали извѣстныя большія или меньшія повинности, оброкъ и разныя господскія работы. Участки, которые первоначально были *mansi litiles* или *serviles*, то-есть принадлежали несвободнымъ tributаріямъ (*Hörige*), или крѣпостнымъ рабамъ (*servi*), могли потомъ поступать во владѣніе и свободныхъ людей; но тогда послѣдніе должны были нести всѣ повинности, лежавшія на этихъ мансахъ. Повинности срастались съ землею, дѣлались вещественными и опредѣляли собою характеръ земли. Такіе свободные люди, съ теченіемъ времени, разумѣется, теряли свободу и переходили въ классъ несвободныхъ. Несвободная земля влекла за собою, въ послѣдствіи, и несвободное личное состояніе. Первоначально, личное состояніе владѣльца опредѣляло характеръ и свойство его земли, но потомъ, во всѣхъ сферахъ, высшихъ и низшихъ, преобладаетъ юридическое понятіе, что, наоборотъ, характеръ и свойство поземельнаго владѣнія условливаютъ собою личное состояніе владѣльца. Всѣ люди, жившіе въ предѣлахъ владѣній сеньйора, находясь въ большей или меньшей личной зависимости отъ него, всѣ были его *люди*. Одни были зависимы отъ него въ качествѣ вассаловъ, другіе, несвободные, въ качествѣ настоящихъ подданныхъ; иныя—*servi*—были его собственностію (*Leibeigene*). Свободные поселенцы (*freie Grundholden*), которые за оброкъ обрабатывали предоставленные имъ отъ сеньйора свободные и несвободные участки (*mansi ingenuiles*, *litiles* или *serviles*), находились въ срединномъ положеніи. Многіе сеньйоры сохраняли характеръ большихъ аллодіальныхъ владѣльцевъ; но большая часть ихъ поступала въ число королевскихъ вассаловъ. Многіе сеньйоры пользовались въ своихъ территорияхъ нѣкоторыми правами верховной власти, вслѣдствіе дарованной имъ отъ королей, такъ-называемой, *immunitas*, о которой будемъ говорить послѣ. Король, считавшій права государственной власти своею частною собственностію, уступалъ ихъ въ цѣлости, или по частямъ, частнымъ лицамъ, преимущественно своимъ вассаламъ и знатымъ сеньйорамъ. Изъ дальнѣйшаго изложенія уяснится намъ болѣе и болѣе, что сеньйоратъ, то-есть территоріальное господствъ сеньйоровъ, заключалъ въ себѣ многіе элементы государства въ маломъ видѣ.

Само собою разумѣется, что въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ

аллодіяльные владѣльцы были многочисленнѣе, и гдѣ аллодіяльныя земли въ большомъ количествѣ лежали другъ подле друга и составляли сплошныя массы, тамъ территоріальное господство сеньйоровъ развивалось гораздо труднѣе; тамъ небольшіе собственники сохраняли свою самостоятельность и независимость, тамъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, уцѣлѣла аллодіяльная форма собственности. Особенно на югѣ Галліи, гдѣ продолжало господствовать римское право, гдѣ преобладали галло-римскіе владѣльцы, и гдѣ германскій элементъ, германскія понятія имѣли гораздо менѣе вліянія, долго сохранилась большая и малая аллодіяльная собственность и продолжала существовать до самыхъ альбигойскихъ войнъ. Но на сѣверѣ Галліи бенефициальная, а потомъ ленная форма владѣнія и вассальныя отношенія дѣлаются господствующими уже въ X столѣтіи.

VI.

Кромѣ раздачи бенефиций, комментаціи и насильственныхъ захватовъ, источникомъ новаго рода личныхъ и имущественныхъ, зависимыхъ положеній, является церковь. Мы видимъ, что благодаря щедрости королей и частныхъ лицъ, церковь соединила въ своихъ рукахъ огромныя поземельныя имущества. Къ каждому архіепископству или епископству, къ каждому монастырю принадлежали обширныя земли, доходами которыхъ распоряжался архіепископъ, епископъ или аббатъ. Церковныя земли имѣли характеръ аллодіяльной собственности; архіепископы, епископы и аббаты, въ отношеніи къ государству, ничѣмъ не отличались отъ аллодіяльныхъ владѣльцевъ. Въ послѣдствіи мы увидимъ, какъ мало-по-малу церковь и церковныя земли входятъ въ систему вассальныхъ отношеній, какъ архіепископы, епископы, аббаты, которые уже съ самаго начала состояли подъ особеннымъ покровительствомъ короля, дѣлаются настоящими его вассалами и сеньйорами въ отношеніи къ своимъ вассаламъ. Въ числѣ церковныхъ имѣній находилось значительное количество пустопорожнихъ земель; церковь нуждалась во многихъ рукахъ для ихъ обработки, и потому отдавала участки этихъ земель въ пользованіе свободнымъ и несвободнымъ людямъ подъ различными формами. Самая обыкновенная форма называлась *precatium*, то-есть срочное или

пожизненное пользованіе, соединенное съ бѣльшимъ или меньшимъ цензомъ, оброкомъ, который платился деньгами или натурою. Часто церковь давала въ пользованіе такіе участки безвозмездно или въ замѣнъ за извѣстныя услуги. Она нуждалась въ людяхъ для защиты своихъ владѣній, и потому раздавала также бенефиціи (*beneficia ecclesiastica*), которыя ничѣмъ не отличались отъ свѣтскихъ бенефицій. Часто цензъ, по незначительности своей, имѣлъ одно лишь чисто-формальное значеніе и служилъ только для обозначенія зависимости: такъ на примѣръ многіе люди, получившіе во владѣніе участки церковныхъ земель, обязаны были доставлять въ церковь воскъ, и оттого назывались *cerarii* или *cerocensuales*. *Прекаріи* и церковныя бенефиціи, часто съ согласія церкви или вслѣдствіе первоначальнаго уговора, переходили по наслѣдству къ дѣтямъ и потомству перваго обладателя. Между тѣмъ церковь пріобрѣтала все болѣе и болѣе земель въ даръ отъ частныхъ лицъ. Главною причиною тому была набожность, какъ понималась она въ эти времена наивнаго религіознаго чувства. Многіе дарили церкви свою землю для того, чтобъ спасти душу, получить отпущеніе грѣховъ или снискать себѣ благосклонность того или другаго святаго, патрона церкви. Такіе набожные люди иногда отдавали церкви свои земли безусловно, то-есть отказывались въ ея пользу и отъ собственности, и отъ пользованія ими, но чаще, уступая церкви право собственности, они предоставляли себѣ право пожизненнаго или наслѣдственнаго пользованія, въ соединеніи съ цензомъ или извѣстными обязанностями и повинностями, то-есть получали назадъ свои земли въ видѣ прекарій или бенефицій. Кромѣ набожности были еще другія побудительныя причины такихъ дареній. При анархическомъ состояніи общества, при постоянномъ господствѣ насилія и произвола, покровительство церкви или монастыря было иногда единственнымъ ручательствомъ за безопасность для многихъ мелкихъ владѣльцевъ. Церкви и монастыри служили мѣстомъ убѣжища. Въ вознагражденіе за убѣжище и покровительство, мелкіе владѣльцы приносили церквамъ свои земли и обогащали ихъ своими приношеніями. Но въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, всякое покровительство влекло за собою личную, а вслѣдъ за нею и имущественную зависимость. Въ то время, какъ одна часть мелкихъ свободныхъ владѣльцевъ, нуждавшихся въ защитѣ посредствомъ коммѣндаціи, вступала вмѣстѣ съ землями своими въ зависимое отношеніе къ знатнымъ господамъ, другіе, подобнымъ

образомъ, *рекомендовали* себя церквамъ и монастырямъ. Многие свободные люди, не имѣвшіе или лишившіеся поземельной собственности, селились на церковныхъ земляхъ, и подъ разными условіями, съ обязанностью оброка или работъ, воздѣлывали выдѣленные имъ участки. Общее названіе для разнаго рода зависимыхъ людей, которые жили въ предѣлахъ церковныхъ владѣній, находились подъ покровительствомъ церкви и платили ей оброкъ, было *homines ecclesiastici* (*церковные люди*). Число этихъ церковныхъ людей увеличивалось еще по другимъ причинамъ. Многія церковныя владѣнія—люди и земли—были освобождены отъ всякаго рода государственныхъ налоговъ и податей, то-есть получали отъ короля такъ-называемую *immunitas*. Чтобы участвовать въ *immunitas*, чтобы пользоваться изъятіемъ отъ податей и налоговъ, многіе владѣльцы уступали церквамъ свои земли, предоставляя себѣ пользованіе ими. Наконецъ значительное число церквей было освобождено отъ обязанности военной службы, то-есть не посылало людей своихъ въ земское ополченіе. Служба въ земскомъ ополченіи была тяжелымъ бременемъ для мелкихъ владѣльцевъ. Нужно было всякому вооружаться на свой счетъ и брать провіантъ на три мѣсяца; притомъ война, отрывавшая надолгое время отъ домашнихъ сельскихъ занятій, разстраивала хозяйство. Оттого многіе охотно отказывались отъ своей независимости, отдавали церквамъ свои земли, поступали въ число церковныхъ людей, чтобы такимъ образомъ избавиться отъ обязанности военной службы. Слѣдуетъ прибавить, что церковныя владѣнія и число людей, зависимыхъ отъ церкви, увеличивались также иногда вслѣдствіе внѣшняго насилія. Многіе тогдашніе епископы и аббаты никакъ не были лучше грубыхъ и своевольныхъ знатныхъ господъ, и подобно имъ насильственнымъ образомъ отнимали земли у мелкихъ свободныхъ владѣльцевъ и обращали ихъ въ своихъ оброчныхъ людей. Притомъ огромное нравственное вліяніе, которое имѣло тогда на умы духовенство, было поводомъ, что многія дарственные записи достигались косвенными путями, и земли и люди переходили въ зависимость отъ церкви вслѣдствіе духовныхъ угрозъ, утрашеній гнѣвомъ Божиимъ, обѣщаній небесныхъ наградъ и другихъ тому подобныхъ средствъ.

VII.

Такимъ образомъ происходило развитіе цѣлаго ряда разнородныхъ личныхъ и имущественныхъ зависимыхъ положеній и образованіе цѣлой іерархіи людей и земель, іерархіи, которая стала основаніемъ позднѣйшей феодальной системы. Уже прежде мы указали на то, что такого рода развитіе вело къ постепенному разложенію первоначальнаго единства и къ разрѣшенію его на множество мелкихъ, частныхъ союзовъ. Постараемся теперь уяснить себѣ лучше это положеніе. Свободные люди, подданные короля, вступали, посредствомъ комментаціи или вслѣдствіе полученныхъ бенефицій, въ отношеніе личной зависимости къ знатнымъ аллодіальнымъ владѣльцамъ, такимъ же, какъ и они, подданнымъ короля, дѣлались ихъ вассалами, ихъ людьми, и признавали ихъ своими сеньорами. Другіе свободные люди такимъ образомъ дѣлались вассалами знатныхъ королевскихъ вассаловъ, получали отъ нихъ во владѣніе части королевскихъ бенефицій, или предлагали имъ собственныя земли съ тѣмъ, чтобы получить ихъ назадъ въ видѣ бенефицій. Каждый вассалъ приносилъ своему сеньору присягу въ вѣрности и повиновеніи, обязывался слѣдовать за нимъ вездѣ, являться къ нему по первому призыву, защищать его противъ всякаго, служить ему при дворѣ или на войнѣ, то-есть во всѣхъ частныхъ враждахъ сеньора. Повидимому, такая личная зависимость свободныхъ людей отъ добровольно избранныхъ сеньоровъ не должна была измѣнять ничего въ отношеніи ихъ къ королю. Вступая въ частное вассальное отношеніе, они все-таки не переставали быть подданными короля. Частная личная связь не уничтожала общей государственной связи. Дѣйствительно, первоначально оба отношенія, и частное и государственное, совпадали. Вассалъ частнаго лица оставался подданнымъ короля. Всѣ частные вассалы, то-есть вассалы аллодіальныхъ сеньоровъ и королевскихъ вассаловъ, обязаны были приносить королю общую присягу въ подданствѣ, наравнѣ со всѣми прочими свободными людьми (1). Вас-

(1) Это фактъ несомнѣнный, утвержденный изслѣдованіями Рота, фактъ который ускользнулъ однакожь совершенно отъ вниманія Гизо. Гизо

сальная присяга сеньйору не уничтожала присяги подданства королю. Вассаль обязывался служить сеньйору противъ всякаго, но не противъ короля (*salva fidelitate regi*). Отношеніе къ королю, то-есть подданство верховной государственной власти, собственно должно было занимать первое мѣсто, стоять на первомъ планѣ, быть выше частнаго вассальнаго отношенія, предшествовать ему. Личная связь частнаго вассала съ сеньйоромъ не имѣла значенія для короля, не существовала для него,—для него существовала одна лишь связь государственная, подданство. Подданство свободныхъ людей королю главнымъ образомъ состояло тогда въ обязанности военной службы въ земскомъ ополченіи. Вступая въ вассальное отношеніе къ знатному аллодіальному владѣльцу, свободный человекъ первоначально никакъ не освобождалъ себя отъ этой обязанности, но попрежнему долженъ былъ участвовать въ земскомъ ополченіи. Вся разница состояла въ томъ, что теперь онъ шель на войну подъ предводительствомъ своего сеньйора. Аллодіальные сеньйоры, которые сами обязаны были служить въ народномъ ополченіи, собирали всѣхъ своихъ вассаловъ и свободныхъ поселенцевъ (*freie Grundholden*), жившихъ на ихъ земляхъ, составляли изъ нихъ отрядъ, заботились о хорошемъ вооруженіи и продовольствіи ихъ и присоединялись вмѣстѣ съ ними къ главной массѣ земскаго войска. Въ этомъ отношеніи сеньйоратъ былъ даже выгоденъ для королей, потому что онъ облегчалъ военную организацію и способствовалъ къ скорому и правильному сбору военныхъ силъ для внѣшней войны. Отсюда намъ понятно, почему короли, какъ это мы упомянули прежде, благопріятствовали обычаю комментаціи и даже предписывали мелкимъ свободнымъ людямъ избирать себѣ сеньйоровъ и отдавать себя подъ ихъ покровительство. Что касается людей, бывшихъ вассалами королевскихъ вассаловъ, и которыхъ, за недостаткомъ другаго слова, будемъ называть нѣмецкимъ терминомъ *афтервассаловъ*, то для нихъ государственная обязанность службы въ земскомъ ополченіи совпадала съ частною вассальною обязанностью ихъ сопровождать на войну своего леннаго господина. Когда, въ

полагаетъ, что въ первый разъ всѣ частные вассалы принесли присягу Карлу Великому, когда послѣдній принялъ императорскій титулъ, между тѣмъ какъ это всегда происходило съ самаго начала Франкской монархіи.

случаѣ войны, король созывалъ своихъ вассаловъ, то при этомъ всегда онъ созывалъ также и афтервассаловъ. Такимъ образомъ вассальныя отношенія и вытекающія изъ нихъ обязанности, совпадая съ общою государственною обязанностью военной службы въ народномъ ополченіи, служили первоначально еще къ большому усилению и укрѣпленію этой послѣдней обязанности. Вассальный союзъ имѣлъ свое особенное значеніе, отличное и независимое отъ общаго государственнаго интереса, только въ частныхъ войнахъ, браждахъ и усобицахъ между сеньйорами и въ другихъ отношеніяхъ частной жизни. Здѣсь вассалы служили частнымъ интересамъ своихъ сеньйоровъ. Пока вассальныя отношенія находились еще только въ началѣ своего развитія, и не охватили еще всего общества, пока существовало еще много свободныхъ людей, стоявшихъ внѣ вассальнаго союза, и много свободныхъ земель, не вошедшихъ въ бенефиціальную систему владѣнія, и пока во главѣ государства стояли могущественныя личности первыхъ Каролинговъ, до тѣхъ поръ общій государственный союзъ, общее отношеніе подданства всѣхъ свободныхъ людей безъ различія стояло на первомъ планѣ и имѣло перевѣсъ надъ частными вассальными отношеніями. Сильные короли умѣли поставить себя выше іерархіи личныхъ и имущественныхъ зависимыхъ положеній, умѣли заключить эту іерархію въ сферѣ чисто-частныхъ отношеній. При первыхъ Каролингахъ королевская власть сохраняла еще характеръ настоящей публичной власти, вездѣ присущей, вездѣ могущественной, власти, которая существовала сама по себѣ, въ силу собственнаго своего права, представляла общіе интересы цѣлой страны и цѣлаго общества и стояла внѣ частныхъ вассальныхъ отношеній, выше ихъ и независимо отъ нихъ. Первые Каролинги строго наблюдали за тѣмъ, чтобы всѣ свободные люди безъ различія состоянія, приносили имъ присягу въ подданствѣ и вѣрности. Когда Карлъ Великій принялъ императорскій титулъ, онъ потребовалъ, чтобы всѣ подданные его, начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста, возобновили присягу, данную ему прежде какъ королю. Сильные короли старались поддерживать безпрестанное непосредственное сообщеніе государственной власти со всѣми свободными людьми, вступившими въ частную вассальную зависимость, — непосредственное сообщеніе во всемъ, что не касалось сферы частныхъ отношеній, но входило въ кругъ государственной жизни. Первые Каролинги умѣли даже воспользоваться возникавшею іерархіею степеней вассальной зависимо-

оти для усиленія своей власти, особенно пока они были въ силахъ препятствовать наслѣдственности бенефицій. Вассальный союзъ служилъ, въ ихъ рукахъ, средствомъ скрѣпленія государственнаго союза. Но мало-по-малу дѣла принимаютъ другой оборотъ. По мѣрѣ того, какъ классъ свободныхъ людей, обязанныхъ служить въ земскомъ ополченіи, исчезаетъ, и большинство ихъ вступаетъ въ личную вассальную зависимость къ сеньйорамъ, по мѣрѣ того, какъ вмѣстѣ съ людьми и большинство земель свободныхъ переходить въ частную зависимость отъ нихъ, по мѣрѣ того какъ сами сеньйоры почти всѣ дѣлаются вассалами короля, — частныя вассальныя отношенія получаютъ перевѣсъ надъ государственнымъ отношеніемъ подданства, и мало-по-малу даже вытѣсняють его и занимають его мѣсто. Притомъ постепенное ослабленіе и окончательное безсиліе центральной государственной власти при наслѣдникахъ Карла Великаго, раздѣленіе государства между его потомками, войны и раздоры между ними, переходъ большей части королевскихъ доменъ въ частныя руки въ формѣ бенефицій, возрастающее могущество сеньйоровъ, получившихъ отъ короля права верховной власти въ своихъ земляхъ, постоянныя усобицы между ними, и особенно переходъ бенефицій въ наслѣдственное ленное владѣніе, все это способствовало къ тому, что первоначальный, общій союзъ разрѣшался во множество мелкихъ, частныхъ союзовъ, и общая власть короля переходила въ частную власть сеньйоровъ. Такой результатъ лежалъ въ зародышѣ уже въ самой природѣ частнаго вассальнаго союза. Хотя вассалы королевскихъ вассаловъ стояли въ зависимости отъ короля черезъ посредство своихъ сеньйоровъ, тѣмъ болѣе, что всѣ астервассалы наравнѣ съ прочими свободными людьми первоначально обязаны были приносить ему присягу подданства, хотя король стоялъ во главѣ всей вассальной іерархіи, всей лѣстницы частныхъ зависимыхъ состояній, все-таки понятно, что связь вассала съ сеньйоромъ была гораздо ближе, тѣснѣе, непосредственнѣе, чѣмъ связь его съ королемъ. Между вассаломъ и сеньйоромъ существовало постоянное, непосредственное, почти ежедневное сообщеніе, между королемъ и астервассаломъ сообщеніе происходило гораздо рѣже, и притомъ не прямо, а большею частію черезъ посредство сеньйора. Вассальныя обязанности были гораздо разнообразнѣе, сложнѣе, постояннѣе государственныхъ обязанностей. Каждый свободный человѣкъ, вступавшій въ личную вассальную зависимость отъ сеньйора, выходилъ такимъ образомъ изъ непо-

средственного своего отношенія къ королю. Каждая земля, принимавшая характеръ частнаго бенефиціального владѣнія, ускользала отъ посредственнаго дѣйствія государственной власти короля и поступала въ частную зависимость. Понятно, что въ эти времена еще слабого общественнаго развитія, близкое, постоянное, непосредственное, простое отношеніе вассала къ сеньйору должно было само по себѣ получить большее значеніе, чѣмъ отдаленное, посредственное, болѣе искусственное отношеніе къ королю, какъ представителю верховной государственной власти. Вассальное отношеніе было ощутительнѣе существеннѣе и проче, чѣмъ юридическое отношеніе къ верховной власти. Оно болѣе соответствовало тогдашнему состоянію общества и потребностямъ его, представляло болѣе гарантій для личности, чѣмъ сложное государственное устройство. Потому, когда съ одной стороны вассальныя отношенія вовлекли въ свою сферу почти всѣхъ свободныхъ людей и почти всѣ свободныя земли, и когда, съ другой стороны, верховная власть, вслѣдствіе причинъ, о которыхъ будемъ говорить подробнѣе ниже, ослабѣла, естественно, что тогда частныя вассальныя союзы стали на первомъ планѣ. Присяга подданства королю обратилась въ пустую форму, и существенною осталась только присяга въ вѣрности, связывавшая вассала съ сеньйоромъ. Переходъ свободныхъ людей въ частную, вассальную зависимость отъ сеньйоровъ уменьшалъ все болѣе и болѣе число непосредственныхъ подданныхъ короля, переходъ свободныхъ земель въ частную бенефиціальную форму владѣнія уменьшалъ постепенно пространство, надъ которымъ распространялась непосредственная власть короля, какъ главы государства.

Притомъ, чѣмъ болѣе возрастало могущество сеньйоровъ, чѣмъ болѣе развивалось ихъ земельное господство, тѣмъ все слабѣе и слабѣе становилось отношеніе между королемъ и свободными людьми, вступившими въ частную вассальную зависимость. Власть короля все болѣе и болѣе замѣнялась властью сеньйоровъ въ предѣлахъ ихъ земель. Мы увидимъ далѣе, что свободные люди, дѣлаясь вассалами ихъ, не подлежали уже суду королевскому, во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся вассальнаго отношенія, но судились своими перами, то-есть другими вассалами, во дворѣ сеньйора, въ его куріи и подъ его предсѣдательствомъ. Курія сеньйора дѣлается постепенно средоточіемъ, правительственнымъ центромъ для всѣхъ людей, живущихъ въ предѣлахъ его земли. Мы сказали, что сеньйоры, въ случаѣ внѣш-

ней войны, собирали всѣхъ свободныхъ людей, обязанныхъ службою въ народномъ ополченіи и жившихъ на ихъ земляхъ, составляли изъ нихъ отрядъ и присоединялись съ нимъ къ главной массѣ ополченія. Мало-по-малу сеньйоры стали пользоваться этими элементами народнаго ополченія для своихъ личныхъ цѣлей, употреблять ихъ въ частныхъ войнахъ своихъ, въ усобицахъ съ другими сеньйорами. Такимъ образомъ *земское ополченіе, военныя силы всей страны*, ускользали изъ рукъ короля и дѣлались зависимыми отъ частныхъ землевладѣльцевъ и переходили въ ихъ руки. Если связь между королемъ и свободными людьми, вступившими въ частную вассальную зависимость, ослабѣвала вслѣдствіе усилившейся власти сеньйоровъ, то она окончательно прекращалась, когда свободные люди, мелкіе аллодіальные владѣльцы добровольно или насильственно переходили въ оброчныхъ людей сеньйора. Въ этомъ случаѣ они дѣлались настоящими подданными его, его подсудимыми; между ними и королемъ не оставалось болѣе ничего общаго, — они выступали окончательно изъ общаго государственнаго союза, и верховная власть надъ ними вполнѣ переходила въ руки сеньйора. То же происходило, если мелкіе свободные владѣльцы, вмѣстѣ съ землями своими, вступали въ зависимость отъ церкви, переходили въ состояніе *церковныхъ людей*. Почти всѣ церковныя владѣнія были изъяты изъ-подъ непосредственной власти короля. Такимъ образомъ власть короля теряла постепенно всякое непосредственное вліяніе и дѣйствіе на огромное большинство свободныхъ людей, стоявшихъ къ нему прежде въ отношеніи подданства, и на огромное большинство свободныхъ земель, подвластныхъ прежде только общей верховной власти. Дѣлая постановленія, касающіяся всего государства, принимая общія мѣры, король долженъ былъ постоянно относиться прежде всего къ сеньйорамъ. Только черезъ ихъ посредство, и при ихъ содѣйствіи, эти общія мѣры могли быть приведены въ исполненіе. Авторитетъ королевскій долженъ былъ проходить черезъ авторитетъ сеньйоровъ, чтобы дѣйствовать на низшія сферы. Весь ходъ развитія привелъ къ тому, что наконецъ власть королевская сохранила непосредственное вліяніе только на королевскихъ вассаловъ, лично зависимыхъ отъ короля. Король остался государемъ только въ своихъ доменахъ; внѣ доменъ, прежнее публичное государственное значеніе его власти исчезло, потеряло почву для своего дѣйствія. Почти всѣ свободныя земли, подчиненныя прежде

одному только верховному правительству короля, обратились въ бенефиціи и вошли въ составъ территорій сеньйоровъ. Почти всѣ непосредственные подданные короля стали подданными сеньйоровъ. Элементы прежняго народнаго ополченія перешли въ частныя руки, въ зависимость отъ сеньйоровъ. За королемъ остались только его вассалы, лично съ нимъ связанные. Онъ могъ теперь разчитывать только на нихъ. Но въ отношеніи къ своимъ вассаламъ, король не былъ уже общимъ государемъ, а только частнымъ. Такимъ образомъ общій ходъ развитія увлекаетъ и самую власть королевскую въ сферу вассальныхъ отношеній. Характеръ верховнаго государя теряетъ значеніе и силу для самого короля; гораздо больше значенія и вѣсу для него принимаетъ характеръ сеньйора. Король является теперь первымъ и самымъ высшимъ сеньйоромъ. Интересъ его состоитъ теперь въ томъ, чтобы пріобрѣсть какъ можно болѣе вассаловъ, и удержать ихъ за собою, потому что внѣ вассальнаго союза онъ не можетъ разчитывать ни на какія силы, не имѣетъ другихъ средствъ, кромѣ средствъ и силъ своихъ доменъ. Чтобы поддержать вѣрность своихъ вассаловъ, король снабжаетъ ихъ новыми бенефиціями и надѣляетъ ихъ правами верховной власти въ ихъ земляхъ. Онъ не имѣетъ уже силы и желанія препятствовать наслѣдственности бенефицій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наслѣдственности правъ верховной власти, связанныхъ съ бенефиціальнымъ владѣніемъ. Эта наслѣдственность бенефицій, то-есть переходъ ихъ въ лены, довершаетъ собою кругъ развитія. Съ ея утвержденіемъ, прежнее государство, основанное на подданствѣ, переходитъ окончательно въ вассальное государство или лучше въ агрегатъ мелкихъ частныхъ государствъ, связанныхъ между собою внѣшнимъ образомъ іерархіею степеней высшей и низшей зависимости.

Необходимо прибавить, что все сказанное нами относится по преимуществу къ Франкскому государству на галльской почвѣ. Въ Галліи бенефиціальная система и вассальныя отношенія развились гораздо раньше и гораздо полнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Франкской монархіи, присоединенныхъ къ ней въ послѣдствіи, то-есть въ собственной Германіи и сѣверной Италіи. Въ Галліи бенефиціальная система и вассальныя отношенія выросли и сложились естественнымъ путемъ, какъ дальнѣйшее послѣдствіе завоеванія: въ Германію и то и другое было принесено извнѣ, привито, какъ чужеземное растеніе, и потому развивалось гораздо медленнѣе и созрѣло

гораздо позже. Земли Тюринговъ, Баваровъ и Аллемановъ рано уже вошли въ составъ Франкскаго государства, но здѣсь не было настоящаго завоеванія, было только подчиненіе. Племена эти принуждены были только признать господство Франкскаго короля, платить ему дань и помогать въ войнахъ, но сохранили самостоятельность во внутреннемъ своемъ управленіи, и въ устройствѣ ихъ не послѣдовало сначала никакихъ измѣненій. Такъ какъ не было завоеванія и вслѣдствіе этого переселенія завоевателей и дѣлежа земель, то естественно, что въ поземельныхъ отношеніяхъ не произошло никакихъ переворотовъ: долгое время все оставалось попрежнему, долгое время сохранялись первоначальныя общинныя формы быта. Саксы и Фризы оставались даже внѣ состава Франкскаго государства до самаго Карла Великаго, и потому сохранили первобытное общинное устройство въ самомъ чистомъ видѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ при Карлѣ, франкское государственное устройство и франкскія областныя учрежденія распространены были равномерно на всѣ части монархіи, вмѣстѣ съ ними перенесены были въ Германію и бенефициальныя формы владѣнія и вассальныя отношенія. Оттого, когда въ концѣ IX столѣтія Франкское государство распадается, и Галлія, уже какъ *Франція*, отдѣляется окончательно отъ Германіи, мы видимъ, что первая совершила уже вполнѣ переходъ въ вассальное государство, а вторая въ это время находится только въ первой стадіи того же развитія; она продолжаетъ его тѣмъ же путемъ, какъ и Франція, но завершаетъ его гораздо позднѣе.

Генрихъ Визинскій.

ЗАПИСКИ

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА ¹

III. ВСТУПЛЕНИЕ МОЕ ВЪ СЛУЖБУ ДО ОТКРЫВШЕЙСЯ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ ВЪ 1788 ГОДУ.

Служба моя въ гвардіи ничтожна и кратковременна; нѣкоторое время я былъ при ротѣ и раза два дежурилъ, потомъ записанъ былъ въ уборные. Такъ назывались сержанты, избираемые по высокому росту: одѣты они были въ обыкновенные тогдашніе мундиры; шишаки въ родѣ римскихъ съ богатою серебряною арматурою и панашемъ изъ страусовыхъ перьевъ, украшали ихъ головы; сума для патроновъ тожь съ серебряною арматурою. Сии уборные сержанты стояли по два на часахъ передъ кавалергардскою залой, куда только впускались до капитана; но въ дворянскомъ мундирѣ всякій имѣлъ право туда входить; я хаживалъ, бывъ сержантомъ гвардіи, какъ и прочіе мои товарищи, не въ службѣ, въ дворянскомъ мундирѣ, который во всякомъ чинѣ дворянинъ имѣлъ право носить. За сею залою была тронная, у дверей которой стояли по два кавалергарда; не всѣ генераль-поручики и тайные совѣтники имѣли туда входъ, но тѣ только, которые имѣли на то позволеніе. Кавалергарды были

(1) См *Русскій Вѣстникъ* № 1.

не то, что теперъ; ихъ было всего шестьдесятъ человѣкъ; выбиравались по желанію каждаго; высокаго росту, изъ дворянъ; они всѣ считались поручиками въ арміи; капралы были штабъ-офицеры, вахтмейстеръ—полковникъ, корнетъ—генераль-майоръ, поручикъ былъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ; ротмейстеръ—сама императрица; должность ихъ была стоять подвое на часахъ у тронной, а когда императрица хаживала пѣшкомъ въ Александро-Невскій монастырь, 30 августа, въ день сего святаго, то они всѣ ходили по сторонамъ ея (а); мундиръ ихъ парадный былъ синій бархатный, обложенъ въ видѣ лагъ кованымъ серебромъ и шишагъ тожъ изъ серебра и очень тяжелый.

По прїѣздѣ свѣтлѣйшаго князя изъ Херсонской губерніи, опредѣленъ я былъ къ нему съ четырьмя другими сержантами на ординарцы; симъ заключилась служба моя въ гвардіи. 1783 года въ декабрѣ, его свѣтлость взялъ меня къ себѣ въ адъютанты; онъ тогда еще былъ генераль-аншефомъ и вице-президентомъ военной коллегіи (1). По чину имѣлъ одного генераль-адъютанта, преміеръ-майорскаго чина, двухъ флигель-адъютантовъ капитанскаго чина, да такое же число адъютантовъ по званію шефа екатеринославской конницы. Адъютанты его, какъ онъ былъ вице-президентомъ военной коллегіи, имѣли право носить всѣ армейскіе мундиры, кромѣ артиллерійскаго; и вообще у всего генералитета, адъютанты носили мундиры тѣхъ войскъ, какія у нихъ были въ командѣ; общій знакъ адъютантовъ былъ аксельбантъ на правомъ плечѣ.

Князь жилъ во дворцѣ; хотя особый корпусъ, но на аркахъ была сдѣлана галерея для проходу во дворецъ черезъ церковь, мимо самыхъ покоевъ императрицы.

Лишь только я вступилъ въ свое лестное, по-тогдашнему времени, званіе, какъ по разнымъ причинамъ, государыня оказала къ князю немилость, и уже онъ собирався путешество-

(а) Въ послѣдній разъ сія процессія была въ 1782 году, а послѣ того уже она отмѣнена.

(1) Князь Потемкинъ за присоединеніе Крыма въ 1783 году пожалованъ генераль-фельдмаршаломъ и назначенъ президентомъ военной коллегіи 2 февраля 1784 г. Въ то же время назначенъ онъ шефомъ кавалергардовъ и генераль-губернаторомъ екатеринославскимъ и таврическимъ. Мы уже сказали (глава II, прим. 25), что авторъ не точно относитъ присоединеніе Крыма и награды Потемкину къ 1782 году.

вать въ чужіе края, и экипажи уже приготовлялись. Князь пересталъ ходить къ императрицѣ и не показывался во дворцѣ; почему, какъ изъ придворныхъ, такъ и прочихъ знатныхъ людей, никто у него не бывалъ; а сему слѣдуя, и другіе всякаго званія люди его оставили; близь его дома ни одной кареты не бывало; а до того вся Милліонная была заперта экипажами, такъ что трудно было и проѣзжать. Княгиня Дашкова, бывшая въ милости и довѣренности у императрицы, довела до свѣдѣнія ея, черезъ сына своего, бывшего при князѣ дежурнымъ полковникомъ, о разныхъ неурядицахъ въ войскѣ: что слабымъ его управленіемъ вкралась чума въ Херсонскую губернію, что выписанные имъ Италіянцы и другіе иностранцы, для населенія тамъ пустопорожныхъ земель, за непріуготовленіемъ имъ жилищъ и всего нужнаго, почти всѣ померли, что раздача земель была безъ всякаго порядка, и окружающіе его дѣлали много злоупотребленія и тому подобное; къ княгинѣ Дашковой присоединился А. Д. Ланской.

Императрица не совѣмъ повѣрила доносу на свѣтлѣйшаго князя, и черезъ особыхъ вѣрныхъ ей людей тайно узнала, что непріатели ложно обнесли уважаемаго ею свѣтлѣйшаго князя, какъ человѣка, способствовавшаго къ управленію государствомъ; лишила милости княгиню Дашкову, отставила ее отъ званія директора Академіи (2), а на мѣсто ея пожаловала г. Домашнева (3); князю возвратила довѣренность.

Свѣтлѣйшій князь, въ одинъ день проснувшись, на столѣ близь кровати видитъ пакетъ, положенный его камердинеромъ, изъ Грековъ, Захаромъ Константиновымъ, и который присланъ былъ отъ императрицы, съ тѣмъ чтобы для сего князя не будить; онъ, проснувшись и прочитавъ оный, закричалъ: Попова! (такъ звали правителя его канцеляріи.) (4) Я, бывши

(2) Тутъ авторъ также ошибается: графиня Екатерина Романовна Дашкова (род. 17 марта 1744, ум. 4 янв. 1810) нѣсколько разъ подвергалась неудовольствію императрицы, но не въ это время. Она оставила дворъ въ 1794 году, сохранивъ всѣ свои должности, отъ которыхъ отставлена только въ ноябрѣ 1796 года императоромъ Павломъ I.

(3) Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, камергеръ, ум. 1796. Онъ былъ директоромъ Академіи наукъ съ 1775 по 1782 годъ, слѣдовательно прежде, а не послѣ княгини Дашковой, которая на его мѣсто и была назначена.

(4) Василій Степановичъ Поповъ род. 1745 г. Служилъ въ Москвѣ при главнокомандующемъ князѣ В. М. Долгоруковъ-Крымскомъ (1780—1782), а потомъ перешелъ къ Потемкину. Умеръ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ государственнаго совѣта въ ноябрѣ 1822 г.

тогда дежурнымъ, позвалъ его; князь подалъ ему бумагу и сказалъ: «читай». То былъ указъ о пожалованіи князя президентомъ военной коллегии, то-есть фельдмаршаломъ. Василій Степановичъ Поповъ, тогда бывшій подполковникомъ, выбѣжалъ въ комнату передъ спальнею и съ восторгомъ сказалъ: «идите поздравлять князя фельдмаршаломъ». Я на тотъ разъ одинъ только и былъ; вошелъ въ спальню, поздравилъ его свѣтлость; онъ всталъ съ постели, надѣлъ мундирную шинель, повязалъ на шею шелковый розовый платокъ и пошелъ къ императрицѣ. Не прошло еще двухъ часовъ, какъ уже всѣ комнаты его были наполнены, и Милліонная снова заперлась экипажами; тѣ самые, которые болѣе ему оказывали холодности, тѣ самые болѣе передъ нимъ пресмыкались; двое, однакожь, во время его невзгоды показали къ нему приверженность, а именно камергеры: Евграфъ Александровичъ Чертковъ и Александръ Ѳедоровичъ Талызинъ.

Штатъ по чину его увеличился двумя генераль-адъютантами въ чинѣ подполковниковъ, и еще двумя флигель-адъютантами въ прежнихъ чинахъ. Остался прежній его генераль-адъютантъ Рибопьеръ (5), а другаго взялъ меньшаго сына фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго (6), по Екатеринославской конницѣ изъ его флигель адъютантовъ въ генераль-адъютанты Мамонова (7), который въ послѣдствіи сталъ значительнымъ лицомъ при дворѣ.

Теперь почитаю приличнымъ сказать вкратцѣ о происхожденіи и исторіи моего генерала, игравшаго роль, какую никто никогда въ Россіи не представлялъ и такъ не былъ силенъ.

Родъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина былъ польскій; съ завоеваніемъ Смоленска предки его остались въ Россіи; были дворяне, но ни одного не было, который бы занималъ высокія

(5) Иванъ Александровичъ Рибопьеръ, отецъ нынѣшняго оберъ-камергера графа Александра Ивановича.

(6) Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, фельдмаршалъ, род. 18 марта 1728 г., ум. 9 января 1803. Сынъ его, о которомъ здѣсь говорится, назывался графомъ Львомъ Кирилловичемъ.

(7) Графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, генераль-адъютантъ и генераль-лейтенантъ, родился 19 сентября 1758, ум. 29 сентября 1803. Вліяніе его при дворѣ началось въ 1786 году; въ іюнѣ 1789 онъ женился на фрейлинѣ княжнѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Щербатовой (род. 1762 г. ум. 1801 г.) и удалившись отъ двора, поселился въ Москвѣ.

государственные должности. Петръ Великій употреблялъ одного Потемкина для посольства въ Англію (8); но по возвращеніи ничѣмъ его не почтилъ. Отецъ знаменитаго сего челоѵка, оконча службу въ гарнизонѣ капитаномъ, жилъ въ помѣстьѣ своемъ, не далеко отъ Смоленска. Князь Григорій Александровичъ родился въ 1736 году (9), въ деревнѣ Чижевѣ, которая досталась по праву наслѣдства отъ сестры его, бывшей за Васиіемъ Андреевичемъ Энгельгардтомъ, племяннику его Васиію Васильевичу Энгельгардту (10); другая сестра его была за Самойловымъ (11), а третія за Высоцкимъ. До двѣнадцати лѣтъ онъ воспитывался при своихъ родителяхъ. За недостаткомъ учебныхъ заведеній отецъ записалъ его въ Смоленскую семинарію; но замѣтя въ немъ пылкой умъ, отправилъ въ гимназію Московскаго университета. Въ характерѣ Потемкина оказывалось въ то время много странности. «Хочу непременно быть архіереемъ или министромъ», часто твердилъ онъ своимъ товарищамъ. Поэзія, философія, богословіе и языки латинскій и греческій были его любимыми предметами; онъ чрезвычайно любилъ состязаться, и сіе пристрастіе осталось у него навсегда; во время своей силы онъ держалъ у себя ученыхъ раввиновъ, раскольниковъ и всякаго званія ученыхъ людей; любимое его было упражненіе: когда всѣ разбѣжались, призывать ихъ къ

(8) Петръ Ивановичъ Потемкинъ, окольничій; былъ два раза посланъ за границу: въ 1667 году въ Испанію и Францію для объявленія Андрусовскаго перемирія Россіи и Польши; въ 1680 году во Францію, Испанію и Англію для объявленія о смерти царя Алексѣя Михайловича и постановленія торговаго договора съ Франціей. Онъ умеръ около 1690 года.

(9) Извѣстный знатокъ нашей старины П. О. Карабановъ, бывший въ родствѣ съ Потемкинымъ, нашелъ, что время его рожденія не 1736 годъ, какъ обыкновенно полагаютъ, а 1739 годъ. Авторъ предлагаемыхъ Записокъ, говоря ниже о смерти Потемкина въ 1794 году, также говоритъ, что князю былъ тогда 52 годъ; слѣдовательно сходится съ Карабановымъ. Надобно думать, что авторъ былъ введенъ въ заблужденіе, наводя справки по ошибочнымъ указаніямъ. Теперь нельзя сомнѣваться, что Потемкинъ родился въ 1739 году, именно въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

(10) Васиій Васильевичъ Энгельгардтъ, любимецъ Потемкина; о немъ часто будетъ говорено въ этихъ Запискахъ, авторъ которыхъ былъ ему дальнимъ родственникомъ. Сестры В. В. Энгельгардта были: графиня Скавронская и Браницкая, княгиня Голицына и г-жа Шепелева.

(11) Отецъ графа Александра Николаевича Самойлова, бывшаго генералъ-прокуроромъ и умершаго въ 1812 году.

себѣ и стравливать ихъ, тамъ сказать, а между тѣмъ самъ изощрялъ себя въ познаніяхъ.

Родители его почли, что военная служба будетъ ему выгоднѣе; по ходатайству нѣкоторыхъ господъ, записали его въ конную гвардію унтеръ-офицеромъ и отправили на службу; по дошедшей до него очереди сдѣланъ онъ вахмистромъ. Въ семь чинѣ былъ онъ, когда въ 1762 году взошла на престолъ Екатерина II. Образъ его жизни доставилъ ему знакомство съ важнѣйшими особами (12), участвовавшими въ сей государственной перемѣнѣ. Во весь день 28 іюня, находился онъ вблизи государыни; былъ въ ея свитѣ, когда она поѣхала въ Петергофъ.

Екатерина II, вступивъ на престолъ, пожаловала Потемкина офицеромъ гвардіи и потомъ камеръ-юнкеромъ; онъ посланъ былъ въ Стокгольмъ курьеромъ, къ находившемуся тамъ російскому посланнику, графу Остерману (13) съ извѣстіемъ о ея воцареніи.

Возвратившись изъ Швеціи, онъ умѣлъ войдти въ тѣснѣйшую связь съ особами, всегда окружавшими императрицу, и сдѣлался болѣе извѣстнымъ Екатеринѣ, принять бывъ въ ея общество, состоявшее изъ небольшого числа извѣстныхъ людей. Потемкинъ былъ прекрасный мужчина; имѣлъ привлекательную наружность, пріятную и острую физиономію, былъ пылокъ и въ обществѣ любезенъ (14).

Потемкинъ встрѣтилъ при дворѣ нѣкоторыя непріятности; въ 1769 г. война съ Турціею подала ему случай удалиться на нѣсколько времени изъ столицы; пожалованный камергеромъ, отправился онъ въ армію волонтеромъ, гдѣ участвовалъ во многихъ военныхъ дѣйствіяхъ, въ продолженіи сей войны. Фельдмаршалъ Румянцовъ о славныхъ побѣдахъ послалъ его съ донесеніемъ къ государынѣ. Государыня пожаловала его генераль-поручикомъ и генераль-адъютантомъ (15), и онъ снова

(12) Потемкинъ былъ тогда въ близкихъ связяхъ съ Орловыми.

(13) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, въ послѣдствіи канцлеръ, сынъ знаменитаго дипломата и любимца Петра I. Онъ род. 1723 г., умеръ 18 апрѣля 1811.

(14) Потемкинъ окрѣпѣлъ въ 1766 году во время ссоры съ однимъ придворнымъ, который шпагой выкололъ ему глазъ.

(15) Потемкинъ получилъ чинъ генераль-майора за взятіе 2 іюля 1769 года укрѣпленій подъ Хотиномъ.

принять былъ въ число приближенныхъ къ императрицѣ. Черезъ нѣсколько времени сдѣлался пасмурнымъ, задумчивымъ, наконецъ оставилъ совсѣмъ дворъ; переѣхалъ въ монастырь Александра Невскаго, объявилъ, что желаетъ тамъ постричься, отпустилъ бороду и носилъ монашеское платье. Великая монархиня, видя въ немъ отмѣнное дарованіе государственнаго человѣка (16), вызвала его изъ сего уединенія, пожаловала генераль-аншефомъ, подполковникомъ Преображенскаго полка, осыпала всѣми щедротами и почестями, а при заключеніи мира съ Турками почтила графскимъ достоинствомъ, какъ непосредственно способствовавшего своими совѣтами. Въ 1776 году римскій императоръ Юсіфъ II прислалъ ему дипломъ на императорско-княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлѣйшаго. Имѣлъ всѣ русскіе ордена, кромѣ Св. Георгія (который получилъ послѣ), ордена всѣхъ европейскихъ державъ, кромѣ Золотаго Руна, Св. Духа и Подвязки. Въ послѣдствіи и въ свое время сказана будетъ окончательная его исторія.

Принцъ де-Линь (17) такъ его портретъ изобразилъ: «Показывая видъ лѣнивца, трудится безпрестанно; не имѣетъ стола, кромѣ своихъ колѣней; другаго гребня, кромѣ своихъ ногтей; всегда лежитъ, но не предается сну ни днемъ, ни ночью; безпокоится прежде наступленія опасности и веселится, когда она настала, унываетъ въ удовольствіяхъ; несчастенъ отъ того, что счастливъ; нетерпѣливо желаетъ и скоро всѣмъ наскучиваетъ; философъ глубокомысленный, искусный министръ, тонкій политикъ и вмѣстѣ избалованный девятилѣтній ребенокъ; любитъ Бога, боится сатаны, котораго почитаетъ гораздо болѣе и сильнѣе нежели самого себя; одною рукою крестится, а другою привѣтствуетъ женщинъ; принимаетъ безчисленные награжденія и тотчасъ ихъ раздаетъ; лучше любить давать, чѣмъ платить долги;

(16) Потемкину особенно покровительствовала, при началѣ его придворнаго поприща, графиня Прасковья Александровна Брюсъ, сестра фельдмаршала Румянцова, пользовавшаяся неограниченнымъ довѣріемъ императрицы. Честолюбіе Потемкина вскорѣ получило почти полное удовлетвореніе, но онъ непремѣнно хотѣлъ имѣть Георгіевскую ленту, которую получилъ только за штурмъ Очакова, 6 декабря 1788 года.

(17) Принцъ де-Линь, фельдмаршалъ, род. 18 (29) мая 1735 года, ум. 4 декабря 1814 года. Онъ долгое время былъ австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ и участвовалъ въ войнахъ съ Турками. Умъ его прославился повсюду, а императрица оказывала ему постоянно знаки уваженія и дружбы. Записки его получили давно общую извѣстность.

чрезвычайно богатъ, но никогда не имѣеть денегъ; говорить о богословіи съ генералами, а о военныхъ дѣлахъ съ архіереями; по очереди имѣеть видъ восточнаго сатрапа или любезнаго придворнаго вѣка Лудовика XIV и вмѣстѣ показываетъ извѣженнаго сибарита. Какая же его магія? Геній, потомъ геній—и еще геній; природный умъ, превосходная память, возвышенность души, коварство безъ злобы, хитрость безъ лукавства, счастливая смѣсь причудъ, великая щедрость въ раздаяніи награды, чрезвычайная тонкость, даръ угадывать то, чего онъ самъ не знаетъ, и величайшее познаніе людей; это настоящій портретъ Алкивиада.»

По моей молодости и неопытности почти вовсе не доходило до моего свѣдѣнія ничего, касательно дворскихъ интригъ, но скажу: какимъ образомъ дворъ по наружности всѣмъ былъ извѣстенъ. Въ каждое воскресеніе и большой праздникъ былъ выходъ ея величества въ придворную церковь; всѣ, какъ должно—стные, такъ и праздные, собирались въ тѣ дни во дворецъ; тѣ, которые имѣли входъ въ тронную залу, ожидали ея величества тамъ; имѣющіе входъ въ кавалергардскую залу, въ сей залъ—и тутъ болѣе всѣхъ толпились; а прочіе собирались въ залъ, гдѣ стояли на часахъ уборные гвардіи сержанты. Военные должны были быть въ мундирахъ и шарфахъ, статскіе во французскихъ кафтанахъ или губернскихъ мундирахъ и башмакахъ; всѣ должны были быть причесаны съ буклями и съ пудрою; оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалы, заранѣе до выхода императрицы, ходили по кавалергардской залѣ и, ежели усматривали кого неприлично одѣтымъ, то просили такового вѣжливо выйти. За нѣсколько времени наслѣдникъ, великій князь, съ великою княгиней изъ своей половины проходили во внутреннія комнаты государыни, которая въ половинѣ одиннадцатаго часа выходила въ тронную, гдѣ чужестранные министры, знатные чиновники и придворные ея ожидали. Тамъ представлялись пріѣзжіе, или по инымъ какимъ причинамъ имѣющіе входъ за кавалергардовъ; тамъ она удостоивала со многими разговаривать. Въ одиннадцать часовъ отворялись двери; первый выходилъ оберъ-гофмаршалъ съ жезломъ, за нимъ пажі, камеръ-пажі, камеръ-юнкеры, камергеры и кавалеры, по два въ рядъ; предъ самою императрицею свѣтлѣйшій князь. Государыня всегда имѣла милый, привлекательный и веселый, небесный взглядъ. Ежели были пріѣзжіе или отъѣзжающіе, или благодарить за какую милость, но не имѣющіе входа въ тронную, то представляемы были тутъ

оберъ-камергеромъ, и государыня жаловала цѣловать имъ ручку; за императрицею шель великій князь, рядомъ съ великою княгинею; за ними статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины, по двѣ въ рядъ. Тѣмъ же порядкомъ государыня возвращалась во внутреннія комнаты. Императрица кушала въ часъ. Ежели кто хотѣлъ быть представленъ великому князю и великой княгинѣ, то представлялся на ихъ половинѣ въ день, когда ихъ высочества сами назначать.

Каждое воскресенье былъ при дворѣ балъ или куртагъ. На балъ императрица выходила въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ церковь; передъ заолою представлялись дамы и цѣловали ея ручку. Балъ всегда открывалъ великій князь съ великою княгинею минуэтомъ; послѣ ихъ танцовали придворные и гвардіи офицеры; изъ армейскихъ ниже полковниковъ не имѣли позволенія; танцы продолжались: минуэты, польскіе и контрдансы. Дамы должны были быть въ русскихъ платьяхъ, то-есть особливаго покроя парадныхъ платьяхъ, а для уменьшенія роскоши былъ родъ женскихъ мундировъ по цвѣтамъ, назначеннымъ для губерній. Кавалеры всѣ должны были въ башмакахъ; все дворянство имѣло право быть на оныхъ балахъ, не исключая унтеръ-офицеровъ гвардіи,—только въ дворянскихъ мундирахъ.

Императрица игрывала въ карты съ чужестранными министрами или кому прикажетъ; для чего карты подавали тѣмъ по назначенію камеръ-пажи; великій князь тоже игралъ за особливый столикъ. Часа черезъ два музыка переставала играть; государыня откланивалась и тѣмъ же порядкомъ отходила во внутреннія комнаты. Послѣ нея спѣшили всѣ разѣзжаться.

Въ новый годъ и еще до великаго поста бывало нѣсколько придворныхъ маскарадовъ. Всякій имѣлъ право получить билетъ для входа, въ придворной конторѣ. Купечество имѣло свою залу, но обѣ залы имѣли между собою сообщеніе, и не запрещалось переходить изъ одной въ другую. По желанію могли быть въ маскахъ, но всѣ должны были быть въ маскарадныхъ платьяхъ: дожинахъ, венеціаныхъ, капуцинахъ и проч. Императрица сама выходила маскированная одна безъ свиты. Въ буфетахъ было всякаго рода прохладительное питье и чай; ужинъ былъ только по приглашенію оберъ-гофмаршала, человекъ на сорокъ въ кавалерской залѣ. Гвардіи офицеръ наряжался для принятія билетовъ; ежели кто пріѣзжалъ въ маскѣ, долженъ былъ предъ офицеромъ маску снимать. Кто первый пріѣзжалъ и кто послѣдній уѣзжалъ, подавали государынѣ записку; она была любопытна знать весельча-

ковъ. Какъ балы, такъ и маскарады начинались въ шесть часовъ, а маскарадъ оканчивался за полночь.

Одинъ разъ въ недѣлю было собраніе въ эрмитажѣ, гдѣ иногда бывалъ и спектакль; туда приглашаемы были люди только извѣстные; всякая церемонія была изгнана; императрица, забывъ, такъ сказать, свое величество, обходилась со всѣми просто; были сдѣланы правила противъ этикета; кто забывалъ ихъ, то долженъ былъ въ наказаніе прочесть нѣсколько стиховъ изъ *Телемахида*, поэмы стариннаго сочиненія Тредьяковскаго.

У великаго князя по понедѣльникамъ были балы, а по субботамъ на Каменномъ островѣ, по особому его приглашенію лично cadaго чрезъ придворнаго его половины лакея; а сверхъ того наряжались по два гвардіи офицера отъ cadaго полка.

Въ Европѣ славилась тогда пѣвица г-жа Тоди (18) и пѣвецъ Маркези (19); никогда они вмѣстѣ не сѣзжались, но императрица убѣдила ихъ обоихъ прибыть въ Петербургъ. Г. Сартти (20), извѣстный сочинитель музыки, сочинилъ оперу: *Армида и Рено*; всѣ арии согласовались съ желаніемъ сихъ двухъ именитыхъ артистовъ. Во время представленія, одинъ надъ другимъ стараясь одержать поверхность, пѣніемъ своимъ они удивляли и восхищали знатоковъ и любителей музыки.

Образъ жизни вельможъ былъ гостепріимный, по мѣрѣ богатства и званія занимаемаго; почти у всѣхъ были обѣденные столы для ихъ знакомыхъ и подчиненныхъ; люди праздные, ведущіе холостую жизнь, затруднялись только избраніемъ, у кого обѣдать или проводить съ пріятностію вечеръ. Въ семъ случаѣ фельдмаршалъ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій (а), отличался отъ прочихъ. У него ежедневно былъ открытый столъ для пятидесяти человѣкъ; много бывало у него за столомъ такихъ гостей, которыхъ онъ никогда не знавалъ. Разказывали, что графъ любилъ играть послѣ обѣда въ шашки, безъ денегъ,

(18) Пѣвица Тоди ненавидѣла знаменитаго Сартти (см. примѣч. 20) и успѣла повредить ему на нѣкоторое время при дворѣ.

(19) Луиджи Маркези, одинъ изъ славнѣйшихъ пѣвцовъ-кастратовъ, родомъ Миланецъ, род. 1755 г., ум. 3 (15) декабря 1829 г.

(20) Иосифъ Сартти род. 1730, ум. 1802. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1785 г. Лучшею его оперой считается *Армида*.

(а) Который никогда и ротой не командовалъ.

а какъ оная игра мало приносила удовольствія, то мало было и охотниковъ. Случилось, что какой-то штабъ-офицеръ въ одинъ день у него обѣдалъ; по предложенію, кому угодно играть въ шашки съ его сіятельствомъ, сей штабъ-офицеръ радъ былъ таковой чести, и уже всякій день, недѣль съ шесть, продолжалъ сію игру. Вдругъ сего майора не стало; по привычкѣ графъ его спрашивалъ, но никто въ домѣ не зналъ, кто этотъ былъ господинъ майоръ, откуда онъ пріѣхалъ и куда дѣвался.

По воскресеніямъ у вице-канцлера графа Остермана (21) бывали балы; вообще много было открытыхъ домовъ, гдѣ весело проводжали время, а особливо у оберъ-гофъ-штальмейстера Льва Александровича Нарышкина (22).

Публичныя увеселенія были: два театра, на которыхъ играли русскіе актеры трагедіи, комедіи и оперы; въ трагедіи отличался своимъ неподражаемымъ талантомъ г. Дмитревскій (23). Французская была прекрасная труппа для трагедіи и комедіи, италянская опера буфа, которую императрица (а) изъ всѣхъ театральныхъ позорищъ болѣе всего жаловала. Въ балетѣ тогда отличался Розетти, какъ прыгунъ, а Пикъ для характеристическихъ танцевъ. Въ Большомъ каменномъ театрѣ каждый четвергъ г. Морсаньи давалъ маскарады: платили за входъ по одному рублю и посѣщали оныя какъ всѣ знатные обою пола, такъ и вся публика, маскированные и безъ масокъ. Императрица не однократно инкогнито бывала замаскировавшись, въ сопровожденіи А. Д. Ланскаго, статсъ-дамы графини Браницкой (24) и камеръ-фрейлины Протасовой (25).

(21) Объ Остерманѣ см. примѣч. 57.

(22) Левъ Александровичъ Нарышкинъ оберъ-штальмейстеръ, род. 23 февраля 1733 г., ум. 9 ноября 1799 г. Онъ былъ извѣстенъ роскошною жизнію, остротой ума и неистощимою веселостію.

(23) Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій (Нарыковъ), род. 23 февраля 1736, ум. 27 октября 1821 г.

(а) Увѣдомилась она, что графъ Безбородко далъ 40.000 актрисъ Давин, и какъ сіе знала вся публика, что государственный тотъ человекъ употребилъ такую знатную сумму, повелѣла актрису Давію выслать въ 24 часа за границу, а потомъ и всю оную труппу выслать.

(24) Графиня Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардъ, род. 1754, ум. 15 августа 1838 г. Она была замужемъ за короннымъ великимъ гетманомъ польскимъ, графомъ Ксаверіемъ Петровичемъ, бывшимъ потомъ русскимъ генераломъ. Князь Потемкинъ любилъ ее, болѣе всѣхъ своихъ племянницъ (см. примѣч. 54).

(25) Анна Степановна Протасова, камеръ-фрейлина, получила графское

Быль музыкальный клубъ, гдѣ каждую недѣлю по понедѣльникамъ были концерты и многія другія вольныя для увеселенія заведенія. Игры азартныя, хотя закономъ были запрещены, но правительство на то смотрѣло сквозь пальцы. Словомъ, всѣ, жившіе въ Петербургѣ, жили вольно и пріятно безъ всякаго принужденія, однакожь благопристойность строго соблюдалась, ибо старались быть принятыми въ хорошемъ обществѣ, а для того надобно было имѣть репутацію безъ малѣйшаго пятна и тонъ хорошаго воспитанія.

Образъ жизни моего генерала былъ единообразенъ; всякое утро домъ его наполнялся вельможами, особливо военными, но его рѣдкіе кто видали. Онъ всегда былъ въ своей спальнѣ и въ шлафоркѣ; кромѣ самознатныхъ людей и короткихъ его знакомыхъ, никто не входилъ туда безъ доклада. Въ часъ онъ обѣдалъ; его собственный столъ былъ на осьмнадцать приборовъ, да для штата его, въ другой залъ, на двадцать четыре прибора; какъ столъ, такъ и все прочее было на счетъ двора, равно и услуга. Любилъ играть въ коммерческія игры, а иногда и въ банкъ. Любилъ лакомиться самыми грубыми венцами, для чего старались ему доставлять по его вкусу, не только изъ Петербурга, какъ-то: хорошіе соевые огурцы, капусту и тому подобное, но изъ губерній; съ нарочными курьерами доставляли изъ Урала икру, изъ Астрахани рыбу, изъ Нижняго Новгорода подновскіе огурцы, изъ Калуги—калужское тѣсто. Иногда князь выѣзжалъ на вечера и балы, а особливо ко Льву Александровичу Нарышкину; обѣдать иногда ѣзжалъ къ Матвею Ѳедоровичу Кашталинскому (26), у котораго почитался самый лакомый столъ, и собирались знатнѣйшіе карточные игроки. На балы великаго князя и на Каменный Островъ ни одного раза не миновалъ. Любилъ смотрѣть на искусныхъ игроковъ въ билліардъ, почему всѣхъ лучшихъ искусниковъ отыскивали и къ нему привозили; тоже любилъ смотрѣть игру шахматъ, для чего изъ Тулы выписали одного купца—и онъ возилъ его съ собою даже и въ армію. Многіе, чтобы быть извѣстными его свѣтлости, старались имѣть къ нему входъ и его забавлять.

1784. Въ началѣ 1784 года свѣтлѣйшій князь преобразилъ

достоинство въ 1801 году, сентября 17, ум. 12 апрѣля 1826. Она пользовалась особеннымъ благоволеніемъ Екатерины II.

(26) Матвѣй Ѳедоровичъ Кашталинскій былъ долгое время оберъ-церемониймейстеромъ при Екатеринѣ II.

зримо въ новую одежду. Передъ симъ гренадеры имѣли старинныя гренадерскія шапки; мушктеры, кавалерія и артиллерія носили шляпы; вся армія причесана была съ буклями, длинными косами и пудрою, что особливо было тягостно для нижнихъ чиновъ; зимою одѣты были въ длинные мундиры, а лѣтомъ въ красныя камзолы съ рукавами. По введенной же свѣтлѣйшимъ княземъ реформѣ у всей арміи волосы были обстрижены въ кружокъ, какъ можно ниже; вмѣсто шляпъ и гренадерскихъ шапокъ, даны легкія каски съ плюмажемъ изъ шерсти; у гренадеровъ и кирасиръ плюмажи бѣлые, спереди латунь съ вензелевымъ именемъ императрицы; у прочихъ войскъ плюмажи желтые съ простою полосою латуни. Вмѣсто долгополыхъ мундировъ сдѣланы были куртки; вмѣсто короткихъ штановъ, чичиры свѣрхъ сапогъ, внизу обшитыя черною кожею и застѣгивавшіяся шестью мѣдными пуговицами; на лѣто всѣ нижніе чины имѣли кители изъ фламскаго полотна съ широкими шароварами. Слободскіе гусарскіе полки уничтожены, а вмѣсто оныхъ сформировано десять легко-конныхъ полковъ, по шести эскадроновъ каждый. Гвардія сохранила прежніе свои мундиры и прическу. Генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры остались также въ прежнемъ видѣ. Когда его свѣтлость представилъ на утверждение императрицѣ докладъ, то надписалъ: «Солдатскій нарядъ долженъ быть таковъ: что всталъ, то готовъ».

Въ исходѣ зимы, князь отправился въ свои губерніи, какъ для осмотра оныхъ, такъ и для того, чтобъ увидѣть преобразование арміи въ новой одеждѣ; еще болѣе ему нужно было быть тамъ, чтобы выманить хана Шагинъ-Гирея (27) изъ горъ, гдѣ онъ съ приверженными себѣ крымскими Татарами укрывался увидя, что былъ обманутъ обѣщаніями, данными ему за добровольное его подчиненіе російской державѣ, не исполненными въ послѣдствіи. Безъ того спокойствіе въ Крыму было непрочное. Но князь не хотѣлъ прибѣгнуть къ силѣ. Внезапная смерть А. Д. Ланскаго, коего государыня жадовала болѣе прочихъ, заставила его безъ медленія отправиться въ Петербургъ. Начальство надъ войсками поручилъ онъ генераль,

(27) Шагинъ-Гирей, ханъ крымскій, былъ покорнымъ орудіемъ русской политики въ Крыму, гдѣ Россія поддерживала его права съ 1775 года, когда правившій тамъ братъ его Сагибъ-Гирей, покровительствуемый Турціей, былъ вынужденъ бѣжать изъ Крыма въ Константинополь, и сильная партія избрала въ ханы Девлетъ-Гирея.

поручику Игельstromу (28); равно поручилъ ему и уговорить хана, а потомъ отправить его въ Воронежъ. Игельstromъ, въ отсутствіе князя, приступилъ къ исполненію сего такимъ образомъ:

До его командованія войска очень дурно обходились съ Крымцами, и несмотря на ихъ жалобы, никогда не давали имъ должнаго удовлетворенія; тожь неоднократно и просьбы хана въ заступленіи обидъ и притѣсненій его бывшихъ подданныхъ, оставались безъ вниманія. Игельstromъ сталъ строго наказывать по просьбамъ Татаръ, праваго и неправаго; сталъ имъ всячески побуждать. Ханъ вошелъ съ нимъ въ переписку, благодаря, что онъ его бывшихъ подданныхъ покровительствуетъ и защищаетъ отъ страшныхъ угнетеній. Наконецъ они сдѣлались по письмамъ друзьями, и ханъ такъ расположенъ былъ къ нему, что просилъ его къ себѣ пріѣхать въ горы. Черезъ нѣсколько времени Игельstromъ получилъ курьера съ малозначащими бумагами; онъ сдѣлался задумчивъ, пасмуренъ; запершись въ своемъ кабинетѣ, что-то писалъ; изъ сего заключили, что вѣрно получилъ онъ какую-либо непріятность, и не приказано ли уже ему сдать войска старшему по себѣ, а самому отъѣхать для командованія въ другомъ мѣстѣ? Какъ онъ былъ ненавидимъ, то вскорѣ молва эта разнеслась и дошла до хана.

Ханъ какъ скоро то услышалъ, то съ большимъ соболѣзнованіемъ спрашивалъ его письмомъ: справедлива ли эта молва? Игельstromъ отвѣчалъ, что ему вѣрно ѣхать командовать казакскимъ корпусомъ, и онъ болѣе всего сожалѣетъ, что отъѣзжаетъ, съ нимъ не видавшись. Ханъ пишетъ, что онъ въ отчаяніи, видя Крымцевъ своихъ, лишенныхъ такового покровителя, и предлагаетъ ему, что объѣздъ на Кавказъ очень далекъ, а ежели онъ поѣдетъ чрезъ его станъ, въ горахъ находящійся, то ему несравненно будетъ ближе и покойнѣе; что это есть средство лично запечатлѣть его съ нимъ дружбу. То было только нужно Игельstromу. Онъ отвѣчалъ хану, что очень благодаренъ за таковое его приглашеніе, и что какъ скоро онъ сдастъ команду, то, извѣстя его заранѣе, воспользуется симъ случаемъ имѣть давно-желанное съ нимъ свиданіе.

Игельstromъ нарядилъ одинъ батальонъ съ четырьмя пушками, выбралъ къ тому способнаго штабъ-офицера, далъ ему мар-

(28) Графъ Осипъ Андреевичъ Игельstromъ, генералъ отъ инфантерій, умеръ въ 1817 году.

шрутъ какъ бы для безопаснаго его проѣзда и, особое наставленіе, чтобъ онъ, показывая, будто сбился съ дороги, въ назначенное до пріѣзда Игельстрома число, очутился близъ ханскаго стана и бросился бы къ хану просить его защиты въ ошибкѣ, имъ сдѣланной; ибо-де Игельстромъ безъ того сдѣлаетъ его несчастнымъ, а потомъ выпросилъ бы позволеніе для чести поставить въ караулъ роту близъ ханской ставки; инако-де Игельстромъ его не проститъ.

Игельстромъ, учредивъ сіе, съ большимъ конвоемъ кавалеріи, подъ видомъ провода, съ нѣкоторыми генералами и множествомъ штабъ и оберъ-офицеровъ, отправился въ станъ хана. По прибытіи же туда, какъ скоро увидѣлъ того штабъ-офицера, то и напустился на него, хотѣлъ разжаловать его въ солдаты; ханъ насилу могъ испросить ему прощеніе. Послѣ сей комедіи вошли они къ хану въ палатку; тутъ Игельстромъ сбросилъ съ себя личину, сталъ уговаривать хана отдаться и предать себя справедливой монаршей милости. Хотя тогда ханъ и увидѣлъ себя обманутымъ, но уже нечего было дѣлать; окруженъ будучи батальономъ съ пушками и болѣе нежели тысячею человекъ російской конницы, онъ долженъ былъ согласиться. Въ тотъ же день хана вывезли, и вскорѣ былъ онъ отправленъ на житье въ Воронежъ.

1785. Императрица очень обрадована была пріѣздомъ князя; она была въ то время очень огорчена; на нѣкоторое время при дворѣ остановлены были всѣ увеселенія.

Вскорѣ въ штатѣ свѣтлѣйшаго князя появился гвардіи офицеръ Александръ Петровичъ Ермоловъ (29); касательно его наружности, онъ не былъ отлично хорошъ, былъ женоподобенъ, умомъ же не слишкомъ дальновиденъ.

Я недѣли двѣ былъ нездоровъ и не выѣзжалъ изъ дому; получивши облегченіе, пріѣхалъ къ князю и увѣдомился, что Мамоновъ пожалованъ былъ капитанъ-поручикомъ гвардіи, а на мѣсто его взять въ адъютанты Ермоловъ и живеть во дворцѣ, въ отдѣленіи его свѣтлости. Я тотчасъ пошелъ къ нему зна-

(29) Александръ Петровичъ Ермоловъ, генераль-поручикъ род. 1754, ум. 1836 г. Вліяніе его при дворѣ начинаетъ быть замѣтно съ начала 1783 года. Въ іюнь 1786 года онъ удалился отъ двора и долго путешествовалъ по Европѣ.

комиться. У комнаты его стоялъ придворный камеръ-лакей; я хотѣлъ войти прямо къ Ермолову, но камеръ-лакей остановилъ меня и спросилъ: «какъ прикажете о себѣ доложить?» Я спросилъ: «что это за странность, что безъ доклада войти не можно?» Однакожь далъ время о себѣ доложить. Ермоловъ принялъ меня очень вѣжливо, но свысока; я простодушно рекомендовалъ себя въ его знакомство; онъ былъ знакомъ съ моею матерью въ Москвѣ и считалъ за милость, что она его хорошо принимала, почему обошелся со мною ласково и общалъ при случаѣ оказывать мнѣ свои услуги.

Свѣтлѣйшій князь приготовилъ большой праздникъ въ Аничковскомъ своемъ домѣ, или, лучше сказать, павильионѣ. Въ день сего великолѣпнаго маскарада, приказано было всему его свѣтлости штату быть въ мундирахъ легкой конницы и въ шарфахъ. Собравшись еще до пріѣзда князя, увидѣлъ я Ермолова въ драгунскомъ мундирѣ и въ башмакахъ; по добродушію своему, подошедъ къ нему, сказалъ: «Александръ Петровичъ, развѣ вы не знаете, что велѣно всѣмъ намъ быть въ мундирахъ легкой конницы, въ сапогахъ и въ шарфахъ?—Я знаю, отвѣчалъ онъ мнѣ, но думаю, что его свѣтлость на мнѣ не выщеть.—Остерегитесь, лучше побѣжайте домой и переодѣньтесь.—Не безпокойтесь, сказалъ онъ, однакожь не менѣе я вамъ благодаренъ за ваше ко мнѣ доброе расположеніе.» Вскорѣ его свѣтлость пріѣхалъ, взялъ Ермолова подъ руку и сталъ ходить съ нимъ по залѣ, чего онъ и самыхъ знатныхъ бояръ не удостоивалъ.

Когда всѣ съѣхались, прибыла императрица съ великими князьями, и сѣла играть въ карты. Ермоловъ стоялъ отъ нея шагахъ въ четырехъ, впереди всѣхъ вельможъ, стоявшихъ вокругъ государыни.

Маскарадъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ; болѣе двухъ тысячъ человекъ было въ богатыхъ костюмахъ и доминахъ. Большая длинная овальная галлерей къ одной сторонѣ огорожена была занавѣсомъ, а въ другомъ концѣ сдѣланъ былъ оркестръ пирамидою, убранный съ великимъ вкусомъ; болѣе было ста музыкантовъ съ инструментальною, духовою, роговою и вокальною музыкою, управляемою майоромъ Росетти, всегда находившимся при князѣ; на самомъ верху пирамиды былъ поставленъ въ богатой одеждѣ литавщикъ Арапъ. Вся галлерей освѣщена была висящими гирляндами вдоль и поперекъ, на которыхъ поставлены были свѣчи.

Двѣ пары танцовали кадрили: князь Дашковъ (30) съ княжною Барятинскою, въ первый разъ показавшеюся въ публикѣ и удивившею всѣхъ своею красотою, а особливо ловкостью и гибкостью своего стана (которая послѣ была замужемъ за княземъ В. В. Долгоруковымъ) (31). Она одѣта была просто въ бѣломъ платьѣ, а кавалеръ ея сверхъ мундира въ бѣломъ домино. Вторая пара была графиня Матюшкина (которая послѣ была замужемъ за графомъ Виейлгорскимъ) (32), кавалеръ ея былъ графъ Г. П. Чернышевъ (33), обѣ пары танцовали такъ, что я въ жизни моей лучшихъ танцовщиковъ не видалъ.

Когда настало время ужина, хозяинъ доложилъ о томъ императрицѣ; лишь только она подошла къ занавѣсѣ, какъ она была поднята, и явился столъ, богато-убранный, какъ бы нѣкоторымъ волшебствомъ. Императрица кушала за особымъ круглымъ столомъ съ великими князьями, статсъ-дамами, камеръ-фрейлинами, чужестранными министрами и нѣкоторыми самыхъ первыхъ степеней кавалерами; вокругъ сего былъ поставленъ въ подциркуля другой большой столъ, такъ что сидящіе за онымъ обращены были къ ней лицомъ; въ то же время, въ одно мгновение, внесено было до сорока малыхъ столовъ, каждый о двѣнадцати кувертахъ, убранныхъ и освѣщенныхъ. Передъ тѣмъ, какъ императрицѣ встать изъ-за стола, всѣ они были вынесены и въ одинъ мигъ исчезли, равно и завѣса опустилась. По нѣкоторомъ времени, императрица съ великими князьями изволила отбыть. Маскарадъ продолжался до трехъ часовъ.

(30) Князь Михаилъ Михайловичъ Дашковъ сынъ знаменитой Екатерины Романовны Дашковой, рожденной Воронцовой. Онъ род. 1761 года, умеръ 1807 г.

(31) Княгиня Екатерина Федоровна Долгорукова, статсъ-дама, супруга князя Василя Васильевича (сына Долгорукова Крымскаго) и мать вывѣшняго оберъ-шенка. Она родилась 29 октября 1769 года, умерла 30 октября 1849 года.

(32) Графиня Софья Дмитріевна Виейлгорская ум. 1796. Она была мать известнаго композитора графа Михаила Юрьевича, недавно умершаго оберъ-шенкомъ высочайшаго двора.

(33) Изъ всѣхъ четырехъ графовъ Чернышевыхъ, Петра, Григорія, Захара и Ивана Григорьевичей, только у послѣдняго былъ одинъ сынъ графъ Григорій Ивановичъ, о которомъ здѣсь говорится. Онъ умеръ въ 1830 году въ званіи оберъ-шенка; фамилія и титулъ его были переданы мужу его дочери, Ивану Гавриловичу Кругликову, вмѣстѣ съ известнымъ чернышевскимъ майоромъ, учрежденнымъ въ 1774 году графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ.

На другой день А. П. Ермоловъ пожалованъ былъ флигель-адъютантомъ ея величества (а) и станиславскимъ кавалеромъ; чрезъ нѣсколько дней генераль-майоромъ и кавалеромъ Бѣлаго Орла.

Въ исходѣ сего года мать моя скончалась, а сестра моя Александра Николаевна выпущена была изъ Смольнаго Монастыря; мнѣ поручено было ее принять и привезть къ отцу моему въ Могилевъ, для чего князь отпустилъ меня безсрочно въ отпускъ. Послѣ уже я по должности въ Петербургѣ не бывалъ; ибо въ 1785 году пожалованъ я былъ секундъ-майоромъ къ иррегулярнымъ войскамъ (б).

(а) Флигель-адъютанты ея величества были полковники, но они сохраняли свое званіе, даже бывъ въ генераль-майорскомъ чинѣ. У нихъ былъ особый мундиръ съ шитьемъ и аксельбантомъ съ вензельнымъ именемъ императрицы: впрочемъ они могли носить мундиры всей арміи. Чтобы быть флигель-адъютантомъ надобно было имѣть великій фаворъ; право ихъ было по желанію оставлять свои полки или бригады, во всякое время, даже и въ военное, объявля только начальнику, командующему тою частію войскъ, въ которой состоятъ подъ командою, что ѣдутъ къ своей должности ко двору. По службѣ это было большое злоупотребленіе: при малѣйшемъ неудовольствіи всегда сіи флигель-адъютанты пользовались сею несправедливою привилегіею.

(б) Въ теченіи сего времени случилось слѣдующее происшествіе: Фрейлина Э....., г-жа Дивова, братъ ея, флигель-адъютантъ князя Потемкина, графъ Бутурлинъ и нѣкоторые другіе, сдѣлали на многихъ знатныхъ людей сатиру въ рисункахъ, съ острыми язвительными и оскорбительными надписями для многихъ лицъ, въ которой не пощажена и сама императрица. Долго не находили сочинителей сего пасквиля, а въ удовлетвореніе болѣе потерпѣвшихъ безславія оный сожженъ былъ на эшафотѣ палачомъ. Но по нѣкоторомъ времени парикмахеръ, убирая фрейлину Э..... и имѣя надобность въ бумагахъ на папильоты, взглянулъ въ уголъ и вида разорванные лоскутки бумаги, хотѣлъ оныя употребить, но взявши ихъ увидѣлъ рисунки лицъ, подобралъ всѣ и представилъ оберъ-гофмаршалу, который узналъ ту сатиру, написанную рукою фрейлины Э....., донесъ императрицѣ, почему и открылись всѣ авторы. Фрейлину Э....., какъ говорили, оберъ-гоф-мейстерина выскла розгами, и отправлена она была къ ея отцу въ Лиондію. Дивова съ мужемъ удалены изъ столицы; графъ Бутурлинъ отставленъ съ запрещеніемъ вѣзжать въ мѣстопробывальные государыни. Всѣхъ острѣе изображенъ былъ Безбородко недавно пожалованный графомъ: онъ держалъ книгу съ надписью: *Le comte nouveau relié en veau*. Еслибы подобныя сему были всѣ насмѣшки и не касались обруганныхъ въ нравственности лицъ, то конечно поступлено бы было болѣе нежели снисходительно. *Азм.*

(Фрейлина Э..... — дочь графа Ивана Карловича Э....., умершаго

1786. Въ іюнѣ 1786 года Ермоловъ удалился отъ двора; дано ему было въ Могилевской губерніи шесть тысячъ душъ. Особеннымъ значеніемъ послѣ того сталъ при дворѣ пользоваться Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ, бывшій мой товарищъ.

Въ 1786 году С. К. Вязмитиновъ (34), бывшій тогда бригадиромъ въ Вологодскомъ пѣхотномъ полку и квартировавшій въ Могилевѣ, женился на моей сестрѣ Александрѣ Николаевнѣ; зять мой представилъ мнѣ, какое несчастіе быть майоромъ и не знать службы, что, когда я буду опредѣленъ въ полкъ, то начальниками не буду уваженъ, а еще того хуже, подчиненными презираемъ, почему предложилъ мнѣ учиться у него въ полку службѣ; на чтѣ я съ большимъ удовольствіемъ согласился. Въ мирное время полки входили въ лагерь 15 мая, а въ квартиры выходили 15 августа. Я перешелъ жить въ лагерь и въ первой ротѣ считался за прапорщика сверхъ комплекта; несъ всю службу простаго офицера, ходилъ въ караулы; дежурилъ, и капитанъ Дрейеръ, командовавшій первою ротою въ угодность зятя моего, поступалъ со мною такъ строго въ ученіи, что я вскорѣ узналъ фронттовую службу; подъ исходъ лагеря, я при полку исправлялъ майорскую должность и могъ уже безъ стыда быть опредѣленъ въ полкъ и съ честію удерживать свое званіе.

Въ 1786 году отобраны были отъ малороссійскихъ монастырей деревни; изъ оныхъ набраны были рекруты и сформированы десять гренадерскихъ полковъ четырехъ-батальйонныхъ. Сибирскій гренадерскій порученъ былъ зятю моему, и я въ оный былъ опредѣленъ. Въ Бѣлоруссіи полки были подѣ

въ 1802 году. Она оставила послѣ себя записки — Елисавета Петровна Дивова жена тайнаго совѣтника Андріяна Ивановича. — Графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинь, сенаторъ, род. 1763, ум. 19 ноября 1829 года. Онъ собралъ знаменитую бібліотеку, сгорѣвшую въ московскомъ пожарѣ 1812 года. — Свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко, государственный канцлеръ, род. 8 марта 1747 года, умеръ 6 апрѣля 1796. Онъ былъ пожалованъ графомъ Римской Имперіи въ 1784 году. *М. Л.*)

(34) Сергѣй Козмичъ Вязмитиновъ былъ при Александрѣ I с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и въ 1818 году получилъ графское достоинство. Умеръ 15 октября 1819 года. Девизъ его герба былъ: *путемъ правды и усердія.*

начальствомъ князя В. В. Долгорукаго (35), котораго команда была очень для молодыхъ людей пріятна, ибо вмѣсто строгихъ смотровъ, онъ желалъ только въ лагерѣ праздниковъ, забавляя тѣмъ свою жену, на которой тогда только-что женился. Всегда заранѣе извѣщаль, когда который полкъ будетъ смотрѣть, и для того полковники приготовляли праздники, иллюминаціи и фейерверки, одинъ другаго хотѣли перещегоолять. Но болѣе всѣхъ въ томъ успѣлъ Кинбурнскаго драгунскаго полка полковникъ Юшковъ: онъ построилъ галерею, въ которой было около четырехъ тысячъ восковыхъ шкаликовъ. Какое же полкъ былъ въ ученіи, умолчу; ибо, употребляя лагерное время на устройство такой галереи, мало оставалось на ученіе.

1787. Въ 1787 году императрица предприняла путешествіе въ новобріобѣтенныя свои области, въ которыхъ начальствовалъ князь Г. А. Потемкинъ. Государыня отправилась изъ Петербурга въ 1 день января. Свиту ея величества составляли: часть ея двора, ея канцелярія, дипломатическій корпусъ и много ученыхъ по разнымъ частямъ; ѣхали съ нею въ каретѣ: камеръ-фрейлина Протасова, Мамоновъ, австрійскій посланникъ графъ Кобенцель (36), Л. А. Нарышкинъ, оберъ-камергеръ Шуваловъ (37); въ послѣдующей за нею каретѣ были: англійскій министръ Фицъ-Гербертъ, французскій графъ Сегюръ (38), генераль-адъютантъ графъ Ангальтъ (39) и графъ Н. Г. Чернышевъ. Потомъ чрезъ день мѣнялись въ карету императрицы: Фицъ-Гербертъ и графъ Сегюръ съ Нарышкинымъ и Шуваловымъ.

Путешествіе ея было чрезъ губерніи Новгородскую, Смоленскую, Могилевскую, Черниговскую до Кіева. Генераль-гу-

(35) Князь Василій Васильевичъ Долгорукой род. 1752 года, умръ 1812, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Онъ былъ сынъ князя Долгорукова Крымскаго. О женѣ его смотри прим. 31 къ этой главѣ.

(36) Графъ Лудвигъ Кобенцель род. $21/10$ ноября 1753, ум. $21/10$ февраля 1809. Онъ былъ послемъ съ Россіи съ 1779 по 1797 годъ.

(37) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, основатель Московскаго университета, род. 1727 г. ум. 1797 г.

(38) Графъ Лудвигъ Филиппъ Сегюръ, извѣстный писатель, род. 11 декабря (30 ноября) 1753, ум. $27/13$ августа 1830 г.

(39) Графъ Оедоръ Евстафьевичъ Ангальтъ, генераль-поручикъ, род. 10 мая 1732 г., ум. 2 мая 1794 года. Онъ вступилъ въ русскую службу въ 1783 году, прослуживши до того въ Пруссіи и Саксоніи. Онъ извѣстенъ особенно отличнымъ управленіемъ съ 1786 года сухопутнаго Шляхетскаго (нынѣ перваго) кадетскаго корпуса.

бернаторы, губернаторы съ предводителями и почетными дворянами на границѣ каждой губерніи встрѣчали и провожали до слѣдующей. Въ Мстиславѣ могилевскій преосвященный Георгій привѣтствовалъ ее рѣчью, по превосходству которой здѣсь поставляю ее въ подлинникѣ (а).

Я былъ наряженъ отвести роту въ Кричевъ для караула ея величества; какъ скоро государыня изволила прибыть (40), я явился къ генераль-адъютанту генераль-поручику графу Ангальту. Нельзя умолчать о семь оригиналѣ; думая, по моему прозванію, что я Нѣмецъ, сталъ онъ-было говорить со мною по-нѣмецки, но узнавъ, что я не говорю, то спросилъ по-французски, гдѣ караульная, и приказалъ, чтобы я его въ оную проводилъ. Пришедъ туда, началъ онъ съ каждымъ гренадеромъ здороваться; самымъ смѣшнымъ нѣмецкимъ выговоромъ затвердилъ онъ наизусть нѣсколько вопросовъ по порядку, какъ-то: «здорово, мои други, какъ вы называетесь? кой городъ? женаты ли вы? имѣете ли дѣти? много ли сыновей? много ли дочерей?» и несмотря на отвѣтъ, что холостъ, все продолжалъ отъ начала до конца свои разспросы; потомъ бралъ каждого руку; одинъ гренадеръ, думая, что хочетъ пробовать его силу, такъ ему сжалъ его руку, что бѣдный графъ почти со слезами, съ трудомъ отнялъ у него.

(а) Пресвѣтлѣйшая императрица! Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается или солнце обращается вокругъ земли. Наше солнце вокругъ насъ ходитъ и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ.

Исходиши, милосердная мовархиня, яко женихъ отъ чертога своего, радуешься, яко исполнивъ, тещи путь. Отъ края моря Балтійскаго до края Евксійскаго шествіе твое: да тако ни единъ изъ подданныхъ твоихъ укрывается благодѣтельная теплоты твоея, хотя же мы и покоимся твоимъ безпокойствіемъ, и негорькими хожденіями твоими сидимъ сладко всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, яко же Израиль во время Соломона: однако солнечному цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе твое

Тещы убо, о солнце наше! спѣшно тещы исподинскими стопами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ: къ западу только живни твоея не спѣши. Въ семь бо случаѣ, яко же Иисусъ Навинъ, и руки и сердца наши простирая къ Небу, возопіемъ: стой, солнце, и не движись, дондеже вся великимъ твоимъ намѣреніямъ противныя торжественно побѣдиши.

(40) Кричевъ принадлежалъ князю Потемкину. Государыня прибыла туда 19 января.

Вечеру приказалъ мнѣ спросить отца моего: есть ли тутъ пожарныя трубы и прочія пожарныя орудія? Я, по приказанію его, спросилъ батюшку; на что онъ мнѣ отвѣчалъ: «доложи графу, что это партикулярное мѣстечко, и никакой полиціи нѣтъ; но я приказалъ капитану-исправнику изготовить нѣсколь-ко бочекъ съ водою, собрать народъ и поставить близь кухни.» Что я его сіятельству и донесъ. — «Ведите меня туда». Я, зная гдѣ кухня, повелъ его въ сопровожденіи караульнаго капитана Рош-тейна. Какъ у кухни всего того не было, то я побѣждалъ отыски-вать; лишь только я нѣсколько шаговъ отойду, онъ тотчасъ посы-лалъ за мною Роштейна; лишь только я къ нему появлялся, онъ спрашивалъ: «ou sont les rompres?» — Тотчасъ, ваше сіятель-ство. Наконецъ, по многомъ тщетномъ бѣганіи, принужденъ былъ сказать, что ничего не нашель. Тутъ онъ мнѣ сдѣлалъ добрый окрикъ, для чего я въ точности не исполнилъ его при-казаніе, и взялъ меня за руку. «Пойдемъ, сказалъ онъ, — я васъ поведу къ императрицѣ и покажу ей, какихъ она исправныхъ имѣетъ въ своей арміи штабъ-офицеровъ.» Я насилу могъ его упротить, чтобъ онъ меня простилъ; тутъ новая бѣда: онъ по-требовалъ мою записную книжку, и своею рукою хотѣлъ впи-сать мою неисправность для урока; но какъ у меня на тотъ разъ книжки не случилось, то снова обременилъ меня выгово-рами; наконецъ, приказалъ мнѣ, чтобъ я не прежде легъ спать, пока не приведу все въ порядокъ.

Однакожь я въ томъ не почитаю себя виновнымъ; мнѣ при-казано было спросить, гдѣ пожарныя инструменты, что я и исполнилъ. Увидя, что бывший прусской службы графъ шутокъ не любилъ, отыскалъ я собранныхъ исправникомъ людей и мно-жество бочекъ съ водою; все то было готово только не въ назначенномъ мѣстѣ. Часа за три до свѣта, его сіятельство просилъ меня къ себѣ, и я съ большимъ торжествомъ повелъ его и показалъ мою исправность.

Послѣ чего онъ былъ ко мнѣ милостивъ, и, по моей прось-бѣ, выпросилъ у оберъ-каммергера И. И. Шувалова, чтобы меня съ караульными офицерами представилъ государынѣ прежде другихъ, дабы офицеры успѣли выйдти къ ружью, когда импе-ратрица отправится; ибо многіе, квартировавшіе въ Могилев-ской губерніи военные чиновники прибыли въ Кричевъ пред-ставиться ея величеству. Между прочими былъ тутъ Рижска-го карабинернаго полка бригадиръ Х....., съ его полка штабъ-офицерами. Оберъ-камергеръ поставилъ меня съ моими офице-

рами у самыхъ дверей, въ которыя государынѣ надобно было выйти, такъ чтобъ я первый могъ быть ей представленъ. Но бригадиръ Х....., какъ скоро двери отворились, выступилъ передо мною; государыня, по названіи его оберъ-камергеромъ, подала ему ручку, и отворотясь отъ него, довольно громко спросила: «Не тотъ ли это Х....., который, бывши еще унтеръ-офицеромъ конной гвардіи, провозилъ потаенно товары мимо таможи?» Дѣйствительно онъ былъ самый. Тѣмъ моя суетность была вознаграждена, что онъ перебилъ меня быть первымъ представленнымъ.

Вотъ гдѣ мое самолюбіе претерпѣло униженіе: въ день пріѣзда государыни увидѣлъ меня камердинеръ ея, Захаръ Константиновичъ Зотовъ, который былъ уже въ полковничьемъ чинѣ; а когда я былъ адъютантомъ у свѣтлѣйшаго князя, тогда онъ былъ камердинеромъ при немъ. Онъ спросилъ меня, былъ ли я у Мамонова, бывшего моего товарища? Но какъ я сказалъ, что не былъ, то совѣтовалъ мнѣ къ нему явиться. Я послѣдовалъ его доброжелательству; ежели пользы никакой не получу, то по крайней мѣрѣ при многолюдствѣ покажу, что я знакомъ сильному при дворѣ человѣку. Я выступилъ съ гордымъ и самонадѣяннымъ видомъ впередъ и поклонился ему; но вмѣсто того, чтобъ обратить на меня благосклонное вниманіе, онъ взглянулъ на меня съ презрѣніемъ и отвратился. Это было низкое ищеніе за мою съ нимъ бывшую ссору; но признаться, очень мнѣ было больно предо всѣми быть такъ унижену (41).

Императрица продолжала путь до Кіева, гдѣ пребывала до вскрытія отъ льда Днѣпра. Когда наступила весна и свободное по Днѣпру открылось плаваніе, ея величество отправилась водою, на построенной для сего флотилии, до Днѣпровскихъ пороговъ со всѣмъ дворомъ и министрами. Путемъ симъ управлялъ свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ. Король польскій Станиславъ Августъ (42) имѣлъ съ императрицею,

41) Къ сожалѣнію авторъ ничего не сообщаетъ въ своихъ запискахъ о причинахъ и обстоятельствахъ ссоры своей съ Мамоновымъ.

(42) Станиславъ Августъ Понятовскій, послѣдній король польскій, род. 7 января 1732 г., избранъ королемъ въ сентябрѣ 1764, отрекся отъ престола въ Гроднѣ, въ ноябрѣ 1795 года, умеръ въ Петербургѣ 31 января 1798. При императрицѣ Елисаветѣ онъ былъ въ Россіи въ 1750 годахъ сперва кавалеромъ англійскаго посольства, а потомъ посланникомъ польскимъ и съ тѣхъ поръ пользовался особымъ благоволеніемъ Екатерины, которой обязанъ былъ потомъ престоломъ.

доставившей ему корону, свиданіе въ мѣстечкѣ Каневѣ, въ польскомъ владѣніи, гдѣ готовилъ большой праздникъ. Императрица не разсудила съѣзжать на берегъ съ своей яхты, но дворъ ея былъ великолѣпно угощаемъ.

У порога Кайдаки императоръ Іосифъ II встрѣтилъ императрицу и, вмѣстѣ съ нею, сухимъ путемъ отправился на полуостровъ Крымъ. Въ Севастополь былъ построенъ великолѣпный дворецъ, изъ оконъ котораго была видна вся гавань; по прибытіи ея, сожженъ былъ огромный фейерверкъ, и весь большой флотъ былъ иллюминированъ. Императрица наименовала свѣтлѣйшаго князя *Таврическимъ*.

На возвратномъ пути въ Полтавѣ собранъ былъ корпусъ войскъ, гдѣ производились маневры, тѣ самые, которыми вѣчно достойный памяти потомства императоръ, Петръ Великій, побѣдилъ Карла XII и возвелъ Россію на ту степень величія, въ каковой она нынѣ. Іосифъ II получилъ извѣстіе о возмущеніи Нидерландцевъ, почему и отправился восвояси, а императрица продолжала путь свой чрезъ Москву (а).

Важнѣйшая польза отъ путешествія Екатерины II въ южныя области Россіи состояла въ заключенномъ съ императоромъ Іосифомъ II наступательномъ союзѣ противу Турокъ, послѣдствіе котораго прославило руссійское оружіе, изнурило Австрію и пагубно было для Турецкой имперіи.

(а) Государыня не очень жаловала Москву, называя ее къ себѣ недоброжелательною, потому что всѣ вельможи и знатное дворянство, получа по службѣ какое неудовольствіе и взявъ отставку, основывали жилище свое въ древней столицѣ, и случалось между ними пересуживать дворъ, политическія происшествія и вольно говорить. Какъ Москва старинный городъ, то улицы ея не прямы, строеніе старое, не по новому вкусу архитектуры: близъ огромнаго дома бывали хижины. Государыня спросила, на другой день своего прибытія, англійскаго министра Фиц-Герберта съ насмѣшливымъ видомъ:—*Comment avez vous trouvé ma bonne ville de Moscou? — Votre Majesté, отвѣчалъ тотъ, il n'y a pas une seul le ville au monde qui puisse être comparée a Moscou en beauté. — C'est une ironie? — Non, V. M., c'est la pure vérité, il n'y a nulle part ce que j'ai vu a Moscou; j'ai vu des palais qui n'ecrasent pas des chaumières auprès d'eux.*

Принцъ де-Линь спросилъ императрицу: «Отчего, В. В., въ проѣздѣ мы видѣли, что нѣкоторыми губернаторами вы были довольны, а потому изъявляли имъ ваше благоволеніе, а нѣкоторыми были недовольны, и вы имъ ничего оскорбительнаго не сказали?» — «Потому что, отвѣчала императрица, я хвалю вслухъ, а браню наединѣ.»

(Продолженіе слѣдуетъ)

МАЙОРЪ

МАЛОРОССІЙСКАЯ ПОВѢСТЬ (1)

III.

Слѣдующій день былъ—воскресенье. Майоръ по воскресеньямъ ни пилъ чаю до выхода отъ обѣдни. Послѣ обѣдни онъ пилъ чай вмѣстѣ съ сестрой и племянницей, которую такимъ образомъ пріучалъ къ высшему быту. По воскресеньямъ онъ обыкновенно ѣзжалъ съ нею въ ближайшую къ хутору церковь. Стоя съ ней рядомъ и оказывая ей всяческое вниманіе всенародно, онъ этимъ самымъ какъ бы возводилъ ее въ высшее сословіе и давалъ ей право на выходъ замужъ въ *благородное* семейство. Сестра майора была этимъ очень довольна; племянница была довольна тоже, но, привыкая къ новому положенію съ одиннадцати лѣтъ, она никакъ не могла къ нему привыкнуть. Ей очень нравились наряды, которыми дарилъ ее богатый дядя, но казаться въ нихъ народу было для ней очень тягостно: Ее стѣсняло въ церкви и присутствіе простолюдиновъ, которые

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

завидовали ея счастію простоудушно, и присутствіе панночекъ и барышень, которыя преслѣдовали ея насмѣшливыми взглядами. Дядя, будучи старымъ холостякомъ и уединеннымъ домохозяиномъ, не могъ доставить ей знакомствъ, которыя освоили бы ее съ дворянскимъ обществомъ. Она поневолѣ ограничивалась знакомствами съ такими личностями, которыхъ все преимущество передъ казачками состояло въ томъ, что онѣ сбросили цвѣточныя вѣнки для какой-то странной прически съ узломъ на затылкѣ, и шитые *жерешками* (1) рукава, для ситцевыхъ, смѣшно надутыхъ платьевъ. Эти убогія личности, священническія и чиновническія дочери-хуторянки, льнули къ ней, невольно увлекаясь ея богатствомъ, можетъ-быть любили ее за щедрость, съ которою она дарила имъ кое-что изъ наскучивавшихъ вещей своихъ, но вовлечь ее въ свою жизнь не могли: жизнь ихъ была крайне бѣдна и безцвѣтна.

Къ нимъ ѣзжали и хаживали такъ-называемые *судовые ямичи*, народъ очень склонный къ закусочкамъ, возбуждающимъ жажду, и къ утоленію оной кой-чѣмъ живительнымъ, но скучный и однообразный до крайности. Отдѣлясь отъ низшаго сельскаго сословія, этотъ классъ людей утратилъ простоту жизни и естественность интересовъ, обратилъ душевныя свои силы къ интересамъ искусственнымъ, чиновнымъ и канцелярскимъ, усвоилъ себѣ языкъ, выдѣланный изъ народнаго языка кievскими академистами и смѣшанный потомъ съ городскимъ нарѣчіемъ московскимъ для всероссійскаго офиціального употребленія; эти люди потеряли чутье къ живописности оборотовъ, къ поэтичности тѣхъ стереотипныхъ формъ рѣчи, которыми пересыщаетъ свою бесѣду наше простонародье, и, обѣднѣвъ природными дарами ума и сердца, пустили въ ходъ полусолдатскія, полукупеческія фразы и манеры столь же чуждыя народному естественному вкусу, какъ и далекія отъ изящной простоты высшаго, образованнаго общества.

Не отдавая себѣ отчета, почему эти господа ей не нравились, майорская племянница избѣгала встрѣчи съ ними у своихъ подругъ, а въ послѣднее время просто ни у кого не бывала и вела почти такую же уединенную жизнь, какъ и ея дядя.

Майоръ видѣлъ, что дѣло плохо, но какъ помочь горю, не

(1) Узорами въ малороссійскомъ вкусѣ.

зналъ, и предоставилъ матери вести свою дочь, какъ сумѣетъ. Онъ замѣчалъ, что его племянница дичаетъ болѣе и болѣе, что она забросила узкіе лифы своихъ модныхъ платьевъ и носить одні юбки отъ нихъ, надѣвая сверху безрукавую кофту собственнаго издѣлія и выставляя на показъ расшитые роскошными мерешками бѣлые рукава сорочки. Раза два онъ пожурилъ ее; раза два она, въ угожденіе ему, возстановляла такъ-называемый ею *господскій* нарядъ; но потомъ снова вдалась въ свои хуторскія прихоти, и когда однажды онъ сдѣлалъ недовольный видъ, она бросилась къ нему на шею съ рѣзвостію балованнаго ребенка, а потомъ повернулась передъ зеркаломъ, уперши руки въ тонкій природный свой перехватъ, и сказала:

— Чѣмъ же этотъ нарядъ хуже вашего господскаго? Меня душитъ вашъ лифъ, какъ будто я зашита въ чехоль; въ немъ нельзя повернуться свободно, нельзя поднять къ верху руку. А такъ мнѣ легко дышать; я могу достать ягоду съ самой высокой вишни; а свѣжій вѣнокъ даетъ головѣ прохладу на солнцѣ. И что за глупость каждый годъ перемѣнять покрой! *Цуръ имъ сімъ модамъ!* Не хочу быть панночкой! останусь казачькой!

Майоръ назвалъ племянницу дурочкой, которая на понимаетъ своего счастья. Мать подтвердила его слова и грозила сжечь всѣ ея вышивки для рукавовъ. Но оба, и братъ и сестра, заглядѣлись на своенравную хуторянку и сознались въ душѣ, что ничего краше и выдумать нельзя для цвѣтущей молодости, какъ бѣлые складки расшитыхъ рукавовъ, сквозящихъ на молодомъ тѣлѣ (1), и свѣжіе цвѣты, надъ свѣжимъ, беззаботнымъ челомъ и играющими счастьемъ глазами.

Майорская племянница, Парася, какъ называла ее мать, и Параскевія Федоровна, какъ величалъ ее майоръ, была хорошенькая дѣвушка. Сосѣдніе казаки и ихъ жены находили ее несравненною и утверждали, что такой дѣвушки давно уже не видно на хуторахъ; но мать не допускала этихъ отзывовъ до слуха дочери, по инстинкту благоразумія, и всегда противорѣчила излишнимъ похваламъ, чтобы не завидовали люди и не сдѣлали дочери зла дикими языками. Знала однакожь она цѣну свой Парасѣ, знала, что нельзя на нее посмотреть и не заглядѣться. Поэтому всякій разъ, какъ отпускала ее въ церковь, тайно втыкала ей въ подолъ или полу *проторію*, то-есть иголку

(1) Здѣсь разумѣется не одна тонкость холста: мерешки дѣлаются à jour.

безъ ушка. Дѣлалось это для того, чтобы злые люди не сглазили ея цвѣтущей красоты, и чтобы каждый завистливый языкъ невидимою силою наткнулся на скрытый въ ея платьѣ заговоренный проторгъ; а дѣлалось тайно для того, чтобы не возмечтала дочь о своей красотѣ и, глядя слишкомъ высоко, не проглядѣла своего счастія. Но никто лучше самой Параси не зналъ цѣны ея каримъ глазамъ, которые, замѣчу, выражали не только то, чтѣ было, но и то, чего не было у ней въ душѣ, какъ это часто случается у женщинъ; никто не зналъ лучше Параси, на сколько всѣ простыя хуторянки и другія посѣтительницы ихъ приходской церкви ниже ея, по красотѣ лица и стройности тѣла. При всемъ томъ у нея столько было природной скромности, что она какъ будто стыдилась преимуществъ своихъ и, будучи рѣзва и говорлива съ домашними, очень была скупа на слова и даже на взгляды съ посторонними. Ея молчаливость, застѣнчивость и удаленіе отъ кружковъ молодежи одного съ нею класса, то есть отъ такъ-называемыхъ *полупанковъ* были причиной, что ее прославили гордою богачкой, которая мѣтитъ попасть въ высшій кругъ уѣзднаго общества и поджидаетъ жениха изъ богатыхъ помѣщиковъ.

Это мнѣніе поповенъ и панночекъ чиновнаго сословія раздѣляли и самыя козачки, съ которыми она обращалась дружески, какъ съ равными, но которыя взирали на нее, какъ на принцессу, завидовали ей простодушно и въ то же время гордились ею, какъ будто она принадлежала къ ихъ семействамъ и возвышала ихъ достоинство своею красотой. По общему ихъ мнѣнію, едва ли могъ отыскаться во всемъ околоткѣ даже и изъ помѣщиковъ женихъ, вполне достойный *майоровой Параси*, какъ обыкновенно ее называли. Но въ глазахъ молодыхъ помѣщиковъ, наслѣдство, предстоявшее Парасѣ, значило вовсе не такъ много, какъ въ глазахъ мелкой братіи, то-есть судовыхъ паничей, мелкихъ панковъ, ихъ родственницъ и простыхъ козачекъ; здоровая хуторская красота ея была не въ ихъ вкусѣ, и притомъ ей не доставало того, чтѣ называется въ дѣвицѣ образованностію. Она отъ роду не бывала въ «порядочномъ» обществѣ и умѣла читать однѣ молитвы.

Дядя-майоръ, пріютивъ у себя сиротку, передалъ ей всю свою образованность, которая состояла въ чтеніи святцевъ и въ умѣннѣ написать кое-какъ письмо. До вступленія въ службу онъ пріобрѣлъ было нѣкоторый навыкъ въ каллиграфическомъ искусствѣ подъ руководствомъ дьячка, жившаго въ такъ-называемой

братской хатъ при церкви; но служба рѣшительно не благопріятствовала научному его образованію. У него было слишкомъ много заботъ о своей командѣ и слишкомъ много кровавой работы въ полѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые, подъ покровомъ внѣшней флегмы или того, что въ Малороссіяхъ называютъ флегмою, скрывалъ способность къ неутомонной дѣятельности. У нихъ нѣтъ середины: это или ярко-пылающій пламень, или едва сверкающая искрою зола. Тотъ майоръ, котораго мы знаемъ, столь же мало похожъ былъ на майора въ службѣ, какъ потухающая зола на живой огонь, но тѣмъ не менѣе былъ онъ человѣкъ все той же горячей природы. Побуждаемый наслѣдственной энергіей духа, не озареннаго наукою, онъ положилъ на службѣ здоровье, молодость и пролилъ лучшую часть горячей козацкой крови, безъ размышленія, для кого и для чего сдѣланы эти великія жертвы, а потомъ, измученный и хилый, воротился на родину съ тѣмъ же литературнымъ образованіемъ, какимъ снабдила его въ отрочествѣ его бѣдная, обнищавшая духомъ родина. Поэтому племянница его, Парася, позаимствовалась отъ него слишкомъ мало. На первыхъ порахъ у майора нѣсколько разъ мелькала мысль о прискачаніи для нея наставницы, но когда онъ перевелъ эту мысль изъ отвлеченнаго міра въ міръ хуторской своей дѣйствительности, онъ испугался собственной выдумки за себя и за свою сестру, которая добровольно сдѣлалась его служанкою, но которую онъ не желалъ видѣть служанкою наемной женщины. Устроить иначе дѣла въ его положеніи онъ не умѣлъ и не хотѣлъ. И вотъ майорская племянница, осыпанная ласками и щедротами выслужившагося дяди, росла да росла, пока изъ хуторской босоножки сдѣлалась роскошною сельскою красавицей. Она изучила однообразныя привычки дяди, она умѣла занять его и угодить ему посвоему, она воздѣлывала собственными руками цвѣтники подъ его окнами, снимала для него по большимъ праздникамъ ордена и потомъ опять развѣшивала ихъ среди свѣжихъ цвѣтовъ, подъ образами. Майорская сестра, имѣя средства нанимать дворовую чернорабочую прислугу и заведя при хуторѣ, по козачьему обычаю, подсосѣдковъ, вела хозяйство на диво всѣмъ окрестнымъ козакамъ и была очень довольна своимъ положеніемъ. Еслибъ такъ продлить ихъ бытіе на безконечные годы, то не много нашлось бы на землѣ утолковъ счастливѣе хутора Майоровщины. Но судьба вѣчно разнообразить исторію жизни человѣческой и

представляетъ повѣствователю неистощимыя матеріалы для описанія.

Майоръ въ послѣднее время началъ дѣлаться молчаливѣе и задумчивѣе прежняго. Глядя на него и догадываясь, въ чемъ дѣло, сестра болѣла сердцемъ, и горевала о немъ тѣмъ сильнѣе, что всѣ ея разспросы были напрасны, и она не могла приложить къ дѣлу народной медицины, бѣдной средствами, но за то исполненной вѣры въ ихъ дѣйствительность. Все, что она могла дѣлать, были частыя подачи священнику во время обѣдни *на часточку*. Майоръ, посѣщая церковь исправно каждое воскресенье, не зналъ, что его имя поминается каждый разъ въ тихой молитвѣ священника, въ тотъ торжественный и таинственный моментъ священнодѣйствія, когда затворяются врата въ алтарь; но сестра его тихо вторила сердцемъ молитвѣ священника въ алтарѣ, которую она почитала болѣе дѣйствительною, чѣмъ свою грѣшную и смиренную молитву въ дальней части церкви, называющейся *бабинцею* (1). А порядокъ природы шелъ между тѣмъ своимъ ходомъ, и майоръ чаще прежняго находилъ случай сказать, что ему «не долго коротать на свѣтѣ». Эти слова болѣзненно проникали въ сердце сестры, которая, потерявъ мужа, всю любовь женской души своей перенесла на брата.

Съ другой стороны ее озабочивала больше и больше будущность ея дочери. Еслибъ онѣ остались въ прежнемъ положеніи, которое воспѣто въ пѣснѣ:

Чи се тая вдова живе,
Що на рїжку хата?
Хорошую дочку мае,
Сама не богата;

тогда бы ей нечего было обдумывать свои семейныя дѣла; они устроились бы естественнымъ порядкомъ, который воспѣтъ въ той же пѣснѣ:

Ходить козакъ по улиці,
Нічимъ замутицьця:
Ой одчини, стара нене,
Дай воды напитьця,
Хорошую дочку маешь —
Дозволь подивитьця.

(1) Народный малороссійскій обычай установилъ, чтобы замужнія женщины стояли въ церкви особо — въ *бабинцѣ*. Дѣвушки, напротивъ, и

Этимъ порядкомъ устроилось бы знакомство, а потомъ и сватовство, послѣ котораго заботы родителей оканчиваются, и все передается на волю Божию. Но въ ея нынѣшнемъ, такъ сказать, облагороженномъ положеніи, простой казакъ не смѣлъ переться въ ея домъ съ своимъ искательствомъ, хотъ бы онъ былъ достойнѣйшимъ изъ достойнѣйшихъ жениховъ. Майорская сестра смотрѣла повыше, но въ высшемъ слоѣ, надъ уровнемъ пахарскаго свободнаго сословія, она не находила молодого челоуѣка, котораго ей пріятно было бы включить въ свое семейство. Эти паничи, разѣзжающіе съ кокардами на обывательскихъ тройкахъ, эти мелкопомѣстные дворянчики, покупающіе лошадей на одной ярмаркѣ, чтобы продать на другой, всѣ эти носители узкихъ панталонъ, натянутыхъ штрипками, всѣ эти курители несносныхъ папиросъ и проповѣдники какихъ-то непонятныхъ законовъ и очень понятныхъ прижимокъ, сильно ей не нравились, при всемъ ея уваженіи къ благородному званію, уваженіи, которое внушилъ ей своею личностью майоръ.

До ея возвращенія изъ службы, она, въ своемъ возрѣніи на вещи, была глубокая демократка. Узнавъ, что братъ, въ чинѣ майора, основываетъ на отцовской землѣ хуторъ Майоровщину, она, въ удаленномъ своемъ захолустьи, показывала видъ, что ничего о немъ не знаетъ. Она боялась чиновнаго брата; нужды нѣтъ, что это былъ тотъ самый братъ, которому она когда-то вывела на прощанье казацкаго коня и облила стремя его горячими слезами. На убѣжденія своихъ пріятельницъ-сосѣдокъ, чтобы она къ нему поѣхала или откликнулась, она отвѣчала народною пословицею: *якъ надієвъ московську сумку, то азъєвъ и московську думку*. Майоръ, устроивъ наскоро для себя первое помѣщеніе изъ перенесенныхъ на новое мѣсто отцовскихъ хатъ, самъ отыскалъ ее и безъ словесныхъ увѣреній разувѣрилъ ее въ ея предубѣжденія; но его предложеніе переѣхать къ нему на хозяйство съ неограниченными правами долго было отклоняемо: долго колебалась безпомощная вдова продать наследство послѣ мужа и переѣхать на житье къ богатому брату. За то потомъ онъ сдѣлался для нея образцомъ людей «благороднаго званія». Ничего подобнаго ему она, на узкомъ

дѣла становятся на виду, впереди всѣхъ. Вышательство панскаго сословія измѣняетъ этотъ порядокъ, становя впереди толпу инообычнаго народа разныхъ половъ и возрастовъ.

горизонтъ своихъ наблюдений, не усматривала; если же и предполагала существованіе такихъ людей въ иныхъ, недоступныхъ для нея кругахъ, то очень хорошо понимала, что эти круги не соприкасаются и соприкасаться не могутъ съ ея кругомъ. Такимъ образомъ дочь ея находилась, какъ она это ясно видѣла, въ томъ положеніи, которое выражается народною пословицею: *Одъ одного берега отставъ, а до другою не доставъ*, или иначе: *Стала наша Матрена ни вава, ни ворона*. Эти слова, обидныя для материнскаго чувства, невольно лѣзли ей въ голову, и то-сковала она въ своей высшей долѣ гораздо больше, нежели прежде бывало въ низшей.

Одна Парася, счастливая своею молодостью, не знала еще горя. Напротивъ, съ нѣкотораго времени она сдѣлалась необыкновенно весела и почти вѣтренна. Во все время, какъ она сидѣла за работою,—а любила она вышивать роскошные *рушники* (1) и мережить красною *запольшью* (2) рукава къ сорочкамъ,—пѣсни ея не умолкали; во все время, какъ она копалась въ саду или работала въ цвѣтникахъ подъ окнами, голосъ ея былъ слышенъ по всему хутору. Мать упивалась ея музыкой, какъ упиваемся мы, люди цивилизованные и бѣльшею частью запертые въ четырехъ стѣнахъ, свѣжимъ дыханіемъ сельской весны, какъ упиваемся мы, люди инаго воспитанія, мечтами и думами нашихъ поэтовъ. Это была для нея, темной хуторянки, живая словесность, въ которой изображалась поэтическимъ языкомъ вся жизнь человѣческая и вся видимая природа. То воспоминанье былаго слышалось ей въ пѣсняхъ дочери, то ей казалось, что дочь пророчить и заранѣе изображаетъ грядущую судьбу свою. Не возможно всего того пересказать, что перечувствуетъ материнское сердце, полное мечтательной жизни, то параллельно идущей съ возрастомъ дѣтей, то забѣгающей далеко впередъ; но если вамъ случится подмѣтить тайную слезу на глазахъ размечтавшейся матери, отверните всторону свое зрѣніе, не профанируйте этой святой слезы своимъ любопытствомъ и даже участіемъ.

Весь день пѣла свои безконечныя, неистощимыя пѣсни Парася, наполняя жизнью и поэзіею хуторъ съ прозаическимъ прозвищемъ; но мало было для нея дня: она вечеромъ выходи-

(1) Утиральники, полотенца.

(2) Бумагой.

да на такъ-называемую *улицу* (1), которой не было въ хуторѣ, и которая замѣнялась лужайкою среди лѣсу. Тамъ собирались дѣвчата майорскихъ подсосѣдковъ и ближнихъ хуторскихъ козаковъ и совершали весеннія, лѣтнія и осеннія пѣснопѣнія, точно какіе-то жрецы языческихъ временъ. Все это усвоила себѣ Парася со временъ дѣтства и никакъ не была между сверстницами послѣднею въ пѣсняхъ, будучи первою по нарядамъ и по своему положенію. Майоръ не зналъ или не хотѣлъ знать объ этихъ вечернихъ прогулкахъ племянницы, несогласныхъ съ обычными понятіями о благодѣствѣ. Что касается до матери, то хоть она и посвятила дочь свою въ высшее сословіе и первая воздавала ей всяческое уваженіе, но не могла запретить ей невинныхъ простонародныхъ забавъ: или не видѣла отъ нихъ вреда, или не рѣшалась возстать противъ удовольствій, которыя сама когда-то вкушала изъ невзмущеннаго никѣмъ источника. Такимъ образомъ Парася была *хуторянкою* въ полномъ смыслѣ слова, вела веселую и счастливую жизнь на свой образецъ, а о своей будущности никогда не думала. Молодость и свобода дѣвства представлялись ей тѣмъ-то безконечнымъ и не подпускали къ ней никакихъ мрачныхъ мыслей. Одно только ее печалило—задумчивость дяди, которую мать объясняла ей по своему, и ни мало не ошибалась; но Парася умѣла молиться такъ же горячо, какъ и ея мать, а молясь вѣровала всею душою, что Богъ слышитъ ея молитву, и вѣра ея спасала ея душу отъ унынія.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ до нынѣшняго воскресенья, съ небольшими варіаціями и съ перемежкой разными повседневными случайностями и событіями, которыя однакожъ не мутили и не отвращали въ сторону потока жизни въ уединенномъ хуторѣ Майоровщинѣ, все равно, какъ дождь, выпавшій на равнину, напоая тихо текущій по ней потокъ, не лишаетъ его прежней прозрачности и не даетъ ему иного направленія. Майоръ наканунѣ долго не могъ уснуть: столько мыслей странныхъ, и одна другой противорѣчащихъ, поднялось въ умъ его. Онъ былъ не въ силахъ прогнать изъ воображенія увѣнчанную цвѣтами дѣвушку, освѣщенную вдали луною, и ея громкій, продолжительный поцѣлуй, данный кому-то отъ всей души и отъ кого-то полученный на прощанье. Наконецъ онъ уснулъ,

(1) *Улица*, кромѣ обыкновеннаго своего значенія, выражаетъ въ малороссійскомъ языкѣ еще вечернюю сходку молодежи.

но цѣлую ночь грезились ему дикія, романическія и вмѣстѣ досадныя сцены.

Проснулся онъ позже обыкновеннаго, хотъ и всегда вставалъ довольно поздно. По заведенному порядку, за дверью у него стояла уже готовая вода для умыванья. Марьянка, двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка, которая ему прислуживала, была машинкою, которою безпрестанно управляли сестра и племянница майора, не допуская ее ни до малѣйшей неисправности. Майорскіе сапоги стояли вычищенные, майорское праздничное платье и свѣжее бѣлье лежали тутъ же возлѣ двери. Малороссіянки ухаживали за отставнымъ воиномъ никакъ не хуже Швейцарокъ, которыя расточаютъ путешественнику свои предупредительныя заботы часто съ такою естественностію, что заставляютъ его забывать объ отсутствіи лицъ, преданныхъ ему безкорыстно. Майоръ, напротивъ, не только забывалъ объ отсутствіи деньщика, но каждый день чувствовалъ себя въ новомъ долгу у этихъ женщинъ, которыя съ такою *щирою душою* (какъ бы выразились онѣ сами) лелѣли болѣзненный и унылый закатъ его жизни.

Умылся майоръ, одѣлся и совершилъ, запершись, утреннюю свою молитву. Вдали раздался мягкій звонъ благовѣста. Взглянулъ майоръ въ окно, какъ бы опасаясь опоздать въ церковь, хотя зналъ, что лошади не могутъ быть не готовы при неотступной настойчивости хлопотливой его сестрицы, и дѣйствительно увидѣлъ ихъ запряженными въ нетечанку и привязанными къ плетню возлѣ перелаза. Осталось только дожждаться племянницы, которая никогда не заставляла себя дожидаться. Но вотъ и она показалась въ саду, и легкою ногою поднялась на перелазъ. Майоръ остолбенѣлъ на мѣстѣ: Парася, которую онъ ждалъ къ себѣ въ праздничномъ нарядѣ благороднаго сословія, засіяла на солнцѣ садовыми цвѣтами, разноцвѣтными лентами, которыя развѣвались позади ея увѣнчанной головы, бѣлоснѣжными рукавами, алымъ шнурованнымъ корсетомъ и пестрыми красками запаски. Словомъ, она устроила себѣ парадный малороссійскій нарядъ, и этотъ нарядъ надѣла, чтобъ ѣхать съ дядею въ церковь. Точно пышная пава, сказалъ бы нашъ простолюдинъ, выпорхнула она изъ саду и шла по зеленой травѣ; но майору напомнила она ночную нимфу, которой звонкій, отъ всего сердца данный кому-то поцѣлуй все еще раздавался въ его слухъ. Парася замѣтила, что на нее смотрятъ изъ окна, и шла по двору, наклоня стыдливо голову, но шла

прямо къ квартирѣ майора. А между тѣмъ кучеръ Радко поинялся у лошадей и готовился подать ихъ къ подъѣзду.

Надобно коротко знать майора, чтобы понять, что произошло въ душѣ его. Несмотря на то, что онъ долго велъ бивачную жизнь и почти не встрѣчался въ домашнемъ быту съ женщинами, этими всемірными смягчительницами нравовъ, онъ былъ деликатнѣйшее въ мирѣ созданіе. Онъ долго съ вечера и поутру ломалъ голову, какимъ образомъ заговорить съ сестрою о томъ, что онъ увидѣлъ при лунѣ. Его останавливало и уваженіе къ чувствамъ матери, и страхъ набросить въ ея глаза тѣнь на самую чистую репутацію. Пустить *недобрую славу* о дѣвушкѣ даже такимъ способомъ для него было больно, хотя, съ другой стороны, какъ ему было молчать о столь важномъ событіи? Майоръ на службѣ не останавливался ни передъ какими затрудненіями, если только сознавалъ свой долгъ поступать такъ, а не иначе; но тутъ онъ впалъ въ малодушіе, началъ хитрить передъ самимъ собою и увѣрять себя, что ночная любовная сцена не относится къ его племянницѣ. Онъ изучилъ ея поступки, ея движенія и всѣ ея приемы, наблюдая ее по цѣлымъ днямъ изъ окна, и довольно было одного жеста ея, чтобы узнать ее издали; но тутъ онъ, какъ ребенокъ, сворачивалъ все на обманчивый свѣтъ луны и наконецъ почти успокоилъ себя на счетъ ночнаго свиданія. Чистая материнская молитва, помышленіе о предстоящей обѣднѣ и наконецъ раздавшійся вдали благовѣстъ, умиротворили еще больше его душу. Но когда Парася появилась изъ сада такъ же увѣнчанная, какъ вчера, въ такомъ же нарядѣ и почти въ той самой позѣ, онъ почувствовалъ, что совершенно подавленъ слишкомъ еще новымъ для него душевнымъ волненіемъ. Къ довершенію его смущенія, она одѣлась къ обѣднѣ какъ въ маскарадъ, то-есть отвергла нарядъ, приличный ея званію, какъ майорской племянницѣ, и возвратилась къ одеждѣ того званія, изъ котораго онъ поднялъ ее до уровня съ собою. Еслибъ это сдѣлала такая дѣвочка, какъ Марьянка, то, въ его мнѣніи, сдѣлала бы просто глупость; но со стороны племянницы, которой природный умъ онъ привыкъ уважать, такой поступокъ показался ему неблагодарностью и оскорбленіемъ его достоинства. Майоръ допускалъ подобныя выходки своей баловницы въ ихъ уединенномъ хуторскомъ быту и даже любовался ея простонародными нарядами; но какъ она могла думать, что онъ дозволитъ ей такія причуды публично? Но что дѣлала она его заботы о себѣ, если рѣшилась показатъ

всенародно, что для нея эти заботы ничего не значатъ? Словомъ, онъ былъ разобиженъ, какъ только способенъ разобидѣться человѣкъ съ его затаенными, но нѣжными и глубокими чувствами.

Пока Парася перешла черезъ дворъ, пока она прошла стѣны и гостиную, въ немъ поднялась цѣлая буря выраженныхъ мною чувствъ, и другихъ еще, которыхъ я не въ силахъ выразить. Можетъ-быть, при иныхъ обстоятельствахъ, онъ принялъ бы иначе выходку хуторской красавицы, которая, выбиваясь мало-помалу изъ тягостнаго для нея панства, наконецъ торжественно явилась демократкою. Но вчерашнее явленіе при лунѣ и все, что съ нимъ вязалось, представили воображенію майора ужасную картину послѣдствій и поразили его душу такимъ горемъ, какого, можетъ-быть, онъ и не испытывалъ съ той поры, какъ оплакалъ запустѣніе отцовскаго жилища. Онъ, избитый и осиротѣлый служака, создалъ теплый пріютъ для своего сердца въ улучшенномъ и потому счастливомъ быту своей племянницы, и вдругъ увидѣлъ, что ему невозможно здѣсь пріютиться. Онъ, облагороженный подвигами мужества, дѣйствительно рѣдкого, видѣлъ въ ней что-то высоко облагороженное, что-то даже выше его майорства, которое онъ носилъ съ почтительною гордостью, и вдругъ оказывается, что его племянница, по сознанию своего достоинства, не выше бѣдной сиротки Марьянки, которая служить ему за кусокъ хлѣба. При такомъ состояніи души, появленіе племянницы въ простонародной одеждѣ не было уже въ его глазахъ вѣтренною выходкою: въ этомъ поступкѣ ему слышались какія-то насмѣшливыя и безумныя рѣчи....

Что сдѣлалъ бы, какъ поступилъ бы каждый изъ насъ на его мѣстѣ и въ его положеніи? Одни изъ насъ излили бы свои чувства потокомъ негодованія, другіе холодно отвергли бы недостойную дѣвушку съ ея грубымъ упрямствомъ, самымъ низкимъ выраженіемъ грубости женскихъ чувствъ; третьи поступили бы, можетъ-быть, еще иначе, смотря по свойствамъ своего характера. Но не знаю, многіе ли поступили бы такъ, какъ майоръ. Войдемъ къ нему въ квартиру вслѣдъ за Парасею.

Она, бѣденькая, храбро перешла черезъ весь дворъ, можно сказать, подъ выстрѣлами устремленныхъ на нее глазъ майора; но когда надобно было вступить въ его квартиру, внезапный стыдъ и боязнь огорчить дядю, сильно поколебали ея рѣшимость. Она остановилась въ сѣняхъ, положила руку на

клямку (1) у двери, ведущей въ майорскую свѣтлицу, и не смѣла войти. Вдругъ клямка повернулась; она вздрогнула и отступила назадъ. Но это была Марьянка. Увидя передъ собою панночку, какъ называла она Парасю, въ такомъ сіяющемъ нарядѣ, дѣвочка поняла всю его роскошь, которой никакъ не понимала въ нарядахъ иноземныхъ. Она всплеснула руками и смотрѣла на смущенную Парасю, какъ на божество. Ей показалось, что никогда еще ея панночка не была такъ прекрасна, и можетъ-быть, это была правда.

— Самъ Господь васъ наставилъ нарядиться такъ ради праздника! сказала она.— Царица небесная, какія ленты! Милосердный Боже, какъ вамъ хорошо въ этой шелковой плахтѣ! *Ой Господи, якъ же то воно гарно да прегарно!*

Вмѣсто отвѣта, Парася зажала ей рукою ротъ: ей было страшно, чтобы дядя не услышалъ этихъ словъ, точно какъ будто бы увидѣть ее значило для него меньше. Ей казалось, что сцена страшнаго свиданія еще далека. И Марьянка уско-ряетъ ее!

Но дяди не было въ свѣтлицѣ. Дверь въ его спальню была затворена. Это ободрило Парасю. Она вступила въ комнату, и первымъ ея движеніемъ было подойти къ зеркалу: ей какъ будто хотѣлось измѣрить, до какой степени велико сдѣланное ею отступленіе отъ благороднаго, господскаго наряда. Оно было неизмѣримо! Она сама себѣ показалась другою въ этомъ зеркалѣ, въ которое бывало осматривала она свои модныя платья и шляпки. Марьянка, прокравшись въ комнату за нею, показывала изъ-за нея въ зеркало свое простодушное личико, осяненное тоже свѣжими цвѣтами, и шепотомъ говорила:

— *Ей Богу, панночко, и родилась и крестилась, такой крали не бачила!*

Парася съ досадою махнула ей рукой и, чтобы разсвѣять свое смущеніе и приготовиться къ предстоящей ей сценѣ, взобралась на угловой столъ подъ образами и поправила цвѣты, которыми она убрала образа еще въ ту пору утра, когда навѣрно знала, что дядя спитъ. Она ежедневно входила въ свѣтлицу неслышными шагами, какъ духъ, и украшала свѣжими цвѣтами образа, точно храмъ или жертвенникъ. Выйдя изъ спальни, дядя долженъ былъ видѣть вокругъ своихъ орденовъ вѣчную весну,

(1) Щекотку.

точно само божество весны приняло памятники пролитой имъ крови въ угодную себѣ жертву. Свѣжая, дѣвственная рука Параси перебирала теперь одинъ за другимъ кресты своего дяди и давала каждому изъ нихъ самое выгодное положеніе между цвѣтами, а между тѣмъ ея слуху чудился звукъ отворяющейся изъ спальни двери, передъ ней стоялъ образъ ея добраго постояльца, какъ онъ себя называлъ, съ укоризною во взорѣ и съ упреками на устахъ. Она поминутно оглядывалась, она желала, чтобъ онъ вошелъ въ свѣтлицу по крайней мѣрѣ въ эту минуту, когда она находится у образовъ; она безсознательно прибѣгала подъ ихъ покровительство, и чѣмъ дольше не являлся дядя, тѣмъ его появленіе казалось для нея ужаснѣе. Марьянка, понимая инстинктивно ея безпокойство, припала къ скважинкѣ, образовавшейся въ двери отъ сучка въ доскѣ, и долго смотрѣла въ спальню. Потомъ приложила къ двери ухо и наконецъ сказала безъ шепоту, выражая слова движеніемъ губъ:

— Ничего не видно и не слышно.

Парася вышла изъ своего убѣжища и сама подошла къ двери. Въ спальнѣ дяди было совершенно тихо. У подъѣзда простучала поданная нетечанка. Кучеръ тпрукалъ помалороссійски на нетерпѣливыхъ, хорошо выкормленныхъ лошадей. Вдали слышался благовѣсть, точно одинокая струна, издававшая одну и ту же длинную ноту, немного громче и немного слабѣе, въ неравную перемежку. Когда душа бываетъ взволнована опасностію, чувства наши тогда получаютъ всю свою тонкость, точно готовясь воспользоваться малѣйшимъ обстоятельствомъ для сохраненія внутренней своей гармоніи. Не только отдаленный благовѣсть со всѣми его едва замѣтными переливами, но и каждое жужжанье насѣкомаго, каждый голось птичекъ, чья каждая мелочи отдавался въ напряженномъ слухѣ и замиравшемъ сердцѣ Параси. Марьянка между тѣмъ ходила въ кругъ нея босыми ногами тихо, какъ кошка и, прикасаясь къ ней сзади то къ лентамъ, разбросаннымъ по ея плечамъ, то къ пышнымъ концамъ шелковаго пояса, которые висѣли изъ коротенькихъ усовъ алаго корсета, качала безмолвно голову беззвучно смѣялась въ дикомъ своемъ восторгѣ, отступала сторону и любовалась издали панночкой, наклонила свою голову въ косматомъ вѣнкѣ, и опять приближалась, и опять разсматривала каждую ниточку пышнаго наряда.

Востоявъ минуты двѣ подъ дверь, Парася рѣшилась постучаться, по заведенному обычаю. Въ спальнѣ послышалось: *ложно!* Съ замирающимъ сердцемъ она вошла, но, взглянувъ на дядю, позабыла о своемъ нарядѣ. Онъ лежалъ, блѣдный, на кровати, въ такомъ положеніи, какъ кладутъ покойниковъ. Она бросилась къ нему въ испугѣ, упала на колѣни и схватила за руки, сложенные на груди. Руки были теплы, но дрожали, какъ у человѣка пораженнаго лихорадкою.

— Чтò съ вами, милый дядя, *мое сонечко?* спрашивала она своимъ хуторскимъ, по своему нѣжнымъ языкомъ.

— Пора уже мнѣ умирать, хозяйюшка! отвѣчалъ дядя.

— Господь съ вами! откуда у васъ такія мысли? Вамъ надобно еще долго жить, вамъ нельзя насъ оставить въ такое время...

— Какое же теперь время? Надѣюсь, не самое для меня радостное... проговорилъ майоръ.

— Вамъ надобно жить, *мой соловейко, моя зоря небесная!* говорила племянница.

— Не для чего мнѣ больше жить, хозяйюшка. Пора въ чистую.

— Я вамъ скажу, для чего вамъ надобно жить! воскликнула Парася, одушеваясь какимъ-то особеннымъ чувствомъ, и припала ему къ уху, осѣнивъ его лицо благоуханными лиліями и розами.—Но нѣтъ, я не могу вамъ этого сказать, вы сами увидите и узнаете!

И она скрыла свое лицо у него на груди, и только пышная корона ея изъ цвѣтовъ была видна ему. Грудь его приподнялась тяжелымъ вздохомъ, и онъ проговорилъ огорченнымъ голосомъ:

— Лучше мнѣ не видѣть и не знать!

Эти слова проникли въ самое сердце племянницы. Она подняла голову и пристально взглянула дядѣ въ лицо. Онъ отвѣчалъ на ея взглядъ, взглядомъ упрека. Изъ мужественныхъ, всегда спокойныхъ и задумчивыхъ его глазъ покатились слеза, и остановилась двумя крупными каплями на блѣдныхъ щекахъ его. Съ природною женскою проницательностію, Парася вдругъ поняла, въ чемъ дѣло. Яркоіі румянецъ покрылъ ея лицо и тотчасъ уступилъ мѣсто блѣдности, которая на загорѣлыхъ ея щекахъ казалась какимъ-то свѣтомъ, выходившимъ изъ душевной глубины. Быстро поднялась она на ноги и гордою поступью прошла по комнатѣ. Потомъ остановилась противъ

дяди и какою-то таинственною силою приковавъ къ себѣ его взоръ, сказала:

— Такъ вотъ что вы подумали! такъ вотъ какъ вы знаете свою племянницу!

Потомъ опять упала передъ нимъ на колѣни, схватила его руку и облила слезами.

— Дядюшка, мой соколикъ, мой сизокрылый голубчикъ! говорила она.— Дайте мнѣ вѣры хоть на нѣсколько дней: вы увидите, что ваша хозяйшкa достойна вашей доброты... Вы все увидите, все разомъ узнаете. Она не унижить своего славнаго старосвѣтскаго роду. Вамъ не стыдно будетъ за ея имя передъ людьми! Но рыданія подавили ея голосъ.

Майоръ не понималъ, что она хочетъ сказать. Ея слова не вязались съ тѣмъ, что сидѣло у него въ воображеніи. Но въ ея голосѣ была непобѣдимая сила. Онъ вслушивался въ этотъ чистый голосъ, не смѣя сдѣлать ни одного вопроса, хотя вопросы носились въ его умѣ стаею каркающихъ вороновъ. Ему было стыдно, ему жаль было поразить дѣвственный слухъ племянницы намекомъ на то, что самому ему причиняло невыразимыя страданія. Онъ терялся въ разнорѣчащихъ своихъ чувствахъ, но сердце его было на сторонѣ его хозяйшки, и рука его безсознательно играла съ ея золотою сережкой, и уже готова была, по старой привычкѣ, теревить ее за ушко. Она почувствовала это и поцѣловала его руку.

— Успокойся, моя хозяйшкa! сказалъ онъ:— видишь, мнѣ что-то не весело (онъ никогда не говорилъ: *я боленъ*, хотя *не весело* у него былъ синонимъ для выраженія физическихъ страданій). Я не поѣду въ церковь.

Благовѣсть, по теченію воздуха, раздался громче обыкновеннаго. Майоръ перекрестился во отпущеніе грѣха своего.

— Позвольте мнѣ одной поѣхать, милый дядя, сказала Парася, совершенно позабывъ о своемъ нарядѣ:— я помолюсь о вашемъ здоровьи, я упрошу милосердаго Господа возвратитъ вамъ прежнія силы.

— Поѣзжай, сказалъ онъ, закрывая глаза, какъ будто въ дремотѣ.

Парася вскочила и, уходя изъ комнаты, еще разъ взглянула на дядю; потомъ приказала преданной Марьянкѣ неотлучно сидѣть въ свѣтлицѣ и торопливо вышла на крыльцо, чтобы поспѣть къ обѣднѣ въ такое время, когда еще не будетъ поздно подать священнику на часточку. Мать ушла въ церковь, по

обыкновенію, еще раньше и уже, вѣрно, стоя въ бабинцѣ, читала шепотомъ утреннія молитвы и просила Бога о здоровьи брата.

Нѣсколько дико показалось Парасѣ появиться вдругъ среди народа въ нарядѣ, отъ котораго давно уже она отказалась, по волѣ и благоволенію дяди. Можетъ-быть, въ ней не достало бы ни рѣшимости, ни силы на этотъ подвигъ; но было замѣтно, что она управляется особеннымъ чувствомъ, тѣмъ чувствомъ, которое изъ каждой женщины дѣлаетъ, въ извѣстной степени, героиню....

IV.

Стоя въ бабинцѣ, сестра майора была далека мыслями отъ всего, подобнаго тому, что произошло у нея дома. Она даже не знала о намѣреніи дочери явиться въ церковь, преобразившись изъ господскаго въ простонародный нарядъ. Она замѣтила только, что дочь медлитъ надѣвать приготовленное для нея платье и все роется въ своихъ лентахъ и разныхъ мелочахъ, но не обратила на это особеннаго вниманія. Церковь уже наполнилась народомъ, но обѣдня еще не начиналась, никого изъ высшаго сословія еще не было: такъ какъ высшее сословіе обыкновенно пріѣзжало послѣ начала обѣдни, и тѣмъ были выше принадлежавшія къ нему личности, тѣмъ позже являлись онѣ къ общественному богослуженію,—точно такъ, какъ и въ другія общественныя собранія, съ тою, впрочемъ, разницею, что опоздавъ туда слишкомъ, не ѣхали уже совсемъ изъ уваженія къ хозяину и его гостямъ, а сюда не церемонились явиться даже и на шапочный разборъ, какъ говорится въ деревняхъ. До этого конечно никому не было бы дѣла въ приходской церкви сосѣднихъ съ Майоровщиною хуторовъ, еслибы священникъ даже и для двухъ или трехъ прихожанъ, собравшихся во имя Главы церкви, начиналъ торжественное священнодѣйствіе. Но священникъ, видно, усвоилъ себѣ взглядъ людей, которые, заглянувши въ многолюдный театръ и видя главныя ложи пустыми, говорятъ: *Никого нѣтъ еще!* Онъ поджидалъ появленія нѣкоторыхъ лицъ, вслѣдъ за которыми, къ половинѣ обѣдни, явятся и другія, оканчивающіе теперь свой туалетъ или ранній завтракъ. Церковь полна была легкаго го-

вора, смѣшаннаго съ шопотомъ молитвъ. Все это отъ времени до времени прерывалось извѣстнымъ откашливаніемъ церковнаго причта и громкими однословными воззваніями священника, посреди тихой его молитвы въ алтарѣ. Старыя женщины въ бѣлыхъ *намиткахъ* (1), стоя большею частию въ томъ бабинцѣ, гдѣ на стѣнѣ намалевано огромное *пѣкло* (2), однѣ усердно молились, какъ и сестра майора, другія потихоньку шушукали между собою о житейскихъ дѣлахъ своихъ и общали одна другой разныя наблюденія надъ прихожанами. Общій тонъ этого полуговора напоминалъ лепетъ осеннихъ листьевъ на деревьяхъ и шелестъ ихъ подъ ногами.

Вдругъ наступила тишина и заставила майорскую сестру отвести глаза отъ образовъ, къ которымъ она обращалась такъ, какъ бы это были живыя существа, вознесенныя выше челоувѣческой немощи. Въ церкви межъ народомъ мелькнуло что-то ярко-радужное. Вошла какая-то дѣвушка въ цвѣтахъ и лентахъ, превышая многихъ женщинъ головою. Каждая видѣла ее только тогда, какъ она уже проходила мимо, и никто не взглянулъ ей въ лицо, стыдливо наклоненное къ землѣ, *якъ півна квітка*, сказали бы по-своему наши женщины. Майорская сестра увидѣла ее только сзади, и что-то кольнуло ее въ сердце. Другія женщины съ недоумѣніемъ переглядывались между собою, и это произвело временную тишину въ ихъ смѣшанномъ шопотѣ. Но потомъ заговорили всѣ громче обыкновеннаго, и жужжанье ихъ было—говоръ похвалъ и удивленія. Еслибы мимо ихъ прошумѣла какая-нибудь барыня въ шелковомъ платьѣ на дюжинѣ юбокъ, онѣ бы ограничились нѣсколькими замѣчаніями, какъ на примѣръ: *Отто, якъ рознапірилась!* Или: *яке копійця проїхала!* и потомъ занялись бы опять молитвою о спасеніи своихъ смиренныхъ душъ. Но дѣвушка въ простонародномъ нарядѣ, возвышенномъ до невиданной давно уже роскоши, произвела на хуторское собраніе *бабусь* и *молодиць* то же самое впечатлѣніе, что и на сиротку Марьянку. *Господи!* слышалось со всѣхъ сторонъ: *чия жъ се така краля!* А другія говорили: *Се жъ яке сонце изійшло!... Да чи бачила ты? самі шовкі, самі шовкі!... А висока да рівненька, якъ то-*

(1) Кисей, которою повязываются головы, съ бантомъ и длинными концами позади.

(2) Адъ.

пѣля!... Глянѣ, на всю церкву силе!... А краса жъ, Мати Божя, яка краса! и тому подобное.

Майорская сестра стояла, какъ въ огнѣ: она узнала свою Парасю по одному стыдливому наклоненію головы, по одной походкѣ, по одному боковому очерку ея щеки, не говоря уже о нарядахъ, болѣе или менѣе ей знакомыхъ. Но она не хотѣла вѣрить, чтобъ это была дѣйствительно ея Парася, тѣмъ болѣе, что съ нею нѣтъ майора, не пропускавшаго ни одной обѣдни. Не хотѣла вѣрить, и однакожь видѣла ясно, что это она! Въ то же самое время ее пугала мысль, не заболѣлъ ли братъ. Но въ такомъ случаѣ, какъ могла оставить его одного Парася? Вслѣдъ за тѣмъ пришло ей въ голову: не обидѣлся ли онъ своенравіемъ племянницы? Но опять она недоумѣвала: какъ бы могла Парася зайти такъ далеко въ неуваженіи къ его чувствамъ? Бѣдная женщина теряла голову и только въ половику слышала жужжаніе похвалъ, которыми сосѣдки осыпали появившуюся красавицу.

Между тѣмъ Парася, помолясь посрединѣ церкви, тихими шагами подошла къ сѣвернымъ дверямъ алтаря и, приложась къ образу, дождалась, пока священникъ ее замѣтитъ. Вручивъ ему напоминанье о *часточкѣ*, она еще помолилась и повернулась къ народу, чтобы возвратиться на свое мѣсто. Всѣ глаза устремились на нее, и каждому хотѣлось посмотрѣть ей въ лицо. Въ это время солнце выступало изъ-за облака и ударило наискось, озаривъ легкія струи кадильнаго дыма и вмѣстѣ съ ними увѣнчанную цвѣтами голову Параси. Полная своей молитвенной мысли о дядѣ, она не наклоняла больше лица и шла въ сіяющихъ лучахъ посреди вѣтвиста, точно какое-то неземное видѣніе, точно олицетворенная молитва, восходящая яко кадило передъ Богомъ. Нечего и говорить, что такое зрѣлище не могло не сдѣлать впечатлѣнія на сельское общество, но какъ общество выразило свои чувства, не извѣстно, потому что мѣра терпѣнія священника истощилась, и онъ, видя, что высшее сословіе въ этотъ день не намѣрено явиться въ церкви, возгласилъ торжественно: *Благословенно царство*. Эти слова воскресили и подняли на высоту всѣ души; каждое вѣрующее сердце запѣло вмѣстѣ съ клиромъ: изъ глубины извѣстныхъ одному Богу чувствъ, каждый воззвалъ о себѣ въ общемъ потокѣ молитвословія, и уже не смотрѣли прихожане на дивную красоту земную, явившуюся передъ ними въ слу-

чайномъ сіяніи, точно видимое напоминанье о невидимой красотѣ небесной. Только дѣти, не надзираемые старшими, повернулись къ Парасѣ, какъ подсолнечники къ солнцу, и не сводили съ нея глазъ во всю обѣдню. Только хуторскія дивчата, улуча благовидную минуту, осматривали восхищенными и жадными взорами каждую малѣйшую часть ея наряда. Только черноусые паробки, возвращаясь отъ высокихъ подсвѣчниковъ, къ которымъ прилѣпляли и свою копеечную свѣчку, и продолжая идучи креститься, поглядывали изъ-подъ руки на диво изо всѣхъ дивъ, какія ни являются на свѣтѣ грѣшнымъ глазамъ мужчины.

Степенные козаки, стоявшіе поближе къ алтарю и клиросу, вслушивались въ каждое слово священника и слѣдили за каждымъ изгибомъ голоса пѣвцовъ, которые замѣняли искусство благочестивою ревностью и во весь голосъ выводили неслыханныя въ ученой музыкѣ ноты; а жены ихъ, стоя въ бабинцѣ, не очень беспокоились, если къ нимъ долетали не всѣ слова богослуженія, за плачемъ принесенныхъ въ церковь дѣтей, за кашлемъ старухъ и тихимъ гуломъ поклоновъ, въ которыхъ отличались особенно хлопчики въ большихъ отцовскихъ сапогахъ, и дѣвочки въ длинныхъ материнскихъ кофтахъ: за нихъ отвѣчаютъ передъ Богомъ, какъ и передъ громадою отцы семействъ, которые въ своихъ премудрыхъ головахъ содержатъ смыслъ всего, чтò ни дѣлается на свѣтѣ, и въ нужномъ случаѣ знаютъ, чтò сказать и какъ поступить по Божію и человѣческому закону.

Такимъ образомъ все шло прекрасно. Никто изъ сильныхъ міра сего не пріѣхалъ къ обѣднѣ. Широкоподолыя барыни, ставши впереди паробковъ и дивчатъ и съ правой и съ лѣвой стороны церкви, не закрыли отъ нихъ царскихъ вратъ, въ которыя видно было, какъ священникъ, въ просвѣтленныхъ солнцемъ облакахъ өміама, воздѣвалъ къ небу руки, согласно съ пѣніемъ клира и собственными въ полголоса творимыми молитвами. Паны съ нахмуренною бровью не осматривали прихожанъ тѣмъ взглядомъ, какой пастухи, такъ-называемые сгонщики, бросаютъ на ярмарку. Тонкіе, гибкіе, какъ хлыстикъ паничи, покручивая усики и переступая съ одной худенькой, обтянутой ножки на другую, не оборачивались назадъ и не заставляли сельскихъ красавицъ потуплять глаза. И было въ церкви какъ-то особенно хорошо и торжественно въ это воскресенье.

По ту сторону клироса помѣстился какой-то новый пѣвецъ,

обладавшій хорошимъ баритономъ, и, подпѣваясь подъ простую манеру дьячка, двухъ его *школяровъ* и одного взрослога козака въ синемъ дѣдовскомъ жупанѣ, выручалъ ихъ въ трудныхъ мѣстахъ и увлекалъ за собою. Всѣ козаки замѣтили, что кто-то *добре помогаетъ дякамъ*, и тѣ изъ нихъ, у кого шея была подлиннѣе, не сочли за грѣхъ бросить любопытный взглядъ черезъ клиросъ; но высокій, плечистый козакъ-дилеттантъ, въ дѣдовскомъ синемъ жупанѣ, рѣшительно заслонялъ пѣвца, обратившаго на себя общее вниманіе, и нѣкоторымъ образомъ похищалъ его славу, обладая также хорошимъ, но не обработаннымъ баритономъ. Только когда наступило время читать среди церкви апостольское наставленіе, сельская публика удовлетворила свое любопытство и не мало была удивлена, когда на мѣсто дважды упомянутаго выше козака, вышелъ съ апостоломъ въ рукахъ нѣкто Сагайдачный, котораго Иволгинъ называлъ гордецомъ и философомъ, и который былъ извѣстенъ козакамъ, какъ добрый паничъ, не чуждавшійся *добрыхъ людей*, то-есть ихъ простонародной братіи.

Въ первый разъ еще посѣтилъ онъ ихъ церковь, ибо его хуторъ принадлежалъ къ иному приходу, и рекомендовалъ себя обществу съ самой лучшей стороны. Онъ былъ одѣтъ мѣшковато, но чисто и даже очень щегольски; только никто въ его платѣ не замѣчалъ искуснаго покроя и шитья, а по сѣрому цвѣту широкаго пальто и всего остальнаго платья козаки судили, что паничъ Сагайдачный не вдается въ *тую дурницію, щобъ поцяцьковатись, наче яка казюка* (1). При всемъ томъ, высокій стройный ростъ, здоровый цвѣтъ лица, черные курчавые волосы, черные усы и брови приобрѣли ему въ ихъ общемъ отзывѣ имя *молодца на диво*. Не мало впрочемъ возвышало его въ мнѣніи хуторской публики и то обстоятельство, что онъ служилъ въ Петербургѣ и, какъ это было всѣмъ извѣстно, вышелъ въ отставку съ майорскимъ чиномъ, тѣмъ болѣе, что этотъ чинъ соединялся въ немъ съ богатствомъ. Въ сущности онъ былъ мелкопомѣстный землевладѣлецъ, но по преданію, родъ его обладалъ изъ вѣка въ вѣкъ какимъ-то огромнымъ скарбомъ, зарытымъ посреди свѣтлицы и заклатымъ такимъ образомъ, что былъ доступенъ только для старшаго въ

(1) То-есть въ ту глупость, чтобъ испестрить себя цацками, точно какое большое наѣжомое.

родѣ. Покойная мать Сагайдачнаго, будучи зажиточною вдовою въ обыкновенномъ смыслѣ, слыла у козаковъ, на основаніи слуха о скарбѣ, страшною богачкою, и подтвердила справедливость этого мнѣнія тѣмъ, что въ голодный годъ издержала большія, въ глазахъ сосѣдей, суммы на покупку хлѣба для раздачи голоднымъ. Слова: *тяжко грошовитая пані*, которыми козаки обозначали въ своихъ бесѣдахъ старушку, замѣнились теперь словами: *тяжко грошовитый паничъ*, когда говорили они объ ея наслѣдникѣ. И сей-то наслѣдникъ, стяжавшій уже славную извѣстность во всемъ околоткѣ разнообразными своими преимуществами, оказался въ добавокъ дивнымъ пѣвцомъ и вышелъ на средину церкви читать апостола, чего не дѣлалъ ни одинъ панъ, и на что не хватало присутствія духа ни у одного козака, кромѣ онаго велегласнаго носителя синяго дѣдовскаго жупана. Нечего и говорить, что въ церкви водворилось мертвое молчаніе, которое поуменьшило бы смѣлости и не у козака, рѣшившагося всенародно возвысить голосъ вмѣстѣ съ апостоломъ посреди церкви. Но Сагайдачный, видно, сдѣлалъ привычку къ такому чтенію, и съ совершеннымъ спокойствіемъ, благоговѣйнымъ и торжественнымъ голосомъ, прочелъ: *Кая польза, братіе моя, аще въру малоеть кто имѣти, дѣль же не имать? еда можетъ въра спасти его? Аще же братъ или сестра наги будутъ и лишени будутъ дневныя пищи, речеть же имъ кто отъ васъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и насыщайтесь, не дастъ же имъ требованія тѣлеснаго, кая польза? Такожде и въра, аще дѣль не имать, мертва есть о себѣ*, и проч. Съ умиленіемъ слушали козаки его звонкій голосъ и вмѣстѣ съ клиромъ каждая душа воспѣла, по окончаніи чтенія, *аллилуія*.

Парася была очень довольна, что въ церкви не было свидѣтелей ея превращенія, которые привыкли видѣть ее объ руку съ майоромъ, и теперь забросали бы своими насмѣшливыми взглядами еще больше, чѣмъ въ прошлое время, когда майоръ, посредствомъ выписной швен, поставилъ ее на *благородную ногу*. По окончаніи обѣдни, она весело раскланялась съ своими хуторскими сверстницами и, взявъ подъ руку мать, поспѣшила сѣсть съ нею въ бричку.

Когда лошади увезли ихъ изъ толпы восхищеннаго и дивующагося народа, мать осыпала ее вопросами и укорами.

На вопросы она отвѣчала чистосердечно, что огорчила дядю, который почувствовалъ себя отъ этого нездоровымъ, и тѣмъ

самымъ заставилъ ее ѣхать молиться о немъ; а упреки заглушила поцѣлуями и какими-то полупризнаніями, которыя мать не смѣла понять въ прямомъ смыслѣ, такъ много въ нихъ было для нея несбыточнаго, и не смѣла спрашивать ее обстоятельнѣе, боясь сдѣлать убійственныя для себя открытія. Она, нѣжно любимая сестра майора, все таки чувствовала себя вдовою и была пуглива на счетъ необыкновенной будущности, открывшейся передъ ея дочерью. А дѣло было, сколько она поняла, въ томъ, что во время вечернихъ прогулокъ дочери за ворота, съ нею познакомился Сагайдачный, являвшійся въ дѣвичій кругъ въ простонародной одеждѣ. Знакомство это дошло до послѣдняго объясненія его намѣреній, которыя были такъ честны, какъ у любаго козацкаго паробка, и въ которыя однакожь не рѣшалась вѣровать, недоувѣрчивая ко всему панскому, старая козачка. Но Парася положительно говорила, что, по условію съ нею, онъ сего дня же изъ церкви заѣдетъ въ Майоровщину, чтобы познакомиться съ ея дядею. Все это вмѣстѣ такъ было неожиданно и странно, что бѣдная женщина была сама не своя; а тутъ еще на бѣду у ней сегодня не удались коржики (1) къ чаю, и эта мелочь въ ея смущенномъ хозяйственномъ умѣ заняла мѣсто наряду съ важнѣйшими опасеніями на счетъ дочери.

Парася безпокоилась только объ одномъ: что дядя, по болѣзни, можетъ не принять ея возлюбленнаго, и она лишится удовольствія видѣть его при дневномъ свѣтѣ, чего ей до сихъ поръ не удавалось, потому что въ церкви, когда онъ вышелъ читать апостола, она не смѣла взглянуть на него: ей казалось, что за ея взглядами слѣдятъ всѣ прихожане. А слѣдить за нею могли только ея сверстницы, которыя такъ были ей преданы, что возвысились для нея даже надъ женскою натурой и не разболтали до сихъ поръ о ея встрѣчахъ съ Сагайдачнымъ, при лунномъ свѣтѣ и въ таинственномъ полумракѣ при сверканіи звѣздъ. Какъ бы то ни было, но Сагайдачный явится вслѣдъ за ними въ Майоровщину. Оглянувшись назадъ, Парася видѣла даже вдали его лошадей, съ косымъ облакомъ поднимаемой ими пыли. Онъ отставалъ отъ ихъ нетечанки съ умысломъ, чтобы дать имъ время предувѣдомить майора объ его посѣщеніи.

Когда начали подъѣзжать къ хутору, безпокойство матери и

(1) *Коржъ, коржико*—печеная лепешка.

дочери на счетъ болѣзни майора увеличилось, но еще издали онѣ замѣтили его стоящимъ на крыльцѣ. Оставшись одинъ, онъ очень соскучился; отсутствіе ихъ показалось ему слишкомъ долгимъ, и онъ дожидался ихъ съ нетерпѣніемъ. Самоваръ у него кипѣлъ уже на балконѣ, который съ утра былъ весь въ тѣни; но онъ не начиналъ пить чаю, не любя измѣнять своихъ привычекъ. Мать и дочь возблагодарили Бога, что молитвы ихъ услышаны. Майоръ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, и лицо его выражало затаенныя страданія. Слова племянницы успокоили его слишкомъ мало. Они повели его только къ новымъ предположеніямъ, и спасала его отъ крайней горести одна рѣшимость передать ночную сцену на обсужденіе сестрѣ. Отсутствіе ихъ обѣихъ въ такое смутное для него время показалось ему вѣкомъ.

— Видала ли ты, хозяйшка, сказалъ онъ, — вѣтреннѣе дѣвчонку, какъ твоя милая дочка! А я, такъ и между Польшками не встрѣчалъ такихъ вѣтренницъ (1). То-то, я думаю, набралась срама отъ народа! изъ барышень сама себя разжаловала въ козачки!

Но мать и дочь вмѣсто отвѣта сообщили майору, что ихъ кучеръ передалъ имъ о намѣреніи Сагайдачнаго заѣхать въ Майоровщину изъ церкви. Самъ онъ узналъ это отъ кучера Сагайдачнаго. Такъ дѣйствительно и было: онѣ не имѣли надобности прибѣгать къ уловкѣ, чтобы скрыть болѣе важныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ ожидаемаго гостя.

— Я радъ съ нимъ познакомиться, сказалъ майоръ. — Онъ добрый человекъ. Но надобно же было ему выбрать такое время!

(1) Майоръ повторяетъ офицерское мнѣніе о *вѣтренности* Полекъ. Офицеры наши рѣдко допускались въ морально высшее польское общество и, довольствуясь знакомствами съ дочерьми служилой шляхты, которые были не прочь выдти замужъ за *tegożego Moskala*, вывезли на родину мнѣніе, что Польки вообще вѣтренны. На основаніи этого мнѣнія, Гоголь, въ молодости своей, написалъ въ *Тарасъ Бульба* сцену, въ которой дочь воеводы, *вѣтренная Польшка*, пустилась ребячиться съ бурсакомъ, пробравшимся къ ней въ спальню черезъ трубу. Въ наше время особенно странно слышать о Польшкахъ, что онѣ вѣтренницы, когда мы видимъ, какъ Польки, единодушными усиліями, въ самое тяжкое для нихъ время спасали самостоятельность польской литературы и народности. У такихъ вѣтренницъ могли бы поучиться и не вѣтренныя, положительныя женщины....

Сестра не обратила вниманія на послѣднія слова и подхватила на половинѣ рѣчи:

— Такая была и его мать покойница! Вотъ ужь именно жила для одного добра! Въ голодный годъ много спасла она людей отъ смерти. У ней, говорятъ, зарытъ великій скорбь; пускай и такъ; но у насъ много богачей-пановъ, а ни одинъ того не дѣлалъ, что она. Но, Боже мой, братику! какіе у меня сегодня коржики къ чаю! Это вѣщуешь что-то нехорошее. Никогда у меня не выходило еще такое печево. Когда бъ вы знали, какъ мнѣ страшно этого гостя!

— Хлопотунья ты, хозяйюшка! сказалъ майоръ:—ты думаешь, онъ такъ и насыдетъ на твои коржики. Онъ, вѣрно, давно напился кофе и чаю, и сѣдастъ намъ коротенькій столичный визитъ.

— Кофе и чаю! подхватила сестра.—Нѣтъ, братику, онъ не изъ тѣхъ, которые наѣдаются до благовѣсту. Я слышала, чтѣ это за паничъ! Дай Богъ такихъ побольше паничей на свѣтъ! Какъ онъ читалъ сегодня апостола среди церкви! ну, духъ такъ и замираетъ! Каждое слово слышно, а голосъ, такъ въ самую душу... да и разказать невозможно! Всѣ удивились, что такое панское дитя и такъ хорошо читаетъ апостола, точно нашъ покойный попѣвичъ-богословъ.

— Такъ успокойся же, хозяйюшка, на счетъ своихъ коржиковъ.

— Да, вамъ легко это говорить, судя по себѣ. Вамъ не прокъ ни булки, ни пирожки, а матери, у которой дочь невѣста...

— Ахъ, ты проказница! прервалъ ее майоръ со вздохомъ:—ты и въ Сагайдачномъ видишь чету Парасъ!

— А почему же, братику?

— Какъ почему? шутиха ты, вотъ почему!

— Да не вижу жь я, братику, почему бы мнѣ на панича Сагайдачнаго не смотрѣть, какъ и на всякаго другаго, сказала съ нѣкоторымъ огорченіемъ мать Параси. Еще недавно ей самой эта надежда казалась несбыточною; но когда усомнился въ ней братъ, материнская гордость вдругъ подняла цѣну невѣстѣ, до уровня съ самымъ блистательнымъ женихомъ, а блистательнѣе Сагайдачнаго она и придумать не могла.

— Простаки мы съ тобой, хозяйюшка, что и этого не понимаемъ! отвѣчалъ майоръ.—Ты, можетъ быть, за хозяйствомъ не дослышала всего, а я наслушался про него довольно разказовъ.

— Чего же вы наслушались, братику? Худаго про него никто не скажетъ!

— Да не о худомъ тутъ рѣчи!

— Да о чемъ же?

— А о томъ, что Сагайдачный, человѣкъ высшего полету.

— Господи! куда жь это онъ летаетъ высшимъ полетомъ?

— Куда летаетъ? не къ такимъ, какъ нашъ братъ, полупанокъ. Я даже не понимаю, какъ это ему вздумалось познакомиться со мною. Вѣрно, по примѣру князя. Слушай, хозяйшка, и намотай себѣ на усъ. Козаки наши слышали отъ такого человѣка, который самъ служить на почтѣ въ городѣ, что Сагайдачный каждую недѣлю отправляетъ въ столицу не одно, такъ два письма.

— Господи! воскликнула опять сестра:—будто мы уже ничего и не слышали важнѣе столицы! Велика важность, что онъ служилъ въ столицѣ! Иной прошелъ весь свѣтъ отъ конца до конца и всякихъ страховъ насмотрѣлся: и противъ пушекъ стоялъ не встрепенувшись, и въ огнѣ пылалъ, и въ крови тонулъ, да и такихъ мы видѣли и видимъ!

— Эхъ ты, головушка! сказала майоръ:—ужь для тебя выше твоего постояльца и человѣка нѣтъ на свѣтѣ! Ты слушай, что говорятъ о немъ! Посылаетъ онъ каждую недѣлю письма въ столицу; это еще не штука, а штука въ томъ, что эти письма рѣдко бывають надписаны *его высокоблагородію*, а все, *его превосходительству*, *его сіятельству*. Теперь смекаешь? Смекай также и то, что вотъ онъ живетъ въ уѣздѣ мѣсяца два и ни съ кѣмъ не свелъ знакомства: все это для него—понимаешь?—олухи. Развѣ у князя вотъ будетъ: вѣрно, они знакомы въ столицѣ.

— Ни у кого не бываетъ, сказала сестра:—а у насъ вотъ и будетъ.

— У насъ будетъ! повторилъ майоръ. — Причудница ты, право! Да поймешь ли ты, какого сорту человѣкъ, Сагайдачный? Въдь онъ съ каждой почтой получаетъ газеты, да еще иностранныя... Слышишь? Почтмейстеръ и заголовка на конвертахъ не умѣетъ прочесть, а Сагайдачный ото всѣхъ государствъ читаетъ вѣсти.

— Такъ что же! разумный, значить, человѣкъ!

— То-то и есть, что разумный!

— Такой-то, прибавила сестра, и можетъ знать цѣну моей Парасѣ!

Эти слова заставили майора горько усмѣхнуться. Онъ взгля-

вугъ на племянницу, которая приготовляла на балконъ чай, и сказалъ съ огорченіемъ:

— Ужь не потому ли онъ ее оцѣнить, что она сбросила благородный нарядъ и явилась въ церковь простою козачкою?

Сестру поразило это замѣчаніе больше всѣхъ прежнихъ возраженій. Она позабыла о разказѣ дочери и вскричала:

— Парасю, серденько! бѣги переодѣнься!

— *Отсѣжь!* отвѣчала дочь.— Мало ли кто пріѣдетъ къ дядѣ, такъ для всякаго особый нарядъ надѣвать?

Въ это время раздался стукъ подъѣзжавшаго къ крыльцу экипажа и громкій лай собакъ.

Парася сильно покраснѣла и едва видѣла передъ собой чайный приборъ. Ей стало стыдно дяди. Но майоръ поспѣшилъ встрѣтить гостя на крыльцѣ. А его сестра прошла въ другую дверь приготовить закуску.

Сагайдачный пріѣхалъ на парѣ лошадей, въ открытой, такъ-называемой, краковской бричкѣ. Это былъ наслѣдственный его экипажъ. Старинные паны средней руки не знали ни каретъ, ни колясокъ и покупали краковскія прочныя брички, вовсе не предвидя, что ихъ потомство бросится на дорогіе, сдѣланные на фуфу экипажи, блестящей съ виду московской работы, и начнеть разѣзжать четвернями и шестериками.

Размѣниваясь съ гостемъ первыми привѣтствіями, майоръ сказалъ, что считаетъ знакомство его за особенную честь и повелъ гостя за чайный столикъ, на балконъ. Сагайдачный оставилъ въ сѣняхъ верхнее сѣрое пальто и явился въ черномъ сюртукѣ настоящимъ джентльменомъ. Майоръ не безъ принужденности рекомендовалъ ему свою племянницу въ простонародномъ костюмѣ, и былъ нѣсколько удивленъ, что Сагайдачный отдалъ ей самый почтительный поклонъ, точно какъ бы это была генеральша или иная знатная дама. По своимъ понятіямъ о людяхъ такъ-называемаго высшаго полета, майоръ ожидалъ, что столичный чловѣкъ, привыкшій къ знатному кругу, посмотритъ на его племянницу тѣмъ благосклонно-важнымъ взглядомъ, какой бросаютъ обыкновенно военные знатные господа на сельскихъ красотокъ; но ничего подобнаго въ Сагайдачномъ не было замѣтно. Онъ тотчасъ обратился къ Парасѣ, какъ къ молодой хозяйкѣ, и сказалъ, что имѣлъ удовольствіе видѣть ее при выходѣ изъ церкви. Майора удивило, что Парася отвѣчала на поклонъ гостя съ достоинствомъ какой-то невиданной еще имъ простоты, и хотя на щекахъ ея прибавилось

румянца, но въ лицѣ не было никакого смущенія, а напротивъ, это лицо сіяло радостью и, какъ ему показалось, какою-то самоувѣренностію. Она отвѣчала гостю почти съ фамилярнымъ смѣхомъ, что и она не могла не замѣтить въ церкви такого прекраснаго пѣвца и чтеца, и что всѣ прихожане были отъ него въ восхищеніи. Выраженіе глазъ обоихъ молодыхъ людей всего болѣе поразило майора, не потерявшаго привычки наблюдать человѣка со всѣхъ сторонъ и, какъ выражались его подчиненные козаки, «пронимать глазами насквозь». Можно представить, какъ онъ былъ озадаченъ взглядами, которые молодые люди бросали другъ на друга, увидясь впервые при дневномъ свѣтѣ. Оба они показались другъ другу еще прекраснѣе. Еслибы въ умѣ майора между Сагайдачнымъ и ночнымъ призракомъ въ соломенномъ брилѣ не лежала цѣлая бездна, по милости нажитыхъ имъ понятій о равенствѣ и неравенствѣ людей, онъ тотчасъ вышелъ бы изъ своего недоумѣнія; но такъ какъ онъ смотрѣлъ на вещи съ майорской точки зрѣнія, то и не было для него выхода изъ наблюденій, озадачившихъ его. Онъ уже готовъ былъ повернуть свои мысли искусственнымъ способомъ и видѣть въ Сагайдачномъ одного изъ тѣхъ господъ, которые всю жизнь любезничаютъ съ хорошенькими, не разбирая, кто эти хорошенькія, и мало заботясь о послѣдствіяхъ. Но въ голосѣ и манерѣ Сагайдачнаго не было и тѣни любезничанья. Напротивъ, онъ былъ исполненъ такой естественной простоты и достоинства, что казался майору даже ниже своего положенія, казался чѣмъ-то какъ бы простонароднымъ и вовсе нестоличнымъ. Ибо иная самоувѣренность выражается въ манерѣ быть съ людьми у человѣка высшаго полета, какъ выражался майоръ, и иная у людей простыхъ, но сознающихъ свое достоинство. Майоръ самъ принадлежалъ къ послѣднему разряду, при всей своей чиновной знатности. Не имѣвъ случая приобрѣсть манеры людей развитыхъ морально до высшей степени, онъ, по чистотѣ природнаго вкуса, не могъ усвоить себѣ такъ-называемаго офицерства; онъ остался при томъ, что отъ юности понималъ какъ достоинство въ обращеніи съ людьми, и облагородилъ свое обращеніе какъ-то безсознательно. Тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ съ этой стороны въ людяхъ, встрѣчавшихся ему нѣсколько разъ на вѣку, что-то особенное, что-то для него неуловимое и вмѣстѣ очень привлекательное. Но тѣ люди обращались въ кругу равныхъ себѣ, или такихъ, которыхъ надобно было считать равными. Здѣсь,

напротивъ, передъ нимъ были столичный господинъ, ведущій переписку съ важными лицами, получающій иностранныя газеты, и простая козачка, которая какъ нарочно еще сегодня отвергла и господскій нарядъ. Но обращеніе ихъ было таково, какъ будто это были братъ и сестра, воспитанные врознь, но никакъ не хуже другъ друга. Не подозрѣвая ихъ интимныхъ отношеній, онъ приписывалъ непринужденность и простодушную радость Параси ея хуторскому непониманію, съ кѣмъ она говоритъ, и какая бездна раздѣляетъ ее отъ ея собесѣдника. Но Сагайдачный озадачивалъ его своимъ тономъ разговора, своею манерой и какимъ-то слишкомъ юношескимъ удовольствіемъ, слышавшимся въ его голосъ и выразившимся въ лицѣ. Онъ просто казался майору ниже своего званія.

Пока майоръ, слѣдя за молодыми людьми, предавался своимъ размышленіямъ, Парася успѣла предложить гостю стаканъ чаю и сказала ему съ совершенною свободою какой-нибудь генеральши или полковницы, чтобъ онъ не думалъ, что у нихъ всегда выходилъ такой неудачный хлѣбъ, что это только особенное несчастіе, постигшее ея мать, и что если онъ посѣтитъ ихъ въ другой разъ, такъ она угоститъ его отличными булками и коржиками.

Сагайдачный спросилъ, когда у нихъ будутъ спечены лучшіе коржики.

— Да завтра же! воскликнула Парася съ такою живостію, съ какою не говорила ни одна изъ извѣстныхъ майору генеральшъ и полковницъ. Она предчувствовала, что скажетъ на это гость.

— Такъ я завтра опять пріѣду, сказалъ онъ, и потомъ прибавилъ:—если это васъ не отяготитъ, майоръ.

Майоръ отвѣчалъ, разумѣется, что для него будетъ очень пріятно; но на этотъ разъ не могъ ужъ не подумать: «Ого-го! да тутъ что-то есть!» и вдругъ какъ облако слетѣло съ его головы: онъ вспомнилъ утреннія слова Параси, онъ еще больше углубилъ свой взглядъ въ обоихъ молодыхъ людей и сдѣлалъ открытіе, не подлежавшее никакому сомнѣнію. Но это открытіе смутило его до такой степени, какъ будто отрядъ козаковъ вдругъ передъ его носомъ оказался переодѣтыми Черкесами. Первымъ его чувствомъ было страшное негодованіе. Онъ вскочилъ съ своего мѣста и прошелся по комнатѣ, какъ будто собираясь съ силами отразить столь непредвидѣнное нападеніе. Въ поступкѣ Сагайдачнаго, который въ одно мгновеніе сдѣлался для него тожъ ответственымъ съ ночнымъ привидѣніемъ въ соло-

менномъ брилѣ, онъ видѣлъ самую возмутительную подлость, самое вопіющее, разбойничье посягательство на счастье его племянницы, его сестры и его самого, и это убѣжденіе до такой степени взволновало его душу, что онъ не могъ владѣть собою и быстро удалился въ свою спальню. Замѣтивъ это, Парася вообразила, что къ нему возвратился утренній недугъ, и побѣжала за нимъ. Она нагнала его, когда онъ затворялъ уже за собой дверь спальни. Майоръ былъ очень блѣденъ, но казалъ твердымъ и очень ласковымъ голосомъ:

— Ничего, ничего, хозяйшка моя. Это сейчасъ пройдетъ. Оставь меня на нѣсколько минутъ. Я позову.

И съ этими словами заперъ дверь. Оставшись наединѣ, онъ упалъ на колѣни передъ образомъ, который принадлежалъ его родителямъ, и передъ которымъ мать учила его своимъ простымъ молитвамъ. На этотъ разъ молитва его была безмолвна и выражалась одними слезами. Эти слезы однакожъ не были свѣдѣтельствомъ душевнаго безсилія: онъ просилъ Бога отпустить ему грѣхъ, на который онъ рѣшался, грѣхъ мести или кары надъ беззаконникомъ. Старая козацкая кровь заиграла въ немъ неукротимымъ потокомъ и самой его религіозности дала характеръ кровавый. Его Богъ былъ для него теперь *Богомъ брами*, Богомъ ветхозавѣтнымъ.

V.

Какъ ни была опечалена Парася внезапнымъ возвращеніемъ недуга дяди, который она, какъ ей казалось, удалила уже отъ него силою своей горячей молитвы, но не безъ удовольствія очутилась наединѣ съ гостемъ и поспѣшила сообщить ему обо всемъ, что случилось въ Майоровщинѣ со вчерашняго вечера. Сагайдачному не приходило въ голову, что его могли видѣть во время неосторожнаго разставанія съ Парасей наканунѣ, и потому чувства майора представились ему въ иномъ смыслѣ, нежели въ какомъ они представляются намъ, знающимъ всѣ обстоятельства этой исторіи. Онъ старался успокоить свою возлюбленную насчетъ огорченія дяди и его недуговъ. Онъ недѣялся, познакомься съ нимъ поближе, вознаграждать его за сюрпризъ, такъ тяжело подѣйствовавшій на его здоровье, своею бесѣдою, которая должна, какъ онъ думалъ, пріятно занять одинокаго холостяка.

Теперь оказалось, что Парася, по внушенію собственнаго сердца, рѣшилась остаться на всю жизнь при томъ нарядѣ, въ которомъ она съ нимъ познакомилась, такъ какъ онъ имъ восхищался и увѣрялъ, что лучше этого наряда ни одинъ народъ въ мірѣ ничего не выдумалъ. Сагайдачный пожурилъ ее за внезапный переходъ, но былъ въ восхищеніи отъ ея рѣшимости.

Тутъ было выражено предположеніе ввести дядю постепенно въ ихъ тайну и лишь тогда открыть ему, въ чемъ дѣло, когда гость сдѣлается для него человѣкомъ необходимымъ, когда майоръ станетъ смотрѣть на него, какъ на семьянина. Между тѣмъ Сагайдачный готовился прочитать имъ много хорошихъ вещей, которыя познакомятъ Парасю со множествомъ разныхъ предметовъ, никогда ею не виданныхъ, еще больше, чѣмъ его изустные разказы по вечерамъ при лунѣ, или во мракѣ разгнѣсистыхъ дубовъ на Гойдалкѣ.

Еслибы майоръ больше былъ образованъ въ научномъ смыслѣ, онъ бы давно замѣтилъ, что въ сужденіяхъ его молодой хозяйки пробиваются такіе взгляды на вещи, которыхъ она ни отъ кого не могла почерпнуть въ хуторѣ. Не разъ его поражали высказываемыя ею мысли, но онъ приписывалъ ихъ природному уму ея и гордился своею племянницею, которая, безъ содѣйствія наемной наставницы, судить о многомъ точно. Она природныя способности поражали не одного майора. Сагайдачный, увлекшись ея наружностью, еще больше увлекся ея богатою душою и предался отъ всей души привязанности, которая показалась ему первою любовью.

Если взглянуть на него поглубже, то въ немъ было много общаго съ майоромъ. Оба они были люди непорочнаго происхожденія, если подъ именемъ непорочности разумѣть происхожденіе отъ честныхъ и добрыхъ родителей. Оба они были вскормлены молокомъ родной матери и получили первоначальное воспитаніе прямо отъ нея, а не такъ, какъ былъ воспитанъ Иволгинъ, и не такъ, какъ воспитаны у насъ многіе люди прежняго вѣка почище Иволгина, то-есть безъ глупаго посредничества отупѣлыхъ служанокъ и слугъ, безъ холоднаго посредничества не понимающихъ дѣла наемницъ и наемниковъ. Оба сохранили впечатлѣнія этого святаго незамѣнимаго ничѣмъ воспитанія въ иныхъ сферахъ жизни, которыя перерождаютъ наши природныя чувства и душевныя движенія. Однихъ этихъ обстоятельствъ довольно, чтобы признать между ихъ натурами и характерами общность

въ извѣстной степени. Но и самая судьба того и другаго имѣла свой параллелизмъ и привела ихъ различными путями почти къ одинаковому положенію. Майоръ былъ вызванъ изъ отцовскаго дома на битву за государство, и принадлежалъ, по своему рожденію, къ народу. Сагайдачный, подвергшись вліянію иныхъ общественныхъ понятій, вышелъ изъ школы въ жизнь на битву съ жизнью за народъ, и принадлежалъ, по рожденію, къ тѣмъ, которые, имя *народа* уступили въ исключительную принадлежность низшему сословію. Оба сражались изо всѣхъ силъ своихъ, и хотя Сагайдачный не былъ израненъ видимо, какъ майоръ, но выбился изъ силъ, держась на своемъ постѣ противъ безчисленныхъ неприятелей и защищая свое новое, но уже истерзанное, знамя. Едва ли онъ оставилъ бы, однакожь, то мѣсто, которое занималъ въ центрѣ русской общественной дѣятельности, еслибы не почувствовалъ упадка физическихъ силъ, грозившихъ его организму разрушеніемъ. Смерть матери окончательно его разстроила, а между тѣмъ убѣжденія врачей и заботы о наслѣдственномъ имѣніи, о драгоценной для Малороссіянина батьковщинѣ, заставили его удалиться на родину.

Здѣсь онъ началъ было вести такую же уединенную жизнь, какъ и майоръ, съ тою только разницей, что занялся дѣятельно сельскимъ хозяйствомъ. Разъѣзды по полямъ, постоянная жизнь подъ открытымъ небомъ, работы въ саду, простая и здоровая сельская пища, вмѣстѣ съ впечатлѣніями сельской природы и сельскаго простонароднаго, все еще богатаго поэзіею, быта,—быстро поправили его здоровье, и онъ, по единому отзыву сосѣдей-козаковъ, сдѣлался молодцомъ хоть куда. Добрую память, оставленную въ народѣ его матерью, онъ поддержалъ *подльчивостью* съ нуждающимися хуторянами, готовностью помочь каждому совѣтомъ и самимъ дѣломъ, наконецъ сохраненнымъ отъ дѣтства умѣньемъ обращаться съ простолюдинами, не оскорблять ни ихъ понятій о добрѣ и злѣ, ни ихъ обычаевъ и предразсудковъ, которые мало значатъ въ высшемъ быту, но въ быту простомъ и убогомъ изъ вѣка въ вѣкъ служатъ охраной народной нравственности. Его вообще полюбили нечиновные люди, хотя и чиновнымъ не любяъ его было не за что, еслибъ они добро и зло разумѣли безотносительно. Онъ часто не могъ сдѣлать имъ *добра*, въ ихъ смыслѣ этого слова, и дѣлалъ *зло*, вступаясь за слабаго противъ неправды болѣе сильнаго. Онъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ нимъ по

однимъ и тѣмъ же внушеніямъ своего сердца, какъ и въ отношеніи къ нечиновному люду; но чиновный людъ, начиная отъ наивничтожнѣйшаго судебного панича до помѣщиковъ, которыхъ Иволгянъ называлъ тысячниками, вообще не благоволилъ къ нему, и если не имѣлъ ничего сказать о его поступкахъ, которыхъ вообще было замѣтно очень мало, то отзывался дурно о его странномъ образѣ жизни, о его либеральномъ образѣ мыслей, о его пріятельскихъ связяхъ въ козаками въ видѣ кумовства и проч., и прозвалъ его въ одинъ голосъ философомъ.

Майоръ имѣлъ не меньше его правъ на названіе философа; но майоръ слылъ человѣкомъ хворымъ, которому трудно было бы поддерживать знакомство съ *благородными* домами. Притомъ же майоръ, по словамъ чиновнаго общества, былъ выслужившійся мужикъ,—ему мужики и компанія. Но дѣдъ Сагайдачнаго былъ бригадиръ, отецъ имѣлъ Анну на шеѣ, и самъ онъ заслужилъ высокоблагородный чинъ, а между тѣмъ, чуждаясь дворянскаго общества и проводя все время съ мужиками, онъ порочилъ въ своемъ лицѣ все *благородное дворянство*. Таковы были отзывы о немъ героевъ преферанса, заspanныхъ, отставныхъ и служащихъ по выборамъ благородій и высокоблагородій, почтенныхъ плантаторовъ, примѣнившихъ полученное нѣкогда образованіе къ наибольшему извлеченію доходовъ изъ чужаго труда, и уѣздныхъ тузовъ, носящихъ брюхо далеко впереди своего носа.

Сагайдачный смотрѣлъ на все это говорливое общество, какъ на непріятельскій станъ, обстрѣливающій себя холостыми зарядами, и смѣялся надъ общими человѣколюбивыми заботами сосѣдей о его личности, одиноко стоявшей въ сторонѣ отъ ихъ понятій и интересовъ. Въ уѣздѣ было нѣсколько лицъ, если не семейныхъ кружковъ, которые могли бы полюбить всею душою Сагайдачнаго, именно за его образъ жизни, именно за его образъ мыслей, именно за его пріятельскія связи съ простолюдинами; но эти лица, мужчины и женщины, находились въ слишкомъ исключительномъ положеніи. Нѣкоторые изъ нихъ не смѣли открыто выражать свой взглядъ на вещи, не желая оскорблять бабушекъ, почтенныхъ дядей и еще болѣе почтенныхъ родителей; другіе не были достаточно утверждены въ новыхъ понятіяхъ о жизни и вѣчно колебались между старымъ и новымъ путемъ, то пошлая и падая въ кругу прозябающаго своего общества, то выбиваясь кой-какъ изъ общей атмосферы въ міръ иныхъ понятій и дѣй-

ствій. При томъ же у насъ въ Малороссіи люди, живущіе въ одномъ и томъ же уѣздѣ, часто не встрѣчаются другъ съ другомъ по нѣскольку лѣтъ. Указанныя мною личности знали о Сагайдачномъ только по слухамъ и, хотя кое изъ чего должны были заключить, что это человѣкъ не дюжинный, но жизнь его была извѣстна имъ изъ устъ его враговъ, изъ нихъ же первымъ былъ Иволгинъ, знакомый съ цѣлымъ уѣздомъ и появлявшійся всюду, гдѣ его принимали (а принимаютъ у насъ, къ сожалѣнію, каждого, хотя бы знали, что это самый негодный человѣкъ).

Иволгинъ, встрѣтивъ Сагайдачнаго у себя на станціи въ день возвращенія его на родину, почувствовалъ къ нему непреодолимую антипатію. Сагайдачный, съ своей стороны, обошелся съ нимъ слишкомъ невнимательно, обошелся не такъ, какъ ожидалъ Иволгинъ, который рекомендовался ему сосѣдомъ-помѣщикомъ и, будучи безобразно пьянъ, оскорбилъ его предложеніемъ своего знакомства и дружбы. Иволгинъ не могъ простить ему нѣсколькихъ словъ, врѣзавшихся въ его память, несмотря на хмѣль, и на другой же день началъ знакомить свой уѣздъ съ новымъ обитателемъ, разказывая, что пріѣхалъ онъ на станцію не въ своемъ видѣ, что прогнанъ изъ Петербурга за пьянство и, запершись въ хуторѣ, утѣшаетъ себя бесѣдою съ бутылками, на англійскій манеръ. Къ этому онъ прибавлялъ съ каждымъ днемъ кое-что и другое, такъ что репутація Сагайдачнаго являлась каждому въ чудовищномъ видѣ. Что Иволгинъ великій лжець, это всѣ знали, но, по странной склонности человѣка вѣрить больше дурному, нежели предполагать въ комъ-нибудь доброе, не подвергали его анекдотовъ строгому критическому разбору.

Майора мало заняли анекдоты Иволгина о бесѣдахъ Сагайдачнаго съ бутылкою на англійскій манеръ, тѣмъ болѣе, что показанія козаковъ-сосѣдей совершенно имъ противорѣчили. Онъ, по своему благодушію, отвергалъ и разказы его о любовныхъ походахъ уединеннаго хуторянина. Но теперь повѣсти Иволгина, которыхъ онъ не хотѣлъ выслушивать, представились ему ужасающею истиной: въ его памяти сидѣлъ несомнѣнный фактъ, повидимому подтверждавшій эти показанія. Гнѣвъ его былъ такъ великъ, что онъ боялся дать ему волю. Онъ принадлежалъ къ небольшому числу горячихъ характеровъ, одаренныхъ высокимъ самообладаніемъ. Онъ, по словамъ наставляющаго апостола, былъ «не скоръ на гнѣвъ,

не скоръ на слова». Это было врожденное ему свойство, но отъ усовершенствованъ его въ себѣ во время службы, когда отъ его справедливаго и несправедливаго поступка въ качествѣ судьи, часто зависѣла участь такого же, какъ онъ, человѣка, или по крайней мѣрѣ, временныя страданія ближняго. Будучи съ дѣтства наученъ матерью бояться «прогнѣвить Господа милосерднаго», и принявъ отъ нея въ свѣжую душу простонародное убѣжденіе, что всего хуже для насъ, если на насъ упадутъ чьи бы то ни было «невинныя слезы», онъ положилъ себѣ за правило никогда не предаваться порывамъ гнѣва и откладывать исполненіе его внушеній на нѣкоторое время. Такъ поступилъ онъ и въ настоящемъ случаѣ. Онъ заперся у себя въ спальнѣ для того, чтобъ обдумать, какъ поступить ему въ этомъ важномъ случаѣ, съ соблюденіемъ возможной справедливости.

Прежде всего ему пришли на умъ слова Священнаго Писанія: *Милъ отмщеніе. Я воздамъ! глаголетъ Господь.* Но обида была почувствована имъ слишкомъ глубоко; беззаконіе Сагайдачнаго слишкомъ сильно подавило его высшія человѣческія чувства, освѣщенные и утвержденные въ немъ ученіемъ христіанской вѣры, преподаанной матерью. Поддавшись сердечной боли о гибели своей племянницы, какъ ему казалось, уже соблазненной коварнымъ оболъстителемъ, онъ слабо чувствовалъ смыслъ этихъ словъ; его не ужаснулъ грѣхъ—каратъ верховнымъ божескимъ судомъ своего ближняго; онъ ограничился только испрошеніемъ у Господа прощенія въ этомъ грѣхѣ и какъ бы полномочія быть орудіемъ небесной кары. Поднявшись на ноги, онъ отеръ катившіяся у него по щекамъ слезы, и это былъ уже другой человѣкъ. На его блѣдномъ лицѣ водворилось непоколебимое, желѣзное спокойствіе. Казнь надъ Сагайдачнымъ должна была совершиться: эта статья рѣшена была окончательно, и уже онъ не поколебался бы въ своемъ рѣшеніи ни передъ какими властями и авторитетами. Оставалось только избрать способъ казни. Самая первая мысль, которая мелькнула у него въ умѣ, лишь только онъ сдѣлалъ роковое открытіе, была—убить тутъ же на мѣстѣ подлаго соблазнителя. Но эта мысль ужаснула собственное его воображеніе, и онъ поспѣшно удалился въ спальню. Молитва не могла утишить душевную его бурю, но все-таки разогнала въ нѣкоторой степени тьму, которая покрыла его разумъ. Сѣвъ на кресло у изголовья своей постели, на то самое кресло, на которомъ сживала

иногда его племянница во время его крайняго изнеможенія отъ скрываемой боли ранъ, майоръ какъ будто вошелъ въ таинственное соприкосновеніе съ ея кроткою душою, и вдругъ понялъ, чего никакъ не могъ понять до сихъ поръ, что онъ хозяинъ дома, а Сагайдачный его гость. Убить безоружнаго злодѣя въ качествѣ гостя подъ собственною крышею, показалось ему слишкомъ вопіющимъ дѣломъ, не оправдываемымъ ни передъ Богомъ, ни передъ людьми никакими обстоятельствами. Убить всегда будетъ еще время. Можно отложить этотъ кровавый судъ хоть до тѣхъ поръ, пока гость выѣдетъ за ворота. Такъ внушалъ ему добрый ангелъ, снисходя къ овладѣвшему имъ безумію мщенія. Но злой духъ, по ученію святыхъ отшельниковъ, неотступно слѣдящій за человѣкомъ, шепнулъ ему съ другой стороны: «А что если Сагайдачный, догадавшись, что его шашни открыты, дастъ тягу и ускачетъ на край свѣта?» Эта мысль ужаснула стараго козака, наслѣдовавшаго отъ своихъ предковъ, вмѣстѣ съ добрыми качествами, и неукротимую ничѣмъ мстительность. Онъ затрепеталъ отъ одного предположенія, что его оскорбитель можетъ вернуться отъ занесеннаго надъ нимъ удара, и рѣшился не выпустить его изъ дома безъ расправы. Но Сагайдачный былъ гость, и расправа должна быть честная. Майоръ взглянулъ-было на висящія у его изголовья сабли и шашки; но онъ вспомнилъ о своихъ ранахъ, едва позволявшихъ ему бродить вокругъ хутора, и грустно покачалъ головою. Взглянулъ потомъ на дорогіе турецкіе пистолеты, добытые когда-то въ огнѣ сраженія, и протянулъ къ нимъ руку. И вспомнилъ онъ ту славную битву, въ которой онъ выхватилъ ихъ изъ-за пояса абрека, зашатавшагося на сѣдлѣ отъ удара его шашки. Задумавъ поединокъ съ своимъ супостатомъ, майоръ еще разъ обновился духомъ былой жизни, безумно пылкой и безпутно кровавой, но отрадной для незаренной наукою души, полной энтузіазма, которому нѣтъ мѣста въ современной обстановкѣ жизни. Рѣшено было позвать Сагайдачнаго въ спальню и, въ уваженіе священнаго званія гостя, дать ему право на честный поединокъ. Но тутъ его воображенію представились двѣ женщины, сестра и племянница, и вмѣстѣ съ ними въ его душу проникъ заглушаемый, но не незаглушимый гнѣвомъ укоръ, что не христіанское и не честное дѣло вызвать гостя на поединокъ и заставить его быть убійцею хозяина, или самому сдѣлаться его убійцею въ собственной спальнѣ, безъ свидѣте-

мѣ. Злой духъ опять шепнулъ майору о возможности бѣгства со стороны столичнаго пройдохи; но въ душѣ майора столько родилось энергіи отъ его воспоминаній, что онъ рѣшился, въ случаѣ крайности, преслѣдовать бѣглеца даже и на край свѣта. Онъ остановился и успокоился на этомъ рѣшеніи, сколько могъ успокоиться. Его намѣреніе было остаться въ спальнѣ до отъѣзда Сагайдачнаго, подѣ предлогомъ болѣзни, и потомъ послать ему формальный вызовъ. Онъ почувствовалъ сильную физическую усталость отъ своей душевной тревоги и опять опустился въ кресло. Воображеніе его играло какъ у юноши, но не юношескія мечты наполняли его голову. О своей будущности онъ не заботился, чтѣ бы его ни постигло во время или послѣ поединка: его тревожила участь вдовы-сестры съ опозоренною дочерью. Но во всякомъ случаѣ ихъ положеніе не много было бы лучше и безъ этой катастрофы, такъ какъ потеряннаго племянницей уже не было возможности возвратить, а жизнь майора была дѣло слишкомъ ненадежное, ибо онъ чувалъ ясно, что ему «не долго коротать на свѣтѣ». Гораздо лучше пасть ему съ оружіемъ въ рукахъ, сражаясь за честь своего дома и карая злодѣя за его коварство.

Между тѣмъ какъ въ спальнѣ въ головѣ бѣднаго майора смѣнялись такія мрачныя мысли, на балконѣ молодые люди мечтали о свадьбѣ, которую Сагайдачный, по разнымъ обстоятельствамъ, откладывалъ до осени. Онъ во многомъ сошелся уже съ народомъ, среди котораго судьба указала ему наконецъ жить. На свадьбу посреди лѣта, когда идутъ жаркія полевые работы, онъ смотрѣлъ, какъ на эгоистическую панскую затѣю, въ которой народъ не долженъ принимать никакого участія. Приноровляя къ своему обезпеченному быту простонародные обычаи, онъ находилъ очень разумнымъ играть свадьбу вѣсною, когда хозяина ничто не вызываетъ въ поле, кромѣ легкой бранки на ярину, кромѣ неспѣшныхъ посѣвовъ и пріятныхъ наблюдений надъ всходами, или осенью, когда всѣ работы въ полѣ кончены, и человекъ сосредоточиваетъ свою дѣятельность въ усадьбѣ, будучи окруженъ и заваленъ собранными съ полей богатствами. Такъ философствовалъ Сагайдачный, вовсе не помышляя, что на него наводится, въ умѣ хозяина, пистолетное дуло.

Но вотъ простодушная сиротка Марьянка, этотъ неусыпный, хоть и сонливый камердинеръ майорскій, является съ большимъ подносомъ въ рукахъ и торжественно ставитъ его между двухъ

любовниковъ, сидѣвшихъ *vis-à-vis* на противоположныхъ сто-
ронахъ чайнаго столика. Она очень хорошо замѣтила, что ни-
когда еще закуска не была приготовлена такъ старательно,
никогда не было отпускаемо такихъ тонкихъ салфетокъ, никогда
графинчики съ водкой и наливкой не были такъ заботливо об-
терты кругомъ влажнымъ полотенцемъ. Немного было приго-
товлено закуски, далеко меньше, нежели для Иволгина. Кро-
шечные граненые графинчики были поставлены на поднось.
Марьянка не могла не выразить своего изумленія передъ *пан-
ниткою*, какъ она называла майорскую сестру, но та ей въ
немногихъ словахъ и особеннаго рода ужимками дала понять,
что этотъ гость не Иволгину чета, что это знатный господинъ
(она почти готова была сказать, что это дука между панами),
и потому не годится наваливать для него много закусокъ и на-
ставлять много водокъ и наливокъ. Водокъ поставлено было
только два сорта, и при этомъ благочестивая хозяйка подумала:
«Дай Господи, чтобы вы всю жизнь прожили въ парѣ!» А когда
ставила на позиціи треугольника между двухъ графинчиковъ
третій, нѣсколько бѣльшій графинчикъ съ дуливкою, то при-
бавляла мысленно: «И пускай только одинъ Господь будетъ
третьимъ между вами!» Марьянка ничего этого не знала, слѣдя
за своею госпожей и дивуясь бѣлизнѣ салфетокъ и блеску но-
вешенькаго серебра, давно заведеннаго майоромъ, но еще
ни разу не употребленнаго; она постигла однакожь своею
убогою душонкой торжественность случая и какъ бы ис-
полнилась духомъ самой хозяйки. Молодые люди, взглянувъ на
нее, не могли не разсмѣяться: до такой степени она была
торжественна и счастлива въ своей роли.

Вслѣдъ за Марьянкою сочла приличнымъ явиться къ гостю и
сама мать молодой хозяйки. Майоръ, *облагородясь* на службѣ и
возвышая племянницу до уровня съ своимъ званіемъ, не могъ
оставить и сестру въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ ее въ ко-
зачьей хатѣ. Въмѣсто бѣлой *панитки*, начала она повязывать
голову шелковымъ платкомъ, по которому разсыпаны были
золотые и серебряные цвѣты, а вмѣсто своихъ плахтъ, байко-
выхъ кофть съ красными мушками и старосвѣтскаго праздни-
чнаго кунтуша съ золотыми *усами* на перехватѣ, появились на
ней ситцы и шерстяныя матеріи въ томъ видѣ, какъ у сельскихъ,
простыхъ священническихъ женъ, которыя не добрались еще
до шляпокъ и иныхъ лоскутныхъ издѣлій запоздалой и без-
вкусной моды. Несмотря, однакожь, на свое возвышеніе во

иѣннѣи другихъ, а также и въ собственномъ, майорская сестра сохранила тотъ смиренный видъ, который у простолюдиновъ заступаетъ мѣсто изящной простоты въ способѣ держать себя съ людьми. Это не сознаніе своего ничтожества,—вовсе нѣтъ! это какое-то самоуваженіе, выражаемое уваженіемъ къ тому, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Майорская сестра явилась къ гостю съ достоинствомъ старой хозяйки, котораго не уменьшилъ и тихій, довольно низкій ея поклонъ, засвидѣтельствовавшій ея уваженіе къ его особѣ.

Сагайдачный былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ каждомъ лицѣ цѣнятъ выше всего выраженіе, и еслибы майорская сестра не была даже матерью Параси, то онъ не скоро бы отвелъ отъ нея глаза. Въ ея лицѣ, увядшемъ отъ времени, горя и заботъ, но еще не обезсиленномъ старостью, поразило его выраженіе религіозности, то выраженіе, которое придаютъ лицамъ святыхъ живописцы, понимающіе сердцемъ, какъ должна выступать наружу молитва, безпрестанно теплящаяся въ сердцѣ. Онъ отвѣчалъ на ея поклонъ почти такимъ же поклономъ. А Парася между тѣмъ представила ихъ другъ другу, какъ сумѣла.

— Я знала вашу покойную матушку, сказала майорская сестра.

— А я, отвѣчалъ онъ,—знаю васъ давно по разказамъ моей матушки.

— *Чи то бѣ то и справді!* воскликнула она, одушеваясь. — Намъ нельзя было не знать вашей матушки.

— И ей нельзя было не знать васъ. Всякій разъ, какъ мы, бывало, воротимся изъ церкви, говаривала она, что не встрѣчаетъ уже такихъ красавицъ между козачками, какъ была такая-то, и называла васъ, которую выдали замужъ въ далекое село.

— О, какую старину вы вспомнили!

— Да, я былъ тогда еще ребенкомъ, но въ моей памяти остались ея разказы даже и про вашъ кунтушъ, отороченный золотой сѣткою. Скажите, куда вы дѣвали эту драгоценность?

— Онъ до сихъ поръ лежитъ у меня въ скрини.

— Ну, я очень радъ, что онъ уцѣлѣлъ. Вы мнѣ его покажете?

— Да, теперь уже нигдѣ такого не увидите. И въ старину, правду сказать, такая богатая одежда была дивомъ. Мой отецъ вынесъ этотъ кунтушъ съ Запорожья, а Запорожцы, сами знаете, хаживали за добычею далеко въ Польшу.

— И это мнѣ извѣстно, что вашъ отецъ былъ Запорожець, Помню даже разказы про его собакъ-овчарокъ, которыя пасли у него овецъ.

— Какъ же! онъ учился хозяйству на Запорожьѣ.

— Вотъ ужъ я никогда не думалъ, чтобы на Запорожьѣ можно было научиться хозяйству! Вѣдь съчвое братство было народъ беззаботный.

— Нѣтъ, они только сдавались беззаботными, а хозяйство у нихъ велось чудное! Никто лучше ихъ не умѣлъ ходить за пчелами; ничто не умѣлъ выкохать ни коня, ни вола такъ, какъ они. Нѣтъ, они хорошіе были хозяева. А то зачѣмъ бы отдавали къ нимъ дѣтей въ науку!

— Кто же къ нимъ отдавалъ дѣтей въ науку?

— Всѣ отдавали, всѣ наши козаки бывало туда отсылаютъ хлопцевъ. Тамъ и письму святому ихъ учили, и гласамъ церковнымъ, и хозяйству.

— Это я слышу въ первый разъ!

— Да гдѣ же вамъ объ этомъ слышать? Тамъ у васъ другія дѣла въ столицѣ. Вѣдь и моего отца, дай Богъ ему царство небесное, его отецъ отдалъ этакъ учиться.

— И онъ вамъ разказывалъ объ этомъ?

— Ну, онъ былъ не таковскій. А случилось мнѣ издали слышать, какъ онъ бывало за чаркой воспоминаетъ про свои молодья лѣта.

— Разкажите мнѣ, ради Бога, чтѣ вамъ случилось слышать. Это очень интересно.

— Извольте, я разкажу, а тѣмъ временемъ прошу закусить. Въ церкви стояли вы долго и трудились, а чай — какое ужъ это подкрѣпленіе... да еще на бѣду у меня сегодня коржики совсѣмъ не удались... Такъ ужъ мнѣ совѣстно! какъ нарочно сегодня и не удались!

Закуска была очень хороша и могла бы успокоить совѣсть самой кропотливой хуторской хозяйки. Но гость гораздо больше интересовался ея бесѣдой о старинѣ, чѣмъ закускою.

— Видите ли, говорила майорская сестра, присѣвъ противъ него на стулъ и положивъ лѣвую руку себѣ на колѣно, между тѣмъ какъ правою дѣлала пояснительные жесты, — въ тѣ времена козаки наши не лѣзли въ дворянство понынѣшнему. На Украинѣ у насъ были паны панами, а козаки козаками. Земель было много, а людей мало; тогда не было почетнѣе званія, какъ *господарство*. Кто изъ козаковъ сумѣетъ осмовать хуторъ, за-

вѣсти подсосѣдковъ и держать въ порядкѣ землю и скоть, тотъ великимъ почитался человѣкомъ, и къ такому отдавали дѣтей на воспитаніе даже и богатые хозяева. Тутъ была одна та польза, что хлопчикъ растетъ въ большомъ страхѣ, а не *мазунчикомъ* около матери, а другая та, что пока возрастаетъ, то наживаетъ себѣ и худобу (1), а наживши своимъ трудомъ, суживетъ ее лучше сберечь. Тогда хотъ и на батьковщину воротится, то уже знаетъ, чего что стоить, и дѣлается изъ него господарь какъ слѣдуетъ. И родные, бывало, отдають къ роднымъ въ науку, и приятели къ приятелямъ. Это я говорю про Украину. А то бывало отдають на воспитаніе и за Пороги, въ дикія степи. Паны посылали своихъ дѣтей въ науку по городамъ, и въ Польшу отсылали; а наши козаки засылали своихъ дѣтей къ запорожскимъ братчикамъ. Запорожцы жили богато, и были они народъ премудрый. Знали военное дѣло хорошо, а хозяйское—еще лучше. Кругомъ Сѣчи завели они такіе хутора, какихъ въ нашихъ мѣстахъ не увидишь, и тамъ-то давали науку всякому, кто хотѣлъ учиться. Потомъ бывало паробокъ, разжившись и занявши себѣ подъ хуторъ займище, идетъ въ Сѣчь и дѣлается братчикомъ, а въ хуторѣ живутъ чабаны, паробки и пидпаробочіе. Онъ только по временамъ навѣдывается къ нимъ, а самъ промышляетъ военнымъ промысломъ. Такъ-то когда-то дѣялось! а теперь, говорятъ, бурьяномъ заросла Сѣчь, и вольныя степи прокляты Богомъ, травы сохнутъ, воды входятъ въ землю, и мало стало тамъ добра людямъ. Но пожалуйте же, кушайте, а я вамъ разкажу исторію нашего панъ-отца. Было ихъ трое у отца и матери. Двоихъ старшихъ дѣдъ нашъ при себѣ оставилъ, а меньшаго отвезъ въ науку на Запорожье. Былъ у него тамъ хорошій пріятель, Запорожець Кавунъ. Старъ уже былъ и не ходилъ на войну, а господарствовалъ въ своемъ зимовникѣ съ жинкою. У нихъ и жены были въ зимовникахъ и дѣти росли; только въ Сѣчѣ женщинъ не было. Пріѣзжаетъ мой дѣдъ къ нему и привозитъ моего панъ-отца, а ему было тогда лѣтъ тринадцать или четырнадцать. *Візьми, пане брате, до себе мого хлопця въ науку; зроби мнѣ звѣдо доброго господаря. — Покинь на годъ. Коли буде добрый, то прийму въ науку.* Дѣдъ мой и оставилъ на пробу сына. Старикъ не давалъ ему сперва никакого дѣла и держалъ при себѣ: все

(1) Имущество, но собственно *худоба* значитъ рогатый скоть.

пробоваль, будетъ ли изъ него прокъ. Однажды нарубилъ дровъ и разбросалъ по всему двору, а самъ съѣлъ съ женой въ повозку и уѣхалъ изъ хутора. Видитъ хлопецъ, что разбросаны дрова, и думаетъ: «Зачѣмъ имъ такъ валяться?» Взялъ и сложилъ подъ стрѣхою (1). Возвращается старій Кавунъ, видитъ, что дрова сложены, и говоритъ своей жинкѣ: *Отъ же зъ сѣю ледачого хлопця господарь буде! А зоді тобі, Неане, байдужа бити! сідай на коня да гайда до табуна. Дамъ тобі таке лошя, що приведе друге.* Подержавши при табунѣ, опредѣлялъ его къ отарѣ: *Пильнуй добре. то десяте яля буде твоє.* Такъ, куда дошелъ нашъ панъ-отецъ полныхъ лѣтъ, то сдѣлался и самъ господаремъ, да тамъ и остался, *байдуже ему и Украина!* Сдѣлался братчикомъ, ходилъ на войну и добылъ всякаго добра, добылъ и тотъ кунтушь съ золотою сѣткою. Но тутъ постигла Запорожцевъ бѣда: окружили ихъ Сѣчь, забрали по куренямъ всякое добро, взяли изъ церкви серебро, золото и церковное и братское, не оставили Богу и восковыхъ свѣчей; сказано—голодною саранчею упали на Сѣчь! Такъ бывало разказываетъ нашъ панъ-отецъ. Кто былъ въ сѣчевыхъ куреняхъ, тѣ, сѣвши въ чайки (2), поплыли къ Турку, а кого изъ братчиковъ захватила бѣда по хуторамъ и зимовникамъ, тѣ не признались козаками и разбрелись по Украинѣ, да тутъ и переженились. Воротился и нашъ панъ-отецъ на батьковщину. Приходить, а братьевъ и матери давно уже на свѣтѣ нѣтъ; остался въ живыхъ одинъ старій батько, да и тотъ, покинувши господарство и распродавши скоть, сидѣлъ въ пасѣкѣ пустыникомъ, душу, стало быть, молитвами спасалъ. Ну, панъ-отецъ нашъ воротился не съ порожними руками: однихъ овецъ пригналъ семьсотъ, и этихъ овецъ пасли не люди, а собаки. Такъ были приучены собаки, что не дадутъ овцамъ разбрестись, и на ночь въ кошары загоняютъ. Привезъ нашъ панъ-отецъ и одежды хорошей козацкой сорокъ паръ. Были тамъ и *сапты*, и *едамашки*, были и *винчуры*, — такіе обоюдные кожухи, что и грѣютъ, и отъ дождя защищаютъ. Началъ онъ жить съ старымъ отцомъ, но жениться долго не хотѣлъ. Былъ онъ совсѣмъ Запорожець, — все одинъ себѣ сидитъ въ куренѣ среди стада на степи, или съ отцомъ въ пасѣкѣ, а иногда осѣдлаетъ коня и исчезнетъ на мѣсяцъ и на больше. Уже и стараго батька по-

(1) Выдававшаяся часть крыши; отрѣзные концы крыши.

(2) Челны.

хоронилъ, и у самого волосъ посѣдѣлъ, а все жениться не хотѣлось ему. Потомъ видить, что родъ его переводится, и добро его въ чужія руки пойдетъ,—женится. Да и женившись, не покидаетъ привычки запорожской. Осѣдлаетъ бывало коня — и не спрашивай жинка, куда ѣдетъ. А ѣздилъ онъ въ запорожскія степи. Тамъ у нихъ на урочищахъ собирались рады. Всегда это время припадало въ полнолуніе. По ночамъ собирались распуганные братчики и держали раду, что имъ на свѣтъ дѣлать, и нельзя ли опять зажить попрежнему; да уже не тѣ времена настали. Пани-матка наша покойная, царство небесное, никогда у него не спрашивала, куда отлучается, а довѣдывалась стороною. Боялась она и духу его и почитала его больше, чѣмъ теперь дѣти отцовъ своихъ почитаютъ. У него было закономъ, чтобъ жинкѣ ничего не открывать, что есть въ мысляхъ: такіе они всѣ были. Когда поднялась война на Ляховъ, то и тогда онъ ни женѣ, ни дѣтямъ не сказалъ, что хочетъ меньшаго сына вырядить въ войско. Мы догадывались только по коню, котораго велѣлъ онъ ему при себѣ объѣзжать, да по саблѣ, которую досталъ изъ скрыни и поставилъ на покутѣ подъ образами. Молча снарядилъ его старикъ и тогда велѣлъ благословиться у матери. А умеръ черезъ недѣлю послѣ проводовъ сына въ казаки. Нашли его въ куренѣ мертваго, въ чистой праздничной сорочкѣ и въ саетовомъ жупанѣ, а подъ головами раскрытая библия... Да гдѣ жъ это дядя? прервала разкащица вдругъ свою повѣсть, обратясь къ дочери съ вопросомъ.

Узнавъ, что онъ почувствовалъ себя худо, она встревожилась и поспѣшила къ его спальнѣ. Въ спальню нельзя было и ей войти безъ позволенія: такова была воля майора. На ея стукъ и окликъ, онъ отвѣчалъ, что онъ лежитъ, и чтобъ его не беспокоили, пока не позоветъ. Это еще больше испугало ее. Она воротилась къ дочери съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и печальною вѣстью. Обѣ онѣ были поражены его словами, потому что майоръ ложился днемъ только въ такихъ случаяхъ, когда его совершенно одолевалъ недугъ. Всякій разъ, какъ онъ позволялъ войти къ себѣ лежащему, онъ заставляли его въ положеніи покойника, со сложенными на груди руками, и всякій разъ онъ былъ увѣренъ самъ и не скрывалъ этого отъ нихъ, что смерть его близка. Онъ отвергалъ какое бы то ни было лѣкарство, и имъ оставалось одно — молиться. И онѣ молились пламенно, и уже раза три горячія молитвы ихъ поднимали его съ одра болязни, и чудомъ казалось имъ, когда онъ начиналъ ходить по

хутору или сидѣть и бесѣдовать съ ними, какъ будто и не былъ боленъ. На этотъ разъ на ихъ лицахъ выразилось передъ глазами гостя такое безпокойство, что Сагайдачный не могъ продолжить своего пребыванія у нихъ ни одной минутой и поспѣшилъ съ ними разстаться, чтобы дать обѣимъ хозяевамъ полную возможность заняться своимъ больнымъ. Онъ не удерживали, но проводили его на крыльцо и воротились не прежде, какъ его нетечанка скрылась изъ виду.

VI.

Воротаясь, онъ увидѣли за чайнымъ столикомъ сидящаго майора. Мать и дочь не вѣрили глазамъ своимъ: это было для нихъ чудо — выше всѣхъ чудесъ. Отъ всего сердца возблагодарили онъ Бога и выразили свое чувство вслухъ, по обычаю простонародья. Тутъ же сестра и племянница осыпали майора самыми нѣжными ласками, какимъ только научили ихъ жизнь и природа. Онъ былъ у нихъ и *соловейко*, и *золото*, и *ясный мѣсяць*.

Майоръ былъ тронуть до глубины души ихъ ласками, — былъ тронуть болѣе, нежели когда-либо; но слово его нѣмѣло отъ ужасныхъ мыслей, наполнявшихъ его голову. Онъ говорилъ только: «Бѣдные вы люди! бѣдныя вы простачки!» и ничего болѣе. Потомъ сказалъ: «Дайте мнѣ чаю: я совсѣмъ ослабѣлъ».

Видно было, что его природа собирала послѣднія силы, чтобы постоять за то, что для него было единственною драгоценностью въ мірѣ. Онъ держался прямо; глаза его были оживлены какимъ-то страннымъ огнемъ; во всѣхъ его движеніяхъ замѣтна была лихорадочная, сдерживаемая энергія. Это былъ человекъ, у котораго одна сильно напряженная мысль подняла до возможной напряженности всѣ моральныя и физическія силы. Несмотря на то, что внутри пожирала его страшная горечь, снаружи онъ казался только размышляющимъ, но вовсе не печальнымъ. Господствующее выраженіе его лица обозначилось теперь съ такою силою, что сестра и племянница, готовя для него чай, понизили одною нотою голосъ, точно боясь помѣшать его умственному занятію. Это было сдѣлано безсознательно. Но когда майоръ взялся за свой стаканъ чаю, онъ въ его блѣдномъ лицѣ замѣтили что-то страшное, что-то похожее

на выраженіе подавленныхъ страданій, и готовы были испугаться опять за его здоровье. Но майоръ спокойно кушалъ чай, заѣдая его не удавшимися коржиками такъ, какъ будто они были самые удачные. Парася, зная его привычки, послѣ перваго стакана подала ему трубку. Онъ наклонилъ къ себѣ ея голову и поцѣловалъ ее въ лобъ, чего прежде никогда не дѣлалъ. «Бѣдная моя простушка!» сказалъ онъ въ полголоса, какъ бы обращаясь къ самому себѣ.

Сестрѣ давно уже хотѣлось заговорить о новомъ знакомомъ, но ее что-то останавливало: она инстинктивно чувствовала, что для этого надобно выбрать минуту, въ которую братъ охотно станетъ ее слушать. Когда табачный дымъ закрылъ, точно легкимъ флеромъ, его лицо и сгладилъ на немъ строго-размышляющее и вмѣстѣ какое-то страшное выраженіе, она, сидя противъ него за чайнымъ столикомъ, повела наконецъ рѣчь о Сагайдачномъ, и начала исчислять его достоинства съ своей точки зрѣнія. *Да якій же вінъ разумный! Да яке у его слово міжне!* Въ такихъ восклицаніяхъ разлилась было ея рѣчь. Но майоръ, слушавшій ее съ горькою улыбкою, вдругъ остановилъ ее на *нѣжномъ словѣ*.

— Полно, полно, хозяйшка! вскричалъ онъ, быстро поднявшись съ своего мѣста.— Не спѣши хвалить нѣжныя слова. Настанетъ еще время, когда ты узнаешь имъ цѣну!

Яркій румянецъ покрылъ лицо Параси. Майоръ это замѣтилъ и, отвернувшись, прошелся раза два по балкону, стуча каблукми громче обыкновеннаго.

Еслибы майоръ нашъ былъ больше майоръ, нежели человекъ, онъ распорядился бы съ этимъ казусомъ просто-напросто: отозвалъ бы сестру въ особую комнату и сообщилъ бы ей, что вотъ дескать, матушка, сдѣлана такая и такая рекогносцировка, и открыты такія и такія обстоятельства. Изволь развѣдать у дочери, сколь велика приключилась бѣда, и прими свои мѣры, а я приму свои. Этимъ способомъ дѣло тотчасъ бы объяснилось, и не изъ чего было бы майору поднимать трагическую возню съ самимъ собою и съ Сагайдачнымъ. Но какъ нѣтъ худа безъ добра, такъ нѣтъ и добра безъ худа. Майоръ нашъ, при всемъ своемъ майорствѣ, имѣлъ въ себѣ несравненно больше человеческого, нежели майорскаго. Онъ не въ силахъ былъ сказать матери слово, которое, онъ чувствовалъ это по себѣ, должно было какъ мечъ пройти сквозь ея сердце. А между тѣмъ его любовь къ племянницѣ преувеличила глубину пропасти, изры-

той, какъ ему казалось, 'подъ ея ногами хитрымъ соблазнитель-
лемъ. А между тѣмъ негодованіе разбудило въ немъ чувство,
которое мы назовемъ боевымъ жаромъ, такъ какъ подъ этимъ
видомъ въ немъ воспитана была жизнію дѣятельная энергія,
свойственная каждому счастливо созданному человѣку. И, за-
мкнувшись въ самомъ себѣ, майоръ готовился на дѣло, чистое,
въ источникъ, изъ котораго оно взяло свое начало, но помра-
ченное въ соприкосновеніи съ понятіями и обычаями еще не
очищенной, еще не одухотворенной жизни, которою живетъ
наше бѣдное поколѣніе.

Еслибы сестра майора узнала сутками раньше о сближеніи
дочери съ Сагайдачнымъ, она бы нашла тонкіе способы раз-
вѣдать всѣ обстоятельства этого сближенія, и, зная дѣло какъ
оно есть, шла бы прямо къ желанной цѣли. Она бы поспѣшила
подѣлиться съ братомъ своею радостію, своими надеждами, сво-
ими семейно-житейскими мечтами, на которыя такъ щедро во-
ображеніе, подогрѣтое любящимъ до безпредѣльности материн-
скимъ сердцемъ. Нѣсколько словъ съ той и другой стороны,
нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ поставили бы дѣло между
братомъ и сестрою въ такую ясность, послѣ которой осталось
бы соединиться имъ дружескимъ совѣщаніемъ въ одинъ
умъ и вести дѣло въ порядкѣ, направляя теченіе любви мо-
лодой четы ровнымъ потокомъ и украшая берега этого
потока своимъ заботливымъ сочувствіемъ. Но любовь этой четы
открылась ей въ неожиданномъ и дикомъ, а по нашему рома-
ническомъ видѣ. Собственная мысль ея не освоилась еще съ
этимъ открытіемъ, и притомъ она знала слишкомъ мало о томъ,
что между ними происходило. Рѣзкое замѣчаніе брата о нѣж-
номъ словѣ заставило ее прикусить языкъ. И, замкнувшись
сама въ себѣ, она выпустила на волю рой тревожныхъ мыслей,
успокоенныхъ на время заботами о гостѣ и братѣ, и далека
была она отъ пониманія того, что дѣлалось въ душѣ майора,
и не предчувствовала она бури, собиравшейся надъ его мир-
нымъ домомъ.

Еслибы Парася съ самаго начала своего знакомства съ Са-
гайдачнымъ знала кто онъ, она бы немедленно сообщила матери
о своей встрѣчѣ съ нимъ въ кругу играющихъ сверстницъ при
лунѣ. Но съ ней случилось такъ, какъ поется въ пѣснѣ:

Полюбила козаченька, не спитала й віткі (1).

(1) Не спросила и откуда онъ:

Сагайдачный, находя въ своемъ народѣ безконечный интересъ для наблюдательности и желая войти поглубже въ его жизнь, кнѣзь иногда свой европейскій костюмъ на полуазиатскую одежду, которая такъ согласуется съ широкими степными пространствами Малороссіи и такъ удобна для перенесенія жаровъ и пыли на нашихъ дорогахъ. Въ этой одеждѣ онъ разъѣзжалъ отчасти для хозяйственныхъ надобностей, а отчасти и изъ любопытства по украинскимъ шумнымъ и безпорядочнымъ ярмаркамъ, походя больше на прикащика, богатаго или зажиточнаго торговца-хуторянина, нежели на дворянина. Знаніе малороссійскаго языка помогало ему казаться ниже настоящаго своего званія въ глазахъ не знавшихъ его людей. Возвращаясь однажды домой верхомъ, въ ночное время, онъ былъ привлеченъ звонкими дѣвическими пѣснями въ урочище Гойдалки. Онъ привязалъ къ дереву своего коня и вошелъ въ рѣзвый кругъ дивчатъ въ видѣ молодцоватаго паробка. Появленіе незнакомца смутило ихъ; но онъ имѣлъ счастливую манеру, которая внушала къ нему довѣріе, и отпустилъ имъ нѣсколько шутокъ въ такомъ приличномъ и веселомъ тонѣ, что онѣ не могли не отвѣчать на нихъ по народному. Онъ остался съ ними всего минуты двѣ, высѣкъ огня, закурилъ трубку и простился съ ними въ шуточномъ тонѣ, прося быть знакомыми и обѣщалъ заѣхать къ нимъ въ другой разъ. Парася была въ ихъ кругу. Ея наружность поразила Сагайдачнаго. Такого чистаго типа Украинки онъ не встрѣчалъ еще на родинѣ. Шуточное обѣщаніе обратилось для него въ истину: ему хотѣлось еще разъ видѣть красавицу-козачку. Она поселилась въ его воображеніи, какъ чудесный сонъ, и онъ жалѣлъ, что, уступя чувству деликатности, не остался въ этомъ ночномъ собраніи подольше. Съ своей стороны, и Парася была поражена наружностью, тономъ рѣчи и чѣмъ-то непостижимо-очаровательнымъ въ его обращеніи. Задумалась она о своей судьбѣ, обрекавшей ее на жизнь въ кругу скучнаго и тягостнаго для нея сословія, завидовала своимъ сверстницамъ, изъ которыхъ каждая могла смотрѣть на молодцоватаго незнакомца, какъ на своего суженаго. Взглядъ его, устремленный на нее съ безмолвнымъ удивленіемъ, остался у нея въ сердцѣ, и это обстоятельство заставило ее умолчать передъ матерью о встрѣчѣ съ паробкомъ, которому подобнаго она еще не видѣла. Слѣдовавшій за тѣмъ вечеръ былъ такой же тихій, такой же благоуханный и свѣтлый. Луна, поднявшись надъ лѣсомъ, начи-

нала творить на землѣ свои чары. Подъ пѣсни соловьевъ заглянъ въ урочищѣ Гойдалкахъ дивчата, а съ ними и Парася. И пѣли онѣ въ своихъ пѣсняхъ про любовь, про ея томленія и радости, и каждое молодое сердце благоухало естественными чувствами, какъ и цвѣты своими ароматами. И странно были изумлены дивчата: имъ показалось, что вмѣстѣ съ эхомъ имъ подпѣваетъ чей-то посторонній голосъ. Нѣсколько времени онѣ не довѣряли своему слуху; наконецъ открытіе сдѣлалось несомнѣннымъ. Что-то кольнуло Парасю въ сердце, и когда пѣвицы прервали въ смущеніи свою пѣсню, и изъ-за дерева вышелъ къ нимъ вчерашній посѣтитель, привѣтствуя ихъ уже какъ знакомый, она испугалась его появленія, какъ чего-то сверхъестественнаго. Но и голосъ его, и шутки, и пѣсни, которыя онъ началъ запѣвать, заохочивая дивчатъ къ продолженію своихъ прерванныхъ арій, убѣдили ее, что это не былъ духъ, а его наружность и способъ обращенія влекли ее къ себѣ непобѣдимую силою. Но не смѣла она покориться этому влеченію, сторонилась отъ него и, издали бросая на него взгляды, вслушивалась въ его голосъ. Онъ замѣтилъ ея смущеніе и, щадя ее, поспѣшилъ удалиться, обѣщавъ явиться въ слѣдующій вечеръ. Когда онъ уѣхалъ, небольшой кружокъ полувѣтренныхъ, полузадумчивыхъ хуторянокъ держалъ между собою *раду*, на которой старался опредѣлить, кто этотъ паробокъ, зачѣмъ онъ ѣздитъ сюда, и какъ съ нимъ поступать на будущее время? На первый вопросъ дивчата могли отвѣчать одно только, что онъ *богатырь*, то-есть *богачъ*, потому что одна лента въ его сорочкѣ стѣбитъ не меньше четвертака и сіяетъ какъ атласъ при мѣсяцѣ, а бѣлая какъ снѣгъ сорочка чуть ли не изъ самаго коленкору. На второй вопросъ—что ему *сдобалась* одна изъ ихъ кружка, и что онъ *задитъ залицаться* (1). Но такъ какъ очевидно было для всѣхъ, что его сердце повернулось къ Парасѣ, хотя рѣчь его обращалась ко всѣмъ, то весь кружокъ, связанный между собою общенъ къ ней преданностію, вознегодовалъ на его виды, и рѣшено было не собираться больше на Гойдалкахъ. Кто бы онъ ни былъ, сынъ ли богатаго чумака, или любимый прикащикъ какого-нибудь пана, отпущенный на волю, во всякомъ случаѣ залицанье его было бы слишкомъ оскорбительно, по ихъ мнѣ-

(1) Это слово не имѣетъ въ великорусскомъ языкѣ синонима. Оно значить лицомъ къ лицу искать женской благосклонности, стараться обратить на себя вниманіе, понравиться.

ню, для майорской племянницы, которая шутя одъвается попросту, но которая такая же панночка по богатству и по всему, какъ и любая изъ сосѣднихъ панскихъ дочерей. Положено было однакожь держать эту исторію въ тайнѣ, и съ тѣмъ разошлась вечерняя дѣвическая сходка, и, возвращаясь, загляли дивчата примѣненную къ случаю пѣсню:

Ой не ходи, богатырю, коло моего тыну!

Тайна была сохранена вѣрными сверстницами Параси, но первое условіе не было выполнено. Всѣ онѣ до одной явились въ слѣдующій вечеръ на Гойдалкахъ, и пѣсни ихъ дали знать Парасѣ о нарушеніи условія. Съ негодованіемъ побѣжала она сдѣлать имъ выговоръ, но это негодованіе не помѣшало ей замѣнить свои цвѣты свѣжими и, уходя, осмотрѣть себя въ зеркало. Выговоръ сдѣланъ былъ очень строгій, но дивчата отвѣчали на него шуткою, въ которой скрывалась половина правды,—что такой суженый не годится для нея, какъ для паннянки, а годится для нихъ, для простыхъ козачекъ. Эта шутка, сопровождаемая рѣзвымъ хохотомъ, уязвила Парасю въ самое сердце. Въ подспорье робкой любви явилась ревность, и она сказала:

— Коли жь такъ, то не уступлю его никому!

— Боже поможи! отвѣчали весело дивчата. — Только панночкѣ не кстати сдѣлаться простачкою.

— Не хочу быть панночкой! воскликнула красавица. — Лучше быть счастливою простачкою, чѣмъ несчастною панночкой! У насъ была веселая хата въ селѣ; я знаю ту жизнь... я не боюсь простой козачьей жизни! Мнѣ плахта милѣе длинныхъ панскихъ платьевъ!

Все это принято было за шутку сверстницами. Но не шутила Парася.

Всю прошлую ночь уже ей грезился чернобровый, черноусый козакъ, весь день звучалъ въ ея ушахъ голосъ его, и мучило ее данное дивчатамъ обѣщаніе не являться въ Гойдалки. Прибѣжала она къ нимъ съ наружнымъ негодованіемъ, но съ внутреннимъ довольствомъ, которое тотчасъ и высказалось. Рѣшась быть тѣмъ, чѣмъ создалъ ее Богъ, Парася возвратила себѣ утраченную на время прямогу рѣчи и обращенія. Сагайдачный, явясь опять въ этотъ сельскій кружокъ, нашель уже возможность говорить съ нею. Она, по его просьбѣ, заводила пѣсни; она отвѣчала на его шуточные куплеты другими куплетами, которые сложилъ на-

родъ въ позовіе людямъ, затрудняющимся сказать мысль или выразить чувство прямо отъ своего лица. Она изумила его находчивостію, игривостію рѣчи, тонкостію пониманія каждаго чувства. Онъ убѣдилъ ее больше прежняго, что не для шутокъ и пѣсень посѣщаетъ ихъ вечернія сходки. Стало ясно и для всѣхъ дивчатъ, что Богъ указалъ Парасѣ пару. Несомнѣнность этого обстоятельства связала еще больше откровенность Параси передъ матерью, а дивчатъ наполнила опасеніемъ какой-то бѣды для нея и для нихъ. Чтѣ,—если узнаетъ объ этомъ майоръ? Майора всѣ боялись единственно по причинѣ его молчаливости и придавали ему характеръ, вовсе ему несвойственный. Чтѣ скажетъ сама мать Параси, майорская сестра, уже не бѣдная козацкая вдова а полновластная распорядительница богатаго хутора? Къ этому присоединилась еще неизвѣстность, кто таковъ именно вечерній посѣтитель Гойдалокъ. Онъ, повидимому, хорошо зналъ кто такая Парася, но о себѣ умалчивалъ или выражался общими словами, отклоня однакожь и догадку, что онъ выше того, чѣмъ кажется. Онъ полюбилъ хуторскую красавицу, несмотря на то, что она такъ низко стояла въ отношеніи къ нему на общественной лѣстницѣ, но не хотѣлъ, чтобы раннее открытіе кто онъ польстило ея гордости. Онъ хотѣлъ, онъ ожидалъ, чтобъ его полюбили такъ, какъ любятъ простолюдина, способнаго внушить любить непорочному дѣвическому сердцу, и тогда только открылся своей суженой, когда совершенно въ томъ убѣдился. Много чудесныхъ вечеровъ провели они вмѣстѣ, не столько на глазахъ, сколько подъ охраною сочувствующихъ имъ дивчатъ, и тутъ-то рѣшено было сблизиться Сагайдачному съ домою Параси, и послѣ этого-то рѣшенія онъ проводилъ ее однажды дальше, нежели слѣдовало, и получилъ отъ нея прощальный поцѣлуй, который причинилъ столько страданій несчастному майору. Люди положительные, люди, идущіе самою серединой современной жизни, скажутъ, что Сагайдачный *изъ ума дурилъ*, совершая свои калифовскія странствованія между простонародіемъ, скажутъ, пожалуй, что онъ не зналъ порядочнаго общества, если могъ влюбиться въ полудикую красавицу. На подобныя заключенія каждый имѣетъ свои права и пускай будетъ ими доволенъ. Наше дѣло представить только фактъ, выражающій движеніе современнаго челоука впередъ, или отступленіе его назадъ, въ лицѣ такихъ людей, какъ Сагайдачный. А онъ—не исключительное явленіе. Уже истосковались многія сердца отъ засухи въ области чув-

ства женской любви, отъ узости женской души въ извѣстной сферѣ жизни, отъ искусственности ея движеній, за которую не видать уже движеній чисто природныхъ. Уже славянское, еще свѣжее, просвѣщенное общество нашло свой органъ съ этой стороны въ первенствующемъ нынѣ польскомъ поэтѣ, который высказалъ недавно мысль о томъ, откуда современный человѣкъ часть для своего сердца движенія воды живыя:

Gdybym miał jeszcze dać me serce komu,
 Oddałbym go dziewczynie z wieśniaczego domu;
 Stakłbym się z ducha synem, ojcem mego ludu...
 Godny trud życia, godne życie trudul! (1)

Такъ случилось и здѣсь. Борьба съ жизнью, вѣчный бой съ ордою варваровъ и хищниковъ, которые ежедневно дѣлають покушенія на честную и безоружную часть общества, не подавили сердца въ Сагайдачномъ, но, по своему особенному воспитанію, это сердце могло отдаться только такой женщинѣ, какъ Парася,—женщинѣ, образованной или народомъ вълучшей его средѣ, или совершеннѣйшими людьми просвѣщенного общества.

Ничего этого не знала и не могла знать бѣдная служилая голова майора. Опредѣляя себѣ Сагайдачнаго помайорски, онъ видѣлъ въ немъ человѣка высшаго общества, для котораго хорошенькая дѣвушка изъ низшаго то же самое, что кроликъ для льва. Человѣческаго было въ майорѣ очень много, и это человѣческое возмутилось въ немъ всею своею силой. Онъ рѣшился наказать коварный поступокъ, которыхъ тысячи остаются безъ всякой человѣческой кары, кромѣ развѣ уязвленія со стороны змѣйнаго жала сплетницъ, изливающихъ впрочемъ свой ядъ преимущественно въ растерзанное сердце жертвы соблазна и мало дающихъ чувствовать его холодному сердцу соблазнителя.

Окончивъ свой чай и обычное количество трубокъ въ молчаніи, онъ совершенно обдумалъ, какъ ему распорядиться въ этомъ важномъ случаѣ. Больше всего затруднялъ его вопросъ: какимъ образомъ послать Сагайдачному вызовъ, не давъ этого замѣтить сестрѣ и племянницѣ? Удалясь въ спальню, онъ написалъ этотъ вызовъ дрожащею рукою и назначалъ Сагайдач-

(1) Еслибъ у меня было сердце, готовое еще любить, я бы отдалъ его дѣвушкѣ изъ простонароднаго семейства, я бы сдѣлался по духу сыномъ и отцомъ моего народа. Подвигъ, стоящій жизни; жизнь, стоящая подвига!

ному явиться завтра въ десять часовъ утра у пограничнаго камня, подь извѣстнымъ въ околоткѣ *Луковымъ дубомъ*, если онъ считаетъ себя честнымъ человѣкомъ, въ противномъ случаѣ грозилъ искать его по всему свѣту и, найдя, убить, какъ хищнаго звѣря. Записку эту мялъ и переминалъ майоръ въ рукахъ долго. Наконецъ положилъ въ карманъ и вышелъ на обычную передобѣденную прогулку.

Въ сосѣдней рошѣ встрѣтилъ онъ своего кучера, который назывался Радько. Радько былъ старый бездѣтный вдовецъ, имѣлъ видъ суровый и такое выраженіе лица, какъ будто только что плюнулъ на что-то досадное. Онъ не выпускалъ изо рта трубки, и трубка была, повидимому, самымъ пріятнымъ для него предметомъ въ свѣтѣ. На дивчать и молодицъ онъ давно ужъ не смотрѣлъ: покойная жена его была вздорное существо, вѣчно всѣмъ недовольное, и навсегда отвдила его отъ своего пола. Дѣти перемерли вслѣдъ за нею, и Радько изъ всей своей жизни извлекъ одно только заключеніе: *Чортъ ма въ свѣті добра!* Эти слова онъ повторялъ часто, а если и молчалъ, то они ясно выражались на его лицѣ. Тѣмъ не менѣе однакожь онъ преданъ былъ своей хозяйкѣ, сестрѣ майора, такъ что въ хуторѣ однѣ только собаки были вѣрнѣе его. Майоръ это зналъ и совершенно былъ увѣренъ, что Радько не скроетъ отъ нея своего посольства къ Сагайдачному. А возложить это порученіе было больше не на кого. Налagать же на Радька молчаніе было бы дѣломъ напраснымъ, потому что Радько, при всей своей молчаливости, явно показывалъ, что смотреть на майора какъ на лицо постороннее, почти какъ на постояльца, а служить вѣрой и правдой тому, кто держитъ въ своихъ рукахъ бразды хуторскаго правленія. Чтѣ было дѣлать въ такомъ случаѣ? Оставалось только прикинуться пріятелемъ Сагайдачнаго и пригласить его, посредствомъ записки черезъ Радька, будто бы въ гости. Но притворство и игра какой бы то ни было взятой на себя роли были всегда чужды прямому характеру майора, а въ настоящемъ случаѣ оказались для него просто не возможны. Проходя мимо Радька, онъ ограничился только тѣмъ, что осмотрѣлъ испытующимъ взоромъ его черствую и недовольную жизнью физиономію, а Радько, изъ уваженія къ нему, снялъ бриль и вынулъ изо рта трубку; и такимъ образомъ они разошлись въ противоположныя стороны. Радько остался недоволенъ обращеннымъ на него вниманіемъ и подумалъ: *Выпивъ оловікъ, чи не выпивъ, уже й дивитця, наче на ведмедя! А*

майоръ между тѣмъ обдумывалъ, съ которой бы стороны взяться за дѣло и какъ употребить въ него недовольнаго жизнью Радька. Ничего лучше не могъ онъ однакожь придумать, какъ послать Радька ночью, когда все улягутся спать, а отъ сестры и отъ племянницы отдѣлаться за чаемъ молчаніемъ, прогулка же должна была покончить дѣло.

Наступившій послѣ обхода хутора обѣдъ былъ самый скучный. Майоръ ѣлъ мало и не говорилъ почти ничего. Сестра и племянница приписывали отсутствіе аппетита и молчаніе болѣзни, которую онъ скрывалъ по своему обыкновенію, пока въ силахъ былъ держаться на ногахъ. Послѣ обѣда онъ ушелъ къ себѣ, и всякій разъ, какъ приходила къ нему которая-нибудь изъ хозяйшекъ, онъ удалялся въ спальню. Передъ вечеромъ пріѣхалъ къ нему Иволгинъ. Онъ обрадовался посѣтителю большаго обыкновеннаго: ему нужно было присутствіе посторонняго человека, потому что видъ сестры и племянницы, которыхъ судьба представлялась ему въ трагическихъ чертахъ, терзала его сердце. Притомъ же, пріѣздъ Иволгина доставлялъ ему возможность имѣть секунданта для завтрашняго поединка: этого требовали его врожденная честность и усвоенныя на службѣ понятія о чести.

Иволгинъ былъ въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Онъ удостоился обѣдать сегодня у князя, въ позднюю аристократическую пору, и пріѣхалъ къ майору похвалиться. При этомъ онъ привезъ майору княжескій поклонъ, на который майоръ, какъ и прежде, отвѣчалъ: «Добродѣтельный вельможа!» Вслѣдъ затѣмъ Иволгинъ объявилъ, что князь очень интересуется его усадьбой и готовъ былъ бы купить ее.

— На чтò князю моя усадьба? спросилъ майоръ.

— На то, отвѣчалъ Иволгинъ,—чтобы построить здѣсь замокъ въ готическомъ вкусѣ. Такой вельможа не можетъ оставить Майоровщину въ ея нынѣшнемъ видѣ. Я ихъ очень хорошо понимаю, этихъ великихъ людей. У нихъ все выходитъ этакое грандіозное. На всемъ они оставляютъ слѣды своего могущества. Признаюсь, пріятно было бы видѣть на этихъ высотахъ, посреди лѣса, зубчатая стѣны, остроконечныя кровли и надъ ними этакую флагъ. Вельможа здѣсь живетъ, а не простой смертный! По моему, это была бы честь всему нашему уѣзду.

— Но я никогда не располагалъ продавать свою усадьбу, сказалъ майоръ.

— Такъ что же? Случай такой! величіе предмета, знаменитость покупателя,—вотъ что возьмите въ соображеніе.

— А самъ я гдѣ буду коротать жизнь?

— Мало ли гдѣ? Съ вашими средствами можно найти вездѣ пріятное и комфортное существованіе.

— Правда, не долго ужъ мнѣ и коротать на свѣтѣ! сказалъ вполголоса майоръ, обращаясь больше къ самому себѣ, чѣмъ къ гостю.

Иволгинъ не обратилъ однакожь вниманія на эти слова, за которыя онъ могъ бы схватиться. Его слишкомъ сильно занимало *величіе предмета*.

— У васъ есть племянница, продолжалъ онъ, великодушно входя въ положеніе майора.—Я съ вами согласенъ. Наслѣдство послѣ дяди, разумѣется, пріятная вещь. Но деньги развѣ не наслѣдство? А денегъ князь не пожалѣетъ. Сколько тысячъ вы желаете?

— Я не о деньгахъ теперь думаю, сказалъ майоръ.

— А о чемъ же? Такая богатая невѣста найдетъ готовый для себя домъ и заживетъ не хуже, какъ въ Майоровщинѣ. Но я васъ прошу, ваше превосходительство, принять во вниманіе вотъ что. Если Майоровщина перейдетъ къ вашей племянницѣ въ наслѣдство натурою, а не банковыми билетами, то изъ рода въ родъ останется она хуторомъ. Понимаете? Напротивъ, сдѣлавшись княжескою собственностію, она возвѣститъ міру о величіи человѣка, который воздвигнетъ здѣсь дворець или замокъ. Если вамъ угодно понять меня, ваше превосходительство, то я на это смотрю какъ на подвигъ, для васъ обязательный.

— Почему же это?

— Потому что вы имѣете дѣло не съ простымъ покушцикомъ, а съ государственнымъ человѣкомъ. Представьте только, что отъ одного почерка его пера одни идутъ въ Сибирь, другіе сажаются въ тюрьму, богачи лишаются состоянія, бѣдные проливаютъ слезы умиленія. И этакой человѣкъ желаетъ излить золотой дождь своихъ сокровищъ на вашу Майоровщину! Воля ваша, а съ вашей стороны это былъ бы подвигъ патріотическій.

— Патріотическій или нѣтъ, сказалъ майоръ,—но мнѣ пріятно было бы выразить князю свою признательность за его высокое ко мнѣ вниманіе, только не этимъ способомъ.

— А чѣмъ же вы можете выразить? скажите, чѣмъ инымъ можете вы выразить? Визитомъ, что ли? Это больше вамъ честь,

нежели ему. Съ позволенія вашего сказать, у него въ столицѣ пріемная зала набита генералами; такъ что же мы тутъ значимъ съ своими хуторскими визитами? Генералы передъ нимъ въ струнку, продолжалъ одушевляясь Иволгинъ, и самъ вытянулся въ струнку передъ майоромъ и принялъ смиренное выражение лица, воображая себя въ генеральскомъ чинѣ передъ лицомъ неизмѣримо-знатнаго вельможи.

— Ужь еслибы на то пошло, сказалъ задумчиво майоръ, — то я бы не взялъ отъ князя денегъ.

— Какъ не взяли бы денегъ? спросилъ Иволгинъ.

— Такъ, я бы подарилъ ему свою усадьбу.

— Что-о вы? свазалъ Иволгинъ и посмотрѣлъ на майора, какъ на человѣка въ бреду.

Майоръ спокойно продолжалъ курить трубку, какъ будто не сказалъ ничего необыкновеннаго.

Слова его однакожь сдѣлали сильное впечатлѣніе на Иволгина. Онъ прошелся раза два взадъ и впередъ, и всякій разъ, проходя мимо майора, бросалъ на него косвенный взглядъ, между тѣмъ какъ нижняя губа его выражала своимъ движениемъ фразу: *Что за оказія!* Самая свѣтлая мысль мелькнула въ головѣ преданнаго князю посредника: сдѣлать его сіятельству неожиданный сюрпризъ, привезя ему въ одно прекрасное утро дарственную записку отъ майора. Но дѣло это все-таки казалось ему столь необыкновеннымъ, возможность осуществитъ его столь трудною, что онъ отложилъ дальнѣйшія дѣйствія по этому предмету до болѣе зрѣлаго обсуждения, какъ повести свою тактику. Онъ ужъ раскаялся, что принялъ слова майора съ удивленіемъ: ему бы слѣдовало просто имъ аплодировать и только, а потомъ искусно наводитъ майора отъ времени до времени на эту мысль. Чтобы загладить въ умъ майора вредное впечатлѣніе, онъ съ самымъ беззаботнымъ видомъ подсѣлъ къ нему и началъ разказывать анекдоты о сосѣдяхъ, по своему обыкновенію.

— Какъ нашъ вѣкъ шагнулъ впередъ! говорилъ онъ. — Все стараются просвѣтить своихъ дѣтей и сдѣлать ихъ, что называется, людьми. Вы знаете Бычка Ивана Осиповича? Говорите: *не знаю*, потому что это въ самомъ дѣлѣ уму непостижимый человѣкъ. Вообразите, воспитаніе сыновей не стбитъ ему ровно ничего. Привозитъ онъ ихъ въ городъ и помѣщаетъ на квартирѣ у глухаго учителя. А глухаго учителя вы знаете? Это человѣкъ еще непостижимѣйшій. Вообразите: совѣстится

брать деньги за свои труды. Я вамъ разкажу преинтересную сцену. Есть у насъ въ городѣ нѣкто святоша. Этого ужъ навѣрное знаете; тотъ, что живетъ за плотиною. Договаривается ходить къ нему въ домъ на уроки глухой учитель и требуетъ, за два урока въ недѣлю, два съ полтиною въ мѣсяць. Онъ, бѣдный, воображалъ, что святоша станетъ торговаться и намѣренъ былъ сбавить полтину. Но святоша говоритъ святымъ своимъ голосомъ: «Хорошо, Прокопъ Семеновичъ.» Бѣдному старичку стало совѣстно, что запросилъ такъ много, и онъ пренаивно спрашиваетъ: «А можетъ быть дорого?»—Нѣтъ не дорого, отвѣчаетъ святымъ голосомъ святоша, и представьте себѣ двухъ дураковъ: начинаютъ торговаться въ противоположномъ смыслѣ. Глухой учитель стоитъ на двухъ рубляхъ, а святоша на двухъ съ полтиною. Наконецъ, глухой учитель договариваетъ условіе, чтобы ходить не два, а три раза въ недѣлю, и на томъ поканчиваютъ споръ. У этого-то глухаго учителя Бычокъ нашъ помѣщаетъ на квартирѣ дѣтей, съ тѣмъ, чтобы онъ училъ ихъ всякой премудрости, и отъ него бы они ходили въ училище. Плата самая малая, но Бычокъ и не думаетъ платить по условію. Этого однакожь онъ въ началѣ года не объясняетъ, а только отсрочиваетъ взносъ денегъ отъ трети до трети. Въ концѣ года учитель требуетъ наконецъ денегъ, а Бычокъ объявляетъ ему, что онъ безпокоится о разчетѣ напрасно. «Я бралъ отъ васъ дѣтей къ Рождеству на столько-то недѣль, къ Великодню—на столько-то, кромѣ того къ Троицыну дню, къ Спасу, къ Покрову, на Масляной. Сосчитайте-ка, сколько это выходитъ времени? Около трети года. Въ это время вы не смѣли бы кормить благородныхъ дѣтей кой-какъ. Вы бы должны были готовить для нихъ такую пищу, какую они ѣдятъ у меня дома на праздникахъ. Вотъ и выходитъ, что мы ничего другъ другу не должны...»

— Богъ съ нимъ! прервалъ разкащика майоръ. — У меня есть къ вамъ просьба, Капитонъ Павловичъ.

— Просьба! воскликнулъ Иволгинъ.—Вотъ ужъ не ожидалъ, чтобы вы могли меня о чемъ просить! Да я весь къ вашимъ услугамъ! Требуйте отъ меня не только тѣло, но и душу.

— Не нужно мнѣ ни того ни другаго. Я васъ прошу только быть моимъ секундантомъ.

Надобно здѣсь замѣтить, что Марьянка давно уже поставила на столъ подносъ съ подкрѣпительными напитками и яствами. Иволгинъ пилъ мало за столомъ у князя и вознаграждалъ себя

за то у майора. Но рюмка чуть не выпала у него изъ руки, когда онъ услышалъ слово *секундантъ*, много лѣтъ уже не поразившее его слуха. Тутъ онъ въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что майоръ не въ своемъ умѣ и опечалился, что слово о подаркѣ сказано въ бреду. Но майоръ имѣлъ видъ здороваго умомъ человѣка и спросилъ:

— Чтò вы такъ на меня смотрите?

— Откровенно вамъ скажу, я не вѣрю своимъ ушамъ, отвѣчалъ Иволгинъ.—Да съ кѣмъ тутъ драться и за что?

— Ну, хоть бы съ Сагайдачнымъ!

На это Иволгинъ сказалъ только длинное: *а-а-а!* Потомъ прибавилъ:

— Такъ шило таки въ мѣшкѣ не утаишь?

— Чтò вы этимъ хотите сказать? спросилъ съ неудовольствіемъ майоръ.

— То, что Сагайдачный подѣхалъ...

— Молчите! вскричалъ майоръ, протягивая къ Иволгину руку, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто слѣдующее слово должно было быть смертоноснымъ ударомъ.— Не говорите, не смѣйте говорить болѣе! Я у васъ объ одномъ спрашиваю: согласны ли вы быть секундантомъ, или нѣтъ?

— Согласенъ отъ всего сердца! сказалъ Иволгинъ.

Сагайдачный былъ личный врагъ его, Богъ знаетъ почему, и радовался Иволгинъ, что увидить его подѣ выстрѣломъ. «Майоръ—воинъ опытный; у него рука не дрогнетъ, а вотъ посмотримъ, какъ этотъ столичный щелкоперъ почувствуетъ себя передъ взведеннымъ куркомъ!» Такъ думалъ онъ. Но сильнѣе самой мстительности заговорило въ немъ другое чувство.

— Ваше превосходительство! сказалъ онъ, — какъ же вы оставляете ваше наслѣдство?

— Какъ будетъ угодно Богу, отвѣчалъ майоръ.

— Какъ же это? вѣдь человѣкъ смертенъ, а тѣмъ болѣе, когда идетъ на поединокъ. Вы бы того... совершили сперва актъ...

— Богъ съ нимъ! не до акта мнѣ теперь.

— А князь причемъ же останется въ случаѣ вашей смерти?

— Чтò жъ князь? Онъ можетъ купить и у моихъ наслѣдниковъ. Да признаюсь, для меня это все равно.

— Какъ же это? Чтò жъ это вы говорите? Давно ли выд сказали совсѣмъ другое? Подумайте, о комъ идетъ дѣло. Вѣдь это не простой смертный.

— Знаю; только, право, я не въ силахъ теперь ни о чемъ больше думать.

Иволгинъ былъ въ большомъ затрудненіи. Заставить майора сдѣлать что-нибудь противъ воли, не было возможности. Это онъ зналъ. Онъ также зналъ, что настойчивость можетъ вызвать въ немъ врожденное малороссійское упрямство, и тогда онъ наотрѣзъ откажется отъ великодушнаго движенія души въ пользу князя. Хорошо, если въ поединкѣ падетъ Сагайдачный; тогда князь сдѣлается защитникомъ убійцы, и подарокъ Майоровщины будетъ естественнымъ слѣдствіемъ его высокаго покровительства. Но если.... Иволгинъ боялся договорить въ умъ противоположную мысль. Конечно, Сагайдачный тогда погибнетъ,—это не малое утѣшеніе. Но за то какое горе! у князя выскользнетъ изъ рукъ драгоценный подарокъ. Иволгинъ входитъ въ интересы его сіятельства безкорыстно, за одно ласковое слово, за честь называться его знакомымъ. Удруживъ ему Майоровщиною, онъ навсегда утвердилъ бы за собою право на его высокую благосклонность, а это не пустяки: это озарило бы его тусклую, обѣднѣвшую жизнь и дало бы ей новое, важное значеніе въ глазахъ всего уѣзда. Вотъ изъ чего хлопоталъ Капитонъ Павловичъ Иволгинъ!

— Такъ вотъ какъ, ваше превосходительство! сказалъ онъ, возвращаясь къ своей беззаботности послѣ минутнаго раздумья.— Ну, пью за ваше здоровье и за успѣхъ вашего поединка! Надѣюсь, что вы покажете разницу между рукой, владѣвшею оружіемъ, и рукой, которая знаетъ одно презрѣнное перо. Что касается до меня, я весь къ вашимъ услугамъ. Не прикажете ли мнѣ доставить лично вызовъ Сагайдачному?

Эта мысль не приходила въ голову майору. Онъ съ радостію согласился на предложеніе Иволгина. Роковая записка была передана изъ рукъ въ руки. Время съѣзда у Дукова дуба назначено. Иволгинъ, полудовольный, полупечальный, оставилъ Майоровщину.

Солнце торжественно опускалось къ потемнѣвшему лѣсу. Украинская природа сіяла въ тишинѣ лѣтнею роскошью. Какъ бы можно жить на свѣтѣ среди такой природы! Но какъ упорно не даютъ люди одинъ другому зажить на свѣтѣ безмятежною жизнію!

II. Кулишъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

КАДРИЛЬ¹

РАЗКАЗЪ ЛИЗЫ.

• Средь степей и я, суеть не зная,
Провела развитія лѣта;
Но судьба моя была иная:
Съ третьяго ужь года сирота,
Въ домъ была взята я къ старой теткѣ.
На нее гляжу какъ бы теперь:
Хоть она давно уже въ чахоткѣ,
Спальни чуть переступала дверь,
Но весь домъ терзала. Въ околоткѣ
О ея богатствѣ шла молва,
Знали всюду, что хотя едва
Душъ она всего имѣла двѣсти,
Но хранила денегъ тьму въ казнѣ.
По причинѣ общей этой вѣсти,
Вся родня завидовала мнѣ,
Говоря, а съ нею все сосѣдство,
Что себѣ отъ тетушки наслѣдства
Я дождусь; что такъ везетъ не всѣмъ.

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

Не завидно я жила межъ тѣмъ;
 Какъ пересказать, да и къ чему,
 Всѣ мои вамъ горести? Въ дому
 Въ должности жила я фаворитки.
 О такой несчастной вы не разъ
 Можетъ-быть жалѣли, но изъ васъ
 Ни одна не ея знала пытки.
 Оскорбить ее всегда предлогъ
 Встрѣтится. Чай поданъ, сливки жидки, —
 Ей упрекъ; сгнилъ какъ-то сѣна стогъ,
 Въ чемъ-нибудь понесены убытки, —
 И опять, и всюду ей упрекъ.
 Ищутъ ей со тщаньемъ новой муки,
 Такъ, отъ дѣлать нечего, отъ скуки,
 Чтобъ занять какой-нибудь игрой
 Свой досугъ, чтобъ день скорѣй шель мимо,
 Такъ какъ въ праздный часъ вельможи Рима
 Рѣзали невольниковъ порой.
 Странно мнѣ, какъ эти всѣ напасти,
 Эта вся жестокая вражда,
 Эти всѣ мученія—безъ власти
 Надо мной бывали иногда;
 Какъ меня подъ сѣнь своей эгиды
 Чудный сонъ бралъ часто день и ночь,
 Какъ всю грусть, всѣ горькія обиды
 Юности перевозмогала мочь.
 Жили мы средь мѣстоположенья
 Самаго простаго: садъ и домъ,
 Въ сторонѣ убогаго селенья,
 Избы скудныя, и степь кругомъ;
 Степь тамбовская: ни возвышенья,
 Ни кустарника, ни деревца,
 Даль непостижимая для зрѣнья,
 Поле безъ границы, безъ конца.
 И когда, пурпурно догарая,
 Рдѣлъ закатъ, глядѣла въ поле то
 Я съ мечтой, что изъ-за неба края
 Явится мнѣ что-то — Богъ вѣсть что!
 И когда сонъ принималъ видъ тѣлесный,
 И когда ужъ взоръ не наобумъ
 Мчался вдаль, но къ точкѣ ужъ извѣстной
 Онъ летѣлъ въ часы заветныхъ думъ,
 Какъ тогда, сквозь боли и печали,
 Въ немъ души сіяло торжество!...

И теперь отъ этой дивной дали
 Не могу я взгляда своего
 Оторвать, хоть всё волненья пали,
 Хоть не жду оттуда ничего.
 И вела жизнь тягостную эту
 Я въ глуши, покорно, день за днемъ;
 Утромъ вслухъ читала я газету,
 Разливала чай, и подъ окномъ
 Вслѣдъ за тѣмъ садилася съ шитьемъ;
 Всакивала въ продолженьи часа
 Двадцать разъ, то чтобъ поднять платокъ,
 То чтобъ принести бутылку кваса,
 То чтобъ снять подушку теткѣ съ ногъ,
 То чтобъ велѣть сказать ребенку
 На дворъ, чтобъ онъ не смѣлъ кричать,
 То чтобъ вынести за дверь болонку,
 То чтобъ ввустить ее опять;
 Все при брани, до поры обѣда,
 Въ мѣсяцы поста и мясоѣда,
 Скуднаго и гадкаго равно.
 И потомъ приказъ глядѣть въ окно,
 Въ ожиданьи старика сосѣда,
 И потомъ чай снова, и бесѣда
 О дождѣ, о томъ что врядъ оброкъ
 Сберешь, что время наше люто.
 И потомъ, и наконецъ,—минута,
 Жданный мной съ утра счастливый срокъ,
 Гдѣ, испивъ дня горестную чашу,
 Къ теткѣ на ночь я пошлю Агашу,
 И уйду въ свой тѣсный уголокъ.
 И межъ тѣмъ смѣнялись непогоды
 Ясностью роскошныхъ майскихъ дней;
 Шли себѣ и мѣсяцы и годы;
 Какъ среди удобства и свободы,
 Жизнь текла не тише, не скорѣй.
 Разъ сосѣдъ привезъ съ собою сына,
 Изъ Москвы прибывшаго. Москва
 Намъ была, какъ дальняя чужбина,
 Незнакома; и его слова
 Слушала я какъ во время оно
 Слушала рѣчь Мавра Дедемона,
 И мнѣ жизнь вдругъ сдѣлалась нова....
 То сбылось, что было вѣроятно,
 Что почти не сбыться не могло:

Лучъ любви блеснулъ мнѣ благодатно,
 Залегла неожиданно, непонятно
 Дума въ грудь, роскошно-тяжело:
 И какъ цвѣтъ душистый туберозы
 Черезъ ночь надежда разцвѣла;
 вспыхнули желанія и грезы,
 Гимнъ мечты средь вѣшной, влою прозы,
 Гордый хмѣль волненій безъ числа,
 Миръ тѣмъ днямъ! Я здѣсь на описанье
 Не рѣшусь, каковъ былъ Алексѣй
 (Не къ чему вамъ прочее названье).
 Чѣмъ тогда, мной управляя всѣй,
 Мнѣ въ глухой казался онъ пустынь,
 Тѣмъ конечно не былъ, быть не могъ;
 Я бы врядъ его узнала нынѣ.
 Что же въ томъ? Я въ немъ нашла предлогъ
 Для любви, для счастья безъ мѣры.
 Всѣ же мы, мечтая и любя,
 Дань свою кладемъ къ ногамъ химеры,
 Всѣ въ другомъ мы ищемъ лишь себя.
 День прошелъ; проснувшись до разсвѣта
 На другой, была уже съ утра
 Я совсѣмъ готова и одѣта.
 Осень наступала (какъ вчера
 Въ памяти осталось утро это);
 Осень чудная, теплѣе лѣта;
 Зелень вся была уже пестра.
 Вышла въ садъ я, и пошла вдоль вала,
 И сама съ собою разсуждала,
 Трепетно дошедши до лужка,
 Что нельзя пріѣхать вновь такъ скоро,
 И межъ тѣмъ глядѣла съ косогора,
 И вдали узнала ѣздока.
 Сколько разъ, несясь такъ изъ далека,
 Душу мнѣ онъ волновалъ до дна!
 Сколько разъ отозвался глубоко
 Съ той поры въ ней топотъ скакуна!

Алексѣй сталъ часто ѣздить, вскорѣ —
 Ужь почти всѣдневно; съ теткой онъ
 Толковалъ о всякомъ скучномъ вздорѣ,
 Кралъ пасьянсъ, или игралъ въ бостонъ.
 Хоть со мной бесѣдовалъ и мало,
 Ей онъ явно угождалъ. Зачѣмъ?
 Спрашивала я; душа шептала

Мнѣ отвѣтъ. Зима пришла межъ тѣмъ.
 Время проходило, и летѣли
 Въ тишинѣ, все такъ же какъ одна,
 Ровнымъ детомъ для меня недѣли.
 Я ждала поутру близъ окна.
 Тетки злость мнѣ шла невнятно мимо;
 Какъ броней алмазной херувима
 Грудь моя была охранена.
 Я сквозь шумъ неистоимой брани
 Слушала, не проскрипѣли ль сани
 По снѣгу замерзшаго двора;
 И потомъ ловила знакъ участья,
 Два-три слова, взглядъ, — довольно счастья,
 Чтобы имъ упиться до утра!
 И пришла минута.

Было уже
 Мѣсяца съ четыре теткѣ хуже.
 Разъ она къ себѣ въ началѣ дня
 Въ спальню вдругъ велѣла звать меня;
 Ожидая новую причуду,
 Я вошла, молитву сотворя.
 Видь ея въ то утро не забуду
 Въсь свой вѣкъ: день сѣрый января
 Разсвѣталъ, и свѣчка догарала,
 Вставленная криво въ мѣдъ шандала.
 Близъ печи, закутана въ тулупъ
 Хоть и жарко было точно въ банѣ,
 Въ комнатѣ лежала на диванѣ
 Дряхлая старуха, полутрупъ,
 Холодна, недвижна, неспособна
 Ни къ чему, безсильна, чуть дыша;
 Но въ глазахъ еще сверкала злобно
 Лютая, упрямая душа.
 Только что войдти успѣла въ дверь я,
 Встрѣтилъ странный ужъ 'меня привѣтъ:
 —Знаешь ли зачѣмъ вчера Лукерья
 Власьева была? не знаешь?—Нѣтъ!
 —Знаешь ли ты, что село Грачево
 Съ мѣсяцъ ужъ купилъ майоръ Шенковъ?—
 —Знаю.—Знай же, на тебѣ готовъ
 Онъ жениться. Ну! промолвь хоть слово;
 Что жь стоишь на мѣстѣ какъ чурбакъ?
 Собралась я духомъ кое-какъ:
 —Не хочу идти я за Шенкова,

Тетушка.— Не хочешь? вотъ-те на!
 Такъ тебѣ какого жь надо хвата?
 Ты не слишкомъ для него ль знатна,
 Мать моя? иль черезъ чуръ богата?
 Жить ей не угодно госпожей;
 Хороша съ тобою мнѣ потѣха!
 Такъ ты вѣкъ вѣсть хочешь хлѣбъ чужой?
 Быть для всѣхъ обузой и помѣхой?
 А при томъ затѣи хоть куда!
 Будто жизнь себѣ она свободна
 Избирать; не знаетъ и стыда.
 Обернулась я:— Какъ вамъ угодно,
 Тетушка, не буду никогда,
 Ни за что женою я Шенкова.
 Тутъ старуха разсердилась снова.
 Молча вышла я, ушла къ себѣ
 И заплакала тогда на волѣ
 О своей суровой, горькой долѣ,
 О своей безжалостной судьбѣ.
 Алексѣй пріѣхалъ въ часъ обѣда:
 Чуть лишь вышли мы изъ-за стола,
 Какъ ему ужъ тетка начала
 Говорить про новаго сосѣда,
 И про то, что я сегодня съ ней
 Поступила какъ нельзя сквернѣй,
 И что я надменна и упорна....
 Мало ль что еще!... Ушла проворно
 Въ залу я, и сѣла тамъ одна
 Въ темнотѣ, и долго просидѣла,
 Глядя въ степь. Сквозь мглу сіяла бѣло,
 Тихая, пустынная, она.
 Можетъ-быть вамъ это непонятно
 Мнѣ, сама не знаю почему,
 Было больно, и межъ тѣмъ пріятно,
 Что меня бранили такъ ему.
 Словно отъ него я оборону
 Ожидала, словно знала я,
 Что онъ мнѣ, по высшему закону,
 Праведный быть долженъ судія.
 Я въ гостиную во время чая
 Воротилась. Въ ней одинъ угрюмъ
 Онъ ходилъ въ волненьи тайныхъ думъ,
 Быстрымъ шагомъ, и меня встрѣчая

Отвернулся. Чай—Богъ вѣсть какой—
 Стала дѣлать я, на Алексѣя
 И взглянуть украдкою не смѣя.
 Вдругъ остановившись предо мной,
 Онъ сказалъ въ полголоса, сурово:
 —Для чего нейти вамъ за Шенкова?
 Врѣзался мнѣ въ грудь его вопросъ;
 Я, дрожа, словъ не найдя къ укору,
 Наклонилась къ чайному прибору,
 И слеза упала на поднось.
 Тетка шла уже по корридору...
 Быстро руку онъ мою схватилъ
 И поцѣловалъ... За счастье это
 Отдалабы я всё богатства свѣта,
 Заплатила бы я кровью жилъ.
 Знали вы подобныя мгновенья,
 Гдѣ душа трепещетъ отъ стѣсненья
 Новыхъ, чудныхъ, необъятныхъ силъ?
 Такъ во мнѣ забилося сердце громко
 Въ этотъ мигъ! Ужь я ждала, что вдругъ
 Разорветъ его восторгъ... Но емко
 Для блаженствъ оно, какъ и для мукъ.
 Впрочемъ все осталось, какъ сначала,
 Въ нашей внѣшней жизни. Все смѣлнѣй
 Тетка съ каждымъ днемъ занемогала;
 Мучилась безъ отдыха я съ ней.
 Часто отъ ея задора злаго
 У меня кружилась голова;
 Мстила всячески она все снова
 Мнѣ за то, что я была здорова,
 Что могла остаться я жива.
 Съ Алексѣемъ обмѣнять едва
 Я украдкой успѣвала слово.
 Рѣдко ужъ къ больной входить онъ могъ;
 И когда отъ пытки я всечасной
 Отрывалась на минутный срокъ,
 Не могла отъ мысли я ужасной
 Умъ освободить: больной несчастной,
 И себя терзающей, и всѣхъ,—
 Той ужъ полумертвой,—было ль грѣхъ
 Смерти пожелать? Не это ль бремя
 Тяготѣло на моей судьбѣ?..
 И не смѣла я въ иное время
 Въ глубь души глядѣть самой себя.

Приближалася весна проворно,
 Шелъ къ концу недугъ. Изнурена
 Немочью, со смертію упорно,
 Яростно боролася она.
 На нее смотря съ недоумѣньемъ,
 Я порой была готова ждать,
 Что она надъ страшнымъ разрушеньемъ
 Верхъ возьметъ, и оживетъ опять;
 Что сильнѣе будетъ воля эта,
 Чѣмъ сама природа и судьба.
 Проходили дни; почти до лѣта
 Длалася жестокая борьба.
 Наконецъ, законъ свой понимая,
 Плоть сдалась, и грозный срокъ пришелъ.
 Помню, было то шестаго мая,
 Въ воскресенье утромъ. Тихій долъ
 Ранними подернуть былъ парами,
 Въ спальнѣ я сидѣла подъ окномъ,
 Изъ села священникъ шелъ съ дарами;
 Было все въ дому уже вверхъ дномъ.
 Начинался благовѣстъ обѣдни,
 Но мнѣ въ умъ тѣснились той порой
 Грѣшныя видѣнія и бредни,
 Рѣзвыхъ думъ неугомонный рой.
 И ни этотъ звонъ богослуженья,
 И ни совѣсти моей упрекъ,
 И ни видъ предсмертнаго мученья
 Ихъ смиритъ въ душѣ моей не могъ.
 Впереди ждала меня свобода,
 Будущность въ соединеньи съ км.мъ...
 Пусть брала права свои природа!
 Праху прахъ! Жизньъ полная живымъ!
 Разъ еще въ томъ изнуренномъ тѣлѣ
 Жизньъ мелькнула. Подъ вечеръ больной
 Стало лучше; сидя на постелѣ,
 Мнѣ она осталась съ ней одной
 Приказала, и недуга муки,
 Какъ и прежде, побѣдивъ опять,
 Мнѣ дала она бумагу въ руки,
 И велѣла въ слухъ ее читать.
 Стала исполнять я приказанье:
 Это было тетки завѣщанье,
 Писанное ею начерно;
 Дѣлало наследникомъ оно

Двухъ ея тамбовскихъ деревенекъ
 Родственника дальняго, а мнѣ
 Назначало всѣхъ наличныхъ денегъ
 Сумму, сохраненную въ казнѣ,
 Пятьдесятъ семь тысячъ. Живши съ дѣтства
 Чуть ли не съ прислугой наравнѣ,
 Я должна была принять вполнѣ
 Это за огромное наслѣдство;
 Не ждала его я и во снѣ.
 Но старалась теткѣ я напрасно
 Быть признательной за этотъ даръ;
 Мысль одна лишь наполняла властно
 Душу мнѣ, какъ радостный угаръ,
 Что могла теперь я Алексѣю
 Жертвовать фортуною своею,
 Что она довольно велика,
 Чтобъ другихъ богатствъ и не желая,
 Жить въ довольствѣ. И ее брала я
 Какъ платежъ нежданный должника..

Тяжкимъ сномъ забылась въ ночь больная;
 Въ креслахъ отдохнувъ часа два-три,
 Утромъ я проснулась до зари.
 Блѣдная лампада образная
 Рѣзко освѣщала съ высоты
 Дремлющей изсохшія черты;
 На полу въ углу спала служанка.
 Нѣсколько минутъ повременя,
 Вышла я: въ саду ждалъ съ позаранка,
 По слову, Алексѣй меня.
 Лишь мгновенны быть могли и рѣдки
 Наши встрѣчи уже съ давнихъ поръ.
 Изъ дому, какъ ласточка изъ клѣтки,
 Быстро я порхнула черезъ дворъ,
 Черезъ садъ, на близкое свиданье
 Трепетно спѣша. Изъ-за березъ
 Бѣгуна знакомое мнѣ ржанье
 Вѣтръ степной порою звучно несь.
 Утро было пышно, дивно-ясно,
 Миръ сіялъ подъ бездной голубой,
 Я неслась стремглавъ, молясь безгласно
 Радостной, торжественной мольбой,
 Горестямъ житейскимъ непричастна,
 И земли не слыша подъ собой.
 Сладко въ грудь минуты упоенья

Мнѣ лились;—не знала я тогда,
 Что имъ нѣтъ на свѣтѣ повторенья,
 Что опять такого же мгновенья
 Принести не могутъ мнѣ года.

Я неслась, собой едва владѣя,
 Преду мною, вновь позеленѣвъ,
 Длинная шумѣла ужъ аллея,
 И мелькалъ станъ гибкій Алексѣя
 Въ промежуткахъ боковыхъ деревь.
 Памятна мнѣ эта встрѣча наша,
 Въ счастьи ребяческомъ моемъ,
 «Алексѣй, сказала я, съ трудомъ
 Духъ перевода, испита чаша!
 Я свободна наконецъ, я ваша.
 Цѣпь моя распалась, и вполне;
 Тетушка отказываетъ мнѣ
 Въ завѣщаньѣ,—этого нисколько
 Не ждала я,—весь свой капиталъ,
 Тысячъ до шестидесяти.

«Только!»

Вскрикнулъ онъ, и снова замолчалъ.
 Этотъ крикъ кольнулъ меня какъ жало;
 Молча мы стояли; я сказала,
 Не поднявъ склоненной головы:
 «Можетъ быть, вамъ это слишкомъ мало?
 Вѣрно больше ожидали вы?»
 Онъ не отвѣчалъ. Пошли мы оба
 Медленно въ аллею: мнѣ она
 Показалась дорогой гроба,
 Съ нимъ вдвоемъ я шла ужъ какъ одна.
 Раза съ два взглянулъ онъ молчаливо
 На меня; одолѣвалъ насъ вдругъ
 Этого неожиданнаго разрыва
 Горестный, болѣзненный испугъ.
 Содрогалась я порой невольно,
 Каждый мигъ мнѣ тяжестью свинца
 Падалъ въ грудь, невыносимо больно.
 Мы прошли аллею до конца.
 Онъ не повернулъ идти обратно
 Вновь по ней; онъ, пасмурно стоя,
 Хлыстикъ свой сгибалъ. — Вамъ вѣроятно
 Ужъ пора домой? сказала я.
 — Кажется, промолвилъ онъ. И снова
 Мы пошли, не говоря ни слова

И боясь душевнаго чутья,
 Каждая во мнѣ дрожала жила,
 Страшный сонъ свершился на яву.
 За калиткой горько я спросила:
 — Скоро ли вы ѣдете въ Москву?
 — Завтра! отвѣчалъ онъ мнѣ жестоко,
 На лошадь вспрыгнувъ. Глядѣла вслѣдъ
 Я ему: онъ уже былъ далеко....
 Тамъ онъ словно обернулся... Нѣтъ.
 И пошла и я своей дорогой,
 Тою же, которой въ этотъ садъ,
 Такъ полна счастливою тревогой,
 Пронеслась я часъ тому назадъ.
 Тихо, какъ подъ гнетомъ тяжелой лѣни,
 До дому дошла я; двери въ сѣни
 Были настежь, встрѣтили меня
 Восклицанья, шумъ и бѣготня;
 Наполнялася народомъ зала;
 Я вступила въ спальню, тамъ лежала
 Тетка какъ вчера, блѣднѣй едва,
 Но ужъ мертвая. Къ ея постели
 Подошла я; странная печаль
 Сжала грудь; — стояла я у цѣли;
 Широко тянулась жизни даль
 Предо мной пустынею свободной.
 Поглядѣла я на трупъ холодной,
 Стало мнѣ старухи этой жаль.
 Мирно вспоминая каждую обиду,
 Каждое мученье прежнихъ дней,
 Я въ душѣ свершила паннихиду
 По себѣ, равно какъ и по ней.
 Алексѣй свое исполнилъ слово,
 Онъ уѣхалъ; — не сошлись мы снова.
 Онъ женатъ въ Одессѣ, помнить врядъ
 Нашу степь; проводить жизнь пріятно;
 За женою взялъ онъ вѣроятно
 Болѣе, чѣмъ тысячь шестьдесятъ.

Умолкла Лиза—пробѣгала
 По ровнымъ складкамъ опахала
 Ея рука, и грустный взоръ
 Склонилася тихо на коверъ.
 Противорѣчила улыбой,

Не давъ слезѣ скатиться съ глазъ,
 Она тому, о чемъ ошибкой
 Ея промолвился разказъ.
 Въ раздумьи молодая жены
 Почли молчаніемъ своимъ
 Души подавленные стоны,
 Недугъ не высказанный имъ.
 И ихъ слова равно клеймила
 Приличій строгая печать,
 И въ нихъ таилась та же сила
 Порывамъ воли не давать;
 И горе помысла нѣмага,
 Смѣясь, быть-можетъ, и шутя,
 Скрывали всё, какъ звѣря злаго
 Лакедемонское дитя.

Шумѣлъ, въ безмолвіи покоя,
 Камина только трескъ живой,
 И вихрь вдругъ проносился воя
 Вдоль опустѣлой мостовой.
 Забывъ о близкомъ часѣ бала,
 Букетъ небрежно уроня,
 Хозяйка дома взоръ вперла
 Въ извивы рѣзваго огня;
 И вдругъ взглянула:

— Что же, Оля?

И ты вѣдь ужъ теперь должна
 Разказывать.

— Да, и она,

Необходимо.

— Ваша воля,

Мнѣ нечѣмъ васъ и пять минутъ
 Занять, вамъ жизнь моя извѣстна;
 Ужель была бы интересна
 Вамъ болтовня про институтъ?
 Изъ быта моего пустаго
 Что разказать я вамъ могу?
 Вы это всё, даю вамъ слово,
 На каждомъ встрѣтите шагу.

— А хоть и такъ; чтожь въ мирѣ ново?
 Рѣшайся, Ольга, и начни
 Скорѣй.

— Извольте, я готова

Про эти молодые дни
 Вамъ говорить; хотя и тщетно

Тревожить, да и тяжело,
То, что намъ стало безответно
И такъ сполна для насъ прошло.
Порой въ театрѣ, въ часъ антракта,
Иль въ бальномъ шумѣ, больно какъ-то
Вдругъ вспомнить о самой себѣ,
И странно думать, отъ чего же
Все на бывшее не похоже
И въ чувствахъ нынѣ, какъ въ судьбѣ?
И то, чѣмъ сердце билось страстно,
Уже глухая старина.....

— Пожалуй, вамъ въ увеселенье
Я разкажу теперь (вѣдь мы
Между собою) приключенье
Мнѣ очень памятной зимы...

— Ну, разкажи же, разкажи;
Намъ время есть, еще не поздно.

Ея головка поднялась,
Улегся локоть граціозно
На кресель вышитый атласъ;
Пронесся лучъ живаго взгляда
Къ стѣнѣ, гдѣ зеркала кристалль
Ея изящнаго наряда
Все совершенство отражалъ.

К. ПАВЛОВА.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ

ВО ФРАНЦІИ¹

I.

Вы желаете, чтобъ я описалъ вамъ положеніе французскихъ деревень въ настоящее время, чтобъ я представилъ въ правдивомъ свѣтѣ нашихъ крестьянъ, какими они вышли изъ великой эманципациі 1789 года; чтобъ я, наконецъ, изобразилъ вамъ положеніе земледѣльческаго класса у насъ въ половинѣ XIX столѣтія. Значить, вы отъ меня требуете для Россіи труда, какого не имѣетъ еще Франція; для этого труда надобно создавать все, даже самые матеріалы: такъ они разсѣяны, неполны, недостаточны. Что не спросили вы меня о французской мануфактурной промышленности и о людяхъ, которые ею занимаются? Тогда съ гордостію повелъ бы я васъ по нашимъ большимъ мануфактурнымъ городамъ. Я могъ бы затрудняться только развѣ въ выборѣ изъ многочисленныхъ и отличныхъ сочиненій, посвященныхъ знаменитыми писателями, вождями экономической науки, изученію нравственнаго и матеріальнаго быта нашихъ промышленныхъ классовъ. Желаете ли вы познакомиться съ блестящею стороною Франціи?—объѣзжайте ея главные города и пристани, обозрѣвайте казармы, изучайте военную организацію, но, Бога ради, не заглядывайте въ деревню. Хотя обработка полей занимаетъ у насъ, по крайней мѣрѣ, двѣ трети населенія; однако мы всегда были, и теперь остаемся, гораздо болѣе народомъ воен-

(1) Авторъ извѣстнаго сочиненія *Histoire des paysans en France*, г. Бонмеръ изъявилъ желаніе участвовать въ нашемъ изданіи и вызвался изобразить земледѣльческій бытъ разныхъ мѣстностей Франціи. Прозачиненіе не замедлитъ послѣдовать за этимъ первымъ письмомъ. *Ред.*

ымъ и городскимъ, нежели земледѣльческимъ. Хотите ли познакомиться съ положеніемъ нашего земледѣлія въ XVIII вѣкѣ? Не спрашивайте Французовъ; ни одинъ изъ нихъ вамъ не отвѣтитъ. Обратитесь къ Англичанину, прочтите *Путешествіе во Францію* Артура Йонга. Сердце ваше обольется кровью, читая это путешествіе, столь же мрачное какъ и то, которое старій флорентинскій гибеллинъ предпринялъ въ пропасти ада. Вы узнаете крайніе предѣлы нищеты, будете имѣть понятіе, до чего можетъ достигнуть терпѣніе безропотной твари, сколько страданій способенъ вынести человѣкъ, не умирая окончательно. Вы ознакомитесь съ положеніемъ, на которое не согласился бы ни одинъ Англичанинъ, ни Нѣмецъ, съ положеніемъ, которое поразило ужасомъ человѣка, жившаго при дворѣ Екатерины II, и вышедшаго изъ крестьянъ, Валентина Гомере Дюваль, который былъ въ послѣдствіи бібліотекаремъ въ Вѣнѣ. Когда Гомере Дюваль, подъ старость, пожелалъ увидѣть опять свое отечество, свою родную деревню, хижину, подъ кровомъ которой протекло его дѣтство, онъ не могъ вынести зрѣлища этихъ живыхъ мертвецовъ въ холщевыхъ лохмотьяхъ; онъ поспѣшно проѣхалъ свою родину, quasi per ignem, и возвратился въ свое новое отечество. Чтеніе этой книги полезно, какъ полезно многое горькое. Въ минуты унынія, когда меня мучитъ нетерпѣливое ожиданіе прогресса, когда я раздражаюсь, видя, какъ мало распространяются самыя легкія улучшенія, какъ часто противятся имъ, изъ всѣхъ силъ сами крестьяне, я прочитываю нѣсколько главъ Артура Йонга, и, соображая, на сколько мы ушли впередъ въ теченіе какихъ-нибудь семидесяти лѣтъ, я отъ души благословляю великій переворотъ, открывшій передъ нами эти новые пути; измѣряю пройденныя пространства, пересчитываю совершенныя завоеванія и, видя какъ нѣкоторое благосостояніе повсюду смѣнило страшную нищету прежняго времени, я начинаю терпѣливо ожидать будущаго.

Какъ бы то ни было, я готовъ повторить съ вами теперь путешествіе знаменитаго англійскаго агронома по Франціи. Оставимъ въ сторонѣ города, замки, чудеса искусствъ и промышленности; посѣтимъ села, войдемъ въ хижины, и посмотримъ, какъ живетъ земледѣлецъ, то-есть тотъ, кто насъ всѣхъ кормитъ. Посмотримъ, что сдѣлано для него, и много ли дано ему, въ замѣнъ того, что онъ дѣлаетъ для насъ и что даетъ намъ. Если обзоръ этотъ будетъ для васъ хоть сколько-нибудь занимателенъ, мы станемъ продолжать; если же онъ угнететъ насъ

скажите мнѣ тотчасъ откровенно, и мы остановимся. Желательно даже, чтобы вы сказали мнѣ объ этомъ заранее: скука—плохой товарищъ, и я не желаю навязывать вамъ такого спутника.

Однако, прежде чѣмъ пустимся въ путь, не угодно ли вамъ ознакомиться, хоть поверхностно, съ устройствомъ общины (*commune*), этой основной единицы государственнаго устройства, этой элементарной ячейки великаго общественнаго улья. Какою жизнію живетъ община, какимъ способомъ она связана, какъ отдѣльное гражданское лицо, съ общею жизнію цѣлаго? Какъ вертится это послѣднее колесо громадной административной машины, и какими сцѣпленіями покоряется оно общему движенію?

Люди 1789 г. были могучіе работники, которыхъ не пугали никакія затрудненія. Видя паденіе стараго общества, которое рухнуло отъ ветхости, они предприняли перестроить Францію снизу до верху и дать ей могущественное единство, въ которомъ бы навѣки исчезли старыя распри и враждебное соперничество областей между собою. До тѣхъ поръ, во Франціи были Бретоны, Анжуйцы, Бургундцы, Провансалы; преобразователи хотѣли знать только Французовъ. Отсюда произошло дѣленіе на восемьдесятъ шесть департаментовъ, которые въ свою очередь подраздѣляются на многіе округа, а округа на кантоны, или вѣдомства мировыхъ судей; кантоны, наконецъ, представляютъ собою соединеніе извѣстнаго числа общинъ. Каждая община можетъ вмѣщать въ себѣ нѣсколько мелкихъ средоточій населенія: посадовъ, деревень, поселковъ и отдѣльных сельскихъ жилищъ. Префектъ, во главѣ департамента, и подпрефектъ, во главѣ округа, въ началѣ были только простыми администраторами, которыхъ избирали граждане. Но такое положеніе, дѣлавшее ихъ независимыми отъ центральной власти, не могло нравиться первому императору. Онъ предоставилъ самому себѣ назначеніе этихъ чиновниковъ. Префекту вспомошествовать совѣтъ префектуры (*conseil de préfecture*); сверхъ того, префектъ каждый годъ предсѣдательствуетъ въ генеральномъ совѣтѣ (*conseil général*), который имѣетъ своимъ назначеніемъ — об-суживать интересы цѣлаго департамента. Генеральный совѣтъ составленъ изъ числа членовъ, равнаго числу кантоновъ. При подпрефектѣ состоитъ совѣтъ округа (*conseil d'arrondissement*), средній между совѣтомъ общины и генеральнымъ совѣтомъ. Окружный совѣтъ, равно какъ и генеральный, собирается разъ

въ годъ; онъ распредѣляетъ прямыя налоги между городами, посадами и деревнями округа, постановляетъ свое сужденіе съ изложеніемъ основаній, на требованія городовъ, посадовъ и деревень касательно облегченія податей, высказываетъ свое мнѣніе о положеніи и нуждахъ округа...

Остановимся немного подолѣе на организаціи общины. Общиной управляетъ меръ; при немъ одинъ или нѣсколько по мощниковъ, смотря по числу народонаселенія. Сверхъ того, меру помогаетъ дума (*conseil municipal*), состоящая по крайней мѣрѣ изъ десяти членовъ. Всѣ эти должности безъ жалованья. Мера и его помощниковъ назначаетъ префектъ; совѣтники думы выбираются всеобщею подачею голосовъ. Тѣ и другіе назначаются на пять лѣтъ; префектъ можетъ отрѣшить ихъ на время отъ должности, а отставляетъ самъ императоръ.

Дума собирается обыкновенно четыре раза въ годъ, и каждая сессія можетъ продолжаться до десяти дней. Но по требованію мера или третьей части членовъ думы, префектъ, въ случаѣ надобности, можетъ назначить чрезвычайное собраніе; въ этомъ чрезвычайномъ собраніи члены имѣютъ право обсуживать только тѣ вопросы, для которыхъ они созваны, между тѣмъ какъ въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ, дума занимается всѣми подвѣдомственными ей дѣлами. Рѣшенія принимаются по большинству голосовъ; въ случаѣ же раздѣленія ихъ поровну, голосъ мера, какъ предсѣдателя, даетъ перевѣсъ. Для совѣщаній требуется присутствіе большинства членовъ. Лицо, не явившееся на три совѣщанія сряду и не представившее законныхъ причинъ своего отсутствія, можетъ быть исключено префектомъ изъ членовъ думы. Засѣданія записываются секретаремъ, за номеромъ и за подписью подпрефекта; потомъ протоколъ скрѣпляютъ своими подписями всѣ присутствовавшіе члены. Эти засѣданія не публичны, но каждый обыватель, или каждый плательщикъ податей, имѣетъ право требовать, чтобъ ему сообщены были протоколы совѣщаній.

Меръ завѣдываетъ всѣмъ, что касается устройства и поддержки общественныхъ зданій, кладбищъ, гуляній, площадей, улицъ, дорогъ; на немъ лежитъ обязанность устраивать и поправлять фонтаны, водопроводы, насосы, сточныя ямы и проч. На него возложена мѣстная полиція для наблюденія за порядкомъ и безопасностію путей сообщенія, за прочностію и безвредностію частныхъ построекъ. Онъ долженъ принимать мѣ-

ры для предупрежденія или прекращенія общественныхъ бѣдствій: пожаровъ, моровыхъ повѣтрій, наводненій, скотскаго падежа. Онъ смотритъ за доброкачественностію напитковъ, състныхъ припасовъ и прочихъ товаровъ, продаваемыхъ на рынкахъ, и за вѣрностію мѣръ и вѣсовъ. Что касается думы, то она контролируетъ дѣйствія мера; по предложенію префекта, вотируетъ ежегодно суммы, потребныя для тѣхъ учреждений, которыя не зависятъ отъ мера, какъ-то: на жалованье сельскому сторожу, учительницѣ и т. п. Дума надзираетъ также за управленіемъ общинными имуществами, обсуживаетъ правильное употребленіе суммъ, провѣряетъ счета, ежегодно подаваемые меромъ, словомъ, завѣдываетъ, подъ его руководствомъ, всѣмъ хозяйствомъ общины.

Весь этотъ административный механизмъ, слегка обрисованный мною, покажется съ перваго взгляда чудеснымъ по своему устройству, безукоризненнымъ въ своихъ комбинаціяхъ и простымъ, при всей своей сложности. Посредствомъ выборовъ, послѣдній изъ гражданъ принимаетъ участіе въ управленіи дѣлами; и власть восходитъ такимъ образомъ отъ делегации къ делегации, до верховной власти, которая, съ своей стороны, подобно часовому барабану, возвращаетъ колесамъ заимствованное отъ нихъ движеніе.

Въ прошломъ столѣтіи, знаменитый нашъ механикъ Вокансонъ, въ часы досуга, устроилъ для шутки механическую утку, изумлявшую всѣхъ зѣвакъ. Утка эта клевала зерна, глотала ихъ и даже совершала процессъ пищеваренія; она плавала, махала крыльями, пѣла.... точъ въ точъ какъ поютъ утки: нельзя же требовать отъ водяной птицы музыкальныхъ способностей Тамберлика или Альбони... Чего же не доставало этому механическому диву, чтобъ быть настоящею уткой? Бездѣлицы,—жизни.

Франція живетъ, какъ жила Вокансонова утка. Благодаря правительственной и административной централизаціи, благодаря всепоглощающей бюрократической маніи, она попусту двигается лапами и махаетъ крыльями. У насъ не довольствуются общою администраціею, а хотятъ до упада силъ управлять всѣмъ во всемъ. Матеріальная сила составляетъ все; нравственной нѣтъ вовсе, и 37,000 французскихъ общинъ существуютъ только по имени. Онѣ не болѣе какъ бездушные зубцы въ машинѣ, гораздо болѣе сложной и гораздо болѣе разорительной, чѣмъ та старая машина, которую Лудовикъ XIV устроилъ въ Марли, для проведенія воды изъ Сены въ Версаль. Франція живетъ

жизнію автомата; жизненные нервы замѣнены въ ней телеграфическими проволоками, требующими повсюду слѣпago повиновения. Правительство приказываетъ, жандармъ и солдатъ заносить вооруженную руку, и Франція повинуется. А потому, всякій сельскій житель, какъ скоро почувствуетъ себя на что-нибудь способнымъ, отправляется въ городъ искать поприща для своей дѣятельности. Тамъ сосредоточена вся власть, между тѣмъ какъ оставленная имъ деревня страдаетъ противоположною крайностію: тамъ безусловная подчиненность и зависимость. Община не можетъ освободиться отъ мелочной и придирчивой бюрократической опеки, которая сковываетъ всѣ ея движенія. Она не можетъ починить публичное зданіе, исправить или проложить дорогу; не можетъ, словомъ, истратить самой ничтожной суммы денегъ изъ своего скромнаго бюджета, не прошедши черезъ рядъ безконечныхъ административныхъ формальностей. Рабство это стоить всякаго другаго, и можно сказать, поля Франціи находятся въ крѣпостной зависимости отъ бюрократіи. Въ одномъ селеніи, близъ Парижа, требовалось что-то исправить. По весьма правильно сдѣланной смѣтѣ, починка оцѣнена была въ 60 франковъ; но представленіе объ этомъ завадилось между бумагами въ префектурѣ, и, когда, по прошествіи двухъ лѣтъ, бумага вышла наконецъ на свѣтъ, поврежденіе значительно увеличилось, и уже потребовалось 400 франковъ. Снова началась переписка. На этотъ разъ, къ счастью, префектурѣ не было угодно затерять бумагу и допустить зданіе до окончательнаго разрушенія. Въ томъ же самомъ округѣ, въ одной общинѣ, понадобилось перекинуть мостикъ черезъ ручей; подрядчикъ брался устроить его за 15 франковъ. Префектурѣ показалась ничтожность этой суммы что-то подозрительною; былъ отправленъ, насчетъ обывателей общины, экспертъ для обстоятельнаго изслѣдованія дѣла. Экспертъ нашелъ мостъ уже готовымъ, ибо нельзя было отложить постройку. Хотя подрядчикъ не издержалъ ничего лишняго противъ условленной цѣны, но расходы для обывателей значительно увеличились, потому что къ нимъ прибавились путевыя издержки эксперта и все, чего стоило мѣстное дознаніе.

Не стану разказывать сколькимъ формальностямъ должно подвергнуться всякому, чтобы получить позволеніе пройтись съ ружьемъ по своимъ владѣніямъ; что до меня касается, я счелъ лучшимъ вовсе отказаться отъ охоты. Но если не трудно отказаться отъ удовольствія охоты, то есть много такого, безъ чего не

легко обойтись, напримѣръ, хлѣбъ. Понадобится ли вамъ выстроить на собственной землѣ мельницу, вотъ рядъ ожидающихъ васъ формальностей: 1) Прошеніе отъ владѣльца къ министру публичныхъ работъ; при чемъ вы должны позаботиться, чтобы просьба была написана въ двухъ экземплярахъ, и одинъ изъ нихъ на гербовой бумагѣ. 2) Свидѣтельство мера о томъ, что податель прошенія есть законный владѣлецъ участка, на которомъ хочетъ строиться. 3) Имя прежняго владѣльца, буде таковой имѣется. 4) Представленіе вышеупомянутыхъ бумагъ министру. 5) Возвращеніе ихъ отъ министра къ меру. 6) Копія должна быть прибита къ стѣнѣ, срокомъ на одинъ мѣсяць. 7) Свидѣтельство о томъ, былъ ли или не былъ предьявленъ какой-либо споръ. 8) Освидѣтельствованіе и планъ мѣстности. 9) Донесеніе и протоколъ инженера, которые посылаются префекту. 10) Всѣ относящіяся къ дѣлу бумаги препровождаются въ мерію, гдѣ онѣ остаются въ теченіи двухъ недѣль. 11) Объявленіе, которымъ заинтересованныя стороны извѣщаются о полученіи бумагъ. 12) Отсылка бумагъ въ подпрефектуру, вмѣстѣ съ предьявленнымъ споромъ, если таковой былъ, съ копіею вывѣшеннаго объявленія и мнѣніемъ мера. 13) Мнѣніе подпрефекта. 14) Мнѣніе префекта. 15) Окончательное рѣшеніе.

Еслибы дѣло шло о пороховомъ заводѣ, то конечно нельзя было бы принять болѣе предосторожностей. Послѣэтого и Донъ-Кихоть, сражающійся съ вѣтрными мѣльницами, вовсе не будетъ такъ смѣшонъ, какъ могъ казаться прежде; вѣроятно, владѣльцы этихъ безвредныхъ мукомольныхъ снарядовъ забыли одну изъ пятнадцати вышеупомянутыхъ формальностей, и доблестный рыцарь, великій блюститель порядка, по свѣдѣму училъ ихъ уважать законъ.

Я не касаюсь здѣсь политической централизаціи, — это особый вопросъ. Но централизація административная есть истинный бичъ для Франціи; по милости ея пустѣютъ села, а города наполняются избыткомъ празднаго люда. Централизація служитъ помѣхой всему и все поражаетъ бесплодіемъ и смертію. Къ чему крестьянину пріобрѣтать познанія, когда онъ осужденъ влачить печальную Жизнь въ деревнѣ? Живому лицу тамъ нечего дѣлать. Правда, ему предоставлено выбирать членовъ думы; но меръ и его помощники назначаются безъ участія мѣстныхъ жителей, не изъ среды ихъ, часто даже вопреки ихъ желаніямъ и сочувствію. Префектъ предписываетъ ме-

ру, чѣмъ должна заниматься дума; объясняя думѣ требованія высшей власти, меръ непременно поставить на видъ, что, если члены не согласятся на *minimum* желаній правительства, то префектъ, въ силу своей власти, наложить *maximum*. Остается изъ двухъ золъ выбрать меньшее, и мириться на предлагаемыхъ условіяхъ, чтобы не взяли вдвое. Да и напрасно было бы сопротивляться: префектъ распуститъ думу и вмѣсто ней назначитъ комиссію; слѣдовательно лучше повиноваться безъ разсужденій.

Эта манія распорядиться всѣмъ и во всемъ, подавлять всякую личную и мѣстную инициативу, не давать департаментамъ управлять своими собственными дѣлами, породила нескончаемую бюрократію, изъ которой образовалось цѣлое чиновничье сословіе, въ конецъ разоряющее страну. Вотъ откуда произошли съ одной стороны пожирающій насъ духъ нищенства, а съ другой жадность до мѣсть и наградъ. Всякій, даже зажиточный землевладѣлецъ, старается отщипнуть хоть частицу отъ лакомаго каравая государственныхъ доходовъ, всякій ищетъ мѣста, и для этого стремится въ городъ. Тутъ разыгрывается безмѣрное честолюбіе, ненасытная жадность; недовольные искатели мѣсть безсовѣстно толкаютъ и давятъ другъ друга въ яромъ состязаніи. Оттого-то каждому поколѣнію нужна революція, каждый хочетъ добиться своей очереди.

Хотите ли взглянуть, съ какою быстротою расплождается у насъ чиновный людъ? По статистическимъ отчетамъ, въ департаментъ Шаранты, о которомъ я сейчасъ буду разказывать, въ 1789г. число чиновниковъ, содержимыхъ государствомъ, простиралось до 489, кромѣ войска сухопутнаго и морскаго. Двѣнадцать лѣтъ спустя, считалось уже 1832, то-есть почти вчетверо болѣе. Надѣюсь, что съ тѣхъ поръ цифра эта не все же увеличивалась въ этой прогрессіи, а то у насъ было бы болѣе начальниковъ, нежели подчиненныхъ, ибо число жителей не превышаетъ 363,000. Во всякомъ случаѣ, нашихъ французскихъ чиновниковъ достало бы на приличное управленіе всею Европою, и даже прочими частями свѣта. Но искренно и отъ души желаю, чтобы вашему отечеству пришлось заимствовать у насъ не эту статью; да избавитъ васъ Богъ отъ такихъ гостей!

Презрѣніе къ сельской жизни, удаленіе изъ помѣстій зажиточныхъ владѣльцевъ болѣзненно отзываются въ деревняхъ и служатъ для нихъ постоянною причиною нищеты. Если наши

балавни счастья рѣшаются, даже въ лѣтніе жары, посѣтить свои владѣнія, то при этомъ имѣютъ въ виду единственно сберечь нѣсколько денегъ, и отдохнуть отъ утомительныхъ и разорительныхъ зимнихъ удовольствій. Немногіе, сознавая, обязанность удѣлять для деревни часть доходовъ, получаемыхъ отъ деревни, продолжаютъ въ своихъ усадьбахъ вести свѣтскую жизнь, принимаютъ родныхъ и знакомыхъ; напротивъ, большинство запираетъ для всѣхъ ворота и двери, и, получивъ доходы отъ фермеровъ, спѣшитъ въ большіе города, въ Парижъ или въ чужіе края, сыпать горстями золото, недостатокъ котораго такъ ощутителенъ для земледѣлія. А между тѣмъ эти деньги могли бы исторгнуть изъ роковой нищеты сельскія общины, и доставить имъ выгоды образованія и цивилизаціи. вмѣсто того, богатый тратитъ жизнь свою на бесполезныя удовольствія и окружаетъ себя толпою праздныхъ слугъ, по большей части оторванныхъ отъ земледѣлія, а эти слуги, получая въ городѣ больше жалованья при меньшемъ трудѣ, навсегда остаются тамъ.

Централизація стянула всю Францію въ Парижъ, и какъ ни больно въ томъ признаться, мы не можемъ скрыть, что Франція безъ Парижа стоитъ ниже уровня всей остальной Европы. Посмотримъ, какое участіе въ умственной жизни народа принимаютъ провинціи той страны, на плодородной почвѣ которой зараждалась мысль, вдохновлявшая нерѣдко весь образованный міръ? Появилась ли у насъ какая-нибудь замѣчательная книга внѣ столицы? Пишутся ли оперы, или другія пьесы для провинціальныхъ театровъ? Отчего о порядочныхъ провинціальныхъ журналахъ нѣтъ даже и помину? Отчего сдѣлалось смѣшнымъ званіе академика какого-нибудь города? Отчего провинціальные университеты не имѣютъ значенія? Отчего суды нашихъ департаментовъ остаются безъ отголоска? Все это отъ того, что централизація сдѣлала изъ Парижа голову и сердце Франціи, что только тамъ можно говорить и мыслить. Дѣло это приняло такіе размѣры, что Парижъ управляетъ не только прихотью, модами, искусствами и промышленностію, но еще захватилъ въ свои руки земледѣліе, коннозаводство, внѣшнюю торговлю: многія коренныя французскія мануфактуры, способныя обогатить цѣлыя области, чахнутъ и пропадаютъ отъ того только, что столица не обращаетъ на нихъ вниманія.

Но замѣнила ли централизація чѣмъ-нибудь лучшимъ то, что она уничтожила? Придала ли она всему ровное, сильное и

разумное движеніе? Къ несчастію, этого-то именно нѣтъ, особенно если обратить вниманіе на сельскій бытъ.

Закономъ 20 марта 1850 г. предписано учредить во всѣхъ главныхъ городахъ департаментовъ земледѣльческія палаты, которыхъ члены избирались бы земледѣльческимъ собраніемъ, по одному отъ каждаго кантона и оставались въ своей должности шесть мѣсяцевъ. Палаты всѣхъ восьмидесяти шести департаментовъ имѣли ежегодныя засѣданія въ теченіи одной недѣли, и получали право опредѣлять время своего открытія, равно и текущія занятія. Кромѣ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаевъ, правительство совѣтовалось съ ними о перемѣнахъ въ законодательствѣ относительно земледѣльческихъ интересовъ, а именно во всемъ, что касалось косвенныхъ налоговъ, таможенъ, привратныхъ пошлинъ (octrois), также надзора за водяными сообщеніями. Правительство обязано было сноситься съ ними при заведеніи ярмарокъ и рынковъ, при расходованіи общественныхъ и департаментскихъ капиталовъ, назначенныхъ для поощренія земледѣлія, при основаніи мѣстныхъ училищъ и учебныхъ хуторовъ. Земледѣльческія палаты признаны общепольными заведеніями, наравнѣ съ палатами торговли, и, такъ же какъ онѣ, имѣли право прямо сноситься съ министромъ своего вѣдомства.

Ничего нельзя было придумать лучше, и мы въ правѣ были бы ожидать отъ такого либеральнаго учрежденія самыхъ счастливыхъ послѣдствій. Естественно, что земледѣльческія палаты не обращали вниманія на политическія мнѣнія своихъ членовъ; представителями о нуждахъ и желаніяхъ сельскаго населенія избирались люди, наиболѣе способные, богатые собственники, независимые въ матеріальномъ отношеніи, слѣдовательно имѣвшіе возможность исполнить возложенное на нихъ порученіе. Эти лица не только рѣшались давать иногда отвѣты вовсе не тѣ, какихъ желало отъ нихъ правительство, но еще сами, съ излишнею правдивостію, поднимали щекотливые вопросы и предлагали требованія, на которыя не могло согласиться правительство. За это, очень скоро, именно декретомъ отъ 25-го марта 1852 г., уничтожены совершенно положенія прежняго закона; въ каждомъ округѣ осталась земледѣльческая палата, но членовъ ея сталъ назначать теперь префектъ. Онъ одинъ можетъ созывать палаты и опредѣлять предметы ихъ занятій; правительство не обязано болѣе совѣтоваться съ палатами, и онѣ потеряли право сноситься съ министромъ.

Отчего зависить такое различіе между представителями торговли и представителями земледѣлія? Для чего однимъ дается довѣріе и свобода, а другіе находятся въ подозрѣніи и подчиненіи? На эти вопросы, конечно, не можетъ быть разумнаго отвѣта, да и къ кому обратиться съ ними?

При недостаткѣ правительственной инициативы, нѣкоторые частные люди, желая содѣйствовать успѣхамъ земледѣлія, завели во всѣхъ почти департаментахъ земледѣльческія общества, а потомъ во всѣхъ кантонахъ земледѣльческіе сѣзды. Общества имѣютъ предметомъ своимъ теоретическое разсмотрѣніе важнѣйшихъ вопросовъ сельскаго хозяйства; сѣзды, или собранія, стараются примѣнить къ практикѣ теоріи, достоинство которыхъ признано наукою. Земледѣльческія собранія суть совершенно свободныя ассоціаціи; они поддерживаются собственными средствами, и лишь изрѣдка получаютъ вспоможеніе отъ правительства, или отъ департамента, или отъ обоихъ вмѣстѣ; въ этомъ случаѣ они обязаны представлять отчеты, на какіе предметы издерживаются отпускаемыя суммы. Инспекторы земледѣлія, посылаемые министромъ, должны сноситься съ членами собраній, контролировать раздачу наградъ и сообщать членамъ мнѣніе верховной власти о возникающихъ земледѣльческихъ вопросахъ. Правительство непременно хочетъ всѣмъ навязывать свое мнѣніе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему слѣдовало бы только прислушиваться къ мнѣніямъ другихъ, и удовлетворять общимъ желаніямъ.

Вліяніе собраній на земледѣліе основано, главнымъ образомъ, на раздачѣ наградъ за всякія улучшенія, какъ-то: за употребленіе усовершенствованныхъ плуговъ, за улучшенія въ разведеніи скота, за введеніе систематическихъ сѣвооброговъ, искусственныхъ луговъ, за хорошее управленіе фермою и т. п.; нѣкоторыя собранія раздаютъ награды лучшимъ земледѣльцамъ и пастухамъ, самымъ трудолюбивымъ и честнымъ работникамъ на фермахъ; наконецъ, весьма немногія собранія издають спеціальныя книги по своему предмету, а именно земледѣльческіе учебники.

Собранія состояются изъ землевладѣльцевъ и богатыхъ фермеровъ. Прежде они сами назначали предсѣдателя и, какъ мы выше сказали, членовъ земледѣльческихъ палатъ. Но въ этомъ правительство увидало уже черезчуръ большую самостоятельность собраній и отняло у нихъ право избранія: теперь и предсѣдатель и члены не болѣе, какъ чиновники, совершенно

зависящіе отъ префекта, и потому естественно готовые соглашаться съ нимъ всегда безусловно, чтобы не лишиться его расположенія.

Эти земледѣльческія собранія, имѣвшія цѣлю придать нѣсколько жизни и самостоятельности подавленной общинѣ, безъ сомнѣнія заслуживаютъ поощренія, но составъ ихъ весьма часто неудовлетворителенъ. Благодаря равнодушію богатыхъ землевладѣльцевъ, которые рѣдко посѣщаютъ свои помѣстья и ввѣряютъ ихъ жаднымъ управителямъ, въ собраніяхъ присутствуютъ по большей части купцы, оставившіе торговлю, врачи, нотаріусы, то-есть всѣ, кто мало смыслить въ земледѣліи; къ нимъ надобно присоединить нѣсколько невѣжественныхъ и привязанныхъ къ рутинѣ крестьянъ. Частные сборы въ пользу собраній ничтожны; почти единственнымъ источникомъ ихъ доходовъ служатъ скудныя пособія отъ казны. Поэтому награды, раздаваемыя земледѣльцамъ, ничтожны и не могутъ возбудить ихъ къ живой и серіозной дѣятельности. Съ большимъ еще основаніемъ можно упрекнуть въ несостоятельности мѣстные конкурсы, цѣль которыхъ — сблизить между собою собранія и расширить кругъ ихъ дѣйствій. У насъ эти конкурсы, кажется, еще преждевременны. Наше земледѣліе, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, мало подвинулось впередъ; нельзя надѣяться, чтобы рѣшились у насъ оставить туземныя породы животныхъ и ввести иностранныя, улучшенныя расы; у насъ не стануть покупать за большія деньги животныхъ для племени, не оцѣнятъ такъ высоко, какъ въ Англіи, животное, удостоившееся преміи; поэтому, заводчикамъ не изъ чего слишкомъ хлопотать объ улучшеніяхъ. Сверхъ того, область, принадлежащая конкурсу, слишкомъ обширна; земледѣльцу невозможно принимать на себя издержки отдаленнаго прогона, въ невѣрной надеждѣ на премію, которая никакимъ образомъ не вознаградитъ его за расходы. Земледѣльческія собранія имѣли бы, поэтому, несравненно болѣе благотѣльное вліяніе, еслибъ они располагали большими капиталами, еслибъ были независимѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, еслибы въ нихъ участвовали люди свѣдущіе, болѣе преданные интересамъ сельскаго сословія.

Однако, на первый разъ, довольно, кажется, общихъ разсужденій. Обратимся къ самой сущности вопроса, перенесемъ на западъ Франціи, въ мѣстность, называвшуюся до 1789 г. Ангулемомъ, Сентонжемъ и Онисомъ, и изъ которой нынѣ образованы два департамента: Шаранты и Нижней Шаранты. Край

этотъ—одинъ изъ самыхъ богатыхъ во всей Франціи; въ немъ произрастаютъ почти всѣ произведенія прочихъ департаментовъ. Здѣсь рождаются всѣ извѣстные роды колосовыхъ хлѣбовъ, картофель, маисъ, даже трюфель; послѣдній плодъ растетъ только въ нѣкоторыхъ, особенно удобныхъ для него мѣстахъ и не поддается часто самому искусному и тщательному уходу. Въ этихъ же мѣстахъ успѣшно разводится ленъ и конопля; надъ полями простирается тѣнь деревьевъ, рѣдко уживающихся одно близъ другаго, каштана и орѣшника. Орѣшникъ, столь драгоценный матеріалъ для столярнаго дѣла, изъ питательныхъ плодовъ своихъ даетъ обильное масло; каштанъ, который по справедливости можно назвать хлѣбнымъ деревомъ, соперничаетъ съ дубомъ крѣпостію, долговѣчностію и величавою красотою. Тутъ же растетъ благословенная виноградная лоза, которая пускаетъ свои крѣпкіе корни въ малѣйшія разсѣлины скалъ, вѣется по утесамъ, взбирается на высоты, окружаетъ своими побѣгами, своими зеленѣющими изгибами верхушки огромныхъ деревьевъ. Правда, въ Шарантѣ болѣе заботятся о количествѣ вина, нежели о качествѣ; шарантскія вина перегоняютъ обыкновенно въ водку, потому что они далеко уступаютъ въ достоинствѣ винамъ сосѣдственнаго Бордо. Шаранта доставляетъ такимъ образомъ Франціи и всей Европѣ лучшія водки. Самый крѣпкій изъ напитковъ этого рода получилъ даже свое названіе отъ города Коньяка, гдѣ онъ готовится. Впрочемъ, всякая водка называется у насъ коньякомъ, точно такъ какъ всѣ шипучія, бѣлыя вина называются шампанскимъ.

Оба вышеупомянутые департамента получаютъ безчисленныя дары отъ океана: рыбу, устрицъ, различныхъ черепкожихъ. Каждый день приливъ выбрасываетъ на берегъ морскую траву, которою пользуются для удобренія земли; тутъ же, подъ лучами солнца и благодаря морскому вѣтру, накапливается соль въ такомъ количествѣ, что она могла бы обогатить цѣлый край.

Когда изучаешь бытъ крестьянъ во Франціи, необходимо примѣнять свои наблюденія къ мѣстностямъ и остерегаться общихъ выводовъ. До сихъ поръ еще существуетъ огромное различіе между провинціями, и самое названіе это сохранилось въ языкѣ, вмѣстѣ съ новымъ названіемъ департамента. Сентонжъ, напримѣръ, нисколько не похожъ своими полями на Лиможъ или Бретань, точно такъ же, какъ поля Лиможа и Бретани вовсе не то, что они были тридцать лѣтъ на-

здѣ: даже между округами одного и того же департамента замѣчается большая разница. Недавно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и теперь, крестьянскія хижины поражали и поражаютъ своею бѣдностью, не имѣютъ ни помоста, ни пола; свѣтъ и воздухъ проникаютъ въ нихъ черезъ единственное слуховое окно, безъ стеколъ, запирающееся ставнемъ, и черезъ дверь, вѣчно отворенную, какая бы ни стояла погода. Крестьяне, проходяще со двора для того только, чтобы поѣсть, не занятые никакою комнатною работою, не нуждаются слишкомъ въ дневномъ свѣтѣ. По цѣлымъ днямъ остаются они безъ дѣла, а вечеромъ невѣрный свѣтъ лучины озаряетъ ихъ жилище.

Удобства и улучшенія проникаютъ однако теперь повсюду. У многихъ крестьянъ уже выстроены хорошенькіе домики въ двѣ комнаты, съ окнами, съ поломъ изъ битой глины или кирпича, съ чердакомъ наверху. Старинныя кровати подъ багдахиномъ, съ высокими тюфяками, набитыми сухими виноградными лозами, чуть недостигающія потолка, для избѣжанія сырости отъ землянаго пола, замѣнены опрятно убранными кроватями изъ орѣховаго дерева. Высокій женскій головной уборъ, точно такой же величины, какъ носили его при королевѣ Изабеллѣ, супругѣ Карла VI, занимаетъ, торча на бутылкѣ, цѣлое отдѣленіе шкафа. Ружье хозяина неизмѣнно виситъ на брускахъ потолка.

Когда подумаешь о ничтожной платѣ, получаемой сельскими работниками, становится непонятнымъ, какъ можетъ существовать цѣлое семейство, не имѣющее другихъ средствъ для пропитанія, кромѣ работы. За то рѣдкій пролетарій не отправляется въ городъ; въ деревнѣ остается только тотъ, кто имѣетъ свою хижину, садикъ, нѣсколько куръ, дающихъ яйца на продажу, поросенка, питающагося чѣмъ случилось, или овецъ, пощипывающихъ траву около проселочной дороги, или обрывающихъ листья въ изгороди сосѣда. Въ этихъ жилищахъ, совершаются истинныя чудеса бережливости; надобно видѣть все вблизи, чтобы повѣрить этому. Благодаря геройской воздержности, хозяину удается иногда округлить поле или плодовый садъ. Такъ иногда комъ снѣгу, катясь съ верху горы растеть постепенно; но сколько же такихъ комовъ таетъ на солнцѣ и быстро исчезаетъ!

Положеніе крестьянина-поденщика невыносимо и не обезпечено ничѣмъ; поэтому многіе изъ бѣдныхъ поселянъ, женатыхъ, ищутъ болѣе вѣрныхъ средствъ жизни и нанимаются въ работники къ крестьянамъ-землевладѣльцамъ. Они отпра-

вляются для этого, обыкновенно, въ Ивановъ-день (24 іюня), на приходскій праздникъ въ сосѣднее село, съ зеленою вѣткой въ рукахъ или на шляпѣ. Вѣтка эта означаетъ, что парень или дѣвка ищетъ мѣста въ услуженіе. Женщинамъ платятъ въ годъ отъ ста до полутора ста франковъ, мужчинамъ отъ двухъсотъ до двухъсотъ пятидесяти, смотря по работѣ. Кромѣ того, они пользуются болѣе сытною и вкусною пищею, чѣмъ дома. Въ прежнее время деньги замѣнялись отчасти мелкими подарками: парю деревянныхъ башмаковъ, праздничнымъ фартукомъ, а иногда и полнымъ крестьянскимъ нарядомъ; нынѣ дѣвушки получаютъ жалованье болѣе деньгами и заботятся сами объ одеждѣ.

Несмотря на отмѣну Нантскаго эдикта, на дикія преслѣдованія Лудовика XIV, католическая вѣра до сихъ поръ не могла совершенно истребить раскола въ Сентонжѣ, этой искони-протестантской землѣ, столица которой, Ла-Рошель, долго и упорно отражала грознаго кардинала де-Ришелье (въ 1628). Въ этой странѣ, наполненной протестантами, трудно однако найти слугу, принадлежащаго къ этому исповѣданію. Во Франціи повсюду можно указать на замѣчательное развитіе самосознанія и самобытной дѣятельности, возбужденныхъ въ Европѣ реформаціею. Вездѣ протестантизмъ является поборникомъ свободы, между тѣмъ какъ католическая вѣра, осмнадцать вѣковъ проповѣдующая обоюдное порабощеніе, отрицаніе и уничтоженіе личности, слѣпое и страдательное повиновеніе непогрѣшимой власти нечувствительно приучила насъ къ вѣчному рабству. Испанія и Италия угасли, Германія и Англія процвѣтаютъ, Россія пробуждается и шагаетъ впередъ, самый широкій путь лежитъ передъ нею.

Положеніе крестьянина тогда становится лучше положенія работника, когда онъ попадетъ въ какой-нибудь разрядъ фермеровъ. Въ будущемъ письмѣ я коснусь въ общемъ очеркѣ мнѣніи нашихъ знаменитыхъ экономистовъ о различныхъ видахъ фермерства; теперь буду излагать одни только факты.

Въ Шарантѣ и Нижней Шарантѣ господствуетъ мелкое фермерство; исключенія чрезвычайно рѣдки. Богатые владѣльцы сами занимаются обработкой виноградниковъ; остальную землю отдаютъ въ наймы мелкими участками. Когда наемщиками являются *половники*, владѣльцы обязаны доставить имъ жилое и хозяйственное строеніе и сѣмена для полей; къ саду прибавляютъ какой-нибудь плохой уголокъ виноград-

ника для продовольствія семейства, отводятъ фермеру гдѣ-нибудь похуже кустарникъ для топлива, и даже иногда уступаютъ выговоренныя для себя пастбища. Владѣлецъ даетъ половнику, на время жатвы и молотбы, помощника. Этотъ человѣкъ, представленный владѣльцемъ, наблюдаетъ за дѣйствіями арендатора, и, болѣе или менѣе вѣрно, охраняетъ выгоды своего довѣрителя. Арендаторъ обязанъ исполнять самъ всѣ прочія работы: пашеть и боронить землю безъ всякой посторонней помощи, и за всѣ труды получаетъ половину произведеній.

Скотъ, напримѣръ: коровъ, быковъ, овецъ, отдаютъ въ аренду на условіи, чтобы и прибыль и убытокъ дѣлить пополамъ; такое распоряженіе выгоднѣе для отдающаго, нежели для наемщика. Кукуруза, картофель и самая пшеница подлежатъ болѣе справедливому договору. Въ силу его, владѣлецъ доставляетъ сѣмена, удобрения, и производитъ на свой счетъ первую вспашку; арендаторъ принимаетъ на себя прочую обработку и получаетъ двѣ пятыхъ барыша. Всѣ произведенія складываютъ въ пять равныхъ кучъ, изъ которыхъ владѣлецъ беретъ три въ свою пользу.

Нѣкоторые владѣльцы отдаютъ землю изъ *четвертой доли*, то-есть, сборъ дѣлится на четыре части, и три изъ нихъ поступаютъ владѣльцу. Иногда крестьяне, соглашающіеся на эти условія (*quartayeurs*), дѣлаются сверхъ того работниками и поступаютъ въ распоряженіе владѣльца; за это, сверхъ четвертой доли плодовъ, имъ дается еще извѣстное количество хлѣба или овощей. Это называется: *брать къ себѣ на хлѣбъ*. Наконецъ, отдаютъ въ наймы крестьянскимъ семействамъ маленькіе домики, и при нихъ немного земли изъ третьей или четвертой части сбора плодовъ, а виноградники за условленную плату деньгами. Такой способъ отдачи въ аренду самый выгодный для владѣльца; но онъ чрезвычайно обременителенъ для фермера, который иногда совершенно разоряется, если помѣщикъ не поможетъ ему вовремя, или не дастъ ему какой-нибудь работы.

Когда земли много, и земля плодородна, наемъ за деньги бываетъ всего выгоднѣе для обѣихъ договаривающихся сторонъ. Если срокъ продолжителенъ, у фермера довольно рукъ и капиталовъ, онъ можетъ и самъ нажитья, и улучшить почву: онъ отправляетъ на рынки обильныя произведенія своей земли, занимается разведеніемъ скота, откармливаетъ быковъ, и, не переставая быть хлѣбопашцемъ, пользуется выгодами искусно веденной торговли.

Вскорѣ онъ самъ или его дѣти становятся землевладѣльцами; клочокъ земли, орошенный ихъ пѣтомъ, достается имъ, какъ законное вознагражденіе за многолѣтніе труды. Самая земля много отътого выигрываетъ: крестьянинъ-собственникъ станетъ ухаживать за нею, ходить, лелеять ее, любить съ тою сердечною привязанностію, которую онъ одинъ способенъ питать къ своей собственности. Въ его рукахъ, (свидѣтельство тому найдемъ въ статистикахъ), земля принесетъ втрое противъ того, сколько она приноситъ въ большой собственности; надобно только умѣрять необузданное стремленіе къ истребленію лѣсовъ и слишкомъ мелкому раздробленію участковъ — вѣчный источникъ раздоровъ, тяжбъ и разоренія.

Въ обѣихъ Шарантахъ крестьянинъ дѣлается обыкновенно собственникомъ. Немного найдется тамъ поденщиковъ, не много исключительно фермеровъ. Почти всѣ, даже тѣ, которые нанимаются на день, и тѣ, которые кортомятъ чужія земли, владѣютъ своимъ участкомъ. Прибавимъ, что фермерство изъ полу готово исчезнуть и что многіе платятъ натурою, то-есть доставляютъ опредѣленное количество декалитровъ разнаго хлѣба владѣльцу, который уже самъ продаетъ его, какъ и гдѣ ему угодно.

Итакъ, вотъ нашъ крестьянинъ на верху блаженства. «Быть у себя дома, и принадлежать самому себѣ—лучше, чѣмъ быть королемъ», говоритъ онъ. Крестьянинъ у себя дома,— правда; но принадлежитъ ли онъ самому себѣ? Это другой вопросъ. Онъ не можетъ, да и не желаетъ принадлежать самому себѣ. Онъ принадлежитъ *своему* полю, *своему* лугу, *своему* винограднику, *своимъ* воламъ, о которыхъ заботится столько же, сколько о дѣтяхъ, часто болѣе, нежели о женѣ. Ахъ ты, земля-кормилица! надобно прикупить къ тебѣ, вочтѣ бы ни стало! Здѣсь не достаетъ полоски луга, тамъ клочка виноградника,— *angulus ille*, какъ говоритъ Горацій. Крестьянинъ копить, работаетъ, не спитъ и не ѣстъ самъ, и всѣхъ вокругъ себя заставляетъ работать безъ пощады, безъ отдыха. Давно пословица: *работать, какъ негръ*, должна быть замѣнена другою: *работать, какъ крестьянинъ-собственникъ*. Если недостаетъ собственныхъ силъ, крестьянинъ прибѣгаетъ къ займамъ, и съ этихъ поръ часто начинается его разореніе.

Не рѣдко трудолюбивый земледѣлецъ такъ бѣденъ, что въ его рукахъ земля теряетъ свою производительность. Когда же онъ имѣетъ возможность держать батраковъ или поденщиковъ,

то становится самымъ суровымъ господиномъ. Правда, онъ кормитъ работниковъ за своимъ столомъ, но это дѣлается не столько изъ патриархальной простоты, допускающей нѣкоторое равенство, сколько изъ тонкаго экономическаго разчета: хозяинъ самъ первый встаетъ изъ-за стола и идетъ на работу, и батракъ принужденъ за нимъ слѣдовать. Хозяинъ готовъ умереть на работѣ, только бы батракъ не жилъ даромъ, и до послѣдняго сантима заработалъ свое жалованье. Въ молодости, хозяинъ самъ былъ работникомъ, и ему до тонкости извѣстны всѣ увертки, всѣ маленькія хитрости этихъ людей; отъ него нечего ждать пощады и снисхожденія. Такъ бываетъ почти всегда и вездѣ: съ перваго раза кажется, что два общественныя положенія ничѣмъ не разнятся другъ отъ друга; а между тѣмъ они стараются поставить самыя рѣзкія грани, какъ будто боятся, чтобы кто-либо не смѣшалъ ихъ, чего Боже сохрани, и не замѣтилъ напримѣръ, что хозяинъ слишкомъ братается съ работникомъ. Да, рѣзкое, суровое разграниченіе существуетъ между ними, и въ этомъ-то лежитъ причина затаенной, но горькой зависти низшаго къ высшему.

Въ силу того же нравственнаго начала, унтеръ-офицеръ обходится съ солдатомъ грубѣе и жесточе офицера. Можетъ быть, въ этомъ роковомъ и неизбѣжномъ отвращеніи ближайшихъ между собою сословій, скрывается не довольно еще изслѣдованный законъ природы, на которомъ зиждется все устройство государства. Такъ, въ гаммѣ цвѣтовъ, зеленый цвѣтъ не гармонируетъ ни съ синимъ, ни съ желтымъ, близко ему родственными; въ музыкѣ, *la* не согласуется ни съ *si*, ни съ *sol*, своими сосѣдами, еще менѣе съ болѣе близкими *sol dièze* и *si bemol*; чѣмъ дальше другъ отъ друга цвѣта и звуки, тѣмъ совершеннѣе гармонія, тѣмъ легче ее устроить.

Вы знаете, что у насъ, вслѣдствіе переворота 1789 г., совершилось громадное броженіе, которое привело ко всеобщему уравненію лицъ; непроходимыя преграды, поставленныя между классами старымъ порядкомъ, во многомъ разрушены. Въ революціонный періодъ, высшая буржуазія приобрѣла большую часть имѣній, долгое время и незаконно принадлежавшихъ духовенству, а также наслѣдія эмигрантовъ, лишенныхъ собственности закономъ. Въ свою очередь, крестьянинъ старается исторгнуть землю изъ рукъ *буржуа*, котораго онъ не любитъ и который платитъ ему тѣмъ же. Крестьянинъ лучше уживается съ дворяниномъ тамъ, гдѣ дворянство сохранило

еще большія помѣстья. Довольный одержанною побѣдой, онъ поступаетъ какъ слѣдуетъ великодушному побѣдителю; чтить, уважаетъ побѣжденнаго, готовъ даже, при случаѣ, пожалѣть о немъ. Сами дворяне очень искусно умѣютъ обращаться съ народомъ и управлять имъ. Оба они, и дворянинъ и крестьянинъ, дѣти одного поля; ребятами они играли вмѣстѣ, говорили другъ другу ты, не разъ считались другъ съ другомъ пинками и кулаками, что, какъ извѣстно, всего лучше скрѣпляетъ дружбу между товарищами въ этомъ счастливомъ возрастѣ. Совсѣмъ не такъ смотритъ крестьянинъ на буржуа, который, обогатившись какимъ-нибудь счастливымъ банковымъ или торговымъ оборотомъ, купить большое помѣстье и располагается на житье въ чуждой ему мѣстности. Крестьянину все кажется, что онъ похитилъ его права на землю. Буржуа купилъ разомъ всѣ поля, предметъ тайныхъ желаній крестьянина, и тѣмъ самымъ не допустилъ распродажи ихъ по участкамъ, которая дозволила бы крестьянину прикупить нѣсколько полосъ къ своему полю; наконецъ буржуа, почти всегда живеть въ городѣ. Впрочемъ, въ Шарантѣ ему приходится оставаться иногда довольно долго въ деревнѣ, по причинѣ виноградниковъ. Неудобно отдавать ихъ въ аренду: ухода за ними требуется менѣе, нежели за колосовыми хлѣбами, а между тѣмъ фермеру легко истощить ихъ, слишкомъ развивая древесину, или подрѣзывая лозы, какъ говорится, *на смерть*. Виноградника не нужно пахать, на него не нужно тратить сѣмена; земля не требуетъ отдыха, паръ не существуетъ; доходъ вѣренъ, сборы продолжаются многіе года, нисколько не уменьшаясь. Такія условія не существуютъ для колосовыхъ хлѣбовъ. Поэтому владѣлецъ, съ большою выгодною и безъ всякаго риска, можетъ самъ заниматься своими виноградниками. Сверхъ того надобно присмотрѣть за сборомъ винограда, самую привлекательною изъ сельскихъ работъ, надобно сохранять вина, дѣлать изъ нихъ водку, подстеречь виноторговца и напастъ на него вовремя. Вотъ наконецъ пріѣзжаетъ этотъ давножданый покупатель, и начинается между имъ и продавцомъ занимательный и искусный бой, беспощадный поединокъ, гдѣ каждый старается обмануть противника. Одинъ желаетъ продать за 200 франковъ то, что не стоитъ 100; другой предлагаетъ 100 за товаръ, стоящій вдвое. Въ этомъ состоитъ вся великая наука торговли.

Каково бы ни было положеніе крестьянина — будь онъ помещикъ, землевладѣлецъ или фермеръ — ему на долю выпа-

дасть всегда трудная жизнь, онъ ежеминутно идетъ по обрывистой дорогѣ, около бездонной пропасти нищеты. Ребенокъ, еще едва способнаго держаться на ногахъ, его привязываютъ къ концу покромки, сдавливающей ему грудь, или привѣшиваютъ къ какой-нибудь мебели, чтобъ онъ могъ стоять на землѣ, и не нужно было бы брать его на руки. Идетъ ли мать съ мужемъ въ поле на посѣвъ, или разбивать тяжелыя глыбы, подгонять стрекаломъ воловъ, она беретъ съ собою младенца, и кладетъ его гдѣ-нибудь, на окраинѣ борозды. Тамъ лежитъ онъ безъ всякаго надзора, пока по окончаніи работы не возвратятся къ нему родители.

Въ деревнѣ, дѣти не различаются по полу: дѣвочка воспитывается почти точь-въ-точь, какъ мальчикъ. Тѣ же игры, то же обученіе та же школа, только на разныхъ скамьяхъ; одни общія занятія: вмѣстѣ пасутъ они скотъ, собираютъ плоды или листья. Дѣвушка взлѣзаетъ на дерево съ такою же ловкостію какъ мальчикъ, не заботясь о томъ, что на ней коротенькая юбка, что она не носитъ мужскаго исподняго платья. И несмотря на то, нравственность сохраняется довольно строго, хотя впрочемъ священники начинаютъ теперь жаловаться на распространеніе разврата въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде его вовсе не существовало. Конечно, любовь рѣдко заражается въ поляхъ; изнурительныя лишнія работы не благопріятствуютъ развитію страсти, которую Діогенъ называлъ по преимуществу «страстію людей праздныхъ». Но пусть только вмѣстѣ съ осенью наступитъ время длинныхъ зимнихъ посидѣлокъ и природа не замедлитъ вступить въ права свои. Тогда становится понятною поговорка Фигаро: «Пить, когда нѣтъ жажды и влюбляться во всякое время, вотъ что отличаетъ человѣка отъ животнаго». Для посидѣлокъ собираются обыкновенно въ домѣ, гдѣ есть взрослые дѣвушки. Работа служить только предлогомъ; шумные разговоры, пѣсни съ безконечными куплетами, страшныя рассказы о неизбѣжномъ букѣ, о волшебникахъ, о мертвецахъ; пляски, обильныя возліанія, необходимыя послѣ пляски, пыли и пѣсень, вотъ настоящія побужденія для сборища. Еще передъ началомъ его, въ ночной тиши, молодые люди перекликаются звонкимъ крикомъ *уо, іои, іои...* Вольнка и радостныя клики заранѣе извѣщаютъ о приближеніи гостей, и когда они входятъ, всѣ безъ церемоній спѣшатъ обмѣняться съ ними поцѣлуемъ. Вскорѣ пляска оставлена, и начинается пляска. Пляска эта похожа нѣсколько на довольно медленный вальсъ; муштина кружится около дѣвушки,

которая то убѣгаетъ отъ него, то гонится за нимъ. Пляску сопровождаютъ пощелкиваніемъ пальцевъ и рѣзкими вскрикиваньями; все это не слишкомъ красиво и непріятно для слуха. Если дѣвушки устали, то парни начинаютъ между собою трудную и утомительную игру, въ которой можно отличиться только одною силой. Игра эта была бы сущимъ наказаніемъ, еслибъ участвующіе въ ней дѣйствовали изъ принужденія, а не по доброй волѣ. Такъ проходитъ большая часть ночи и всѣ расходятся, точно такъ же, какъ пришли: парни толпами возвращаются домой, оглашая окрестности однообразнымъ юканьемъ.

Вотъ на этихъ-то сборищахъ улаживаются обыкновенно свадьбы. Молодой крестьянинъ безцеремонно садится на колѣни своей возлюбленной, цѣлуетъ ее, щиплетъ, обмѣнивается съ ней пинками и толчками. Когда такимъ образомъ они представляютъ достаточно *чувствительныхъ* доказательствъ своей привязанности, начинаются переговоры между родителями, и свадьба улажена. «Въ свадьбѣ надувай одинъ другаго», говоритъ одинъ изъ старинныхъ нашихъ юристовъ (Луазель). Въ деревнѣ происходитъ то же самое, что въ городѣ, и обѣ противныя стороны стараются обмануть одна другую. Наступаетъ наконецъ время праздновать свадьбу, и этотъ настоящій *пиръ на весь міръ* продолжается обыкновенно цѣлые три дня. Тутъ поднимается такой содомъ, такое громкое ликованіе, что могутъ мертваго разбудить; дѣло не обходится безъ разныхъ странныхъ обрядовъ, которыхъ описывать здѣсь подробно было бы неумѣстно. Когда изъ церкви молодые возвращаются домой, они останавливаются у воротъ каждаго дома, гдѣ есть дѣвушки-невѣсты. Дѣвушки выходятъ навстрѣчу въ праздничныхъ платьяхъ, подносятъ молодымъ плоды, вино, пирожки, и прикалываютъ булавку къ оранжевому вѣнку, красующемуся на высокомъ головномъ уборѣ новобрачной. Есть повѣрье, что дѣвушки эти въ тотъ же годъ должны выйти замужъ. Потомъ молодыхъ ведутъ въ поле, и заставляютъ ихъ провести борозду, давая такимъ образомъ знать, чтобы они не надѣялись ни на что кромѣ своихъ собственныхъ трудовъ. Иногда родные съ обѣихъ сторонъ берутся за два конца крѣпкой веревки, и изо всѣхъ силъ стараются перетянуть другъ друга. Если одолѣли родные мужа—ему быть хозяиномъ въ домѣ, если же родные жены, то она возьметъ верхъ и станетъ всѣмъ управлять по своему (*portera la cullatte*). Если новобрачная была послѣднею незамужнею дочерью въ семьѣ, то къ срединѣ веревки привязываютъ пучокъ цвѣтовъ. Молодые

крестьяне раздѣляются при этомъ случаѣ обыкновенно на двѣ стѣны, одни стараются привязать букетъ къ коньку дома, другіе противятся этому. Борьба продолжается почти цѣлый день, съ одинаковымъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. Для подкрѣпленія силъ, штурмуютъ очень часто запасныя бочки; все вино распивается до дна. Наконецъ побѣда одержана; празднество кончается, свадебные гости расходятся по домамъ; замолкли веселыя пѣсни и погасъ огонь въ очагѣ, труба котораго увѣнчана буетомъ побѣдителя. Этотъ букетъ означаетъ, что въ домѣ нѣтъ уже болѣе невѣсты и отнынѣ парни, проходящіе мимо, знаютъ, что здѣсь нечего искать себѣ жену.

На тѣхъ же самыхъ посидѣлкахъ, страшными сказками, фантастическими легендами, поддерживается то грубое суевѣріе, которое замѣняетъ для жителя Сентонжа истинное понятіе о религіи. Къ обѣднѣ крестьянинъ ходитъ по привычкѣ, ибо въ церкви онъ надѣется найти всякаго, съ кѣмъ хочется ему переговорить о дѣлѣ. Прислушавшись, какъ перепутываетъ и искажаетъ онъ слова молитвъ латинскихъ и французскихъ, легко убѣдиться, что двигаются одни уста, что сердце ничему не причастно, и истинная вѣра не могла проникнуть въ эти рудые умы. Святые въ большомъ уваженіи; наканунѣ извѣстныхъ дней, равно какъ наканунѣ праздниковъ Богородицы, крестьяне даютъ скоту своему отдыхъ отъ работы. Больные находятъ подъ особымъ покровительствомъ угодниковъ, и каждый изъ этихъ угодниковъ имѣетъ даръ исцѣлять отъ одной какой-нибудь болѣзни. Одному приписываютъ изцѣленіе отъ ангорадки, другому отъ ревматизма; въ падучей болѣзни прибѣгаютъ къ Св. Троицѣ, и думаютъ, что это имя какой-либо святой. Св. Анна даетъ молоко кормилицамъ и животнымъ... Есть вѣрнѣйшій способъ узнать, къ какому именно святому должно прибѣгнуть, когда еще неизвѣстна болѣзнь: опытная женщина нарѣзываетъ нѣсколько лоскутковъ какой-нибудь матеріи, и опускаетъ ихъ въ чашу съ водою, приговаривая при каждомъ названіи капеллы, угодникъ которой наиболѣе въ чести; лоскутокъ, который прежде другихъ опустился на дно, показываетъ святаго покровителя.

Кто перваго мая на разсвѣтѣ вымочитъ росю тряпицу на углу своего сосѣда, у того сѣно уродится вдвое, а у сосѣда не останется ни клочка. Кто наканунѣ Иванова дня выдернетъ пшеничку поскони изъ конопляника сосѣда, у того, къ вели-

кому его удовольствію, родится столько же телятъ, сколько стоитъ у него коровъ на стойлѣ, а у сосѣда родятся только телки. Горсть навоза, похищенная въ промежутокъ между Ивановымъ и Петровымъ днемъ лишаетъ обокраденнаго всего сбора, и удваиваетъ прибыль похитителя.

До такой степени укоренились эти повѣрья, что крестьяне проводятъ нерѣдко цѣлыя ночи на караулѣ, и еслибы кто, даже для шутки, позволилъ себѣ подобную продѣлку, тотъ подвергся бы опасности быть застрѣленнымъ. Въ описываемыхъ нами мѣстностяхъ крестьяне убѣждены, что убійство, вызванное подобными причинами, не подвергается преслѣдованію законовъ.

Если, по несчастію, весною мужъ выйдетъ изъ дома натошакъ, и впервые слышитъ голосъ кукушки, ему угрожаетъ въ этотъ годъ невѣрность жены. Но за то и жена ни подъ какимъ предлогомъ не выпуститъ его изъ дому, не давъ ему напередъ чего-нибудь закусить. Наканунъ Иванова дня, необходимо до восхожденія солнца нарѣзать зеленыхъ вѣтвей и украсить ими стойла конюшни и двери дома, дабы отвратить болѣзни и всякія чары. Не годится давать огня между Рождествомъ и Новымъ годомъ. Кто занимается стиркою на Страстной недѣлѣ, тотъ готовитъ себѣ саванъ. Хлѣбъ, испеченный въ день поминовенія усопшихъ, или въ недѣлю о слѣпомъ, вреденъ для здоровья.

Никому не приходитъ въ голову сомнѣваться въ существованіи волшебницъ. Въ свѣтлыя, мѣсячныя ночи можно видѣть, какъ бродятъ онѣ по полю въ образѣ старухъ, и обыкновенно по три вмѣстѣ. При нихъ всегда веретено и прялка; оттого-то и прозвали ихъ *прялками*. Нѣтъ ничего легче, какъ войти въ сношенія съ нечистою силой: стоитъ только въ полночь, съ курицей подъ мышкой, не оглядываясь назадъ, выйти одному на перекрестокъ, гдѣ сходятся четыре или пять дорогъ, и крикнуть трижды: «Дружище, продаю черную курицу!» Дьяволъ является немедленно и заключаетъ договоръ, въ силу котораго все удастся его новобранцу. Онъ пріобрѣтаетъ несмѣтныя богатства, можетъ испортить кого хочетъ, и словомъ, до самой смерти, былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, еслибъ душа его не предназначалась дьяволу.

Отъ этого грубаго суевѣрія, отъ мысли о непрерывномъ вмѣшательствѣ сверхъестественныхъ силъ въ самыя обыкновенныя дѣла, происходитъ необычайная довѣрчивость и легкомысліе крестьянина. Однажды случилось крестьянину наткнуться

нечаянно на огромнаго зайца и застрѣлить его. Бережно уложи́тъ онъ добычу свою въ мѣшокъ, съ намѣреніемъ поднести ее своему господину, и поспѣшилъ тотчасъ въ городъ, чтобы застать его за обѣдомъ. По дорогѣ побрился онъ въ цирюльнѣ; разумеется, не замедлилъ разказать при этомъ о своей добычѣ. Цирюльникъ выходитъ на минуту, развязываетъ мѣшокъ, вынимаетъ зайца, и на мѣсто его кладетъ только что околѣвшую утромъ собаку. Все случилось, какъ желалъ крестьянинъ; онъ застаётъ все семейство своего господина за столомъ, и торжественно подаетъ свой подарокъ. Мѣшокъ переходитъ изъ рукъ въ руки, всѣ дивятся вѣсу зайца, и хвалятъ охотника за ловкость. Наконецъ онъ открываетъ мѣшокъ, вытаскиваетъ за шею убитое животное и величественно показываетъ собранію— мертвую собаку. Раздается громкій хохотъ, который однако нисколько не смущаетъ мужика. «Нѣтъ ужъ, говорить онъ, обращаясь къ несчастному животному, какъ ты ни прикидывайся собакой, а все-таки останешься зайцемъ!»

Эгоизмъ и всѣ дурныя страсти, которые у городского жителя прикрыты внѣшнимъ лоскомъ, выставляются въ деревнѣ во всей отвратительной наготѣ своей. Часто случается, что вдовцы и вдовы вступаютъ во вторичный бракъ, въ первый же мѣсяцъ своего вдовства. Дети громко желаютъ смерти старыхъ и дряхлыхъ родителей. Вопреки ясному смыслу закона, который требуетъ, чтобы покойниковъ хоронили спустя сутки послѣ ихъ кончины, они стараются въ самый день смерти упрятать въ землю тѣло своего отца, не заботясь о томъ, что сельскій врачъ могъ ошибиться, и несчастному предстоитъ пробужденіе въ гробу. Надо сказать впрочемъ и то, что у крестьянина не рѣдко одна только горница, и обыкновенно онъ ужасно боится мертвыхъ. Къ боязни этой примѣшивается суевѣріе. Пока въ домѣ стоитъ покойникъ, зеркала тщательно завѣшиваются, изъ страха увидать въ нихъ образъ дьявола, который старается овладѣть душою.

Мужъ сурово распоряжается въ домѣ, бьетъ жену и дѣтей. Одичалыя дѣти застѣнчиво прячутся отъ тѣхъ, кто одѣтъ лучше, и вымещаютъ на животныхъ дурное обращеніе, которому сами подвергаются. Въ свою очередь, достигая зрѣлыхъ лѣтъ, они забираютъ всю власть въ домѣ, и никто не смѣетъ имъ противиться. Упорно придерживаясь старины, крестьяне отвергаютъ всякія улучшенія; нищета служить имъ, въ этомъ случаѣ, оправданіемъ; ибо во многихъ мѣстахъ, гдѣ почва скудна, а

земля находится въ рукахъ небольшого числа владѣльцевъ, имъ остается только думать о насущномъ хлѣбѣ.

Въ 1811 году, въ то время, когда Франція, истощенная потерю людей и капиталовъ, быстро стремилась къ гибели, крайняя нищета крестьянъ породила явленіе, занявшее на минуту умы всѣхъ ученыхъ. Бѣдная женщина въ одной шарантской деревнѣ родила двойни. Не имѣя возможности отдать одного изъ новорожденныхъ на воспитаніе къ кормилицѣ, истощенная работой не посиламъ и недостаткомъ пищи, она могла только плакать о своей горькой участи. Шестидесятилѣтняя мать ея, тощая, сухая, одряхлѣвшая болѣе отъ всякаго рода лишеній, чѣмъ отъ преклонныхъ лѣтъ, вздумала по временамъ обманомъ успокоивать внука и прикладывала его губы къ изсохшей груди своей. Каково же было ея удивленіе, когда по прошествіи нѣсколькихъ дней, она замѣтила на губахъ младенца каплю молока! Въ радости, она продолжала кормить его; вскорѣ груди ея надулись и наполнились обильнымъ молокомъ. Чудо совершилось! Любовь, преданность сдѣлали ее вторично матерью. Цѣлый годъ она кормила ребенка; онъ росъ одинаково съ братомъ, только лицо его казалось нѣсколько старообразнѣе. Министръ назначилъ 300 франковъ въ награду этой женщинѣ, которая была въ одно и то же время бабкой и матерью.

ЕВГЕНІЙ БОНМЕРЪ.

КЛИМАТЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

О климатѣ Россіи. Сочиненіе К. Веселовскаго, Императорской Академіи
Наукъ экстраординарнаго академика.

Земная жизнь, исторія народовъ, исторія живыхъ существъ на нашей планетѣ подвергаются существенному вліянію различныхъ свойствъ, климата. Никто, я полагаю, не сомнѣвается въ этой истинѣ; никто, слѣдовательно, не сочтетъ статью климатологическаго содержанія неумѣстною въ изданіи, назначенномъ для обширнаго круга читателей.

Наука о климатахъ началась однакоже только въ новѣйшее время, и поэтому самому еще очень далека отъ своего совершенства. Не пускаясь, впрочемъ, въ объясненіе причинъ, почему наука эта началась такъ поздно, обратимся прямо къ нашему предмету и постараемся сперва уяснить себѣ понятіе, выражаемое словомъ *климатъ*.

Такого-то числа, такого-то мѣсяца и года, цѣлыя сутки стояла ясная или пасмурная, сырая или сухая, теплая или холодная погода,—это говорится, и говорится часто. Если теперь мы вообразимъ—адля воображенія что невозможно?—что кто-нибудь сохранилъ въ памяти своей представленіе о погодѣ, бывшей въ каждыя изъ 365 сутокъ года, въ продолженіе цѣлаго ряда годовъ, напримѣръ въ Москвѣ, то такой человекъ имѣлъ бы пред-

ставленіе о климатѣ Москвы. Слѣдовательно, климатъ есть та погода, какая обыкновенно бываетъ, скажемъ смѣлѣе, какая *должна быть* во всѣ дни года въ извѣстномъ мѣстѣ.

До сихъ поръ климатологія еще не можетъ сказать, какая именно должна быть погода; она можетъ только приблизительно сказать, какая обыкновенно бываетъ погода въ данномъ мѣстѣ, но уже и этого достаточно. Собственная же цѣль этой науки—открыть, какая именно должна быть погода въ каждыя сутки, въ каждый часъ сутокъ, на каждомъ пунктѣ земнаго шара и во всѣ времена. Если есть люди, сомнѣвающіеся въ возможности рѣшенія такого вопроса, то въ этомъ ни мало не сомнѣвается сама наука, а этимъ уже все сказано.

Чтобы можно было производить опыты и наблюденія съ цѣлю изученія какого бы ни было явленія, напримѣръ климата, прежде всего слѣдуетъ опредѣлить основныя причины этого явленія. Солнце, земля, вода и воздухъ,—вотъ общія причины различій, которыя замѣчаются между климатами.

Солнце посылаетъ теплоту и свѣтъ, которые, пробираясь сквозь воздушный океанъ, изливаются на землю и воды. Проходя черезъ воздухъ, свѣтъ и теплота претерпѣваютъ отъ его вліянія разныя измѣненія, и производятъ сами въ воздухѣ разнообразныя перемѣны; ударяясь о землю, о воды, свѣтъ и теплота опять подвергаются разнымъ измѣненіямъ, измѣняя въ свою очередь и землю, и воды. Въ этихъ взаимныхъ измѣненіяхъ заключается вся сущность климатовъ. Изучать, каковы именно эти взаимныя измѣненія, и какова мѣра этихъ измѣненій на разныхъ точкахъ земной поверхности, значить заниматься климатологіею.

Въ точныхъ наукахъ,—а климатологія есть наука точная,—принимаясь за изученіе какого-нибудь явленія, стараются привести его къ наипростѣйшему виду. Такъ, напримѣръ, желая изучить колебаніе маятника, механика дѣлаетъ слѣдующее предположеніе. Пусть маятникъ будетъ математическою незыблемою линіею, повѣшенною за одинъ конецъ въ безвоздушномъ пространствѣ, не имѣющемъ, слѣдовательно, ни вѣса, ни плотности, и тогда, продолжаетъ механика, пусть дѣйствуетъ на такой маятникъ притягательная сила земли—тяжесть: что тогда произойдетъ? Помощью этого предположенія, механики вычислили *математическіе, непреложные* законы колебанія маятника, а затѣмъ, вводя мало-по-малу въ свои вычисленія и плотность, и сопротивленіе воздуха, и треніе въ точкѣ привѣса, механики

получили возможность дознать свойства колебанія, не только математическаго, но и *физическаго маятника*, который существуетъ уже не въ одномъ воображеніи, а въ дѣйствительности.

Подобно этому, и въ климатологіи стараются сначала изучать явленія въ ихъ простѣйшемъ видѣ, чтобы можно было легче открыть общіе законы, которымъ они повинуются. Но затрудненія, при этомъ представляющіяся, далеко превосходятъ тѣ, которыя встрѣчаются при изученіи, напримѣръ, законовъ колебанія маятника; ибо это колебаніе есть явленіе простое, тогда какъ климатъ есть, напротивъ, явленіе сложное. Какъ явленіе сложное, оно должно прежде всего быть раздроблено на частныя явленія, его составляющія. Затѣмъ надобно обратить вниманіе на то, что эти частныя явленія находятся подъ влияніемъ причины, сила которой измѣняется не только по мѣсту наблюденія, но и по времени,—именно, отъ силы солнечныхъ лучей. Поэтому надобно было прибѣгнуть къ упрощенію новаго рода; упрощеніе это, или какъ говорятъ, приведеніе явленія въ простѣйшій видъ, заключается въ употребленіи *среднихъ*. Объяснимъ здѣсь значеніе этого выраженія. Въ климатологіи говорятъ: средняя теплота, средняя сырость воздуха, среднее количество выпадающаго дождя и т. п. въ продолженіе года или какого-нибудь другаго періода времени. Означаетъ ли это, что мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно получаетъ показанное количество тепла, сырости, дождевой воды и т. п. въ продолженіе каждаго дня года или мѣсяца и пр.? Напротивъ, это означаетъ только, что извѣстное мѣсто получаетъ, въ продолженіе какого-нибудь періода времени, столько-то тепла или дождевой воды и т. п., что если помножить *среднюю* всего года на число дней въ году, или *среднюю* мѣсяца на число дней въ мѣсяцѣ, то получится все количество тепла, дождевой воды и т. п., которыми данное мѣсто надѣляется въ теченіе цѣлаго года, мѣсяца и т. д.

Другаго рода *среднія* означаютъ *преобладаніе* того или другаго явленія, того или другаго свойства явленія; такъ напримѣръ выраженіе: *среднее направленіе* вѣтра, значитъ, что въ странѣ дуетъ чаще всего тотъ или другой вѣтеръ.

Въ обоихъ случаяхъ берутся наблюденія, сдѣланныя въ продолженіе извѣстнаго періода времени ежедневно, если можно даже ежечасно. Но въ первомъ случаѣ всѣ данныя величины складываются и раздѣляются на число мѣсяцевъ, дней и т. д.

во второмъ, для полученія *средней*, берется процентное содержаніе каждой величины, и *среднею* считается та, которая чаще повторялась, на долю которой приходится больше процентовъ. Поэтому *среднія*, сами по себѣ, отнюдь не характеризуютъ мѣстнаго климата, а служатъ для этой цѣли лишь посредственно. Еще недавно знаменитые физики Ренью и Біо энергически возстали передъ лицомъ всей французской академіи противъ употребленія *среднихъ* въ метеорологіи, говоря, что онѣ ни къ чему не ведутъ, будучи чѣмъ-то воображаемымъ. Нельзя не согласиться, что обвиненіе это частію справедливо: употребляя однѣ только *среднія*, наука осталась бы неподвижною. Но нельзя также не сознаться, что *среднія*, именно въ метеорологіи, послужили уже къ открытію самыхъ общихъ законовъ распределенія теплоты, сырости и пр. по земной поверхности. Благодаря этому способу, вопросъ о распределеніи элементовъ, составляющихъ климатъ, представился въ наипростѣйшемъ видѣ; все случайное устранено, и проявились общіе законы природы съ дѣйствительными ихъ причинами. Безъ сомнѣнія, этими общими законами нельзя довольствоваться; это бы значило довольствоваться въ математикѣ одними четырьмя ариметическими правилами; но кто же, съ другой стороны, сомнѣвается, что математика не можетъ существовать безъ этихъ четырехъ правилъ?

Ниже увидимъ мы яснѣе значеніе *среднихъ* въ климатологіи; теперь же постараемся опредѣлить ту точку зрѣнія, съ которой будемъ продолжать нашу бесѣду съ читателемъ.

Мы уже коснулись того, что свойства климатовъ имѣютъ самое рѣшительное вліяніе на человѣка. Съ перваго же раза бросается въ глаза противоположность между полярными, умѣренными и жаркими странами, касательно удобства населенія ихъ для людей: у полюсовъ нельзя жить уже единственно потому, что тамъ слишкомъ холодно; между тропиками дѣятельность человѣка надолго, можетъ-быть навсегда, будетъ имѣть характеръ вялости только потому, что тамъ слишкомъ жарко; наконецъ, въ странахъ умѣренныхъ, гдѣ энергія человѣка не коченѣетъ отъ холода и не ослабѣваетъ подъ палящимъ солнцемъ, человѣку несомнѣнно назначено достигнуть высшаго духовнаго и гражданскаго развитія; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи одна теплота пишетъ первые, основные законы.

Но вліяніе климата отражается съ большимъ разнообразіемъ въ распределеніи растеній по земной поверхности и во вліяніи

этого распределенія на расселеніе животныхъ и самого человека. Сущность быта народовъ, опираясь на земледѣліе, должна прежде всего, и необходимо, обуславливаться законами распределенія растений по земной поверхности, находящимися въ прямой зависимости отъ климата. Въ этомъ-то отношеніи мы и намѣрены особенно заняться климатомъ Россіи. Возможность къ этому представляетъ намъ появленіе въ свѣтъ обширнаго и въ высшей степени замѣчательнаго сочиненія академика Веселовскаго. Сочиненіе это будетъ служить не только основой всѣмъ трудамъ по этой части, но и богатымъ источникомъ для сравнительной климатологіи. Мы надѣемся, что читатели не безъ удовольствія найдутъ въ нашей статьѣ краткое изложеніе главныхъ выводовъ, заключающихся въ трудѣ г. Веселовскаго, не каждому доступномъ по своей обширности и спеціальности.

I.

Прежде всего поговоримъ о теплотѣ, какъ объ основномъ началѣ климатическихъ явленій. Нагрѣвая воздухъ воды и почву, она, можно сказать, производитъ весь климатъ. Воздухъ, неравномѣрно нагрѣтый, приходитъ въ движеніе, —отсюда вѣтеръ; воды, подѣ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, испаряются, наполняя атмосферу сыростью, собираясь мельчайшими шариками въ туманъ и облака, разрѣшаясь росой и дождемъ. Въ свою очередь почва, не повсюду и не во всякое время одинаково нагрѣваемая, дѣйствуетъ своею заимствованною теплотою на атмосферу съ ея водяными метеорами. Теплота есть, слѣдовательно, не только начало, но и распределительница климатовъ и жизни на землѣ. Съ нея, поэтому, начинается г. Веселовскій; съ нея начнемъ и мы.

Но чтѣ именно должно занимать насъ относительно теплоты? Безъ сомнѣнія, не ея теорія. Для насъ важно знать, сколько теплоты получаетъ каждое мѣсто въ продолженіе года, и какъ это количество теплоты распределено по временамъ года, по мѣсяцамъ, даже по днямъ. Тогда, сравнивая разныя страны, мы получимъ уже весьма ясное представленіе о климатѣ изучаемаго нами мѣста, тогда сравненіе растительности и хозяйства этого мѣста съ остальными, могутъ принести истинную пользу и въ практическомъ отношеніи.

Всякій знаетъ, что мѣриломъ теплоты служитъ термометръ; но употребленіе этого инструмента въ климатологіи не такъ просто, какъ кажется съ перваго раза. Не говоря о вѣрности термометра, безъ которой не возможно производить годныхъ къ употребленію наблюденій, обратимъ вниманіе на препятствія, болѣе важныя и притомъ съ трудомъ избѣгаемыя.

Общеупотребительные термометры, ртутный и спиртовой; послѣдній употребляется, когда ртуть замерзаетъ (при 32° Р.) и, слѣдовательно, не въ состояніи показывать болѣе низкія температуры. Ихъ защищаютъ крышечками отъ дождя и снѣга, и ставятъ въ тѣни, то-есть на той сторонѣ зданія, куда не проникаютъ прямые лучи свѣта. Въ этомъ-то обстоятельствѣ заключается первый источникъ заблужденій. Оно, повидимому, маловажно, но на дѣлѣ оказалось не безъ значенія, а потому и обратило на себя вниманіе ученыхъ въ послѣднее время. Дѣйствительно, нѣтъ причины думать, чтобы термометръ въ тѣни вѣрнѣе показывалъ количество теплоты, изливающегося въ данное время отъ солнца, нежели термометръ, установленный подъ открытымъ небомъ. Послѣдній, напротивъ, очевидно находится въ условіяхъ болѣе общихъ. Измѣненія, происходящія въ количествѣ теплоты при переходѣ отъ ночи къ дню и отъ зимы къ лѣту, и наоборотъ, безъ сомнѣнія чаще имѣютъ мѣсто подъ открытымъ небомъ, нежели тѣ, менѣе рѣзкія измѣненія, которыя происходятъ въ тѣни; слѣдовательно, первыя выражаютъ вѣрнѣе оущность тепловыхъ измѣненій на нашей планетѣ. Если притомъ вспомнимъ, что главная дѣятельность растений происходитъ днемъ, когда они подвергаются непосредственному вліянію солнечныхъ лучей, что цвѣтеніе и созрѣваніе плодовъ совершаются быстрѣе подъ прямымъ дѣйствіемъ солнца, нежели въ тѣни, то намъ не покажется удивительнымъ, что теперь начинаютъ наблюдать термометръ не только въ тѣни, но и подъ открытымъ небомъ. Подобныя наблюденія были сдѣланы въ Чизвикскомъ саду близъ Лондона и также въ Россіи, на самарской и вологодской фермахъ. Изъ нихъ слѣдуетъ, что средняя теплота подъ открытымъ небомъ, зимою, нѣсколько ниже, а лѣтомъ гораздо выше средней теплоты въ тѣни. Именно, если возьмемъ для примѣра одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ іюль, то получимъ слѣдующее:

	Чизвикъ.	Самарск. ферма.
Средняя теплота подъ открытымъ небомъ	17,35°	18,56°
— — — — —	14°	16,93°

Но эта разница окажется несравненно большею, если, вмѣсто *среднихъ*, выведенныхъ изъ дневныхъ и ночныхъ наблюдений, сравнить отдѣльно между собою ночныя и дневныя наблюденья. Тогда выходитъ, что какъ ночная свѣжесть, такъ и дневной зной далеко сильнѣе подъ открытымъ небомъ, чѣмъ въ тѣни. Къ счастью, разница между средними теплотами въ тѣни и подъ открытымъ небомъ повсемѣстно почти одинакова. Это даетъ возможность безошибочно сравнивать разныя мѣста относительно теплоты; необходимо только имѣть въ виду, что непосредственное дѣйствіе солнца всегда прибавляетъ нѣсколько градусовъ къ тому ихъ количеству, которое найдено наблюденьемъ термометра въ тѣни.

Второй источникъ заблужденій лежитъ въ самомъ механизмѣ наблюденья. Представьте себѣ, что наблюдатель, который по большей части не интересуется наукою, осужденъ считать и записывать градусы термометра три раза въ сутки: въ 2 часа пополудни, при закатѣ солнца и при его восходѣ. Есть ли возможность не проспать или не пропустить, по какому бы то ни было случаю, часа наблюденья, хотя нѣсколько десятковъ разъ въ годъ? Дѣйствительно, пропускаютъ часы наблюденья, а этимъ, безъ сомнѣнія, не прибавляется вѣрности въ выводахъ. Для устраненія этого неудобства, въ настоящее время приспособлена къ термометрическимъ наблюденьямъ фотографія. Числа градусовъ обозначаются сами собою и, можно надѣяться, что мучительное положеніе смотрителей метеорологическихъ станцій и ихъ помощниковъ прекратится навсегда.

Третье затрудненіе состоитъ въ томъ, что термометры, повѣшенныя на разныхъ высотахъ надъ почвою, показываютъ различное число градусовъ въ одно и то же время. Въ этомъ оказываетъ свое вліяніе почва, которая постоянно отражаетъ часть получаемой ею теплоты, въ видѣ лучей. Днемъ, эта отраженная теплота возвышаетъ температуру воздуха тѣмъ болѣе, чѣмъ воздушный слой ближе къ почвѣ; ночью, земля, не получая теплоты отъ скрывшагося солнца, охлаждается чрезвычайно быстро и извлекаетъ теплоту изъ воздуха, особенно изъ тѣхъ слоевъ его, которые ближе къ почвѣ.

Это затрудненіе устраняется тѣмъ, что повсюду условились устанавливать термометръ на одной и той же высотѣ отъ почвы, именно на высотѣ одной сажени. Такимъ образомъ наблюденья, будучи однородны, могутъ по крайней мѣрѣ служить къ сравненію.

Но этимъ затрудненія еще не кончаются. Мы сейчасъ сказали, что теплота воздуха измѣняется съ повышеніемъ термометра; вліяніе этого обстоятельства устранено условіемъ установленія инструмента. Но если самая почва возвышается, если обсерваторія находится на горѣ? Тогда, очевидно, условіе, нами принятое, далеко не вполне устраняетъ источникъ ошибокъ. Найдено, что съ поднятіемъ на гору, теплота постепенно уменьшается и притомъ такъ, что на разныхъ точкахъ земнаго шара, на разныхъ горахъ, даже на разныхъ скалахъ одной и той же горы, уменьшеніе это различно (1).

Вотъ главное затрудненіе, которое необходимо устранить, и этого достигаютъ приведеніемъ температуръ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ, къ *одному уровню*, къ *уровню океана*.

Представимъ себѣ, что Атлантическій и Великій океаны повсюду слились между собою, такъ что вся земля отъ полюса до полюса одѣта зеркальною поверхностью водъ: это и будетъ тотъ уровень океана, къ которому приводятся термометрическія наблюденія всѣхъ мѣстъ. На этомъ уровнѣ океана плаваютъ всѣ материкъ и острова; зная высоту мѣста и ходъ пониженія температуры съ поднятіемъ на гору, предполагаютъ, что точка, на которой производится наблюденіе, находится при уровнѣ океана. Тогда, къ количеству градусовъ тепла, найденному наблюденіемъ, прибавляютъ столько, сколько приходится по расчету. Такъ напримѣръ, если найденная наблюденіемъ средняя теплота года равняется 8° , а мѣсто лежитъ на высотѣ 1.450 футовъ надъ уровнемъ океана, то къ 8° прибавляютъ еще 2° , потому что на каждые 725 ф. теплота уменьшилась однимъ градусомъ, чего не могло бы случиться, еслибы пунктъ наблюденія лежалъ при уровнѣ океана.

Мы привели здѣсь довольно сухія подробности, съ тѣмъ, чтобы хотя нѣсколько ознакомить читателя съ приемами метеорологіи и съ тѣми затрудненіями, которыя она встрѣчаетъ на каждомъ шагу. Помощью всѣхъ показанныхъ повѣрокъ, получаются наконецъ величины однородныя и поэтому самому подлежащія сравненію.

Но не говоря уже объ ошибкахъ, которыя вкрадываются при повѣркахъ, очевидно, что такимъ образомъ найденныя коли-

(1) Впрочемъ ученые принимаютъ, что *среднее* уменьшеніе теплоты съ повышеніемъ равняется 1° Р. на каждые 725 футовъ.

чества теплоты отнюдь не выражаютъ настоящихъ условий теплоты въ данномъ мѣстѣ. Приведеніе къ одному уровню необходимо для отысканія общихъ законовъ распредѣленія теплоты по земной поверхности. Чтѣ же до климатовъ, то они именно характеризуются многоразличными отклоненіями относительно теплоты, сырости воздуха и т. п.

Теперь можемъ мы посмотрѣть на распредѣленіе теплоты по земной поверхности. Прежде всего бросимъ взглядъ на измѣненіе теплоты, или, какъ говорятъ, на ходъ температуры въ продолженіе сутокъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ пунктовъ, лежащихъ въ умѣренной полосѣ нашей Европы.

Источникъ теплоты, солнце, въ продолженіе дня безпрестанно посылаетъ свои лучи на землю, почва поглощаетъ нѣкоторую ихъ часть, отражая остальную назадъ, и способствуетъ тѣмъ, съ своей стороны, нагрѣванію воздуха. При закатѣ солнца, лучи его падаютъ на землю весьма косвенно и посылаютъ ей весьма незначительное количество теплоты; земля же по-прежнему продолжаетъ отдавать свою теплоту излученіемъ въ небесныя пространства. Это излученіе становится еще значительнѣе послѣ заката солнца; ибо воздухъ, уже не нагрѣваемый солнцемъ отнимаетъ ее у почвы, которая во всю ночь продолжаетъ терять теплоту, приобрѣтенную ею днемъ. Къ утру охлажденіе, происходящее отъ такого излученія, доходитъ до наибольшей степени; опытомъ найдено, что моментъ сильнѣйшаго охлажденія почти совпадаетъ съ моментомъ солнечнаго восхода. Послѣ восхода земля, получая все большее и большее количество тепла, теряетъ его все менѣе и менѣе вслѣдствіе излученія среди дня; около 2 часовъ, наступаетъ моментъ наибольшаго нагрѣванія, послѣ чего теплота сутокъ начинаетъ убывать снова.

Таковъ ходъ суточной температуры въ умѣренныхъ странахъ; измѣненія въ этомъ ходѣ, безъ сомнѣнія, характеризуютъ климаты разныхъ мѣстъ, слѣдовательно они должны быть замѣчаемы; особенно же важна въ этомъ случаѣ сравнительная длина дня и ночи, имѣющая непосредственное вліяніе на количество теплоты, изливающейся на землю въ каждой мѣстности. Для опредѣленія этого количества наблюдаютъ, какъ мы уже сказали, термометръ три раза въ сутки. Сложивъ результаты этихъ трехъ наблюденій и раздѣливъ ихъ на три, находимъ среднюю температуру сутокъ, то-есть количество тепла, получае-

маго извѣстнымъ мѣстомъ въ каждый моментъ сутокъ, при чемъ предполагается, что теплота эта распределена равномерно въ теченіи всѣхъ сутокъ. Зная ходъ суточной температуры и количество теплоты, получаемой мѣстомъ, мы можемъ уже составить себѣ довольно опредѣленное понятіе о суточныхъ тепловыхъ явленіяхъ даннаго мѣста. Пользуясь знаніемъ среднихъ суточныхъ температуръ, метеорологъ обращается къ изученію годовой температуры. Есть большое сходство между измѣненіями тепла въ продолженіе года съ суточнымъ измѣненіемъ тепла. Вечеру соответствуетъ осеннее равноденствіе,—въ это время наблюдаемое мѣсто въ умѣренномъ поясѣ получаетъ уже весьма косвенные лучи солнца,—теплота прибываетъ медленно и быстро исчезаетъ отъ усиливающагося излученія; въ зимнее солнцестояніе, когда солнце всего дальше отъ насъ, мы получаемъ наименьшее количество теплоты; затѣмъ она постоянно прибываетъ, но еще такъ медленно, что потеря наша теплотою нѣкоторое время увеличивается; въ январѣ бываетъ самый холодный день; но наступаетъ весеннее равноденствіе, соответствующее восходу солнца, и теплота у насъ быстро возрастаетъ, доходя до наибольшей степени послѣ лѣтняго солнцестоянія, соответствующаго полудню, въ іюль мѣсяцѣ.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, ходъ годовой температуры; измѣненія, въ немъ происходящія, зависятъ отъ географическаго положенія мѣста и служатъ также къ характеристикѣ климатовъ. Посмотримъ, сколько теплоты получаетъ каждое мѣсто въ разные періоды времени.

Для этого метеорологи складываютъ суточные *среднія* каждаго мѣсяца, дѣлятъ ихъ на 30, 31, 28 или 29, то-есть на число сутокъ въ мѣсяцѣ, и получаютъ *среднія* мѣсячныя температуры, то-есть такія температуры, которыя, будучи помножены на число дней въ мѣсяцѣ, даютъ все количество тепла, получаемаго мѣстомъ въ теченіе мѣсяца, или же, выражаясь иначе, то количество теплоты, которое получается даннымъ мѣстомъ въ каждый моментъ мѣсяца, еслибы теплота эта была распределена равномерно во всѣ 30 дней. Мѣсячныя *среднія* слагаются опять, сумма ихъ дѣлится на 365, и получается годовая *средняя*. Очевидно, годовая *средняя* всегда меньше *средней* лѣтнихъ мѣсяцевъ и больше *средней* зимнихъ мѣсяцевъ. Черезъ помноженіе на число дней въ году она даетъ все количество тепла, изливающагося на землю въ продолженіе года или коли-

чество тепла, получаемого мѣстомъ въ каждый моментъ года, если допустимъ предположеніе, что теплота эта равномерно распределена во все продолженіе года.

Вооружившись годовыми *средними*, Александръ Гумбольдтъ соединилъ на картѣ тѣ точки, которыя получаютъ одинаковое количество тепла въ теченіе года, и вотъ явилось графическое изображеніе распределенія теплоты по земной поверхности. Линія эти онъ назвалъ *изотермами*, то-есть линіями равной теплоты. За тѣмъ Гумбольдтъ соединилъ на картѣ точки, получающія одинаковое количество тепла лѣтомъ и зимою. Первые линіи названы имъ *изотерами*, линіями равной лѣтней теплоты, вторыя—*изотимнами*, линіями равныхъ по температурѣ зимъ. Послѣ Гумбольдта Дове наложилъ на карту линіи равныхъ мѣсячныхъ температуръ, или *мѣсячныя изотермы*.

Мы имѣемъ, слѣдовательно, 15 разныхъ сортовъ линій, изображающихъ распределеніе теплоты по землѣ и характеризующихъ климаты относительно теплоты. Съ умноженіемъ наблюденій можно будетъ представить подобные выводы и для періодовъ болѣе короткихъ, напримѣръ для пятидневныхъ періодовъ, какъ это сдѣлали Дове и г. Веселовскій. Но карты, въ послѣднемъ случаѣ, не удобны,—достаточно имѣть передъ глазами таблицы. Наконецъ, академикъ Веселовскій собралъ наблюденія и вывелъ даже ежедневныя *среднія* для восьми мѣствъ въ Россіи: для Петербурга, Архангельска, Устьсысольска, Владимира, Бердичева, колоніи Орла, Иркутска и Якутска.

Прежде чѣмъ воспользуемся этими данными, посмотримъ, до какой степени могутъ онѣ характеризовать климатъ даннаго мѣста, какіе выводы можемъ мы получить изъ этихъ данныхъ? Онѣ даютъ намъ драгоценную возможность сравнивать разные мѣста относительно теплоты. Сравнимъ, въ видѣ примѣра, два какія-нибудь мѣста, хоть Воронежъ и Брюссель, лежащія почти подъ одною широтою, такъ что климаты ихъ, судя по одному этому обстоятельству, могли бы считаться одинаковыми.

Средняя годичная температура Воронежа $4,7^{\circ}$ Р., Брюсселя $8,16^{\circ}$ Р. слѣдовательно, Брюссель получаетъ въ продолженіе года вдвое больше теплоты нежели Воронежъ. Но, съ другой стороны оказывается, что средняя температура зимы въ Брюссель 2° Р., а въ Воронежъ— $7,7^{\circ}$ Р., средняя температура лѣта, въ Брюссель $14,5^{\circ}$ Р., а въ Воронежъ $17,5^{\circ}$ Р. Вотъ

данныя, которыя уже несравненно болѣе характеризуютъ климатъ; въ Брюсселѣ, очевидно, теплота распределена несравненно ровнѣе въ продолженіе года чѣмъ въ Воронежѣ. Въ Воронежѣ существуютъ крайности холода и жара, которыхъ нѣтъ въ Брюсселѣ; это еще болѣе подтверждается *средними* весны и осени: *средняя* теплота Воронежской весны 4° , осени $4,3^{\circ}$, а въ Брюсселѣ *средняя* весны $8,8^{\circ}$, осени $8,1^{\circ}$. Изъ этого видно, что въ Воронежѣ переходы отъ тепла къ холоду несравненно рѣзче нежели въ Брюсселѣ.

Если теперь обратимся къ приложеніямъ касательно растительности и хозяйства въ Воронежѣ, то найдемъ уже и при этихъ общихъ данныхъ объясненіе для многихъ явленій. Мы можемъ, напримѣръ, заранѣе сказать и объяснить себѣ, почему нѣкоторыя многолѣтнія растенія, деревья и кустарники, хорошо растутъ въ Брюсселѣ; а въ Воронежѣ не должны и не могутъ расти? Они боятся сильныхъ морозовъ, отъ которыхъ избавлены въ ровномъ климатѣ Бельгіи; таковы: букъ, грецкій орѣшникъ, миртъ и пр. Но за то, однолѣтнія растенія, требующія для вызрѣванія своихъ плодовъ жаркаго лѣта, лучше должны удаваться въ Воронежѣ; поэтому зерновые хлѣба будутъ лучше въ Воронежѣ чѣмъ въ Брюсселѣ, а травосѣянье должно лучше удаваться въ Бельгіи.

Но еще недостаточно общихъ признаковъ, нами приведенныхъ; относительно теплоты климатъ долженъ характеризоваться болѣе мелкими чертами. Такъ, еслибъ у насъ были выводы для пятидневныхъ періодовъ времени, то мы могли бы составить себѣ болѣе полное понятіе о климатѣ Воронежа.

Въ обширномъ трудѣ г. Веселовскаго находимъ еще мѣсячныя *среднія*. Сравнивая самый холодный мѣсяць обоихъ мѣстъ, находимъ, что въ Брюсселѣ средняя теплота января $0,9^{\circ}$ Р., а въ Воронежѣ— $10,6^{\circ}$ Р., для самаго жаркаго мѣсяца, іюля, имѣемъ въ Брюсселѣ $15,4^{\circ}$, въ Воронежѣ $18,8^{\circ}$. Такая суровость воронежскихъ зимъ очевидно показываетъ, что въ этомъ мѣстѣ нечего и думать о разведеніи весьма многихъ растеній, удающихся хорошо въ Брюсселѣ. Ниже будемъ говорить объ этомъ предметѣ подробнѣе. Но сочиненіе г. Веселовскаго даетъ намъ возможность воспользоваться, относительно воронежскаго климата, еще болѣе подробными выводами, а именно: мы видимъ, что въ Воронежѣ средняя теплота марта $3,8^{\circ}$ и даже апрѣля только $3,6^{\circ}$, слѣдовательно въ Брюсселѣ самый холодный зимній мѣсяць теплѣе воронежскаго марта,

перваго весенняго мѣсяца. Къ этому можемъ, при помощи того же сочиненія, присоединить свѣдѣнія о самомъ холодномъ днѣ въ году, относительно вѣроятности и приблизительнаго времени возврата холода весною, и наконецъ, относительно позднихъ весеннихъ и раннихъ осеннихъ морозовъ. Такъ, касательно весеннихъ и осеннихъ морозовъ, мы имѣемъ для Курска, лежащаго подъ одною широтою съ Воронежемъ и находящагося въ условіяхъ нѣсколько болѣе благоприятныхъ, результаты девятилѣтнихъ наблюдений, по которымъ послѣдній весенній морозъ бываетъ обыкновенно около 24 апрѣля, а первый осенній около 23 сентября. Данныя, собранныя г. Веселовскимъ, служатъ также къ указанію времени оттаиванія и замерзанія почвы.

Вотъ почти все, чтò до сихъ поръ можно было добыть изъ наблюдений надъ климатомъ, въ отношеніи къ теплотѣ. Еслибы подобныя данныя существовали для всѣхъ мѣстъ въ Россіи, чего до сихъ поръ еще нѣтъ, то наука о распредѣленіи растеній по поверхности нашего отечества, а также и сельское хозяйство, имѣли бы уже весьма прочную опору, и ботаникъ вмѣстѣ съ хозяиномъ могли бы съ большею вѣроятностію опредѣлить степень успѣха вновь-разводимаго растенія въ томъ или другомъ мѣстѣ.

Постараемся однакоже уяснить себѣ, какъ всѣ эти данныя могутъ быть примѣняемы къ распредѣленію растеній и сельскому хозяйству.

Чтобъ опредѣлить, благоприятствуетъ ли климатъ мѣста обработкѣ какихъ-либо растеній, прежде всего необходимо вникнуть въ привычки этихъ растеній и обратить вниманіе на цѣль, съ которою они вводятся или обрабатываются.

Далѣе, слѣдуетъ соображаться съ наибольшимъ холодомъ даннаго мѣста, чтобъ опредѣлить, въ состояніи ли наше растеніе выдержать этотъ холодъ или нѣтъ (1); весьма часто оказывается, что нѣтъ,—тогда нечего и хлопотать. Если, напротивъ, окажется, что растеніе въ состояніи выдержать наибольшій холодъ нашей мѣстности,—а это можемъ мы узнать, сообразивъ наибольшую степень холода, какую выносить оно въ своемъ распространеніи на сѣверъ,—то уже нѣтъ нужды

(1) Если растенія приходится прикрывать на зиму, то выгоды отъ его обработки рѣдко вознаграждаютъ труды хозяина, не говоримъ, впрочемъ, садовода

обращать вниманіе на остальные холодные мѣсяцы года, ибо жизненная дѣятельность растений рѣдко начинается при температурѣ ниже 4° или 5° Р., слѣдовательно, какъ бы ни были легки холода, она все-таки потеряна для растенія. Затѣмъ слѣдуетъ счесть количество теплоты, получаемое мѣстомъ, отъ того весенняго дня, въ который термометръ показалъ въ первый разъ 4° или 5°, и до того осенняго дня, въ который инструментъ этотъ поднялся въ послѣдній разъ до 4° или 5°. Тогда нужно обсудить, достаточно ли найденнаго количества теплоты для того, чтобы растеніе могло жить. Для этого Альфонсъ Декандоль (1) пользуется температурами на сѣверныхъ границахъ распредѣленія растений. Складывая градусы тепла всѣхъ дней, лежащихъ между первымъ и послѣднимъ днями, въ которые термометръ показывалъ отъ 4° до 5° или больше градусовъ, получаемъ *сумму тепла*, потребную растенію для его полного развитія. Если растеніе обрабатывается не для плодовъ, а для фуража, какъ напримѣръ кукуруза въ Сѣверной Америкѣ, то для него потребно меньшее число градусовъ тепла.

Предположимъ, однакожь, что сумма теплоты оказалась достаточною. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на число дней, между которыми распредѣляется эта сумма теплоты; это опять выводится изъ соображенія сѣверныхъ границъ распредѣленія растений. Чтобы показать, до чего количество такихъ теплыхъ дней можетъ быть различно, приведемъ выводы академика Веселовскаго относительно обліствленія, цвѣтенія и т. п. нѣкоторыхъ растений въ Брюсселѣ и Николаевкѣ, селѣ, лежащемъ нѣсколько на юго-западъ отъ Воронежа.

Появленіе первыхъ листовъ среднимъ числомъ:

Въ Николаевкѣ около 28 апрѣля.

Въ Брюсселѣ около 19 марта.

Сбрасываніе листьевъ начинается обыкновенно въ Николаевкѣ сентября 21.

въ Брюсселѣ октября 17.

Цвѣтеніе весеннихъ растений средн. числ. начинается въ Николаевкѣ мая 14.

въ Брюсселѣ апрѣля 17.

Созрѣваніе плодовъ среднимъ числомъ начинается въ Николаевкѣ іюля 2.

въ Брюсселѣ іюня 21.

(2) *Géographie botanique raisonnée*, par Alph. De Candolle. 2 vol. Paris 1855 in 8.

«Значить, въ Воронежской губерніи, говоритъ г. Веселовскій, пробужденіе природы, обнаруживаемое облиственіемъ деревьевъ, опаздываетъ противъ Брюсселя на 40 дней, цвѣтеніе растеній опаздываетъ на 27 дней, а созрѣваніе плодовъ на 11 дней, т. е. тѣмъ далѣе къ срединѣ лѣта, тѣмъ разница въ эпохахъ растительныхъ между двумя мѣстами меньше; и наконецъ, созрѣваніе зерновыхъ хлѣбовъ въ Бельгіи происходитъ позже, тѣмъ въ Воронежской губерніи, а именно:

	Николаевка.	Остенде.
Рожь созрѣваетъ	юля 7	юля 17.
Пшеница озимая	юля 14	юля 25.
Овесъ	юля 14	августа 1.
<u>Среднее</u>	<u>юля 13</u>	<u>юля 25.</u>

т. е. у насъ дозрѣваніе совершается 12 днями раньше. Причиною этому болѣе жаркое и, что еще важнѣе, *болѣе сухое* лѣто.»

Но если и дознано, что количество теплоты даннаго мѣста достаточно для удачной обработки растенія, надобно еще обратить вниманіе на время отмерзанія почвы. Затѣмъ сообразиться съ вѣроятнымъ окончаніемъ весеннихъ утренниковъ и началомъ осеннихъ морозовъ.

Имѣя все это въ виду, постараемся представить картину Россіи, по крайней мѣрѣ европейской; ибо Сибирь еще недостаточно изслѣдована относительно тепловыхъ условій ея климата.

Начнемъ съ годовыхъ *среднихъ*, которыя сейчасъ же помогутъ намъ усмотрѣть главнѣйшія и самыя крупныя черты въ распредѣленіи теплоты. Еслибы только положеніе солнца относительно земли обусловливало на ней распредѣленіе теплоты, то линіи равныхъ годовыхъ температуръ, изотермы, совпадали бы съ параллельными кругами, и мѣста, находящіяся подъ однѣми широтами, пользовались бы одинаковыми количествами тепла, которое возрастало бы отъ полюсовъ къ экватору; но сравненіе Брюсселя съ Воронежемъ уже показало намъ, что этого нѣтъ. Дѣйствительно, изотермы почти совпадаютъ съ параллельными кругами у экватора; но тѣмъ далѣе отъ экватора, тѣмъ болѣе отклоняются онѣ отъ параллелизма между собою и тѣмъ тупѣе углы, подъ которыми пересѣкаютъ онѣ параллельные круги. Кромѣ того, замѣчается, что изотермы начинаютъ изгибаться отъ запада Европы, понижаясь къ югу, тѣмъ болѣе,

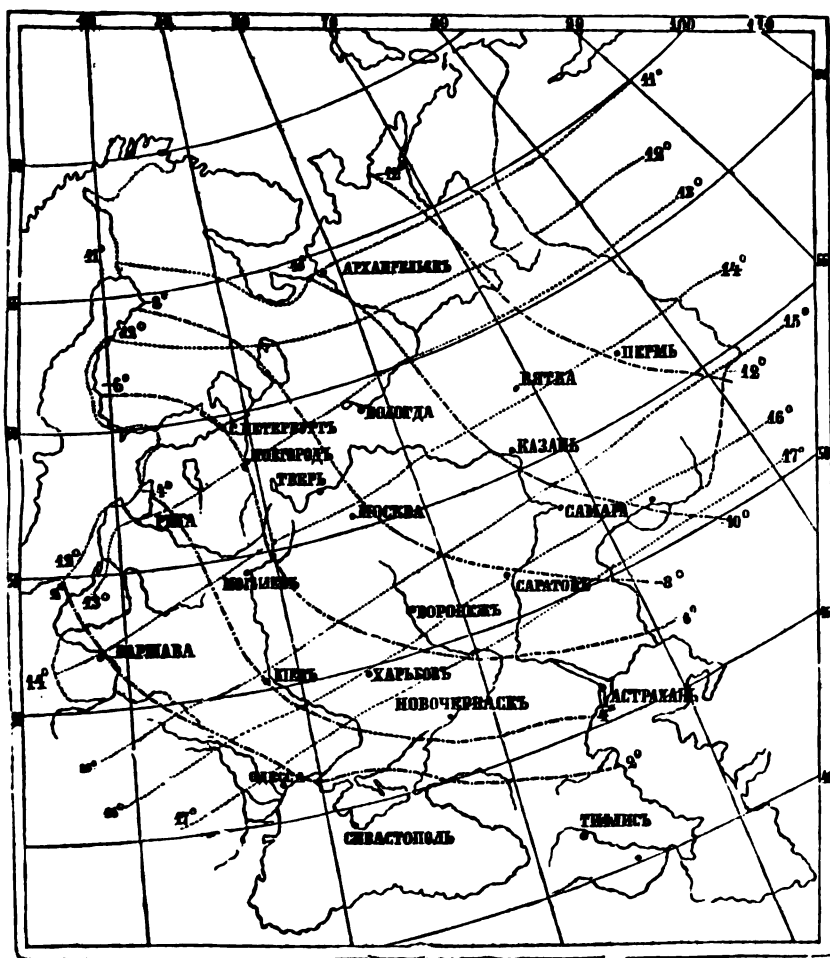
чѣмъ далѣе простираются онѣ на востокъ; этотъ изгибъ достигаетъ наибольшей степени почти въ серединѣ Сибири. Затѣмъ изотермы опять начинаютъ мало-по-малу подыматься къ сѣверу, а перейдя въ Америку, поступаютъ точно также, какъ поступали въ старомъ свѣтѣ.

Мы не можемъ здѣсь пускаться въ исчисленіе причинъ, опредѣляющихъ уменьшеніе теплоты отъ запада къ востоку въ старомъ материкѣ; скажемъ однакоже, что главная изъ нихъ заключается въ томъ, что старый материкъ лежитъ своею массою внѣ тропиковъ, и подходитъ весьма близко къ полярнымъ льдамъ. А такъ какъ земля теряетъ свою теплоту несравненно скорѣе чѣмъ вода, то понятно до чего велико вліяніе охлажденія такихъ огромныхъ массъ почвы, какова сѣверо-восточная Россія и Сибирь, на уменьшеніе годовой теплоты отъ запада къ востоку вообще. Для европейской Россіи г. Веселовскій вывелъ то важное заключеніе, что возрастаніе средней годичной температуры на 1° Р. съ сѣвера на югъ соотвѣтствуетъ 278 верстамъ, а съ востока на западъ 555 верстамъ. По этому, уменьшеніе температуры съ запада на востокъ лишь въ половину меньше противъ уменьшенія ея съ юга на сѣверъ.

Если главная причина пониженія восточной части изотермическихъ линій есть зимній холодъ, то это явленіе лучше всего объясняется намъ направленіемъ изохименъ. Линіи эти изгибаются несравненно круче изотермъ. По картѣ сѣвернаго полушарія Дове, (1) оказывается, что пространство наибольшаго холода лежитъ въ Сибири; самая сѣверная изохимена, по направленію которой средняя температура зимъ — $30,4^{\circ}$ Р. образуетъ вокругъ Якутска обширную замкнутую эллиптическую линію. Остальные изохимены размѣщаются болѣе или менѣе параллельно этому центральному эллипсу. И такъ, зимы на старомъ материкѣ становятся все суровѣе и суровѣе отъ запада къ востоку; притомъ же, убыль зимней теплоты, судя по изгибамъ изохименъ, совершается съ несравненно-меньшею постепенностью нежели убыль общей годовой теплоты. Это обстоятельство выразится вполнѣ, если мы скажемъ, что въ Петербургѣ—такая же зима какъ въ Курскѣ, Царицынѣ и Гурьевѣ; а въ Ригѣ нѣсколько теплѣе нежели въ Кіевѣ, Новочеркасскѣ и Астрахани.

(1) *Klimatologische Beiträge* von H. W. Dove. Erster Theil. Berlin 1857.

Причина сравнительно небольшого изгиба изотермъ, при такомъ почти внезапно пониженіи изохименъ, заключается въ распредѣленіи лѣтней теплоты. Дѣйствительно, направленіе изотермъ, или линій равной лѣтней температуры, показываетъ, что лѣто становится постепенно жарче отъ запада къ востоку, хотя не въ той степени, въ какой прибываетъ холодъ. Отсюда очевидно, что если изохимены способствуютъ къ пониженію изотермъ къ югу, то изотеры способствуютъ напротивъ къ изгибанію тѣхъ же линій къ сѣверу, хотя въ меньшей мѣрѣ, такъ что изотермы принимаютъ среднее направленіе между изотерами и изохименами, подходя однакоже ближе къ изохименамъ.



Постараемся теперь примѣнить эти общіе выводы къ Россіи. На приложенной картѣ, изображающей направленіе изотеръ и изохименъ въ Европейской Россіи, можно видѣть подтвержденіе общаго закона распредѣленія теплоты по земному шару.

Эти линіи уже до нѣкоторой степени характеризуютъ климаты разныхъ частей нашего отечества, тѣмъ болѣе, что въ немъ нѣтъ ни значительныхъ возвышенностей, ни далеко врѣзывающихся морей, которыя могли бы имѣть вліяніе на распредѣленіе теплоты. Ббольшая часть Россіи имѣетъ климатъ континентальный или материковый, названный такъ въ противоположность островному или береговому. Материковый климатъ отличается крайностями тепла и холода, суровыми зимами и жаркимъ лѣтомъ, тогда какъ береговой климатъ пользуется весьма равномѣрнымъ распредѣленіемъ теплоты въ продолженіе всего года. Въ странахъ съ материковымъ климатомъ весенняя теплота наступаетъ вдругъ, дружно, и вообще, нѣтъ постепенности въ переходахъ отъ одного времени года къ другому. Но имѣя въ виду приложеніе климатологическихъ данныхъ къ распредѣленію растений и сельскому хозяйству, мы намѣрены извлечь изъ сочиненія г. Веселовскаго болѣе подробныя свѣдѣнія. Начнемъ съ зимнихъ холодовъ. Для краткости предлагаемъ небольшую таблицу, въ которой представлены свѣдѣнія, имѣющія самое рѣшительное вліяніе на растительность. Не имѣя возможности означить въ нашей таблицѣ каждое мѣсто отдѣльно, мы раздѣлили Россію на столько поясовъ, сколько проходитъ по ней разныхъ изохименъ. Пояса эти назвали мы по имени главныхъ городовъ, въ нихъ заключающихся.

Пояса.	Средняя теплота января, какъ самаго холоднаго мѣсяца.	Средняя теплота самаго холоднаго дня.
1) Пермскій	— 12° Р.	— 14° Р.
2) Архангельско-Оренбургскій	— 11° — 12°	— 13,5°
3) Московско-Саратовскій	— 8,5° — 9°	— 12,5°
4) Петербургско-Курскій	— 7° — 8,5°	— 9,5°
5) Рижско-Астраханскій	— 4,6° — 5,8°	— 6°
6) Варшаво-Одесскій	— 3,5° — 2,8°	— 8,5°

Весьма важно было бы присоединить сюда время и силу послѣднихъ весеннихъ и первыхъ осеннихъ морозовъ; но свѣдѣнія по этой части еще слишкомъ невелики и недовольно вѣрны. Г. Веселовскій выводитъ однакоже, что вообще число безморозныхъ дней уменьшается отъ юга къ сѣверу и отъ запада

къ востоку, подъ тѣми же долготами и широтами. Особенно страдаютъ безвременными морозами мѣста болотистыя, на примѣръ Финляндія; тамъ нѣтъ ни одного мѣсяца въ году, въ который не было бы морозовъ.

Нерѣдко случается слышать и читать, замѣчаетъ г. Веселовскій, сѣтованія русскихъ хозяевъ на несвоевременные у насъ морозы, при чемъ хозяева эти выражаются иногда такъ, какъ бы считали такіе морозы лишь принадлежностью нашего материкового климата. Но не должно думать, что лѣтніе ночные морозы свойственны однимъ материковымъ климатамъ. Дѣйствительно, въ Бельгій и даже на западномъ берегу Франціи, въ Борделе, отъ весеннихъ морозовъ нерѣдко страдаютъ виноградники и шелковичныя деревья; — убытокъ отъ побіенія морозомъ шелковичныхъ листьевъ часто весьма значителенъ. Но для успокоенія тѣхъ изъ нашихъ хозяевъ, которые расположены думать, что одна Россія страдаетъ несвоевременнымъ холодомъ, приведемъ здѣсь слѣдующія слова извѣстнаго ученаго, Мейена (1):

«Въ Кантонѣ и Макао, говоритъ онъ, гдѣ температура воздуха падаетъ рѣдко ниже 22° Р., въ странѣ, гдѣ растутъ пальмы, сахарный тростникъ, апельсины и всѣ лучшіе южные плоды, гдѣ прибрежья рѣкъ зарастаютъ бананами, померанцами, гранатами и миртами, — въ этой странѣ, при дуновеніи сѣверо-восточнаго муссона, температура падаетъ такъ низко, что по утру случается видѣть, особенно послѣ свѣтлыхъ ночей, когда лучеиспусканіе сильно, банановыя листья висящими и побурѣвшими. Къ счастью, этотъ холодъ не продолжителенъ; съ появленіемъ солнца, теплота возвышается опять до 12° и 15°, и бананы приподнимаются, даже побурѣвшіе листья ихъ снова становятся ярко зелеными».

Какъ бы то ни было, но весенніе утренники весьма вредны, и для хозяина очень важно знать время, когда они оканчиваются; обратимся, однакоже, къ нашей таблицѣ и постараемся объяснить ея практическую примѣнимость.

Знаніе наибольшаго холода даетъ возможность опредѣлить какія хозяйственныя растенія могутъ выдержать зиму того или другаго мѣста. При этомъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, обратить вниманіе на продолжительность этого холода, къ чему можетъ послужить знаніе средней температуры холоднѣйшаго мѣсяца,

(1) *Grundriss der Pflanzengeographie* von F. J. F. Meyen, Berlin 1836.

означенной въ вышеприведенной таблицѣ. Требуемый результатъ выводится сравненіемъ наибольшаго холода даннаго мѣста съ холодомъ тѣхъ мѣстъ Россіи, западной Европы или Америки, гдѣ успешно разводится данное растеніе.

Можно быть увѣреннымъ, что это первое соображеніе избавило бы многихъ отъ убытка и потери времени. Напримѣръ, видя, что въ Москвѣ средняя теплота января обыкновенно -8° или -9° , а наибольшій средній холодъ -12° ; зная притомъ, что поздніе морозы бываютъ въ маѣ и даже іюнѣ, никто, кромѣ прихотниковъ или ботаниковъ, не вадумаетъ разводить шелковицу и хлопотать о распространеніи шелководства въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что даже въ западной Франціи случались убытки отъ побіенія листьевъ шелковицы морозомъ. Съ другой стороны, знаніе наименьшей теплоты, бывающей въ разныхъ мѣстахъ Кавказа, западной Европы и пр. можетъ указать на возможность ввести во многихъ мѣстахъ умѣренной Россіи такіа растенія, которыя тамъ еще не введены. Напримѣръ, абрикосовое дерево и грецкій орѣшникъ произрастаютъ около Тифлиса, на высотѣ около 6000 футовъ, тамъ гдѣ морозы въ -10° Р. не рѣдкость и снѣгъ лежитъ весьма долго. Правда, абрикосы тамъ не всегда вызрѣваютъ; но это бываетъ потому, что въ этихъ горныхъ предѣлахъ часто случаются дождливыя, прохладныя годы, препятствующіе полному вызрѣванію нѣкоторыхъ плодовъ. Что же до грецкихъ орѣховъ, то они успешно растутъ въ Кіевѣ.

Нельзя ли заключить изъ этого, что абрикосы и грецкіе орѣхи могли бы разводиться на чистомъ воздухѣ, въ курскихъ садахъ, гдѣ въ январѣ мѣсяцѣ средняя теплота не ниже $-8,5^{\circ}$, а наибольшій холодъ -10° Р? По нашему мнѣнію, это было бы особенно возможно на шпалерахъ.

Обратимся теперь къ веснѣ, осени и особенно лѣту. Данныя для этихъ временъ года дадутъ намъ возможность дѣлать болѣе подробныя и опредѣленныя заключенія. Такъ какъ количество дѣтняго тепла увеличивается отъ запада къ востоку, то въ Россіи, подъ однѣми и тѣми же широтами, вообще жарче нежели въ западной Европѣ. Благодаря одному этому обстоятельству, нѣкоторыя растенія, не будучи въ состояніи давать годныхъ плодовъ во Франціи и Германіи, даютъ прекрасныя плоды въ Россіи, даже сѣвернѣе тѣхъ мѣстъ, гдѣ они разводятся въ западной Европѣ; таковы напримѣръ арбузы.

Изъ приведеннаго нами сравненія времени облиственія, цвѣ-

тенія и пр. въ Брюсселѣ и въ Николаевкѣ, въ Воронежской губерніи, видно, что полное развитіе растений совершается въ Россіи вообще быстрѣе чѣмъ въ западной Европѣ. Это обстоятельство доказываетъ справедливость воззрѣнія Буссенго, Гаспарена и Декандоля, что каждое растение, для своего полного развитія, требуетъ известной суммы теплоты, хотя бы эта теплота была распределѣна между различными количествами дней. При этомъ Декандоль, какъ мы уже сказали, считаетъ теплоту только тѣхъ дней, которые заключаются между весеннимъ и осеннимъ днемъ, когда теплота была въ первый и въ послѣдній разъ не ниже того количества градусовъ, при которомъ данное растение можетъ начать свое прорастаніе изъ сѣмени или развитіе своихъ почекъ. Такъ напримѣръ, если опытами или наблюденіями найдено, что данное растение начинаетъ проращать при 5° Р., если кромѣ того известно, что теплота въ 5° Р., наступаетъ 15-го апрѣля, а въ послѣдній разъ бываетъ 15-го сентября, то надо сложить градусы теплоты всѣхъ 150 дней, заключающихся между 15 апрѣля и 15 сентября. Затѣмъ слѣдуетъ сдѣлать подобное же вычисленіе для мѣста, гдѣ данное растение произрастаетъ успѣшно, и сравненіе двухъ выводовъ рѣшить вопросъ. Разумѣется, подобное вычисленіе слѣдуетъ производить только въ тѣхъ случаяхъ, когда наименьшая теплота мѣста не исключаетъ растенія вовсе.

Руководствуясь сказаннымъ, предлагаемъ вторую табличку, въ которой представлены необходимыя данныя по поясамъ, соответствующимъ линіямъ равной лѣтней теплоты (*изотерма*).

Пояса (1).	Средняя теплота лѣта.	Число весеннихъ дней съ вер- ху въ градусо.	Средняя теплота зиму.	Число осеннихъ дней до послѣдн- го въ градусо.	Средняя теплота зимы осенн.
1) Архангельскій (1329°)	11,4° Р.	15	6° Р.	29	7,3° Р.
2) Ревельско-Петрозаводскій (1356°)	12,5°	25	6,2°	22	7°
3) Рижско-Вологодскій (1659°)	13,5°—14°	28	5,3°	42	7°
4) Варшавско-Пермскій (1815°)	14°—14,6°	30	9°	50	6,5°
5) Кіево-Самарскій (2439°)	15°—16°	52	9°	56	9,3°
6) Подольско-Саратовскій (3000°) . . .	16°	?	?	?	?
7) Екатеринославскій (3447°)	17°—18°	56	9°	64	10

(1) Числа, поставленныя въ скобкахъ у названій поясовъ, означаютъ суммы полезныхъ температуръ, т. е. всю теплоту, которая набирается между пяти-градусными днями.

Замѣтимъ, что всѣ наблюденія были сдѣланы по термометру въ тѣни, и потому количество ихъ меньше того, которое дѣйствительно имѣетъ вліяніе на растенія въ разныхъ поясахъ. Скажемъ еще, что на растеніе имѣетъ огромное вліяніе степень освѣщенія и сухости воздуха: чѣмъ длиннѣе дни и чѣмъ меньше тумановъ и облаковъ въ данномъ мѣстѣ, тѣмъ меньшей теплоты требуетъ растеніе; поэтому, напримѣръ, ячмень требуетъ для своего дозрѣванія меньшаго количества теплоты въ странахъ, пользующихся длинными днями и постоянно безоблачнымъ небомъ, хотя и сѣверныхъ, нежели въ странахъ болѣе южныхъ, но сырыхъ и туманныхъ.

Въ примѣръ приложенія нашей второй таблицы возьмемъ кукурузу и виноградную лозу. Кукуруза требуетъ 2000° Р. для полнаго своего развитія и вызрѣванія; но счетъ градусовъ былъ сдѣланъ Декандалемъ не со дня пятиградусной температуры, а со дня десятиградусной теплоты. Поэтому весна и осень трехъ или четырехъ первыхъ поясовъ не способствуютъ разведенію кукурузы. Въ четвертомъ поясѣ, очевидно, было нѣсколько градусовъ съ десяти-градусною теплотою, иначе средняя температура не могла бы дойти до 9°; но такъ какъ сумма тепла всего лѣтняго времени не превышаетъ 1815°, то нечего и думать тутъ о разведеніи кукурузы. Слѣдовательно, этотъ хлѣбъ не можетъ быть засѣваемъ ни въ Варшавѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Рязани, ни въ Симбирскѣ. Въ пятомъ поясѣ *средня* весны и лѣта такъ высоки, что въ эти времена года термометръ несомнѣнно часто и долго стоялъ на 10 градусахъ. А такъ какъ одни лѣтніе мѣсяцы даютъ отъ 1350° до 1440°, все же теплое время 2439°, то нѣтъ сомнѣнія, что во все это время накопится теплоты слишкомъ 2000° Р., и кукуруза должна успѣшно произрастать, начиная отъ Житомира, Кіева, Тамбова, Пензы и Самары къ югу. Въ кіевскихъ огородахъ растеніе это уже издавна разводится, а въ Пензенской губерніи, не дальше, какъ въ прошлое лѣто, мы сами видѣли кукурузу, посѣянную на грядкахъ и начинавшую зрѣть въ концѣ іюля, несмотря на холодное лѣто. Другой вопросъ: выгоденъ ли этотъ хлѣбъ? Но я не сомнѣваюсь, что онъ можетъ разводиться, начиная съ означенной границы. Если же принять, что это есть самый плодущій хлѣбъ (урожай на Кавказѣ доходятъ до самъ-120 при плохой обработкѣ), что можно довольствоваться урожаемъ въ самомъ, то полагаемъ что, при улучшеніи хозяйства, кукуруза у насъ введется. Въ Америкѣ, откуда кукуруза вывезена въ Европу,

ее сѣють для листьевъ, даже въ Канадѣ, и до 54° с. ш., то-есть сѣвернѣ Тамбова, а тамъ лѣто прохладнѣе нашего.

Для виноградной лозы Декандоль вычислилъ 2400° Р. между днями осьми-градусной теплоты. Поэтому виноградъ могъ разводиться у насъ отъ кіево-самарской линіи; ибо по этой линіи сумма тепла равняется уже 2439°; но такъ какъ виноградъ—растеніе многолѣтнее, то нужно обращать вниманіе на морозы. Оказывается, что въ Курскѣ, Воронежѣ и Саратовѣ морозы такіе сильные и продолжительные, какихъ нѣтъ ни въ одной изъ самыхъ сѣверныхъ виноградныхъ странъ, и становятся значительно слабѣе только отъ линіи, идущей отъ Каменца до Уральска, и то сюда завертываютъ иногда такіе холода, что лозу, гдѣ она есть, приходится прикрывать на зиму землю.

Вотъ результаты, которые могутъ считаться довольно любопытными; но они были бы гораздо вѣрнѣе и подробнѣе, если бы наблюденія были сдѣланы по термометру на солнцѣ, и если бы были замѣчены только одни градусы не ниже 5 или 8°. То, что мы сказали, можетъ, однакоже, показать основаніе, на которомъ должно производить всѣ попытки къ перемѣщенію растеній изъ одной страны въ другую,— перемѣщенію, иногда неправильно называемое акклиматизаціею, ибо акклиматизація значитъ перенесеніе растенія не изъ одного мѣста въ другое, а изъ одного климата въ другой. Всѣ точныя разысканія, между прочимъ и Декандолевы, доказываютъ, что такого рода акклиматизація можетъ совершаться только въ довольно ограниченныхъ предѣлахъ, и притомъ сотнями лѣтъ, а потому не представляетъ истинныхъ выгодъ. Дѣйствительно, можно ли назвать акклиматизаціею, напримѣръ, разведеніе гороха въ Гаваннѣ, въ тѣни какого-нибудь утеса съ искусственною поливкою и окропленіемъ, или посадку шелковицы гдѣ-нибудь у строенія, куда вѣтеръ наноситъ предохранительные сугробы, и гдѣ все-таки она рано или поздно вымерзаетъ. Смѣшно Москвичу или Парижанину видѣть за столомъ у гаванскаго креола тощее блюдо зеленаго гороху, точно такъ же, какъ этому креолу показались бы смѣшными тѣ фунтики коконовъ, которые выводятся на окнахъ въ Москвѣ. Еслибы русскіе садоводы и хозяева побольше обрацали вниманія на климатическія условія, то отнюдь не стали бы вводить новыхъ растеній въ большую культуру; въ садоводствѣ же и огородничествѣ обратили бы больше вниманія на растенія отдаленнаго востока нашего отечества и на Сѣверную Америку. Чѣмъ рациональнѣе сельское хозяйство, тѣмъ оно

проще. Сѣверный предѣлъ винограда, почти на нашихъ глазахъ, отодвинулся на югъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ виноградная лоза можетъ произрастать безъ зимней покрывки, потому что климатъ этихъ странъ не въ состояніи выработать такого дорогаго продукта, каковы вины Франціи, Испаніи и южной Германіи. Всегда выгоднѣе производить тотъ продуктъ, который требуетъ сравнительно меньшаго оборотнаго капитала; выгоднѣе производить то растеніе, котораго привычки наиболѣе согласуются съ климатомъ.

Земледѣліе Англій, лучшее въ мірѣ, ограничивается пшеницею, ячменемъ, овсомъ, рѣпою и картофелемъ, находя произведеніе этихъ растеній самымъ выгоднымъ хозяйствомъ, несмотря на то, что климатъ Англій могъ бы превосходно вырабатывать лѣстья шелковицы и даже плохое вино.

Что же до садовниковъ и даже лѣсоводовъ, то мы можемъ указать имъ на многія прекрасныя растенія Камчатки, восточной Сибири и Сѣверной Америки. Множество великолѣпныхъ, намъ невѣдомыхъ хвойныхъ деревьевъ, могли бы населять русскіе лѣса: сахарный кленъ, терпящій канадскіе холода, не уступающіе не только московскимъ, но даже и вологодскимъ, могъ бы давать сахаръ каждому, кто могъ бы отдѣлать осмину земли подъ его посадку. Сибирская облепиха, голубая жимолость, давали бы хорошія ягоды; широколиственная камчатская таволга, сибирскіе рододендры, сарана, камчатскій касатикъ, сибирскіе піоны и множество другихъ, годны къ украшенію лучшихъ садовъ (1).

Если теперь обратимъ вниманіе на связь распредѣленія теплоты съ распредѣленіемъ по земной поверхности жилищъ человѣческихъ и гражданственности, то, какъ говорить г. Веселовскій, оправдывается положеніе Александра Гумбольдта, что почти всегда простыя метеорологическія данныя опредѣляютъ, на большихъ пространствахъ одного и того же материка, тутъ жизнь земледѣльческую, тамъ жизнь кочевую.

Такъ, напримѣръ, климатъ сѣверныхъ тундръ Россіи навсегда изгоняетъ мысль объ осѣлости въ тѣхъ странахъ. Суровость и продолжительность ихъ зимъ исключаетъ совершенно земледѣліе и луговоеводство; главную растительность тамъ соста-

(1) Я только въ видѣ примѣра назвалъ здѣсь нѣкоторыя растенія. Всякій просвѣщенный читатель можетъ воспользоваться въ этомъ отношеніи спеціальными сочиненіями, какова напримѣръ *Флора Ледбура*.

вляють мхи и лишайники. Сѣверный олень, этотъ корабль тундръ, какъ называетъ его г. Веселовскій, не только довольствуется, но и жадно отыскиваетъ эти растенія: онъ составляетъ единственную возможность существованія среди печальной тундры, и тѣмъ невозвратно опредѣляетъ кочевую жизнь человѣка.

Климатическія условія, именно положеніе снѣжной линіи, позволяютъ земледѣлю подняться выше въ кавказскихъ странахъ нежели на Альпахъ и Пиренеяхъ; поэтому самому и жилища человѣческія поднимаются выше на Кавказскихъ горахъ, тѣмъ на Альпахъ и Пиренеяхъ, несмотря на то, что въ Швейцаріи и даже Испаніи образованіе несравненно выше нежели на Кавказѣ; такъ могущественно вліяніе климата.

Но промышленность человѣка еще не подчинилась климату въ обширныхъ степяхъ Россіи. Многіе до сихъ поръ увѣрены, что эти степи навсегда останутся пастбищами для скота. Не такъ думаетъ г. Веселовскій, и мы не можемъ съ нимъ не согласиться.

Сравнивая климатъ заволжскихъ, допскихъ и ставропольскихъ степей съ климатомъ лучшихъ пастбищныхъ странъ Европы, находимъ, что климаты эти совершенно противоположны. Прекрасные луга Англій, Голландіи, Бельгіи и сѣверной Франціи поддерживаются постоянною сыростію и умѣренною теплотою; наши степи, напротивъ того, отличаются постоянными лѣтними жарами и сухостію воздуха, при весьма холодныхъ зимахъ: небо тамъ большую часть года безоблачно, воздухъ прозраченъ, рѣдкіе дожди проходятъ ливнями. Не на пастбища обречены эти мѣста, а на производство зерновыхъ хлѣбовъ, — все на то указываетъ. Уже въ концѣ мая трава на степи начинаетъ сохнуть, и скоро совершенно иссыхаетъ, особенно тамъ, гдѣ по близости нѣтъ рѣчки или ручья. Если до сихъ поръ множество скота пасется въ этихъ степяхъ, такъ это единственно потому, что населеніе тамъ чрезвычайно рѣдко. Сравненіе количества домашнихъ животныхъ Россіи съ количествомъ тѣхъ же животныхъ, напримѣръ, въ Англій, лучше всего показываетъ, до чего Россія бѣдна домашними животными, несмотря на свои пастбища, которыя своимъ протяженіемъ превосходятъ всю Великобританію, съ ея городами, рѣками, дорогами и пр.

Россія въ общей сложности своей территоріи, въ 70 разъ больше Англій; въ ней приходится удобной земли по 6,4 десятины на человѣка, тогда какъ въ Англій удобной земли только

0,75 десятины на человѣка. Несмотря на это, въ Англіи число животныхъ только вдвое меньше нежели въ Россіи, а именно: въ Россіи ихъ 105 милліоновъ, въ Англіи 56 милліоновъ; такъ что въ Россіи приходится на одну квадратную милю 1050 головъ, а въ Англіи 9076 (1).

Итакъ, количество скота отнюдь не служитъ въ пользу того мнѣнія, что русскія степи должны исключительно служить пастбищемъ домашнихъ животныхъ. Въ этихъ степяхъ и пастухи, и животныя полудики, и остаются они будутъ тамъ, по всей вѣроятности, только до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ изъ своего полудикаго состоянія. Напротивъ того, степной климатъ въ высшей степени способствуетъ произведенію зерновыхъ хлѣбовъ. Для подтвержденія этого достаточно привести только два факта изъ числа доказательствъ, представленныхъ г. Веселовскимъ. Во первыхъ, сравненіе нашей пшеницы съ западно-европейскою показало, что наша лучше не только французской, но даже и алжирской: степная арнаутка изъ того же количества муки дала больше клейковины, служащей основаніемъ питательности пшеницы, и больше печенаго хлѣба. Во вторыхъ,—и въ отвѣтъ на жалобы хозяевъ относительно сухости и жара нашихъ степей,—приведемъ свѣдѣніе, совершенно достовѣрное о порядочномъ урожаѣ пшеницы, возросшей, *безъ капли дождя*, въ степной части Таврической губерніи. Трава требуетъ умѣренной теплоты и постоянной сырости; хлѣбное зерно—жара и сухости; вотъ афоризмъ, подтверждаемый климатологіею и хозяйственнымъ опытомъ. Сочиненіе г. Веселовскаго даетъ намъ еще возможность обратить вниманіе читателя на одно весьма важное обстоятельство, на температуру почвы. Изъ наблюденій оказывается, что теплота почвы, въ продолженіе года, не равна теплотѣ воздуха. Хотя наблюденій по этой части до сихъ поръ весьма мало, однако все же можно было сдѣлать тотъ общій выводъ, что въ слоѣ почвы, въ которомъ происходитъ растительность, зимою больше тепла, чѣмъ въ воздухѣ, а лѣтомъ меньше. Кромѣ того дознано, что самое холодное и самое теплое время для почвы наступаютъ позже нежели для воздуха. Эти два обстоятельства объясняютъ многое относительно растений. Изъ наблюденій выходитъ, что теплота быстрѣе распространяется по длинѣ волоконъ, слѣдо-

(1) *Руководство къ Статистикѣ*, А. Рославскаго-Петровскаго. Харьковъ 1856.

вательно и по длинѣ стебля или ствола, нежели поперекъ волоконъ; а такъ какъ корни погружены въ землю, которая нѣсколькими градусами теплѣе воздуха зимою, и свѣжѣе ея лѣтомъ, то дерево получаетъ изъ почвы теплоту въ холодное время, прохладу — въ лѣтнее. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ Якутскѣ могутъ расти деревья, — въ Якутскѣ, гдѣ, по словамъ г. Веселовскаго, стекло и ледъ трескаются отъ мороза, гдѣ желѣзо теряетъ свою упругость и становится хрупкимъ какъ стекло, гдѣ ртуть остается въ термометрѣ замерзшею по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Пользуясь обстоятельствомъ различной нагрѣваемости почвы и воздуха, садовники могутъ, до нѣкоторой степени, управлять растительностью. Въ этомъ отношеніи любопытенъ примѣръ задержки цвѣтенія вишневыхъ деревъ въ прусской Литвѣ. Садовники прикрываютъ тамъ почву около вишневыхъ стволовъ толстымъ слоемъ листьевъ, передъ началомъ весны. Отъ этого земля остается дольше мерзлою, и вишни цвѣтутъ позже, избѣгая такимъ образомъ весеннихъ морозовъ, которые непременно побили бы ихъ. Въ Тиолисѣ миндальные деревья рѣдко даютъ плоды, потому что они цвѣтутъ въ февралѣ мѣсяцѣ и погибаютъ большею частію при возвратѣ мартовскихъ холодовъ, набѣгающихъ тамъ обыкновенно со снѣгомъ и порывистымъ вѣтромъ. О яблоняхъ и вишняхъ Московской и даже Воронежской губерніи нечего говорить; урожай ихъ былъ бы несравненно вѣрнѣе, еслибы созрѣваніе ихъ плодовъ было нѣсколько задержано приведеннымъ нами способомъ.

Въ сочиненіи г. Веселовскаго находимъ главу о вскрытіи и замерзаніи рѣкъ; такъ какъ это явленіе находится въ прямой зависимости отъ теплоты, то мы и скажемъ здѣсь о немъ нѣсколько словъ.

Выводы, сдѣланные г. Веселовскимъ по этому поводу, довольно любопытны. Намъ кажется особенно важною таблица средняго замерзанія и вскрытія рѣкъ въ Россіи. Эта таблица не можетъ быть здѣсь помѣщена по своей обширности; но практическое примѣненіе ея, на которое указываетъ авторъ, достойно вниманія.

«Представленная здѣсь таблица вскрытія и замерзанія рѣкъ въ хронологическомъ порядкѣ, говоритъ г. Веселовскій, можетъ быть, по моему мнѣнію, и практическое примѣненіе, въ томъ, что давая возможность опредѣлить, на примѣръ, среднее число дней между вскрытіемъ какихъ-либо двухъ рѣкъ, она представ-

леть средство разчитывать вѣроятность вскрытія одной изъ этихъ рѣкъ по полученному извѣстію о послѣдовавшемъ уже вскрытіи другой. Напримѣръ, Западная Двина въ Ригѣ вскрывается, въ среднемъ счетѣ, 13 днями раньше Невы въ Петербургѣ; еслибы мы въ 1847 году получили извѣстіе, что Двина вскрылась 9 апрѣля, то, по вѣроятности, могли бы разчитывать, что Нева вскрыется 22 апрѣля; и она дѣйствительно вскрылась въ томъ году 23 апрѣля; точно также, по извѣстію въ 1848 году о воспослѣдовавшемъ 10 марта вскрытіи Двины, могли бы разчитывать для Невы на 23 марта; дѣйствительно же вскрытіе Невы въ томъ году случилось 21 марта. Конечно, не всякій годъ это придется такъ вѣрно; однако достаточно и того, что этимъ средствомъ мы можемъ опредѣлить *спрогнозировавшее* число вскрытія. То же самое и для замерзанія. Такимъ образомъ всякій, для кого судоходство имѣетъ прямой интересъ, судоходцы, торговецъ и т. п., можетъ, имѣя своевременныя извѣстія изъ разныхъ мѣстъ, съ большею вѣроятностью опредѣлнить напередъ, за двѣ, за три недѣли, вскрытіе какой-либо рѣки или ея замерзаніе, и разчитывать согласно съ этимъ свои обороты. Въ этомъ отношеніи, представленная мною таблица есть лишь первый опытъ, для усовершенствованія котораго желательно, чтобы свѣдѣнія собирались съ надлежащею тщательностью изъ большаго числа мѣстъ и для большаго числа рѣкъ. »

Въ заключеніе этой статьи о теплотѣ замѣтимъ, что климатология только тогда достигнетъ высшей практической примѣнимости, когда дознаетъ не только общіе законы распространенія теплоты, но будетъ еще въ состояніи опредѣлить тѣ, повидимому, случайныя измѣненія въ ходѣ температуры, которыя именно и составляютъ характеръ климата того или другаго мѣста. Къ этому могутъ повести оцѣнка мѣстныхъ климатическихъ условій и многочисленныя наблюденія. Просвѣщенному хозяину необходимо слѣдить за измѣненіемъ теплоты, въ продолженіе года; если многіе опытные старожилы и имѣютъ иногда довольно ясное представленіе о климатѣ своихъ мѣстъ, то во всякомъ случаѣ представленіе это не имѣетъ достаточной опредѣленности, чтобы съ успѣхомъ примѣняться къ дѣлу.

Къ разряду явленій, выходящихъ изъ ряду всеобщихъ, принадлежитъ, напримѣръ, возвратъ холодовъ въ маѣ мѣсяцѣ; извѣстный ученый Дове занялся этимъ предметомъ спеціальная; но оно все-таки еще недостаточно разъяснено, особенно для Россіи, имѣя между тѣмъ весьма важное значеніе въ хозяйствѣ

По словамъ пензенскаго хозяина, И. В. Сабурова, поздніе апрѣльскіе морозы бьютъ всякій хлѣбъ въ началѣ его роста, вредятъ цвѣтенію нѣкоторыхъ хлѣбныхъ травъ и даже бываютъ причиною, что въ Пензѣ нельзя снять цѣнныхъ хлѣбовъ: пшеницы и гороха. Въ послѣднемъ мы сомнѣваемся, ибо всѣмъ извѣстно, что климатъ пензенскій ничѣмъ не отличается отъ многихъ мѣстъ въ Россіи, производящихъ пшеницу; но тѣмъ не менѣе важность позднихъ морозовъ такъ велика, что точное опредѣленіе ихъ вероятнаго окончанія, совершенно необходимо для хозяина.

Такъ, г. Морозовъ, помѣщикъ той же Пензенской губерніи, говоритъ, что посѣвы должны взойти и укорениться до возврата холода, бывающаго между 7 и 22 числами апрѣля; если же этого не сдѣлано, то лучше переждать апрѣльскіе холода. Осенніе посѣвы также должны укрыть землею до 15 августа. Не менѣе важно познаніе переломовъ и возвратнаго холода для огородничества. Капустъ не вредятъ весенніе морозы, если послѣ ея высадки пройдетъ четыре или пять безморозныхъ дней; но она непремѣнно погибаетъ если сильный холодъ случится на другой или на третій день послѣ ея высадки. Поэтому г. Морозовъ высаживаетъ капусту въ первые теплые апрѣльскіе дни: она успѣваетъ укрѣпиться до возврата холода, случающагося около Георгіева дня (23 апр.), и переноситъ всѣ весенніе морозы, отъ которыхъ страдаетъ капуста, высаженная позже. Такъ какъ, замѣчаетъ г. Веселовскій, г. Морозовъ соображаетъ свои хозяйственныя распоряженія съ переломами и возвратами температуры, то огородныя овощи у него такъ рано поспѣваютъ, что у его сосѣдей укоренилось убѣжденіе, будто его имѣніе пользуется климатомъ болѣе теплымъ, нежели окрестныя дачи, тогда какъ въ климатѣ нѣтъ никакой разницы, а вся сила въ знаніи, въ умѣніи соображать свои дѣйствія съ законами природы.

А. Бекетовъ.

(Окончаніе до слѣд. №)

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АМЕРИКѢ

Отъ Нью-Йорка до Чарльстона.

Нью-Йоркъ 1857, 28 марта.

Тысячи переселенцевъ пріѣзжаютъ въ Нью-Йоркъ, чтобы съ первымъ же отходящимъ поѣздомъ отправиться на западъ. Самый городъ служитъ для нихъ какъ-бы преддверіемъ новой отчизны. Проѣзжая его мелькомъ, они какъ-будто не хотятъ имѣть съ нимъ ничего общаго. Не смотря однако на это равнодушіе будущихъ американскихъ гражданъ къ Нью-Йорку, онъ вполне заслуживаетъ данное ему названіе царственнаго города (Empire City). Находясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Европою, онъ — главное звено между старымъ и новымъ свѣтомъ. А потому никакой другой городъ въ Америкѣ не представляетъ такого смѣшенія разнородныхъ элементовъ, какъ Нью-Йоркъ. Всякій, вновь прибывшій сюда изъ Европы, находитъ здѣсь много знакомаго въ наружности города, его жителей и вообще въ уличной жизни. Но на ряду съ этимъ, его поражаютъ предметы совершенно новые, и все такъ перемѣшано, что знакомое и новое сливаются въ одно представленіе.

Мы испытали это на себѣ, когда вышли на Бродвей, этотъ Невскій проспектъ Нью-Йорка. Отъ гула и стука, отъ разно-

образія и множества новыхъ для насъ предметовъ, мы не скоро могли привести въ нормальное положеніе свои чувства,—въ то положеніе, когда человѣкъ бываетъ наблюдателемъ, а не просто зрителемъ уличной толкотни многолюднаго города.

Сомкнувшись плотно, колесо къ колесу, подвигаются экипажи, какъ два непрерывные потока, по ту и по другую сторону улицы, мощеной трехгранными плитками. Особенно бросаются въ глаза бѣлые, какъ молоко, омнибусы; между ними пробираются щегольскія коляски, низкія извозничьи кареты въ одну лошадь, двухколесныя тельжки, нагруженныя кладью, крытые ящики, въ которыхъ развозятъ по городу ледъ, съ короткою надписью: *Ice*. По каменнымъ тротуарамъ проходятъ люди занятые, купцы, работники; встрѣчаются и праздные джентльмены съ своими леди въ обширныхъ кринолинахъ; негръ съ кошеною на плечахъ; негрятка, разодѣтая какъ у насъ модистка съ Кузнецкаго Моста. Мальчишки рѣзкимъ голосомъ выкрикиваютъ только-что оттиснутый номеръ *Геральда* или другой газеты.

Больше всего поразилъ насъ своего рода порядокъ въ этомъ подвижномъ хаосѣ: экипажи тѣснятся, но не путаются; никто не порывается впередъ; каждый знаетъ свою очередь. А на тротуарахъ, какъ мѣстами ни тѣсно, нѣтъ той безпокойной толкотни, какую ожидаешь въ многолюдномъ торговомъ городѣ. Ходятъ скоро, но не торопливо.

Вообще въ наружности Американцевъ, въ походкѣ и приѣмахъ ихъ, обнаруживается строгая воздержность, невозмутимая ровность характера. Но во всемъ этомъ нѣтъ ничего ложно-взтанутаго, принужденнаго. На пріѣхавшаго сюда Европейца всего отраднѣе дѣйствуетъ отсутствіе всякаго стѣсненія, свобода и одинаковость въ обращеніи всѣхъ со всѣми.

Когда мы съ Бродвея завернули въ другія улицы, насъ поразила нескончаемая грязь на разбитой колесами мостовой, такъ что мѣстами нельзя было разобрать, была ли тамъ вообще какая-нибудь мостовая. Проходя осторожно по тротуару, мы вдругъ остановились передъ странною кучею. Собранная грязь избита лопатой въ видѣ могилы; на одномъ концѣ ея видна плышка, на другомъ торчитъ пара сапогъ; посреди воткнута дощечка съ надписью: «могила сооружена въ честь такого-то.» Народъ проходитъ мимо, негръ на самомъ тротуарѣ заколачиваетъ ящикъ съ товаромъ,—и никто не обращаетъ вниманія на могилу, отъ которой, намъ казалось, несло уже смраднымъ

запахомъ. Вотъ проходить полицменъ, но и онъ идетъ мимо, не замѣчая этой кучи. Мы поспѣшили уйдти и своротили въ другую улицу. Но и тутъ такая же могила, а тамъ еще третья... Смущенные духомъ, мы вернулись въ гостинницу и рассказали объ этомъ знакомому Нѣмцу.

Онъ засмѣялся: «Это не то, что вы думаете!» сказалъ онъ: «это просто невинныя шалости мальчишекъ. У насъ, видите ли, улицы ужасно грязны. Бродвей не метенъ съ самаго праздника Вашингтона. Городъ и подрядилъ полицменовъ, чтобы они вывозили грязь и соръ. Полицмены деньги-то взяли, а улицъ не метутъ и не чистятъ. Вотъ ребятишки вечеромъ сгребаютъ грязь, дѣлаютъ изъ нея могилы, а на дощечкахъ выставляютъ имена полицменовъ. Это, какъ видите, пасквиль и больше ничего!»

Послѣ такого объясненія, намъ самимъ показался забавнымъ такой способъ мстить полицменамъ, и мы должны были сознаться, что наше воображеніе уже черезчуръ было настроено на кровавый ладъ вслѣдствіе тѣхъ вѣстей, которыя доходили до насъ въ Европѣ, о ножахъ, револьверахъ и объ убійствахъ въ Нью-Йоркѣ среди бѣла дня. Намъ, правда, совѣтовали не выходить вечеромъ на улицу, и въ предостереженіе рассказывали о разныхъ кровавыхъ случаяхъ, бывшихъ въ послѣднее время. Но развѣ не то же самое происходитъ въ многочисленныхъ городахъ Европы?

На другой день мы занялись сборами на югъ во Флориду, рассчитывая вернуться въ Нью-Йоркъ въ началѣ лѣта, и тогда уже ознакомиться съ нимъ поближе. Наша цѣль была доѣхать по желѣзной дорогѣ до Чарльстона (въ штатѣ Южной Каролины), при чемъ мы имѣли въ виду остановиться на нѣсколько дней въ Филадельфій и Вашингтонѣ. Билетъ въ такомъ случаѣ берется до крайняго мѣста назначенія, а останавливаться можно гдѣ угодно на станціяхъ. Онъ не теряетъ своей силы въ продолженіи мѣсяца, а обходится дешевле, чѣмъ если бы брать его порознь отъ города до города.

Когда на улицѣ справлялись мы о южной желѣзной дорогѣ, къ намъ подошелъ человекъ въ клеенчатой фуражкѣ, и предложилъ проводить въ контору. Тамъ за кассой стоялъ молодой джентльментъ; онъ выдалъ намъ два билета, взявъ за нихъ по 25 долларовъ. Мы хотѣли выѣхать на слѣдующій день вечеромъ, и сказали объ этомъ на другое утро нашему приятелю.

Осмотрѣвъ внимательно билеты, онъ спросилъ, что мы за нихъ заплатили? На отвѣтъ нашъ онъ воскликнулъ: «Васъ обманули: съ васъ взяли лишнихъ долларовъ двадцать; это такъ оставить нельзя. Пойдемте, это дѣло нужно объяснить!»

Я сильно опасался, что возня съ полиціею задержитъ насъ въ городѣ. Но нашъ пріятель, не слушая возраженій, повелъ насъ въ Ратушу (City Hall). Мы вошли въ комнату того отдѣленія, которое называется: Mayors-office. За столами сидѣли чиновники въ партикулярныхъ сюртукахъ; только у *каптеновъ*, соответствующихъ по должности нашимъ частнымъ приставамъ, въ сюртукахъ блестяли мѣдныя пуговицы. Къ одному изъ нихъ обратился нашъ пріятель и объяснился съ нимъ. Записавъ на листочекъ бумаги наши имена, каптенъ подошелъ къ секретарю и положилъ изустно наше дѣло. Секретарь тотчасъ же вошелъ въ кабинетъ самого мера и вышелъ оттуда такъ скоро, что непонятно было, когда успѣлъ онъ передать начальнику все что слѣдовало. Секретарь поручилъ каптену пойти съ нами въ контору железнодорожныхъ дорогъ и потребовать назадъ деньги за билеты, или привести кассира. Вчетверомъ отправились мы въ контору. Войдя въ нее, я замѣтилъ тотчасъ, что за кассой стоялъ не другой кассиръ, не тотъ молодой джентльменъ, который мера продалъ намъ билеты. Тутъ же въ сторонѣ увидѣли мы много въ клеенчатой фуражкѣ, который привелъ насъ въ контору. Онъ указалъ на него нашему пріятелю, не успѣлъ онъ сообщить каптену, какъ молодецъ нашъ шмыгнулъ въ дверь и настрѣлилъ лыжи. Нашъ пріятель крикнулъ каптену и, быстрѣе всего это читается, послѣдній бросился на улицу вслѣдъ за бѣгавшимъ. Пустились они, впереди клеенчатая фуражка, за нимъ каптенъ, по мостовой, мимо мясныхъ лавокъ, рядовъ готовыхъ платья, мимо омнибусовъ, черезъ рельсы конной желѣзной дороги. Мы трое слѣдовали издали. Народъ со всѣхъ сторонъ высыпалъ на середину улицы и съ хохотомъ и крикомъ глядѣлъ за гонкой, но никто не трогалъ бѣглеца и не преграждалъ ему дороги. Вотъ онъ уже и на Бродвеѣ и добѣжалъ до Колумбума; тутъ наконецъ каптенъ настигъ его и коснулся рукою его плеча. Каптенъ повелъ его, впрочемъ, нѣтъ, не повелъ, они пошли, каждый самъ по себѣ, къ Ратушѣ. Слѣдуя за ними, мы спрашивали себя, отчего же бѣглецъ нашъ не пользуется случаемъ убѣжать? Каптенъ, запыхавшись, отиралъ потъ съ лица и обращалъ никакого вниманія на пойманнаго. Намъ объяснили, что если онъ теперь покусится на бѣгство, то не миновать ему

тюрьмы. Мы вошли въ канцелярію, гдѣ каптенъ представилъ пойманнаго секретарю, который послалъ насъ къ полицейскому чиновнику, *Police magistrate*. Каптенъ изложилъ ему изустно дѣло и чиновникъ спросилъ насъ только, будемъ ли мы удовлетворены, если намъ возвратятъ взятые съ насъ сверхъ таксы 20 долларовъ? Нашъ пріятель отвѣтилъ, что мы не желаемъ никакого дальнѣйшаго взысканія; послѣ чего *Police magistrate* отправилъ насъ къ полицейскому судѣ, и, если съ его стороны не окажется никакихъ препятствій, приказалъ взять съ молодца 20 долларовъ и отпустить его на всѣ четыре стороны. Явившись предъ судьей, каптенъ опять изустно объяснилъ дѣло; судья подтвердилъ рѣшеніе; молодецъ вынулъ изъ кармана 20 долларовъ, подалъ намъ руку, поблагодарилъ за то, что не взыскиваемъ болѣе, и вышелъ на улицу. Все это продолжалось часа два, включая сюда время нашего хожденія изъ канцеляріи въ контору и гоньбу по мостовой. Мнимый кассиръ, продавшій намъ билеты, исчезъ неизвѣстно куда. Объ немъ впрочемъ никто и не заботился. На другой же день это приключеніе съ нѣкоторыми украшеніями было напечатано въ *Гепальдъ*. Отсюда его перепечатали, въ искаженномъ видѣ, въ *Nord*, и очень кстати: это было первое извѣстіе, дошедшее объ насъ въ Россію.

Уложивъ свои вещи, мы взяли съ собою одинъ только чемоданъ; все прочее осталось въ гостиницѣ до нашего возвращенія въ Нью-Йоркъ. Станція южной желѣзной дороги находится на западномъ берегу Гудсона, въ *Jersey-city*. Переѣхавъ туда на пароходѣ, мы передали чемоданъ пріемщику; онъ тутъ же привязалъ къ нему мѣдный ярлычекъ и, вручивъ намъ другой съ тѣмъ же номеромъ, препроводилъ чемоданъ въ багажный вагонъ. Вѣшать его никто и не думалъ, и если бы у насъ было еще нѣсколько чемодановъ, то и ихъ приняли бы безъ вѣсу и безъ особой платы. Въ основаніи этого лежитъ взаимное довѣріе: никому въ голову не придетъ здѣсь взять съ собою лишннихъ вещей, и перевезти бесплатно какую-нибудь тяжелую посылку для пріятеля. Для этого есть такъ-называемыя экспрессъ-компаніи. Онѣ доставляютъ всякаго рода посылки куда угодно, и скоро, и не дорого. Съ собою же Американецъ

въ дорогу беретъ не много, чемоданъ и дорожный мѣшокъ, еслибъ даже пришлось ему ѣхать изъ одного конца штатовъ въ другой и на долгое время. Онъ знаетъ, что въ каждомъ городѣ найдетъ готовое бѣлье и платье, и потому большихъ запасовъ не дѣлаетъ.

Сдавъ вещи, вошли мы въ вагонъ, назначенный для джентльменовъ. Кромѣ этого есть особые вагоны для леди и также особые для негровъ. Вагоны для леди ничѣмъ не отличаются отъ джентльменовскихъ: и тѣ и другіе безъ перегородокъ, сквозные; они расположены также какъ у насъ второкласные на Николаевской желѣзной дорогѣ, но съ перекидными спинками. Въ вагонахъ для темнокожихъ, вмѣсто мягкихъ сидѣній, простыя деревянные скамьи, за то и цѣна мѣстамъ ниже. Въ этомъ распредѣленіи вагоновъ высказывается уже взглядъ Американцевъ на ихъ общественныя отношенія: для нихъ не существуетъ различіе сословій, классовъ и т. п. За то тѣмъ строже соблюдаютъ они у себя различіе половъ и породъ. Вездѣ, если дѣло только не касается правительственной сферы, первое мѣсто принадлежитъ леди. Негры же, даже свободные, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вовсе нѣтъ невольниковъ не допускаются въ общество бѣлыхъ. Иной негръ одѣтъ джентльменомъ и держитъ себя прилично, но ему не попасть въ вагонъ бѣлокожихъ; а между тѣмъ, пользуясь цвѣтомъ кожи, работникъ въ запачканомъ платьѣ садится рядомъ съ джентльменомъ, одѣтымъ въ сюртукъ тонкаго чернаго сукна. При такомъ распредѣленіи здѣсь необходимы особые вагоны для леди, для существъ высшаго рода, какъ выражаются объ нихъ сами Американцы; иначе какъ избѣжать иногда грубыхъ столкновений съ людьми разныхъ занятій?

Поѣздъ двинулся. Послѣ довольно частыхъ остановокъ на станціяхъ, гдѣ выходили одни пассажиры и входили другіе, онъ прибылъ вечеромъ въ городъ Кемденъ на рѣкѣ Делаварѣ, противъ самой Филадельфіи. Моста не было, потому что онъ препятствовалъ бы судоходству по рѣкѣ. Поѣздъ подкатилъ къ самой пристани, такъ что изъ вагоновъ мы вышли на подмости и перешли по нимъ прямо на палубу ожидавшаго насъ парохода. Пароходъ высадилъ насъ на другой берегъ, и мы прибыли въ Филадельфію поздно вечеромъ, проѣхавъ часа въ три около 120 верстъ. Лишь только вступили мы на улицу, насъ оглушили криками. «American-Hotel! Girard-House! Arcade-Hotel! Union-House!» кричали въ запуски извозчики, вы-

ставляя впередъ свои длинныя бичи. Улица уставлена была omnibusами и каретами. Въ одной изъ нихъ мы доѣхали до гостиницы.

А чемоданъ? спросять вѣроятно. Онъ доставленъ былъ туда же, и объ этомъ намъ самимъ нечего было заботиться. Это дѣлается вотъ какъ: не доѣзжая города, кондукторъ отбираетъ въ вагонахъ мѣдные ярлычки или чеки, какъ ихъ здѣсь называютъ, у желающихъ поручить ему доставку своихъ вещей. Отдавъ свой чекъ, мы назвали гостиницу и заплатили что слѣдуетъ за доставку. На экспрессахъ или телѣгахъ, состоящихъ изъ продолговатыхъ плоскихъ ящиковъ, кладь развозится по назначеннымъ мѣстамъ.

Получивъ въ гостиницѣ свой чемоданъ, мы потребовали комнату и спросили чаю. Комнату намъ отвели, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что время вечерняго чая прошло, а потому не угодно ли намъ будетъ сходить въ ресторацію или кондитерскую? Когда прошелъ часъ, назначенный для завтрака, обѣда, или ужина, то въ отелѣ ничего не получишь, и хорошо еще, если въ городѣ есть ресторація. Для привыкшаго къ европейскимъ гостиницамъ еще неудобнѣе покажутся здѣшнія комнаты. Онѣ собственно назначены для ночлега. Въ продолженіи дня Американецъ занятъ дѣлами и является въ гостиницу въ опредѣленное время позавтракать, пообѣдать, или предаться сну. Если же кто захочетъ посидѣть, отдохнуть, то идетъ въ общую комнату или въ залу. Тутъ можно и почитать и заняться дѣломъ, или просто посидѣть на качающемся креслѣ предъ каминомъ, положивъ ноги на его рѣшетку, или на столъ. Въ нѣкоторыхъ гостиницахъ есть особыя комнаты для занятій, и также особыя для приема гостей.

Привыкнувъ къ жизни открытой, Американецъ въ какой бы конецъ штатовъ ни занесла его судьба, вездѣ чувствуетъ себя дома, никѣмъ не стѣсняется и самъ никого не стѣсняетъ; это онъ называетъ своимъ комфортомъ. Но напрасно новичокъ изъ Европы сталъ бы искать здѣсь комфорта въ своемъ номерѣ; этотъ номеръ, собственно спальня, состоитъ обыкновенно изъ опрятной комнаты, въ которой двѣ кровати, съ чистымъ постельнымъ бѣльемъ, и два рукомынные столика съ принадлежностями. Больше этой мебели вы ничего не найдете нагдѣ, кромѣ немногихъ роскошныхъ гостиницъ большихъ городовъ.

Филадельфія (Штатъ Пенсильванія) 1857 г. 2 апрѣля.

Утромъ нашъ сонъ былъ неожиданно прерванъ страшнымъ грохотомъ. Мнѣ показалось, будто на мостовой разсыпалась жѣдная посуда. Вскочивъ съ постелей, мы бросились было къ двери, но грохотъ прекратился, и опять все утихло. Не успѣли мы одѣться, какъ вдругъ снова раздался тотъ же страшный шумъ. Слѣдуя по направленію звуковъ, мы по галлерей перешли на балконъ. Тамъ негръ, держа въ лѣвой рукѣ большой жѣдный кругъ, быстро водилъ по немъ короткимъ пестомъ, производя такимъ образомъ трескотню на всю улицу. Замѣтивъ наше удивленіе, онъ, улыбаясь, показалъ свой инструментъ, подобный тантану Индусовъ, и прибавилъ: «это значитъ, завтракъ готовъ: пожалуйста въ столовую.»—Это во второй разъ? спросили мы. «Въ первый-то разъ я давалъ знать, чтобы готовились. Вотъ и наши гости входятъ въ гостиницу: сюда», прибавилъ онъ, указавъ на дверь въ противоположномъ концѣ галлерей. Гости вошли, оставивъ въ передней свои шляпы: здѣсь вообще скидаютъ ихъ, только когда идутъ къ столу. Посреди комнаты накрытъ былъ столъ, на немъ стояли разныя блюда между бараниной, ветчиной и цыплятами судочки съ кукурузой, картофелемъ, рисомъ и пр. Всякій бралъ себѣ, что и сколько угодно, негръ и три мулатки разносили кофе, чай и горячія, только что испеченыя булки, за которыми онѣ то и дѣло бѣгали въ кухню: «не хотите ли чего?» спрашивали они гостей съ предупредительною услужливостію. «Не хотите ли?» спросилъ негръ и насъ, назвавъ при этомъ что-то намъ вовсе незнакомое. Онъ нѣсколько разъ повторялъ названіе: *panell cakes*; но замѣтивъ наше недоумѣніе, побѣжалъ въ кухню и принесъ на тарелкѣ блины! Да, это были точно такіе же пшеничные блины, какіе у насъ бываютъ на масляницѣ. Кто научилъ ихъ печь эти блины? На такой вопросъ отвѣтъ всегда былъ одинъ: «блины у насъ давно въ общемъ употребленіи, мы ихъ очень любимъ съ чаемъ». Однако такой завтракъ съ горячими булками да съ блинами, и къ тому еще утромъ въ восемь часовъ, слишкомъ плотенъ для европейскаго желудка.

Тишина на чистыхъ и прямыхъ улицахъ напомнила намъ, что день былъ воскресный. По мостовой не гремятъ экипажи; кое-гдѣ проѣдетъ щегольская карета, направляясь къ одной изъ множества церквей всѣхъ возможныхъ сектъ. Туда же по кирпичнымъ тротуарамъ идутъ немногіе пѣшеходы; старая чета квакеровъ, мужъ въ широкополой шелковой шляпѣ, а жена въ

шляпѣ сѣраго цвѣта, довольно глубокой, такъ что со стороны не видать лица; негритянка-щеголиха въ легкой модной шляпкѣ, такъ что открыта даже курчавая голова ея; леди съ книжкой въ бархатномъ переплетѣ, съ золотыми краями. Всѣ они идутъ въ церковь, съ которой среди тишины слышался не громкій колокольный звонъ. Не вѣрится, чтобы въ городѣ было до пяти сотъ тысячъ жителей. Всѣ магазины, всѣ лавки закрыты, и кирпичные дома, или вовсе неокрашенные, или кофейнаго цвѣта съ зелеными жалюзи на окнахъ, казалось, тоже участвовали въ праздничномъ отдохновеніи своихъ жильцовъ. Казалось, духъ самого основателя, кроткаго Пенна, этого безкорыстнаго до идеальности царя квакеровъ, вселился въ чистый правильный городъ, въ это пристанище свободы и человѣколюбія.

Пеннъ не любилъ тѣсныхъ и душныхъ городовъ Стараго Свѣта и позаботился, чтобы широкія улицы Филадельфіи были обсажены деревьями. По нимъ названы нѣкоторыя изъ улицъ, какъ напримѣръ Чесноть-стритъ, Вальноть-стритъ (Chesnut-street, Walnut street). Въ отношеніи правильности, Филадельфія—городъ образцовый даже между американскими городами. Улицы вытянуты по прямой линіи и перекрещиваются подъ прямыми углами. Широкіе тротуары содержатся въ чистотѣ при помощи водопроводныхъ трубъ. Въ фешенабельной части города негры и негритянки, вооруженные шваброй, во всякое время дня заняты мытьемъ тротуаровъ и бѣлыхъ мраморныхъ ступенекъ передъ домами богачей. Привинтивъ гутта-перчевую вишку къ водопроводной трубкѣ и открывъ кранъ, они поливаютъ тротуары и ступеньки. Эти трубы проводятся также въ дома, во всѣ отдѣленія ихъ, и снабжаютъ такимъ образомъ жителей чистою водою изъ славныхъ водопроводъ Фермонта (Fairmount Waterworks). За каждую проведенную въ домъ трубку платятъ по пяти долларовъ въ годъ. Удобно, чистой воды вдоволь и дешево.

Строеніе водопровода расположено на берегу Шюлькиля, обтекающаго городъ съ запада и впадающаго въ Делавару. Машины приводятся въ движеніе водою Шюлькиля и изъ той же рѣки вода вгоняется на естественное береговое возвышеніе; тамъ на верху находятся открытые бассейны, выложенные камнемъ. Въ чисто-убранномъ саду у водопроводовъ стоитъ бюстъ строителя ихъ, Фермонта.

Мы были увѣрены, что всякій укажетъ намъ дорогу къ памятнику основателя Филадельфіи, по имени котораго самый

дѣствующій изъ всѣхъ штатовъ названъ Пенсильваніей. Въ этой увѣренности обратились мы съ вопросомъ къ тремъ неграмъ, стоявшимъ у рѣшетки сквера (четыреугольнаго сада). Черные джентльмены, въ пестрыхъ шейныхъ платкахъ и жилетахъ, стали шумно совѣщаться между собою, но съ огорченнымъ видомъ признались, что ни одинъ изъ нихъ не знаетъ объ этомъ памятникѣ. Къ счастью народъ сталъ выходить изъ церквей, и улицы ожили. Мы обратились съ вопросомъ уже къ бѣлокожему джентльмену. Однако и этотъ не могъ указать намъ дорогу. Мы—къ другому, къ третьему, никто не знаетъ. Наконецъ подошелъ къ намъ Американецъ: «Вы ищете памятникъ Пенна?» сказалъ онъ: «пойдемте со мной: я живу возлѣ него». И онъ повелъ насъ по уединеннымъ улицамъ города. По дорогѣ въ двухъ, трехъ домахъ замѣтили мы, что нѣкоторыя окна прикрыты ставнями, и изъ-за щелей между ними выглядывалъ на улицу траурный крепъ, перевязанный бѣлою лентой. Американецъ объяснилъ намъ: «Это здѣсь дѣлаютъ, когда въ семействѣ кто-нибудь умеръ. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ память покойника не открываютъ ставней и вывѣшиваютъ крепъ. Такихъ глупостей я у себя не позволю», прибавилъ онъ, какъ бы про себя. Въ довольно отдаленной части города подошли мы къ мѣсту, заваленному продажнымъ тесомъ и бревнами, какъ въ лѣсномъ ряду. Американецъ указалъ намъ на бѣлую деревянную рѣшетку. Мы вошли въ дверцы ея и увидѣли мраморную пирамиду не болѣе четырехъ аршинъ вышиною. Надпись гласила, что городъ заложенъ въ 1682, и что Пеннъ умеръ въ 1718 году. Изъ сосѣднихъ домовъ подошли къ намъ любопытные жители и между прочимъ не безъ гордости спрашивали: «такъ у васъ въ Россіи тоже знаютъ нашего Пенна?»

Американцы вообще не охотники до памятниковъ. Въ другомъ уединенномъ концѣ города находится забытая могила Франклина, благороднаго сподвижника Вашингтона и Джефферсона. Однако никакъ не должно думать, чтобы народъ не былъ признателенъ къ своимъ лучшимъ представителямъ. Память объ нихъ жива въ сердцахъ гражданъ, и Американцы не менѣе другихъ народовъ гордятся своими великими предками. Но не въ ихъ натурѣ проявлять это въ наружной формѣ. Прахъ предается ими забвенію, за то они болѣе существеннымъ образомъ признательны къ своимъ лучшимъ дѣятелямъ.

Оставивъ скромный памятникъ Пенна, мы пришли къ пра-

тому берегу Делавары. На всѣхъ судахъ и пароходахъ, по случаю воскресенья, развѣвались флаги; тамъ былъ и гербъ Гамбурга: двѣ башни на красномъ полѣ, и англійскій левъ; но большею частію красовались полосатые флаги съ тридцатью двумя звѣздами на голубомъ полѣ: это суда изъ разныхъ гаваней Соединенныхъ Штатовъ, между которыми Филадельфія занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ. Вотъ, думаемъ мы, памятникъ, достойный великихъ ревнителей народнаго блага; ихъ имена не умрутъ, пока свѣтятся эти звѣзды на голубомъ полѣ, дополняясь почти съ каждымъ годомъ новою звѣздой!

Мы вернулись въ гостиницу какъ разъ къ трезвону, которымъ негръ сзывалъ гостей къ обѣду. За столомъ разговаривая между собою порусски, мы обратили на себя вниманіе двухъ Американцевъ. Сидя противъ насъ, они прислушивались къ звукамъ незнакомаго для нихъ языка и напрасно пытались отгадать, какое это нарѣчіе? Мой товарищъ вывелъ ихъ изъ недоумѣнія. Они тотчасъ же предложили намъ выпить по бокалу шампанскаго, въ знакъ дружбы Америки съ Россіей. Между нами завязался разговоръ. Главную тему составлялъ Севастополь. Американцы, конечно, льстили нашему народному самолюбію, но заключеніе разговора превзошло всѣ наши патріотическіе порывы: «Придетъ время», сказалъ одинъ изъ нихъ: «когда мы съ Русскими раздѣлимъ владычество надъ міромъ: Американцы возьмутъ себѣ западъ, а русскіе—востокъ». Мы допили бокалы и разстались съ новыми друзьями какъ съ будущими товарищами всемірнаго обладанія.

Между благотворительными заведеніями, которыми гордится городъ братской любви, замѣчательна Жирардова школа для сиротъ (Girard college). Французъ Жираръ, разбогатѣвъ въ Америкѣ торговлею, оставилъ огромные капиталы на учрежденія съ благотворительною цѣлію. Больше всего надѣлилъ онъ Филадельфію, гдѣ умеръ въ 1831 году. Въ статьѣ своего завѣщанія, касательно пріюта для сиротъ, онъ требуетъ, чтобы зданіе было выстроено изъ самаго прочнаго матеріяла, и на обзаведеніе назначилъ два милліона долларовъ. Это условіе Жирара понятно при американскомъ способѣ построекъ: высокіе дома воздвигаются здѣсь въ два кирпича, лишь бы хватило на свой вѣкъ. Потомкамъ же предоставляется на просторѣ созидать и строить по своему, сообразно требованіямъ и вкусу своего времени. Однако общественныя зданія Филадельфіи

дельфи, тюрьма, богадельня, больница, выстроены несравненно прочнѣе обыкновенныхъ частныхъ домовъ.

Замѣчательна другая статья завѣщанія. Въ ней Жираръ требуетъ, чтобы въ его заведеніе, ни подъ какимъ видомъ, не допускались лица духовнаго званія. Цѣль завѣщателя была отвлечь отъ воспитанниковъ вредное вліяніе сектъ, развивающихся въ Америкѣ съ каждымъ годомъ. Ученики читаютъ Священное Писаніе, но безъ догматическихъ толкованій, и этимъ ограничивается ученіе Закону Божію.

Главное зданіе пріюта возведено изъ бѣлаго мрамора, во вкусѣ древней греческой архитектуры. Оно назначено для преподаванія. По обѣимъ сторонамъ его два зданія, изъ того же мрамора, вмѣщаютъ въ себѣ столовыя, спальни и пр.

Когда мы подошли къ воротамъ каменной ограды, насъ встрѣтила почтенная миссъ. По ея указанію мы записали свои имена и званія въ книгу посѣтителей. Пастора, къ какой бы сектѣ онъ ни принадлежалъ, далѣе воротъ не пустили бы. Молодой джентльменъ провелъ насъ черезъ просторный дворъ въ главный корпусъ. Когда отворилась дверь, намъ представилась мраморная статуя самого Жирара: нѣсколько плотная фигура Француза, въ простомъ фракѣ и широкихъ брюкахъ. Въ это время, — тогда было 11 часовъ утра, — въ классахъ, собраны были ученики и учителя, или по здѣшнему профессора: названіе *учитель* здѣсь не существуетъ, всякій преподаватель именуется *профессоромъ*. Мы были представлены мистеру Стеффенсу, профессору физики и химіи. При входѣ нашемъ въ классъ онъ занялъ былъ объясненіемъ химическихъ опытовъ сидѣвшимъ на деревянныхъ скамьяхъ воспитанникамъ, мальчикамъ отъ десяти до тринадцати лѣтъ. По окончаніи своего урока мистеръ Стеффенсъ повелъ насъ по классамъ и всѣмъ отдѣленіямъ школы. Въ большей части классовъ малолѣтнихъ дѣтей обучали молодыхъ дѣвушки. Не только здѣсь, но и вообще въ народныхъ школахъ Америки, съ недавняго времени женщины стали занимать мѣста учителей; и это дѣлается, какъ потому, что ихъ считаютъ терпѣливѣе и способнѣе къ обученію дѣтей, такъ и въ слѣдствіе экономическаго разчета. Вообще теперь въ Филадельфіи учителей женскаго пола въ восемь разъ болѣе нежели мужскаго. Въ классы входили мы безъ предварительнаго сообщенія, но вездѣ заставляли порядокъ и тишину. Ученики заняты были своими дѣлами, или внимательно слѣдили за объясненіями своей юной миссъ. Здѣсь вовсе не соблюдались тѣ

внѣшнія формы школьныхъ уставовъ, которыми у насъ стараются замѣнить существенный порядокъ, необходимый при урокахъ. Мистеръ Стеффенсъ никакъ не могъ понять насъ, когда мы его спрашивали, какими средствами поддерживается этотъ порядокъ въ классѣ: оно, какъ казалось ему, иначе и быть не можетъ, и нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ какимъ-нибудь особеннымъ мѣрамъ.

По окончаніи классовъ мистеръ Стеффенсъ водилъ насъ по разнымъ отдѣленіямъ школы. Они были почти пусты, но приготавливались или для химической лабораторіи, или для предполагаемаго ремесленнаго заведенія. Вообще школа со временемъ приметъ болѣе широкіе размѣры; мы видели только начатки будущихъ заведеній. Несмотря однако на эту недоконченность, уже до трехъ-сотъ сиротъ не только находятъ здѣсь пристанище, но и получаютъ образованіе, сообразно требованіямъ современной практической жизни. Это отличительная черта американскаго быта во всѣхъ его проявленіяхъ: пока въ одномъ углѣ достраиваются, въ другомъ въ то же самое время—дѣло уже въ полномъ ходу. По словамъ профессора, школа не имѣетъ цѣлью дать окончательное, какое-нибудь спеціальное образованіе молодому человѣку. Цѣль ея: дать ему направленіе, сообразуясь съ его индивидуальностью, и поставить его такъ, чтобы онъ, вышедши изъ нея, былъ въ состояніи самъ выбрать для себя родъ занятій. Жираръ, въ своемъ завѣщаніи, въ точности означилъ планъ воспитанія. Практическія знанія и примѣненіе ихъ составляютъ главную его основу. Между прочимъ въ завѣщаніи сказано: «дѣтей должно обучать чистѣйшимъ правиламъ нравственности, чтобы они при выходѣ изъ заведенія вступали въ жизнь съ желаніемъ добра своимъ ближнимъ, съ глубокою любовью къ правдѣ, умѣренности и труду.» Подобныя слова въ другомъ мѣстѣ можно бы принять за фразы, но здѣсь они имѣютъ существенный, осязательный смыслъ. Ихъ писалъ человѣкъ, прошедшій всѣ степени въ школѣ жизни, для сиротъ, вся надежда которыхъ заключается въ самихъ себѣ, въ своихъ способностяхъ и силахъ.

Филадельфія — одно изъ главныхъ пристанищъ наукъ и искусствъ въ Америкѣ. Отсюда разсылается во всѣ концы Штатовъ множество періодическихъ и повременныхъ изданій, какъ на англійскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкахъ; здѣсь собираются общества ученыхъ и художниковъ; Франклинъ положилъ здѣсь основаніе публичной бібліотекѣ; здѣсь академія

естественныхъ наукъ; здѣшній музей содержитъ въ себѣ богатое собраніе изъ всѣхъ царствъ природы. Входя въ бібліотеку, въ музей открыть для всѣхъ; а публичными лекціями изъ естественныхъ и техническихъ наукъ распространяются въ народѣ общепользныя, практическія знанія.

Изъ училищъ, назначенныхъ для высшаго образованія молодыхъ людей, въ Филадельфіи находится университетъ, или такъ называемая высшая школа (High school). Это заведеніе составляетъ нѣчто среднее между нашею гимназіей и университетомъ, какъ по объему наукъ, въ немъ преподаваемыхъ, такъ и по составу ученія. Мистеръ Хартъ, содержатель школы, съ большою предупредительностію знакомилъ насъ со всѣми отдѣлами своего заведенія. Мы присутствовали въ классахъ при урокахъ исторіи, латинскаго языка, алгебры, геометріи, минералогіи и ботаники. Въ высшую школу поступаютъ мальчики лѣтъ тринадцати, и остаются тамъ года четыре до окончанія полнаго курса. Въ высшихъ классахъ латинскаго языка читаютъ Овидія и Горація; исторію проходятъ въ объемѣ, соответствующемъ нашему гимназическому курсу. Въ отдѣлѣ же естественныхъ наукъ способъ преподаванія главнѣйше основанъ на наглядности. Такъ въ ботаническомъ классѣ профессоръ, по большимъ картинамъ, объяснялъ ученикамъ разныя части растенія: передъ самымъ окномъ стоялъ большой шкафъ, съ боку котораго выдвигались рамы въ сажень вышины, обтянутыя черною матеріей; на ней нарисованы были разнаго рода стебли, листья, цвѣты и плоды; отчетливо выкрашенные, они освѣщались сзади свѣтомъ, падавшимъ въ окна, и ярко обрисовывались на черномъ, непроевѣчивающемъ полѣ. Въ такомъ же родѣ устроены рисунки для анатомическихъ уроковъ. На нихъ изображены кости, части черепа, мускулы, развитіе нервной системы, кровообращеніе и пр. Такія картины, представляя все наглядно, въ натуральномъ видѣ, много способствуютъ ясному пониманію предметовъ и, разумѣется крѣпче залегаютъ въ памяти заинтересованныхъ слушателей. Профессоръ минералогіи показалъ намъ искусственные кристаллы, составленные изъ стекляннхъ пластинокъ: они скрѣплены были проволоками, расположенными по естественнымъ осямъ кристалловъ. Эти искусственныя тѣла употребляются имъ для поясненія ученія кристаллографіи. Много времени сберегается такими простыми наглядными средствами.

Нельзя, конечно, ожидать, чтобъ ученики этой школы до-

ходили до глубокихъ, философскихъ воззрѣній въ изучаемыхъ ими предметахъ; но во всемъ видна ясная отчетливость и полное, сознательное обладаніе предметомъ, по крайней мѣрѣ въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ имъ передается. Въ классахъ алгебры и геометріи, особенно выказалось это ясное пониманіе и еще болѣе ловкость въ рѣшеніяхъ практическихъ задачъ. Самый распорядокъ преподаванія математики былъ для насъ интересенъ по своей удобопримѣнимости и пользѣ въ школахъ вообще. На двухъ стѣнахъ развѣшано было десять черныхъ досокъ. Профессоръ алгебры вызывалъ одного изъ учениковъ, предлагалъ ему нѣсколько вопросовъ, потомъ ученикъ подходилъ къ доскѣ и принимался за рѣшеніе практической задачи. Вслѣдъ за этимъ былъ вызываемъ другой, и послѣ изустныхъ отвѣтовъ шелъ къ другой доскѣ, и такимъ образомъ одинъ за другимъ выходили учениковъ десять, пока не заняты были всѣ доски. Между тѣмъ, первые успѣли уже рѣшить свои задачи. Повѣривъ ихъ, профессоръ вызывалъ слѣдующихъ учениковъ, такъ что всегда по нѣскольку человекъ вдругъ было занято рѣшеніями. Надо видѣть, съ какою увѣренностію, съ какимъ сознаниемъ своего мастерства въ дѣлѣ, ученики дѣлали выкладки, и съ какою ясностію давали потомъ отчетъ въ совершенномъ ими рѣшеніи. Приходишь къ убѣжденію, что они въ рѣшеніяхъ своихъ руководствуются не тупымъ механизмомъ, а отчетливымъ пониманіемъ.

Но видно и похвальные качества, какова отчетливость, становятся дурными, когда примѣняются не къ стати. Въ этомъ убѣдились мы въ классѣ рисованія. Картины, на которыхъ изображались предметы съ правильными очерками, какъ напримѣръ машины, фасады домовъ, экипажи, были отдѣланы отчетливо. Но какъ скоро ученикъ покушался нарисовать что-нибудь живое, въ родѣ цвѣтовъ, птицъ и т. п., то выходили странные образы: карандашъ видимо не слушался воображенія, которое хотѣло нарисовать, напримѣръ, пѣтуха, а привычная къ правильнымъ чертамъ рука, водимая отчетливымъ зрѣніемъ, такъ кажется и покушалась изобразить паровозъ.

Мистеръ Хартъ повелъ насъ на самый верхъ, гдѣ показавъ свою обсерваторію. Она невелика, но удовлетворяетъ требованіямъ его школы. Какъ замѣчательность, показалъ онъ астрономическую трубу; замѣчательна она, впрочемъ, только потому, что это первый инструментъ, привезенный въ Америку для астрономическихъ наблюдений.

На главной улицѣ Филадельфіи, Чеснотъ-стритъ (Chestnut-street), между много-этажными домами, занятыми магазинами и гостиницами, стоитъ небольшое зданіе, скромно отступивъ назадъ отъ общаго фронта строеній. Всякій разъ, когда случалось намъ проходить мимо, оно обращало на себя наше вниманіе странностью своей старообразной постройки: невысокое, продолговатое, изъ краснаго кирпича, съ башенкой, украшенною часами. Въ этомъ-то скромномъ зданіи рѣшенъ былъ вопросъ о свободѣ Штатовъ въ 1776 году, и съ той поры до 1800 г. здѣсь собирался конгрессъ нововозникшей республики... Америка вся въ будущемъ и бѣдна прошедшимъ. Сами Американцы не охотники останавливаться на своемъ прошедшемъ, и мало щадятъ памятники своего былаго: *впередъ! (go ahead!)* ихъ любимое слово. А потому этотъ памятникъ первыхъ дней свободы, этотъ State-house, здѣсь необыкновенная рѣдкость.

По низенькой лѣсенкѣ вошли мы въ небольшую комнату безъ всякаго предувѣдомленія, какъ входятъ здѣсь вездѣ. Стѣны ея увѣшаны портретами лицъ, подписавшихъ знаменитый актъ независимости (Declaration of independence). На правой сторонѣ залы стоитъ на камнѣ тотъ колоколь, звонъ котораго возвѣстилъ народу освобожденіе его отъ великобританской короны. Но стола, на которомъ совершена была подпись народныхъ представителей, при насъ уже не было. На вопросъ, куда дѣвался этотъ столъ? намъ показали на стѣнѣ картину въ рамкѣ, сдѣланной изъ его дерева. Послѣ этого мы поднялись вверхъ на башню. Оттуда открылся передъ нами видъ на правильно выстроенный городъ, съ его красно-кирпичными домами, съ отлогими кровлями; кой-гдѣ изъ-за нихъ высился незатѣйливый темно-окрашенный куполь или маленькій шпигъ съ крестомъ. Мы вспомнили о нашей Москвѣ. Какъ бывало заглядишься на нее съ Ивана Великаго! Непривлекательною, однообразною показалась намъ тогда картина лучшаго по своему устройству американскаго города.

Но этотъ городъ — метрополія Пенсильваніи, штата, который почитается посредникомъ между сѣверными и южными частями Союза, какъ по географическому положенію своему, между ними, такъ и въ отношеніи нравственно-политическомъ; потому Пенсильванія и прозвана Американцами: *Keystone-state* (то-есть штатъ-замокъ свода). На всемъ отразился всепримиряющій, но твердый духъ основателя, и на самомъ городѣ лежитъ благословеніе Пенна, которымъ онъ осѣнилъ на

прощаніи свою любимую Филадельфію. Устроивъ колонію на основаніи совершенно свободныхъ постановленій, онъ говорилъ: «Я хотѣлъ показать, какъ свободны и счастливы могутъ быть люди!» Потомъ онъ уѣхалъ въ Англію, чтобы въ качествѣ владѣльца, присутствіемъ своимъ не стѣснять развитія свободы. Послѣднія прощальныя слова его были: «И ты, Филадельфія, первое селеніе этой области! моя душа молитъ Бога за тебя: будь тверда въ день испытанія, и да благословитъ Онъ дѣтей твоихъ!»

Исполнилось желаніе друга человѣчества: штатъ, названный по его имени, самый благословенный по земледѣлію, и въ немъ живутъ богатѣйшіе хлѣбопашцы въ мірѣ.

Въ окрестностяхъ Филадельфіи видѣли мы слѣды этого всеобщаго довольства. Дома переселенцевъ, съ зеленѣющими пашнями и лугами, окруженные простою изгородью, представляли отрадную картину сельскаго быта. Мы зашли въ одинъ изъ этихъ домовъ выпить молока. Хозяйка, высокая Американка, предложила намъ два стула. Просторная и довольно высокая комната, съ выбѣленными стѣнами, отдѣлялась отъ другой деревянною перегородкой. Она освѣщалась двумя довольно большими окнами. У одного изъ нихъ стояло качающееся кресло; это любимое мѣсто хозяйки; возлѣ него, на столикѣ лежали куски скроенаго ситца. Вдоль одной стѣны приставленъ былъ большой некрашенный столъ; четыре стула, простая скамья и коммодъ темно бурога цвѣта, дополняли незатѣйливую мебель. Посреди комнаты стояла небольшая чугунная печка. Такія печки употребляются здѣсь вездѣ: и въ гостиницахъ, и на пароходахъ, и даже въ вагонахъ на желѣзной дорогѣ. Хозяйка принесла два стакана густаго молока и пшеничный хлѣбъ. По-завтракавъ, мы спросили, что слѣдуетъ за то и другое? — «За молоко четыре цента, сказала, улыбаясь хозяйка; за хлѣбъ же мы денегъ не беремъ: мы торгуемъ только молокомъ». Каждое утро окрестные поселяне вывозятъ свои произведенія на большой рынокъ Филадельфіи. Въ видѣ длинной галлерей, съ тесовыми навѣсами на столбахъ, тянется онъ посреди широкой улицы Маркетъ-стритъ. Этотъ рынокъ по устройству, по чистотѣ и опрятности, можетъ служить образцомъ вообще американскихъ рынковъ въ большихъ городахъ.

Если спросить жителя Филадельфіи, чтѣ замѣчательнаго въ окрестностяхъ города, то онъ непременно назоветъ кладбище Лорель-Гилль (Logel-Hill). Оно верстахъ въ восьми отъ города,

на высокомъ берегу Шюлькиля. Тутъ покоятся кости богачей-банкировъ и купцовъ, этихъ аристократовъ Новаго Свѣта. Они украсили посмертное свое жилище сообразно понятіямъ американской роскоши. По обѣ стороны прямыхъ, безукоризненно-чистыхъ дорожекъ, убитыхъ пескомъ, стоятъ памятники изъ бѣлаго мрамора, который въ большомъ количествѣ добывается въ каменоломняхъ юговосточной части Пенсильваніи. Эти памятники, огороженные красивыми чугунными рѣшетками, довольно просты, безъ всякихъ претензій на высшее искусство; но правильность, симметричность ихъ пріятна для взора, тѣмъ болѣе, что матовая бѣлизна мрамора мягко оттѣняется темною, бархатистою зеленью кипарисовъ и мелколиственными лаврами, которыми обсажены могилы. Мѣстность, на которой расположено фашонабельное кладбище, сама по себѣ живописна. Мы взобрались на верхъ павильона, стоявшаго близъ края обрыва къ рѣкѣ. (Построенъ онъ, замѣтитъ мимоходомъ, такъ шатко, что весь дрожалъ отъ малѣйшаго движенія наверху.) Оттуда передъ нами открылся далекій видъ: внизу протекалъ Шюлькиль; на противоположномъ, покатою берегу его тянулся лѣсъ, покрытый рѣдкою, молодою еще листвою; вправо на полянѣ фермеръ бороздилъ землю легкимъ американскимъ плужкомъ; гдѣ-то въ лѣсу раздался выстрѣлъ; вдоль берега прошелъ поѣздъ по рельсамъ желѣзной дороги; по водѣ, почти подъ нами, плылъ бѣлый пароходъ: онъ шелъ къ новому городу, который лѣпился своими кирпичными домами по крутому берегу рѣки, верстахъ въ двухъ отъ насъ... Это была простая, но отрадная картина широкой, американской жизни!

 Вашингтонъ. Дистриктъ Колумбія. 6 апрѣля.

Теперешній президентъ Бокананъ, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ посланникомъ отъ Соединенныхъ Штатовъ при Русскомъ императорскомъ дворѣ. Гр. Т. познакомилась съ нимъ въ Петербургѣ, и при выѣздѣ нашемъ изъ Россіи, дала товарищу моему, М. Х., рекомендательное письмо къ президенту. Въ обыкновенномъ своемъ дорожномъ костюмѣ, то-есть въ сюртукѣ, отправился М. Х. на аудіенцію въ Бѣлый домъ (Whitehouse), жилище президента. Выстроенное изъ плитняка, оно расположено на возвышенномъ берегу Потомака, среди зеленѣющаго сада. Оно похоже скорѣе на скромную дачу частнаго человѣка,

который въ уединеніи ищетъ отдыха вдали отъ городской суеты. Здѣсь такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ общественныхъ мѣстахъ, удивляетъ насъ отсутствіе всякой прислуги, стражи и т. п. Мой товарищъ подошелъ къ Бѣлому дому не съ той стороны, и долго искалъ входа. Къ счастію, поблизости работали каменщики, и они уже указали ему на широкоульѣстницу. Когда М. Х. взошелъ наверхъ, то и тамъ не нашелъ никого: онъ уже думалъ, что напрасно прогулялся, и что президента нѣтъ дома. Наконецъ онъ рѣшился изъ передней отворить дверь въ другую комнату, и тутъ очутился среди толпы изъ тридцати джентльменовъ. Это было какъ разъ за пять минутъ до часа, назначеннаго для пріема. Президентъ принимаетъ всѣхъ отъ 11 до 12. Мой товарищъ остановился въ нерѣшимости, и не зналъ къ кому обратиться съ вопросомъ. Джентльмены съ шляпами на головѣ, кто въ пальто, кто въ сюртукъ съ накинутымъ на плеча пледомъ, стояли группами и разговаривали между собою. Ровно въ 11 часовъ отворилась дверь кабинета, и вся толпа вошла туда разомъ. М. Х., замѣтивъ джентльмена, который остался въ комнатѣ, обратился къ нему. Оказалось, что это былъ нѣмецъ-каммердинеръ Боканана. Мой товарищъ попросилъ его доложить о немъ президенту, и по приглашенію каммердинера, вошелъ въ кабинетъ, который ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго кабинета: письменный столъ, мебель обитая зеленымъ сафьяномъ, все чрезвычайно просто. Бокананъ встрѣтилъ ласковымъ *шекъ-хендомъ* М. Х., который передалъ ему письмо. Президентъ поговорилъ о своихъ давнишнихъ знакомыхъ въ Петербургѣ, и потомъ сказалъ: «Я съ удовольствіемъ дамъ вамъ письмо отъ себя для путешествія вашего по Америкѣ, хотя особенной надобности въ этомъ нѣтъ, потому что, можете быть увѣрены, въ Штатахъ вы вездѣ будете хорошо приняты». Онъ тутъ же познакомилъ товарища моего съ своимъ племянникомъ, который занимаетъ у него мѣсто секретаря, и потомъ сталъ продолжать свой пріемъ. Бокананъ довольно высокаго роста, плотнаго сложенія; волосы у него бѣлые, какъ снѣгъ. По привычкѣ онъ держалъ голову на бокъ, что впрочемъ нисколько не уродуетъ его. Онъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Джентльмены подходили къ нему по-одиночкѣ, и онъ говорилъ съ ними вполголоса, называя каждого: мой другъ (*my friend!*) Племянникъ Буханана пригласилъ моего товарища въ свой кабинетъ, тутъ же рядомъ съ кабинетомъ президента. Онъ говоритъ очень порядочно по-французки (что въ

АмерикѢ большая рѣдкость) и разказывалъ о своемъ путешествіи по Европѣ. Парижъ ему не понравился, но за то отъ Швейцаріи онъ въ восторгѣ. Къ нему входили также нѣкоторые изъ джентльменовъ: одни по своему дѣлу, а другіе для того, чтобы изъяснить свое почтеніе. Это были просители на разные мѣста.

Обыкновенно, при выборѣ новаго президента, должностныя лица, состоящія подъ непосредственнымъ его вѣдѣніемъ, оставляютъ свои мѣста и замѣняются другими, смотря по тому, къ какой изъ политическихъ партій принадлежитъ избранный президентъ. Г. Бокананъ занялъ свое мѣсто 1 марта 1857 года. Онъ объявилъ съ самаго начала, что безъ нужды не станетъ смѣнять находящихся уже при должности; но этимъ не избавился отъ докучливыхъ искателей мѣстъ. Такія частыя перемѣны должностныхъ лицъ не производятъ впрочемъ здѣсь никакихъ существенныхъ безпорядковъ въ дѣлахъ управления, и Американецъ, потерявъ свое мѣсто, никогда не затрудняется въ выборѣ новаго занятія. Онъ сегодня почтмейстеръ, а завтра открываетъ аптеку или лавку съ готовыми платьями. Способность переходить отъ одного занятія къ другому—чрезвычайная!

На другой день товарищъ мой опять пошелъ въ Бѣлый Домъ къ секретарю. У самаго подъѣзда встрѣтился онъ съ президентомъ, который только-что вернулся съ прогулки. Г. Бокананъ пригласилъ моего товарища къ себѣ и усадилъ его въ своемъ кабинетѣ. Они говорили о Россіи и о Европѣ. Племянникъ его принесъ обѣщанное письмо. Президентъ тутъ же подписалъ его и отдалъ моему товарищу, пожелавъ ему пріятнаго путешествія.

Письмо, написанное на четверткѣ, прилагаю здѣсь въ переводѣ.

«Вашингтонъ-сити, 5 апрѣля 1857.

«Податель этого письма, М. Х., рекомендованъ мнѣ старинными и знатными друзьями въ Россіи. Онъ офицеръ русской гвардіи и во всѣхъ отношеніяхъ джентльменъ, достойный уваженія. Такъ какъ онъ намѣренъ совершить путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ, то я съ истиннымъ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ снабдить его свидѣтельствомъ за моею подписью, съ просьбою ко всѣмъ моимъ друзьямъ принимать его съ всею надлежащею благосклонностью и со всѣмъ вниманіемъ, кото-

раго онъ вполнѣ заслуживаетъ. Его сопровождаетъ г. Ц., который сопутствуетъ ему изъ Россіи.

«Джемсъ Бокананъ.»

Бѣлый Домъ стоитъ на одномъ концѣ широкой главной улицы города, *Пенсильванія-авеню*. На другомъ концѣ ея, верстахъ въ двухъ отъ жилища президента, на возвышенномъ мѣстѣ расположенъ великолѣпный Капитолій, служащій съ 1800 года мѣстомъ собранія конгресса. По широкой, прекрасной лѣстницѣ входимъ въ обширную ротонду. На стѣнахъ ея девять большихъ картинъ представляютъ важнѣйшіе моменты изъ исторіи сѣверной Америки. Изъ ротонды направо дверь ведетъ въ залу сената; на лѣво, другая, въ залу представителей. Вокругъ одиноко-стоящаго Капитолія разведенъ паркъ. Внутри и снаружи громаднаго зданія, вездѣ представился намъ тотъ же видъ опустѣнія. Въ лѣто все поросло бы травой, еслибы не заботились безпрестанно о поддержкѣ чистыхъ, пескомъ убитыхъ дорогъ парка. Самый городъ, на который мы смотрѣли съ широкой площадки наверху лѣстницы, являетъ видъ недостроенности. Не даромъ Вашингтонъ-сити прозванъ Американцами, разумѣется въ шутку, городомъ великолѣпныхъ разстояній (*city of magnificent distance*). Вообще они любятъ придавать своимъ замѣчательностямъ мѣткія прозвища. При необыкновенномъ распространеніи газетъ и участіи всего народа въ дѣлахъ общественныхъ, каждое удачно-вырвавшееся острое слово, подхватывается народомъ и остается уже навсегда. Такъ у нихъ штаты, города, популярныя личности отмѣчены характеристическими названіями, и иногда такое прозвище болѣе въ ходу, чѣмъ даже собственное имя. Названіе, приданное городу Вашингтону, навсегда останется за нимъ, еслибъ даже сверхъ ожиданія онъ когда-нибудь достроился по предположенному плану. Въ такомъ случаѣ, отъ Капитолія и Бѣлаго Дома, въ видѣ радіусовъ, исходили бы по пяти улицъ, каждая сажень въ двадцать шириною. Теперь *Пенсильванія-авеню*, единственно достроенная сплошнымъ рядомъ домовъ, представляетъ при маломъ стеченіи народа обширный просторъ. На другихъ улицахъ дома стоятъ или въ одиночку, или по нѣскольку въ рядъ, среди пустопорожнихъ пространствъ. По плану городъ какъ будто назначенъ для полумилліона жителей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ и 50.000. Совсѣмъ не видно признаковъ шумной торговли или промышленности. На водахъ Потомака лишь изрѣдка покажется паро-

ходь или плоскодонное судно. Въ этомъ отношеніи Вашингтонъ достигъ своей цѣли, выбравъ для главнаго правительственнаго города въ штатахъ такое мѣсто, которое по положенію своему при несудоходной рѣкѣ не можетъ стать средоточіемъ многочисленнаго народонаселенія. Вашингтонъ имѣлъ въ виду выравнить выгоды всѣхъ штатовъ и поставить ихъ центральное правительство внѣ всякаго вліянія отъ многолюднаго населенія, легко увлекаемаго духомъ партій. Въ 1790 году предложилъ онъ конгрессу перенести столицу штатовъ изъ Филадельфіи на берегъ Потомака. Два сосѣдніе штата, Мерилендъ и Виргинія, уступили правительству небольшое пространство земли. Изъ этого былъ образованъ особый округъ или дистриктъ Колумбія, среди котораго и построена столица Соединенныхъ Штатовъ.

Кромѣ Капитолія есть еще другія общественныя зданія въ городѣ, которыя отличаются великолѣпною постройкою во вкусѣ древней архитектуры. Между ними замѣчательнѣе главный почтамтъ, какъ центральное мѣсто почтоваго управленія для всѣхъ штатовъ. Между прочимъ здѣсь заведено, что изъ всѣхъ частей Союза письма, недошедшія по адресу, отсылаются въ почтамтъ въ Вашингтонѣ. Еслижъ они и здѣсь пролежатъ нѣсколько мѣсяцевъ, то ихъ вскрываютъ и препровождаютъ назадъ къ писавшему или сжигаютъ. Письменная корреспонденція здѣсь такъ обширна, что въ одинъ годъ, 1855, писемъ, недошедшихъ по адресу, оказалось пять съ четвертью милліоновъ. Большею частію происходитъ это отъ неточности адресовъ и отъ множества городовъ, носящихъ одно и то же названіе. Въ границахъ штатовъ съ каждымъ годомъ основывается такое множество новыхъ мѣстъ, что основатели затрудняются часто какъ поименовать новый городъ. Воображеніе въ такомъ случаѣ черпаетъ названіе изъ географіи Стараго Свѣта, изъ мифологіи, исторіи, изъ всѣхъ царствъ природы; прибѣгаетъ также къ именамъ значительныхъ личностей; такъ между прочимъ здѣсь въ названіяхъ городовъ повторился весь рядъ двѣнадцати президентовъ, начиная отъ перваго и до послѣдняго, г. Пирса. Впрочемъ, на западѣ, за Миссури, на крайнихъ предѣлахъ заселенія, мы застали уже только-что заложенный городъ, названный по имени Боканана. Тамъ же, въ нашу бытность, основался другой городъ по имени нынѣшняго вице-президента. Всѣхъ болѣе надѣленъ, разумѣется, Вашингтонъ: его именемъ значится до полутора ста городовъ. За нимъ, по числу, слѣдуетъ Джексоу,

слишкомъ 120; потомъ Джефферсонъ, до 80. Между другими знаменитостями имя Франклина повторяется болѣе 80 разъ. Попадаютъ даже Улиссы, Цицероны, Эвклиды и Сенеки. Между дюжиной Ханаановъ, нѣсколькими Этнами и Каледоніями нашлся городъ подъ именемъ Лены. Десятки Аеинъ и Кантоновъ, Ганноверовъ и Парижей значатся рядомъ съ нѣсколькими Петербургами, Ригами и Варшавами. При такомъ частомъ повтореніи однихъ и тѣхъ же именъ, необходимо обозначать на адресахъ не только штатъ, но и графство (соответствующее нашему уѣзду). Кстати замѣтить, письма на американскихъ почтахъ принимаются не иначе, какъ съ наклеенными на конвертъ ярлычками съ портретомъ Вашингтона. Каждый такой ярлычекъ, соответствующій письму, вѣсомъ не болѣе лота, стбитъ три цента (почти 4 коп. сер.). На письма, болѣе лота вѣсомъ, накладываются двойные ярлычки и т. д.

Недалеко отъ почтамта стоитъ другое правительственное зданіе, также античной архитектуры, такъ-называемый *Патентъ-офисъ* (Patent-office). При входѣ въ первую залу наше вниманіе было обращено на модель патятника Вашингтону. Это будетъ исполинскій обелискъ въ 600 футовъ вышиною. На берегу Потомака, близъ Бѣлаго Дома, мы видѣли начало этой постройки; памятникъ выведенъ еще только на четверть предполагаемой вышины и, какъ намъ говорили, стбитъ пока около 300,000 р. с. Намъ говорили также, что ему еще долго не достроится по причинѣ недостатка въ деньгахъ, собираемыхъ по подпискѣ. Такъ мало участія выказываютъ Американцы, если дѣло доходитъ до памятниковъ, несмотря даже на высокое уваженіе и любовь народа къ своему первому президенту! Въ этомъ отношеніи преимущество остается за ихъ женами. Такъ недавно составилось дамское общество съ цѣлью купить имѣніе Монтъ-Вернонъ (Mount-Vernon) вмѣстѣ съ гробницею Вашингтона. Оно находится на берегу Потомака, недалеко отъ города. Теперешній владѣлецъ его, г. Джонъ Вашингтонъ, требуетъ 200,000 долларовъ за это небольшое имѣніе, въ 200 акровъ. Представительница женскаго общества, заключивъ торгъ, разослала по всѣмъ штатамъ прокламацію, въ которой между прочимъ сказано: «И вы, жены сѣвера и юга, востока и запада! неужели вы не соединитесь на такое предпріятіе? Неужели вы не станете соревновать между собою, кто больше всего дастъ и больше всего *сдѣлаетъ*, чтобы намъ 22 февраля 1859-го года пріобрѣсти и родину и могилу того, который любилъ насъ

всѣхъ, и чтобы такимъ образомъ день его рожденія сталъ днемъ республиканской благодарности и братской любви.»

Въ самомъ Патентъ-офисѣ, какъ святыню, сохраняють мундиръ, саблю и другія вещи, принадлежавшія Вашингтону; тамъ же находится весьма важное для науки собраніе индѣйскихъ костюмовъ, оружія и другихъ предметовъ, добытыхъ на экспедиціяхъ въ земли краснокожаго племени. Но самый интересный отдѣлъ этого заведенія — модели машинъ, инструментовъ, земледѣльческихъ орудій, на которые выдавались патенты. Ихъ тутъ впрочемъ такъ много разиѣщено за стекломъ въ высокихъ шкапахъ, что трудно различить модель, стоящую вниманія отъ другой, не представляющей ничего особеннаго въ своемъ устройствѣ. Между многими образцами усовершенствованныхъ машинъ здѣсь находятя и такіе, которымъ вѣроятно навсегда суждено оставаться образцами, по непримѣности къ дѣлу. Такъ между прочимъ фантазія какого-то Американца выразилась въ модели, которую можно назвать утопіей земледѣльческихъ орудій: модель эта представляетъ плугъ, сѣялку и борону въ совокупности при одной упряжи, такъ что такая машина за разъ вспахиваетъ плугомъ поле, засѣваетъ его и тутъ же забораниваетъ посѣвъ.

Для будущихъ успѣховъ своихъ, наука въ Америкѣ должна была найти себѣ средоточіе, въ которомъ бы слагались и приводились къ единству результаты и изслѣдованія по всѣмъ отраслямъ знанія. Такое средоточіе наукъ представляетъ Смитсоновъ институтъ (Smithsonian Institution) въ Вашингтонѣ. Джемсъ Смитсонъ былъ сынъ герцога Нортумберлендскаго. Онъ провелъ уединенную жизнь въ занятіяхъ науками и умеръ въ Генуѣ бездѣтно, въ 1829 году. При жизни еще онъ предложилъ англійскому правительству основать институтъ на оставленные имъ 120,000 фунтовъ стерл. Но парламентъ не согласился назвать заведеніе по его имени. Тогда Смитсонъ завѣщалъ весь капиталъ американскому правительству съ тѣмъ, какъ сказано, въ завѣщаніи, чтобы въ Вашингтонѣ основать институтъ съ цѣлью упрочить и распространять знанія между людьми. Выигравъ въ Лондонѣ процессъ по этому дѣлу, вашингтонское правительство получило въ свое распоряженіе всю сумму съ наросшими процентами. Управление дѣлами, касающимися института, состоитъ въ вѣдѣніи особаго комитета, составленнаго изъ президента, вице-президента Со-

единенныхъ Штатовъ, и другихъ членовъ, назначаемыхъ отъ конгресса.

По странному распоряженію, темнобурое зданіе института по наружности не соответствуетъ своему мирному назначенію: оно походитъ на замокъ рыцарскихъ временъ. Его построили въ норманскомъ стилѣ, потому что эта архитектура легче всякой другой допускаетъ въ случаѣ надобности дополнительныя пристройки.

Въ залѣ для чтенія познакомились мы съ секретаремъ института, профессоромъ Генри, и онъ предложилъ ввести насъ во всѣ подробности заведенія. Говоря о цѣли его, секретарь, какъ ревностный ученый, которому ввѣрены распоряженія по дѣламъ института, былъ вобщемъ недоволенъ требованіями членовъ, поставленныхъ во главѣ управленія. Онъ говорилъ, что публика, не понимая настоящаго смысла завѣщанія, требуетъ, чтобы больше дѣлалось для виду. Потому принуждены употреблять большія суммы на музей, картинную галерею и пр. Собственно же научная дѣятельность и распространеніе знаній пока ограничиваются корреспонденціями съ нѣкоторыми учеными обществами въ Америкѣ и Европѣ, печатаніемъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ открытій въ наукахъ, и публичными лекціями. Такимъ образомъ по недостатку средствъ, цѣль завѣщанія достигается неудовлетворительно. Таково мнѣніе ученаго секретаря. Но судить о значеніи института въ настоящее время еще нельзя: всего только десять лѣтъ прошло со времени его построенія, и потому неудивительно, что во всѣхъ частяхъ института видны одни начинанія, одни лишь стремленія къ выполненію идей завѣщателя. Въ зоологическомъ музеумѣ стоятъ почти пустые шкапы. Надъ чучелами работаютъ теперь въ одномъ изъ отдѣленій зданія. Библіотека пополняется съ каждымъ годомъ покупками и разбѣною книгъ. Секретарь между прочимъ показалъ намъ книги изъ Россіи; это были годичные отчеты Петербургской академіи наукъ и Снегирева *Памятники Москвы*. Кроме того, по части корреспонденціи, нашли мы здѣсь нераспечатанные еще пакеты, присланные отъ нашего астронома Струве. Картинная галерея не отличается мастерскими произведеніями; но главный интересъ ея заключенъ въ собраніи портретовъ индѣйскихъ вождей и въ изображеніи сценъ изъ жизни краснокожихъ. Если, какъ предсказываютъ, это племя исчезнетъ съ лица земли, то подобное собраніе картинъ, еще допол-

важное, сохранить для будущихъ этнографовъ самыя типическія черты первыхъ обитателей Америки.

Если вообще Смитсоновъ институтъ не представляетъ въ настоящемъ ничего полнаго и цѣльнаго, тѣмъ не менѣе всѣ назначенія указываютъ на обширное значеніе его въ будущемъ для успѣха наукъ и просвѣщенія. Въ немъ и теперь уже собирается все немногое, что производится новаго и интереснаго въ сферѣ наукъ въ Соединенныхъ Штатахъ; но въ послѣдствіи, когда въ Америкѣ науки и искусства расширять кругъ своей дѣятельности, тогда институтъ Смитсона, по точному смыслу заведенія, послужитъ главнымъ звеномъ науки между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ.

На высокомъ берегу Потомака стоитъ здѣшняя національная Обсерваторія, основанная въ 1846 году. По устройству, она не можетъ идти въ сравненіе ни съ нашею Пулковскою, ни съ другими большими обсерваторіями въ Европѣ, откуда выписаны всѣ здѣшніе лучшіе инструменты. Но для науки всего важнѣе то, что въ этомъ заведеніи собираются астрономическія и метеорологическія наблюденія со всѣхъ концовъ Соединенныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ здѣсь слагается богатый матеріалъ для географическихъ изслѣдованій въ Сѣверной Америкѣ.

Изъ Обсерваторіи прошли мы обратнымъ путемъ въ городъ по незастроеннымъ еще полямъ, и очутились среди гуляющей публики на *Пенсильвенія-авеню*. День былъ солнечный, довольно теплый, и фашонабельная знать, частью пѣшкомъ, частью въ цегольскихъ экипажахъ, увлекаемыхъ парю красивыхъ коней, высыпала на передобѣденную прогулку. Леди въ широкихъ кринолинахъ шли подъ руку съ своими джентльменами, перекинувшими черезъ плечи шерстяные пледы; съ ними иногда позазывались дѣти, довольно пестро разодѣтыя, какъ изображаются дѣти на картинкахъ парижскихъ модъ. Въ женскихъ костюмахъ также преобладали яркіе цвѣта, и каждый разъ при приближеніи пышной леди обоняніе наше поражалось довольно рѣзкимъ запахомъ духовъ.

Мы собирались наконецъ выѣхать изъ Вашингтона, вынося съ собою чувство неполноты, какъ будто бы самая недостроенность города отпечатлѣлась въ нашемъ умѣ. Это частью произошло и отъ того, что наше пребываніе здѣсь было не во время конгресса, когда Вашингтонъ является въ настоящемъ своемъ значеніи, ради котораго онъ собственно построенъ.

Намъ слѣдовало все съ тѣми же билетами изъ Нью-Йорка спуститься внизъ по Потомаку на пароходъ. Онъ отходил рано утромъ. Мы немного опоздали и подъѣзжали къ пристани въ тотъ самый моментъ, когда пароходъ уже снялся съ канатовъ и совершенно готовъ былъ отчалить; капитанъ увидѣлъ однако подъѣзжавшихъ пассажировъ и приостановилъ его. Мы какъ разъ успѣли перескочить на палубу и перебросить туда свой чемоданъ. Не стоило бы и упоминать объ этомъ не важнымъ случаѣ; но онъ отлично характеризуетъ здѣшнее всеобщее уваженіе какъ къ публикѣ вообще, такъ и къ каждому члену ея въ особенности. Невольно вспомнилъ я при этомъ о подобномъ случаѣ съ однимъ изъ моихъ товарищей въ Европѣ. Онъ также какъ и мы опоздалъ къ пароходу на Эльбѣ. Слѣша съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукѣ къ пристани, онъ видитъ издали, что пароходъ еще стоитъ, но уже поданъ знакъ къ отплытію. Запыхавшись добѣгаетъ мой знакомый на пристань. Онъ уже надѣется поспѣть. Но въ ту же секунду стали отчаливать, и мой товарищъ остался на берегу.

Мы ѣхали по рѣкѣ до мѣстечка Аквіа-крикъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Вашингтона, гдѣ снова начиналась прерванная водою желѣзная дорога. Вскорѣ поля и лѣса Виргиніи замелькали по сторонамъ желѣзной дороги, и привлекли къ себѣ все наше вниманіе. Бѣлые домики поселенцевъ стояли поодиначкѣ среди пашень, огороженныхъ грубыми тынами. На табачныхъ плантаціяхъ попадались, по нѣскольку вмѣстѣ, досчатыя будочки невольниковъ. А мѣстами открывались виды, извѣстные всѣмъ проѣзжавшимъ по нашимъ большимъ и проселочнымъ дорогамъ. Также какъ у насъ, въ здѣшнихъ лѣсахъ валялись подгнившія деревья и сучья; среди пустырей одиноко торчали стога; такія же глубокія колеи отъ колесъ и рытвины по извилистымъ проселкамъ; тѣ же живые мостики съ подсакаивающими бревнами. Сходство было тѣмъ поразительнѣе, что листь на деревьяхъ еще не распустился, и пышная растительность еще не покрыла собою открытой мѣстности. Вообще, эти широкіе размѣры пустынныхъ пространствъ, эти лѣсныя пущи должны сильнѣе поражать жителя западной Европы, чѣмъ русскаго путешественника.

Не мало удивлялись мы здѣшнимъ желѣзнымъ дорогамъ. Мѣста для нихъ расчищается столько, сколько требуется для пары рельсовъ ни какъ не болѣе; такъ что проѣзжая сквозь дремучій лѣсъ, поѣздъ едва не цѣпляетъ за сучья деревьевъ; а проволока телеграфа протянута подъ самыми ихъ верхушками, и со-

сновые столбы стоять тамъ же, гдѣ красовались прежде деревья изъ которыхъ они живо срублены. О томъ какъ потряхиваетъ на этихъ дорогахъ, и говорить нечего. Иногда въ сыромъ мѣстѣ рельсы вдавливаются тяжестью локомотива въ самую почву, такъ что они скрываются даже подъ водой, и колеса вагоновъ расплескиваютъ въ стороны грязныя брызги. Мосты поставлены на высокихъ деревянныхъ сваяхъ, иногда подгнившихъ снизу.... И вдругъ среди дремучаго лѣса машина издаетъ сигнальный звукъ, — это не пронзительный свистъ нашихъ локомотивовъ, а какой-то громкій зыкъ, издали напоминающій собою вмѣстѣ и крикъ совы, и мычаніе быка. Поѣздъ движется медленно; пассажиры съ любопытствомъ выглядываютъ изъ оконъ: кромѣ лѣсу ничего не видать кругомъ. Поѣздъ приостанавливается понемногу, — и тутъ только открывается, что изъ лѣсу вышелъ какой-то фермеръ съ дорожнымъ мѣшкомъ. Онъ живо вскакиваетъ на платформу, — и машина опять пошла работать до станціи. А пассажиры ни мало не находили всего этого неприятнымъ; имъ такая ѣзда нравилась даже больше чѣмъ спокойная ѣзда по европейскимъ надежнымъ дорогамъ. Они находятъ въ своихъ желѣзныхъ дорогахъ своего рода поэзію: эти дороги для Американца то же, что для насъ «бойкая, неотгонимая тройка».

Постройка американской желѣзной дороги обходится дешевле, чѣмъ гдѣ либо. Стоимость одной версты среднимъ числомъ не превышаетъ 25,000 р. с., но есть мѣста, особенно въ степяхъ, гдѣ верста стоила не болѣе 10,000 р. с. Послѣ этого мѣнѣ удивительно огромное ихъ протяженіе, особенно если къ дешевизнѣ постройки прибавить еще экономію въ людяхъ, представляемыхъ къ желѣзнымъ дорогамъ. Такъ напримѣръ въ мѣстахъ, гдѣ проселокъ пересѣкаетъ рельсы, здѣсь нѣтъ ни заставъ, ни сторожей. Въ такихъ мѣстахъ, на высокихъ столбахъ, прибавляется доска съ четкою надписью, въ видѣ предостереженія, такого рода: «сперва посмотри по желѣзной дорогѣ, а потомъ переправляйся.» Даже въ вагонахъ къ дверямъ прибавляются подобнаго рода надписи: «Господь пассажировъ предостерегаетъ не выходить на платформу, иначе компанія ни за что не ручается.» Компанія такимъ образомъ свое дѣло сдѣлала, кондуктору не зачѣмъ сторожить на платформѣ, а господа пассажиры вольны послѣ этого рисковать или не рисковать своею жизнью.

Къ полудню мы прибыли въ Ричмондъ. Въ немъ, какъ въ главномъ городѣ штата Виргиніи, стоитъ свой Капитолій, рас-

положенный, какъ обыкновенно, на самомъ высокомъ мѣстѣ города.

Подъ вечеръ на улицѣ поднялась тревога и тотъ-часъ показались пожарные: человекъ двадцать бѣгомъ везли легкую пожарную трубу. Къ нимъ присоединялись изъ домовъ другіе, кто съ чѣмъ попало; на одномъ была рубаха огненнокраснаго цвѣта и черный шлемъ на головѣ. Когда шумная толпа прибѣжала къ мѣсту предполагаемаго пожара, оказалось, что опасность уже прошла, и вся ватага со смѣхомъ и говоромъ возвращалась назадъ, увозя за собою трубу. Эта веселая, на скоро сбѣжавшаяся команда состояла изъ молодыхъ горожанъ. Взамѣнъ военной службы они обязались отправлять пожарную.

Каждый гражданинъ штата три года числится въ военной службѣ. Въ теченіи этого времени онъ, впрочемъ, не оставляетъ своихъ торговыхъ занятій. Изъ этихъ гражданъ составляется милиція подъ главнымъ начальствомъ губернатора. Охотникамъ же предоставляется, вмѣсто милиціи, поступать въ пожарную команду. Отъ этихъ обязанностей совершенно уволены: врачи, учителя, священники и лица, несущія гражданскую службу. Кромѣ милиціи, употребляемой въ дѣло только въ военное время, въ Штатахъ содержится постоянное войско для защиты пограничныхъ селеній отъ нападенія враждебныхъ индѣйскихъ племенъ. Это войско, состоя менѣе чѣмъ изъ 15,000 человекъ, вербуются большею частью изъ европейскихъ переселенцевъ, и преимущественно изъ Нѣмцевъ. Оно разсѣено по фортамъ, которые строятся обыкновенно по рубежу населяющихся краевъ государства. Въ случаѣ нападеній Индѣйцевъ, изъ фортовъ посылаются отряды для защиты разсыпанныхъ въ краѣ поселенцевъ, которые впрочемъ и сами вооружаются для собственной безопасности. При огромномъ протяженіи Штатовъ отряды не въ состояніи поспѣвать вездѣ къ отпору нападающихъ дикарей.

Встрѣтить солдата или офицера въ мундирѣ внутри Штатовъ, при такомъ распредѣленіи войскъ, разумѣется, большая рѣдкость, и потому какъ на большую рѣдкость посмотрѣли мы на солдата въ синемъ мундирѣ съ темно-красными эполетами. Онъ стоялъ на часахъ противъ Капитолія: это былъ первый мундиръ, который мы здѣсь видѣли.

Проѣхавъ Виргинію, мы продолжали свой путь по Сѣверной и Южной Каролинамъ. Послѣ воздѣланныхъ полей счастливой Пенсильваніи здѣшнія мѣста показались намъ весьма пустынными. Локомотивъ уносилъ насъ сквозь густые лиственные

дѣла, точно вдоль узкой простѣлки. Вездѣ видны были слѣды свѣжѣй порубки: чащи, необитаемыя въ продолженіи вѣковъ, недавно лишь огласились громкимъ звукомъ американскаго локомотива; не прошло и десяти лѣтъ, и мѣста эти съ каждымъ годомъ населяются все болѣе и болѣе. Пользуясь удобствомъ сообщенія, рабочій народъ прибываетъ сюда въ большомъ числѣ. Прибывшіе сколачиваютъ себѣ на первое время небольшое жилище изъ досокъ. Гдѣ изобилуетъ хвойный лѣсъ, тамъ добываютъ деготь, скипидаръ, и отправляютъ эти произведения въ большіе города. Въ мѣстахъ, удачно выбранныхъ первымъ поселенцемъ, народоселеніе вскорѣ увеличивается, и основываются новые города..... Все это дѣло желѣзной дороги: она какъ живительная струя пробуждаетъ дремавшія столько вѣковъ пустынные мѣста. Несмотря на это, здѣшній край все-таки, относительно, пустыненъ. А между тѣмъ объ Каролины стали населяться гораздо прежде сѣверныхъ штатовъ; природа одарила южныя страны всѣмъ богатствомъ производительности. Но — невольничество до сихъ поръ задерживаетъ развитіе роскошнаго юга. Оно искажаетъ правильное отношеніе труда къ производству и не даетъ возлѣ себя мѣста вольной работѣ. Сверхъ того невольничество, какъ червь, подтачиваетъ нравственныя силы господствующаго, бѣлаго народонаселенія: Американецъ южныхъ штатовъ, несмотря на свое прямодушіе, расточительность, храбрость, презираетъ всякій трудъ; по его понятію, на это назначены Негры. Онъ настоящій баринъ; въ немъ нѣтъ энергической дѣятельности Американца сѣверныхъ штатовъ, нѣтъ той изобрѣтательности и отваги въ предпріятіяхъ, той цѣпкости въ преслѣдованіи разъ предначертанной цѣли. Оттого въ невольническихъ штатахъ ту же идетъ постройка желѣзныхъ дорогъ, труднѣе создаются города, и медленнѣе увеличивается народонаселеніе. Тѣмъ болѣе здѣсь должно удивлять дѣйствіе желѣзной дороги. Чтобы вполне оцѣнить это, надо обратить вниманіе на то, что населеніе, которое растетъ по обѣ ея стороны, состоитъ болѣе всего изъ вольныхъ работниковъ. Лишь при ея содѣйствіи бѣлые поселенцы наши средство съ выгодною приложить свой трудъ въ сосѣдствѣ съ невольничествомъ. Когда увеличится свободное народонаселеніе, и разовьется со временемъ вольная работа, то непременно повысятся цѣны на земли, такъ что произведенія добываемыя рабскимъ трудомъ не будутъ окупать стоимости участковъ. Такимъ образомъ вольный трудъ, проникая въ край, влечетъ за собой уничтоженіе рабства. Это оправдалось уже на дѣлѣ: въ шта-

тахъ, гдѣ прежде работали невольниками, напримѣръ въ Ай-вѣ, распространившееся населеніе вытѣснило рабство. Таково значеніе желѣзныхъ дорогъ для будущаго времени: съ развитіемъ ихъ сами плантаторы поймутъ вредъ того учрежденія, за которое они такъ упрямо стоятъ теперь; они сами будутъ требовать, чтобы ихъ освободили отъ этого ярма. Лишь бы не слишкомъ поздно спохватились! не предупредило бы ихъ нарастающее чернокожее населеніе, и не возстало бы оно, какъ на Гаити, съ тою неистовою местию, къ какой способны бываютъ люди, долго сносившіе угнетеніе рабства!.....

Чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ пышнѣе растительность. Зелень въ лѣсахъ и гуще и ярче: мы въѣзжали въ край, гдѣ круглый годъ зеленѣетъ листва. Между сикоморами, орѣховыми и тюльпанными деревьями стояла красота здѣшнихъ лѣсовъ — великоцвѣтная магнолія (*magnolia grandiflora*) съ темно-зелеными листьями въ двѣ ладони. Вѣрообразная пальметта, предвѣстница тропическаго края, разрослась тутъ въ видѣ низкой лѣсной поросли. Густые кусты шиповника осыпаны были крупными бѣлыми и красными розанами. Цвѣтъ желтаго жасмина ярко блестялъ на солнцѣ. Лозы дикаго винограда, ліаны переплетались по пнямъ, взвиваясь до самыхъ верхушекъ. А мѣстами сучья дуба или сосны съ ея полуаршинными иглами обвѣшаны были сѣро-зеленоватымъ мохомъ, извѣстнымъ здѣсь подъ названіемъ бороды, (*barbe espagnole*). Въ топкихъ мѣстахъ, по почвѣ переплетались выющіяся растенія; подъ ихъ густою сѣтью гнѣздились черныя гремучія змѣи, выжидая добычу: бѣлку, голубя или дрозда-пересмѣшника, лучшаго пѣвуна здѣшнихъ лѣсовъ, вообще бѣдныхъ пѣвчими птицами. По обѣ стороны желѣзной дороги, на краяхъ канавы, лежали черепахи, грѣясь на солнцѣ.... Мѣстами открывались плантаціи риса и хлопчатой бумаги, главныхъ произведеній южной Каролины. Негровъ попадалось болѣе чѣмъ на сѣверѣ, а негритянки здѣсь не безобразятъ себя французскими модами: вмѣсто шляпокъ, онѣ носятъ на головахъ родъ турбановъ изъ бѣлой или цвѣтной матеріи; и этотъ нарядъ гармонируетъ, какъ нельзя болѣе, и съ ихъ черными лицами, и съ обстановкой южной природы.

Пріѣхавъ въ Чарльстонъ, главный городъ южной Каролины, мы оставили наконецъ желѣзныя дороги, и прочую часть пути до Флориды совершили на пароходѣ.

Э. ЦИММЕРМАНЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

КОЗАЧКА

МАЛОРОССІЙСКІЙ РАЗКАЗЪ

I.

Жилъ у насъ въ селѣ козакъ Хмара, богатѣйшій человекъ! У него и поля, и скота, и всякаго добра въ волю! Дѣточекъ ему Господь далъ не много: однимъ-одну дѣвчину, что солнышко въ небѣ. Взлелѣяли, выростили ее, пригожую такую, и уму-разуму научили. Шестнадцатый годочекъ исходитъ Олесѣ, ужъ и сваты стали въ хату навѣдываться. Старики благодарятъ за честь, угощаютъ-подчуютъ, а дочку не стовариваютъ. «Пускай еще погуляетъ, будетъ чѣмъ дѣвичество вспомануть! Еще не пора заботить хозяйствомъ молодую головку; пускай дѣвчиною погуляетъ!» А ужъ жениховъ, Боже мой милый! Только появивсь она, такъ роємъ и загудеть. Да и дѣвчина была! Величавая, пригожая, съ каждымъ привѣтливая, ласковая, и заговорить, и разсмѣется, и пошутить; а чуть примѣтила что негоже, такъ на тебя взглянетъ, ровно студеною водою окатить, и отойдетъ царицею.

Жила у отца, у матери, не зная горя, ни бѣды. Вѣстимо, молоды, то и заботъ нѣтъ; только бѣ веселѣй погулять! Да какъ

тамъ хорошо и привольно ни жилось, надо свою бѣду отбыть! Захворала прежде мать; таки ужь и стара была; похирѣла недѣли двѣ, да и Богу душу отдала. Съ кручины скоро померъ отецъ. Не зажился на бѣломъ свѣтѣ безъ вѣрной подруги, тоска взяла,—вѣдь съ покойницей онъ вѣкъ молодой свѣковалъ, счастье зазналъ!

Осталась Олеся сиротою. Плакала-плакала, да надо было привыкать. Добрые люди ея не забывали: то старуха тетка придетъ, тоску развѣетъ, то дѣвчата прибѣгутъ нащебечуть, а подъ часъ и съ собою утащутъ. Дождались осени. Сваты не переводятся въ Олесиной хатѣ: одни за дверь, другіе на порогъ. А она все благодарить да отговаривается то тѣмъ, то тѣмъ.

«Отчего не идешь замужъ, Олеся? спрашиваетъ старая тетка. Жениховъ у тебя, слава Богу, какъ цвѣту въ огородѣ; хоть прудъ пруди! Чего тебѣ спѣсивиться? Паробки у насъ, словно орленки, живые, ловкіе, молодые! И стариковское сердце радуется глядя на нихъ; а чтобъ дѣвичье, юное не встрепенулось и къ какому не прильнуло—я ужь и не знаю, какой это теперь свѣтъ насталъ!»

— Теточка, голубушка! пускай я еще погуляю.

— Пора, пора, мое дитяtko! Послушай стариковской рѣчи—совѣту. Одной тебѣ весело, а вдвоемъ съ мужемъ любимымъ еще будетъ веселѣе. А что по хозяйству заботы да хлопоты—ты не пугайся. Трудиться и работать станешь не для кого другого, для самой себя; любо и похлопотать-то! Ты, слава Господу, не крѣпачка; твой трудъ не пропадетъ даромъ.

— Не крѣпачка! Будто ужь если крѣпачка, то и свѣтъ Божій завязанъ. Живутъ же люди!

— Живутъ, Олеся, да ужь такое ихъ и житье!

— Если добрые паны, то и людямъ хорошо у нихъ.

— Ну что жь изъ того, что паны добрые? Какіе-то еще паненята будутъ! Да и добрымъ-то услуживай, угождай, и отъ добрыхъ только загорюешь себѣ три шага земли сырой на могилу, а отъ лихихъ... Не приведи Господи и слышать!.. Полно и вспоминать!.. Послушайся, Олеся, да и на свадьбѣ погуляешь. А какъ мнѣ-то утѣшно-мило будетъ, какъ благословить тебя Господь семьею, да зажужжать вокругъ тебя дѣточки, словно пчелочки вокругъ полного цвѣтка!

— Я еще дѣвчиной погуляю, теточка! да и полно.

II.

А тутъ присылаеть сватовъ Иванъ Золотаренко. Олеся приняла дорогихъ гостей и ручники имъ поотдавала.

А Иванъ Золотаренко былъ крѣпостной. Да такой-то ужъ выходился пригожий, ловкій, никому не въ доめкъ, что въ горькой закрѣпѣ взросъ.

Тогда ужъ всѣ догадались, кого поджидала Олеся, да такъ по селу и залокотало, словно въ котлѣ. «Какъ это можно? Да гдѣ это видано, гдѣ слыхано, чтобъ вольная козачка шла за крѣпка?»

Услыхала старая тетка, руками сплеснула. «Лучше бъ я не дожила до этой вѣсти! Дитя мое, Олеся, опомнись! Да еслибъ твои отецъ-мать живы были, скорѣй бы они тебя въ глубокомъ колодецѣ утопили. Да ихъ косточки встрепенутся въ землѣ отъ ужасу, отъ горя! Чтò ты задумала? Да тебя вѣрно кто околоваль?»

И такъ-то ужъ уговариваетъ старуха Олеся, и просить, и плачетъ.

— Нѣтъ ужъ, теточка моя милая, нѣтъ, говоритъ Олеся, — понапрасну вы меня и не уговаривайте: буду за Иваномъ!

Старуха къ Петру Шостозубу. Нѣту, на ярмарку уѣхаль. Горе! А Петръ Шостозубъ былъ первый человекъ въ громадѣ (1), уже старый-старый такой, Боже! бѣлый, какъ молоко. Къ Андрею Гонтѣ — нѣту. Къ Михайлѣ Дидичу — нѣту; всѣ на ярмаркѣ.

«Ой несчастливый мой часъ! побѣгу хоть къ Опанасу Бобрюку.»

Бобрюкъ дома. Лежить въ садикѣ, подъ грушею, и трубку потягиваетъ. Завидѣлъ Олесину тетку: «Здоровы булы, говорить, и Богу мыли! Не на пожаръ ли бѣжите?»

— Богъ помочъ вамъ, пане Опанасе! Пришла къ вамъ за свѣтомъ! Постигла бѣда нежданная! Соберите раду!

— Вотъ тебѣ на! для бабъ раду собирать? То бы ужъ и громада была безъ глузду, какъ синица! Сберитесь сами, да какая всѣхъ перекричить, та и права будетъ!

(1) То-есть въ міру.

— Ой пане Опанасе! это не женскія привереды, несчастье у насъ!

Да и разказала ему все до чиста. На что былъ человекъ веселый, беззаботный, а затронуло и его за живое.

— Эге! говорить, чего не взбредеть въ глупую дѣвичью голову! Домогаются бѣды не кому другому, себѣ самой.

— Идите, пане Опанасе, можетъ она васъ послушается.

— А не послушается,—ведемъ! Вотъ и шапка! Идемъ!

Идутъ, а по всемъ улицамъ люди такъ и снуютъ, и все къ Олесиноу хатѣ, и старые, и молодые, даже дѣти бѣгутъ. Всѣ ее уговариваютъ, всѣ просятъ: «Не выходи за крѣпка, не выходи! Ты ужь лучше прямо съ мосту да въ воду!»

А паробки обступили хату: «Не дадимъ дѣвчину, кричать, не дадимъ! Вольная козачка не закрѣпостится на смѣхъ людямъ, на позоръ селу своему!»

Да какъ ни ублажали—напрасно. Только больше запечалили дѣвчину. Слушая ихъ сердечныя рѣчи да разумныя совѣты, хоть и увѣряла, что не манить ее богатство—сама богата,—ни воля-вольная: «что, говорить, изъ того, что будетъ вольный, если милъ не будетъ?» а все-таки слезы такъ и струятся.

«Я, какъ вижу, дѣвчина, тебя за годъ не переговоришь, а за два не переслушаешь, говорить Опанасъ Бобрикъ.—Извѣстное дѣло: женскій разумъ куда годится! Вотъ любый, любый, да любый! А твоего любаго-то каковы обѣли! На это не посмотришь? Да что понапрасну слова тратит! Она и не слушаетъ. Будьте жь здоровы, да не спросившись броду, не лѣзьте въ воду—зальетесь!»

Сказавши эти слова, потянулъ старикъ до своего двора, подъ грушу.

Потомъ и миръ сталъ расходиться. Осталась въ Олесиноу хатѣ одна старая тетка въ слезахъ.

III.

Ужь ночь землю осѣнила; поплылъ по небу мѣсяцъ и рассыпался ясными лучами по бѣлымъ хатамъ. Олеся непокойная, печальная, отворяетъ окошечко, глядитъ: паробки сидятъ кругомъ ея хаты, словно цѣпью оцѣпили; одна бають, другіе

утрюмые сидять и голову опустили. Посмотрѣла Олеся, подумала, затворила окошечки и вышла. За ней тетка.

Стала Олеся на высокомъ порогѣ да и молвить такія рѣчи козакамъ:

— Панове молодцы! съ мальства я знаю, что вы, во всякомъ дѣлѣ, всегда пристойны бывали и честны, не чаяла я отъ васъ, козаковъ, такого поруганья себѣ! Зачѣмъ вы меня, словно врага, стережете? Ославить хотите сироту! Хоть бы тягались-то съ ровнею, а то съ безпомощною дѣвушкой! Не наживете себѣ тѣмъ славы, панове!

— Не думали и мы, Олександра, отозвался, выступая впередъ, видный, высокій паробокъ, — не надѣялись, чтобъ стараго Хмары дочка съ крѣпакомъ спозналася!

— Коли тебѣ наши паробки не пришлись по сердцу, было намъ сказать, заговорилъ другой козакъ, гарный, какъ искра, — мы нашли бѣ для тебя сами жениха. Всю Украину изъѣздили бы, а нашли!

— На чтѣ искать, коли мнѣ ужъ Господь послалъ подь пару и по сердцу! Какая мнѣ доля судидась, такая и будетъ; не буду ни на кого жаловаться. Хоть вы меня и цѣлый годъ стерегите, я на другой выйду таки не за кого другаго, за того самаго Ивана Золотаренка. Расходитесь, панове козаченьки! Расходитесь, прошу я васъ просьбою, не кручиньте меня молодой! Послушайте хоть моей тетки-старухи, ея разумнаго слова!

— Расходитесь, мои ясные соколы! промолвила старуха въ слезахъ. — Ужъ нашему горю никто, вѣрно, не пособитъ. Богъ попустилъ, дѣтки!

Паробки пошумѣли, потолковали да и разошлись.

А Золоторенковы сваты тожь осерчали: — Отъ роду не слыживали, чтобъ такъ водилось у добрыхъ людей, говорятъ. Подавали ручники, пристало ли отговаривать, разлучать? Козаки, а порядку, обычаю не знаете! Мы хоть и крѣпаки, а за себя вступимся!

— Кто и наставитъ сироту, кромѣ насъ, отвѣчаютъ старыя козачки. — Да намъ былъ бы грѣхъ великъ передъ Богомъ, еслибъ мы не отговаривали. Не послушалась, Господь съ нею! Будеть горько каяться, неразумная дѣвчина; тогда вспомнить насъ!

IV.

Утромъ пошла Олеса дружекъ сзывать: куда ни заходить, всюду отсовѣтываютъ, иные просто плачутъ. Матери не пускаютъ дочерей въ дружки; кто и самъ не захотѣлъ, а кто и пошелъ, то знай вздыхаетъ да горюетъ объ Олесѣ: «Не веселый дѣвичникъ нашей молодой!» Вотъ и перевѣнчались; ходятъ по селу да на свадьбу зазываютъ. А тутъ какъ разъ имъ на встрѣчу выѣхали люди, что изъ ярмарки ворочались: Петро Шостозубъ, Андрій Гонта, Михайло Дидичъ и еще кое-кто. Петро на сивой парѣ впереди. Былъ это дѣдъ старый, *блѣдный*, но еще бодрый, высокій и прямой, какъ яворъ; глаза у него блестяли, что твои звѣзды. Идетъ-себѣ не торопясь да и спрашиваетъ встрѣчнаго: «А что это за свадьба у насъ сладилась?»

— А это, отвѣчаетъ тотъ,—покойника Хмары дочка перевѣнчалась съ Иваномъ Золотаренкомъ.

— Съ Золотаренкомъ? Да какой же это Золотаренко?

— Крѣпакъ, пане Петре! подданный Сухомлинскаго пана.

Запечалился старый Шостозубъ, крѣпко запечалился и не проронилъ слова; другіе такъ и вскрикнули съ досады, съ горя.

Тутъ поравнялись молодые: первымъ дѣломъ надо было привѣтить ихъ, какъ Богъ повелѣлъ. Молодые поклонились, на свадьбу просятъ.

Петро поднялъ высокую шапку:—Богъ помочь вамъ! Благослови васъ Господи долею, счастьемъ и здоровьемъ!

Молодые благодарятъ...—Милости просимъ, добродію, къ намъ на свадьбу.

— Нѣтъ, молодая княгиня! не пойду къ тебѣ на свадьбу: не пристало мнѣ старику по свадьбамъ гулять. Спасибо за честь, за ласку!

А Гонта Андрій, человекъ кроткій, добрящій, и говоритъ молодому:—Ой Иване, Иване Золотаренко! что это ты, мой другъ, натворилъ? Не что у тебя умъ дѣвичій? ты уповалъ только на часъ настоящій, а о будущемъ-то днѣ и не по-раздумалъ, да такъ вотъ и сгубилъ дѣвчину и все ея племь. За тѣмъ-то говорятъ: «сирота, ей и утопиться вольно!»

— А почемужь намъ не погулять у нихъ на свадьбѣ? отозвался Опанась Бобрикъ, взявшись подъ боки.—Жаль, да ужь не воротись! Хотя погуляли бѣ!

— Старая, забубенная голова! говорить Петро:—опомнись! Ты бѣ и тамъ въ плясъ пустился, гдѣ добрые люди плачуть горько.

— Да что жь пане, брате! Плачешь, плачешь да и чхнешь!

— Не пристало пошучивать, пане Опанасе, прикрикнули всѣ въ одинъ голосъ;—не до смѣху, коли такое творится! ты свою сѣдую голову не срами, коли ужь не считаешь козачества!

— А ну-те васъ; полно! Вотъ взаправду разорались словно на дурака! Не иди, то и не иди, и не пойду! А дочка-то вѣдь козацкая, надо бы и танцевъ козацкихъ, да вѣдь съ вами не сговоришь, то-то жалко!

Молодые стоятъ и глазъ не поднимуть.

— Дай же вамъ Боже счастье и талантъ! чтобъ были здоровы, какъ вода, а богаты какъ земля, и вѣкъ вамъ долгій, и разумъ добрый, пригожая пара!

Поклонились старики да и потянулись по домамъ, а молодые своею дорогою пошли.

Запечалились голубчики, переглянулись: онъ поблѣднѣлъ, у нея глаза налились слезами, и прижались другъ къ другкѣ.

— Любовь моя! проговорилъ онъ тихо:—мучить меня такая мысль, что я тебѣ бѣлый свѣтъ завязалъ!

— Милый мой, другъ мой! отвѣчаетъ Олеса.—Что намъ Богъ дастъ, то и будетъ, лишь бы съ тобою въ парѣ вѣкъ свѣковать!

V.

На другой день пошли къ панамъ на поклонъ. Не услышала Олеса ни привѣту, ни совѣту, ни веселаго, ласковаго взгляда не видала. Паны какіе-то сердитые, а ужь гордые, спѣсивые, надутые! «Будь покорна, приказываютъ, работай панамъ, не лѣнись; все дѣлай, что прикажутъ!» И чудно, и грустно, и тяжело было Олесѣ слушать такія рѣчи! А потомъ и страшно ей стало! Такъ это суцая невольница она будетъ! Безъ радости молодые годы пройдутъ! безъ радостей пышная краса завянетъ въ трудахъ тяжелыхъ, въ неволѣ! Идутъ по улицѣ.

Да какъ же тутъ глухо, да скучно, Боже мой милый! Вспомни Олеся: бывало, идетъ по своему селу: тотъ поклонится тотъ о здоровьи спросить, иной разсмѣется, другой остановится, да про свое горе-печаль разкажетъ; и старые люди говорятъ и молодые, и дѣти бубонятъ. Лишь только солнца краечекъ покажется изъ-за горы, ужъ и шумъ и гамъ, стукъ, говоръ, смѣхъ, живой людъ! А тутъ, коли кого и встрѣтишь, угрюмый такой, неразговорчивый, печальный.

Свекровь рада Олесю, какъ родной дочери; не знаетъ, гдѣ посадить, чѣмъ попросить, поподчивать, какъ угодить, приласкать; да не ей развеселить Олесино сердце! Стара была да еще измучена тяжелымъ трудомъ, недостатками; веселой рѣчи не слыхала отъ нея молодая невѣстка. То про чужую бѣду разкажетъ, то на свою плачется; только и прославляетъ, что тотъ свѣтъ, словно на нашемъ красномъ, привольномъ свѣтѣ ни добра нѣтъ, ни красы, ни правды.

Хоть бы съ мужемъ словечко перемолвить, да и то все некогда; то-то онъ дѣлаетъ, то другое, то идетъ, то ѣдетъ, а домой словно гость навѣдывается.

Да чѣмъ далѣ, все хуже. Сталь панъ хату оттягивать: прикупилъ гдѣ-то семью людей, такъ понадобилась хата. Ты во дворъ ступай, говорить Золотаренку; у тебя семья не велика, а захочешь, то ты себя построишь: ты вѣдь богачку за себя взялъ.

Перетянули ихъ во дворъ, а тутъ Богъ дитяtko послалъ, мальчикъ родился. Прижала Олеся къ сердцу сыночка и облилась горькими слезами: «Сынокъ мой! дитя мое милое, дорогое! Погулялъ бы и ты на бѣломъ свѣтѣ, натѣшился, налюбовался красой и раздольемъ, узналъ бы приволье и радость, да горькая тебѣ неволя на долю выпала! Еще въ пеленкахъ тебя заключаютъ, съ мальства забьютъ! Не развернуться тебѣ, дорогой мой цвѣтъ! завянуть тебѣ распулкою!

VI.

Живетъ Олеся годъ и другой, живетъ третій и четвертый. Благословилъ ее Господь дѣточками: три сына, какъ три сокола. А сколько она помучилась, сколько слезъ пролила надъ ними, Матерь Божія, заступница! Ужъ извѣстное дѣло, у дн-

тати заболить пальчикъ, а у матери сердце. Идетъ на панцину, надо ихъ покидать, а дѣтки, одинъ не говорить, другой не ходить, третій еще и сидѣть не умѣетъ, крошки; приглядѣть за ними некому; старуху свекровь вскорѣ послѣ Олесиной свадьбы скоронили. Перетоскуетъ, переболить день на работѣ, вечеромъ бѣжитъ: «что-то мои дѣточки?» . А сердце замираетъ. Застанетъ ли еще она дѣточекъ своихъ въ живыхъ? здоровы ли? Развѣ не случилось бѣдъ? у одной женщины вдругъ два сына утонули, играючи возлѣ пруда, на берегу.

Подросли дѣти; отбыли одни хлопоты, приспѣла другая кручина: то панъ Семенка шпигаетъ, то паничи Ивася,—чѣмъ-нибудь не угодилъ,—то пани на Тышка грозитъ, бѣжалъ мимо да не поклонился. Каждый Божій день ея дѣточки избиты, какъ бубень. А если и пройдетъ день безъ битья, безъ кары, все-таки не спокойно, тревожно, все сердце ноетъ, все горя-бѣды себѣ поджидаетъ.

Только что стали дѣти мужать, тутъ бы матери утѣха и поможь,—взяли ихъ въ хоромы. Съ той поры мига веселаго не было Олесѣ, ни сна покойнаго. День и ночь передъ глазами ей мерещатся чорнавые мальчики, изморенные, блѣдные; сидятъ въ горницѣ молча, безъ шуму, безъ говору, безъ игръ, тихо. Чуть только пошевелинутся, чуть словечко скажутъ, сейчасъ паны и прикрикнуть: «что тамъ за шумъ? вотъ я васъ выучу, не будете возни поднимать!» испугаются мои голубчики, да и приутихнутъ. Каждый Божій день Олеся умывается горючими слезами: «дѣточки мои! цвѣтики мои! не развернувшись, вы завядали!»

Какое было добро, продали, а деньги порастратили. Развѣ на такую семью мало надо? А пани ничего не даетъ, да еще сердится. «У тебя должно быть все свое, ты богатаго отца! Небось, всего есть вволю! Если тебѣ жалко дѣтей, одѣвай ихъ сама, а у меня и безъ васъ много расходовъ.»

Мужъ съ кручины совсѣмъ захирѣлъ, отупѣлъ какъ-то: ничего не боится, ничего не страшно ему, ничего не жалко стало. А сначала такъ просто и обмиралъ отъ тоски, отъ печали. Не одинъ разъ Олеся со слезами молила его пожалѣть дѣтей, не губить крошекъ, когда онъ бывало въ отчаянїи, не помня самъ себя, стремглавъ бросается изъ хаты, блѣдный, глаза горять, и глянуть на него страшно! Олеся ласковыми, нѣжными словами и успокоить его: обниметъ онъ ее и дѣтей, прижметъ къ сердцу, да такъ и разольется слезами.

VII.

Хоть горевали-то вмѣстѣ, какъ вдругъ неожиданно-негаданю тяжелое горе постигло: сталъ панъ въ дорогу собираться, въ Москву, и Ивана Золотаренка съ собой беретъ. И не отпрашивались: былъ такой жестокой, немилосердный, даромъ только кланяться!

—Прощайте, дѣти! прощается Иванъ, —прощайте, ясные мои соколы! почитайте мать, живите между собою любовно и согласнo, никого не обижайте. Прощайте, мои дѣтки милые! жена моя дорогая, любимая! не поминай меня лихою, что я несчастный утопилъ тебя въ безднѣ, да и покидаю. Отольются мнѣ твои слезы!

Олеся и не плачетъ, стоитъ бѣлая, какъ полотно, не сводитъ глазъ съ Ивана, изъ рукъ его не выпускаетъ. А тутъ панъ кричитъ: «скорѣй, скорѣй!» Прижалъ Иванъ въ послѣдній разъ Олеся къ сердцу, да и побѣжалъ. Тогда Олеся будто опомнилась, схватилась; ужъ нѣтъ, ужъ далеко; только слѣдомъ пыль клубится.

—Дѣтки мои! вскрикнула, —дѣтки мои! Теперь у насъ нѣтъ ни единого защитника, нѣтъ и помощи; одни-одинехоньки на свѣтѣ!

И въ самомъ дѣлѣ: бывало, хоть взглянетъ въ милыя очи, сердечное слово услышитъ, приголубится, погорюютъ вмѣстѣ; все было легче, какъ была преданная душа при тебѣ, вѣрное сердце, а теперь что былина въ полѣ! Въ селѣ, понятно, не безъ добрыхъ людей, да каждый съ своею напастью бьется, на свою бѣду плачется. Вѣстимо, панскому не то, такъ другое, а допечетъ; некогда тутъ чужимъ горемъ побиваться, въ перу съ своимъ сладить. Развѣ только старуха тетка провѣдаетъ Олеся. Больно ужъ стара стала: сморщилась, какъ сушеное яблочко, а все хлопочетъ, суетится; вотъ развѣ тетка приплетется да поплачетъ съ Олесяю, ея дѣточекъ поблагословитъ!

Такъ-то поживаетъ Олеся, трудясь безъ отдыха, безъ усталости. Годъ уплылъ, какъ одинъ часъ. Все на панщинѣ, все на работѣ. Пани такая, что и отдохнуть не дастъ: работай да работай! Гдѣ люди на работѣ, и она туда придетъ, и стульчикъ за ней вынесутъ, сядетъ да все картами раскладываетъ, гадаетъ; это у нея была первая утѣха. Сидитъ—только глазами

изводить, да все покрикиваетъ: дѣлайте свое дѣло! работайте! не лѣнитесь!

Какъ-то удалось Олеся вырваться; пошла къ теткѣ, провѣдать старуху въ болѣзни, а въ этотъ самый день въ селѣ была ярмарка. Видѣла Олеся своихъ подружекъ. Чтѣ-то за молодицы стали! Такъ-то славно наряжены, красуются какъ пышные розы; и мужья съ ними, и дѣточки: одинъ играетъ лошадкой, другой пересыпаетъ орѣшки, а старшенькіе новыми сапожками поскрипываютъ и весело каждому въ глаза поглядываютъ. Олеся стоитъ въ старой свитинкѣ, стоитъ одна одинокая; разлучили ее съ мужемъ, ея дѣточки сморили ножки, затуркали себѣ головку, угождая панскому племени, какъ лихой болести. Нѣтъ у нихъ ни игрѣ, ни забавѣ дѣтскихъ, нѣтъ и одѣжки про святѣ-день; и мать воротится, ничего не принесетъ, нечѣмъ ей своихъ дѣтокъ потѣшить, развеселить!

Такія-то мысли взяли Олеся; а къ ней подходитъ то Ганна, то Матря, то Явдоха, все знакомыя, еще дѣвушками вмѣстѣ гуливали; и говорятъ съ ней привѣтливо, и про дѣтей спрашиваютъ; та бубличка имъ даетъ, другая маковника.

— Спасибо, спасибо! говорить Олеся, обливаясь слезами: — какъ вы меня не позабыли, васъ такъ Богъ не позабудетъ!

VIII.

Прошелъ еще годъ, отъ мужа нѣтъ вѣстей, какъ въ воду кануль. Тосковала, грустила Олеся, да и рѣшилась къ панѣ идти: пани часто письма получаетъ.

Вошла въ горницу; пани сидитъ и гадаетъ на картахъ, не замѣтила Олесинаго прихода. Глянула Олеся вокругъ себя: та самая горница съ часами, гдѣ она была *молодою*, разряженная, въ цвѣтахъ, сама свѣженькая какъ цвѣточекъ, а теперь? Боже мой милый! Она ли это? Стоитъ какая-то молодица старообразая, измученная, робкая... Все вспомнулось Олеся: «пропаль мой вѣкъ молодой!»

Кланяется:—Милостивая пани! скажите мнѣ, какъ поживаетъ мой мужъ на чужой сторонѣ?

— Боже мой! закричала пани, — пропало все гаданье! Чтѣбъ тебѣ добра не видать! Чего въ глаза лѣзешь? Чтѣ тебѣ надо?

— Получаете отъ пана письма... Что тамъ мой мужъ, Иванъ?

— Умная голова! нечего сказать. Да развѣ пану не о чемъ больше писать, какъ только о твоёмъ мужѣ? А? Чтò съ нимъ? Каково ему? Служить, вотъ и все!

— Привыкъ ли, милостивая пани, здоровъ ли?

Вошли два паныча, слушаютъ да осклаются. А пани такъ и загрохотала.

— Да ты, чтò себѣ думаешь? прикрикнула на Олеса.—Панъ станетъ меня увѣдомлять, здоровъ ли твой мужъ? Вѣрно ты пьяна, или ужь отъ роду такая умовредная? Пошла вонъ! ступай! Выгоните ее!

Оба паныча бросились и вытолкали ее за дверь.

«Не свижусь я ужь съ Иваномъ, не услышу объ немъ, думаетъ Олеса. Въ несчастный часъ спозналися и слюбилися!»

А тутъ, недѣли черезъ двѣ, получается письмо отъ Ивана. «Живы ли, здоровы ли, пишеть, дѣти мои милые и жена любимая? А я все хвораю; кажись и померъ бы, да крѣпить меня надежда, авось еще приведется васъ увидѣть и Украину родную. Какъ-то вы живете-можете? Почитайте мать, сыны мои милые, любитесь сердечно. Боже васъ всѣхъ благослови! Гостинца я вамъ переслать не могу: хоть я и щеголяю въ серебряныхъ пуговицахъ, а за душой нѣтъ у меня ничего. Иногда панъ въ гостяхъ, то бываетъ и такъ, что пѣлый день голодный просижу, если добрые люди не накормятъ. Что и толковать? Кому не было добро съ малку, не будетъ и до смерти!»

«Одинаковое намъ счастье, Иване мой! говорить Олеса плача. Еслибъ я хоть грамотная была, я бъ къ тебѣ безъ конца письма писала, каждый день посылала, а теперь надо кому-нибудь поклониться, да попросить. Напишетъ ли кто такъ сердечно, такъ горько, какъ мое сердце чувствуетъ?»

Пошла просить дьячка.

— Хорошо, говоритъ дьячокъ, — я напишу, а чтò мнѣ за это перепадетъ?

Взглянула на него Олеса: красный такой, одутловатый, веселый; вѣрно гульнуть любить, и тянетъ горѣлку; не надежно, чтобы онъ сходно взялъ.

— А сколько вамъ, добродію?

— Сколько? Дашь два злотыхъ и квартиру горѣлки!

— Добродію! будьте милостивы...

— Ну, иди другихъ проси, а насъ не безпокой!

— Да пишните, пишните, Богъ съ вами! Она нашего письма ждетъ...

Она говорить, а дьячокъ пишеть. Больше Олеся слезъ пролила, чѣмъ словъ выговорила, да такъ ужь бѣдняжка тоскуеть, такъ убивается, что дякъ только головою трясеть, а потомъ и говорить:

— Слышите, молодлица! Дадите мнѣ двѣ двадцатки и кварту горѣлки?

— Ой добродію! будьте милосердны! Надо еще писать, я еще не все сказала!

— Да напишу, напишу... полно!.. А ты не приноси двухъ двадцатокъ, не надо!

— Какъ же, добродію? Сколько же вы возьмете?

— Ничего! крикнулъ дьячокъ будто съ досадою, да тотчасъ утихъ и говорить ей:—какъ я кончу, пойдемъ-ка съ горя да съ печали выпьемъ по чаркѣ.

— Спасибо за вашу ласку, добродію, а пить я не буду. Дай вамъ Божія Матерь и счастливую долю и здоровье! Спасибо вамъ!

— Да кстати, давай я твое письмо по почтѣ отправлю. Гдѣ ужь тебѣ самой справляться?

— А чтò за это?

— Ничего. Люди знакомые, и такъ возьмутъ.

IX.

Отослалъ дякъ письмо Ивану; да невѣдомо, прочелъ ли его бѣднякъ. Скоро пришла отъ пана вѣсть, что Иванъ померъ. Да еще панъ писалъ, чтобъ отправили къ нему старшаго панича и при немъ кого-нибудь изъ прислуги. А меньшаго панича приказалъ въ столицу снаряжать.

Начались хлопоты, снаряжаютъ паничей въ путь. Стали имъ слугъ выбирать, и выбрали Золотаренковъ. Велѣли позвать Олександру. Тутъ только и вспомнили о ней, а то никто и не подумалъ, какое ей Господь тяжелое испытаніе посылаетъ.

Пришла она, пани и говорить:

— Снаряжай сыновей въ дорогу, они съ паничами поѣдутъ.

А она стоитъ, смотритъ паньѣ въ глаза; словно не понимаетъ, только побѣгла, какъ мѣлъ. Пани разсердилась.

— Что ты глуха, что ли? кричить, — или обѣмѣла?

Упала несчастная, не можетъ слова вымолвить, только руки поднимаетъ, рыдая. Какъ вспыхнула пани, какъ напалась на нее!

— Да я тебя такъ и такъ покараю!

Такъ напустилась, будто она нивѣсть какое преступленіе совершила. Своего роднаго дитяти пожалѣла, коли и самъ Господь повелѣлъ своимъ дѣтей жалѣть, а ее обидѣли и нарутались надъ нею и прогнали. Что было на ея бѣдномъ, растерзанномъ сердцѣ, никто того не зналъ, никто не спрашивалъ! Надо сыновей на чужую сторону снаряжать... Воротятся ли они старую мать схоронить? Или, можетъ, какъ отецъ, сами тамъ поляжутъ, и головки никто не оплачетъ! А можетъ ея дѣточки, ея соколы ясные, всякому злу научатся? Теперъ она ихъ провожаетъ добрыхъ и честныхъ, и прямодушныхъ, что если воротятся порочными?... Нѣтъ, лучше не дожидаться! Кто имъ добрый совѣтъ подастъ? Кто уму-разуму научить?... А тутъ еще недостатки, бѣдность, нужда горькая, не съ чѣмъ и въ дорогу собрать: ни рубашечки, ни платья годящаго. Какое было еще добро, продала, дѣтей одѣлила, и про смерть себѣ ничего не оставила.

Въ послѣдній разъ заснули сыновья дома, она сидитъ... сидитъ цѣлехонькую ночь надъ ними, тихо и горько плачетъ: послѣднюю ночку ночуютъ! Сколько-то время убѣжить, пока она свидится съ дорогими хлопятами! И свидится ли?

Вотъ ужъ и солнышко всходитъ; звякнулъ колокольчикъ... Ведетъ Олександра дѣтей, обливаясь слезами, да все только благословляетъ ихъ, да креститъ...

— Панички! проговорила, кланяясь имъ въ ноги: — будьте къ моимъ ребятишкамъ милостивы!

А паничи отвернулись отъ нея.

— Матеръ Божія! воскликнула Олександра, рыдая: — я тебѣ своихъ дѣтей вручаю! Сыны мои! сыны мои!

Да и повалилась на землю, какъ скошенная трава.

Х.

Кому, говорятъ, вѣкъ несчастный, тому и долгій; такъ и Олександрѣ. Прогоревала еще нѣсколько лѣтъ съ маленькимъ

Тышкоомъ. О старшихъ сыновьяхъ ни слуху, ни духу; можетъ паничи и пишутъ, да пани никогда ничего не скажетъ. ...

Пани, между тѣмъ, продала село и переѣхала на житье въ городъ. Съ ней и Александрѣ пришлось ѣхать, и еще взяла нѣсколько тамъ человѣкъ. Еслибъ кто умѣлъ, да захотѣлъ ее разузнать, то, овдовѣвши, она вышла бь опять на волю. Да ужь что теперъ въ той волѣ?

Олександра такъ подалась здоровьемъ, что и работать стало ей не подь силу. А пани сердится: «Даромъ, говорить, мой хлѣбъ ѣшь!» А потомъ ужь такъ разлютовалась: «Ступай себѣ!» гонить на всѣ четыре стороны. «Если не хочешь работать, то и ѣсть не проси. Ступай со двора и мальчишку своего бери!»

Вышла Олександра съ панскаго двора и Тышка вывела. О, говорить, панское дворище! Чтобъ отъ вѣку до вѣку ничего добраго не входило въ тебя!

Пошла наниматься; да съ недѣлю подь заборами ночевала, пока нашла себѣ мѣсто у какого-то кузнеца. А кузнецъ этотъ такой задался, хоть бы ему и паномъ быть: сердитый, лютый, сварливый, Господи милосердный! И жену ругаетъ, и дочь, а какъ напьется, всѣ отъ него черезъ окно разбѣгаютъ: тотчасъ драться. Да еще и покрикиваетъ: «А почему жь мнѣ жену не бить, или кого тамъ придется? Надо всѣхъ бить! Вѣдь меня били же!» «Развѣ я виновата?» плачетъ жена. «А какъ же не виновата? Одинъ за другаго должонъ отвѣчать!»

Такой-то былъ удалецъ!

Еслибъ увидѣлъ кто, бывало несетъ на гору ведра съ водою старая, бѣдная женщина, а за нею чорнявый мальчикъ припрыгиваетъ, кто узналъ бы Олександру, богатую козачку, гордую дѣвчину?

Не прослужила мѣсяца, захворала. Гонить кузнецъ изъ хаты. Куда идти? Побрела въ панскій дворъ. Только она въ ворота, а пани ужь встрѣчаетъ ее злобными словами: «Что, говорить, выходила себѣ сына вора! Твой Семенко панича обокралъ. Да погоди, погоди! А ты зачѣмъ пришла? Больна? Гоните ее со двора! гоните!» Вывели Олександру съ подворья и бросили подь заборомъ одну, безпомощную, съ маленькимъ Тышкоомъ. Плачетъ-плачетъ бѣдненькій мальчикъ!

—Боже мой милый! Семенко мой—воръ! Ой Семеночко, Семеночко! дитя мое доброе, правдивое! каково-то мнѣ слушать это! Тебѣ и отецъ приказывалъ... Сыночекъ мой несчастный! вспомни свою мать старую...

А Тышко, не смысла, обнимаетъ ее, да все уговариваетъ: — Не печальтесь, мамо, не плачьте. Семенко воротится. И Семенко и Ивась, обое пріѣдутъ.

Уговаривалъ, уговаривалъ, да и заснулъ около матери.

XI.

Разсвѣтаетъ; проснулся Тышко да и пошелъ побираться... Смотритъ Олександра, какъ ея дитя рученки протягиваетъ встрѣчнымъ людямъ: кто копѣчку даетъ, кто бубликъ; тотъ чорнявую головку погладить, другой отпихнетъ—все видитъ Олександра... Какъ тутъ подходить къ ней какой-то господинъ и спрашиваетъ: зачѣмъ тутъ лежишь? чья ты?

И спросилъ ее обо всемъ.

— Пойдемъ ко мнѣ, говорить,—побудешь, пока выздоровѣешь.

И повелъ ее съ Тышкомъ съ собою.

Онъ жилъ съ матерью вмѣстѣ; вдовый былъ, и была у него маленькая дочка. Были они зажиточные горожане, мѣщане, жили хорошо, всего вдоволь было: чего хочешь, того просишь! А какіе добрѣйшіе люди были, и не сказать! Въ одну недѣлю Тышко налилса, какъ красное яблочко, такъ и катается по двору. Олександра не натѣшится, поздоровѣла, помолодѣла.

— Наймись у насъ за дитей ходить, говорить ей, а она душою рада. Нанялась, живеть у нихъ тихо и мирно. Все бѣ хорошо! да сушать ее мысли о Семенкѣ...

— Э, э, говорить хозяйнѣ, — чего печалиться? Можетъ, бѣда не такая, какъ тебѣ думается. Распроси-ка гдѣ онъ теперь? Если у панича, значить паничъ простилъ.

Вечеру, тихонько отъ пани, прошла Олександра на панскій дворъ и распросила обо всемъ дворовыхъ людей.

— Слыхали мы, что крѣпко твоего Семенко карали, а паничъ таки оставилъ его при себѣ.

— А что? спрашиваетъ хозяйнѣ.

— Да вѣсти хорошія, паночку, говорить Олександра, плача. — Радостнѣй этихъ мнѣ не слыхать!

— Полно плакать, горькая! паничи не будутъ вѣкъ жить на чужой сторонѣ, пріѣдутъ, и сыновой увидишь. Ты припаси имъ что-нибудь, чтобъ они мать поблагодарили.

А она ужь сундучокъ себѣ купила, ошила калиточку да все деньги складываетъ: это моимъ дѣткамъ, думаетъ.

Придетъ хозяинъ съ рынка, то и кличетъ бывало Олександрю: — А ну, иди-ка сюда, голубушка! Вотъ тебѣ новенькій варбованецъ, помѣняемся на старый.

Бѣжить Олександра мѣняться; такъ благодарить, Боже мой, да радуется какъ малое дитя. Полюбуется новыми деньгами — славно блестятъ! и спрячетъ дѣточкамъ.

Пришлось хозяину выѣхать куда-то далеко на хуторъ; зоветь и Олександрю съ собою.

Еслибъ то ее пани отпустила!

Приходить къ панѣ, просить чтобъ ей бумагу выдала, а пани: — Я не хочу, не дамъ тебѣ бумаги и ѣхать не пушу. Ты должна мнѣ оброкъ платить. Сколько ты получаешь?

— Два рубля въ мѣсяць, пани!

— Ну, плати мнѣ два рубля въ мѣсяць, такъ я пушу.

— Да мнѣ одѣться надо самой и мальчика одѣть.

— А мнѣ еще больше кое-чего надо! ты какую-нибудь свитинку накинешь — и ничего, а намъ по людски надо жить!

И не пустила.

— Дай ужь ей два рубля, говоритъ хозяинъ, — а мы тебя не обидимъ.

Такъ пани ужь не хочетъ: — Дай три рубля да еще и за три не отпущу.

Ходилъ и самъ хозяинъ, просилъ. «Не хочу!» да и только. Такъ онъ одинъ и поѣхалъ. — Не приводи Господи, говоритъ, съ такими и знаться и видѣться, какъ твоя пани.

XII.

Опять взяла пани Олександрю во дворъ, а Тышка въ хоромы. И къ матери, бывало, не пустить; развѣ украдкою прибѣжить на часокъ.

Тяжело заболѣла бѣдная Олександра, лежала одна, и воды некому подать; лежала и смерти ждала. Не было подлѣ нея никого, кромѣ стараго, хвораго панскаго ключника, онъ безвыходно сидѣлъ въ хатѣ.

— Братику мой ласковый! проговорила Олеся, — позовите

Тышка, я хоть поблагословлю свое дитя: ужь Господь мнѣ смерть посылаетъ...

— Вашего Тышка нѣту, сестра; я видѣлъ, онъ съ паньѣю побѣхалъ.

— Благослови жь его Матерь Божія! сказала плача. — Дитя мое милое! Дѣти мои! дѣти! Васъ, какъ цвѣту по всему свѣту, только при матери ни одного нѣтъ; некому затомленные глаза завести! Выростила я васъ людямъ на поруганье!.. Гдѣ же вы, мои голубочки? мои соколы ясные?

Какъ-то перемогся старый ключникъ, да людей покликать. Вошли въ хату, Олександра глянула:—Добрые люди, поднимите меня!

Подняли; сняла она калиточку съ шеи и подала имъ.

— Это моимъ дѣтямъ... шесть карбованцевъ... отдайте... У кого душа Божія, научайте моего Тышка добру... не обижайте бѣднаго сироту... (а слезами такъ и обливается) будьте къ нему милостивы!.. Смерть постигаетъ меня одинокую... Выпестила себѣ трехъ сыновъ милыхъ, какъ трехъ голубей сизыхъ! Да нѣту при мнѣ ни одного... Сыны мои! дѣти мои!..

Какъ жила плачучи, такъ и умерла въ слезахъ.

А пани такая, что и похоронить хорошенько не хотѣла, не то что помянуть. Дворовые люди сами и похоронили и помянули безталанную.

МАРКО ВОВЧЕКЪ.

МАЙОРЪ

МАЛОРОССІЙСКАЯ ПОВѢСТЬ (1)

VII.

Каждому изъ дѣйствующихъ лицъ этой повѣсти удѣлили мы значительную долю нашего сочувствія или участія. Даже и Радько, котораго невозможно было майору употребить въ дѣло, и тотъ не остался безъ сочувственнаго нашего взгляда. Одинъ только Иволгинъ какъ будто отчужденъ нами отъ общаго права нашихъ ближнихъ. По крайней мѣрѣ, пишущій эти строки чувствовалъ при его имени какое-то внутреннее неудовлетвореніе, точно какъ бы далъ не точное понятіе о человѣкѣ, котораго хорошо знаетъ, точно какъ бы выставилъ передъ кѣмъ-нибудь отталкивающія свойства его, умолчавъ о тѣхъ, которыя способны привлечь къ нему участіе. Авторъ не можетъ опредѣлительно назвать такія свойства въ Иволгинѣ, потому что въ натурахъ, обра-

(1) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

зовавшихся въ самой тинѣ жизни, всѣ черты характера, въ своемъ смѣшеніи, представляютъ темный омутъ, въ которомъ трудно отличить лучшее отъ дурнаго. Но все-таки, пока человѣка называютъ человѣкомъ, до тѣхъ поръ надобно предполагать въ немъ и свойства человѣческія, подавленные, изуродованныя, но тѣмъ не менѣе присущія его натурѣ. Авторъ съ самаго начала повѣсти, имѣлъ это въ виду, относительно Иволгина; но Иволгинъ, противъ его воли, вышелъ у него лицомъ, съ которымъ пріятно поскорѣе разминуться при встрѣчѣ. Можетъ-быть, авторъ виноватъ передъ нимъ, что слишкомъ мало продержалъ его въ душѣ своей и выпустилъ на божій свѣтъ, не обогрѣвши всепроникающимъ чувствомъ любви. Такимъ образомъ закрытъ и нѣмъ остался для него Иволгинъ,

Чтобы ввести читателей больше въ познаніе личности Иволгина, онъ послѣдуетъ за нимъ изъ хутора Майоровщины неотступно и не оставитъ безъ вниманія ни одной мелочи, которая можетъ характеризовать его.

«Такъ, такъ-то, ваше превосходительство! говорилъ мысленно Иволгинъ, слегка подсакивая на своей лошади. И вы наступили на терновые шипы въ блаженномъ вашемъ уединеніи! И вы возмутились въ вашей невозмутимости!... Да, чортъ возьми, жаль мнѣ васъ!... Вѣдь вы предобрая душа. Только не умѣете жить по чину и по состоянію. Если бы скупость, другое дѣло; а то просто мужицкое неумѣнье. Фортуна все можетъ дать человѣку, все, кромѣ благородства. И отнять можетъ фортуна все, какъ вотъ у меня; но попробуй она отнять у меня имя Иволгина;—нѣтъ, чорта съ два! У васъ фортуна безсильна въ своихъ благодѣяніяхъ, а у меня—въ своей свирѣпости. Чортъ возьми однакожь, какъ она коварно вертитъ свое колесо! Надобно быть женщиной, чтобъ этакъ капризничать. Давно ли майоръ былъ счастливѣйшій изъ смертныхъ? а теперь что ему предстоитъ? Вѣдь если я возьму свои мѣры, то онъ въ минуту торжества — жертва полиціи; а, чего добраго, та самая фортуна, что увѣшала его грудью орденами, всадитъ пулю въ эту самую грудь. Глупо счастье человѣческое! Умница тотъ, кто никогда въ тебя не вѣровалъ. Рюмка водки,—вотъ одно, что можно назвать вѣрнымъ въ жизни. А женщины.... вотъ женщина, майорская племянница! Таковы всѣ онѣ! Всѣ таковы! Умно я сдѣлалъ, что не женился!»

При этомъ глубокій вздохъ вырвался изъ груди Иволгина, и

на нѣсколько минутъ онъ грустно повѣсилъ голову. Душевная пустота, которую онъ чувствовалъ, подавила въ немъ всякую мысль, прервала всякую умственную рѣчь. Есть боли душевныя, которыя человекъ ужасается выразить даже и нѣмою мыслию: это бездонныя пропасти, измѣряемыя только не имѣющимъ мѣры отчаяніемъ. Это кромѣшная тьма, которою грозитъ намъ великій проповѣдникъ безсмертія.

Иволгинъ не зналъ, какъ заглушить свои нѣмыя страданія и началъ немилосердно хлестать арапникомъ своего надорванного коня. Какъ птица, полетѣлъ несчастный конь между цвѣтущихъ нивъ, и храпѣнье его вторило клокотанью наспиртованной крови въ сердцѣ всадника. Крехтя и вмѣстѣ стоная, онъ вскрикнулъ: «Ахъ, чортъ возьми! вотъ и все.»

Если бы у него самого спросили, что значать эти слова, онъ бы не могъ объяснить ихъ. Лицо его покрылось синеватою блѣдностію; глаза горѣли, какъ будто онъ только-что выпилъ стаканъ спирту. Душа болѣла у него до такой степени, что мучить коня, летѣть стрѣлою по полю и стонать, подобно голодной хищной птицѣ, казалось ему какимъ-то утоленіемъ боли. И не скоро перемѣнилъ бѣдный почтовый конь разрушительный галопъ свой, не скоро пришелъ въ нормальное состояніе бѣдный всадникъ. Оба они были несчастнѣйшія существа въ мирѣ: оба прошли суровую школу жизни, а учителемъ въ этой школѣ была безчувственная и безсмысленная глупость. Простоводны наши часто задаютъ себѣ вопросъ: за что Богъ прогнѣвался на лошадей и осудилъ ихъ на почтовую гоньбу? И мой простовародный умъ невольно приходитъ къ вопросу: за что Богъ прогнѣвался на извѣстный классъ людей и осудилъ ихъ на жизнь, которая, съ разными варіаціями, подводитъ огромную массу подъ уровень Иволгина? Отвѣчать на этотъ послѣдній вопросъ было бы легче, нежели на первый, но лучше ужъ не отвѣчать...

«Жениться... продолжалъ размышлять Иволгинъ, успокоившись и видя, что конь его рѣшительно отказывается отъ галопа, хорошо жениться, когда бы зналъ навѣрное, что тебя любили. Я не любилъ ни одной изъ тѣхъ, на комъ хотѣлъ жениться. Вѣдь и онѣ тоже разчитываютъ, какъ бы выйдти замужъ впопадъ, чтобъ состояніе, и родство, и все этакое... Куда же тутъ любовь возьмется? Въ томъ. вся и любовь, что беретъ замужъ. Любятъ у насъ другъ друга тѣ, которымъ не

даютъ жениться, — это такъ; да много ли въ ней проку, въ этаконъ любви? Нѣсколько оховъ, нѣсколько аховъ, а потомъ найдется ровня, — и пошла жить по обычаю предковъ. На мою долю, чортъ возьми, и того не выпало! Не лежить душа, да и все тутъ. Начнешь любезничать, и видишь, что комедія. Вѣдь и хорошенькія попадались, а все какъ-то не беретъ. Нѣжничаешь въ кадрили и тутъ же думаешь: «Вѣдь это хорошенькое личико, и нѣжныя ручки, и все этакое заманчивое, вѣдь это только приманка. А въ душѣ-то у нея что?..» И станетъ страшно. Чтò жь это за любовь? Любви тутъ не было, а только одно глупое желаніе подражать людямъ—жениться. Иное дѣло дѣло вотъ эта... вотъ еслибъ *эта* была не мужичка! Съ этою и не любезничалъ я, съ этою и кадрили не танцовалъ, а вѣдь посмотришь, просто рай! Да, жаль, чортъ возьми, что не чета нашему брату по сословію! А то вѣдь и приданое и красота... и ужь еслибы полюбила, то полюбила бы, чтò называется, безумно, безъ разчету, просто полюбила бы, и только!.. Вѣдь вотъ мужикомъ нарядился — и богатство для нея вздоръ! Она въ немъ не Сагайдачнаго, она въ немъ мужика полюбила и готова жить съ нимъ въ простой хатѣ. Этаконъ дай мнѣ любви, а не той, которою подчиваютъ насъ въ кадрилихъ по справкамъ и наставленіямъ маменьки! Жаль только, что благородства ей не достаетъ. Чтò ни говори, а великое дѣло порода, и не даромъ Господь создалъ дворянъ особо, а мужиковъ особо. Дворянинъ и рѣчь поведетъ иную, и поступь у него гордая, и взглядъ у него смѣлый; а мужикъ все будетъ чувствовать, что онъ такъ сказать сынъ черни, и что не здѣсь его мѣсто. Что ни скажетъ онъ, выходитъ смѣшно, и не клеится его разговоръ съ нашимъ. Однакожъ вчужѣ досадно, какъ подмостился къ ней этотъ столичный пройдоха. Но мы съ нимъ расправимся; пускай онъ знаетъ, что куропатки у насъ продаются дороже, чѣмъ въ Петербургѣ. Разбестія этакая! вѣдь смекнулъ, какою тропинкой подойти поближе. Отъ барича она бы сторонилась до тѣхъ поръ, пока не пригласилъ бы ее въ церковь; а мужикъ мужику вѣрить... Но она не похожа была на мужичку, пока не перерядилась въ этотъ глупый костюмъ. Кто ее училъ такъ мило держаться, такъ плавно выступать? Ужь истинно сама природа! Вѣдь сформировавши этаконъ розанъ, этакую пышную лилію, она должна же была внушить ей какъ держать голову, какъ рисоваться передъ людьми, чтобы точно была прелесть. Я никогда

не поступилъ бы съ нею такъ, какъ этотъ пройдоха. Пускай заглядываютъ ко мнѣ тетеньки сколько угодно съ задняго крыльца, а я бы имъ доказалъ, что знаю, кто чего стбитъ. Мнѣ кажется, что и мой домъ пересталъ бы тогда хмуриться, и все бы вокругъ меня засіяло. Посмотрить бывало мимоходомъ, какая тишина дѣлается въ душѣ! Вотъ такъ бы и бросился къ ней съ обвѣненіемъ! Надобно же этакъ судьбѣ шутить надо мной! Ну, почему бы ей не быть хоть дочерью майора, чтобы хоть однимъ колъномъ облагородиться! А какъ бы весело было мнѣ съ нею сидѣть дома! какъ бы спѣшилъ я воротиться съ этой глухой станціи или изъ-за разбойничьяго преферанса! *Парася, душка!* имѣть право произнести только эти слова—все равно, что разыгрывать чудеснѣйшія аріи на фортепьяно. Сколько быве сельхъ лѣтъ провелъ я съ нею! и еслибъ у нея были дѣти, похожія на нее, какъ бы я ихъ любилъ! А теперь, чортъ возьми, я ровно никого не люблю на свѣтѣ,—вѣдь не люблю, просто никого не люблю! ни даже самого себя, ни даже князя! Князь, конечно, знаменитый вельможа,—это влечетъ къ нему душу; но еслибъ не это, то больше мнѣ по душѣ майоръ. Хоть онъ и низкаго происхожденія, но за то всегда ровень. А князь иной разъ обласкаетъ, иной разъ не удостоитъ вниманія, хоть ты передъ нимъ жемчугомъ рассыпся. Это, впрочемъ, общая черта аристократовъ; съ этого начинаютъ всѣ, которые лѣзутъ въ аристократы, хоть у нихъ оно выходитъ нелѣпо. А тѣ ужъ отъ природы такъ созданы. Ласка и гордость у нихъ неразлучны, какъ пирогъ съ начинкой: отвѣдай одного, попробуешь и другаго. Но все это такъ величаво, такъ мило!.. Загадка для меня этотъ Сагайдачный. Называютъ его министерскою головою. Еслибъ онъ былъ точно голова, не бросилъ бы онъ Петербурга, не зарылся бы въ хуторѣ, не школьничалъ бы, якшаясь съ мужиками. Да и это его штука... вѣдь это самое пошлое повѣсничанье. Оно, конечно, заманчиво. Но мнѣ никогда не приходило ничего такого въ голову. А этимъ отсырѣвшимъ въ болотѣ Петербургцамъ все ни по чемъ. Пишутъ о патріотизмѣ, о высокихъ чувствахъ, а наткнулся на патріота, ни во чтѣ его ставить. Майоръ, конечно, по рожденію мужикъ, но заслуги на полѣ брани поставили его высоко. Онъ дѣломъ патріотъ, а не словами. Какъ же вы, милостивый государь, не уважили его ранъ? во чтѣ вы его оцѣнили, сыгравши маскарадную штуку съ племянницей? У васъ въ столицѣ это называется интрижка,

у насъ въ уѣздѣ — подлость. И этакой подлости мы не прощаемъ. Не вельможа вы какой-нибудь, чтобы куралесить безнаказанно. Интересно знать, какъ вы меня встрѣтите, такъ ли, какъ на станціи, или немножко повнимательнѣе.»

И началъ Иволгинъ обдумывать, какую принять осанку и какую повести рѣчь, являсь къ Сагайдачному. Онъ выпрямился на сѣдлѣ, и рука его машинально поднялась, чтобы застегнуть сюртукъ на верхнюю пуговицу и обнаружить *virtuti militari*. Но вспомнилъ онъ, что въ столицахъ у людей новаго вѣка ордена имѣютъ иное значеніе.

«Нѣтъ, произнесъ онъ мысленно, лучше явлюсь къ нему человѣкомъ современнымъ, безъ всякихъ внѣшнихъ украшеній. Пусть онъ видитъ по моему тону и осанкѣ, что находится въ присутствіи представителя благороднаго дворянства. Милостивый государь! вы нарушили правила честности... Нѣтъ, это не годится. Это дастъ ему право вспыхнуть чувствомъ оскорбленнаго достоинства и наговорить мнѣ дерзостей. Кто не побоялся обидѣть такого человѣка, какъ майоръ, тотъ ничего не побоится. Всего лучше съ холодною учтивостію вручить посланіе, которое скажетъ само за себя. А между тѣмъ возьмемъ мѣры противъ ночнаго выѣзда въ Петербургъ. Они вѣдь мастера на это, чтобы накуралесить и ускакать въ свой притонъ, на край свѣта. Поди отыскивай его въ болотѣ!»

Но какая-то робость овладѣла Иволгинымъ, когда передъ нимъ показался изъ-за горы хуторъ Сагайдачнаго, — та робость, которою сопровождается сознаніе своего ничтожества въ присутствіи человѣка сильнаго. Напрасно онъ одушевлялся правомъ дворянскаго равенства: ему было какъ-то не по себѣ, точно онъ подѣзжать къ дому новаго для него князя или графа, не зная напередъ какъ его встрѣтятъ. Иволгинъ отъ всей души ненавидѣлъ Сагайдачнаго, но презирать его не могъ. Въ донъ-жуановскомъ его успѣхѣ онъ видѣлъ новое доказательство его превосходства. Осуждая его во имя честности, онъ лицемерилъ передъ самимъ собою: онъ пожалуй согласился бы быть на его мѣстѣ. Онъ завидовалъ ему вгайнѣ, онъ почти уважалъ его за сближеніе съ майорскою племянницею, понятное имъ въ самомъ грубомъ смыслѣ; но подавлялъ въ себѣ эти чувства и насильно вызывалъ другія, противоположныя. Трудно опредѣлить, гдѣ въ немъ оканчивалась искренность, и гдѣ начиналось лицемеріе. Иволгинъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые

въ душѣ не называютъ порока добродѣтелью, но готовы служить и недостойному, и благородному дѣлу почти безразлично, смотря по тому, въ какую сторону увлечетъ ихъ эгоизмъ. Чтобы сдѣлаться замѣчательнымъ негодяемъ, не доставало ему нѣкоторыхъ преимуществъ передъ прочими смертными; чтобы сдѣлаться человѣкомъ достойнымъ, не доставало ему твердыхъ основаній нравственности. Робость и неумѣнье обдѣлать смѣлое дѣло удерживали его отъ вопіющихъ преступленій; безсиліе ума и воли дѣлали его шаткимъ во всемъ, что называется поступкомъ честнымъ. Что касается до сердца, то полковой командиръ его, добрякъ по природѣ, но матеріалистъ по понятіямъ, называлъ сердце дуракомъ. Товарищи по службѣ всякое нѣжное или пылкое чувство дѣлали предметомъ анекдотовъ. Иволгинъ привыкъ ставить чистыя внутреннія свои движенія ни во что, стыдился въ нихъ признаваться; а между тѣмъ ограниченность его ума и бѣдность внѣшнихъ достоинствъ были причиною, что не обратила на него вниманія ни одна достойная женщина, которая бы истолковала ему собственную его душу, внеся въ нее свѣтильникъ любви. Онъ сталъ кивался только съ куклами, которыхъ маменьки торопили выходить замужъ, и безцвѣтно, однообразно, какъ столбовая дорога, пронеслась его молодость, и лучшимъ его воспоминаніемъ осталось то, что въ ней было худшаго, — растрата силъ въ ночныхъ сидѣньяхъ за карточнымъ столомъ, въ тяжелыхъ похмѣльяхъ послѣ пирушекъ и въ наслажденіяхъ чисто-матеріальныхъ.

Казалось бы, что человѣку, взявшемуся за дѣло чести, нечего робѣть передъ виновнымъ въ ея нарушеніи. Казалось бы, что человѣку, вступившемуся за обиженную женщину и оскорбленнаго пріятеля, подобало исполнить свою роль съ непоколебимымъ присутствіемъ духа. Казалось бы, что дворянину, сознающему достоинство своей породы, какъ нѣчто не подлежащее даже власти самой фортуны, слѣдовало показать здѣсь отличіе свое отъ мужика, у котораго, по его же опредѣленію, не можетъ быть дворянской рѣчи и гордой поступи и смѣлаго взгляда. Казалось бы, что нечего ему бояться передъ съякшавшимся съ мужиками школьникомъ, что смѣшно выйдетъ все, что тотъ ему ни скажетъ, и nebudeтъ клеиться его разговоръ съ разговоромъ петербургскаго пройдохи. Но не будучи, такъ сказать, сыномъ черни, Иволгинъ чувствовалъ себя однакожь не на своемъ мѣстѣ; точно взглядъ Сагайдачнаго одаренъ былъ таинственною силою,

уничтожающею всякое внѣшнее различіе сословіи и уравнивающею людей по достоинствамъ, чисто человѣческимъ. Но вступаясь за обиженную женщину и оскорбленнаго друга, онъ сознавалъ въ своей душѣ возможность такого же предательства, и противъ своей воли видѣлъ въ Сагайдачномъ мастерѣ дѣла, въ которомъ чувствовалъ себя человѣкомъ несостоятельнымъ. Онъ чуялъ, что будетъ объясняться съ человѣкомъ, имѣющимъ вокругъ себя широкій горизонтъ просвѣщенныхъ понятій, и видѣлъ себя заранѣе лѣнивымъ школьникомъ въ присутствіи учителя. Еслибъ Иволгинъ сохранилъ отъ природы и воспріялъ изъ жизни искренность и чистоту простыхъ нравственныхъ убѣжденій, какими отличаются многіе простолюдины, то это одно поставило бы его выше образованнаго повѣсы, какимъ былъ въ его глазахъ Сагайдачный. Но въ томъ и дѣло, что его мораль была слишкомъ бѣдна убѣжденіями, что онъ былъ челоѣкъ безъ фундамента, и во всякомъ дѣлѣ, индивидуально имъ предпринятомъ, былъ слабъ и ничтоженъ, какъ неразумное дитя. Всякое мнѣніе, всякій личный отзывъ, въ которомъ не за кого было ему заслониться, наводили на него непонятную робость и неувѣренность въ себѣ, и терялся онъ какъ ученый педантъ на диспутѣ, выступившемъ изъ круга заученныхъ понятій. Онъ еще сознавалъ себя чѣмъ-то, пока, такъ сказать, оставался среди толпы себѣ подобныхъ. Отбившись отъ нея, онъ чувствовалъ себя ничѣмъ. Это поймутъ легко всѣ, кому случалось наблюдать дворянскія единицы на выборахъ, гдѣ, за неимѣніемъ собственнаго мнѣнія, иной дородный членъ благороднаго сословія, помѣстясь за спинками товарищей, гудитъ подъ общій гулъ густымъ басомъ одну безсловесную ноту непонятной для него оппозиціи.

Еслибы Сагайдачный былъ лицо общеизвѣстное въ уѣздѣ, еслибъ Иволгинъ встрѣчалъ его часто въ обществѣ, ознакомился съ его характеромъ и понялъ, что сидитъ внутри этого челоѣка, тогда бы дѣло иное. Онъ, разумѣется, не могъ бы и тогда не видѣть льва въ воспитанникѣ столичнаго общества, не франта льва, а челоѣка иной высшей и такъ сказать правительствующей среды. Но зналъ бы онъ по крайней мѣрѣ, какъ этотъ левъ выпускаетъ когти, и въ какой степени сильна его львиная натура. А теперь, въ его воображеніи стоялъ только челоѣкъ съ холоднымъ выраженіемъ лица, въ которомъ чудились ему какія-то невымолвленные слова, совершенно его

уничтожавшія. Богъ знаетъ, какъ это дѣлалось, только въ этомъ выраженіи лица было что-то невыносимое для Иволгина. Разставшись съ Сагайдачнымъ послѣ встрѣчи на станціи, онъ вздохнулъ свободнѣе и далъ волю оскорбленному своему самолюбію развиться въ ненависть къ новому знакомцу, который не сказалъ ему ничего оскорбительнаго, но уничтожилъ его холоднымъ приѣмомъ его ухарской рекомендаціи. Впечатлѣніе это мало-по-малу изгладилося, до такой степени, что Иволгинъ вызвался самъ доставить Сагайдачному вызовъ на дуэль; теперь оно воскресло во всей силѣ, и онъ раскаялся въ своей рѣшимости. Онъ былъ готовъ повернуть назадъ; но окна стариннаго наслѣдственнаго домика Сагайдачнаго смотрѣли прямо въ степь, по которой онъ къ нему приближался. Хозяинъ могъ давно ужъ его видѣть и узнать. Отступленіе было невозможно.

Обнесенный низенькимъ плетнемъ дворъ былъ пустъ. Заходящее солнце бросило по зеленой его равнинѣ полосы тѣней отъ пирамидальныхъ тополей и отъ старыхъ хозяйственныхъ построекъ, а въ то же время сверкало зажженными фонарями въ оконныхъ стеклахъ домика, ярко бѣлѣвшаго на темной зелени сада. За домомъ степная высота спускалась къ рѣкѣ, и видно было, что весь дворовый народъ веселился надъ рѣчкой, по случаю праздника. Пѣсни и говоръ неслись оттуда глухимъ концертомъ. Иволгину не у кого было спросить, дома ли хозяинъ; некому было отдать на руки своего коня. Даже собаки ушли со двора вслѣдъ за людьми. Конюшня, сарай съ извѣстною Иволгину краковскою бричкой стояли отворенные, такъ же какъ и двери въ дворовыхъ хатахъ, такъ же какъ и двойная наружная дверь въ домѣ. Дворъ ему не былъ не знакомъ: онъ здѣсь бывалъ въ старые годы безъ всякаго дѣла; такъ, какъ у насъ всѣ одинъ у другаго бываютъ, пососѣдски, хотя отецъ Сагайдачнаго слылъ очень ученымъ человѣкомъ и домохозяиномъ. Эта самая ученость была для многихъ поводомъ къ засвидѣтельствуванію ему почтенія во время обѣда или ранняго хуторскаго ужина; а онъ людей не чуждался и запросто велъ умную бесѣду съ умнымъ и дуракомъ, лишь бы его слушали. «Не таковъ вышелъ сынъ», думалъ Иволгинъ, привязывая у крыльца своего коня. «Этотъ юродствуетъ, прикидываясь мужикомъ, а съ нашимъ братомъ дворяниномъ важничаетъ, какъ начальникъ съ подчиненными. Погоди, погоди!»

Приободрясь, Иволгинъ поправилъ на себѣ поношенный гал-

стукъ, обтянуль внизъ жилеть и твердыми шагами вступилъ въ жилище гордеца. Въ домъ было такъ же пусто, какъ и на дворѣ. Чиканье часовъ звонко раздавалось въ тишинѣ. Иволгинъ прошелъ переднюю, прошелъ другую комнату, заброшенную развернутыми книгами и листами иностранныхъ газетъ; взглянулъ искоса на грамоту, которой немилосердо его учили и которую онъ забылъ отъ всей души. Что-то похожее на страхъ ощутилъ онъ отъ однихъ иностранныхъ начертаній, точно какъ будто не вышелъ еще изъ-подъ опеки строгаго Нѣмца; но глубокое отвращеніе къ нимъ подавило чувство безотчетнаго страха. Онъ поспѣшилъ пройти далѣе, но и далѣе ничего не было, хотя это былъ очевидно центръ жилища Сагайдачнаго. Тутъ стоялъ письменный столъ, покрытый бумагами, а по стѣнамъ висѣли портреты, очевидно вывезенные изъ Петербурга, какъ дорогія воспоминанія. Идти далѣе было неловко. Но изъ кабинета вела въ садъ отворенная дверь. Иволгинъ вышелъ въ садъ. Съ высокой террасы виденъ былъ внизу народъ, занятый то празднымъ сидѣньемъ, то сельскими играми и пѣснями. Сагайдачный, лежа на дерновой скамейкѣ, смотрѣлъ съ высоты на эту простую воскресную сцену и позабылъ читать книгу, которую держалъ въ рукѣ.

Едва успѣлъ замѣтить его Иволгинъ, какъ онъ вскочилъ съ дерноваго дивана и сдѣлалъ къ нему нѣсколько шаговъ навстрѣчу. Иволгинъ очень удивился, не найдя въ его лицѣ и слѣда того выраженія, которое такъ тягостно подѣйствовало на него во время оно. Это было самое простое и самое веселое лицо, какое только онъ встрѣчалъ въ жизни. Подавая ласково руку гостю, Сагайдачный выразилъ нѣкоторое удивленіе, что видитъ его у себя въ домѣ; но ни въ словахъ его, ни въ голосѣ не было замѣтно, чтобъ онъ былъ этимъ недоволенъ. Напротивъ, онъ говорилъ тономъ стариннаго добродушія и гостепрїимства, въ которомъ слышалась благодарность уже за одно желаніе навѣстить его домъ. Еслибы въ словахъ хозяина заключался вопросъ, Иволгинъ поневолѣ объявилъ бы тотчасъ цѣль своего прїѣзда. Но хозяинъ, усадивъ гостя на своемъ диванѣ и замѣчая въ немъ нѣкоторое замѣшательство, своротилъ рѣчь на самого себя и слегка пожаловался на свою уединенную жизнь, въ которой особенно прїятно ему посѣщеніе каждаго сосѣда.

— Извините, сказалъ Иволгинъ,—мы думаемъ о васъ иначе.

— Вы думаете, что я бѣгу людей? подхватилъ Сагайдачный.

— Вы ошибаетесь, очень ошибаетесь.

— Но кто же виноватъ въ этой ошибкѣ? сказалъ Иволгинъ.

— Вы правы, былъ отвѣтъ:—люди судятъ по тому, что видятъ. Но я не способенъ казаться ничѣмъ инымъ. Если я виноватъ въ томъ, что я таковъ, а не иной, то виноватъ неисправимо. И чѣмъ прикажете мнѣ быть инымъ?

Въ этихъ послѣднихъ словахъ послышалось Иволгину какое-то суровое выраженіе. Но ласковый и простой взглядъ хозяина, а главное—удовольствіе, съ какимъ его встрѣтили, расположили его къ свободѣ рѣчи.

— Еслибъ я имѣлъ право на откровенность, сказалъ онъ,— то тутъ же сказалъ бы вамъ... извините, что не имѣю чести знать вашего имени и отчества.

Иволгинъ лгалъ; онъ зналъ весь уѣздъ по имени и отчеству, но ему хотѣлось выиграть время, чтобы хорошенько сложить въ умъ фразу.

— Имя мое не трудно помнить, Иванъ Ивановичъ. Позвольте же мнѣ называть васъ по имени и отчеству.

— Капитонъ Павловичъ, къ вашимъ услугамъ, сказалъ съ легонькимъ поклономъ Иволгинъ, начиная развертываться въ искусствѣ быть съ людьми высшаго сорта, въ его любимомъ и единственномъ искусствѣ. Онъ былъ предобрый малый, когда попадалъ въ свою колею, когда высшіе не уничтожали его безошадною неприступностію и подпускали къ себѣ настолько, чтобъ ему можно было этимъ гордиться передъ другими. Онъ уже позабылъ свою вражду къ Сагайдачному и готовъ былъ сдѣлаться его покорнѣйшимъ слугою. Онъ родился среди слугъ, слугами выкормленъ, отъ слугъ получилъ первыя основанія характера и долженъ былъ умереть съ расположеніемъ служить всему, что побогаче и познатнѣе; служить безкорыстно и ревностно, какъ служатъ иные люди инымъ высшимъ предметамъ почитанія.

— Вы имѣете полное право на откровенное мнѣніе, Капитонъ Павловичъ, сказалъ Сагайдачный, продолжая прерванную рѣчь.

— Благодарю васъ за честь, которой меня удостоиваете, сказалъ Иволгинъ съ самымъ умильнымъ наклоненіемъ головы.

— Итакъ, я прямо скажу вамъ: всѣ мы, ваши сосѣди, те-
ряемся въ догадкахъ насчетъ васъ и вашего образа жизни.

— То-есть?

— То-есть... то-есть...

Иволгинъ замаялся и подумалъ: «что если однимъ словомъ испорчу все? Но такъ и быть!»

— Ужь вы меня извините, если моя откровенность перейдетъ границы. Здѣсь, въ провинціи, мы привыкли объясняться напрямикъ. Я напередъ прошу извиненія.

— Можете быть совершенно спокойны. Пожалуйста не стѣсняйтесь моею щекотливостію, Капитонъ Павловичъ.

— Въ такомъ случаѣ знайте, Иванъ Ивановичъ, что вы намъ кажетесь... разумѣется, человѣкъ съ такою ученостію, съ такимъ знаніемъ свѣта, все это мы очень понимаемъ; но вы намъ кажетесь недюдимомъ.

— Съ чего вы это взяли? спросилъ спокойно Сагайдачный.

— Какъ же? помилуйте!.. Но позвольте мнѣ быть вполнѣ искреннимъ.

— Вы доставите мнѣ истинное удовольствіе.

«Вотъ чудесное объясненіе! подумалъ Иволгинъ. Вѣдь никто не повѣритъ, что я взялъ его на исповѣдь!»

— Вы ни у кого не появились въ домѣ, Иванъ Ивановичъ, сказалъ онъ робко, глядя въ лицо Сагайдачному какъ-то снизу.

— Этого вы не можете сказать. Я былъ у Горицкѣвътовъ, былъ у Сомченка.

— То люди не нашего прихода, Иванъ Ивановичъ.

— Что вы подъ этимъ разумѣете?

— То, что не водятся они съ нами—и тоже слывуть недюдимами.

— А почему же они съ вами не водятся? позвольте спросить.

— Да такъ; различіе жизни, различіе привычекъ. Они живутъ на свой образецъ и ни во что ставятъ общественные обычаи. Ужь вы меня извините, Иванъ Ивановичъ.

— Въ чемъ же состоитъ у васъ общественный обычай?

— Въ чемъ? да въ томъ, чтобы какъ одинъ, такъ и другой. У одного пулъка, и у другаго пулъка. У одного сегодня пирушка, а завтра у другаго. Все это такое общежитейское; на этомъ вѣдь свѣтъ стоитъ, какъ вы себѣ хотите. Вотъ и у князя, когда соберутся сосѣди, тотчасъ разставятъ столы, и его сіятельство самъ удостоиваетъ дѣлать партію съ почетнѣйшими сосѣдями.

— А если они не любятъ картъ? если для нихъ обѣдъ и ужинъ послѣднее дѣло?

— Ну, нѣтъ; извините меня, это Богъ знаетъ что! это гордость! это нелюдимость!

— Могу васъ увѣрить, что не гордость, не нелюдимость, а просто тягость.

— Да чтò же по вашему дѣлать людямъ сойдясь, вмѣстѣ?

— То, что мы дѣлаемъ съ вами теперь. Развѣ это нелюдимость, если мы прїѣзжаемъ одинъ къ другому для того, чтобы видѣть и слышать, чтò дѣлается въ домѣ, чтобы сообщить кое-что отъ себя, чтобы узнать кое-что отъ другихъ?

— Но они вовсе перестали являться у сосѣдей, Иванъ Ивановичъ!

— Потому что ихъ угощаютъ карточными столами да длинными обѣдами.

— Неужели потому только?

— Могу васъ увѣрить. Я по себѣ это знаю. Смотрите: они у меня бываютъ, я у нихъ бываю. Какіе же мы нелюдимы?

— Ужь когда пошло на откровенность, Иванъ Ивановичъ, такъ я вамъ еще скажу одно.

«Право, онъ совсѣмъ не такой чортъ, какъ я его расписывалъ!» подумалъ между тѣмъ Иволгинъ про себя

— Говорите, что вамъ угодно, сказалъ Сагайдачный.

— Трудно мнѣ это высказать, Иванъ Ивановичъ, но я выскажу. Я вамъ докажу, чтò значить искренность. Вы чловѣкъ ученый, это мы давно знаемъ. И эти господа—люди просвѣщенія высшаго. Какъ сойдетесь вы, то, я думаю, такія вещи другъ другу сообщаете, о которыхъ мы, по вашему, недостойны и слышать. Если такъ оно въ самомъ дѣлѣ, то позвольте вамъ сказать, что вы насъ обижаете. Вѣдь почему нашъ братъ оживляется только за картами или за обѣдомъ? почему онъ любитъ выпить лишнее? знаете почему? сказать вамъ почему?

Сагайдачный въ свою очередь подумалъ, что Иволгинъ все не такая дрянь, какою показался съ перваго взгляда, и что въ немъ таятся понятія высшія, можетъ-быть случайно гдѣ-нибудь захваченныя и потомъ брошенныя, какъ что-то негодное для жизни.

— Потому, продолжалъ Иволгинъ, наклонясь къ нему съ таинственнымъ видомъ,—что между нами нѣтъ умныхъ людей; ей Богу! Вотъ былъ вашъ покойный батюшка. Вѣдь у него пушки не водились, и ѣздили къ нему не для обѣдовъ, право нѣтъ, а просто, чтобы послушать умной бесѣды. Еще прошу у васъ позволенія сказать одно слово. Не примите этого за

упрекъ, но я думаю, что люди, подобные вамъ, сами не замѣчаютъ своей гордости. Вѣдь вы всѣ, господа, всѣ, которые схватили что-называется цвѣтъ просвѣщенія, всѣ вы не въ мѣру горды къ нашему брату. Ужь вы меня извините.

Упрекъ былъ сдѣланъ вовремя. Сагайдачный былъ заинтересованъ, что скажетъ еще Иволгинъ, и просилъ его продолжать.

«Чортъ возьми, думалъ Иволгинъ, когда бы удалось мнѣ подцѣпить его въ нашъ кругъ! Князь—это китъ-рыба, плаваетъ въ океанѣ; а этого бы, кажись, можно.»

— Видите ли, Иванъ Ивановичъ! продолжалъ онъ,—вы удаляетесь отъ насъ потому, что мы вѣчно заняты картами, вѣчно сидимъ за обѣдами или разводимъ по полу ногами подъ музыку. Оно такъ, да это только одинъ предлогъ, ей Богу предлогъ! ужь вы меня извините. Вамъ просто не хочется поскучать какую-нибудь минуточку для нашего брата. Вы любите, чтобы васъ пріятно занимали; а гдѣ скучно, оттуда вы бѣжите. Вѣдь это эгоизмъ, какъ вамъ угодно. Я хоть и не мудрецъ, но кое-что смекаю. Скучно вамъ, этого съ васъ и довольно, чтобы убѣжать изъ общества. Что же, еслибы всѣ такъ дѣлали? Тогда бы всякое общежитіе исчезло. А по нашему, такъ оно иначе слѣдуетъ. Я не смѣю васъ учить, но сказать свое мнѣніе, скажу.

«Да онъ вовсе не глупъ!» подумалъ Сагайдачный и слушалъ внимательно.

— По нашему, продолжалъ Иволгинъ, — когда ты человѣкъ просвѣщенный, когда ты много читалъ и видалъ, то покажи это передъ обществомъ и заставь его слушать свои рѣчи.

— Да какъ заставить, Капитонъ Павловичъ? Вѣдь иное общество охотнѣе станетъ разсуждать о чужомъ богатствѣ и чинахъ, чѣмъ о самомъ интересномъ для меня предметѣ.

-- И о богатствѣ потолкуетъ, и вашихъ умныхъ рѣчей послушаетъ. А вы думаете, что васъ не станутъ слушать? Да поведите только отъ души рѣчь, изъ-за картъ встанутъ и соберутся въ тотъ уголокъ, гдѣ вы будете говорить, ей Богу правда! Ахъ Боже мой! Да мы вовсе не такъ глупы, какъ кажемся; но что же намъ дѣлать? умные наши люди развѣзжаются по большимъ городамъ, или запираются въ свои кружки; мы и остаемся съ однимъ только преферансомъ, да съ водочками, да съ закусочками, да съ танцами, да съ нарядами. Иной изъ вашей братьи заглянетъ къ намъ: фи, чѣмъ они заняты! и уходитъ, или молчитъ, считая насъ не стоящими умной рѣчи; а не то самъ са-

дятся за карты, воображая, что мы ни къ чему больше не способны. А вы попробуйте быть съ нами тѣмъ, что вы есть, заговорите отъ души, мы отъ души васъ и послушаемъ.

— Что жь въ этомъ пользы для меня и для тѣхъ, которые станутъ меня слушать?

— Понимаю, что вы хотите сказать! Вамъ дескать не корысть высказываться, не получая ничего отъ нашего брата. Не правда ли?

— Правда, только не совсѣмъ. Дѣло въ томъ, что мой взглядъ на жизнь со всѣмъ иной, чѣмъ у вашего общества, при всемъ къ нему уваженіи.

— Такъ что же? Дайте намъ понятіе, какіе бываютъ взгляды на жизнь. Можетъ-быть, и мы станемъ смотрѣть кой на что иначе; а если нѣтъ, то все же вы свой взглядъ приобрѣли не для того, чтобъ его скрывать отъ всѣхъ.

— Мой взглядъ покажется дикимъ и, кромѣ бесполезныхъ пересудовъ, ни къ чему не поведетъ.

— Вотъ она гордость-то! сказалъ Иволгинъ, совершенно обознавшись съ Сагайдачнымъ. — А вы бы хотѣли, чтобы за вами тотчасъ такъ и послѣдовали! Этого вы отъ насъ не ждите, напередъ вамъ скажу. Меня, напримѣръ, никто уже не передѣлаетъ; но когда отъ меня отворачиваются, — это обидно, не къ вамъ будь сказано. А обижать нашего брата не слѣдуетъ вамъ. Съ этимъ, я думаю, вы согласитесь.

— Отъ всей души.

«Знай нашихъ! подумалъ Иволгинъ, аплодируя себѣ умственно. Вѣдь не повѣрятъ, что я училъ Сагайдачнаго уму-разуму!»

— Согласитесь же и съ тѣмъ, продолжалъ онъ, — что мы имѣемъ даже право на ваше вниманіе и на ваше время. Хотите знать, почему?

— Сдѣлайте одолженіе!

— Вотъ почему. Вы принадлежите къ нашему сословію. Ваши родители съ нами хлѣбъ-соль водили. Неужели мы съ того времени слишкомъ ужь упали? Мы все тѣ же; брезгать нами не за что. А вы ужь извините меня, неужто вы слишкомъ выше вашихъ родителей? Разница тутъ, я полагаю, больше въ добродушіи. Тамъ мнѣ кажется.

«Да онъ просто умница!» воскликнулъ мысленно Сагайдачный.

— Мы провинціалы, слова нѣтъ, продолжалъ одушеваясь

Иволгинъ, — мы не бываемъ въ вашихъ клубахъ, въ вашихъ столичныхъ кружкахъ. Но мы водимъ знакомства съ тѣми, которые бываютъ. Не дальше какъ сегодня обѣдалъ я у князя Великдана.

«Ну, теперъ понесеть чепуху», сказалъ мысленно его слушатель.

— Князь Великданъ—человѣкъ знаменитый, вы съ этимъ согласны, или нѣтъ? скажите!

И Иволгинъ, откинувшись нѣсколько въ сторону, смотрѣлъ съ увѣренностію на Сагайдачнаго.

— Это зависитъ отъ взгляда на него, отвѣчалъ тотъ сухо.

— Помилуйте! какой тутъ взглядъ? вельможа, государственный мужъ... Тутъ ужъ какой хотите взглядъ бросайте, а величіе предмета поражаетъ невольно. Мы, уѣздные дворяне, отдаемъ должное каждому. Мы цѣнимъ, напримѣръ, въ васъ высокое просвѣщеніе... ужъ извините меня за откровенность. Не можемъ не цѣнить и государственныхъ заслугъ...

— И все по одному предположенію, сказалъ Сагайдачный; и лицо его приняло холодное выраженіе, о которомъ позабылъ было Иволгинъ.—Съ чего вы взяли высокое просвѣщеніе? Въ чемъ вы его видите? Развѣ въ томъ, что я сижу дома да читаю газеты? Точно такъ вы судите и о государственныхъ заслугахъ. На комъ увидите блестящую цацку, тотъ у васъ и государственный мужъ. Все одинъ видъ, все призраки дѣла, а самого дѣла никто не хочетъ видѣть.

Замѣтно было, что Иволгинъ дотронулся до больнаго мѣста въ душѣ своего новаго пріятеля. Онъ молча внималъ неожиданной рѣчи и не зналъ, чтѣ думать, чтѣ сказать.

— Государственный мужъ! продолжалъ Сагайдачный. — Да знаете ли вы этого государственнаго мужа съ дѣтства?

— Зачѣмъ намъ знать? робко проговорилъ Иволгинъ.

— Затѣмъ, чтобъ понимать, способенъ ли былъ онъ сдѣлаться правителемъ другихъ, будучи самъ, отъ пеленокъ, марьйонеткою?

— Я васъ не понимаю, Иванъ Ивановичъ! Ужъ вы меня извините; но предметъ, столь возвышенный, и вашъ о немъ такой отзывъ! Вы, можетъ-быть, хотите испытать меня. Но мои правила непоколебимы. Мы, уѣздные дворяне, отдаемъ должное каждому.

— Чтѣ вамъ на это сказать? Отвѣчайте же мнѣ на мой вопросъ: есть между вами такой человѣкъ, который бы съ дѣт-

ста былъ мазунчикомъ, а потомъ лѣнтяемъ, а потомъ повѣсою, а потомъ обжорой или пьяницей?

«Чортъ возьми! ужь не мой ли это портретъ!» подумалъ Иволгинъ, но отвѣчалъ однакожь:

— Есть, и очень много! Да что тутъ правду скрывать? мы почти всѣ такіе!

— Представьте же, еслибы кого-нибудь изъ васъ мазали по губамъ не домашними дешевыми, а самыми дорогими, выписанными лакомствами; что въ этомъ достойнаго уваженія?

— Да, ничего, правду сказать.

— Представьте, еслибъ онъ лѣнился не у плохихъ, а у самыхъ лучшихъ гувернеровъ; неужели это достойно уваженія?

— Нисколько, Иванъ Ивановичъ; я съ вами совершенно согласенъ.

— Представьте, еслибъ онъ потомъ повѣсничалъ на паркетъ, а не на простомъ полу; развѣ это черта благородная?

— Ну, разумѣется, сказалъ Иволгинъ, — тамъ въ самыхъ проказахъ юности должно быть что-то деликатное. Ужь этакой человѣкъ не присосѣдится къ какой-нибудь замарашкѣ...

— Тѣмъ хуже для него! тѣмъ утонченнѣе развратъ! тѣмъ глубже входитъ онъ въ нравы и обычаи! воскликнулъ Сагайдачный.

«Ого! подумалъ Иволгинъ. Да ты братъ моралистъ отличный! Но почему же самъ ты не удовольствовался граціями собственнаго хутора?»

— Быть по вашему! сказалъ онъ, желая знать, къ чему клонить рѣчь недоступный для него собесѣдникъ. — Вы, люди просвѣщенные по-европейски, вамъ и книги въ руки.

— По-европейски! повторилъ Сагайдачный, слегка передразнивая Иволгина. — Это повторяютъ всѣ, а сами живутъ и мыслятъ, какъ Азіятцы! Вы меня извините, Капитонъ Павловичъ: я говорю не о васъ, а о цѣлой массѣ крещенаго нашего люду, у котораго на языкѣ одно, а въ жизни другое. Представьте же, дабѣ, что этого повѣсу отъ его легкой жизни переносятъ въ жизнь, требующую ума серіознаго, опыта строгаго, нравовъ чистыхъ... Вы меня понимаете?

— Надѣюсь, что понимаю. Вы говорите объ этакихъ государственныхъ интересахъ...

— Ну, хоть бы просто объ управленіи столомъ, въ которомъ готовятся дѣла къ законному рѣшенію. Какъ вы думаете? много онъ дѣла сдѣлаетъ? много способенъ онъ сдѣлать?

— Признаюсь вамъ, Иванъ Ивановичъ, я никогда объ этомъ не думалъ. Послѣ пансіона Генриха Христофоровича я гнушался даже и думать обо всемъ, что пахнетъ перомъ и чернилами.

— А я такъ думалъ. Я самъ былъ помощникомъ этакого столоначальника, и съ моихъ плечъ онъ махнулъ на такое мѣсто, гдѣ не работаютъ, а только заставляютъ другихъ работать.

— Это и лучше для него, Иванъ Ивановичъ; это больше согласно съ аристократическимъ происхожденіемъ. А сидѣть надъ бумагами...

— Да не въ томъ дѣло. Поймите меня ради Бога! Слушайте далѣе!

Иволгинъ присмирѣлъ, какъ передъ учителемъ, и оправилъ на себѣ жилетъ.

— Вѣдь этому мазунчику, лѣнтяю и повѣсѣ, этому титулярному столоначальнику и праздному чиновнику высшаго разряда, не далеко до звѣзды... Вотъ вамъ и государственный мужъ! Теперь скажите, почему вы больше питаете къ нему почтенія, чѣмъ къ своему брату помѣщику, который, можетъ-быть, лучше воспитанъ родителями, больше кой-чего почерпнулъ отъ науки, лучше провелъ молодость и обдѣлалъ не одно дѣло на службѣ собственнымъ умомъ, собственными трудами?

«Ай, ай, ай! воскликнулъ мысленно Иволгинъ. Ну, братъ, молодчина ты! этакъ обнажить до нага аристократа! разоблачить до ничтожества! Да и смѣлости мало у этого человѣка! такъ и рубить съ плеча! Погоди однакожь!»

— Иванъ Ивановичъ! сказалъ онъ, — вы правы съ своей точки зрѣнія. Но скажите, почему же всѣмъ такимъ важнымъ людямъ оказывается всеобщее уваженіе? Почему, напримѣръ, сами вы адресуете письма, извините, нельзя же этого намъ не знать, превосходительнымъ и сиятельнымъ?

— Я знаю тѣхъ людей коротко, съ которымъ адресую письма, а вы своего князя Великдана знаете столько же, какъ и турецкаго пашу. Вы поклоняетесь не человѣку съ достоинствами государственнаго мужа, а тому, что для васъ кажется документомъ его заслугъ. Не правда ли? Вотъ вы сегодня были у него за обѣдомъ. О чемъ тамъ говорили?

— Да о чемъ? ну, обо всемъ. Разговоръ всего касался.

— Только развѣ что касался. Но еслибы вы захотѣли узнать отъ князя хоть одну статистическую цифру о вашей общей родинѣ, онъ бы васъ отослалъ къ другому. Онъ знаетъ только

цѣры своихъ доходовъ. Еслибы вы заговорили объ исторіи края, онъ бы наговорилъ вамъ общихъ мѣстъ и именъ безъ историческаго характера. Еслибы понадобилось вашему князю опредѣлить какой-нибудь юридическій фактъ по существующимъ законамъ, онъ, безъ своего секретаря, сталъ бы втупикъ. А, вѣрно, говорили объ австрійскомъ кабинетѣ, о новой оперѣ, о достоинствѣ винъ. Это такъ, въ этомъ ихъ рѣчи неистощимы.

— Извините, Иванъ Ивановичъ, вы ошибаетесь. Говорили о предстоящей реформѣ, и князь очень глубокомысленно доказывалъ, что у насъ рано еще приступать къ рѣшительнымъ мѣрамъ. И я съ нимъ согласенъ. Вѣдь нашъ мужикъ...

— Та-та-та! попали пальцемъ въ небо! Онъ мужика нашего знаетъ столько же, какъ и исторію своего народа. Рано, конечно рано! зачѣмъ нарушать бытъ, къ которому такъ всѣ привыкли!

«Ну, чортъ его знаетъ, что теперь и сказать ему! подумалъ Иволгинъ. А вѣдь умно, бестія, говорить. Какъ бы не пере-забыть его выраженія!»

— Послушайте! знаете, что значитъ нашъ простой классъ народа? спросилъ Сагайдачный.

— Какъ намъ знать? сказалъ машинально Иволгинъ. — Вы люди европейскаго образованія...

— Да Богъ съ нимъ, съ этимъ образованіемъ! оно и то ужъ оторвало насъ отъ народа!

— Что же, по вашему, простой народъ нашъ?

— Это единственное самостоятельное у насъ общество.

— Какъ это?

— Такъ; только въ этомъ обществѣ, при всей его неразвитости, живутъ еще коренные наши нравы, не перемѣшанные ни съ чѣмъ чуждымъ, несвойственнымъ нашей славянской природѣ.

— Что жъ въ этомъ, Иванъ Ивановичъ? Намъ съ простолюдинами не жить, намъ съ ними не родниться.

— Слѣдуетъ жить, слѣдуетъ родниться!

— Неужели?

— Да; въ простолюдинѣ скорѣе найдешь вѣрнаго, искренняго и живаго человѣка, чѣмъ въ кругу вашего государственнаго мужа. У простолюдина есть еще дружба, есть любовь, которой не поколеблютъ никакіе разчеты и отношенія.

«Что это онъ разказываетъ! размышляя Иволгинъ, глядя на Сагайдачнаго, который, попавъ на свою струну, говорилъ съ

увлеченіемъ юноши. Недавно еще разсуждалъ такъ остро умно... Или онъ меня морочить?»

— Да какъ же съ ними жить, Иванъ Ивановичъ? Вѣдь не посадите же вы мужика рядомъ со мною?

— Отчего не посажу, если онъ того будетъ стоить?

— Если... въ томъ-то и дѣло, что *если!*

— А вы думаете, что для меня пріятнѣе сидѣть рядомъ съ баричемъ, который во всю жизнь не занимался ничѣмъ серьезно? Мужикъ поведетъ со мной практическую рѣчь о хозяйствѣ, о промыслахъ; а съ тѣмъ развѣ объ устрицахъ, да о танцовщицахъ говорить?

— И все-таки жить съ мужикомъ не приходится...

— Да что вы называете жизнью? Обмѣнъ мыслей и чувствъ; вотъ жизнь, а не то, чтобъ объѣдаться за однимъ столомъ или дружить въ пустыхъ забавахъ.

— Но вы сказали также и *родниться...*

— А почему же нѣтъ? Почему, напримѣръ, мнѣ не жениться на простой дѣвушкѣ, у которой душа ангела? Неужели потому, что она не знаетъ о существованіи французской литературы и поетъ однѣ народныя пѣсни? Неужели потому, что она больше смыслитъ въ кухонныхъ дѣлахъ, нежели въ нравахъ и обычаяхъ такъ-называемаго высшаго общества?

— Я, право, теряю голову отъ вашихъ рѣчей, Иванъ Ивановичъ, сказалъ Иволгинъ, взявшись за лобъ.—Въ короткое время вы мнѣ наговорили столько разнообразныхъ вещей! Наконецъ, пришли ужъ къ женитьбѣ на простой дѣвушкѣ. Что же это было бы? свѣта преставленіе, что ли?

— Напротивъ, утвержденіе здраваго смысла хоть въ одномъ семействѣ.

«Ну, философъ! не даромъ я прозвалъ его философомъ! подумалъ Иволгинъ. То-то будетъ, что поразказать сосѣдямъ!»

— Да кого же вы видѣли изъ порядочныхъ людей, чтобы женился на простой дѣвушкѣ? Вѣдь это дѣлается, знаете, въ какихъ случаяхъ.

— Да самъ я женюсь на простой дѣвушкѣ! сказалъ, не слушая его, Сагайдачный.

— Что? что вы сказали? спросилъ, приподнимаясь на своемъ мѣстѣ, Иволгинъ.—Вы сами женитесь?

— Да.

— На простой дѣвушкѣ?

— На простой, едва грамотной Малороссіянкѣ. Вы знаете племянницу майора Душнина?

Иволгинъ вскочилъ съ своего мѣста.

— Такъ это не шалость? сказалъ онъ. — Вѣдь я васъ видѣлъ съ нею?

— Знаю. Потому-то я и объявляю вамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! А я привезъ вамъ отъ майора...

Иволгинъ остановился.

— Что вы привезли?

— Ну, проговорился, такъ нечего дѣлать! Я привезъ вамъ отъ майора вызовъ.

— Какой вызовъ?

— Майоръ хочетъ съ вами стрѣляться. Онъ узналъ о нашемъ знакомствѣ и думаетъ, что вы того... что вы такъ... какъ всѣ.

— Досадно, очень досадно! сказалъ Сагайдачный. — Ахъ, Боже мой! какъ это должно его встревожить! Это подѣйствуетъ ужасно на его здоровье!

— Вотъ вамъ собственное его рукописаніе.

— Такъ и есть! сказалъ, прочитавши записку Сагайдачный. — Извините меня, я долженъ сію минуту къ нему ѣхать! Я успокою его! Одно мое слово спасетъ его отъ ужасныхъ мученій.

— Счастливой дороги! отъ всего сердца счастливой дороги! сказалъ Иволгинъ, и пожатіе руки его было на этотъ разъ искреннее. Сагайдачный очаровалъ его своею простотой, своею ласковостью и откровеннымъ тономъ разговора. Онъ простилъ ему все; онъ гордился новымъ знакомствомъ. Онъ позабылъ даже его сужденія о князѣ, рѣзкія сужденія, которыя въ душѣ считалъ непростительнымъ вольнодумствомъ. — Я удалюсь сію минуту, сказалъ онъ, — но позвольте мнѣ оставить за собой право посѣщать васъ.

— Вы будете всегда приятнымъ гостемъ, если только васъ не оскорбляетъ рѣзкій тонъ моихъ сужденій. Я не умѣю говорить иначе. Но я смотрю на каждого, какъ братъ на брата, особенно у себя въ домѣ.

Съ тѣмъ они разстались.

«Итакъ не будетъ кровопролитія! думалъ уѣзжая Иволгинъ; да и лучше. Къ чорту лишнюю суматоху! Но какъ же князь теперь?... Ускользнула изъ рукъ добыча!... Ахъ, ваше сіятельство! и съ вами случаются неудачи!... Какой, однакожь, счастливецъ этотъ Сагайдачный! Долговъ никакихъ; денегъ бездна; умъ смѣ-

дый,—все ему ни почемъ; князей подвергаетъ критическому разбору.... еще и жена красавица! Вѣдь онъ въ одинъ годъ вышколить ее лучше всякой гувернантки.... Надобно, однакожь, утвердить у него позицію. Какъ бы то ни было, человекъ европейскій: всѣ Петербургцы—въ одно слово, это не пустяки. Не усидить онъ въ хуторѣ и, чего добраго, еще воротится къ намъ со временемъ на губернаторство.... Теперь въ самомъ дѣлѣ подулъ какой-то новый вѣтеръ, и такіе люди подняли какъ-то головы.... Надобно повѣстить Мазницына. То-то будетъ бѣсноваться и бранить либераловъ! А втайнѣ будетъ завидовать моему сближенію съ Сагайдачнымъ.... Да, Сагайдачный точно счастливецъ!... А ты, голова моя безпріютная! кто же тебя приголубить?»

VIII.

Майоръ сидѣлъ одинъ въ своей квартирѣ и упорно отказывался отъ бесѣды своихъ хозяйшекъ, которыя напрасно пытались усѣсться въ его холостомъ жилищѣ и завлечь его въ разговоръ. Онъ объявилъ имъ напрямикъ, что желаетъ остаться одинъ, и велѣлъ имъ идти въ свою хату. Не весело было въ хуторѣ Майоровщинѣ. Въ это воскресенье никто изъ пріятелей-козаконъ не явился въ гости, какъ бывало прежде, потому что въ сосѣднемъ мѣстечкѣ была большая ярмарка. Парася исходила весь садъ и хуторъ, какъ будто кого-то поджидая. Но пріѣхалъ только противный для нея Иволгинъ, и она не показала ему на глаза даже издали. Все время, какъ онъ сидѣлъ у майора, она проговорила съ матерью, которая придумала наконецъ способъ вывѣдать у нея всѣ обстоятельства ея сближенія съ Сагайдачнымъ. И радовали, и ужасали козацкую вдову откровенныя рѣчи дочери, которая, чтобы скрыть свое смущеніе, не разъ бросалась къ ней на шею и, взволновавшись отъ избытка счастья, обливала ее радостными слезами. Отвѣчая на ласки дочери ласками, недовѣрчивая козачка твердила мысленно: *Хорошій панъ, а все панъ!* какъ часто говорить нашъ простолюдинъ. Богъ знаетъ, какъ это кончится. Душа у нихъ, у этихъ панонъ, бездонная: они и сами не знаютъ, что тамъ кроется. Можетъ-быть, это только забава. Можетъ-быть, ему только кажется, что онъ полюбилъ красивую дѣвушку такъ, какъ и люди. А завернетъ случайно къ сосѣду, и вытѣснятъ панночки изъ пан-

ской души мою Парасю. Но что же мнѣ съ ними дѣлать? какъ уберечь ихъ счастье? Страшно людскаго поговору.... А онъ будетъ ѣздить да ѣздить. Не сказать же ему: *присылай старостовъ!*... У нихъ все такъ деликатно, что мать ничего не значить между женихомъ и дочкою.... Все у нихъ на благородной ногѣ: хоть бы именно губилъ человѣкъ невинную душу, никто не смѣетъ вмѣшиваться. И сказать и намекнуть ему нельзя, чтобы не ѣздилъ, чтобы не часто ѣздилъ. Какъ ему это скажешь? какъ съ нимъ о такомъ заговоришь? Паны долго женихаются, да мало съ того выходитъ добра. Нѣтъ, худо, таки худо я сдѣлала, оставивши свою козацкую хату. Тамъ бы вѣрнѣй у меня было дѣло. А тутъ не знаешь, на которую ступить и съ которой стороны за дѣло взяться.»

Такъ размышляла козацкая вдова о счастья, котораго прежде такъ горячо желала. А майоръ, между тѣмъ, мѣрлялъ да мѣрлялъ широкими медленными шагами свою квартиру, и его воображеніе то говорило грозные укоры мнимому оболъстителю Параси, то наводило на него пистолетное дуло, то видѣло его самого истекающимъ кровью, и потомъ, Парася въ свѣжемъ, благоухающемъ вѣнкѣ, представилась ему какъ молодая, прекрасная, но подрѣзанная въ корнѣ жизнь. Вдругъ конскій топотъ и стукъ колесъ разбудилъ его отъ печальныхъ его грезъ. Онъ взглянулъ въ окно,—къ его квартирѣ подѣзжалъ Сагайдачный въ легкой повозочкѣ, самъ правя лошадыю. Озадаченный этимъ явленіемъ, онъ еще не рѣшился, что ему дѣлать, какъ Сагайдачный былъ уже въ свѣтлицѣ.

— Я просилъ васъ къ себѣ завтра, а не сегодня, милостивый государи! сказалъ майоръ, не глядя ему въ лицо, и, повернувшись, ушелъ въ свою спальню и захлопнулъ за собою дверь.

— Майоръ! сказалъ ему сквозь дверь Сагайдачный:—тѣмъ скорѣе я васъ успокою, тѣмъ лучше.

— Завтра, завтра, подѣ Дуковымъ дубомъ, говорилъ не слушающая его майоръ, и слышно было, что онъ быстро ходилъ по комнатамъ, усиленно стуча каблуками.

Въ недоумѣніи остановился Сагайдачный, положила руку на клямку. Войти къ майору въ спальню онъ не смѣлъ; оставить его въ такомъ раздраженномъ состояніи было жаль. Онъ стоялъ и думалъ и ни на что не могъ рѣшиться. Вдругъ онъ почувствовалъ подлѣ себя близость кого-то очень ему близкаго. Онъ оглянулся съ трепетомъ радости и, при блѣдномъ свѣтѣ погасавшаго вечера и при тихомъ сіяніи лампы, отразившейся

въ позодотѣ образовъ, увидѣлъ передъ собою Парасю. Она вошла вслѣдъ за нимъ неслышными шагами, но не поспѣла къ той минутѣ, когда еще звучало послѣднее слово дяди. Она слышала только громкіе его шаги и, видя Сагайдачнаго въ нерѣшимости, тихо увлекла его за руку изъ комнаты.

— Что это значить? спросила она его на крыльцѣ. — Зачѣмъ это ты пріѣхалъ въ такое время?

— Я узналъ, что дядя твой боленъ, отвѣчалъ онъ.

— Онъ боленъ, правда.... Но признайся, что это былъ только предлогъ, *абы замутиться* (1).

— Ну да, ну да! говорилъ Сагайдачный, радуясь, что она сама подсказала ему ложь. — Мнѣ хотѣлось видѣться съ тобою вечеромъ: я привыкъ видѣться съ тобою по вечерамъ.

— И я привыкла, серденько, говорила Парася, — да теперь этого больше не нужно. Мы уже свои, милый мой козаченько! Пойдемъ къ намъ. Я все разказала матусѣ.

— Мы свои! повторилъ онъ машинально, какъ повторяютъ поэтическій стихъ и позволилъ увлечь себя изъ майорской квартиры, не зная, чтò ему тутъ осталось дѣлать.

Мѣсяцъ только-что поднялся надъ лѣсомъ. Тонкая полоска облака перерѣзывала его пополамъ.

— Посмотри, какъ мѣсяцъ подпоясанъ! сказала Парася: — точно хлопчикъ въ чистой сорочкѣ.

А соловьи давно уже завели свои пѣсни, и въ лѣсу раздались первые звуки вечернихъ дѣвическихъ пѣсень.

Влюбленная чета шла тихо черезъ опустѣлый дворъ въ легкихъ сумеркахъ, еще не уступившихъ лунному свѣту. Ободренная безлюдьемъ и сомнительнымъ свѣтомъ вечера, Парася взяла за руку своего гостя, и по ея походкѣ, по повороту къ нему головы, видно было издали, какъ она счастлива. Но Сагайдачный казался печальнымъ, и его движенія выражали внутреннее безпокойство. Парася замѣтила въ немъ что-то небывалое и допрашивала его, пересыпая свою рѣчь тѣми уменьшительными сравненіями, которыя хороши только въ устахъ любящей Малороссіянки.

— Что дядя говорилъ обо мнѣ? спросилъ онъ.

— Ничего, ничего не говорилъ, и не хотѣлъ ничего слышать отъ насъ.

(1) Лишь бы къ случаю привязаться. (Переводъ не точный, по неумѣнью выразиться на другомъ языкѣ.

— То-то и худо!

— Это ничего: онъ всегда молчаливъ, когда бываетъ боленъ. Онъ такой бѣдный человѣкъ, что иногда не можетъ въ болѣзни слышать людскаго голоса. Затѣмъ онъ и живетъ розно съ нами, и мы приставили къ нему для услугъ дѣвочку, тихую какъ кошка. Боже мой! я хоть сама и не была еще больна, но чувствую, что у него въ тѣлѣ дѣлается: у него всякая жилка дрожитъ и болитъ. Вѣдь онъ, говорятъ, весь исколотъ копьями, взрубленъ саблями, пробитъ пулями.

— Представь же, если къ этому еще какая-нибудь тревога!

— Что за тревога! Да у насъ на него и порошина не упадетъ! Ахъ, правда, утормь.... Все эти моды противныя! Когда бы ихъ не было на свѣтѣ, не огорчился бы онъ моимъ нарядомъ. Такъ неужели мнѣ опять надѣвать эти городскія попоны?

— Успокой дядю, *мое коханье*, надѣнь хоть на время...

— Надѣну, надѣну, *серденько!* Для него я наряжусь хоть цыганкою... Но для тебя... я думала, что для тебя то платье дорого, въ которомъ мы *спознались*. И тебѣ больше къ лицу жупанъ и высокій бриль... а еще лучше будетъ зимою высокая козацкая шапка!

Весело лепетала Парася; рѣчи ея лились, какъ пѣсня. А на встрѣчу уже свѣтился огонь въ ея жилищѣ. Гости ждали тамъ съ нетерпѣніемъ и тревогой. Мать Параси вообразила, что Сагайдачный прѣхаль свататься, и мучило ее, что онъ «полагалъ» вѣковѣчный обычай, являсь безъ сватовъ, собственною особой. Она извиняла ему эту *незвычайность*, какъ человѣку высшаго сословія. «Гдѣ имъ тамъ знать, какъ добрые люди живутъ?» размышляла она; но еще разъ пожалѣла, что не осталась въ козацкой хатѣ. «Никто не осмѣлился бы *учинить такой бѣшкетъ* вдовѣ Карташихѣ! нелюдскимъ соромомъ покрывлся бы самый первый на селѣ паробокъ, осмѣлившись торговать у матери дочку!» Такъ она понимала сватовство, не облеченное въ почетный народный церемоніаль. Но напрасно она думала, что Сагайдачный способенъ сдѣлать то, чего не смѣлъ бы сдѣлать ни одинъ паробокъ. Онъ, поздоровавшись съ нею запросто, какъ съ старою знакомой, тотчасъ объявилъ *цѣль* своего прѣзда и спрашивалъ, нельзя ли *ему* увидѣться съ майоромъ.

При этихъ словахъ кто-то быстро вошелъ въ комнату, Сагайдачный оглянулся, это былъ майоръ. Онъ видѣлъ влюбленную чету изъ окна своей квартиры. Дерзость Сагайдачнаго на

этотъ разъ больше изумила, чѣмъ огорчила его. Считая дѣло потеряннымъ безвозвратно, онъ сперва рѣшился дожидаться завтрашняго дня, чтобы наказать низкаго и, какъ видно, слишкомъ опытнаго соблазнителя. Но ревность его мучила,—и ревность и какая-то зависть къ незаконному блаженству отчаяннаго повѣсы. Онъ будетъ сидѣть тамъ, между этихъ двухъ простодушныхъ женщинъ, которыя въ своемъ сословіи выдали развратъ съ явными его признаками, внушающими честной душѣ отвращеніе, но не имѣютъ и понятія о томъ губительномъ развратѣ, который вселяется въ непорочныя семейства подъ видомъ самаго приличнаго, самаго любезнаго и благороднаго гостя. Онъ, этотъ Сагайдачный, съ своею честною и тѣмъ опаснѣйшею наружностію, будетъ сидѣть невозмутимо рядомъ съ прелестною дѣвушкой, жертвою его искуснаго лицедѣйства, въ то время, когда ея дядя, любящій ее столь чисто и горячо, терзается страшными душевными муками! Нѣтъ, это выше всякой твердости! Майоръ позабылъ обо всемъ, что удерживало его отъ объясненія съ сестрою и племянницей. Господствующимъ его чувствомъ сдѣлалось—прогнать со двора, хоть на этотъ вечеръ, чудовище, принявшее на себя человѣческій образъ. Сагайдачный прочелъ его чувства на лицѣ его и, предупредивъ его рѣчь, поспѣшилъ сказать ему:

— Майоръ, вы ошиблись въ вашемъ подозрѣніи. Здѣсь нѣтъ людей безчестныхъ: мы ведемъ свое дѣло честно.

— Вы смѣете это мнѣ говорить! отвѣчалъ майоръ, задыхаясь отъ волненія.

— Смѣю, майоръ, потому что мои намѣренія относительно вашей племянницы самыя благородныя.

Парася изъ этихъ словъ поняла все и, закрывъ лицо руками, убѣжала за перегородку.

Спокойная рѣчь Сагайдачнаго, и притомъ такая рѣчь, какой онъ вовсе не ожидалъ, поразила майора. Онъ отступилъ шагъ назадъ и молча мѣрлялъ глазами молодаго человѣка.

— Да, сближаясь съ вашею племянницей, продолжалъ Сагайдачный,—я искалъ въ ней подруги на всю жизнь.

— Да развѣ этакъ честные люди сближаются съ дѣвушками? спросилъ майоръ.

— Я сближался тѣмъ способомъ, который не считался безчестнымъ у вашихъ предковъ, майоръ.

— Но мои предки были козаки, милостивый государь, въ

ихъ нравахъ и понятіяхъ это было дѣло обычное и не зазрительное.

— И мои предки, майоръ, были козаки, и я никакъ не думаю, что честное, по ихъ чувствамъ, должно казаться безчестнымъ для чувствъ ихъ внука.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Я хочу сказать, что, заслуживъ себѣ какой-нибудь чинъ, я не отрекаюсь отъ своихъ предковъ и отъ ихъ честныхъ попятій.

— Такъ, по вашему, не унижительно для благороднаго чело-вѣка... вы знаете, что я хочу сказать.

— Совѣсть моя спокойна, и знайте, майоръ, что для буду-щаго мужа вашей племянницы вопросъ о нашемъ сближеніи гораздо важнѣе, чѣмъ для ея дяди.

— Да что это вы говорите? да какъ вы осмѣлились говорить подобныя вещи въ моемъ домѣ?

— Я не имѣлъ на это права, майоръ, и долго мой языкъ не произнесъ бы такихъ рѣчей; но вы меня принудили къ пря-мому объясненію, мимо всѣхъ обычаевъ.

— Сестра, ты слышишь, что говорятъ? сказалъ майоръ.— Мы здѣсь послѣдніе люди съ тобой.

— У меня голова пошла кругомъ, отвѣчала майорская се-стра.— Господи, что это съ нами дѣлается? чѣмъ прогнѣвили мы Тебя? чѣмъ наша хата не заслужила людской чести?

Сагайдачному больно было слышать эти сѣтованія оскор-бленной матери. Положеніе его было очень трудное: съ одной стороны больной, разстроенный майоръ, съ другой его се-стра, поневолѣ оставленная послѣднею въ столь важномъ и святомъ для нея дѣлѣ. Онъ подошелъ къ майору и съ умоляю-щимъ видомъ, которому тотъ не могъ противиться, взялъ его за обѣ руки.

— Майоръ, сказалъ онъ,—я обращаюсь прежде къ вамъ: вы скорѣе поймете мое положеніе. Умно ли я поступилъ или вѣтрено, но съ намѣреніемъ честнымъ, и это я готовъ засви-дѣтельствовать передъ цѣлымъ свѣтомъ. Оставьте ваши сомнѣ-нія: они оскорбительны для всѣхъ насъ.

— Да какъ этакъ благородному челоуѣку... началъ было майоръ, будучи не въ востояніи связать въ одно понятіе по-ступки и званіе Сагайдачнаго. Но въ его тонѣ не было уже ни гнѣва, ни подозрительности.

Сагайдачный обратился къ его сестрѣ:

— Честная и почтенная *паннматко!* простите меня, бѣднаго сироту, что я въ вашей хатѣ объявляюсь не такъ, какъ велить святой обычай! Чтò знаетъ мѣсяць и знаютъ звѣзды, того вамъ знать не надо; противъ этого вы спорить не станете. Но хату вашу я уважаю, какъ и всѣ. Вы видите, я сегодня вошелъ къ вамъ почтительнымъ гостемъ; вы бы увидѣли въ свое время на вашемъ порогѣ и моихъ сватовъ съ честнымъ хлѣбомъ. Я бы не смѣлъ заикнуться о такомъ важномъ дѣлѣ собственнымъ словомъ, лицомъ къ лицу съ вами. Но какъ же мнѣ было поступить? Майоръ, вашъ братъ, вообразилъ меня какимъ-то вертопрахомъ, прислалъ ко мнѣ записку, зоветъ стрѣляться за честь своего дома. Я знаю, какъ такой гнѣвъ вреденъ для его здоровья. Я поспѣшилъ...

Но майорская сестра, не слушая его, была уже на шеѣ у брата. Волненіе чувствъ отъ неожиданной развязки и отъ страшной вѣсти о стрѣльбѣ, выразилось въ ней слезами. То же самое испытала и Парася и, забывъ дѣвичій стыдъ, выбѣжала и обняла дядю съ рыданіями, точно спасая его отъ смерти.

— Дайте же мнѣ сѣсть, отвѣчалъ на ихъ ласки майоръ слабымъ голосомъ.—Да не спѣши, сестра, благодарить Бога: оно что-то не сообразно съ правдою...

Сестра усадила брата на скамью и, вперивъ испытующій взоръ въ Сагайдачнаго, сказала:

— Во имя Бога всемогущаго! Послушай, паненя! (и смиренное лицо ея приняло какое-то ужасное выраженіе) когда въ самомъ дѣлѣ у тебя въ сердцѣ лукавство, то моя женская рука выберетъ минуту... еще вѣрнѣй братней руки... Мы люди старосвѣтскаго кода... съ нами нельзя игратья попански!

— Когда я въ нашихъ глазахъ не козацкій внукъ, а паненя, отвѣчалъ Сагайдачный,—то смотрите, какъ это паненя падаетъ предъ вами и просить у васъ своего счастья.

Съ этимъ словомъ онъ поклонился сестрѣ и брату тѣмъ земнымъ поклономъ, которымъ въ простонародьи испрашиваютъ родительскаго благословенія на вступленіе въ бракъ. Парася упала подлѣ него, и слезы ея, сладкія слезы, текли, казалось ей, не изъ глазъ, а изъ самого сердца.

И не вставали молодые люди, ожидая благословляющаго слова.

— Братіку! сказала сестра майору, сѣвъ подлѣ него и обвиняя его, во снѣ ли это, или на яву? — Боже васъ благо-

слова, Боже васъ благослови, дѣти мои! Благословляй и ты, братику, сироту, которой ты заступилъ мѣсто отца.

— Да благословить ихъ Господь на счастливую жизнь! скажетъ майоръ.

И всѣ четверо перецѣловались и стали всѣ одинъ другому одинаково родными.

— Моя, моя! повторялъ восхищенный женихъ, сжимая руку Параси,—передъ Богомъ и передъ людьми моя!

Она молчала и блаженствовала. Молодая жизнь сіяла на ея лицѣ какимъ-то сверхъ-естественнымъ блескомъ. Въ счастіи, которое дается на время человѣческому сердцу, въ счастіи полномъ, заглушающемъ всѣ желанія, свойственныя нашей природѣ, дѣйствительно есть что-то сверхъ-естественное. Любилъ старушка свою Парасю, и сердцемъ, а не глазами, смотрѣла на красоту ея, но въ эту минуту была какъ бы вновь очарована ея красотой и не могла отвести отъ нея глазъ. Любилъ Сагайдачный цвѣтущую жизнь въ глазахъ и на лицѣ своей возлюбленной, но въ эту минуту она казалась ему какимъ-то небеснымъ видѣніемъ, и внушала ему чувство, похожее на благоговѣніе,—точно какъ будто Божество сказалось наконецъ душѣ его во всей своей благодати посредствомъ любимѣйшаго изъ своихъ созданій, женщины. Парася смотрѣла на него какимъ-то новымъ взглядомъ: не любовалась имъ, не искала въ его лицѣ выраженія, которое прежде было для нея чѣмъ-то въ родѣ таинственной, непобѣдимо увлекающей музыки: она теперь такъ-сказать озаряла это лицо собственнымъ внутреннимъ свѣтомъ и какъ бы восхищалась собственными чарами. Она знала, какое доставляла блаженство своему милому козаченьку, одною своею близостію, и это знаніе было ея счастьемъ. Прежде она жила желаньемъ нравиться; теперь она стала выше своего прежняго господствовавшаго чувства: она сознала свою силу напаять счастьемъ его душу,—и быть для него источникомъ блаженства, сдѣлалось господствующимъ въ ней чувствомъ. Минута, не болѣе какъ одна минута, протекла въ этомъ высшемъ удовлетвореніи любящихъ душъ; но не забыть имъ этой минуты во вѣки.

Майоръ прервалъ нѣмую сцену счастья глубокимъ вздохомъ, отъ котораго всѣ вздрогнули: столько въ этомъ вздохѣ сказались тоски, несогласной съ семейнымъ торжествомъ. Взглянули на него,—онъ оставался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ; щеки

его поблѣднѣли больше обыкновеннаго, и все его тѣло опустилось какъ бы подъ какимъ-то гнетущимъ бременемъ.

— О чемъ же вы, братику, такъ тяжело вздыхаете? спросила сестра, положивъ ему на плечо руку.

— О своемъ вѣкъ несчастномъ, сказалъ майоръ. — Вотъ чѣмъ долженъ быть человекъ! (Онъ указалъ на молодую чету, которая продолжала держаться за руки.) А я что? Ни къ живымъ ни къ мертвымъ не причисленъ.

Въ этихъ словахъ было столько правды, что никто не рѣшился утѣшать его. Стояла передъ нимъ молодая чета, наклонивъ къ нему задумчиво лица, на которыхъ, сквозь выраженіе соболѣзнованія, сіяло внутреннее счастье. Стояла неподвижно и сестра, не отнимая отъ его плеча дружески положенной руки. А майоръ больше прежняго согнулся, и лицо его точно помертвѣло: одна печаль, напечатлѣнная на этомъ лицѣ, давала ему выраженіе жизни.

— Грустно вамъ смотрѣть на меня, продолжалъ онъ. — Да, я жалкое созданіе. Впереди—ничего, и позади немного отраднаго. Какъ подумаю: за что лилась моя кровь? зачѣмъ были эти походы, эти ночныя походы въ ущеліяхъ, это героичество?.. Чего мнѣ было нужно? кусокъ хлѣба у меня былъ, свобода вернулась ко мнѣ съ чиномъ. Все пустое желаніе стать выше другихъ — и чѣмъ же!.. Раны меня образумили, да ужь уплыла молодая кровь; осталось мнѣ только коротать вѣкъ въ хуторѣ одинокимъ постояльцемъ. А вотъ я вижу умнаго человека (онъ указалъ на Сагайдачнаго): онъ выше всѣхъ стоитъ у насъ, да не мѣстомъ, не чиномъ. Чинъ свой онъ подстлалъ подъ ноги простой козачкѣ, называетъ себя козацкимъ внукомъ, и счастливъ попросту, какъ его предки! Вотъ разумная жизнь, а моя жизнь — безуміе. Теперь я это вижу и чувствую, да поздно!

И на эти слова нечего было сказать въ утѣшеніе майору. Только сестра отозвалась къ нему, помолчавъ немного:

— Будемъ, братику, счастливы хоть счастьемъ дѣтей.

— Да, у кого они есть! отвѣчалъ майоръ, и еще ниже опустился и поникъ головой, подъ гнетомъ своей горести. — Мнѣ надо полежать, сказалъ онъ слабымъ голосомъ.

Эти простые слова были для его сестры и племянницы громовымъ ударомъ. Лежать у майора значило — быть больнымъ. Онъ ужь видѣли, что къ тому дѣло клонится, но не смѣли истолковать себѣ блѣдность своего хилаго постояльца, его унылыя

видъ, его видимое изнеможеніе и, главное, печальныя его рѣчи. Майоръ бывалъ молчаливъ и задумчивъ часто; хозяйшки знали, что у него въ это время ноютъ старыя раны; опытъ отучилъ ихъ разспрашивать, что у него болитъ; онѣ только соболѣзновали ему въ своемъ любящемъ сердцѣ. Но лишь только произносилъ онъ что-нибудь похожее на жалобу, это было несомнѣннымъ признакомъ, что болѣзнь одолеваетъ его мужество. Происходя отъ Запорожца, онъ принялъ отъ него въ наслѣдство отвращеніе къ женскому плачу и къ женскимъ сѣтованіямъ.

Живоцькі слезы дурні—якъ вода тече...

Эти грубыя слова напечатлѣны были у него въ сердцѣ. Съ этими словами въ молодой душѣ оставилъ онъ родной домъ, и слезы матери и сестры, облившія стремя у козацкаго сѣдла его, сдѣлали на него очень мало впечатлѣнія. Но въ той же самой душѣ безсознательно носилъ онъ наслѣдованную отъ матери нѣжность чувствъ. Эта нѣжность выражалась въ немъ на службѣ незамѣтно для него самого въ попечительности о его подчиненныхъ, къ которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ строгъ и неумолимъ, какъ самый суровый изъ запорожскихъ сѣчевыхъ *батьковъ*. Эта нѣжность выражалась въ немъ покровительствомъ, которое находили у него всѣ, обиженные военными постояльцами, и помощью, которую онъ оказывалъ многимъ въ несчастномъ ихъ положеніи. Прославъ между товарищами безчувственнымъ къ женской красотѣ и холоднымъ для дружбы, онъ былъ извѣстенъ въ своемъ полку, какъ человекъ, готовый пострадать съ обвиняемымъ несправедливо офицеромъ и съ послѣднимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Равнодушіе его къ женщинамъ происходило отъ сознанія душевной силы, которой женщина не оцѣнить, до которой, по его убѣжденію, нѣтъ ей дѣла. Онъ видѣлъ, на товарищахъ, что привлекаетъ женщинъ къ мужчинамъ, и презиралъ во глубинѣ души своей легкой полъ, порхающій по поверхности жизни, не проникающій поглубже въ жизнь, — презиралъ и своихъ собратій, довольствующихся женскою оцѣнкой своей наружности и кой-какихъ внѣшнихъ преимуществъ. Недостатокъ образованности держалъ его, между тѣмъ, въ отдаленіи отъ такихъ женщинъ, которыя способны были оцѣнить его честную и мужественную душу, и не давалъ ему издали отличить между женщинами такую, которая не порхаетъ вѣтраннымъ мотылькомъ по поверхности жизни и проникаетъ въ жизнь поглубже. Но когда боевая энергія, это

свойство, сдѣлавшееся условіемъ его породы, упала вмѣстѣ съ упадкомъ физическихъ силъ, и возвратился онъ въ мѣста своего дѣтства, жизнь показала ему, ничѣмъ не озабоченному наблюдателю, иные образцы, не похожіе на боевые суровые идеалы, которые онъ заключалъ въ душѣ по наслѣдству и которые видѣлъ передъ собой въ новой формѣ среди дымныхъ тучъ и огненныхъ громовъ войны. Сдѣлавшись безсмѣннымъ постояльцемъ у своей сестры, онъ въ ней нашелъ истолковательницу болѣе внутренняго смысла жизни. Она раскрыла передъ нимъ въ страдающей и любящей душѣ своей цѣлый міръ душевныхъ движеній и интересовъ, не зависящій отъ того міра, изъ котораго онъ выключенъ былъ своими ранами. И ничтожными показались ему энергическія домогательства успѣха, на которыя потратилъ онъ свои силы. И, заключась въ своей безмолвной хуторской квартирѣ, онъ не напрасно казался наблюдателю вѣчно о чемъ-то размышляющимъ. Онъ размышлялъ о своемъ прошедшемъ, которое уничтожило для него земное будущее. Онъ размышлялъ о невозможности пріобщиться жизни изъ полной чаши, которая теперь открылась его разумнію и чувству. Онъ постоянно былъ увѣренъ, что ему недолго, слишкомъ недолго коротать жизнь. Онъ ужъ давно произносилъ въ умѣ тѣ рѣчи, которыя полились у него теперь неудержимымъ потокомъ. Остатокъ его силъ исчезъ отъ необычайнаго волненія чувствъ по случаю ужасныхъ его подозрѣній. Вмѣстѣ съ силами упало и его мужество. Майоръ не принадлежалъ болѣе къ породѣ своихъ предковъ козаковъ; отцовскій запорожскій законъ исчезъ въ немъ и уступилъ мѣсто свойствамъ, которыя наслѣдовалъ онъ отъ матери. Зрѣлице счастливой любви, которая поглотила всѣ предрасудки сословій, которая уничтожила разность воспитаній, которая самага гордаго, по его мнѣнію, чело-вѣка высшаго круга сдѣлала смиреннымъ козацимъ внукомъ, — это зрѣлице отразилось невыразимыми муками въ его душѣ. Въ то время, когда смерть, какъ торжествующій непріятель, шла у него по пятамъ, передъ нимъ открылась картина самага полнаго счастья, какое только дается вкушать на землѣ чело-вѣку, — точно какъ будто для того, чтобъ обличить заблужденія молодости его и дать ему урокъ, именно потому горькій, что не возможно было уже имъ воспользоваться.

Майоръ, выразивъ желаніе полежать, не въ состояніи былъ подняться съ своего мѣста. Онъ протянулъ къ своимъ друзьямъ руки, прося помощи, какъ ребенокъ, и какъ ребенокъ запла-

каль безсильными и неудержимыми слезами, сознавъ физическое и нравственное свое безсиліе. И та же молодая чета, которую еще недавно наблюдалъ онъ сквозь вечернія сумерки изъ своего окна, въ сердечныя дѣла которой онъ вмѣшался, какъ законный охранитель жизни, теперь вела его полумертваго въ его квартиру, какъ въ такое мѣсто, въ которое заключаются люди, непричастные къ жизни, обманутые жизнью, или обманувшіе жизнь и за то ею наказанные...

Ночь была тихая. На небѣ стояли густыя облака, въ промежуткахъ которыхъ ярко сіяли звѣзды. На землѣ сгустился воздухъ и дышалъ влажною теплотою, проникнутою ароматами мощной, цвѣтущей растительности. Соловьи вливали въ челоуѣка поэтическое забвеніе житейскихъ нуждъ и тревогъ. Но майоръ освобожденъ былъ отъ нихъ инымъ способомъ. Эти пѣсни, объясняющія молодому сердцу тайны любви, были для него похороннымъ отпѣваньемъ угасающей внутренней жизни, отъ которой осталось у него одно сожалѣніе, позднее, напрасное, горькое, ничѣмъ не улаждаемое сожалѣніе. Лѣтняя ночь, закрывъ отъ взоровъ и живые цвѣты и мертвый соръ жизни дѣйствительной, чарующими ароматами пробуждала внутри челоуѣка сознание отдѣльнаго, богатаго міра, полного чудесныхъ цвѣтовъ и таинственныхъ жизненныхъ силъ. Вся уходитъ въ себя свѣжая душа, поддавшись вліянію южной ночи, тихо нашептывающей намъ про какія-то замкнутыя въ насъ, непочатыя еще сокровища. Но майоръ видѣлъ внутреннимъ окомъ одну бѣдность бытія своего въ настоящемъ и безнадежность въ будущемъ. И только одна простая, природная любовь его къ себѣ подобнымъ, скрываемаемая отъ людей подъ видомъ равнодушія, сіяла на днѣ души его точно въ морской пучинѣ, одна она сообщала его прошедшему значеніе дѣйствительности; всѣ прочіе порывы и надежды, всѣ подвиги, которыми онъ внутренно гордился, потеряли для него челоуѣческій смыслъ и оказались грезами поврежденнаго разсудка.

—Садитесь противъ меня, сказалъ майоръ, улегшись на своей койкѣ, — дайте мнѣ на васъ насмотрѣться. Не долго осталось мнѣ коротать вѣкъ. Сестра, садись у моего изголовья.

Женщины плакали, глядя на него, и не находили чтд ему сказать въ утѣшеніе. Всякій разъ, какъ майоръ не въ обычное время ложился на свою койку, онѣ были въ трепетномъ опасеніи за его жизнь, и всю надежду полагали на чудодѣйственную

силу своей молитвы. Но теперь и эта надежда исчезла: сердца ихъ не вѣровали больше въ дѣйствительность своей молитвы.

— О чемъ вы плачете? сказалъ майоръ.—Я ни на что не нуженъ больше на землѣ. Мое мѣсто займетъ для васъ Иванъ Ивановичъ. Видите, какъ Господь милостивъ! Онъ посылаетъ его вамъ въ самое то время, когда моя жизнь догорѣла. Хотѣлось бы и мнѣ еще пожить на свѣтѣ, но вижу самъ, что не для чего. Кончилась моя служба; пора въ отставку. Иванъ Ивановичъ, у меня къ вамъ есть просьба.

— Она будетъ исполнена свято, отвѣчалъ Сагайдачный.

— Слушайте же. Все, чтѣ я имѣю, перейдетъ въ ваше распоряженіе. Въ комодѣ найдете вы у меня дорогую саблю, Свежите ее послѣ моей смерти къ князю Великдану отъ меня на память. Онъ хоть и не военный человѣкъ, но любитель дорогаго оружія. У него сердце великодушное: онъ умѣетъ цѣнить наши дѣла.

При имени князя Великдана, Сагайдачный вспыхнулъ и, позабывъ, что обращается къ больному, сказалъ:

— Онъ не способенъ цѣнить ничего возвышеннаго! Онъ увлекается одними игрушками! Онъ въ жизни ищетъ однихъ сибаритскихъ наслажденій! Онъ недостойнъ владѣть оружіемъ такого человѣка, какъ вы, майоръ!

Рѣчь эта произвела на майора оглушительное дѣйствіе. Онъ смотрѣлъ на Сагайдачнаго во всѣ глаза, и долго не могъ обратиться съ отвѣтомъ.

— О комъ это вы говорите? промолвилъ онъ наконецъ.

— О князѣ Великданѣ, отвѣчалъ Сагайдачный.

— Такъ вы съ нимъ развѣ въ ссорѣ?

— Нѣтъ, я съ нимъ даже не знакомъ, но хорошо его знаю по его жизни.

— Какъ же это? Развѣ можетъ человѣкъ въ его санѣ заниматься игрушками? Чтѣ это вы говорите?

— Я говорю то, чтѣ знаю. Это пустѣйшій изъ пустыхъ людей!

— Да какъ это возможно? проговорилъ майоръ болѣзненнымъ голосомъ.—На такомъ посту.... нѣтъ, вы за что-то враждуете къ нему.

— Ни за что болѣе, майоръ, какъ за то, что этотъ постъ онъ занимаетъ какъ тунеядецъ.

— Чтѣ вы! Какъ это можно сказать! Это не сообразно!

— То-то и грустно, сказалъ Сагайдачный, — что не сообразно! Не такимъ бы людямъ занимать такіе посты!

— Не говорите мнѣ этого, ради Бога! Вы меня этимъ оскорбляете. Гдѣ же и людей искать послѣ этого? Я вѣдь видалъ тоже довольно свѣту. При этакомъ санѣ — такая благосклонность.... и вы говорите, что онъ не способенъ цѣнить ничего возвышеннаго!

Сагайдачный наконецъ понялъ, что слишкомъ поздно перечувствовать майора, который, будучи жертвою такихъ людей, какъ Великданъ, не въ состояніи былъ восходить къ источнику своихъ бѣдствій. Онъ вздохнулъ и молчалъ.

— Сколько разъ, продолжалъ майоръ, — вспоминалъ князь даже мои ничтожныя заслуги!

— Передъ Иволгинымъ? замѣтилъ, не утерпѣвъ, Сагайдачный.

— Ну да, сказалъ не понявъ его майоръ. — Этакимъ государственный мужъ не можетъ не цѣнить нашихъ подвиговъ. Я слышалъ, что у него есть сабля гетмана Скоропадскаго и бунчукъ Данила Апостола. Они какъ-то въ родствѣ съ нимъ. А вы говорите....

— Успокойтесь, майоръ, сказалъ Сагайдачный: — я съ вами спорить не буду.

— Нѣтъ, я не скоро успокоюсь послѣ этакихъ словъ, отвѣчалъ майоръ, — и признаюсь, горько мнѣ, что молодые люди такъ мало цѣнятъ заслуги такихъ лицъ. Умирая, хотѣлъ я выразить князю благодарность за его высокое вниманіе ко мнѣ, заброшенному въ хуторъ инвалиду.... Но я выражу ему свои чувства иначе. Идите, молодые люди, въ сестрину хату; оставьте меня съ сестрою.

Съ огорченіемъ и раскаяніемъ вышелъ Сагайдачный изъ майорской квартиры. Но Парася служила ему отводомъ неприятныхъ и тягостныхъ чувствъ. Очутясь вдвоемъ съ нею подъ открытымъ, сверкающимъ небомъ, онъ скоро позабылъ все, а безпокойство о болѣзни майора, какъ будто прибавило въ его сердцѣ еще одну гармоническую струну, чтобы полнѣе, чтобы шире обнимало оно жизнь.

Майоръ между тѣмъ просилъ сестру подвинуть къ нему столикъ и подать бумагу и перо. Приподнявшись на постели, онъ велѣлъ сестрѣ поддерживать себя подъ руку и началъ что-то писать невѣрнымъ своимъ почеркомъ. Сколько словъ написалъ онъ молча, столько молчаливыхъ слезъ пролила надъ нимъ сестра, а что онъ писалъ, до этого ей мало было дѣла. Окол-

чивъ, майоръ сложилъ бумагу и просилъ положить себѣ подъ изголовье. Напряженіе физическихъ и моральныхъ силъ ослабило еще больше хилый организмъ его. Сестра предложила свои услуги, чтобы раздѣть его. Онъ согласился молча и позволилъ уложить себя въ постель. Изнеможеніе скоро перешло въ сонъ, болѣзненное забытье, которое сестра сочла за сонъ. Она вынесла свѣчу въ сосѣдную комнату, гдѣ Марьянка уже заняла привычный свой постъ и ждала приказаній старой или молодой хозяйки. Ей было приказано прислушиваться ко всякому шороху въ спальнѣ майора, и лишь только подастъ онъ голосъ, тотчасъ бѣжать за нею.

Вскорѣ потомъ уѣхалъ Сагайдачный. Въ хуторѣ погасили огни. Только въ свѣтлицѣ горѣла ярче обыкновеннаго лампадка, озаряя майорскіе кресты подъ образами. Марьянкѣ приказано было ложиться спать. Ея мѣсто заняла майорская сестра. Помѣстясь у самой двери, она прислушивалась, не проснется ли братъ и, глядя на сіяющіе въ темнотѣ образа, тихо о немъ молилась.

Черезъ нѣсколько времени послышался въ спальнѣ голосъ. Она вошла.

— Пошли, хозяйюшка, за Иволгинымъ, сказалъ майоръ.

— На что онъ вамъ, братику?

— Онъ мнѣ нуженъ. Пошли, чтобы тотчасъ пріѣхалъ.

— А нельзя отложить до утра?

— До утра Богъ знаетъ что случится. Сейчасъ!

— Хорошо, я пошлю. Но не пошлетъ ли и за священникомъ?

— Да. Но за Иволгинымъ тоже, непременно.

Вѣрный Радько не спалъ, какъ бы предвидя, что онъ понадобится, и держался вблизи майорской квартиры. Такъ какъ священника надобно было привезти на своихъ лошадяхъ, то онъ, заложивъ нетечанку, отправился сперва къ Иволгину. Иволгинъ сидѣлъ на почтовой станціи, въ ожиданіи какой-то важной особы; но узнавъ, что майоръ опасно боленъ, тотчасъ пустился къ нему на своей подорванной лошади.

Майоръ не спалъ, хотя казался спящимъ. Услышавъ конскій топотъ, онъ сказалъ: «Это Иволгинъ!» и велѣлъ провести его къ себѣ. Потомъ попросилъ сестру оставить ихъ наединѣ.

— Боже мой! сказалъ Иволгинъ, — въ какомъ я нахожусь васъ положеніи! А князь поручилъ мнѣ пригласить васъ къ нему завтра обѣдать. Я пилъ у него чай.

Иволгинъ лгалъ. Потерявъ надежду на пріобрѣтеніе Майо-

ровщины, онъ не смѣлъ къ нему явиться. Онъ увѣрилъ князя, что майоръ ищетъ покушника; онъ болтнулъ это, увлекшись искреннимъ доброжелательствомъ къ его сіятельству, и спохватился только тогда, когда князь послалъ его къ майору для переторжки.

— Добродѣтельный вельможа! сказалъ майоръ слабымъ голосомъ, отвѣчая на слова Иволгина:—до конца дней моихъ не оставляетъ онъ меня своимъ вниманіемъ.

— Развѣ это возможно майоръ? сказалъ Иволгинъ.—Кто же можетъ больше его цѣнить ваши заслуги? На то онъ государственный мужъ, чтобы сіять великодушіемъ.

— Истинно такъ! отвѣчалъ майоръ, довольный отборною фразой Иволгина.

— Объ одномъ надобно сожалѣть, майоръ, продолжалъ гость, что ваша дружба съ княземъ....

Тутъ онъ запнулся, спохватившись, что переухабилъ свою рѣчь; но тотчасъ оправился и продолжалъ:

— По крайней мѣрѣ князь питаетъ къ вамъ истинно дружеское чувство.

— Великодушный вельможа! сказалъ майоръ.

— Истинно великодушный, продолжалъ одушеваясь Иволгинъ.— Съ такой высоты простирать дружескую руку.... сами согласитесь, не каждый способенъ къ такой доблести. И этакая связь между вами, майоръ, осталась безъ послѣдствій.

— Какъ это, Капитонъ Павловичъ?

— То-есть, памяти никакой не угодно вамъ было оставить по себѣ, что вы точно цѣнили высокое вниманіе вельможи.

— Нѣтъ, Капитонъ Павловичъ, я не остался безчувственъ къ его благосклонности. Достаньте вотъ здѣсь подъ подушкой бумагу, прочтите.

— Духовная! воскликнулъ Иволгинъ, и бумага задрожала у него въ рукахъ.

— Скажите князю, говорилъ майоръ, опуская отъ слабости вѣки и произнося слова точно сквозь сонъ, — что, хоть я и простого происхожденія, но умѣю цѣнить его высокій санъ. Скажите, что видѣли меня при послѣднемъ издыханіи, и что отъ радно мнѣ было сдѣлать ему удобное. Племянница моя обезпечена. Вы правду говорили, что она найдетъ готовый домъ.... И не безъ приданого же она! у меня.... Но мнѣ тяжело говорить... Сестру, сестру!

Иволгинъ спряталъ бумагу въ карманъ, и хотѣлъ идти въ другую комнату. Но майорская сестра предупредила его зовъ.

— Таки выѣздили! таки выцыганили! проговорила она въ полголоса, глядя съ упрекомъ и презрѣніемъ на Иволгина.

Но Иволгинъ очень мало заботился объ ея мнѣніи, такъ какъ она была мужичка, и усакалъ изъ хутора, довольный не ожидаемымъ успѣхомъ.

IX.

Три вѣсти распространились очень быстро по уѣзду: одна— что умеръ майоръ, другая— что племянница его просватана за Сагайдачнаго, третья— что майоровщина отписана по духовной князю Великдану. Многіе выѣхали изъ хуторовъ и сель своихъ къ сосѣдямъ для того, чтобы сообщить эти новости, другіе для того, чтобы удостовѣриться, правду ли говорить Иволгинъ. Но никто изъ помѣщиковъ не хотѣлъ проѣхать въ самую Майоровщину. Всѣхъ оттолкнулъ отъ нея Сагайдачный, о которомъ было уже извѣстно, что онъ распоряжается похоронами майора, какъ выражались помѣщики, *по мужицки*. Это значило, что онъ готовилъ поминальный обѣдъ, равный для всѣхъ, кто бы ни пріѣхалъ на похороны, и что благородному человѣку придется сидѣть рядомъ съ козачьими свитами. Объ этомъ объявилъ въ городѣ Родькѣ, забирая изъ лавокъ на прокатъ множество мисокъ и тарелокъ. Общее неудовольствіе увеличилось еще отъ слуховъ, что невѣста Сагайдачнаго продолжаетъ носить простонародный костюмъ, въ которомъ явилась въ церкви, точно въ насмѣшку надъ барышнями, которыя ни своею образованностью, ни богатствомъ выписныхъ, Богъ знаетъ откуда, нарядовъ, не привлекли къ себѣ самаго красиваго, богатаго и просвѣщеннаго жениха во всемъ уѣздѣ. Очень обидѣлись всѣ маменьки этою выходкой майорской племянницы и радовались, что майоровщина переходитъ въ чужія руки. Что касается до барышень, то онѣ соглашались, что національный нарядъ возвышаетъ самую посредственную красоту и объясняли успѣхъ Параси именно тѣмъ, что въ вѣнкѣ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, въ лентахъ и разшитыхъ рукавахъ, да еще при свѣтѣ луны,—она показалась Сагайдачному богинею. Нѣкоторыя гласно роптали на стѣснительныя условія своего быта, который не даетъ молодой дѣвушкѣ никакой самостоятельности и вѣчно держать ее подъ

присмотромъ стараго, холоднаго глаза. Распространенные Иволгинымъ слухи о сближеніи Сагайдачнаго съ хорошенькою хуторянокъ скандализовали только дамъ и засидѣвшихся дѣвицъ; но молодость обоего пола завидовала счастливымъ любовникамъ и какъ-то освѣжилась чувствами отъ одиѣхъ вѣстей и толковъ объ этомъ новомъ романѣ, непохожемъ на прежніе. Одинъ студентъ, которому случилось быть въ церкви и видѣть Парасю, прозвалъ ее *задумчивою Дриадой* и написалъ, по случаю новыхъ слуховъ, стихи, которые очень понравились барышнямъ, такъ какъ поэтъ самъ былъ красавецъ, да къ тому еще носилъ и имя Аполлона. Нѣсколько влюбленныхъ паръ обрѣли въ своей душѣ рѣшимость объясниться окончательно, и одна хорошенькая барышня, изъявивъ согласіе выйти ночью въ садъ на свиданье, переодѣлась въ сельское платье своей горничной, а на голову надѣла вѣнокъ изъ розъ и лилій. По уѣзду распространилось множество новыхъ сплетень, но всѣ онѣ, наперекоръ злымъ языкамъ, дышали какою-то поэзіей и походили въ устахъ молодыхъ людей скорѣе на нѣжные баллады, чѣмъ на клевету и пересуды. Словомъ, повѣяло что-то небывалое еще въ атмосферѣ помѣщичьяго быта, и даже ученые музыкантки, у которыхъ въ душѣ сидѣли одни Шопены да Бетгованы, сами не зная почему, стали наигрывать простыя украинскія мелодіи. Эта склонность къ національной музыкѣ и поэзіи больше всего распространилась между молодостью отъ преслѣдованій со стороны старшихъ; и хорошенькій студентъ еще больше поддавалъ жару своими юношескими проказами. Будучи гостемъ въ уѣздѣ и не принадлежа ни къ какой партіи, онъ явился на похороны майора и познакомился съ молодою четой. Возвратясь въ свой кругъ, онъ разлился весь въ восторженныхъ разказахъ о красотѣ своей Дриады и о гениальномъ умѣ Сагайдачнаго. Сагайдачный, видя въ немъ свѣжую, воспримчивую и благородную натуру, обласкалъ его, обворожилъ своею умною и искреннею бесѣдой и, въ довершеніе очарованія, подарилъ ему библиографическую рѣдкость — стихотворенія украинскаго народнаго поэта. Юный Аполлонъ явился въ кругу уѣздныхъ барышень точно вдохновенный наитіемъ какой-то высшей силы и заговорилъ съ ними языкомъ, который въ устахъ другаго человека былъ бы смѣшонъ, но молодость и красота умѣютъ все горячо почувствованное проводить прямо къ сердцу слушателей. Увлечлись пылкими рѣчами студента и люди постарше его возраста. Воображая себя въ роли Вертера, онъ пѣлъ, а

разказывалъ о дикой граціи и красотѣ своей Дриады, и собравъ въ воображеніи байроновскія краски, онъ тутъ же рядомъ живописалъ предъ очарованными слушателями полный оригинальности и глубокой характеръ Сагайдачнаго. Наконецъ началъ неистово читать стихи украинскаго поэта, и, предавшись до конца своему увлеченію, плакать надъ ними. Музыкой въ его устахъ показались тѣ звуки, которые назвучавшееся нынѣ рѣчами ухо еще недавно признавало грубыми, и засидѣвшіяся въ темномъ затворѣ души унесли въ вмѣстѣ съ поэтомъ въ широкія степи, и новые образы наполнили испорченное чужими романами воображеніе, и точно какая-то новая вѣра открылась разумнію многихъ. Надолго сохранилось впечатлѣніе, прозведенное на юныя уѣздныя сердца разказами студента Аполлона, его чтеніями и его горячими юношескими слезами, и начало изглаживаться только подъ совокупнымъ вліяніемъ будничныхъ толковъ помѣщичьяго быта, газетныхъ новостей о чиновничьихъ повышеніяхъ, журнальныхъ статей о практической пользѣ централизаціи, ученыхъ доказательствъ противъ того, чѣмъ дорожатъ передовые Малороссіяне, повѣстей и разказовъ о жизни и дѣяніяхъ такъ-называемыхъ порядочныхъ людей, и вообще всѣмъ, что въ совокупности можно назвать дворянскою жизнью и дворянскою литературою. Подобно тому, какъ сіяющее лѣто будто для шутки является на глубокомъ сѣверѣ и, исчезнувъ не оставляетъ слѣда на вѣчно зеленѣющихъ соснахъ, безчувственныхъ къ отсутствію тепла и свѣта, — явился и исчезъ молодой гость изъ уѣзднаго общества своими теплыми рѣчами, съ своимъ сіяющимъ умомъ, съ своими задушевными восторгами, умѣренно и равно потекла опять жизнь млодаго поколѣнія въ однообразныхъ берегахъ помѣщичьяго быта. Но въ первые дни послѣ смерти майора она взволновалась было не на шутку, и начало въ ней проявляться что-то свободное отъ застарѣлыхъ предразсудковъ семейныхъ и соціальныхъ, что-то теплое и свѣтлое, что-то похожее на лѣто послѣ долгой сѣверной зимы. И какъ лѣтомъ вмѣстѣ съ цвѣтами, сіяющими на солнцѣ, являются на самыхъ теплыхъ мѣстахъ разные гады и играютъ на солнцѣ въ свое удовольствіе, — такъ появлялся во многихъ домахъ Иволгинъ съ веселыми разказами о смерти майора и о духовномъ завѣщаніи въ пользу князя.

Князь былъ такъ деликатенъ, что не предъявлялъ своего права на Майоровщину въ теченіе цѣлой недѣли по кончинѣ своего

почитателя; но благосклонность его къ Иволгину видимо удесятерилась. Иволгинъ обѣдалъ у него ежедневно; Иволгинъ получилъ къ нему доступъ безъ доклада; Иволгину подарена была пара лошадей съ упряжью и нестарымъ еще кабриолетомъ. Все это Иволгинъ развозилъ по всему уѣзду, вполнѣ довольный своимъ жребіемъ, и охладѣлъ даже къ знатнымъ лицамъ, которыхъ обыкновенно караулилъ бывало на своей станціи. У него едва оставалось время на то, чтобы выбрившись и умывшись какъ можно старательнѣе являться въ урочное время къ княжескому обѣду. У него не было времени даже присутствовать на похоронахъ у майора, котораго онъ любилъ больше нежели кого либо изъ сосѣдей. Онъ весь прогрузился въ свое торжество и жаждалъ одного только, — жаждалъ того дня, въ который князь поручить ему вступить отъ своего имени во владѣніе Майоровщиною. Этотъ день наступилъ наконецъ.

Иволгинъ выбралъ самую пору для своего торжественнаго акта, — 9 часовъ утра. Погода стояла удивительная, то-есть такая, которой вѣчно дивишься, хотя бы цѣлые дни проводилъ на открытомъ воздухѣ, въ саду, въ пасѣнкѣ или на сѣнокосѣ. Но ничему во всей природѣ не дивился Иволгинъ: его поражали только явленія, совершающіяся внѣ творчества природы. Дивился онъ величавой благосклонности князя; дивился спокойствію, съ которой онъ принялъ изъ его рукъ духовную; дивился тону, которымъ онъ говорилъ о созданіи въ Майоровщинѣ величественнаго зданія, какъ будто дѣло шло о скотномъ дворѣ; дивился наконецъ, когда узналъ, какая сумма ассигнована княземъ для превращенія скромнаго хутора въ великолѣпную виллу и сколько рабочихъ предполагаетъ онъ выслать сюда изъ своихъ многолюдныхъ имѣній. Воображеніе Иволгина играло, какъ у поэта. Онъ видѣлъ себя человѣкомъ, необходимымъ для князя при совершеніи такихъ работъ. Онъ пылалъ безкорыстнымъ юношескимъ жаромъ посвятить всего себя на служеніе великому предпріятію вельможи. Онъ ужъ забылъ о томъ, какъ мечталъ ввести Сагайдачнаго въ свой кругъ и совершить этимъ незабвенный подвигъ въ глазахъ всего уѣзднаго общества. Сагайдачный поблѣднѣлъ теперь въ его воображеніи, какъ блѣднѣетъ на небѣ мѣсяцъ, когда восходитъ солнце, и блѣдною показалась ему жизнь просвѣщеннаго демократа въ сравненіи съ роскошною жизнью, какую будетъ вести князь въ своей новой усадьбѣ. Даже сердечныя сожалѣнія, которыя тревожили его отъ времени до времени при видѣ чужаго счастья,

успокоились теперь совершенно. Онъ видѣлъ себя живущимъ почти безвыходно въ новомъ готическомъ замкѣ. Князь дѣлаетъ ему даже предложеніе совсѣмъ переселиться туда и держать въ порядкѣ домъ его. Онъ важно расхаживаетъ по княжескимъ заламъ и отдаетъ княжескимъ слугамъ разныя приказанія, въ ожиданіи большаго съѣзда гостей. Гости къ князю ѣздятъ самые отборные: все генералы, все дѣйствительные статскіе совѣтники, а не то князья, графы и бароны. Онъ пріобрѣтаетъ множество самыхъ лестныхъ для него знакомствъ. Князь Великданъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, рассказываетъ гостямъ, какимъ образомъ досталась ему эта живописная усадьба, и Иволгинъ скромно отклоняетъ отъ себя честь ея пріобрѣтенія, говоря, что онъ озарилъ разумъ спокойнаго майора не чѣмъ инымъ какъ сіятельнымъ именемъ великаго мужа. Тутъ представляется ему даже случай войти въ счастливую семейную жизнь и навѣки отдѣлаться отъ своей станціи, которая хоть и держитъ его на свѣтѣ, но безпрестанно угрожаетъ лишить послѣдняго куска хлѣба. Въ новый замокъ, между прочимъ, привозятъ изъ пансіона прелестную дѣвочку, подъ именемъ княжеской крестницы. Иволгинъ очень хорошо знаетъ, что князь не захочетъ и, какъ человекъ со вкусомъ, любитъ предаваться всѣмъ наслажденіямъ жизни. Знаетъ онъ также, какое нѣжное сердце у князя: не можетъ быть, чтобъ онъ плоды своей любви раскидывалъ по свѣту безъ призранія. Кое-что онъ даже развѣдалъ положительнаго отъ его камердинера на счетъ *деликатности*, какъ выразился камердинеръ, похощеній княжескихъ, и было ему извѣстно даже имя чиновника, очастливленнаго выборомъ его сіятельства въ мужья одной хорошенькой пансіонерочки. Не сомнѣвался Иволгинъ нисколько, что когда появится въ замкѣ того же разряда крестница-сиротка, принятая княземъ подъ великодушное покровительство, то выборъ падетъ на него, и такъ же точно, какъ оному счастливому чиновнику, отсчитываетъ ему князь извѣстное количество тысячъ рублей въ придачу къ хорошенькому личику крестницы. Торжествовалъ Иволгинъ заранѣе, сидя въ кабриолетѣ и заглядѣвшись на перспективу, которая вдругъ передъ нимъ открывалась, и подсмѣивался надъ бывшимъ своимъ наставникомъ, который часто называлъ его лѣнивымъ малороссійскимъ осломъ. Онъ далъ бы дорого теперь, чтобы повстрѣчаться съ премудрымъ Нѣмцемъ и фыркнуть ему въ глаза тѣмъ смѣхомъ, какимъ смѣется торжествующій исполнитель тонко-разчитаннаго или неужи-

данно удавшагося плана. «Самъ ты, братъ, осель со всею твою нѣмецкою мудростью», говорилъ онъ мысленно. «Когда бы не попалъ въ твой каторжный пансіонъ, давно былъ бы я человѣкомъ!» и началъ припоминать Иволгинъ всѣ свои разорительныя затѣи, посредствомъ которыхъ спустилъ съ рукъ почти все, что наследовалъ по смерти родителей, и всю вину своего разоренія ввалилъ на воспитаніе, которому подвергнулъ его Генрихъ Христофоровичъ. И легко ему сдѣлалось на душѣ, какъ вѣрному католику, съ котораго сваливаются грѣхи по слову каплана. И не много можно бы насчитать въ свѣтѣ людей, которые были бы въ это время блаженнѣе Иволгина.

Взысканный благосклонностью и милостями вельможи, имѣя впереди самую завлекательную перспективу и сознавая, что вполне заслужилъ предстоящее ему счастье, онъ ѣхалъ въ Майоровщину въ томъ восторженномъ состояніи духа, въ какомъ завоеватель, принудивъ городъ къ сдачѣ искусною стратегіей, въѣзжаетъ въ беззащитныя ворота его. Майоровщина первый разъ въ жизни показалась ему раемъ, и до такой степени разнѣжились его нервы подъ влияніемъ счастья, что ни запахъ цвѣтовъ въ утреннемъ воздухѣ, ни пѣнье лѣсныхъ птицъ, ни даже плескъ и крики гусей и утокъ на прудахъ, не пропали для него даромъ. Все это слилось въ какой-то чудный концертъ, показавшійся ему совершенно новымъ, и пѣло побѣдную пѣсню его торжеству. Что-то похожее даже на великодушіе поднялось изъ глубины его удовлетвореннаго сердца. Онъ входилъ въ положеніе молодой четы и сожалѣлъ, что долженъ объявить ей предложеніе князя очистить Майоровщину къ назначенному сроку. Князь былъ деликатенъ, какъ вельможа; Иволгинъ великодушенъ, какъ герой. Князь давалъ цѣлую недѣлю времени сестрѣ и племянницѣ майора для приисканія себѣ новаго жилища; Иволгинъ, рискуя нѣкоторою отвѣтственностью передъ княземъ, вознамѣрился прибавить еще три дня. Чудное дѣло, какъ измѣняетъ счастье человѣка! Иволгинъ помолодѣлъ, и одутловатость его лица замѣнилась здоровымъ румянцемъ. Даже глаза его, обыкновенно тусклые и полуприкрытые повиснувшими сверху мѣшечками вмѣсто вѣкъ, теперь вырѣзались опредѣленными очертаніями и получили какой-то пріятный блескъ. Онъ былъ похожъ на жениха, готовящагося къ свадьбѣ. Во всей его фигурѣ было что-то ликующее.

Не безъ гордаго сознанія своего новаго значенія въ домѣ князя и во всемъ уѣздѣ, подкатилъ онъ къ бывшей квартирѣ

майорской на дареныхъ лошадяхъ и въ дареномъ кабріолетѣ. Никто не вышелъ къ нему навстрѣчу, и онъ прямо прошелъ въ свѣтлицу. Дверь на балконъ была отворена. На балконѣ сидѣли Сагайдачный и Парася. Онъ ихъ привѣтствовалъ торжественнымъ и вмѣстѣ самымъ любезнымъ поклономъ. Они его приняли очень ласково и просто.

— Чудные мѣста здѣсь! началъ разговоръ Иволгинъ, усѣвшись противъ молодой четы.

Съ нимъ согласились, что мѣста точно очаровательныя.

— Представьте же, продолжалъ онъ, — еслибы здѣсь, на этихъ высотахъ, поставить готическій замокъ или дворецъ этакой! Тогда не для чего ѣздить и въ Швейцарію.

— Я съ вами не согласенъ, отвѣчалъ Сагайдачный. — Тогда бы эти мѣста потеряли свой кроткій, истинно сельскій характеръ.

— Позвольте и мнѣ съ вами не согласиться, Иванъ Ивановичъ, возразилъ Иволгинъ, склоняя голову къ груди съ какою-то недавно усвоенною имъ улыбкой. — Эти мѣста только и ждутъ архитектора и иностраннаго садовника, чтобы преобразиться въ Элизіумъ.

— Не скоро же они ихъ дождутся, сказалъ спокойно Сагайдачный.

— Почему же вы такъ думаете, Иванъ Ивановичъ?

— Потому что я люблю въ Малороссіи хату подъ соломенною крышею и терпѣть не могу архитектурныхъ зданій съ претензіями на роскошь. Край убогій, народъ неразвитой, — къ чему намъ воздвигать дворцы? Развѣ для того, чтобъ еще рѣзче бросались въ глаза малороссійскія кой-какъ слѣпленные села и города? Да и передъ народомъ какъ-то совѣстно: точно какъ будто хочетъ попрекнуть его убожествомъ и показать, что знать не хочешь его нуждъ. Напротивъ, соломенная крыша выражаетъ въ зажиточномъ и образованномъ хуторяннѣ какое-то братское единеніе съ простолюдинами.

— Ну, у князя свой взглядъ на вещи, сказалъ Иволгинъ, стараясь придать спокойное выраженіе своему торжествующему голосу. — Какъ бы то ни было, вельможа, государственный мужъ...

— Князь нашъ не примѣръ, Капитонъ Павловичъ! отвѣчалъ Сагайдачный, нѣсколько суровымъ голосомъ. — Мы знаемъ, какъ намъ слѣдуетъ жить посреди нашего народа.

— Съ позволенія вашего сказать, продолжалъ Иволгинъ все

тѣмъ же тономъ, — и князь не будетъ у васъ учиться вкусу. Надеюсь, что онъ воздвигнетъ зданіе, достойное своего имени.

— Ну, и пусть себѣ воздвигаетъ, а мы въ Майоровщинѣ будемъ жить подъ соломенными крышами.

— Съ позволенія вашего сказать, продолжалъ Иволгинъ, не измѣняя своего тона, — князь вамъ этого не позволить.

Сагайдачный вспыхнулъ.

— Что вы? съ ума сошли? вскричалъ онъ.

— Въ полномъ разсудкѣ-съ, Иванъ Ивановичъ! отвѣчалъ хлываясь Иволгинъ. Потомъ вынулъ изъ бокового кармана бумагу, почтительно подалъ Сагайдачному, точно какъ будто онъ былъ его полковой командиръ, возвратился на свое мѣсто и упершись обѣими руками въ ляшки съ самымъ молодцоватымъ видомъ, и съ насмѣшливымъ спокойствіемъ смотрѣлъ на Сагайдачнаго.

— Ну, такъ и есть! сказалъ Сагайдачный, пробѣжавъ бумагу. — Я говорилъ вамъ, что вашъ князь круглый невѣжда въ томъ, что касается Россіи!

— Это какъ же-съ, Иванъ Ивановичъ? спросилъ Иволгинъ, не перемѣняя позы.

— Ха-ха-ха! разсмѣялся глядя на него Сагайдачный. — Это онъ послалъ васъ къ намъ съ предложеніемъ очистить Майоровщину?

— Точно такъ-съ! отвѣчалъ Иволгинъ съ низкимъ поклономъ.

— Еслибы съ нимъ былъ секретарь его, онъ бы этой глупости не сдѣлалъ.

— Почему же это-съ?

— Потому что секретарь указалъ бы ему на законъ, который гласитъ, что козацкія земли не могутъ быть отчуждены отъ наслѣдниковъ козацкаго рода, хотя бы они принадлежали по наслѣдству и чиновной особѣ изъ козаковъ.

— Неужели есть такой законъ? спросилъ Иволгинъ, теряя свою молодцоватую осанку.

— Кажется, есть. Спросите у князя: онъ былъ ближе меня къ законодательной власти.

— Какъ же, помилуйте, говорилъ въ смущеніи Иволгинъ: — онъ однимъ почеркомъ пера рѣшалъ участь...

— Спросите также у него, нѣтъ ли въ десятомъ томѣ Свода Законовъ 889-й статьи, въ которой напечатано, что и вообще родовыя имѣнія не подлежатъ завѣщанію.

— Да, спрошу! Въ самомъ дѣлѣ странно! проговорилъ Иволгинъ, мѣшаясь еще больше.

— И если въ самомъ дѣлѣ окажется, продолжалъ Сагайдачный, — что я говорю истину, то извините насъ передъ ея сіятельствомъ, что мы будемъ здѣсь жить по-прежнему подъ соломенною крышею.

Иволгинъ слушалъ его, повѣся носъ, и потомъ взглянулъ на него испытующимъ взоромъ, стараясь по выраженію лица его узнать, въ самомъ ли дѣлѣ князь остался въ дуракахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія! лицо Сагайдачнаго сіяло спокойствіемъ и счастьемъ.

— Что же мнѣ теперь дѣлать, Иванъ Ивановичъ? спросилъ онъ.

— Ничего! отвѣчали ему.

— Какъ ничего? Да какъ же мнѣ явиться къ князю?

— Такъ, какъ я вамъ совѣтую. Явитесь и спросите: «Не припомните ли, молъ, ваше сіятельство, такихъ и такихъ законовъ.»

— А что если князь припомнитъ законы противъ вашихъ законовъ? сказалъ одобрясь Иволгинъ. Вѣдь это случается, что одинъ законъ противорѣчитъ другому.

— И какъ еще часто!

— Нѣтъ, вы не шутите, Иванъ Ивановичъ! И руки Иволгина машинально уперлись въ ляшки. — Право, не шутите! И совѣтую вамъ не спорить съ его сіятельствомъ.

Сагайдачный спокойно улыбался.

— Я вамъ даже скажу, продолжалъ Иволгинъ, — что и законъ васъ не защититъ. Вспомните только, съ кѣмъ вы имѣете дѣло: вельможа, государственный мужъ! Вѣдь у кого же въ рукахъ законы? Подумайте только, и лучше вовремя уступите.

— Совѣты ваши, Капитонъ Павловичъ, полны истины, сказалъ Сагайдачный. Я съ вами совершенно согласенъ, что законы въ рукахъ извѣстныхъ людей — мечъ обоюдо-острый.

— Превосходное выраженіе! именно такъ! Руби на право и налѣво, — была бы только сила. А у князя ее довольно.

— Согласенъ я съ вами и въ томъ, что такой человекъ, какъ князь, способенъ повернуть дѣло въ какую угодно сторону.

— Истинно!... и ничего съ нимъ не сдѣлаешь. Вѣдь министры, сенаторы — все это родня, все это друзья, все это, можно сказать, однокорытники! Что ни говори, а эти господа выше закона.

— И при всемъ томъ, продолжалъ Сагайдачный, — мы остаемся подъ своею соломенною крышею такъ спокойно, какъ будто вашего князя нѣтъ и на свѣтъ.

Иволгинъ вскочилъ съ своего мѣста: онъ не ожидалъ такого заключенія.

— Вы человекъ умный, сказалъ онъ съ нѣкоторою запальчивостью, — но позвольте спросить васъ: на чемъ вы опираете свое спокойствіе?

— На силѣ вещей, которая держитъ за руки такихъ людей, какъ вы, ваше сіятельство.

— Да поможетъ ли вамъ эта сила вещей противъ могущества вельможи?

— Надѣюсь.

— Нѣтъ, не надѣйтесь, Иванъ Ивановичъ! Знаете ли вы это, что по одному его мановенію, завтра же, уѣздныя власти сдѣлаютъ вамъ предложеніе очистить усадьбу?

— Знаю, но это будетъ глупость.

— Однакожь эта глупость заставитъ васъ ретироваться въ Майоровщины.

— У меня есть мѣсто для отступленія. А куда потомъ отступятъ они сами?

— Они въ этомъ не будутъ имѣть надобности. Князь ставитъ между закономъ и ими.

— Такъ начинайте же войну! сказалъ Сагайдачный смѣясь.

— И начнемъ! Сила на нашей сторонѣ. Раскаетесь вы, Иванъ Ивановичъ, да поздно.

— Если я въ чемъ раскаюсь, то развѣ въ томъ, что пустился въ раздобары съ вами о такомъ вздорѣ, какъ вашъ князь и его глупая претензія.

— Этого мы вамъ не подаримъ! сказалъ Иволгинъ, оскорбясь во глубинѣ души за князя, и потомъ сдѣлавъ церемоніальный поклонъ, торжественно удалился.

Не извѣстно, какъ принялъ князь докладъ Иволгина о законахъ, оберегающихъ козацкую собственность отъ посполношій со стороны людей, собирающихъ тамъ, гдѣ не сѣяли; но очень хорошо извѣстно, что Иволгина не пускали больше въ княжескій домъ, что Иволгинъ, послѣ нѣкотораго воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ со времени пріѣзда князя, началъ ежедневно убивать муху, что подаренные княземъ лошади поступили въ комплектъ станціонныхъ, а кабриолетъ нѣсколько разъ разыгрывался въ лотерею передъ выступленіемъ военныхъ изъ уѣзда.

У каждаго изъ насъ бываютъ праздники въ жизни. Не ду-
мано, негадано, вдругъ проявляется для человѣка пасмурный бытъ
его; сильнѣе начинаетъ биться сердце; веселыя мечты лѣзутъ
въ голову, и отбѣгаютъ прочь суровыя заботы. Обновляется
человѣкъ всѣми своими чувствами и съ удивленіемъ видитъ себя
юношею. Но, если ваше сердце знакомо съ безотрадностью,
не вѣрьте, ради Богане вѣрьте, случайному проблеску счастья.
Это коварная игра вашей судьбы. Соскучась однообразнымъ
гнетомъ, она шутя задаетъ вамъ роскошный праздникъ, что-
бы сильнѣе потомъ почувствовали вы бѣдность существованія.
Иволгинъ былъ такого убѣжденія, что нѣкоторымъ смертнымъ
уже въ утробѣ матери предназначается ихъ участь и что самыя
благородныя усилія на служеніе великому и доблестному не
спасутъ ихъ отъ ничтожества, бѣдности и горя. «Я ли
не служилъ человѣчеству въ лицѣ его лучшихъ предста-
вителей?» говаривалъ онъ у себя на почтовой станціи.
«Я ли не искалъ знакомства съ достойнѣйшими людьми? Я
ли не угождалъ вельможамъ и высшему чиновничеству? И
что же въ результатѣ? Какъ висѣлъ, такъ и вишу на волоскѣ
съ своею станціею. Справедливо сказалъ одинъ великій
поэтъ:

Что наша жизнь? Не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое,
Иль вѣтъ! тяжелый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волоскѣ висящій....

Надъ этими стихами онъ обыкновенно призадумывался и по-
томъ подходилъ къ бутылкѣ, вѣрной подругѣ его размышленій
и единственной его утѣшительницѣ. Иногда, напротивъ, онъ
вдохновлялся самимъ величіемъ своихъ несчастій, и говорилъ
съ достоинствомъ героя:

«Но долженъ ли я раскаиваться въ томъ, что съ самаго ран-
няго дѣтства мыслилъ и чувствовалъ, какъ свойственно дворяни-
ну? Когда я потеряю наконецъ все, рѣшительно все, — и тогда
у меня останется чувство, пріобрѣтаемое единственно только
рожденіемъ и котораго не въ силахъ искоренить въ нашей душѣ
ни воспитаніе, ни товарищество съ людьми не нашего разряда,
ни бѣдность, ни страшные удары судьбы, ничто, ничто!»

П. Кулишъ.

КАДРИЛЬ¹

РАЗКАЗЪ ОЛЬГИ.

«Вещь непонятная... Вы, Лиза, справедливо
Сказали давеча, что Богъ-вѣсть почему
Давно-прошедшее вдругъ такъ свѣтло и живо,
И такъ отчетливо рисуется уму;
Что звукъ рождаетъ мысль нежданную; да это
И Байронъ прежде васъ уже замѣтилъ гдѣ-то.
Подробно помнится — зачѣмъ, могла бы врядъ
Сама я объяснить—теперь мнѣ та минута,
Гдѣ, чуть лишь вырвавшись изъ клѣтки института,
Я передъ зеркаломъ, окончивъ свой нарядъ,
Съ неукротимою тревогой ожидала
Блаженства перваго, обѣщаннаго бала.
Я, глядя на себя, своимъ глазамъ почти
Не вѣрила; весь день была я какъ въ угарѣ;
Со страхомъ думала: какъ быть мнѣ? какъ взойдти?
Балъ! настоящій балъ!—Мы, живши въ заперти,
Какъ часто рѣчь вели объ этомъ въ дортуарѣ;
И какъ мы трепетно, защелкнувъ тихо дверь,

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1 и 2.

Шептали, вопреки надзору классной дамы,
 О блескъ этой всей чудесной панорамы,
 Въ которую вступить собиралась я теперь!
 Я свыклася потомъ, увидѣвъ баловъ съ двѣсти,
 Съ такимъ событіемъ, но грозенъ былъ, даю
 Вамъ слово, этотъ часъ, и вызвала при вѣсти,
 Что поданъ экипажъ, всю храбрость я свою;
 Какъ рекрутъ, въ первый разъ, я шла на поле чести
 И перевѣдаться надѣялась въ бою.
 Смѣшно мнѣ вспоминать, какъ сердце билось громко
 Какъ я готовилась увидѣть диво-дивъ.
 Весь домъ, мать, тетушка, служанка, эконожка,
 Тѣснились вокругъ меня, судя наперерывъ
 О томъ, не широка ль на рукавахъ бахромка?
 Къ лицу ль мнѣ доконы? не мало ль вынуть ливъ?
 Въ недоумѣніи я слушала ихъ толки,
 Уже успѣвъ понять, что въ свѣтѣ мнѣ чужомъ
 Вещь важная нарядъ; что дѣло все не въ томъ,
 Чтобы онъ дорогъ былъ и только-что съ иголки;
 Что выборъ пояса, мантильи иль наколки
 Быть можетъ бѣдствіемъ, позоромъ и грѣхомъ.
 Какъ взгляды злы порой, и какъ улыбки колки,
 Я тяжело и вполнѣ извѣдала потомъ;
 Мнѣ дали знать себя въ салонѣ не одномъ
 И наши модницы, и наши богомолки.
 Мушинъ безжалостныя шутки, женщинъ спѣсъ,
 Обиду на меня впереннаго лорнета,
 Злость состраданія, предательство совѣта,
 Я все перенесла, я горькій кубокъ весь
 До капли выпила.—Спокойно сѣда здѣсь,
 Намъ, пересозданнымъ ужъ этимъ строгимъ свѣтомъ,
 Конечно, говорить легко теперь объ этомъ.
 Но помню, каково въ то время было мнѣ
 Условій общества разгадывать загадки;
 Какъ размышляла я, съ собой на единѣ,
 Цвѣтныя ли надѣтъ, иль бѣлыя перчатки?
 И помню, сколько я проплакала ночей,
 Какъ я, едва дыша, и въ страхѣ вѣчно новомъ,
 Шла мимо чопорныхъ, салонныхъ палачей,
 Готовыхъ cadaго зарѣзать острымъ словомъ!
 Повѣрьте, тяжкая беретъ порой тоска,
 Когда приходится, съ душою благородной,
 Смуцаться и робѣть предъ вѣтренницей модной,
 И видѣть съ ужасомъ улыбку дурака.

Примирена теперь я съ обществомъ; жестоки
 И горьки были имъ мнѣ данные уроки;
 Но не ропщу на нихъ; они пошли мнѣ въ прокъ.
 Задачу трудную постигла я душою,
 Взялась я за себя, и сладила съ собою,
 И передѣлалась отъ головы до ногъ.
 Полезный года мнѣ инья были сутки.
 Своей насмѣшкою немилосердый свѣтъ
 Неловкость истребилъ наивной институтки;
 Ребенокъ вѣтренный исчезъ,—пропалъ и слѣдъ.
 Погибло, можетъ-быть, хорошаго съ нимъ много...
 Что жь дѣлать?—Такова была моя дорога.
 За то являюся спокойно я на балъ,
 Вдоль строя зрителей иду теперь безъ страха,
 Встрѣчаю средь толпы лишь шепоты похвалъ,
 Могу свести съ ума иного вертопраха,
 И возбуждать порой всю зависть нашихъ залъ.
 О модѣ мать давно заботилася мало,
 И, съ обществомъ почти не бывъ уже въ связи,
 По воскресеніямъ усердно посѣщала
 Лишь скромный свой приходъ Николю на Грязи.
 Въ тотъ первый выѣздъ въ свѣтъ, который я сначала
 Взялася разказать, никто во всемъ дому
 Не могъ полезенъ быть незнанью моему.
 Но показалось мнѣ, когда я зоркимъ взглядомъ
 Себя окинула, что я своимъ нарядомъ
 Имѣла право быть довольной, что къ лицу
 Мнѣ эти локоны, разсыпанные мелко,
 Что лучше не могла бъ убраться я къ вѣнцу,
 Что лифъ донельзя милъ, что хороша отдѣлка.
 Я быстро въ зеркало еще взглянула разъ,
 И вслѣдъ за матерью пошла, перекрестясь.

Отправилися мы на балъ. Во всю дорогу
 Молилася въ тиши я пресеріозно Богу,
 Желая между тѣмъ доѣхать поскорѣй.
 Карета наконецъ у свѣтлаго фасада
 Остановилася; прошла я мимо ряда
 Въ стѣняхъ и вдоль ступень пестрѣющихъ ливрей;
 Окинула себя глазами у дверей,
 Все на себѣ нашла исправно и въ порядкѣ,
 И въ залу бальную, дрожа какъ въ лихорадкѣ,
 Я съ матерью вошла.

Какъ измѣнились вдругъ
 Мои мечтанія и всѣ мои понятя!
 Какіе были тутъ уборы! что за платья!
 Какія женщины!... взглянула я вокругъ,—
 Всѣ показались мнѣ прекрасны, безъ изытъя;
 Куда ни обернись.—все прелесть, кружева,
 Брильянты; у меня кружилась голова.
 Хозяйка подошла, намъ три—четыре слова
 Сказала, и въ толпѣ пропала тотчасъ снова.
 Близъ боковыхъ дверей попалися намъ два
 Еще по счастью незанятыя стула,
 И молча сѣли мы средь говора и гула.
 Нежданный случай тутъ свелъ мать мою съ одной
 Знакомкой прежнею, дряхлѣющей княжной;
 Онѣ, пятнадцать лѣтъ не встрѣтивши другъ друга,
 Усердно занялись своею стариной.
 Межъ тѣмъ толпа, шума, пестрѣла предо мной,
 И весь оркестръ гремѣлъ, и вальса мчалась вьюга.
 Глядѣла я, дивясь, какъ эти дамы всѣ,
 Небрежно тѣшась, неслись въ своей красѣ;
 Всѣмъ было по себѣ, всѣ были словно дома,
 И всякая была со всякою знакома.
 Лишь я сидѣла тутъ, безвѣстна и одна,
 Передъ утѣхами ихъ области завѣтной,
 Имъ не сообщница, и полосой паркетной,
 Какъ будто пропастью, отъ нихъ отдѣлена.
 И предалася я невольно думѣ грустной,
 Я стала понимать всю ложь своихъ надеждъ,
 Что значилъ мой нарядъ простой и безыскусный,
 Средь этихъ царственныхъ, блистательныхъ одеждъ?
 Къ чему возилась я такъ долго съ каждой складкой,
 Со всякимъ бантикомъ? Изъ своего угла
 Въ сравненіи горестномъ глядѣла я украдкой
 Порой въ широкія, стѣнные зеркала,
 И такъ невыгодна теперь моя обновка
 Мнѣ показалася, изображаясь въ нихъ,
 Что сдѣлалось въ ней мнѣ двигаться неловко
 И совѣстно сидѣть близъ гордыхъ щеголихъ.

Все продолжался вальсъ; все наполнялась зала
 Гостиными новыми; и африканскій жаръ
 Въ ней уже царствовалъ. Я взоромъ провожала
 Въ раздуміи своемъ круженіе быстрыхъ паръ;
 Одна у моего остановилась стула,
 И платье чудное танцовщицы пахнуло

Съ размаху на меня, и кружевной воланъ
 Легъ на колѣни мнѣ. Склонила гибкій станъ
 Она, вода рукой по драгоценной ткани,
 Мнѣ, извиняясь, сказала слова два;
 Хотѣлось отвѣчать; языкъ прилипъ къ гортани,
 И поклониться ей сумѣла я едва.
 Коснулась плеча улана молодого
 Она съ улыбкою, и понеслася снова;
 Онъ, на меня взглянувъ, перешепнулся съ ней,
 И стало мнѣ еще неловче и грустнѣй.

Мой утомленный взглядъ вперился недвижимо
 Въ толпу, и между лицъ чужихъ мелькнули мимо
 Какъ будто бы черты знакомаго лица.
 Я стала пристальнѣй смотрѣть сквозь промежутки
 Группъ, наполняющихъ пространство залы:—да,
 Былъ это братъ одной подруги-институтки,
 И у нея въ гостяхъ его я иногда
 Видала: кажется, всего четыре раза;
 Но здѣсь съ нимъ встрѣтившись, я съ радости чуть-чуть
 Не вспрыгнула; съ него я не сводила глаза,
 Какъ плаватель съ земли, какъ путникъ съ пальмъ оаза,
 Гдѣ можетъ онъ на мигъ въ пустынѣ отдохнуть.
 Явился тутъ, среди невѣдомаго свѣта,
 Какъ будто человекъ мнѣ близкій онъ и свой:
 И опрометчиво, не ждавъ его привѣта,
 Я первая ему кивнула головой.
 Пренебрежительнымъ отвѣтилъ онъ поклономъ,
 И далѣе прошелъ; я вспомнила тогда,
 Что несогласенъ былъ съ общественнымъ закономъ
 Поступокъ этотъ мой, и, вспыхнувъ отъ стыда,
 Склонила голову, не смѣя бросить взгляда
 Ни на кого; мнѣ грудь наполнила досада,
 Несноснѣйшая намъ всѣхъ жизненныхъ досадъ,
 Досада на себя; взялъ страхъ меня бѣдовый,
 Что съ каждымъ дѣйствіемъ я дамъ лишь промахъ новый,
 Что какъ я ни ступи, все будетъ не впопадъ.
 Вполнѣ мученіе испытывая это,
 Я встала съ матерью; прошли мы до буфета:
 Тамъ болѣе всего толпились, какъ всегда;
 И я увидѣла, что плотная ѣда
 Допущена въ кругу отличнѣйшаго тона.
 Стаканъ оршада взявъ, глаза я подняла;
 Стоялъ въ толпѣ мужчинъ, смѣясь у стола,
 Виножникъ моего нелѣпаго поклона;

Глядѣлъ онъ мнѣ въ лицо: мнѣ пить не стало силъ,
 Благоуханный франтъ, съ нимъ тутъ стоявшій рядомъ,
 Нагнулся нѣсколько, съ довольно дерзкимъ взглядомъ,
 И про меня его онъ видимо спросилъ.

Услышала чрезъ столъ я слово: институтка;
 И фраза на ухо дополнила отвѣтъ;
 Франтъ снова зашепталъ. Мнѣ становилось жутко,
 Я колебалася: уйти ли мнѣ, или нѣтъ.

Къ буфетному столу оборотись спиною,
 Я въ шумной тѣснотѣ, съ досадою нѣмой,
 Отыскивала мать; хотѣлось мнѣ домой;
 Вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, явился предо мною,
 Съ другимъ мужчиною, опять знакомецъ мой,
 Которому была ужъ вовсе я не рада.
 (Не буду называть я никакихъ именъ.)
 Пробравшись до меня, превѣжливо мнѣ онъ
 Представилъ своего товарища, какъ надо.
 Тотъ полупешотомъ сталъ ангажировать
 Застѣнчиво меня на слѣдующій танецъ,
 И на чертахъ его болѣзненный румянецъ
 Вдругъ вспыхнулъ между тѣмъ, и вдругъ пропалъ опять.
 Приемы свѣтскаго имѣлъ онъ человѣка,
 Но что-то странное высказывалось въ немъ;
 Былъ сходенъ съ англійской картинкой изъ кипсека
 Онъ и осанкою, и пасмурнымъ лицомъ.
 Не чуждъ онъ какъ-то мнѣ казался, и не даромъ;
 Я тутъ же вспомнила, что, проходя бульваромъ,
 Мы встрѣтились, тому недѣли двѣ назадъ;
 Да что и вслѣдъ за мной онъ повернулъ проворно,
 И что замѣтила я даже, какъ упорно
 Въ меня уставился его смущенный взглядъ.
 Былъ видимо со мной онъ здѣсь сойдтиса радъ
 И, улыбнувшись слегка мнѣ благодарно,
 Взялъ руку онъ мою, и, на оркестра звукъ,
 Я возвратилася съ нимъ въ залу, гдѣ попарно
 Смыкался широко мазурки пестрый кругъ.
 Усѣлись рядомъ мы у пьедестала вѣзы;
 Молчалъ онъ, да и я, не поднимая глазъ,
 Умѣстной-ни одной не находила фразы;
 И танца очередь дошла межъ тѣмъ до насъ.
 И онъ повелъ меня кругомъ по свѣтлой залѣ,
 И мимо зрителей вдвоемъ со мной скользя,
 Мнѣ крѣпко руку сжалъ. Смутилася я: на балѣ,
 Посреди толпы, вѣдь вырваться нельзя.

Весьма взволнована, и донеслась обратно
 До мѣста своего, и сѣла, покраснѣвъ.
 Онъ молвилъ шепотомъ: «Я возбудиль вашъ гнѣвъ?
 Не правда ли? моя вамъ дерзость непонятна?
 Вашъ полъ извѣстенъ мнѣ: вамъ веселѣй всего
 Виновницами быть мученія нѣмаго;
 И, если мы дерзнемъ вамъ высказать его,
 Вы бровь нахмурите, и взгляните сурово;
 Васъ тѣшитъ скрытная, душевная борьба
 И разума и силъ лишеннаго раба.
 И какъ вы знаете, что мнѣ страдать нѣтъ мочи?
 Что самъ ужъ на себя я вовсе не похожъ?
 Мои бессонныя, мучительныя ночи,
 Кто вамъ про нихъ сказалъ? Не вѣрьте, это ложь.
 Зачѣмъ мнѣ васъ любить? Зачѣмъ ли, что я съ вами
 Случайно встрѣтился? Что мимоходомъ вы
 Взглянули на меня холодными глазами,
 Не повернувъ ко мнѣ спѣсивой головы!
 Да тайну тяжкую вамъ объявлю я прямо:
 Ну да, я васъ люблю; зачѣмъ? не знаю самъ;
 Люблю васъ горестно, безумно и упрямо,
 И вопреки всему, принадлежу я вамъ.»

Свое волненіе напрасно увимаю,
 Склонивши голову, съ пылающимъ лицомъ,
 Я неподвижная сидѣла и нѣмая,
 Услышавъ эту рѣчь; но, признаюся въ томъ,
 Меня весь жаръ ея не ужаснулъ ни мало:
 Ужъ я проснувшимся инстинктомъ понимала,
 Что въ женскіи свои вступала я права,
 Что, въ бѣдномъ фартучкѣ и въ царственной порфирѣ
 Едва ль не для того мы существуемъ въ мірѣ,
 Чтобъ услышать хоть разъ подобныя слова...
 И между гордыхъ лицъ, въ богатомъ ихъ салонѣ,
 Я будто стала въ мигъ со всѣми наравнѣ;
 Мнѣ показалось, что какъ на Сандрильионѣ,
 Нарядно сдѣлалось вдругъ платьице на мнѣ;
 И какъ пришлось намъ опять рука съ рукою
 Вдоль ступель пронестись танцовщицъ молодыхъ,
 Я обѣжала кругъ ужъ поступью мною,
 Имъ не завидуя, и не бояся ихъ.

И началъ вновь шептать мнѣ на ухо онъ страстно,
 Какъ съ первой встрѣчи той до нынѣшняго дня
 Лишь только обо мнѣ онъ думалъ ежечасно,
 И какъ могла бы жизнь со мною быть прекрасна;

Какъ сталъ бы окружать онъ роскошью меня;
 И что не даромъ намъ пришлось сойтися ближе;
 Что быть должна ему я божествомъ земнымъ,
 Что я его спасу, соединившись съ нимъ;
 Что стали бы мы жить въ Италиі, въ Парижѣ,
 Что покорился бъ онъ всѣмъ прихотямъ моимъ.
 Я слушала. И всѣ вы знаете вѣдь сами,
 Какъ нѣжной лести хмѣль опасенъ въ первый разъ,
 Что увѣреньями такими и мольбами,
 Всей этой пошлостью стереотипныхъ фразъ,
 И не въ семнадцать лѣтъ смутимся мы подъ часъ.
 Я жадно слушала; онъ говорилъ такъ живо,
 Восторженный порывъ такъ былъ ему къ лицу,
 Густые волосы лежали такъ красиво
 Вдоль блѣдныхъ щекъ его. Мазурка шла къ ющику.
 Взглянулъ онъ на меня съ улыбкою печальной;
 И я, пока свой ревъ удвоили смычки,
 Чуть внятнымъ шепотомъ, сквозь гулъ музыки балной,
 Позволила ему просить моей руки.
 Да, признаюсь, оно хоть неправдоподобно,
 Но правда; сдерживать вамъ не къ чему свой смѣлъ,
 Онъ очень кстати здѣсь, и, менѣе васъ всѣхъ,
 Такой поступокъ я понять теперь способна;
 Но показалось тогда все это мнѣ
 Событіемъ весьма естественнымъ и лестнымъ.
 Нежданымъ женихомъ, мнѣ вовсе неизвѣстнымъ,
 Да и самой собой довольная вполне,
 Пошла я къ матери: она на томъ же ступлѣ,
 Въ концѣ огромнаго покоя, у дверей,
 Стѣсенная толпой, близъ прочихъ матерей,
 Сидѣла, какъ онъ, на тщетномъ караулѣ,
 И проводила ночь, съ княжною говоря
 О коронаціи покойнаго царя.
 Замѣтивъ, что мою прическу, жаромъ бала
 Полуразвитую, поправить надлежало,
 Княжна въ уборную пошла со мной вдвоемъ,
 И тамъ субретки двѣ, за дѣло взявшись дружно,
 Въ порядокъ привели мнѣ голову наружно.
 Но Богъ вѣсть какъ внутри была она вверхъ дномъ,
 И сколько въ ней суетъ и думъ въ одной минутѣ
 Тѣснились той порой: какъ удивится мать,
 И тетюшка, и всѣ! Чтò скажутъ въ институтѣ?
 Какъ будутъ съ завистью объ этомъ толковать!
 Такъ вдругъ! На первыхъ дняхъ; всего теперь двадцатый
 Что выѣзжаю въ свѣтъ—улы и женихъ мнѣ есть!

Какъ Союю Вельскую разсердигъ эта вѣсть!
 Онъ, по его рѣчамъ, быть долженъ пребогатый;
 Вступлю съ вельможами я, можетъ-быть, въ родство.
 Какъ бы объ этомъ всемъ узнать мнѣ стороною?
 Съ такими думами шла я назадъ съ княжною
 Въ салоны, и вдали увидѣла его;
 Стоялъ онъ пасмурный, глазъ не свода съ паркета,
 Какъ будто въ умъ ему запала мысль одна,
 Мысль неотвязная.— Скажите мнѣ, княжна,
 Шепнула трепетнымъ я голосомъ,—кто это,
 Близъ этажерки, тамъ, налѣво, у окна,
 Стоитъ, нахмуря бровь, задумчиво и гордо,
 И видомъ такъ похожъ на англійскаго лорда?
 —Кто? отвѣчала мнѣ вполголоса она,
 Глазами зоркими салонъ окинувъ шумный,
 —Тотъ худошавый-то? бѣднякъ! онъ полоумный,
 Ему былъ опекунъ хозяина отецъ;
 Потѣхой служигъ онъ, взять въ домъ изъ состраданья,
 Всѣмъ барышнямъ твердитъ любовныя признанья,
 И просигъ каждую идти съ нимъ подъ вѣнецъ.
 По счастью съ княжною заговорилъ тутъ кто-то;
 Я отвернулася, чуть на ногахъ стоя.
 Такъ вотъ чѣмъ тронулася, чѣмъ возгордилась я?
 Вскружило голову вранье мнѣ идиота!
 И всѣ замѣтили, смотрѣли всѣ на насъ;
 Собою тѣшила весь кругъ я цѣлый часъ.
 Мысль эта мучила меня невыносимо.
 Старая со стыда, прижалась я къ стѣнѣ;
 Вблизи послышалася вдругъ рѣзкій голосъ мнѣ,
 Моей подруги братъ шелъ по салону мимо,
 Съ нимъ щеголь молодой, бездушное лицо,
 Жеманно-пошрое, какъ маски льютъ изъ воска;
 Мнѣ эта помнилась искусная прическа,
 И эти усики, завитые въ кольцо;
 Я въ ту же самую спѣсивую фигуру
 Черезъ буфетный столъ всмотрѣлась въ первый разъ.
 Они шли въ двухъ шагахъ, болтая и смѣясь:
 Франтъ говорилъ:—Ну что? вѣдь поддалася слуру;
 Я выигралъ; ей, ей, болвана чепуха
 Сантиментальную плѣнила инстигутку;
 Повѣрь, она въ него влюбилась не на шутку,
 И завтра будетъ ждать пріѣзда жениха.
 Смотри же, закажи обѣдъ намъ не дешевый;
 Пойдемъ, я разкажу про это Ильичевой.
 Онъ, усмѣхаяся, прошелъ. Минуты три

Я не могла дохнуть; глаза мои глядѣли
 Сквозь слезы на толпу, безъ помысла, безъ цѣли;
 Я понимала,—да, онъ выигралъ пари.
 Они потѣшиться дѣвчонкой захотѣли;
 Вѣдь было некому вступиться за меня;
 Тутъ оскорбленіе ихъ не вело къ дуэли,
 Тутъ не пугали ихъ ни связи, ни родня;
 Я не была знатна, я не имѣла вѣса, —
 Зачѣмъ бы надо мной не подшутилъ повѣса?
 Не знаю, какъ прошли въ сосѣдній мы салонъ;
 Я только помнила, какъ сквозъ тяжелый сонъ,
 Что смотреть на меня, что посреди я была,
 Что надо устоять, во что бы то ни стало.
 Гудѣли, будто звонъ глухихъ колоколовъ,
 Въ тушахъ моихъ ухахъ жужжанье разговоровъ,
 Волненье пестрыхъ группъ, брацаніе приборовъ;
 Сбирались ужинать вокругъ небольшихъ столовъ:
 Усѣлись за однимъ двѣ дамы съ адъютантомъ;
 Самодовольно онъ, играя эксельбантомъ,
 Предъ ними щеголялъ мундиромъ и умомъ.
 Я робко подошла: болтанье ихъ живое
 Внезапно прервалось, и встали съ мѣсть всѣ трое;
 Осталась я одна передъ пустымъ столомъ.
 Съ тѣхъ поръ со мной бѣды случались и хуже,
 Извѣдала я жизнь въ теченье лѣтъ шести,
 Но не взялась бы я минуту вынести ту же,
 И такъ же, какъ тогда, чрезъ комнату пройти.
 Съ трудомъ нашла я мать; — мы вышли, — длились сборы.
 Развѣздъ шумѣлъ; смѣнялися кареты безъ конца.
 Сосѣдокъ на себѣ я чувствовала взоры,
 Не смѣя повернуть горячаго лица.
 Мнѣ мочи не было. Средь этого народа
 Хоть бы подверглась я бѣдѣ какой-нибудь!
 Хоть тутъ бы на меня свалился камень свода,
 Хоть бы злодѣя ножъ меня ударилъ въ грудь!
 Хоть бы какое-то неслыханное дѣло
 Теперь, у нихъ въ глазахъ, свершилось надо мной!
 Не такъ бы на меня ихъ общество глядѣло,
 И перестала бъ я быть для него смѣшной.
 Провесся сверху шумъ; съ ступень сходяла, прямо
 Насупротивъ меня, въ безпечной болтовнѣ
 Съ тремя мушкетерами, блистательная дама,
 Ужѣ извѣстная по разнымъ слухамъ мнѣ.
 На балахъ гостьею была она не рѣдкой,
 Жизнь буйно тратила, и хуже чѣмъ кокеткой

Звала ее давно всеобщая молва;
 Но свѣту мстить она умѣла фразой ѣдкой,
 И онъ же колкія ея хвалилъ слова.
 Шла медленно она, съ улыбкой торжества;
 Чернѣла смоль косы подъ золотою сѣткой,
 Повертывалася спѣсиво голова;
 Средь мрака соболя бѣлѣла тонкой шею
 Краса змѣиная, сверкалъ лукавый взоръ.
 Къ ней наклоняся, молодые чичисбеи
 Шептали на ухо ей свой привычный вздоръ.
 Былъ у нея въ рукѣ букетъ фиалокъ пармскихъ;
 Прошла она легко и гордо мимо всѣхъ,
 Имъ дерзко напоказъ неся свой знатный грѣхъ,
 И сквозь возню каретъ и лошадей жандармскихъ:
 Звучалъ еще вдали ея веселый смѣхъ.
 Я ей глядѣла вслѣдъ съ печальною догадкой.
 Никто бъ ей не дерзнулъ обиды нанести,
 Никто бы тѣшиться не смѣлъ аристократкой,
 Она безчестная была у нихъ въ чести!
 И вотъ какъ съ перваго я возвратилась бала;
 И долго плакала, и горько я роптала,
 И не шутя себѣ поставила я цѣлью—
 Отречься отъ всего и запереться въ келью;
 И не являлася я въ свѣтѣ цѣлый годъ;
 И поздно лишь дошла до мудраго познанья,
 Что всѣ мученія, бѣды, негодованья,
 Все перемелется, какъ говоритъ народъ.

И Ольга, кончивъ свой разказъ,
 Съ осанкой вольной и спокойной,
 Прижала руки къ талѣ стройной,
 И въ мягкихъ креслахъ улеглась;
 Нагнулось личико живое,
 Свѣтлѣе разгорѣлся взглядъ,
 Она глядѣла имъ въ былое
 На тяжкихъ дней унылый рядъ...
 Молчанье прервала Надина,
 Въ раздумьи опершись слегка
 На мѣдъ блестящаго каминна
 Подошвой узкой башмачка:
 — Да, тѣ салонныя напасти
 И я извѣдала отчасти;
 И я, созрѣвъ душой пылливой,
 Дошла до мысли справедливой,

Что быть лишь можно, въ свѣтъ томъ,
 Иль наковальной терпѣливой,
 Иль безпощаднымъ молоткомъ.
 Она минуту промолчала,
 Потомъ прибавила смѣясь:
 — Затѣмъ-то и нужна для насъ
 Вся твердость прочнаго закала;
 Затѣмъ-то мы, рѣшась удаю
 На роль опасную свою.
 Должны, какъ рыцари въ бою,
 Не поднимать съ лица забрала,
 Не дать изъ рукъ упасть копью;
 Не оплошать, во чтò бь ни стало;
 Не предаваться забытью;
 Не охмелѣть отъ мадригала;
 И жизнь понявъ уже съ начала,
 Въ ней зачеркнуть любви статью.

— Такъ, кто, съ мечтами сердца слава,
 Ихъ подчинилъ суду ума,
 Тотъ счастливъ; но скажи мнѣ, Нада,
 Къ тому способна ль ты сама?
 Возьмешься ль ты, боясь развязки,
 Не выслушать волшебной сказки,
 Всегда, разсудка быть рабой,
 Отвергнуть строго жизни ласки?
 Ни разу, утомясь борьбой,
 Съ лица не сбросить душевной маски,
 И не пожертвовать собой?
 — Къ чему?

— И я съ вопросомъ Нади
 Къ вамъ обращусь, Полина; да,
 Къ чему? кого, скажите, ради?
 И кто пойметъ хоть насъ тогда?
 Одна мечта намъ всѣмъ врожденна,
 Одинъ удѣлъ и вамъ, и мнѣ
 Бывало грезился во снѣ:
 Любить колѣнопреклоненно,
 Вѣряться идолу вполне;
 Сладка была, въ моей пустынѣ,
 Мнѣ мысль объ этомъ властелинѣ
 Всей будущей судьбы моей.
 Кому жь нести восторгъ свой нынѣ,
 И чувства лучшихъ нашихъ дней?
 Не тѣмъ салоннымъ ли героямъ,

Которые, влюбясь слегка,
 Пьютъ смѣлымъ насъ покроемъ
 Жилета или сюртука?
 Не тѣмъ ли вычурнымъ Ловласамъ,
 Которые встрѣчаютъ насъ
 Всѣмъ приторнымъ своимъ запасомъ
 Плохихъ острогъ и пошлыхъ фразъ?
 И ваяхъ чувствъ своихъ остатки
 Сберечь стараясь какъ нарядъ,
 Лишь цѣнять наши недостатки,
 И добродѣтели бранять?
 Кому, въ той кучѣ безтолковой,
 Лишенной всѣхъ страстей и силъ,
 Который Гибелинъ суровой
 Въ свой адъ кичливый не впустилъ?

— Такъ что же, если правда это,
 Сегодня снова, какъ вчера,
 Насъ манитъ, Лиза, въ вихорь свѣта?
 И объ эффектѣ туалета
 Зачѣмъ мы думали съ утра?
 Съ кѣмъ ждемъ теперь привычной встрѣчи?
 Съ кѣмъ время проведемъ опять?
 Чью примемъ лесть? Чьи будемъ рѣчи
 Своей улыбкой подстрекать?
 Зачѣмъ, ихъ всѣхъ призравъ душевно,
 Разыгрываемъ ежедневно
 Постыдную мы съ ними роль?
 И общество браня такъ гнѣвно,
 Куда мы ѣдемъ? не въ него ль?
 Не каждому ли волокитъ
 Нашъ домъ доступенъ? Такъ не ихъ
 Вы осуждайте и вините;
 Вините вы себя самихъ;
 Вините вскормленнаго съ дѣтства
 Въ насъ самолюбя тайный грѣхъ,
 Потребность суетныхъ утѣхъ;
 Вините жалкое кокетство,
 Насъ унижающее всѣхъ.
 Обрекшись на мушкетъ ловушки,
 Себя жъ мы ставимъ ни во что;
 Зачѣмъ имъ насъ не брать въ игрушки,
 Когда согласны мы на то?
 Мы бредимъ объ иномъ удѣлѣ;
 А если встрѣтимъ, въ самомъ дѣлѣ,

Высокое мы существо,
 Не оцѣнивь его привѣта,
 Не разгадавъ въ немъ ничего,
 Сумѣемъ только мы его
 Поставить противъ пистолета.

Она умолкла, и глаза
 Рукой покрыла въ думъ странной;
 Въ ней верхъ брала, въ тотъ мигъ неожиданной,
 Надъ гордой волей чувствъ гроза.

И снова руку опустила
 Она съ бровей: — Пора на балъ.
 Но влажный взоръ сіялъ уныло,
 И грустно голосъ прозвучалъ.

— Нѣтъ, подождемъ. Не правда ль, Оля,
 Что не пора?

— Конечно нѣтъ;
 Какая намъ спѣшить nevoля?
 Мы попадемъ лишь въ рядъ каретъ.
 Успѣемъ вынести давку бала.
 За вами вѣдь теперь разказъ,
 Полина; чѣмъ-нибудь отъ насъ
 Отдѣлайтесь.

Она молчала.
 Быть можетъ, въ сердцѣ заперта,
 Давно ужъ грусть лежала та,
 Невѣдома и молчалива;
 Быть-можетъ, никогда уста
 Ея не высказали взрыва.
 Она жила, тѣхъ думъ страшась,
 Не смѣя съ нихъ поднять покрова...
 И захотѣлось, въ этотъ часъ,
 Хоть разъ назвать то имя снова,
 Тоской насытиться хоть разъ;
 И упрекающій, и сладкій,
 И незабвенный призракъ свой,
 Хоть какъ-нибудь, полуукрадкой,
 Изъ тѣни вызвать гробовой.

Онъ безмолвно всѣ сидѣли:
 И, грезъ очнувшихся полна,
 Сквозь пѣнье тяжкое метели
 Заговорила вдругъ она.

К. Павлова.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ФЕОДАЛИЗМЪ И АРИСТОКРАТІЯ ¹

СТАТЬЯ МАКСА ДУНКЕРА

Во главѣ государствъ, основанныхъ германскими племенами, стояла нѣкогда воинственная королевская власть. Короли были обязаны предлагать законы на одобреніе всѣмъ свободнымъ земледѣльцамъ. Они управляли посредствомъ старшинъ, которыхъ ставили надъ отдѣльными округами страны. Эти старшины, графы, созывали земледѣльцевъ своего округа на собраніе для суда и управленія графствомъ и вели на войну народное ополченіе.

Это простое государственное устройство было видоизмѣнено и разрушено воинственной аристократіей, которая возвысилась

(1) Предлагаемая статья одного изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ историковъ и публицистовъ, г. Макса Дункера, составляла содержаніе публичной лекціи, читанной имъ въ прошломъ году, и потомъ издана имъ особою брошюрой. Важность предмета, вѣрность взгляда и, при всей краткости, ясное живое изложеніе обратили на нее общее вниманіе. Читатели наши отчасти познакомились съ этою брошюрою изъ статьи г. Безобразова, напечатанной въ первой январской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Но мы сочли не лишнимъ передать ее нашимъ читателямъ цолнѣ. Она касается многихъ, въ настоящее время весьма важныхъ вопросовъ и содѣйствуетъ тому направленію, въ какомъ развивали мы эти вопросы въ нашемъ журналѣ. Этотъ легкій очеркъ, набросанный твердою рукою мастера, послужитъ къ разъясненію коренныхъ обще-

надъ земледѣльцами. Предпримчивые и честолюбивые люди приняли во владѣніе отъ короля участки его доменъ и обязались за то служить ему съ особенною вѣрностью и всюду слѣдовать за нимъ на войну.

Эта новая постоянная армія, надѣленная обширными поземельными владѣніями, стала скоро могущественнѣе своего вождя. Карлъ Великій всѣми силами старался оградить какъ корону, такъ и земледѣльцевъ во Франціи и въ Германіи отъ своеволія ленныхъ вассаловъ. Его учрежденія задержали на время ихъ успѣхи, но тѣмъ скорѣе достигли они своей цѣли въ послѣдствіи: Вассалы короля обратили королевскія земли, данныя имъ на временное пользованіе, въ наслѣдственные владѣнія. То же случилось съ должностью окружныхъ старшинъ, которая возлагалась на ленныхъ вассаловъ: эта должность утратила государственннй характеръ и превратилась въ частную собственность владѣвшихъ ею родовъ. Злоупотребленіемъ военной и судебной власти надъ округами, отнятой у государства, графскіе роды принудили мелкихъ королевскихъ вассаловъ, рыцарей, жившихъ въ этихъ округахъ, отдѣлиться отъ короля и вступить въ вассальныя отношенія къ нимъ самимъ, къ графамъ. Конница, состоящая изъ ленныхъ вассаловъ, заступила мѣсто ополченія земледѣльцевъ. Кто не имѣлъ довольно обширной поземельной собственности, чтобы служить всадникомъ, кто не былъ принятъ въ вассалы какого-нибудь графа, тому не было защиты отъ угнетеній сосѣднихъ рыцарей и самихъ графовъ. Короли не могли болѣе защищать земледѣльцевъ, съ тѣхъ поръ какъ ихъ служилые люди присвоили себѣ государственную власть и стали передавать ее по наслѣдству въ своихъ семействахъ. Свободные земледѣльцы пришли въ совершенную зависимость отъ рыцарей и смѣшались съ крѣпостными людьми ихъ, поселенными на ихъ земляхъ. Но много помогло королевской власти, что короли даровали главамъ церкви, епископамъ, поземельныя владѣнія съ такими же графскими

ственныхъ понятій и возбудить въ публикѣ желаніе еще ближе, подробнѣе и глубже ознакомиться съ развитіемъ сословныхъ отношеній въ Европѣ. Мы надѣемся удовлетворить этому желанію цѣлымъ рядомъ статей, которыя открываетъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* одинъ изъ ближайшихъ нашихъ сотрудниковъ, Г. В. Вывинскій (*Русскій Вѣстникъ* № 2), въ которыхъ должна быть изложена, на основаніи всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій, сравнительная исторія политическихъ учреждений и сословій въ Англіи, Франціи и Германіи. *Ред.*

правами въ нихъ, какія были у свѣтскихъ бароновъ, чтобъ уравновѣсить вліяніе послѣднихъ. Государство все-таки перешло въ частную собственность. Оно состояло изъ извѣстнаго числа ленныхъ владѣній. Только высшіе ленные господа, бароны, князья, находились еще въ прямыхъ отношеніяхъ къ коронѣ; рыцари были въ зависимости отъ бароновъ, земледѣльцы отъ рыцарей, которымъ принадлежала земля. Правда, король назывался верховнымъ леннымъ государемъ; правда, бароны присягали ему въ вѣрности, и онъ собиралъ ихъ для леннаго суда, для сообщенія имъ своихъ предпріятій, для того чтобъ условиться относительно ихъ содѣйствія. Но все это государственное устройство, основанное какъ будто на взаимной вѣрности, вело въ сущности лишь къ измѣнѣ и предательству. Если вассалу казалось, что его ленный государь не исполнилъ своей обязанности помогать и покровительствовать ему за его службу на войнѣ, то ленный договоръ былъ нарушенъ въ его глазахъ со стороны короля, и онъ считалъ себя освобожденнымъ отъ своей присяги. Войско, права и власть государства принадлежали баронамъ; въ ихъ рукахъ была настоящая сила. Поэтому отъ доброй воли бароновъ зависѣло служить, или не служить королю, сражаться за него или противъ него. Королевская власть была захвачена баронами, осталось только имя ея. Права короля, также же какъ и права народа, то-есть земледѣльцевъ, перешли въ руки воинственной аристократіи. Таково было ленное государство; таково было состояніе Европы въ одиннадцатомъ вѣкѣ.

Англія, вслѣдствіе завоеванія, пошла по другому пути развитія. И въ Англіи приобрѣла большую силу рыцарская аристократія, но она не поглотила еще всѣхъ правъ короля, всѣхъ правъ земледѣльцевъ, когда Вильгельмъ Норманскій выигралъ сраженіе при Гастингсѣ (1066). Англія была у ногъ его. Онъ не хотѣлъ и не могъ оставить безъ награды свое рыцарское войско, привлеченное къ нему надеждой на богатые владѣнія въ завоеванной землѣ; но это войско должно было остаться въ его распоряженіи, иначе первое возстаніе Саксовъ уничтожило бы плоды побѣды. Онъ зналъ свойства леннаго государства, зналъ силу короны во Франціи. Онъ не былъ лишень организаторскаго таланта, свойственнаго Норманнамъ, и ничто не стѣсало его. Введенное имъ въ Англію феодальное устройство было возвращеніемъ къ формамъ прежней воинственной монархіи.

Всѣ лены, которыми могъ онъ распоряжаться, были раздѣлены поровну между баронами и прелатами.

По ту сторону моря могущество бароновъ основывалось на обширности ихъ владѣній и на частной зависимости отъ нихъ рыцарства округовъ, ввѣренныхъ имъ нѣкогда въ управленіе. Король Вильгельмъ сдѣлалъ бароніи менѣе обширными, нежели на материкѣ: самыя малыя состояли изъ 80, самыя большія изъ 700 рыцарскихъ лентъ. Онъ составилъ ихъ изъ отдѣльныхъ участковъ, разбросанныхъ по различнымъ округамъ. Баронія Карла Корнвальскаго имѣла 248 рыцарскихъ лентъ въ Корнвалѣ, 196 въ Йоркширѣ, 99 въ Нортгэмптонширѣ, 54 въ Соссексѣ (1). Рыцари, жившіе въ бароніяхъ, были обязаны присягать въ вѣрности не только барону, но и королю. Владѣніе этого баронъ не могъ, какъ на материкѣ, вести своихъ рыцарей на войну противъ короля.

На материкѣ могущество бароновъ основывалось на томъ, что они превратили правительственные округа въ свои полныя владѣнія. Вильгельмъ Норманскій рѣзко отдѣлилъ государственные округа отъ бароній. Барону не было дано никакихъ правъ, кромѣ военной власти, леннаго суда надъ рыцарями бароніи и низшей юрисдикціи надъ свободными земледѣльцами. Старые государственные округа, графства, продолжали существовать рядомъ съ бароніями. Вильгельмъ поручилъ управленіе ими особеннымъ сановникамъ, шерифамъ. Назначалъ ли онъ шерифами духовныя лица, бароновъ или рыцарей, онъ все-таки никогда не давалъ имъ этой должности въ лену. Въ жалованье назначались имъ не поземельныя владѣнія, а исключительно судебныя пошлины и третья часть пеней и штрафовъ. Шерифы были временные чиновники, комиссары короля. Для того, чтобъ они никогда не забывали своего положенія, они были обязаны два раза въ годъ отдавать королевскимъ казначеямъ отчетъ о доходахъ съ доменъ, находившихся въ управляемомъ ими графствѣ. Не бароны, а шерифы имѣли судебную власть. Они созывали всѣхъ свободныхъ жителей графства на собранія. На этихъ собраніяхъ графства судился свободный земледѣлецъ, такъ какъ и баронъ, исключая случаевъ, касавшіеся ленныхъ отношеній. Такимъ образомъ ни бароны не имѣли возможности превратить свои бароніи въ замкнутые су-

(1) Ellis, *Introduction to Domesday Book* I, 455.

дебные округа, ни владѣльцы рыцарскихъ помѣстій — привести своихъ сосѣдей земледѣльцевъ въ зависимость отъ себя и сжигать ихъ съ своими крѣпостными людьми. Рыцарь находилъ защиту отъ барона, земледѣлецъ защиту отъ рыцаря у государственнаго чиновника.

Вслѣдствіе того, что сохранился судъ графства, то-есть судъ короля, феодальной аристократіи не удалось въ Англіи осилить королевскую власть и сословіе земледѣльцевъ. Подчиненіе всѣхъ сословій одному суду внушило англійскимъ сословіямъ сознание нѣкотораго равенства въ ихъ правахъ: благодаря ему, у Англичанъ сохранилась свобода земледѣльцевъ, было спасено коренное германское право.

Войны бароновъ между собою и противъ короля тѣсно связали на материкѣ рыцарей бароніи съ барономъ общими предпріятіями, общею славой, общею добычей; укрѣпленные жилища рыцарей были источникомъ насилія и угнетенія земледѣльцевъ. Въ Англіи король Генрихъ II, сто лѣтъ послѣ Вильгельма-Завоевателя, уничтожилъ право бароновъ воевать другъ съ другомъ и разрушилъ ихъ замки: никто не долженъ былъ владѣть крѣпостью, кромѣ короля. Онъ же осмѣлился снова вооружить саксонское народонаселеніе земледѣльцевъ. Всѣ свободные собственники графства должны были съ этого времени участвовать въ народномъ ополченіи. Ополченіе было въ распоряженіи шерифовъ, которые назначали его офицеровъ и могли съ его помощью принудить бароновъ къ соблюденію общественнаго мира. Земледѣльцы были обязаны служить только въ предѣлахъ графства. Такимъ образомъ это народное ополченіе не могло, подобно ополченіямъ Карла Великаго, разорить земледѣльцевъ долгими и отдаленными походами. Вооруживъ земледѣльцевъ, Генрихъ въ то же время позволилъ рыцарямъ откупаться отъ ленной службы за моремъ, во Франціи и Ирландіи, службы одинаково неудобной для рыцарей и для короля (ленникъ былъ обязанъ служить только сорокъ дней въ году), посредствомъ взноса такъ называемыхъ конныхъ и щитовыхъ денегъ (въ послѣдствіи три фунта съ рыцарской лошади). Кромѣ того онъ ограничилъ употребленіе судебныхъ поединковъ. Его народное ополченіе возвратило земледѣльцамъ вмѣстѣ съ оружіемъ и самосознаніе. Шерифы охраняли свободныхъ земледѣльцевъ отъ господства рыцарей, но за то тѣмъ своевольнѣе и насильственнѣе, сами они обращались съ ними, видя въ нихъ покоренный народъ. Генрихъ II предписалъ шерифамъ и въ дѣлахъ по жа-

лобамъ на земледѣльцевъ не произносить рѣшенія однимъ, а предлагать и такія дѣла на обсужденіе присяжнымъ изъ собранія графства. Онъ основалъ постоянное судебное мѣсто для апелляціи на эти ассизы, — *королевскую лаву*. Для того, чтобы вѣрнѣе контролировать шерифовъ, комиссары, чиновники *шагманной доски* или казначейства, судьи *королевской лавы* ежегодно объѣзжали графства по его порученію.

Между тѣмъ какъ на материкѣ государственная жизнь разлагалась среди междуусобныхъ войнъ бароновъ и рыцарей, между тѣмъ какъ во Франціи была вынуждена провозгласить священный миръ церковь, не видѣвшая другаго спасенія, мы видимъ въ Англіи, въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, прочное общественное спокойствіе, твердую судебную власть, обнимающую все государство и имѣющую средства вынудить исполненіе своихъ приговоровъ; мы видимъ, какъ изъ законовъ Англосаксовъ и обычаевъ Норманновъ слагаются начала общаго земскаго права. Въ то время какъ материкъ зналъ одно только ленное войско, въ Англіи рядомъ съ леннымъ войскомъ, уже снова была восстановлена армія земледѣльцевъ. Могущественно и повелительно возвышалась въ Англіи королевская власть, тогда какъ въ Германіи она изнемогала въ тяжелой борьбѣ съ князьями и феодалными владѣльцами, тогда какъ во Франціи она превратилась въ призрачную верховность надъ какими-нибудь сорока ленами.

Папская власть уничижила королевскую власть въ Германіи. Папство, только что восстановленное нѣмецкими государями, отплатило имъ за эту услугу тѣмъ, что стало оспаривать у нихъ право на инвеституру епископовъ. Давать своимъ приверженцамъ духовныя лены было единственное средство правленія, оставшееся въ рукахъ императоровъ. Чтобъ еще болѣе обезпечить себѣ успѣхъ въ борьбѣ съ императорами, папы освободили нѣмецкихъ бароновъ отъ ленной присяги, давая имъ невѣрности не только опору внѣ государства, но и оправданіе непогрѣшимымъ авторитетомъ высшаго церковнаго владыки. Въ союзъ съ нѣмецкими князьями папы противопоставили императору другаго императора, и сдѣлали изъ Германіи избирательное государство.

Несчастная политика Гогенштауфеновъ сдѣлала зло неизлечимымъ. Главною цѣлю поставили они себѣ пріобрѣтеніе наследственныхъ владѣній въ Италіи. Папы должны были препятствовать имъ въ достиженіи этой цѣли, если не хотѣли отказаться отъ своего значенія: они сдѣлались бы провинціальными епископами

Гогенштауфеновъ, еслибъ этимъ послѣднимъ удалось утвердиться въ Неаполѣ и Сициліи. Какъ будто недовольно было съ нихъ борьбы со всѣмъ могуществомъ нѣмецкихъ князей, со всѣмъ могуществомъ папы, Гогенштауфены раздражили еще противъ себя сильные города верхней Италіи. Раздробленіемъ большихъ ленъ на малыя, постоянными дарованіями государственныхъ правъ и поземельныхъ владѣній, выдачею нѣмецкихъ городовъ нѣмецкимъ баронамъ, старались Гогенштауфены заготовить себѣ въ Германіи средства къ достиженію своихъ видовъ на Италію. Они пренебрегали единственнымъ средствомъ спасенія, союзомъ съ рыцарствомъ и городами Германіи. Въ тринадцатомъ столѣтіи они пали передъ соединенными силами папства, нѣмецкихъ князей и италіянскихъ городовъ, передъ соединенными силами церкви, аристократіи и демократіи тѣхъ временъ. Съ ихъ паденіемъ распалось государство, поставившее ихъ въ своей главѣ. Господство надъ Италіей погубило Нѣмецкую имперію.

Для англійской короны притязанія папства имѣли мало значенія. Англійскіе короли на своемъ далекомъ островѣ не были опасны для достоянія Святаго Петра, и съ другой стороны имъ не зачѣмъ было дорожить правомъ на инвеституру епископовъ. Установленныя ими учрежденія обезпечивали, и при свободномъ выборѣ капитуловъ, вѣрность духовныхъ ленниковъ, исполненіе ими военной службы, уплату налоговъ. Духовные сановники Англій, созданныя Генрихомъ II въ Кларендонѣ (1164), признали себя владѣтелями дарованныхъ королемъ бароній, подлежащими всѣмъ леннымъ обязанностямъ и суду короля. Тринадцатое столѣтіе видѣло, рядомъ съ распаденіемъ Нѣмецкой имперіи, возвышеніе королевской власти во Франціи, основаніе конституціи въ Англій. Между тѣмъ какъ борьба противъ папъ погубила корону въ Германіи, во Франціи корона усилилась съ помощію папства. Отдавшись въ распоряженіе папамъ и служа имъ, французскіе короли завоевываютъ еретическія княжества южной Франціи, а боковая линія ихъ овладѣваетъ Неаполемъ и Сициліей. Во главѣ новыхъ городскихъ общинъ, возникающихъ изъ бароній, французская корона покоряетъ сѣверныя и восточныя ленныя владѣнія. Короли берутъ присягу съ рыцарей, и такимъ образомъ отдѣляютъ ихъ отъ бароновъ; они учреждаютъ въ парижскомъ парламентѣ судебную власть, основанную на иностранномъ правѣ, признающемъ неограниченную власть государя, и этимъ учрежденіемъ даютъ рыцарямъ и городамъ защиту отъ бароновъ.

Между тѣмъ какъ нѣмецкіе бароны дѣлили между собой государство, на ихъ собратіяхъ въ Англіи лежалъ тяжелый гнетъ. Уголовная и полицейская власть, ленныя отношенія были для англійскихъ королей обильнымъ источникомъ доходовъ. Англійскіе короли наблюдали за исполненіемъ ленныхъ обязанностей своихъ вассаловъ съ энергіей и требовательностью, совершенно неизвѣстною на материкѣ. Не только отказъ въ военной службѣ, но и малѣйшій проступокъ ленника, относительно короля, наказывался тяжелыми пенями. Часто безъ всякой причины, ленника объявляли, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, виновнымъ передъ королею, и тогда онъ былъ принужденъ выкупать свою утраченную лену суммой, назначаемой королею по произволу (1). Пишлины за вступленіе во владѣніе поземельною собственностью, ленные налоги, были велики и взимались не въ однихъ только установленныхъ обычаяхъ случаяхъ (такіе случаи были: плѣнь короля, посвященіе въ рыцари старшаго сына, свадьба старшей дочери). Право опеки верховника надъ малолѣтнимъ наслѣдникомъ лены, право выдачи замужъ наслѣдницъ, употреблялись въ самыхъ широкихъ размѣрахъ для фискальныхъ цѣлей. Облегченія можно было ждать только отъ ограниченія обширной и произвольной власти короля. Англійскіе бароны должны были завоевывать себѣ то, что съ образованіемъ леннаго государства само собою досталось ихъ собратіямъ на материкѣ: рѣшительный голосъ въ совѣтѣ короля. Но никакой баронъ не отважился бы одинъ отказать въ повиненіи королю, какъ это ежедневно случалось на материкѣ. Только соединенными силами, совокупнымъ и единодушнымъ сопротивленіемъ всего сословія, только при содѣйствіи высшаго духовенства, надъ которымъ также тяготѣли ленныя обязанности, могли бароны надѣяться добиться чего-нибудь отъ могущественной королевской власти. Но въ Англіи короли не дали рыцарямъ сдѣлаться подданными бароновъ, не дали земледѣльцамъ сдѣлаться подданными рыцарей. Могли ли рыцари и земледѣльцы дозволить ослабленіе короны, которая служила имъ защитой? Какія бы уступки вынудили бароны у королевской власти, онѣ были бы непрочны, еслибы баронамъ не удалось привлечь на свою сторону низшія сословія, и заинтересовать ихъ въ поддержаніи добытыхъ правъ. Требуя себѣ правъ отъ короны, ба-

(1) Gneist, *Englisches Verfassungsrecht* S. 31 и слѣд.

роны должны были заступаться и за рыцарей, и за то саксонское народонаселеніе, которое они нѣкогда сами покорили съ оружіемъ въ рукахъ. Быстрымъ возстаніемъ удалось имъ принудить у слабого короля, потерявшаго владѣнія Англіи по ту сторону канала и только-что объявившаго себя ленникомъ папы, извѣстную Magna Charta (1215). Она опредѣляла, что съ того времени баронъ будетъ платить за вступленіе во владѣніе не болѣе ста маркъ, но что и рыцарь будетъ платить барону не болѣе ста шиллинговъ ленныхъ повинностей. Она опредѣляла, что король въ правѣ требовать ленныхъ податей только въ упомянутыхъ трехъ случаяхъ, установленныхъ обычаемъ. Бароны же обѣщали держаться этихъ правилъ и въ отношеніи къ своимъ рыцарямъ: они предоставляли рыцарямъ тѣ же льготы, которыя добыли сами. Если король захочетъ вмѣсто службы бароновъ и рыцарей собрать щитовыя деньги, то онъ долженъ опредѣлить ихъ сообща съ баронами. Если королю нужны экстренныя денежныя пожертвованія, то онъ можетъ требовать ихъ не иначе, какъ съ согласія бароновъ. Но бароны заботятся не только о себѣ и рыцаряхъ. Они постановляютъ соблюдать права городовъ, которыя до того времени поминутно покупались, подтверждались и были снова нарушаемы; не требовать отъ горожанъ никакихъ службъ, кромѣ установленныхъ обычаемъ построекъ мостовъ и плотинъ; городу Лондону не платить никакихъ повинностей безъ согласія бароновъ. Они опредѣляютъ въ пользу земледѣльцевъ, что старыя саксонскіе законы, то-есть внутреннее устройство и судопроизводство графствъ, останутся въ прежней силѣ; что шерифы не имѣютъ права требовать отъ свободныхъ земледѣльцевъ-собственниковъ работъ, лошадей и телѣгъ, не платя имъ. Принудивъ королевскую власть отказаться отъ права произвольно наказывать бароновъ, они объявляютъ, что всѣмъ жителямъ государства принадлежитъ право суда, что это право ни у кого не можетъ быть отнято, ограничено, или продано, что никто въ Англіи не можетъ быть наказанъ или осужденъ на денежную пеню, иначе какъ по приговору своихъ перовъ и согласно съ законами страны. Они опредѣляютъ, что судъ *общей лавы*, судебное мѣсто, отдѣлившееся отъ королевской лавы для апелляцій по всѣмъ дѣламъ не уголовнымъ или не касающимся интересовъ короля, не долженъ повсюду слѣдовать за королемъ, а долженъ оставаться на одномъ мѣстѣ, дабы всякій могъ имѣть къ нему свободный доступъ. Право сопро-

тивленія, въ случаѣ если король нарушитъ правила, изложенныя въ Magna Charta, бароны не только выговариваютъ себѣ, но и распространяютъ его на всѣ корпораціи, на всѣ общины государства, и постановляютъ, чтобы копіи съ этого договора были разосланы по всѣмъ приходамъ.

Англійская корона нисколько не была намѣрена подчиниться безъ борьбы конституціи, вырванной врасплохъ. Безъ сомнѣнія она очень скоро и вполнѣ осилила бы бароновъ, еслибы они отступили отъ пути, по которому пошли съ самаго начала, еслибы они перестали требовать правъ не для себя однихъ, но и для всѣхъ подданныхъ. Но они остались поборниками интересовъ всѣхъ сословій. Заявивъ въ договорѣ Magna Charta свою заботливость о правахъ низшихъ сословій, бароны требовали съ ихъ стороны дальнѣйшаго содѣйствія. Воля за исполненіе этого договора съ королемъ Генрихомъ III, вождемъ бароновъ, графъ Симонъ Монфортовскій, 20 января 1265 года пригласилъ рыцарство и значительнѣйшіе города страны принять участіе въ собраніи бароновъ. Это была попытка перевести правительственную власть изъ рукъ короля въ руки сословій. Бароны принуждены были противопоставить коронѣ совокупность подданныхъ; только въ этой совокупности была для нихъ возможность побѣды.

Корона помѣшала успѣху этой попытки силою оружія въ битвѣ при Ивесгамъ. Но она лишила бы себя плодовъ этой побѣды, еслибы отняла у рыцарей и горожанъ то, что недавно дали имъ бароны. Какъ могла корона устоять противъ грознаго могущества бароновъ безъ добровольнаго и энергическаго содѣйствія рыцарей и горожанъ, которые нѣкогда пользовались ея защитой? Конституція запрещала ей вводить налоги безъ согласія бароновъ. Должно ли было правительство поставить себя въ исключительную зависимость отъ доброй воли этого сословія? Не могли ли рыцари и горожане согласиться на то, въ чемъ отказывали бароны? Не они ли нуждались въ защитѣ правительства противъ вельможъ? Такъ Эдуардъ I, нуждаясь въ деньгахъ, пригласилъ не только бароновъ, но и рыцарей и горожанъ на парламенты (переговоры съ баронами), предписанныя Великою Хартіей, въ случаѣ требованія правительствомъ экстренныхъ налоговъ. Безъ сомнѣнія, когда право короля устанавливать налоги было ограничено, то правительству было выгоднѣе участіе рыцарей и горожанъ въ совѣтѣ нежели уча-

стіе бароновъ. Если бароны, имѣя въ виду прежде всего свои собственные интересы, постановили, чтобы никто не могъ быть судимъ иначе, какъ своими ровнями, то правительство, съ своей стороны, должно было еще болѣе стараться обезпечить права низшихъ сословій. При королѣ Эдуардѣ I судъ присяжныхъ окончательно введенъ въ общее употребленіе. Всякій, кто владѣлъ въ городѣ или за городомъ землей, дающею срокъ шиллинговъ дохода, имѣлъ право быть присяжнымъ.

Изъ этихъ началъ развилась конституція Англіи. Война съ Франціею, рѣдко прерывавшаяся и веденная съ перемѣннымъ счастьемъ, поставила въ XIV столѣтіи и въ первой половинѣ XV англійскую корону въ зависимость отъ бароновъ, высшего духовенства, рыцарей и горожанъ, отъ ихъ доброй воли нести денежные пожертвованія. Въ пятидесятилѣтнее правленіе Эдуарда III (1327 — 1377), парламентъ собирался пятьдесятъ разъ. Своими денежными вспоможеніями приобрѣлъ онъ себѣ права; деньгами была куплена свобода Англіи (1). Попытки вводить новые налоги, или удерживать старые долѣ назначеннаго срока, удавались только на короткое время, даже и такимъ энергическимъ правителямъ, какъ Эдуардъ I. Парламентъ за свое содѣйствіе требовалъ частныхъ и общихъ реформъ (2). Многочисленныя жалобы на нарушеніе правъ приходили со всѣхъ концовъ страны, какъ только собирался парламентъ. Король Ричардъ II въ 1382 году призналъ, что должно спрашивать совѣта и согласія общинъ, какъ при сборѣ налоговъ, такъ и при установленіи законовъ и во всѣхъ дѣлахъ, касающихся общихъ интересовъ государства (3). Повѣряя расходъ суммъ, ассигнованныхъ для извѣстнаго употребленія, парламентъ приобрѣлъ контроль надъ управленіемъ страны. Обсуживая, для чего корона требуетъ денегъ, онъ уже въ XIV столѣтіи получилъ голосъ въ вопросахъ о мирѣ и войнѣ (4). Право жалобъ на чиновниковъ короля дало ему нѣкоторое вліяніе на раздачу важнѣйшихъ должностей. Уже въ 1321 году совѣтъ бароновъ осудилъ двухъ важныхъ чиновниковъ короля Эдуарда II на изгнаніе, а въ 1330 Рожера Мортимера на смерть, за измѣну государству.

По праву лично являться въ парламентъ, по знатности и бо-

(1) Hallam, *Europa im Mittelalter*, 2, 461 нѣмецкаго перевода.

(2) Hallam, тамъ же, 300.

(3) Gneist, тамъ же, 141.

(4) Hallam, тамъ же, 317.

гатству, бароны стояли во главѣ парламента. Но они добровольно держались своей солидарности съ рыцарями и горожанами. Никогда бароны не пытались воспользоваться своимъ возвышеннымъ положеніемъ, своимъ могущественнымъ влияніемъ, чтобъ освободиться отъ налоговъ и отъ общихъ повинностей страны. Прелаты были тѣсно соединены съ баронами общимъ интересомъ противодѣйствія избытку королевской власти. И они стояли за конституцію. Къ праву сопротивленія бароновъ, если король нарушитъ Великую Хартію, прелаты присоединили, около половины XIII столѣтія, угрозу анаемы и вѣчнаго проклятія королю Генриху III, въ случаѣ если онъ измѣнитъ ей. Тѣ же причины, которыя заставили Вильгельма Завоевателя раздѣлить бароніи по ровну между воинами и духовенствомъ и принудили королей призывать вмѣстѣ съ баронами горожанъ и рыцарей, тѣ же причины побуждали ихъ приглашать въ парламента представителей высшаго духовенства въ большемъ числѣ. Приглашались не только епископы, но и аббаты и настоятели всѣхъ значительнѣйшихъ монастырей, такъ что въ XIV столѣтіи духовная аристократія была многочисленнѣе въ совѣтѣ бароновъ, нежели военная. Попытки короны противопоставить влиянію рыцарей и горожанъ низшее духовенство (каждый деканатъ долженъ былъ присылать двухъ депутатовъ въ парламента), не удалось, хотя повторялись нѣсколько разъ до конца XIV столѣтія. Прелаты остались представителями всего сословія. Владѣнія церкви несли ленныя и другія повинности, точно также какъ и свѣтскія владѣнія. Правда, прелаты попробовали разъ избавиться отъ непредвидѣнныхъ денежныхъ поборовъ. Они ссылались на то, что безъ соизволенія папы не могутъ платить податей (1297), но они тотчасъ же уступили, когда король Эдуардъ I сталъ угрожать, что отниметъ у церкви всѣ бароніи и объявитъ духовныя лица и имущества внѣ защиты своихъ судей (1). Вмѣшательство папъ въ раздачу церковныхъ должностей, налогъ на англійскую церковь въ пользу Рима, заставили духовенство прибѣгнуть къ защитѣ короля и парламента; король же и парламента постоянно брали сторону государства противъ распространенія духовнаго суда и другихъ притязаній церкви. Еще до окончанія XIII столѣтія могли быть ограничены въ Англійи пріобрѣтенія по выморочности. Тѣмъ не менѣе прелаты были принуждены дѣ-

(1) Pauli *Geschichte Englands*, 4, 111.

дѣйствовать за одно съ баронами, если не хотѣли остаться безъ защиты передъ ленною властью короля и притязаніями папы.

Когда нужны были денежные вспомошествованія, сословія предоставляли въ распоряженіе короля известную часть своей движимой собственности. Такъ предоставляется коронѣ право забрать тридцатую, пятнадцатую, двѣнадцатую, одиннадцатую, десятую, восьмую, седьмую, даже пятую часть всей движимой собственности такого-то сословія. Для этого оцѣниваются деньги, домашняя утварь, скотъ, орудія всякаго рода. Въ 1295 году дали бароны королю одиннадцатую часть, прелаты десятую, рыцари одиннадцатую, горожане седьмую. Въ 1305 году бароны, прелаты и рыцари дали тридцатую, горожане двадцатую часть. Въ 1333 году рыцари дали пятнадцатую часть, горожане десятую. Въ 1347 году корона получила вспомошествованіе только отъ бароновъ и прелатовъ; рыцари и горожане отказали въ немъ (1). Зато, два года спустя они дали три пятнадцатыхъ части. Въ 1360 году бароны и рыцари дали опять тридцатую, горожане двадцатую часть. Въ 1374 году корона требовала опредѣленную сумму: 100.000 фунтовъ; прелаты взяли на себя половину, хотя на долю церкви приходилась только третья часть собираемаго налога; другую половину уплатили свѣтскія сословія (2). Бароны, прелаты и рыцари несли большія тяжести, нежели другія сословія, потому что кромѣ экстренныхъ вспомошествованій, имъ приходилось платить щитовыя деньги, исполнять военную службу, и кромѣ того на нихъ лежали установленныя обычаемъ ленныя повинности.

Бароны достигли цѣли, для которой они вооружились противъ короля Іоанна, достигли вліянія въ совѣтъ короля и свободы отъ произвольныхъ поборовъ. Въ теченіи этой борьбы они слились съ прелатами въ одно сословіе, въ одну корпорацію. Они были прежде совѣтниками и помощниками короля въ его личномъ судѣ; ставъ во главѣ сословій, имъ удалось составить самостоятельный верховный судъ, правда, подъ предсѣдательствомъ королевскаго чиневника. Въ началѣ XV столѣтія, при королѣ Генрихѣ IV, они, послѣ долгой борьбы съ короной, доказали то, что баронъ могъ быть судимъ по уголовному дѣлу только этою коллегіею своихъ собратій (3).

(1) Hallam, тамъ же, 297. Pauli, тамъ же, 4. 353.

(2) Rot. Parliam. II, 304.

(3) Gneist. *Englisches Verfassungsrecht.* 134, 152.

Не бароніи, а правительственные округа, графства, соединяли рыцарей въ одно цѣлое, по отношенію къ государству. Не по бароніямъ, а по округамъ сзывались они въ парламентъ. Выборъ обоихъ представителей графства происходилъ подъ предсѣдательствомъ шерифа, на общемъ собраніи, въ которомъ свободные земледѣльцы участвовали также какъ и рыцари. Налоги также распредѣлялись на общихъ собраніяхъ. Вѣроятно, съ начала, земледѣльцы принимали мало участія въ выборѣ рыцарей-депутатовъ. Но подати, зависѣвшія отъ согласія рыцарей, падали на все графство: не на одни имѣнія рыцарей, но и на собственность свободныхъ земледѣльцевъ (1). Поэтому было едвали возможно и, во всякомъ случаѣ, не въ интересахъ короны, удалять свободныхъ земледѣльцевъ отъ выборовъ. Уже въ XIV столѣтіи при Эдуардѣ II и Ричардѣ II, было опредѣлено, что все графство, то-есть какъ имѣнія рыцарей, такъ и имѣнія крестьянъ, должны нести расходы представительства на собраніи сословіи (при Эдуардѣ II рыцарь получалъ ежедневно четыре шиллинга, горожанинъ два шиллинга); а Генрихъ IV въ 1406 году прямо объявляетъ право крестьянъ участвовать въ выборахъ. Въ избѣжаніе безпорядковъ на выборахъ, Генрихъ VI опредѣляетъ въ 1430 году, что это право принадлежитъ только тѣмъ крестьянамъ, которые могутъ быть присяжными, то-есть тѣмъ, которые имѣютъ 40 шиллинговъ годоваго дохода. Такимъ образомъ представители рыцарства сдѣлались въ то же время представителями земледѣльцевъ. Депутаты графства представляли рыцарскую и крестьянскую собственность, подчиненную однимъ и тѣмъ же законамъ.

Король Генрихъ II дозволилъ рыцарямъ откупаться отъ ленной службы щитовыми деньгами. Великая Хартія позволяла имъ продавать части своихъ имѣній; но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы остатокъ могъ нести ленныя повинности. Эдуардъ I въ 1290 году, съ согласія всего рыцарства, призналъ за рыцарями право свободного отчужденія имѣній, съ условіемъ, чтобы щитовыя деньги уплачивались попрежнему. Съ тѣхъ поръ въ Англіи каждый могъ приобрѣсти поземельную собственность, на которой лежала обязанность военной службы. Еще Ген-

(1) Hallam, тамъ же, 215, 264.

рихъ III, для увеличенія своихъ доходовъ, требовалъ, чтобы наследники ленъ принимали отъ короля посвященіе въ рыцари. Эдуардъ II въ 1307 году поставилъ это въ обязанность каждому поземельному владѣльцу, имѣющему 20 фунтовъ годового дохода. Это значило уничтожить старое рыцарство и создать совершенно новое; съ этого времени доступъ къ нему былъ не только открытъ, но и обязателенъ для всякаго зажиточнаго землевладѣльца; рыцарство было не что иное какъ сословіе зажиточныхъ землевладѣльцевъ.

Графства жаловались на злоупотребленіе власти и своеволіе шерифовъ. Чтобы прекратить эти жалобы, Эдуардъ III, въ 1363 году, лишилъ шерифовъ предсѣдательства въ судахъ графства. Судъ въ графствѣ былъ переданъ мировымъ судьямъ, назначаемымъ королемъ изъ рыцарей графства и изъ законовѣдовъ. Еще прежде конца XIV столѣтія, въ 1388 году, новое учрежденіе совершенно установилось. За шерифами остался, кромѣ управленія графствомъ и назначенія мѣстныхъ чиновниковъ, выборъ присяжныхъ и исполненіе приговоровъ. Какъ правительство было ограничено правами сословія, такъ теперь и должностная власть шерифовъ была заключена въ болѣе тѣсныя предѣлы.

Введеніе мировыхъ судей увеличило вліяніе владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій на администрацію государства; но оно принесло также существенную пользу и земледѣльцамъ, а особенно тѣмъ изъ нихъ, которыхъ положеніе было самое невыгодное, именно поданнымъ бароновъ и рыцарей. Шерифы не дали свободнымъ земледѣльцамъ впасть въ совершенную зависимость отъ своихъ знатныхъ сосѣдей; съ тѣхъ же поръ какъ бароны ограничили произвольные поборы королей съ ленниковъ, короли, съ своей стороны, вступились и за старыхъ подданныхъ бароновъ. Отнынѣ землевладѣлецъ не имѣлъ права произвольно требовать денежныхъ пожертвованій отъ своихъ подданныхъ, возвышать ихъ повинности, точно такъ же какъ и король не могъ произвольно налагать подати на своихъ вассаловъ. Шерифы должны были смотрѣть за тѣмъ, чтобы повинности вѣчныхъ людей, установленныя обычаемъ, не были возвышаемы. Въ то же время правительство ограничило вотчинный судъ помѣщиковъ. Мертонскій статутъ, изданный при Рихардѣ III въ 1237 году, запрещаетъ имъ содержать собственныя тюрьмы. Приговоры ихъ суда могли съ этого времени быть приводимы въ исполненіе только государствомъ и шерифами. Марльбриджскій статутъ, вышедшій въ 1268 году, при томъ

же король, подчинилъ суду графства всѣ споры касательно поземельной собственности, а вотчинному суду предоставилъ только процессы цѣнности менѣе 40 шиллинговъ. Въ 1369 году король Эдуардъ III постановилъ, что помѣщикъ не въ правѣ согнать своего подданнаго съ земли, если послѣдній исполнилъ обязанности, установленныя обычаемъ (1). Денежныя вспомошествованія, платимыя коронѣ баронами, высшимъ духовенствомъ и рыцарями, не были налогами на крѣпостныхъ, но поборами, падавшими на ихъ собственное имущество. Когда сословія, вслѣдствіе увеличившихся требованій короны, отступили отъ этого образа дѣйствія и наложили на всѣхъ жителей страны поголовную подать по классамъ, тогда баронъ платилъ отъ 6 до 2 фунтовъ, альдермены значительнѣйшихъ городовъ по 2 фунта, владѣльцы рыцарскихъ помѣстій и адвокаты, равно какъ и альдермены небольшихъ городовъ, по одному фунту; вольные крестьяне отъ 6 до 3 шиллинговъ, крѣпостные отъ 6 до 4 шиллинга; всѣ остальные, работники, слуги, по грошу, то-есть по четыре пенса. Но эта мѣра возбудила всеобщее негодованіе. Въ слѣдующемъ году налогъ повторился въ видѣ чистой поголовной подати. Каждый обязанъ былъ заплатить по грошу; только высшее духовенство дало по двадцати грошей, а низшее по три гроша съ человѣка. Тогда произошло сильное волненіе между низшими сословіями, феодалными подданными, на которыхъ теперь, кромѣ господскихъ повинностей, падали еще и государственныя налоги. Они вынудили у короля Ричарда признаніе вольными всѣхъ крѣпостныхъ и согласіе на то, чтобы съ акра земли бралось ежегодно въ пользу помѣщика не болѣе одного гроша. Возстаніе было подавлено, уступки взяты назадъ; но парламентъ отказался навсегда отъ системы подушныхъ податей. Положеніе крѣпостнаго съ этихъ поръ существенно улучшилось. Вскорѣ воспослѣдовавшее (въ 1386 и 1388 году) развитіе института мировыхъ судей совершенно уничтожило послѣдніе остатки судебной власти помѣщиковъ. При существовавшихъ уже ограниченіяхъ этой власти, бароны не могли дорожить такимъ жалкимъ правомъ. Къ чему служило рыцарямъ право судить, когда важнѣйшія дѣла не подлежали ихъ рѣшенію, когда они не имѣли права приводить въ исполненіе свои приговоры, когда на

(1) Hallam, тамъ же, 217, 480, 484.

вотчинный судъ каждый могъ апеллировать въ судъ графства? Сверхъ того они были вознаграждены за утрату вотчиннаго суда, возлагавшеюся на нихъ должностію мирового судьи и судебною властію надъ цѣлымъ графствомъ. Съ постепеннымъ упраздненіемъ вотчиннаго суда, въ теченіи XV столѣтія, изгладилось существенное различіе свободнаго земледѣльца отъ крѣпостнаго. Оба сословія равно подлежали суду графства. Король Эдуардъ IV значительно возвысилъ положеніе крѣпостныхъ, утвердивъ за ними право владѣнія участками и право жалобы передъ судомъ графства, въ томъ случаѣ когда помѣщикъ лишалъ ихъ участка (1). Съ тѣхъ поръ какъ крѣпостные люди стали владѣльцами земли, между ними и свободными земледѣльцами осталось весьма незначительное различіе. Ихъ повинности превратились въ ренту; изъ крѣпостныхъ сдѣлались они наслѣдственными арендаторами. Уже въ концѣ XV столѣтія крѣпостное состояніе исчезло въ Англіи, хотя до сихъ поръ на многихъ участкахъ тяготѣютъ повинности, происшедшія отъ крѣпостнаго права и еще невыкупленныя (2). Именно въ той странѣ Европы, гдѣ аристократія завоевала свои земли съ оружіемъ въ рукахъ, именно въ Англіи никогда не исчезало сословіе свободныхъ землевладѣльцевъ, положеніе крѣпостныхъ людей было лучше, чѣмъ гдѣ-либо, и ранѣе нежели гдѣ-либо совершилась эманципація.

Какъ англійскіе бароны, такъ и англійскіе города никогда не достигали того могущества и той самостоятельности, которую имѣли города Италіи, Германіи и Франціи. И города имѣютъ значеніе въ цѣлой Англіи не какъ отдѣльныя общества, не какъ республики, но какъ сословія. Они образовались, такъ же какъ на материкѣ, изъ общинъ, стоявшихъ подъ покровительствомъ барона, епископа или короля, то-есть платившихъ имъ подать. Они откупались отъ этого покровительства, то-есть отъ податной обязанности, а потомъ выкупили себѣ и самоуправленіе. Но имъ не было никакой нужды превращаться въ крѣпости, потому что ни бароны, ни рыцари не жили въ крѣпостяхъ. Имъ не надобно было заключать между собою вооруженные союзы, для охраненія путей сообщенія: правительство и его суды были блюстителями внутренняго спокойствія. Народоначеленіе не тѣснилось въ городахъ Англіи

(1) Hallam, тамъ же, 481.

(2) Hallam, тамъ же, 490.

до такой степени, какъ на материкѣ, гдѣ оно спасалось въ нихъ отъ крѣпостнаго права. Правда, и въ Англїи городская черта освобождала отъ крѣпости (1), но и въ внѣ города въ Англїи жили свободные люди рядомъ съ дворянствомъ. Англійскіе города не нуждались въ особомъ гражданскомъ судѣ, горожане мѣстечекъ были судьями графства, наравнѣ съ рыцарями и крестьянами, а судебныя учрежденія и развитіе права въ цѣломъ государствѣ дѣлали ненужнымъ образованіе отдѣльнаго городского права. Связь горожанъ съ судами графства не допускала рѣзкаго различія, отдѣлявшаго на материкѣ городъ отъ области, и законы, издаваемые совокупно королемъ и парламентомъ, простирались равно на города и села. Въ Англїи никогда монополія ремеслъ не принадлежала городамъ, никогда ремесла не подвергались стѣсненіямъ внѣ города. Англїя не признавала за дворянствомъ монополію землевладѣнія, а за горожаниномъ монополію ремесла. Съ тѣхъ поръ, какъ всякій болѣе значительный землевладѣлецъ долженъ былъ принимать посвященіе въ рыцари, санъ и значеніе чловѣка перестали зависѣть отъ достоинства рыцаря. Былъ открытъ путь черезъ пропасть, которая отдѣляла сословія, носящія оружіе, отъ сословія, не носящихъ его. Поголовный налогъ 1375 года ставилъ рыцарей наравнѣ съ адвокатами и съ альдерменами городовъ. Если всѣ значительнѣйшіе землевладѣльцы носили титулъ рыцаря, то не было причины отказывать въ немъ и болѣе зажиточному классу горожанъ. Со временъ Эдуарда IV городской патриціатъ начинаетъ носить титулъ *эсквайра*, такъ же какъ и сельскій; а при Генрихѣ VII одинъ горожанинъ избирается сословіемъ горожанъ и рыцарей въ *ораторы* (президенты) нижней палаты. При Елизаветѣ титулъ *эсквайра* носятъ уже всѣ значительныя лица городского сословія (2).

Особенныя средства городовъ платить налоги были причиною того, что короли приглашали въ парламентъ во множествѣ тѣ городскія общины, которыя пользовались уже самоуправленіемъ. Въ 1283 году Эдуардъ I пригласилъ въ парламентъ двадцать одинъ городъ; въ 1295 году онъ созвалъ представителей изъ ста городовъ. Нѣкоторые изъ нихъ отказались въ послѣдствіи отъ представительства, считая слишкомъ для себя обременительными издержки на двухъ депутатовъ. Но все-таки число

(1) Hallam, тамъ же, 485, 488.

(2) Hallam, тамъ же, 405.

городовъ, пользовавшихся этимъ правомъ, было очень велико, сравнительно съ числомъ графствъ. Обычай опредѣлялъ мало-помалу города, присылающіе представителей въ парламентъ: ихъ было отъ 80 до 90 (1). Теперь въ парламентъ вчетверо болѣе представителей городовъ, чѣмъ представителей графствъ. Бароны засѣдали и подавали голоса на основаніи личнаго права, рыцари представляли отдѣльныя корпораціи, такъ же какъ и горожане. У нихъ нашлись общія выгоды, взаимныя жалобы на управленіе, одинакіе интересы относительно налоговъ. Если королю, кромѣ налоговъ на собственность, дозволялось брать пошлину за вывозъ шерсти и кожъ, за ввозъ вина, то первая статья падала и на владѣльцевъ имѣній и на купцовъ, а въ винѣ, какъ рыцари, такъ и горожане чувствовали одинакую потребность. Составляя какъ бы одно сословіе, рыцари и горожане получали возможность упорно сопротивляться коронѣ. Такимъ образомъ рыцарство Англій еще въ XIV вѣкѣ не пренебрегло тѣмъ, что такъ упорно отвергало французское рыцарство въ концѣ XVIII столѣтія: сойтись на общее совѣщаніе и рѣшать вопросы сообща съ торгашами. А въ XIV вѣкѣ въ Англій на сторонѣ рыцарства было меньшинство депутатовъ, тогда какъ во Франціи рыцарство не хотѣло сойтись съ горожанами даже и въ равномъ числѣ для общихъ совѣщаній. Почти до конца XIV столѣтія графства и города отдѣльно опредѣляли денежные вспоможенія; почти до того же времени упоминаются отдѣльныя постановленія рыцарей и горожанъ, но уже въ послѣдніе годы правленія Эдуарда III депутаты графствъ и городовъ совѣщаются вмѣстѣ и вмѣстѣ выбираютъ *оратора* для руководства своихъ совѣщаній (2).

Такимъ образомъ графства и города слились въ одно сословіе, подобно тому, какъ въ одно же сословіе слились бароны и высшее духовенство. Какъ старые совѣтники короля, епископы и бароны, такъ и новые — рыцари и горожане — составили одно цѣлое. Этимъ единодушіемъ добились они права назначенія налоговъ, которое Великая Хартія признавала за одними баронами, права подачи голосовъ при составленіи законовъ и контроля надъ управленіемъ. Когда всѣ жалобы на какого-нибудь изъ высшихъ чиновниковъ короны оставались тщетными, то низшія сословія обращались въ палату лордовъ,

(1) Hallam, тамъ же, 402.

(2) Rot. Parl. II. 322.

которая, съ теченіемъ времени, сдѣлалась высшею судебною инстанціею страны. Первая жалоба такого рода была подана низшими сословіями на лорда Латимера въ 1379 году. Когда король Ричардъ II потребовалъ въ 1386 году сильнаго денежнаго вспомошествованія, то низшіе классы отвѣчали обвиненіемъ на совѣтниковъ короля и жалобою на канцлера Михаила de la Pole, горожанина, возведеннаго королемъ въ достоинство графа Суффолькскаго. Канцлеръ былъ присужденъ лордами къ тюремному заключенію. Съ тѣхъ поръ при короляхъ изъ Ланкастерскаго дома жалобы слѣдовали одна за другою. Рядъ ихъ заключается въ 1450 году осужденіемъ графа Суффолька на пятилѣтнее изгнаніе. Такимъ образомъ, соединившись въ двѣ большія корпораціи, подданные являются передъ короной во имя общаго интереса, на основѣ общаго права и равенства передъ налогомъ. Сословія Англіи, въ борьбѣ съ могущественною королевскою властію, приобрѣли благотворное для страны вліяніе на управленіе, потому что сумѣли отказаться отъ исключительныхъ прерогативъ.

Представительныя учрежденія, получившія первое начало въ Англіи въ XIII вѣкѣ и выработавшіяся въ XIV и въ первой половинѣ XV, достались и матеріку. Но здѣсь чины являются не вслѣдствіе чрезмѣрной королевской власти, отъ которой Англія искала защиты въ сословныхъ правахъ; здѣсь чины, или штаты, являются вслѣдствіе того, что королевская власть нуждается въ помощи и опорѣ. Предпріятія и распоряженія королей зависѣли на материкѣ отъ доброй воли бароновъ, которыхъ они и старались склонять на свою сторону, на совѣщаніяхъ съ ними въ парламентахъ. Когда же эманципація городскихъ общинъ поколебала ленную власть, когда свобода простолюдина стала возникать изъ развалинъ ленной системы, тогда рядомъ съ духовною и военною аристократіею, появился въ государствѣ демократическій элементъ, появились общины, державшія сторону короля, противъ произвола, феодальной власти и возраставшаго могущества бароновъ. Такъ короли Франціи, въ началѣ XIV столѣтія, стали приглашать вмѣстѣ съ баронами и прелатами, представителей городовъ и рыцарскихъ корпорацій въ парламентъ, чтобы вынудить денежное вспомошествованіе и согласіе на свои распоряженія. Бароны, въ своихъ владѣніяхъ, должны были слѣдовать примѣру короны. Въ этомъ вѣкѣ генеральныя штаты быстро приобрѣли во Франціи большое зна-

чваніе, рѣшительный голосъ на этихъ собраніяхъ принадлежитъ городамъ.

Въ Германіи императорамъ даже не приходило въ голову приглашать на совѣщанія рыцарство и горожанъ, находившихся въ ленной зависимости отъ бароновъ. Бароны въ Германіи сдѣлались имперскими князьями; императоры и не помышляли о томъ, чтобы противопоставить имперскимъ князьямъ низшія сословія и силою общихъ интересовъ этихъ сословій прекратить раздробленіе государства между князьями. Императоры, хотѣвшіе господствовать надъ всѣмъ материкомъ Европы и подчинить себѣ папство, отказались потомъ въ самой Германіи отъ національнаго значенія, съ тѣмъ малодушнымъ непостоянствомъ, легко переходящимъ отъ высочайшаго къ ничтожнѣйшему, которое составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ недостатковъ нѣмецкаго характера, отказались для того, чтобы по примѣру своихъ ленниковъ употребить остатокъ своего могущества на расширеніе княжеской своей территоріи, то-есть своего частнаго, семейнаго владѣнія. Коалиція папы и князей сдѣлала Имперію избирательною; князья могли постоянно препятствовать опасному увеличенію власти императорскаго дома, вручивъ правленіе другому. Такимъ образомъ Германія не пошла далѣе сейма князей. Раздѣленіе сейма на двѣ отдѣльныя корпораціи принесло бы болѣе вреда нежели пользы, и даже присутствіе представителей городовъ, совершенно освободившихся отъ верховности ленныхъ владѣльцевъ, не могло измѣнить характера нѣмецкаго сейма, какъ собранія въ сущности независимыхъ государей, независимыхъ государствъ. Въ Германіи земскія льготы образуются отдѣльно по разнымъ областямъ. Духовенство, рыцари, горожане пріобрѣтаютъ здѣсь въ отношеніи къ князьямъ, ставшимъ независимыми государями, права, гораздо болѣе обширныя, нежели права англійскаго парламента. Они имѣли не только неоспоримое право опредѣленія налоговъ, но и принимали участіе въ судѣ и управленіи черезъ посредство установленныхъ ими властей. Не рѣдко отъ нихъ зависѣло отвергать, или подтверждать договоры съ иностранными государствами, они имѣли даже право соединяться по своему усмотрѣнію и противиться князю вооруженною силою. Это еще болѣе разъединяло германскія области.

Въ исходѣ XV вѣка королева остальномъ материкѣ и князья въ Германіи успѣвають усилиться насчетъ земскихъ льготъ. Города помогаютъ королямъ, старающимся возстановить миръ и спокойствіе страны. Они охотно уступаютъ свои права коронѣ, во-

дворянствующей въ странѣ спокойствіе, порядокъ и законность. Судебная власть, учрежденная для этого королями и князьями опирается на чуждое римское право, которое въ лицѣ чиновниковъ, по немъ образовавшихся, представляетъ королямъ надежнаго союзника, чтобы низложить своеволие бароновъ и рыцарей. И вмѣстѣ съ тѣмъ это право уничтожаетъ мѣстные льготы, мѣстное самоуправленіе среднихъ вѣковъ, демократическія начала сохранившіяся въ ленномъ и въ сословномъ государствѣ. Если право для всѣхъ одинаково, то мѣстное развитіе права въ судахъ не можетъ существовать; если притомъ право это чуждое и не для всѣхъ понятное, то, разумѣется, оно не извѣстно ни рыцарю, ни горожанину, ни крестьянину. Народное право уступило мѣсто праву юристовъ. Самостоятельный доселѣ судъ рыцарей, горожанъ и крестьянъ, и мѣстные суды начинаютъ переходить въ руки чиновнаго сословія.

Нельзя отрицать, что въ возвышеніи должностнаго сословія, въ возвышеніи заслуги на ряду съ рожденіемъ и привилегіей, заключается демократическій элементъ, но это возвышеніе произошло при такихъ условіяхъ и служило такой цѣли, которыя должны были уничтожить частныя автономіи леннаго и сословнаго государства и въ то же время препятствовать замѣненію ихъ всеобщими льготами и всеобщимъ единствомъ обширнаго цѣлаго.

Хотя религіозныя войны XVI и XVII столѣтій и колебали мѣстами монархическую власть, онѣ все-таки оканчиваются ея усиленіемъ: онѣ разрушаютъ значеніе и самостоятельность духовенства и передаютъ, въ большей или меньшей степени, его владѣнія, его доходы, его должности и права въ распоряженіе государей. Не только реформація ставитъ церковь въ зависимость отъ протестантскихъ монарховъ, но даже въ католическихъ странахъ папы принуждены отказаться отъ самостоятельности епископовъ и духовенства, чтобы склонить государей къ поддержанію католическихъ догматовъ. И здѣсь, и тамъ духовенство подчиняется государю. Даже въ Испаніи папы принуждены утверждать епископовъ, которыхъ назначаетъ король. Вмѣсто папской власти господствуетъ, какъ надъ государственными, такъ и надъ церковными дѣлами власть королевская, ведущая свое начало отъ Бога.

Вскорѣ по окончаніи религіозныхъ войнъ, послѣ побѣды королевской власти надъ духовенствомъ, во второй половинѣ XVII столѣтія, была рѣшена побѣда ея и надъ остальными со-

словіями: надъ баронами, рыцарями и городами. Во Франціи раздѣленіе генеральныхъ штатовъ на духовенство, дворянство и горожанъ, подача голосовъ по сословіямъ, а въ каждомъ сословіи по стариннымъ леннымъ областямъ, давали королямъ возможность легче восторжествовать надъ генеральными штатами, нежели надъ стойкію аристократическихъ родовъ. Сильною рукою они собрали прежнія лены, превратили ихъ въ провинціи и, посредствомъ своихъ интендантовъ, проложили путь неограниченной власти. Вслѣдствіе совершеннаго распадена имперіи, въ Германіи такой порядокъ вещей могъ развиваться только въ предѣлахъ отдѣльныхъ территорій. И здѣсь духовенство стало въ зависимость отъ государей, или исчезло изъ сословныхъ собраній. Здѣсь рыцари не были представителями земледѣльцевъ и не избирались ими. Налоги, на которые соглашались рыцари, падали не на нихъ, а на ихъ крѣпостныхъ людей. Города и рыцари также не сошлись въ общихъ интересахъ. Каждое сословіе пользовалось своими правами для того, чтобъ избавляться отъ государственныхъ повинностей и сваливать ихъ на другое сословіе. При помощи юридически образованной бюрократіи государямъ было не слишкомъ трудно разрушить учрежденія, которыя противорѣчили общимъ государственнымъ учрежденіямъ и служили однимъ только эгоистическимъ, частнымъ интересамъ. Во Франціи побѣда королевской власти надъ сословіями, надъ вельможами и городами, имѣетъ великое значеніе: эта побѣда возстановила національное единство, собрала всѣ силы народа въ одно могущественное государство. Въ Германіи побѣда государей надъ сословіями не имѣетъ такого значенія. Здѣсь она послужила лишь къ установленію мелкой тиранніи, которая истощала силы области для удовольствій двора, и только въ немногихъ счастливыхъ территоріяхъ заботилась для общаго блага о хорошемъ распредѣленіи налоговъ, о законодательствѣ и военномъ устройствѣ. Эта побѣда княжеской власти довершила раздробленіе Германіи, ибо теперь каждый, даже самый мелкій князь могъ имѣть свою собственную внѣшнюю политику.

Въ Англіи не нужно было утверждать единство государства: оно было уже утверждено Вильгельмомъ Завоевателемъ. Нечего было стараться о возстановленіи государственной юрисдикціи: она существовала уже нѣсколько столѣтій въ *королевской лавѣ* (Kings Bench) и въ судахъ графствъ. Не было потребности въ новомъ правѣ, ибо у Англіи было общее земское право. Ненужно было вводить новыя государственныя

должности, новое управленіе: они существовали издавна. Не нужно было бороться и съ эгоизмомъ сословій. Англійскій парламентъ не былъ ни агрегатомъ провинціальныхъ чиновъ, ни суммою противорѣчій сословныхъ интересовъ. Рыцари, горожане и земледѣльцы были соединены общимъ представительствомъ. И здѣсь однако королевская власть усиливалась все болѣе и болѣе въ XVI и XVII вѣкахъ, и здѣсь, казалось, могущество короны подавить права парламента. Въ долгой и упорной борьбѣ ланкастерскаго дома съ йоркскимъ воля парламента должна была уступить силѣ оружія. Продолжительная война сломила могущество бароновъ и рыцарей, но оставшіеся изъ нихъ сохранили воинственные нравы, къ которымъ снова привыкли въ войнѣ съ Франціей и въ междуусобныхъ распряхъ. Генрихъ VII возстановилъ сильною рукою общественное спокойствіе. Онъ запретилъ баронамъ и рыцарямъ держать вооруженную прислугу. Онъ придалъ отдѣленію государственнаго совѣта, такъ называемой звѣздной палатѣ, чрезвычайную карательную власть. Путемъ инквизиціоннаго процесса, эта инстанція должна была карать всѣ оскорбленія королевскаго величества, всякое нарушеніе земскаго мира, всякій проступокъ, всякую «неблагонамѣренность» (disaffection) относительно короля. Противодѣйствуя стремленію церкви къ независимости, Генрихъ присвоилъ коронѣ право раздачи половины всѣхъ духовныхъ должностей. Его преемникъ пошелъ далѣе по этому пути. Онъ отторгнулъ англійскую церковь отъ Рима, чтобы совершенно подчинить ее коронѣ. «Онъ вѣшалъ приверженцевъ Лютера и сжигалъ приверженцевъ папы.» Подчинивъ церковь свѣтской власти и ставъ самъ на мѣсто папы, онъ посягалъ даже на измѣненіе догматовъ. Елисавета окончила догматическую реформу: какъ звѣздная палата наказывала съ произвольною строгостью всякую неблагонамѣренность противъ короля, такъ теперь высшій церковный совѣтъ, верховная комиссія, назначаемая короной, карала всякое отступленіе отъ вѣры, утвержденной правительствомъ. Новая церковь была у ногъ короны, которая одна могла защитить ее отъ притязаній папства; она проповѣдывала божественное начало королевской власти, ея неограниченность, безусловное, пассивное повиновеніе волѣ короля еще гораздо сильнѣе, нежели нѣмецкіе юристы и богословы. Елисавета была могущественнѣе своихъ двухъ предшественниковъ. Не касаясь формъ государственнаго устройства, она расширила

правительственную власть. Черезъ посредство шерифовъ она имѣла вліяніе на выборы въ парламентъ и назначеніе присяжныхъ, и призывала ихъ къ отвѣту передъ звѣздною палатой, если приговоры ихъ ей не нравились. Кромѣ звѣздной палаты и церковнаго совѣта, она устраивала еще другіе чрезвычайные суды, рядомъ съ обыкновенными судами, и сверхъ того разсылала по графствамъ комиссаровъ съ судебною властью. Постоянные заговоры католиковъ оправдывали такія мѣры. Чтобъ обойти контроль парламента, она прибѣгала къ понудительнымъ займамъ у людей богатыхъ, налагала самовольно пошлины, продавала торговыя монополіи. Верхняя палата сдѣлалась услужливымъ орудіемъ короны. Епископы назначались правительствомъ; они были чиновники, которыхъ правительство могло смѣнять по усмотрѣнію. При Эдуардѣ IV половина аристократовъ подверглась опадѣ, какъ приверженцы ланкастерскаго дома. Черезъ это пятая часть всей поземельной собственности государства досталась коронѣ (1). Послѣ сраженія при Босвортѣ осталось только двадцать девять лордовъ. Генрихъ VIII снова увеличилъ это число до пятидесяти одного и надѣлилъ новыхъ перовъ конфискованными помѣстьями церкви. Исключенные изъ парламента католическіе лорды были замѣнены посредствомъ новыхъ креацій. Нижняя палата видѣла съ гордостью, что могущество Испаніи разбилось о деревянныя стѣны Англіи, и только изрѣдка, въ вопросахъ, касающихся матеріальныхъ условій жизни, отваживалась на скромную оппозицію. Конфискація имѣній церкви создала множество новыхъ собственниковъ и новыхъ интересовъ; реформація соответствовала стремленіямъ англійскаго народа, и Англія стояла при Елисаветѣ во главѣ протестантской Европы.

Религіозное движеніе совершенно нарушило прежній порядокъ вещей въ Англіи и создало совершенно новыя отношенія. Оно поставило духовенство болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь въ зависимость отъ короны; оно дало возможность Тюдорамъ взять въ свои руки диктатуру реформы, и воздвигнуть въ національномъ интересѣ власть почти неограниченную. Стюарты хотѣли довершить побѣду короны. Для этого нужно было только унничтожить формы парламентскаго устройства. Это могло бы

(1) Gneist, *Engl. Verfassungsrecht* S. 157.

удаться энергическимъ правителямъ, которые дѣйствовали бы въ духѣ національныхъ стремленій и удерживали бы за Англіею гегемонію протестантскихъ интересовъ Европы. Но Стюарты пошли по противоположному пути. Они отказались поддерживать протестантовъ во Франціи, въ Нидерландахъ, въ Германіи, и вмѣсто того стали искать союза съ католическими державами, съ Испаніей и Франціей. По примѣру этихъ государствъ, Яковъ I и Карль I считали преобладаніе католическихъ идей въ церкви необходимымъ для утвержденія неограниченной власти престола. Карль объявилъ, что парламентъ есть только совѣщательное собраніе, и что его дальнѣйшее существованіе зависитъ отъ его покорности. Онъ правилъ десять лѣтъ безъ парламента и самъ назначалъ и взималъ налоги. Лордъ Страффордъ говорилъ: «Они привыкнутъ черезъ нѣсколько лѣтъ».

Такимъ образомъ Стюарты посягали не только на политическую, но и на религіозную свободу страны, на народное представительство и народное вѣроисповѣданіе. Чтобы спасти религіозную свободу, народное вѣроисповѣданіе, Англія вспомнила свои парламентскія права. Оппозиція нижней палаты высказалась при Яковѣ I протестомъ противъ союза Англіи съ католическими державами. Лордъ Страффордъ осилилъ сопротивленіе парламента; но церковныя преобразованія архіепископа Лода, возстановленіе католической литургіи и формъ католической церкви, дали ему новую силу и воспламенили революцію. Не нарушеніе правъ парламента, а посягательство на народное вѣроисповѣданіе погубило Стюартовъ.

Реформація сверху была въ Англіи реформаціей снизу; на встрѣчу преобразующему правительству вышелъ преобразующій народъ. Если правительство при своихъ преобразованіяхъ имѣло въ виду господство государства надъ церковью, то умы народа были воспламенены новымъ ученіемъ. *Пуритане* противопоставили остаткамъ католицизма чистоту новой вѣры, супрематіи короля самоуправленіе церкви, епископамъ догматъ всеобщаго священства, придворному богословію Библію, тридцатидевяти артикуламъ искреннюю вѣру, верховному церковному совѣту собственное убѣжденіе. Они охотно, даже съ радостью, сносили тираннію Елисаветы, покуда Англія воевала противъ Испаніи, противъ католицизма; но теперь корона стояла за католицизмъ, теперь сама корона заставляла приверженцевъ англиканской церкви переходить въ лагерь пуританизма. Вспомнились тогда

приходившія въ забвеніе права земства; ими воспользовались, чтобы ввести въ англійской церкви синодальное устройство.

Не парламентъ, не партія пресвитеріанъ одержали побѣду. Въ теченіе этой борьбы радикалы, иллюминаты научились дисциплинѣ, не переставая быть фанатиками. Они съ мечомъ въ одной рукѣ, съ Библіей въ другой, низвергли сначала короля, потомъ парламентъ и воздвигли въ Англии пѣтистическую военную диктатуру, диктатуру конвентиколовъ. Тяжкій гнетъ ихъ оружія, ихъ мрачная нетерпимость проложили дорогу реакціи, которая возстановила королевскую власть и англианизмъ въ большей силѣ, чѣмъ прежде, и повидимому дала Карлу II средства загладить неудачу отца и утвердить абсолютизмъ въ Англии, въ то самое время, когда Лудовикъ XIV въ Франціи сломилъ послѣднее сопротивленіе аристократіи и парламента, а нѣмецкіе государи окончательно одержали верхъ надъ чинами Германіи. Религіозное пламя выгорѣло: англиканская церковь боялась пресвитеріанъ и индепендентовъ, болѣе нежели католиковъ. Дѣйствительно, Карлу II удалось поставить судебную власть въ зависимость отъ короны, уничтожить значеніе городскихъ корпорацій, удалить отъ государственныхъ и церковныхъ должностей всѣ противодѣйствующие элементы, не нарушая впрочемъ формъ государственнаго устройства. Но возвращеніе къ политикѣ Карла I, тайный и открытый союзъ съ Лудовикомъ XIV поколебали уже реакціонное расположеніе въ народѣ, когда переходъ Якова II въ католицизмъ снова пробудилъ дремлющую оппозицію. Явная враждебность къ народному вѣроисповѣданію принудила наконецъ къ открытому сопротивленію. Религіозные интересы возвысили королевскую власть при Тюдоряхъ; они же сокрушили ее при Стюартахъ. Въ Англии изъ религіозныхъ войнъ XVI и XVII вѣковъ вышелъ побѣдителемъ парламентъ, а не королевская неограниченная власть, какъ на материкѣ.

Договоръ, заключенный съ Вильгельмомъ Оранскимъ, утвердилъ навсегда не только протестантизмъ, но и права парламента (1688). Еще заботливѣе оградилъ онъ независимость судебной власти, права корпорацій, графствъ и городовъ, права личности и собственности отъ произвольныхъ разрушеній. Управление страны посредствомъ графствъ избавило Англию отъ сословія ученыхъ чиновниковъ, которое на материкѣ основывало свою власть, служа власти короля. Един-

ственная постоянная армія, каковую знала Англія, была революціонная армія Кромвеля. Воспоминаніе о ней было еще ненавистнѣе приверженцамъ свергнутой династіи, торіямъ, нежели приверженцамъ новой, вигамъ. Несмотря на войны, наполнявшія XVIII столѣтіе, Англія, какъ островъ, менѣе нуждалась въ многочисленной арміи, нежели государства материка Европы. Не зная особенностей страны, курфирсты ганноверскіе были принуждены предоставить обширную власть туземнымъ министрамъ. Партія настоящихъ роялистовъ, приверженцы англиканской церкви, большая часть рыцарства, сѣвшая на коней за Карла I, отрицали право Вильгельма, право Ганноверскаго дома на престолъ: они стояли за законныхъ королей, за династію Стюартовъ, они были якобитами. Такимъ образомъ новая династія была принуждена опираться на либеральную партію, на виговъ. Но эта партія уже при Карлѣ II и при Яковѣ II защищала права парламента. Она стояла за права парламента, точно такъ же какъ и за права Ганноверскаго дома. Новая династія была принуждена признать права парламента во всемъ ихъ объемѣ, если хотѣла удержаться на престолѣ. Министры изъ партіи виговъ, стоявшіе во главѣ управленія почти непрерывно въ теченіи шестидесяти лѣтъ, укрѣпили права парламента. Они дали перевѣсъ нижней палатѣ. Когда Вальполь въ 1716 году закономъ о семилѣтнемъ продолженіи парламента, придалъ нижней палатѣ болѣе самостоятельности, какъ въ отношеніи къ избирателямъ, такъ и въ отношеніи къ верхней палатѣ и королю, тогда открылась для парламента возможность принять въ свои руки самое управленіе страной. Торіи, удаленные отъ правительства, постоянно подозрѣваемые въ заговорахъ противъ новой династіи, должны были подѣ министерствомъ виговъ стоять за независимость судебной власти, за неприкосновенность личности и собственности. Отъ этого зависѣла ихъ собственная безопасность. Они должны были поддерживать значеніе и вліяніе парламента, ибо ихъ собственное значеніе и надежда на побѣду основывались на томъ мѣстѣ, которое занимали они въ парламентѣ. Сила обстоятельствъ заставила торіевъ принять принципы виговъ какъ оборонительное и наступательное оружіе, преобразоваться въ партію парламента.

Когда же, въ послѣдствіи, сраженіе при Коллоденѣ (1745) уничтожило всѣ надежды якобитовъ, когда вся масса торіевъ изъ партіи Стюартовъ превратилась въ партію Ганноверскаго дома

и получила такимъ образомъ доступъ къ правленію, тогда тори надѣлали, правда, большихъ ошибокъ во внѣшней политикѣ. Они безразсудно принудили потомковъ старинныхъ пуританъ по ту сторону океана отложиться отъ Англіи, но какъ ни стояли они за права короны, они никогда не пытались расширить ея могущество насчетъ правъ парламента. Этимъ они ослабили бы себя самихъ, лишили бы себя значенія политической и парламентской партіи. Но дѣло шло уже не о распространеніи правъ парламента, которыхъ корона не оспаривала. Теперь партіи должны были состязаться другъ съ другомъ въ вопросахъ практической политики, въ соблюденіи интересовъ государства; борьба ихъ состояла въ томъ, кто принесетъ больше пользы странѣ и черезъ это одержитъ верхъ на выборахъ. Тори изъ роялистовъ и абсолютистовъ сдѣлались консервативною партіей, которая стояла за существующее устройство, за права англиканской церкви противъ католиковъ и диссентеровъ и, заключая въ себѣ большинство сельскаго *джентри*, была представительницей интересовъ поземельныхъ владѣльцевъ. Виги же, къ которымъ принадлежали фамиліи высшей аристократіи, городское *джентри* и меньшинство сельскаго, сдѣлались представителями прогресса и преобразованій въ интересахъ низшихъ классовъ общества. Ни одно европейское государство не совершило въ послѣднее тридцатилѣтіе такихъ глубокихъ преобразованій своей внутренней жизни, какъ Англія, и теперь обѣ партіи стоятъ за реформы.

Управленіе было въ рукахъ аристократіи: она составляла верхнюю палату, она занимала ббльшую часть нижней, она возвышала и свергала министровъ, она, по своему значенію въ нижней палатѣ, могла распорядиться множествомъ церковныхъ мѣстъ и низшихъ правительственныхъ должностей. Но положеніе этой аристократіи было оригинальное. Законными преимуществами пользовались только члены верхней палаты, если не потомки, то по крайней мѣрѣ преемники бароновъ Вильгельма-Завоевателя. Теперь въ англійской верхней палатѣ существуетъ только четырнадцать перовъ, которыхъ предки были перами въ тринадцатомъ, четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ; столько же фамилій, носящихъ этотъ санъ съ шестнадцатаго вѣка. Пятьдесятъ четыре пера ведутъ свое достоинство отъ Стюартовъ, большинство членовъ верхней палаты получило это званіе только въ осьмнадцатомъ и девятнадцатомъ столѣтіи. Изъ древнихъ бароній остались

только двѣ; всѣ остальные погибли отъ конфискацій, продажи, дѣленія, наслѣдства въ женской линіи. Право на наслѣдственное мѣсто въ верхней палатѣ основывалось первоначально на приглашеніи со стороны короны; уже съ конца XIV вѣка, особенно же со временъ Тюдоровъ и еще болѣе съ начала XVIII вѣка, составъ верхней палаты зависитъ отъ возведенія въ перы. Титулы старыхъ бароновъ, такъ же какъ и владѣнія ихъ, большею частію погибли; осталось только обыкновеніе присоединять къ титулу барона названіе какой-нибудь мѣстности. Такимъ образомъ корона имѣла возможность награждать значительныя заслуги мѣстомъ въ верхней палатѣ и обновлять старое учрежденіе свѣжими силами. Значеніе верхней палаты основывается на наслѣдственности, на обезпеченномъ большомъ состояніи, на общественномъ уваженіи, на цреемственной передачѣ политической опытности и привычки къ политическимъ занятіямъ. Верхняя палата служитъ на ряду съ короной органомъ неизмѣнныхъ интересовъ, постоянной политики страны, и противопоставляетъ министерствамъ, выходящимъ изъ большинства нижней палаты, другое большинство, не зависящее отъ народныхъ выборовъ, отъ мнѣній и настроеній минуты. Это верховный блюститель права, послѣдняя судебная инстанція. Сама владѣя значительною собственностью, она служитъ всѣмъ собственникамъ порукой, что основанное на народныхъ выборахъ могущество нижней палаты не будетъ употреблено для временныхъ цѣлей партій и для притѣсненія собственниковъ. По своему совершенно независимому положенію, верхняя палата, въ случаѣ столкновеній между короной и палатой депутатовъ, можетъ произнести рѣшеніе безпристрастное, имѣющее нравственную силу, и регулировать такимъ образомъ ходъ государственной жизни.

Мѣсто въ верхней палатѣ, судъ ея въ уголовныхъ дѣлахъ, свобода отъ ареста — вотъ всѣ преимущества лордовъ. Исключительный бракъ въ своемъ сословіи, превратившій съ XIV столѣтія аристократію материка въ касту, никогда не былъ въ обыкновеніи въ Англии. Сыновья перовъ простые граждане, до тѣхъ поръ покуда старшій не получитъ отцовскаго достоинства. Имѣнія, принадлежащія знати, *nobility*, не пользуются никакими преимуществами передъ имѣніями крестьянъ. Въ нихъ нѣтъ ни вотчиннаго суда, ни господской полиціи. На нихъ лежатъ тѣ же налоги, какъ и на всѣхъ другихъ имѣніяхъ, они достаются по наслѣдству точно такъ же, какъ всѣ другія имѣ-

нiя. По общему англійскому обычаю, старшій сынъ имѣеть право на владѣніе землей, если въ завѣщаніи не сдѣлано особаго распоряженія. Каждый крестьянинъ можетъ посредствомъ субституціи распорядиться оставляемымъ имъ наслѣдствомъ, точно такъ же какъ и англійскій перъ.

Перами, такъ-называемою знатью, *nobility*, ограничивается англійская аристократія; только за перами законъ признаетъ показанныя выше преимущества. Рыцарство, или дворянство, *джентри*, имѣеть почетное мѣсто въ обществѣ, но не имѣеть никакихъ преимуществъ другаго рода. Какъ поземельныя владѣнія бароновъ, такъ и рыцарскія помѣстья исчезли. Щитовыя деньги съ этихъ помѣстій слились въ XV и XVI столѣтіяхъ съ общими налогами графства. Остатки же ленныхъ отношеній разрушили именно самые реакціонерные государи, Карлъ I и Карлъ II. Карлъ I освободилъ владѣльцевъ имѣній, дающихъ двадцать фунтовъ дохода, отъ обязанности принимать отъ короля посвященіе въ рыцари; а Карлъ II въ награду кавалерамъ, сражавшимся при Марстонмурѣ и Ворстерѣ, отбѣнилъ пошлины при переходѣ владѣній изъ рукъ въ руки, возвращеніе имѣнія къ королю по смерти рыцаря, и такимъ образомъ уравнивалъ рыцарскія лены со всякою другою поземельною собственностью и отдавалъ ихъ владѣльцу въ свободное распоряженіе при жизни и на случай смерти. Имя рыцарства, *джентри*, не означаетъ ничего болѣе, какъ совокупность значительныхъ землевладѣльцевъ. Но названіе, значеніе и достоинство дворянства не составляетъ исключительной принадлежности класса землевладѣльцевъ. Мы видѣли, что въ XV и XVI вѣкахъ титулъ эсквайра, рыцаря, перешелъ къ городскимъ патриціямъ; съ тѣхъ поръ онъ распространился на всѣхъ владѣльцевъ городской собственности. Доктора права уже въ средніе вѣка носили рыцарскій титулъ, точно такъ же какъ доктора богословія. Торговля и промышленность, какъ скоро они достигаютъ извѣстныхъ размѣровъ, всякое умственное достоинство входятъ сами собою въ кругъ англійскаго *джентри*. Границы, отдѣляющія его отъ низшихъ классовъ, сбивчивы и неопредѣленны: къ *джентри* принадлежитъ каждый, кто имѣеть самостоятельное положеніе и свободную профессію, и каждому открыта возможность подняться до самой вершины *джентри*, то-есть до знати.

Итакъ англійская аристократія заключала и заключаетъ въ себя тѣ естественные элементы, изъ которыхъ вездѣ слагается и будетъ слагаться аристократическій классъ обще-

ства, то-есть богатство, умственное превосходство и заслуги. Открытый доступъ въ нее для низшихъ классовъ, возвращеніе младшихъ дѣтей *знати* въ положеніе *джентри* поддерживаютъ въ націи свободное обращеніе крови и не даютъ аристократіи оцѣпенѣть и замкнуться въ касту, въ которую рано или поздно превращается и должна превратиться всякая замкнутая привилегированная корпорація.

Таково общественное положеніе англійской аристократіи. Политическое же ея значеніе и политическое могущество опираются не на томъ, что она искала особенныхъ правъ, привилегій или преимуществъ передъ другими классами и въ ущербъ имъ, а на томъ, напротивъ, что она обременила себя для ихъ пользы заботами и обязанностями, что она выступила не грабительницею общества, но его заступницею и руководительницею, что она обрекла себя на служеніе странѣ и народу, и не искала за это другаго возмездія, кромѣ пріобрѣтаемаго черезъ то уваженія и политическаго вѣса. Общественными вопросами и дѣлами занимались по преимуществу передъ прочими классами большіе землевладельцы, сельское *джентри*. Количество и характеръ ихъ имущества какъ нельзя лучше помогали имъ въ этомъ. Считая для себя унижительными всѣ выгодныя изъятія и привилегіи относительно налоговъ, они брали на себя ббольшую половину общихъ налоговъ и повинностей въ графствахъ; въ настоящее время ихъ участіе въ повинностяхъ графствъ простирается до 30 милліоновъ рублей (1); они перестали заниматься хозяйственнымъ управленіемъ своими землями, отказались отъ желанія обогащаться. Отдавая земли на аренду и живя рентою съ своихъ помѣстій, они предалися служенію государству. При этомъ они не опирались на свое происхожденіе или на землевладельческія права. Возведеніе ихъ въ должности лордовъ-намѣстниковъ, шерифовъ, мировыхъ судей, офицеровъ ополченія, словомъ, во всѣ правительственныя и судебныя должности въ графствахъ, зависѣло отъ короны; мѣсто въ парламентѣ можно было получить только черезъ народное избраніе, для котораго требовалось довѣріе избирателей, пріобрѣтаемое заслугами. Но въ томъ и другомъ случаѣ представлялись трудныя обязанности. Должность мировыхъ судей, которая соединяетъ въ себѣ полицейское

(1) Gneist, *Engl. Verfassungsrecht.* S. 631.

управленіе и судебную власть графства, требуетъ знанія науки права, и какъ всякое служащее лицо въ Англіи по служебной дѣятельности своей подчинено приговору судьи, такъ и всякій низшій судья подлежитъ въ своихъ судебныхъ приговорахъ отвѣтственности передъ высшимъ и отвѣчаетъ всѣмъ своимъ имуществомъ. Но посредствомъ должности мировыхъ судей сельское дворянство, *джентри*, находилось въ непрерывномъ соприкосновеніи съ низшими классами народа; черезъ свои наследственные владѣнія оно лучше и ближе было извѣстно избирателямъ графства и мѣстечекъ, чѣмъ городское *джентри* было извѣстно переизбыточному городскому населенію, и не было различія между крестьянами и дворянами въ имущественномъ отношеніи.

Англійская аристократія стояла во главѣ управленія, потому что она совершенно предалась государственной службѣ, потому что она пользовалась выгодами своего матеріальнаго благосостоянія для этой службы, потому что она ничѣмъ другимъ не отличалась и не хотѣла отличаться отъ другихъ сословій, какъ только этою службой. Прочіе классы общества безъ зависти видѣли ее во главѣ управленія, потому что они сами поставили ее туда, и потому что всѣ они имѣли одинаковыя права передъ закономъ. Аристократія замѣнила для государства особенное чиновничье сословіе. Этими добровольными услугами, которыя богатые и независимые люди оказывали обществу вмѣсто чиновниковъ, получающихъ окладъ отъ государства, гордилось не только дворянство, но и самый народъ.

И на материкѣ дворянство первенствовало, но не въ трудахъ службы, а во вредъ прочимъ сословіямъ. Во второй половинѣ XVII вѣка правительства уничтожили на материкѣ права земства. Но они щедро вознаградили дворянство за потерю этихъ правъ. Управление новоустроеннымъ государствомъ, начальство въ войскахъ, всѣ выгодныя мѣста государственной службы, доходныя мѣста церкви были предоставлены дворянству, королю же предоставлялась раздача ихъ, и слѣдовательно милость его была необходима для полученія ихъ. Но этого мало. Преимущества дворянства передъ среднимъ сословіемъ, феодальныя права его относительно крестьянъ не только остались за нимъ, но ему было даже позволено увеличить ихъ и извлекать изъ нихъ болѣе выгодъ. Положеніе земледѣльцевъ, униженныхъ римской степенію *колоната*, вслѣдствіе введенія римскаго права, становится все печальнѣе и беззащитнѣе.

Новое неограниченное государство нуждалось въ большихъ

средствахъ для войска и управленія, для двора и для денежныхъ награды вельможамъ; всѣ эти новыя тяжести падали на горожанъ и земледѣльцевъ. Дворянство и его имѣнія остались свободными отъ налоговъ, хотя причина, доставившая дворянству эту привилегію, исполненіе ими военной службы за другія сословія, не существовала болѣе. Земледѣльцы въ вознагражденіе за свою зависимость, за несомыя ими тяжести, пользовались нѣкогда защитою помѣщика и увольненіемъ отъ военной службы; они остались подъ гнетомъ феодальныхъ повинностей, хотя сами теперь составляли войска. Кромѣ увеличенныхъ феодальныхъ повинностей господамъ, легли на нихъ налоги новаго государства, проведеніе дорогъ, военныя и охотничья повинности. Короли дѣлили съ дворянствомъ плоды неограниченной власти. Тѣсно связанная съ дворянствомъ и высшимъ духовенствомъ, королевская власть возвышается надъ горожанами и земледѣльцами, лишенными всякаго участія въ дѣлахъ государства, судѣ и управленіи общинъ, и существующими для того только, чтобы нести государственныя тяжести.

Дворянство не только управляло новою государственною машиною благодаря милости королевской власти, но и извлекало изъ своего положенія выгоду для себя. Такой порядокъ вещей былъ невыносимъ. Послѣ того, какъ королевская власть освободилась отъ гнета феодальной системы, отъ преобладанія аристократіи и духовенства, поскольку эти сословія стѣсняли его вѣрность, горожане и земледѣльцы должны были также стараться отдѣлаться отъ господства аристократіи, отъ феодальныхъ повинностей, которыхъ корона не сняла съ нихъ. Какъ скоро горожане, лишенные своего мѣстнаго самоуправленія и значенія, отстраняемые и презираемые, достигли такого умственного развитія, что могли стать во главѣ земледѣльцевъ, то во всѣхъ сословіяхъ должна была разразиться во всѣхъ государствахъ материка, гдѣ только осмотрительные и энергическіе государи не успѣли предупредить взрывъ улучшеніемъ положенія горожанъ и земледѣльцевъ.

Война сословія, война горожанъ и земледѣльцевъ съ аристократіей не только даетъ первый толчокъ политическимъ смутамъ, волнуящимъ государства материка Европы съ конца прошлаго столѣтія, но и составляетъ все существо этихъ смутъ. Дѣло шло и теперь идетъ не о нападеніи на престолы, не о разрушеніи престоловъ, дѣло шло объ отмѣненіи ленныхъ повинностей, о равномѣрномъ распредѣленіи государственныхъ

тяжестей, о равной для всѣхъ доступности государственныхъ должностей, объ общемъ правѣ всѣхъ сословій въ противоположность привилегіямъ дворянства. Англіей эти распри не могли овладѣть, онѣ едва могли коснуться ея, потому что въ ней не было для нихъ пищи, потому что все развитіе государственнаго устройства Англіи основывалось не на привилегіяхъ дворянства (1), «а на равенствѣ правъ, на гармоніи всѣхъ сословій.» Англійская революція была не борьба сословій другъ съ другомъ, а борьба одного религіознаго ученія съ другимъ. Въ долгомъ парламентѣ засѣдали лорды, также какъ и въ оксфордскомъ.

Война сословій должна была разразиться прежде всего и быть всего ожесточеннѣе въ томъ государствѣ материка, гдѣ феодальныя повинности были самыя обременительныя, гдѣ государственный тяжести всего безмѣрнѣе давили горожанъ и земледѣльцевъ, гдѣ вмѣсто служенія дворянства государству всего болѣе водворилось угнетеніе низшихъ сословій въ пользу аристократіи, то-есть во Франціи. Еслибы французскій король сталъ, какъ слѣдовало, при самомъ началѣ борьбы во главѣ горожанъ и земледѣльцевъ, во главѣ третьяго сословія, то онъ могъ бы, по словамъ Мирабо, въ маѣ 1789 года разыграть второе дѣйствіе датской революціи 1660 года. Онъ могъ бы получить отъ горожанъ и земледѣльцевъ совершенно неограниченную власть, еслибы только отмѣнилъ привилегіи помѣщиковъ и провозгласилъ равенство правъ всѣхъ сословій въ государствѣ. Отъ Лудовика XVI совершенно зависѣло достигнуть того, чего достигъ первый и третій Наполеонъ: неограниченной власти надъ уравненными сословіями Франціи. Онъ предпочелъ стоять за аристократію и духовенство противъ горожанъ и крестьянъ, и такимъ образомъ насильственно навязалъ имъ чуждое имъ направленіе. Они были принуждены требовать политическихъ правъ, участія въ правленіи, чтобъ имѣть средство осуществить уравненіе сословій и противъ воли короля. Посреди этихъ усилій, горсти идеалистовъ и шайкѣ преступниковъ удалось искусственно ожесточить борьбу и низвергнуть престолъ, какъ союзника аристократіи.

Этотъ ложный путь, которымъ ошибка правительства и честолюбіе демагоговъ повели освобожденіе крестьянъ и горожанъ во Франціи, получилъ для материка горькое значеніе.

(1) Gneist, *Adel und Ritterschaft*. S. 36.

Справедливыя требованія горожанъ и земледѣльцевъ потеряли надолго свою силу вслѣдствіе ужасовъ и преступленій революціи. Дворянству удалось уговорить престолы, что возстаніе горожанъ и крестьянъ направлено не противъ привилегированныхъ, но противъ самихъ вѣнчанныхъ; ему удалось заклеить всѣ попытки этой эманципации именемъ преступленій противъ престола; ему удалось отождествить сохраненіе своихъ феодальныхъ правъ съ спасеніемъ монархіи. Ему удалось возстановить тотъ союзъ между аристократіею и монархическою властію, который существовалъ во второй половинѣ XVII вѣка, посредствомъ выдумки, что дворянство единственная подпора престола. Монархи Европы повѣрили дворянству, по мнѣнію котораго монархическая власть существовала только для того, чтобы сдерживать крестьянъ въ смиреніи и въ покорности дворянству, которое только подъ этимъ условіемъ было предано престолу, въ противномъ же случаѣ грозило стать противъ него; они забыли, что когда-то одержали побѣду надъ дворянствомъ съ помощію городского сословія, забыли, что первая и благороднѣйшая задача ихъ и притомъ самая вѣрная опора ихъ могущества заключается въ защитѣ низшихъ сословій отъ высшихъ, въ защитѣ слабыхъ отъ могущественныхъ. Они забыли, что должны раздѣлять свои обязанности относительно великой общины, которую они представляютъ и которою управляютъ, такъ, чтобы равная доля ихъ приходилась на долю каждаго. Этимъ они принудили низшія сословія постоянно стремиться къ участию въ правленіи, чтобы справиться съ привилегіями дворянства. Не одинъ Карлъ X, король французскій, понялъ въ минуту опасности, какого рода опоры готовить престолу предпочтеніе дворянства другимъ сословіямъ. Нельзя желать, чтобы борьба сословій окончилась въ Германіи тѣмъ же, чѣмъ она кончилась во Франціи, то-есть равенствомъ и отсутствіемъ свободы, уничтоженіемъ дворянства, бюрократически вынужденнымъ единствомъ и равенствомъ сословій, то-есть тѣмъ, чтобы всѣ они подпали подъ опеку всемогущаго полицейскаго государства. Этотъ конецъ—начало новой борьбы. Полицейское государство равно вредно и опасно престоламъ и народамъ. Централизованное управленіе безъ сомнѣнія очень удобная машина, но это именно не болѣе какъ машина. Оно не въ состояніи представить престолу въ минуту опасности хотя бы малѣйшей точки опоры, и чѣмъ болѣе чиновникъ нисходитъ на степень машиннаго колеса, тѣмъ равнодушнѣе становится онъ къ тому, кто

управляетъ этою машиной. Онъ дѣйствуетъ подъ однимъ мастеромъ такъ же хорошо, какъ и подъ другимъ. Французскіе чиновники перешли безъ всякой попытки сопротивленія изъ подъ вѣдомства Карла X къ Лудовику Филиппу, отъ Лудовика Филиппа къ республикѣ, отъ республики къ управленію Лудовика Наполеона. Чтò несамостоятельно, то не можетъ служить опорой. Французское полицейское государство теперь уже возвратилось къ военной диктатурѣ, изъ которой возникло. Съ другой стороны полицейское управленіе пріучаетъ подданныхъ ничего не ожидать отъ самихъ себя, а всего ожидать отъ государства. Смотря по обстоятельствамъ, оно то убиваетъ всякій общественный интересъ, всякій общественный духъ въ гражданахъ, вмѣсто того чтобы развивать и оживлять его, то вдругъ увлекаетъ общественный интересъ на самые опасные пути. Гнетъ, который въ полицейскомъ государствѣ тяготѣетъ надъ всѣмъ земствомъ, приводитъ народъ къ необходимости искать вознагражденія посредствомъ участія въ управленіи государствомъ, посредствомъ генеральныхъ штатовъ, посредствомъ центрального представительства. Полицейское управленіе неотразимо влечетъ за собой страну къ прѣдставительному устройству, и въ то же время дѣлаетъ его невозможнымъ. Въ виду полицейской власти, правительственныя права которой не ограничены, которая опирается на сильную армію и имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлое войско совершенно отъ нея зависящихъ чиновниковъ, власти, отъ милости которой зависитъ гражданинъ даже при добываніи себѣ хлѣба, въ виду такой власти центральное представительство можетъ быть только слабо или оно должно дѣйствовать наступательно. Попытки государственнаго устройства, сдѣланныя Франціей въ этомъ отношеніи, остались безуспѣшными и должны были остаться безуспѣшными, потому что имъ не доставало рѣшительно всѣхъ условій успѣха.

Въ Англіи преграды, воздвигнутыя земствомъ противъ могущества королевскихъ чиновниковъ, остались также преградами относительно министровъ, выбираемыхъ изъ нижней палаты. Центральное правительство ограничено сверху короною и верхнею палатой, снизу тѣсно замкнутыми кругами, за предѣлы которыхъ оно не можетъ простирать свою власть. Сельскіе округа и города управляются сами собою. Даже утвержденіе бургомистровъ и старшинъ, выбираемыхъ городами, не предоставлено правительству. Права каждой корпорации и каждаго отдѣльнаго гражданина находятся подъ

защитой судебной власти, которая, опираясь на самостоятельную корпорацию адвокатовъ и возникая изъ нея, поставлена совершенно независимо. Каждому отдѣльному лицу и каждой корпорации предоставлено право жаловаться на полицію и на мѣстную администрацію въ королевскомъ судѣ, который имѣетъ право налагать пеню на исполняющихъ чиновниковъ. Точно также если корпорации городовъ, графствъ, церкви отказываютъ центральной администраціи въ повиновеніи, то послѣдней взамѣнъ всякихъ принудительныхъ мѣръ предоставлено только право жаловаться въ королевскомъ судѣ. Центральная администрація имѣетъ лишь незначительное вліяніе на армію, на церковь и на школы. Офицерскія мѣста покупаются богатымъ классомъ для членовъ своихъ фамилій, повышение зависитъ отъ самостоятельнаго генеральнаго штаба. Правда, центральному правительству предоставлено право назначать епископовъ, и въ его распоряженіи находится извѣстное число духовныхъ мѣстъ. Но раздача приходскихъ мѣстъ находится на половину въ рукахъ епископовъ и капитуловъ, на половину въ рукахъ большихъ землевладѣльцевъ, а диссентеры составляютъ около одной трети церковныхъ общинъ. Университеты — самостоятельныя корпорации, въ дѣла которыхъ правительство не можетъ входить. Двѣ трети школъ еще теперь содержатся насчетъ частныхъ людей. Правительству предоставленъ только надзоръ за школами, но не управленіе ими (1). Власть центрального правительства не простирается даже на всѣхъ чиновниковъ. Только около 60 мѣстъ связаны съ судьбою министерства, и даже въ этомъ числѣ еще находится нѣсколько синекуръ и нѣсколько придворныхъ должностей.

Было бы столько же неразумно, какъ и невозможно, перенимать всѣ учрежденія Англіи, со всѣмъ, что въ нихъ есть хорошаго и дурнаго, чтобы достигнуть полезнаго представительства; но необходимо имѣть въ этомъ дѣлѣ лучшую основу, чѣмъ полицейское государство. То, что благосклонность исторіи доставила Англіи, т.-е. счастливое совпаденіе народныхъ, религіозныхъ и политическихъ кризисовъ, не пришлось на долю Германіи. Но во власти нѣмецкаго дворянства вознаградить ее за то, въ чемъ отказала ей исторія, посредствомъ акта добровольнаго рѣшенія, и окончить борьбу сословій иначе и лучше чѣмъ во Франціи.

(1) Gneist, *Engl. Verfass.* p. 565.

Ни одинъ свѣдущій человекъ не усомнится въ томъ, что независимое владѣніе земель (титулы, не опирающіеся на землевладѣніе, не имѣютъ политическаго значенія) въ состояніи оказать обществу большія и полезныя услуги, и что оно можетъ быть вѣрной опорой для государственнаго устройства. Обширное владѣніе земель мало пострадало въ Германіи въ продолженіи борьбы, и нѣмецкій народъ не раздѣляетъ зависти Французовъ къ вершинамъ общества. Но богатые землевладѣльцы должны отказаться отъ мысли о преимуществахъ, получаемыхъ насчетъ земства, по благосклонности правительства. Они должны перестать компрометировать правительство, если хотятъ быть для него дѣйствительною опорой. Они должны заниматься чѣмъ-нибудь поважнѣе чѣмъ дистиллировкой и фабриками, если они хотятъ быть болѣе чѣмъ привилегированными мѣщанами. Они должны отказаться отъ ничтожныхъ частныхъ преимуществъ, если хотятъ занять высокое мѣсто въ обществѣ. Надобно рѣшиться оставить ненавистное положеніе, и взамѣнъ его занять почетное и благодѣтельное, оставить слабыя опоры и приобрести вмѣсто нихъ сильныя. Слѣдуетъ отказаться отъ исключительныхъ правъ, чтобы быть въ состояніи ограждать права всего земства. Слѣдуетъ отказаться отъ привилегіи быть полицейскимъ служителемъ крестьянской общины и бить раба своего, и лишь потомъ можно стать во главѣ всего государства. Пора наконецъ понять нашему дворянству, что естественный перевѣсъ большаго владѣнія земель надъ мелкимъ, болѣе образованнаго класса надъ менѣе образованнымъ, широкаго кругозора надъ узкимъ начинается только тогда, когда не можетъ быть болѣе спора о правахъ и обязанностяхъ между богатыми и бѣдными землевладѣльцами. Слѣдуетъ отказаться отъ права быть маленькимъ царькомъ въ миниатюрѣ разыгрывать роль правительствующаго лица, потомъ легко будетъ перенести социальный перевѣсъ, доставляемый обширнымъ землевладѣніемъ, на общественную жизнь. Это не въ состояніи опровергнуть древнее изреченіе: нѣтъ власти безъ обязанностей. Дворянство должно быть готово принять на себя самыя трудныя обязанности въ государствѣ, если хочетъ занимать въ немъ самое почетное мѣсто.

Г Е О Р Г И Н Ы

Вчера—ужь солнце рдѣло низко —
Средь георгинъ я шелъ твоихъ,
И какъ живая одалиска
Стояла каждая изъ нихъ.

Какъ много пылкихъ или томныхъ
Съ наклономъ бархатныхъ рѣсницъ,
Веселыхъ, грустныхъ и нескромныхъ
Отвсюду улыбалось лицъ !

Казалось, нѣтъ конца ихъ грезамъ
На мягкомъ лонѣ тишины,
А нынче утреннимъ морозомъ
Онѣ стоятъ опалены.

Но прежнимъ, тайнымъ обаяньемъ
Отъ нихъ повѣяло опять,
И надъ безмолвнымъ увяданьемъ
Мнѣ какъ-то совѣстно роутать.

А. ФЕТЬ.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

ВЪ ДО-ФЕОДАЛЬНУЮ ЭПОХУ¹

ОЧЕРКИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ И СОСЛОВ-
НЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ВО ФРАНЦИИ, АНГЛИИ И ГЕРМАНИИ.

VIII.

Мы объяснили двѣ существенныя причины развитія вассальныхъ отношеній, указали на двѣ исходныя точки феодализма. Теперь перейдемъ къ третьей исходной точкѣ, которая, какъ было уже упомянуто прежде, заключается въ самомъ государственномъ устройствѣ Франкской монархіи. Мы увидимъ, что рядомъ съ раздачею бенефицій и коммендаціею, подготовили почву для феодализма и способствовали его развитію франкскія государственныя должности. Для этого слѣдуетъ представить краткій очеркъ политическихъ учрежденій Франкскаго государства и показать въ немъ элементы и зародыши позднѣйшаго феодальнаго устройства.

Основанное на галльской почвѣ, Франкское государство распространилось въ послѣдствіи на другія области прежней Римской имперіи и соединило почти всѣ племена германскаго

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 2.

происхожденія. Въ составъ его, кромѣ всей Галліи, вошли сѣверная и средняя Италия, сѣверная часть Испаніи и почти вся теперешняя Германія. Такимъ образомъ, исторія Франкскаго государства въ до-феодальную эпоху есть исторія всего запада Европы, за исключеніемъ одной Британіи. При такомъ разнообразіи составныхъ элементовъ, понятно, что во внутреннемъ устройствѣ, въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, въ законодательствѣ было также много разнообразія, много мѣстныхъ, областныхъ, племенныхъ различій и видоизмѣненій. Для насъ важны только тѣ учрежденія, тѣ политическія формы, которыя были общи для всѣхъ частей государства, которыя связывали ихъ въ одно цѣлое, и которыя въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи привели вездѣ къ одинаковымъ результатамъ; поэтому, мы оставимъ въ сторонѣ частныя различія и мѣстные оттѣнки и обратимъ вниманіе только на главное и существенное. Мы представимъ франкское государственное устройство въ той окончательной формѣ, которую оно получило при первыхъ Каролингахъ, особенно при Карлѣ Великомъ.

Всѣ племена и народы, вошедшіе въ составъ Франкскаго государства, признавали власть франкскаго короля. Но власть короля не имѣла опредѣленнаго и твердо установленнаго характера. Объемъ, права и атрибуты ея не основывались на положительныхъ узаконеніяхъ, а все зависело единственно отъ личности самого короля, тѣмъ болѣе, что въ понятіяхъ времени еще не установилось настоящее значеніе государства, еще не утвердилось надлежащее сознаніе чисто публичнаго характера государственной власти. Сфера публичнаго права перемѣшивалась съ элементами частнаго права. Еще не утвердилась даже нераздѣльность государственной власти и нераздѣльность самаго государства. Если мы сравнимъ сущность королевской власти, въ эпоху Каролинговъ, съ атрибутами и правами, которыя, въ новое время, связаны съ ея понятіемъ, то увидимъ слѣдующее: Прежде всего, король былъ наследственный военачальникъ, военный предводитель, герцогъ всего народа. Въ немъ лежала сумма военной власти. На этомъ собственно основывалась власть его надъ массою свободныхъ людей (*Genossenschaft*), которые составляли народное ополченіе (*Heerbann*); потому народъ, въ своей совокупности, въ отношеніи къ королю, долгое время обозначается словомъ *exercitus*, войско. Далѣе, — король, какъ мы уже видѣли, стоялъ въ болѣе тѣсной связи съ тѣми людьми, которые приносили при-

ему вѣрности въ собственныя руки его, вступали въ личную зависимость отъ него, дѣлались его вассалами. Въ отношеніи къ нимъ король былъ сениоръ. Въ числѣ вассаловъ короля, кромѣ простыхъ свободныхъ людей, большихъ владельцевъ, государственныхныхъ и придворныхъ сановниковъ, а въ послѣдствіи епископовъ и аббатовъ, находились еще племенные герцоги и князья подчиненныхъ германскихъ народцевъ. Значеніе короля, какъ сениора, имѣло болѣе частный, чѣмъ публичный характеръ. Законодательную власть король раздѣлялъ съ народомъ, то-есть съ народнымъ собраніемъ, съ сеймомъ, о составѣ котораго скажемъ дальше. Согласіе народа было необходимо для того, чтобы новый законъ имѣлъ силу. Но король имѣлъ полное право дѣлать одинъ частныя распоряженія, дополняющія или объясняющія существующіе законы, издавать декреты и принимать административныя мѣры, необходимыя для государственнаго благоустройства и вызванныя временными обстоятельствами. Самое важное значеніе имѣла судебная власть короля (*jurisdictio*). Король былъ высшій, верховный судья въ государствѣ: ему принадлежали судъ и расправа въ самомъ обширномъ смыслѣ; онъ былъ источникъ правосудія и закона. Исполнительная власть короля лежала уже частью въ качествѣ военнаго предводителя народа, частью въ самой судебной власти его, сообразно съ особенными юридическими понятіями среднихъ вѣковъ. Въ средніе вѣка судебная власть—*jurisdictio*, *Gerichtsbarkheit*, *justice*—имѣла гораздо болѣе обширное значеніе, чѣмъ то, которое мы теперь связываемъ съ этимъ понятіемъ. *Юрисдикція* совмѣщала въ себѣ и судъ, въ собственномъ смыслѣ, и то, что мы называемъ теперь администраціею и высшею и низшею полиціею. Обыкновенно, подъ нею разумѣлось все внутреннее управленіе, вся сумма правъ верховной власти, вся сфера внутреннихъ государственныхъ отпращиваній, за исключеніемъ военной власти. Въ средніе вѣка судебная власть не отдѣлялась и не различалась отъ исполнительной, а напротивъ, обѣ соединялись вмѣстѣ; вообще во все продолженіе среднихъ вѣковъ, ни въ понятіяхъ времени, ни въ дѣйствительности не существовало того строгаго, правильнаго раздѣленія властей и разграниченія самостоятельныхъ сферъ государственной жизни, которое мало-по-малу утверждается въ послѣдствіи. Обширное и сложное значеніе судебной власти короля вытекаетъ уже изъ самой основной государственной идеи среднихъ вѣковъ,

которая прежде всего представляется въ видѣ такъ-называемаго королевскаго мира или земскаго мира (*Königsfrieden, Landfrieden*, — *paх publica, paх regis*), то-есть въ формѣ верховнаго, миротворнаго покровительства, исходящаго отъ короля и распространяющагося на все государство. Король есть по преимуществу блюститель мира въ государствахъ. Главное назначеніе его — хранить земскій миръ, то-есть заботиться объ общественной безопасности въ странѣ, о законномъ порядкѣ, о соблюденіи закона, о предотвращеніи и удаленіи всего, что нарушаетъ общественное спокойствіе. Оттого судъ и расправа, въ самомъ обширномъ смыслѣ, составляютъ главный предметъ его дѣятельности. Въ практическомъ выраженіи, въ дѣйствіи, королевская власть представляется въ видѣ такъ-называемаго *банна* (*Bann, bannus, impregium*). *Баннъ* есть высшее право повелѣнія и запрещенія, право повелѣвать и запрещать, подъ угрозою извѣстнаго наказанія. Всякій, кто не повинуется повелѣнію короля, подпадаетъ подъ его *баннъ*, то-есть наказывается денежною пеней въ шестьдесятъ солидовъ. *Königsbann*, означаетъ всю сумму верховныхъ правъ короля въ соединеніи съ карательною властью его: онъ распадается, согласно съ юридическими понятіями среднихъ вѣковъ, на двѣ вѣтви, на *Heerbann*, то-есть власть военную, и на *Gerichtsbann*, то-есть власть гражданскую. Король управляетъ государствомъ при содѣйствіи окружающихъ его придворныхъ сановниковъ, которыхъ онъ назначаетъ изъ числа своихъ *вирныхъ*, своихъ вассаловъ. Придворная служба совпадаетъ съ государственною службою. Придворные служители короля: *cubicularius* или *camerarius* (позднѣйшій камергеръ), *marescalcus* или *comes stabuli*, маршалъ (позднѣйшій оберъ-штальмейстеръ), *senescalcus* или *dapifer* сенешаль, *buticularius* (позднѣйшій оберъ-мундшенкъ) *venatores*, егермейстеры и даже *falconarius*, сокольничій короля, являются вмѣстѣ съ тѣмъ главными совѣтниками его въ дѣлѣ государственнаго управленія, его министрами, первыми сановниками государства, стоящими во главѣ всей должностной іерархіи. Это смѣшеніе придворныхъ должностей съ государственными продолжается въ послѣдствіи во всѣхъ европейскихъ государствахъ и исчезаетъ не раньше XVI и XVII столѣтій. Переходъ къ настоящимъ государственнымъ должностямъ составляютъ: *referendarius* (референдарій), *cancellarius* (канцлеръ) и *comes palatii*, то-есть пфальцграфъ. Пфальцграфъ есть первый сановникъ государства. Онъ заступаетъ мѣсто самого короля

ль самой важной и обширной сферѣ государственной дѣятельности-его, то-есть въ сферѣ судопроизводства. Король, какъ мы сказали, есть первый и высшій судья въ государствѣ, средоточіе, изъ котораго исходить и въ которомъ завершается вся судебная расправа. Король занимается судопроизводствомъ лично: въ особенно важныхъ дѣлахъ, въ случаѣ апелляціи, въ случаѣ отказа въ правосудіи или несправедливаго приговора низшихъ инстанцій, онъ требуетъ къ своему суду всякаго, кто не повинуется призыву низшихъ судовъ; къ нему поступаютъ дѣла и тяжбы его вассаловъ, государственныхъ и придворныхъ сановниковъ и всѣхъ лицъ, которыя находятся подъ особеннымъ покровительствомъ короля, которыя стоятъ *in tu. deburdio regis*. Онъ можетъ, наконецъ, если хочетъ, производить судъ и расправу, какъ первая и послѣдняя инстанція во всѣхъ дѣлахъ и вездѣ, во всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы ни находился, потому что судебная власть его замигаетъ собою всѣ низшія инстанціи, отъ него исходящія. Король производитъ судъ и расправу въ своей куріи (*curia regis* или *placitum palatii*), то-есть въ присутствіи и при содѣйствіи пфальцграфа, придворныхъ сановниковъ и прочихъ вассаловъ своихъ, свѣтскихъ и духовныхъ, которые окружаютъ его въ качествѣ засѣдателей и разбирателей дѣла. Но въ большей части исчисленныхъ случаевъ, король поручаетъ судъ своему пфальцграфу, который судить иногда въ его присутствіи, но чаще безъ короля, а только отъ его имени.

IX.

Власть короля въ разныхъ частяхъ и областяхъ государства представляютъ назначаемыя имъ должностныя лица разныхъ степеней и наименованій: герцоги (*duces*), графы (*comites*), вицеграфы (*viccomites*), маркграфы, викаріи и пр., которые управляютъ большими или меньшими округами отъ имени короля. Областное устройство Франкскаго государства особенно важно для насъ, потому что оно въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ положило послѣдній камень возникающей феодальной системы. Все государство раздѣлялось на разной величины округи, *пайи*, *Gaue*, то-есть волости. Это было естественное раздѣленіе, основаніемъ которому служили разныя природныя и мѣстныя

условія, то географическія и этнографическія отношенія, то историческія причины, то-есть преданія и формациі прошедшаго времени. Въ эти волости король посылалъ отъ себя правителей, которые назывались *comites*, графы; оттого и округа, находившіяся подъ управленіемъ графовъ, назывались *комитатами* или графствами (*grafia, comitatus*). Обыкновенно, волость (*gau*) и графство (*comitatus*) значили одно и то же, то-есть естественное раздѣленіе совпадало съ административнымъ раздѣленіемъ; но иногда случались большія волости, которыя содержали въ себѣ нѣсколько графствъ. Въ Германіи остались вездѣ прежнія волости, существовавшія тамъ издревле, еще до образованія Франкскаго государства, и служившія основаніемъ древне-германскому общинному устройству. Эти древнія волости (*Gau*) вошли теперь въ прежнемъ своемъ видѣ въ новую систему областного устройства и обратились въ графства.

Въ Галліи и сѣверной Италіи основаніемъ послужило прежнее римское раздѣленіе на городскіе округа. Раздѣленіе это вездѣ почти было сохранено Франками. Большіе города съ ихъ округами составили новыя франкскія волости и графства. Городъ былъ только составною частью волости и графства, служилъ главнымъ мѣстопробываніемъ для графа, его резиденціею, и во внутреннемъ управленіи ничѣмъ не отличался отъ открытой страны, но составлялъ вмѣстѣ съ нею одно цѣлое (1). Такимъ образомъ, графство является основною формою, единицею всего областного управления, которое обозначается нѣмецкимъ терминомъ *Gauverfassung*, то-есть волостное устройство. Франское волостное устройство было не что иное, какъ комбинація прежняго древне-германскаго общиннаго устройства съ новымъ монархическимъ элементомъ. Каждое графство образовало одно самостоятельное цѣлое въ административномъ и судебномъ отношеніи. Всѣ свободные люди, жившіе въ предѣлахъ графства, составляли народное собраніе графства, подобное первоначальному германскому волостному собранію (*Gauding*). Но графъ не избирался уже общиною, а былъ назначаемъ королемъ; онъ представлялъ уже не общину, а власть короля въ графствѣ; онъ былъ не волостной, а королевскій сановникъ. Согласно съ этимъ, графъ отвѣтствовалъ за свои мѣры не передъ собраніемъ графства, а передъ королемъ. Сумма власти лежала уже не въ волостномъ

(1) Иногда одинъ только городъ съ небольшою окрестностью составлялъ волость, и графъ назывался тогда *comes civitatis*, *Burggraf*.

собраніи, а была въ рукахъ графа, который получалъ ее отъ короля и управлялъ отъ его имени. Собраніе имѣло только совѣщательное значеніе и содѣйствовало графу въ разныхъ мѣрахъ внутренняго управленія, преимущественно въ судопроизводствѣ. Вообще, волостное собраніе сохранило вполнѣ одни только судебные атрибуты и было только однимъ колесомъ въ организмѣ франкскихъ судебныхъ учреждений; оттого франкское волостное устройство, какъ это сейчасъ увидимъ, было по преимуществу судебное устройство.

Графъ (*comes*), который часто называется также судьей, *judex*, *judex fiscalis*, былъ намѣстникъ и представитель короля въ полномъ смыслѣ этого слова, то-есть имѣлъ въ графствѣ такую же власть, какая принадлежала королю во всемъ государствѣ. Назначая его правителемъ графства, король передавалъ ему и *Gerichtsbann*, и *Heerbann*, то-есть и власть гражданскую, и власть военную, и, подъ условіемъ ненарушимой вѣрности съ его стороны, обладалъ его всѣми правами и атрибутами, необходимыми для управленія графствомъ. Главное назначеніе графа было заботиться о сохраненіи земскаго мира (*Landfrieden*) въ подвластномъ ему округѣ. Онъ былъ высшій судья въ графствѣ; должность его имѣла прежде всего судебный характеръ, что показываетъ самое названіе его судьи. Графъ производилъ судъ и расправу во имя короля, какъ высшая инстанція въ графствѣ. На судъ его поступали всѣ дѣла и тяжбы, касающіяся поземельной собственности, свободы, тяжкихъ преступленій, и особенно всѣ жалобы противъ свободныхъ людей, однимъ словомъ, всѣ такъ-называемыя *causae majores*. Въ случаѣ отказа въ правосудіи, проволочки или несправедливаго рѣшенія графскаго суда, жалобы и аппелляціи подавались непосредственно къ самому королю и въ придворный судъ (*placitum palatii*). Исполненіе судебныхъ приговоровъ также принадлежало графу. Онъ заботился о безопасности общественной, о порядкѣ и благоустройствѣ графства, и принималъ всѣ нужныя для этого полицейскія мѣры; отъ него зависѣли всѣ мѣстныя распоряженія, касающіяся общественнаго благосостоянія; вдовы и сироты, церкви и бѣдные находились подъ его покровительствомъ и вѣрены были его попеченію. Графъ управлялъ всѣми финансовыми дѣлами графства, собиралъ подати и налоги, пошлыны и доходы отъ мостовъ, дорогъ, рѣкъ и заставъ, сдавалъ ихъ въ королевскую казну и составлялъ отчеты. Наконецъ, какъ представитель военной власти короля, онъ созывалъ, въ случаѣ

войны или для защиты графства, народное ополченіе, опредѣляя число военныхъ людей, устраивалъ отряды, заботился о хорощемъ ихъ вооруженіи и продовольствіи, и велъ ихъ лично на войну. Графъ былъ предводитель всѣхъ военныхъ силъ графства. Знатные господа графства, сеніоры становились вмѣстѣ съ своими людьми и вассалами подъ его команду. Для скрѣпленія и обезпеченія авторитета графа, король передавалъ ему свой *баниъ*, свою карательную власть, то-есть право наказывать положенною денежною пеней всякаго, кто не повиновался его приказаніямъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что графъ соединялъ въ своихъ рукахъ власть судебную, административную, полицейскую и военную. Слѣдуетъ прибавить, что въ качествѣ королевскаго намѣстника, графъ приводилъ въ исполненіе, въ предѣлахъ своего округа, всѣ общія государственныя мѣры, исходившія отъ королевской инициативы и кавшіяся цѣлой страны.

Первоначально графская должность имѣла характеръ простаго порученія (коммисіи), временнаго полномочія, даваемого королемъ и зависящаго совершенно отъ его воли. Никто не имѣлъ личнаго права на эту должность. Король, по своему усмотрѣнію, назначалъ графовъ, перемѣщалъ ихъ, увольнялъ ихъ или давалъ имъ другое назначеніе. Хотя многіе графы и оставались на своихъ постахъ до конца жизни, все-таки за ними не было признано право несмѣняемости, а тѣмъ менѣе еще наследственности. Если иногда сынъ и наследовалъ отцовское достоинство, то это происходило чисто случайно. Король назначалъ графовъ по преимуществу изъ числа своихъ вѣрныхъ, своихъ приближенныхъ, своихъ вассаловъ, изъ числа людей, находившихся въ личной зависимости отъ него, связанныхъ съ нимъ особенною присягою вѣрности. На это указываетъ самое названіе графа—*comes*, товарищъ, сообщникъ. Понятно, что король поручалъ власть свою и давалъ полномочіе такимъ людямъ, на которыхъ онъ болѣе всего могъ полагаться. Очень часто также онъ производилъ въ графы того или другаго изъ самыхъ знатныхъ поземельныхъ собственниковъ, сеніоровъ осѣдлыхъ въ графствѣ, по той естественной причинѣ, что такой сеніоръ, осѣдлый въ графствѣ, былъ лучше нежели кто-либо другой знакомъ съ мѣстными отношеніями и интересами, имѣлъ уже самъ по себѣ большое вліяніе и авторитетъ въ своемъ округѣ, и былъ поэтому болѣе способенъ управлять имъ. Такой сеніоръ, назначаемый въ графы, могъ быть вассаломъ

короля; но если и не былъ, то онъ дѣлался имъ, вслѣдствіе графскаго достоинства. Графская должность влекла за собою необходимо вассальное отношеніе къ королю. Каждый графъ былъ государственный сановникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вассалъ короля, его *fidelis*. Графъ не получалъ никакого опредѣленнаго и постояннаго жалованья; но въ его пользу шла извѣстная часть, обыкновенно третья доля всѣхъ платимыхъ въ казну денежных пеней и другихъ судебныхъ доходовъ, иногда даже нѣкоторая часть налоговъ, взимаемыхъ въ графствѣ. Кромѣ того, жители графства обязаны были приносить графу въ извѣстные времена разные подарки. Вмѣсто жалованья графъ получалъ отъ короля бенефицію въ самомъ графствѣ, землю вмѣстѣ съ людьми. Начиная съ IX столѣтія, вездѣ графская должность соединялась съ постоянною поземельною *дотациєю*, которая называлась *res* или *pertinentia comitatus*. Одна и та же бенефиція переходила къ каждому новому графу и дѣлалась съ теченіемъ времени по стоянною принадлежностью графской должности, нераздѣльною съ нею. Изъ всего этого мы можемъ видѣть, сколько элементовъ могущества и силы находилось въ рукахъ графа, особенно если онъ съ обширною и разнообразною властью своею и съ бенефиціями, связанными съ его должностью, соединялъ еще лично ему принадлежавшія поземельныя владѣнія. Все это дѣлало его могущественнымъ властителемъ въ графствѣ; ему не доставало только наслѣдственности, или, по крайней мѣрѣ, неосмѣляемости, чтобы заслонить собою отдаленную королевскую власть и стать вполнѣ государемъ. Мы видѣли, какъ и вслѣдствіе чего многіе свободные люди, особенно мелкіе поземельные владѣльцы, вступали въ вассальное отношеніе къ знатымъ сеніорамъ, передавали имъ свои земли и получали ихъ назадъ въ видѣ бенефицій. Чѣмъ могущественнѣе и знатнѣе былъ сеніоръ, тѣмъ больше бывало у него вассаловъ. Понятно, что наиболѣе ихъ было у графа, какъ у перваго и самаго могущественнаго сеніора въ графствѣ. Его покровительство было особенно желательно для всякаго, кто не разчитывалъ на свои собственныя силы и средства. Вслѣдствіе этого много людей и земель въ графствѣ поступало въ частную вассальную зависимость отъ графа, и этимъ чрезвычайно усиливались его вліяніе и значеніе. Графъ держалъ настоящій дворъ въ своей резиденціи, со множествомъ министеріаловъ.

Мы сказали, что графъ управлялъ ввѣреннымъ ему округомъ при содѣйствіи народнаго собранія. Онъ обязанъ былъ созы-

вать, отъ времени до времени, такое собраніе, состоявшее изъ всѣхъ свободныхъ людей, осѣдлыхъ въ графствѣ. По опредѣленію Карла Великаго, оно должно было происходить три раза въ годъ, въ разъ навсегда установленные сроки. Каждый, кто безъ особенныхъ причинъ не являлся въ это собраніе, подвергался денежной пенѣ. Графъ предсѣдательствовалъ на этомъ общемъ собраніи графства. Прежде всего онъ сообщалъ ему новыя законы и постановленія, сдѣланныя королемъ и общинами государственными сеймомъ и касающіяся всего государства. Обыкновенно собраніе принимало ихъ посредствомъ аккламація. Тутъ же графъ обнародовалъ королевскіе декреты и всѣ общія государственныя распоряженія, исходившія отъ личной инициативы короля. Далѣе, графъ предлагалъ на обсужденіе собранію или просто сообщалъ ему свои собственныя мѣры, полицейскія и административныя, касающіяся мѣстнаго управленія. Въ дѣлахъ такого рода собраніе графства имѣло одно лишь совѣщательное значеніе; инициатива и окончательное рѣшеніе принадлежали графу. Преимущественно, однакожь, общее собраніе графства имѣло судебный характеръ, и главнымъ предметомъ его дѣятельности были судъ и расправа. Это были большіе *ассизы* графства, подобные позднѣйшимъ *grands jours*, на которыхъ рѣшались всѣ важныя процессы. Не всѣ свободные люди графства, присутствовавшіе въ собраніи, принимали участіе въ судопроизводствѣ. Графъ избиралъ изъ нихъ, преимущественно изъ числа зажиточныхъ поземельныхъ собственниковъ, присяжныхъ, которые, въ качествѣ засѣдателей, содѣйствовали и помогали ему въ рѣшеніи дѣла. Прочіе присутствовали только при дѣлопроизводствѣ, ради публичности и гласности суда. Эти присяжные, избираемые графомъ, назывались первоначально *rachimburgi*, *boni homines*, добрые люди; впрочемъ этииъ именемъ обозначались также всѣ свободные люди, способные быть присяжными, съ тѣмъ различіемъ, что дѣйствительные присяжные назывались *rachimburgi residentes* (засѣдающіе), а прочіе *rachimburgi adstantes* (присутствующіе). Число присяжныхъ засѣдателей было неопредѣленно и зависело отъ важности и количества процессовъ. Первоначально они избирались только на время ассизовъ; но со времени Карла Великаго произошло важное видоизмѣненіе этого порядка. Съ этихъ поръ, изъ числа поземельныхъ собственниковъ графства избиралось известное количество присяжныхъ на всю жизнь. Эти пожизненные присяжные содѣйствовали графу въ качествѣ постоянныхъ судеб-

ныхъ засѣдателей, и назывались *scabini*, *Schöffen*, откуда французское слово *échevins*. Изъ этого произошло столь важное послѣдствіе различіе между свободными людьми, способными быть *scabini*, *schöffen* *Freie*, и простыми свободными *Gemeinfreie*. Для каждаго процесса нужно было не менѣе семи, а потомъ, со времени Лудовика Благочестиваго, не менѣе двѣнадцати скабиновъ; въ случаѣ надобности къ нимъ присоединялись еще временные присяжные (*geschwurgel*) и люди, свѣдущіе въ законахъ. Мы называемъ рахимбурговъ и скабиновъ присяжными потому, что дѣйствительно они давали присягу въ томъ, что не обвинять невиннаго человѣка, будутъ судить по совѣсти и не утаятъ никакого преступленія; но это не были присяжные (*jury*) въ теперешнемъ смыслѣ этого слова. Теперь дѣло присяжныхъ есть только такъ-называемый *вопросъ о фактѣ*, то-есть присяжные должны установить фактъ преступления; они разбираютъ сущность дѣла, обсуживаютъ достоверность обвиненія, взвѣшиваютъ и оцѣниваютъ доказательства и свидѣтельства и произносятъ приговоръ о виновности или невинности отвѣтчика въ томъ или другомъ преступленіи. *Пунктъ права*, то-есть обсужденіе факта съ точки зрѣнія права, примѣненіе закона, опредѣленіе наказанія, содержаніе судебного приговора принадлежитъ судѣ. Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, рахимбурги и скабины имѣли гораздо большее значеніе: на долю ихъ приходилась самая важная часть дѣлопроизводства: они рѣшали и *пунктъ факта* и *пунктъ права*, то-есть не только разбирали дѣло, слушали тяжущіяся стороны, оцѣнивали свидѣтельства и показанія, опредѣляли вину или невинность, но также составляли содержаніе судебного приговора, назначали сами наказаніе. Графъ только открывалъ засѣданіе, предсѣдательствовалъ, принималъ присягу отъ рахимбурговъ, вносилъ дѣло, руководилъ его производствомъ, спрашивалъ приговора у присяжныхъ, произносилъ приговоръ, на который они соглашались, и потомъ исполнялъ его; въ этомъ отношеніи онъ нѣсколько похожъ былъ на президента теперешнихъ ассизныхъ судовъ. Но графъ никогда не долженъ былъ имѣть вліяніе на содержаніе судебного приговора; это было дѣло рахимбурговъ и скабиновъ. Они были, говоря нѣмецкимъ терминомъ, *Urtheilsfinder*; назначеніе ихъ было *Recht finden, Urtheil finden*. Притомъ, они судили равнымъ образомъ и уголовныя и гражданскія дѣла, и чтобы приговоръ имѣлъ силу, не требовалось отъ нихъ, какъ отъ тепереш-

нихъ англійскихъ присяжныхъ, единогласія, а довольно было двухъ третей голосовъ и даже просто большинства. Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что, несмотря на большую власть графа, судопроизводство имѣло въ эту первоначальную эпоху чисто народныя и свободныя формы, и соединяло въ себѣ всѣ условія, всѣ гарантіи хорошаго суда—публичность, гласность, независимость судей, народный характеръ. Дѣла велись изустно, не существовало никакихъ продолжительныхъ формальностей, и почти не было слѣда письменности. Вообще, судебная процедура, согласно съ тогдашнею степенью развитія общества, была чрезвычайно проста. Существовало четыре формы судебной уликы и доказательства; двѣ изъ нихъ имѣли еще варварскій характеръ. Первая, самая обыкновенная форма была посредствомъ свидѣтелей. Вопросъ о юридической способности быть свидѣтелемъ предоставлялся усмотрѣнію рахимбурговъ. Но обыкновенно свидѣтелями могли быть только полноправные свободные люди. Исключались малолѣтніе, рабы и крѣпостные, равно какъ и женщины. Оброчники (Hörige) не могли свидѣтельствовать противъ своего господина. Вторая форма судебного доказательства была посредствомъ письменныхъ документовъ; но къ ней прибѣгали чрезвычайно рѣдко. Третья форма посредствомъ очистительной присяги обвиненнаго и такъ-называемыхъ соприсяжниковъ (*conjuratores, compurgatores, Eidesheffer*), употреблялась, если не было другихъ доказательствъ. Она состояла въ томъ, что обвиненный самъ давалъ присягу въ своей невинности, и долженъ былъ представить въ судъ извѣстное число друзей, знакомыхъ и сосѣдей, которые скрѣпляли его присягу своею клятвою. Они назывались *conjuratores*; то-есть участники въ присягѣ, или *compurgatores*, потому что присягою своею они очищали обвиненнаго. Законы предписывали различное число соприсяжниковъ, смотря по различному роду преступленій и личному состоянію обвиненнаго. Иногда для очищенія и оправданія требовался только одинъ соприсяжникъ, иногда семь, двѣнадцать, тридцать шесть, семьдесят два и даже сто. Соприсяжники должны были быть равными обвиненнаго, то-есть одного сословія съ нимъ, и притомъ *boni et legales homines*, то-есть безпорочной, безукоризненной жизни. Потому прежде чѣмъ допустить ихъ къ присягѣ, рахимбургля удостовѣрялись въ ихъ честности и хорошемъ поведеніи. Четвертая форма процедуры, самая варварская и показывающая еще малое развитіе общества, былъ судъ Божій (*ordalia*) и

судебный поединокъ. Судъ Божій, ордали (*Ordale*, отъ нѣмецкаго *Urtheil, judicium Dei*), означаетъ приговоръ о винѣ или невинности, произнесенный самимъ небомъ. Основаніемъ ордали служило суевѣріе, что небо всегда указываетъ виновнаго тѣмъ или другимъ знакомъ. Это былъ остатокъ до-христіанскаго времени, слѣдъ прежняго язычества. Судъ Божій происходилъ различнымъ образомъ. Самою обыкновенною формою его было испытаніе огнемъ или водою. Если обвиненный выдерживалъ испытаніе, онъ объявлялся невиннымъ; въ противномъ случаѣ виновнымъ. Судебный поединокъ состоялъ въ томъ, что истецъ, въ присутствіи судей и народа, вызывалъ на бой отвѣтника; и побѣжденный объявлялся виновнымъ. Судебный поединокъ сопряженъ былъ съ разными формальностями и происходилъ по приговору и рѣшенію суда. Впрочемъ, къ суду Божию и поединку прибѣгали только въ крайнихъ случаяхъ, если не было другихъ средствъ уликъ. Ордали мало-по-малу вышли изъ употребленія вслѣдствіе вліянія духовенства; но судебный поединокъ сохранился во все продолженіе среднихъ вѣковъ и, какъ увидимъ дальше, получилъ большое значеніе.

Общее собраніе графства, происходившее три раза въ годъ; называлось *placitum generale*, а въ судебномъ своемъ значеніи *mallus, mallus comitis, Malberg*. Оно называлось еще *echte Ding, placitum legitimum*, то-есть настоящее, обыкновенное собраніе, въ отличіе отъ *gebotenes Ding, Botding*, то-есть чрезвычайнаго собранія созываемаго графомъ. Именно, кромѣ большихъ ассизовъ, *placitum generale*, графъ держалъ въ разные времена и для разныхъ отдѣльныхъ случаевъ, малые, чрезвычайные ассизы. Эти-то малые ассизы и назывались *Botding*. Графъ собиралъ ихъ по требованію истца, въ случаѣ наступающаго срока въ производимомъ дѣлѣ, или въ случаѣ другой надобности. Кромѣ обвиненнаго, сторонъ и свидѣтелей, созывались тогда только скабины и присяжные. Кто изъ нихъ не слѣдовалъ призыву графа и не являлся на чрезвычайные ассизы, тотъ попадалъ подъ графскій *баннъ*, то-есть подвергался денежной пенѣ. Кромѣ предметовъ тяжелаго судопроизводства, къ большимъ и малымъ ассизамъ относились также почти всѣ явочныя дѣла (добровольной юрисдикціи, *inter volentes*). Всѣ юридическіе акты, контракты, сдѣлки, продажи, покупки, завѣщанія, для которыхъ предписаны были судебныя формы, совершались въ присутствіи графа и передъ народнымъ собраніемъ. Только такимъ образомъ они получали законную силу.

Хотя графство служило основаніемъ областного устройства, но оно не было еще послѣднимъ членомъ въ административномъ и судебномъ раздѣленіи государства. Каждое графство подраздѣлялось въ свою очередь на нѣсколько малыхъ округовъ, которые назывались центенами (сотнями, *centena*, англосаксонское *hundred*, нѣмецкое *Hundertchaft*). Первоначально *centena*, *саммла*, имѣла численное основаніе и означала округъ, который ставилъ сто человѣкъ въ народное ополченіе, или который, какъ полагаютъ другіе, содержалъ въ себѣ сто отдѣльныхъ семействъ или сто поземельныхъ участковъ (мансовъ). Въ послѣдствіи это численное основаніе измѣнилось и потеряло значеніе, и центена получила чисто территориальное значеніе. Центена не имѣла такой самостоятельности, какъ графство; не представляла такого округленнаго и замкнутаго цѣлаго: это была просто составная часть графства. Во главѣ отдѣльныхъ центенъ стояли правители, которые на сѣверѣ назывались *центенаріи*, *tingimá* (сотские), на югѣ *vicarii*, *vigniers*. Имицы называютъ ихъ *центенаріями*. Нельзя сказать положительно, кто назначалъ центенаріевъ; вѣроятно всего они избирались жителями центены при содѣйствіи графа; есть извѣстія, что нѣкоторые центенаріи назначались иногда самими королями; но во вѣдомомъ случаѣ они были подчинены графу. Каждая центена имѣла также свое собраніе, свой *mallus*, *Malberg*, свои ассесы, на которыхъ предсѣдательствовалъ центенарій или викарій. Но онъ имѣлъ гораздо болѣе ограниченную судебную власть, чѣмъ графъ; могъ судить при содѣйствіи рахнбургговъ и скабнговъ только небольшія преступленія, а въ гражданскомъ порядкѣ дѣла, не превышающія извѣстной положенной суммы; однимъ словомъ, онъ имѣлъ то, что въ послѣдствіи называется *justice moyenne*, *mittlere Gerichtsbarkeit* (средняя юрисдикція). Всѣ же такъ-называемыя *causae majores*, большія преступленія, ведущія за собою смертную казнь или лишеніе свободы, всѣ дѣла, касающіяся свободной поземельной собственности и т. д., могъ судить только графъ, который имѣлъ то, что послѣ называлось *haute justice*, *hohe Gerichtsbarkeit* (высшая юрисдикція). Потому, графъ объѣзжалъ въ извѣстныя времена года по очереди всѣ центены и судилъ въ центенныхъ ассисзахъ всѣ такого рода дѣла, превышавшія юрисдикцію центенарія. Власть центенарія въ его округѣ была по преимуществу полицейская; кромѣ того, онъ приводилъ въ исполненіе въ центенѣ всѣ мѣры и распоряженія графа.

Каждый графъ имѣлъ своего помощника, товарища, который назывался вице-графъ, *viccomes*, позднѣйшій *comes*, и котораго онъ избиралъ и назначалъ самъ. Вице-графъ заступалъ мѣсто графа, если послѣднему что-нибудь препятствовало лично управлять свою должность, особенно если онъ отправлялся на войну съ народнымъ ополченіемъ графства. Часто графъ совершенно уступалъ вице-графу председательство въ судѣ и вообще всю судебную свою дѣятельность оставляя за собою прочія свои занятія. Иногда онъ отдѣлялъ вице-графу часть графства и предоставлялъ ему исполнять управленіе. Отсюда произошли позднѣйшія *viscontes*, *сиконтема*. Слѣдуетъ прибавить еще одно важное обстоятельство. Обыкновенно въ каждомъ главномъ городѣ графства, который служилъ резиденціею для графа, находился епископъ, такъ какъ графства большею частію совпадали съ церковными епархіями. Въ послѣднія времена Римской имперіи епископы вездѣ получили огромное значеніе: при всеобщемъ разложеніи почти вся власть по городамъ перешла въ ихъ руки. Авторитетъ ихъ основывался главнымъ образомъ на ихъ нравственномъ вліяніи. Они сохранили этотъ авторитетъ, даже еще въ большей мѣрѣ, при франкскихъ короляхъ, которые постоянно покровительствовали высшимъ духовнымъ сановникамъ и возвышали ихъ значеніе. Епископъ на ряду съ графомъ былъ первымъ лицомъ если не въ графствѣ, то въ главномъ городѣ его. Онъ имѣлъ въ городѣ власть, конкурировавшую во многихъ отношеніяхъ съ властью графа, и наравнѣ съ нимъ принималъ мѣры и дѣлалъ распоряженія, касавшіяся городского управления. Своимъ духовнымъ авторитетомъ онъ поддерживалъ власть графа, который часто обращался къ нему за совѣтомъ. Во многихъ случаяхъ, во многихъ дѣлахъ внутренняго управленія, графъ, вмѣстѣ съ епископомъ, дѣйствовали сообща. Епископъ часто председательствовалъ въ судѣ вмѣстѣ съ графомъ и садился подлѣ него. Онъ представлялъ по преимуществу интересы римскаго народонаселенія. Если одна изъ сторонъ была духовнаго званія, то епископъ являлся въ судѣ и председательствовалъ рядомъ съ графомъ *ex officio*.

Х.

Графъ, какъ намѣстникъ королевскій, управлялъ ввѣреннымъ ему графствомъ; но въ каждомъ графствѣ находились такіа

кѣстности, такіа земли, которыя были изъяты изъ-подъ его судобной и полицейской власти, и на нихъ не простиралась его юрисдикція. Эти изъятыя земли назывались общимъ именемъ *иммунитетовъ*, *immunitates*. Къ такимъ землямъ прежде всего принадлежали королевскія домены. Въ разныхъ графствахъ находились, большія или меньшія помѣстья, даже города съ округами, которые составляли частную собственность королевскаго фиска и служили королю для содержанія его двора. Всѣ эти королевскія домены имѣли свое особенное, самостоятельное управленіе, независимое отъ графа. Король назначалъ въ нихъ особенныхъ чиновниковъ, управителей и судей, которые управляли хозяйственною частью, собирали налоги и повинности, имѣли полицейскую власть и производили судъ надъ крѣпостными, оброчными людьми (*Höfige*) короля, надъ свободными поселенцами (*freie Grundholden*), обрабатывавшими королевскія земли, и жителями городовъ, включенныхъ въ домены. Далѣе, изъяты, были въ большей или меньшей степени, изъ-подъ власти графа всѣ церковныя владѣнія въ графствѣ. Мы упоминали уже, что церковь соединила въ своихъ рукахъ огромную массу поземельной собственности. Въ каждомъ графствѣ церквамъ и монастырямъ принадлежали большія пространства земли, лежащія то разсѣянно, то сплошною массой. Рано уже многія церкви получили отъ королей, которые всегда оказывали имъ особенную милость, привилегіи, освобождавшія ихъ земли и ихъ людей отъ государственныхъ налоговъ и повинностей, иногда отъ военной службы въ народномъ ополченіи. Эти привилегіи и назывались *иммунитетами*, *immunitates*. Часто также короли предоставляли церквамъ въ земляхъ, новопріобрѣтенныхъ ими, взаимно разныхъ фискальныхъ доходовъ, пошлинъ, мостовыхъ, дорожныхъ денегъ и т. д., въ ихъ собственную пользу. Въ церковныхъ имѣніяхъ жило множество свободныхъ и несвободныхъ людей (*homines ecclesiastici*), которые находились въ такой зависимости отъ церкви, что *de facto* были ея подданными. Потому, чтобъ упростить судопроизводство и устранить часто происходившіе судебныя столкновенія и споры о компетенціи между епископами и аббатами съ одной стороны и графами съ другой, короли освобождали посредствомъ особенныхъ привилегій церковныя имѣнія отъ власти и суда графа, и предоставляли самимъ церквамъ судъ и полицію въ предѣлахъ ихъ владѣній. Такимъ образомъ расширилось понятіе *иммунитета*, который съ тѣхъ поръ означалъ не только освобожденіе отъ го-

сударственныхъ повинностей, и имѣтіе изъ-подъ судебной и полицейской власти графа, но и самостоятельный судъ и расправу. Такъ какъ епископамъ и аббатамъ неприлично было заниматься свѣтскими дѣлами, судебными тяжбами и полицейскими мѣрами лично, то поэтому каждая церковь должна была держать для всего этого особеннаго свѣтскаго уполномоченнаго, который первоначально назывался *защитникомъ*, *defensor*, потомъ обыкновенно *адвокатомъ*, *церковнымъ адвокатомъ advocatus, advocatus ecclesiae, фохтомъ* (Vogt, Kirchenvogt). Въ первое время такихъ церковныхъ фохтовъ, или адвокатовъ, давалъ церквамъ самъ король; но въ послѣдствіи вездѣ назначали ихъ сами епископы и аббаты. Фохтъ представлялъ церковь въ свѣтскихъ дѣлахъ и, въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ ея съ государственною властью, защищалъ ея владѣнія, чинилъ судъ и расправу надъ свободными и несвободными людьми, жившими на ея земляхъ, имѣлъ полицейскую власть и велъ подданныхъ церкви на войну, если церковь не была освобождена отъ повинности посылать людей своихъ въ народное ополченіе. Онъ присоединялся съ своимъ отрядомъ къ ополченію всего графства и поступалъ подъ начальство графа (1). Такимъ образомъ графъ сохранялъ въ нѣкоторыхъ церковныхъ владѣніяхъ одну только военную власть. Церковный адвокатъ получалъ должность свою отъ епископа или аббата; но такъ какъ по каноническимъ положеніямъ церковь не могла судить уголовныхъ дѣлъ, особенно такихъ, которыя вели за собою смертную казнь, то адвокатъ долженъ былъ выпрашивать себѣ у короля *Blutbann*, то-есть право уголовной расправы, которая, по коренному юридическому понятію эпохи, имѣла свой единственный источникъ въ королѣ, и могла переходить на другія лица только по его порученію или по передачѣ отъ него. Обыкновенно церкви и монастыри избирали себѣ адвокатомъ, или фохтомъ, какого-нибудь изъ знатныхъ своихъ сосѣдей, изъ большихъ поземельныхъ собственниковъ округа. Почти всегда фохтъ получалъ отъ церкви въ вознагражденіе за услуги сенефицію или прекарію, такъ что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ вассаломъ церкви. Кромѣ того, третья доля всѣхъ денежныхъ и судебныхъ доходовъ поступала въ его пользу.

Подобно церковнымъ владѣніямъ и многіе знатные аллодіаль-

(1) Часто впрочемъ людей своихъ на войну водили сами епископы и аббаты.

ные владѣльцы, магнаты и сениоры пользовались такимъ же иммунитетомъ, то-есть изъяты изъ-подъ судебной и полицейской власти графа и право чинить свой судъ и расправу. Лично они были подсудны графу, подобно простымъ свободнымъ людямъ, жителямъ графства, но въ земляхъ своихъ они имѣли полицейскую власть и производили судъ надъ жившими въ нихъ оброчными, крѣпостными людьми, цеховалами, и свободными поселенцами. Не всѣ такіе сениоры, пользовавшіеся иммунитетомъ, обладали судебною властью въ одинаковой степени; большею частью они имѣли только среднюю юрисдикцію (*justice moyenne*), а всѣ важные дѣла, особенно уголовныя, поступали на судъ графа. Вообще, власть ихъ надъ несвободными людьми была гораздо больше, чѣмъ надъ свободными. Знатные привилегированные господа, владѣвшіе большими землями, держали, подобно церквамъ и монастырямъ, фохтовъ, которымъ поручали судъ и полицію въ своихъ владѣніяхъ. Эти фохты назывались также *praepositi* (откуда *prevoit* превоиты), *Schultheisse* (*souldahis*), *Schalze* (старосты). Въ послѣдствіи такія изъятыя земли съ самостоятельною юрисдикціою назывались *Vogteien*, фохтейства; судебная и полицейская власть ихъ владѣльцевъ—*vogteiliche Gerichtsbarkeit*, фохтейская юрисдикція; люди, состоявшіе подъ нею, — *Vogteilente*, *hamilnes advocatissimi*, фохтейскіе люди. Если возникали тяжбы между людьми равныхъ фохтействъ, то нужно было обращаться къ ближайшему суду графства или центены, и въ такомъ случаѣ передъ судомъ графа или центенарія представлялъ людей своихъ самъ господинъ или его фохтъ. Ни церковнымъ, ни частнымъ фохтомъ не могъ быть ни самъ графъ, ни центграфъ. Слѣдуетъ прибавить, что даже и безъ королевской привилегіи всѣмъ поземельнымъ собственникамъ принадлежала въ предѣлахъ ихъ имѣній такъ-называемая въ послѣдствіи *basse justice*, то-есть низшее судопроизводство и вотчинная полиція надъ ихъ оброчными и крѣпостными людьми. Это вытекало изъ понятія о *mundium*, которое каждый землевладѣлецъ имѣлъ надъ своими *untertassen* (*Hinterzassen*), то-есть людьми, поселенными на его землѣ. Мы уже говорили прежде, что, по коренному германскому юридическому понятію, полная поземельная собственность всегда соединялась съ нѣкоторыми правами верховной власти. Каждый аллодіальный собственникъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ частнымъ государемъ на своей землѣ. Изъ этого вышла въ послѣдствіи феодальная *justice seigneuriale*, патримоніальная, вотчин-

ная власть поземельныхъ собственниковъ, по-нѣмецки *grundherrliche Gerichtsbarkeit* и просто *Grundherrlichkeit*. Начало и зародышъ ея относится безъ сомнѣнія къ эпохѣ, о которой идетъ рѣчь, и коренится даже въ первобытномъ германскомъ устройствѣ.

Иммунитетъ, то-есть изъятіе изъ-подъ графской юрисдикціи, былъ принадлежностью не только церковныхъ имѣній и земель привилегированныхъ аллодіальныхъ сеніоровъ, онъ лежалъ необходимо въ каждой бенефиціи, выдѣленной изъ королевскаго фиска. Передавая землю, король передавалъ бенефиціантамъ, то-есть вассаламъ своимъ, и людей, на ней жившихъ, и власть судебную и полицейскую надъ ними. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ только онъ предоставлялъ особенно важныя дѣла своему собственному суду или суду графа. Лично вассалы и бенефиціанты королевскіе были подсудимы графу, наравнѣ съ прочими свободными людьми графства; но въ бенефиціяхъ своихъ они пользовались въ большей или меньшей степени правами верховной власти. Наконецъ самыя вассальныя отношенія произвели значительное ограниченіе юрисдикціи графа. Во всѣхъ тяжбахъ, касающихся вассальнаго союза или бенефиціальнаго владѣнія, во всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, стоявшихъ въ связи съ частнымъ вассальнымъ отношеніемъ, вассалы не подлежали уже обыкновенному суду графа, большимъ или малымъ ассизамъ графства, но судились своими ровнями, то-есть другими вассалами, въ куріи своего сеніора и подъ его предсѣдательствомъ. Другими словами, всѣ дѣла, составлявшія содержаніе позднѣйшаго леннаго права, и вытекавшія изъ частнаго вассальнаго союза, стояли внѣ юрисдикціи графа и относились къ суду сеніора. Сферою судебной дѣятельности графа были общія дѣла, рѣшавшіяся на основаніи племеннаго права; вассалы подлежали его суду только за обыкновенныя преступленія и въ такихъ дѣлахъ, которыя не касались частныхъ вассальныхъ отношеній. Согласно съ этимъ, въ ассизы графа поступали только тяжбы объ обыкновенной аллодіальной поземельной собственности; а тяжбы, касающіяся бенефиціальнаго владѣнія и ленной собственности, относились къ куріи сеніора.

Такимъ образомъ, повторяя вкратцѣ все сказанное, мы видимъ, что изъ-подъ судебной и полицейской власти графа въ большей или меньшей степени были изъяты: 1) королевскія домены, 2) церковныя владѣнія, 3) земли нѣкоторыхъ знатныхъ аллодіальныхъ владѣльцевъ, получившихъ отъ короля привилегіи иммунитета, и 4) бенефиціи королевскихъ вассаловъ. Кромѣ

того, юрисдикцію графа ограничивали вассальныя отношенія. Но что касается военной власти его, то она распространялась на все графство, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ церквей. Если графъ, по повелѣнію короля, созывалъ народное ополченіе графства, то подъ знамя и начальство его должны были становиться и церковные адвокаты съ контингентомъ церковныхъ людей, и сеніоры съ своими гинтерзассами, и всѣ вассалы и афтервассалы. Всякій, кто не являлся, подвергался положенной денежной пенѣ. Равнымъ образомъ, если графъ приводилъ въ исполненіе въ предѣлахъ своего графства общія государственныя распоряженія и декреты короля, то въ такомъ случаѣ дѣйствіе его простиралось и на изъятые округа.

XI.

Выше графовъ въ должностной іерархіи стояли герцоги (*duces*). Надобно различать два рода герцоговъ. Въ собственно Франкскихъ земляхъ, т.-е. въ Галліи, герцоги имѣли одно лишь военное значеніе. Нѣсколько графствъ составляли провинцію, *ducatus*, герцогство; въ главѣ каждого стоялъ *dux*, герцогъ, назначаемый королемъ для большей централизаціи военнаго устройства. Герцогъ соединялъ народное ополченіе нѣсколькихъ графствъ и составлялъ изъ него одинъ корпусъ, которымъ предводительствовалъ на войнѣ; графы съ своими контингентами поступали подъ его начальство. Но въ гражданскомъ управленіи они были независимы отъ герцога. Иногда герцогское достоинство было только почетнымъ титуломъ. Нерѣдко одному графу поручалось управленіе двухъ, трехъ графствъ, и тогда король обыкновенно давалъ ему титулъ герцога. Но другой характеръ имѣло герцогское достоинство въ тѣхъ земляхъ, которыя были подчинены и присоединены къ Франкскому государству въ послѣдствіи, особенно въ собственной Германіи. Здѣсь оно имѣло племенное значеніе. Во главѣ Тюринговъ, Аллемановъ и Баваровъ стояли племенные герцоги, наследственные или избираемые народомъ изъ знаменитыхъ, аристократическихкихъ родовъ, *адалинговъ*. Эти племенные герцоги (*Stammherzoge*) считались вассалами короля, приносили ему присягу

вѣрности, и должны были искать у него утвержденія въ своемъ достоинствѣ; но они управляли своими землями почти независимо отъ короля. Земли ихъ раздѣлялись также на графства и центены, внутреннее устройство которыхъ было сходно съ чисто-франкскимъ волостнымъ устройствомъ, но графы назначались самимъ герцогомъ и во всемъ были подвластны ему. Герцоги созывали отъ времени до времени общія земскія народныя собранія, и вообще пользовались властью, почти равную королевской. Подчиненіе ихъ королю было чисто формальное; герцогское ихъ достоинство считалось бенефициею, *donatus*, леномъ Франкскаго короля, вслѣдствіе чего они обязаны были помогать ему на войнѣ, приводить ему военныя силы своего племени, иногда—платить дань. При такомъ независимомъ положеніи, естественно, что герцоги часто бывали непокорны королю, часто возставали противъ него и стремились совершенно освободиться отъ его власти, выйти изъ общаго состава государства и сдѣлаться вполнѣ самостоятельными государями. Поэтому Карлъ Великій уничтожалъ вездѣ, гдѣ могъ, племенное герцогское достоинство, превращалъ герцогства въ административныя округа и поручалъ управленіе ихъ однимъ только графомъ, имъ назначаемымъ и отъ него зависящимъ. Притомъ, постоянное правило внутренней его политики было, чтобы каждый графъ управлялъ только однимъ графствомъ; никогда онъ не допускалъ, чтобы два, три графства соединились въ однихъ рукахъ и такимъ образомъ давали графу средства чрезмѣрно усилиться и сдѣлаться независимымъ. Но при слабыхъ наследникахъ Карла Великаго опять возникаютъ вездѣ племенные герцоги, и пріобрѣтаютъ еще болѣшую самостоятельность, и опять по нѣскольку графствъ соединяются въ однихъ рукахъ. У Лонгобардовъ, въ землѣ которыхъ, вслѣдъ за завоеваніемъ, введено было франкское волостное устройство съ графами и центенаріями, были также *duces*, герцоги, но они ничѣмъ не отличались отъ графовъ, кромѣ того, что управляли гораздо болѣшими округами. Изъ всѣхъ германскихъ племенъ Саксы дольше всего сохранили первобытное германское общинное устройство. Земля ихъ раздѣлялась на маленькія волости, *Saxe*, величиною похожія на франкскія центены; всѣ эти волости управлялись самостоятельно; только разъ въ годъ происходило общее народное собраніе въ Маркло надъ Везеромъ, въ которое каждая волость посылала двѣнадцать депутатовъ, по ровному числу отъ всѣхъ трехъ сословіи (*ethelingi*, *frilingi* и

lassi): это есть древнѣйшій слѣдъ настоящей представительной формы правленія въ Европѣ. Но послѣ завоеванія Карломъ Великимъ, въ землѣ Саксовъ, равно какъ и въ землѣ Фризовъ и вообще во всей Германіи, введены были франкскія учрежденія: большія волости и графства, центены, графы, викарии, центенаріи, большія и малыя ассизы, скабины, королевскій баннъ и графскій баннъ, иммунитеты, королевскія и частныя бенефиціи и проч.

Кромѣ графствъ и герцогствъ, на всѣхъ границахъ государства находились марки, или маркграфства, большіе округа съ многими укрѣпленными мѣстами, которыми управляли маркграфы (marchiones). Это были тѣ же графы, но съ усиленною военною и гражданскою властью. Главною обязанностію ихъ была защита границъ отъ нападений сосѣднихъ варваровъ.

Таково было областное устройство Франкскаго государства.

ХII.

Хотя всѣ областные правители, герцоги, графы, маркграфы, назначаемы были королемъ, дѣйствовали по его порученію и зависѣли отъ его воли, все-таки очевидно, что въ рукахъ ихъ лежала чрезвычайно-обширная власть, которая открывала поле для личнаго ихъ произвола, давала имъ возможность дѣйствовать независимо и распоряжаться самовластно. При огромномъ пространствѣ государства, невозможно было королю производить дѣятельный контроль надъ управленіемъ графовъ, и удерживать власть ихъ въ предѣлахъ подчиненія. Королевская власть въ эти времена не обладала даже десятою долею тѣхъ средствъ, которыми правительства располагаютъ въ наши дни. Довольно вспомнить только, какъ трудны были тогда сообщенія между отдѣльными частями государства и его центромъ. Часто проходили одинъ, два, три мѣсяца, прежде чѣмъ король узнавалъ о томъ, что происходило въ той или другой отдаленной области. Обо многомъ онъ не узнавалъ вовсе, многое совершенно ускользало отъ его вниманія. Невозможно же было ему вездѣ присутствовать лично и всѣмъ заниматься лично. Тѣмъ хуже, если королевская власть была въ рукахъ слабой и недѣятельной личности, лишенной инициативы: тогда все рѣшительно переходило въ руки герцо-

епископы, графы, сеніоры и большіе королевскіе вассалы, которые распоряжались въ подвластных имъ округахъ какъ самостоятельные государи. Потому, чтобы сдѣлать сколько-нибудь возможнымъ надзоръ и контроль надъ управленіемъ графовъ, короли посылали въ графства, въ опредѣленные сроки, особенныхъ сановниковъ съ большимъ полномочіемъ, которые назывались *missi*, *missi dominici*, *Sendgrafen*, *legati*, *missi camerae*. Учрежденіе это было усовершенствовано и обращено въ постоянное Карломъ Великимъ. Все государство раздѣлено было на большіе округа, легаціи, *missatica*. Въ каждую легацію король посылалъ двухъ уполномоченныхъ, двухъ *зендграфовъ*, изъ которыхъ одинъ былъ всегда епископъ, другой—какой-либо знатный государственный сановникъ или вассалъ королевскій. Зендграфы получали письменныя или изустныя инструкціи отъ самого короля, объѣзжали всѣ графства своей легаціи, производили контроль надъ всѣми отраслями областного управленія, требовали отчета отъ графовъ, викаріевъ, центенаріевъ и проч. Даже военная часть не была изъята изъ-подъ ихъ контроля; зендграфы производили смотръ народному ополченію графствъ и удостовѣрялись, исполнены ли королевскіе приказы, касающіеся ополченія. Имъ предписывалось также принимать жалобы частныхъ лицъ на герцоговъ, графовъ и центенаріевъ и производить слѣдствія въ случаѣ злоупотребленій со стороны послѣднихъ. Далѣе, зендграфы разсматривали и контролировали все финансовое управленіе графствъ, повѣряли королевскіе доходы, налоги и повинности. Одною изъ главныхъ обязанностей ихъ былъ надзоръ надъ управленіемъ королевскихъ доменъ и также присмотръ за королевскими бенефіціями. Никакія изыятія не имѣли значенія передъ зендграфами. Власть ихъ простиралась на все и проникала вездѣ. Для всѣхъ разнообразныхъ дѣйствій своей должности они созывали большія собранія, на которыя должны были являться всѣ свѣтскія и духовныя должностныя лица цѣлой легаціи, всѣ графы, викаріи, центенаріи, епископы, аббаты, церковные адвокаты, королевскіе вассалы, склабины и проч. Въ большомъ количествѣ стекалось также народонаселеніе округа. Здѣсь зендграфы справлялись отъ достовѣрныхъ людей о состояніи страны и принимали мѣры, опредѣленныя въ ихъ инструкціяхъ. Но главнымъ предметомъ ихъ дѣятельности было судопроизводство. Для этой цѣли они держали четыре раза въ годъ въ четырехъ разныхъ мѣстахъ своей лега-

ціи большія ассезы, для которыхъ избирали особенныхъ слѣбниковъ. Въ ассезы зендграфовъ, какъ въ высшую инстанцію, поступали всѣ апелляціи отъ графскаго суда, всѣ жалобы на графовъ въ случаѣ отказа въ правосудіи, проволочки или несправедливаго приговора, всѣ дѣла, предоставленныя королевскому суду (Pfalzgericht, Placitum Palatii), между прочимъ всѣ тяжбы государственныхъ сановниковъ, герцоговъ, графовъ, епископовъ и аббатовъ, наконецъ всѣ процессы, прошедшіе низшія инстанціи, и особенно важные судебные случаи. Такимъ образомъ, зендграфы пользовались компетенціею придворнаго королевскаго суда (Pfalzgericht), представляли его въ легатіяхъ и дѣлали его доступнымъ для всякаго, безъ большихъ издержекъ и затрудненій, которая влекла бы за собою апелляція къ королю, еслибы судъ его оставался постоянно въ одномъ мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи зендграфы были нѣсколько похожи на англійскихъ судей, объѣзжающихъ графства (1).

XIII.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ объ общемъ государственномъ сеймѣ, о собраніи чиновъ государства, которое содѣйствовало королю въ законодательствѣ и всѣхъ важныхъ политическихъ мѣрахъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Со времени первыхъ Каролинговъ, почти ежегодно въ мартѣ, а потомъ въ маѣ, король созывалъ всѣхъ знатныхъ господъ (Orationes, Procures, Majores), т.-е. всѣхъ государственныхъ сановниковъ, герцоговъ, графовъ, викаріевъ, епископовъ, аббатовъ, всѣхъ сеніоровъ и большихъ королевскихъ вассаловъ поминанно, а обыкновенныхъ свободныхъ людей, меньшихъ вассаловъ и атервассаловъ въ массѣ. Такое собраніе прежде всего имѣло характеръ большаго военного смотра и называлось *Campus Martii*, потомъ *Madius* (Марсово поле). Всѣ свободные люди, вассалы и атервассалы, приходили въ назначенное мѣсто вооруженные

(1) Карлъ Великій, уничтожая герцогское достоинство, поручалъ часто верховное управленіе герцогствъ зендграфамъ, какъ постояннымъ сановникамъ.

и обыкновенно отправлялись оттуда на войну. Марсово поле было сборным пунктом всего народного ополчения. Собственный сеймъ составляли только знатные, т.-е. сановники свѣтскіе и духовные, герцоги, графы, епископы, аббаты, сениоры и большіе королевскіе вассалы. Король предлагалъ имъ на обсужденіе новые законы и общія государственныя мѣры. Простые свободные люди (народъ, *populus*) не принимали никакого участія въ совѣщаніяхъ. Имъ сообщались только совокупныя рѣшенія короля и сейма; они одобряли ихъ простымъ подтвердительною кликомъ. Такимъ образомъ, сеймъ имѣлъ чисто аристократическій характеръ; — это было собственно не народное собраніе, а скорѣе *assemblée des notables*, или лучше, большой государственный совѣтъ. Кромѣ новыхъ законовъ или измѣненій въ старыхъ, къ совѣщаніямъ сейма относились многіе другіе предметы, вопросы о войнѣ и мирѣ, трактаты и договоры съ другими націями и проч. Иногда передъ сеймомъ рѣшались важныя судебныя дѣла, особенно по политическимъ преступленіямъ высокихъ государственныхъ сановниковъ. Сеймъ состоялъ изъ двухъ курій: въ одной засѣдали свѣтскіе чины, въ другой духовные. Обыкновенно обѣ соединялись вмѣстѣ; если же предметомъ совѣщаній были чисто-духовныя, церковныя дѣла, то курія духовныхъ чиновъ совѣщались отдѣльно. Главную роль на сеймѣ всегда играли архіепископы и епископы, какъ люди наиболѣе опытные и свѣдущіе въ дѣлахъ государственныхъ. Ни кругъ дѣятельности сейма, ни его права и атрибуты не были опредѣлены закономъ. Не существовало никакихъ положительныхъ узаконеній о томъ, какъ далеко простиралось его участіе въ законодательствѣ, и что относилось къ королевской инициативѣ. Какъ во всемъ, такъ и въ этомъ все зависѣло отъ личности короля. При сильной и энергической личности, какою былъ напримѣръ Карлъ Великій, и предложеніе и окончательное рѣшеніе было въ рукахъ короля. Сеймъ превращался въ совѣщательное собраніе. При слабой личности перевѣсъ былъ на его сторонѣ; свѣтскіе и духовные магнаты диктовали королю всѣ государственныя мѣры. Постановленія, сдѣланныя королемъ и сеймомъ и одобренныя присутствовавшимъ народомъ, назывались *capitularia*. Кромѣ общаго государственнаго сейма, который происходилъ весной, король созывалъ осенью малое собраніе, состоявшее изъ придворныхъ его сановниковъ, нѣсколькихъ архіепископовъ и епископовъ и нѣкоторыхъ знатныхъ сениоровъ и вассаловъ. Въ этомъ собраніи предвари-

только обсуждали мѣры, которыя потомъ король предлагалъ настоящему сейму.

Таково было государственное устройство въ до-феодалную эпоху. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ происходило разложеніе этого устройства и какъ совершился переходъ его въ феодальное устройство; какія были внутреннія и вѣшнія причины этого разложенія, и какіе элементы и зародыши позднѣйшаго феодальнаго порядка вещей хранились уже въ самыхъ учрежденіяхъ Франкской монархіи.

XIV.

Описанное нами франкское государственное устройство сложилось мало-по-малу на галльской почвѣ, очевидно, подъ вліяніемъ Римскихъ понятій о государствѣ, подъ вліяніемъ преданій римской имперіи. Франки нашли въ Галліи готовое государство. Франкскій король сталъ на мѣсто римскаго императора въ отношеніи къ галло-римскому народонаселенію. Къ нему прикнуло галло-римское духовенство и знатные галло-римскіе владѣльцы, естественнымъ желаніемъ которыхъ было сохраненіе *status quo*, сохраненіе римскихъ государственныхъ формъ, поддержаніе существовавшаго порядка вещей, съ которыми связано было ихъ собственное значеніе и ихъ выгоды. Ихъ интересомъ было защищать по возможности этотъ порядокъ вещей, плодъ римской цивилизаціи, противъ наплыва варварства, оберегать римскія государственныя формы, въ которыхъ лежала гарантія общественнаго благоустройства и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ собственной безопасности. Но мало того, галло-римское духовенство и галло-римскіе знатные владѣльцы естественно должны были стараться о томъ, чтобы подчинить формамъ римскаго государственнаго быта самихъ завоевателей, самихъ Франковъ и такимъ образомъ прекратить анархію, происшедшую въ первое время послѣ завоеванія. Для этого имъ нужно было, такъ-сказать, ваять въ свои руки франкскаго короля и воспользоваться имъ, какъ орудіемъ для осуществленія своихъ желаній. Дѣйствительно, галльскіе епископы съ самаго начала являются главными подпорами власти меровингскихъ королей, главными совѣтниками ихъ въ дѣлахъ государственныхъ; дѣлаются ихъ

политическими учителями, внушаютъ имъ римскія идеи и римскія понятія, руководятъ всѣми ихъ дѣйствіями въ смыслѣ этики и правды, и помогаютъ имъ устраивать монархію на римскомъ государственномъ началѣ. Подобнымъ образомъ знатные Галло-Римляне поступаютъ въ число приближенныхъ короля, дѣлаются его антрустіонами, занимаютъ государственныя должности при его дворѣ или въ областяхъ и посвящаютъ франкскаго короля въ тайны римской администраціи и римской фискальной системы. Цѣль духовенства и галло-римской знати тѣмъ же легче могла быть достигнута, что интересы ихъ совпадали съ интересами самого короля. Меровинги скоро начали понимать свое новое положеніе, скоро постигли смыслъ римскаго государственнаго начала и сознали, въ чемъ состояли ихъ собственныя выгоды. Они поняли, что сила ихъ заключалась главнымъ образомъ въ ихъ отношеніи къ Галло-Римлянамъ, которые видѣли въ нихъ наследниковъ римскаго императора, и подчинялись ихъ неограниченной власти въ качествѣ безответныхъ подданныхъ. Легко было Меровингамъ постигнуть, насколько то значеніе, которое они получили, вступивъ въ права римскаго императора въ отношеніи къ галло-римскому народонаселенію, насколько значеніе галло-римскаго государя было выше значенія племеннаго короля, въ отношеніи къ Франкамъ. Они видѣли, во сколько разъ власть ихъ надъ галло-римскими подданными была больше ихъ власти надъ франкскими соплеменниками. Изъ родины своей франкскій король вынесъ только значеніе военнаго предводителя своего племени; на германской почвѣ власть его не выходила изъ сферы общиннаго устройства, король былъ нераздѣленъ съ общиною и не стоялъ ни внѣ, ни выше ея, а подчинялся ей. Ставъ на галльскую почву, онъ пріобрѣталъ въ отношеніи къ галло-римскому народонаселенію значеніе неограниченнаго государя со всѣми атрибутами римской императорской власти. Понятно, что съ тѣхъ поръ онъ долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы пріобрѣсть такую же власть и надъ Франками, распространить на нихъ свое новое значеніе и поставить Франковъ въ отношеніе, подобное тому отношенію, въ какомъ находились къ нему галло-римскіе подданные. Естественнымъ желаніемъ его было сдѣлаться въ отношеніи къ Франкамъ изъ племеннаго предводителя, изъ перваго между равными, стоящимъ императоромъ и обратить ихъ въ подданныхъ, подобно Галло-Римлянамъ. Приближало его къ этой цѣли уже могущество его, возросшее вслѣдствіе завоеванія Галліи, но что-

бы вполне достигнуть этой цѣли, ему нужно было опираться главнымъ образомъ на галло-римскій элементъ. Такой политики держались Меровинги; епископы и знатные Галло-Римляне всѣми силами содѣйствовали имъ въ этомъ, и при тогдашнихъ условіяхъ успѣхъ былъ легокъ и удобенъ.

Отношеніе Франковъ къ королю измѣнилось уже вслѣдствіе переселенія и завоеванія. Вмѣстѣ съ переселеніемъ первоначальные общинные союзы разрѣшились; остался только одинъ большой племенной союзъ, представителемъ котораго былъ король, какъ глава племени, и власть его надъ Франками усилилась сама собою во время завоеванія, какъ усиливается обыкновенно власть всякаго военачальника въ военное время. На чужой, занятой землѣ, посреди галло-римскаго народонаселенія, Франки долго еще сохраняли характеръ войска, всегда готоваго соединиться подъ начальствомъ короля. Вслѣдствіе самаго факта нашествія на чужую страну и занятія чужихъ земель, Франки ставили себя въ враждебное отношеніе къ туземному народонаселенію и, несмотря на малое сопротивленіе съ его стороны, все-таки должны были въ первое время держать себя противъ массы Галло-Римлянъ въ оборонительномъ положеніи. Необходимость такого положенія заставляла ихъ тѣснѣе примкнуть къ королю, подчинить себя его волѣ, такъ какъ съ разрѣшеніемъ общиннаго союза, военное начальство короля осталось единственною силою, связывавшею ихъ въ одно. Король былъ для Франковъ единственнымъ центромъ соединенія; для собственной безопасности они должны были держаться крѣпко этого центра. Только дружно повинаясь власти короля, они были сильны въ отношеніи къ туземцамъ и могли сохранить прибрѣтенное господство въ странѣ. На родинѣ, свободный Франкъ подчинялся только общинѣ, только общинному собранію; теперь, когда не стало общины, и остался только племенной военачальникъ, естественно, что онъ долженъ былъ вступить въ права общины, и свободный Франкъ долженъ былъ подчиниться ему. Власть короля надъ Франками усилилась уже потому, что она осталась одна, и уже самое это обстоятельство, что Франки должны были подчиниться одному, ставило ихъ въ совершенно новое для нихъ положеніе. Но этотъ одинъ не былъ уже только прежній германскій племенной король; онъ занялъ теперь мѣсто римскаго императора и сдѣлался неограниченнымъ государемъ въ отношеніи къ огромной массѣ галло-римскихъ подданныхъ;

онъ владѣлъ теперь обширными доменами, располагалъ огромными матеріальными и нравственными средствами; на сторонѣ же было галльское духовенство, которое поддерживало его власть духовнымъ своимъ авторитетомъ. Это новое значеніе имела, это могущество его раньше или позже должно было действовать на отношеніе къ нему свободныхъ Франковъ. Когда Меровинги, руководимые галльскими епископами и знатными Галло-Римлянами, стали примѣнять къ Франкамъ формы римскаго государственнаго быта и созидать учрежденія, которыя должны были соединить равнымъ образомъ и Римлянъ и Франковъ подъ одинаковою властью, когда они, наконецъ, воспроизвели государство въ смыслѣ римской имперіи, то Франки передъ нимъ или неволью должны были подчиниться этимъ наложеннымъ на нихъ формамъ и учрежденіямъ, войти въ составъ новаго государственнаго организма и стать въ положеніе, которое приближало ихъ къ положенію галло-римскихъ подданныхъ. Меровингскимъ королямъ легко было наложить на Франковъ формы государственнаго быта въ духѣ римскихъ понятій, потому что на сторонѣ ихъ было несравненно больше нравственной и матеріальной силы, чѣмъ на сторонѣ Франковъ. Короли опирались на огромное большинство галло-римскаго народонаселенія: Франки въ сравненіи съ этимъ народонаселеніемъ составляли незначительное меньшинство. Къ королямъ примкнули высшіе классы Галло-Римлянъ; на сторонѣ королей было происхожденіе римскаго образованія; они могли пользоваться всеми приобретениями и плодами римской цивилизаціи: свободные, но грубые Франки не могли устоять противъ силы, которая исходила въ этой цивилизаціи. На сторонѣ королей было высшее галльское духовенство, проникнутое римскими идеями: духовенство это съ самаго начала получило огромное нравственное влияние на простые умы германскихъ завоевателей. При такихъ условіяхъ Франки, какъ меньшинство, необходимо должны были подчиниться государственнымъ формамъ, наложеннымъ на нихъ королями, которые опирались на галло-римское большинство. Единенными усиліями меровингскихъ королей, епископовъ, галло-римской знати и даже многихъ оримянившихся Германцевъ, Франки приведены были мало-по-малу въ такое отношеніе къ королю, которое приближалось къ отношенію подданства. Равнѣ съ Римлянами, они должны были подчиниться однимъ формамъ же общимъ государственнымъ и областнымъ учреждені-

лять; подобно Римлянамъ, всѣ свободные люди франкского племени должны были приносить королю присягу въ подданствѣ; обязанность военной службы въ народномъ ополченіи (Hesgbanu) лежала равнымъ образомъ и на свободныхъ Римлянахъ и на свободныхъ Франкахъ; и тѣ и другіе должны были являться по призыву короля въ мѣсто назначенное для сбора войска, вооружаться на свой счетъ и выходить на войну подъ предводительствомъ графовъ и герцоговъ (1). Власть областныхъ правителей, поручаемая королемъ графамъ, простиралась и на Римлянъ, и на Франковъ осѣдлыхъ въ графствѣ. И свободные Римляне, и свободные Франки судились передъ судомъ графа, въ ассизахъ графства или центены. Смотри по народности тяжущихся сторонъ, графъ выбиралъ рахимбурговъ то изъ Римлянъ, то изъ Франковъ. Римляне, сохранивъ римское право, преимущественно въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ свое личное право, должны были подчиниться формамъ германской процедуры, даже очистительной присягѣ соприсяжниковъ, судамъ Божиимъ и судебному поединку; въ уголовныхъ преступленіяхъ противъ Франковъ они судились по германскому праву и за убійство или увѣчье Франка должны были платить виру, или *композицію*; но съ другой стороны очень часто король назначалъ графомъ Римлянина, своего антрустиона (2), и свободные Франки должны были подчиняться его юрисдикціи точно такъ же, какъ юрисдикціи графа германскаго происхожденія. Самое германское право, такъ какъ оно является въ такъ-называемыхъ *Leges Barbarorum*, очевидно испытало вліяніе понятій римскаго права. Собирая письменные коренные германскіе обычаи, короли старались подладить ихъ подъ римскія нормы, и многое видоизмѣнили въ нихъ въ смыслѣ римскихъ юридическихъ понятій. Карательная власть короля и намѣстниковъ его графовъ, королевскій баннъ и графскій баннъ, простиралась равнымъ образомъ и на Римлянъ, и на Франковъ; всякое неповиновеніе и тѣхъ и другихъ королевскому и графскому приказу влекло за собою денежную пеню, которая, по свидѣтель-

(1) Что свободные Галло-Римляне служили въ народномъ ополченіи, хотя не въ такомъ количествѣ, какъ Франки, это доказано неоспоримо Ротомъ и подтверждено Вальтеромъ и Гиллебрандомъ противъ Эйхгорна!

(2) Въ эпоху Меровинговъ постоянно встрѣчаются въ большомъ количествѣ римскія имена графовъ и даже герцоговъ, военныхъ предводителей.

ству всѣхъ современныхъ источниковъ, возмалась съ чрезвычайною строгостію. Римляне продолжали въ первое время платить меровингскимъ королямъ прежнія римскія подати, *senarius* и *caricatio*. Франки не имѣли никакого понятія о государственныхъ податяхъ и налогахъ. Подати и налоги были совершенно чужды имъ и въ высшей степени ненавистны; всякая подать была для нихъ знакомъ несвободнаго состоянія. Однакожь существуютъ доказательства въ томъ, что Меровинги успѣли принудить Франковъ къ платежу римскихъ податей въ южной Галліи, гдѣ германское народонаселеніе было очень рѣдко, и преобладалъ элементъ галло-римскій. Во всякомъ случаѣ свободные Франки обязаны были въ извѣстныхъ времена дѣлать королю добровольныя приношенія и подарки, большею частію натурою. Эти приношенія обыкновенно шли на содержаніе военного ополченія во время похода. Кромѣ того на свободныхъ Франкахъ лежали нѣкоторыя другія государственныйя повинности: они должны были чинить публичныя дороги и мосты, содержать королевскихъ сановниковъ, посылаемыхъ королемъ въ области, доставлять имъ помѣщеніе, лошадей и все нужное; на нихъ падали, равно какъ и на Римлянъ, пошлины, таможенные и разные другіе фискальные сборы.

- Изъ всего это мы видимъ, что Франки принуждены были исполнять болѣе или менѣе всѣ тѣ обязанности, которыя лежатъ въ отношеніяхъ подданства, въ подчиненіи верховной государственной власти. Они поставлены были меровингскими королями въ положеніе, равняющееся положенію подданныхъ; оттого мы и употребляли въ предыдущихъ главахъ выраженіе: *отношеніе подданства*, желая имъ обозначить подчиненіе Франковъ верховной власти короля. Мы сказали бы: *отношеніе гражданина къ государству*, еслибы можно было примѣнить слово *гражданинъ* къ Франкамъ. Конечно и выраженіе: *отношеніе подданства* въ приложеніи къ Франкамъ не должно быть понимаемо въ новѣйшемъ публичномъ смыслѣ этого слова. Нѣтъ сомнѣнія, что Франкамъ и королямъ ихъ не только, чуждо было понятіе о публичномъ характерѣ королевской власти, но что они не понимали смысла и тѣхъ отношеній, формъ и учреждений, которыя были заимствованы ими отъ Римской имперіи. Врожденные привычки Франковъ, ихъ нравы и обычаи, самыя ихъ инстинкты стояли въ рѣзкой противоположности съ началами римскаго государственнаго быта. Но дѣло не въ томъ, понимали ли, или не понимали Франки свое но-

вое положеніе, а въ томъ, что меровингскіе короли имѣли довольно средствъ и силы, чтобы заставить ихъ фактически стать въ положеніе, приближавшееся къ положенію галло-римскихъ подданныхъ. Каждый свободный Франкъ, аллодіальной собственникъ, считалъ себя независимымъ государемъ на своей землѣ, но всѣ они должны были однакожь признать надъ собою власть высшую, единую, равную для всѣхъ, власть короля, котораго повелѣніямъ они повиновались, который судилъ ихъ самъ или черезъ посредство своихъ намѣстниковъ, который былъ между ними верховнымъ миротворцемъ, заботился о сохраненіи земскаго мира и наказывалъ всякое его нарушеніе. Нельзя, конечно, представлять себѣ государство Меровинговъ въ видѣ благоустроеннаго государства; воля короля и установленныя имъ власти не всегда и не вездѣ находила себѣ повиновеніе со стороны Франковъ. Франки покорялись ей только тамъ и тогда, гдѣ и когда непосредственно достигала ихъ рука королевская; многіе Франки не хотѣли и знать о королѣ, какъ скоро не чувствовали его руки надъ собою; въ одномъ мѣстѣ былъ порядокъ, въ другомъ анархія. Но все-таки въ массѣ, и въ главныхъ условіяхъ государственной жизни, Франки подчинились власти короля, въ ея новомъ для нихъ значеніи. Формы государственнаго быта, чуждыя ихъ понятію, были наложены на нихъ внѣшнимъ образомъ, но все-таки были наложены; Франки, какъ меньшинство, волею или неволею должны были войти въ государственный составъ, который держался привыкшимъ къ нему большинствомъ. Слово *подданство*, въ приложеніи къ Франкамъ, не совсѣмъ точно и въ томъ отношеніи, что въ сущности подданство Франковъ въ смыслѣ римской подчиненности было болѣе постулатомъ, чѣмъ дѣйствительностію. Но мы принуждены употреблять это слово, за недостаткомъ другаго, которое спеціально выражало бы прямое отношеніе Франковъ къ королю, непосредственное подчиненіе ихъ его власти. Государство Меровинговъ на галльской почвѣ было такимъ же явленіемъ, какъ остготское государство Θεодорика Великаго въ Италіи. Это было такое же искусственное примѣненіе римскихъ государственныхъ началъ къ германскому элементу, такая же попытка воспроизвести на германскомъ основаніи государство въ смыслѣ римской имперіи. Но дѣло Θεодорика Великаго скоро рушилось вслѣдствіе случайныхъ и внѣшнихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ: дѣло Меровинговъ пользовалось болѣе счастливыми условіями,

государству, созданному ими, суждено было продолжительное существованіе и широкое дальнѣйшее развитіе.

Первые Каролинги пошли дальше Меровинтовъ. Они положили себѣ цѣлю распространить государственное устройство, созданное въ духѣ римскихъ началъ, на всѣ страны и племена, вошедшія въ составъ Франкской монархіи вслѣдствіе завоеванія,—на Саксовъ, Фризовъ, Тюринговъ, Аллемановъ, Баваровъ, Лангобардовъ. Особенно проникнуть былъ идеею римской имперіи Карлъ Великій; она служила путеводною нитью для всѣхъ его начинаній и легла въ основаніе всего законодательства его. Римская административная централизація, управленіе отдѣльныхъ областей посредствомъ цѣлой іерархіи должностныхъ лицъ, префектовъ, викаріевъ, ректоровъ, презесовъ, назначаемыхъ императоромъ, все это послужило образцомъ для франкскаго государственнаго устройства, которому Карлъ Великій далъ окончательную форму. Продолжая и развивая дѣло предшественниковъ своихъ, онъ пытался примѣнить идею римской имперіи, начало единства, начало централизаціи ко всему германскому міру, старался связать въ одно цѣлое, посредствомъ одинаковыхъ учреждений, всѣ германскія племена, соединенныя подъ его властью, и создать изъ нихъ единое, сильное, стройное государство съ однимъ главою. Извѣстно, что великій этотъ организаторъ принялъ даже титулъ римскаго императора, желая такимъ образомъ непосредственно связать созданное имъ общегерманское государство съ преданіями римскихъ временъ. Карлъ Великій, казалось, вполне успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Въ современныхъ источникахъ, особенно въ капитуляріяхъ и разныхъ актахъ, Франкская монархія при Карлѣ Великомъ представляется намъ въ видѣ благоустроеннаго государства. Особенно учрежденіе королевскихъ *миссовъ* (зендграфовъ) и ежегодныхъ государственныхъ сеймовъ придаетъ ей видъ стройности и порядка. Но огромное зданіе, воздвигнутое Карломъ Великимъ и подготовленное его предшественниками, было не прочно и должно было рушиться. Внутри его давно уже таились элементы разложенія, и только энергія Карла Мартела, политическій умъ Пипина и геній Карла Великаго были въ состояніи сдержать его. Чѣмъ дальше шло время въ своемъ теченіи, тѣмъ все болѣе и болѣе измѣнялись самыя условія, при которыхъ сложилось Франкское государство, измѣнялась почва, измѣнялись основы, на которыхъ оно было воз-

двинуто, и само общество дѣлалось постепенно инымъ, принимало другой характеръ. Первымъ Меровингамъ легко было воспроизвести на галльской почвѣ государство въ смыслѣ римской имперіи и подчинить ему Франковъ, пока королевская власть еще опиралась на огромное большинство галло-римскаго народонаселенія, пока въ этомъ большинствѣ жили еще римскія идеи, римскія понятія о государствѣ, пока въ Галліи надъ германскимъ элементомъ преобладала римская цивилизація, пока Франки составляли незначительное меньшинство и, какъ меньшинство, принуждены были подчиниться окружающей ихъ средѣ. Но мало-по-малу отношенія измѣняются. Съ одной стороны изъ-за Рейна происходятъ все новые наплывы германскаго элемента въ Галлію, продолжается въ теченіе трехъ столѣтій постоянная медленная иммиграція германскаго племени, которая постепенно измѣняетъ составъ народонаселенія и численныя его отношенія; съ другой стороны, вслѣдствіе именно этой безпрестанной иммиграціи, туземное галльское народонаселеніе все болѣе и болѣе испытываетъ вліяніе германскаго элемента, теряетъ мало-по-малу первоначальный свой римскій характеръ и принимаетъ полугерманскій отпечатокъ. Сначала, какъ это всегда бываетъ, если народомъ менѣе образованнымъ покоряется другой народъ болѣе образованный, завоеватели должны были безотчетно подчиниться римской цивилизаціи, въ которой лежало чрезвычайно много силы, которая импонировала полуварварскимъ Германцамъ. Но потомъ, по мѣрѣ того, какъ число германскаго народонаселенія увеличивается въ странѣ, начинается реакція. Галло-Римляне, живя рядомъ съ Франками, находясь въ постоянномъ съ ними общеніи, вступая въ браки и родственныя отношенія съ Германцами, начинаютъ мало-по-малу перенимать сначала германскіе обычаи, германскія привычки, а потомъ вмѣстѣ съ германскими формами жизни и германскія понятія. Прежде всего, знатные Галло-Римляне, желая стать наравнѣ съ господствующею націею, стараются, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, поддаться подъ тонъ ея, принимаютъ внѣшній видъ, манеры и даже имена германскія. Вслѣдъ за высшими слоями галло-римскаго общества вліянію германскаго элемента подчиняются и низшіе. Явленіе это очень естественно, если мы сообразимъ, что Германцы были народъ свѣжій, живой, здоровый, и, что уступая галло-римскому народонаселенію въ образованіи, они стояли выше его въ нравственномъ отношеніи. Они вливаютъ

здоровые соки въ испорченное, изжившееся, нравственно и физически упавшее галло-римское народонаселеніе и оживлять его. Подъ вліяніемъ Германцевъ, Галло-Римляне дѣлаются юнственнѣе, сильнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ нравы ихъ грубѣютъ, все болѣе и болѣе исчезаетъ внѣшній лоскъ римской цивилизаціи; и вся жизнь принимаетъ мало-по-малу полуварварскій, германскій отпечатокъ. Въ продолженіе трехъ столѣтій VI, VII, VIII, совершается постепенная германизація галло-римскаго народонаселенія. Завоеватели перенимаютъ языкъ побѣжденныхъ, языкъ римской цивилизаціи, но передаютъ имъ свои обычаи, свои нравы, свои общежительныя формы, свои понятія, даже свои инстинкты. Обѣ націи сливаются постепенно въ одну, но такъ, что германскій оттѣнокъ преобладаетъ въ характерѣ этой новой націи. Въ капитуляріяхъ Карла Великаго мы уже не видимъ различія Римлянъ и Франковъ; въ началѣ IX столѣтія на галльской почвѣ существуетъ только одна нація, уже совершенно не похожая на то народонаселеніе, надъ которымъ властвовали первые Меровинги. Въ теченіи трехъ столѣтій общество цѣликомъ измѣнилось. Понятно, что по мѣрѣ того, какъ совершалась германизація галльскаго народонаселенія, по мѣрѣ того, какъ римская цивилизація теряла перевѣсъ и уступала мѣсто германскому элементу, изъ среды общества, изъ сознанія его должны были все болѣе и болѣе исчезать тѣ понятія о государствѣ, тѣ римскія идеи и преданія, на которыхъ главнымъ образомъ основывалась Франкская монархія. Римская цивилизація, римскія идеи и политическія понятія хранились духовенствомъ и немногими людьми, стоявшими у кормила правленія; но они дѣлались все болѣе и болѣе чуждыми и непонятными для массы народонаселенія, которая принимала постепенно германскій характеръ. Вмѣстѣ съ этимъ столь же чуждыми дѣлались для разнужившагося общества и государственныя учрежденія, политическія формы, основанныя на идеяхъ и началахъ, принадлежавшихъ другому времени и другому обществу. Смыслъ этихъ учрежденій терялся постепенно для тогдашняго общества; они не соответствовали уже его инстинктамъ, его стремленіямъ. Государственное устройство, основанное на римскихъ началахъ, сдѣлалось съ теченіемъ времени слишкомъ искусственно и чуждо для него, и въ то же время безсильно для поддержанія королевской власти надъ Франками. Все болѣе и болѣе получали перевѣсъ германскія начала, германскія понятія и основанныя на

нихъ болѣе простыя личныя отношенія, которыя лучше соотвѣтствовали природѣ общества, цѣликомъ измѣнившагося. По мѣрѣ того какъ усиливался элементъ германскій, королевская власть ослабѣвала и принуждена была сама содѣйствовать постепенному распространенію вассальныхъ и бенефиціальныхъ отношенія, которыя были для ней единственнымъ средствомъ самосохраненія, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи подкапывали и разрушали основы Франкскаго государства. Повидимому при первыхъ Каролингахъ и особенно при Карлѣ Великомъ римская императорская идея достигаетъ полнаго торжества; учрежденія, созданныя по римскому образцу, получаютъ окончательную форму, государство въ римскомъ смыслѣ является въ самой большой силѣ и самомъ большемъ развитіи, обнимаетъ собою весь германскій міръ. Но это была чисто-внѣшняя, кажущаяся сила. Огромное зданіе, построенное Карломъ Великимъ, держалось только его геніемъ и нѣкоторою силою трехсотлѣтняго преданія, но въ самомъ тогдашнемъ обществѣ оно не имѣло уже никакихъ твердыхъ, надежныхъ основаній; внутри общества преобладали уже отношенія, которыя вытекали изъ природы германскаго духа, и стояли въ рѣзкой противоположности съ римскою государственною идеей. Франкское государство давно уже было подорвано все болѣе и болѣе развивавшеюся необходимостію распространенія вассальныхъ и бенефиціальныхъ отношеній. Поэтому, когда не стало Карла Великаго, то дѣло его необходимо должно было рушиться; и рушилось не только политическое единство всего германскаго міра, но въ послѣдствіи даже политическое единство въ отдѣльныхъ частяхъ его. Постараемся уяснить и развить подробнѣе причины и того и другаго.

XV.

Каролинги хотѣли централизовать силы германскаго міра, замкнуть всѣ разнородные его элементы въ одной формѣ большаго и сложнаго государственнаго организма: между тѣмъ въ природѣ германскаго общества лежало совершенно противоположное направленіе, — стремленіе къ раздробленію, къ личной и мѣстной самостоятельности и независимости, къ образованію мелкихъ государственныхъ организмовъ и самыхъ

простыхъ политическихъ и общественныхъ формъ. При тогдашнемъ состояніи германскаго общества, которое находилось еще въ дѣтствѣ цивилизаціи, при всеобщемъ варварствѣ и невѣжествѣ, при отсутствіи тѣхъ обширныхъ и частыхъ сношеній, которыя соединяютъ людей узами общихъ идей и взаимныхъ интересовъ, политическое единство германскаго міра, существованіе большаго и сложнаго государственнаго организма было невозможно. Оно могло быть временно дѣломъ великой личности, плодомъ дѣятельности гениальнаго организатора, но въ самомъ обществѣ не находилось довольно элементовъ, довольно условій, необходимыхъ для такого единства. У разнородныхъ племенъ, соединенныхъ внѣшнимъ образомъ подъ властью Каролинговъ, не было никакихъ общихъ интересовъ; немного было ихъ и у каждаго отдѣльнаго племени. Не существовало тогда ни промышленности, ни торговли, ни умственнаго общенія и обмѣна идей; сношенія были рѣдки и чрезвычайно затруднительны. Жизнь людей ограничивалась узкимъ пространствомъ, въ которомъ они рождались и умирали; дальше этого тѣснаго горизонта не простирались ихъ взоры, ихъ мысли, ихъ стремленія. Существовали одни только мѣстные интересы и мѣстныя потребности; вся жизнь имѣла мѣстный, раздробленный характеръ, и вращалась въ узкой сферѣ мѣстныхъ и частныхъ отношеній; общество состояло изъ множества мелкихъ группъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ. Потому государственное единство, созданное Карломъ Великимъ было чисто внѣшнее, формальное, механическое, случайное. Единство лежало въ его личности, въ его волѣ, въ его мысли, а не въ самомъ обществѣ. При условіяхъ тогдашняго быта въ обществѣ не могло даже существовать внутренней потребности единства. Оттого, когда не стало больше этой личности, этой могущественной, все сосредоточивавшей инициативы; когда власть перешла въ руки слабыхъ потомковъ Карла и, по разнымъ причинамъ, становилась все болѣе и болѣе безсильною; когда исчезла внѣшняя центровлекущая сила: тогда послѣдовала центробѣжная реакція; тогда началось естественное разложеніе искусственно-созданнаго политическаго единства, распаденіе отдѣльныхъ членовъ цѣлаго, раздробленіе общества на самые простые, составные элементы. Все, что имѣло кое-какія условія самостоятельнаго существованія, дѣлалось самостоятельнымъ; государство дробилось на мелкія территоріи; жизнь сосредоточивалась въ

маленькихъ центрахъ; власть, законы, учрежденія принимали мѣстный, территоріальный характеръ. Стремленіе къ раздробленію, къ мѣстной самостоятельности и независимости, къ разложенію государственнаго состава, созданнаго на галльской почвѣ подъ вліяніемъ римскихъ понятій, обнаруживалось уже при Меровингахъ. Могущественныя личности первыхъ Каролинговъ остановили это стремленіе, крѣпкою рукою связали всѣ германскія племена въ одно большое государство; но они могли задержать только на время естественный ходъ развитія; послѣ Карла Великаго уже никакая сила не была въ состояніи остановить раздробленіе, которое лежало въ природѣ вещей и было дѣломъ внутренней необходимости.

Государственное единство, которое хотѣлъ создать и утвердить Карлъ Великій, было чисто абстрактное единство: оно не имѣло никакихъ жизненныхъ основаній, не опиралось на единствѣ народности, языка, обычаевъ, законовъ. Каждое племя, каждый народъ сохранялъ свои законы, свой языкъ, свои обычаи. Даже историческія преданія, съ которыми Карлъ Великій связалъ свое дѣло, были чужды народнымъ массамъ. Единство основывалось главнымъ образомъ на одной только отвлеченной идеѣ государства. Но, чтобы зданіе, построенное такимъ образомъ, было сколько-нибудь прочно, для этого необходимо, чтобы государственная власть имѣла постоянно въ своемъ распоряженіи довольно матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ, служащихъ для поддержанія единства, а государственная власть въ ту эпоху, какъ мы уже сказали, не обладала и десятою долей тѣхъ правительственныхъ средствъ, которыми она располагаетъ въ новое время. Не было тогда ни постоянной арміи, ни усовершенствованной администраціи, ни дѣятельной полиціи, ни многочисленной бюрократіи, совершенно зависимой отъ центральной власти и слѣпо исполняющей ея волю; не существовало никакой искусственной и сложной финансовой системы; правительство не имѣло въ своемъ распоряженіи скорыхъ и удобныхъ путей сообщенія; не производило никакого вліянія на народное воспитаніе,—однимъ словомъ оно лишено было всѣхъ тѣхъ разнородныхъ средствъ, орудій, пружинъ и способовъ дѣйствія, вліянія, контроля, управленія, которыми въ новое время поддерживается политическое единство въ государствахъ, состоящихъ, подобно монархіи Каролинговъ, изъ разнородныхъ стихій, механически связанныхъ въ одно цѣлое. Средства центральной власти въ эпоху Каролинговъ были

чрезвычайно ограничены и несоразмѣрны съ огромнымъ пространствомъ государства. Притомъ ей не доставало того политическаго опыта, который пріобрѣтается продолжительною, вѣковою практикою. Съ другой стороны, самое германское общество еще не было приготовлено къ крѣпкому политическому единству; публичный характеръ государственной власти сознавался неясно въ тогдашнее время. Публичное право, политическія отношенія постоянно смѣшивались съ отношеніями частнаго права, и смѣшеніе это существовало не только въ понятіяхъ управляемыхъ, но и въ понятіяхъ и дѣйствіяхъ самихъ управляющихъ. Королевская власть еще не достигла значенія высшей общественной магистратуры, стоящей внѣ и выше частныхъ отношеній и служащей органомъ и символомъ общественныхъ интересовъ. Она не соединялась съ понятіемъ о должности и обязанности, а считалась по преимуществу личнымъ правомъ короля и даже частною собственностью его, которую онъ могъ отчуждать, дѣлить, передавать другимъ. Судебная власть была для короля прежде всего источникомъ доходовъ, такъ какъ всѣ денежные пени поступали въ его пользу. Государственное имущество, государственные доходы не отличались отъ частнаго имущества короля. И то и другое совмѣнялось въ понятіи королевскаго фиска. Налоги, подати, пошлины и разные государственные доходы часто служили королю для его личныхъ цѣлей и потребностей, для содержанія его двора; наоборотъ, еще чаще онъ принужденъ былъ обращать въ пользу государства, употреблять для государственныхъ цѣлей доходы своихъ доменъ. Домашніе служители короля были почти всѣ съ тѣмъ государственными сановниками, министрами, правителями областей, герцоги, графы, викарии, которые должны были служить представителями центральной публичной власти, органами политическаго единства, соединяли съ должностью своею характеръ вассаловъ короля; были связаны съ нимъ личнымъ союзомъ, находились въ личной зависимости отъ него. Однимъ словомъ, частный элементъ преобладалъ постоянно во всей сферѣ публичнаго права. Понятно, что при этомъ характеръ и сила государственной власти всегда зависели отъ личного характера короля. Сила лежала не въ законѣ, не въ правѣ, а въ личности, которой она принадлежала. Идеальное, юридическое значеніе королевскаго сана, независимое отъ личности или другой личности, публичная сторона его, были недоступны понятію массъ, хотя и сознавались отчасти нѣкто-

рыми избранными людьми и такими государями, какъ Карлъ Великій. Для массъ доступна была только частная и индивидуальная сторона королевской власти. Потому, когда послѣ Карла Великаго, государство перешло въ руки наслѣдниковъ его, у которыхъ не было ни его генія, ни его могущественной инициативы, ни его энергической воли, естественно, что королевская власть потеряла прежній авторитетъ и прежнюю силу и, при огромномъ пространствѣ государства и недостаткѣ соразмѣрныхъ ему правительственныхъ средствъ, уже не была въ состояніи сама по себѣ поддержать не только политическое единство всего германскаго міра, но даже отдѣльныхъ частей его. Къ тому присоединилось еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Сила королевской власти зависела не только отъ одной личности короля, но также отъ бѣльшаго или меньшаго матеріальнаго богатства его. Не имѣя сама по себѣ публичнаго, идеальнаго значенія, независимаго отъ внѣшнихъ, случайныхъ моментовъ, королевская власть принуждена была опираться на матеріальное основаніе, на массу поземельной собственности, на королевскія домены. Чѣмъ богаче былъ король, чѣмъ больше земель и доходовъ принадлежало ему, какъ частная собственность, чѣмъ больше онъ могъ дарить и награждать, тѣмъ больше былъ его авторитетъ, тѣмъ сильнѣе власть его, тѣмъ обширнѣе его вліяніе. Между тѣмъ послѣ Карла Великаго королевскія домены все болѣе и болѣе уменьшались и переходили въ чужія руки. Наслѣдники Карла (особенно Лудовикъ Благочестивый) роздали огромную массу земель церквамъ и монастырямъ, то ища въ духовенствѣ главной опоры своей власти, то слѣдуя тогдашнему понятію о набожности. Еще больше земель они дарили постоянно въ видѣ бенефицій за военныя услуги; бенефиція переходили въ наслѣдственную собственность и не возвращались въ фискъ. Мы уже упомянули, какая необходимость заставляла королей лишать себя добровольно главной подпоры ихъ власти: только раздачею бенефицій они могли привязать къ себѣ знатныхъ господъ, которые, не чувствуя болѣе надъ собою крѣпкой руки первыхъ Каролинговъ, съ каждымъ днемъ дѣлались независимѣе; только такимъ образомъ они могли разчитывать на вѣрность и повиновеніе самыхъ герцоговъ и графовъ которые стали распоряжаться въ своихъ областяхъ, какъ самостоятельные государи. Къ тому присоединилась еще другая причина. Настоящее значеніе государства

такъ мало еще утвердилось въ тогдашнее время, что тотъ же Карлъ Великій, который наиболѣе проникнуть былъ политической идеею римской имперіи и старался основать на ней строгое государственное единство всего германскаго міра, самъ нанесъ первый ударъ своему дѣлу: онъ раздѣлилъ государство между своими сыновьями, какъ частную собственность, предоставляя впрочемъ одному изъ нихъ начальство надъ другими и верховное покровительство относительно цѣлаго. Примѣру его послѣдоваль сынъ его Лудовикъ Благочестивый; Франкская монархія распалась на три части, въ сущности совершенно независимыя, хотя за одною изъ нихъ былъ оставленъ императорскій титулъ, который представлялъ номинальное единство. Вслѣдствіе этого дѣлежа между потомками Карла возникли безпрестанные войны и раздоры; одни боролись за самостоятельность своихъ частей, за ихъ границы, другіе—за призракъ единства. Чтобъ имѣть въ своемъ распоряженіи постоянныя, всегда готовыя военныя силы, враждующіе короли старались приобрѣсть какъ можно болѣе вассаловъ, склонить на свою сторону знатныхъ сеніоровъ, и простыхъ свободныхъ людей, и потому надѣляли тѣхъ и другихъ бенефиціями изъ своихъ доменъ, разными привилегіями и изъятіями. Но домены не были безпредѣльны; вслѣдствіе безпрестанной раздачи бенефицій, онѣ уменьшались все болѣе и болѣе, и такимъ образомъ постепенно исчезало матеріальное основаніе королевской власти, а вмѣстѣ съ нимъ ея сила и значеніе. То, что теряли короли, то выигрывали сеніоры и знатные королевскіе вассалы, въ рукахъ которыхъ накопились огромныя поземельныя владѣнія. Вмѣстѣ съ землею къ нимъ переходили и власть и значеніе. При такихъ условіяхъ не только, повторяемъ, было не возможно политическое единство всего германскаго міра, но и вообще было невозможно существованіе большаго и цѣльнаго государства; государственный составъ распадался и въ отдѣльныхъ частяхъ монархіи Карла Великаго. Первымъ именно слѣдствіемъ ослабленія центральной власти было чрезмѣрное усиленіе мѣстныхъ властей, стремленіе къ независимости и самостоятельности областныхъ правителей. Власть королевская, не имѣющая сама по себѣ публичнаго значенія, теряющая свое матеріальное основаніе, не поддерживаемая личными талантами государей, не была въ состояніи удерживать герцоговъ, графовъ и маркграфовъ въ подчиненіи, производить контроль надъ ихъ управленіемъ и напоминать имъ постоянно, что они только исполни-

тели общаго для всей страны закона, органы и представители государственнаго единства. При всеобщемъ смѣшеніи понятій публичнаго и частнаго права, публичное значеніе государственной должности сознавалось стольже не ясно, какъ и публичный характеръ верховной государственной власти. Должность считалась не публичною обязанностью, а частнымъ правомъ. Особенно не понятенъ былъ въ тогдашнее время смыслъ временнаго порученія власти, значеніе комиссії, делегаціи. Порученіе власти было равносильно совершенному ея отчужденію. Графы постоянно были склонны видѣть въ своей должности лично имъ принадлежащее право, и считать власть, полученную отъ короля, своею частною собственностью. Только сильная личность короля могла удерживать графовъ въ подчиненіи; при слабомъ правительствѣ они переставали быть простыми намѣстниками короля и обращались въ независимыхъ властителей. Графства изъ административныхъ округовъ дѣлались малыми государствами, въ которыхъ графы распоряжались самовластно. Доходы королевскіе они стали употреблять въ свою пользу; народное ополченіе графства переходило въ лично отъ нихъ зависимую военную силу; королевской волѣ, повелѣніямъ королевскихъ легатовъ, зендграфовъ, они сопротивлялись съ оружіемъ въ рукахъ. Достиженіе совершенной независимости было тѣмъ легче для графовъ, что власть ихъ, при небольшомъ пространствѣ графствъ была гораздо сильнѣе, существеннѣе, сосредоточеннѣе, имѣла гораздо болѣе средствъ, гораздо болѣе условій прочности, чѣмъ власть королевская, при огромномъ пространствѣ всей монархіи. Власть королевская въ сущности превосходила власть графскую лишь въ количественномъ отношеніи; въ качественномъ же отношеніи болѣе дѣйствительной силы лежало во власти графовъ. Графъ, какъ мы видѣли, сосредоточивалъ въ рукахъ своихъ все управленіе графства: имѣлъ власть судебную, военную, полицейскую и административную. Управляя небольшимъ округомъ, онъ могъ всѣмъ заниматься лично и всездѣ присутствовать лично. Онъ находился въ безпрестанномъ прямомъ сообщеніи съ подвластнымъ ему народонаселеніемъ графства; власть его была гораздо оцутительнѣе, непосредственнѣе, проще отдаленной власти королевской; она всегда была налицо и чувствовалась всѣми гораздо больше, чѣмъ невидимая власть королевская, дѣйствовавшая издали и выступавшая въ рѣдкихъ случаяхъ. При тогдашней степени общественнаго развитія, въ отдѣльномъ графствѣ,

и даже въ отдѣльной центенѣ, заключалось гораздо болѣе условій и возможности самостоятельнаго политическаго существованія, гораздо болѣе элементовъ для государства, чѣмъ въ огромной, механически-связанной монархіи Карла Великаго. Наконецъ продолжительное существованіе большаго и сложнаго государственнаго организма было невозможно еще по той причинѣ, что, при постоянномъ преобладаніи частнаго юридическаго элемента, во всѣхъ сферахъ жизни, частный вассальный союзъ, частный договоръ, зависимость личная, подчиненіе лица лицу, — однимъ словомъ, вассальныя отношенія имѣли гораздо болѣе существенной силы, были гораздо болѣе доступны понятію всѣхъ, чѣмъ общій государственный составъ, подчиненіе лица общему закону, отношеніе гражданина къ государству, равное подданство всѣхъ одной верховной публичной власти. Мелкіе, частные союзы представляли для личности гораздо болѣе гарантій, гораздо болѣе обезпеченія, чѣмъ отдаленная королевская власть, которая была не въ силахъ защищать всѣхъ и каждого противъ внѣшняго насилія и притѣсненія. Простыя вассальныя отношенія соответствовали гораздо лучше тогдашней степени общественнаго развитія, чѣмъ искусственныя формы большаго государства. Поэтому распаденіе монархіи Каролинговъ не ограничивалось только тѣмъ, что мѣстныя власти получали самостоятельность и дѣлались независимыми. Разложеніе простиралось дальше. Мало-по-малу исчезали всѣ типы публичныхъ отношеній и замѣнялись частными отношеніями; общій государственный составъ разрѣщался во множество вассальныхъ союзовъ, и даже устройство малыхъ территорій, на которыя раздробилась монархія, основывалось не на публичномъ началѣ, а на началахъ частнаго права.

Таковы были главныя причины, которыя дѣлали невозможнымъ продолжительное существованіе большаго и сложнаго государственнаго состава и повели къ его разложенію. Къ нимъ можно бы прибавить еще врожденную наклонность германскаго племени къ раздробленному быту, которою это племя отличается во все продолженіе исторіи. Нѣтъ сомнѣнія также, что распаденію монархіи Карла Великаго способствовало и то, что въ IX столѣтіи изъ общегерманскаго безразличія начинаютъ уже замѣтнымъ образомъ выдвѣляться и опредѣляться отдѣльныя народности. Прежде всего образуются три большія группы, изъ которыхъ вышли въ послѣдствіи Франція, Германія и Италія; въ каждой изъ нихъ

раздробленіе простирается дальше; но и въ этомъ дальнѣйшемъ раздробленіи значительную роль играетъ національное начало племенные различія, областныя народныя отбѣнки.

Указавъ причины, мы постараемся теперь уяснить себѣ самый процессъ разложенія и формы, въ которыхъ онъ совершался то-есть прослѣдимъ, какимъ образомъ франкское государственное устройство переходило постепенно въ феодальное устройство, и почему франкскія государственныя должности были рядомъ съ раздачею бенефицій и коммѣндаціею, третьимъ элементомъ въ образованіи феодальной системы.

XVI.

Государственный составъ Франкской монархіи основывался на прямомъ и непосредственномъ отношеніи всей массы свободныхъ людей къ королю, на равномъ подданствѣ всѣхъ его верховной власти, на подчиненіи всей территоріи государства его непосредственному дѣйствію, на іерархіи высшихъ и низшихъ областныхъ правителей, назначаемыхъ и смѣняемыхъ королемъ по его усмотрѣнію, совершенно зависимыхъ отъ него и исполняющихъ его волю, наконецъ, главнымъ образомъ, на волостномъ устройствѣ (Gau- или Grafchaftsverfassung). Вся внутренняя политика Карла Великаго, всѣ дѣйствія, всѣ мѣры, всѣ учрежденія его направлены были къ одной цѣли—къ возможному укрѣпленію этихъ основъ государственнаго состава. Съ этою цѣлію онъ постоянно препятствовалъ обращенію королевскихъ бенефицій въ наследственную собственность и старался сохранить за ними характеръ личнаго вознагражденія; съ этою цѣлію онъ строго смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы всѣ свободные люди приносили ему присягу подданства, защищали мелкихъ поземельныхъ собственниковъ отъ притѣсненій знатныхъ господъ, не позволялъ сеніорамъ и магнатамъ обращать свободныхъ землевладѣльцевъ въ своихъ оброчныхъ, крѣпостныхъ людей, и такимъ образомъ отчуждать ихъ отъ монархіи, облегчалъ свободный и непосредственный доступъ къ себѣ всѣмъ и каждому безъ различія; съ этою цѣлію наконецъ, онъ уничтожалъ вездѣ племенное и наследственное герцогское достоинство и обращалъ герцогства въ простые административ-

округи, производилъ постоянный контроль надъ управленіемъ графовъ посредствомъ своихъ легатовъ, удерживалъ власть графовъ въ надлежащихъ предѣлахъ, часто смѣнялъ и замѣщалъ ихъ и старался сохранить за графскимъ званіемъ не только значеніе государственной службы, должности, именнаго порученія власти. Но всѣ усилія Карла Великаго были напрасны; мѣры и учрежденія гениальнаго организатора не долго пережили его. При наслѣдникахъ его одна за другою распадалась основы государственнаго состава.

Слабые потомки Карла уже не въ силахъ были воспрепятствовать наслѣдственности королевскихъ бенефицій. Во второй половинѣ IX столѣтія, наслѣдственность бенефицій дѣлается постояннымъ и всеобщимъ закономъ; прежнія земли королевскаго фиска переходятъ въ полную собственность частныхъ лицъ. Но этого мало. Извѣстно, что земли фиска были изъяты изъ-подъ юрисдикціи графа и имѣли свое особенное управленіе; въ этомъ основаніи точно также юрисдикція графа не простиралась и на выдѣленные изъ нихъ бенефиціи. Власть въ предѣлахъ бенефиціи, то-есть судъ, полиція и налоги, принадлежала самому бенефицианту, такъ какъ король, передавая землю, отдавалъ вмѣстѣ съ землею и права свои. Отсюда ясно, что земля переходила въ полную наслѣдственную собственность, то вмѣстѣ съ нею такую же частную наслѣдственную собственность дѣлались и всѣ политическія права, связанныя съ бенефиціею, то-есть территоріальная власть надъ людьми, живущими на ней въ предѣлахъ. Бенефиція, перешедшая въ лену, въ феодъ (fief), представляетъ намъ первую и самую простую форму ограниченія правъ верховной власти съ поземельною собственностью, первый видъ перехода публичнаго права въ частное, первый и основной типъ феодальнаго порядка вещей.

Составъ государственный, какъ мы сказали, основывался непосредственнымъ подданствѣмъ массы свободныхъ людей верховной власти короля; между тѣмъ, мы видѣли уже прежде, что въ слѣдствіе чего постоянно уменьшалось число свободныхъ людей, аллодіальныхъ землевладѣльцевъ, непосредственныхъ подданныхъ короля, и какъ мало-по-малу исчезала совершенно такъ-называемая общая свобода, *gemeine Freiheit*. Большая часть свободныхъ людей перешла добровольно или принудительно въ состояніе оброчныхъ людей, которое отдало ихъ совершенно отъ монархіи, разрывало связь ихъ съ королемъ, потому что они дѣлались подданными сеніора

и поступали подъ его дворовое право (Hofrecht), подъ его вотчинное господство. Другіе свободные люди, сохраняя личную свободу, дѣлались вассалами знатныхъ господъ и вслѣдствіе этого также выступали изъ непосредственнаго отношенія къ королю и переходили въ посредственное, отдаленное, номинальное отношеніе, которое сглаживалось мало-по-малу по мѣрѣ ослабленія королевской власти. вмѣстѣ съ людьми, въ частную зависимость поступали и земли, такъ что король терялъ и подданныхъ, и территорію, надъ которою простиралась непосредственная власть его. Самые сеніоры переставали быть обыкновенными подданными короля и большею частію дѣлались также его вассалами; король переставалъ быть королемъ и дѣлался первымъ сеніоромъ въ государствѣ: въ этомъ именно заключалась сущность феодальнаго порядка вещей.

III. Но главнымъ основаніемъ государственнаго состава было волостное устройство, существованіе графствъ и центень, въ качествѣ административныхъ округовъ, и должностной характеръ областныхъ правителей, назначаемыхъ и смѣняемыхъ королемъ. При наслѣдникахъ Карла Великаго волостное устройство разлагается, графства и центены перестаютъ быть административными округами, званіе герцоговъ, графовъ, маркграфовъ, викаріевъ, теряетъ характеръ публичной должности, обращается въ частное право, и этимъ окончательно завершается переходъ въ феодальное устройство. Посмотримъ, какіе ^{были} главные моменты этого процесса. Три составные элементы ~~образовали графство~~: территорія, народонаселеніе и власть графа. Территоріею графства была волость; всѣ свободные люди осѣдлые въ графствѣ, всѣ ~~мелкіе~~ и крупныя поземельные владѣльцы составляли народное собраніе графства; въ рукахъ графа сосредоточивалось все управленіе графства; онъ управлялъ имъ какъ представитель короля и отъ его имени. Вслѣдствіе разныхъ разлагающихъ причинъ всѣ три элемента графства теряютъ мало-по-малу первоначальное значеніе и видоизмѣняются. Волость перестаетъ быть частью государственной территоріи и переходитъ въ частную собственность или въ частную зависимость одного лица или нѣсколькихъ лицъ; число членовъ народнаго собранія графства постоянно уменьшается; оно теряетъ всякое значеніе и въ послѣдствіи даже совершенно исчезаетъ; власть графа частью переходитъ въ другія руки, частью остается при немъ, но уже не съ прежнимъ характеромъ вре-

наго королевскаго порученія, а какъ собственное его право; королевскаго намѣстника графъ дѣлается самостоятельнымъ ударемъ.

XVII.

Первою разлагающею причиною, приведшею къ такимъ дѣлтанамъ, былъ *иммунитетъ*, то-есть изытаніе извѣстныхъ земель изъ-подъ юрисдикціи графа. Раздавая привилегію иммунитета съ одной стороны церквамъ, съ другой сеніорамъ, ко- тѣмъ самимъ выключали ихъ владѣнія изъ состава граф- изъ волостнаго союза и предоставляли графскія права, судскую власть, и часто даже всѣ фискальные доходы въ ихъ владѣніяхъ, самимъ церквамъ и самимъ сеніорамъ. Обыкновенно въ такихъ земляхъ за королемъ оставался только *бана*, то-есть высшая уголовная расправа; но въ цер- ковныхъ владѣніяхъ король поручалъ ее всегда церковному суду. Король дарилъ иммунитетъ церквамъ въ вѣчное право, сеніорамъ первоначально, какъ личную привилегію; но потомъ эта привилегія, съ согласія короля или даже противъ его воли, постепенно обращалась въ наследственную, подобно бенефиціямъ, и такимъ образомъ политическія права, судъ, по- датки, дѣлались потомственной собственностью членовъ ихъ лицъ. Иммунитетъ представляетъ намъ другую форму признанія правъ верховной власти съ поземельною собствен- ностью; онъ далъ начало позднѣйшимъ феодальнымъ террито- риямъ низшихъ бароновъ, которые пользовались правомъ сред- ней юрисдикціи, *justice moyenne*. Число земель, изытанныхъ изъ юрисдикціи графовъ, увеличивалось постоянно съ теченіемъ времени, потому что позднѣйшіе Каролинги, занятые меж- ду собою войнами, нуждались въ помощи сеніоровъ и, же- лая привлечь ихъ на свою сторону, надѣляли ихъ *изытаніями*. Число изытанныхъ земель увеличивалось отчасти также и вслѣдствіе узурпаціи са- мими сеніоромъ. Чѣмъ болѣе умножались иммунитеты, тѣмъ болѣе разстроивалась первоначальная организація графствъ. Каждый новый иммунитетъ уменьшалъ собою территорію, под- личную юрисдикціи графа. Юрисдикція графа переходила въ частныя руки. Иммунитеты распространялись еще дру- гимъ образомъ. Посреди изытанныхъ церковныхъ и свѣтскихъ земель, и между ними жили разсѣянны свободные люди, мел-

кіе собственники, которые еще оставались подсудимыми графа и членами собранія графства. Поземельные ихъ участки лежали въ видѣ маленькихъ островковъ, *анклавовъ*, посреди изъятыхъ земель, которыя окружали и пересѣкали ихъ со всѣхъ сторонъ. Естественно при этомъ, что церкви и сеніоры старались распространить свою юрисдикцію на эти промежуточные участки и на этихъ независимыхъ своихъ сосѣдей, и такимъ образомъ округлить иммунитетъ. Вслѣдствіе этого между ними и графами возникали постоянныя столкновенія, постоянные споры о подсудности. Чтобы устранить эти столкновенія и вмѣстѣ съ тѣмъ упростить судопроизводство и управленіе, короли часто сами распространяли иммунитетъ на всѣ смежныя и посреди лежащія земли и предоставляли церквамъ и сеніорамъ юрисдикцію надъ всѣми свободными людьми, осѣдыми въ изъятomъ округѣ (1). Еще чаще такое распространеніе иммунитета было дѣломъ частной узурпаціи. Такимъ образомъ уменьшалась и территория, подвластная графу, и вмѣстѣ съ тѣмъ число людей, ему подсудимыхъ. Свободные жители графства, дѣлаясь подсудимыми церквей и частныхъ лицъ, переходя въ частное подданство, выступали изъ волостнаго союза и переставали быть членами собранія графства.

XVIII.

Второю причиною разложенія волостнаго устройства было развитіе вассальныхъ отношеній, безпрестанные захваты большихъ поземельныхъ владѣльцевъ и постепенное исчезновеніе класса свободныхъ людей. Каждый свободный человѣкъ, который добровольно или насильно дѣлался оброчнымъ, крѣпостнымъ человѣкомъ сеніора или подданнымъ церкви (*homo ecclesiasticus*), уменьшалъ собою число активныхъ жителей графства, то-есть членовъ народнаго собранія. Если же свободный человѣкъ вступалъ къ сеніору въ вассальное отношеніе, то и въ такомъ случаѣ во всѣхъ дѣлахъ и тяжбахъ, стоящихъ

(1) Есть примѣры привилегій, которыми иммунитетъ заранѣе распространяется на всѣ земли, которыя могутъ быть приобрѣтены въ будущемъ.

въ связи съ вассальнымъ союзомъ, во всѣхъ предметахъ леннаго права, онъ подлежалъ уже не суду графства, но суду своего сеніора и своихъ перовъ. Съ развитіемъ вассальныхъ отношеній и обращеніемъ большей части свободныхъ людей въ оброчное состояніе, личный составъ собранія графства и кругъ дѣятельности его постоянно уменьшался, и мало-по-малу оно теряло всякое значеніе. Если мы говоримъ о сеніорахъ, то подъ ними прежде всего разумѣть должно самихъ графовъ, центграфовъ, викаріевъ. Первымъ и самымъ знатнымъ, самымъ богатымъ сеніоромъ въ графствѣ былъ всегда самъ графъ, такъ какъ графская должность обыкновенно поручалась большимъ поземельнымъ собственникамъ, осѣдымъ въ графствѣ. Понятно, что свободные люди, аллодіальные землевладѣльцы, желавшіе вступить въ вассальный союзъ или добровольно перемѣнявшіе свободу на оброчное состояніе, по преимуществу обращались къ графу, какъ къ самому могущественному сеніору, котораго покровительство было наиболѣе дѣйствительно и выгодно. Мы сказали уже, что каждый графъ держалъ у себя дворъ съ множествомъ вассаловъ и министеріаловъ. Но не по одной только доброй волѣ свободные жители графства и ихъ земли поступали въ частную зависимость отъ графа. Гораздо болѣе въ этомъ дѣлѣ участвовало насиліе. Каждый графъ пользовался перешедшею въ его руки долею королевской власти, чтобъ увеличить собственныя свои владѣнія насчетъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ графства, привести какъ можно болѣе людей въ личную зависимость отъ себя и такимъ образомъ усилить свою власть и составить изъ вассаловъ и министеріаловъ собственную большую военную силу. Для этого у графа было гораздо болѣе средствъ, чѣмъ у другихъ сеніоровъ. Пользуясь то судебною, то военною, то полицейскою властью своею, онъ прибѣгалъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ, притѣсненіямъ и насильственнымъ мѣрамъ и заставлялъ свободныхъ землевладѣльцевъ графства отказываться отъ собственности, лишалъ ихъ свободы, обращалъ ихъ въ своихъ оброчныхъ людей или дѣлалъ ихъ своими вассалами, оставляя имъ землю въ видѣ бенефиціи. Большая власть графа, особенно же его военный и судебный баннъ, то-есть право налагать денежную пеню на всякаго, кто не являлся въ военное ополченіе или въ ассизы, открывало обширное поле для произвола. Такъ какъ графъ опредѣлялъ военный контингентъ графства и самъ выбиралъ изъ всѣхъ свободныхъ жителей его ну-

жное число военныхъ людей въ ополченіе (1), такъ какъ въ рукахъ его былъ свободный выборъ присяжныхъ засѣдателей въ ассизы; то это давало ему возможность до тѣхъ поръ досаждалъ однимъ и тѣмъ же свободнымъ людямъ постоянными призывами въ военную службу или въ малыя ассизы, что наконецъ оны рѣшались лучше отказаться отъ свободы, обратившейся въ невыносимое бремя, и чтобъ избавиться отъ притѣсненій, отдавали ему свои земли, дѣлались его оброчными людьми или вступали въ число его вассаловъ. При упадкѣ королевской власти, которая не въ состояніи была защитить свободныхъ людей отъ насилія, графъ безнаказанно захватывалъ земли аллодіальныхъ собственниковъ въ такихъ размѣрахъ, что наконецъ бѣольшая часть земель графства переходила въ его частную собственность или въ вассальную, ленную зависимость отъ него, и бѣольшая часть свободныхъ жителей графства обращалась или въ его крѣпостныхъ, въ его подданныхъ, или въ его вассаловъ. Въ то же время другіе свободные люди графства поступали въ оброчное подданство или въ вассальную зависимость къ меньшимъ сеніорамъ. Сами сеніоры, которые первоначально были подсудимы графу, наравнѣ съ простыми свободными людьми, и участвовали въ народномъ собраніи графства, дѣлались или вассалами королевскими, что освобождало ихъ отъ юрисдикціи графа и подчиняло непосредственно самому королю, или, еще чаще, вассалами самого графа, что перемѣняло ихъ прежнее должностное отношеніе къ нему въ частную зависимость. Такимъ образомъ не оставалось наконецъ въ графствѣ никого, кто бы подлежалъ юрисдикціи графа въ качествѣ свободного гражданина, въ качествѣ подданнаго королевскаго; не оставалось никого, кто могъ бы быть членомъ народного собранія графства, и никакихъ земель, которыя имѣли бы характеръ государственной территоріи. Графство переставало быть административнымъ округомъ и, за исключеніемъ изъятыхъ земель и владѣній тѣхъ сеніоровъ, которые были королевскими вассалами, обращалось въ частную собственность

(1) Первоначально всѣ свободные люди участвовали въ народномъ ополченіи, но со времянь Карла Великаго обязаны были лично выходить на войну только такіе, которые имѣли не меньше четырехъ маетовъ земли. Прочіе должны были соединяться по двое, по трое и больше, дѣлать складчину и вооружать одного изъ своихъ, котораго выбиралъ графъ. Притомъ области, которыя очень были отдалены отъ мѣста войны, ставили меньше людей, чѣмъ близкія.

или ленную зависимость графа, дѣлалось его собственною территоріею. Чтобъ округлить эту территорію, графъ старался обратить сеніоровъ, бывшихъ королевскими вассалами или пользовавшихся иммунитетомъ, въ своихъ собственныхъ вассаловъ, и обыкновенно успѣвалъ въ этомъ. Собрание графства исчезало само собою, народныя ассизы замѣнялись куріями сеніоровъ и судомъ перовъ, общее народное право (*gemeines Recht*) леннымъ правомъ (*Lehenrecht*) и дворовымъ правомъ (*Hofrecht*). Подобно графамъ дѣйствовали и герцоги, и маркграфы, и даже, въ меньшихъ размѣрахъ, центенаріи и викарии, такъ что все государство распадалось на мелкія и крупныя частныя территоріи и переходило въ частныя руки.

XIX.

Наконецъ послѣднею причиною разложенія волостнаго устройства, а черезъ это и самой монархіи, послѣднимъ и самымъ рѣшительнымъ моментомъ въ развитіи феодальнаго порядка вещей былъ переходъ графской должности въ наследственное право. Дѣлаясь наследственною, власть графа обращалась въ земское господство (*Landeshoheit*), и этимъ завершалось образованіе самостоятельныхъ феодальныхъ территорій, государствъ въ государствѣ, частныхъ государствъ. Сказано было прежде, что графы были въ одно время и нѣмѣстники королевскіе, представители власти короля, и вмѣстѣ съ тѣмъ его вассалы. Обыкновенно съ графскою должностію соединена была постоянная бенефиція въ самомъ графствѣ, которая называлась *res* или *pertinentia comitatus*. Вслѣдствіе этого мало-по-малу самая должность (*honor*) приняла характеръ и значеніе бенефиціи. Во второй половинѣ IX столѣтія *honor* и *beneficium* дѣлаются равнозначащими терминами. И такъ какъ въ это время всѣ бенефиціи становятся наследственными, обращаются въ лены, то ясно, что также должны были сдѣлаться наследственными и государственныя должности графовъ, раздававшіяся въ видѣ бенефицій. Естественнымъ желаніемъ каждаго графа, какъ и всякаго другаго бенефицианта, было передать свою должность, свое званіе, которое срослось съ бенефиціею, своему сыну и дальнѣйшему потомству. Слабая власть королевская уже не въ силахъ была воспрепятство-

вать этому стремленію; трудно было королю попрежнему смѣнять и назначать по своему усмотрѣнію графовъ, которые сдѣлались могущественными властителями, и всегда были готовы сопротивляться его волѣ съ оружіемъ въ рукахъ. При томъ короли часто сами оставляли отцовскую должность за сыномъ, который, воспитываясь при отцѣ, лучше, чѣмъ кто другой, знакомъ былъ съ отношеніями графства, съ подробностями управленія, былъ близокъ жителямъ графства и болѣе желателенъ для нихъ, чѣмъ чужой человекъ. Частые прецеденты постепенно обращались въ постоянный законъ, такъ что если король хотѣлъ отнять графство у сына и передать его другому, то онъ долженъ былъ прибѣгать къ военной силѣ, начинать настоящую войну, изъ которой не всегда выходилъ побѣдителемъ. Такимъ образомъ, переходя въ наслѣдство, должность графа дѣлалась частною собственностью его. Вся власть, лежавшая въ этой должности по королевскому порученію, судебная, военная, полицейская и административная, становилась собственною его властью. Всѣ политическія права короля переходили въ частное право графа. Графство, которое состояло уже только изъ собственныхъ земель графа и земель его вассаловъ, было его территоріею. Въ этой территоріи онъ былъ *Landesherr, sovereign*, то-есть земскій господинъ со всѣми правами верховной власти. Государственная должность, королевское намѣстничество превращалось въ *Landeshoheit, souveraineté*, то-есть въ земское господство. Теряя характеръ королевскаго намѣстника и дѣлаясь въ своихъ владѣніяхъ самостоятельнымъ государемъ, графъ сохранялъ только характеръ вассала короля, оставаясь только лично ему подчиненнымъ. Но это подчиненіе было уже условное и имѣло болѣе значеніе свободнаго договора, чѣмъ должностнаго подчиненія. Король былъ для графа уже не *souverain*, государь, а *suzerain*, то-есть ленный господинъ, *Lehenherr*. Графство считалось леномъ короля; каждый новый наслѣдникъ въ немъ долженъ былъ приносить королю ленную, вассальную присягу, точно также какъ всякій владѣлецъ простой, обыкновенной лены приносилъ ее своему сениору. Взамѣнъ за присягу король давалъ ему инвеституру на графство (*Belehnung*), то-есть облакалъ его въ графское достоинство, и утверждалъ его во всѣхъ наслѣдованныхъ правахъ и владѣніяхъ. Такимъ образомъ земское господство графа сохраняло формально характеръ производнаго, свыше возложеннаго, свыше истекающаго права; король имѣлъ такъ-называемое формальное *верховенство, prodo-*

minium, или *dominium directum* (Obereigenthum, Oberhoheit) надъ графствомъ, какъ надъ жалованною леною, но до внутренняго управленія графства, до подданныхъ графа ему не было дѣла (1). Въ своемъ графствѣ, и въ отношеніи къ своимъ подданнымъ, графъ былъ полный господинъ *suo jure*. Онъ не имѣлъ относительно короля никакихъ другихъ обязанностей, кромѣ обязанностей, вытекающихъ изъ вассальнаго союза, изъ ленной присяги; въ чѣмъ они состояли, объ этомъ будетъ мѣсто говорить подробнѣе въ очеркѣ чисто-феодальной эпохи; теперь скажемъ только, что графъ, какъ вассалъ королевскій, главнымъ образомъ обязанъ былъ помогать королю на войнѣ и по призыву его приводить съ собою свои собственныя военныя силы, и по требованію короля являться на его дворѣ, въ его куріи для совѣщаній или судопроизводства. Самъ онъ могъ быть судимъ только королемъ и своими перами, то-есть другими королевскими вассалами, равными ему по значенію. Король могъ лишить его графства, отнять у него лену только по приговору ленной куріи, въ которой подъ предсѣдательствомъ короля заседали перы графа. Переходъ государственной должности въ земское господство (*Landeshoheit*) представляетъ намъ третью и самую высшую форму соединенія правъ верховной власти съ поземельною собственностію, которое составляетъ сущность феодальнаго порядка вещей. Вслѣдствіе этого перехода, изъ франкскихъ административныхъ округовъ, управляемыхъ графами, образовались позднѣйшія феодальныя графства, ленныя владѣнія высшихъ бароновъ, великихъ королевскихъ вассаловъ, *grands vassaux*, которые имѣли въ своихъ земляхъ полную верховную власть (*souveraineté, Landeshoheit*) и пользовались правомъ высшей юрисдикціи (*droit de haute justice*). Подобно графской должности, сдѣлались наследственными и должности герцоговъ и маркграфовъ, и вслѣдствіе этого возникли ленныя герцогства и маркграфства, объемомъ своимъ значительно превосходившія простыя графства. Въ образованіи нѣкоторыхъ ленныхъ герцогствъ участвовало въ значительной мѣрѣ національное начало, областныя и племенные оттѣнки. При слабыхъ потомкахъ Карла Великаго опять возникли, преимущественно въ собственной Германіи, племенные герцоги, которымъ легко было утвердить свое земское господство на національномъ ос-

(1) Всякій, кто жаловалъ лену другому, сохранялъ номинально ея *dominium directum*; получающій лену имѣлъ *dominium utile*.

нованіи. Съ другой стороны нѣкоторые графы присвоивали себѣ управленіе нѣсколькихъ графствъ, получали или принимали сами титулъ герцоговъ и, достигши земскаго господства, дѣлались владѣтелями большихъ территорій. Случалось иногда также, что графы дѣлались вассалами герцога, получали инвентитуру не отъ короля, а отъ герцога, и такимъ образомъ возникали большія герцогскія территоріи. То, что происходило въ высшихъ сферахъ, повторялось и въ низшихъ; должности вицеграфовъ, викаріевъ, центенаріевъ также большею частью дѣлались наследственными и послужили къ образованию меньшихъ феодальныхъ территорій, съ низшею степенью земскаго господства (Landeshoheit). Мы сказали, что графъ отдѣлялъ часто помощнику своему, вицеграфу, часть графства и предоставлялъ ему управленіе ея на равныхъ правахъ съ собою. Отсюда произошли феодальныя вицеграфства, виконтства (vicontés), владѣтели которыхъ обыкновенно дѣлались вассалами графа, то-есть получали виконтство въ ленное владѣніе отъ графа. Но нѣкоторые виконты сохранили непосредственное отношеніе къ королю, были вассалами самого короля, и виконтства ихъ считались ленами королевскими, ленами короны. Викаріи и центенаріи частью совсѣмъ исчезли, такъ какъ графства перешли въ собственность графовъ, частью обратились въ вассаловъ графа; центены сдѣлались ихъ ленными владѣніями, въ которыхъ они пользовались наследственнымъ правомъ средней юрисдикціи (justice moyenne); высшая юрисдикція (haute justice) въ ихъ земляхъ принадлежала графу. Викаріи и центенаріи увеличили собою число низшихъ феодальныхъ бароновъ, ленныя владѣнія которыхъ вошли въ составъ территорій графствъ, маркграфствъ и герцогствъ.

XX.

Такимъ-то образомъ франкскія государственныя должности были, рядомъ съ бенефіціями и коммемдаціею, третьимъ, вслѣднимъ и самымъ рѣшительнымъ моментомъ въ образованіи феодальнаго устройства. Съ утвержденіемъ наследственности должностей, государство распалось на множество большихъ и малыхъ владѣній съ большею или меньшею степенью государственной самостоятельности (souveraineté). Король сохранилъ непосредственную власть, остался государемъ только въ сфѣ-

ихъ доменахъ, все прочее—и земля, и вмѣстѣ съ нею права верховной власти—перешло въ руки многихъ лицъ, сдѣлаось частною наследственной собственностью герцоговъ, маркграфовъ, графовъ, виконтовъ, высшихъ и низшихъ бароновъ. Въ отношеніи къ нимъ и къ ихъ владѣніямъ король сохранилъ однакоже нѣкоторое право: онъ имѣлъ значеніе верховнаго леннаго господина, Oberlehnsherr, suzerain; ему принадлежало номинальное верховенство надъ всѣмъ королевствомъ, и въ силу этого верховенства онъ давалъ инвеституру на герцогства, графства и бароніи. Король имѣлъ *dominium directum* всей земли, *dominium utile* принадлежало феодалнымъ владѣльцамъ (1). Всѣ феодалные владѣльцы пользовались въ своихъ земляхъ большею или меньшею степенью земскаго господства (*souveraineté, Landeshoheit*); но это государственное ихъ производилось отъ короля, какъ отъ источника леннаго права. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ земскаго господства феодалныхъ владѣльцевъ образовалась мало-по-малу феодалная іерархія; то-есть взаимная ленная зависимость однихъ земель отъ другихъ и вассальное подчиненіе однихъ владѣльцевъ другимъ; каждая степень этой феодалной іерархіи захватывала для себя извѣстную долю государственной власти; не ограниченной власти не было уже ни въ чьихъ рукахъ. Король, какъ верховный ленный господинъ, стоялъ во главѣ этой феодалной іерархіи, на вершинѣ лѣстницы высшихъ и низшихъ степеней ленной зависимости. Въ непосредственномъ отношеніи онъ находился только къ великимъ своимъ вассаламъ (*grands vassaux*), къ высшимъ баронамъ (*hauts barons*), которые получали инвеституру (*Belehnung*) изъ собственныхъ рукъ его. Такими высшими баронами, непосредственными вассалами короля, коронными вассалами, были герцоги, маркграфы, бѣольшая часть графовъ, нѣкоторые виконты и нѣкоторые простые бароны, коихъ бароніи образовались изъ королевскихъ бенефицій, выдѣленныхъ изъ доменъ или земель, получившихъ иммунитетъ. Владѣнія этихъ непосредственныхъ вассаловъ короля считались ленами короны; всѣ они пользовались въ своихъ земляхъ правомъ высшей юрисдикціи (*droit de haute justice*). Великіе королев-

(1) Каждый ленный господинъ (*Lehnsherr*) имѣлъ, подобно королю, *dominium directum* надъ землями своихъ вассаловъ, или что то же — *dominium directum* всѣхъ жамоеанныхъ имъ ленъ; вассаламъ принадлежало *dominium utile*.

скіе вассалы, ленники короны (Kronstehenträger), въ свою очередь имѣли своихъ вассаловъ, большихъ и малыхъ, которые въ отношеніи къ королю были уже только афтервассалами, то-есть занимали третью ступень феодальной лѣстницы. Мы сказали, что даже нѣкоторые графы поступали въ ленную зависимость отъ герцоговъ, и такимъ образомъ переходили въ посредственное отношеніе къ королю. Виконты, прежніе центенаріи и викаріи и простые сениоры (Immunitätsherren) обращались обыкновенно въ вассаловъ герцоговъ, маркграфовъ и графовъ. Кромѣ того герцоги, маркграфы и графы всегда стремились къ тому, чтобъ обратить сосѣдственныхъ съ ними или жившихъ посреди ихъ территорій малыхъ королевскихъ вассаловъ, простыхъ бароновъ, въ своихъ собственныхъ вассаловъ; и дѣйствительно число такихъ малыхъ непосредственныхъ вассаловъ короля постепенно уменьшается; бѣльшая часть ихъ переходитъ въ ленную зависимость отъ большихъ феодальныхъ владѣльцевъ; немногіе остаются только въ территоріи самого короля. Вассалы герцоговъ, маркграфовъ и графовъ, то-есть афтервассалы короля, получавшіе инвеституру не отъ него, а отъ непосредственныхъ своихъ ленныхъ господъ, составляли классъ низшихъ феодальныхъ бароновъ, съ низшею степенью земскаго господства; большею частію они пользовались въ своихъ земляхъ только правомъ средней юрисдикціи (*droit de justice moyenne*). Наконецъ сами эти низшіе бароны могли также имѣть и имѣли своихъ вассаловъ, мелкихъ феодальныхъ собственниковъ, владѣльцевъ малыхъ ленъ, которымъ принадлежала уже только одна низшая юрисдикція, *basse justice*, вотчинная полиція и вотчинный судъ (*justice seigneuriale*, *Patrimonialgerichtsbarkeit*, *Grundherrlichkeit*). Въ отношеніи къ королю такіе мелкіе феодальные владѣльцы находились уже въ четвертой и даже въ пятой степени ленной зависимости. Само собою разумѣется, что такая отдаленная зависимость была чисто номинальная и существовала только въ теоріи, а не въ дѣйствительности; тѣмъ болѣе, что каждый вассалъ приносилъ ленную присягу только своему непосредственному ленному господину (*Lehensherr*), отъ котораго получалъ лену. Даже связь между королемъ и афтервассалами была чрезвычайно слаба; собственно ему подчинены были только непосредственные его вассалы.

Не надобно однакожь думать, чтобы возникновеніе независимыхъ феодальныхъ территорій происходило вездѣ такимъ

правильнымъ, какъ бы систематическимъ образомъ, и чтобы феодальная іерархія имѣла дѣйствительно такой правильный, стройный характеръ и отличалась строгою постепенностію. Мы представили образованіе феодальныхъ территорій и феодальной іерархіи въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ сказать теоретически, показали, какъ оно совершалось въ цѣломъ, въ главныхъ направленіяхъ. Въ дѣйствительности, въ подробностяхъ, встрѣчались многія исключенія, видоизмѣненія и частныя различія. Особенно не надобно представлять себѣ, что образовалось именно столько же феодальныхъ независимыхъ территорій, сколько было франкскихъ административныхъ округовъ, что границы феодальныхъ графствъ совпадали съ границами прежнихъ волостей, и что было столько же ленныхъ герцоговъ, графовъ, виконтовъ, сколько прежде было франкскихъ герцоговъ, графовъ и вицеграфовъ. Такъ какъ феодальныя территоріи большею частію образовались вслѣдствіе насильственныхъ захватовъ и узурпацій, то случалось, что въ одномъ мѣстѣ графъ присвоивалъ себѣ всю волость, въ другомъ мѣстѣ кромѣ того еще земли въ другой сосѣдней волости, въ третьемъ соединялъ подъ своею властью два, три графства и принималъ титулъ герцога, въ четвертомъ сохранялъ только часть франкскаго административнаго графства. Иногда графъ удерживался только въ городѣ, который былъ его резиденціею. Нѣкоторыя графства совсѣмъ исчезли и по частямъ поступили въ собственность феодальныхъ бароновъ. Не только исчезло франкское волостное устройство, но и прежнія волостныя границы были перемѣшаны. Нѣкоторые франкскіе дукаты (ducatus) и маркграфства остались въ прежнемъ своемъ составѣ; другія разрѣшились въ отдѣльныя графства и меньшія феодальныя территоріи. Маркграфы большею частію приняли титулъ герцоговъ. Вообще феодальныя территоріальныя отношенія представляютъ чрезвычайное смѣшеніе и запутанность. Земли большихъ и малыхъ ленныхъ владѣльцевъ не только лежали одна подлѣ другой, но и пересѣкались, врѣзывались одна въ другую въ видѣ *анклавовъ* въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Феодальная іерархія, лѣстница ленной постепенности основывалась на томъ, что низшіе бароны зависели отъ высшихъ, малыя лены отъ большихъ. Но случалось и обратное отношеніе. Высшіе бароны, герцоги и графы, владѣли часто такими землями, которыя зависели леннымъ образомъ отъ низшихъ баро-

новъ, иногда отъ простыхъ феодальныхъ сениоровъ. Въ одномъ и томъ же округѣ лежали лены, которыя зависели отъ разныхъ ленныхъ господъ. Случалось даже, что одинъ и тотъ же городъ находился подъ властью нѣсколькихъ господъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ особенныя права въ своемъ кварталѣ. По началу ленной постепенности герцоги должны были стоять выше графовъ, графы выше виконтовъ, виконты выше обыкновенныхъ феодальныхъ бароновъ, и точно также герцогства, графства, виконтства и простые бароніи должны были находиться въ постепенной ленной зависимости другъ отъ друга. Но въ дѣйствительности не всегда и не вездѣ существовала такая правильность отношеній. Нѣкоторые графы были столь же могущественны, какъ и герцоги, владѣли столь же великими и даже еще бѣльшими, чѣмъ они, территориями, подобно герцогамъ стояли въ непосредственномъ ленномъ отношеніи къ королю, были коронными вассалами, и потому никакъ не считали себя ниже герцоговъ. Другіе графы были вассалами герцоговъ, но были и такіе малые графы, которые находились въ ленной зависимости отъ другихъ графовъ бѣлье могущественныхъ. Вообще съ развитіемъ феодальнаго порядка вещей, возникло гораздо бѣлье графовъ, чѣмъ было прежде французскихъ *comites*. Многіе обыкновенные бароны, которые имѣли въ сущности такіе же права и такую же власть внутри своихъ территорій, какъ и графы, присвоивали себѣ графскій титулъ, тѣмъ бѣлье, что некому и незачѣмъ было сопротивляться такой узурпаціи. Далѣе, если находились графы столь же могущественные, какъ и герцоги, то подобнымъ образомъ были нѣкоторые виконты, которые могуществомъ и значеніемъ своимъ превосходили графовъ; существовали виконтства, которыя пространствомъ равнялись графствамъ и даже были больше ихъ. Обыкновенно виконты состояли въ ленной зависимости то отъ графовъ, то отъ герцоговъ; но многіе виконты, особенно на югѣ Франціи, были непосредственными вассалами короля, ленниками короны, и потому также не считали себя ниже герцоговъ и графовъ. Наконецъ низшіе, обыкновенные феодальные бароны (*Freiherren*, *seigneurs*, *sires*) находились въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Въ каждой ленной территоріи, сколько нибудь значительной, были бароніи. Одни бароны были вассалами герцоговъ, другіе вассалами графовъ, иные вассалами виконтовъ. Небольшое число изъ нихъ стояло въ непосредственномъ ленномъ отношеніи къ королю наравнѣ съ дру-

гими коронными ленниками и великими пассалами (*grands vassaux*). Бароны въ свою очередь могли имѣть своими вассалами другихъ бароновъ. Надобно еще прибавить, что до самихъ альбигойскихъ войнъ, въ южной Франціи, существовали аллодіальные бароны, не вошедшіе въ систему ленныхъ отношеній.

По мѣрѣ того какъ развивалось и утверждалось феодальное устройство, исчезали сами собою всѣ общія государственныя учрежденія, созданныя Каролингами. Съ тѣхъ поръ какъ областные правители достигли земскаго господства, учрежденіе королевскихъ зендграфовъ потеряло всякое значеніе и вышло изъ употребленія. Подобно зендграфамъ исчезли и общія государственныя сеймы и Марсово поле, такъ какъ не было уже ни общихъ государственныхъ дѣлъ, ни народнаго ополченія. Король созывалъ только въ важныхъ случаяхъ коронныхъ вассаловъ, которые подъ его предсѣдательствомъ составляли высшую ленную курію. Подобно королю каждый феодальный владѣлецъ имѣлъ свою ленную курію, въ которую созывалъ своихъ вассаловъ. Въ случаѣ войны по призыву короля собирались его вассалы и аотервассалы (*ban et arrière-ban*) и отправлялись на войну подъ его предводительствомъ.

XXI.

Таково было въ главныхъ чертахъ феодальное устройство, возникшее мало-по-малу вслѣдствіе разложенія Франкской монархіи. Прибавимъ опять, какъ мы это сдѣлали въ концѣ нашего обзорѣна бенефициальной системы и вассальныхъ отношеній, что все сказанное нами касается по преимуществу той части Франкской монархіи, которая существовала на галльской почвѣ, т.-е. Франціи. Въ концѣ IX столѣтія Германія окончательно отдѣляется отъ Франціи, и съ тѣхъ поръ судьбы обѣихъ странъ расходятся навсегда. Во Франціи феодализмъ развивается гораздо скорѣе и уже во второй половинѣ X столѣтія получаетъ ту форму, которую мы описали. Въ Германіи переходъ въ феодальное государство совершается гораздо медленнѣе, и полное развитіе феодальнаго порядка вещей, т.-е. вассальныхъ отношеній, ленной формы собственности и земскаго господства феодальныхъ владѣльцевъ, относится къ гораздо позднѣйшему времени, къ XI, XII и XIII столѣтіямъ. Поэтому

мы будемъ говорить о Германіи послѣ, и тогда уяснимъ себѣ причины этого различія во внутреннемъ развитіи двухъ странъ. Теперь скажемъ только, что въ Германіи въ X столѣтіи волостное устройство (Gau-или Grafenschaftsverfassung), опирающееся на твердомъ, исконномъ общинномъ основаніи, существовало еще во всей силѣ; власть графовъ не возросла до частнаго господства надъ волостью; классъ свободныхъ людей, независимыхъ ни отъ какой частной власти, былъ еще очень многочисленъ; частныя вассальныя отношенія рѣдки (только областные правители были вассалами короля); бенефиціальныя и ленныя формы владѣнія только въ началѣ развитія. Государство еще не раздѣлилось на множество большихъ и малыхъ независимыхъ территорій; существовали только естественныя группы отдельныхъ германскихъ племенъ Саксовъ, Тюринговъ, Аллемановъ, или Швабовъ, Баваровъ, Франковъ, или Франконцевъ (Остеранковъ), во главѣ которыхъ стояли племенные герцоги, ограниченные волостнымъ устройствомъ и многочисленностью свободныхъ людей. Эти племенные герцоги стремились постоянно къ тому, чтобъ освободиться отъ королевской власти и сдѣлаться самостоятельными государями, достигнуть полнаго и наследственнаго земскаго господства (Landeshoheit), но королевская власть была сильнѣе и могущественнѣе ихъ. Домены, государственныя коронныя земли (Reichgut, Krongut), изъ которыхъ она почерпывала главнымъ образомъ свои средства и силы, были еще очень обширны и не перешли еще въ частное владѣніе. Притомъ королевская власть была въ рукахъ энергическихъ личностей (какъ напримѣръ Генрихъ Птицеловъ и Оттонъ I), которыя крѣпкою рукою сдерживали государственный составъ, останавливали развитіе земскаго господства, не допускали наследственности не только графовъ, но и племенныхъ герцоговъ, отнимали у послѣднихъ герцогства и передавали ихъ другимъ. Въ то же время во Франціи завершалось развитіе феодальной системы. Уже при послѣднихъ Каролингахъ Франція распалась на 57 феодальныхъ территорій, герцогствъ, маркграфствъ, графствъ, виконтствъ и простыхъ бароній или сеніорій (seigneuries). Короли съ каждымъ годомъ дѣлались безсильнѣе, но тяжесть господства, некогда уравнивашаго Франковъ съ покоренными Галло-Римлянами, не стала вслѣдствіе того легче: во всѣ права королей вступила воинственная аристократія, полная наследница стогой власти ихъ. Власть послѣднихъ Каролинговъ исчезала по мѣрѣ того, какъ уменьшались собственныя ихъ владѣнія; извѣстно, что окон-

ательно они сохранили только одинъ городъ Лаонъ, и королевская власть обратилась въ пустое имя. Наконецъ въ исходѣ X столѣтія произошелъ переворотъ, почти незамѣтный тогда, когда онъ совершался, но необыкновенно важный по дальнѣйшимъ своимъ послѣдствіямъ. Королевская власть Каролинговъ исчезла почти безгласно, и титулъ короля перешелъ въ другую династію, въ домъ Капетинговъ, вслѣдствіе узурпаціи Гуго Капета, графа Парижскаго и герцога Иль-де-Франсъ. Передаемъ значеніе этого переворота словами Гизо, которыя отлично характеризуютъ его. «Хотя королевское достоинство послѣднихъ Каролинговъ было совершенно безсильно и только номинально, все-таки оно составляло еще предметъ честолюбія. Какъ скоро то или другое имя обозначаетъ какое-нибудь превосходство, хотя бы это превосходство было безъ всякой силы, оно всегда возбуждаетъ желаніе людей, и они правы, ибо одно имя кажущейся только власти все-таки есть еще власть. Послѣдніе Каролинги были гораздо слабѣе большихъ ленниковъ государства; но они носили имя короля, имя единственное, и которое уже по этому самому не было совѣмъ пустое слово и вводило въ искушеніе силу, способную на узурпацію. Сила эта не замедлила явиться: она нашлась въ рукахъ Гуго Капета. Между дѣйствительною властью послѣдняго потомка Карла Великаго и его королевскимъ титуломъ противорѣчіе было слишкомъ велико; корону, казалось, носилъ призракъ, а не дѣйствительное существо. Гуго Капетъ, поставленный по положенію своихъ владѣній (земли его находились въ центрѣ государства) въ болѣе удобное и благоприятное положеніе для такой узурпаціи, чѣмъ кто-либо другой, присвоилъ себѣ этотъ титулъ. Онъ не имѣлъ на него больше права, чѣмъ всѣ другіе; онъ былъ вынесенъ на тронъ не какою-нибудь партією, онъ завладѣлъ имъ не вслѣдствіе какой-нибудь обширной комбинаціи или большой интриги (переворотъ былъ чисто личныи, поступокъ личный); онъ просто принялъ титулъ короля; тотъ, кому онъ принадлежалъ, не былъ въ силахъ сопротивляться узурпаціи; большіе феодалыне бароны не встревожились ею и не безпокоились вовсе; власть и могущество ихъ ничего отъ этого не теряли; имъ было все равно, кто бы ни былъ королемъ; съ давняго времени имъ уже почти не было дѣла до королевской власти. Гуго Капетъ заставилъ своихъ собственныхъ вассаловъ признать себя королемъ; вассалы его могли только выиграть отъ возвышенія своего сюзерена. Мало-по-малу великіе ленники государства, герцоги и графы, пре-

льщенные его уступками и обѣщаніями, признали также титулъ, который онъ себѣ присвоилъ. Въ этомъ состоялъ весь переворотъ. Феодализмъ былъ тогда въ полномъ развитіи. Назвавъ себя королемъ, одинъ изъ членовъ феодальной іерархіи объявилъ себя ея главою. Онъ пріобрѣталъ черезъ это не власть, а одно только достоинство,—звание, которое ничѣмъ не угрожало феодальной іерархіи. Не было революціи болѣе незначительной, когда она совершалась, и болѣе обильной результатами въ послѣдствіи.» Съ вступленіемъ на престолъ Гуго Капета начинается настоящая чисто-феодальная эпоха и вмѣстѣ съ тѣмъ исторія собственной Франціи. Принятіе короны Капетомъ завершило собою образованіе феодальной системы. Пока королями были Каролинги, то хотя власть ихъ не имѣла никакой силы, все-таки съ нею соединялись старыя воспоминанія, преданія другой эпохи, другія, не феодальныя понятія. Теперь королемъ сдѣлался такой же ленный владѣлецъ, какъ и всѣ другіе; Гуго Капетъ былъ герцогъ, подобный другимъ феодальнымъ герцогамъ; его французское герцогство было такою же феодальною территоріею, какъ и всѣ другія герцогства. Принявши титулъ короля, онъ сдѣлался только верховнымъ леннымъ господиномъ (*Oberlehensherr*), главою всей феодальной іерархіи, первымъ между равными, *primus inter pares*. Онъ былъ ленный король (*Lehenkönig*), а не государь въ смыслѣ римской идеи. Кромѣ верховной леной власти, онъ не имѣлъ никакой другой власти, и никакихъ другихъ правъ, кромѣ ленныхъ. Феодальные владѣльцы еще болѣе усилились.

XXII.

Представивъ постепенное образованіе феодальнаго устройства, объяснивъ главные моменты его развитія и указавъ на главныя стихіи, изъ которыхъ оно составилось, мы можемъ теперь отвѣчать отчасти на вопросъ, который мы поставили себѣ въ началѣ нашего очерка, на вопросъ о томъ, что такое разумѣть должно подъ словомъ феодализмъ. Феодализмъ въ самомъ простомъ и общемъ выраженіи есть смѣшеніе публичнаго права съ частнымъ правомъ, соединеніе правъ верховной власти со всякою поземельною собственностію. Феодализмъ есть такой порядокъ вещей, въ которомъ политическія права,

права государства дѣлаются частною наследственною собственностью отдельныхъ лицъ и пріобрѣтаются вмѣстѣ съ землею, въ которомъ всѣ публичныя отношенія носятъ частный характеръ, и публичное право замѣнено частнымъ правомъ.

Феодалное государство есть такое государство, въ которомъ нѣтъ гражданъ и подданныхъ, а только вассалы; которое основывается не на равномъ подчиненіи всѣхъ публичной власти общаго закона, а на частныхъ отношеніяхъ личной вассальной зависимости, на частныхъ ленныхъ договорахъ, связывающихъ отдельныхъ лица съ королемъ и между собою; феодалное государство есть такое государство, въ которомъ вся масса народонаселенія находится въ частной служебной зависимости, подчиняется власти частныхъ лицъ, король стоитъ въ непосредственномъ отношеніи только къ немногимъ, и эти немногія подчиняются ему лишь на основаніи леннаго договора, потому что хотятъ и сколько хотятъ. Феодалное государство есть такое государство, въ которомъ всѣ поземельные собственники являются въ своихъ владѣніяхъ большею или меньшею суммою правъ верховной власти, и всѣ связаны между собою и съ королемъ цѣлью взаимныхъ ленныхъ обязанностей; гдѣ всѣ земли и всѣ ихъ владѣльцы зависятъ частнымъ образомъ одни отъ другихъ и образуютъ длинную лѣстницу ленности; гдѣ король есть только верховный ленный господинъ (Oberlehensherr) другихъ ленныхъ господъ (Lehensherren), которые подобно ему имѣютъ своихъ вассаловъ и ничѣмъ не отличаются отъ него въ качественномъ отношеніи. Король не отличается отъ прочихъ ленныхъ владѣльцевъ до такой степени, что самъ онъ, будучи верховнымъ леннымъ господиномъ, можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и вассаломъ; онъ можетъ получить лену отъ своего вассала, и такимъ образомъ, на основаніи этой лены, сдѣлаться самъ вассаломъ собственнаго своего вассала. Между королемъ, какъ верховнымъ леннымъ господиномъ, и другими ленными господами, его вассалами, существуетъ одно только количественное и пространственное различіе, то-есть король, какъ послѣдній и самый высшій членъ феодалной іерархіи, имѣетъ наиболѣе вассаловъ, и верховенство *prodominium*, простирается на наибольшее пространство, и образуетъ государство. Наконецъ, чтобъ исчерпать опредѣленіе, припомнимъ еще, что феодалное государство есть такое государство, въ которомъ существуетъ множество большихъ и малыхъ независимыхъ и самостоятельныхъ территорій, въ родѣ госу-

дарствъ въ государствѣ, устройство которыхъ, равно какъ и устройство всего государства, основывается на началахъ и элементахъ частнаго права, то-есть на собственности, наслѣдственности, договорѣ, личномъ обязательствѣ и пр. (1).

Г. Вызинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

(1) Въ предыдущей статьѣ, напечатанной въ № 2 *Русскаго Вѣстника*, вкралось нѣсколько опечатокъ, изъ которыхъ считаемъ не лишнимъ указать на самыя значительныя: на стр. 232, стр. 5 и слѣд. слѣдовало быть: «Все это вело мало-по-малу къ разложению не только первоначальнаго племеннаго союза, основаннаго на общинномъ бытѣ, но и государственнаго состава, создавшагося на галльской почвѣ, и къ разрѣшенію его въ личные и частные союзы, которые составили современемъ цѣлую лѣстницу высшихъ и низшихъ зависящихъ положеній.» На той же страницѣ стр. 24 послѣ слова *начало* выпало *только*. Стр. 240 стр. 18 нап. *правилами* слѣдуетъ *правами*. Стр. 251 стр. 3 нап. *посредственнаго* слѣдуетъ *непосредственнаго*. Стр. 253 стр. 26 и слѣд. должно читать: «Съ ея утвержденіемъ, прежнее государство, основанное на подданствѣ, переходитъ окончательно въ вассальное государство, или лучше въ агрегатъ мелкихъ формаций, какъ ~~бы~~ государство въ государствѣ или частныхъ государствъ, связанныхъ между собою внѣшнимъ образомъ, іерархіею степеней высшей и низшей зависимости.»

ЗАПИСКИ

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА ¹⁾

IV. ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

Булгакову (1), нашему министру при Оттоманской Портѣ, приказано было подать ноту, въ которой между прочимъ требовано: чтобы Турція позволила имѣть консула въ Варнѣ; чтобы признала Ираклія русскимъ вассаломъ; чтобы обуздала Татаръ закубанскихъ, безпокоившихъ набѣгами границы Россійской Имперіи; чтобы объяснила о военныхъ своихъ приготовленіяхъ, и чтобы отвѣтъ на все это данъ былъ безъ замедленія (а).

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 1 и 2.

(1) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, ум. 7 іюля 1809. Онъ извѣстенъ какъ дипломатъ и писатель. Сынъ его Александръ Яковлевичъ находится теперь въ Москвѣ сенаторомъ.

(а) Вскорѣ, по прибытіи двора въ Петербургъ, по случаю войны было сдѣлано распоряженіе всему генералитету, кому въ которой арміи быть и какими частями командовать. Сей списокъ, сочиненный свѣтлѣйшимъ княземъ, императрица утвердила, А. В. Суворовъ не былъ внесенъ въ него, ибо свѣтлѣйшій князь по странностямъ его, почиталъ его человѣкомъ ничтожнымъ; а по чину его должно было дать ему преимущество передъ многими, по службѣ считавшимися ниже. Суворовъ, узнавъ о томъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, прямо явился къ императрицѣ, и съ плачевнымъ видомъ сказалъ: «Государыня, я прописной.»—Какъ это? спросила императрица. «Меня нигдѣ не помѣстили съ прочими генера-

Диванъ вмѣсто отвѣта объявилъ войну Россіи, 5 августа, и заключилъ нашего посланника Булгакова въ Семибашенный замокъ. По полученіи сего извѣстія, императрица выдала манифестъ о войнѣ противу Турокъ. Равно, какъ скоро дошло извѣстіе до императора Іосифа, такъ и онъ объявилъ войну Оттоманской Портѣ.

Составлены были двѣ арміи: украинская, подъ командою фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, которая должна была вступить въ Польшу и приблизиться къ Днѣстру; правый флангъ оной арміи составлялъ корпусъ подъ командою генералъ-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова (2), центръ арміи составлялъ корпусъ генералъ-аншефа Эльмта, лѣвый флангъ составлялъ корпусъ генералъ-аншефа Михаила Ѳедотовича Каменскаго (3). Вторая армія екатеринославская, состояла подъ командою фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, которому назначено было съ наступающею кампаніею атаковать Очаковъ. Генералъ-аншефъ Александръ Васильевичъ Суворовъ тогда командовалъ въ Кинбурнѣ.

лами и ни одного капральства не дали мнѣ въ команду.» Императрица оскорбилась на князя Потемкина и тотчасъ послала за нимъ. Пославный разказалъ князю, по какому случаю за нимъ былъ посланъ, почему, былъ предаренъ, онъ съ готовымъ отвѣтомъ пошелъ. Какъ скоро онъ вошелъ, государыня недовольнымъ голосомъ сказала: «Какъ, князь, вы извѣстнаго, отличнаго, заслуженнаго генерала въ поднесенномъ вами мнѣ спискѣ пропустили?» — Отъ того-то, отвѣчалъ князь, что вашему величеству онъ такъ извѣстенъ, я и не вписалъ его съ прочими, чтобы вы сами изволили назначить, гдѣ и какъ вамъ будетъ угодно. — Въ сіе же время и М. Ѳ. Каменскій пріѣхалъ. Государыня черезъ нѣсколько дней по его прибытіи послала ему 5,000 рублей золотомъ; онъ съездъ то за маловажный подарокъ, въ и Лѣтнемъ Саду каждадневно дѣлалъ завтракъ, лова встрѣчнаго и поперечнаго, пока не истратилъ всѣ жадованная деньги и увѣхалъ. А Суворовъ поступилъ иначе; когда камеръ-лакей привезъ ему такой же подарокъ, онъ вынулъ одинъ имперіалъ и отдавъ его камеръ-лакею, сказалъ: «доложи государынѣ, что Суворовъ по ея милости очень богатъ, и на что мнѣ такая груда золота, а остался одинъ имперіалъ вынуть, чтобы дать тебѣ.» — Послѣ того выѣхалъ изъ Петербурга. Императрица вслѣдъ за нимъ послала ему 30,000 р.; эту сумму онъ принялъ безотговорочно.

(2) Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, фельдмаршалъ и главнокомандующій въ Москвѣ, род. 1730, ум. 14 ноября 1805 г.

(3) Графъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій, фельдмаршалъ, род. 1738, убитъ въ своей деревнѣ 12 августа 1809 года.

Зять мой С. К. Вязмитиновъ пожалованъ былъ генераль-майоромъ, приказано ему было принять Бѣлорусскій егерскій корпусъ, изъ четырехъ батальионовъ состоящій, на мѣсто заболѣвшаго шефа того корпуса генераль-майора Фаминцына; Сибирскій полкъ велѣно было принять полковнику князю М. М. Дашкову, который предъ симъ командовалъ Днѣпровскимъ мушкатерскимъ полкомъ; но большею частію люди сего полка посажены были на флотилію для путешествія императрицы къ Херсону, и тамъ размѣщены по другимъ полкамъ. Князь Дашковъ принялъ полкъ на походъ въ Кіевъ, откуда полкъ пошелъ въ Польшу, въ корпусъ графа Салтыкова, котораго квартира была въ мѣстечкѣ Яновѣ.

Когда полкъ получилъ повелѣніе идти въ походъ, почтенный мой отецъ, благословя меня, сказалъ: «увѣренъ, что ты не обезчестишь родъ нашъ своимъ недостойнымъ поступкомъ, и лучше я хочу услышать, чтобы ты былъ убитъ, нежели бы себя осрамилъ, а притомъ приказываю тебѣ, ни на что не напрашиваться, а чего требовать будетъ долгъ службы, исполняй ревностно, усердно, точно и храбро». Тутъ мы оба прослезидись; поцѣловавъ его руку съ восхищеніемъ, сѣлъ я на коня и съ полкомъ выступилъ, дѣлая планы отличиться геройски и строить воздушные замки.

4-го октября Турки атаковали Кинбурнь. Суворовъ не приказалъ противиться высадкѣ, далъ имъ время сдѣлать нѣсколько ложементовъ, и какъ уже увидѣлъ ихъ приблизившихся шаговъ на двѣсти, для штурма крѣпости, тогда напалъ онъ на нихъ съ своими войсками. Турки безпрестанно съ флота получали новыя подкрѣпленія, положеніе нашихъ войскъ было весьма опасно; сраженіе сдѣлалось общее, и такъ обѣ стороны перемѣнялись, что артиллерія принуждена была остановить свое дѣйствіе; храбрость нашихъ поколебалась, уже было начали отступать, наконецъ пришло къ Русскимъ подкрѣпленіе около трехъ сотъ человекъ, и сіе малое число рѣшило сраженіе, — Турки прогнаны, въ 10 часовъ ночи побѣда была одержана. Большая часть Турокъ убиты, а еще болѣе потонуло; малое только число спаслось на суда.

Еще въ сумерки Суворовъ былъ раненъ въ лѣвое плечо; онъ потерялъ много крови, и не было лѣкаря перевязать рану. Козачій старшина Кутейниковъ привелъ его къ морю, вымылъ рану морскою водою и, снявъ свой платокъ съ шеи, перевязалъ имъ рану. Суворовъ сѣлъ на коня и опять возвратился коман-

довать. Тогда же генераль-майоръ Рекъ былъ раненъ; наша потеря была очень значительна.

Эта первая побѣда въ сію войну тѣмъ была важнѣе, что оною уничтожены намѣренія Турокъ—взять Кинбурнъ, привести себя въ состояніе напасть выгодно на Херсонъ и Крымъ и истребить нашу флотилію. За сію побѣду Суворовъ награжденъ былъ андреевскимъ орденомъ.

Свѣтлѣйшій князь, опасаясь вторичнаго нападенія нанесобравшюся еще его армію, просилъ императрицу, чтобы на случай могъ онъ употребить одинъ корпусъ украинской арміи. Государыня приказала фельдмаршалу графу Румянцову, чтобы, по способности, одинъ корпусъ его арміи состоялъ подъ ордеромъ свѣтлѣйшаго князя до открытія кампаніи, почему фельдмаршалъ и приказалъ генералу Каменскому явиться къ князю.

Каменскій поѣхалъ въ Елисаветградъ, гдѣ тогда была главная квартира его свѣтлости; но какъ онъ предвидѣлъ, что больше будетъ выгодъ въ арміи свѣтлѣйшаго князя, чѣмъ подъ командою устарѣлаго фельдмаршала, то и просилъ князя, чтобы онъ его корпусъ взялъ совсѣмъ въ свою армію, сказавъ: «ибо съ тѣхъ поръ, какъ я состою подъ ордеромъ вашей свѣтлости, корпусъ мой претерпѣваетъ во всемъ недостатки, какъ-то: въ свое время не получаю ни аммуниціи, ни жалованья, ни провіанта». Князь отвѣчалъ: «очень хорошо; отправьтесь въ свой корпусъ (который расположенъ былъ въ Уманѣ), гдѣ узнаете о вашемъ желаніи». Какъ скоро Каменскій отправился, князь вслѣдъ за нимъ отправилъ курьера, требуя отъ него изясненія письменнаго о томъ, что онъ докладывалъ ему о претерпѣваніи нуждъ его корпуса. Каменскій, нехотя, долженъ былъ сіе исполнить, хотя съ нѣкоторыми увертками. Князь, получа отъ него требуемое, отправилъ къ фельдмаршалу рапортъ Каменскаго въ предосторожность отъ сего коварнаго человѣка. Князь не любилъ подлыхъ людей, и съ тѣхъ поръ онъ никогда его не употреблялъ, да и графъ Петръ Александровичъ поступалъ съ нимъ не лучше. Вотъ что выигралъ Каменскій своею витригою (а).

(а) Еще былъ случай, въ которомъ князь Г. А. Потемкинъ показалъ что не любилъ льстецовъ и подлецовъ. Извѣстный по сочиненіямъ своимъ, Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ былъ облагодѣтельствованъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ; но увидя свои пользы быть въ ин-

До открытія кампаніи, войска въ занимаемыхъ квартирахъ были покойны; тутъ я увидѣлъ разницу между бывшимъ и новымъ моими начальниками. Зять мой велъ службу, какъ должно бы наблюдать каждому; вопервыхъ, военная дисциплина строго хранилась, чинъ чина почиталъ, но благородная связь была между корпусомъ офицеровъ; порядокъ канцеляріи въ отчетахъ суммъ, жалованья, аммуниціи, провіанта и фуража приведенъ былъ въ точность; обозъ былъ исправный; полковыя лошади были добрыя, полкъ учился превосходно, въ эволюціяхъ офицеры были наметаны, солдаты безъ изнуренія выправлены, одѣты безъ излишней вытяжки, хорошо. Во время похода въ Россіи и Польшѣ ни одной подводой ни подъ какимъ видомъ никто не смѣлъ взять, солдаты несли на себѣ всѣ тягости и даже шанцевый инструментъ (а). Словомъ, полкъ могъ быть во всѣхъ частяхъ образцовымъ въ арміи. При командованіи же полкомъ княземъ Дашковымъ, солдаты во многомъ претерпѣвали нужды, для продовольствія провіанта и фуража онъ принималъ деньгами и задерживалъ ихъ; то же случалось и съ жалованьемъ; хотя чрезъ нѣкоторое время оно и отдавалось, но не въ свое время; лошади были худо накормлены, отчего въ переходахъ въ Польшѣ бралось множество подводъ, почему безпрестанно на полкъ были жалобы, а во время кампаніи къ полковому

люсти у свѣтлѣйшаго, не взирая на недавнюю большую неприязнь съ Шуваловымъ, перекинулся къ князю, и въ удовольствіе его много остраго и смѣшного говаривалъ насчетъ бывшего своего благодѣтеля. Въ одно время, князь былъ въ досадѣ и сказалъ насчетъ нѣкоторыхъ лицъ: «какъ мнѣ надоѣли эти подлые люди». — «Да на что же вы ихъ къ себѣ пускаете, отвѣчалъ Фонъ-Визинъ, велите имъ отказываться.» «Правда, сказалъ князь, завтра же я это сдѣлаю.» — На другой день Фонъ-Визинъ пріѣзжаетъ къ князю; швейцаръ ему докладываетъ, что князь не приказалъ его принимать. «Ты вѣрно ошибся, сказалъ Фонъ-Визинъ, ты меня принялъ за другаго.» — «Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, я васъ знаю и, именно, его свѣтлость приказалъ одного васъ только не пускать, по вашему же вчера совѣту.»

(Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ род. 3 апрѣля 1745, ум. 1 декабря 1792 г.)

(а) Многіе полки, проходя по Россіи и Польшѣ, брали подводы для облегченія солдатъ, такъ что кромѣ ружья они ничего не носили. Мы всѣ роптали, для чего бы казалось и намъ изнурять своихъ; но пользу уже я увидѣлъ во время кампаніи, когда должно было носить на себѣ всѣ тягости; не привыкшіе къ тому уставали до того, что пришедъ въ лагерь, въ другихъ полкахъ сотнями отставали, а въ Сибирскомъ полку по навыку къ трудамъ ни одного отсталаго не случалось.

обозу наряжались солдаты, чтобы въ трудныхъ мѣстахъ пособлять ввозить на горы. Чтобы нижніе чины не ронтали, князь далъ пополозновение къ воровству, чѣмъ по времени Сибирскій полкъ получилъ дурную молву; полковникъ имѣлъ пристрастіе къ нѣкоторымъ офицерамъ, за то другіе были въ загонѣ и претерпѣвали разныя несправедливости.

1788. Въ 1788 году, въ апрѣлѣ, зять мой Вязмитиновъ съ 4 батальйонами, 4 эскадронами и двумя стами козаковъ посланъ былъ въ соединеніе съ Австрійцами для закрытія Буковины, угрожаемой Турками; но вскорѣ возвратился, не имѣвъ никакого дѣла.

Украинская армія образовалась такимъ образомъ: корпусъ, состоящій изъ 12 батальйоновъ, 12 эскадроновъ, 30 орудій полевой артиллеріи и одного козачьяго Донскаго полка, подъ командю генерала графа Салтыкова, въ соединеніи съ австрійскимъ корпусомъ, подъ командю принца Кобургскаго, долженъ былъ осадить Хотинъ.

Главному корпусу назначено было рандеву Подольской губерніи при мѣстечкѣ Мурахвѣ (въ сей корпусъ Сибирскій полкъ былъ назначенъ). Оный корпусъ состоялъ изъ 17 батальйоновъ, 10 эскадроновъ кирасиръ, 18 карабинеръ, одного Донскаго козачьяго полка и 30 орудій полевой артиллеріи.

Корпусъ генерала Эльмта, состоявшій изъ 12 батальйоновъ, 12 эскадроновъ, двухъ Донскихъ козачьихъ полковъ и 30 орудій полевой артиллеріи, долженъ былъ перейти черезъ Днѣстръ и дѣлать поиски надъ неприятелемъ.

Резервный корпусъ, подъ командю генерала Каменскаго, состоялъ изъ 12 батальйоновъ, 12 эскадроновъ, одного полка Донскихъ козаковъ и 20 орудій полевой артиллеріи.

Вся армія, ежели была бы въ комплектѣ, состояла бы изъ 50.000; но на лицо, конечно, не превосходила 30.000 человекъ.

Какъ въ украинской арміи не было регулярныхъ легкихъ войскъ, то фельдмаршалъ испросилъ позволеніе у императрицы преобразовать четыре полка карабинеръ и назвалъ ихъ легкоѣздными. У фельдмаршала съ княземъ Потемкинымъ былъ споръ въ наименованіи войскъ: сперва именовали ихъ легкою кавалеріею, а свѣтлѣйшій князь назвалъ легкою конницею; графъ назвалъ своихъ легкоѣздными. Когда свѣтлѣйшій князь въ послѣдствіи принялъ въ командованіе обѣ арміи, назвалъ ихъ конными егерями, хотя лошади и вооруженіе оставались тѣ же самыя.

Екатеринославская армія числомъ гораздо была превосходяще и двинулась къ Очакову. Притомъ подь непосредственнымъ распоряженіемъ свѣтлѣйшаго князя состоялъ черноморскій флотъ и гребная флотилія. Всѣми морскими силами управлялъ вице-адмиралъ Н. С. Мордвиновъ (4), флотомъ начальствовалъ контръ-адмиралъ Ушаковъ (5), имѣя подь собою извѣстнаго Поль-Джонса (6), прославившагося въ американской войнѣ. Флотиліею командовалъ принцъ Нассау (7).

Собравшейся украинской арміи главный корпусъ получилъ повелѣніе идти къ Могилеву, что на Днѣстрѣ. По прибытіи туда, на другой-день и фельдмаршалъ прибылъ съ главною квартирою. Генераль-поручикъ кн. Г. С. Волконскій (8) вступилъ въ командованіе корпусомъ. Всею артиллеріею арміи командовалъ артиллеріи генераль-майоръ И. М. Толстой (9); инженерами бригадиръ Б. Ѳ. Кнорингъ (10). Генераль-квартирмейстромъ былъ Н. М. Бердяевъ, при немъ генераль-квартирмейстры-лейтенанты: бригадиръ Медеръ и полковникъ Филиппи. Дежурнымъ генераломъ фельдмаршалъ избралъ генераль-майора А. Я. Леонидова. Въ корпусѣ командовали: кавалеріею генераль-майоръ В. В. Энгельгардтъ; пѣхотою генераль-майоры

(4) Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, адмиралъ, род. 17 апрѣля 1754, ум. 30 марта 1845 года. Онъ прославился умомъ и непоколебимою твердостью характера.

(5) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ, адмиралъ, родился 1743, умеръ 1817. Онъ особенно прославился взятіемъ Корфу въ 1799 году.

(6) Поль-Джонсъ, контръ-адмиралъ, род. въ Шотландіи 6 іюля 1747 г. ум. въ Парижѣ 18 іюля 1792. Онъ былъ въ русской службѣ только одинъ годъ, прославившись до того въ войнѣ за американскую независимость.

(7) Принцъ Нассау-Зигенъ, адмиралъ, родился 1745, ум. 10 апрѣля 1808. Онъ вступилъ въ русскую службу въ 1788 году, служивши прежде Франціи.

(8) Князь Григорій Семеновичъ Волконскій, генералъ отъ кавалеріи, род. 30 января 1742 года, умеръ 17 іюля 1824 г. Онъ былъ женатъ на дочери послѣдняго князя Рѣпина (извѣстнаго фельдмаршала Николая Васильевича), почему сынъ ея князь Николай Григорьевичъ Волконскій названъ въ 1804 году княземъ Рѣпиннымъ-Волконскимъ.

(9) Иванъ Матвѣевичъ Толстой, генераль-поручикъ, род. 1746 г., умеръ 15 іюля 1808. Сынъ его былъ знаменитый генералъ графъ Остерманъ-Толстой, недавно умершій.

(10) Богданъ Ѳедоровичъ Кнорингъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 1741, умеръ 1836 года.

гр. Мелинь и Мельгуновъ; авангардомъ генералъ-майоръ Лас-си (11).

На другой день по прибытіи, фельдмаршалъ приказалъ войскамъ быть во фронтѣ безъ ружья, и самъ со всѣми генералами прибылъ къ корпусу; всѣ были при появленіи его въ восхищеніи; ни одного не оставилъ онъ штабъ-офицера, которому бы не сказалъ что-нибудь пріятное. Какъ скоро сказалъ солдатамъ: «здравствуйте, ребята!» всѣ почти въ голосъ закричали: «здравствуй нашъ батюшка, графъ Петръ Александровичъ!» Старые солдаты говорили: «насилу мы тебя, нашего отца, увидѣли». Посѣдѣлый унтеръ-офицеръ, обвѣшанный медалями, сказалъ фельдмаршалу: «вотъ уже, батюшка, въ третью войну иду съ тобою». — «Ну, другъ мой, отвѣчалъ графъ; въ четвертый разъ мы вмѣстѣ съ тобой уже воевать не будемъ.» — Обвѣхавъ всѣ полки, исполненные радостию его присутствіемъ, отъѣхалъ онъ въ главную свою квартиру, въ Могилевъ.

Авангардъ (а), состоящій изъ пяти батальионовъ, шести эскадроновъ и Донскаго полка Грекова, переправился чрезъ Дибѣстръ, а въ то время наводили понтонный мостъ,

Какъ скоро мостъ былъ готовъ, весь корпусъ переправился и занялъ высоты; пѣхота въ двѣ линіи, кавалерія въ третьей, а главная квартира за оною. Гренадерскіе полки, какъ-то: Сибирскій на правомъ флангѣ, 1-й и 2-й батальионы въ первой линіи, а 3и 4-й во второй: на лѣвомъ флангѣ былъ Малороссійскій гренадерскій, въ которомъ фельдмаршалъ былъ шефомъ. Первыми двумя батальионами въ лагерѣ начальствовалъ самъ полковникъ, а какъ подполковникъ откомандированъ былъ для командованія своднымъ гренадерскимъ батальиономъ въ авангардъ, то, какъ старшій по немъ въ лагерѣ, 3-мъ и 4-мъ батальионами полка командовалъ я; какъ же скоро корпусъ двигался, то полкъ соединялся вмѣстѣ.

На другой день выступилъ корпусъ въ походъ. Предъ выступленіемъ, когда лагерь былъ снятъ, полки выстроились, знамена были развернуты. Фельдмаршалъ проѣзжалъ мимо фланга командуемыхъ мною батальионовъ; я сдѣлалъ ему на караулъ и посканкалъ къ нему на встрѣчу. Но представьте мой ужасъ! Фельдмаршалъ на меня кричалъ самымъ страшнымъ голосомъ; видъ

(11) Мориць Петровичъ Ласси, генералъ отъ инфантеріи, ум. 1820 г.

(а) Не пишу чиселъ, когда чтѣ происходило, потому что не помню.

онъ представлялъ, чего вообразить невозможно: ноздри раздувались, глаза яростно сверкали. Какъ скоро я услышалъ этотъ голосъ и увидѣлъ страшный его видъ, то такъ оробѣлъ, что не слышалъ ни одного его слова. Дежурный Генералъ, подскочавъ ко мнѣ, приказалъ командовать: на плечо! Я едва могъ выговорить. Послѣ чего опять подѣхалъ онъ ко мнѣ и спрашивалъ меня имени фельдмаршала: «какъ я осмѣлился отдать ему честь!» — я отвѣчалъ, что считалъ то долгомъ. Но онъ мнѣ сказалъ: «прежде былъ отданъ приказъ, что когда фельдмаршалъ будетъ проезжать мимо полковъ или карауловъ, никогда бы не отдавали ему чести.» — Я отвѣчалъ, что приказа сего не слышалъ. Тогда дежурный генералъ донесъ о сказанномъ мною, фельдмаршалъ поѣхалъ къ 4-й линіи, гдѣ мой полковникъ тоже сдѣлалъ ему на караулъ. Фельдмаршалъ дѣлалъ таковое же зычное, но какъ полковникъ отвѣчалъ, что приказа того не слышалъ, то фельдмаршалъ, обратясь къ князю Волконскому, сказалъ: «Князь Григорій Семеновичъ, я вамъ приказалъ?» На что тотъ отвѣчалъ, что и онъ приказалъ. Но полковникъ утвердительно донесъ графу, что въ Сибирскомъ полку сей приказъ не объявленъ. Фельдмаршалъ приказалъ дежурному генералу объѣхать по полки и спросить, въ которыхъ полкахъ объявлено сіе приказаніе? Между тѣмъ весь корпусъ стоялъ въ ружьѣ. Дежурный генералъ, справясь, донесъ, что ни въ одномъ полку не объявлено. Тогда фельдмаршалъ съ великимъ гнѣвомъ сказалъ Волконскому: «господинъ генералъ! ежели вы впредъ забудете исполнить мое приказаніе, я васъ поставлю передъ вѣдомъ гренадеръ съ заряженными ружьями; а теперь пойдите къ господину майору Энгельгардту и скажите ему, что онъ исполнилъ свою должность, что я его благодарю, и что вырѣзанный сдѣланный ему, къ вамъ относится.» Хотя его сія просьба и подѣхалъ ко мнѣ, но приказанное фельдмаршаломъ сказать не объявилъ; однакожъ мое удовлетвореніе всѣмъ было извѣстно, ибо главнокомандующій былъ окруженъ всѣми генералами и всѣмъ штабомъ, къ главной квартирѣ принадле-

вавшимъ. Порядокъ марша каждаго перехода былъ таковъ: за авангардомъ шли всегда наряженные на завтрашній день въ караулъ, всѣ пѣхотные пикеты съ шанцовымъ инструментомъ; всѣ конные пикеты кавалерійскіе съ дежурными штабъ-офицерами, генералъ-квартирмейстеромъ и квартирмейстерами, отправлялись охранять лагерь; и когда корпусъ вступалъ въ оный, то всѣ

уже караулы были на своихъ мѣстахъ, и цѣпь разставлена. Во время похода артиллерія составляла среднюю колонну, по сторонамъ ея двѣ пѣхотныя колонны; передъ каждой командировано было по одному эскадрону кавалеріи для утоптанія травы; по сторонамъ пѣхотныхъ колоннъ были двѣ кавалерійскія, съ фланговъ которыхъ шла кавалерійская цѣпь. Обозъ тянулся въ двѣ веревки, а иногда и въ четыре, ежели позволяло мѣсто; за онымъ вагенбургъ.

Бывшіе того дня полевые пѣхотные пикеты съ отъѣзжими караулами оставались на своихъ мѣстахъ по выступленіи корпуса; дежурные штабъ-офицеры формировали оныя въ батальіоны и эскадроны, и составляли арьергардъ.

Когда вступали въ лагерь, то каждый батальіонъ подходилъ къ лѣвому флангу своего лагеря, а кавалерійскіе полки къ лѣвому флангу своихъ полковъ; тогда вдругъ дѣланъ былъ отбой, и пѣхота церемоніальнымъ маршемъ повзводно, а кавалерія поэскадронно, входила въ линію.

Въ походѣ наряжалось два эскадрона въ конвой къ фельдмаршалу, и онъ, несмотря ни на какую погоду, верхомъ, въ одномъ мундирѣ до половины марша ѣхалъ при корпусѣ. На половинѣ приказывалъ дѣлать отбой на часъ времени, а самъ съ главнымъ штабомъ уѣзжалъ впередъ осмотрѣть занятіе лагеря, — иногда приказывалъ, по положенію мѣста, перемѣнить лагерь, потомъ ѣздилъ въ авангардъ, осматривалъ отъѣзжіе пикеты, и приказывалъ, куда посылать партіи. Случалось, что мы, пришедъ въ лагерь, уже отдохнули, а онъ только что пріѣзжалъ.

Во время марша, фельдмаршалъ подъѣзжалъ къ полкамъ и не позволялъ, чтобъ офицеры сходили съ лошадей; ибо по тогдашнему обряду службы, когда выходили войска въ походъ то, кромѣ дежурныхъ при полку одного капитана и при каждомъ батальіонѣ по одному офицеру, всѣ прочіе офицеры могли ѣхать верхомъ подлѣ своего взвода. Солдаты, по желанію, пѣли цѣсни, и когда графъ подъѣзжалъ, обыкновенно старались пѣть какую-нибудь военную въ честь ему, какъ то: «Ахъ ты нашъ батюшка, графъ Румянцовъ генераль» и проч. Иногда давалъ онъ симъ пѣсельникамъ червонца по два, говорилъ имъ нѣсколько ласковыхъ словъ, тоже удостоивалъ разговаривать съ нѣкоторыми штабъ и оберъ-офицерами, словомъ пріятливо-стію своею привлекалъ, къ себѣ всѣхъ души и сердца.

Лагерь всегда былъ въ двѣ линіи; на флангахъ кавалерія, артиллерія батареями между полками, а главная квартира между

двухъ линій. Караулъ фельдмаршала состоялъ изъ 24 человекъ при одномъ офицерѣ, съ хоромъ музыки и конвойной команды къ литаврамъ, съ двумя трубачами; для сигналовъ была вѣстовая пушка, изъ которой стрѣляли къ вечерней зорѣ.

Пароль и приказъ отдавалъ дежурный генералъ, для принятія котораго должны были быть: дежурный по корпусу полковникъ, подполковникъ и секундъ-майоръ, отъ каждаго полка штабъ-офицеръ и генеральскіе адъютанты.

Къ разводу фельдмаршалъ никогда не выходилъ.

Когда корпусъ не былъ въ походѣ, обыкновенно графъ выходилъ изъ своей ставки или домика, въ большой еринной наметъ, гдѣ уже столъ былъ накрытъ, и гдѣ генералы и штабъ-офицеры и нѣкоторые изъ оберъ-офицеровъ были. Всегда выходилъ онъ въ мундирѣ, съ тростью и шляпою въ рукѣ. Обходилъ всѣхъ тутъ бывшихъ, и ежели съ кѣмъ не говорилъ, то по крайней мѣрѣ дѣлалъ ему пріятную мину. Наконецъ пилъ водку и закусывалъ, и всѣ кто тутъ были—тоже. Въ первомъ часу онъ обѣдалъ; столъ накрываемъ былъ на 40 кувертовъ; другой столъ въ особливомъ наметѣ для штата его и ординарцовъ, отъ каждаго полка наряжаемыхъ по одному офицеру.

Послѣ стола фельдмаршалъ тотчасъ откланивался, по вечерамъ собирались къ нему генералы и полковники, иногда играли въ коммерческія игры.

Второй лагерь былъ при деревнѣ Плопахъ, въ 30 верстахъ отъ Днѣстра; тутъ пробыли болѣе мѣсяца, въ ожиданіи дѣйствія осады Очакова и Хотина. Корпусъ генерала Эльмта дошелъ до Яссы, не встрѣчая нигдѣ непріятеля; фельдмаршалъ былъ недоволенъ медленнымъ и тактическимъ нѣмецкимъ движеніемъ сего корпуса; почему сей генералъ, когда главный корпусъ подошелъ къ Цыцорѣ (на Прутѣ въ 20 верстахъ отъ Яссы), отправился въ отпускъ и болѣе уже въ армію не пріѣзжалъ.

По долгомъ пребываніи въ лагерь при Плопахъ, отпросился я къ Хотину на короткое время, посмотрѣть осаду и видѣться съ моимъ зятемъ С. К. Вязмитиновымъ, тогда бывшимъ въ томъ корпусѣ. Онъ съ позволенія графа Салтыкова далъ мнѣ своего адъютанта, чтобъ осмотрѣлъ я всѣ батареи и траншеи, которыя только вели Цесарцы, а наши, пользуясь рвами около Хотина, закрывались оными отъ канонады.

Тогда я увидѣлъ, какъ недостаточно знать одну только орунговую службу; чтобы значить болѣе, надобно знать фортификацію и артиллерію; и тогда же принялъ намѣреніе въ зимовы

квартиры заняться сими науками, необходимыми для генерала, а какъ я держался правила, что худой тотъ солдатъ, который не надѣется быть фельдмаршалою, то и думалъ, что необходимо нужно имѣть познанія, сопряженные съ симъ званіемъ. Былъ я въ лагерѣ у Австрійцевъ, составлявшихъ лѣвый флангъ.

Ни у Австрійцевъ, ни у Русскихъ осадной артиллеріи не было; батареи были въ такомъ отдаленіи, что едва двѣнадцатифунтовые ядра доносило до бруствера, а гранаты изъ полумартирныхъ единороговъ никакого дѣйствія не производили; ночью подвигали батареи безъ всякаго закрытія, а безъ цѣли выстрѣлы не дѣлали ни малѣйшаго вреда.

Я чуть было не попался въ плѣнъ и особливимъ чуднымъ образомъ избавился; у Днѣстра былъ во рву егерскій постъ, не допускавшій Турокъ пользоваться хорошою ключевою водою. Осмотрѣвъ оный, адъютантъ Сергѣя Кузмича узналъ, что ночью, перейдя ровъ, заложена была батарея, которая и была намъ видна, но не зналъ, что проѣздъ къ оной по сю сторону рва шель очень близко непріятельскаго ретраншаментъ, а ровъ былъ такъ крутъ, что едва съ трудомъ можно сойдти пѣшкомъ. Лишь только мы нѣсколько проѣхали, какъ егера стали намъ кричать: «остерегитесь, Турки васъ видятъ и намѣреваются выйдти изъ ретраншаментъ, чтобы васъ схватить,» — а мы уже такъ заѣхали, что возвратиться къ егерскому посту значило быть еще ближе къ ретраншаменту, а до батареи еще было далеко; отдаться въ плѣнъ охоты не было, а равно даромъ и убиту быть; потому я рѣшился, несмотря на крутизну рва, спуститься и рвомъ добраться до егерскаго поста, что благодареніе Богу удалось. Можно сказать, у страха глаза велики; въ обыкновенное время конечно никто не осмѣлится спуститься на лошади въ сей буеракъ. Долженъ я еще признаться въ моей храбрости: съ польской стороны по правой сторонѣ Днѣстра, заложена была сею же ночью батарея, которую я желалъ видѣть; Турки, для воспрепятствованія работы, стрѣляли ядрами; первое, которое я услышалъ, заставило меня съ такою торопливостію нагнуться, что обѣ шлифныя пряжки у меня лопнули.

Пробывъ при Хотинѣ дня два, возвратился я въ главный корпусъ.

Во время пребыванія моего при главномъ корпусѣ, получено извѣстіе, что шведскій король Густавъ III (12) внезапно объявилъ

(12) Густавъ III король шведскій, род. ¹⁸/₂₄ января 1746, царствовалъ съ 1771, убитъ Анкарштремомъ ⁵/₁₆ марта 1792 г.

войну и вступилъ въ российскую Финляндію, а флотъ его, подъ командою герцога Зюдерманландскаго (13), атаковалъ Балтійскій Портъ и требовалъ отъ коменданта сдачи; комендантъ былъ майоръ Кузминъ, старый инвалидъ, у котораго въ прежнюю войну была оторвана рука; онъ отвѣчалъ: «я радъ бы отворить ворота, но у меня одна рука, да и та занята шпагою». По нѣсколькo-дневной храброй оборонѣ, герцогъ принужденъ былъ отойти на супротивъ русскаго флота, вышедшаго изъ Кронштата подъ командою вице-адмирала Грейга (14). Произошла у Красной Горки морская баталія; всѣ выстрѣлы въ Петербургъ были слышны; дворъ готовился выѣзжать. Но Грейгъ одержалъ славную побѣду и взялъ вице-адмиральскій корабль съ начальникомъ онаго гр. Вахмейстеромъ (15). Вѣтеръ способствовалъ шведскому флоту укрыться въ своихъ гаваняхъ, но Грейгъ былъ опасно раненъ и вскорѣ отъ раны умеръ (16).

Въ Финляндіи собрана наскоро армія которая поручена была въ команду генералъ-аншефу графу Валентину Платоновичу Пушкину (17).

(13) Герцогъ Зюдерманландскій, братъ Густава III, бывшій въ послѣдствіи королемъ шведскимъ (1809—1818) подъ именемъ Карла XIII; род. 1848, ум. 1818 г.

(14) Самуилъ Карловичъ Грейгъ, адмиралъ, род. 1736, перешелъ изъ англійской службы въ русскую въ 1764 году, умеръ 15 октября 1788.

(15) Шлѣвнъ Вахмейстеръ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ присутствіе его возбуждало самое нескромное любопытство на гуляньяхъ и проч.; за нимъ бѣгали толпами, особенно женщины, на что и была написана сатирическая пѣсня.

(16) Тутъ авторъ ошибается: Грейгъ умеръ не отъ ранъ, а отъ кратковременной, но тяжкой болѣзни, которой, какъ говорятъ, не мало способствовала горестъ, причиненная ему еще въ іюль, послѣ сраженія при Готландѣ, взятіемъ въ шлѣвъ нашего корабля Шведами. Горестъ эту не могли утѣшить ни дальнѣйшіе успѣхи, ни благоволеніе императрицы, пожаловавшей Грейгу андреевскую ленту.

(17) Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, фельдмаршалъ, род. 6 декабря 1735, ум. 8 іюля 1804. Отецъ его, графъ Платонъ Ивановичъ, сосланъ по дѣлу Волынскаго, а сынъ, графъ Василій Валентиновичъ, оберъ-шеникъ, (род. 1775, ум. 5 апрѣля 1836) женился на дочери послѣдняго графа Брюса (Якова Александровича) и въ 1796 году къ фамиліи его присоединена фамилія Брюса, съ нимъ угасшая. Въ царствованіе Александра I, графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ былъ великимъ мастеромъ великой масонской ложи *Астрел*, существовавшей въ Петербургѣ и бывшей центральною для 18 соединенныхъ ложъ, изъ которыхъ семь было въ Петербургѣ, двѣ въ Ревелѣ, а остальные: въ Крон-

Тамъ же получено извѣстіе отъ свѣтлѣйшаго князя, что посланъ былъ флота капитанъ Сакенъ на дубль-шлюбкѣ, для развѣдыванія о неприятельскомъ флотѣ и содержанія брандвахты близъ Кинбурнской косы. Онъ, усмотрѣвъ передовыя суда капитанъ-паши, идущія на всѣхъ парусахъ, почелъ за благоразуміе идти на глубокую пристань, для извѣщенія принца Нассау-Зигена о появленіи неприятеля, или присоединиться къ русской эскадрѣ, стоявшей выше устья рѣки Буга предъ Станиславою косою. Турки устремились за дубль-шлюбою; Сакенъ, чувствуя несоразмѣрность силъ, поспѣивалъ удалиться, но четыре турецкія галеры, очень легкія на ходу, настигали его и кричали, чтобъ онъ сдался. Сакенъ, войдя въ устье Буга, высадивъ всѣхъ бывшихъ людей и чтобы не дать завладѣть судномъ Туркамъ, самъ съ зажженнымъ фитилемъ спустился въ крюйтъ-камеру. Вскорѣ дубль-шлюба была окружена преслѣдовавшими ее галерами; экипажъ ихъ, видя русское судно оставленное, смѣло присталъ къ борту и толпы взошли на палубу, какъ вдругъ съ трескомъ дубль-шлюбка поднялась на воздухъ и вмѣстѣ съ нею турецкія галеры со всѣми на нихъ бывшими людьми. Такимъ геройскимъ подвигомъ капитанъ Сакенъ кончилъ жизнь свою, увѣковѣчивъ ее вѣчною славою.

Очаковская осада продолжалась медленно, которую называлъ фельдмаршалъ осадюю Трои; однакожь были успѣхи на водахъ, какъ то: наша флотилія одержала побѣду надъ флотиліею турецкою, равно и большой нашъ флотъ заставилъ турецкіи оставить Очаковъ.

Въ теченіи очаковской осады, Александръ Васильевичъ Суворовъ въ одинъ день при вылазкѣ завязалъ большое дѣло, посылая безпрестанно по нѣскольку батальйоновъ занять сады, прилежавшіе къ крѣпости, такъ что весь лѣвый флангъ вступилъ въ сраженіе, и наши войска много претерпѣвали отъ усилившихся подкрѣпленій Турокъ въ выгодной для нихъ позиціи. Кажется, намѣреніе его было, видя медленную осаду, заставить свѣтлѣйшаго князя симъ средствомъ рѣшиться на штурмъ или самому съ своимъ корпусомъ на плечахъ Турокъ ворваться въ крѣпость; и ежели бы князь Рѣпинъ (18) не выручилъ съ собой

штадтъ, въ Феодосіи, въ Житомирѣ, Москвѣ, Митавѣ, Симбирскѣ, Псковѣ, Кіевѣ и Мобажѣ (во Франціи) при главнѣйшей квартирѣ нашихъ войскъ, остававшихся во Франціи до 1818 года.

(18) Князь Николай Васильевичъ (послѣдній князь Рѣпинъ), фельд

корпусомъ, то наши бы войска претерпѣли значительный уронъ. Александръ Васильевичъ раненъ былъ въ руку легко. Светлѣйшій князь послалъ его спросить дежурнаго генерала: «какъ онъ осмѣлился безъ повелѣнія завязать столь важное дѣло?» Суворовъ отвѣчалъ: «на камушкѣ сижу и на Очаковъ гляжу.»

Фельдмаршалъ получилъ донесеніе отъ графа Салтыкова, что Хотинъ Турки сдають на капитуляцію, но требовали срока на три дня; фельдмаршалъ къ тому времени приказалъ, чтобы на батареяхъ были пушки заряжены стрѣлять викторию о сдачѣ Хотина, когда курьеръ пріѣдетъ; но онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, что отстрочено еще Туркамъ на три дня, и потомъ еще на три дня (а); фельмаршалъ былъ очень недоволенъ и, не ожидая уже взятія Хотина, выступилъ съ главнымъ корпусомъ впередъ. Всѣ мы, молодые служивые, обрадовались, что наконецъ увидимъ непріятеля, и ревностно хотѣли съ нимъ сразиться; но дошедъ въ нѣсколько маршей, остановились до окончанія кампаніи при урочищѣ Цицорахъ на лѣвой сторонѣ Прута въ 20 верстахъ отъ Яссъ.

Корпусъ генерала Эльмта занялъ Яссы и поступилъ, по отпуску его, въ командованіе генераль-поручика князя Бориса Григорьевича Шаховскаго (19); черезъ день резервный корпусъ генерала Каменскаго присоединился къ главному. На маршѣ получено донесеніе графа Салтыкова о занятіи Хотина и сдачѣ оного Цесарцамъ. Графу Салтыкову поручено занять Кишеневъ и наблюдать Бендеры.

Непріятельскій лагерь открытъ былъ, въ сорока верстахъ на лѣвой сторонѣ Прута противъ Рябой могилы, въ большихъ силахъ.

За малоимѣніемъ легкихъ войскъ, фельдмаршалъ приказалъ

маршалъ, род. 11 марта 1734 г., умеръ 12 мая 1801. Онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ мартинистовъ. Новиковъ, Лопухинъ и другіе были его искренними друзьями.

(а) Сказывали, что медленной осадѣ Хотина и еще болѣе девяти-дневной отстрочкѣ была причиною жена каменецъ-подольскаго польскаго коменданта Витта (которая послѣ была за графомъ Потоцкимъ), въ которую графъ Салтыковъ былъ влюбленъ, и которая часто пріѣзжала въ лагерь; она была Гречанка, сестра ея была замужемъ, за хотинскимъ пашею, почему графъ, по просьбѣ ея, посылывалъ парламентаря съ письмами отъ г-жи Виттъ къ сестрѣ, а отъ той получала она на оныя отвѣты.

(19) Князь Борисъ Григорьевичъ Шаховской, генералъ-лейтенантъ, ум. 1813 г.

отставному полковнику Сиверсу, бывшему волонтеромъ, набрать три тысячи Арнаутовъ (а); ему поручены отъ трехъ корпусовъ Донскаго войска козацкія полки и повелѣно быть въ десяти верстахъ отъ арміи, имѣть свой станъ, охранять оную и посылать партіи для развѣдыванія. Рѣдко очень козаки встрѣчались съ Турками, а еще менѣе было небольшихъ схватокъ; Турки такъ боялись Русскихъ, а еще болѣе имени Румянцова, что какъ скоро завидятъ козака, то бывало и бѣгутъ; однакожъ во все то время нахватали человекъ до пятидесяти плѣнныхъ.

Армія имѣла всегда съ собою провіантъ, люди на себѣ въ ранцахъ на четыре дня, въ фурахъ полковыхъ на шесть, да въ каждый полкъ даны были возы на волахъ, и на оныхъ было провіанта на 22 дня. Транспорты съ провіантомъ еженедѣльно приходили изъ Польши; заготовленіе онаго поручено было генерал-майору Шамшеву и генералъ провіантмейстеру, бригадиру Новицкому; для прикрытія магазиновъ въ Польшѣ, подъ командою сказаннаго Шамшева, оставался Днѣпровскій мушкетерскій полкъ, отъ нѣкоторыхъ мушкетерскихъ полковъ двухъ-ротныя команды; въ мѣстечкѣ Сорокѣ, Молдавскаго княжества, построень былъ ретраншаментъ, въ который свозили покупаемый въ Польшѣ провіантъ и фуражъ.

Въ Польшѣ сдѣлалась революція, и 3 мая сеймъ утвердилъ новую конституцію; Поляки оказывали непріязненное къ намъ расположеніе; посоль нашъ гр. Штакельбергъ (20) лишился прежняго своего вліянія, а довѣренность Поляковъ получилъ прусскій министръ Луккезини (21).

Цесарскія войска непрестанно, хотя и не было генеральной баталіи, но во многихъ сраженіяхъ Турками были поражаемы. Императоръ неоднократно просилъ фельдмаршала сдѣлать движеніе для диверсіи въ пользу Австрійцевъ, но графъ и съ мѣ-

(а) Арнаутами звались тутъ Молдоване или Волохи, добровольно вступавшіе въ службу на своемъ конѣ и вооруженіи, за что получали по червонцу въ мѣсяцъ жалованья, провіантъ и фуражъ; они худо служили, однакожъ нѣкоторые были изрядные наѣзники, а особливо славился ихъ начальникъ майоръ Юрдаки.

(20) Графъ Отто Магвусъ Стакельбергъ, род. 7 февраля 1736 г., умеръ 1799.

(21) Авторъ въ этомъ мѣстѣ упоминаетъ по ошибкѣ о провозвѣстіяхъ позднѣйшихъ; эти событія относятся къ 1791 году, въ которомъ состоялась конституція 3 мая. Съ слѣдующей за тѣмъ фразы начинается опять связанный разказъ.

ста не тронулся, подъ видомъ, чтобы при его движеніи не открытъ мѣста, чрезъ которое Турки могли подать секурсъ Очакову (22). Неоднократно для сего пріѣзжали въ лагерь австрійскіе генералы: Юрдышъ, Сплени и Карачай; а сверхъ того, для наблюденія нашихъ дѣйствій, при нашей арміи былъ полковникъ Гербертъ. Подъ исходъ уже кампаніи изъ-подъ Очакова пріѣзжалъ въ Яосы принцъ де-Линь, откуда часто пріѣзживалъ для сего же въ лагерь. Несмотря однакожь на его краснорѣчивыя убѣжденія, фельдмаршалъ и шагу не дѣлалъ.

Главнoкомандующій былъ очень недоволенъ генераль-квартирмейстромъ Бердяевымъ, который дѣйствительно не имѣлъ особливыхъ дарованій, ни природныхъ, ни пріобрѣтенныхъ свѣдѣніями. Къ генераль-квартирмейстру лейтенанту Медеру онъ по особливымъ причинамъ не благоволилъ и хотѣлъ испытать товарища его полковника Филиппа: способенъ ли онъ, еслибы нужда потребовалась, на какое важное предпріятіе? Фельдмаршалъ далъ ему повелѣніе съ сотнею казаковъ ѣхать по правую сторону Прута и рекогносцировать: можно ли, поставя батарею на Рябой Могилѣ, амплоировать непріятельскій лагерь? Прутъ въ то время былъ такъ мелокъ, что было только лошади по колѣно; фельдмаршалъ, давъ ему приказъ, не объявилъ, что полковнику Сиверсу дано уже повелѣніе, — что Филиппи поѣдетъ рекогносцировать; а потому чтобы Сиверсъ заранѣе со всеми своими легкими войсками отправился впередъ и его бы прикрывалъ, и ежели не только опасно будетъ Филиппи, но даже можно опасаться потери одного человѣка его команды, то чтобы самъ возвратился и далъ бы Филиппи запечатанное повелѣніе, въ которомъ ему приказано было возвратиться безъ исполненія порученнаго. Филиппи, получивъ приказаніе отъ фельдмаршала, думалъ, что посылается на неизбѣжную смерть. Отъѣхавъ верстъ десять, спросилъ онъ Молдаванъ: есть ли Турки на той сторонѣ? И какъ они ему сказали, что много, то онъ и отправился назадъ. Вошедъ къ фельдмаршалу въ ставку, когда уже было большое собраніе, и какъ на тотъ разъ хотинскій

(22) О причинахъ этого бездѣйствія Румянцова, въ отношеніи Австрійцевъ, авторъ уже говорилъ въ I главѣ своихъ *Записокъ*. Квартирмейстеръ Бердяевъ, о коемъ говорится ниже, былъ екатеринославскій военнымъ губернаторомъ при императорѣ Павлѣ I, который имѣлъ къ нему большое довѣріе. (См. письма е. в. къ Бердяеву, въ *Чтеніяхъ Императ. Общ. Исторіи и Древн. Росс.* 1858 г. кн. I. отд. 5, стр. 105.)

гарнизонъ не въ дальнемъ разстояніи отъ лагеря проходили подь прикрытіемъ австрійскихъ войскъ, то командующій оный конвоемъ генералъ и многіе австрійскіе штабъ-офицеры тутъ были. Фельдмаршалъ, какъ скоро увидѣлъ вошедшаго Филиппа, подошелъ къ нему и спросилъ на ухо: *Sind Sie da gewesen?* Были ли вы тамъ? — *Nein, Ihre Erlucht.* Нѣтъ, ваше сіятельство. — *Warum?* Для чего? — *Ich fürchtete.* Я побоялся. — Тогда вдругъ вскричалъ фельдмаршалъ громко: «Счастливы ты, что сказалъ не порусски, а ихъ языкомъ (показавъ на Австрійцевъ), а то бы тотчасъ велѣлъ тебя разстрѣлять.»—И послѣ сего не только никогда его не употреблялъ, но даже съ нимъ никогда уже не говорилъ.

Тогда фельдмаршалъ задумалъ испытать дивизионнаго квартирмистра Лена. Когда хотинскій гарнизонъ вышелъ въ турецкій лагерь, то сераскиръ присылалъ парламентаря благодарить за исполненіе въ точности капитуляціи. Фельдмаршалъ воспользовался симъ, послалъ Лена съ пустымъ комплиментомъ, но, отправляя его, сказалъ ему: «непремѣнно привези ты мнѣ планъ позиціи непріятельскаго лагеря». Ленъ вотъ какъ исполнилъ сіе порученіе: какъ скоро пріѣхалъ къ аванпостамъ съ трубачемъ, то далъ себѣ по обыкновенію завязать глаза, но когда онъ почувствовалъ, что уже въ непріятельскомъ лагерѣ, по шуму его окружавшихъ, тогда вдругъ сдернулъ повязку; нѣкоторые Турки было бросились на него, но онъ, выхвативъ пистолетъ, угрожалъ выстрѣломъ. Онъ приведенъ былъ въ палатку, обгороженную тростникомъ, но уже успѣлъ увидѣть все положеніе турецкаго лагеря. При возвращеніи своемъ, начертилъ планъ и представилъ его фельдмаршалу, который спросилъ: «какъ, батюшка, вы это сдѣлали?» И когда онъ ему отвѣчалъ, то графъ его обнялъ и сказалъ: *будемъ друзьями, господинъ Ленъ.*

Скажу вамъ, что впалъ было я въ гнусный порокъ, но благодареніе Богу, добрый мой пріятель отъ того меня избавилъ. Полковникъ мой, слѣдуя англійскому обыкновенію (23), подпивалъ; послѣ обѣда ставили чашу пунша пріятели его, а мои товарищи стали на мой счетъ подшучивать, что похожъ ли я на гренадерскаго офицера, водки и пунша не пью и трубки не курю. Желая быть въ числѣ короткихъ пріятелей своего пол-

(23) Князь Дашковъ былъ воспитанъ въ Англии.

ковника и быть настоящим гренадерским офицеромъ, сперва пилъ я въ угожденіе, потомъ это вошло въ привычку и наконецъ не только у полковника, но уже я искалъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ бы подпитъ; словомъ сказать, ни одного дня не проходило, чтобъ я не былъ пьянъ. Роштейнъ произведенъ былъ недавно секундъ-майоромъ, онъ не успѣлъ еще завестись своею палаткой и жилъ у меня. Въ одинъ день послѣ обѣда, соснувъ, я одѣлся и хотѣлъ идти, какъ онъ вдругъ сказалъ мнѣ: «Послушай, Д. Н., за благосклонность твоего ко мнѣ зятя, бывшаго нашего командира, и по дружбѣ моей къ тебѣ, я долженъ сказать, что уже наконецъ я выхожу изъ терпѣнія, и мнѣ стыдно жить въ одной палаткѣ съ пьяницею; представь, что вотъ уже около мѣсяца, какъ ты всякій день пьянъ и теперь, я вижу, спѣшишь искать пуншъ; ежели не исправишься, я тотчасъ съ тобой разстанусь». Чувствительна мнѣ была такая укоризна; сначала я было на него разсердился, но какъ скоро одумался, то дѣйствительно увидѣлъ, что страсть сія во мнѣ сильно укоренилась. Я далъ себѣ слово болѣе не пить, и могу сказать, что съ тѣхъ поръ во всю мою жизнь былъ трезвой и воздержной жизни; счастливая минута, въ которую другъ мой своимъ словомъ излѣчилъ меня!

Въ началѣ ноября сдѣлались большіе морозы, выпалъ снѣгъ, и стала зима, какой въ Молдавіи никто не помнилъ; рѣки замерзли и даже Лиманъ подъ Очаковымъ.

15-го числа полковникъ Сиверсъ донесъ, что Турки лагерь свой оставили; генералъ Каменскій получилъ повелѣніе преслѣдовать непріятеля, а по другой сторонѣ Прута генералъ-поручику князю Шаховскому приказано идти впередъ до Васлуи и начальствовать передовымъ корпусомъ.

Войска 22 числа вошли въ зимовыя квартиры; въ Цыцорахъ сдѣлано было нѣсколько редутовъ, и оставлено три батальона для прикрытія Яссъ и сбереженія замерзшихъ понтонныхъ мостовъ. Корпусъ кишневскій порученъ былъ генералу Каменскому, на мѣсто графа Салтыкова, который отпросился въ Петербургъ. Главная квартира заняла Яссы.

При выходѣ изъ лагеря, наканунѣ того дня, говорилъ я полковнику, что мнѣ хочется побывать къ батюшкѣ; онъ мнѣ сказалъ, что о томъ скажетъ фельдмаршалу, который, какъ скоро о томъ услышалъ, съ гнѣвомъ сказалъ: «Мы еще не вошли въ зимовыя квартиры, а молодые люди уже скучаютъ службой». Хотя всѣ знали, что уже и приказъ написанъ, только еще не

былъ объявленъ, но чрезъ нѣсколько часовъ оный и отдавъ былъ при паролѣ.

Штабы всѣхъ полковъ, составлявшихъ главный корпусъ, остались въ Яссахъ, а полки были расположены въ окрестностяхъ. Я уже лишился было надежды быть въ отпуску, а протиснуться боялся и подумать.

25-го обѣдалъ я у фельдмаршала, какъ вдругъ онъ сказалъ мнѣ:—Какъ, господинъ майоръ, я слышалъ, что вы хотите въ отпуску? Я ему отвѣчалъ: «Если ваше сіятельство позволите». — Для чего же нѣтъ, сказалъ онъ. Вставши изъ-за стола и подошедъ ко мнѣ, онъ спросилъ:—Скоро ли вы хотите ѣхать? «Какъ вашему сіятельству угодно».—Однакожь, если бы отъ васъ зависело? «Я бы уѣхалъ сего же дня».—Вы очень скоры, однакожь я васъ прошу остаться только до шести часовъ утра завтрашняго дня, а притомъ я васъ буду просить взять на себя нѣкоторыя порученія, и завтра въ шесть часовъ прошу ко мнѣ. Я думалъ, что, какъ мнѣ должно было проѣзжать Гомель, его мѣстечко въ Бѣлоруссіи, то вѣрно что-нибудь прикажетъ къ его тамъ управляющему. Не успѣлъ я въ шесть часовъ поутру явиться, какъ уже дежурный генералъ сказалъ, что фельдмаршалъ меня ожидаетъ. Я вошелъ въ кабинетъ: графъ далъ мнѣ паспортъ на двадцать девять дней, подорожную и письмо къ моему отцу, сказавъ: «Вотъ въ чемъ состоитъ мое порученіе, доставьте удовольствіе вашему батюшкѣ видѣть добраго сына» (а).

Лестное сіе письмо я почитаю лучшимъ себѣ аттестатомъ въ мою службу. Съ какою деликатностію сей великій человекъ

(а) Вотъ содержаніе сего письма:

Милостивый Государь мой Николай Богдановичъ!

Податель сего будетъ вамъ лучшимъ свидѣтелемъ моего къ вамъ усердія, но я не могу однакожь отказать себѣ того удовольствія, чтобы не представить его тоже съ моей стороны, свидѣтельствовать о его лучшемъ поведеніи и прилежности къ службѣ и вамъ не пожелать всякаго самобысленнѣйшаго добра, и что я въ особенное себѣ удовольствіе вмѣняю всякій случай, который мнѣ подастъ способы вамъ и вашему достойному сыну мои услуги оказать. И съ сими чувствами и искреннѣйшимъ почтеніемъ что я имѣю честь быть

Яссы 26 ноября
1788 года.

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій и всегдашнѣйшій слуга
- Гр. Румянцовъ-Задунайскій.

дѣлалъ свои благодаренія, и вотъ какимъ очарованіемъ привязывалъ къ себѣ! Хотя чины и кресты во время его командованія трудно доставались, но за то они были имъ раздаваемы справедливо и за настоящее дѣло, кто чего заслуживалъ; за то всякая награда принималась съ величайшимъ уваженіемъ.

Можете себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ отецъ мой меня увидѣлъ съ графскою рекомендаціею. Уже въ бытность мою въ Могилевѣ, узналъ я о взятіи штурмомъ Очакова шестаго декабря (а).

Свѣтлѣйшій князь награжденъ орденомъ Св. Георгія 1-го класса; по его рекомендаціи всѣ щедро награждены орденами и крестами; по нѣкоторомъ времени отправился онъ въ С.-Петербургъ, гдѣ его съ триумфомъ встрѣтили, и по пути, гдѣ онъ проѣзжалъ, встрѣчали какъ побѣдителя; весь его проѣздъ уподоблялся празднику. Штабъ и оберъ-офицеры всѣ получили золотые кресты на георгиевской лентѣ съ надписью: «За службу и храбрость», а на другой сторонѣ: «Очаковъ взятъ 6 декабря 1788 года». Нижнимъ чинамъ даны серебряныя медали.

1789. Въ 1789 году явился я изъ отпуска къ фельдмаршалу, нѣсколько дней просрочивъ, и боялся его выговора; но вмѣсто того, увидя меня, онъ сказалъ: «Какъ, вы уже возвратились? — Я и такъ, ваше сіятельство, просрочилъ; причиною тому большія метели, отвѣчалъ я. И дѣйствительно, подѣзжая къ Могилеву, подводчикъ мой потерялъ дорогу, всю ночь пропуталъ и почти къ свѣту, заѣхавъ въ сторону, наткнулся на одну деревню, гдѣ дождался свѣту; въ ту крутую зиму многіе отъ вьюгъ пострадали. «Напрасно вы спѣшили, дѣла теперь нѣтъ, вы бы могли еще пробить столько же у вашего батюшки; однакожь это не худо: впередъ будете имѣть кредитъ».

Во время моего отсутствія, генералу Каменскому повелѣно

(а) Взятіе Очакова стоило очень дорого; потеря людей чрезвычайно значительна неубитыми, но отъ продолжительной кампаніи; зима, наступавшая въ томъ краю ранѣе и холоднѣе обыкновеннаго, изнурила людей до того, что едва четвертая часть осталась отъ многочисленной арміи, а кавалерія потеряла всѣхъ почти лошадей. Свѣтлѣйшій князь, жалѣя людей, рѣшился на штурмъ по необходимости поздно; еслибы штурмъ данъ былъ тотчасъ по отбытіи турецкаго флота, то потеря была бы въ половину менѣе; расчетъ самый невѣрный для сбереженія людей — поздняя кампанія, а особливо въ мѣстахъ, гдѣ продовольствіе такъ затруднительно, и есть лишеніе всѣхъ нужныхъ потребностей. Филантропія не всегда бываетъ астати.

было выгнать Татаръ изъ занимаемыхъ ими квартиръ, селеній Гангуръ и Салкуць, къ сторонѣ Бендеръ. Каменскій, напавъ на нихъ нечаянно, почти всѣхъ ихъ истребилъ; въ томъ числѣ былъ убитъ сынъ хана, командовавшего оними; малое число изъ нихъ спаслось. Этими зимовья наши квартиры стали безопасны и во всю зиму не были непріятелями обезпокоиваемы; почему три батальона, подъ командою полковника Владычина, оставленные при Цыцорахъ въ землянкахъ, для прикрытія укрѣпленія, отпущены, а на мѣсто ихъ для караула понтонныхъ мостовъ оставлено двѣ роты.

Князь Г. С. Волконскій, на другой же день моего прибытія, командировалъ меня къ онимъ двумъ ротамъ. Фельдмаршалъ того же дня спросилъ нашего полка премьеръ-майора Клутина, «гдѣ же вашъ пріѣзжій майоръ Энгельгардтъ?»—а какъ тотъ отвѣчалъ, что командированъ въ Цыцоры для караула мостовъ княземъ Волконскимъ, тутъ бывшимъ, фельдмаршалъ съ гнѣвомъ сказалъ ему: «Для чего штабъ-офицера нарядили въ караулъ? Тотчасъ пошлите ордеръ господину майору, чтобы сдалъ онъ команду старшему по себѣ капитану, и завтра явился бы ко мнѣ. Господинъ генералъ, примолвилъ онъ, молодыхъ, хорошихъ офицеровъ надобно поощрять, а не унижать». Получа сие повелѣніе, я очень обрадовался, тѣмъ болѣе когда узналъ о пріятномъ отзывѣ обо мнѣ фельдмаршала.

По прибытіи въ Яссы, занялся я, какъ прежде уже себѣ предположилъ: досталъ я книгу *Le parfait ingénieur Français*, гдѣ всѣ до того времени извѣстныя системы всѣхъ авторовъ о крѣпостяхъ подробно описаны, и могу сказать, что принадлежаніемъ своимъ всѣ три манера укрѣпленій Вобана и регулярныя крѣпости его и Когорна твердо самъ собою выучилъ, равно какъ атаку, такъ и защиту; также къ оному присовокупилъ *De l'attaque et de la défense des places, par Blondel*. Изъ библиотеки князя Дашкова много читалъ тактическихъ книгъ; словомъ, зимовья квартиры провелъ я съ пользою, а въ слѣдующій годъ прошелъ я и курсъ артиллеріи, готовясь служить съ замѣчаніемъ и быть годнымъ къ употребленію, когда какой случай представится.

Образъ жизни фельдмаршала въ Яссахъ былъ таковъ: онъ вставалъ всегда въ пять часовъ; въ шесть приходилъ къ нему съ рапортомъ дежурный генералъ, потомъ секретари его разныхъ экспедицій по очереди подносили дѣла, которыя онъ приказывалъ къ тому дню приготовить; въ десять въ кабинетъ.

Были допускаемы генералы и нѣкоторые полковники; въ одиннадцатъ выходилъ онъ въ приемную комнату и изъ бывшихъ тутъ съ каждымъ почти говорилъ. Наконецъ отворялись двери, и допускаемы были къ нему люди всякаго званія съ просьбами: солдаты, Молдаване, Жидаы, словомъ кто только имѣлъ до него дѣло; словесныя просьбы выслушивалъ онъ съ терпѣніемъ и тогда же дѣлалъ удовлетвореніе, отсылая ихъ куда слѣдуетъ, или чрезъ своихъ адъютантовъ или ординарцевъ; писанныя же просьбы принималъ и клалъ въ карманъ. Обѣдалъ въ первомъ часу въ половинѣ; столъ его, такъ же какъ и въ лагерѣ, былъ на сорокъ приборовъ; послѣ обѣда чрезъ полчаса откланивался и уходилъ въ кабинетъ; тамъ нѣсколько отдыхалъ, а проснувшись разсматривалъ просьбы, на всякой своею рукой надписывалъ резолюцію и къ которому числу долженъ ее секретарь исполнить, записывая у себя въ особливую тетрадь и въ слѣдующее утро справлялся съ нею: какия дѣла и который секретарь долженъ былъ ему доложить. Въ шесть часовъ вечера приходили секретари, и каждому изъ нихъ по экспедиціи онъ отдавалъ тѣ просьбы; ежели какая поступала просьба недѣльная, то онъ наддиралъ у оной уголокъ: то было знакомъ, чтобы просителю отказать. Потомъ выходилъ въ приемную, гдѣ собирались генералы и штабъ-офицеры и дѣлали партіи, а въ девять часовъ онъ откланивался, и всѣ разѣзжались. Во все время той зимы въ Яссахъ было тихо; у нѣкоторыхъ бояръ бывали балы, какъ-то у князя Кантакузена, у Стурдзы и нѣкоторыхъ другихъ. На оныхъ балахъ танцевали Молдаване свой танецъ, называемый жоко: становились въ кружокъ мущины и женщины, держась рука за руку, и, важно подвигая ноги то въ сторону, то впередъ, обходили кругомъ по ихъ музыкѣ, составляющейся изъ цыганъ (инструменты: кобза, родъ гитары, свирѣль и двѣ скрипки.), съ припѣваніемъ гнусящихъ сихъ самыхъ музыкантовъ. Сія же танцы и въ простомъ народѣ употребляются. На сихъ балахъ въ другихъ комнатахъ игравали въ карты, и многіе бояре страстно играли большею частію въ рокамболъ и азартныя игры. Между тѣмъ разносили варенье, фрукты, шербетъ, и желающіе курили трубки.

Въ мартѣ, князь Шаховской донесъ, что онъ атакованъ превосходными силами, и требовалъ скорого подкрѣпленія. На зиму всѣ почти полковники отправились въ отпускъ, одни штабъ-офицеры командовали полками. Фельдмаршалъ приказалъ наря

днѣ два батальона Сибирскаго и два батальона Малороссійскаго полковъ съ ихъ полковыми орудіями и отъ каждаго полка штабъ-офицера; старшему изъ нихъ приказалъ поручить всѣ четыре батальона. Старшимъ случилось быть мнѣ, и на другой день долженъ я былъ явиться къ фельдмаршалу для получения приказанія и тотчасъ выступить. Я былъ въ восхищеніи, всю ночь занятъ былъ распоряженіями, былъ у генералъ-квартирмейстера для получения маршрута, скопировалъ карту окружности Васлун. Мечталась въ моихъ мысляхъ слава, которую приобрѣту я моими дарованіями и храбростію, но мечта сія на другой же день рано исчезла.

Князь Шаховской доносилъ, что вмѣсто большихъ неприятельскихъ силъ, которыхъ онъ самъ не видалъ, только передовые посты его были атакваны сильною партією, которая вскорѣ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго вреда, отступила къ своимъ квартирамъ къ Галацу. При томъ схваченные Турки сказывали, что тамъ дѣлаютъ нѣсколько отдѣльныхъ укрѣпленій, полагаютъ должно редутовъ.

Въ исходѣ же марта, главнокомандующій сдѣлалъ производства на вакансіи; мнѣ досталось премьеръ-майоромъ въ Днѣпровскій полкъ, пребывавшій для прикрытія магазиновъ въ Польшѣ.

Фельдмаршалъ, вскорѣ послѣ взятія Очакова, просилъ у императрицы, по преклоннымъ лѣтамъ и болѣзнямъ, увольненія отъ командованія армією, на что государыня соизволила указать при милостивомъ рескриптѣ. Послѣ того обѣ арміи соединились подъ команду свѣтлѣйшаго князя Потемкина, но до пріѣзда его назначено принять оную генералъ-аншефу князю Николаю Васильевичу Рѣпинну; авангардный корпусъ—генералъ-аншефу Александру Васильевичу Суворову. Фельдмаршалъ не хотѣлъ дожидаться князя Рѣпина, который тогда еще былъ въ Россіи, и до прибытія его сдалъ армію генералу Каменскому.

Суворовъ скоро прибылъ и явился къ фельдмаршалу въ курткѣ и каскѣ, когда былъ тамъ и Каменскій, который всегда былъ по недугу своему въ длинномъ мундирномъ сюртукѣ, блѣдно-портупеей подвязанномъ. Суворовъ до выхода еще фельдмаршала изъ кабинета сказалъ Каменскому: «Признаться, мы съ тобой великіе оригиналы: оба мы у фельдмаршала, котораго чтимъ душою, только ты очень долго, а я очень коротко». Не замедливъ прибыть и князь Николай Васильевичъ Рѣпинъ и вступилъ въ командованіе армією. Тогда фельдмаршалъ переселъ

лился на рѣчку Жижу, въ деревню одного молдаванскаго боярина, въ десяти верстахъ отъ Яссы, гдѣ и пробылъ почти до заключенія мира.

Въ апрѣлѣ князь Рѣпинъ приказалъ генераль-поручику Дерфельдену атаковать непріятеля въ укрѣпленіяхъ его при Галацѣ, что тотъ и исполнилъ, взявъ въ плѣнъ челоуѣкъ шестьсотъ и двадцать пушекъ; прочія непріятельскія войска прогнаны за Серетъ къ Браилову, а самъ Дерфельденъ возвратился въ Берлатъ, гдѣ Суворовъ учредилъ авангардный свой постъ.

Прибывъ я въ полкъ Днѣпровскій, расположенный въ Ямполѣ. Полковникъ сего полка Гавріилъ Михайловичъ Рахмановъ былъ мнѣ очень радъ, ибо полкъ былъ очень растроены и снабженъ офицерами новыми и неопытными; нижнихъ чиновъ почти не было, и всѣ солдаты были изъ рекрутъ. Итакъ, занялся я по своему званію новою своею должностію. По тогдашней службѣ на премьеръ-майорѣ почти, такъ сказать, лежалъ весь полкъ: онъ настоящій былъ хозяинъ; полковникъ занимался пріятнымъ начальствомъ, а все трудное и непріятное по службѣ было участію премьеръ-майора; за то скоро могъ исправный майоръ сдѣлать свою репутацію и быть на замѣчаніи у главнаго начальства.

Во время пребыванія полка въ Ямполѣ, генераль Каменскій, взявшій въ отпускъ, пробылъ въ Сорокѣ недѣли съ двѣ; а какъ разстояніе отъ Ямполя по лѣвой сторонѣ Днѣпра не болѣе трехъ верстъ, то все то время мы пробыли съ нимъ вмѣстѣ. Какъ скоро не касалось Московскаго полка, въ которомъ онъ былъ шефъ, и гдѣ офицерамъ по чрезвычайной его строгости почти служить было невозможно, какъ корпусный командиръ былъ онъ любимъ, а не по службѣ былъ очень любезенъ. Онъ ожидалъ скотъ и табуновъ своихъ, отогнанныхъ имъ во время экспедиціи на Гангуру и Салнакуцъ.

Наконецъ Поляки настояли, чтобы наши войска выведены были изъ Польши, а сами сформировали свои войска и обучали на прусскій манеръ, почему полкъ Днѣпровскій получилъ повелѣніе идти въ кишеньевскій корпусъ, подъ команду генерала Кречетникова. Главный корпусъ бывшей Украинской арміи былъ въ Гинчештяхъ; передовой подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Суворова въ Берлатъ.

Въ іюнь Суворовъ, соединясь съ принцемъ Кобургскимъ, разбилъ непріятеля при Фокшанахъ и прислалъ реляцію князю Н. В. Рѣпину, слѣдующаго содержания: «Рѣчка Путна отъ

дежды широка, Турокъ тысячъ пять-шесть спорили, мы же перешли, при Фокшанахъ разбили непрітеля; на возвратномъ пути въ монастырьъ засѣли пятьдесятъ Турокъ съ Баиракторомъ; я ими учтивствовалъ принцу Кобургскому, который послалъ команду съ пушками, и они сдались.»

Вскрѣ послѣ того полкъ нашъ былъ командированъ для обезпеченія переправы на Днѣстръ идущему бывшей Екатеринославской арміи передовому корпусу, подъ командою генераль-поручика Павла Сергѣевича Потемкина (24), состоящему изъ четырехъ батальионовъ Бугскаго егерскаго корпуса, котораго шефомъ былъ незабвенный Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ (25), и изъ четырехъ батальионовъ Екатеринославскаго егерскаго корпуса, котораго былъ шефъ зять мой Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ, а также изъ двухъ гусарскихъ полковъ. За оными и вся Екатеринославская армія слѣдовала (которая потомъ заняла позицію подъ Фокшанами, до блокады Бендеръ). Какъ скоро переправился тотъ авангардный корпусъ, полкъ нашъ возвратился въ лагерь подъ Кишиневъ.

Свѣтлѣйшій князь прибылъ къ арміи; осмотрѣвъ нашъ корпусъ, ѣздилъ для осмотра главнаго корпуса, бывшей Украинской арміи, при Гинчештахъ; потомъ отправился уже къ собравшейся при Фокшанахъ арміи.

По полученнымъ извѣстіямъ, что визирь съ большою арміею идетъ на австрійскій корпусъ принца Кобургскаго, расположенный отъ Берлата болѣе ста верстъ, Суворову предписано соединиться съ принцемъ и разбить визиря; а князю Рѣпнину, присоединивъ къ себѣ корпусъ генерала Кречетникова, разбить Гассанъ-Пашу, расположеннаго въ Табакѣ. Гассанъ-Паша въ прошлую кампанію былъ капитанъ-пашею и въ наказаніе, что не способствовалъ защитѣ Очакова, былъ разжалованъ, сдѣланъ комендантомъ Измаила, и приказано было ему отъ султана съ сильнымъ корпусомъ занять Табакъ и препятствовать нашей арміи подать помощь Австрійцамъ.

Соединенные наши два корпуса составляли болѣе двадцати тысячъ регулярнаго войска и три тысячи козаковъ. На рѣчкѣ Ларгѣ было авангардное сраженіе, и узнали, что Гассанъ-Паша

(24) Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, генераль-аншефъ, ум. 29 марта 1795 г. Онъ былъ внучатный братъ князя Таврическаго.

(25) Свѣтлѣйшій князь Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій род. 5 сентября 1745, ум. 16 апрѣля 1813 года.

занять крепкую позицію въ укрѣпленномъ лагерѣ при рѣкѣ Сальтѣ, недалеко отъ извѣстнаго урочища Кагуль, славнаго по побѣдѣ, одержанной фельдмаршаломъ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ-Задунайскимъ въ прошлую войну; и что, по причинѣ нѣсколькихъ крутыхъ горъ предъ самую неприятельскую позицію, затруднительно было его атаковать.

Генераль-квартирмейстеръ лейтенантъ Медеръ рекогносцировалъ и открылъ, что между двухъ хребтовъ горъ, сдѣлавъ двадцать верстъ лишнихъ, скрытно можно было обойти сіи горы и придти во флангъ, гдѣ непріятель не имѣлъ никакого укрѣпленія и никакъ насъ съ той стороны не ожидалъ. Почему съ вечера выступили боковымъ маршемъ ложиною между тѣхъ горъ; авангардъ составленъ былъ подъ командою генераль-майора Ласси изъ полковъ пѣхотныхъ: Днѣпровскаго, Угличскаго и Витебскаго, Кіевскаго карабинернаго, трехъ эскадроновъ кирасиръ и трехъ тысячъ Донскаго войска козаковъ, подъ командою наказнаго атамана В. П. Орлова (26).

Дѣйствительно, непріятель былъ изумленъ нечаяннымъ нашимъ появленіемъ, когда онъ думалъ, что мы еще изъ занимаемаго нами наканунѣ лагеря не тронулись. Авангардъ занялъ два оканчивающихся хребта горъ въ двухъ кареяхъ, между которыхъ мы прошли верстахъ въ десяти отъ турецкаго лагеря; между сихъ двухъ кареевъ въ лоцинѣ поставлены были три эскадрона кирасиръ, за ними Кіевскій карабинерный подкъ, а впереди ихъ въ полуверстѣ козаки въ двѣ шеренги (по термину ихъ *лавою*) на равнинѣ, простирающейся не только до турецкаго лагеря, но и до самаго Табаку верстъ на сорокъ. Весь корпусъ за авангардомъ расположился въ двухъ верстахъ, въ двухъ линіяхъ.

Непріятель выслалъ свою конницу противъ насъ, а прочія его войска стали приготовляться къ отступленію. Картина представлялась намъ превосходная: Турки разсыпались по полю въ разнообразномъ цвѣтномъ своемъ одѣяніи, наѣзники подѣзжали къ козакамъ и стрѣляли въ нихъ изъ пистолетовъ, наконецъ собравшись въ одну толпу, бросились съ обыкновеннымъ ихъ кри-

(26) Василій Петровичъ Орловъ, атаманъ войска Донскаго, былъ женатъ на дочери наказнаго же атамана донскаго, графа Фѣдора Петровича Денисова. У нихъ былъ сынъ Василій Васильевичъ Орловъ, къ фамиліи котораго присоединены въ 1801 году имя Денисова и графскій титулъ.

вомъ *алла*, при приближеніи которой, атаманъ, приподнявшись на стременахъ, снялъ шапку, перекрестился, что и всѣ козаки сдѣлали; они встрѣтили непріятеля на дробныхъ и гиннули съ такимъ стремленіемъ, что обратили его въ бѣгство; крикъ смѣшавшихся козаковъ и Турокъ произвелъ ужасную гармонію. Кіевскій карабинерный полкъ посланъ генераль-поручикомъ княземъ Г. С. Волконскимъ для подкрѣпленія козаковъ. Вдругъ убитые Турки раздѣты были донага, и у насъ въ пѣхотномъ авангардѣ сдѣлалась ярмарка: оружіе разнаго рода, конскіе богатые уборы и лошади продавались за ничто. Козаки гнали Турокъ версты три; Кіевскій полкъ, подъ командою секундъ-майора Гельвига, за отсутствіемъ полковника и прочихъ старшихъ штабъ-офицеровъ, проскакавъ мимо козаковъ и оставя ихъ за собою, поражаля непріятелей, не доѣзжая версты за двѣ до ихъ лагеря. Турки, увидя, что гналь ихъ одинъ только карабинерный полкъ, остановились, и въ свою очередь атаковали нашихъ; храбрый секундъ-майоръ Гельвигъ, видя, что козаки далеко отъ него отстали, принужденъ былъ ретироваться, по временамъ останавливаясь, когда Турки сильно на него напирали, и такимъ образомъ соединился съ козаками съ небольшою потерей. Турки отступили въ свой лагерь, и нашей авангардной конницѣ тоже приказано отступить. Еслибы вслѣдъ сей нашей кавалеріи весь корпусъ двинулся, то вся бы артиллерія, весь лагерь достались бы намъ, и корпусъ непріятельскій вовсе былъ бы уничтоженъ. Но князь Рѣпнинъ, человекъ надъ-мѣру осторожный, думалъ, что войска утомились, тогда какъ всѣ жадничали сраженія и одушевлены были духомъ храбрости, безотлучной у русскихъ воиновъ. Поле укрыто было убитыми Турками, которыхъ, конечно, было болѣе тысячи, а князь Рѣпнинъ показалъ въ реляціи только пятьсотъ. Секундъ-майоръ Гельвигъ, узнавъ, что въ донесеніи свѣтлѣйшему князю сказано: «что Кіевскій полкъ только подкрѣплялъ козаковъ», сказалъ князю Рѣпнину: «Ваше сіятельство, вы не отдали должной справедливости Кіевскому полку, ибо я гналь непріятеля до самаго его лагеря, а козаки отъ меня отстали около четырехъ верстъ, въ чемъ они сами сознаются, и подвигъ мой былъ въ виду всего авангарда». Князь съ досадою выговаривалъ ему за дерзость и сказалъ, что онъ хотѣлъ было представить его къ повышенію чиномъ; Гельвигъ отвѣчалъ, что не себя считалъ обиженнымъ, но полкъ, и увѣренъ, что главнокомандующій не откажетъ сдѣ-

дать дѣло сіе гласнымъ въ арміи; что касается до него, то онъ при оставленіи безъ всякой рекомендаціи получить чинъ (а).

Корпусъ оставался въ тотъ день на занятой имъ позиціи. Въ 10 часовъ вечера мы слышали еще обыкновенные турецкіе сигналы, три пушечные выстрѣла; но то было только для нашего усыпленія, а Турки съ самаго вечера отступили поспѣшно къ Измаилу.

Сдѣлана была диспозиція атаковать непріятеля на разсвѣтъ, но уже и слѣдъ его простылъ; послана была кавалерія для преслѣдованія, и отнято было нѣсколько обозовъ.

Въ два марша достигли мы Лимана въ двѣнадцать верстахъ отъ Измаила. Князь Рѣпинъ думалъ, что крѣпость была въ такомъ положеніи, какъ въ прошлую войну, и хотѣлъ взять оную штурмомъ; но увидѣлъ, что Измаиль былъ уже чрезвычайно укрѣпленъ по правиламъ новѣйшей фортификаціи съ каменною одеждою, почему безъ формальной осады штурмовать его невозможно; однакожъ мечталъ, что уstraшенный Гассанъ-Паша сдастся, какъ скоро мы къ Измаилу подступимъ. На другой день по утру подошли мы къ крѣпости и канонировали до трехъ часовъ пополудни, въ такомъ разстояніи, что наши полевые орудія не могли сдѣлать ни малѣйшаго вреда; вышпустили до двухъ тысячъ ядеръ и гранатъ, на что и намъ изъ крѣпости безвредно отвѣчали. Послѣ чего мы отступили сорокъ верстъ назадъ, съ такою поспѣшностію, какъ будто непріятель насъ гналъ превосходными силами.

Свѣтлѣйшій князь такъ былъ недоволенъ сею экспедиціею, что князя Рѣпина послалъ командовать въ Очаковъ. При Фальчѣ (б) оставленъ былъ корпусъ подъ командою генералъ-поручика Михельсона изъ трехъ полковъ пѣхоты, двухъ полковъ кавалеріи, одного полка донскихъ козаковъ и десяти орудій артиллеріи. Прочія войска пошли присоединиться къ главному корпусу подъ Бендеры.

Въ то время, какъ мы дѣлали сію пустую экспедицію, Суворовъ однимъ переходомъ соединился съ принцемъ Кобургскимъ и принудилъ его тотчасъ идти атаковать визиря съ своимъ корпусомъ, и стать въ авангардъ. Корпусъ принца Кобургскаго былъ около 15.000, Суворова около 6.000, а непріятеля по-

(а) За сіе дѣло Гельвицъ получилъ орденъ св. Георгія 4 класса по представленію свѣтлѣйшаго князя.

(б) Двѣпровскій полкъ поступилъ въ сей корпусъ.

загали въ 80.000. Подъ Рымникомъ союзники одержали совершенную побѣду; непріятель потерялъ много убитыми, а еще болѣе утонувшими въ рѣкѣ Рымникѣ, также и плѣнными; взята вся артиллерія и лагерь. За сію славную побѣду Суворовъ былъ пожалованъ графомъ Рымникскимъ.

Въ теченіи сей кампаніи, взята крѣпость Аккерманъ на устьѣ Днѣстра, а въ исходѣ оной Бендеры сдались на капитуляцію.

Войска вступили въ зимовыя квартиры; главная квартира расположилась въ Яссахъ; корпусъ графа А. В. Суворова-Рымникскаго въ Фокшанахъ; корпусъ Михельсона въ городѣ Фальтъ и окрестности онаго.

Главная квартира пышностію отличалась противъ бывшей подъ командою графа Петра Александровича. Множество пріѣхало женъ русскихъ генераловъ и полковниковъ, изъ числа знатнѣйшихъ были П. А. Потемкина (27), которой его свѣтлость великое оказывалъ вниманіе, гр. Самойлова (28), кн. Долгорукая (29), гр. Головина (30), кн. Гагарина (31), польскаго генерала жена, славившаяся красотою де-Вить, потомъ бывшая замужемъ за графомъ Потоцкимъ (32); безпрестанно были праздники, балы, театръ, балеты. Хоръ музыки инструментальной, роговой и вокальной былъ до трехсотъ человекъ; извѣстный сочинитель музыки г. Сарті всегда былъ при князѣ. Онъ поюмилъ на музыку побѣдную пѣснь: *Тебѣ Богу хвалимъ*, и къ оной музыкѣ приложена была батарея изъ десяти пушекъ, которая по знакамъ стрѣляла въ тактъ, когда же пѣли: «святѣ! святѣ!» тогда производилась изъ оныхъ орудій скорострѣльная пальба.

(27) Прасковья Андреевна, супруга Павла Сергѣевича, рожденная Заревская.

(28) Супруга племянника князя Потемкина.

(29) Княгиня Катерина Ѳедоровна, рожденная Бяратинская.

(30) Если не ошибаемся, здѣсь говорится о графинѣ Варварѣ Николаевнѣ Головиной, рожденной княжнѣ Голицыной, супругѣ оберъ-шенка графа Николая Николаевича Головина, которому принадлежало славное имѣніе Воротынецъ, разыгранное послѣ его смерти въ лотерею въ 1823 году.

(31) Княгиня Прасковья Юрьевна Гагарина, рожденная княжна Трубецкая, жена генералъ-майора князя Ѳедора Сергѣевича. Она родилась 1762, ум. 1848; она вышла замужъ по смерти перваго мужа за Петра Александровича Кологривова. Извѣстный нашъ писатель князь Петръ Андреевичъ Вяземскій женатъ на ея дочери.

(32) Графъ Феликсъ Францовичъ Потоцкій, генералъ отъ инфантеріи, м. 1805. Эта вторая жена его носила имя Софіи и была Гречанка.

Его свѣтлость одѣвался періодно въ гетманское платье, которое ошито было щегольски и фасона, который онъ выдумалъ, бывъ пожалованъ гетманомъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ козаковъ. Въ самое то время, когда онъ такъ щегольски одѣвался и такъ нарядомъ своимъ занимался, приказалъ сдѣлать себѣ и мундиръ изъ солдатскаго сукна, дабы своимъ примѣромъ подать недостаточнымъ офицерамъ средства не издерживать изъ малаго своего жалованья на покупку тонкаго сукна, которое за отдаленіемъ торгующихъ купцовъ онымъ товаромъ было дорого. Почему въ угожденіе его всѣ генералы сдѣлали таковыя мундиры. Итакъ, хотя приказа и не было, но почти всѣ штабъ-и оберъ-офицеры съ удовольствіемъ всю войну одѣвались въ куртки толстаго сукна какъ солдаты; но однакожь не запрещалось по желанію носить мундиры изъ тонкаго сукна.

По прибытіи свѣтлѣйшаго князя въ Яссы, одинъ разъ онъ только былъ у фельдмаршала графа Румянцова въ Жижѣ и изрѣдка посылалъ дежурнаго генерала, племянника своего В. В. Энгельгарда, съ привѣтствіемъ. Остальные генералы изъ подлости и рабства рѣдко посѣщали графа, да и то самое малое число. Одинъ только графъ Алекс. Вас. Суворовъ оказывалъ ему уваженіе; послѣ всякаго своего дѣла и движенія, посылая курьера съ донесеніемъ главнокомандующему, особеннаго курьера посылалъ съ донесеніемъ и къ престарѣлому фельдмаршалу, такъ какъ бы онъ еще командовалъ арміей.

Въ теченіе зимы бендерская крѣпость взорвана.

1790. Въ 1790 году императоръ Іосифъ II умеръ; императоръ Леопольдъ (33), вступя на престолъ, заключилъ миръ, для Австріи вовсе невыгодный. Французская революція тогда была въ самой ужасной анархіи.

Шведскій флотъ, на которомъ былъ самъ король, и который состоялъ въ 26 корабляхъ и фрегатахъ, атаковалъ ревальскій нашъ флотъ, въ котеромъ не болѣе было десяти кораблей при самомъ ревальскомъ рейдѣ, подъ командою адмирала Чичагова (34); онъ

(33) Императоръ Леопольдъ II братъ Іосифа II, род. 5 мая 1747; съ 1765 былъ великимъ герцогомъ тосканскимъ, а императоромъ римскимъ съ 1790 года. Въ августъ 1790 года онъ заключилъ съ Турками перемиріе, а черезъ годъ миръ въ Чистовѣ. Онъ умеръ 1 марта 1792 года.

(34) Василій Яковлевичъ Чичаговъ, адмиралъ, род. 28 октября 1726, ум. 4 апрѣля 1809. Сынъ его Василій Васильевичъ былъ морскимъ министромъ.

не только былъ отраженъ, но потерялъ одинъ фрегатъ. Оставя оный, король пошелъ противъ Кронштадта, подъ командою адмирала Крузе (35), имѣлъ большую поверхность, но когда оба наши флоты соединились, то шведскій флотъ и съ гребною флотиліею загнанъ былъ между острововъ и былъ въ такомъ положеніи, что ожидали, или что флотъ долженъ былъ сдаться, или быть сожженъ. Въ такомъ положеніи онъ былъ болѣе двухъ недель; наконецъ вѣтеръ сильный ему поблагоприятствовалъ; пустивъ передъ собою брандеръ, онъ открылъ себѣ выходъ, но хотя онъ и вышелъ, но собственный его брандеръ сжегъ у него два корабля, и отъ нашего флота повреждено еще два; множество изъ гребнаго его флота потеряно судовъ и людей. За тѣмъ принцъ Нассау съ нашею флотиліею одержалъ большую побѣду надъ флотиліею шведскою. Сухопутная наша армія дѣйствовала неудачно, почему отъ командованія арміею въ Финляндіи генералъ Пушкинъ отозванъ, а вмѣсто его поручено главное начальство генералу барону Игельстрому.

Когда шведскій флотъ былъ запертъ, генералъ Кречетниковъ (36), управлявшій тогда малороссійскими губерніями, услышалъ отъ какого-то проѣзжаго изъ Петербурга, что будто шведскій флотъ сдался. Съ симъ пріятнымъ извѣстіемъ къ свѣтлѣйшему князю прислалъ Кречетниковъ курьера. Не только во всей арміи стрѣляли викторію, но свѣтлѣйшій князь о сей мнимой побѣдѣ отправилъ курьера къ австрійскому императору. Черезъ нѣсколько дней Кречетниковъ прислалъ извиненіе, что по слухамъ донесъ онъ о томъ ложно. Курьеръ съ симъ извѣстіемъ прибылъ во время обѣда; князю чрезвычайно было прискорбно, что долженъ былъ послать курьера къ императору о таковой скоро-поспѣшной неосмотрительности. Князь сталъ бранить Кречетникова; князь Д., сидѣвшій подлѣ самого князя, сталъ его защищать. Свѣтлѣйшій князь до того разсердился, что вышелъ изъ себя, схватилъ Д. за георгіевскій крестъ, сталъ его дергать и сказалъ: «Какъ ты смѣешь защищать его, ты, которому я изъ милости далъ сей орденъ, когда ты во время штурма очаковского струсилъ?» Вставши изъ-за стола, подошелъ князь къ австрійскимъ генераламъ, на тотъ разъ тутъ

(35) Александръ Ивановичъ Крузе, адмиралъ, род. 26 октября 1727, ум. 5 мая 1798. Онъ особенно отличился въ Чесменской битвѣ (1770).

(36) Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ, генералъ-аншефъ, ум. 9 мая 1793 г.

бывшимъ, и сказалъ: «pardon, messieurs, je me suis oublié; je connois ma nation et je l'ai traité comme il mérite». Сіе случилось въ Яссахъ при самомъ отбытіи въ Бендеры.

Въ половинѣ іюля свѣтлѣйшій князь перенесъ главную свою квартиру въ Бендеры, гдѣ собрано было большое число войскъ (а). Графъ Суворовъ занималъ Фокшаны; генераль-поручикъ Потемкинъ получилъ въ командованіе корпусъ, состоявшій при Фальчѣ, который значительно былъ усиленъ.

Во время сихъ происшествій Мамоновъ женился (37). При дворѣ первымъ лицомъ сдѣлался П. А. Зубовъ (38), который потомъ пожалованъ былъ свѣтлѣйшимъ княземъ а братья его графами. По кончинѣ князя Г. А. Потемкина, былъ онъ столько же, какъ онъ, силенъ, не имѣвъ его генія.

Въ исходѣ сентября посланъ былъ большой корпусъ подъ командою артиллеріи генераль-аншефа И. И. Меллера-Закомельскаго (39) къ Килии. Какъ Днѣпровскій полкъ получилъ въ укомплектованіе рекрутъ, заразившихся кровавымъ поносомъ, а потому въ походъ идти былъ не въ состояніи, то перешелъ я во вновь сформированный изъ Санктпетербургскаго полка Свято-Николаевскій полкъ, поступившій въ корпусъ генерала Меллера.

Корпусъ, не доходя упомянутой крѣпости верстъ за десять, имѣлъ роздыхъ. Въ ночь командированъ былъ генераль-поручикъ Самойловъ (41) для занятія ретраншамета, около сей крѣпости расположеннаго. Самойловъ раздѣлилъ свои войска на три колонны: правую колонною командовалъ бригадиръ (Конногренадерскаго полка, что былъ Малороссійскій гренадерскій, но еще не снабженный лошадьми) Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. Среднюю колонну велъ самъ Самойловъ. Лѣвою командовалъ храбрый генераль-майоръ Мекнобъ. Передъ выступленіемъ, Самойловъ созвалъ колонныхъ командировъ и полковниковъ и

(а) Днѣпровскій полкъ поступилъ въ сіе число.

(37) На Фрейлинѣ, княжнѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Щербатовой, род. 1762, ум. 1807.

(38) Свѣтлѣйшій князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, генераль-фельдцейхмейстеръ, род. 1767., ум. 1820.

(39) Баронъ Иванъ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, генералъ отъ артиллеріи, ум. 10 октября 1790.

(40) Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ, въ послѣдствіи генераль-прокуроръ, былъ по своей матери роднымъ племянникомъ князя Потемкина.

объявилъ имъ, что какъ по вѣрнымъ извѣстіямъ весь гарнизонъ и съ жителями въ Килии не болѣе былъ пяти тысячъ Турокъ, то ежели они выгнаны будутъ изъ ретраншаментъ, нужно стараться на плечахъ Турокъ войти въ крѣпость; это легко могло бы быть, еслибы Турки и занимали ретраншаментъ.

Всѣ, будучи заняты таковою мыслию и таковымъ предпріятіемъ, шли съ рѣшительною бодростію. Ночь была самая темная; къ несчастью, ретраншаментъ былъ очень обширенъ для мало-численнаго гарнизона, а потому какъ оный, такъ и форштатъ Турками были оставлены.

Средняя колонна прежде другихъ дошла къ ретраншаменту, и какъ Самойловъ не нашелъ тутъ непріятеля, то и приказалъ войску, голову колонны составлявшему, закричать: ура! Прочіе, бывшіе въ хвостѣ, принявъ сигналъ ура, думали, что непріятель побѣжалъ, опрокинули голову колонны и бросились къ крѣпости, не слушая ни генерала, ни прочихъ своихъ командировъ. Правая колонна, услыша «ура» средней, бросилась также къ крѣпости. Лѣвая колонна одна удержала порядокъ, заняла ретраншаментъ и расположилась въ ономъ.

Килия построена на клинѣ Дуная, и сія великая рѣка какъ бы составляла ея фланги, которые прикрыты были по обѣимъ сторонамъ флотиліею. Наше войско, бывшее въ разстройствѣ, встрѣчено было изъ крѣпости пушечными картечными выстрѣлами и ружейнымъ огнемъ, а съ флотиліи ядрами. Въ такомъ несчастномъ отпорѣ, претерпѣвая сильныя пораженія, бросились наши войска къ лѣвой части ретраншаментъ, занятаго колонною генераль-майора Мекноба, которая приняла своихъ за Турокъ и открыла по нимъ ружейный огонь. Тогда безпорядокъ сдѣлался общій; солдаты вышли изъ повиновенія, разбрелись по форштату, бывшему между крѣпостью и ретраншаментомъ, предались всякимъ неистовствамъ, перекололи всѣхъ Армянъ и Грековъ и ворвались въ армянскій монастырь, истребляя и опустошая все, чтò ни попадалось.

Между тѣмъ весь корпусъ подошелъ и занялъ лагерь верстахъ въ четырехъ отъ крѣпости.

Командующій генераль съ прочими генералами взошли на случившійся передъ лагеремъ курганъ; вѣтеръ былъ ураганно сильный со стороны лагеря; ни одного выстрѣла не было слышно, но мельканія огня наподобіе фейерверка представляли видъ удивительный. Генераль безпрестанно посылалъ къ Самойлову узнать о причинѣ видѣннаго, но Самойловъ, думая привести въ

порядокъ войска, посланныхъ удерживаль при себѣ. Наконецъ начало свѣтатъ; полковникъ принцъ Филипштальскій (а) прибылъ отъ Самойлова съ донесеніемъ о случившемся и о томъ, что онъ не можетъ привести въ порядокъ разстроенныя войска.

Иванъ Ивановичъ Миллеръ отправился самъ, приказавъ нарядить свѣжія войска. Когда онъ прибылъ въ форштатъ, встрѣтили его солдаты въ разбродѣ: «батюшка, вели поставить пушки, выломить ворота, мы тотчасъ крѣпостію овладѣемъ». «Хорошо, ребята, говорилъ онъ, подите назадъ въ ретраншаментъ, а то вы мѣшаете стрѣлять изъ пушекъ». И такъ мало-по-малу войска приходили въ должное повиновеніе; но лишь только генералъ показался на площадь противъ крѣпости, какъ роковая пуля попала ему въ звѣзду и прошла на вылетъ наискось черезъ весь его корпусъ; отнесли его въ лагерь, гдѣ чрезъ нѣсколько часовъ онъ и умеръ.

Новыя войска заняли ретраншаментъ, а прежнія выведены въ лагерь. Много было убито и ранено офицеровъ; нижнихъ чиновъ убито слишкомъ пятьсотъ человекъ, а ранено еще болѣе; въ числѣ раненыхъ былъ бригадиръ Шереметевъ легко въ ногу; однакожъ во все время осады Килии не могъ служить. Начальство надъ корпусомъ принялъ генералъ-поручикъ И. В. Гудовичъ (41).

На другой день занятъ былъ отчасти выжженный форштатъ, гдѣ во время канонады укрывались отъ ядеръ. Сдѣланы были батареи, одна для отдаленія флотилии отъ крѣпости, а другая противъ самой крѣпости и кетель-батарея. Канонады были ужасно сильныя съ крѣпости и съ обѣихъ флотилій, такъ что, признаюсь, съ первой, мною вытерпѣнной канонады, я только думалъ, какъ бы сказаться больнымъ, а послѣ выйдти въ отставку. Однако стыдно было показать себя трусомъ; я рѣшился продолжать ходить въ форштатъ, но объ отставкѣ все еще не отлагалъ намѣренія; въ третью канонаду уже и то отдумалъ, и такъ привыкъ къ свисту ядеръ и бомбъ, какъ бы бывалъ на простомъ артиллерійскомъ ученьи. Ко всему можно привык-

(а) Тотъ самый, который столь славно защищалъ крѣпость Гаэту въ Неаполитанскомъ королевствѣ отъ Французовъ.

(41) Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, фельдмаршалъ и главнокомандующій въ Москвѣ (1809 — 1812), род. 1741, ум. 1820 г.; сынъ его графъ Андрей Ивановичъ теперь оберъ-егермейстеръ.

нуть, и храбрость также опытомъ пріобрѣтается, какъ и всѣ другія добродѣтели.

Черезъ шесть дней сдѣлана была брешъ-батарея въ 60 саженьяхъ отъ крѣпости, на которой поставлено было десять 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ, два картаульные единорога, пять мортиръ разныхъ калибровъ и 48 кутарновыхъ. До открытія сей батареи ожидали прибытія свѣтлѣйшаго князя, но черезъ пять дней, какъ онъ отказался самъ быть, произведена была изъ оной палъба залпами. Командовалъ оною батареею артиллеріи капитанъ Секеринъ. Въ двое сутокъ брешъ была сдѣлана; цѣлая башня до фундамента была опровергнута; паденіемъ оной ровъ совершенно былъ засыпанъ; уже назначенъ былъ штурмъ, какъ въ ту же ночь Турки выслали парламентаря, и крѣпость сдалась на капитуляцію. Гарнизону позволено на своей флотиліи отбыть къ Измаилу, также и всѣмъ жителямъ Туркамъ съ ихъ женами, семействами и имуществомъ, но всѣхъ невольниковъ-христіанъ должны они были оставить. Поутру четыре батальона вступили въ крѣпость; комендантомъ сдѣланъ былъ генералъ-майоръ Мекнобъ; и такъ, черезъ двѣ недѣли отъ несчастнаго занятія ретраншаментя, Килія взята 18 октября. По занятіи ея, наша Черноморская флотилія прибыла съ Запорожцами (а); ею командо-

(а) Запорожскіе козаки именовались такъ потому, что жили за Днѣпровскими порогами. Съ давнихъ временъ они зависали отъ малороссійскихъ гетмановъ, но по отдаленности часто передавались въ покровительство Польши, иногда крымскимъ Татарамъ, а иногда Туркамъ. Во время измѣны Мазепы съ нимъ многіе ушли въ Турцію. Въ послѣднее время они принадлежали Россіи. Сѣчь ихъ была при устьѣ Самары, впадающей въ Днѣпръ. Сѣчь происходитъ отъ слова *засѣка*, ибо они всегда оною укрѣплялись. Всякой націи люди и всякаго званія ими принимались; управлялись они своимъ кошевымъ (отъ слова *кошъ*), письменныхъ законовъ они не имѣли, но по преданію порядокъ, учрежденный твердо, хранили; подобно мальтійскимъ кавалерамъ, всѣ были холосты; хотя многіе изъ нихъ были женаты, но жены ихъ были въ отдаленіи отъ Сѣчи, и не смѣли ихъ туда привозить; сіи поселенія внѣ Сѣчи назывались зимовьемъ. Вѣра ихъ была греко-россійская. Церкви ихъ были богато украшены; жили они промысломъ рыбнымъ, а болѣе грабежомъ въ польской Украйнѣ, а потому изъ польскихъ господъ въ томъ краю мало жилали. Но когда послѣ турецкой войны 1773 года Днѣпръ до самаго устья сталъ принадлежать Россіи, то Сѣчь уничтожена. Запорожцы употреблялись на службу наравнѣ съ малороссійскими козаками, но ихъ флотиліи много сдѣлали пользы, а сучупутные Запорожцы были самое худое войско, безъ малѣйшей дисципли-

валъ походный войсковою кошевою Головатый, котораго Запорожцы не любили за то, что онъ зналъ грамоту и называли его *письменнымъ*.

По занятіи Килии, полкамъ Екатеринославскому, котораго свѣтлѣйшій князь былъ шефомъ, Конно-гренадерскому и Свято-Николаевскому съ осадною артиллеріею, велѣно было идти къ Бендерамъ, а прочимъ войскамъ къ Измаилу, подъ начальство графа Суворова, шедшаго къ оному съ большимъ корпусомъ (а).

Его свѣтлость большія тогда дѣлалъ угожденія кн. К. Ѳ. Долгорукой. Между прочими увеселеніями сдѣлана была землянка противу Бендеръ за Днѣстромъ. Внутренность сей землянки поддерживаема была нѣсколькими колоннами и убрана была бархатными диванами и всѣмъ тѣмъ, что только роскошь можетъ выдумать. Изъ великолѣпной сей подземельной залы, особый былъ будуаръ, въ который только входили тѣ, кого князь самъ приглашалъ. Вокругъ землянки кареемъ поставлены были полки: Екатеринославскій и Конно-гренадерскій, имѣя ружья, заряженныя холостыми патронами, и въ суммахъ по 40 патроновъ на каждого человѣка; близъ онаго карея поставлена была батарея изъ ста пушекъ; обѣихъ полковъ барабанщики собраны были къ землянкѣ. Однажды, князь вышелъ изъ землянки съ кубкомъ вина и приказалъ ударить тревогу по знаку, по которому, какъ полками, такъ и изъ батареи произведенъ былъ батальонный огонь; тѣмъ и кончился праздникъ въ землянкѣ.

Однажды княгиня сказала, что любить цыганскую пляску. Князь Григорій Александровичъ узналъ, что бывшіе въ конно-

—
 лавы Императрица пожаловала имъ поокончаніи сей войны на Черномъ морѣ островъ Тамань; названы они уже черноморскими козаками и причислены въ Таврической области, но управляются своимъ кошевымъ, состояя подъ вѣдомствомъ военнаго министерства. Главный городъ назвали они Екатеринодаромъ.

(а) Туда же свѣтлѣйшій князь отправилъ трехъ гвардіи офицеровъ Ч., Ц., У., присланныхъ императрицею въ армию, чтобъ они заслужили а отъ своей кровію оказанную ими трусость во время сраженія на рѣкѣ Аютлии противъ Шведовъ подъ начальствомъ принца Нассау. Они, командуя однимъ судномъ, въ самое жаркое сраженіе вышли на вѣтеръ; а сержантъ гвардіи Руничъ, бывший на ономъ, оказалъ большую храбрость. Принцъ Нассау, замѣтя оное, спросилъ: кто начальникъ его судна, и не мало удивился, что то былъ сержантъ. Спросилъ гдѣ же офицеры? и когда узналъ о ихъ подломъ поступкѣ, доложилъ государынѣ. Послѣ штурма они всѣ трое получили георгиевскіе кресты.

гвардіи вахмистры два брата Кузмины, выпущенные ротмистрами въ кавказскій корпусъ, мастера плясать по-цыгански, приказалъ за ними послать, и когда ихъ привезли, одѣл одного изъ нихъ цыганкою, а другаго цыганомъ. На одномъ балѣ одѣланъ былъ для княгини сюрпризъ, и должно отдать справедливость мастерству гг. Кузминыхъ. Я лучшей пляски въ жизнь мою не видывалъ. Такъ поплясали они недѣли съ двѣ и отпущены были въ свои полки на Кавказъ, съ тою только для нихъ пользою, что проѣздъ имъ ничего не стоилъ (а).

(а) Много такового своенравнаго его обычая случалось въ его жизни: такъ напримѣръ, бывши въ Петербургѣ узналъ онъ, что въ Херсонѣ какой-то чиновникъ хорошо передразнивалъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ; тотчасъ отправилъ онъ за нимъ курьера; какъ скоро тотъ пріѣхалъ, то и приказалъ ему передразнивать всѣхъ, кого онъ умѣлъ, потомъ и самого себя. Его свѣтлость, позабавившись такимъ дарованіемъ, приказалъ ему отправиться въ свое мѣсто. Бывши подъ Очаковымъ, услышалъ онъ, что нѣкто г. Спечинскій, жившій въ Москвѣ въ отставку, знаетъ наизусть всѣ святцы, то-есть какого святаго каждаго мѣсяца и числа. Тотчасъ онъ послалъ за нимъ; тотъ, получивши отъ свѣтлѣйшаго князя приглашеніе, думалъ, что какъ безъ Ахиллеса не могла взята быть Троя, такъ и безъ него не можетъ быть взята Очаковъ. Съ восторгомъ принялъ онъ тотъ зовъ, и при отъѣздѣ изъ Москвы обѣщалъ многимъ свою протекцію и разныя милости. Когда онъ явился къ его свѣтлости, то князь его спросилъ: правда ли, что вы знаете наизусть всѣ святцы? И по утвердительномъ отвѣтѣ спросилъ: 13 января какого святаго? Тотъ ему отвѣчалъ. Князь справился съ святцами. А 10 февраля? Потомъ спросилъ по одному числу въ каждомъ мѣсяцѣ. «Какая счастливая у васъ память: благодарю, что вы потрудились пріѣхать, можете отправиться въ Москву, когда вамъ угодно.»

Въ бытность мою у него адъютантомъ, въ одинъ день спросилъ онъ кофею; изъ бывшихъ тутъ одинъ вышелъ приказать; вскорѣ спросилъ опять кофею, и еще одинъ поспѣшилъ выйти приказать о томъ; наконецъ безпрестанно просилъ кофею; почти всѣ по одному спѣшили приказать по его нетерпѣливому желанію; но какъ скоро принесли кофею, то князь сказалъ: «не надобно, я только хотѣлъ чего-нибудь ожидать, но и тутъ лишили меня сего удовольствія.»

Въ одинъ день князь сѣлъ за ужинъ, былъ очень веселъ, любезенъ, говорилъ и шутилъ безпрестанно, но къ концу ужина сталъ задумываться, началъ грызть ногти, что всегда было знакомъ неудовольствія, и наконецъ сказалъ: «Можетъ ли человекъ быть счастливѣе меня? Все, чего я ни желалъ, всѣ прихоти мои исполнялись, какъ будто какинъ-то очарованіемъ: хотѣлъ чиновъ — имѣю, орденовъ — имѣю; любилъ играть — проигрывалъ суммы несчетныя; любилъ давать праздники — давалъ великолѣпныя; любилъ покупать имѣнія — имѣю; любилъ строить дома — построилъ дворцы; любилъ дорогія вещи — имѣю столько, что ни одна чѣ-

Въ то время, когда въ Бендерахъ занимались разными праздниками и веселостями, графъ Суворовъ атаковалъ Измаилъ, требовалъ сдачи, а по отказѣ на третій день взялъ его штурмомъ (42). Крѣпость важная обороняема была тридцати-тысячнымъ гарнизономъ; русскихъ же воиновъ, конечно, было менѣе сего числа. Съ нашей стороны потеря была велика: убитыхъ было около 10.000 человекъ, въ числѣ которыхъ былъ генераль-майоръ Мекнобъ, много штабъ- и оберъ-офицеровъ. При штурмѣ отличилъ себя Полоцкаго полка священникъ; подполковникъ Яцунскій, командиръ сего полка, былъ убитъ, полкъ побѣжалъ, тогда тотъ попъ съ крестомъ въ рукахъ закричалъ: «Стой, ребята! Вотъ вашъ командиръ» (указывая на крестъ), и самъ бросился передъ полкомъ къ крѣпости; полкъ пошелъ за нимъ, и священникъ, изъ числа первыхъ, взошелъ на стѣну, за чѣмъ награжденъ былъ наперстнымъ золотымъ крестомъ на георгиевской лентѣ. Комендантомъ Измаила сдѣланъ былъ Михаилъ Ларионовичъ Кутузовъ, пожалованъ былъ генераль-поручикомъ, и поручены были ему всѣ войска, занимавшія мѣстность отъ Килии до Берлата. Графъ А. В. Суворовъ отправился въ Петербургъ, по желанію императрицы видѣть сего героя.

По взятіи Измаила, войска введены были въ зимовыя квартиры уже 23 декабря. Время было прекрасное. Слѣдуя съ полкомъ въ Ботушаны 24-го, при захожденіи солнца сидѣлъ я на дворѣ въ одномъ мундирѣ, распахнувши камзолъ.

Подъ исходъ кампаніи, принцъ Нассау былъ разбитъ шведскою флотиліею; на сухомъ, пути тоже не было удачи, и, къ общему сожалѣнію, былъ убитъ отличныхъ дарованій генераль-поручикъ принцъ Ангальтъ-Бернбургъ, родственникъ императрицы. Въ теченіи зимы со Шведами заключенъ миръ; обѣ воюющія державы остались въ границахъ своихъ государствъ въ такомъ положеніи, въ какомъ были до начатія войны.

Въ началѣ кампаніи, кавказскій корпусъ, подъ командою генераль-поручика Бибикова (43), безъ повелѣнія, и не имѣя по-

стмый человекъ не имѣетъ такъ много и такихъ рѣдкихъ; словомъ, всѣ страсти мои въ полной мѣрѣ выполнялись». Съ симъ словомъ ударилъ фарфоровою тарелкою объ полъ, разбилъ ее въдребезги, ушелъ въ спальню и заперся. Если записывать всѣ его таковыя странности, то можно бы наполнить огромный томъ.

(42) Измаилъ взятъ 11 декабря 1790.

(43) Юрій Богдановичъ Бибиковъ генераль-поручикъ.

будительной причины, сдѣлалъ экспедицію подѣ Анапу и съ большимъ урономъ возвратился. Начальство отъ Бибикова отнято, а корпусъ поручень генераль-майору Герману (44), который разбилъ Баталь-пашу, вредившаго намъ, склоняя Черкесъ къ нападенію на наши границы. Послѣ взятія Килии, посланъ туда главнымъ командиромъ И. В. Гудовичъ.

1791. Въ наступившій 1791 годъ, въ исходѣ января, его свѣтлость отправился въ С.-Петербургъ, поруча армію за отсутствіемъ своимъ князю Николаю Васильевичу Рѣпинну.

Въ началѣ весны дѣланы были двѣ экспедиціи за Дунай: генераль-поручикъ М. Л. Кутузовъ подѣ Исакчу и Бабадай, а генераль-поручикъ князь С. Ф. Голицынъ (45) подѣ Мачинъ; оба возвратились, имѣвъ всюду поверхность надѣ непрітелемъ.

Командующій арміею князь Рѣпиннъ стянулъ всѣ войска къ Дунаю и расположилъ въ лагеряхъ по Серету. Главный корпусъ стоялъ при Галацѣ; отъ онаго въ 10 верстахъ корпусъ князя Голицына; отъ онаго большой отрядъ генераль-майора Милашевича, тоже въ 10 верстахъ; отъ онаго въ такомъ же разстояніи при Сербаняштяхъ корпусъ генераль-поручика князя Г. С. Волконскаго.

Визирю собралъ большую армію и расположился въ крѣпкой позиціи и укрѣпленномъ лагерѣ при Мачинѣ.

Князь Рѣпиннъ рѣшился атаковать его; въ ночь 23 іюня, главный корпусъ сталъ переправляться чрезъ Дунай, не снимая лагерь и оставя въ ономъ всѣ тягости; по переправѣ главнаго корпуса, переправился корпусъ князя Голицына, потомъ отрядъ Милашевича, а 26-го корпусъ князя Волконскаго. Переправа всегда была дѣлана ночью на флотиліи, которою начальствовалъ генераль-майоръ О. М. де-Рибасъ (46). Днемъ за Дунаемъ войска скрывались въ камышахъ, и во все время нашего пребыва-

(44) Баронъ Иванъ Ивановичъ Германъ Фонъ-Ферзентъ, генералъ отъ инфантеріи. Онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Французами въ Голландіи въ 1799 году.

(45) Князь Сергій Федоровичъ Голицынъ, ген. отъ инфантеріи, род. 20 августа 1748, ум. 20 января 1810. Онъ былъ женатъ на Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, родной племянницѣ князя Потемкина. Къ ней написана Державиннымъ знаменитая ода: *Осень во время осады Очакова*.

(46) Осипъ Михайловичъ де-Рибасъ, адмиралъ, ум. 1800. Онъ поступилъ въ русскую службу въ 1772 году, познакомившись тогда съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ въ Ливорно. Рибасъ покорилъ городъ Хаджибей и построилъ на его мѣстѣ Одессу.

ня не позволено было имѣть огня, чтобъ оставить Турокъ въ невѣдѣніи о нашей переправѣ. Лагери оставались неснятыми на своихъ мѣстахъ съ своими тягостями, небольшимъ числомъ офицеровъ и слабыми людьми, которые не могли слѣдовать за армією, также оставлено было нѣкоторое число барабанщиковъ и въ каждомъ лагерѣ по одной пушкѣ для выстрѣловъ къ вечерней зорѣ.

Переправившаяся армія состояла изъ 33.000 человекъ, кромѣ иррегулярныхъ войскъ, съ шести-дневнымъ провіантомъ; такого числа войскъ вмѣстѣ, во время турецкой войны, никогда не бывало.

27 числа, генераль-квартирмейстеръ лейтенантъ Медеръ, съ легкими войсками посланъ былъ рекогносцировать непріятельскій лагерь. По открытіи имъ непріятельской позиціи, положено было атаковать турецкую армію слѣдующею диспозиціею. Того же дня, въ 7 часовъ по-полудни, генераль-поручику Кутузову съ 13.000, составлявшими лѣвый флангъ, должно было выступить и обойти цѣпь горъ, простирающихся верстъ на пять параллельно по Дунаю и примыкающихъ къ непріятельскому лагерю съ лѣвой его стороны. Въ 9 часовъ приказано было выступить двумя колоннами: правая колонна, подъ командою генерала князя С. Ф. Голицына, должна была идти близъ Дуная; средняя колонна, подъ командою генераль-поручика князя Волконскаго, взять лѣвѣе; слѣдовало выдти на равнину обѣимъ колоннамъ между Дунаемъ и сказанною цѣпью горъ и выстроиться въ двѣ линіи кареями, но не прежде показаться изъ-за камышей, какъ когда уже корпусъ Кутузова покажется на горѣ и на флангъ турецкаго лагеря.

Ночь была чрезвычайно темная, что способствовало нашему скрытному маршу; разстояніе отъ переправы до Мачина было около 30 верстъ (а).

Только лишь начало разсвѣтать, мы приблизились къ мѣсту, гдѣ оканчивается цѣпь горъ, при подошвѣ которой протекаетъ болотистая рѣчка, впадающая въ Дунай; брошены были по оной портативные мосты, по которымъ безпрепятственно переправились. Камыши этой рѣчки такъ часты и высоки, что человекъ человекъ едва могъ видѣть.

(а) Во время нашего марша на флотилии сдѣланъ былъ мостъ отъ Галаца на островъ Концефану, а отъ онаго на противолежащій берегъ.

Корпусъ князя Голицына едва показался изъ камышей, какъ былъ атакованъ большимъ числомъ янычаръ, съ ихъ обыкновеннымъ страшнымъ крикомъ *алла! алла!* Въ время открытою картечною пальбою были они отражены; тогда они бросились на гору и заняли оную, такъ что мы отъ корпуса Кутузова были отдѣлены, а онъ на горахъ не показывался. Нашъ корпусъ выстроился версты за три отъ непріятельскаго лагеря, откуда изъ большихъ орудій стрѣляли въ насъ ядрами; съ горы афилированы были наши войска, а съ правой стороны была турецкая флотилія; въ такомъ непріятномъ положеніи мы были три часа.

За горою слышна была сильная канонада. Князь Рѣпинъ послалъ своего адъютанта къ Кутузову узнать, что тамъ происходитъ, и для чего онъ не всходитъ на гору? Должно было объѣхать всю эту цѣпь горъ, на что требовалось много времени; а какъ вѣтеръ усилился и дулъ отъ насъ, то казалось, что канонада отдавалась. Князь Рѣпинъ былъ въ большомъ безпокойствѣ, тѣмъ болѣе что перешелъ Дунай вопреки желанію свѣтлѣйшаго князя, взявъ это на свою собственную отвѣтственность. Многіе генералы, зная то, желали сдѣлать ему удобное; одинъ изъ нихъ говорилъ князю, что ежели Кутузовъ принужденъ будетъ отступить и будетъ разбитъ, тогда могутъ отрѣзать насъ отъ нашихъ мостовъ, и имѣя съ собою провіанта только на три дня, армія будетъ въ худшемъ положеніи, нежели Петръ Великій былъ при Рябой Могилѣ. Уже князь и самъ о томъ помышлялъ, онъ, который былъ всегда болѣе нежели остороженъ.

Наконецъ возвратился посланный отъ Кутузова, который приказалъ сказать, что онъ имѣетъ предъ собою великія силы, препятствующія ему взойти на гору. Князь хотѣлъ было уже ретироваться, какъ князь Г. С. Волконскій, его зять, уговорилъ его, чтобы намъ самимъ взойти на гору. Счастливая была минута сего совѣта. Генералъ подѣхалъ къ Свято-Николаевскому полку, бывшему у самой горы: «Господинъ полковникъ! скажалъ онъ, прикажите своимъ резервамъ атаковать гору». Я подскочилъ и сказалъ: «Ваше сіятельство, удостойте приказать мнѣ сію честь исполнить.» «Съ Богомъ, другъ мой», сказалъ онъ мнѣ. Тогда я вывелъ изъ каре резервы нашего полка, спѣшился и закричалъ: «ребята на штыки! ура!» Съ большою храбростію за мной они бросились; вслѣдъ за мною Свято-Николаевскій полкъ, а за нимъ Малороссійскій гренадерскій. Гора очень была

крутая, обросшая терновникомъ, однакожь ничто насъ не остановило. Взошедъ на гору, взяли тутъ брошенную непріателями пушку; непріатели увидя, что наши войска были уже на горѣ, взошли всѣ въ свое укрѣпленіе; но артиллерію трудно было ввезти. Меня командировали за пушками, и кое-какъ людьми втащилъ я нѣсколько, пока нашли удобное мѣсто взвести батареиную артиллерію. Тогда и Кутузовъ со всѣмъ своимъ корпусомъ къ намъ присоединился (а). Учредя батарею, стали стрѣлять въ турецкій ретраншаментъ. Къ счастью, гранатою зажженъ былъ большой пороховой на непріятельскихъ батареяхъ магазинъ, котораго взрывъ такъ устрасилъ Турокъ, что они побѣжали, тѣмъ и баталія сія выиграна. Князь Волконскій послалъ меня къ князю Рѣпнину поздравить съ побѣдою.

Мы взяли весь лагерь, сорокъ пушекъ, множество състныхъ припасовъ, даже находили во многихъ мѣстахъ варившееся кушанье и кофе. На другой день принесенъ былъ благодарственный молебень на мѣстѣ побѣды, и мы возвратились за Дунай, въ прежнія свои лагери.

Всѣ знакомые мои меня поздравляли, что мнѣ удалось въ виду всей арміи показать готовность къ службѣ, и увѣрены были, что такъ какъ я первый, такъ сказать, способствовалъ къ одержанію побѣды, то и буду отлично награжденъ. По обыкновенію, всѣ ходили въ канцелярію князя Рѣпнина къ управляющему оною подполковнику Панкратьеву (47) справляться и искать помощію его быть хорошо рекомендовану; я никогда не любилъ таскаться по канцеляріямъ и находить себѣ покровительство отъ управляющихъ оными. Зналъ, что главнокомандующій былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, зналъ, что командующій центромъ, рекомендуя своего дежуръ-майора и при немъ находящихся, свидѣтельствовалъ въ справедливомъ представленіи къ награжденію гг. карейныхъ командировъ, и тотъ о мнѣ

(а) М. А. Кутузовъ могъ взойти на гору безъ труда и показалъ ложно, что противъ его большія были силы; даже генералъ квартирмейстеръ Пистеръ, бывший въ его корпусѣ, при многихъ дерзко его въ томъ уличалъ. Думать надобно, что Кутузовъ зналъ коротко свойство князя Рѣпнина, что онъ безъ него по извѣстной его осторожности въ крѣпкой непріятельской позиціи атаковать не осмѣлится, и что вѣроятно сталъ бы ретироваться; тогда Кутузовъ взошелъ бы на гору, ударилъ бы непріателя во флангъ и одинъ разбилъ бы визиря.

(47) Петръ Прокофьевичъ Панкратьевъ, тайный совѣтникъ и кіевскій губернаторъ, род. 1757, ум. 19 марта 1810 года.

сказалъ, что и какъ я поступалъ; потому я и не хотѣлъ болѣе о семъ заботиться, думая, что ежели мнѣ что слѣдуетъ, то и безъ того получу, а просить о себѣ почиталъ низостью.

По возвращеніи нашемъ за Дунай, прибылъ принцъ Виртембергскій, меньшей братъ тогда бывшей великой княгини Марыи Федоровны; отъ того ли, что спѣшилъ и очень обезпокоился, или отъ того, что не успѣлъ пріѣхать къ баталіи, онъ огорчился, опасно занемогъ и вскорѣ умеръ (а).

Визирь, узнавши, что мы опять перешли за Дунай, возвратился въ прежній свой лагерь подъ Мачинъ. Турецкая флотилія приблизилась было къ нашей. Де-Рибасъ послалъ къ начальнику оной сказать, чтобъ онъ тотъ же часъ отошелъ назадъ, или онъ его къ тому принудить. Паша вмѣсто отвѣта прислалъ къ нему нѣсколько арбузовъ и кусокъ льду. Де-Рибасъ тотчасъ подавъ сигналъ сняться съ якоря, построиться въ боевой порядокъ и выступить. Однакожь паша, не взирая на гордый, затѣйливый отвѣтъ, не дождался приближенія нашей флотиліи и отплылъ къ Браилову; вскорѣ визирь прислалъ къ князю Рѣпнину, съ предложеніемъ открыть переговоры о мирѣ. Князь былъ уполномоченъ отъ императрицы, почему, ни мало не медля, повѣренные съ обѣихъ сторонъ въ Галацахъ съѣхались, сдѣланы были предварительныя условія и подписаны визиремъ и княземъ Рѣпнинымъ; для утвержденія ихъ назначенъ конгрессъ въ Яссахъ.

Свѣтлѣйшій князь пріѣхалъ послѣ сего черезъ три дня, и очень ему было досадно, что князь Рѣпнинъ поспѣшилъ заключить миръ; онъ выговаривалъ ему при многихъ, сказавъ: «вамъ должно было бы узнать, въ какомъ положеніи нашъ черноморскій флотъ, и о экспедиціи генерала Гудовича; дождавшись донесенія ихъ, и узнавъ отъ оныхъ, что вице-адмиралъ Ушаковъ разбилъ непріятельскій флотъ, и уже его выстрѣлы были слышны въ самомъ Константинополѣ, а генералъ Гудовичъ взялъ Анапу, тогда бы вы могли сдѣлать несравненно выгоднѣйшія условія». Это дѣйствительно было справедливо. Хотя князь Рѣпнинъ слылъ за государственнаго человѣка и лю-

(а) Въ сіе время извѣстились, что нашъ посолъ Я. И. Булгаковъ освобожденъ изъ Семи-башеннаго Замка, по просьбѣ французскаго министра; но Булгаковъ не иначе хотѣлъ своего освобожденія, какъ по уваженію къ російскому двору: на что Порты принуждена была согласиться.

бщаго свое отечество, но въ семь случаѣ предпочелъ личное свое любочестіе пользѣ государственной, не имѣвъ иной побудительной причины поспѣшить заключить миръ, кромѣ того, чтобъ его окончить до пріѣзда свѣтлѣйшаго князя.

Въ то время принцъ Виртембергскій умеръ; свѣтлѣйшій князь былъ на похоронахъ, и, какъ по окончаніи отпѣванія князь вышелъ изъ церкви, и приказано было подать его карету, вмѣсто того подвезли гробовыя дроги; князь съ ужасомъ отступилъ; онъ былъ чрезвычайно мнителенъ. Послѣ сего онъ вскорѣ занемогъ, и повезли его больного въ Яссы.

Армія для лучшаго продовольствія раздѣлена была на небольшіе лагеря; нашему полку назначено было стоять вмѣстѣ съ Екатеринославскимъ и Московскимъ гренадерскимъ при Рябой Могилѣ. Тамъ получили повелѣніе, что всѣ сіи три полка составляютъ одинъ 10-й баталіонный полкъ подъ названіемъ Екатеринославскаго; четыре кирасирскіе полка составляютъ одинъ полкъ подъ названіемъ Лейбъ-кирасирскаго; изъ 3000 козаковъ Донскаго войска составленъ одинъ полкъ подъ названіемъ Великой Гетманской Булавы. По тогдашнему положенію, въ каждомъ баталіонѣ было по два орудія артиллеріи, въ мушкетерскихъ полкахъ трехъ-фунтовыя пушки, въ гренадерскихъ осьми-фунтовые единороги; въ бывшемъ же Екатеринославскомъ полку были двѣнадцати-фунтовые единороги. Итакъ, полкъ сей, будучи въ комплектѣ, состоялъ изъ 11.000 человекъ и 20 орудій артиллеріи; присоединякъ оному кирасирскій 24-хъ эскадронный полкъ и полкъ Великой Булавы, все вмѣстѣ составляло значительный корпусъ. На сей счетъ разныя дѣлали догадки, прямой цѣли никто не достигалъ, ибо не возможно было, чтобъ одинъ только капризъ князя Потемкина былъ тому причиною. Одни полагали, что онъ хотѣлъ быть господаремъ Молдавіи и Валахіи; другіе—что онъ хотѣлъ себя объявить независимымъ гетманомъ; иные думали, что онъ хотѣлъ быть королемъ польскимъ; а болѣе всего полагать должно было, что по окончаніи войны онъ потребуеть отъ Польши пройти чрезъ оную только тремъ полкамъ, которые бы составляли авангардъ арміи, дабы разрушить сдѣланную въ Польшѣ конституцію, наказать ее за сдѣланное неудовольствіе русскому послу, господину Штапельбергу, и за то, что принудили изъ Польши вывести наши магазины и охраняющія оныя войска. Поводомъ къ оному мнѣнію служить, что свѣтлѣйшій князь послалъ подполковника Бакунина въ Вѣну къ удалившимся туда польскимъ

вельможамъ, недовольнымъ тою конституціею; по приглашенію его прибыли въ Яссы знатнѣйшіе паны, какъ-то: гетманъ Браницкій (съ его супругою, племянницею князя Потемкина), Ржевуссій и многіе другіе; тамъ сдѣлано было положеніе тарговицкой конфедераціи подъ покровительствомъ Россіи.

Болѣзнь свѣтлѣйшаго князя стала усиливаться, но онъ не хотѣлъ принимать никакихъ лѣкарствъ, вопреки медиковъ Тимона и Массота; и, будучи въ жару, мочилъ себѣ голову холодною водою (а).

Генераль М. Ѳ. Каменскій, видя, что его на службу не требуютъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, просилъ императрицу о позволеніи ѣхать въ армію, для свиданія съ своимъ сыномъ, служившимъ тогда подполковникомъ въ Московскомъ полку, котораго самъ онъ былъ шефомъ. Государыня ему сказала: «это отъ васъ зависитъ». Каменскій пріѣхавъ въ Яссы чрезъ нѣсколько дней, просилъ свѣтлѣйшаго князя позволить ему ѣхать смотрѣть свой полкъ: князь его удержалъ одинъ день, но въ самое то время, не сказавъ ему ни слова, послалъ курьера, съ приказаніемъ о сформированіи большаго Екатеринославскаго полка, какъ было сказано. Каменскій пріѣзжаетъ въ лагерь подъ Рябую Могилу, но полкъ его Московскій не существуетъ. Все сіе служить доказательствомъ, что служба его императрицъ была не угодна, и какое неуваженіе имѣлъ къ нему свѣтлѣйшій князь.

Въ исходѣ августа армія вступила въ зимовыя квартиры. 4-го баталіоннаго стараго Екатеринославскаго полка штабсъ-квартира расположена была въ Яссахъ, а вновь присоединен-

(а) Свѣтлѣйшій князь, будучи въ Петербургѣ, далъ въ присутствіи императрицы великолѣпный праздникъ въ Таврическомъ своемъ домѣ, который послѣ его смерти взятъ въ казну и названъ Таврическимъ дворцомъ. Очаровательный сей праздникъ описанъ нашимъ славнымъ поэтомъ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ. Наконецъ издержаемыя имъ суммы и роскошная его жизнь привели императрицу въ неудовольствіе; къ тому же Зубовъ такъ усилился, что началъ съ нимъ совмѣстничать; наконецъ государыня потребовала, чтобы князь ѣхалъ въ армію, чего онъ такъ скоро исполнить не желалъ; приближеннымъ своимъ тогда онъ говаривалъ: «зубъ болитъ; надобно его сперва выдернуть.» Думать надобно, что сіе была истинная причина его болѣзни, и напрасно думали, что ему былъ данъ ядъ; для честолюбиваго человека и то настоящая отравка. Замѣтили, что въ пути своемъ въ армію сталъ онъ задумчивъ и временами жаловался на боль головы.

(Праздникъ этотъ былъ данъ 28 апрѣля 1791.)

ныхъ 6 батальйоновъ въ Ботушанахъ. Отъ новаго моего полковника Булгакова, при оныхъ батальйонахъ опредѣленъ я былъ премьеръ-майоромъ и для продовольствія своего полка артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей, которыхъ было болѣе тысячи; хотя и были при оныхъ батальйонахъ два подполковника Мягкой и С. М. Каменскій (48), но они въ командованіе полка и мои распоряженія не вмѣшивались.

Въ сентябрѣ прибыли полномочные турецкіе министры, трактовать о мирѣ; но открытіе конгресса отложено было до октября. Нашими министрами назначены были: генераль-поручикъ Самойловъ генераль-майоръ де-Рибасъ и бригадиръ Лашкаревъ.

Между тѣмъ болѣзнь свѣтлѣйшаго князя болѣе и болѣе усиливалась; чувствуя изнуреніе своихъ силъ, онъ послалъ курьера съ повелѣніемъ къ командующему войсками въ Крыму, генералу Каховскому (49), чтобъ онъ прибылъ принять въ завѣдываніе его армію, во время его отлучки, намѣреваясь отъѣхать въ Николаевъ. Пятаго октября, въ сопровожденіи графини Браницкой, отправился онъ въ путь. Проѣхавъ отъ Яссъ 30 верстъ, князь почувствовалъ приближеніе смерти, велѣлъ остановиться и вынести себя изъ кареты; легъ на разостланный на дорогѣ плащъ и въ объятіяхъ своей любимой племянницы графини Браницкой испустилъ духъ. Тѣло его перевезли въ Херсонъ.

Кабинетъ-секретарь императрицы генераль-майоръ Василій Степановичъ Поповъ, управлявшій всѣми дѣлами при свѣтлѣйшемъ князѣ, пріѣхавъ въ Яссы, явился у Каменскаго, объявилъ ему о смерти главнокомандующаго, какъ старшему, или лучше сказать одному и бывшему тогда генераль-аншефу, и требовалъ отъ него приказанія. Каменскій, удивясь скорой кончинѣ свѣтлѣйшаго князя, потребовалъ тотчасъ отъ Попова отчеты въ дѣлахъ и экстраординарныхъ суммахъ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ кабинетъ-секретарь ея величества и былъ не при арміи, а един-

(48) Графъ Сергій Михайловичъ Каменскій, генераль отъ инфантеріи, род. 3 іюня 1772, ум. 8 декабря 1834; онъ родоначальникъ нынѣшнихъ графовъ Каменскихъ. Меньшой братъ его, графъ Николай Михайловичъ, знаменитый полководецъ ум. 4 мая 1811 г. генераломъ отъ инфантеріи и кавалеромъ св. Андрея и св. Георгія 2 класса, имѣя не болѣе 34 лѣтъ отъ роду. Онъ род. 27 декабря 1776 года.

(49) Графъ Михаилъ Васильевичъ Каховскій, генераль отъ инфантеріи, род. 1734, ум. 1800.

ственно при особѣ свѣтлѣйшаго князя, почему отчета никакого и дать не можетъ.

Каменскій вышелъ изъ себя, побѣждалъ къ дежурному генералу В. В. Энгельгардту, страдавшему тогда злою лихорадкою, а смертью дяди и благодѣтеля своего сраженному. Въ той же комнатѣ лежала въ безпамятствѣ сестра его графиня Браншцкая. Каменскій требовалъ отъ него по дежурству дѣлъ, но тотъ отвѣчалъ: «видите, ваше высокопревосходительство, въ какомъ я положеніи, и прикажите явиться къ себѣ при дежурствѣ находящимся штабъ-офицерамъ; я не въ силахъ головы поднять». Каменскій бросился въ дежурство, билъ всякаго, кто съ нимъ только встрѣчался: солдатъ, Молдаванъ и жидовъ, какъ будто сумасшедшій. Онъ отдалъ приказъ по арміи, что вступаетъ въ командованіе оною, и тотчасъ отправилъ въ Ботушаны курьера за сыномъ, чтобъ послать его къ императрицѣ съ извѣстіемъ о смерти свѣтлѣйшаго князя. Но Поповъ отправилъ о томъ того же дня отъ себя донесеніе (а).

Какъ всѣ генералы тогда были въ Яссахъ, не имѣя никакого начальства, а полками распоряжалось главное дежурство, то Каменскій потребовалъ, чтобы генералы дали о себѣ свѣдѣніе, кто чѣмъ командуесть. Многіе изъ нихъ желали имѣть его начальникомъ, полагая, что Каховскій не имѣлъ большихъ дарованій, и тѣ къ нему и явились. А другіе, зная его нравъ, предпочитали болѣе Каховскаго; тѣ отозвались подъ разными предлогами, что не состоятъ при арміи; какъ-то: Самойловъ и де-Рибасъ объявили, что они при конгрессѣ, а многіе нашли другія отговорки.

Послѣ смерти свѣтлѣйшаго князя, чрезъ два дня пріѣхалъ и Каховскій, и отдалъ приказъ, что по ордеру покойнаго главнокомандующаго вступаетъ въ командованіе арміей. Тутъ началась у нихъ съ Каменскимъ брань; оба дѣлали приказанія и распоряженія, противныя одно другому.

Каменскій, видя, что большею частію склонялись болѣе къ Каховскому, созвалъ на совѣтъ всѣхъ генераловъ и предложилъ имъ: кому изъ нихъ двухъ командовать арміею? Артиллеріи генераль-майоръ И. М. Толстой (50) сказалъ: «ежели бы

(а) Каменскаго сынъ чрезъ сутки явился къ отцу; за медленное его прибытіе онъ при всѣхъ далъ сыну двадцать ударовъ арапникомъ и съ таковымъ пашпортомъ его отправилъ.

(50) Иванъ Матвѣевичъ Толстой, генераль-поручикъ, род. 1746, ум.

они знали, что они созданы для избранія себѣ командира, то конечно бы изъ нихъ никто не пріѣхалъ; ибо при самодержавномъ правительствѣ должно повиноваться властямъ, поставленнымъ отъ императрицы, а не выбирать себѣ начальника». Князь Г. С. Волконскій сказалъ: «что онъ повинуется повелѣнію покойнаго свѣтлѣйшаго князя, которому извѣстна была воля государыни, ибо какъ ваше высокопревосходительство были лично въ Яссахъ, то князь и могъ бы поручить вамъ командованіе арміею, и не было надобности для того посылать за М. В. Каховскимъ». Всѣ почти приняли сторону Волконскаго. «Итакъ, сказалъ Каменскій, вы отречаетесь мнѣ повиноваться,—быть по сему.»

Послѣ сего Каховскій уже безспорно сдѣлался главнокомандующимъ. Ежели бы Каменскій обошелся хорошо съ Поповымъ, то навѣрно бы остался командиромъ арміи.

Между тѣмъ приготовляли похороны свѣтлѣйшему князю. Я потребованъ былъ для оной церемоніи. Проѣзжая квартиры стараго Екатеринославскаго полка, заѣхалъ на квартиру унтер-офицера, чтобъ онъ нарядилъ мнѣ для перемѣны лошадей; я зашелъ у него нѣсколько старыхъ гренадеръ, которые хотѣли было выйти, я ихъ остановилъ и началъ съ ними разговаривать. Между прочимъ я спросилъ: «скажите, ребята, вы были 3-го гренадерскаго полка, всегда были при главной квартирѣ славнаго нашего фельдмаршала Румянцова и были его любимымъ полкомъ; потомъ также былъ полкъ сей всегда былъ при покойномъ свѣтлѣйшемъ князѣ и также его любимымъ полкомъ, въ которомъ онъ былъ и шефъ; одинъ изъ нихъ уже умеръ, а другой такъ старъ, что конечно никогда уже не будетъ командовать арміею; кого изъ нихъ вы болѣе любили?» Одинъ гренадеръ началъ: «Покойный его свѣтлость былъ намъ отецъ, облегчилъ нашу службу, довольствовалъ насъ всѣми потребностями; слободу сказать, мы были избалованыя его дѣти; не будемъ уже имѣть подобнаго ему командира; дай Богъ ему вѣчную память!» Тутъ онъ прослезился и отеръ свои глаза; но вдругъ глаза его оживились, онъ пріосамился и сказалъ: «а при батюшкѣ нашемъ графъ Петръ Александровичъ хотя и жутко намъ было, но служба веселая; молодецъ онъ былъ, и какъ онъ бы-

1808; единственный сынъ его, недавно умершій генералъ лейтенантерн графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой, знаменитый воинъ, прославившійся особенно въ 1812—1814 годахъ.

вало взглянуть, то какъ рублемъ подарить, и оживляяъ насъ особымъ духомъ храбрости.»

Погребеніе тѣла князя происходило 13 октября слѣдующимъ порядкомъ. По совершеніи духовныхъ обрядовъ, приготовлена была пространныя зала, гдѣ долженствовало быть поставлено тѣло усопшаго, вся обитая чернымъ крепомъ съ флеровыми перевязями по бортамъ.

Впереди для катафалка сдѣлано отдѣленіе шелковою черною занавѣсою, обложеною по бортамъ серебрянымъ позументомъ, съ большими по срединѣ висящими серебряными кистями, и подтянутою серебрянымъ шнуркомъ; нѣсколько подаѣе поставлена была балюстрада, обитая чернымъ сукномъ и обложенная сверху по краямъ широкимъ серебрянымъ позументомъ.

Потолокъ сего отдѣленія одѣтъ былъ наподобіе павильона чернымъ сукномъ и увить крестообразно по краямъ бѣлыми и креповыми перевязями.

Посрединѣ отдѣленія поставленъ былъ амвонъ, обитый краснымъ сукномъ, съ тремя ступенями, обложенными по краямъ серебрянымъ позументомъ.

На срединѣ амвона сдѣлано было возвышеніе, покрытое богатою парчею, на коемъ поставленъ былъ гробъ, обитый розовымъ бархатомъ, выложенный богатымъ золотымъ позументомъ, съ серебряными скобами, на серебряныхъ подножіяхъ и покрытый богатымъ парчевымъ покрываломъ.

Надъ гробомъ сдѣланъ былъ великолѣпный балдахинъ изъ розоваго бархата, обложенный по краямъ чернымъ бархатомъ, съ богатымъ золотымъ позументомъ. Спуски онаго были изъ розоваго бархата, обложенные золотымъ позументомъ съ бахрамою и подтянутые шнурами съ небольшими золотыми кистями. Балдахинъ поставленъ былъ на 10 древкахъ, обтянутыхъ розовымъ бархатомъ и перевитыхъ серебрянымъ позументомъ, и укрѣпленъ къ землѣ восемью золотыми шнурами, на коихъ повѣшены большія золотыя кисти. Наверху балдахина, по угламъ и посрединѣ, укрѣплены страусовыя черныя и бѣлыя перья; внутри оный былъ обложенъ бѣлымъ атласомъ.

Въ головахъ, на сдѣланномъ возвышеніи, положена была на парчевой золотой подушкѣ княжеская корона, обведенная лаврами.

На первыхъ отъ гроба ступеняхъ, у головы съ обѣихъ сторонъ стояли табуреты, покрытые краснымъ сукномъ съ золотымъ по краямъ позументомъ, на коихъ положены были по-

душки изъ малиноваго бархата, обложенные золотымъ позументомъ съ бахрамою и съ золотыми по угламъ висящими кистями; на оныхъ съ правой стороны положенъ фельдмаршалскій жезлъ, а съ лѣвой вѣнецъ лавровый (51); съ сей же стороны, пониже, лежала крышка отъ гроба, на коей находились шпага, шляпа и шарфъ. На послѣдней ступени расположены были на таковыхъ же бархатныхъ подушкахъ всѣ ордена покойника по старшинству ихъ, всѣ знаки власти, полученные имъ въ награжденіе заслугъ отъ милостей монаршихъ.

По сторонамъ катаfalка поставлены были двѣ пирамиды изъ бѣлаго атласа, увѣшанныя чернаго и бѣлаго крепа перевязями. На пирамидѣ, стоявшей съ правой стороны, виденъ былъ гербъ его свѣтлости, по сторонамъ поставлены два знамени великаго гетмана, а на черной доскѣ изображена была бѣлыми буквами слѣдующая надпись:

«Въ Бозѣ почивающій свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій и проч. и проч., усерднѣйшій сынъ отечества, присоединитель къ Россійской Имперіи Крыма, Тамани, Кубани, основатель и соорудитель побѣдоносныхъ флотовъ на южныхъ моряхъ; побѣдитель силъ турецкихъ на сушѣ и морѣ, завоеватель Бессарабіи, Очакова, Бендеръ, Аккермана, Килии, Измаила, Анапы, Сучукъ-Кале, Суннии, Тульчи, Исакчи, острова Березанскаго, Хаджибея (а) и Паланки; прославившій оружіе Россійской Имперіи въ Европѣ и Азіи, приведшій въ трепетъ столицу и потрясшій сердце Оттоманской Имперіи побѣдами на моряхъ и положившій основаніе къ преславному миру съ оною; основатель и соорудитель многихъ городовъ; покровитель наукъ, художествъ и торговли; мужъ, устрашенный всѣми добродѣтелями общественными и благочестіемъ. Скончалъ преславное теченіе жизни своей въ княжествѣ Молдавскомъ, въ 34 верстахъ отъ столичнаго города Яссы, 1791 года октября въ 5-й день, на 52 году отъ рожденія, погнунувъ въ бездну горести не только облагодѣтельствованныхъ, но и едва вѣдающихъ его.»

На пирамидѣ, съ лѣвой стороны стоявшей, виденъ былъ гербъ во всемъ подобный первому, а по сторонамъ поставлены были: справа—кейзеръ-флагъ, а съ лѣвой—гетманское знамя.

(52) Екатерина пожаловала этотъ вѣнокъ Потемкину по оканчаніи войны 1786 г. Вѣнокъ этотъ былъ золотой и усыпанный изумрудами и бриллиантами и стоилъ 150,000 рублей.
(53) Одесса.

Девятнадцать большихъ свѣтъ, въ высокихъ подсвѣчникахъ, обложенныхъ золотою парчею, и множество меньшихъ свѣтъ, поставленныхъ кругомъ гроба, освѣщая катафалкъ, представляли весьма важное и великолѣпное зрѣлище, внушающее благоговѣніе и горестъ. 11-го числа по совершеніи всѣхъ вышеписанныхъ приготовленій, тѣло поставлено было на катафалкъ и учреждено при гробѣ дежурство изъ одного генераль-майора, двухъ полковниковъ, четырехъ штабъ-офицеровъ, и восьми оберъ-офицеровъ, одного генераль-адъютанта и одного флигель-адъютанта. Тогда объявлено было въ городѣ, что хотящіе отдать послѣдній долгъ покойному фельдмаршалу допускаемы будутъ къ тому безъ изъятія.

Народъ стекался толпами; горестъ написана была на всѣхъ лицахъ, наипаче воины и молдавскіе бояре проливали слезы о потерѣ своего благодѣтеля и друга; въ сіе время поставленный у дверей офицеръ раздавалъ убогимъ мелкія серебряныя деньги. Поклоненіе тѣлу происходило сего числа пополудни отъ 3 до 6 часовъ. Въ часы прихода для поклона тѣлу, стояли у головъ по обѣимъ сторонамъ штаба покойнаго фельдмаршала два генераль-адъютанта, у середины гроба по два гвардіи офицера, два флигель-адъютанта, а нѣсколько подалѣе по два офицера Екатеринославскаго гренадерскаго полка; внутри съ правой стороны лейбъ-гвардіи отъ бомбардирской роты, съ лѣвой кирасирскаго полка князя Потемкина, а у балюстрада того же полка по два офицера въ супервестахъ.

12-го числа двери отворены были отъ 10 часовъ пополудни до 2-хъ часовъ пополудни, потомъ отъ 3-хъ до 8 часовъ вечера, въ которое время по прежнему была раздача убогимъ серебряныхъ мелкихъ денегъ. Между тѣмъ одинъ генераль-адъютантъ, два флигель-адъютанта на лошадяхъ въ сопровожденіи одного эскадрона полка князя Потемкина, въ траурномъ видѣ съ литаврами, покрытыми чернымъ сукномъ, возвѣстили городу о времени выноса тѣла, которое имѣло быть на другой день въ 8 часовъ пополудни.

13-го числа полки Екатеринославскій и Малороссійскій гренадерскіе и Днѣпровскій мушкетерскій стали по обѣимъ сторонамъ улицъ, гдѣ должно было происходить шествіе. Когда духовенство собралось, и все было готово, время выноса возвѣщено было 11-ю пушечными выстрѣлами и унылымъ колокольнымъ звономъ, пальба продолжалась чрезъ каждую минуту

до самаго внесенія тѣла въ монастырь Голлій, назначенный къ совершенію сего печальнаго обряда.

Тѣло выносили изъ особливаго усердія генералы, также штатъ его свѣтлости и назначенные къ тому штабъ-офицеры; бадахинъ несли гвардейскіе офицеры, кисти поддерживали полковники.

Шествіе происходило слѣдующимъ порядкомъ:

Открывалъ оное эскадронъ конвойныхъ гусаръ покойнаго фельдмаршала.

За нимъ кирасирскій полкъ князя Потемкина.

Домъ покойнаго въ траурѣ.

Верховыя лошади въ богатыхъ уборахъ; каждую вели два конюха въ богатой ливреѣ, въ черныхъ эпанчахъ и шляпахъ.

120 человекъ солдатъ съ факелами въ черныхъ эпанчахъ и въ распущенныхъ шляпахъ, съ чернымъ флеромъ.

24 оберъ-офицера въ траурномъ видѣ со свѣчами.

12 штабъ-офицеровъ въ траурномъ видѣ со свѣчами.

Бояре княжества молдавскаго, князья и посланники черкескіе.

За симъ долженъ былъ слѣдовать генералитетъ; но генералы, какъ выше сказано, выносили гробъ и шли подлѣ онаго до самой церкви.

Духовенство.

Знаки отличія, изъ которыхъ каждый несли штабъ-офицеръ, имѣя двухъ оберъ-офицеровъ ассистентами:

1. Орденъ Св. Андрея.
2. — — Александра Невскаго.
3. — — Георгія 1-го класса.
4. — — Владиміра 1-го класса.
5. — Бѣлаго орла.
6. — Св. Станислава.
7. — Прусскаго чернаго орла.
8. — Датскаго Слона.
9. — Шведскаго Серафима.
10. — Св. Анны.
11. Камергерскій ключъ.
12. Гетманская булава.
13. Гетманская сабля.
14. Жалованная шпага.
15. Вѣнецъ.
16. Бантъ отъ портрета императрицы.

17. Фельдмаршальскій жезлъ.

18. Гетманское знамя.

19. Кейзеръ-флагъ.

20. Другое знамя.

21. Княжеская корона.

Гробъ на черныхъ дрогахъ, запряженныхъ 8-ю лошадьми въ черныхъ пополахъ, изъ которыхъ каждую велъ одинъ конюхъ въ черной эпанчѣ и шляпѣ.

Парадная карета, покрытая чернымъ сукномъ, запряженная 8-ю лошадьми подъ черными покрывалами; при ней конюхи въ парадной ливреѣ и черныхъ эпанчахъ.

За гробомъ шли родственники князя.

Шествіе замыкали: эскадронъ конвойныхъ гусаръ, козачій полкъ Булавы великаго гетмана, донской козачій полкъ князя Потемкина.

По совершеніи литургіи преосвященный епископъ Херсонскій Амвросій (52) вышелъ было сказать надгробное слово, но за рыданіемъ не могъ выговорить ни слова и вошелъ обратно въ алтарь. По окончаніи отпѣванія, когда запѣли вѣчную память, сдѣлано было 11 пушечныхъ выстрѣловъ, а войско произвело троекратно ружейный бѣглый огонь. Рыданіе родственниковъ, ближнихъ и воиновъ раздалось со всѣхъ сторонъ.

Тѣло омыто горячими слезами облагодѣтельствованныхъ покойникомъ (а).

По окончаніи всего, опредѣлены были при гробѣ къ дежурству одинъ адъютантъ, четыре офицера и карауль.

Смерть свѣтлѣйшаго князя дала новый ходъ политическимъ

(52) Амвросій Серебренниковъ, архіепископъ екатеринославскій и мѣстоблюститель экзархіи молдо-влахійской ум. 13 сентября 1792. Надгробное слово его Потемкину, о которомъ здѣсь говорится, было напечатано въ 1791 въ Яссахъ и въ 1792 въ Москвѣ.

(а) Можно безъ всякой лести сказать, что свѣтлѣйшій князь имѣлъ исполненную доброты душу. Во все время его безпримѣрнаго могущества ни одного человека не сдѣлалъ несчастнымъ. Много было примѣровъ, гдѣ онъ оказалъ сострадательное сердце, напримѣръ: поручикъ артиллеріи баронъ Плото посланъ былъ въ Воронежъ для покупки подъ артиллерію лошадей; онъ всю сумму, данную ему для сей казенной надобности проигралъ, почему военнымъ судомъ приговоренъ былъ къ разжалованію навсегда въ солдаты. Когда же поднесена была князю на подписаніе конфирмація, онъ написалъ: «разжаловать въ солдаты на три мѣсяца со дня подписанія,» но Попову приказалъ къ исполненію не прежде отослать, какъ по истеченіи и сего срока.

сношеніямъ между Петербургомъ и Константинополемъ. Графъ Безбородко прибылъ способствовать къ скорѣйшему окончанію мирныхъ переговоровъ. Долго турецкіе министры не соглашались на требованіе Россіи о вознагражденіи 24 милліоновъ піастровъ; но когда объявили имъ, что ежели они на сію статью не согласятся, то и конгрессъ разрушенъ, то они и подписали. Въ ту минуту Безбородко вошелъ и сіе положеніе разорвалъ, сказавъ: «Государыня императрица не имѣетъ нужды въ турецкихъ деньгахъ.» Таковой поступокъ изумилъ Мусульманъ. «Сіе великодушіе, воскликнулъ Рейсъ-эфенди, спасаетъ жизнь верховнаго визиря.» Миръ между Россіею и Портою подписанъ 25 декабря (9 января) 1792 г. въ Яссахъ.

Главнѣйшія онаго статьи были: Порта признаетъ острова Крымъ и Тамань російскимъ стяжаніемъ: рѣка Днѣстръ составляетъ границу между обѣими имперіями; флоты російскій парусный и гребной должны оставить владѣнія турецкія, какъ скоро получатъ повелѣніе, и не позже трехъ недѣль послѣ подписанія мира. Войска сухопутныя оставляютъ занятія владѣнія турецкія въ маѣ, возврата завоеванныя крѣпости въ такомъ положеніи, въ каковомъ оныя при подписаніи мира состоятъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

КЛИМАТЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ¹

II.

Вездѣ и всегда, даже надъ пустынями Сагары, есть вода въ воздухѣ: если иногда мы и не имѣемъ средствъ открыть ея присутствіе, то и тогда нельзя утверждать, чтобы ея не было. Это повсемѣстное и всегдашнее распространіе воды ускользаетъ отъ нашихъ чувствъ, особенно отъ зрѣнія, потому что самое обыкновенное состояніе воды въ атмосферѣ есть паръ, невидимый, неосязаемый, изобличаемый только *гигрометромъ*; и чѣмъ теплѣе воздухъ, тѣмъ болѣе онъ содержитъ пара; это очевидно уже изъ того, что вода испаряется тѣмъ быстрѣе, чѣмъ сильнѣе нагрѣваютъ ее. Однакоже, для каждой степени воздушной теплоты есть предѣлъ количеству пара, за который онъ переходитъ не можетъ; этотъ предѣлъ называется предѣломъ насыщенія воздуха водяными парами; поэтому одинъ и тотъ же объемъ воздуха, при каждомъ количествѣ теплоты, имѣетъ и свое наибольшее количество пара, свою точку насыщенія. Лишь только воздухъ, по какой бы ни было причинѣ, охладится, количество насыщающаго его пара становится меньшимъ, и часть его дѣлается видимомъ. Если пониженіе теплоты

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.

не очень велико, то парь образуетъ малѣйшіе шарики и является въ видѣ тумана или облаковъ; но если пониженіе тепла усилилось, то парь собирается въ капли, вода становится жидкою и является въ видѣ дождя или росы; при большемъ еще пониженіи теплоты вода твердѣетъ, и образуется иней или снѣгъ. Градь есть явленіе, котораго причины сложнѣе и до сихъ поръ еще не разъяснены.

Итакъ, состояніе атмосферной воды и ея распредѣленіе управляются теплотою. Но съ другой стороны, самая эта вода, рожденная тепломъ, въ свою очередь оказываетъ дѣйствіе на теплоту воздуха и почвы, и слѣдовательно имѣетъ вліяніе на климатъ относительно теплоты, кромѣ своего непосредственнаго вліянія на растительность и жизнь органическую вообще.

Что же характеризуетъ климатъ касательно атмосферной воды? Вѣчно-облачное небо, прикрывая землю, подобно шатру, не допускаетъ ее до потери пріобрѣтенной теплоты, но въ то же время не допускаетъ до земли и прямыхъ солнечныхъ лучей. Вѣчно безоблачное небо, напротивъ, допуская солнечные лучи непосредственно на землю, не представляетъ никакого препятствія быстрому отдѣленію пріобрѣтенной теплоты отъ земли, въ видѣ лучей. Вотъ двѣ крайности: первая соотвѣтствуетъ климату ровному и умѣренному въ продолженіе всего года; вторая соотвѣтствуетъ климату, представляющему крайности жара и холода. Въ первыхъ климатахъ разница между зимою и лѣтомъ едва чувствительна, какъ то особенно замѣтно на островахъ Великаго океана; во вторыхъ—не только разница между температурами зимы и лѣта огромна, но даже разница между теплотою каждаго дня и ночи гораздо замѣтнѣе, нежели въ первыхъ. Между этими крайностями есть всевозможныя степени.

Замѣтимъ, что наблюденія касательно атмосферной воды вообще далеко не такъ полны, какъ наблюденія термометрическія. Притомъ же сущность явленій, сюда относящихся, такова, что она вноситъ въ самыя наблюденія большую сбивчивость и неопредѣленность. Поэтому законы, выведенные для водяныхъ метеоровъ, еще такъ общи, что не могутъ служить путеводителями при разысканіяхъ ботанико-географическихъ, особенно хозяйственныхъ. Вслѣдствіе этого мы и не намѣрены останавливаться на водяныхъ метеорахъ такъ долго, какъ останавливались на теплотѣ, тѣмъ болѣе, что во всякомъ случаѣ тепловыя явленія суть важнѣйшія.

Чтобъ имѣть понятіе о климатѣ страны относительно атмо-

сферной воды, нужно опредѣлить количество паровъ, находящихся обыкновенно въ воздухѣ, количество выпадающаго дождя и снѣга, облачность, туманность, количество и обиліе росъ, и все это не только для полнаго года, но и для возможно-краткихъ періодовъ времени. Здѣсь, какъ и въ тепловыхъ явленіяхъ, берутся *среднія*.

Количество атмосферныхъ паровъ, опредѣляемое гигрометромъ, служитъ началомъ всѣхъ остальныхъ водяныхъ метеоровъ; оно должно бы служить, поэтому, основою для познанія климата относительно степени его сырости, но вліяніе этого явленія на растительность весьма трудно отдѣлать отъ подобнаго же вліянія росъ, тумановъ и т. д.

Наблюденія даютъ слѣдующій общій выводъ касательно распредѣленія влажности воздуха по земной поверхности. Влажность воздуха уменьшается постепенно отъ запада къ востоку, и отъ береговъ морей къ центру материковъ. Это очевидно въ связи съ тепловыми явленіями. Въ Европѣ наибольшую сухость отличаются наши степи, а наибольшую сыростію—западные берега Европы, въ Россіи же—берега Балтійскаго моря и особенно восточный берегъ Чернаго моря, и берега Каспійскаго моря на Кавказѣ.

Чтобы данныя касательно влажности атмосферы могли быть приложены къ познанію распредѣленія растений и хозяйству, нужно опредѣлить, какую степень сырости требуетъ каждое растеніе при извѣстной температурѣ; но опредѣлить это еще не нашлось средство, и потому можно, въ этомъ смыслѣ, дѣлать только гадательныя заключенія. Напримѣръ, Декандоль нашелъ, что букъ не растетъ около Одессы и останавливается въ западной части Россіи, вслѣдствіе чрезвычайной сухости воздуха; такъ г. Веселовскій говоритъ, что выгодное разведеніе клевера оказалось невозможнымъ не только въ восточной части европейской Россіи, но даже и въ центрѣ ея, именно, по чрезмѣрной сухости воздуха.

Прозрачность воздуха уменьшается туманами и облаками, то-есть, собственно *туманами*, въ низшихъ предѣлахъ атмосферы, и туманами въ верхнихъ слояхъ воздуха или *облаками*. Можно бы было наоборотъ назвать туманъ облаками, лежащими на поверхности земли, потому что происхожденіе обоихъ явленій, какъ мы уже замѣтили, одинаково: человекъ, ходящій на высокой горѣ въ туманѣ, кажется снизу окутаннымъ въ облако. Роса есть явленіе, имѣющее то же начало, что ту

лазь и облака. Разница въ томъ, что атмосферная вода, при ростъ, превращается не въ малѣйшіе шарики, плавающіе въ воздухѣ, а въ капли, сающіяся на землю, растенія и пр. Роса происходитъ отъ прикосновенія теплаго нижнаго слоя воздуха съ землею, внезапно охлажденною излученіемъ.

Распредѣленіе ростъ извѣстно только въ самыхъ общихъ чертахъ: ихъ больше по близости морей и большихъ водоемовъ, меньше во внутренности земель; но въ странахъ, гдѣ царствуетъ бездождіе, росы иногда замѣняютъ дожди до нѣкоторой степени: обратимся впрочемъ къ туманамъ и облакамъ, распредѣленіе которыхъ все-таки больше изучено, хотя далеко еще неудовлетворительно.

Опредѣленіе количества туманныхъ, особенно же облачныхъ дней, было бы весьма важно для сельскаго хозяйства. Мы уже видѣли, что въ странахъ, гдѣ небо долгое время безоблачно, растенія для своего полного развитія требуютъ меньшаго количества теплоты, ибо самый свѣтъ замѣняетъ своимъ вліяніемъ на растенія дѣйствіе теплоты: но мы находимъ у г. Веселовскаго только общіе выводы насчетъ облачности, вѣроятно за недостаткомъ наблюдений. Общій выводъ относительно тумановъ и облаковъ заключается въ томъ, что какъ тѣ, такъ и другія умножаются по мѣрѣ удаленія страны отъ морскихъ береговъ и большихъ водоемовъ. Страны болотистыя вообще отличаются большею туманностію; такъ въ Петербургѣ больше туманныхъ дней, нежели въ знаменитомъ туманами Лондонѣ. Финляндія, содержащая множество озеръ, рѣкъ и болотъ, также отличается своими туманами. Подобные факты могли впрочемъ быть предвидѣны безъ особыхъ наблюдений; что же касается до наблюдений точныхъ, то они между прочимъ содержатъ не мало ошибокъ, отъ включенія въ число ихъ такъ-называемыхъ *сухихъ тумановъ* или *мглы*. Мгла долго оставалась неизясненною; но теперь окончательно дознано, что это не что иное какъ дымъ, происходящій отъ лѣсныхъ пожаровъ, отъ пожаровъ степныхъ, торфяныхъ и даже отъ изверженія вулкановъ. Мгла распространяется часто на огромныя пространства, и мы полагаемъ, въ противность мнѣнію г. Веселовскаго, что она причиняетъ рѣшительный вредъ растеніямъ. Вопервыхъ, она значительно помрачаетъ воздухъ, не допуская полного свѣта до растеній. Въ вторыхъ, тончайшія частицы, ее составляющія, по своей гигроскопичности, вбираютъ атмосферную сырость и доводятъ воздухъ до удушливой сухости; это испыталъ всякій,

кто былъ свидѣтелемъ мглы; кромѣ того, садясь на растенія незамѣтною пылью, она мѣшаетъ ихъ листьямъ правильно совершать испареніе. Наконецъ, надобно полагать, что при мглѣ въ воздухѣ развивается непомѣрно большое количество микроскопическихъ чужеродныхъ растеній, которыя, садясь на листья, цвѣты и пр., опредѣляютъ ихъ болѣзнь. Не далѣе какъ нынѣшнимъ лѣтомъ я убѣдился собственнымъ опытомъ, что мгла способствовала, въ Саратовской губерніи, образованію рыжеватыхъ пятенъ на молодой гречишной завязи, которая отъ того частію погибла; лепестки и тычинки гречихи тоже пострадали отъ мглы, и урожаи гречихи тамъ были весьма плохи. Болѣзнь липовыхъ листьевъ, которую мы прослѣдили отъ Москвы до саратовской границы, также вѣроятно зависла отъ сухаго тумана, бывшаго въ нынѣшнемъ году. Фактъ побіенія гречихи и овса мглою извѣстенъ всѣмъ русскимъ хозяевамъ.

Слова мои относительно вреднаго вліянія мглы на растенія, безъ сомнѣнія надобно принимать въ видѣ предположенія; но я увѣренъ, что микроскопъ подтвердитъ ихъ и дастъ мнѣ возможность представить дѣло съ большею подробностію.

Лучше тумановъ и облаковъ въ климатическомъ отношеніи изучены дождь и снѣгъ. Этому явленію, имѣющему такое важное вліяніе на растительность и хозяйство, г. Веселовскій посвятилъ весьма большую главу и старался собрать какъ можно больше фактовъ и наблюденій.

Чтобъ имѣть понятіе о степени дождливости климата, нужно вопервыхъ наблюдать количество воды, выпадающей въ видѣ дождя и снѣга въ продолженіе разныхъ періодовъ времени.

Для измѣренія количества выпадающей воды употребляютъ дождемѣръ, помощію котораго количество это опредѣляется въ дюймахъ, то-есть вычисляется толщина слоя выпавшей воды на протяженіи одного квадратнаго фута въ теченіе даннаго періода времени. Чѣмъ короче періоды, тѣмъ рѣзче характеризуется климатъ, ибо тогда только оказывается вполне распределеніе дождей въ продолженіе времени. Къ послѣднему обстоятельству особенно хорошо служить опредѣленіе числа дождливыхъ дней.

Важно также познаніе силы испаренія; потому что влажность, сохраняющаяся въ почвѣ, есть результатъ двойной причины: выпадающей воды и потери испареніемъ; изъ выпавшей воды нужно вычесть ту часть, которая снова поднимается въ воздухъ, подъ вліяніемъ теплоты. По опытамъ Гаспарена, почва нахо-

дится въ наилучшихъ условіяхъ влажности, когда она во время сильнѣйшихъ жаровъ заключаетъ въ себѣ 0,10 влажности, а во время сильнѣйшихъ дождей не болѣе 0,23.

Только опираясь на эти данныя, будемъ мы въ состояніи оцѣнить истинное дѣйствіе атмосферной воды на почву и получимъ возможность судить о томъ на сколько страна приближается къ наилучшимъ условіямъ земледѣлія; но къ несчастію, наблюденія надъ испареніемъ начаты у насъ только съ недавняго времени и не дали еще опредѣлительныхъ результатовъ.

Необходимо замѣчать также самое качество дождей. Обильные, но кратковременные лѣтніе ливни соотвѣтствуютъ климату сухому; вода, ниспадающая въ нихъ на землю, быстро испаряется и не глубоко проникаетъ въ землю. Менѣе обильные, но безпрерывные дожди соотвѣтствуютъ другой крайности, сырому климату; вода ихъ, мало-по-малу падая на почву, тотчасъ ею поглощается и не успѣваетъ сильно испаряться. Неудобство ливней заключается еще въ томъ, что они быстро стекаютъ и даже портятъ пашню. Ко всему нами перечисленному нужно бы еще присоединить, распредѣленіе дождливыхъ дней въ теченіе года; многочисленныя наблюденія могли бы доставить познанія вѣроятнаго начала и окончанія дождей въ разные періоды года, но такихъ выводовъ еще нѣтъ, г. Веселовскій предлагаетъ только таблицу средняго числа дней съ дождемъ или снѣгомъ по мѣсяцамъ. Эта таблица, впрочемъ, можетъ уже дать хорошія указанія, особенно если ее употребить вмѣстѣ съ таблицею, представляющею количества дождевой воды въ разныхъ мѣстахъ.

Общіе выводы относительно распредѣленія дождей могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ. Годичное количество дождевой воды уменьшается отъ запада къ востоку и отъ береговъ морей къ центру материковъ. Зимой, воды выпадаетъ больше на западѣ и въ странахъ приморскихъ, а лѣтомъ, наоборотъ, въ странахъ материковыхъ и болѣе восточныхъ. Въ Россіи наибольшее количество дождей падаетъ по берегамъ Балтійскаго и Чернаго морей, особенно на восточномъ берегу Чернаго. Отсюда количество дождевой воды постепенно уменьшается къ востоку, достигая наименьшей степени въ степяхъ.

Это общее заключеніе имѣетъ большое значеніе для физической географіи, но весьма мало приложимо въ хозяйствѣ. Однакоже, при познаніи степени влажности воздуха и почвы, тре-

буемой растеніемъ, можно приблизительно судить объ удачѣ или неудачѣ его обработки въ той или другой странѣ. Декан-доль, при обсужденіи климатическихъ условій, вліяющихъ на нѣкоторыя растенія, употребилъ съ пользою матеріалы относительно количества дождевыхъ дней.

Во всякомъ случаѣ, хозяинъ можетъ уяснить себѣ изъ сказаннаго, что именно долженъ онъ наблюдать касательно атмосферной воды. Барометры не могутъ дать въ хозяйствѣ дѣйствительно полезныхъ указаній; они предсказываютъ такъ не задолго, что предсказанія ихъ рѣдко могутъ быть примѣнены на практикѣ. Несравненно важнѣйшіе выводы могъ бы сдѣлать для себя хозяинъ, еслибъ имѣлъ въ рукахъ длинный рядъ наблюдений. Помощію ихъ онъ могъ бы опредѣлить время вѣроятнаго начала и окончанія дождей, въ разные періоды времени, могъ бы по разнымъ признакамъ, весьма измѣняющимся въ разныхъ мѣстахъ, предвидѣть перемѣну погоды, однимъ словомъ, могъ бы составить календарь для погоды.

Приводимъ однакоже краткую таблицу изъ сочиненія г. Веселовскаго, по которой можно имѣть уже ясное понятіе объ общихъ чертахъ распредѣленія дождей по поверхности европейской Россіи.

Среднее число снѣжныхъ и дождливыхъ дней.

	Годъ.	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.
Западный край	146,5	36,1	37,4	38,6	34,4
Прибалтійскія страны, . .	139,5	34,5	31,0	35,2	38,8
Сѣверныя и центр. губер.	114,5	26,9	28,1	29,8	29,7
Восточныя губерніи . . .	113,5	22,6	26,5	34,4	30,0
Южныя губерніи.	83,2	17,1	19,2	25,9	21,5

Среднее количество выпадающей воды, въ дюймахъ.

Западный край.	21,58	3,06	4,75	8,37	5,40
Прибалтійскія страны. . .	21,11	3,63	3,68	7,25	6,55
Сѣверныя и центр. губер.	20,46	3,21	5,18	7,39	4,68
Восточныя губерніи. . . .	16,54	1,66	3,14	8,30	3,44
Южныя губерніи.	11,55	2,02	2,57	4,05	2,91

Изъ этой таблицы видно, что степи наши дѣйствительно страдаютъ бездождіемъ, но вообще, какъ замѣчаетъ г. Веселовскій, Россія пользуется, сравнительно съ западною Европою весьма выгоднымъ распредѣленіемъ дождей. Излишекъ въ дождяхъ, выпадающихъ на долю западной Европы, противъ насъ, приходится большею частію на зиму; лѣтомъ же въ Россіи, за

исключеніемъ степей, выпадаетъ обыкновенно больше дождевой воды, нежели въ западной Европѣ

При этомъ замѣтимъ, вмѣстѣ съ г. Веселовскимъ, что постоянно свѣтлое небо степей и ведро имѣютъ свою выгоду въ хозяйственномъ отношеніи. Это обстоятельство значительно способствуетъ произведенію обширныхъ земледѣльческихъ работъ въ степяхъ: пахарь и жнецъ не могли бы такъ удалиться отъ жилищъ безъ вреда для своего здоровья; огромное количество степнаго хлѣба не могло бы такъ долго лежать подъ открытымъ небомъ; овцы, преимущественно требующія сухихъ луговъ и ведра, не могли бы оставаться безъ дорогихъ хлѣбовъ; наконецъ, самая пшеница, главнѣйшій степной хлѣбъ, довольствуется скорѣе сухимъ, чѣмъ сырýmъ климатомъ.

Затѣмъ, оставляя въ сторонѣ градъ, распредѣленіе котораго еще далеко недостаточно изучено, скажемъ нѣчто о вѣтрахъ, какъ главной причинѣ, измѣняющей распредѣленіе теплоты и дождей.

III.

Еслибы воздухъ нагрѣвался во всѣхъ странахъ одинаково, то оставался бы постоянно неподвижнымъ, а на землѣ царствовало бы вѣчное безвѣтріе; но подобное предположеніе невозможно, еслибы даже мы могли себѣ представить, что солнце посылаетъ во всѣ времена года и на всѣ точки земной поверхности одинаковое количество теплоты; ибо и тогда нагрѣваніе водъ разлилось бы отъ нагрѣванія материковъ, а нагрѣваніе горъ отъ нагрѣванія долинъ и равнинъ. Неравномѣрное нагрѣваніе воздуха нарушаетъ въ немъ равновѣсіе, производитъ воздушныя теченія; однимъ словомъ, теплота есть причина вѣтровъ.

Экваторіальная часть атмосферы нагрѣвается несравненно больше той части воздуха, которая находится при полюсахъ. Сдѣлавшись отъ того рѣже и легче, экваторіальный воздухъ устремляется гигантскимъ потокомъ вверхъ, между тѣмъ, какъ полярныя густыя массы воздуха стремятся отъ полюсовъ къ экватору, съ тѣмъ, чтобы замѣнить воздухъ, поднимающійся отъ жаркихъ странъ. Но тѣмъ еще не ограничивается вліяніе неравномѣрнаго нагрѣванія атмосферы. Экваторіальный воздухъ,

не встрѣчая въ верхнихъ предѣлахъ сопротивленія со стороны густаго полярнаго воздуха, текущаго внизу, стекаетъ самъ, въ верхнихъ предѣлахъ, отъ экватора къ полюсамъ. Такъ образуются два главныхъ и противоположныхъ теченія: верхнее и нижнее. Обратимъ еще вниманіе на то, что русло верхняго потока постепенно суживается по направленію этого потока, тогда какъ русло нижняго тока напротивъ постепенно расширяется, ибо градусы постепенно уменьшаются отъ экватора къ полюсу.

Слѣдствіемъ такого суживанія и расширенія руселъ главныхъ воздушныхъ токовъ, выходитъ, что струя экваторіальнаго воздуха, по мѣрѣ движенія своего впередъ, становится все уже и толще, а струя полярнаго воздуха все шире и тоньше; наконецъ, экваторіальная струя до того утолщается, что достигаетъ своею нижнею частію земной поверхности, вытѣснивъ полярную струю; явленіе это совершается въ странахъ умѣренныхъ. Онѣ служатъ постоянною ареною борьбы двухъ главныхъ и противоположныхъ вѣтровъ.

Легко замѣтить однако, что при этихъ обстоятельствахъ царствовали бы только южные и сѣверные вѣтры; не то окажется, если примемъ еще во вниманіе движеніе нашей планеты около своей оси. Движеніе это, равное нулю на полюсахъ, достигаетъ наибольшей силы при экваторѣ; потому полярный токъ отстаетъ отъ суточного движенія земли, совершающагося съ запада на востокъ, по мѣрѣ удаленія своего отъ полюсовъ, и является въ сѣверномъ полушаріи не съ сѣвера а съ сѣверо-востока; токъ экваторіальный, напротивъ того, опережаетъ движеніе земли, по мѣрѣ своего поступанія впередъ и является не съ юга, а съ юго-запада. Итакъ, въ странахъ умѣренныхъ и холодныхъ преобладающій вѣтеръ долженъ дуть съ юго-запада; наблюденіе подтверждаетъ этотъ теоретическій выводъ. Но мы уже указали на борьбу двухъ главныхъ вѣтровъ; укажемъ еще на вліяніе неравномѣрнаго измѣненія океана и материковъ, и на другія мѣстныя вліянія. Отъ этихъ вліяній зависятъ *перемѣнчивость и свойства вѣтровъ*, особенно характеризующія климаты разныхъ странъ и представляющія погоду; поэтому теплота, будучи началомъ климатическихъ явленій, регулируетъ ихъ посредствомъ вѣтровъ.

Обратимъ вниманіе на *перемѣнчивость вѣтровъ* и на ихъ свойства, ибо по тому, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ, можно

лучше нежели по барометру судить о томъ, какова будетъ погода, — будетъ ли дождь или ведро, морозъ или оттепель?

Мы уже сказали, что наблюденія подтверждаютъ теоретическіе выводы касательно средняго направленія вѣтра въ Россіи; на основаніи этихъ-то наблюденій г. Веселовскій раздѣлил Россію на три области. Первая изъ этихъ областей есть область юго-западныхъ вѣтровъ; она занимаетъ всю сѣверную часть европейской Россіи, начиная отъ черты, проведенной чрезъ Каменецъ-Подольскъ и Уфу. Вторая область, юговосточныхъ вѣтровъ, занимаетъ степи: приуральскую, заволжскую, ставропольскую, донскую и малороссійскую, также какъ Кавказъ и Крымъ. Между этими двумя областями простирается полоса переменныхъ вѣтровъ, границы которой постоянно колеблются, попеременно разширяя или суживая ее.

Напомнимъ здѣсь, что выраженіе *среднее направленіе* вѣтра означаетъ что изъ 100 наблюдаемыхъ вѣтровъ чаще всего дуетъ тотъ, который считается преобладающимъ, и направленіе котораго есть среднее; способъ же, принятый г. Веселовскимъ для полученія средняго направленія вѣтра, даетъ результаты не совсѣмъ удовлетворительные (1). Изъ таблицы (стр. 229), существенныя данныя которой мы здѣсь предлагаемъ, видны слѣдующія цифры:

Н а 100 н а б л ю д е н і и

	С.	СВ.	В.	ЮВ.	Ю.	ЮЗ.	З.	СЗ.
Область юго-западнаго вѣтра.	11,10	7,99	8,72	12,99	14,79	16,74	15,20	12,48
Область сѣверо-западнаго вѣтра: пограничная съ степями полоса . . .	8,73	12,51	12,05	13,37	6,82	13,42	12,23	20,8
Область восточныхъ вѣтровъ: степная полоса. .	8,48	10,07	22,28	14,23	11,05	9,61	15,31	8,96

(1) Это есть способъ Ламборта, по которому напрямѣръ изъ двухъ направленій вѣтра берется дѣйствительно *среднее* направленіе, т. е. равнодѣйствующая, выводимая по законамъ механики; такъ если бы С и З дули одинакое число разъ, то среднее направленіе вѣтра было бы СВ, что, безъ сомнѣнія не соответствуетъ истинѣ, а слѣдовательно ~~можно~~ ввести въ ошибочныя заключенія касательно преобладающаго ~~направленія~~ вѣтра въ той или другой странѣ, какъ то замѣтилъ г. Батинъ въ своемъ критическомъ разборѣ сочиненія г. Веселовскаго (Отеч. Записки. 1858. № 4). Мы готовы предпочесть способъ Гау, состоящій въ томъ, чтобы сравнивать противоположно дующіе

Въ области югозападнаго вѣтра чаще другихъ дѣйствительно дуетъ ЮЗ, потомъ З, ЮВ и СЗ. Въ области юго-восточнаго вѣтра, преобладаетъ В, затѣмъ ЮВ, потомъ З и Ю. Наконецъ въ области переменныхъ вѣтровъ очевидно преобладаетъ СЗ. Вотъ самыя общія черты русскаго климата относительно вѣтровъ: обратимъ теперь вниманіе на уклоненія, которыя, какъ мы уже не разъ замѣтили, особенно важны для истинной характеристики климата.

Въ приморскихъ мѣстахъ происходитъ слѣдующее мѣстное явленіе. Днемъ, когда земля нагревается сильнѣе воды, морской воздухъ, болѣе густой и тяжелый, устремляется отъ воды къ почвѣ, производя морской вѣтеръ, ночью, наоборотъ земля теряетъ свою теплоту скорѣе моря, и подымается береговой вѣтеръ.

То же явленіе, только въ большихъ размѣрахъ, повторяется по временамъ года: зимою дуетъ вѣтеръ съ земли къ морю, лѣтомъ съ моря къ землѣ. Поэтому на нашихъ балтійскихъ берегахъ зимою преобладаетъ восточный вѣтеръ, лѣтомъ западный; на черноморскомъ берегу Кавказа, лѣтомъ пересиливаетъ также западный вѣтеръ, а зимою восточный; на берегахъ Каспія, напротивъ, лѣтомъ чаще дуетъ восточный, а зимою западный вѣтеръ.

Наблюденія показываютъ, что въ области юго-западныхъ вѣтровъ, эти вѣтры особенно преобладаютъ зимою, притомъ же направленіе ихъ въ это время года даже приближается болѣе къ югу. Лѣтомъ напротивъ, въ этой области южные вѣтры не имѣютъ перевѣса надъ сѣверными, и даже послѣдніе дуютъ чаще первыхъ, западные же все еще удерживаютъ свой перевѣсъ надъ восточными, но въ меньшей мѣрѣ нежели зимою, а по этому лѣтомъ здѣсь чаще дуютъ вѣтры съ сѣверо-западной четверти горизонта.

Въ южныхъ степяхъ зимою также преобладаетъ южный вѣтеръ надъ сѣвернымъ, но восточный беретъ перевѣсъ надъ западнымъ; лѣтомъ здѣсь преобладаютъ опять западные вѣтры

вѣтры и опредѣлять преобладаніе одного надъ другимъ по тому, сколько разъ каждый изъ нихъ дулъ изъ 1000 наблюденій. Наконецъ взгляды на таблицы г. Веселовскаго, въ которыхъ показано, на какой вѣтеръ сколько приходится процентовъ, можетъ удобно, безъ предварительныхъ расчетовъ, указать, какое направленіе вѣтра должно считать преобладающимъ.

надъ восточными, но южные сохраняютъ свой перевѣсъ надъ сѣверными.

Теперь сообразимъ свойства вѣтровъ. Можно уже заранее предположить, что самый холодный вѣтеръ есть сѣверный, а самый теплый южный; но наблюдения показываютъ, что первый отклоняется къ востоку, а второй къ западу: зимою теплый вѣтеръ есть почти ЮЗ, и холодный почти СВ, — лѣтомъ теплѣйшій близокъ къ ЮВ, и холоднѣйшій къ СЗ.

Болѣе подробное вниманіе въ свойства вѣтровъ показываетъ, что свойства эти довольно разнообразны въ разныхъ мѣстахъ. Такъ теплота, навѣваемая разными воздушными потоками, весьма различна, смотря по мѣстностямъ. Въ Якутскѣ, напримеръ, гдѣ холода необыкновенно сильны, иногда вѣтеръ наноситъ такую теплоту, что среди зимы снѣгъ начинаетъ таять на солнцѣ; наоборотъ и холодъ, среди весны и даже лѣта, наносимый вѣтромъ, спускаетъ нерѣдко термометръ до точки замерзанія. Знамениты жгучіе вѣтры, дующіе иногда въ нашихъ юговосточныхъ степяхъ: они уподобляются самуну и сирокко. Но всѣ эти мѣстныя явленія не могутъ быть подробно обсуждены и описаны въ нашей краткой статьѣ, которая назначена только для того чтобы, знакомя читателя съ трудомъ г. Веселовскаго, обратить вниманіе его преимущественно на тѣ климатическія условія, которыя особенно важны для сельскаго хозяина и потому должны быть изучаемы имъ съ особою тщательностью.

Для того же, чтобы вдругъ и наглядно представить, какіе вѣтры должно считать наиболѣе сухими или сырыми, приводимъ здѣсь таблицу, составленную г. Веселовскимъ, въ которой вѣтры расположены по степенямъ ихъ сухости и сырости.

	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	Годъ.
Наиболѣе сырой вѣтеръ . . .	Ю.	З.	ЮВ.	Ю.	Ю.
	ЮЗ.	ЮЗ.	В.	ЮЗ.	ЮЗ.
	З.	СЗ.	Ю.	ЮВ.	З.
	ЮВ.	Ю.	С.	З.	В.
	В.	В.	СВ.	С.	СЗ.
	С.	ЮВ.	СЗ.	СВ.	СВ.
Наиболѣе сухой вѣтеръ . . .	СВ.	С.	З.	СЗ.	С.

Затѣмъ г. Веселовскій вычисляетъ, какіе вѣтры должны считаться самыми дождливыми. Для этого считается, при какомъ вѣтрѣ сколько разъ шелъ дождь, и тотъ изъ вѣтровъ естествен-

но считается самымъ дождливымъ, при которомъ дождь шель чаще нежели при другихъ.

На всемъ пространствѣ нашего материка, говоритъ г. Веселовскій, самыми дождливыми вѣтрами являются З, ЮЗ и Ю, а самыми бездождными СВ, С и В; притомъ дождливость вѣтровъ уменьшается отъ сѣверо-востока къ юго-западу; одни и тѣ же вѣтры дождливѣе лѣтомъ и осенью, нежели зимою и весной.

Къ этимъ общимъ выводамъ не лишнее было бы присоединить данныя относительно силы вѣтровъ, но для этого наблюденія недостаточны и не удовлетворительны. Приведемъ однако же нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, что бури въ Россіи не рѣдкость, и что сила ихъ такова, что способна вредить всякой промышленности, а потому точныя наблюденія по этой части ни въ какомъ случаѣ не были бы лишними.

Особенно замѣчательны зимніе бураны, свирѣпствующіе въ восточной Россіи. «Чтобы составить себѣ понятіе объ ужасномъ дѣйствіи бурана, говоритъ г. Веселовскій, достаточно слѣдующихъ двухъ примѣровъ. Въ 1816 г. бураны нагнали съ сѣверовостока въ нынѣшніе уѣзды Царевскій, Новоузенскій и Николаевскій, такое множество киргизскихъ калмыцкихъ и кундуровскихъ татарскихъ лошадей, что для разбора тысячи жалобъ, возникшихъ съ одной стороны отъ поселянъ о потерѣ лошадыми сѣна и хлѣба въ стогахъ и одоняхъ, въ полѣ стоявшихъ, а съ противной стороны объ утайкѣ, самовольной распродажѣ и портѣ лошадей крестьянами, требовалось учредить особую комиссію, которая насчитала убытковъ, ордынскимъ скотомъ причиненныхъ, слишкомъ на 150,000 р. Въ зиму съ 1827—1828 сумятица въ Заволжьи, отъ разсѣяннаго буранами кочеваго скота, повторилась. Въ этотъ разъ слѣдственной комиссіею насчитано потравы на 170,000 р., и приведено въ извѣстность, что въ одной меньшей Киргизъ-Кайсацкой ордѣ хана Дженгера Букеева погибло частію на кочевьяхъ, частію въ Саратовской губерніи 280,500 лошадей, 10,500 верблюдовъ, 73,450 рогатаго скота и 1,012,000 овецъ. Убытокъ оцѣненъ въ 13¹/₂ милліоновъ рублей.

«Говоря о вѣтрахъ, продолжаетъ г. Веселовскій, нельзя не упомянуть о *борѣ*,—явленіи столь извѣстномъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Это есть весьма сильный вѣтеръ, подымающійся неожиданно, дѣйствующій порывами съ невообразимою силою и продолжающійся иногда болѣе трехъ сутокъ сряду, часто при сильномъ холодѣ. Самые ужасные ура-

ганы Тихаго Океана и Антильскихъ острововъ, душіе въ продолженіе 6 и даже 10 часовъ, въ нѣкоторомъ отношеніи не такъ страшны какъ *бора*. Разрушительное дѣйствіе боры особенно извѣстно жителямъ Новороссійска, возникшаго недавно на восточномъ берегу Чернаго моря, въ углубленіи очаровательнаго Новороссійскаго залива, посреди самаго живописнаго мѣстоположенія. Непостижима сила крутящагося вѣтра, который срывая въ заливъ воду, несетъ ее, кропитъ ею отдаленныя деревья и зданія и сворачиваетъ желѣзныя крыши въ тонкую трубку. Во время боры часовые укрываются за ближній брустверь; въ фортахъ не слышно ни какихъ сигналовъ; никакой пожаръ не имѣетъ силы загорѣться; человекъ, достигнутый борою на площади, обязанъ предаться воли вѣтра и, ложась на землю, катиться до перваго забора; на берегу мелкіе камни и песокъ летаютъ тучею. Въ зимнюю бору въ десять минутъ леденѣтъ платье и примерзаетъ къ тѣлу; капли воды замерзшими иглами бьютъ въ лице и язвятъ его до крови. При морозѣ въ 16° и болѣе, срываема вѣтрами вода, примерзая къ корпусу и рангоуту судовъ, образуетъ родъ ледяной коры, безпрестанно увеличивающейся въ объемъ и бывающей причиною гибели судовъ, которыя отъ тяжести льда идутъ ко дну. Заливъ одѣвается мрачнымъ туманомъ; на корабль невозможно отдать никакого приказанія противъ вѣтра; по всѣмъ скважинамъ блоковъ, мачтъ и снастей, бора отзывается заунывнымъ, оглушительнымъ свистомъ. Предъ появленіемъ боры всегда бываетъ чистое небо; небольшія бѣлыя облака по временамъ показываются на безлѣсной вершинѣ хребта. Вдругъ рождается вихрь, который стремительно низвергаясь по склону горъ, съ каждою секундою возрастаетъ въ силѣ, до тѣхъ поръ пока не исчезнетъ появившееся облачко. Пробѣгая плотною массою, вихрь приноситъ внизъ со встрѣчающихся на пути деревъ синеватый туманъ и сильный смолистый запахъ горѣлаго дерева, а лѣтомъ и весною благоуханіе полевыхъ и древесныхъ цвѣтовъ. Съ непостижимою быстротою мѣняя свое направленіе, едва коснется онъ воды залива, вода вдругъ вскипаетъ частыми гребнями, и теряя цвѣтъ, съ оглушительнымъ воемъ предается волѣ вихря. Въ среднѣмъ залива, бора бываетъ рѣдко, и если налетаютъ туда вихри, то не такіе сильные. Бора, повидимому, не подчиняется ни какимъ періодическимъ законамъ, безпрерывно измѣняется и является мгновенно, неожиданно, безъ замѣтной причины.»

Какіе же выводы, относительно вѣтровъ, могутъ быть полезны

въ сельскомъ хозяйствѣ? *Сила и свойство* преобладающаго вѣтра, вотъ что особенно важно для хозяина. Легкій вѣтеръ, какого бы онъ ни былъ свойства, всегда полезенъ для растительности, особливо если направленіе его переменчиво; но вѣтры сильные, особенно если они дуютъ по одному направленію, должны обратить на себя величайшее вниманіе земледѣльца, который всѣми силами долженъ противодействовать ихъ вредному вліянію.

По мнѣнію г. Веселовскаго, постоянные, сильные и сухіе вѣтры, царствующіе въ юговосточныхъ степяхъ нашихъ, составляютъ главную причину безлѣсія тѣхъ странъ, имѣя притомъ значительное участіе въ засухахъ, такъ часто тамъ повторяющихся. Сильные постоянные вѣтры еще и тамъ вредны, что обнажаютъ корни растений или засыпаютъ стебли ихъ; съ другой стороны, приводя эти стебли въ постоянное движеніе, они до того укрѣпляютъ ихъ волокна, что придаютъ имъ излишнюю грубость, уменьшающую качество этихъ волокоцъ. По этому напримѣръ ленъ не можетъ давать хорошей пряжи въ юговосточной Россіи, и пенька тамъ должна быть толще, нежели въ странахъ, менѣе подверженныхъ вліянію постоянныхъ вѣтровъ.

По замѣчанію французскаго агронома Гаспарена, въ долині Роны, которая, по особому положенію своему, всегда подвержена вѣтру и служитъ такъ-сказать русломъ сильнаго воздушнаго тока, конопля имѣетъ весьма грубое волокно, тогда какъ подъ защитою Альповъ, въ долинахъ Гренобля и Грезиводана, пенька гораздо тоньше.

Любопытенъ примѣръ вліянія вѣтра на лѣсную растительность въ Бессарабіи. Тамъ весьма постоянно дуетъ сѣверо-западный вѣтеръ, и деревья, стоящія безъ защиты, растутъ болѣе или менѣе наклонно, по направленію этого вѣтра. Одинъ изъ тамошнихъ хозяевъ, г. Демоль, видя, что у плодовыхъ деревьевъ его образуются неправильныя вершины именно отъ дѣйствія постояннаго вѣтра, нашелъ нужнымъ измѣнить у себя общепринятый способъ обрѣзки деревьевъ: всѣ побѣги, сидящіе на сѣверозападной сторонѣ дерева, обрѣзываетъ онъ на половину короче тѣхъ, которые сидятъ съ противоположной стороны. Коротко обрѣзанные побѣги растутъ сильнѣе и противодействуютъ напору преобладающаго вѣтра, выравнивая мало по малу весь древесный штампъ.

Такіе примѣры показываютъ, что смѣтливый хозяинъ уже и

тѣперь можетъ пользоваться общими выводами о вѣтрахъ, но все же мы принуждены сознаться, что выводы эти слишкомъ общи и далеко недостаточны для полного примѣненія.

Мы уже сказали, что приложеніе ученія о вѣтрахъ тогда только будетъ дѣйствительно возможно, когда будутъ изданы въ подробности отклоненія, которыя существуютъ повсюду отъ средняго направленія вѣтра, и когда остальные климатическія отклоненія, зависящія отъ вѣтровъ, также будутъ основательно дознаны. Дове уже занялся такъ-называемыми неперіодическими явленіями климата; но самое выраженіе: *неперіодическія явленія*, показываетъ, что еще не найдены законы ихъ. Дознано однакоже, что всѣ эти явленія зависятъ не отъ мѣстныхъ причинъ, а отъ причинъ болѣе общихъ; дознано также, что напрямѣръ распространеніе несвоевременнаго холода или жара въ одной странѣ, всегда сопровождается распространеніемъ обратныхъ явленій въ другой странѣ. Кромѣ того неперіодическія явленія занимаютъ всегда весьма обширныя пространства, нерѣдко цѣлыя страны свѣта.

Какъ бы то ни было, повторимъ еще разъ, что климатологія тогда только будетъ вполне приложима къ хозяйству, когда она дойдетъ до того, что будетъ въ состояніи издавать календари, напередъ излагающіе ходъ и мѣру всѣхъ климатическихъ явленій за годъ. Мы увѣрены, что время это настанетъ, и тогда несвоевременный холодъ или жаръ будутъ напротивъ считаться своевременными, происходящими отъ столкновенія простыхъ метеорологическихъ причинъ, заранѣе опредѣленныхъ наукою.

Г. Веселовскій завершаетъ обширный трудъ свой, разсмотрѣніемъ вопроса: измѣняется ли климатъ Россіи. За этимъ слѣдуютъ еще приложенія, заключающія въ себѣ подробныя метеорологическія таблицы, служащія дополненіемъ и подтвержденіемъ къ тѣмъ, которыя приведены въ текстъ.

Для рѣшенія вопроса объ измѣняемости климата нужно бы имѣть рядъ наблюденій несравненно длиннѣйшій того, который имѣется теперь. и потому въ настоящее время нѣтъ ни какой возможности рѣшать этотъ вопросъ путемъ наблюденія.

Если же обратить вниманіе на данныя историческія, то изъ нихъ не только оказывается, что самый климатъ не измѣнился, но что даже во многихъ странахъ самая мѣстность осталась въ томъ видѣ, въ какомъ была она въ древнѣйшія историческія

времена: бóльшая часть степей была всегда степями, также какъ громадныя сѣверныя лѣса были всегда лѣсами.

Если свести жалобы многихъ старожиловъ хозяевъ на измѣнчивость климата, то весьма часто оказывается, что мнѣнія ихъ о климатѣ одного и того же мѣста совершенно противоположны: одинъ считаетъ свой климатъ измѣнившимся къ худшему, другой къ лучшему, такъ что тутъ явно оказывается вліяніе какихъ-нибудь причинъ, лежащихъ въ самой личности наблюдателей.

Мы старались такъ изложить предметъ нашъ, чтобы читатель могъ усмотрѣть, на какія обстоятельства хозяину слѣдуетъ больше всего обращать вниманіе, и мы будемъ считать цѣль свою достигнутою, если наши указанія дадутъ читателю мысль обратиться какъ къ самому сочиненію г. Веселовскаго, такъ и къ трудамъ Кемца, Гаспарена, Буссенго, Декандоля и Дове.

А. БЕКЕТОВЪ.

КАДРИЛЬ¹

РАЗКАЗЪ ГРАФНИИ.

Тому давно... Тогда была я
Шалуныя, рѣзвая, живая;
Большимъ балована отцомъ,
Затѣй и прихотей не мало
Придумывала съ каждымъ днемъ,
И имъ препятствій я не знала.
Мнѣ минуло осьмнадцать лѣтъ;
Отецъ мой не вставалъ ужь съ креселъ,
Но домъ нашъ былъ довольно веселъ,
И съ теткой ѣздила я въ свѣтъ.
Вокругъ меня, мнѣ угождая,
Поклонниковъ вертѣлась стая,
Какъ вокругъ богатыхъ всѣхъ невѣсть;
И я приобрѣла науку
Въ награду обращать или въ муку
Свой каждый взглядъ и каждый жестъ.
Мой дядя, старый князь Арсеній,
Въ то время лѣтомъ и зимой
Жилъ, предаваясь сельской лѣнни,
Въ своей деревнѣ подъ Москвой;

(1) *Сл. Русскій Вѣстникъ* № 3.

Тамъ вздумалъ, дочери въ угоду,
 Дать праздникъ къ новому онъ году,
 И общая была туда
 Въ саняхъ учреждена ѣзда.
 Село отъ города лежало
 Въ шестнадцати верстахъ, и намъ
 Ночлегъ гостепріимно тамъ
 Былъ приготовленъ послѣ бала.
 Друзья же дома и родня
 Сбирались ѣхать наканунѣ.
 Балъ этотъ занималъ меня
 Чрезмѣрно; отдыха два дня
 Своей я не давала Душѣ,
 Приготовляя мой нарядъ.
 Веселый собрался отрядъ;
 Привычной слѣдуя программѣ,
 Былъ избранъ спутникъ каждой дамѣ.
 Саней расположился рядъ,
 И понеслися мы попарно;
 Луна сіяла лучезарно
 На бѣлый, безпредѣльный снѣгъ,
 На дальней рощи сонъ глубокой;
 Какъ призракъ, средь степи широкой.
 Скользилъ коней неслышный бѣгъ.
 Приличьямъ повинуюсь свѣтскимъ,
 Въ саняхъ сидѣла съ братомъ я
 Двоюроднымъ, Вадимомъ Чецкимъ,
 Какъ приказала мнѣ семья.

Вадимъ былъ человекъ пристрастный.
 За всякій вздоръ бранилъ меня,
 И я хулы его неожиданной
 Всегда боялась какъ огня.
 Меня жь двѣнадцатю годами
 Онъ старше былъ. Въ тотъ вечеръ онъ,
 Въ раздумье молча погружонъ,
 Глядѣлъ сердитыми глазами
 Въ пустую даль степи ночной;
 Вполнѣ освѣщены луной,
 Его черты видѣлись; многимъ
 Могъ очеркъ ихъ казаться грубъ,
 Но дивно шло къ бровямъ тѣмъ строгимъ
 Противорѣчье кроткихъ губъ.
 Въ лицѣ отличнаго портрета
 Веласкеса есть прелесть эта.

Онъ, непривѣтливъ, недвижимъ,
Сидѣлъ, и не давалъ отвѣта
Словамъ задорливымъ моимъ.
Мнѣ было весело не въ мѣру;
Готовилась на балъ томъ
Гвардейскому л офицеру
Поставить голову вверхъ дномъ.
Хотѣлось этой мнѣ побѣды;
Онъ женщинъ занималъ бесѣды;
Собой прекрасенъ, гордъ и смѣлъ,
Онъ приключеніе имѣлъ
Съ одною римскою герцогиней;
И я, въ надеждѣ удамой,
Неслася по полю стрѣлой;
Блестѣлъ на соснахъ бѣлый иней,
Перемежаясь съ темной мглой;
Шумѣлъ въ нихъ вѣтръ; мы мчались мимо,
Впередъ, впередъ, во весь опоръ;
Я изподлобья на Вадима
Порой бросала быстрый взоръ.
Храня все тотъ же видъ суровой,
Сидѣлъ какъ каменный онъ гость;
Ужъ домъ за рощею сосновой
Мелькалъ: мной овладѣла злость,
Мнѣ мочи нѣтъ досадно стало;
И какъ мы въѣхали въ село,
Сама себѣ я обещаю
Быть первою кокеткой бала,
И всѣхъ плѣнить, ему на зло.
И часъ потомъ уже сидѣли
Мы всѣ у чайнаго стола;
Стараясь достигнуть цѣли,
Себѣ поставленной, была
Я чрезвычайно весела,
И даже слишкомъ, и съ натяжкой;
Я празднословила съ трудомъ,
И въ смѣхѣ вѣтренномъ моемъ
Звучало эхо мысли тяжкой.
Гвардейца не было; о немъ,
Кузина ужъ со мной въ бесѣду
Вступивъ, шепнула мнѣ тайкомъ,
Что будетъ завтра онъ къ обѣду.
Одинъ лишь гость мнѣ незнакомъ,
Средь молодежи нашей свѣтской

Тутъ былъ какой-то графъ нѣмецкой,
 Какъ я услышала потомъ.
 Меня, шутя съ кузиной Дашей,
 Онъ непонятно возмущалъ:
 Иной внезапной мысли нашей
 Разумныхъ нѣтъ въ душѣ началъ.
 Извѣстно (и возможность факта
 Я поняла, хотъ страненъ онъ),
 Что, посѣщая Трианонъ,
 Нечаянно сошелся какъ-то,
 Въ уединеніи аллея,
 Съ Марією-Антуанеттой
 Изъ будущихъ ея судьей
 Одинъ, и страшно стало ей
 При мимоходной встрѣчѣ этой;
 Хотъ онъ прошелъ лишь стороною,
 И былъ мужчина недурной
 Лицомъ, и хорошо одѣтый.
 Богъ-вѣсть зачѣмъ, на умъ пришелъ
 Разказъ мнѣ этотъ въ то мгновенье:
 Впадала я въ недоумѣнье,
 Смотря на Нѣмца черезъ столъ.
 Сидѣлъ онъ смиренный, бѣлокурой,
 Съ своею чашкой у окна;
 Но все казалось съ той фигурой
 Угроза мнѣ сопряжена.
 И становилось отчего-то
 Мнѣ вообще не по себѣ;
 Грудь странная гнела забота,
 Порой боязнь переворота
 Какого-то въ моей судьбѣ;
 И ропотъ тайнаго упрека
 Мнѣ въ сердцѣ слышался тогда.
 Повѣрьте, горе и бѣда
 Къ намъ близятся не безъ намека.
 Не понимаемъ, почему
 На насъ находятъ безпокойство:
 Названье нервнаго разстройства
 Даемъ безпечно мы ему.

На слѣдующій день я встала,
 Опять спокойна и бодря,
 Не мысля ужъ о томъ ни мало,
 Чтò мучило меня вчера,
 И никакой мечтою грозной

Не возмутившись во снѣ,
 Все весело казалось мнѣ,
 Какъ этотъ блескъ зари морозной
 На небосклонѣ голубомъ
 И доль покрытый серебромъ.
 Причуды сердца молодого
 Очнулись, рѣзвыя, опять,
 И я опять была готова
 Привольной жизнию играть.

Занявшись утреннимъ нарядомъ,
 Мы съ Дашей поспѣшили внизъ;
 Хотѣлось мнѣ провѣдать взглядомъ,
 Прошелъ ли Чецкаго капризь?
 Не первый впрочемъ; то и дѣло
 Я въ ссорѣ находилась съ нимъ,
 И напередъ сказать умѣла,
 Когда нахмурится Вадимъ.
 Среди веселыхъ развлеченій
 Слышна какъ будто мнѣ была,
 Сквозь хоръ похвалъ и одобреній,
 Его безмолвная хула.
 Былъ иногда, насчетъ бездѣлки,
 До нетерпимости онъ строгъ,
 И съ совѣстью возможной сдѣлки
 Онъ никогда понять не могъ;
 Словами гнѣвнаго презрѣнья
 Клеймилъ общественную ложь;
 И удивительно хорошъ
 Онъ въ эти дѣлался мгновенья;
 Всегдашній врагъ пустой мечты,
 Былъ и Онѣгинъ онъ, и Ленскій;
 Умъ ясный, съ мягкостію женской,
 Духъ строгій, полный теплоты.
 Досадно было мнѣ и больно,
 Когда на дѣйствія мои
 Смотрѣлъ онъ съ рѣзкостью судьи;
 Но подчинялась я неволью
 Его вліянію; хотя
 Въ лицо мнѣ говорилъ онъ прямо,
 Что я бессмысленно - упряма,
 И малодушна, какъ дитя,
 Его сердилъ уже съ начала
 Весь этотъ праздникъ; пробуждалъ
 Тоску и сплнѣ въ немъ грохотъ бала,

И пошлый говоръ модныхъ залъ.
 Я принимала чувство это
 За неестественную блажь;
 И не любить я не могла жь
 Въ осмнадцать лѣтъ приманокъ свѣта.
 Гостиами полонъ былъ салонъ,
 Когда съ кузиною вошла я:
 Сидѣлъ одинъ поодаль онъ,
 И чрезъ минуту, чашку чая
 Допивши, всталъ и вышелъ вонъ.
 Я съла, гнѣвъ свой чуть скрывая;
 Обида тутъ была прямая,
 Не простирались до того
 Права двоюроднаго брата,
 Когда бы я и виновата
 Была, по миѣнію его.
 Еще со мною такъ сурово
 Не поступалъ онъ никогда.
 Ждала я отъ него хоть слова;
 Тяжка миѣ съ нимъ была вражда.
 Но отвергалъ онъ примиренье,
 Онъ самъ возобновлялъ раздоръ:
 Исчезло думъ моихъ сомнѣнье,
 И смолкнулъ совѣсти укоръ.
 Одно, чуть видное движенье,
 Улыбка, можетъ, или взоръ
 Все измѣнили бъ въ то мгновенье:
 Я, можетъ, отказалась бы
 Отъ мести глупой и упорной...
 И этотъ мигъ досады вздорной
 Перетянулъ вѣсы судьбы.

Явился лишь передъ обѣдомъ
 Онъ вновь. Прибывшій той порой
 Гость жданный, балльныхъ залъ герой,
 Былъ уже съ часъ моимъ сосѣдомъ.
 Болтала весело я съ нимъ,
 И прислоняясь къ стѣнкѣ стула,
 Съ небрежной лѣнью, не взглянула,
 Когда въ покой вошелъ Вадимъ.
 Пошли къ столу; съ гвардейцемъ съла
 Насупротивъ его я смѣло,
 Улыбку вызвавъ на лицо;
 И принялась, спокойна съ виду,
 Влагать да Чецкаго обиду

Во всякое овое словцо.
 Въ душѣ инстинктъ проснулся лютый,
 Съ начала, можетъ, скрытый въ ней;
 И съ каждой дѣлалась минутой
 Я безопадной и умной.
 Съ холоднымъ взглядомъ слушалъ Чечній,
 Какъ тѣшилась я въ злобѣ дѣтской,
 Его безсовѣстно дразня.
 Съ нимъ о бокъ сѣдя, графъ нѣмецкій
 Глядѣлъ порою на меня,
 Съ усмѣшкою своею несносной.
 Привыкнуть къ минѣ этой постной
 Рѣшительно я не могла;
 Боязнь невѣдомаго зла,
 Какъ наканунѣ, грудь мнѣ снова
 Такъ сжала, что была готова
 Я тутъ же встать изъ-за стола.

Шло время. Близкаго я бала
 Нетерпѣливо ожидала,
 Рѣшившись съ помощью его
 Свое дополнить торжество,
 Кокетничать неумолимо,
 И позабавиться весьма,
 Сводя гвардейца и Вадима
 Различнымъ образомъ съ ума.

Когда, отрывистымъ аккордомъ,
 Оркестра прогремѣлъ сигналъ,
 Я въ томъ же упоеннн гордомъ
 Явилася на этотъ балъ,
 Въ какомъ, на роковую драму,
 Шелъ къ Пирамидамъ или къ Ваграму
 Безсмертный маленькій капралъ.
 Меня гвардеецъ ждалъ у входа,
 И мы, средь моднаго народа,
 Помчались первую четой.
 Завидѣла, въ толпѣ густой,
 Я Чецкаго въ бесѣдѣ съ дамой;
 Я вновь взглянула, да, съ той самой,
 Съ которой, два года тому,
 Онъ познакомился въ Крыму.
 Она давно, съ заботой лестной,
 Старалась нравиться ему,
 И женщиной преинтересной
 Слыла, не знаю почему.

Въ неистовомъ своемъ круженьи,
 Надменно мимо пронеслась
 Я, задыхаясь и смѣясь,
 Въ какомъ-то нервномъ раздраженьи.
 Танцующихъ блестящій рой
 Широкою наполнилъ залу.
 Взгремѣлъ на хорахъ вальсъ второй.
 Я увлекалася помаху
 Своей опасною игрой.
 Гвардеецъ гордый и прекрасный,
 Предметъ приманки не одной,
 И не одной мечты напрасной,
 Былъ явно занятъ только мной.
 Уединясь въ покоѣ людномъ,
 Мы съ нимъ, въ кокетствѣ обоюдномъ,
 Весь вечеръ проводили. Онъ
 Былъ и не глупъ, и не уменъ;
 Но свѣтскимъ просвѣщеньемъ пестрымъ
 Умъ былъ небрежно щеголять,
 И замѣчательнымъ и острымъ
 Казаться могъ часовъ онъ пять;
 Зналъ фразы власть надъ мыслью женскою,
 Умѣстно говорилъ съ огнемъ,
 И былъ мундиръ преображенскій
 Особенно красивъ на немъ.

Минуту отдохнуть желая,
 Передъ мазуркою ушла я
 Изъ залы въ Дашинъ кабинетъ;
 И тотчасъ же, за мною вслѣдъ,
 Вступилъ въ него поспѣшно Чецкій:
 Послѣдній мигъ вдвоемъ я съ нимъ
 Тутъ провела. Когда Вадимъ
 Вошелъ, я на софѣ турецкой
 Сидѣла, голову склонивъ;
 Гремѣлъ вальсъ, помню, на мотивъ
 Изъ Крестоносцевъ Майербера.
 Онъ подошелъ, угрюмъ и строгъ:
 — Возьми другаго кавалера
 Къ мазуркѣ, выдумай предлогъ,
 Не будь упорнѣе дитяти.
 — Позвольте возразить, что вамъ
 Моимъ быть дядькой здѣсь, не кстати,
 Сказала я, спѣша къ дверямъ.
 Сердито произнесъ онъ слово.

Невнятное, и, смолкнувъ снова,
Рвануль перчатку пополамъ.
Прошла съ улыбкою притворной
Вновь въ залу я, гдѣ длился балъ.
Тамъ съ нетерпѣніемъ искалъ
Меня ужъ витязь мой придворный;
Мазурка раздалася съ хоръ,
И съли, первой парой круга,
И завели мы разговоръ,
Стараяся увлечь другъ друга
Тѣмъ состязаньемъ хитрыхъ фразъ,
Тѣмъ фехтованіемъ словеснымъ,
Намъ съ юныхъ лѣтъ ужъ всѣмъ извѣстнымъ
И столь заманчивымъ для насъ,—
Той легкомысленно-лукавой
Привычной бальной забавой,
Гдѣ можно промахъ дать какъ разъ,
Гдѣ позволяетъ ложь улыбки
Изъ слова тайный смыслъ извлечь,
И гдѣ порой такъ кстати скрипки
Иную заглушаютъ рѣчь.
Я стычку продолжала храбро,
Тѣмъ больше, что мой бѣглый взоръ
Вадима замѣчалъ надзоръ;
У входа, возлѣ канделябра,
Стоялъ онъ неподвиженъ, съ насъ
Сердитыхъ не спуская глазъ.
—Смотрите, какъ глядитъ на танецъ
Вашъ разъяренный пуританецъ,
Сказалъ гвардеецъ мнѣ, смѣясь.
Къ дверямъ мой взглядъ скользнулъ украдкой;
Я знала, гнѣвныхъ думъ борьба
Высказывалась этой складкой,
Чуть видной въ серединѣ лба.
Но я рѣшила, что не буду,
Что не хочу быть такъ слаба,
Чтобъ безпрестанно и повсюду
Себѣ въ законъ его причуду
Смиренно ставить, какъ раба.
И новой хвастая побѣдой,
Живѣ занялась бесѣдой,
Я въ наказаніе ему,
Ботъ вѣсть за что, и почему.
Межъ тѣмъ, вдаваясь понемногу
Въ ту безотчетную тревогу,

Которую вливаетъ въ умъ
 И магнетизмъ живаго взора,
 И прелесть тонкаго разбора
 Сердечныхъ чувствъ и тайныхъ думъ,
 Дошла съ своимъ я кавалеромъ
 До точки, гдѣ, забывъ игру,
 Вдругъ представляешься, въ жару,
 Такимъ усерднымъ лицемѣромъ,
 Что начинаешь вѣрить самъ
 Своимъ придуманнымъ словамъ.
 Склонясь къ прекрасному сосѣду,
 Раздумья страннаго полна,
 Ему внимала я.—Княжна,
 Сказалъ онъ вдругъ,—я завтра ѣду,
 Жестокій долгъ зоветъ меня;
 Какъ знать, свиданія другаго
 Дождусь ли, и такого дня?
 Онъ смолкъ, вздохнулъ, и молвилъ снова:
 —Тяжелъ послѣдній этотъ часъ,
 Я ѣду рано, на разсвѣтъ;
 Я отправляюсь на Кавказъ,
 Умру въ бою или лазаретъ.
 Мечту о блескѣ вашихъ глазъ,
 О дивныхъ звукахъ вашей рѣчи,
 Разсвѣтъ, можетъ, свистъ картечи;
 Но дайте мнѣ, молю я васъ,
 Еще унитесь сладкимъ ядомъ,
 Отраднымъ словомъ, милымъ взглядомъ,
 Въ послѣдній насладиться разъ;
 Мигъ подарите мнѣ единый,
 Придите съ вашею кузиной
 Въ садъ на зарѣ, пока весь домъ
 Спать еще будетъ; съ ней о томъ
 Я говорилъ. Тамъ есть бесѣдка:
 Придите,—и сраженъ войной,
 Умру хоть съ вѣрой я одной,
 Что вы не жалкая кокетка,
 Что вы не забавлялись мной.
 Онъ въ ожиданіи отвѣта,
 Допрашивалъ мой робкій взоръ;
 Я грусть читала и укоръ
 Въ его чертахъ. Минута эта
 Была одна изъ тѣхъ минутъ,
 Гдѣ, вопреки условьямъ свѣта,

Въ насъ увлеченя верхъ берутъ.
 На гнѣвное лицо Вадима
 Невольно поглядѣла я,
 И стало вдругъ мнѣ нестерпимо.
 — Молчите вы? вы несогласны?
 Мои моленія напрасны?
 Сказалъ гвардеецъ.—Чтожь могло
 Васъ испугать? и гдѣ же зло?
 Кто встрѣтитъ васъ передъ зарею?
 На краткій мигъ придти съ сестрою
 Бойтесь развѣ? да чего жь?
 Ужель и въ васъ всѣ чувства ложь?
 Ужель всѣмъ прочимъ вы подобны?
 Княжна! ужели неспособны
 Къ великодушю и вы?

Не колебалася я болѣ;
 Съ строптивой мыслью за одно
 Твердило чувство, что грѣшно
 Тутъ свѣтской уступать неволѣ;
 Сомнѣнье стихло, страхъ умолкъ,
 И шагъ мнѣ этотъ сумазбродный
 Предсталъ какъ подвигъ благородный,
 Какъ жертва смѣлая и долгъ.
 Занявшись цвѣткомъ въ букетѣ,
 Я прошептала:—Да, въ саду,
 Въ павиліонѣ, на разсвѣтѣ....
 Вотъ слово вамъ мое, приду!

Въ покой, гдѣ ужинъ ждалъ готовый,
 Мазурку кончивъ, мы пошли;
 Увидѣла я, въ дверь столовой
 Вступая, Чецкого вдали.
 Стоялъ съ нимъ графъ, мнѣ столь противный,
 Два франта, и старикъ майоръ,
 Предметъ привычный и наивный
 Насмѣшекъ нашихъ съ давнихъ поръ
 За то, что подходилъ онъ къ ручкѣ.
 Послышался вдругъ въ этой кучкѣ
 Вадима голосъ громче всѣхъ,
 Въ отвѣтъ на чей-то легкой смѣхъ.
 Обрадована этимъ взрывомъ,
 Я въ упоеніи горделивомъ,
 Съ улыбкою садясь за столъ,
 Подумала: ага! онъ золъ.
 И продолжала, тѣшась мщеньемъ,

Я до конца, съ безумнымъ рвеньемъ,
 Разгорячившись, какъ къ бою,
 Роль малодушную свою.
 Мнѣ становились бесполезны
 Понятія добра и зла:
 Неистово я къ цѣли шла,
 Какъ слѣпо мчится къ скату бездны
 Конь, закусивши удила.

Еще два раза, на мгновенье,
 Въ толпѣ, какъ грустное видѣнье,
 Мелькнулъ Вадимъ передо мной.
 Да, онъ страдалъ средь блеска бала,
 И больше чѣмъ я полагала,
 Увы! и мыслію иной!
 Когда гостей шумливыхъ стая
 Угомонилась, засыпая,
 И смолкнулъ по немногу домъ,
 Отправилась въ спальню Даши
 Я съ ней, и долго толки наши
 Тамъ продолжались тайкомъ.
 И этимъ rendez-vous въ бесѣдкѣ
 Опять занявшись и опять,
 Я наконецъ, часовъ ужъ въ пять,
 Расположилась на кушеткѣ,
 Сказавъ: Попробуемъ поспать.

Но не спалось. Неотразимо
 Передо мной носился мимо
 Рядъ безконечный пестрыхъ думъ;
 Мнѣ видъ нахмуренный Вадима
 Невольно приходилъ на умъ;
 Какъ ни владѣлъ красавецъ свѣтскій,
 Въ своей отвагѣ молодецкой,
 Мечтой причудливой моей,
 Сердить, задумчивъ, блѣдень, Чечкій
 Упорно представлялся ей.
 Порой, все взвѣсивая снова,
 Сама съ собой наединѣ,
 Я ужъ почти была готова
 Нейдти,—но не исполнить слова
 Казалось низостию мнѣ.
 Мнѣ снились вкрадчивыя рѣчи,
 И зажигали жаръ въ крови;
 Меня прельщала новость встрѣчи,

Манила эта тѣнь любви.
Признаться, тутъ была отчасти
Недѣльность мнѣ моя видна ;
Не слишкомъ вѣрила я страсти
Блестательнаго шалуна.
Но доказать себѣ хотѣла
Свою я волю и права ,
И что на все иду я смѣло ,
Какъ скоро обратить мнѣ въ дѣло
Свои приходится слова ;
Что судъ другихъ мнѣ не преграда,
Что въ силахъ я себя, гдѣ надо ,
Уволить отъ привычныхъ узъ ,
Спросивъ у совѣсти совѣта ;
Что и безмысленнаго свѣта,
И Чецкаго я не боюсь.
Всеобщей, можетъ-быть, ошибки
Несчастный тутъ являлся плодъ ,
Желаніе хотъ тайной сшибки
Съ тѣмъ, чтоъ вседневно насъ гнететь.
Мѣшала разсуждать мнѣ здраво
И лести вѣчная отрава,
И думъ взлелѣянная блажь ,
И безтолковость женской роли ,
Смѣсь своеволья и неволи ,
Почти всегдашній жребій нашъ.
Какія, впрочемъ, мы вліянья
Могли бѣ рѣшительно винить ?
Гдѣ въ лабиринтѣ воспитанья
Руководительная нить ?
Но я рѣшилась.

Мгла рѣдѣла ,
На горизонтъ восточный бѣло
Легла разсвѣта полоса.
Мы встали, и, чрезъ полчаса,
Съ мгновенною отвагой трусовъ ,
И въ складки теплая бурнусовъ
Закутавшись до лица ,
Сбѣжали съ задняго крыльца ,
Вдоль оконъ длиннаго фасада
Мелькнули и, уже смѣлѣй ,
Достигнувъ середины сада ,
Помчались по снѣгу аллеи ,
И въ сильной донеслись тревогѣ
До павильона: на порогѣ

Ждалъ мой поклонникъ, ввелъ насъ въ дверь,
 И началъ бредъ души мятежной,
 И тягость жизни безнадежной,
 И горе внутреннихъ потерь,
 И боль безумнаго порыва
 Онъ излагать краснорѣчиво.
 Но грустныя его слова
 Мнѣ какъ-то холодно звучали;
 Сама теперь уже была ли,
 Побѣдой опьянѣвъ сперва,
 Я вновь душой почти трезва?
 Къ излитію его печали
 Благопріятствовалъ ли балъ,
 И шла ли свѣта обстановка?
 Обомлѣ было намъ неловко.
 Мнѣ снова говорить онъ сталъ
 О смерти отъ черкесской пули,
 Которой онъ подставитъ грудь;
 И оба, захотѣвъ вздохнуть,
 Украдкой мы слегка зѣвнули.
 Все какъ-то тутъ не шло на ладъ.
 Онъ уже этому свиданью
 Былъ вѣроятно самъ не радъ.
 Прибѣгнувъ наконецъ къ молчанью,
 Мы съѣли. На него была
 И на себя я тайно зла.
 Моя мгновенная причуда
 Казалась мнѣ теперь смѣшна.
 Вдругъ Даша съ кресель у окна
 Вскочила:

—Идутъ!

—Кто?.. Откуда?

Вскричала я, шагнувъ впередъ.
 Сиднемъ ранимъ небосклона
 Блестѣлъ пруда прозрачный ледъ
 Напротивъ оконъ навильйона.
 Скользя сквозь ивъ прибрежныхъ рядъ,
 Въ единый мигъ мой быстрый взглядъ
 По снѣжному пронесся парку.
 Шелъ медленно, покрытъ плащомъ,
 Съ другимъ мушиною вдвоемъ,
 Нѣмецкій графъ, кура сигарку;
 На дали, блестящей зарей,
 Темнѣлъ ихъ стана очеркъ рѣзкій.
 Графъ, точно, и морякъ одесскій,

Съ нимъ дружный. Этою порой?..
Зачѣмъ имъ?.. Скрыты занавѣской,
Глядѣли въ страхѣ мы съ сестрой.
Остановившись у площадки
Поодаль, графъ взглянулъ вокругъ,
И содрогнулася я вдругъ
Отъ грозной мысли, отъ догадки
Внезапной... Этотъ споръ въ углу
Съ Вадимомъ, какъ вчера къ столу
Я мимо шла изъ залы бальной...
Онъ ждетъ здѣсь... Боже мой!.. Ужель?..
Видѣлся плащъ въ аллеѣ дальней,
И офицерская шинель.
На встрѣчу графъ ступилъ удало
Два, три шага... я понимала,
Я громко вскрикнула: дуэль!..
Въ сопровожденіи майора
Поспѣшно Цецкій шелъ туда,
Гдѣ ждали молча тѣ: и скоро
Среди площадки, у пруда,
Всѣ четверо сошлись, готовы
Угрюмы. Бросилась я въ дверь,
Забывъ про все.—Куда вы? что вы?
Къ чему идти вамъ къ нимъ теперь!
Сказалъ, меня останавливая,
Гвардеецъ,—ваша цѣль какая?
Помочь тутъ, вѣрьте, средства нѣтъ.
Нельзя вамъ выйти здѣсь, чѣмъ свѣтъ.
Добра не сдѣлавши нисколько,
Себя погубите вы только,
И больше причините бѣдъ.
Меня и Даша не пускала;
Я, взоры приковавъ къ пруду,
Старалась вспомнить все съ начала,
Понять нежданную вражду:
И растекались, какъ въ бреду,
Всѣ мысли, сумрачны и зыбки.
Въ умѣ испуганномъ моемъ
Мелькнули колкія улыбки
И взгляды Нѣмца за столомъ,
Возможность сказаннаго слова,
Насмѣшки, замѣчанья злаго...
Кровь стыла въ жилахъ. Мнѣ свой вздоръ
Здѣсь несъ, какъ чопорный актеръ,
Герой салонный. Въ складной рѣчи,

Болталъ онъ здѣсь мнѣ наизусть
 Про неразгаданную грусть,
 И про любовь, и гибель въ сѣчи,
 Съ трудомъ лишь, въ продолженьи дня,
 Свой жаръ поддѣльный сохраня;
 А тамъ Вадимъ ждалъ смертной встрѣчи,
 Вступааясь, можетъ, за меня!

Въ окно я словно противъ воли
 Глядѣла, и отъ рѣзкой боли
 Дрожащая сжималась грудь;
 Глядѣла я, не въ силахъ взгляда
 Спустить съ безвѣстнаго обряда,
 Не въ силахъ тронуться, дохнуть.
 Казалось мнѣ, что о дуэли
 Тутъ рѣчь идетъ не въ самомъ дѣлѣ;
 Что помѣшаетъ кто-нибудь,
 Что помирять ихъ, что раздора
 Межъ ними важнаго вѣдь нѣтъ.
 Вотъ разошлись. Въ рукахъ майора
 Я увидала пистолеть.
 Онъ ровнымъ шагомъ черезъ площадку
 Прошелъ. Вадимъ снималъ перчатку.
 Теперь, черезъ тринадцать лѣтъ,
 Еще стоитъ передо мною
 Онъ какъ тогда, у старыхъ ивъ,
 Отбросивъ плащъ, готовый къ бою,
 Недвижный, губу закусивъ,
 Поставленъ тутъ моей виною!
 А я — я не могла помочь,
 Я не могла сдержать ихъ мщенья,
 И отъ ужаснаго видѣнья
 Не смѣла отвернуться прочь.
 Облиты яркимъ уже свѣтомъ,
 Другъ въ друга цѣля пистолетомъ,
 Ступая тихо, шагъ за шагъ,
 Они сходились на равнинѣ:
 Межъ нихъ блистали, въ серединѣ,
 Ефесы двухъ воткнутыхъ шпагъ.
 И я глядѣла, недвижима,
 Безумнымъ взоромъ на Вадима,
 Въ то время слыша, какъ во снѣ,
 Что говорилъ тутъ кто-то мнѣ,
 Что я ни въ чемъ не виновата,
 Что даромъ я боюсь за брата,

Что попадаетъ онъ въ туза...
 Глядѣла я во всѣ глаза,
 Всей волей мысли, всей душою.
 Графъ выстрѣлилъ.

Разнесся дымъ.

Шатаюсь, лъвою рукою
 Держалъ свой пистолеть Вадимъ;
 Движеньемъ быстрого отказа
 Свидѣтелей отсторонилъ,
 И съ графа не спуская глаза,
 Съ послѣднимъ напряженьемъ силъ,
 Не ловко цѣля, сдвинувъ брови,
 Минуту простоялъ одну,
 И капли яркой, алой крови
 Пятнали снѣга бѣлизну.
 Стоялъ онъ, блѣдный призракъ гроба,
 Мертвецъ грозящій и нѣмой....
 И выстрѣлъ прогремѣлъ.

И оба

Свалились въ снѣгъ передо мной.
 Я кинулась.... я ужъ стояла,
 Дрожа всѣмъ тѣломъ, передъ нимъ,
 И безсознательно шептала
 Одно: «Вадимъ!... Вадимъ!... Вадимъ!...»
 Какія-то я помню тѣни
 Вокругъ себя, и голоса.
 Онъ двинулся, я на колѣни
 Упала; и приподнялся
 Онъ медленно, съ улыбкой странной;
 Ложилась на его черты
 Печать какой-то несказанной,
 Какой-то смертной красоты.
 Онъ сжалъ мнѣ руку; взглядъ туманный
 Блѣднѣющихъ, безсильныхъ глазъ
 Въ меня еще вперился разъ
 Не укорительно, не строго;
 Стѣснилось въ раненой груди
 Дыханье; погода немного,
 Онъ тихо вымолвилъ: «Поди!»
 Тупымъ я поглядѣла взоромъ,
 И, поведенная майоромъ,
 Пошла, не вѣдая куда.
 Мой проводникъ молчалъ уныло.
 Отшедши дальше отъ пруда,
 Я шопотомъ его спросила:

— Онъ за меня стрѣлялся? — Да,
 Сказалъ онъ, эти господа
 Васъ оскорбили колкимъ словомъ.
 Провѣдалъ Чецкій. Какъ? Богъ вѣсть! —
 Опять, въ молчаніи суровомъ,
 Старикъ прошелъ шаговъ пять-шесть;
 И вдругъ, не въ силахъ горе снести,
 Промолвилъ, обернувшись къ ивамъ,
 Гдѣ столпанъ былъ кровавый снѣгъ:
 • Сударыня, Господь прости вамъ!
 Онъ былъ хорошій человекъ! •

Она замолкла; думы жало
 Впилося глубоко въ сердце ей.
 Въ каминѣ пламя догорало,
 Порой взвиваясь изъ углей.
 И озаряла вспышка эта
 Мгновенно бронзу кабинета,
 Часы богатые въ углу,
 Ковра цвѣтныя арабески,
 И у дверей, сквозь полумглу,
 Отливы алой занавѣски.
 А въ зеркалѣ былъ отраженъ
 Покой безвѣстный и далекій,
 Гдѣ при лампадѣ одинокой
 Мерцалъ въ тѣни окладъ иконъ,
 Гдѣ съ устъ, веселыхъ въ свѣтѣ строгомъ,
 Срывался вопль, въ ночной тиши,
 Гдѣ изливались передъ Богомъ
 Всѣ боли тайныя души.
 Графиня судорожно встала,
 Рукой дрожащей опахало
 Схватила быстро и букетъ:
 — Пора, поѣдемъ! я готова.
 Всѣ поднялись, раздумья злаго
 Стряхая неумѣстный слѣдъ.
 Пронесся легкій шумъ; и снова
 Смогъ опустѣлый кабинетъ.
 Лишь съ мраморнаго пьедестала,
 Какъ неземной и вѣщій гласъ,
 Раздался рѣзко звонъ металла,
 И прогудѣлъ двѣнадцать разъ.

К. ПАВЛОВА.

ПО ДОРОГѢ¹

«Погубять, окончательно погубять дѣвочку!» заключилъ я мысленно, и съ такою силою прижалъ горячій лобъ свой къ холодному стеклу окна, что обѣ половинки его вдругъ распахнулись, и вся верхняя часть моего тѣла перевѣсилась через подоконникъ; при чемъ стая воробьевъ, испуганная моимъ внезапнымъ появленіемъ, съ крикомъ поднялась съ ракиты, стоявшей подъ окномъ, курица, съ громкимъ кудахтаньемъ, бросилась съ заваленки, на которой сидѣла, поджавши ножки, а собака, грѣвшаяся на осеннемъ солнышкѣ, укоризненно взглянула на меня изподлобья и съ громкимъ вздохомъ опустила голову на переднія лапы. Это было въ селѣ Р., томъ самомъ, близъ котораго я, за мѣсяць передъ тѣмъ, познакомился съ

(1) Въ 24 книгѣ *Русскаго Вѣстника*, за прошедшій годъ, былъ помѣщенъ подъ этимъ заглавіемъ разказъ, составляющій отдѣльное цѣлое. Замѣтимъ для читателей, не имѣвшихъ его въ рукахъ, что молодой человекъ, говорящій отъ своего лица, возвращается изъ деревни своего опекуна, у котораго есть хорошенькая дочь, Зоя, и остановился на станціи, въ селѣ, гдѣ встрѣтилъ два мѣсяца тому назадъ старуху Анну, разказы которой и составляютъ содержаніе перваго отрывка. *Ред.*

доброю и словоохотливою старушкой, кузнечихой Анной. Я ѣхалъ тогда къ моему опекуну, съ намѣреніемъ пробыть у него три-четыре дня, и вмѣсто того прожилъ слишкомъ мѣсяць. Нечего и говорить, что заставило меня продлить мой деревенскій визитъ. Конечно, не будь тамъ Зои, я давнымъ-давно былъ бы въ городѣ; но оторваться отъ нея мнѣ было такъ трудно, что день проходилъ за днемъ, а я все только собирался выѣхать. Впрочемъ да не подумаетъ читатель, чтобъ я окончательно былъ влюбленъ въ хорошенькую дочь моего опекуна. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось только видѣть, что общество успѣло сдѣлать изъ этого, милаго, умнаго, молодаго созданья. Съ неутомимымъ вниманіемъ слѣдилъ я за каждымъ движеніемъ, взвѣшивалъ каждое слово ея, и только пришелъ къ грустному убѣжденію, что таково вліяніе этого общества съ его пустотою, и его афектаціей и ложью въ проявленіи всякаго чувства, что даже самая свѣжая и здоровая натура должна поблекнуть, какъ скоро коснется ея это тлетворное вліяніе. Два-три мѣсяца, проведенные Зоєю въ городѣ, подѣйствовали на нее не столько пагубно, какъ послѣднее время, проведенное въ деревнѣ. Тогда, только-что вышедши изъ своего учебнаго заведенія, она съ любопытствомъ присматривалась ко всему окружавшему ее, и умъ ея развивался отъ этой постоянной наблюдательности, сила крѣпла отъ частой борьбы съ мелочными предрассудками свѣта, которымъ она, по натурѣ своей, не могла сразу поддаться. Но пріѣхавъ въ деревню, гдѣ все общество состоитъ изъ пяти-шести помѣщичьихъ семей, въ кругу которыхъ Зоя тотчасъ почувствовала, что должна царить силою своей молодости, милости и граціи, — окруженная съ одной стороны нѣсколько утрированнымъ проявленіемъ нѣжности своихъ родителей, съ другой лестью, которую расточаютъ ей всѣ молодые и даже не молодые люди этого круга, Зоя увѣрилась, что она дѣйствительно существо исключительное, вся задача жизни котораго заключается только въ томъ, чтобы дышать и наслаждаться, и прямымъ путемъ пошла къ тому ничтожеству, которое — увы! — составляетъ исключительный характеръ большей половины нашихъ женщинъ. Грустно и больно мнѣ было все это видѣть, и, признаться ли, не разъ въ головѣ моей мелькала мысль, что еслибы мнѣ постараться сблизиться съ Зоєю, сдѣлаться ея другомъ, руководителемъ!.. Нѣсколько разъ я пытался завести съ нею серіозный разговоръ; но она или смотрѣла на меня съ пугливою недоувѣрчивостью, или улыбаясь увѣряла, что ей и

такъ хорошо, что лучшаго она ничего не желаетъ. Когда же, за день передъ моимъ отъѣздомъ, я вздумалъ замѣтить ей, что, еслибъ она, вмѣсто того чтобы съ утра до вечера пѣть пустенькіе романсы, читать Дюма и Февала да вышивать англійскимъ швомъ, хотѣла войти въ положеніе титовскихъ крестьянъ и ознакомиться съ ихъ нуждами, то принесла бы имъ несомнѣнную пользу, а себѣ создала бы пріятную дѣятельность. Она такъ гнѣвно, насмѣшливо глянула на меня, что я мысленно махнулъ рукой, и ничего не отвѣчалъ уже на ея возгласъ: «Что вы, Александръ Дмитріевичъ, да я вовсе не желаю имѣть дѣло съ мужиками: у нихъ такой смѣшной и жалкій видъ!» Эти два эпитета *смѣшной* и *жалкій*, поставленные рядомъ, дико прозвучали въ ухахъ моихъ. Я былъ радъ уѣхать изъ Титовки, и вотъ проѣхалъ я тридцать верстъ, очутился на постояломъ дворѣ села Р., успѣлъ напиться чаю, а грустныя думы все не покидали меня. Наскучивъ наконецъ думать о томъ, чего не поправишь, я рѣшился для развлеченія поискать мою добрую знакомую Анну и, взявъ фуражку и палку, отправился бродить по селу. Село Р. расположено на берегу не широкой, но быстрой и глубокой рѣки, которая весело катитъ свои воды мимо ветхихъ избушекъ крестьянъ, потомъ омываетъ довольно высокій холмъ съ возвышающеюся на немъ церковью и, добѣжавъ до кустарника, отдѣляющаго церковный дворъ отъ господской усадьбы, вдругъ дѣлаетъ крутой поворотъ и теряется въ тѣни ивъ, протягивающихъ другъ другу свои зеленыя объятія съ обоихъ береговъ рѣки. Идя по улицѣ, я замѣтилъ, что избы мужиковъ стоятъ каждая отдѣльно и въ довольно дальнемъ разстояніи одна отъ другой. Видно пожаръ научилъ ихъ не селиться сплошною улицей, и они перенесли всѣ надворныя строенія свои на противоположную сторону. Миѣ понравился этотъ способъ строиться: не имѣя двора, обнесеннаго плотною изгородью и замкнутаго тяжелыми воротами, люди не принадлежатъ такъ исключительно одной своей семьѣ; какъ будто болѣе живутъ со всѣми и для всѣхъ, больше довѣряютъ сосѣдямъ, чаще наталкиваются на случай быть другъ другу полезными. Прошедши вдоль всего села и нигдѣ не встрѣтивъ своей старушки, я уже готовъ былъ идти назадъ, когда, еще разъ взглянувъ на церковь, куподы которой весело сіяли въ золотистыхъ лучахъ яснаго сентябрьскаго дня, я замѣтилъ не вдалекѣ отъ церковной ограды небольшую, но чистенькую избу, и противъ нея покачнувъ

щуюся на боугь клѣтъ, освѣщенную большимъ раскидистымъ вѣтникомъ. На огромномъ гладкомъ плитникѣ, представлявшемъ крылечко, сидѣла старушка съ грубымъ шитьемъ въ рукахъ, а въ двухъ шагахъ отъ нея, поджавши подъ себя голенькія ножки, игралъ ребенокъ, возраста котораго я не умѣлъ опредѣлить. Взглянувъ попристальнѣе на старуху, я тотчасъ узналъ въ ней свою знакомую, и весело сталъ взбираться на холмъ. Когда я подошелъ къ ней, она тотчасъ узнала меня. — А сударикъ! заговорила она, дружески кивнувъ головой: — откогдѣ жаловать изволишь? — Ъду домой изъ Титовки, бабушка, отвѣчалъ я, — да вспомнилъ о тебѣ: захотѣлось посмотрѣть, что ты подѣлываешь, да послушать, не разкажешь ли ты мнѣ еще чего о своемъ житьѣ-бытьѣ. — Чего разказывать-то, родимый ты мой! отозвалась старуха. — Какая жизнь-то наша: родился, да прожилъ; померъ, да похоронили, вотъ тебѣ и вся недолга. А тутъ еще спина болить, поясницу то-есть такъ разломлю, что ни согнуться, ни разогнуться. И потянувшись, и покряхтывая, старуха продолжала мнѣ разказывать еще что-то о своей хворости; но я не слушалъ ея; все мое вниманіе сосредоточилось на женщинѣ, которую теперь только я замѣтилъ у окна избы, стоявшей на противоположной сторонѣ улицы. Она сидѣла съ работой въ рукахъ на лавкѣ, вдоль которой были протянуты ея ноги, такъ что намъ виденъ былъ только ея профиль, совершенно правильный и такой тонкій, какой рѣдко встрѣчается у крестьянки. Бѣлый какъ снѣгъ платокъ покрывалъ ея наклоненную голову и окаймлялъ ея молодое, но уже поблѣншее и усталое лицо. Тонкій станъ, склоняясь надъ работой, казался какъ бы надломленнымъ. Медленно вытягивая длинную нить, она иногда поднимала голову и смотрѣла на улицу своими большими, задумчивыми, сѣрыми глазами. Но какъ-то безсознательно скользили ея взгляды отъ предмета къ предмету: что-то глубокое, сосредоточенное было въ этихъ глазахъ, исполненныхъ грусти и мечтательности, не мечтательности нашихъ дѣвицъ, которыя, сдѣлавъ усиліе вознестись до облаковъ, тотчасъ спѣшатъ изустно или мысленно передать подругѣ свои ощущенія, но простой, безыскусственной мечтательности крестьянки, которая, не умѣя отдѣлаться отъ напрашивающихся порою въ ея сердце чувствъ и желаній, вѣчно бережетъ ихъ въ глубинѣ души, вполне сознавая, что въ практическомъ мірѣ, окружающемъ ее, ей не найдти сочувствія; и бережетъ она ихъ, эти золотыя мечты, и лелѣетъ

нхъ, и прѣчется съ ними, и все тяжеле гнететь ее безотрад-
ная, тяжелая дѣйствительность. Но вотъ послышались на улицѣ
мужскіе шаги; кто-то сталъ взбираться на холмъ. Моя краса-
вица глянула въ окно, вспыхнула, и чаще замелькала игла въ
блѣдной рукѣ ея. По улицѣ, неторопливо, слегка перевали-
ваясь съ боку на бокъ, шелъ малый, лѣтъ двадцати шести, и,
гнѣвно закинувъ назадъ голову, тихо брнчалъ на какомъ-то не-
знакомомъ мнѣ инструментѣ, чемъ-то среднемъ между бандурою
и балалайкой. Красная ситцевая рубашка, плисовые шаровары,
черная поддевка безъ рукавовъ, да круглая низенькая шляпа,
слегка наброшенная на цѣлый лѣсъ черныхъ какъ смоль куд-
рей, ясно говорили, что то былъ кучеръ съ барскаго двора; а
стирытое, живое лицо его, бѣлое и румяное, ясные каріе глаза,
слегка вздернутый носъ и красныя какъ малина губы такъ и
дышали здоровьемъ, отвагою и силой. Не доходя шаговъ пяти
до того мѣста, гдѣ игралъ ребенокъ, парень вдругъ остановился,
съ минуту постоялъ въ недоумѣніи, потомъ, выпустивъ изъ
рукъ свою бандуру, повѣшенную на широкой тесьмѣ черезъ
плечо, какъ вѣшали свои гитары нѣмецкіе миннезэнгеры, снялъ
шляпу, провелъ рукой по волосамъ, тряхнулъ головой, какъ бы
желая приободриться, и быстро подошелъ къ ребенку.

— Ишь, пострѣленокъ! заговорилъ онъ, —туда же, выльзъ на
солнышко грѣться. Вотъ я тебѣ дамъ подъ ноги прохожимъ
соватьсь!

И онъ слегка толкнулъ мальчика въ спину своею большою
и сильною рукой. Ребенку не понравилась эта шутка; онъ
съ изумленіемъ посмотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ при-
тѣонителя и, подобравъ губки и защуривъ свои большіе чер-
ные глаза, готовъ былъ заплакать. Молодой человекъ бросилъ
бѣглый взглядъ на окно избы, у котораго сидѣла крестьянка,
наклонилъ къ мальчику и ласково заговорилъ съ нимъ:

— Полно тебѣ грибы-то строить, Петя! нишни, говорю тебѣ,
нишни! глянька, чѣ я тебѣ дамъ, прибавилъ онъ, вытаскивая изъ
кармана пряникъ, облѣпленный золотомъ. —Каковъ конекъ-то?
а? горить, что твое золото! Аманься еще на ярмаркѣ для тебѣ
купишь, да все отдать не привелось.

Послѣднія слова были очевидно сказаны не для ребенка, а для
его молодой матери, которая, высунувшись изъ окна, съ застѣн-
чивою нѣжностію посматривала то на ребенка съ его удивлен-
ными, вверенными въ пряникъ глазками, то на веселое ласковое
лицо молодого парня. Но вотъ онъ поднялся съ земли, еще разъ

потрепалъ по щекѣ Петю, еще разъ взглянулъ на окно, отъ котораго быстро отпрянуло разгорѣвшееся лицо красавицы и; слегка кивнувъ головой въ ея сторону, задумчиво побрелъ по улицѣ, не поднимая глазъ и не принимаясь за свою бандуру. Въ продолженіи этой маленькой сцены, старушка продолжала разказывать мнѣ что-то, изъ чего я понялъ только, что изба эта принадлежитъ сторожу церкви, у котораго она, Анна, проживаетъ, а проживаетъ она тутъ оттого, что хозяйка-то сторожева ей, Аннѣ, кума: крестила она у ней пятерыхъ дѣтей, да всѣхъ до одного Господь прибралъ во младенчествѣ.

— А кто же эта молодлица? обратился я къ ней съ вопросомъ:—родственница что ли?

— Какая сродственница, отвѣчала старуха, — чужая, какъ есть чужая, только взята-то она вмѣсто дочери родной. Старуха замолчала и, обернувшись къ солнышку и прищуривъ глаза, принялась вдѣвать толстую нитку въ большую иголку съ продолговатымъ ушкомъ.—Она имъ смаленьку досталась, начала она вдругъ, обратившись ко мнѣ.—Какъ свои-то дѣти, видишь ли, почли у нихъ умирать, они и задумали взять сироту круглую на прокормленіе. У насъ вишь, бають, что коли у кого дѣти не стоятъ, то надо пріютить младенца бездомнаго, такъ Господь благословить своихъ дѣтокъ выростить. Вотъ въ самую это-то рабочую пору, померла у сторожихи и послѣдняя дѣвчонка, Сашкой еще звали. И померла-то такъ махонькая, недѣлекъ двадцать было ли? А была по ней сторожиха, какъ по большомъ покойникѣ. Въ тотъ самый день и случись, что на селѣ у насъ родила бабенка двойни. Да бабенка-то такая ладенькая была, Паранькой звали, изъ Барыковки была взята. Въ утро-то родила она, а къ вечеру и покончилась. Вотъ на другой день, Катерина, схоронивши въ раннюю свою дѣвчонку, и ушла въ поле работать. Работа вишь стояла спѣшная, да и дома-то оставаться одной было словно боязно. Вотъ идетъ это наша Катерина,—сторожиху-то тогда Катериной прозывали, потому что не была она еще сторожихой,—идетъ она вечеромъ съ поля домой, да и думаетъ: семъ-молъ зайду на погость поголосить, больно ужъ у меня за день-то сердце наболѣло. Ну и зашла она на погость; да какъ повалится на могилку на дѣвчонкину, да какъ почнетъ причитывать. Рвалась это она, рвалась, убивалась, убивалась, ну и отлегло ей маленько. Поднялась она съ земли, глядь, а передъ ней стоитъ Агашка, сестра Паранькина, да такъ и льется рѣкой. «Что это, говоритъ

ей Катерина, ты такъ плачешь, Аганя?—Да что-моль, плачу, говоритъ Агашка; а сама и слова-то еле выговариваетъ.—Вѣдь у насъ Параня-то померла вечеръ. А нонѣ и мальченка-то ея убрался. Только вотъ дѣвчонка на грѣхъ не помираетъ, такъ и кричить на всю избу.

« — Какъ, кто померъ? говоритъ Катерина; а сама только глаза таращить на Агашку.—Я что-то и въ толкъ не возьму. Ну и разказала ей это Агашка все доподлинно. И ну просить Катерину, чтобы сжалилась она надъ сиротинкой, пришла бы хоть разикъ покормить ее. А у Катерины, изволишь ты видѣть, и молоко-то еще перегорѣть не успѣло, оттого что всего вторыя сутки пошли, какъ ея дѣвчонка покончилась. Препродувная дѣвка, скажу я тебѣ, была эта Аганька. Опосля сама сознавалась, что она съ тѣмъ и пошла въ ту пору Катерину отыскивать, чтобы навязать ей дѣвчонку на вѣки вѣчные да свалить съ себя всю обузу. И подлинно, послушала наша Катерина Аганькиныхъ розказней: какъ то-есть и Параня кончалась, какъ объ дѣтяхъ тужила, да какъ больно жалостно на дѣвчонку смотрѣть, что она съ голоду сердечная голосу не переводитъ. Послушала, повернулась лицомъ ко храму Божьему, положила три земные поклона, встала, да и говоритъ:—Ну, говоритъ,—Аганя, знать это моя Саша меня благословляетъ взять на ея мѣсто приемышку, что такъ вотъ привелъ тебя Господь съ этою вѣстью меня на могилкѣ ея застать. Коли не противно это будетъ моему хозяину, клянусь Богомъ, не покину я сиротку, буду ей вмѣсто матери родной, буду жалѣть и холить ее какъ свое родное дѣтище. И пошла она за Агашкой. Такъ, сударь ты мой, все это дѣло и сдѣлалось. Катерининъ-то хозяинъ ей и отговаривать не сталъ, думаетъ, пусть хоша чѣмъ-нибудь баба займется, меньше плакать станетъ. Паранькинъ-то мужъ радъ-радехонекъ былъ, только возьми дѣвчонку, а то куда съ ней дѣнешься?»

Старуха замолчала, вздохнула и бросила тоскливый взглядъ на окно.

— Ну что жъ, своими-то дѣтками не наградилъ таки ихъ Господь? спросилъ я.

— Нѣту-те, батюшка, не наградилъ; да и слава за то Царю небесному! Вѣдь Катеринина-то хозяина года черезъ два послѣ того въ солдаты отдали: согрубилъ онъ какъ-то барину покойнику, царство ему небесное! Онъ у насъ, видишь, подлипало былъ такой, что и упаси Господи.

— Что жь хозяйка-то его жалѣла объ немъ?

— Ужь вѣстимо, какъ не жалѣть, отвѣчала старуха — Баба осталась она по немъ молодая, еще и тридцати годовъ не было; какая ужь тутъ пріятность безъ мужа остаться? Да и дѣвчонку-то себѣ на шею навязала, не знала, чтò съ нею и дѣлать: и бросить-то жалко, отца то ея вишь переселили въ другую вотчину, а прокормиться-то съ нею дѣло не легкое. Но не покинула она ея; и помогъ ей Господь: и себя прокормила и дѣвочку выростила. А много, много она сердечная въ ту пору муки приняла. Кажись только за ея степенство ей Господь и силы посылалъ. Да и добрые люди не оставляли своими милостями: она, почитай, все время, что мужъ на службѣ царской былъ, прожила у нашего батюшки-попа въ работницахъ, и дѣвочку при себѣ держала. А какъ пришелъ Ермила-то домой, его здѣсь и сдѣлали сторожемъ при храмѣ Господнемъ. Вотъ и живемъ мы, благодаря Создателю, помаленьку, прибавила старушка, и довольная улыбка озарила ея доброе лицо. — Только одна бѣда намъ задалась, заговорила она черезъ минуту, глубоко вздохнувъ и съ укорижной посмотрѣвъ на окно. — Вотъ дѣвка-то насъ засушила совсѣмъ.

— Какъ такъ? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Да такъ, отвѣчала она и, лукаво взглянувъ мнѣ въ лицо и наклоняясь ко мнѣ ближе, прибавила: — глянь-ка, вишь сидитъ, и она указала на окно, — а вонъ мальченка! это дитятко ея любезное. А спроситка ихъ, гдѣ отецъ? И старуха развела руками, неодобрительно покачала головою, и какъ-то вразумительно проговорила: — Ну, развѣ это порядокъ!

— Какъ же это? спросилъ я, нѣсколько озадаченный: — а у нея такой скромный, степенный видъ.

— О-охъ! возразила старуха: — сударикъ ты мой, все-то молодость, молодость! А тутъ еще вашъ братъ баринъ подвернется, да пойдетъ ласы точить. Вотъ и наша Алексаша! Разказала бы я, да чай не до того тебѣ?

— Ахъ нѣтъ, бабушка, разкажи, принялся я умаливать старуху и съ большимъ любопытствомъ, чѣмъ прежде, вперилъ взоръ въ окно, въ которомъ все виднѣлся тонкій блѣдный профиль, все мелькала исхудалая рука.

Старушка усмѣхнулась; въ головѣ ея, кажется, промелькнула мысль: что это за чудной баринъ, который вотъ такъ бы взялъ да и узналъ, чтò у насъ на селѣ дѣлалось и дѣлается.

желаніе поговорить, передать кому-нибудь свои воспомина-
нія, чувства и опасенія скоро отвлекло ее отъ мысли обо
немъ, и она начала свой разказъ:

— Будетъ, видишь ли, сударь ты мой, этому годовъ восемь,
вернулся Ермила изъ службы, и принялся жить съ же-
ною и принятою дочкой въ этой самой сторожкѣ. Я въ ту пору
только что схоронила своего старика, да по скорости сгорѣла и
вдова. Вотъ и перешла я на житье къ своей кумушкѣ. Ну
и благодарю я Господа, пожила-таки я съ ними, а николи ни отъ
кого взгляда косаго не видала, слова браннаго не слыхала. На
праздникъ Ермила, коль праздникомъ ему случится загулять, во хмѣлю
бываетъ, ну а какъ меня увидить, да почну я его уни-
жать, ни словечка мнѣ на отвѣтъ не скажетъ; только норовить
мнѣ нечь залѣзть да выспаться. Вотъ, сударь ты мой, какъ по-
лучилась это я къ нимъ въ домъ, истинно благодать Господня
была въ ихъ семьѣ: Катерина, баба умная, смышленная, хо-
ршая то-есть такая, что испечь ли, сработать ли что, все-то
она тебѣ сумбеть, все-то у нея въ рукахъ спорится; Ермилу
никогда похаить не за что: хоша и изопьетъ инымъ часомъ въ
праздникъ Господень, за то въ будній день тверезъ, смиренъ,
и курицы не обидитъ; сидитъ себѣ день-деньской, да са-
мъ поетъ, да пѣсни поетъ, да пѣсни-то все такія занятныя,
и ну пору слушаемъ мы, слушаемъ, да такъ со смѣху всѣ
впрыснемъ бывало. А Саша-то бывало только носится какъ
песточка: то матери у печи убирать помогаетъ, то ведра ухва-
тываетъ, на рѣчку сбѣгаетъ, то глядишь въ огородѣ полетъ, да по-
живаетъ, али умоетъ руки, да пристроится съ пальчиками къ
кошечку, и вышиваетъ что ни-на-есть. Ее матушка-то, дай
Богъ ей здоровья, въ ту пору, какъ Катерина въ работницахъ
у нихъ жила, всякому рукодѣлю научила, а батюшка все съ
ней грамотой занимался, и таково хорошо читать ее выучилъ,
что она у насъ всякую книжку прочитатъ безъ складовъ мо-
жетъ, а иной разъ ее и по покойникамъ псалтырь читать бе-
рутъ. А придетъ эта бывало праздникъ, выйдемъ мы у во-
ротъ посидѣть, да покалякать съ сосѣдами, да на хороводы по-
йдѣтъ, бывало—повѣришь ли?—отъ нашей Лексаши глазъ бы
оторваль. Чтò это была за дѣвка и сказать невозможно. И
что-то былъ ей пятнадцатый годъ; а вѣдь высокая была ка-
кая, да изъ себя статная, да ловкая! такъ бывало парни наши
только глядятъ, да ахаютъ. А Левка бывало, вотъ малый-то,

что тутъ съ мальченкой... Ахти! да гдѣ же Петя-то? прервала самое себя Анна и стала озираться. Она и не замѣтила, что малютка заснулъ подѣ тѣнью клена въ двухъ шагахъ отъ насъ. Головка его покоилась на одной изъ пухленькихъ ручекъ, между тѣмъ, какъ другою онъ крѣпко сжималъ свой засушенный прыникъ. — Заснулъ, тихо проговорила старушка, отыскавъ глазами ребенка. — Охъ, не хорошо ноня спать-то на дворѣ, прибавила она вставая; бережно подняла ребенка и также бережно поднесла его къ двери и передала вышедшей уже къ ней на встрѣчу Сашѣ. Принявъ малютку изъ рукъ старухи, молодая женщина взглянула на меня, о чемъ-то шопотомъ спросила у Анны, потомъ съ неизъяснимою нѣжностію прижала къ груди ребенка, и тихо скрылась въ сѣняхъ.

— Вѣдь вотъ какъ любить его, заговорила старуха, возвратившись ко мнѣ,—хоть бы и не такого любить эдакъ. Ну да вѣдь и то сказать, все же свое дѣтище, своя плоть, своя кровь!

— Что же, бабушка, про Левку-то ты заговорила? напомниль я ей.

— Да что Левка, отвѣчала она;—онъ въ то время по Лексашѣ просто съ ума сходилъ. Куда бывало дѣвка ни пойдетъ, онъ все тутъ какъ тутъ; и рѣчей-то ея не наслушается, и красотою ея не налюбуется. Случится бывало въ праздникъ, что Саша долго не выходитъ на улицу,—и ходитъ нашъ молодець, какъ въ воду опущенный, только все на нашу дверь поглядываетъ. А мы глядимъ въ окно да посмѣиваемся. А какъ выплыветъ наше красное солнышко, такъ и просіяетъ вся улица. Откуда и рѣчи возьмутся у нашего Льва Гаврилыча! Глаза разгорятся, плечи расходятся, ногъ подѣ собой не слышитъ нашъ малый: поетъ, да пляшетъ бывало, такъ что стонъ по улицѣ идетъ; и во всѣхъ пѣсняхъ знай Александру величаетъ. А она... любовь ли, не любовь ли онъ ей былъ, Господь ее вѣдаетъ, чужая душа потемки, а въ дѣвичью и подавно не влѣзешь. Станемъ мы бывало говорить ей, что вотъ-де скоро выдутъ ей года, станемъ мы тогда ей жениха прискивать, черноброваго молодца, а она только засмѣется да засмѣется! глядишь, анъ и слѣдъ ея простыль.

«Такъ прошло года два; вдругъ пріѣзжаетъ этта наша барыня въ деревню пожить. Баринъ-то, изволишь видѣть, томъ зимой скончался, а она и пожаловала сюда, въ своемъ имѣньи по немъ панихиды служить, да такъ цѣлый годъ здѣсь и осталась. Ну нечего сказать, жила она тихо, смирно: ни она никуда,

ни къ ней никто. Только и былъ съ нею двоюродный племянникъ ея, князь Аркадій Павлычъ, сирота: слышь подь опекою онъ у барина состоялъ; да при немъ учитель, и того учителя, сказывали, барыня крѣпко еще любила и при баринѣ покойникѣ. И подлинно молодецъ былъ изъ себя этотъ окаанный: ростомъ, что твоя косая сажень, глаза большущіе, усы—словно у кота, такъ къ верху и ерошатся. Только борода была маленько нескладна, точь-въ-точь, какъ у козла у старостина. Вотъ жили этта они тутъ; только бывало мы и видимъ ихъ, что пойдетъ Аркадій Павлычъ на охоту, такъ по селу съ учителемъ пройдетъ. И милый, премилый баринъ былъ тогда молодой князекъ-то. Идетъ бывало улицей, такой высоконожкой, да тоненькой; личико-то у него бѣлое-бѣлое, а волоски длинные такіе изъ-подъ зеленой шапочки выбиваются; и самъ одѣтъ онъ въ зеленую курточку: словно березка молодая-кудрявая отъ вѣтра колышится. И бывало привѣтно таково кланяется всѣмъ. А когда и остановится да съ кѣмъ изъ мужиковъ заговорить. Съ бабами николи слова не молвить, словно боится ихъ. Ну да и лѣта-то его еще такія были; чай осьмнадцати еще годовъ не было. А учитель-то этотъ, тотъ совсѣмъ напротивъ того: гдѣ дѣвушку или бабенку молодую завидить, такъ на нее и уставится. А какъ увидѣлъ, что князекъ съ мужикомъ разговариваетъ, такъ такъ и вскинется на него. Такъ брови-то и хмурить, такъ и фырчетъ поганымъ носомъ-то своимъ, словно и не вѣсть какой грѣхъ мужичку ласковое слово молвить. Вотъ тѣмъ временемъ, запримѣтилъ ли гдѣ этотъ окаанный нашу Лексашу, этого я доподлинно разказать не могу; только мыли мы одна новины у рѣчки; подала это Лексаша мнѣ одну штуку, чѣ пошла я ее по берегу разстилать; а дѣвка моя полощетъ другую, да заливаема что твой соловей. Вдругъ смолкла она. Гляжу, стоитъ возлѣ нея распроклятый этотъ, и князекъ съ нимъ; и все что-то онъ скажетъ князьку, а тотъ Сашѣ; а дѣвка такъ и вспыхнетъ, такъ и вспыхнетъ. И Аркадій Павлычъ такъ и зарумянится. Поговорили этта, поговорили, да и пошли; и окаанный-то тотъ еще ее по головкѣ погладилъ: «карошь, говорить, твой карошь».

«Подошла я къ ней.—Что это, говорю, они тебѣ говорили Саша?—Да что говорить, а сама опять вся зардѣлась,—говорить, что хорошая, да умница, да жить бы мнѣ съ ними въ городѣ, а не въ деревнѣ съ мужиками.—Ахъ они, прости Господи, псы эдакіе, говорю я.—Что жъ тебѣ это мужиковъ-то

гнушаться! да тебя кто же на свѣтъ-то родилъ? чай не баринъ съ барыней.

«Ну и накликалъ этотъ душегубецъ бѣду на дѣвку. Дня черезъ два требуютъ Катерину въ контору, и начинаетъ говорить ей прикащикъ, что держать-де у себя Александру она права не имѣетъ; она-де солдатка, а Александра числится крѣпостною генеральскою, значить и хочеть ее барыня, до сиротству ея, взять къ себѣ въ горничныя дѣвушки. Подкосились и ноги у нашей Катерины. Какъ же такъ, думаетъ, Господи! взяла я дитя малое, вскормила его своимъ молокомъ, взростила, взлелѣяла; а теперь и отнимуть ее у меня сердечную, такъ ни за что, ни про что. И подлинно, велика видно власть господская надъ нами грѣшными! Повалилась она въ ноги прикащику; ну молитъ, да проситъ его, нельзя ли какъ дѣло уладить. Сулила и ему благодарность, готова была хоть за дѣвку деньги взнести, да на волю ее выкупить; нѣтъ, стоитъ на своемъ, что приказано-де такъ барыней, да и все тутъ. А сказывали опосля, что дѣло-то было въ томъ, что онъ, прости ему Господи, во всемъ за одно съ окаяннымъ Французомъ-то былъ, а тутъ это барыню-то насчетъ Алексашки и наставилъ. Ну, сударикъ ты мой, пришла это Катерина домой, выпорхнула ей Саша на встрѣчу. «Почто это, говорить, маменька, тебя во дворъ-то требовали?» Глядь на мать, а та ели духъ переводить, да вдругъ какъ обхватить дѣвку да какъ завопить надъ нею громкимъ голосомъ, такъ въ насъ во всѣхъ сердце-то и переверотилось. Алексаша-то блѣдная-блѣдная только стоитъ да унимаетъ ее, а сама такъ и дрожить, словно въ лихорадкѣ. Насилу въ ту пору мы ихъ розняли. Ну какъ разказала намъ Катерина, какая такая бѣда надъ ней стрянулася, не мало плакали и мы. Да что сдѣлаешь-то? вѣдь плетью обуха не перешибешь. Надрываюсь и Левко, какъ узналъ о той бѣдѣ, пыталъ просить, чтобъ его взяли въ городъ въ кучера. Такъ нѣтъ, не выгорѣло его дѣло: изволили барыня отвѣтить, что въ кучера еще-де молодъ, бороды нѣтъ, а въ фелеторы не годится, высокъ больно выросъ. Такъ и остался съ носомъ нашъ малый. А Лексашу тутъ же по скорости одѣли въ господское платье и отправили съ подводой въ Москву. И не велѣно было никому приходить на барскій дворъ провожать ее; затѣмъ значить, чтобы плачемъ да стономъ барыню не обезпокоили. Такъ выходили мы даже и прощаться съ ней за околицу. О-охъ, во вѣкъ не забуду я того прощанья. Словно сердце наше чуяло, что не на радость летить наша пташечка

изъ роднаго гнѣзда на чужую сторонушку. Было то, знаешь, раннимъ-раннимъ утромъ. Вышли мы изъ села, сѣли близь дороги и ни слова другъ другу молвить не можемъ. Только гляжу я на свою бабу, да такъ у меня слезы-то и льются; а она сидитъ словно не живая; и не рвется и не плачетъ; видно ужъ она всѣ и слезы-то выплакала, и на свѣтъ-то Божій глядѣть не хочетъ; сидитъ и головы не поднимаетъ. Вотъ застучала телѣга, вотъ подѣхала къ околицѣ. Глядимъ на телѣгѣ сидитъ Лексаша, а съ нею Терентій дворникъ, лошадей правитъ. Какъ увидала она насъ, какъ бросилась къ намъ; то къ одной прижмется, то къ другой, да вдругъ: «Нѣтъ, говорить, силушки моей нѣтъ! отпусти лучше скорѣй, родная! Благослови, да и въ путь». И повалилась она въ ноги Катеринѣ. Та стоитъ, креститъ по воздуху-то, будто губами шевелитъ, да вдругъ какъ грохнется о землю; а Лексаша только: «тетушка, говорить, да всхлипываетъ, береги ты, говорить, матушку, ради Христа!» и сама бросилась на телѣгу, да такъ, какъ снопикъ, и свалилась. Только мы ее и видѣли.

«И тихо-тихо стало съ того дня въ избѣ нашей, тихо стало и на селѣ: придетъ воскресенье, нейдетъ Лексаша на улицу; не выманишь калачомъ и Левку съ его музыкой. Походятъ-походятъ дѣвки да парни, будто поищутъ чего, да и разбредутся по домамъ. Ну да не долго горевали подружки: пошли у нихъ новыя пляски, новыя затѣи; о Сашѣ, почитай, и забыли. А у насъ сердце все болить да болить. Прошелъ годъ; шлетъ, бывало, Саша намъ грамотки, и ласково таково пишетъ, всѣхъ, всѣхъ бывало помянетъ; а матери да мнѣ еще и гостинца пришлетъ. А намъ все то не въ радость: знамо дѣло, что наши письма-то крестьянскія: только что поклоновъ-то въ нихъ много, а всего доподлинно не отпишешь, какъ что тамъ есть. Слышали мы тѣмъ временемъ, что барыня того Француза прогнать изволила, за то что запримѣтила ихъ милость, что онъ больно къ Сашѣ подольщается, а князька-то приписала она на службу, да въ Питеръ отправила, да за тѣмъ одна и осталась. Ну и были мы по крайности покойны хоть тѣмъ, что знаемъ, мушкетеръ у нихъ не осталось, а въ дворнѣ все были въ ту пору люди степенные да женатые. Такъ прошли еще три года. Тѣмъ временемъ барыня въ деревнѣ не бывала; а писала намъ Лексаша, что переѣхала къ нимъ изъ какого-то института барынина падчерица, покойника генерала нашего дочка, и что князя молодого тоже на службу перевели въ Москву. Люди

бояли, что барыня наша и спитъ, и видить какъ бы Надежду Дмитревну за князя выдать. Да больно ужъ она собой не взрачна, да кривобока маленько, такъ дѣло-то у нихъ и не ладится. А князь-то, хоть вправду не богатъ, за то и собой красавецъ, да и князь; такъ норовиль видно за себя взять такую же богатую, какъ наша барышня, да еще и красавицу. Ну да оборвался знать соколикъ! вотъ нонѣ прѣехала барыня на лѣто въ деревню, такъ и онъ, то и дѣло снуеть сюда. Сказывалъ лакей его, что онъ въ прошлую зиму больно много въ картишки спустилъ, да какой-то мамзели домъ въ Москвѣ купилъ, въ карманѣ-то видно и жидко стало. Ну да не въ томъ дѣло; надо тебѣ про Лексашу разказывать; да разказывать-то, сударикъ мой, не въ радость.

«Года съ два тому назадъ, слышимъ мы, что попала Александра къ барынѣ и барышнѣ въ немилость. Прошли еще эдакъ недѣлекъ съ пятокъ, и призываетъ прикащикъ Ермила, и сказываетъ, что Александру-де барыня за дурное ея поведеніе и распутство въ деревню сослать порѣшили. Такъ, коли желаетъ онъ, Ермила, взять ее опять на свои руки, такъ такъ, а не то приказано ей жить на скотной. Пришелъ домой Ермила; сталъ это разказывать мнѣ; глядимъ, идетъ въ избу Катерина. Что и какъ онъ ужъ ей объ этомъ говорилъ—не знаю; только съ того самаго дня не поминали у насъ объ Александрѣ ни словомъ ни единымъ. И хочу я бывало спросить, будетъ ли она жить-то къ намъ или нѣтъ, да такъ и языкъ-то не поворачивается. Прошло еще съ полгода, объ Александрѣ ни слуху, ни духу: къ намъ не пишеть, а у людей разспрашивать какъ-то зазорно стало. Вотъ сидимъ мы одна въ избѣ, было это ужъ подъ исходъ лѣта. Я эдакъ у окошка, мѣшки для завода для сахарнаго точаю; Ермила съ своими сапогами возится, а Катерина съужиномъ хлопочеть. Дѣло-то ужъ было подъ вечеръ. Глянула я въ окошко. Съ одной стороны солнышко ясно таково закатывается, а съ другой мѣсяцъ на небо выплываетъ. Вдругъ звякнуло колечко у дверей; повернулась я и вижу, стоитъ на порогѣ женщина, и ребенокъ на рукахъ у ней. Думаю, ахти ужъ не Лексаша ли наша! да нѣтъ: эта въ понявѣ, да и повязана-то по крестьянскому. Смотрю, сдѣлала она шага два по избѣ, да такъ и зашаталась. Я встала съ лавки-то, къ ней; гляжу, анъ это и впрямь наша Лексаша. Только не приди она въ ту пору къ намъ въ избу, ей-ей, ни въ жизнь бы мнѣ не узнать ее. Поклонилась она мнѣ, поклонилась и названнымъ родителямъ. Гляжу, не говорить ей Катерина ни слова, и не смотреть на нее. Только

опорожнила ей на лавочкѣ у дверей мѣсто, да показываетъ, чтобы сѣла она. А Ермила-то повернетъ, повернетъ голову, да кашлянетъ, словно его душить что. Посадила я ее сердечную на лавочку, взяла у нея съ рукъ ребенка, подкинула ему свой тулупишко, прикрыла, да и пошла на столъ собирать. Сама хожу по избѣ, а сама все гляжу на пришелицу; сидитъ она, опустивъ голову, словно взглянуть боится; только грудь-то у нея таково высоко поднимается. Вотъ поставила Катерина на столъ чашку со щами, и подошла это она къ Александрѣ.

«— Устала ты, говорятъ, дитятко, умаяли тебя люди недобрые! а голосъ-то у нея такъ и дрожить. — Подъ, говоритъ, поѣшь съ нами, да ложись отдохни съ Богомъ. Какъ зарыдаетъ тутъ наша дѣвка, какъ зальется; только ловить руку старухину, поцѣловать хочеть. Заплакала и та, отошла къ печи, а Ермила-то подошелъ, разостлалъ Лексашѣ свой полушубокъ и подушку ей придвинулъ. Поцѣловала она и ему руку, а ѣсть нейдетъ и спать не ложится. Поужиналъ Ермила, забрался на полати. Легли и мы, Катерина на печь, я на лавочкѣ подъ окномъ. Не спится что-то мнѣ; а мѣсяцъ такъ въ окно свѣтитъ словно день на улицѣ. Вотъ гляжу я, эдакъ около полуночи, встаетъ Лексаша съ лавки. Подошла это она къ переднему углу, стала на колѣнки, и долго, долго клала земные поклоны. Поднимется она отъ земли, гляжу я на нее, мѣсяцъ-то свѣтитъ ей прямо въ лицо, а слезы-то у нея такъ и льются, а лицо-то свѣтлое, свѣтлое, словно ликъ святой. Долго молилась она, потомъ подошла къ печи, трижды поклонилась въ землю передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежала старуха, и отошла опять къ своему младенцу на лавку.»

Старушка умолкла, отерла слезу, и черезъ минуту продолжала:

— Такъ и живемъ мы вотъ съ тѣхъ поръ вмѣстѣ, а все ужъ не то, что было прежде. Та же наша Саша, да не та. Нечего сказать, попрѣкнуть ее нечѣмъ: все та же она у насъ работница безусталая, та же безотвѣтная дѣвка, и не скажетъ никто про нее слова дурнаго на селѣ, а нѣту веселья, нѣту радости. Ину пору раззабавить чѣмъ ни есть парнишка, возьметъ его на колѣнки Катерина, а Лексаша, глядишь, стоитъ, да слезы утираетъ, и что у ней въ мысляхъ Господь ее вѣдаетъ.

— Ну, а Левка-то какъ же? спросилъ я.

— Что Левка, отвѣчала она,—онъ и теперъ не прочь бы жениться на ней, такъ нѣтъ, сама нейдетъ. Я, говоритъ, не хочу заѣдать его вѣкъ молодой. Что я, говоритъ, ему за жена теперъ,

пусть ищетъ получше да почище меня. Я, говорить, вѣкъ не сниму съ головы бѣлаго платка: пусть такъ народъ и знаетъ, что я сама себя въ вѣчныя вдовицы обрекаю. Говорить такъ-то, а сама такъ и обливается слезами. Ну, а что жъ съ ней будешь дѣлать! Чья она вдовица, Господь ее вѣдаетъ! Только и знаетъ, что съ мальченкомъ своимъ лобызается. Ишь ты пострѣленожъ въ окно глядитъ! обратилась она къ окну, изъ котораго высунулась хорошенькая головка ребенка, по розовому личику котораго не трудно было догадаться, что онъ только-что проснулся. Вѣдь вишь бѣлый какой, словно барченокъ! Ну да вѣдь люди-то и такъ баяли, что князь-то...

Старуха вдругъ остановилась.

Въ концѣ улицы у самой околицы показалась кавалькада. Въ срединѣ скакала амазонка, одѣтая въ длинное темносинее платье. Ей сопутствовали два кавалера, изъ которыхъ въ одномъ, по осадкѣ, тотчасъ можно было узнать кавалериста, между тѣмъ, какъ другой, не ловко подпрыгивая на сѣдлѣ и крѣпко дергая поводья, ясно выказывалъ свою непривычку сидѣть на конѣ.

— Легокъ на поминѣ, шепнула мнѣ старуха, — вонъ онъ князь-то, тотъ что ѣдетъ по лѣвую руку отъ барышни.

— А кто же другой мущина? спросилъ я.

— Это князевъ пріятель какой-то, съ нимъ же тутъ гостить.

Пока мы перекинулись этими немногими словами, всадники успѣли подскать довольно близко, и шагахъ въ тридцати отъ насъ, осадивши лошадей, поѣхали шагомъ. Я былъ доволенъ этимъ какъ нельзя болѣе: мнѣ такъ хотѣлось поближе рассмотреть ихъ. Князь показался мнѣ дѣйствительно красавцемъ; только слегка вздернутый носъ его и тонкія, отънесенныя легкимъ пушкомъ губы выражали что-то презрительно насмѣшливое; вѣроятно выраженіе это ускользало отъ его спутницы, потому что она говорила съ нимъ очень живо и развязно, не переставала привѣтливо улыбаться ему и старалась казаться какъ можно менѣе кривобокою. Лицо ея скорѣе можно было назвать красивымъ, чѣмъ дурнымъ: довольно правильныя черты, небольшой носъ, гладкая хотя смуглая кожа, черные какъ смоль волосы, все это, взятое вмѣстѣ, могло бы нравиться, еслибы не взглядъ ея. Въ этомъ взглядѣ, сверкавшемъ въ небольшихъ, слегка зацуренныхъ глазахъ, было что-то до того непріязненное, что-то такъ сильно противорѣчащее медовой улыбкѣ, не сходившей съ устъ ея, что я поскорѣй обратился къ окну, чтобы по-

искать тамъ мягкаго, свѣтлаго, полнаго грустнаго спокойствія взора Саши. Она дѣйствительно стояла у окна, но совѣтъ не таково было въ эту минуту выраженіе лица ея. Съ зардѣвшимся лицомъ, съ блистающими глазами, она старалась отвлечь отъ окна своего сына, который весь перегнувшись черезъ подоконникъ, вшивался глазами въ прекрасныхъ верховыхъ лошадей и блестящихъ всадниковъ. Слезы проступали уже на глазахъ молодой крестьянки, когда кавалькада поровнялась съ окномъ.

— *Vousz quel joli minois!* прошипѣла барышня, бросивъ злобный взглядъ на Сашу, и лукаво взглянула потомъ на князя. Князь вспыхнулъ и, какъ бы невольно осадивъ лошадь, казалось, не могъ оторваться отъ завѣтнаго окна. Но борьба эта не продолжалась и минуты; онъ поровнялся съ своею дамой и немного неловко отвѣчалъ:

— *Ma cousine, quand je suis assez heureux pour me trouver auprès de vous, j'ai l'habitude de ne point m'occuper de la beauté des autres.*

— *Merci du compliment,* возразила она презрительно, — *je n'ai pas eu l'intention de provoquer une comparaison entre...*

Далѣе я не разслышалъ. Я поглядѣлъ опять на окно: Тамъ все еще стояла Саша. Мертвенная блѣдность смѣнила яркій румянецъ, покрывавшій за минуту передъ тѣмъ ея щеки, и слезы неудержимо струились изъ глазъ ея.

Я чувствовалъ, что не въ силахъ болѣе оставаться на мѣстѣ, всталъ, простился съ Анной, и тихо побрелъ вслѣдъ за исчезающими вдали всадниками. Долго шель я безъ цѣли; наконецъ самъ не знаю, какъ попалъ въ паркъ, тянувшійся за господскимъ домомъ. Не помню, что видѣлъ я тамъ, что думалъ во время прогулки; знаю только, что когда я снова очутился на пригоркѣ близъ церкви, луна ярко освѣщала всю улицу села и сребристую нить рѣки, медленно катившей свои волны, и что мнѣ стало какъ-то отрадно, когда я изъ мрачнаго парка попалъ на весь этотъ свѣтъ и блескъ. Мнѣ вдругъ вспомнилась необходимость ѣхать, ясно представилась вся прелесть поѣздки въ такую чудную ночь, и я скорыми шагами пошелъ вдоль улицы къ постоялому двору. Въ избахъ не свѣтились огни: экономные крестьяне не зажигали еще своихъ лучинъ, пользуясь блѣднымъ свѣтомъ небесной лампы. Все было тихо; только изрѣдка выскакивала изъ-подъ воротъ дворняшка, заливалась громкимъ лаемъ и, проводивъ меня шаговъ двадцать, медленно возвращалась на свое мѣсто, глухо ворча и таякая. Да издали

откуда-то неслись звуки гармоніи и топотъ пляшущихъ. Чѣмъ ближе я подходилъ къ своей цѣли, тѣмъ яснѣе становились эти звуки, и скоро я замѣтилъ шагахъ въ двадцати отъ постоялаго двора небольшой кружокъ крестьянъ и крестьяночекъ, прикутанныхъ въ наскоро-наброшенные на плечи тулупы. Въ сторонѣ отъ нихъ стоялъ мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, и усердно отыгрывалъ на гармоніи что-то въ родѣ трепака и еще усерднѣе выбивалъ тактъ то ногами, то равномѣрнымъ, какъ бы одобрительнымъ покачиваніемъ головы. Я подошелъ къ этой группѣ и заглянулъ въ кружокъ, образованный поселянами.

Тамъ, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, выплясывалъ Левка съ женщиной, въ которой я тотчасъ же узналъ работницу съ постоялаго двора. Между тѣмъ какъ красивая молодая бабенка, мѣрно помахивая бѣлымъ миткалевымъ платочкомъ, выдѣлывала свои однообразныя, маленькія па, Левка такъ и носился передъ ней: то пустится онъ въ присядку, и такъ вотъ и разсыпется у ногъ ея мелкимъ бѣсомъ, то вскочитъ на каблукъ и грозно глянетъ на всѣхъ, поведетъ плечомъ, и пойдетъ какъ будто ему весь свѣтъ ни почемъ, то подлетитъ къ своей танцоркѣ, и такъ и льнетъ къ ней, такъ и ластится, такъ и хочетъ обвить ея полный станъ своею мощною рукой, и снова отпрянетъ, и съ громкимъ гиканьемъ броситъ на воздухъ свою шляпу и, поймавши ее на лету, только топнетъ каблукомъ о звонкую мерзлую землю и снова пустится въ присядку, и снова прымется разсыпаться у ногъ красавицы.

Налюбовавшись вдоволь этою чисто-національною пляской, я направился къ воротамъ. Проходя мимо ракиты, я замѣтилъ въ тѣни ея женскую фигуру, а сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, узналъ въ ней Сашу. Она стояла, прислонясь къ дереву и, крѣпко прижавъ къ себѣ покоившагося на груди ея ребенка, грустно смотрѣла на пляшущихъ. Кто знаетъ, что думала она въ эту минуту, что чувствовало ея молодое сердце? Что касается до меня, я не берусь опредѣлять этого: въ мірѣ, окружающемъ насъ, и безъ того много грустнаго и мало отраднаго.

А. Д. З.

ВОПРОСЪ ОБЪ УСТНОСТИ И ГЛАСНОСТИ СУДА

Вопросъ о необходимости судебной реформы, затронутый въ печати, получаетъ нынѣ особенное значеніе: онъ выяснился уже до того, что начинаетъ занимать все русское общество. Намъ особенно пріятно заявить, что между дворянствомъ нашей Харьковской губерніи вопросъ этотъ возбудилъ къ себѣ всеобщее участіе. Мысль объ упрощеніи судопроизводства и о гласности его стала одною изъ самыхъ популярныхъ мыслей, а подъ упрощеніемъ, допускающимъ много постепенностей, разумѣется, конечно, послѣдняя степень простоты, то-есть устное производство дѣлъ, какъ условіе гласнаго суда.

Всякій, кто присмотрится ближе къ письменному и негласному судебному порядку согласится, что въ немъ много недостатковъ. Всего замѣтнѣе обнаруживаются они въ слишкомъ медленномъ теченіи дѣлъ и возможности разныхъ злоупотребленій при слѣдствіи и судѣ, и они-то, эти недостатки, безъ всякаго сомнѣнія сдѣлали популярною въ нашемъ дворянствѣ мысль объ улучшенныхъ формахъ супроизводства. Конечно, зло можно уменьшить частными исправленіями письменнаго порядка. Но ежели основная форма письменнаго и негласнаго суда имѣетъ предѣлъ своего совершенства, который заключается въ ней самой, и за которымъ отъ нея ничего болѣе ожидать нельзя, ежели она за всѣми улучшениями сохранить су-

щественныя и неизбежныя невыгоды, то не стоить тратить ни времени, ни труда надъ исправленіемъ подробностей несостоятельнаго по себѣ судопроизводства, а слѣдуетъ приступить къ преобразованію его.

Письменность и отсутствіе гласности заключаютъ уже сами въ себѣ коренныя условія несостоятельности. Слабыя стороны этого порядка выдаются всего болѣе въ процессѣ уголовномъ, гдѣ присоединяется къ нимъ и другой недостатокъ, заключающійся опять въ самомъ духѣ процедуры, именно тотъ, что обвиненіе, изслѣдованіе и защита не отдѣлены между собою надлежащимъ образомъ.

Письменное производство въ дѣлахъ уголовныхъ, во первыхъ, отнимаетъ у суда возможность знать во всей полнотѣ то, что раскрывается при слѣдствіи. Судъ знакомится съ обстоятельствами даннаго случая изъ актовъ, гдѣ слѣдователь описываетъ видѣнное и слышанное имъ, опуская при томъ все не относящееся къ предмету, а при слѣдствіяхъ обширныхъ, когда акты почти недоступны и по объему и по безсвязному изложенію матеріала, судъ рѣшаетъ дѣло на основаніи выписки для доклада, гдѣ снова отбрасывается много того, что кажется лишнимъ составителю. Но что въ показаніяхъ, даваемыхъ разными лицами, кажется не нужнымъ одному, нерѣдко представляется существовавшимъ другому. Кромѣ того судѣ встрѣчается часто необходимость получить такія свѣдѣнія отъ подсудимаго или свидѣтелей, которыя вовсе не были собраны слѣдователемъ по той причинѣ, что онъ не понималъ важности ихъ. Пропуски перваго рода неполны, а пробѣлы отъ неимѣнія судейской предусмотрительности хотя и могутъ быть пополнены вторичнымъ допросомъ, но случается, что въ отвѣтахъ свидѣтелей судья опять не находитъ желаемой ясности и опредѣленности. Продолжать передопросъ значило бы почти повторять слѣдствіе, а это было бы крайне затруднительно уже побольшой потерѣ времени и по необходимости работать нѣсколько разъ надъ выпискою. Но этого мало. Суду опасно основываться на показаніяхъ, дѣлаемыхъ при письменномъ слѣдствіи, опасно не по одной неполнотѣ ихъ, а еще потому, что судъ, при письменномъ слѣдствіи, узнаетъ правду не непосредственно, а изъ вторыхъ, и даже изъ третьихъ рукъ. Судъ не видитъ и не слышитъ свидѣтелей самъ, а принужденъ полагаться на увѣреніе слѣдователя, который, понявъ ихъ разказъ, передаетъ его потомъ въ протоколъ своимъ языкомъ. Этотъ протоколъ, если позволи-

тельно употребить сравненіе, содержитъ въ себѣ переводъ свидѣтельскихъ показаній на языкъ слѣдователя, переводъ не всегда вѣрный отъ сокращеній, неточности и не удачнаго выбора словъ, придающихъ мысли иной оттѣнокъ. Правда, свидѣтель, которому прочитывается говоренное имъ, можетъ указать на грубыя погрѣшности, но отъ него ускользнуть скрытыя ошибки и непримѣтная кривизна цѣлаго склада мыслей. Но предположивъ даже, что акты представляютъ вѣрный отпечатокъ показаній, все еще на нихъ нельзя остановиться, потому что неизвѣстно, въ какой мѣрѣ заслуживаетъ вѣры лицо, дающее ихъ, а эта достовѣрность опредѣляется не одною способностію присягать, но зависитъ отъ многихъ условій и выражается между прочимъ въ поведеніи при допросѣ, въ болѣе или менѣе увѣренномъ тонѣ, въ отсутствіи колебаній и тому подобныхъ оттѣнковъ, требующихъ собственнаго наблюденія. Что касается до обвиняемаго, то и его не всегда видитъ судъ, не говоря уже о томъ, что въ удаленіи отъ сцены, гдѣ идетъ слѣдствіе,—эта основа всего процесса,—отъ суда совершенно скрывается, какъ держитъ тамъ себя подсудимый, располагаетъ ли къ довѣрію или самъ себя обличаетъ и рѣчью и другими знаками пробивающихся наружу чувствъ; словомъ, скрывается то, что чрезвычайно важно и чего не передастъ посторонній свидѣтель, котораго при всей благонамѣренности всегда можно заподозрить въ неспособности къ правильному и вѣрному психологическому наблюденію. Итакъ въ каждомъ почти протоколѣ неизбежна какая-нибудь неточность отъ недоразумѣній, но невѣрность становится гораздо значительнѣе отъ нерадѣнія, поспѣшности и умышленныхъ искаженій истины. Слѣдователи могутъ сдѣлать разные подлоги, спрашивать свидѣтелей, какихъ имъ угодно, переиначивать слова ихъ или совсѣмъ выкидывать изъ актовъ показанія ихъ. Далѣе, при томъ ходѣ слѣдствія и суда, о которыхъ мы говоримъ, обвиняемый не пользуется защитою въ собственномъ значеніи, потому что не имѣетъ права дѣйствовать на доказательство, вызывать своими вопросами свидѣтелей или свѣдущихъ людей къ показаніямъ, важнымъ для него, подтверждать или оспаривать свои слова, записанныя при слѣдствіи. Особенно слаба защита его при уликахъ, употребляющихся наичаще въ уголовномъ процессѣ, слаба до того, что этотъ способъ дознанія не гармонируетъ вовсе съ письменнымъ производствомъ. Какъ бы ни велика была цѣпь уликъ и какъ бы ни казались онѣ сильными, судъ не иначе мо-

жетъ произнести безбоязненно обвинительный приговоръ, какъ по предварительномъ сообщеніи подсудимому всѣхъ падающихъ на него подозрѣній, послѣ подробнаго распроса съ одной и объясненія съ другой стороны и тщательнаго изслѣдованія всякаго, даже самаго мелочнаго обстоятельства, но обвиняемому неизвѣстно хорошо, въ чемъ его подозрѣваютъ и суду некогда заниматься его оправданіемъ; улики собираются только изъ актовъ слѣдствія, при составленіи выписки для доклада. Конечно, подсудимаго спрашиваютъ и во время слѣдствія о нѣкоторыхъ сомнительныхъ фактахъ, но онъ не всегда понимаетъ, въ какой связи находятся они съ дѣломъ и какую важность хотятъ придать имъ. Наконецъ при письменномъ судопроизводствѣ, такъ какъ докладъ посредствомъ чтенія выписки изъ дѣла въ болѣе части случаевъ невозможенъ, а сообщеніе ея всѣмъ отдѣльнымъ членамъ суда отнимало бы опять слишкомъ много времени, коллегіальное устройство судебныхъ мѣстъ существуетъ на одной бумагѣ, въ дѣйствительности же рѣшаются дѣла обыкновенно однимъ лицомъ, напримѣръ предсѣдателемъ, или, еще вѣрнѣе, они въ сущности рѣшаются составителемъ выписки, который давая сколько-нибудь систематическій видъ разнообразному матеріалу слѣдствія по необходимости проводить въ ней свою мысль и тѣмъ самымъ подготавливаетъ приговоръ. Такой образъ рѣшеній, разумѣется, обезпечиваетъ очень мало участь обвиняемыхъ. Но самая очевидная для каждаго невыгода уголовного судопроизводства по этой системѣ состоитъ въ чрезвычайно медленномъ теченіи дѣла, тянущихся цѣлые годы, и слѣдовательно въ напрасномъ отягощеніи подсудимыхъ, особенно невинныхъ.

Всѣ эти недостатки, происходящіе отъ письменности, исчезаютъ, когда уголовный процессъ, начиная съ главнаго или формальнаго слѣдствія, идетъ устно. При такомъ ходѣ судъ имѣетъ подъ рукою весь матеріалъ, который долженъ быть раскрытъ слѣдствіемъ: допрашивая подсудимаго и свидѣтелей, онъ можетъ доводить показанія ихъ до такой полноты, какой хочетъ. Всякій членъ его есть въ одно и то же время и слѣдователь и судья, соображаетъ, что для него важно знать отъ подсудимаго или свидѣтелей, и получая тотчасъ свѣдѣнія, довольствуется ими или требуетъ новыхъ показаній до тѣхъ поръ, пока не уяснится по возможности дѣло. Допросъ подсудимаго и свидѣтелей представляетъ родъ непрерывающей очной ставки, которая даетъ поводъ пополнять появляющіеся то въ томъ, то въ дру-

тѣхъ мѣстѣхъ пробѣлы и наводитъ на новые слѣды. Продолжая путь разысканія, дѣлая опредѣленнѣе вопросы и требуя болѣе и болѣе точныхъ объясненій, судья часто доходит до самаго дна истины или, по крайней мѣрѣ, успокоивается въ томъ, что доказательства исчерпаны. Имѣя передъ глазами подсудимаго и свидѣтелей, онъ не только убѣждается непосредственно въ показаніяхъ, но и повѣряетъ ихъ, знакомясь съ личностями. Словесный процессъ выгоденъ для истины и въ томъ отношеніи, что побуждаетъ его неослабно къ тщательности, поддерживаетъ въ немъ умственное напряженіе и доводитъ его до болѣе свѣтлаго взгляда на результатъ цѣлаго дѣла въ сравненіи съ тѣмъ, какой онъ составляетъ послѣдствіемъ мертвыхъ бумагъ. Далѣе, устное производство представляетъ подсудимому обширное поле для защиты, полную возможность оправдываться ежеминутно, а съ другой стороны способствуетъ уличенію виновныхъ, поставляя ихъ въ такое невыгодное моральное положеніе отъ неумолкающихъ обвиненій, что они принуждены такъ или иначе сознаться въ винѣ. Наконецъ словесное производство значительно ускоряетъ рѣшеніе дѣлъ. Могутъ сказать, что оно гораздо дороже для государства отъ необходимости вызывать въ судъ свидѣтелей, живущихъ иногда въ значительномъ отдаленіи, но при новой формѣ производства устраняется много бесполезныхъ повѣрокъ, скорѣе приходитъ къ концу процессъ, и сберегаются деньги на содержаніе приставовъ и канцелярій, и потому сравнительное вычисленіе показываетъ едва ли послужить къ подтвержденію возраженія; въ томъ же нельзя отстаивать неудовлетворительную юстицію какъ денежвизною. Серіознѣе, кажется, препятствіе другаго рода, именно возможность согласить предполагаемую реформу съ поддержаніемъ судебныхъ инстанцій, издавна принятыхъ законодательствомъ. Для пересмотра дѣлъ въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ, подумаютъ, нужны письменные акты или возобновленіе старой процедуры съ ущербомъ казнѣ и лишнимъ обремененіемъ свидѣтелей. Такъ рассуждали прежде и въ другихъ случаяхъ и однако пришли къ убѣжденію, что введеніе словеснаго производства не влечетъ неизбѣжно за собою уничтоженія инстанцій. Не всякій разъ по аппелляціи обвиняемаго нужно начинать разборъ дѣла вновь: часто онъ не возражаетъ противъ фактовъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ, а старается только отклонить себя отъ обвиненія давностію, неправильнымъ толкованіемъ законовъ, или считаетъ опредѣленное ему наказаніе тяж-

кимъ сверхъ мѣры. Даже и при жалобахъ на несправедливыя осужденія по отсутствію надлежащихъ доказательствъ не всегда предстоить надобность переслѣдованія, напримѣръ, когда дѣлается ссылка на то, что признаніе не имѣетъ законныхъ принадлежностей или спрошены свидѣтели, которыхъ не должно было спрашивать. Очень нерѣдко высшее судебное мѣсто можетъ довольствоваться актами предварительнаго слѣдствія, не подавшими повода къ замѣчаніямъ со стороны обвиняемаго, личнымъ объясненіемъ съ нимъ, а при надобности и свидѣтельскими показаніями, выставленными въ мотивахъ приговора согласно съ постановленіемъ закона. Иногда дѣйствительно никакъ невозможно обойтись безъ вторичнаго допроса свидѣтелей, но такіе случаи рѣдки. Впрочемъ, судебныя инстанціи не составляютъ единственнаго ручательства за справедливость приговоровъ: есть и другія средства равнаго достоинства. Сюда принадлежатъ: 1) усиленіе состава судебныхъ мѣстъ, какъ условіе разносторонняго и основательнаго обсуждения; 2) оставленіе подсудимымъ обширнаго права отводить судей по подозрѣніямъ въ пристрастіи; 3) требованіе значительнаго перевѣса голосовъ для обвиненія въ противоположность простому большинству, какъ наиболѣе случайному, а при осужденіи на самыя тяжкія наказанія, рѣшенія единогласнаго; 4) точное и подробное изложеніе основаній приговора; и 5) учрежденіе кассационнаго трибунала, обязаннаго наблюдать надъ примѣненіемъ законовъ.

Съ введеніемъ устнаго процесса необходимо должно быть измѣнено и то положеніе, въ какомъ поставлены слѣдователь и судья по слѣдственному судопроизводству, и которое увеличиваетъ число его несовершенствъ. Такое положеніе неправильно, потому что въ одномъ и томъ же лицѣ соединяются почти несовмѣстныя роли обвинителя и слѣдователя, повѣряющаго справедливость обвиненія и даже защитника подсудимаго. Подобное сочетаніе было бы удобно-мыслимо лишь въ человѣкѣ, одаренномъ всѣми совершенствами; оно совсѣмъ нейдетъ къ людямъ, не возвышающимся надъ обыкновеннымъ уровнемъ. Отъ нихъ невозможно ожидать полнаго безпристрастія: выполняя одну роль, они легко могутъ дѣйствовать въ ущербъ другой и готовы допустить излишекъ въ обвиненіи, при мысли, что имъ повѣренъ такой важный интересъ государства, какъ наказаніе за преступленіе. Когда отдѣльныя части судебной дѣятельности, обвиненіе и слѣдствіе, разъединятся, то каждая изъ нихъ будетъ

неполняться съ большею обдуманностію, и устранятся многія произвольныя и опрометчивыя слѣдствія. Кромѣ того, при такъ-называемой обвинительной формѣ допросъ подсудимому получить другой характеръ, отъ него не стануть настойчиво добиваться признанія. Правда, и теперь законъ не требуетъ признанія, потому что оно не составляетъ единственнаго доказательства, но при всемъ томъ слѣдователь невольно, изъ желанія найдти для себя болѣе прочную опору или изъ старанія освободиться отъ многосторонняго, докучливаго труда, обнаруживаетъ въ своихъ допросахъ стремленіе довести обвиняемаго до признанія, и часто прибѣгаетъ къ приемамъ, не соответствующимъ судейской должности, къ разнаго рода уловкамъ и хитростямъ и даже къ употребленію непозволительныхъ средствъ открыть истину, что къ несчастію иногда случается у насъ. Такое домогательство исчезнетъ, ежели на обвинителѣ будетъ исключительно лежать и обязанность доказывать. Защита обвиняемаго должна тоже находиться въ особыхъ рукахъ. Впрочемъ, такъ какъ эта защита считалась вездѣ самымъ святымъ правомъ подсудимаго, всѣ законодательства, даже и тѣ, которыя не отдѣляли обвиненія отъ изслѣдованія, считали необходимымъ, чтобъ онъ имѣлъ подлѣ себя опытнаго защитника, хотя этотъ послѣдній, пока судопроизводство оставалось письменнымъ, не могъ дѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ. Въ такой помощи нельзя въ самомъ дѣлѣ отказать обвиняемому, поставленному въ неровную борьбу съ обвинителемъ, приготовлявшимъ долго свое обвиненіе и отыскивавшимъ всѣ возможныя средства уличенія, и съ слѣдователемъ, отличающимся ловкостію, знакомымъ болѣе или менѣе съ законами, судящимъ обо всемъ спокойно и располагающимъ множествомъ силъ и средствъ. Защита адвоката необходима особенно потому, что судѣ часто предлежитъ трудная задача заключать отъ нѣкоторыхъ обнаруженныхъ слѣдствіемъ фактовъ къ виновности подсудимаго. Въ это заключеніе вкрадывается легко погрѣшность. Но оно надежнѣе по мѣрѣ того какъ предметъ разсматривается съ большаго числа сторонъ, и очень можетъ-быть, что защитникъ, занятый единственно оправданіемъ, поставитъ себя на новую точку зрѣнія, и своимъ связнымъ изложеніемъ, гдѣ не пропущено ни одного обстоятельства и все проникнуто одною идеею, броситъ совсѣмъ другой свѣтъ на предметъ и освободитъ своего кліента отъ тяжести подозрѣній. Есть много и другихъ случаевъ, гдѣ при защитѣ нужно юридическое образованіе.

Словесное судопроизводство облегчаетъ для судей доступъ къ истинѣ, но нисколько не отвѣчаетъ за то, что они закотятъ искать ее. Одно сознаніе высокаго долга судьи еще не ручается за добросовѣстность, потому что судьи, какъ и всѣ люди, могутъ грѣшить противъ своихъ обязанностей, нарушать ихъ по нерадѣнію или съ намѣреніемъ, изъ болѣе или менѣе безнравственныхъ побужденій. Нѣтъ сомнѣнія, что устное судопроизводство уже само по себѣ измѣняетъ ихъ положеніе. Ежели у судей будутъ постоянно передъ глазами подсудимые, защитники и свидѣтели, они станутъ заниматься серіознѣе должностію, дѣйствовать съ большею осмотрительностію и энергіею, нежели сидя покойно въ четырехъ стѣнахъ, и совѣсть удержитъ ихъ иной разъ отъ неправды. Но будь сильнѣе поползновеніе, они пожертвуютъ пожалуй совѣстливостію, зная, что въ судѣ нѣтъ непрічастныхъ къ дѣлу свидѣтелей, могущихъ облачить ихъ. Сильнѣе стѣснить судей обстановка изъ постороннихъ зрителей, слѣдящихъ за ихъ дѣйствіями. Съ публичностію появятся навѣрное у нихъ новые, настоятельные мотивы держать себя достойнымъ образомъ: при недостаткѣ доброй воли, ихъ останавливать на прямомъ пути и стыдъ и самолюбіе и, наконецъ, страхъ подвергнуться отвѣтственности. Нѣтъ спора, что посторонняя публика не можетъ быть всегда компетентнымъ судьей приговоровъ, мнѣніе ея о законности или незаконности производства не можетъ имѣть никакого юридическаго дѣйствія на ходъ процесса, и выражаемое ею одобреніе или неодобреніе должно оставаться безразличнымъ для суда, но гласность по крайней мѣрѣ предупреждаетъ явно несправедливыя рѣшенія, ограждаетъ порядокъ слѣдствія, полную свободу защиты, побуждаетъ чиновниковъ къ энергической и безпристрастной дѣятельности, наконецъ укрѣпляетъ довѣріе къ суду, отъ котораго всякій безъ различія званія и состоянія можетъ ожидать правосудія. Гласное судопроизводство полезно и въ другихъ отношеніяхъ. Оно содѣйствуетъ открытію истины, усиливая побужденіе говорить правду въ свидѣтеляхъ, которые имѣютъ поводъ опасаться, что ихъ ложь откроется даже кѣмъ-нибудь изъ зрителей, и что ихъ пристыдятъ всенародно. Оно способствуетъ и распространенію въ народѣ познанія законовъ, запрещаемыхъ ими дѣйствій и опредѣляемыхъ наказаній. Такимъ образомъ судъ можетъ служить для народа школой, гдѣ онъ видитъ въ живыхъ примѣрахъ безнравственность съ ея послѣдствіями, и откуда выходятъ съ глубокими впечат-

дѣями. Уголовныя статистическія свѣдѣнія доказываютъ, что число преступленій въ государствахъ, гдѣ принято устное и гласное судопроизводство, постоянно уменьшается. Это объясняется сильнымъ нравственнымъ впечатлѣніемъ такого суда на постороннихъ людей, которые видятъ, что виновнаго не освобождаютъ отъ наказанія ни изворотливость, ни потворство свидѣтелей, ни хитро-скрытые слѣды преступленія.

Чтобы гласное судопроизводство въ состояніи было производить всѣ тѣ благодѣтельныя послѣдствія, какихъ отъ него обыкновенно ожидаютъ, оно должно соединяться съ возможно-меньшими ограниченіями, какія иногда необходимы по роду преступленій, подлежащихъ судебному разбору.

Введеніе устнаго и гласнаго процесса всего необходимо въ уголовныхъ дѣлахъ, потому что имъ ограждается отъ произвола личность человѣка, его жизнь, свобода и честь. Отсюда однакоже не слѣдуетъ, что другая половина судебного порядка можетъ быть оставлена въ покоѣ. Нельзя никакъ отвергать того, что устность и гласность принесетъ большую пользу въ примѣненіи къ гражданскому спорному судопроизводству, хотя въ немъ и должна быть допущена въ извѣстной мѣрѣ письменность. Такое примѣненіе весьма желательно. Оно не замедлило бы произвести и здѣсь многія изъ тѣхъ выгодныхъ послѣдствій, какія проистекаютъ отъ устности и гласности въ процессѣ уголовномъ. Въ особенности оно значительно ускорило бы окончаніе долготѣхныхъ тяжбъ, чего не достигнешь однимъ сокращеніемъ обыкновенной переписки, и предупредило бы не мало неосновательныхъ исковъ. Преобразование гражданского судопроизводства не представляетъ даже и той новосты, какая бросается въ глаза, когда мы думаемъ о реформѣ уголовного суда. Наше законодательство допускаетъ словесный разборъ тяжбъ при производствѣ судомъ по формѣ, установленной указомъ 1723 года. Стоитъ только возвести на степень общаго правила то, что существуетъ въ видѣ исключенія, и прибавить гласность. Конечно порядокъ словеснаго суда, опредѣленный помянутымъ закономъ, теперь уже неудовлетворителенъ во многихъ отношеніяхъ, но его можно исправить или замѣнить новымъ.

Съ устнымъ и публичнымъ судопроизводствомъ соединяется по правилу употребленіе присяжныхъ (jury). Но еслибы введеніе присяжныхъ встрѣтило у насъ на первый разъ каки-нибудь трудности, то переходомъ къ окончательной ре-

формѣ могло бы служить уже одно введеніе устнаго и гласнаго судопроизводства, по примѣру многихъ государствъ, гдѣ уголовныя дѣла изслѣдываются словесно и публично обыкновенными судьями. Такой порядокъ судопроизводства существуетъ въ Нидерландахъ, Австріи, Саксоніи, большей части италіанскихъ государствъ, въ отдельныхъ швейцарскихъ кантонахъ, Португаліи и нѣкоторыхъ другихъ земляхъ. Къ тому же учрежденіе присяжныхъ есть безспорно одинъ изъ лучшихъ путей къ достиженію цѣлей уголовной юстиціи, но едва ли исключительный. Его преимущества могутъ въ нѣкоторой степени быть перенесены и на обыкновенныя суды посредствомъ иной организациі ихъ.

А. Палюмбецкій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Яркимъ солнцемъ въ лѣсу пламенѣеть костеръ,
И, сжимаясь, трещить можжевельникъ;
Точно пьяныхъ гигантовъ столпившійся хоръ,
Раскраснѣвшися качается ельникъ.

Я и думать забылъ про холодную ночь,
До костей и до сердца прогрѣло,
Что смущало, колеблясь, умчалося прочь,
Будто искры, въ дыму улетѣло.

Пусть на зорькѣ, все ниже спускаясь, дымокъ
Надъ золою замретъ сиротливо,—
Долго, долго до поздней поры огонекъ
Будетъ теплиться скупо, лѣниво.

И лѣниво, и скупо мерцающій день
Ничего не укажетъ въ туманѣ;
У холодной золы изогнувшійся пень
Прочернѣетъ одинъ на полянѣ.

Но нахмурится ночь, разгорится костеръ,
И вѣсь затрещитъ можжевельникъ,
И какъ пьяныхъ гигантовъ столпившійся хоръ,
Покраснѣвъ, зашатается ельникъ.

А. Фетъ.

II.

Въ лѣса безлюдной стороны
И чуждой шумному веселью
Меня порой уносятъ сны
Въ твою пріятливую келью.

Въ благоуханьи простоты
Цвѣтокъ, дитя дубравной сѣни,
Опять встрѣчать выходишь ты
Меня на шаткія ступени.

Вечерній воздухъ влажно чистъ,
Вся покраснѣвъ, ты жмешь мнѣ руки,
И, сонныхъ липъ тревожа листъ,
Порхають гаснущіе звуки.

А. ФЕТЬ.

* * *

Свѣтло; тепло; пылалъ каминъ;
У дамъ открыты были плечи,
Изященъ былъ нарядъ мужчинъ,
И всѣ вели пустыя рѣчи.

Но какъ смотрѣла мочь въ окно?
И не готовилась ли буря?
Для нихъ, конечно, все рамю...
Они смѣялись, балагура.

Одинъ лишь чуткій барометръ,—
Хоть на него они не взглянуть,—
Ужь указалъ на дождь и вѣтръ,
Тепломъ и блескомъ не обмануть...

А. ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ Москва, 12-го января 1859 года.

Ценсоръ *Н. Гиларовъ-Платоновъ.*

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОПИСЬ

ИЗЪ БЕРЛИНА.

Кто послѣ долгаго отсутствія посѣтитъ теперь снова Берлинъ, тотъ очень удивится, найдя мало переменъ послѣ недавнихъ рѣшительныхъ событій. Крайне чинно, точно въ предѣлахъ такихъ-то статей такого-то закона, совершается здѣсь современная исторія. Самые умѣренные люди здѣсь убѣждены въ томъ, что Пруссія повернула теперь на новую дорогу, что, остановленная долгою реакціей въ своихъ стремленіяхъ внутри, униженная извнѣ, она теперь тѣмъ быстрѣ пойдетъ впередъ по пути своего развитія. «Теперь, говорятъ они, для насъ настала пора достроить наше конституціонное зданіе, чтобы государственный типъ, формально признанный за Пруссіей съ 1850 года, не былъ ложью, наводящею отчаяніе на насъ самихъ и лишашею насъ уваженія у сосѣдей. Теперь мы будемъ, путемъ мирнымъ и законнымъ, продолжать дѣло 1848 года, безъ его увлеченій и порывовъ, но и безъ его горькихъ разочарованій. Не удивительно поэтому, что и большая часть людей, выступающихъ теперь на сцену, болѣе или менѣе хорошо извѣстны странѣ изъ періода 1848—1849 г.» Такъ приблизительно рассуждаютъ многіе. Кажется, какая счастливая эпоха! Но отчего же такъ тиха эта радость, такъ буднично всеобщее настроеніе, такъ мало всякаго политическаго движенія? Вѣдь только *Ново-Прусская Газета* рѣшилась-было толковать о современномъ страшномъ движеніи; но ей и было отчего испугаться, когда главные представители ея взглядовъ, не исключая даже Герлаха и Вагенера, потерпѣли на выборахъ пораженіе, отъ котораго вся партія не скоро опомнится. Въ чемъ же, спрашивается, заключается причина такого черезчуръ благоразумнаго, полнаго резигнаціи, перехода отъ старой правительственной системы къ новой, которая, кажется, такъ богата надеждами? Въ бѣдности ли политическаго идеала, или въ утраченной вѣрѣ въ идеалы вообще, согласно всему развитію современной Германіи? Въ тяжеловѣсной ли апатичности здѣшняго простаго народа и въ равнодушіи его къ конституціи, которою онъ, правда, до сихъ поръ и не имѣлъ причины особенно дорожить? Или Пруссаки идутъ на встрѣчу новой политической жизни съ тѣмъ же молчаливымъ благоговѣніемъ, съ какимъ въ Голландіи, въ

воскресный день, простой народъ, въ черныхъ фракахъ и круглыхъ шляпахъ, отправляется къ обѣднѣ? Помнимъ, какъ проѣздомъ по Голландіи, въ началѣ прошлаго лѣта, настъ, даже послѣ Англіи, поразила эта воскресная меланхолія. Не знаемъ почему, но когда мы подъѣзжали къ Берлину, и въ вагонахъ только и рѣчи было, что о *peue glotteiche Erosche*, и послѣ, когда пришлось читать здѣшніе журналы и случилось говорить съ людьми, исполненными самыхъ смѣлыхъ надеждъ, намъ тѣмъ не менѣе приходили на память Голландцы, идущіе въ церковь. Вскорѣ послѣ пріѣзда мы встрѣтились съ однимъ старымъ берлинскимъ знакомымъ, разумѣется, докторомъ,—на то мы въ Германіи. «Для иностранца, замѣтилъ онъ, современный переворотъ можетъ показаться менѣе важнымъ, чѣмъ онъ намъ въ дѣйствительности кажется. Къ французской обстановкѣ политическихъ переворотовъ мы не привыкли. Да и что въ ней? Вѣдь деревья свободы à la parisienne—еслибы даже былъ къ нимъ поводъ, котораго, конечно, нѣтъ—раньше или позже все-таки приходится срубить. А въ митингахъ мы пока не нуждаемся...» то-есть, подумалъ я, пока вы политически не дозрѣли, пока васъ полиція можетъ разогнать, пока статья вашей конституціи о правѣ сходокъ—мигъ.

Какъ бы то ни было, но нельзя сомнѣваться, что крайняя умѣренность, которую обнаружили на выборахъ всѣ партіи, за исключеніемъ феодальной, происходила не отъ одного безграничнаго довѣрія къ новому правительству, къ личности регента и къ новому министерству, взятому, въ главныххъ его представителяхъ (Ауэрсвальдъ, Патовъ, Бетманъ-Гольвегъ), изъ прежней оппозиціи. Этотъ всеобщій умѣренный темпераментъ объясняется еще долгимъ періодомъ предшествовавшей реакціи. То, что народъ испытывалъ здѣсь съ удаленіемъ старыхъ министровъ, похоже было на чувство челоуѣка, котораго, послѣ долгаго заключенія, выпустили на свѣтъ Божій. Въ Берлинѣ прекрасно даютъ классическія оперы, въ томъ числѣ *Фиделіо* Бетговена. Хоръ, который поютъ узники въ началѣ втораго акта, когда ихъ выпустили изъ тюрьмы подышать свѣжимъ воздухомъ, напоминаетъ здѣсь, въ настоящее время, хоръ всѣхъ либеральныхъ органовъ новому правительству, хотя послѣдній, разумѣется, менѣе гармониченъ и гениаленъ.

Всѣ партіи, за исключеніемъ реакціонной, выброшенной изъ власти, думали при выборахъ объ одномъ: избрать депутатовъ, которые будутъ поддерживать министерство. Послѣ 1849 года теперь въ первый разъ демократическая партія рѣшилась принять участіе въ избирательномъ актѣ; но именно предводители этой партіи, Якоби, Родбертусъ и многіе другіе, самоотверженно отклонили отъ себя выборы, такъ какъ съ ихъ именами связаны

непріятныя для многихъ воспоминанія изъ 1848 и 1849 годовъ. Этимъ они поставили себя въ общественномъ мнѣніи несравненно выше многихъ кандидатовъ феодальной партіи, которые, видя, что время ихъ прошло, тѣмъ не менѣе дѣлали отчаянныя усилія, чтобы попасть въ палату. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы либеральнымъ избирателямъ приходилось справляться съ одними феодалами. Нужно еще было бороться противъ политической ошибки новаго министра внутреннихъ дѣлъ, г. Флотвеля. Среди своихъ новыхъ товарищей по власти, г. Флотвель одинъ является старымъ бюрократомъ. Его циркуляръ наканунѣ выборовъ, которымъ онъ совершенно напрасно предостерегалъ противъ излишнихъ требованій, надеждъ и ожиданій, сдѣлалъ то, что ландраты, имѣющіе наибольшее вліяніе на результаты выборовъ въ уѣздахъ, въ надеждѣ, что новое министерство вѣроятно не долговѣчно, стояли противъ министерскихъ выборовъ за старую консервативную партію. Въ pendant къ этому можетъ служить и то, что, такъ какъ министры могутъ являться на выборахъ кандидатами въ палату, въ войскахъ многіе офицеры подавали голоса свои противъ новаго военнаго министра Бонина и вотировали въ пользу какого-нибудь консервативнаго кандидата. *Юнкерство*, значить, и тутъ осталось вѣрно себѣ. Все, что было враждебнаго новому министерству, черпало въ циркулярѣ Флотвеля новыя силы. А положеніе при выборахъ приверженцевъ министерства было, вслѣдствіе циркуляра, по замѣчанію *Preussische Jahrbücher*, очень похоже на положеніе челоуѣка, который является къ кому-либо съ поздравленіемъ и подаркомъ, и на котораго слуги въ передней нападаютъ, какъ на тата. Но охладить общее участіе къ выборамъ циркуляръ все-таки не могъ. Вѣдь въ первый разъ народу дана была возможность свободно подать свой голосъ. Люди, наименѣе политическіе, и тѣ спѣшили въ избирательный округъ. Въ Берлинѣ особенно тронуло многихъ, что даже старикъ Гумбольдтъ, полубольной, явился въ свой округъ, чтобы исполнить общегражданскую обязанность.

Трудно себѣ представить избирательный законъ, который предоставлялъ бы властвующей партіи больше вліянія, чѣмъ тотъ, который временно дѣйствуетъ въ Пруссіи съ 1849 года. Законъ этотъ, не утверждая постоянныхъ избирательныхъ округовъ, дѣлаетъ самыя операции по выборамъ крайне сложными и вполнѣ зависящими отъ министерства. Каждое трехлѣтіе, до истеченія обыкновеннаго законодательнаго періода, по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, составляются избирательные округа *по числу душъ*. Именно на каждыя 250 челоуѣкъ приходится по одному избирателю, а, примѣрно, на каждыя 50.000 по одному депутату; на слишкомъ 16 милліоновъ прусскаго населенія считается все-

го 352 депутата. Первоначальные избиратели (Urwähler), на долю которыхъ падаетъ лишь первый актъ выборовъ, то-есть назначеніе избирателей (Wahlmänner), раздѣляются на три группы. Принадлежность къ одной изъ этихъ группъ определяется суммою прямыхъ податей, платимыхъ первоначальными избирателями. Такимъ образомъ къ первой группѣ принадлежатъ лица, которыя въ временно-составленномъ избирательномъ округѣ платятъ самыя высокія подати, такъ что здѣсь меньшему числу лицъ, при назначеніи (хотя непосредственномъ) депутатовъ, предоставляется вліяніе одинаковое со второю группою, которая, естественно, уже многочисленнѣе, и съ третьею, самою многочисленною. Въ этомъ законѣ, который, не требуя отъ самого депутата извѣстнаго дохода, даетъ однако лицу тѣмъ большее вліяніе на составъ палаты, чѣмъ больше оно платитъ податей, то-есть чѣмъ богаче оно, многіе видятъ аналогію съ центуріальнымъ устройствомъ Сервія Туллія. Но, кромѣ того, что крайне странно ссылаться въ настоящее время на это устройство, должно замѣтить еще, что и аналогія-то весьма отдаленная, такъ какъ военная служба государству была конечно большею тягостію для римскаго гражданина, чѣмъ тѣ подати, которыя нынѣ платитъ капиталистъ. Какое бы ни былъ однако принципъ этого закона, если бы онъ добросовѣстно примѣнялся, вредъ былъ бы только тотъ, что имущіе классы, собираясь разъ въ три года для назначенія депутатовъ, пріобрѣтали бы слишкомъ дешево право предпочтительнаго участія въ законодательствѣ. Право же это, по справедливости, должно быть пріобрѣтаемо тою тяжелою, безвозмездною, но истинно почетною службою, какую несетъ англійское *джентри*. Но какъ же въ дѣйствительности примѣнялся законъ? Вслѣдствіе подвижности избирательныхъ округовъ, правительство, если убѣждалось, что въ извѣстномъ округѣ, какъ оно было намѣрено составить его, правительственный кандидатъ имѣлъ у избирателей мало шансовъ на успѣхъ, разбивало самый округъ и начинало кроить новый. Такая кройка продолжалась до тѣхъ поръ, пока новый округъ не приходилъ въ полное соотвѣтствіе съ видами правительства. Но въ то же время онъ состоялъ изъ лицъ, не связанныхъ ни общемою осѣдлостію, ни общими интересами, не знающихъ другъ друга и, на лучшій конецъ, весьма равнодушныхъ ко всему избирательному акту. Кромѣ того законъ не запрещаетъ избирателямъ выбирать въ депутаты не только лицъ служащихъ вообще, но даже тѣхъ, которые въ уѣздахъ сами руководятъ выборами, то-есть ландратовъ. Обойтись безъ служебнаго сословія въ Пруссіи, при выборахъ въ палату, нѣтъ возможности, потому что аристократія образованія находится въ рядахъ этого сословія. Какъ ни низко упала прусская бюрократія въ послѣднее время,

въ Пруссіи однако помнѣть, какъ эта бюрократія стояла за реформы Штейна, какъ она послѣ упорно боролась съ феодалами, какъ, благодаря этой борьбѣ, окончательно образовалось въ Пруссіи свободное сословіе крестьянъ-землевладельцевъ, проложены были вездѣ отличныя дороги, повсемѣстно заведены народныя школы, положено начало самоуправленію городовъ.

Но что за лицо ландратъ? Пруссія въ настоящее время раздѣляется на восемь провинцій, въ главѣ которыхъ стоятъ оберъ-президенты, и на 25 правительственныхъ округовъ (Regierungsbezirke). Каждый изъ этихъ округовъ заключаетъ въ себѣ извѣстное число уѣздовъ, которые, разумѣется, весьма миниатюрны въ сравненіи съ нашими, такъ какъ всего уѣздныхъ округовъ въ Пруссіи считается слишкомъ триста. Главное правительственное лицо въ каждомъ уѣздномъ округѣ ландратъ, назначаемый центральною властію изъ кандидатовъ, представленныхъ самымъ уѣздомъ. Кандидатами однако могутъ являться только лица, доказавшія свои административныя свѣдѣнія въ экзаминаціонныхъ комиссіяхъ, учрежденныхъ при правительственныхъ округахъ, или же подвергавшіяся, по выходѣ изъ университета, какому-нибудь государственному экзамену. Кромѣ того необходимо, чтобы ландратъ принадлежалъ къ значительнымъ землевладельцамъ уѣзда, и послѣднее условіе такъ важно, что если онъ во время службы отчуждаетъ свою поземельную собственность, то обязанъ выйти въ отставку. Эти ландраты, по мнѣнію многихъ, соединяя въ себѣ и образованіе и матеріально-независимое положеніе англійскихъ мировыхъ судей, могли бы сдѣлаться въ уѣздахъ лучшими органами мѣстнаго самоуправления. Но не достаетъ имъ того преемственного сознанія долга и самостоятельности, которымъ такъ выгодно отличается англійское учрежденіе, и которое дается, конечно, не вдругъ, а вслѣдствіе долгой политической жизни. Напротивъ того, въ едва истекшемъ періодѣ феодалной реакціи, они и на мѣстѣ своего непосредственнаго служенія, и въ камерѣ, были самыми покорными орудіями г. Вестфалена. Вотъ еще одна черта, которою незрѣлое конституціонное устройство Пруссіи отличается отъ англійскаго. И въ Англійи въ нижней палатѣ засѣдаетъ множество мировыхъ судей, но законъ запрещаетъ избирать ихъ въ томъ округѣ графства, который непосредственно подчиненъ ихъ вѣдѣнію. Кромѣ того, какъ ни мало разборчивы на средства борющіяся партіи при выборахъ въ Англійи, но тамъ существуютъ и другія, весьма дѣйствительныя мѣры, чтобы временно правящая партія не пользовалась правительственными органами для успѣха своихъ кандидатовъ. Такъ законъ угрожаетъ каждому служащему лицу въ графствѣ, отъ лорда-намѣстника до констабля, за всякое письмен-

ное или словесное дѣйствіе на волю избирателей, денежнымъ штрафомъ (отъ 600—3000 р. с.), тюрьмой и исключеніемъ изъ службы. Въ Англіи существуетъ также другой, весьма древній законъ, который говоритъ, что монархъ созываетъ выборныхъ, чтобы слышать голосъ страны, а не голосъ своихъ полицейскихъ чиновниковъ. Какъ бы наперекоръ этимъ, богатымъ опытомъ, правиламъ, временный избирательный законъ Пруссіи не запрещаетъ избирать ландрата въ его уѣздѣ, и потому простому селянину, которому не разъ придется имѣть съ нимъ дѣло, не легко рѣшиться вотировать противъ него.

Съ другой стороны, не одни ландраты, но всѣ административные чиновники, которыми въ прежнее время камера наполнялась на половину, какъ не имѣющіе судебного характера и потому не пользующіеся безсмѣнностію, были въ рукахъ министерства. Только одни судьи лишь по суду, а не вслѣдствіе какого-либо министерскаго распоряженія, могутъ быть удалены отъ мѣста, и потому въ палатѣ изъ депутатовъ-чиновниковъ только судьи показали большую независимость. Во всякомъ случаѣ чиновный элементъ потерпѣлъ при нынѣшнихъ выборахъ заслуженное пораженіе. Это лучше всего видно на тѣхъ же ландратахъ: изъ нихъ засѣдало въ послѣдней палатѣ 72 человѣка, а въ нынѣшней ихъ будетъ всего 21. Заодно была побита и старая консервативная партія въ дѣломъ ея составѣ: изъ 231 депутата прежней правой стороны избрано вновь только 42 человѣка. Эта партія могла теперь убѣдиться, какъ законъ, выкованный въ ея пользу реакціоннымъ усердіемъ, есть оружіе обоюдоострое: можно положительно сказать, что, еслибы не циркуляръ Флотвеля и не презрѣніе остальныхъ членовъ министерства къ средствамъ, которыми пользовались ихъ предшественники при выборахъ, изъ прежней правой стороны не попало бы ни одного человѣка въ палату. Такъ мало эта мнимо-консервативная партія въ дѣйствительности связана общими интересами съ массою населенія. На вопросъ, который намъ тутъ естественно представляется: какимъ же образомъ подобная партія могла въ теченіи восьми, девяти лѣтъ пользоваться властію? здѣшніе публицисты отвѣчаютъ, что причиною тому была эпидемически господствовавшая во всей Европѣ реакція. Но это слишкомъ общее объясненіе. Гораздо справедливѣе, кажется намъ, видѣть причину этого явленія въ томъ, что и противная, то-есть либеральная партія, всѣхъ фракцій и названій, еще мало организовалась. А безъ сильныхъ и крѣпкихъ своимъ единствомъ партій, связанныхъ съ дѣйствительными интересами всей массы населенія, представительство становится чѣмъ-то мнимымъ и шаткимъ, особенно въ государствѣ, въ которомъ конституціонныя начала не успѣли еще

достаточно проникнуть въсѣхъ учреждений. На хорошій конецъ, оно зависить здѣсь отъ внѣшнихъ, то-есть болѣе или менѣе случайныхъ, благопріятныхъ обстоятельствъ. А на худой конецъ.... нужно вспомнить только ландтаги Пруссіи, чѣмъ они были до сихъ поръ, но чѣмъ, нужно надѣяться, они уже не будутъ.

Намъ случилось прошлою зимою не разъ присутствовать здѣсь въ засѣданіяхъ палаты. Что пренія въ палатѣ, которая составлялась вышепоказаннымъ образомъ, были крайне вялы, это само собою разумѣется. Помнимъ, что только разъ засѣданіе было для насъ интереснѣе: это—когда было вотировано единогласно семь съ половиною милліоновъ талеровъ для проведения желѣзной дороги отъ Кенигсберга до русской границы. Въ то же время былъ воднятъ другой вопросъ—объ образѣ дѣйствій министра торговли фонъ-деръ-Гейдта относительно компаній желѣзныхъ дорогъ. Всѣ частныя желѣзныя дороги обложены въ Пруссіи, съ 1853 года, прогрессивнымъ налогомъ съ чистой прибыли. Министерство употребляло доходъ съ этого налога на покупку акцій желѣзныхъ дорогъ, то-есть другими словами, на постепенную экспропріацію частныхъ компаній. Противъ такого употребленія этой суммы былъ поданъ протестъ, и, хотя онъ остался безъ успѣха, намъ кажутся любопытными мотивы, высказанные при этомъ и въ палатѣ депутатовъ, и послѣ еще съ большею силой въ *герренгаузъ*, который, разумѣется, не изъ любви къ прогрессу, а по сословнымъ, феодальнымъ основаніямъ, идетъ всегда противъ бюрократіи. Приведены были слѣдующія основанія: что такой образъ дѣйствія, концентрируя современемъ всѣ желѣзныя дороги въ рукахъ правительства, предоставитъ ему монополію самаго управленія ихъ; что необходимо слѣдствіемъ этого будетъ увеличеніе персонала, служащаго при желѣзныхъ дорогахъ и зависящаго уже отъ правительства, а не отъ компаній; что современемъ правительство можетъ возвысить самыя цѣны за проѣздъ и провозъ, и что оно такимъ образомъ можетъ получить новый источникъ доходовъ, обходя камеры. Должно замѣтить, что какъ ни покорны были во всемъ остальномъ послѣднія палаты, но во всѣхъ вопросахъ о бюджетѣ правительство встрѣчало сильную оппозицію. Извѣстно, что единственный самостоятельный актъ, который въ прошлую зиму явила палата депутатовъ и который имѣлъ успѣхъ, то-есть прошелъ, состоялъ въ отказѣ министерству четырехъ милліоновъ талеровъ, благодаря докладчику комиссіи, разсматривавшей бюджетъ, теперешнему министру финансовъ г. фонъ-Патову.

Едва ли интересно было бы останавливаться долго на исторіи тѣхъ законодательныхъ вопросовъ, которыми занимались камеры во время реакціоннаго періода. Они представляютъ лишь нѣкото-

рый интересъ, потому что, не рѣшенные окончательно, или же рѣшенные въ духѣ анти-конституціонномъ, они теперь, по всему вѣроятію, составятъ главный предметъ преній. Ограничимся поэтому только краткими замѣчаниями объ одномъ, самомъ существенномъ вопросѣ. Вопросъ этотъ, объ устройствѣ сельскихъ и городскихъ обществъ, объ ихъ управленіи и представительствѣ, постоянно тянулся чрезъ все восьмилѣтіе, и все-таки не рѣшенный сданъ новому правительству. Въ мартѣ 1850 г., на основаніи только-что дарованной (31 января) конституціи, которая въ сущности была лишь программой для будущаго законодательства,—явился уставъ сельскихъ и городскихъ обществъ. Уставъ этотъ уничтожалъ послѣдніе феодальные остатки, пережившіе реформу 1808 г. Онъ уничтожалъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, строгое сословное отдѣленіе поземельныхъ владѣльцевъ, съ одной стороны отъ крестьянъ, съ другой отъ городскихъ обществъ (во многихъ мѣстахъ Пруссіи, и въ особенности на Рейнѣ, дѣйствительно нѣтъ возможности отличить города отъ деревни), уничтожалъ замкнутость этихъ группъ, отнималъ у поземельныхъ владѣльцевъ полицейскую власть надъ крестьянами и дѣлалъ, наконецъ, невозможнымъ преобладающее вліяніе владѣльцевъ такъ-называемыхъ рыцарскихъ имѣній, въ уѣздныхъ и провинціальныхъ собраніяхъ. На этотъ уставъ прежде всего бросилась правительственная реакція, подбиваемая феодальною партіей, составлявшею первую камеру, вскорѣ переименованную въ *Heppenhaus*. Палата депутатовъ, какъ ни угодлива была въ большинствѣ своемъ правительству, нѣсколько лѣтъ защищала уставъ, пока наконецъ, вслѣдствіе новыхъ выборовъ въ 1855 г., правительству не удалось составить эту палату такъ, что она явилась уже вполне покорною. Въ проектѣ новаго закона, который правительство то вносило, то брало назадъ, то опять съ незначительными измѣненіями предлагало, городское общественное устройство менѣе подвергалось измѣненію. Дѣло шло главнымъ образомъ о сельскихъ обществахъ. Ясно, почему. Съ вопросомъ объ устройствѣ сельскихъ обществъ тѣсно связанъ вопросъ объ изъятіи или неизъятіи *Rittergüter*, то-есть старинныхъ дворянскихъ имѣній (которые давно уже всякій имѣеть право пріобрѣтать), отъ поземельныхъ податей. Статья 101 уложенія провозгласила отмѣну всякихъ сословныхъ привилегій въ платежѣ податей. Для депутатовъ лѣвой стороны статья эта становилась катоновскимъ *ceterum censeo*, рѣдкое преніе кончали они безъ ссылки на нее. Тяжела и бесплодна была эта борьба, но Пруссія съ благодарностію помнитъ неутомимость въ этой борьбѣ депутатовъ Гаркорта, фонъ-Ауэрсвальда, фонъ-Патова и многихъ другихъ. Министерство видѣло себя принужденнымъ внести въ 1852 г. проектъ закона для осу-

щественія ст. 101, но, колеблясь постоянно, быть ли ему за конституцію, или противъ нея, оно вскорѣ опять взяло его назадъ. Именно противъ этого проекта возсталъ весь герренгаузъ, возстала вся правая сторона палаты депутатовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что уничтоженіе привилегій въ платѣжъ поземельныхъ податей не есть мѣра финансовая, но мѣра политической нивеллировки. Это обыкновенный доводъ феодальной партіи, который она твердитъ вездѣ, что подчиненіе одинаковому закону всякаго поземельнаго владѣнія, имѣющаго часто весьма различную исторію, не есть требованіе справедливости, а лишь требованіе революціоннаго духа, который во всемъ хочетъ равенства. Вездѣ феодальная партія, подъ какими бы названіями она ни явилась, кричитъ о революціи, коль скоро заходитъ рѣчь объ одинаковомъ для всѣхъ имущественномъ правѣ, о равномъ участіи различныхъ классовъ общества въ несеніи государственныхъ тягостей. Между тѣмъ подобная партія,—какъ это оказалось въ Пруссіи,—приобрѣтая власть, требуетъ однако отъ всѣхъ *одинаково* взгляда на религію и государство, и преслѣдуетъ людей не одного съ нею толка. Какъ бы то ни было, но вышеупомянутая статья красуется и понынѣ лишь въ конституціи, и ждетъ себя, вмѣстѣ съ устройствомъ сельскихъ обществъ, окончательнаго приговора отъ новой палаты.

Палата эта соединяетъ въ себя если не все, то очень многое изъ того, что есть наиболѣе замѣчательнаго въ различныхъ сферахъ гражданской жизни. Изъ старыхъ депутатовъ, которые вновь избраны, слѣдуетъ прежде всего назвать графа Шверина. Это самый популярный человѣкъ всей либеральной партіи, которой онъ былъ постояннымъ предводителемъ. Въ то время, когда демократическая партія, при всѣхъ предшествовавшихъ выборахъ, отказывалась отъ всякаго участія въ нихъ и держала себя въ сторонѣ, графъ Шверинъ велъ свою партію на борьбу, въ убѣжденіи, что каковы бы ни были условія борьбы, но отказываться отъ нея еще хуже. Уваженіе, которымъ онъ пользуется, было причиною того, что, постоянно принадлежа къ оппозиціи, онъ былъ тѣмъ не менѣе два раза избранъ президентомъ палаты депутатовъ. Только при наступленіи законодательнаго періода 1855—1858 г., когда вліяніе министерства при выборахъ достигло крайняго предѣла, и палата наполнилась самыми покорными слугами г. Мантейфеля, президентомъ, разумѣется, былъ избранъ не графъ Шверинъ, а другой. Тогда въ одно изъ первыхъ засѣданій новой палаты графъ Шверинъ внесъ предложеніе изслѣдовать злоупотребленія при выборахъ. Предложеніе это не прошло, но памятно здѣсь потому, что огласило навсегда и предало на судъ парламентской исторіи дѣйствія министерства. Ораторъ до-

вольно обыкновенный—намъ случалось его слышать—и съ обыкновенными государственными способностями, графъ Шверинъ въ особенности дорогъ своей партіи прямымъ, независимымъ характеромъ и искренностію своихъ убѣжденій. Въ этомъ отдала ему справедливость весьма недавно и демократическая партія посредствомъ своего органа—*Народной Газеты* (1). Поводъ былъ слѣдующій. Между тѣмъ, какъ доктринерные бреславскіе либералы, въ своихъ избирательныхъ манифестахъ, старались всячески отгнать свои убѣжденія, дабы никакъ не подумали, что у нихъ есть что-либо общаго съ демократами, графъ Шверинъ въ рѣчи къ своимъ избирателямъ, напротивъ, высказалъ, что всѣмъ либеральнымъ фракціямъ настала пора соединиться тѣснѣе, что онъ крайне жалѣетъ, что чисто-демократическіе кандидаты не избраны, и что онъ въ палатѣ, такимъ образомъ, не будетъ имѣть повода для честной борьбы съ ними. Въ палатѣ, которая на дняхъ уже соберется, графъ Шверинъ, по всей вѣроятности, будетъ опять избранъ президентомъ.

Изъ вновь-избранныхъ замѣчательныхъ людей, такъ какъ ихъ очень много, назовемъ только г. Дистервега, профессора Гнейста и г. Таделя. Трудно въ немногихъ словахъ передать то значеніе, которое г. Дистервегъ имѣетъ въ педагогическомъ мірѣ. Онъ представляетъ собою цѣлую систему воспитанія, основанную на свободномъ развитіи всѣхъ человѣческихъ способностей, которая поэтому уже подвергалась гоненію при бывшемъ министрѣ народнаго просвѣщенія, г. фонъ-Раумерѣ. Послѣдній, достойный поборникъ идей Штала и гальскаго профессора Лео, не довольствовался тѣмъ, что привелъ въ упадокъ прусскіе университеты, но старался ввести въ гимназіи и народныя школы *свою* систему образованія, пропитанную пѣтизмомъ. Одинъ изъ самыхъ мощныхъ противниковъ его при этомъ былъ г. Дистервегъ. Оторванный отъ своей любимой практической дѣятельности, онъ печатно боролся съ министромъ, критически разбирая каждый шагъ его на пути обскурантизма. Ученики же г. Дистервега, лучшіе преподаватели во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, несмотря на всѣ гоненія, не

(1) Газета эта, *Volkzeitung*, издаваемая въ небольшомъ форматѣ и по крайне-дешевой цѣнѣ, весьма тщательно составляется и выходитъ въ числѣ 13.000 экземпляровъ. Прежде она была формата самаго крошечнаго и имѣла меньше подписчиковъ, но съ 1 октября, когда новое время здѣсь уже обозначилось, у ней разомъ прибавилось 4.000 читателей, и она увеличила свой объемъ. Не многимъ больше расходится *Фоссова Газета*,—газета берлинскихъ бюргеровъ. У либеральной газеты *Nationalzeitung*, подписчиковъ, какъ мы слышали, не больше, чѣмъ у противницы ея *Neue Preussische Zeitung*—всего съ небольшимъ, 6.000. А больше всего расходится *Kladderadatsch*—въ числѣ 24.000 экземпляровъ.

оставляли службы, оставаясь въ своемъ призваніи вѣрными учителемъ.

Г. Гнейстъ разомъ избранъ и въ берлинское городское депутатское собраніе, и въ палату. Муниципальная служба для него не нова, и онъ ее высоко чтить. Любимая мысль его, какъ извѣстно, та, что только свобода, проникающая собою отдѣльные организмы, изъ которыхъ состоитъ государство, а не являющаяся по декрету, истинно плодотворна и долговѣчна. Выборная служба городскому или сельскому обществу, при настоящемъ развитіи государства, должна быть прежде всего облагорожена. Только тогда эти общества, кромѣ полицейскаго и хозяйственнаго значенія, могутъ получить необходимое для нихъ самихъ и для цѣлаго государства политическое сознаніе и достоинство. Страшно занятый своею профессорскою дѣятельностію—у него ежедневно два, три часа лекцій—и своими учеными трудами, г. Гнейстъ, принимая городскую должность, тѣмъ самымъ доказываетъ, что самоуправленіе, *selfgovernment*, для него не одно только теоретическое убѣжденіе и не фраза. Кандидатомъ въ палату выставили его также въ Берлинѣ, но самъ онъ предпочелъ быть избраннымъ въ Штетинѣ. Не одинъ онъ, но и многіе, пользующіеся большимъ вліяніемъ, когда ихъ выбирали и въ Берлинѣ и въ другомъ городѣ, отдавали преимущество послѣднему выбору. Кромѣ, разумѣется, личныхъ отношеній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, основная мысль, которая при этомъ руководила либеральною партіей, состояла въ томъ, что въ Берлинѣ, какъ во всякомъ большомъ городѣ, либеральные выборы во всякомъ случаѣ уже обезпечены, но что гораздо важнѣе человѣку съ именемъ, внушающимъ довѣріе, явиться тамъ, гдѣ безъ этого кандидатъ противной партіи легко бы могъ одержать верхъ. Выборъ г. Гнейста въ палату былъ однако для феодаловъ слишкомъ большимъ ударомъ, и они старались всячески противодействовать ему. По конституціонному обычаю, какъ бы ни были извѣстны политическія убѣжденія кандидата, онъ передъ выборомъ обязанъ явиться въ предварительное собраніе избирателей и произнести имъ рѣчь. Такъ явился въ штетинское собраніе и г. Гнейстъ. Въ рѣчи своей онъ, между прочимъ, сказалъ, что готовъ поддерживать нынѣшнее министерство, но что онъ желалъ бы видѣть на дверяхъ у каждаго ландрата надпись золотыми буквами: «Если во всѣхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ высказывается правда, законность и послѣдовательность, то правительство сильно, потому что у него чистая совѣсть.» (Слова регента.) Изъятіе одного сословія, продолжалъ онъ, отъ платежа поземельныхъ податей не можетъ быть долѣе терпимо. Необходимо прежде всего уничтожить эту привилегію, несмотря ни на какія препятствія. Въ заключеніе онъ изложилъ

свой взглядъ, какимъ образомъ онъ думаетъ осуществить эту мѣру. Когда онъ кончилъ, противъ него возсталъ одинъ представитель консервативной партіи, въ весьма почтенномъ чинѣ, генералъ, и началъ возражать. Съ свойственною военному краснорѣчію краткостію, ораторъ старался заподозрить своего противника, и увѣрялъ, будто г. Гнейстъ въ 1848 г. выразился въ одной публичной рѣчи, что пожалуй его увидать не на трибунѣ, а на баррикадахъ. На это г. Гнейстъ отвѣчалъ только, что это низкая клевета, которой источникомъ можетъ быть *Ново-Прусская Газета*. Ему дѣйствительно пришлось въ 1848 году говорить однажды предъ крайнешумнымъ народнымъ собраніемъ, и онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Господа! вы, которые здѣсь бушуете, вѣдь вы желаете послать человѣка въ палату, а не на баррикады.» Доказательства были представлены, и его противникъ долженъ былъ отступить.

Избранный огромнымъ большинствомъ въ Штетинѣ, г. Гнейстъ еще разъ послѣ явился туда, по приглашенію своихъ избирателей, на банкетъ, устроенный въ честь его. Въ рѣчи, произнесенной имъ при этомъ случаѣ, опять возвращаясь къ необходимости обложить податями изыятія отъ нихъ доселѣ дворянскія имѣнія, онъ сказалъ: «Здѣсь невозможно никакое измѣненіе безъ нарушенія личныхъ интересовъ; не касаясь собственности, невозможно даже самая умѣренная реформа. И конечно не по неуваженію къ чужой собственности считаю я тутъ реформу необходимою, но потому, что справедливость не допускаетъ здѣсь никакихъ изытій. Ни одинъ народъ не несетъ такихъ тягостей и повинностей, какъ прусскій. Уже поэтому Пруссія нуждается въ свободномъ государственномъ устройствѣ. Только свободная страна можетъ нести такія тягости...» Ничей взглядъ на современные недостатки Пруссіи не отличается такою трезвостію и вмѣстѣ такою неумолимостію, какъ взглядъ г. Гнейста. Ему, поэтому, позволительно въ торжественный часъ увлечься чувствомъ сильнаго патриотизма: «Господа, продолжалъ онъ въ той же рѣчи, если чувство самостоятельности не умерло еще у народовъ Европы, то спрашиваю, кто болѣе насъ имѣетъ права на это чувство? Есть ли другой народъ въ Европѣ, который могъ бы помѣряться съ нами образованіемъ и культурою? Есть ли вторая страна, которая имѣла бы такое городовое положеніе, какъ прусское 1808 года, и сельское учрежденіе, подобное нашимъ шульцамъ (деревенскимъ судьямъ),—учрежденіе, которое представляетъ такіе прекрасные задатки для дальнѣйшихъ реформъ съ цѣлію самоуправленія? Я не знаю другой такой страны. Ни Франція, ни Англія не имѣютъ этого. Поэтому, господа, я и вѣрю въ будущность нашего отечества...» Мѣсто, здѣсь приведенное, заставляеть еще съ большимъ

нетерпѣніемъ ожидать втораго тома сочиненія г. Гнейста: томъ этотъ заключаетъ въ себѣ общинное устройство, онъ готовится теперь къ печати и черезъ три, четыре мѣсяца выйдетъ въ свѣтъ. Городовое же положеніе 1808 г., о которомъ упоминается въ рѣчи, если его очистить отъ позднѣйшихъ измѣненій 1831 г., дѣйстви-тельно весьма замѣчательно. Извѣстно также, что при реформѣ городского устройства въ Англіи въ 1835 г.,—реформѣ, оставившей старинный муниципальный порядокъ только за лондонскимъ City,—многое заимствовано изъ городского устройства Франціи и старались воспользоваться городовымъ положеніемъ Пруссіи (1). Но, если устройство прусскихъ городовъ имѣетъ во многихъ отношеніяхъ преимущество предъ англійскимъ, то почему же городская жизнь въ Англіи такъ самостоятельно развилась, городскія сословія пользуются такимъ высокимъ почетомъ? У народа, у котораго является гениальный законодатель, можетъ существовать какое-нибудь весьма замѣчательное законодательное произведе-ніе, которое опережаетъ работу жизни на многіе десятки лѣтъ, а между тѣмъ въ той сферѣ жизни, которую это произведеніе обнимаетъ, другой народъ, менѣе счастливый въ законодательномъ отношеніи, сдѣлалъ уже несравненно больше успѣховъ. Ясно, что законъ самъ по себѣ еще не все.

Въ числѣ замѣчательныхъ лицъ, которые избраны въ палату, мы назвали еще г. Тадделя. Имя его мало извѣстно, но между тѣмъ въ Пруссіи съ этимъ именемъ связано не только воспоминаніе о славномъ актѣ гражданской доблести, но и глубокое уваженіе ко всему сословію судей, къ которому Таддель принадлежитъ. Это было во второй половинѣ 1849 года, когда реакція уже торже-ствовала, когда начинались доносы, аресты, и наступала страшная пора политическихъ процессовъ. Огромное большинство лю-дей, которые чувствовали себя наиболѣе виновными въ глазахъ новаго правительства, бѣжали, или начинали выселяться, кто въ Швейцарію, кто въ Англію, кто въ Америку. Въ лицахъ, которыхъ можно было запутать въ процессъ, разумѣется, недостатка не было, но реакціонной партіи, овладѣвшей правительствомъ, мало было арестовать людей темныхъ, ставить предъ судъ юношей, увлекшихся студентовъ. Ей хотѣлось челоуѣка покрупнѣе. Вы-боръ палъ на г. Вальдека. Челоуѣкъ пожилой уже, отецъ большаго семейства, онъ до избранія его въ національное прусское собра-ніе былъ членомъ оберъ-трибунала. Оберъ-трибуналь состав-

(1) См. только что вышедшую отдѣльною брошюрой статью Пикфорда-ва экономическаго журнала: *Ueber das Selfgovernment in England u. in Preussen*, стр. 42. Впрочемъ много новаго, послѣ сочиненія г. Гнейста объ Англіи, мы въ этой брошюрѣ не нашли.

лаетъ въ Пруссіи для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ третью инстанцію (слѣдовательно въ судебной іерархіи соответствуетъ нашему сенату), и для того, чтобъ удостоиться высокопочтеннаго назначенія въ члены его, нужно имѣть за собою долгую адвокатскую практику, отличиться въ должности судьи при какомъ-нибудь Appelationsgericht и вообще приобрести въ странѣ репутацію талантливаго легиста. Избранный въ национальное прусское собраніе, г. Вальдекъ вскорѣ сдѣлался главнымъ предводителемъ крайней лѣвой стороны, къ которой принадлежали всѣ люди, желавшіе для Пруссіи демократически-конституціонной монархіи. Каковы бы ни были его дѣйствія здѣсь, но оставаясь въ границахъ закона, онъ обнаружилъ необыкновенную энергію. Какъ же реакціонному правительству было взяться за такого человѣка? Связь его съ людьми его партіи, наиболѣе участвовавшими при всѣхъ движеніяхъ въ Пруссіи, и послѣ, при баденскомъ возстаніи, должна была доставить матеріалъ для обвиненія. При этомъ подслужился одинъ человѣкъ, по имени Омъ (Ohm), который долгое время былъ на посылкахъ у разныхъ клубовъ, измѣнялъ имъ и тайно находился на жалованьѣ у *Ново-Прусской Газеты*. Тѣмъ не менѣе онъ для низшей полиціи, не посвященной въ тайны редакціи той газеты, долженъ былъ казаться подозрительнымъ. У него былъ сдѣланъ домашній обыскъ, и при этомъ захвачены всѣ найденныя у него бумаги, письма, статуты разныхъ явныхъ и тайныхъ обществъ, клубовъ, конгрессовъ,—въ оригиналахъ и спискахъ. Среди этихъ бумагъ нашли не переданное Вальдеку письмо отъ одного его парламентскаго друга, уже бѣжавшаго изъ Пруссіи, — письмо, сильно компрометировавшее его и служившее государственному прокурору, вмѣстѣ съ словесными показаніями Ома, главнымъ обвинительнымъ актомъ противъ Вальдека. На допросѣ передъ присяжными—преступленія политическія уже послѣ, закономъ 1853 г., изъяты въ Пруссіи изъ вѣдомства присяжныхъ судовъ, съ сохраненіемъ однако для дѣлъ сего рода и понынѣ словеснаго и публичнаго судопроизводства (1)—Омъ не могъ скрыть ни участія въ извѣстной газетѣ, ни предательскаго служенія своего демократической партіи; но послѣднее оговаривалъ тѣмъ, что онъ видѣлъ гибель отечества, коварныя намѣренія людей злоумышленныхъ, и не могъ имъ сочувствовать. Распутать все это, разоблачить всѣ дѣйствія этого господина, показать, посредствомъ сличеній, что

(1) А еще прежде, закономъ 1851 г. изъяты изъ вѣдомства присяжныхъ судовъ дѣла по нарушенію законовъ прессы, впрочемъ въ томъ только случаѣ, когда преступное дѣяніе влечетъ за собой тюремное заключеніе не свыше трехъ лѣтъ. Но и въ такомъ, болѣе обыкновенномъ случаѣ, то-есть когда дѣло рѣшается безъ присяжныхъ, судопроизводство словесно и публично.

письмо къ Вальдеку было подложное, самимъ имъ сочиненное, оставить его, вмѣсто Вальдека, томившагося уже нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, одного на скамьѣ обвиненныхъ и подвести его подъ уголовный законъ—это было дѣло президента присяжнаго суда, старика Таделея, дѣло, выставявшее реакціонную партію, которой Омъ былъ лишь орудіемъ, въ страшномъ свѣтъ. Либеральная партія, или, лучше, партія всѣхъ честныхъ людей, не могла забыть эту заслугу Таделея, и выборомъ его въ палату заявила, послѣ многихъ лѣтъ, свое сочувствіе и благодарность.

Важныхъ законодательныхъ проектовъ, при наступающемъ сезонѣ, какъ уже извѣстно, не будетъ внесено въ палату. На дняхъ министерство, посредствомъ своей офиціальной газеты, обращалось почти съ просьбою къ новымъ депутатамъ, чтобъ и они съ своей стороны дѣлали въ эту зиму только умѣренное употребленіе изъ своего права законодательной инициативы. Министерство имѣетъ въ настоящее время другую важную задачу, поглощающую пока всю его дѣятельность: очистить администрацію. Но и тутъ оно измѣняетъ личный составъ крайне осторожно: пока уволены въ центральномъ и провинціальномъ управленіи лишь лица, которыя давно уже были заклеены общественнымъ мнѣніемъ. Какъ велика до сихъ поръ дисгармонія между министерствомъ и низшимъ правительствомъ, видно изъ того, что въ самое послѣднее время были конфискованы здѣсь полиціей два нумера журналовъ, а вслѣдъ за тѣмъ, дня черезъ два, нумера эти снова выданы, и въ офиціальной газетѣ былъ помѣщенъ родъ извиненія передъ публикой, что сказанныя конфискаціи были произведены безъ вѣдома министерства. Тѣмъ не менѣе приверженцы послѣдняго разсуждаютъ такъ: увольнять en masse нельзя, потому что новые господа, которые предложили бы свои услуги новому министерству съ заявленіемъ своего либеральнаго образа мыслей, были бы не лучше старыхъ. Пусть эти послѣдніе, оставаясь пока на мѣстахъ, пораздумаютъ о своемъ положеніи, пусть теперь, при измѣнившейся температурѣ, они пораздумаютъ, куда они вели страну, покорствуя господствовавшей анти-конституціонной партіи. Мѣнять же разомъ всѣ правительственныя лица въ провинціяхъ, потому что центральная власть перешла къ оппозиціи,—это было бы слишкомъ по-французски, и это значило бы сдѣлать президентовъ и ландратовъ префектами, что еще хуже.

Новое правительство, конечно, сознаетъ ту важную историческую роль, которая выпала на его долю: провести, посредствомъ органическихъ законовъ, конституціонныя начала во все государственное управленіе. Только тогда существенныя основанія, на которыхъ зиждется всякій разумный гражданскій порядокъ, то есть гарантія личной свободы, честь, имущественныя права, со-

знаніе полноправности, — будутъ такъ утверждены, что покачнуть ихъ никакая мимо-консервативная партія, которая послѣ бы овладѣла правительствомъ, уже будетъ не въ состояніи. Но къ такимъ органическимъ законамъ ни министерство, ни депутаты второпяхъ приступить не могутъ. Пока соображается законъ, котораго, при крайне сложномъ состояніи религіознаго вопроса въ Пруссіи, долге отлагать нельзя. Дѣло идетъ о введеніи гражданскаго брака, обѣщаннаго еще уложеніемъ 1850 г. Казалось бы, что либеральная партія будетъ за гражданскій бракъ, но она смотритъ на него, приблизительно, съ слѣдующей точки зрѣнія: «Если законъ будетъ гласить, что предоставляется на полную волю вступающихъ въ бракъ лицъ вѣнчаться въ церкви, или же довольствоваться изъявленіемъ взаимнаго согласія въ формахъ, исключительно-гражданскихъ, то мы станемъ за него. Но если гражданскій бракъ будетъ введенъ лишь, какъ подмога, при тѣхъ особенныхъ случаяхъ, когда церковная власть отказывается вѣнчать, хотя по гражданскимъ законамъ нѣтъ препятствія, то мы противъ него. Въ послѣднемъ случаѣ гражданскій бракъ будетъ имѣть лишь смыслъ брака лицъ, отлученныхъ отъ церкви, и въ народномъ сознаніи будетъ необходимо стоять ниже церковнаго брака. Поэтому мы прежде всего требуемъ, чтобы церковная власть не имѣла права отказывать въ повѣнчаніи браковъ, которымъ гражданскіе законы не противятся.» Дѣйствительно, нужно замѣтить, что въ настоящее время гражданскій бракъ въ Пруссіи не пользовался бы сочувствіемъ не въ однихъ только низшихъ слояхъ народа. Разказываютъ, что недавно въ обществѣ здѣсь спросили одну довольно образованную даму, что она думаетъ о гражданскомъ бракѣ. Она очень наивно отвѣчала, что, по ея мнѣнію, кажется, *военный* бракъ заслуживаетъ преимущество. Она поняла вопросъ такъ: за кого лучше выходить, за статскаго или за военнаго? А между тѣмъ, напримѣръ, въ Голландіи, гдѣ, конечно, семейная жизнь сохранилась лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и гдѣ браки рѣдко несчастливы, невѣста очень охотно отдаетъ окончательно руку будущему мужу не въ церкви, а предъ лицомъ только общества и гражданскаго закона.

Б. Утинъ.

Берлинъ. Декабрь, 1858 г.

МЫСЛИ О ЗНАЧЕНИИ МЕХАНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ И О БУДУЩНОСТИ ЕГО ВЪ РОССИИ (1).

Обозрѣвая мысленно разнообразныя приложенія механики къ земледѣлію, промышленности и торговлѣ нашего времени, невольно преклоняешься предъ могуществомъ разума и силою человѣческой воли. Никогда эти высшіе дары Провидѣнія не проявлялись такъ благотворно и съ такимъ блескомъ, какъ въ нашъ XIX вѣкъ.

Ограничиваясь сферою механики, не можемъ не замѣтить въ ней громаднаго успѣха. Конечно памятники древняго искусства поражаютъ воображеніе: дивныя храмы, чудесныя дворцы древнихъ понинѣ въ своихъ развалинахъ составляютъ предметъ всеобщаго удивленія; немногосложныя машины въ рукахъ Архимеда поднимали цѣлыя суда на твердыни сиракузскія и колоссальныя камни при сооруженіи высокихъ зданій; но ничего похожаго на такое всестороннее приложеніе неодушевленныхъ силъ природы, какое мы видимъ нынѣ, не было у древнихъ. Новый человѣкъ стремится облагородить свой трудъ, замѣнить свои слабыя силы другими болѣе могучими и менѣе стоящими силами природы. Эта реформа труда человѣческаго сопровождалась самыми благотворными послѣдствіями, которыя и поставили механику на высокую стезю благодѣтельности рода человѣческаго.

Мы присутствуемъ при одномъ изъ самыхъ величайшихъ преобразованій въ матеріальномъ бытѣ народовъ. Не о поднятій камней, не о томъ, чтобы сдвигать землю (2) съ ея основаній, идетъ рѣчь, а о воздѣлываніи земли помощію пара, объ усиленіи способовъ пропитанія людей, о громадномъ добываніи стали изъ нѣдръ нашей планеты, о движеніи машинъ, приготавливающихъ во множествѣ пряжу и ткани для нашей одежды; въ идетъ объ удовлетвореніи разнообразныхъ нуждъ, порожденныхъ современною жизнію, о борьбѣ съ стихіями, на всякомъ шагѣ полагающими препоны человѣческой дѣятельности. Вотъ главная цѣль, къ которой стремится новѣйшее механическое искусство. Не забудемъ, что только десятая часть земнаго производства обработана, и эта часть обработана несовершенно;

1) Болѣе подробное развитіе этого предмета можно найти въ рѣчи, произнесенной авторомъ 12 января сего года въ торжественномъ собраніи университета.

2) Da mihi punctum terram movebo. Archimedes.

человѣчеству долго не доставало того могущества, которое дало ему механика.

Предоставленный собственнымъ силамъ, земледѣлец изнемогалъ въ борьбѣ съ природою; но теперь онъ не одинъ: чего не могъ сдѣлать своими руками, то сдѣлаетъ онъ машинами, удес-терпяющими его дѣйствіе. Такимъ образомъ успѣхи механики тѣсно связываются съ грознымъ вопросомъ о размноженіи людей на лицѣ земли: при лучшей обработкѣ пашни, при захватываніи все бѣльшихъ и бѣльшихъ пространствъ, можно смотрѣть на размноженіе рода человѣческаго безъ всякаго опасенія. И тѣмъ отраднѣе, тѣмъ успокоительнѣе дѣйствуютъ успѣхи новаго искусства на истинныхъ друзей человѣчества, что они согласуются съ успѣхами мысли и свободы, съ христіанскими желаніями блага своему ближнему.

Всѣ большія общественныя предпріятія, основанныя на механикѣ, смягчаютъ суровую жизнь бѣдняка, если даже не по чувству человѣколюбія, то по самой сущности своей. Можно ли представить себѣ желѣзную дорогу безъ множества лицъ всѣхъ классовъ, пользующихся ею, можно ли плавать одному на большомъ пароходѣ, совершающемъ правильные рейсы между двумя какими-либо пунктами, можно ли однимъ богачамъ выпить всю здоровую, чистую воду, приводимую въ городъ изъ-за нѣсколькихъ верстъ? Доброе связуется съ полезнымъ—великій законъ, управляющій дѣлами человѣческими. Большія предпріятія приносятъ пользу и основателямъ и обществу, и богатому и бѣдному. Сила, поднимающая 18 сороковыхъ бочекъ воды на высоту бассейновъ Сухаревой башни, стоить не болѣе трехъ копѣекъ, несмотря на дороговизну топлива въ Москвѣ. Подобный результатъ былъ бы невозможенъ безъ успѣховъ механическаго искусства. Мы изба-ваны этими успѣхами, мы сдѣлались къ нимъ равнодушны, мы забываемъ, какихъ трудовъ они стоили, сколькихъ гениальныхъ усилій требовалось для ихъ осуществленія.

Если принять въ соображеніе, что каждая верста желѣзной дороги требуетъ до десяти тысячъ пудъ желѣза и чугуна, то нельзя не ужаснуться громадности массъ металла, потребляемаго новыми путями сообщенія. Эти массы не лежатъ готовыми къ нашимъ услугамъ; онѣ не вездѣ подъ руками у насъ; добываніе ихъ и перевозка сопряжены съ большими расходами силы. Только новѣйшія улучшенія водяныхъ колесъ, только безсмертныя изобрѣтенія Уатта даровали намъ силу, побѣждающую эти препятствія. Съ 1782 года машины Уатта употребляются для выдѣлки желѣза, для продуванія доменныхъ печей, для пудлингованія, плющенія,ковки и раз-рѣзки желѣза. Слѣдуя идеямъ того времени, Англичане въ 1786 г. запретили парламентскимъ актомъ вывозъ механизмовъ и снаря-

довъ, служащихъ для обработки желѣза, и выѣздъ работниковъ, знавшихъ эту обработку. Такъ высоко цѣнили они важность открытій своихъ инженеровъ!

И вотъ видимъ мы нынѣ всеобщее, разнообразное употребленіе желѣза; кровельныя стропила, корпуса кораблей, рельсовыя дороги, перья, канаты, машины, мебель, все это дѣлается изъ желѣза. Нельзя предвидѣть всѣхъ новыхъ приложений этого матеріала, но можно сказать, что мѣры, содѣйствующія его доступности и удешевленію, заслуживаютъ полнаго вниманія законодательной и административной власти.

Тогда какъ Англія добываетъ ежегодно 150 милліоновъ пудовъ чугуна и желѣза, Россія едва получаетъ десятую часть этого количества съ своей обширной территоріи, и изъ этой десятой части двѣ трети сосредоточены въ губерніяхъ Пермской и Оренбургской. Вотъ первая причина нашей отсталости въ механическомъ искусствѣ.

Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ предметѣ человѣкъ практической, близкій къ заводскому дѣлу (1):

• Едва ли не всѣ отрасли промышленности находятъ основаніе для своего развитія въ разнообразныхъ примѣненіяхъ желѣза. Посему тамъ, гдѣ этотъ металлъ пріобрѣтается не легко и съ большими издержками, всякая промышленность болѣе или менѣе подвергается застою. Разумѣется, все это прямо относится и къ свеклосахарной промышленности, средоточіе которой, западная Россія, такъ отдалено отъ Урала и Сибири, что только съ большими пожертвованіями можетъ пользоваться русскимъ желѣзомъ. Городищенскій сахарный заводъ, закупивъ для себя годовой запасъ желѣза на Нижегородской ярмаркѣ 1856 года, началъ получать его не раньше мая 1857 года. Оно сначала было доставлено Окою въ Калугу; оттуда, другой подрядчикъ отправилъ его въ Брянскъ, а отсюда уже третій началъ сплавлять его по Деснѣ и Днѣпру, на заводскую пристань; при этой послѣдней переправѣ, одна барка вмѣстѣ съ желѣзомъ затонула. Недобросовѣстные судовщики, извлекая желѣзо изъ воды, стали-было продавать его, пока заводъ не получилъ о томъ извѣстія и не отправилъ туда своего агента. Не мало стоило ему труда, времени и расходовъ, чтобы разыскать покупателей и отобрать у нихъ желѣзо. При такихъ условіяхъ можно ли ожидать у насъ распространенія и усовершенствованія механическихъ мастерскихъ?

• Западный край Россіи удобнѣе всего могъ бы получать англійское желѣзо и чугунъ чрезъ одесскій портъ. Кажется, именно съ цѣлью содѣйствовать промышленности этого края, тарифъ

(1) См. *Вѣстникъ Промышленности*, изд. г. Чижовымъ, № 2, 1858 г.

1857 года дозволилъ привозъ иностраннаго желѣза въ Одессу; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опредѣлилъ столь высокую пошлину, что воспользоваться дарованною милостію совершенно нѣтъ возможности.

«Въ такомъ положеніи дѣла, у насъ трудно механическимъ мастерскимъ устраиваться и соперничать съ иностранными, тѣмъ болѣе, что выдѣлка металловъ за границею очень обширна и доведена до высокой степени совершенства. Тамъ есть много заведеній, исключительно занятыхъ подготовленіемъ металловъ черни; механическимъ мастерскимъ остается только употреблять ихъ по назначенію. При такомъ взаимномъ содѣйствіи, работы за границею идутъ скоро и легко. У насъ же обработка металловъ не приготовлена еще къ заводской ихъ потребности, и потому она не въ состояніи оказывать дѣятельной помощи всякой промышленности, болѣе или менѣе въ нихъ нуждающейся. Менѣе всѣхъ можетъ разчитывать на сибирскіе заводы западный край Россіи, отнесенный отъ нихъ на огромное разстояніе и не соединенный съ мѣстами выдѣлки удобными путями сообщенія; а между тѣмъ онъ испытываетъ крайнюю нужду въ металахъ для развитія свеклосахарной промышленности, въ которой онъ видитъ одинъ изъ вѣрныхъ залоговъ своего будущаго благосостоянія.

«Механическая мастерская г. Яхненка и Симиренка, не находя въ продажѣ потребныхъ ей желѣза и мѣди извѣстной толщины или формы, уже не разъ встрѣчалась съ необходимостію вступать въ сношенія съ сибирскими заводами, но для исполненія своихъ заказовъ должна ждать отъ 12 до 20 мѣсяцевъ; чаще же случалось, что заказы ея не принимались.

«Все это прямо ведетъ къ заключенію: пока мы не будемъ получать металловъ за дешевую цѣну, намъ страшно трудно заводить свои механическія мастерскія, а безъ нихъ, при всѣхъ усиліяхъ, при всей предпріимчивости, промышленникъ ничего не сдѣлаетъ. Нисколько не входя въ общія государственныя соображенія, мы не можемъ не видѣть, что сбавка пошлинъ на металлы, привозимые Чернымъ моремъ и сухопутно черезъ западныя границы, только усилила бы пошлинный сборъ. А дешевизна желѣза, какъ одной изъ первыхъ и нужнѣйшихъ потребностей, есть благо общее; она удешевитъ и другіе наши товары.»

Но успѣхъ механическаго искусства обуславливается не однимъ дешевымъ матеріаломъ, не однимъ даже капиталомъ, а еще болѣе искусствомъ работника, знаніемъ и талантомъ инженера. Исторія его развитія въ Англіи неоспоримо доказываетъ эту истину. Смитонъ, Уаттъ, Ренни, Стефенсонъ, и въ наше время манчестерскій инженеръ Фербернъ извѣстны всему свѣту своими познаніями и способностями: они съ честію носили и достойно передавали другъ

другу знамя, прославившее Англию. Да, не однимъ благопріятнымъ естественнымъ условіямъ обязаны многіе народы колоссальнымъ развитіемъ своей промышленности. Дары, представляемые земнымъ шаромъ на своей поверхности, и тѣ, которые онъ скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ, распределены чрезвычайно неровно между различными странами; но сокровища, плоды, добываемые человекомъ, или производимые трудомъ, зависятъ гораздо менѣе отъ этихъ неровныхъ и первоначальныхъ благъ, нежели отъ другихъ, высшихъ даровъ Провидѣнія: отъ умственныхъ силъ, ниспосланныхъ роду человѣческому, тѣхъ силъ, которыя каждый народъ обнаруживаетъ въ своихъ дѣлахъ, каковы бы ни были въ странѣ, имъ обитаемой, благодѣянія или скудость природы. Страны воздѣлываются и богатѣютъ не по мѣрѣ своего плодоносія и природнаго богатства, а по мѣрѣ своей свободы и своего просвѣщенія, училъ еще Монтескье.

Примѣромъ можетъ служить Шотландія, прославленная Адамомъ Смитомъ и Джемсомъ Уаттомъ. Съ своими обнаженными горами, ледяными степями и свинцовымъ небомъ она отправляетъ къ разнымъ народамъ болѣе произведеній своей почвы и своихъ искусствъ нежели обширная Мексика съ своими серебряными рудами, вѣчною весною, египетскимъ солнцемъ и богатою растительностію, предъ которою блѣднѣетъ даже обѣтованная земля древняго и чуднаго Востока.

На западной сторонѣ Атлантическаго океана Массачусетсъ, малый по своей территоріи, несравненно менѣе плодородный, нежели бассейны Миссиссипи, великъ своимъ земледѣіемъ и особенно своею промышленностію. Въ своемъ исканіи онъ доходитъ до полярныхъ круговъ, для ловли китовъ, и до сокровищъ экватора; за ароматы и драгоцѣнные благовонія жаркаго пояса платитъ *льдами своихъ озеръ!*

Съ чувствомъ глубокой радости останавливается другъ мануфактурной промышленности на Ловелъ (Lowell), находящемся въ сорока верстахъ отъ Бостона, въ Массачусетскомъ штатѣ. Этотъ счастливый городокъ Америки представляетъ нѣкоторыя черты, намъ знакомыя. Мануфактурная работа служигъ для большей части фабричныхъ временнымъ занятіемъ; они одинаково владеютъ и плугомъ и ткацкимъ челнокомъ. Это обстоятельство чрезвычайно благопріятно, какъ для благосостоянія, такъ и для сохраненія здоровья рабочаго класса людей, но нельзя не согласиться, что механическое искусство много выигрываетъ отъ постоянныхъ работниковъ. Въ этомъ отношеніи Англія беретъ рѣшительный перевѣсъ; успѣхи земледѣльческой механики содѣйствуютъ уменьшенію сельскаго населенія; огромное большинство людей устремляется на фабричную и заводскую промыш-

шленность. По мнѣнію г. Леонса де-Лаверня, въ настоящее время только шестая часть народа занимается въ Англіи земледѣліемъ. Понятны послѣ того безпримѣрные успѣхи ея торговли и промышленности: при дешевизнѣ желѣза и топлива, при улучшенныхъ путяхъ сообщенія, при громадномъ развитіи торговли, есть еще множество свободныхъ рукъ, которыя ищутъ работы. Промышленность является въ Англіи цѣлительницею язвъ, причиняемыхъ недостаткомъ земли, вслѣдствіе котораго привозится въ Англію изъ другихъ странъ до 15 милліоновъ четвертей хлѣба.

Мы находимся въ положеніи, противоположномъ этому; у насъ самая незначительная часть рабочаго класса занимается исключительно промышленностію. За то наши земледѣльцы имѣютъ въ зимнее время досугъ для промысловъ. Мы тоже должны твердо знать, что и для развитія самага земледѣлія, и для зимнихъ занятій нашихъ земледѣльцевъ, необходимо развитіе промышленности и торговли: одни только близорукіе ставятъ торговлю и промышленность въ антагонизмъ съ земледѣліемъ.

Будемъ же употреблять всѣ усилія къ водворенію у насъ фабрикъ и заводовъ. Правительствоныя мѣры давно уже клонились къ этой благой цѣли. Давно уже дозволенъ у насъ безошлинный привозъ машинъ всякаго рода, который простирается ежегодно по цѣнѣ до 2 милл. рублей, а въ 1853 году доходилъ до 4½ милл. рублей; давно уже начали появляться у насъ свои машино-строительныя и литейныя заведенія, производительность которыхъ не уступаетъ привозу машинъ изъ-за границы.

Сознавая важность механическаго искусства, правительство наше учредило учебныя мастерскія для построенія машинъ и отливки чугуна, въ Москвѣ, при Ремесленномъ Учебномъ Заведеніи, и въ С.-Петербургѣ, при Технологическомъ Институтѣ.

Нѣтъ ни одной отрасли техническаго производства, которая требовала бы столько познаній, навыка, смѣтливости и точности, какъ машино-строительное дѣло. Отъ него всѣ требуютъ совершенства, хотя всѣ знаютъ, что для этого нужно соединеніе многихъ благопріятныхъ условій. Удовлетворить этимъ требованіямъ по всѣмъ родамъ машинъ мы не можемъ, а потому должны дозволить безпрепятственный ввозъ машинъ изъ чужихъ краевъ. Расходы по привозу машинъ внутрь Имперіи возвышаютъ стоимость ихъ на 50 %, и рѣдко менѣе 40 % покупной цѣны на мѣстѣ. Въ этой преміи есть уже достаточное охраненіе отъ иностраннаго совмѣстничества для нашихъ машино-строительныхъ заводовъ.

Пусть же хотя при пособіи иностранныхъ машинъ развиваются наши фабрики и заводы, пусть возникаютъ всякаго рода предпрія-

тія: все это откроетъ современемъ передъ нашими механиками обширное поприще для дѣятельности.

Впрочемъ, что касается до способности русскаго человѣка къ механическому искусству, то она едва ли подлежитъ сомнѣнію. И при большихъ способностяхъ результаты могутъ быть ничтожны: это зависитъ отъ многихъ и многихъ обстоятельствъ. Вспомнимъ, что еще за сто лѣтъ передъ симъ, былъ у насъ на Руси великій механикъ Кулибинъ, которому самъ Эйлеръ отдавалъ справедливость; при другихъ условіяхъ, его труды годились бы не для одной кунсть-камеры, а вѣроятно были бы поставлены въ одномъ ряду съ трудами Уатта и Фультона. Занесемъ на эти страницы и тѣ немногіе другіе факты, которые могутъ свидѣтельствовать о способностяхъ русскаго человѣка къ механикѣ.

Тамъ на Волгѣ простой крестьянинъ Сутыринъ сдѣлалъ важное улучшение въ конныхъ машинахъ; на одномъ изъ сибирскихъ заводовъ бѣдный чиновникъ Ползуновъ явился соперникомъ Уатту, устроивши паровую машину въ 1765 году, когда этимъ дѣломъ мало еще занимались въ государствахъ, во всемъ опередившихъ насъ; въ Восточной Сибири русскіе люди изобрѣли оригинальные снаряды для промывки золотоносныхъ росыпей. Здѣсь, въ Москвѣ, проживалъ бѣдный землемѣръ, сынъ костремскаго крестьянина, изумившій нашу академію наукъ своими остроумными планиметрами. Высшее ученое сословіе Имперіи не разъ присуждало г. Зарубину свои преміи. Забудемъ ли еще основателей знаменитыхъ нашихъ заводовъ, премьеръ-майора Москвина, положившаго основаніе Воткинскому заводу, Никиту Демидова, Ивана и Андрея Баташевыхъ, соединившихъ съ занятіями въ дѣлѣ желѣзныхъ заводовъ необычайную энергію и ничѣмъ несокрушимую силу воли? И въ недавнее время, извѣстные наши инженеры гг. Журавскій и Мельниковъ замѣтили между Каширою и Тулою плотину, устроенную простыми мельниками совершенно по американскому способу; г. Журавскій нашелъ въ Московской губерніи разборчатую плотину, сдѣланную крестьяниномъ, и сдѣланную такъ, что она сдѣлала бы честь инженеру.

Не будемъ же терять надежды; быть-можетъ, съ зарею лучшихъ дней пробьется и у насъ лучъ, который освѣтитъ наше механическое искусство. Люди науки съ своей стороны должны стараться о распространеніи техническихъ знаній въ нашемъ отечествѣ.

Конечно не въ одномъ знаніи заключается залогъ успѣха, но это такой важный элементъ, безъ котораго успѣхъ невозможенъ. Потому дружелюбіе будемъ пріивѣтствовать голоса, раздающіеся иногда у насъ въ пользу распространенія спеціальныхъ познаній.

Правда, постепенность неизбѣжна во всемъ: при маломъ распро-

страненіи грамотности невозможно распространеніе какихъ бы то ни было знаній въ массѣ народа но наша рѣчь идетъ пока о руководителяхъ, а не о работникахъ, которые явля ются у насъ тысячами на фабрики, заводы, дороги и проч. Посмотрите, кто руководитъ работами, и чаще всего вы встрѣтите иностранца, и въ довершеніе, не всегда знающаго свое дѣло.

Начавши строить желѣзныя дороги и пароходы, мы не можемъ уже, сложа руки, дожидаться, пока грамотность распространится во всей массѣ народа, пока наши учрежденія примутъ другой, лучшей видъ, пока наконецъ переѣмнится взглядъ на вещи и весь строй мыслей нашего общества. У насъ требуютъ механиковъ, и мы должны дать ихъ; выписывать ихъ изъ-за границы не такъ легко, какъ это можетъ казаться съ перваго раза; исполнское развитіе промышленности на западѣ Европы удерживаетъ дома всѣ лучшія, живыя силы народа, а намъ могутъ достаться удалые молодцы всезнайки.

Итакъ образованіе химиковъ и механиковъ мы считаемъ насущною потребностію нашего общества. Заботьтесь о распространеніи грамотности въ народѣ, о водвореніи законности и порядка, охраняйте свободное развитіе личности и личныхъ предпріятій, но не нападайте также на мысль о настоятельной нуждѣ высшихъ техническихъ курсовъ, не утверждайте, что для нихъ еще не пришло время. Въ соединеніи реального направленія съ гуманнымъ лежитъ, по вѣрному слову нашего Пирогова, настоящее достоинство университетскаго преподаванія.

Еще въ прошломъ столѣтіи, когда не было тѣхъ открытій, тѣхъ ученыхъ изслѣдованій, какими теперь обогащены прикладныя науки, въ Германіи была высказана мысль о необходимости распространенія въ образованномъ сословіи высшихъ техническихъ знаній. А теперь почти нѣтъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго города въ Западной Европѣ, гдѣ бы не было что-нибудь сдѣлано для технического образованія. И это понятно: въ наше время промышленность требуетъ соединенія науки съ изобрѣтательностію; во многихъ случаяхъ бываетъ недостаточно однихъ капиталовъ и предпріимчивости.

Англичане, столь искусные въ наблюденіи и въ изученіи выгодъ другихъ народовъ, столь рѣшительные и энергическіе въ борьбѣ, признали превосходство Французовъ въ приложеніи наукъ къ промышленности и въ искусствѣ рисованія: они увидѣли, что, благодаря этому превосходству, Французы могли съ успѣхомъ выдерживать борьбу съ ними въ хрустальномъ дворцѣ Гайдъ-Парка.

Какъ они ни горды, они однакожь прибѣгли къ тому же средству и всюду начали распространять промышленное образованіе. Да и гораздо прежде вотъ что я нашелъ въ сочиненіи знаменитаго барона Карла Дюпена:

• Глазго принадлежит къ числу городовъ, представляющихъ все то, что могутъ произвести дѣятельность, постоянство въ трудѣ и искусство. Въ продолженіи одного только столѣтія онъ удесятирилъ свое народонаселеніе, богатство, торговлю и мануфактуру.

• Долгомъ считаю свидѣтельствовать, что посѣщеніе заведеній и мастерскихъ Глазго удобнѣе, нежели во всякомъ другомъ городѣ Великобританскаго королевства. Тамъ безъ всякой остановки показываютъ то, что съ такимъ упорствомъ скрывается въ Манчестерѣ. Либеральный духъ жителей, въ этомъ отношеніи, развитъ такъ глубоко, какъ только можно желать у мануфактурнаго народа, который естественно долженъ бояться не только потери своего первьса, но и всякаго иностраннаго соперничества.

• Богатые граждане Глазго основали институтъ Андерсона, въ которомъ, по вечерамъ, во всякую зиму, преподаются основанія геометріи, механики, физики и химіи.

• Эти курсы специально назначены для молодыхъ работниковъ, которые платятъ за это около шести франковъ за всю зиму. Такой малый сборъ требуется для того, чтобъ имѣть слушателей, движимыхъ любовью къ просвѣщенію, и которые хотятъ сдѣлать для него хотя небольшое пожертвованіе.

• Общественная благодарность должна сопровождать память ученаго Бирбека, который первый сумѣлъ приноровить математическое ученіе къ понятіямъ работника. Институтъ Андерсона произвелъ удивительные результаты. Теперь утѣшительно видѣть во многихъ мастерскихъ Глазго простыхъ работниковъ, понимающихъ начала (принципы) своихъ производствъ и средства для усовершенствованія практическихъ результатовъ.

• Главный профессоръ института Андерсона, докторъ Юръ, извѣстный своею благосклонностію къ иностранцамъ, и особенно къ Французамъ, самъ водилъ меня по всѣмъ значительнымъ мануфактурамъ, изъ которыхъ бѣльшая часть управляется теперь его учениками.

• Если наивность разказа, характеризующаго духъ народа и образованіе промышленнаго класса, не оскорбитъ слишкомъ деликатныхъ слушателей, то я приведу въ примѣръ двухъ братьевъ хлѣбниковъ, которые въ свободные промежутки времени занимались построеніемъ физическихъ инструментовъ.

• Они отлили, обгочили и сладили всѣ части паровой машины, которой котелъ нагрѣвался подлѣ пекарной печи. Машина имѣла силу двухъ человѣкъ: она приводила въ движеніе токарный станокъ, на которомъ наши два артиста обтачивали металлы и стекла для оптическихъ инструментовъ. Они построили маленькій снарядъ для освѣщенія газомъ ихъ лавочки и квартиры. Трубы, проводящія газъ, гибки въ сочлененіяхъ, а потому могутъ проводить свѣтъ во

всѣ мѣста, куда нужно. Эти молодые люди знаютъ математическія и физическія начала дѣлаемыхъ ими инструментовъ. Когда-нибудь они оставятъ свою профессію для естественныхъ наукъ; но ихъ фортуна зависить отъ дяди, который хлѣбопекарню далеко предпочитаетъ геометріи и астрономіи, и который желаетъ передать своимъ племянникамъ мѣсиво предковъ.

«Увы! сколько изъ насъ, нимало въ томъ не сомнѣваясь, дадей двухъ хлѣбниковъ!»

Такъ доносили академіи наукъ баронъ Карлъ Дюпенъ еще въ 1818 году (1). Его труды содѣйствовали распространенію промышленнаго образованія не только во Франціи, но и въ самой Англии. Въ этой послѣдней составились институты ремесленниковъ, *mechanic institutions*, въ которыхъ, за умѣренную плату, слушаютъ курсы наукъ, приложенныхъ къ промышленности.

Во Франціи для образованія машинистовъ устроены школы въ Анжеръ, Шалонъ и Эксъ, а для инженеровъ центральная школа въ Парижѣ. Кромѣ того въ Парижѣ существуетъ цѣлый техническій факультетъ, единственный во всемъ мірѣ, по многочисленности кафедръ и по обширности собранія машинъ; я разумѣю консерваторію искусствъ и ремеслъ.

Англичане тоже, начиная съ 1851 года, посвятили дѣлу технического образованія громадную сумму 500 тысячъ фунтовъ; и английская королева, въ одной изъ своихъ рѣчей, при открытіи парламента, соблаговолила обратить вниманіе членовъ палаты на наивозможно-большее развитіе этой части народнаго образованія. Если въ Англии, гдѣ такъ много механиковъ, образовавшихся на заводахъ, заботятся о спеціальному образованіи народа и тратятъ на это большія суммы, то какъ же намъ не подумать серьезно объ этомъ дѣлѣ?

Обширное пространство нашихъ земель, наши желѣзные заводы, пароходы и желѣзныя дороги, наши фабрики требуютъ механическихъ средствъ и ждутъ новыхъ дѣятелей, не случайно находимыхъ на площадяхъ большихъ европейскихъ городовъ, но вспоенныхъ молокомъ своей родины, вскормленныхъ полями великой русской земли, и это потому, что прикладывая отвлеченные законы науки, надобно знать среду приложенія, и природу и людей, и еще потому, что промышленность въ наше время стала однимъ изъ важнѣйшихъ проявленій жизни народовъ. Почему и намъ не проявлять самостоятельно этой стороны жизни? Не вѣчно же дѣйствовать по указанію другихъ: пора самимъ становиться на ноги. Мы убѣждены въ томъ, что университеты наши, распростра-

(1) *Mémoires sur la marine et les ponts et chaussée de France et d'Angleterre.*

няющіе въ странѣ свѣтъ чистаго знанія, могутъ дать намъ и способнѣйшихъ техниковъ. Подготовленные общимъ образованіемъ, молодые люди, избравшіе физико-математическія науки спеціальными предметами своихъ занятій, могутъ скорѣе всѣхъ другихъ отозваться на наши общественныя нужды и принести наибольшую пользу нашей промышленности, какъ національному дѣлу. Пусть они неослабно изучаютъ эти науки: въ нихъ почіетъ истинное основаніе всѣхъ прикладныхъ знаній; на нихъ зиждется величавый храмъ всего ученія о природѣ, изъ которой техника черпаетъ свои матеріалы и силы для обработки ихъ. Чѣмъ спеціальнѣе они будутъ изучать ихъ, тѣмъ болѣе пріобрѣтутъ силъ въ самомъ приложеніи. Навыкши въ трудѣ и въ серіозномъ напряженіи мысли, питомцы университета тѣмъ съ болѣе большимъ успѣхомъ могутъ выступить на то чудное поприще, на которомъ могущество разума и сила человѣческой воли, обращенной на борьбу съ природой, достигли высшихъ своихъ результатовъ.

Промышленность есть неумолимый врагъ невѣжества и рутины, этихъ застарѣлыхъ язвъ нашего общества; она самымъ чувствительнымъ образомъ научаетъ своихъ послѣдователей, что застои смертельны, что надо идти впередъ, слѣдовать правиламъ и путямъ, указаннымъ наукою и талантомъ. Это новое возбужденіе, это благотворное воздѣйствіе промышленности на общество было упущено изъ вида древними философами, ставившими ее на низшую ступень общественныхъ занятій.

Да, мы твердо убѣждены, что промышленность съ своей стороны будетъ сильно содѣйствовать тому, чтобы русское общество вышло наконецъ изъ обычной апатіи. Все обѣщаетъ успѣхъ нашей промышленности и нашему землѣдѣлю, для которыхъ механическое искусство равно необходимо: мы живемъ въ эпоху обновленія общественнаго. Подражаніе и копировка—удѣлъ народовъ, у которыхъ существуетъ несвободный трудъ: у нихъ не рѣдко презирается механическое искусство, ненужное для высшаго класса и предоставленное низшему классу; но тамъ, гдѣ мысль и трудъ вступаютъ въ свои права, тамъ есть надежда на успѣхъ механическаго искусства.

Подъ кровомъ великодушнѣйшаго изъ Монарховъ, открывается у насъ нынѣ обширное поприще для честной дѣятельности: наши обширныя поля и величавыя рѣки, наши нетронутыя еще богатства многихъ странъ Сибири и юга Россіи, наши фабрики и заводы, наши сухопутные и водяные пути призовутъ къ себѣ свѣжія силы юнаго поколѣнія. Пожелаемъ, чтобы устройство спеціальныхъ техническихъ курсовъ облегчило его въ слѣдованіи этому призванію.

А. Ершовъ.

НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1).

I.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ МЕХАНИЧЕСКАГО ЗАВЕДЕНІЯ, ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ И ОРУДІЙ.

ОТЪ ПОМѢЩИКА ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ВАРАКСИНА.

По малочисленности въ Россіи земледѣльческихъ механическихъ заведеній, пользующихся заслуженнымъ авторитетомъ, заведеніе, спеціально приспособленное къ приготовленію земледѣльческихъ машинъ и орудій, могло бы принести огромную пользу нашему сельскому хозяйству и обезпечить значительныя выгоды предпринимателю. Мы представляемъ планъ такого заведенія съ приложеніемъ подробной смѣты, чтобы показать, какъ не велики денежныя средства, которыя потребовало бы это общепользное и несомнѣнно выгодное предпріятіе (2).

Главная цѣль этого заведенія: выдѣлывать земледѣльческія машины и орудія, какъ туземныя, такъ и заграничныя, могущія принести пользу русскому сельскому хозяйству. Вотъ ихъ примѣрный перечень: косули, сохи, плуги почвоуглубители, распашники, бороны, эксстирпаторы, катки, сѣялки, запашники, пропашники, конныя матки, ручныя орудія для обработки овощей, молотилки, вѣялки, чистилки, сортировки, шастальныя машины для ячменя и овса, зернодробы, корнерѣзки, конныя грабли, сѣносушилки, маслобойки, машины для выдѣлки кирпича, черепицы и дренажныхъ трубъ, мукомольныя мельницы ручныя и конныя, машины для корчеванія пней, сельскія пожарныя трубы, насосы для подъема воды, фуры и сельскіе экипажи съ колесами машинной выдѣлки также всѣ принадлежности орудій и машинъ отдѣльно, какъ то: лемехи для косуль и плуговъ, сошники, ножи, зубья, винты (3), оси, втулки, блоки и т. п.

(1) Статьи помѣщенныя подъ этою рубрикой, доставлены намъ В. А. Коровымъ. *Ред.*

(2) Въ большомъ заказѣ машинъ и орудій нельзя сомнѣваться. Тому можетъ служить подтвержденіемъ значительное ихъ требованіе изъ моего заведенія, во время бытности моею за границей. Недостаточность средствъ заведенія исполнить ихъ въ непродолжительный срокъ и затруднительность отправки побудили брата моего, управлявшаго заведеніемъ, къ сожалѣнію, впрочемъ благоразумно, отказаться отъ этого требованія.

(3) Винты съ гайками нужно дѣлать различныхъ нумеровъ фабрично, такъ чтобы всякій, зная нумеръ, могъ купить гайку, или винтъ, какія ему нужны.

Въ магазинѣ заведенія полезно было бы имѣть, кромѣ изготовляемыхъ въ заведеніи орудій и машинъ, и другіе необходимые въ сельскомъ быту предметы торговли, подходящіе къ потребностямъ хозяйства, какъ то: косы, серпы, топоры, пилы всѣхъ родовъ, подковы, гвозди, плотничьи и огородные инструменты, вѣсы, мѣры; принадлежности хозяйственно - кабинетныя: силомѣры, термометры, волчки и проч. и проч., такъ чтобы и просвѣщенный хозяинъ и крестьянинъ нашли въ магазинѣ большую часть предметовъ, необходимыхъ въ сельскомъ быту; это привлечетъ покупателей и окупитъ расходы по магазину. Для этого предметы, предлагаемые покупателямъ, должны быть заведеніемъ приобретаемы съ строгою разборчивостію и безукоризненной доброты, отъ извѣстныхъ мастеровъ и фабрикантовъ; нѣкоторые могутъ быть выписываемы изъ-за границы, на примѣръ пилы и другіе плотничьи инструменты.

Такъ какъ при настоящемъ затрудненіи въ пріисканіи людей, умѣющихъ обращаться съ паровыми машинами, нельзя еще ожидать такого ихъ распространенія въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ за границей, то по этому, до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, выдѣлка паровыхъ машинъ и локобилей должна быть производима только по заказу, какъ доказательство того, что они могутъ быть дѣлаемы въ Россіи прочно и по сходной цѣнѣ. Паровые двигатели должны дѣлаться преимущественно отъ 2 до 6 силъ.

Не всякій имѣетъ случай выписать паровую машину изъ-за границы, хотя сознаетъ въ томъ надобность. Когда же будетъ возможность заказа у насъ, то многіе охотно станутъ приобретать паровые двигатели въ заведеніи, особенно если увидятъ въ нихъ простоту устройства (на что, при первоначальномъ введеніи паровыхъ машинъ, должно быть обращено главное вниманіе).

Всѣ машины и орудія должны быть устраиваемы сообразно съ потребностями каждаго края, соотвѣтственно климату, качеству почвъ, видамъ воздѣлываемыхъ растений, господствующимъ привычкамъ въ хозяйствѣ, свѣдѣніямъ въ обращеніи съ машинами рабочихъ и наконецъ съ средствами каждаго хозяйства. По всѣмъ этимъ даннымъ нужно имѣть машины и орудія всякаго устройства, но продавать въ каждую мѣстность должно только орудія, соотвѣтствующія ея потребностямъ; тогда только заведеніе принесетъ истинную и огромную пользу и приобрететъ полное къ себѣ довѣріе и добрую славу. Нельзя на примѣръ одну и ту же модельную машину рекомендовать для большихъ и малыхъ имѣній, или для сѣвернаго и южнаго хозяйства (какъ это дѣлалось досихъ поръ почти во всѣхъ русскихъ механическихъ заведеніяхъ). Глав-

безъ всякой привонокки, или поправки. Выдѣлка винтовъ и гаекъ можетъ развѣваться въ огромныхъ размѣрахъ.

ное вниманіе должно быть обращено на мелкія хозяйства, коихъ несравненно числомъ болѣе, и кои требуютъ машинъ дешевыхъ и малосложныхъ; словомъ, степень развитія сельскаго хозяйства, въ данной мѣстности, должна быть ближайшимъ указателемъ, какія машины и орудія болѣе соответствують ей.

По моему мнѣнію, невозможно дѣлать съ успѣхомъ машины и орудія, не имѣя понятія о качествѣ и количествѣ работы, какую они должны производить. По этому, главному директору заведенія необходимо было бы ознакомиться съ потребностями и нуждами нашего сельскаго хозяйства въ различныхъ полосахъ Россіи. Деньги истраченныя на это путешествіе должно отнести къ основному капиталу заведенія, потому что онѣ впоследствии принесутъ проценты удачнымъ устройствомъ и выборомъ машинъ и орудій.

Примѣромъ пользы, прочности и чистоты отдѣлки машинъ можетъ служить Англія,—много тамъ хорошихъ машинъ и орудій,—но не слѣпое подражаніе устройству иностранныхъ машинъ должно руководить заведеніемъ, а выборъ и примѣненіе того, что практически полезно и согласно съ потребностями нашего хозяйства.

Машины, признанныя полезными въ полномъ ихъ составѣ безъ измѣненій, необходимо выписывать для образца изъ заграницы.

Отливка чугуна и мѣди должна быть производима въ самомъ заведеніи и всѣ части машинъ и орудій должны быть дѣлаемы непременно въ мастерскихъ его, а не отдаваемы для изготовленія въ стороннія руки, какъ это дѣлается обыкновенно у всѣхъ московскихъ машинистовъ, ибо можно ручаться за прочность только тѣхъ вещей, которыя будутъ сдѣланы подъ собственнымъ наблюденіемъ директора заведенія.

Обработка всѣхъ частей орудій должна быть механическая. Вотъ ея выгоды: 1) всѣ предметы машинной выработки выходятъ несравненно лучшаго достоинства; 2) изготовленіе ихъ несравненно скорѣе и совершенство отдѣлки частей при сборкѣ машинъ много берегаетъ времени; 3) прочія заведенія, большею частію работая отъ руки, въ этомъ случаѣ не будутъ въ состояніи соперничать; 4) при извѣстныхъ условіяхъ выдѣлка обходится несравненно дешевле, что даетъ возможность, даже понизивъ цѣны на машины и орудія, дѣлать ихъ всегда надлежащаго достоинства, соответственно назначенію.

Нѣкоторыя изъ рабочихъ машинъ совершенно необходимы для правильной и тщательной отдѣлки вещей; а между тѣмъ при обдѣлкѣ частей только земледѣльческихъ машинъ онѣ могутъ часто оставаться безъ дѣла. Потому, чтобъ онѣ не оставались праздными и не теряли процентовъ ихъ стоимости, всѣ безъ исключенія механическія заведенія за границей, несмотря на значительное производство земледѣльческихъ орудій, соединяють въ

себѣ и репаративныя заведенія для починки окрестныхъ паровыхъ и фабричныхъ машинъ. Это отдѣленіе механическаго заведенія должно быть и при вновь устраиваемомъ заведеніи; оно, занимая машины постоянною работою, доставитъ значительный доходъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно въ настоящее время почти необходимо для Москвы, по неизмѣннѣю вовсе подобнаго заведенія. Въ единственномъ въ ней Ремесленномъ Заведеніи работаютъ хорошо, но цѣны слишкомъ высоки, и не всегда принимаются заказы. Исправная отливка, то-есть вѣрная по чертежу и качествамъ металла, сообразно назначенію, обточка валовъ и другихъ предметовъ, можетъ дать большіе заработки. Въ отношеніи спекулятивномъ, не должно пренебрегать изготовленіемъ орудій дешевыхъ и неважныхъ; при большой продажѣ можно имѣть отъ нихъ барыша болѣе, чѣмъ отъ дорогихъ машинъ и орудій.

Въ репаративномъ отдѣленіи заведенія должна исполняться, по самой сходной цѣнѣ, съ самою тщательною аккуратностію, всевозможная починка фабричныхъ машинъ, несмотря на незначительность суммы заказа; на примѣръ: перемѣна зубчатыхъ колесъ, шестерней, шхивовъ, подшипниковъ и прочаго. Тутъ же могутъ выдѣлываться токарные станки и другія рабочія машины, аппараты для водяныхъ мукомольныхъ мельницъ, масляныхъ заводовъ и другихъ производствъ. При этомъ должно стараться вводить въ употребленіе все усовершенствованія, могущія быть практически полезными.

Москва есть главный центръ земледѣльской дѣятельности и мѣстопребываніе наибольшаго числа помѣщиковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ все удобства легчайшей отправки машинъ во все края Россіи; а потому здѣсь всего лучше устроить механическое заведеніе. По моему мнѣнію, необходимо устроить его въ самомъ городѣ, для доставленія покупателямъ ближайшей возможности видѣть и приобрѣтать машины и орудія; это возвыситъ сбытъ ихъ и вполне вознаградитъ большую стоимость покупки матеріаловъ, дерева и угля въ городѣ, а провозъ чугуна и желѣза не составитъ значительнаго разчета.

Для продажи инструментовъ долженъ быть магазинъ при самомъ заведеніи, подъ главнымъ наблюденіемъ директора, отъ котораго покупатели должны получать не только свѣдѣнія о машинахъ и орудіяхъ, но и указанія, какія изъ нихъ, по мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ, они должны предпочесть.

При развитіи дѣйствій заведенія нужно устроить депо машинъ и орудій въ Нижнемѣ, Саратовѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Херсонѣ, или Екатеринославѣ (1).

(1) На первое время, пока заведеніе не приобрѣтетъ полнаго довѣрія, при-

Очень было бы полезно и почти необходимо имѣть при заведеніи образцовую ферму, или участокъ земли, какъ для производства испытаній орудіямъ и машинамъ, дѣлаемымъ въ заведеніи и приобретаемымъ за границей, такъ и для того, чтобы всякому желающему видѣть орудія и машины въ дѣйствиі, можно было практически, сравнительно, показать ихъ на дѣлѣ и объяснить преимущества одного орудія передъ другимъ; это можетъ быть въ особенности полезно тѣмъ, которые, не зная, кромѣ мѣстныхъ инструментовъ, никакихъ другихъ болѣе совершенныхъ, сомнѣваются въ пользѣ послѣднихъ, потому что не видѣли ихъ въ дѣлѣ. Такая мѣра можетъ оказаться весьма важною и самою надежною къ распространенію въ Россіи усовершенствованныхъ орудій и машинъ, въ особенности если ферма будетъ управляться человекомъ, знающимъ специально сельское хозяйство и занимающимся съ истинною любовью своимъ дѣломъ, могущимъ объяснять предметы просто и понятно и устроить ферму такъ, чтобы на ней ясно видна была польза усовершенствованныхъ орудій и машинъ.

Извѣстно, что подобнаго рода заведенія за границей обязаны своими успѣхами гласности и литературѣ. Для предлагаемаго заведенія, я полагаю полезнымъ имѣть свой органъ, въ особенности какой-нибудь сельскохозяйственный журналъ; въ немъ должны печататься, на извѣстныхъ условіяхъ, преискуранты заведенія, описанія машинъ и орудій, ихъ назначеніе въ сельскомъ хозяйствѣ и употребленіе, съ приложеніемъ полнотипажныхъ рисунковъ, которые бы служили не только картинкой, но полнымъ разъясненіемъ описываемыхъ орудій и машинъ. Въ этомъ же журналѣ должны печататься безвозмездно отзывы хозяевъ о машинахъ и орудіяхъ, купленныхъ въ заведеніи, изъявленія благодарности, а равно и жалобы на неисправность исполненія поручаемыхъ заказовъ, а со стороны заведенія причины, оправданія, или и извиненія. Сверхъ сего, заведеніе должно публиковать ежегодно свои преискуранты всѣмъ продаваемымъ орудіямъ и машинамъ, съ обозначеніемъ цѣны по вѣсу металлическихъ вещей и ихъ различной отдѣлки, дабы всякій, желающій заказать что-либо въ заведеніи, могъ знать отдѣльно стоимость каждаго заказываемаго предмета.

Управленіе всѣми производствами заведенія должно находиться подъ личнымъ наблюденіемъ директора; отъ его усмотрѣнія должно зависѣть назначеніе тѣхъ или другихъ орудій, или машинъ для изготовленія въ заведеніи; по его распоряженію должны приниматься, или увольняться служащіе въ заведеніи, заготовляться

мѣрно на годъ, или на два, проценты на оборотный капиталъ хранящихся въ провинціальныхъ депо орудій и машинъ нельзя считать болѣе 40%.

матеріалы, назначаться цѣны товара, выписываться машины, или орудія изъ-за границы; словомъ, должны принадлежать директору всѣ занятія, соотвѣтствующія полному хозяину заведенія.

Въ порядкѣ устройства, расположенія заведенія и производствѣ работъ можно руководствоваться отлично устроенными заводами, на примѣръ: въ Манчестерѣ, механическимъ заводомъ г. Витварта, въ Линкольнѣ — Клейтена и другихъ.

Въ составъ предполагаемаго механическаго заведенія должны войти слѣдующія мастерскія: литейная, какъ одно изъ прочныхъ основаній механическаго заведенія; кузница о 10 горнахъ, столярная и при ней модельная, малярная и наконецъ слесарная. Для приведенія всѣхъ рабочихъ машинъ въ дѣйствіе, я нахожу необходимымъ приобрести шестисильную паровую машину Клейтена изъ Линкольна.

С М Ъ Т А

НА УСТРОЙСТВО МЕХАНИЧЕСКАГО ЗАВЕДЕНІЯ, ЗА ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ ПОСТРОЕКЪ.

	Основной капиталъ. Руб.	Оборотный капиталъ. Руб.
Шестисильная паровая машина	1,400	
Топлива для паровой машины на 6 мѣсяцевъ		648
На смазку машины на 6 мѣсяцевъ		30
<i>Литейная.</i>		
Двѣ вагранки съ трубой, вентиляторъ, горнъ для отливки мѣди, сушильная печь, разные инструменты, опоки, подъемный кранъ	2,500	
Чугуна 20,000 пуд.		15,000
Антрацита 5000 пуд.		2,000
Угля, дровъ, кирпича, проволоки, гвоздья и прочаго.		2,000
Мѣди 200 пуд.		3,000
Жалованья 16-ти литейщикамъ за 6 мѣсяцевъ.		900
Мастеру жалованья за 6 мѣсяцевъ.		300
Содержаніе мастеру на 6 мѣсяцевъ.		60
<i>Столярная.</i>		
20 верстаковъ съ полнымъ инструментомъ.	400	
Коллекція круглыхъ и безконечныхъ пилъ. .	100	

	Основный капиталъ. Руб.	Оборотный капиталъ. Руб.
Станки къ пиламъ	150	
Машины, долбежная и сверлильная для дерева (выписать изъ заведенія Графенштедена, во Франціи).	750	
Стругальная машина отъ него же.	1,000	
Запасъ разнаго лѣса.		2,000
Краски гвозди, шурупы, кожи и проч.		1,500
20 столярамъ жалованья за 6 мѣсяцевъ		960
4 модельщикамъ жалованья за 6 мѣсяцевъ.		240
4 малярамъ жалованья за 6 мѣсяцевъ.		200
Содержаніе столяровъ, модельщиковъ и маляровъ на 6 мѣсяцовъ		504

Кузница.

Устройство 10 горновъ	200	
Для нихъ кузнечнаго инструмента.	150	
10 наковальной.	300	
Ковальная машина изъ заведенія Витварта въ Англии.	1,350	
10 кузнецамъ жалованья за 6 мѣсяцевъ		900
10 молотобойцамъ жалованья за 6 мѣсяцевъ.		480
На содержаніе 20 человѣкъ на 6 мѣсяцевъ.		360
Угля простаго на 10 горновъ 2,800 кулей.		1,100
Запасъ желѣза, стали и прочаго		10,000

Слесаря.

60 слесарямъ жалованья за 6 мѣсяцовъ.		5,400
Содержаніе ихъ на 6 мѣсяцовъ		1,080
Тиски малые, токарные станки и другой мелкій инструментъ	2,000	
Рабочія машины изъ Англии:		
Отъ Витварта большой токарный станокъ	1,132	
Отъ Бекока и Жанета токарный станокъ № 10	1,027	
Отъ него же, токарный станокъ № 14	460	
Отъ него же, токарный станокъ № 7.	350	
Патроны къ токарнымъ станкамъ №№ 10 и 7.	195	
Отъ него же, вертикально-сверлильный станокъ	780	

	Основной капиталъ. Руб.	Оборотный капиталъ. Руб.
Отъ Витварта вертикальный вертильный станокъ	365	
Отъ Клейтена, вертикальный сверлильный станокъ малаго размѣра	110	
Отъ Бекока и Жанета горизонтально-сверлильный станокъ.	715	
Отъ Витварта зубнорѣзная машина по чугуну и дереву	1,463	
Отъ него же, вертикально-стругальная машина	1,079	
Отъ Бекока и Жанета вертикально-стругальная машина	468	
Отъ Витварта патентованная стругальная машина	1,268	
Отъ него же, малаго размѣра стругальная машина	618	
Отъ Бекока и Жанета стругальная машина	390	
Отъ нихъ же, ножницы и пробивальная машина	110	
Отъ Витварта винторѣзная машина	618	
Отъ Бекока и Жанета сверлильный станокъ особаго устройства	488	
Отъ Витварта комплектъ мѣрокъ для токарныхъ станковъ	182	
Отъ него же, 2 чугунныя доски для причерчиванія частей машинъ	78	
Отъ него же, полный комплектъ мѣнчиковъ 144 дюжины напилковъ съ фабрики Туртона изъ Шеффилда	1,235	
Мелкаго разнаго инструмента изъ магазина Фенна въ Лондонѣ	500	
Устройство передаточныхъ приводовъ для рабочихъ машинъ и вентилятора	800	
5 рабочихъ лошадей	500	
Экипажи для перевозки тяжестей	300	
Сбруа	125	
2 смотрителямъ жалованья за 6 мѣсяцевъ		1,500
Смотрителю матеріаловъ жалованья за 6 мѣсяцевъ		150
Кассиру и бухгалтеру за 6 мѣсяцевъ жалованья		250

	Основной капиталъ. Руб.	Оборотный капиталъ. Руб.
2 писцамъ жалованья за 6 мѣсяцевъ		250
Прикащику въ магазинъ жалованья за 6 мѣ- сяцевъ.		150
Доктору жалованья за 6 мѣсяцевъ		100
20 чернорабочимъ жалованья за 6 мѣсяцевъ.		600
Содержаніе ихъ на 6 мѣсяцевъ		360
Содержаніе 5 лошадей въ 6 мѣсяцевъ		190
3 поварамъ жалованья за 6 мѣсяцевъ.		100
На канцелярскіе расходы и почтовую пере- писку		200
За печатаніе каталоговъ, объявленій, настав- леній при употребленіи машинъ и прочаго		1,000
Освѣщеніе и отопленіе примѣрно.		1,000
На застрахованіе заведенія и непредвидѣн- ные расходы	1,006	3,218
И того	27,000	58,000

Примѣчаніе. Въ оборотномъ капиталѣ запасъ матеріаловъ исчи-
сленъ годовой, а расходъ на жалованье и содержаніе служащихъ
и рабочихъ полугодовой.

II.

ИЗЪ ЧЕЛЯБИНСКА, ОРѢНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ

Отъ медико-хирурга Корнилія Ивановича Покровскаго

О повсемѣстномъ дозволеніи частнымъ лицамъ отыскивать камен-
ный уголь въ Оренбургскомъ краѣ, на особо составленныхъ прави-
лахъ.

Въ обширной области народной промышленности первое мѣсто
занимаетъ нынѣ горнозаводская дѣятельность. Металлъ, въ обшир-
номъ смыслѣ взятый, составляетъ потребность каждого изъ насъ
безъ него ни земледѣлецъ ни воинъ, ни фабрикантъ, ни художникъ
не обходятся, а дымныя трубы пароходовъ и паровозовъ сами гово-
рятъ о силѣ и потребности каменнаго угля. Въ основаніи же горно-
заводской промышленности лежитъ каменный уголь. Правительство
наше, сознавая силу этого могущественнаго рычага, принимаетъ раз-
ныя мѣры къ пробужденію промысла, направленнаго на его добыва-
ніе: а) съ 3 мая 1855 года разрѣшено частнымъ лицамъ отыскивать

каменный уголь въ земляхъ государственныхъ имуществъ, на правилахъ Новороссійскаго края, въ статьяхъ 2173 и 2179 VII т. горнаго устава изложенныхъ; b) совѣтъ морскаго министерства не замедилъ, въ журналѣ своемъ, постановить, чтобы ходатайствовать у правительства о снабженіи частныхъ лицъ, желающихъ отыскивать каменный уголь, горными, для буренія земли, инструментами; c) въ центральныя россійскія губерніи близъ Москвы командированы горные инженеры для наученія буренію d) купцу Фохтсу и штабъ-ротмистру Яковлеву выданы денежныя пособія для разработки каменнаго угля; но такъ какъ Новороссійскій край, несмотря на свою безлѣсность, не могъ развить ежегодной добычи каменнаго угля свыше 3 милліоновъ пудъ, на данныхъ ему, довольно тѣсныхъ, основаніяхъ; то e) съ 7 августа 1856 года высочайше разрѣшено отдавать частнымъ лицамъ и компаніямъ, изъ открытыхъ въ войскѣ Донскомъ, каменноугольныхъ копей, по одной квадратной верстѣ съ пошлиною въ пользу войска по $\frac{1}{2}$ копейки съ пуда добываемаго угля.

Но обширныя пространства въ металлоносномъ Уралѣ, земли козаковъ, Башкиръ, Мещеряковъ и Тептярей еще ожидаютъ оживленія. Когда будутъ сняты преграды съ этого обширнаго поля, тогда ина немъ не замедлятъ явиться дѣятели; тогда подобно сосѣдственной намъ державѣ Пруссіи, нашъ Уралъ покроется заводами. Въ верхней Силезіи въ короткое время съ 1852 по 1855 годъ, составилось 26 компаній, собственно для разработки каменнаго угля и горнозаводской промышленности, съ капиталомъ въ 26.500.000 талеровъ, и цифра эта продолжаетъ быстро возрастать. Уральскій хребетъ можетъ намъ служить тѣмъ же, чѣмъ верхняя Силезія для Пруссіи, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ во столько же разъ обширнѣе, разнообразнѣе и богаче Силезіи металлоносностію, во сколько Россія обширнѣе Пруссіи. Но до сихъ поръ производительность идетъ здѣсь по старой колесу; она неразвита и очень слаба. Недавній опытъ показалъ, что Уралъ не можетъ удовлетворять народной и государственной потребности: во время минувшей войны потребовалось удвоить выплавку чугуна и выковку желѣза для артиллерійскихъ и флотскихъ снарядовъ; при этомъ для всѣхъ вспомогательныхъ работъ, на которыя не доставало бы заводскихъ рукъ, правительство готово было ассигновать на наемъ стороннихъ людей особую сумму. Но такъ какъ дѣятельность уральскихъ заводовъ зависитъ отъ количества вододѣйствующей силы, которой не всегда достаетъ и для обыкновеннаго производства, и отъ количества горючаго матеріала—древеснаго угля, или запаса лѣсовъ, тоже далеко недостаточнаго; то, при всемъ желаніи казенныхъ и частныхъ заводовъ помочъ государственной нуждѣ, встрѣтились неодолимыя пре-

пятствія. Пока уральскіе горные заводы не выйдутъ изъ подъ зависимости отъ дороговизны горючаго матеріала до тѣхъ поръ не будутъ они имѣть возможности не только удешевить, но даже и просто увеличить выплавку чугуна и выковку желѣза. Чугуна и желѣза ежегодно во всей Россіи едва добывается до 11 милліоновъ пудъ. Въ Англіи же, гдѣ каменный уголь и вблизи его счастливыя мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ даютъ возможность производить выплавку чугуна и выковку желѣза вдвое дешевле противъ нашего, добывается желѣза до 150 милліоновъ пудъ, а каменнаго угля до 40 милліоновъ тоннъ, или 2 $\frac{1}{2}$ милліарда пудъ. Стоимость одной этой массы, на мѣстѣ добычи, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Киттары, достигаетъ до 350, а съ издержками на перевозку до 500 милліоновъ франковъ; это значить на 50 % выше стоимости золота и серебра, добываемого на всемъ земномъ шарѣ. Англія была бы въ явномъ накладѣ, еслибы ей пришлось промѣнять свой каменный уголь на всѣ драгоценные металлы міра. Разнообразная выплавка чугуна и выковка желѣзныхъ издѣлій, изъ 150 милліоновъ пудъ, посредствомъ каменнаго угля, представляетъ почти такія же громадныя цифры. Нынѣ всѣ видятъ, что кто обладаетъ удободобываемымъ горючимъ матеріаломъ, тотъ властвуетъ и надъ промышленностію: Англія, производя каменнаго угля въ 9 разъ болѣе, нежели Франція и въ 3 раза болѣе, нежели вся Европа, во столько же разъ, въ промышленномъ отношеніи, богаче всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ. Но сама Англія очень недавно оцѣнила свои рудныя и минеральныя богатства и начала производить изъ нихъ усиленную добычу: прежде она почти все желѣзо получала изъ Швеціи и Россіи, и 50-лѣтній контрактъ г. Демидова, на поставку Англичанамъ уральскаго желѣза, подъ названіемъ тагильскаго соболя, едва ли еще кончился.

Если мы не примемъ скорыхъ мѣръ къ отысканію повсемѣстно каменнаго угля, то истребимъ лѣса, столь необходимыя для насъ по сѣверному положенію нашему. Въ послѣднія 20 лѣтъ въ центрѣ Россіи въ окрестностяхъ Москвы фабрики и машины въ 3 раза умножились; но цѣнность дровъ опередила и поднялась въ это же время на 3 $\frac{1}{2}$ раза; въ одинъ послѣдній годъ она возвысилась на 50%. Въ промышленномъ городѣ Шуѣ, Владимірской губерніи, цѣна на дрова ежегодно поднимается на 25%, и если такъ показывасть прошедшее, то чего можно ожидать отъ развивающейся промышленности въ будущемъ? А отъ истребленія лѣсовъ мелѣютъ рѣки, почва иссушается, дается просторъ вѣтрамъ и подготавливаются неурожаи хлѣба. Дороговизна построенія жилищъ и ихъ отопленія становится теперь почти вездѣ въ средней Россіи очень ощутительною: въ южныхъ краяхъ солома и наземъ замѣняютъ дрова, а на сѣверѣ эти матеріалы необходимы

для удобренія полей и огородовъ. Поэтому при нынѣшнемъ стремленіи къ пароходству и фабричной промышленности, безъ принятія скорыхъ мѣръ къ повсемѣстному отысканію каменнаго угля и безъ огражденія лѣсовъ, можетъ постигнуть жителей промышленныхъ губерній великое бѣдствіе. Наука лѣсоводства, какъ она теперь есть, не спасетъ лѣса и не поправитъ дѣла; она явилась къ намъ безъ примѣненія, въ нѣмецкой многосложности, и продолжаетъ идти бумажнымъ путемъ; нигдѣ она не приспособлена къ нашимъ лѣсамъ и пространствамъ и не упрощена, а отъ того проекты и описанія, не совпадая съ натурою, остаются сами по себѣ, а рубка лѣса идетъ сама по себѣ; тамъ, гдѣ лѣса не имѣютъ цѣнности, лѣсною наукою бывають только стѣснены мѣстные потребители, а гдѣ лѣса имѣютъ цѣнность, и гдѣ нужна услуга науки, тамъ они быстро истребляются. Впрочемъ эта прискорбная дѣйствительность есть дѣло обыкновенное не у насъ однихъ: хорошее лѣсоводство всегда является при недостаткѣ лѣсовъ, столѣтіемъ позже чѣмъ нужно. Общее мнѣніе до сихъ поръ еще почитаетъ лѣса общимъ достояніемъ, какъ воздухъ и воду, и потому порубка лѣса не почитается дѣломъ безчестнымъ; во время революцій на Западѣ, народъ прежде всего бросался на рубку лѣсовъ, а у насъ только съ 1787 года лѣсъ сталъ почитаться собственностію вотчинника. По этому обязанность лѣсной стражи у насъ очень трудна и почти неисполнима, не говоря уже о томъ, что лѣсничимъ трудно устоять противъ соблазна предъ огромнымъ несчитаннымъ имуществомъ, пока не будетъ имъ противодействовать гласность. Нынѣ общество наше дошло уже до той поры, что чувствуетъ свои недостатки, свои больныя мѣста; оно сознаетъ, что настала пора освободиться отъ безчисленныхъ золъ, не замѣтно вошедшихъ въ нашъ бытъ и отчасти въ нашу нравственную природу. Нынѣ начинаютъ высказываться люди, обладающіе наблюдательнымъ, свѣтлымъ умомъ: одни изъ этихъ передовыхъ дѣятелей стараются затронуть близкіе намъ интересы промышленности; другіе—вымести весь соръ и нравственную грязь, въ продолженіи многихъ лѣтъ накопившуюся въ нашей жизни. Не можетъ быть спору, что лѣсная часть наша тоже требуетъ улучшеній и тоже можетъ получить великую пользу отъ гласности.

Обращаемся къ промышленности. Никто теперь не сомнѣвается, что фабрики, пароходство и желѣзныя дороги составляютъ потребность вѣка, вызываемую необходимостію, и что въ настоящее время ни одна страна не можетъ противостоятъ общеевропейскому движенію промышленной силы. Упирается и не хотѣтъ пристать къ дѣлу промышленнаго успѣха, значитъ подвергать себя экономическому безсилію и терять свое поли-

тическое значеніе. Къ развитію фабричности и живому движенію промышленности мы были еще мало приготовлены: можно сказать, что лишь послѣдняя война пробудила нашу дѣятельность. Но отъ этого унывать еще нечего, лишь бы мы не упустили случая пользоваться уроками другихъ странъ. Изъ европейскихъ державъ Австрія пятью годами только предупредила насъ. Но она успѣла уже сбросить съ себя свои феодальныя устарѣлыя постановленія; она быстро переродилась, если не въ политическомъ, то по крайней мѣрѣ въ экономическомъ отношеніи. Примеръ ея можетъ ободрять насъ.

Всѣ правительства промышленныхъ державъ Запада признали за выгодное уступать частной дѣятельности и компаніямъ свои фабричныя, заводскія и вообще промышленныя предпріятія. Изъ многосторонней и наукою выработанной опытности дознали они, что правительству нужнѣе всего быть на стражѣ благоденствія страны, охранять права собственности, уяснять законы, водворять строгое, быстрое и справедливое судопроизводство; но гдѣ само правительство занимается промышленными оборотами, тамъ парализируетъ оно духъ предпримчивости частныхъ лицъ. Для промышленности нужна свободная и скорая дѣятельность, а въ государственномъ управленіи промышленность бываетъ ограничена разными необходимыми формальностями. Въ массѣ должностныхъ лицъ, въ какомъ бы государствѣ то ни было, одни не имѣютъ предпримчивости, другіе не пользуются довѣріемъ, иные не на своихъ, по способностямъ, мѣстахъ, или среди хода предпріятія переводятся и получаютъ другое назначеніе; кромѣ того должностныя лица не имѣютъ прямого и тѣсно ихъ связующаго интереса въ успѣхъ казенныхъ промышленныхъ предпріятій; наконецъ, на каждомъ шагѣ они должны быть заняты мыслию объ отчетѣ и опасеніемъ начета. Все это опытомъ дознало и наше правительство, а потому нельзя читать безъ восторга всеподданнѣйшій отчетъ господина министра внутреннихъ дѣлъ, за 1857 годъ. Въ этомъ отчетѣ сказано, «что нельзя всего сдѣлать правительству для частной промышленности, и потому ей нужно самой о себѣ позаботиться, и что всякій излишній контроль и излишняя заботливость правительства, боязливое попечительство и излишнее опасеніе его упустить изъ-подъ надзора многостороннее хозяйство въ промышленности, пріучаетъ народъ всего надѣяться, ждать и требовать отъ правительства, а самъ онъ остается въ бездѣйствіи, отвыкаетъ думать о самомъ себѣ, ему тяжело всякое усиліе, наконецъ онъ тупѣетъ и свыкается съ недостатками и мрачными сторонами экономического быта своего» и проч. Такое состояніе народа мы видимъ въ нецивилизованныхъ и непромышленныхъ государствахъ, гдѣ скудное хозяйство народное, вмѣстѣ съ политическою властію, сосредоточено въ рукахъ правительства.

Чтобы намъ, при настоящемъ внезапномъ и сильномъ пробужденіи, быстрѣе и вѣрнѣе идти по пути преуспѣянія въ обширѣйшей горнозаводской промышленности, нужно совершенно предоставить отыскиваніе каменнаго угля частнымъ людямъ, сколько можно болѣе освободить ихъ въ этомъ дѣлѣ отъ стѣсняющаго надзора и опекунствующаго покровительства, и тѣмъ облегчить повсемѣстно отыскиваніе каменнаго угля, въ особенности же дать полную свободу этому промыслу вблизи металлоноснаго Урала.

Въ отдаленныя времена русской исторіи, еще граждане Новгородской республики, жители вологодскихъ и великоустюжскихъ ея областей, черезъ этотъ хребетъ проложили торговый путь, и на берегахъ рѣки Ирбити и Ницы производили торговую мѣну съ народами Азіи, преимущественно съ тюменскими и тобольскими Татарами. Нынѣ этотъ путь, по справедливости, называется путемъ между европейскою и азіатскою Россіями; двѣ первѣйшія въ Имперіи ярмарки, Нижегородская и Ирбитская, составляютъ его существенную дѣятельность; но съ возрастающимъ народонаселеніемъ въ Сибири, съ умноженіемъ ея торговли и золотопромышленности, съ расширеніемъ предѣловъ на юго-востокъ, съ пріобрѣтеніемъ Амура и съ утвержденіемъ торговыхъ трактатовъ съ Китаемъ и Японією, транзитъ черезъ Уралъ ежегодно увеличивается, и Уралъ пріобрѣтаетъ для Россіи такую же важность, какъ Суэскій перешеекъ для Европы. Послѣ первой сѣти желѣзныхъ дорогъ, нынѣ въ Россіи устраиваемой, нѣтъ въ Имперіи пути многозначительнѣе этого, и нельзя не видѣть настоятельной потребности соединить пароходство на Камѣ съ пароходствомъ на Тоболѣ желѣзною дорогою отъ Сарапула до Ялutorовска, черезъ города Красноуфимскъ, Екатеринбургъ и Камышловъ. Этотъ путь прошелъ бы черезъ средину Урала въ близкомъ сосѣдствѣ горныхъ заводовъ и Ирбити; но и для этого предпріятія необходимо каменный уголь.

На открытіе каменнаго угля по восточному склону Урала имѣются слѣдующія данныя. Въ 60-ти верстахъ отъ Екатеринбурга, въ округѣ Каменскаго казеннаго завода, на 28-саженной глубинѣ, открыто до 50 милліоновъ пудовъ каменнаго угля, хотя землистаго и сѣрнистаго, но легко спекающагося въ коксъ; копи его представляютъ въ разныхъ направленіяхъ пласты неправильные, другими породами пережатые, часто выклинивающіеся и избитые; это отъ близкаго сосѣдства Урала и его переверотовъ, какъ говорятъ о томъ геогности. Правильныхъ пластовъ ожидать можно далѣе на востокъ, и дѣйствительно, развѣдки, произведенныя жюю въ земляхъ государственныхъ имуществъ, Челябинскаго уѣзда, не только показали спутниковъ каменнаго угля, но доставили даже нѣсколько кусковъ его, а въ сосѣдствѣ открыта мною

удобоплавкая желѣзная руда. Легко быть можетъ, что именно здѣсь кроются всѣ тѣ выгодныя условія горнозаводскаго дѣла, которыми съ такимъ успѣхомъ пользуется нынѣ Англія.

Считаю нужнымъ указать на нѣсколько пунктовъ практической важности при устройствѣ этого дѣла:

1) Для отысканія каменнаго угля болѣе или менѣе требуется геогностическое знаніе, а добыча его и буреніе земныхъ пластовъ имѣютъ свою техническую сторону, трудности коей увеличиваются отъ притока воды, или гдѣ бываетъ нужно пробить твердыя горнокаменныя породы. Потому надобно составить и опубликовать подробныя и ясныя практическія наставленія о буреніи земли, съ приблизительною расцѣнкою и съ указаніемъ, гдѣ какіе можно приобрести инструменты и горныя буры, не исключая притомъ и заграничнаго способа, усовершенствованнаго Киндомъ. Приступъ къ дѣлу нужно облегчить полною гласностію при содѣйствіи имѣющихся у правительства средствъ: лучшей видъ покровительства, которое можетъ быть оказываемо промышленности правительствомъ, состоитъ въ распространеніи полезныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній, нужныхъ для преуспѣянія промышленности.

2) Для разнородныхъ обывателей-землевладѣльцевъ Оренбургскаго края нужно составить особыя правила и въ точности опредѣлить отношенія ихъ къ промышленникамъ, желающимъ отыскивать и разрабатывать каменный уголь. Одно примѣненіе или указаніе на новороссійскія правила будетъ недостаточно. Примѣромъ тому можетъ служить въ Оренбургскомъ краѣ частная золотопромышленность: она разрѣшена на правилахъ сибирскихъ, а отъ того семнадцать лѣтъ продолжаютъ ихъ пополнять и измѣнять; при всемъ томъ остаются понынѣ многія статьи непримѣнимыя, отъ другихъ осталась для Оренбургскаго края одна буква, неимѣющая смысла; но тѣмъ болѣе онѣ служатъ поводомъ къ недоразумѣнію, затрудненіямъ и тяжбамъ.

3) При составленіи правилъ нужно имѣть въ виду, чтобы частной промышленности доставить свободную дѣятельность, чтобы вмѣсто $\frac{1}{4}$ копѣйки казенныхъ или общественныхъ пошлинъ, не былъ выжимаемъ у промышленника цѣлый рубль подъ формою учета и надзора, и, главное, чтобы промышленникъ былъ огражденъ отъ произвола лишать его открытаго имъ имущества, какъ это дѣлается въ золотопромышленности, гдѣ, за несоблюденіе опредѣлительности заявки, отнимается пріискъ, несмотря на то, что и формы для заявокъ еще не изданы, и что пріискъ этотъ никѣмъ не оспаривается, и что въ многосложномъ описаніи заявки его, вкралась ничтожная и неумышленная, большою частію, ошибка писца. Чѣмъ важнѣе и богаче открытіе, тѣмъ

скорѣе является стороннее искательство, и тѣмъ труднѣе промышленнику упрочить за собою свое состояніе, не рѣдко черезъ многіе годы, съ утратою своего состоянія, отысканное. Эта зыбкость почвы, на которой стоитъ промышленникъ, уничтожаетъ кредитъ и порождаетъ тяжбы, до нищеты доводящія.

4) Опредѣливъ отношенія и утвердивъ права, нужно оградить промышленника отъ притѣсненія мѣстныхъ властей, съ которыми ежедневно промышленность сталкивается. Эти власти, будучи знакомы только съ управленіемъ откупныхъ питейныхъ сборовъ, отъ коихъ они привыкли видѣть себѣ поживу, тѣми же глазами смотрятъ и на промышленность и не хотятъ уразумѣть, что барыши первыхъ основаны на несоблюденіи контрактныхъ кондичій и на неизбежной національной слабости, которую было бы не бесполезно удерживать въ предѣлахъ кондичій; хозяйство же послѣднихъ основано на честномъ рискѣ и трудѣ и ведетъ къ мѣстной и государственной выгодѣ. Эти власти мало знакомы съ государственною экономіею: не могутъ различить прожектера отъ спекулятора, промышленника отъ торгаша, и всѣхъ одинаково стараются стѣснять. Примѣромъ тому можетъ служить та же золотопромышленность: въ 6-мъ (нынѣ 8-мъ) козачьемъ полку, купецъ Харитоновъ² получилъ отводъ къ прииску и пустилъ въ ходъ золотопромывальную машину на рѣчкѣ Санаркѣ, выше Кособродской станицы; но казаки ея объявили претензіи на то, что машина въ рѣчкѣ мутитъ воду. Харитоновъ на это отвѣчалъ, что отъ промывки песковъ на его машинѣ дѣйствительно въ рѣчкѣ Санаркѣ производится муть въ водѣ, но пока не изобрѣтено промывать золото безъ воды, до тѣхъ поръ это неизбежно; что у многихъ жителей, въ селеніи Кособродскомъ, существуютъ колодцы въ дворахъ съ чистою водою, и близость воды къ поверхности земли такая, что жители съ трудомъ могутъ углублять въ погребѣхъ своихъ ямы для храненія овощей; что онъ Харитоновъ согласенъ выкопать колодцы своими рабочими людьми тѣмъ изъ жителей, у коихъ не было колодцевъ. Но эти объясненія не были приняты, и Харитоновъ, вынужденный оставить приискъ, понесъ отъ того убытку до 10 т. рублей серебромъ. Войсковое правленіе предписало всѣмъ полковымъ правленіямъ, чтобы впредь подобной недосмотрительности устраивать на рѣчкахъ машины, подобно купцу Харитонову, ни какъ не допускали. Еслибы козачье начальство знакомо было съ мѣстною и государственною экономіею, оно знало бы, что ничтожный трудъ выкопанія колодцевъ вознаграждался бы жителямъ на рудникѣ Харитонова продажей однихъ куриныхъ яицъ, и что если отъ подобныхъ претензій во всемъ козачьемъ войскѣ не дѣйствуетъ хотя бы и не болѣе десяти приисковъ, могущихъ дать по пуду золота, то страна теряетъ ежегодно капитала на 136,000 рублей серебромъ.

5) Въ земляхъ войска Донскаго разрѣшено, изъ давно открытыхъ пластовъ каменнаго угля, отводить частнымъ лицамъ по одной квадратной верстѣ и брать съ добываемаго угля по $\frac{1}{4}$ коп. пошлины; въ Оренбургскомъ же краѣ, съ того промышленника, который своимъ знаніемъ и трудомъ откроетъ на глубинѣ земной сплещія силы и своимъ капиталомъ вызоветъ ихъ къ дѣйствию, есправедливость требуетъ не брать никакой пошлины, собственно съ каменнаго угля, по крайней мѣрѣ въ продолженіи первыхъ двадцати-пяти лѣтъ; потому что онъ вноситъ новую лучшую промышленную жизнь въ многостороннее народное хозяйство, гдѣ каждое звѣно одно съ другимъ тѣсно связано.

6) Проектъ новыхъ правилъ необходимо иредоставить публичному обсужденію, чтобы всякій изъ общества могъ содѣйствовать ихъ усовершенствованію. Не рѣдко случается, что кабинетное изложеніе дѣла весьма хорошо и повидимому согласовано съ государственною экономіей; но на дѣлѣ оно выходитъ въ высшей степени непрактично и даже вредно. Таково напримѣръ введеніе вольныхъ почтъ; ихъ открываютъ на томъ теоретическомъ разсужденіи, чтобы избавить крестьянина отъ одного изъ налоговъ, сбора денегъ на содержаніе почтовыхъ лошадей; а между тѣмъ эта мѣра, вмѣсто нынѣшняго общаго стремленія облегчать и ускорять сообщенія, стѣсняетъ ихъ; вмѣсто всеми желаемаго прогресса, она ведетъ къ регрессу (1), а именно: а) Даетъ монополію содержателю по извѣстному тракту и на 25-верстное разстояніе по обѣимъ его боковымъ линіямъ: публика должна довольствоваться тѣми лошадьми, какія заблагоразсудитъ предложить ей монополистъ-содержатель, или принуждена жаловаться, тогда какъ прежде можно было обойтись и безъ жалобъ, простымъ наймомъ вольныхъ ямщиковъ по вольнымъ цѣнамъ. б) Увеличиваетъ вдвое расходы за проѣздъ, а отъ того меньшимъ числомъ торгующаго селовія посѣщаются сельскіе базары, и произведенія крестьян-

(1) По московско-харьковскому тракту введена съ недавняго времени чрезвычайно высокая цѣна по 4 к. сер. съ лошади за версту. Можно съ утѣренностью сказать, что при разрѣшеніи свободной конкуренціи, такъ-называемыя *вольныя* почты не напла бы пассажировъ по этой цѣнѣ и принуждены были бы *добровольно* понизить цѣну. Изъ 4 коп. вольные ямщики довольствовались бы въ настоящее время цѣною отъ 2 до 3 коп., смотря по станціи, и конечно не возили бы на изнуренныхъ и хромыхъ лошадяхъ. Были бы заведены частные дилижансы; предприниматели должны были бы заботиться объ удобствахъ публики и не брали бы отъ Москвы до Тулы, какъ теперь въ общественныхъ экипажахъ, за узенькое мѣстечко или за $\frac{1}{2}$ лошади по 10 р. с., что составляетъ по меньшей мѣрѣ 100 % барыша въ одяъ сутки. Монополія всегда монополія, и никогда изъ монополій добра прѣзидати не можетъ. Ред.

яскимъ въ цѣнѣ наносится ущербъ. с) Крестьянину выгоднѣе бы заплатитъ 15 коп. съ души на содержаніе почтовыхъ лошадей, чѣмъ переноситъ уменьшеніе цѣнъ на свои произведенія и имѣть ограниченія самому въ собственномъ проѣздѣ и въ провозѣ другихъ. d) Всѣ вѣдомства, не исключая и почтового, при командировкахъ своихъ служащихъ лицъ, расходовать должны двойныя прогоныя деньги. Наконецъ e) крестьяне при этомъ несутъ новый налогъ—земскій сборъ на содержаніе почтовыхъ помѣщеній по всему тракту, гдѣ не устроено казенныхъ домовъ; а этого сбора при подрядныхъ лошадяхъ не было: помѣщенія станціонныя содержали сами почтъ-содержатели. Для объясненія дѣла лучшимъ примѣромъ служить можетъ Ирбитская ярмарка. Извѣстно, что она отъ Камышлова, или сибирскаго тракта находится къ сѣверу на 120 верстъ; незначительное пространство это отдано содержателю такъ-называемыхъ вольныхъ, то-есть, правильнѣе, монопольныхъ почтъ, и на двухъ станціяхъ этого пути, принадлежащихъ Ирбитскому уѣзду, жители избавлены отъ содержанія почтовыхъ лошадей и облегчены на одну копейку съ души земскаго сбора; но за то они сдѣланы работниками монополиста-почтъ-содержателя, который охватилъ огромную въ Имперіи ярмарку, гдѣ сотни тысячъ повозокъ съ пассажирами и десятки тысячъ съ легкими и пушными товарами, сдѣлались его данниками: вынуждены отправляться за двойные прогоны, подвергаясь учету въ вѣсѣ и числѣ пассажировъ по строгому почтовому росписанію, и это совершается тамъ, гдѣ проѣздъ былъ всегда дешевле обыкновеннаго, и гдѣ по дешевизнѣ фуража, при недостаткѣ ремеслъ и промышленности, въ свободной гоньбѣ съ пассажирами и товарами крестьяне находили свое благосостояніе. Но дѣло этимъ еще не кончается, нужно видѣть на заставахъ борьбу новаго рода карантинновъ; на всѣхъ выѣздахъ остановки и повѣрки: не объѣзжаютъ ли пассажиры трактовъ, или дѣйствительно ли они проѣзжаютъ на своихъ лошадяхъ и проч. Не могу забыть, какъ остановили при мнѣ старца-священника съ крестомъ на груди и съ внучкою подлѣ себя. Ихъ обратили въ контору почтъ, а оттуда, по непредставленію вида, въ полицію. Старецъ доказалъ, что онъ изъ недалеяго села, что въ упряжкѣ его конь доморощенный, а на козлахъ сидѣлъ его работникъ. Но для этого употреблено нѣсколько часовъ. При похвальбѣ иностранцами скорой и дешевой ѣзды въ Россіи, императрица Екатерина II сказала имъ: «мнѣ нужно пространство коротать.» Мы забыли это малое, но столь много заключающее въ себѣ изреченіе. Монополія вездѣ вредна, но нигдѣ не можетъ она нанести столько вреда, какъ у насъ въ дѣлѣ почтовыхъ сообщеній. При обширности пространства, занимаемаго Россіей, всякое затрудненіе внут-

ренныхъ сообщеній должно быть особенно ощутительно для промышленности.

7) Для успѣшнаго отысканія каменнаго угля необходимо озаботиться геогностическимъ изслѣдованіемъ и составленіемъ спеціальныхъ картъ земель Оренбургскаго края. Генеральныя очерки извѣстнаго геогноста Мурчисона не могутъ достаточно руководить промышленника въ этомъ дѣлѣ. Спеціальныя же карты указали бы старшинство образованія разныхъ породъ, систему ихъ напластованія, порядокъ наслоенія, направленія и градусъ паденія. Карты эти послужили бы Аріадиною нитью, только не изъ лабиринта, а въ земной лабиринтъ. Предпринять такія съ помощію науки составленныя начертанія цѣлаго края есть дѣло правительства, а не частныхъ лицъ; лишь правительство можетъ нарядить для геогностическаго изслѣдованія Оренбургскаго края достаточное число горныхъ инженеровъ, пригласивъ и изъ другихъ вѣдомствъ знающихъ лицъ, дабы продолжать оставленные за болѣзнію г. капитана Миглицкаго занятія этого рода въ Башкирскихъ земляхъ. Эта мѣра послужила бы съ немалою пользою какъ для всего края, такъ и для горныхъ инженеровъ, изъ коихъ нынѣ большая часть находится при такихъ казенныхъ промысловыхъ занятіяхъ, которыя доступны и простымъ людямъ.

ДЕРЕВЕНСКІЯ ДУМЫ.

I.

Среди всеобщаго стремленія, развѣномъ мыслей и свѣдѣній, споспѣшествовать рѣшенію подлежащей намъ задачи устройства крестьянскаго быта, въ последнее время стало дозволено указывать на выкупъ, какъ на лучшій способъ для успѣшнаго достиженія предположенной цѣли.

Истина неопровержимая. Но чтобы выкупная система могла дѣйствительно повести насъ всѣхъ правильно, вѣрно и скоро къ желаемой развязкѣ, надо, чтобъ основы, на которыхъ она преднолагается, носили на себѣ печать высшей справедливости, той справедливости, о которой можно было бы сказать: *justice n'est pas justice, mais justice est équité*. Мельчайшія подробности этихъ основъ должны быть удобопріемлемы для всѣхъ одинаково, столько по возможности выполнения съ одной стороны,

сколько по надежности равноцѣннаго вознагражденія для другой. Иначе выкупная система становится мечтою, практически неосуществимою.

Въ настоящее время положеніе обрисовалось ясно и опредѣленно. Дѣло идетъ о переходѣ въ руки одного сословія изъ рукъ другаго части недвижимости, составляющей собственность послѣдняго. Необходимость и польза этого перехода признаны теперь значительнымъ большинствомъ. Остается рассмотреть путь исполненія.

Когда права собственности человѣка на имущество движимое или недвижимое не подлежатъ ни спору, ни сомнѣнію, то имущество это не иначе можетъ перейти въ другія руки, какъ посредствомъ дара, мѣны или ссуды.

Даръ можетъ быть только дѣйствіемъ доброй воли и личнаго расположенія. Ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, что получающій даръ имѣетъ на оный какое-либо право. Правда, чувство долга часто велитъ человѣку дѣлиться безвозмездно съ ближними тѣмъ, что составляетъ его собственность. Но это обязанность чисто нравственная. Еслибы постановлено было за правило, еслибы на практикѣ допускалось или было узаконено, что каждый имѣетъ право на чужую собственность, то даръ потерялъ бы все свое достоинство, а любовь къ ближнему и благодарность перестали бы быть добродѣтелями.

Мѣна есть способъ перехода собственности, чаще всѣхъ встрѣчающійся. Это, такъ сказать, размѣнъ взаимныхъ услугъ. Но на дѣлѣ этотъ размѣнъ никогда не совершается непосредственно. Собственность движимая или недвижимая мѣняется на деньги. Ж. Б. Сэй сказалъ: «Съ тѣхъ поръ какъ деньги введены въ употребленіе, всякая мѣна можетъ быть разложена на два дѣйствія: продажа и покупка».

Ссуда есть передача собственности изъ однихъ рукъ въ другія, но на срокъ, за вознагражденіе равномерно срочное. Въ сущности ссуда тотъ же размѣнъ взаимныхъ услугъ, добровольно признанныхъ равноцѣнными. Отсюда неопровержимая законность тѣхъ дѣйствій, которыя называются процентомъ, наймомъ, арендою и т. п.

Изъ всѣхъ этихъ видовъ перехода собственности, только два послѣдніе идутъ къ занимающему насъ дѣлу. Даръ, какъ дѣйствіе исключительно доброй воли или личнаго расположенія, не можетъ быть вмѣненъ въ обязанность цѣлому сословію.

Но, вникая въ разсматриваемый нами вопросъ, легко убѣдиться, что ссуда, въ примѣненіи къ настоящимъ потребностямъ, не содержитъ въ себѣ тѣхъ началъ, которыя могли бы служить залогомъ прочности на будущее время. Для удовлетворительнаго вы-

полненія предуказаннаго намъ дѣла, необходимо долженъ состояться дѣйствительный переходъ собственности. Стало бытъ, намъ должно держаться того способа, который мы описали подъ словомъ *мѣна*.

Вопросъ, обрисованный такимъ образомъ, представляется просто и понятно. Въ немъ, какъ видѣли мы выше, заключаются два дѣйствія: *продажа* и *купля*. Слѣдовательно дѣйствующихъ лицъ также два: собственникъ, продающій часть принадлежащей ему недвижимости, и пріобрѣтатель, покупающій продаваемую ему недвижимость. Или, чтобы выразиться словами, ближе подходящими къ нашему предмету: помѣщикъ, уступающій крестьянину участокъ земли, и крестьянинъ, пріобрѣтающій этотъ участокъ. Это размѣнъ услугъ.

Услуга, оказываемая одною стороною, требуетъ взаимности отъ другой. За уступаемую помѣщикомъ часть собственности крестьянинъ долженъ дать равноцѣнное вознагражденіе. Стало-бытъ, прежде всего, надо согласовать стоимость уступки съ мѣрою вознагражденія, то-есть оцѣнить справедливо недвижимость, предназначенную къ продажѣ.

Но, во всякомъ дѣлѣ, въ которомъ участвуютъ двѣ стороны, для того чтобы сойтись имъ на той точкѣ, которая называется соглашеніемъ, необходимо предположить предшествовавшіе переговоры. Обсуживаніе вопроса каждою стороною отдѣльно, можетъ повести и ту и другую по направленіямъ, все болѣе и болѣе расходящимся. Между требованіемъ, излагаемымъ одною, и предложеніемъ, дѣлаемымъ другою, есть справедливая середина. Эта середина не иначе можетъ быть найдена, какъ вслѣдствіе столкновенія мнѣній.

До этой середины не могутъ дойти ни адвокатъ помѣщичьяго права, ни адвокатъ крестьянской стороны, работающіе каждый отдѣльно въ тиши кабинета. Тому и другому трудно быть безпристрастными, даже и тогда, когда каждый изъ нихъ скажетъ себѣ, что онъ будетъ имѣть въ виду соблюденіе взаимныхъ выгодъ.

Мнѣ кажется, что въ такомъ вопросѣ, въ которомъ, какъ объяснено выше, являются два лица,—первый шагъ на пути справедливости, составляющій *conditionem sine qua* non исхода, состоитъ въ томъ, чтобы дать тому и другому высказать свое слово.

Разборъ вопроса показалъ намъ ясно, что въ настоящемъ случаѣ предстоятъ къ исполненію два дѣйствія: *продажа* и *купля*. Какъ бы ни старались начертать правильно обоюдныя условія, приведеніе этихъ двухъ дѣйствій въ исполненіе, безъ спроса крестьянскаго мнѣнія, должно встрѣтить на практикѣ большія затрудненія и можетъ даже сдѣлаться источникомъ горькихъ послѣдствій.

Въ самомъ дѣлѣ, ежели обязательная продажа производить впечатлѣніе нѣсколько тягостное, то обязательная купля, еще въ большей мѣрѣ, сопряжена съ условіями обременительными. Я говорю *въ большей мѣрѣ*, потому что первая, затрогивая чувство собственности, не поражаетъ однако же для продающаго никакой новой тяготы, тогда какъ вторая, независимо отъ того, что она быть-можетъ не входила въ разчеты покупающаго, создаетъ для него неожиданную тягость, попросту сказать, не предвидѣнный расходъ, расходъ ведущій его въ настоящемъ случаѣ, конечно, къ лучшему, но все-таки для иного кармана невозможный.

Если же бремя неожиданной обязательной купли не для всѣхъ членовъ одного общества равно выносимо, даже предполагая обоюднo-соглашенныя условія, то каково же оно должно быть при такой оцѣнкѣ, которая потому уже будетъ сочтена пристрастною, что сдѣлана безъ вѣдома и участія покупателя? И не надо забывать, что этотъ покупатель (большую частію по крайней мѣрѣ) потому только покупаетъ, что это вмѣнено ему въ обязанность. Можетъ ли торгъ считаться окончательно заключеннымъ, когда только продающій высказалъ свое требованіе? Можно ли ожидать, со стороны покупателя, не спрошеннаго никѣмъ, слѣпой, безусловной ратификаціи въ минуту размѣна условій?

Что бы вы ни рѣшали диктаторски, и какъ бы умѣренны ни были ваши требованія, повѣрьте, прочности въ такомъ дѣлѣ быть не можетъ. Въ минуту исполненія возникнетъ затрудненіе: выборъ между невозможною остановкой дѣла и необходимою, подъ гнетомъ обстоятельствъ, уступкой. Зачѣмъ же добровольно ставить себя въ такое положеніе?

Мнѣ кажется, что было бы и справедливѣе и благоразумнѣе теперь же допустить участіе крестьянъ въ опредѣленіи цѣны и мѣры вознагражденія. Въ самомъ фактѣ предложенія, которое было бы сдѣлано имъ, кроется залогъ практической возможности для нихъ и надежности обезпеченнаго вознагражденія для помѣщиковъ, а стало-быть и сбыточности всего дѣла.

Мнѣ скажутъ, что для крестьянина не только ново, но даже чрезвычайно дико быть призваннымъ къ выраженію мнѣнія. Дѣйствительно такъ. Я самъ испыталъ это на дѣлѣ. Предложивши циркулярно по имѣніямъ моимъ оцѣнить на мірскихъ сходкахъ усадебныя и прочія земли, я отовсюду получилъ въ отвѣтъ мірскіе приговоры, въ которыхъ сказано, но другими словами: «ваше добро, такъ вы первый и скажите свою цѣну». А въ одномъ имѣніи состоялся мірской приговоръ, въ которомъ сказано, чуть-чуть не со знакомъ восклицанія: «мы цѣнить не можемъ, потому что этого нигдѣ не слыхать, чтобы крестьяне цѣнили господскую землю». И единственный результатъ моего вызова состоитъ въ томъ

что въ моихъ мнѣнiяхъ не я, а крестьянинъ опредѣлилъ, что такое усадьба и что такое земля, отдаваемая въ пользованiе. *Измѣръ* усадебъ приложенъ былъ къ мирскимъ приговорамъ. Результатъ огромный, но неудовлетворительный.

Данные мнѣ крестьянами отвѣты, казалось бы, говорятъ противъ высказанной мною мысли. Съ перваго взгляда такъ, но въ сущности нѣтъ.

Еслибы спросъ крестьянскаго мнѣнiя облечь въ форму мѣры общей, то крестьяне стали бы думать иначе и смотрѣть на обращенный къ нимъ вызовъ какъ на влагаемое имъ въ руки драгоценное право, какъ на предвѣстный признакъ лучшей будущности.

Въ наружномъ выраженiи крестьянами сокровенной ихъ мысли опытный глазъ, даже теперь, можетъ прозрѣть надежду быть спрошенными и увѣренность, что имъ будетъ предоставлено право сказать позднѣе свое слово.

Почему же не предупредить ожиданiй крестьянъ, призвавши ихъ нынѣ же къ участию въ оцѣнкѣ,—въ этомъ краеугольномъ камнѣ воздвигаемаго нами зданiя? Почему же не сдѣлать этого, въ особенности ежели совѣсть говоритъ намъ, что спросъ крестьянскаго мнѣнiя долженъ быть первымъ шагомъ на пути высшей справедливости?

Князь Сергей Голицынъ.

Кайнарджи.

Декабря 23 дня, 1858 года:

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Замѣчанiя, высказанныя авторомъ статьи *О торговомъ судопроизводствѣ*, напечатанной въ 23 номерѣ *Русскаго Вѣстника* на 1858 годъ, относительно недостатковъ этого производства, налагаютъ въ настоящее время обязанность на всякаго знакомаго съ дѣломъ человека, сказать и свое о немъ мнѣнiе, тѣмъ болѣе, что вопросъ о словесномъ производствѣ, возбужденный въ нашей литературѣ блестящею статьей г. Щебальскаго, обратилъ на себя вниманiе публики и въ особенности коммерческаго мiра.

Нельзя не согласиться съ авторомъ замѣчанiй, что при существованiи закона (1168 ст. XI т.), дающаго коммерческимъ судамъ право, по собственной волѣ, исключать изъ списка всякаго присяжнаго стряпчаго, какой только имъ не понравится, не

давая даже отчета въ этомъ исключеніи, присяжные стряпчіе становятся нулями и пародіей на европейскую адвокатуру. Законъ этотъ ведетъ къ плачевнымъ послѣдствіямъ. Непріятное, трудное и щекотливое положеніе присяжнаго стряпчаго, поставленнаго въ необходимость угождать суду и защищать въ то же время своего кліента, удерживаетъ многихъ даровитыхъ молодыхъ людей записываться въ присяжные стряпчіе коммерческихъ судовъ. И дѣйствительно: стоить только взглянуть на списокъ присяжныхъ стряпчихъ, выставляемый обыкновенно въ коммерческихъ судахъ, чтобъ убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія. За весьма немногими исключениями, что за люди и лица! Хотя закономъ и поставлено коммерческимъ судамъ въ обязанность, при опредѣленіи присяжныхъ стряпчихъ, обращать вниманіе на ихъ знаніе и поведеніе, но это нисколько не помогаетъ дѣлу, потому что въ присяжные стряпчіе не идутъ порядочные люди, и репутація стряпчихъ ничего не выигрываетъ. Этимъ объясняется то, что въ коммерческихъ судахъ большею частію тяжущіеся участвуютъ въ процессахъ лично, не прибѣгая къ помощи неизвѣстныхъ имъ присяжныхъ стряпчихъ. Есть даже въ Имперіи такіе коммерческіе суды, которые при всемъ стараніи никакъ не могутъ приобрести ни одного стряпчаго. Между тѣмъ все превосходство словеснаго производства передъ письменнымъ обнаруживается только тогда, когда въ немъ принимаютъ участіе люди, знакомые основательно съ законами. При отсутствіи этого условія, судьи коммерческихъ судовъ, имѣя дѣло съ самими тяжущимися, большею частію людьми безграмотными и несвѣдущими въ законахъ, теряютъ много времени въ достиженіи яснаго пониманія предмета спора, въ приобретеніи доказательствъ и документовъ, необходимыхъ для приведенія дѣла въ возможную ясность. При отсутствіи присяжныхъ стряпчихъ, словесное производство представляетъ для неопытныхъ безчисленное множество ловушекъ, которыми болѣе опытные имѣютъ легкое средство воспользоваться, нерѣдко въ ущербъ правды. Наше законодательство имѣло, кажется, это въ виду, установивъ при коммерческихъ судахъ присяжныхъ стряпчихъ. Но польза этого установленія не иначе можетъ осуществиться, какъ въ томъ только случаѣ, когда установленіе получить правильную организацію, когда члены его будутъ независимы отъ суда, гдѣ ведутъ процессы, и когда дарованія ихъ и образъ дѣйствій подвергнутся контролю общественнаго мнѣнія. При этихъ только условіяхъ, то-есть при учрежденіи стройной и независимой адвокатуры и при гласности суда, словесное производство принесетъ всю ожидаемую отъ него пользу и будетъ истиннымъ благомъ общества. Находясь подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія,

адвокаты устремятся за пріобрѣтеніемъ славы, извѣстности; блестящимъ и яснымъ изложеніемъ дѣла облегчатъ судей въ произнесеніи приговоровъ; а благотѣльная гласность сильнѣе всякихъ ревизій удержитъ тѣхъ и другихъ на пути правды. Цѣль суда—правосудіе—безъ труда будетъ достигнута! Станемъ надѣяться, что правильно устроенная адвокатура, гласность суда, безсмѣнность судей, назначеніе послѣднихъ отъ правительства, а не по выборамъ, всѣ эти животворныя начала, плодъ вѣковой опытности Запада, когда-нибудь войдутъ въ нашу жизнь и одушевятъ ее новою дѣятельностію. При введеніи этихъ началъ, безъ сомнѣнія, измѣнится и самый порядокъ производства дѣлъ, сократится переписка и задѣлаются всѣ существующія нынѣ лазейки къ безконечной волокитѣ дѣлъ. Но каковы бы ни были грядущія измѣненія, желательно, чтобъ они совершились подъ вліяніемъ признанныхъ наукою началъ. Къ числу этихъ началъ нельзя не отнести и того, что судебная и исполнительная власть должны быть совершенно раздѣльны и независимы одна отъ другой. Посему приведеніе судебныхъ рѣшеній въ исполненіе чрезъ полицію и истребованіе на иски обезпеченій тоже чрезъ полицію, нельзя причислить къ неудобствамъ словеснаго производства. Обязанность суда должна состоять въ одномъ только рѣшеніи вопроса о правѣ, въ постановленіи правильнаго и скорѣйшаго о немъ приговора. Коль скоро приговоръ вошелъ въ законную силу, и указаны способы приведенія его въ исполненіе, самое уже исполненіе переходитъ въ область другой, совершенно отдѣльной власти, власти исполнительной. Если же въ настоящее время слышатся всеобщія жалобы на полицейскія исполненія, это доказываетъ только, что устройство полиціи, какъ и устройство самого суда, требуетъ измѣненій, но нисколько не опровергаетъ начала раздѣльности властей.

Если строки сіи признаны будутъ вами, М. Г., не лишними для успѣха дѣла, сильно интересующаго общественное мнѣніе, то не откажите помѣстить ихъ на страницахъ вашего журнала.

С. С.

Архангельскъ.
13 января 1859 г.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

По существующимъ законамъ ссылка на поселеніе есть или наказаніе уголовное, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или мѣра правительства, принимаемая относительно нѣкоторыхъ лицъ, когда оставленіе ихъ на мѣстѣ жительства предполагается вреднымъ для общественнаго порядка и спокойствія. Сообразно этому раздѣленію, законъ допускаетъ, во первыхъ, *ссылку* на поселеніе по приговору суда, какъ послѣдствіе уголовного преступленія, доказаннаго и признаннаго судомъ; во вторыхъ, удаленіе въ Сибирь лицъ разныхъ сословій и вѣдомствъ въ порядкѣ административномъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ начало дѣла принадлежитъ у насъ или обществамъ, къ которымъ приписано лицо, подлежащее удаленію, или помѣщичьей власти, или мѣстнымъ правительствамъ. Нижніе служители нѣкоторыхъ вѣдомствъ (294—298 ст. уст. о предупр. преступл.), исключаемые изъ службы за нетрезвую жизнь и дурное поведеніе, переселяются безъ суда въ Сибирь, если признаны будутъ неспособными къ военной службѣ. Общества мѣщанскія и общества крестьянъ государственныхъ, удѣльныхъ, дворцовыхъ, колонистовъ, инородецъ и т. п. имѣютъ право у насъ по приговору, утверждаемому высшимъ ихъ начальствомъ, исключать, также безъ суда, изъ среды своей членовъ своихъ, изобличаемыхъ въ порочномъ и развратномъ поведеніи: послѣдствіемъ этого бываетъ удаленіе исключаемыхъ въ Сибирь на поселеніе, по распоряженію правительства, если они оказываются неспособными къ военной службѣ. Помѣщикамъ также предоставлено право — крестьянъ и дворовыхъ людей распутнаго, по ихъ мнѣнію, поведенія, не исправляющихся домашнимъ наказаніемъ, обращать въ распоряженіе губернскихъ правленій, которыми эти люди, за негодностью къ военной службѣ, отсылаются въ Сибирь на поселеніе. Сверхъ того, когда мѣщанинъ или крестьянинъ, судившійся за преступленіе, влекущее за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, либо особенныхъ правъ и преимуществъ, и одобренный на повальномъ обыскѣ, оставленъ въ подозрѣніи по приговору суда, или по суду же три раза былъ подвергнутъ исправительнымъ наказаніямъ, тогда, по окончаніи суда, общество по приговору, а помѣщикъ по личному усмотрѣнію имѣетъ право признать та-

кого человѣка вреднымъ и отказаться отъ принятія его къ себѣ. послѣдствіемъ такого отзыва бываетъ также удаленіе человѣка въ Сибирь по распоряженію правительства. Наконецъ, приговоренные къ содержанію въ арестантскихъ ротахъ, по окончаніи срока работъ, могутъ быть отправлены для водворенія въ Сибирь, если общество или помѣщикъ не согласятся принять ихъ.

Изъ числа поименованныхъ случаевъ административнаго удаленія людей въ Сибирь, законъ въ одномъ только случаѣ обращалъ вниманіе на возрастъ этихъ людей и на физическую способность ихъ къ переселенію. Въ одномъ только случаѣ, именно для мѣщанъ, исключаемыхъ изъ общества по его приговору, было постановлено (574 ст. IX Т. Св. Зак. о сост.), что не могутъ быть удаляемы изъ общества мѣщане старѣе 60 лѣтъ, также дряхлые и увѣчные; а матеріальные признаки такого увѣчья вовсе не были опредѣлены. Въ уставѣ о ссыльныхъ (ст. 108 и 252) исчислены были неизлѣчимыя болѣзни арестантовъ и различные виды дряхлости, съ одною только цѣлью: опредѣлить, какіе изъ нихъ не могутъ быть отправляемы въ Сибирь пѣшкомъ, и къ какому разряду слѣдуетъ причислить ссыльно-поселенца.

Такимъ образомъ, снисхожденіе къ возрасту и состоянію здоровья арестантовъ одного только сословія и въ одномъ только случаѣ имѣло видъ исключенія или привилегіи. Этотъ недостатокъ пополненъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, высочайше утвержденнымъ 3 ноября 1858 года. Здѣсь постановлено въ видѣ общаго правила, что всѣ люди, достигшіе 60-лѣтняго возраста и одержимые болѣзнями, кои поименованы въ 108 и 252 ст. Уст. о ссыльныхъ, не могутъ быть переселяемы въ Сибирь порядкомъ административнымъ, и не могутъ быть удаляемы ни обществами, ни начальствами, ни помѣщиками. Исключеніе изъ этого правила допускается лишь въ отношеніи къ людямъ, оставленнымъ по суду въ подозрѣніи по преступленіямъ, за которыя они подлежали бы лишенію правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу или на поселеніе.

Въ 1852 году возбужденъ былъ, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, вопросъ, не слѣдуетъ ли на лицъ, служащихъ по выборамъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, распространить силу высочайше утвержденного 7 ноября 1850 г. положенія комитета министровъ, по которому начальству предоставлено право увольнять отъ службы неспособныхъ или неблагонадежныхъ чиновни-

ковъ, безъ просьбы ихъ и безъ объясненія причинъ увольненія.

При представленіи мнѣнія своего по этому предмету, министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ сказано въ журналѣ, издаваемомъ при этомъ министерствѣ (№ 12 1858 года), приняло въ основаніе слѣдующія соображенія. Право, всемилостивѣйше пожалованное сословіямъ, выбирать изъ среды себя достойнѣйшихъ для отправленія общественныхъ интересовъ, близко касающихся каждаго члена сословія, есть важное преимущество, которое по справедливости должно почитаться великимъ благодѣяніемъ, дарованнымъ высочайшею властію дворянскому и городскому сословіямъ. Между тѣмъ на практикѣ весьма часто представляются факты, которые ясно свидѣтельствуютъ, что сословія, особенно городскія, смотрятъ на эту важную льготу, какъ на тяжкую повинность. Собранія для производства выборовъ нерѣдко сопряжены съ промедленіями по причинѣ уклоненія сихъ лицъ отъ участія въ общественныхъ собраніяхъ; еще большія затрудненія представляетъ самое замѣщеніе по выбору городскихъ должностей. Иногда лица городского общества прибѣгаютъ къ различнымъ, даже противозаконнымъ средствамъ, чтобъ уклониться отъ должностей, даже самыхъ почетныхъ, какъ на примѣръ городского головы: они жертвуютъ для сего значительныя суммы въ благотворительныя заведенія, нанимаютъ вмѣсто себя другихъ изъ своего общества, представляютъ свидѣтельства о болѣзни, не являются на службу по цѣлымъ годамъ и высылаются на оную чрезъ посредство полиціи. Едва ли можно объяснить подобное явленіе однимъ только равнодушіемъ къ общественной пользѣ, недостаткомъ въ лицахъ развитія и образованія: нѣтъ сомнѣнія, причина лежитъ глубже. Выборныя лица, занимающія общественныя должности, большею частію почти лишены самостоятельной дѣятельности. Поставленныя подъ начальство различныхъ мѣстныхъ властей, которыя произвольно отмѣняютъ ихъ распоряженія, обязанныя соблюдать многосложныя формальности, неисполненіе которыхъ каждый разъ вовлекаетъ ихъ въ отвѣтственность, они поневоѣ постушаютъ въ зависимость отъ своихъ секретарей, людей опытныхъ въ дѣлѣ канцелярскаго формализма, но не всегда добросовѣстныхъ и часто злоупотребляющихъ своимъ вліяніемъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что выборныя лица видятъ въ обязанностяхъ, которыя на нихъ возлагаютъ, не лестный знакъ довѣрія цѣлаго почтеннаго сословія, но одно бремя. Предоставленіе начальству права увольнять выборныхъ лицъ безъ суда уничтожило бы и то значеніе, которое въ настоящее время еще имѣетъ служба по выборамъ; лицамъ же городского сословія оно доставляло бы новое средство уклоняться отъ службы, потому что не подлежитъ сомнѣнію, что они станутъ прибѣгать къ незакон-

нымъ средствамъ, чтобы получить такое увольненіе и избавиться отъ службы. Кромѣ того эта мѣра заключаетъ въ себѣ весьма существенныя неудобства. Не говоря уже о томъ, что ею были бы въ нѣкоторой степени нарушены существующія узаконенія, она неминуемо повела бы къ столкновеніямъ между сословіями и начальствомъ. Съ другой стороны, подобная мѣра, выходящая изъ ряда обыкновенныхъ и составляющая отмѣну коренныхъ законовъ, ни сколько не оправдывается ни необходимостію, ни ожидаемою отъ нея пользою.

Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду, что выборы представляются на утвержденіе губернскаго начальства, которое, на основаніе ст. 219 и 378 уст. выб. и положенія комитета министровъ, высочайше утвержденного 14 мая 1857 г., имѣетъ право не утверждать избранныхъ лицъ въ должности, представляя о причинахъ неутвержденія избранныхъ дворянствомъ на разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, что, на основаніи нынѣ существующаго порядка, взысканія и наказанія, которыя установлены за упущенія по должности или неблагонамѣренныя поступки лицъ, служащихъ по выборамъ, весьма строги, что начальство, на основаніи примѣчанія къ 71 ст. улож. о наказ., можетъ подвергать служащихъ по выборамъ, безъ суда, временному аресту, замѣчаніямъ и выговорамъ, что въ болѣе важныхъ случаяхъ оно имѣетъ право предавать ихъ суду, министерство не нашло достаточныхъ оснований къ предоставленію начальству права увольнять безъ суда служащихъ по выборамъ. Принимая же въ соображеніе, что въ существующихъ законахъ постановленія о порядкѣ преданія суду, удаленія и устраненія отъ должностей выборныхъ лицъ относятся собственно только къ служащимъ по выборамъ дворянства, министерство полагало распространить этотъ порядокъ и на лицъ, служащихъ по выборамъ городскихъ обществъ.

Высочайше утвержденнымъ 3 ноября прошлаго года мнѣніемъ государственнаго совѣта, состоявшимся на основаніи представленія министра внутреннихъ дѣлъ, городскія общества сравнены въ этомъ отношеніи съ дворянскими.

Сообщаемъ свѣдѣнія о ходѣ занятій комитетовъ по крестьянскому дѣлу, извлеченныя изъ официальныхъ извѣстій, напечатанныхъ въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ* и въ новой газетѣ *Русскій Дневникъ*, появленіе которой привѣтствуемъ

съ полною надеждою, что даровитый редакторъ ея П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій) будетъ съ пользою и успѣхомъ служить глашатаемъ въ великомъ дѣлѣ внутренняго обновленія Россіи.

Пять губернскихъ крестьянскихъ комитетовъ представили уже проекты положенія объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ. Первою губерніей была на этотъ разъ Нижегородская, представившая свой проектъ 25 октября прошлаго года. Затѣмъ 3 ноября былъ представленъ петербургскій проектъ, 14 ноября гродненскій, 15 ноября ковенскій, 8 декабря виленскій. Срокъ комитетскихъ занятій истекъ въ прошломъ году, хотя проектовъ положенія не представлено, въ губерніяхъ Московской (срокъ 26 октября, отсрочка 26 ноября), Кіевской (24 декабря) и Симбирской (25 декабря). Занятія окончены прежде срока, и проектъ составленъ, хотя еще не представленъ, костромскимъ комитетомъ. Затѣмъ въ январѣ нынѣшняго года истекаетъ срокъ для губерній: Витебской, Волынской, Воронежской, Екатеринославской, Подольской, Харьковской и Черниговской; въ февралѣ въ губерніяхъ: Могилевской, Рязанской и Тверской; въ мартѣ въ губерніяхъ: Астраханской, Владимірской, Казанской, Минской, Новгородской, Пензенской, Псковской, Самарской, Саратовской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тульской и въ Землѣ Войска Донскаго; въ апрѣлѣ въ губерніяхъ: Вологодской, Орловской, Полтавской, Херсонской и Ярославской; въ маѣ въ губерніи Курской; въ іюнѣ въ губерніяхъ: Калужской и Оренбургской, и въ Бессарабской области. Срокъ шестимѣсячныхъ занятій двухъ общихъ комиссій: Виленской 6 марта и Кіевской 8 июля.

Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату 8 декабря 1858 года, Пріамурскій край раздѣленъ на двѣ области, изъ коихъ одна наименована Амурскою, а другая Приморскою областію Восточной Сибири. Амурская область будетъ состоять изъ всѣхъ земель, находящихся на лѣвомъ берегу рѣки Амура, начиная отъ соединенія рѣки Шилки и Аргуни, или отъ границъ Забайкальской и Якутской областей, по всему теченію Амура до устья рѣки Усури и до новой границы Приморской области. Областнымъ городомъ Амурской области назначается городъ Благовѣщенскъ, лежащій на слияніи рѣки Зеи съ Амуромъ; этотъ городъ будетъ, какъ мы слышали, и мѣстомъ пребыванія епископа. Въ составъ Приморской области войдутъ округи Охот-

скій, Петропавловскій, Гижигинскій, Удскій и вновь образумые округи: Николаевскій и Софійскій. Областнымъ городомъ будетъ Николаевскъ, лежащій близъ устья Амура. Ново-утвержденные штаты Приморской области увеличиваютъ содержаніе, получаемое чиновниками этого края, что совершенно справедливо по дороговизнѣ и лишеніямъ, которымъ они подвергаются. Увеличенное содержаніе будетъ слѣдующее: правителю канцеляріи военнаго губернатора по гражданскому управленію 1500 р., экзекутору 600 р., чиновнику особыхъ порученій 700 р., на писцовъ 1000 р., полицеймейстеру Николаевска 900 руб., квартальному надзирателю 400 р., софійскому городничему 750 р. и письмоводителю его 350 р., софійскому и охотскому исправникамъ (съ разъѣздными) по 1000 р. и помощникамъ ихъ по 500, инспектору по медицинской части (съ разъѣздными) 1200 р., ветеринарному врачу 800 р., охотскому окружному врачу 800 р. Такимъ образомъ администрація ново присоединеннаго Амурскаго края окончательно устроена. Остается желать, чтобы край этотъ населялся предприимчивыми людьми. Благоденствіе его будетъ зависѣть отъ успѣшности переселенія, отъ устраненія стѣсненій, которымъ подлежитъ у насъ перемѣщеніе податныхъ лицъ. Россія не была бѣдна предприимчивыми переселенцами еще въ XVI вѣкѣ; она не можетъ быть бѣдна ими и теперь. Старыя новгородскія области извѣстны духомъ колонизаціи. Если духъ этотъ не проявляется, если онъ можетъ-быть теперь въ усыпленіи, то причиною тому искусственное прикрѣпленіе къ осѣлости не только помѣщичьихъ крестьянъ вслѣдствіе зависимости отъ помѣщиковъ, но всѣхъ податныхъ, вслѣдствіе зависимости отъ обществъ. При настоящемъ устройствѣ нашихъ податныхъ сословій нельзя ожидать у насъ успѣшной колонизаціи. Переселенія могутъ совершаться у насъ лишь десятками и сотнями людей для болѣе значительныхъ переселеній необходимо прибѣгать или къ принудительнымъ мѣрамъ, каково напримѣръ переселеніе козаковъ на Амуръ, или къ поощрительнымъ мѣрамъ, невыгоднымъ для казны, каково напримѣръ теперешнее назначеніе по 200 р. сер. пособія на переселенца, отправляющагося на Амуръ. Невозможно, чтобы въ колоніи, населенной такимъ образомъ, возникла живая дѣятельность, развернулась великорусская національная изворотливость. Переселяющійся на основаніи такихъ правилъ опять прикрѣпляется къ новозбранной осѣлости, и опять обрекается на неподвижность, особенно пагубную въ молодой колоніи, гдѣ слѣдовало бы пробовать мѣстности и совершенно свободно выбирать и перемѣнять мѣсто жительства. Мы полагаемъ, что Россія не можетъ имѣть процвѣтающихъ колоній, и не можетъ слѣдовательно сдѣлать серьезнаго употребленія изъ Амурскаго края, пока будетъ оставаться

у насъ въ силѣ прикрѣпленіе податныхъ посредствомъ приписки къ обществамъ. Въ этомъ обстоятельствѣ, а не въ свойствахъ нашего народа лежитъ причина неуспѣшности нашей колонизаціи.

Главное правленіе училищъ, въ засѣданіи 31-го октября 1858 года, по разсмотрѣніи дѣла о преобразованіи Главнаго Педагогическаго Института, въ разрѣшеніе основныхъ вопросовъ относительно тѣхъ недостатковъ, которые замѣчаются въ настоящихъ способахъ образованія педагоговъ, опредѣлило: упразднить Главный Педагогическій Институтъ, устроить, въ замѣнъ онаго, особые педагогическіе курсы, кои, соединяя факультетское образованіе съ спеціальнымъ и практическимъ, будутъ продолжаться два года и должны быть заведеніями открытыми; а для большаго развитія и распространенія педагогическаго образованія, допустить въ сіи курсы, кромѣ стипендіатовъ, и вольныхъ слушателей, на одинаковыхъ основаніяхъ въ отношеніи условій пріема, но съ тѣмъ, что стипендіаты, по окончаніи своего образованія, обязываются прослужить по учебной части вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ, а вольные слушатели не подлежатъ этой обязанности. Какъ стипендіатамъ, такъ и вольнымъ слушателямъ, время пребыванія въ педагогическихъ курсахъ зачитается въ дѣйствительную службу, но послѣднимъ въ такомъ лишь случаѣ, если оный, по выходѣ изъ педагогическихъ курсовъ, поступитъ въ учебную службу. Наконецъ какъ существующіе при университетахъ педагогическіе институты равномѣрно требуютъ улучшеній, то педагогическіе курсы учредить во всѣхъ городахъ, гдѣ есть университеты; доколѣ же сказанные институты не будутъ окончательно преобразованы, сохранить на казеннокоштныхъ студентахъ оныхъ обязанность поступать въ учебную службу, по распоряженію начальства, для выслуги условеннаго срока.

На статьѣ журнала о семь главнаго правленія училищъ, которая была предоставлена на Высочайшее Его Императорскаго Величества учрежденіе, Государь Императоръ, въ 15 день ноября 1858 года, написать соизволилъ: «Исполнить».

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Вопросъ о войнѣ продолжаетъ тревожить Европу, волновать биржу и пугать торговлю. Рѣчь сардинскаго короля, произнесенная при открытіи палаты, произвела сильное впечатлѣніе: словно грянулъ выстрѣлъ, предвѣстникъ кровавыхъ битвъ. Отвѣтный адресъ сардинской палаты депутатовъ и рѣчь президента той же палаты, бывшаго министра, г. Ратацци, вовсе не были разчитаны на то, чтобы смягчить или ослабить это впечатлѣніе; это воинскій крикъ, это восторженное воззваніе къ патріотическому чувству Италіи. Изъ всего видно, что не за Пиемонтомъ стало бы дѣло, еслибы война не могла открыться съ наступленіемъ весны. Дѣло станетъ развѣ только за Франціей, а безъ помощи изъ-за Альпъ Пиемонтъ едва ли можетъ отважиться на борьбу съ своимъ могущественнымъ врагомъ. Всѣ усилія пиемонтскаго правительства клонились къ тому, чтобы упрочить союзъ свой съ тою изъ двухъ сосѣднихъ державъ, которая можетъ служить ему опорой противъ другаго сосѣда, его естественнаго и непримиримаго врага. При всей разнородности между учрежденіями Пиемонта и нынѣшними учрежденіями Франціи, при всемі разнотолкѣ во внутренней политикѣ этихъ двухъ странъ, Пиемонтъ, по своему положенію, долженъ всячески заботиться о добрыхъ и дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Франціи. Задача трудная,—и нужна была вся ловкость графа Кавура, чтобы посреди разнаго рода испытаній и трудностей не только сохранить эти дружелюбныя отношенія, но и затянуть ихъ еще крѣпче. Затруднительно было положеніе пиемонтскаго правительства въ то смутное время, которое послѣдовало за покушеніемъ 14 января; нужно было, съ одной стороны, сохранить чистоту своихъ учреждений, а съ другой удовлетворить требованіямъ французскаго правительства, которое хотѣло распространить систему своихъ репрессивныхъ мѣръ на сосѣднія государства и даже на Англію. Графъ Кавуръ умѣлъ рѣшить эту трудную задачу, не уронивъ конституціоннаго знамени. Уступки, сдѣланныя имъ французскому правительству, были не очень важны и вовсе не опасны для общественной свободы Пиемонта; но онѣ были оцѣнены высоко французскимъ правительствомъ, которое было тогда сильно взвол-

новано и испытывало всю горечь униженія и уязвленной гордости при томъ отпорѣ, какой притязанія его встрѣтили въ Англіи. Какъ все въ мірѣ тѣсно между собою связано! Еслибы система, противоположная системѣ французской, не была такъ могущественно представлена Англіей и не ограничивала ея уже однимъ своимъ существованіемъ, то навѣрное французское правительство не было бы довольно тѣми поверхностными уступками, которыя были сдѣланы ему въ мелкихъ конституціонныхъ государствахъ, въ Бельгіи, Швейцаріи и Сардиніи. Какъ ни отяготительно ему сосѣдство этихъ свободныхъ странъ, какъ бы ни было оно склонно подѣйствовать на самый духъ этихъ учреждений и уподобить его себѣ, всякая мысль о томъ становится невозможностию при существованіи страны, гдѣ духъ этотъ непоколебимъ и недоступенъ ни для какихъ постороннихъ вліяній. Итакъ Франція удовольствовалась лишь легкимъ и поверхностнымъ отраженіемъ своей системы въ сосѣдственныхъ странахъ, и высоко оцѣнила услуги графа Кавура. Этотъ знаменитый государственный человѣкъ говорилъ не противъ своей совѣсти, когда убѣждалъ палату дорожить дружбою нынѣшняго французскаго правительства; онъ доказывалъ весьма основательно, что Пиемонту теперь полезнѣе имѣть въ своемъ сосѣдствѣ французскую имперію нежели французскую республику. Въ самомъ дѣлѣ, народное правительство всегда должно сообразоваться съ потребностями своей страны, не считать себя полновластнымъ распорядителемъ ея судебъ, ея силъ и интересовъ, а слѣдовательно оно не можетъ быть такъ обильно щедротами для другихъ странъ, не можетъ быть такъ *либерально* въ своей внѣшней политикѣ, какъ нынѣшнее французское правительство, которое мыслить, чувствуетъ и дѣйствуетъ за весь народъ, считаетъ его интересы и силы своею собственностію и потому можетъ распоряжаться ими по произволу. Графъ Кавуръ выразилъ свою мысль очень ясно и убѣдительно, и подтвердилъ ее недавними историческими примѣрами. Онъ былъ правъ, и всѣ усилія его политики клонились къ тому, чтобы закрѣпить династическій союзъ между Пиемонтомъ и Франціею. Нужно не сближеніе народныхъ интересовъ, требуется не соглашеніе началъ, дѣйствующихъ въ жизни тамъ и тутъ, — нужно только сблизить династическіе интересы и приобрѣсти личную дружбу императора Французовъ. Еще лѣтомъ минувшаго года графъ Кавуръ предпринималъ какую-то таинственную поѣздку во Францію, подавшую поводъ къ разнымъ толкамъ и соображеніямъ. Секретъ хранился строго, и только теперь объяснилось дѣло. Между обоими дворами шли переговоры о брачномъ союзѣ. Дочь короля Виктора Эммануила — теперь уже нареченная невѣста принца Наполеона, который прибылъ въ Туринъ, гдѣ должно

вскорѣ совершится бракосочетаніе. Савойскій домъ принадлежитъ къ самымъ древнимъ владѣтельнымъ домамъ Европы, и брачный союзъ съ нимъ льститъ самолюбію юной династіи. Пронесли даже слухи, что императоръ Французовъ заключилъ по этому поводу съ сардинскимъ королемъ наступательный и оборонительный союзъ. Слухи эти были такъ увѣрительны и такъ усиливали опасенія войны, что въ *Монитеръ*, вслѣдъ за объявленіемъ о предстоящемъ бракосочетаніи принца Наполеона съ принцессой Клотильдой, признано нужнымъ замѣтить о неосновательности слуховъ касательно наступательнаго и оборонительнаго трактата.

Итакъ, повторимъ, нельзя сомнѣваться въ воинственномъ расположеніи сардинскаго правительства. Но кто бы сталъ заботиться о его воинственномъ расположеніи, еслибы не вопросъ объ участи Франціи? Дѣло принимаетъ громадныя размѣры и сильно тревожитъ Европу лишь при мысли о французскомъ вмѣшательствѣ. Останется ли Франція равнодушною зрительницею борьбы, которая можетъ начаться лишь подъ вліяніемъ надеждъ, возбуждаемыхъ ею? Дипломатическій міръ встревожился и въ торговомъ мірѣ распространилась паника единственно изъ опасенія тѣхъ размѣровъ, какіе приметъ война при участіи Франціи, потому что всѣ прочія европейскія державы должны будутъ вооружиться, должны будутъ слѣдить за войною съ напряженнымъ вниманіемъ, должны будутъ поставить себя къ ней въ опредѣленные отношенія. Война должна привести въ движеніе всѣ элементы европейскаго равновѣсія, и распределить ихъ въ какой-либо новой, неожиданной комбинаціи. Повидимому, что за важность, если на лицѣ какой-нибудь могущественной европейской державы происходитъ живая игра фізіономіи, хмурятся брови, сверкаютъ молніи изъ глазъ, а потомъ тишина и спокойствіе разливаются по лицу и свѣтится улыбка, и снова тѣнь, и снова улыбка? Но эта игра обходится не дешево, въ воздухѣ пахнетъ войною, и народы испытываютъ всѣ невыгоды войны, прежде чѣмъ раздались ея громы; предпріятія замедляются и останавливаются, цѣнности страшно падаютъ. Понятно неудовольствіе, съ какимъ всѣ смотрятъ на двусмысленное положеніе, принятое французскимъ правительствомъ. Отъ нерѣшительности и неоткровенности еще болѣе раздражаются взволнованные интересы. Съ одной стороны выходки и намеки, кажется, довольно ясны, съ другой успокоительныя увѣренія полуофіціальныхъ органовъ, что опасаться нечего, что тревоги напрасны, и что все обстоитъ благополучно. Недавно въ газетѣ *Constitutionnel* напечатана была подобная статейка, которая назначалась для успокоенія умовъ, а произвела противоположное дѣйствіе. Говорятъ, что статейка эта первоначально назначалась въ *Монитеръ*, но потомъ авторы сами почувствовали, что не совсѣмъ

искренній тонъ этой статьи будетъ въ официальномъ органѣ замѣтнѣе, нежели въ полуофициальномъ, и статейку напечатали въ *Constitutionnel*. Въ ней стараются объяснить, самымъ удовлетворительнымъ и миролюбивымъ образомъ, и сильныя слова, сказанныя императоромъ австрійскому посланнику, и бракосочетаніе принца Наполеона съ сардинскою принцессой, и воинственную рѣчь сардинскаго короля. По словамъ этой статьи, рѣшительно ничего не случилось, и страхи не имѣютъ никакого основанія. Но откуда же взялись эти страхи? Неужели всё сошло съ ума или превратились въ несмысленныхъ дѣтей? Отчего же спокойствіе, благородіе царствуютъ успокоительно лишь въ официальныхъ и полуофициальныхъ статейкахъ, а все остальное бродитъ во тьмѣ и пугается призраковъ? Откуда же эти призраки? Кто создаетъ ихъ? Именно въ томъ-то бѣда, что вызываются эти призраки, и надъ самыми существенными интересами дѣлаются пробы. Слова императора не могли бы такъ сильно отозваться, бракъ принца Наполеона не подалъ бы повода къ такимъ толкованіямъ, еслибы въ то же время не происходило много такого, что не требуетъ никакихъ комментарій. Сардинія явно готовится къ борьбѣ. Войска ея стягиваются къ ломбардской границѣ; французскіе генералы осматриваютъ ея крѣпости; правительство уступаетъ частной компаніи желѣзную дорогу отъ Генуи до Турина, за сумму денегъ, которая нужна ему для военныхъ приготовленій, ведетъ переговоры съ Лафитомъ о займѣ. Въ самой Франціи происходитъ многое, что гораздо болѣе согласуется съ тревогою общественнаго мнѣнія нежели съ успокоительнымъ тономъ официальныхъ истолкователей правительственныхъ видовъ. Военное министерство работаетъ неутомимо; въ арсеналахъ замѣтна сильная дѣятельность; генералы получаютъ приказаніе быть безотлучно при своихъ командахъ; изъ Марсели пишутъ также объ особенной дѣятельности, которая царствуетъ въ тамошней гавани. Правительство испытываетъ черезъ своихъ агентовъ расположеніе народа и получаетъ отъ префектовъ донесенія объ этомъ предметѣ. Донесенія эти, какъ кажется, не очень удовлетворительны; за исключеніемъ двухъ или трехъ префектовъ, всё свидѣлствуютъ объ отсутствіи энтузіазма во всѣхъ классахъ общества. Изъ 36 милліоновъ французскаго народонаселенія едва ли и одинъ милліонъ желаетъ войны. Вотъ чѣмъ объясняются эти дерганья, эти официальные улыбки и успокоенія, при самыхъ, повидимому, ясныхъ признакахъ воинственнаго расположенія. На дняхъ вышли въ Парижѣ двѣ брошюры, въ которыхъ сильно протестуютъ противъ войны и видятъ въ ней гибель для нынѣшняго французскаго правительства. «Будетъ ли война? сказано въ одной изъ этихъ брошюръ, носящей заглавіе: *Aurons nous la guerre?* и при-

писываемой перу Феликса Жермена, да, война будетъ, если никто кромѣ насъ не выскажетъ полезныхъ истинъ; нѣтъ, войны не будетъ если Франція отважится мыслить вслухъ, если несмѣтное большинство націи возвыситъ свой голосъ, ибо главѣ государства въ высшей степени важно слышать этотъ голосъ и слѣдовать ему. Вся трудность состоитъ въ томъ, какъ довести до его свѣдѣнія истину. Признаюсь, при господствующемъ нынѣ этикетѣ, это не маловажная трудность. Однако, нужно же попытаться; надобно дѣйствовать; каждому изъ насъ, въ послѣдствіи, придется заплатить за виновное бездѣйствіе, за гибельную апатію. » Впрочемъ эта самая апатія, о которой говоритъ авторъ брошюры, можетъ также служить нѣкоторымъ предостереженіемъ. «Хотя трибуна во Франціи замолкла, и журналистика превратилась въ пустую тѣнь, сказано недавно въ *Times*, однако правитель Франціи не вовсе независимъ отъ подвластной ему націи. Онъ не находится подъ контролемъ мнѣній, свободно высказываемыхъ, за то онъ находится подъ контролемъ народнаго безмолвія. У самаго порабощеннаго народа все еще остается нѣкоторая свобода, свобода апатіи.»

Въ послѣдней книжкѣ *Revue des deux Mondes* (отъ 15 января) высказано нѣсколько интересныхъ соображеній по поводу итальянскаго вопроса. Независимо отъ взгляда на самый вопросъ, замѣчанія эти интересны по своему тону, показывая, какъ необходима свободная гласность для самаго правительства, и изъявляя надежды, что наконецъ послѣ потрясеній войны нынѣшняя правительственная система во Франціи измѣнится и уступитъ мѣсто другой, которая дастъ просторъ народной и общественной жизни.

«Легко понять, сказано въ *Revue des deux Mondes*, какъ изъ итальянскаго вопроса можетъ родиться вопросъ французскій. Для Франціи весьма естественно предпочитать Пиемонтъ независимый Пиемонту австрійскому. Намъ лучше, чтобы насъ окружалъ полъ мелкихъ государствъ, нежели раздвинуть наши границы и придти въ прямое соприкосновеніе съ сильными державами, но надобно, чтобы мелкія государства были независимы и не сдѣлались орудіемъ противъ насъ въ рукахъ могущественныхъ враговъ. Независимость и безопасность Пиемонта, въ слѣдствіе этого, имѣютъ величайшій интересъ для Франціи. Съ неменьшею откровенностью должны признаться мы, что насъ столько же интересуетъ и система управленія итальянскихъ государствъ; мы много пострадали отъ этого революціоннаго волкана, который созданъ подъ гнетомъ, такъ долго тяготѣющимъ надъ Италіей. Дальнѣйшее занятіе Рима французскими войсками ставитъ насъ въ ложное положеніе, которое дѣлается невыносимымъ. Что-нибудь одно: или совѣты наши о необходимости ре-

формы не принимаются папою, или мы добровольно служимъ опорою дурному правительству и наравнѣ съ Австрійцами препятствуемъ благосостоянію Италіи. Роль наша въ томъ и другомъ случаѣ или смѣшна или ненавистна. Не надо, слѣдовательно, удивляться, что французское правительство подняло теперь итальянскій вопросъ. Но какъ разрѣшится онъ, войною или мирнымъ вмѣшательствомъ? Что касается до насъ, то и для Франціи и для самой Италіи мы ревностно желали бы мирнаго его рѣшенія, и намъ кажется, что всѣ благомыслящіе итальянскіе патриоты должны въ этомъ согласиться съ нами. Франція даже и въ справедливомъ дѣлѣ не должна подвергаться упреку въ насильственномъ нарушеніи европейскаго спокойствія, отъ котораго пострадало бы столько промышленныхъ и торговыхъ интересовъ. Мы уже видѣли, какъ встревожились эти интересы, лишь только распространился еще весьма неопредѣленный слухъ о войнѣ. Въ нѣсколько дней паническій страхъ подѣйствовалъ такъ сильно, что понизилъ болѣе чѣмъ на тысячу миллионъ цѣнности, обращающіяся въ Парижѣ, Лондонѣ и на германскихъ рынкахъ. Тѣ, которые говорятъ, что паническій страхъ этотъ неоснователенъ, только оправдываютъ этимъ самымъ его законность. Главное, въ чемъ нуждаются эти интересы, отъ которыхъ зависитъ величіе и благосостояніе страны, первая необходимость ихъ есть гласность, гласность, дающая средства здравому смыслу предусматривать и взвѣшивать вѣроятности будущаго. Ихъ ли вина, что они были слѣпы въ настоящемъ случаѣ? Они стали слѣпы, потому что у нихъ отняли свѣтъ, потому что имъ не давали ничего видѣть, и застигнутые врасплохъ неожиданными случайностями, они предалися страху посреди неизвѣстности. Смѣемъ думать поэтому, что страна познакомится скорѣ съ дипломатическими документами, по которымъ она могла бы судить, какого рода участие принимаетъ Франція въ итальянскомъ вопросѣ. Когда Казимиръ Перье съ краснорѣчіемъ здраваго смысла говорилъ, что «кровь и золото Франціи принадлежатъ только одной», слова его не были выраженіемъ узкаго эгоизма. Онъ подразумевалъ подъ этимъ, вѣроятно, что въ тѣхъ воинственныхъ предпріятіяхъ, которыя требуютъ отъ націи столькихъ пожертвованій, только сама нація можетъ быть судьей, въ какой степени пожертвованія эти необходимы, и какъ далеко должны они простираться. Надѣмся, что итальянскій вопросъ не вовлечетъ Францію въ войну, но если надежда насъ обманетъ, мы имѣемъ, кажется, право думать, что расширение свободы въ нашей странѣ послужитъ ей вознагражденіемъ за тѣ пожертвованія, которыя готова она принести свободѣ Италіи.

Но, спросимъ мы вмѣстѣ съ авторомъ вышеупомянутой бро-

шюры, будетъ или не будетъ война? Какое положеніе примутъ другія великія державы? Не родится ли изъ италіанскаго вопроса еще германскій вопросъ, не заступится ли Германія за Австрію? Судя по тону нѣмецкихъ журналовъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, общественное мнѣніе въ Германіи сильно раздражено противъ Франціи. Всѣ съ горечью отзываются о ея военныхъ замыслахъ, грозящихъ потрясти Европу. Не только услужливые органы, вдохновляемые австрійскимъ правительствомъ, но и другіе гораздо болѣе самостоятельные и либеральные журналы, на примѣръ *Kölnische Zeitung*, *National Zeitung*, *Weser Zeitung*, говорятъ одинаковымъ языкомъ о политикѣ французскаго правительства. Они готовы подавить въ себѣ антипатію къ Австріи, готовы забыть о ненавистномъ конкурдатѣ и спѣшить къ ней на помощь. *Kölnische Zeitung* взываетъ къ германскимъ государствамъ, преимущественно къ Пруссіи, и приглашаетъ ихъ держаться крѣпко другъ друга, чтобы дать рѣшительный отпоръ завоевательнымъ стремленіямъ французской имперіи. *Weser Zeitung*, несмотря на всегдашній умѣренный тонъ свой, говоритъ съ неудержимою яростію о «маленькомъ племянникѣ великаго дяди». Въ *Times* пишутъ изъ Вѣны, что лица, пріѣзжающія въ этотъ городъ изъ разныхъ мѣстъ южной Германіи, разказываютъ, что тамъ національное чувство разыгралось такъ, какъ не запомнить съ 1813 года. Отчего же такое броженіе? Отчего разыгрывается національное чувство въ Германіи? Кто оскорблялъ это чувство? Гдѣ покусеніе на интересы Германіи? Неужели Германія, которая еще по сию пору не совсѣмъ покончила свою ссору съ Даніей за герцогства, эту ссору, исполненную самой мелкой придирчивости, самаго нѣмецкаго педантизма, смертельно надѣвшую цѣлому міру, эту *querelle d'Allemand* въ полномъ смыслѣ слова,—неужели Германія до сихъ поръ все еще не понимаетъ, что и у другихъ народовъ можетъ быть также живое чувство народности, что, на примѣръ, Славяне могутъ чувствовать себя Славянами и не чувствовать себя Нѣмцами, хотя и наслаждаются всѣми благами подъ австрійскою державою, что они могли бы точно также желать себѣ нѣкоторой самостоятельности и нѣкоторыхъ льготъ, какъ и датскіе Нѣмцы, что позволительно наконецъ и Италіи соболтзовать о своихъ дѣлахъ, изнывающихъ подъ игомъ той же Австріи? Если Ганноверъ, Пруссія и самая Австрія, какъ ни въ чемъ ни бывало, готовы были идти войною на малую, бѣдную Данію за герцогства, которыхъ положеніе далеко не то, что положеніе Ломбардіи, то гораздо естественнѣе, гораздо понятнѣе и сочувственнѣе порывъ единственной свободной страны Италіи на пользу притѣсненныхъ и подавленныхъ братьевъ. Какая противоположность! Тамъ вся громада Германскаго Союза ополча-

лась противъ третъестепенной державы за незначительныя части нѣмецкаго народонаселенія, находящіяся подъ управленіемъ несравненно болѣе просвѣщеннымъ и болѣе либеральнымъ, чѣмъ большая часть самой Германіи съ ея феодальными юнкерами, съ ея закоренѣлымъ чиновничествомъ, съ ея шутовскими конституціями. (Недавно въ Баваріи сорокъ человекъ изъ членовъ парламента принуждены были дать формальную подписку, что они будутъ постоянно вотировать по указанію министерства.) Здѣсь, напротивъ, небольшая страна, оживленная духомъ гражданственности и свободы, и занявшая, благодаря ему, почетное мѣсто въ кругу европейскихъ державъ, напрягаетъ свои силы противъ врага Италіи, котораго губительное дѣйствіе не ограничивается одною Ломбардіею, но поражаетъ всякое движеніе жизни на цѣломъ полуостровѣ. И этотъ врагъ Италіи есть то самое государство безъ народности, которое употребляетъ германскую народность, какъ ненавистное орудіе истязаній, и этимъ вредитъ ей, можетъ-быть, не менѣе чѣмъ тѣмъ племенамъ, которыя изнываютъ подъ ея гнетомъ.

Но народное чувство въ Германіи оскорблено и встревожено не попытками самой Италіи освободиться отъ чуждаго ига, не готовностію Сардиніи выступить противъ Австріи; оно возмущается вмѣшательствомъ Франціи. «Пусть, такъ говорятъ въ Германіи, пусть дѣло идетъ между Италіей и Австріей, Германія останется спокойною, и италіанскій вопросъ не сдѣлается германскимъ; но если поднимется Франція, то вся Германія должна подняться какъ одинъ человекъ.» Положимъ такъ, — но гдѣ же германскій вопросъ? Чѣмъ же тутъ задѣто національное германское чувство? Отчего ему-то приходится въ броженіе? Вмѣшательство Франціи можетъ сообщать италіанскому вопросу значеніе и силу европейскаго, но отнюдь не германскаго. Пруссія и весь Германскій Союзъ, безъ сомнѣнія, не могутъ оставаться равнодушными свидѣтелями борьбы, которая приметъ европейскій характеръ; но они не должны считать себя болѣе заинтересованными въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ другія европейскія державы, чѣмъ Россія или Англія. Пусть Германія смотритъ съ антипатіей и недоувѣрчивостію на Францію, — но гдѣ же поводъ, гдѣ причина, гдѣ побужденіе принимать дѣло Австріи на свои плечи и на свою совѣсть? Гдѣ основаніе лучшимъ силамъ Германіи сочувственно волноваться за Австрію и трепетать за ея ломбардо-венеціанскіе интересы? Къ сожалѣнію, надо признаться, въ этомъ пробужденіи національнаго чувства въ Германіи есть недобрая примѣсь, которую нельзя оправдать ни съ какой точки зрѣнія. Эта примѣсь — грубая и бессмысленная жадность собственнаго народнаго чувства и столь же грубое безчувствіе къ правамъ другихъ народностей.

Посмотримъ теперь, что говоритъ общественное мнѣніе въ Англіи. Собственно, только въ этой странѣ и можно слышать общественное мнѣніе, потому что только здѣсь раскрывается оно съ полною свободою, только здѣсь оно есть истинная и великая сила. При первыхъ признакахъ воинственнаго расположенія во французскомъ правительствѣ, общественное мнѣніе въ Англіи сильно взволновалось; всѣ антипатіи къ французской имперіи, никогда, впрочемъ, не умолкавшія, заговорили съ особенною силою. Выходки нѣмецкихъ журналовъ противъ императора Французовъ и его системы покажутся младенческимъ лепетомъ въ сравненіи съ тѣми гомерическими эпитетами, которые гремятъ тамъ на митингахъ и въ журналахъ. Этого сильнаго протеста общественнаго мнѣнія въ Англіи всего болѣе воздержалъ французское правительство, и заставилъ его подумать о послѣдствіяхъ слишкомъ рѣшительнаго шага. Нѣтъ сомнѣнія, что французское правительство не можетъ отважиться на этотъ шагъ, не приведя въ полную ясность своихъ отношеній къ Англіи и не увѣрившись, по крайней мѣрѣ, въ ея нейтралитетѣ. Еслибы наконецъ, рано или поздно, началась въ Италіи война, и французскіе баталіоны появились на берегахъ Тичино, то война будетъ замкнута въ тѣсныя предѣлы, ея поприще будетъ строго очерчено, и она будетъ подчинена цѣлямъ мира и гражданственности, а не завоевательнымъ замысламъ.

Выражая на просторѣ свою антипатію къ французской системѣ, къ императору Французовъ и къ политикѣ его правительства, органы общественнаго мнѣнія въ Англіи выражаютъ еще большую антипатію къ Австріи. «Кому можетъ быть мила, говорить *Times*, эта мрачная и оцѣпенѣлая держава, которая скрѣпляетъ связь своихъ провинцій папскимъ служебникомъ, штыкомъ и веревкой? Чуждая интересамъ просвѣщенія, преданная единственно изученію искусства правительствовать и вспомогательныхъ къ тому практическихъ знаній, урѣзывающая разумъ, убивающая душу, Австрія, по общему мнѣнію, представляетъ собою злое начало въ управленіи человѣческихъ обществъ, чуть ли даже не болѣе чѣмъ Папская область. Обратитъ оружіе противъ такого государства, есть лучшій способъ приобрести сочувствіе всей либеральной партіи въ Европѣ. Почему бы Наполеону III не подражать съ этою силою зла, и тѣмъ не возвратитъ къ себѣ уваженія популярной партіи у себя дома и въ другихъ странахъ? Идея дѣйствительно великолѣпная! Преданія первой имперіи могли бы быть освѣжены новыми триумфами на поляхъ первыхъ битвъ великаго императора. Итальянскіе убійцы были бы обезоружены мѣстію противъ ихъ ненавистнѣйшаго, хотя можетъ быть и не самаго опаснаго врага. Къ тому же, слава побѣды

могла бы украсить собственное чело императора. Почему бы главѣ государства не принять самолично команды надъ войсками? Онъ изучалъ въ продолженіи десяти лѣтъ военное искусство, онъ писалъ о немъ, онъ имѣеть о немъ практическія свѣдѣнія; почему бы и не быть ему хорошимъ генераломъ, какъ генералы Ньель и Макъ-Магонъ? Вотъ въ чемъ заключается соблазнъ италіанской кампаніи. Поле такъ близко, такъ доступно. Война можетъ служить для поддержанія и для питанія войны, а это не мало важное соображеніе для правителя, который, во время глубокаго мира, съ каждымъ годомъ увеличиваетъ долгъ своей страны болѣе чѣмъ на пятнадцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Кампанія на Рейнъ, или набѣгъ на англійскій берегъ, дѣло требующее огромныхъ издержекъ и сопряженное съ страшнымъ рискомъ. А война въ Италіи есть война *de luxe*... Но, говорить въ другомъ мѣстѣ руководящій органъ лондонскаго Города, какова бы ни была политика Франціи, или куда бы ни клонились честолюбивые виды Піемонта, нашъ путь ясенъ и ровенъ. Мы должны только бдительно присматриваться и ждать результата; но мы не можемъ поддерживать папскую власть, защищать тронъ короля неаполитанскаго, или заботиться о продленіи жестокаго и неестественнаго владычества Австрійцевъ въ Ломбардіи.»

Общественное мнѣніе въ Англіи почти всѣми своими органами высказалось въ пользу вооруженнаго нейтралитета. Тамъ убѣждены, и не безъ основанія, что результаты войны, еслибы война состоялась, будутъ зависѣть главнымъ образомъ отъ присутствія могущественной нейтральной силы. Вопросъ будетъ окончательно рѣшенъ не тою или другою изъ воюющихъ сторонъ, не побѣдитель будетъ, какъ говорится, *maitre de la situation*, а силы, не истощенныя борьбою, вооруженныя не для войны, а для мира; эти силы овладѣють театромъ войны, разведутъ побѣдителей съ побѣжденными, и отъ нихъ-то будетъ зависѣть судьба полуострова въ италіанскихъ дѣлахъ. Но Боже сохрани, если въ войнѣ примутъ дѣятельное участіе могущественныя державы крайняго запада и крайняго востока Европы. Нѣтъ сомнѣнія, что Англія не приметъ въ войнѣ непосредственнаго участія. Всѣ заботы французскаго правительства состоятъ теперь только въ томъ, чтобъ уговориться съ Англіей. Ходятъ разныя предположенія о возможности устроить дѣла мирнымъ образомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Англія, въ союзѣ съ Франціею, могла бы и безъ войны устроить дѣла на полуостровѣ.

Недавно, въ систему международныхъ отношеній внесено весьма важное начало, которому, вѣроятно, суждена будущность, и которое было однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ результатовъ послѣдней войны. На парижскомъ конгрессѣ, въ 1856 году, англійскій

уполномоченный, министр иностранныхъ дѣлъ, графъ Кларендонъ, предложилъ принять за правило, чтобы, въ случаѣ несогласія между двумя или нѣсколькими державами, онѣ предварительно обращались къ посредничеству какой-либо дружелюбной державы, и не прежде прибѣгали къ оружію, какъ истощивъ все средства къ соглашенію передъ третейскимъ судомъ. Начало судебное, внесенное въ міръ международныхъ отношеній, которыя до сихъ поръ не знаютъ никакого суда надъ собою и управляются либо хитрыми увертками дипломатии, либо силою меча, есть нѣчто новое, обещающее дать международному праву совершенно иной видъ и неожиданное значеніе. Оно предвѣщаетъ наступленіе эпохи, когда эти великія единицы, называемыя государствами, будутъ въ большей или меньшей стѣпени подчиняться высшему единству, которое будетъ возноситься надъ ними, какъ власть всеобщаго и вмѣстѣ дѣйствительнаго закона. Только въ то время можно будетъ помышлять о томъ, что до сихъ поръ было лишь пустою или хитрою фразою,—о справедливости, о чистомъ правѣ въ отношеніяхъ народа къ народу, государства къ государству. Замѣчательно то, что это начало, изъ котораго можетъ-быть разовьется новая организція международныхъ отношеній, предложено иностраню, гдѣ юридическая жизнь развивается съ особенною силою, гдѣ судъ и право имѣютъ всевластное значеніе, гдѣ правительство окружено легистами и при всякомъ затрудненіи прибѣгаетъ къ ихъ пособію; начало, изъ котораго только и можетъ развиваться правомѣрность международныхъ отношеній, предложено Англіей, обыкновенно осыпаемой укорами за злоупотребленіе силы въ международныхъ отношеніяхъ.

Предложеніе графа Кларендона было какъ нельзя лучше принято уполномоченными державами, участвовавшими въ конгрессѣ. Оно не понравилось только уполномоченному Австріи; только эта держава принимала его неохотно и всячески отвертывалась отъ него. Австрійскіе журналы при каждомъ случаѣ отзываются съ ожесточеніемъ объ этомъ новомъ правилѣ, какъ о чемъ-то нелѣпомъ и несбыточномъ, и не хотятъ признавать его въ теоріи. Что касается до теоріи, то Австрія вольна толковать ее какъ угодно; но на практикѣ она все-таки должна держаться принятыхъ ею обязательствъ. Таковъ ли образъ ея дѣйствій? Какъ поступила она недавно по случаю событій, совершившихся въ Сербіи? По какому праву или въ какую силу, австрійскій генералъ предлагалъ свои услуги бѣлградскому нашѣ? Въ какую силу Австрія придвинула свои войска къ границѣ Сербскаго княжества и изъявила готовность вмѣшаться вооруженною рукою въ отношенія Оттоманской Порты къ этой области? Благопріятный оборотъ дѣла, согласіе Турціи на перемѣну, происшедшую въ Сербіи, согласіе,

вызванное энергическими представленіями англійскаго посланника,—все это не допустило австрійскаго правительства фактически нарушить только-что заключенный трактатъ, но оно уже нарушило этотъ трактатъ тѣмъ, что безъ соглашенія съ другими державами, подписавшими его, предлагала Турціи вооруженное вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла. Французскій кабинетъ потребовалъ отъ Австріи отчета въ такомъ самовольномъ поступкѣ; въ *Morning Herald*, органѣ нынѣшняго англійскаго министерства, появилась статья, гдѣ въ рѣзкихъ и сильныхъ выраженіяхъ поставлены австрійскому правительству на видъ всѣ уклоненія его политики. Слышно было, что великія европейскія державы требовали даже сибны графа Буоля, австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Австрія оправдывала себя тѣмъ, что, предлагая свои услуги Портѣ, она предоставляла ей самой снестись съ другими державами, и что еслибы австрійскія войска, съ согласія Турціи, вступили въ ея владѣнія, то за нарушение трактата должна была бы отвѣчать не Австрія, а Турція. Уловка достойная австрійской дипломатіи!

Но какъ ни много обѣщаетъ въ будущемъ развитіе новаго начала, внесеннаго въ парижскій трактатъ, еще не скоро наступитъ то время, когда юридическая норма международныхъ отношеній будетъ рѣшать всѣ затрудненія судебнымъ порядкомъ, а вооруженная сила будетъ служить только къ тому, чтобы подкрѣплять эту норму, ручаться за ея исполненіе и предупреждать войну. Скоро сказывается сказка, но не скоро дѣлается дѣло; легко соображать на досугъ разные планы, но трудно приводить ихъ въ исполненіе. Война, все болѣе и болѣе стѣсняемая въ своихъ предѣлахъ, долго еще будетъ оставаться роковою неизбѣжностью. Въ итальянскомъ вопросѣ слишкомъ много горючихъ матеріаловъ, и трудно ожидать, чтобъ онъ могъ разрѣшиться безъ всякаго взрыва.

Настоящее положеніе Италіи есть весьма естественный результатъ той системы, которая принята была правительствами послѣ 1848 года. Когда затихло страшное волненіе той бурной эпохи, началась не менѣе страшная реакція. Гдѣ реакція, там не просто возстановляется прежній порядокъ; простое возстановленіе прежняго есть дѣло не возможное,—это значило бы вычеркнуть изъ исторіи событія, совершившіяся послѣ и вызвавшія реакцію. Въ реакціонномъ движеніи старое дѣло получаетъ новый характеръ. Оно преисполняется гнѣва, нетерпимости, фанатизма; оно дѣйствуетъ систематически, въ старомъ дѣлѣ получаютъ особенную силу тѣ самыя стороны его, которыя подвергались спору, противъ которыхъ протестуетъ жизнь въ своемъ развитіи. Реакція дѣлаетъ прежнее положеніе гораздо болѣе тяжкимъ, она озлобляетъ и отравляетъ его.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ австрійское правительство какъ вообще, такъ и въ ломбардскихъ своихъ провинціяхъ, не старалось дѣлать уступокъ духу времени. Эти провинціи, безспорно, находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ остальные страны Италіи за исключеніемъ Пиемонта. Въ различныхъ отрасляхъ управленія введены многія измѣненія къ лучшему; допущены разнаго рода послабленія въ господствующей системѣ. Но наружная либеральность бываетъ часто хуже безцеремонной нелиберальности. Наружныя прикрасы только сильнѣе свидѣтельствуютъ о безобразіи того, что подъ ними скрывается. Зло усиливается, когда оно скрывается внутрь подъ обманчивою гладкою поверхностію; система дѣлается еще вреднѣе и хуже, стараясь удержаться на прежнихъ основахъ, чуждаясь и не понимая новаго духа и только играя на поверхности отраженіемъ его лучей.

Ломбардія чувствуетъ всю тяжесть иноземнаго ига, подъ которымъ изнемогаетъ и матеріальная, и нравственная ея сила. Если въ настоящее время вся Италія только и думаетъ о своей независимости, то понятно, какъ сильно должно быть это чувство въ Ломбардіи, которая по образованію стоитъ гораздо выше всѣхъ странъ полуострова, не исключая даже Пиемонта.

Австрійское правительство очень хорошо понимаетъ, что ничѣмъ не искоренитъ оно въ сѣверной Италіи глубокой къ себѣ ненависти, и потому, даже въ то время, когда оно считало полезнымъ прибѣгать къ либеральнымъ замашкамъ, оно не высказывало ни малѣйшаго довѣрія къ ломбардскому обществу и не спускало съ него своего подозрительнаго ока. Муниципальная жизнь совершенно подавлена въ Ломбардіи; всѣмъ распоряжается правительство, и всѣ отрасли общественной дѣятельности сосредоточились въ рукахъ чиновниковъ его. Вслѣдствіе этого, многочисленный и самый лучший классъ народонаселенія не принимаетъ рѣшительно никакого участія въ дѣлахъ. Миланская аристократія, пользующаяся большимъ влияніемъ въ странѣ, осуждена на совершенное бездѣйствіе, которымъ она не можетъ не тяготиться. Австрія, понимаетъ, что нечего ей разчитывать на содѣйствіе высшихъ и зажиточныхъ классовъ, и согласно съ этимъ она соображаетъ свои дѣйствія въ Ломбардіи. Всѣ старанія ея обращены на то, чтобы посѣять раздоръ между высшимъ и низшимъ народонаселеніемъ въ этой странѣ, привлечь на свою сторону массы и опереть на нихъ свое владычество. Но тактика эта не удалась. Главная причина того заключается въ плохомъ положеніи финансовъ Австрійской имперіи. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, вѣнское правительство, можетъ-быть даже противъ желанія, принуждено обременять тяжелыми налогами и податями свои италіянскія владѣнія, и налоги эти, систематиче-

ски разоря ннѣшій классъ народа, поддерживаютъ въ немъ до сихъ поръ глубокую ненависть къ его чужеземнымъ правителямъ.

Въ послѣдніе два года, австрійское правительство сдѣлало попытку различными либеральными мѣрами пріобрѣсть себѣ нѣкоторую популярность въ Ломбардіи. Читатели наши помнятъ о довольно обширной амнистіи, дарованной имъ политическимъ преступникамъ этой страны, о значительныхъ облегченіяхъ въ паспортной системѣ и т. д. Наконецъ намѣстникомъ италіянскихъ владѣній назначенъ братъ императора, эрцгерцогъ Максимилианъ, молодой человекъ, славящійся либеральнымъ образомъ мыслей и вступившій въ супружество съ принцессою одного изъ конституціонныхъ европейскихъ государствъ. Эрцгерцогъ Максимилианъ, надо отдать ему справедливость, всячески старался смягчить господствовавшую до той поры систему управленія, обуздать своеволие чиновниковъ, водворить законъ на мѣсто произвола,—но могли ли всѣ подобныя мѣры, если бы даже и удались онъ, принести желаемую пользу Ломбардіи и измѣнить ея чувства въ отношеніи къ Австріи? Прежняя система, при новомъ намѣстникѣ, много смягчилась; но тѣмъ не менѣе она существовала въ полной силѣ, и надъ обществомъ тяготѣлъ по прежнему ревнивый и бдительный надзоръ. Молодой намѣстникъ можетъ-быть не остановился бы въ своемъ либеральномъ образѣ дѣйствій; онъ чувствителенъ къ общественному мнѣнію и много заботится о своей репутаціи. Но вѣнскій кабинетъ былъ утраченъ его дѣйствіями и поспѣшилъ противопоставить ему въ самой Ломбардіи своихъ генераловъ. Между имъ и этою партіею генераловъ стараго закала, во главѣ которой стоитъ извѣстный фельдмаршалъ Гюлай, началась борьба. Эрцгерцогъ все болѣе и болѣе проигрывалъ во мнѣніи центральнаго правительства. Всѣ либеральныя мѣры его уничтожались или измѣнялись въ Вѣнѣ. Эрцгерцогъ не скрывалъ своего неудовольствія, отбросивъ всякое благоразуміе, позволялъ себѣ самыя рѣзкіе отзывы, какъ противъ вѣнскаго кабинета, такъ и противъ начальствующихъ въ Ломбардіи генераловъ. Публикѣ отъ этого было не легче, она не разбирала, и покрыла эрцгерцога и военныхъ начальниковъ своею общеою ненавистью. Путешествіе, которое предпринялъ эрцгерцогъ нынѣшнимъ лѣтомъ, какъ говорятъ, не для собственнаго удовольствія, а по требованію политическихъ обстоятельствъ, еще болѣе повредило ему. Партія, враждебная ему, усилилась въ это время, и успѣла провести тѣ мѣры и узаконенія (какъ напримѣръ о рекрутскомъ наборѣ), которыя и теперь еще волнуютъ Ломбардію. Не успѣвъ ни въ чемъ и не пріобрѣтя ни малѣйшей популярности, эрцгерцогъ Максимилианъ рѣшился было покинуть Ломбардію и удалиться въ Вѣну. А если

бы это случилось, то на мѣсто его, вѣроятно, былъ бы назначенъ Гюлай, ненавистнѣйшій изъ всѣхъ генераловъ. Въ Миланѣ не могутъ забыть управленія его въ этомъ городѣ, въ страшное время 1848—1849 годовъ, когда даже женщины публично подвергались тѣлесному наказанію. Теперь Гюлай насмѣиваетъ на необходимости самыхъ строгихъ мѣръ и даже осаднаго положенія для всей Ломбардіи. Ему приписываютъ даже выраженіе: « У меня есть вѣрное средство успокоить Миланъ; стоить только повѣсить по человѣку на углу каждой улицы. »

Дѣла въ Римѣ находятся несравненно въ худшемъ положеніи, и тамошнее правительство имѣетъ тѣмъ менѣе оправданій для себя, что требуется удовлетворить только самымъ существеннымъ нуждамъ страны, между которыми самая первая есть отмѣна клерикальнаго управленія. Справедливо смотритъ народъ на это управленіе, какъ на главный источникъ всѣхъ бѣдствій. Всѣ почти должности, и главныя и второстепенныя, заняты лицами духовнаго званія, которыми по воспитанію, понятіямъ, привычкамъ, рѣшительно не способны къ нимъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ, молодые люди, предназначаемые для духовнаго званія, а слѣдовательно, по римскому обыкновенію, и для управленія въ послѣдствии странною, изучаютъ исключительно богословіе и каноническое право. Но каноническое право строго запрещаетъ имъ заниматься всѣмъ, что касается торговли, промышленности, банкирскихъ дѣлъ, словомъ всею финансовою частью; это не мѣшаетъ имъ, однако, во выходѣ изъ заведенія, занимать должности, гдѣ необходимы всѣ подобныя свѣдѣнія, достигать званія министровъ финансовъ, торговли, публичныхъ работъ, правителей городовъ и областей. Занятія медицинскія запрещены также безусловно, какъ и упомянутыя выше; духовное лицо не можетъ, подѣ страхомъ строгихъ церковныхъ наказаній, присутствовать при операціи больного, а между тѣмъ всѣ госпитали въ Римской области находятся въ непосредственномъ завѣдываніи лицъ этого званія. Вслѣдствіе того, въ Папской области свѣтскія лица, даже высшихъ классовъ, не находятъ для себя ровно никакой дѣятельности. Молодые люди аристократическаго и средняго сословія поневолѣ предаются позорной праздности. Армія мала, да и нѣтъ никакого почета вступить въ ея ряды, ибо « *soldat du Pape* » сдѣлалось потѣшнымъ прозвищемъ во всей Европѣ; флота не существуетъ; медицина и законовѣдѣніе въ упадкѣ, что можно видѣть, между прочимъ, изъ платы, получаемой докторомъ за визитъ и не превышающей двухъ паоло (около 30 коп. сер.). Промышленность и торговля извѣстны въ Римской области только по имени; остается, слѣдовательно, духовное званіе,—но члены аристократическаго и средняго сословія рѣдко поступаютъ въ его ряды, по неприми-

римою ненависти къ гегерешнему порядку вещей, который под-держивается духовенствомъ. Римляне съ негодованіемъ ропщутъ на страшный гнетъ, который таготеетъ надъ всѣмъ, что могло бы способствовать къ матеріальному или нравственному развитію, и особенно жалуются на то, что воспитаніе сдѣлалось монополіею въ рукахъ духовенства. Дѣйствительно, духовенству принадле-жить не только надзоръ надъ семинаріями, но и надъ универси-тетами, коллегіумами, всякими школами и даже частными заведе-ніями. Никакой учебникъ не можетъ быть принятъ для преподаванія безъ особеннаго разрѣшенія отъ невѣжественнаго духовен-ства. Духовная цензура доходитъ, по временамъ, до совер-шеннаго изступленія. Вошло въ обычай посылать во Флоренцію печатать маленькіе поздравительные стихи на новый годъ, ибо въ Римѣ имъ надо было бы проходить неисчислимыя мытарства, чтобъ увидѣть Божій свѣтъ. Что касается до общаго управленія, то нѣтъ ничего печальнѣе представляемой имъ картины. Вѣро-явно ли, напримѣръ, что въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, римское правительство сдѣлало на 120.000.000 руб. сер. долгу, и не имѣ-етъ чѣмъ покрыть этотъ долгъ? Оно расточаетъ огромныя суммы денегъ на содержаніе иностранныхъ войскъ, тогда какъ оно не нуждалось бы вовсе ни въ какихъ войскахъ, еслибы дѣла въ странѣ шли инымъ порядкомъ.

О Неаполѣ говорить уже нечего. Впрочемъ по случаю брако-сочетанія неаполитанскаго королевскаго принца съ баварскою принцессою былъ изданъ всемилостивѣйшій манифестъ въ пользу политическихъ преступниковъ. Эта, давно неслыханная въ Неа-полѣ, либеральная мѣра произвела благопріятное впечатлѣніе въ Европѣ, но оно не замедлило исчезнуть при разказѣ о подро-бностяхъ, какими сопровождалась амнистія. Заключенные были выпущены изъ тюремъ; но за то все народонаселеніе Неа-поля пошло въ осадное положеніе. Правительство сочло нуж-нымъ, по этому случаю, усилить полицейскій надзоръ и всю систему своихъ репрессивныхъ мѣръ. Общее вниманіе обра-тилось на извѣстныхъ политическихъ заключенниковъ: Поэріо и Сеттембрини, которые съ 1849 года, въ продолженіи де-сяти лѣтъ, томились въ оковахъ. Имъ была объявлена радост-ная вѣсть объ освобожденіи, но въ то же время прочтено министерское распоряженіе, что свобода даруется имъ не иначе, какъ подъ условіемъ отправиться на житье въ Америку. Эти не-счастливые, полуразрушенные люди отказывались отъ милости, ко-торая сопровождалась такимъ условіемъ; они ссылались на жал-кое состояніе своего здоровья, которому не можетъ благопріят-ствовать совершенно чуждый климатъ; но, волей или неволей, они должны отправиться за океанъ. Между тѣмъ огласилось извѣстіе

о тяжелой болѣзни самого короля; возникли серьезныя опасенія за его жизнь. Въ *Morning Post* даже появилась телеграфическая депеша о его кончинѣ; но депеша эта, принятая въ Лондонѣ безъ особенныхъ изъявленій горести, оказалась ложною и на другой день въ той же газетѣ изъяснено объ этомъ сожалѣніе.

Вообще теперь въ Англіи международная политика снова выступаетъ на первый планъ, и грозитъ снова оттѣснить внутреннія задачи. Пальмерстоновская партія поднимаетъ уже голову; ея органы всячески стараются проводить мысль, какъ необходимо теперь появленіе этого государственнаго человѣка у правительственной кормы. Онъ одинъ могъ бы, такъ говорятъ они,—оставаясь въ прежнемъ сердечномъ согласіи съ Франціей, устроить италянскія дѣла наилучшимъ образомъ. Бремя, лежащее на кабинетѣ графа Дерби, возрастаетъ; новыя заботы присоединяются къ прежнимъ; новыя напряженія и усилія, новыя тяжкія битвы ждутъ его въ парламентѣ.

Очень естественно, что тревожное положеніе дѣлъ въ Европѣ возбуждаетъ ропотъ и неудовольствіе въ Англіи. Необходимость вооруженія снова должна отвлечь силы отъ внутренняго преуспеянія, отъ народнаго благосостоянія, и замедлитъ экономическія улучшенія. Теперь то и дѣло толкуютъ объ усиленіи морскихъ вооруженій. Въ *Times* съ умысломъ переведена изъ одного нѣмецкаго изданія (*Unsere Zeit*) статья, въ которой сравниваются флоты французскій и англійскій, и первому почти отдается преимущество. Несмотря на явную невѣрность выводовъ этой статьи, она сочтена неизлишнимъ средствомъ для произведенія нужнаго эффекта. Въ *Journal des Débats* одинъ изъ извѣстныхъ знатоковъ военнаго и морскаго дѣла, г. Ксавье Ремонъ высказалъ по этому случаю нѣсколько весьма интересныхъ замѣчаній. «Франція, говоритъ онъ, которая въ короткое время внесла столько изобрѣтеній въ морское дѣло, не нашла еще средствъ сравниться съ Англіею численностію своихъ морскихъ силъ. Всѣ способы искусной и сильной администраціи никогда не могутъ достигнуть того, чтобы число французскихъ матросовъ, простирающееся не свыше 160.000 человѣкъ, сравнялось когда-нибудь съ числомъ лишь одного класса англійскихъ матросовъ, употребляемыхъ дальнимъ мореходствомъ и на большихъ каботажныхъ судахъ, потому что такихъ матросовъ считается не менѣе 250.000 человѣкъ. Точно также, при всѣхъ усовершенствованіяхъ матеріальной части нашего флота, число нашихъ судовъ не можетъ сравниться съ числомъ англійскихъ. Изъ послѣдняго отчета морскаго вѣдомства въ Англіи видно, что къ 1-му января нынѣшняго года судовъ всѣхъ ранговъ въ Англіи считалось 523, и сверхъ того 162 парходныя канонерскія шлюбки, итого 685 судовъ,

изъ которыхъ 97 линейныхъ кораблей: это почти равняется соединеннымъ флотамъ всѣхъ государствъ въ мірѣ!.... Не смотря на то, продолжаетъ г. Ксавье Ремонъ, *Times* перевелъ изъ лейпцигскаго конверсационскаго-лексикона статью безъ всякихъ опроверженій, и этотъ маневръ произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе въ публикѣ. Сначала подавъ голосъ неизбѣжный адмиралъ сэръ-Чарльзъ Напиръ, который также воздержался отъ всякихъ возраженій, а вслѣдъ за этими двумя великими авторитетами пустились толковать о томъ же и всѣ прочіе журналы. Очень вѣроятно, что еслибъ это случилось въ самую горячую пору митинговъ, когда англійскіе государственные люди высказываютъ передъ обществомъ свои политическіе воззрѣнія и излагаютъ планы реформъ, множество ораторовъ взяли бы этотъ предметъ темою для своихъ рѣчей, тѣмъ болѣе что недавно появилась въ *New-York-Times* статья въ родѣ статьи нѣмецкаго конверсационскаго-лексикона. Есть ли однако основаніе довѣрять этимъ толкамъ? Конечно нѣтъ; въ числѣ тѣхъ, кто старается теперь представить французскій флотъ какимъ-то страшилищемъ во мнѣніи Англичанъ, мы распознаемъ тѣхъ, которые, не болѣе шести мѣсяцевъ тому назадъ, говорили о французскомъ флотѣ съ крайнимъ пренебреженіемъ. Откуда же происходитъ такая перемѣна въ тонѣ? Причина простая: наступаетъ время открытія парламента; морской бюджетъ долженъ быть вскорѣ представленъ палатѣ общинъ, и чтобы г. Джонъ-Буль принялъ цифру бюджета благосклонно, надобно представить ему какіе-нибудь резоны. Въ этомъ все дѣло. Для сборщика податей не можетъ быть лучшаго плательщика какъ Джонъ-Буль. Онъ выноситъ съ удивительною легкостію и уплачиваетъ съ удивительною добросовѣстностію самый тяжелый въ мірѣ бюджетъ; но за то Джонъ-Буль, какъ выражается *Times*, есть *grumbling animal*, то-есть говоря въжливѣе, господинъ, любящій поворчать. Какъ верблюдъ, который мычитъ при каждомъ нагружаемомъ на него новомъ выюкѣ, хотя потомъ онъ понесетъ долгое время такой грузъ, подъ которымъ взнемогли бы всякія другія силы, такъ и г. Джонъ-Буль всегда хмурится, когда заходитъ рѣчь о новомъ налогѣ; онъ любитъ высказывать громко свое неудовольствіе и считаетъ это однимъ изъ драгоценнѣйшихъ правъ своихъ; но это не мѣшаетъ ему, когда новый налогъ будетъ принятъ свободно послѣ публичнаго обсужденія законными представителями страны, уплачивать этотъ налогъ съ полною добросовѣстностію, которая дѣлаетъ честь столько же его гражданскимъ доблестямъ, сколько и богатству его сундука. Когда нужно заглянуть въ этотъ сундукъ, то прежде всего надобно дать Джонъ-Булю какой-нибудь предметъ, на которомъ онъ могъ бы сорвать сердце. Вотъ по-

чему и теперь толкуютъ ему объ онасностяхъ, которыми угрожаютъ Англіи вооруженія Франціи. Но, будьте увѣрены, ни сэръ-Чарльзъ Напиръ, ни тѣ писатели, которые вступили съ нимъ въ союзъ для этой кампаніи, нисколько сами не чувствуютъ распространяемой ими тревоги... Нашъ флотъ, продолжаетъ французскій публицистъ, со времени своего возрожденія, съ Наварина по Севастополь, давалъ намъ постоянно поводъ радоваться его успѣхамъ. Будемъ воздержно и умѣренно утѣшаться тѣмъ шумомъ, который раздается вокругъ нашего флота, и который свидѣтельствуетъ объ уваженіи къ нему другихъ народовъ; но не дадимся въ обманъ по случаю демонстраціи, которой онъ служитъ только предлогомъ, а не серіознымъ предметомъ. Морское могущество народа измѣрлется, впервыхъ, цифрою его морскаго народонаселенія, потомъ развитіемъ его мануфактурной промышленности, наконецъ объемомъ его бюджета. На сушѣ, какъ говаривалось прежде, требуются деньги, деньги и деньги. Можетъ-быть это было и вѣрно въ прежнія времена, но теперь уже не то, особенно въ приложеніи къ морскимъ силамъ. На морѣ не достаточно однихъ денегъ; онѣ не могутъ дать матросовъ, которые образуются лишь временемъ. Сверхъ того, нынѣшнія войны потребляютъ такое огромное количество припасовъ, что никакіе арсеналы, даже арсеналы Великобританіи, не могли бы вмѣстить его. Чудеса новѣйшей промышленности, неистощимыя комбинаціи, предлагаемыя правительству желѣзными дорогами и силою пара, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что въ странѣ, хорошо организованной, арсеналы даютъ направленіе работамъ во всѣхъ мастерскихъ, гдѣ хоть что-нибудь дѣлается изъ желѣза или дерева, и приготавлиются припасы для арміи и флота. Въ прежнія времена народъ велъ войну при тѣхъ пособіяхъ, какія были заготовлены въ его арсеналахъ; въ настоящее время народъ вступаетъ въ борьбу при всѣхъ пособіяхъ своего труда,—и горе правительству, которое отважится на борьбу съ народомъ промышленнымъ, не имѣя само другихъ пособій, кромѣ своихъ заведеній! Оно вскорѣ изнеможетъ подъ руками народа, который будетъ бороться съ нимъ столько же трудомъ своимъ въ своихъ мастерскихъ, сколько и мужествомъ своихъ солдатъ на сушѣ и морѣ. Но чтобы создались эти мастерскія и получили жизнь, необходимо время. Последняя война доказала эти истины до очевидности, и онѣ проникли даже въ тѣ умы, которые не совсѣмъ сознаютъ ихъ.»

Судя по всему, цифра морскаго бюджета дѣйствительно будетъ порядочная. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Times* появилась сильная руководящая статья, которая требуетъ, чтобъ англійскій флотъ не только равнялся соединеннымъ морскимъ силамъ государствъ цѣлаго міра, но и превосходилъ ихъ.

Что же касается до митинговъ, то сезонъ ихъ еще не кончился; они слѣдуютъ непрерывною чередою другъ за другомъ. Г. Брайтъ, несмотря на плохое состояніе своего здоровья, произнесъ въ Братфордѣ еще одну рѣчь,—и чуть ли не самую громадную изъ всѣхъ. Тонъ и смыслъ этой рѣчи носятъ на себѣ печать еще большей умѣренности, даже въ сравненіи съ его послѣдними рѣчами. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ дѣлу, тѣмъ болѣе мысль его подчинялась духу англійской конституціи, и теперь всѣ его требованія спокойно уставились на ея почвѣ. Въ нихъ уже нѣтъ по крайней мѣрѣ ничего эксцентрическаго, ни къ чему не ведущаго и несбыточнаго. Но агитація тѣмъ не менѣе не принялась; народъ остается равнодушнѣе. Дѣйствительно, какая разница между агитаціей г. Брайта и тѣмъ могущественнымъ движеніемъ, которое вызвало въ 1832 году первую реформу! Тогда была дѣйствительная, сильная, настоятельная потребность, а теперь всеобщее равнодушіе свидѣтельствуетъ, что такой потребности уже нѣтъ, что политическое устройство страны удовлетворяетъ ее, и стало-быть рѣчь можетъ идти не о принципахъ, а только о частныхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ. О маломъ успѣхѣ нынѣшней агитаціи подтвердитъ намъ сейчасъ одинъ изъ радикальныхъ членовъ палаты общинъ, политическій дѣятель, во многихъ отношеніяхъ близкій къ г. Брайту. О рѣчи г. Брайта и о составленномъ имъ планѣ новаго распределенія избирательныхъ коллегій поговоримъ при случаѣ послѣ, а теперь скажемъ что-нибудь о другихъ митингахъ, происходившихъ въ послѣднее время.

Особенно интересенъ былъ митингъ, происходившій въ Шеффилдѣ. Оба представителя этого города, гг. Робакъ и Гадфильдъ, прибыли изъ Лондона объяснить съ своими избирателями передъ наступающей сессіей. Толпа собралась несмѣтная, зала не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ послушать г. Робака, и рѣчь его въ самомъ началѣ была прервана криками, чтобы митингъ былъ переведенъ въ другое мѣсто. Тщетно президентъ митинга старался возстановить спокойствіе, тщетно ораторъ пытался продолжать свою рѣчь и наконецъ брался за шляпу, грозясь уйдти совсѣмъ, тщетно собирали голоса, — крики *adjourn! adjourn!* прекратились. Перешли въ другое помѣщеніе, и наконецъ г. Робакъ началъ передъ своими слушателями безъ другихъ прерывовъ, кромѣ ихъ рукоплесканій.

«Вы вызвали насъ, говорилъ г. Робакъ, вѣроятно для того, чтобы мы высказали наши виды касательно предлагаемой реформы... Но прежде чѣмъ я приступлю къ обсужденію вопроса, я долженъ просить у васъ спокойнаго вниманія: можетъ быть кое-что въ моей рѣчи не всѣмъ придется по вкусу». Ораторъ объяснилъ

при этомъ, какъ онъ понимаетъ свои отношенія къ избирателямъ: какъ ихъ уполномоченный въ парламентѣ, онъ обязанъ прислушиваться къ мнѣніямъ, возникающимъ въ ихъ средѣ; но онъ долженъ тѣмъ не менѣе сохранять и независимость своихъ убѣжденій. «Я здѣсь для того, чтобы почтительно выслушать все, что вы ни скажете; но когда вы скажете свое, я долженъ все-таки соображать свои дѣйствія съ собственною совѣстію и съ собственнымъ разумомъ». Для того, чтобы устранить возможность нѣкоторыхъ недоразумѣній, г. Робакъ счелъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ общихъ политическихъ началахъ. Онъ говорилъ своимъ всегдашнимъ, рѣзкимъ, безцеремоннымъ языкомъ.

«Средства для жизни и для счастья, сказалъ г. Робакъ, добываетъ человѣкъ трудомъ; но трудъ есть бремя, и всякій старается по возможности избѣжать тяготы. Есть два пути: или самому трудиться для себя, собственнымъ трудомъ добывать средства для своей жизни и для своего счастья, или принуждать другихъ трудиться для нашего благосостоянія. (Смѣхъ.) Человѣкъ такъ созданъ, что охотнѣе избираетъ второй путь; человѣку всегда пріятнѣе, чтобы на него работали другіе, чѣмъ самому работать на себя. Чтобы защитить слабаго отъ притѣсненій сильнаго, известная степень власти сосредоточена въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ. Эта власть есть правительство. Но тѣ же самыя причины, которыя дѣлаютъ правительство необходимымъ, побуждаютъ его въ свою очередь злоупотреблять своею властію и тяготѣть надъ слабыми. А потому вамъ нужно имѣть надзирателей, которые надзирали бы за надзирателями. Надобно, чтобы у васъ былъ кто-нибудь для огражденія слабыхъ отъ притѣсненій сосредоточенной власти. Вопросъ въ томъ какъ достигнуть этой цѣли? У древнихъ народовъ это было легко. У древнихъ народовъ государство часто заключалось въ стѣнахъ одного города. Собиралась громада и обсуживала дѣла своего правительства. Ясно, что еслибы не нашлось другихъ средствъ, то были бы невозможны свободныя государства въ обширныхъ размѣрахъ. Великимъ открытіемъ новыхъ временъ была представительная система. Въ нашей странѣ завелось, чтобы народъ выбиралъ своихъ представителей; эти представители надзираютъ за правительствомъ, и этимъ способомъ вы имѣете все, чего только можно пожелать отъ хорошаго правительства. Но тутъ опять затрудненіе. Какъ будете вы надирать за представителями народа? Тутъ есть только одно средство: вы выбираете ихъ на известный срокъ, потомъ призываете къ себѣ и произносите приговоръ надъ ихъ дѣйствіями тѣмъ, что или снова выбираете ихъ, или снимаете съ нихъ полномочіе.» Ораторъ приступилъ за тѣмъ къ разрѣшенію вопроса, кто же будетъ избирать представителей народа, всѣ ли граждане или только

нѣкоторые изъ нихъ? «Часто приходится слышать, говорить онъ, что всякій чело­вѣкъ имѣетъ естественное право быть избирателемъ. Признаюсь откровенно, я рѣшительно этого не понимаю. Есть ли на свѣтѣ страна, гдѣ бы всѣ граждане пользовались этимъ правомъ? Нѣтъ, такой страны не существуетъ. Половина чело­вѣческаго рода состоитъ изъ женщинъ. А какъ вы составите изъ женщинъ избирательную коллегию? Предоставляя женщинамъ все, что дано имъ для ихъ собственнаго и для нашего счастья, я же­лалъ бы освободить ихъ отъ политическихъ тревогъ. Но какъ скоро вы говорите о естественныхъ правахъ, то какъ же отказать въ нихъ женщинамъ? И потомъ, съ какого возраста будутъ граждане пользоваться этимъ правомъ? Не дать же его, конечно, четырех­лѣтнему ребенку! Лишить ли этого права всѣхъ, кому менѣе двадцати одного года? Но тогда значительная часть взрослого населенія останется безъ естественнаго права. Такимъ об­разомъ, даже съ точки зрѣнiя приверженцевъ всеобщей подачи голосовъ, все-таки лишь малая часть цѣлаго общества будетъ избирателями.» Г. Робакъ переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнiю, какъ измѣнялся постоянно классъ избирателей въ Англіи до реформы 1832 года. «Реформа эта не коснулась рабочихъ классовъ, замѣтилъ г. Робакъ, но рабочіе классы, несмотря на то, всѣми силами содѣйствовали ей. Намъ хорошо извѣ­стно, что мы ничего не выиграемъ отъ этой реформы, гово­рили они, но мы доставляемъ другимъ то, чего желали бы для самихъ себя, въ надеждѣ, что другіе, пользуясь дарованными имъ правами, поймутъ, какъ важно обладаніе этими правами и для насъ.» Г. Робакъ упоминаетъ, что съ тѣхъ поръ рабочіе классы постоянно стремились къ тому, чтобы пріобрѣсти для себя изби­рательное право и стремятся къ этому теперь. «Конечно, число избирателей много отъ этого увеличится, замѣчаетъ г. Робакъ, но измѣнится ли отъ этого составъ нижней палаты? Повѣрьте мнѣ, что несмотря на приращеніе избирателей, въ палату войдутъ все тѣ же самые люди, и либеральная партія въ палатѣ будетъ со­стоять изъ тѣхъ же членовъ, что и теперь.»

«Я думаю, продолжалъ г. Робакъ, что въ настоящее время па­лата общинъ очень вѣрно представляетъ собою чувствованія и страсти англійскаго народа. Мнѣ помнится, что когда я высказалъ здѣсь-то прежде подобную же мысль въ Шеффилдѣ, мнѣ заданъ былъ такого рода вопросъ: Если вы убѣждены, что палата об­щинъ выражаетъ вѣрно чувствованія и страсти населенія, зачѣмъ же вамъ нужна реформа? Отвѣтъ мой былъ: Правда, она вѣрно выражаетъ страсти, но не интересы англійской націи.» (*Рукоп­иски*.) Ораторъ перешелъ потомъ къ нѣкоторымъ подроб­ностямъ касательно реформы. Онъ объявилъ, что желалъ бы уве-

личить число представителей въ большихъ городахъ, и для этого отнять избирательное право у всѣхъ мѣстечекъ (boughs), въ которыхъ менѣе 10.000 жителей. Такимъ образомъ получилось бы 120 вакантныхъ мѣстъ, которыя можно было бы раздѣлить между городами. • Но какъ достигнуть этого? спрашиваетъ г. Робакъ. Впервыхъ, и это самое главное, въ народѣ въ настоящую минуту вовсе не замѣтно такого движенія, которое побудило бы палату согласиться на обширную реформу. Вспомните, какое движеніе, при подобныхъ же обстоятельствахъ, господствовало въ 1830 году, когда съ минуты на минуту можно было опасаться междуусобной войны. Вся страна поднялась; мужчины, женщины, дѣти только и толковали, что о реформѣ. Теперь же всѣ къ ней равнодушны. Но не забывайте, между прочимъ, что Англія управляется лучше, чѣмъ всякая другая страна въ мірѣ. Намъ указываютъ на Америку. Ну, что же, взглянемъ на Америку! Развѣ мы не видимъ тамъ 6.000.000 невольниковъ, хотя въ то время, когда провозглашалась независимость республики, торжественно было объявлено, что всѣ люди свободны? Надо было бы прибавить: всѣ бѣлокожіе люди. Сущій вздоръ всѣ эти толки объ Америкѣ! Въ Англіи всякій можетъ безпрепятственно высказываться обо всемъ, что ему нравится и не нравится, можетъ дѣлать, что ему угодно, лишь бы только не нарушалъ правъ своего ближняго. Вотъ разумная свобода! • (*Рукоплексканія.*)

По мнѣнію г. Робака, если страна желаетъ, чтобы парламентъ служилъ вѣрнымъ ея выраженіемъ, то достигнуть этого можно вовсе не расширеніемъ избирательнаго права. • Обыкновенно, говоритъ онъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ, если вамъ нуженъ кандидатъ въ палату, то вы берете какого-нибудь благонамѣреннаго человѣка, дѣтъ пятидесяти отъ роду, и посылаете его въ собраніе, состоящее изъ самыхъ тонкихъ критиковъ въ свѣтѣ, всегда готовыхъ подмѣтить смѣшную сторону. Представитель вашъ отправляется. Онъ произноситъ рѣчь, какъ-нибудь обмолвится, съѣстъ букву *h*, и его осмѣютъ. Тогда онъ садится на свое мѣсто, и уста его запечатлѣваются на вѣки. (*Смѣхъ и рукоплексканія.*) Этимъ объясняется, что въ палатѣ вы иногда не пользуетесь тѣмъ вѣсомъ и тѣмъ значеніемъ, на которые вы имѣете право. Чего же можете ожидать вы отъ реформы, если вы не приготовите заблаговременно людей, способныхъ быть достойными представителями васъ, а не богачей только, которые всю жизнь заботились о составленіи себѣ капитала и столько же смыслятъ въ управленіи, сколько я въ китайскихъ дѣлахъ? (*Рукоплексканія.*) Въ сѣверныхъ городахъ уже обратили на это вниманіе. Тамъ молодые люди воспитываются такъ, чтобы они могли въ послѣдствіи потягаться съ землевладельцами, кото-

рые получаютъ образованіе въ Оксфордѣ и Кембриджѣ (*рукопесканія*), и когда они достигнутъ этого, то и займутъ мѣста, достойныя своихъ талантовъ.»

«Перехожу теперь къ другому вопросу, сказалъ г. Робакъ. Будетъ ли стоять билль о реформѣ на первомъ планѣ въ предстоящихъ занятіяхъ парламента? Я думаю, что нѣтъ, и скажу вамъ прямо почему. Въ началѣ своего существованія, Англія относительно свободы стояла почти на равной ногѣ съ прочими государствами Европы. Почти во всѣхъ свобода существовала въ нѣкоторой степени. Протекли столѣтія; судьба благоприятствовала Англіи и не благоприятствовала континенту. Кончилось тѣмъ, что Англія стоитъ теперь одиноко посреди европейскихъ державъ, и все человѣчество возлагаетъ на нее свои надежды. Не безъ затрудненій сохраняемъ мы это положеніе; деспотизмъ слѣдитъ со всѣхъ сторонъ за Англіею, которая сдѣлалась свѣтильникомъ образованнаго міра.» (*Рукопесканія*)

Здѣсь ораторъ коснулся вопросовъ современной внѣшней политики. Подъ вліяніемъ непрерывно-измѣнявшихся слуховъ о войнѣ, рѣчь г. Робака, всегда рѣзкая, стала еще раздражительнѣе. Мы не беремся передать его выраженія во всей ихъ силѣ; г. Робакъ имѣетъ привилегію произносить такія слова и обороты, какія не всякій рѣшится употребить. Если читатели вспомнятъ, какимъ тономъ говорилъ г. Робакъ послѣ шербургскихъ праздниковъ, то не удивятся слѣдующимъ, крайне смягченнымъ нами словамъ его, которыя приводимъ какъ характеристическую черту англійскихъ митинговъ: «Повѣрьте мнѣ, мы приближаемся къ великимъ переворотамъ въ Европѣ. Война готова вспыхнуть въ ея предѣлахъ. Въ наступающемъ году, иностранныя дѣла будутъ, повсей вѣроятности, столько же занимать насъ, какъ и дѣла внутреннія. Наши союзы всегда должны быть союзами съ свободою. (*Рукопесканія*.) Какимъ бы способомъ деспотъ ни приобрѣлъ свою власть, онъ все-таки остается деспотомъ. Повѣрьте, что увѣряя въ желаніи своемъ помочь Италіи въ ея несчастномъ положеніи, глава французскаго государства имѣетъ въ виду только напустить свои преторіанскія полчища на эту великую страну. Въмѣсто австрійскаго орла, онъ водрузитъ тамъ орелъ французскій. Я не имѣю никакого довѣрія къ этому чело-вѣку... (*Рукопесканія*.) Я присутствовалъ въ Шербургѣ при свиданіи французскаго императора съ нашею королевою. Это было замѣчательное зрѣлище. Я видѣлъ, какъ онъ взомелъ на королевскій корабль, и когда его губы прикоснулись къ покраснѣвшей щекѣ этого чистаго и добраго созданія, вся кровь прихлынула у меня къ сердцу. Въ этомъ зрѣлищѣ выразилось теперешнее положеніе Англіи... Попомните жь мое слово, билль о реформѣ не будетъ главнымъ событіемъ въ наступающемъ году,—приготовьтесь

къ этому, но вмѣстѣ съ тѣмъ не теряйте его изъ виду. Если вы твердо желаете реформы, то несомнѣнно достигнете ея.»

За г. Робакомъ говорилъ г. Гадфильдъ. Онъ не во всемъ согласенъ съ своимъ товарищемъ; онъ крѣпче держится за реформу; онъ надѣется, что иностранныя событія не отвлекутъ вниманія отъ этого важнаго внутренняго вопроса. Рѣчь г. Гадфильда представляетъ нѣсколько очень интересныхъ цифръ и соображеній. Онъ не требуетъ поголовной подачи голосовъ. Вообще нынѣшніе реформеры остановились на принципѣ household suffrage, то есть они принимаютъ за политическую единицу домашній очагъ, домохозяйство, и требуютъ, чтобы каждое домохозяйство, платящее подати, участвовало въ избирательной льготѣ. Г. Гадфильдъ указываетъ на избирательныя права мѣстечекъ, какъ на главный недостатокъ нынѣшней системы. Обнародованный планъ г. Брайта касается этой же стороны вопроса. Несмотря на довольно значительную цифру нынѣшнихъ избирателей (1.200,000), теперь выходитъ, какъ доказываетъ г. Гадфильдъ, что большинство палаты не представляетъ собою большинства всѣхъ избирателей. Малонаселенныя привилегированныя мѣстечки посылаютъ въ парламентъ слишкомъ значительное число представителей, и на долю графствъ и большихъ городовъ оставлено вовсе не соотвѣтственное число представителей. Вслѣдствіе предполагаемой реформы рабочіе классы войдутъ, въ извѣстной степени, въ избирательную льготу. Г. Гадфильдъ вполне увѣренъ въ способности англійскихъ рабочихъ классовъ участвовать въ этомъ дѣлѣ. «Какой народъ въ мірѣ, восклицаетъ онъ, можетъ имѣть столько правъ [на довѣріе, какъ народъ Англіи! Къ нашимъ честнымъ рабочимъ классамъ я имѣю самое искреннее уваженіе и желаю видѣть расширеніе ихъ политическихъ правъ». Ораторъ между прочимъ приводитъ громадную цифру привоза и вывоза за 1857 годъ, 333 милліона ф. стерл., болѣе двухъ милліардовъ рублей серебромъ,—все это плодъ трудовъ англійскихъ рабочихъ классовъ. Коснувшись отношеній къ Франціи, ораторъ замѣтилъ, что Англія такъ связала ея интересы съ своими, что еслибы Франція провозгласила у себя свободу торговли и открыла настежь свои порты, какъ Англія открыла свои для всемірной торговли, то Англія и Франція были бы точно также тѣсно между собою соединены въ коммерческомъ отношеніи, какъ Англія и Шотландія. «Мы, сказалъ ораторъ, привязываемъ къ себѣ колоніи не солдатами, а свободными учрежденіями, которыя мы даемъ имъ.» Между прочимъ онъ касается весьма важнаго экономическаго вопроса, именно, какими мѣрами распространить еще болѣе въ народѣ благодѣнія дешевизны и изобилія жизненныхъ средствъ. «Не можемъ ли мы получать отъ

Индія и других наших колоній гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ было до сихъ поръ? Манчестерцы обнародовали свѣдѣнія, что Англія ежегодно платитъ Соединеннымъ Штатамъ за хлопчатую бумагу, выощенную невольничьимъ трудомъ, 10 милліоновъ стерл. сверхъ нормальной сходной цѣны, а между тѣмъ весь этотъ товаръ до послѣдней унціи могъ бы добываться въ Индіи. *(Рукопелесканія.)* Проложите въ Индіи дороги, снабдите ея почву способами искусственнаго орошенія, и вы будете получать ежегодно на 100 милліоновъ ея произведеній. Половина этого уже переродила бы Индію. Джозефъ Юмъ говорилъ, что мы можемъ обогатить Индію не иначе, какъ обогащая самихъ себя. Вполнѣ ли мы удовлетворяемъ возложенному на насъ назначенію? Можетъ ли быть, чтобы даровъ земли не стало для всѣхъ ея обитателей?... Все мое разногласіе съ моимъ почтеннымъ товарищемъ состоитъ въ томъ, что, по моему мнѣнію, Англія какъ можно менѣе должна вмѣшиваться въ дѣла деспотовъ, и что намъ слѣдуетъ имѣть въ виду лишь интересы нашей страны....»

Каждый митингъ въ Англіи есть какъ бы своего рода парламентъ. А потому считаемъ не излишними нѣкоторыя характеристическія подробности шеффилдскаго митинга. Когда г. Гадфильдъ кончилъ говорить, президентъ предложилъ присутствующимъ вступить въ объясненіе съ своими обоими представителями. Завязалась очень оживленная бесѣда. Г. Робакъ не даромъ замѣтилъ, что кое-что въ его рѣчи не всѣмъ придется по вкусу. Между обитателями Шеффилда есть люди, которые пристрастны къ Америкѣ не менѣе г. Брайта.

— Г. Робакъ очень хитро выразался объ Америкѣ, сказалъ нѣкто г. Абель Гинчклифъ, — можно подумать, не хочетъ ли онъ увѣрить насъ, что невольничество въ Америкѣ произошло отъ поголовной подачи голосовъ. *(Крики: къ дѣлу! къ дѣлу!)* Да въ томъ-то и дѣло, какъ онъ объ этомъ думаетъ?

— Въ Америкѣ нѣтъ поголовной подачи голосовъ, отвѣчалъ г. Робакъ, — республиканскія учрежденія вовсе не то, что поголовная подача голосовъ. Я очень хорошо знаю, что говорю *(громкія рукопелесканія).*

— Такъ не думаете ли вы, возразилъ тотъ же господинъ, — что невольничество порождено въ Америкѣ республиканскими учрежденіями?

— Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ г. Робакъ. — Я ничего не говорилъ о республиканскихъ учрежденіяхъ. Я упомянулъ только, что въ Америкѣ существуетъ невольничество, и сказалъ еще, что тамъ провозглашена была свобода.

Г. Гадфильду предложенъ былъ цѣлый рядъ вопросовъ. Онъ

объявилъ, что готовитъ билль касательно муниципальнаго устройства и будетъ требовать отмѣны имущественной квалификаціи для городскихъ совѣтниковъ, какъ она уже отмѣнена для членовъ парламента. Изъ многихъ болѣе или менѣе интересныхъ и важныхъ вопросовъ, предложенныхъ г. Робаку, упомянемъ о вопросѣ г. Гибберта, который спросилъ, что думаетъ г. Робакъ о наследственной палатѣ лордовъ. Г. Робакъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, учрежденіе это не имѣетъ рациональнаго основанія. Но, продолжалъ онъ, палата перовъ въ настоящее время только повторяетъ мнѣнія палаты общинъ. Нѣтъ ничего дурнаго, что она участвуетъ въ законодательствѣ. А палата лордовъ полезна тѣмъ, что служитъ образцомъ хорошихъ манеръ, которыя оказываютъ благотворное дѣйствіе на общество. Лорды несутъ на себѣ передъ публикой большую отвѣтственность. Недавно, на скачкахъ, одинъ знатный герцогъ велъ себя не очень благоприлично. Сдѣлай то же какой-нибудь простой человѣкъ, никто бы не обратилъ и вниманія, а герцогъ былъ у всѣхъ на виду, и цѣлая Англія осудила въ его лицѣ неприличное дѣло.

Упомянемъ въ заключеніе о митингѣ, на которомъ держалъ рѣчь одинъ изъ представителей партіи виговъ, лордъ Панмюръ, бывшій военнымъ министромъ при лордѣ Пальмерстонѣ. Ораторъ почти исключительно говорилъ о реформѣ. Онъ выразилъ свой образъ мыслей касательно этого предмета въ такихъ словахъ: «Пока планы реформы будутъ опираться на начала, провозглашенныя биллемъ 1832 года, — который справедливо считаютъ многіе второю великою хартіею (magna charta) англійскаго народа, — я буду рѣшительно и неизмѣнно содѣйствовать имъ. Но когда на глазахъ нашихъ созидаются такіе планы, которые подрываютъ самый корень нашей конституціи, когда хотятъ совершенно уничтожить нѣкоторые ея элементы или доставить однимъ изъ нихъ незаконное первенство надъ другими, — тогда, признаюсь откровенно, мною овладѣваетъ сомнѣніе, и я не могу считать подобную реформу вполнѣ безопасною. Позвольте мнѣ, замѣтилъ лордъ Панмюръ, высказать вамъ откровенно мой собственный образъ мыслей. Въ сущности, я принадлежу къ вигской партіи. Начала этой партіи усвоилъ я изъ жизни, рѣчей, разговоровъ и характера человѣка, имъ котораго я ношу — Чарльза Джемса Фокса. Въ чемъ же состоятъ эти начала? Вотъ въ чемъ: охранять права народа противъ притязаній аристократіи и королевской власти. Этихъ принциповъ держался Фоксъ, — имъ останусь вѣренъ и я. Но, позвольте, — тутъ же начинается и поворотъ. Охраняя права

народа, вигская партія, въ то же самое время, охраняетъ права королевской власти и аристократіи отъ демократическихъ притязаній. Вотъ какъ понимаю я принципы той партіи, къ которой принадлежу. Согласно съ ними дѣйствовалъ я всегда, и убѣжденъ, что, держась ихъ, наша страна упрочитъ свое положеніе между другими государствами Европы. »

ПРОЩАЛЬНЫЙ ОБЪѢДЪ ВЪ КИЕВѢ

Н. Р. РЕБИНДЕРУ.

У насъ часто приходится слышать жалобы на отсутствіе общественнаго мнѣнія. Конечно это справедливо. Но общественное мнѣніе вовсе не такое явленіе, которое было бы присуще обществу во всякое время. Оно, также какъ чувство законности и сознанія гражданскаго долга, вырабатывается путемъ историческимъ, является результатомъ извѣстной зрѣлости общества. Тамъ, гдѣ еще шатки понятія о томъ, что бѣло и черно, гдѣ въ оцѣнкѣ людской дѣятельности личный элементъ занимаетъ не послѣднее мѣсто, тамъ оно существовать не можетъ. Тамъ его приговоры узки, рѣдко справедливы и почти всегда составлены подъ влияніемъ личныхъ отношеній. Это даже не судъ общества, это частное мнѣніе, лишненное того характера непреложности, который можетъ быть только слѣдствіемъ ясно выработаннаго въ обществѣ сознанія о томъ, что дѣйствительно направляетъ его къ прогрессу. Сверхъ того зрѣлость общества не есть еще единственное условіе, способное создать общественный голосъ: необходима гласность, примѣненная въ самомъ широкомъ размѣрѣ, чтобъ этотъ голосъ получилъ силу, былъ бы нравственною уздой всякой неправдѣ и рутинѣ, будильникомъ бездѣйствія, поборникомъ честнаго труда, подъятаго во имя общественной пользы. Тогда только онъ приобрететъ то могущество, столь живо творно дѣйствующее на общественный организмъ, котораго благотворное вліяніе мы видимъ на націяхъ, опередившихъ насъ въ дѣлѣ цивилизаціи и прогресса. У насъ этотъ голосъ раздается слабо, по отсутствію условій необходимыхъ для его существованія, а между тѣмъ намъ-то онъ всего настоятельнѣе и нуженъ. Увлеченные потокомъ новой жизни, мы находимся именно въ той переходной порѣ, когда старое не взято, а новое представляется желаннымъ, но еще не достигнутымъ

будущимъ; когда господствуетъ прежняя форма, хотя повѣло уже живительнымъ духомъ обновленія. Въ это время борьбы всего оцутительнѣе потребность въ могущественномъ голосѣ, который, созывая подъ одно знамя поборниковъ наступающаго порядка, давалъ бы имъ нравственную помощь въ ихъ трудовомъ и не легкомъ дѣлѣ. За всѣмъ тѣмъ было бы близоруко не замѣтить, что съ началомъ нашего внутренняго перерожденія, общественное мнѣніе у насъ также получаетъ все болѣе и болѣе роста. Если оно еще не достаточно сильно, чтобы въ лицахъ заклеить дурное дѣло, то дѣятельность во имя тѣхъ началъ, отъ которыхъ чаютъ спасенія, всегда встрѣтитъ въ немъ самое горячее сочувствіе. При новости явленій такого рода, оно готово забыть даже ошибки, неразлучныя со всякою человѣческою дѣятельностію, пробивающею себѣ дорогу изъ рутины. И въ этомъ случаѣ общественное мнѣніе конечно право. Наши дѣтскіе шаги на новомъ поприщѣ требуютъ поддержки, общественнаго ободренія, въ которомъ, безъ сомнѣнія, заключается величайшее изъ побужденій къ честному и полезному труду. Мы не досрости еще до права зрѣлыхъ обществъ быть строгими къ своимъ дѣятелямъ и можемъ еще цѣнить доброе намѣреніе, если оно было чисто и направлено къ общему благу. Во всякомъ случаѣ, мы сказали уже, что нуждаемся въ голосѣ, который поддерживалъ бы нравственно все ратующее для великаго дѣла обновленія, которому предана Россія. Поэтому гдѣ бы онъ ни раздавался и какъ бы скромно нѣ выразалось его одобреніе, — онъ не долженъ остаться явленіемъ частнымъ, до котораго нѣтъ дѣла общественному вниманію.

Съ этой точки мы желаемъ разказать здѣсь о прощальномъ обѣдѣ, данномъ бывшему попечителю Кіевскаго учебнаго округа Николаю Романовичу Ребиндеру, по случаю отъезда его въ Одессу, на мѣсто новаго служенія. По своему семейному характеру обѣдъ этотъ можетъ быть и не заслуживалъ бы передачи, но такъ какъ въ немъ выразилось сочувствіе къ той дѣятельности и тѣмъ началамъ управленія, которыя выходятъ изъ области частной оцѣнки, то умолчать объ немъ было бы несправедливо.

Вскорѣ послѣ полученія извѣстія о перемѣщеніи Николая Романовича, въ обществѣ учителей обѣихъ кіевскихъ гимназій и училищъ, начальниковъ этихъ заведеній, а также нѣкоторыхъ чиновниковъ округа, явилась мысль выравить свое уваженіе къ характеру служебной дѣятельности оставляющаго ихъ начальника и высказать ему, какъ понимаютъ они значеніе его кратковременнаго управленія. Замѣчательно, что на этомъ прощальномъ праздникѣ изъявили желаніе участвовать многіе изъ тѣхъ, которыхъ личныя ожиданія и надежды весьма часто расходились съ дѣйствіями и намѣреніями Николая Романовича. Но отстраняя все личное, они хотѣли оцѣнить въ немъ дѣятеля, искавшаго общественной пользы. Фактъ этотъ въ высшей степени утѣшительнъ и доказываетъ, что если дѣйствіями начальника руководить не личный произволъ, а дѣйствительно горячее желаніе совершенствованія; то какъ бы ни сталкивались они съ личнымъ интересомъ каждаго, какъ бы ни были даже ошибочны, — они всегда найдутъ оцѣнку по своей доброй мысли. 19 августа задуманная мысль была осуществлена въ одной изъ

залъ кievской 1-й гимназіи. Такъ какъ цѣль обѣда всего полнѣе выразилась въ рѣчахъ, сказанныхъ по этому случаю, то мы позволимъ себѣ прямо перейти къ нимъ.

Прежде всѣхъ обратился къ Николаю Романовичу и ко всѣмъ присутствовавшимъ директоръ 1-й гимназіи и профессоръ университета Св. Владиміра А. К. Дѣлленъ съ слѣдующими словами:

«Мм. Гг!

«Длинные застольныя рѣчи часто бываютъ скучны, особенно если тотъ, кого сердце побуждаетъ говорить, не краснорѣчивъ и не владѣетъ языкомъ, подобно мнѣ. Поэтому позвольте мнѣ, ваше превосходительство, только въ немногихъ и простыхъ словахъ высказать вамъ то чувство, которымъ исполнены, безъ сомнѣнія, всѣ здѣсь присутствующіе. Не много болѣе двухъ лѣтъ мы имѣли честь видѣть васъ нашимъ начальникомъ. Но съ самаго начала вашего управленія мы убѣдились въ томъ, что вы не только вполне понимали незавидное положеніе учительскаго званія, но и всѣми силами старались улучшить его, по справедливости считая это вѣрнѣйшимъ и почти единственнымъ средствомъ для улучшенія и самихъ училищъ. Если вы и не вполне достигли благородной цѣли вашихъ стремленій, то мы и не такъ близоруки и не такъ не благодарны, чтобы васъ признать причиною этой безуспѣшности, хорошо зная, что *ultra posse nemo obligatur*. Вы однакожъ съ готовностію выслушивали наши просьбы, вы позволяли намъ откровенно высказывать передъ вами свои желанія и мнѣнія, вы утѣшали насъ не только словомъ, но, по возможности, и дѣломъ. За все это позвольте принести вамъ выраженіе нашей истинной и глубокой признательности. Теперь, разставаясь съ вами, позвольте еще пожелать вамъ счастливаго пути, а дѣятельности вашей на новой мѣстности полнѣйшаго успѣха. Господа! выпьемъ за здоровье Николая Романовича!»..

Слова эти были встрѣчены общимъ одобреніемъ. Выражая мысли многихъ, они въ тоже время тронули и Николая Романовича. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ всталъ и началъ отвѣчать говорившему. Мы крайне сожалѣемъ, что наша память не сохранила вполне этой прекрасной рѣчи, но существенное содержаніе ея было таково: Будучи назначенъ попечителемъ въ Кіевскій округъ, онъ совершенно чуждъ былъ того круга дѣятельности, который ожидалъ его здѣсь. Поэтому ему долго приходилось идти ощупью и, при всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ, невольно ошибаться. Но при этихъ ошибкахъ и неразлучныхъ съ ними огорченіяхъ, онъ встрѣтилъ здѣсь такъ много честнаго и добраго въ людяхъ, на которыхъ лежитъ по преимуществу забота образованія молодого поколѣнія, столько нашелъ въ нихъ высокой душевной твердости среди лишеній и искушеній жизни, скудной матеріальными средствами, что это служило ему самому нравственною поддержкою и заставляло его быть твердымъ въ собственныхъ неудачахъ. Здѣсь, по его словамъ, онъ научился высоко цѣнить его, до той степени, что еслибы привелось ему въ будущемъ совѣтовать своимъ дѣтямъ выбрать родъ дѣятельности, то онъ направилъ бы ихъ на этотъ благородный путь. Здѣсь увидѣлъ онъ сколько облагораживающаго вносить наука въ душу человѣка, какъ возвышаетъ его и даетъ силы бороться съ тяжелыми условіями жизни.

«Поэтому господа, заключилъ онъ, предлагаю тостъ за здоровье профессоровъ Кіевскаго университета! Они воспитали въ васъ словолюбъ и дѣлолюбъ къ самоотверженному служенію своему долгу и къ той высокой чести, которая составляетъ принадлежность учительскаго званія въ здѣшнемъ округѣ. За здравье студентовъ! Ибо и вы были студентами, и подъ руководствомъ достойныхъ наставниковъ вашихъ развивали въ себѣ зародыши добра и истины, какъ это продолжаютъ теперь замѣтнѣе васъ въ университетскихъ скамьяхъ. Предлагаю тостъ, господа, и за ваше здоровье и за то великое дѣло народнаго образованія, которому мы вѣстѣ служимъ!»

Мы не можемъ передать съ тою же точностію еще другія рѣчи этой рѣчи, которая задушевностію и искренностію тона возбудила единодушное сочувствіе. Интересъ обѣда возрасталъ, и у многихъ явилось желаніе высказать свои мысли, заявить сочувствіе къ происшедшему. Мы приводимъ здѣсь эти рѣчи въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ. Учитель 1-й гимназіи В. П. Должиковъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Николай Романовичъ! Все, что высказалъ Александръ Карловичъ (1) есть выраженіе нашего единодушнаго убѣжденія. Дѣйствительно, на столь представительномъ общественномъ постѣ вы открыто и твердо заявили у васъ тѣ благородныя современныя требованія, которыя со всѣхъ сторонъ водятся настоящимъ царствованіемъ нашего возлюбленнаго Государя. Гуманное обращеніе ваше, безукоризненная честность, энергія независимости вашего сужденія, безстрастіе чловѣка, стоящаго выше личныхъ побужденій и личныхъ предпочтеній внутренняго передъ вѣншимъ, все это ставитъ васъ въ ряду замѣчательнѣйшими общественными дѣятелями. Самостоятельность, проявленная вами гимназіямъ, какъ необходимов условіе ихъ совершенствованія, планы преобразованія училищъ, постоянныя горячія заботы объ улучшеніи нашего скуднаго быта, связаннаго, какъ вы справедливо всегда признавали, съ дѣломъ самаго образованія, займутъ современемъ не одну красочную страницу въ исторіи образованія края. Къ сожалѣнію, вы оставили насъ въ то время, когда намѣренія ваши только начинали получать осуществленіе; многое осталось неоконченнымъ; но это не отъ васъ зависѣло. Мы утѣшаемъ себя мыслию, что новый начальникъ нашъ, которому предстоитъ такая громкая слава ученаго и педагога, проведетъ ваши планы и ставаясь съ нами, можете смѣло сказать, что долгъ вашъ исполненъ. Не града же ваша и наша въ убѣжденіи, что честныя намѣренія не остаются. Пусть же оно, убѣжденіе это, руководитъ насъ на нашемъ трудовомъ пути. Залогомъ для 1-й гимназіи, что ваши добрыя желанія не остаются, вы оставляете намъ нашего достойнаго директора».

За тѣмъ штатный смотритель одного изъ кіевскихъ училищъ Слѣпущкинъ, сказалъ нѣсколько словъ такого содержанія:

«Честное дѣло требуетъ честнаго слова! Помимо всѣхъ личныхъ достоинствъ и всѣхъ разнообразныхъ пониманій дѣла, мы должны единодушно понимать, что въ васъ, Николай Романовичъ, мы терпѣмъ чловѣка, искренно желающаго добра общественнаго. Среди коренныхъ недостатковъ нашего общества начинающаго выходить изъ дремоты и слишкомъ личнаго пониманія дѣла, мы тѣмъ живѣе должны цѣнить въ васъ тѣ честныя современныя стремленія, которымъ сами горячо сочувствуемъ. Для дѣятеля, поставленнаго

(1) Дѣленъ.

«...его благо выше всѣхъ житейскихъ соображеній и такъ усиленно искавшаго общественной пользы, можетъ-быть итъ пряме награды, какъ признаніе и похвалу его тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ дѣйствовалъ.

«...И разставаясь съ вами, мы просимъ васъ принять эту дань нашего неформальнаго уваженія. Мы просимъ васъ помнить, что въ насъ вы оставили много людей, истинно сочувствовавшихъ честнымъ началамъ, поставленнымъ вами въ основу своего управленія, людей, которые по тому самому всегда и отъ чистаго сердца помнятъ васъ теплымъ словомъ».

«...Въ то время, когда составлялся описываемый прощальный праздникъ, въ некоторыхъ обстоятельствахъ, былъ въ Кіевѣ одинъ изъ учителей бывшаго церковской гимназіи Н. М. Петровъ. Онъ также изъявилъ желаніе участвовать въ немъ и, по случайности своего положенія, естественно явился здѣсь представителемъ другихъ гимназій округа. Эту мысль онъ выразилъ и въ своей рѣчи такимъ образомъ :

«...Сей день, разумется, долженъ говорить какъ представитель одной изъ гимназій округа. Удаленная отъ центра вашей дѣятельности, Николай Романовичъ, она не могла положительно судить о всей совокупности ея проявленій, но и отъ ея вниманія не ускользнули тѣ начала, которыя вы положили въ свое управленіе. Объ ихъ характерѣ мы могли судить только по тѣмъ проявленіямъ вашимъ, которыхъ мы были свидѣтелями въ нашей гимназіи.»

«...Возможно, какое значеніе имѣютъ для заведенія посѣщенія начальнической, и какъ часто отъ личности визитаторовъ можетъ зависѣть порядокъ и общее имя заведенія, Н. М. Петровъ продолжалъ :

«...Васъ мы ожидали не какъ попечителя, не какъ начальника, а какъ члена, и потому никто не тревожился и не волновался, — или итъ, волновалась и тревожился только тѣ, у которыхъ дѣйствительно была нечиста совесть. Гимназіи подъ вашимъ управленіемъ пришли къ самосознанію: онѣ почувствовали ту самостоятельность, которая ведетъ къ саморазвитію, и залогомъ того самостоятельности эта за ними упрочена надолго, мы имѣемъ въ виду лучшихъ дѣлъ вашихъ въ назначенія такого инспектора казенныхъ заведеній, какого вы намъ оставляете».

«...Итакъ же, господа, за здоровье человека, который тотъ высоко цѣнитъ общественное наше положеніе!».

«...Эта рѣчь произнесена была съ одушевленіемъ и произвела самое живое впечатлѣніе. Николай Романовичъ былъ сильно тронутъ и еще разъ выразилъ присутствовавшимъ. Онъ горячо благодарилъ всѣхъ за чувства, которыми ему отовсюду. Но отозвался, что не считаетъ себя въ правѣ говорить въ заслугу то, что въ немъ находятъ. «Ибо то, что вы цѣните въ насъ, заключилъ онъ, составляетъ долгъ каждого человѣка и гражданина. Честныя убѣжденія и честная дѣятельность должны быть достояніемъ каждого изъ насъ. Вамъ, воспитателямъ молодого поколѣнія, предстоитъ добрый подвигъ сѣять эти благородныя сѣмена, и пусть съ каждымъ годомъ растетъ въ нашемъ отечествѣ число людей, сердцу которыхъ будетъ дорога гражданская доблесть!».

«...Съѣздъ кончился, но не кончилась дружеская откровенная бесѣда, бывшая совершенно семейный характеръ; явилось желаніе высказаться, разъяснить недоразумѣнія, которыя естественно могли существовать въ прошедшемъ. Здѣсь шла оцѣнка, на фактахъ всего добраго и

ошибочнаго, совершеннаго за два года. И если съ одной стороны было много готовности признать заслугу, то съ другой было не менѣе ея для того, чтобы прямо и благородно сознать прошлую ошибку. Много теплаго и душевнаго было въ этой бесѣдѣ. Сочувствіе къ отъѣзжающему возрасло въ высшей степени, и здѣсь же было рѣшено еще разъ выразить ему свое уваженіе, проводивъ въ день отъѣзда за городъ. Это состоялось нѣсколько дней спустя... Здѣсь въ послѣдній разъ, съ тою же искренностію, пожелали ему встрѣтить на новомъ поприщѣ еще болѣе теплое и болѣе широкое сочувствіе къ тому благородному характеру дѣятельности, которымъ ознаменована была его служба въ Кіевѣ. При прощаньи, одинъ изъ учителей гимназій просилъ Николая Романовича смотрѣть на учителей Одесскаго округа, какъ онъ смотрѣлъ на кіевскихъ. Николай Романовичъ обѣщалъ исполнить эту просьбу и передать его слова тѣмъ, о комъ они были сказаны.

Такъ, въ лицѣ представителя интересовъ просвѣщенія въ краѣ, была почтена идея честнаго и неусыпнаго подвига на пользу общую. Угѣнительно думать, что дѣятельность, которая поставляетъ своею цѣлью эту пользу и не допускаетъ вкрасться въ свои отправленія побужденіямъ личнымъ, находить, помимо всѣхъ личныхъ счетовъ, такое горячее сочувствіе въ средѣ, гдѣ она является. Можно пожелать, чтобы честная мысль и честное дѣло всегда и вездѣ встрѣчали себя справедливую оцѣнку.

Кіевлянинъ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Позвольте обратить вниманіе вашихъ читателей на одинъ скандалѣзный случай въ нашей литературѣ.

Недавно, правда, на мѣстѣ не совсѣмъ для критики и антикритики обыкновенномъ, въ ряду объявленій къ № 142 *Московскихъ Вѣдомостей*, мы были удивлены статьею, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Отвѣтъ на критику г. Смирнова моего перевода клиники Канштадта, помѣщенную въ № 45 Московской Медицинской Газеты*». Подъ статейкою этою стоитъ имя доктора Реми. Прочитавъ ее, весьма легко понять, почему эта антикритика могла найти для себя лишь такое не литературное мѣсто, въ ряду торговыхъ и всякаго рода объявленій. Ненадобно быть специалистомъ, чтобы съ перваго взгляда понять, въ чемъ заключается цѣль ея автора, для которой мѣсто въ ряду объявленій дѣйствительно можетъ-быть и соответственнѣе всякаго другаго: всѣ

статья написана такимъ нелитературнымъ тономъ, заключаетъ въ себѣ такъ мало доводовъ и такъ много личнаго озлобленія.

Авторъ говоритъ прямо о критикѣ своего перевода: « Это, конечно, удивительно для г. Смирнова, никогда не упражнявшагося въ серьезномъ ученomъ трудѣ; но наука развивается, и кто слѣдлъ за нею, легко можетъ присовокупить новыя ея пріобрѣтенія къ предшествовавшимъ. » Далѣе: « Сужденія, высказанныя г. Смирновымъ о методахъ лѣченія, изложенныхъ у Канштадта, столь *безмысленны*, что не стоятъ опроверженія. » Въ заключеніе: « Но, по совѣсти, не могу принять въ уваженіе критику, сдѣланную изъ одного *фанфаронства* и пр. » Почему бы не употребить г. Реми и другихъ болѣе сильныхъ выраженій для поддержанія передъ публикою своего достоинства? Не доставало этого.

Но не стоить говорить о подобныхъ выходкахъ: онѣ сами уничтожаютъ себя. Г. Реми извѣстенъ публикѣ по одному лишь плохому переводу, безспорно признаваемому такимъ со всѣхъ сторонъ. Г. Смирновъ, никогда, по мнѣнію его, не упражнявшійся въ серьезномъ ученomъ трудѣ, давно уже извѣстенъ въ медицинской литературѣ трудами самостоятельными (*De acido urico*, *Уроскопія*, *Золотуха*). Мы пробѣжали статью г. Смирнова о переводѣ г. Реми. Это *библиографическая замѣтка*, написанная доказательно, чуждая голословной брани. Обращаясь къ уликамъ г. Реми и выписаннымъ имъ фразамъ для доказательства искаженія его перевода, мы останавливаемся на нихъ и спрашиваемъ: гдѣ же искаженіе? *Необыкновенно клохтающіе шумы* ни сколько не менѣе безобразное выраженіе, чѣмъ *необыкновенные клохтающіе шумы*; опущенія мѣстоименія *этимъ* и слова *процессъ* въ другихъ фразахъ нисколько не измѣняютъ смысла, а прибавка ихъ еще менѣе проясняетъ его, и *зачатіе главныхъ шариковъ* или *процессъ зачатія* ихъ остаются выраженіями равно невѣрными, потому что нѣмецкое слово *Entwickelung* значитъ *развитіе*, а не *зачатіе*. Если прибавить къ этому, что фразы эти выписаны именно только для указанія буквальной невѣрности и неясности перевода, выписаны подъ конецъ, мимоходомъ, то понятно, что цѣль, съ которою они приведены, достигнута вполне и вовсе не требовала полноты. Къ чему же эти уловки, это мороченіе публики? Наконецъ откуда г. Реми взялъ смѣлость утверждать, что въ сочиненіи, изданномъ за 15 лѣтъ, *на каждой страницѣ встрѣчается и физиологія и патологическая анатомія*, въ томъ смыслѣ, какъ понимаются эти науки теперь? И чѣмъ вызвана эта плохая иронія, когда г. Реми говоритъ, что эти науки г. Смирновъ называетъ *возродившимися*, *впрямую съ позволенія Московской Медицинской Газеты*? Онѣ дѣйствительно возродились со временъ Рокитанскаго и Вирхова.

Наконецъ нельзя не улыбнуться при мысли, высказанной г-мъ Реми о профессорѣ Варвинскомъ. «Г. пр. Варвинскій, излагающій науку живымъ словомъ (подъ мертвымъ словомъ вѣроятно слѣдуетъ разумѣть слово безъ дѣла) у постели больнаго съ рѣдкимъ безпристрастіемъ (безпристрастіе было бы гораздо уместнѣе въ объясненіи этого профессора о вашемъ переводѣ) и безъ всякой односторонности, не имѣетъ надобности ни съ какомъ руководствомъ. Кто же не знаетъ, что всякій профессоръ, хотя бы съ самымъ живымъ словомъ и съ самою плавною рѣчью, неспособенъ руководствуется чѣмъ-нибудь кромѣ своего таланта: самъ составилъ руководство и, пополняя его свѣжими притоками теніями науки, руководствуетъ имъ своихъ слушателей. Какъ профессоръ Варвинскій, сколько намъ известно, до сих поръ еще ничѣмъ не заявилъ своей дѣятельности на этомъ поприщѣ, и такъ какъ онъ нашель, что ваше руководство «вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ современнымъ требованіямъ науки», то и было бы очень естественно предположить, что, въ случаѣ неимѣніемъ собственнаго руководства, онъ набралъ бы его у васъ и, какъ человекъ добросовѣстный, похвалилъ бы его. Помните, какъ опасно положеніе талантовъ, которые не работаютъ ни на чужіе, ни на собственные труды!

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Брюссель, 28 января, 1850.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ я намекалъ на положеніе Ита-
ліи и на опасности, которыми оно угрожаетъ европейскому миру.
Туча, казавшаяся въ то время только небольшою точкою на го-
ризонтѣ, покрываетъ теперь все небо, и уже раздаются отдален-
ные раскаты грома. Торговый людъ крайне взволнованъ пред-
вѣстіями новой войны въ ту самую минуту, когда еще не из-
глядилась воспоминанія о войнѣ восточной, и опасенія его обна-
ружались сильнымъ пониженіемъ на всѣ движимыя цѣнности.
Въ нѣсколько дней, французскіе фонды понизились на 5 франковъ,
бельгійскіе — на 3 фр. 50 сант., а австрійскіе, выпущенные на
звонкую монету, отъ 7 до 8 франковъ. На всѣхъ остальныхъ пуб-
личныхъ фондахъ, точно такъ же какъ на массѣ промышленныхъ
цѣнностей, отразились слухи о предстоящихъ военныхъ дѣйстви-
віяхъ. Одинъ англійскій журналъ оцѣниваетъ въ полтора мил-
ліарда франковъ сумму пониженія различныхъ движимыхъ цѣнностей,
продающихся на европейскихъ биржахъ, какъ-то: публичныхъ фон-
довъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, пароходныхъ компаній,
рудниковъ, мануфактуръ и проч. Оцѣнка эта не покажется, ко-
нечно, преувеличенною, если вспомнимъ, что публичный долгъ
европейскихъ государствъ доходитъ почти до 40 милліардовъ (въ
этой суммѣ, государственный долгъ одной Англій простирается
почти до 19 милліардовъ), и что промышленныя цѣнности, масса
которыхъ возрастаетъ въ такой быстрой пропорціи, превышаютъ
въ настоящее время 20 милліардовъ (1). Достаточно, слѣдовательно,
пониженія $2\frac{1}{2}\%$, чтобы цѣнность этого огромнаго капи-
тала ушла на $1\frac{1}{2}$ милліарда; а то пониженіе, которое совер-

(1) Вотъ оцѣнка, сдѣланная недавно во Франціи: Акціонерныя компаніи и
товарищества, на вѣру учрежденныя для разработки желѣзныхъ дорогъ,
рудныхъ учрежденій, страхованій, рудниковъ, мануфактуръ и пр. во
Франціи. 5.320.450.800 фр.
въ прочихъ европейскихъ государствахъ. 15.485.850.950

итого 20.806.301.750

шается теперь на нашихъ глазахъ, безъ сомнѣнiя достигла кругомъ этого размѣра.

Сигналомъ ко всей этой суматохѣ послужили, какъ вамъ извѣстно, слова императора Французовъ, сказанныя имъ австрiйскому посланнику во время торжественной аудiенции новаго года. «Жалѣю,—такъ выразился онъ,—что сношенiя наши менѣе дружественны теперь, чѣмъ они были прежде». Вотъ фраза, которая стоила неменѣе 1500 миллионовъ, если судить по тому, какъ отозвалась она на европейскихъ рынкахъ. Извольте утверждать послѣ этого, что комплименты въ новый годъ не имѣютъ никакой цѣны!

Позвольте мнѣ остановиться на этомъ экономическомъ явленiи и изслѣдовать быстро и *grosso modo*, почему одна даже мысль о войнѣ заставляеть понижаться публичные фонды и торговыя цѣнности. Сначала о государственныхъ фондахъ.

Еще не такъ давно война оказывала необычайно гибельное влiенiе на государственные фонды воюющихъ державъ. Происходило это отъ отсутствiя здравыхъ экономическихъ понятiй объ общественномъ кредитѣ: такъ какъ правительства имѣли обычай пробавляться разнаго рода своевольными уловками, то при наступленiи войны кредиторы ихъ опасались частнаго или общаго банкротства или, по крайней мѣрѣ, перерыва въ уплатѣ процентовъ публичнаго долга. Въ наше время это измѣнилось. Государства поняли, что банкротства, подрывая ихъ кредитъ, служатъ только къ ихъ ослабленiю; теперь государства уже и не прибѣгаютъ къ этому удобному, но обманчивому способу ликвидацiи своихъ долговъ. По той же самой причинѣ, то-есть для поддержанiя своего кредита, они стараются аккуратно выплачивать проценты своего долга. Съ этой стороны, кредиторы государствъ весьма рѣдко подвергаются опасностямъ. Даже въ случаѣ раздробленiя какой-либо страны, вслѣдствiе несчастныхъ войнъ, обращается особенное вниманiе, чтобы при этомъ не потерпѣли ея кредиторы, и долгъ раздѣляется между различными частями раздробленнаго государства. Но чѣмъ же объяснить, что наканунѣ войны неминуемо начинаютъ упадать публичные фонды всѣхъ державъ, а не тѣхъ только, которыя приступаютъ къ враждебнымъ одна противъ другой дѣйствiямъ? Это зависитъ отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ мы укажемъ главнѣйшия. Первою изъ нихъ можно считать ожиданiе новыхъ займовъ, которые становятся необходимы при каждой войнѣ. Эти новые займы увеличиваютъ въ извѣстный срокъ, на рынкахъ, количество, или иначе, предложенiе государственныхъ бумагъ, доставляющихъ ренту, и должны произвести необходимо пониженiе предлагаемыхъ фондовъ. Вторая причина—положенiе большей части кредиторовъ, которые, не имѣя до-

статочнаго состоянія, принуждены были бы въ продолженіи войны реализовать свои фонды и предпочитаютъ произвести эту операцію, прежде чѣмъ началась война, чтобы потерять на ней какъ можно менѣе. Вътретѣхъ, должно указать на духъ спекуляцій, побуждающій многихъ владѣльцевъ публичныхъ фондовъ пустить ихъ скорѣе въ продажу, съ надеждою, что они еще болѣе упадутъ въ своей цѣнѣ, для того чтобы снова скупить ихъ въ послѣдствіи, при несравненно болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, когда цѣна ихъ дѣйствительно понизится. Сюда же должно отнести, что производительность, а слѣдовательно и сбереженіе ослабѣваютъ въ военное время; а вслѣдствіе того уменьшается требованіе и на фонды, въ которыхъ обыкновенно помѣщаются сбереженія. А такъ какъ запросъ уменьшается, а предложеніе между тѣмъ растетъ, то, подѣ влияніемъ причинъ, исчисленныхъ нами выше, публичные фонды падаютъ. Впрочемъ, запросъ на публичные фонды не долженъ необходимо уменьшаться вслѣдствіе войны; ибо, если съ одной стороны количество сбереженій, ищущихъ помѣщенія, уменьшается, то, съ другой стороны, освоенывается несравненно менѣе новыхъ предпріятій земледѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ, которыя въ обыкновенное время поглощаютъ значительную часть сбереженій, по мѣрѣ того какъ они накапливаются. Сверхъ того, многіе капиталисты охотно пользуются упадкомъ публичныхъ фондовъ, чтобы пріобрѣсти ренты по дешевой цѣнѣ или для самихъ себя, или для того, чтобы перепродать ихъ, при наступленіи мира, по возвысившейся цѣнѣ.

Что касается до промышленныхъ цѣнностей, на нихъ тотчасъ же отзывается упадокъ публичныхъ фондовъ. Въ экономическомъ мірѣ существуетъ законъ равновѣсія, совершенно сходный съ тѣмъ, который господствуетъ въ мірѣ физическомъ. Цѣнности можно сравнить съ жидкостями, которыя разлиты въ разныхъ сосудахъ, находящихся въ сообщеніи между собою, и которыя стремятся непрерывно къ одному уровню. Уменьшите или увеличьте количество жидкости, заключающейся въ одномъ изъ этихъ сосудовъ, и уровень всѣхъ ихъ измѣнится немедленно. Точно также возвышаются и понижаются цѣнности только вслѣдствіе того, что цѣнности другаго рода подверглись пониженію или повышенію. Упадаютъ, на-примѣръ, публичные фонды при слухахъ о новыхъ займахъ или другихъ потрясеніяхъ, произведенныхъ войною: немедленно, это отражается болѣе или менѣе сильнымъ образомъ и на промышленныхъ цѣностяхъ. Почему? Потому, что владѣтели промышленныхъ цѣнностей или тѣ, которые только желаютъ пріобрѣсти ихъ, непрерывно сравниваютъ процентъ этихъ цѣнностей съ процентомъ публичныхъ фондовъ. Если публичные фонды стоятъ ниже,

то они продають промышленныя цѣнности и покупають ренты, и наоборотъ, такъ что равновѣсіе постоянно поддерживается между тѣми и другими. Отъ этого происходитъ, что промышленныя цѣнности, понижаясь, поддерживаютъ, въ нѣкоторой степени, курсъ публичныхъ фондовъ.

Вовторыхъ, большая часть причинъ, которыя производятъ пониженіе публичныхъ фондовъ при ожиданіи войны, вліяютъ также и на промышленныя цѣнности или прямо, или косвенно. Такъ, на примѣръ, новые займы, которыхъ облигаціи появляются на рынкѣ въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ, одинаково вступаютъ въ соперничество какъ съ нарицательнымъ капиталомъ промышленныхъ цѣнностей, такъ и съ нарицательнымъ капиталомъ публичныхъ фондовъ, уже существующихъ. Точно такимъ же образомъ, уменьшеніе производительности, причиняемое уменьшеніемъ сбереженія, замедляетъ запросъ какъ на тѣ, такъ и на другія.

Третья причина упадка цѣны, свойственная только промышленнымъ цѣностямъ, состоитъ въ томъ, что такъ какъ общая производительность падаетъ во время войны, то доходы со многихъ предприятий, большихъ и малыхъ, понижаются соразмѣрно съ этимъ. Железныя дороги, на примѣръ, перевозятъ меньше путешественниковъ и товаровъ, и даютъ поэтому не столь высокіе дивиденды, какъ въ обыкновенное время. Правда, нѣкоторыя предприятия, тѣ особенно, которыя занимаются продажей и перевозкою орудій и всякаго рода матеріаловъ, необходимыхъ для войны, выигрываютъ отъ новаго положенія дѣлъ. Но выгоды, приобретаемыя этими предприятиями, особенно развивающимися въ военное время, не вознаграждаютъ потерь, понесенныхъ отраслями труда, которыя страдаютъ отъ общаго упадка дѣлъ.

Различныя случайности, исчисленныя мною и которыхъ я могъ бы насчитать несравненно болѣе, какъ на примѣръ, печальная необходимость бумажныхъ денегъ, предусматриваются и учитываются на рынкахъ, занимающихся продажей и покупкою движимыхъ цѣнностей. Вотъ почему «комплиментъ на новый годъ», въ которомъ рысьи глаза капиталистовъ уже прозрѣли возможность войны, былъ въ состояніи оказать такое сильное вліяніе на процентъ цѣнностей и произвести столь глубокое замѣшательство въ финансовомъ мірѣ.

Анализируя причины упадка цѣнностей, можно легко объяснить себѣ то миролюбивое настроеніе, которымъ отличается биржа. Очевидно въ самомъ дѣлѣ, что за исключеніемъ небольшого числа спекуляторовъ, разчитывающихъ на колебаніе цѣнностей и разчитывающихъ иногда на вѣрняка, если они замѣшуютъ свои свѣдѣнія у самаго источника, въ которомъ возни-

каютъ событія, — за исключеніемъ, говорю, этихъ биржевыхъ паразитовъ и еще нѣсколькихъ большихъ банкирскихъ домовъ, избравшихъ своею спеціальностью торговать публичными займами, — масса владѣльцевъ движимыхъ цѣнностей сильно заботится о сохраненіи мира; ибо война неминуемо понизила бы эти цѣнности, въ большей или меньшей пропорціи. Но такъ какъ движеніе цѣнности постоянно и прогрессивно увеличивается, по мѣрѣ того какъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности умножается количество большихъ предпріятій, то наступитъ день, когда вліяніе обладателей этихъ цѣнностей будетъ такъ велико, что сдѣлаетъ почти невозможною всякую войну. Уже въ настоящихъ обстоятельствахъ, вліяніе это имѣетъ огромный вѣсъ. *Миліоны биржи* почти перебиваютъ страсти и интересы, побуждающіе къ войнѣ; и — кто знаетъ? — быть-можетъ это мнѣніе одержитъ окончательную побѣду.

Нужно ли радоваться этому возрастанію политическаго вліянія биржи или скорбѣть о немъ? Мнѣнія насчетъ этого до сихъ поръ еще не установились. Военные люди, разумѣется, сильно гнѣваются на биржу. Наполеонъ I приходилъ въ раздраженіе всякій разъ, какъ она не потворствовала его гигантскимъ завоевательнымъ планамъ, и часто пытался, хотя безъ успѣха, точно такъ же самовластно управлять биржею, какъ онъ управлялъ всѣмъ остальнымъ. Власть его оказалась бессильною въ этомъ отношеніи, и въ послѣдствіи, когда Ватерлооская битва избавила Европу отъ дерзкаго нарушителя ея спокойствія, биржа отвѣчала на это событіе повышеніемъ фондовъ. До сихъ поръ еще ставятъ ей въ упрекъ это явленіе; и теперь еще въ тѣхъ сферахъ, гдѣ господствуетъ chauvinisme, не перестаютъ твердить, что биржевой людъ лишентъ всякаго патріотизма; ибо онъ запятналъ себя нечестивою радостью при извѣстіи о побѣдѣ, открывшей ворота Франціи иностранному вторженію. Биржевые спекуляторы не задумываются однако отвѣтомъ на такого рода обвиненія: «Торговый міръ, говорятъ они, нуждается прежде всего въ спокойствіи. Всякій разъ, какъ увеличиваются опасности, которыми окружены торговля и промышленныя предпріятія, — происходятъ ли эти опасности отъ войны или отъ какой другой причины, — капиталы прячутся; ибо они одарены въ высшей степени консервативными инстинктами. И нѣтъ ничего дурнаго въ этой наклонности капиталовъ, въ этомъ отвращеніи ихъ отъ всякаго рода опасностей; ибо, еслибъ они разсыпались и уничтожились, что стало бы съ производительностью, которая только и питается, что капиталами? Всякій разъ, поэтому, какъ безпокойный геній завоевателя угрожаетъ всеобщему миру и увеличиваетъ рискъ, сопряженный съ обращеніемъ капиталовъ, событіе, вслѣдствіе котораго рискъ этотъ уменьшается,

будетъ привѣтствуемо повышеніемъ фондовъ на биржѣ. Какъ граждане, мы можемъ скорбѣть о вторженіи непріятелей въ наше отечество; но, какъ люди торговые и владѣльцы капиталовъ, мы не можемъ не сознаться, что прекращеніе—хотя бы насильственное и болѣзненное—военныхъ дѣйствій упрочиваетъ общее спокойствіе. Повышеніе фондовъ на биржѣ указываетъ только на возвращеніе довѣренности и безопасности, точно такъ, какъ термометръ показываетъ возвышеніе температуры,—ни болѣе ни менѣе! Безопасность это теплородъ, который согрѣваетъ и оживляетъ торговый міръ, и котораго увеличеніе или уменьшеніе всякій разъ показываетъ биржа пониженіемъ или повышеніемъ курса публичныхъ фондовъ. Но есть ли какой-нибудь смыслъ упрекать термометръ въ недостаткѣ патріотизма? Насъ ли винить, поэтому, если война подрываетъ безопасность, необходимую для обращенія капиталовъ? Насъ ли винить, если она увеличиваетъ массу бумагъ, обращающихся на биржѣ, дѣлая необходимыми новые займы, — если она препятствуетъ коммерческимъ операціямъ и тѣмъ самымъ замедляетъ промышленный трудъ? Ухитритесь вести войну такъ, чтобъ она не тревожила торговыхъ интересовъ, не подрывала общественной безопасности, и тогда биржевой термометръ не будетъ упадать при наступленіи войны. Онъ только указываетъ на печальное, гибельное положеніе дѣлъ, порожаемое войною, но *онъ не создаетъ самъ этого положенія*, и было бы столь же нелѣпо винить его за это, сколько нелѣпо винить барометръ за опустошенія, сдѣланныя ураганомъ. Безъ сомнѣнія, тутъ есть нѣчто и больше: интересы, затронутые войною, стараются противодѣйствовать войнѣ и, по мѣрѣ того, какъ интересы эти становятся многочисленнѣе, усиливается и противодѣйствіе ихъ. Но развѣ это не вполне естественно? Люди, ожидающіе себѣ выгоды отъ войны, всѣми силами побуждаютъ къ ней, не заботясь много о бѣдствіяхъ, которыя она производитъ; отчего же не дозволить лицамъ, интересы которыхъ отъ ней страдаютъ, столь же энергически ей противодѣйствовать?.

Биржа, какъ видно изъ этого, не затрудняется доводами, чтобы смыть съ себя упрекъ въ отсутствіи патріотизма и въ излишнемъ пристрастіи къ миру. Это не разрѣшаетъ, впрочемъ, вопроса, должно ли радоваться возрастанію политическаго ея вліянія? Не можетъ ли вліяніе это сдѣлаться со временемъ гибельнымъ, если оно, во что бы то ни стало, будетъ служить миру и противодѣйствовать войнамъ, предпринимаемымъ даже для освобожденія народовъ, ради служенія дѣлу цивилизаціи и свободы? Другими словами, должно ли отказаться отъ всякой мысли о войнѣ, потому только, что биржа избрала своимъ девизомъ: миръ повсюду и всегда? Нужно ли правительствамъ вмѣсто всякаго компаса ру-

ководствоваться въ своей внѣшней политикѣ единственно биржевымъ термометромъ? Не *полезно* ли, наконецъ, по временамъ прибѣгать къ войнамъ, не обращая много вниманія на мнѣніе биржи?

Мнѣ не хотѣлось бы отвѣчать безусловно и рѣшительно на подобные вопросы. Дѣйствительно, иная война можетъ привести къ такимъ результатамъ, которые вознаграждаютъ, и даже съ избыткомъ, не только сдѣланныя для нея пожертвованія деньгами и кровью, но даже тѣ косвенныя и болѣе значительныя потери, которыя производитъ она, порождая замѣшательство въ торговомъ мѣрѣ. Въ подобномъ случаѣ война—если только результатовъ ея нельзя было достигнуть инымъ путемъ—можетъ быть оправдана съ точки зрѣнія принесенной ею пользы.

Но, поспѣшимъ оговориться, можно держать какое угодно пари, что война, какъ бы ни были законны ея побужденія, не покроетъ своихъ издержекъ;—другими словами, сумма благодѣтельныхъ результатовъ, достигнутыхъ ею, не выдержитъ сравненія съ тѣмъ, что было на нее потрачено, и съ тѣми бѣдствіями, которыя были ею порождены. Возьмемъ для примѣра угрожающую намъ теперь войну по поводу итальянскаго вопроса, и посмотримъ, каковъ можетъ быть *кредитъ* и *дебетъ*, приходъ и расходъ этой войны.

Кредитъ,—это тѣ нравственныя и матеріальныя улучшенія, которыя могутъ послѣдовать за этою войною для Италіи. По этой части, конечно, счетъ можетъ быть длиненъ. Всѣми признано, что настоящее положеніе Италіи служитъ стыдомъ для цивилизованной Европы. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Италіи общественная безопасность покупается цѣною невыносимаго правительственнаго гнета, а въ другихъ не существуетъ вовсе ни безопасности, ни свободы. Война, предпринятая съ цѣлію освобожденія Италіи, безъ сомнѣнія измѣнила бы этотъ порядокъ дѣлъ. Но съ другой стороны, не нужно питать преувеличенныхъ надеждъ, не нужно думать, чтобы война, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, превратила внезапно адъ въ рай. Примѣръ Испаніи, Португаліи и испано-американскихъ колоній вполне убѣждаетъ насъ, что недостаточно только освободить народонаселеніе отъ ненавистнаго и бессмысленнаго деспотизма или чужеземнаго владычества, чтобы совершенно переродить страну. Мы знаемъ, что и самая независимость не можетъ считаться въ иное время большимъ благомъ. Конечно, новыя учрежденія, которыя водворить у себя Италія, или которыя водворятъ въ ея средѣ другіе, будутъ несравненно лучше ея теперешнихъ учреждений, — но будутъ ли они прочны? Правительственный деспотизмъ не замѣнится ли въ ней анархіей? Не сдѣлается ли она жертвою внутреннихъ междоусобій, какъ это происходило уже на нашихъ глазахъ въ Испаніи?

Если новое государство, которое возникнет вслѣдствіе войны, будетъ выше прежняго, если Италия выиграетъ отъ переворота, то выиграешь этотъ, который мы назовемъ *кредитомъ* всей операціи, ни въ какомъ случаѣ не достигнетъ громадныхъ размѣровъ. Посмотримъ, будетъ ли онъ въ состояніи вознаградить издержки войны.

Въ самомъ дѣлѣ, каковъ будетъ *дебетъ* операціи? Предположимъ, сначала, что она не достигнетъ цѣли. Правда, въ настоящемъ случаѣ всѣ вѣроятности, кажется, въ пользу счастливаго окончанія дѣла, но вѣдь это только вѣроятности, а ни чуть не что-либо достовѣрное. Итакъ, если предпріятіе не удастся, то *кредитъ* исчезнетъ, и мы очутимся лицомъ къ лицу только съ огромнымъ *дебетомъ*, состоящимъ изъ потерь и матеріальныхъ издержекъ, большая часть которыхъ обрушится на Италію, и деспотизмъ, тяготящій надъ нею, еще болѣе усилится.

Но откинемъ въ сторону всѣ неблагоприятные шансы. Допустимъ, что вооруженное освобожденіе Италіи увѣнчается успѣхомъ, и посмотримъ, сколько будетъ стоить это предпріятіе. Тутъ могутъ встрѣтиться двѣ случайности:

1) Очень возможно, что война, сначала частная, сдѣлается, современемъ всеобщою, и начавшись за освобожденіе Италіи, распространится по всей Европѣ. Въ такомъ случаѣ, кто можетъ исчислить издержки и потери, которыя причинитъ подобная война? Не задержитъ ли и даже не остановитъ ли она на долгое время успѣхи цивилизаціи? И много ли будетъ значить тогда освобожденіе одного народа, если освобожденіе это купится цѣною матеріальныхъ и нравственныхъ бѣдствій для всѣхъ народовъ!

2) Очень возможно, и мы обращаемъ особенное вниманіе на это предположеніе, что война будетъ поединкомъ только между двумя великими державами. Но такъ какъ обѣ эти державы располагаютъ почти одинаковыми силами, то борьба между ними можетъ затянуться на долгое время. Она можетъ поглотить миллиарды и погубить сотни тысячъ жизней. Въ продолженіи многихъ лѣтъ будетъ держать она цивилизованный міръ въ томъ безпокойномъ и болѣзненномъ настроеніи, которое неразумно съ войною. Производительность ослабѣетъ, богатство будетъ развиваться гораздо медленнѣе, а между тѣмъ государственныя издержки будутъ возрастать, ибо державы, не принимающія участія въ войнѣ, должны будутъ находиться на военномъ положеніи. Народы будутъ производить меньше, а правительства тратить несравненно больше. Двокая причина истощенія! И это еще не все, повсюду будетъ господствовать военный лухъ, а всѣмъ извѣстно, какъ трудно уживается онъ съ либеральными учрежденіями. Свобода будетъ стѣснена, и всѣ экономическія и

политическія реформы отложены на неопредѣленное время. И еще того хуже: война неминуемо порождаетъ новую войну. Монархъ приобретаетъ, вслѣдствіе успѣшной войны то, къ чему онъ стремится; не побудитъ ли это его снова прибѣгнуть къ тѣмъ же средствамъ, чтобы возвысить свое вліяніе или округлить свои владѣнія? Къ тому же, подъ рукою у него армія, которая гордится своею славою и своимъ значеніемъ. Онъ не подумаетъ распустить эту побѣдоносную армію, не можетъ также, не возбуждая ея ропота, осудить ее на бездѣйствіе. Поневола придется ему прискивать ей занятіе. Такимъ-то путемъ войны порождаютъ одна другую, пока истощенные народы не возмолить о пощаду.

Итакъ *дебетъ* войны, предпринятой для освобожденія Италіи, по всѣмъ вѣроятностямъ превзойдетъ ея *кредитъ*. Съ точки зрѣнія общаго прогресса дѣло это оказалось бы рѣшительно неудачнымъ, ибо цивилизація потеряла бы вслѣдствіе войны конечно болѣе, нежели сколько она выиграла бы отъ возможнаго освобожденія Италіи. Поэтому, въ интересахъ цивилизаціи слѣдуетъ желать, чтобы миротворное вліяніе торговой сферы, которое выражается въ *мильион биржахъ*, пересилило желанія и страсти, побуждающія къ войнѣ.

Люди, думающіе, что, въ настоящемъ случаѣ, война можетъ послужить полезнымъ орудіемъ свободы и прогресса, конечно, не согласятся со мною: я это вполне предвижу. Какъ, скажутъ они, такъ стало-быть надо сложить руки? Надо оставить народы вздыхать подъ игомъ невыносимаго деспотизма и не обращать вниманія на ихъ страданія? Надо, слѣдовательно, наглухо запереть себя для всякаго великодушнаго порыва и неизмѣнно держаться эгоистическаго правила: *chacun pour soi, chacun chez soi*?

Нисколько. Нѣтъ никакой надобности руководствоваться узкимъ и близорукимъ эгоизмомъ, но слѣдуетъ дѣлать строгій выборъ между тѣми средствами, которыми можно облегчить судьбу угнетенныхъ народовъ. Если опытъ говоритъ, что война заставляетъ платить слишкомъ дорого за ту пользу, которую она можетъ принести, что она несравненно болѣе отнимаетъ, чѣмъ даетъ, то необходимо отказаться отъ войны въ интересахъ самого прогресса. Нужно искать другихъ средствъ, менѣе дорогихъ и болѣе дѣйствительныхъ, которыми можно было бы достигнуть той же самой, великой и благородной цѣли.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія, что можно облегчить участь народовъ и стремиться къ ихъ освобожденію, не прибѣгая къ этому грубому и варварскому средству — къ войнѣ. Можно употребить для этого: 1) нравственное вмѣшательство и даже матеріальное принужденіе, для котораго нужно только доброе согласіе между всѣми цивилизованными державами; 2) вліяніе примѣра.

Въ наше время много занимались вопросомъ о томъ, какъ далеко можетъ простираться *право вмешательства*, на сколько одинъ народъ можетъ вмѣшиваться во внутреннїя дѣла другаго. Одни утверждали, что право это не существуетъ вовсе; другіе напротивъ давали ему почти неограниченные размѣры. Истину нужно, кажется, искать между этими двумя крайностями. Всѣ народы въ наше время связаны между собою торговлею и общеніемъ идей, и связи эти умножаются съ каждымъ днемъ; очевидно, стал о-быть, что если какая-нибудь страна страдаетъ отъ анархїи или деспотизма, то и всѣ остальные страны испытываютъ на себѣ вредъ такого положенія. Онѣ терпятъ матеріальныя потери, ибо замедляются ихъ торговыя сношенія со странною, страдающею отъ неустройствъ; онѣ терпятъ еще болѣе отъ случайностей насильственнаго переворота, который можетъ быть вызванъ бессмысленнымъ деспотизмомъ или анархїей. Въ этомъ лежитъ достаточное основаніе для вмешательства. Право это принадлежитъ сообща всѣмъ націямъ, которыя испытываютъ потери и убытки отъ ненормальнаго господства деспотизма или анархїи. Въ настоящемъ случаѣ, на примѣръ, всѣ цивилизованныя страны могли бы, по взаимномъ соглашеніи, настоятельно требовать отъ Австріи и итальянскихъ правительствъ необходимыхъ реформъ, чтобы положить конецъ революціонному движенію, которое развивается въ Италїи и ежеминутно угрожаетъ спокойствію всего міра.

Къ несчастію, не совсѣмъ легко европейскимъ державамъ согласиться между собою и, вѣроятно, еще много пройдетъ времени, пока европейскій союзъ не получитъ прочной и полной организаціи. Въ ожиданіи этого, можно стремиться къ улучшенію быта угнетаемыхъ народовъ благотельнымъ вліяніемъ примѣра, естественнымъ дѣйствіемъ самой цивилизаціи.

Прогрессъ обладаетъ естественно непреодолимою экспансивною силою. Такъ на примѣръ, тщетно старалась рутинѣ въ нѣкоторыхъ отсталыхъ странахъ упираться противъ чужеземныхъ изобрѣтеній: всѣ усилія ея оказались бесполезными. Книгопечатаніе, встрѣченное сначала ненавистью всѣхъ противниковъ прогресса, проникло, несмотря на то, повсюду. То же самое происходило при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, электрическихъ телеграфовъ, машинъ и, вообще всего, что клонится къ матеріальному и нравственному улучшенію общества. Можно сколько угодно имъ противодействовать, подвергать ихъ безусловному запрещенію или возбуждать противъ нихъ предрасудки и частныя интересы, можно сосредоточить ихъ въ нѣсколькихъ рукахъ, чтобы уменьшить ихъ благотельное вліяніе, — они все-таки не замедлятъ восторжествовать. То же самое слѣдуетъ замѣтить и о всѣхъ ре-

формахъ, которыя предназначены для улучшения политическихъ и экономическихъ учреждений народовъ. Развѣ многія націи не измѣнили въ либеральномъ смыслѣ свое устарѣлое таможенное законодательство, съ тѣхъ поръ, какъ Англія отказалась отъ запретительной системы? Предположимъ, что государства, стоящія во главѣ цивилизованной Европы, упростятъ свой административный механизмъ, уменьшатъ свои военныя силы; развѣ это не отзовется на другихъ странахъ? подражаніе не будетъ ли въ этомъ случаѣ обязательнымъ, вслѣдствіе той естественной силы распространенія, которая, кажется, присуща прогрессу?

Къ какому же заключенію приходимъ мы? Къ тому, что самое вѣрное средство подвинуть тѣхъ, которые отстали,—идти самому впереди ихъ; что надежнѣйшее средство побудить другія націи къ прогрессу—дѣйствовать на нихъ примѣромъ этого прогресса. Но примѣръ этотъ можетъ существовать только подъ условіемъ сохраненія порядка внутри и мира во внѣшнихъ сношеніяхъ, ибо прогрессъ; съ одной стороны, и революціи и войны съ другой—рѣшительно несовмѣстимы. Нужны ли доказательства? Во Франціи, въ первую имперію, количество выдававшихся ежегодно привилегій на изобрѣтенія никогда не превышало 100. Въ 1847 году, послѣ тридцатилѣтняго мира, оно доходило до 2.150; въ 1848 году оно вдругъ понизилось до 853. Цифры эти краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій. Времена войнъ и революцій способствуютъ столь же мало, какъ доказываетъ опытъ, распространенію наукъ и искусствъ. Вѣрнѣйшее средство, поэтому, содѣйствовать быстрому распространенію прогресса у другихъ народовъ и всемірному развитію цивилизаціи, состоитъ въ томъ, чтобы, заботясь о сохраненіи мира, пользоваться имъ для водворенія благодѣтельныхъ реформъ и дѣйствовать такимъ образомъ въ наилучшихъ условіяхъ для достиженія возможно большей суммы успѣховъ.

Это миролюбивое ученіе о прогрессѣ было высказано, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, въ 1836 году, по возвращеніи изъ путешествія въ Россію, однимъ молодымъ манчестерскимъ мануфактуристомъ, тогда еще вовсе неизвѣстнымъ, но которому суждено было въ скоромъ времени сдѣлаться двигателемъ одной изъ благодѣтельнѣйшихъ реформъ нашего времени; я говорю о Ричардѣ Кобденѣ. Въ брошюрѣ, подъ заглавіемъ *Russia* (1), будущій вождь лиги противъ хлѣбныхъ законовъ и глава партіи мира въ Англіи, начавъ съ разсѣянія опасеній, возникшихъ въ его отечествѣ касательно мнимаго или дѣйствительнаго честолю-

(1) *Russia* by Richard Cobden, Esq., author of *England, Ireland and America*. Edimburg. 1836.

бія Россіи, старался доказать, что, вмѣсто насильственнаго сопротивленія этому честолюбію, Англія должна была бы дѣйствовать на Россію *примѣромъ*, отказываясь въ свою очередь отъ ненужныхъ завоеваній, ограничивая свои военныя силы и водворяя въ своей средѣ экономическія реформы, которыя дѣйствительнѣе всякихъ территоріальныхъ приобрѣтеній способствуютъ могуществу и благосостоянію народа.

Густавъ де-Моллиари.

ЗАМѢТКА НА СТАТЬЮ ГРАФА РЖЕВУСКАГО.

Съ чувствомъ невыразимаго прискорбія прочелъ я статью графа Ржевускаго, въ № 281 *Русскаго Инвалида*, за истекшія годъ. Впечатлѣніе этой статьи такъ глубоко, такъ сильно, что я не въ состояніи заглушить родившуюся во мнѣ потребность сказать нѣсколько словъ о ней. Я считаю даже обязанностію сдѣлать это, такъ какъ вся статья графа Ржевускаго проникнута тѣмъ духомъ, разработка котораго составляетъ, такъ сказать, мою спеціальность. До личности автора мнѣ нѣтъ никакого дѣла; я буду говорить о духѣ статьи, о ея направленіи. Къ личнымъ нападеніямъ, допускаемымъ впрочемъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ, я чувствую глубокое отвращеніе и считаю ихъ недостойнымъ дѣломъ. Къ тому же, личность автора, судя по званію, которое онъ занимаетъ, и которое обозначено подъ его статью, заслуживаетъ полнаго уваженія со стороны каждаго Русскаго, такъ какъ подобное званіе, безъ особенныхъ заслугъ отечеству, никому не дается. Но ни заслуги, ни имя, не имѣютъ, какъ извѣстно, ничего общаго съ мнѣніемъ лица, носящаго какое бы то ни было званіе. Мнѣніе свое графъ Ржевускій высказалъ печатно, и этимъ самымъ добровольно подвергъ его общественной критикѣ. Въ русской литературѣ, до сихъ поръ, благодаря законамъ и обычаямъ страны, никогда не допускалось чинопочитаніе, иначе литература превратилась бы въ департаментъ или бюро. Надѣмся, что и впредь этого не будетъ. Но какъ бы то ни было, теперъ, пока не существуетъ никакихъ ограниченій на этотъ счетъ, я увѣренъ, что мнѣ дозволено будетъ сказать нѣсколько словъ о статьѣ графа Ржевускаго; надѣюсь, что и самъ графъ, въ качествѣ русскаго литератора и поборника гласности, во имя кото-

рой онъ написалъ сказанную статью, не найдетъ ничего страннаго въ моемъ желаніи и не потребуеъ отъ меня ничего, кромѣ искренняго и честнаго отзыва, каковаго въ правѣ требовать каждый публичный дѣятель.

Графу Ржевускому не нравится направленіе *Военнаго Сборника*; многимъ оно, напротивъ, очень нравится: на вкусъ мастера нѣтъ. Но графъ, нападая на почтенный журналъ, заслужившій общее одобреніе, взводитъ на него такія обвиненія, такія.... что намъ становится страшно не только за этотъ журналъ, но за всю русскую литературу. Вотъ одно изъ самыхъ капитальныхъ обвиненій: «Въ прошломъ столѣтіи, говоритъ авторъ, враги общественнаго порядка во Франціи, нападали на священниковъ, внушавшихъ повиновеніе къ законной власти, и дерзнули писать сначала противъ духовенства, преслѣдуя его мнимые и дѣйствительные недостатки, а потомъ открыто возстали противъ церкви и Бога. Пусть поймутъ этотъ *намекъ* тѣ у насъ, которые начинаютъ клеветать на армію, всегдашнюю надежную опору престола и отечества—истинную славу Россіи....»

Что это такое? Куда завелъ насъ графъ Ржевускій?... *Военный Сборникъ*, по увѣренію графа, принимаетъ на себя роль донощика; — мы не знаемъ, что авторъ разумѣетъ подъ словомъ доносъ. Графъ Ржевускій, не ограничиваясь критикой фактовъ, нападаетъ прямо на все направленіе журнала и указываетъ на опасность, угрожающую престолу и отечеству отъ развитія гласности. Примѣръ, взятый имъ изъ исторіи Франціи, весьма неудаченъ: дѣло идетъ о Россіи; автору слѣдовало бы знать, что русскій престолъ тысячу лѣтъ опирался и нынѣ опирается на народную любовь, а не на армію, предназначенную собственно для непріятеля. Автору слѣдовало бы знать, что русскій народъ гордится именно тѣмъ, что не нуждается, подобно французскому, въ указаніяхъ со стороны арміи, какъ слѣдуетъ любить и защищать престолъ и отечество. Зачѣмъ же графу Ржевускому угодно было обратиться за примѣромъ непременно къ Франціи? Впрочемъ, вольному воля; каждый имѣетъ право обращаться къ какой угодно исторіи; но говоря о ней печатно, должно по крайней мѣрѣ хорошо знать эту исторію. Откуда же графъ Ржевускій почерпнулъ, что во Франціи виною нападеній на церковь и на Бога была гласность? Мы, съ своей стороны, знаемъ достоверно, что причиною этихъ нападеній были развращеніе и деспотизмъ тамошняго духовенства; намъ извѣстно также, что нападенія эти начались даже не во Франціи и не въ прошломъ столѣтіи, какъ увѣряетъ авторъ, а еще задолго до реформации, еще въ XII вѣкѣ. Мы знаемъ, что раздраженіе противъ Западной церкви происходило не отъ избытка, а именно отъ недостатка гласности, отъ

преслѣдованія ея инквизиціей. Мы знаемъ, наконецъ, что полная, всесторонняя гласность, существующая, напримѣръ, въ Англіи, всего болѣе способствуетъ поддержанію церкви, престола и государственнаго могущества. Но это знаетъ каждый школьникъ. Быть можетъ, нашъ почтенный авторъ просто не хочетъ этого знать, какъ не хочетъ знать и того, что нападеніе *Военнаго Сборника* на злоупотребленія, гнѣздящіяся въ нашей арміи, доказываютъ только истинную любовь къ отечеству, со стороны бывшихъ редакторовъ этого журнала,—любовь не парадную, не оиціальную, а такую, при которой желаніе очистить доблестную армію отъ вещей, не имѣющихъ ничего общаго съ доблестью, становится дѣломъ весьма естественнымъ. Зачѣмъ же графъ Ржевускій позволилъ себѣ сказать, что журналъ, издающійся подъ вѣдѣніемъ особаго начальства и узаконенной цензуры, клеветаетъ на армію и марааетъ военный мундиръ? Чтò такое значить мараить мундиръ? Мараютъ мундиръ тѣ, которые допускаютъ и защищаютъ злоупотребленія, подъ нимъ скрывающіяся, а не тѣ, которые преслѣдуютъ эти злоупотребленія. Думаетъ ли графъ Ржевускій, что въ нашей арміи вовсе нѣтъ злоупотребленій? или онъ того мнѣнія, что ихъ не слѣдуетъ трогать, изъ любви къ отечеству и престолу, изъ уваженія къ военнымъ заслугамъ арміи? Мы, съ своей стороны, обязываемся доложить ему, что злоупотребленія существовали, и вѣроятно существуютъ во всѣхъ арміяхъ; но ни одно правительство, въ томъ числѣ и наше, никогда не щадило ихъ. Злоупотребленія эти рождаются или отъ недостатковъ военныхъ учрежденій, или отъ корыстныхъ побужденій отдѣльныхъ лицъ. Въ первомъ случаѣ, слѣдуетъ изучать и указывать правительству на существующіе недостатки, для того чтобъ оно могло устранить ихъ: во второмъ, слѣдуетъ изобличать и карать беспощадно всякое нечистое побужденіе и дурной поступокъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступаютъ истинные патріоты въ каждомъ образованномъ государствѣ, и никто еще въ цѣломъ мірѣ не рѣшался доселѣ порицать этотъ способъ и смѣшивать его съ доносомъ и клеветою. Англійская армія еще недавно, благодаря именно этому способу, успѣла въ теченіе короткаго времени, стряхнуть съ себя многія злоупотребленія и ошибки, и никто изъ англійскихъ офицеровъ не жаловался при этомъ на оскорбленіе мундира. Военная доблесть и казнокрадство не имѣютъ ничего общаго между собою; но исторія, къ сожалѣнію, доказываетъ, что оба эти качества могутъ соединяться не только въ одной и той же арміи, но иногда въ одномъ и томъ же субъектѣ. Англія чтитъ военные таланты и заслуги лорда Мальборо, столько же какъ и геній Бакона, но никогда не думала скрывать корыстолюбія и казнокрадства обо-

ихъ этихъ господъ. Ни англійскій мундиръ, ни англійскій престолъ, ни сколько не пострадали, какъ извѣстно, отъ подобныхъ изобличеній. Какъ въ частномъ человѣкѣ, такъ и въ государствѣ истинное величіе духа состоитъ въ откровенномъ сознаніи собственныхъ недостатковъ,—утайка же ихъ свойственна только испорченной натурѣ. Авторъ, вѣроятно, не зналъ и этой истины, иначе онъ не рѣшился бы осуждать *Военный Сборникъ*. Мы не читали статьи *Пять мѣсяцевъ въ *** полку*, которая послужила графу Ржевускому предлогомъ къ нападенію на *Военный Сборникъ*. Судя по выпискамъ, сдѣланнымъ изъ ней графомъ, мы вѣримъ, что она не выдерживаетъ строгой критики. Но тѣ же выписки удостовѣряютъ насъ, что эта статья написана въ формѣ повѣсти, безъ указаній на полкъ и лица, слѣдовательно подлежитъ нападкамъ со стороны художественной правды, во имя которой задумана, а не со стороны полицейскихъ предостереженій. Графъ Ржевускій, по собственному его увѣренію, *возвысилъ* свой голосъ для того, чтобы *Военный Сборникъ* былъ *осторожнѣе* въ выборѣ статей, въ немъ печатаемыхъ. Чтò это такое: дружескій совѣтъ или офиціальныи выговоръ? Если совѣтъ, то не слѣдовало автору возвышать голоса въ повелительный тонъ, выходя на общественную арену; не слѣдовало также подписать свою окружность атрибутами власти, подвергать всѣмъ случайностямъ литературнаго турнира тотъ мундиръ, честь котораго онъ самъ взялся оберегать. Если же замѣчаніе его есть офиціальное замѣчаніе по службѣ, то мѣсто ему было въ военныхъ приказахъ, а не въ *фельетонѣ* газеты, служащей общественнымъ цѣлямъ.

Мы не имѣемъ чести знать гг. редакторовъ *Военнаго Сборника* и не осмѣлились бы защищать ихъ, не будучи на то уполномочены, еслибы нападеніе графа Ржевускаго относилось къ одной редакціи этого журнала. Нѣтъ, онъ нападаетъ хотя не прямо, на всю русскую литературу и на современное ея направленіе, въ которомъ общество полагаетъ всѣ свои надежды; онъ нападаетъ на гласность, въ которую всѣ вѣрують, какъ въ единственное лѣкарство отъ язвъ и золъ, мѣшающихъ русскому развитію. Онъ заглядываетъ наконецъ въ будущее и, дѣлая неприличныя сравненія, указываетъ на опасность, угрожающую, по его мнѣнію, престолу и отечеству. Русскій народъ, при видѣ такихъ опасностей, привыкъ всегда единодушно возставать противъ нихъ и жертвовать своею жизнію; русскій народъ никогда не уступитъ арміи чести быть единственною опорой престола и отечества; русскому народу не учиться любви къ отечеству, особенно изъ французскихъ примѣровъ. Онъ помнитъ Минина и Сусанина, которые любили Россію и царя нисколько не хуже армейскихъ офицеровъ, хотя и не были облечены въ высокое званіе. А такъ какъ пишущій эти строки, имѣетъ честь при-

надлежать въ одно время и русской націи и русской арміи, тѣмъ, считающъ своею обязанностью удостовѣрить графа Ржевускаго, что опасность не тамъ, гдѣ онъ указываетъ. Для престола и отечества опасны тайныя язвы, разъедающія общественный организмъ, опасна ложная стыдливость, скрывающая эти язвы подъ тряпками хвастовства и лести, опасны, наконецъ, люди, которые подъ мундиромъ не хотятъ видѣть челоуѣка, и во имя доблести военной, караютъ гражданскую доблесть, которая служитъ источникомъ всѣхъ возможныхъ доблестей и дѣйствительною опорой отечества. Гражданскою же доблестью на русскомъ языкѣ привыкли называть только тѣ чувства, которыя заставляютъ гражданина *возвышать* голосъ, въ такихъ напримѣръ случаяхъ, въ которыхъ возвышалъ его Яковъ Долгорукой; — нападать на эти чувства не считается у насъ доблестью даже военною, потому что не требуетъ особенной храбрости.

С. Громека.

22 января 1859 года.

ЗАМѢЧАНІЯ О НЕОБХОДИМОСТИ И ПОЛЬЗѢ ВЫКУПА.

Въ великомъ и многосложномъ дѣлѣ преобразованія быта помѣщичьихъ крестьянъ и дарованія имъ гражданской свободы, первый и главный вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ вся будущность нашего сельскаго населенія, по преимуществу земледѣльческаго, есть вопросъ объ устройствѣ поземельнаго владѣнія. Нашему крестьянину, привязанному къ мѣсту родины и живущему почти однимъ земледѣліемъ, земля необходима, такъ же какъ воздухъ, которымъ онъ дышетъ; а потому его личная свобода возможна только при независимости его поземельнаго владѣнія. Поэтому правительство признало необходимымъ обезпечить осѣдность крестьянъ, надѣлить ихъ землею и оградить ихъ, въ этомъ отношеніи, отъ всякаго произвола. Такимъ образомъ, вопросъ этотъ уже окончательно рѣшенъ въ своемъ главномъ основаніи. Но не смотря на это рѣшеніе, вызванное самою необходимостію, есть еще люди, которые, не признавая необходимости ограниченія права владѣльцевъ въ распоряженіи землею, состоящею во владѣніи крестьянъ, видятъ въ этомъ какъ бы нарушеніе священнаго права собственности помѣщиковъ на землю, и полагаютъ, что неминуемымъ слѣдствіемъ независимости поземельнаго владѣнія крестьянъ будетъ упадокъ всего хозяйственнаго быта помѣщичьихъ усадебъ.

Поэтому, прежде нежели приступимъ къ изложенію нашихъ собственныхъ мыслей объ устройствѣ поземельнаго владѣнія, считаемъ необходимымъ рассмотретьъ, возможно ли освобожденіе крестьянъ съ оставленіемъ всей земли въ неограниченномъ распоряженіи помѣщиковъ, и въ какой мѣрѣ освобожденіе ихъ, съ обезпеченіемъ землею, нарушаетъ права и хозяйственныя выгоды землевладѣльцевъ.

Возможно ли дарованіе крестьянамъ личной свободы безъ всякаго права на землю? Этотъ вопросъ рѣшается весьма просто. Достаточно бросить одинъ только взглядъ на настоящее положеніе нашихъ крестьянъ, чтобы понять всю несправедливость и невозможность такого освобожденія. До сего времени, нашъ великороссійскій крестьянинъ, при всемъ своемъ личномъ подчиненіи произволу помѣщика, не зналъ никогда безпріютнаго рабства. Онъ издавна привыкъ жить своимъ домою, среди родимой его деревенской общины и непосредственно владѣть землею. Мы видимъ, что община русскихъ крестьянъ всегда и повсемѣстно имѣла въ дѣйствительности неотъемлемое право и полную возможность владѣть такимъ количествомъ земли, какое было необходимо для ея жизни; это историческое или обычное право крестьянъ на землю сознавалось всѣми, и потому, несмотря на право помѣщика брать крестьянъ во дворъ и пользоваться гораздо выгоднѣе ихъ трудами, почти нигдѣ не было примѣра, чтобы помѣщики лишали земли цѣлыя крестьянскія общины, и вездѣ подобныя попытки встрѣчали сильное сопротивленіе со стороны крестьянъ и общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, община помѣщичьихъ крестьянъ, продовольствіе и повинности которой лежали на отвѣтственности помѣщика, была вѣчнымъ и единственнымъ фактическимъ владѣльцемъ нѣкоторой части помѣщичьей земли. Даже всѣ убытки отъ случайныхъ бѣдствій, какъ-то неурожаевъ, пожаровъ и тому подобныхъ, падая на одного помѣщика, не имѣли никакого вліянія на владѣніе крестьянъ землею. Помогая крестьянамъ въ этихъ случаяхъ, помѣщики весьма часто, сверхъ потери доходовъ, входили въ долги и лишались своихъ имѣній; крестьянскія же общины оставались на тѣхъ же мѣстахъ и переходили къ новымъ владѣльцамъ, сохраняя за собою прежнее владѣніе землею. Весьма естественно, что такое потомственное владѣніе и крѣпость землѣ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, привели крестьянъ къ сознанію ихъ права на землю, и ничто не въ состояніи поколебать это глубокое ихъ убѣжденіе. Изъ этого видно, что дарованіе личной свободы, безъ всякаго права на землю, было бы противно понятіямъ всего народа.

Все настоящее имущество крестьянъ состоитъ въ хозяйственномъ обзаведеніи, которое имѣетъ цѣнность только при владѣніи

землею, и не можетъ быть легко переносимо съ мѣста на мѣсто. Признать крестьянина лично свободнымъ съ правомъ вольнаго перехода, оставивъ всю землю въ неограниченномъ распоряженіи помѣщиковъ, не значить ли это освободить только помѣщиковъ отъ всѣхъ лежавшихъ на нихъ обязанностей въ отношеніи къ крестьянамъ и подчинить послѣднихъ еще большому ихъ произволу? Тогда крестьянинъ будетъ поставленъ въ необходимость соглашаться на всякія условія помѣщика, а потому все имущество, а сдѣдовательно и вся жизнь его, будутъ зависѣть отъ произвола землевладѣльца, чего не было даже и при крѣпостномъ правѣ, которое поставило помѣщикамъ въ непремѣнную обязанность доставлять своимъ крѣпостнымъ людямъ средства существованія. Притомъ, помѣщикъ, владѣвшій населеннымъ имѣніемъ на крѣпостномъ правѣ, былъ ограниченъ въ правѣ безусловнаго распоряженія землею. Вся земля при населенномъ помѣщицкѣмъ имѣніи служила обезпеченіемъ продовольствія его крѣпостныхъ людей и исполненія ими обязанностей передъ правительствомъ. Законъ дозволялъ помѣщику отчужденіе земли, отдѣльно отъ поселенныхъ на ней крестьянъ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ у крестьянъ оставалось не менѣе четырехъ съ половиною десятинъ на душу; въ противномъ случаѣ обязывалъ владѣльца, въ теченіи года, или дать имъ другую землю вмѣсто проданной, или продать ихъ другимъ, съ обязанностію надѣлать ихъ вышеопредѣленнымъ количествомъ земли. (Т. IX. Св. Зак. ст. 1,016.) Право неограниченнаго распоряженія собственностію не существуетъ тамъ, гдѣ предметъ этого права не можетъ быть свободно отчуждаемъ и служить обезпеченіемъ продовольствія другихъ лицъ и исправленія чужихъ обязанностей. Съ другой стороны, крестьяне, которымъ помѣщикъ обязанъ былъ давать средства пропитанія и давалъ ихъ въ видѣ пользованія нѣкоторымъ количествомъ земли, хозяйственныхъ строеній и проч., имѣютъ, по всей справедливости и по закону, полное и неотъемлемое право на эти средства существованія. Поэтому, при освобожденіи крестьянъ съ оставленіемъ всей земли въ неограниченномъ распоряженіи владѣльцевъ, помѣщики получили бы права, никогда для нихъ не существовавшія, а крестьяне были бы лишены принадлежащихъ имъ по всей справедливости насущныхъ средствъ пропитанія. Изъ этого видно, что противная и буквѣ и духу высочайшихъ рескриптовъ мысль о дарованіи крестьянамъ личной свободы безъ всякаго права на землю, въ высшей степени несправедлива и невозможна въ исполненіи.

Такимъ образомъ, при упраздненіи крѣпостнаго права, въ видахъ сохраненія справедливости и общаго спокойствія, крестьяне должны быть обезпечены въ *сохраненіи прочной осядлости и в*

надлежащихъ средствъ къ жизни, а никакъ не предоставлены произволу землевладельцевъ; а потому, право распоряженія землею со стороны помѣщиковъ, должно быть по необходимости и по справедливости ограничено, съ цѣлю оставить за крестьянами ихъ неотъемлемое право на средства существованія отъ земли, которая всегда служила обезпеченіемъ ихъ пропитанія.

Защитники освобожденія крестьянъ, безъ земли, говорятъ что при обезпеченіи крестьянъ землею никто изъ крестьянъ не захочетъ наниматься для сельскихъ работъ, и что, поэтому, помѣщики не найдутъ рукъ для обработки своихъ полей. На это мы скажемъ, что о поддержаніи помѣщичьихъ хозяйствъ въ настоящемъ случаѣ можетъ быть рѣчь лишь на столько, на сколько оно не противорѣчитъ общей государственной пользѣ. Смотря съ этой стороны на предметъ, мы считаемъ вышеупомянутое опасеніе о недостаткѣ рабочихъ рукъ лишеннымъ всякаго основанія. Наука и жизнь вполнѣ доказали превосходство свободнаго труда надъ обязательнымъ. Здравый смыслъ говоритъ намъ, что вездѣ, гдѣ земля имѣетъ какую-нибудь цѣнность, приложеніе къ ней труда не только возможно, но и выгодно; между тѣмъ ежедневный опытъ показываетъ, что цѣнность земли повсемѣстно возрастаетъ, и потому не можетъ быть никакого сомнѣнія, что приложеніе труда къ землѣ не только возможно у насъ но даже съ каждымъ годомъ дѣлается выгоднѣе. И теперь, при существованіи обязательнаго труда и покровительственнаго тарифа, мы видимъ иногда хозяйства, дѣйствующія наемными руками, выдерживающія соперничество крѣпостной работы и имѣющія средства вознаграждать рабочія силы. Можно ли предположить, чтобы съ уничтоженіемъ обязательнаго труда, этого опаснаго соперника хозяйствъ, устроенныхъ на разумныхъ основаніяхъ, доходы съ земли не могли достаточно вознаградить приложенный къ ней трудъ, и чтобы крестьянинъ, привыкшій къ земледѣлію и нуждающійся въ выгодномъ помѣщеніи своего труда, не захотѣлъ употребить себя на дѣло, вознаграждающее достаточно его трудъ? Кажется, самый опытъ убѣждаетъ насъ въ противномъ. Если мы видимъ сотни тысячъ нашихъ крестьянъ, идущихъ за нѣсколько сотъ верстъ искать себѣ работы, то можно ли думать, чтобъ они отказались отъ выгодныхъ заработковъ, когда они представляются имъ вблизи ихъ селенія? Мы часто слышимъ, что наше сельское хозяйство не можетъ вознаграждать трудъ въ такой мѣрѣ, какъ прочія промышленности, и что нашъ народъ охотнѣе возьмется за всякое другое дѣло, нежели за обработку земли. Но первое изъ этихъ положеній отнюдь не бесспорно. Еслибы, дѣйствительно, трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ былъ менѣе выгоденъ, нежели въ прочихъ промышленностяхъ

то, естественно, большая часть крестьянъ оставила бы совсѣмъ обработку своихъ земель и, пользуясь ими только для прокормленія домашнего скота, занималась бы одними промыслами. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ иное. Нашъ крестьянинъ дорожитъ землею и повсемѣстно обрабатываетъ ее, такъ что земледѣліе, исключая весьма немногихъ, особенно промышленныхъ мѣстностей, составляетъ главный предметъ занятій крестьянина. Что же касается до того, что народъ нашъ охотнѣе занимается промыслами, нежели сельскимъ хозяйствомъ, то и это не совсѣмъ вѣрно. Дѣйствительно, промышленныя занятія, а тѣмъ болѣе работы на фабрикахъ, гораздо легче земледѣльческихъ; но тѣмъ не менѣе мы не имѣли случая видѣть, чтобы крестьяне вообще предпочитали ихъ земледѣлію. Что народъ идетъ въ заработки, иногда весьма отдаленные, это доказываетъ только то, что онъ не находитъ работы дома. Напротивъ, есть много причинъ предполагать, что онъ охотнѣе остался бы на родинѣ и занялся сельскими работами, еслибъ онѣ представлялись. Но существованіе обязательнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ уничтожаетъ всякую возможность добывать деньги употребленіемъ свободнаго труда на земледѣліе. Крестьянинъ, нуждающійся въ заработкахъ, до сего времени не имѣлъ еще свободнаго выбора между промыслами и земледѣліемъ. А потому нѣтъ никакого основанія думать, что крестьянинъ не захочетъ наниматься для работъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ и будетъ непременно искать отдаленныхъ промысловъ. Если мы видимъ, что въ настоящее время крестьянинъ не любитъ барщины и охотнѣе садится на оброкъ, то и изъ этого никакъ нельзя заключить, чтобы онъ предпочиталъ промыслы земледѣлію. Работа на господскихъ поляхъ ставитъ крестьянина лицомъ къ лицу съ его вотчиннымъ начальствомъ, тогда какъ оброкъ дозволяетъ ему пользоваться большою свободою. Сверхъ того, мы должны принять въ расчетъ, что миллионы рабочихъ рукъ, отвлеченныхъ въ настоящее время барщиною отъ свободной конкуренціи, которыя легко могутъ быть замѣнены вдвое меньшимъ числомъ наемныхъ работниковъ, по упраздненіи обязательнаго труда, не найдутъ выгоднаго помѣщенія всего своего труда въ промыслахъ, и что часть ихъ, нуждаясь въ заработкахъ, естественно должна обратиться въ наемныхъ батраковъ при помѣщичьихъ усадьбахъ. Иначе быть не можетъ. Цѣна труда, какъ и всякаго предмета, зависитъ отъ отношенія, существующаго между предложеніемъ и требованіемъ. Въ случаѣ уничтоженія обязательнаго труда, предложеніе рабочихъ рукъ непременно усилится, тогда какъ нѣтъ никакой причины думать, чтобы запросъ на нихъ могъ увеличиться въ томъ же размѣрѣ. Напротивъ, зная разницу между обязательнымъ трудомъ и свободнымъ,

и имѣя въ виду, что въ близкомъ будущемъ по необходимости должно распространиться у насъ употребленіе земледѣльческихъ машинъ, можно съ достовѣрностію полагать, что помѣщичьи хозяйства потребуютъ меньшаго противъ прежняго числа рабочихъ, между тѣмъ какъ промышленныя предпріятія существуютъ у насъ еще въ такихъ малыхъ размѣрахъ, что и въ настоящее время не всѣ свободные рабочіе находятъ себѣ занятія. Поэтому мы имѣемъ полное право заключить, что съ уничтоженіемъ обязательнаго труда, плата за работу вообще должна необходимо понизиться, сравнительно съ цѣнами сельскихъ произведеній, и что несправедливое и общимъ государственнымъ интересамъ противное стѣсненіе свободы цѣлой трети народонаселенія въ его имущественныхъ правахъ, не можетъ быть представляемо, какъ необходимое условіе для поддержанія настоящаго хозяйственнаго быта помѣщичьихъ усадебъ.

Но спрашивается, какимъ образомъ должна быть уступлена крестьянамъ земля? въ полную собственность, или только въ видѣ постоянного пользованія за извѣстное вознагражденіе? По нашему мнѣнію, и этотъ вопросъ рѣшается самъ собою. Законъ долженъ быть воздержанъ потому предписано можетъ быть лишь необходимое, то есть предоставленіе надлежащаго количества земли въ пользованіи. Но сила обстоятельствъ, и собственныя выгоды не только крестьянъ, но и помѣщиковъ должны повести къ выкупу, и законъ конечно будетъ содѣйствовать такому ходу дѣлъ, потому что не найдется ни малѣйшей причины противодействовать ему. Мы видѣли, что личная свобода земледѣльца можетъ осуществиться только при независимости поземельнаго владѣнія. Если вся земля будетъ навсегда оставаться собственностію помѣщиковъ, а крестьяне получатъ только право пользованія частію ея, за извѣстное вознагражденіе, безъ всякой возможности пріобрѣсти ее когда-либо въ собственность, то свобода ихъ будетъ существовать только на однихъ словахъ. Отдавая собственность помѣщика въ вѣчное пользованіе крестьянъ для обезпеченія ихъ быта и обязанностей передъ правительствомъ, законъ непремѣнно будетъ вынужденъ обезпечить право собственника земли предоставленіемъ ему права вмѣшательства въ хозяйственный бытъ поселенныхъ на его землѣ крестьянъ. Это необходимо по слѣдующимъ причинамъ. Относительная цѣнность предметовъ не можетъ оставаться неизмѣняемою, а потому вознагражденіе за пользованіе землею не можетъ быть опредѣлено разъ навсегда. Измѣненіе же цѣнности земли зависитъ преимущественно отъ большаго или меньшаго приложенія къ ней капитала и труда. Мы знаемъ, какъ трудно и медленно возвышается качество почвы, и какъ легко и быстро оно понижается. Достаточно въ продолженіи извѣстнаго

періода времени не удобрять земли и лишить ее тщательной обработки, и она не будетъ стоить половины прежней своей цѣны. Поэтому землевладелецъ, для обезпеченія своего права собственности, необходимо долженъ будетъ имѣть право надзора за хозяйствомъ крестьянъ. Притомъ, крестьяне должны будутъ платить государственныя подати и исправлять разныя повинности; исполненіе этихъ обязанностей должно по необходимости быть обезпечено землею, находящеюся у нихъ въ пользованіи. Если же земля, принадлежащая помѣщику, будетъ постояннымъ обезпеченіемъ обязанностей, лежащихъ на крестьянахъ, и средствомъ для ихъ выполненія, то землевладелецъ, въ видахъ обезпеченія его права собственности и предупрежденія несостоятельности крестьянъ въ исполненіи ихъ обязанностей, долженъ сохранить за собою навсегда право личнаго вмѣшательства во всѣ крестьянскія дѣла безъ исключенія, а это право само по себѣ исключаетъ уже всякое понятіе о гражданской свободѣ крестьянъ, достиженіе которой составляетъ условіе будущаго благосостоянія Россіи или главную цѣль реформы.

Высказавъ причины, побуждающія дать крестьянамъ право и возможность выкупить часть земли въ свою собственность для обезпеченія ихъ свободы, мы считаемъ нужнымъ разсмотрѣть этотъ вопросъ и со стороны помѣщичьихъ интересовъ. Какая разница между выкупомъ предмета въ собственность, и правомъ вѣчнаго и неотъемлемаго пользованія этимъ же предметомъ за вознагражденіе, опредѣляемое не свободною волею лица, имѣющаго на него право собственности? Въ обоихъ случаяхъ собственникъ лишается навсегда права распоряженія своею собственностію, но только съ тѣмъ различіемъ, что въ первомъ случаѣ вознагражденіе за уступку своихъ правъ, получается имъ въ извѣстный періодъ времени въ видѣ капитала, равноцѣннаго его потерямъ, а во второмъ оно получается въ видѣ постоянныхъ процентовъ безъ возврата капитальной цѣнности. Естественно, что при выдачѣ собственнику капитала, равноцѣннаго уступаемому имъ предмету, имущество принимаетъ только другой видъ и возвращается его владельцу съ правомъ неограниченнаго распоряженія; тогда какъ при отдачѣ того же предмета въ вѣчное и потомственное пользованіе другому лицу безъ права выкупа, собственникъ земли предоставляетъ себѣ право получать только извѣстный опредѣленный процентъ съ цѣнности этого предмета, и лишаетъ себя навсегда права распоряженія капиталомъ, заключающимся въ его имуществѣ. Поэтому выкупъ части земли въ собственность крестьянъ полезенъ не только для самихъ крестьянъ, но и для сохраненія интересовъ помѣщиковъ.

Тѣмъ не менѣе однакожъ многіе помѣщики, какъ намъ извѣстно,

понимая превратно свои собственные интересы, стараются находить разные препятствия къ достиженію столь благотвѣтельной цѣли, и потому мы считаемъ нужнымъ рассмотреть всѣ возраженія, которыя намъ удавалось слышать противъ выкупа въ собственность крестьянъ ихъ угодій:

1) Многочисленные защитники освобожденія крестьянъ безъ выкупа ихъ осѣдлости говорятъ, что совершенное отчужденіе какой бы то ни было части земли изъ владѣнія помѣщиковъ нарушаетъ священное право собственности, признанное закономъ. Такъ какъ мы уже говорили объ этомъ прежде, излагая наше мнѣніе о необходимости обезпеченія крестьянъ пользованіемъ землею, то не считаемъ нужнымъ повторять нашихъ опроверженій, а замѣтимъ только, что отчужденіе навсегда части земли изъ распоряженія помѣщика совершенно одинаково какъ въ случаѣ отдачи ея въ вѣчное и потомственное пользованіе, такъ и въ случаѣ выкупа ея въ собственность поселенныхъ на ней крестьянъ. Въ обоихъ случаяхъ самый предметъ, то-есть земля, отнимается у помѣщика безвозвратно, и вся разница состоитъ только въ томъ, что при отдачѣ этой земли въ вѣчное и потомственное пользованіе крестьянъ, помѣщикъ лишается навсегда какъ предмета, такъ и свободнаго распоряженія своею собственностію, тогда какъ при выкупѣ земли, онъ лишается только самаго предмета, но получая въ замѣнъ его равноцѣнный капиталъ, не теряетъ права распоряженія своею собственностію въ другомъ видѣ. Поэтому если отчужденіе части земли въ вѣчное и потомственное пользованіе крестьянъ не нарушаетъ помѣщичьихъ правъ, то отчужденіе ея въ собственность крестьянъ съ капитальнымъ вознагражденіемъ помѣщика представляется только лучшимъ средствомъ обезпеченія его собственныхъ выгодъ.

2) Говорятъ, что крестьяне не уплатятъ слѣдующихъ суммъ за выкупъ. Мы не споримъ, что крестьяне не будутъ имѣть средствъ уплатить эти суммы иначе, какъ при разсрочкѣ платежей на многіе годы; но полагаемъ, что всякія мѣры для обезпеченія и облегченія платежей за землю возможнѣе при выкупѣ ея въ собственность крестьянъ, нежели при отдачѣ ея въ вѣчное пользованіе уже потому, что въ первомъ случаѣ сумма платежей при всей ея громадности можетъ быть опредѣлена, тогда какъ въ другомъ случаѣ платежъ оброка безконеченъ. При учрежденіи земскихъ банковъ и помощи кредита, ежегодные платежи для выкупа земли могутъ быть даже легче ежегоднаго оброка. Наконецъ можно съ достовѣрностію предположить, что крестьянинъ, предвидя окончательный выкупъ земли въ свою собственность, будетъ охотнѣе платить деньги за землю, нежели при

вѣчномъ оброчномъ пользованіи, когда онъ не будетъ видѣть конца своей безвыходной зависимости отъ землевладѣльца.

3) Говорятъ, что отдѣленіе крестьянской земли, подлежащей выкупу, отъ земли, остающейся въ неограниченномъ распоряженіи помѣщиковъ, весьма трудно, и прибавляютъ къ тому, что крестьянскія усадьбы во многихъ имѣніяхъ находятся въ однихъ деревняхъ съ помѣщичьими хозяйствами. Мы не станемъ говорить, чтобъ это дѣло было легкое, но считаемъ отдѣленіе господскихъ и крестьянскихъ земель къ однимъ мѣстамъ неизбѣжнымъ и въ томъ случаѣ, еслибы крестьяне надѣлялись известнымъ количествомъ земли въ вѣчное пользованіе безъ права выкупа; а потому не можемъ считать эту трудность совершеннымъ препятствіемъ къ выкупу осѣлости, то-есть усадебъ и угодій, въ собственность крестьянъ. Размежеваніе трудно, но вездѣ возможно. Что же касается до тѣхъ имѣній, въ которыхъ крестьянскія усадьбы находятся вмѣстѣ съ господскими, и гдѣ мѣстные обстоятельства не позволяютъ перенести ихъ на другое мѣсто, то мы не понимаемъ, почему крестьяне и помѣщики не могутъ размежевать свои земли, оставаясь на занимаемыхъ ими мѣстахъ? Развѣ свободные люди не могутъ жить въ близкомъ сосѣдствѣ? Мы видимъ, что въ городахъ живутъ рядомъ люди разныхъ сословій и нисколько не теряютъ, а напротивъ выигрываютъ отъ этого сосѣдства. Общественная безопасность не требуетъ непрѣмного разьединенія людей. При хорошемъ устройствѣ сельской полиціи спокойствіе никогда не будетъ нарушено (1).

4) Наконецъ говорятъ, что при совершенномъ отчужденіи нѣкоторой части земли изъ владѣнія помѣщиковъ необходимо должно уменьшиться территоріальное значеніе дворянскаго сословія. Мы и съ этимъ не можемъ согласиться. Территоріальное значеніе дворянства не можетъ зависѣть отъ одного количества земель, числящихся за помѣщиками. Это мертвая цифра, существующая въ одномъ только воображеніи. Дѣйствительное значеніе высшаго сословія въ государствѣ основывается не столько на матеріальномъ богатствѣ, сколько на живомъ сочувствіи къ нему прочаго народонаселенія. Уступивъ часть своей земли крестьянамъ и получивъ соответствующее вознагражденіе, дворянство не будетъ бѣднѣе и никогда не потеряетъ своего значенія, если строго сохранить справедливость въ отношеніи къ крестьянамъ и будетъ стоять впереди на пути прогресса. Освободивъ

(1) Мы полагаемъ, что желаніе помѣщиковъ переселять крестьянъ подальше отъ господской усадьбы не было бы такъ сильно, какъ оно сильно теперь, еслибы не неловѣріе къ будущему устройству сельскаго суда и сельской полиціи.

крестьянъ и сдѣлавъ ихъ независимыми на дѣлѣ, оно найдетъ сочувствіе во всѣхъ остальныхъ сословіяхъ. Напротивъ, упразднивъ крѣпостное право на словахъ и совершенно поработивъ крестьянъ въ имущественномъ отношеніи, оно поставитъ себя въ враждебныя отношенія ко всему народонаселенію и потеряетъ всякое нравственное значеніе. Весьма ошибаются тѣ, которые считаютъ интересы дворянства противоположными выгодамъ крестьянскаго сословія. Истинные наши интересы нисколько не противорѣчатъ выгодамъ остальнаго народонаселенія. Напротивъ, обезпеченіе крестьянъ землею и поддержаніе ихъ матеріальнаго благосостоянія необходимы не только въ видахъ сохраненія справедливости, но и въ интересахъ самого дворянства. Опытъ доказалъ это какъ нельзя лучше въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ. Освободивъ лично крестьянъ, остзейское дворянство сначала оставило за собою неограниченное право распоряженія землею, но въ настоящее время нашлось вынужденнымъ предоставить крестьянамъ извѣстную часть земли въ неотъемлемое пользованіе и принять мѣры для выкупа ея въ ихъ собственность. Вотъ что говоритъ объ этомъ неизвѣстный авторъ замѣчательной статьи о крестьянахъ Остзейскихъ губерній, помѣщенной въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* за 1857 годъ:

«Послѣ освобожденія, положеніе работниковъ должно было улучшиться тѣмъ, что они стали уже служить не по назначенію, а по добровольному найму, и что чрезъ это рабочая плата возвысилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ стала хозяевамъ обходиться дороже обработка ихъ участковъ. Съ другой стороны вагенбухи перестали, послѣ освобожденія, быть обязательными, а помѣщики получили право возвышать ренту и удалить по произволу хозяевъ изъ занимаемыхъ ими участковъ; при усовершенствованіи системы сельскаго хозяйства, помѣщикамъ стало выгодно обрабатывать поля свои наемными работниками. Хозяевамъ оставалось, или оставить участокъ и перейти въ разрядъ работниковъ, или заключить на землю контрактъ на весьма тяжелыхъ условіяхъ. Между тѣмъ, послѣ освобожденія крестьянъ, помѣщики естественно освобождены были отъ всякой обязанности помогать крестьянамъ въ случаѣ голода или другаго несчастнаго случая. Постепенно возрастающая между крестьянами бѣдность *возбудила въ нихъ неудовольствіе на помѣщиковъ и побудила послѣднихъ серьезно заняться разсмотрѣніемъ важнѣйшихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами.* Дворянство поняло необходимость обезпечить благосостояніе крестьянъ предоставленіемъ этому сословію, въ неотъемлемое пользованіе, извѣстной части земли и исполненіемъ постановленій, опредѣлявшихъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и общественное ихъ устройство. Сперва изданы были дополнительныя правила къ Положенію 1819 года, а въ 1849 году высочайше утверждено было новое полное уложеніе о люляндскихъ крестьянахъ.» *Журн. Мин. Вн. Дѣлъ* 1857 г. № 12 стр. 112 и 113.

Въ этомъ случаѣ, опытъ, сдѣланный въ Остзейскихъ губерніяхъ, можетъ служить для насъ примѣромъ даже болѣе, нежели

для края, въ которомъ онъ произведенъ, потому что всѣ наши крестьяне находятся въ положеніи хозяевъ, и бездомныхъ крестьянъ у насъ доселѣ не было вовсе.

Мы должны впрочемъ сказать, что весьма немногіе говорятъ противъ обезпеченія крестьянъ землею. Бóльшая часть помѣщиковъ сознаетъ невозможность оставленія всей земли въ неограниченномъ распоряженіи землевладѣльцевъ, но говорятъ только противъ выкупа ея въ полную собственность крестьянъ. Этого мы уже вовсе не понимаемъ. Собственные интересы помѣщиковъ требуютъ этого выкупа. Въ самомъ дѣлѣ, что оставляетъ за собою собственникъ земли, не имѣющій права распоряженія и пользованія ею и обязательный отдавать ее не кому другому, а только поселеннымъ на ней крестьянамъ и за такую цѣну, которая опредѣлена безъ участія его свободной воли? Его право собственности на предметъ существуетъ только на словахъ и состоитъ въ одномъ лишь правѣ полученія известной ренты, взысканіе которой предоставляется его же собственной заботѣ и ничѣмъ не можетъ быть обезпечено. Гдѣ же право собственности, и въ чемъ оно проявляется? Единственный случай для этого проявленія весьма невыгоденъ для собственника. Известно, что если по какому-либо случаю предметъ утрачивается или теритъ свою цѣнность, то всѣ происходящія отъ того убытки падаютъ непременно на собственника, а никакъ не на лицо, имѣющее только право пользованія. Если напримѣръ домъ, принадлежащій одному лицу и находящійся въ вѣчномъ пользованіи другаго, сгоритъ не по винѣ пользующагося имъ лица, а вслѣдствіе не зависящихъ отъ него обстоятельствъ (какъ напримѣръ отъ грозы), то весь происходящій отъ того убытокъ падаетъ на одного собственника, и съ тѣмъ вмѣстѣ прекращается и самое пользованіе. Конечно, мы не можемъ ожидать совершенной утраты земли вслѣдствіе проваловъ, землетрясеній и другихъ физическихъ причинъ, ибо такихъ случаевъ у насъ не бывало; но замѣтимъ, что земля очень легко можетъ потерять значительную часть своей цѣнности по причинамъ, вовсе не зависящимъ отъ лицъ, имѣющихъ на нее право пользованія. Такъ напримѣръ лѣса, отданные въ пользованіе, могутъ сгорѣть отъ грозы и другихъ причинъ; весь плодоносный слой земли можетъ быть снесенъ вслѣдствіе наводненій или проливныхъ дождей; при вскрытіи рѣкъ поемныя земли могутъ быть вовсе оторваны или занесены толстымъ слоемъ песку; наконецъ при падежѣ скота у крестьянъ земля можетъ оставаться нѣсколько лѣтъ безъ всякаго удобренія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ земля, если не теряетъ вовсе своей цѣнности, то уже не представляетъ прежнихъ выгодъ для пользованія, и убытки должны падать на одного собственника. Такимъ образомъ при отдачѣ земель въ вѣч-

ное пользованіе безъ выкупа, землевладѣлецъ, не имѣя возможности получать больше опредѣленной ренты, рискуетъ на убытки, какииъ подвергается человекъ, свободно распоряжающійся своею собственностію. Поэтому ясно, что продажа земли представляетъ для землевладѣльца ту выгоду, что онъ въ этомъ случаѣ превращаетъ свою землю въ капиталъ и, свободно распоряжаясь имъ, одинаково рискуетъ на выгоды и убытки.

Наконецъ ко всѣмъ вышеприведеннымъ невыгодамъ и неудобствамъ отдачи земель въ вѣчное пользованіе крестьянъ безъ выкупа, мы считаемъ нужнымъ прибавить еще слѣдующее. Мы видѣли, что при отдахѣ земель въ вѣчное пользованіе выполненіе крестьянами возложенныхъ на нихъ обязанностей въ пользу землевладѣльца ничѣмъ обезпечено быть не можетъ, и надзоръ за правильнымъ отбываніемъ повинностей или взысканіе оброковъ должны быть предоставлены собственной заботѣ помѣщика. Мы знаемъ, что не всѣ наши крестьяне находятся на одной степени матеріальнаго благосостоянія. Есть семейства крестьянъ зажиточныя, владѣющія достаточнымъ количествомъ рабочихъ силъ, и рядомъ съ ними весьма бѣдныя, которыя не могутъ быть состоятельны въ отпращиваніи барщины или въ платежѣ слѣдующихъ съ нихъ оброковъ. Ясно, что при отсутствіи всякаго обезпеченія, владѣлецъ, имѣющій дѣло съ богатыми семьями крестьянъ, будетъ имѣть средства получать съ нихъ слѣдующія ему работы или деньги, тогда какъ помѣщикъ, котораго земля отдана въ пользованіе несостоятельныхъ крестьянъ, будетъ терпѣть постоянные убытки. Положимъ, что земля отдана въ вѣчное пользованіе крестьянъ безъ права выкупа, и что сельская община приняла на себя исполненіе повинностей или платежъ оброковъ помѣщику съ круговою порукой; при чемъ усадебная земля по необходимости раздѣлена одинъ разъ навсегда по домамъ, а вся прочая состоитъ въ общемъ мирскомъ владѣніи, и подвергается передѣламъ вслѣдствіе измѣненія количества рабочихъ силъ. Помѣщикъ, имѣющій право собственности на всю эту землю, умираетъ. Все его имѣніе должно быть раздѣлено между его наслѣдниками, и земля, отданная въ вѣчное пользованіе одной общинѣ, неминуемо должна также раздѣлиться (кажется, это фактъ всеобщій и ежедневный). Каждый изъ наслѣдниковъ имѣетъ по закону неотъемлемое право получить такую часть имѣнія, которая давала бы доходъ соразмѣрный съ его наслѣдственною долею, и въ отношеніи къ этой части принять на себя всѣ права и обязанности бывшаго владѣльца имѣнія, подлежащаго раздѣлу. Имущество въ этомъ случаѣ состоитъ въ землѣ, отданной разъ навсегда въ вѣчное и потомственное владѣніе общинѣ крестьянъ съ условіемъ отбыванія повинностей или платежа извѣстнаго оброка въ пользу владѣльца,

который имѣеть право непосредственнаго взыскапія оброка и надзора за отбываніемъ этихъ повинностей. Такъ какъ всѣ эти обязанности крестьянъ обезпечены круговою общинною порукою, то помѣщикъ имѣеть дѣло не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлымъ обществомъ. Получая часть такого имѣнія, каждый наслѣдникъ имѣеть полное право не довѣрять никому собственныхъ своихъ дѣлъ и, отдѣливъ свою часть отъ другихъ, войти въ тѣже непосредственныя отношенія къ поселеннымъ на его землѣ крестьянамъ, какія имѣлъ бывший владѣлецъ. Естественно, что при раздѣлѣ такого наслѣдства должна быть раздѣлена не одна земля, но и самая крестьянская община неминуемо должна разрушиться и раздѣлиться между наслѣдниками по степени зажиточности состоящихъ въ ней крестьянъ. Но этого еще мало. Въ имѣніяхъ, состоящихъ изъ одного или нѣсколькихъ крестьянскихъ дворовъ, необходимо должны раздѣлиться и самыя семейства крестьянъ, смотря по ихъ зажиточности, на тотъ конецъ, чтобы вновь образующіяся изъ этого имѣнія мелкія общины крестьянъ могли быть равно самостоятельными въ исполненіи своихъ обязанностей передъ новыми владѣльцами. Наконецъ, самая земля, какъ усадебная, такъ и полевая, должна быть по необходимости размежевана къ однимъ мѣстамъ, потому что неопредѣленность поземельнаго владѣнія не можетъ быть терпима въ благоустроенномъ государствѣ, а это повлечетъ за собою перемѣщеніе крестьянскихъ дворовъ и усадебъ. Не говоря уже о неудобствахъ этого порядка вещей, мы спросимъ, въ чемъ же будетъ состоять свобода крестьянъ и улучшеніе ихъ быта, если все ихъ благосостояніе будетъ зависетьъ отъ подобныхъ простыхъ и всеобщихъ случаевъ, какъ смерть помѣщика?

Если кто скажетъ, что учрежденіе майората можетъ совершенно устранить изложенныя нами неудобства: то мы спросимъ въ свою очередь, есть ли въ нашемъ образѣ жизни, въ нашихъ нравахъ, понятіяхъ, какіе-либо зачатки подобнаго учрежденія? Если же ихъ нѣтъ, то къ чему можетъ привести насильственное введеніе такого чуждаго для насъ учрежденія, которое способно разрушить весь существующій семейный бытъ, служащій основою государственной нашей жизни? Мы не рѣшаемся описывать въ подробности всѣ слѣдствія такого насилія и даже не находимъ этого нужнымъ, потому что считаемъ мысль объ узаконеніи майоратовъ въ Россіи совершенно не исполнимою. Что же мы будемъ дѣлать въ случаѣ раздѣловъ имѣній? Мы необходимо должны разрушать сельскія общины и слагать изъ крестьянъ, какъ изъ вещественнаго матеріала, совершенно новыя общества; дозволить вслѣдствіе расчетовъ наслѣдниковъ раздѣлять крестьянскія семейства, жившія, можетъ-быть, счастливо и богато подъ одною кровлею, и сроднившіяся между собою, и обрекать ихъ на нищету.

О чемъ же думаютъ защитники освобожденія крестьянъ безъ предоставленія имъ возможности выкупа земли? Какая сокровенная цѣль ихъ? Кажется, должно быть очевидно, что они не желаютъ вовсе освобожденія крестьянъ и стараются найти способъ освободить ихъ на однихъ только словахъ, оставивъ на дѣлѣ ту же крѣпостную зависимость съ предоставленіемъ еще ббльшихъ выгодъ помѣщикамъ.

Изъ всего сказаннаго нами видно, что при упраздненіи крѣпостнаго права, крестьяне необходимо должны быть обезпечены въ выгодномъ пользованіи землею независимо отъ произвола помѣщиковъ и получить возможность сдѣлаться собственниками свсей осѣлости, то есть своихъ усадьбъ и угодій.

А. УНКОВСКІЙ.

КРЕДИТЪ И КРѢПОСТНОЕ ПРАВО.

I.

Очень часто изслѣдователи крестьянскаго вопроса, разсуждая о вознагражденіи владѣльцевъ за крѣпостной трудъ, за усадьбу и за мірскую землю, остаются въ какомъ-то заколдованномъ кругу. Вознагражденіе со стороны крестьянъ законно и необходимо: кто станетъ спорить противъ этого? Но если у обязанныхъ дать его нѣтъ излишка, то слѣдовательно нѣтъ и средствъ, для того чтобы сверхъ податей и повинностей платить еще за пріобрѣтеніе имущества. Конечно въ приволжскомъ краѣ и въ фабричныхъ мѣстностяхъ найдутся крестьяне — капиталисты, но не тамъ, гдѣ преобладаетъ хлѣбопашество; потому что люди достаточные находятя главнымъ образомъ внѣ земледѣльческаго сословія, — пахари же наши не богаты.

Оставьте доходы землевладѣльца безъ измѣненія, предположите, что за мірскую землю крестьяне будутъ или ограбатывать то же число дней, какъ и прежде, или же уплачивать стоимость этихъ рабочихъ дней оброкомъ, и вы увидите тотчасъ, что для пріобрѣтенія усадьбы имъ придется ограничить и безъ того уже скудное потребленіе, отдѣливъ для покупки часть своихъ заработковъ. Допустите даже, что освобожденіе владѣльца отъ обязанностей административныхъ и отъ оказанія разныхъ пособій крестьянамъ сократитъ пропорціонально и самое вознагражденіе; но расходы *земледѣльцевъ* останутся тѣ же; потому что измѣнятся не потребности, а способы ихъ удовлетворенія. При такомъ порядкѣ вещей плата за усадьбы и за землю можетъ быть дѣломъ нелегкимъ.

Мы не имѣемъ еще оцѣночныхъ цифръ; но если предположить, что усадьбы стоютъ среднимъ числомъ около 100 руб. (мы ставимъ цифру, принятую въ одной изъ югозападныхъ губерній), и что усадебъ въ Россіи 2 милліона (считая по 5 ревизскихъ душъ на каждую, что очень немного); то мы получимъ въ итогѣ капиталъ въ 200 милл. рублей, на ежегодную уплату котораго потребуется при 4% ренты и 5% погашенія въ 14 лѣтній періодъ, по 9 рублей отъ домохозяина въ годъ или по 1 руб. 80 копѣекъ на душу муж. пола, что составитъ итогъ подушной подати, со включеніемъ всѣхъ денежныхъ повинностей и добавочныхъ копѣекъ (1).

Конечно по 9 рублей расхода на семью изъ 5 душъ въ мѣстахъ промышленныхъ или фабричныхъ не много; но это цифра очень почтенная, тамъ, гдѣ у крестьянина едва сходятся концы съ концами, гдѣ поденная плата не превышаетъ 20 коп., и изъ 280 рабочихъ дней придется отдѣлить 90 для покупки усадьбы. Прибавьте выкупъ земли пахатной, и вы получите сумму ежегодныхъ платежей, превышающую средства большинства.

Мы говоримъ это не для того, чтобы показать невозможность выкупа: мы считаемъ его необходимымъ и неизбѣжнымъ; но по нашему мнѣнію большая часть сдѣланныхъ расчетовъ основана или на высокой оцѣнкѣ крестьянскихъ доходовъ, или на уменьшеніи цифры будущихъ повинностей крестьянина. Первое мы считаемъ ошибочнымъ, потому что, какъ мы сказали выше, земледѣльцы наши небогаты; второе дѣлаетъ большую честь тѣмъ, которые слѣдовали скорѣе влеченію сердца, чѣмъ разчета, но вопросъ о вознагражденіи остается не разрѣшеннымъ (2).

И однакоже другаго выхода не можетъ быть, какъ дать крестьянину средства капитализировать, на счетъ уменьшенія повинностей въ пользу владѣльца, и вознаградить послѣдняго инымъ образомъ. Только уменьшеніе количества обязанной работы, только умѣренный оброкъ, могутъ позволить земледѣльцу откладывать

(1) Общій итогъ крестьянскихъ усадебъ конечно менѣе 2-хъ милліоновъ, но тогда число душъ м. п. въ нихъ болѣе пяти, и по всей вѣроятности, оцѣнка будетъ выше. Разчетъ нашъ мало пострадаетъ отъ возможныхъ различій, если мы удержимъ душевую норму для опредѣленія стоимости усадебъ, полагаая по 100 руб. на каждыя пять душъ мужскаго пола. Но безъ сомнѣній намъ пришлось бы отказаться отъ всякихъ вычисленій, если бы намъ могли увѣрить въ неслѣпомъ слухѣ, будто бы нѣкоторые уѣзды, и даже губерніи цѣлѣ усадебъ по 500 и 600 рублей. Такіе слухи оскорбительны для дворянства (кому неизвѣстно, что стоить крестьянская лачуга и состоящій при ней огорожд?). Желательно бы прочесть опроверженіе подобной небывлицы.

(2) Сравните между прочимъ проектъ г. Шатилова и разборъ его въ *Журналъ Землеуладѣльцевъ*.

изъ своего скуднаго дохода на плату за усадьбу и за мірскую землю (если помѣщики предпочтутъ продать ее); потому что, какъ бы хорошо крестьянинъ ни воспользовался своимъ будущимъ положеніемъ, нельзя ожидать, чтобы перемена къ лучшему могла произойти внезапно. Журавскій полагалъ, что уровень производительности нашего труда стоитъ очень низко, и не только труда крѣпостнаго, но и свободнаго, вслѣдствіе вліянія барщины на нравы всего народа; можно ли допустить, что выходъ изъ этого печальнаго положенія совершится вдругъ?

Поэтому, если трудно предположить, что одни крестьяне могутъ вознаградить помѣщиковъ вполне, то кто же приметъ на себя эту обязанность? Возложить ли ее на всѣ сословія, потому что всѣ выигрываютъ отъ уничтоженія крѣпостной зависимости? Но не значитъ ли это навалить тяжкое бремя на финансы, увеличить подати и заставить другимъ путемъ платить помѣщиковъ и крестьянъ со включеніемъ крестьянъ государственныхъ, которые и такъ платятъ налоговъ болѣе, чѣмъ крестьяне другихъ странъ? Среднее сословіе наше далеко не такъ многочисленно, чтобы налогъ на ремесла и на торговлю доставилъ значительныя цифры. Да при томъ кто поручится намъ, что подати съ ремесла и торговли не будутъ переложены на потребителей въ возвышенныхъ цѣнахъ на товары?

Итакъ едва ли не остается одно: вознаградить поземельныхъ владельцевъ путемъ государственно-экономическихъ реформъ, которыя, во 1-хъ, возвысили бы цѣнность имѣній, 2-хъ, открыли бы помѣщикамъ болѣе обширный кредитъ.

Первое, т. е. способы возвышенія цѣнности имѣній, не входятъ въ планъ нашихъ изслѣдованій. Замѣтимъ однакоже, что многое уже сдѣлано въ этомъ отношеніи. Пониженіе процентовъ по вкладамъ въ кредитныхъ установленіяхъ подняло стоимость недвижимой собственности вообще, а содѣйствіе, оказываемое правительствомъ обществамъ желѣзныхъ дорогъ, несомнѣнно возвыситъ цѣны на землю по главнымъ направленіямъ будущихъ нашихъ сообщеній. Еще болѣе можно бы ожидать отъ предоставленія всѣмъ сословіямъ права пріобрѣтать населенную собственность, потому что усиленіе запроса на имѣнія не только возвыситъ цѣны, но и остановитъ необходимость будущихъ продажъ, поднимъ кредитъ землевладельцевъ. Независимо отъ этого намъ предстоитъ еще другія реформы, болѣе или менѣе общія, отъ которыхъ зависитъ будущее потребленіе рабочихъ классовъ, а слѣдовательно и доходность земель. Съ паденіемъ внутреннихъ ограниченій, опутывающихъ нашу промышленность, съ возрастаніемъ экономической самостоятельности городскихъ общинъ, будутъ расти наши капиталы и наше богатство.

Исслѣдованія объ этихъ предметахъ завлекли бы насъ слишкомъ далеко, а потому мы ограничимся однимъ кредитомъ.

Въ реформѣ крестьянскаго права кредиту принадлежитъ перво-степенная роль:

Кредитъ можетъ доставить землевладѣльцамъ капиталъ, въ которомъ они будутъ нуждаться, примѣняя свое хозяйство къ новымъ условіямъ сельскаго быта.

Кредитъ можетъ облегчать выкупъ усадебъ и мірской земли тамъ, гдѣ послѣднее признано будетъ выгоднымъ самими помещиками.

Но возможно ли широкое и плодотворное пользованіе кредитомъ, при существующей банковской системѣ? Не нужно отличать ни большою проникательностію, ни глубокими свѣдѣніями, для признанія простаго факта, что наши кредитныя установленія не были организованы съ цѣлію даже отдаленной отмены крѣпостнаго права; напротивъ, оно положено въ основаніе принимаемыхъ залоговъ. Мы говорили уже въ статьѣ: *Объ измѣненіи юридическихъ отлеченій, вслѣдствіе преобразованія крѣпостнаго права*, о неизбежной реформѣ нашей ипотекарной системы; представимъ теперь положительныя доказательства. По отчетамъ кредитныхъ установленій за 1856 годъ, помещеннымъ въ № 12 1857 года *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, оказывается, что средняя цѣна ссудъ на душу составляла въ 1856 году 60 рублей, а на десятину земли 6 руб. 20 копѣекъ. Очевидно, что размѣры ссудъ подъ залогъ земель должны измѣниться. Но какими основаніями руководствоваться при будущей оцѣнкѣ? Кадастра у насъ нѣтъ, полагаться на свидѣтельства, выданныя администраціею, не возможно; за тѣмъ, для избѣжанія потерь, пришлось бы принимать залогъ вообще въ $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ долю ихъ дѣйствительной стоимости...

Одно круговое ручательство должниковъ за стоимость залоговъ можетъ устранить невыгоды, проистекающія отъ неопредѣленности вещественныхъ обезпеченій; но для того чтобы оно не превратилось въ тягостную формальность, владѣльцамъ слѣдовало бы образовать добровольныя товарищества, тѣсно связанныя взаимными интересами, и обладающія достаточными средствами для оцѣнки имуществъ, закладываемыхъ въ данной мѣстности.

Эти простыя соображенія показываютъ, что развитіе нашего ипотекарнаго кредита зависитъ отъ того, успѣемъ ли мы образовать у себя мѣстные банки по губерніямъ, и удастся ли намъ связать съ ними товарищества землевладѣльцевъ.

Мы думаемъ, и кажется не безъ основанія, что нашъ будущій ипотекарный кредитъ не можетъ ни сосредоточиться въ одномъ банкѣ, ни удержать формъ исключительно государственныхъ, ни получить акціонерныхъ основъ.

Устройство одного общаго банка для цѣлой Россіи, усложняя дѣло, затруднило бы только пользованіе кредитомъ. Къ такому учрежденію нельзя примѣнить взаимнаго ручательства владѣльцевъ относительно достаточности представляемыхъ ими вещественныхъ обезпеченій; московскіе или нижегородскіе помѣщики не согласятся ручаться за стоимость земель въ губерніи Кіевской, и на оборотъ, а тѣмъ болѣе принять на себя отвѣтственность, въ случаѣ еслибы залогъ оказался недостаточнымъ.

Исключительно государственное устройство банковъ, потребовавъ кадастра, отдалило бы свободное пользованіе кредитомъ на неопредѣленные времена.

Равнымъ образомъ едва ли акціонерная форма товарищества можетъ получить примѣненіе къ предпріятіямъ, которыя разчитаны не на прибыль, а на правильную организацію займовъ. Если мы стоимъ за губернскіе банки съ частно-экономическою основой, то мы не отрицаемъ пользы, обѣщаемой главнымъ учрежденіемъ въ столицѣ, и не считаемъ излишними существующихъ губернскихъ кредитныхъ установленій, приказовъ общественнаго призрѣнія. Главный банкъ необходимъ для того, чтобы свести однообразныя облигаціи или закладные листы, облегчить и контролировать ихъ выпускъ, наконецъ чтобы извлекать ихъ изъ оборота, словомъ чтобы объединять дѣятельность отдѣльныхъ установленій.

Приказы общественнаго призрѣнія, упростивъ нѣкоторыя формы и расширивъ свои кредитныя операціи, могутъ въ связи съ товариществами для взаимнаго поручительства оказать большія услуги.

Принимая эти общія положенія за основаніе нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, рассмотримъ, что можно сдѣлать у насъ, не предпринимая *даже* (1) никакихъ коренныхъ преобразованій, а пользуясь данными средствами и учрежденіями, но развивая ихъ, и примѣняя къ потребностямъ новаго времени, а именно:

1. Въ какое отношеніе можно поставить товарищества земледѣльческаго кредита къ приказамъ?

2. Какъ опредѣлить составъ товариществъ?

3. Чѣмъ руководствоваться, при оцѣнкѣ закладываемыхъ имуществъ?

4. Какой порядокъ принять при заключеніи займовъ, при выпускѣ облигацій, ихъ обращеніи, погашеніи и проч.?

(1) Читатель замѣтитъ разницу между статьею, которую я помѣстилъ въ *Журналъ для Акціонеровъ*, и настоящимъ изслѣдованіемъ. Тамъ я имѣлъ въ виду общій составъ кредитныхъ установленій, здѣсь я говорю о переменахъ, обусловливаемыхъ только отмѣною крѣпостнаго права, и стараюсь оп возможности ограничить реформу крайне необходимымъ. Различія впрочемъ имѣютъ болѣе формальный характеръ.

Опредѣлимъ сначала роль кредитныхъ товариществъ:

Предположимъ, что одинъ изъ банковъ въ столицѣ приметъ на себя обязанности главнаго кредитнаго учрежденія, и что приказы сохранять за собою всё дѣла исполнительныя, банковыя и кассирскія, и относящіяся къ взысканіямъ по ипотечарнымъ долгамъ. Въ такомъ случаѣ товарищества будутъ заниматься слѣдующимъ:

1. Приемомъ новыхъ лицъ въ число товарищей;
2. Оцѣнкою имѣній, поступающихъ въ залогъ;
3. Выдачею разрѣшеній на полученіе облигацій по новымъ займамъ, или по обновленію старыхъ;
4. Ревизією отчетовъ о состояніи долговъ, недоимокъ и мѣръ, принятыхъ для взысканія;
5. Назначеніемъ суммъ въ запасный капиталъ, раскладкою недоимокъ на поручителей, еслибы запаснаго капитала не оказалось и т. п.

Очевидно, что текущія дѣла товариществъ слѣдуетъ возложить на уполномоченныхъ или на выборный комитетъ (засѣдающій въ приказѣ), который будетъ представлять важнѣйшія дѣла на обсужденіе общаго годичнаго собранія.

Изъ какихъ лицъ составитъ товарищество?

Большая часть земскихъ банковъ имѣетъ сословный оттънокъ; нѣкоторые изъ нихъ устроены для дворянства, другіе для крестьянъ. Подобное дѣленіе въ нашъ вѣкъ едва ли имѣетъ достаточное основаніе. Для ипотечарнаго кредита важно не общественное положеніе лица, а вещественное обезпеченіе, способы дознанія послѣдняго и возможность взысканія долга. Поэтому нѣтъ повода исключать изъ товарищества другія лица, какого бы то ни было званія, владѣющія недвижимыми поземельными имуществами на правѣ полной собственности. Если же и допустить какое-либо ограниченіе, то скорѣе всего слѣдуетъ ограничить круговое ручательство только лицами, имѣющими болѣе значительное имущество. Такъ поступили общества земледѣльческаго кредита въ Пруссіи и Познани; они принимаютъ въ свою среду только того изъ помѣщиковъ, который можетъ занять не мене 5,000 тал.; такъ въ Царствѣ Польскомъ крайній предѣлъ займа 375 рублей (1).

Принятіе въ составъ товарищества лицъ, не имѣющихъ значительнаго имущества, неудобно, потому что ручальство мелкопо-

(1) Первоначально положено было принимать въ товарищи платящихъ давей не мене 100 злотыхъ. Чистый доходъ опредѣлялся произведеніемъ отъ помноженія подати на цифру 5, цѣна имущества умноженіемъ этого произведенія на 20; слѣдовательно, при платежѣ ста злотыхъ давей, цѣна имущества—10,000 злот., или 1½ тысячи рублей. Половина этой суммы выдавалась въ ссуду. По послѣднимъ займамъ minimum пониженъ на половину, т.-е. на 375 рублей.

мѣстныхъ не представляетъ удовлетворительнаго обезпеченія. Но исключеніе ихъ равносильно лишенію выгодъ, доставляемыхъ гипотечарнымъ кредитомъ. Поэтому мы избрали бы средній путь, принявъ за правило, что товарищество составляется изъ большихъ землевладѣльцевъ, которые открываютъ кредитъ мелкопомѣстнымъ за своимъ ручательствомъ, со взиманіемъ небольшого страховаго процента. Суммы, образовавшіяся изъ преміи, получаютъ у насъ двойное назначеніе: или для образованія запаснаго капитала, или для выдачи товарищамъ прибылей, пропорціональныхъ стоимости представленныхъ залоговъ. Последнее тѣмъ болѣе справедливо, что, неся рискъ, необходимо имѣть въ виду также и выгоды, доставляемая поручительствомъ.

Перейдемъ къ способамъ опредѣленія стоимости закладываемыхъ имуществъ.

Еслибъ у насъ былъ кадастръ, то устройство банка могло бы состояться въ столь же простыхъ формахъ, какъ и въ Австріи, гдѣ гипотечарное отдѣленіе національнаго банка дѣйствуетъ довольно успѣшно. Товарищества для взаимнаго ручательства должны у насъ восполнить въ нѣкоторой мѣрѣ недостатокъ кадастра.

Всѣ лица, желающія вступить въ товарищество, объявляютъ объ этомъ заранѣе, и выбираютъ изъ своей среды какъ губернской комитетъ, такъ и комитеты уѣздные, которые занимаются таксаціею имѣній. Конечно, нѣтъ надобности, чтобы таксація производилась въ каждомъ уѣздѣ. Достаточно, чтобы въ губерніи было столько комитетовъ, сколько необходимо для точной оцѣнки главныхъ существенныхъ особенностей, представляемыхъ каждою мѣстностію.

При опредѣленіи стоимости имѣній принимаются во вниманіе:

- a. собственныя показанія владѣльцевъ;
- b. данныя, собранныя въ настоящее время комитетами, образованными для улучшенія быта крестьянъ;
- c. планы имѣній и ихъ описанія;
- d. купчія крѣпости и цѣны на различные виды земледѣльческой собственности;
- e. договоры относительно найма земель и арендной платы;
- f. наконецъ, всѣ тѣ доказательства, которыми желающій вступить въ товарищество подкрѣпить показанную имъ цѣну.

По окончательномъ обрѣзиваніи оцѣнки въ губернскомъ комитетѣ, она печатается во всеобщее свѣдѣніе въ губернскихъ вѣдомостяхъ, и если по истеченіи 2-хъ мѣсяцевъ отъ напечатанія не будетъ представлено никакихъ заслуживающихъ уваженія замѣчаній, то имѣнія вписываются въ гипотечарную книгу съ точнымъ обозначеніемъ составныхъ частей, стоимости каждой и съ показаніемъ общей цѣны имущества въ совокупности.

Затѣмъ желающіе вступить въ товарищество передаютъ въ губернской комитетъ всѣ свои документы на право владѣнія и получаютъ въ этомъ расписку. Каждое имѣніе получаетъ въ гипотекарной книгѣ свой листъ, куда вписываются займы по первымъ двумъ гипотекамъ, а также и прочіе, превышающіе гипотечную сумму по соглашенію между владѣльцемъ и вѣрителемъ. Записка эта влечетъ за собою строгія мѣры взысканія и удовлетвореніе *всѣхъ должниковъ*, хотя бы заемное письмо, представленное къ уплатѣ и помѣченное въ гипотекарной книгѣ, опиралось не на вещественное обезпеченіе, а на личный кредитъ вѣрителя. Какъ документъ, записанный въ гипотекарную книгу, такое долговое требованіе должно имѣть преимущество въ удовлетвореніи предъ другими заемными письмами, не заявленными указаннымъ порядкомъ, и притомъ въ самомъ удовлетвореніи вѣрителей должна быть соблюдена очередь, опредѣляемая временемъ записки долговъ. Такимъ образомъ, мы предполагаемъ, что гипотекарная книга, по желанію владѣльца ипотеки, открывается его кредиторамъ, которые могутъ узнать о положеніи дѣлъ своего должника и судить о томъ, на сколько прочно его экономическое положеніе.

Перейдемъ къ открытію кредита по гипотекарной запискѣ. Оцѣночная сумма имѣнія можетъ быть раздѣлена на двѣ доли. Одна, равная $\frac{2}{3}$, относится къ ипотекамъ 1-го разряда, имѣющей преимущество по уплатѣ долговъ предъ ипотекою 2-го разряда, равную $\frac{1}{3}$ оцѣнки. По этой послѣдней товарищи не принимаютъ ручательства, но кредиторы по такой ипотекамъ имѣютъ преимущество передъ прочими вѣрителями, и взысканіе производится на основаніи общихъ правилъ о банковыхъ долгахъ.

Товарищъ, желающій занять по ипотекамъ 1-го разряда, заявляетъ свое требованіе въ комитетъ, и затѣмъ по распоряженію послѣдняго, получаетъ изъ приказа облигаціи на сумму равную $\frac{2}{3}$ цѣны имѣнія, если только оно не было заложено въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ. Если же оно состояло въ залогъ, то приказъ удерживаетъ соотвѣтствующую сумму. Равнымъ образомъ вѣрителямъ предоставляется право, на основаніи публикаціи, сдѣланной въ губернскихъ вѣдомостяхъ, требовать выдачи имъ облигацій 1-го разряда, если имѣніе не заложено въ банкъ, или же 2-го разряда, вмѣсто находящихся въ ихъ рукахъ заемныхъ писемъ, закладныхъ и проч. Облигаціи 1-го разряда выдаются на имя предъявителя и приносятъ нѣсколько меньшій процентъ, чѣмъ облигаціи 2-го разряда, выпускаемыя на имя землевладѣльца, и переходящія изъ рукъ въ руки по передаточнымъ надписямъ, заявленнымъ въ комитетъ.

Относительно выпуска облигацій было бы кажется всего ра-

ціональнѣе принять свободную систему ипотечнаго отдѣленія австрійскаго національнаго банка, который выпускаетъ, смотря по желанію просителя, шестипроцентныя облигаціи съ постепеннымъ погашеніемъ отъ 1 до 4%, на сроки отъ 15 до 32 лѣтъ и облигаціи на 6 и 10 лѣтъ безъ погашенія, съ обязанностію полной немедленной уплаты. Этотъ порядокъ доставляетъ большія выгоды въ сравненіи съ однообразными нормами займовъ.

Начертанному нами плану читатель не долженъ придавать значеніе окончательнаго практическаго рѣшенія вопроса; многое остается еще неразъясненнымъ: мы пишемъ не проектъ устава, а журнальную статью. Коснемся однакоже существенныхъ вопросовъ, которые могутъ быть намъ предложены.

Во 1-хъ, составлять ли уѣздные комитеты, занимающіеся таксаціею, установленіе временное или постоянное? Изъ хода нашего изложенія слѣдуетъ, что они должны собираться отъ времени до времени для рѣшенія представляющихся имъ дѣлъ; но мы не отрицаемъ, что можетъ быть выгоднѣе учредить эти комитеты при уѣздныхъ судахъ и предоставить имъ нѣкоторые изъ обязанностей губернскаго учрежденія, напримѣръ веденіе ипотечнарыхъ книгъ, выдачу разрѣшеній на полученіе облигацій и проч. Въ такомъ случаѣ губернскому комитету придется охранять интересы товарищества и вести общую губернскую ипотечную книгу, главнымъ образомъ для ревизіи операцій по уѣздамъ, а не для записки сдѣлокъ. Комитеты же уѣздные получатъ характеръ постоянныхъ учреждений.

Во 2-хъ, на какомъ основаніи будутъ пользоваться кредитомъ владельцы незначительныхъ имѣній, не вошедшіе въ составъ товариществъ? Для нихъ нѣтъ надобности въ особыхъ правилахъ; они могутъ просить о внесеніи ихъ обезпеченій въ ипотечную книгу; цѣна ихъ имѣнія опредѣлится установленнымъ порядкомъ и раздѣлится на двѣ части. Одна будетъ обезпечена ипотекою перваго разряда подъ круговую порукою земскаго губернскаго товарищества, вторая останется на личной ответственности должниковъ. Выпускъ облигацій произойдетъ на общихъ основаніяхъ. Все различіе будетъ заключаться, въ страховой преміи отъ $\frac{1}{2}$ до 1% въ годъ съ общей суммы займовъ. Это бремя не будетъ тяжело для лицъ, которыя всегда платятъ большой ростъ.

Въ 3-хъ, насъ могутъ спросить: какую систему заключенія и обновленія займовъ мы считаемъ болѣе рациональною? Въ Познани, въ царствѣ Польскомъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, при учрежденіи товариществъ земскаго кредита, господствовала мысль объ освобожденіи помѣщичьихъ имѣній отъ лежавшихъ на нихъ долговъ. Поэтому товарищества были составлены на из-

вѣстный срокъ, по окончаніи котораго должна была наступить счастливая пора освобожденія. На практикѣ однако же эта метода оказалась неудобною: приходилось отъ времени до времени принимать новыхъ товарищей и выпускать новыя серіи облигацій. Не лучше ли открыть постоянный доступъ въ товарищество, постоянный кредитъ землевладѣльцамъ, пропорціональный стоимости заложенныхъ имѣній? Отмѣнить погашеніе не практично; но открывать отъ времени до времени, пропорціо-нально сдѣланному погашенію, новый кредитъ по востребованію, кажется намъ совершенно справедливымъ и безопаснымъ. Можно допустить развѣ одно исключеніе для имѣній, заложенныхъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, еслибы правительство имѣло въ виду ликвидацію по билетамъ на вклады; но и тогда не трудно замѣнить послѣдніе облигаціями.

Въ 4-хъ, выгодно ли будетъ владѣльцамъ получать вмѣсто денегъ облигаціи? Мы думаемъ, конечно что не всегда, или по крайней мѣрѣ не вездѣ, но во многихъ случаяхъ приказы, а еще скорѣе главный банкъ могутъ принять на себя размѣнъ облигацій на деньги. Получивъ свѣдѣнія о числѣ требованій по займамъ банкъ можетъ объявить о продажѣ облигацій на извѣстную сумму съ гарантированными процентами. При $4\frac{1}{2}\%$ или 5% со ста, облигаціи будутъ охотно разобраны по нарицательной цѣнѣ, быть-можетъ, даже удастся распродать ихъ съ преміею.

Наконецъ въ 5-хъ, чтó будутъ дѣлать заемный банкъ, сохран-ныя казны и приказы съ облигаціями, поступившими къ нимъ на тѣ суммы, въ которыя заложены помѣщичьи имѣнія въ этихъ установленіяхъ? Облигаціи составятъ выгодное помѣщеніе. Раз-ность между процентами, получаемыми банками по облигаціямъ и платимыми ими по билетамъ на вклады, разность, простираю-щаяся отъ $\frac{1}{2}\%$ до 2% , вознаградитъ ихъ за обязательство возвра-щать вкладъ по предъявленію; а еслибъ обязательство сдѣлалось тягостнымъ, то кредитныя установленія получатъ въ самыхъ обли-гаціяхъ товариществъ очень удобное средство для выручки капи-тала, необходимаго для удовлетворенія вкладчиковъ.

Такова въ общихъ чертахъ система кредита, которая по на-шему мнѣнію можетъ доставить поземельнымъ владѣльцамъ нѣ-которое вознагражденіе за уступки, сдѣланныя крестьянамъ.

Если теперь, по прежнему душевому разчету, нельзя купить землю дешевле, какъ плата по 200 руб. сер. за душу; то 60 руб. сер. долга на душу, числившагося въ 1856 г. по заложеннымъ имѣніямъ въ нашихъ банкахъ, составляютъ не болѣе какъ 30% дѣйствительной стоимости этихъ имѣній. Въ нашихъ предполо-женіяхъ обезпеченный кредитъ простирается на 66% стоимо-сти имѣнія, и наконецъ личный, но все таки болѣе обезпечен-

ный, чѣмъ существующій нынѣ, простирается до 34% стоимости имѣнія. Для того чтобы дать понятіе о тѣхъ выгодахъ, которыя могутъ быть результатомъ излагаемой нами системы, предположимъ, что частные займы нашихъ землевладельцевъ равняются только $\frac{3}{4}$ банковыхъ, то-есть 300 милл. рублей. Эта сумма безъ сомнѣнія ниже дѣйствительной; потому что итогъ ипотечарныхъ займовъ во Франціи простирается до 2000 милл. рублей, между тѣмъ какъ у насъ мы полагаемъ всего на все 700 милл. Еслибъ эти 300 милл. частнаго долга, по которымъ уплачивается въ годъ не менѣе 30 милл. процентовъ, превратились въ пятипроцентный, положимъ даже въ шестипроцентный долгъ, то поземельные владѣльцы сдѣлали бы приобрѣтеніе, составляющее ежегодно 12 милл. руб. сер., то-есть приблизительно по 1 р. 20 коп. сер. на душу, или $\frac{2}{3}$ того, что нужно употребить крестьянамъ для выкупа усадебъ по представленному нами выше разчету!

Но это только одна сторона медали, какъ говоритъ французская поговорка.

Образованіе товариществъ для взаимнаго поручительства между землевладельцами и введеніе ипотечарныхъ книгъ произвели бы благотѣльную перемѣну въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. Определенность обезпеченій, строгая правильная форма взысканія создали бы общественный и частный кредитъ. Мелкіе капиталисты, которые въ губерніяхъ, удаленныхъ отъ столицы, остаются теперь праздными, потому что банковый процентъ не привлекаетъ ихъ, а частные займы составляютъ рисковое помѣщеніе, нашли бы для себя выгодную затрату въ облигаціяхъ, въ этихъ подвижныхъ сберегательныхъ кассахъ; населеніе сдѣлалось бы болѣе разчетливымъ и бережливымъ. Каждый капиталистъ зналъ бы заранѣе, кто и съ чѣмъ къ нему обращается: спекуляторъ ли съ намѣреніемъ продлить существованіе своихъ рискованыхъ предпріятій, или осторожный промышленникъ съ обдуманнымъ разчетомъ. Наша коммерческая нравственность, потерявъ надежду на пресловутый *авось* и на проволочки, выиграла бы въ двухъ отношеніяхъ: и умѣряя свою безумную отвагу, и приобрѣтая навыкъ къ точному исполненію данныхъ обѣщаній. Мы увидѣли бы проявленіе силы, незнакомой нашей промышленности: капиталы, быстро превращаясь въ облигаціи, притекли бы къ земледѣлію и совершили бы въ немъ громадный процессъ обновленія, безъ переворота и потрясенія; даже владѣльцы, не успѣвшіе приноровиться къ новымъ порядкамъ, вышли бы безъ убытка, заарендовавъ свои имѣнія, или продавъ ихъ по невыгоднымъ цѣнамъ; потому что, чѣмъ быстрѣе будутъ притекать капиталы къ земледѣлію, тѣмъ быстрѣе будетъ расти стоимость поземельной собственности.

Намъ предстоитъ теперь рассмотретьъ, какую помощь можетъ оказать кредитъ по выкупу крестьянскихъ усадебъ и крестьянской мирской земли. Но объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующей нашей статьѣ.

Н. Бунге.

МНѢНІЕ О ВЫКУПѢ УГОДІЙ КРЕСТЬЯНАМИ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ (1).

Всѣ помѣщики нетерпѣливо ждутъ окончательнаго рѣшенія важнаго современнаго вопроса о выкупѣ крестьянскихъ угодій. Съ этимъ вопросомъ неразлучно связаны выгоды каждаго изъ нихъ и ихъ будущее отношеніе къ сосѣдямъ и крестьянамъ. Кому не на-

(1) Авторъ назначаетъ для всей Московской губерніи одинъ общій надѣлъ и одну оцѣнку. Намъ кажется, что въ этомъ заключается слабая сторона его проекта. Одно изъ главныхъ основаній невозможности у насъ другаго выкупа кромѣ добровольнаго заключается въ рѣшительной невозможности точной и вполне справедливой оцѣнки угодій, уступаемыхъ крестьянамъ въ собственность. Предлагая одну общую оцѣнку, авторъ дѣлаетъ добровольный выкупъ не совсемъ добровольнымъ. Когда вокругъ какого-нибудь имѣнія всѣ крестьяне выкупаютъ свои земли, то помѣщикъ этого имѣнія будетъ принужденъ согласиться на выкупъ по общей оцѣнкѣ, хотя бы оцѣнка эта и не соответствовала дѣйствительной цѣнности земли его. Мы думаемъ, что надобно строго держаться начала совершенно-добровольнаго выкупа, а относительно успѣшнаго хода полагаться на силу обстоятельствъ, которая будетъ равно побуждать къ выкупу обѣ стороны, и помѣщиковъ и крестьянъ, и заставить ихъ сдѣлать другъ другу справедливыя уступки. Для этого конечно необходимо предварительное точное исполненіе условій, предписываемыхъ высочайшими рескриптами. При неточномъ или недобросовѣстномъ исполненіи этихъ непремѣнныхъ условій, крестьяне не имѣли бы нужной самостоятельности для того, чтобы вступать съ помѣщиками въ договоры, добровольные на самомъ дѣлѣ, а не по формѣ только. Обѣ договаривающіяся стороны должны стоять на твердой почвѣ, должны имѣть на что опереться. Иначе *добровольнаго* уговора не будетъ; одна сторона будетъ вынуждена согласиться на предложенія другой. Высочайшіе рескрипты, въ точности исполненные, дадутъ крестьянину эту необходимую опору, эту твердую почву. Они дѣлаютъ совершенно излишнимъ и даже вреднымъ всякое ограниченіе добровольнаго характера дальнѣйшихъ договоровъ о выкупѣ. Вторженіе обязанности въ сферу выкупа, даже самое слабое, можетъ испортить дѣло, и стѣснивъ въ одномъ случаѣ помѣщика, въ другомъ случаѣ еще болѣе стѣснить крестьянъ. Вспомнимъ, что обязательность сдѣлокъ есть оружіе обоюднострое.— Впрочемъ, высказываясь въ этомъ отношеніи противъ автора, мы отдаемъ справедливость многимъ мыслямъ его относительно финансовой операціи и просимъ читателей обратить на нихъ вниманіе.

Ред.

дѣла барщина? Въ настоящее время помѣщикамъ особенно необходимо не только сохранить мирныя отношенія къ крестьянамъ, гдѣ они уже были, но и вновь установить ихъ, гдѣ ихъ не было; помѣщикамъ выгодно не останавливаться при этомъ за нѣкоторыми пожертвованіями и помнить, что мирныя отношенія могутъ быть скрѣплены лишь взаимною выгодой.

Это сознаніе важности дѣла и обязанности каждаго гражданина трудиться по мѣрѣ силъ надъ его разработкой побудило меня къ сообщенію слѣдующихъ мыслей, которыя можетъ-быть окажутся пригодными, несмотря на краткость и отрывочность изложенія ихъ.

По обширности Россіи мудрено подвести подъ общій уровень выкупъ угодій во всѣхъ губерніяхъ. Безъ большой потери времени нельзя произвести оцѣнки, а время намъ, теперь особенно, дорого. Цифры, которыя мы представимъ, будутъ относиться исключительно къ Московской губерніи.

Вотъ основанія выкупа, которыя были бы, по моему мнѣнію, удобны для этой губерніи.

Помѣщики, желающіе окончить обязательныя отношенія свои къ крестьянамъ, могутъ надѣлать ихъ, на каждую ревизскую душу, по двѣ десятины удобной земли. Земля эта должна быть надѣлена изъ той, которою, въ настоящее время, владѣютъ крестьяне, преимущественно къ одному мѣсту и къ усадьбамъ, со включеніемъ усадебъ.

Помѣщикъ долженъ представить въ уѣздный судъ подробную опись выдѣленной крестьянамъ земли, съ мірскимъ приговоромъ, по которому крестьяне принимаютъ землю въ свою собственность. Дабы не терять времени и не останавливать полевыхъ работъ, помѣщикъ самъ долженъ имѣть право отрѣзать землю и поставить межевые знаки, по описи, впредь до общей повѣрки, которая должна быть произведена въ срокъ, зависящій отъ мѣстныхъ межевыхъ средствъ, черезъ землебра, командированнаго правительствомъ, при понятыхъ и депутатѣхъ дворянства. Если при повѣркѣ землебра, въ присутствіи понятыхъ и депутата, окажется излишекъ земли, то онъ снова поступаетъ во владѣніе помѣщика; если же земли окажется меньше двухъ десятинъ на душу, по десятой ревизіи, то крестьяне получаютъ право на добавочное число десятинъ въ двойномъ количествѣ, и въ любомъ мѣстѣ, за исключеніемъ собственной помѣщицкой усадьбы. Это ускоритъ ходъ дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечитъ крестьянъ.

Уѣздный судъ выдаетъ помѣщику по одной квитанціи на всю выдѣленную землю на каждое село или деревню отдѣльно, считая за десятину по 70 рублей. Квитанціи должны быть именныя. Продажа и порядокъ наслѣдства квитанцій производится на общемъ

законѣ о продажѣ и наслѣдствѣ *недвижимыхъ* имѣній, то—есть крѣпостнымъ порядкомъ, дабы уменьшить число продающихся квитанцій. Такимъ образомъ выкупъ квитанцій не увеличитъ числа кредитныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, съ которыми квитанціи не будутъ имѣть ничего общаго. (1)

Уѣздныя казначейства выплачиваютъ владѣльцамъ квитанцій ежегодно, по три рубля дивиденду на каждую десятину. Крестьяне вносятъ въ уѣздное казначейство сверхъ этихъ 3 рублей съ десятины, еще $1\frac{1}{2}$ р. для погашенія, а всего $4\frac{1}{2}$ р., или съ души 9 р., а съ тягла приблизительно 20 р.,—оброкъ умѣренный сравнительно даже съ теперешними оброками и заключающій еще въ себѣ погашеніе.

Для погашенія долга могутъ быть предложены двѣ системы: одна система съ погашеніемъ въ 47 лѣтъ и уменьшающимся ежегодно взносомъ оброка, другая — съ погашеніемъ въ 28 лѣтъ съ одинаковымъ взносомъ. Вотъ расчетъ по каждой изъ этихъ системъ:

ПОГАШЕНІЕ ДОЛГА ВЪ 47 ЛѢТЪ.

Собирать въ уѣздныя казначейства два раза въ годъ, или и чаще съ помѣщичьихъ крестьянъ, въ теченіи 47 лѣтъ, оброкъ,

(1) Мы находимъ, что это условіе было бы вредно. Самое лучшее средство достигнуть того, чтобы квитанціи или облигаціи не обременяли собою русскаго денежнаго рынка, заключается въ облегченіи выхода ихъ за границу, а для этого есть два необходимыхъ условія: во первыхъ, чтобы проценты по нимъ были гарантированы правительствомъ, и вторыхъ, чтобы переходъ ихъ изъ рукъ въ руки не былъ затрудненъ. Квитанціи, предлагаемыя г. Витбергомъ, будутъ приносить слишкомъ почти по $4\frac{1}{2}$ %о. Такой процентъ считается въ Европѣ удовлетворительнымъ, но у насъ имъ не будутъ довольствоваться, коль скоро возстановится правильная денежная система. Если теперь у насъ охотно покупаютъ четырехпроцентную бумагу, то причина того заключается не въ обиліи капиталовъ, а въ излишкѣ и дешевизнѣ денегъ. Будетъ ли количество бумажныхъ денегъ уменьшено мѣрою правительства, какъ мы надѣемся и желаемъ, упадутъ ли бумажныя деньги въ цѣнѣ относительно серебра сами собою, во всякомъ случаѣ скоро долженъ опредѣлиться у насъ процентъ роста, соответствующій количеству капиталовъ, и тогда $4\frac{1}{2}$ -процентныя бумаги, не имѣющія выхода за границу, непременно упадутъ въ цѣнѣ. Квитанціи, приносящія по 3 на $67\frac{1}{2}$, могутъ продаваться у насъ *al pari*, то—есть по нарицательной цѣнѣ, единственно въ томъ только случаѣ, если будетъ на нихъ запросъ за границей. Вся наша выгода въ томъ, чтобы пользоваться капиталами европейскихъ биржъ и привлекать ихъ для оживленія нашей промышленности и нашего сельскаго хозяйства.

Ред.

по слѣдующему разчету: за первый годъ, на дивидендъ и погашеніе, собирать по 4 рубля 50 коп. съ десятины; второй годъ—4 р. $43\frac{11}{47}$ к., третій годъ,—4 р. $37\frac{11}{47}$ к. и такъ далѣе, и наконецъ сорокъ седьмой годъ, 1 р. $4\frac{12}{47}$ к. съ десятины.

Ежегодно вынимать по жребію $\frac{1}{47}$ долю квитанцій, публичнымъ тиражемъ, въ губернскомъ городѣ, и выплачивать, немедленно, изъ уѣзднаго казначейства, по 70 руб. за десятину, оставляя уплату дробныхъ частей послѣдней вышедшей квитанціи до слѣдующаго года. Въ слѣдующій годъ, уплативши дробныя части, оставшіяся въ долгу, вынимать тѣмъ же порядкомъ $\frac{1}{47}$ долю не вышедшихъ квитанцій, и снова оставлять дробныя части до слѣдующаго года.

Такимъ порядкомъ производить тиражъ въ продолженіи 47 лѣтъ, и тѣмъ окончательно выкупить всѣ квитанціи.

ПОГАШЕНІЕ ДОЛГА ВЪ 28 ЛѢТЪ.

Собирать съ крестьянъ по 4 р. 50 к. съ десятины въ продолженіе выкупнаго срока и вынимать по жребію, на томъ же основаніи, какъ и въ 47 лѣтнемъ погашеніи:

въ первый годъ $\frac{1}{45}$ долю квитанцій

во второй годъ $\frac{1}{45} + \frac{2}{45} = \frac{3}{45}$

въ третій годъ $\frac{1}{45} + \frac{4}{45} = \frac{5}{45}$

въ четвертый годъ $\frac{1}{45} + \frac{6}{45} = \frac{7}{45}$, и такъ далѣе,

въ 28 годъ $\frac{1}{45} + \frac{54}{45} = \frac{55}{45}$

Сумма выкупа составитъ въ 28 лѣтъ $\frac{2015}{45}$, то есть: не много меньше всего долга, считая по 67 р. 50 к. за десятину.

Ежегодное уменьшеніе оброка ободритъ крестьянина, и уменьшитъ страхъ недоимки. Съ другой стороны 28 лѣтній выкупъ льститъ скорѣйшею развязкой; онъ болѣе выгоденъ для помещиковъ, но подаеть менѣе надеждъ на избѣжаніе недоимокъ.

При второй системѣ погашенія (въ 28 лѣтъ), можно ожидать, что квитанціи будутъ совершенно обезпечены и будутъ въ хорошей цѣнѣ: 3 р. съ $67\frac{1}{2}$ рублей, это значить $4\frac{1}{2}\%$. Казна могла бы даже принимать ихъ въ залогъ по казеннымъ торгамъ рубль за рубль. Для совершеннаго обезпеченія подушныхъ и земскихъ повинностей необходимо измѣнить ихъ на поземельныя:

оставивъ на первый разъ ту же сумму повинностей, которую каждая деревня платитъ нынѣ, разложить ихъ по десятинно, на удобныя земли, какъ хлѣбопашцевъ, бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и на удобныя земли самихъ помѣщиковъ. Исполненіе натуральныхъ повинностей возложить на общины.

Сборъ оброка и всѣхъ повинностей обезпечить круговою порукой цѣлой общины, то-есть села или деревни. Съ общинъ, которыя просрочатъ платежъ оброка, взимать денежный штрафъ на общемъ положеніи (1).

Если просрочка будетъ болѣе 6 мѣсяцевъ, то переселять на казенныя земли въ многоземельныхъ губерніяхъ, по жребію, $\frac{1}{10}$ часть семействъ изъ общинъ, просрочившихъ платежъ. Если, и за тѣмъ, снова, общины просрочатъ платежъ болѣе года, то переселять всю просрочившую общину (2). Земли, принадлежавшія просрочившимъ платежи общинамъ, продавать съ публичнаго торга; вырученныя же за нихъ деньги обращать на пополненіе недоимокъ, а остатокъ присоединять къ резервному капиталу, для обезпеченія срочныхъ платежей.

Если и за этими мѣрами окажется общая по государству недоимка, то соразмѣрно съ цифрой недоимки ограничивается штрафъ, право же на дивидендъ, по 3 р. съ десятины, остается неприкосновеннымъ.

Въ имѣніяхъ, заложенныхъ въ кредитныя установленія, уѣздный судъ удерживаетъ слѣдующія помѣщикамъ квитанціи и пересылаетъ ихъ, по принадлежности.

Кредитныя установленія, сдѣлавши точный расчетъ причитающагося имъ взноса процентовъ съ погашеніемъ, высылаютъ владельцамъ квитанцій свои контрамарки, по которымъ уѣздныя казначейства выдаютъ оставшіяся отъ взноса дивидендъ.

(1) Съ предложеніемъ круговой поруки мы-никакъ не можемъ согласиться. Ничто не можетъ быть вреднѣе и недѣйствительнѣе этой мѣры взысканія повинностей. Не круговою порукой, а признаніемъ правъ собственности за общиною, можетъ быть вполне обезпеченъ сборъ податей и повинностей. Община должна платить повинности изъ общественной кассы, и собирать оброкъ на правахъ собственника, то-есть должна имѣть право отнять землю у неплательщика и отдать ее въ аренду. Ничего болѣе рациональнаго нельзя придумать для нашего сельскаго быта. Ред.

(2) Эта мѣра, равно какъ и продажа одной части земли, предлагаемая г. Ржевскимъ, кажется намъ слишкомъ рѣзкою и противорѣчащею общепринятымъ у насъ въ Россіи правиламъ взысканія податей съ крестьянъ. Зачѣмъ наказывать и правого и виноватаго, зачѣмъ заставлять сына страдать за неспособность отца къ хозяйству, когда всего этого можно избѣгнуть признаніемъ начала общинной собственности? Отсылаемъ читателей къ статьѣ нашей *О Русской Сельской Общинѣ* въ N 17 *Русскаго Вѣстника* за прошлый годъ. Ред.

Когда по жребію, выдетъ выкупъ квитанціи, то, по сношенію уѣзднаго суда съ кредитнымъ установленіемъ, казначейство выплачиваетъ владѣльцу квитанціи по контрамаркѣ, причитающуюся сумму сполна.

Для поддержанія упавшаго у насъ частнаго кредита, необходимо въ случаѣ долговаго иска задерживать квитанціи, или контрамарки, и пересылать ихъ въ тѣ присутственныя мѣста, въ которыхъ производится долговой искъ, и дивидендомъ съ нихъ, или тиражемъ, уплачивать долгъ, не останавливаясь общимъ порядкомъ взысканія.

Дворовымъ людямъ можно предоставить право на тѣ же двѣ десятины на душу, въ имѣніяхъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ, съ тѣми же обязанностями, какъ и крестьянамъ. Тѣ же изъ нихъ, которые не пожелаютъ перейти въ хлѣбопашцы, должны будутъ избрать родъ жизни на общемъ положеніи.

Затѣмъ, всѣ отношенія крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ бывшимъ владѣльцамъ оставить отношеніями сосѣдей.

Чтобы не стѣснять никого въ выборѣ исходнаго пути по предстоящему крестьянскому вопросу, помѣщикамъ, которые не пожелаютъ согласиться на предлагаемыя условія выкупа, предоставить право остаться при комитетскихъ рѣшеніяхъ, и пользоваться оброкомъ, или барщиной, пока они не сочтутъ за лучшее послѣдовать общему примѣру.

СЕРГѢЙ ВИТБЕРГЪ.

Сельцо Троицко Клинскаго уѣзда.

ВАЖНОСТЬ ГЛАСНОСТИ ВЪ ВОПРОСѢ О ВЫКУПѢ.

Получивъ нынѣ возможность подвергать своему разсмотрѣнію вопросъ о выкупѣ крестьянскихъ земельныхъ угодій, отечественная наша литература пріобрѣла драгоцѣнное право содѣйствовать окончательному разъясненію великаго отечественнаго дѣла и успокоенію умовъ, въ которыхъ оставалось еще много тревожныхъ опасеній, естественно вызываемыхъ безмолвіемъ о томъ, что само собою представляется, какъ существенная часть ре-

формы. Вопросъ о выкупѣ занимаетъ въ общемъ вопросѣ объ отчужденіи крѣпостнаго права такое важное мѣсто, что надъ всею реформою лежала въ общемъ сознаніи темная полоса, пока говорившіе о реформѣ могли высказываться лишь только о начальныхъ ея фазахъ и молчали о послѣдней фазѣ, то-есть именно о той фазѣ, на которой реформа должна успокоиться, и для которой собственно она происходитъ. Это молчаніе должно было подавать поводъ къ разнымъ сомнѣніямъ, даже къ сомнѣніямъ въ серіозности всего дѣла. Невозможно имѣть увѣренность, что придешь къ цѣли, когда цѣль укрывается отъ глазъ.

Въ крестьянскомъ вопросѣ возникло много ненужныхъ споровъ, много было выказано бесплоднаго раздраженія, лишь *вслѣдствіе* того, что пренія останавливались на частностяхъ и не были *возводимы* къ общимъ началамъ, которыя одни заключаютъ въ себѣ источникъ всеобщаго примиренія. Очень часто спорили о подробностяхъ съ прискорбною запальчивостію, потому что каждый изъ спорившихъ представлялъ себѣ по-своему окончательную фазу реформы и сообразно съ этимъ представленіемъ смотрѣлъ на остальные стороны крестьянскаго вопроса. Въ каждомъ спорѣ, даже въ каждомъ совѣщаніи, оставалось много недосказаннаго, и это недосказанное ложилось непреодолимою преградой между спорившими или совѣщавшимися; при самомъ искреннемъ желаніи придти къ единомыслию, трудно было достигнуть соглашенія въ подробностяхъ, когда каждый думалъ по своему и лишь про себя о томъ, какой окончательный видъ приметъ дѣло. Могли ли бы архитекторы согласиться насчетъ плана какой-нибудь постройки, если бы имъ не было сказано о сколькихъ на примѣръ этажахъ будетъ постройка? Если бы какіе-нибудь архитекторы и взялись за такую сказочную задачу, то планы ихъ были бы составлены на удачу, и не было бы никакой возможности ни согласить ихъ, ни воспользоваться ими для возведенія предполагаемой постройки. Только то предпріятіе можетъ быть ведено разумно, котораго цѣль ясно сознается его участниками, и лишь только тѣ люди, которые ясно видятъ цѣль предпріятія, могутъ трудиться дружно и успѣшно для его исполненія. Человѣкъ не можетъ дѣйствовать разумно, если дѣйствуетъ для неизвѣстной ему цѣли.

Во всякомъ вопросѣ должно сосредоточивать всѣ усилія на самыхъ трудныхъ сторонахъ его; для удовлетворительнаго рѣшенія всякаго дѣла необходимо взять его во всемъ объемѣ, во всей полнотѣ его элементовъ. Мы не облегчимъ для себя дѣла, если займемся только тѣмъ, что лежитъ на верху, и что ближе къ рукъ. Поверхностное облегченіе вопроса, уменьшеніе его объема никогда не поведетъ къ удачному разрѣшенію: всего вѣр-

нѣе ведетъ къ тому гласное разсмотрѣніе труднаго вопроса во всей его широтѣ и во всей его трудности. Трудности побѣждаются не замаскированіемъ ихъ, а совокупными энергическими усиліями: что не возможно для одного или для немногихъ того могутъ достигнуть усилія многихъ. При гласномъ обсужденіи дѣла участвуютъ въ борьбѣ съ трудностями всѣ силы страны, и непобѣдимыми остаются только тѣ трудности, которыя дѣйствительно непобѣдимы. Гласное обсужденіе вопроса облегчаетъ тѣхъ, кому принадлежитъ право рѣшать его; оно снимаетъ съ нихъ часть бремени и возлагаетъ ее на все общество. Литература наша, если за ней останется возможность обсуждать крестьянскій вопросъ во всемъ его объемѣ, будетъ нести на себѣ важную долю отвѣтственности въ этомъ великомъ отечественномъ дѣлѣ.

Кто у насъ можетъ теперь мечтать, что обнялъ крестьянскій вопросъ со всѣхъ сторонъ? А не обнявъ всего вопроса въ его цѣлости, можемъ ли имѣть какую-нибудь увѣренность, что намъ удастся правильно разрѣшить частные вопросы, въ него входящіе? Зачѣмъ же обрекать себя на такой трудъ, который долженъ быть трудомъ потеряннымъ, и притомъ не вслѣдствіе неспособности трудящагося, а вслѣдствіе самаго свойства вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію? У Нѣмцевъ есть поговорка: *за деревьями не видѣть лѣса*; эта поговорка какъ нельзя лучше характеризуетъ подобное положеніе.

Крестьянскій вопросъ есть вопросъ крайне сложный. Для рѣшенія его необходимы совокупныя усилія всѣхъ, кто только способенъ содѣйствовать рѣшенію, а уже для того, чтобы совокупныя усилія были возможны, необходимо соглашеніе въ общихъ началахъ и слѣдовательно необходимо гласное обсужденіе общихъ началъ.

Свойство русскаго крестьянскаго вопроса таково, что въ немъ болѣе нежели въ какомъ бы то ни было другомъ политическомъ вопросѣ можетъ быть достигнуто соглашеніе. Реформа совершается не только въ общемъ интересѣ страны, но и въ частномъ интересѣ каждаго изъ заинтересованныхъ сословій; мы еще такъ счастливы, что она можетъ совершиться у насъ безъ чьего бы то ни было ущерба, если только она совершится мирно и разумно. Доселѣ еще главнымъ условіемъ правильнаго хода дѣла остается одно лишь правильное пониманіе его. Доселѣ еще никому не приходится чѣмъ-либо жертвовать, что-либо терять, а напротивъ всѣ еще могутъ выиграть, если умѣючи возьмутся за дѣло и поведутъ его добросовѣстно. Доселѣ еще раздраженіе коренится не въ дѣйствительныхъ интересахъ, а въ недоразумѣніяхъ. Кто сталъ бы напримѣръ вести рѣчь о необходимости барщинной работы для русскаго земледѣлія, еслибы не побуждало къ тому подозрѣніе,

что въ нападкахъ на барщинную работу кроется посягательство на достояніе помѣщиковъ и на ихъ доходы? Кто сталъ бы оспаривать несомнѣнный фактъ, что населенныя имѣнія даютъ у насъ въ Россіи болѣе нежели 6 % дохода, еслибы не предполагалось, что говорить въ этомъ дѣлѣ правду значитъ выдавать помѣщиковъ? Наконецъ всѣ эти вопли противъмысли о выкупѣ не свидѣтельствуютъ ли они о томъ, что вопіявшіе разумѣли подъ выкупомъ совсѣмъ не то, чтò у насъ слѣдуетъ и что у насъ можно разумѣть подъ этимъ словомъ? Жалкое зрѣлище представляетъ еще до сихъ поръ по этому вопросу наша литература и наше общество. Повсюду видно взаимное недовѣріе и подозрительность; повсюду недостатокъ готовности вникнуть въ чужую мысль; повсюду склонность перетолковывать чужую мысль въ дурную сторону и слѣдовательно не хотѣть слушать того, чтò говорятъ другіе; наконецъ повсюду—боязнь правды и недовѣріе къ всемогуществу правды. Такая рознь людей и мнѣній по такому великому вопросу происходитъ именно отъ того, что цѣль реформы, ея окончательная фаза представляются еще не ясно, и что за неясными представленіями гнѣзятся смутныя подозрѣнія. Совершенное единомысліе конечно не возможно въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ крестьянскій вопросъ, но, повторяемъ, прискорбно видѣть, что не интересы и убѣжденія, а недоразумѣнія раздѣляютъ у насъ огромное большинство людей, которые могли бы сойтись и сошлись бы навѣрное, еслибы начали рѣчь свою не съ подробностей, а съ главныхъ началъ. Прискорбно видѣть раздраженіе въ такихъ случаяхъ, которые не представляютъ для него никакого повода. Раздраженіе ослѣпляетъ и не даетъ видѣть не только истину, но даже и свой собственный интересъ.

Но съ другой стороны раздраженіе неизбежно, когда подвергается вопросу какой-нибудь существенный интересъ, и когда притомъ остается какая-нибудь неясность и неопредѣленность въ самомъ вопросѣ. Гласное, всестороннее обсужденіе вопроса есть единственное средство противъ раздраженія, и, прибавимъ, средство несомнѣнно вѣрное въ такомъ вопросѣ, каковъ нашъ крестьянскій вопросъ, который *дѣйствительно* можетъ быть разрѣшенъ къ *общей* выгодѣ *всѣхъ* заинтересованныхъ, если только всѣ примутся за него съ разумнѣіемъ дѣла.

Мы уже не разъ выражали наше искреннее сочувствіе общимъ началамъ реформы, указаннымъ въ высочайшихъ рескриптахъ. Мы твердо убѣждены, что начала постановлены совершенно вѣрно, и что не возможно безъ ущерба для дѣла ничего ни прибавить къ нимъ, ни убавить въ нихъ. Но тѣмъ болѣе считаемъ мы долгомъ своимъ указывать на необходимость широкой гласности въ этомъ дѣлѣ, на невозможность счастливаго исхода этого дѣла безъ сво-

боднаго обсужденія и главныхъ началъ, и частныхъ подробностей, на невозможность наконецъ вполне побѣдоносной защиты началъ, одобренныхъ Монаршею волею, иначе какъ съ той точки зрѣнія, съ которой открывается широкая перспектива на будущій бытъ крестьянъ и на ихъ отношенія къ помѣщикамъ. Литература наша по части внутреннихъ вопросовъ еще слаба; она еще только расправляетъ свои крылья; но въ ней несомнѣнно найдутся силы, нужныя для того, чтобы привлечь умы общества къ свободному и непритворному признанію безукоризненности началъ, положенныхъ въ основу реформы, и составляющихъ непремѣнное требованіе верховной власти. А кто можетъ отрицать, что достиженіе такого результата есть необходимое условіе успѣшности всего великаго національнаго дѣла? Предпринимаемая реформа имѣетъ ту особенность, что она не можетъ быть совершена одними правительственными мѣрами и посредствомъ немногихъ исполнителей. Въ реформѣ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ должны будутъ по необходимости принять участіе всѣ помѣщики; всѣ помѣщики будутъ исполнителями общихъ узаконеній, которыя будутъ приняты законодательною властію. Успѣхъ дѣла совершенно зависитъ отъ того, *какими* исполнителями они явятся, а хорошими исполнителями они могутъ явиться лишь только въ томъ случаѣ, если будутъ убѣждены въ безвредности реформы для ихъ интересовъ. Бываетъ очень много законодательныхъ вопросовъ, въ которыхъ достаточно того, чтобы постановляемый законъ былъ хорошо обдуманъ и соответствовалъ обстоятельствамъ. Но здѣсь мало того, чтобы законъ былъ хорошъ, здѣсь надобно еще и то, чтобы повсемѣстно распространилось убѣжденіе, что онъ хорошъ. Иначе онъ не найдетъ для себя десятковъ тысячъ убѣжденныхъ исполнителей, которые ему необходимы. По какое средство убѣдить людей, какъ не гласнымъ обсужденіемъ дѣла? Гдѣ мало предписывать и запрещать, а надобно убѣждать и воодушевлять, тамъ необходимо содѣйствіе независимаго слова.

Часто приходится слышать сужденія о своекорыстїи значительной части русскаго дворянства, объ отсталыхъ понятїяхъ большинства, объ упорной защитѣ стараго порядка. По нашему убѣженію, въ этихъ сужденїяхъ есть много невѣрнаго. Наше русское дворянство огнюдь не хуже какого бы то ни было другаго дворянства; напротивъ, намъ кажется, что и въ немъ проявляется характеристическая мягкость славянской натуры, и что, благодаря этой мягкости, оно еще гораздо лучше, чѣмъ было бы дворянство другаго народа, поставленное въ его положеніе. Вспомнимъ, что еще наканунѣ реформы господствовало о ней самое полное молчаніе, что комитеты начали уже дѣйствовать, когда не только не

было установившихся мнѣній и направленій, но не было даже элементовъ, изъ которыхъ слагаются мнѣнія и направленія. Порицатели говорятъ, что помѣщики, и безъ содѣйствія литературы, должны были знать, что крѣпостное право несостоятельно, должны были чувствовать вредъ его. Но эти требовательные теоретики забываютъ, что никакая политическая сила, никакое сословіе никогда не рѣшаются на уступки, иначе какъ вслѣдствіе убѣжденія, что онѣ необходимы и выгодны для нихъ самихъ. Какъ же могло развиваться убѣжденіе въ необходимости отмены крѣпостнаго права, когда всѣ молчали о томъ? Кто повѣритъ, что необходимо и неизбежно то, о чемъ никто даже и не заикается? Молчаніе литературы въ продолженіе десятилѣтій скорѣе вызвало мысль, что напротивъ реформа не составляетъ всеобщей національной потребности, что о ней мечтаютъ одни лишь утописты, одни лишь кабинетные умники. Такой выводъ представлялся самъ собою, и за него несправедливо упрекать помѣщиковъ. Если же въ необходимости реформы они не могли убѣдиться, не слыша голоса литературы, то тѣмъ менѣе возможно было имъ убѣдиться въ выгодѣ реформы, когда дѣло это не подлежало публичному обсужденію. И теперь еще многіе изъ помѣщиковъ сомнѣваются въ искренности голосовъ, раздающихся въ литературѣ и старающихся убѣдить ихъ въ томъ, что реформа, въ своемъ конечномъ результатѣ, должна увеличить цѣнность имущества и доходы землевладѣльцевъ, возвысивъ общее благосостояніе и поземельную ренту, находящуюся въ зависимости отъ общаго благосостоянія. Признаемся, мы и этого не ставимъ въ вину помѣщикамъ, хотя недоверіе это направлено на насъ самихъ, и къ намъ самимъ относится то оскорбительное подозрѣніе, что мы говоримъ оффициально и не совсѣмъ искренно.

Само Провидѣніе внушило Монаршей волѣ мысль повести великое дѣло реформы крестьянскаго быта путемъ всеобщаго совѣщанія. Какъ принципъ, гласность была допущена въ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ дворянству открыть комитеты, а литературѣ—разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ. Это былъ великій шагъ, въ значительной мѣрѣ облегчившій преобразование и обезпечившій его успѣхъ. Ни въ какомъ вопросѣ гласность не могла быть болѣе на мѣстѣ, чѣмъ здѣсь; ни въ какомъ другомъ вопросѣ не можетъ быть такъ несомнѣнна польза ея, не можетъ быть такъ очевидна совершенная несбыточность предположенія, что гласность можетъ причинить какой-либо вредъ. Гласность могла только уравнивать пути реформы, и никто не будетъ въ состояніи доказать, чтобъ изъ нея могло возникнуть какое-либо затрудненіе. Мы считаемъ этотъ пунктъ яснымъ какъ солнце, и не находимъ нужнымъ повторять еще разъ тѣ доводы, которые представлены

были неоднократно и многими другими и самими нами (1). Но тѣмъ не менѣе гласность у насъ дѣло еще новое и имѣеть даже въ публикѣ много противниковъ разнаго происхожденія и разныхъ намѣреній. Положеніе ея еще очень незavidно. На нее сыплются нареканія, противъ нея роятся подозрѣнія; ей приходится терять свои силы въ безплодной борьбѣ съ безчисленными затрудненіями, поднимающимися съ самыхъ неожиданныхъ сторонъ. Гласность помѣщиковъ не можетъ, при такомъ положеніи дѣлъ, приносить надлежащую пользу крестьянскому вопросу, и потому неудивительно, если значительная часть не прониклась еще у насъ духомъ реформы.

Мы обращаемся къ безпристрастной и нераздраженной части публики и просимъ ее внимательно размыслить, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести стѣсненіе гласности въ крестьянскомъ вопросѣ вообще и въ вопросѣ о выкупѣ въ особенности.

Мы спрашиваемъ, чего надобно желать для успѣха дѣла, того ли чтобы комитеты представили мнѣнія совершенно расходящіяся, или того, чтобы различіе между проектами положенія, которые будутъ представлены комитетами, основывалось лишь на мѣстныхъ особенностяхъ каждой губерніи, а не на разногласіи въ общемъ взглядѣ на дѣло? Не лучше ли было бы для самаго дѣла, не облегчился ли бы окончательный трудъ по этому вопросу, не сохранилось ли бы наконецъ въ большей силѣ достоинство дворянскаго сословія, еслибы комитеты прониклись по возможности однимъ духомъ и разнорѣчили бы между собою лишь въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ разнорѣчіе дѣйствительно неизбежно? А если такъ, то чего же хотятъ люди, которымъ желалось бы разъединить комитеты, изолировать ихъ одинъ отъ другаго и отъ общества, и лишитъ ихъ той обобщающей и сближающей среды, которую они могутъ найти въ литературѣ и гласности? Еслибы противники гласности могли настоять на своемъ, то они ничего другаго не приобрѣли бы, кромѣ одного удовольствія говорить въ послѣдствіи съ злораднымъ чувствомъ, что русское дворянство не оправдало возложенныхъ на него ожиданій, что комитеты представили проекты неудобноисполнимые, что слѣдовательно къ Россіи неудобоприложимы общія правила, обезпечивающія въ образованномъ мірѣ успѣхъ всякаго публичнаго дѣла, что Россія еще не доросла до гласности, или даже что вообще русскій народъ по славянской природѣ своей стоитъ гораздо ниже другихъ историческихъ народовъ, и что нельзя ожидать отъ него ничего путнаго. Другаго барыша они не получаютъ, а

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* 1858 г. № 14, статью *О гласности въ крестьянскомъ вопросѣ*.

а невыгодъ, при желаемомъ ими успѣхѣ крестьянскаго вопроса, будетъ безчисленное множество для нихъ самихъ.

Общій успѣхъ крестьянскаго дѣла несомнѣнно условливается охраненіемъ высочайше дарованнаго дозволенія гласно разсуждать о немъ. Приведемъ одинъ частный примѣръ, который можетъ показать важность гласнаго обсуждения вопроса о выкупѣ для разрѣшенія другихъ вопросовъ, которые связаны съ предстоящею реформою.

Взглянемъ на вопросъ о надѣлѣ крестьянъ угодіями, необходимыми для обезпеченія ихъ быта. Теперь стало ясно, что помѣщики во многихъ мѣстахъ Россіи желаютъ сократить нынѣшній надѣлъ и обнаруживаютъ большую боязнь выпустить землю изъ своихъ рукъ. Между тѣмъ несомнѣнно, что для сохраненія спокойствія и для обезпеченія быта крестьянъ желательно, чтобы нынѣшній надѣлъ былъ по возможности сохраненъ, и чтобъ отступленія отъ него были допускаемы не какъ правило, а какъ исключеніе изъ правила. Многие готовы осуждать помѣщиковъ за то, что они не хотятъ видѣть эту истину. Но поставьте себя на мѣсто помѣщиковъ, и вы не будете такъ рѣшительно осуждать ихъ. Помѣщики очень хорошо знаютъ, что дѣло окончателно не обойдется безъ выкупа, но они не знаютъ, на какихъ основаніяхъ можетъ быть у насъ произведенъ выкупъ. Они опасаются принудительнаго выкупа, по оцѣнкѣ, не основанной на добровольномъ соглашеніи. Это между прочимъ побуждаетъ ихъ и къ высокой оцѣнкѣ своихъ угодій. Ожидая обязательнаго, принудительнаго выкупа, они назначаютъ баснословныя цѣны, которыя, если даже и будутъ убавлены, все-таки будутъ вѣроятно соответствовать цѣнѣ самыхъ лучшихъ земель каждой мѣстности. Но разясните имъ, что у насъ возможенъ только добровольный выкупъ, основанный на добровольной оцѣнкѣ,—а литература очень можетъ вполне разяснить это, — и тогда уничтожится одно изъ главныхъ побужденій сокращать надѣлъ и высоко цѣнить угодія. Если же вамъ удастся ясно показать возможность вполне удовлетворительнаго устройства сельскаго суда и полиціи, возможность пріискать средства къ обезпеченію правильнаго отправленія повинностей крестьянами, то повѣрьте, весьма многіе помѣщики будутъ стараться уже не о сокращеніи, а о расширеніи надѣла: они найдутъ для себя выгоднѣе отдать часть земель свихъ въ постоянную вѣрную аренду съ видами на возможность въ непродолжительномъ времени совсѣмъ продать ихъ, и не захотятъ подвергать свои земли риску, сопряженному съ отдачею внаймы на короткій срокъ. Прибавимъ еще, что несправедливо винить помѣщиковъ въ преувеличенной оцѣнкѣ уже и потому, что деньги у насъ постоянно дешевѣютъ вслѣдствіе избытка

кредитныхъ билетовъ. Всякому естественно заботиться объ огражденіи своихъ интересовъ и интересовъ своего потомства.

Гласность въ вопросѣ о выкупѣ имѣетъ особенную важность еще и потому, что мы не можемъ вполнѣ пользоваться въ этомъ дѣлѣ примѣромъ другихъ государствъ Европы, гдѣ былъ произведенъ выкупъ. Мы находимся совершенно въ другомъ положеніи; мы должны заранѣе отказаться отъ многого, что было возможно тамъ, гдѣ повинности крестьянъ были уже издавна въ точности опредѣлены; съ другой стороны намъ представляются выгодныя кредитныя комбинаціи, которыми тѣ страны не могли пользоваться. Литература должна разъяснить эти особенности нашего крестьянскаго вопроса, дабы неумѣстное подражаніе нѣмецкимъ порядкамъ не произвело у насъ замѣшательствъ и не лишило насъ представляющихся намъ выгодъ.

Повторимъ еще разъ: безвредность гласности въ крестьянскомъ вопросѣ яснѣе самаго дня, и столько же ясна ея польза и ея необходимость для успѣшнаго окончанія крестьянскаго дѣла. Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы наша литература, несмотря на возгласы и старанія своихъ неброжелателей, достойно воспользовалась дарованнымъ ей правомъ обсуждать крестьянскій вопросъ въ связи съ вопросомъ о выкупѣ. Само собою разумѣется, что это желаніе можетъ относиться лишь къ литературѣ вообще. Нельзя и ожидать, чтобы никто ни разу не промахнулся, не сказалъ чего-нибудь неблагоразумнаго и неумѣстнаго. За такіе частныя промахи не можетъ отвѣчать литература. Изъ-за частныхъ уклоненій нельзя отказываться отъ пользы, которую можетъ принести гласность.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

Относительно контрактовъ, договоровъ и условій существовало въ законахъ нашихъ общее правило, что акты этого рода могутъ имѣть законную силу и дѣйствіе тогда только, когда написаны на гербовой бумагѣ установленнаго достоинства: въ противномъ

случаѣ строжайше запрещалось какъ присутственнымъ мѣстамъ, такъ и маклерамъ принимать ихъ къ явкѣ и запискѣ; акты, писанные на простой, или несоответственной бумагѣ, положительно запрещалось приводить въ дѣйствіе. Это требованіе относительно *формальной законности* акта было безусловное, и, по смыслу закона, присутственныя мѣста обязаны были обращать на него вниманіе независимо отъ указаній частныхъ лицъ. Съ другой стороны въ законѣ же существовало правило о томъ, что всякія записи и обязательства, если должникъ не отрицаетъ своей подписи, почитаются ясными и разбору неподлежащими требованіями, и на практикѣ всегда считалось неоспоримымъ исковое требованіе, какъ бы оно въ существѣ своемъ ни казалось незаконно, если противъ него не спорилъ отвѣтчикъ. Поэтому судебныя мѣста, при разсмотрѣніи спорныхъ дѣлъ по обязательствамъ постоянно встрѣчали затрудненіе, когда актъ, служившій основаніемъ требованія, оказывался написаннымъ не на установленной бумагѣ. Впервыхъ, казалось все-таки сомнительнымъ самое право судебного мѣста повѣрять внѣшнюю формальность акта, давно всѣми признававшагося въ силѣ, когда отвѣтчикъ не оспаривалъ его неформальностью; во вторыхъ, по чувству справедливости, казалось невозможнымъ вовсе уничтожить исковое право, не подлежащее никакому сомнѣнію, потому только, что, при совершеніи акта количество пошлины, слѣдовавшей въ казну, взыскано было не вполне, тѣмъ болѣе, что въ большей части случаевъ недостатокъ составлялъ сумму незначительную, и нарушение фискальнаго закона зависѣло не столько отъ частнаго лица, сколько отъ оффиціальнаго лица или мѣста, принявшаго актъ къ совершенію или явкѣ. Кромѣ того, при первоначальномъ представленіи актовъ въ полицію для безспорнаго взысканія, полиція всегда имѣла предлогъ входить въ неподлежащее сужденію о достоинствѣ акта и нерѣдко вовсе отказывалась отъ предъявленія его должнику, на томъ основаніи, что актъ, по ея мнѣнію, не принадлежитъ къ числу *законно-совершенныхъ* актовъ, которые вѣрно признавать безспорными.

Всѣ эти затрудненія и сомнѣнія сдѣлались невозможными съ изданіемъ новаго закона (мнѣніе гос. сов., выс. утв. 22 декабря 1858 г. по представленію управляющаго II отд. собств. Е. И. В. канцеляріи), коимъ постановлено: не признавать акты недействительными потому только, что они писаны на простой или несоответственной гербовой бумагѣ. Тѣ изъ нихъ, которые совершены явочнымъ или крѣпостнымъ порядкомъ, подлежатъ полному удовлетворенію: здѣсь законъ очевидно относитъ вину исключительно къ оффиціальнымъ лицамъ, имѣвшимъ надзоръ за совершеніемъ или явкой, и подвергаетъ эти лица установленному взы-

сканію. Напротивъ по тѣмъ актамъ, совершеніе коихъ происходило мимо присутственнаго мѣста или маклера,—взысканіе опредѣляется неполное: именно не полагается вовсе процентовъ за неустойку, проценты за неплатежъ считаются только со времени представленія ко взысканію, а при конкурсѣ обязательства этого рода относятся къ послѣднему разряду; кромѣ того, обѣ стороны, участвовавшія въ обязательствахъ, подвергаются взысканію втрое той суммы, которая не поступила въ казну за бумагу при совершеніи акта.

Другой законъ, состоявшійся того же числа, и также по представленію главноуправляющаго II отд. собств. Е. И. В. канцеляріи, имѣетъ цѣлію пополнить и установить съ одной точки зрѣнія правила о прекращеніи дѣйствія довѣренностей. Правила объ этомъ предметѣ, помѣщенные въ Сводѣ Законовъ, извлечены были изъ указовъ, изданныхъ въ разное время и по поводу отдѣльныхъ вопросовъ, такъ что на практикѣ давно чувствовалась потребность въ пополненіи ихъ. Неоднократно возбуждаемы были сомнѣнія, наприимѣръ относительно времени, съ котораго должна почитаться оглашенною воля довѣрителя объ уничтоженіи довѣренности. Во многихъ случаяхъ трудно было опредѣлить время, когда дѣйствія повѣреннаго, по уничтоженной довѣренности, теряли свою силу; на случай отказа повѣреннаго отъ принятой обязанности, не было опредѣлено, какимъ путемъ можетъ онъ огласить и узаконить свою волю; въ уничтоженіи довѣренности самъ довѣритель стѣсненъ былъ правиломъ, требовавшимъ подачи о томъ особаго прошенія въ то самое мѣсто, гдѣ довѣренность была совершена.

Довѣріе дѣлается обыкновенно на срокъ или безсрочно; повѣренный уполномочивается или въ частности на какое-либо опредѣленное дѣйствіе, или вообще на всякія дѣйствія, относящіяся къ принимаемой имъ должности; ходатайство его ограничено однимъ присутственнымъ мѣстомъ или допускается во всѣхъ мѣстахъ безъ ограниченія.

По новому закону дѣйствіе довѣренности прекращается: во первыхъ, силою внутреннихъ ея условій, какъ-то исполненіемъ порученія, истеченіемъ срока; во вторыхъ, по волѣ довѣрителя или повѣреннаго; втретьихъ, силою внѣшнихъ обстоятельствъ, какъ-то смертью довѣрителя или повѣреннаго, лишеніемъ того или другаго всѣхъ правъ состоянія, или всѣхъ особыхъ правъ

и преимуществъ, признаніемъ того или другаго безумнымъ, сумашедшимъ, несостоятельнымъ или пропавшимъ безъ вѣсти (прежній законъ, изъ числа всѣхъ этихъ событій, упоминалъ объ одной только смерти). Истечение земской давности, само по себѣ, не прекращаетъ дѣйствія довѣренности.

Для уничтоженія довѣренности, довѣритель обязанъ подать о томъ просьбу, или въ то мѣсто, гдѣ уполномочилъ повѣреннаго дѣйствовать, или когда довѣріе это не ограничивалось однимъ мѣстомъ,—въ какой бы то ни было уездный судъ, либо гражданскую палату, по своему усмотрѣнію. Уничтоженіе довѣренности совершается въ первомъ случаѣ постановленіемъ и отмѣткою того мѣста, куда подана просьба; во второмъ случаѣ, публикаціей объ уничтоженіи; публикація дѣлается троекратно: въ губернскихъ вѣдомостяхъ, если дѣйствіе довѣренности ограничено одною губерніею; въ сенатскихъ, с.-петербургскихъ академическихъ и московскихъ, если довѣріе не ограничено мѣстностью. Въ обоихъ случаяхъ объ уничтоженіи довѣренности сообщается въ то мѣсто, гдѣ она совершена. Это — дѣйствія необходимыя; но отъ воли довѣрителя зависитъ требовать возвращенія вѣрящаго письма отъ повѣреннаго, и просить о понужденіи его къ тому чрезъ губернское правленіе или полицію; въ случаѣ отсутствія повѣреннаго дѣлается повсемѣстная публикація о возвращеніи довѣренности. Отъ довѣрителя же зависитъ непосредственно отъ себя заявить объ уничтоженіи довѣренности во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ признаеть нужнымъ.

Повѣренный, желая сложить съ себя обязанность, долженъ увѣдомить о томъ довѣрителя съ возвращеніемъ вѣрящаго письма и объявить присутственному мѣсту, въ коемъ дѣйствовалъ, съ указаніемъ адреса довѣрителя.

Дѣйствія повѣреннаго по прекратившейся или уничтоженной довѣренности, почитаются законными, если совершены: въ первомъ случаѣ, до полученія имъ извѣстія о прекращеніи силы ея, въ последнемъ до полученія публикаціи на мѣстѣ его пребыванія, но если будетъ доказано, что и до полученія этой публикаціи повѣренный заключилъ сдѣлку отъ имени довѣрителя, зная объ уничтоженіи довѣренности, то виновный подвергается наказанію за подлогъ. Новый законъ не говоритъ, что и самая сдѣлка въ этомъ случаѣ признается не дѣйствительною; слѣдовательно должно думать, что она не теряетъ своей силы въ отношеніи къ довѣрителю; дается ли последнему, въ случаѣ явнаго нарушенія выгодъ его такою сдѣлкой, право иска на повѣренномъ, объ этомъ новый законъ также не упоминаетъ.

Въ системѣ нашего гражданского права довѣренность принадлежитъ къ числу договоровъ. Но въ этомъ договорѣ одна только

сторона представляется *дѣйствующею*—именно довѣритель. Отъ повѣреннаго зависитъ только принять или не принять довѣренность. Изъ существа этого договора слѣдуетъ, что обѣ стороны не могутъ связать себя такимъ условіемъ, въ силу коего довѣритель не въ правѣ былъ бы прекратить довѣріе и уничтожить полномочіе по своему произволу, такъ какъ съ одной стороны, довѣріе есть такое дѣйствіе личной воли, которое не можетъ быть стѣснено никакимъ обязательствомъ и свободно во всякую минуту выразиться положительно или отрицательно; съ другой стороны, въ юридическомъ смыслѣ не можетъ быть *права* на довѣріе, и никакое обязательство не способно утвердить за кѣмъ бы то ни было подобное право. Потому-то весьма естественно, что и новый законъ, упоминая о правѣ вѣрителя прекратить довѣріе и о правѣ повѣреннаго сложить съ себя обязанность, разумѣетъ то и другое въ смыслѣ безусловномъ. Впрочемъ въ послѣднемъ отношеніи нѣкоторыя законодательства (напримѣръ французское, котораго положенія во многомъ сходны съ новымъ закономъ) предоставляютъ довѣрителю право иска на повѣренномъ, если отказъ послѣдняго отъ исполненія принятаго порученія былъ причиною убытковъ для довѣрителя.

Спорныя дѣла между родителями и дѣтьми объ имуществѣ производятся въ совѣстныхъ судахъ, съ цѣлію примирить тяжущихся. Для достиженія этой цѣли необходимо личное присутствіе ихъ на судѣ; при производствѣ дѣлъ этого рода, законъ не допускаетъ ни повѣренныхъ, ни посредниковъ, письменные же отзвы, вмѣсто личной явки, дозволяется принимать только по уваженію къ служебнымъ занятіямъ и доказанной болѣзни тяжущихся. Въслѣдствіе уклоненія сторонъ отъ явки на судѣ нерѣдко возникали въ совѣстныхъ судахъ недоумѣнія: какимъ образомъ понудить ихъ къ явкѣ, до какого срока ожидать ея, и какія должны быть послѣдствія неявки. Закономъ постановлено было, что въ случаѣ неявки тяжущіеся должны быть *побуждаемы* судомъ черезъ полицію; но предстояло еще опредѣлить: въ чемъ должно состоять такое побужденіе. Личная явка сторонъ необходима совѣстному суду для того, чтобъ онъ могъ дѣйствовать *непосредственно* къ ихъ примиренію; съ другой стороны безусловное требованіе такой явки противорѣчило бы сущности судебно-гражданскаго разбирательства, въ которомъ та и другая сторона

ищетъ и отвѣчаетъ за себя свободно, то-есть не можетъ быть принуждаемъ силою ни истецъ доказывать свое требованіе, ни отвѣтчикъ оспаривать претензію истца; слѣдовательно побужденіе тяжущихся должно состоять въ томъ, что совѣстный судъ вызываетъ ихъ и назначаетъ имъ въ повѣсткѣ срокъ на явку. Недоумѣніе это по поводу представленія одного изъ совѣстныхъ судовъ, разсматривалось въ законодательномъ порядкѣ правительствующимъ сенатомъ и, согласно съ требованіемъ его, разрѣшено 17 ноября 1858 года высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта. Совѣстный судъ долженъ производить вызовъ тяжущихся родителей и дѣтей на основаніи общихъ правилъ гражданскаго судопроизводства; въ случаѣ же неявки сторонъ лично въ судъ къ назначенному сроку безъ законныхъ препятствій, истецъ признается не желающимъ доказывать свое требованіе, которое и оставляется безъ послѣдствій, а отвѣтчикъ признается не желающимъ спорить, и дѣло рѣшается по представленнымъ отъ истца объясненіямъ и доказательствамъ.

Городское с.-петербургское общество устроено на основаніяхъ, отличныхъ отъ устройства обществъ другихъ городовъ имперіи. Особенности этого устройства и его сравнительное превосходство общеизвѣстны; они особенно извѣстны въ Москвѣ, которая постоянно помышляетъ объ улучшеніи своего теперешняго городскаго хозяйства. Въ *Особенномъ учрежденіи с.-петербургскаго городскаго управленія* (II т. Св. Зак. Ч. 1, кн. IV, раздѣлъ IV) въ статьѣ 4484 было постановлено, что распорядительная городская дума, сверхъ подчиненности въ общемъ порядкѣ управленія правительствующему сенату, а въ мѣстномъ главномъ начальнику губерніи, находится въ непосредственномъ вѣдѣніи с.-петербургскаго губернатора, который можетъ по усмотрѣнію всегда лично председательствовать въ ней, а при разсмотрѣніи городскаго бюджета непременно председательствуетъ. Нынѣ, 14 декабря истекшаго года, состоялось высочайшее повелѣніе, что общественное управленіе въ С.-Петербургѣ состоитъ подъ главнымъ наблюденіемъ и вѣдѣніемъ с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, какъ главнаго начальника столицы.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Можно, безъ малѣйшаго спора, согласиться съ проповѣдниками мира, что война есть великое зло. Но достаточно ли признать эту истину, чтобы зло прекратилось и война исчезла изъ лѣтописей міра? Всякій человѣкъ, волею или неволею, чувствуетъ болѣзненность и смертность своей природы; всѣ въ этомъ отношеніи безпрекословно согласны: но къ тому ли должно расположить насъ это чувство, чтобы мы довѣрчиво слушали какого-нибудь шарлатана, который возьмется изобрѣсти намъ панацею отъ всѣхъ болѣзней и эликсиръ безсмертія? Глубокое сознаніе зла, присутствующаго человѣческой жизни, къ тому ли должно побуждать насъ, чтобы мы, оставивъ всякое серьезное дѣло, занялись хоть на минуту болтовнею умственныхъ недоростковъ, которые съ увлеченіемъ повторяютъ, какъ нѣчто новое и юное, всѣ вздоры этого шарлатанства, столь же стараго, какъ и всякое зло на землѣ? Серьезная задача человѣческихъ усилій должна заключаться не въ невозможномъ, а въ возможномъ. Мы не можемъ искоренить зло на землѣ, предупредить всѣ его входы и выходы; но проникая все глубже и глубже въ связь явленій и разъясняя себѣ ихъ законы, мы можемъ успешнѣе бороться со зломъ, стѣснять сферу его дѣйствія, и подчинять его силу силѣ добра. Многое на свѣтѣ является зломъ потому только, что находится не на своемъ мѣстѣ и дѣйствуетъ не въ свое время; многое становится даже положительнымъ благомъ, если сознаетъ свои должные предѣлы и измѣнить свое относительное положеніе.

Война есть зло, это правда. Но еще вѣрнѣе, еще справедливѣе было бы сказать, что война вызывается зломъ. Зло собственно таится въ тѣхъ причинахъ, которыя вынуждаютъ войну. Часто

война является только симптомомъ болѣзни, часто даже служить благодѣтельнымъ кризисомъ, потому что лучше зло открытое, нежели тайное. Чтобы предупредить возможность войны, надобно преслѣдовать зло въ его источникахъ, а не въ наружныхъ симптомахъ. Всѣ миротворныя проповѣди будутъ оставаться пустыми словами, пока будутъ толковать только о вредоносномъ дѣйствіи войны и убѣждать правительства жить въ добромъ согласіи. Всѣ подобныя добродушныя фразы, хотя бы онѣ окрылялись талантомъ ораторовъ, подобныхъ г. Брайту, ни къ чему не ведутъ. Кто хочетъ дѣйствовать въ интересѣ мира, тотъ долженъ, не теряя лишнихъ словъ, дѣйствовать неослабно и прямо противъ болѣзаненныхъ началъ, которыя кроются въ общественныхъ организацияхъ, и которымъ война служитъ лишь исходомъ. *Все въ мірѣ* разчитано не на райское блаженство, не на безпримѣсное господство добра; все въ этомъ мірѣ разчитано лишь на дѣятельную, непрерывную, неуклонную борьбу. Къ счастью, неправда и насиліе не всегда узнаютъ другъ друга, и не всегда другъ друга поддерживаютъ; къ счастью, элементы зла разрознены въ мірѣ, и зло не является цѣльною, безпримѣсною, самосознательною силою. Въ каждомъ проявленіи своемъ оно составляетъ какъ бы особый міръ, и связано съ самыми разнообразными интересами. Элементы зла поставлены такъ, что они волею или неволею соперничаютъ и враждуютъ другъ съ другомъ. Клинь вышибается клиномъ. Американскіе пионеры, застигнутые лѣснымъ или степнымъ пожаромъ, обыкновенно спѣшатъ очистить мѣсто вокругъ себя, и чтобы спастись отъ огня, посылаютъ другой огонь ему навстрѣчу.

Международное право основывается на трактатахъ. Но время идетъ, измѣняются условія жизни и измѣняются международныя отношенія. Чтò происходитъ въ жизни отдѣльныхъ народовъ, то, хотя и съ меньшею ясностію, происходитъ въ сферѣ международной. Наступаетъ пора реформъ; законы должны измѣниться сообразно съ измѣнившимся положеніемъ дѣлъ; это дѣлается не легко, и мудрая реформа соображаетъ всѣ обстоятельства и взвѣшиваетъ всѣ интересы, чтобы не промахнуться и попасть не туда, куда требуется. Въ странахъ, которыхъ исторія есть непрерывный постепенный прогрессъ, направленіе охранительное и направленіе либеральное служатъ одному общему дѣлу, открыто совѣщаются и спорятъ между собою, убѣждаютъ другъ друга и дѣлаютъ другъ другу уступки, не въ особомъ интересѣ того или другаго направленія, а въ интересѣ общаго имъ дѣла. А тамъ, гдѣ интересы разрознены и слѣпы, гдѣ съ одной стороны бродятъ не установившіяся силы и глупо лѣзутъ,

сами не зная куда, гдѣ съ другой стороны господствуетъ стольже тупая и бессмысленная ненависть ко всякому прогрессу, гдѣ нѣтъ общаго дѣла, гдѣ все управляется эгоизмомъ или инстинктомъ сомосохраненія, — тамъ постоянно совершаются дѣла насилія и постоянно ожидаются возмездія. Тамъ безъ войны всегда война. И дѣйствительно, военное государство есть уже само по себѣ организованная война. Пусть миръ господствуетъ въ международной сферѣ, пусть трактаты неприкосновенны и пользуются уваженіемъ, военное начало дѣйствуетъ тѣмъ не менѣе въ странахъ, гдѣ оно утвердилось; лучшія силы страны гибнуть и безъ войны въ странахъ, гдѣ господствуетъ ея законъ, — но гибнуть глухо, безъ упоенія битвы, гибнуть безславно, бесплодно и вредоносно. Къ чему же служить толки о вѣчномъ мирѣ въ международной средѣ, когда цѣлые народы въ своемъ внутреннемъ устройствѣ являются организованными силами войны? Какъ уберечься отъ взрыва, когда порохъ разсыпанъ въ такомъ изобиліи? Вотъ почему намъ кажется, что вниманіе проповѣдниковъ мира направлено не туда, куда слѣдуетъ, и не въ международной средѣ должно преслѣдовать войну, — тутъ является она лишь симптомомъ, лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тѣхъ причинъ, которыя скрываются во внутренней организаціи государствъ, — преслѣдовать войну должно въ этой внутренней организаціи, здѣсь ея источникъ, здѣсь куются ея перуны, здѣсь возникаютъ тѣ условія, которыя дѣлаютъ ее неизбѣжною, а иногда даже желанною въ интересъ самого мира.

Исторія и здравый смыслъ равно свидѣтельствуютъ, что истинная сила состоитъ не въ этихъ государствахъ, созданныхъ по образу и подобию войны, что блескъ, съ какимъ являются они въ международной средѣ, бываетъ не благонадеженъ и покупается слишкомъ дорогою цѣною, что сила ихъ есть сила болѣзни, а не сила здоровья. Въ столкновеніяхъ между собою, эти государства мало-по-малу приходятъ къ самосознанію, мало-по-малу умиротворяются въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, и истинныя силы растутъ въ этихъ народахъ по мѣрѣ того, какъ водворяется въ нихъ внутреннее согласіе и стѣсняется въ своихъ предѣлахъ грубое военное начало. Первенство въ международной средѣ и дѣйствительная сила принадлежатъ тѣмъ народамъ, которые организованы для мира. Благодаря существованію и дѣятельности этихъ народовъ образуется всемірная связь интересовъ, создается всемірное общественное мнѣніе, вносится въ международныя отношенія юридическая оцѣнка, которая скрѣпляется не одною военною силою, но силою несравненно болѣе важною экономическихъ интересовъ, отъ которой зависитъ благосостояніе

обществѣ, и безъ которой всякое оружіе будетъ лишь игрушкою въ рукахъ ребенка. Дальнѣйшее развитіе международнаго права зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ будетъ возрастать въ общей сложности перевѣсъ элементовъ мира надъ элементами войны, въ какой степени организованная война будетъ уступать мѣсто организованному миру въ устройствѣ отдѣльныхъ народовъ.

Трактаты, составляющіе положительный кодексъ международнаго права, не могутъ быть неподвижны и неизмѣнны. Доселѣ измѣнялись они не иначе, какъ посредствомъ войны, подобно тому какъ въ обществахъ, основанныхъ на элементахъ раздора, всѣ измѣненія совершаются путемъ насилія или кровавыхъ переворотовъ. Но мы не можемъ не видѣть благаго признака времени въ возникающемъ сознаніи, что международное право можетъ и должно развиваться путемъ мирныхъ реформъ, что трактаты могутъ измѣняться не одними войнами, но и общественнымъ судомъ и всенародными конгрессами. Мысль объ этомъ родилась недавно, она еще не созрѣла и не осмотрѣлась, но она уже растетъ, и какъ должно думать, ей предстоитъ великая будущность. Но для того, чтобы возможенъ былъ такой всемірный судъ, необходимо, чтобы установились твердыя точки зрѣнія, необходимо чтобы надъ условными и переходящими формами трактатовъ вознеслись безспорныя начала, чтобы надъ внѣшнимъ фактомъ, возводимымъ въ силу закона, возвысилась идея чистаго права, которая не ограничивалась бы внѣшними отношеніями государства къ государству, но проникала далѣе и глубже во внутреннюю организацію общественной жизни.

Въ связи съ этимъ вопросомъ находится вопросъ о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ одного государства во внутреннія дѣла другаго. Не можетъ быть сомнѣнія, что никакое государство, взятое въ отдѣльности, не имѣетъ права контролировать внутреннюю политику независимой страны. Каждое государство должно быть самостоятельно и независимо въ своемъ внутреннемъ устройствѣ отъ всякаго другаго государства; иначе оно существовало бы только номинально, а въ дѣйствительности подчинялось бы чуждому владычеству. Международное право не имѣло бы смысла, еслибы не опиралось на самостоятельность единицъ. Только кругъ самостоятельныхъ государствъ можетъ составлять органическую международную систему. А потому всѣ государства, непосредственно входящія въ международный союзъ, прежде всего обезпечиваются въ своемъ самоуправленіи, и сила союза ограждаетъ слабаго отъ вмѣшательства со стороны сильнаго. Но если никакое государство въ отдѣльности не можетъ претендовать на право вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ госу-

дарствъ, то этимъ еще не рѣшается вопросъ, въ какой мѣрѣ право это можетъ быть предоставлено цѣлому международному союзу. Вопросъ этотъ не можетъ быть удовлетворительно рѣшенъ, пока не опредѣлится съ полною ясностію характеръ этого союза. Но и теперъ уже можно видѣть, что сила, которой предстоитъ дѣйствовать въ международной средѣ, есть сила взаимныхъ интересовъ, соединяющихъ народы, и общественнаго мнѣнія. Международный союзъ не ограничивается одною оффиціальною дипломатіей, которая сама съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подчиняется контролю общественнаго мнѣнія; это не простая федерація правительствъ; напротивъ, съ каждымъ днемъ становится все яснѣе и яснѣе, что въ международномъ союзѣ развивается органическая связь между самими обществами, между внутренними интересами самихъ народовъ. Если еще не вездѣ правительства сознаютъ, что они служатъ органомъ общественныхъ интересовъ и должны искать себѣ опоры въ общественномъ мнѣніи, то тѣмъ не менѣе все по необходимости идетъ къ этому концу, и тѣ страны, которыя даютъ направленіе и тонъ всемірной политикѣ, давно уже пришли къ нему. Если, напримѣръ, въ Англіи правительство не можетъ иначе дѣйствовать какъ черезъ общественное мнѣніе, то по необходимости должны идти тѣмъ же путемъ и всѣ другія правительства, по крайней мѣрѣ въ международныхъ вопросахъ. Чтобы рѣшить какой-либо изъ подобныхъ вопросовъ, недостаточно маршалу Пелисье переговорить съ лордомъ Малъм-сбери и убѣдить лорда Дерби; — надобно убѣдить общественное мнѣніе, надобно выдвинуть публицистовъ, и прибѣгнуть къ печати. Правда, при этомъ правительство не всегда имѣетъ въ виду общественное мнѣніе своей страны. Правительство можетъ презирать свою страну, считать свой народъ неспособнымъ къ сознанію; но тѣмъ не менѣе оно не можетъ обойтись безъ посредства общественнаго мнѣнія, если не у себя дома, то въ другихъ странахъ, гдѣ нельзя ничего достигнуть инымъ путемъ. Пусть народъ, въ которомъ не допускаютъ развиваться общественному мнѣнію, остается въ своей скудной долѣ, пусть ни о чемъ не спрашиваютъ его, пусть его правительство добровольно лишаетъ себя этой великой внутренней силы, — оно все-таки должно будетъ спрашиваться у чужаго народа и справляться съ общественнымъ мнѣніемъ въ чужой странѣ.

И вотъ, въ Парижѣ, у книгопродавца Дантю, появился политическій памфлетъ подъ заглавіемъ: *L'Empereur Napoléon III et l'Italie*. Эта брошюра есть совершенный *pendant* брошюры, выпущенной въ прошломъ году, подъ заглавіемъ: *L'Empereur Napoléon III et l'Angleterre*. Обѣ, очевидно, писаны одною и тою же рукою, — всѣмъ извѣстно имя ихъ автора, заслуженнаго наполеоновскаго публи-

циста, г. де-Лагерроньера; обѣ брошюры вдохновлены изъ высочайшаго источника, *en haut lieu*, какъ говорится по-французски. Г. де-Лагерроньеръ только водилъ перомъ, а высказывалась собственная мысль императора; каждое слово обдуманно и взвѣшено имъ самимъ, и много приписано его собственною рукою. Говорятъ, что типографскіе роды этой брошюры были самые мучительные, что корректуры, дѣланныя въ Тюльери, нѣсколько разъ измѣняли видъ брошюры, что каждое слово въ ней, каждый оборотъ рѣчи разчитаны на извѣстное впечатлѣніе. Брошюра эта и была принята въ Европѣ какъ правительственный манифестъ, какъ выраженіе мысли самого императора. Впечатлѣніе однако было не совсѣмъ благопріятное, и во Франціи чуть ли не болѣе неблагопріятное, чѣмъ въ остальной Европѣ. Но во Франціи общественное мнѣніе заперто и прямо не высказывается. За то биржа, которая ускользаетъ отъ всякаго контроля и не зависитъ отъ министерскихъ предостереженій, обнаружила съ полною откровенностію силу испытаннаго впечатлѣнія. Брошюра дохнула войною, и фонды на биржѣ упали.

Брошюра написана краснорѣчиво и ловко. Она доказываетъ существованіе италіанскаго вопроса для Европы, и поднимаетъ его съ полною рѣшимостью. Точно такъ же, какъ и первый памфлетъ наполеоновскаго публициста, она главнымъ образомъ разчитана на благорасположеніе общественнаго мнѣнія въ Англіи. Съ особеннымъ усиліемъ старается она связать политику французскаго кабинета съ преданіями англійской политики. Она напоминаетъ, какъ Англія постоянно сочувствовала и поддерживала Италію, приводитъ отрывки изъ депешъ лорда Пальмерстона, писанныхъ въ 1848 году, прославляетъ англо-французскій союзъ, бросаетъ яркій свѣтъ на заслуги Англіи и скромную тѣнь на заслуги Франціи, относительно Италіи и Піемонта: «Англійская политика, говоритъ эта брошюра-манифестъ, не измѣнялась съ 1847 года относительно Италіи. Она даже опередила насъ: между тѣмъ какъ дипломатія короля Лудовика-Филиппа поддерживала мысль австрійскую, дипломатія королевы Викторіи ободряла мысль италіанскую. Въ продолженіи этихъ одиннадцати лѣтъ участіе Англіи въ дѣлахъ полуострова не ослабѣвало ни на одинъ день; мы усматриваемъ ея вліяніе въ первыхъ порывахъ италіанской національности, встрѣтившихъ восшествіе Пія IX на престолъ, равно какъ и въ тѣхъ усиліяхъ независимости, которыя, нѣсколько времени спустя, сосредоточились подъ знаменемъ Сардиніи; мы видимъ ея руку въ требованіяхъ Піемонта, внушенныхъ его первыми побѣдами, равно какъ и въ переговорахъ, послѣдовавшихъ за его пораженіемъ. Наконецъ, когда на парижскомъ конгрессѣ графъ Валевскій счелъ должнымъ обратить заботливость и вни-

маніе уполномоченныхъ на внутреннее состояніе Италіи, лордъ Кларендонъ, съ авторитетомъ свойственнымъ его посту и высокой опытности, энергически поддержалъ мнѣніе министра императора Французовъ.» Не ограничиваясь припоминаніемъ официальной политики Англіи, брошюра старается затронуть болѣе глубокія струны общественнаго мнѣнія въ этой странѣ. Она вызываетъ къ духу свободы, какъ къ великому преимуществу англійскаго народа, и почтительно преклоняется предъ ней. «Управленіе англійскою политикою, продолжаетъ брошюра, перешло въ другія руки; но духъ англійскій не измѣнился: Англія есть нація либеральная, и ея великая аристократія сохранилась, посреди всѣхъ кризисовъ нашихъ общественныхъ преобразованій потому только, что всегда шла впереди цивилизація и прогресса. Нѣтъ государственнаго челоуѣка, нѣтъ министра, нѣтъ парламента въ Великобританіи, который могъ бы защищать въ Италіи другое дѣло, а не то, которому правительство королевы въ продолженіи одиннадцати лѣтъ было крѣпкою опорой. Это дѣло соответствуетъ всему, что Англія уважаетъ, всему, что она призвана распространять въ мірѣ; она не можетъ отказаться отъ него, не отказавшись отъ своей исторіи и своей природы... Италіянскій вопросъ долженъ остаться италіянскимъ, онъ не можетъ стать французскимъ, не теряя своего европейскаго характера; а удерживая этотъ характеръ свой, онъ всегда найдетъ въ Англіи симпатіи свободнаго народа и просвѣщеннаго правительства. Для Англіи этотъ вопросъ соответствуетъ тѣмъ истиннымъ началамъ, съ которыми она связана однимъ изъ тѣхъ союзовъ, которые коренятся въ нравахъ народа и освящаются его совѣстью.» Оставляя въ сторонѣ торжественную смутность послѣдней фразы, мы не можемъ не подумать о томъ, какимъ страннымъ чувствомъ долженъ былъ отозваться въ французскомъ обществѣ этотъ гимнъ въ честь англійской свободы и ея высокаго призванія. Сочувствію англійскаго народа рекомендуется италіянскій вопросъ потому именно, что Англія есть нація свободная: изъ чего же, изъ какихъ фондовъ, будетъ сочувствовать этому вопросу французскій народъ? Но о сочувствіи французскаго народа нѣтъ и рѣчи. Франція въ идеѣ, *in abstracto*, и Франція въ лицѣ императора, *in concreto*, сочувствуютъ всему прекрасному и справедливому, — и этого довольно. Наполеоновскій публицистъ припоминаетъ слова великаго завоевателя, сказанныя имъ на островѣ Св. Елены. Выходитъ, что великій императоръ покорялъ народы единственно изъ желанія дѣлать ихъ свободными. Онъ покорялъ французскому владычеству Италію и Германію единственно затѣмъ, чтобъ Италію отдать еще болѣе италіянскою, а Германію еще болѣе германскою. Несчастіе постигло его прежде чѣмъ онъ успѣлъ совер-

шить это великое дѣло. Императоръ Наполеонъ I, говоритъ далѣе брошюра, считалъ себя обязаннымъ покорять національности съ цѣлю освободить ихъ; если его преемнику придется когда-нибудь защищать національности, то онъ будетъ освобождать ихъ безъ покоренія. Все это очень можетъ быть; но намъ кажется, что авторъ брошюры поступилъ бы благоразумнѣе, еслибъ удержался отъ этихъ увѣреній, и особенно отъ прославленія освободительныхъ завоеваній великаго императора. Эти завоеванія, какъ и всякое великое потрясеніе, не остались безъ значительныхъ послѣдствій, и исторія, какъ всегда, сумѣла воспользоваться ими для дѣла всемірнаго прогресса; но странно вносить въ деспотическія намѣренія завоевателя, не знавшаго предѣловъ своему властолюбію, священное дѣло независимости народовъ и общественной свободы. Приводя къ одному знаменателю политику перваго Наполеона съ политикой его преемника, брошюра не компрометируетъ ли эту послѣднюю въ общественномъ мнѣніи?

О Германіи наполеоновскій публицистъ говоритъ тономъ нѣкотораго покровительства. Онъ доказываетъ, что италіанскій вопросъ, самъ по себѣ, не имѣетъ никакой надобности сдѣлаться германскимъ. Обращаясь къ Пруссіи, онъ находитъ что собственный интересъ ея, равно какъ и интересъ цѣлой Германіи, требуетъ воздержатъ Австрію и ввести ее въ должны предѣлы.

Затѣмъ брошюра изображаетъ живыми красками плачевную картину Италіи и показываетъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится Пиемонтъ, который сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ ея надежды. Необходимо, говоритъ брошюра, чтобы Пиемонтъ нашелъ средства удовлетворить ожиданіямъ, которыя возбуждены имъ, иначе онъ потеряетъ всякое вліяніе въ Италіи, и самъ будетъ осилень страстями, сдержанными теперь его популярностію. Къ тому же разрывъ Пиемонта съ Римомъ можетъ привести его къ отпаденію отъ римской церкви. Въ Римѣ—антагонизмъ между церковнымъ правительствомъ и дѣлами гражданскаго общества, занятіе города французскими войсками, которыхъ нельзя вывести оттуда, потому что ихъ мѣсто займетъ либо Австрія, либо революція. Въ Неаполѣ, Пармѣ, Флоренціи, Моденѣ, вездѣ, гдѣ Австрія правительствуетъ своими трактатами, своими совѣтами, имѣющими силу приказаній, италіанское чувство возмущено, и это возмущеніе готово перейти въ революцію.

Послѣ парижскаго конгресса, на которомъ положено было позаботиться объ участи Италіи, кабинеты вѣнскій и тюльерійскій вели между собою переговоры объ устройствѣ дѣлъ въ Римѣ, но переговоры эти не имѣли никакого результата. Франція, продолжаетъ брошюра, убѣдилась, что лучше ничего не предпри-

внимать, чѣмъ присоединиться къ Австріи, и обмануть ожиданіи народонаселеній пустыми подобіями реформъ, когда существеннѣйшіе интересы ихъ требуютъ серіозныхъ улучшеній. Отказываясь содѣйствовать серіознымъ реформамъ, Австрія повиновалась политическому чувству, весьма естественному въ ея положеніи. Не имѣя возможности произвести реформы въ своихъ италіанскихъ провинціяхъ, она не можетъ допустить ихъ и въ другихъ странахъ Италіи.... Требовать, чтобъ Австрія приложила къ Ломбардіи систему болѣе мягкую и болѣе либеральную, значило бы требовать отъ нея самоубійства. Очевидно, что владычество ея въ Верхней Италіи можетъ поддерживать только силою: всякая льгота, какую Австрія дала бы этой завоеванной странѣ, послужила бы ей только оружіемъ для возвращенія своей независимости. Но это еще не все. Какъ скоро административная система въ Римѣ въ Неаполѣ, въ Тосканѣ, измѣнится къ лучшему, такъ тотчасъ же между этими странами и Ломбардіей образуется связь, давленіе которой Австрія почувствуетъ немедленно. Ей угрожаютъ въ Италіи не только реформы въ ея собственныхъ провинціяхъ, но и реформы въ другихъ независимыхъ государствахъ Италіи. Австрія обречена на косное сопротивленіе всякому нововведенію: неподвижность составляетъ необходимое условіе ея могущества.» Брошюра спрашиваетъ, какъ же выйдти Италіи изъ этого положенія. Путемъ революціи? Но средство это опасно и врядъ ли будетъ дѣйствительно. Представивъ факты, свидѣтельствующіе какъ крѣпко Австрія держитъ Италію въ своихъ рукахъ, какъ велики ея военныя средства, какъ выгодны стратегическіе пункты, которыми она командуетъ надъ своими италіанскими владѣніями,—наполеоновскій памфлетистъ заключаетъ: «Изъ этихъ фактовъ для всякаго военнаго человѣка выходитъ неоспоримая истина, что италіанская національность никогда не можетъ быть результатомъ революціи, и что ей нельзя обойтись безъ иностранной помощи.»

Итакъ, возстановить свою національность Италія можетъ не иначе, какъ при посредствѣ посторонняго вмѣшательства. Авторъ брошюры не оставляетъ безъ рѣшенія и другаго тѣсно-связаннаго съ этимъ вопроса, вопроса о будущемъ устройствѣ италіанскихъ государствъ, когда будетъ возвращена имъ независимость и національность. Видно, что императоръ Французовъ много размышлялъ объ этомъ вопросѣ и соображалъ всѣ обстоятельства, имѣющія связь съ нимъ. По его плану, Италія должна составлять федерацію независимыхъ другъ отъ друга государствъ. Центромъ этого союза долженъ быть Римъ, и папа будетъ председательствовать въ общемъ совѣтѣ влстителей Италіи. Вознесенный на эту высоту, съ которой рука его можетъ простираться

на всю Италию и благословлять ее, святой отец может отказаться от заботъ мірскаго управленія и поручить свѣтской администраціи свѣтскія дѣла Римской области. Но чтобы прійти къ этому результату, надобно измѣнить существующіе трактаты. Франція не хочетъ войны и считаетъ ее бѣдствіемъ; потому-то она и обращается къ Европѣ въ надеждѣ, что Европа не откажется подвергнуть пересмотру трактаты, породившіе италіанскій вопросъ. Изъ брошюры мы узнаемъ, что Франція не имѣетъ ни малѣйшей антипатіи къ Австріи, что всѣ несогласія касаются только италіанскаго вопроса, и что если этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ миролюбиво и удовлетворительно, то между обоими правительствами утвердятся прочный союзъ, который будетъ очень выгоденъ для всемірной цивилизаціи.

Въ самомъ дѣлѣ замѣчательно, что кромѣ италіанскаго вопроса памфлетъ не поднимаетъ никакихъ другихъ вопросовъ. Все неудовольствіе противъ Австріи ограничивается только затрудненіями, которыя происходятъ отъ ней въ италіанскихъ дѣлахъ. Объ ея проискахъ и вымогательствахъ въ Турціи не упоминается ни слова. А между тѣмъ Европѣ, по дѣлу Соединенныхъ Княжествъ, можетъ быть еще не разъ придется поспорить съ австрійскимъ вліяніемъ. Въ настоящую минуту возникло тамъ довольно казусное дѣло. Какъ извѣстно, Молдавія и Валахія соединены между собою многими узами, но тѣмъ не менѣе онѣ не составляютъ одного политическаго цѣлаго; каждое княжество имѣетъ свою особую исполнительную власть, особаго господаря, хотя народонаселенія обѣихъ странъ высказались въ пользу полнаго соединенія. Теперь въ обѣихъ княжествахъ уже составились представительныя собранія; имъ, по конституціи, принадлежитъ избраніе господарей. Представители Молдавіи выбрали полковника Александра Кузу, на котораго тамъ возлагаютъ большія надежды. Онъ издалъ уже манифестъ о своемъ вступленіи на господарскій престолъ, и назначилъ министровъ. Не излишне замѣтить, что новый господарь извѣстенъ за ревностнаго уніониста. Валахскіе представители нѣсколько запоздали выборомъ противъ своихъ молдавскихъ собратій. Наконецъ получено извѣстіе, что и Валахи избрали себѣ господаря, и что господарь этотъ никто иной, какъ тотъ же самый Куза. Такимъ образомъ оба княжества вполне сливаются, по крайней мѣрѣ *de facto*. Возможность такого совпаденія не была предвидѣна въ конвенціи державъ, давшихъ княжествамъ ихъ новую конституцію. Вопросъ теперь въ томъ, утвердить или не утвердить Турція валахскій выборъ, имѣетъ ли султанъ право не допустить, чтобы надъ обѣими княжествами былъ одинъ господарь. Безъ сомнѣнія, Австрія не будетъ склонять султана въ пользу утвержденія общаго господаря.

Но другія державы должны будутъ также отозваться, и вотъ поводъ къ новымъ международнымъ совѣщаніямъ.

Въ то самое время, какъ появилась въ Парижѣ брошюра, въ которой высказывается политика императора по отношенію къ Италіи, открылся 3 февраля англійскій парламентъ. Публика не въ одной Англій, но и въ цѣлой Европѣ съ нетерпѣніемъ ожидала этого открытія. Открытіе парламента въ Англій составляетъ всегда самое торжественное событіе въ ея политической жизни, а въ настоящее время нѣтъ недостатка въ вопросахъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики, общающихся одну изъ самыхъ важныхъ парламентскихъ сессій. Это третья сессія пятого парламента при королевѣ Викторіи, царствованіе которой будетъ безспорно принадлежать къ самымъ блистательнымъ эпохамъ англійской исторіи.

Отъ закрытія парламента въ прошломъ году до теперешняго открытія его протекли, обычнымъ срокомъ, шесть мѣсяцевъ. Для членовъ парламента время это не было временемъ вакаціи. Политическіе дѣятели Англій не знаютъ отдыха, они только мѣняютъ занятія. Одна изъ самыхъ важныхъ и глубокихъ особенностей англійскаго обычая состоитъ въ томъ, что люди, призываемые къ публичной дѣятельности, исполняются не столько сознаніемъ своихъ правъ, сколько сознаніемъ своихъ обязанностей. Въ другихъ мѣстахъ, обыкновенно, обязанность составляетъ лишь изнанку права; здѣсь, напротивъ, вся сила заключается въ обязанности, внѣ которой право теряетъ всякій смыслъ. Въ *Journal des Débats*, по случаю нынѣшняго открытія англійскаго парламента, напечатана характеристическая статейка одного изъ редакторовъ этого журнала, г. Ксавье Ремона. «Журналы, пишетъ французскій публицистъ, слѣдящіе въ Англій съ самою бдительною точностію за всѣми движеніями публичныхъ людей, даютъ съ тѣмъ вмѣстѣ возможность взвѣсить силу обязательствъ, возлагаемыхъ правами на избранныхъ страны или возлагаемыхъ ими на себя добровольно; вездѣ эти обязанности показали бы слишкомъ тягостными, нигдѣ не показали бы онѣ прельстительными для людей, которые, по своему богатству и общественому положенію, могутъ съ полнымъ приличіемъ не заниматься ничѣмъ. Послѣ шестимѣсячной трудовой сессіи, члены парламента возвращаются въ свои города или въ свои графства лишь затѣмъ, чтобы приняться тамъ за отправленіе мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ должностей, которому обязаны они самою лучшею долей своего вліянія. Офицеры земской милиціи, которымъ законъ поставляетъ въ обязанность являться къ дѣйствительной службѣ по крайней мѣрѣ на двадцать одинъ день ежегодно; присяжные, мировые судьи, члены городскихъ управленій,

администраторы безчисленныхъ филантропическихъ заведеній, покрывающихъ всю Англію, принуждаемые обычаемъ принимать участіе въ совѣщаніяхъ приходской общины, равно какъ и въ трудахъ совѣта графства, они возвращаются домой лишь затѣмъ, чтобы найти тамъ массу дѣлъ, скопившихся во время пребыванія ихъ въ Лондонѣ. Управившись съ накопившимися дѣлами, они должны потомъ отдать отчетъ своимъ избирателямъ въ результатахъ послѣдней парламентской сессіи; имъ надобно еще присутствовать на митингахъ, имѣющихъ цѣлью развѣдать общественное мнѣніе по поводу тѣхъ мѣръ, о которыхъ должна идти рѣчь въ будущую сессію. А вотъ митинги, на которыхъ обсуживаются дѣла мѣстнаго интереса и которые также требуютъ ихъ присутствія; вотъ какая-нибудь славная годовщина, которую надобно почтить рѣчью, вотъ открытіе какого-нибудь *mechanic's institute*, какой-нибудь школы, общественнаго парка, больницы, статуи, вотъ какая-нибудь мѣстная выставка, вотъ возвратился какой-нибудь герой изъ Индіи, вотъ докторъ Ливингстонъ, знаменитый путешественникъ, которому надобно дать праздникъ, вотъ какое-нибудь сельско-хозяйственное собраніе и раздача наградъ, вотъ ежегодно повторяемый вечеръ общества садоводства, вотъ наконецъ невѣроятное множество обстоятельствъ, гдѣ не только приходится жертвовать деньгами, а гдѣ еще нужно платиться своею особой и своимъ краснорѣчіемъ. Но это только непремѣнныя обязанности членовъ парламента, отъ которыхъ имъ не возможно уклониться, а есть еще другія обязанности, которыя многіе изъ нихъ берутъ на себя добровольно. Такъ, въ этомъ году, лордъ Брумъ, лордъ Джонъ Россель и многіе изъ ихъ товарищей объѣзжали большіе города Англій, чтобы сообщить тамъ, среди несмѣтныхъ слушателей, плодъ своихъ размышленій объ административныхъ предметахъ, о реформѣ уголовныхъ законовъ, о публичномъ воспитаніи и даже о литературѣ. Мы видѣли, какъ г. Брайтъ, предпринималъ цѣлую кампанію за избирательную реформу, былъ въ Бермингамѣ, Манчестерѣ, Эдинбургѣ, Глазго, Бадфордѣ, Лидсѣ, Рочделѣ, вездѣ сносился съ массами народа, изливалъ цѣлые потоки своего краснорѣчиваго слова, и выносилъ для этого дѣла утомительные труды, отъ которыхъ, Богъ дастъ, не разстроится его здоровье, уже потраченное прежними трудами. Члены парламента пользуются парламентскимъ досугомъ также на то, чтобы съѣздить за границу, набраться новыхъ соображеній, собрать ту обильную жатву свѣдѣній, которая сообщаетъ такую поучительность ихъ преніямъ въ парламентѣ. Такъ мы видѣли въ Шербургѣ болѣе двухсотъ членовъ обѣихъ палатъ, которые пріѣзжали самолично освѣдо- миться о положеніи французскаго флота. Лордъ Бэрри (Bury), не

давно державшій рѣчь къ своимъ избирателямъ въ Норвичѣ, вздиль этимъ лѣтомъ въ Канаду потолковать по случаю устройства новой трансъ-атлантической телеграфной линіи между Гальвеемъ и Портландомъ, и сообразить по какимъ мѣстамъ должна пройти колоссальная желѣзная дорога, которая должна пересѣкать всю принадлежащую Англій части Сѣверной Америки. Сэръ-Робертъ Стенсонъ находится въ Египтѣ, гдѣ онъ подвергаетъ новымъ изслѣдованіямъ вопросъ о прорытіи Суэскаго перешейка. Лордъ Пальмерстонъ, лордъ Кларендонъ и другіе побывали на материкѣ для политическихъ совѣщаній. Герой Карса, генераль Вильямсъ, предпринималъ путешествіе въ Новый Брауншвейгъ, чтобы своими генеральскими эполетами и своимъ званіемъ члена парламента за бургъ Кальнъ, показать своимъ соотечественникамъ, что Англія уже не дѣлаетъ никакого различія между своими дѣтьми, родившимся ли они въ колоніи, или въ самой метрополіи. Лордъ Редклифъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, снова появился въ Константинополь, и теперь, на возвратномъ пути, находится еще въ Римѣ. Г. Гладстонъ, издавъ въ свѣтъ три тома о Гомерѣ, принялъ всѣмъ извѣстное порученіе; но мы скоро снова увидимъ его на театрѣ его славы. Мы могли бы упомянуть и обо многихъ другихъ, употребившихъ свой парламентскій досугъ, но мы еще не всѣхъ знаемъ.

Кстати, перервемъ здѣсь рѣчь французскаго публициста, и въ дополненіе сообщимъ слѣдующую интересную новость. Сейчасъ прочли мы въ *Times* извѣстіе о только-что вышедшей книгѣ лорда Кампбелла о Шекспирѣ. Этотъ государственный человѣкъ и вмѣстѣ судья, котораго вся дѣятельность, казалось бы, должна быть поглощена парламентскими и судебными засѣданіями, не ограничивается историческими изслѣдованіями по своему громадному труду, посвященному біографіямъ англійскихъ судей; онъ нашелъ еще время для обширныхъ изслѣдованій о великомъ поэтѣ Англій.

Дѣйствительно, продолжаетъ г. Ксавье Ремонъ, жизнь членовъ англійскаго парламента есть самая трудовая на этотъ поприщѣ. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ законодатели принадлежатъ къ той же англо-саксонской породѣ, и гдѣ сверхъ того законодательная служба соединена съ жалованіемъ, представители и сенаторы живутъ гораздо льготнѣе. Правда, въ Вашингтонѣ, законодательная сессія бываетъ продолжительнѣе, чѣмъ въ Лондонѣ; но злые языки утверждаютъ, будто законодатели, получая плату за каждое засѣданіе, умѣютъ всегда такъ уладить дѣла, что число засѣданій возрастаетъ выше всякой мѣры. Мы не хотимъ вѣрить этимъ сплетнямъ; однако то несомнѣнно, что конгрессъ даетъ публикѣ гораздо менѣе за ея

деньги, чѣмъ англійскіе лорды и англійскіе общинники изъ одной чести, которую имъ доставляетъ ихъ положеніе.»

Times, наканунѣ открытія парламента, привѣтствуетъ новыхъ членовъ, для которыхъ въ эту сессію впервые открывается великое поприще политической жизни. « Не надобно забывать, сказано между прочимъ въ руководящей статьѣ этого журнала, что палата общинъ, помимо своихъ важныхъ, величавыхъ, историческихъ сторонъ, помимо своего дѣловаго характера, можетъ еще назваться первымъ клубомъ въ мірѣ; это единственная въ своемъ родѣ среда оригинальныхъ и живыхъ бесѣдъ, новостей, догадокъ, предсказаний, сюрпризовъ, подозрѣній, предположеній, утверженій, отрицаній, милыхъ клеветъ, немедленныхъ мщеній, волнованій, строфъ и антистрофъ всякаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, говоря пошлою фразой, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ ничего ей подобнаго. Здѣсь та пещера, гдѣ сидитъ Эоль, окруженный источниками вѣтровъ; здѣсь раждаются журнальные отчеты и разказы, которые распространяются по всему земному шару; здѣсь зародыши, здѣсь первичныя формы тѣхъ гигантовъ, которые отъ времени до времени встаютъ передъ изумленными взорами публики; здѣсь вы очутитесь за занавѣсью, у самаго источника мощныхъ явленій, здѣсь, подобно Энею въ сверхестественномъ мірѣ, изображенномъ у поэта, вы будете присутствовать при зачаткахъ жизни, и можете въ очію видѣть тѣни героевъ міра, прежде чѣмъ они вступятъ *in luminis auras*. Новая сцена и новое положеніе всегда оживляютъ и освѣжаютъ человѣка, какъ будто даютъ ему вторую молодость; и онъ какъ будто сбрасываетъ съ себя старую оболочку, выходитъ изъ связанныхъ съ нею привычныхъ отношеній, и становится новымъ человѣкомъ, готовымъ къ новой жизни. Но новая сессія есть событіе столько же для самой публики, сколько и для членовъ палаты. Парламентъ—сцена, занавѣсъ которой поднимается каждое утро съ появленіемъ газетъ. Здѣсь непрерывно происходитъ смѣна, если не всегда актеровъ, то дѣйствій; тѣ же актеры являются въ новыхъ положеніяхъ и играютъ въ новыхъ сценахъ; каждый день возникаетъ новый случай и творится новый діалогъ. Говорятъ, что народъ нашъ утратилъ вкусъ къ театру; дѣло въ томъ, что нашъ театръ—парламентъ. Никогда не можемъ мы принимать такого глубокаго участія въ характерѣ вымышленныхъ лицъ, расхаживающихъ въ золотѣ и бархатѣ по сценѣ, и представляющихъ событія среднихъ вѣковъ или время Тюдоровъ. То ли дѣло, когда передъ глазами нашими, въ парламентѣ, происходитъ живая и истинная драма, гдѣ живые, дѣйствительные люди бьются другъ съ другомъ въ дѣйствительныхъ битвахъ, наносятъ и отражаютъ дѣйствительные удары, стремятся къ дѣйствительнымъ цѣлямъ, до-

могутся действительной побѣды, и разыгрываютъ настоящія, действительныя чувствованія!.. Тутъ, будьте увѣрены, вы всегда увидите живую натуру; здѣсь актеры не отводятъ вамъ глазъ, и вамъ нечего дожидаться, съ помощію критики, натураленъ или нѣтъ тотъ или другой характеръ: здѣсь характеры могутъ быть возвышенны и невозвышенны, но все навѣрное натуральны. Политическая жизнь имѣетъ свои маски, но маски здѣсь сама натура, а не представленіе. Англійская публика страстно любитъ сильныя возбужденія этой правдивой драмы, которую смотреть она бесплатно. Съ какою поспѣшностію хватается она за утренніе журналы, когда ожидается интересное преніе! Ничто не ускользнетъ отъ внимательнаго читателя, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ; онъ вполне входитъ въ положеніе и обстоятельства оратора, оцѣниваетъ силу его нападеній или силу его оппора, критикуетъ его тонъ, взвѣшиваетъ его аргументы. Каждый ударъ или отпоръ въ палатѣ, всякій намекъ, всякій маневръ, мгновенно поражающій противника, всякій оборотъ искусной тактики, которая умѣетъ выбраться изъ затрудненія, все это отзывается въ умѣ всякаго живаго и воспитаннаго человѣка; все англійское общество чувствуетъ возбуждательное сотрясеніе, при видѣ парламентской сцены; эта сцена даетъ предметы для разговоровъ и вызываетъ тысячи мелкихъ объяснительныхъ споровъ въ каждомъ кругу. Передъ нами совершается бой, въ которомъ не проливается кровь, а лишь умъ борется съ умомъ. У Римлянъ были бои гладиаторовъ, у средневѣковыхъ народовъ—турниры; Испанцевъ и теперь еще услаждаетъ бой быковъ;—борьба, въ какихъ бы то ни было видахъ, возбуждаетъ интересъ во всякомъ человѣкѣ, и интересъ этотъ глубоко вкорененъ въ человѣческой натурѣ. Наше общество созерцаетъ благороднѣйшій изъ всѣхъ видовъ борьбы, — борьбу мысли и слова.»

Нетерпѣніе, съ какимъ публика ожидала открытія парламента, было весьма естественно. Всѣ ждали, что скажетъ тронная рѣчь; всѣ ждали важныхъ объясненій отъ парламента, по вопросамъ, встревожившимъ весь міръ. Среди этого грознаго мрака, вдругъ обожившаго политическій міръ и разсѣкаемаго лишь молніями официальной публицистики, только отъ этихъ гласныхъ, всенародныхъ объясненій можно было ожидать свѣта. Тутъ не будетъ официальныхъ умолчаній, и чего не скажетъ правительство, то будетъ досказано оппозиціей. Тутъ не можетъ быть никакихъ искусственныхъ представленій дѣла, тутъ все выскажется, побуждаемое собственною силою вещей; массы свѣта и тѣни расположатся соответственно натурѣ. Но рѣчь королевы и парламентскія пренія не только послужатъ къ разсѣянію

дѣла, — они сами будутъ имѣть силу событій, будутъ демонстраціей, произведутъ какое-либо дѣйствіе въ ту или другую сторону. Какъ опредѣлитъ Англія свою политику къ Франціи? Какъ приметъ она воинственный тонъ своей союзницы? Кака судьба ожидаетъ союзъ обѣихъ западныхъ державъ? Нѣтъ сомнѣнія, что многочисленная и блистательная публика, собравшаяся 3 февраля въ палатѣ перовъ, и въ томъ числѣ представители всѣхъ европейскихъ державъ, не безъ сильнаго волненія ожидали минуты, когда за рѣшеткой появится палата общинъ, предводимая своимъ *спикеромъ*, и королева поднимется съ трона. Но, какъ и всегда, тронная рѣчь англійской королевы не отличалась никакими блестящими эффектами. Въ обычной формѣ, въ выраженіяхъ умѣренныхъ и сдержанныхъ, рѣчь эта коснулась общаго положенія дѣлъ, какъ внутри страны, такъ и въ международной политикѣ; за тѣмъ исчислила рядъ проектовъ, которыми правительство намѣрено занять парламентъ въ открывшуюся сессію.

«Милорды и джентльмены, такъ начала королева, — прибѣгая въ обычную пору къ совѣтамъ моего парламента, я съ радостію помышляю, что во внутреннемъ положеніи страны нѣтъ ничего возбуждающаго безпокойство, а есть много, вызывающаго чувство удовлетворенія и благодарности. Пауперизмъ и преступленія значительно уменьшились въ теченіи прошлаго года, и духъ довольства господствуетъ повсюду.»

Уменьшеніе пауперизма опредѣляется обыкновенно сравненіемъ съ соотвѣтственными мѣсяцами и недѣлями предыдущихъ лѣтъ. По свидѣтельству перваго министра, представленному имъ при открытіи засѣданія, — положеніе бѣдныхъ классовъ значительно улучшилось не только въ сравненіи съ началомъ предыдущаго года, когда въ торговомъ и промышленномъ мѣрѣ распространилась паника, вслѣдствіе финансоваго кризиса, но и въ сравненіи съ 1857 годомъ. Какъ на одно изъ весьма важныхъ свидѣтельствъ благосостоянія низшихъ классовъ, графъ Дерби указалъ на значительное увеличеніе вкладовъ въ сберегательные банки (*savings-banks*). Отъ половины декабря до половины января 1857—58, выдачи изъ сберегательныхъ банковъ превышали поступавшіе въ нихъ вклады на сумму 600.000 ф. стерл. (3 милліона 750 тысячъ р. сер.). Вообще въ послѣдніе два года вклады въ сберегательные банки увеличились противъ прежняго на 1.000.000 ф. стерл. (6.875.000 р. сер.).

Вслѣдъ за общимъ взглядомъ на внутреннее положеніе страны, тронная рѣчь обращается къ Индіи и свидѣтельствуетъ о близости ея окончательнаго умиротворенія. Теперь главною заботою должно быть водвореніе новаго порядка въ этой странѣ, поступившей подъ непосредственное управленіе короны. «Принявъ, по вашему со-

вѣту, непосредственное управленіе этою частію моихъ владѣній продолжала королева, я сочла нужнымъ объявить, особою прокламаціей начала, которыми я намѣрена руководствоваться, и милость, которую я расположена была оказать расквашшимся матежникамъ. Я приказала, чтобы копія этой прокламаціи была представлена вамъ.

• Я получаю отъ всѣхъ иностранныхъ державъ увѣренія въ ихъ дружелюбныхъ расположеніяхъ. Поддерживать и упрочивать это расположеніе, хранить ненарушимо вѣрность международныхъ трактатовъ и способствовать, на сколько можетъ простираться мое вліяніе, къ сохраненію всеобщаго мира—вотъ предметы моей постоянной заботливости. »

Слова эти были прямымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія, и въ то же время отвѣтомъ на тревожные вопросы, возбужденные намеками французской политики. Въ обѣихъ палатахъ эти краткія слова тронной рѣчи были развиты вождями парламентскихъ партій. Мы еще возвратимся къ этому главному пункту, а теперь будемъ продолжать обзоръ тронной рѣчи. Упомянувъ о конвенціи, заключенной великими державами относительно Молдавіи и Валахіи, и о новомъ устройствѣ этихъ княжествъ, королева говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ Россіи:

• Торговый трактатъ, который заключила я съ російскимъ императоромъ и который будетъ представленъ вамъ, служить удовлетворительнымъ доказательствомъ полнаго возстановленія тѣхъ дружественныхъ отношеній, которыя, до послѣдняго несчастнаго перерыва, долго существовали между нами ко взаимной выгодѣ нашихъ владѣній.

Далѣе упоминается о трактатахъ, заключенныхъ съ императоромъ китайскимъ и съ императоромъ японскимъ. Трактаты эти ожидаютъ ратификаціи, чтобъ быть представленными парламенту. Въ тронной рѣчи изъявлено особенное удовольствіе, что императоръ Французовъ рѣшился наконецъ отмѣнить систему переселенія негровъ съ восточнаго берега Африки. «Правительство мое, продолжаетъ королева, не переставало дѣлать его императорскому величеству самая живыя, хотя и дружескія представленія по этому предмету. Это благоразумное дѣйствіе императора Французовъ подаетъ мнѣ надежду, что переговоры, происходящіе теперь въ Парижѣ, приведутъ къ совершенной отмѣнѣ этой системы и къ замѣнѣ ея законно опредѣленнымъ, существенно-свободнымъ трудомъ.»

Новыя смуты, происходившія въ Мексикѣ, причинили много ущербовъ и обидъ проживающимъ тамъ англійскимъ подданнымъ. •Это приняло такіе размѣры, говорятъ королева, что я принуждена была дать приказаніе командиру моихъ морскихъ силъ въ

этихъ водахъ, чтобъ онъ потребовалъ, а въ случаѣ надобности и вынудилъ должное удовлетвореніе.»

Обращаясь обычнымъ порядкомъ исключительно къ членамъ палаты общины по финансовому дѣлу и объявивъ, что нинѣ будетъ представленъ бюджетъ будущаго года, составленный согласно съ требованіями экономіи и общественной службы, королева продолжила рѣчь слѣдующими словами, имѣющими особое значеніе при теперешнихъ обстоятельствахъ:

«Повсемѣстное примѣненіе силы пара къ морской войнѣ потребуетъ временнаго увеличенія издержекъ, необходимыхъ для новаго устройства судовъ англійскаго флота; но я убѣждена, что вы съ радостію согласитесь назначить все, что сочтете сами необходимымъ для предмета столь жизненной важности, какъ поддержаніе морскаго могущества Англіи.»

Относясь снова къ объѣмъ палатамъ вмѣстѣ, королева обозначила билли, какіе правительство приготовило для внесенія въ парламентъ: уравниль законы, относящіеся къ банкротствамъ и несостоятельности; привести уголовные законы, дѣйствующіе въ Англіи и Ирландіи, въ одинъ рядъ статутовъ съ надлежащею классификаціею и съ необходимыми видоизмѣненіями; дать землевладѣльцамъ въ Англіи возможность получать формальные документы, обезпечивающіе право собственности на имѣнія и доходы. Для поясненія этого послѣдняго билля, слѣдуетъ замѣтить, что въ Англіи до сихъ поръ поземельная собственность переходитъ изъ рукъ въ руки безъ всякихъ офинціальныхъ скрѣпъ, безъ такъ-называемыхъ у насъ крѣпостныхъ актовъ, что могло подавать поводъ къ спорамъ и тяжбамъ. Объявляемый билль вызванъ давними требованіями общественнаго мнѣнія.

Въ особомъ пунктѣ, съ большею подробностію, тронная рѣчь упоминаетъ оважномъ биллѣ парламентской реформы. Вотъ это мѣсто:

«Ваше вниманіе будетъ обращено на законы, которыми опредѣляется представительство народа въ парламентъ. Я не сомнѣваюсь, что вы будете разсматривать этотъ великій предметъ съ полнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, соотвѣтственно важности тѣхъ интересовъ, которыхъ будутъ касаться результаты вашихъ совѣщаній.

«Эти и другія предложенія для измѣненія законовъ, которые будутъ представлены вамъ, поручаю я вашему тщательному обсужденію, и усердно молю Бога, чтобы ваши совѣщанія были направлены къ утвержденію престола, къ поддержанію и развитію нашихъ учреждений, ко всеобщему благосостоянію и счастью моего народа.»

Слова королевы разносились по цѣлой Англіи почти въ то самое время, какъ она произносила ихъ. Телеграфъ передавалъ ихъ во всѣ концы. Въ *Times* безъ большой гиперболы замѣчено,

что королева не успѣла еще возвратиться во дворецъ, какъ уже рѣчь ея читалась въ Парижѣ, въ Вѣнѣ и Петербургѣ.

На тронную рѣчь обѣ палаты обыкновенно отвѣчаютъ, каждая своимъ адрессомъ. Первозасѣданіе палатъ, какъ водится, было посвящено сужденіямъ обѣ адрессѣ и разсмотрѣнію правительственной программы, составляющей содержаніе тронной рѣчи. Обыкновенно двое изъ младшихъ членовъ палаты берутся проводить предложеніе обѣ адрессѣ. И тотъ и другой разбираютъ всѣ пункты тронной рѣчи, окружаютъ разными замѣчаніями и поясненіями всѣ ея подробности и стараются придать выпуклость каждой содержащейся въ ней мысли. Обыкновенно содержаніе рѣчи сообщается имъ до засѣданія, и они заблаговременно обращаются за справками къ министрамъ. Вслѣдъ за изложеніемъ ораторовъ адреса, говорятъ возжи оппозиціи, и подвергаютъ болѣе или менѣе строгой и рѣзкой критикѣ правительственную программу; завязываются оживленныя пренія, и члены правительства представляютъ новыя объясненія въ защиту своей политики. Нынѣшній разъ вопросъ обѣ адрессѣ не встрѣтилъ никакого возраженія; правительственная программа не подверглась ни какой критикѣ, кромѣ легкиихъ замѣчаній, не касавшихся сущности дѣла и болѣе служившихъ къ восстановленію чести прежняго правительства, высказанныхъ самимъ лордомъ Пальмерстономъ въ нижней палатѣ, и лордомъ Гранвилемъ въ верхней. Такъ лордъ Пальмерстонъ не упустилъ случая воспользоваться тѣмъ пунктомъ тронной рѣчи, который относится къ китайской войнѣ. «Мы очень рады, замѣтилъ онъ, что наши преемники въ правительственномъ дѣлѣ, воплотивъ оцѣниваютъ великія выгоды, проистекшія отъ китайской войны (*рекомендация и смѣль*).... Никогда не поздно привѣтствовать кающагося грѣшника (*смѣль*). Нельзя не порадоваться, что джентльмены противоположной стороны палаты, не хотѣвшіе отдать справедливость побужденіямъ и видамъ людей, предложившихъ эту войну, готовы по крайней мѣрѣ охотно воспользоваться плодами, которые она приносить.»

Въ своей блестящей рѣчи лордъ Пальмерстонъ коснулся всѣхъ вопросовъ правительственной программы, не упуская случая хотя слегка кольнуть противниковъ своею неутомимою ироніей. Интересно то, что сказалъ онъ въ концѣ своей рѣчи, по поводу обѣщаемого билля парламентской реформы. «Послѣдній параграфъ тронной рѣчи я понимаю такъ, что правительство ея величества уже совсѣмъ приготовило свой билль по этому предмету, и что оно намѣрено немедленно выложить его на столъ палаты, чтобы и палата и публика имѣли возможность заблаговременно разсмотрѣть его. Я думаю, что непременно слѣдуетъ поступить такъ (*слушайте, слушайте*). Я думаю, что мѣра такой высокой важ-

ности, какъ эта, должна быть предложена ни кѣмъ иниціи; какъ лишь ответственнѣйшимъ правительствомъ этой страны (слова эти намекаютъ на билль, который намѣревается внести г. Брайтъ). Я надѣюсь, что палата приметъ съ должнымъ уваженіемъ эту мѣру и подвергнетъ ее серіозному и заботливому обсужденію (*слушайте, слушайте*). Когда она будетъ предложена, палата будетъ имѣть возможность судить о ея достоинствахъ или недостаткахъ; но мѣру эту, по моему убѣжденію, должно непременно взять на себя ответственное правительство страны (*слушайте, слушайте*). Намъ говорить,—продолжалъ ораторъ, намекая на вышеприведенное выраженіе тронной рѣчи,—что мѣра, которую правительство намѣрено внести не потрясетъ престола (*смѣхъ*). Признаюсь, трудно вообразить, какую бы такую мѣру могло предложить правительство, которая поколебала бы тронъ и великія учрежденія этой страны (*«слушайте» и смѣхъ*). Я убѣжденъ, что страна наша имѣетъ глубочайшую привязанность къ монархической системѣ правительства (*слушайте, слушайте*). Великія учрежденія этой страны коренятся въ убѣжденіяхъ народа, въ глубинѣ его чувствованій (*слушайте, слушайте*). Я убѣжденъ, что когда народъ этой страны оглянется кругомъ, и увидитъ съ одной стороны народы, управляемые деспотическою властію, а съ другой, народы управляемые властію снизу,—я разумью республиканцевъ,—если народъ этой страны увидитъ результаты этихъ двухъ противоположныхъ системъ, и когда онъ сравнитъ положеніе этихъ народовъ съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится онъ самъ, то привязанность, которую Англичане чувствуютъ къ своимъ учрежденіямъ, вкоренится еще глубже, и они не согласятся ни на какія измѣненія, которыя могли бы повредить этимъ учрежденіямъ, составляющимъ гордость, славу и счастье нашей страны. •

Но главное вниманіе палаты сосредоточилось на политическихъ затрудненіяхъ текущей минуты. Всѣ прочіе интересы уступили первенство этому тревожному вопросу. Тутъ не высказалось ни какихъ разногласій; вожди мнѣнія, какъ правительственные, такъ и оппозиціонные, развивали одну и ту же тему, дополняя другъ друга, и обѣ палаты высказались какъ одинъ человекъ. Особенное впечатлѣніе производитъ этотъ блистательный хоръ государственныхъ людей, изъ которыхъ каждый возвращался къ одному и тому же предмету, вставляя свою черту, заявляя преимущественно ту или другую сторону одного и того же образа мыслей. Вотъ этотъ образъ мыслей въ своихъ главныхъ чертахъ:

Италянскій вопросъ существуетъ и требуетъ рѣшенія. Италия находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и Европа должна прислать средства, которыя могли бы измѣнить это положеніе. Центръ всей язвы, отравляющей Италію, находится въ централь-

ной Италіи, въ Папскія Владѣніяхъ. Здѣсь корень зла и сюда прежде всего должны быть направлены усилія. Положеніе Италіи значительно облегчилось бы, еслибъ былъ пораженъ этотъ корень зла. Возмутительная система, господствующая въ Неаполѣ, не могла бы такъ крѣпко держаться безъ этого корня, а также и безъ тѣхъ возбужденій и поощреній, которыя получаетъ она извнѣ, преимущественно изъ Австріи. Неаполитанскій король теперь боленъ, замѣтилъ лордъ Пальмерстонъ, онъ можетъ наконецъ и умереть, и надобно думать, что преемникъ его не будетъ въ состояніи поддерживать гнетъ прежней системы; но зло папскаго управленія глубже связано со всею его организаціею. Въ Римѣ господствующая система можетъ поддерживаться лишь иноземною вооруженною силой. Въ самомъ городѣ стоятъ французскія войска, легаціи заняты австрійскими. Это вмѣшательство, по замѣчанію лорда Пальмерстона, не оправдывается никакими трактатами, и не опирается ни на какія законныя основанія. Говорятъ, что если Франція и Австрія выведутъ изъ папскихъ владѣній свои войска, то тамъ вспыхнетъ революція. Она не вспыхнетъ, если правительство согласится на необходимыя реформы; а если не согласится, то пусть оно и платится какъ знаетъ, и Европа не должна поддерживать безсмысленную и вредоносную систему. По мнѣнію лорда Джона Росселя, было бы всего вѣрнѣе предоставить самой странѣ ввести у себя новые законы. Онъ увѣренъ, что Романья могла бы очень успѣшно совершить это дѣло преобразования; но для этого Французы и Австрійцы должны оставить Папскія Владѣнія. Онъ не согласенъ съ министерствомъ, чтобы дѣло это могло быть предоставлено соглашенію Франціи и Австріи, чтобы эти державы могли порѣшить между собой, какъ лучше устроить Папскую Область. Еслибы онъ и могли согласиться между собою, что крайне сомнительно, то ничего путнаго и прочнаго не можетъ произойти изъ соединенныхъ усилій этихъ двухъ чужеземныхъ правительствъ. Впрочемъ завредъ, причиняемый Италіи иностраннымъ вмѣшательствомъ, ответственность въ большей мѣрѣ падаетъ на Австрію, чѣмъ на Францію, хотя и французское вліяніе, со времени революціи, было не очень благопріятно для народнаго самоуправленія. Надобно сожалѣть, что трактатъ 1815 года отдалъ италіянскія провинціи во власть Австріи. Обстоятельства того времени были таковы, что не было возможности избѣжать этого исхода. Австрійское владычество въ Италіи не можетъ быть благотворно ни для Европы, ни для Италіи, ни для самой Австріи. Но трактаты, освященные признаніемъ цѣлой Европы, составляютъ международное право и не подлежатъ контролю какой-либо отдѣльной націи; вѣрность трактатовъ не можетъ быть нарушаема по произволу како-либо отдѣльнаго

государства, иначе Европѣ, какъ выразился графъ Дербичъ, угрожали бы незначительными бѣдствами. Въ самомъ дѣлѣ, предоставлять какому-либо отдѣльному государству право измѣнить условія трактата, освященнаго цѣлою Европой, не значило ли бы поставлять это государство судьей цѣлаго міра и сообщить ему атрибуты всемірнаго владычества? Но если Австрія имѣетъ положительное право на обладаніе Ломбардіей и Венеціей, то она не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла остальной Италіи. А между тѣмъ, всѣ усилія ея политики постоянно были направлены къ тому, чтобы владычествовать надъ полуостровомъ, препятствовать всѣмъ благимъ преобразованіямъ, и всячески поддерживать безсмысліе и зловъ другихъ италіанскихъ государствахъ. Послѣ общаго трактата 1815 года, Австрія заключила съ Неаполемъ *сепаратный* договоръ, чтобы тамошнее правительство не предпринимало никакихъ реформъ безъ согласенія съ Австріей. Лордъ Джонъ Россель, съ особенною подробностію, развилъ рядъ вредоносныхъ вмѣшательствъ австрійской политики и австрійскаго насилія въ дѣла Неаполя, Тосканы, Пармы, Папскихъ Владѣній. Если Австрія опирается на трактаты, обезпечивающіе за ней Ломбардію и не хочетъ, чтобы въ права ея вмѣшивалась какая-либо другая держава, то она сама должна отказаться отъ своего вліянія на остальную Италію.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Италіи, еслибы только избавили ее отъ всѣхъ постороннихъ вредоносныхъ вліяній, особенно при томъ примѣрѣ, какой представляетъ ей развитіе Пиемонта, могли бы совершиться многія существенныя преобразованія; неаполитанскій король и римскій папа, безъ посторонней поддержки, не могли бы долго противиться силѣ вещей и духу времени. Но предположимъ, что все въ Италіи измѣнилось бы къ лучшему: тогда Австріи пришлось бы снова опасаться за прочность своего владычества въ Ломбардіи. Какъ ни выгоднымъ кажется ей обладаніе этими богатыми провинціями, она не можетъ съ другой стороны не чувствовать, какъ много причиняетъ ей вреда и ослабляетъ ее это самое обладаніе. Представивъ на видъ начала, которыми руководствовалося англійское правительство въ послѣднихъ затрудненіяхъ по италіанскому вопросу, разказавъ къ какимъ переговорамъ съ европейскими державами прибѣгала она, чтобы содѣйствовать разрѣшенію этихъ трудностей, канцлеръ казначейства сдѣлалъ одинъ весьма знаменательный намекъ. Нельзя думать, чтобы англійское правительство могло серьезно ожидать какого-нибудь прока отъ мирнаго соглашенія между Австріей и Франціей для устройства центральной Италіи. Приглашая Францію и Австрію, какъ двѣ католическія державы, которыми всѣхъ сроднѣе заняться устройствомъ дѣлъ римскаго папы,

англійское правительство этимъ самымъ приглашаетъ ихъ объясниться опредѣленно, чего хочетъ та и другая, занимая вооруженною силой Римъ и легаціи, и сказать, что требуется для удовлетворительнаго рѣшенія итальянскаго вопроса. Безъ всякаго сомнѣнія, вопросъ этотъ рѣшился бы самымъ легкимъ образомъ, еслибы на примѣръ Австрія отказалась отъ своихъ итальянскихъ владѣній. Тогда не было бы ей никакой надобности распространять на цѣлый полуостровъ свое вредоносное вліяніе, поддерживать тамъ злоупотребленія и плодить смуты. Но ожидать этого нельзя. Что же остается, кромѣ неправой войны, грозящей спокойствію цѣлой Европы? Остается еще новый конгрессъ всѣхъ державъ, подписавшихъ вѣнскій трактатъ. Г. Дизраэли не могъ высказать эту мысль, какъ опредѣленное требованіе; для этого всѣ державы должны предварительно согласиться, и заранѣе опредѣлить пункты своихъ совѣщаній. Но нельзя думать, чтобъ онъ сказалъ безъ особой мысли слѣдующія слова: «Всячески убѣждая Францію и Австрію соединить ихъ усилія для улучшенія итальянскихъ дѣлъ, мы сказали имъ, что если по ходу ихъ совѣщаній понадобится, для какихъ-либо дальнѣйшихъ плановъ, содѣйствіе другихъ державъ, подписавшихъ трактатъ 1815 года, то мы будемъ усердно способствовать такому результату нашимъ совѣтомъ и нашимъ вліяніемъ, и пригласимъ прочія державы присоединиться къ намъ и помочь намъ въ этомъ дѣлѣ».

Вообще, относительно Австріи, парламентъ безъ утайки обнаружилъ сильную внутреннюю антипатію и столь же сильную симпатію къ духу учреждений, господствующихъ въ Пьемонтѣ. То же самое видимъ мы и въ англійской журналистикѣ. Антипатія и симпатія общественнаго мнѣнія выразились здѣсь ясно и рѣшительно. Но изъявляя полное сочувствіе Пьемонту и готовность поддерживать его интересы, пока онъ будетъ оставаться на почвѣ права, общественное мнѣніе и въ парламентѣ, и въ журналистикѣ принимаетъ строгій тонъ, на случай какихъ-либо завоевательныхъ и властолюбивыхъ стремленій его правительства. Не оружіемъ, по общему мнѣнію, можетъ Пьемонтъ дѣйствовать на пользу Италіи, а развитіемъ своей новой гражданственности, которой страна эта уже такъ много обязана и въ которой заключаются для ней залогомъ новаго могущества и будущаго блага цѣлой Италіи. Что же касается до императора Французовъ, то, вновь признавая всю важность англо-французскаго союза, и парламентъ, и общественное мнѣніе рѣшительно и рѣзко протестуютъ противъ всякой попытки возобновить завоевательную политику первой имперіи. «Если къ несчастію; сказалъ графъ Дерби, императоръ Французовъ заставитъ Европу подумать, что новая имперія хочетъ возвра-

тятся къ властолюбивымъ замысламъ первой имперіи, если Европа будетъ имѣть какое-нибудь основаніе думать, что онъ намѣренъ посадить на итальянскіе престолы подчиненныхъ и близкихъ ему государей и возобновить систему, погубившую великаго Наполеона, то онъ потрясетъ довѣріе къ себѣ Европы, а тѣмъ самымъ погубитъ кредитъ свой у себя дома.... Я никакъ не повѣрю, несмотря ни на какіе признаки вѣроятія, чтобъ императоръ Французовъ рѣшился выйти на этотъ опасный путь и такъ ошибиться въ интересахъ своей страны и въ интересахъ своей династіи.... Но если, къ несчастію, онъ все-таки выйдетъ на этотъ путь, если несмотря на дружескія усилія, которыя будутъ употреблены нами для соглашенія Австріи, Сардиніи и Франціи, война будетъ результатомъ этихъ вопросовъ, этихъ взаимныхъ подозрѣній и вооруженій, — то намъ останется утѣшеніе, что мы употребили всѣ зависящія отъ насъ дружескія средства, для предотвращенія этого страшнаго бѣдствія; мы не связаны никакими тайными обязательствами, никакими трактатами и соглашениями, мы вполне свободны дѣйствовать, смотря по ходу дѣлъ, какъ потребуетъ нашъ долгъ и честь нашей страны.

Вообще нельзя сказать, чтобъ императоръ Французовъ, въ своихъ новыхъ загадочныхъ замыслахъ, являлся вѣрнымъ представителемъ своей страны. Франція рѣшительно не хочетъ войны. Каждый воинственный намекъ распространяетъ панику во всѣхъ слояхъ общества, особливо въ торговомъ и промышленномъ сословіи. Отсюду получаютъ самыя неблагопріятныя вѣсти о народномъ расположеніи относительно войны. Это добрый признакъ. Чѣмъ болѣе во французскомъ народѣ будутъ развиваться подробность мира и мирные инстинкты, чѣмъ болѣе будетъ терять свою деспотическую силу фальшивое и пустозвонное слово *gloire*, тѣмъ лучше будетъ для Франціи, тѣмъ способнѣе будетъ она къ истинно-гражданскому быту. Но правительство не очень довольно этими признаками мирнаго расположенія; оно сердится и хмурится; ему понадобилась война, и Франція должна пылать воинственнымъ духомъ, Французы должны исполниться негодованіемъ противъ австрійскаго деспотизма отъ избытка собственной свободы и проникнуться восторженнымъ сочувствіемъ къ свободнымъ учрежденіямъ Сардиніи. Общественное мнѣніе во Франціи не имѣетъ теперъ вѣрныхъ органовъ, и журналы не представляютъ собою ничего, не выражаютъ ничего; одни молчатъ или ограничиваются темными намеками, другія публикуютъ заказныя статьи, и правительство находитъ въ нихъ то, что само положить. Къ чему эти журналы, къ чему эти органы гласности, когда возбраняется оглашеніе дѣйствительной жизни,

когда общественная жизнь должна совершаться безсознательно и глухо? Общество, предмет изученія, не находитъ въ нихъ себя; правительство находитъ въ нихъ только себя, и слышитъ отъ нихъ только то, что само нашептываетъ имъ на ухо. Къ чему же они служатъ, какую пользу приносятъ? Не лучше ли имъ вовсе замолкнуть, чѣмъ служить орудіемъ фальши, которой никто не вѣритъ, которая только еще глубже развѣдаетъ общественную нравственность и только глубже вкореняетъ подозрительность и недовѣріе?

Рѣчи англійскаго парламента подѣйствовали благоприятно на парижскую биржу. Фонды мгновенно поднялись на цѣлый франкъ. Но, увы! биржѣ суждено теперь волноваться, какъ морю передъ бурей: валъ поднялся и упалъ, упалъ и поднялся. 3-го февраля открылся англійскій парламентъ, а 7-го открылся парламентъ французскій, то-есть, три корпуса: государственный совѣтъ, сенатъ и законодательное сословіе, репрезентирующее всѣхъ префектовъ, подпрефектовъ и меровъ французской имперіи. По этому торжественному случаю императоръ, какъ водится, произнесъ рѣчь, въ которой каждому слову современныя обстоятельства сообщали особенное значеніе.

Императоръ началъ свою рѣчь заявленіемъ того, какъ въ продолженіи шести лѣтъ увеличилось благосостояніе Франціи, возрасли ея богатства, прекратились всѣ внутренніе раздоры, возвысилось обаяніе ея имени. «И не смотря на то, продолжалъ онъ, возникаетъ по временамъ, посреди тишины и общаго благоденствія, смутное безпокойство, глухая тревога, которыя безъ всякой определенной причины овладѣваютъ иными умами и колеблютъ общественное довѣріе. Я оплакиваю эти періодическіе упадки духа, не удивляясь имъ.»

Последнее слово императоръ произнесъ съ особымъ удареніемъ, и слѣдующимъ образомъ объяснилъ причину, почему общество такъ мало увѣрено въ своей прочности и такъ склонно предаваться тревогамъ: «Въ обществѣ, подобно нашему, испытавшемъ столько революцій, лишь время можетъ утвердить убѣжденія, перекалить характеры и создать политическую вѣру.»

Осмѣлимся замѣтить, что время само по себѣ не въ состояніи произвести подобное дѣйствіе. Время разрушаетъ, сглаживаетъ, предаетъ забвенію, время производитъ отрицательное дѣйствіе, а для того, чтобы создать убѣжденія и вѣру, не достаточно одной силы времени; нужны другія условія, которыя открываются легко и не легко, смотря по тому, гдѣ мы будемъ искать ихъ. Говоря о періодическомъ уныніи, которое овладѣваетъ обществомъ, императоръ коснулся нынѣшней тревоги, возбужденной опасеніями

войны, и все продолженіе его рѣчи направлено противъ этихъ тревожныхъ опасеній французскаго общества, не желающаго войны и по необходимости выражающаго свое нежеланіе лишь этимъ подземнымъ безпокойствомъ, лишь этимъ глухимъ волненіемъ.

• Волненіе, которое обнаружилось у насъ безъ всякихъ видимыхъ признаковъ грозящей опасности, не можетъ не поразить своею неожиданностію, потому что оно свидѣтельствуешь, въ одно и тоже время, и объ излишнемъ недовѣрїи, и объ излишней пугливости. Съ одной стороны, повидимому, сомнѣваются въ умѣренности, которая столько разъ была мною доказана; съ другой, въ дѣйствительномъ могуществѣ Франціи. Къ счастью, масса народа вовсе не испытываетъ подобныхъ впечатлѣній. »

Но какъ узнать, какія впечатлѣнія испытываетъ масса? И что значать какія-нибудь мелкія сомнѣнія какихъ-нибудь несправильныхъ умовъ? Стоитъ ли говорить объ испугахъ какихъ-нибудь отдѣльныхъ интересовъ, когда масса незыблемо спокойна и полна свѣтлой вѣры? Приведенныя слова направлены противъ буржуазїи, противъ биржи, противъ экономическихъ интересовъ, и вообще противъ тѣхъ общественныхъ классовъ, гдѣ испытываются какія-нибудь впечатлѣнія и есть какое-нибудь мнѣніе. Для того, чтобы разсѣять эти испуги и сомнѣнія, царственный ораторъ счелъ нужнымъ возобновить въ памяти слушателей то, что, какъ ему кажется, было позабыто. « Въ чемъ, спрашиваетъ онъ, состояла всегда цѣль моей политики? Успокоить опасенія Европы, возвратитъ Франціи ея истинное значеніе, закрѣпить какъ можно болѣе нашъ союзъ съ Англіей, а съ континентальными державами Европы сближаться по мѣрѣ согласія нашихъ видовъ и смотря по образу ихъ дѣйствій относительно Франціи. » Императоръ снова припомнилъ свое знаменитое изреченіе: *L'empire c'est la paix*, сказанное въ Бордо для доказательства, что новая имперія не увлечется духомъ завоеваній, а водворитъ систему мира, которая не должна быть нарушаема ни для какихъ цѣлей, кромѣ защиты великихъ національныхъ интересовъ. При этихъ словахъ, въ залѣ, раздались рукоплесканія, которыя въ настоящемъ случаѣ конечно не могли имѣть воинственнаго значенія. Чтобы еще сильнѣе и явственнѣе показать, какъ мало связываетъ онъ свою политику съ преданіями первой имперїи, императоръ снова заговорилъ о союзѣ съ Англіей.

« Что касается до союза Франціи и Англіи, то я положилъ всѣ мои старанія, чтобы его упрочить, и нашелъ по ту сторону пролива счастливую взаимность чувствованій, со стороны королевы великобританской, какъ равно и со стороны государственныхъ людей всѣхъ мнѣній. Потому-то, для достиженія этой цѣли, столь полезной для цѣлаго мира, я при всякомъ случаѣ попираю ногами

(*ai-je mis sous mes pieds* ораторъ и на этихъ словахъ сдѣлалъ особое удареніе) раздражительныя воспоминанія прошедшаго, нападки и клеветы, даже національныя предрасудки моей страны. Этотъ союзъ принесть свои плоды; не только стяжали мы вмѣстѣ прочную славу на востокъ, но кромѣ того, на краю свѣта, разомкнули громадное царство для успѣховъ цивилизаціи и христіанской религіи. »

Рукоплесканія снова огласили залу. Торжественность и сила этихъ словъ не дала заговорить въ душѣ французскихъ слушателей народному чувству, которое могло оскорбиться кое-чѣмъ въ этихъ словахъ. Желаніе благопріятно подѣйствовать на общественное мнѣніе по ту сторону пролива, заставило императора усилить свое слово и забыть о французской національной гордости, которой не слишкомъ могло льстить признаніе, что національныя предрасудки попораны не собственными ногами Франціи, а посредствомъ делегаціи, главою государства.

Далѣе императоръ упоминаетъ о своихъ дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи и Пруссіи, и наконецъ переходитъ къ горячему вопросу о своихъ отношеніяхъ къ вѣнскому кабинету.

• Напротівъ того, вѣнскій кабинетъ и мой, говорю это съ сожалѣніемъ, часто были несогласны между собою въ главныхъ вопросахъ, и нужно было много примирительнаго духа, чтобъ успѣть въ ихъ разрѣшеніи. Такъ напримѣръ, преобразование Дунайскихъ княжествъ могло совершиться не прежде, какъ послѣ многочисленныхъ затрудненій, повредившихъ полному удовлетворенію ихъ самыхъ законныхъ желаній. А еслибы спросили меня, какой интересъ имѣла Франція въ этихъ отдаленныхъ странахъ, орошаемыхъ Дунаемъ, я отвѣчалъ бы, что интересы Франціи находятся вездѣ, гдѣ нужно способствовать торжеству справедливаго и цивилизующаго дѣла. »

Эти послѣднія слова могли послужить народному французскому чувству нѣкоторымъ вознагражденіемъ за попоранные и національныя предрасудки. Коснувшись несогласій своихъ съ вѣнскимъ кабинетомъ, императоръ весьма естественно переходитъ къ Пиемонту; « При такомъ положеніи дѣлъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, что Франція болѣе сблизилась съ Пиемонтомъ, который оказалъ такую преданность во время войны и былъ такъ вѣренъ нашей политикѣ во время мира. Счастливый союзъ моего возлюбленнаго родственника съ дочерью короля Виктора Эммануила не принадлежитъ, слѣдовательно, къ числу тѣхъ исключительныхъ событій, для которыхъ надобно подыскивать *тайную причину* (императоръ отгнѣнилъ въ произношеніи эти два послѣднія слова); онъ есть естественное послѣдствіе взаимности интересовъ въ обѣихъ странахъ и дружбы обѣихъ государей.

Съ нѣкоторыхъ поръ состояніе Италіи не нормальное положеніе, при которомъ порядокъ можетъ быть поддерживаемъ лишь иностранными войсками, справедливо беспокоитъ дипломатію. Но, продолжаетъ императоръ, насаясь самаго нерва вопроса, тутъ нѣтъ еще достаточнаго основанія ожидать войны. Пусть одни признаютъ ее всѣми своими желаніями безъ законныхъ основаній, пусть другіе, въ своихъ преувеличенныхъ опасеніяхъ, предсказываютъ Франціи опасности новой коалиціи, я останусь непоколебимъ на пути права, справедливости, національной чести; и мое правительство не дастъ ни увлечь себя, ни запугать, потому что политика моя не будетъ никогда ни дерзостна, ни наглодушна. Итакъ, прочь отъ насъ эти ложныя тревоги, эти несправедливыя сомнѣнія, эти самокорыстные припадки унынія. Миръ, я надѣюсь, не будетъ нарушенъ. А потому примитесь спокойно за ваши обычные труды.»

Императоръ заключилъ свою рѣчь торжественнымъ воззваніемъ къ націи, поручившей ему свою судьбу. «Нація знаетъ, сказалъ онъ, что никогда личный интересъ или мелкое самолюбіе не управляли моими дѣйствіями. Когда человекъ, поддерживаемый желаніемъ и чувствомъ народа, восходитъ на ступени трона, онъ возносится, величайшею изъ всѣхъ отвѣтственности, превыше низменной области, гдѣ борются низкіе интересы, и своими первыми двигателями и своими послѣдними судьями имѣетъ онъ: Бога, свою совѣсть и потомство.»

Отвѣтомъ на эту блестящую, но нѣсколько двумысленную рѣчь было новое паденіе фондовъ на биржѣ и новое усиленіе тревожныхъ ожиданій въ публикѣ.

На другой день, по произнесеніи этой рѣчи, происходило первое засѣданіе законодательнаго сословія. Графъ Морни открылъ его нѣсколькими словами, которыя среди настоящихъ обстоятельствъ, также не лишены значенія. Сперва онъ заговорилъ этому почтенному собранію, что роль его несравненно важнѣе той, какую играли прежнія представительныя сословія въ этой странѣ. Любопытная тема эта не была къ сожалѣнію развита г. президентомъ съ желаемою подробностію, ибо, какъ выразился онъ, ему мѣшало то впечатлѣніе, подъ которымъ находились всѣ депутаты отъ словъ, произнесенныхъ наканунѣ императоромъ. Самъ графъ Морни успѣшилъ перейти къ тѣмъ же самымъ вопросамъ, которые затронуты въ императорской рѣчи, то-есть, ко всепоглащающимъ вопросамъ о мирѣ и войнѣ. Его рѣчь отличается миролюбивымъ характеромъ. Ораторъ какъ-будто старался воспользоваться каждымъ сомнительнымъ и неяснымъ словомъ главы государства, чтобы перетолковать его въ смыслѣ враждебномъ войнѣ. «Докажемъ прежде всего ту безконечную

доверенность къ главѣ государства, сказалъ онъ, которую онъ внушилъ намъ десятилѣтними мудрыми заботами объ интересахъ Франціи и религиозною заботливостію объ ея чести. Есть множество соображеній, которымъ должны уступить всѣ наши безпокойства. Религія, философія, цивилизація, кредитъ, трудъ содѣлали миръ первымъ благомъ теперешнихъ обществъ. (*Единодушныя рукоплесканія.*) Кровь народа нельзя уже болѣе проливать легкомысленно; война есть лишь послѣднее прибѣжище непризнаннаго права и оскорбленной чести. (*Громкое одобреніе.*) Большая часть затрудненій разрѣшается дипломатіею или мирнымъ вмѣшательствомъ. Быстрыя международныя сообщенія и гласность создали новое европейское могущество, съ которымъ должны нецрѣменно считаться всѣ правительства; это могущество есть общественное мнѣніе. Иногда оно можетъ заблуждаться или выражаться нерѣшительно, но подъ конецъ оно всегда становится на сторонѣ справедливости, законности и челоуѣчества.»

«Будемъ же надѣяться, что и въ настоящемъ случаѣ великодушныя идеи и благородныя намѣренія императора проложатъ себѣ дороту въ обществѣ и, поддерживаемыя съ одной стороны симпатіями народовъ, а съ другой вліяніемъ монарховъ—успѣютъ наконецъ уладить мирнымъ образомъ всѣ затрудненія.»

Доселѣ рѣчь графа Морни имѣетъ совершенно мирный характеръ, но заключеніе ея снова возбудило нѣкоторыя сомнѣнія: такъ стало чутко теперь общественное мнѣніе. «Что бы ни представляло намъ будущее, такъ заключилъ графъ Морни, будемъ поступать какъ поступали прежде, будемъ совѣщаться лишь съ нашимъ патріотизмомъ и сомкнемся тѣснѣе вокругъ трона; отпаденія и колебанія не могутъ послужить во благо ни цѣлой странѣ, ни лично кому бы то нибыло. Наше рѣшительное содѣйствіе дасть императору болѣе вѣса для переговоровъ, точно также какъ, въ случаѣ надобности, оно дасть ему больше силы для побѣды.»

Когда слухи о войнѣ распространились повсюду, предполагаемые противники стали считать свои силы; *Times* выставилъ цифры морскихъ силъ всѣхъ государствъ; *Constitutionnel*, оскорбленный выводомъ *Daily-News*, сталъ доказывать, что Франція можетъ выставить для внѣшней войны болѣе 400.000 солдатъ; наконецъ *Allgemeine Zeitung* сочла своею обязанностію напомнить всѣмъ о военныхъ силахъ Германіи, и въ пылу воинственнаго восторга рисуетъ грозную картину 400.000 Нѣмцевъ, которые «ринутся, подобно быстрому потоку, съ лозунгомъ: въ Парижъ!» Это на первый разъ. Но если германское начало будетъ оскорблено глубоко, то къ іюню мѣсяцу явится ни больше ни меньше, какъ 1.132.000 вооруженныхъ мстителей.

Эти выводы могутъ ужаснуть всякаго, кто способенъ ужасаться отъ однихъ только цифръ. Но не ими рѣшается дѣло; война не есть простое арифметическое дѣйствіе, производимое на столбцахъ журналовъ. Вооруженный солдатъ—это сила, которую нужно привести въ движеніе, а для такого движенія необходимы прежде всего деньги. «Колесница, на которой проѣзжаетъ Марсъ, по выраженію *Times*, теперь дѣлается изъ золота, и даже ключъ, которымъ Янусъ отпираетъ свой храмъ, куется изъ того же металла.» Государства тратятъ огромныя суммы на содержаніе армій, чтобы имѣть ихъ готовыми на случай войны; а придетъ война, такъ сейчасъ же окажется, что всѣ прежніе разчеты не оправдались, и тотъ капиталъ, который требовалъ громадныхъ процентовъ, необходимо приумножить посредствомъ займа, и слѣдовательно увеличивать все болѣе и болѣе цифру бюджета.

Оба противника, Піемонтъ и Австрія, уже позаботились о приготовленіи средствъ для войны. Въ засѣданіи туринской палаты, министръ финансовъ, Ланца, предложилъ вотировать заемъ въ 50.000.000 франковъ, и палата дала на другой же день свое согласіе. Заемъ мотивированъ необходимостью продолжать начатыя приготовленія для защиты страны. «Мы сожалѣемъ болѣе, чѣмъ кто-либо, сказалъ министръ, о томъ, что не можемъ избѣжать новыхъ обязательствъ для страны и новыхъ тягостей для государственныхъ финансовъ, и намъ грустно вносить это предложеніе. Но вы знаете, что въ жизни народовъ бывають великія минуты, когда пожертвованіе становится священною обязанностію и неумолимою необходимостію.» Графъ Кавуръ произнесъ, по поводу займа, блестящую рѣчь, мотивированную, какъ видно, первымъ засѣданіемъ англійскаго парламента. Въ этой рѣчи первый министръ піемонтскій выразилъ увѣренность, что Англія не можетъ, по своему принципу, не сочувствовать свободѣ; она дала эту свободу неграмъ, — неужели англійскій народъ потерпитъ, чтобы Італія оставалась въ вѣчномъ рабствѣ? Графъ Кавуръ въ Туринѣ обращался какъ бы во всей Англій; онъ говорилъ, какъ дорого для Піемонта сочувствіе англійскаго народа, для того Піемонта, который самимъ лордомъ Дерби названъ «свѣтлою точкою на темномъ фонѣ Італіи». Рѣчь графа Кавура была принята съ восторгомъ, и въ палатѣ раздались рукоплесканія, когда въ пользу займа оказалось большинство 116 головъ противъ 35. Заемъ реализированъ, какъ говорятъ, довольно выгодно, съ условіемъ, что ежегодно будетъ погашаться по одному проценту съ капитала.

Напротивъ успѣхъ, или правильнѣе сказать неуспѣхъ, австрійскаго займа не можетъ не поразить cadaго. Такихъ тяжелыхъ условій не принимало, конечно, ни одно государство; можно сказать, что

Австрія понесла рѣшительное финансовое поражение, и судьба тѣхъ 600.000 австрійскихъ солдатъ, которыхъ *Allgemeine Zeitung* выставляетъ защитниками германизма на берегахъ По, становится сомнительною. Австрійскій заемъ реализованъ братьями Ротшильдъ на лондонской биржѣ. Несмотря на завлекательныя условія, *Times*, отголосокъ *City*, отказался совѣтовать кому бы то ни было участвовать въ займѣ и предостерегалъ противъ довѣрія къ государству, «у котораго съ востока и съ югозапада далеко не дружелюбные сосѣди, и которому слѣдовательно необходимо постоянно держать сильную армію, такъ искусно поглощающую финансы.» А условія займа самыя соблазнительныя. Общая сумма въ 6 милліоновъ фунтовъ стерлингъ раздѣлена на облигаціи въ 100 фунт. каждая. Покупщикъ облигацій вмѣсто 100 фунтовъ платитъ только 80, и притомъ въ разные сроки: 20 фунт. 15 февраля, 20 фунт. 15 апрѣля, 20 фунт. 15 іюля, 10 фунт. 15 сентября и 10 фунт. 14 октября. Тотъ, кто заплатитъ раньше этихъ сроковъ, пользуется дисконтомъ въ 4%, слѣдовательно сто-фунтовую облигацію можетъ купить за 78 фунт.; наконецъ проценты, по пяти на сто, считаются съ 1-го января нынѣшняго года. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ операций, австрійское правительство получить вмѣсто *шести* милліоновъ фунтовъ стерлингъ только *четыре* милліона. «Это деньги, кушленные дорого, замѣчено въ одной финансовой статьѣ; ни Бразилія, ни Чили, ни одно государство не принимали такихъ тяжелыхъ условій.» Сама Австрія въ 1852 году заключила пятипроцентный заемъ въ 3 1/2 мил. фунт. стерл. двѣнадцатю процентами выгоднѣе, чѣмъ теперъ. И въ самомъ дѣлѣ, трудно имѣть большое довѣріе къ государству, которое обязано употреблять ежегодно 50 милліоновъ рублей на уплату долговъ, при общемъ бюджетѣ въ 175 милліоновъ! Австрія не имѣетъ другихъ средствъ для войны, кромѣ внѣшнихъ займовъ; размноженіе бумажныхъ денегъ, которые были регулированы слишкомъ поздно послѣ ихъ выпуска, и безпрестанныя измѣненія въ монетной единицѣ, сильно разстроили ея финансы и ослабили ея кредитъ; когда, съ 1-го января нынѣшняго года, введены были такъ-называемыя австрійскіе гульдены вмѣсто прежнихъ гульденовъ *Conventions-Münze*, то несмотря на то, что ассигнаціи въ одинъ старый гульденъ положено было считать пятью процентами дороже новаго серебрянаго гульдена (именно 1 fl. 3 kr. Oest. W.), всѣ охотнѣе брали этотъ послѣдній; можно было прожить цѣлый мѣсяцъ въ Австріи и не видѣть другой монеты, кромѣ ассигнацій и мѣдныхъ посеребренныхъ крейцеровъ; за наполеондоръ, то-есть 20 франковъ, нужно было вмѣсто 8 гульденовъ, какъ бы слѣдовало, платитъ въ Вѣнѣ 8 гульденовъ 20 крейцеровъ, или на наши деньги около 12

коп. сер. выше номинальной цѣны. На внѣшнихъ займахъ можно видѣть то же явленіе, какое замѣчаемъ въ дипломатическомъ вліаніи государствъ: чѣмъ сильнѣе государство внутри, тѣмъ значительнѣе его вліаніе на общія дѣла въ Европѣ; чѣмъ тверже положеніе его финансовъ, тѣмъ легче для него внѣшніе займы. Австрія прибѣгала къ разнымъ ухищреніямъ и финансовымъ уловкамъ, чтобы распространять въ европейской публикѣ свои бумаги, но все это было безуспѣшно, и финансы ея крайне разстроены. Считаемо не лишнимъ кстаті упомянуть здѣсь объ одномъ изъ ухищреній, отъ котораго страдаетъ наша публика. Между тѣмъ какъ Австрія заключаетъ въ Лондонѣ заемъ на такихъ выгодныхъ условіяхъ, мы читаемъ въ нашихъ газетахъ почти ежедневныя объявленія о продажѣ австрійскихъ облигацій съ лоттерейными выигрышами; продавцы предлагаютъ публикѣ эту игру, принадлежащую, по нашимъ законамъ и по мнѣнію всѣхъ образованныхъ странъ, къ играмъ запрещеннымъ, наравнѣ съ рулеткой и т. п., и притомъ назначаютъ такія цѣны за австрійскія облигаціи, по которымъ невозможно продать ихъ на биржѣ.

Заговоривъ о деньгахъ упомянемъ, что правительство оттоманское, при крайнемъ разстройствѣ своихъ финансовъ, старается по возможности спасти свою монетную систему и уменьшаетъ постоянно количество ассигнацій, обращающихся въ странѣ; еще недавно изъяты изъ обращенія послѣднія каменныя, циркулировавшія въ Бруссѣ, Родосто и другихъ сосѣднихъ городахъ, такъ что общая сумма погашенныхъ также составляетъ теперь 165 милліоновъ піастровъ. Для такой операціи приведенія въ порядокъ монетной системы назначенъ заемъ, сдѣланный Турціею у Англіи, и правительство не позволяетъ себѣ измѣнять назначеніе этого займа. Можетъ-быть, сами турецкіе финансовые люди сознали важность правильной монетной системы для государства и соотвѣтствія между бумажными деньгами и звонкою монетою; а можетъ-быть, эта финансовая азбука внушена Турціи Англичанами. Камиссаръ англійскій Фальконнетъ постоянно живетъ въ Константинополѣ; онъ наблюдаетъ за улучшеніемъ монетной системы, и съ этою цѣлью основалъ такъ называемый оттоманскій банкъ, по образцу и на основаніяхъ англійскаго банка, который, какъ извѣстно, есть частный банкъ, а не государственный, и пользуется всемірнымъ кредитомъ: 2 февраля было у него въ обращеніи 34 милліона фунтовъ стерлинговъ, а фонда въ монетѣ и слиткахъ 18½ милліоновъ.

Финансовые вопросы тѣсно связаны съ вопросами административными; дороговизна жизни для частныхъ лицъ отражается въ такой же дороговизнѣ для правительствъ: возвышаются ли цѣны на

предметы потребленія, увеличивается ли заработная плата, государство испытывает на своихъ финансахъ такія перемѣны. Ему дороже становится содержаніе войскъ и чиновниковъ. «Le bon marche coûte presque toujours cher», говоритъ провансальская поговорка; работникъ, не получающій дѣйствительной цѣны за свой трудъ, исполнить его небрежно; чиновникъ, котораго жалованье недостаточно для удовлетворенія его потребностей, будетъ стараться или при первомъ случаѣ оставить службу или изыскивать косвенные пути для увеличенія доходовъ; слѣдовательно всѣ способные люди выйдутъ изъ службы, а останутся въ ней одни неспособные или ненадежные, то-есть тѣ, которые ищутъ въ государственной службѣ какого-нибудь убѣжища и не имѣютъ достаточныхъ условій, чтобы вести промышленныя предпріятія, заниматься торговлею, литературою и проч. Такъ смотритъ на это дѣло французское правительство и старается увеличить по возможности жалованья своимъ чиновникамъ. Г. Поль-Дюкокъ членъ законодательнаго собранія, издалъ недавно брошюру, въ которой доказываетъ, что положеніе многихъ чиновниковъ во Франціи гораздо хуже положенія рабочихъ. Авторъ невольно ужасается тому, что учителя первоначальныхъ школъ получаютъ только по 600 франковъ (150 руб. сер.), а мѣстные священники по 800 фр.; «дѣло идетъ о чести страны», говоритъ онъ при видѣ такихъ цифръ.

Многое уже сдѣлано по этому предмету во Франціи, но еще большее остается сдѣлать. Въ 1858 году назначено 5 милліоновъ франковъ на увеличеніе жалованій по министерству финансовъ и по управленію почтовому; 2 милл. фр. употреблено на прибавку въ 150 ф. жалованья капитанамъ, поручикамъ и подпоручикамъ арміи; въ бюджетъ 1859 назначено также 5 милл. фр. по всѣмъ министерствамъ на тотъ же предметъ. На эти суммы улучшено положеніе 60.591 чиновника по одному только министерству финансовъ. Какова же должна быть общая цифра всѣхъ французскихъ чиновниковъ, когда самое незначительное увеличеніе ихъ жалованья требуетъ, по разчету Дюпона, 60 милліоновъ фр.? Авторъ надѣется, что Франція не остановится передъ такою цифрою, а между тѣмъ предлагаетъ нѣкоторыя мѣры для скорѣйшаго достиженія цѣли. Другаго средства, конечно, не можетъ быть, кромѣ уменьшенія числа чиновниковъ, преимущественно въ центральномъ управленіи. «Есть министерства, говоритъ г. Дюпонъ, въ которыхъ столько же директоровъ, начальниковъ отдѣленій и начальниковъ бюро, сколько остальныхъ чиновниковъ»; поэтому авторъ предлагаетъ уничтожить всѣ безполезныя должности и деньги, назначаемыя на нихъ по штату, раздѣлить между остальными служащими, которые готовы будутъ, по мнѣнію Дюпона,

работать гораздо больше за увеличенное жалованья. Министръ финансовъ Манъ уже сдѣлалъ опытъ такого сокращенія, и въ одномъ лишь отдѣленіи своего министерства уничтожилъ 30 places parasites.

Отдавая справедливость похвальному стремленію императорскаго правительства улучшить бытъ французскихъ чиновниковъ, нельзя однако не замѣтить, что всѣ подобныя полумѣры не вполне достигаютъ цѣли: переставляя колеса машины, онѣ оставляютъ въ ней прежнюю многосложность. Гораздо ближе къ цѣли упрощеніе самой администраціи, примѣръ котораго показало недавно герцогство кобургъ-готское. Въ февралѣ нынѣшняго года начнутся въ Кобургѣ первыя засѣданія суда присяжныхъ, который принять для герцогства только на дняхъ. Не говоря о безспорныхъ выгодахъ этого учрежденія съ точки зрѣнія государственной и нравственной, финансы кобургскіе получаютъ отъ него значительное облегченіе. Еслибы во Франціи не было присяжныхъ, то ей пришлось бы вздыхать не о 60, а о 80 милліонахъ, чтобы прокормить, одѣть и обути всѣхъ представителей власти.

Между тѣмъ, какъ повсюду приготовляются къ войнѣ и покидаютъ надежду на возможность уладить дѣло мирнымъ путемъ, дипломатія, въ силу которой терялась уже вѣра, выступаетъ съ новою рѣшимостію на дѣло цивилизаціи и мира. Еще 10 февраля въ палатѣ лордовъ, на запросъ графа Сентъ-Джерманса о дунайскихъ княжествахъ, лордъ Дерби подалъ надежду на новую конференцію въ Парижѣ; телеграфическая депеша отъ 17 февраля сообщаетъ теперь оффиціальное извѣщеніе *Монитера* о томъ, что дѣйствительно въ самомъ непродолжительномъ времени соберется въ Парижѣ конференція для рѣшенія вопроса о выборѣ одного и того же лица господаремъ въ Молдавіи и Валахіи. Нѣтъ сомнѣнія, что конференція не ограничится одними дѣлами княжествъ; вопросъ объ Италіи выступилъ вмѣстѣ съ ними на парижемскомъ конгрессѣ; онъ конечно, будетъ поднятъ и теперь. Нельзя не привѣтствовать съ восторгомъ спокойное слово и силу убѣжденія, которыми дипломатія можетъ утѣшить раздраженные страсти и отвратить разрушительную силу войны. Этому слову, этому убѣжденію ждетъ теперь вся Европа; ея вниманіе сосредоточивается на дипломатическихъ переговорахъ, она будетъ прислушиваться къ каждому слову, сказанному въ Парижѣ на *quai d'Orsay*.

Всѣдствие особаго сношенія редакціи *Русскаго Вѣстника* съ почтовымъ департаментомъ, для каждаго подписчика на *Русскій Вѣстникъ* 1859 года, доставившаго, или непосредственно, или черезъ какого-нибудь книгопродавца, деньги въ редакцію, высылается изъ редакціи въ мѣстную почтовую контору, вмѣстѣ съ первою книжкою журнала, билетъ на полученіе послѣдующихъ книжекъ. Этотъ билетъ выдается подписчику изъ почтовой конторы вмѣстѣ съ первою книжкою и для полученія дальнѣйшихъ книжекъ, каждый разъ представляется въ почтовую контору. Почтовая контора зачеркиваетъ на билетѣ номеръ выданной книжки и возвращаетъ билетъ подписчику или его посланному. Въ случаѣ утраты какой-нибудь книжки журнала на почтѣ, билетъ служитъ для подписчика доказательствомъ, что такая-то книжка журнала не была ему выдана. Въ такомъ случаѣ подписчикъ, сохраняя билетъ у себя для полученія дальнѣйшихъ книжекъ, имѣетъ право требовать отъ почтовой конторы удостовѣренія въ томъ, что такая-то книжка журнала не была ему выдана, и препровождаетъ это удостовѣреніе въ редакцію, которая дѣлаетъ распоряженіе о немедленной высылкѣ втораго экземпляра подписчику, а объ отысканіи виновнаго въ утратѣ книжки, относится къ почтовому начальству. За тѣмъ по жалобамъ, къ которымъ такое удостовѣреніе не будетъ приложено, редакція не можетъ вступать ни въ какую переписку ни съ подписчиками, ни съ почтовымъ начальствомъ.

Каждый экземпляръ, вскрытый или разрѣзанный, получатель въ правѣ обратиться назадъ, съ жалобою, которая будетъ представлена главному почтовому начальству.

Каждый экземпляръ заклеивается наглухо и обтягивается бандеролью редакціи. Въ этомъ видѣ онъ сдается въ газетную экспедицію Московскаго почтамта.

Погрѣшности въ статьѣ: *Записки Льва Николаевича Энгельгардта*, помѣщенной въ № 1 *Русскаго Вѣстника* 1859 года.

Стран. 125, строка 20, *напечатано*: ботдекъ *читай* бодень. Стран. 129, стр. 38, *напеч.* 1771, *чит.* 1711. Стран. 132, стр. 34, *напеч.* Бонафина *чит.* Бонафика. Стран. 138, стр. 2, *напеч.* Ванжурье *чит.* Ванжура. Стран. 138, стр. 26, *напеч.* Чесерскѣ *чит.* Чечерскѣ. Стран. 140, стр. 10, *напеч.* Ассигнація, *чит.* Ассигнація. Стран. 141, и 143, стр. 16 и 26, *напеч.* Иванъ-Бей *чит.* Исланъ-Бей. Стран. 141, стр. 42, послѣ словъ: *при Павлѣ I*, пропущено: *юфмаршаломъ*. Стран. 145, стр. 27. По ошибкѣ сказано, что генералъ стѣ инфантеріи графъ Николай Алексѣевичъ Татищевъ былъ военнымъ министромъ. Должность эту занималъ съ 1823 по 1827 годъ генералъ отъ инфантеріи графъ Александръ Ивановичъ Татищевъ (род. 8 августа 1763, ум. 17 іюня 1833.) происходившій отъ другой вѣтви этой фамиліи. Первый былъ пожалованъ графомъ 15-го сентября 1891, а второй 22 августа 1826-го.

Въ *Современной Лѣтописи* въ *Письмѣ къ редактору* сто. 95 вмѣсто позволенія слѣдуетъ читать *появленія*.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Съ февраля 1860 года въ Москвѣ будетъ издаваться еженедѣльная политическая и литературная газета подъ названіемъ *Московский Вѣстникъ*. Общая программа газеты слѣдующая:

I. Внутреннія извѣстія. II. Извѣстія иностранныя. III. Отдѣлъ литературный. Главная цѣль изданія заключается въ томъ, во первыхъ, чтобы своевременно сообщать нашимъ читателямъ Высочайшія указы и болѣе общія распоряженія и постановленія правительства; во вторыхъ, доставить имъ возможность за самую дешевую цѣну слѣдить за ходомъ историческихъ событій, или за такъ-называемою политикой; наконецъ въ третьихъ, доставить также удовольствіе читать произведенія русскихъ авторовъ.

Въ литературный отдѣлъ *Московского Вѣстника* войдутъ повѣсти, рассказы, стихотворенія, сценическія произведенія, критическія статьи, новости по части наукъ, искусствъ, промышленности и проч. Сверхъ того, къ газетѣ будутъ прилагаться переводы иностранныхъ романовъ, повѣстей и рассказовъ. Переводы эти, для большаго удобства читателей, будутъ выходить выпусками и печататься въ 8-ю долю листа, чтобы послѣ ихъ можно было переплести въ отдѣльныя книги.

Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* будутъ участвовать слѣдующіе литераторы: Б. Н. Алмазовъ, И. К. Бабсть, Н. В. Бергъ, В. П. Боткинъ, С. П. Колошиинъ, П. П. Лажечниковъ, Ф. Б. Миллеръ, Н. А. Основскій, А. Н. Островскій, Н. М. Пановскій, И. В. Павловъ, А. Н. Плещеевъ, А. А. Потѣхинъ, М. Е. Салтыковъ, И. В. Селивановъ, Гр. Л. Н. Толстой, И. С. Тургеневъ, А. А. Фетъ, Н. Г. Чернышевскій, Н. Ф. Щербина, М. Н. Юрьинъ.

Редакція надеется, что и другіе литераторы, съ которыми она не успѣла еще снестись, не откажутъ ей въ своемъ содѣйствіи.

Для литературнаго отдѣла *Московского Вѣстника* между прочимъ, приобретены редакціей слѣдующія статьи:

И. С. Тургенева: Нѣсколько мыслей о современномъ значеніи и призваніи русскаго дворянства. — М. Е. Салтыкова (Щедрина): Еще изъ книги объ умирающихъ. — И. И. Лажечникова: Замѣтки для біографіи В. Г. Бѣлинскаго. — И. В. Селиванова: 1) Бродяга, 2) Часы и частный приставъ. — Потѣхина: Изъ Путевыхъ записокъ — А. Н. Плещеева: Благодареніе. Его же 1) Кляхатуха, 2) Тяжелая служба, 3) Рекрутчина. — Н. А. Основскаго: 1) Ростовщикъ, 2) Случай изъ исторіи озерноядныхъ.

Редакція *Московского Вѣстника* не дѣлаетъ заранѣе особенно заманчивыхъ обѣщаній, вполне сознавая, что всѣ обѣщанія и самовосхваленія далеко не обязательны, и если выставляетъ въ своемъ объявленіи имена литераторовъ, изъяснившихъ согласіе содѣйствовать успѣху газеты, то съ единственною цѣлью — показать будущимъ своимъ читателямъ, что имена эти ставятъ *Московский Вѣстникъ* въ обязательное положеніе быть издаваемъ добросовѣстнымъ.

Газета будетъ выходить по субботамъ. Каждый № будетъ заключать въ себя отъ полутора до двухъ листовъ, не считая переводовъ, которые составятъ не менѣе шести книгъ.

Цѣна за годовое изданіе изъ 52 (°) №№ въ Москвѣ безъ доставки на домъ 3 р.

Въ Петербургѣ безъ доставки 3 • 50 к.

Съ доставкою на домъ въ Москвѣ - - - - - 4 • —

Съ пересылкою во всѣ города Имперіи - - - - - 5 • —

ПОД П И С К А П Р И Н И М А Е Т С Я:

Въ Москвѣ въ книжныхъ магазинахъ И. В. Баунова, Н. М. Щепкина, Ф. О. Свѣшникова Н. Н. Улитина, Ф. И. Салаева, и А. И. Глазунова, Въ С.-Петербургѣ: у А. И. Давыдова, С. А. Баунова и Н. Г. Овсянникова. Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія въ Москву въ редакцію *Московского Вѣстника*.

Редакторъ Н. ВОРОНЦОВЪ-ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

(°) Хотя изданіе *Московского Вѣстника* начнется съ февраля, и 1-й № выйдеть 14 числа, но въ продолженіе остальныхъ мѣсяцевъ, т. е. до 1 января 1860 г., гг. подписавшіеся получать сполна всѣ 52 №№ газеты, а равно и переводы.

одною Россіей она можетъ жить въ наилучшихъ отношеніяхъ. Симпатія ея къ Россіи выразилась еще недавно во время крымской войны.

Я сейчасъ упомянулъ о путешественникахъ, пріѣзжающихъ изъ русскихъ азіатскихъ владѣній. У насъ живетъ теперь г. Карчевскій, пріѣхавшій отсюда чрезъ Шангай, куда онъ былъ посланъ съ копіей Айгунскаго трактата къ генералъ-адъютанту графу Путятину. Изъ Шангая г. Карчевскій отправился на Ванкуверъ, а отсюда чрезъ Санъ-Франсиско и Панамскій перешеекъ прибылъ въ Новый-Орлеанъ и въ нашъ городъ, гдѣ теперь онъ занятъ покупкою разныхъ предметовъ для пополненія машиннаго заведенія, находящагося уже въ дѣйстви на Амурѣ. Я имѣлъ благопріятный случай говорить съ нимъ нѣсколько разъ и передаю вамъ нѣсколько подробностей слышанныхъ мною отъ него.

Пюджетъ-Саундъ (Puget-Sound!), земли Пюджетова пролива, были едва извѣстны Американцамъ до 1849 г., когда въ первый разъ рѣшились тамъ попытаться счастья немногіе калифорнскіе золотопромышленники. Большая часть изъ нихъ возвратилась, не приобрѣтя богатствъ, но оставила послѣ себя до полудюжины скромныхъ поселеній. Только весной прошедшаго года, слухи о Фрезеровой рѣкѣ (Fraser River) возбуждали жадность не только въ Калифорницахъ, но и въ жителяхъ восточныхъ земель; началась настоящая эмиграція, движеніе сдѣлалось общимъ, завязалась торговля. Г. Карчевскій не могъ не вспоминать постоянно объ азіатскомъ берегу своего отечества при видѣ Саундской земли: такъ много было сходства между ними. Въ Таунсендѣ, гдѣ американское судно, на которомъ ѣхалъ нашъ путешественникъ, бросило якорь, это сходство было особенно поразительно: тѣ же домики, чистенькіе, но построенные какъ бы на время, чтобы скорѣе уступить свое мѣсто большимъ строеніямъ; та же дѣятельность на улицахъ, тотъ же стукъ топора и молота. Портовый городъ Таунсендъ однакоже не изъ главныхъ городовъ Саундской земли. Стиликонъ и Олимпія, столица этой области, которую также посѣтилъ г. Карчевскій, развились гораздо болѣе.

Пароходы, которые уже теперь постоянно ходятъ между Санъ-Франсиско, Портландомъ и Олимпіей, непрерывно перевозятъ туда толпы золотопромышленниковъ. Эти искатели богатствъ остаются здѣсь только на нѣсколько дней, для закупки провизіи и лодокъ, заключаютъ условія и сдѣлки съ компаніей Гудсонова залива, этимъ кошмаромъ Американцевъ, и исчезаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ лѣсахъ Фрезеровой рѣки.

Каково бы ни было значеніе здѣшнихъ рудниковъ, о которомъ трудно составить себѣ вѣрное понятіе, результаты новаго движенія огромны: торговля, эта жизненная сила народовъ, сдѣлала въ нѣ-

сколько мѣсяцевъ баснословные успѣхи; города растутъ быстро, и весьма вѣроятно, что Портландъ и Олимпія скоро будутъ соперничать съ Санъ-Франсиско; особенно Портландъ имѣетъ блестящую будущность. Города Пюджетъ-Саунда окружены индійскими селеніями; но Индійцы, прежде столь воинственные и неприязненные, быстро перерождаются и благодаря усиліямъ нашихъ такъ называемыхъ *бичкомберовъ*, скоро исчезнуть и здѣсь, какъ въ другихъ странахъ: они таютъ предъ цивилизаціей, какъ снѣгъ подъ лучами солнца. Г. Карчевскій былъ и въ Викторіи, обещающей скоро пріобрѣсти огромное значеніе, и гдѣ уже можно найти мостовыя, тротуары, словомъ всю наружность большого города.

Я очень жалѣю, что долженъ ограничиться этими подробностями, которые сообщены мнѣ русскимъ путешественникомъ; будемъ надѣяться, что въ скоромъ времени онъ самъ подѣлится съ публикою свѣдѣніями, собранными имъ во время пути; въ Америкѣ описаніе путешествія г. Карчевскаго возбудитъ всеобщій интересъ.

Но не одни только Американцы обращаютъ вниманіе на Тихій Океанъ и на Востокъ; Англичане на Сѣверѣ приготавливаются выйти на одно поле съ нами, и можетъ-быть опередятъ насъ. Вы знаете, что въ окрестностяхъ Викторіи открылись рудники: предположенія объ ихъ богатствѣ болѣе или менѣе основательны, но уже теперь новые пріиски привлекли въ эти необитаемыя страны довольно большую эмиграцію, что соответствовало и видамъ англійскаго правительства. Имѣя въ виду поддержать свою власть и вслѣдствіе того покровительствуя основанію политическаго и торговаго-центра, Англія прислала туда моремъ войска, а между тѣмъ она ознакомила съ землею и рѣшила провести желѣзную дорогу, отъ Ванкувера въ Галифаксъ. Это имѣетъ цѣлю сдѣлать изъ Викторіи другой Ливерпуль и проложить чрезъ Канаду и англійскія владѣнія путь для провоза естественныхъ и мануфактурныхъ произведеній Англіи и ея колоній. Викторія превосходная гавань; островъ, на которомъ стоитъ она, плодоносенъ и покрытъ прекраснымъ строевымъ лѣсомъ; въ углѣ также нѣтъ недостатка. Туда уже были привозы товаровъ изъ Китая, Японіи, Россіи и съ острововъ Тихаго Океана; общество, составившееся для почтовыхъ сообщеній (*Pacific Mail Company*), купило большія пространства земли на этомъ островѣ и учредило тамъ магазины и бюро. Англія дорожитъ своими владѣніями на Тихомъ Океанѣ; она можетъ имѣть въ превосходной гавани Пюджетъ-Саунда большое морское депо, — а она ничего не желаетъ такъ сильно, какъ возможности имѣть вліяніе на торговлю по берегамъ Тихаго Океана. Все неизмѣримое пространство земель,

которому давали неопредѣленное имя Британскихъ владѣній, получило колоніальное управленіе и называется нынѣ «Англійскою Колумбією». Тамъ есть теперъ полный комплектъ административныхъ и судебныхъ лицъ, и по всему видно, что не далеко то время, когда эти англійскія владѣнія будутъ играть огромную торговую роль. Надобно отдать справедливость англійскому правительству, — какъ скоро оказалась нужда въ его помощи, оно не замедлило сдѣлать все, чего ожидали отъ него. Громадныя работы были предприняты можно-сказать даже прежде нежели въ нихъ оказалась потребность, лишь только вслѣдствіе ожиданія, что потребность окажется. Нѣтъ сомнѣнія, что желѣзная дорога, соединяющая два океана, будетъ чрезвычайно важна для страны, которая изобилуетъ лѣсами, минералами, произведеніями почвы и дичью всякаго рода; по мѣрѣ приближенія къ западу, климатъ ея становится гораздо лучше, чѣмъ подъ тѣми же широтами на востокъ. Все, что дѣлается тутъ, должно въ высшей степени интересовать Россію, у которой неизмѣримыя пространства земель находятся во многихъ отношеніяхъ въ такомъ же положеніи, и потому я вхожу здѣсь въ нѣкоторыя подробности. Заботясь объ интересахъ своихъ колоній, все болѣе и болѣе обезпечивая самостоятельность ихъ, Англія пріобрѣтаетъ себѣ расположеніе странъ, находящихся подъ ея управленіемъ въ этой части материка, странъ, которыя еще недавно смотрѣли завистливыми глазами на Соединенные Штаты. Говорятъ, что провинціи Канады скоро получатъ федеративное устройство съ общимъ національнымъ конгрессомъ.

Въ то время, какъ Англичане дѣйствуютъ, Американцы еще соображаютъ и спорятъ, — это происходитъ отъ различія политическихъ формъ. Однакоже американскій конгрессъ употребилъ значительныя суммы для изученія земель между Миссиссипи и Тихимъ Океаномъ; развѣдано много новыхъ путей, и описаніе ихъ напечатано. Но эти пути слишкомъ длинны, идутъ черезъ пустыни, глубокія ущелья, высокія горы, и кромѣ того не безопасны отъ Индійцевъ. Путь черезъ перешеекъ также длиненъ и притомъ, надобно проѣзжать черезъ чужія, едва цивилизованныя земли, которыя во время войны легко могутъ сдѣлаться недоступными. Между тѣмъ настоятельныя нужды страны требуютъ прямого сообщенія между Востокомъ и Западомъ черезъ американскій материкъ. Въ ожиданіи желѣзной дороги устроили обыкновенное почтовое сообщеніе, съ помощію котораго почта и пассажиры изъ Санъ-Луи пріѣзжаютъ въ Санъ-Франсиско въ 23 дня; это уже большой успѣхъ, — но въ Союзѣ со всѣхъ сторонъ слышатся требованія желѣзной дороги, а когда требованія эти такъ всеобща, какъ въ настоящемъ случаѣ, то за ними не замедлитъ послѣдовать исполненіе.

Соединенные Штаты владѣютъ тысячею миль береговъ на Тихомъ Океанѣ съ гаванями, гдѣ могутъ помѣститься флоты всего свѣта; эта земля, прилежащая океану, состоитъ изъ двухъ территорій, которыя цѣликомъ составляютъ государственное имущество Союза; она больше чѣмъ Англія, Франція, Испанія и Италія вмѣстѣ и способна имѣть народонаселеніе въ 50,000,000 жителей; она богата минеральными и растительными произведеніями всякаго рода, изобилуетъ рыбою и дичью. Въ какія-нибудь двадцать лѣтъ торговля съ Азіей будетъ составлять половину американской торговли, а желѣзная дорога чрезъ Сѣверную Америку перенесетъ на рынки Соединенныхъ Штатовъ и европейскихъ государствъ произведенія Китая и Японіи. Много другихъ причинъ заставляютъ спѣшить построеніемъ этой дороги. Безъ нея нельзя одержать верхъ надъ Мормонами и надъ дикими племенами. Соединеннымъ Штатамъ она необходима, чтобъ имѣть возможность перевозить войска для защиты береговъ Тихаго Океана. Она нужна, какъ связь между восточными и западными землями, которыя, будучи отдѣлены огромными пространствами и хребтами утесистыхъ горъ, могутъ легко сдѣлаться совершенно чужды другъ другу. Важна она для насъ и тѣмъ, что отъ окончанія ея зависитъ осуществленіе многихъ другихъ предположеній! Самое естественное ея направленіе, кажется, было бы то, которое слѣдовало бы теченію Миссиссипи. Но главное дѣло не въ направленіи дороги, а въ томъ, чтобъ она была построена. Какъ скоро дорога будетъ открыта, эмиграція хлынетъ потокомъ на эти прекрасныя и обширныя равнины Запада, которыя давно ждуть земледѣльцевъ и ремесленниковъ для своихъ огромныхъ богатствъ. И на какіе огромные доходы можетъ разчитывать правительство Соединенныхъ Штатовъ отъ одной продажи всего этого неизмѣримаго Запада, который составляетъ, какъ я уже сказалъ, публичное имущество Союза!

Желѣзная дорога, идя отъ Нью-Йорка (которому, повидимому, назначено сдѣлаться торговою метрополіею вселенной) и оканчиваясь у Санъ-Франсиско, потребуетъ учрежденія постоянныхъ пароходныхъ рейсовъ между Америкою и Азіей. Тихій Океанъ имѣетъ мало теченій благопріятныхъ для плаванія парусныхъ судовъ: это именно море для пароходнаго плаванія. Сама природа помѣстила между Сѣверною Америкою и таинственными еще для насъ народами Азіи это тихое и спокойное море, по которому пароходы могутъ плавать съ гораздо большею скоростью, чѣмъ по водамъ Атлантическаго Океана. Первая пароходная линія вѣроятно будетъ идти отъ Санъ-Франсиско къ Кантону. До Кантона отъ Нью-Йорка, огибая мысъ Горнъ, считается 18,000 миль, которыя купеческія суда проходятъ во 110 дней. Предполагая,

что винтовой корабль изъ Кантона отправится на Западъ по означаемымъ нами путямъ, получимъ слѣдующія разстоянія :

Отъ Кантона до Маниллы (Филиппинскіе острова) . .	700 миль.
— Маниллы до Гватана (Разбойничьи острова) . . .	1500 —
— Гватана до Моуэ (Сандвичевы острова)	3350 —
— Моуэ до Сант-Франсиско	2350 —
Итого	7900 миль.

Переходъ въ 7900 миль привелъ бы насъ на территорію Соединенныхъ Штатовъ. Онъ былъ бы совершенъ, считая необходимыя остановки, въ сорокъ дней; сюда надо прибавить еще пять дней на проѣздъ изъ Сант-Франсиско въ Нью-Йоркъ. Не нужно говорить, какъ самое малѣйшее сбереженіе времени важно для купцовъ, и какой бы огромный выигрышъ былъ для нихъ и въ платѣ комиссіонерамъ, въ провизіи, въ процентахъ, страховыхъ деньгахъ, и во всемъ. Двѣ большія страны, Китай и Японія, открыли свои ворота иностранцамъ, и показали свою скудость; христіанство, къ которому онѣ приближаются, не замѣчая сами того, скоро имъ откроетъ, чего имъ не достаетъ. Почему бы и нашимъ мастерскимъ и лабораторіямъ не оказать имъ помощи? Мы должны имѣть это въ виду. Народы земледѣльческіе всегда находятся въ зависимости отъ народовъ промышленныхъ: первые бѣднѣютъ съ истощеніемъ почвы, вторые быстро идутъ къ развитію, цивилизаціи и благосостоянію, и Соединенные Штаты имѣютъ всѣ условія, чтобы быть мастерскою Азіи.

Еще слово о предполагаемой желѣзной дорогѣ къ Тихому Океану. Она до того популярна въ Америкѣ, что подала поводъ къ публичнымъ чтеніямъ почтеннаго Исаака Стевенса, котораго онъ долженъ былъ читать двукратно по общей просьбѣ. Этотъ ученый доказалъ, что слѣдуя за бассейномъ Миссиссипи и направляясь далѣе съ востока на западъ черезъ территорію Миннесоты, можно найти все нужное для построенія желѣзной дороги; онъ представилъ неопровержимыя, основанныя на долговременныхъ наблюденіяхъ, доказательства того, что зима не можетъ быть препятствіемъ удобному сообщенію, а также планы для передачи депешъ и перѣзда путешественниковъ, и по этому случаю сдѣлалъ описаніе сибирскаго климата. Подробности о Сибири были сообщены ему г. Коллинсомъ, американскимъ консуломъ на Амурѣ, во время пребыванія г. Коллинса здѣсь передъ обратнымъ отъѣздомъ его къ своему посту, куда онъ отправился черезъ Петербургъ.

Потребность раселенія сильно замѣтна въ Американцахъ, и она нашла бы себѣ еще болѣе полное удовлетвореніе, еслибы тому не препятствовало правительство: оно покровительствуетъ почти исключительно интересамъ юга, совпадающимъ съ инте-

ресами англійской торговли и, слѣдовательно, препятствуетъ развитію промышленности и мореходства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Въ послѣднемъ засѣданіи конгресса правительству Соединенныхъ Штатовъ было предложено обратить вниманіе на пароходныя сообщенія съ другими странами; особенно имѣли въ виду пароходную линію къ Парѣ, городу съ 12,000 жителей, при устьяхъ Амазонской рѣки, и вообще сообщеніе съ Южною Америкой. Городъ Пара имѣетъ блестящую будущность: онъ нѣкогда будетъ управлять торговлею всего бассейна Амазонской рѣки. Европа уже имѣетъ не менѣе осьми постоянныхъ морскихъ линій къ Рио-Жанейро, и оттуда соответствующія имъ другія къ главнымъ бразильскимъ портамъ на сѣверѣ и югѣ. Въ рукахъ Англии двѣ изъ этихъ линій, у Франціи двѣ, и по одной у Португаліи, Бельгіи, Генуи и Гамбурга. Такимъ образомъ, когда мы отправляемъ письмо, мы должны довѣрять ихъ иностраннымъ пароходамъ и ждать пока они дважды переплывутъ Атлантическій Океанъ, если не хотимъ посылать ихъ съ купеческими или парусными судами. Слѣдствіемъ этого недостатка въ прямомъ сношеніи съ Южною Америкой было то, что Англичане, Французы, Нѣмцы и Греки вытѣснили нашу торговлю изъ Рио и изъ другихъ портовъ. Они ввозятъ въ Бразилію огромныя количества съѣстныхъ припасовъ и европейскихъ мануфактурныхъ издѣлій, и взамѣнъ вывозятъ кофе, кожи и другіе продукты. Мы же должны платить наличными деньгами за все, что получаемъ отсюда. Въ 1856 году наша торговля съ Бразиліею простиралась до 24,000,000 долларовъ, и привозъ превышалъ вывозъ изъ Соединенныхъ Штатовъ на 14,000,000 долларовъ.

Наша торговля съ африканскимъ берегомъ на такой же степени. Великобританскіе пароходы захватили исключительно въ свои руки торговую монополію. Мы имѣли бы еще великую нужду и въ сообщеніи съ Средиземнымъ моремъ. Не далеко то время, когда русская компанія пароходства и торговли, которая въ такое короткое время успѣла сдѣлать столько, и уже входитъ постепенно въ сношенія съ западными портами Средиземнаго моря, будетъ переплывать океанъ и будетъ привозить намъ плоды и другія произведенія южнаго бассейна Европы.

Теперь перейдемъ, не распространяясь о купеческихъ корабляхъ, къ американскому флоту.

Наша морская сила издавна приходитъ въ упадокъ, и еще не нашли средствъ для ея поправленія; два года тому назадъ думали серьезно заняться реформою; но она коснулась только служащихъ лицъ, и мѣры, принятыя правительствомъ, возбудили общее неудовольствіе: правительство приняло дурную систему въ назначеніи чиновниковъ и слѣдовало ей въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Наконецъ оно поняло, что дѣло не можетъ болѣе идти по-

прежнему, и впало въ противоположную крайность радикализма. Произошло очень много переменъ въ личномъ составѣ; на справедливость было обращено мало вниманія. Между тѣмъ реформа должна была преимущественно относиться не къ личному составу, а къ матеріальной сторонѣ флота.

Если справиться съ нашими реестрами, то окажется, что у насъ самый огромный флотъ въ мірѣ, между тѣмъ какъ наша морская сила занимаетъ четвертое или пятое мѣсто по могуществу, Мы имѣемъ:

	10 линейныхъ кораблей съ 868 пушками	
	10 фрегатовъ съ	500 —
	21 корветъ	426 —
	3 брига	16 —
	1 шкуна	3 —
Винтовыхъ судовъ:	8 перваго класса съ	268 —
	6 втораго —	89 —
	2 третьяго —	11 —
	2 тендера	
Колесныхъ судовъ:	3 перваго класса	} 46
	1 втораго —	
	2 третьяго —	
	9 транспортовъ, плашкотовъ и др. судовъ невооруженныхъ.	
<hr/>		
И того 78 судовъ съ		1227 пушками

Изъ 78 судовъ только 24 плаваютъ на парахъ; изъ нихъ шесть колесныхъ и при нихъ ни одной канонирской лодки! При торговлѣ, равной торговлѣ Англіи, у насъ приходится одно военное судно на десять англійскихъ. Намъ слѣдовало бы обратить всѣ наши суда въ пароходы, и притомъ винтовые, и увеличить значительно ихъ число. Мы имѣемъ въ этомъ великую нужду въ настоящее время, хотя бы для того только, чтобъ успокоить націю, которая встревожена присутствіемъ въ Мексиканскомъ заливѣ англійскаго, французскаго и испанскаго флотовъ. Трудно предполагать, чтобъ такія огромныя силы были посланы безъ всякой цѣли и должны были возвратиться, не предпринявъ ничего. Три державы, пославшія ихъ, конечно, имѣютъ опредѣленный планъ, но какой неизвѣстно. Можно думать, что онѣ имѣютъ въ виду положить предѣлы расширенію владѣній Соединенныхъ Штатовъ, которые много присоединили къ себѣ земель покупками, путемъ завоеваній и протектората; Куба, Мексика и перешеекъ съ его дорогами составляютъ предметъ особенной заботливости европейскихъ державъ.

Достойный замѣчанія фактъ—то стараніе, съ какимъ американскіе журналы спѣшатъ сообщить своимъ читателямъ все, что происходитъ въ Россіи. Нѣкоторыя наши газеты имѣютъ корреспондентовъ, черезъ которыхъ мы довольно подробно узнаемъ,

что дѣлается въ имперіи; многіе нѣмецкіе журналы помогаютъ намъ въ этомъ, и мы изъ нихъ заимствуемъ свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ въ *le Nord* къ нашему крайнему сожалѣнію. Все происходящее у васъ,—крестьянскій вопросъ, желѣзныя дороги, норское и рѣчное пароходство, экспедиціи въ Азію и особенно въ Сибирь, — и все, что объ этомъ печатается, живо интересуегъ насъ.

Вы уже получили извѣстіе объ успѣшномъ спускѣ на воду фрегата *Генералъ-Адмиралъ*. Этотъ день былъ какъ бы праздничнымъ для Нью-Йорка. Этотъ великолѣпный корабль, предметъ многочисленныхъ посѣщеній, былъ поднятъ изъ воды, обшитъ мѣдью и спущенъ снова. Фрегатъ, вѣсящій не менѣе 3680 тоннъ, былъ поднятъ въ докъ въ полтора часа. Поднимательная сила дока простирается до 8000 тоннъ; онъ имѣетъ двѣ паровыя машины, каждая во сто силъ, заставляющія дѣйствовать четырнадцать помпъ, сорока дюймовъ въ діаметрѣ. Этотъ докъ, считающійся первымъ на свѣтѣ по величинѣ, имѣетъ 325 футовъ въ длину, 100 въ ширину, и 40 въ глубину. Онъ раздѣленъ на 14 отдѣленій, въ каждомъ изъ нихъ по одной помпѣ. Мы слышали, что по образцу этого дока въ Европѣ построены многіе другіе: въ Гаврѣ, Марсели, Триестѣ.

Иностранецъ, провѣзжающій черезъ Нью-Йоркъ, увидитъ теперь на всѣхъ улицахъ войска и, встрѣчая роты солдатъ съ барабанами, музыкою и распущенными знаменами, конечно подумаетъ, что непріятель подступаетъ къ стѣнамъ города. Вотъ причина этого воинственнаго движенія. Въ бухтѣ Нью-Йорка есть островъ, называемый островъ Штатовъ; на этомъ островѣ построили карантинъ; имѣвшіе на немъ собственность съ досадою смотрѣли на учрежденіе въ ихъ сосѣдствѣ этого заведенія; они жаловались, что эта постройка препятствуетъ имъ продавать свои земли за ту цѣну, которую они могли бы взять, еслибы этого не было; не находя другихъ средствъ избавиться отъ этого сосѣдства, они подожгли карантинъ. Правительство тотчасъ же послало огромное число рабочихъ выстроить его снова, и, предохраняя его отъ вторичнаго такого же покушенія, непрерывно посылаетъ туда и отзываетъ обратно войска. Карантинъ возобновленъ, но едва ли не ждетъ его опять та же участь. Между тѣмъ виновники поджога подверглись судебному преслѣдованію, но бывъ арестованы, представили за себя поруки. Дѣло было разобрано, и судъ объявилъ рѣшеніе... какое, угадайте сами. Онъ оправдалъ подсудимыхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они боялись заразы и эпидеміи отъ сосѣдства карантина и потому, уничтожая его, дѣйствовали для спасенія своей жизни, слѣдовательно этотъ поступокъ имъ нельзя вѣнчать въ преступленіе. Надобно замѣтить, что факты этого дѣла не были подвержены сомнѣнію, и подсудимые не отрицали ни одного.

Судъ въ Америкѣ, какъ вы видите изъ этого случая, имѣетъ свою оригинальность. Кто не слышалъ о законѣ Линча или о судѣ Линчѣ? Въ странахъ далекихъ отъ центра цивилизаціи, гдѣ еще не было организованныхъ властей, когда совершалось преступленіе, жители собирались для разузнанія обстоятельствъ его, и несчастнаго, подозрѣваемаго въ немъ, вѣшали на первое ближнее дерево. Это удовлетворяло торопливому правосудію произносившихъ и исполнявшихъ приговоръ; они заключали при этомъ обязательство взаимно защищать другъ друга, если когда-нибудь имъ придется дать отвѣтъ за такой незаконный судъ. Можно понять еще подобные случаи въ неорганизованныхъ территорияхъ и притомъ въ крайнихъ случаяхъ; но что вы скажете, если я васъ увѣрю, что такой способъ суда встрѣчается и въ провинціяхъ Союза, гдѣ есть полная судебная организація? У насъ не рѣдки случаи такой расправы экспромтомъ, рядомъ съ правильнымъ судопроизводствомъ, производимымъ по законамъ. Вотъ одинъ примѣръ. Дѣло происходило въ 1857 году въ Кентекки, одномъ изъ южныхъ штатовъ. Одинъ богатый фермеръ былъ убитъ въ своемъ домѣ, и виновные были пойманы. Чернь хотѣла тутъ же повѣсить ихъ, но мѣстное начальство не допустило этого и посадило преступниковъ въ тюрьму, находящуюся въ другомъ городѣ. Чернь явилась и туда, вломилась въ тюрьму и овладѣла несчастными. Одинъ изъ нихъ (всѣхъ было четверо) изъ страха рѣшился на самоубійство; другихъ привязали къ лошадямъ и увезли за двѣнадцать миль отъ города; тамъ составилось что-то въ родѣ суда, который приговорилъ обвиненныхъ къ повѣшенію на деревьяхъ. Двое были тутъ же лишены жизни, а третій привязанъ къ лошади, которая разнесла кости несчастнаго. Зачинщиковъ, конечно, арестовали, но они представили за себя поруки, и чрезъ нѣсколько времени ихъ совершенно освободили отъ преслѣдованія.

Кромѣ этого я могъ бы представить много другихъ примѣровъ американскаго самоуправства въ томъ же родѣ. Идеи о правѣ и судѣ здѣсь совершенно другія, нежели тѣ, какія въ Европѣ. Это происходитъ отъ различныхъ причинъ, въ томъ числѣ и отъ крайней недостаточности средствъ для изученія права. Я пришлю вамъ когда-нибудь описаніе нашихъ юридическихъ школъ и программы ихъ преподаванія; надѣюсь, что это будетъ для васъ не лишено интереса; я поговорю также и о нашей адвокатурѣ.

За то нѣтъ на свѣтѣ другой страны, гдѣ бы существовала такая полная религіозная свобода, какая существуетъ въ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ. Всѣ исповѣданія, если они не противны нравственности, могутъ имѣть свои храмы и своихъ проповѣд-

никовъ. Американская территория покрыта церквами всѣхъ исповѣданій и сектъ, которыя взаимно оказываютъ совершенную терпимость. Тутъ, напримѣръ, вы можете видѣть негровъ, которыхъ богослуженіе состоитъ изъ плясокъ; въ другомъ мѣстѣ секту дрожащихъ квакеровъ; только Мормоны не могутъ быть терпимы среди цивилизованнаго общества: государство впрочемъ не допускаетъ одного только изъ ихъ ученій—многоженства, предоставляя имъ имѣть сколько угодно пророковъ съ ихъ откровеніями. Государственной религіи нѣтъ; правительство не покровительствуетъ ни одной изъ религій и не тратитъ ни копейки на содержаніе церквей или духовныхъ лицъ. Эта статья не существуетъ въ его бюджетѣ, ни въ приходѣ, ни въ расходѣ. Такой порядокъ въ этихъ дѣлахъ объясняетъ волненіе, которое теперь замѣтно въ Соединенныхъ Штатахъ (впрочемъ оно повторяется періодически каждый годъ) по вопросу о томъ, должно ли преподавать въ школахъ Библію, Ветхій и Новый Заветъ? «Должно», говорятъ христіане, ставящіе религиозное начало выше политическаго и считающіе христіанское воспитаніе необходимымъ для государства. «Нѣтъ», отвѣчаютъ католики, нигдѣ не желающіе сдѣлать Библію популярною; «нѣтъ»; говорить равнодушные; «нѣтъ», повторяютъ многочисленные сектанты, признающіе исключительно нравственные правила; «нѣтъ», слышится отъ большинства набожныхъ людей, которые боятся, чтобы чтеніе Библии не было сопровождено толкованіями сектантовъ. Вотъ какъ разсуждаютъ здѣсь. Несмотря на то, нельзя не согласиться, что ни въ одной странѣ не изучаютъ Библии болѣе чѣмъ здѣсь, и нигдѣ не оказываетъ она большаго вліянія; нельзя не замѣтить также, что она нашла самый широкій доступъ въ школы негровъ на югѣ.

Такъ какъ мы заговорили о неграхъ, то я разкажу вамъ о нихъ одно только—что случившееся происшествіе. Вы знаете, что ультра-аболиціонисты считаютъ священнымъ долгомъ уводить и укрывать черныхъ невольниковъ отъ ихъ господъ. Съ этою дѣлю составилось цѣлое общество, имѣющее свои капиталы и агентовъ. Невольники, похищенные такимъ образомъ этими ревнителями свободы, увозятся ими въ Канаду, откуда ихъ никогда не выдаютъ обратно. Аболиціонисты заставляють бѣглецовъ какъ можно скорѣе пробраться черезъ сѣверные штаты (еслибы ихъ схватили здѣсь, то возвратили бы владѣльцамъ), и считаютъ свое дѣло конченнымъ, какъ скоро невольники вступаютъ на свободную почву; а эти несчастные потомъ терпятъ лишенія, приходятъ вскорѣ въ нищету, заболѣваютъ и гибнутъ, потому что ихъ убиваетъ новый климатъ. Случается, что сожалѣніе о прежнемъ бываетъ такъ сильно въ этихъ неграхъ,

что они предпочитают возвратиться домой и подвергнуться наказанію за побѣгъ, чѣмъ жить и умирать въ бѣдности,— и даже просятъ своихъ господъ пріѣзжать за ними. Недавно одинъ плантаторъ возвращался на югъ съ своимъ невольникомъ-негромъ, котораго онъ взялъ съ собою по его собственной просьбѣ; абolicіонисты нашли это незаконнымъ похищеніемъ; на дорогѣ произошла стычка,—плантатора остановили съ угрозами и хотѣли отнять невольника; негръ напрасно увѣрялъ своихъ защитниковъ, что онъ самъ предпочелъ прежнюю свою жизнь на югѣ жизни на свободѣ; ему не вѣрили, но не могли ничѣмъ удержать его, ни даже значительными суммами денегъ, которыя ему предлагали за то, чтобъ онъ остался; особенно тутъ отличились свободные негры. Наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что они успокоились и оставили, какъ они говорили, идти на свою гибель несчастнаго, не умѣвшаго цѣнить великое благо свободы. Это, конечно, не значитъ, чтобы положеніе негровъ-рабовъ было хорошо; случай, разказанный мною, характеризуетъ только неутомимость абolicіонистовъ и показываетъ ту степень униженія, до которой можетъ дойти человѣкъ послѣ долгаго рабства. А къ сожалѣнію, количество рабовъ не уменьшается. Въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ поймано много кораблей съ невольниками; но хотя для надзора за этою преступною торговлею была послана нарочно отрѣженная флотилія, однако это не помѣшало богатымъ грузамъ невольниковъ придти спокойно въ Кубу. Когда-нибудь эта наблюдательная флотилія утомится наконецъ исполненіемъ своихъ обязанностей, или будетъ отозвана, и гнусный торгъ снова будетъ продолжаться открыто. Пока Испанія не приметъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ ввоза этого товара въ свои владѣнія, онъ не прекратится. Говорятъ, что Куба не можетъ обойтись безъ негровъ, которые ей необходимы для обрабатыванія почвы (что еще впрочемъ не доказано), и такъ какъ налагаемые на нихъ труды убиваютъ ихъ, то часто является надобность возобновлять «эту живность»; еслибы стали преслѣдовать ввозъ негровъ въ Кубу, то это возмутило бы весь островъ, который давно не прочь освободиться отъ испанскаго владычества.

Такъ какъ мы уже перешли въ южные штаты, то я скажу нѣсколько словъ о ихъ главномъ продуктѣ—хлопчатой бумагѣ.

Англійскіе фабриканты очень заняты вопросомъ, какъ сдѣлаться независимыми отъ Соединенныхъ Штатовъ насчетъ хлопчатой бумаги. Англичанъ не можетъ не занимать вопросъ о томъ, что станется съ ихъ фабриками, въ случаѣ войны ихъ съ Америкою, или если американскіе плантаторы, вмѣсто единственнаго своего рынка въ Ливерпулѣ, изберутъ себѣ другой, или наконецъ въ случаѣ возстанія невольниковъ и ихъ освобожденія? Довольствоваться

Индію и Африкою трудно; спокойное обладаніе первою не совсемъ вѣрно и прочно, а что касается до Африки, то ее надо, такъ сказать, создавать вновь,—колонизировать и долго о ней заботиться; такимъ образомъ и съ этой стороны нельзя ожидать большихъ привозовъ хлопчатой бумаги, хотя и можно надѣяться, что количество ея будетъ увеличиваться. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые англійскіе купцы вздумали не только разводить, но и выдѣлывать хлопчатую бумагу на нѣкоторыхъ пунктахъ западнаго берега Африки; результаты, полученные ими, до настоящаго времени еще незначительны, но по крайней мѣрѣ они покажутъ, годна ли африканская почва для этихъ плантацій? Манчестерская компанія для поставки хлопчатой бумаги нашла себѣ въ Турціи почву, много обѣщающую въ будущемъ: 50.000 тюковъ хлопчатой бумаги было отправлено оттуда въ Англію въ нынѣшнемъ году. Но по мѣрѣ того, какъ оказывается больше мѣстъ для разведенія хлопчатника, возрастаетъ на него требованіе. Это важная статья для торговли Россіи и Германіи; если Англія когда-нибудь успѣетъ извлекать изъ Турціи, Африки и Индіи все нужное ей количество хлопчатой бумаги, то Россія и Германія потребятъ все, что производимъ мы. Назадъ тому четыре или пять лѣтъ опредѣлили въ 133 милліона долларовъ цѣнность хлопчатой бумаги, добываемой во всемъ свѣтѣ, и во 100 милліоновъ долларовъ цѣнность того количества ея, которое производятъ Америка.

Обращусь теперь къ нью-йоркской хроникѣ, къ театрамъ и лекціямъ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ у насъ былъ *thank-givings-day*, день благотворительности, который празднуется ежегодно почти въ одно время; онъ назначается правительствомъ каждаго штата такъ, что не бываетъ въ одинъ день во всемъ Союзѣ, хотя всѣ охотно бы согласились на это. Этотъ день добрыхъ дѣлъ прежде былъ также днемъ поста; но обыкновеніе поститься вышло изъ употребленія; напротивъ, нынче заботятся въ этотъ день о томъ, чтобы повеселиться и хорошо поѣсть; театры бываютъ биткомъ набиты, но это не мѣшаетъ подумать и о бѣдныхъ, объ ихъ удобствахъ и объѣдѣ. Не стану распространяться о нашихъ театрахъ и операхъ; у насъ нѣтъ въ послѣднее время ничего особенно замѣчательнаго ни въ томъ, ни въ другомъ родѣ. Англосаксонцы вообще не музыканты, и даже многіе изъ нихъ совѣстятся ходить въ оперу или театръ. У насъ давали *Роберта*, *Севильскаго Цирюльника*, и очень часто *Трагіату*; *Марта* постоянно любимая піеса публики. Изъ замѣчательныхъ лицъ у насъ были Пикколомини, Гаццанига, Лабордъ. Особенно о первой было много толковъ въ журналахъ: графиня ли она, дочь ли

пирожника, племянница ли папы, или что другое, нельзя понять ничего изъ гавѣтныхъ споровъ, которые дошли до ожесточенія и вражды, такъ что подали поводъ къ процессамъ. Этого вѣроятно и хотѣли антрепренеры.

Американцы не любятъ шумныхъ увеселеній; тѣ, которые не посѣщаютъ оперы и театра, идутъ слушать публичныя чтенія. Эти чтенія въ Америкѣ имѣютъ особенный характеръ: они состоятъ обыкновенно изъ одного сеанса, продолжающагося одинъ часъ, и исчерпываютъ одинъ какой-нибудь предметъ. Сегодня, на примѣръ, предметомъ лекціи избирается Римъ, завтра новыя русскія владѣнія, потомъ морскія теченія, чахотка, ледники, чья-нибудь біографія, кометы и т. д. Правильный курсъ изъ 20 лекцій, положимъ астрономіи, имѣетъ мало шансовъ на то, чтобы его выслушали всѣ; это будетъ слишкомъ длинно для американскаго ума, ищущаго разнообразія. Въ Америкѣ множество залъ, устроенныхъ съ большимъ или меньшимъ комфортомъ, гдѣ происходятъ чтенія, и куда является много публики, съ цѣлью столько же слушать лекціи, сколько посмотреть другихъ и показать себя. Сюда является читающій лекціи, the lecturer, входитъ на эстраду, раскланивается, вынимаетъ изъ кармана свертокъ и начинаетъ читать. Здѣсь вошло въ привычку слушать лекціи, и въ нихъ отдають преимущество болѣе совершенству слога и логичности изложенія, чѣмъ содержанію; Европейцамъ мало нравятся эти рѣчи, похожія на проповѣди. Этотъ вкусъ Американцевъ тѣмъ болѣе страненъ, что можетъ-быть не найдется другаго народа, который бы такъ владѣлъ своимъ языкомъ, какъ они; я говорю здѣсь не объ однихъ городскихъ жителяхъ, но и о тѣхъ, которые воспитывались и живутъ только въ деревняхъ. Гдѣ бы Американцу ни встрѣтилась надобность говорить, на праздникѣ, на политическомъ митингѣ или въ церкви, онъ всегда готовъ. The lecturer, профессоръ или лекторъ, если онъ пользуется извѣстностью, всегда можетъ разчитывать на полную аудиторію. Пусть извѣстный астрономъ объявитъ, что онъ желаетъ читать о болѣзняхъ картофеля или о торговомъ правѣ,—онъ можетъ быть увѣренъ, что зала будетъ полна. На лекціи здѣсь ходятъ больше для того, чтобъ увидѣть пользующееся извѣстностью лицо, которое ихъ читаетъ, и очень мало ради содержанія лекцій. Эта система чтеній распространена не только по городамъ, но по деревнямъ и селамъ. Нѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ ни одного самаго отдаленнаго мѣстечка, въ которое бы не пріѣзжалъ по временамъ какой-нибудь lecturer, и не объявлялъ чтеній о томъ или другомъ предметѣ; наши фермеры и крестьяне собираются слушать этихъ странствующихъ рыцарей науки, переѣзжающихъ съ мѣста на мѣсто, зарабатывая каждый день по нѣскольку долларовъ, повторяя съ достоинствомъ

заученную лекцію, которая можетъ-быть вовсе не принадлежитъ читающему. Но кромѣ этихъ чтеній, въ многочисленныхъ ученыхъ обществахъ Америки происходятъ другія постоянныя серьезные чтенія.

Я закончу это письмо, можетъ быть слишкомъ уже длинное, разказавъ вамъ о новой готовящейся экспедиціи въ арктическія страны къ сѣверному полюсу. На дняхъ въ нью-йоркскомъ географическомъ обществѣ докторъ Гей (Hayes), участвовавшій въ экспедиціи доктора Кена (Kane), читалъ о проектѣ возобновить изслѣдованія своего покойнаго славнаго друга и о своемъ желаніи, чтобы ему въ этомъ была оказана помощь. Я разговаривалъ съ этимъ ученымъ, и сообщаю вамъ его главныя мысли и предположенія. Эти подробности, конечно, будутъ очень интересны для васъ; вопросъ о полярномъ морѣ, его природѣ и границахъ есть одна изъ важнѣйшихъ географическихъ проблемъ, ждущихъ разъясненія; съ нимъ связаны магнетизмъ, приливы и отливы, морскія теченія, метеорологія, геологія, естественная исторія, особенности ледниковъ, ледяныхъ горъ и этнологія. Многія американскія общества принимаютъ участіе въ совершеніи этой экспедиціи, которая одобряется журналами, и которой многіе ученые общались содѣйствовать инструментами и другими пособиями.

Докторъ Гей располагаетъ отправиться къ полюсу чрезъ фарватеръ, открытый докторомъ Кеномъ. Этотъ послѣдній зимовалъ на сѣверномъ краѣ западной Гренландіи подъ широтою $78^{\circ} 37'$. Съ этого пункта онъ устроилъ рядъ экскурсій, изъ которыхъ одна привела къ главному открытію всей экспедиціи, — полярному морю. Г. Вилльямъ Мортонъ и эскимосскій охотникъ Гансъ были первые изъ посланныхъ въ такія экскурсіи. Они оставили корабль въ іюнѣ 1854 года и, послѣ многихъ препятствій и опасностей, достигли на своихъ саняхъ до устьевъ канала Кеннеди (Kennedy Channel), откуда вдругъ увидѣли открытое море подъ $80^{\circ} 20'$ широты. Они продолжали свой путь на разстояніи 52 миль къ сѣверу, скорѣе по льду у берега, чѣмъ по землѣ. Съ этого крайняго пункта они видѣли на сѣверъ только море, освобожденное отъ льдовъ, вслѣдствіе сильнаго вѣтра, который дулъ по этому направленію въ продолженіи 54 часовъ. На горизонтѣ къ сѣверо-востоку показывались облака (nimbus), стаи перелетныхъ птицъ носились надъ моремъ. Эти подробности возбудили въ высшей степени вниманіе доктора Гея, и онъ отобралъ у очевидцевъ самыя подробныя показанія, которыя удовлетворили его вполне. Наблюденія г. Мортонна важнѣе всѣхъ, сдѣланныхъ прежде, и изъ которыхъ можно было заключать о существованіи открытаго полярнаго моря. Птицы, видѣнныя имъ въ безчисленномъ множествѣ, принадлежали къ породѣ, которая питается исключительно морскими произведеніями, и которая лѣтомъ

перелетаетъ къ сѣверу класть яйца. Эти птицы никогда не вьютъ себѣ гнѣздъ по берегамъ моря, покрытаго льдами. Очевидно, онѣ выбрали каналъ Кеннеди мѣстомъ для несенія яицъ; нельзя предположить, что они покинули Баффиновъ заливъ и искали себѣ пищу на разстояніи болѣе 100 миль; особенно самки не оставили бы своихъ гнѣздъ на такое долгое время. Изъ всего этого можно сдѣлать предположеніе, что къ полюсу, по ту сторону канала Кеннеди, есть открытое море, гдѣ можно надѣяться найти климатъ болѣе умѣренный. Это показываютъ изотермическія линіи, которыя видимо изгибаются около двухъ центральныхъ пунктовъ сильнѣйшаго холода, находящихся въ 12 градусахъ отъ полюса; одинъ изъ этихъ пунктовъ лежитъ выше Сибири, другой находится въ Сѣверной Америкѣ.

Докторъ Гей думаетъ, что сѣверный берегъ Вашингтоновой и Гринелевой земли долженъ быть заселенъ многочисленными Эскимосами; кромѣ того, преданія этого кочующаго народа указываютъ на сѣверъ, какъ на исходный пунктъ ихъ племени. Эскимосы не могутъ жить иначе, какъ на берегахъ постоянно открытаго моря. Г. Гей не сомнѣвается, что большая масса водъ Арктическаго океана имѣетъ температуру гораздо высшюю, чѣмъ температура льда: извѣстно, что существуетъ постоянный обмѣнъ водъ между океанами Атлантическимъ, Тихимъ и Сѣвернымъ. Теченіе Мексиканскаго залива несетъ свои теплыя воды изъ Атлантическаго океана въ полярный бассейнъ; то же происходитъ съ водами Тихаго Океана чрезъ проливъ Беринговъ. Большія рѣки Азии и Америки тоже несутъ свои воды въ Арктическое море, между тѣмъ какъ съ двухъ береговъ Гренландіи уносимыя сильными теченіями массы льда направляются къ югу.

Вліяніе теплоты открытаго моря съ сѣверной стороны весьма замѣтно во многихъ мѣстахъ, даже во время зимы. Врангель, зимувъ въ Нижне-Колымскѣ, находилъ часто сѣверные вѣтры теплыми, даже въ самое холодное время года. То же было замѣчено въ Лапландіи. Баррентцъ нашелъ то же самое на Новой Землѣ. Въ Ренселарѣ (Renselaer) постоянно виденъ туманный столбъ въ сѣверной части горизонта, и заключенія доктора Кена изъ метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ однимъ американскимъ офицеромъ въ Coast Survey, состояли въ томъ, что вѣтры сѣверовосточные (магн. NNE, половина E вѣрнал) вообще возвышали температуру, даже въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ; это должно быть приписано тому, что такіе вѣтры берутъ начало на открытомъ морѣ, котораго температура при поверхности воды 29° Ф. Это море, оказывающее такое влияніе на температуру, должно находиться въ направленіи Вашингтоновой земли и канала Кеннеди.

На этой увѣренности въ существованіи открытаго полярнаго

моря, докторъ Гей основалъ планъ своей экспедиціи. Онъ предполагаетъ зимовать на берегу Гринелевой земли, близъ Фрезерова мыса, и имѣеть основаніе предполагать по своимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ 1851 году, что эта широта можетъ быть достигнута. Отсюда до того мѣста, гдѣ былъ Мортонъ не болѣе ста миль, сюда перенесутъ шлюпку, и онъ отправится къ полюсу. Съ того мѣста, гдѣ они должны найти открытое море, до полюса имъ надобно переѣхать въ шлюпкѣ разстояніе въ 600 миль. Оканчивая изложеніе своего проекта, за которымъ со вниманіемъ слѣдили избранные слушатели, и въ которомъ онъ разсматривалъ одну лишь научную сторону вопроса, докторъ Гей остановился нѣсколько времени на выгодныхъ послѣдствіяхъ его рѣшенія, въ отношеніи къ китовой ловлѣ. Онъ высказалъ мнѣніе, что сѣверное полярное море главное жилище китовъ, и привелъ при этомъ случаѣ письмо профессора Агассиза (Agassiz) изъ Кембриджа, въ которомъ сказано слѣдующее:

«Я не могу не одобрить экспедицію, предложенную докторомъ Геємъ; я считаю ее чрезвычайно важною въ научномъ отношеніи, и не менѣе важною въ отношеніи китоловнаго промысла. Организція этихъ огромныхъ животныхъ мнѣ кажется самымъ прямымъ доказательствомъ того, что у сѣвернаго полюса существуетъ большое открытое море: киты, имѣя горячую кровь и будучи одарены дыхательными органами, должны по временамъ подниматься на поверхность воды переводить дыханіе; безъ этого они не могутъ жить; такъ какъ зимою ихъ невидно въ водахъ, находящихся по южную сторону лдянаго пояса, то, слѣдовательно, они проводятъ зиму въ водахъ по сѣверную сторону этихъ льдовъ, а здѣсь они непременно погибли бы безъ открытаго моря. Изъ всѣхъ доказательствъ существованія полярнаго открытаго моря ни одно мнѣ не кажется столь убѣдительнымъ, какъ это послѣднее. Открытіе пути въ это море, сдѣлавъ возможною ловлю китовъ и зимою, имѣло бы огромное значеніе для торговли.»

Докторъ Гей надѣется кончить приготовленія къ своей экспедиціи къ веснѣ 1860 года. Денежныя средства, находящіяся въ его распоряженіи, не очень значительны, но могутъ дать ему возможность сдѣлать многое. Надѣмся, что онъ найдетъ въ ученыхъ обществахъ Америки и Европы и въ просвѣщенномъ и богатомъ купечествѣ (отчего бы и не въ правительствахъ?) матеріальную помощь, которая дастъ нашему отважному изслѣдователю возможность исполнить свое великое дѣло.

Опасности и затрудненія, которыя испытываютъ корабли, огибающіе мысъ Горнъ, заставили многихъ заняться вопросомъ, какъ избѣжать его; и вотъ одинъ Американецъ предложилъ правительству Чили устроить линіи большихъ буксирныхъ судовъ, ко-

торыя реморкировали бы корабли, проходящіе чрезъ Магеллановъ проливъ. Какъ извѣстно, правильная навигація парусныхъ судовъ невозможна на этихъ водахъ; обыкновенно полагають 25 дней на то, чтобъ обойти мысъ, а посредствомъ буксирующихъ судовъ считаютъ возможнымъ сдѣлать этотъ переходъ въ пять дней. Еслибы правительство Чили принялось горячо за это дѣло, то оно было бы для него дорогою къ пріобрѣтенію Патагоніи съ ея богатыми каменноугольными копами. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ Янки.

Г. Матиль.

ПОМѢЩИКИ И КРЕСТЬЯНЕ.

Съ тѣхъ поръ, какъ наша литература стала дѣятельно заниматься крестьянскимъ вопросомъ, не рѣдко въ журналахъ появляются нападенія на помѣщиковъ, то въ формѣ легкой насмѣшки, то въ формѣ совершеннаго сужденія. *Неужели есть помѣщики дурны?* спрашиваютъ насъ многіе, читая эти болѣе или менѣе рѣзкіе отзывы. *Неужели есть безъ исключенія?..* Нѣтъ, отвѣчаемъ мы, литература не имѣетъ ни права, ни намѣренія произнести такой приговоръ надъ цѣлымъ сословіемъ, изъ среды котораго не разъ выходили люди, оказавшіе дѣйствительныя услуги отечеству, люди, отличавшіеся благороднымъ образомъ мыслей и истинною любовью къ человѣчеству. Несправедливо было бы отрицать, что если исторія нашего прошедшаго представляетъ нѣсколько утѣшительныхъ страницъ, то вездѣ на нихъ има дворянства русскаго имѣетъ право быть записаннымъ. Дурно ли, хорошо ли, объ этомъ не мѣсто здѣсь распространяться, но жизнь наша до сихъ поръ слагалась такимъ образомъ, что, за рѣдкими исключениями, на всѣхъ поприщахъ въ первыхъ рядахъ стояли члены дворянскаго сословія. Какъ могло быть иначе? Крестьянское сословіе, всегда угнетенное, со времени прикрѣпленія совершенно утратило свою самобытность: оно работало для другихъ, жило для другихъ; оно не развивалось, не мыслило, не имѣя ни возможности, ни воли развиваться или мыслить. Безсознательно проливалъ оно кровь на поляхъ сраженій, слѣдуя приказаніямъ начальниковъ, и безсознательно умирало, какъ безсознательно жило. Нужно было имѣть гений Ломоносова, чтобы выдвинуться изъ толпы, но гении всегда и вездѣ рѣдки, и притомъ Ломоносовъ, сынъ простаго рыбака, не былъ однако крѣпостнымъ крестьяниномъ. Купеческое сословіе, мало образованное, не выходило изъ замкнутой сѣры торговыхъ интересовъ. Средняго сословія, какъ

tiers-état, въ собственномъ значеніи этого слова, не существовало вовсе. Кому же оставалось исполнять всѣ государственныя должности, какъ не дворянамъ? Кому какъ не дворянамъ, составлявшимъ долгое время единственно образованное сословіе въ Россіи, можно было дѣлаться учеными, литераторами, поэтами? И если Россія еще не совсѣмъ отстала отъ прочей Европы, то не обязана ли она этимъ большею частію своему дворянству? Нѣтъ, любовь къ низшимъ, любовь къ бѣдному, униженному крестьянскому сословию не должна убивать въ насъ чувства справедливости; мы не можемъ не сознать, что, какъ отдѣльныя личности, многие дворяне заслужили признательность своихъ согражданъ, и, если какъ помѣщики они не остались всѣ чисты отъ справедливыхъ упрековъ, отъ горькихъ нареканій за отношенія свои къ подвластнымъ лицамъ, то не слѣдуетъ забывать, что часто не въ собственной волѣ человека, а въ окружающей его средѣ, въ положеніи, въ которомъ онъ поставленъ, кроется вина многихъ ошибокъ, многихъ проступковъ. Не помѣщики дурны, но дурно *крѣпостное право*. Крѣпостное право, сказалъ не помню кто-то, мечь обоюду-острый, равно разящій помѣщиковъ и крестьянъ. Наружно, слѣдствія этого зла, тяготившаго надъ Россіею, конечно проявлялись различно. Помѣщики, стоя на верху іерархической лѣстницы, пользовались всѣми матеріальными благами, доставляемыми имъ трудомъ крестьянъ, и какъ бы ни былъ непроеводительенъ крѣпостный трудъ въ сравненіи съ трудомъ свободнымъ, но будучи весь обращенъ въ пользу одного сословія, онъ давалъ помѣщикамъ средства жить въ довольствѣ и нѣгѣ, когда крестьяне были бѣдны и обременены работою. Но нравственно, крѣпостное право одинаково пагубно дѣйствовало на оба сословія. Оно клало свою печать на всю жизнь помѣщика; оно встрѣчало его у колыбели и уродовало воспитаніе, искажало характеръ и губило лучшія проявленія его природы. Какія чувства, кромѣ надутой гордости, глупаго тщеславія, развивала въ барченкѣ низкопоклонная лесть окружавшей его толпы дворовыхъ? Какія понятія объ естественныхъ отношеніяхъ людей могли рождаться въ ребенкѣ, когда сотни крестьянъ не смѣли говорить съ ними иначе, какъ снимая шапки, когда и съдой старикъ почтительно вставалъ передъ нимъ, баюканнымъ мальчишкою? Къ чему благоразумная экономія, аккуратность въ жизни, когда можно прибѣгнуть къ производству, средству болѣе легкому, и жить трудомъ другихъ? Чго думать о будущемъ, что думать вообще, когда безъ заботъ и ума, благодаря одной лишь силѣ страха, удовлетворяются всѣ потребности? И жилъ русскій помѣщикъ, довольный собой, довольный мыслью, что много дѣлалъ для тѣхъ, которые кормили его, если они не

всегда нуждались въ кускѣ хлѣба. И размахисто проявлялась широкая русская натура въ неестественной и не разчетливой роскоши, въ богатыхъ пирахъ, въ громадныхъ охотахъ, въ столичной жизни не по карману, въ неслыханныхъ подаркахъ заѣзжимъ знаменитостямъ, или доморощеннымъ красавицамъ, въ путешествіяхъ за границу, гдѣ каждаго русскаго привыкли считать чуть-чуть не милліонеромъ, хотя русская нація самая бѣдная изъ большихъ европейскихъ націй, а маленькій волшебникъ, платящій за эту роскошь, за эти забавы, бѣдный русскій мужичокъ, въ потъ лица, бороздил сохою господскія поля, и почесывая въ затылкѣ, выплачивалъ оброкъ, нерѣдко увеличивавшійся, по мѣрѣ возраставшей роскоши и увеличивавшихся нуждъ помѣщика. Онъ не спрашивалъ, почему сегодня онъ платилъ болѣе, чѣмъ вчера. Зачѣмъ ему, неучу, было знать, что баринъ его проживался на актрису, или проигрывался въ карты? На это господская воля! мы ваши и все наше—ваше! Однако часто, и чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ чаще эта обстановка, эти ненормальныя отношенія переставали быть источникомъ однихъ лишь удовольствій для помѣщиковъ. Время шло; сильнѣе развивалось въ лучшихъ умахъ пониманіе высшихъ нравственныхъ началъ, яснѣе и глубже чувствовалась потребность свергнуть иго старинныхъ убѣжденій, и труденъ становился для человѣка мыслящаго разладъ жизни внутренней съ жизнью внѣшнею; грустны безпрестанныя столкновенія самыхъ благородныхъ стремленій съ понятіями и предразсудками, существовавшими еще въ большинствѣ общества. Нѣкоторые, силою природы даровитой, вполне обновлялись въ этой борьбѣ и дѣлались честными дѣятелями на какомъ бы то ни было поприщѣ, хотя и о талантахъ замѣчаютъ, что они какъ-то не стоятъ у насъ; другіе, болѣе слабые, впадали въ то состояніе сомнѣнія, апатіи, недовольства собою и другими, которое, въ новѣйшее время, породило у насъ Онѣгиныхъ, Печориныхъ, Тамариныхъ, людей, неспособныхъ ни на какую дѣятельность, людей совершенно бесполезныхъ, и которые, при другихъ условіяхъ развитія, въ другой средѣ, могли бы сдѣлаться замѣчательными членами общества. Многие, правда, сживались съ окружающею ихъ дѣйствительностію, и восторженный юноша, благородный защитникъ чловѣческихъ правъ, дѣлался помѣщикомъ, либеральнымъ на словахъ, отсталымъ на дѣлѣ, или чиновникомъ не всегда безгрѣшнымъ. Взятчиичество, пустившее столь глубокіе корни во всѣ слои русскаго общества, не есть ли тоже слѣдствіе крѣпостнаго права, недостатка въ насъ развитаго чувства чести и собственнаго достоинства, чувства невозможнаго при всегдашнемъ неуваженіи чловѣческаго достоинства другихъ? Да, грустны многія явленія въ нашемъ обще-

ствѣ; но нельзя карать за нихъ отдѣльныхъ людей или одно сословіе, нельзя требовать чтобъ оно вдругъ отрѣшилось отъ понятій, созданныхъ вѣками. Полное, мгновенное преобразование не въ силахъ массы, она движется и измѣняется, слѣдуя потребностямъ времени, слѣдуя передовымъ личностямъ, указывающимъ ей путь. По этому преслѣдовать всѣхъ помѣщиковъ, намъ кажется, безразсудно; непрестанно указывать на злоупотребленія нѣкоторыхъ, на уродливыя проявленія крѣпостнаго права, долгъ каждаго, кто горячо желаетъ уничтоженія этого права. Но не однѣми насмѣшками слѣдуетъ дѣйствовать; насмѣшки, особенно ѣдкія, ожесточаютъ и мало убѣждаютъ. Нужно приводить такіе факты, такіе примѣры, которые въ состояніи были бы поколебать самихъ защитниковъ патріархальности крѣпостнаго права. Нужно, однимъ словомъ вложить палецъ въ рану, чтобъ и невѣрующіе прозрѣли. Къ несчастію, такихъ фактовъ, такихъ примѣровъ могъ бы представить довольно всякій, кто хоть сколько-нибудь знаетъ Россію; но въ томъ-то и дѣло, что мало кто изъ насъ далъ себѣ трудъ узнать покороче Россію. Извѣстные своею страстію къ путешествіямъ, едва ли менѣе Англичанъ, Русскіе не любятъ заглядывать въ темныя закоулки своего отечества, не любятъ знакомиться съ родными мѣстностями, нравами и обычаями, и многіе, которымъ Лондонъ, Парижъ, Вѣна знакомы, какъ собственный карманъ, въ Россію не ѣздили далѣе, какъ изъ Петербурга въ Москву и обратно. Правда, что немного завлекательнаго представляетъ путешествіе по нашимъ проселочнымъ дорогамъ; не весело станеть на душѣ, когда зайдешь мимоходомъ въ курную избу крестьянина, взглянешь на его хозяйство и убѣдишься, что нерѣдко кусокъ чистаго чернаго хлѣба роскошь для цѣлой семьи. Пріятнѣе, конечно, кататься по желѣзнымъ дорогамъ, среди цвѣтущихъ полей Германіи или Франціи, кушать сытный обѣдъ въ великолѣпныхъ отеляхъ, или беззаботно прогуливаться по картиннымъ галереямъ и музеямъ; но не за границей, не въ музеяхъ, не въ гостинныхъ нашихъ вельможъ, даже не въ образованныхъ кружкахъ нашихъ литераторовъ можно получать истинное понятіе о томъ, какъ живетъ народу нашему православному. Подальше отъ столицы, подальше въ глушь, тамъ гдѣ цвѣтутъ еще во всей красѣ плоды крѣпостнаго права, тамъ проникнется вся душа необходимостію реформы, и благословитъ того, чья державная воля положила начало освобожденію крестьянъ.

Мнѣ привелось посѣтить подобный край, и не думаю, чтобы многія путешествія могли оставить такое тяжелое, такое мрачное воспоминаніе, какъ путешествіе въ Бѣлоруссію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отправляя изъ города Бѣлой, Смоленской губерніи, весною хлѣбъ водянымъ сплавомъ въ Ригу, я вздумалъ, отчасти

изъ любопытства, отчасти изъ желанія наблюдать за товаромъ во время пути, ѣхать самъ на баркѣ. Изъ Обши, протекающей въ Бѣлой, перешли мы въ Межу, а оттуда въ Двину. Сначала прибрежныя селенія ничѣмъ особеннымъ не останавливали нашего вниманія; но чѣмъ далѣе углублялись мы въ Витебскую губернію, тѣмъ бѣднѣ казались хижины, тѣмъ чаще встрѣчались толпы нищихъ, просящихъ съ берега о подаваніи; наконецъ вступили мы въ самое сердце нашей Ирландіи, если можно еще въ настоящее время, не обижая Ирландіи, назвать ея именемъ самый бѣдный, самый разоренный край. Я довольно много читалъ о пауперизмѣ, о страданіяхъ низшаго класса въ различныхъ государствахъ; но всѣ описанія показались мнѣ тогда блѣдны передъ дѣйствительностью, передъ этими берегами, которые были въ полномъ смыслѣ усыпаны толпами почти голыхъ ребятишекъ, женщинъ въ рубищахъ, едва покрывавшихъ ихъ желтое, изсохшее тѣло, мужчинъ всѣхъ возрастовъ и даже стариковъ. Бѣдность страны давно установила обычай постоянно посылать къ берегу, отъ каждаго трехъ или четырехъ барокъ, лодку съ кусками печенаго хлѣба для раздачи нищимъ. Безъ содроганья не могу вспомнить, съ какою жадностью голоднаго звѣря эти толпы людей бросались на подачку, съ какимъ дикимъ крикомъ и бранью отнимали другъ у друга корку черстваго хлѣба; отнимали ее и у человѣка, привозившаго имъ пищу, съ такимъ остервененіемъ, что лодочники часто остерегались выходить на берегъ, и хлѣбъ выбрасывался изъ лодки. До какой степени убиты въ этихъ людяхъ всѣ человѣческія чувства животнымъ инстинктомъ, требующимъ во что бы то ни стало удовлетворенія голода, доказываетъ одинъ видѣнный мною случай. Женщина, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, боролась съ мущиною за ломоть хлѣба; она отставала свою добычу со всею силою отчаянія и голода. Мушина казался побѣжденнымъ; но вблизи лежалъ камень, и въ одно мгновеніе женщина, съ окровавленной головою, была распростерта на землѣ. Я не знаю, что сдѣлалось съ мущиною, вѣроятно его схватили, судили, и если женщина ранена была смертельно, то убійца ея, къ величайшему своему благополучію, отправленъ въ Сибирь, гдѣ, по крайней мѣрѣ, найдетъ что поѣсть. Голодъ заставлялъ этихъ несчастныхъ забыть даже чувство самосохраненія. Сколько видѣлъ я мальчишекъ, женщинъ, взрослыхъ мужчинъ, кидавшихся въ воду, чтобы поймать драгоценную корку, не довольно мѣтко брошенную изъ барки или лодки! Другіе не дожидались вывозки хлѣба на берегъ; сотни маленькихъ челноковъ, или, лучше сказать, негодныхъ корытъ всякой формы и величины, на которыхъ одинъ Богъ только знаетъ, какъ возможно плыть по большой рѣкѣ, без-

престанно подѣзжали къ баркамъ, и безпрестанно въ ухахъ нашихъ раздавались жалобные крики: подайте Христа ради!

Сильный вѣтеръ принудилъ барки остановиться на цѣлыя сутки. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выйти на берегъ и посѣтить близъ-лежащія деревни. Вездѣ та же нищета, вездѣ встрѣчались мнѣ такія же блѣдныя, больныя созданія, отупѣвшія отъ голода и лишеній. Въ одной деревнѣ, безъ преувеличенія, я не нашелъ ни одного куска хлѣба; въ другой не было ни одного овина; но при всемъ моемъ желаніи, я не могъ узнать, по тому ли это, что весь хлѣбъ съ поля возится на господскій дворъ, или вообще родится его такъ мало, что не стоить заводитья овиномъ. На всѣ мои вопросы бѣдняки молчали, какъ-то дико и бессмысленно глядя на меня. Только одна старуха, которую я засталъ копавшеюся въ землѣ, кое-какъ объяснила мнѣ, что она вырываетъ корни бобовника (вахты), которыми они питаются, потому что на прокормленіе свое получаютъ отъ помѣщика всего по одному гарнцу хлѣба въ недѣлю на человѣка. Эти корни рѣжутъ, сушатъ, толкутъ и, смѣшивая ихъ съ мукою, дѣлаютъ родъ похлебки. «Испу-то мало гарнца пушины (муки), говорила изсохшая старуха, а намъ безъ бобовника, панъ, давно бы околотъ хуже собакъ.» Я спрашивалъ, кому принадлежали разоренныя деревни, и узналъ, что владѣлецъ ихъ человѣкъ богатый, имѣющій болѣе тысячи душъ и занимающій прекрасное положеніе въ обществѣ той губерніи. Неужели никогда не доходили до него стоны его крѣпостныхъ? Неужели, при этихъ стонахъ, ему никогда не западало въ душу чувство состраданія? не приходила мысль, что какъ ни слабы, какъ ни истомлены голодомъ эти мужчины и женщины, все же ими обрабатываются его поля, все же въ нихъ источникъ его доходовъ? Неужели, просматривая свои расходныя книги, онъ не замѣтилъ, что на каждую гончую его собаку отпускается въ день, конечно, болѣе муки, нежели на котораго-нибудь изъ его крестьянъ? Неужели, какъ женщину, какъ мать, нисколько не трогалъ жену его видъ этихъ золотушныхъ, чуть живыхъ дѣтей, и не постаралась она облегчить участь ихъ бѣдныхъ матерей? Грустно сказать; но я имѣю право отвѣчать отрицательно на эти вопросы; потому что два раза съ тѣхъ поръ проѣзжалъ эти мѣста, и никакихъ мѣръ не было принято для улучшенія быта несчастныхъ. А между тѣмъ, кто знаетъ, можетъ-быть ихъ помѣщикъ, человѣкъ не съ черствою душою, и сочувствуетъ бѣдности; но не бѣдности своихъ крестьянъ. Можетъ-быть онъ не на малую сумму подписался въ пользу пострадавшихъ при наводненіи Луары; можетъ-быть, жена его, живъ въ Парижѣ, на водахъ въ Германіи, или въ Ниццѣ, принимала горячее участіе во всѣхъ лоттереяхъ, устроенныхъ съ благоотво-

рительною цѣлью и щедро расточала деньги, добытыя потомъ и кровью своихъ русскихъ мужичковъ, на вспомошествованіе бѣднымъ Французамъ или Итальянцамъ. А дома.... но что же дома? Зачѣмъ этой барынѣ, или мужу ея слишкомъ принимать къ сердцу страданія такихъ грубыхъ, грязныхъ и противныхъ созданій? Итальянки такъ милы и граціозны: какъ имъ не помочь! Притомъ объ этомъ все будутъ говорить; пожалуй, напечатаютъ въ какой-нибудь газетѣ громкія похвалы добродѣтелямъ и великодушію русской графини или княгини; не пріятнѣе ли это, нежели стараться улучшить бытъ нѣсколькихъ крестьянъ, положеніе которыхъ даже неисключительное въ томъ краѣ, гдѣ многія имѣнія представляютъ одинаковое печальное зрѣлище? Да и не опасно ли было бы показать соотраданіе цѣлой тысячѣ своихъ людей, которые могутъ во зло употребить нѣжное чувство господъ своихъ и въ надеждѣ на снисходительность влѣе прежняго отпралять свои повинности? Уступка поведетъ къ уступкѣ, и тогда уже не часть дохода, а весь доходъ, все состояніе подвергнется риску. Чѣмъ рисковать всемъ своимъ благосостояніемъ, лучше скрѣпить сердце, закрыть глаза и заткнуть уши, лучше отвыкнуть отъ мысли, что можно питать состраданіе къ своимъ крѣпостнымъ. Вотъ слѣдствія крѣпостнаго права.

Дѣйствительно, мы привыкли смотрѣть на нашихъ крѣпостныхъ какъ на орудія, на рабочія машины. Мы требуемъ, чтобъ эти рабочія машины приносили намъ пользу, и весьма мало заботимся, при какихъ условіяхъ, какими средствами достигается этотъ результатъ. Скажемъ болѣе: мы привыкли къ ихъ бѣдности, мы привыкли приписывать ея причины и нерадѣнію, и многіе изъ насъ, съ душою весьма доброю, скорѣе готовы помочь постороннему просителю, чѣмъ позаботиться о вседневныхъ нуждахъ своихъ крестьянъ. Сколько видѣлъ я женщинъ, навзрыдъ плакавшихъ при чтеніи *Хижины Дяди Тома*, которыхъ никогда не поражаютъ дѣйствительное горе и нищета, такъ часто встрѣчаемая въ нашихъ деревняхъ. А дяди Тома встрѣчаются не въ одной Америкѣ (1).

(1) Просимъ извиненія у почтеннаго автора въ томъ, что не могли въ точности исполнить его желаніе относительно напечатанія статьи безъ пропусковъ. Мы совершенно согласны съ нимъ, что въ подобныхъ вѣпросахъ характеристическіе факты сильнѣе дѣйствуютъ на читателя, нежели общія разсужденія, и очень сожалѣемъ, что благонамѣренная во всѣхъ отношеніяхъ статья его привуждена была потерять въ некоторую долю своей яркости, но полагаемъ, что и въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь появляется въ свѣтъ, она можетъ служить той цѣли, для которой написана. Поэтому мы рѣшились напечатать ее съ неизбѣжными пропусками, не задерживая появленія ея въ свѣтъ перепискою съ авторомъ, и надѣемся, что авторъ одобритъ наше рѣшеніе и не откажется продолжать обѣщанную корреспонденцію. Ред.

Намъ скажутъ, можетъ-быть, что не стоить говорить такъ много о томъ, что уже отжило свой вѣкъ, что подверглось общему осужденію. Но мы отвѣтимъ, что потому-то именно и рѣшились повторить обвиненія, до насъ уже высказанныя противъ крѣпостнаго права, что не можемъ признать, чтобы дѣйствительно общество было равно и глубоко проникнуто нелѣпостью и глупостью самыхъ основъ и существенныхъ началъ этого права; а до тѣхъ поръ, пока истина еще не вошла въ плоть и кровь общества, пока еще приходится слышать о попыткахъ воскресить какъ-нибудь крѣпостное право въ новой болѣе приличной и юридической формѣ, замѣнивъ простое и наивное патріархальное право хитрыми вотчинными правами, до тѣхъ поръ не бесполезно подтверждать истину всѣми возможными доводами. Въ чемъ же состояла эта хвалимая патріархальность крѣпостнаго права? Что во время неурожая помѣщикъ кормилъ своихъ крестьянъ? Но иначе они не могли бы на него работать. Платилъ иногда за нихъ подати, помогалъ въ случаѣ падежа скота, пожаровъ и проч.? Но не говоря уже о томъ, что нерѣдко эти пособія въ послѣдствіи взыскивались весьма не снисходительно, неужели можно ставить въ великую заслугу владѣльцу помощь, даваемую имъ съ эгоистическою цѣлью, чтобы самому не потерпѣть отъ разоренія своихъ крестьянъ? Вѣдь и при обязательномъ трудѣ, если не по обязанности, то поневолѣ придется оказывать помощь. А если помѣщикъ дѣйствовалъ только по внушенію своего добраго сердца, то и безъ крѣпостнаго права человѣкъ сострадательный не отказывается, имѣя на то возможность, помогать нуждающимся, даже совершенно постороннимъ. Не споримъ, что у многихъ помѣщиковъ крестьяне въ матеріальномъ отношеніи жили хорошо, такъ что, еслибы желаніе свободы не было присуще каждому, и еслибы крестьяне считали себя обеспеченными въ сохраненіи своего благосостоянія, то могли бы не горевать о зависимости, такъ мало ихъ отягощавшей. Но въ томъ дѣлѣ, что ничѣмъ не обезпечивалась ихъ будущность. Смерть помѣщика, или продажа имѣнія нерѣдко передавала ихъ въ руки владѣльца, который вдругъ измѣнялъ ихъ счастливое положеніе на самое безотрадное. Наконецъ, кромѣ этихъ случаевъ, какая-нибудь перемѣна обстоятельствъ могла не только лишить помѣщика возможности помогать своимъ крестьянамъ, но и незамѣтно подвинуть его на постепенное увеличеніе прежнихъ повинностей, чтобы такимъ способомъ поправить свои дѣла. Все это очень хорошо понимаютъ сами крестьяне, и вотъ почему даже у самыхъ лучшихъ помѣщиковъ, у которыхъ имъ бы, казалось, жить весьма привольно, они страстно и нетерпѣливо ждутъ дня своей свободы.

Поэтому-то обязательный трудъ и строгая вотчинная зависимость не удовлетворяютъ и не успокоятъ крестьянъ даже у такихъ помѣщиковъ, которые не будутъ злоупотреблять своими стѣснительными для крестьянъ правами.

Защитникамъ пресловутой патріархальности не нравится ли приведенная нами выше поговорка: *на то господская воля; мы ваши, и все наше ваше?* Но вѣдь эти слова, которыя такъ часто можно слышать, и теперь болѣзненнѣе щемятъ всякое человеческое сердце, нежели самыя грустныя жалобы. Въ нихъ звучитъ то страшное униженіе, въ которое крѣпостное право предало весь народъ русскій, то безсознательное отреченіе отъ всего, что составляетъ внутреннюю святыню человѣка, отъ воли, отъ чувства, отъ убѣждений! На то господская воля! Что шадилъ эти безнравственныя слова? Шадилъ ли они скромность дѣвушки? Нѣтъ! По волѣ барина сластолюбца самая невинная, самая молоденькая дѣлалась его любовницею. Для этого не нужно было даже съ его стороны ни большихъ домогательствъ, ни какихъ-нибудь угрозъ; чего не сдѣлаетъ простое опасеніе утратить милостивое расположеніе барина добраго, или раздражить злаго? Весьма ошибаются тѣ, которые вѣрятъ еще въ чистоту нравовъ нашего сельскаго населенія (1). Крѣпостное право развратило крестьянъ, и цѣломудріе такъ мало цѣнится у нихъ, что рѣдкая крестьянка устоитъ противъ обаянія денегъ и даже самаго ничтожнаго подарка. Если и случалось иногда, что сердечная привязанность къ другому, или несовершенно убитое чувство стыдливости давали женщинѣ силы противиться страсти барина, то не могла ли патріархальная власть вступать въ права свои? За ласковыми увѣщаніями слѣдовали болѣе убѣдительные доводы, и хорошенькой горничной, привыкшей къ холѣ, прилагалось отеческое наказаніе въ видѣ 10, 15, можетъ-быть и *дѣтскихъ* розогъ. Кого обвинять во всемъ этомъ?.. Боимся наскучить, повторяя вѣчный свой припѣвъ.

Чѣмъ ближе и непосредственнѣе было вліяніе крѣпостнаго

(1) Какая могла быть чистота и цѣломудріе, когда независимо отъ воли помѣщика величина имѣнія обусловила еще число браковъ; и многія дѣвушки оставались незамужними, а мушны холостыми потому только, что въ вотчинѣ не находилось достаточно жениховъ или невестъ, а помѣщикъ не имѣлъ средства купить на сторонѣ *нужныхъ субъектовъ*. Это случалось очень часто въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, гдѣ изъ четырехъ-пяти дворовъ всѣ крестьяне успѣли уже переродиться посредствомъ прежнихъ браковъ, или гдѣ случайно число женинъ превышало число мушнъ и обратно. Намъ самимъ извѣстно маленькое имѣніе, гдѣ въ одномъ дворѣ три дѣвушки отъ 25 до 30 лѣтъ, здоровыя и красныя, не выходятъ замужъ, потому что кромѣ близкихъ имъ родственниковъ въ имѣніи нѣтъ холостыхъ мушнъ.

права, тѣмъ становилось оно пагубнѣе. Поэтому оно вообще принесло въ нравственномъ отношеніи менѣе вреда крестьянамъ, чѣмъ дворовымъ, находящимся въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ своимъ помѣщикамъ. Въ этомъ несчастномъ классѣ развились въ высшей степени всѣ дурныя инстинкты рабства: чизкопоклонничество, лесть, плутовство; и чѣмъ болѣе съ теченіемъ времени, понятіями, образомъ жизни, всею ложною своею цивилизаціей, дворовые люди разъединялись съ крестьянами, тѣмъ только утонченнѣе дѣлались ихъ пороки и сильнѣе тайное не-расположеніе къ помѣщику. Встарину можно было еще найти крѣпостныхъ преданныхъ слугъ; но едва ли встрѣчаются они теперь. Хотя жизнь ихъ не хуже прежней; но они, можетъ-быть, яснѣе сознаютъ, сколько въ ней осталось ненавистнаго. Испорченные своимъ положеніемъ, дворовые люди, въ свою очередь портятъ господъ своихъ, не однимъ только рабствомъ. Что сказать, напримѣръ, о способѣ добыванія денегъ, извѣстными намъ слугами, которые, пользуясь знаніемъ характера своего господина, добраго, но вспыльчиваго, по временамъ всячески стараются взбѣсить его, извѣдавъ опытомъ, что за побоями будутъ щедрыя вознагражденія, которыми помѣщикъ думаетъ загладить вину своей горячности? До какой степени нравственнаго униженія долженъ дойти человекъ, чтобы прибѣгать къ такимъ средствамъ, и до чего мы сами, люди болѣе развитые, доходимъ вслѣдствіе всего окружающаго насъ! Крестьяне не жалуютъ дворовыхъ. Но они поддаются ихъ вліянію, предполагая ихъ весьма свѣдущими, и удивляясь ихъ красноречію и развязности; за то дворовые развращаютъ женъ ихъ и дочерей.

Рекрутская повинность, въ той формѣ, какъ она отправлялась при крѣпостномъ правѣ, внесла также не малую долю порчи въ нравственность сельскихъ жителей. Не говоря о злоупотребленіяхъ помѣщицкой власти, которыя встрѣчались при отдачѣ крѣпостныхъ въ рекруты, одно уже удаленіе людей на десятки лѣтъ отъ ихъ семействъ служило къ распространенію разврата. Предоставленная самимъ себѣ, безъ опоры и надзора, молодая женщины, вслѣдствіе отсутствія мужей своихъ, вели болшею частію распутную жизнь. При существованіи крѣпостнаго права, правительству было слишкомъ затруднительно измѣнить срокъ военной службы. Въ какомъ бы положеніи относительно помѣщиковъ можно было поставить отставныхъ солдатъ, прослужившихъ, положимъ, не болѣе пяти или семи лѣтъ? Едва ли было бы легко возвратитъ ихъ къ безусловному подчиненію помѣщицкой власти, полное же освобожденіе этой массы работниковъ, безпрестанно выбывающихъ изъ крѣпостной зависимости, нарушило бы права помѣщиковъ и внесло бы много безпорядковъ въ ихъ хозяй-

ство. А между тѣмъ, какъ страшно тяжела была для человѣка, отрываемаго отъ домашняго очага, разлука, часто вѣчная, со всѣми предметами его привязанности! Кто жилъ въ деревнѣ, тотъ не разъ присутствовалъ при разставаньи рекрута съ его семействомъ, и конечно слышалъ рыданія, вопли и стоны, съ которыми родные провожаютъ его какъ покойника. Если и возвращался иногда солдатъ домой послѣ долгой своей службы, онъ былъ, какъ чужой, въ семьѣ, безъ него выросшей, онъ дѣлался, для нея, по большей части, только лишнимъ бременемъ, по лѣтамъ и совершенной отвычкѣ отъ всѣхъ сельскихъ работъ. Случалось также нерѣдко, что не найдя на родинѣ близкихъ родныхъ, съдой, израненный война, оставался безъ пріюта и для прокормленія своего долженъ былъ просить милостыню.

Недавно въ брошюрѣ (1), надѣлавшій столько шуму, по слѣдствіямъ, которыя она имѣла для своего автора, графъ Монталамберъ говорилъ: «Величайшее зло, которымъ можетъ страдать государство, состоитъ именно въ томъ, что пороки и дурныя его стороны остаются втайнѣ. Подобно ранамъ, которыя никогда не перевязываютъ и не врачуютъ, эти пороки государства заражаютъ скоро весь общественный организмъ. Напротивъ того, никакое зло не страшно въ странѣ, которая не страшится говорить самой себѣ самыя рѣзкія и жесткія истины, безъ боязни оскорбить національную гордость, или испугать правительство.» Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе знаменитаго публициста, и ожидая великой будущности для Россіи отъ благодѣяній гласности, считаемъ каждого въ правѣ громко изобличать общественные недостатки и заблужденія. Не изъ ненависти къ сословію, къ которому мы сами принадлежимъ, рѣшили мы высказать нѣсколько горькихъ истинъ. Мы ненавидимъ только право, которое запятнало всѣхъ насъ, которое губило нашу нравственность, останавливало развитіе и незамѣтно вовлекало въ самыя унижительныя проступки; право, которое чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе ставило лучшаго помѣщика въ самое ложное положеніе и въ невозможность сдѣлать что-нибудь истинно хорошее и полезное. Вездѣ и постоянно встрѣчались ему почти неодолимыя препятствія, истекавшія изъ крѣпостнаго права. Былъ ли онъ добръ и благороденъ, расположенъ обходиться съ подвластными ему крестьянами, какъ съ людьми—доброту его часто принимали за слабость; снисходительностью пользовались, какъ средствомъ предаваться лѣни и всѣмъ дурнымъ склонностямъ, выработаннымъ крѣпостнымъ состояніемъ. Старался ли онъ быть благоразумно строгимъ... но какъ человѣку,

(1) *Un débat sur l'Inde au parlement anglais* par M. de Montalambert.

проникнутому несправедливостью своего права, умѣть быть строгимъ съ этими неразвитыми, униженными, безправными существами? И какъ, располагая произволомъ, не быть на каждомъ шагу останавливаему опасеніемъ, что невольно перейдешь черту, отдѣляющую благоразумную строгость отъ непростительной жестокости?

Мы далеки отъ мысли, будто высказали все, что можно было о крѣпостномъ правѣ. Предметъ этотъ неистощимъ; но цѣль нашей статьи будетъ вполне достигнута, если мы успѣемъ убѣдить, хотя не многихъ, что было много дурнаго, но ничего *патрiархальнаго* въ учрежденіи, прінесшемъ столько вреда нашему отечеству, и что искоренять эти учрежденія слѣдуетъ намъ, а не мечтать объ удержаніи за собою средствъ къ *фактическому* сохраненію произвольной власти, послѣ того какъ юридически мы ея лишимся.

П. Э.

Декабрь 1858 года.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

Высочайшимъ указомъ отъ 23 декабря 1858 года утвержденъ составленный въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и рассмотрѣнный въ государственномъ совѣтѣ, новый уставъ для Россійскихъ консуловъ въ Европѣ и Америкѣ.

О консульствахъ Россійскихъ, какъ объ учрежденіи уже существующемъ, упоминается въ первый разъ въ регламентѣ коммерцъ-коллегіи 1719 года; а первая инструкция дана была консуламъ отправленнымъ въ Испагань и въ Шемаху 1720 года. За нею слѣдовали также, въ видѣ частныхъ наставленій, инструкции, данныя въ 1723 году консуламъ, отправленнымъ въ Кадиксъ и во Францію. Инструкции эти съ самаго начала даваемы были отъ Высочайшаго имени или отъ коммерцъ-коллегіи, которой въ 1723 году, по новому регламенту, вмѣнено въ обязанность снабжать наставленіями консуловъ. Съ того времени обязанности консу-

ловъ опредѣлялись только частными указаніями, предписаніями коммерцъ-коллегіи, въ послѣдствіи же министерствъ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ договорами иностранныхъ державъ съ Россіей. Не ранѣе 1820 года изданъ былъ общій уставъ для російскихъ консуловъ въ Европѣ и Америкѣ, служившій для нихъ руководствомъ до настоящаго времени. Російскія же миссіи и консульства въ Персіи и въ Левантѣ получили въ 1829 году особое учрежденіе, донинѣ остающееся неизмѣннымъ.

Первые консулы и вице-консулы назначены были самимъ государемъ Петромъ I, потомъ опредѣленіе ихъ предоставлено было коммерцъ-коллегіи, въ послѣдствіи коллегіи иностранной; отъ нея завистливы они, находясь въ непосредственномъ подчиненіи російскимъ резидентамъ при иностранныхъ дворахъ. Случалось, впрочемъ, что въ назначеніи консуловъ участвовало купечество; такъ въ 1747 году велѣно было консула въ Персію выбрать коммерцъ-коллегіи, обще съ главнымъ магистратомъ, по объявленіи купцовъ, изъ московскаго купечества. Такъ въ 1763 году купечество разныхъ городовъ подало въ иностранную коллегію доношеніе о необходимости учредить консульство въ Польшѣ для защиты русскаго купечества отъ обидъ; просители въ числѣ 61 человѣка объяснили при этомъ, что для замѣщенія должности они удостоиваютъ смоленскаго мѣщанина Давыдова, который приобрѣлъ достаточное искусство въ коммерціи, ѣздивъ 7 лѣтъ по собственной охотѣ по разнымъ европейскимъ, азіатскимъ и африканскимъ мѣстамъ, и научился самъ собою потурецки, поитальянски, погречески и попольски. Это ходатайство купечества было тогда же удовлетворено.

Изъ первоначальныхъ консульскихъ инструкцій видно, что и въ началѣ этого учрежденія кругъ дѣйствія консуловъ въ Азій странахъ. Юрисдикція русскаго консула въ Персіи, и по инструкціи 1720 года, простиралась на всѣхъ русскихъ подданныхъ, тамъ находившихся: ему предоставлялось судить всѣ тяжбы между ними въ общемъ совѣщаніи «съ начальнѣйшими ѣзъ русскаго народа», а въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ могъ даже собственною властью подвергать ихъ наказаніямъ за проступки и уголовныя преступленія. Вообще должность его состояла въ томъ, чтобы всѣмъ «подданнымъ во всемъ какъ совѣтомъ, такъ и дѣломъ всякое вспоможеніе чинить» и доставлять правительству свѣдѣнія и предположенія о торговлѣ. Иного содержанія инструкцій даны были въ 1723 году русскимъ консуламъ въ странахъ европейскихъ: здѣсь обязанности ихъ ограничиваются защитой русскаго купечества и наблюденіями за ходомъ торговли. Са-

мымъ полнымъ образцомъ консульскихъ обязанностей въ XVIII столѣтіи можетъ служить инструкция, данная русскому консулу въ Кадиксъ, 1765 года. Главнымъ предметомъ поставлено здѣсь также охраненіе купеческихъ интересовъ, причѣмъ консулу предоставлено рѣшать споры между русскими купцами, если они не касаются до криминальныхъ дѣлъ или до туземныхъ коммерческихъ обычаевъ, и брать подъ стражу виновныхъ въ преступленіи, сдѣланномъ на русскомъ купеческомъ кораблѣ, или бѣжавшихъ съ него дезертировъ; вообще же русскимъ подданнымъ онъ долженъ только давать всѣ приличныя извѣстія и наставленія: защита ихъ передъ мѣстнымъ правительствомъ ограничена предѣлами инструкции и случаями нарушеній консульскаго права. Начала, признанныя въ этой частной инструкціи, *выразились* подробно въ консульскомъ уставѣ 1820 года. По этому уставу обязанность консула состоитъ въ попеченіи обо всемъ, что касается можетъ до соблюденія правъ и выгодъ россійскаго народа, вообще *по торговлѣ и мореплаванію*, и главное посредничество между *торговыми людьми* изъ русскихъ подданныхъ во всѣхъ тяжбахъ и ссорахъ, по дѣламъ торговымъ и до торговли относящихся. Онъ долженъ имѣть точныя свѣдѣнія о всѣхъ входящихъ въ порты его вѣдомства и отходящихъ оттуда россійскихъ судахъ, надзирать тщательно за сношеніями русскихъ мореходцевъ и купцовъ; стараться о пользѣ и сохраненіи между ними добраго порядка, оказывать имъ пособіе въ случаѣ несчастія, заступленіе въ случаѣ притѣсненія, помогать имъ совѣтами и добрыми услугами. Объ обязанностяхъ его относительно всѣхъ вообще русскихъ подданныхъ упоминается здѣсь только на случай охраненія имущества умершихъ, первоначальнаго призрѣнія сиротъ и утвержденія нѣкоторыхъ актовъ, совершаемыхъ Русскими за границей. Соответственно этой цѣли консульство получило названіе «торговаго установленія», и учрежденіе его вошло въ составъ устава торговаго.

Новый уставъ также поставяетъ главною цѣлію консульскаго учрежденія—попеченіе о выгодахъ россійской торговли и мореплаванія; но принадлежности консульскаго званія опредѣлены точнѣе. «Консулъ, сказано въ новомъ уставѣ, есть посредникъ въ тяжбахъ и спорахъ, возникающихъ въ его округѣ по дѣламъ торговымъ между россійскими подданными торговаго званія; онъ разбираетъ, въ качествѣ третейскаго судьи, всѣ неудовольствія *россійскихъ подданныхъ* между собою, если спорящіе, по взаимному согласію, прибѣгнутъ къ его суду; онъ, по долгу службы, есть, по крайней мѣрѣ, временный опекунъ и попечитель малолѣтнихъ дѣтей и вдовъ россійскихъ подданныхъ, умершихъ въ его округѣ, и заступаетъ мѣсто повѣреннаго ихъ отсутствующихъ

наслѣдниковъ; онъ удостовѣряетъ законность всѣхъ актовъ, совершаемыхъ россійскими подданными въ его округѣ. Новый уставъ состоитъ изъ 106 статей и въ 4 раздѣлахъ опредѣляетъ подробно всѣ формальныя принадлежности и всѣ обязанности консульскаго званія.

Обращаясь къ подробностямъ новаго консульскаго устава и сравнивая его съ уставомъ 1820 года, мы замѣчаемъ мѣстами различныя измѣненія, которыя требовались современнымъ взглядомъ на значеніе консуловъ и ихъ дѣятельность. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ первый раздѣлъ, въ которомъ излагаются общія постановленія. Такъ въ § 4 запрещено консуламъ, получающимъ жалованье, принимать прямое или косвенное участіе въ какомъ бы то ни было торговомъ дѣлѣ. Известно, что нѣкоторыя государства, напримѣръ Англія, имѣютъ повсюду консуловъ, которымъ правительство даетъ жалованье, и отъ которыхъ за то требуетъ постоянной дѣятельности на пользу Англіи и Англичанъ; мѣстные купцы, получающіе только плату за свидѣтельствованіе паспортовъ и актовъ, а также небольшой процентъ за особо исполненныя комиссіи, не имѣютъ большаго интереса въ дѣлахъ лицъ, съ которыми почти ничѣмъ не связаны. Во Франціи институтъ консульства очень развитъ; это званіе требуетъ большихъ приготовленій, существуютъ такъ называемые *élèves consulaires*, которые подвергаются довольно трудному экзамену; въ Англіи отъ консуловъ требуется также строгое испытаніе, въ составъ котораго входитъ знаніе языка той страны, куда консулъ назначается; такимъ образомъ въ Лондонѣ молодые люди, желающіе занять мѣсто въ Россіи, держатъ экзаменъ изъ русскаго языка и т. п. Новый русскій уставъ въ § 8 требуетъ отъ вице-консуловъ только безукоризненно добраго имени. Далѣе, онъ опредѣляетъ подробнѣе, чѣмъ уставъ 1820 года, отношеніе консуловъ къ вице-консуламъ, и возвышаетъ тарифъ взимаемыхъ ими пошлинъ. Вообще все консульское управленіе болѣе централизовано, и вся отвѣтственность возложена на генеральныхъ консуловъ.

Второй раздѣлъ говоритъ объ обязанностяхъ консула въ отношеніи россійскихъ военныхъ судовъ. Третій «о власти и обязанностяхъ консула въ дѣлахъ государственнаго хозяйства и торговли». Здѣсь есть нѣсколько подробностей, вновь прибавленныхъ, напримѣръ о томъ, что консулъ можетъ обращаться въ случаѣ нужды къ мѣстной полиціи, требовать къ себѣ шкиперовъ кораблей; большая часть дополненій заимствована изъ свода Законовъ и изъ устава о мореходствѣ. Между прочимъ вмѣнено въ обязанность всѣмъ русскимъ подданнымъ предъявлять въ консульствахъ свои паспорта и являться туда по при-

глашенію консуловъ. Относительно актовъ, совершаемыхъ частными лицами, уставъ опредѣлительно говоритъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, которыя отдаются на сохраненіе въ консульства. Впрочемъ въ § 16 сказано: «Консулъ утверждаетъ своею скрѣпою и печатью консульства документы, которые будутъ совершаемы въ его округѣ, или ему предъявляемы, и которые должны получить законную силу въ Россіи, какъ-то: свидѣтельства, вѣршія письма, завѣщанія и проч.» Подъ этимъ разумѣется, конечно, всякаго рода сдѣлки между частными лицами, на что указываетъ консульскій тарифъ. Главнымъ образомъ дѣятельность консуловъ относится къ торговлѣ; онъ сообщаетъ шкиперамъ необходимыя свѣдѣнія и объясненія; надзираетъ за продажей и покупкою судовъ, также за ихъ отправленіемъ; заботится о спасеніи судовъ въ случаѣ крушенія; производитъ освидѣтельствованіе аварій; разрѣшаетъ заключить контрактъ бодмерей; наконецъ вообще заботится о сохраненіи имущества русскихъ подданныхъ, а для оставшихся малолѣтнихъ дѣтей и вдовъ замѣняетъ вполнѣ опекуна. Онъ долженъ обращать вниманіе на то, чтобы русскіе купцы и шкиперы не измѣняли принятымъ на себя обязательствамъ, не обманывали своихъ корреспондентовъ или не позволяли себѣ какого-либо иного поступка, наносящаго безчестіе. Въ бельгійскомъ и французскомъ *Монитеръ*, особенно въ первомъ печатаются весьма часто въ высшей степени интересные отчеты консуловъ о состояніи торговли и промышленности въ тѣхъ странахъ, гдѣ они пребываютъ. Русскій уставъ (§ 92) предписываетъ подобное и русскимъ консуламъ; «консулъ извѣщаетъ объ успѣхахъ торговли и мореплаванія вообще въ портахъ его округа», также доноситъ о новыхъ тарифахъ, торговыхъ трактатахъ и законахъ и проч. Такія обязанности требуютъ отъ консуловъ весьма многихъ условій, а потому нельзя не пожелать, чтобы въ эту должность вступали лица, достаточно къ ней приготовленныя. По уставу положено, чтобы генеральный консулъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ три года объѣзжалъ свой округъ; но едва ли такой объездъ можетъ замѣнить недостатокъ хорошихъ исполнителей. Отъ нихъ, отъ этихъ исполнителей, зависитъ благосостояніе русской торговли и русскихъ подданныхъ за границею; до тѣхъ поръ, пока консулы безответны передъ частными лицами, никакія самыя подробныя опредѣленія устава не будутъ имѣть ожидаемыхъ благихъ послѣдствій. Мы полагаемъ, что право частного иска на консула, не утверждаемое, но и не отрицаемое нашимъ законодательствомъ, было бы дѣйствительнымъ обезпеченіемъ публики, нежели надзоръ со стороны генеральныхъ консуловъ и разбирательство миссій и министерства.

Четвертый раздѣлъ имѣетъ предметомъ судебную и прав-

тельственную дѣятельность консула. По силѣ новыхъ правилъ консулъ принимаетъ на себя должность: 1) посредника, 2) судьи 3) слѣдователя, 4) блюстителя надъ порядкомъ. Въ качествѣ приватнаго посредника разбираетъ онъ, по желанію сторонъ, ссоры шкипера съ служителями или хозяиномъ на російскомъ суднѣ; если же примиреніе не послѣдуетъ, то, въ случаяхъ менѣ важныхъ, консулъ производитъ судъ уже не на основаніи мореходнаго устава Лудовика XIV, какъ было сказано въ прежнихъ правилахъ, а по російскимъ законамъ, и въ качествѣ судьи первой инстанціи приговариваетъ виновныхъ къ исправительнымъ наказаніямъ. Должность слѣдователя возлагается на него по важнымъ проступкамъ и преступленіямъ, совершеннымъ на русскихъ судахъ въ открытомъ морѣ; но произнесеніе приговора въ этихъ случаяхъ принадлежитъ исключительно судамъ имперіи. Какъ формальный посредникъ, консулъ разбираетъ споры торговыхъ людей, русскихъ подданныхъ, по третейской записи, являемой въ консульствѣ, съ тѣмъ, чтобы тяжущіеся отказались отъ всякой апелляціи къ иностранной власти. Какъ блюститель порядка, консулъ наблюдаетъ за поступками шкипера, относительно подчиненныхъ ему людей на торговыхъ судахъ, и разбираетъ ссоры между шкиперомъ и экипажемъ, если это не противно мѣстнымъ законамъ и договорамъ державъ съ Россіей. Впрочемъ разбирательству консула во всякомъ случаѣ не подлежатъ такіе беспорядки на суднѣ, которые угрожаютъ спокойствію на берегу или въ портѣ, или въ которыхъ замѣшанъ туземецъ. Несогласія между самимъ консуломъ и русскимъ подданнымъ, относительно исполненія консульскихъ обязанностей, разбираются мѣстною російскою миссіей и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Читатели наши уже знаютъ, что въ Ковенской губерніи образовалось между крестьянами общество воздержности. Общество это, при содѣйствіи католическаго духовенства, быстро распространяется въ Виленской губерніи и начало распространяться и въ Витебской. Въ концѣ 1858 года въ Вильнѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ: *O bractwie wstrzemiżliwości* (о братствѣ воздержности). Польская газета *Слово*, съ начала нынѣшняго года издающаяся въ Петербургѣ, сообщаетъ, на основаніи этой брошюры, главнымъ положеніемъ устава общества воз-

держности. Вотъ эти положенія, какъ они напечатаны въ № 14 польской газеты *Слово* (18 февраля):

• Братство воздержности устроено Пиемъ IX подъ покровомъ Пресвятой Дѣвы Маріи.

• Въ діоцезѣ Жмудской глава братства есть епископъ ея. Каждый настоятель церкви (пробощъ), принадлежащій къ братству, есть начальникъ его въ своемъ приходѣ и выбираетъ себѣ помощниковъ изъ прихожанъ. Каждый вступающій долженъ исповѣдаться и причаститься и повторить передъ алтаремъ Матери Божіей обѣтъ воздержности.

• Обязанности членовъ братства суть: 1) Каждый принадлежащій къ братству не долженъ въ предложеніе всей своей жизни употреблять водку, аракъ и напитки, которые могутъ быть приготовляемы изъ водки и арака. 2) Употребленіе спиртовыхъ напитковъ, дозволяется только по предписанію врача, когда требуетъ того нездоровье. 3) Члены могутъ пить виноградное вино, медъ и пиво, но умеренно. 4) Всѣ члены обязаны склонять другихъ къ вступленію въ братство. 5) Члены въ дни праздничные должны читать особенную молитву. 6) Въ праздникъ Божіей Матери Громничной они должны повторять обѣтъ, произнесенный при вступленіи въ братство. 7) Въ день Всѣхъ Святыхъ ксендзъ долженъ говорить проповѣдь и служить обѣдню за упокой душъ умершихъ членовъ. 8) Если кто изъ членовъ будетъ пить водку, и всѣ предостереженія останутся безъ успѣха, пробощъ обязанъ исключить таковаго изъ братства; всѣ члены должны прекратить сообщество съ нимъ. Лицо, такимъ образомъ отлученное отъ братства, не освобождается сверхъ того отъ обѣта, даннаго передъ лицомъ Бога.

• Членамъ братства дается отпущеніе грѣховъ полное или не полное. »

Въ той же газетѣ пишутъ съ береговъ Невѣжи, что братство трезвости быстро распространяются и по Гродненской губерніи, при содѣйствіи католическаго епархіальнаго пастыря. Мѣстное духовенство ревностно взялось за это дѣло и всѣ жители усердно помогаютъ духовенству въ его общепольномъ трудѣ. Не только вино подешевѣло и винокурни заперты, но подешевѣлъ даже хлѣбъ, и тѣмъ не менѣе, корреспонденція свидѣтельствуетъ, что всѣ въ Гродненской губерніи радуются распространенію трезвости, необходимымъ слѣдствіемъ которой будутъ очищеніе нравственности и общее матеріальное довольство.

Воздержаніе, сообщаетъ газета *Русскій Листокъ* (№ 36), распространяется и между Евреями. Въ Вильнѣ Евреи положили *хайримъ* на вино, конечно, прибавляетъ корреспонденція *Русскаго Листка*, не въ видахъ воздержанія (они вообще очень воздержны), а чтобы заставить откупщика понизить цѣну. Вслѣд-

ствіе такого всеобщаго отпора, откупщикъ хочетъ поставить цѣну 8 грошей (4 копейки) за кварту вина вмѣсто прежнихъ 15 грошей. Въ одномъ уѣздѣ Ковенской губерніи откупщикъ распустилъ уже пограничную стражу. Вино подешевѣло въ шесть разъ, но никто не пьетъ. Не помогаетъ даже даровое вино, выставленное иногда передъ корчмами, чтобы заманить въ корчму.

«Нужно желать, говорить *Русскій Дневникъ*, чтобы особенно общество воздержанія распространилось въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Это одно изъ мощныхъ средствъ поднять упавшее такъ низко благосостояніе тамошнихъ крестьянъ.» Вполнѣ согласные съ этимъ замѣчаніемъ, мы однакоже тѣмъ не менѣе радуемся распространенію трезвости и въ Великороссійскихъ губерніяхъ. Мы уже упоминали о движеніи, происшедшемъ въ этомъ смыслѣ между крестьянами Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи. Въ № 44 *Московскихъ Вѣдомостей* помѣщена корреспонденція изъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи, извѣщающая объ успѣшномъ ходѣ этого дѣла. Добровольно, безъ всякаго со стороны мѣстнаго начальства побужденія, составляются общества, отказывающіяся отъ употребленія хлѣбнаго вина; на нарушителей добровольнаго постановленія общества налагаютъ штрафы разныхъ родовъ и видовъ: деньги, работа, убавка земли и пр. Къ Рязанской губерніи присоединяется теперь Тульская. «Крестьяне отказались, пишутъ намъ, во многихъ мѣстахъ Тульской губерніи отъ употребленія вина, и откупъ несетъ огромный убытокъ. Это упорное исполненіе обѣта показываетъ сильный духъ русскаго крестьянина.»

Въ № 33 *Русскаго Дневника* напечатано извѣстіе, что крестьяне казеннаго вѣдомства Каширскаго уѣзда села Хотуши положили между собою на мірскомъ сходѣ: съ 6 декабря (прошлаго года) въ кабаки не ходить, а брать водку изъ питьевыхъ заведеній на домъ и притомъ въ количествѣ, каждый разъ опредѣляемомъ мірскимъ приговоромъ, ослушниковъ же штрафовать 25 р. за каждое взятое ведро, а при безденежьи наказывать тѣлесно. «По полученіи объ этомъ свѣдѣній съ ближайшихъ административныхъ инстанціяхъ, прибавляетъ корреспонденція *Русскаго Дневника*, дѣлопроизводители, охотники до ухи, какую, по замѣчанію Крылова, тароватые откупщики даютъ секретарямъ, нашли въ этомъ проявленіи народной самобытности очевидное отступленіе отъ правилъ сельскаго устава, покушеніе на собственность казны скопомъ, личную обиду откупщику, и въ этомъ отношеніи подготовили доклады.» «Не угадаемъ, заключаетъ корреспонденція, на долго ли продлится существованіе общества трезвости въ Хотуши, тѣмъ болѣе что со стороны откупа употреблены всѣ ухищренія къ возстановленію прежняго порядка; но призывъ поданъ, и мы слышали, что сосѣдніе владѣльцы пред-

ложили условія хотушскаго общества своимъ крестьянамъ. Дѣйствительно, нельзя не ожидать, что помѣщики найдутъ въ настоящую минуту особенно выгоднымъ для себя споспѣшествовать этому благому движенію, вызванному въ сельскомъ народонаселеніи чрезмѣрнымъ возвышеніемъ цѣны на вино. *Нѣтъ худа безъ добра*: откупъ, разорившій русское крестьянство, теперь можетъ быть самъ вывести его на путь трезвости. Но крестьянство нуждается въ руководителяхъ и защитникахъ, и кому же какъ не помѣщикамъ поддерживать и защищать его въ этомъ благомъ начинаніи? Кому теперь болѣе нежели помѣщикамъ нужно, чтобы крестьянину припадъ себѣ лишнюю копѣйку, чтобъ онъ поотвыкъ отъ кабака, этого источника всѣхъ нелѣпыхъ слуховъ и безтолковыхъ волненій? Дворянство должно и для своей выгоды и для блага отечества принять живое участіе въ дѣлѣ распространенія трезвости и воспользоваться теперешнимъ настроеніемъ крестьянъ, вызваннымъ дошедшею до крайнихъ предѣловъ наглостію въ противозаконномъ возвышеніи цѣны на вино. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшая часть духовенства будетъ усердно содѣйствовать дворянству въ этомъ святомъ подвигѣ. Неужели ихъ совокупнымъ усиліемъ не удастся превозмочь противодѣйствіе, котораго можно ожидать лишь отъ откупщиковъ и отъ чиновничества, состоящаго на жалованьи у откупа? Неужели и въ эту минуту, когда трезвость особенно нужна даже для сохраненія спокойствія страны, крестьянскія общества трезвости, подвергнувшись гоненію съ одной стороны, не найдутъ сочувствія съ другой? Какъ нуждаются наши крестьяне въ руководителяхъ, можетъ показать слѣдующій случай. Въ деревнѣ Драчинѣ Серпуховскаго уѣзда, крестьяне положили было между собою не пить водки. Но откупъ заплатилъ за нихъ 85 руб. недоимки на томъ условіи, чтобъ они уничтожили свой приговоръ, и Драчинцы подались на это условіе. Наши крестьяне жили подъ постоянною опекой. У нихъ не можетъ быть ни достаточной рѣшимости, ни достаточной твердости. Провсвѣщеннымъ сословіямъ приличествуетъ не только поддерживать ихъ на пути къ добру, но и наводить ихъ на этотъ путь. Обстоятельства сами собою приводятъ крестьянъ къ трезвости. Одновременно возникаетъ стремленіе къ трезвости въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Изъ Нижняго пишутъ, что тамъ, безъ уговора, почти совсѣмъ перестали пить. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* сообщаются вѣстія изъ уѣздовъ Балашовскаго и Сердобскаго Саратовской губерніи и Кирсановскаго Тамбовской о распространеніи трезвости. Корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* изъ села Макарова Балашовскаго уѣзда упоминаетъ о мірскомъ приговорѣ селенія Северокъ. Мы получили изъ самаго города Балашова вѣстіе, что въ одномъ изъ самыхъ большихъ селъ Бала-

повсѣкаго уѣзда, въ Турважъ, гдѣ считается нѣсколько тысячъ душъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ, 2 февраля состоялся на мірскомъ сходѣ единодушный приговоръ: не пить хлѣбнаго вина, за неисполненіе этого приговора подвергать виновныхъ наказанію или денежному штрафу; за исполненіемъ же приговора наблюдать выборнымъ людямъ, по одному человѣку изъ десяти. Нашъ корреспондентъ извѣщаетъ насъ, что отъ откупа представлены въ тотъ же день жалобы губерньскому начальству на *такоего оозлужденіа*, съ просьбою оказать милостивую защиту, предписать земскому суду произвести строжайшее слѣдствіе, и съ виновными поступить по законамъ. Между тѣмъ, говоритъ наша корреспонденція, многія сосѣднія селенія послѣдовали примѣру, поданному Турковцами, и слухи о томъ распространились между мѣщанствомъ уѣзднаго города. 5 февраля мѣщанское общество должно было собраться на общественный сходъ для избранія сборщика податей; на этомъ сходѣ всѣ мѣщане дали единодушно подписку не пить водки и не ходить въ питейные дома, и чтобъ осматривать этотъ объѣтъ, на другой день, 6 февраля, на Троицкой базарной площади, было совершено торжественное молебствіе съ поднятіемъ изъ соборной церкви иконы Пресвятой Богородицы съ хоругвями.

Кто рѣшится противодѣйствовать такому нравственному, христіанскому объѣту, кто не порадуется проявленію въ народѣ такихъ благородныхъ стремленій? Такъ скажемъ мы вмѣстѣ съ почтеннымъ Балашовцемъ, слова котораго, торжественно сказанныя послѣ молебствія, сообщаетъ нашъ корреспондентъ. Правда, не вездѣ проявляются эти стремленія въ такой безукоризненной формѣ, какъ въ городѣ Балашовѣ. Приговоры Турковцевъ и Хотушевцевъ, мы опасаемся, вывоятъ рой поршчаній: явятся люди, которые на этотъ разъ, чтобы содѣйствовать откупу, сдѣлаются вдругъ либералами и будутъ кричать, что эти мѣры стѣснительны для свободы лица. Но во имя свободы лица, умѣстнѣе вооружаться противъ другихъ стѣсненій, которыхъ польза сомнительна, и которые полагаются совнѣ, нежели противъ рѣшенія, въ счастливую минуту добровольно принятаго цѣлымъ обществомъ и клонящагося очевидно къ возвышенію народной нравственности. Человѣкъ съ здравымъ умомъ и здравымъ сердцемъ долженъ на противъ того почтить эту рѣшимость людей необразованныхъ, жаждущихъ оградить самихъ себя отъ слабости своей еще не окрѣпшей воли и подвергающихъ себя *добровольно* страху наказанія. Поэтому мы съ своей стороны стоимъ рѣшительно за приговоры этихъ сельскихъ обществъ, несмотря на ихъ форму, и искренно желаемъ, чтобы крестьяне этихъ селеній устояли въ своихъ благихъ намѣреніяхъ и не встрѣтили препятствій со стороны

притязаній, которыя были бы грубы и безнравственны не только по формѣ, но и по сущности. Пусть люди, готовые обрушиться на эти самобытныя проявленія лучшихъ элементовъ народнаго духа, укажутъ намъ на какой-нибудь другой способъ защищаться противъ наслія со стороны откупа, доступный даже такой публикѣ, которая состоитъ не изъ однихъ только крестьянъ. Пусть они скажутъ намъ, гдѣ въ Великороссіи можно купить теперь хлѣбное вино иначе какъ вдвое или втрое дороже противъ той цѣны, по которой откупныя комиссіонерства обязались продавать полугаръ. Развѣ это не насліе, не насліе грубое, невѣроятное? Это уже не штучка, какъ выражаются откупщики, по свидѣтельству г. Кокорева, это громадная штука, это колоссальный фактъ, принадлежащій исторіи, и показывающій, какъ мало обезпеченія отъ злоупотребленій заключается въ одномъ бюрократическомъ контролѣ. Кондиціи опредѣляютъ обязательную для комиссіонера продажную цѣну полугара, но полугаръ разсыропленный водою и улучшенный двумя пучками ничего не стоившихъ цвѣтовъ, брошенными въ бочку, получаетъ названіе специальной водки, и продается, напримѣръ въ Москвѣ, по 10 рублей за ведро; а простаго прежняго пѣннаго или даже простаго полугара, который былъ бы гораздо лучше этой специальной водки и котораго цѣна опредѣлена въ контрактахъ съ казною, въ продажѣ вовсе не имѣется, и замѣтите, не имѣется не здѣсь или тамъ, не въ одномъ или двухъ мѣстахъ, а во всей Великой Россіи, за исключеніемъ развѣ Царицына, гдѣ, по свидѣтельству *Русскаго Дневника*, хлѣбное вино продается по 3 р. за ведро, да еще тѣхъ городовъ, гдѣ старый откупъ въ декабрѣ мѣсяцѣ *замглазъ* новыхъ откупщиковъ. И это беззаконіе совершается безнаказанно съ тѣхъ поръ, какъ много лѣтъ тому назадъ была изобрѣтена эта гонимая *штучка*. Десятки милліоновъ людей могли бы подъ присягою засвидѣтельствовать, что законъ нарушается, но они совершенно безсильны противъ тѣхъ могущественныхъ средствъ, которыми располагаетъ откупъ. Вынудить возстановленіе цѣны на вино, опредѣленной правительствомъ, или по крайней мѣрѣ приближеніе къ ней, можетъ только совокупный отказъ отъ употребленія хлѣбнаго вина. Это единственная форма протеста, которая можетъ имѣть успѣхъ и притомъ не нарушаетъ самой строгой законности. Можно ли же, въ виду колоссальнаго нарушенія закона откупщиками, обвинять крестьянъ въ томъ, что они совершенно мирно, съ общаго согласія мірской сходки, сами налагаютъ на себя зарокъ не пить хлѣбнаго вина и постановляютъ наказанія тому, кто по слабости воли нарушитъ приговоръ, въ составленіи котораго онъ самъ участвовалъ? Можно ли не сочувствовать имъ, зная, что кабаки главная причина нищеты и

порчи низшихъ классовъ русскаго народа, и что воздержаніе отъ пьянства несомнѣнно подниметь уровень народной нравственности? Какаѣ безнравственность нужна для того, чтобы возбуждать букву закона (1) противъ крестьянъ, пытающихся подняться на путь нравственности, и не возбуждать силы закона противъ насилія, имѣющаго своими слѣдствіями народное разореніе и порчу народной нравственности?

Въ заключеніе *Внутреннихъ Извѣстій* этой книжки считаемъ не лишнимъ перепечатать слѣдующую статейку *Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, также касающуюся откупа:

Страшная вѣсть дошла до насъ. Мы еще не знаемъ, вѣрить ли, или не вѣрить этому слуху, но знаемъ, что если онъ достоверенъ, если фактъ совершился, то общественное мнѣніе у насъ будетъ не въ пользу факта.

Говорятъ, что посредствомъ какого-то іудейскаго толкованія контракта, гнусная проказа, извѣстная у насъ подъ именемъ -откупа-, — грозитъ распространиться и на новоприосоединенный Амурскій край, едва только успѣвшій войти въ составъ Русской имперіи. Хорошъ ему подарокъ на новый 1859 годъ!

Какъ! Послѣ того какъ общественное мнѣніе, одинаково выразившееся во всѣхъ русскихъ органахъ гласности, привѣтствовало присоединеніе этого новаго края однимъ желаніемъ, однимъ совѣтомъ, однимъ такъ-сказать лозун-

(1) Считаемъ впрочемъ нужнымъ замѣтить, что и букву закона нельзя безъ большой натяжки обратять противъ приговоровъ о трезвости. Вотъ относящаяся сюда статья Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Св. Зак. Т. XIV, Разд. II, Гл. V). Ст. 164: Запрещается всѣмъ и каждому заводить и вчинять въ городѣ общество, товарищество, братство или иное подобное собраніе безъ вѣдома или согласія правительства. Ст. 166: Закономъ не утвержденное общество, товарищество, братство и иное подобное собраніе (подъ какими бы названіемъ ни состояло), полиція не признаетъ за дѣйствительное, и всѣ правила, положенія и постановленія, какія у такихъ обществъ откроются, вѣнчаетъ ни во что, а *если такое общество признаетъ она бесполезнымъ, или правила его противными общему благу или частнымъ пользамъ*, то подвергаетъ уничтоженію и запрещенію. Ст. 167: Запрещаются всякія общества, кои, подъ ложными видами благонамѣренности, распространенія просвѣщенія и человеколюбія, скрываютъ намѣренія, *противныя и вредныя государственному порядку и общему спокойствію*.

Въ виду этихъ статей закона мы позволимъ себѣ спросить:

- 1) Общественный приговоръ о трезвости есть ли учрежденіе общества, и притомъ учрежденіе общества въ городѣ?
- 2) Таковой приговоръ есть ли дѣйствіе бесполезное, противное общему благу, и скрываетъ ли онъ въ себѣ намѣренія, противныя и вредныя государственному порядку и общему спокойствію?
- 3) Обѣщаніе не пить вина есть ли дѣйствіе, противное частнымъ пользамъ въ той мѣрѣ ихъ, которая можетъ подлежать охраненію со стороны закона?
- 4) Если же ни того, ни другаго, ни третьяго нѣтъ, то не слѣдуетъ ли полиціи, по точному смыслу закона, ограничиваться лишь только *вмѣненіемъ* ни во что приговоровъ о трезвости, то-есть не давать имъ принудительной силы, еслибы поступила въ полицію просьба о приведеніи ихъ въ исполненіе полицейскими средствами?

гомъ: свобода! свобода колонизаціи, свобода труда, свобода промышленности и торговли, свобода во всѣхъ движеніяхъ для новоприобрѣтеннаго края, которому какъ ребенку только и нужна во всемъ свобода, чтобы возрасти и расцвѣсть, и послѣ этого, на этой еще дѣтственной почвѣ, готовой для воспріятія всѣхъ стѣней добра, и на ней-то прежде всего стараться насадить плеведы монополіи?! И тутъ тоже разводить это чужеродное растеніе, откупную систему, высасывающее лучшіе соки изъ народа, изсушающее и изнуряющее страну, гдѣ ему дозволить укорениться! Откупъ! да при одномъ имени его негодованіе кипитъ въ сердцѣ экономиста. И еслибъ еще губительные результаты откупной системы, ея во всѣхъ отношеніяхъ глетворное вліяніе не были у насъ такъ явны, несомнѣнны до того, что никто и голоса не смѣетъ возвысить въ ея защиту! И когда же вводить ее? Когда, обремененная со всѣхъ сторонъ проклятіями, она и у насъ, какъ слышно, доживаетъ, съ грѣхомъ пополамъ, послѣднее четырехлѣтіе, — и въ это время искусственно, насильственно, лишь въ угоду одному, какому-нибудь правдой и неправдой разбогатѣвшему ростовщику, а цѣлому краю въ ущербъ, вводить откупъ въ странѣ, не зараженной еще этою общественною язвой. Нѣтъ, это не только анахронизмъ, это не просто ошибка, — это было бы преступленіемъ противъ общественной нравственности...

Странное дѣло! Мы привыкли вѣрить, что передъ всеми другими европейскими державами, Россія преимущественно суждено играть въ Азіи роль просвѣтительницы, распротранительницы христіанской или европейской образованности. На ней прежде всѣхъ лежитъ обязанность, свѣтомъ христіанства и науки озарить народы, еще сидящіе тутъ -въ сѣнн смертной-, удѣлить имъ блага промышленности, гражданскаго и государственнаго благоустройства. Таково по крайней мѣрѣ было до сихъ поръ главное историческое назначеніе Россіи въ Азіи, такова ея тутъ историческая роль, — роль не безъ славы, потому что она не безъ пользы для человечества, и которую ей не слѣдуетъ уступать никакому иному народу. И вотъ мы слышимъ, что Франція высылаетъ въ Китай десятки своихъ талатливыхъ миссіонеровъ, Англія — сотни кораблей, нагруженныхъ произведеніями ея широкоразвитой мануфактурной промышленности; а неужель же мы, на привольныхъ берегахъ широкаго и многоводнаго Амура, прежде всего будемъ хлопотать только объ одномъ, о водвореніи въ этой дѣтственной странѣ откупнаго кабака и цѣловальника?!

Но нѣтъ! мы не вѣримъ, не хотимъ вѣрить въ справедливость дошедшаго до насъ слуха. Мы надѣемся, что Приамурскій край будетъ свободенъ отъ откупа: правительство наше, уже доказавшее, что оно печется о благѣ подданныхъ, остановитъ навѣрно въ самомъ началѣ это несправедливое посягательство ненасытной алчности. Или неужто въ самомъ дѣлѣ настоятъ неизбѣжная необходимость въ томъ, чтобы ни одинъ уголокъ въ нашей про- странной Россіи не оставался незараженнымъ этою гнусною язвою, откупною проказою?...

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Военный вопросъ продолжаетъ свое развитіе, но онъ сталъ смиреннѣе ручиѣ, онъ понизилъ тонъ, хотя никакъ нельзя сказать, чтобъ онъ умеръ, или даже былъ близокъ къ кончинѣ; искра тлѣетъ, хотя и скрытая подъ пепломъ. Рѣчь императора принята была общественнымъ мнѣніемъ такъ, какъ она была сказана, то-есть двусмысленно. Тѣмъ не менѣе, рѣчь эта была шагъ впередъ въ замиреніи военнаго вопроса, сравнительно съ брошюрою: *l'Empereur Napoléon III et l'Italie*. Рѣчь графа Морни, сказанная на другой день послѣ императорской, была еще новымъ шагомъ по этому пути. Наконецъ, послѣ того какъ мы заключили наше обозрѣніе въ предыдущей книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, совершилось еще нѣсколько подобныхъ шаговъ, и искра совсѣмъ подернулась пепломъ. Торопливая дѣятельность по военному департаменту утратила характеръ демонстраціи, и продолжается безъ шума, стараясь не о томъ, чтобы выказаться, а о томъ, чтобы спрятаться. Газета *la Presse*, предназначенная служить органомъ либеральныхъ тенденцій правительства и находившаяся въ особой связи съ принцемъ Наполеономъ, дала слишкомъ большую волю своимъ воинственнымъ инстинктамъ и пошла было на всѣхъ парусахъ для освобожденія притѣсненныхъ народностей, благодаря попутному вѣтру, подувшему изъ «высокаго мѣста». Вѣтеръ переѣнился, вѣтеръ упалъ, какъ говорятъ моряки, и паруса заволокли. Эти добрые страдалцы за притѣсненные права народовъ, эти милые опекуны человѣческаго рода, одолаваемые призваніемъ являться на помощь справедливому дѣлу вездѣ, кромѣ самой Франціи, и вездѣ съ полнымъ безкорыстіемъ возстановлять то, чего сами не имѣютъ, чего хорошенько не чувствуютъ, чего ясно не понимаютъ, что осмѣяно и затоптано въ грязь въ ихъ собственномъ отечествѣ, эти разрѣшители узъ и освободители народовъ, за недѣлю передъ симъ, могли, сколько душѣ угодно, волноваться и пылать войною въ столбцахъ своего журнала; а теперь нужно стать смиреннѣе, говорить тише, осторожниѣе, говорить двусмысленнѣе, говорить въ тонъ императорской рѣчи и соображаться съ диапазономъ графа Морни... а кстати же однимъ изъ послѣднихъ законовъ Франція наконецъ централизована и въ музыкальномъ отношеніи: введенъ общій для всей Франціи музыкальный діапа-

зона, который будетъ провѣряться административнымъ порядкомъ... Но возвратимся къ газетѣ *Presse*. Она подверглась оициальному *предостереженію* со стороны министра Делангля. Къ чести этого министра слѣдуетъ сказать, что до сихъ поръ онъ ни разу не прибѣгалъ къ системѣ *предостереженій*; дѣло Монталамбера производилось сколько-нибудь законнымъ, то-есть судебнымъ порядкомъ, хотя и въ полицейскомъ судѣ, хотя и безъ содѣйствія присяжныхъ. Почему же теперь министръ Делангль грянулъ *предостереженіемъ* въ газету *la Presse*? Чтò за бѣда, если эта газета, подѣ шумъ производимыхъ вооруженій, закипѣла войною? Она была рада служить тайной мысли правительства, когорое съ неудовольствіемъ замѣчаетъ во французскомъ обществѣ недостатокъ энтузіазма, уныніе и равнодушіе къ войнѣ, она хотѣла возбудить желанный энтузіазмъ, отвлечь умы отъ презрѣнныхъ, *вульгарныхъ* интересовъ, и вознести ихъ въ сферу великодушнаго самопожертвованія и безкорыстныхъ стремленій. Она только ошиблась въ минутѣ, или слишкомъ увлеклась въ своемъ усердномъ разбѣгѣ и не могла остановиться во время; г. Леузонъ-Ледюкъ и редакция *Presse* не довольно вникли въ рѣчи англійскаго парламента и въ тонъ англійскихъ журналовъ, они не замѣтили переменъ въ камертонѣ у себя дома, они не поняли сигнала. Нужно было нѣсколько спустить тонъ, и не переходя изъ мажорнаго прямо въ минорный, найти между ними благополучную середину, изъ которой можно было бы перейти и туда и сюда, смотря по требованіямъ обстоятельствъ. Какъ нужно говорить, этому учитъ своего злополучнаго собрата полуоициальный органъ *Patrie*, гдѣ въ особой статьѣ изъясняется, что всѣ люди во Франціи могутъ быть раздѣлены на три категоріи: одни желаютъ мира во что бы то ни стало, другіе желаютъ войны также во что бы то ни стало, а третьи желаютъ и мира и войны, но мира почетнаго и войны законной. Этому же учитъ и самъ министръ Делангль въ особомъ циркулярѣ къ префектамъ. Министръ поставляетъ префектамъ въ обязанность внушать всѣмъ и каждому, а преимущественно пишущей братіи, надлежащія убѣжденія; онъ рекомендуетъ имъ озаботиться, чтобы редакторы политическихъ журналовъ прониклись духомъ императорской рѣчи и говорили такимъ же языкомъ, прославляя и миръ и войну, но чтобы тѣмъ не менѣе слова ихъ способны были возбуждать надлежащій энтузіазмъ въ умахъ и отвлекать ихъ отъ вульгарныхъ интересовъ. Удивительный идеализмъ овладѣлъ государственными людьми и публицистами *наполеоновской школы* (*de l'école napoléonienne*)! Откуда взялся этотъ идеализмъ? съ какими преданіями связанъ? Объ этихъ низкихъ интересахъ (*intérêts vulgaires*) замѣтилъ въ своей рѣчи императоръ, и теперь возвышенные умы оициальной Фран-

ца то и дѣло толкують о презрѣнныхъ интересахъ, которые хотятъ мира и не желаютъ войны. Мы совершенно теряемся въ этомъ лабиринтѣ политическихъ теорій... Давно ли тѣ же самые люди поучали насъ, что наполеоновская имперія стоитъ на прочной основѣ матеріальныхъ интересовъ массы, что она не угодна только богатымъ и празднымъ людямъ, идеологамъ Сентъ-Жерменскаго предмѣстья и Шоссе д'Антенъ? А что такое эти вульгарные интересы, какъ не интересы массы, которая хочетъ пить и ѣсть, и которымъ очень мало нужды до того, какъ идутъ дѣла въ Ломбардіи, что дѣлается въ Римѣ, какою системою руководствуется австрійское правительство, просторнѣе или тѣснѣе человѣческому существованію въ Австріи чѣмъ во Франціи? Что такое эти *вульгарные* интересы, о которыхъ съ такимъ презрѣніемъ говоритъ теперь офиціальная политическая мудрость, что такое они, какъ не потребности животной природы, которая стѣсняетъ и губитъ все человѣческое въ обществѣ, если не находитъ себѣ законнаго удовлетворенія, — которая причиняетъ взрывы и перевороты, и служитъ основаніемъ для всеподавляющихъ диктатуръ? Война всего губительнѣе отзывается въ этой сферѣ; никакіе интересы не страдаютъ отъ ней такъ глубоко, такъ тяжело, какъ эти *intérêts vulgaires*; останавливается торговля, прекращаются промышленныя предпріятія, множество рукъ остается безъ работы, цѣнности падаютъ, деньги уходятъ, и страна безвозвратно теряетъ элементы своего благосостоянія и дальнѣйшихъ успѣховъ. Да наконецъ, къ чему вся эта софистика? Кого она можетъ обмануть? Надобно желать почетнаго мира и справедливой войны... да вѣдь и всѣ такъ думаютъ: и приверженцы мира желаютъ почетнаго мира, и приверженцы войны желаютъ справедливой войны. Разница только въ томъ, что не всѣ одинаково понимаютъ честь и справедливость. Вольно же правительству говорить двусмысленными намеками, производить вооруженія, тщательно скрывая свои намѣренія, и обнаруживать эти намѣренія тѣми же самыми маневрами, которые употребляются для ихъ скрятія!..

Если общественное мнѣніе бродитъ во мракѣ, — какъ не увлекаться ему призраками? Если мы будемъ развращать общество обманомъ и ложью, — въ правѣ ли мы будемъ жаловаться, что въ немъ нѣтъ энтузіазма, что въ народѣ нѣтъ вѣры? Искать этихъ великихъ благъ въ обществѣ, утратившемъ всякое добровольное чувство, всякую внутреннюю свободу, не значить ли искать вчерашняго дня? Энтузіазмъ, вѣра — но вѣдь это свобода, только подъ другими именами. Какъ же искать ихъ въ томъ обществѣ, гдѣ на все наложено офиціальное клеймо, гдѣ мысль и чувство замѣняются мертвыми и мертвыми подобіями, которые фабрикуются въ

канцеляріяхъ, гдѣ наконецъ, все искусственно, подложно и фальшиво? Вамъ нужна оѳиціальная гладь и тишь,—довольствуйтесь же ею, она передъ вами; но не обманывайте ни себя, ни другихъ, не требуйте того, чего нѣтъ и чего вы не понимаете, не убивайте окончательно благодатной силы жизни оѳиціальнымъ энтузіазмомъ и канцелярскою вѣрою, не отравляйте послѣднихъ завитыхъ источниковъ жизни кощунствомъ надъ ея святынею, не дѣлайте этого—вы съете страшное зло, вы играете въ опасную игру. Лучше оставьте жизнь такъ какъ она есть, лучше вовсе запретите ей высказываться, предоставьте себѣ исключительную способность имѣть мнѣніе, исключительное право мыслить; мыслите и дѣйствуйте какъ знаете, а жизнь пусть остается во мракѣ, лишенная человѣческихъ проявленій,—по крайней мѣрѣ зачатки этихъ проявленій не будутъ испорчены, по крайней мѣрѣ грубость жизни не будетъ отравлена ложью. Изъ такихъ обществъ, лишенныхъ естественнаго человѣческаго образа, трудно чему-нибудь выйдти безъ тяжкихъ потрясеній, потому что жизнь, привыкшая ко мраку, стѣсненная и сдавленная въ себѣ, лишенная всей благодати человѣческихъ даровъ, лишенная мысли и слова, задержанная въ своихъ начинаніяхъ, можетъ служить лишь орудіемъ насилія и готовымъ матеріаломъ для взрывовъ. Но пока еще сердцевина этой грубой массы не тронута ложью, пока презрѣнная софистика притворства и лицемерія, вся гниль и все глѣніе развращенной политики, не проникли въ глубину этой темной жизни, не запятнали народнаго слова, не заклеили общественной мысли,—можно и отъ темной жизни ожидать какого-нибудь прока, по крайней мѣрѣ въ отдаленномъ будущемъ. Но чего ждать тамъ, гдѣ будутъ систематически отравлены самые источники жизни, гдѣ вмѣсто истиннаго энтузіазма и истинной вѣры пустить корни мерзкая карриатура этой святости, гдѣ всякій мыслящій, всякій пишущій, всякій такъ-называемый образованный человекъ будетъ, какъ *Grassulus* въ Римѣ, символомъ всякаго безчестія, всякой продажности, гнусной способности говорить безъ убѣжденія, дѣйствовать безъ совѣсти, попеременно защищать и опровергать одно и то же, будетъ служить гибкимъ орудіемъ для всякой цѣли, позорящимъ руку, которая вздумаетъ имъ пользоваться? Нѣтъ, пусть ужъ лучше мракъ и грубая сила нежели этотъ развратъ и растлѣніе!..

Но, скажутъ, почему же оѳиціальное вмѣшательство въ личную мысль и въ общественное мнѣніе должно непременно сопровождаться развратомъ и растлѣніемъ? Почему мыслящіе люди должны испортиться, если правительство захочетъ приближать ихъ къ себѣ, давать имъ направленіе, соответственное благимъ его видамъ, внушать имъ достоюжные чувстваванія и похвалы-

ныя рѣчи? Почему каждый писатель непременно долженъ на все смотрѣть съ иной точки зрѣнія, чѣмъ правительство, почему не можетъ онъ съ полною искренностію идти за одно съ нимъ, мыслить и чувствовать одинаково? Почему нѣтъ! Но для полной искренности надобно каждому оставить его свободу, а безъ полной искренности все будетъ гибельнымъ развратомъ, разрушительнымъ глѣнѣмъ. Правительство, одушевляемое истинно благими намереніями, правительство сознательное и просвѣщенное, не можетъ не чувствовать благородной потребности слышать самостоятельное и свободное мнѣніе. Правительство состоитъ изъ людей, а каковы бы ни были люди, никто, безъ тяжкаго грѣха передъ Богомъ, передъ людьми и собственною совѣстью, не можетъ считать себя исключительнымъ обладателемъ истины; правительственные люди выходятъ изъ того же общества и выносятъ изъ него извѣстныя понятія и мнѣнія, которыя составляютъ ихъ силу или слабость на чредѣ власти: отчего же, изъ этого самаго общества, породившаго и воспитавшаго ихъ, не могутъ выходить другія понятія, другія мнѣнія и разъяснять дѣло съ другихъ сторонъ, на пользу всѣмъ, какъ правительству, такъ и обществу? Развѣ лучше систематическая односторонность, развѣ лучше, вмѣсто разумнаго и свободнаго убѣжденія, стучаться лбомъ о матеріальныя препятствія и приходиться въ чувство отъ иноземныхъ увѣщаній, подкрѣпляемыхъ краснорѣчіемъ пушекъ и штыковъ, какъ это приключается теперь съ Австріей? Пусть наконецъ правительство ищетъ и привлекаетъ къ себѣ людей мыслящихъ и способныхъ, — это прекрасно; но пусть оно ищетъ ихъ для правительственныхъ должностей, а не для литературы: иначе оно ошибется въ расчетѣ, обнаружитъ свое безсиліе, покроетъ себя стыдомъ и будетъ могущественно содѣйствовать только умственному разврату, нравственному растлѣнію. Посмотрите, какая жалкая судьба постигаетъ всѣ подобныя *каземныя* предпріятія! Французское правительство взяло подъ свою опеку періодическое изданіе *Revue Contemporaine*; оно давало ему денежныя пособія и разныя льготы, — и можно ли представить себѣ что-нибудь бездарнѣе, бесплоднѣе этого сборника! Правительство своимъ покровительствомъ убило его гораздо вѣрнѣе, чѣмъ могли сдѣлать это всѣ затрудненія и стѣсненія, поднятыя противъ другихъ журналовъ. *Revue des deux Mondes* продолжаетъ пользоваться прежнимъ успѣхомъ, а *Revue Contemporaine* остался чѣмъ былъ — ненужною и грязною ветошью. Правительство бросаетъ его теперь и заводитъ новый органъ, подъ названіемъ *Revue Européenne*, въ наивной надеждѣ, что подъ новымъ заглавіемъ дѣло пойдетъ лучше. И есть еще люди, которые упрекаютъ нашъ вѣкъ въ недостаткѣ наивныхъ вѣрованій!

Отчего, въ нѣкоторыхъ странахъ, съ понятіемъ *каземмазо* соединяется такъ много нехорошаго, отчего это почтенное слово потеряло всякій кредитъ и означаетъ все, что мертво и мертвить? Гдѣ казна знаетъ свое истинное дѣло и занимается имъ однимъ, тамъ этого нѣтъ, тамъ она пользуется должнымъ уваженіемъ, тамъ народное чувство не пугается *каземмазо*, и не соединяетъ съ этимъ эпитетомъ обиднаго значенія. Но отвлекаясь отъ своего дѣла и пугаясь во всевозможныя дѣла, казна становится и бессильна, и вредна, и смѣшна; отваживаясь на несвойственные ей пути, она роняетъ себя и вредитъ всему прочему, она пріучаетъ смотрѣть на себя какъ на что-то докучное, излишнее, отягощающее, наконецъ положительно вредное, положительно гибельное. Къ чему же можетъ вести это?...

Циркуляръ французскаго министра внутреннихъ дѣлъ, объясняющій французскимъ публицистамъ, какими чувствами они должны проникнуться, на какой ладъ настроить свои мысли и какимъ тономъ говорить, этотъ циркуляръ не внесетъ энтузіазма въ умы, не поселитъ вѣры въ сердцахъ; онъ лишь прибавитъ еще нѣсколько смраду къ удушливой атмосферѣ, въ которой задыхается общественное мнѣніе, прибавитъ еще нѣсколько оффиціальной лжи, которой и безъ того уже слишкомъ много, и которая, главное, ни къ чему не нужна, всѣмъ видима и никого обмануть не можетъ. Пусть наемные риторы твердятъ, что угодно въ своихъ журналахъ,—никто не приметъ ихъ словъ за выраженіе общественнаго мнѣнія; свободные и честные органы будутъ хранить молчаніе, потому что они не захотятъ чувствовать и мыслить по командѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда бы мыслили и чувствовали заодно съ правительствомъ. Но отнять у общественнаго мнѣнія свободу выраженія еще не значитъ измѣнить его элементы, перестроить его основы на свой ладъ и по своему изволенію. Эти элементы, эти основы останутся во мракѣ и будутъ дѣйствовать во мракѣ. Думать, что все неблагоприятное намъ исчезнетъ, если мы зажмуримъ глаза и заткнемъ себѣ уши, не наивное ли это ребячество? А все говорить, что наше время не наивно!

Чтобы видѣть, до какого ничтожества можетъ изсякнуть публичная мысль при тѣхъ условіяхъ, которыя всегда (не при теперешнемъ только правительствѣ) господствовали во Франціи, хотя и въ разныхъ степеняхъ и въ разныхъ формахъ, стоитъ только обратить вниманіе на брошюру, недавно выпущенную знаменитымъ софистомъ и риторомъ, г-мъ Эмилемъ де-Жирарденомъ. Страна, гдѣ могутъ возникать такія знаменитости, какъ этотъ господинъ,—а онъ уже издавна пользуется громкою знаменитостію,—страна, гдѣ такой господинъ возможенъ въ вер-

выхъ рядахъ двигателей общественнаго мнѣнія, представляетъ тѣмъ самымъ убѣдительнѣйшее доказательство своего внутренняго растлѣнія. Еслибы подобную брошюру написалъ какой-нибудь безбородый враль, едва успѣвшій покинуть школьную скамью, то о ней не стоило бы говорить; но не срамъ ли, что эта размашистая немѣлица, изобличающая полное отсутствіе всякаго смысла дѣйствительности, эта грандіозная дичь родилась подъ перомъ, исписавшимъ несмѣтное множество бумаги, въ продолженіи многихъ поколѣній,—что брошюра эта есть произведеніе челоуѣка, который былъ руководителемъ общественнаго мнѣнія, когда общественное мнѣніе еще высказывалось во Франціи? Въ этой брошюрѣ, подъ заглавіемъ: *la Guerre*, мы находимъ всего Эмиля де-Жирардена, какимъ онъ являлся передъ публикою въ своей газетѣ *la Presse*, перешедшей теперь въ другія руки. Тѣ же отрывистыя предложенія, тѣ же рубленныя строчки, похожія на стихи; тѣ же антитезы, тѣ же дилеммы, тотъ же фейерверкъ парадоксовъ, та же удалъ фразы. Но теперь, подъ *казеннымъ* вліяніемъ, всѣ эти разнообразныя прелести получаютъ новое единство. Г. Эмиль де-Жирарденъ мечтаетъ о разныхъ хорошихъ вещахъ. Отъ войны ожидаетъ онъ многого. Вся Европа превратится въ имперію, и будутъ двѣ имперіи, одна западная, другая восточная. Знаменитый риторъ возвышается до пророческаго ясновидѣнія. Онъ извлекаетъ великія истины изъ твореній обоихъ Наполеоновъ и изъ сочиненія г. Фіалена де-Персиныи. Картина принимаетъ тотъ грандіозно-смутный видъ, какимъ отличаются созерцанія религиозныхъ мистиковъ, повѣствованія нашихъ раскольниковъ объ Антихристѣ, символическія малеванія міра и челоуѣка. Г. Эмиль де-Жирарденъ не хочетъ знать италіянскаго вопроса, и съ презрѣніемъ говоритъ объ италіянской войнѣ. Ему нужна война европейская, война всемірная, и только отъ такой войны ожидаетъ онъ великихъ благъ, только такой войнѣ можетъ онъ посвятить свое благородное перо, цвѣтъ своихъ мыслей, энтузіазмъ своихъ возвышенныхъ убѣжденій. Въ *pendant* ко вранью этого софиста вышла еще въ Парижѣ карта Европы, какую она должна быть въ 1860 году. «Французы, сказано въ одной англійской газетѣ, отличные историки не только случившихся, но и не случившихся событій.» По этой картѣ Франція въ 1860 году, послѣ всѣхъ войнъ, останется великодушно въ своихъ прежнихъ предѣлахъ; но король сардинскій будетъ королемъ италіянскимъ; Австрія потеряетъ Ломбардію, но за то приобрѣтетъ Египетъ, а императоръ австрійскій будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ египетскій, и пр.

Но отъ сумрачныхъ, проявленій общественнаго мнѣнія подъ

казенною опекой, перейдемъ теперь въ страну, гдѣ раздается свободное слово, гдѣ общественное дѣло не отнимается у общества, и судьбы народа не изрекаются устами оракуловъ, а энтузіазмъ и вѣра распространяются между людьми не министерскими циркулярами. 10-го февраля, въ піемонтскомъ парламентѣ происходило замѣчательное засѣданіе, въ которомъ высказались всѣ партіи, равно какъ и правительство, по вопросу, занимающему теперь всѣхъ, и всѣхъ болѣе касающемуся Піемонта. Въ этихъ преніяхъ обнаружилось какъ для самой страны, такъ и для цѣлой Европы, положеніе этого вопроса въ Піемонтѣ. Шла рѣчь о національномъ займѣ 50 милліоновъ франковъ, который правительство считаетъ необходимымъ при настоящемъ положеніи дѣлъ. Въ послѣдней книжкѣ мы упоминали объ этомъ засѣданіи и о рѣчи графа Кавура по телеграфическимъ извѣстіямъ. Но пренія были такъ интересны, положеніе дѣлъ, съ его сильными и слабыми сторонами, обрисовалось въ нихъ такъ ясно, что мы считаемъ нелишнимъ разказать подробнѣе это засѣданіе туринской палаты депутатовъ.

Піемонтское королевство имѣетъ двоякое значеніе: вопервыхъ, какъ особая держава, имѣющая свой центръ, свои интересы, свою политику, свое особое положеніе въ Европѣ. Во вторыя, какъ страна италянская, постоянно разомкнутая для общенія съ національными элементами полуострова, постоянно готовая раскрыться все шире и шире въ интересъ общаго отечества. Отсюда два противоположныя направленія, господствующія и въ народныхъ инстинктахъ, и въ образованіи партій, и въ политикѣ Піемонта. Италянскія стремленія не даютъ этой странѣ успокоиться въ собственныхъ предѣлахъ, не даютъ ей сосредоточиться въ собственныхъ силахъ и интересахъ, не даютъ ей смотрѣть на себя, какъ на особое цѣлое, и непрерывно отзываются въ ней болѣзненнымъ чувствомъ части, оторванной отъ цѣлаго; эти стремленія придаютъ ей политикѣ порывъ, энергію, огонь; ими питается предприимчивое честолюбіе политическихъ дѣятелей Піемонта; эти стремленія подавляютъ патриотизмъ піемонтскій патриотизмомъ италянскимъ, болѣе обширнымъ и болѣе увлекательнымъ. Главная трудность и главная задача для политическихъ дѣятелей этой страны состоятъ въ томъ, чтобъ умѣть соглашать эти два противоборствующія стремленія, умѣрять ихъ взаимно и даже находить возможность подкрѣплять и усиливать ихъ одно другимъ. Популярность нынѣшняго первенствующаго министра Сардиніи, графа Кавура, основана именно на томъ, что онъ болѣе другихъ приближается къ рѣшенію этой задачи; не теряя твердой піемонтской опоры, онъ изъ своей политики не исключаетъ возбуждательныхъ элементовъ италянскаго патриотизма. Не будъ

этихъ элементовъ, Пиемонтъ не могъ бы съ такимъ напряженіемъ силъ, съ такими пожертваніями напоминать о себѣ Европѣ и добиваться мѣста въ ея великаяхъ международныхъ совѣтахъ. Этотъ блескъ, эта слава обходятся пиемонтскимъ народонаселеніемъ не дешево,—и строгіе, суровые голоса возвышаются всякій разъ, какъ правительство слишкомъ увлечется честолюбивыми италянскими стремленіями, и напоминаютъ ему о существованіи другихъ, болѣе насущныхъ интересовъ, которыхъ, съ другой стороны, вовсе не хотятъ знать италянскіе радикалы. Еще сильнѣе противодѣйствуютъ этимъ италянскимъ стремленіямъ тѣ элементы Пиемонтскаго королевства, которые не имѣютъ ничего общаго съ Италіей и совершенно чужды ея патріотизма. Въ составъ Пиемонта входитъ Савоія, населенная не Италианцами, говорящая французскимъ языкомъ. Эта область дала Пиемонту нынѣ царствующую династію, которая и была первоначальною связью, соединившею обѣ страны. Савоія сильно содѣйствуетъ къ обособленію Пиемонта, сильно клонитъ его къ тому, чтобъ онъ почувствовалъ и призналъ себя за особую, отдѣльную отъ Италиіи политическую формацію. Несмотря на разноплеменность своего народонаселенія, Савоія крѣпко держится Пиемонта, и ея депутаты въ парламентѣ, говоря по-французски, а не по-италиански, тѣмъ не менѣе считаютъ себя гражданами Пиемонта, хотя и не согласны считать себя Италианцами. Вотъ постоянная коллизія, въ которой обѣ стороны бывають вмѣстѣ правы и неправы. Италианскій патріотизмъ, италянское направленіе пиемонтской политики вызываютъ сѣтованія савойскаго народонаселенія, и оно можетъ имѣть нѣкоторое право видѣть въ этомъ направленіи какъ бы измѣну національнымъ интересамъ страны, которой часть составляетъ Савоія. Съ своей стороны, господствующее италянское народонаселеніе Пиемонта видитъ, въ этой савойскай оппозиціи, областной патріотизмъ, корыстное стремленіе отдѣлиться отъ общихъ интересовъ страны, мѣстный эгоизмъ, также своего рода національную измѣну.

Вотъ внутреннія затрудненія Пиемонта, и они-то съ особенною рѣзкостью обрисовались въ преніяхъ о займѣ. Говорили главные представители всѣхъ партій: графъ Кавуръ, графъ Маміани, выходецъ изъ Неаполя, одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ и благозвучнѣйшихъ ораторовъ сардинской палаты, прозванный *пиемонтскою милою*, графъ Соларо делла-Маргарита, глава правой стороны, всегдашній противникъ министерства графа Кавура, маркизъ де-Борегаръ, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ представителей Савоіи, г. Броферіо, одинъ изъ вождей лѣвой стороны, пламенный италянскій патріотъ, который въ послѣднее время сильно поддерживалъ политику правительства. Первый всталъ говорить графъ

Соларо делла-Маргарита. Рѣчь его была протестомъ противъ займа, противъ этой политики, требующей у страны новыхъ пожертвованій деньгами и кровью. Онъ объявилъ себя готовымъ вложить всякую сумму, какая потребуется для защиты страны, но не для войны наступательной, которая, по его мнѣнью, замышляется правительствомъ. «Никто не думаетъ, говорилъ онъ, нападать на насъ. Австрія слишкомъ для этого благоразумна. Она знаетъ, что этимъ подняла бы противъ себя цѣлую Европу. Скажу вамъ искренно, мм. гг., что еслибы мы болѣе всего заботились объ успѣхахъ наукъ, искусствъ и торговли въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ; еслибы мы не возвышали налоговъ сверхъ всякой мѣры, еслибы мы не поддерживали элементовъ возбужденія во всѣхъ частяхъ Италіи, не вызывали надеждъ, которыя тщетно были питаемы въ продолженіи восьми столѣтій; еслибы мы болѣе заботились объ улучшеніи нашего собственнаго жребія, менѣе критиковали и тревожили другія правительства, то мы не нажили бы прозвища агитаторовъ, и равнины Ломбардіи не были бы теперь затоплены австрійскими шайками, на берегахъ Тичино не раздавались бы теперь военные крики.» Вождь оппозиціи утверждалъ, что общественное мнѣніе цѣлаго міра видитъ въ Піемонтѣ зачинщика, а не жертву. Онъ утверждалъ также, что великое большинство народа желаетъ мира и облегченія налоговъ, что оно опасается за національную независимость, и что если будетъ нарушенъ миръ, то налоги возвысятся, и національная независимость подвергнется опасности. «Благоразуміе, говорилъ онъ, учить правительства и народы не вызывать такихъ распрей, всѣхъ послѣдствій которыхъ нельзя предусмотрѣть.» Онъ объявилъ себя рѣшительно противъ предложенія правительства о займѣ.

Е. Маміани возражалъ вождю оппозиціи, и краснорѣчиво защищалъ политику правительства. Защита національной независимости есть первый долгъ, оправдывающій всѣ жертвованія. По убѣжденію говорившаго, Піемонтъ заботится только о своей защитѣ; дѣйствія Австріи, напротивъ, имѣютъ наступательный характеръ. Австрія конфисковала имущества сардинскихъ подданныхъ въ Ломбардіи, она укрѣпилась въ Піаченцѣ, она въ своихъ подкупныхъ журналахъ нападаетъ на Сардинію, и вооружаетъ противъ нея всѣ другія италіянскія государства. Австрія и Сардинія не могутъ быть дружны, и не могутъ не вызывать постоянно другъ друга на бой. «По сю сторону Тичино—свобода, по ту сторону—рабство, воскликнулъ ораторъ, здѣсь употребляются всѣ усилія, чтобы возвысить достоинство нашей націи, а тамъ все, чтобы угнести ее.» Ораторъ не очень вѣритъ въ обязательную силу трактатовъ. Впрочемъ онъ согласенъ уважать ихъ, но спрашиваетъ, по какому праву Австрія вмѣшивается въ дѣла Неа-

поля, Рима, Пармы, Тосканы, почему австрійскія войска занимали эти страны? «Правда, продолжаетъ ораторъ, войска эти призывались самими государями; но въ этомъ-то и состоитъ дьявольскій кругъ, въ который заключила насъ Австрія. Она тиранизируетъ мелкихъ государей, которые тиранизируютъ въ свою очередь народы, и призываютъ австрійскія арміи для своей поддержки. Мы уважаемъ трактаты, но думаемъ, что только одинъ мечъ можетъ освободить насъ отъ этого Гордіева узла. Именно благодаря тому, что мысль объ италіанской независимости жила у насъ въ продолженіи многихъ вѣковъ, италіанскій вопросъ сталъ теперь первымъ вопросомъ въ Европѣ. Теперь всѣ прислушиваются къ нашему голосу, начинаютъ считать насъ достойными лучшей участи и думаютъ, что мы не къ тому созданы, чтобы носить иго монархіи, составленной изъ всѣхъ народовъ, и незаконно присвоившей себѣ гордое имя тевтонской. Если италіанскій вопросъ возбуждаетъ теперь всеобщее вниманіе, то этимъ онъ обязанъ благородной политикѣ Піемонта, который привлекаетъ къ себѣ сочувствія всей Италіи.» Рѣчь г. Маміани встрѣтила сильное одобреніе въ палатѣ и въ публикѣ, наполнявшей галерею.

Вслѣдъ за г. Маміани, противъ предложенія правительства, высказался съ особенною силою маркизь Коста де-Борегаръ. Отъ имени всѣхъ депутатовъ Савойи онъ объявилъ, что эта провинція, колыбель Сардинской монархіи, отдастъ всѣ свои силы на защиту чести и независимости страны, и что всѣ ея воины готовы пасть до послѣдняго для отраженія нападенія. Но онъ не вѣритъ въ такое нападеніе. Австрія не посмѣетъ нападать. Обращаясь къ другимъ державамъ Европы, ораторъ объясняетъ рѣчь императора Французовъ въ самомъ мирномъ смыслѣ; къ тому же императоръ объявилъ, въ офиціальному органѣ своего правительства, что политика его будетъ руководствоваться общественнымъ мнѣніемъ, а общественное мнѣніе во Франціи противъ войны. Всѣ партіи въ англійскомъ парламентѣ соединились увѣрить Европу, что Англія всею тяжестью своего вѣса потянетъ на сторону мира, а императоръ Французовъ самъ объявилъ, что для него всего дороже и необходимѣе союзъ съ Англійей, и потому трудно повѣрить, чтобы Франція рѣшилась поддерживать Піемонтъ въ его воинственныхъ замыслахъ, такъ строго осужденныхъ главою англійскаго кабинета. «И вотъ восмѣиваетъ ораторъ, Піемонтъ готовится къ войнѣ, и насъ увѣряютъ, что наступаетъ славная минута, долженствующая увѣнчать политику, которой въ продолженіи послѣднихъ восьми лѣтъ приносилось въ жертву общественное благосостояніе. Я не хочу показаться смѣшнымъ, не хочу сказать, что государственнй человѣкъ, который теперь управляетъ судьбами Піемонта,

держитъ миръ или войну въ своихъ рукахъ; но всякій, кому извѣстны способы его ума и энергія его характера, знаетъ, что онъ не боится препятствій и рѣдко отступаетъ въ своихъ предпріятіяхъ. Графъ Кавуръ хочетъ войны и употребитъ все свои усилія, чтобы вызвать ее. Въ опасномъ положеніи, куда привела насъ его политика, война представляется его уму какъ единственно-возможный исходъ, чтобы избавиться съ честью отъ страшнаго, обременяющаго насъ долга и отъ исполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Еслибы самое существованіе Савойской монархіи не было замѣшено въ эту страшную игру, еслибы графъ Кавуръ не ставилъ этого существованія на карту, въ надеждѣ выиграть славу освободителя Италіи,—то я могъ бы допустить, что отважный министръ предался своему замыслу, разчитавъ заранѣе все вѣроятности успѣха; но кто не посвященъ въ его тайныя думы, кто не имѣетъ такой увѣренности въ будущемъ, тотъ съ ужасомъ помышляетъ о тяжкой ответственности, которую онъ принимаетъ на себя. Маркизъ Борегаръ положительно утверждаетъ, что италіанская война не пользуется ни малѣйшимъ сочувствіемъ Савоіи. Еслибы война увѣчилась даже успѣхомъ, еслибы достигнуть былъ желанный результатъ, то результатъ этотъ могъ бы радикально измѣнить политическое существованіе этой провинціи. Онъ прямо указалъ на возможность отдѣленія Савоіи отъ Піемонта и ея присоединенія къ Франціи, чего родина его боится какъ страшнаго бѣдствія. «Не подумайте, говорилъ Савоецъ, чтобъ этими словами депутаты Савоіи могли смутить ряды своихъ братьевъ. О, не опасайтесь этого! Мы знаемъ свой долгъ передъ самими собою, и бригада савойская знаетъ долгъ своей присяги, своей чести, своей вѣрности королю. Пока мы будемъ оставаться въ соединеніи, вы будете видѣть эту бригаду въ первыхъ рядахъ противъ враговъ Піемонта. Но, если вслѣдствіе безразсудной отваги или неблагодарности Піемонта, наши солдаты попадутъ въ ряды французской арміи, то чувство гордости запретитъ имъ тогда изъявлять вамъ свое сожалѣніе. Если эти опасенія, весьма вѣроятныя послѣдствія вашихъ италіанскихъ замысловъ, когда-нибудь осуществятся, если орлы Франціи покроютъ своими грозными крыльями вершины Монъ-Сени, о! дай Богъ вамъ не раскаться тогда, что вы такъ мало цѣнили важность нашихъ горъ, такъ мало цѣнили сердце и преданность людей, защищающихъ эти горы. Вотъ мое искреннѣйшее желаніе! Что же касается до насъ, то наши воспоминанія не умрутъ въ одинъ день!»

Слова савойскаго депутата произвели сильное впечатлѣніе. Его упрекали, что онъ говоритъ не отъ лица цѣлой страны, какъ слѣдуетъ депутату, а въ интересѣ одной провинціи. Говорено

было еще въ ту и другую сторону, при постоянно возрастающемъ шумѣ галлерей. Наконецъ очередь дошла до г. Броффе-рю. Рѣчь его была не многословна, но сильна. Онъ находилъ излишнимъ разыскивать, Австрія ли задираетъ Пиемонтъ, или Пиемонтъ Австрію. «Знаете ли вы, сказалъ онъ, кто кого задираетъ? Насъ задираетъ этотъ двуглавый орелъ на австрійскихъ знаменахъ; Австрію задираютъ три цвѣта нашего знамени. Австрія задираетъ насъ тѣми законами, тѣми мѣрами, которыми угнетаетъ она Италіянцевъ, а Пиемонтъ задираетъ Австрію своими свободными учрежденіями, своею свободною печатью, своею свободною трибуной. Итакъ, будь же всеиъ извѣстно, что Австрія постоянно вызываетъ насъ на бой, и что мы точно также постоянно вызываемъ ее, и что этотъ взаимный вызовъ будетъ продолжаться, безконечный и непрерывный, пока великій вопросъ не будетъ разрѣшенъ или торжествомъ справедливости, или остріемъ меча. Г. Коста де-Борегаръ называетъ дерзкою политикю правительства, онъ называетъ насъ, людей либеральной партіи, честолюбцами. Честолюбцами! потому что мы гордимся называться Италіянцами, а не Пиемонтцами, потому что мы не остаемся нечувствительны къ слезамъ нашихъ братьевъ, потому что мы хотимъ быть независимы. *(Сильныя рукоплесканія.)* Г. де-Борегаръ, какъ депутатъ Савоіи, далъ намъ понять, что Савоія не принимаетъ въ италіянскомъ вопросѣ такого участія какъ мы, что она можетъ отдѣлиться отъ нашего государства въ будущихъ случайностяхъ; это было бы печальною, прискорбною необходимостію. Этого слова разлуки не хотѣлось бы мнѣ слышать; но еслибы мы принуждены были къ этой крайности,—что же дѣлать!—я не могъ бы перестать быть Италіянцемъ, чтобы сдѣлаться Савойцемъ.» *(Рукоплесканія.)*

Наконецъ поднялся съ мѣста графъ Кавуръ, и глубочайшая тишина воцарилась въ палатѣ, все превратилось въ напряженное вниманіе. Въ его рѣчи, какъ бываетъ всегда, сосредоточился весь интересъ засѣданія. Графъ Кавуръ началъ съ того, что энергически протестовалъ противъ мнѣнія членовъ оппозиціи, будто внесенный имъ билль о займѣ есть слѣдствіе безразсудной, заносчивой и честолюбивой политики. Оставляя въ сторонѣ взведенное на него личное обвиненіе въ честолюбіи, онъ защищалъ направленіе пиемонтской политики, которая оставалась всегда вѣрною самою себѣ, начиная съ того дня, когда король Викторъ Эммануилъ принялъ на поляхъ Новарры наслѣдіе своего отца, до той минуты, когда, за мѣсяць передъ симъ, онъ произнесъ достопамятныя слова, отозвавшіяся въ сердцахъ всѣхъ Италіянцевъ и произведшія глубокое впечатлѣніе на Европу. «Наша политика, господа, никогда не была задрочива, но она всегда была національною, италіянскою

политикою. Мы никогда не считали себя въ правѣ вызывать войну, но всегда считали себя въ правѣ не только развивать внутри страны начала свободы и національности, на которыхъ основываются учрежденія, данныя Карломъ-Альбертомъ, но и быть передъ лицомъ цѣлой Европы истолкователями нуждъ, скорбей и надеждъ Италіи. Графъ Кавуръ свидѣтельствуетъ, что эта политика, заслужившая одобреніе самыхъ уважаемыхъ государственныхъ людей Европы, остается и теперь въ прежней силѣ, что на парижскомъ конгрессѣ представители Пиемонта говорили въ смыслѣ этой самой политики. «Правда, по возвращеніи нашемъ изъ Парижа, продолжалъ президентъ совѣта министровъ, мы сочли необходимымъ заняться дѣятельнѣе защитой страны, и предложили укрѣпить Алессандрію. Но мы сочли это необходимымъ единственно потому, что все происшедшее на парижскомъ конгрессѣ убѣдило насъ въ невозможности достигнуть мирными дипломатическими средствами полного рѣшенія италіанскаго вопроса. Въ этомъ случаѣ мы не выходили изъ предѣловъ законности, и наше дѣйствіе не можетъ быть названо провокаціей.» Онъ упоминаетъ далѣе о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Австріею, но разрывъ этотъ начать былъ не Сардиніею, а самой Австріею. Послѣ того Пиемонтъ продолжалъ слѣдовать все той же политикѣ. Онъ постоянно заявлялъ Европѣ несчастное положеніе Италіи, и его ходатайство за Италію было встрѣчаемо европейскими державами съ сочувствіемъ и одобреніемъ. Чтѣ Пиемонтъ говорилъ на парижскомъ конгрессѣ, то говорилъ онъ и послѣ. Свидѣтельство его было правдиво; англійскій парламентъ подтвердилъ это свидѣтельство; всѣ государственные люди, высказавшіяся по его открытіи, находятъ, что положеніе южной и средней Италіи не выноσιμο дурно. Что же касается до рѣчи императора Французовъ, то въ ней выражено самое полное сочувствіе политикѣ Пиемонта. Защитивъ такимъ образомъ отъ членовъ оппозиціи характеръ своей политики, графъ Кавуръ находитъ нужнымъ объяснить, зачѣмъ же понадобился правительству заемъ, если оно не увлекается честолюбивыми замыслами, если оно не хочетъ быть зачинщикомъ войны. «Почтенный графъ дела-Маргарита даже совѣтовалъ намъ распустить часть нашей арміи и довѣриться вполнѣ доброжелательству Австріи и поддержкѣ нашихъ союзниковъ. Совѣтъ этотъ былъ бы хорошъ, еслибы вмѣстѣ съ распусценіемъ арміи самое правительство страны было передано другимъ людямъ, которые слѣдуютъ другимъ началамъ. При этомъ послѣднемъ условіи мы дѣйствительно могли бы считать себя совершенно безопасными со стороны Австріи. Но передать власть въ другія руки нельзя безъ содѣйствія большинства народа, а потому было бы неблагоприятно питать безграничное довѣріе къ доброжелательнымъ на-

мѣреніямъ Австріи.» Какъ видимъ, графъ Кавуръ хотѣлъ выставить возраженія оппозиціи дѣломъ парламентской тактики, направленной противъ кабинета. Итакъ, по убѣжденію главы министерства, только такой кабинетъ можетъ остаться въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Австріи, который не будетъ дорожить національною честію и измѣнить кореннымъ началамъ піемонтской политики. Онъ припомнилъ, что было сказано въ томъ же засѣданіи г-мъ Маміани о безчисленныхъ провокаціяхъ Австріи. «Но къ чему, спрашиваетъ онъ, разыскивать старыя дѣла? Къ нашимъ оборонительнымъ мѣрамъ побуждены мы были недавними дѣлами.» Графъ Кавуръ припомнилъ, что австрійское правительство, безъ всякаго повода, отправило въ Италію съ величайшею поспѣшностію новыя войска, и войска эти не были расположены въ большихъ городахъ, гдѣ можно было бы ожидать народныхъ движеній; они были расположены близъ піемонтской границы, въ такихъ городахъ, гдѣ меньше всего можно было ожидать народныхъ возстаній. «Словомъ, продолжалъ ораторъ, Австрія приняла въ отношеніи къ намъ не оборонительное, а наступательное положеніе, между тѣмъ какъ, повторяю, съ нашей стороны не было ни малѣйшаго къ тому повода, между тѣмъ какъ у насъ не происходило никакого передвиженія войскъ и даже въ дипломатической сферѣ было затишье. Какъ нарочно, Піемонтъ около этого времени не имѣлъ случая напоминать Европѣ о дѣлахъ Италіи.»

Графъ Кавуръ имѣлъ полное право указать на это недавнее событіе, какъ на угрожающую демонстрацію со стороны Австріи. Нѣтъ сомнѣній, что придвинувъ свои войска къ берегамъ Тичино, Австрія какъ бы бросила вызовъ Сардиніи, и тѣмъ оправдала происходящія теперь вооруженія въ этой странѣ. Но нельзя сказать, чтобъ Австрія поступила въ этотъ случаѣ совершенно безъ всякаго повода. Она не могла не провѣдать о слишкомъ тѣсныхъ сношеніяхъ, какія піемонтское правительство завязало съ Франціей. Въ сущности это не было вызовомъ, но припадкомъ встревоженнаго инстинкта самосохраненія, который въ извѣстнаго рода натурахъ пересиливаетъ всѣ другіе инстинкты, заглушаетъ всѣ соображенія, и трусость превращаетъ въ задоръ, вызывающій уже дѣйствительную опасность.

Оправдывая свою политику, графъ Кавуръ обратилъ особенное вниманіе на тѣ возраженія членовъ оппозиціи, которыя почерпали свою силу изъ мнѣній, высказанныхъ въ англійскомъ парламентѣ. Ему было особенно тяжело встрѣтить этотъ аргументъ. «Никто больше меня въ этой палатѣ, сказалъ онъ, не придаетъ вѣсу мнѣніямъ государственныхъ людей Англій. Съ самаго дѣтства моего я чу эту страну, и отъ ней-то принялъ я можетъ-быть самую

большую часть политическихъ правилъ, которыми руководствовался на моемъ поприщѣ. Я чту и уважаю Англію, и вижу въ ней одну изъ первыхъ державъ въ мірѣ; я люблю ее, потому что вижу въ ней крѣпость, гдѣ свобода наша и всегда найдеть себѣ непреступное убѣжище. Я всегда имѣлъ особенное пристрастіе къ союзу съ Англіей. Я дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ, и какъ писатель и какъ министръ, что навлекаетъ на меня упреки въ англomanіи. Дѣйствительно, если вы припомните дѣйствія нашей политики, вы увидите, какъ былъ намъ всегда дорогъ союзъ съ Англіей. Разберите нашу торговую политику, участіе, которое мы принимали въ восточныхъ вопросахъ и парижемскомъ конгрессѣ, и вы убѣдитесь, какъ мы всегда старались приобрести и сохранить дружбу, сочувствіе, и доброжелательство этой великой, благородной націи. Да позволено мнѣ будетъ сказать здѣсь, что усилія наши не были тщетны, и что мы, до нѣкоторой степени, достигли нашей цѣли. На парижемскомъ конгрессѣ, Англія оказала намъ свою могущественную поддержку, обнаружила одинаковые съ нами виды относительно многихъ частей итальянскаго вопроса, и даже теперь, если она не совсѣмъ раздѣляетъ наши мнѣнія, или, лучше сказать, если она произноситъ по итальянскому вопросу сужденіе, которое я во многомъ считаю ошибочнымъ, то она тѣмъ не менѣе изъявляетъ намъ свое сочувствіе и свою дружбу. Скажу не обинуясь, что мнѣ глубоко прискорбенъ взглядъ нѣкоторыхъ изъ ея государственныхъ людей на наши дѣла; но тѣмъ не менѣе меня вполне удовлетворяетъ тотъ тонъ, съ какимъ главные представители ея политики выразились о насъ. Г. де-Борегаръ сослался на рѣчь, произнесенную лордомъ Дерби, но я просилъ бы его прочесть эту рѣчь въ англійскомъ оригиналѣ; онъ увидѣлъ бы, съ какимъ уваженіемъ отзывается о Пьемонтѣ глава англійскаго правительства, онъ увидѣлъ бы, что лордъ Дерби приписываетъ Пьемонту гораздо большую важность, чѣмъ та, которая суждена ему его предѣлами. Впрочемъ я не отрицаю, что во мнѣніи многихъ политическихъ людей Англии произошла нѣкоторая переменъна съ 1857 года. Англійскій народъ—народъ великій, и обладаетъ многими доблестями, между которыми первенствуетъ патріотизмъ. Англичане смотрятъ на всѣ вопросы съ національной стороны, и если полагаютъ, что въ какомъ-либо дѣлѣ замѣшанъ интересъ Англии, то прочія соображенія теряютъ для нихъ много своего вѣса. Къ сожалѣнію, съ 1856 года, Англія сочла нужнымъ, въ интересъ своей политики, сблизиться съ Австріею. Она полагала найти въ этой державѣ, не оказавшей ей никакой помощи на поляхъ битвы, но пособлявшей на поляхъ дипломатіи, вѣрную союзницу въ восточномъ вопросѣ. Это сближеніе должно нѣсколько измѣнить мнѣніе и

направленіе англійской политики въ восточномъ вопросѣ; Англія удержитъ и удерживаетъ свое мнѣніе, свое направленіе, во всемъ что касается южной и средней Италіи; но она измѣняетъ ихъ по отношенію къ сѣверной Италіи. Англія и теперь судитъ такъ, какъ судила за три года предъ симъ, о неаполитанскомъ правительствѣ и о правительствѣ папы; но она видитъ въ управленіи другими провинціями, на лѣвомъ берегу По, перемѣну, которой мы, находясь ближе къ этимъ мѣстамъ, не могли тамъ открыть. Скорбные вопли, несущіеся изъ Неаполя, изъ Рима, изъ Болоньи, доходятъ съ прежнею силою до береговъ Темзы. Къ несчастію, рыданіямъ и стонамъ, выходящимъ изъ Венеціи и Милана, пресѣкается путь австрійскими Альпами. Это очень важно, господа, не отрицаю этого; но я не падаю духомъ. Я имѣю вѣру въ здравый смыслъ и въ великодушіе англійской націи. Я знаю, и знаю по опыту, что передъ англійскою публикой дѣло справедливости и истины всегда восторжествуетъ; я знаю, что начала свободы и всякое благородное дѣло всегда найдутъ въ этой великой странѣ пламенныхъ и краснорѣчивыхъ защитниковъ. Какъ скоро передъ этимъ великимъ народомъ заговоритъ ясный и искренній голосъ, то вѣроятія успѣха будутъ всегда на сторонѣ разума, прогресса и цивилизациі. Я не унываю, господа. Хотя я еще не достигъ старости, но уже видѣлъ, какъ въ Англии неоднократно торжествовали дѣла, поднятыя во имя справедливости и свободы, хотя противъ нихъ вооружались предразсудки и разные интересы, личные и сословные. Я помню великую борьбу, къ которой подала поводъ эманципациа Ирландіи, я помню торжество, которымъ увѣнчалось это дѣло. Я помню другую борьбу, болѣе продолжительную и болѣе упорную, которая была вызвана освобожденіемъ негровъ. Это великое дѣло, противъ котораго вооружались самые могущественные интересы колонистовъ, встрѣчало противъ себя предразсудки почти всѣхъ классовъ Англии. Дѣло Италіи не менѣе вѣрно, оно не менѣе способно тронуть великодушныя сердца, чѣмъ дѣло Ирландцевъ, и оно точно также восторжествуетъ передъ трибуналомъ англійскаго мнѣнія. Я не могу думать, чтобы знаменитый государственный человѣкъ, который председательствуетъ теперь въ совѣтахъ британской короны, и которому досталось въ удѣлъ великое счастье соединить славное, завѣщанное ему въ исторіи имя, съ великимъ дѣломъ эманципациі негровъ, захотѣлъ въ завершеніе своего блистательнаго поприща, стать соучастникомъ тѣхъ, кто желаетъ обречь Италію на вѣчное рабство.

Рѣчь графа Кавура произвела самое сильное впечатлѣніе на палату. Онъ дѣйствительно говорилъ съ удивительнымъ тактомъ; онъ съ необыкновенною ловкостію касался всѣхъ струнъ, какія нужно было тронуть, чтобы произвести желаемое впечатлѣніе.

Высказанное имъ сочувствіе къ Англіи было вполнѣ искренно: онъ, дѣйствительно, воспитанъ въ духѣ тѣхъ идей свободы и прогресса, которыя находятъ себѣ осуществленіе въ Англіи; онъ самъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей этого духа на европейскомъ материкѣ, онъ самъ такъ могущественно способствовалъ къ утвержденію въ своемъ отечествѣ тѣхъ началъ, которыя составляютъ главный смыслъ политическаго развитія новыхъ народовъ и которыя въ Англіи приобрѣли плоть и кровь, и стали незыблемымъ фактомъ. Но нѣкоторыя ораторскія движенія, по видимому рассчитанныя на снисканіе благосклонности англійскихъ государственныхъ людей, не достигли бы своей цѣли, еслибы не имѣли другаго назначенія; графъ Кавуръ очень хорошо знаетъ, что лордъ Дерби, какъ и всякой другой государственный человѣкъ въ Англіи, не можетъ покорствоваться впечатлѣніямъ краснорѣчія, откуда бы они ни шли, не можетъ также руководствоваться своими личными ощущеніями. Англійскій парламентъ, гдѣ совершается политическая жизнь страны, всего менѣе служитъ поприщемъ для краснорѣчія. Тамъ даже не употребляется слово *ораторъ*, когда говорится о членахъ, произносящихъ рѣчи въ палатѣ и даже на митингахъ; это весьма характеристическое обстоятельство, которое находится въ существенной связи съ цѣлымъ строемъ англійскаго парламента. Вспомнимъ блаженной памяти французскій парламентъ; вся сила, весь интересъ его заключался въ ораторскихъ эффектахъ. Такой-то сказалъ, такой-то скажетъ рѣчь, и публика вмѣстѣ съ членами палаты любила быть клавикордами, по которымъ пробѣгали искусные пальцы артистовъ. Мы помнимъ эти восторженные отчеты журналовъ о могущественномъ краснорѣчіи, съ какимъ говорилъ г. Беррье, о дивныхъ эффектахъ, какими отличалась рѣчь г. Одилона Барро, и множество другихъ эпитетовъ, которыми характеризовались рѣчи великихъ ораторовъ, и которыми высказывались возбужденныя ими впечатлѣнія. Ничего этого нѣтъ ни въ англійскомъ парламентѣ, ни въ англійскихъ журналахъ, ни въ англійской публикѣ. *Ораторы* не взбѣгаютъ на трибуну, гдѣ часто, во французскомъ парламентѣ, приходилось имъ сталкиваться лбами; каждый говоритъ съ своего мѣста, и возбудилъ бы только общій смѣхъ, еслибы вздумалъ модулировать свой голосъ по нотамъ и рассчитывать на впечатлѣнія жеста. Въ журналахъ никогда нѣтъ рѣчи о *рѣчахъ*, говорится только о ихъ содержаніи, о силѣ ихъ доводовъ, разбирается съ той или другой точки зрѣнія дѣло, а не рѣчь. Потому-то рѣчи англійскаго парламента не просто слова, а дѣйствія. Тамъ произносятся громаднѣйшія рѣчи, какъ напримѣръ недавно лордъ Стэнли въ нижней палатѣ говорилъ по случаю внесеннаго имъ билля объ индійскомъ займѣ, — рѣчи,

которыя столько же поражают своимъ объемомъ, сколько обиліемъ содержанія, и представляютъ собою самыя подробныя, самыя тщательныя трактаты о дѣлѣ; но краснорѣчіе, которымъ онѣ отличаются, никогда не разчитывается на непосредственныя впечатлѣнія слова, тона или жеста, на игру сердцами и душевными движеніями слушателей; весь эффектъ заключается только въ раскрытіи доводовъ, въ болѣе или менѣе искусномъ изложеніи дѣла, наконецъ въ ясности общаго взгляда.

Безъ сомнѣнія, графъ Кавуръ вовсе не имѣлъ въ виду ораторскими движеніями настроить благоприятнымъ для себя образомъ англійскій парламентъ. Дѣйствительно, онъ говорилъ то, что думалъ, а если говорилъ объ этомъ такъ много, то единственно съ цѣлію произвести впечатлѣніе на сардинскую палату и поставить ее на надлежащую точку зрѣнія. Ему нужно было увѣрить своихъ слушателей, что дѣло Италіи не потеряло сочувствія Англій, что политика піемонтская, которою управляетъ онъ, не теряетъ надежды на поддержку этой великой страны, и что слѣдовательно эта политика находится на добромъ пути. Корреспондентъ газеты *Times* пишетъ изъ Турина, что въ Піемонтѣ всѣ ждутъ рѣшенія итальянскаго вопроса отъ Англій. Союзъ съ Франціей не пользуется здѣсь симпатіею и принимается какъ роковая необходимость. «Тѣ, пишетъ корреспондентъ, которые скрытно или явно питаютъ подозрѣнія относительно образа дѣйствія Франціи, вдвойнѣ желаютъ содѣйствія Англій, чтобъ она по освобожденіи Италіи поставила предѣлъ властолюбивымъ замысламъ своего императорскаго союзника. Они надѣются, что Англія выйдетъ изъ того, что они называютъ ея заблужденіемъ, что она пособитъ итальянской свободѣ, и рѣчь графа Кавура была выраженіемъ этихъ надеждъ. Когда согласишься на этотъ бѣдный народъ (я разумѣю не Піемонтцевъ, а другихъ Итальянцевъ), который такъ жаждетъ своего освобожденія, то не возможно не пожелать, чтобы нашлись къ тому средства, кромѣ европейской войны. Австрія, безъ сомнѣнія, не можетъ ожидать, ничего сочувствія.» Дѣйствительно, если общественное мнѣніе цѣлой Европы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и англійскій парламентъ, высказались противъ европейской войны, то съ неменьшею рѣшимостію высказались они также и въ пользу Италіи. Дѣло теперь только въ томъ, чтобы найти средства рѣшить этотъ вопросъ мирнымъ путемъ. Въ этомъ смыслѣ говорилъ въ туринской палатѣ г. Кротти. Онъ находилъ, что этотъ вопросъ допускаетъ три рѣшенія. «Не буду говорить о первомъ, сказалъ онъ, то-есть чтобы съ той и другой стороны прекратились всякаго рода провокаціи, потому что при настоящемъ положеніи дѣлъ я не вижу средства достигнуть этого. Второе рѣшеніе могъ бы дать мечъ, нарушивъ трактаты 1815 года, которые обезпе-

чили за Австрію ея итальяскія владѣнія, какъ обезпечили они новыя владѣнія почти за всѣми европейскими государствами; наконецъ третье рѣшеніе, рѣшеніе путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Вы видѣли всѣ, господа, съ какою силою высказался противъ нарушенія трактатовъ государственные люди всѣхъ политическихъ партій Англіи, и какъ кстати, съ какимъ высокимъ благоразуміемъ, императоръ Наполеонъ III припомнилъ слова, сказанныя имъ въ Бордо: *имперія значитъ миръ*, свидѣтельствуя снова о своей твердой волѣ упрочивать все болѣе и болѣе союзъ свой съ Англіей. Эта торжественная декларация императора Французовъ тѣмъ замѣчательнѣе, что она была сдѣлана четыре дня спустя послѣ столь знаменательной и столь мирной рѣчи лорда Дерби. Г. Кротти заключаетъ, что если до этихъ положительныхъ объясненій, имѣющихъ такую силу, піемонтское правительство могло считать себя обязаннымъ готовиться къ войнѣ, ожидая какой-нибудь демонстраціи со стороны Австріи, то теперь это опасеніе было бы совершенно напрасно; Австрія не посмѣетъ сдѣлать ни малѣйшаго шага, который бы повлекъ за собою войну. Г. Кротти думаетъ, что дипломатія занялась уже труднымъ вопросомъ объ устройствѣ Италіи, и выражаетъ увѣренность, что война въ настоящее время невозможна и что есть основаніе ожидать мирнаго рѣшенія. Дай Богъ, чтобы такъ случилось, какъ ожидаетъ г. Кротти! Но кто не знаетъ, какъ часто ходъ событій обманываетъ повидимому самыя вѣрныя ожиданія?..

Проектъ министерства о займѣ былъ принятъ огромнымъ большинствомъ: 116 голосовъ поданы въ пользу проекта, и только 35 противъ.

Мы видѣли, какъ въ піемонтскомъ парламентѣ свободно и всесторонне обсуживался важный вопросъ, поднятый правительствомъ. Развитіе противоположныхъ мнѣній не повредило проекту, и энтузіазмъ, который обнаруживается въ обществѣ, виднѣнъ въ него не министерскими циркулярами, не казенными статьями и брошюрами; онъ возникаетъ изъ живаго дѣла, изъ общественнаго мнѣнія, изъ дѣйствительныхъ убѣжденій. Но при всѣхъ достоинствахъ сардинской палаты, при всѣхъ замѣчательныхъ успѣхахъ, съ какими совершается развитіе свободныхъ учреждений въ этой странѣ, и укореняется въ ея почвѣ чувство свободы, бываютъ иногда случаи, которые свидѣлствуютъ какъ это насажденіе еще молодо здѣсь. Именно, въ засѣданіи 9 февраля, произошелъ подобный случай. Г. де-Верри, одинъ изъ савойскихъ депутатовъ, энергически протестуя противъ займа и противъ войны, сослался при этомъ на своихъ избирателей. Президентъ палаты вмѣшался и замѣтилъ ему, что депутаты представляютъ собою цѣлую націю,

а не отдѣльную провинцію. Г. де-Веря отвѣчалъ, что это ему извѣстно, но что тѣмъ не менѣе существуютъ горы, которыя отдѣляютъ Италію отъ Савойи. Послѣдовало страшное смятеніе, съ разныхъ сторонъ палаты и даже изъ галлерей раздавались голоса, и президентъ долженъ былъ надѣть шляпу и закрыть засѣданіе на нѣсколько минутъ. Считаемо нелишнимъ привести нѣсколько относящихся сюда строкъ изъ руководящей статьи, напечатанной въ *Times* по поводу сардинскихъ преній. «Свидѣтельствуя объ удовольствіи, какое намъ доставило чтеніе сардинскихъ дебатовъ, сказано тамъ, мы измѣнили бы нашему долгу въ отношеніи къ странѣ, которая ставитъ въ образецъ себѣ наши учрежденія, еслибы мы, съ полною откровенностію, не указали ей на опасность, которой можетъ она подвергнуться.... Соприкосновеніе и тѣсная связь съ деспотическою державою начинаетъ уже приносить свои плоды: Сардинцы уже не совѣмъ расположены выслушивать правду съ тою терпимостію, которая прилична представителямъ свободнаго народа. Нельзя многого ожидать отъ преній собранія, члены котораго говорятъ подъ вліяніемъ одобрительныхъ или неодобрительныхъ знаковъ изъ галлерей; нельзя ожидать ничего хорошаго для раскрытія истины, для успѣховъ неразлучнаго съ этимъ раскрытіемъ свободнаго обсужденія, если слушатели поминутно прерываютъ говорящаго, и наконецъ президентъ отнимаетъ у него слово за то, что онъ вѣрно передаетъ чувствованія своихъ избирателей. Правда, въ Англии, точно также какъ и въ Пьемонтѣ, каждый членъ представляетъ собою не просто своихъ избирателей, но цѣлую страну: тѣмъ не менѣе въ Англии не только никому не препятствуется знакомить палату съ образомъ мысли какой-либо части народа, а напротивъ всякаго просить объ этомъ.»

Между тѣмъ, въ газетахъ, обнародованъ циркуляръ графа Кавура ко всѣмъ дипломатическимъ агентамъ пьемонтскаго правительства, аккредитованнымъ при иностранныхъ дворахъ. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ сардинскій министръ со всею подробностію излагаетъ свою политику и объясняетъ необходимость, вынуждающую правительство заключить заемъ. Онъ говоритъ о тѣхъ добрыхъ ожиданіяхъ, которыя возбуждены были въ Италиі Парижскимъ конгрессомъ и о томъ разочарованіи, которое мало по малу заступило ихъ мѣсто; состояніе Италиі не измѣнилось, вліяніе Австріи не уменьшилось, а еще увеличилось. Другія италіянскія государства остались при прежней системѣ правленія, которая можетъ вести только къ потрясеніямъ и безпорядкамъ. Пьемонтъ отвергъ притязанія Австріи, желавшей измѣненія въ его учрежденіяхъ но онъ не принималъ относительно ея враждебнаго положенія, и дипломатическій разрывъ произведенъ самою

Австрію. Представивъ апологію піемонтской политики, графъ Кавуръ подробно разказалъ о необыкновенныхъ военныхъ мѣрахъ, принятыхъ въ послѣднее время Вѣнскимъ кабинетомъ въ Италіи и направленныхъ очевидно противъ Сардиніи. Приготовленія, къ которымъ въ свою очередь принужденъ прибѣгнуть Піемонтъ, имѣютъ исключительно оборонительную цѣль. Эти мѣры, говоритъ циркуляръ, не только не заключаютъ въ себѣ какой либо угрозы для спокойствія Европы, а напротивъ могутъ успокоить волненія господствующія въ Италіи и поселить въ умахъ увѣренность, что Піемонтъ, сильный своею правотою и вспомоществуемый союзниками, которыхъ можетъ привлечь къ нему одна лишь справедливость его дѣла, готовъ противуборствовать всякому элементу безпорядка, откуда бы ни происходилъ онъ, отъ Австріи или отъ революціи.

Наконецъ графъ Кавуръ имѣлъ еще одинъ случай высказаться объ отношеніяхъ Піемонта къ Австріи. Это было въ засѣданіи верхней піемонтской палаты или сената, по поводу того же самого проекта о займѣ. Въ отвѣтъ на сильное возраженіе г. де-Бриньоль-Саля, президентъ совѣта министровъ представилъ тѣбу Піемонта съ Австріею нѣсколько въ новомъ свѣтѣ, и сумѣлъ очень удачно обрушить обвиненіе на собственную голову истца. Въ рѣзкихъ и сильныхъ чертахъ, онъ показалъ, что не Піемонтъ нарушаетъ трактаты, а нарушаетъ ихъ Австрія, что Австрія, а не Піемонтъ возмущаетъ правильныя международныя отношенія. «Если трактаты 1815 года, сказалъ онъ, обезпечили за Австріей ея владѣнія между рѣками По и Тичино, то эти же самые трактаты ограничили ея вліяніе на правомъ берегу этой послѣдней рѣки занятіемъ только двухъ цитаделей. Но, господа, частію дипломатическимъ путемъ, частію военными занятіями, Австрія теперь распространила свои владѣнія далеко за Апеннины до самой Адриатики. Это совершенно противно условіямъ трактатовъ 1815 года. Не говорите мнѣ, что эти захваты Австрія производила съ согласія итальянскихъ государей: я не обинуясь объявлю, что итальянскіе государи не имѣли права отказываться отъ своей независимости въ пользу Австріи и что этимъ актомъ они явно нарушили не только духъ, но и буквы этихъ трактатовъ. Я утверждаю, что въ томъ именно и состоитъ принципъ новаго политическаго права, въ томъ состоитъ одинъ изъ великихъ успѣховъ цивилизаціи, что за государями не можетъ быть признаваемо право отчуждать свой народъ и собственную независимость. А потому, когда мы громко протестовали противъ такого распространенія австрійскаго вліянія, хотя это распространеніе совершалось съ согласія самихъ государей, право и справедливость, даже буква трактатовъ, были на нашей сторонѣ, а не на

сторонѣ нашихъ противниковъ... Или почтенный сенаторъ думаетъ, продолжалъ министръ обращаясь къ г. де-Бриньиолю, что для Пиемонта нѣтъ никакой важности въ томъ, что Австрія можетъ, когда ей угодно, занять герцогства Пармское и Моденское, посылать свои войска на вершины Апеннинъ и безнаказанно угрожать Генуѣ, его родному городу? Въ этомъ заключается опасность для насъ, опасность дѣйствительная, противъ которой мы были обязаны протестовать.»

Такимъ образомъ направленный протестъ получаетъ новую силу, и ставитъ Пиемонтъ въ выгоднѣйшую позицію противъ Австріи. Въ самомъ дѣлѣ, если трактаты запрещаютъ Пиементу вмѣшиваться въ чужія дѣла, то есть ли какіе-нибудь общеевропейскіе трактаты, которые позволяли бы Австріи подобное вмѣшательство? По какому праву Австрія хозяйничаетъ на Полуостровѣ? Трудно оспаривать требованія Пиемонта, чтобъ Австрія положила конецъ прогулкамъ своихъ войскъ за предѣлами своихъ законныхъ владѣній, чтобъ она не подкрѣпляла своихъ дипломатическихъ интригъ вооруженною силою. Ея вмѣшательство во внутреннія дѣла италіянскихъ странъ не будетъ дѣйствительно, если у ней отнята будетъ возможность подкрѣплять его штыками. А если Италія будетъ предоставлена самой себѣ, если она будетъ освобождена отъ австрійскаго вліянія, то и внутренняя политика самой Австріи, по крайней мѣрѣ въ сѣ италіянскихъ владѣніяхъ, существенно измѣнится. Вотъ пунктъ, на который должно быть серьезно обращено вниманіе Европы. Система невмѣшательства, провозглашенная на парижскомъ конгрессѣ, должна быть понимаема и соблюдается во всемъ ея объемѣ, во всей своей истинѣ.

Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій, снова и съ прежнею силой возвращается вопросъ: будетъ или не будетъ война? Въ настоящую минуту война если не совсѣмъ предотвращена, то по крайней мѣрѣ задержана. Но какъ продолжительна будетъ эта задержка, успѣтъ ли дипломатія уладить вопросъ мирными средствами? Теперь все дѣло стало за Австріей. Поразительное явленіе представляетъ эта страна, предметъ всемірной антипатіи, высказываемой громко со всѣхъ сторонъ. Ее и терпятъ поддерживаютъ только какъ необходимое зло. Нельзя не видѣть великаго успѣха времени въ такомъ исключительномъ положеніи этой мрачной державы: въ лицѣ ея торжественно осуждено то мертвящее начало, которое представляетъ она своимъ существованіемъ. До сихъ поръ она хранитъ сумрачное молчаніе, готова подъ нимъ какіе-нибудь новые ковы. Только въ ея раболѣпныхъ журналахъ, отъ времени до времени, слышатся купленные голоса, которые могутъ лишь усиливать повсемѣстное чувство отвращенія, возбуждаемое ею въ общественномъ мнѣніи. Выищемъ здѣсь сильную апострофу, обращенную къ Австріи газетою *Times*:

«Почему, спрашиваетъ эта газета, до сихъ поръ не возгорѣлась война? Не потому, чтобы не было недостатка въ деньгахъ. Правда, ни та, ни другая сторона не можетъ похвастаться избыткомъ въ этомъ отношеніи; но привычка къ большимъ вооруженіямъ, въ ущербъ мирнымъ искусствамъ, дѣлаетъ деспотическія правительства всегда готовыми для разорительныхъ предпріятій войны. Не потому также, чтобы чувствовался недостатокъ въ людяхъ: на томъ и на другомъ берегу Тичино миллионъ рукъ готовы схватиться за оружіе, готовы бросать эти страшные снаряды разрушенія, которые являются собою одно изъ самыхъ мрачныхъ торжествъ физической науки. Продленіемъ мира обязаны мы единственно европейскому обществу мнѣнію, которое выразилось рѣшительно и ясно. Франція, Германія и Англія были единодушны въ выраженіи своихъ пламенныхъ желаній, чтобы миръ не былъ нарушенъ. Въ Германіи и Англіи народъ и правительство говорили одинаковымъ языкомъ; во Франціи, ко всеобщему удивленію, общественное мнѣніе пересилило голосъ самодержавнаго правителя этой страны. Одно только государство безмолвствуетъ до сихъ поръ и выжидаетъ результата этихъ страшныхъ совѣщаній, какъ будто бы выборъ между миромъ и войною былъ для него дѣломъ второстепенной важности. Государство это — Австрія. Нельзя сказать, чтобы она находилась въ бездѣйствіи; она спѣшитъ военными приготовленіями со всею энергіею націи, которой предстоитъ въ скоромъ времени вступить въ борьбу на жизнь и смерть. Но все таки она безмолвствуетъ. Права ея на ломбардо-венеціанское королевство открыто оспариваются въ полуофициальномъ манифестѣ французскаго правительства. Политика ея на Дунаѣ и на По, въ Бѣлградѣ и Феррарѣ, подвергается жестокимъ порицаніямъ, и ее приглашаютъ къ отчету за все зло, причиненное ею съ давнихъ поръ до послѣдняго времени. И все-таки ни слова не даетъ она въ отвѣтъ. Она исправляетъ крѣпости, заготовляетъ лошадей для артиллеріи, выбираетъ для своихъ войскъ выгодныя позиціи, и безъ возраженій, безъ замѣчаній, безъ малѣйшей попытки оправдаться выжидаетъ времени, когда прекратится словесная война, бушующая вокругъ нея. Австрія не сохранила у себя никакихъ остатковъ конституціонныхъ формъ, чрезъ посредство которыхъ она могла бы, подобно императору Французовъ, излагать предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы свои права и притязанія, и кажется, оно мало заботится о томъ, чтобы найти одно изъ тѣхъ оправданій своему образу дѣйствій, въ которыхъ не имѣетъ недостатка даже самый неограниченный и своенравный деспотизмъ. Можетъ-быть роль эта не лишена величія, и напоминаетъ читателю Аякса въ Одиссѣ, когда онъ не удостоиваетъ отвѣчать на слова ненавистнаго Улисса; но откладывая величіе

въ сторону, мы должны замѣтить, что слѣдуя по этому пути, Австрія столь же мало понимаетъ свои собственные интересы, какъ и интересы всего европейскаго союза, который охраняетъ ее въ настоящую минуту отъ нападенія. Франція воспользовалась случаемъ изложить предъ Европою свою политику и исчерпала всѣ реторическія свои способности. Она не задумалась защищаться предъ судомъ общественнаго мнѣнія, между тѣмъ какъ Австрія коварно молчитъ и старается не подчиниться этому суду, котораго ни она, ни какая другая держава не могутъ избѣжать. Мы убѣждаемъ Австрію объяснить свой образъ дѣйствій. Франція показала ей примѣръ въ этомъ отношеніи, и нѣтъ для нея никакого безчестія подражать Франціи. Отчего она не выпустить циркуляра къ своимъ уполномоченнымъ при иностранныхъ дворахъ, не докажетъ, что она не причастна въ дурномъ управленіи Средней и Южной Италіи, не выразитъ готовности обсудить въ какой степени необходимо занятіе легаций и условиться съ Франціею касательно средствъ водворить въ этихъ областяхъ благонамѣренное управленіе? Общественное мнѣніе призывало къ суду своему болѣе могущественныхъ властителей, чѣмъ австрійскій императоръ. . . »

Вскорѣ за этою сильною выходкой появилась въ полуофициальномъ органѣ австрійскаго правительства объяснительная статейка. Не одни физическіе, но и политическіе организмы отличаются опредѣленнымъ темпераментомъ. Статья, напечатанная въ *Oesterreichische Correspondenz*, служитъ довольно характеристическимъ проявленіемъ натуры того политическаго тѣла, которое называется Австріей.

Рѣчь, произнесенная императоромъ Наполеономъ при открытіи законодательнаго сословія, сказано въ *Oesterreichische Correspondenz*, должна разсѣять воинственные слухи, волновавшіе Европу въ последнее время. Преобладающая мысль этой рѣчи клонится къ тому, чтобъ изгладить, конечно, неосновательныя сомнѣнія и въ то же время устранить столь же неосновательныя опасенія новой коалиціи противъ Франціи. Императоръ Наполеонъ воззоветъ къ силамъ управляемой имъ страны только для защиты ея великихъ національныхъ интересовъ. Такъ какъ ничто не угрожаетъ этимъ интересамъ, такъ какъ никому не приходитъ мысль посягнуть на предѣлы и могущество такой великой имперіи, какъ Франція, то мы имѣемъ полное право раздѣлять надежду императора Наполеона, что миръ не будетъ нарушенъ. Въ этомъ лежитъ отвѣтъ на вопросъ, которымъ поглощены въ настоящее время всѣ умы. Миръ,—пусть не забываютъ этого,—не можетъ быть нарушенъ, какъ скоро всѣ имѣютъ твердое намѣреніе уважать существующіе трактаты, утвержденные всѣми державами,

и только на основаніи этихъ трактатовъ давать ходъ европейской политикѣ. Эта спасительная и справедливая мысль, вновь высказанная недавно въ тронной рѣчи королевы англійской, встрѣчена была всѣми съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Слова, сказанныя императоромъ Французовъ 7 числа этого мѣсяца, въ пользу мира и съ цѣлію доказать постоянное желаніе этого государя сохранить союзы съ Англіею, представляютъ новое нравственное ручательство для сохраненія порядка и мира. Основываясь на этомъ согласіи между двумя западными державами, можно утверждать, что вопросъ о временномъ занятіи нѣкоторыхъ областей Средней Италіи будетъ и долженъ быть рѣшенъ путемъ дипломатическимъ, дружелюбно и ко взаимному удовольствію всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ державъ. Такъ какъ слова императора Французовъ приняты всѣми съ искреннимъ удовольствіемъ, такъ какъ они возбуждаютъ самое безусловное довѣріе къ себѣ, то можно надѣяться, что будутъ прекращены воинственные приготовления Франціи, которыя подали поводъ думать, что война неизбежна.

Приведемъ теперь замѣчаніе лондонскаго журнала по случаю этихъ объясненій австрійскаго правительства. Интересно послушать этотъ діалогъ между свободнымъ органомъ общественнаго мнѣнія и полуофициальнымъ органомъ императорско-королевскаго правительства.

«Наконецъ, говоритъ *Times*, Австрія прервала молчаніе. Правда, она объяснилась не дипломатическимъ, болѣе официальнымъ путемъ, не посредствомъ циркуляра къ своимъ посланникамъ при разныхъ дворахъ Европы; тѣмъ не менѣе она выразила свои чувствованія при настоящемъ кризисѣ въ столбцахъ своего органа, *Correspondenz*. Мы привѣтствуемъ эту, хотя и позднюю дань уваженія къ общественному мнѣнію, какъ новый залогъ спокойствія Европы. Наконецъ мы дожили теперь до того, что нѣтъ государства, которое считало бы возможнымъ изолироваться совершенно, и, опираясь единственно на свои матеріальныя силы, смотрѣло бы на доказательства и убѣжденія какъ на средства, пригодныя для слабыхъ и робкихъ, и недостойныя державы, располагающей полумилліономъ солдатъ. Рѣшившись предстать на судъ общественнаго мнѣнія Европы, Австрія, какъ должно было ожидать, дѣлаетъ все, чтобы расположить къ себѣ судей и даже самого противника. И въ самомъ дѣлѣ, отзывы ея о рѣчи императора Французовъ до того льстивы, что могутъ даже показаться ироніей. О рѣчи, неопредѣленные выраженія которой поставили въ тупикъ всю Европу и возбудили непріятное сомнѣніе и неизвѣстность, говорится, что она совершенно разсѣяла всякій страхъ войны. Австрія, которая сосредоточивала свои войска въ Ломбардіи съ такою пылкою поспѣшностью, какая можетъ быть оправдана только самою настоятельною необходимостью, эта

самая Австрія теперь думаетъ, что сомнѣніе подданныхъ императора Французовъ въ его умѣренности было совершенно неосновательно. Она думаетъ, что императоръ употребитъ свои войска только на защиту интересовъ Франціи. Видя различіе въ мнѣніяхъ Франціи и Англіи по этому предмету, австрійскій манифестъ хватается за объявленное императоромъ намѣреніе сохранить союзъ съ Англіею, и очень ловко основываетъ на этомъ объявленіи уступку, которую Австрія готова сдѣлать. Она вполне согласна принять за основаніе дипломатическихъ переговоровъ по поводу временнаго занятія ею центральной Италіи то, на чемъ положатъ двѣ западныя державы, и не сомнѣвается, что такимъ образомъ дѣло будетъ имѣть самый успѣшный исходъ. Она сожалѣетъ, что между ею и Франціею возникли несогласія, вытекающія изъ основныхъ началъ, отъ которыхъ ей нельзя отказаться. Къ счастью, однако, замѣчаетъ она, духъ примиренія одержалъ верхъ съ обѣихъ сторонъ, а это дѣлаетъ возможнымъ сохраненіе мира. Австрія питаетъ самое безусловное довѣріе къ мирной рѣчи императора Французовъ и старается намекнуть, что она получитъ еще большее довѣріе, если только императоръ будетъ такъ добръ, что откажется отъ своихъ дѣятельныхъ вооруженій. Такова сущность австрійскаго манифеста.

Мы не назовемъ предложенія сдѣланнаго Австріею, неблагоразумнымъ. Но Австрія не должна предполагать, что она исполнила этимъ всѣ обязанности къ своимъ собственнымъ подданнымъ и къ Европѣ. Довѣряя, по ея выраженію, мирнымъ намѣреніямъ императора Французовъ, она должна очень хорошо знать и понимать, что отъ ея поведенія въ будущемъ мѣсяцѣ зависитъ вопросъ о мирѣ и войнѣ. Если она удовольствуется тѣмъ, что ею сдѣлано, и подумаетъ, что нѣсколькими сладкими выраженіями и вѣжливыми комплиментами, она отдѣлалась отъ своихъ обязанностей по этому предмету, то мы убѣждены, что скоро настанетъ день, когда ей придется проснуться и покинуть мечту воображаемой безопасности. Мы не думаемъ, чтобы предложеннаго было достаточно для совершеннаго окончанія дѣла. Императоръ Французовъ, имѣя передъ глазами несчастный опытъ зимнихъ кампаній во время войнъ республики, конечно, не захочетъ начать италіанскую кампанію раньше первыхъ чиселъ апрѣля. До тѣхъ поръ, а можетъ-быть еще долѣе, онъ вѣроятно будетъ ждать терпѣливо; но если въ промежутокъ этого времени ничего не будетъ сдѣлано, то можетъ-быть онъ скажетъ: я поговорилъ довольно, довольно пождалъ; Австрія имѣла время обнаружить свою добрую волю; но не замѣчая никакихъ признаковъ этой доброй воли съ ея стороны, я долженъ теперь отдать свое дѣло на рѣшеніе меча. Мы не имѣемъ ничего сказать въ пользу спра-

ведливости или политичности такого образа дѣйствій, но могли бы сказать многое въ пользу его вѣроятности. Французскій императоръ зашелъ такъ далеко, что, не взирая на единодушную оппозицію его собственныхъ подданныхъ и его союзника, ему можетъ показаться менѣе опаснымъ идти дальше, чѣмъ оставить безъ всякихъ послѣдствій всѣ демонстраціи, въ которыя онъ уже завлекся. Австріи слѣдовало бы взвѣсить хорошенько трудность подобнаго отступленія и униженія предъ лицомъ всей Европы; ей слѣдовало бы подумать, не будетъ ли для нея благоразумнѣе сдѣлать все отъ нея зависящее, чтобы облегчить императору Французовъ выходъ изъ его теперешняго невыносимаго положенія; если же это невозможно, Австріи слѣдуетъ убѣдить Европу въ томъ, что миръ въ Европѣ нарушенъ не по ея винѣ и не отъ ея упорства. Австрія должна смотрѣть на будущій мѣсяцъ какъ на время невыразимо значительное, въ теченіи котораго ея судьба еще въ ея собственныхъ рукахъ, но послѣ котораго она будетъ предана слѣпому капризу сомнительной и громадной войны. Она не должна довольствоваться официальными статьями своихъ журналовъ; она обязана, не теряя времени, написать циркуляръ къ своимъ дипломатическимъ агентамъ, и твердо, съ достоинствомъ и вѣжливымъ языкомъ, высказать основанія, на которыхъ она расположена вступить въ переговоры. Она должна сдѣлать еще болѣе этого. Не теряя времени, она должна обратиться къ Англіи и Пруссіи, просить ихъ добрыхъ услугъ, чтобы уладить ея отношенія къ Франціи, и такимъ образомъ привлечь къ дѣлу мира двѣ державы, которыя не замѣшаны въ эту ссору и имѣютъ полное желаніе и интересъ предупредить войну.

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ запросъ болѣе точныхъ объясненій, не замедлилъ явиться циркуляръ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Буоля. Мы еще не знаемъ его *in extenso*, и потому ничего не говоримъ объ его содержаніи.

Теперь всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ открытія новой конференціи въ Парижѣ. Немосредственнымъ поводомъ къ ней служить, какъ извѣстно, избраніе одного и того же господара обоими дунайскими княжествами. Надобно думать, что рѣчь будетъ идти не объ одномъ этомъ предметѣ. Англійскій посланникъ при тюрлерійскомъ дворѣ, лордъ Коули, ѣздилъ въ Лондонъ, и послѣ личныхъ переговоровъ съ министрами, отправился въ Вѣну. Эта поѣздка вѣроятно имѣетъ важное значеніе, и обращаетъ на себя теперъ общее вниманіе; она послужитъ къ уравниенію путей для будущей народной конференціи. Очень вѣроятно, что на этой конференціи оба критическіе вопроса, итальянскій и восточный, придутъ между собою въ непосредственное соприкосновеніе, и трудно заранее сказать, какія отъ этого произойдутъ послѣдствія для

того и другаго. Надобно опасаться, чтобъ Австрія не нашла какой-нибудь возможности вознаградить себя на Востокъ за уступки, какія она можетъ-быть принуждена будетъ сдѣлать въ Италіи.

Сейчасъ только прочли мы телеграфическую депешу, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что общественное мнѣніе уже возымѣло свое дѣйствіе, и италіанскій вопросъ совершилъ первый важный шагъ. Въ англійскомъ парламентѣ, на запросы оппозиціи, правительство отвѣчало, что какъ Франція, такъ и Австрія рѣшаются вывести свои войска изъ папскихъ владѣній. Вскорѣ узнаемъ мы всѣ подробности этого рѣшенія, и будемъ въ состояніи оцѣнить его значеніе.

Въ слѣдующей книжкѣ намѣрены мы помѣстить полное изложеніе перваго засѣданія англійскаго парламента, которое имѣетъ такое огромное значеніе для настоящаго положенія дѣлъ. Кромѣ того, много важныхъ биллей внесено съ разныхъ сторонъ въ парламентъ. Мы уже упомянули мимоходомъ о биллѣ, который внесъ лордъ Станли въ нижнюю палату относительно займа для Индіи. Въ верхней палатѣ лордъ канцлеръ внесъ билль о банкротствахъ и несостоятельныхъ должникахъ. Въ то же самое время и по тому же предмету внесъ билль въ нижнюю палату лордъ Джонъ Россель, не совсѣмъ сходный съ первымъ. Другой, не менѣе интересный билль, общаанный въ тронной рѣчи, внесъ генеральный солиситоръ, по предмету, которму въ Англіи придаютъ теперь особенную важность, именно объ упроченіи формальныхъ правъ поземельной собственности. «Если генеральный солиситоръ, сказано въ *Times*, дѣйствительно исполнитъ, что предполагаетъ, то мы готовы простить правительству его вѣроятный неуспѣхъ въ дѣлѣ парламентской реформы. Вѣдь мы смѣемся же теперь надъ публикой прошлыхъ временъ, встрѣтившей съ негодованіемъ того адмирала, который не умѣлъ овладѣть островомъ Миноркою, но за то, мимоходомъ, захватилъ врасплохъ Гибралтаръ? Впрочемъ, еще вопросъ, успѣетъ ли генеральный солиситоръ захватить этотъ законодательный Гибралтаръ?» Въ слѣдующій разъ мы пояснимъ читателямъ, въ чемъ состоитъ важность этой мѣры; теперь же замѣтимъ, что насмѣшки *Times* надъ предполагаемымъ неуспѣхомъ правительства по дѣлу парламентской реформы были слишкомъ преждевременны. Г. Дизраэли назначилъ время, когда онъ намеревается внести этотъ важный билль; правительство желало прежде покончить дѣло относительно новыхъ издержекъ по морскому вѣдомству, которыя однако вовсе не оказались такъ значительными, какъ можно было ожидать, судя по выраженіямъ тронной рѣчи. Телеграфическая депеша извѣщаетъ насъ, что канцлеръ казначейства внесъ уже билль о реформѣ, и что съ самаго

начала этотъ билль имѣлъ важныя послѣдствія для кабинета. Двое изъ его членовъ, г. Вальполь и г. Генли, вышли въ отставку; какъ истые торіи, они не могли согласиться на слишкомъ для нихъ широкія основанія этого билля. Въ депешѣ сказано, что *Times* сильно поддерживаетъ билль правительства: значить, этотъ руководящій органъ ошибся въ разчетѣ, и насмѣшки его были дѣйствительно преждевременны. Кто-то будетъ теперь, вмѣсто г. Вальполя, государственнымъ секретаремъ внутреннихъ дѣлъ? Надобно думать, что кабинетъ графа Дерби еще болѣе усилится вслѣдствіе этого преобразованія, и будетъ пріобрѣтать все болѣшую и болѣшую популярность. Не вступать ли теперь пилиты въ его составъ? Г. Гладстону остается сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы занять мѣсто въ кабинетѣ. Если ужъ онъ согласился принять отъ правительства порученіе на Іоническіе острова, то почему бы не согласиться ему принять одинъ изъ министерскихъ портфелей?

Что же касается до успѣха посольства г. Гладстона на Іоническіе острова, то и до сихъ поръ нельзя сказать ничего положительнаго. Нѣтъ человѣка, который могъ бы принести къ этому дѣлу болѣе доброжелательства, гуманности, примирительнаго и высоко либеральнаго духа, какъ г. Гладстонъ. Онъ употребилъ съ своей стороны все, чтобы благопріятно расположить іонійскихъ Грековъ; какъ нельзя бережнѣе обращался онъ съ ихъ національнымъ чувствомъ, даже съ ихъ предрасудками. Наконецъ, отъ имени королевы, онъ сдѣлалъ имъ такія предложенія, какія могли бы вполне удовлетворить самый взыскательный зрѣлый народъ. Онъ предложилъ имъ конституцію, которая не только подтверждаетъ всѣ прежнія льготы, но и даетъ имъ самое обширное развитіе и окружаетъ ихъ новыми сильными гарантіями, не оставляющими желать ничего болѣе въ политическомъ отношеніи. Іоническіе острова получаютъ полнѣйшую назависимость и самостоятельность, имъ предоставляется самоуправленіе въ полномъ смыслѣ; личная и общественная свобода ограждается такъ, какъ она ограждена въ самой Англіи; народному чувству не полагается никакой препоны, оно ни въ чемъ не подчиняется чуждой народности; іоническій Грекъ можетъ жить, мыслить и дѣйствовать, какъ желаетъ его собственная природа; англійскій протекторатъ только обезпечиваетъ ему эту свободу. Все, что въ прежнемъ устройствѣ могло подавать поводъ къ жалобамъ, могло обратиться въ рукахъ верховнаго комиссара въ орудіе стѣсненія и отзываться нѣкоторымъ деспотизмомъ, совершенно изгоняется изъ конституціи Іоническихъ острововъ. Министры, назначаемые лордомъ верховнымъ комиссаромъ, должны подлежать полной отвѣтственности [передъ іоническимъ парламентомъ, и ни одинъ актъ, исходящій отъ верховнаго комиссара не можетъ вступить въ

силу безъ скрѣпы отвѣтственнаго министра. Что же касается до самаго лорда верховнаго комиссара, то и онъ также не изъять отъ личной отвѣтственности. Въ случаѣ какого-либо превышенія власти съ его стороны, народонаселеніе острововъ получаетъ законное право посылать въ Англію, на казенный счетъ, выборныхъ людей отъ себя для рекламаций передъ королевою и парламентомъ. Общественному мнѣнію предоставляется самый широкій и самый дѣятельный контроль; парламентъ Ионическихъ острововъ получаетъ всю возможность, законодательными мѣрами, устранять существующіе недостатки администраціи. «Общую цѣль этихъ реформъ, между прочимъ сказалъ г. Гладстонъ въ замѣчательной рѣчи, произнесенной имъ въ сенатѣ Ионическихъ острововъ, можно выразить въ краткихъ словахъ. Онъ обезпечиваютъ за вами, въ вашемъ внутреннемъ управленіи, всѣ выгоды прочнаго конституціоннаго порядка, лучшія гарантіи политическихъ правъ, лучшее распредѣленіе ихъ между общественными классами, болѣе свободное поприще для талантовъ. Они не ослабляютъ, а напротивъ, упрощаютъ отношенія ваши къ покровительствующей державѣ. Они не создаютъ новой связи между обѣими странами, кромѣ развѣ только той, которая основана на доброй волѣ. Англія предлагаетъ вамъ законъ, а не контрактъ. Она ничего отъ васъ не требуетъ, и ничего не прибавляетъ къ своей власти. Подобныя реформы, какъ мы видимъ въ исторіи, чаще были требуемы, чѣмъ предлагаемы, чаще исторгались насильно, чѣмъ давались добровольно. По случаю несогласія мнѣній, возникшаго въ этой странѣ, англійской коронѣ представлено было по свободному побужденію предложить эти реформы и настаивать на ихъ принятіи. Сознаю трудность этого дѣла для моего отечества, но и чувствую всю честь этого дѣла. Никакое иное побужденіе не руководило ея величествомъ кромѣ чувства благоволенія къ Ионическому народу и убѣжденія, что честь Англіи состоитъ въ его свободѣ, благоденствіи и довольствѣ, не только въ той степени, въ какой пользуются этими благами сосѣднія или родственныя ему страны, но въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, какіе только могутъ зависѣть отъ ея власти.»

Проектъ реформъ, предложенный г-мъ Гладстономъ, вмѣстѣ съ мнѣніемъ іоническаго парламента, долженъ подвергнуться обсужденію англійскаго парламента, чтобы принять окончательно силу закона. Но есть ли достаточное основаніе надѣяться, что іоническіе Греки будутъ удовлетворены полною и прочною политическою свободою, которая имъ предлагается? *Nous ne voulons pas être libres*, могутъ сказать они, какъ однажды, въ давнія времена, сказали Фламандцы, хотя и не совсѣмъ въ одинаковыхъ обстоятельствахъ съ іоническими Греками. Въ извѣстныхъ фазахъ на-

родной жизни болѣе всего властвуютъ надъ умами тѣ ирраціональныя чувствованія, которыя внушаются кровью и инстинктами, ускользящими отъ яснаго сознанія. Потребность политической національности, стремленіе одноплеменныхъ элементовъ слиться въ одно политическое цѣлое, не разбирая даже, какого свойства это цѣлое, могутъ быть очень сильны, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе развиты въ народѣ другія стремленія и другія потребности. При томъ устройствѣ, которое предлагается іоническимъ Грекамъ, они могутъ съ полною свободою развивать дары своей національности, они могутъ находиться въ самомъ живомъ, въ самомъ тѣсномъ общеніи съ своими соплеменниками Греческаго королевства, они могутъ составлять съ ними одно нравственное цѣлое, какъ англійскія колоніи, имѣя совершенно отдѣльное политическое существованіе, живутъ однимъ духомъ съ своею метрополіею. Но іоническимъ Грекамъ недостаточно этого единства; инстинктъ народности влечетъ эти двѣсти, триста тысячъ жителей семи острововъ войти въ составъ Греческаго королевства. А потому, какія бы льготы ни предложила Англія Іоническимъ островамъ, они все будутъ недовольны и все будутъ стремиться увеличить собою то политическое цѣлое, которое существуетъ въ ихъ сосѣдствѣ подъ именемъ Греческаго королевства.

Мы говорили уже о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняты турецкимъ правительствомъ для уменьшенія чрезмѣрнаго количества бумажныхъ денегъ. Англичане передали Туркамъ не только принципъ уничтоженія ассигнацій, но даже и техническіе приемы для этого: ассигнаціи не сожигаются, а посредствомъ особенной машины вырѣзывается въ нихъ только то мѣсто, гдѣ изображена государственная печать; это даетъ возможность удобно повѣрять всѣ фальшивыя ассигнаціи, а съ другой стороны вынутыя изъ обращенія бумажныя деньги не замѣняются другими. Въ англійскомъ банкѣ, какъ извѣстно, банковые билеты, разъ поступившіе въ банкъ, не выходятъ изъ него, не дѣлаютъ втораго оборота, а остаются въ банкѣ; они не замѣняются другими билетами, а записываются въ приходъ. Въ большую книгу вносится по днямъ каждый выпущенный банковый билетъ, и потомъ противъ него выставляется день его возвращенія въ банкъ; при размѣнѣ кассиръ тотчасъ же отрываетъ уголь, а потомъ вырѣзывается мѣсто печати банка. Хотя теперь вынута уже изъ обращенія въ Турціи ассигнаціи на 165 милліоновъ піастровъ, однако англійскій заемъ недостаточенъ для предположенной цѣли; поэтому правительство рѣшилось замѣнить прежніе шестипроцентныя *сегиммы* (*sehims*) новыми, приносящими 8%; заемъ слѣдовательно пойдетъ на уплату *камме*, то-есть безпроцентныхъ ассигнацій. Но всѣ эти мѣры не будутъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока операція выпуска

бумажныхъ денегъ не будетъ вполне передана частному банку; проектъ его, о которомъ мы упомянули, теперь принятъ, и фирманоу султана передается операція одной компании, во главѣ которой стоитъ Уилькинъ; въ ней участвуютъ многіе греческіе банкирскіе дома въ Лондонѣ.

Вообще въ Лондонѣ начинаются и совершаются почти всѣ великія финансовыя предпріятія. На лондонскій рынокъ стекается золото изъ всѣхъ рудниковъ міра и отсюда расходится снова въ разныя страны. Въ одну недѣлю отъ 10 до 17 февраля этого года ввезено въ Англію, преимущественно изъ Океаніи и Россіи, золота и серебра на 5 милліоновъ руб. сереб. Такой массы денегъ достаетъ Англичанамъ на то, чтобъ удовлетворять всѣмъ многочисленнымъ займамъ, совершающимся на лондонской биржѣ. Въ теченіи одного года англійскіе банкиры заключили заемъ канадскій, новозеландскій, бразильскій, чилійскій, венесуэльскій, турецкій; дали займы правительству 50 милл. руб. для войны и около 20 милл. руб. лондонскому муниципалитету для очищенія Темзы; теперь готовы дать $6\frac{1}{2}$ милл. руб. Перу и около 45 милл. своему правительству для Индіи. Всѣмъ достаетъ денегъ на англійской биржѣ,—кромѣ Австріи; при закрытіи подписки оказалось, что изъ общей суммы 4.800.000 фунт. стерл. только на четвертую часть облигацій явились желающіе, несмотря на то, что въ первоначальныхъ условіяхъ была сдѣлана еще уступка въ $\frac{1}{2}\%$ въ пользу кредиторовъ. Такого неуспѣха давно не было на лондонской биржѣ. Вслѣдствіе этого неуспѣха Ротшильдъ перенесъ подписку на австрійскій заемъ изъ Лондона въ Парижъ.

Новѣйшія телеграфическія депеши принесли весьма важныя извѣстія о перемѣнахъ, готовящихся въ англійскомъ министерствѣ. Изъ него, кромѣ гг. Вальполя и Генли, выходятъ: лордъ Джонъ Маннерсъ, управляющій лѣсами, дворцами и пр.; сэръ Литтонъ Бульверъ, министръ колоній; генералъ Пиль, военный министръ; лордъ-канцлеръ и хранитель большой печати лордъ Чельмсфордъ и графъ Мальмсбюри, министръ иностранныхъ дѣлъ. Извѣстны ближайше поводы выхода въ отставку нѣкоторыхъ изъ нихъ: лордъ-канцлеръ и генералъ Пиль сдѣлали свои личныя отношенія вопросомъ министерскаго кабинета; такъ лордъ Чельмсфордъ оскорбился тѣмъ, что парламентъ сильно порицалъ назначеніе его недаровитаго племянника къ разнымъ доходнымъ должностямъ; генералъ Пиль, по своей дружбѣ съ графомъ Вильтономъ, принялъ его сторону въ спорѣ съ капитаномъ Диксономъ, тогда какъ было доказано, что Вильтонъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ, по которому онъ приговоренъ къ уплатѣ 205 фунтовъ за клевету. Въ томъ и другомъ случаяхъ, по мнѣнію оскорбленныхъ министровъ, ихъ товарищи не энергиче-

ски защищали ихъ отъ нападеній и обвиненій парламента; какъ будто кто-нибудь можетъ въ Англіи защитить отъ контроля общественнаго мнѣнія! Эта сила дѣйствуетъ равно на всѣ лица, какъ-бы высоко ни стояли они въ правительственной іерархіи; графъ Дерби не рѣшился бы возстать противъ этой силы; не только ради племянника лорда Чельмсфорда, но и ради самого лорда; защищая неправо дѣло, графъ Дерби совершилъ бы одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій съ англійской точки зрѣнія: онъ оскорбилъ бы парламента и общество, показавши неуваженіе къ нимъ. Наконецъ сэръ Литтонъ Бульверъ сдѣланъ лордомъ и переходитъ въ палату лордовъ; это избавить его между прочимъ отъ тѣхъ неприятныхъ сценъ, которыя постоянно повторялись при его выборахъ: леди Бульверъ не станетъ теперь являться передъ избирателями съ обвиненіями на своего мужа; ей остается теперь дѣйствовать противъ него своими романами: супружеская ненависть развила въ ней довольно посредственный повѣствовательный талантъ, и она въ романахъ излагаетъ свою исторію съ мужемъ.

Кѣмъ пополнить министерство Дерби свои рѣдьющіе ряды? *Globe* уже указываетъ на г. Гладстона и лорда Эльджина, какъ на тѣ лица, которыя замѣнятъ Бульвера и Пила. Безспорно, это будетъ весьма важное пріобрѣтеніе, и теперешнее правительство укрѣпится еще болѣе. По всему видно, что оно обновляется свѣжими силами. Главная сила кабинета заключается, какъ намъ кажется, въ лордѣ Станли. Не трудно предсказать, что ему предстоитъ значительная роль въ будущихъ судьбахъ Англіи; его политическія дарованія, его свѣжій и зрѣлый умъ даютъ ему на то право, и чѣмъ скорѣе сложится министерство изъ однородныхъ элементовъ, тѣмъ успешнѣе будутъ его дѣйствія. Полгода тому назадъ, когда *Times* былъ еще подъ вліяніемъ палмерстоновскихъ идей, онъ порицалъ министерство Дерби и заключилъ статью свою такими словами: «Но каково бы ни было министерство въ Англіи, гдѣ господствуетъ самоуправленіе, есть власть выше его, — это общественное мнѣніе.» Кажется, министерство Дерби держится того же взгляда; оно принимаетъ въ ряды свои тѣхъ, кто умѣетъ уважать это мнѣніе, и кто не раздѣляетъ палмерстоновскаго деспотическаго либерализма.

Политическая литература въ послѣднее время понесла весьма значительныя потери; смерть похитила почти въ одно время Галлама въ Англіи, Прескота въ Америкѣ и Вурма въ Германіи. Мы вносимъ въ наше обозрѣніе имена этихъ дѣятелей, и въ непродолжительномъ времени обратимся къ ихъ заслугамъ для исторіи и международнаго права. Изъ новыхъ пріобрѣтеній литературы укажемъ на второй томъ *Мемуаровъ* Гизо. Онѣ обращаются не

къ одному только прошедшему, а косвенно высказываютъ взглядъ автора и его единомышленниковъ на настоящее: въ странѣ, гдѣ теперешніе политическіе вопросы сдѣлались монополіею Лагероньеровъ и Кассаньяковъ, остальнымъ писателямъ приходится говорить только намеками, оглядываясь на каждомъ словѣ. Второй томъ *Межуаровъ* оканчивается 1832 годомъ, именно образованіемъ министерства 2 октября, въ которомъ Гизо получилъ портфель министерства народнаго просвѣщенія. Особенно рельефно выставлено у Гизо положеніе іюльской монархіи,—этой свѣтлой точки въ исторіи Франціи, по мнѣнію ея дѣятелей и многихъ изъ молодого поколѣнія; безпрестанно представляются поводы къ сравненію съ настоящимъ: картина Европы, qui a eu la passion de la paix; уваженіе къ трактатамъ 1815 года, соединенное съ желаніемъ измѣнить ихъ по возможности,—все это можетъ быть принято въ смыслъ урока настоящему. Гизо высказывается сильно противъ «слѣпыхъ симпатій» виѣшнихъ, которыя мѣшаютъ развитію страны и ея спокойнымъ внутреннимъ реформамъ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Встрѣченное мною, на страницахъ вашего журнала (1) письмо г. архитектора Штакеншнейдера, предметомъ котораго — сооружаемый мною храмъ надъ могилами защитниковъ Севастополя, побуждаетъ меня войти въ подробное по этому предмету объясненіе, чтобы, съ помощію данныхъ, которыя отчасти уже высказаны г. Штакеншнейдеромъ и дополнительно имѣютъ быть сообщены мною, разъяснить тѣ недоразумѣнія, въ которыя могутъ быть вовлечены люди, незнакомые съ обстоятельствами этого дѣла.

Въ началѣ своего письма г. Штакеншнейдеръ изъясняетъ удивленіе, не встрѣтивши своего имени на бронзовой доскѣ, положенной въ основаніи храма, и удивленіе его простирается до того, что онъ даже предполагаетъ, не по ошибкѣ ли я присвоилъ себѣ составленный имъ проектъ. Далѣе онъ излагаетъ свой собственный проектъ изъ записки, представленной имъ князю В. И. Васильчикову, и въ заключеніе прибавивъ, что постройка передана мнѣ, и что я являлся къ нему сообщить о предположенныхъ перемѣнахъ въ его проектъ, распространяется весьма съ невыгодной стороны объ этихъ перемѣнахъ, и только, какъ будто по приложенному къ № 19-му вашего журнала за 1857 годъ

(1) Русский Вѣстникъ 1858 годъ. № 10-й

рисунокъ, рѣшается заключить, что онѣ приводятся въ исполненіе. Вы, безъ сомнѣнія, согласитесь, м. г., что такая декларация со стороны г. Штакеншнейдера, представляющая дѣло такъ, что какъ будто я, будучи простымъ исполнителемъ его проекта, дерзнулъ на нѣкоторыя, не совсѣмъ можетъ-быть удачныя въ немъ перемѣны, бросаетъ невыгодную тѣнь не только на меня, но и на самое произведеніе, и потому я, какъ единственный виновникъ всѣхъ нынѣ приводящихся въ исполненіе предположеній, почитаю себя обязаннымъ изложить передъ отечественною публикою весь ходъ этого дѣла.

Въ мартѣ прошедшаго 1857 года, мнѣ было предложено г. генералъ-адъютантомъ княземъ В. И. Васильчиковымъ изыскать средства къ устраненію въ проектѣ, составленномъ г. архитекторомъ Штакеншнейдеромъ, нѣкоторыхъ неудобствъ, какъ-то: небольшой колокольной съ византійскимъ куполомъ, примкнутой къ пирамидальному зданію съ западной стороны, полукруглярной апсиды алтаря, также значительно выступающей изъ средней части восточной стороны пирамиды, и потому раздробляющей ея единство; равнымъ образомъ мнѣ было предложено найти возможность освѣтить внутренній куполъ церкви, который былъ предположенъ безъ оконныхъ отверстій. При этомъ мнѣ было поставлено одно непремѣнное условіе: удержать основную идею помѣщенія церкви въ пирамидальной формѣ памятника. Итакъ я не въ правѣ исключительно себѣ присвоивать первоначальную тему въ проектѣ этого зданія, а потому не буду защищать ни выгодной, ни невыгодной ея стороны.

Приступивъ къ исполненію даннаго мнѣ порученія, а съ перваго приѣма не могъ уже помириться со всею композиціею проекта. Что идея пирамиды, не имѣющей въ основаніи своемъ вертикальныхъ стѣнъ или постамента, не совмѣстна съ идеею внутренней вмѣстительности зданія,—это доказывается уже тѣмъ, что колоссальныя пирамиды древняго Египта возвышались надъ небольшими погребальными камерами, находившимися часто ниже уровня почвы, на которой онѣ сооружались. Итакъ, отправившись отъ этой точки зрѣнія на предметъ, я пришелъ къ убѣжденію, что пирамиду необходимо поставить на двойномъ цоколѣ или постаментѣ, а это уже до того радикально измѣнило весь составъ зданія, начиная съ общей внѣшней его формы до многоразличныхъ условій внутренности, что тщетно было бы искать въ моемъ проектѣ не только воспроизведенія проекта г. Штакеншнейдера, но даже повторенія того же мотива во внѣшней его формѣ. Выработался совершенно новый мотивъ на заданную тему.

Съ отмѣненіемъ всѣхъ прибавленій, несвойственныхъ такой серіозной формѣ, но входившихъ между тѣмъ въ составъ проекта г. Штакеншнейдера, однимъ изъ первыхъ условій моего про-

екта было — сосредоточить въ одной пирамидѣ, какъ основной формѣ зданія, его цѣльность, чѣмъ именно и придавался внѣшнему его виду характеръ памятника. Такъ какъ самый стиль, архитектурныя пропорціи и детализировка этихъ частей не могутъ быть удобопонятно переданы однимъ описаніемъ, безъ помощи чертежей, то я ограничусь здѣсь только сравненіемъ основныхъ частей обоихъ проектовъ, которое и безъ чертежей рѣзко покажетъ все различіе между тѣмъ и другимъ.

Ежели уничтоженіемъ *присоединенной части* (1) съ колокольною и алтарнаго полукружія, о которыхъ я упомянулъ выше, сдѣланы уже радикальныя перемѣны во внѣшнихъ линіяхъ плана, то неужели г. Штакеншнейдеръ не вынужденъ будетъ сознаться, что его крестообразный планъ внутренности съ четырьмя потерянными углами, и планъ, мною составленный, и вводящій въ мѣста пересѣченія и боковыя стороны рукавовъ креста (*bras de la croix*) двѣнадцать полуциркулярныхъ нишей, планъ, въ которомъ нашли себѣ мѣсто тройственный алтарь съ *проскомидією* и *діаконикомъ* въ сѣверовосточномъ и юговосточномъ углахъ и ризница, помѣщенная въ югозападномъ углу (остальной уголъ занятъ ходомъ на колокольню), не представляютъ двухъ совершенно различныхъ произведеній, изъ которыхъ, надѣюсь, никто не назоветъ втораго даже послѣдствіемъ перваго?

Профиль внутренній, какъ извѣстно, возникаетъ изъ плана, а потому, не исчисляя уже той разности, которая неминуемо должна произойти въ профиляхъ изъ различія плановъ, я укажу только на существенные пункты тѣхъ измѣненій, которыя, по моему убѣжденію, сдѣланы мною къ лучшему. Въ проектѣ почтеннаго профессора архитектуры, высота однояруснаго мраморнаго иконостаса достигаетъ пять сводовъ церкви, изъ чего можно заключать, какъ незначительна высота самыхъ стѣнъ церкви, тогда какъ въ моемъ проектѣ также одноярусный мраморный иконостасъ, составляющій продолженіе общей мраморной обдѣлки стѣнъ, занимаетъ едва болѣе половины высоты вертикальныхъ стѣнъ отъ пола до пять сводовъ. Сѣверная и южная двери алтаря, представляющія въ проектѣ г. Штакеншнейдера только подвижныя на петляхъ части той же мраморной перегородки иконостаса съ помѣщенными на нихъ иконами (какъ это вынуждаютъ иногда дѣлать скудные размѣры обыкновенныхъ иконостасовъ изъ дерева), получили въ моемъ проектѣ форму дверей, приличныхъ святилищу; онѣ помѣщены отдѣльно, каждая въ глубинѣ ниши, и служатъ для соединенія середины храма съ *проскомидією* и *діаконикомъ*; что указываетъ на первобытное

(1) Выраженіе г. Штакеншнейдера.

назначеніе этихъ дверей, оправдываемое обрѣдами богослуженія восточной церкви. Въ проектѣ г. Штакеншнейдера, рядомъ съ иконами, помѣщенными на сѣверовосточной и юговосточной стѣнахъ средней части храма, мы находимъ имена убитыхъ генераловъ, даже съ означеніемъ ихъ подвиговъ и съ изображеніемъ на сводѣ соименныхъ имъ святыхъ; имена же штабъ и оберъ-офицеровъ предполагалъ онъ помѣстить на внѣшнихъ стѣнахъ зданія «на тесанномъ (?) инкерманскомъ или артекскомъ камнѣ» (1), что болѣе походитъ на чествованіе однихъ генераловъ, чѣмъ на увѣковѣченіе памяти всѣхъ вождей, защитниковъ города. Я нашелъ всего приличіе имена какъ тѣхъ, такъ и другихъ помѣстить въ углубленіи полуциркулярныхъ нишей и въ небольшихъ прямоугольныхъ впадинахъ. Наконецъ, должно замѣтить, что алтарное полукружіе замѣнено у меня легкими дугообразными углубленіями изнутри, не нарушающими одноѣрности внѣшнихъ выступовъ, а полусферическая скупья, или внутренній куполь, предположенный въ проектѣ г. Штакеншнейдера безъ отверстій, освѣщенъ въ моемъ проектѣ четырьмя окнами.

Для дополнительныхъ указаній разности обоихъ проектовъ, мнѣ остается перейти къ фасаду.

Не въ одной отмѣнѣ отдѣльной колокольни и измѣненіи цоколя, едва упомянутыхъ почтеннымъ профессоромъ, заключаются разности въ фасадахъ обоихъ проектовъ, ясныя даже изъ одного описанія. Исчисляя ихъ, можно ли умолчать напримѣръ о массивномъ крестѣ изъ полированного долерита, который, по моимъ понятіямъ, можетъ служить болѣе достойнымъ увѣнчаніемъ пирамидальнаго зданія и могильнаго памятника, нежели бронзовый вызолоченный и въ добавокъ прорѣзной крестъ, предположенный г.

(1) Здѣсь должно обратить вниманіе на сдѣланное г. Штакеншнейдеромъ слѣдующее примѣчаніе, относительно камня: «вѣроятно, послѣдній (т. е. артекскій должно быть предпочесть первому), т. е. инкерманскому, такъ какъ артекскій камень хотя и *дороже нѣсколько*, но за то тверже инкерманскаго.» Нельзя не согласиться съ г. профессоромъ архитектуры, что артекскій камень, который, по его же словамъ, отчасти сходствуетъ съ порфиромъ, а по опредѣленію г. Гасгагена есть діоритъ, слѣдовало бы предпочесть инкерманскому известняку, самаго мягкаго свойства, притомъ подверженному въ сильной степени вывѣтриванію; что же касается до того, что артекскій камень признается имъ лишь *нѣсколько дороже* инкерманскаго, то согласиться съ нимъ нельзя. Между известнякомъ и гранитовиднымъ камнемъ не можетъ быть сравненія ни въ чемъ, всего менѣе въ цѣнѣ. Вотъ факты: кубическая сажень инкерманскаго камня обходится въ Севастополѣ около 30 руб. сер.; артекскій же діоритъ, въ штукахъ самаго обыкновеннаго размѣра, не можетъ стоить дешевле 50 коп. сер. за пудъ, что составитъ для кубической сажени около 1080 рублей серебромъ.

Штакеншнейдеромъ въ его проектѣ. Не должно ли будетъ сказать того же и объ отмѣнѣ предположенныхъ г. Штакеншнейдеромъ четырехъ скульптурныхъ медальоновъ съ изображеніемъ святыхъ, потому уже, что скульптурныя изображенія святыхъ, не приняты вообще восточною церковью, еще менѣе уместны на наклонной поверхности стѣнъ пирамиды, гдѣ они, запрокинутые назадъ, подверглись бы всѣмъ влияніямъ непогоды. Вмѣсто этихъ медальоновъ, въ проектѣ своемъ я помѣстилъ на переднемъ порталѣ одно колоссальное грудное изображеніе благословляющаго Спасителя на золотомъ фонѣ. Государю Императору угодно было повелѣть исполнить это изображеніе изъ мозаики на императорской мозаичной фабрикѣ. Нашъ знаменитый художникъ, г. профессоръ исторической живописи Ф. А. Бруссо, изъявилъ готовность исполнить для этой мозаики оригиналъ. Такимъ образомъ могильный въковой памятникъ русскихъ героев дѣлается памятникомъ и современнаго русскаго искусства. Такъ какъ описаніе и оцѣнка воинскихъ подвиговъ найдутъ себѣ мѣсто на страницахъ исторіи, цѣль же вещественнаго памятника напоминать собою событія и увѣковѣчивать имена, съ ними связанныя, то помѣщая имена всѣхъ павшихъ вождей, защитниковъ Севастополя, во внутренности зданія, я предположилъ начертать, на осьми отдѣльныхъ плитахъ полированнаго діорита (которыми будетъ обшито все пространство пирамидальныхъ стѣнъ до общаго съ выступами карниза), хронологическое исчисленіе однихъ событій войны. Взаимное отношеніе тѣхъ и другихъ надписей опредѣлить, и для позднѣйшаго времени, значеніе памятника, безъ посредства общей объяснительной надписи, какую употребилъ въ своемъ проектѣ г. Штакеншнейдеръ.

Къ дополнительной разности фасадовъ должно отнести и окна для освѣщенія внутренняго купола и пролеты колокольни. Какъ тѣ, такъ и другіе помѣщаются въ прорѣзахъ наклонной стѣны. Изъ замѣчанія г. Штакеншнейдера относительно колокольни, которая, по его словамъ, «*съ открытыми со всѣхъ четырехъ сторонъ отверстиями по неотвѣснымъ стѣнамъ, подвергая и самые своды храма всѣмъ непогодамъ, въ послѣдствіи должна будетъ дѣйствовать разрушительно на зданіе,*» я могу только заключить, что онъ слишкомъ мало имѣлъ времени ознакомиться съ подробностями моего проекта и не замѣтилъ, что каждое изъ отверстій колокольни, обдѣланное двумя арочками, съ колонною по срединѣ, находится въ углубленіи прорѣза и ни сколько не образуетъ собою цистерны для скопа дождевой воды, какими представляетъ ихъ себѣ почтенный профессоръ. Еслибы какой дождь и сталъ забивать въ эти пролеты, то вода, не проникая далѣе помоста колокольни, поддерживаемой особымъ сводомъ, будетъ стекать по покату, на всѣ стороны, помосту наружу, чрезъ труб-

ки, которыя проведутся въ парапетахъ. Куполь же самаго храма, находясь подъ защитою этого втораго свода, будетъ всегда безопасенъ отъ вліянія атмосферной влаги. Что же касается до части стѣнъ въ прорѣзахъ, соответствующихъ подушкамъ оконныхъ отверстій, то всѣ онѣ тщательно перекроются каменными плитами, съ примѣненіемъ къ этой перекрышкѣ всѣхъ тѣхъ способовъ, какіе признаны лучшими въ современномъ строительномъ искусствѣ.

Мнѣ остается указать еще на различіе матеріаловъ, предполагаемыхъ г. Штакеншнейдеромъ, съ тѣми, которые вошли въ составъ возводимаго по моему проекту зданія, и доказать превосходство послѣднихъ передъ первыми. Изъ содержанія пояснительной его записки можно уже заключить, что вся постройка предполагалась имъ изъ инкерманскаго камня, а «наружный входъ и колонны на церковной паперти изъ розоваго оріандскаго мрамора». Инкерманскій камень, какъ я уже упоминалъ, при своей мягкости подверженъ въ сильной степени вывѣтриванію, почему вовсе не представляетъ собою матеріала, приличнаго для вѣковаго памятника. Оріандскій мраморъ, какъ и другіе мраморы, находящіеся на Крымскомъ полуостровѣ, не сохраняетъ полировки на открытомъ воздухѣ, въ чемъ можно убѣдиться изъ существующихъ на самомъ южномъ берегу примѣровъ, а потому крымскіе мраморы также не должны быть въ подобномъ случаѣ употребляемы. Главный матеріалъ, употребляемый для облицовки возводимаго мною зданія, тверже, но вмѣстѣ удобнѣе для обработки: это степовой известнякъ изъ единственной ломки въ окрестностяхъ Севастополя, представляющей камень вполне удовлетворительныхъ качествъ. Для обдѣлки наружнаго входа, всѣхъ оконныхъ пролетовъ и рамы мозаичнаго образа, я прибѣгъ къ вулканическимъ породамъ, которыя находятся на Крымскомъ полуостровѣ въ изобильномъ разнообразіи и представляютъ надежнѣйшее ручательство въ томъ, что не измѣнятъ своего вида отъ дѣйствія времени. Такъ для наружной дверной обдѣлки употреблены мною, въ соединеніи съ полированнымъ вознесенскимъ гранитомъ (взятымъ изъ разрушенныхъ доковъ), разноцвѣтные діориты и долеритъ изъ Артека и Біюкъ-Ламбада, для обдѣлки оконныхъ пролетовъ и креста, долеритъ изъ Кастель-горы; а для плитъ съ надписями, какъ я уже упомянулъ, діоритъ изъ Біюкъ-Ламбада.

Кажется, приведенныхъ мною обстоятельствъ вполне достаточно, чтобы, безъ посредства чертежей, показать на сколько одинъ проектъ разнится отъ другаго. Если ихъ связываетъ между собой одна тема, то развѣ проекты, которые могутъ быть сочинены различными архитекторами на одну и ту же тему, не будутъ, вслѣдствіе того, составлять художественной собственности сочинителей?

На проектѣ, удостоенномъ Высочайшаго утвержденія, съ самого начала выставлено было имя того, чью неотъемлемую собственность онъ составляетъ (1). Нужно ли еще объяснять, почему то же имя было выставлено и на бронзовой доскѣ, заложенной въ основаніи храма? На чьей же сторонѣ ошибка въ присвоеніи себѣ чужой собственности? На этотъ вопросъ попрошу теперь разрѣшенія у читателей вашего журнала, которыхъ письмо г. Штакеншнейдера могло привести въ недоумѣніе. Если же самъ многоуважаемый мною профессоръ архитектуры не убѣдится моими доводами, то ему стѣдуетъ только обнародовать свой проектъ изданіемъ, на что я буду отвѣчать, разумѣется, тѣмъ же, съ твердою и положительною увѣренностію, что стиль, архитектурныя формы и пропорціи, послужать только къ сильнѣйшему подкрѣпленію моихъ доказательствъ относительно правъ собственности.

А. Авдѣевъ.

ПОПРАВКИ

I.

Въ № 2 *Русскаго Вѣстника* въ статьѣ А. М. Унковскаго: *Замѣчанія о необходимости и пользѣ выкупа*, на стр. 117 включены въ текстъ, по корректорскому недосмотру, слѣдующія слова, которыя не принадлежатъ автору: «Законъ долженъ быть воздерженъ, а потому предписано можетъ быть лишь необходимое,—то есть предоставленіе надлежащаго количества земли въ пользованіе. Но сила обстоятельствъ и собственныя выгоды не только крестьянъ, но и помѣщиковъ, должны повести къ выкупу, и законъ конечно будетъ содѣйствовать такому ходу дѣлъ, потому что не найдется ни малѣйшей причины противодѣйствовать ему.» Слова эти слѣдовало напечатать подъ текстомъ статьи, какъ примѣчаніе отъ редакціи. Авторъ считаетъ выкупъ крестьянскихъ земель непрѣмнымъ условіемъ, безъ котораго не можетъ осуществиться личная свобода крестьянъ, и потому находитъ, что онъ долженъ быть обязательнымъ для помѣщиковъ. Это ясно видно изъ всей статьи его. Редакція, вполне соглашаясь съ убѣжденіями уважаемаго автора касательно необходимости выкупа, хотѣла сказать въ своемъ примѣчаніи, согласно съ мнѣніями, не разъ уже ею высказанными, что для удовлетворительнаго исхода этого дѣла требуется отъ закона не регламентація выкупа, а предусмотрительное соединеніе всѣхъ тѣхъ условій, которыя сами собою привлекли бы обѣ стороны къ справедливымъ и обоюдно-выгоднымъ сдѣлкамъ.

(1) Съ этою подписью видѣлъ его и г. Штакеншнейдеръ, — почему же онъ не протестовалъ тогда противъ подписи?

II.

Въ статьѣ: *Мысли о выкупѣ удобовъ крестьянами въ Московской губерніи*, помѣщенной въ № 2-мъ *Современной лѣтописи Русскаго Вѣстника* 1859 г. стр. 139, стр. 4, напечатано: 1 р. $6^{10}/_{47}$ к., читай 1 р. $4^{12}/_{47}$ к. Строка 24, послѣ слова: немного менѣе всего дома, слѣд. чит.: немного менѣе всего долга, считая по 67 р. 50 к. за десятину. Строка 30, *аместо*: при первой системѣ погашенія (въ 47 лѣтъ), можно ожидать, что квитанціи будутъ совершенно обезпечены, и будутъ въ хорошей цѣнѣ: 3 р. съ 70 рублей, это значитъ $4^{8}/_{7}$ $0/_{10}$, *слѣдуетъ читать*: При второй системѣ погашенія (въ 28 лѣтъ), можно ожидать, что квитанціи будутъ совершенно обезпечены и будутъ въ хорошей цѣнѣ: 3 р. съ $67^{1}/_{2}$ рублей, это значитъ $4^{1}/_{10}$ $0/_{10}$.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Съ Высочайшаго разрѣшенія Государя Императора и съ благословенія Святѣйшаго Синода прибылъ въ Россію еѳимеръ Мостарской церкви, іеромонахъ Прокопій Чокорило, дабы производить сборъ добродѣтельныхъ подаваній въ пользу оскудѣвшихъ и разоренныхъ православныхъ церквей и монастырей Герцеговины. Нынѣ іеромонахъ Прокопій находится въ С.-Петербургѣ и призываетъ всѣхъ сочувствующихъ православною сербскою братію удѣлить на храмы Божіи въ Герцеговинѣ частицу своего достатка.

Денежныя пожертванія, собираемая іеромонахомъ Прокопіемъ, будутъ употреблены: 1) на построеніе новой церкви въ главномъ городѣ Герцеговины, Мостарѣ, гдѣ существующій нынѣ храмъ не можетъ вмѣстить и пятой части прихожанъ; 2) на построеніе небольшихъ церквей во имя Св. Николая въ Дувнѣ, Св. Димитрія въ Любушкѣ, Св. Екатерины въ Бѣломъ-полѣ, Успенія Пресв. Богородицы въ старой Габелѣ и Петра и Павла въ Боркахъ: строеніе сихъ церквей при незначительности тамошнихъ требованій и готовности окрестныхъ жителей къ усиленному содѣйствію трудами рукъ своихъ, можетъ быть произведено съ столь малыми издержками, что на каждый изъ помѣнованныхъ храмовъ достаточно бы было около 500 р. с.; 3.) на довершеніе строенія большой церкви Св. Архангела Михаила въ г. Фочѣ.

Кромѣ того іеромонахъ Прокопій проситъ благочестивыхъ дателей жертвовать священные предметы, нужные для внутренняго благолѣпія храмовъ (какъ-то: священническія облаченія, утварь, плащеницы, хоругви, иконы, напрестольные кресты, Евангелія и проч.), въ мостарскую церковь Рождества Пресвятыя Богородицы; въ Столицкую церковь Св. Петра и Павла; въ Успенскую церковь въ г. Невисинѣ недавно разоренную; въ Успенскій монастырь Дужи, недавно разоренный; въ монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы въ Косѣревѣ, недавно разоренный; въ Успенскій монастырь Добричево и въ новоосвященную церковь Св. Николая Чудотворца въ Дубравахъ.

Іеромонахъ Прокопій жительство имѣетъ въ домѣ Мѣняева, квартира № 9.

Пожертванія будутъ принимаемы и записываемы въ особую книгу въ мѣстныхъ духовныхъ консисторіяхъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ОТКРЫТІЕ АНГЛІЙСКАГО ПАРЛАМЕНТА

3 ФЕВРАЛЯ 1859. (1)

(Изъ *Times.*)

Третья сессія пятаго парламента нынѣшняго царствованія была открыта 3 февраля лично ея величествомъ королевою, со всею торжественностью и царственнымъ великолѣпіемъ, которыя дѣлають изъ этого, такъ часто повторяющагося событія одну изъ самыхъ величественныхъ и поразительныхъ государственныхъ церемоній. Даже съ точки зрѣнія вышшаго торжества, церемонія эта вполне заслуживаетъ того вниманія и участія, съ которымъ встрѣчаютъ ее ежегодно. Но какое великое значеніе получаетъ она, если взглянуть на нее какъ на торжественное ежегодное освященіе конституционныхъ правъ великой націи, если вспомнить, что тутъ королева Великобританіи созываетъ самое свободное и независимое собраніе, какое когда-либо существовало въ мірѣ!

Дѣйствительно, открытіе парламента, хотя! неизмѣнное и всемъ извѣстное торжество, всегда съ равнымъ участіемъ встрѣчается англійскою публикою. Если судить по числу веровъ и супругъ ихъ, присутствовавшихъ при церемоніи, и по толпѣ народа, тѣснившагося на улицахъ, чтобъ увидѣть королеву и привѣтствовать ее своими кликами, торжество 3 февраля возбуждало въ публикѣ еще большій интересъ, чѣмъ многія предыдущія.

Двери палаты лордовъ отпираются въ 12 часовъ, и нельзя не удивиться огромному числу посѣтителей, появляющихся во время, если принять въ соображеніе, что большая часть ихъ принадлежитъ къ прекрасному полу. Нѣсколько минутъ послѣ открытія дверей, почти всѣ галлерои наполнены, и яркіе цвѣта дамскихъ нарядовъ пестрою лентой окаймляютъ темную, величе-

(1) Обще-европейская важность засѣданія 3 февраля побудила насъ воспользоваться имъ, чтобы передать нашимъ читателямъ полный отчетъ объ этомъ засѣданіи, заимствованный изъ *Times*, безъ всякихъ выпусковъ и сокращеній. Этотъ отчетъ ближе познакомитъ ихъ съ главными политическими дѣятелями и съ характеромъ и порядкомъ засѣданій парламента. Избранное нами для этой цѣли засѣданіе тѣмъ пригоднѣе было для этой цѣли, что происходившія въ немъ пренія представляетъ собою совершенно отдѣльное цѣлое.

Ред.

ственную залу. Всѣ дамы въ полномъ бальномъ нарядѣ, хотя на время онѣ скрыты подъ шалами и буркусами, потому что день вовсе не теплый, и нѣкоторыя изъ верхнихъ расписныхъ оконъ открыты, оставая пробѣль въ какой-нибудь династии королей и, что еще хуже, впуская струю холоднаго сыраго вѣтра. Супруги перовъ скоро являются по двѣ или по три вмѣстѣ и, послѣ неизбѣжныхъ привѣтствій и разговоровъ съ знакомыми, занимають наконецъ мѣста, указываемыя имъ курьерами (messengers); для препровожденія времени, онѣ осматриваютъ богатый, угловатый, но безукоризненно-готическій тронъ, открытый теперь, и оказывающійся единственнымъ неудобнымъ сидѣльцемъ во всей палатѣ лордовъ. Конечно, тутъ нечего много разсматривать, но все же есть на что смотреть, и дорого бы дали за это зрѣлище бѣдныя дамы, которыя, по знакомству, достали себѣ билеты на внѣшнюю королевскую галерею, въ надеждѣ видѣть, какъ супруги перовъ будутъ проходить въ палату. Но на этотъ разъ онѣ проходятъ по другой галереѣ, и дамы, которыя нынче отличаются такимъ же терпѣнiемъ, какъ и въ прошломъ году, увидятъ почти такъ же мало какъ и тогда, то-есть не болѣе чѣмъ увидитъ народъ, толпящійся на улицахъ. Но пусть только узнаетъ лордъ Виллоуби д'Эресби объ этой шуткѣ, которую разыгрываютъ ежегодно съ любопытствомъ нашихъ вѣрно-подданныхъ дамъ, и онъ положитъ ей конецъ. Прежде всѣхъ лордовъ является новый Sergeant-at-Arms, г. Тальботъ; онъ одѣтъ въ самый неудобный изъ мундировъ, стоитъ одинъ въ залѣ, повидимому нѣсколько смущенный внимательными взглядами, устремленными на него со всѣхъ сторонъ, пока къ нему не присоединяется почтенный фельдмаршалъ, лордъ Комбермеръ, въ мундирѣ полковника гвардiи. Палата мало-по-малу наполняется, и большая часть переднихъ скамей уже занята. Въ часъ пополудни внезапно является цѣлая толпа знатныхъ леди во всемъ богатствѣ и обширности теперешнихъ нарядовъ. Онѣ останавливаются, смотря съ какимъ-то испугомъ на узкiй проходъ между скамьями, черезъ который имъ предстоитъ шествовать. Напрасно курьеръ (messenger) повторяетъ: «извольте проходить впередъ, впередъ, леди», леди улыбаются, но остаются неподвижны, что довольно затруднительно для официаловъ, которые должны соблюдать правила учтивости, а вмѣстѣ съ тѣмъ исполнять свою обязанность. Наконецъ дамы усаживаются, шума платьями, и въ залу входитъ какой-то новый баронъ съ двумя рядами горностая на своей мантии, а за нимъ графъ Альбермалъ. Сквозъ стеклянныя двери Королевской Комнаты видны блестящiя группы перовъ, иностранныхъ посланниковъ и великихъ сановниковъ государства, облаченныхъ въ роскошныя мундиры. Явственный шопотъ пробѣгаетъ по собранiю при появленiи герцога Малаховскаго, украшеннаго

лентой ордена Бани, и его молодой и прекрасной супруги. Послѣ нихъ всего больше обращаютъ на себя вниманіе австрійскій и ганноверскій посланники и епископъ лондонскій; за ними слѣдуетъ вереница безвѣстныхъ перовъ, которые усаживаются подлѣ дамъ и разговариваютъ съ ними, разнообразя своими красными одѣянными свѣтлые дамскіе наряды, такъ что издали обѣ стороны палаты похожи на богатые цвѣтники. Лордъ канцлеръ и судья Уайтманъ, Эрль, Гилль, Кромптонъ, Поллокъ, Кроудеръ и Брамвелль входятъ почти въ одно время. За ними слѣдуетъ сардинскій посланникъ, который издали и довольно церемонно кланяется герцогу Малаховскому. Лордъ Дерби (еще не облекшійся въ парадную форму) проводитъ свою супругу и леди Эмму Станли къ нѣстамъ, назначеннымъ для нихъ. За первымъ министромъ входятъ архіепископъ кентерберійскій, епископы салисберійскій, лондонскій, экстерскій, винчестерскій, карлейльскій, батскій и вэльльскій. Послѣ всѣхъ идетъ епископъ оксфордскій; на немъ, въ качествѣ капеллана ордена Подвязки, голубая орденская лента; съ нимъ вмѣстѣ входятъ лорды-главные-судьи Кемпбелль и Кокборнъ и судья Вилліамсъ и Уильсъ. Американскій посланникъ, въ простомъ черномъ фракѣ, занимаетъ мѣсто посреди дипломатическаго корпуса, гдѣ простая одежда его рѣзко отдѣляется отъ богатыхъ мундировъ и блестящихъ орденовъ. Входятъ наконецъ посланники шведскій и нидерландскій, и гантскій посланникъ, которому, хотя онъ (какъ говорится, изъ вѣжливости) и цвѣтноконной джентльменъ, г. Далласъ дружески кланяется и жметъ руку. Является неизвѣстный посланникъ какой-то изъ южноамериканскихъ республикъ, наряженный въ дипломатическій мундиръ, до того напоминающій одежду щеголя временъ королевы Анны, что появленіе его обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, и въ радахъ зрителей слышится легкій шопоть удивленія. Сэръ-Августъ Клиффордъ, *церемоній-мейстеръ чернаго жезла* (Usher of the Black-Rod), является, неся знакъ своей должности, то-есть палку, которая на этотъ разъ бѣлаго цвѣта, потому что онъ представляетъ лорда-каммергера Англій. За нимъ слѣдуетъ *Золотой Жезлъ* (Gold-Stick in Waiting), у котораго жезлъ чернаго цвѣта на томъ же основаніи, какъ по латыни lucus называется a non lucendo. За нѣсколько минутъ до 2-хъ часовъ входятъ герцоги Кембриджскій, Гамильтонъ и Ньюкастль, маркизы Винчестеръ, Салисбери и Батъ и графъ Дерби въ парадныхъ костюмахъ, и останавливаются, разговаривая, близъ трома; въ то же время между лордомъ-канцлеромъ и судьями, въ страшномъ числѣ 13, завязывается разговоръ на скамьѣ, противъ шерстянаго мѣшка. Въ два часа входитъ немного поспѣшно курьеръ и проситъ лордовъ и леди обнажить головы; всѣ присутствующія дамы встаютъ и сбрасываютъ съ себя куда попало,

лишь бы только ихъ не было видно, шали и бурнусы посреди легкой суматохи и явственно слышнаго смѣха. Нѣкоторое время длится тревожное ожиданіе, — въ палату медленно входитъ благородный графъ, прославившійся подъ Балаклавой (Кардиганъ) и имѣющій девизомъ *en grace affe* (отъ милости зависитъ). Тотчасъ за нимъ входятъ прежній президентъ палаты общинъ, маркизъ Вестминстеръ, графъ Малмсбери и виконтъ Эбори; на послѣдней форменная перская одежда, только что съ иголки. Снова наступаетъ пауза; въ залу входитъ столько перовъ, что приходится посылать за добавочными скамьями, хотя между присутствующими нѣтъ почти ни одного изъ сколько-нибудь *исполнительныхъ* членовъ либеральной партіи. Дамы стараются привести въ порядокъ свои шали и хлопочутъ какъ бы лучше справиться съ этимъ потаеннымъ занятіемъ. Отворяются двери, входятъ попарно въ своихъ богатыхъ одеждахъ герольды и, проходя мимо пустаго трона, важно кланяются ему. За ними идутъ придворные чины въ своихъ блестящихъ мундирахъ, потомъ графъ Дерби, неся въ рукахъ государственную мечъ, далѣе маркизъ Винчестеръ съ державою въ рукахъ; герцогъ Гамильтонъ, несущій корону, предшествуетъ королевѣ, при появленіи которой все встаютъ. Ея величество величально одѣта въ сотканное изъ бѣлаго съ золотомъ платье; дежурныя статсъ-дамы поддерживаютъ тяжелыя складки бархатной съ горностаемъ порфиры. На головѣ ея блеститъ высокая бриллиантовая корона, обыкновенно надѣваемая въ такихъ случаяхъ; на ея величествѣ надѣтъ алмазный колье; левъ ея платье тоже украшенъ алмазами. Принцъ Албертъ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ занялъ мѣсто по лѣвую сторону трона, гдѣ его почти совершенно заслонилъ собою графъ Дерби. Мѣсто принца Валійскаго по правую сторону осталось пустымъ. Герцогъ Норфокъ въ качествѣ графа-маршала и лордъ-канцлеръ съ государственною печатью стали направо около королевы. Съѣвъ на тронѣ и поправивъ подушку, ея величество приказала налатъ сѣсть, между тѣмъ какъ церемоніймейстеръ чернаго жезла отправился приглашать на засѣданіе палату общинъ. Въ промежутокъ времени до появленія ея, ея величество разговаривала съ принцемъ-супругомъ, графомъ Дерби и маркизомъ Ворстеромъ. Раздался наконецъ шумъ шаговъ, и у перилъ шумною толпой появились *вѣрноподданная община* (*faithful commons*), имѣя во главѣ своего оратора (президента) и г. Дизраэли. Ея величество встала, и взявъ рѣчь изъ рукъ лорда-канцлера, приступила къ чтенію. Первые фразы ея почти не были слышны за шумомъ въ рядахъ членовъ нижней палаты. Но за исключеніемъ этого краткаго перерыва, каждое слово ея доходило до слушателей. Ея величество говорила какъ ниже слѣдуетъ:

• Милорды и джентльмены! прибывая въ обычную пору къ сѣтанамъ моего парламента, я съ радостью помышляю, что внутреннее состояніе страны не представляетъ ничего, что могло бы внушать безпокойство, но напротивъ того, многое въ немъ вызываетъ чувство удовлетворенія и благодарности. Пауперизмъ и количество преступленій значительно уменьшились въ прошломъ году; духъ довольства преобладаетъ повсюду.

• Благословеніе Всевышняго, пребывающее на храбрыхъ войскахъ моихъ въ Индіи и ихъ искусныхъ начальникахъ, дало мнѣ средства примѣрно наказать тѣхъ изъ мятежниковъ, которые продолжаютъ силою бороться съ моею властью, повсюду, гдѣ только они покушались встрѣчаться съ нашими военными силами; и я надѣюсь въ близкомъ будущемъ имѣть возможность извѣстить васъ о совершенномъ усмиреніи мятежа въ этой обширной имперіи, посвятить мое вниманіе улучшенію ея состоянія и изгладить послѣдніе слѣды теперешней несчастной борьбы.

• Принявъ по совѣту вашему въ непосредственное управленіе эту часть моихъ владѣній, я сочла нужнымъ объяснить прокламаціей начала, коими я рѣшилась при этомъ руководствоваться, и милосердія намѣренія мои относительно раскаявшихся мятежниковъ. Вамъ, по распоряженію моему, будетъ представлена копія этой прокламаціи.

• Я получаю отъ иностранныхъ государствъ увѣренія въ ихъ дружелюбномъ расположеніи. Поддерживать и упрочивать это расположеніе, хранить нерушимо вѣрность международныхъ трактатовъ и способствовать, на сколько можетъ простираться мое вліяніе, сохраненію всеобщаго мира, вотъ предметы моей неусыпной заботливости.

• Я заключила съ монархами, участвовавшими въ парижскомъ конгрессѣ 1856 года, конвенцію касательно устройства княжествъ Молдавскаго и Валахскаго. Румынскія области нынѣ приступили къ созданію новой формы правленія, согласной съ постановленіями этой конвенціи.

• Торговый трактатъ, который заключенъ мною съ россійскимъ императоромъ, и будетъ представленъ вамъ, служить удовлетворительнымъ доказательствомъ полного возстановленія дружескихъ отношеній, которыя, до послѣдняго несчастнаго перерыва ихъ, такъ долго существовали между нами къ взаимной выгодѣ нашихъ владѣній.

• Мѣры, которыя, сообщая съ союзникомъ моимъ императоромъ Французомъ, я сочла нужнымъ принять на китайскихъ берегахъ, послужили къ заключенію трактата, прекратившаго дальнѣйшее пролитіе крови, обещающаго намъ въ будущемъ расширеніе нашихъ сношеній съ этою обширною и густонаселенною имперіей.

«Другой трактатъ, заключенный мною съ императоромъ японскимъ, открываетъ для торговой предприимчивости нетронутое поле дѣятельности въ этой многолюдной и очень цивилизованной странѣ, доселѣ такъ тщательно закрытой для иностранцевъ. Какъ только послѣдуетъ размѣнъ ратификацій этихъ трактатовъ, они будутъ представлены вамъ.

«Съ истиннымъ удовольствіемъ могу сообщить вамъ, что императоръ Французовъ отиѣнилъ систему переселенія негровъ съ восточнаго берега Африки, систему, противъ которой, какъ необходимо влекущей за собой, несмотря на всѣ предосторожности, поощреніе торгова невольничками, правительство мое не переставало дѣлать его императорскому величеству самыя сильныя, хотя и дружескія представленія. Этотъ благоразумный актъ съ стороны его императорскаго величества даетъ мнѣ надежду, что переговоры, нынѣ продолжающіеся въ Парижѣ, поведутъ къ окончательному оставленію этой системы и замѣнѣ ея правильно организованнымъ добавленіемъ существенно-свободнаго труда.

«Во вниманіи къ положенію Мексиканской республики, раздираемой междуусобною войною, я до послѣдней возможности терпѣнія выносила обиды и оскорбленія, которымъ подвергались живущіе тамъ британскіе подданные отъ двухъ враждующихъ между собою паргій. Они наконецъ достигли такой мѣры, что я сочла необходимымъ поручить начальнику морскихъ силъ моихъ въ тамошнихъ водахъ потребовать и въ случаѣ надобности вынудить должное удовлетвореніе.

«Джентльмены палаты общинъ!

«Я распорядилась, чтобы вамъ предложены были смѣты расходовъ на слѣдующій годъ. Онѣ составлены съ должнымъ соображеніемъ экономіи и дѣйствительныхъ нуждъ общественной службы. Повсемѣстное примѣненіе силы пара къ морской войнѣ сдѣлало необходимымъ временное увеличеніе расходовъ для перестройки британскаго флота; но я увѣрена, что вы съ радостію назначите сумму, какую найдете необходимою для сохраненія морскаго могущества нашей страны.

«Милорды и джентльмены!

«Труды ваши въ послѣднія сессіи съ пользою обращены были на различныя законодательныя и общественныя улучшенія. Полагая, что и другія мѣры подобнаго свойства могутъ съ пользою быть приведены въ исполненіе, я пожелаю, чтобы вамъ предложены были билли, имѣющіе цѣлю: согласить и измѣнить постановленія, касательно банкротства и несостоятельности; собрать во едино, въ систематическомъ порядкѣ, съ такими измѣ-

новіями, которыя ваша опытность найдетъ нужными, законы о проступленіяхъ и проступкахъ въ Англіи и Ирландіи; дать средство повзвѣльнымъ собственникамъ Англіи пріобрѣсть для себя безспорные документы на обладаніе своими землями и угодьями и придать явкѣ вотчинныхъ актовъ необходимую обезпеченность и простоту.

•Вниманіе ваше будетъ обращено на дѣйствующіе нынѣ законы народнаго представительства въ парламентѣ, и я не сомнѣваюсь, что вы займетесь этимъ важнымъ предметомъ спокойно и безпристрастно, соответственно важности интересовъ, связанныхъ съ результатами вашихъ преній. Эти и другія предложенія, измѣняющія существующіе законы, которыя поступить на разсмотрѣніе ваше, я поручаю вашему обсужденію; и молюсь отъ глубины души, чтобы совѣщанія ваши кончились къ утвержденію престола, сохраненію и улучшенію нашихъ учреждений и всеобщему благоденствію и счастью моего народа.»

Тотчасъ послѣ прочтенія рѣчи, ея величество поклонилась палатамъ и удалилась; при выходѣ ея всѣ поднялись съ своихъ мѣсть. Еще мгновеніе, и все это блестящее общество спѣшило оставить зданіе. Прежде чѣмъ прогремѣлъ послѣдній выстрѣлъ пушекъ въ паркѣ, рѣчь королевы продавалась на улицахъ; церемонія кончилась, и открылись засѣданія 1859 года.

ЗАСѢДАНІЕ ПАЛАТЫ ЛОРДОВЪ.

Палата собралась снова въ 4 часа. Первые минуты посвящены были чисто формальнымъ занятіямъ.

Лордъ Чорстонъ (бывшій сэръ-Джонъ-Буллеръ) и лордъ Кингсдоунъ (бывшій г. Пембертонъ Лей) были введены и послѣ присяги заняли мѣста.

Въ 5 часовъ палата наполнилась, хотя перовъ было не такъ много, какъ обыкновенно бываетъ въ первомъ засѣданіи по открытіи парламента. На скамьѣ министровъ засѣдали графы Дерби, Мальмсбери, Гардвикъ и Доноуморъ; близко къ нимъ помѣстились графы Бошанъ, Элленборо, Кардиганъ, Люканъ, лорды Линдгорстъ, Сентъ-Леонардъ и другіе; на скамьяхъ оппозиціи присутствовали графы Гренвилъ и Грей, герцогъ Ньюкастль, графъ Абердинъ, лордъ Портманъ, лордъ Кранвортъ, лордъ Брумъ, графъ Карлейль и т. д.; на епископской скамьѣ засѣдали епископы лондонскій, экстерскій, рипонскій и другіе прелаты. Графъ Дерби внесъ для перваго чтенія билль объ устройствѣ приходскихъ совѣтовъ.

Лордъ канцлеръ прочелъ потомъ палатѣ всемилостивѣйшую рѣчь, произнесеную ея величествомъ, и послѣ совершенія той

же формальности клеркомъ, всталъ графъ Винчильси (онъ былъ въ мундирѣ полковника кентской милиціи, уесвапгу), чтобы предложить палатѣ представить ея величеству почтительнѣйшій адресъ въ отвѣтъ на всемогуществѣннѣйшую тронную рѣчь ея. Графъ обратился при этомъ къ собранію съ просьбой о томъ снисходительномъ вниманіи, какое обыкновенно оказывается тѣмъ, кто находится въ его положеніи. (1) (*Слушайте, слушайте.*) Онъ можетъ увѣрить палату, что всталъ на себя обязанность, исполненіе которой онъ предпринимаетъ теперь, не безъ сильнаго чувства робости и недоверія къ себѣ. Сказавши такимъ образомъ нѣсколько словъ, касательно своего личнаго положенія, онъ высказываетъ убѣжденіе, что едва ли когда-нибудь произнесена была съ трона рѣчь, которая бы указывала на болѣе важныя, уже достигнутыя, результаты или возбуждала надежду на совершеніе болѣе важныхъ законодательныхъ преобразованій, чѣмъ та, которая подлежитъ теперь разсмотрѣнію палаты. (*Слушайте, слушайте.*) Королевское посланіе начинается съ увѣренія, что, вообще говоря, страна находится въ состояніи благоденствія, — избытокъ въ высшей степени радостное, тѣмъ болѣе что для хладнокровнаго и разумнаго обсужденія; важныхъ законодательныхъ мѣръ, поступающихъ на разсмотрѣніе парламента, чрезвычайно важно, чтобы благосостояніе различныхъ классовъ народа было по возможности обезпечено. (*Слушайте, слушайте.*) При такихъ обстоятельствахъ, а не въ виду преобладающаго чувства безпокойства и недовольства, порожденнаго нуждой и лишеніями, можно надѣяться, что старанія парламента о приведеніи въ исполненіе различныхъ преобразованій, подвергнутся тому зрѣлому и безстрастному обсужденію, которое необходимо для успѣха ихъ на дѣлѣ (*слушайте*). Но если отрадно было слышать изъ устъ монархини увѣренія относительно благоденствія страны, то не менѣе пріятно было слышать, что ея величество не только свидѣтельствуетъ о храбрости нашихъ войскъ въ Индіи и искусствѣ ихъ предводителей, но еще могла объявить палатамъ, что храбрость и искусство это увѣнчались блестятельнымъ успѣхомъ (*одобреніе*). Никогда быть-можетъ въ исторіи міра не было примѣра болѣе необыкновеннаго, кроваваго и всеобщаго возстанія. Одни изъ европейскихъ народовъ слѣдили съ опасеніемъ за возникшею борьбой, другіе радовались мысли, что мы лишимся имперіи болѣе обширной чѣмъ тѣ, которыми обладали древніе монархи. Ожиданіе это однакоже не осуществилось. Твердость британскихъ гражданскихъ чиновниковъ въ

(1) хлопотать объ адресѣ обыкновенно предоставляется новичкамъ, младшимъ членамъ палаты.

Индія, искусство и дѣятельность генераль-губернатора (*одобреніе*) и самопожертвованіе не только начальствующихъ, но и частныхъ лицъ, самопожертвованіе почти безпримѣрное въ исторіи, сохранило Англіи ея индійскую имперію. А по совершеніи этого великаго дѣла появилась прокламація королевы, обращенная къ индійскому народу, представляющая едва ли не самый возвышенный манифестъ, когда-либо исшедшій изъ устъ челоука (*повторенное одобреніе*). Можно, правда, въ другіихъ публичныхъ актахъ найти примѣры болѣе краснорѣчивыхъ выраженій; но можетъ ли что-либо быть по своему содержанию достойнѣе великаго народа и великой королевы?—и палата не могла не радоваться, узнавъ, что ограждая съ одной стороны достоинство короны, прокламація съ другой выражала то чувство милосердія, которое всегда должно одушевлять британскаго монарха (*слушайте, слушайте*), и была понята индійскимъ народомъ въ томъ духѣ, въ которомъ была написана (*слушайте*). Графъ Винчильсонъ убѣжденъ, что изданіе этой прокламаціи не было ошибкой, и что хотя изложеніе ея было чуждо восточной фразеологіи, она должна была быть понята и оцѣнена тѣми, къ кому относилась, и по этому должна была повести къ самымъ счастливымъ послѣдствіямъ (*слушайте, слушайте*). Переходя къ другому предмету, онъ радуется, что можетъ обратить вниманіе палаты на то, что ея величество продолжаетъ получать отъ иностранныхъ державъ увѣренія въ ихъ добромъ расположеніи. Съ не меньшимъ удовольствіемъ узналъ онъ о принятомъ намѣреніи сохранять вѣрность трактатовъ (*слушайте*). Онъ былъ неожиданно пораженъ опасеніями войны, явившимися какъ легкое облачко и быстро облетѣвшимъ весь міръ, но онъ надѣется, что облака разсѣются, и политическій горизонтъ вскорѣ разъяснится по прежнему. (*Слушайте, слушайте.*) Далѣе онъ замѣчаетъ, что тѣмъ болѣе питаетъ эту надежду, что по его мнѣнію *entente cordiale* съ императоромъ Французовъ существуетъ не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ (*слушайте*). Уступки, сдѣланныя его величествомъ касательно торговли неграми, и отмѣненіе системы свободнаго переселенія,—системы, которая, несмотря ни на какія предосторожности, должна, какъ сказано ея величествомъ, вести къ поощренію торга невольниками и парализировать всѣ попытки къ его прекращенію,—даютъ право надѣяться на успѣхъ стараній Англіи о поддержаніи мира. Пока между обѣими странами сохраняются столь дружескія отношенія, посредничество ея величества должно имѣть сильное вліяніе, и какъ надѣется онъ, имъ могутъ быть устранены ужасы войны (*слушайте*). Что касается Мексики, то нѣтъ сомнѣнія, что британскіе подданные подверглись обидамъ и оскорбленіямъ обѣихъ враждующихъ партій. Конечно, терпѣніе—качество почтенное, но и терпѣніе должно

нить предѣлы, в потому палата вѣроятно согласится, что избрать былъ истинный путь въ этомъ дѣлѣ, когда командующему британскими морскими силами въ тѣхъ водахъ послано предписаніе— потребовать и въ случаѣ надобности вынудить должное удовлетвореніе. Речь ея величества обращаетъ вниманіе еще на одинъ пунктъ первостепенной важности. Великой странѣ, какова Англія, нельзя не слѣдить внимательно за состояніемъ своего флота (*слушайте, слушайте*). Если флотъ англійскій не достаточенъ либо по числу судовъ, либо по вооруженію ихъ, то безъ всякаго замедленія слѣдуетъ его усилить, чтобъ онъ былъ въ состояніи сохранить и поддержать власть Англіи на ея національной стихіи. Онъ увѣренъ, что весь англійскій народъ единодушно, самъ и чрезъ представителей своихъ, пожертвуетъ суммы, необходимыя для перестройки англійскаго флота на лучшихъ основаніяхъ, чтобы дать ему средство отразить всякое нападеніе на Великобританію (*слушайте*). Причина, почему и прежде требовались отъ времени до времени на это дѣло значительныя суммы, заключается въ громадныхъ успѣхахъ, совершенныхъ въ послѣднее время въ дѣлѣ кораблестроенія и усовершенствованій артиллерійскихъ орудій. Царь ввелъ совершенно новый элементъ въ равномъ триваеиный вопросъ, и до сихъ поръ трудно было рѣшить, какъ далеко будутъ простираться приложения его. Конечно, введеніе пароваго двигателя стало дорогою державамъ, уже располагавшимъ значительными морскими силами, ибо весь прежде затраченный капиталъ терялся черезъ это, и старые корабли годились развѣ только на дрова. При такомъ положеніи дѣлъ, Англіи необходимо было обращать вниманіе на то, что дѣлается въ другихъ странахъ для развитія флотовъ. Повсюду вводится усовершенствованія, перестраиваются корабли по новымъ моделямъ, и если Англія не послѣдуетъ этому примѣру, то на мѣсто прежняго господства надъ морями, ей придется довольствоваться подчиненнымъ положеніемъ, и наконецъ принятися за постройку кораблей въ то время, когда уже окажется необходимость дѣйствовать посредствомъ ихъ. (*Слушайте.*) Ораторъ напоминаетъ, что нечего терять времени, и слѣдуетъ привести англійскій флотъ въ такое состояніе, чтобъ и паровыя англійскія суда удержали за собой первенство, всегда принадлежавшее паруснымъ (*слушайте*). Онъ хочетъ обратить вниманіе палаты на блестящіе результаты, достигнутые въ Китаѣ оружіемъ ея величества. Военныя дѣйствія, къ сожалѣнію начавшіяся тутъ, приведены благополучно къ окончанію, и китайской имперіи открылся наконецъ истинный смыслъ ея положенія, въ отношеніи къ Англіи и Франціи. Къ этому онъ можетъ прибавить, что счастливыми послѣдствіями, освященными трактатомъ, заключеннымъ между обѣими странами, Англія по справедливости объявлена трудамъ лорда Эльджина и искусству, съ ко-

формы онъ велъ переговоры (*слушайте*). Нѣтъ ничего труднѣе составленія условій, выгодныхъ для Англiи, и въ то же время обязательныхъ для Китайцевъ. Онъ (графъ Винчильси) надѣется однакоже, что это удалось; притомъ лордъ Эльджинъ употребилъ свободное отъ дѣла время на заключеніе другаго трактата съ Японіей, послѣдствіи котораго пока едва ли возможно оцѣнить. Пріятно также было узнать, что во все время пребыванія въ Китаѣ лорда Эльджина между нимъ и французскимъ посланникомъ, барономъ Гро, господствовало совершеннѣйшее согласіе, и что представители ея величества и императора, казалось, постоянно одушевлены были однимъ чувствомъ, одною мыслію (*слушайте*). Королевская рѣчь объщаетъ значительныя улучшенія въ законодательствѣ. Впервыхъ палатамъ предложенъ будетъ билль «о приведеніи въ единство и измѣненіи законовъ касательно банкротства и несостоятельности». Уголовный кодексъ также подвергнется пересмотру и упрощеніямъ. Наконецъ сдѣлана будетъ попытка облегчить переходъ земель изъ рукъ въ руки, предоставленіемъ англійскому собственнику ненарушимаго акта на владѣніе и упрощеніемъ регистратуры этихъ актовъ. Онъ можетъ сказать только, что эти мѣры будутъ благотѣльны для страны, въ особенности послѣдняя. Въ Ирландіи ускореніе продажи имѣній несостоятельныхъ должниковъ черезъ посредство Encumbered Estates Court, оказало благотворное дѣйствіе на всю страну, и тотъ, кому первому пришла мысль объ этомъ, заслуживаетъ общую благодарность; по его имѣнію, этимъ путемъ болѣе сдѣлано для устраненія неудовольствія народа, бѣдности и преступленій, чѣмъ всѣми прочими постановленіями книги статутовъ; желательно было бы и на Англію распространить тѣ же благодѣянія. Тутъ же представляется и другой, въ высшей степени важный предметъ, билль о реформѣ, о которомъ впрочемъ онъ едва ли въ состояніи сообщить что-нибудь. Онъ думаетъ однакоже, что министерскій проектъ откроетъ доступъ къ избирательнымъ правамъ для значительной части англійскаго народа. Ему всегда казалось, что нынѣшняя система заключаетъ въ себѣ нѣчто ненормальное. Ему случалось нѣсколько лѣтъ прожить въ Вестминстерѣ, и хотя онъ могъ быть самъ избираемъ, онъ никогда не имѣлъ права голоса въ этомъ городѣ. Какимъ образомъ человѣкъ можетъ считаться годнымъ въ представители, не будучи способенъ избирать, этого онъ никакъ не могъ добиться, но *de facto* было такъ. Говоря вообще о реформѣ, онъ видитъ много средствъ улучшить англійскія учрежденія, не разрушая ихъ; но есть люди, которые не столько добиваются реформы, сколько переворота въ этихъ учрежденіяхъ. Вѣроятно, эти люди надѣются посредствомъ разрушительной и все сметающей мѣры достигнуть власти,—цѣли всѣхъ

честолюбцевъ; вѣроятно, человекъ, о которомъ онъ говоритъ, не удовольствуется полумѣрами, — ибо что можетъ быть рѣшительнѣе его рѣчей? Палата, которую онъ избралъ темною своихъ остротъ, не станетъ однакоже увлекаться личными чувствованіями, но будетъ дѣйствовать въ законодательствѣ своемъ, какъ подобаешь сенату великаго народа. Намъ говорятъ, что поземельная собственность имѣетъ достаточное представительство въ этой палатѣ, и тутъ же потомъ называютъ палату лордовъ собраніемъ устарѣлымъ, которое слѣдовало бы поскорѣе делой (*смытъ*). При такихъ противорѣчащихъ утвержденіяхъ весьма можетъ быть, что поземельная собственность останется безъ всякаго представительства (*смытъ*). Такой порядокъ вещей, конечно, способствовалъ бы намѣреніямъ нѣкоторыхъ, но онъ не справедливъ и не могъ возбудить сочувствія англійскаго народа (*слушайте, слушайте*). Благодаря палатува снисходительности, съ которою она выслушала его длинную рѣчь, графъ Винчильси предлагаетъ адресъ, какъ обыкновенно водится, составленный соотвѣтственно пунктамъ рѣчи ея величества.

Лордъ Ревенсбургъ, въ мундирѣ офицера милиціи, поддерживаетъ адресъ. Онъ говоритъ, что взялъ эту обязанность на себя по причинѣ отсутствія одного изъ благородныхъ друзей (лорда Деламера), предназначавшаго ее себѣ; и потому, такъ какъ онъ не имѣлъ времени достаточно приготовиться, онъ надеется на снисходительность палаты, уже неоднократно испытанную имъ. (*Слушайте, слушайте.*) Тронная рѣчь, экземпляръ которой онъ держитъ въ рукахъ, касается множества предметовъ первостепенной важности. Каждый изъ членовъ палаты понимаетъ, что въ скоромъ времени могутъ совершиться важныя событія, и что всякое выраженіе раздражительности, или даже все, что могло бы повести въ той или другой палатѣ къ раздраженію и озлобленію, должно имѣть самое вредное вліяніе при настоящемъ положеніи дѣлъ. Понятно, что когда два могущественныя государства стоятъ вооруженныя другъ противъ друга, подъ вліяніемъ взаимнаго недоверія, и война можетъ еще быть устранена мудрыми совѣтами, необдуманное слово одного изъ нашихъ государственныхъ людей способно повести къ самымъ важнымъ послѣдствіямъ. Поэтому онъ изъявляетъ надежду, что навремя борьба партій будетъ оставлена въ сторонѣ и что исполнительной власти изъявать довѣріе, которое необходимо ей, чтобы принять мѣры, необходимыя для защиты страны. Въ обстоятельствахъ, подобныхъ нынѣшнимъ, когда дѣло идетъ о существованіи учреждений и духа разумной свободы, парламентъ долженъ сохранить хладнокровіе и твердость, потому что если въ преніяхъ послышится голосъ страсти, то онъ послужить ар-

гумантомъ, за который съ радостію ухватятся все враги конституціонной свободы для защиты своего ученія, что централизованная власть и деспотическая форма правленія — идеалъ государственнаго устройства. Поэтому онъ надѣется, что правительство встрѣтитъ должное содѣйствіе въ отношеніи къ мѣрамъ, которыя оно предлагаетъ для усиленія военныхъ силъ страны. Говорившій выразилъ радость свою при мысли о внутреннемъ благосостояніи государства, но счелъ своею обязанностію указать на то, что одинъ изъ важнѣйшихъ интересовъ страны находится въ неудовлетворительномъ состояніи. Близкое знакомство съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ гаваней королевства обратило его вниманіе на жалобы судохозяевъ, и онъ не безъ опасенія смотритъ на упадокъ корабельнаго дѣла, на который указываютъ эти жалобы. Конечно это опасеніе значительно ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что послѣ войны, требовавшей такого огромнаго количества судовъ, слѣдовало ожидать реакціи; но этого недостаточно для объясненія всѣхъ жалобъ судохозяевъ. Онъ думаетъ теперь, какъ и всегда, что отмѣна навигаціонныхъ законовъ предпринята и исполнена была слишкомъ поспѣшно, безъ соображенія вытекающихъ изъ нея послѣдствій; теперь же, когда правительство собирается предложить парламенту увеличеніе пароходнаго флота, рождается вопросъ: откуда набрать для него достаточное число моряковъ. Прежде существовало правило, что на англійскомъ суднѣ три четверти экипажа должны были составлять англійскіе матросы; при томъ ученики представляли собой значительное число полезныхъ рабочихъ рукъ. Онъ (лордъ Ревонсвортъ) не знаетъ, много ли иностранцевъ работаютъ теперь на англійскихъ судахъ; но ему извѣстно, что множество англійскихъ моряковъ служатъ на иностранныхъ корабляхъ, въ особенности на американскихъ. Поэтому англійскіе судохозяева и настаиваютъ такъ сильно на пересмотрѣ существующихъ законовъ, и онъ имѣетъ основаніе думать, что въ непродолжительномъ времени предметъ этотъ будетъ предложенъ на разсмотрѣніе палаты общинъ. Онъ изъявляетъ надежду, что въ этомъ случаѣ правительство не будетъ противиться изслѣдованію дѣла. Въ отношеніи къ тому же вопросу, онъ находитъ нѣкоторое утѣшеніе, и утѣшеніе весьма положительное, въ извѣщеніи ея величества о заключеніи торговыхъ трактатовъ съ Китаемъ и Японією, и объ открытіи, благодаря тому, новыхъ путей въ нѣдра этихъ отдаленныхъ странъ. Упоминая объ этомъ, онъ не можетъ не принести скромной лѣпты благодарности своей искусному дипломату (лорду Эльджину), который съ самаго начала своей карьеры на Востокъ, доказалъ, что для него нѣтъ непреодолимыхъ трудностей. (*Слушайте, слушайте.*) Талантъ его особенно выка-

зался въ трудномъ и фальшивомъ положеніи, въ которое повергло его отлученіе въ Индію войскъ, слѣдовавшихъ за нимъ въ Китай. *(Слушайте.)* Съ какою рѣшимостью дѣйствовалъ онъ въ этомъ случаѣ и какъ искусно открывалъ потомъ новые пути для своего предпріятія! *(Одобреніе.)* Лорду Ревенсворту хотѣлось бы теперь сказать нѣсколько словъ о настоящемъ положеніи индійской имперіи. Никто, конечно, не можетъ найдти ни малѣйшаго возраженія на ту часть королевской рѣчи, гдѣ говорится объ этомъ предметѣ, или на прокламацію, данную правительствомъ для умиротворенія Индіи, — прокламацію, которая, какъ онъ имѣетъ причины думать, вездѣ куда лишь ни проникла она, встрѣчена была съ единодушнымъ одобреніемъ. Въ Индіи приняты были мѣтежниками отчаянныя мѣры, чтобы предупредить распространеніе этого важнаго документа, но тѣмъ не менѣе онъ увѣренъ, что прокламація эта произведетъ всѣ ожидаемыя отъ нея благія послѣдствія. *(Слушайте, слушайте.)* Онъ не можетъ также не выразить удивленія геройству, обнаруженному войсками, усмиренными индійское возстаніе. Одинъ изъ его сыновей находится теперь въ Индіи въ военной службѣ, и изъ частныхъ сообщеній его и другихъ, ему извѣстныхъ невѣроятныя трудности, съ которыми приходится бороться англійскимъ войскамъ, и то, съ какимъ удивительнымъ мужествомъ и бодростью они переносятъ всѣ испытанія. *(Слушайте, слушайте.)* Если палата обратитъ вниманіе на утомительность индійской кампаніи для британскихъ солдатъ, на преслѣдованіе мѣтежниковъ, появляющихся только для того, чтобы тотчасъ же скрыться, на ночные переходы по болотамъ и лѣсамъ, и въ особенности на убійственное дѣйствіе солнечнаго зноя, отъ котораго быстро погибаютъ самыя здоровыя природы, тогда она не откажетъ въ удивленіи людямъ, ведущимъ эту опасную и трудную войну. *(Слушайте.)* Утѣшительно для него замѣтить, что, несмотря на все это, состояніе здоровья англійскихъ войскъ въ Индіи по крайней мѣрѣ такъ же хорошо, если не лучше, какъ часто бывало въ мирное время. *(Слушайте, слушайте.)* Потому палата въ правѣ ожидать, что надежды ея величества осуществятся вполнѣ, и что въ непродолжительномъ времени королева извѣститъ парламентъ о совершенномъ усмиреніи Индіи. *(Слушайте, слушайте.)* Онъ не намѣренъ долго останавливаться на той части тронной рѣчи, которая касается Мексиканской республики. Каждый изъ присутствующихъ лордовъ могъ изъ сегодняшняго номера *Times* узнать, какъ трудно англійскому народу даже представить себѣ современное состояніе Мексики. Кровавое пролитіе тамъ причиняетъ ужасающіе разбѣры, и конечно правительство поступило благоразумно, приказавъ агентамъ своимъ истребовать удовлетворенія за оскорбленія, нанесенныя Англичанамъ, проживающимъ въ этой

странъ. (Слушайте.) Что касается до ожидаемыхъ законодательныхъ реформъ и упрощеній, то онъ ограничивается выраженіемъ своего сочувствія мнрѣ правительства, клонящейся къ упрощенію приобрѣтенія документовъ на владѣніе землею. Въ Англии есть власть, которой подчиняется почти всякій, у кого есть въ распоряженіи поземельная собственность, — это власть *соллиситора*, безъ котораго не сдѣлаешь шагу въ дѣлахъ, касающихся продажи и передачи земель. Тотъ только, кому самому случилось участвовать въ подобныхъ дѣлахъ, знаетъ, сколько трудностей и задержекъ приходится преодолѣть для удостовѣренія въ дѣйствительности какого-нибудь документа на землю; когда предъ-длывается такой документъ, то первая забота соллиситора — опровергнуть его и протянуть дѣло какъ можно долѣе. Всѣ же эти проволочки и затрудненія сопряжены съ большими расходами, и потому онъ убѣжденъ, что всякая хорошо обдуманная мѣра, которая привела бы къ облегченію продажи и передачи земли, съ радостію будетъ принята какъ поземельнымъ, такъ и торговымъ классами. Ему осталось теперь сдѣлать нѣсколько замѣчаній насчетъ того, что въ публикѣ считается самымъ интереснымъ и важнымъ пунктомъ тронной рѣчи, именно насчетъ той ея части, гдѣ говорится объ измѣненіи законовъ народнаго представительства въ парламентѣ. Ему случилось слышать отъ благонамѣренныхъ людей одинаковыхъ съ нимъ политическихъ убѣжденій сожалѣнія о томъ, что пересмотръ этихъ законовъ выпалъ въ удѣлъ консервативному министерству. Онъ не понимаетъ, что значать такого рода сожалѣнія. Консервативная партія не виновата въ томъ, что сталъ необходимъ пересмотръ системы народнаго представительства. Послѣ великаго переворота, произведеннаго актомъ 1832 года, консервативная партія признала и была готова защищать его. Онъ припоминаетъ, какъ сэръ Робертъ Пилъ однажды объявилъ въ палатѣ общинъ, что настанетъ время, когда онъ сочтетъ долгомъ отстаивать актъ реформы противъ нападеній его же составителей. Покуда между парламентскими партіями замѣтно было намѣреніе держаться постановленія 1832 года, консервативная партія рѣшилась защищать его и твердо держалась своего мнѣнія; но въ трехъ различныхъ случаяхъ, во время управления знатныхъ лордовъ, сидящихъ теперь на скамьяхъ оппозиціи, съ трона объявлялось о намѣреніи представить билль для измѣненія акта реформы, и два раза лордъ, стоявшій тогда во главѣ правительства, вносилъ этотъ билль въ палату общинъ. Это обратило на себя вниманіе публики, которую возбуждали рѣчи народныхъ ораторовъ; нѣтъ сомнѣнія, что весьма многіе классы народа ожидаютъ реформы парламента, и конечно консервативная партія не сочла долгомъ упо-

рно отстаивать актъ 1832 года, въ составленіи котораго она не участвовала. Онъ готовъ согласиться, что актъ реформы можно усовершенствовать во многихъ отношеніяхъ. Черезъ ограниченіе права подавать голосъ на выборахъ ценсомъ въ 50 фунтовъ поземельнаго владѣнія въ графствахъ и въ 10 фунтовъ квартирнаго найма въ городахъ, многіе исключались изъ числа избирателей, хотя не менѣе прочіяхъ были бы способны пользоваться этимъ правомъ; и потому, если по хладнокровномъ и спокойномъ разсмотрѣніи закона оказалось бы возможнымъ, какъ полагаетъ онъ, расширить избирательныя права, онъ бы привѣтствовалъ такую мѣру, какъ истинное счастье для страны. Съ вопросомъ о парламентской реформѣ связаны еще другіе, о которыхъ онъ не считаетъ нужнымъ говорить палатѣ; но не зная ничего о мѣрѣ, приготовленной министрами для внесенія въ парламентъ, онъ осмѣливается изъявить надежду, что она не будетъ имѣть ничего общаго съ биллемъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ извѣстнымъ странѣ, который составилъ и предложилъ человекъ весьма извѣстный какъ ораторъ и какъ государственный мужъ. Достопочтенный представитель Бермингама безспорно показалъ много краснорѣчія и ума, но, несмотря на всѣ его воспламеняющія рѣчи и всѣ старанія произвести народную агитацію, въ пользу своего дѣла, нельзя не согласиться, что, вообще говоря, страна мало выразила сочувствія къ этому дѣлу. (*Слушайте, слушайте.*) Онъ увѣренъ, что еслибы всей націи пришлось подавать голосъ объ этой мѣрѣ, то мѣра эта не нашла бы сильной поддержки. Достаточно одного положенія, заявленнаго авторомъ этой мѣры, чтобы навлечь на нее неодобрение страны, достаточно принятаго имъ начала, что вы, милорды, служили исключительными представителями интересовъ поземельной собственности, и что поэтому палата общинъ должна заключать въ себѣ лишь представителей интересовъ массы народа и торговаго класса. Не говоря уже о «антической невѣрности этого положенія, почтенный членъ палаты общинъ, еслибы нарочно стремился произвести сумятицу въ нашихъ совѣтахъ, не могъ бы придумать средства болѣе дѣйствительнаго для вооруженія одного класса противъ другаго. По теоріи конституціи нашей, объ палаты должны дѣйствовать за одно. Предлагать же въ основаніе новаго законодательства ученіе о томъ, что въ палатѣ лордовъ должны находиться представители одного разряда интересовъ, а въ палатѣ общинъ представители другаго, значитъ только добиваться безпорядковъ (*слушайте, слушайте*) и положить начало нескончаемому антагонизму между палатами, — антагонизму, который необходимо приведетъ къ тому, что палата общинъ постоянно будетъ утверждать мѣры, съ которыми вы, милорды, не можете

согласиться, что наконецъ, раздраженная такимъ сопротивленіемъ, она захватитъ въ свои руки управленіе страной безъ согласія вашего, и что такимъ образомъ древнее право и мѣсто ваше, милорды, въ конституціи будутъ попораны господствующею палатой общинъ, составъ которой будетъ зависѣть отъ безответственныхъ избирателей. Онъ говоритъ: безответственныхъ, потому что одно изъ постановленій новаго билля вводитъ тайную подачу голосовъ, избавляя тѣмъ избирателя отъ всякой ответственности кромѣ той, которая лежитъ на человѣкѣ передъ своею собственною совѣстью,—оплотъ не слишкомъ надежный противъ притязаній демократіи. Поэтому ничто, по его мнѣнію, не можетъ быть вреднѣе этого проекта, такъ долго занимающаго вниманіе страны. Онъ не боится, чтобъ этотъ проектъ прошелъ въ этой, или въ другой палатѣ парламента, и снова выражаетъ только надежду, что, когда правительство ея величества предложитъ свою мѣру, она окажется мѣрой мудрою, обдуманною, безопасною и вовсе несходною съ тою, которую приготовилъ почтенный представитель Бермингама. *(Слушайте.)* Не желая долѣе утруждать палату, онъ благодаритъ за снисходительность, съ которою она приняла его посылныя замѣчанія, и проситъ позволенія поддерживать адресъ, предложенный его благороднымъ другомъ. *(Одобреніе.)*

Графъ Гренвилль. Я вполне согласенъ съ мнѣніемъ, которое такъ скромно выражено благороднымъ лордомъ, предложившимъ адресъ, что въ засѣданіяхъ нынѣшняго года намъ придется разсматривать много важныхъ дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ; и послѣ убѣдительныхъ словъ благороднаго лорда, поддерживавшаго адресъ, о необходимости избѣгать увлеченій духа партій, я радуюсь тому, что умѣренность тона и содержаніе рѣчи, вложенной въ уста ея величества, дѣлаютъ всякую оппозицію въ отвѣтъ на адресъ излишнею, по крайней мѣрѣ съ моей стороны и со стороны тѣхъ, съ кѣмъ я дѣйствую за одно *(слушайте, слушайте)*. Меня чрезвычайно порадовалъ успѣхъ благороднаго графа, предложившаго адресъ *(слушайте, слушайте)*. Мнѣ самому немного извѣстны всѣ трудности, съ которыми приходится бороться при предложеніи и поддержаніи адреса. Много лѣтъ тому назадъ, на меня возложена была высокая честь предложенія перваго адреса палаты общинъ ея величеству послѣ вступленія ея на престолъ. Нашъ съ товарищемъ моимъ, подсобникомъ адреса, весьма любезно принялъ первый министръ. Онъ сообщилъ намъ содержаніе будущей рѣчи королевы, изъявилъ увѣренность, что мы отлично исполнимъ свое дѣло, и просилъ обратиться къ министрамъ за дальнѣйшими подробностями по каждому спеціальному вопросу. Мы отправились въ различныя министерства, и вездѣ нашли самый

ласковый пріемъ; но почему-то глава министерства колоній полагалъ, что лучше всего намъ ограничиться внутренними и иностранными дѣлами; министръ иностранныхъ дѣлъ совѣтовалъ намъ также обратить главнѣйшимъ образомъ вниманіе на дѣла внутреннія, тогда какъ статсъ-секретарь внутреннихъ дѣлъ ихъ-то и совѣтовалъ избѣгать (*смысль*). Все это кончилось тѣмъ, что мнѣ пришлось коротенькій адресъ свой наполнить развитіемъ мысли, тогда весьма современной, — о славѣ и благоденствіи, ожидавшихъ Англію въ продолженіи новаго царствованія, — ожиданіи уже осуществившемся (*слушайте, слушайте*), хотя, какъ мы надѣемся, протекла только малая часть долгаго и славнаго царствованія, освященнаго недавно чувствами преданности и любви, которыя были выражены всѣми классами народа по случаю бракосочетанія старшей дочери королевы и счастливаго событія, на этихъ дняхъ обрадовавшаго ея семейство (*одобреніе*); товарищъ же мой, подсобникъ адреса, человекъ одаренный блестящими способностями и глубокими политическими познаніями, до того проникся мыслью объ избѣжаніи разныхъ предметовъ, что противъ обыкновенія не могъ склеить рѣчи, которая могла бы сколько-нибудь удовлетворить по крайней мѣрѣ его самого. За то, въ продолженіи преній по этому поводу, мы въ утѣшеніе себя слышали, какъ сами министры блистательно объясняли предметы, вдоль и поперекъ извѣстные имъ, которыхъ изложеніе они весьма благоразумно не рѣшились поручить неопытности молодыхъ людей. Мнѣ невольно кажется, что благородные лорды, говорившіе теперь, подверглись подобной же участи. Любопытно было бы подслушать внушенія перваго министра о томъ, какъ моимъ благороднымъ друзьямъ слѣдуетъ вести рѣчь. Я могу представить себѣ, съ какими чувствами встрѣтилъ ихъ министръ колоній, и ужасъ его при мысли, что они въ адресѣ своемъ коснутся колоній: «мы въ королевской рѣчи не упомянули о колоніяхъ, и если вы только заикнетесь о нихъ, сейчасъ подымутъ вопросъ объ этихъ несчастныхъ Ионическихъ островахъ». (*Слушайте, смыслъ.*) Я воображаю себѣ холодную дрожь благороднаго государственнаго секретаря иностранныхъ дѣлъ, когда они явились къ нему за свѣдѣніями. Я увѣренъ что о Соединенныхъ Штатахъ онъ сказалъ: «конечно, мы сильно нападали на прежнее правительство за то, что оно не упомянуло о Соединенныхъ Штатахъ въ тронной рѣчи; но тѣмъ не менѣе, соображая сообщенія, сдѣланныя мнѣ министромъ Далласомъ, и уже отчасти извѣстныя по журналамъ, я думаю, что вамъ лучше избѣгать этого предмета.» (*Смысль.*) Благородный лордъ также вѣроятно совѣтовалъ не касаться ни одного изъ восточныхъ вопросовъ, чтобъ это не побудило какого-нибудь безпокойнаго члена палаты общинъ или нашего собранія потребовать объясненія

того, чего конечно мы въ свое время не поняли, то-есть убійствъ въ Джемдѣ и приказанія бомбардировать этотъ городъ. Что касается прочихъ вопросовъ европейской политики, то очевидно, благородные лорды получили разрѣшеніе говорить обо всемъ, кромѣ Франціи, Австріи, Пруссіи, Сардиніи, Германіи и Италіи. Они вѣроятно обращались также къ моему благородному и любезному другу, лорду хранителю тайной печати, и я воображаю себѣ, что такъ какъ по его департаменту ничего не случилось особеннаго со времени закрытія парламента (*смѣхъ*), то онъ посоветовалъ благородному графу поговорить о морскомъ дѣлѣ, и обоимъ благороднымъ лордамъ внушилъ мысль открыть батальный огонь по господину Брайту. Что касается колоній, то опущеніе ихъ въ рѣчи ея величества совершенно согласно съ видами правительства, какъ доказательство того, что общее состояніе нашихъ колоніальныхъ владѣній, зависящее отъ самого духа англо-саксонскаго народа, и отчасти отъ законодательной системы, господствовавшей въ послѣднее время при разныхъ правительствахъ,—удовлетворительно, и его нечего касаться. Я не намѣренъ останавливаться теперь на юническомъ вопросѣ. Если благородный графъ, сидящій напротивъ, думалъ, что, приобрѣтая содѣйствіе блестящихъ способностей г. Гладстона, онъ хоть на время удержитъ его въ числѣ лицъ, подчиненныхъ себѣ, то конечно ему удалось это; но я вовсе не думаю, чтобы политика, которая выразилась въ назначеніи столь важнаго лица и въ тонѣ депеши, возвѣстившей этой назначеніе, такъ тотчасъ же и могла устранить затрудненія, сопряженныя съ этимъ вопросомъ. Перехожу теперь къ одной изъ важнѣйшихъ частей тронной рѣчи. Въ продолженіи многихъ лѣтъ, съ 1830 г., отношенія нашей страны къ Франціи, вообще говоря, не переставали сохранять дружескій характеръ. Случались перерывы этихъ дружелюбныхъ отношеній. Различныя обстоятельства, вѣроятно ошибки съ обѣихъ сторонъ и народные предрасудки, порождали по временамъ чувства раздражительности и вражды; но я увѣренъ, что въ глубинѣ души обѣихъ націй залегло убѣжденіе, что союзъ ихъ въ высшей степени важенъ сколько для нихъ самихъ, столько же для благоденствія и безопасности всей Европы. Союзъ этотъ имѣетъ свои условія. Ясно, что ни та, ни другая великая страна не можетъ играть первенствующую роль и идти впереди союзника; ясно также, что, для сохраненія союза, каждая должна отказаться отъ всякой себялюбивой цѣли, несогласной съ честью и выгодой союзника. (*Слушайте, слушайте.*) При добросовѣстномъ соблюденіи этихъ условій, союзъ Англіи съ Франціей будетъ, я увѣренъ, покоиться на прочномъ основаніи. Я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія снова подымать вопросъ о томъ, кто былъ правъ въ дѣлѣ, повлекшемъ за собой удаленіе прежняго ми-

нистерства. Что же касается до самого историческаго факта, то, кажется, нельзя отрицать нѣкоторую непоследовательность въ поступкахъ тѣхъ, кто нынѣ управляетъ государствомъ. Пораженіе прежняго министерства приписываютъ отчасти внесенію билля о заговорахъ, отчасти тому, что не было дано отвѣта на депешу французскаго министра. Билль этотъ горячо поддерживалъ нашъ теперешній премьеръ и многіе изъ его товарищей; что же касается отвѣта на депешу, то вся сила обвиненія основывалась на томъ, что въ ней заключалось оскорбленіе англійскаго народа, а между тѣмъ случилось такъ, что въ первомъ же официальномъ сообщеніи новаго правительства, оно рѣшительно оправдываетъ французское министерство отъ обвиненія въ намѣреніи оскорбить англійскій народъ. Что касается дѣла *Charles et Georges*, то хотя до представленія документовъ было бы преждевременно произносить сужденіе объ образѣ дѣйствій нашего и французскаго правительствъ, можно однако думать, что забывъ трактаты, связывающіе насъ съ Португаліей, забывъ участіе, принимаемое нами самими въ рѣшеніи вопроса, лежавшаго въ основаніи всего разногласія, правительство поступило поспѣшно, когда поддерживало сильнѣйшаго и уговаривало слабѣйшаго уступить. (*Слушайте.*)

Перехожу теперь къ другому весьма важному пункту, а именно къ распространившимся слухамъ о предстоящей будто бы европейской войнѣ, по поводу такъ-называемаго италіанскаго вопроса. Я не чувствую себя способнымъ пролить свѣтъ на этотъ трудный вопросъ. Безспорно, нельзя не пожалѣть о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Италіи. Вы, милорды, имѣете понятіе о томъ, каково неаполитанское правительство. Но что касается этого королевства, вопросъ по крайней мѣрѣ не запутанъ, ибо при переимѣнѣ въ образѣ мыслей самого короля, если въ совѣтъ его найдетъ доступъ умный и вліятельный министръ, или наконецъ когда, по естественному ходу вещей, на престолъ вступилъ его сынъ, — очень можетъ быть, что нынѣшнее плохое управленіе замѣнится хорошимъ. Въ средней Италіи дѣло другаго рода. Я недавно воротился изъ столицы Папскихъ Владѣній, и, конечно, не желаю отплатить за гостепрѣмство, оказанное мнѣ и моимъ соотечественникамъ, осужденіемъ всего, чтò видѣлъ тамъ. Тѣмъ не менѣе было бы бесполезною аффектаціей отрицать, что состояніе страны должно грустно отзываться въ сердцѣ каждаго, желающаго добра ея народу. Существующая форма правленія весьма затрудняетъ дѣло реформы. Не говоря уже объ устарѣвшихъ законахъ и препятствіяхъ, полагаемыхъ всему, чтò только ведетъ къ матеріальному или нравственному развитію народа, надобно признать за несомнѣнный фактъ, что все свѣтское народонаселеніе Папскихъ Владѣній почти безъ исключеній враждебно

смотреть на свое правительство. Я очень хорошо знаю, что и въ другихъ странахъ можно найти болѣе или менѣе дурныя системы управленія; но одно важное обстоятельство ставитъ Папскія Владѣнія въ исключительное положеніе сравнительно съ другими европейскими державами. Владѣнія эти заняты, и заняты не временнымъ образомъ, отъ срока до срока, но постоянно, безъ всякихъ видовъ на прекращеніе этого занятія въ будущемъ, войсками двухъ могущественныхъ державъ Европы. Правда, что тамъ, гдѣ правитель страны согласенъ на такое занятіе, въ немъ не заключается ничего, что было бы въ строгомъ смыслѣ слова противно международному праву; но въ этомъ случаѣ очевидно, что оно нарушаетъ политическое равновѣсіе Европы и подаетъ справедливый поводъ къ вмѣшательству дипломатіи какъ для безопасности Европы, такъ и для истинной выгоды самой Римской области. Не говоря о другихъ менѣе важныхъ странахъ Италіи, перехожу прямо къ ломбардо-венеціанскимъ владѣніямъ Австріи. Милорды, я не считаю своимъ долгомъ восхвалять австрійское правительство; по моему мнѣнію, оно смѣлотагоуѣтъ надъ умами жителей этихъ областей; они угнетены высокими налогами, не пользуются въ достаточной мѣрѣ свободою и подвержены строгостямъ притѣснительной конскрипціи. Но большинство государствъ на материкѣ страдаютъ тѣмъ же самымъ; нѣкоторыя изъ жалобъ образованныхъ Ломбардцевъ, живущихъ въ австрійскомъ подданствѣ, носятъ характеръ,—не скажу сентиментальный, потому что въ этомъ выраженіи можно видѣть насмѣшку надъ чувствами, которыхъ нельзя не уважать,—но во всякомъ случаѣ не слишкомъ практической. Внутреннее управленіе въ Ломбардіи конечно лучше, чѣмъ на югѣ Италіи. Во всякомъ случаѣ не намъ разсуждать о томъ, могла ли бы Ломбардія управляться лучше или хуже теперешняго (*одобрение*). Мы знаемъ только, что она принадлежитъ Австріи по опредѣленію трактатовъ, которые, каково бы ни было начало ихъ,—въ свое время ихъ считали даже благодѣтельными, — вошли въ составъ публичнаго права Европы (*одобрение*). Вспомните, милорды, что между Италіянами вовсе нѣтъ того единства видовъ, какое предполагается нѣкоторыми (*слушайте, слушайте*). Я полагаю, что теперь всѣ партіи отложили надежду на слияніе воедино всей Италіи. Иные хотятъ основать въ Италіи имперію, другіе — конституціонное правленіе, третьи—республику, и сообразно различію этихъ цѣлей, различны и средства, предлагаемая для ихъ достиженія. Одни хотятъ возстанія, другіе войны, а есть таіе, которые готовы даже прибѣгнуть къ преступному убійству. Преобладающимъ чувствомъ является вражда къ иноземцамъ; но нечего обманывать себя мыслью, что вражда эта исключительно падаетъ на Австрійцевъ, хотя они теперь и являются главнымъ предме-

томъ ея. Будьте увѣрены, что соперница Австріи въ Италіи, Франція была также непопулярна въ Италіи во время своего вооруженнаго занятія этой страны, и непопулярность эта возвратилась бы теперь, еслибы Франція заняла мѣсто Австріи. Напрасно было бы отрицать, что въ Италіи есть люди, для которыхъ даромъ прошли наставленія исторіи, которые и теперь еще надѣются, призвавъ на помощь иноземцевъ, избавиться окончательно отъ иноземнаго владычества. Каждый изъ васъ, милорды, долженъ согласиться, что Сардинія заслужила наше уваженіе и удивленіе тѣмъ, что въ своихъ трудныхъ обстоятельствахъ мужественно выработала себѣ свободныя учрежденія (одобреніе). И теперь благородство сардинскаго короля и блистательныя способности перваго министра его даютъ этой странѣ право на наше сочувствіе, и конечно пріобрѣтутъ ей, если она не оставитъ начатаго ею пути, все болѣе и болѣе сильное вліяніе въ Италіи. Но къ сожалѣнію, отчасти изъ сочувствія къ обще-италіанскому дѣлу, отчасти же—напрасно стали бы мы это отрицать—изъ честолюбивыхъ замысловъ, въ надеждѣ на территорияльныя пріобрѣтенія, Сардинія вооружается въ размѣрахъ, далеко превышающихъ ея средства, и говоритъ тономъ, возбуждающимъ основательныя опасенія, что она намѣрена начать войну. Какъ бы то ни было, хотя теперь еще не предвидится такой войны, слухи объ ней распространились повсюду. Слухи эти, сколько можно судить, находятъ основаніе свое въ вооруженіяхъ Сардиніи, въ извѣстіи о словахъ, будто бы сказанныхъ императоромъ Французовъ австрійскому посланнику. Слова эти могутъ имѣть какое угодно значеніе, а также не имѣть и никакого. Но не говоря о вліяніи этихъ воинственныхъ слуховъ на общественное мнѣніе Европы, я полагаю, что съ нашей стороны не будетъ слишкомъ притязательно потребовать объясненій по этому дѣлу отъ правительства ея величества. Слова рѣчи ея величества въ томъ параграфѣ, гдѣ говорится объ увѣреніяхъ иностранныхъ державъ и о сохраненіи трактатовъ, не даютъ повода къ возраженію и вполне соответствуютъ обстоятельствамъ; это слова самаго общаго содержанія, и на нихъ нечего отвѣчать. Но что касается министерства, то тутъ дѣло другое. Принимая въ уваженіе состояніе страны, съ нетерпѣніемъ ожидающей извѣстій о сегодняшнемъ засѣданіи, правительство должно отвѣчать, что намѣрено оно предпринять въ отношеніи къ обстоятельствамъ, породившимъ всѣ эти слухи,—каковъ будетъ путь политики его. Оппозиція, вѣроятно, не хуже самого правительства, можетъ составить себѣ сужденіе о причинахъ, могущихъ побудить императора Французовъ начать теперь войну. Причины эти могутъ быть трехъ родовъ, могутъ вытекать именно изъ сооб-

раженій личныхъ, династическихъ и национальныхъ, и о каждомъ изъ нихъ мы сами можемъ выводить свои заключенія. Но есть другія обстоятельства, въ высшей степени важныя, которыя не могли быть намъ извѣстны. Я увѣренъ, что правительство обладаетъ свѣдѣніями о вѣроятностяхъ войны болѣе положительными, чѣмъ простые слухи. Въ столь важномъ дѣлѣ необходимо было бы узнать, какія именно увѣренія правительство получило отъ иностранныхъ дворовъ. Если не было получено никакихъ положительныхъ увѣреній, то останется вывести лишь одно заключеніе; если же были получены успокоительныя увѣренія насчетъ сохраненія мира, то пріятно было бы узнать о нихъ; во всякомъ случаѣ это было бы важно для того, чтобы мы могли составить себѣ ясное понятіе о настоящемъ положеніи дѣла. Такія увѣренія со стороны государя, доселѣ вѣрнаго союзника нашего и притомъ же по личнымъ отношеніямъ и въ видахъ собственной пользы расположеннаго въ пользу союза съ нами, имѣли бы особенное значеніе и вѣсь для насъ. (*Слушайте, слушайте.*) Считаетъ правительство возможнымъ или нѣтъ сообщить намъ мнѣніе свое объ исходѣ дѣла въ будущемъ,—во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, мы имѣемъ право требовать отъ него яснаго изложенія его прошедшей политики по этому вопросу. Если правительство можетъ объявить, что въ продолженіи всего этого времени оно обращалось къ Австріи, Сардиніи и Франціи съ откровенно-дружескими, но рѣшительными совѣтами,—избѣгая съ одной стороны всякихъ ненужныхъ и оскорбительныхъ угрозъ, съ другой изъявляя свою твердую увѣренность, что соблюденіе существующихъ трактатовъ необходимо для спокойствія и мира въ будущемъ; если оно не вступало ни въ какія обязательства, несогласныя съ честью Англіи и благоденствіемъ Европы, то, я увѣренъ, оно найдетъ твердую опору въ народѣ,—опору, которая дастъ ему средства съ большею силою и рѣшимостію возвышать голосъ свой въ какихъ бы то ни было трудныхъ обстоятельствахъ, могущихъ встрѣтиться въ будущемъ. (*Одобреніе.*) Есть другіе вопросы, связанные съ иностранными дѣлами, на которыхъ я не считаю нужнымъ долго останавливаться. Намъ говорятъ, что постановленія парижскаго конгресса касательно Молдавіи и Валахіи приведены въ исполненіе удовлетворительнымъ образомъ. Пріятно также было получить извѣщеніе о заключенномъ съ Россіей торговомъ трактатѣ, хотя вообще я не могу питать большаго довѣрія къ торговому трактату, заключенному моимъ благороднымъ другомъ (лордомъ Мальмсбери), если онъ основанъ на тѣхъ началахъ, которыя онъ такъ часто защищалъ съ своимъ обычнымъ искусствомъ. (*Слушайте, слушайте.*) Что касается до той части рѣчи королевы, которая относится къ членамъ палаты общинъ, я не сомнѣваюсь, что они изъ-

лвать готовность покрыть издержки, необходимыя для преобразованія нашего флота. Приятно видѣть, что министерство прямо рѣшилось на это предложеніе, тогда какъ въ прошломъ году оно сперва убавило приготовленныя смѣты и принуждено было потомъ уже просить о добавочномъ кредитѣ. Что касается внутреннихъ дѣлъ, то весьма важенъ тотъ параграфъ рѣчи королевы, гдѣ говорится о реформѣ въ законахъ. Я надѣюсь, что обсужденіе этихъ преобразованій дастъ благородному графу возможность занять палату въ продолженіи всей этой сессіи. Мнѣ кажется однакоже, что въ рѣчи есть нѣкоторые пропуски; въ ней, на примѣръ, ничего не упомянуто ни о какой мѣрѣ, касающейся церковнаго налога (church-gate). Весьма важно то мѣсто рѣчи, гдѣ намъ сказано: «Ваше вниманіе будетъ обращено на состояніе законовъ, управляющихъ представительствомъ народа въ парламентъ.» Слова эти не вполне ясно опредѣляютъ, какой именно реформы должны ожидать мы, ибо тѣ же самыя слова можно было бы приложить и къ наръженію следственнаго комитета и т. п. Если правительство приготовило билль, вѣроятно оно само и предложитъ его, и если мѣра эта не составлена подъ вліяніемъ духа партій, она не встрѣтитъ ничего похожаго на крайнюю оппозицію, но будетъ разсмотрѣна со вниманіемъ, соответствующимъ важности самаго дѣла.—Повторивъ снова, что онъ не имѣлъ намѣренія противиться предложенному адресу, благородный графъ заключаетъ свою рѣчь, извиняясь передъ палатою въ томъ, что такъ долго задержалъ ее.

Графъ Дерби. Милорды! Я увѣренъ, что прежде отвѣта на эту умѣренную и искусную рѣчь, которую мой благородный другъ произнесъ сейчасъ, мнѣ позволено будетъ остановиться на одну минуту, и принести искреннюю признательность двумъ благороднымъ друзьямъ моимъ, проводившимъ адресъ въ отвѣтъ на милостивую рѣчь ея величества. Я благодаренъ моему благородному другу, который *двигалъ* (moved) адресъ съ большимъ искусствомъ и ясностью, и котораго, я увѣренъ, мы будемъ имѣть случай слышать часто въ палатѣ, гдѣ онъ недавно сталъ членомъ. (*Слушайте.*) Я обязанъ также выразить мою признательность благородному другу, который помогалъ двигать адресъ (seconded of the address); онъ, конечно, не такой новичекъ въ этой палатѣ, какъ двигатель адреса, но онъ съ любезностію и готовностію согласился занять мѣсто другаго благороднаго лорда, который обѣщалъ взять на себя трудъ помогать адресу, но не могъ сдѣлать этого по причинѣ тяжкой болѣзни. Мы всѣ съ радостію видимъ, что слова, съ которыми ея величество, по нашему совѣту, обратилась къ парламенту, были поняты одинаково всеми членами палаты, и что въ этихъ словахъ нѣтъ ничего, препятствующаго единодушному согласію на выраженія ад-

реса. Но я долженъ признаться, милорды, что въ настоящемъ случаѣ я испытываю удовольствіе болѣе обыкновеннаго отъ того приема, какой сдѣланъ адресу въ отвѣтъ на милостивую рѣчь ея величества моимъ благороднымъ другомъ изъ оппозиціи и палатою (*слушайте*): по тому впечатлѣнію, которое произвелъ мой благородный другъ своею искусною и ясною рѣчью, я смѣю заключить, что въ этомъ впечатлѣніи высказалось не просто единодушіе, которое обращается иногда въ простую форму; я думаю, что палата выразила полное одобреніе свое на всѣ существенные вопросы въ рѣчи ея величества. А я увѣренъ, милорды, что въ настоящее время, для благосостоянія и мира въ Европѣ и для счастья нашего отечества, это особенно важно: именно теперь чувствуется глубокая и живая потребность для насъ понять другъ друга и согласиться въ мнѣніяхъ нашихъ по всѣмъ вопросамъ. (*Слушайте.*) Во всякое время общественное мнѣніе Англии должно по праву имѣть огромное и спасительное вліяніе на Европу; но никогда это дружное общественное мнѣніе не можетъ дѣйствовать съ болѣею силою и могуществомъ, какъ въ теперешнее критическое время. (*Слушайте.*)

Оставляя пока въ сторонѣ болѣе важные вопросы, я прежде всего упомяну о тѣхъ критическихъ замѣчаніяхъ, которыя сдѣлалъ мой благородный другъ, и которыя относятся скорѣе къ предметамъ, опущеннымъ въ рѣчи королевы, чѣмъ къ содержанію этой рѣчи. Я постараюсь отвѣчать въ немногихъ словахъ и увѣренъ, что отвѣтъ мой будетъ на день удовлетворительнымъ; во всякомъ случаѣ, я буду говорить откровенно, и могу увѣрить васъ, милорды, что ни мои товарищи, ни я самъ не желаемъ ничего скрывать отъ васъ. (*Слушайте.*) Мой благородный другъ прежде всего замѣтилъ, что о нѣкоторыхъ вопросахъ не говорится ни слова ни въ рѣчи, ни въ адресѣ, и заключилъ изъ этого, что я далъ совѣтъ моимъ благороднымъ друзьямъ тщательно избѣгать извѣстныхъ вопросовъ, на которые онъ сдѣлалъ намекъ. Могу увѣрить моего благороднаго друга, что я не говорилъ ничего похожаго на такой совѣтъ; я сообщилъ имъ тѣ свѣдѣнія о предметахъ рѣчи, какихъ они желали, и полагалъ, что, согласно принятому обычаю, они обратятся сами къ тѣмъ вопросамъ, которые составляютъ содержаніе рѣчи. Если случилось какое-нибудь уклоненіе отъ обычнаго порядка, то оно естественно произошло отъ нетерпѣнія, съ какимъ мой благородный другъ, помогавшій адресу, воспользовался первымъ представившимся ему случаемъ, чтобы заговорить въ парламентѣ объ интересующемъ его дѣлѣ, котораго тронная рѣчь не касается. Я нисколько не намѣренъ отрицать, что въ настоящее время дѣло

это находится въ значительно неблагопріятномъ положеніи, хотя я надѣюсь, что это неблагопріятное положеніе будетъ не продолжительно. Вы понимаете, милорды, что въ настоящую минуту я не могу входить въ разсмотрѣніе причинъ, почему дѣло это теперь терпитъ невыгоды. (*Слушайте.*) Эти причины весьма разнообразны. Но, указывая вообще на благосостояніе страны, я не имѣлъ въ виду утверждать, будто бы теперь нѣтъ, какъ бываетъ всегда, интересовъ, не находящихся въ такомъ удовлетворительномъ положеніи, какого только можно желать. Я хотѣлъ только сказать, что общее положеніе страны можетъ считаться удовлетворительнымъ, то-есть что нельзя не замѣтить благопріятныхъ условій въ положеніи народа и въ его занятіяхъ, а также уменьшенія преступленій и пауперизма. Какъ на весьма ясное доказательство благосостоянія низшихъ классовъ, я могу указать на значительное приращеніе вкладовъ въ сберегательныя кассы, которое было замѣтно въ теченіи года. Документы у меня въ рукахъ, но въ настоящую минуту я не стану утруждать палату чтеніемъ ихъ; скажу только, что въ послѣдніе три мѣсяца пауперизмъ въ нашемъ отечествѣ уменьшился не только въ сравненіи съ прошедшимъ годомъ, составляющимъ исключеніе, но и въ сравненіи съ соответствующимъ періодомъ 1857 года. Скажу болѣе: улучшеніе въ быту всей страны такъ равномѣрно, что, по отчетамъ, собраннымъ въ декабрѣ прошлаго года, въ каждомъ изъ одиннадцати или двѣнадцати округовъ, на которые раздѣлена Англія, на основаніи закона о бѣдныхъ, видно уменьшеніе пауперизма, сравнительно съ 1858 и 1857 годами. Что касается до сберегательныхъ банковъ, то я замѣчу только одно: тогда какъ въ прошломъ году, въ половинѣ января, въ одинъ мѣсяць было вынута изъ кассъ на 600.000 фунтовъ болѣе, чѣмъ положено, — въ нынѣшнемъ году наоборотъ взносы превышаютъ выдачи на 500.000 фунтовъ. Сравнивая общій балансъ сберегательныхъ банковъ за два послѣдніе года, мы видимъ перевѣсъ на одинъ миллионъ сто тысячъ фунтовъ въ пользу теперешняго ихъ положенія.

Главный вопросъ, о которомъ умалчиваетъ рѣчь королевы и за что нападаетъ на насъ мой благородный другъ, есть вопросъ о *Charles-Georges*. Причины такого умолчанія очевидны. Впервыхъ, рѣчь касается столь многихъ вопросовъ, что она сдѣлалась длиннѣе противъ обыкновеннаго; поэтому надобно было ограничиться только самыми необходимыми вопросами. Дѣло о *Шерль-Жоржъ* есть одно изъ тѣхъ, по которымъ правительство, не колеблясь нисколько, готово дать палатѣ всѣ возможныя свѣдѣнія, самыя подробныя. Я увѣренъ, что, разсмотрѣвши всѣ документы, ваши лордства останетесь довольны: правительство ни въ чемъ не отступило ни отъ постановленій парижскаго трактата, ни отъ

тѣхъ обязательствъ, которыя налагаетъ на насъ долговременная дружба съ Португаліей. Но легко объяснить себѣ, почему это дѣло не вошло въ составъ королевской рѣчи: не принято въ обычай, чтобы въ тронной рѣчи говорилось о такихъ вопросахъ, которые возникли между двумя иностранными державами, и которыя не касаются прямо правительства ея величества. Споръ шелъ между Франціею и Португаліею по такому дѣлу, по которому правительство королевы не имѣло подробныхъ свѣдѣній, и слѣдовательно не могло составить о немъ рѣшительнаго мнѣнія; оно дѣйствовало такъ, какъ желалъ, конечно, мой благородный другъ, сидящій напротивъ, т.-е. предложило обѣимъ сторонамъ свои совѣты и добрыя услуги. Къ сожалѣнію однако, ни та, ни другая сторона не приняла этихъ совѣтовъ, каждая ссылаясь на различныя причины; тѣмъ не менѣе Португалія выразила намъ свое удовольствіе и благодарность за то, что мы предложили дружескія услуги, еще не дожидаясь просьбы о нихъ. Безъ сомнѣнія, въ этомъ вопросѣ наше отечество должно было изъявлять наше сочувствіе къ Португаліи, потому что она несправедливо страдала бы за свою попытку остановить такія дѣйствія, въ которыхъ видно возобновеніе торговли неграми. Я не стану входить теперь въ пренія по этому вопросу, но скажу одно только: мы ни на минуту не измѣняли нашего мнѣнія и выражали его каждую недѣлю французскому правительству; мы доказывали, что невозможно отдѣлить такъ-называемую свободную иммиграцію, дозволенную имъ, отъ совершенія актовъ неготорговли во внутренности Африки, даже въ томъ случаѣ, еслибы агенты французскаго правительства дѣйствовали совершенно правильно. Мы никогда не переставали проводить это убѣжденіе, и дѣйствовали съ тою же энергіею, съ какою дѣйствовалъ мой благородный другъ, сидящій напротивъ, когда онъ занималъ мѣсто секретаря иностранныхъ дѣлъ; и я увѣренъ, что никакое представленіе и никакое обстоятельство не могло бы имѣть такого вліянія на французское правительство, какое имѣли факты, открывшіеся при слѣдствіи по случаю этого самого *Шарль-Жоржа*; французское правительство увѣрилось на опытѣ, что чрезвычайно трудно и даже невозможно помѣшать тому, чтобы эта система переселенія не превратилась въ полную торговлю неграми, и немедленно дало приказаніе остановить вывозъ негровъ съ восточнаго берега Африки, гдѣ возникали наибольшія затрудненія; въ настоящее время обдумывается планъ, который, вѣроятно, осуществится скоро, и посредствомъ котораго французское правительство намѣрено совершенно остановить переселеніе негровъ съ береговъ Африки и сверхъ того оказать намъ искреннее и полное содѣйствіе въ уничтоженіи торговли неграми. (*Слушайте, слушайте.*)

Что касается до Ионическихъ острововъ, то мнѣ невозможно въ настоящую минуту войти въ подробное обсужденіе всего того, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи. Скоро возвратится досто-почтенный джентльменъ, который принялъ на себя временное посольство на эти острова; онъ изложитъ свой собственный взглядъ и объяснить, какую онъ принялъ на себя обязанность, и какъ онъ исполнилъ эту обязанность. Я могу сказать вамъ, милорды, только о первоначальномъ побужденіи, вслѣдствіе котораго г. Гладстонъ согласился отправиться комиссаромъ на Ионическіе острова. Со всѣхъ сторонъ до насъ доходили извѣстія, и потомъ сдѣлалось совершенно очевиднымъ, что вслѣдствіе различныхъ причинъ правительство на этихъ островахъ оказалось безсильно, и что уже давно сдѣлалось невозможнымъ для правительства и представителей ионическаго народа съ успѣхомъ развивать законодательство страны; и дѣйствительно, оно сдѣлалось фикціею при постоянномъ распущеніи ионическаго парламента. Г. Гладстонъ, милорды, былъ назначенъ чрезвычайнымъ лордомъ верховнымъ комиссаромъ Ионическихъ острововъ, съ цѣлью удостовѣриться лично и разыскать на мѣстѣ, въ чемъ состоятъ существенныя причины, которыя препятствуютъ процвѣтанію и благосостоянію этой части владѣній, находящихся подъ контролемъ ея величества. Онъ принялъ на себя это посольство, и мы думаемъ, что онъ имѣлъ всѣ условія для принятія его, по своему высокому положенію, по своимъ огромнымъ способностямъ, по своему авторитету, по тому интересу, который онъ уже доказалъ въ дѣлахъ Греціи, и по своему примирительному характеру. Ваши лордства должны съ другой стороны понять, что онъ принялъ на себя эту обязанность только для изслѣдованія вопроса, безъ малѣйшаго намѣренія ограничивать власть того джентльмена, который въ то время исполнялъ должность лорда верховнаго комиссара на островахъ. Однако тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ открылись обстоятельства, за которыя правительство ея величества не можетъ отвѣчать нисколько; они доказали рѣшительно, что никакія улучшенія въ положеніи Ионическихъ острововъ и никакая реформа въ ихъ управленіи не могутъ разчитывать на успѣхъ, если будутъ предложены сэръ-Джономъ Йонгомъ. Поэтому мы нашли полезнымъ, чтобы г. Гладстонъ продлилъ на нѣкоторое время свою службу на островахъ, и чтобъ онъ самъ предложилъ ионическому сенату и народу тѣ радикальныя исправленія и перемѣны, которыя онъ считаетъ удобнымъ указать имъ. Онъ не безъ нѣ котораго самопожертвованія согласился взять на себя этотъ трудъ на короткое время и начать реформы, о которыхъ я упоминалъ; при этомъ онъ имѣлъ всѣ выгоды, которыя давало ему короткое знакомство со всѣми обстоятельствами и ходомъ дѣлъ. *(Слушайте,*

слушайте.) Черезъ нѣсколько дней окончится порученіе г. Гладстона; передавъ должность своему постоянному преемнику, онъ займетъ свое мѣсто въ палатѣ общинъ, куда, я увѣренъ, его тотчасъ же выберутъ снова; я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ безъ сомнѣнія докажетъ вамъ, милорды, благоразуміе политики, которой слѣдовало правительству, а также сообщить вамъ всѣ объясненія касательно теперешняго состоянія Ионическихъ острововъ, на сколько онъ сочтетъ согласнымъ съ своими обязанностями дать такія объясненія. (*Слушайте.*)

Милорды! Если я не касаюсь многихъ другихъ предметовъ, упоминаемыхъ въ тронной рѣчи, — какъ напримѣръ внутренняго законодательства или трактатовъ, заключенныхъ въ послѣднее время съ иностранными державами, — это не значитъ, чтобъ я не сознавалъ вполнѣ ихъ важности или не оцѣнилъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ они могутъ повести; но я думаю, что въ будущемъ представятся случаи болѣе удобные для обсуждения этихъ вопросовъ. Однако я позволю себѣ сказать мимоходомъ о трактатѣ, заключенномъ съ Россіей, на который сдѣлалъ намекъ мой благородный другъ, говорившій сейчасъ: выраженія удовольствія въ рѣчи ея величества по поводу возстановленія дружественныхъ отношеній съ императоромъ всероссійскимъ касаются не только упомянутаго трактата, но и вообще той политики, какую императоръ принялъ относительно насъ въ послѣднее время. (*Слушайте, слушайте.*) Я указываю на это, потому что считаю своею обязанностью въ отношеніи къ императору всероссійскому засвидѣтельствовать слѣдующій фактъ: еще прежде подписанія трактата, когда британскіе подданные находились въ менѣе благоприятномъ положеніи чѣмъ подданные другихъ государствъ, онъ, по собственному побужденію, далъ имъ тѣ выгоды, которыхъ они такъ долго были лишены. (*Слушайте, слушайте.*) Я не могу также, милорды, говоря о трактатахъ, не упомянуть о тѣхъ изъ нихъ, которые заключены съ Китаемъ и Японіей, и не выразить моего глубокаго уваженія къ примирительному, но въ то же время твердому и рѣшительному образу дѣйствій лорда Эльджина въ его затруднительномъ положеніи. (*Слушайте, слушайте.*) Мнѣ особенно пріятно видѣть успѣхи, которыми увѣнчались труды этого благороднаго лорда, его ревность къ дѣлу и искусство: хотя онъ былъ назначенъ на занимаемый имъ теперь постъ моими предшественниками по министерству, однако я былъ одинъ изъ первыхъ, которые ввели его на поприще публичной жизни и назначили его преемникомъ лорда Меткальфа, сначала на Ямайкѣ, а потомъ въ Канадѣ.

Графъ Грей. Прошу извиненія у благороднаго графа. Лордъ Эльджинъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Канаду не прежде того времени, какъ я сдѣлался государственнымъ секретаремъ.

Графъ Дерби. Могу увѣрить благороднаго графа, что я не хотѣлъ уменьшить его заслуги въ назначеніи лорда Эльджина губернаторомъ въ Канаду. Дѣйствительно, лордъ Эльджинъ занялъ это мѣсто послѣ лорда Меткальфа въ то время, когда благородный графъ былъ государственнымъ секретаремъ; но, всѣмъ было извѣстно напередъ, что лордъ Меткальфъ долженъ будетъ оставить мѣсто по болѣзни, и что лордъ Эльджинъ непременно замѣнитъ его.

Графъ Грей. Когда благородный графъ оставилъ управление колоніями, здоровье лорда Меткальфа требовало необходимо его отставки, но ничего не было сдѣлано для его замѣщенія. Въ послѣдствіи, когда г. Гладстонъ сдѣлался министромъ колоній, онъ назначилъ генералъ-губернаторомъ въ Канаду генерала Каткарта, командовавшаго тамъ войсками; благородный графъ содѣйствовалъ этому назначенію, потому что въ то время, при возникшемъ орегонскомъ вопросѣ, признано было полезнымъ соединить въ одномъ лицѣ высшую гражданскую и военную власть. Прошло шесть мѣсяцевъ послѣ выхода благороднаго графа изъ министерства, а лордъ Эльджинъ все еще оставался губернаторомъ Ямайки, и не было рѣчи о переѣзѣ его поста; только послѣ моего вступленія въ должность государственнаго секретаря, я подалъ мысль о томъ, что положеніе дѣлъ въ Канадѣ требуетъ присутствія въ Канадѣ челоуѣка съ большою гражданской опытностью, вслѣдствіе чего предложилъ отозвать лорда Каткарта и назначить на его мѣсто лорда Эльджина. *(Слушайте, слушайте.)*

Графъ Дерби. Я не стану продолжать споръ. Я можетъ-быть ошибаюсь; но, какъ бы то ни было, отъ этого нисколько не уменьшается чувство удовольствія, съ какимъ я, по личной дружбѣ моей съ лордомъ Эльджиномъ, слѣжу за его заслугами въ послѣднее время. *(Слушайте, слушайте.)*

Обращаясь къ другимъ пунктамъ, королевской рѣчи, я могу увѣрить васъ, милорды, что, если я еще не коснулся Индіи, то это не потому, чтобъ я не сознавалъ всей важности этого предмета, или не вполне цѣнилъ важныя и почтенныя заслуги тѣхъ лицъ гражданскихъ и военныхъ, которыхъ труды увѣнчались такими плодотворными результатами для нашего отечества. *(Руплексканія.)* Я знаю, милорды, что всѣ вы безъ исключенія радуетесь тѣмъ успѣхамъ, которыми уже увѣнчались ихъ несравненныя и безпримѣрныя дѣйствія, и что вы, вмѣстѣ съ ея величествомъ, питаете тѣ благія надежды, которыя, съ Божіею помощію, скоро осуществляются. Да умирится совершенно Индія и да будемъ мы способны посвятить всѣ наши силы, — а я увѣренъ, что нѣтъ предмета болѣе близкаго къ сердцу нашей королевы, — на то, чтобъ улучшить эту часть ея владѣній, долго остававшуюся въ пренебреженіи, и уничтожить различія между классами ихъ обитателей!

(Рукопелсканія.) Я не думаю, милорды, чтобъ это время было далеко: хотя несчастное возмущеніе, которое въ послѣднее время вспыхнуло въ Индіи, и продолжается еще, но оно продолжается далеко не въ прежнихъ размѣрахъ; все, что было похоже на организованное возстаніе, уже подавлено, и нашимъ войскамъ болѣе приходится теперь — съ радостію говорю это—преслѣдовать шайки отчаянныхъ разбойниковъ, чѣмъ сражаться съ страшнымъ военнымъ бунтомъ. *(Слушайте, слушайте.)*

Теперь, милорды, я прихожу къ самому важному предмету, на который мой благородный другъ изъ оппозиціи указалъ въ своей рѣчи; къ величайшему моему удовольствію, я могу обратиться къ его замѣчаніямъ съ полною увѣренностью, что между нами не существуетъ ни малѣйшаго разногласія относительно тѣхъ началъ, которые намъ должно слѣдовать англійское правительство. Предметъ, безъ сомнѣнія, очень щекотливъ, но несмотря на то, при нынѣшнемъ критическомъ положеніи дѣлъ, я обязанъ говорить о немъ вамъ, милорды, откровенно и рѣшительно. *(Рукопелсканія.)* Къ счастью, я могу исполнить эту обязанность, потому что, при теперешнемъ положеніи Европы и преимущественно той части ея, которая возбуждаетъ безпокойство, Англіи нѣтъ повода ни преслѣдовать въ этомъ дѣлѣ свой частный интересъ, ни вознаграждать себя за пораженіе, ни выставять впередъ свое честолюбіе; и сверхъ того еще потому, что, —я говорю это громко,—Англія не заключила ни съ одною изъ державъ секретныхъ обязательствъ, которыя могли бы стѣснять и связывать свободу ея дѣйствій. *(Громкія рукопелсканія.)* Но, милорды, есть принципы, которые правительство ея величества никогда не переставало высказывать, которые оно всегда и постоянно поддерживало и притомъ не въ какихъ-либо нерѣшительныхъ выраженіяхъ, а съ тою откровенностію, съ какою, по мнѣнію моего благороднаго друга, мы будтобы затрудняемся говорить съ императоромъ Французовъ, — съ какою мы, напротивъ, обращаемся къ той и другой сторонѣ, для того, чтобы вполне разяснить имъ наши виды. И если, милорды, въ королевской рѣчи умолчано о тѣхъ безпокойствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ находится теперь Европа, то это просто слѣдано потому, что они не относятся прямо къ Англіи; я хочу сказать, что они касаются Англіи только какъ великой торговой и морской державы, которая слѣдовательно должна заботиться о мирѣ и благосостояніи Европы. Сверхъ того я могу удостовѣрить васъ, что не только мы находимся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ главнымъ державамъ, но что я не знаю ни одного вопроса, возникшаго между ними, который не могъ бы быть рѣшенъ обыкновеннымъ дипломатическимъ путемъ и оправдывалъ бы хотя сколько-нибудь побужденіе при-

бѣгнуть къ роковому рѣшенію войны. Однакожь, милорды, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ настоящемъ положеніи Европы и въ дѣйствіяхъ различныхъ державъ есть такія обстоятельства, которыя способны возродить серіозную боязнь и безпокойство. Положеніе Италіи представляетъ собою постоянную опасность для европейскаго мира. Я совершенно согласенъ съ описаніемъ этой несчастной страны, которое представилъ мой благородный другъ; я согласенъ въ невозможности осуществить восторженную мечту италіянскаго единства, которая являлась во всё время и при всѣхъ обстоятельствахъ, но которая никогда не могла разчитывать на успѣхъ потому, что не ненависть къ иностранцамъ, а внутренніе раздоры и несогласія между италіянскими государствами дѣлаютъ совершенною невозможностію единство италіянскаго союза, еслибы даже и не было никакого гнета со стороны иностраннаго правительства. *(Слушайте, слушайте.)* Я вполне согласенъ съ моимъ благороднымъ другомъ, когда онъ указываетъ на мѣсто, откуда проистекаетъ величайшая опасность для мира въ Европѣ. Справедливо, что нормальное теперь положеніе почти всей Италіи есть положеніе дремлющаго волкана, въ нѣдрахъ котораго раздается грозное клокотаніе, и который каждую минуту готовъ къ изверженію и можетъ поглотить страну въ разрушительномъ потокѣ; но главная опасность существуетъ не въ Ломбардіи и не въ Неаполѣ. Мой благородный другъ начерталъ вѣрную картину правительства въ Ломбардіи. Эта провинція не можетъ слишкомъ много жаловаться на администрацію; особенно же въ послѣдніе годы Австрійцы неутомимо заботились о томъ, чтобъ улучшить положеніе страны. Народъ все еще жалуется и имѣетъ нѣкоторыя причины къ недовольству; но главная и единственная жалоба, которой нечѣмъ помочь, состоитъ въ томъ, что Италійцы находятся подъ игомъ и подчинены иноземному правительству. *(Слушайте.)* Въ этомъ лежитъ источникъ недовольства, поглощающій всѣ другіе, и, нетерпѣливо желая устранить его, Ломбардія слишкомъ часто забывала то, о чемъ такъ кстати напомнилъ намъ мой благородный другъ, а именно—что попытки во имя свободы Италіи оканчивались всегда только переменною владыкѣ, и что мечта объ италіянской независимости никогда не осуществлялась, да и трудно сказать, осуществится ли она когда-нибудь. При такихъ обстоятельствахъ, составляютъ ли силу Австріи богатыя и плодородныя ломбардскія провинціи, нужно ли Австріи желать владычества надъ ними, — я не берусь отвѣчать на эти вопросы; но не можетъ быть сомнѣнія, и здѣсь отъ всей души я присоединяюсь къ мнѣнію моего благороднаго друга,—что намъ дѣла нѣтъ до внутренняго управленія въ Ломбардіи и до характера владычества Австріи въ ея

италіанскихъ провинціяхъ,—благоразумно ли она поступаетъ или нѣтъ, мягко или жестко, осторожно или безразсудно. (*Слушайте, слушайте.*) Наслѣдство, долговременное владѣніе, трактаты, которыхъ первое нарушеніе должно нанести страшный ударъ спокойствію Европы,—вотъ тѣ начала, на которыхъ основывается владычество Австріи въ италіанскихъ провинціяхъ, и ни мы и никакой другой народъ не имѣемъ права отнимать ихъ у Австріи, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и по какому бы то ни было поводу. (*Рукоплесканія.*)

Я ничего не стану говорить, милорды, о положеніи Неаполя. Неаполитанское правительство противорѣчитъ всѣмъ нашимъ понятіямъ о правительствѣ, и оно было бы невозможно ни въ какой другой атмосферѣ, кромѣ той, которая теперь окружаетъ его. (*Смѣхъ.*) Но, во всякомъ случаѣ, въ Неаполѣ нѣтъ нужды подавлять недовольство вмѣшательствомъ иностранныхъ войскъ. (*Слушайте.*) Въ случаѣ, если какой-нибудь италіанскій народъ возстанетъ, чтобъ отомстить за свои бѣдствія, дѣйствительныя или воображаемыя, преувеличенныя или истинныя, я никакъ не думаю, чтобы нашему отечеству слѣдовало вмѣшаться для сохраненія ли порядка, для поощренія ли возмущившагося народа, для поддержанія ли существующей династіи; напротивъ, я отрицаю, чтобы къ такому вмѣшательству могли вести обязанности или интересы нашего отечества. Мое мнѣніе—и я не колеблясь всегда высказывалъ его—постоянно было то, что въ дѣлахъ такого рода правительство, существующее *de facto*, должно быть всегда признаваемо нашимъ отечествомъ, и что въ нашихъ сношеніяхъ съ другими народами мы не имѣемъ никакого права и никакого интереса обращать вниманіе на форму чужаго правленія и на лица правителей. (*Слушайте, слушайте.*)

Но не въ Неаполѣ и не въ Ломбардіи должны мы искать главную причину безпокойства и тревоги, а въ той несчастной части центральной Италіи, которая подчинена свѣтской власти духовнаго главы римско-католической церкви. (*Слушайте.*) Вотъ гдѣ настоящее больное мѣсто Италіи. (*Слушайте, слушайте.*) Въ этой части полуострова недовольство возрастаетъ до своей высшей степени, и гдѣ оно возрасло уже до такой степени, что, какъ всему свѣту извѣстно, еслибы чувства народа не были сдерживаемы присутствіемъ двухъ чужеземныхъ армій, то все почтеніе къ папѣ, какъ духовному лицу, не спасло бы его шатающагося трона; оно не въ состояніи было бы уравнивать недовольствіе подданныхъ, возбужденное страшнымъ, придиричимъ гнетомъ, которымъ поддерживается правительство папы. (*Слушайте, слушайте.*) Въ присутствіи этихъ двухъ армій, милорды, находящихся тамъ вовсе не для обезпеченія вольностей Италіи, а только поддерживающихъ общими

усиліями несостоятельное правительство, заключается дѣйствительная опасность серьезных потрясеній Италіи. Поэтому правительство ея величества дѣлало обѣимъ державамъ, которымъ принадлежатъ сказанныя арміи, дружескія, но рѣшительныя представленія о необходимости согласиться и сообщать посовѣтовать папскому правительству, чтобъ оно устранило поводы къ опасному недовольству, неизбежныя при нынѣшней системѣ. Я не могу съ точностію сказать, подѣйствовали ли наши представленія, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ я не питаю слишкомъ сангвиническихъ надеждъ на ихъ послѣдствія. Я указываю особенно на эти двѣ державы потому, что въ ихъ взаимной ревности главный источникъ опасности, потому также что онѣ двѣ главныя римско-католическія державы Европы, наконецъ потому, что, имѣя тамъ мѣстные интересы и пользуясь большимъ авторитетомъ и вліяніемъ, чѣмъ всѣ другія государства, онѣ, при согласномъ дѣйствіи, очевидно, могли бы всего скорѣе успѣшно подѣйствовать на папское правительство. *(Слушайте, слушайте.)* Какому бы то ни было протестантскому правительству трудно предлагать свои совѣты въ этомъ дѣлѣ; но мы увѣрили Францію и Австрію, что, если онѣ вмѣстѣ подадутъ добрый совѣтъ, мы готовы будемъ содѣйствовать ихъ усиліямъ и улучшенію внутренняго управленія Папской Области. *(Слушайте.)*

Молорды, есть одна часть Италіи, въ которой, какъ энергически замѣтилъ мой благородный другъ, мы принимаемъ самое глубокое участіе въ настоящее время. Нѣтъ нужды говорить, что я разумѣю это небольшое, но геройское государство, которое имѣетъ гораздо большую важность, чѣмъ сколько обозначаютъ его географическія границы,—королевство Сардинію. *(Слушайте, слушайте.)* До сихъ поръ это была свѣтлая точка посреди окружающаго мрака *(слушайте, слушайте)*; это было практическое доказательство того, что дарованіе конституціонной свободы въ самыхъ широкихъ размѣрахъ не измѣняетъ вѣрности народа къ своему государю и въ то же время способствуетъ значительно благосостоянію страны. Сильная сочувствіемъ всѣхъ свободныхъ народовъ міра, сознаниемъ своихъ правъ и внутренняго единства, Сардинія имѣла предъ собою ясный путь—дѣло внутреннихъ улучшеній *(слушайте, слушайте)*, а не держаніе арміи, несообразной съ ея финансами и разорительной для ея кредита *(слушайте, слушайте)*; ей слѣдовало не разчитывать на силу евоей арміи, хотя и храброй, а опираться на всемірное сочувствіе и на соблюденіе трактатовъ, обезпечивающихъ ея владѣнія,—именно тѣхъ самыхъ трактатовъ, въ силу которыхъ Австрія владѣетъ своими италіянскими провинціями. *(Слушайте, слушайте.)* Такой-то политики слѣдовало держаться Сардиніи; въ виду всѣхъ другихъ правительствъ Италіи и въ яв-

номъ, поражающемъ контрастъ съ ними, Сардинія могла бы,— скажу, Сардинія еще можетъ подавать примѣръ твердости, умеренности и конституціонной свободы; этотъ примѣръ устыдилъ бы самое деспотическое правительство и заставилъ бы его не унижать Сардинію, а подражать ея учрежденіямъ и стараться достигнуть ея благосостоянія. (*Слушайте, слушайте.*) Можетъ-быть, и то правительство, о которомъ я говорилъ, устыдилось бы, видя контрастъ между недовольствомъ своихъ собственныхъ подданныхъ и счастіемъ и благоденствіемъ сардинскаго народа; можетъ-быть, оно стало бы подражать системѣ, которая бросаетъ такой яркій свѣтъ на недостатки его собственного управленія. Все это могло быть. Но съ другой стороны, одно обстоятельство могло нанести роковой ударъ тому уваженію, которое Италія начинала оказывать свободнымъ учрежденіямъ; одно обстоятельство могло отнять у Сардиніи ту симпатію, которой она была достойна, и которую такъ явно выразило ей наше отечество: я разумѣю тотъ случай, если вмѣсто того, чтобы доказывать, что свободныя учрежденія ведутъ къ внутреннему спокойствію, Сардинія начала бы подааать поводъ думать, что эти учрежденія только поощряютъ воинственные планы государя и ведутъ его къ паденію на сосѣдей подъ предлогомъ своей защиты. (*Слушайте, слушайте.*) Поэтому, питая самую искреннюю дружбу къ Сардиніи и принимая самое глубокое участіе въ ея благоденствіи, мы съ тревожнымъ безпокойствомъ замѣчаемъ, и рѣшились высказать это безпокойство, что Сардинія съ недавняго времени какъ будто расположена принять положеніе, несогласное ни съ ея интересами, ни съ ея обязанностями къ международному обществу, ни съ тѣмъ сочувствіемъ и уваженіемъ, которыя пріобрѣла она въ цѣломъ образованномъ мірѣ своею прежнею политикой. (*Рукоплесканія.*) Не одинъ разъ обращались мы къ Сардиніи съ этимъ совѣтомъ и старались внушить ей эти мнѣнія. (*Слушайте, слушайте.*) Я увѣренъ, что ей еще не поздно обдумать основательную свою политику. (*Слушайте, слушайте.*) Недавно зловѣщія слова были произнесены королемъ сардинскимъ,—ибо среди теперешнихъ обстоятельствъ подобныя слова не могли не имѣть особеннаго значенія,—но я надѣюсь, что Сардинія послушается лучшихъ совѣтовъ и хорошенько подумаетъ о томъ пути, на который готовится вступить. (*Одобреніе.*) Австрія представила намъ торжественныя увѣренія, и мы охотно принимаемъ ихъ, что у нея нѣтъ ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣднихъ ей государствъ, что она намѣрена строго заключиться въ собственныхъ своихъ предѣлахъ, строго держаться обязательствъ, вытекающихъ изъ трактатовъ, и заниматься исключительно собственными своими дѣлами. (*Слушайте, слушайте.*) До тѣхъ поръ, пока Австрія не отступитъ отъ этого

образа дѣйствій, Сардинія сдѣлаетъ непростительную ошибку, если будетъ вызывать ее на бой, который во всякомъ случаѣ не можетъ не окончиться потрясеніемъ внутренняго благосостоянія самой Сардиніи. (*Слушайте, слушайте.*) Опасность этого дѣла очень велика. Нельзя думать, чтобы Сардинія, при слабости своихъ силъ сравнительно съ Австріею, рѣшилась вступить въ неравную борьбу, еслибы она не надѣялась на постороннюю помощь. Помощь эту она не можетъ получить ни отъ кого, кромѣ Франціи. Но трудно повѣрить, если принять въ соображеніе интересы этой страны, опытность и благоразуміе ея государя и, позвольте мнѣ прибавить, — искреннее уваженіе его къ трактатамъ, трудно повѣрить, чтобы Франція, безъ всякаго повода со стороны австрійскаго правительства, рѣшилась поддерживать не говорю уже своими огромными военными силами, но даже и своимъ моральнымъ вліяніемъ Сардинію въ ея попыткахъ нарушить трактаты. (*Одобреніе.*) Будемъ же надѣяться, что императоръ Французовъ не отступитъ отъ того добросовѣстнаго и строго-законнаго образа дѣйствій, котораго онъ держался до сихъ поръ. (*Слушайте, слушайте.*) Въ дружескихъ, но живыхъ выраженіяхъ представляли мы ему необходимость быть, какъ можно, умирненѣе въ его разногласіяхъ съ Австріею, а пуще всего не обольщать Сардинію надеждами на вооруженную помощь со стороны Франціи, и получили въ отвѣтъ, что до тѣхъ поръ, пока Австрія не выступитъ изъ своихъ предѣловъ, Сардинія не можетъ разчитывать на содѣйствіе Франціи для наступательной войны. (*Одобреніе.*)

Подобный образъ дѣйствій одинаково согласенъ и съ интересами, и съ честью Франціи. (*Слушайте, слушайте.*) Можно ли забыть объ удовольствіи, съ которымъ выслушала Европа знаменитое изреченіе: «*L'empire c'est la paix*»? Слова эти нашли отголосокъ во всей Европѣ, и принесли болѣе пользы императору Французовъ, чѣмъ тысячи штыковъ и милліоны денегъ. (*Одобреніе.*) Они могли содѣйствовать прочности его династіи и способствовали ко внутреннему преуспѣянію Франціи. (*Слушайте, слушайте.*) Если, къ несчастію, императоръ Французовъ заставитъ Европу подумать, что новая имперія хочетъ возвратиться къ властолюбивымъ замысламъ первой имперіи, если Европа будетъ имѣть какое-нибудь основаніе думать, что онъ намѣренъ посадить на итальянскіе престолы подчиненныхъ и близкихъ ему государей и возобновить систему, погубившую великаго Наполеона, то онъ потрясетъ довѣріе къ себѣ Европы, а тѣмъ самымъ погубитъ кредитъ свой у себя дома. (*Слушайте, слушайте.*) Европа достаточно ясно выразила, съ какимъ отвращеніемъ встрѣтитъ она какую бы то ни было войну, и всякій понимаетъ, что война страшно повредила бы мирнымъ занятіямъ и интересамъ, которымъ никакая другая страна не преда-

вѣла съ ревностіею Франціи въ послѣднее время. Французская нація не стремится за славою. Довольно уже приобрѣла она славы, и грустно было бы, еслибы снова двинула она на поля сраженій свои побѣдоносныя войска, забывъ о томъ, какъ необходимо ей сохраненіе мира. Не вѣрю поэтому, какіе бы слухи ни распространялись въ Европѣ, чтобы императоръ Французовъ не захотѣлъ обратить вниманіе на истинные интересы своей страны, на интересы своей собственной династіи, которая можетъ удержаться на престолѣ только подъ условіемъ сохраненія мира и благоденствія Франціи. *(Одобреніе.)* Но если, къ несчастью, онъ все-таки выйдетъ на этотъ путь, если, несмотря на дружескія усилія, которыя будутъ употреблены нами для соглашенія Австріи, Сардиніи и Франціи, война будетъ результатомъ этихъ вопросовъ, этихъ взаимныхъ подозрѣній и вооруженій, то намъ останется утѣшеніе, хотя правда плачевное утѣшеніе, что мы употребили всѣ зависящія отъ насъ дружелюбныя средства для предотвращенія этого страшнаго бѣдствія; положеніе наше опредѣлится тѣмъ, что мы не связаны никакими тайными обязательствами, никакими трактатами и соглашениями, что мы вполне свободны дѣйствовать, смотря по ходу дѣла, какъ потребуетъ нашъ долгъ и честь нашей страны. *(Одобреніе.)* Смѣю думать, что я коснулся всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ, на которые было указапо; радуюсь, что между и благороднымъ лордомъ и мною не оказывается большой разницы въ мнѣніяхъ касательно настоящаго положенія дѣла и престопащаго намъ образа дѣйствій, и не сомнѣваюсь, что, въ стремленіяхъ своихъ къ сохраненію мира, правительство встрѣтитъ опору во всѣхъ членахъ палаты. *(Одобреніе.)*

Графъ Грей объявилъ, что онъ съ большимъ удовольствіемъ выслушалъ рѣчь благороднаго лорда и совершенно согласенъ со всѣмъ, что было сказано имъ о внѣшней политикѣ страны. Нельзя не поздравить правительство съ тѣмъ, что оно рѣшилось настаивать на уваженіи къ трактатамъ. *(Слушайте.)* Онъ не можетъ согласиться только съ однимъ параграфомъ въ тронной рѣчи, именно съ слѣдующимъ: «Повсемѣстное примѣненіе силы пара къ морской войнѣ сдѣлало необходимымъ временное увеличеніе расходовъ для перестройки британскаго флота.» Онъ не станетъ спорить о необходимости увеличить средства защиты страны, — напротивъ, взирая на заботы прочихъ державъ о расширеніи ихъ морскихъ силъ, онъ думаетъ, что пришло время обратить на это особенное вниманіе. Но въ упомянутомъ параграфѣ подразумѣвается, что будутъ построены огромные корабли по плану, который недавно еще былъ въ чести. Если таково, дѣйствительно, намѣреніе правительства, то оно сдѣлаетъ важную ошибку. Двадцать лѣтъ тому назадъ, онъ убѣждалъ адмиралтейство не тратить денегъ на по-

стройку парусныхъ линейныхъ кораблей, ибо онъ былъ увѣренъ, что парь сдѣлается, въ скоромъ времени, главною силою во флотѣ, а корабли, построенные на старинный манеръ, окажутся совершенно бесполезными. Правительство не обратило вниманія на его совѣты; оно продолжало тратить милліоны на парусныя суда, и въ результатѣ вышло то, что онъ предсказывалъ. Теперь построили, съ большими издержками, множество паровыхъ судовъ, и онъ убѣжденъ, что было большою ошибкой строить множество цѣнныхъ кораблей по существующимъ нынѣ системамъ. Надо поступать въ дѣлахъ этого рода съ крайнею осторожностію и строить не болѣе кораблей, какъ сколько именно нужно. Въмѣсто этого гораздо лучше заботиться постоянно о приготовленіи и обученіи морскихъ офицеровъ и матросовъ. Заготавливать какъ можно болѣе снарядовъ и припасовъ, приманивать людей въ морскую службу и заботиться о хорошемъ обученіи ихъ—несравненно полезнѣе, чѣмъ тратить огромныя суммы денегъ на сооруженіе кораблей по системѣ, которая успѣетъ устарѣть, прежде чѣмъ придется употребить ихъ въ дѣло. Въ случаѣ необходимости, если только не жалѣть денегъ, можно выстроить въ самое короткое время сколько угодно кораблей, но не такъ скоро добыть опытныхъ матросовъ и офицеровъ.

Графъ Гардвикъ (одинъ изъ лордовъ адмиралтейства) съ удовольствіемъ видитъ, что благородный лордъ считаетъ необходимымъ увеличить морскія силы Англіи. Правительство ревностно слѣдило за успѣхами кораблестроительнаго искусства послѣднее время; оно надѣется, что современемъ будетъ сдѣлано еще больше улучшеній, и вполнѣ согласно съ благороднымъ лордомъ, что требуется много опытности и предусмотрительности въ распоряженіи суммами, опредѣленными для этой цѣли парламентомъ. Но оно никакимъ образомъ не раздѣляетъ мнѣнія благороднаго лорда, что можно построить военные корабли съ необыкновенною быстротою, лишь только потребуютъ этого обстоятельства, и желало бы, чтобы въ случаѣ войны Англія встрѣтила непріятеля съ достаточнымъ количествомъ точно такихъ же кораблей, какіе будутъ находиться въ рядахъ противнаго ей флота. *(Слушайте, слушайте.)*

Лордъ Брумъ искренно соглашается съ своимъ благороднымъ другомъ, сидящимъ напротивъ (лордомъ Дерби), въ томъ, что при настоящемъ критическомъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, въ высшей степени было бы важно, чтобы между правительствомъ и оппозиціею не существовало никакого различія въ мнѣніяхъ, чтобы ихъ лордства единодушно и единогласно сходились въ началахъ, изложенныхъ въ засѣданіи нынѣшней ночи. Недавно возвратившись изъ Франціи, онъ считаетъ необходимымъ высказать, что онъ вполнѣ раздѣляетъ эти начала, для предупрежденія лживыхъ толковъ не

во Франціи, гдѣ самое полное единство мѣній господствуетъ во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ классахъ (*слушайте, слушайте*), но въ Сардиніи, гдѣ могли бы предположить, что онъ не раздѣляетъ мѣній, такъ единогласно всѣми выраженныхъ. Важно это еще потому, что уже сдѣланъ былъ намекъ на образъ его дѣйствія въ другой палатѣ парламента по одному прежнему случаю; но тогда ему приходилось дѣлать нападеніе на такъ-называемыхъ священныхъ союзниковъ, за вмѣшательство ихъ въ управленіе чужими государствами, и вотъ его спрашиваютъ теперь: какъ онъ, приносившій нѣкогда жалобу на «трехъ веронскихъ дворянъ» (1), Пруссію, Австрію и Россію, въ намѣреніи ихъ низвергнуть испанскую конституцію, могъ воздержаться отъ возраженій противъ поведения Австріи въ Италіи, и въ особенности противъ того порабощенія, въ какомъ, по общимъ слухамъ, держитъ она Ломбардцевъ? Отвѣтъ его кратокъ и ясенъ. Конечно, нельзя было не считать противозаконнымъ стремленіе священныхъ союзниковъ подавить въ Испаніи свободную конституцію, но не въ этомъ была ихъ главная вина: она заключалась въ желаніи ихъ вмѣшиваться въ дѣла, совершенно имъ чуждыя (*слушайте, слушайте*), въ желаніи принять на себя въ Европѣ полицейскія обязанности; и еслибъ даже, по одной изъ тѣхъ случайностей либо капризовъ, которыми такъ подверженъ деспотизмъ, они вызвались защищать свободную конституцію отъ правителей-тирановъ, то и тогда слѣдовало бы употребить противъ нихъ тотъ же доводъ. Они не имѣли никакого права, даже въ интересъ самаго справедливаго дѣла, вмѣшиваться въ дѣла другаго государства. Онъ приведетъ примѣръ, который можно примѣнить къ настоящему случаю. Предположимъ, что священный союзъ, вмѣсто того чтобы нападать на испанскую конституцію, почелъ бы нужнымъ помогать Генуэзцамъ противъ Сардиніи: противники могли бы сдѣлать то же самое возраженіе. Они сказали бы, что прискорбно имъ видѣть Генуэзцевъ подданными Сардиніи, но что это произошло по распоряженіямъ трактата, состоявшагося въ 1815 г. на вѣнскомъ конгрессѣ, что, по весьма удачному выраженію рѣчи ея величества, «вѣрность трактатамъ должна быть соблюдаема нерушимо», и поэтому священные союзники не имѣютъ никакого права вмѣшиваться, подъ ложнымъ предлогомъ защиты вольностей генуэзскаго народа, въ распоряженія, торжественно утвержденныя вѣнскимъ трактатомъ. Но должно замѣтить, что священные союзники, что бы ни говорили противъ нихъ, не руководствовались по крайней мѣрѣ никакими личными интересами въ своихъ дѣйствіяхъ. Они вмѣши-

(1) *Два веронскіе дворянина*—піеса Шекспира, а «три дворянина» держали въ 1822 г., конгрессъ въ Веронѣ.

вались безъ всякаго намеренія увеличить свои собственные силы, либораспространить свои владычя, но съ цѣлію только уничтожить испанскую конституцію, при чемъ они, конечно, руководствовались началами ложными и заслуживающими всякаго порицанія. Онъ желалъ бы имѣть возможность сказать то же самое въ настоящую минуту о Сардиніи. Предлогомъ для своихъ дѣйствій она выставляетъ желаніе помочь угнетеннымъ Италіянцамъ, но онъ боится, что подъ этимъ предлогомъ кроется не совсѣмъ скромное желаніе распространить свои предѣлы. Никто искреннѣе его не радовался учрежденію въ Пиемонтѣ свободной конституціи; никто такъ не восхищался дѣятельностію людей, которые, несмотря на множество препятствій, поддерживали эту конституцію, и онъ съ такимъ же прискорбіемъ, какъ и благородный другъ его, сидящій позади (лордъ Гренвилль), и благородный другъ его, сидящій насупротивъ (лордъ Дерби), видитъ это уклоненіе сардинскаго правительства отъ здравыхъ, благородныхъ и прямо-прогрессивныхъ началъ, доселѣ руководившихъ его образомъ дѣйствій. Онъ надеется и увѣренъ, что всеобщее порицаніе, или—если это выраженіе слишкомъ сильно—всеобщее прискорбіе, возбуждаемое этимъ уклоненіемъ отъ здравой и справедливой политики, заставитъ сардинское правительство, прежде чѣмъ оно рѣшится продолжать свой новый образъ дѣйствій, подумать о томъ дважды, и даже болѣе, чѣмъ дважды. Что касается до Франціи, то ея интересы теперь совершенно непохожи на тѣ, которые существовали сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда у нея не было ни торговли, ни мануфактуръ, ни капиталовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни коммерческихъ спекуляцій, ни по внутренней, ни по внѣшней торговлѣ; общественное мнѣніе всѣхъ классовъ и всѣхъ партій, въ ея средѣ, стоитъ противъ всякаго нарушенія мира; въ добросовѣстности ея правительства нельзя сомнѣваться, послѣ того какъ оно недавно такъ блистательно доказало ее по вопросу о торгѣ африканскими невольниками. Все это заставляетъ его (лорда Брума) питать самое дозрчивое ожиданіе, сказать — надежду было бы слишкомъ смѣло,—что со стороны Франціи не будетъ ни малѣйшей попытки принять участіе въ сардинской спекуляціи, какъ называютъ ее, и что спекуляція эта приведетъ къ полному банкротству. Въ Германіи господствуетъ то же самое расположеніе. Во всѣхъ частяхъ этой страны сильно проявляется желаніе предотвратить нарушеніе европейскаго мира. Онъ не вѣритъ, чтобы французское правительство обязалось, какимъ бы то ни было образомъ, помочь Сардиніи въ расширеніи ея территоріи. Вѣроятно, все ограничивается только обязательствомъ, въ случаѣ если Сардинія подвергнется нападенію отъ Австріи,—что нисколько не вѣроятно,—оказать ей помощь. Нельзя представить себѣ большаго бѣдствія, какъ движе-

нiе, которое можетъ разираться теперь въ Италии. Если обратить вниманiе на состоянiе Европы, война между Сардинiей и Австрией не можетъ долго ограничиваться предѣлами одной Ломбарди. Рано или поздно, она должна привести ко всеобщей европейской войнѣ. Такое бѣдствiе страшно даже представить себѣ, и онъ усердно присоединяется къ своему благородному другу (графу Дерби), въ выраженiи пламенной надежды, чтобъ оно не постигло человѣчество. (*Слушайте, слушайте.*)

Графъ Карлейль встаетъ не за тѣмъ, чтобы продолжать обсужденiе вопроса, бывшаго предметомъ большей части рѣчей, произнесенныхъ въ эту ночь. Говоря это, онъ разумѣетъ рѣчи вождей обѣихъ сторонъ парламента, рѣчи обширныя и важныя, которыя, онъ увѣренъ, получаютъ значенiе не только въ этихъ стѣнахъ, но въ цѣлой странѣ и во всей Европѣ. Онъ чувствуетъ себя весьма счастливымъ, видя въ рѣчахъ этихъ подтвержденiе своихъ надеждъ, что Англія въ настоящее время, — ему очень хотѣлось бы сказать: всегда—будетъ воздерживаться отъ преступнаго и опрометчиваго вмѣшательства въ войну. Но какъ бы то ни было, еще будетъ время обратиться къ тому же предмету, когда обѣщанныя бумаги будутъ представлены ихъ лордствамъ; теперь же онъ желаетъ сдѣлать одно замѣчанiе, касающееся внутренняго состоянiя этой страны, въ сравненiи съ которымъ всѣ такiе вопросы, какъ вопросы о мирѣ и реформѣ, при всей ихъ важности, имѣютъ лишь второстепенное значенiе. Конечно, онъ не считаетъ свою обязанностью указывать правительству ея величества, какимъ образомъ оно можетъ упрочить за собою справедливую популярность. Но съ благодарностiю выслушавъ слова тронной рѣчи объ уменьшенiи пауперизма и преступленiй и будучи убѣжденъ въ то же время, что весьма значительная доля бѣдствiй и безпорядковъ въ этой странѣ, можетъ быть приписана дѣйствию пьянства, онъ думаетъ, что еслибы правительство захотѣло обратиться, въ возможной скорости, къ средствамъ для устраненiя несчастiй и злоупотребленiй, производимыхъ и усиливаемыхъ теперь системою шинковъ, оно вступило бы на широкiй путь, который снискалъ бы ему одобренiе и благодарность всѣхъ здравомыслящихъ людей въ королевствѣ. Не время теперь вдаваться въ подробности по этому предмету. Вопросы о томъ, присвоить ли право давать дозволенiя на открытiе шинковъ членамъ магистратуры, подчинить ли шинки строгимъ полицейскимъ правиламъ, или же совершенно воспретить, по истеченiи извѣстнаго срока, выдачу впредь новыхъ дозволенiй—всего лучше, разумѣется, предоставить на разрѣшенiе исполнительной власти. Но парламентъ имѣетъ полное право—и даже необходимо долженъ—обратить на эти вопросы свое вниманiе. Всѣ члены магистратуры, всѣ служители

церкви, всѣ сельскіе землевладѣльцы и мануфактуристы, такъ согласны въ этомъ отношеніи, что если правительство употребитъ противъ зла дѣйствительныя средства, оно не только приобрететъ себѣ большую честь, но и принесетъ великую и прочную пользу обществу. (*Одобреніе.*)

Затѣмъ, лордъ канцлеръ представилъ отвѣтныя адреса на тронную рѣчь, который былъ принятъ *temine dissentiente* (*однимъ-мало*).

По принятіи, по предложенію графа Дерби, нѣкоторыхъ распоряженій, относящихся до будущихъ засѣданій, лорды разошлись въ четверть 9-го.

ЗАСѢДАНІЕ ПАЛАТЫ ОБЩИНЪ.

Нижняя палата собралась формально въ половинѣ втораго, но члены стали уже сходиться ранѣе, чѣмъ за полчаса. Въ числѣ прежде-прибывшихъ были: г. Драммондъ, г. Кардвелль, сэръ-Уильямъ Гиткотъ, генералъ сэръ де-Леси Эвансъ, сэръ-Уильямъ Гейтеръ, г. Бентинкъ, сэръ-Генри Виллоби и генералъ сэръ-У. Ф. Уильямсъ; за ними, въ короткіе промежутки, появились въ числѣ другихъ: г. Сотеронъ Эсткортъ, сэръ-Уильямъ Джоллифъ, г. Мобрей, г. Робакъ, г. Вальтеръ, г. Аспиналь Торнеръ, г. А. Киннердъ и полковникъ Уильсонъ-Паттнъ. Въ теченіе слѣдующихъ минутъ показались: г. Вайтсайдъ, г. Спуверъ, адмиралъ Валькотъ, г. Локъ-Кингъ, г. Пекъ, г. Дидзъ, г. Тайтъ, г. У. Эвартъ, г. Дж. П. Фицджеральдъ, сэръ-Генри Китингъ, г. Гедламъ, лордъ Донкеллинъ, г. Варренъ и многіе другіе.

Въ половинѣ втораго вошелъ въ палату *спикеръ* (президентъ). Налицо было тогда около 200 членовъ, размѣстившихся, почти поровну, по обѣимъ сторонамъ палаты. Затѣмъ прочтены были молитвы; присутствовавшія постороннія лица, точно такъ же какъ представители журналовъ, были приглашены удалиться во время этой церемоніи. Въ это время скамью казначейства занимали: г. Вальполь, секретарь внутреннихъ дѣлъ; г. Генли, президентъ торговаго бюро; г. Вайтсайдъ, генералъ-атторней Ирландіи; сэръ-Генри Кернъ, генералъ-солиситоръ; лордъ Джонъ Маннерсъ, первый комиссаръ публичныхъ работъ; г. Сотеронъ Эсткортъ, президентъ бюро призрѣнія бѣдныхъ; г. Сеймуръ Фицджеральдъ и г. Мобрэй. Въ 2 часа съ небольшимъ, вошелъ руководитель (*leader*) нижней палаты, г. Дизраэли, и занялъ мѣсто посреди своихъ товарищей.

До этого времени, на передней скамьѣ оппозиціи засѣдали только сэръ-Генри Китингъ, генеральный-солиситоръ въ бывшемъ министерствѣ лорда Пальмерстона, и г. Дж. Д. Фицджеральдъ.

Первый изъ этихъ ученыхъ джентльменовъ, казалось, еще страдалъ отъ недавней болѣзни.

Большая толпа собралась у рѣшетки. Промежутокъ времени, длившійся около полутора часа, до полученія приглашенія отъ лордовъ, былъ проведенъ присутствовавшими въ радушныхъ привѣтствіяхъ и разговорахъ.

Въ 25 минутъ третьяго раздался крикъ: «Черный Жезлъ», и вслѣдъ за тѣмъ г. Польменъ, церемоніймейстеръ (экзекуторъ, usher), показался у рѣшетки. Подойдя къ столу, онъ, съ обычными поклонами, сказалъ: «Г. спикеръ, королева повелѣваетъ этой почтенной палатѣ немедленно предстать предъ ея величество въ палатѣ перовъ».

Президентъ тотчасъ, въ предшествіи несущаго булаву герольда, отправился въ палату лордовъ; за нимъ послѣдовали: сперва канцлеръ казначейства и остальные члены настоящаго правительства, а за тѣмъ — прочіе наличные члены палаты, въ томъ порядкѣ, въ какомъ были прочитаны клеркомъ имена ихъ, по мѣрѣ того, какъ онъ вынималъ ихъ изъ стоявшей на столѣ хрустальной урны, гдѣ они были предварительно перемѣшаны, согласно съ обычаемъ, принятымъ въ послѣдніе годы.

Черезъ десять минутъ, по возвращеніи *оратора* (спикера, то есть президента), засѣданіе было отложено до четверти четвертаго.

Въ назначенный часъ *спикеръ* снова занялъ каѳедру. Членовъ было очень немного; скамью казначейства занимали только: лордъ Станли, сэръ-Уллиамъ Джоллиффъ и сэръ С. Норткотъ, — а на передней скамьѣ оппозиціи сидѣли на этотъ разъ лишь г. Гейтеръ и г. Уильсонъ. Вскорѣ за тѣмъ, канцлеръ казначейства, г. Вальполь, сэръ-Джонъ Пакингтонъ, лордъ Джонъ Маннерсъ и другіе члены правительства заняли свои мѣста на скамьѣ казначейства, а лордъ Пальмерстонъ, сэръ-Джорджъ Грей, сэръ-Чарльзъ Вудъ, г. Ло, г. Лабушеръ и прочіе члены послѣдняго правительства сѣли на передней скамьѣ оппозиціи. Лордъ Джонъ Россель занялъ прежнее свое мѣсто на передней скамьѣ у прохода на оппозиціонную сторону палаты, а сэръ-Джорджъ Грамъ опять сѣлъ на мѣстѣ, которое занималъ въ продолженіе многихъ сессій прежде, на второй скамьѣ, у прохода на министерскую сторону.

Президентъ сообщилъ, что имъ получено письмо отъ лорда Каннинга, генераль-губернатора Индіи, въ отвѣтъ на благодарственный вотумъ палаты, и что къ этому письму приложены письма тѣхъ офицеровъ индійской арміи, на которыхъ особенно распространяется благодарность палаты. Письма эти достопочтенный джентльменъ прочиталъ палатѣ.

Слѣдующіе новые члены дали присягу и заняли мѣста въ палатѣ: лордъ У. Грамъ — отъ Герфордшира; г. Бесли — отъ Ман-

честера; г. *Кекмиш* — отъ Южнаго Девона; майоръ *Морганъ* — отъ Брекнокшира; г. *Эгертокъ* — отъ Чешира; г. *Молсонъ* — отъ Рейгета; г. *Омсло* — отъ Гильдфорда.

По предложенію г. Гейтера, опредѣлено выпустить новый рить для избранія члена въ Банбери, вмѣсто г. Танкреды, получившаго административную должность экзекутора въ Чильтернскомъ округѣ.

По предложенію полковника Френча, назначенъ также новый рить для избранія представителя городу Гальвею, на мѣсто г. О'Флагерти, котораго избраніе объявлено недѣйствительнымъ.

Обычныя распоряженія касательно засѣданій были приняты.

Г. У. Эвартъ объявилъ, что на будущей недѣлѣ онъ предложитъ, чтобы впредь, по вторникамъ и четвергамъ (дни, въ которые дѣла правительственныя не предшествуютъ другимъ предметамъ сужденій), палата собиралась въ 12 часовъ, а расходилась въ 6, какъ по средамъ.

Сэръ-А. Анью сообщилъ, что завтра онъ спроситъ секретаря военныхъ дѣлъ: извѣстно ли ему, что на островѣ Мальтѣ отданъ по гарнизону приказъ, повелѣвающій стражъ и часовыхъ отдавать честь при встрѣчѣ со святыми дарами; намѣрено ли правительство ея величества утвердить такой приказъ на островѣ Мальтѣ, либо въ какой другой колоніи, и правда ли, что капитанъ Шеффилдъ былъ посаженъ подъ арестъ за отказъ подчиниться ему?

Г. Диллвинъ объявилъ, что въ скоромъ времени онъ попроситъ позволенія представить билль объ измѣненіи закона о школахъ, еодержимыхъ государствомъ.

Лордъ Бери сообщилъ, что въ будущей вторникъ онъ будетъ просить дозволеніе предложить билль о дарованіи права вступать въ бракъ съ сестрою умершей жены. (*Смѣхъ.*)

Г. Локъ-Кингъ объявилъ, что въ скоромъ времени онъ будетъ просить позволенія представить билль объ измѣненіи закона о наследованіи недвижимаго имущества.

Г. Тайтъ сообщилъ, что во вторникъ, 15-го числа текущаго мѣсяца, онъ предложитъ составить особый комитетъ для изслѣдованія дѣйствій закона о свидѣтельствovanіи и лѣченіи умалишенныхъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся такими по слѣдствію.

Г. Варренъ объявилъ, что въ скоромъ времени онъ представитъ палатѣ слѣдующія резолюціи:

• 1) Что, послѣ того, какъ ея величество соизволила, принимая на себя управленіе Индіей, возвѣститъ государямъ, начальникамъ и народу этой страны о твердой своей привязанности къ христіанской вѣрѣ, объявляя въ то же время, что она не имѣетъ ни права, ни желанія налагать свои убѣжденія на кого бы то ни было изъ своихъ подданныхъ, — эта палата полагаетъ, что планъ

правительства для воспитанія туземцевъ долженъ вмѣщать въ себя и наставленіе въ Священномъ Писаніи; но что религиозное обученіе отнюдь не должно быть принудительно для тѣхъ учениковъ, которые не захотѣли бы принимать его.

«2) Что, совѣстливо уважая права собственности туземныхъ религиозныхъ учреждений въ Индіи, правительство должно предоставить управленіе этими учреждениями вполнѣ самимъ туземцамъ; но что никакія салютаціи, либо иные знаки уваженія, несовмѣстныя съ христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ королевы, не должны быть оказываемы какой-либо изъ туземныхъ религій, ниже должны быть допускаемы какія-либо процессіи, или иныя всенародныя зрѣлища, могущія возмущать общественное спокойствіе, развращать народную нравственность, оскорблять человеческое чувство, или религиозныя убѣжденія какого-либо класса подданныхъ ея величества въ Индіи.

«3) Что, считая касты различіемъ скорѣе племеннымъ, чѣмъ религиознымъ, и противнымъ нравственному и общественному преуспѣянію туземнаго общества, палата полагаетъ, что различіе кастъ никоимъ образомъ не должно быть поощряемо въ правительственныхъ школахъ, либо въ какой-либо отрасли государственной службы.

«4) Что индійское правительство, строго воздерживаясь отъ косвеннаго или прямаго пользованія своимъ политическимъ вліяніемъ съ цѣлью содѣйствовать усиленію и распространенію христіанской религіи, обязано заботиться о просвѣщеніи и образованіи туземцевъ; доставлять всякое пособіе добровольнымъ усиліямъ для распространенія Евангелія, и охранять права совѣсти и свободу личныхъ дѣйствій всѣхъ подданныхъ ея величества въ Индіи, какъ состоящихъ, такъ и не состоящихъ въ военной, либо гражданской службѣ, какъ Европейцевъ, такъ и туземцевъ, и, наконецъ, какъ привязанныхъ къ своимъ собственнымъ формамъ вѣроисповѣданія, такъ и признающимъ, вмѣстѣ съ ея величествомъ, Единаго Истиннаго Бога и Спасителя рода человеческого.»

Полковникъ Нортъ сообщилъ, что завтра онъ спроситъ секретаря военныхъ дѣлъ: правда ли, что правительство намѣревается уменьшить настоящій составъ милиціи на 10,000 человекъ?

Президентъ объявилъ, палатѣ, что онъ представилъ предъ ея величествомъ въ палатѣ лордовъ, гдѣ ея величество изволила произнести съ трона всемілостивѣйшую рѣчь. Затѣмъ, этотъ достопочтенный джентльменъ прочелъ королевскую рѣчь.

Г. Трефозисъ (на которомъ былъ мундиръ мидиціонный) сказалъ, что хотя, вставая подать голосъ о представленіи ея величеству почтительнѣйшаго адреса въ отвѣтъ на ея всемілостивѣй-

шую рѣчь, онъ глубоко сознаетъ важность принимаемаго имъ на себя труда, а также то, до какой степени онъ нуждается въ снисхожденіи со стороны тѣхъ, къ кому онъ обращается, — но что, однакожъ, ему совершенно излишне обращаться къ палатѣ съ просьбою о снисхожденіи; потому что ему уже хорошо известно, съ какимъ великодушіемъ это снисхожденіе всегда было оказываемо тѣмъ, которые находились въ его положеніи, и онъ знаетъ, что въ снисхожденіи не откажутъ одному изъ самыхъ младшихъ членовъ парламента. (*Одобреніе.*) Робость, которую онъ естественно чувствовалъ, принимая въ соображеніе разнообразіе и важность тѣхъ предметовъ, на которые ея величество обратила вниманіе палаты, могла бы дать ему еще одно основаніе, чгобы надѣяться на снисхожденіе палаты; но ему кажется, что общій тонъ рѣчи ея величества такъ удовлетворителенъ, такъ полонъ поздравленій за прошедшее и ободреній для будущаго, что онъ надѣется, что на предложеніе, которое представитъ онъ принялъ на свою обязанность, послѣдуетъ всеобщее согласіе. (*Одобреніе.*)

Въ первомъ параграфѣ своей рѣчи королева поздравляетъ парламентъ съ миромъ и спокойствіемъ, господствующимъ въ цѣлой странѣ. Это могло бы дать поводъ къ поздравленіямъ и во всякое время, но въ особенности можетъ быть поводомъ къ нимъ теперь, если палата припомнитъ тѣ обстоятельства, при какихъ собрался парламентъ въ началѣ послѣдней сессіи. Панический страхъ въ финансовомъ мирѣ, начавшійся на материкѣ, достигъ этой страны и распространилъ тревогу и замѣшательство, но, по прошествіи съ небольшимъ года, неизбѣжныя послѣдствія его исчезли до такой степени, что теперь всякаго рода трудъ легко находить себѣ занятіе. (*Слушайте, слушайте.*) Палата вмѣстѣ съ ея величествомъ порадуется, что преступленія и пауперизмъ уменьшились, тѣмъ болѣе что преступленія и пауперизмъ такіа бѣдствія, которыя не могутъ быть искоренены законодательствомъ. (*Слушайте, слушайте.*) Палата можетъ приписать постепенное уменьшеніе этихъ бѣдствій напряженнымъ усиліямъ, совершеннымъ въ послѣдніе года для распространенія образованія, искреннему сочувствію, возникшему и постоянно возрастающему между разными классами общества, несмотря на рѣзкія различія между ними, и всеобщей разборчивой благотворительности, которую никогда не переставало привлекать къ себѣ несчастіе. (*Одобреніе.*) Палата приметъ съ искреннимъ удовольствіемъ извѣстіе о положеніи дѣлъ въ Индіи; она можетъ теперь питать надежду, что если бѣдствіе еще не совсѣмъ прекращено, то по крайней мѣрѣ такъ уменьшилось въ своихъ размѣрахъ, что общаея скоро кончится. (*Слушайте, слушайте.*) Но между тѣмъ, какъ палата поздравляетъ себя съ надеждой на окончаніе возстанія

онъ должна съ благодарностію отдать справедливость искусству и энергіи лорда Клейда и состоящихъ подъ его начальствомъ офицеровъ и солдатъ, оказавшихъ то самопожертваніе, которымъ всегда отличалась британская армія во всѣхъ частяхъ свѣта. *(Слушайте.)* Онъ увѣренъ, что будутъ по возможности приняты мѣры для улучшенія быта индійскаго населенія, и онъ не можетъ не выразить надежды, что учрежденное тамъ новое управленіе начнетъ новую эру въ исторіи англійскаго владычества — эру преуспѣянія для народа, развитія богатствъ для страны, и что владычество Англій упрочится не столько силою оружія, сколько свободнымъ повиновеніемъ довольнаго народа. *(Одобреніе.)* Получая это радостное извѣстіе изъ собственныхъ нашихъ отдаленныхъ владѣній, палата узнала, что отношенія наши къ другимъ государствамъ продолжаютъ быть дружественными. Наша связь съ одною изъ великихъ державъ скрѣплена союзомъ, которому палата, представляя собою англійскій народъ, не можетъ не радоваться, и говоря объ этомъ, онъ не можетъ удержаться отъ намека на событіе, происшедшее недавно въ семействѣ ея величества. *(Слушайте, слушайте.)* Онъ говоритъ не объ одномъ лишь томъ чувствѣ, какое палата можетъ испытывать при рожденіи наследника конституціоннаго престола, — онъ говоритъ о чувствахъ, разделяемыхъ каждымъ членомъ этой палаты и каждымъ гражданиномъ Англій, о чувствахъ, побудившихъ палату принести изъ глубины души сердечныя поздравленія ея величеству *(слушайте, слушайте)*; въ прочности счастія ея королевскаго высочества, принцессы прусской, палата видитъ доказательство того, что усердныя молитвы народа были не напрасны. *(Одобреніе.)* Ея величество увѣряетъ палату, что дружественныя сношенія продолжаютъ со всѣми великими державами. Это имѣетъ особенное значеніе въ настоящее время, потому что представляетъ нѣкоторое ручательство въ томъ, что, на сколько это касается Англій, палата можетъ питать надежду на продленіе благотворнаго мира. *(Громкія одобренія.)* Но бросая взоръ вокругъ, палата не можетъ не видѣть, что двѣ великія державы въ Европѣ, обѣ, состоящія въ союзѣ съ Англійей, приняли относительно другъ друга угрожающее положеніе. До насъ дошли слухи о союзахъ и трактатахъ, которые могутъ привести къ нарушенію мира. Если цѣль ихъ — возрожденіе и возвышеніе Италіи среди другихъ народовъ, то онъ усерднѣе умоляетъ не прибѣгать для этого къ оружію. *(Одобреніе.)* Эта цѣль можетъ быть весьма похвальною цѣлью, такую, достиженію которой мы сами, еслибъ она была залумана въ добромъ духѣ, желали бы содѣйствовать; но она никогда не можетъ быть достигнута обращеніемъ Италіи въ поле битвы для двухъ великихъ военныхъ державъ, какъ Франція и

Австрія. (*Одобреніе.*) Онъ увѣренъ, что политика Англіи никогда не будетъ благоприятствовать замысламъ, клонящимся къ нарушенію мира, но что напротивъ она будетъ стремиться отъвертнуть отъ Европы ужасы войны. (*Громкія одобренія.*) При настоящемъ положеніи дѣлъ, слова королевской рѣчи, конечно, въ состояніи успокоить встревоженные умы и внушить довѣріе. До сихъ поръ, къ счастью, миръ Европы еще не былъ нарушенъ. Онъ надѣется, что опасенія за него не имѣютъ основанія, — и увѣренъ, что если голосъ общественнаго мнѣнія когда-либо оказывалъ какое-нибудь вліяніе на политику народовъ, или на поведеніе ихъ правителей, — то и теперь, когда онъ слышится въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ, требующихъ сохраненія мира, онъ будетъ раздаваться не напрасно. (*Одобреніе.*) Онъ надѣется, что увеличеніе гражданскихъ правъ и политическаго значенія, даруемое новою формою правленія жителямъ Молдавіи и Валахіи, приведетъ къ удовлетворительнымъ результатамъ. (*Слушайте.*) Заключенъ торговый трактатъ съ російскимъ императоромъ, столь недавнимъ еще непріателемъ нашимъ, а отнынѣ — онъ надѣется — союзникомъ; на этотъ трактатъ палата будетъ смотрѣть, по выраженію ея величества, какъ на «удовлетворительное доказательство полного возстановленія дружественныхъ отношеній, которыя до послѣдняго несчастнаго перерыва ихъ такъ долго существовали между ими къ взаимной выгодѣ ихъ владѣній». Палата порадуется тому, что переговоры, послѣдовавшіе за дѣйствіями на китайскихъ водахъ, при великой энергіи и искусствѣ лорда Эдвардса, приведены къ удовлетворительному концу, и что заключенъ трактатъ, который, ограждая торговля сношенія, откроетъ обширное поле для предпринимчивости и дастъ сильный толчокъ торговлѣ. (*Слушайте, слушайте.*) Также заключенъ трактатъ съ Японскою имперіей. Издержки, употребленныя для достиженія обѣихъ этихъ цѣлей, не велики, сравнительно съ результатами, которые смѣло можно предсказывать. (*Слушайте, слушайте.*) Палата искренно радѣетъ то удовольствію, съ какимъ ея величество объявила, что императоръ Французовъ отмѣнилъ систему переселенія негровъ съ восточнаго берега Африки, и народъ оцѣнить благородное чувство, побудившее къ этому императора Французовъ. (*Слушайте, слушайте.*) Палата не сочтетъ указанія, что надержки на британскія морскія силы должны временно увеличиться, несомнѣннымъ съ дружественными отношеніями и сохраненіемъ мира. (*Слушайте.*) Это дѣлается не въ видахъ угроженія или съ цѣлью нападенія, но предпринимаются въ томъ соображеніи, что, нѣтъ ли корабли во всякомъ морѣ и заведенія на всякомъ берегу, легче ограждать интересы согражданъ во всѣхъ частяхъ свѣта.

(Слушайте, слушайте.) Пользуясь внутреннимъ миромъ и наслаждаясь благоденствіемъ, страна имѣетъ досугъ обратить вниманіе на мѣры внутреннихъ улучшеній. Правительство приготовило много мѣръ великой важности; но вопросомъ, возбуждившимъ наибольшее вниманіе, было состояніе законовъ, опредѣляющихъ народное представительство въ парламентъ. Кто помнитъ событія, предшествовавшія акту 1832 г., тому нынѣшнее расположеніе народнаго чувства, по поводу этого предмета, представить весьма благопріятную противоположность. *(Слушайте, слушайте.)* Теперь нѣтъ никакой сильной агитаціи, нѣтъ раздраженныхъ требованій реформы. Общественное мнѣніе приготовилось терпѣливо ждать этой мѣры, и онъ увѣренъ, что палата, при такомъ великомъ вопросѣ, совершенно оставить всякій духъ партій, и искренно соединится, чтобы принять дѣйствительную мѣру, которая клонилась бы во благо парламенту. *(Слушайте, слушайте.)* Министрамъ ея величества будетъ предоставлено преимущество предложить мѣру, которая не будетъ плодомъ агитаціи и не будетъ исторгнута угрозами, и, вовсе не зная, какова будетъ эта мѣра, онъ только можетъ выразить желаніе, чтобы дѣйствительныя требованія времени были исполнены; чтобы разнообразныя и важные интересы, города и графства, земледѣліе и торговля, получили полное вліяніе, и чтобы, если какой-нибудь классъ возвысился и получилъ, по положенію своему и умственному развитію, полную способность участвовать въ представительствѣ страны, — что, вѣроятно и случилось, — то права его не были бы упущены изъ вида. *(Слушайте, слушайте.)* Но, хотя и желая реформы, онъ надѣется, что палата не коснется основаній конституціи и не нарушитъ ее какимъ бы то ни было образомъ. *(Слушайте, слушайте.)* Палата по опыту знаетъ, какъ превосходна эта конституція, — и не должна, стремясь къ какой либо мечтательной теоріи, подвергаться опасности утратить хотя бы и малѣйшую изъ ся выгодъ. *(Одобреніе.)* Онъ увѣренъ, что палата искренно присоединится къ ея величеству, чтобы призвать благословеніе Божіе на свои совѣщанія, дабы направить ихъ къ упроченію престола, къ поддержанію и усовершенствованію учрежденій и къ общему благу и счастію народа. Въ заключеніе почтенный джентльменъ предложилъ адресъ, который былъ отголоскомъ королевской рѣчи.

Мистеръ Бикрофтъ (на немъ былъ мундиръ помощника лейтенанта) сказалъ, что онъ встаетъ поддерживать отвѣтныи адресъ на тронную рѣчь съ чувствомъ сильной робости. Его робость происходитъ, впрочемъ, совсѣмъ не отъ мысли о слабости порученнаго ему дѣла, но единственно отъ сознанія собственныхъ недостатковъ, какъ адвоката этого дѣла, и потому онъ долженъ, на

этотъ разъ, просить снисхожденія палаты. Почтенный джентльменъ, двигавшій адресъ, разсмотрѣлъ предметъ съ точки зрѣнія, болѣе общей, чѣмъ та, которую намѣренъ принять онъ самъ. Ему, какъ представителю обширной торговой общины, весьма прилично взять дѣло съ торговой точки зрѣнія, заняться преимущественно его торговою и финансовою стороною. Смотра на настоящее наше положеніе съ коммерческой и финансовою точки зрѣнія, нельзя отрицать, что у ея величества были весьма сильныя причины обратиться съ поздравленіями къ британскому парламенту и британскому народу. Настоящее удовлетворительное положеніе дѣлъ представляетъ рѣзкую и счастливую противоположность съ мрачнымъ прошедшимъ. Всѣ помнятъ — торговые люди, навѣрно, не скоро забудутъ — необычное умныя и паническій страхъ, господствовавшіе въ послѣднюю четверть 1857 года. Какъ ни были плачевны бѣдствія большаго кризиса 1847 г., но они и ничего не значатъ передъ тяжестью тѣхъ бѣдствій, которыя достигли высшаго предѣла въ предпоследнемъ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда наименьшій дисконтъ стоялъ на небывалой высотѣ 10%; когда уменьшеніе работы въ мануфактурныхъ округахъ произвело столько нищеты и мѣстныхъ несчастій, и когда наши торговые дома, большіе и малые, падали безъ счета какъ осенніе листья. Если съ этимъ состояніемъ ужаснаго торговаго изнеможенія сравнимъ нынѣшнее положеніе нашихъ денежныхъ и торговыхъ дѣлъ, если мы обратимъ вниманіе на постепенное, но вѣрное, возвращеніе къ лучшему; если мы посмотримъ на удовлетворительное состояніе торговли въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ, такъ вполне здоровое, такъ замѣчательно-чуждое спекуляцій, если мы обратимъ вниманіе на огромное уменьшеніе наперязма въ странѣ, если мы взглянемъ на настоящее цвѣтущее положеніе государственныхъ доходовъ, гдѣ по всѣмъ постояннымъ статьямъ оказывается такое замѣчательное и рѣшительное возрастаніе, представляющее (за устраненіемъ чрезвычайной статьи налога на собственность и на доходы) въ 1858 г., въ сравненіи съ 1857 г., излишекъ почти въ 3,500,000 ф. ст., то, принимая все это во вниманіе, должно согласиться, что существуютъ многія причины ко всеобщему удовольствію и сильныя поводы ко всеобщимъ поздравленіямъ. Нѣкоторые думали, что распоряженіе канцлера казначейства объ уменьшеніи и окончательномъ отмененіи налога на доходы, исполненное въ 1858 г., такъ скоро по выходѣ изъ послѣдняго кризиса, будетъ нѣсколько смѣлымъ шагомъ. Нѣкоторые достопочтенные джентльмены оппозиціи важно покачивали головою, и предсказывали, что смѣта доходовъ на этотъ годъ, которая служила основаніемъ для предложенія министра финансовъ, была выше, чѣмъ дозволяли обстоятельства. Но

великое удовольствіе ощутили страна и правительство; удовольствіе это — онъ увѣренъ — раздѣляли и почтенные джентльмены оппозиціи, когда событія вполне оправдали мудрость этого шага. Предвѣщанія о неблагоприятныхъ результатахъ, къ счастью, не сбылись. Финансовые виды канцлера казначейства оправдались. Его смѣты вовсе не были сангвиническаго свойства; напротивъ онъ можетъ-быть были черезчуръ осторожны. Общаніе, данное народу, было исполнено свято. Общанная сбавка части налога на доходы, простиравшаяся до суммы болѣе 7,500,000 ф. ст. дѣйствительно осуществилась. Послѣдствіемъ этой сбавки было усилившееся потребленіе въ сельскихъ мѣстностяхъ, а чрезъ это и увеличеніе государственныхъ доходовъ; такъ что, вообще, если канцлеръ казначейства обнаружилъ смѣлость, такъ это была удачная смѣлость, смѣлость, происходящая не отъ опрометчивости, но основанная на точныхъ соображеніяхъ, такая смѣлость, какую на войнѣ обнаруживаетъ герой, а въ политикѣ—государственный человѣкъ. Но, не входя въ болѣе подробное рязсмотрѣніе современнаго положенія дѣлъ, хотя оно и удовлетворительно, онъ просить у палаты позволенія бросить взглядъ на виды, открывающіеся торговлѣ, и рассмотреть блестящую будущность, повидимому предстоящую ей, если продлится миръ. Правда, нельзя отрицать, что на политическомъ горизонтѣ еще остается нѣсколько зловѣщихъ черныхъ тучъ, помрачающихъ солнечный свѣтъ нашихъ надеждъ и подвергающихъ опасности наши высококомѣрные ожиданія. Но можно надѣяться, что эти грозныя тучи скоро исчезнутъ совсѣмъ, и миръ удержится. Еслибы миролюбивыя желанія осуществились, а возможность войны исчезла, то было бы всякое основаніе ожидать такого развитія нашей торговли, такого увеличенія нашего коммерческаго благоденствія, какого никогда не представляли самыя блестящія страницы нашей торговой исторіи. Виды, открывающіеся нашей внутренней торговлѣ, весьма утѣшительны. Продовольствіе, кажется, будетъ дешево, заработокъ хорошъ, работы будетъ вдоволь. Главнымъ препятствіемъ здѣсь, по мнѣнію нашихъ коммерческихъ палатъ, былъ постоянно возрастающій недостатокъ въ льняномъ, шерстяномъ и бумажномъ суровѣ. Но, навѣрное, можно будетъ получать эти весьма важные предметы, въ потребномъ количествѣ, отъ той либо другой изъ тѣхъ огромныхъ странъ, съ которыми торговля наши сношенія либо возвращены намъ нашимъ оружіемъ, либо вновь завязаны нашею дипломатіей. Въ Индіи послѣднія искры мятежа затоптаны. Инсургенты разбѣгаются. Говорятъ, что они подавлены нашею солью, что угрызенія совѣсти сдѣлали ихъ трусами. Можно полагать, что они были покорены и другими силами, кромѣ нравственныхъ. Онъ не станеть разбирать, какъ это произошло; онъ

лучше спросить: не можетъ ли Индія, зампренная и возвращенная съ своими 180,000,000 жителей, простирающаяся отъ Инда до Ганга, отъ мыса Коморина до Гималайскихъ горъ, не можетъ ли она доставить столько хлопчатой бумаги, сколько могутъ потребовать самыя обширныя заведенія Ланкашира, или даже цѣлой Англіи? (*Слушайте, слушайте.*) Ленъ и шерсть тоже можно получать если не изъ Индіи, то изъ одной изъ трехъ большихъ имперій, съ которыми мы недавно заключили торговые трактаты: Японіи съ ея 25,000,000 жителей, Россіи съ ея 60,000,000, и Китаю съ населеніемъ, опредѣляемымъ различно отъ 350,000,000 до 400,000,000. Когда мы подумаемъ, что наша небольшая Англія сумѣла завязать торговыя сношенія съ странами, вмѣщающими въ себя болѣе 600,000,000 жителей, и представляющими, вмѣстѣ съ собственными нашими владѣніями, для торговли поле, опоясывающее весь земной шаръ, то мы должны согласиться, что насъ можетъ приводить въ раздумье развѣ только самое величіе видовъ нашихъ въ будущемъ. Возможно ли, чтобъ у насъ когда-нибудь оказался недостатокъ въ льнѣ, шерсти, либо въ хлопчатой бумагѣ? И можемъ ли мы не имѣть обширнаго рынка для всѣхъ нашихъ произведеній, для йоркширскихъ грубыхъ суконъ и шерстяной пряжи, для ланкаширскихъ бумажныхъ издѣлій, для бельастскаго полотна, для макклъфильдскихъ шелковыхъ товаровъ, для ноттингемскихъ кружевъ, для лейстерскаго вязанья, для шеффилдскихъ ножевыхъ товаровъ, и для бермингамскихъ мелкихъ желѣзныхъ издѣлій? (*Слушайте, слушайте.*) Для британской промышленности и британской предприимчивости открыто обширное поприще, для нея мѣста вдоволь, онъ увѣренъ, Англія не забудетъ, что среди обширныхъ торговыхъ предпріятій, предстоящихъ ей въ чужихъ краяхъ, есть также мѣсто британскому благоразумію и британской осторожности. (*Слушайте, слушайте.*) Хорошо бы обуздывать духъ чрезмѣрной спекуляціи, и проповѣдь нашихъ миссіонеровъ подкрѣплять примѣрами христіанской нравственности и торговой честности. (*Слушайте, слушайте.*) Много было слышно въ послѣднее время о планахъ реформы. Практическимъ и полезнымъ реформамъ онъ очень охотно готовъ оказать съ своей стороны скромную поддержку, — а въ число ихъ онъ не можетъ не включить реформы закона о банкротствѣ и несостоятельности. Все торговое общество желаетъ такой мѣры, которая бы, щадя честнаго, но несчастнаго должника, дѣйствительно старалась о наказаніи плута и мошенника и принуждала безчестнаго должника и кредитора обманщика либо ростовщика (каково бы ни было ихъ общественное положеніе) предстать къ суду. (*Слушайте.*) Чтò касается вопроса о парламентской реформѣ, то онъ думаетъ, что настало удобное

время произвести нѣкоторыя перемѣны. Правда, онъ полагаетъ, что благо народа зависитъ менѣе отъ совершенства теоріи, чѣмъ отъ способа управленія. *(Слушайте, слушайте.)* Тѣмъ не менѣе, онъ признаетъ, что въ теченіи времени, въ увеличеніи населенія, въ развитіи просвѣщенія, въ распространеніи образованія, въ расширеніи однихъ мѣстностей и въ уменьшеніи другихъ дѣйствительно заключается требованіе такой реформы, которая была бы удовлетворительна, не будучи насильственна. Онъ нисколько не сомнѣвается, что правительство ея величества предложитъ планъ, сообразный съ цѣлью, который рѣшить этотъ вопросъ и впредь на долгое время, ибо едва ли можно похвалить такое устройство этой палаты, которое требовало бы починки и перепайки каждую четверть вѣка. *(Слушайте, слушайте.)*

Но, если мѣра эта не будетъ составлена въ мелочномъ духѣ, то съ другой стороны не будетъ она проникнута и революціоннымъ духомъ. Не презреть она правъ королевской власти и не исключить изъ конституціи одинъ изъ ея основныхъ элементовъ (палату перовъ). Не будетъ она порочить права на почетъ и льстить толпѣ. Не утвердитъ она представительное законодательство на одномъ какомъ-нибудь классѣ и не подчинитъ всѣ остальные классы общества преобладанію низшихъ общественныхъ классовъ. Не исключитъ она ни одного изъ нихъ изъ представительства въ низшей палатѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они будутъ пользоваться имъ въ другой. Напротивъ, она будетъ стремиться къ тому, чтобы нижняя палата выражала собою мнѣнія всѣхъ классовъ,—представляла бы образованность, промышленность, богатство, силы и умъ всего народа. *(Одобреніе.)* Правительство ея величества докажетъ, что можетъ быть найдена мѣра реформы лучше той, которая стремится только все разрушить; что не тѣ истинные друзья страны, которые позорятъ ея учрежденія; что не тѣ великіе проповѣдники мира, которые возстаиваютъ одинъ классъ противъ другаго; что у страны есть лучшая будущность, чѣмъ та, которую приготавливаютъ для нея теоретики, и онъ увѣренъ, что при будущемъ созваніи парламента палата будетъ радоваться болѣе славнымъ триумфамъ, чѣмъ триумфы оружія, болѣе благороднымъ побѣдамъ, чѣмъ побѣды военныя. *(Слушайте, слушайте.)* Въ заключеніе, почтенный членъ благодарилъ палату за ея снисходительность и сказалъ, что онъ съ большимъ удовольствіемъ поддерживаетъ адресъ.

Тутъ президентъ сталъ собирать голоса, и со многихъ сторонъ раздались: «*принято*». Послѣдовало краткое молчаніе, и казалось, что адресъ будетъ принятъ безъ дальнѣйшихъ замѣчаній, какъ вдругъ, посреди веселаго говора въ палатѣ поднялся

Лордъ Пальмерстонъ и началъ свою рѣчь такимъ образомъ

Сэръ (1), я встаю съ мѣста не для того, чтобы прибавить нѣсколько «*илтъ*» къ тѣмъ «*да*», которые уже были заявлены. (*Слушайте, слушайте.*) Я встаю не для того, чтобы предложить *поправку* (amendment). Конечно, я могъ бы предложить нѣкоторыя измѣненія въ составѣ адреса: но въ настоящемъ случаѣ это значило бы попусту развлекать палату. Рѣдко, я думаю, случалось палатѣ собираться въ минуту, когда столько важныхъ и великихъ вопросовъ занимаютъ общественное вниманіе. Мы собрались въ ожиданіи, — (если судить по общимъ впечатлѣніямъ), — что война возгорится на континентѣ, война, которая должна быть обильна великими бѣдствіями. Мы слышали сейчасъ, что намъ должно будетъ приступить къ торжественнымъ преніямъ о важныхъ перемѣнахъ въ составѣ этой палаты. Достаточно уже двухъ этихъ вопросовъ, чтобы возбудить въ высшей степени наше вниманіе. Прежде нежели перейду къ отдельнымъ параграфамъ рѣчи, считаю нужнымъ выразить сердечное сочувствіе мое тѣмъ выраженіямъ, въ которыхъ почтенный джентльменъ, предложившій адресъ, намекнулъ на радостное событіе, случившееся недавно въ семействѣ ея величества. (*Одобреніе.*) Я убѣжденъ, что нѣтъ человѣка въ этой странѣ, который не раздѣлялъ бы чувствъ, выраженныхъ почтеннымъ джентльменомъ съ такимъ достоинствомъ и тактомъ. (*Одобреніе.*) Когда высокая принцесса покинула эти берега, англійскій народъ смотрѣлъ на нее какъ на дочь всей Англии, и изъявлялъ живѣйшее участіе въ ея будущей судьбѣ. Мы можемъ съ основаніемъ надѣяться, что принцъ, которому недавно она даровала жизнь, будетъ жить долго и служить украшеніемъ страны, гдѣ онъ родился, и честью того дома, отъ котораго онъ произошелъ. (*Громкое одобреніе.*) Вполнѣ сочувствую тому доволъству, съ которымъ почтенные джентльмены, двигатели адреса и подсобники адреса, приняли оффиціальное увѣдомленіе правительства ея величества, что во внутреннемъ своемъ развитіи страна дѣлаетъ быстрые успѣхи. Отраднo, въ самомъ дѣлѣ, думать, что такъ велики средства, которыми располагаетъ страна, такъ велика энергія народа, что сравнительно въ весьма краткій періодъ времени, мы оправились отъ потрясенія нашихъ торговыхъ интересовъ, случившагося годъ тому назадъ. Мысль эта отраднa не только въ настоящемъ, но укрѣпляетъ нашу вѣру въ прочность нашего благосостоянія въ будущемъ. (*Одобреніе.*) Съ этой стороны я вполнѣ согласенъ съ адресомъ, который только что былъ предложенъ вамъ. Тронная рѣчь занимается въ началѣ весьма важнымъ вопросомъ — отношеніями нашими къ Индіи, къ

(1) Въ нижней палатѣ, при произнесеніи рѣчи, всякій членъ обращается къ президенту, который называется собственно *ораторомъ* (спикеромъ).

этой странѣ, о которой, скажу мимоходомъ, рѣчь отзывается въ началѣ какъ объ обширной имперіи, а потомъ только какъ объ одномъ изъ владѣній ея величества. Полагаю, что, по должномъ размысленіи, правительство ея величества остановится на послѣднемъ изъ этихъ выраженій. (*Смѣхъ.*) Пріятно видѣть, что распоряженія, принятія предшествовавшимъ правительствомъ, и назначенія въ должности, предложенныя имъ королевѣ, увѣнчались успѣхомъ, о которомъ упоминается въ тронной рѣчи. Нечего опасаться преувеличить храбрость нашихъ войскъ, искусство нашихъ полководцевъ (*одобреніе*), и нельзя не замѣтить, что одинаковый геройскій духъ обнаружили всѣ Англичане, принимавшіе участіе въ этихъ дѣлахъ, и гражданскіе чиновники, и солдаты, и моряки, и что всѣ начальствующія лица отличились большимъ искусствомъ въ порученныхъ имъ операціяхъ. (*Одобреніе.*) Что касается лорда Клейда, которому принадлежитъ главное начальство, нельзя достаточно восхвалить не только искусство его въ управленіи войсками, но благоразуміе и осторожность, съ которыми онъ избавлялъ ихъ отъ чрезмѣрно трудныхъ предпріятій и заботился о сохраненіи ихъ жизни и здоровья (*одобреніе*); великое свойство въ каждомъ генералѣ—столько же заботиться о благосостояніи своихъ войскъ, сколько съ мужествомъ вести ихъ къ побѣдѣ во время битвы! (*Слушайте, слушайте.*) Отраднo для лицъ, принадлежавшихъ къ прежнему правительству, что назначеніе главнокомандующаго въ Индіи и генералъ-губернатора этой страны, предложенныя ими королевѣ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и я увѣжденъ, что нація сумѣетъ оцѣнить достоинства людей, которые занимаютъ теперь эти мѣста. (*Одобреніе.*) Хотя я не совсѣмъ согласенъ съ почтеннымъ джентльменомъ, подсобникомъ адреса, что послѣднія искры возстанія уже затоптаны, ибо до сихъ поръ еще войска, находяціяся въ Остѣ-Индіи, продолжаютъ тамъ упорную борьбу, но очевидно однако, что возстаніе постепенно утихаетъ, и дѣло ограничивается теперь только преслѣдованіемъ бѣглыхъ шаекъ, которыя имѣютъ болѣе видъ мародеровъ, нежели непріятелей въ полѣ. Правительство ея величества общаетъ обратитъ вниманіе на средства успокоить, на будущее время, Остѣ-Индію; съ любопытствомъ ждемъ мы, на основаніи какихъ принциповъ приступитъ оно къ исполненію этой задачи. Рѣчь обращается, затѣмъ, къ внѣшнимъ нашимъ сношеніямъ; конечно, вопросъ этотъ наиболѣе щекотливый изъ всѣхъ, на которые обращено теперь вниманіе страны. (*Слушайте, слушайте.*) Если судить по всему, что слышно, то вскорѣ должна вспыхнуть великая европейская война, которая начнется столкновеніемъ между Франціею и Сардиніею съ одной стороны и Австріею съ другой, и цѣлю которой—изгнаніе Австрійцевъ изъ предѣловъ Ита-

ли. Многимъ кажется, и мнѣ въ томъ числѣ, что было бы гораздо лучше, столько же для блага Италіи, сколько и для блага самой Австріи, еслибъ она не обладала землями на югъ отъ Альповъ. *(Слушайте, слушайте).* Я не думаю, чтобы земли эти прибавляли много къ ея могуществу; мнѣ кажется, напротивъ, что онѣ возбуждаютъ къ ней только ненависть и вовлекаютъ ее въ образъ дѣйствій, отъ котораго мудрая держава должна была бы устраниваться. Нельзя, однако, не обратить вниманія на то, какимъ образомъ она приобрѣла себѣ эти провинціи. Онѣ перешли къ ней въ силу общаго трактата 1815 года, которымъ освящены также права многихъ другихъ европейскихъ державъ на различныя территоріи. Трактатъ этотъ на долгое время даровалъ устройство Европѣ. Было бы лучше, конечно, еслибы нѣкоторыя распоряженія не вошли въ него *(слушайте, слушайте)*, такъ, напримѣръ, еслибы Сѣверная Италія получила иной видъ. Но для вѣрнаго обсужденія вопроса, необходимо намъ обратиться назадъ, къ той эпохѣ, когда трактатъ этотъ былъ заключенъ, и не упускать изъ виду, какія причины побуждали тогда главныя европейскія державы считать теперешнее устройство Ломбардіи самымъ лучшимъ. Со стороны Австріи были нѣкоторыя притязанія, основанныя на давнемъ обладаніи; къ этому присоединились другія соображенія, вызванныя заботой объ охраненіи этой части Италіи на будущее время. Во всякомъ случаѣ, справедливо или нѣтъ, настоящее устройство установлено было главнѣйшими державами и подтверждено трактатомъ; никакая власть, поэтому, не можетъ нарушить этотъ трактатъ, и безъ всякаго повода и причины лишить Австрію того, что было признано за нею Европой. Трактаты должны быть уважаемы. Еслибы на основаніи теоретическихъ соображеній были разрушаемы разныя условія трактатовъ, то всѣ отношенія въ Европѣ перепутались бы, и трудно сказать, къ какимъ результатамъ могло бы это повести. *(Одобреніе.)* Начать войну—нелегкое дѣло. *(Слушайте, слушайте.)* Пожалуй, можно начать, но невозможно заранѣе сказать, какіе будутъ ея предѣлы. Война можетъ вспыхнуть сначала только между двумя великими державами, Австріей и Франціей, за обладаніе Ломбардіею, но какъ знать, какіе новые элементы вмѣшаются въ войну въ послѣдствіи. *(Одобреніе.)* Поэтому люди, намѣревающіеся начать войну, должны хорошенько звѣснить отвѣтственность, которая лежитъ на нихъ. Они хотятъ обрушить на Европу бѣдствія, которыя превосходятъ всякое описаніе; ибо дѣль, какъ бы ни была сама по себѣ желанна, никакимъ образомъ не оправдываетъ войны. Но говоря это, я долженъ однако прибавить, что хотя Австрія стоитъ на твердой почвѣ съ точки зрѣнія права, ибо трактаты признали за нею обладаніе Ломбардіею, положеніе ея не столь

впрочем, когда она переступает предѣлы, обозначенные этими трактатами (*одобрение*); ибо виѣшательство ея въ другія итальянскія области не основывается ни на чемъ. Надѣюсь, что хотя не будетъ войны, а я увѣренъ, что не будетъ, обстоятельства эти будутъ приняты въ соображеніе различными европейскими правительствами, что примутся мѣры для прекращенія неестественнаго порядка вещей, который существуетъ, на примѣръ, теперь въ Папскихъ Владѣніяхъ, занятыхъ съ одной стороны австрійскими, а съ другой — французскими войсками. (*Одобрение*.) Порядокъ этотъ существовалъ слишкомъ долго; онъ нарушаетъ естественный ходъ вещей. Конечно, онъ не представляетъ нарушенія никакого трактата, но за то онъ и не освященъ никакимъ трактатомъ. Въ оправданіе говорятъ, что еслибы чужеземныя войска вышли, то революція вспыхнула бы немедленно въ Римъ и Неаполь; но для предупрежденія этого зла есть болѣе надежныя средства, чѣмъ чужеземныя войска. Средства эти — искорененіе злоупотребленій. (*Слушайте, слушайте*.) Пусть правительства названныхъ мною странъ послѣдуютъ совѣтамъ, даннымъ имъ еще въ 1832 году пятью великими державами Европы, пусть измѣнятъ они систему своего управленія, положатъ конецъ деспотическимъ мѣрамъ, которыми они угнетаютъ и приводятъ въ отчаяніе народъ, и революція не будетъ, чужеземныя войска окажутся ненужными, спокойствіе внутри страны не станетъ подвергаться опасностямъ. (*Одобрение*.) Но если итальянскія правительства не хотятъ измѣнить свою систему, то пусть сами и отвѣчаютъ за ея послѣдствія. Поэтому, сэръ, виѣсть со всеми благоразумными людьми я порицаю войну, о которой повсюду распространились слухи, и надѣюсь, что мудрость правителей и здравый смыслъ народовъ не допустятъ нарушенія мира. (*Одобрение*.) Приятно слышать, что устройство тѣхъ провинцій, которыя недавно получили новое названіе (*смыль*), и которыя прежде назывались Дунайскими, а теперь называются Румынскими, находится въ удовлетворительномъ состояніи; надѣюсь, что новое имя не повлечетъ за собою какихъ-либо новыхъ идей въ разрѣзъ съ тѣми интересами, для огражденія которыхъ было создано новое устройство этихъ княжествъ. Рѣчь извѣщаетъ насъ о заключеніи торговаго трактата съ Россіею, которымъ возобновились съ этою страню дружественныя сношенія, прерванныя вслѣдствіе послѣдней войны. Искренно радуюсь этой вѣсти. Наши торговыя сношенія съ этою державою не совсѣмъ въ удовлетворительномъ состояніи, и требуется много измѣненій къ лучшему, чтобы намъ сдѣлались доступны внутренніе ея предѣлы; смѣю надѣяться, что новый трактатъ доставитъ намъ всё тѣ выгоды, которыми пользуются въ Россіи французскіе подданные. (*Слу-*

шайте, слушайте.) Намъ раздѣляли съ этою страню весьма важныя политическіе вопросы, но нельзя сомнѣваться, что англійская нація начала смотрѣть съ интересомъ на дружелюбныя сношенія съ Россією, какъ скоро убѣдилась, что Россія отказалась отъ всякаго рода властолюбивыхъ замысловъ, готова облегчить доступъ въ свои внутреннія области и поддерживать взаимность экономическихъ и коммерческихъ интересовъ съ другими народами земнаго шара. *(Слушайте, слушайте.)* Рѣчь обращается затѣмъ къ войнѣ съ Китаемъ. Приятно видѣть, что преемники наши въ правительствѣ умѣли вполне оцѣнить великія выгоды, приобретенныя нами отъ этой войны *(смѣхъ и одобреніе)*, что важныя дѣйствія, предпринятая, по совѣту ихъ предшественниковъ, сообщая съ императоромъ Французовъ противъ Китая, привели къ расширенію сношеній съ этою страню на будущее время. Никогда не поздно привѣтствовать раскаявшагося грѣшника *(смѣхъ)*, и весьма приятно видѣть, что хотя джентльмены, сѣдящіе на противоположной сторонѣ (министерская партія), не хотѣли отдать должной справедливости побужденіямъ и планамъ тѣхъ, которые начали эту войну, они по крайней мѣрѣ готовы пользоваться плодами, принесенными ею. *(Одобреніе.)* вполне согласенъ съ почтеннымъ джентльменомъ, поддерживавшимъ адресъ, что послѣ этой войны мирныя сношенія наши съ Китаемъ, ровно какъ и съ Японскою имперією, упрочатся на долгое время. Нелишнимъ считаю замѣтить при этомъ, что предшествовавшее правительство ея величества имѣло постоянно въ виду завязать сношенія съ Японією, и что лордъ Эддингъ заблаговременно получилъ отъ него инструкціи, на основаніи которыхъ онъ велъ переговоры съ этимъ государствомъ. Почтенный джентльменъ замѣтилъ весьма справедливо, что торговля сношенія, начавшіяся теперь, будутъ обильны большими выгодами для мануфактурныхъ и торговыхъ нашихъ интересовъ, но еще справедливѣе предостерегаетъ онъ англійскую націю противъ обаянія чрезмѣрныхъ надеждъ и ожиданій. Важно это потому, что послѣ заключенія перваго трактата съ Китаемъ, мы не успѣли съ надлежащею быстротою воспользоваться всеми выгодами этого трактата; теперь же, по противоположной крайности, многіе начинаютъ дѣйствовать съ излишнею поспѣшностью. Радуюсь, сэръ, что невольничій торгъ, который былъ допускаемъ французскимъ правительствомъ подъ именемъ свободной эмиграціи негровъ, прекращенъ теперь на восточномъ берегу Африки, и усердно желаю, чтобъ онъ прекратился и на западномъ берегу. *(Слушайте, слушайте.)* Это была торговля невольниками въ самой возмутительной своей формѣ. *(Слушайте, слушайте.)* Намъ было ее, пожалуй, свободною эмиграціей; но люди, которыхъ продаютъ

и покупаютъ,—невольники въ полномъ смыслѣ этого слова, все равно ѣдутъ ли они на кораблѣ г. Режиса, или на испанскомъ, или португальскомъ кораблѣ. Торгъ этотъ отличался всѣми обычными своими ужасами, и когда несчастныя жертвы его выходили на французскій берегъ, онѣ только по имени были свободны; въ сущности онѣ превращались въ невольниковъ, хотя положеніе ихъ было лучше, чѣмъ на островѣ Кубъ, и хотя вообще невольничество давно уничтожено во французскихъ колоніяхъ. Французское правительство впало въ ошибку: оно было обмануто людьми, находившими въ этомъ интересъ, и добродушно вѣрило, что эмиграція нисколько не похожа на невольничій торгъ. Истина, наконецъ, открылась ему по поводу дѣла *Charles et Georges*, и желательно было бы, чтобъ окончательно оно убѣдилось въ незаконности предпріятія, для котораго былъ употребленъ этотъ корабль. Въ 1815 году, французское правительство, сообщая съ прочими державами Европы, протестовало самымъ торжественнымъ образомъ противъ невольничьяго торга. Оно объявило, что, во всѣ времена, всѣ просвѣщенные и благонамѣренные люди смотрѣли на этотъ торгъ какъ на нарушеніе самыхъ священнѣйшихъ правъ человечества, и что, съ своей стороны, оно употребитъ всѣ усилія для его прекращенія. Еслибы теперь, сорокъ лѣтъ спустя послѣ этой торжественной деклараціи, оно само стало заниматься имъ, то представило бы печальное зрѣлище нравственнаго паденія, какого міръ никогда еще не былъ свидѣтелемъ. (*Одобреніе.*) А поэтому я не хочу вѣрить, чтобъ оно упорствовало въ прежнемъ своемъ образѣ дѣйствій, и радуюсь извѣстію, что начались уже переговоры о прекращеніи этого отвратительнаго торга не только на восточномъ, но и на западномъ берегу Африки. Что касается дѣла *Charles et Georges*, на которое я намекнулъ сейчасъ, — дѣла, еще не вполне выяснишагося для публики,—то надѣюсь, что министерство въ самомъ непродолжительномъ времени положить на столъ палаты документы, по которымъ мы могли бы судить объ его образѣ дѣйствій въ этомъ вопросѣ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ трактаты обязываютъ насъ содѣйствовать Португаліи, и, кажется, что происшествія о которыхъ идетъ рѣчь, требовали такого содѣйствія. Въ рѣчи говорится также, что терпѣніе англійскаго правительства было истощено тѣми притѣсненіями, которыя наши соотечественники терпятъ въ Мексикѣ отъ двухъ враждующихъ тамъ партій. Мнѣ кажется, что правительство поступило въ этомъ отношеніи весьма благоразумно. Положеніе Англичанъ въ Мексикѣ дѣйствительно было невыносимо; съ республиканцами, уже по самой натурѣ ихъ, не такъ-то легко ладить, какъ съ жителями всѣхъ прочихъ странъ. (*Смѣль.*) У нихъ привычка повинно-

ваться только тѣмъ законамъ, которые порождены ихъ временными страстями и капризами, а потому внѣшнія ихъ отношенія страдаютъ точно такимъ же неустройствомъ, какъ и внутренній ихъ бытъ. Съ испано-американскими республиками не остается поэтому ничего, какъ только прибѣгать къ вооруженной силѣ, чтобы принудить ихъ къ той законности и справедливости въ отношеніи къ англійскимъ подданнымъ, которыхъ нельзя добиться отъ нихъ мирными переговорами. Въ рѣчи сказано, что отъ палаты потребуются значительныя суммы денегъ для устройства флота. Конечно, вполне справедливо, что употребленіе парасдѣлало совершенно бесполезными большое количество нашихъ прежнихъ кораблей; буду съ нетерпѣніемъ ожидать предложеній правительства по этому вопросу, но убѣжденъ заранее, что и палата, и вся нація поймутъ, какъ необходимо для насъ, особенно въ настоящее время, имѣть могущественный и хорошо вооруженный флотъ. *(Одобреніе.)* Со всѣхъ сторонъ слышимъ мы о вооруженіяхъ, и хотя ничто, ни въ малѣйшей степени, не показываетъ, чтобы вооруженія эти предназначались противъ насъ, но все-таки, для безопасности, достоинства и интересовъ нашей страны, мы должны озаботиться о средствахъ защиты на всякій случай. *(Одобреніе)* Въ рѣчи сообщается о представленіи палатѣ многихъ новыхъ биллей. Нѣкоторые изъ нихъ, и можно сказать даже большая часть, относятся къ вопросамъ, которыми занималось еще прежнее правительство. Такъ напримѣръ, тогдашній лордъ-канцлеръ внесъ въ палату билль совершенновѣтомъ же смыслѣ, какъ тотъ, о которомъ упоминается въ рѣчи. *(Слушайте, слушайте.)* Увѣренъ, что палата посвятитъ полное вниманіе и другимъ мѣрамъ, которыя будутъ предложены министерствомъ, особенно же законамъ о банкротствѣ и несостоятельныхъ должникахъ. *(Слушайте.)* Министерство намѣревается также представить билль о закрѣпленіи права владѣльцевъ на ихъ недвижимую собственность, каковы бы ни были эти права, старинныя или позднѣйшія, законныя или незаконныя. *(Смѣхъ.)* Я убѣжденъ, что билль этотъ будетъ привѣтствуемъ съ восторгомъ всѣми землевладѣльцами, ибо можетъ ли быть для нихъ что-нибудь лучше, какъ сомнительныя права свои обратить въ несомнѣнныя и получить въ безспорную собственность землю, какъ бы она имъ ни досталась? *(Смѣхъ.)* Надо полагать, что распоряженія касательно этого предмета будутъ походить на существующія уже теперь въ Ирландіи. *(Слушайте, слушайте.)* И палата вѣроятно приметъ ихъ съ одобреніемъ, ибо они принесутъ несомнѣнную пользу, не только поземельнымъ, но и торговымъ нашимъ интересамъ. *(Слушайте, слушайте.)* У меня постоянная привычка оставлять самыя важныя и интересныя вещи подъ ко-

вещь; такъ и теперь считаю нужнымъ обратиться къ вопросу о парламентской реформѣ. *(Слушайте.)* Послѣдній параграфъ въ рѣчи ея величества нужно понимать, кажется, такимъ образомъ, что министерство намѣрено представить билль о реформѣ въ самомъ непродолжительномъ времени, дабы палата и публика имѣли возможность обсудить его. Правительство поступаетъ въ этомъ отношеніи весьма благоразумно. *(Слушайте.)* Мнѣ кажется, что столь важная мѣра должна быть предложена ответственнѣмъ правительствомъ страны *(слушайте, слушайте)*, и я надѣюсь, что палата приметъ ее съ должнымъ вниманіемъ и посвятитъ ей серьезное и тщательное обсужденіе. *(Слушайте, слушайте.)* Намъ говорить, что законъ, приготовляемый объ этомъ предметѣ правительствомъ, не будетъ посягать на безопасность трона. *(Смѣхъ.)* И прекрасно, ибо трудно себя представить, какии образомъ правительство рѣшилось бы посягнуть на безопасность трона или великихъ учреждений этой страны. *(Слушайте и смѣхъ.)* Я убѣжденъ, что во всей странѣ господствуетъ безграничная преданность къ монархическому образу правленія. *(Слушайте, слушайте.)* Точно также и великія учрежденія наши имѣютъ корни въ неизмѣнномъ убѣжденіи и симпатіяхъ всего народа. *(Слушайте, слушайте.)* Когда англійская нація оглянется кругомъ себя, и увидитъ съ одной стороны народы, управляемые деспотическою властію, а съ другой—властію, исходящею снизу, *(сильный смѣхъ, возбужденный жестомъ благороднаго лорда, который показавъ тутъ рукою на полъ)*, то-есть республиканцами, и когда, сообразивши результаты этихъ двухъ противоположныхъ системъ управленія, она сравнитъ ихъ съ тѣмъ благосостояніемъ, которымъ она сама наслаждается, то привязанность ея къ своимъ учрежденіямъ будетъ усиливаться съ каждымъ днемъ, и она не допуститъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ этихъ учрежденіяхъ, составляющихъ гордость, славу и счастье всей страны. *(Одобреніе.)*

Канцлеръ казначейства, г. Дизраэли. Съ удовольствіемъ вижу, что ни благородный лордъ, и никто другой изъ членовъ палаты не собирается противиться адресу, предложенному моими двумя почтенными друзьями съ такимъ отличнѣмъ искусствомъ. *(Слушайте! слушайте!)* И мнѣ едва ли было бы нужно говорить послѣ благороднаго лорда, и еслибъ я не желалъ оказать ему той вѣжливости, которую члены этой палаты обязаны оказывать другъ другу, и еслибъ онъ не сдѣлалъ двухъ, трехъ замѣчаній, которыя могутъ подать поводъ къ недоразумѣнію. Благородный лордъ такъ подробно разобралъ рѣчь и адресъ, что палата, вѣроятно, не ожидаетъ отъ меня длинныхъ разсужденій. Онъ, кажется, недоволенъ составомъ рѣчи, хотя сохраненіе ея заслужило его одобреніе. Мы знаемъ по опыту, что

критика легче дѣла. (*Смѣхъ.*) Мнѣ случилось въ жизни слышать критики даже на сочиненія самого благороднаго лорда. (*Смѣхъ.*) Что касается до названія «Румынскихъ», которое мы придали Дунайскимъ княжествамъ, и которое особенно подверглось критическому вниманію благороднаго лорда, то, мнѣ кажется, что названіе это заимствовано изъ его же собственной депеши. (*Смѣхъ.*) Благородный лордъ упоминалъ о томъ мѣстѣ рѣчи, гдѣ говорится о вѣроятномъ прекращеніи системы эмиграціи, извѣстной подъ названіемъ свободнаго найма, которая такъ долго возбуждала вниманіе и негодованіе нашей страны, и онъ думаетъ, что палату и страну можно поздравить съ этимъ результатомъ. Но при этомъ благородный лордъ упомянулъ о поведеніи правительства относительно корабля *Charles Georges* и выразилъ увѣренность, что мы не задумаемся положить на столъ палаты бумаги, необходимыя для разъясненія образа дѣйствія правительства въ это мѣдлѣ. Благородный лордъ не ошибся. При первомъ случаѣ я сообщу палатѣ эти бумаги; и такъ какъ въ журналахъ явилось множество неосновательныхъ извѣстій съ отрывками изъ документовъ, относящихся къ другимъ странамъ, то бумаги эти уяснятъ, что въ дѣлѣ *Charles et Georges* совѣтники ея величества исполнили должнымъ образомъ свою обязанность въ отношеніи къ престолу и къ странѣ. (*Слушайте! слушайте!*) Такъ какъ благородный лордъ намекнулъ на трактаты, по которымъ мы обязаны въ извѣстныхъ случаяхъ оказывать содѣйствіе нашей старой союзницѣ Португаліи, то да позволено будетъ мнѣ замѣтить, что дѣло вовсе не касалось этихъ трактатовъ, и никто не думалъ требовать на основаніи ихъ содѣйствія англійскаго правительства. (*Слушайте.*) Когда надняхъ въ португальскомъ парламентѣ сдѣланъ былъ запросъ тамошнему первому министру, почему не обратился онъ съ просьбою о помощи къ Англии, то, между многими причинами, онъ объявилъ также, что, по его мнѣнію, не существовало вовсе *casus foederis*. (*Слушайте, слушайте.*) Изъ документовъ, которые будутъ представлены палатѣ, она убѣдится, что съ самаго начала министерство сообщило въ депешѣ своей португальскому правительству, что оно будетъ содѣйствовать въ его пользу всѣмъ своимъ вліяніемъ, и дѣйствительно дѣло уладилось безъ оскорбленія чести Португаліи и къ полному удовлетворенію всей Европы. (*Слушайте, слушайте.*) По зрѣломъ и всестороннемъ обсужденіи, палата, я надѣюсь, сознается, что образъ дѣйствій министерства въ этомъ дѣлѣ былъ таковъ, какого слѣдовало ожидать отъ британскаго правительства въ отношеніи къ союзнической державѣ. (*Слушайте, слушайте.*) Не имѣю никакого намѣренія избѣгать тѣхъ вопросовъ, на которые намекнулъ благородный лордъ, но такъ какъ замѣчанія его не подають повода къ противорѣчію, то значило бы

только напрасно утруждать палату, еслибъ я пустился въ подробныя толки, нисколько не оправдываемыя тѣмъ, что было сказано благороднымъ лордомъ. Благородный лордъ говорилъ о послѣднемъ параграфѣ въ тронной рѣчи, въ которомъ упоминается билль о реформѣ; вопросъ этотъ, конечно, имѣетъ великую важность, и было бы желательно, чтобы палата подвергла его зрѣлому и спокойному обсужденію. Но что касается до того, какъ скоро и въ какое время мѣра эта будетъ предложена палатѣ, то могу только замѣтить, что она уже изготовлена, и что министерство предоставитъ полный досугъ парламенту изслѣдовать ее во всѣхъ ея подробностяхъ. Но благородный лордъ не ожидаетъ, конечно, или если ожидаетъ, то разочаруется въ своихъ надеждахъ, что министерство предложить этотъ билль прежде, нежели будутъ удовлетворены другія настоятельныя потребности страны (*одобрѣніе и легкій ропотъ*), прежде, напримѣръ, чѣмъ мой достопочтенный другъ, первый лордъ адмиралтейства, предложить нѣкоторыя мѣры, не уступающія по его мнѣнію, въ важности ничему, что достойно обратить на себя наше вниманіе. (*Слушайте.*) Сэръ, благородный лордъ коснулся вопроса, который въ настоящее время занимаетъ, кажется, и парламентъ, и всю страну болѣе, чѣмъ всякій другой вопросъ; я разумью наши сношенія съ иностранными державами и несогласія, возникшія между двумя главнѣйшими изъ нашихъ союзниковъ. (*Слушайте, слушайте.*) Благородный лордъ говорилъ о возможности войны, которая, по его собственнымъ словамъ, можетъ сдѣлаться всеобщею. Съ своей стороны, сэръ, не стану скрывать отъ палаты, что правительство ея величества считаетъ положеніе дѣлъ въ нашихъ предѣлахъ весьма критическимъ. Тщетно старался бы я утаить это мнѣніе, ибо въ наше время быстрыхъ сообщеній, мало найдется людей, опытныхъ въ европейскихъ дѣлахъ, которымъ неизвѣстны были бы событія, могущія породить критическое положеніе дѣлъ въ Европѣ. Но несмотря на то, если благородный лордъ убѣжденъ въ вѣроятности войны между двумя великими державами, — войны, которая можетъ распространиться по всей Европѣ, — то едва ли я соглашусь съ нимъ въ подобномъ предположеніи. (*Слушайте, слушайте.*) Конечно, положеніе дѣлъ критическое, и ужь конечно не состояніе теперешнее торговыхъ и промышленныхъ предпріятій можетъ свидѣтельствовать, что положеніе дѣлъ не совсѣмъ безнадежное. (*Смѣхъ.*) Сэръ, палатѣ хорошо извѣстно, — каждый день и каждый часъ случается что-нибудь, подтверждающее этотъ фактъ, — палатѣ извѣстно, что въ настоящее время между Франціею и Австріею развилось сильное соперничество и взаимное недовѣріе. (*Слушайте, слушайте.*) Среди подобныхъ обстоятельствъ, правительство ея величества избрало

путь, который единственно, по его мнѣнію, можетъ привести къ сохраненію мира и къ прекращенію этой непріязни между двумя державами, находящимися въ союзѣ съ Англіею. Мы откровенно выразили наше мнѣніе Франціи и Австріи насчетъ того положенія, которое обоудно занимаютъ онѣ въ Италіи. Столько же, сколько самъ благородный лордъ и любой изъ его товарищей, сочувствуемъ мы несчастному состоянію нѣкоторыхъ областей этой страны. Еще недавно обсуживали мы въ этой палатѣ все, что относится до Италіи, и представители всѣхъ партій выразили откровенно, при этомъ случаѣ, свой образъ мыслей. Надѣюсь, сэръ, палата согласится съ благороднымъ лордомъ, замѣчанія котораго я выслушалъ съ полнымъ сочувствіемъ, что всякая держава, намѣревающаяся нарушить трактаты, которыми обезпечивается европейскій порядокъ, приметъ на себя великую отвѣтственность. Благородный лордъ выразился на этотъ счетъ съ такою ясностью и опредѣленностью, что невозможно ошибиться въ значеніи его словъ. Но въ то же время онъ справедливо замѣтилъ, и всѣ здравомыслящіе люди согласятся съ нимъ, что положеніе средней Италіи крайне неудовлетворительно; настоящему правительству, точно такъ же какъ и всѣмъ прежнимъ, весьма хорошо было это извѣстно. Но пусть палата разсудитъ хладнокровно, въ чемъ лежитъ причина такого неудовлетворительнаго состоянія? Что въ положеніи Италіи могло замутить отношенія чужеземныхъ государствъ? Не занятіе ли центральной Италіи войсками чужеземныхъ державъ (*слушайте, слушайте*)? Не занятіе ли центральной Италіи войсками двухъ изъ великихъ военныхъ державъ Европы? Прошу теперь палату вспомнить, какія именно державы занимаютъ своими войсками центральную Италію. Не Франція ли и Австрія, взаимное недоброжелательство и соперничество которыхъ возбуждаетъ столько опасеній? Какой же путь избранъ былъ въ этихъ обстоятельствахъ правительствомъ ея величества? Мы сдѣлали убѣдительныя представленія не только Франціи и Австріи, но также туринскому, берлинскому и с.-петербургскому дворамъ, о томъ, что положеніе Италіи крайне неудовлетворительно, и что необходимо принять мѣры для отстраненія въ ней всѣхъ поводовъ къ неудовольствію народа, всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя на то и были разчитаны, чтобы привести къ нарушенію общаго мира. (*Слушайте, слушайте.*) Въ то же время мы откровенно высказали, что великіе и благодѣтельные результаты эти могутъ быть достигнуты не покушеніями на существующій порядокъ, утвержденный тѣми трактатами, о которыхъ говорилъ благородный лордъ, но мирными усиліями заинтересованныхъ въ положеніи Италіи державъ улучшить положеніе Италіи. (*Одобреніе.*) Мы старались прекратить печальное несо-

гласіе, возникшее между Франціей и Австріей, старались устранить обоюдную ихъ подозрительность, внушить имъ тѣ соображенія, которыя заставляютъ заботиться о сохраненіи мира, столь необходимаго для цивилизаци и блага человѣчества; но въ то же самое время мы указывали на обязанности ихъ не препираться между собою за вооруженное вліяніе въ Италіи, а обоюдно заботиться о томъ, чтобъ улучшить ея положеніе и обезпечить ея интересы. (*Одобреніе.*) Мы выразили Франціи и Австріи, что особенность ихъ положенія,—такъ какъ одна изъ нихъ сама принадлежитъ къ итальянскимъ государствамъ, а другая держитъ въ своихъ рукахъ древнюю столицу Италіи и граничитъ съ нею въ географическомъ отношеніи, и обѣ считаются любимыми чадами католической церкви, — налагаетъ на нихъ обязанность сообща помышлять и заботиться о томъ, не могутъ ли онѣ дружнымъ своимъ вліяніемъ побудить государей Средней Италіи къ уничтоженію тѣхъ злоупотребленій и того дурнаго управленія, которыя, по общему приговору, сдѣлались невыносимы. (*Одобреніе.*) Сами мы не рѣшились имъ содѣйствовать въ этомъ планѣ,—не потому, чтобы намъ хотѣлось избѣгнуть отвѣтственности, которая въ подобныхъ критическихъ обстоятельствахъ должна тяготѣть на всѣхъ великихъ державахъ, но мы помнили, что Англія—государство протестантское; вмѣшательство ея могло бы быть заподозрено католическими правительствами Италіи; поэтому было бы лучше, чтобы только Франція и Австрія соединились для осуществленія тѣхъ реформъ на полуостровѣ, которыхъ мы желаемъ столь искренно. (*Слушайте, слушайте.*) Того же мнѣнія были, по всей вѣроятности, Россія и Пруссія,—два государства, не находящіяся въ религіозномъ общеніи съ Римомъ. Но воздерживаясь отъ всякаго вмѣшательства, убѣждая всѣми возможными доводами Францію и Австрію соединиться вмѣстѣ и обоюднымъ вліяніемъ своимъ способствовать преобразованію итальянскихъ правительствъ,—мы въ то же время объяснили этимъ двумъ державамъ что если онѣ найдутъ необходимымъ содѣйствіе другихъ державъ, подписавшихъ трактаты 1815 года, если онѣ найдутъ, напримѣръ, необходимымъ сдѣлать какія-нибудь территоріальныя измѣненія въ Средней Италіи, мы будемъ энергически содѣйствовать имъ въ этомъ отношеніи нашимъ вліяніемъ и нашими совѣтами, и пригласимъ другія державы, участвовавшія въ составленіи трактатовъ 1815 года, присоединиться къ намъ. (*Слушайте.*) Можно надѣяться, что образъ дѣйствій, принятый правительствомъ ея величества въ этомъ вопросѣ, будетъ вполне одобренъ палатою. (*Одобреніе.*) Онъ клонится къ сохраненію мира (*одобреніе*), но мира, который будетъ сохраненъ только подъ условіемъ преобразованія Италіи и общаго преуспѣянія цивилизаци (*одобреніе*); мы не можемъ вѣрить, да и

никакой здравомыслящей человѣкъ не повѣритъ, что Италия преобразуется и возродится не иначе, какъ ставъ полемъ враждующихъ армій. *(Слушайте, слушайте.)* Политика, которой слѣдуемъ мы, кажется намъ столь благоразумною, столь умѣренною, что, можно надѣяться, она будетъ принята всѣми, и на основаніи этого, хотя я и признаю, что положеніе дѣлъ критическое, но не могу согласиться съ благороднымъ лордомъ, будто бы оно должно привести къ войнѣ,—къ войнѣ, можетъ-быть общеевропейской. *(Слушайте, слушайте.)* Слово это вырвалось у него, вѣроятно, нечаянно, но оно имѣетъ великую важность, ибо вырвалось у человѣка, пользующагося большимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе въ подобныхъ вопросахъ; палата пойметъ, слѣдовательно, почему я обратилъ на это слово особенное вниманіе. *(Слушайте, слушайте.)* Я сказалъ уже, что министерство сдѣлало представленія туринскому двору, совершенно въ томъ же смыслѣ и съ тою же откровенностью, какъ дворянъ тюльерійскому и вѣнскому. Положеніе Сардиніи не можетъ не возбудить сочувствія въ свободномъ парламентѣ; и дѣйствительно, въ послѣдніе годы, англійская нація слѣдила съ особеннымъ интересомъ за быстрыми успѣхами этого государства. *(Слушайте, слушайте.)* Всѣ мы надѣялись, что Сардинія сдѣлается могущественнымъ орудіемъ для нравственнаго и матеріальнаго преобразованія Италіи, для распространенія въ ней истинныхъ понятій о свободѣ, и не легко было бы отказаться отъ этихъ надеждъ, которыя казались столь основательными и столь отрадными для всякаго благороднаго ума. *(Слушайте.)* Но хорошо было бы, еслибъ это сочувственное намъ государство поняло, что въ его положеніи терпѣніе есть столь же необходимое и драгоцѣнное достоинство, какъ энергія и предпріимчивость, обнаруженныя имъ до сихъ поръ; еслибъ оно поняло, что, сохраняя у себя порядокъ и общественную свободу, пріобрѣтая все большую и большую опытность въ дѣлѣ общественной свободы, оно гораздо вѣрнѣе достигнетъ своей конечной цѣли, то-есть прогресса и возвышенія страны, чѣмъ связываясь съ какою-нибудь великою державою, которая можетъ лишь на минуту сообщить ей неестественный толчокъ, но въ сущности, побудить ее только къ напряженію, которое кончится ея упадкомъ и униженіемъ. *(Одобрене.)* Не могу сказать,—утверждать это значило бы съ моей стороны быть плохимъ руководителемъ палаты — чтобы представленія наши достигли своей цѣли; но мы высказали ихъ всѣмъ государствамъ Европы съ полною откровенностію, обстоятельностью и искренностію. Теперь, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно видовъ англійскаго правительства, и что бы ни случилось, наши совѣты, принципы, на которыхъ основана

наша политика, будутъ, я увѣренъ, одобрены и подтверждены нижнею палатою. (*Громкое одобрение.*) Сознаюсъ, что между многими причинами, которыя заставляютъ меня не довѣрять воинственнымъ слухамъ, самую убѣдительною служить для меня увѣренность въ характеръ французскаго императора. (*«Слушайте, слушайте,» и нѣсколько: «о!»*) Чтò бы ни говорили, а онъ всегда оставался вѣрнымъ союзникомъ этой страны (*одобрение*) и въ теченіе немалаго времени показалъ себя прозорливымъ государемъ. (*Слушайте, слушайте.*) По временамъ насъ хотять увѣрять, что хоть онъ и вѣрный союзникъ, а все-таки постоянно питаетъ какой-то замыселъ противъ этой страны, съ цѣлію застигнуть ее врасплохъ; но вспомните, что когда въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ нашихъ владѣній,—не стану употреблять о немъ выраженіе: имперія, такъ какъ названіе это не нравится благородному лорду,—мы должны были вступить въ долгую и опасную борьбу, императоръ Французовъ не обнаружилъ большаго желанія воспользоваться нашимъ затруднительнымъ положеніемъ. А потому, принимая въ разчетъ чисто одинъ интересъ его, а не его склонность,—хотя я готовъ и склонностямъ его отдать полную справедливость,—я не могу думать, чтобъ онъ выбралъ для ссоры съ Англіею именно то время, когда она располагаетъ большими средствами, нежели когда-нибудь, со времени парижскаго мира въ 1815 году. (*Одобрение.*) Войско наше многочисленнѣе теперь, чѣмъ во всѣ послѣдніе 44 года; флотъ нашъ, несмотря на то, чтò было писано въ газетахъ, способенъ еще со славою поддержать честь страны, и палата вполне убѣдится, что онъ способенъ къ тому, когдамой достопочтенный другъ (сэръ-Джонъ Пакингтонъ) объяснить свой планъ для его совершеннаго преобразования (*одобрение*); нація, какъ съ полною истиною ея величество объявила парламенту, находится въ довольствѣ и благосостояніи, источники ея богатства никогда не были такъ изобильны, никогда народный духъ не стоялъ такъ высоко. Какъ же предполагать, чтобъ тотъ, кто не захотѣлъ воспользоваться благоприятнымъ случаемъ для своихъ видовъ, если бы такіе виды имѣлись, избрать именно эту самую минуту для ссоры съ державою, союзъ съ которою составляетъ его гордость? (*Одобрение.*) Я постоянно защищалъ въ этой палатѣ союзъ съ Франціею. (*Слушайте, слушайте.*) Постоянно высказывая мнѣніе, что Англія должна заботиться о сохраненіи его, я приводилъ въ доказательство образъ дѣйствій знаменитѣйшихъ государственныхъ людей, которыми когда-либо обладала Англія. Королева Елисавета и лордъ протекторъ держались союза съ Франціею; лордъ Боллинброкъ и сэръ-Робертъ Вальполь, несогласные ни въ чемъ остальномъ, сходились между собою въ этомъ пунктѣ; Фоксъ и Питтъ одинаково

выказывали къ нему расположеніе. Политика эта не новая. Наступали времена несогласій между двумя странами, — такъ, напримеръ, еще живо воспоминаніе о великой войнѣ, возбужденной великою революціей; но пусть палата не забываетъ, что за войною этою послѣдовалъ миръ, продолжавшійся вдвое долѣе, чѣмъ война. *(Слушайте, слушайте.)* Къ чему же предполагать намъ, что союзъ, за который стояли всѣ величайшіе государственные люди, и который съ нѣкоторыми перерывами длился между двумя странами цѣлые 240 лѣтъ, можетъ быть поколебленъ капризомъ одного лица или мимолетною прихотью одной націи? *(Слушайте.)* Должны же быть какія-нибудь глубокія причины, дѣлающія союзъ этотъ какъ бы союзомъ естественнымъ. *(Слушайте, слушайте.)* Могутъ возникать несогласія отъ близкаго сосѣдства двухъ странъ, отъ постоянного соревнованія между ними, отъ воспоминанія о прежнихъ распряхъ или отъ противоположности національныхъ характеровъ, — но существуютъ же какія-нибудь основательныя причины для ихъ политическаго союза, когда мы видимъ, что онъ постоянно поддерживался величайшими монархами и знаменитѣйшими государственными людьми, когда-либо жившими въ Англіи? *(Одобреніе.)* Союзъ этотъ существовалъ независимо отъ династическихъ интересовъ, отдѣльныхъ личностей, или формъ правленія. Оставимъ ихъ въ сторонѣ; самое главное для насъ то, что союзъ между двумя странами обилень огромными выгодами и для нихъ самихъ, и для всего міра. Вотъ мой образъ мыслей! Я высказывалъ его, когда другіе государи сидѣли на французскомъ престолѣ, процвѣтали другія династіи, другія формы правленія, и потому не стѣсняясь скажу и теперь, что въ дѣлахъ касавшихся самой Англіи, Англія всегда находила въ лицѣ императора Французовъ вѣрнаго союзника, и что онъ представилъ ей много доказательствъ своей искренности. Не могу, поэтому, думать, чтобы такой прозорливый государь нарушилъ легкомысленно всеобщій миръ и заставилъ измѣнить хорошее о себѣ мнѣніе Европы. Пока не случилось чего-нибудь важнѣе, нежели то, что до сихъ поръ извѣстно намъ, я не хочу отказаться отъ мысли, что волненіе, возбужденное слухами о несогласіяхъ между Франціею и Австріей, минуетъ; я присоединяюсь къ тому мнѣнію, что настоящее положеніе дѣлъ не приведетъ къ борьбѣ между двумя военными державами, а что, напротивъ, онъ соединится между собою для улучшенія настоящаго положенія Италіи и для устраненія тѣхъ поводовъ къ войнѣ, которые будутъ періодически тревожить міръ, если положеніе Италіи не улучшится. Я старался, не въ отвѣтъ на замѣчанія благороднаго лорда объ этомъ важномъ предметѣ, а только по поводу ихъ, изложить палатѣ главную мысль политики правительства касательно Италіи. Мы не вступали ни въ какія обязательства, ни въ какія соглашенія,

но мы обратились ко всѣмъ державамъ, заинтересованнымъ въ вопросѣ; съ откровенными и дружескими совѣтами. Совѣты наши имѣли двоякую цѣль: вопервыхъ, сохранить миръ, во вторыхъ, улучшить положеніе Италіи, и я не могу отстать отъ своего убѣжденія, что во времена, подобныя нашимъ, когда общественное мнѣніе если не во всякой странѣ всевластно, то во всякой странѣ оказываетъ великое и благодѣтельное дѣйствіе, не можетъ возникнуть война только изъ тщеславнаго побужденія къ завоеваніямъ; напротивъ, всѣ великіе государи, какихъ бы то ни было странъ, все равно и Франціи и Германіи, почувствуютъ, что есть слава выше славы военной, что есть могущество болѣе надежное, чѣмъ развитіе воинскихъ силъ. (*Слушайте, слушайте.*) Монархи и кабинеты съ каждымъ днемъ будутъ все болѣе и болѣе убѣждаться, что есть для націй источники силы, которыми можно воспользоваться лишь посредствомъ нравственнаго вліянія, и которые не зависятъ ни отъ какихъ матеріальныхъ средствъ. Всеобщее уваженіе, хорошее мнѣніе всѣхъ образованныхъ обществъ Европы о поведеніи того или другаго государя даетъ ему на европейскомъ рынкѣ кредитъ гораздо болѣе важный, чѣмъ всѣ богатства, какія только онъ можетъ извлечь изъ своихъ подданныхъ. Увѣренность, что онъ сумѣетъ противостать обаянію военной славы, что онъ желаетъ прославиться политическою своею справедливостію, дадутъ ему авторитетъ, какого онъ никогда не приобрететъ муштрованіемъ своихъ войскъ. Вотъ мнѣнія, распространенныя теперь повсюду, принадлежащія не однимъ только философамъ, но уже пользующіяся благодѣтельнымъ вліяніемъ на общій ходъ политики. Извѣстіе, сообщенное нынче тронною рѣчью о прекращеніи несогласій между Франціей и Португаліей, свидѣтельствуетъ въ пользу побѣдоноснаго вліянія общественнаго мнѣнія. Могущественный государь вовлеченъ былъ, не скажу, въ столкновение, а въ печальное несогласіе съ почтенною державою гораздо низшей силы. Корабли его показались въ Таго и, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, онъ получилъ все, чего требовалъ. Но лишь только замѣтилъ онъ, что общественное мнѣніе не одобряетъ этого обращенія къ грубой силѣ, онъ одумался, призналъ силу истины, и письмомъ къ своему родственнику, принцу Наполеону, комиссіей, назначенною имъ для изслѣдованія дѣла, договоромъ, который онъ готовъ заключить, — онъ показалъ свое уваженіе къ общественному мнѣнію образованной Европы. Думаю, что и теперь онъ будетъ дѣйствовать въ томъ же духѣ. Понятно, что онъ принимаетъ особенное участіе въ положеніи Италіи: онъ связанъ съ нею узами крови, соотечественствомъ съ нею своего государства и многими другими соображеніями, которыя не существуютъ для сѣверной или протестантской державы; прежній его образъ дѣйствій доказываетъ, что

общественное мнѣніе имѣетъ на него вліяніе, и я увѣренъ, что то же самое пождетъ и теперь. Я радуюсь, что палата не захотѣла быть слишкомъ взыскательною относительно подробностей изложенія, сдѣланнаго двигателемъ и подсобникомъ адреса, и надѣюсь, что будущія засѣданія парламента будутъ точно такъ же спокойны, какъ и нынѣшнее. (*Одобреніе.*)

Лордъ Пальмерстонъ. Считаю нужнымъ объясниться передъ палатою. Достопочтенный джентльменъ утверждаетъ, будто бы я выразилъ мнѣніе о вѣроятности войны. Я могъ сказать это неумышленно, точь-въ-точь какъ самъ достопочтенный джентльменъ, который постоянно твердилъ, что не теряетъ надежды на сохраненіе мира, тогда какъ весь смыслъ его аргументовъ клонится въ другую сторону. Я хотѣлъ сказать, что на континентѣ почти всѣ увѣрены въ близости войны; но въ то же время старался изложить причины, которыя, по моему мнѣнію, должны были бы предостеречь отъ нея европейскія правительства.

Лордъ Джонъ Россель. Я встаю вовсе не съ цѣлью порицать предложенный адресъ, напротивъ, я выслушалъ рѣчь ея величества съ большимъ удовольствіемъ; не считаю также нужнымъ входить въ подробныя разсужденія о какомъ-либо вопросѣ, что можемъ мы сдѣлать и послѣ. Достопочтенный джентльменъ объявилъ, что бумаги, относящіяся къ дѣлу *Charles et Georges*, будутъ выложены на столъ палаты, и онъ думаетъ, что какъ скоро мы прочтемъ эти бумаги, то во мнѣніи нашемъ возрастетъ кредитъ правительства, и мы убѣдимся, что образъ дѣйствій его относительно Португаліи былъ самый дружественный. Я прочту эти бумаги съ совершеннымъ безпристрастіемъ, и буду радъ, если мнѣ удастся придти къ тому же заключенію, къ какому пришелъ достопочтенный джентльменъ. Не хочу также обращаться и къ вопросу объ увеличеніи нашихъ морскихъ силъ; буду ждать мнѣнія объ этомъ перваго лорда адмиралтейства, и если онъ успѣетъ уяснить свой планъ, съ большимъ удовольствіемъ подамъ голосъ въ его пользу. Все это предметы для будущаго обсужденія, но мнѣ кажется, что есть одинъ предметъ, который если ужъ надо обсуждать, такъ обсуждать сегодня,— предметъ, относительно котораго достопочтенный джентльменъ желалъ вполне удовлетворить палату, но едва ли успѣлъ въ своемъ желаніи. Онъ объявилъ, что по вопросу о войнѣ между двумя великими державами Европы, онъ не хочетъ сказать утвердительно, чтобы война была вѣроятна, и чтобы было безнадежно сохраненіе мира. Выраженія его даютъ, въ этомъ случаѣ, вѣрное понятіе о настоящемъ положеніи дѣлъ, и нельзя сказать, чтобы они были вполне успокоительны. Я вполне соглашаюсь почти съ каждымъ словомъ, произнесеннымъ объ этомъ предметѣ моимъ благороднымъ другомъ, членомъ за Тивертонъ (лордомъ

Пальмерстономъ). Я былъ бы можетъ-быть радъ, еслибы въ 1815 году сдѣланы были какія-нибудь другія распоряженія о сѣверныхъ областяхъ Италіи; меня можетъ-быть обрадовало бы если бы Австрія сочла полезнымъ для своихъ интересовъ совѣмъ отказаться отъ нѣкоторыхъ земель, принадлежащихъ ей въ этой странѣ. Но трактатъ, окончательно заключенный и утвержденный, по которому она владѣетъ этими землями, составляетъ часть международного права Европы, и никто не можетъ посягнуть на насильственное его нарушение, не оскорбляя этимъ международного права и не нарушая слѣдовательно, европейскаго мира. Надѣюсь, поэтому, вмѣстѣ съ достопочтеннымъ джентльменомъ, что не будетъ совершенно такого взбалмошнаго нарушенія трактатовъ. *(Слушайте.)* Но еслибы замышлялось какое-нибудь нападеніе, съ завоевательною цѣлю, еслибы Франція вздумала распространять свою территорію, еслибы Сардинія захотѣла присоединить къ себѣ нѣкоторыя земли Австріи, то нападеніе такого рода было бы еще ненавистнѣе, чѣмъ просто взбалмошное нарушеніе трактата. Я всегда принималъ самое живое участие въ независимости и свободѣ Италіи; но едва ли дѣло италіянской свободы и независимости можетъ быть подвинуто впередъ войною, подобною той, каковая, повидимому, замышляется теперь. *(Слушайте, слушайте.)* Въ старые годы клуба виговъ часто провозглашался тамъ тостъ: «за преуспѣяніе гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ». Когда г. Каннингъ сдѣлался статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ и изъ представителя Ливерпуля сталъ представителемъ Гарвича, онъ прибылъ въ этотъ городъ, предсѣдательствовалъ тамъ на обѣдѣ, и предложилъ тостъ за дѣло гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ. Я тоже стою за распространеніе гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ, но хогъ убейте, не могу понять, какъ это дѣло можетъ быть подвинуто впередъ такого рода нападеніемъ, о какомъ сейчасъ шла рѣчь. *(Слушайте, слушайте.)* Мы не имѣемъ никакого права критиковать форму правленія, принятую сосѣднимъ народомъ. Народъ французскій, по той цѣнѣ, какую придаетъ онъ сохраненію мира, — общественное мнѣніе во Франціи, какъ извѣстно, высказалось рѣшительно за сохраненіе мира, — французскій народъ показываетъ намъ, какъ много дорожитъ онъ своимъ настоящимъ положеніемъ. Но если французское правительство замыслить вторженіе въ другую страну, въ намѣреніи улучшить въ ней форму правленія, то мы имѣемъ право спросить: подвинется ли впередъ свобода и независимость этой страны отъ подобнаго поступка? *(Слушайте, слушайте.)* Итакъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, я протестую противъ подобной войны, какъ противъ нарушенія европейскаго мира, какъ противъ одного изъ самыхъ дурныхъ примѣровъ для будущаго, какъ противъ дѣла, колеблющаго довѣріе

людей ко всѣмъ трактатамъ, на которыхъ зиждется, въ настоящее время, прочность европейскаго мира. Но мы ничего не сдѣлали бы для прочности мира, ничего для будущаго благосостоянія Италіи и всей Европы, еслибы захотѣли закрыть глаза на всѣ тѣ бѣдствія, которымъ такъ часто подвергается Италія. Съ самыхъ первыхъ годовъ послѣ подписанія трактата 1815 г., Австрія стала покушаться управлять всею Италіей. Прежде всего она не хотѣла допустить, чтобы король Обѣихъ Сицилій ввелъ у себя учрежденія, основанныя на началахъ, несходныхъ съ тѣми, которыя господствовали въ Австріи. Въ 1821 г., неаполитанскій народъ пытался улучшить свои учрежденія и имѣть представительное собраніе, о которомъ лордъ Кольчестеръ, бывшій президентъ нашей палаты, знатокъ парламентскаго дѣла, отзывался съ большою похвалою, и что же произошло? Вотъ что: австрійская армія двинулась на Неаполь, и 40,000 войска было расположено въ этомъ королевствѣ, чтобы помѣшать народу утвердить у себя конституцію и законы, которые онъ находилъ для себя лучшими. Лордъ Кастльри протестовалъ по этому случаю, отъ имени британскаго правительства, и объявилъ, что британское правительство не можетъ одобрить начала, на основаніи которыхъ произошло это вторженіе. *(Слушайте, слушайте.)* Въ послѣдствіи, когда народъ пармскій, страдавшій, въ то время, подъ гнетомъ самой дурной формы правленія, самой худшей аристократіи и самаго худшаго духовенства, какія только существовали въ какой-либо странѣ Европы, началъ стараться объ улучшеніи своего положенія, 12,000 австрійскаго войска двинулись въ эту страну, чтобы воспрепятствовать народу улучшить свои учрежденія. Въ 1831 г., опять произошло вмѣшательство точно такого же рода. Правда, панъ данъ былъ сначала совѣтъ, но тотчасъ же послѣдовали принудительныя средства. Въ 1848 году, населеніе Тосканы, среди всеобщаго смятенія и неистовства, господствовавшаго на материкѣ Европы, стало тяготиться своимъ, весьма кроткимъ правительствомъ, и учредило у себя республику; но вскорѣ народъ раскаялся въ своей поспѣшности и возстановилъ власть великаго герцога. Вотъ, стало-быть, примѣръ народа, по собственному желанію возвратившагося къ прежней формѣ правленія, которую онъ находилъ наиболее совмѣстною съ своимъ счастьемъ и благоденствіемъ; но для Австріи этого было недостаточно. Цѣлая австрійская дивизія вступила въ Тоскану, и пребыла тамъ нѣсколько лѣтъ не по какой-либо необходимости, а для того только, чтобы оскорбить этотъ кроткій и покорный народъ зрѣлищемъ иноземной, угнетающей его силы. *(Слушайте, слушайте.)* Обращаясь теперь къ Средней Италіи, о которой говорилъ достопочтенный джентльменъ, должно замѣтить, что

именно системой своего постоянного вмѣшательства Австрія успѣла пробудить зависть во Франціи. Нечего удивляться соперничеству этихъ двухъ великихъ державъ; между ними и не могло быть иныхъ отношеній. Уже Лудовикъ-Филиппъ посылалъ въ Анкону свое войско, съ цѣлію уравновѣсить вліяніе Австріи въ другихъ частяхъ Италіи. Въ 1848 году, Австрійцы вмѣшались въ управленіе легатствами, и французская дивизія немедленно была послана въ Римъ; она взяла этотъ городъ, и это было сдѣлано, если вѣрить всѣмъ тогдашнимъ офиціальнымъ представителямъ Франціи въ нашей странѣ, единственно потому, что Франція рѣшилась противодѣйствовать владычеству и господству Австріи надъ Италіей. Но соперничество этихъ двухъ великихъ державъ имѣло своимъ слѣдствіемъ только бѣдствіе несчастнаго народа, которому насильственно навязали правительство, въ высшей степени ему противное. *(Слушайте.)* Правда, императоръ Французовъ, не желая навязывать дурное правительство Риму, самъ написалъ письмо, гдѣ указывалъ на то, что можетъ улучшить, по его мнѣнію, положеніе римскаго народа,—именно: введеніе Наполеонова кодекса, свѣтское управленіе, и другія мѣры. Но совѣтъ его не былъ принятъ. Австрійское правительство—во многихъ отношеніяхъ правительство весьма умное; но рѣчь идетъ не объ австрійскомъ правительствѣ въ Болоньѣ и Анконѣ, рѣчь идетъ объ австрійскихъ войскахъ и французскихъ войскахъ: они-то навязываютъ странѣ этой самую дурную форму правленія, какая только существовала когда-нибудь и гдѣ-нибудь. Кто сомнѣвается въ этомъ, пусть справится въ разныхъ сочиненіяхъ, гдѣ сообщаются свѣдѣнія о папскомъ правительствѣ. Въ числѣ этихъ сочиненій одно, весьма интересное и занимательное, издано нынѣшнимъ генераль-атторнеемъ Ирландіи. *(Слушайте, слушайте.)* Онъ самъ путешествовалъ по Италіи; не довольствуясь поверхностнымъ обзорѣнемъ, онъ приводитъ цитаты изъ теперешняго римскаго кодекса, чтобы показать, какъ несовмѣстенъ онъ съ чѣмъ-либо похожимъ на правосудіе и свободу. Мнѣ самому очень хорошо извѣстно, какъ старались тамъ сдѣлать тщетными всѣ попытки улучшеній. Римляне говорили, напримѣръ: «дайте намъ свѣтское управленіе, и замѣните духовныхъ чиновниковъ свѣтскими чиновниками». И дѣйствительно, дали имъ свѣтскихъ чиновниковъ, но это были люди, до такой степени неспособные внушить къ себѣ довѣріе, и до того безнравственные, что бѣдный народъ сказалъ: «лучше возвращайте опять поповъ, дайте намъ кардинала, кого-хотите, только не этотъ сбродъ». Отсюда вывели тотчасъ заключеніе, что они не хотятъ свѣтскаго управленія. Точно такимъ же образомъ убѣдились, что народъ не желаетъ муниципальныхъ учрежде-

ній. До французской революціи, у него были муниципальныя учрежденія. Народъ большею частію управлялся самъ собою. Французы уничтожили всѣ эти муниципальныя учрежденія, но въ замѣнъ они дали по крайней мѣрѣ хорошее правосудіе, и то, что называютъ просвѣщеннымъ деспотизмомъ. Съ 1852 года, нѣтъ ни муниципальных учрежденій, ни просвѣщеннаго деспотизма, а есть только всякаго рода порча и угнетеніе. Если отъ людей требуется покорности, то люди въ свою очередь могутъ требовать отъ правительства обезпеченія своей безопасности. А не въ правосудіи ли прежде всего заключается это обезпеченіе? Одна изъ первыхъ задачъ правительства состоитъ въ томъ, чтобы соблюдалась справедливость въ отношеніяхъ человека къ человеку, чтобы уголовное правосудіе отправляемо было честно, чтобы гражданская юстиція дѣйствовала неподкупно, а вслѣдъ за тѣмъ мнѣ пришлось прочесть, не далѣе какъ вчера, изображеніе римскаго правительства, сдѣланное благороднымъ другомъ моимъ, членомъ другой палаты, лордомъ Броутономъ. Такъ какъ вся эта характеристика заключается въ весьма немногихъ словахъ, то я прошу палату позволить мнѣ прочесть ихъ. Не забудьте, что эта характеристика правительства, существовавшаго при помощи иностранныхъ силъ, въ послѣднія десять лѣтъ. Лордъ Броутонъ говоритъ:

«Еслибы, при этой теократіи, существовало сколько-нибудь безпристрастное отправленіе правосудія; еслибы жизнь, личность и собственность гражданъ были хоть чѣмъ-нибудь обезпечены, а еще можно было бы примириться съ аномаліей законодательства, исходящаго отъ алтаря, а не отъ трона. Но извѣстно, что въ Римѣ нѣтъ ничего этого, и едва ли хоть какое-нибудь изъ здравыхъ управленій осуществляется или признается въ Панскихъ Владѣніяхъ.»

Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ:

«Первыя основы уголовного правосудія, кажется, совершенно забыты, или вовсе неизвѣстны, какъ будто бы французскій кодексъ никогда не дѣйствовалъ въ этой странѣ; тайный процессъ, производство суда однимъ судьей и постановленіе приговора другимъ, продолжительное содержаніе подъ арестомъ, несообразныя винныя приговоры, отвратительная система наказаній,—все направлено противъ истинной цѣли правосудія, все направлено къ тому, чтобы возбудить болѣе сочувствіе къ преступнику, чѣмъ уваженіе къ закону.»

Можно ли основываться на признаніяхъ человека, обвиняемаго въ преступленіи, если признанія эти вынуждены пыткой? А это практикуется постоянно при отправленіи правосудія въ Панскихъ Владѣніяхъ. Можете ли вы удивляться послѣ этого, что народъ, управляемый

такимъ образомъ, при посредствѣ иностранныхъ войскъ, тяготился своимъ правительствомъ? и можете ли вы удивляться, что онъ готовъ скорѣе прибѣгнуть ко всякой крайности и рѣшиться на всякія средства, чѣмъ оставаться въ теперешнемъ своемъ положеніи? Но какое же средство противъ этого? Достопочтенный джентльменъ говоритъ (если я вѣрно понимаю его), что данъ былъ благой совѣтъ, а именно, данъ былъ совѣтъ Австріи и Франціи, чтобъ они занялись планами объ улучшеніи тамошняго правосудія и управленія. Да, это превосходный совѣтъ; но есть кое-что лучше этого—предоставить самому народу составить себѣ законы. (*Одобреніе.*) Я припоминаю одну брошюру объ Италіи, которую я читалъ нѣсколько времени тому назадъ. Она написана синьйоромъ Фарини, котораго *Исторія Папской Области* переведена моимъ достопочтеннымъ другомъ, членомъ за Оксфордскій университетъ; жаль, что г. Гладстона нѣтъ здѣсь въ настоящую минуту (*слушайте*), потому что не найдется человѣка, котораго голосъ раздастся бы такъ мощно за Италію. Синьйоръ Фарини говоритъ слѣдующее по поводу парижскаго трактата: «Я вижу, что этотъ трактатъ дозволяетъ народу Молдавіи и Валахіи составить собранія для обсужденія своей формы правленія. Отчего же мы не имѣемъ этого права? (*слушайте, слушайте.*) Почему народу Романьи не собраться и не объявить, каковы должны быть тѣ законы, подъ которыми онъ желаетъ жить?» (*слушайте, слушайте.*) Это замѣчаніе синьйора Фарини, кажется, совершенно справедливо; сейчасъ только въ рѣчи королевы было сказано, что представительныя собранія въ Дунайскихъ княжествахъ, — въ этихъ Румынскихъ государствахъ, если вамъ больше нравится это названіе, — составились и постановили для своихъ странъ собственные законы. Хороши ли будутъ эти законы, или нѣтъ, но, безъ сомнѣнія, это будутъ законы, приспособленные къ населенію этихъ областей. Я увѣренъ, что народъ Средней Италіи, народъ, который за пять вѣковъ передъ этимъ имѣлъ свою славную литературу, народъ, который въ теченіи этихъ пяти вѣковъ принадлежалъ къ числу образованныхъ народовъ, и слѣдовательно стоитъ далеко выше населенія Дунайскихъ княжествъ, я увѣренъ, что подобный народъ скоро составилъ бы себѣ такіе законы для своего управленія, которые дали бы ему довольство и благосостояніе. Надо только вывести иностранныхъ войска, принявъ какую-нибудь мѣру, которую легко принять католическимъ державамъ Европы (протестантскимъ державамъ не зачѣмъ мѣшаться въ это распоряженіе), для личной безопасности папы. Пусть населеніе Болоньи, пусть народъ Романьи дастъ себѣ законы, и я увѣренъ, что затруднительное положеніе Италіи прекратится почти совершенно. (*слушайте, слушайте.*) Я увѣренъ

что тогда не будетъ никакой нужды въ кровопролитной войнѣ, въ столкновеніи армій, которое ничего не прибавитъ къ свободѣ Италіи, и, какъ я опасуюсь, нисколько не увеличитъ ея независимости. (*Слушайте, слушайте.*) Я надѣюсь, вмѣстѣ съ достопочтеннымъ джентльменомъ, съ моимъ благороднымъ другомъ и со всею палатою, что такое ужасное бѣдствіе, какъ война, не обрушится на Европу. Я не вѣрю, чтобы существовалъ какой-нибудь достаточный поводъ къ ней. Я не вѣрю, что въ ней есть какая-нибудь необходимость. Вы положили въ парижскомъ трактатѣ, и положили весьма разумно, чтобы не было никакого иностраннаго вооруженнаго вмѣшательства въ Дунайскія княжества, никакого вмѣшательства въ Сербію, — развѣ только на это вмѣшательство согласятся всѣ державы Европы, подписавшія трактатъ. Ну, а почему бы не сказать, что, во вниманіи къ общему положенію Италіи, не должно быть никакого иностраннаго вооруженнаго вмѣшательства ни въ Церковной Области, ни въ Тосканѣ, ни въ Неаполѣ, — развѣ на это вмѣшательство согласятся державы Европы? Я не могу думать, чтобы какой-либо планъ, который можетъ быть составленъ австрійскимъ правительствомъ, либо французскимъ правительствомъ, для управленія Папскою Областью могъ имѣть хотя малѣйшій успѣхъ: папское правительство обладаетъ достаточнымъ талантомъ и искусствомъ, чтобы разстроить и обойти всякія новыя мѣры. (*Слушайте, слушайте.*)

Я вполне соглашаюсь съ достопочтеннымъ джентльменомъ во всемъ, что сказалъ онъ о союзѣ съ Франціей. Нѣтъ союза, который былъ бы такъ важенъ для нашего отечества. Я увѣренъ въ дружественномъ расположеніи къ намъ императора Французовъ. Я никогда ничего не замѣчалъ въ его внѣшней политикѣ, что показывало бы враждебность къ Англіи. Я думаю, что для британскаго народа и для французскаго народа, которые живутъ такъ близко другъ къ другу, и которыхъ мануфактуры такъ различны, всего желательнѣе блюсти этотъ союзъ и поддерживать взаимныя чувства пріязни и уваженія. (*Слушайте, слушайте.*) А потому я увѣренъ, что на пути благоденствія, на который, какъ кажется, вступаетъ Европа, не предстоитъ ей преградъ.

Есть еще предметъ, котораго достопочтенный джентльменъ коснулся съ какою-то нѣжностью; онъ упомянуть въ самомъ концѣ тронной рѣчи. Мнѣ, право, кажется, будто министры ея величества перебрали всѣ предметы, которые, по ихъ мнѣнію, парламентъ могъ ожидать встрѣтить въ тронной рѣчи, и будто потомъ кто-нибудь изъ членовъ кабинета сказалъ: «Не забыли ли мы чего? Мексикуну-то не пропустили ли? Кажется, нѣтъ. (*Смѣхъ.*) Вотъ Китай и Японія. Кажется, ничего не опущено.» Но, наконецъ, какой-

нибудь остроумный членъ кабинета, можетъ - быть, сказалъ: «Одинъ предметъ забыли—парламентскую реформу; нужно помѣстить ее». Достопочтенный джентльменъ, кажется, коснулся этого предмета такъ же неохотно, какъ вообще кабинетъ неохотно помѣстилъ его въ рѣчь. Богъ знаетъ, какъ предметъ этотъ попалъ въ ихъ руки. Какъ это они стали реформаторами? Не знаю, что будутъ они отвѣчать предъ странною, если она задастъ имъ этотъ вопросъ. Достопочтенный джентльменъ, членъ за Радноръ (1), сказалъ: «Прежде, чѣмъ спрашивать о парламентской реформѣ, вы должны указать на тѣ недостатки, исправленія которыхъ желаете». Есть нѣсколько недостатковъ въ системѣ парламентскаго представительства, исправленія которыхъ я желаю. Я полагаю, что есть много людей, которые не избиратели, но которые имѣютъ полное право, по своимъ достоинствамъ, на пользование избирательными правами. Я увѣренъ, что допущеніе ихъ къ этимъ правамъ сообщитъ имъ болѣе ясное понятіе объ ихъ роли въ конституціи, и укрѣпитъ основанія конституціи. Я не думаю, что подобное распространеніе правъ потрясетъ какую-либо изъ основъ этой монархической конституціи, съ ея аристократіей и съ ея учрежденною церковью. Я не думаю, что допущеніе въ парламентъ лицъ, способныхъ пользоваться льготами, приведетъ къ нарушенію какого-либо изъ учрежденій этой страны. *(Одобреніе.)* Я увѣренъ, что масса населенія вообще раздѣляетъ мнѣніе нашихъ предковъ, дѣйствовавшихъ до насъ, мнѣніе Борка, Фокса и Питта, что учрежденія этой страны даютъ народу такую долю свободы и счастья, какую когда-либо давали учрежденія, изобрѣтенныя человѣческою мудростью. *(Одобреніе.)* Таково, безъ сомнѣнія, было мнѣніе Борка, Фокса и Питта, а они были совсѣмъ не дураки. Я увѣренъ, что таково мнѣніе страны вообще, и желаю, чтобъ эти благодѣянія были распространены. Но мнѣ не понятно колебаніе въ этомъ дѣлѣ. Достопочтенный джентльменъ «сперва попробовалъ, крѣпки ли вожжи, а потомъ тронулъ съ мѣста телегу» *(Смѣхъ)*; онъ, кажется, не охотно прилаживаетъ сѣть или выжидаетъ времени. *(Смѣхъ.)* Я не желаю торопить правительство въ этомъ дѣлѣ. Я думаю, что первый лордъ адмиралтейства имѣетъ полное основаніе сказать: «Намъ нужно увеличить наши морскія силы»; но тутъ еще я не вижу такого важнаго предмета, которымъ можно было бы занять вопросъ о реформѣ. Въ прошломъ году мы были заняты важнымъ индійскимъ вопросомъ: этого было достаточно, чтобы поглотить вниманіе всякаго правительства, занятаго опасностью, грозившею нашему владычеству въ Индіи; но теперь нѣтъ извиненія для отсрочки. Если правитель-

(1) Г. Вальшъ, сказавшій эти слова на одномъ митингѣ.

ство рѣшилось предложить билль о реформѣ, пусть оно выложитъ его на столъ. (*Одобреніе.*) Я не буду высказывать никакого мнѣнія о такого рода мѣрѣ, пока не увижу, чего предполагается достигнуть ею. Я понимаю, что это не такого рода задача, которая была бы къ лицу нынѣшнимъ министрамъ. (*Смѣхъ.*) Кто-то сказалъ, намекая на этотъ вопросъ, что они прежде никогда не пробовали играть на скрипкѣ, но, можетъ-быть, они сыграютъ на ней не хуже всякаго другаго. (*Смѣхъ.*) Палата готова дать имъ какой угодно срокъ, но имъ теперь нельзя уклониться отъ этого вопроса. Я боюсь только, что мой почтеннѣйшій другъ, сидящій зади меня (мистеръ Брайтъ), пожалуй, не сдержитъ своего нетерпѣнія. (*Смѣхъ.*) Но подымать такого рода великіе вопросы, дѣйствиительно, дѣло правительства; оно взяло на себя обязательство въ этомъ дѣлѣ и должно исполнить его.

Сэръ Джонъ Пакингтонъ. Въ заключеніе преній, вызванныхъ предметомъ сегодняшняго засѣданія палаты, послѣ краснорѣчивой и не неблагопріятной правительству ея величества рѣчи благороднаго лорда, члена за Тивертонъ (лорда Пальмерстона), я намѣренъ сдѣлать лишь нѣсколько замѣчаній на слова, высказанныя благороднымъ лордомъ, представителемъ Сити (лордомъ Джономъ Росселемъ). Благородный лордъ, кажется, полагаетъ, что правительство ея величества, занимаясь вопросомъ о парламентской реформѣ, слишкомъ мало обращаетъ на него вниманія. Онъ, кажется, сомнѣвается даже въ искренности правительства въ этомъ случаѣ, и жалуется, что вопросу этому не дано было болѣе виднаго мѣста въ тронной рѣчи. Не можемъ оставаться равнодушными къ упрекамъ благороднаго лорда, и будемъ искать себѣ опоры и оправданія въ предшествовавшихъ обстоятельствахъ и примѣрахъ. Въ рукахъ у меня рѣчь ея величества при открытіи засѣданій 1852 года, въ то время, когда, если не обманываетъ меня память, благородный лордъ находился во главѣ управленія. Я нахожу, что въ рѣчи этой упоминается о многихъ предметахъ, большей либо меньшей важности, а затѣмъ уже, въ самомъ концѣ, и ни какъ не прежде (*одобреніе*), говорится о парламентской реформѣ, въ такихъ выраженіяхъ: «Мнѣ кажется, что теперь настало время спокойно рассмотреть: не слѣдуетъ ли сдѣлать въ актѣ послѣдняго царствованія о представительствѣ общинъ въ парламентѣ тѣ измѣненія, которыя можно признать годными для болѣе полнаго осуществленія началъ, служащихъ основаніемъ этому закону.» (*Слушайте слушайте.*) А потому, какъ бы велика ни была ошибка наша относительно мѣста, даннаго въ рѣчи ея величества вопросу о реформѣ, мы утѣшаемся сознаніемъ, что насъ оправдываетъ примѣръ прежняго времени и самого благороднаго лорда (*одобреніе и смѣхъ*): онъ самъ отвелъ этому вопросу

именно то самое мѣсто, какое и мы дали ему теперь. Надѣюсь, что благородный лордъ откажется отъ своихъ жалобъ, и жду времени, когда можно будетъ разсѣять совершенно всѣ его сомнѣнія, насчетъ искренности правительства въ разрѣшеніи этого вопроса. *(Слушайте, слушайте.)*

Предложеніе объ адресѣ принято, и назначена коммиссія для изготовленія этого адреса.

Палата разошлась безъ четверти въ 8 часовъ.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ ПРОФЕССОРА СТАСЮЛЕВИЧА О ПРОВИНЦІАЛЬНОМЪ БЫТѢ ФРАНЦІИ ПРИ ЛУДОВИКѢ XIV.

Въ концѣ января и началѣ февраля нынѣшняго года происходили въ С.-Петербургскомъ университетѣ публичныя лекціи профессора Стасюлевича о провинціальномъ бытѣ Франціи во времена Лудовика XIV. Читенія эти, составляющія пріятное явленіе въ нашей общественной жизни, заслуживаютъ подробнаго разбора, какъ по сочувствію, возбужденному ими въ многочисленныхъ слушателяхъ г. Стасюлевича, такъ и по важности самого предмета, избраннаго профессоромъ.

Публичныя лекціи представляютъ одно изъ лучшихъ средствъ къ сближенію общества съ наукою. Онѣ дѣлаютъ доступными для всѣхъ результаты, добытые трудомъ немногихъ. Ихъ популярная, общепонятная форма содѣйствуетъ легкому усвоенію самыхъ отвлеченныхъ истинъ. При такомъ значеніи публичныхъ лекцій, важность и польза ихъ особенно ощутительна въ то время, когда общество, пробуждаясь къ новой жизни, съ усиленною энергію и неутолимою любознательностью стремится къ расширенію круга своихъ понятій и свѣдѣній. Но чѣмъ сильнѣе вліяніе публичныхъ чтеній, тѣмъ сложнѣе обязанности профессора, предпринимающаго ихъ, тѣмъ больше лежащая на немъ отвѣтственность. Изъ всей обширной области своей науки онъ долженъ избрать предметъ не только занимательный, но и поучительный, а въ изложеніи его одинаково избѣгать излишней сухости, утомляющей слушателей, и той цвѣтистой поверхностности, которая хотя и привлекаетъ публику, но лишаетъ лекцію всякой существенной пользы. Наконецъ въ заключеніяхъ своихъ профессоръ долженъ удержаться и отъ парадоксальныхъ выводовъ, недостаточно оправдываемыхъ фактами, и отъ старыхъ, избитыхъ аксіомъ, ничего не доказывающихъ и знакомыхъ каждому еще со школьной скамьи.

Профессоръ, преодолевъ всѣ трудности своей задачи, можетъ имѣть самое благотворное дѣйствіе на умы слушателей; онъ можетъ возбудить въ нихъ любовь къ наукѣ, укоренить ясное пониманіе ея главнѣйшихъ началъ. Напротивъ того, ошибочный взглядъ профессора можетъ послужить поводомъ къ распространенію одного изъ тѣхъ ученыхъ или литературныхъ предразсудковъ, которые дѣлаются какъ бы ходячею монетою въ обществѣ и не скоро уступаютъ мѣсто болѣе здравымъ понятіямъ. Въ исторіи, напримѣръ, одна неосновательная догадка, одно неправильное сужденіе могутъ бросить ложный свѣтъ на цѣлую эпоху или, что еще хуже, на извѣстный элементъ государственнаго устройства и народной жизни.

Предметъ публичныхъ чтеній г. Стасюлевича былъ избранъ чрезвычайно счастливо. Несмотря на изслѣдованія новѣйшихъ писателей, разоблачившихъ всѣ тайны внутренняго управленія Франціи при ея такъ-называемыхъ великихъ монархахъ, эпоха Лудовика XIV весьма часто еще выставляется какимъ-то золотымъ вѣкомъ, достойнымъ удивленія и подражанія. Для многихъ блескъ побѣдъ и завоеваній, пышность версальскаго двора, его литературныя знаменитости затмеваютъ настоящее состояніе королевства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящій характеръ царствованія Лудовика XIV. Давно уже наступила пора разрушить идеалъ, созданный лестью современниковъ и легковѣріемъ потомства, и сказать въ мѣстѣ съ г. Стасюлевичемъ: «Еще однимъ великимъ человѣкомъ меньше!» Политика государя должна быть оцѣняема сообразно съ тѣми послѣдствіями, которыя она имѣла для большинства его подданныхъ; посему, изученіе провинціальнаго быта Франціи во времена Лудовика XIV безъ сомнѣнія можетъ дать намъ вѣрнѣйшее понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ самого короля и его правительственной системы. Притомъ, отношенія провинцій къ центральной власти и вообще устройство мѣстнаго управленія составляютъ и въ теоріи, и въ практикѣ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашего времени. Въ какой же степени г. Стасюлевичъ воспользовался всѣмъ богатствомъ своего предмета?

Въ небольшомъ вступленіи г. Стасюлевичъ напомнилъ, что университеты въ первое время своего существованія были естественнымъ порожденіемъ потребностей того общества, среди котораго они образовались. Оставаясь вѣрными своему происхожденію, они должны постоянно служить общественной пользѣ, стоять наравнѣ съ интересами и стремленіями своего времени. Эту общую, вполне справедливую мысль г. Стасюлевичъ примѣнилъ къ публичнымъ чтеніямъ, предпринятымъ С.-Петербургскимъ университетомъ, и затѣмъ перешелъ къ самому предмету своихъ лекцій.

XVIII столѣтіе, такъ началъ г. Стаюлевичъ, считается обыкновенно эпохою по преимуществу революціонною. Но и въ XVII столѣтіи совершалась революція, не менѣе упорная, не менѣе *успѣшная*, имѣвшая главною цѣлью установленіе централизаціи, уничтоженіе самоуправленія во всѣхъ его различныхъ средневѣковыхъ формахъ. Революція эта началась при Генрихѣ IV продолжалась при Ришельё и Мазарини, и достигла крайней точки своего развитія при Лудовикѣ XIV. Сходство обѣихъ революцій можно видѣть не только въ общихъ чертахъ, но и въ частностяхъ. Царствованіе Генриха IV соотвѣтствуетъ дѣятельности учредительнаго собранія (*Assemblée Constituante*), время Ришельё—времени терроризма, наконецъ эпоха Лудовика XIV—эпоха Наполеона. Въ рукахъ Лудовика XIV сосредоточилась вся верховная власть; онъ олицетворилъ собою народъ и государство, и не безъ основанія сказалъ: «L'Etat, c'est moi.» Вышнее вліяніе его не уступало внутреннему могуществу, и оправдывало въ нѣкоторой степени сравненіе Лудовика XIV съ его любимую эмблемою, солнцемъ. Вѣрность этого сравненія нарушалась однако однимъ весьма существеннымъ обстоятельствомъ: солнце ни отъ кого не заимствуетъ своей теплоты и свѣта, а Лудовикъ XIV обязанъ былъ своимъ блескомъ и силою тѣмъ самымъ, кого онъ освѣщалъ и согрѣвалъ. Уничтожить всякую личную, индивидуальную дѣятельность и сосредоточить всю жизнь страны въ правительственномъ механизмѣ—такова была несбыточная и пагубная для Франціи задача Лудовика XIV. Административная утопія его часто заглушала движенія его сердца, его государственный инстинктъ.

Но среди самаго полновластнаго господства Лудовика надъ Франціею, самаго преобладающаго вліянія его на Европу, одно сословіе въ государствѣ пользовалось значительною независимостью, и даже позволяло себѣ противиться королю. Это было духовенство, обладавшее огромными богатствами и изъятые отъ вслѣдствія податей и повинностей. Единственное участіе его въ государственныхъ расходахъ состояло въ такъ-называемыхъ добровольныхъ приношеніяхъ (*dons gratuits*), которыя были опредѣлены на генеральныхъ собраніяхъ духовенства, происходившихъ черезъ каждыя пять лѣтъ. Большая или меньшая щедрость приношеній зависла отъ уступокъ, которыя дѣлало правительство на притязанія духовенства,—уступокъ, нерѣдко столь же постыдныхъ, сколько и вредныхъ. Главною цѣлью духовенства было преслѣдованіе протестантовъ, которымъ Нантскій эдиктъ даровалъ гражданскія права и свободу вѣроисповѣданія. Въ 1660 г., негодуя на слабость стѣснительныхъ мѣръ противъ протестантовъ, духовенство, вмѣсто просимыхъ четырехъ милліоновъ ливровъ, хотѣло

назначить не болѣе 180 тысячъ, и только послѣ долгихъ колебаній возвысилъ свое приношеніе до 2 милл. ливровъ. Въ 1665 г. заливные протестантовъ права занимать судебныя должности и содержать училища, духовенство назначило въ пользу короля 4 милл. ливровъ. Известно, что въ 1685 г. постепенное шестилѣтнее правительствованіе на пути религіозной нетерпимости окончилось отъѣздомъ Нантскаго эдикта; известны также послѣдствія этого событія для Франціи. Сокращеніе правительства къ требованіямъ духовенства представляется еще болѣе унижительною, если обратить вниманіе на «орн», въ который оно было облакаемо. Рѣчи министра д'Алигра, бывшаго представителемъ короля на генеральныхъ собраніяхъ 1660, 1665 и 1670 годовъ, служатъ образцомъ официальной лести, доведенной до самыхъ послѣднихъ предѣловъ: въ нихъ можно найти и «облако, омрачившее чело его величества и разрышившееся теплымъ дождемъ ордоннансовъ», и «статую Меммы, издающую звуки при появленіи утренней зари», при чемъ роль статуи разыгрывалъ, разумѣется, д'Алигръ, а роль зари—духовенство, и еще много другихъ рѣдкостей. Въ подкрѣпленіе словъ своихъ, г. Стасюлевичъ прочелъ довольно обширныя выписки изъ самыхъ рѣчей д'Алигра и изъ протоколовъ генеральныхъ собраній духовенства, напечатанныхъ въ повѣстномъ собраніи Ланфрея: *L'église et les philosophes au XVIII siècle*. Генеральнымъ собраніемъ 1670 года г. Стасюлевичъ окончилъ своеобозрѣніе отношеній Людовика XIV къ французскому духовенству. Указавъ въ нѣсколькихъ словахъ на всю знаменательность этихъ отношеній, такъ мало соответствующихъ общему типу правительства Людовика XIV, профессоръ перешелъ къ устройству и составу самого провинціального управленія Франціи.

Управленіе это, какъ уже выше сказано, имѣло главную цѣль—установленіе всеобъемлющей, возможно полной централизаціи. Къкую величественную картину, замѣтилъ г. Стасюлевичъ, представлялъ государственный организмъ, въ которомъ правительство, возвышаясь надъ всѣми частными интересами, проводило свою волю до низшихъ сферъ общественной жизни черезъ посредство нѣсколькихъ рядовъ подчиненныхъ агентовъ, а потребности народа въ свою очередь тѣмъ же путемъ восходили до самаго правительства! Къ сожалѣнію, такое устройство страдаетъ однимъ неизбѣжнымъ недостаткомъ: правительство не можетъ имѣти достаточное число агентовъ, достойныхъ своего назначенія. Большая часть изъ нихъ не хотятъ или не умѣютъ служить вѣрными посредниками между верховною властью и народомъ, подчиняются вліянію личныхъ страстей, подкупа, скрываютъ истину отъ государя, и наконецъ становятся болѣе проныра, нежели самъ король. Такъ было и во Франціи при Людовикѣ XIV.

Затѣмъ г. Стасюлевичъ привелъ длинный рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ испорченности административнаго сословія. Онъ исчислилъ всѣ незаконные доходы, которыми пользовался Фуке, указалъ примѣры обложенія цѣлыхъ провинцій налогами по личному произволу интенданта, прочелъ письма современниковъ, изъ которыхъ видно, до какой степени могли доходить самоуправство чиновниковъ и безнаказанность покровительствуемыхъ ими лицъ. Всѣ эти факты, облеченные иногда въ анекдотическую форму, заняли большую часть первой лекціи г. Стасюлевича. Изъ различныхъ отраслей провинціального управленія, профессоръ обратилъ особенное вниманіе слушателей на части финансовую и судебную. Тяжесть налоговъ, обременившихъ народъ, увеличивалась еще болѣе порядкомъ взиманія ихъ. Неудовлетворительность этого порядка вполне выражается современною поговоркою: «Un écu qui pagueient au roi en coûte dix au peuple.» Въ то самое время, когда Буало восклицалъ, обращаясь къ Лудовику XIV:

L'univers sous ton règne n'a plus de malheureux!

во Франціи (1665 г.) болѣе 23 т. человекъ содержались въ тюрьмахъ за податныя недоимки.

Въ заключеніе своей первой лекціи, г. Стасюлевичъ сказалъ нѣсколько словъ о двухъ главныхъ утопіяхъ, увлекающихъ собою умъ человѣческой. Одна изъ нихъ, утопія будущаго, въ нетерпѣливомъ стремленіи къ развитію, хочетъ упредить естественный ходъ событій, сегодняшний день сдѣлать завтрашнимъ: при всѣхъ опасностяхъ, сопряженныхъ съ этою утопіею, въ ней очень много благороднаго. Другая утопія не такъ смѣло предълагаетъ свои права; ея приверженцы даже рѣдко называютъ ее настоящимъ именованіемъ: это утопія прошедшаго, клонящаяся къ тому, чтобы сегодняшний день сдѣлать вчерашнимъ. Съ наибольшимъ эффектомъ утопія будущаго проявилась во Франціи, въ концѣ прошедшаго столѣтія, во время переворота, окончившагося царствованіемъ Наполеона; утопія прошедшаго господствовала при Лудовикѣ XIV.

Во второй лекціи г. Стасюлевичъ объяснилъ, что для лучшаго изученія провинціального быта Франціи, онъ рѣшился обозрѣть въ подробности одну изъ французскихъ провинцій, а именно Овернь. Руководствомъ при этомъ обозрѣніи профессоръ избралъ мемуары Флешье, извѣстнаго проповѣдника и отца церкви временъ Лудовика XIV. Будучи еще простымъ аббатомъ, Флешье сопровождалъ въ Овернь г. де-Комартена, вице-президента чрезвычайной комиссіи, назначенной для изслѣдованія и прекращенія беспорядковъ въ этой провинціи. Описаніе своей поездки

Флешье включилъ въ свои мемуары, недавно обнаруженные въ Парижѣ. Г. Стасюлевичъ счелъ нужнымъ подробно познакомиться своихъ слушателей съ личностью Флешье. Съ этою цѣлью, изложивъ главнѣйшіе факты его жизни, г. Стасюлевичъ прочелъ длинную выписку изъ портрета Флешье, составленнаго имъ самимъ для дамы своего сердца. О позднѣйшей дѣятельности Флешье г. Стасюлевичъ упомянулъ весьма кратко, и такимъ образомъ представилъ его болѣе какъ свѣтскаго человека, петиметра парижскихъ салоновъ, нежели какъ оратора, епископа и кардинала. Послѣ этого эпизода, г. Стасюлевичъ описалъ положеніе дѣлъ въ Оверни передъ открытіемъ чрезвычайной комиссіи или такъ-называемыхъ Великихъ Дней (*les Grands Jours*), происходившихъ въ концѣ 1665 и въ началѣ 1666 г. Онъ показалъ своеволие дворянъ, бездѣйствіе должностныхъ лицъ, пристрастіе губернатора провинціи герцога де-Бульйона, неисполненіе королевскихъ повелѣній, бѣдствія народа и безнаказанность преступниковъ, казнимыхъ только *en effigie*. По этому поводу, г. Стасюлевичъ замѣтилъ, что Лудовикъ XIV постоянно имѣлъ въ виду благо своего народа, и что если дѣйствія его не достигали желанной цѣли, то виною тому была его административная утопія, которая вездѣ и во всѣ времена имѣла одни и тѣ же вредныя послѣдствія. Централизація, къ которой стремился Лудовикъ XIV, не есть нѣчто новое въ исторіи: тотъ же идеалъ государственнаго устройства имѣли въ виду прежде него Филиппъ - Августъ и Лудовикъ Святой, еще раньше Карлъ Великій, наконецъ императорскіе римскіе и византійское правительства. Но намѣренія монарховъ всегда сокрушались бездѣйствіемъ или злонамѣренностью исполнителей. Въ X столѣтіи, посолъ одного изъ западно-европейскихъ государей къ императору византійскому Никанору, снабженный грамотою сего послѣдняго, задержанъ былъ нѣсколько недѣль въ одномъ отдаленномъ селеніи имперіи, потому что не хотѣлъ дать взятку какому-то мелкому чиновнику. Бросивъ этотъ бѣглый взглядъ на разныя историческія явленія, сходныя съ эпохою Лудовика XIV, г. Стасюлевичъ вновь обратился къ овернскимъ Великимъ Днямъ, и сказалъ, что они не оправдали ожиданій правительства и народа. Причину такой неудачи профессоръ видитъ въ составѣ комиссіи, далеко не соответствовавшемъ ея важному назначенію. Онъ подвергъ подробному разбору личныя свойства каждаго изъ членовъ комиссіи, руководствуясь при этомъ секретными списками, которые были ведены при Мазарини членамъ парижскаго парламента. Затѣмъ г. Стасюлевичъ упомянулъ о женахъ и дочеряхъ членовъ комиссіи, такъ какъ *Mesdames des Grands Jours*, особенно мать генеральнаго прокурора Талона, играли весьма важную роль въ дѣйствіяхъ *Messieurs des*

Grands Jours. М-ме де-Талонъ составила даже подробную таксу на всѣ предметы, продававшіеся въ мѣстопробываніи комиссіи, Клермонъ-Ферранъ. Въ заключеніе второй лекціи, г. Стасюлевичъ выразилъ увѣренность, что сообщенныя имъ свѣдѣнія объ Оверни и оверньскихъ Великихъ Дняхъ сами по себѣ могутъ дать достаточное понятіе о провинціальномъ бытѣ Франціи при Лудовикѣ XIV.

Третью и последнюю лекцію свою г. Стасюлевичъ началъ объясненіемъ, почему онъ такъ долго не приступалъ къ главному предмету своихъ чтеній. Предметъ этотъ состоитъ въ самой тѣсной связи съ тѣми подробностями, которыя сообщилъ профессоръ въ двухъ своихъ предыдущихъ лекціяхъ. Центральное управленіе Франціи имѣло такое вліяніе на провинціальный бытъ ея, что нельзя говорить о послѣднемъ, не познакомившись предварительно съ первымъ: нельзя обратиться къ провинціямъ, не узнавъ того, что дѣлалось въ Парижѣ или Версалѣ. Оговорившись такимъ образомъ, г. Стасюлевичъ возвратился къ оверньскимъ Великимъ Днямъ, и повторилъ, что четырехмѣсячная, обширная и энергическая повидимому дѣятельность ихъ не принесла никакой существенной пользы. Доказательствомъ этого служитъ то, что не далѣе, какъ черезъ полтора года послѣ Великихъ Дней, въ 1667 году, оверньскіе жители обратились къ королю съ прошеніемъ, въ которомъ жаловались на чрезмѣрные налоги, описывали всеобщую бѣдность и разореніе страны. Далѣе г. Стасюлевичъ привелъ два интересные факта, свидѣтельствующіе о томъ, какъ сильно развито было въ администраціи Лудовика XIV стремленіе сосредоточивать въ себѣ одной служеніе общественной пользѣ и правосудію, и устранять всякую инициативу со стороны постороннихъ лицъ, хотя бы эта инициатива и была вполне согласна съ цѣлями правительства. Члены оверньской комиссіи велѣли арестовать священника, осмѣливавшагося говорить на кафедрѣ противъ министровъ и существующаго порядка вещей, и запретили труппѣ клермонскихъ актеровъ представлять пьесы, содержащія въ себѣ какіе-либо намеки на современныя обстоятельства. Между тѣмъ и проповѣдь священника, и игра актеровъ безъ сомнѣнія могли содѣйствовать исполненію задачи Великихъ Дней—обличенію безпорядковъ, искорененію пороковъ и неправды.

Окончивъ разказъ свой объ оверньскихъ Великихъ Дняхъ, г. Стасюлевичъ сказалъ, что сообщенныя имъ свѣдѣнія о центральномъ управленіи во Франціи, объ устройствѣ мѣстнаго управленія и о чрезвычайныхъ мѣрахъ, клонившихся къ пресѣченію злоупотребленій въ провинціяхъ, составляютъ какъ бы рамку, въ которую можетъ быть вставлена наконецъ самая картина

провинціального быта Франціи при Лудовикѣ XIV. Описаніе этого быта г. Стасюлевичъ ограничилъ только двумя сословіями — дворянами и крестьянами.

Провинціальные дворяне времени Лудовика XIV были грубы, необразованы и самовластны. Молодость свою они проводили обыкновенно въ военной службѣ и въ Парижѣ, терали при этомъ большую часть своего состоянія, и потомъ возвращались въ деревню поправлять какими бы то ни было средствами разстроенныя дѣла. Послѣ этого общаго отъѣзда, г. Стасюлевичъ перешелъ къ отдѣльнымъ личностямъ, надѣясь съ помощью ихъ рельефнѣе изобразить характеръ и свойства провинціального дворянства. Онъ назвалъ трехъ оверньскихъ дворянъ, между прочимъ маркиза де-Канильака и д'Эспиншала, современниковъ Великихъ Дней 1665 г. Неслыханная наглость д'Эспиншала была даже поводомъ самой послышки въ Овернь чрезвычайной слѣдственной комиссіи. Жизнь этихъ вельможъ представляетъ длинный рядъ самоуправныхъ дѣйствій и преступленій всякаго рода; они презирали законы, смѣялись надъ мѣстными властями и не утрущались оскорблять самого короля. Они были грозою своихъ сосѣдей и мучителями своихъ крестьянъ, обложенныхъ всеми возможными налогами, угнетенныхъ и разоренныхъ до крайней степени. Приговоры, произнесенные надъ ними, не были исполняемы; благодаря могущественнымъ покровителямъ, д'Эспиншаль, осужденный на смерть, долго жилъ въ самомъ Парижѣ и потомъ спокойно возвратился въ Овернь. Таковы были люди, которыхъ г. Стасюлевичъ избралъ представителями провинціального дворянства времени Лудовика XIV.

Характеристика французскихъ крестьянъ XVII столѣтія составлена г. Стасюлевичемъ преимущественно на основаніи сочиненій знаменитаго Вобана. Вобанъ двадцать лѣтъ своей жизни посвятилъ изученію внутренняго состоянія Франціи, особенно низшаго класса народонаселенія, на который правительство всегда обращало такъ мало вниманія, несмотря на всю неизмѣримую и неоцѣнимую важность его для государства. Результатомъ трудовъ Вобана были слѣдующія два главные положенія: уничтоженіе монополій и подчиненіе всѣхъ безъ изъятія подданныхъ государства одному налогу — *ditte royale*, соразмѣрному съ доходами и промышленными занятіями каждаго. Осуществленіе этихъ положеній обогатило бы казну и облегчило бы народъ, но нанесло бы смертельный ударъ бюрократіи: посему записка, поданная Вобаномъ королю, не только осталась безъ послѣдствій, но и навлекла на него гнѣвъ и опалу Лудовика XIV. Между тѣмъ бѣдствія народа были ужасны: только самыя рѣшительныя, радикальныя мѣры могли улучшить его положеніе. Разчетъ, слѣ-

данный Вобаномъ, показываетъ, что не болѣе $\frac{1}{10}$ части всего народонаселенія Франціи имѣли достаточное для безбѣдной жизни состояніе; но и изъ этой десятой части многіе существовали единственно или спекуляціями или щедротами короля. Половина народонаселенія находилась въ совершенной нищетѣ или въ крайней бѣдности. Столь же печальнымъ представляется и нравственное состояніе народа. Г. Стасюлевичъ привелъ нѣсколько анекдотовъ, между прочимъ одинъ разказъ М-me de Sévigné, изъ которыхъ видно, до какой степени доходило невѣжество и суевѣріе крестьянъ даже въ провинціяхъ, близкихъ къ Парижу. Еще болѣе яркими красками отличается отзывъ Ла-Брюйера о томъ же предметѣ. Однако, несмотря на всю тяжесть своего положенія, французскій народъ не утратилъ своихъ добрыхъ инстинктовъ; многіе факты, самымъ трогательнымъ образомъ, доказываютъ благодушіе крестьянъ, искреннюю набожность ихъ, наивную привязанность къ королю и къ хорошимъ землевладѣльцамъ. Качества эти безъ сомнѣнія даютъ народу право на сочувствіе и уваженіе, между тѣмъ какъ въ высшихъ сословіяхъ, подъ личиною ихъ чисто-внѣшней образованности, нельзя видѣть ничего другаго, кромѣ отсутствія убѣжденій и сердечной сухости.

Причины бѣдственнаго положенія крестьянъ были тройкія: 1) *Дурное устройство финансовой части.* Независимо отъ прежнихъ замѣчаній своихъ по этому предмету, г. Стасюлевичъ прибавилъ, что всѣ вновь вводимые налоги прямо или косвенно упали на низшіе классы народа. Такъ на примѣръ, продажа должностей заставляла чиновниковъ вознаграждать себя за покупку мѣста насчетъ подвластныхъ имъ лицъ. 2) *Юридическія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ.* Крестьянинъ не имѣлъ никакой собственности, не могъ оставлять мѣста жительства, не могъ вступать въ бракъ безъ разрѣшенія помѣщика. Помѣщикъ имѣлъ на имущество крестьянина выморочное право. 3) *Дурное провинціальное хозяйство,* въ особенности неудовлетворительное состояніе путей сообщенія. Поддержаніе и постройка дорогъ производились чрезъ посредство самыхъ отягощенныхъ для народа мѣръ, а между тѣмъ мѣры эти не достигали своей цѣли, и передвиженіе лицъ и товаровъ попрежнему оставалось крайне затруднительнымъ.

Обозрѣніе провинціального быта Франціи г. Стасюлевичъ заключилъ замѣчаніемъ о значеніи провинціальныхъ штатовъ, состоявшихъ изъ представителей дворянства, духовенства и средняго сословія. По мнѣнію г. Стасюлевича, эти штаты весьма сильно содѣйствовали ослѣпленію правительства относительно настоящаго положенія королевства. Опредѣляя въ пользу казны такъ-называемыя добровольныя приношенія, три высшія сословія знали, что тяжесть этихъ приношеній вся обрушится на народъ, и по-

тому не затруднялись удовлетворять требованія правительства, которое въ свою очередь въ сговорчивости штатовъ видѣло признакъ процвѣтанія и богатства страны. Засявъ г. Стасюлевичъ сообщилъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о зависимости, въ которой штаты находились отъ мѣстныхъ властей, и о мѣрахъ, которыя эти власти принимали для усмиренія штатовъ въ случаѣ ихъ неожиданнаго сопротивленія.

Въ заключеніе своихъ чтеній, г. Стасюлевичъ сказалъ, что прошло то время, когда провинціи, согласно этимологiи этого слова, разсматривались нѣкоторымъ образомъ какъ побѣжденные страны, при чемъ прежнюю роль римскихъ легионовъ разыгрывала не менѣе изнурительная для жителей бюрократія. Образованность, то-есть та истинная образованность, которая не скользитъ по поверхности, но пускаетъ глубокіе корни въ массу народа, довершитъ естественное сближеніе провинціи съ центромъ, отъ котораго непосредственно зависитъ благосостояніе государства.

Таково въ краткихъ, но точныхъ чертахъ все содержаніе чтеній г. Стасюлевича (1). Публика, какъ мы уже сказали, слѣдила за ними съ большимъ вниманіемъ и привѣтствовала ихъ самыми восторженными рукоплесканіями. Дѣйствительно, новость самаго дѣла, свободная, непринужденная рѣчь профессора, его сочувствіе современнымъ идеямъ и интересамъ не могли не расположить слушателей въ его пользу; но оправдывается ли первое впечатлѣніе серьезнымъ и внимательнымъ разборомъ главнѣйшихъ мыслей и фактовъ, сообщенныхъ профессоромъ?

При самомъ поверхностномъ обзорѣ лекцій г. Стасюлевича нельзя не замѣтить, что онъ слишкомъ часто упускалъ изъ виду всю краткость назначеннаго ему времени. Излагая съ излишнею подробностью факты весьма второстепенной важности, иногда даже вовсе не идущіе къ дѣлу, профессоръ тѣмъ самымъ поставлялъ себя въ необходимость сокращать или вовсе опускать нѣкоторыя существенныя части своей задачи. Это значительно повредило полнотѣ и систематичности лекцій г. Стасюлевича. Безпрестанныя уклоненія отъ главнаго предмета чтеній лишили его рѣчь того логическаго порядка, той строгой послѣдовательности, которыя болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь необходимы въ публичной лекціи. Факты, соединенные между собою внутреннимъ единствомъ мысли,

(1) Мы не записывали за г. Стасюлевичемъ, и потому ругаемся только за сущность, а не за форму всего вышеизложеннаго; можетъ-быть, мы и знали въ какую-нибудь невольную, но во всякомъ случаѣ незначительную погрѣшность. Притомъ, мы излагали только главные факты и выводы, опуская всѣ мелкія подробности.

гораздо лучше усвоятся слушателями и глубже вѣзывается въ ихъ память. Почти половина первой лекціи г. Стасюлевича занята была очень занимательнымъ, бесспорно, разказомъ о генеральныхъ собраніяхъ высшаго духовенства и объ отношеніяхъ его къ правительству Людовика XIV; но какую связь можно найти между этимъ разказомъ и описаніемъ провинціального бита Франціи? Если г. Стасюлевичъ хотѣлъ показать, что Людовикъ XIV въ самомъ центрѣ своего управленія не былъ такимъ неограниченнымъ властелиномъ, какимъ мы его обыкновенно представляемъ себѣ, то для этого достаточно было указать въ общихъ чертахъ на уступки, сдѣланныя духовенству, не прибѣгая къ длиннымъ выпискамъ изъ рѣчей д'Алигра и протоколовъ генеральныхъ собраній. Время, посвященное чтенію выписокъ, могло и должно было быть употреблено, какъ мы увидимъ, съ несравненно-большою пользою для слушателей. Мы объясняемъ это отступленіе только тѣмъ, что г. Стасюлевичъ, прочитавъ незадолго передъ лекціями сочиненіе Ланфрея, заинтересовался имъ до такой степени, что не могъ не подѣлиться съ публикою своими впечатлѣніями. Вторая лекція г. Стасюлевича, за самыми немногими изъятіями, вся можетъ быть признана излишнею и не имѣющею никакого отношенія къ предмету, избранному профессоромъ. Первая часть этой лекціи содержитъ въ себѣ подробную характеристику Флешье, подъ тѣмъ предлогомъ, что мамуарамъ Флешье г. Стасюлевичъ руководствовался при описаніи оверньскихъ Великихъ Дней. Допустивъ даже необходимость такой характеристики, нельзя не сказать, что она едва ли достигла своей цѣли, то-есть едва ли убѣдила слушателей въ безпристрастіи, познаніяхъ и опытности Флешье. Неужели, изучая исторію, государственнаго человѣка, можно искать его истинныя свойства въ литературномъ, искусственномъ и напыщенномъ портретѣ, написанномъ имъ самимъ для своей возлюбленной? Неужели антитезы моднаго аббата и его кудреватія фразы, достойныя отеля Рамбуле, могутъ дать намъ вѣрное понятіе о личности Флешье, снискавшаго себѣ извѣстность на совершенно-другомъ поприщѣ? Между тѣмъ, г. Стасюлевичъ только вскользь упомянулъ о послѣдующей дѣятельности Флешье, сказавъ, что онъ никогда не переставалъ отличатьсѣ благодушною терпимостью въ отношеніи къ протестантамъ. Познакомившись исключительно съ молодыми годами Флешье, мы очевидно не имѣемъ никакого основанія считать его достовѣрнымъ судьей положенія Оверни и дѣятелій Великихъ Дней. Недовѣріе наше не уменьшается, но еще болѣе увеличивается, когда мы узнаемъ, что кромѣ своихъ, такъ сказать, неофіціальныхъ мемуаровъ, Флешье оставилъ также офіціальное описаніе своей поѣздки въ Овернь. Трудно оцѣнить

надлежащій образъ предметъ, когда на него смотришь въ одно и то же время съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія.

Средина второй лекціи посвящена изображенію Оверни въ тотъ видъ, въ какомъ она находилась непосредственно передъ открытіемъ Великихъ Дней. Изображеніе это, по объясненію г. Стасюлевича, имѣло цѣлю наглядное ознакомленіе публики съ положеніемъ одной изъ французскихъ провинцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще съ провинціальнымъ бытомъ Франціи. По нашему мнѣнію, профессоръ не только не достигъ своей цѣли, но напротивъ того, впалъ въ чрезвычайно-важную ошибку, въ которую улепъ за собою и многихъ изъ своихъ слушателей. Для яснаго пониманія исторической эпохи, необходимо изучитъ сначала ея общія характеристическія свойства, а потомъ уже рассмотретьъ развитіе и проявленіе этихъ свойствъ въ какой-либо отдѣльной мѣстности, во которой можно было бы судить и о всѣхъ остальныхъ. Не зная цѣлаго, трудно, почти невозможно, судить о частностяхъ. Между тѣмъ, г. Стасюлевичъ предпослалъ подробное описаніе одной изъ провинцій общему очерку провинціального быта. Но этимъ не ограничилась его ошибка. Выставляя одну изъ французскихъ провинцій какъ бы за образецъ всѣхъ прочихъ, онъ обязанъ былъ избрать такую часть королевства, которая бы наиболее подходила къ общему типу тогдашняго государственнаго и народнаго быта, въ которой бы всего полнѣе выразились хорошия и дурныя послѣдствія правительственной системы Людовика XIV. Г. Стасюлевичъ поступилъ совершенно иначе: онъ избралъ Овернь, которая, по собственному его отзыву, находилась въ исключительныхъ условіяхъ и далеко отстала отъ прочихъ французскихъ провинцій. Ея отдаленность отъ центра государства и гористое мѣстоположеніе долго препятствовали ея безусловному подчиненію королевской власти и поддерживали независимость дворянъ-землевладельцевъ. Оверньскіе феодалы составляли рѣзкое исключеніе среди народонаселенія Франціи: это былъ послѣдній остатокъ стараго, отжившаго порядка, отсюда вытекаемаго побѣдоноснымъ шествіемъ абсолютной монархіи. Во всѣхъ частяхъ королевства мы видимъ полное торжество новыхъ началъ, въ одной почти Оверни встрѣчаемъ упорное сопротивленіе этимъ началамъ. Въ первой лекціи своей г. Стасюлевичъ сказалъ, что царствованіе Людовика XIV воплотило въ себѣ революціонное стремленіе XVII столѣтія къ централизаціи: какимъ же образомъ въ подтвержденіе своей мысли онъ могъ привести именно ту провинцію, на которой наименѣе отразилось это стремленіе? Какое понятіе составилъ бы себѣ о Франціи Людовика XIV тотъ, кто сталъ бы судить о ней по одной Оверни? Наконецъ оверньскіе Великіе Дни проходили въ 1665 г., т.е. есть червъ

четыре года послѣ начала самостоятельнаго управленія Лудовика XIV. Очевидно, что безпорядки и злоупотребленія, подавшія поводъ къ назначенію Великихъ Дней, не могли быть послѣдствіемъ правительственной системы Лудовика XIV, которая въ это время еще не успѣла развиться съ полною силою и привести къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ. Безпорядки эти были завѣщаны Лудовику его предшественниками, особенно смутнымъ временемъ Фронды, и потому отнюдь не могутъ служить къ характеристикѣ его собственнаго царствованія. Чтобы судить о дѣйствіяхъ самого Лудовика, о вліяніи, которое его администрація имѣла на бытъ провинцій, необходимо было бы избрать эпоху болѣе отдаленную, ближайшую къ срединѣ или даже къ концу его управленія. Самая Овернь, еслибы мы посмотрѣли на нее напримѣръ въ 1700 г., представилась бы намъ можетъ-быть въ совершенно другомъ видѣ. Послѣ всего этого нельзя не пожалѣть, что г. Стасюлевичъ потерялъ такъ много времени, нисколько не подвинувъ насъ впередъ въ познаніи провинціального быта Франціи при Лудовикѣ XIV. Не увлекся ли профессоръ мемуарами Флешье, точно такъ же, какъ прежде сочиненіемъ Ланфрея?

Въ концѣ второй и въ началѣ третьей лекціи г. Стасюлевичъ говорилъ съ величайшею подробностью о личныхъ свойствахъ каждаго изъ членовъ оверньскихъ Великихъ Дней, о ихъ женахъ и матеряхъ, и наконецъ, о дѣятельности тѣхъ и другихъ во время засѣданій чрезвычайной комиссіи. Еслибы даже положеніе дѣлъ въ Оверни въ 1665 г. и могло служить къ характеристикѣ провинціального быта Франціи при Лудовикѣ XIV, то и въ такомъ случаѣ подробности, сообщенныя г. Стасюлевичемъ, показались бы намъ излишними и мелочными. Много ли интереснаго—не говоримъ уже поучительнаго—заключается въ томъ, что *Messieurs des Grandes Jours* привезли съ собою въ Клермонъ свои семейства, что они были встрѣчены самыми разнообразными празднествами, что *Madame de Talon*, мать генеральнаго прокурора комиссіи, была женщина весьма энергическая, и что она составила таксу всѣмъ товарамъ, продававшимся въ Клермонѣ? Всѣ эти свѣдѣнія развѣ тогда имѣли бы нѣкоторое, конечно весьма слабое значеніе, еслибы г. Стасюлевичъ говорилъ не о провинціальномъ бытѣ Франціи при Лудовикѣ XIV, а о нравахъ и обычаяхъ высшихъ сановниковъ или дамскаго общества того времени. Къ какимъ результатамъ можетъ также повести насъ близкое знакомство съ каждымъ членомъ комиссіи? Мы еще будемъ имѣть случай замѣтить, что для правильной оцѣнки какого-либо историческаго учрежденія, надобно обращать вниманіе не на личный составъ его, а на его внутреннія свойства.

Притомъ, какое шаткое основаніе выбралъ г. Стасюлевичъ для провознесенія рѣшительныхъ приговоровъ надъ Messieurs des Grands Jours! Онъ довѣрился вполне секретнымъ спискамъ, въ которые Мазарини вписывалъ свои отзывы о членахъ парижскаго парламента, разбирая ихъ не только какъ чиновниковъ, но и какъ частныхъ людей. Намъ кажется, что свѣдѣнія, собранныя посредствомъ шпіонства и возмутительнаго вмѣшательства въ тайны домашней жизни, не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, во всякомъ случаѣ требуютъ строжайшей повѣрки по другимъ, болѣе чистымъ источникамъ. Наконецъ, мы не можемъ согласиться съ самымъ взглядомъ г. Стасюлевича на послѣдствія оверньскихъ Великихъ Дней. Не должно забывать, что Великіе Дни были нѣчто инымъ, какъ чрезвычайною слѣдственною и судною комиссіею, назначеніе которой заключалось въ усмиреніи и наказаніи главныхъ виновниковъ неповиновенія и смуты. Если дѣлъ эта хотя отчасти была достигнута, то нельзя безусловно отрицать пользу Великихъ Дней. Между тѣмъ оверньская комиссія безъ сомнѣнія способствовала къ успокоенію провинціи и къ огражденію народа отъ произвола феодаловъ; даже тѣ изъ преступниковъ, которые избѣгли заслуженнаго наказанія, уже не рѣшались попрежнему открыто противиться законамъ и правительственной власти. Приводимое г. Стасюлевичемъ прошеніе 1667 г. нисколько не противорѣчитъ нашему мнѣнію, потому что оно содержитъ въ себѣ жалобы на такія народныя бѣдствія, облегченіе которыхъ вовсе не входило въ составъ задачи Великихъ Дней.

Мы исчислили вкратцѣ все то, что нашли неумѣстнаго и лишняго въ лекціяхъ г. Стасюлевича: теперь перейдемъ къ замѣчательнымъ нами въ лекціяхъ неполнотамъ и пропускамъ. Если профессоръ не успѣлъ объять всѣ части своего предмета, единственно за краткостью предоставленнаго ему времени, намъ оставалось бы только пожалѣть о томъ и выразить желаніе увидѣть когда-нибудь окончаніе начатаго дѣла; но г. Стасюлевичъ потратилъ такъ много времени понапрасну, что мы считаемъ въ правѣ упрекнуть его за крайнюю недостаточность собственныхъ имъ свѣдѣній.

Провинціальный бытъ Франціи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется намъ при Лудовикѣ XIV, сложился подъ вліяніемъ всей предшествующей исторіи Франціи. Какъ бы велико ни было могущество государя, какъ бы обширны ни были его прерогативы, онъ не можетъ вполне отрѣшиться отъ прошедшаго страны и своего народа. Поэтому, еслибы г. Стасюлевичъ въ немногихъ чертахъ описалъ положеніе французскихъ провинцій при вступленіи на престолъ Лудовика XIV, намъ было бы

сравненно легче составить себѣ правильное понятіе о послѣдствіяхъ управленія самого Лудовика. Безъ этихъ предварительныхъ свѣдѣній невозможно рѣшить, насколько бѣдствія провинцій при Лудовикѣ XIV происходили отъ печальной необходимости, выработанной вѣками, насколько отъ административныхъ нововведеній короля и дѣятельности его чиновниковъ. Г. Стасюлевичъ самъ признаетъ тѣснѣйшую связь между правительственною утопіею Лудовика и стремленіями его предшественниковъ, такихъ же централизаторовъ, какъ и онъ самъ; связь эта еще болѣе доказываетъ всю важность упомянутого нами описанія, которое послужило бы, кажется, лучшимъ введеніемъ къ лекціямъ профессора, и не безъ пользы могло бы замѣнить весь разказъ его о генеральныхъ собраніяхъ духовенства.

Другой, гораздо болѣе замѣтный недостатокъ разбираемыхъ нами лекцій заключается въ томъ, что профессоръ не сдѣлалъ никакаго различія между періодами, на которые само собою дѣлится царствование Лудовика XIV. Царствование это стоило же богато годами, сколько событіями; середина его не похожа на начало, окончаніе не похоже на средину. Всеобщій прогрессъ замѣняется всеобщимъ упадкомъ; разореніе государства, постепенно увеличивающееся въ первые годы XVIII столѣтія, достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. Всѣ эти перемѣны, съ особенною силою отражавшіяся на положеніи французскихъ провинцій, упущены изъ виду въ лекціяхъ г. Стасюлевича. Онъ либо вовсе не упоминаетъ о времени, къ которому относятся налагаемые имъ факты, либо говоритъ исключительно объ одной какой-нибудь эпохѣ, упуская изъ виду связь ея съ эпохами предыдущими и послѣдующими. Притомъ, г. Стасюлевичъ почти вездѣ ссылается на событія первыхъ лѣтъ царствованія Лудовика XIV, забывая, что въ это время не успѣло еще изгладиться вліяніе предшественниковъ Лудовика, не успѣли созрѣть и принести плоды его собственыя идеи.

Предварительно описанія самого провинціального быта Франціи, г. Стасюлевичъ признаетъ нужнымъ сообщить нѣкоторые свѣдѣнія какъ о центральномъ, такъ и о мѣстномъ управленіи государства. Мысль эта вполне справедлива; правительственныя учрежденія всегда и вездѣ имѣютъ значительное вліяніе на жизнь народа; тѣмъ болѣе велико это вліяніе въ странѣ, гдѣ преобладаетъ централизація, развитая до крайнихъ предѣловъ. Къ сожалѣнію, лекціи г. Стасюлевича недостаточно знакомятъ насъ даже съ самыми главными основаніями французской администраціи временъ Лудовика XIV. Относительно центрального управленія мы услышали только кое-что о генеральныхъ собраніяхъ духовенства, о личности Фуке и нѣкоторыхъ членовъ парижскаго пар-

ламенты, и еще менѣе о характерѣ самого короля; кромѣ того мы узнали, что не все члены высшаго правительства были всегда безпристрастны въ отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей, что человекъ, имѣвшій, какъ говорилось, сильную руку при дворѣ, могъ быть почти увѣренъ въ безнаказанности за все свои проступки. Что касается до мѣстнаго управленія, то г. Стасюлевичъ довольно подробно, хотя и отрывочно, изложилъ устройство финансовой части во Франціи, указалъ на огромное количество разнородныхъ налоговъ, обременявшихъ народъ, и объяснилъ все несовершенство способовъ взиманія этихъ налоговъ; но администрацію въ тѣсномъ смыслѣ слова профессоръ оставилъ безъ всякаго вниманія. Трудно повѣрить, чтобы въ лекціяхъ о провинціальномъ бытѣ Франціи XVII столѣтія почти вовсе не было упомянуто объ интендантахъ, отъ которыхъ, можно сказать, зависѣла участь провинцій. Между тѣмъ, какъ много интереснаго представляютъ отношенія интендантовъ къ разнымъ сословіямъ, такъ вѣрно эти отношенія выражаютъ общее направленіе народного духа при Лудовикѣ XIV! Вспомнимъ напримѣръ, что до ране обыкновенно называли интенданта Monsieur, а когда нѣтъ въ немъ надобности, то величали его, наравнѣ съ прочими сословіями Monseigneur. Не драгоценна ли эта черта для характеристики французскаго дворянства, въ одно и то же время гордаго и работливаго? О судебной части г. Стасюлевичъ сообщилъ только весьма немногія, поверхностныя свѣдѣнія, несмотря на то, что въ первой лекціи именно обѣщалъ обозрѣть подробно устройство двухъ отраслей управленія, финансовой и судебной. Наконецъ, г. Стасюлевичъ ничего не сказалъ о раздѣленіи Франціи на провинціи, о началахъ, лежавшихъ въ основаніи этого дѣленія, и о тѣхъ типическихъ особенностяхъ нѣкоторыхъ провинцій, которыя замѣтны еще и теперь, а тѣмъ большую силу имѣли при Лудовикѣ XIV.

Свѣдѣнія, сообщенныя г. Стасюлевичемъ о центральномъ и мѣстномъ управленіи Франціи, были представлены имъ по большей части въ анекдотической формѣ. Вопросъ объ умѣстности анекдотовъ въ публичныхъ лекціяхъ еще недавно возбуждалъ жаркіе споры, по поводу происходившихъ нынѣшнею зимою въ С.-Петербургѣ (въ залѣ Пассажа) чтеній о естественныхъ наукахъ. Одни находили, что анекдоты несовмѣстны съ серьезнымъ значеніемъ публичной лекціи, другіе возражали, что они необходимы для привлеченія публики и для поддержанія въ ней сочувствія и вниманія къ предмету, который иначе могъ бы показаться нѣсколько утомительнымъ. Мы вовсе не отвергаемъ справедливости послѣдняго мнѣнія, но думаемъ, что съ анекдотами должно во всякомъ случаѣ обращаться крайне осторожно. Они неважны

и даже полезны до тѣхъ поръ, пока сохраняютъ какъ бы вспомогательное значеніе, пока служатъ къ объясненію и подтвержденію предварительно высказаннаго сужденія или факта. Но если анекдоты, выстуая на первый планъ лекціи, замѣняютъ собою самыя сужденія, самыя факты, то они въ свою очередь становятся утомительными и притомъ весьма легко могутъ ввести слушателей въ заблужденіе. Намъ всѣмъ врождена наклонность восходить отъ частнаго къ общему, судить по отдѣльному факту о цѣломъ рядѣ событій, о самомъ началѣ, лежащемъ въ основѣ этихъ событій. Между тѣмъ, многіе ли анекдоты даютъ намъ возможность составить себѣ полное понятіе о томъ предметѣ, въ объясненіе котораго они приводятся? Самый удачно-выбранный анекдотъ показываетъ намъ одну только сторону предмета, и потому оставляетъ въ насъ невольное сомнѣніе относительно общаго значенія его. Г. Стасюлевичъ разказалъ напримѣръ, что одинъ интендантъ самовольно обложилъ налогомъ вѣренную ему провинцію. Фактъ этотъ, безспорно, очень замѣчателенъ, но онъ естественно приводитъ къ вопросу: было ли подобное злоупотребленіе исключеніемъ или общимъ правиломъ, проистекало ли оно само собою изъ положенія интендантовъ, или напротивъ того произошло вопреки нормальнымъ условіямъ этого положенія?

Намъ возразить можетъ-быть, что администрація, при которой такое произвольное дѣйствіе чиновника возможно, хотя бы и въ видѣ исключенія, не нуждается уже въ дальнѣйшемъ разборѣ и подлежитъ безусловному осужденію; на это мы замѣтимъ, что злоупотребленія неизбежны вездѣ и всегда, при самомъ лучшемъ общественномъ устройствѣ, и что отдѣльный фактъ не можетъ вести къ произнесенію рѣшительнаго приговора надъ какимъ бы то ни было историческимъ учрежденіемъ. Вообще, изложивъ различные факты въ подтвержденіе недобросовѣстности французскихъ чиновниковъ, г. Стасюлевичъ не вывелъ изъ этихъ фактовъ никакого окончательнаго заключенія, и потому оставилъ насъ въ недоумѣніи относительно настоящаго характера административнаго сословія. Мы узнали, что Фуке бралъ взятки въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ: по аналогіи, весьма естественно было бы предположить, что преемники Фуке усердно слѣдовали его примѣру, а между тѣмъ Кольберъ, да и не онъ одинъ, былъ, какъ извѣстно, человѣкъ безукоризненной честности. Вотъ къ какимъ ложнымъ выводамъ могутъ привести анекдоты, разказанные безъ предварительнаго общаго разъясненія предмета. Не менѣе ошибочно было бы примѣненіе отзывовъ г. Стасюлевича объ испорченности чиновниковъ ко всѣмъ безъ изыатія отраслямъ администраціи. Намъ пришлось бы такимъ образомъ усомниться въ безкорыстии французской магистратуры, бѣольшая часть ко-

торой уже при Лудовикѣ XIV отличалась блестящими качествами, составляющими можетъ-быть лучшую сторону современной Франціи.

Съ такою же неполнотою обработана и важѣйшая часть лекцій г. Стасюлевича—описание самого провинціального быта. Изложивъ положеніе дворянства и крестьянъ, профессоръ упустилъ изъ виду два другія, не менѣ важныя сословія: духовенство и горожанъ. Разказъ о генеральныхъ собраніяхъ духовенства представляетъ вѣрную картину страстей, которыми были руководимы верховные пастыри католической церкви; но онъ не даетъ намъ никакого понятія о дѣятельности многочисленнаго провинціального духовенства, которое по своимъ непосредственнымъ, постояннымъ сношеніямъ съ народомъ непрестанно должно было войти въ составъ избранной профессоромъ задачи. Вліяніе сельскихъ священниковъ было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грубѣе было суевѣріе, въ которомъ коснѣлъ народъ; между тѣмъ низшее духовенство, по собственному отзыву г. Стасюлевича, далеко не отличалось ни образованіемъ, ни нравственностью. При такомъ положеніи провинціального духовенства, ближайшее наученіе его весьма легко могло бы разъяснить для насъ нѣкоторыя темныя стороны провинціального быта Франціи при Лудовикѣ XIV. Не менѣ странно молчаніе г. Стасюлевича относительно городского сословія, или такъ-называемаго средняго сословія. Сословіе это въ концѣ XVII столѣтія уже носило въ себѣ зачатки своего будущаго могущества. Состоявшее во время междоусобныхъ войнъ XVI вѣка, оно вышло изъ среды себя замѣчательнѣйшаго министра Лудовика XIV, Кольбера, который остался вѣренъ своему происхожденію, и въ правительственной дѣятельности своей постоянно имѣлъ въ виду благо средняго сословія. Промышленность и торговля, оживленная вновь, созданная, можно сказать, Кольберомъ, послужили преимущественно къ обогащенію и усиленію горожанъ, возвысили и матеріальное и нравственное ихъ значеніе. Чѣмъ же руководствовался г. Стасюлевичъ, умолчавъ въ своихъ чтеніяхъ объ этомъ сословіи? Познакомивъ насъ съ двумя крайними сферами народной жизни, онъ оставилъ въ тѣни всю лежащую между ними богатую полосу, безъ которой мы не можемъ составить себѣ полнаго понятія о провинціальномъ бытѣ Франціи при Лудовикѣ XIV.

Посмотримъ теперь, какъ описано г. Стасюлевичемъ положеніе дворянства и крестьянъ. Характеристика первая изъ этихъ сословій, при всей своей краткости, поражаетъ своею очевидною невѣрностью. Провинціальные дворяне, по отзыву г. Стасюлевича, были грубы, необразованы и самовластны. Едва ли хоть одинъ изъ этихъ эпитетовъ подтверждается исторією цар-

ствованія Лудовика XIV. Если провинціальные дворяне въ первые годы послѣ воцаренія Лудовика и отличались еще нѣкоторою непокорностью, послѣднимъ остаткомъ фронды, и суровостью, наслѣдованною отъ временъ лиги и религіозныхъ войнъ, то качества эти, никогда впрочемъ не бывшія общими, скоро изгладились подъ вліаніемъ правительственной системы короля. Самъ г. Стасюевичъ говоритъ, что дворяне проводили свою молодость въ военной службѣ и въ Парижѣ; неужели соприкосновеніе съ утонченнымъ столичнымъ обществомъ не смягчало природную грубость ихъ нрава и оставляло ихъ столь же необразованными, какими они вышли изъ своихъ феодальныхъ замковъ? Извѣстно, что политика Лудовика XIV состояла въ привлеченіи всего высшаго сословія ко двору, съ тою цѣлью, чтобъ оно вдали отъ своихъ родныхъ провинцій утратило свою независимость и свое мѣстное вліаніе. Такая политика естественно должна была привести провинціальное дворянство къ одному общему типу, близкому къ господствующему направленію версальскаго двора, и во всякомъ случаѣ весьма далекому отъ грубости, необразованности и самовластія. Низкопоклонничество, спѣсь, свойственная часть, отчужденіе отъ низшихъ сословій и жадность къ королевскимъ милостямъ и щедротамъ,—вотъ тѣ черты, которыя по нашему мнѣнію характеризуютъ дворянство временъ Лудовика XIV, и которыя весьма слабо вознаграждаются поверхностнымъ образованіемъ и фальшиво развитымъ, искусственнымъ понятіемъ о чести. Какимъ же образомъ г. Стасюевичъ могъ впасть въ такую странную ошибку относительно истинныхъ свойствъ провинціального дворянства при Лудовикѣ XIV? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ примѣры, которыми г. Стасюевичъ подтвердилъ свое сужденіе о дворянахъ. Они заимствованы изъ Оверни, какою она была въ первые годы царствованія Лудовика. Мы уже старались доказать, что положеніе ея въ это время не имѣть и не можетъ имѣть ничего общаго съ бытомъ Франціи при Лудовикѣ XIV. Маркизь де-Канильякъ и д'Эспиншаль, какая-то смѣсь разбойника съ средневѣковымъ феодаломъ, безъ сомнѣнія представляютъ собою не эпоху Лудовика, а другой—умиравшій—порядокъ вещей. Нельзя не пожалѣть, что профессоръ, ограничившись мемуарами Флешье, не обратилъ вниманія на другіе памятники того же времени, въ которыхъ такъ рельефно и вѣрно изображается настоящій духъ французскаго дворянства.

Изображеніе быта французскихъ крестьянъ составляетъ по нашему мнѣнію самую лучшую часть лекцій г. Стасюевича. Руководствуясь преимущественно изслѣдованіями Вобана, относящимися къ срединѣ царствованія Лудовика XIV, профессоръ имѣлъ возможность вѣрно и точно опредѣлять судьбу, на которую былъ

обреченъ многочисленнѣйшій классъ подданныхъ этого государя. Недостаточнымъ показалось намъ только изложеніе юридическихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Отношенія эти, по важности своей, заслуживали бы болѣе подробнаго разбора. Не бесполезно было бы, напримѣръ, упомянуть о замѣчательной мысли Токвиля, который доказалъ, что французскіе помѣщики, сохранивъ всѣ свои личныя и имущественныя права надъ крестьянами, утратили возможность приносить имъ какую бы то ни было пользу, и такимъ образомъ нарушали основное условіе всякаго общественнаго отношенія, взаимный, хотя бы и не вполне равномерный обмѣнъ услугъ. Такое ненормальное положеніе дѣлъ, окончательно утвердившееся при Лудовикѣ XIV, отразилось на всей послѣдующей исторіи Франціи.

Окончивъ описаніе крестьянскаго быта, г. Стасюлевичъ обратился къ провинціальнымъ штатамъ времени Лудовика XIV, и произнесъ надъ ними самый строгій приговоръ, на томъ основаніи, что ихъ безусловная покорность усиливала будто бы ослѣпленіе центральнаго правительства. Намъ кажется, что провинціальные штаты, при всей ничтожности своей, имѣли однако нѣкоторое, несомнѣнно полезное значеніе. Даже въ XVIII столѣтіи, такъ называемые *pays d'états*, напримѣръ Лангедокъ, сравнительно съ остальными французскими провинціями пользовались, по свидѣтельству Токвиля, замѣчательнымъ благосостояніемъ. Принципъ самоуправленія, какъ слабо ни было его развитіе, и здѣсь оказывалъ свое благотворное дѣйствіе. Окруженные стѣсненіями, лишеныя всякой дѣйствительной власти, представители земства находили однако возможность ограждать, въ извѣстной степени, интересы своихъ провинцій. Притомъ, мы рѣшительно не можемъ повѣрить, чтобы провинціальные штаты содѣйствовали въ чемъ-нибудь неправильному взгляду правительства на потребности народа. Сговорчивость штатовъ не могла быть такъ велика, какъ говоритъ г. Стасюлевичъ. Положимъ, что дворянство, духовенство и среднее сословіе дѣйствительно вымещали на народѣ всѣ деньги, платимыя ими правительству; но во всякомъ случаѣ имъ было бы пріятнѣе обратить эти деньги въ свою собственную пользу, нежели въ пользу казны, и потому они едва ли могли оставаться равнодушными къ суммѣ назначаемыхъ ими добровольныхъ приношеній. Г. Стасюлевичъ упомянулъ о неограниченныхъ правахъ, предоставленныхъ губернаторамъ и интендантамъ, о деспотическомъ вмѣшательствѣ ихъ въ дѣятельность штатовъ; къ чему же служило бы все это насиліе, весь этотъ произволъ, еслибы штаты всегда готовы были покориться первому требованію правительства? Изъ анекдотовъ, приведенныхъ г. Стасюлевичемъ, мы видимъ, что нѣкоторые члены штатовъ были

удалены изъ собранія и даже изъ города, въ которомъ оно за-
сѣдало, что отъ величины добровольнаго приношенія зависела
мѣра награжденія интендантовъ и губернаторовъ. Всѣ эти фак-
ты свидѣтельствуютъ, кажется, о томъ, что штаты вовсе не бы-
ли такъ безотвѣтны, какъ думаетъ г. Стасюлевичъ, что прави-
тельство, получая назначенную ему штатами сумму, не имѣло ни-
какого основанія считать это приношеніе добровольнымъ въ пол-
номъ смыслѣ слова. Если уже нужно было отыскивать причины
ослѣпленія правительства, то не ближе ли было бы объяснить
его совершеннымъ отсутствіемъ гласности, которая въ это время
не была извѣстна даже и по имени?

Среди разнообразныхъ выписокъ и анекдотовъ, наполняющихъ
лекціи г. Стасюлевича, мы довольно рѣдко находимъ мысль или
сужденіе, принадлежащее собственно ему самому; тѣмъ большаго
вниманія заслуживаютъ эти немногія мысли и сужденія. Преж-
де всего любопытно узнать взглядъ г. Стасюлевича на главный
вопросъ, представляющійся по поводу провинціального быта Фран-
ціи при Лудовикѣ XIV, вопросъ о централизаціи. Излагая содер-
жаніе чтеній г. Стасюлевича, мы уже привели его краснорѣчи-
вую фразу о величественной картинѣ, которую представляетъ
централизація въ своемъ чистомъ, идеальномъ значеніи. Удив-
ляясь этому типу общественнаго устройства, профессоръ призна-
етъ его неудовлетворительнымъ, потому что правительство нико-
гда не можетъ пріискать достаточное количество достойныхъ испол-
нителей своихъ высокихъ предначертаній. Эту общую мысль
г. Стасюлевичъ развиваетъ и повторяетъ въ нѣсколькихъ мѣ-
стахъ своихъ лекцій; говоря о прежнихъ стремленіяхъ къ цент-
рализаціи, онъ разказываетъ о мелкомъ чиновникѣ Византійской
имперіи, который хотѣлъ взять взятку съ лица, снабженнаго гра-
матою самого императора; признавая благія намѣренія Лудо-
вика XIV, онъ приписываетъ неисполненіе ихъ дурному составу
французской администраціи; неудачу оверньскихъ Великихъ Дней
онъ точно также объясняетъ личными недостатками членовъ этой
чрезвычайной комиссіи. Такой взглядъ на централизацію едва ли
соотвѣтствуетъ важности и многосторонности предмета. Не-
совершенство исполненія есть общая судьба всѣхъ человѣче-
скихъ предначертаній. Какъ бы хороша, какъ бы справедлива ни
была извѣстная идея, осуществленіе ея на практикѣ не можетъ
обойтись безъ недостатковъ и злоупотребленій. Превосходство
одного учрежденія передъ другимъ зависитъ преимущественно
отъ того, какъ велики представляемая имъ гарантіи противъ этихъ
злоупотребленій. Посему внутреннее достоинство учрежденія
можетъ быть оцѣнено нами только тогда, когда мы рассмотримъ
сначала самую сущность, самый принципъ его, а потомъ позна-

комится съ тѣми результатами, которые оно даетъ въ рукахъ людей добросовѣстныхъ и просвѣщенныхъ. Дурное исполненіе портитъ самую прекрасную мысль и не позволяетъ намъ судить о ея истинномъ значеніи. Когда профессоръ, разбирая известную правительственную систему, говоритъ исключительно о практическихъ послѣдствіяхъ ея, и притомъ произноситъ весьма невыгодный судъ о нравственныхъ качествахъ правительственныхъ агентовъ, то слушатели его остаются въ невольномъ недоумѣніи относительно настоящаго достоинства разбираемой системы. Они не знаютъ, чему приписать всю дурную сторону государственнаго управленія: ошибочнымъ ли рѣшеніямъ правительства, или неправильному исполненію этихъ рѣшеній. Таково, намъ кажется, впечатлѣніе, которое должны были испытать слушатели г. Стасюлевича. Слова профессора едва ли привели ихъ къ какому-нибудь положительному заключенію о томъ, какая доля ответственности за народныя бѣдствія должна упасть на Лудовика XIV и его административную утопію, какая на его министровъ и чиновниковъ. Большая часть этихъ сомнѣній разрѣшилась бы сама собою, еслибы г. Стасюлевичъ, объяснивъ основныя начала централизаціи, показалъ намъ, какіе плоды принесло ихъ примѣненіе не худшими, а лучшими людьми царствованія Лудовика XIV, напр. Кольберомъ. Тогда мы увидѣли бы можетъ-быть, что учрежденіе, обрекающее огромное большинство гражданъ на вѣчно-страдательную жизнь, развивающее въ нихъ равнодушіе къ ихъ собственнымъ нуждамъ и пользамъ, лишающее ихъ энергіи и силы воли, само по себѣ противорѣчитъ истиннымъ потребностямъ общества и представляетъ картину болѣе печальную, нежели величественную, уже потому, что она заключена въ слишкомъ тѣсную рамку. Мы увидѣли бы, что самые благонамѣренные поборники централизаціи, одушевленные искреннимъ сочувствіемъ къ народу, изнемогали подъ бременемъ своихъ обязанностей, были бессильны открыть причины зла и принять мѣры къ его искорененію. А теперь изъ лекцій г. Стасюлевича не трудно, пожалуй, вынести то убѣжденіе, что будь только возможность найти надлежащее число способныхъ и честныхъ чиновниковъ, крайняя, искусственная централизація была бы лучшею формою общественнаго устройства!

Не менѣе одностороннимъ представляется намъ сужденіе г. Стасюлевича объ оверньскихъ Великихъ Дняхъ. Еслибы комиссія эта была составлена изъ самыхъ умныхъ, дѣятельныхъ и добросовѣстныхъ людей Франціи, то и тогда она, по нашему мнѣнію, не могла бы произвести радикальнаго измѣненія въ положеніи Оверни. Всѣ чрезвычайныя, насильственныя мѣры имѣютъ своимъ послѣдствіемъ только временное уменьшеніе беспорядковъ и оказываются недостаточными для совершеннаго искорененія ихъ.

Г. Стасюлевичъ, оцѣняя административную теорію Лудовика XIV, забылъ опредѣлить, въ какой степени она была вызвана тогдашними обстоятельствами и всею прежнею исторіею Франціи. Какъ бы велико ни было наше нерасположеніе къ правительственной системѣ Лудовика, справедливость заставляетъ насъ сознаться, что система эта во многихъ отношеніяхъ оправдывается тѣми условіями, среди которыхъ дѣйствовалъ король. Одно существованіе такихъ личностей, какъ Канильякъ и д'Эспиншаль, давало ему нѣкоторое право стремиться къ уничтоженію всѣхъ мѣстныхъ, независимыхъ вліяній. Конечно Лудовикъ XIV далеко оставилъ за собою предѣлы практической необходимости; но во всякомъ случаѣ г. Стасюлевичъ обязанъ былъ указать, гдѣ оканчивается благоразуміе и начинается увлеченіе. Гизо справедливо сравнилъ первое время царствованія Лудовика XIV съ временемъ консульства; и Лудовикъ, и Наполеонъ примѣнялись сначала къ дѣйствительнымъ потребностямъ народа, но вскорѣ и тотъ, и другой устремились къ достиженію одной цѣли, въ ущербъ всѣмъ прочимъ. Цѣль эта была увеличеніе ихъ личнаго могущества и славы.

Намъ остается еще упомянуть о двухъ любопытныхъ мысляхъ, принадлежащихъ собственно г. Стасюлевичу, о сравненіи переворота XVII столѣтія съ революціею XVIII, и о характеристикѣ утѣшій прошедшаго и будущаго.

Сравненія, точно такъ же какъ и анекдоты, могутъ быть вводимы въ публичныя лекціи не иначе, какъ съ крайнею разборчивостью. Удачное и вѣрное сравненіе безъ сомнѣнія служитъ однимъ изъ лучшихъ средствъ къ ясному пониманію исторической личности или эпохи; но нѣтъ ничего вреднѣе сравненія парадоксальнаго, основаннаго не на внутреннемъ, а на внѣшнемъ, случайномъ сходствѣ предметовъ. Чѣмъ больше это внѣшнее сходство двухъ, на самомъ дѣлѣ разнородныхъ, явленій, тѣмъ опаснѣе сравненіе тѣмъ сильнѣе поражаетъ оно слушателей, которые не всегда имѣютъ возможность отличить форму отъ содержанія. Къ числу такихъ сравненій принадлежитъ проведенная г. Стасюлевичемъ параллель между переворотами XVII и XVIII столѣтій. Конечно, при поверхностномъ взглядѣ на событія можно открыть нѣкоторыя общія черты между Ришелье и террористами, такъ какъ и тотъ и другіе на помощь своихъ идей часто призывали палача; первые годы царствованія Лудовика XIV во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно приближаются къ консульству Бонапарте; остроумный публицистъ можетъ пожалуй сравнить хитрую политику Мазарини съ уклончивостью директоріи. Но этимъ, по нашему мнѣнію, и ограничивается сходство обѣихъ эпохъ. Подъ именемъ революціи обыкновенно разумѣютъ переворотъ насильственный,

быстрый и многосторонній, не ограничивающійся одною какою-либо сферою государственнаго устройства или народной жизни. Французская исторія XVII столѣтія не представляетъ ни одного изъ этихъ признаковъ революціи. Лудовикъ XIV и его предшественники, по собственному отзыву г. Стасюлевича, стремились исключительно къ осуществленію административной утопіи, извѣстной подъ именемъ централизаціи; революція XVIII вѣка не оставила камня на камнѣ не только въ политическомъ устройствѣ страны, но и въ социальномъ положеніи народа, въ его религиозныхъ и нравственныхъ убѣжденіяхъ. Переворотъ XVII вѣка предпринятъ былъ сверху, переворотъ XVIII вѣка — снизу; одно это обстоятельство проводитъ между ними цѣлую бездну. Въ XVII столѣтіи не была разорвана связь съ прошедшимъ; Генрихъ IV, котораго г. Стасюлевичу угодно было сдѣлать главою революціи, былъ продолжателемъ политики Лудовика XI, который въ свою очередь наслѣдовалъ ее отъ Карла V, Филиппа Красиваго, Лудовика Святаго, пожалуй даже отъ Филиппа-Августа и Лудовика VI. Ришелье и Лудовикъ XIV въ свою очередь продолжали дѣло Генриха IV. Въ XVIII столѣтіи совершились сбытія, безпримѣрные въ всемірной исторіи; не только старый порядокъ вещей, но и самое начало революціоннаго движенія отстоятъ неизмѣримо далеко отъ тѣхъ результатовъ, до которыхъ дошла революція въ моментъ полного своего развитія.

Столь же невѣрными представляются намъ и частныя сравненія; проистекающія изъ общей параллели XVII и XVIII столѣтій. Какое сходство, напримѣръ, можно найти между Генрихомъ IV и учредительнымъ собраніемъ? Любитель аналогіи возразить намъ, что и тотъ, и другое дѣйствовали преимущественно мирными средствами, что и тотъ, и другое безкорыстно желали народнаго блага. Но припомнимъ, что первымъ шагомъ Генриха IV къ единовластію была кровавая побѣда надъ лигою, а вторымъ — отреченіе отъ протестантизма, сопровождавшееся знаменитою фразою: «Paris vaut bien une messe!» Фраза эта не показываетъ намъ, кажется, въ Генрихѣ того безкорыстнаго самоотверженія, которымъ блеститъ учредительное собраніе, которое столь ярко выразилось и въ началѣ его поприща — ночью 4-го августа, и въ концѣ — декретомъ de non réeligibilité. То же самое должно сказать и о слѣдующей части сравненія г. Стасюлевича: о Ришелье и терроризмѣ. За исключеніемъ того виѣшняго сходства, на которое мы уже указали (и оно впрочемъ не очень велико, потому что число жертвъ террора безконечно превышаетъ число жертвъ Ришелье), какое огромное различіе между обѣими эпохами! Ришелье борется съ оппозиціею небольшой части высшаго сословія; національный конвентъ имѣетъ противъ себя и дворянство,

и духовенство; и буржуазію, и даже нѣсколько отдѣльных провинцій. Противники Ришелье ненавидятъ преимущественно лицо самого кардинала, составляютъ противъ него заговоры, падаютъ почти съ оружіемъ въ рукахъ; казни 1793-го г. совершаются по большей части безъ всякой личной вражды между гонителями и гонимыми. Наконецъ, Ришелье имѣетъ въ виду достиженіе одной, ясно сознанной цѣли: національный конвентъ стремится къ осуществленію идей не ясныхъ, не выработанныхъ опытомъ, идей столь же безпредѣльныхъ, сколько неопредѣленныхъ. Относительно Лудовика XIV и Наполеона достаточно будетъ замѣтить, что первый дѣйствительно воплотилъ въ себѣ всѣ стремленія своихъ предшественниковъ, между тѣмъ какъ Наполеонъ едва ли можетъ быть признанъ представителемъ французской революціи. Принявъ нѣкоторыя ея начала, онъ отбросилъ или измѣнилъ многія другія, и внесъ въ свою дѣятельность такіе элементы, которые самъ Наполеонъ III едва ли помѣститъ въ число принциповъ 1789 года.

Переходимъ къ отзыву г. Стасюлевича объ утопіяхъ прошедшаго и будущаго. Утопія есть мечтательное стремленіе къ идеальному совершенству, стремленіе, въ основаніи котораго лежитъ любовь къ общему благу, распространенная до самыхъ обширныхъ размѣровъ. Такое опредѣленіе утопіи согласно съ самою этимологіею этого слова, появившагося въ первый разъ въ заглавіи сочиненія Омы Моруса. Можно ли послѣ того называть утопіей теорію упорныхъ защитниковъ старины, которые, отрицая прогрессъ, хотя бы возвратиться къ отжитому періоду народной жизни? Прошло то время, когда золотой вѣкъ можно было искать не впереди, а назади насъ; теперь самые отчаянные приверженцы прошедшаго безъ сомнѣнія не видятъ въ немъ идеальнаго совершенства, и потому не могутъ быть признаны утопистами. Ретрограды, по самому свойству своего ученія, могутъ имѣть въ виду только свои личныя эгоистическія цѣли, а не общее благо народа. Съ другой стороны, утопія будущаго допускаетъ столько разнородныхъ, противоположныхъ между собою началъ и тенденцій, что едва ли можно произносить о ней какое-либо общее сужденіе и признавать ее безусловно возвышенною. Ультрамонтаны, напримѣръ, безъ сомнѣнія принадлежатъ къ числу утопистовъ будущаго: но имѣетъ ли ихъ теорія хотя малѣйшее право на сочувствіе истинныхъ друзей прогресса? Желаніе ускорить естественный ходъ событій заслуживаетъ одобренія только тогда, когда оно соединено съ правильнымъ пониманіемъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремится чловѣческой родъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что лекціямъ г. Стасюлевича не до-

стаесть общаго вывода, въ которомъ бы ясно выразился взглядъ профессора на изображенную имъ эпоху. Последнія слова г. Стасюлевича состояли въ томъ, что въ наше время уже нельзя смотрѣть на провинціи, какъ на завоеванныя страны, и что разумное сближеніе ихъ съ центромъ можетъ быть совершенно только посредствомъ распространенія образованности. Мысли эти, весьма справедливыя сами по себѣ, какъ-то недостаточно связаны со всѣми предыдущими. Для правильной оцѣнки правительственной системы необходимо изучить ея окончательныя послѣдствія. Посему, намъ кажется, что г. Стасюлевичъ непременно долженъ былъ объяснить главные результаты, къ которымъ привели Францію устройство и управленіе провинцій при Лудовикѣ XIV. Тогда мы увидѣли бы, можетъ-быть, что царствованіе Лудовика не чуждо нѣкоторымъ изъ бѣдствій, тяготящихъ до сихъ поръ, въ нашихъ глазахъ, современную Францію.

Мы рассмотрѣли все содержаніе чтеній г. Стасюлевича. Допустивъ, хотя въ нѣкоторой степени, справедливость сдѣланныхъ нами замѣчаній, нельзя, кажется, не признать, что эти чтенія представляютъ не столько полную и вѣрную картину провинціальнаго быта Франціи при Лудовикѣ XIV, сколько собраніе фактовъ и анекдотовъ, не приведенныхъ въ надлежащую систему, иногда вовсе не относящихся къ избранному профессоромъ предмету. Съ одной стороны излишняя подробность и даже мелочность, съ другой стороны отсутствіе самыхъ существенныхъ свѣдѣній—вотъ, по нашему мнѣнію, два главные недостатка лекцій г. Стасюлевича. Успѣхъ, увѣнчавшій съ перваго раза чтеніе профессора, долженъ былъ еще болѣе доказать ему всю важность принятой имъ на себя обязанности и заставить его употребить съ большею пользою для слушателей свое несомнѣнное, симпатическое дарованіе. Мы надѣемся, что слѣдующія лекціи г. Стасюлевича, о которыхъ онъ упомянулъ въ концѣ своей послѣдней бесѣды, будутъ вполне соответствовать всѣмъ требованіямъ науки и современнаго общества. Наша цѣль была бы достигнута, еслибы настоящая статья обратила вниманіе профессора на тѣ условія, безъ которыхъ возможенъ только мгновенный успѣхъ, а не прочное значеніе публичныхъ лекцій.

А.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

Въ одной изъ гражданскихъ палатъ, по дѣлу о выдачѣ повѣренному свидѣтельства на залогъ недвижимаго имѣнія, принадлежавшаго довѣрителю, возникъ вопросъ о порядкѣ совершенія крѣпостныхъ актовъ по довѣренностямъ. Повѣренный представилъ къ дѣлу не подлинное вѣрящее письмо, а засвидѣствованный списокъ съ довѣренности, такъ какъ она уполномочивала его на дѣйствія по нѣсколькимъ имѣніямъ довѣрителя и оставалась въ другомъ присутственномъ мѣстѣ, куда представлена была подлинникомъ по дѣлу о другомъ имѣніи. Гражданская палата, не имѣя въ виду подлинной довѣренности, встрѣтила препятствіе въ выдачѣ свидѣтельства, примѣнивъ къ дѣлу 1447 и 1448 ст. 1 ч. Св. Зак. Гр. о совершеніи крѣпостныхъ актовъ. На основаніи приведенныхъ статей, повѣренный, совершающій купчую отъ имени довѣрителя, долженъ представить вѣрящее письмо, которое оставляется при крѣпостныхъ дѣлахъ подлинникомъ, съ выдачей повѣренному копіи, по его желанію. Законъ этотъ состоялся въ 1733 году, когда не опредѣлился еще существующій порядокъ совершенія довѣренностей, и вѣрящее письмо не имѣло значенія акта, свидѣтельствуемаго въ присутственномъ мѣстѣ и записываемаго въ актовыя книги. По установленіи этого порядка довѣренность сдѣлалась актомъ явочнымъ и въ отношеніи къ ней получило силу общее правило о томъ, что засвидѣствованныя въ присутственныхъ мѣстахъ копіи замѣняютъ акты, съ коихъ списаны (346 ст. II ч. X т. Св. Зак.). При существованіи этого правила законъ, требовавшій безусловно представленія подлинной довѣренности къ совершенію крѣпостныхъ актовъ, казался ненужнымъ исключеніемъ изъ него, отяготительнымъ для лицъ, уполномоченныхъ довѣренностью на совершеніе различныхъ дѣйствій во многихъ присутственныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ возбужденный вопросъ имѣлъ цѣлю устранить затрудненіе въ примѣненіи закона, образовавшагося при условіяхъ прежняго порядка составленія довѣренностей, которыя давно уже измѣнились.

Вопросъ этотъ, въ порядкѣ законодательномъ разсмотрѣнный въ государственномъ совѣтѣ, разрѣшенъ 29 декабря 1858 года. При совершеніи акта по довѣренности, данной на залогъ или продажу не одного, а нѣсколькихъ имѣній, или на исполненіе вмѣстѣ съ тѣмъ другихъ порученій, не требуется уже оставленіе у крѣпостныхъ

дѣлъ подлиннаго вѣрящаго письма, но оставляется съ него копія, а подлинникъ возвращается повѣренному съ надписью о совершенномъ актѣ.

— Въ предупрежденіе и пресѣченіе безмѣрной роскоши и мотовства надъ имѣніями расточителей учреждается опека. Правило это, по учрежденію о губерніяхъ 1775 года, относится безусловно ко всѣмъ расточителямъ, какого бы сословія они ни были. Но порядокъ наложенія подобныхъ опекъ по законамъ нашимъ не одинаковъ для губерній, подчиненныхъ главнымъ начальникамъ, и для тѣхъ, въ коихъ главнаго начальника нѣтъ. Въ первыхъ главный начальникъ имѣетъ право налагать опеку собственною властью на имѣнія расточителей, безъ различія сословія; въ послѣднихъ—губернаторамъ относительно дворянскихъ имѣній принадлежитъ только начало дѣйствія, но обсужденіе предмета зависитъ отъ собранія предводителей и депутатовъ дворянства, окончательное же распоряженіе отъ перваго департамента сената. Это послѣднее правило относилось исключительно до имѣній дворянскихъ; но законъ не опредѣлялъ, какимъ порядкомъ налагается опека на имѣнія, принадлежащія лицамъ другихъ сословія въ губерніяхъ, не подчиненныхъ главнымъ начальникамъ, что послужило поводомъ къ возбужденію частнаго вопроса относительно имѣній почетныхъ гражданъ, купцовъ и мѣщанъ. Вопросъ этотъ разрѣшенъ Высочайше утвержденнымъ 3 января 1859 года мнѣніемъ государственнаго совѣта. Постановлено: что въ потребныхъ случаяхъ главные начальники губерній, а гдѣ ихъ нѣтъ, губернаторы по достовѣрнымъ свидѣніямъ о расточительности лицъ означенныхъ сословія, предписываютъ думѣ, магистрату или ратушѣ предложить вопросъ о наложеніи опеки купеческому или мѣщанскому обществу. Приговоръ его представляется губернскому правленію и обсуждается окончательно симъ послѣднимъ относительно мѣщанъ, относительно же купцовъ и почетныхъ гражданъ—общимъ присутствіемъ правленія и палаты; гдѣ есть главный начальникъ губерніи, тамъ ему принадлежитъ окончательное рѣшеніе; но во всѣхъ случаяхъ остается еще возможность жаловаться первому департаменту сената на распоряженіе губернскаго начальства.

Новый законъ подаетъ поводъ къ слѣдующимъ вопросамъ:

1. Какъ должно разумѣть отнынѣ 237 статью XIV Т. Св. Уст. о предупрежденіи преступленій, предоставляющую главнымъ начальникамъ губерній власть учреждать по своему только усмотрѣнію опеку надъ имѣніями расточителей, *безъ различія сословія*? Если это безусловное правило остается въ силѣ, тогда порядокъ, устанавливаемый новымъ закономъ, получаетъ видъ формальнаго соблюденія коей зависитъ отъ усмотрѣнія генералъ-губернатора и не во всѣхъ случаяхъ для него обязательно. Если же новый

порядокъ имѣть безусловно-обязательную силу, то должно считать упомянутую статью отчасти измѣненной, и власть генералъ-губернатора, налагать опеку по личному усмотрѣнію должно признать ограниченной въ отношеніи къ сословію городскихъ обывателей: въ такомъ случаѣ новый законъ получаетъ видъ привилегіи, установленной для одного этого сословія. Генералъ-губернаторъ, предполагая учредить опеку надъ имѣніемъ дворянина за жестокое обращеніе съ крестьянами, обязанъ предложить свое мнѣніе собранію дворянства (422 ст. Уст. о предупр. прест.), но редакція 237 ст. нисколько не стѣсняетъ его подобною же формальностью въ учрежденіи опеки надъ дворяниномъ-растб-чителемъ.

2. Въ случаѣ, когда бы купеческое и мѣщанское общество признало учрежденіе опеки не нужнымъ, а губернское начальство признавало ее необходимою,—имѣетъ ли право губернское правленіе, не состоящее подъ властью главнаго начальника, вопреки такому приговору общества учредить опеку собственною властью?

— По законодательному вопросу о подсудности и видахъ наказанія лицъ, перешедшихъ, по совершеніи преступленія, изъ одного званія въ другое, постановлено: судить ихъ въ томъ мѣстѣ, коему были они подсудны при совершеніи преступленія, а виды наказанія примѣнять къ нимъ по тому званію, въ которомъ состоятъ во время произнесенія приговора (Мн. гос. с., выс. утв. 8 дек. 1858 года). Отсюда слѣдуетъ, что лицо, неизъятое отъ тѣлеснаго наказанія во время совершенія преступленія, не должно быть приговариваемо къ такому наказанію или подвергаемо ему въ силу приговора, если во время произнесенія приговора преступникъ, по личному званію, вступилъ въ такія права, которыя освобождаютъ его отъ тѣлесныхъ наказаній.

— Право духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія давать при свидѣтельствѣ показанія безъ присяги, по священству, распространено и на лица, *посвященныя* въ духовный санъ однимъ изъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. (Выс. утв. мн. гос. совѣта 6 января 1859 г., по представленію министра внутр. дѣлъ.)

— Въ 1848 году предоставлено крестьянамъ помѣщичьимъ и вообще крѣпостнымъ людямъ право покупать въ свою собственность, съ дозволенія помѣщика, всякаго рода недвижимыя имущества, кромѣ имѣній населенныхъ, съ совершеніемъ крѣпостныхъ актовъ по установленному порядку. При семъ постановлено, что еслибы нѣкоторыми крѣпостными людьми въ прежнее время, до распубликованія сего закона, куплены были земли, дома или лавки на имя помѣщиковъ, то симъ послѣднимъ предоставляется, по собственному усмотрѣнію, выдавать имъ кушчія крѣпости на гербовой бумагѣ низшаго достоинства, безъ взысканія пошлины,

въ теченіе 10 лѣтъ со дня изданія указа, 3 марта 1848 года. За истеченіемъ въ минувшемъ году этого срока, это право безплатнаго совершенія купчихъ должноствовало почитаться прекратившимся, что могло послужить къ стѣсненію помѣщиковъ, которые не успѣли почему-либо исполнить долгъ совѣсти въ отношеніи къ крестьянамъ, владѣвшимъ имуществомъ только подъ ихъ именемъ, а не по собственному праву. Въ отвращеніе этого затрудненія, 24 декабря 1858 года высочайше повелѣно: не считать истеченіе 10-лѣтняго срока препятствіемъ къ безплатному совершенію подобныхъ купчихъ крѣпостей, и распространить это правило на крестьянъ, которые (послѣ покупки имущества на имя помѣщиковъ) какимъ бы то ни было образомъ воспользовались уже свободою.

Въ № 12 *Русскаго Вѣстника* на 1858 годъ была помѣщена статья М. Н. Лонгинова «*Общество любителей российской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*» Читавшіе ее вспомнятъ, что это общество, основанное въ 1811 году, послѣ слишкомъ двадцатилѣтняго прекращенія дѣйствій своихъ, возобновило свои засѣданія 27 мая 1858 года. Ноября 10 произведено было первое избраніе новыхъ членовъ, и съ 21 января нынѣшняго года засѣданія возобновленнаго общества происходятъ постоянно въ старомъ зданіи университета.

Засѣданій въ 1859 году до 1 марта было уже четыре. Не входя въ изложеніе подробностей того, что въ нихъ происходило, о чемъ постоянно публикуется въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, сообщаемъ нашимъ читателямъ нѣсколько извѣстій о личномъ составѣ общества и предстоящихъ его занятіяхъ.

До избранія новыхъ членовъ, въ обществѣ считалось 44 дѣйствительныхъ и 5 почетныхъ члена. Изъ первыхъ было 19 лицъ, жительствующихъ въ Москвѣ. Съ тѣхъ поръ число дѣйствительныхъ членовъ увеличилось до 77, почетныхъ до 9. Въ числѣ новозбранныхъ находятся многіе изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ литераторовъ и ученыхъ. Дѣйствительныхъ членовъ, постоянно живущихъ въ Москвѣ, въ настоящее время 40.

Должностныя лица по обществу слѣдующія: предсѣдатель *А. С. Хомяковъ*; временный предсѣдатель *М. П. Погодинъ*; секретарь *М. А. Максимовичъ*; временный секретарь *М. Н. Лонгиновъ*; казначей и библіотекарь *С. А. Соболевскій*; члены приготовительнаго собранія *Н. Ф. Павловъ* и *В. П. Гилларовъ Платоновъ*.

До сихъ поръ общество имѣетъ только обыкновенныя засѣ-

данія, въ которыхъ присутствуютъ одни дѣйствительные члены. Но въ теченіи наступившаго поста начнутся засѣданія, къ которымъ будутъ приглашаться посторонніе любители и любительницы литературы. Засѣданія эти будутъ преимущественно посвящены чтенію разныхъ произведеній въ прозѣ и стихахъ, еще неизвѣстныхъ публикѣ. Можно ожидать, что посѣтители будутъ многочисленны, и любопытство ихъ оправдается занимательностію готовящихся чтеній. Московская публика всегда любила литературныя собранія такого рода, которыхъ долго была лишена. Теперь лишеніе это будетъ вознаграждено возродившеюся дѣятельностію Общества любителей россійской словесности. Оно вошло уже въ сношенія и съ отсутствующими своими членами, съ цѣлю доставить чтеніемъ ихъ произведеній возможное разнообразіе и занимательность своимъ публичнымъ засѣданіямъ.

Вслѣдъ за тѣмъ общество приступитъ къ изданію своихъ *Трудовъ*. Не желая стѣснять гг. литераторовъ обязательствомъ помѣщать непременно въ этомъ изданіи сочиненія ихъ, читанныя въ засѣданіяхъ, общество будетъ печатать въ немъ только тѣ изъ нихъ, которыя будутъ именно для того предназначены самими авторами.

Извѣстія о распространеніи трезвости продолжаютъ приходить къ намъ съ разныхъ сторонъ. О балашовскомъ дѣлѣ *Русскій Листовикъ* № 42 напечаталъ корреспонденцію, подтверждающую то, что было сообщено намъ, и приводящую вполнѣ рѣчь почтеннаго тамшняго городского головы, г. Рожнова, изъ которой мы привели нѣсколько словъ, въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Мы говорили о сельскомъ распространеніи трезвости въ Тульской губерніи. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на важную замѣтку, помѣщенную въ № 61 *Московскихъ Вѣдомостей*. епифанскимъ помѣщикомъ г. Протопоповымъ. Г. Протопоповъ свидѣтельствуетъ, что мірскія сообщества безпрестанно умножаются какъ въ Тульской, такъ и въ Рязанской губерніи. Въ Епифанскомъ уѣздѣ болѣе половины населенія отказались пить вино, строго наблюдая другъ надъ другомъ, какъ по казеннымъ, такъ и по владѣльческимъ селеніямъ, чтобы никто не ходилъ въ кабакъ. Въ каждомъ изъ многочисленныхъ селеній установлены свои правила; въ нѣкоторыхъ допущено позволеніе для необходимыхъ случаевъ, какъ-то: похоронъ, свадебъ, храмовыхъ праздникоу, покупать вино, но не иначе какъ съ позволенія сельскаго начальства, которое по состоянію и средствамъ имѣющаго нужду назначаетъ, сколько можно ему купить вина, и посылаетъ

съ нимъ для покупки его въ кабакъ особаго челоуѣка наблюдающаго, чтобы болѣе куплено не было. Масляница, всегда доставлявшая откупу обильную выручку, прошла нынче тихо въ Елифанскомъ уѣздѣ; пьяныхъ не видно было нигдѣ; только въ послѣдній день, называемый прощальнымъ, когда кумовы приходятъ просить прощенія въ грѣхахъ передъ наступленіемъ дней покаянія, разрѣшили себѣ крестьяне купить самое необходимое количество вина, не съ тѣмъ, чтобы погулять, а чтобы съ почетомъ встрѣтить приходящихъ просить прощенія.

Изъ Чернскаго уѣзда Тульской губерніи пишутъ намъ, что въ селѣ Спѣшневъ этого уѣзда (принадлежащемъ князю Петру Владиміровичу Долгорукову), крестьяне, собравшись на мірской сходкѣ, положили: по причинѣ дороговизны вина не пить вина, и кто выпьетъ хоть одну чарку, платитъ міру шесть рублей серебромъ штрафу. Потомъ, всѣмъ міромъ, отправились въ церковь, отслужили молебенъ, и опредѣлили, что штрафныя деньги, какія окажутся, употреблены будутъ на икону въ церковь.

Редакція *Московскихъ Вѣдомостей* получила изъ Нижне-Ландихской вотчинной конторы, состоящей во Владимірской губерніи, въ Гороховецкомъ уѣздѣ, извѣстіе, что подвѣдомственные этой конторѣ крестьяне села Нижняго-Ландиха съ 85 деревнями, въ числѣ до 5.000 душъ, положили на мірской сходкѣ воздерживаться отъ употребленія водки и простаго хлѣбнаго вина и подписали слѣдующее обязательство: «1859 года, января 28 дня, ея сіятельства княгини Софіи Александровны Щербатовой въ ниже-ландихскомъ правленіи, мы, нижеподписавшіеся, избранные отъ міра старшины и рядовые крестьяне, бывъ на мірской сходкѣ по случаю возвышенія содержателей гороховецкаго питейнаго откупа на хлѣбное вино цѣнъ, такъ что назначена цѣна ведерному пять, а въ мелкой посудѣ за ведро восемь рублей серебромъ, что мы для себя и семействъ своихъ почитаемъ разорительнымъ, въ избѣжаніе чего и для распространенія въ насъ и дѣтяхъ нашихъ доброй нравственности, и чтобы мы были исправными въ своихъ обязанностяхъ предъ правительствомъ и помѣщицею своею, сдѣлали между себя сию добровольную подписку, которою симъ обязуемся, состояніи своемъ чрезъ пьянство не истощать, то-есть вина отнынѣ впредъ въ питейныхъ домахъ не пить и на выносъ въ свои дома кромѣ какихъ-либо необходимыхъ случаевъ не покупать, за чѣмъ обязуемся другъ за другомъ смотрѣть и о нарушителяхъ сего доносить вотчинному начальству, для поступленія съ таковыми яко съ вредными обществу, пекущемуся о благѣ нашемъ; въ противномъ случаѣ, если кому откроется какая надобность купить вина, тогъ въ оправданіе свое противъ сего акта долженъ записать вотчинному правленію, въ томъ подъ симъ и подписуемся.»

Наконецъ въ № 53 *Русскаго Дневника* напечатано слѣдующее: «Вчера получили мы новую отрядную вѣсть о распространении между казенными и помѣщичьими крестьянами общества трезвости въ Чембарскомъ и Нижнеомовскомъ уѣздахъ (Пензенской губерніи), въ селеніяхъ, близкихъ къ Сердобскому уѣзду (Саратовской губерніи). Крестьяне твердо рѣшились не пить вина, ни въ кабакахъ, ни дома. Какъ скоро получимъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ новомъ проявленіи похвальнаго порыва нашего народа, немедленно сообщимъ ихъ нашимъ читателямъ.»

Радуясь такому нравственному направленію народныхъ стремленій, считаемъ нужнымъ замѣтить, что важная финансовая сторона вопроса объ откупахъ, по нашему убѣжденію, можетъ быть соглашена съ этими добрыми стремленіями и никакъ не можетъ возбуждать желанія, чтобъ они были подавлены. Затрудненія откупщиковъ, если они будутъ встрѣчаться основаныне на распространеніи трезвости, а напротивъ сама трезвость вызвана невозможностію для крестьянина платить за вино нынѣшнія произвольно возвышенныя цѣны. Основныя причины затрудненій для откуповъ заключаются, по нашему убѣжденію, въ слѣдующемъ :

Наддачи на торгахъ были сдѣланы не въ виду увеличенія народнаго благосостоянія, которое вслѣдствіе недавней войны не могло увеличиться, а скорѣе должно было уменьшиться; онѣ сдѣланы не въ виду увеличившагося потребленія вина, потому что очень значительнаго увеличенія въ потребленіи не было. Наддачи основываются на огромныхъ барышахъ послѣдняго четырехлѣтія, а барыши эти основаны на томъ, что вслѣдствіе избытка кредитныхъ билетовъ, находившихся въ обращеніи, деньги подешевѣли, и всѣ предметы вздорожали, слѣдовательно была возможность поднимать цѣну и на вино. Благодаря вошедшему еще прежде въ откупную практику организованному обычаю постоянно нарушать кондичіи, откупщики воспользовались возможностью перевести въ свои кассы бывшій въ народѣ избытокъ въ деньгахъ и подняли цѣны на вино въ чарочной продажѣ до 6 и 8 рублей за ведро. Вся эта прибавка къ цѣнѣ шла цѣликомъ въ барышъ откупа, такъ какъ откупщики вносили въ казну прежде опредѣленныя суммы, и притомъ вносили ихъ кредитными билетами, внутренняя цѣнность которыхъ постоянно уменьшалась. Откупщики выиграли при этомъ точно также, какъ выиграли всѣ должники. Кредиторы же теряли; теряла слѣдовательно и казна, которая, вслѣдствіе дороговизны, принуждена была издерживать по подрадамъ болѣе нежели сколько она издерживала прежде, тогда какъ въ казну поступали съ откупа, равно какъ и съ податей, суммы лишь номинально равныя прежнимъ, а въ дѣйствительности на значительную долю меньшія. Отсюда слѣдуетъ, что наддачи по откупамъ на текущее четырехлѣтіе лишь только восна-

градил казну за ея потерю на подешевѣвшихъ деньгахъ, и что при этихъ наддачахъ надежда на увеличеніе потребления вина не очень сильно входила въ расчетъ. Если же это вѣрно, то вѣрно и то, что избытокъ кредитныхъ билетовъ, хотя бы онъ и не былъ вполне уничтоженъ изъятіемъ ихъ изъ обращенія, долженъ самъ собою уничтожиться, а уничтожиться долженъ онъ потому, что въ этомъ случаѣ неизбежно обнаружится дешевизна кредитнаго рубля и цѣна его должна будетъ упасть относительно серебрянаго рубля. Поэтому очевидно, что затрудненіе не можетъ быть предотвращено и наступило бы само собою, коль скоро денежная единица, вслѣдствіе ли правильнаго изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, или вслѣдствіе естественнаго кризиса, пришла бы опять въ нормальное состояніе. Сами откупщики прошлаго четырехлѣтія приписываютъ свои барыши тому, что въ народѣ было очень много денегъ. Но само собою разумѣется, что много денегъ было только номинально, что это былъ оптический обманъ, произведенный кредитными билетами, и что дѣйствительное количество *цѣлостей* отъ того не возрасло. Теперь это начинаетъ обнаруживаться и причиняетъ затрудненія, о которыхъ мы говоримъ, и которыя не происходятъ отъ распространяющейся трезвости, а напротивъ побуждаютъ крестьянъ рѣшаться на трезвость, какъ на единственное спасеніе для себя. Можно предпринимать, что угодно противъ трезвости, но этимъ нельзя увеличить средствъ, находящихся въ рукахъ народа.

Считаемъ нужнымъ указать здѣсь на мудрость нашего законодательства, распространяющаго лишь на города запрещеніе учреждать *беззредныя* товарищества, безъ особаго разрѣшенія начальства. Въ селахъ такое запрещеніе было бы очень вредно; оно поставило бы въ зависимость отъ полиціи всѣ наши многочисленныя артели и ремесленныя сельскія товарищества, составляющія характеристическую черту великорусскаго племени, и несомнѣнно заключающія въ себѣ задатки будущаго. Въ селахъ запрещены у насъ лишь вредныя товарищества, братства и общества. Безвредныя дозволены безъ особаго разрѣшенія или нотаріальной заявki. Эта черта нашего законодательства имѣетъ чрезвычайную важность, потому что при устраненіи ея рушился бы весь нашъ великороссійскій артельный бытъ.

Сельскіе приговоры о трезвости и сельскія товарищества трезвости по нашему убѣжденію совершенно безукоризненны, и не въ нихъ заключается опасность для откупа, потому что въ нихъ только проявляется затрудненіе, вызываемое силою обстоятельствъ. Мы не полагаемъ полезнымъ скрывать это затрудненіе, тѣмъ болѣе, что, какъ сказали мы выше, важная финансовая сторона дѣла не подвергается

еще отъ него опасности. Для финансовъ прежде всего важно, чтобы прямыя подати, имѣющія у насъ рѣшительное преобладаніе надъ косвенными налогами, поступали безъ недоимокъ, а по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что нынѣшній (хозяйственный) годъ отличается передъ прежними правильнымъ взносомъ всякихъ податей, не только въ казну, но и въ конторы помѣщиковъ. Это свидѣтельствуешь объ успѣхахъ добросовѣстности при сборѣ податей, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно показываетъ, что народъ нашъ, на зарѣ лучшихъ дней, начинаетъ освобождаться отъ своей унылой безпечности. Трезвость поддержитъ его на этомъ пути и слѣдовательно обезпечитъ казну отъ недоимокъ. Нельзя также не замѣтить, что невыгодный балансъ нашей внѣшней торговли (звонкая монета, стремящаяся за границу вслѣдствіе избытка кредитныхъ билетовъ и искусственной поддержки вексельнаго курса, вытѣсняетъ собою продукты нашего отпуска) чувствуется всего болѣе нашимъ сельскимъ народонаселеніемъ и побуждаетъ его къ сокращенію расходовъ, а расходы нашего крестьянина состоятъ почти исключительно въ податяхъ и въ соли и винѣ, которыя также составляютъ регалию.

Что же касается откупщиковъ, то положеніе ихъ вовсе не безнадѣжное. Первый годъ откупнаго четырехлѣтія былъ всегда въ убытокъ. По нашему убѣжденію, откупщики вѣрнѣе обезпечили бы успѣхъ своего дѣла вѣрнымъ исполненіемъ кондицій, нежели произвольнымъ возвышеніемъ цѣнъ. При умѣренныхъ цѣнахъ на вино, потребление неизбѣжно усилится и безъ преслѣдованія трезвости. Въ крайнемъ же случаѣ несостоятельности откуповъ, остается ресурсъ, совершенно обезпечивающій доходъ казны, — введеніе акциза, собираемаго казною. Можно утвердительно обѣщать, что эта мѣра не только не уменьшила бы, но еще увеличила бы казенный доходъ. Для откупщиковъ она была бы выгодна въ томъ отношеніи, что спасла бы ихъ залогомъ. О благотѣльномъ значеніи ея для общества нечего и говорить. Многочисленные доводы въ пользу ея были уже не разъ приводимы печатно, и мы не станемъ теперь повторять ихъ, но считаемъ не лишнимъ замѣтить, что одно уже уничтоженіе корчемной стражи было бы огромнымъ благодѣліемъ для народа. Вотъ напримѣръ, что прочли мы въ № 51 *Русскаго Дневника*, въ корреспонденціи изъ Харьковской губерніи:

Предводитель ватаги кордонщиковъ, дюжій, трехъ-аршинный дѣтина Москальцевъ, изъ желанія доказать фактически, что онъ не даромъ хлѣбъ ѣсть и бережетъ жалованье, придумалъ слѣдующую, открытую въ послѣдствіи, сдѣлку: Въ мѣшокъ, наполненный овсомъ, вложилъ онъ большую сткланку корчемной водки и бросилъ его поодаль отъ кордона, на проселочной дорогѣ. Былъ въ ближайшемъ городѣ Ч' базарный день, и утромъ много мужичковъ уже стали пробѣжать по этой дорогѣ въ городъ. И вотъ первому, ѣхавшему съ грузомъ нѣсколькихъ мѣшковъ ржи, попался на глаза валяющійся мѣшокъ. Мужикъ, перекрестившись, поднялъ, развязалъ его и, увидавши, что въ немъ

былъ овесъ, положили на возъ и ѣхали себѣ дальше по дорогѣ, полагаю, что найденный имъ мѣшокъ потерялъ кто нибудь изъ пробѣжавшихъ прежде. Вотъ онъ ужъ приблизился къ кордону. Стража не дремлетъ: она очень знаетъ, что подброшенная водка поднята. Тутъ мужичка останоили и начали его клажу усердно, приторно обыскивать. Всѣ мѣшки были освидѣтельствованы; остался еще одинъ, и въ немъ, къ ужасу мужика, находить корчемную водку. Мужикъ отговаривается, доказываетъ свою правоту, плачетъ—нѣтъ пощады: скоро его, связаннаго, уложили между мѣшковъ и представили на судъ полиціи. Дѣло кончилось тѣмъ, что мужикъ потерялъ все, что возъ въ городъ для продажи, и, кромѣ того, большую часть изъ своего ограниченнаго имущества.

—Этотъ же самый М. прославилъ себя и въ другой подобной операци; во счастье на этотъ разъ ему не помогло: сдѣлка была случайно открыта. Богатый поселенецъ въ селѣ Мал. собирался къ свадьбѣ сына своего и въ кругу родственниковъ, вѣртелей-друзей, провожалъ въ веселой предсвадебной вечерѣ. Сосѣдъ его, бѣднякъ, пользуясь отсутствіемъ всакой наблюдательности въ гуляющемъ, рѣшился пойти ночью на его гумно и тамъ набрать мѣшокъ молоченнаго зерна, ссыпаннаго въ известномъ ему мѣстѣ. Вотъ ужъ этотъ ворышка привялся за работу. Робость, обыкновенно овладѣвающая человекомъ въ подобныхъ случаяхъ, не бросала его: каждый шорохъ, каждый порывъ вѣтра приводилъ его въ трепетъ и дѣлалъ готовымъ къ побѣгу. Вдругъ слышится не вдалекѣ людской говоръ, который становится слышимѣе, все болѣе и болѣе. Воръ принужденъ былъ опростеть бѣжать и спрятаться въ недалекой стоящей клунѣ, за дверью. Разговаривающіе уже на этомъ гумнѣ. Ихъ нѣсколько человекъ остановилось около одного хлѣбнаго скирда. Одинъ изъ нихъ что-то держалъ въ рукахъ и началъ вести тракцію такого рода: «Ну, братцы, зароемъ этотъ боченокъ въ скирдѣ, а завтра въ обѣдъ, давши знать расправѣ, придемъ его трусить, надуемъ, будетъ десятому поколѣнію о насъ заказывать; да глядите, братцы, осторожныѣе. Сначала все обыщемъ въ домѣ, а тогда уже сюда дневнемъ; да и здѣсь сейчасъ не бросаться къ этой скирдѣ, а тогда, какъ нѣсколько понизимъ». Дѣйствующіе скрылись. Мужикъ, спрятавшійся въ клунѣ, выслушавъ такія рѣчи, догадался, въ чемъ дѣло, приблизалъ къ безопасному своему сосѣду, открылъ и свой постоунокъ и сообщилъ слышанный имъ заговоръ противъ его благосостоянія. Не замедлили убѣдиться въ дѣйствительности сказаннаго: боченокъ водки, по указанію, былъ отысканъ. На слѣдующій день хозяинъ съ гостями рѣшилъ: найденную водку выпить, а обыщниковъ, если придутъ, ни подъ какимъ видомъ не пускать, развѣ зогласятся заплатить 500 рублей, когда водка не будетъ найдена. Въ полдень, точно, являются эти согладатая; но мужикъ-хозяинъ и всѣ его гости единодушно говорятъ: «Не дамося ни за що, хйба заплатите намъ 500 рублей, якъ не найдете водки; найдете, мы вамъ заплатимо». Долго развѣдчики усиливались приступить къ дѣлу; но нѣтъ! настойчивость хозяина и гостей была непобѣдима. Главный предводитель развѣдчиковъ, М., зная вѣрное объ успѣхѣ, скоро согласился на условія, предложенныя хозяиномъ. Деньги, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, отданы были нарочно избраннѣмъ для этого посредникамъ. За тѣмъ развѣдчики бросились искать свою добычу. Въ домѣ все формально привели въ хаосъ и ничего не нашли. Просить поискать и на гумнѣ. Не получивъ отказа, устремились сюда. Всѣ скирды хлѣба были обысканы, остался еще одинъ—надѣжа. Обыскивать и этотъ: о, ужасъ! Здѣсь тоже ничего не было. Долго они въ горести ипацались здѣсь и наконецъ принуждены были объявлять, что обыскъ ихъ неудаченъ, что уславленные деньги хозяинъ имѣетъ получить. Открывшій этотъ заговоръ мужикъ былъ награжденъ хлѣбомъ и деньгами. Заговорщикъ же М., по доказу какъ этого мужика, такъ и другихъ, отданъ подъ судъ. Чѣмъ онъ кончился, еще покуда не знаемъ.

—Вотъ въ какомъ отношеніи откупная монополія болѣе всего подрываетъ у насъ благосостояніе наводное. Сколько видимъ мы несчастныхъ, обнищавшихъ, разоренныхъ! Возьмемъ въ примѣръ вышепрописанное. Допустимъ, что мужика отыскана водка. Въ какое разореніе онъ долженъ былъ падти, совершенно невинно! А такихъ случаевъ, сказать правду, не мало бываетъ. А это что? Селянинъ или нѣсколько ихъ, соблазнившись дешевой и вредной водкой, покупаютъ ее, ужъ, пожалуй, и везутъ въ свои дома. На пути

вдругъ встрѣчается съ ними шайка кордонщиковъ, которая бросается дѣлать обыскъ. Что же здѣсь бываетъ? Первые не допускаютъ обыскивать, а тѣ силою хотятъ этого: заводятся драка, доходящая почти всегда до убійства. Кто не знаетъ подобныхъ случаевъ?... Ахъ, пора, пора этому близкому къ паденію злу уничтожиться.»

Въ № 2 *Русскаго Вѣстника* (*Политич. обзор.* стр. 186) мы упомянули о происходившей у насъ по злоупотребленію продажъ билетовъ австрійскихъ лотерейныхъ займовъ. Намъ пріятно теперь перепечатать приказъ г. с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера отъ 4 марта, воспреещающій это злоупотребленіе:

«Съ нѣкотораго времени издаются въ столицѣ особыя объявленія отъ торговаго дома *Меркль Стибель Сыновья* во Франкфуртѣ на Майнѣ объ австрійскомъ займѣ 1858 года, въ 24 милліона гульденовъ, съ приложеніемъ продажи лотерейныхъ облигацій. Имѣя въ виду, что продажа всякаго рода промессовъ на какія-либо лотереи воспрещена 463 ст. Уст. о предупред. и пресѣч. прест. XIV т. Св. Зак. (изд. 1857 г.), и что по силѣ 1334 ст. Улож. о наказ. изобличенный въ продажѣ билетовъ иностранной лотереи или промессовъ на лотерею подвергается особому взысканію, господинъ с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ входилъ по сему предмету въ сношеніе съ г. министромъ финансовъ, который нынѣ увѣдомилъ, что изданіе означеннаго объявленія, на основаніи приведенныхъ узаконеній, слѣдуетъ воспретить. Согласно полученнаго мною, вслѣдствіе сего предложенія, его *высокопревосходительства Павла Николаевича*, отъ 2 текущаго мѣсяца, за № 2,526, предписываю немедленно объявить всѣмъ занимающимся въ С.-Петербургѣ продажею билетовъ иностранныхъ лотерей или промессовъ на лотереи и содержателямъ типографій, чтобы первые тотчасъ прекратили означенную торговлю, а послѣдніе отнюдь не печатали на будущее время объявленій о продажѣ билетовъ или промессовъ.»

Такого же содержанія приказъ былъ отданъ 11 марта г. московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, съ добавленіемъ, что занимавшіеся въ Москвѣ этою торговлею магазины Марецкаго и Юнкера, домъ Меркля и контора Шелихова обязаны возвратитъ лицамъ, кои сего пожелаютъ, деньги за проданные доселѣ лотерейные билеты.

— Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, въ 26 день февраля, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: запретить выводъ лошадей изъ Имперіи и Царства Польскаго чрезъ сухопутную европейскую границу, не распространяя, однако, сего на тѣхъ лошадей, о которыхъ будутъ представлены доказательства, что закуплены для заграничнаго отправленія до получения въ таможенныхъ предписаній о настоящемъ запрещеніи.

— Въ *Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* извѣщаютъ, что 10-го февраля прибылъ въ губернскій городъ назначенный по Высочайшему повелѣнію для ревизіи дѣлъ Пензенской губерніи сенаторъ, тайный совѣтникъ С. В. Сафоновъ, и что за пять дней передъ тѣмъ гражданскій губернаторъ, тайный совѣтникъ А. А. Панчулидзевъ, возвратясь изъ отпуска, вступилъ въ управленіе вѣренною ему губерніею. Г. Панчулидзевъ, какъ извѣстно, былъ передъ тѣмъ въ Петербургѣ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Мы извѣщали нашихъ читателей о рѣшеніи очистить Палатки Владѣнія отъ занятія иностранными войсками. Въ Европѣ стало это извѣстно изъ засѣданія англійскаго парламента 29 сентября. Въ то самое время, когда нижняя палата намѣревалась обратиться въ комитетъ субсидій, и *спикеръ* (президентъ) поднялся съ своего мѣста, чтобы, по обычаю, выйти изъ палаты, — всталъ лордъ Пальмерстонъ, съ тѣмъ чтобы предложить правительству запросъ о положеніи дѣлъ въ Европѣ. Президентъ остался на мѣстѣ, и знаменитый представитель города Тивертонъ съ своимъ всегдашнимъ искусствомъ и ловкостію снова поднялъ этотъ вопросъ, который такъ сильно тревожитъ общественное мнѣніе. Рѣчь его пролила много свѣта на современную политику и обозначила главные пункты того пути, которому она должна слѣдовать для разрѣшенія своей задачи. Нельзя при этомъ сказать не замѣтить одной весьма важной характеристической особенности англійскаго парламента, свидѣтельствующей о той высокой зрѣлости и самовоздержанія, къ какимъ бываетъ способна лишь истинная свобода: несмотря на существованіе партій, въ которыхъ проявляется жизнь парламента, и которыя ревниво и зорко слѣдятъ другъ за другомъ, не спуская взаимно ни одного промаха, ни одной оплошности, несмотря на то, что правительство есть не что иное, какъ только партія, противъ которой стоитъ другая партія, ожидающая перваго удобнаго случая, чтобы занять ея мѣсто, — несмотря на этотъ антагонизмъ, нигдѣ политика не отличается бѣльшимъ единствомъ, и передъ трудными вопросами, требующими единодушнаго дѣйствія, нигдѣ такъ согласны группироваться политическія мнѣнія для поддержанія общей національной политики. Сойдутъ тучи съ горизонта, настоящее перейдетъ въ область прошедшаго, и тогда оппозиція будетъ имѣть время разбирать всѣ дѣйствія правительства, критиковать и осуждать ихъ, если найдется къ тому поводъ. Такъ небольшое дѣло по поводу корабля *Charles et Georges* вовлекло было правительство въ серьезныя затрудненія передъ парламентомъ; оппозиція предлагала уже парламенту подвергнуть кабинетъ порицанію за недостаточно энергическій образъ дѣйствій его по этому дѣлу

относительно Франціи, и кабинету нужно было употребить большія усилія, чтобъ избавиться отъ этого роковаго рѣшенія. А потому въ своихъ текущихъ дѣлахъ правительство должно по необходимости помнить о предстоящемъ разчетѣ и смотрѣть во всѣ глаза.

• Могу увѣрить, такъ началъ лордъ Пальмерстонъ свой запросъ, почтенныхъ джентльменовъ противной стороны (министры и министерская партія), что я дѣлаю теперь этотъ шагъ вовсе не въ духъ партій. (*Рукоплеканія.*) Я не хочу создавать какое-нибудь затрудненіе для министровъ ея величества. Я желаю только исполнить обязанность, лежащую на палатѣ общинъ, — разъяснить, при настоящемъ положеніи европейскихъ дѣлъ, чего можетъ ожидать наша страна съ наступленіемъ весны. Нѣтъ надобности скрывать, что не только въ Англіи, но и въ цѣлой Европѣ повсюду распространено опасеніе, что наступающая весна ознаменуется столкновеніемъ военныхъ державъ. Съ тѣхъ поръ, какъ достопочтенный джентльменъ (г. Дизраэли) назвалъ нынѣшнее положеніе дѣлъ не совсѣмъ безнадежнымъ, уже прошло три недѣли. Желательно теперь знать, сохраняетъ ли правительство то же самое впечатлѣніе при взглядѣ на современное положеніе дѣлъ, или взглядъ его сталъ повеселѣе. Я не порицаю правительство за то, что оно не сдѣлало до сихъ поръ никакихъ сообщеній палатѣ. Министры не обязаны дѣлать сообщенія, когда ихъ не спрашиваютъ, кромѣ развѣ какихъ-либо особенныхъ случаевъ. Но на членахъ этой палаты лежитъ долгъ спрашивать правительство въ минуты общей неизвѣстности и тревоги и давать ему случай сообщить свѣдѣнія, которыя оно можетъ сообщить, согласно съ своею отвѣтственностію. •

Какихъ же свѣдѣній хочетъ получить вождь оппозиціи отъ правительства? Служа въ настоящемъ случаѣ органомъ общественнаго мнѣнія, онъ желаетъ знать что-нибудь рѣшительное: будетъ ли сохраненъ миръ въ Европѣ, или война неизбежна? Надежда на сохраненіе мира оживитъ промышленность и успокоитъ торговлю; увѣренность въ неизбежности войны остановитъ во время разнаго рода промышленныя предпріятія, которыя приготовляются къ будущей веснѣ, и заставитъ подумать о приготовленіяхъ другаго рода: *forewarned is forearmed*, говоритъ англійская пословица. Лучше, чтобъ истина стала извѣстна, лучше, чтобы торговые люди знали положеніе, въ которомъ они находятся, нежели идти въ потемкахъ и потомъ очутиться на краю пропасти. Но лордъ Пальмерстонъ, предлагая такой вопросъ правительству, едва ли въ сущности могъ ожидать отъ него болѣе, чѣмъ сколько зналъ самъ. Чтò могло сообщить правительство, то едва ли было тайною для оппозиціи и особенно для самого лорда Пальмерстона. Цѣль запроса главнымъ образомъ заключалась въ самомъ за-

прось, — въ той демонстраціи, къ которой онъ подаетъ поводъ. Лордъ Пальмерстонъ, подъ видомъ запроса, еще разъ раскрылъ положеніе европейскихъ дѣлъ и представилъ указанія, какими, по его мнѣнію, должна слѣдовать европейская политика въ настоящемъ дѣлѣ. Начертавъ яркую картину теперешнаго тревожнаго положенія Европы, военныхъ приготовленій и угрозъ, онъ спрашиваетъ, какая можетъ быть тому причина? какая держава оскорбила честь и достоинство другой державы и отказала ей въ надлежащемъ удовлетвореніи? — и отвѣчаетъ, что ничего подобнаго ему не извѣстно, а потому ему было бы желательно узнать, какую европейскую державу подозрѣваютъ въ замыслахъ нарушить существующіе трактаты. Не Франція ли подаетъ поводъ къ этимъ подозрѣніямъ? Но лордъ Пальмерстонъ не хочетъ вѣрить этому; онъ не думаетъ, чтобы нынѣшнее французское правительство вдругъ захотѣло оставить тотъ путь, по которому такъ добросовѣстно слѣдовали, съ 1815 года, всѣ правительства во Франціи, какова бы ни была ихъ форма. Ему еще менѣе понятно, чтобы такой замыселъ могла питать Австрія, которая въ этихъ трактатахъ находитъ единственное основаніе для своихъ правъ на тѣ владѣнія, которыя все еще ей хочется удерживать за собою, хотя, какъ весьма заманательно прибавилъ лордъ Пальмерстонъ, она напрасно это дѣлаетъ: право на эти владѣнія она имѣетъ, но съ точки зрѣнія факта было бы съ ея стороны всего благоразумнѣе отказаться отъ нихъ. Сардинія ли замышляетъ ничѣмъ не вызываемое покушеніе на эти трактаты, которые обезпечиваютъ за ней владѣнія, составляющія главную основу ея силы и благосостоянія? Онъ не думаетъ, чтобы можно было подозрѣвать въ такомъ дикомъ и безумномъ замыслѣ прозорливаго монарха и мудраго министра, управляющаго этою страной.

• Что касается, продолжалъ бывшій глава англійскаго кабинета, до Пруссіи и до Россіи, то конечно онѣ не имѣютъ намѣренія возмутить европейскій миръ взбалмошнымъ и ничѣмъ не вызваннымъ нарушеніемъ трактатовъ. Но если между великими европейскими державами, не поднято никакого вопроса, который могъ бы повести къ войнѣ, или нѣтъ ли съ чьей стороны намѣренія нарушать трактаты, на которыхъ основывается нынѣшнее положеніе Европы, то откуда же взялось это общее, повсюду распространенное чувство, что между ними существуютъ несогласія, и что онѣ готовы прибѣгнуть къ оружію? Сэръ, я думаю, что причину всего этого должны мы искать въ положеніи Средней Италіи. Причина эта должна заключаться въ давнемъ соперничествѣ и зависти между Австріею и Франціею относительно Италіи, въ соперничествѣ и зависти, которыя были теперъ особенно возбуждены

вслѣдствіе совокупнаго занятія Средней Италіи ихъ войсками. Вотъ гдѣ главная причина военныхъ опасеній и приготовленій. Это занятіе Средней Италіи, предпринятое сначала по причинамъ извинительнымъ и какъ мѣра временная, продолжается уже около десяти лѣтъ. Теперь давно бы пора этому кончиться. Ничто такъ не могло бы успокоить Европу и устранить всѣ причины къ спорамъ и зависти между этими двумя военными державами Европы, какъ удаленіе ихъ войскъ изъ Средней Италіи. Сэръ, я знаю только то, что извѣстно всякому, но я все-таки скажу, что французское правительство должно сильно чувствовать затруднительность своего теперешняго положенія. Я думаю, что если съ какой-либо стороны можетъ быть нежеланіе согласиться на это взаимное очищеніе Средней Италіи, то нежеланіе это можетъ возникнуть лишь со стороны Австріи, — и то не по отношенію къ этому вопросу, а по ошибочному взгляду на собственные интересы. Говорятъ, что если Австрія выведетъ свои войска изъ Папскихъ Владѣній, то тамъ вспыхнетъ революція, что вспыхнувшее пламя можетъ распространиться и на ея собственные предѣлы, и что слѣдовательно ей для огражденія своей безопасности ничего не остается, какъ продолжать занятіе Римскихъ областей своими войсками. Сэръ, я думаю, что это взглядъ близорукій и ложный. Скажутъ: когда есть опасность, что въ домѣ твоего сосѣда вспыхнетъ пожаръ, ты не будешь дожидаться, чтобы пробилось пламя, а побѣживъ въ домъ къ сосѣду предупредить пожаръ. Что касается до меня, то я подалъ бы другой совѣтъ, я сказалъ бы: хорошимъ управленіемъ сдѣлай такъ, чтобы твой домъ былъ безопасенъ отъ огня, да на случай заведи у себя на дворѣ средства, достаточныя для потушенія пожара; пусть и сосѣдъ съ своимъ домомъ сдѣлаетъ то же самое... Почему занятіе Римскихъ областей значительными иноземными силами необходимо для сохраненія спокойствія? Развѣ римское правительство не имѣетъ своихъ собственныхъ войскъ для поддержанія порядка? Скажутъ, каждый римскій солдатъ станетъ самъ противъ правительства, и если вспыхнетъ возстаніе, то приметъ сторону мятежниковъ. Кто выставляетъ этотъ аргументъ, пусть вникнетъ въ его смыслъ: правительство не можетъ въ цѣломъ народѣ найти вѣрныхъ людей, которые бы взялись защищать его противъ возстанія! У римскаго правительства есть еще Швейцарцы, но скажутъ, что и Швейцарцы присоединятся къ инсургентамъ, — Швейцарцы, которые служатъ вѣрно даже такому тиранскому правительству, каково неаполитанское, которые охраняютъ своихъ наемщиковъ въ этой странѣ съ похвальною ревностію, въ этомъ случаѣ можетъ-быть и не совсѣмъ умѣстною — даже и они не будутъ, какъ слышно, защищать римское правительство въ слу-

чаѣ возстанія. Можно ли сказать что-нибудь хуже этого о римскомъ правительствѣ? Но если правительство такъ дурно, что никто ни изъ своихъ, ни изъ чужихъ наемниковъ не хочетъ защищать его, то я не вижу, почему Франція и Австрія должны поддерживать его своими войсками. Говорятъ, что это державы католическія, и что на нихъ лежитъ обязанность поддерживать главу своей религіи. Неужели кто-нибудь рѣшится сказать мнѣ, что для поддержанія духовнаго авторитета папы, какъ главы обширной христіанской церкви, необходимо поддерживать отвратительное правительство, которое въ продолженіи столь долгаго времени обрекало три милліона народа на гражданское и политическое мученичество? Да это будетъ пасквиль на римско-католическую церковь. Не только не могу я думать, чтобы поддержаніе такого правительства могло быть выгодно для этой церкви, но напротивъ убѣжденъ, что преобразование римскаго правительства будетъ столько же полезно для него самого, сколько и для самой римско-католической церкви..... Здѣсь корень всѣхъ несогласій и взаимной ревности между Франціею и Австріей. Великобританское правительство находится въ такомъ положеніи, которое даетъ ему возможность своимъ посредничествомъ и вліяніемъ своего совѣта оказать важныя услуги Европѣ. Мы находимся въ тѣсномъ союзѣ съ Франціею, мы находимся въ добрыхъ отношеніяхъ къ Австріи. Ни та, ни другая держава не можетъ заподозрить тѣхъ побужденій, которыя заставляютъ насъ заботиться объ ихъ соглашеніи. Ни та, ни другая не можетъ думать, чтобы мы могли посовѣтовать поступокъ, несогласный съ ихъ честью и достоинствомъ; а потому объ должны охотно принять наши совѣты въ томъ самомъ духѣ, въ какомъ будутъ даны. Впрочемъ они могутъ принимать или не принимать нашихъ совѣтовъ; но никто конечно не будетъ отвращать правительство этой страны отъ такихъ начинаній, которыя клонились бы къ предупрежденію бѣдствій всеобщей войны, и я надѣюсь, что правительство будетъ слѣдовать именно такой политикѣ, направленной къ этому результату.»

Послѣ этихъ ловкихъ подступовъ, знаменитый политикъ проникаетъ въ самое сердце висящаго надъ Европою вопроса. Съ своимъ мастерствомъ, онъ ясно и точно характеризуетъ болѣзнь и указываетъ единственное средство, какое можетъ найти противъ нея современная политика. Вслѣдъ за вышеприведенными словами, онъ продолжаетъ такимъ образомъ:

«Мы всѣ знаемъ, что у Австріи заключены нѣкоторые договоры съ италіанскими государствами. Эти договоры, какъ я понимаю ихъ, содержатъ въ себѣ двоякаго рода обязательства: одно—защищать ихъ отъ внѣшняго нападенія, другое—оказывать имъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, внутреннюю помощь. Никто не будетъ

требовать, чтобъ Австрія отказалась отъ перваго изъ этихъ обязательствъ. Между нѣкоторыми итальянскими династіями и царствующимъ въ Австріи домомъ есть разнаго рода свойства и родства, которыя могутъ служить особымъ основаніемъ къ обязательству взаимной обороны; но и безъ этого побужденія нѣтъ ничего естественнѣе, что сильное государство заинтересовывается положеніемъ слабѣйшаго и принимаетъ на себя обязательство защищать его въ случаѣ враждебнаго нападенія. Мы находимся, напримѣръ, въ подобномъ отношеніи къ Португаліи, — почему и Австріи не находится въ такого рода обязательствахъ съ нѣкоторыми изъ итальянскихъ государствъ? Что же касается до другаго обязательства, то-есть вмѣшательства во внутрення дѣла другихъ государствъ, то Австрія можетъ, безъ всякаго безчестія для себя, просто-на-просто отказаться отъ него. Пока не прекратится это обязательство, я опасуюсь, что временный выводъ французскихъ и австрійскихъ войскъ не произведетъ никакого прочнаго дѣйствія; пока не будетъ положено, чтобы французскія и австрійскія войска ушли съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться, кромѣ случая войны, простое временное очищеніе не принесетъ никакой пользы. Сэръ, я знаю, что эти итальянскія государства, а особенно Римское, скажутъ: ради Бога не покидайте насъ; если вы уйдете, то мы подвергнемся величайшимъ бѣдствіямъ. Подобная исторія была съ однимъ лордомъ, родственникомъ одного изъ членовъ этой палаты, человѣкомъ очень добрымъ и мягкосердечнымъ. Онъ гулялъ однажды въ паркѣ, и ему повстрѣчался рабочій человѣкъ, который, разказавъ ему жалостную повѣсть о себѣ, заключилъ: если ваша честь не поможетъ мнѣ, то я рѣшусь на такое дѣло, до какаго можете довести меня только отчаяніе. Лордъ далъ ему полкроны, но отойдя нѣсколько шаговъ, остановился и спросилъ: «А что же бы вы такое сдѣлали, добрый человѣкъ, еслибъ я не помогъ вамъ?» — Неужели, отвѣчалъ тотъ, вы не догадываетесь? Я принужденъ былъ бы искать работы, но къ этому можетъ принудить меня только крайнее отчаяніе. Такъ точно говорить и римское правительство: Ради Бога не оставляйте насъ; если вы уйдете, то насъ постигнетъ самая лютая напасть. А если вы спросите, что же эта такая за напасть, оно скажетъ: Мы принуждены будемъ передѣлывать нашу администрацію, а это для насъ величайшее изъ всѣхъ возможныхъ бѣдствій. По моему, пусть себѣ оно подвергнется этому величайшему изъ всѣхъ возможныхъ бѣдствій. Для обезпеченія европейскаго мира необходимы три условія: прежде всего требуется вывести-иноземныя войска изъ Средней Италіи, вовторыхъ требуется обязательство, что они ни въ какихъ обстоятельствахъ не вернутся туда опять, а втретьихъ на-

добно постараться дружескими совѣтами произвести улучшение въ администраціи этихъ областей. Впрочемъ намъ уже не въ первый разъ давать этотъ совѣтъ... »

Лордъ Пальмерстонъ припомнилъ, что еще въ 1832 году великія европейскія державы совѣтовали римскому правительству ввести у себя необходимыя улучшения, которыя могли бы въ какой-нибудь мѣрѣ успокоить и удовлетворить народъ. По его мнѣнію, еслибы римское правительство тогда же послушалось этого совѣта, то итальянскій вопросъ въ настоящее время не запутался бы такимъ опаснымъ образомъ. Но развести Францію и Австрію въ Римскихъ владѣніяхъ значить еще только приступить къ рѣшенію труднаго вопроса. Занятіе Папскихъ Владѣній, иноземными войсками есть только ближайшій поводъ къ столкновенію, или лучше сказать, одно только выраженіе, одинъ только симптомъ того ненормальнаго положенія, въ которомъ находится Италія, и изъ котораго поднимается итальянскій вопросъ. Занятіе этихъ областей есть только частный случай, а вся сила заключается въ общемъ принципѣ, который выразился въ этомъ случаѣ. Вся сила заключается въ этихъ сепаратныхъ договорахъ правительства съ правительствомъ для поддержанія существующей формы правленія или административной системы, — то, однимъ словомъ, чего такъ явственно коснулся глава бывшаго англійскаго кабинета. Эти договоры — остатокъ прежняго, уже отжившаго порядка идей. Международное право, какъ вырабатывается оно въ новѣйшее время, требуетъ полнаго невмѣшательства со стороны одного государства во внутреннія дѣла другаго. Это требованіе пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе положительную силу; принципъ его уже провозглашенъ на послѣднемъ европейскомъ конгрессѣ, и теперь остается только разъяснить и вывести послѣдствія этого принципа, во всей ихъ силѣ и строгости. Какъ скоро признано господство этого начала, то становится невозможною всякая коалиція одного правительства съ другимъ, и устраняется главнѣйшая причина искусственнаго или насильственнаго направленія жизни народовъ. Извѣстная правительственная система должна условливаться въ каждой странѣ ея собственными внутренними потребностями. Каждая страна должна быть въ этомъ отношеніи совершенно самобытна; всякая попытка, произведенная извнѣ и притомъ вооруженною рукою, съ цѣлію измѣнить ея правительственную систему въ какомъ бы то ни было смыслѣ, будетъ непременно сопровождаться неблагоприятными и даже гибельными результатами. Несовершенства правительственной системы, ея недостатки и злоупотребленія всегда служатъ выраженіемъ какого-нибудь внутренняго болѣзненнаго начала, какихъ-нибудь внутреннихъ дисгармоній въ общественномъ организмѣ. Внести

другія учрежденія чужою рукою, не сиропившись самою жизнью, оставая неизмѣненными тѣ условія въ ней, которыя производили безпорядокъ и зло, и выражались въ дурной правительственной системѣ, значить оказать ей плохую услугу, и къ прежнимъ болѣзненнымъ элементамъ присовокупить еще новые. Принципъ политическаго невмѣшательства, понятый во всей своей истинѣ и осуществляемый во всей силѣ, со всѣми своими послѣдствіями, при томъ общественномъ единеніи народовъ, которое растетъ съ каждымъ годомъ, при этой непрерывно укрѣпляющейся солидарности ихъ въ промышленныхъ, торговыхъ, вообще экономическихъ условіяхъ быта, при неизбѣжномъ всеобщемъ размнѣ потребностей и идей, этотъ принципъ будетъ, несмотря на свой отрицательный характеръ, могущественно содѣйствовать дѣлу внутренняго прогресса какъ въ общественномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Страна, заглохшая въ ложныхъ и вредныхъ условіяхъ быта, скоро почувствуетъ свою несостоятельность въ кругу другихъ народовъ, яснѣ пойметъ свои недуги и бодрѣ примется за ихъ исцѣленіе; правительство и общество будутъ дѣйствовать заодно какъ части одного организма, и тѣмъ будетъ лучше, чѣмъ явственнѣе и крѣпче будутъ они сознавать свое единство. Правительство, сепаратными союзами съ другими правительствами противъ своихъ подданныхъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, не будетъ поставляться въ ложное положеніе, не будетъ понимать себя какъ нѣчто отдѣльное отъ цѣлаго общества, которому должно служить органомъ, не будетъ отдѣлять отъ него своихъ интересовъ. И страшная аномалія правительства, враждебнаго своему народу, и народа, враждебнаго своему правительству, исчезнетъ сама собою, какъ только исчезнетъ и изъ дѣйствительности, и изъ самихъ идей, послѣдній остатокъ того начала коалиціи правительствъ, которое господствовало до послѣдняго времени въ международномъ правѣ. При томъ развитіи, какое принялъ въ наше время всеобщій союзъ европейскихъ государствъ, всякая частная коалиція единомышленныхъ правительствъ становится аномаліей и невозможностію. Принципъ невмѣшательства одного государства во внутреннія дѣла другого есть, съ одной стороны, гарантія внутренней самостоятельности каждой страны; съ другой—необходимое условіе для дѣйствительнаго существованія всеобщаго европейскаго союза. Съ одной стороны; народъ, имѣющій свое самостоятельное политическое существованіе, не будетъ подвергаться чужеземному игу,—ибо коалиція одного правительства съ другимъ противъ собственныхъ подданныхъ не есть ли подчиненіе чужеземной силѣ, порабощеніе чуждому государству? Могла ли бы Парма, могъ ли бы даже Неаполь поддерживать свою систему, со всѣми

ея злоупотребленіями, еслибы правительства этихъ странъ не были отчуждены отъ нихъ поддержкою Австріи, увѣренности, что войска ея явятся по первому призыву, и еслибы эта увѣренность не тяготѣла равно и надъ самими обществами этихъ странъ, парализируя въ нихъ всякую жизнь? Уничтожится эта увѣренность, и правительства придуть въ нормальное положеніе; они будутъ сильны лишь силами собственныхъ своихъ земель и по необходимости должны будутъ заботиться о томъ, чтобы соответствовать истиннымъ интересамъ общества и истиннымъ потребностямъ времени. Съ другой стороны, устраняя всякое вѣнательство одного государства во внутреннія дѣла другаго, всеобщій международный союзъ пріобрѣтаетъ новое и великое значеніе; онъ становится истинною властію и притомъ такою, которая по своей натурѣ не можетъ дѣйствовать путемъ насилія и пертурбаціи, не можетъ быть стѣснительною для внутренней самостоятельности отдѣльныхъ государствъ. Въ случаѣ ложнаго отношенія, которое можетъ возникнуть между правительствомъ и цѣлымъ обществомъ какой-либо страны, международный союзъ, безпристрастный и возвышенный надъ всѣми односторонностями правительственныхъ системъ, дѣйствующій лишь въ самомъ общемъ смыслѣ, можетъ однимъ великимъ заявленіемъ общественнаго мнѣнія предупреждать такого рода столкновенія и содѣйствовать къ установленію болѣе правильныхъ политическихъ условій въ каждой странѣ. Съ устраненіемъ частныхъ коалицій между правительствами прекращается всякое препятствіе къ живому и успѣшному разравненію всякаго рода общественныхъ элементовъ между народами. Всѣ необходимыя условія человѣческаго благосостоянія должны все болѣе и болѣе приходить къ одному знаменателю, и внутреннія дисгармоніи въ каждой странѣ, препятствующія осуществленію этихъ началъ, по необходимости должны будутъ приравниваться къ нимъ и видоизмѣняться подъ ихъ вліяніемъ. Идея требуетъ матеріальной силы для своего осуществления; такую силою становится въ настоящее время сила экономическихъ интересовъ. Торговля и промышленность, въ которыхъ близорукіе и вялые умы видятъ матеріализацію современной жизни, упадокъ нравственныхъ силъ современныхъ народовъ, служатъ въ сущности великимъ орудіемъ для проложенія путей и для осуществленія высшихъ общественныхъ идеаловъ,—орудіемъ несравненно болѣе успѣшнымъ и несравненно болѣе благороднымъ, чѣмъ грубое средство вооруженнаго насилія.

Но возвратимся къ засѣданію парламента. Лордъ Пальмерстонъ съ умысломъ выбралъ для своего запроса ту минуту, когда палата должна была превратиться въ комитетъ пособій. Онъ самъ высказалъ это въ заключеніи своей рѣчи. «Я нарочно, сказалъ онъ,

выбралъ случай, когда палата съ нетерпѣніемъ ждетъ слышать показанія перваго лорда адмиралтейства по предмету величайшей національной важности, и когда сдѣланныя мною немногія замѣчанія могутъ лишь вызвать какое-нибудь сообщеніе отъ достопочтеннаго джентльмена противной стороны (г. Дизраэли, канцлеръ казначейства), а не повести къ общимъ преніямъ; при различіи мнѣній, какое существуетъ по этому предмету между джентльменами, при недостаточности нашихъ свѣдѣній, можетъ быть высказано много такого, что затруднить дѣло. (*Одобреніе*). Я увѣренъ, что вся страна и каждый человекъ въ этой палатѣ желаетъ продолженія мира, не изъ страха за свою безопасность, но ради тѣхъ общихъ неудобствъ, которымъ подвергнутся все народы въ случаѣ войны, изъ желанія, чтобы Европа продолжала пользоваться этимъ состояніемъ спокойствія, которое такъ могутъ существенно содѣйствовать развитію ея коммерческихъ интересовъ, ея умственному прогрессу и благосостоянію ея народонаселеній (*врожкое и общее одобреніе*).

Канцлеръ казначейства, поблагодаривъ вождя оппозиціи за его осторожность и воздержность, сообщилъ то важное извѣстіе, которое телеграфъ вскорѣ разнесъ во все концы Европы, что австрійскія и французскія войска, по желанію самого папскаго правительства, выходятъ изъ его владѣній, и что лордъ Коули, великобританскій посланникъ при тюльерійскомъ дворѣ, отправился въ Вѣну съ конфиденціальнымъ порученіемъ отъ своего правительства. «Палата, сказалъ онъ, не потребуетъ отъ меня подробныхъ свѣдѣній о точномъ характерѣ этого посольства и объ инструкціяхъ, которыя угодно было ея величеству дать лорду Коули. Довольно, если я скажу, что это посольство есть посольство мира и соглашенія.»

О характерѣ посольства лорда Коули можно болѣе заключить изъ словъ лорда Пальмерстона, нежели изъ словъ г. Дизраэли. Канцлеру казначейства было бы дѣйствительно неудобно обозначать подробнѣе сообщенный имъ фактъ, между тѣмъ какъ оппозиціонному члену палаты легче высказать въ формѣ запроса, ту общую мысль, которая объясняетъ распоряженія правительства, ни къ чему не обязывая и не компрометируя его. Послѣ канцлера казначейства успѣлъ еще сказать нѣсколько словъ другой вождь оппозиціи, лордъ Джонъ Россель. Онъ подтвердилъ съ своей стороны мнѣніе, высказанное лордомъ Пальмерстономъ, и выразилъ увѣренность, что порученіе, возложенное на лорда Коули, будетъ исполнено удовлетворительнымъ образомъ. Въ дополненіе ко всему сказанному, онъ коснулся настроенія умовъ въ Сардиніи и высказанныхъ въ туринскомъ парламентѣ опасеній, будто симпатія Англіи къ итальянскому дѣлу охладѣла. «Мое твердое

убѣжденіе, сказалъ онъ, что чѣмъ бы торжествомъ ни увѣнчалась война, предпринятая Итальянцами безъ чуждой ли помощи, или съ помощію какой-либо великой державы, она далеко не принесетъ столько выгодъ Италіи, далеко не будетъ такъ обильна для ней благотворными послѣдствіями, какъ мирныя соглашенія съ великими державами Европы. Итакъ, не отъ недостатка въ симпатіи къ итальянскому народу, который такъ много пострадалъ, напротивъ отъ горячаго желанія видѣть его счастливымъ, говорю я, что онъ не долженъ искать своего будущаго счастья въ войнѣ, а долженъ употребить всѣ усилія, чтобы дать великимъ державамъ Европы возможность обезпечить всеобщій миръ.» (*Громкія одобренія.*) Лордъ Джонъ Россель съ своей стороны просилъ палату прекратить дальнѣйшія пренія по этому предмету. Дѣйствительно, какъ справедливо выразился г. Дизраэли, каждое слово, сказанное съ какой бы то ни было стороны въ англійскомъ парламентѣ, тщательно взвѣшивается во всѣхъ странахъ міра, каждое подвергается различнымъ объясненіямъ, потому что англійскій парламентъ не есть какое-нибудь совѣщательное собраніе, а высшая власть, которой подчинено само правительство. Всякое, сколько-нибудь опредѣленное мнѣніе, высказанное до поры до времени въ ту или другую сторону, хотя бы не со скамьи министерства, а со скамьи оппозиціи, могло бы затруднить ходъ переговоровъ, отнять инициативу и свободу движенія у тѣхъ лицъ, которые ведутъ дѣло подъ своею отвѣтственностію. Вотъ почему, когда высказались вожди партій, которые знали, какъ и въ какой мѣрѣ коснуться вопроса, старались носившія встать съ своего мѣста и удалиться изъ палаты. Общественно дѣйствительно долженъ былъ поторопиться, потому что на пути чуть не задержалъ его одинъ изъ членовъ, г. Вильямсъ, хотѣвшій продлить преніе о поднятомъ вопросѣ. Спикеръ однако ушелъ, и общее засѣданіе должно было кончиться, палата превратилась въ комитетъ, гдѣ мѣсто президента занимаетъ уже другое лицо.

Въ Европѣ послѣ этихъ запросовъ, ожили надежды на сохраненіе мира, тѣмъ болѣе что, вскорѣ послѣ того, произошла сильная демонстрація со стороны французскаго правительства въ пользу мира. Принцъ Наполеонъ, ставшій вѣдѣствіе своего брака съ пиемонтскою принцессою звеномъ между французскою политикою и итальянскимъ вопросомъ, и подъ вліяніемъ котораго издавалась въ послѣднее время газета *la Presse* съ своими воинственными статьями, уволенъ по прошенію отъ должности министра Алжиріи и колоній. Въ *Монархъ*, отъ 8 марта, появились ноты, въ которыхъ патетическимъ тономъ выражается удивленіе, откуда могли взяться толки о войнѣ, распространившіе повсюду тревогу. Во всемъ виновны

ты журналы, они выдумали и распространили эти слухи. Единственнымъ поводомъ къ этимъ толкамъ, какъ увѣряетъ официальный французскій органъ, могло быть лишь то весьма естественное вниманіе, которое императоръ Французовъ обращаетъ на положеніе дѣлъ въ Италіи. «Императоръ, сказано въ *Мониторъ*, не имѣетъ надобности скрывать что-либо, или отъ чего либо отказываться въ своихъ заботахъ или своихъ союзахъ. Интересъ французскій господствуетъ надъ его политикой и оправдываетъ его бдительность. Въ виду опасеній, — неосновательныхъ, какъ намъ пріятно думать, — встревожившихъ умы въ Пьемонтѣ, императоръ обѣщалъ сардинскому королю защищать его противъ всякаго наступательнаго дѣйствія со стороны Австріи; онъ ничего не обѣщалъ болѣе, и извѣстно, что онъ сдержитъ слово.» Но хотя это и извѣстно, однако тревожные слухи распространялись повсюду. Говорили о значительныхъ вооруженіяхъ Франціи. *Мониторъ* объявляетъ этотъ слухъ совершенно неосновательнымъ: комплектъ арміи не выходитъ изъ предѣловъ нормы, принятой императоромъ за два года предъ симъ для мирнаго положенія; артиллерія покупаетъ 4000 лошадей, чтобы достигнуть этой предположенной нормы; пѣхотные полки въ 2000 человекъ, кавалерійскіе въ 900. Говорятъ также, что французскіе арсеналы обнаружили необыкновенную дѣятельность. *Мониторъ* отвѣчаетъ, что безъ всякой войны матеріальная часть французской артиллеріи требуетъ возобновленія, а флотъ преобразованія, что эта послѣдняя мѣра давно уже была рѣшена и освящена ежегоднымъ вотированіемъ законодательнаго сословія; всѣ морскія приготвленія въ настоящее время ограничиваются вооруженіемъ четырехъ фрегатовъ для перевозки войскъ изъ Франціи въ Алжирію и обратно, и четырехъ полувоенныхъ транспортовъ, назначаемыхъ для сообщенія съ Чивита-Веккіей и для продовольствованія кохинхинской экспедиціи черезъ Александрію. «Не пора ли, спрашиваетъ *Мониторъ*, прекратить эти смутные, нелѣпые толки, распространенные журналами съ одного конца Европы до другаго, вездѣ представляющіе общественному легковѣрію императора Французовъ какъ зачинщика войны, и слагающіе на него одного всю отвѣтственность за тревоги вооруженія Европы? Кто же имѣетъ право такъ обидно вводить въ заблужденіе умы, такъ напрасно тревожить интересы?»

Нельзя не уважить чувствованія, внушившаго эту протестацию, но нельзя также и не сказать кой чего въ оправданіе тревожныхъ слуховъ, на которые жалуется *Мониторъ*. Если положеніе дѣлъ въ Италіи таково, что оно не могло не обратить на себя серіознаго вниманія императора Французовъ, то не могло оно не обратить на себя вниманія и обще-

ственной мнѣніи Европы. Итальянскій вопросъ всегда тревожилъ Европу: мудрено ли, что отъ него ожидаютъ всякаго рода взрывовъ? Мудрено ли, что при всякомъ движеніи какой-либо великой европейской державы, возбужденномъ подобными вопросами, общественное мнѣніе заботливо озирается и тревожно ожидаетъ какого-нибудь взрыва? Былъ же самъ *Мониторъ*, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ревностнымъ органомъ подобныхъ тревожныхъ слуховъ и опасеній по отношенію къ другой великой державѣ, за малѣйшими движеніями которой слѣдили тогда съ самымъ подозрительнымъ вниманіемъ. Тогда шла рѣчь о восточномъ вопросѣ, также чреватомъ всякими грозами. Теперь спрашивается, въ какой мѣрѣ были правы или неправы всѣ тѣ, кто разносилъ тревогу по поводу будто бы завоевательныхъ замысловъ Россіи? Что же касается до нынѣшнихъ опасеній, то изъ самихъ вышеприведенныхъ словъ *Монитера* видно, что они не совсѣмъ не основательны; по его мнѣнію, они виноваты только въ томъ, что взводятъ на одного императора Французовъ отвѣтственность за тревоги и вооруженія Европы. Вопросъ заключается слѣдовательно только въ томъ, какъ велико участіе Франціи въ возникшемъ вопросѣ, въ какой мѣрѣ справедливо ея вмѣшательство, и какъ далеко простираются ея виды. Отъ нея зависитъ уничтожить сомнѣнія относительно своего образа дѣйствій, и дѣйствіями опровергать ложныя опасенія, ибо только дѣйствіями можно опровергать ихъ, а не словами. Всякаго рода опасенія возникаютъ изъ общаго духа политики, не только политики внѣшнихъ сношеній, но еще гораздо болѣе политики внутреннихъ дѣлъ; отсюда-то неволью и неотразимо возникаютъ для всѣхъ разнаго рода догадки въ случаѣ какого-либо критическаго вопроса. Что Франція заключила наступательный и оборонительный союзъ съ Сардиніей, что она изъявила готовность защищать ее въ случаѣ какого-либо нападенія на нее со стороны Австріи, этотъ фактъ самъ по себѣ никакъ не могъ бы подать повода къ тревогамъ и опасеніямъ. Но общественное мнѣніе, кромѣ другихъ поводовъ къ опасеніямъ, не могло не встревожиться, когда въ одной брошюрѣ, имѣющей всѣ признаки высшихъ инспирацій, высказано, что вторая французская имперія, равно какъ и первая, имѣетъ своею цѣлю освобождать народы. Всѣ неволью усомнились въ этомъ назначеніи обѣихъ имперій, и неволью встревожились. Но можетъ быть, эта брошюра, равно какъ и многія другія статьи, исполненныя того же духа и появившіяся въ равныхъ журналахъ, которые считаются всею Европою за оффиціозные органы французскаго правительства, можетъ-быть все это писано свободными мыслителями, независимыми публицистами, можетъ-быть все это лишь мнѣніе частныхъ людей или выраженіе обще-

ственного мнѣнія, за которое правительство не отвѣчаетъ тамъ, гдѣ общественное мнѣніе можетъ высказываться свободно; можетъ-быть всѣ эти полуофіціальные или офіціозные журналы, всѣ эти офіціозные публицисты—лишь выдумка Европы; можетъ-быть, что ничего подобнаго во Франціи нѣтъ, что тамъ въ журналистикѣ высказывается общественное или личное мнѣніе и ничего болѣе. Если все это выдумка, если все это заблужденіе и невѣдѣніе со стороны Европы, то дѣйствительно было бы странно и несправедливо дѣлать французское правительство отвѣтственнымъ за журнальные толки. Кому какая надобность, съ политической точки зрѣнія, до того, что думаетъ г. де-Лагероньеръ о назначеніи Французской имперіи и объ италіянскомъ вопросѣ, если г. де-Лагероньеръ представляетъ собою только свое собственное мнѣніе? Можно было бы съ нимъ спорить или соглашаться, но не было бы ни малѣйшей причины тревожиться за спокойствіе Европы. Вся смута происходитъ оттого, что вопреки нотѣ *Монитера*, удостоверяющаго, что французская журналистика находится внѣ всякаго вліянія со стороны правительства, Европа упорно, хотя можетъ-быть и ошибочно убѣждена въ противномъ; всѣ убѣждены, что французская журналистика высказываетъ лишь только то, что ей подсказывается подпрефектами, префектами и министрами. *Монитеръ* объявляетъ, что французская журналистика не подлежитъ предупредительной ценсурѣ. «Общественное мнѣніе, говоритъ онъ, въ чужихъ краяхъ не отдаетъ себѣ точнаго отчета въ нынѣшнемъ положеніи французской печати. Какъ кажется, всѣ думаютъ, что журналы во Франціи подчинены предварительной ценсурѣ, и потому имъ приписываютъ значеніе, какого они не имѣютъ. Администрація не производитъ на нихъ никакого предупредительнаго дѣйствія.» Напрасно! Никто въ цѣлой Европѣ не думаетъ, будто во Франціи существуетъ формальная предупредительная ценсура; но всѣ думаютъ, и конечно не безъ основанія, что французская журналистика не есть свободное выраженіе общественнаго или личнаго мнѣнія, всѣ убѣждены, что она находится подъ постояннымъ вліяніемъ администраціи; всѣмъ извѣстно изъ офіціальныхъ документовъ, что французской журналистикѣ административными властями дѣлаются и предварительныя внушенія и послѣдовательныя предостереженія, а потому, всѣ считаютъ себя въ правѣ видѣть въ ней лишь отголосокъ правительства, и каждое мнѣніе, въ ней высказанное, возлагать на его отвѣтственность. Что касается до предупредительной ценсуры, то существованіе ея гораздо менѣе связываетъ правительство въ этомъ отношеніи, чѣмъ система внушеній. Если предупредительная ценсура имѣетъ для своего руководства общія твердыя правила, которыя тѣмъ лучше

чѣмъ общѣе, то правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ отвѣчать за мнѣнія, высказанныя въ частномъ журналѣ; оно можетъ только пользоваться тѣми изъ нихъ, которыя покажутся ему пригодными. Итакъ, никто не думаетъ, что во Франціи существуетъ предупредительная цензура, но всѣ знаютъ, что тамъ существуетъ система внушеній и предостереженій, а потому за всякое мнѣніе, высказанное въ журналистикѣ, возлагаютъ вину на правительство или даже на особу императора. Безспорно, что несмотря на эту систему административнаго вмѣшательства, и во французской журналистикѣ высказываются мнѣнія, которыя никакъ не могутъ быть приписаны непосредственно самому правительству, а тѣмъ менѣе императору; но публика не знаетъ, гдѣ оканчивается вліяніе сверху, и гдѣ начинается собственное мнѣніе писателя, а потому ставитъ насчетъ правительства всякое преувеличеніе, всякую нелѣпость, и Европа не безъ основанія тревожится, читая эти брошюры и статьи, въ которыхъ видятъ варіаціи на заданную тему.

Въ англійской журналистикѣ правительственные лица имѣютъ также свои органы. Такъ лордъ Пальмерстонъ имѣетъ свой органъ въ *Morning-Post*; лордъ Дерби въ *Morning-Herald*. Но эти изданія имѣютъ совершенно частный характеръ и нисколько не назначаются къ тому, чтобы задавать тонъ другимъ журналамъ. Теперь органомъ министерской партіи служитъ *Morning-Herald*, а за годъ передъ симъ значеніе это имѣлъ *Morning-Post*. Въ чемъ же состоитъ ихъ значеніе? Въ томъ, что они служатъ выраженіемъ извѣстной партіи, органомъ ея доктрины, и поддерживаютъ ея вождей. Какъ частное изданіе, подобный органъ партіи получаетъ большую или меньшую политическую важность, смотря по тому, каково политическое положеніе самой партіи. Но какъ въ этихъ, такъ и во всѣхъ другихъ журналахъ, свободно высказываются свободныя мнѣнія. Въ то время, когда Англія напрягала свои силы для борьбы съ нашимъ отечествомъ, когда война была лозунгомъ той партіи, которая находилась во главѣ правленія, въ то самое время г. Брайтъ гремѣлъ своими миротворными рѣчами, и убѣждалъ народъ, убѣждалъ общественное мнѣніе, убѣждалъ палату отворотиться отъ войны и склониться къ миру. Его пламенные рѣчи въ пользу мира съ Россіей, въ то время какъ его отечество находилось съ нею въ ожесточенной борьбѣ, извѣстны русскимъ читателямъ; онѣ переводились въ нашихъ газетахъ; онѣ были пріятны намъ, какъ дружелюбный голосъ въ непріятельскомъ станѣ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ и весьма естественно, онѣ не были пріятны его соотечественникамъ; онѣ не только не были согласны съ политикою англійскаго пра-

вительства, но были энергическимъ протестомъ противъ нея. Тѣмъ не менѣ война шла своимъ чередомъ, правительство оставалось при своемъ мнѣніи, и г. Брайтъ оставался при своемъ. Въ цѣлой Англіи никакая сила не могла бы запретить г. Брайту продолжать его декламации въ пользу мира. Правительство было сильно общественнымъ мнѣніемъ; оно дѣйствовало тогда въ духѣ общаго настроенія цѣлой страны, и еслибъ оно руководствовалось какими-либо посторонними, невѣдомыми для страны и вовсе чуждыми ей, побужденіями и видами, то оно не могло бы и шагу сдѣлать на своемъ пути, оно бы не продержалось и минуты, оно бы пало не отъ рѣчей г. Брайта, но отъ собственнаго безсилія. Вышло иначе: правительство приобрѣло популярность, а г. Брайтъ потерялъ ее тогда. И въ настоящемъ случаѣ англійскому правительству гораздо легче вести свою политику чѣмъ французскому, именно по тому самому, что общественное мнѣніе въ Англіи выражается совершенно свободно, и журналистика не подлежитъ никакимъ административнымъ вліяніямъ. Правительство, благодаря этимъ тысячегласнымъ органамъ, имѣетъ полную возможность узнавать всѣ потребности и интересы, всѣ мнѣнія цѣлой страны, взвѣшивать и оцѣнивать ихъ, а съ другой стороны оно не несетъ на себѣ ответственности за мнѣнія, которыя вокругъ него высказываются. Какъ свободно общественное мнѣніе, такъ свободно и само правительство. Никому и въ голову не приходитъ упрекать англійское правительство за тонъ, какой принимаетъ напримѣръ *Times* въ своихъ сужденіяхъ.

Кстати о *Times*. Между *Монитеромъ* и этимъ могущественнымъ органомъ лондонскаго Города недавно происходила довольно живая перепалка. Парижскій корреспондентъ англійскаго журнала извѣщалъ объ одномъ очень оживленномъ разговорѣ, который происходилъ между принцемъ Наполеономъ и графомъ Персиньи, въ Тюльери, послѣ церемоніи, сопровождавшей внесеніе брачнаго контракта принца въ архивъ императорской фамиліи. Разговоръ коснулся современной политики, и по увѣренію корреспондента, принцъ Наполеонъ будто бы высказалъ, съ особенною рѣзкостью, при многочисленномъ собраніи, такія политическія и соціальныя мнѣнія, которыя испугали и удивили окружавшихъ. Г. де-Персиньи будто бы съ жаромъ оспаривалъ и опровергалъ его. Въ *Монитерѣ* объявлено, что никакого подобнаго разговора не происходило въ означенное время и въ означенномъ мѣстѣ между этими лицами. Но корреспондентъ энергически подтвердилъ свой разказъ и прибавилъ, что если этотъ разказъ въ чемъ-нибудь не точенъ, то развѣ только въ томъ, что умолчалъ о нѣкоторыхъ еще болѣе характеристическихъ, еще болѣе компрометирующихъ подробно-

стяхъ. Но такъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, теперь мѣсто министра Алжиріи упразднено, а колоніи поступили снова въ вѣдѣніе морскаго министерства.

Въ газетахъ появилось письмо императора Наполеона III къ одному изъ англійскихъ друзей его, сэръ-Франсису Геду. Этотъ сэръ-Франсисъ Гедъ съ большимъ жаромъ отстаивалъ всегда и образъ мыслей, и личный характеръ императора Французовъ. Апологическія письма его къ издателю газеты *Times* не лишены искренности и вѣрныхъ замѣчаній. Онъ постоянно и не безъ основанія доказывалъ, что общественное мнѣніе напрасно возлагаетъ на Лудовика Наполеона всю отвѣтственность за порядокъ вещей, существующій во Франціи, за политическую систему, которая такъ стѣснительна для общественной и личной свободы. Сэръ-Франсисъ Гедъ приводилъ многіе весьма характеристическіе факты, свидѣтельствующіе, что во Франціи, даже въ самыя повидимому либеральныя эпохи ея развитія, не было живаго и истиннаго чувства свободы. Что же касается до личнаго характера императора, то онъ ставитъ его внѣ всякихъ сомнѣній. Императоръ, выражая ему чувства признательности за его вѣрную дружбу, за его доброе слово, которое такъ пріятно слышать всякому среди тревогъ великой публичной дѣятельности, если только оно искренно и безкорыстно, пишетъ къ нему: «Въ вашихъ письмахъ, напечатанныхъ вами въ англійскихъ журналахъ, я нашелъ,—и былъ глубоко тронуть тѣмъ—новыя доказательства, что мои старые друзья въ Англій не забыли меня, и знаютъ, до какой степени сохраняю я всегда къ англійскому народу уваженіе и сочувствіе, которое я возымѣлъ во время моего изгнанія, проведеннаго въ ихъ средѣ. Даже теперь, когда пишу эти строки, я припоминаю себѣ то счастливое время, когда, изгнанныкомъ, познакомился я съ вами въ Англій. Дѣло въ томъ, что съ перемѣною нашей судьбы перемѣняются наши радости и горести. Въ то время я чувствовалъ только огорченія изгнанія, теперь же ясно сознаю прискорбіе власти, и величайшее изъ этихъ прискорбій—оставаться непонятымъ и видѣть себя предметомъ ложныхъ сужденій со стороны тѣхъ, кого всѣхъ болѣе уважаешь и съ кѣмъ желалъ бы всегда жить въ добромъ согласіи. Я понимаю, что партіи, которымъ я долженъ былъ противиться, и которыя должны были подавлять, желаютъ мнѣ зла и стараются мнѣ вредить; но я никакъ не могу понять, почему Англичане, которымъ я былъ всегда самымъ преданнымъ и самымъ вѣрнымъ союзникомъ, нападаютъ на меня въ журналахъ самымъ несправедливымъ и самымъ недостойнымъ образомъ. По совѣсти, я не могу объяснить себѣ, какой они могутъ имѣть интересъ возбуждать общественный духъ противъ Франціи. Еслибы въ моей странѣ я за-

хотѣлъ поступать такимъ образомъ, мнѣ было бы въ послѣдствіи невозможно справиться съ страстями, спущенными мною съ цѣпи. Я всегда былъ поклонникомъ свободы англійскаго народа, но я глубоко сожалею, что и свобода, какъ и все хорошее, можетъ имѣть свои крайности. Зачѣмъ, вмѣсто того чтобы раскрывать истину, она старается затемнить ее? зачѣмъ, вмѣсто того чтобы возбуждать и развивать благородныя чувства, она распространяетъ недовѣріе и ненависть? А потому я считаю себя счастливымъ среди всѣхъ этихъ изворотовъ лжи, находя себѣ защитника, который, руководствуясь единственно любовью къ истинѣ, не колебался энергически поднять противъ лжи свой голосъ, безкорыстный и прямодушный.

Власть имѣетъ свои прискорбія, свои заботы, точно также какъ свобода, какъ и всякая хорошая вещь имѣетъ свои. Дѣйствительно, что не имѣетъ своихъ прискорбій? Всего болѣе прискорбій сопряжено съ самою жизнію, которая сопровождается болѣзнями, лишеніями, трудами, и оканчивается смертію, хотя всевозможныя блага, и свобода, и власть, все возможно лишь при условіи жизни.

Всякая публичная дѣятельность, какова бы она ни была, и великая и малая, неизбежно дѣлаетъ человѣка предметомъ суждений и толковъ; всякій, кто выступаетъ на арену, долженъ быть готовъ къ нимъ, долженъ внутренне вооружиться противъ нихъ и искать въ своихъ дѣйствіяхъ, въ своихъ правилахъ, нравственной опоры, которая не боится никакихъ клеветъ и лжетолкованій. Императоръ Наполеонъ замѣчаетъ, что онъ не сдѣлалъ бы съ страстями своей страны, еслибы вздумалъ спустить ихъ; это совершенно вѣрное замѣчаніе, ибо чего же можно ожидать отъ страстей, которыя будутъ спущены съ цѣпи? Въ свободной странѣ высказываются всякаго рода мнѣнія и страсти; но дѣйствительную силу приобретаетъ только то, что соответствуетъ интересамъ страны и установившейся нормѣ общественнаго мнѣнія. Англійскіе государственные люди не теряютъ духа, не приходятъ въ уныніе, слыша вокругъ себя свободные голоса, которые не всегда звучатъ сочувствіемъ, а очень часто самыми сильными укорами, не менѣе сильными, чѣмъ тѣ, которые такъ озаботили могущественнаго государа сосѣдней страны. Что же касается до союза между Англіею и Франціею, то никакія страсти не въ состояніи будутъ разорвать его, если онъ дѣйствительно основанъ на взаимныхъ интересахъ обѣихъ націй. Миновала пора искусственныхъ союзовъ,—союзовъ, основанныхъ на какихъ-либо личныхъ соображеніяхъ правителей, независимо отъ экономическихъ интересовъ самихъ обществъ. Англія и Франція останутся между собою въ союзѣ, если союзъ

этотъ выгоденъ имъ обѣимъ, и останутся до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ имъ выгоденъ. Союзъ ослабѣетъ, когда существующіе интересы, которые служатъ ему основой, пересѣкнутся другими интересами, болѣе сильными. Всякое мнѣніе, брошенное на вѣтеръ, не вызванное никакимъ существеннымъ началомъ или жизненнымъ интересомъ, есть пустой звукъ, о которомъ нечего заботиться. Надобно заботиться лишь о тѣхъ мнѣніяхъ, которыя служатъ органомъ дѣйствительныхъ интересовъ; только такія мнѣнія суть сила, только съ такими мнѣніями стоить считаться, или лучше сказать, нельзя не считаться; но перестроить ихъ тонъ, сдѣлать ихъ себѣ благопріятными, нельзя иначе, какъ войдя въ тѣ интересы, изъ которыхъ они рождаются и для которыхъ служатъ органомъ.

Письмо императора Французовъ къ сэръ-Франсису Геду было препровождено этимъ послѣднимъ въ *Times*, гдѣ оно и явилось впервые. Но въ томъ же самомъ номерѣ, въ руководящей статьѣ, появился и отвѣтъ этого журнала. Отвѣтъ этотъ очень рѣзокъ и исполненъ горечи. *Times* припоминаетъ обстоятельства, сопровождавшія вступленіе императора Наполеона III на престолъ, касается многихъ событій, въ которыхъ думаетъ видѣть худо-скрытое стремленіе къ преобладанію, и не считаетъ основательнымъ и справедливымъ измѣнить свой тонъ относительно политики императора Французовъ. *Times* увѣренъ, что виновата не англійская журналистика рѣзкостію своихъ сужденій, а болѣе виновато правительство за излишнюю мягкость выраженій относительно своего союзника. «Сколько можно судить, прежніи и нынѣшнія разногласія наши съ Франціей, говоритъ *Times*, происходятъ болѣе отъ угодливости нашихъ государственныхъ людей, нежели отъ рѣзкости отдельныхъ ораторовъ или журналовъ. Навѣрное въ Европѣ чувствуется такое впечатлѣніе, что какъ будто бы осторожный и похвальный тонъ, какимъ министры, внынѣшніе и прежніе, говорятъ объ императорѣ Французовъ, что какъ будто бы этотъ тонъ изобличаетъ страхъ передъ его силой и сознание своей слабости. Но мы не ставимъ этого тона въ заслугу нашимъ политическимъ людямъ; этотъ тонъ принадлежитъ къ искусственной фразеологии парламента, и мы знаемъ, что когда кто-либо изъ нашихъ министровъ говоритъ о *нашемъ августѣйшемъ союзникѣ* или о *семь прозорливомъ государѣ*, то эти выраженія совершенно соответствуютъ тѣмъ, въ какихъ онъ отзывается о своемъ политическомъ противникѣ у себя въ парламентѣ, называя его *своимъ достопочтеннымъ другомъ*... Вотъ казалося бы Австрія, продолжаетъ *Times*, есть именно такое государство, какое требуется Наполеону III; ея журналистика есть идеалъ, какой сэръ-Франсисъ Гедъ желалъ бы поставить намъ

въ образецъ. Императоръ сожалѣеть объ излишествахъ нашей печати; онъ находитъ, что англійская печать, вмѣсто того чтобы возбуждать благородныя чувствованія, распространяетъ недовѣріе и ненависть. Но если свобода поступала такимъ образомъ въ Англии, то въ Австріи-то ужъ она ни въ чемъ не виновна. Если англійскіе журналы, въ противоположность императорскимъ парижскимъ, употребляли все стараніе, чтобы затмить истину, то журналистика въ Австрійской имперіи удерживалась полиціей въ самыхъ строгихъ предѣлахъ учтивости... Австрійскій императоръ оказывалъ императору Наполеону всякую вѣжливость и уваженіе; по его убѣжденіямъ Францъ-Иосифъ расторгъ связь свою съ императоромъ Николаемъ, котораго привыкъ чтить, какъ своего отца и благодѣтеля. Вѣнскій и парижскій дворы размѣнивались между собою всякаго рода учтивостями; взаимно давались ордена, было устроено дружеское свиданіе въ Штутгардѣ, и не было ни малѣйшаго основанія ожидать какого-нибудь недоразумѣнія и несогласія. Кромѣ незначительныхъ разногласій относительно устройства турецкихъ областей, никакихъ не возникало причинъ къ разпрѣ. Австрійцы нисколько не смущались характеромъ внутренняго управленія во Франціи; вѣнскіе государственные люди первые привѣтствовали возстановленіе того, что называли они порядкомъ, и съ самаго начала по сіе время они бдительно сторожили свои журналы, и строго запрещали даже тѣ робкія сужденія, какія позволяла себѣ прусская журналистика. А что же вышло? Императоръ Французовъ въ продолженіи двухъ лѣтъ обдумывалъ планы войны съ Австріею... Вопреки письму, обнародованному сэръ-Франсисомъ Гедомъ, мы, Англичане, заключаемъ руководящій органъ, будемъ по прежнему обсуждать и критиковать дѣла Европы. Къ императору Французовъ и къ народу, которымъ онъ управляетъ, мы питаемъ самое искреннее доброжелательство. Мы далеки отъ желанія оскорблять его, или его династію, или народъ, избравшій его. Очень можетъ быть, что онъ вспоминаетъ не безъ добраго чувства страну, гдѣ онъ провелъ многіе годы, гдѣ онъ пріобрѣлъ многія знакомства, которыя поддерживаетъ и теперь. Мы вѣримъ, что онъ не желаетъ зла Англии, тамъ, гдѣ не побуждаютъ его къ тому обстоятельства собственнаго его положенія; но путь, которымъ онъ слѣдовалъ, принципы его правленія, и въ послѣднее время духъ преобладанія и насилія въ его внѣшней политикѣ, громадныя вооруженія, которыя онъ готовитъ, были причиною того недовѣрія, которому мы служили лишь простымъ органомъ. Отъ Наполеона III зависитъ осуществить два собственныя его изреченія, которыя всѣми повторяются теперь только въ шутку. Онъ сказалъ намъ, что *имперіи есть миръ*, и что *свобода угнетаетъ общественное зданіе*. Пусть только будетъ видно,

что онъ остается вѣрнѣ этимъ началамъ, и ему не будетъ надобности искать себѣ витязя, который ломалъ бы за него копья въ битвѣ съ англійскимъ народомъ.»

Не вмѣшиваясь въ это какъ бы личное объясненіе между могущественнымъ органомъ общественнаго мнѣнія и могущественнымъ властителемъ, мы не можемъ не указать съ особеннымъ удовольствіемъ на ту особенность общественной среды, привыкшей къ свободѣ, что она равно допускаетъ всякаго рода сужденія и всякаго рода сочувствія во всей полнотѣ и искренности ихъ, предоставляя ихъ собственнымъ силамъ искать себѣ успѣха. Если императоръ Наполеонъ встрѣчаетъ рѣзкіе отзывы о своей политикѣ въ этой странѣ свободы, то въ ней также слышитъ онъ и голоса людей, искренне преданныхъ ему, какъ сэръ-Франсисъ Гедъ. И этимъ людямъ въ Англии ничто не помѣшаетъ выразить свою пріязнь къ нему, даже и тогда, когда бы Франція и Англія очутились въ ожесточенной войнѣ между собою. А графу Монталамберу во Франціи не легко сошло съ рукъ выраженіе его сочувствія къ англійскимъ учрежденіямъ, даже въ то время, когда обѣ страны находились между собою въ крѣпкомъ союзѣ и сердечномъ согласіи.

Въ предыдущей книжкѣ мы сообщали статью *Times*, въ которой этотъ журналъ вызываетъ Австрію на объясненіе. Вызовъ этотъ не могъ не возбудить вниманія. Нѣмецкая журналистика, именно *Allgemeine Zeitung*, которая посреди германскихъ журналовъ особенно благопріятствуетъ австрійской политикѣ, отвѣчаетъ на вопросъ англійскаго журнала. Прежде всего въ этомъ отвѣтѣ поражаетъ насъ чистосердечное признаніе въ томъ, что Австрія не имѣетъ органа, равносильнаго англійскому журналу, — всѣ ея журналы суть офіціальные или полуофіціальные. «Это страшная невыгода нашего положенія, говоритъ защитникъ Австріи. Выражая глубокое уваженіе къ сужденію англійскаго журнала, какъ свободнаго органа общественнаго мнѣнія великой страны, нѣмецкая газета горько сожалеетъ, что общественное мнѣніе Австріи не имѣетъ средствъ высказаться. «Мы глубоко сожалѣемъ, оправдывается далѣе *Allgemeine Zeitung*, что австрійское правительство оставляетъ государственное зданіе въ положеніи торса, что оно не организуетъ областного представительства и дѣлаетъ невозможнымъ представительство центральное; мы думаемъ, что и по части администраціи весьма многіе также сожалѣютъ о томъ, что покинуты планы Стадіона и Шварценберга.»

Но преклоняясь смиренно передъ англійскимъ устройствомъ и сознавая его превосходство, адвокатъ Австріи не хочетъ уступить первенства Франціи: и тамъ, говоритъ онъ, общественное мнѣніе выражается только офіціальными и офіціозными журна-

лами; въ Австріи по крайней мѣрѣ есть постоянные законы, во Франціи и того нѣтъ. «На странныя нападенія такого государства иначе нельзя отвѣчать, какъ презрительнымъ молчаніемъ или оружіемъ.» Какъ ни лестно для Англии подобное сравненіе ея съ Франціею, но едва ли *Times* удовольствуется отвѣтомъ *Allgemeine Zeitung*: Австрія и Франція могутъ считаться между собою своими недостатками, это длинная исторія, не лишняя извѣстнаго интереса; но общественное мнѣніе Европы можетъ требовать на свой судъ всѣ государства, когда дѣло идетъ о всеобщемъ мирѣ. Если *Times* избирается третьейскимъ судьей, то этотъ судья имѣетъ право требовать, чтобъ оба тяжущіеся говорили о дѣлѣ и оставили на время свои взаимныя упреки, въ которыхъ можетъ-быть много истиннаго, но на которые можно сказать только, по русскому выраженію: *оба лучше*.

Наконецъ и австрійское правительство прервало молчаніе и взялось за свое обычное оружіе, дипломатію нотъ, депешъ и пр. Кажется, оно сдѣлало это неохотно; оно принуждено было объясниться, потому что Пруссія и большая часть Германіи не согласилась безусловно пристать къ австрійской политикѣ. Императоръ Пруссіи, выставившей свое значеніе, какъ великой европейской державы, подѣйствовалъ сильно; второстепенныя германскія государства удержались отъ обѣщаній, и Баварія напла себѣ подражателей только въ Виртембергѣ и ГанOVERѣ.

Какъ бы то ни было, графъ Буоль принялся дѣлательно за изданіе нотъ: послѣ неопредѣленной депеши 5 февраля къ германскимъ правительствамъ, явилась депеша 25 февраля, а теперь носятъ слухи еще о новой, написанной около 10 марта. Многіе думаютъ, что статья, появившаяся въ *Мониторъ* 13 марта, и имѣвшая цѣлю успокоить Германію, служила отвѣтомъ на послѣднюю австрійскую депешу, и слѣдовательно можно предполагать, что въ ней графъ Буоль не дѣлаетъ уступокъ, не подаетъ надеждъ, не высказываетъ обѣщаній. Но все это предположенія. Мы имѣемъ только текстъ депеши 25 февраля, адресованной графомъ Буолемъ къ графу Аппони, австрійскому посланнику въ Лондонѣ.

Депеша эта представляетъ собственно отвѣтъ на циркуляръ графа Кавура по поводу сардинскаго займа. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ какъ будто умышленно не говоритъ ничего о Франціи; онъ излагаетъ англійскому кабинету свои несогласія съ Сардиніею и оправдываетъ свой образъ дѣйствій, въ формѣ, не совсѣмъ приличной для дипломатическаго акта.

Упреки и обвиненія, замѣчено по этому случаю въ *Times*, которыми депеша осыпаетъ постоянно короля сардинскаго и графа Кавура, много вредятъ достоинству писавшаго. Правительство австрійское, кажется, забываетъ, что здѣсь дѣло идетъ о вели-

комъ европейскомъ вопросѣ, и что противники его, какъ бы преступны ни были ихъ планы, только пользуются народнымъ волненіемъ, о которомъ Австрія съ какимъ-то педантизмомъ и знатъ не хочетъ». *Times*, употребляя иногда не совсѣмъ отборныя выраженія о правительствахъ, понимаетъ ясно, какая разница между частнымъ журналомъ и офиціальнымъ актомъ; нѣтъ сомнѣнія, что еслибы *Times* былъ даже правительственнымъ органомъ, онъ соблюдалъ бы въ точности тѣ правила, исполненія которыхъ требуетъ отъ графа Буоля; онъ въ правѣ былъ бы замѣтить неприличный тонъ *Монитера*, какъ замѣтилъ неприличный тонъ австрійской дипломатической канцеляріи.

Но обратимся къ самой депешѣ. Графъ Буоль высказываетъ въ ней общее начало международного права: «По самой природѣ вещей, говоритъ онъ, большія государства всегда призваны къ извѣстному вліанію на сосѣднія державы; для общей пользы важно только, чтобъ это вліаніе никогда не было употреблено во зло, и чтобы имъ не пользовались для нарушенія самостоятельности другаго государства». Мы понимаемъ, что большія державы имѣютъ право на бѣольшую степень участія въ международныхъ вопросахъ; но это участіе не должно быть вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла сосѣдей; иначе образуется невольню тотъ взглядъ, что сосѣдняя держава совершенно принадлежитъ большому государству, какъ на примѣръ образовался подобный взглядъ Австріи на Тоскану и Модену: «Отстаивая свои трактаты съ италіянскими государствами, говоритъ *Wiener Zeitung*, офиціальныи австрійскій органъ, Австрія защищаетъ свое право и *свои владѣнія* въ Италіи.» Международный союзъ противится такого рода *вліяніямъ* и вводитъ теперь мало-по-малу гарантію всѣхъ державъ, чтобы спасти небольшія государства отъ вмѣшательства ихъ сильныхъ сосѣдей, и чтобы парализировать *вліяніе* послѣднихъ. Австрійская теорія предлагалась уже къ Дунайскимъ княжествамъ, къ Сербіи, къ Баваріи; но другія державы словомъ и дѣломъ протестовали противъ этой теоріи, какъ теперь протестуетъ Сардинія. Графъ Буоль называетъ, кажется, эти протесты «новыми теоріями международного права, пущенными въ ходъ графомъ Кавуромъ». Но отчего же эти новыя теоріи хуже старыхъ, позволявшихъ иностраннымъ войскамъ въ мирное время приходиться на чужую территорію?

По словамъ графа Буоля, австрійскія войска приглашались только потому, что «политическіе принципы Австріи и прямо ея намѣреній внушали довѣріе сосѣдямъ». Какая разница съ Сардиніей! «Графъ Кавуръ допускаетъ право призвать иностранную помощь съ цѣлю безпорядковъ, и осцариваетъ это право у законныхъ правительствъ, которыя призваны къ сохраненію обще-

ственного порядка и безопасности своихъ мирныхъ подданныхъ. • За тѣмъ слѣдуютъ обвиненія на Сардинію, и во главѣ ихъ слѣдующее: «Піемонтъ не запрещалъ клеветъ и оскорбленій, которыя сыпались на насъ ежедневно въ необузданныхъ журналахъ. • Сколько извѣстно, *Gazetta Piemontese*, офиціальный органъ правительства, всегда держалась въ границахъ офиціального приличія; а на какомъ основаніи графъ Кавуръ могъ предписать тонъ другимъ журналамъ или присылать имъ свои статьи? Вѣдь и въ австрійскихъ частныхъ журналахъ не щадили графа Кавура,—на это можно бы привести много доказательствъ,—но развѣ когда-нибудь сардинскій министръ жаловался на это, развѣ изъ-за статьи, написанной частнымъ человѣкомъ, онъ дѣлалъ дипломатическій вопросъ, отзывалъ посланника и проч.? Не упрекать слѣдовало бы графа Кавура, а подражать ему въ его поведеніи, исполненномъ достоинствомъ.»

Исчисливши всѣ преступленія Сардиніи, въ томъ числѣ рѣчь короля Виктора-Эммануила, графъ Буоль видитъ одно средство поддержать миръ: «уничтожить источникъ зла, заставивши Піемонтъ понять здраво свои международныя права и обязанности. Пусть соединенныя усилія государствъ воспрепятствуютъ туринскому кабинету продолжать роль задирателя, въ которой онъ упражняется уже нѣсколько лѣтъ, благодаря своему выгодному положенію и терпѣливости Европы,—и мы не сомнѣваемся, что на всемъ полуостровѣ явятся нравственный миръ и тишина, изгоняемые постоянными возбужденіями туринскаго кабинета.»

Въ *pendant* къ тому вреду, какой причинила Сардинія, графъ Буоль выставляетъ благодѣянія, оказанныя Италіи Австрією. Когда у нея спрашивали совѣта, она давала этотъ совѣтъ съ полною добросовѣстностью. Конечно, слишкомъ либеральныхъ совѣтовъ она не могла дать, потому что либеральныя учрежденія дѣйствуютъ превосходно тамъ, гдѣ они развивались и созрѣли въ теченіе вѣковъ; но они кажутся не сродными генію, преданіямъ и общественнымъ условіямъ Италіянцевъ. Ясно, говоритъ далѣе графъ Буоль, что всѣ государства, большія и малыя, въ наше время должны бороться съ страшными препятствіями. Мы уже выше сказали, что свобода въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ въ Піемонтѣ, свобода, переходящая въ необузданность и не понимающая уваженія къ правамъ другаго, соединена съ большими неудобствами для пограничныхъ государствъ. • Этотъ порядокъ вещей въ Сардиніи, по мнѣнію графа Буоля, мѣшаетъ реформамъ въ другихъ частяхъ Италіи; если Австрія не успеетъ до сихъ поръ совершить эти реформы,—всеминою Піемонтъ; необходимо усмирить его. • Только тогда папское правительство и другія правительства италіянскія будутъ въ состоя-

ниі заняться съ успѣхомъ улучшеніями. Тогда также благонамѣренные совѣты Австріи помогутъ имъ въ этомъ дѣлѣ. Итакъ, графъ Буоль все-таки не хочетъ отказаться отъ сладкой, хотя и трудной обязанности устраивать чужія правительства; но пусть же Сардинія не мѣшаетъ ему въ исполненіи этого долга. Деша оканчивается увѣреніемъ, что Австрія не станетъ нападать на Сардинію, пока Сардинія будетъ уважать неприкосновенность территории Австріи и ея союзниковъ.

Это нѣчто существенное; остальные доказательства благотельнаго вмѣшательства Австріи далеко не убѣдительны, и деша нисколько не подвигаетъ вопроса. Въ Англіи общественное мнѣніе не удовлетворено ею; тамошніе журналы совѣтуютъ Австріи, вмѣсто обвиненій, говорить объ уступкахъ, о томъ, что существенно относится къ дѣлу. *Times* настаиваетъ особенно на томъ, что Австріи слѣдуетъ объясниться не съ Сардиніею, а съ Франціею. «Еслибы Наполеонъ III за два года передъ симъ задумалъ нападеніе на Австрію, то онъ имѣлъ бы за себя общественное мнѣніе Англіи, и даже Германія призадумалась бы вступаться въ ссору, которая прямо не касается ея. Только убѣжденіе, вынесенное нами изъ послѣднихъ событій, что Европа должна прежде всего противодѣйствовать всѣмъ планамъ французскаго преобладанія, только это побудило Европу принять сторону Австріи въ настоящей ссорѣ. Голосъ противъ войны слышится повсюду, раздается сильно, и только благодаря этому, Австрія спасена отъ страшнаго столкновения.» Не обязана ли она за это согласиться на уступки, воздать общественному мнѣнію Европы за свое спасеніе возможностью сохранить общій миръ? Къ этому должно бы побудить Австрію ея теперешнее положеніе. «Франція, говоритъ *Times*, можетъ и теперь еще заставить Австрію принять наступательное положеніе: ей стоить только дать сигналъ къ возмущенію во Флоренціи или въ Римѣ, и подобная продѣлка можетъ разстроить всѣ разчеты государствъ, которыя хлопочутъ о мирѣ. Европа оправдаетъ Францію и Сардинію, если онѣ возьмутся за оружіе для того, чтобъ отразить австрійское вмѣшательство въ италійское государство. Это показываетъ постоянную опасность, которую создаютъ дурныя правительства полуострова и должно бы побудить Австрію понизить тонъ своихъ притязаній».

Къ уступчивости должно бы побудить Австрію и положеніе ея финансовъ; устройство ихъ, конечно, такъ же важно, какъ и устройство чужихъ правительствъ. Послѣ неудавшагося займа, Австрія продаетъ теперь государственныхъ имуществъ на 150 милліоновъ гульденовъ; положеніе вѣнской биржи становится съ каждымъ днемъ хуже и хуже, и *вооруженный миръ* стоить слишкомъ дорого; если онъ еще продлится, Австріи предстоитъ страшныя финансовыя затрудненія.

А между тѣмъ лордъ Коули успѣлъ уже съѣздить въ Вѣну и возвратиться оттуда. Неизвѣстно въ точности, какъ удалось его дипломатическое посольство. Главный смыслъ предложеній, которыя дѣлаеть Англія, и на которыя французское правительство изъявило съ своей стороны согласіе, состоитъ въ томъ, чтобъ Австрія отказалась отъ своихъ опекунскихъ обязанностей относительно Италіи. Трудно думать, чтобъ Австрія рѣшилась отвергнуть эти предложенія; но тѣмъ не менѣе, она, слѣдуя своему обычаю, будетъ долго утомлять дипломатію всякаго рода увертками. И теперь она уже успѣшила выставить, на встрѣчу дѣлаемымъ ей предложеніямъ, свои собственныя предложенія. Она соглашается отказаться отъ своихъ сепаратныхъ трактатовъ съ италіянскими правительствами, но хочетъ, чтобъ Европа обезпечила эти правительства какъ извнѣ, такъ и внутри, и при этомъ выговариваетъ себѣ право занимать италіянскія страны своими войсками въ случаѣ какихъ-либо бзпорядковъ, которые могутъ въ нихъ возникнуть. Это очень ловко и совершенно въ духѣ австрійской дипломатіи.

Но важнѣе всего то, что наконецъ, какъ сообщаетъ намъ телеграфъ, рѣшено составить европейскій конгрессъ для рѣшенія италіянскаго вопроса. Намъ пріятно присовокупить къ этому, что первая мысль о конгрессѣ предложена Россіей; читатели помнятъ, что мы съ своей стороны веегда заявляли желаніе, чтобы рѣшеніе италіянскаго вопроса приняло этотъ путь. Еще не рѣшено окончательно, гдѣ конгрессъ соберется, въ Лондонѣ, Берлинѣ, или Ахенѣ, но только не въ Парижѣ, гдѣ независимо отъ того откроется теперь конференція по поводу избранія одного господаря для обоихъ Дунайскихъ княжествъ. Какъ пишутъ, Англія, согласно съ Франціей, намѣрена утвердить это избраніе, а протестовать противъ него будутъ, конечно, Турція и Австрія.

28-го февраля представленъ наконецъ въ засѣданіе парламента давно ожидаемый и давно обѣщанный билль о парламентской реформѣ. Проводить его въ палатѣ общинъ выпало на долю г. Дизраэли. Вопросъ о реформѣ такъ важенъ, что мы считаемъ своею обязанностию посвятить ему особую статью; необходимо принять къ свѣдѣнію всѣ разнообразныя мнѣнія, высказанныя уже и теперь по поводу реформы; въ рѣчахъ парламентскихъ, на многочисленныхъ митингахъ, въ журналахъ поднаты вопросы о правѣ представительства вообще, объ отношеніяхъ городовъ къ графствамъ, о способѣ подачи голосовъ; вся

Англія, мыслящая и практическая, занята теперь сильно этимъ вопросомъ; непрерывно проливается на него новый свѣтъ путемъ прямого открытаго выраженія нуждъ и желаній каждаго. Все это, говоримъ мы, нужно принять къ свѣдѣнію, чтобъ изложить вопросъ всестороннѣе; подобнаго рода изложеніе выходитъ уже за предѣлы простаго обозрѣнія. Поэтому мы предоставляемъ себѣ обратиться къ вопросу о реформѣ въ другой разъ, а теперь передадимъ только главныя основанія новаго билля, котораго полное заглавіе слѣдующее: *A Bill to amend the Laws relating to the Representation of the people in England and Wales, and to facilitate the registration and voting of electors.* Онъ очень сложенъ и состоитъ изъ 70 статей, но главныя основанія заключаются въ 1-й статьѣ, которая опредѣляетъ, кто имѣетъ право избранія народныхъ представителей. Отвѣтъ на это слѣдующій:

«Всякое лицо мужескаго пола, совершеннолѣтнее, правоспособное и удовлетворяющее условіямъ, указаннымъ ниже, имѣетъ право быть внесеннымъ въ списокъ избирателей и вотировать при выборѣ члена или членовъ за графство или за городъ; принадлежность къ избирателямъ графства опредѣляется землею и недвижимымъ имуществомъ, находящимися въ томъ графствѣ; принадлежность къ избирателямъ города—мѣстопробываніемъ въ томъ городѣ.»

Условія, упомянутыя выше, слѣдующія: 1) Необходимо владѣть на правѣ собственности или по закладной имуществами (землею или строеніями), составляющими такъ-называемое *freehold*, или свободное владѣніе, и дающимъ ежегоднаго чистаго дохода не менѣе 40 шиллинговъ (12 р. 50 коп.). 2) Если же имуществомъ будетъ не *freehold*, а другаго качества, напримѣръ такъ-называемое *copyhold*, то-есть зависимое владѣніе, то нужно имѣть ежегоднаго чистаго дохода 5 фунт. стерл. (31 р. 25 коп.). Далѣе 3) имѣютъ право избранія всѣ имѣющіе пожизненное право собственности на недвижимыя имущества, доходъ съ которыхъ не менѣе 5 фунтовъ. 4) Или кто имѣетъ право пользованія, не менѣе какъ на 30 лѣтъ, недвижимымъ имуществомъ, приносящимъ доходу 5 фунтовъ. 5) Или кто пользуется, на основаніи найма, недвижимымъ имуществомъ въ 10 фунтовъ дохода (62 р. 50 к.). 6) Кто платитъ за наемъ дома или квартиры 20 фун. въ годъ (125 р.). 7) Кто получаетъ съ движимой собственности—государственныхъ облигацій погашенія долговъ и т. п.—10 фун. дохода (62 р. 50 к.). 8) Или пользуется годовою пенсіею не менѣе 20 фун. (125 р.). 9) Всѣ вкладчики въ сберегательныя кассы, когда ихъ вкладъ не менѣе 60 фун. (625 р.). 10) Всѣ имѣющіе университетскія степени; священники и діаконы; адвокаты, атторнеи, солиситоры, прокторы; медики; содержатели школъ и учителя. Наконецъ 11)

всѣ пользующіеся пожизненнымъ владѣніемъ во время вступленія въ силу настоящаго акта, въ качествѣ *freeholder, burgage tenant* и т. п.

Г. Дизраэли развилъ основанія избирательной льготы въ своей рѣчи 28 февраля, и старался показать, что министерство подвинуло реформу на столько, на сколько требуетъ состояніе страны.

Конечно, далеко не всѣ были удовлетворены мѣрами, предложенными правительствомъ. Въ томъ же засѣданіи, 28 февраля противъ него сильно говорили лордъ Джонъ Россель, и гг. Робакъ и Брайтъ. Партія виговъ вмѣстѣ съ г. Брайтомъ и его друзьями, рѣшилась поддерживать измѣненіе билля, предложенное лордомъ Джономъ Росселемъ о томъ, чтобы по прежнему жители городовъ имѣли право вотировать въ графствахъ. Можетъ случиться поэтому, что одно лицо будетъ вотировать и въ городѣ и въ графствѣ, если въ томъ и другомъ оно удовлетворяетъ избирательному цензу, а нѣкоторые лица — члены университетовъ — будутъ вотировать три раза. Это наращеніе права голоса поддерживалъ также г. Мильзъ, одинъ изъ друзей г. Дизраэли. Лордъ Джонъ Россель требовалъ сверхъ того пониженія избирательнаго ценза въ городахъ; наконецъ г. Вайльдъ высказался въ пользу тайной подачи голосовъ.

Такъ какъ второе чтеніе билля назначено въ концѣ марта, т.-е. черезъ три недѣли послѣ 28 февраля, то министерство имѣетъ еще достаточно времени, чтобы узнать общественное мнѣніе страны и парламента и сдѣлать необходимыя уступки. Такъ г. Дизраэли уже объявилъ, что правительство измѣняетъ отчасти первоначальный билль и оставитъ избирателямъ городскимъ право вотировать въ графствахъ.

Конечно, уступки этимъ ни ограничатся. Къ 21-му марту приготовлены будутъ другія возраженія: едва ли согласатся всѣ безусловно на систему распределенія депутатскихъ мѣстъ между разными мѣстностями; для однихъ городовъ нужно прибавить число депутатовъ, для другихъ ограничить это число и пр. Впрочемъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи сдѣлано немного; за 15-ю небольшими городами, избравшими по два члена въ парламентъ, оставлено право избранія только одного члена; въ замѣнъ того избраніе 8-ми членовъ передано восьми большимъ графствамъ, а 7-ми — тѣмъ городамъ, которые не посылали за себя членовъ. Наконецъ, въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ есть 200 избирателей, учреждается избирательное бюро, и дозволяется каждому подавать свой голосъ не лично, а посредствомъ письма. Мы увидимъ, какія будутъ сдѣланы возраженія на эти правила, и на сколько уступитъ правительство; кажется, оно стоитъ на томъ, чтобы новый актъ парламентской реформы

носили имя Дэрби-Дизраэли, хотя этотъ актъ пройдетъ и не въ первоначальномъ своемъ видѣ.

Въ послѣднемъ *Политическомъ Обзорѣ* мы извѣщали о выхождѣ нѣсколькихъ министровъ англійскаго кабинета въ отставку. Это извѣстіе, сообщенное телеграфомъ, оказалось не совсемъ вѣрно. Дѣйствительно, вопросъ о *Шарль и Жоржъ* подавъ поводъ къ сильнымъ нападкамъ со стороны оппозиціи; но лордъ Мальмсберя былъ обвиненъ только въ недостатокъ энергіи и счелъ возможнымъ остаться въ министерствѣ. Изъ не говышли только гг. Вальполь и Генли, которые считали невозможнымъ уступить въ чемъ-либо.

Г. Вальполь послѣ этого уже успѣлъ понести пораженіе, по поводу представленнаго имъ билля о церковныхъ податяхъ (church-gates). Билль отвергнутъ большинствомъ 254 голосовъ противъ 171. *Journal des Débats* несправедливо видитъ въ этомъ пораженіи министерства; по обычаю парламентскому, удалившійся министръ поддерживаетъ представленный имъ отъ правительства билль уже отъ собственного имени; между г. Вальполемъ и министерствомъ прекратилась всякая солидарность, и пораженіе относится только къ лицу г. Вальполя.

Прочіе билли, рассмотрѣнные въ парламентѣ, относились къ сберегательнымъ кассамъ, къ фаундландскимъ рыбнымъ ловлямъ и пр.; мы будемъ говорить о нихъ по мѣрѣ того, какъ они станутъ объясняться въ дальнѣйшихъ парламентскихъ преніяхъ.

Безпрерывно въ различныхъ мѣстахъ Англій собираются теперь митинги для обсужденія билля о реформѣ, представленнаго правительствомъ, и опять встрѣчаемся мы здѣсь съ неизбѣжнымъ г. Брайтомъ. Онъ снова явился въ Бермингамъ, чтобы еще разъ объяснить и подтвердить изложенныя имъ уже прежде теоріи. На этотъ разъ онъ сказалъ, впрочемъ, очень мало новаго. Вся рѣчь его состояла изъ желчныхъ нападокъ на министерство, изъ болѣе подробнаго развитія тѣхъ мыслей, которыя были изложены имъ въ засѣданіи того дня, когда г. Дизраэли представилъ свой билль. Онъ объявилъ прямо, что съ этихъ поръ разорвана всякая связь между нимъ и министерствомъ. «Если билль пройдетъ, сказалъ онъ, если палата унижится до такой степени, что приметъ его, если нація до того утратитъ чувство стыда и любви къ свободѣ, что допустить принатіе билля — я откажусь отъ всякой вѣры въ будущность страны. Ни одного дня не останусь я тогда больше вашимъ представителемъ въ палатѣ. *(Громкое одобреніе.)* Я приду тогда къ заключенію, что знатнѣйшія сословія въ нашемъ обществѣ возвращены долгимъ пользованіемъ властью. Не надо, впрочемъ, принимать слова бермингамскаго представителя за чистую монету, ибо огромное большинство англійскаго

парламента вдается въ столь же преувеличенныя опасенія, если восторжествуютъ идеи г. Брайта. Не только въ парламентъ, на многихъ митингахъ высказывается крайнее неодобреніе этихъ идей. Это случилось между прочимъ въ послѣднее время въ Манчестерѣ, гдѣ еще недавно г. Брайтъ развивалъ свои теории съ такимъ успѣхомъ. Многочисленный митингъ, на которомъ присутствовали многіе члены парламента, порицая билль, представленный правительствомъ, прямо выразилъ въ то же самое время, что если бы планъ реформы былъ осуществленъ на основаніи принциповъ, защищаемыхъ г. Брайтомъ, то неминуемымъ слѣдствіемъ этого было бы разрушеніе конституціи. Кромѣ Бермингама и Манчестера собирались еще митинги въ Норвичѣ, Вестминстерѣ, лондонскомъ городѣ и наконецъ въ Гайдъ-Паркѣ (въ Лондонѣ.) Этотъ послѣдній митингъ происходилъ подъ открытымъ небомъ, при огромномъ стеченіи народа; не смотря на то, порядокъ не былъ нарушенъ, и слова ораторовъ выслушивались со строгимъ вниманіемъ. Въ назначенный часъ, президентъ взошелъ на какое-то возвышеніе и пренія начались. Каждый изъ говорившихъ объявлялъ, что, возвышая свой голосъ на этомъ митингѣ, онъ пользуется неоспоримымъ правомъ выражать свободное и откровенное мнѣніе о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства. Билль о реформѣ подвергся строгимъ порицаніямъ преимущественно съ той стороны, что онъ не распространяетъ достаточно избирательное право на рабочіе классы народонаселенія.

Читатели помнятъ, конечно, о тѣхъ несчастныхъ Неаполитанцахъ, которые, два мѣсяца тому назадъ, получили наконецъ свободу послѣ десятилѣтняго заключенія въ крѣпостяхъ и тюрьмахъ, но вмѣсто того, чтобы возвратиться къ своимъ семействамъ и обычнымъ своимъ занятіямъ, насильно были принуждены отправиться въ Америку. Всѣ, безъ исключенія, независимые европейскіе журналы возставали тогда противъ подобной амнистіи, замѣнявшей тяжкое тюремное заключеніе не менѣе тяжкою ссылкой. Неаполитанское правительство не смутилось однако поднявшимися противъ него порицаніями, и съ тою печальною непоколебимостью, которою оно постоянно отличается въ своей внутренней политикѣ, не измѣнило своего рѣшенія. Уже въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ готовился торжественный пріемъ несчастнымъ жертвамъ политической борьбы; газета Times заблаговременно обращалась съ воззваніями къ великой націи по ту сторону Атлантическаго океана, чтобы она не отказала имъ въ радушномъ пріемѣ. «Мы убѣждены, говорила она, что вашингтонское правительство не станетъ добиваться объясненій, по какому праву неаполитанскій король избралъ его землю мѣстомъ ссылки

для своихъ политическихъ противниковъ. Радость, съ которою граждане Сѣверной Америки примутъ извѣстіе объ освобожденіи этихъ людей, заставитъ, вѣроятно, замолинуть вопросъ, какими судьбами попали эти люди въ Америку. Неаполитанскій король изгоняетъ теперь изъ своихъ владѣній этихъ политическихъ заключенниковъ, продержавъ ихъ ровно десять лѣтъ въ цѣлихъ, среди невыносимыхъ страданій. Мы не будемъ оплакивать этой новой кары, которая обрушилась на ихъ головы, и не сомнѣваемся, что въ Соединенныхъ Штатахъ они будутъ встрѣчены съ восторженнымъ сочувствіемъ. Въ теченіи десяти лѣтъ они выстрадали всѣ муки предсмертной агоніи за дѣло итальянской независимости, — вотъ и все, но мы думаемъ, что этого всего болѣе чѣмъ достаточно для возбужденія въ насъ сердечнаго сочувствія. Нѣтъ сомнѣнія, что ожиданія англійскаго журнала исполнились бы въ точности, и всадъ, куда бы въ Америкѣ ни появились Поэріо, Септембрини и ихъ товарищи, ихъ встрѣчали бы съ радушіемъ и торжествомъ. Многие, вѣроятно, развертывали журналы Соединенныхъ Штатовъ съ надеждою найти въ нихъ извѣстіе о прибытіи неаполитанскихъ изгнанниковъ въ эту страну, какъ вдругъ распространилось извѣстіе совершенно другого рода: вмѣсто американскаго, они пристали къ ирландскому берегу. Журналы сообщаютъ теперь подробныя свѣденія о томъ, какимъ образомъ это случилось. Сами изгнанники, явившись къ меру въ Коркѣ, рассказали ему все, что происходило съ ними, съ тѣхъ поръ какъ они покинули тюрьму. Неаполитанскій пароходъ довезъ ихъ до Кадикса, въ гавани котораго они пробыли ровно двадцать пять дней, не получивши позволенія ни на минуту сойти на берегъ; во все это время шли переговоры съ хозяевами различныхъ кораблей, которые взяли бы довести ихъ до Америки. Одинъ изъ нихъ, Самуилъ Прентиссъ, капитанъ корабля *David Stewart* согласился на это за 8,500 долларовъ. Изгнанники сейчасъ же составили и подписали протестъ, въ которомъ они говорили, что никто не имѣетъ никакого права насильно везти ихъ туда, куда они не желаютъ ѣхать, и грозили преслѣдовать капитана всею силою законовъ. Протестъ этотъ не произвелъ дѣйствія, и 20 февраля они должны были отправиться на корабль *David Stewart* къ берегамъ Америки. Но въ открытомъ морѣ, изгнанники повторили свой протестъ и стали представлять капитану, какой строгой ответственности передъ судомъ подвергнется онъ за свой незаконный образъ дѣйствій, точасъ по прибытіи въ Соединенные Штаты. Доводы ихъ были такъ убѣдительны, такъ краснорѣчивы, что капитанъ корабля сильно призадумался и чрезъ нѣсколько времени согласился, по ихъ желанію, высадить ихъ вмѣсто Нью-Йорка къ

берегамъ Ирландіи. Меръ города Корка и знатнѣйшіе сановники города тотчасъ же сдѣлали всѣ необходимыя распоряженія, чтобы помочь этимъ несчастнымъ. «Если вы станете спрашивать, говорили они, обращаясь къ меру, почему не захотѣли мы ѣхать въ Америку, въ эту образованную и свободную страну, то вмѣсто отвѣта мы укажемъ на ужасное положеніе, въ которомъ находится большая часть изъ насъ. Къ тому же трудно предположить, чтобы тотъ, кто боролся и страдалъ за благо своей страны, захотѣлъ быть отъ нея какъ можно далѣе. Мы ищемъ теперь гостеприимства у великодушнаго британскаго народа. Благородной націи этой извѣстны наши бѣдствія, и мы надѣемся встрѣтить въ ней то сочувствіе, на которое имѣютъ право всѣ, пострадавшіе за дѣло свободы и цивилизаціи.» Надежда неаполитанскихъ изгнанниковъ не будетъ, кажется, обманута. *Times* торжественно приглашаетъ учредить въ пользу ихъ громадную подписку; телеграфическая депеша сообщаетъ, что въ Лондонѣ уже образовался съ этою цѣлію комитетъ подъ предсѣдательствомъ лорда Шавтсбери; въ комитетѣ участвуютъ знаменитѣйшіе люди Англіи, какъ напримѣръ лордъ Джонъ Россель; графъ Кавуръ далъ приказаніе сардинскому уполномоченному въ Англіи оказывать неаполитанскимъ изгнанникамъ полное содѣйствіе. Сочувствіе къ нимъ не ограничивается впрочемъ предѣлами одной Англіи; оно находитъ отголосокъ во всѣхъ либеральныхъ органахъ европейской журналистики, и мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь сужденіе по этому поводу *Journal des Débats*: «Узнавши, какъ эти энергическіе, предприимчивые люди, только что освободившіеся отъ долгаго и жестокаго заточенія, рассуждали съ капитаномъ и умѣли ловко возвратить себѣ свободу, мы не можемъ не подивиться тому, сколько ума и нравственныхъ силъ теряется даромъ въ этомъ мірѣ. Поэрію и нѣкоторые изъ его товарищей принадлежать, конечно, къ замѣчательнѣйшимъ людямъ своей страны; они рождены были для того, чтобы оказать ей великія услуги, и если бы они жили въ другое время, подъ правленіемъ болѣе мудрымъ, дѣятельность ихъ принесла бы пользу ихъ согражданамъ и славу имъ самимъ. Но не такова была ихъ судьба; управленіе въ ихъ отечествѣ досталось въ удѣлъ людямъ наименѣе способнымъ и наименѣе достойнымъ нести это бремя; сами они, просидѣвши десять лѣтъ въ тюрьмѣ, должны были употребить въ дѣло всю энергію свою и умъ, чтобы не попасть изгнанниками въ Америку. Уже съ незапамятныхъ временъ моралисты твердятъ добродѣтельнымъ людямъ, что не въ этомъ мірѣ должны они ожидать себѣ награды.»

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Изъ Тифлиса, отъ неизвѣстнаго, Редакція *Русскаго Вѣстника* получила, 82 р. для боснійскихъ и болгарскихъ церквей. Деньги эти пересланы въ Азіятскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, о чемъ неизвѣстнымъ жертвотателямъ снѣгъ объявляется.

О ПЕЧАТКА.

Въ статьѣ г. Бунге «*кредитъ и крепостное право*» (№ 2. *Русскаго Вѣстника* на страницѣ 135 *Совер. Лѣт.* замѣчены двѣ слѣдующія опечатки:

Напечатано на 22 стр. сн. капиталисты *чит.* капиталы.

— на 3 — невыгоднымъ — выгоднымъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ

РУССКОМУ ВѢСТНИКУ

1859 ГОДЪ

ТОМЪ I.



МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 13-го января 1859 года.**

Цензоръ Н. Гиллровъ-Шлатоновъ.

ЗА ПЛУГОМЪ

РОМАНЪ ЛЕОПОЛЬДА КОМПЕРТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

На Еврейской улицѣ, съ разсвѣта стоитъ тяжело навьюченнаѣ фура. Воздухъ холоденъ, и извозчикъ выражаетъ свое неудовольствіе нетерпѣливымъ пощелкиваніемъ бича. Но лошади, кажется, справедливе своего господина, онѣ какъ будто бы знаютъ, какъ тяжело для сердца человѣческаго разставаться съ давно-привычнымъ жилищемъ,—онѣ стоятъ, грустно повѣсивъ голову, не роютъ земли копытомъ и не оглашаютъ воздуха своимъ ржаніемъ.

Изъ этого дома скоро выйдутъ люди, которые никогда ужъ сюда не вернутся. Послѣдній выходящій изъ двери повѣситъ на ней тяжелый желѣзный замокъ, какъ будто налагая на все, что здѣсь остается, неизмѣнный зарокъ молчанія. Играли ли здѣсь когда-нибудь дѣти? Проливала ли здѣсь мать слезы тихой печали? Боролся ли здѣсь отецъ со всѣми трудностями тяжкой жизни? Какъ это знать? Голыя стѣны не скажутъ ничего... и если даже здѣсь поселится другое поколѣніе людей, съ лицами цвѣтущими счастьемъ, сіяющими улыбкой земнаго благополучія, они ничего не узнаютъ... Жители этого дома хотятъ переселиться.

Странно волнуется человѣческая жизнь! Рѣдкій проходитъ день, чтобы мы въ газетахъ не встрѣтили извѣстія о тѣхъ, которые навѣки расстаются съ отчизной. Одни уже уѣхали, дру-

гіе собираются въ путь, и хотять отправиться, какъ только на весеннемъ солнцѣ распускаются первые подснежники; иные распродали все свое имущество подъ молотокъ аукціона. Твой глазъ, читатель, равнодушно и машинально скользитъ по строкамъ этихъ газетъ,—твоя мысли ни на минуту на нихъ не останавливаются. Но если ты хоть разъ видѣлъ путника, готоваго переселиться въ степи Новаго Свѣта, твоею душою вѣрно овладѣло особое, непонятное волненіе. Казалось, какъ будто бы невидимыя голоса осаждаютъ тебя тысячею смущающими вопросами:

•Такъ ты остаешься? Съ проклятіемъ на устахъ, и съ злобно сжатыхъ кулаками, мы захопнули за собою двери нашего жилища, въ слухъ всей германской землѣ—а ты остаешься?...

Достанетъ ли у тебя духу отвѣчать:

•Идите! Оставайтесь! Тамъ хорошо, но здѣсь гробы вашихъ отцовъ? Тамъ усталый путникъ нашелъ себѣ убѣжище, но здѣсь ваша мать учила васъ складывать руки на молитву.»

Къ счастью, намъ теперь не предлагаютъ такихъ многозначительныхъ вопросовъ, и вообще, если начало нашего разказа отзывается нѣсколько печальнымъ настроеніемъ, то виною тому фура, нагруженная домашнею утварью, слишкомъ живо напомнившая намъ всю тоску разставанья.

Итакъ, жители этого дома также переселяются, хотя путь ихъ идетъ по ровной дорогѣ, а не по обманчивому океану. Въмѣсто дымшагаго парохода ихъ доведетъ до цѣли скрипучая фура, и эта цѣль находится не по ту сторону, а по сю сторону морей, не въ далекой Америкѣ, а въ тихой чешской деревушкѣ!

Въ это утро, изъ дома ежеминутно выбѣгала смуглая дѣвушка лѣтъ тринадцати; то она окидывала небо испытующимъ взглядомъ своихъ большихъ черныхъ глазъ, то поднимала на воздухъ свой остренькій носикъ, какъ бы желая удостовѣриться, не крапываетъ ли дождь. Чтò происходило въ душѣ этого ребенка? Она своими взорами такъ бы и желала разсѣчь черныя тучи и распространить на всю природу золотой солнечный лучъ. Ей бы такъ хотѣлось яркимъ свѣтомъ озарить дорогу, ведущую изъ глухой Еврейской улицы въ цвѣтущую чешскую деревушку. Малышная скамеечка, самая незначаящая посуда должна бы сегодня сіять и блестять, какъ наканунѣ великаго праздника: вѣдь все это ѣдетъ въ чешскую деревушку!...

Вдругъ дѣвушка съ громкимъ крикомъ бросилась въ домъ.

— Дядя Коппель! закричала она, — что ты скажешь: съ неба упала капелька.

Дядя Коппель, сѣдой какъ луна старикъ, сидѣлъ въ кухнѣ на деревянной колодѣ, на которой обыкновенно колоди мелкіе дрова для очага; лицо его было покрыто глубокими морщинами;

казалось, со времени его молодости прошло нѣсколько столѣтій. Онъ держалъ на колѣняхъ, и прижималъ къ груди что-то похожее на картину въ черной рамкѣ. Когда онъ услышалъ свое имя и печальное извѣстiе о погодѣ, на его старомъ лицѣ выразился неописанный страхъ, его руки еще судорожнѣе сжали странный предметъ, похожій на картину.

— Что ты говоришь, Тилля жизнь моя, воскликнулъ онъ,— съ неба упала капля? Боже мой! Чтò же станется съ моимъ *Моисей Довидъ*, если онъ промокнетъ?

Дядя Коппель обозначалъ этимъ страннымъ названiемъ обрамленную картину, которую онъ держалъ на колѣняхъ, и которая собственно была не что иное какъ *мизрахъ*, обыкновенно висящiй на восточной стѣнѣ всякой порядочной еврейской комнаты. Два чудовища съ длинными языками, въ которыхъ, при нѣкоторомъ вниманiи, можно было узнать львовъ iудовыхъ, поддерживали Давидовъ щитъ, то-есть два перекрещенные треугольника, посреди которыхъ большими буквами сияло слово *мизрахъ* (востокъ), въ напоминанiе о странѣ iерусалимской.

— А если онъ и замокнетъ? воскликнула Тилля легкомысленно смѣясь,— развѣ отъ этого придетъ конецъ свѣта? Ты возьмешь свое большое перо и краски и нарисуешь себѣ другой мизрахъ.

Но дядя Коппель прервалъ ее, съ безпокойствомъ потряхивая головою.

— Не говори такъ, жизнь моя; ты не знаешь сама, какъ тяжело ты грѣшишь. Вѣдь это не простой мизрахъ, — я тебѣ еще не разказывалъ, какъ онъ мнѣ достался. Когда царь Давидъ бѣжалъ отъ сына своего, Авессалома, онъ отъ страху потерялъ этотъ мизрахъ, и уже не могъ его найти, потому что потерялъ его въ глухомъ, глухомъ лѣсу, а ты знаешь, что въ лѣсу, гдѣ столько деревьевъ, не такъ легко найти потерянную вещь...

— Разумѣется, насмѣшливо замѣтила дѣвушка, повидимому вовсе не удивленная страннымъ разказомъ старика;— вѣдь и въ домѣ часто не найдешь затеряннаго, какъ же найти мизрахъ, уроненный въ лѣсу царемъ Давидомъ?

— А видишь ли, воскликнулъ дядя Коппель торжествующимъ голосомъ, и глаза его озарились слабымъ проблескомъ разсудка, едва отличавшимся отъ совершенной тьмы. — А видишь ли, его все-таки нашли, и кто же его нашелъ? Дядя Коппель проходитъ черезъ глухой лѣсъ, вдругъ онъ видитъ что-то такое у своихъ ногъ, онъ нагибается и чтò же онъ поднимаетъ?

— Твой мизрахъ, дядя Коппель, воскликнула дѣвушка разсмѣявшись такимъ же неудержимымъ хохотомъ, какъ будто бы впер-

вы слышала разказъ о чудесной находкѣ. — Но скажи же мнѣ, дядя Коппель, какъ ты попалъ въ этотъ лѣсъ?

— Я и это тебѣ скажу, отвѣчалъ дядя Коппель поспѣшно. Авишоломъ (Авессаломъ), сынъ царя Давида, мнѣ сказалъ въ этотъ день: «Коппель, иди и разбей сердце моего отца». Вотъ я и пошелъ въ глухой лѣсъ... и нашелъ тамъ мизрахъ.

— Бѣдный, больной дядя, вдругъ воскликнула Тилля такимъ грустнымъ тономъ, что онъ поразилъ даже слабоумнаго старика: онъ зарыдалъ какъ ребенокъ, котораго неожиданно огорчили, и, безутѣшно махая головою, заговорилъ раздирающимъ голосомъ:

— Да, я долженъ покаяться! Искусилъ онъ меня.... Онъ мнѣ сказалъ: «Иди, и разбей сердце моего отца...» а я, несчастный, пошелъ....

Мы можемъ въ краткихъ словахъ разказать повѣсть этой бѣдной, омраченной души, но не безжалостно ли разказывать ее такъ, впопыхахъ, среди суеты отъѣзда, при нетерпѣливомъ пощелкованіи бича?

Дядя Коппель собственно не принадлежалъ къ *семь* нашихъ переселенцевъ. Онъ былъ имъ только дальній родственникъ. Его отецъ былъ бѣдный переписчикъ священныхъ книгъ (1), который цѣлые годы странствовалъ по Богеміи и сосѣднимъ областямъ, и даже доходилъ до Венгріи; отъ него Коппель научился такъ чудно писать. Но вотъ однажды переписчикъ возвратился изъ своихъ странствованій и умеръ въ самый день своего возвращенія. На смертномъ одрѣ у него спросили, не велить ли онъ что-нибудь сказать сыну. Страшно прозвучали слова, вырвавшіяся изъ его блѣдныхъ губъ: «Скажите ему, проговорилъ старикъ, что онъ разбилъ мое сердце». Долгіе годы спустя, въ общину возвратился одичалый бродяга; въ немъ съ трудомъ могли узнать Коппеля, сына покойнаго переписчика. Ему передали предсмертныя слова отца. Съ этихъ поръ имъ овладѣло помѣшательство — можетъ быть, оно давно было подготовлено лишеніями и бѣдствіями жизни. Добрые люди въ общинѣ сжалились надъ нимъ и стали ему помогать, пока наконецъ родственники не взяли его къ себѣ въ домъ. Невозможно было отъ него вывѣдать, какъ онъ пришелъ въ такое состояніе; предполагали, что отецъ засталъ его на «неправомъ пути», можетъ быть на пути къ церкви;—это, или что-нибудь подобное можно было заключить изъ послѣднихъ словъ стараго переписчика и изъ помѣшательства самого Коппеля. Онъ разбилъ сердце своего отца, какъ нѣкогда царевичъ Авессаломъ, сынъ Давидовъ. Вотъ что вѣроятно ему представлялось первое вре-

(1) Еврейскія священныя книги не перепечатаваются, а переписываются на пергаментъ.

ми, въ болѣе свѣтлыя минуты его сумашествія. Въ послѣдствіи же имъ совершенно овладѣла мысль, что онъ хоть не самъ Авессаломъ, но одинъ изъ его ревностныхъ приверженцевъ, посланный имъ, чтобы разбить сердце его отца. Находка мизраха была совершенно случайна, но связана съ этими странными представленіями. Дѣло въ томъ, что дядя Коппель отъ всѣхъ уроковъ отца сохранилъ только искусство рисовать такіе листы, которые, какъ мы уже сказали, вѣшаютъ на восточную сторону комнатъ. Въ этомъ состояло его главное занятіе, которое мало-по-малу слилось въ его умѣ съ грезами о непокорномъ царевичѣ. Онъ цѣлые годы проводилъ съ своимъ индѣчьимъ перомъ въ рукахъ, рисуя такіе листы, которые потомъ переходили во владѣніе дѣтей. Но самый лучший мизрахъ, образцовое произведеніе искусства, онъ сохранилъ для дома. Его-то онъ теперь сжималъ въ рукахъ.

Между тѣмъ, во внутреннихъ комнатахъ происходилъ другой разговоръ между лицами, съ которыми мы должны ближе познакомиться, прежде чѣмъ они вступятъ въ рамку нашего разказа. Въдѣ люди, которые переселяются хотя бы въ сосѣднюю деревню, имѣютъ много что сказать другъ другу у порога своего стараго жилища:—слушаемъ.

Но это намъ будетъ не легко. Минута разставанья не выгодна для того, чтобы разсмотрѣть и домъ и людей. Не только старая утварь и посуда сдвинуты съ мѣста.— и душа не на мѣстѣ, отрываясь отъ жилища, съ которымъ ее связываетъ столько давнишнихъ привычекъ; тысяча нитей съ разу пересѣчены, а въ замѣнъ ихъ все является неотвязчивый вопросъ: что будетъ впереди? Кто намъ ручается за то, что всѣ эти лица, которыя мы такъ близко знали, такъ ясно видѣли передъ собою, при другой обстановкѣ и другихъ обстоятельствахъ не покажутся намъ совсѣмъ въ другомъ видѣ? Кто въ нихъ узнаетъ прежнія черты?...

Опять настала весна. Милліоны бьющихся сердецъ уже не ждали ея прихода, уже не радовались ея первымъ дуновеніямъ. Для нихъ природа и жизнь, радость и надежда, все казалось погребено подъ кровавымъ снѣгомъ прошлой зимы. Страшная пустота, та пустота, которая распространяется надъ истоптаннымъ полемъ сраженія, воцарилась въ этихъ сердцахъ, а съ нею тоска и безнадежный взглядъ на будущее. Нужно ли намъ въ подробности пересказывать все то, что переходило изъ устъ въ уста весною 1849 года—или все то, что умалчивалось?

Но среди этого страха и тревоги опять пришла весна, и онъ привѣяла съ собою бѣлый листъ,—бѣлый листъ съ подписью царственнаго юноши. Онъ залетѣлъ въ каждый гетто (1), въ каждую

(1) Гетто—еврейскій кварталъ.

бѣдную хижинку, онъ принесъ привѣтствіе ко всякому окну. Какъ будто бы съ неба упала благодатная роса: все надломленное, все раздавленное приподнялось, и стало расти и распускаться, все ослабѣвшее получило новыя силы. Вѣдь на этомъ листѣ было написано, почти на первой строкѣ, что земля свободна, что и для жителей гетто растворилась ихъ община, и что въ книгѣ закона правда вытѣснила неправду; этотъ листъ дошелъ и до того дома, передъ которымъ мы остановились,—дома, принадлежавшаго мелочному торговцу реббу Шломе.

Добрый реббъ Шломе! когда я вспомню, какъ радостно затрепетало твое сердце при этомъ извѣстїи, какъ оно забилося благодарностію къ молодому императору, мнѣ кажется, что на меня нашло какое-то откровеніе, меня непреодолимо влечетъ раскрыть загадку твоей жизни, какъ бы слаба и неудачна ни была эта попытка.

Настало странное явленіе. Когда прошло первое радостное впечатлѣніе, многими овладѣло мучительное безпокойство; передъ ними открылось вдругъ широкое поле, но они не знали куда направиться. Планы и проекты пестрымъ роємъ смѣнялись въ гетто; они бродили въ головахъ какъ молодое вино. Кровь стучала въ жилахъ, какъ бы понуждая къ дѣлу. Но къ какому? Въ этой душевной тревогѣ, сотни людей отправились въ путь на западъ, за широкій океанъ; другіе, побѣдивъ это волненіе, бодро и смѣло вступили въ новыя свои права. Они отрѣшились отъ всѣхъ прежнихъ условій жизни, и съ изумительною легкостью перешли къ новой дѣятельности. У того, кто издали смотрѣлъ на все это, часто разрывалось сердце при видѣ этого вихря и суматохи, въ которой безпрестанно разрушалось все старое и на мѣсто его воздвигалось новое.

Ласточка остается вѣрна своему гнѣзду... но тутъ нашлись люди, измѣнявшіе себѣ, измѣнявшіе родной почвѣ, отрекавшіеся отъ праха своихъ отцовъ! Духъ нашего времени! Таковы ли твои велѣнія?... Мучительное безпокойство проникло и въ мелочную лавочку ребба Шломе; умы тревожно волновались; какой-то тайный разладъ поселился въ домѣ. Дѣла шли хорошо; число покупателей не уменьшилось, а между тѣмъ, всѣми овладѣло какое-то чувство досады, переходившее иногда въ отвращеніе ко всему тому, чему они однако были обязаны и пищей и существованіемъ.

— Чтó за охота теперь торговать! говаривалъ то одинъ то другой; теперь то и дѣло изъ земли вырастаютъ магазины, скоро будетъ больше купцовъ чѣмъ покупателей, всѣ пускаются въ торговлю — и куда же это поведетъ? Дай Богъ, чтобы какъ-нибудь къ окончанію года концы съ концами свести.

Тамъ, гдѣ раздаются такіа рѣчи, семейства навѣрное страдаютъ

какою-нибудь тайною раной. Такія скрытыя болѣзни, физическія и нравственныя, похожи на коварныя воды, которыя долго незаметно подмываютъ столбы, пока наконецъ все зданіе рухнется со страшнымъ сотрясеніемъ.

Конечно, тутъ зло еще не зашло такъ далеко. Семья была крѣпка и не могла расшататься вдругъ. Но сильныя природы не терпѣливо сносятъ такого рода страданія. Странное дѣло: это тягостное настроеніе разрѣшилось совсѣмъ непредвидѣннымъ образомъ и разрѣшилъ его никто иной, какъ маленькая Тилля.

«Малютка» (такъ называли ее родители и братья), какъ младшая въ семействѣ, была предметомъ особенной любви и заботливости. Ее удаляли отъ всякой непріятности, малѣйшее ея слово получало значеніе и важность. Между тѣмъ какъ старшіе братья, высокій черноглазый Аншель, и даже блѣдный *бохеръ* (1) Элія, рѣдко осмѣливались высказать свое мнѣніе при родителяхъ, малюткѣ всегда позволялось вмѣшаться въ ихъ разговоръ. Она рано выросла и развилась среди теплой атмосферы любви, и, на любящій взглядъ семейства, она казалась еще зрѣлѣе чѣмъ была. Реббъ Шломе однажды выразилъ мрачными словами тоскливое расположеніе своей души. Недавно еще нѣкоторые члены общины отправились въ путь, чтобъ отыскать себѣ новую отчизну. Пришли письма, извѣщавшія о полномъ ихъ успѣхѣ.

— Боже, великій Боже, даруй намъ твою помощь, воскликнулъ онъ, почти съ отчаяніемъ, — зачѣмъ я, и жена, и дѣти должны сидѣть здѣсь, между тѣмъ какъ все ищетъ себѣ счастья? Неужели императоръ даромъ издалъ законъ, и никто изъ насъ имъ не воспользуется?

— Императоръ! императоръ! воскликнула Тилля съ одушевленіемъ: — какъ бы поблагодарить императора? Ты вѣдь совсѣмъ ты и благодарилъ его, отецъ... А вѣдь слѣдовало бы, кажется.

— Я? проговорилъ реббъ Шломе, пораженный словами малютки.

— Еслибъ я могъ сказать свое мнѣніе, замѣтилъ рослый Аншель, съ какою-то угрюмою робостію, — я знаю, что намъ слѣдовало бы дѣлать.

— Пусть говоритъ малютка, повелительно прервалъ его реббъ Шломе, — мудрость не исходитъ изъ твоей головы!

Аншель, повидимому, привыкъ къ такого роду униженіямъ въ пользу малютки; онъ замолчалъ, и вовсе не казался оскорбленнымъ.

— Ты будешь надо мной смѣяться, отецъ сказала малютка, въ первый разъ, можетъ быть, стыдясь явнаго предпочтенія, ока-

(1) Бохеръ — отрокъ, учащійся Талмуду.

заннаго ей надъ старшимъ братомъ,—вы всё будете надо мною смѣяться... но еслибъ я была на мѣстѣ отца, я бы пошла въ крестьяне.

— Шма Йизроель! воскликнулъ Аншель почти внѣ себя, и забывъ свою робость:—въ душу что ли ты мою вошла, Тилла жизнь? Какъ ты такъ узнала, что у меня на умѣ? Вѣдь я это именно и хотѣлъ сказать.

Реббъ Шломе не отвѣчалъ ничего. Но въ эту минуту показалось, ему, что комната засвѣтилась тысячею огнями, и среди огней раздавались голоса, внезапныя откровенія жизненной тайны... слова малютки запали ему въ душу, никакія земныя силы уже не могли ихъ вырвать изъ этой глубины. Было сказано одно изъ тѣхъ рѣшительныхъ словъ, которыя разомъ преобразуютъ нашу жизнь, которыя могутъ поднять ее вдругъ на неизмѣримую высоту или повергнуть въ бездонную пропасть.

Любопытно было наблюдать, какъ мысль, брошенная малюткой, овладѣла всѣми и волшебною сѣтью опутала весь домъ, такъ что трудно было рѣшить, кто съ наибольшимъ жаромъ за нее ухватился. Въ душѣ ребба Шломе происходила тяжелая борьба. Онъ никогда, ни единымъ словомъ не обнаруживалъ рѣшенія, къ которому онъ пришелъ, а между тѣмъ у него нерѣдко вырывались несвязныя выраженія, которыя однако, взятые вмѣстѣ, могли дать полное понятіе о состояніи его души.

— Да, это точно правда, сказалъ онъ однажды, пробуждаясь отъ глубокой задумчивости—развѣ хоть одинъ изъ насъ поблагодарилъ императора? Я Шломе Пѣтухъ, на котораго прежде плевали всѣ христіяне, я теперь могу сдѣлаться бургомистромъ, я могу открыть лавку гдѣ мнѣ вздумается, я могу выстроить себѣ домъ рядомъ съ первымъ человекомъ въ городѣ, если я захочу купить поле, я могу питаться собственнымъ полемъ! Боже милосердый! Только какъ за это поблагодарить императора?

Потомъ, помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Они все говорятъ: Еврей не любитъ сельской жизни, ему веселѣе шататься разнощикомъ, чѣмъ пахать землю. Увы, Боже мой! развѣ это была неправда? Но теперь всѣмъ дорога открыта, все намъ кричить: Не грѣши передъ Богомъ и государемъ! Не будь же мое имя Шломе Пѣтухъ, если я не докажу императору, на что я способенъ. Тилла правду сказала, дай Богъ ей здоровье.

Реббъ Шломе принадлежалъ къ тѣмъ рѣзкимъ, самостоятельнымъ натурамъ, которыхъ только сбиваютъ посторонніе совѣты. Онъ любилъ все дѣлать *одинъ*; чтобы *въ его дѣла не вмешивался никто*, даже самые близкіе ему,—жена и дѣти. Супруга его, Нахима, была, напротивъ того, одна изъ тѣхъ смиренно молчаливыхъ женъ, которыя въ продолженіи всей жизни трепещу ть передъ мужемъ.

Почти незамѣченная, никогда ни во что не вступаясь, никогда не противорѣча, она тихо шла своею дорогою объ руку съ энергическимъ, дѣятельнымъ мужемъ; оттого ли, что она гордилась его умственнымъ превосходствомъ, или была подавлена его сильною волей, Нахима, въ продолженіи двадцатипятилѣтняго сожитія, осталась тою же, какою была въ первые мѣсяцы супружества; она шла *подль* мужа, а не *заодно* съ нимъ. И тутъ она осталась вѣрна своему характеру, она не высказывала своего мнѣнія, потому что *онъ* не любилъ этого; ея блѣдныя тонкія губы раскрывались только изрѣдка, для какого-нибудь незначащаго вопроса.

Еще другое лицо, казалось, держало себя въ сторонѣ отъ этой внутренней семейной драмы. То былъ *бохеръ* Элія. Подобно матери, блѣдный и болѣзненный юноша, казалось, не умѣлъ другихъ притязаній, какъ только чтобы его терпѣли въ домѣ, и не прерывали его занятій. Часто, по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ, изъ его усть не вылетало другаго звука, кромѣ особеннаго, однообразнаго напѣва, которымъ сопровождается *ученіе* по священнымъ книгамъ.

Одному Аншелю трудно приходилось сохранить передъ отцомъ обычную безотвѣтность. Ни одинъ взглядъ, ни одно движеніе не ускользало отъ его внимательнаго, испытующаго взора; можно сказать, что онъ видѣлъ, какъ бы сквозь прозрачное стекло, всѣ пружины нетерпѣливо ожидаемаго рѣшенія, которое должно было явиться готовымъ и поконченнымъ изъ головы ребба Шломе. Аншель зналъ отца насквозь; и хотя по опыту убѣдился, что онъ терпѣть не можетъ *допрашиванія*, его постоянно бѣсило и возмущало, что отецъ такъ строго и холодно отклонялъ всякій его намекъ.

«Отчего онъ *такой*? бормоталъ онъ про себя. Отчего я передъ нимъ долженъ ползать какъ собака? Развѣ я самъ, точно такъ же какъ онъ, не хочу сдѣлаться земледѣльцемъ, не хочу вырваться на чистое поле? Онъ хорошо знаетъ, что я не стою за торговое дѣло, а онъ себя держитъ такъ далеко отъ меня, какъ будто бы я ему не родной сынъ и не могу ему посовѣтовать и помочь!»

Аншель скоро догадался, черезъ кого ему всего легче разузнать о тайныхъ намѣреніяхъ отца. Реббъ Шломе уѣхалъ дня на два въ сосѣднюю деревню, «чтобы, объявилъ онъ съ обычнымъ лаконизмомъ, тамъ кой-что посмотреть». Этотъ отъѣздъ довелъ безпокойство Аншеля до нестерпимаго мученія. Скрѣпя сердце, какъ-то ни было тягостно ему, онъ подговорилъ Тиллю, тотчасъ по возвращеніи отца, распросить его о томъ, что онъ сдѣлалъ. Онъ зналъ навѣрное, что произошло что-нибудь важное!

— Вѣдь тебѣ онъ скорѣе скажетъ! воскликнулъ онъ горестно.— Тебѣ онъ позволяеть говорить съ собою, а мнѣ нѣтъ. Для меня онъ не приступенъ какъ самъ Господь Богъ, а вѣдь мнѣ уже пошелъ двадцатый годъ, я уже не ребенокъ. Я спрашиваю тебя Тилля жизнь, чѣмъ я это заслужилъ?

Тилля общала ему, по силамъ разспросить отца; и точно, когда дня два спустя, возвратился реббъ Шломе, она воскликнула прежде еще чѣмъ отецъ успѣлъ поцѣловать *мезузе* (1) на двери.

— Ну, отецъ жизнь моя, что ты сдѣлалъ хорошаго?

— Я доволенъ, дитя мое, отвѣчалъ реббъ Шломе необычайно весело, — хвала и благодареніе Господу.

Подумавъ съ минуту, Тилля продолжала:

— Что жь, хорошо ли... тамъ?

— Гдѣ? отвѣчалъ реббъ Шломе, не понявшій ея вопроса.

— Да тамъ... гдѣ ты былъ... сказала малютка самымъ развязнымъ тономъ.

— Всякій Еврей долженъ бы благодарить своего Бога, еслибы вездѣ было такъ хорошо какъ тамъ, отвѣчалъ реббъ Шломе спохватясь.

— И тебѣ тамъ было бы хорошо? спросила Тилля нетвердымъ голосомъ, потому что она встрѣтила жгучій взглядъ Аншеля.

— Да, отвѣчалъ реббъ Шломе отрывисто.

Почувствовала ли Тилля, съ тонкимъ чутьемъ любимаго ребенка, что ей теперь не слѣдуетъ продолжать разговоръ, или самому реббу Шломе показалось страннымъ и неприличнымъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ одной малюткѣ, а не всему семейству, — какъ бы то ни было, реббъ Шломе замолчалъ и ничего болѣе не говорилъ въ этотъ день.

— Если онъ и сегодня ничего не скажетъ, на другое утро сказалъ Аншель сестрѣ, — то я не знаю, буду ли я въ состояніи долѣе терпѣть. Мнѣ это просто камень на сердцѣ.

День прошелъ; онъ не принесъ облегченія мучительному любопытству Аншеля. Какое странное разнообразіе въ душахъ человѣческихъ! Между тѣмъ какъ Аншель въ этотъ день былъ снѣдаемъ нетерпѣніемъ, мучительно сдержаннымъ и безпрестанно готовымъ разразиться, потому что отецъ ничего не говорилъ, — сердце Нахимы содрогалось отъ страха при мысли, что ея мужъ вообще скажетъ что-нибудь. Она привыкла вдрагивать при каждомъ его словѣ, какъ будто бы что-нибудь ее укололо въ сердце. Эля, въ этотъ день, былъ еще молчаливѣе обыкновеннаго; онъ *учился* прилежнѣе чѣмъ когда-либо.

Наконецъ, къ исходу вечера настала рѣшительная минута.

(1) Мезузе—молитва написанная на дощечкѣ, прибитая къ дверямъ.

У Нахимы сердце дрогнуло, когда мужъ ея вдругъ безъ всякихъ приготовленій, сталъ говорить о томъ, чего она давно опасалась. Въ эту минуту ей какъ будто бы послышался рѣзкій звукъ ножницъ, разсѣкающихъ ткань.

Реббъ Шломе началъ съ того, что онъ всегда терпѣть не могъ длинныхъ переговоровъ. Онъ и теперь рассудилъ самъ собою, и это всего лучше. Тотъ, кто всему дому доставляетъ пропитаніе, имѣетъ право требовать, чтобъ ему покорялись. Такъ было заведено и въ домѣ его отца. Вѣроятно все давно сами видѣли, что торговое дѣло плохо подвигается. Все какъ-то идетъ вяло и медленно, а давно бы пора взятыся за что-нибудь другое, пока не дошли до нищеты!

— Развѣ дѣла идутъ такъ плохо? дрожащимъ отъ страху голосомъ рѣшилась спросить Нахима.—Мнѣ кажется, что намъ пока грѣхъ жаловаться...

— Ужъ это мнѣ знать и нечего тебѣ учить меня, отвѣчалъ онъ рѣзко.—Сегодня сойдетъ, можетъ быть и завтра сойдетъ; а кто поручится за послѣ-завтра? Вѣдь грѣшно передъ дѣтьми не заботиться о будущемъ. Такъ поступаютъ люди вѣтреныя, Богомъ забытыя, а онъ не изъ такихъ. Теперь, когда все открыто, когда самъ императоръ сказалъ: впередъ теперь нужно выбрать дѣло вѣрное, не подверженное тысячи случайностямъ. Съ самаго дѣтства ему говорили, что всего лучше живетъ хлѣбопашецъ; въ дурной годъ поднимаются цѣны на хлѣба, въ хорошей годъ, ужъ нечего и говорить, хлѣбопашецъ катается какъ сыръ въ маслѣ. Пора переселиться въ деревню, бросить лавочку, какъ червивое яблоко. Надобно же и императору показать, какъ дорожатъ его милостью. Грустная улыбка промелькнула на блѣдныхъ губахъ Нахимы, при этомъ послѣднемъ доводѣ, но она не сказала ничего.

Реббъ Шломе, не слыша ни отъ кого возраженія, наконецъ приступилъ къ самой сущности дѣла. Сперва онъ, противъ обыкновенія, слегка извинился, что ни съ кѣмъ напередъ не посоветовался,—но что жъ дѣлать, такая ужъ у него натура. Важныя дѣла долженъ рѣшать кто-нибудь одинъ, двухъ уже слишкомъ много, а если пойдешь совѣтоваться съ цѣлымъ семействомъ, то ужъ конечно не выйдетъ никакого толку. Словомъ, мелочная лавочка со всѣми принадлежностями, а равно и домъ проданы, и при томъ за самую высокую цѣну. За то онъ приобрѣлъ въ деревнѣ Вобрубѣ мызу, съ двадцатью «полосами» земли. Нельзя себѣ представить ничего лучше этой мызы; они тамъ найдутъ все, все на свѣтѣ, отъ коровы въ стойлѣ до цыплятъ въ курятникѣ. Вездѣ видно благословеніе Божіе, довольство и изобиліе. У нихъ ердце запрыгаетъ отъ радости, когда они все это увидятъ.

Но нужно спѣшить, и собраться въ путь прежде конца мѣсяца; вѣдь теперь весна — лучшая пора для поселянина.

Жена и дѣти молча выслушали эту длинную рѣчь; когда отецъ кончилъ, Аншель воскликнулъ, покраснѣвъ отъ волненія:

— Да наградишь тебя Господь, отецъ родимый! Ты поступилъ какъ величайшій *золимъ* (мудрецъ): что можетъ быть лучше чистаго поля! Я давно туда рвусь душой и сердцемъ! Да наградишь тебя Господь!

— Такъ я должна сдѣлаться поселянкою? проговорилъ внутренний голосъ въ душѣ Нахимы, но никто немогъ его слышать. Губы ея шевелились, но безъ звука.

Среди суеты приготовленій, днемъ и ночью, ее преслѣдовалъ этотъ вопросъ. Какъ темный карминъ одною своею крупинкою можетъ окрасить огромное количество воды, такъ вся жизнь, все существо бѣдной женщины было проникнуто одною мыслию: «итакъ, я должна сдѣлаться поселянкою!»

Впрочемъ отъѣздъ семейства изъ гетто не произвелъ тамъ сильнаго впечатлѣнія. Въ эту весну всѣ привыкли видѣть, что и люди, какъ птицы, перелетаютъ въ другіе края. Приготовленія къ отъѣзду могли совершиться въ полнѣйшей тишинѣ; никто не мѣшалъ, никто не навязывался. Но это непрерывное укладываніе и заколачиваніе тѣмъ безотраднѣе дѣйствовали на душу Нахимы; часто, среди заботы, она невольно вздрагивала. Ей мнилось, что будто бы она и себѣ и семейству готовить похороны.

Тѣмъ нетерпѣливѣе и дѣятельнѣе были реббъ Шломе, Аншель и Тилля. Они не могли дождаться часу, когда они промѣняютъ лавочку, торговлю и домъ, на деревенскую жизнь и деревенское приволье.

Наконецъ этотъ часъ насталъ.

На улицѣ съ разсвѣта стоитъ тяжело навьюченная фура. Воздухъ холоденъ, и извозчикъ выражаетъ свое неудовольствіе нетерпѣливымъ пощелкиваніемъ бича... Но мелкій дождь медленно накрапываетъ...

А тамъ, внутри дома, никто, казалось, не думаетъ объ отъѣздѣ. Аншель и Элія погружены въ молитву. У нихъ на головѣ и на рукѣ *теффиллинъ* (1). Но стѣна, на которой когда-то висѣлъ мизрахъ, пуста какъ всѣ другія стѣны. На его мѣстѣ большой паукъ готовится развѣсить свою паутину.

(1) *Теффиллинъ*—двѣ четырехугольныя коробочки, въ которыхъ заключенъ списокъ десяти заповѣдей. Каждый день, готовясь къ утренней молитвѣ, Евреи надѣваютъ одну изъ этихъ коробочекъ на лобъ, другую на лѣвую руку, прикрѣпляя ихъ посредствомъ придѣланныхъ къ нимъ ремней. Этимъ они исполняютъ данный въ Библии завѣтъ: «И содѣлай себѣ изъ нихъ (заповѣдей) знаменіе для рукъ, и украшеніе для чела».

Все, что загоразживало комнату, теперь унесено; ничто въ ней не заслоняетъ дороги; домъ раздался и вытянулся. Реббъ Шломе, закинувъ за спину руки, раскаживаетъ взадъ и впередъ по опустѣлой комнатѣ. Тяжелая думалежитъ на его лицѣ... Дума о чемъ?

Нахима все еще копаются въ совершенно опорожненномъ стѣнномъ шкапѣ. Для того ли только, чтобы чѣмъ-нибудь заняться или чтобы себя успокоить? или просто по женской привычкѣ.

Вдругъ, обернувшись, реббъ Шломе неожиданно замѣтилъ, что Нахима что-то сунула въ шкапъ и потомъ заперла его съ судорожною поспѣшностью.

— Что ты тамъ спрятала, Нахима жизнь? спросилъ онъ съ видомъ любопытства.

— Спрятала?... Ничего, ничего, отвѣчала она въ смертельномъ испугѣ, обѣими руками придерживая дверцы шкапа.—Я ничего не спрятала.

— Вѣдь я самъ же видѣлъ! своими глазами! воскликнулъ онъ нетерпѣливо.—Развѣ я ослѣпъ?

— На что тебѣ знать? жалобно проговорила Нахима, увидѣвъ, что ни къ чему непослужить ей отпираться.—На что тебѣ знать? Ты только смѣяться будешь надо мной.

— Скажи сейчасъ, или дай мнѣ взглянуть.

— Я тебѣ сама скажу, воскликнула Нахима съ усиленіемъ, какъ будто бы ей приходилось открыть ужасную тайну. Сердце ея разрывалось. Я тебѣ сама скажу. Покойная матушка (миръ ея праху!) всегда говорила: когда уѣзжаешь откуда-нибудь, и думаешь туда воротиться, нужно только тамъ оставить любимую вещь. Я спрятала въ шкапъ коралловую цѣпочку... ты мнѣ подарилъ ее двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

— Такъ ты думаешь сюда вернуться? спросилъ реббъ Шломе, какъ бы удивленный.

Нахима не отвѣчала. Грудь ея судорожно сжалась, сдержанныя рыданія душили ее. Ей казалось, что настала ея послѣдняя минута.

— Тебѣ не хочется уѣзжать отсюда, Нахима? прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Изъ груди Нахимы вырвался звукъ, какой ни разу еще не оглашалъ этой комнаты. То не былъ человѣческой вопль—охотникъ на вершинахъ Альповъ можетъ слышать такой стонъ, когда его смертоносная пуля попадетъ прямо въ сердце звѣря.

— Развѣ ты меня спрашивалъ, хочу ли я ѣхать? наконецъ вырвалось изъ устъ женщины, долго сносившей оскорбленіе и униженіе:—развѣ ты меня спрашивалъ?

— Матушка, матушка жизнь моя! воскликнулъ Аншель среди молитвы.—Ради Бога, только не теперь..

— Развѣ я говорю что-нибудь? прошептала она слабымъ голосомъ; она уже успѣла успокоиться.

Реббъ Шломе не сказалъ ни слова. Онъ быстрымъ шагомъ ходилъ назадъ и впередъ по комнатѣ. О чемъ онъ думалъ?... Нахима заперла шкапъ и стала у окна. Она не могла плакать.

Аншель и Элія продолжали молиться, какъ будто бы ничего не случилось. Но вотъ они окончили молитву и сняли съ себя тефилинъ.

— Вы готовы? сказалъ реббъ Шломе:—такъ ѣдемъ!

Реббъ Шломе первый вышелъ изъ комнаты; за нимъ Аншель и Элія; Нахима послѣдняя покинула старое жилище; уходя, она еще разъ взглянула на шкапъ. Думала ли она о коралловой цѣпочкѣ?

Когда уже всѣ усѣлись въ фуру, среди нагроможденныхъ пожитковъ, Тилля вдругъ закричала.

— Боже мой! Дядя Коппель! Мы его совсѣмъ забыли.

Онъ шелъ къ нимъ медленнымъ шагомъ, осторожно неся драгоценный мизрахъ. Аншель очистилъ ему мѣсто подлѣ Тилли, и онъ усѣлся между старыми пожитками, прислонясь головой къ сундуку, не выпуская изъ рукъ своего неизмѣннаго Могень Довида, найденнаго въ лѣсахъ палестинскихъ.

Аншель заперъ ворота дома... и фура двинулась.

II.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда наши переселенцы достигли мѣста назначенія. Эти капельки, которыя по утру дали поводъ къ разговору между Тиллей и приверженцемъ Авессалома, въ продолженіи дня превратились въ мелкій, но частый дождикъ, который портилъ дорогу и наводилъ уныніе на душу путешественниковъ. Никто этого не высказывалъ, но всѣмъ казалось, что имъ придется плыть цѣлыми недѣлями по морскимъ волнамъ; надъ ними сѣрое небо, подъ ними обманчивыя воды, а вокругъ все пустота, пустота... Дорогой всѣ почти молчали; никто не находилъ слова, которое могло бы хоть на четверть часа разогнать всеобщую тоску, потому что всѣхъ томилъ, въ душѣ каждаго все еще раздавался страшный вопль, вырвавшійся изъ груди Нахимы. Она сама, такъ неожиданно выступившая на первый планъ въ семействѣ, она сама цѣлый день сидѣла молча на тряской, скрипучей фурѣ, не охраняла своего лица отъ дождевыхъ капель, и даже не вытирала ихъ, такъ что лицо могло казаться облитымъ слезами. Мужъ и дѣти сошли

съ фуры, потому что ловче идти пѣшкомъ, говорили они; можетъ-быть потому они не могли различать, слезы ли, или дождевыя капли катились по блѣднымъ щекамъ Нахимы? Они не знали, что Нахима была не въ силахъ плакать!

Она задрожала всѣмъ тѣломъ, когда подъ вечеръ реббъ Шломе вдругъ закричалъ: «Вотъ! вотъ! еще маленькая горка, — и мы и пріѣхали!» Она тряслась какъ въ лихорадкѣ, и должна была судорожно придерживать за сидѣнье, когда проѣхали и эту горку, и они вдругъ увидѣли передъ собою деревню, сквозь туманную завѣсу вечерняго дождя.

— Гдѣ нашъ домъ? закричала Тилля и хотѣла было спрыгнуть съ фуры. Но она такъ быстро нагнулась впередъ, что задѣла мизрахъ дяди Коппеля: мизрахъ съ трескомъ упалъ на землю, и въ темнотѣ нельзя было его найти. Старикъ сталъ охать и жаловаться, что Тилля сдѣлала это нарочно; вѣдь она издавна терпѣть не можетъ его мизраха. Ну ужъ конечно, если не найдутъ мизрахъ, онъ не поѣдетъ съ ними, онъ останется на большой дорогѣ, они могутъ съ нимъ дѣлать, что хотятъ.

Аншель опять сталъ искать на землѣ, и наконецъ ему удалось найти потерянное сокровище подъ колесами фуры; къ счастью, оно осталось невредимо, и дядя Коппель тотчасъ же успокоился.

— А теперь вы всѣ сидите смирно, сказалъ реббъ Шломе.— Не сходить съ фуры. Развѣ нужно, чтобы всѣ сейчасъ узнали, что въ деревню пріѣхали Еврей? Не нужно также, чтобы они подумали, что пріѣхали нищіе.

Аншель неохотно повиновался этому приказанію; ему бы хотѣлось побѣжать впередъ, и первому войти въ новое жилище, чтобы потомъ встрѣтить другихъ. Въ душѣ Нахимы опять зашевелился невысказанный вопросъ:

— Развѣ онъ стыдится того что онъ Еврей? Развѣ онъ думаетъ, что поселянинъ лучше Еврея?

Всѣ опять разсѣлись, и фура со скрипомъ двинулась впередъ.

Уже стали отдѣлаться, среди ночнаго мрака, первые дома деревни, издали замерцали огоньки,—вдругъ, подлѣ самой фуры, раздался выстрѣлъ; въ ту же минуту темная фигура перебѣжала черезъ дорогу и поспѣшно скрылась по направленію къ деревнѣ.

— Боже мой, что это такое? воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

Аншель хотѣлъ спрыгнуть внизъ, но мать удержала его почти съ сверхчеловѣческой силой.

— Если тебѣ дорога жизнь матери, воскликнула она,—то не сходи, ты идешь на смерть. Они всѣ сговорились убить насъ за то, что мы хотимъ поселиться у нихъ въ деревнѣ.

— Перестань ребячиться, Нахима, сказалъ реббъ Шломе, хотя и имъ овладѣлъ страхъ,—зачѣмъ имъ убивать насъ?

Лошади, испуганныя выстрѣломъ, вдругъ стали, извощикъ закричалъ на нихъ, и онѣ вновь потянули; но на первыхъ шагахъ онѣ опять остановились; казалось, ихъ что-то приковывало къ землѣ. По дорогѣ какъ будто бы ползали и клубились какія-то темныя змѣи. Въ кустахъ все зашевелилось, до ушей перепуганныхъ путешественниковъ долеталъ какой-то неясный шопоть, какой-то подавленный смѣхъ. Но вдругъ шопоть и смѣхъ перешли въ громкое пѣніе; хоръ, составленный изъ цѣлой сотни голосовъ, дѣлался все громче и яснѣе, наконецъ можно было различить напѣвъ и слова.

На голосъ всѣмъ извѣстной тогда уличной пѣсни, пѣли слѣдующее:

Пишетъ къ вамъ Еврей цидулку,
Съ вами вадумалось, молъ, жить,
Заведу, молъ, скоть и поле,
Землю научусь пахать!

Громкій взрывъ хохота послѣдовалъ за окончаніемъ пѣсни, сочинитель которой, вѣроятно, участвовалъ въ хорѣ. Переселенцы прислушивались, растерянные, перепуганные. Не къ нимъ ли это относилось? Не ихъ ли поднимали на смѣхъ? И что будетъ послѣ? Между тѣмъ хохотъ умолкъ, въ кустахъ все утихло, вокругъ не видно было ничего... все успокоилось какъ бы по условленному знаку.

— Чтò ты на это скажешь, отецъ? воскликнулъ Аншель, который первый оправился отъ испуга.—Я побѣгу за ними!

— Нѣтъ, нѣтъ, ради самого Бога, закричала Нахима.—Они тебѣ убьютъ. Развѣ ты не слышала?..

— Я ничего не слыкала, глухо проговорилъ реббъ Шломе.—Какое намъ дѣло до того, чтò они поютъ?

— Отецъ правъ, сказалъ Аншель.— Это вовсе до насъ не касается.

— Вѣдь мы имъ ничего не сдѣлали! робко прошептала Тимл.

— Пройдетъ! сказалъ реббъ Шломе.—Чтò они могутъ имѣть противъ насъ? Вѣдь я купилъ свою землю на звонкія деньги! Я ея не укралъ!

Однако суматоха не проходила. Вдали опять раздались смѣхъ и пѣніе, и до путешественниковъ стали долетать слова:

Съ мужичкомъ Еврей спознался,
Тотъ и этотъ сталъ умнѣй.
Было время, и минуло,
Насъ обманывалъ Еврей.
Но теперь иное время,
Время вольное, вольготное:
Все равно, что жидъ, что пахарь,
Все равно, что попъ, что баринъ.
Всѣ мы вольны, всѣ мы равны!

— Это не насмѣшка, радостно воскликнула Тилля,—слышите ли, они говорятъ, что мы теперь всѣ равны?

Реббъ Шломе, по видимому, былъ того же мнѣнія. Онъ поднялся на фурѣ и закричалъ изо всѣхъ силъ, по по направленію къ тому мѣсту откуда слышались голоса:

— Теперь мы всѣ братья. Пойдите сюда познакомиться съ нами.

Нахима со слезами умоляла его молчать: они погибли, если онъ подзоветъ дикую толпу. Если Господь не дастъ ей сегодня умереть, она вѣкъ не забудетъ этой ночи—такіе ужасы ни съ кѣмъ еще не случались.

Среди этихъ жалобъ, на ея лицо вдругъ упалъ яркій свѣтъ. Нахима вскрикнула; этотъ внезапный лучъ укололъ ея глазъ, какъ острое оружіе.

— Шма Йизраозлы! воскликнулъ Аншель.

— Пожаръ!

— Гдѣ, гдѣ? съ ужасомъ воскликнулъ реббъ Шломе.—Ужь не въ нашемъ ли....

Онъ не успѣлъ договорить, его прервала Нахима; блѣдная какъ смерть, освѣщенная яркимъ заревомъ, она закричала страннымъ голосомъ:

— Гдѣ же, если не въ нашемъ домѣ? Боже милосердый! Они подожгли нашъ домъ! Все сгорѣло, все пропало! Теперь мы нищіе!

Зарево распространилось съ страшною быстротой; вскорѣ все небо запылало желто-багровымъ блескомъ. При этомъ видѣ онѣмѣли всѣ сердца; безъ словъ, безъ движеній они смотрѣли на пламя, пожиравшее все ихъ богатство, ихъ надежды, ихъ будущность.

— Боже Всемогущій! наконецъ простоналъ реббъ Шломе.

— Развѣ они бьютъ въ набатъ? спросилъ изъ фуры плаксивый голосъ дяди Коппеля.

Аншель до сихъ поръ стоялъ какъ окаменѣлый, не сводя глазъ съ ужаснаго зрѣлища; вопросъ слабоумнаго дяди заставилъ его опомниться изъ этого полусна. Онъ чувствовалъ, что волосы дыбомъ становятся на его головѣ, и что его охватываетъ смертельный холодъ.

— Нѣтъ, они не бьютъ въ набатъ, проговорилъ онъ, и зубы его стучали какъ въ лихорадкѣ.—Ничто не шелохнется. Они вѣрно заколотили пожарныя трубы и отрѣзали веревки колоколовъ.

Минуту спустя, онъ закричалъ далеко разносившимся голосомъ:

— Имъ это даромъ не пройдетъ, я въ томъ клянусь!

— Чтѣ ты хочешь сдѣлать? воскликнула перепуганная Нахима.

— Останьтесь, останьтесь всё, закричалъ онъ поспѣшно.— Я бѣгу въ деревню, посмотрю, нельзя ли что-нибудь спасти... Если женѣтъ...

Напрасно за нимъ раздался крикъ матери, онъ уже не слышалъ его. Быстрыми шагами онъ бѣжалъ впередъ; вотъ онъ уже добѣжалъ до поворота, ведущаго въ деревню, наконецъ онъ исчезъ въ тѣни.

Нахима закрыла себѣ лицо платкомъ; она не хотѣла видѣть пламени, можетъ-быть въ эту минуту обхватывавшаго тѣло ея любимаго дѣтища. Куда онъ пошелъ? Могъ ли онъ возвратиться изъ среды этихъ варваровъ, которые зажгли ихъ домъ и покушались на ихъ жизнь?

— Ты объ немъ не безпокойся, Нахима жизнь, вдругъ заговорилъ дядя Коппель, приподнимаясь на фурѣ.— Вѣдь я держу въ рукахъ свой Могенъ Довидъ, и пока онъ у меня, съ Аншелемъ ничего не можетъ случиться.

Онъ, казалось, хотѣлъ употребить старую картину замѣсто щита, чтобъ отклонять отъ Аншеля всевозможныя опасности; онъ поднялъ свой мизрахъ высоко надъ головой, и воскликнулъ, обращаясь къ зареву:

— Не троньте его, не троньте его, я, Коппель, повелѣваю вамъ, во имя царя Давида.

Между тѣмъ Нахима не замѣтила, что другой сынъ удалился отъ нея.

Элія послѣдовалъ за братомъ.

III.

Аншель добѣжалъ до деревни съ безумною быстротою. Передъ нимъ багровое зарево, все шире и шире охватывавшее небо, за нимъ раздирающій крикъ матери... все это повергло его въ такое смятеніе, что, еслибъ бездна вдругъ раскрылась у его ногъ, онъ бы не замѣтилъ ея. Гнѣвъ и бѣшенство кипѣли въ его душѣ; онъ жаждалъ мщенія. Такъ они точно зажгли домъ его отца? Такъ это пламя точно пожирало обломки ихъ богатствъ? Одна сверхъестественная сила могла бы его остановить въ его бѣгѣ и заставить его опомниться.

Такъ онъ добѣжалъ до середины деревни, не встрѣтивъ никого; но тутъ онъ былъ принужденъ остановиться; обезсилѣвъ отъ усталости, онъ чуть не упалъ у садоваго забора. Онъ долженъ былъ ухватиться за перекладину, и не замѣтилъ въ эту минуту, что онъ наткнулся рукою на торчащій гвоздь. Онъ огля-

нулъ вокругъ мутными глазами; окровавленную рукой онъ провель по своему смертельно-блѣдному лицу, съ котораго катился холодный потъ. И тутъ въ первый разъ ему мелькнула мысль, заставившая его призадуматься.

Чего онъ здѣсь хотѣлъ? Горѣла ли деревня? Горѣлъ ли ихъ домъ? Все было тихо вокругъ него, ничто не шевелилось; ни одно окно по всей улицѣ не было освѣщено; ни одна дверь не была открыта. Вѣдь когда бываетъ пожаръ, всегда бьютъ въ набатъ, люди бѣгутъ съ испугомъ? Но откуда же это зарево?

Въ эту минуту въ немъ пробудился какой-то страхъ; его пугала эта мертвая тишина, которая скрывала въ себѣ еще болѣе ужасовъ, чѣмъ пожаръ. Тамъ, за этими закрытыми окнами, они вѣрно сидятъ и подстерегаютъ его... Не лучше ли ему воротиться?

— Боже милосердый! проговорилъ онъ вслухъ.— Неужели это все за то, что мы Евреи?

— Кто это здѣсь говорить? закричалъ за нимъ звонкій дѣвичій голосъ.

Аншель обернулся въ испугъ; при невѣрномъ освѣщеніи зарева, онъ увидѣлъ человѣческую голову, наклонившуюся черезъ заборъ.

— Исусъ, Марія, Іосифъ! съ ужасомъ закричала дѣвушка, увидѣвъ его, и поспѣшно отскочила назадъ.

Аншель самъ испугался ея восклицанія: что оно могло значить?

Минуту спустя, дѣвушка какъ будто бы ободрилась; она закричала черезъ заборъ на чешскомъ языкѣ:

— Уходи отсюда, или я спущу собакъ.

— Что же я тебѣ сдѣлалъ? воскликнулъ Аншель съ удивленіемъ.

Вѣрно въ его голосѣ было что-то внушающее довѣріе, потому что дѣвушка вскорѣ сказала:

— Развѣ честные люди крадутся ночью около домовъ?

Взбѣшенный этимъ обвиненіемъ, Аншель воскликнулъ:

— Кто это говорить, что я не сынъ честныхъ родителей? Желалъ бы я знать!

Въ отвѣтъ ему за заборомъ раздался насмѣшливый хохотъ:

— Хвастаетъ, что онъ сынъ честныхъ родителей, а у самого все лицо въ крови, какъ будто бы кого-нибудь убилъ! сказала дѣвушка.

Аншель вздрогнулъ при этихъ словахъ. Онъ невольно провель рукою по лицу и увидѣлъ, что рука его вся въ крови... Въ то же время рана стала сильно болѣть.

— Я себѣ вѣрно исцарапалъ руку гвоздемъ, сказалъ онъ впол-

голоса,—когда я ухватился за этотъ столбъ. Я такъ скоро бѣжалъ къ пожару, что совсѣмъ не могъ держаться на ногахъ.

— Гдѣ же пожаръ? спросила дѣвушка съ удивленіемъ.

— Развѣ не горитъ здѣсь, въ деревнѣ? спросилъ Аншель.— Развѣ не горитъ домъ? Онъ не смѣлъ продолжать, а дѣвушка сказала самымъ увѣреннымъ тономъ:

— У насъ въ деревнѣ ничего не горитъ.

При раздраженномъ настроеніи Аншеля, не удивительно, что спокойныя слова дѣвушки возбудили въ немъ подозрѣніе. Не оттого ли она такъ говоритъ, промелькнуло въ его умѣ, чтобы тебя задержать и не дать тебѣ спасти послѣднее имущество твоихъ родителей?

Эта мысль сдѣлала его неосторожнымъ. Онъ спросилъ суровымъ голосомъ:

— Знаешь ли ты меня?

— Нѣтъ, простодушно отвѣчала дѣвушка.

— Я сынъ того человека, который здѣсь купилъ мызу, сказалъ Аншель уग्रюмо.

— Новаго Жида? громко закричала дѣвушка.

Отчего Аншель боязливо оглянулся? Отчего дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ?

— Да, сказалъ онъ вполголоса.—Что жъ тебѣ до этого? Развѣ ты меня все еще принимаешь за разбойника?

Дѣвушка отозвалась на его слова радостнымъ восклицаніемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? закричала она. — Добро пожаловать къ намъ!

Аншель видѣлъ, что она ему протягиваетъ руку черезъ заборъ. Но долженъ ли онъ ее пожать? Знаетъ ли онъ, съ какимъ намѣреніемъ она протянула? Въ немъ родилась внезапно недовѣрчивость, и онъ не отвѣчалъ на неожиданное привѣтствіе дѣвушки, и не коснулся ея руки.

— Развѣ ты меня боишься? сказала дѣвушка смѣясь, и въ ту же минуту отдернула руку.

Рука эта прошла такъ близко отъ Аншеля, что она чуть-чуть не коснулась его щеки; теперь, когда она исчезла, ему показалось, какъ будто бы что-то свѣтлое потонуло во мракѣ ночномъ; его окружала глубокая тьма, и опять имъ овладѣлъ неясный страхъ.

— Говорять... произнесъ онъ робко, какъ бы извиняясь:—говорять... они не хотятъ здѣсь новаго Жида. Они поклялись, и не хотятъ, чтобы онъ здѣсь жилъ.

Аншель не задумался произнести эту явную ложь, противъ которой во всякое другое время возмущился бы его правдивый и открытый нравъ; теперь же его влекла какая-то непреодолима

сила во что бы то ни стало оправдать себя передъ незнакомою дѣвушкою. И, полно, сознавалъ ли онъ, что онъ сказалъ неправду? Недавній испугъ, багровое зарево и опустѣлая деревня такъ сильно потрясли его душу, что воображаемое стало для него дѣйствительностью.

Голосомъ непритворной жалости дѣвушка сказала:

— Неужели? Я не знала, что въ нашей деревнѣ есть такіе дурные люди!

— Да, дурные люди! воскликнулъ Аншель съ прежнимъ гнѣвомъ.—Люди, которые не стыдятся подстергать другихъ на большой дорогѣ, чтобы лишить ихъ жизни, и поджигаютъ ихъ дома.

Казалось, дѣвушка съ минуту находилась въ нерѣшительности, какъ отвѣчать на это тяжкое обвиненіе; потомъ она разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Чему ты смѣешься? проговорилъ Аншель сквозь зубы.

— Какъ мнѣ не смѣяться, отвѣчала она весело.—Вотъ стоитъ человѣкъ, и все говоритъ, говоритъ... а самъ не знаетъ про что онъ говоритъ!

— Я не знаю, про что я говорю? закричалъ Аншель въ сердцахъ.

— Когда человѣкъ рассказываетъ про дурныхъ людей, которые подстерегаютъ его на дорогѣ и подожгли его домъ, а самъ стоитъ-себѣ и разговариваетъ, развѣ онъ знаетъ что говорить? сказала дѣвушка.

Лицо Аншеля покрылось жгучимъ румянцемъ. Вѣдь она говорила правду! Вѣдь онъ точно стоялъ здѣсь и только раздобарывалъ! Онъ забылъ и родителей, и домъ, и имущество! Передъ нимъ все еще пылало зарево, а онъ все стоитъ какъ околдованный и слушаетъ рѣчи «глупой» крестьянки.

— Вижу, сказалъ онъ сердито,—ты такая же, какъ всѣ другіе, ты хочешь только задержать меня. А между тѣмъ и домъ, и дворъ могутъ сгорѣть до тла!

Дѣвушка опять залилась смѣхомъ. Въ досадѣ и негодованіи, Аншель отвернулся отъ забора. Въ эту минуту онъ готовъ былъ разбить въ дребезги все, что ни попало бы ему подъ руку, такая въ немъ кипѣла злость. Не трудно переносить оскорбленія отъ врага, съ которымъ встрѣчаешься лицомъ къ лицу для равнаго боя; но только смиренный трусъ терпитъ насмѣшки, направленные на него изъ-за вѣрной засады.

Итакъ, Аншель отвернулся отъ забора и удалился тяжелыми шагами. Пусть она слышитъ, что онъ ушелъ, пусть она почувствуетъ, что онъ ушелъ въ сердцахъ. Тайное чувство говорило ему, что его внезапный уходъ оскорбитъ и огорчитъ дѣвушку. Этого онъ и хотѣлъ: пусть она знаетъ, что значитъ обидѣть его.

Но онъ не прошелъ десяти шаговъ, какъ дѣвушка закричала ему вслѣдъ: «нѣслушай!» такимъ твердымъ, почти повелительнымъ голосомъ, что онъ не могъ не обернуться.

— Чего ты хочешь? спросилъ онъ.

Она сперва не отвѣчала, но потомъ проговорила запинаясь, не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

— Вотъ ты и бѣжишь... какъ полоумный! Или ты хочешь показаться людямъ съ окровавленнымъ лицомъ? Какъ тебѣ не стыдно!

Аншель не зналъ что съ нимъ дѣлается. Долженъ ли онъ говорить? Долженъ ли онъ подавить слова, готовымъ вырваться изъ глубины его души? Новая жизнь, чувства, доселѣ ему неизвѣстныя, вдругъ пробудились въ немъ, и такъ сильно и внезапно охватили все его существо, что онъ не былъ въ состояніи связать ни одной мысли.

— Ну не полоумный ли ты? повторяла дѣвушка, смѣясь, — что бѣжишь сломя голову, словно сдѣлалъ какое дурное дѣло? Подожди немного, а сейчасъ приду.

Сердце Аншеля все сильнѣе и сильнѣе волновалось съ каждымъ словомъ дѣвушки; какъ бы чуя приближеніе невѣдомаго блаженства, онъ остановился и прислонился къ забору.

Онъ ждалъ, притаивъ дыханіе, и нѣсколько минутъ спустя, дѣвушка закричала:

— Вотъ тебѣ... Положи это на лицо и утри кровь... а то, страшно на тебя смотрѣть.

Аншель стоялъ у самаго забора, но лицомъ къ деревнѣ, а не къ дому, изъ котораго слышался голосъ дѣвушки. Вдругъ онъ почувствовалъ на лицѣ какую-то холодную, рѣзкую боль: на него упало что-то мокрое. Аншель вздрогнулъ, но вскорѣ увидѣлъ, что это платокъ, обмокнутый въ холодную воду. Тутъ только онъ понялъ намѣреніе молодой крестьянки.

— Что, хорошо? спросила она опять.

Аншель не въ силахъ былъ отвѣчать.

— Подержи платокъ на лицѣ, продолжала она, и не говори глупостей! Неужели ты точно думаешь, что въ нашей деревнѣ есть люди, которые не хотятъ съ вами жить? или что они васъ подстерегли, чтобы васъ убить? Отецъ—онъ здѣсь судьей—всегда говоритъ: «Теперь Жиды ничѣмъ противъ насъ не взяли; теперь, когда мы всѣ свободны, теперь-то и окажется, что Жиды пренечастные люди. Мы ихъ должны на рукахъ носить, если они сюда придутъ, говорилъ онъ недавно, хороша была бы свобода, еслибы Жидъ не могъ сдѣлаться поселаниномъ!» А ты думаешь, что такой человекъ позволить, чтобы новому Жиду подожгли домъ и сожгли все его имущество? Совсѣмъ напротивъ: какъ они услышали, что къ намъ хочетъ поселиться Жидъ, они и придумали

къ вамъ идти на встрѣчу процессіею, съ факелами и музыкой—одинъ даже хотѣлъ звонить въ колокола. Но этого батюшка не позволилъ. «Евреи, сказалъ онъ, и прежде не были царями, и теперь не будутъ; съ ними надо обращаться какъ съ равными». Но они непремѣнно захотѣли сдѣлать что-нибудь; насчетъ процессіи они раздумали, да и священникъ не позволилъ бы. Но за то они придумали что-то еще лучше. Не правда ли, ты вообразилъ, что горитъ вся деревня, а вмѣстѣ и вашъ домъ? Глупый! Неужели ты думаешь, что между нами есть такіе дурные люди? Въ деревнѣ все цѣло, но выйди на поле, и ты увидишь, какъ тамъ все чудно освѣщено; всѣ поля такъ и горятъ! Вѣдь это лучше всякой процессіи съ музыкой! Поди, посмотри самъ: ты увидишь какъ хорошо!

Трудно выразить, до какой степени простые слова дѣвушки потрясли душу Аншеля. Когда она начала говорить, его волновали сомнѣніе и страхъ; неожиданное извѣстіе о дружелюбныхъ намѣреніяхъ поселянъ ему казалось то обманомъ, то истиною. Но по мѣрѣ того какъ онъ слушалъ дѣвушку, онъ все яснѣе узнавалъ въ ея словахъ отпечатокъ искренности и задушевности. Ему показалось, что вокругъ него все вдругъ переѣнилось, посвѣтлѣло; страхъ и досада отпали отъ его души какъ иссохшіе листья; и, на мѣсто ихъ, въ ней воцарилось радостно-спокойное настроеніе.

Говорить онъ еще былъ не въ силахъ; онъ прижималъ къ лицу сырой платокъ, брошенный ему дѣвушкой, но платокъ не могъ освѣжить его горячаго лба. Наконецъ онъ воскликнулъ:

— Такъ я виноватъ передъ тобою! Ты должна на меня сердиться.... Скажи, ты сердилась?

— Платокъ у тебя? спросила дѣвушка послѣ тягостной минуты молчанія.

— Да, отвѣчалъ Аншель запинаясь.

— Я не сержусь, проговорилъ тихій голосъ, близехонько отъ него.

Аншель повернулъ голову и вздрогнулъ: къ нему нагнулось нѣжное личико, съ кроткими, темными глазами.

Онъ никогда не видалъ такой красоты. И неужели эта дѣвушка—простая поселянка?

— Вотъ тебѣ рука... Ты теперь не боишься взять ее?

Аншель робко протянулъ руку. Но, въ ту же минуту какъ онъ коснулся руки дѣвушки, ею самою какъ будто бы овладѣлъ внезапный страхъ. Она поспѣшно отдернула руку, и провела ею по лицу.

— Иди теперь, проговорила она невѣрнымъ голосомъ. Скоро возвратятся всѣ наши.

Аншель пошелъ, не оглядываясь. Онъ шелъ впередъ съ холодно-

сырымъ платкомъ на лицѣ, и самъ не зналъ куда. Таинственный ужасъ, внезапно овладѣвшій дѣвушкою, охватилъ и его; онъ не могъ оставаться.

Боялась ли она, что онъ еще не ушелъ? Она нагнулась черезъ заборъ и прислушивалась, сквозь ночную тишину, къ удаляющимся шагамъ незнакомаго юноши. Вдругъ она вскрикнула въ испугъ и отскочила назадъ.

— Развѣ ты еще здѣсь? воскликнула она вздрагивая. — Иди, иди, прошу тебя, прибавила она, дѣлая рукою оборонительное движеніе.

Она встрѣтила жгучій взглядъ двухъ черныхъ глазъ, уже давно смотрѣвшихъ черезъ заборъ. Были ли то глаза Аншеля? Когда дѣвушка заговорила, они вдругъ скрылись. Темная фигура удалилась быстро, едва слышными шагами. Дѣвушка убѣжала въ домъ.

IV.

Аншель не пошелъ смотрѣть на огонь; въ задумчивости, самъ того не замѣчая, онъ вышелъ изъ деревни и повернулъ на большую дорогу. Вдругъ его испугали шаги, какъ будто преслѣдовавшіе его; озираясь, при слабомъ освѣщеніи еще не погасшаго огня, онъ узналъ брата.

— Элія! воскликнулъ онъ въ изумленіи.—Откуда ты?

— А ты откуда? спросилъ тотъ беззвучнымъ голосомъ.

— Я, проговорилъ Аншель запинаясь.—Я... былъ у огня.

— И я тамъ былъ, сказалъ бохеръ.

Они, молча, шли рядомъ. Или имъ не о чѣмъ было спросить другъ друга?

Наконецъ Аншель заговорилъ первый:

— Видѣлъ ли ты, какъ поселяне чудно освѣтили поля намъ въ честь? Право; какъ будто бы пріѣхалъ императоръ, а не Еврей....

— Скажи лучше, глухо прервалъ Элія,—что они въ состояніи бросить насъ въ этотъ же огонь, зажженный сегодня въ нашу честь.

— Что ты? воскликнулъ Аншель съ жаромъ.—Эти поселяне? Да они будутъ насъ на рукахъ носить.

— Тебя, можетъ-быть, отвѣчалъ Элія тѣмъ же сухимъ, безстрастнымъ голосомъ.

Аншеля какъ будто бы что-то укололо въ сердце; онъ сдѣлалъ движеніе рукою, какъ бы желая остановить рѣчь брата, не дать ему выговорить роковое слово. Потомъ онъ сказалъ съ улыбай:

— Развѣ я не то же самое, что вы? Развѣ мы не дѣти одного отца?

— А я тебѣ говорю, Аншель, сказалъ Элія мрачно, — остерегайся этихъ поселанъ.

Странно! Аншель не помнилъ, чтобы съ самаго дѣтства былъ у него съ братомъ такой длинный разговоръ; никогда, по крайней мѣрѣ, Элія при немъ не выражался такъ положительно. Потому-то именно, слова его произвели на Аншеля какое-то странное, пугающее и потрясающее дѣйствіе.

Онъ продолжалъ идти молча подлѣ брата, по темной дорогѣ. Никто изъ нихъ уже не обращалъ вниманія на догаравшіе огни.

Родители ихъ ждали на томъ же самомъ мѣстѣ, откуда они побѣжали съ такою безумною быстротою. Нахима сидѣла на фурѣ съ Тиллей и дядей Коппелемъ, между тѣмъ какъ реббъ Шломе стоялъ не вдалекѣ, не сводя глазъ съ блѣднѣвшаго зарева. Когда братья подошли, ихъ не встрѣтили ни жалобы, ни вопли. Реббъ Шломе поспѣшно пошелъ къ нимъ на встрѣчу.

— Ну что? спросилъ онъ тихо, какъ бы желая узнать отъ нихъ наединѣ страшную вѣсть. — Вѣдь право можно посѣдѣть отъ ожиданія и.... страха.

— Все хорошо, отецъ, жизнь моя, отвѣчалъ Аншель громко. — Ничего не случилось.

— Не говори такъ громко при *ней*, воскликнулъ реббъ Шломе почти съ испугомъ, указывая ему взглядомъ на фуру, — это можетъ ее убить.

Голосъ Аншеля понизился до шепота.

— Ты думаешь, что они хотѣли зажечь нашъ домъ, сказалъ онъ поспѣшно, — или собрались насъ убить? Ты совершенно ошибаешься. Ничего у насъ не пропало; напротивъ, поселане намъ рады... Чтобы намъ это показать, они освѣтили поля, чудо, какъ хорошо! Какъ будто бы пріѣхалъ императоръ. Никто въ деревнѣ насъ не обидитъ.

Оттого ли что Аншель говорилъ такъ странно и несвязно, съ видимою разсѣянностію, проглядывавшею сквозь его торопливую рѣчь, или оттого что еще не успѣло изгладиться впечатлѣніе недавняго страха, реббъ Шломе покачалъ недовѣрчиво головою. Онъ, которому слѣдовало бы радостно привѣтствовать извѣстіе, принесенное Аншелемъ, онъ не могъ скрыть сомнѣнія въ истинѣ его словъ.

— Шма Йизроэль! закричалъ онъ громко. — Можетъ ли это быть? Мы всѣ напрасно пугались и дрожали? А выходитъ, что *они* только пошутить съ нами хотѣли? Да ты точно ли видѣлъ?..

— Батюшка, вѣдь я тебѣ говорю, прервалъ Аншель не твердымъ голосомъ.

— Не вѣрь ему, не вѣрь! закричала Нахима съ фуры. Отъ ея тонкаго слуха, изощреннаго безпокойствомъ, не ускользнуло ни одно слово изъ предыдущаго разговора. — Его слова — жалкая ложь; онъ тебя станетъ увѣрять, что крестьяне тебя хотятъ выбрать царемъ, а они ничего другаго не хотятъ, какъ всѣхъ насъ погубить.

— Мать жизнь моя! воскликнулъ Аншель и съ такимъ ужасомъ, какъ будто бы передъ нимъ совершилось что-то чудовищно-страшное.

Одинъ только изъ всего семейства могъ бы узнать въ этомъ возгласѣ голосъ пораженной совѣсти, но онъ молчалъ.

Странныя бываютъ противорѣчія въ душѣ человѣческой! Тотъ самый, кто первый усомнился въ правдивости разказа Аншела, теперь, услышавъ обвиненіе Нахимы, былъ готовъ вступить за сына.

— Зачѣмъ же, сердито закричалъ реббъ Шломе,—зачѣмъ же онъ станетъ лгать? Такъ вы непременно хотите, чтобы поселане точно подожгли мой домъ. Вы хотите, чтобы они выжили меня отсюда, какъ собаку? Нѣтъ! Врагамъ моимъ не удастся посмѣяться надъ реббомъ Шломе! Я останусь злѣсь, хотя бы поселане захотѣли меня самого бросить въ огонь. Пусть они пробуютъ!

Казалось, этотъ взрывъ гнѣва возвратилъ ему присутствіе духа и обычную власть надъ собою. Онъ твердымъ голосомъ приказалъ извощику ѣхать въ деревню и ни на что не обращать вниманія; и любопытно было видѣть, какой быстрый переворотъ рѣшительный тонъ его произвелъ въ настроеніи всѣхъ.

— Да, да, отецъ, жизнь моя, закричала Тилла съ фуры, на которой она до сихъ поръ сидѣла молча и не шевелилась.—Да, да, ты всегда говоришь правду! Нельзя же оставаться на большой дорогѣ?

Эти слова малютки невыразимо утѣшили ребба Шломе. Онъ сказалъ самымъ мягкимъ, ласковымъ голосомъ:

— Да хранить тебя Богъ, мое доброе, безцѣнное дитя. Ты въ семьѣ у насъ малое дитя, а и большимъ не худо брать при-мѣръ.

Потомъ почти веселымъ голосомъ,—такъ его душа освѣжилась сочувствіемъ, которое онъ встрѣтилъ въ дочкѣ,—реббъ Шломе опять закричалъ:

— Дядя Коппель, что говорить вашъ Могенъ-Довидъ? Можно ли ѣхать?

Плаксивый голосъ отвѣчалъ изъ фуры:

— На небѣ взошли три звѣзды; пришло время закусить.

— Видите ль, видите ль! воскликнулъ реббъ Шломе смѣясь.—Дядѣ Коппелю захотѣлось съѣсть чего-нибудь тепленькаго!

Ужь мы васъ поподчуемъ, дядя Коппель, хотя сегодня не Йомъ Киппуръ.

Однако никто не отозвался на его шутливыя слова; всѣ сидѣли молча, печально поникнувъ головою.

Лошади опять тронулись; фура вкатилась въ темную деревню; у тѣхъ, которые на ней сидѣли, все мрачнѣе становилось на душѣ; имъ почти казалось, что они никогда не пріѣдутъ, а вѣчно будутъ катиться по темному, безпредѣльному пространству. Въ деревнѣ все еще царствовало молчаніе; только слабый отблескъ огней освѣщаль небо. Не возвратились ли тѣ, которые приготовили имъ такое печальное новоселье? Не сидятъ ли они въ засадѣ за этими не освѣщенными окнами?

Это глубокое безмолвіе наконецъ стало тягостно для самаго ребба Шломе.

— Скоро мы доѣдемъ до нашего дома? спросила Тилля не твердымъ голосомъ. Происшествія и потрясенія этого дня отняли у нея обычную веселую смѣлость.

— Вотъ онъ, вотъ тамъ, сказалъ реббъ Шломе, указывая куда-то въ темную даль.

Тилля нагнулась впередъ, но не увидѣла ничего. Непроницаемый мракъ закрываль будущее жилище этой молодой, беззаботной души.

— Гдѣ? гдѣ? спросила она еще разъ.

— Оставь, оставь, съ досадою отвѣчалъ отецъ, обыкновенно любившій разговаривать съ малюткой, — домъ отъ тебя не уѣзжитъ.

Наконецъ они подъѣхали къ дому. Но когда лошади остановились, и они увидѣли передъ собою то незнакомое, чуждое жилище, которое должно было имъ замѣнить всю прежнюю обстановку, ими овладѣло какое-то тоскливое чувство. Никто не привѣтствовалъ новаго жилища; пугливые взгляды, невольные обращенные на темную, пустую улицу, ясно говорили, что страхъ и тревога не оставляютъ мѣста для улыбки. Даже «малютка» не озиралась съ любопытствомъ, а вѣдь она такъ нетерпѣливо ждала этой минуты!

Стали выгружать фуру, но молча и съ такою боязливою поспѣшностью, какъ будто бы нужно было скрыть краденое добро. Молча и машинально все перенесли въ комнаты, на которыя никто еще не посмотрѣлъ со вниманіемъ. Все разставили какъ попало и куда попало, да и было ли время что-нибудь убирать? Не преслѣдовала ли всѣхъ страшная мысль: какъ намъ здѣсь оставаться? какъ намъ здѣсь жить въ вѣчномъ страхѣ и въ вѣчной тревогѣ?

Когда всѣ вещи были внесены въ домъ, извощикъ уѣхалъ съ

своею фурою, и воцарилась тишина надъ мызою, въ которую однако только что прѣѣхало цѣлое семейство, тогда всѣми овладѣла усталость и жажда покоя послѣ тревожно-проведеннаго дня.

Ребѣ Шломе спросилъ-было: не думаетъ ли кто-нибудь «о своемъ желудкѣ», но никому не хотѣлось ѣсть, и самъ дядя Коппель забылъ объ обѣщанномъ ему угощеніи.

— Кто сегодня не ѣстъ, завтра поѣстъ вдвое, утѣшалъ себя ребѣ Шломе; но и онъ не захотѣлъ ужинать и первый бросился на приготовленную наскоро постель. Другіе скоро послѣдовали его примѣру; позднѣе всѣхъ легли Нахима и Аншель.

Можетъ-быть, покажется страннымъ, что, несмотря на душевную тревогу и безпокойство, вскорѣ на всѣхъ опустился благодатный сонъ; даже мать семейства не могла противостоять ему! Но она успокоилась не надолго; не прошло часу, какъ тоска и горе опять взяли свое, и Нахима съ крикомъ проснулась. Ей приснилось что-то ужасное, и когда она увидѣла себя въ темнотѣ, въ незнакомой, непривычной комнатѣ, ей вдругъ опять пришли на умъ всѣ происшествія этого дня. Ей стало страшно.

— Здорова ли ты, матушка жизнь? спросилъ тихій голосъ подлѣ нея.

Аншель также не могъ спать. Нахима должна была сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы вспомнить, что это голосъ ея сына.

— Развѣ я подлѣ тебя? спросила она, все еще подлѣ впечатлѣніемъ тяжелаго сна.

— Ты въ своей комнатѣ, въ своемъ домѣ, мать жизнь моя, сказалъ Аншель тихо.

— Въ *моей* комнатѣ? въ *моемъ* домѣ? отвѣчала она недовѣрчиво. Потомъ совершенно опомнившись, она почти закричала:—Мнѣ показалось, что я одна-одинехонька въ темномъ лѣсу!

— Успокойся, мать жизнь, умолялъ ее Аншель, которому показалось, что разсудокъ матери временно пострадалъ отъ впечатлѣній вчерашняго дня.—Успокойся! развѣ ты не видишь, что ты возлѣ своего Аншеля?

Нахима, точно, какъ будто бы успокоилась на минуту; но потомъ она разразилась судорожнымъ рыданіемъ, которое напрасно силилась подавить.

— Не плачь, матушка! говорилъ ей Аншель. — Все можетъ устроиться къ лучшему. Не мучь себя заранѣе. Вспомни, что я тебѣ сказалъ: ты наконецъ полюбишь деревню.

— Какъ мнѣ успокоиться! воскликнула Нахима съ отчаяніемъ:—я такъ обидѣла тебя, мое любимое дитя, и никогда, никогда не прощу себѣ этого! Я назвала тебя лгуномъ, дурнымъ, непокорнымъ сыномъ? А все это вышло отъ того, что я сама не знала что говорю, что у меня, отъ моего несчастья, голова пошла

кругомъ. Я сама себя не помнила, я готова была согрѣшить противъ самого Господа Бога.

Она долго еще говорила сквозь слезы и рыданія. Каждое ея слово острымъ ножомъ врѣзывалось въ сердце сына. Онъ хотѣлъ успокоить ее, и не могъ.

Что могъ онъ отвѣчать на эти самообвиненія, на эти горючія падавшія на него слезы? Не солгалъ ли онъ и въ самомъ дѣлѣ?...

— Да вѣдь ты не ошиблась, матушка! воскликнулъ онъ наконецъ въ порывѣ горя.—Я точно сказалъ неправду.

Въ эту минуту что-то шевельнулось въ противоположномъ углу комнаты.

— Молчи, молчи, шепнула Нахима, и вдругъ перестала плакать.

Аншель замолчалъ, и тѣмъ кончилась ихъ бесѣда.

V.

На другое утро, ясное, весеннее солнце вотще сіяло надъ деревней; нъ отъ его лучей не просвѣтлѣли печальныя лица, не согрѣлись оцѣпенѣлыя сердца. Всѣ встали такими же мрачными и угрюмыми, какими легли наканунѣ. Всѣми овладѣло боязливое уныніе, какъ будто бы сегодняшній день готовилъ имъ еще болѣе ужаса и тревоги, чѣмъ предыдущій.

Отчего же они такъ отчаивались въ будущемъ? Отчего они всѣ ослабѣли и обезсилѣли на порогѣ новой жизни? Не есть ли эта черта общая всѣмъ людямъ, которыхъ преслѣдуетъ древнее библейское проклятіе, гласящее, что трусливо сердце отступниковъ, въ землѣ враговъ ихъ; шорохъ падающаго листа ихъ пугаетъ; они бѣгутъ отъ него, какъ отъ меча иноплеменныхъ, и падаютъ, когда никто ихъ не гонитъ!

Они видѣли падающій листъ и испугались; но листъ упалъ и никакого шороха уже не было слышно, а между тѣмъ ихъ страхъ не разсѣялся, ихъ слабыя души не ободрились; въ нихъ таилось глубокое страданіе, на которое даже ласковое солнце не могло пролить своего живительнаго свѣта. Одна малютка, Тилля, осталась вѣрна своему обычному настроенію. Среди раскладки вещей и домашней утвари, она умѣла въ самомъ беспорядкѣ устроить нѣкоторый порядокъ. Она потребовала свой собственный сундукъ, спрятанный подъ другими большими ящиками, и удалась въ уголъ, стала разбирать его. Но вдругъ она явилась передъ семействомъ, причесаная, умытая и наряженная въ лучшее праз-

дичное платье. Никто этого не ожидалъ, и всѣ смотрѣли на престланное, ярко разряженное дитя, какъ на какое-то страшное явленіе.

— Боже милосердый! закричала Нахима, которой показалось весьма неприличнымъ поведеніе Тилли.

— Съ ума ли она сошла? Развѣ сегодня йонтефъ (праздникъ), что ты надѣваешь свое лучшее платье?

— Чтò это тебѣ вздумалось, Тилли, жизнь моя? спросилъ также реббъ Шломе; между тѣмъ онъ не могъ отвести глазъ отъ хорошенькаго личика дочки.

— Оставь меня, отецъ жизнь моя, сказала малютка умоляющимъ тономъ, но вмѣстѣ и съ какимъ-то рѣшительнымъ выраженіемъ лица, ясно показывавшимъ, что на этотъ разъ никакая угроза не принудить ее къ повиновенію. — Неужели можно принарядиться только что въ йонтефъ? Много развѣ такихъ дней въ году?

— Хорошо, хорошо, снисходительно сказалъ реббъ Шломе, — но что же сегодня за особенный день?

— Какой сегодня день? отвѣчала малютка съ видомъ изумленія. — Какой сегодня день? повторила она, окинувъ взглядомъ всѣхъ окружающихъ. — Развѣ вы не знаете? Мы сегодня первый день въ деревнѣ, и я разодѣлась въ честь деревни.

Никто не ожидалъ этого отвѣта, но онъ на всѣхъ подѣйствовалъ благотворно; сама Нахима невольно улыбнулась.

— Дай Богъ ей здоровья, воскликнулъ реббъ Шломе смѣясь. — Малютка опять права. Одинъ Господь знаетъ, откуда у нея берутся мысли. Я, старикъ, никогда бы не догадался.

Когда Тилли увидѣла всеобщее одобреніе ея страннаго поступка, она рѣшилась пойти еще далѣе. Она поспѣшно ухватилась за ручку двери.

— Куда, куда? спросилъ ее реббъ Шломе.

— Я сама еще не знаю, весело отвѣчала малютка. — Впервыхъ, я осмотрю домъ съ низу до верху; но пусть мнѣ никто не говоритъ, гдѣ что находится, я сама все отыщу. А потомъ, я пойду посмотрѣть на деревню, и себя показать.

— Какъ, ты хочешь идти одна? воскликнула Нахима съ безпокойствомъ.

— Отчего же не идти среди бѣла дня? живо отвѣчала Тилли, — я бѣ вчера пошла, еслибы не было такъ темно, а то ничего не взя было разсмотрѣть.

— Я тебя не отпущу одну, сказала Нахима рѣшительно.

— Боже мой! воскликнула Тилли умоляющимъ тономъ. — Чего же мнѣ бояться, вѣдь я никому не дѣлаю вреда, и никто меня не тронетъ, будьте покойны.

Нахима отрицательно покачала головою.

— Знаешь ли что, матушка, жизнь моя, воскликнула Тилля, обрадовавшись внезапному внушенію.—Я возьму съ собою дядю Коппеля, а онъ возьметъ свой могоень-довидъ, ужъ при немъ никто насъ не можетъ обидѣть.

Малютка говорила съ такимъ глубокимъ и серьезнымъ убѣжденіемъ, что всѣ невольно раскохотались. Реббъ Шломе давно не смѣялся такъ отъ души.

— Дядя Коппель! воскликнулъ онъ весело,—хотите ли пойти съ Тиллей?

Сѣдой обладатель знаменитаго Давидова цита по обыкovenію сидѣлъ скорчившись на одномъ изъ ящичковъ, стоявшихъ въ комнатѣ. Когда онъ услышалъ свое имя, его лицо оживилось слабымъ лучомъ пониманія. Онъ приподнялъ голову и посмотрѣлъ сперва на Тиллю, потомъ на другихъ.

— Хочешь пойти со мной, дядя? закричала малютка, возвысивъ голосъ, какъ обыкновенно говорить съ глухимъ.

— Въ темный лѣсъ? спросилъ онъ тихо, устремивъ на Тиллю внимательный взглядъ.

— Если хочешь, дядя, мы пойдемъ и въ темный лѣсъ, нетерпѣливо воскликнула Тилля.

Услышавъ это, дядя Коппель приподнялся съ необычною для него быстротой, все еще прижимая къ груди свой неразлучный могоень-довидъ. Должно быть, малютка знала волшебное слово, способное отъ времени до времени пробудить въ немъ жизнь.

Когда оба удалились, всѣмъ остальнымъ показалось, что у нихъ стало веселѣе и легче на душѣ, чѣмъ было въ продолженіи долгихъ недѣль. Съ новою бодростію принялись они расколачивать ящики и выкладывать изъ нихъ вещи; и сама Нахима, казалось, забыла, среди своихъ стараній все поскорѣе привести въ порядокъ, что каждая рубашка, каждое платье, которое она вынимала и клала въ шкапъ, должно быть ношено на ненавистномъ для нея мѣстѣ, гдѣ ее уже встрѣтили такіе ужасы. Благоуханіе чистой дѣтской души подѣйствовало на всѣхъ.

О происшествіяхъ вчерашняго дня никто не говорилъ ни слова. Оттого ли, что всѣ обнаружили свою слабость? Или оттого, что каждый чувствовалъ себя виноватымъ передъ другими? Аншель имѣлъ на это особую причину; тысяча новыхъ, смутныхъ чувствъ, пробудившихся въ его душѣ, отнимали у него силу и окоту говорить. Тотъ, кто его видѣлъ вчера утромъ и сегодня, и сравнилъ бы его лицо со вчерашнимъ, съ трудомъ бы могъ узнать того же самаго человѣка. Онъ совершенно измѣнился, хотя нельзя было сказать въ чемъ именно? Но среди суеты и хлопотъ, даже глазъ матери не замѣтилъ этой перемѣны. Она помнила только, что вчера обидѣла его.

Вдругъ реббъ Шломе опять на это навелъ рѣчь:

— Желалъ бы я знать, заговорилъ онъ съ жаромъ, какъ бы продолжая мысленный разговоръ, отчего не показывается никто изъ деревни. Все словно вымерло, и, сохрани насъ Боже и помилуй, можно подумать....

Онъ не высказалъ своего предположенія, но Аншель вдругъ проснулся изъ своей глубокой задумчивости; онъ чувствовала, что кровь прихлынула къ его сердцу.

— Ты думаешь, воскликнулъ онъ поспѣшно, дополняя недосказанную рѣчь отца,—что они имѣютъ дурныя намѣренія противъ насъ? Ради Бога, не воображай этого, отецъ жизнь моя, прибавилъ онъ невѣрнымъ голосомъ.

— Это по твоему такъ, отвѣчалъ реббъ Шломе язвительно,—я готовъ вѣрить, что они не хотятъ насъ обидѣть. Зачѣмъ поселянину насъ обижать? Городской житель другое дѣло; сукно, которое я продаю, онъ не продаетъ, и потому онъ готовъ мнѣ подсыпать аду въ стаканъ воды. Но поселянинъ,—развѣ ему мѣшаетъ, что мое поле лежитъ рядомъ съ его полемъ? Развѣ ему отъ этого будетъ меньше дожда или солнца? Но я все-таки желалъ бы знать...

— Чтò? вполголоса рѣшился спросить Аншель.

— Хорошо ли ты видѣлъ и слышалъ? Точно ли вчерашній огонь былъ зажженъ въ нашу честь? Какъ это имъ могло вздуматься? Съ чего имъ такъ радоваться нашему прїѣзду? или ужъ поселянинъ такъ переимѣнился? Онъ все остался поселяниномъ, а мы, Евреи, что тамъ ни приказывай императоръ въ Вѣнѣ, мы все таки останемся притѣсненнымъ народомъ.

Эти слова ребба Шломе были въ очевидномъ противорѣчїи со всѣмъ тѣмъ, чтò онъ прежде говорилъ, и всѣ молчали въ изумленїи.

«Къ чему онъ ведетъ рѣчь?» подумалъ Аншель вздрогнувъ.

Нахима вперила на мужа пронзительный взглядъ. Не говорила ли она наканунѣ все то, чтò онъ говорилъ теперь? Не употребляла ли она тѣхъ же самыхъ доводовъ? А съ какимъ гнѣвомъ онъ ей отвѣтилъ!

— Чтò это я хотѣлъ сказать? опять началъ реббъ Шломе, съ минуту подумавъ.—Такъ ты точно видѣлъ и слышалъ своими ушами, что они зажгли огонь для насъ, въ нашу честь?

Аншель самъ могъ ручаться за истину своихъ словъ; онъ было открылъ ротъ, чтобъ отвѣчать отцу, но такой яркїй румянецъ покрылъ лицо его, доселѣ блѣдное, что всѣ это замѣтили. Нахима съ безпокойствомъ посмотрѣла на сына. Она думала, что онъ возмущенъ недоверїемъ отца, и что оскорбленное чувство чести возьметъ верхъ надъ обычною его покорностїю. Но бо-

херь, до сихъ поръ не вмѣшивавшійся въ разговоръ, сказалъ вдругъ:
— Я самъ тамъ былъ, и то же самое видѣлъ и слышалъ.

Это подтвержденіе его лжи изъ устъ брата, уже наканунѣ странно потрясло сердце Аншеля. Теперь же оно наполнило его ужасомъ. Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на брата. Зачѣмъ же онъ лгалъ?

— Тише, тише, вдругъ воскликнулъ реббъ Шломе.—Мнѣ кажется, что кто-то плачетъ подь окномъ....

— Шма Йизроэль, закричала Нахима, — неужели это Тилля жизнь моя.

— Ради Бога не кричи такъ, прервалъ ее реббъ Шломе.

— Боже милосердый, опять закричала Нахима, ломая себѣ руки.—Неужели не кончились наши бѣдствія!...

Она поспѣшно отворила окно: дядя Коппель сидѣлъ на землѣ и горько плакалъ.

— Гдѣ вы оставили малютку, дядя? Говорите скорѣе! воскликнулъ реббъ Шломе.

Его строгій, повелительный тонъ подѣйствовалъ на слабый мозгъ старика.

— Развѣ я знаю куда она пошла, воскликнулъ онъ, плача какъ ребенокъ,—мы вѣстѣ пошли въ темный лѣсъ...

Слезы поимѣшали ему продолжать.

— Говорите же, говорите же, дядя! забудьте вашу глупый лѣсъ! вѣдь въ деревнѣ нѣтъ темнаго лѣса, закричала Нахима нетерпѣливо. Въ первый разъ, можетъ-быть, она такимъ жесткимъ тономъ говорила со старымъ дядей.

— Когда мы пришли въ темный лѣсъ, опять началъ дядя Коппель, — я сказалъ Тиллѣ: не пойдемъ дальше, они насъ стерегутъ. Но вѣдь малютка не захотѣла меня послушаться! а какъ я сказалъ, такъ и случилось. Они насъ окружили и увели ее въ темный лѣсъ; она взяла также мой могоень-довидъ.

— Гдѣ же онъ? спросила Нахима, совершенно сбитая съ толку его безумными рѣчами, которыя она обыкновенно умѣла понимать.

— Его у меня отняли, отняли! отвѣчалъ дядя самымъ жалобнымъ голосомъ.

— Боже милосердый! воскликнула Нахима.—Что случилось съ малюткой? Онъ бы не горевалъ такъ, еслибы съ нею не случилось чего-нибудь!

Между тѣмъ реббъ Шломе подошелъ къ другому окну и напряженнымъ взоромъ оглядывался направо и налево. Вдругъ онъ радостно закричалъ:

— Да вотъ она, вотъ она идетъ.

— Гдѣ? гдѣ? спросила Нахима.

Тилля точно появилась на улицѣ; издали сіяли яркіе цвѣта ея

наряда. Она скорѣе бѣжала чѣмъ шла, за нею показалась толпа поселянъ.

У Нахима потемнѣло въ глазахъ: Съ отчаяннымъ крикомъ: «Боже мой, что это такое? они за нею гонятся!» она отскочила отъ окна и судорожно закрыла лицо руками.

Даже реббъ Шломе и его два сына, вѣстѣ съ нимъ стоявшіе у окна, сперва не знали, что подумать о странномъ обществѣ, въ которомъ возвращалась Тилли. Но Аншель, одаренный отличнымъ зрѣніемъ, тотчасъ же воскликнулъ:

— Они и не думаютъ за нею гнаться: она смѣется!

— Точно ли смѣется? спросила Нахима слабымъ голосомъ, все еще не смѣя поднять глазъ.

Прошло нѣсколько минутъ въ безмолвномъ и напряженномъ ожиданіи. Аншель не ошибся: поселяне, окружавшіе Тилли, пришли въ видѣ «депутаци» къ новопрїѣзжимъ, вѣроятно, чтобы отдать имъ отчетъ во вчерашнихъ происшествіяхъ. Аншель со страхомъ ждалъ ихъ прихода; ему казалось, что они несутъ ужасную вѣсть. Реббъ Шломе тяжелыми шагами расхаживалъ по комнатамъ.

— Чтобы никто не смѣлъ, сказалъ онъ повелительнымъ голосомъ, — показать испуганное лицо этимъ поселянамъ. Если они увидятъ, что мы трусимъ, мы погибли. Мы должны показать, что мы ихъ не боимся. Да и чего же намъ бояться? Домъ и поле принадлежать мнѣ я, никто не смѣетъ отнять ихъ у меня.

У дверей раздался звонкій голосокъ Тилли:

— Ну что же, дядя Коппель, что же со мной случилось въ твоёмъ темномъ лѣсу? Вотъ я къ тебѣ вернулась, и принесла тебѣ твой могонь-довидъ, въ совершенной цѣлости.

Въ ту же минуту отворилась дверь, и въ комнату вбѣжала малютка; но за нею вошло такое множество поселянъ, что они всё не помѣстившись въ комнату, и нѣкоторые остались въ передней. Среди всѣхъ отдѣлился высокій мужчина, съ рѣзкими, какъ бы желѣзными чертами лица; онъ первый вошелъ въ комнату. Какъ испугалась Нахима, когда онъ прямо подошелъ къ ней, схватилъ ея руку, и крѣпко ее пожалъ.

— Прежде всего нужно съ *ней* поздороваться, сказалъ онъ звучнымъ голосомъ, — потому что въ домѣ главное дѣло хозяйка, а потомъ уже съ тобою, господинъ Шломе.

Они пожали другъ другу руку; потомъ крестьянинъ снялъ свою шляпу съ широкими приподнятыми полями. Его приходъ наполнилъ всѣхъ страхомъ теперь же они смотрѣли съ удивленіемъ и невольнымъ почтеніемъ на его открытое, могучее лицо, какъ-то грозно напоминавшее давно прошедшее поколѣніе и давно прошедшія времена силы и удали.

— А теперь, воскликнулъ онъ, окинувъ взглядомъ комнату,—я привѣтствую васъ во имя нашего Господа Іисуса Христа; живите счастливо и благополучно въ нашей деревнѣ. Мы, крестьяне, знаемъ, о чемъ молить Господа Бога; мы будемъ молить Его о томъ же и за васъ; да ниспошлетъ онъ свою благодать на тебя, и на твою жену, и на дѣтей.

— Всѣ мы вамъ этого желаемъ, заговорили въ одинъ голосъ окружающіе поселяне.

Потомъ въ комнатѣ воцарилась тишина, почти какъ въ церкви. Необычайное привѣтствіе, торжественность, съ которою говорилъ поселянинъ, навели на все семейство какое-то чувство благоговѣнія. Даже то имя, которое обыкновенно произносилось при нихъ въ видѣ угрозы или вызова, на этотъ разъ не могло пробудить враждебнаго чувства.

Реббъ Шломе, несмотря на свою обычную твердость, былъ такъ растроганъ, что не могъ выговорить ни слова. Слезы капались по его щекамъ, онъ не утиралъ ихъ. Онъ могъ только протянуть руку говорившему, какъ бы въ благодарность.

— Добро пожаловать къ намъ! воскликнулъ тотъ, крѣпко трясая его руку.

Какъ описать все то, что происходило въ душѣ Нахимы? Радость и горе, страхъ и веселье смѣнялись въ ней, быстрѣе морскихъ волнъ. Однако все преобладало чувство страха. Еслибъ она была въ состояніи говорить и дѣйствовать, она бы ухватила за руку мужа, отдернула бы ее отъ руки, радушно къ нему протянутой, закричала бы ему: «не тронь ея...» Благословеніе, произнесенное поселяниномъ надъ ея домомъ, сперва тронуло ее, но ей тотчасъ же пришло на умъ: Кто же произноситъ это благословеніе? Могла ли она забыть вчерашній день?

Наконецъ реббъ Шломе оправился, и нашелъ слова, чтобы высказать свои чувства. Пусть они не удивляются, говорилъ онъ, его волненію. Они не знаютъ, какво бываетъ на душѣ у того, кто не увѣренъ, хоршо ли его примутъ или нѣтъ. Вчера вечеромъ еще они были перепуганы такъ, что вѣкъ этого не забудутъ; они подумали, что горитъ вся деревня, а вмѣстѣ и ихъ домъ, и что всѣ въ заговорѣ противъ нихъ. Тогда имъ пришла ужасная мысль: что съ новою свободой, дарованною имъ императоромъ, началось для нихъ и новое несчастіе; они разкалялись отъ глубины души, что покинули мѣсто рожденія; тамъ по крайней мѣрѣ они были въ безопасности, а здѣсь... здѣсь имъ показалось, что покушаются на ихъ жизнь. А вѣдь этой бѣдной жизни людямъ не слѣдуетъ отнимать другъ у друга; она не приобретена, а дарована Провидѣніемъ, какъ христіанину, такъ и Еврею.

Лишь только реббъ Шломе выговорилъ эти слова, нить овладѣло какое-то странное чувство; онъ сознавалъ, что ему бы не слѣдовало говорить ихъ, что они были не кстати въ эту минуту, среди этихъ людей. Они ему навернулись на языкъ, онъ самъ не зналъ какимъ образомъ. И однакожь еслибы теперь ему кто-нибудь предложилъ взять ихъ назадъ, онъ бы рѣшительно отказался. Еще страннѣе его рѣчь подѣйствовала на Нахиму. Она не пробудила въ ней ни страха, ни безпокойства; напротивъ она слушала ее съ какою-то гордостію; она радовалась, что ея мужъ наконецъ высказалъ все то, чего она не смѣла выговорить сама; и она сквозь слезы устремила на мужа долгій взглядъ, таковой взглядъ, какимъ она уже давно на него не смотрѣла.

— И вы могли это подумать про насъ! воскликнулъ поселянинъ, послѣ минуты молчанія, и Нахима, напряженно слѣдившая за выраженіемъ его лица, съ ужасомъ замѣтила, какъ надулись жилы на его лбѣ, и какъ въ его рукѣ задрожала палка.

— Да, сказалъ реббъ Шломе спокойно.

— И ты также? продолжалъ крестьянинъ, вдругъ обратившись къ Нахимѣ, но въ его голосѣ слышалась кака-то магкость, которой, казалось, нельзя было отъ него ожидать.

— Да, я также, проговорила Нахима, съ внутреннимъ трепетомъ.

Поселянинъ изо всей силы стукнулъ палкой о землю, и тряхнулъ головою; онъ въ эту минуту похожъ былъ на льва, встряхивающаго гривой.

— Чортъ возьми! закричалъ онъ въ сердцахъ, — когда же будетъ конецъ этимъ проклятымъ глупостямъ, когда люди перестанутъ бояться другъ друга? Для того ли нашъ императоръ даровалъ намъ свободу, чтобы люди притались другъ отъ друга, какъ отъ убійцъ и разбойниковъ? Чего тебѣ бояться? Того ли, что ты у насъ купилъ домъ да нѣсколько молодъ земли? Развѣ кто-нибудь въ деревнѣ сталъ отъ этого бѣднѣе?

— Я выстрѣлялъ изъ ружья на большой дорогѣ, воскликнулъ голосъ изъ среды крестьянъ.

— А я, закричалъ другой голосъ, — я, Янъ Славакъ, сочинилъ пѣсню.

— И мы всѣ были у огня, мы всѣ зажгли его, всѣ вмѣстѣ, закричали крестьяне со всѣхъ сторонъ.

— Что жъ, хозяйка, вѣришь ли ты теперь? сказалъ поселянинъ, опять обращаясь къ Нахимѣ, какъ будто бы онъ хотѣлъ оправдаться только передъ нею, а не передъ кѣмъ другимъ. — Или ты все еще боишься? Не будь душой, хозяйка, прибавилъ онъ, — я, здѣшній судья, говорю тебѣ: не бойся, никто здѣсь не обидитъ тебя.

Нахима не могла не улыбнуться, услыша его увѣреніе. Но отчего Аншель невольно вздрогнулъ, когда крестьянинъ упомянулъ о должности, имъ занимаемой? Отчего Элія, который до сихъ поръ оставался равнодушнымъ свидѣтелемъ всего происходившаго, вдругъ съ необычайнымъ вниманіемъ и какъ-то вопросительно сталъ вглядываться въ энергическія черты поселяннина?

— Думаешь ли ты, продолжалъ тотъ, все еще обращаясь къ Нахимѣ, — думаешь ли ты, что мы, поселяне, не знаемъ, что такое дѣти, и что значить имѣть ихъ? У меня самого дочь и сынъ...

Его взглядъ вдругъ остановился на Тиллѣ, стоявшей подлѣ матери, и онъ спросилъ:

— Какъ же зовутъ вашу дочку, хозяйюшка?

— Тилля, отвѣчала Нахима улыбаясь.

— Такого имени нѣтъ въ календарѣ, оно не приходится намъ людямъ деревенскимъ. Мы будемъ звать ее *Терезкой*, не такъ ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, воскликнула Нахима, почти въ испугѣ, и невольно прижала къ себѣ малютку, — вы лучше оставьте ей прежнее имя... мы всѣ къ нему привыкли.

— Какъ же ты запретишь, матушка, отвѣчалъ поселянинъ, громко смѣясь, — чтобъ она гдѣ-нибудь черезъ два сама не захотѣла переимѣнить свое имя? Вотъ, за мною, стоятъ два молодца, которые рады будутъ помочь ей въ этомъ...

Всеобщій хохотъ встрѣтилъ эту крупную острогу. Но Нахима не вполнѣ поняла смыслъ шутки; ей показалось, что надъ нею издѣваются; сперва она покраснѣла съ почти дѣвическою застѣнчивостію, потомъ вдругъ поблѣднѣла, между тѣмъ какъ сама Тилля, нисколько не смущенная, смотрѣла на всѣхъ своими большими, веселыми глазами.

— Не безпокойтесь, господинъ судья, отвѣчала Нахима съ усиліемъ, — родители этого ребенка позаботятся о томъ..., чтобъ она не утратила своего честнаго имени.

Судья, казалось, оставилъ безъ вниманія это материнское замѣчаніе.

— Теперь, братцы, воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ и выпрямившись во весь ростъ, — теперь, братцы, пойдѣмъ; покаместъ ни слова больше, *они* насъ понимаютъ; если же нѣтъ, то пойдутъ, черезъ годикъ-другой.

Толпа, такъ неожиданно ввалившая въ домъ, съ шумомъ удалилась. У Нахимы отлегло отъ сердца, когда всѣ ушли. Она внутренно благодарила Бога, что все кончилось; она была утомлена и разбита до того, что насилу держалась на ногахъ.

Послѣ всѣхъ вышелъ судья. У дверей онъ вдругъ остановился, и опять медленнымъ шагомъ подошелъ къ реббу Шлофе.

— Что это такое? спросилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, ука-

зывая на могоень-довидъ, оставшійся на столѣ.—Давеча, когда мы встрѣтили вашу дочку, старикъ несъ это подь мышкой. Я было хотѣлъ посмотрѣть, но онъ закричалъ какъ зарѣзанный. Какъ это зовутъ?

— Этого я не могу вамъ сказать, господинъ судья, отвѣчалъ реббъ Шломе съ удивленіемъ,—намъ это служить для молитвы.

— Для молитвы, про себя повторилъ поселянинъ, и на его губахъ промелькнула какая-то таинственная улыбка.

Минуту спустя, внимательно разсматривая мизрахъ, онъ сказалъ:

— Что мнѣ дать вамъ за эту картину?

Мысль, что могоень-довидъ, стараго дяди будетъ украшать комнату судьи, показалась такъ смѣшна реббу Шломе, что онъ захохоталъ.

— Вы можетъ-быть думаете, господинъ судья, сказалъ онъ смѣясь,—что здѣсь нарисованы три волхва: Аристофоръ, Мельхиоръ и Валтассаръ?

— Ты воображаешь, что я не умѣю читать? возразилъ поселянинъ почти грозно.

— Но Боже мой! смѣясь продолжалъ реббъ Шломе, — тутъ всего написано одно слово, и то поеврейски.

— Ну да, сказалъ поселянинъ рѣшительно,—но я вижу тутъ еще что-то другое.

И опять на его лицѣ показалась та же самая, странная улыбка.

— Я ничего не вижу, пробормоталъ реббъ Шломе: — кромѣ могоень-довиды и двухъ львовъ. Или онъ замѣтилъ, что-то особенное, что отъ всѣхъ насъ ускознуло?

Реббъ Шломе взялъ въ руки безцѣнный мизрахъ дяди Коппеля, и можетъ-быть въ первый разъ въ жизни сталъ внимательно его разсматривать.

— Да, это могоень-довидъ моего стараго дяди, сказалъ онъ все еще смѣясь про себя.

— Ну, г. Шломе, нѣсколько минутъ спустя сказалъ судья, съ безпокойствомъ слѣдившій за всѣми его движеніями,—что вы за него попросите?

— За деньги я его не продамъ, отвѣчалъ реббъ Шломе весело,—а уступлю за ласковое слово.

— Такъ вы мнѣ отдаете его? воскликнулъ судья, не скрывая своей радости.

— По рукамъ! отвѣчалъ реббъ Шломе, радушно тряся протянутую ему руку.

Поселянинъ поспѣшно схватилъ мизрахъ; въ ту же минуту онъ встрѣтилъ взглядъ малютки, съ безпокойствомъ шепнувшей отцу:

— А что скажетъ дядя Коппель, если ты отдашь его мизрахъ?

— Онъ можетъ нарисовать себѣ другой, нетерпѣливо отвѣчалъ реббъ Шломе, потомъ онъ шепнулъ малюткѣ:—развѣ ты не видишь; какъ ему хочется получить его? Онъ можетъ намъ пригодиться; пусть же онъ возьметъ мизрахъ, если онъ ему такъ понравился.

— Итакъ рѣшено? спросилъ судья, видимо боясь, что хозяинъ раздумалъ. Однако онъ уже положилъ свою мощную руку на могоень-довидъ, какъ бы охраняя его.

— Рѣшено, отвѣчалъ реббъ Шломе твердымъ голосомъ.

Когда поселянинъ удалился, съ видомъ величайшаго удовольствія унося свое приобрѣтеніе, настало какое-то тягостное, томительное молчаніе. Утомили ли ихъ переговоры съ крестьянами? Или, несмотря на всѣ увѣренія, они не убѣдились еще, что находятся въ совершенной безопасности? Одна малютка осмѣлилась жалобно проговорить:

— Боже мой! что скажетъ дядя Коппель, когда узнаетъ, что отдали его могоень-довидъ!

— Не приставай ко мнѣ съ этими пустяками, отвѣчалъ ей реббъ Шломе:—какое мнѣ дѣло до дурачества дяди Коппеля?

Въ эту минуту вошелъ несчастный приверженецъ царевича Авессалома; казалось, онъ не зналъ, или уже успѣлъ забыть, что такъ самовольно распорядились его собственностію. Тихонько, безъ слезъ, онъ усьлся въ уголъ. Казалось онъ потерялъ всякое сознаніе.

Съ слезами на глазахъ, почти шепотомъ, какъ будто бы боясь пробудить въ немъ заснувшее горе, малютка воскликнула:

— Теперь у насъ въ домѣ нѣтъ мизраха!

— Увы, Боже мой! вполголоса отвѣчала Нахима.

И точно, львы Іудовы, щитъ Давидовъ, знакъ, къ которому обращались молитвы, какъ къ странѣ іерусалимской, исчезли изъ новаго жилища ребба Шломе.

VI.

Много глубокаго, таинственнаго смысла, заключается въ простомъ словѣ *уютно*. Часто человѣку нужно долго бороться, многое преодолѣть, чѣмъ дойти до этого чувства тихаго успокоенія, которое распространяется и навсю внѣшнюю обстановку и роднитъ ее съ душою.

Тѣхъ, которые привыкли понимать тайныя движенія человѣческаго сердца, врядъ ли удивить, что семейство ребба Шломе не скоро *притмилось* въ новомъ жилищѣ. Какъ бы ни были

они довольны пріемомъ, сдѣланнымъ имъ въ деревнѣ, какъ бы выгодно для нихъ ни объяснилось все то, что сперва ихъ напугало, они все-таки не могли побѣдить какое-то тягостное чувство унынія, распространившееся на цѣлый домъ, будто душливый воздухъ, и не отступавшее отъ нихъ ни на минуту. Они все не могли отдѣлаться отъ чувства страха, сопровождавшаго ихъ на пути къ новой отчизнѣ; они не имѣли духу радоваться новому пріобрѣтенію, каждый угадывалъ печальныя мысли другаго, ни кто не рѣшался высказать ихъ вслухъ, и эта сдержанность, это молчаніе были тягостнѣе самыхъ горькихъ жалобъ. Казалось, что каждый хотѣлъ переработать свою внутреннюю тоску, прежде чѣмъ искать облегченія въ сочувствіи другихъ. То не было недовольство своимъ внѣшнимъ положеніемъ. Во всемъ околоти нельзя было найти красивѣе мызы; реббъ Шломе точно не ошибся въ своей покупкѣ. Все въ домѣ, и около дома, было какъ будто отдѣлано заново, потому что прежній владѣлецъ былъ отличный хозяинъ. Поля, составлявшія главную цѣнность мызы, были отлично расположены, не слишкомъ низко и не высоко, такъ что и Божьяго солнышка, и дождя имъ приходилось въ мѣру. Домъ былъ просторенъ и удобенъ, почти слишкомъ просторенъ для нихъ, привыкшихъ къ нанятымъ квартирамъ въ гетто; бохеру можно было отвести цѣлую отдѣльную комнату, гдѣ онъ могъ расположиться съ своимъ запасомъ священныхъ книгъ, и гдѣ ничто уже ему не мѣшало заниматься. «Пусть себѣ онъ сидитъ взаперти, говорили въ семействѣ, и учится сколько душѣ угодно.» Все въ домѣ отличалось прочностію и надежностію, до послѣдней дощечки, до малѣйшаго гвоздика; какъ будто бы невидимые духи взялись все уладить и устроить такъ, что нигдѣ нельзя было замѣтить ни малѣйшаго недостатка или упущенія. Всего пріятнѣе поражали два отдѣла хозяйства: стойло и кладовая. Тутъ-то всего ярче выказывалось довольство, царствовавшее во всемъ домѣ. Въ стойлахъ четыре могучія коровы своимъ мычаніемъ составляли гармоническій концертъ, который свидѣтельствовалъ о ихъ силѣ и бодрости. Но всего удивительнѣе было богатство кладовой. Тамъ ящики, ящички, кули и мѣшки были биткомъ набиты всѣмъ, что только можетъ придумать заботливая предусмотрительность хозяйки дома; казалось, что запасовъ хватитъ на всю жизнь, точно также какъ куча дровъ, наваленная на дворѣ, по видимому не могла имѣть конца.

Реббъ Шломе подумалъ обо всемъ. Его рѣзкая, самовластная натура не могла допустить, чтобы кто-нибудь другой заботился о домѣ; отъ него, какъ отъ главы семейства, все должно было исходить, на него, какъ на главный столбъ, всѣ должны были опираться. Онъ былъ убѣжденъ,—и людей его покроя не слѣ-

дуетъ слишкомъ строго винить за это убѣжденіе,—что безъ него ничего не можетъ устроиться хорошенько. Такого рода люди увѣрены, хотя можетъ-быть не всегда высказываютъ это, что въ ихъ взглядѣ таится какая-то сила и власть, живительно дѣйствующая на все, къ чему они прикасаются. Они не терпятъ совѣтовъ, напоминаній о томъ, что имъ самимъ не пришлось въ голову; они всегда хотятъ удивить неожиданнымъ рѣшеніемъ, и никогда не показаться удивленными чѣмъ-бы то ни было.

Никому не сказавъ ни слова, реббъ Шломе все предвидѣлъ, все устроилъ; онъ наполнилъ кладовую запасами, онъ закупилъ дрова. Нигдѣ нельзя было подмѣтить недостатка, все въ домѣ было въ отличнѣйшемъ порядкѣ, все, кромѣ волновавшихся умовъ, кромѣ непреодолимой тоски, овладѣвшей всѣми.

— Не радуется ли твое сердце, Нахима жизнь, спросилъ ее реббъ Шломе въ первый же день, показывая ей домъ,—не радуется ли твое сердце, когда ты все это видишь? Видѣла ли ты когда-нибудь такое масло, такія дрова? И все это принадлежитъ тебѣ, и, можно сказать, ничего тебѣ не стоитъ; ты все можешь найти у себя въ домѣ; бери сколько душѣ угодно, а прежде тебѣ каждую бездѣлицу приходилось покупать. А вѣдь все говорятъ: всѣ деньги у жидовъ! А гдѣ же эти деньги? Розданы въ долгъ въ разныя стороны, нельзя же деньги въ ящикъ запирать, нужно же ихъ пустить въ какой-нибудь оборотъ. Нашъ братъ то и дѣло дрожить, чтобы деньги не разбрелись черезъ чуръ далеко такъ что послѣ ихъ и доискаться будетъ нельзя. Такъ ты видишь, что Еврей собственно ничего не имѣетъ, все у *нихъ* въ рукахъ. Не должны ли мы тысячу разъ въ день молиться за императора за то, что мы наконецъ можемъ жить какъ милліоны другихъ людей?

Нахима не понимала хорошенько, чему такъ вдругъ слѣдовало ей радоваться и за что молиться; вообще замѣчанія ея мужа насчетъ денегъ и сельской жизни были слишкомъ отвлеченны для нея. Однако, чувствуя можетъ-быть, что она слишкомъ далеко зашла въ своей неприязни къ деревнѣ, она сказала:

— Да, здѣсь хорошо... но черезъчуръ просторно. Какъ совѣмъ этимъ справиться?

— Дурочка! отвѣчалъ реббъ Шломе самодовольно. — Вѣдь у насъ будутъ и работники, и работницы. Они сегодня же явятся.

Реббъ Шломе уже нанялъ прислугу и работниковъ, ничто не ускользнуло отъ его неутомимой заботливости.

— Да что мнѣ въ нихъ, сказала Нахима, въ душѣ которой опять зашевелилось чувство досады;—что мнѣ въ чужой прислугѣ если я сама не понимаю дѣла? Развѣ я родилась поселянкой? Развѣ мнѣ въ дѣтствѣ говорили, что мнѣ придется смотрѣть за коровами? Я съ измала привыкла къ лавочкѣ, я выучилась какъ

завывать покупщиковъ, какъ рѣзать сукно такъ, чтобы оно не разорвалось, какъ приучать покупателей всегда брать товаръ умна, а не въ сосѣдней лавкѣ. Все это я умѣю, потому что меня къ этому приучили съ дѣтства. Но какая же я буду деревенская хозяйка?

Реббъ Шломе съ удивленіемъ смотрѣлъ на жену; давно уже ей не случалось столько говорить. Онъ былъ радъ, что она наконецъ прервала упорное свое молчаніе, и не обратилъ особаго вниманія на горькій упрекъ, заключавшійся въ ея словахъ. Этимъ только можно объяснить, почему, слушая жалобы, онъ не увлекся досадою и врожденнымъ властолюбіемъ.

— А я, развѣ привыкъ къ сельской работѣ? сказалъ онъ смѣясь, — или мнѣ возвѣстили съ горы Синайской, что я буду поселениномъ? А сумѣю же я вести плугъ или различить рожь отъ овса. Не такой же я дуракъ, чтобы не знать какъ посѣять картофелю или какъ разводить рѣпу и капусту? или не знать, что нужно во время убрать хлѣбъ съ поля, и не оставлять его до самой зимы? Развѣ хлѣбопашцу нужно на это какое-нибудь ученіе?

— Да онъ съ малолѣтства видѣлъ какъ все это дѣлается, оттого онъ и умѣетъ, осмѣялась возразить Нахима.

— Такъ ты думаешь, что я не сумѣю, потому что ничего не видалъ на своемъ вѣку, кромѣ сукна, каленкора да бумажен? воскликнулъ реббъ Шломе съ язвительною усмѣшкой, слишкомъ хорошо извѣстною Нахимѣ. — А я тебѣ говорю, жизнь Нахима, кто знаетъ какъ выставить товаръ лицомъ, какъ продать и какъ купить, тотъ справится и съ деревенскою жизнью. Стоило бы жить на свѣтѣ, и прожить сорокъ пять лѣтъ, еслибъ не умѣть того, что умѣетъ всякій крестьянинъ!

Въ этихъ доводахъ ребба Шломе заключалось иѣчто, глубокооскорбившее Нахиму; но она не сказала ни слова. Она безусловно признавала умственное превосходство мужа; она была твердо убѣждена, что все, за что возьмется реббъ Шломе, должно пойти хорошо. Но не могъ ли бы онъ употребить свои силы и дѣятельность на прежнія торговля дѣла? Какъ бы онъ могъ расширить ихъ? Какъ спокойно могли бы прожить и дѣти ея, между тѣмъ какъ теперь, когда они вступили въ невѣдомую жизнь, ихъ ждетъ можетъ-быть и горе, и опасность?

Какъ видно, Нахима ни на минуту не забыла своего личнаго огорченія; оно, казалось, успокоилось въ глубинѣ ея души, но оно ежеминутно готово было проснуться и высказаться съ новою горечью при малѣйшемъ поводѣ. Она не сознавала, что при всей справедливости своего горя, она не была въ правѣ проливать уныніе и безнадежность на первые зачатки новой, еще не опредѣлившейся жизни.

Впрочемъ, въ первые же дни, ея мрачныя предположенія какъ будто бы оправдались.

Домъ привели въ порядокъ, работники и работницы явились, и еслибы не дурная погода, уже можно было бы приступить къ полевымъ работамъ. Между прислугой былъ одинъ работникъ, который съ самаго начала сталъ для Нахимы предметомъ безпокойства. Онъ казался ей человѣкомъ хитраго нрава, и она не могла на него смотрѣть безъ нѣкотораго страха. Звали его Войтехомъ. Онъ долго служилъ прежнему хозяину мызы, и вмѣстѣ съ нею перешелъ къ реббу Шломе. Но ребба Шломе предупредили, что нужно большое терпѣнiе, чтобы справляться съ этимъ работникомъ; онъ точно бѣшенная лошадь, съ которою не легко справиться; если же кто сумѣетъ прибрать его въ руки, то онъ онъ будетъ повиноваться безпрекословно и работать втрое лучше другаго. Вскорѣ тому явилось доказательство.

Къ немалому своему удивленiю, реббъ Шломе рано поутру засталъ на дворѣ Войтеха припрягающаго лошадей къ плугу.

— Куда это, Войтехъ? спросилъ реббъ Шломе.

— Куда! повторилъ работникъ съ какою-то угрюмою дерзостью:—Куда же, коли не въ поле? Дождь прошелъ, и если мы не станемъ пошевеливаться, всѣ сѣмена сгниютъ на чердакѣ. Я вижу, что въ этомъ домѣ обо всемъ нужно самому догадываться, не дожидаясь приказанiй.

Реббъ Шломе почувствовалъ колкiй намекъ работника, и не могъ не сознаться въ душѣ, что Войтехъ былъ правъ. Имъ овладѣло чувство стыда, которое онъ едва-едва могъ скрыть. Однако не былъ ли онъ хозяинъ, а Войтехъ—простой работникъ?

— Если ты не хочешь слушаться приказанiй, закричалъ реббъ Шломе, въ которомъ оскорбленное самолюбіе мало-по-малу взяло верхъ надъ сознаниемъ собственной оплошности,—ты можешь убираться, такихъ работниковъ мнѣ не нужно.

Услышавъ эту угрозу, Войтехъ окинулъ своего хозяина какимъ-то страннымъ взглядомъ. Въ этомъ взглядѣ не выражалось ни малѣйшей свирѣпости, въ немъ виднѣлось только какое-то спокойное упорство; онъ провелъ рукою по шеѣ лошади и медленно заговорилъ:

— Съ этими лошадьми никто не разлучитъ меня. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ я ихъ знаю, а онѣ меня. Мы выросли вмѣстѣ; и еслибы собрались жида со всего свѣта, прибавилъ онъ сурово,—они меня отсюда не выгонятъ. Я принадлежу къ дому, и ни за что не уйду.

Реббъ Шломе чувствовалъ, что кровь прихлынула ему къ горлу; однако онъ воздержался. Сказать ли правду? онъ былъ нѣсколько перепуганъ. Вѣдь работникъ ясно говорилъ о сопротивленiи жидамъ?

— Жидъ тебѣ покажетъ, отвѣчалъ онъ, спокойнѣе чѣмъ можно было ожидать,—кто здѣсь въ домѣ хозяинъ.

Вмѣсто отвѣта, Войтехъ хлопнулъ коренную лошадь по спинѣ, какъ бы желая ей сообщить, на ея языкѣ, то, что говорилъ хозяинъ; потомъ онъ однимъ прыжкомъ, съѣлъ на нее, и ухватился за уздечку.

Реббъ Шломе смотрѣлъ на него, совершенно озадаченный.

— А онъ не поѣдетъ со мною? спросилъ Войтехъ такимъ равнодушнымъ тономъ, какъ будто бы ничего между ними не происходило.

— Кто? спросилъ реббъ Шломе.

— Да ужъ конечно,—сынъ.

— Мой сынъ? опять спросилъ реббъ Шломе, какъ будто бы могла идти рѣчь о комъ-нибудь другомъ.

Войтехъ бросилъ значительный взглядъ на окно, выходящее на дворъ. У окна стоялъ Аншель и, по видимому, слышалъ весь разговоръ.

— Право; можно подумать, воскликнулъ работникъ съ хриплымъ смѣхомъ,—что въ полѣ уже всѣ хлѣба созрѣли. Молодчику придется раненько вставать, если онъ захочетъ поспѣть во время. Поле-то не уйдетъ, а время уходитъ.

— Что ты этимъ хочешь сказать? спросилъ реббъ Шломе; рѣчи работника начинали совершенно сбивать его съ толку.

— А понимаете какъ знаете, отвѣчалъ Войтехъ сурово, и потомъ сталъ говорить какъ будто бы про себя: что ему все говорили, будто Евреи народъ толковый, умѣютъ за своимъ добромъ присмотрѣть; а выходитъ на повѣрку совсѣмъ не то. Вотъ уже прошли четыре дня, а никто и не думаетъ приняться за работу. Если самъ хозяинъ не станетъ пошевеливать дѣломъ, то лучше всего тотчасъ же продать мызу и поля. А то крысы и мыши съѣдятъ домъ; у коровъ пропадетъ молоко; на полѣ, вмѣсто золотой жатвы, выростетъ вонючая трава, которую и скотъ не станетъ вѣсть.

Реббъ Шломе какъ будто остолебенѣлъ передъ этимъ проклятиемъ, произнесеннымъ надъ его домою; дрожь пробѣжала по его тѣлу; онъ почти не могъ свести глазъ со всадника. Въ эту минуту Войтехъ ему показался страшнымъ, и онъ не находилъ словъ, чтобъ отвѣчать на его мрачные упреки.

— Любопытно бы знать, что Евреи думаютъ про такое поле? продолжалъ Войтехъ,—вѣдь поле тотъ же человѣкъ, его и напоить нужно, и накормить, оно требуетъ ухода какъ малое дитя. Но онъ, Войтехъ, видитъ, что Евреи не хотятъ работать, они боятся труда, это онъ всегда слышалъ. Вотъ люди пріѣхали въ деревню, и хотятъ быть поселянами,—хорошіе же они будутъ поселяне! Нечѣмъ будетъ кошку накормить изъ того, что

они заработаютъ. Вѣдь онъ всегда говорилъ, что Евреи прежалкій народъ, и что нечего съ ними возиться. Съ этими словами, Войтехъ выпрямился на сѣдлѣ и прищелкнулъ языкомъ, понукая лошадей. Кони тронулись съ мѣста дружно, и онъ выѣхалъ за ворота, прежде чѣмъ реббъ Шломе успѣлъ ему приказать воротиться.

Странное дѣло! этотъ необычайный разговоръ съ работникомъ, вмѣсто того, чтобы разсердить его (какъ можно было ожидать при его нетерпѣливомъ, повелительномъ нравѣ), навелъ на него раздумье. «Войтехъ не былъ ли правъ?» твердилъ ему внутренній голосъ, котораго онъ ничѣмъ не могъ заглушить. Онъ началъ понимать характеръ Войтеха, такъ странно выказавшійся въ его суровыхъ словахъ, и положительно рѣшилъ: не разставаться съ такимъ работникомъ.

Аншель, который точно слышалъ весь разговоръ, подошелъ къ отцу медленнымъ шагомъ; онъ боялся застать отца въ порывѣ гнѣва, и не мало удивился, встрѣтивъ спокойное, задумчивое лицо.

Видя отца въ такомъ расположеніи, Аншель смиренно спросилъ:

— Чтò мнѣ сегодня дѣлать, отецъ жизнь моя?

— Хорошо вопросъ! отвѣчалъ реббъ Шломе съ досадою; слова Аншеля его какъ будто бы пробудили отъ глубокаго сна.

— Но однако, чтò же мнѣ дѣлать? повторилъ Аншель умоляющимъ тономъ.

— Работать, сѣять, пахать, пока потъ градомъ не покатится съ твоего лица, отвѣчалъ реббъ Шломе почти сердито.—Того и смотри, все пропадетъ, ничего въ домѣ не останется, нечѣмъ будетъ кошку накормить.

Аншель уже слышалъ отъ работника эту мрачную угрозу; но встрѣтить ее въ устахъ отца было для него невыразимо больно.

— Но этого не будетъ, отецъ жизнь моя, воскликнулъ онъ рѣшительно,—на это мы здѣсь!

Голосъ, которымъ онъ произнесъ эти слова, невольно поразили ребба Шломе; онъ взглянулъ на разгорѣвшееся лицо сына и продолжалъ болѣе мягкимъ голосомъ:

— Если мы станемъ зѣвать, *все* пропадетъ. Развѣ ты забылъ, что все наше богатство, все наше имущество связано съ нѣсколькими *полосами* земли?

— Извини меня, отецъ жизнь моя, сказалъ Аншель,—ты говоришь какъ будто мы уже цѣлые года живемъ въ деревнѣ, а вѣдь всего нѣсколько дней какъ мы здѣсь. Мы только что начали.

— Хорошо начало! съ горечью воскликнулъ реббъ Шломе,—такого начала я и злѣйшему врагу не пожелаю! Развѣ мы всѣ не ходимъ какъ растерянные, какъ будто бы мы постились шесть

Йомъ Киппуровъ сряду? развѣ мы всѣ не разбиты, не утомлены, какъ будто бы прошли пѣшкомъ сотни миль? И отчего же? я спрашиваю, отчего?

— Я самъ не знаю, тихо отвѣчалъ Аншель; но онъ почувствовалъ, что отецъ высказалъ правду. Да, точно, они устали и ослабѣли, иначе нельзя было обозначить ихъ положеніе.

— И кто виною всему этому? продолжалъ реббъ Шломе.— Ужь разумѣется мать. Она на насъ наводитъ такую тоску своими вѣчными жалобами, что иногда не знаешь куда дѣваться. Тысяча Евреекъ, на колѣняхъ, благодарили бы Бога, еслибъ у нихъ было все то, что есть у твоей матери. А она развѣ это цѣнить? Вмѣсто того, чтобы радоваться, что ей теперь нечего цѣлый день прислуживать покупщикамъ изъ-за нѣсколькихъ крейцеровъ, что у нея полонъ домъ всякаго добра—она все недовольна, и себѣ и намъ портитъ жизнь. Я тебя спрашиваю, что изъ этого можетъ выйдти хорошаго?

Этотъ прямой вопросъ тронулъ Аншеля. Онъ привыкъ къ самовластнымъ пріемамъ отца, не терпѣвшаго ни возраженія, ни малѣйшей нерѣшительности, а теперь этотъ отецъ къ нему обращался съ душевнымъ вопросомъ. Ни разу еще онъ не говорилъ съ Аншелемъ такимъ образомъ, ни разу не повѣрялъ ему своего горя или безпокойства. Аншель слышалъ отъ отца только приказанія или выговоры; никогда еще онъ не удостоился одного изъ тѣхъ ласковыхъ словъ, съ которыми реббъ Шломе такъ часто обращался къ малюткѣ. Теперь вдругъ онъ какъ будто бы вступилъ въ свои давнишнія права: отецъ съ нимъ поговорилъ откровенно.

Можетъ быть, весьма извинительное въ этомъ случаѣ, чувство гордости было причиною, что Аншель почти забылъ о матери и не нашелъ настоящихъ словъ, чтобъ ее извинить. Или онъ соглашался съ отцомъ? Онъ сказалъ только:

— Оставь ее, отецъ жизнь моя, это все пройдетъ. Когда она увидитъ, что намъ всѣмъ хорошо, ея сердце успокоится. Вѣдь она насъ никогда не огорчала.

— Но за то она теперь беретъ свое, сказалъ реббъ Шломе мрачно.—Ты увидишь, что это не пройдетъ. Вспомни мое слово.

Минуту спустя, Аншель еще ближе подошелъ къ отцу и спросилъ:

— Отецъ жизнь, можно мнѣ съ тобою поговорить?

— Что ты хочешь?

— Ты знаешь, что я никогда не могъ хорошенько свыкнуться съ торговымъ дѣломъ; я просто ума къ нему не приложу. Ты всегда меня упрекалъ въ томъ, что я такой вялый, ты говорилъ, что изъ меня никогда не выйдетъ настоящій купецъ. Господь вѣ-

даетъ, какъ горячо я это принималъ къ сердцу, какъ мнѣ это было больно. Меня все тянуло къ чему-то другому, я самъ не зналъ къ чему. Вдругъ тебѣ Богъ внушилъ мысль бросить лавочку и поселиться въ деревнѣ. Тутъ я сдѣлался другимъ человѣкомъ; мнѣ казалось, какъ будто бы я цѣлые годы вертѣлъ тяжелое желѣзное колесо, и вдругъ мнѣ закричали: перестань, довольно!

— Ну, лавочку нельзя же назвать такимъ ужаснымъ колесомъ, отвѣчалъ реббъ Шломе улыбаясь.

Не обращая вниманія на это охлаждающее замѣчаніе, Аншель продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ:

— Ты, можетъ-быть, станешь надо мною смѣяться, отецъ жизнь, что я теперь только тебѣ это говорю. Но я все не имѣлъ духу этого высказать. И теперь даже я не знаю, прилично ли мнѣ такъ говорить?

Реббъ Шломе съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сына. Ему, отцу, казалось страннымъ, что девятнадцатилѣтній ребенокъ пускается въ такія разсужденія.

— Позволь мнѣ сдѣлаться поселяниномъ! вскрикнулъ Аншель съ жаромъ, и схватилъ руку отца. Никогда еще онъ не прикасался къ ней такимъ образомъ; она до сихъ поръ ему казалась чѣмъ-то священнымъ.

— Да развѣ ты не будешь поселяниномъ? сказалъ реббъ Шломе, и въ его голосѣ слышалось болѣе удивленіе, чѣмъ досада.—Зачѣмъ же я купилъ землю?

— Да, я хочу быть *настоящимъ* поселяниномъ, воскликнулъ Аншель:—такимъ, который всю душу положилъ на свое дѣло, а не думаетъ про себя: если сегодня мнѣ не посчастливится съ полемъ, то я завтра опять заведу лавочку.

— Ты это на мой счетъ говоришь? сказалъ реббъ Шломе мрачно, и отдернулъ руку.

— Я говорю про всѣхъ насъ, отецъ жизнь, воскликнулъ Аншель, и опять схватилъ его за руку.—Столько же про меня, какъ и про всѣхъ другихъ Евреевъ. Извини, если я тебѣ это говорю. Я бы хотѣлъ быть такимъ поселяниномъ, на котораго могли бы порадоваться и Богъ, и люди, который бы уже ничѣмъ болѣе не занимался, который бы весь и жилъ одною сельскою жизнью. Вѣдь куда какъ хорошо быть земледѣльцемъ, обрабатывать собственное свое поле! тысяча разъ лучше, чѣмъ день-деньской стоять въ лавочкѣ и ждать приказаній всякаго, кто войдетъ! Посмотри только, отецъ жизнь, на всѣхъ этихъ поселянъ, вспомни про судью! Кто изъ нихъ промѣняетъ свое житье на всѣ богатства нашего брата-торгаша!

— Да я не для этого переселился въ деревню, сказалъ реббъ Шломе съ особымъ удареніемъ.—Я это сдѣлалъ въ угоду импе-

ратору, да еще потому, что теперь пришли такія времена, когда лучше опираться на что-нибудь вѣрное.

Полугрустная улыбка промелькнула на лицѣ Аншеля, но она исчезла съ быстротою молніи; онъ считалъ за преступленіе даже мысленно отступить отъ обычнаго почтенія къ отцу.

— Отецъ жизнь, сказалъ онъ тихо, — думаешь ли ты, что императору пріятно, если мы будемъ поселянами только вполовину?

— Я тебя не понимаю, Аншель, воскликнулъ реббъ Шломе, запинаясь; но, должно быть, ему не легко было въ этомъ сознаться, потому что онъ не имѣлъ духу взглянуть на сына.

— Не говори этого, отецъ жизнь! прервалъ его Аншель. — Ты, умнѣйшій изъ людей, ты меня не понимаешь? Но дай мнѣ время, только дай мнѣ время, и ты поймешь и меня, и я буду понимать самого себя.

Точно ли реббъ Шломе не понималъ сына, или боялся въ этомъ сознаться? Онъ молчалъ; только нѣсколько минутъ спустя, онъ проговорилъ, пожимая плечами:

— Чего же ты именно хочешь отъ меня?

— Ничего, ничего, отецъ жизнь; я только хочу быть поселяниномъ. Я буду тебѣ служить, какъ вѣрнѣйшій рабъ; я буду работать, какъ будто бы я былъ въ десять разъ сильнѣе; я не буду отдыхать отъ ранняго утра до поздняго вечера; тебѣ не на что будетъ жаловаться, я буду угадывать и предунреждать всѣ твои желанія. Но позволь мнѣ быть поселяниномъ, и ничѣмъ другимъ. Обѣщай мнѣ это, отецъ жизнь.

— Дуракъ, сказалъ реббъ Шломе смѣясь, — думаешь ли ты, что я такъ сейчасъ и продамъ домъ и землю?

— Значить, ты мнѣ обѣщаешь?

— Да, обѣщаю.

Итакъ между отцомъ и сыномъ былъ заключенъ договоръ, договоръ на всю жизнь.

— Теперь я спокоенъ, воскликнулъ Аншель, вздохнувъ свободнѣе. — Теперь я покажу этому работнику, что у насъ ничего не пропадетъ. Мы этого не допустимъ.

И онъ быстрыми шагами пошелъ къ воротамъ.

— Куда? спросилъ реббъ Шломе.

— Въ поле, жизнь отецъ, въ поле, радостно отвѣчалъ Аншель. — Я хочу выучиться у Войтеха какъ пахать и сѣять, какъ обращаться съ плугомъ и съ лошадьми. Я пойду учиться!

Реббъ Шломе задумчиво смотрѣлъ вслѣдъ за сыномъ, пока онъ не скрылся изъ глазъ.

VII.

Послѣдуемъ за Аншелемъ.

Еще полный радостью о мнимой побѣдѣ, одержанной надъ от-

домъ, онъ шелъ по деревенской улицѣ съ бодро-приподнятою головою. Его лицо разгорѣлось отъ внутренняго волненія. Можетъ-быть, это сіяющее лицо, этотъ гордо поднятый взоръ оживлялись одною мыслью, которая съ каждымъ его шагомъ все шире и шире распускала крылья, и вотъ эта мысль:

« Вы всѣ, которые на меня смотрите, вы учились сельскимъ работамъ. Одинъ научилъ другаго, какъ приняться за дѣло; отецъ показалъ сыну, а тотъ своимъ дѣтямъ, какъ сѣять и пахать. Мнѣ же никто не показывалъ; я прямо изъ лавочки, гдѣ я совсѣмъ другимъ занимался. Но теперь я буду учиться!»

Аншель вышелъ изъ деревни, ни разу не оглянувшись назадъ. Ему казалось, что ему слѣдуетъ такъ все идти впередъ, впередъ, безъ оглядки, безъ остановки. Но вдругъ онъ остановился. Передъ нимъ широко разстилались поля поселанъ, на нихъ еще не шумѣла золотая жатва, но повсюду мелькалительныя фигуры. Куда ни простирался его взглядъ, онъ всюду видѣлъ людей, лошадей, неутомимую дѣятельность и работу; черныя, взрытыя борозды, казалось, оживились, какъ въ старинныхъ сказкахъ, гдѣ изъ нихъ возникали живыя существа.

Отчего это зрѣлище его такъ смутило? Отчего оно на него навело уныніе, вмѣсто того чтобы его еще болѣе одушевить? Вѣдь поля его отца лежали тутъ же, вѣдь онъ самъ шелъ въ среду этой движущейся толпы, чтобы раздѣлять ея дѣятельность? Все это промелькнуло въ головѣ Аншеля, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ возникло другое, тягостное чувство, какъ будто бы все, что онъ видитъ кругомъ, и поля, и лѣса, и луга, все ему принадлежитъ, и какъ будто онъ здѣсь одинъ и никто не поможетъ ему обработать все это пространство. Ему казалось, что всѣ эти мелькающія фигуры сошлись здѣсь только для того, чтобы посмотреть, какъ онъ справится со всѣмъ этимъ дѣломъ. А ему съ этимъ дѣломъ не справиться, говорилъ ему внутренній голосъ. Никогда, никогда во всю свою жизнь онъ не обработаетъ ни одного поля.

Аншель принадлежалъ къ тѣмъ серіознымъ натурамъ, которымъ каждая задача тотчасъ же является во всемъ своемъ объемѣ и трудности. Для такихъ людей тяжелы первые шаги во всякомъ дѣлѣ, какъ бы незначительно оно ни казалось другимъ.

Когда разсѣялось это смутное чувство, его стало тревожить другое. Онъ видѣлъ передъ собою столько людей, работающихъ, трудящихся; никто ихъ сюда не посылалъ; они всѣ сами пришли, не дожидаясь, чтобы какой-нибудь ворчливый работникъ, которому надоѣло бездѣйствіе, напомнилъ имъ объ ихъ обязанности. Они одни бродили какъ полусонные, воображая, что оттого, что идетъ дождь, имъ слѣдуетъ ждать, и ждать, пока проглянетъ солнце, и еслибъ не Войтехъ, они бы до сихъ поръ ходили праздные и печальные, и не думали бы приниматься за работу. Эта

мысль была въ такой тѣсной связи съ внутреннимъ разладомъ, поселившимся въ семействѣ, что Аншель отъ нея незамѣтно перешелъ къ другимъ, еще болѣе грустнымъ размышлениямъ. Передъ нимъ явилась мать... Она какъ будто бы упрекала его, что онъ не умѣетъ понимать ея горе и сочувствовать ему.

«Зачѣмъ она и себѣ и намъ портитъ жизнь? думалъ онъ про себя. Зачѣмъ она не успокоится? Развѣей лучше было жить въ городѣ, въ нашемъ кварталѣ? Вѣдь тамъ ей приходилось съ утра до вечера стоять въ лавочкѣ, въ самый морозъ ѣздить на рынокъ, терпѣть нужду и холодъ, такъ что жаль было на нее смотрѣть. И это ей больше нравится, чѣмъ наше теперешнее житье, гдѣ всего у нея вдоволь? Вѣдь отецъ не требуетъ, чтобъ она работала какъ поселянка; она можетъ отдыхать сколько ей угодно. И еслибъ она изъ каждаго дня дѣлала йонтефъ (праздникъ), никто бы ей слова не сказалъ. Отецъ ничего не жалѣетъ для нея. Еслибы даже она всякое утро пекла себѣ крендельки къ кофе, развѣ онъ сталъ бы за это сердиться? Совсѣмъ напротивъ! онъ радъ, когда она себя чѣмъ-нибудь побалуетъ и немножко развеселится. Онъ не хочетъ, чтобъ она себѣ въ чѣмъ-нибудь отказывала изъ-за нѣсколькихъ крейцеровъ.»

Никого не должно удивлять, что Аншель въ теперешнемъ своемъ настроеніи не понималъ своей матери, которая ему одному повѣрила свое горе, и воображалъ, что для замѣченія этого горя достаточно «привольнаго житья». Онъ въ этомъ случаѣ былъ похожъ на тысячи другихъ людей: онъ былъ такъ поглощенъ преслѣдованіемъ одной, исключительной мысли, что грусть матери ему являлась только помѣхой! Въ этомъ отношеніи родныя дѣти часто такъ же безжалостны, какъ постороннія лица.

Среди такихъ размышлений, Аншель продолжалъ свой путь, но уже не съ прежнею отвагой; воспоминаніе о семейномъ горѣ проснулось въ немъ съ новою силой и опять на него навело какую-то безнадежность. Казалось, что вся оживленная картина, его окружавшая, обширный горизонтъ полей и лѣсовъ вдругъ исчезли передъ нимъ. Онъ уже ничего не видѣлъ и не слышалъ кромѣ нашествия враждебнаго духа, который поселился среди нихъ съ тѣхъ поръ, какъ они перѣехали въ деревню; и невольно ему припомнились слова отца: «Ты увидишь, что она не перемѣнится!»

«Если матушка не перемѣнится, продолжали мучить его мрачныя мысли,—къ чему же намъ такъ трудиться? Вѣдь никто этому не порадуется. При такихъ обстоятельствахъ никому кусокъ въ горло не ползетъ. Не лучше ли отцу все скорѣе продать, хотя бы съ убыткомъ? Вѣдь матушку не перемѣнишь; она все будетъ тосковать по лавочкѣ, все будетъ насъ попрекать деревней, и тѣмъ, что мы ее сдѣлали несчастною. Ужъ теперь у меня сердце разрывается, глядя на ея блѣдное лицо, а если еще она заболѣетъ и

(Боже сохрани и помилуй!) отъ этого умереть, каково намъ будетъ это вынести и думать, что мы тому виною!»

Аншелемъ овладѣла глубокая безнадежность; онъ не видѣлъ никакого исхода изъ этого тягостнаго положенія. Онъ безсознательно слѣдилъ глазами за людьми, работавшими въ полѣ, и невольно задавалъ себѣ вопросъ: неужели и у *нихъ* такъ все дѣлается? или намъ такъ тяжело потому, что мы Евреи? И неужели Еврей не можетъ сдѣлаться поселяниномъ?

До сихъ поръ мысли Аншеля имѣли нѣкоторую послѣдовательность; но вскорѣ онъ впалъ въ какое-то неясное раздумье, передъ нимъ сталъ мелькать образъ дѣвушки, встрѣченной имъ въ первую ночь. Вдругъ его пробудилъ голосъ, зовущій его; самъ того не замѣчая, онъ шелъ по бороздамъ только что вспаханнаго поля.

— Эй, паренекъ, кричалъ ему знакомый голосъ,—что ты не смотришь себѣ подъ ноги? Ты топчешь собственное свое поле!

Свое поле! Невозможно описать, какое впечатлѣнiе эти простые слова произвели на душу Аншеля, какъ внезапно они разогнали всѣ его тягостныя думы. Онъ точно стоялъ на собственной землѣ, и тотъ, кто съ нимъ говорилъ, былъ ихъ работникъ Войтеха!

— Такъ это мое... это наше поле! проговорилъ онъ задыхаясь, и глядя съ невольнымъ сомнѣнiемъ на Войтеха и на лошадей.

— Вѣдь я же тутъ, проговорилъ работникъ.—Да что ты все топчешь поле?

Аншель не обратилъ вниманiя на это вторичное замѣчанiе. Онъ стоялъ какъ околдованный, съ трудомъ переводя духъ. Какой радостный трепетъ, какое волненiе потрясло его душу, неугаданное никѣмъ!

— Такъ сойди же съ поля, опять закричалъ ему работникъ.—Ужь коли ты самъ не хочешь работать, такъ по крайней мѣрѣ не порти чужой работы.

Аншель тутъ только опомнился. Однимъ прыжкомъ онъ соскочилъ съ пахати и очутился на нѣсколько возвышенной межѣ. Оттуда его взглядъ все еще скользилъ по черной поверхности земли, по которой соха Войтеха провела только двѣ-три борозды: то было поле его отца, его поле!

Казалось, работникъ не обращалъ болѣе ни малѣйшаго вниманiя на сына своего хозяина; онъ удовольствовался тѣмъ, что Аншель наконецъ послушалъ его и отошелъ въ сторону. Онъ прикрикнулъ на лошадей и молча продолжалъ работу; острое желѣзо врѣзалось въ землю, и начатая борозда вскорѣ такъ продлилась, что работникъ уже очутился на противоположномъ концѣ поля, между тѣмъ какъ Аншель все смотрѣлъ за нимъ вслѣдъ.

Паханье земли въ этотъ день было для него новое, незнакомое зрѣлище. Онъ часто видѣлъ эту работу, но точно такъ же, какъ мы видимъ дерево на дорогѣ, человѣка, попадающагося намъ на

встрѣчу, онъ смотрѣлъ безъ вниманія, ничего не запоминая. Онъ не разъ ѣздилъ на ярмарку съ родителями и видѣлъ поселянъ за полевою работою, но эта самая картина оживленной дѣятельности, такъ сильно поразившая его на этотъ разъ, прежде на него не производила никакого впечатлѣнія. Какое ему дѣло до нихъ? Онъ ѣдетъ на ярмарку, тамъ онъ долженъ стоять за прилавкомъ, зазывать покупателей и расхваливать имъ товаръ.

Сегодня, въ первый разъ, онъ точно видѣлъ, какъ плугъ разрѣзываетъ и выворачиваетъ почву; въ первый разъ онъ вдыхалъ свѣжій, живительный запахъ вновь вспаханной земли; онъ замѣчалъ всѣ приемы, онъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ плуга; передъ нимъ началась, потянулась и кончилась борозда.

Все это прежде передъ нимъ проходило незамѣченнымъ, да и когда ему было думать о полевою работѣ, на ярмаркѣ или въ лавочкѣ?

Потомъ онъ сталъ любоваться работникомъ, удивляться его силѣ, какъ, на неровномъ мѣстѣ, онъ приподнималъ плугъ, словно легкое перышко, и потомъ опять на него напиралъ, такъ что плугъ глубоко врѣзывался въ землю; онъ удивлялся послушанію лошадей, которыя, безъ поводовъ, повиновались одному голосу Войтеха и никогда не отступали отъ прямой линіи.

«Что, еслибы я сумѣлъ сдѣлать то же»,—вотъ какое желаніе овладѣло имъ.

Войтехъ опять очутился возлѣ него; Аншель долженъ былъ отойти въ сторону, чтобы дать ему повернуть лошадей и плугъ. Но вдругъ Войтехъ остановился; не взглянувъ даже на хозяйскаго сына, онъ спросилъ обычнымъ ворчливымъ тономъ:

— Что, паренекъ, не приказывалъ ли мнѣ чего твой отецъ?

Аншель не обратилъ вниманія на уменьшительное названіе, нѣсколько оскорбительное для его лѣтъ; въ настоящемъ его настроеніи, ему было пріятно и лестно уже то, что работникъ заговорилъ съ нимъ.

— Отецъ мнѣ ничего не поручалъ, отвѣчалъ онъ робко, какъ будто бы имѣлъ дѣло съ строгимъ начальникомъ.

Войтехъ, казалось, захотѣлъ медленно обдумать это слово. Онъ вынулъ изъ кармана трубку и кожаный кисеть съ табакомъ, набилъ трубку и сталъ курить. Аншель на него смотрѣлъ съ какимъ-то тревожнымъ ожиданіемъ; онъ даже испугался, когда работникъ, сразу видя, что табакъ не загорается, съ нетерпѣливымъ движеніемъ вынулъ новый кусокъ труту и сталъ съ такимъ ожесточеніемъ стучать огнивомъ по кремню, какъ будто бы у него въ рукахъ была бѣшеная лошадь, которую онъ долженъ усмирять.

Наконецъ ему удалось закурить трубку; онъ раза два затянулся, и удостовѣрившись, что табакъ горитъ какъ слѣдуетъ, опять всунулъ въ карманъ кожаный кисеть, пустилъ густое облако дыму и

опять принялся за лошадей и плугъ. Аншель замѣтилъ это съ новымъ испугомъ: неужели Войтехъ удалится, не сказавъ ему ни слова? Угрюмый видъ работника не обѣщаль ничего добраго;— опять исчезла вся его радость, вся его бодрость.

Войтехъ, точно, сильнымъ движеніемъ руки повернулъ плугъ и собирался начать новую борозду. Но тутъ онъ вдругъ обернулся и посмотрѣлъ прямо въ глаза хозяйскому сыну. Аншель встрѣтилъ мрачный, почти злобный взглядъ его.

— Ну, паренекъ, сказалъ онъ,—если твой отецъ тебѣ ничего не поручалъ, такъ зачѣмъ же ты здѣсь?

Аншель не ожидалъ такого вопроса; работникъ спрашивалъ его, съ какой стати онъ пришелъ на поле своего отца, на свое собственное поле? Вся кровь прихлынула ему къ головѣ, онъ воскликнулъ въ гнѣвномъ негодованіи:

— Я пришелъ сюда, потому что это наше поле.

Гнѣвъ Аншеля не произвелъ никакого дѣйствія на Войтеха, лицо его не стало суровѣе прежняго; онъ выпустилъ густую струю дыма и какъ-то странно взглянулъ на своего собесѣдника.

— Э, паренекъ, проговорилъ онъ медленно,—ты мнѣ прямо отвѣчай. Я не говорилъ, что это поле не твое, я спрашивалъ, зачѣмъ пришелъ сюда?

— Развѣ нельзя посмотрѣть на собственное поле? воскликнулъ Аншель все еще въ сердцахъ.

— Почему жь не посмотрѣть, отвѣчалъ Войтехъ все также хладнокровно.—Ну, ужь я вижу, не дожидаться намъ ~~до~~ самаго конца свѣта, чтобы жида перемѣнились. Не даромъ же нашъ Господь и Спаситель проклялъ ихъ на вѣки вѣчныя. Они не могутъ перемѣниться.

— Отчею же это? спросилъ Аншель, пораженный темными словами работника.

Войтехъ, раза два курнулъ, но трубка погасла во время разговора. Съ нетерпѣливымъ движеніемъ онъ ее опять запряталъ себѣ въ карманъ.

— Даже эта окающая трубка не хочетъ горѣть при нихъ, проговорилъ онъ вполголоса, но такъ, что Аншель не могъ не понять смысла этихъ словъ. Потомъ онъ прибавилъ вслухъ:

— Хочешь ли знать, паренекъ, какое нашъ Господь и Спаситель на васъ наложилъ проклятiе, отъ котораго жидамъ никогда не отдѣлаться? Никакой травки не должно быть у нихъ во владѣніи, ни одной колосинки во всемъ Божьемъ мiрѣ. Такъ-то онъ ихъ проклялъ на вѣки вѣчныя.

Аншель въ первую минуту не понялъ вполнѣ смысла этого страннаго проклятiя, но вскорѣ онъ воскликнулъ:

— Да вѣдь поле наше, мы его купили.

— И да, и нѣтъ, судя потому, какъ взять.

— Я у тебя спрашиваю одно, Войтехъ, продолжалъ Аншель съ жаромъ.—Развѣ императоръ не позволилъ намъ имѣть и покупать поле?

— И да, и нѣтъ, повторилъ работникъ упорно.

— Да вѣдь это напечатано въ газетахъ. Развѣ ты не прочелъ?

— Я не умѣю читать, сказалъ работникъ сухо.

— А если ты не умѣешь читать, такъ что же ты толкуешь? закричалъ Аншель въ негодованіи.—Мы теперь все можемъ покупать землю и поля, сколько намъ угодно.

— И еслибъ это было тысячу разъ напечатано, возразилъ Войтехъ, возвышая голосъ но безъ малѣйшаго выраженія гнѣва,—и еслибъ это читали во всѣхъ церквахъ, я бы все-таки не повѣрилъ.

— Ты не вѣришь тому, что повелѣлъ императоръ, и что напечатано въ газетахъ? воскликнулъ Аншель, болѣе озадаченный чѣмъ разсерженный.

— Оно можетъ быть и правда, продолжалъ работникъ съ разстановкою,— что императоръ вамъ позволилъ покупать землю; у кого есть деньги, тотъ можетъ все купить. Да только онъ не хочетъ, чтобы вы были поселянами, чтобы вы сѣяли и пахали.

— Намъ можно покупать землю, съ горечью воскликнулъ Аншель, раздраженный явнымъ противорѣчіемъ въ словахъ Войтеха,—а поселянами намъ сдѣлаться нельзя? Да вѣдь этого-то императоръ и хочетъ, чтобы мы были поселянами.

Войтехъ недоувѣрчиво покачалъ головой; послѣдній доводъ Аншеля какъ будто бы нѣсколько поколебалъ его увѣренность; Аншель замѣтилъ, что его губы какъ-то дрогнули; казалось, онъ хотѣлъ подавить невольное движеніе. Онъ поспѣшно вытащилъ изъ кармана трубку и высыпалъ золу къ себѣ на руку. Можно было предположить, что онъ обдумываетъ какое-нибудь рѣзкое возраженіе. Однако ему повидимому не удалось найти достаточно сильныхъ доводовъ; послѣ долгаго молчанія онъ воскликнулъ почти въ сердцахъ:

— Не можетъ быть! Какъ императоръ допустить что-нибудь противное нашему Господу и Спасителю?

Аншель тотчасъ же понялъ, что на это доказательство онъ отвѣчать не можетъ; вѣроятно, давнишній опытъ научилъ его, что опасно возражать на религиозные доводы *восподствующей* церкви. Войтехъ, подобно многимъ другимъ образованнымъ и необразованнымъ людямъ, для того, чтобы объяснить свою ненависть къ Евреямъ; свелъ рѣчь на богословіе, о которомъ Аншель съ ними спорить не могъ; его удерживалъ и недостатокъ свѣдѣній и довольно основательный *страхъ*.

Подумавъ нѣсколько минутъ, Аншель сказалъ съ необычайною для него смѣлостью:

— На это я тебѣ ничего не могу сказать, Войтехъ. Еслибы тутъ былъ мой братъ, онъ бы сумѣлъ съ тобою поспорить; онъ учился этому, и современемъ будетъ раббиномъ.

— Это то же, что священникъ? спросилъ Войтехъ.

— Да, отвѣчалъ Аншель спокойно.

— Отчего же онъ не учится въ семинаріи у своего епископа? опять спросилъ работникъ съ внезапно-пробудившимся вниманіемъ.

— Дуракъ, сказалъ Аншель смѣясь, — у насъ нѣтъ епископа, у насъ можно сдѣлаться священникомъ и дома.

— Какъ, дома? воскликнулъ работникъ почти въ испугѣ.

Аншель замѣтилъ, что его сильная фигура вся задрожала. Что это могло значить?

Войтехъ тотчасъ же превозмогъ свое волненіе; однако Аншеля странно поразила мягкость его голоса, когда онъ спросилъ, минутою спустя:

— Такъ ты думаешь, что Спаситель васъ не проклялъ? что онъ позволилъ жидамъ имѣть поля и быть поселянами?

— Да, я это думаю, отвѣчалъ Аншель, пораженный серіознымъ тономъ работника.

— И твой братъ, священникъ, то же думаетъ? продолжалъ Войтехъ нетвердымъ голосомъ, и бросилъ на Аншеля почти умоляющій взглядъ.

— Да, отвѣчалъ Аншель также не совсѣмъ рѣшительно; вопросы работника навели на него какой-то ужасъ.

Войтехъ вдругъ отвернулся отъ него и пробормоталъ что-то, чего Аншель не могъ понять; но его поразила перемѣна, которую онъ замѣтилъ на лицѣ работника, когда тотъ опять къ нему обратился, нѣсколько минутъ спустя. Суровое, дерзкое выраженіе совершенно исчезло, Аншель встрѣтилъ кроткій, почти женски-нѣжный взглядъ.

Онъ еще болѣе удивился, когда работникъ сказалъ:

— Такъ ты хочешь быть поселяниномъ?

— Хочу, отвѣчалъ Аншель едва слышно.

— Хочешь пахать и сѣять? хочешь обрабатывать поле и собирать жатву, когда придетъ время? продолжалъ Войтехъ тѣмъ же мягкимъ голосомъ.

— Да, отвѣчалъ Аншель.

— Такъ пойдемъ, воскликнулъ Войтехъ, возвысивъ голосъ, — вотъ я тебѣ даю въ руки поводья, я десять лѣтъ правилъ этими лошадьми, а сегодня я тебѣ ихъ передаю. Теперь смотри, я тебѣ покажу какъ пахать.

Аншель самъ не зналъ какъ у него очутились въ рукѣ по-

вода; внезапное предложеніе Войтеха научить его сельской работѣ слишкомъ сильно его потрясло. Войтехъ между тѣмъ ухватился обѣими руками за плугъ, врѣзавшійся въ землю во время предыдущаго разговора, и, приподнявъ его, передвинулъ въ сторону. Все это было дѣломъ одного мгновенія.

— Ну, что же мнѣ теперь дѣлать? спросилъ Аншель помолчавъ.

— Прежде помолись, сказалъ работникъ серьезно, и какъ бы для того, чтобъ ему подать примѣръ, онъ снялъ шапку и набожно наклонилъ голову. Это движеніе Войтеха странно подѣйствовало на Аншеля, оно какъ будто бы сообщило ему то же религиозное настроеніе; въ избыткѣ чувствъ и мыслей онъ сталъ молиться, самъ не зная какъ. Его молитва была коротка, онъ не почерпнулъ ея изъ священныхъ книгъ, но она вылилась изъ теплаго человѣческаго сердца, на которое повѣяло истинное чувство благоговѣнія, какъ Божій вѣтеръ на плодоносное поле.

— Ты кончилъ? спросилъ его Войтехъ.

— Да, отвѣчалъ Аншель.

— Желалъ бы я знать, какъ ты молился, сказалъ работникъ тономъ, не допускающимъ противорѣчій.

Однако Аншель не тотчасъ же отвѣчалъ; ему было трудно и тягостно высказать работнику мысли и чувства, въ которыхъ онъ едва отдавалъ отчетъ самому себѣ.

— Тебѣ стыдно? спросилъ Войтехъ видя его нерѣшительность.

— Да ты не поймешь! сказалъ Аншель краснѣя.

— Отчего же?

— Ты не знаешь нашего священнаго языка, сказалъ Аншель въ смущеніи.

— Все равно, говори, прервалъ его Войтехъ.

Аншель пытался, въ несвязныхъ и неполныхъ словахъ (тѣмъ болѣе, что ему нужно было говорить на непривычномъ ему чешскомъ языкѣ), передать работнику содержаніе своей молитвы, все то, что такъ горячо и непосредственно вылилось у него изъ души. То было сочетаніе разныхъ молитвенныхъ стиховъ, оставшихся у него въ памяти, съ собственными мыслями, внушенными торжественною для него минутой. Войтехъ услышалъ слѣдующую молитву:

«Хвала тебѣ Боже, Боже нашъ, Царю земли, сотворившему плоды земные и плоды деревъ; благослови насъ, Боже нашъ, Боже, на этотъ годъ; дай созрѣть всѣмъ плодамъ, пролей на землю дождь и росу, да насытимся мы твоею благодатію, да будетъ этотъ годъ благословенъ какъ лучшіе года. Боже, Боже нашъ, благослови и нашъ домъ, пошли радость всѣмъ сердцамъ, изгони изъ нихъ печаль. Успокой наши души, ты бо еси всемогущъ. Хвала тебѣ, всемогущему Богу, посылающему намъ вѣтеръ и дождь, хвала тебѣ во вѣки вѣчные. Аминь.»

Войтехъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, по лицу его нельзя было замѣтить, чтобъ отъ него ускользнуло хотя одно слово, какъ непривычны они ни были для него. Когда Аншель замолчалъ, работникъ, казалось, ждалъ продолженія молитвы, онъ все не сводилъ глазъ съ лица Аншеля. Потомъ онъ сказалъ:

— Теперь пойдемъ пахать.

Лошади тронули, желѣзо со скрипомъ и визгомъ впилося въ землю, освященную молитвой, и Аншель началъ свою первую борозду.

VIII.

Аншелю не легко приходилось въ этотъ день и въ слѣдующіе.

Войтехъ не надолго измѣнилъ своему обычному нраву. Онъ опять сдѣлался угрюмымъ, дерзкимъ, повелительнымъ, и на каждомъ шагу доказывалъ это своему ученику. Казалось, что съ той минуты, какъ онъ вступилъ на вспаханное поле, имъ опять овладѣло прежнее чувство ненависти. Аншель ничѣмъ не могъ ему угодить; то онъ слишкомъ спѣшилъ и торопилъ лошадей, то шелъ слишкомъ медленно. Плугъ или слишкомъ мало врѣзывался въ землю, или проводилъ черезчуръ глубокую борозду. Все это вызывало со стороны работника упреки и брань, которые другой, на мѣстѣ Аншеля, не сумѣлъ бы сносить такъ терпѣливо.

«Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ такой? или только прикидывается?» спрашивалъ себя Аншель. Но одно для него было ясно: то, что онъ долженъ повиноваться работнику и переносить всѣ вспышки его крутаго нрава. Чувство болѣе возвышенное, чѣмъ простой страхъ, внушило ему эту безусловную покорность Войтеху, и мѣшало ему принимать къ сердцу всѣ дерзости, всю брань, всѣ оскорбленія, которыми онъ его осыпалъ. Аншель видѣлъ въ работникѣ своего учителя, принимающаго на себя трудъ давать ему наставленія.

— Развѣ онъ обязанъ меня учить? говорилъ онъ самъ себѣ.— Въдь никто ему за это не платитъ.

Однажды Войтехъ его вдругъ остановилъ.

— Вотъ посмотри, что ты надѣлалъ! воскликнулъ онъ сердито.— Если на этомъ что-нибудь выростетъ, то я скажу, что это посеялъ самъ чортъ!

Аншель обернулся въ испугѣ, и Войтехъ указалъ пальцемъ на только что взрытую глыбу земли; его ученикъ не могъ въ ней замѣтить ничего особеннаго. На его лицѣ выразилось недоумѣніе, когда работникъ нагнулся и взялъ горсть земли изъ этой глыбы.

— Что, это развѣ земля? воскликнулъ онъ, поднося ее къ самому

носу Аншеля. Аншель все еще не понималъ, чего хочетъ работникъ, и смотрѣлъ на него съ робко-умоляющимъ видомъ.

— Если на это наступить лошадь, сказалъ Войтехъ въ сердцахъ, — то можетъ вылетѣть искра, но ужъ никогда на этомъ не выростетъ ничего. Это ты запомни, паренекъ.

Съ этими словами онъ взялъ два кремня, которые острый плугъ выворотилъ на поверхность земли, и со всего размаха бросилъ ихъ черезъ поле, такъ что они со стукомъ и грохотомъ упали на дорогу. Аншель не нашелся, что сказать, и, повидимому, не понявъ сперванамѣренія работника. Развѣ онъ сюда положилъ эти камни? Вѣдь самъ Войтехъ управлялъ плугомъ, и отъ него зависѣло, чтобъ онъ болѣе или менѣе глубоко разрѣзалъ землю. Только потомъ, когда они опять двинулись, Аншель вспомнилъ, что Войтехъ самъ на этомъ мѣстѣ вдругъ налегъ на плугъ и глубже обыкновеннаго впустилъ его въ землю.

«Неужели онъ это сдѣлалъ нарочно, думалъ Аншель, чтобы имѣть случай сказать мнѣ неприятность? Или онъ хотѣлъ мнѣ показать, что не слѣдуетъ такъ напирать на плугъ?»

Войтехъ, вѣроятно, не зналъ, что такое педагогическій институтъ; онъ не зналъ, что для того, чтобъ учить другихъ, нужно сперва выучиться самому разнымъ неслыханнымъ предметамъ (которыхъ никогда не придется послѣ употреблять); онъ помнилъ, можетъ-быть, что въ дѣтствѣ попадалась ему книжечка, подъ названіемъ азбука, а о «пропедевтикѣ» и объ «аналитической и синтетической методологіи», вѣроятно, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Но если Аншель точно угадалъ истину, если Войтехъ своею собственною ошибкой хотѣлъ его предостеречь противъ подобныхъ ошибокъ, не выказалъ ли Войтехъ этимъ педагогическій талантъ въ родѣ тѣхъ, которые до сихъ поръ составляютъ честь и славу нашихъ отечественныхъ каедръ?

Въ продолженіи всего утра, работникъ являлся Аншелю все болѣе и болѣе загадочнымъ лицомъ. Иногда онъ встрѣчалъ въ немъ проблески дружелюбнаго чувства, но едва онъ успѣвалъ этому обрадоваться, какъ Войтехъ опять, съ какимъ-то жестокимъ удовольствіемъ, выказывалъ свои кровожадные наклонности и, какъ бы нарочно, старался разрушить выгодное впечатлѣніе, произведенное имъ на Аншеля. Ему дѣла не было до того, что о немъ думаетъ Аншель, ему хотѣлось только вымещать на немъ свою досаду и желчь. Такъ Аншель однажды совершенно невинно спросилъ, не слыхалъ ли Войтехъ, что въ какой-то странѣ, кажется Англій, или тамъ, за моремъ, уже не пашутъ плугомъ. Тамъ простò высыпаютъ въ полѣ какую-то машину, изъ которой выходитъ паръ; она бѣгаетъ взадъ и впередъ, и сама знаетъ, гдѣ повернуть. Люди всѣ остаются дома; а когда, вечеромъ, они

выходятъ въ поле, машина уже сдѣлала все дѣло, какъ будто бы тутъ работало двадцать человѣкъ.

— Ты этому не вѣрь, голубчикъ, сперва отвѣчалъ Войтехъ довольно кротко.—Поле знаетъ человѣка; оно сейчасъ пойметъ, желаютъ ли ему добра или нѣтъ, поэтому-то не всѣмъ бываетъ ровный урожай. Ты только замѣчай; увидишь, что всегда бываетъ такъ. А это тебѣ разказывали вздоръ. Вѣдь поле узнало бы, что его пашутъ не люди, и отъ злости не произвело бы ни единой травинки. Оно было бы заколдовано.

Но когда Аншель возразилъ, что должно быть оно все-таки правда, потому что вѣдь много разказывали необыкновенныхъ вещей, и всегда они оказывались истиной, Войтехъ воскликнулъ въ порывѣ страшнаго гнѣва, что если точно существуетъ эта окаянная машина, то ее изобрѣли жида. Имъ теперь позволили покупать землю, такъ они думаютъ, что весь мѣръ имъ принадлежитъ. Работать, трудиться никто изъ нихъ не хочетъ, но вотъ такая машина, изъ которой выходитъ паръ, это по ихъ части; имъ тогда не нужно ни одной христіанской души, и что имъ за дѣло, если все погибнетъ! Но онъ надѣется, что этого не допустить, что хотя такая машина съ паромъ и сильна, но люди еще сильнѣе. Они ее забьютъ косами и топорами, такъ что не останется даже малѣйшаго кусочка, чѣмъ бы трубку закурить.

За этимъ взрывомъ ненависти послѣдовало долгое молчаніе. Аншель съ трудомъ подавлялъ свой гнѣвъ, ужасныя слова работника возмутили его до глубины души, и онъ охотно бы ушелъ отъ него. Можетъ-быть, Войтехъ отгадалъ все, что въ немъ происходило, онъ какъ будто бы хотѣлъ съ нимъ помириться. Когда вскорѣ потомъ Аншель остановился, усталый и измученный, утирая лицо платкомъ, Войтехъ сказалъ ему самымъ жалостливымъ голосомъ:

— Садись, голубчикъ, и отдохни; поле отъ насъ не уйдетъ.

Аншель воспользовался этимъ милостивымъ позволеніемъ, и хотѣлъ было сѣсть на голую землю, но работникъ остановилъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, паренекъ, сказалъ онъ, — ты такъ не садись. Изъ земли теперь идутъ недобрые пары, ты можешь заболѣть на смерть. Что же скажетъ твоя матушка?

И прежде чѣмъ Аншель могъ опомниться, Войтехъ скинулъ куртку и постлалъ ее на землю.

— Ну вотъ теперь садись и отдохни, сказалъ онъ.—А я себѣ набью трубочку.

Аншель посмотрѣлъ на него съ благодарностію, но не сказалъ ни слова, онъ рѣшительно его не понималъ.

Около полудня, служанка принесла Войтеху обѣдъ, а Аншелю сказала, что его ждутъ дома.

Аншелю это было нѣсколько досадно; ему казалось неприличнымъ оставить работника одного, объдающаго подъ открытымъ небомъ, а самому идти домой и пользоваться всеми удобствами родительскаго стола. Но онъ до такой степени подчинился вліанію загадочнаго работника, что сперва взглянулъ на него, какъ бы прося позволенія остаться. Войтехъ, набожно перекрестившись, сѣлъ на плугъ и уже принялся ѣсть. Онъ, должно-быть, понялъ вопросительный взглядъ Аншеля, и сказалъ ему смѣясь:

— Ступай себѣ, сударикъ мой, и кушай на здоровье; это не по твоей части, покуда.

Онъ вѣроятно хотѣлъ сказать, что Аншель еще не вполне сдѣлался поселаниномъ, и не можетъ брать на себя всѣ трудности сельской жизни.

Когда Аншель удалился отъ своего страннаго товарища, на него напала такая необузданная веселость, какой ему давно не случалось испытывать. Онъ кричалъ изо всей силы и оглашалъ поля своими пѣснями. Онъ самъ не зналъ, проявилось ли наружу все, что шумѣло и кипѣло въ его головѣ, но чувствовалъ, какъ будто имѣетъ право будить весь околотокъ своимъ пѣніемъ, громко смѣяться и дурачиться. Ему невольно пришли на память дни его дѣтства, когда онъ, бывало, прыгая и смѣясь, возвращался изъ школы и не могъ нарадоваться, что уроки кончились. Вѣдь Аншель и сегодня былъ въ школѣ, и притомъ достался ему строгій учитель. За то онъ чувствовалъ двойную радость: онъ въ первый разъ испыталъ благодать тяжкаго труда. Онъ чувствовалъ себя и ребенкомъ, и возмужалымъ человѣкомъ. Онъ былъ ученикъ Войтеха, но школою было его собственное поле.

И вдругъ что-то помрачило это дѣтски-радостное настроеніе. Передъ Аншелемъ шли двѣ дѣвушки съ корзинами въ рукахъ, въ которыхъ онъ относили домой пустую посуду. Одна изъ этихъ дѣвушекъ поражала стройнымъ и гибкимъ станомъ, между тѣмъ какъ другая была широкоплеча и приземиста. Еще прежде чѣмъ Аншель успѣлъ догнать ихъ, онъ стали шептаться между собою; потомъ меньшая сказала такъ громко, что онъ не могъ не слышать ея словъ:

— Ты увидишь, что онъ тебя узнаетъ:

— Дурочка, отвѣчала другая смѣясь, — вѣдь это было ночью, а ты знаешь, что ночью все черно, даже пестрая курица.

У Аншеля сердце дрогнуло; въ эту минуту онъ почувствовалъ жгучую боль въ томъ же пальцѣ, который онъ въ первую ночь раздробилъ о гвоздь забора.

Голосъ этой стройной, высокой дѣвушки ему показался очень знакомымъ. Неужели это она?

Дѣвушки шли мелкими шагками, какъ бы для того, чтобъ Аншелю было легче ихъ догнать. Аншель не понялъ этого намека,

или, можетъ-быть, не захотѣлъ понять. Вдругъ онъ увидѣлъ, какъ маленькая поспѣшно вырвала корзину у большой.

— Поди ты, сказала она съ досадой, — ты ужь черезчуръ тихо ходишь. Ты едва переступаешь, какъ только что вылупившійся цыпленокъ, а у меня еще куча дѣла.

Не ожидая отвѣта, она убѣжала впередъ. Ея подруга не старалась ее удержать.

Аншель подошелъ ближе. Онъ былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дѣвушки. Можетъ-быть, его ободрило то, что они остались вдвоемъ. Самъ не зная какъ, онъ очутился подлѣ нея и пошелъ съ нею рядомъ. Но они не смотрѣли другъ на друга. Они шли молча, съ опущенными глазами, сердца ихъ бились все сильнѣе и сильнѣе.

Наконецъ Аншель заговорилъ, но такъ тревожно, такъ несвязно, что изъ его словъ можно было понять только одно: что онъ находился въ страшномъ смущеніи. Онъ хотѣлъ спросить, помнить ли она еще его, помнить ли она ту ночь, когда онъ такъ много съ нею говорилъ черезъ садовой заборъ, но онъ ничего этого не сказалъ. Чѣмъ болѣе онъ говорилъ, тѣмъ болѣе запутывался въ собственной рѣчи, пока наконецъ звонкій смѣхъ дѣвушки не вывелъ его разомъ изъ этого затруднительнаго положенія.

— Въ своемъ ли ты умѣ? воскликнула она.—Какъ мнѣ тебя не помнить? Не такъ легко забыть вора, который крадется около дома, и....

Тутъ только Аншель взглянулъ на нее. Онъ точно видѣлъ передъ собою дѣвушку, съ которой говорилъ въ ту памятную ночь, но она ему показалась еще милѣе и прекраснѣе, чѣмъ тогда, при слабомъ свѣтѣ луны. И она окинула его однимъ изъ тѣхъ взглядовъ, въ сравненіи съ которыми медленна молнія небесная, медленна даже мысль; этотъ взглядъ соединялъ въ себѣ и мысль и молнію, жгучій огонь и выраженіе души.

— Такъ ты меня все еще считаешь за вора? спросилъ Аншель вдругъ ободрившись.

— Еще бы? воскликнула дѣвушка, смѣясь и выказывая рядъ зубовъ ослѣпительной бѣлизны, отчего она сдѣлалась еще прекраснѣе.—Еще бы! какъ назвать того, кто ночью, когда никто не видитъ, вырываетъ что-нибудь у дѣвушки и убѣгаетъ?

— Ты говоришь про платокъ, который я взялъ съ собою? сказалъ онъ запинаясь.—Вѣдь ты мнѣ сама его дала!

— Вотъ, станешь увѣрять! прервала дѣвушка, все еще смѣясь.— Ты у меня его выхватилъ, и убѣжалъ.

— Извини, сказалъ Аншель съ полнымъ сознаниемъ своей невинности,—ты мнѣ его дала; ты обмокнула платокъ въ воду, чтобъ я вытеръ лицо. Какъ мнѣ не помнить!

— Не правда! воскликнула дѣвушка съ внезапнымъ гнѣвомъ, и вдругъ отвернулась.

Странное дѣло! Аншеля вовсе не оскорбили слова дѣвочки; можетъ-быть, онъ былъ даже радъ, что имѣеть случай съ нею спорить и себя защищать передъ нею.

— Если ты хочешь, сказалъ онъ,—я тебѣ отдамъ платокъ... Я совсѣмъ забылъ....

— Гдѣ же онъ? прервала его дѣвушка.—Давай его скорѣй.

— Вотъ, вотъ! воскликнулъ онъ, сдерживая свое волненіе, и дрожащими руками вынулъ платокъ, спрятанный у него на груди.

— Возьми его, если хочешь! сказалъ онъ задыхаясь.—Я не хочу больше слыть за вора; я съ этимъ платкомъ не разставался съ самой той ночи.

Однако онъ ей не отдалъ платка, онъ все еще судорожно его прижималъ къ груди, какъ бы боясь, что малѣйшее движеніе ея руки можетъ лишить его сокровища, которое такъ долго покоилось на его сердцѣ.

Дѣвушка робко взглянула на него, потомъ она протянула руку, но не взяла платка, рука ея невольно упала на горячую руку Аншеля. Оба вздрогнули отъ этого прикосновенія, глаза ихъ встрѣтились, и долго они стояли молча другъ подлѣ друга, не смѣя пошевеливаться.

— Оставь платокъ у себя, сказала она тихо.

— Но если ты хочешь... отвѣчалъ Аншель, подавая платокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь его у себя! воскликнула она съ жаромъ.

Больше они не говорили ни слова. Они уже дошли до деревни, уже очутились на улицѣ, сами того не замѣчая. Они шли рядомъ съ опущенными глазами; Аншель все еще сжималъ въ рукахъ платокъ, какъ трудно завоеванную добычу, ему и въ голову не приходило, что слѣдовало бы его прятать отъ любопытныхъ взглядовъ, отъ людскихъ пересудовъ. Но есть минуты сладкаго упоенія, когда человѣкъ идетъ мимо пропасти, самъ не замѣчая ея, когда онъ, не страшась, проходитъ по страшнымъ обрывамъ, мимо грозныхъ водопадовъ, когда онъ не видитъ враговъ, собирающихся вокругъ него, не слышитъ свиста ихъ смертоносныхъ стрѣлъ.

Вдругъ Аншель приподнял голову: онъ уже былъ одинъ, дѣвушка его оставила. Была ли она умнѣе его? Болалась ли она, чтобы ихъ не встрѣтили вмѣстѣ? Аншель вдругъ удвоилъ шаги съ какою-то судорожною поспѣшностію, какъ будто ему нужно было торопиться, поспѣть куда-нибудь къ сроку. Не преслѣдуютъ ли его со всѣхъ сторонъ любопытные взгляды? Не чувствуетъ ли онъ, какъ отъ нихъ горитъ его лицо? Не лучше ли ему поспѣшить домой, чтобы скрыть отъ нихъ всѣхъ свое тихое счастье?

IX.

Съ тѣхъ поръ, какъ Аншель почувствовалъ въ себѣ новую жизнь, которая неожиданно началась для него съ самаго перваго появленія его въ деревнѣ, онъ смотрѣлъ на свою семью какъ на что-то ему постороннее. Онъ какъ будто совсѣмъ откололся отъ нея, не принималъ никакого участія въ ея внутренней жизни, какъ-то равнодушно сталъ смотрѣть на семейное горе. Такая перемѣна не должна удивлять никого, кто знакомъ съ исключительностью и эгоизмомъ перваго чувства. Пусть все вокругъ измѣнится, перемѣстятся горы и доли, рѣчной потокъ пусть выйдетъ изъ своего русла, въ которомъ катился съ незапамятныхъ поръ, пусть все на свѣтѣ измѣнитъ и вѣчнымъ, и человѣческимъ законамъ, лишь бы только оно, это первое чувство, могло разгуливать безпрепятственно и привольно.

Ребѣ Шломе не могъ нарадоваться тому, какимъ дѣльнымъ и толковымъ оказался его Аншель; онъ этого не ожидалъ отъ задумчиваго мальчика, не находившаго ни малѣйшей прелести въ «лавочкѣ» и вообще въ торговыхъ дѣлахъ. И точно, Аншель былъ неутомимъ. Рано утромъ, пока весь домъ еще спалъ, онъ отправлялся въ поле, вмѣстѣ съ работниками; онъ не возвращался даже къ обѣду, непременно хотѣлъ, чтобъ и ему, какъ Войтѣху, прислали кушанье въ поле; «такъ слѣдуетъ», говорилъ онъ.

Въ первый разъ Нахима всѣми силами этому противилась; ей казалось неслыханнымъ посылать кушанье одному изъ сыновей, «какъ какому-нибудь бродягѣ»; она говорила, что въ домѣ ея родителей и у всѣхъ добрыхъ людей считалось величайшимъ счастьемъ видѣть дѣтей вокругъ себя; теперь же она по дѣльнымъ днямъ не видитъ своего Аншеля, и не знаетъ даже, вкусенъ ли ему показался обѣдъ. Всего болѣе огорчало ее, что ея сынъ долженъ ѣсть вмѣстѣ съ рабочимъ людомъ. «Вотъ для какого добра переѣхали въ деревню», говорила она.

Нахима забывала, что Аншель самъ этого хотѣлъ; но болѣное сердце любить возводить всякое минутное огорченіе къ общей причинѣ своего горя; оно, при каждомъ случаѣ, обзрываетъ всю область своей болѣзни; какъ опытный врачъ, оно во всякомъ незначительномъ признакѣ умѣетъ распознать слѣды общей изнуряющей болѣзни.

Вообщѣ въ Нахимѣ произошла замѣчательная перемѣна. Смирная, молчаливая женщина, она вдругъ сдѣлалась сварлива и

криклива; ежедневно, ежечасно твердила она о томъ, какъ все было лучше въ городѣ; сожалѣла, что согласилась переехать сюда, говорила, что ей бы слѣдовало противиться этому «и руками и ногами»; она какъ будто бы вдругъ сознала принадлежавшее ей въ семействѣ мѣсто, и рѣшилась не уступать ни вершка изъ своей области. Извѣстно, что обыкновенно случается, когда люди, особенно женщины, вдругъ выйдутъ изъ своей обычной колеи. Для Нахимы переходъ къ совершенно-новой, незнакомой ей жизни былъ такъ внезапнъ, что онъ не могъ не подѣйствовать сильно на ея нравъ. Никто бы, слыша какимъ рѣзкимъ тономъ она отдавала приказанія служанкамъ, съ какою кислою миной она распорядилась по хозяйству, никто бы не могъ узнать въ ней кроткую, терпѣливую Нахиму. Все въ ней измѣнилось; даже одѣваться она стала съ непривычною небрежностію. Никто ей не замѣчалъ этого; вообще боялись даже отвѣчать или возражать на ея горькія рѣчи; но за то она сама себя дѣлала упреки, на которые потомъ сама же возражала, какъ будто бы ихъ высказалъ другой. «Не для мужиковъ же говорила она, и не для коровъ въ стойлѣ надѣвать мнѣ праздничный чепчикъ? Здѣсь годится и самое дурное платье, въ которомъ я бывало по зимамъ ходила на рынокъ!» Даже для шабаша она не дѣлала исключенія; казалось, и въ торжественный день покоя ей пріятно было носить мрачные цвѣта, которые соответствовали ея внутреннему настроенію.

— Для кого же намъ дѣлать шабашъ? говорила она: — ужъ не для этого ли Войтѣха, который пожалуй, готовъ всѣхъ насъ отравить? Я не могу даже пойти въ синагогу, скоро я разучусь еврейскому языку, забуду гдѣ Богъ живетъ!

Такія слова, особливо произнесенныя въ шабашъ, все болѣе и болѣе растравляли давнишнюю рану. Въ шабашъ стараются избѣгать всякихъ ѣдкихъ споровъ и, по возможности, освободить душу отъ крикливыхъ заботъ обыденной жизни. Но кто насильственно нарушаетъ это мирное настроеніе, тотъ возстановляетъ всѣхъ противъ себя, и, въ эти дни, жалобы Нахимы часто вызывали рѣзкій отвѣтъ.

Слушая ея болтовню, говорилъ реббъ Шлеме, — можно подумать, что всѣ они только и ждуть случая, чтобы всѣмъ домою отправиться въ христіанскую церковь. И это ему говорить его собственная жена! Но онъ хорошо знаетъ, что значить набожность женщинъ; имъ дѣла нѣтъ до Бога, имъ главное — посмотреть на новый чепчикъ или цѣпочку сосѣдки. Оттого-то въ женской синагогѣ всегда такой шумъ и болтовня, собственныхъ словъ часто не разслышишь. Понятно, что Нахима жалѣетъ объ этомъ удовольствіи, но пусть она ему не портитъ шабаша своими рѣчами, которыя ни къ чему не ведутъ.

На такія слова, которыя явно свидѣтельствовали о непримиримомъ разладѣ между супругами, Нахима отвѣчала не слезами, а другими, такими же ѣдкими словами.

Намекъ на женскую набожность не столько огорчилъ, сколько раздосадовалъ ее. Она вся задрожала отъ гнѣва, и, блѣдная какъ смерть, закричала: «Пусть всѣ услышатъ, что я говорю сегодня, въ шабашъ: если одинъ изъ моихъ дѣтей задумаетъ окреститься, вина будетъ на душѣ его отца. Онъ уже отнялъ у нихъ стараго Бога, переселивъ ихъ въ деревню; чему жъ удивляться, если они перейдутъ къ новому!»

Реббъ Шлеме не ожидалъ такой вспышки гнѣва. Онъ самъ испугался. Онъ не хотѣлъ зайти такъ далеко; что онъ сказалъ про женскую набожность, то не относилось именно къ Нахимѣ; но въ томъ-то и состоитъ опасность такихъ споровъ: можно смертельно уязвить противника безъ прямого намѣренія. Онъ старался успокоить жену и придать разговору другой оборотъ; сказалъ, что въ дѣлѣ набожности его Нахима не уступитъ любому раввину; что, слѣдственно, ей нечего принимать къ сердцу шутку мужа. Но Нахима не захотѣла этимъ удовольствоваться, не захотѣла понять шутки, и воскликнула съ горечью:

— Господь васъ накажетъ за то, что вы со мною сдѣлали! Вора который укралъ бездѣлку, сажаютъ въ тюрьму; а у меня отняли все, все, даже святой шабашъ, которымъ пользуется послѣдній нищій!

— Хороша нищая, отвѣчалъ реббъ Шлеме, раздраженный ея упреками.—Тысяча Евреекъ, на колѣняхъ, благодарили бы Бога, еслибъ онъ сдѣлалъ ихъ такими нищими, какъ ты!

— Господь проститъ меня, прервала Нахима, — что я не въ силахъ благодарить за то, что со мною сдѣлали. Еслибъ я потеряла все, еслибъ я осталась босая на открытой улицѣ, я бы все еще могла благословлять Господа, а теперь...

Такого рода сцены обыкновенно кончались тѣмъ, что у обоихъ противниковъ не доставало силъ продолжать споръ. Дѣти, отчасти по робкому уваженію къ родителямъ, отчасти потому, что имъ становилось черезчуръ грустно, держались въ сторонѣ отъ этихъ распрей. Они или удалялись, или, когда принуждены были остаться, не говорили ни слова. Однако, странное дѣло! ни Нахима, ни мужъ ея не страшились присутствія дѣтей; они, напротивъ, почти всегда при нихъ заводили такого рода разговоры, пуще всего они боялись остаться наединѣ.

Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, человѣческое сердце ищетъ себѣ опоры въ другихъ, старается собрать вокругъ себя приверженцевъ и защитниковъ; даже самыя сильныя натуры нуждаются

въ сочувствіи. Мы уже видѣли, что реббъ Шломе, несмотря на свой рѣзкій, повелительный нравъ, къ великому удивленію Аншеля, сталъ говорить съ нимъ о своемъ горѣ. Но что для сильнаго, энергическаго мужчины, было только минутною потребностію, то сдѣлалось задачей жизни для слабой женщины. Ей нужно было съ кѣмъ-нибудь отвести душу, найти въ комъ-нибудь одобреніе и сочувствіе. Но въ комъ? Она всматривалась въ своихъ дѣтей, она трепетно прислушивалась, не встрѣтитъ ли она въ которомъ-нибудь изъ нихъ отвѣтнаго голоса. Аншель, ея любимецъ, отъ нея удалился; она это чувствовала, она это видѣла все яснѣе и яснѣе съ каждымъ днемъ. Не работалъ ли онъ безъ усталы, какъ послѣдній слуга? Не принялся ли онъ съ неутомимымъ усердіемъ за эту новую жизнь, для нея столь ужасную? Не проводилъ ли онъ цѣлыя дни почти не видясь съ нею? Когда бѣдная мать вспоминала о немъ, думала о томъ, какъ онъ чуть свѣтъ ушелъ въ поле съ работниками, не сказавши ей теплаго слова, не спросивши, каково у ней на душѣ, то въ ея сердцѣ зараждалось чувство, близкое къ ненависти. «Чѣмъ я заслужила это? думала она. Не всегда ли я показывала ему, что онъ любимый сынъ у матери? И когда Аншель возвращался съ работы, она встрѣчала его холодно и сурово, едва отвѣчала на его ласки и расспросы. Она, нѣжная, самоотверженная мать, не находила слова сочувствія для его усталости, не хлопотала о томъ, чтобъ освѣжить и подкрѣпить его; она приносила ему ужинъ какъ чужому, котораго кормишь Бога ради, а не съ тою радостною любовію, которою мать умѣетъ украсить все, что даетъ своимъ дѣтямъ. Когда Аншель толковалъ съ отцомъ про полевою работу, когда онъ одушевлялся этими разговоромъ, разказывалъ про Войтѣха, таинственный нравъ котораго все еще для него оставался загадкою, каждое его слово, какъ острый ножъ, вонзалось въ душу Нахимы. Или онъ не чувствовалъ, что онъ ее глубоко оскорбляетъ, берeditъ жгучую рану, наминаетъ ей всю неizmѣримостъ ея горя? Неужели онъ это съ намѣреніемъ дѣлалъ?»

Въ такомъ расположеніи духа, могла ли Нахима замѣтить новое, неясное чувство, зародившееся въ душѣ ея сына? Обыкновенно, матери угадываютъ это съ перваго взгляда; у нихъ особое чутье, особыя примѣты; но Нахима была погружена въ самое себя, она думала только о своемъ горѣ; отъ нея ускользнуло то, что въ другое время было бы всего ближе ея сердцу.

Въ нетерпѣливомъ желаніи высказаться, отвести душу, она обратилась даже къ Тиллѣ; но, при первой же попыткѣ, она должна была отказать отъ своего намѣренія. Малютка, съ тѣхъ поръ какъ переселилась въ деревню, совсѣмъ одичала; цѣлыя дни проводила съ работниками и служанками, или бѣгала по деревнѣ, при

чемъ ее обыкновенно сопровождалъ дядя Коппель; Нахима замѣтила даже, что съ тѣхъ поръ какъ они оставили городъ, Тилла уже не была такая умница какъ прежде. Всѣ ея прелести, которыми бывало утѣшалось все семейство, вдругъ исчезли; она уже никого не развеселила. Когда мать хотѣла съ ней «разумно» поговорить, она только смѣялась, мотала головой и убѣгала. Нахима не понимала, что и для малютки началась новая жизнь, что Тилла была перенесена въ новую среду, новую обстановку, къ которой не приходились ея прежнія манеры и привычки; она и ее считала отступницей, и часто, думая о переѣздѣ, происшедшей въ малюткѣ, грустно говорила про себя: «Изъ нея выйдетъ другой Аншель».

И вотъ, существа, самыя близкія для Нахимы, стали ей почти совсѣмъ чужды; сердца ихъ замкнулись, она забыла путь къ этимъ сердцамъ, и была такъ несчастна, такъ убита, что не могла отыскивать его.

Итакъ, оставался одинъ Элія; къ нему рвалась ея душа съ непреодолимою силой. Если она могла ожидать отъ кого-нибудь утѣшенія и помощи, то конечно отъ него. Онъ, прилежный бохеръ, испытывалъ то же горе, что и она; и онъ, какъ ей казалось, претерпѣвалъ ужаснѣйшую несправедливость. Вѣдь и у него никто не спрашивалъ, хотѣлось ли ему уѣзжать изъ города; вѣдь и его увлекли насильно, какъ агнца на закланіе.

Если въ душѣ Нахимы осталось сколько-нибудь той жалости, когда-то распространявшейся на всякое, даже малѣйшее огорченіе дѣтей, то она теперь сосредоточила ее всю на одномъ Эліи. Онъ казался ей еще несчастнѣе, чѣмъ она сама. Вѣдь она женщина, она должна всюду слѣдовать за семействомъ, а онъ?—каково ему будетъ продолжать свое ученіе, свои занятія здѣсь, въ деревнѣ, среди поселянъ! Ему-то всѣхъ менѣе приходится деревенская жизнь. Однако она, даже среди приготовленій къ отъѣзду, не вспомнила объ этомъ обстоятельстве; за то теперь мысль о немъ тяжелымъ камнемъ легла ей на сердце.

Элія съ самаго дѣтства былъ слабый и болѣзненный мальчикъ; теперь онъ сдѣлался блѣднымъ, молчаливымъ юношей, въ которомъ чувлось что-то страждущее, надломленное. Въ домѣ онъ оставался почти незамѣченнымъ, сносилъ свое нездоровье съ тою спокойною твердостью, которая не требуетъ даже сочувствія и утѣшеній; казалось, онъ былъ совершенно доволенъ, когда его предоставляли собственнымъ думамъ и собственнымъ занятіямъ.

Такіе характеры, какъ ни мало они замѣтны съ перваго взгляда, часто требуютъ отъ окружающихъ неусыпнаго вниманія, имѣютъ надъ ними странную, истинно деспотическую власть. Правда, этого нельзя было сказать про Элію; онъ никого не мучилъ

своими причудами, почти ничего не требовалъ; но другіе тѣмъ сильнѣе чувствовали потребность предупредить его желанія, заботиться о немъ, что часто бываетъ довольно трудно людямъ, ведущимъ дѣятельную жизнь.

Рано стали подумывать о томъ, какое поприще болѣе всего придется ему. Для торговли Элія не годился; точно такъ же какъ Аншель, онъ былъ слишкомъ тихъ. Къ тому же, его слабое здоровье не вынесло бы всѣхъ трудностей этой подвижной, утомительной жизни. Гдѣ ему развѣзжать по ярмаркамъ? Первый порывъ вѣтра, малѣйшая капля дождя могли бы его убить, по мнѣнію родителей. Всякое ремесло, даже самое легкое, казалось имъ также опаснымъ; къ тому же, Элія съ самаго дѣтства оказывалъ охоту къ ученію, онъ вѣчно сидѣлъ за книгою. Это пристрастіе показалось имъ божескимъ предопредѣленіемъ. Его заставляли учиться и учиться; никогда не спрашивали его: доволенъ ли ты вотъ этимъ? всѣ только наперерывъ старались отдалить отъ него все тревожащее, безпокоящее; его окружали миромъ и тишиной, и думали, что для него уже ничего и не требовалось болѣе, благо Элія никогда не жаловался на свою затворническую жизнь. Трудно сказать, какъ развился характеръ Эліи подъ вліяніемъ такого обращенія; это было тайной для всѣхъ и для него самого; усиленное ученіе казалось имъ только наполненіемъ безотрадныхъ дней, препровожденіемъ времени; никто не зналъ, не раздается ли въ душѣ болѣзненнаго юноши, цѣлыми днями сидѣвшаго надъ священными книгами, другіе звуки кромѣ однообразнаго напѣва, которымъ сопровождается ученіе Талмуда, не открылась ли ему другая жизнь, недоступная для нихъ?

Есть люди, которые внезапно просыпаются ночью, если часмъ прервутъ свой однообразный стукъ; почти то же случилось бы въ семействѣ ребба Шломе, еслибъ Элія хоть на одинъ часъ отступилъ отъ своихъ обычныхъ занятій.

Такимъ образомъ, Элія ни съ кѣмъ въ семействѣ не былъ истинно близокъ, хотя со всѣми равно ладилъ; онъ и самъ ничего другаго не требовалъ, какъ только того, чтобъ ему позволили безпрепятственно слѣдовать своимъ вкусамъ. Въ Еврейскомъ кварталѣ говорили, какъ счастливы родители, которые могутъ устроить сыну такую жизнь, и какъ счастливъ сынъ, у котораго такіе родители. Всѣ вѣрили такимъ похваламъ, и семейство ребба Шломе, и самъ Элія. Что, въ самомъ дѣлѣ, можно было придумать лучшаго для болѣзненнаго юноши?

Элія переѣхалъ въ деревню; само собою разумѣется, никто его не спрашивалъ, не уговаривалъ; его взяли съ собой точно такъ же, какъ дядю Коппеля. Онъ вовсе не сопротивлялся, едва даже спросилъ, куда они ѣдутъ, и какъ зовутъ новую родину?

Да и зачѣмъ ему было противиться? Вѣдь онъ остается съ родителями, вѣдь они точно такъ же будутъ о немъ заботиться, какъ здѣсь, на Еврейской улицѣ. Для него измѣнились только стѣны его комнаты, а то все осталось по прежнему, какъ съ первыхъ временъ его дѣтства; ему стоило только уложить и перевезти книги, остальное до него не касалось. Болѣзненный вопль матери, въ минуту отъѣзда, казалось, не нашелъ въ немъ отголоска. Неужели онъ не понялъ его? Неужели ему не сдѣлалось ясно, что съ Нахимой поступили точно такъ же, какъ привыкли поступать съ нимъ, что желѣзная воля его отца не принимала въ соображеніе желаній и потребностей остальныхъ членовъ семейства? Элія, по обычаю, ничего не сказалъ про то, радуется ли его или огорчаетъ перемена жизни; онъ перевезъ свои книги, и все пошло по прежнему, съ тѣмъ исключеніемъ, что теперь ему уже не приходилось учиться на глазахъ родителей; ему отвели особую комнату, совершенно въ сторонѣ отъ другихъ. Тамъ бохеръ могъ жить своею отдѣльною жизнью, тамъ онъ могъ учиться сколько его душѣ угодно. Его старались окружать еще болѣе прежняго спокойствіемъ и тишиной: «Пусть онъ и не замѣтитъ, что онъ въ деревнѣ», говорилъ реббъ Шлеме.

То, что произошло съ нимъ въ первую ночь ихъ пріѣзда, осталось тайной для всѣхъ и для самого Аншеля. Читатели вѣрно давно угадали, что некто иной какъ Элія подслушалъ разговоръ у садоваго забора между Аншелемъ и молодою дѣвушкой. Ни онъ, ни братъ не были у огня. Аншель былъ убѣжденъ въ томъ, что Элія присутствовалъ при этомъ разговорѣ. Но зачѣмъ же онъ солгалъ? Что его побудило поддержать обманъ брата? Совѣтъ не полагаться на поселянъ, съ которыми Элія въ ту ночь встрѣтилъ брата, когда они сошлись на темной улицѣ, глубоко врѣзался въ память Аншеля. Онъ мало-по-малу составилъ себѣ совершенно иное понятіе о молчаливомъ братѣ. Онъ не могъ подавить чувство какого-то страха каждый разъ, какъ встрѣчался съ нимъ. Опасался ли онъ, что Элія когда-нибудь выдастъ его? Съ этой памятной ночи онъ почти не говорилъ съ нимъ. Новая жизнь, пробудившаяся въ душѣ Аншеля, боялась холоднаго, безстрастнаго взгляда бохера. Незамѣтно, въ отношенія между братьями примѣшалось что-то непонятное для нихъ самихъ, что-то такое, что отталкивало ихъ другъ отъ друга, а между тѣмъ и связывало ихъ все сильнѣе и сильнѣе.

X.

Любопытно было бы прослѣдить за борьбой, происходившею въ душѣ Нахимы, за всѣми ея попытками сблизиться съ младшимъ сыномъ. Хотя ея природный нравъ измѣнился, хотя ея обычная робость перешла въ крикливое упрямство, она все не рѣшалась заговорить съ Эліей; ее останавливалъ какой-то неясный страхъ, въ которомъ она не отдавала сама себѣ отчета.

Онъ такъ мало высказывался, что иногда казался ей совершенно безчувственнымъ; «онъ только и любитъ свои книги, а до остальнаго ему дѣла нѣтъ», думала она. Иногда же она убѣждалась, что Элія еще несчастнѣе ея самой. Въ этомъ безпрестанномъ колебаніи, она не имѣла духа начать разговоръ, и часто, въ душѣ своей, горько винила сына за то, что онъ не замѣчаетъ этой внутренней борьбы, и не старается вызвать ее на открытость.

Иногда эта попытка сближенія выражалась преувеличенною заботливостію объ Эліи, объ его здоровьѣ, удобствахъ, и т. д. Она почти каждый часъ подбѣгала къ его дверямъ взглянуть, не нужно ли ему чего-нибудь. Часто она даже съ нимъ не заговаривала, а только смотрѣла на него и прислушивалась къ его «ученью». Она по нѣскольку разъ въ день приносила ему разные лакомства, какими обыкновенно не угощала ни мужа, ни дѣтей, и испытывала неизяснимое удовольствіе, если Элія хоть на минуту поднималъ опущенные глаза и въ его взорѣ отражалось нѣчто похожее на благодарность. Тогда она по цѣлымъ часамъ задумывалась надъ тѣмъ, какъ ей воспользоваться этою благодарностію, какъ ей найти случай открыть ему душу.

Онъ-то меня понимаетъ, думала она про себя, онъ только ничего не говоритъ, чтобы не разсердить отца.

Это убѣжденіе почти утѣшало ее; но были минуты, когда ея опять овладѣвало горькое сознаніе своего одиночества, и она сама удивлялась, что могла надѣяться найти опору и сочувствіе въ комъ-нибудь изъ своего семейства.

Наконецъ представился случай къ давно-желанному разговору, но вовсе не такъ, какъ она ожидала. Разъ, пока она хлопотала въ кухнѣ, ей какъ-то понадобилась Тилля; она стала звать ее, все громче и громче, но напрасно. Какъ часто бываетъ съ людьми, тайно раздраженными, отсутствіе дѣвочки, которая была ей нужна, необходимость громко кликать ее вдругъ пробудила въ

Нахимъ всю досаду, накопившуюся въ ея сердцѣ. Хотя Тилли, очевидно, не было дома, но она все продолжала ходить по комнатамъ, крича и бранясь, и все болѣе и болѣе раздражала себя. Такимъ образомъ она дошла до комнаты бохера.

Она сердито толкнула дверь и спросила голосомъ, дрожавшимъ отъ гнѣва:

— Тилли нѣтъ у тебя?

— Тилли? повторилъ Элія разсѣянно спустя нѣсколько времени. — Я ея цѣлый день не видалъ.

Нахима вдругъ разразилась потокомъ жалобъ:

— Ахъ, Боже мой! говорила она, — ахъ, Боже мой! Малютка совсѣмъ испортилась! Еслибы мнѣ кто-нибудь сказалъ шесть недѣль тому назадъ: вотъ что будетъ съ твоею Тиллей, съ этою удивительною дѣвочкой, на которую можно было порадоваться и Богу и людямъ, я бы ему плюнула въ лицо, какъ подлому лгуну. А теперь посидитъ ли она хоть минуточку на мѣстѣ? не бѣгаетъ ли она цѣлый день по деревнѣ? Мало ли что она тамъ можетъ увидѣть! Учиться она совсѣмъ перестала; и ту малость, которую прежде знала, она скоро совсѣмъ забудетъ; кончится тѣмъ, что она не будетъ знать, что она дочь честныхъ Евреевъ. А вѣдь за все отвѣчаетъ мать! Если дочь будетъ плохою хозяйкой, люди станутъ говорить: Какъ же это мать-то не научила ее? Если дочь ничего не будетъ знать, забудетъ даже, гдѣ живетъ Богъ, то люди будутъ говорить: И мать-то должно быть ничего не знаетъ? и мать-то должно быть не помнить о Богѣ? Объ отцѣ никогда не говорятъ; люди всегда думаютъ, что ему некогда смотрѣть за дѣтьми. Но я спрашиваю весь свѣтъ и всѣхъ раввиновъ вмѣстѣ, кто же, какъ не отецъ, долженъ заботиться о дѣтяхъ? кому они ближе? Но, увы, Боже мой! отецъ-то и есть всему нашему несчастію вина. Дѣвочка видитъ, что отецъ по цѣлымъ днямъ только слоняется между поселянами, такъ и она за нимъ туда же. Ну, на что это похоже, что твой отецъ заставляетъ Аншеля работать какъ слугу какого-нибудь? Да и самъ-то будто онъ бережется? Развѣ онъ привыкъ къ этой жизни? Хорошее, правду сказать, занятіе! Смотрѣть какъ другіе пашутъ и сѣютъ это не премудрость какая-нибудь! Изъ-за этого онъ бросилъ лавочку, торговлю, все!

Нахима могла бы долго говорить въ этомъ смыслѣ; мало-помалу разсѣялся ея гнѣвъ на отсутствіе Тилли, но тѣмъ живѣе и горестнѣе припомнилось ей все, что съ нимъ было связано. Наконецъ ей открылся случай поговорить съ Эліей, ей хотѣлось воспользоваться этимъ случаемъ. Элія не прерывалъ ея рѣчи, и Нахима не замѣтила, что онъ даже не поднялъ глазъ съ книги. Нахима все еще стояла у порога; вдругъ Элія всталъ, подошелъ къ двери и

заперъ ее. Нахима невольно сдѣлала шагъ впередъ, она осталась наединѣ съ сыномъ.

— Отсюда дуетъ, мать моя жизнь, сказалъ Элія спокойно, — не лучше ли тебѣ совсѣмъ войти ко мнѣ?

Нахиму холодомъ обдало отъ такихъ словъ.

Неужели Элія не нашель другаго отвѣта на ея длинную жалобу, какъ предостереженіе противъ сквознаго вѣтра?

— Чего ты хочешь отъ меня, мать моя жизнь? спросилъ онъ своимъ беззвучнымъ голосомъ.

Нахима сразу не могла сказать, чего ей именно хотѣлось. Въ ея памяти произошелъ какой-то перерывъ какъ будто послѣ тяжкаго удара, нравственнаго или физическаго. Она неподвижно смотрѣла на сына.

— Чего тебѣ отъ меня нужно? повторилъ Элія.

Нахима мало-по-малу опомнилась, она отвѣчала слабымъ голосомъ:

— Я теперь ужъ и не знаю, что хотѣла тебѣ сказать. У меня голова какъ-то вдругъ ослабѣла. Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, въ деревнѣ, это со мною нѣсколько разъ случалось, а прежде никогда не бывало. Тамъ голова у меня была свѣжа, какъ у десятилѣтняго ребенка.

Она въ изнеможеніи опустилась на стулъ.

Элія, казалось, точно подумалъ, что съ матерью сдѣлалось дурно; онъ поспѣшно сказалъ, какъ бы желая помочь ея воспоминаніямъ.

— Ты начала говорить про Тиллю, какъ она тебя огорчаетъ.

— Я говорила про Тиллю? спросила Нахима печально.—Нѣтъ, есть другіе люди, постарше малютки, которые измучили мое сердце. Еслибъ я только о ней заботилась, продолжала она,—меня легко было бы успокоить, лишь бы только ты захотѣлъ, сынъ мой Элія.

— Я! воскликнулъ Элія, въ удивленіи.—Какъ же я тутъ могу помочь?

— Тебѣ стоить только признаться малюткой, Элія жизнь моя, сказала мать съ возрастающимъ жаромъ:—Богъ тебѣ далъ хорошую голову; ты все знаешь и помнишь, что написано въ книгахъ. Могу вообразить, сколько у тебя всего набралось въ голову! Вѣдь ты съ самыхъ малыхъ лѣтъ все училса да училса. Теперь передай кой-что сестрѣ, поучи ее.. Вѣдь она наконецъ забудеть, гдѣ живетъ Господь Богъ! Вѣдь это будетъ у тебя на душѣ!

— Мнѣ учить Тиллю? воскликнулъ Элія съ новымъ удивленіемъ и почти язвительно.

— Почему же нѣтъ, Элія жизнь моя? сказала Нахима, съ гор-

достію и любовію глядя ему въ лицо. — Неужели ты думаешь, что ты не сумѣешь сдѣлать того, что дѣлаютъ тысяча другихъ, вовсе не такихъ ученыхъ, какъ ты? Ты думаешь, что тебѣ не удастся, тебѣ, такому разумному?

Отъ похвалъ ли матери, или отъ другой причины, блѣдное лицо Эліи покрылось слабымъ румянцемъ. Онъ воскликнулъ съ непривычною ему рѣшительностью:

— Я не могу, матушка жизнь, не могу!

Нахима все думала, что сына останавливаетъ свойственная ему робость, или что онъ боится нарушить такое однообразие своей жизни.

— Ты не подумай, сказала она, — что я хочу отвлекать тебя отъ твоихъ занятій, въ которыхъ состоитъ все твое счастье и моя гордость. Я только желаю, чтобы ты немножко призаялся сестрой, чтобы она не совсѣмъ одичала. Развѣ это такъ трудно?

— Я не могу, матушка жизнь, не могу, повторилъ Элія.

— Да скажи же отчего? продолжала Нахима:—вѣдь нужно сказать причину....

— Отчего ты ее не посылаешь въ школу? сурово воскликнулъ Элія.

— Въ какую школу? спросила Нахима съ удивленіемъ. — Не посылать же мнѣ ее за нѣсколько миль...

— Да вѣдь здѣсь, въ деревнѣ, есть школа, сказалъ Элія все тѣмъ же тономъ,—крестьяне посылаютъ же туда своихъ дѣтей, отчего же тебѣ не послать Тиллю?

— Да ты съ ума сошелъ! закричала Нахима, и вскочила въ испугъ.—Послать Тиллю въ сельскую школу?

— Почему же нѣтъ? отвѣчалъ бохеръ спокойно.—Почему же нѣтъ? Развѣ она не поселанка? Развѣ Аншель, развѣ отецъ не работаютъ въ полѣ? Чего же ты хочешь особеннаго для нея? Развѣ Тилля теперь не деревенская дѣвочка?

— Ахъ ты дурной сынъ! воскликнула Нахима внѣ себя. — И ты идешь противъ меня? Всѣ противъ меня сговорились! И ты хочешь надо мною издѣваться, унижать меня? Вотъ до чего я дожила! Затѣмъ ли я тебя родила и вырастила?

И Нахима въ изнеможеніи упала на стулъ, Она была не въ силахъ продолжать; она громко рыдала и прижимала обѣ руки къ сердцу, какъ бы сдерживая его біенія.

Элія стоялъ блѣдный, какъ смерть, и смотрѣлъ на мать. И онъ, казалось, изнемогая отъ тяжкаго горя, не находилъ словъ себѣ въ защиту. Однако онъ былъ еще болѣе перепуганъ, чѣмъ потрясенъ. Въ первый разъ ему случилось вести съ матерью такой длинный разговоръ, и этотъ разговоръ принялъ такой ужасный для него оборотъ. Наконецъ онъ могъ выговорить прерывающимся голосомъ:

— Да чѣмъ же я тебя такъ прогнѣвалъ вдругъ, матушка живъ моя? Развѣ не правда, что мы всѣ теперь поселане? Чтò же я сказалъ?

— О, ты безчувственный сынь! прервала Нахима, еще болѣе раздраженная его словами. — Кто научилъ тебя оскорблять родную мать, насмѣхаться надъ нею? Это ли повелѣлъ Господь Богъ? Это ли написано въ священныя твои книги? Если такъ, то нужно всѣ ихъ въ печь бросить и сжечь. Я къ тебѣ приложу душу отвести, поговорить съ тобою откровенно, а ты меня попрекаешь именно тѣмъ, что меня мучитъ день и ночь, что мнѣ скоро въ гробъ сведеть! Боже милосердый! Вотъ они, дѣти!

— Но чтò же мнѣ сказать тебѣ, матушка живъ? воскликнулъ Элія, возвысивъ голосъ. — Чтò же мнѣ сказать тебѣ? Ты хочешь, чтобъ я училъ Тиллю....

— Да, я хочу, прервала его мать. — Велика важность брату немножко признаться сестрой, чтобъ она совѣтъ не одичал.

— Ты хочешь, чтобъ я занимался съ Тиллей, продолжалъ Элія: — а если я скажу тебѣ, что я и самъ-то не могу учиться, что готовъ бросить въ печь всѣ мои книги, ты все будешь говорить, что я надъ тобою издѣваюсь?

Когда бохерь выговорилъ эти слова голосомъ, который мучалъ вмѣстѣ и глубокимъ отчаяніемъ, и гордостію оскорбленной души, настало долгое молчаніе. Нахима все смотрѣла на сына, какъ бы сомнѣваясь, точно ли онъ выговорилъ слова, только что слышанныя ею. Въ душѣ бѣдной матери произошелъ внезапный переворотъ; ея гнѣвъ, ея досада разомъ успокоились, уступивъ чувству глубокой жалости. Итакъ, она не ошиблась, у ея Элія также было свое горе! Со слезами на глазахъ она воскликнула:

— Такъ ты не можешь учиться, мой бѣдный Элія? Вѣдь я знаю, что тебя что-то мучитъ съ тѣхъ поръ какъ мы здѣсь! Вѣдь я это видѣла у тебя по глазамъ! Да и какъ же тебѣ учиться здѣсь, въ деревнѣ, гдѣ тебѣ не съ кѣмъ и слова перемолвить? Тебѣ бы слѣдовало жить въ большомъ городѣ, гдѣ много ученыхъ и равниновъ, съ которыми ты могъ бы посоветоваться, если тебѣ въ книгахъ попадется что-нибудь, чтò ты не тотчасъ же поймешь. А здѣсь? Спроси у этого судьи, спроси у работника Войтѣха, какъ запрягать лошадей, какъ лучше кормить коровъ, это они тебѣ сумѣютъ сказать. Какъ же тебѣ жить съ такими людьми? Ум, Боже мой! Отецъ объ этомъ не заботился, онъ думалъ только о своихъ удобствахъ. Про себя я ужъ не хочу говорить.

Нахима была такъ рада излить передъ кѣмъ-нибудь свою душу, что и не замѣтила, что не даетъ слова сказать своему сыну. Элія нѣсколько разъ хотѣлъ ее прервать; губы его дрожали, лицо то краснѣло, то покрывалось смертною блѣдностію. Когда Нахима

перестала говорить, онъ нѣсколько времени молчалъ, потомъ сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Ты не знаешь, матушка жизнь, какъ мнѣ теперь трудно заниматься. Еслибы ты знала...

— Какъ мнѣ не знать! прервала его Нахима.

— Нѣтъ, нѣтъ, почти закричалъ бохеръ,—ты этого знать не можешь. Какъ мнѣ заниматься книгами съ кѣмъ-нибудь, даже съ сестрой, когда я и про себя-то не въ силахъ заниматься! Все время, какъ мы здѣсь, я не могу выучить и столько, что прежде выучивалъ въ одинъ часъ. Я все сижу за тою же страницей.

— Скажи это отцу, мрачно проговорила Нахима,—посмотримъ, повѣритъ ли онъ тебѣ.

— Зачѣмъ я не таковъ, какъ Аншель? продолжалъ Элія, не обращая вниманія на слова матери. — Зачѣмъ я не такъ силенъ, зачѣмъ я не могу работать какъ онъ? Чтѣ мнѣ толку въ томъ, что я много учился? Здоровье да сила были бы мнѣ пригоднѣе, чѣмъ вотъ это.

И онъ судорожно коснулся при этомъ книги, лежавшей на столѣ, и она съ шумомъ упала на полъ. Нахима поспѣшно нагнулась и подняла ее; она опять положила книгу на мѣсто, но сперва поднесла къ губамъ.

Странное дѣло! Въ ту минуту Нахиму больше всего поразило не отчаянное полупризнаніе сына, не горькія его слова, а другое, повидимому, маловажное обстоятельство: Элія забылъ поцѣловать книгу, упавшую на полъ. Нахиму какъ громомъ поразила мысль:—онъ еще несчастнѣе меня, онъ уже забываетъ своего Бога! Каково должно быть у него на душѣ? Я поцѣловала святую книгу, а онъ нѣтъ? Эта мысль не пришла ей въ видѣ упрека: она понимала, что погрѣшность бохера извиняется его несчастіемъ. Впрочемъ, Элія могъ бы во сто разъ хуже согрѣшить, и она, мать, не имѣла бы духа на него сердиться.

— Знаешь ли, Элія жизнь, сказала она, помолчавъ, почти съ сухою рѣшительностію,—тебѣ нужно помочь прежде всего! Чтѣ за важность, если я и пропаду? На то вѣрно воля Божія. Но тебя нужно спасти, ты лучше насъ всѣхъ. Пора объ этомъ подумать, пока еще не поздно. Тебѣ нужно уѣхать отсюда.

— Уѣхать отсюда? повторилъ Элія, едва слышнымъ голосомъ.

— Чтѣ тебѣ здѣсь дѣлать? продолжала Нахима.—Не учить же тебѣ здѣшнихъ мужиковъ священнымъ книгамъ? Я знаю, что тебѣ въ насъ мало толку; мы ничего не знаемъ, а ты ученый. Тебѣ нужно воротиться въ еврейскую общину; тамъ тебя будутъ лучше понимать, тамъ ты найдешь людей, съ которыми можешь поговорить. Ты спросишь, какъ же это? Кто за мною будетъ ходить? Не безпокойся, у насъ тамъ столько родни; ужъ вѣрно най-

дется какая-нибудь тетка или дядя, который возьметъ тебя къ себѣ на харчи, за деньги и за ласку. Ужь противъ этого твой отецъ ничего не можетъ сказать, вѣдь ты ему здѣсь не нуженъ. Будь спокоенъ, сынъ, я все устрою.

— Да, матушка жизнь, воскликнулъ Элія съ такимъ усніемъ въ голосъ, которое поразило бы всякаго другаго на мѣстѣ Нахима.— Дай мнѣ уйти отсюда; оставаться здѣсь я не могу. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; отецъ вѣрно не будетъ противиться.

— Я завтра же напишу въ общину; ты можешь на это положиться, сказала Нахима съ твердою рѣшимостію.

Нахима ушла отъ сына почти въ веселомъ расположеніи духа. Она давно сознавала свое право заботиться о судьбѣ дѣтей; до сихъ поръ все дѣлалось помимо ея, никто даже не освѣдомился о ея согласіи, а теперь она какъ будто съ бою взяла свое право. Человѣка веселитъ и малѣйшая одержанная имъ побѣда; объ этомъ нечего намъ спрашивать полководцевъ. Здѣсь женщина-мать могла бы дать намъ полное понятіе объ этомъ чувствѣ побѣды.

Когда она ушла, бохеръ еще долго стоялъ въ глубокомъ раздумьи. Потомъ онъ сѣлъ за столъ и раскрылъ книгу. Но онъ не могъ читать, кудреватыя буквы пестрѣли и прыгали передъ его глазами. Въ домѣ царствовала глубокая тишина, прерванная вдругъ голосомъ Аншеля, возвращавшагося съ поля. Элія вздрогнулъ.

— А онъ остается? медленно вырвалось изъ его блѣдныхъ устъ. Потомъ онъ поспѣшно обернулся, какъ бы испугавшись собственныхъ словъ. Но мать уже давно ушла, никто не подслушалъ его.

XI.

Любовь не нуждается въ словахъ; часто бѣглый взглядъ, обмѣнъ самыхъ незначущихъ рѣчей говорятъ яснѣе всякаго признанія. Оттого-то истинная любовь такъ долго молчалива, а разъ высказавшись, такъ полна самозабвенія и преданности; она уже давно овладѣла всею душою, давно просилась наружу; и все, что она можетъ дать, она уже дала въ ту первую, рѣшительную минуту, когда два сердца, доселѣ чуждыя другъ другу, вдругъ почувствовали свое сродство.

Между Аншелемъ и молодою поселанкой не произошло никакого объясненія. Съ того дня, когда она позволила ему унести съ собою платокъ, онъ ее встрѣчалъ только изрѣдка, и всегда

въ сопровожденіи слугами. Онъ даже не зналъ ея имени; онъ зналъ только, что она дочь судьи, и живетъ въ неуклюжемъ, не хорошо сложенномъ домѣ; проходя мимо этого дома, онъ даже не смѣлъ на него взглянуть. А между тѣмъ, какъ ему не помнить, что, черезъ этотъ заборъ, жалостливая рука, въ ту памятную ночь, подала ему платокъ, обмокнутый въ воду.

До сихъ поръ, ничто не побуждало Аншеля открыть свою тайну; онъ ее запряталъ далеко, въ самую глубину своей души, и думалъ скрыть ее отъ всѣхъ любопытныхъ взглядовъ. Но тутъ онъ ошибался: правда, ни отецъ, ни мать не замѣтили новаго чувства, такъ внезапно возникшаго въ его душѣ; но другіе глаза слѣдили за нимъ, слѣдили, съ мученіемъ и страхомъ, за всѣми постепенностями этого чувства; они наблюдали за каждымъ движеніемъ Аншеля; они знали лучше его самого все, что происходило въ его сердцѣ съ этой памятной ночи. Элія все зналъ и видѣлъ.

Когда Аншель рано поутру отправился въ поле, и съ веселыми пѣснями запрагалъ лошадей, когда онъ вечеромъ возвращался домой въ томъ же веселомъ расположеніи духа, такъ мало соотвѣтствовавшемъ мрачному настроенію всего семейства, бохеромъ овладѣвало неясное чувство страха, какъ будто бы его ждало что-то ужасное. Видѣлъ ли онъ ее? увидитъ ли онъ ее сегодня?—вотъ вопросъ, который его преслѣдовалъ постоянно, съ утра до вечера, не давалъ ему заснуть, мѣшалъ ему заняться книгой, надъ которою онъ все еще сидѣлъ по цѣлымъ часамъ, по заведенному обычаю. Ни на минуту онъ не могъ избавиться отъ мучительнаго безпокойства; голова его горѣла, кровь волновалась. Элія ни разу не видалъ дочери судьи послѣ той ночи; но она вѣчно была тутъ, передъ его глазами, во всей прелести, во всемъ могуществѣ своей красоты, освѣщенная дальнимъ заревомъ; онъ чувствовалъ ея дыханіе, онъ слышалъ безпрестанно торопливыя, тревожныя слова, которыми она просила Аншеля, просила его, удалиться. Какъ она испугалась, какъ она вскрикнула, неожиданно встрѣтивъ его глаза! Она подумала, что это Аншель... Когда бохеръ вспоминалъ про эту минуту, имъ овладѣвала какая-то дикая радость: вѣдь онъ былъ подлѣ нея, вѣдь она его испугалась, почувствовала, что онъ опасенъ для нея... Но не Аншеля ли она такъ испугалась?

Многимъ покажется страннымъ, что этотъ молчаливый юноша, никогда не поднимавшій глазъ съ своихъ книгъ, вдругъ сталъ понимать такіе тонкіе оттѣнки чувства. Да и кто можетъ объяснить, какъ это сдѣлалось? Если на голомъ утесѣ, за ночь, распустится пышный цвѣтокъ, то мы полагаемъ, что должно быть вѣтеръ сюда занесъ незамѣтное сѣмечко. Но кто же велѣлъ вѣтру

привѣять это сѣмя? Кто сдѣлалъ камень способнымъ произвести растеніе? Какая наука когда-нибудь объяснитъ это?

Во всѣхъ членахъ семейства произошелъ какой-то переворотъ съ тѣхъ поръ какъ они ступили на новую почву, начали новую жизнь; но ни въ комъ этотъ переворотъ не былъ такъ разительнъ, какъ въ Нахимѣ и въ Эліи.

Всѣ ихъ привычки, всѣ условія ихъ жизни были тѣсно связаны съ прежнею обстановкой, и теперь, на новомъ мѣстѣ, они не находили себѣ ни единой точки опоры.

Элія и не старался противиться бурному чувству, увлекавшему его. Предложеніе матери услатъ его изъ деревни могло бы его заставить опомниться, представляя ему единственный возможный исходъ изъ невыносимаго положенія; но случилось совсѣмъ противное. Элія рѣшился остаться, и во что бы то ни стало показать наконецъ свою самостоятельность. Не вѣчно же ему давать распорядиться собою, какъ ребенкомъ; неужели ему уѣхать тогда, какъ Аншель остается?

Послѣ этого не трудно понять, почему прежняя жизнь сдѣлалась невыносима для Бохера. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ намѣреніе матери, его уединенная комнатка стала казаться ему тюрьмой. Но мать, входя къ нему освѣдомиться здоровъ ли онъ?— всегда заставляла его за книгой; лишь только онъ слышалъ въ корридорѣ приближавшіяся ея шаги, на него нападала прежняя робость и покорность. Нахима замѣчала страдальческое выраженіе его лица, и ея заботливые разспросы были нестерпимой мукой для него. Только когда она удалялась, онъ могъ вздохнуть: онъ боялся матери, какъ Аншель боялся его.

Наконецъ въ этомъ тягостномъ состояніи настала переломъ. Это было ночью: въ домѣ все спало, кромѣ одного Эліи; до его слуха долеталъ только изрѣдка отдаленный лай собакъ. Среди этой тишины, не успокоившей однако его душевной тревоги, имъ вдругъ овладѣла мысль, что онъ долженъ увидѣть ее теперь во что бы то ни стало. Его влекло съ непреодолимою силою; почти безотчетно онъ отворилъ окно своей комнаты, — одинъ прыжокъ, и онъ очутился на улицѣ.

Имъ овладѣло чувство, похожее на радостное волненіе больного, вдыхающаго свѣжій воздухъ послѣ долгаго затворничества. И онъ освободился отъ тягостнаго заключенія, и въ его жизни произошелъ рѣшительный переворотъ.

Въ эту ночь онъ долго стоялъ у садоваго забора, передъ ея домомъ. Онъ стоялъ неподвижно, и казалось, силился увидѣть ее сквозь ночной мракъ, сквозь стѣны дома. У него была одна только мысль, одно только чувство, и какъ оно ни было дѣтски безразсудно, только этимъ чувствомъ жила его страстная душа: «Онъ

можетъ ее видѣть цѣлый день, во всякій часъ, а я никогда ея не увижу!»

Онъ ежеминутно ждалъ ея появленія; прислушивался, притаивъ дыханіе, къ малѣйшему шороху; то вздрагивалъ отъ ужаса при какомъ-нибудь звукѣ, то радовался вновь воцарившейся тишинѣ, позволявшей ему здѣсь прислушиваться и ждать, не выступитъ ли она наконецъ изъ мрака ночнаго...

Подулъ рѣзкій вѣтеръ; на небѣ все еще сіяли звѣзды, «которымъ онъ указываетъ путь, по числу ихъ, которымъ Онъ даетъ имена, да ни одна изъ нихъ не погибнетъ». Эти слова древняго пророка невольно пришли на умъ Эліи, и онъ безотчетно повторилъ ихъ про себя; но они не приводили его въ память, они не напоминали ему, кто онъ, и гдѣ бы слѣдовало ему быть въ это время. Въ домѣ вдругъ произошла какая-то суматоха... Лошадь вырвалась изъ стойла, и съ безпокойнымъ топотомъ бѣгала по двору. Послышались голоса, весь домъ какъ будто проснулся. Тутъ только по жиламъ бохера пробѣжалъ судорожный трепеть; ему стало страшно.

Онъ возвратился въ свою комнату черезъ окно, самъ не зная какъ.

Когда, на другое утро, Нахима подошла къ дверямъ сына, ее уже издали поразило, что она не слышитъ обычнаго, заунывнаго напѣва его «ученья». Ее охватило мучительное предчувствіе, она поспѣшно отворила дверь и вскрикнула отъ ужаса: Элія весь одѣтый, лежалъ недвижно на постели, онъ не былъ похожъ на живаго.

— Элія, Элія жизнь, воскликнула она,—что съ тобою?

Она схватила его руку: рука была смертельно холодна—она коснулась его лба—голова пылала: Элія былъ еще живъ. Въ эту ужасную минуту ей не показалось страннымъ, что Элія одѣтый лежитъ въ постели, она незамѣтила отвореннаго окна. Она все звала его по имени, брала его за руку, проводила рукой по его горячему лицу. Все напрасно,—Элія не приходилъ въ память; только тяжелое, хрипкое дыханіе показывало, что жизнь еще борется въ немъ съ предсмертными страданіями. Мысль, что сынъ ея можетъ-быть уже умеръ, сперва навела на Нахиму какое-то оцѣпенѣніе: она не знала, что дѣлать, съ чего начать. Но вскорѣ въ ней пробудилась дѣятельность и присутствіе духа рѣдко оставляющее женщинъ въ подобныхъ случаяхъ. Она отворила дверь, и голосомъ, въ которомъ слышался ужасъ и отчаяніе, закричала:

— Идите сюда, идите скорѣе, Элія умираетъ!

Потомъ она опять бросилась къ кровати; Элія все лежалъ недвижно и глухо стоналъ. Она прижала къ губамъ его оледенѣлую руку.

— Эліа, сынъ мой, воскликнула она въ отчаяніи, — неужели ты умеръ? Неужели я тебя не увижу въ живыхъ? Увы Боже мой! Онъ не вынесъ своего горя! Да и какъ ему вынести, бѣдному, больному ребенку!

На крикъ Нахимы прибѣжалъ тотъ, кого она всего меньше ожидала въ эту минуту. Дядя Коппель явился у полуоткрытой двери, и осторожно просунулъ свою сѣдую голову, прежде чѣмъ рѣшился войти.

— Гдѣ же Шломе, мой мужъ? поспѣшно воскликнула Нахима.

— Въ деревнѣ, плаксивымъ голосомъ отвѣчалъ дядя Коппель.

— А Аншель? спросила она съ нетерпѣніемъ... Она забыла, что сама видѣла, какъ Аншель отправился въ поле.

— Ушелъ, отвѣчалъ старикъ тѣмъ же тономъ.

— А Тилла? закричала Нахима почти въ отчаяніи.

— Всѣ ушли, жалобно пробормоталъ дядя Коппель.

— Такъ хоть ты, помоги мнѣ, закричала Нахима. — Развѣ ты не видишь, что Эліа тутъ лежитъ точно мертвый!

Дядя Коппель съ трудомъ дошелъ до кровати; но при первомъ взглядѣ на безжизненное тѣло молодаго человѣка, онъ горько зарыдалъ и воскликнулъ:

— Зачѣмъ онъ отдалъ мой могоень-довидъ; грѣхъ ему!

Въ такую ужасную минуту, слова полумнаго старика показались Нахимѣ какою-то насмѣшкой. Она поспѣшно оттолкнула его отъ кровати, такъ что дядя Коппель, шатаясь, отскочилъ на нѣсколько шаговъ.

— Дуракъ! воскликнула она внѣ себя. — Что ты мнѣ теперь толкуешь про этотъ вздоръ? Такое ли теперь время?

Дядя Коппель выбѣжалъ изъ комнаты, плача и рыдая, какъ ребенокъ, которому погрозили наказаніемъ. Но у дверей онъ еще разъ закричалъ сквозь слезы.

— Зачѣмъ онъ не отстоялъ моего могоень-довида! А вотъ теперь онъ умеръ...

Последнее слово пробудило въ Нахимѣ новый порывъ отчаянія. Она опять закричала изо всей силы, стала звать мужа и Аншеля.

Но и въ эту минуту она не забыла своей ненависти къ деревнѣ. Вида, что никто не приходитъ, она воскликнула, ломая руки, и глядя на сына:

— Великій, милосердый Боже! Еслибы мы остались тамъ, гдѣ были, то сотни людей меня бы услышали, и пришли бы ко мнѣ на помощь! А здѣсь, въ этой проклятой деревнѣ, человѣкъ можетъ умереть, и никто его не хватится. Ни отца, ни брата, никого тутъ нѣтъ. Ужь тамъ бы этого не могло случиться!

Въ эту минуту, кто-то отперъ ворота, и Нахима увидѣла Войтъха, который велъ за собою хромавшую лошадь. Не смотря на свое

давнишее недоброжелательство къ работнику, Нахима донелъзя обрадовалась ему, какъ единственному существу, къ которому она въ эту минуту могла обратиться за помощью.

— Войтѣхъ, Войтѣхъ жизнь моя, воскликнула она понѣмецки, —тебя Богъ послалъ ко мнѣ!

Работникъ не могъ понять ея словъ, сказанныхъ на чуждомъ ему языкѣ, однако онъ подошелъ къ окну вмѣстѣ съ лошадыю.

— Посмотри, воскликнула она на чешскомъ языкѣ, тотчасъ же догадавшись о своей ошибкѣ. — Посмотри, Войтѣхъ жизнь, что сдѣлалось съ моимъ сыномъ? Онъ лежитъ, какъ мертвый, на постели.

— Его-то преподобіе? сказалъ Войтѣхъ.

Нахима не обратила вниманія на странный титулъ, которымъ работникъ почтилъ ея сына.

— Войди сюда, сказала она,—и посмотри на него: онъ словно умеръ.

Войтѣхъ вдругъ выпустилъ уздечку лошади, которая сама добрела до конюшни. Съ быстротой молніи, очутился онъ подлѣ Нахимы. Она забыла свой прежній страхъ, и взявъ его за руку, подвела къ постели сына, который все лежалъ безъ памяти съ вылающимъ лицомъ и тяжелымъ дыханіемъ.

— Видишь ли ты? воскликнула она, рыдая.—Онъ такъ лежитъ уже четверть часа; я не могу пробудить его, онъ такъ и умретъ передъ моими глазами!

Войтѣхъ съ минуту остался недвижимъ; потомъ онъ сказалъ, тономъ глубокаго сожалѣнія.

— Да, онъ очень боленъ; нужно поскорѣе помочь ему; но онъ не умеръ.

Нахима только тутъ поняла хорошенько свое несчастіе, услышавъ ему подтвержденіе изъ устъ другаго. Она въ испугѣ бросилась на колѣни передъ больнымъ и схватила его руку:

— О мой Элія! закричала она.—Неужели ты умеръ, неужели ты ни разу больше не хочешь взглянуть на маты! Боже Всемогущій! Если что-нибудь должно случиться въ нашемъ домѣ, то пусть лучше все падетъ на меня. Мнѣ и то нечего дѣлать на землѣ! Но зачѣмъ же ему умирать?

— Не плачь, не плачь, сказалъ ей Войтѣхъ,—а лучше уложимъ его хорошенько. Я съѣзжу въ Брандейсъ и привезу доктора. А покамѣстъ, постарайся какъ-нибудь привести его въ память, я скоро буду назадъ.

Утѣшительныя слова работника, и обѣщаніе скорой помощи разомъ возстановили нравственныя силы Нахимы. Въ такія страшныя минуты человекъ готовъ хвататься за соломинку.

— Да, да, създи, Войтѣхъ жизнь моя, сказала она, — Богъ тебя наградитъ.

Работникъ своими мощными руками приподнял больного, какъ перышко, и мигомъ раздѣлъ его. Онъ съ нимъ обращался такъ бережно какъ съ маленькимъ ребенкомъ, и Нахима, не могла придти въ себя отъ удивленія, встрѣтивъ такую нѣжную заботливость въ угрюмомъ, дерзкомъ Войтѣхъ. Наконецъ Элію уложили и прикрыли теплыми одеждами; мало-по-малу онъ сталъ приходить въ себя; легкая дрожь пробѣжала по его членамъ, онъ на минуту открылъ глаза и, встрѣтивъ яркій солнечный свѣтъ, тотчасъ же закрылъ ихъ съ глухимъ стономъ. Онъ не выговорилъ ни слова.

Но матери и этого было довольно.

— Войтѣхъ жизнь моя! воскликнула она радостно. — Онъ не умеръ. Теперь бѣги за докторомъ.

— Да, сказалъ работникъ, — я поскачу такъ скоро, какъ будто бы меня погонялъ самъ чортъ. И если черезъ часъ брандейскій докторъ не будетъ здѣсь, у постели твоего сына, ты можешь сказать, что Войтѣхъ подлый лгунъ.

Съ этими словами онъ поспѣшно вышелъ, и вскорѣ на дворѣ раздался топотъ лошади. Нахима взглянула въ окошко, и съ удивленіемъ увидѣла, что Войтѣхъ поскакалъ не по Брандейской дорогѣ, а въ противоположную сторону. Дѣло въ томъ, что работникъ зналъ, гдѣ находится реббъ Шломе и хотѣлъ увѣдомить его о болѣзни сына.

Вскорѣ потомъ явился самъ реббъ Шломе, и за нимъ Тилля. Работникъ встрѣтилъ ихъ обоихъ. Реббъ Шломе вошелъ въ страшномъ испугѣ; Нахима стояла у изголовья больного, такъ что онъ не могъ сперва разглядѣть его лица.

— Боже милосердый, что съ нимъ? закричалъ онъ.

— Тихе, тихе, шепотомъ прервала Нахима. — Развѣ ты не видишь, что ему нужно спокойствіе? Онъ очень, очень боленъ.

Реббъ Шломе подошелъ на цыпочкахъ, и нѣсколько времени смотрѣлъ на лицо сына, пылавшее горячкой.

— Можетъ-быть это такъ пройдетъ, сказалъ онъ вполголоса, какъ бы желая себя успокоить, — онъ часто бывалъ боленъ, и, слава Богу! всегда оправлялся.

Несмотря на свое ужасное безпокойство, на почти безнадежное положеніе сына, Нахима была опять раздражена этими простыми словами.

— Посмотри хорошенько, сказала она съ горечью, — кажется, это не бездѣльная болѣзнь. Дай Богъ, чтобъ онъ когда-нибудь оправился. Онъ извелся отъ горя, что долженъ жить здѣсь. Онъ долго мучился, а теперь, кажется, все кончено.

Потомъ она разразилась судорожнымъ рыданіемъ, и вышла изъ комнаты, чтобы не обезпокоить больнаго. У дверей встрѣтила ее Тилля, блѣдная и перепуганная; она спросила задыхаясь, точно ли Элія такъ боленъ?

Нахима не сказала ни слова; можетъ-быть она не хотѣла отвѣчать.

ХІІ.

Войтѣхъ сдержалъ слово. Часъ спустя, онъ возвратился изъ Брандейза. Лошадь была вся въ пѣнѣ и пошатнулась, когда онъ соскочилъ съ нея; Войтѣхъ въ тотъ день, противъ обыкновенія, загналъ ее чрезъ силу. Онъ самъ едва держался на ногахъ. Онъ объявилъ, что докторъ сейчасъ будетъ, и уже послалъ за лошадьми, потому что Войтѣхъ, въ своей поспѣшности, не догадался поѣхать въ Брандейзъ въ повозкѣ, чтобы прямо привезти доктора.

Когда Нахима услышала эту вѣсть, она протянула руку къ Войтѣху, и сказала:

— Войтѣхъ, ты теперь для меня дороже всѣхъ на свѣтѣ; я вѣкъ тебѣ буду благодарна. На, возьми, и если хочешь сходить въ трактиръ, я тебѣ позволяю. Выпей за здоровье моего сына.

Но странный работникъ угрюмо отступилъ назадъ.

— Я платы не беру, сказалъ онъ мрачно,—за то, что я дѣлаю для его преподобія. Пить мнѣ не хочется, и до трактировъ я не охотникъ. Отъ меня трактирщики не разживутся.

— Такъ Богъ тебя наградитъ, воскликнула Нахима, въ порывѣ искренняго удивленія.—А я этого вѣкъ не забуду.

Войтѣхъ ничего не отвѣчалъ. Онъ взялъ лошадь подъ уздцы, и отвелъ ее въ конюшню.

Часъ спустя, пріѣхалъ докторъ, молодой человекъ, недавно получившій дипломъ въ Прагскомъ университетѣ. Нахима узнала его издали съ перваго взгляда; онъ былъ родомъ изъ того же города, гдѣ она жила до тѣхъ поръ, сынъ тамошняго аптекаря; и онъ, и все его семейство, съ поконъ вѣку, выказывали особенную вражду ко всему, принадлежавшему къ еврейской «общинѣ». Сердце Нахимы болѣзненно сжалось: она съ трепетомъ ждала приговора врача; и чувствовала, что ей нельзя будетъ откровенно поговорить съ этимъ ожесточеннымъ преслѣдователемъ всего еврейскаго.

И докторъ тотчасъ же узналъ семейство ребба Шломе. Можетъ-быть ему припомнилось, что въ дни своего дѣтства, онъ не всегда поступалъ, относительно его, по всѣмъ правиламъ «чистой гуман-

ности», можетъ-быть, изъ его памяти не изгладилсь кресты, которые онъ когда-то любилъ рисовать «на зло жидамъ», на всѣхъ дверяхъ и стѣнахъ гетто.

Осмотрѣвъ больного, докторъ объявилъ безъ всякихъ обвиняковъ, что у него сильная горячка, насчетъ исхода которой онъ ничего не можетъ сказать.—Опасность велика, прибавилъ онъ, —но можно еще надѣяться.

Странное дѣло! Рѣзкій приговоръ доктора не очень испугалъ Нахиму; она была убѣждена, что докторъ преувеличиваетъ, изъ ненависти къ Евреямъ, и хочетъ испугать ее. А то какъ бы онъ рѣшился такъ сухо объявить матери такую ужасную вѣсть?

Потомъ докторъ спросилъ, не знаетъ ли кто-нибудь причинъ болѣзни Эли. Его взглядъ остановился на шкапѣ съ толстыми фолиантами. Не слишкомъ ли много онъ учился? Нахима отвѣчала отрицательно; это не могло ему повредить, вѣдь онъ сызмала всегда учился. Вѣдь книги не кушанье, ими нельзя испортить желудокъ.

— Не желудокъ, а голову, отвѣчалъ докторъ,—особенно вотъ такими книгами.

И онъ презрительнымъ взглядомъ указалъ на толстый фолиантъ.

Нахима хотѣла что-то сказать, но не могла выговорить ни слова. Она хотѣла сообщить доктору истинную причину болѣзни Эли; ее такъ и влекло высказать ему всѣ свои страданія и страданія сына. Но одинъ взглядъ на его холодно-насмѣшливое лицо остановилъ ее. Какъ ей все это разказывать *ему*, сыну аптекаря, который всегда хвастался своимъ презрѣніемъ и отращеніемъ къ Жидамъ, который вдвое радовался, когда кто-нибудь изъ «общины» нуждался въ лѣкарствѣ? Зачѣмъ ему разказывать? Онъ только будетъ издѣваться надъ ними и разказывать, что за жалкіе и несчастные люди эти Евреи. Итакъ, она сказала только:

— Господь знаетъ, отчего это съ нимъ случилось. Можетъ-быть, отъ злаго глаза.

— Или онъ себя испортилъ желудокъ вашими жирными, нездоровыми кушаньями; вѣдь вы все варите на гусяномъ салѣ? сказалъ докторъ полушутливо.

На этотъ разъ Нахима не отвѣчала ничего; ее волновали гнѣвъ и страхъ. Докторъ написалъ рецептъ и обѣщалъ опять пріѣхать на другой день. Несмотря на свою усталость, Войтѣхъ непремѣнно захотѣлъ самъ довести его до города, чтобы тотчасъ же привезти прописанное лѣкарство.

Обыкновенно, пріѣздъ врача успокоиваетъ домашнихъ, внушаетъ имъ довѣріе и надежду; но на этотъ разъ Нахима не была успокоена.

— Какъ можетъ ему сдѣлаться лучше, говорила она, — когда докторъ воображаетъ, что Элія испортилъ себѣ желудокъ? Зачѣмъ онъ не разспросилъ хорошенько? Дитя страдаетъ совсѣмъ отъ другаго, а онъ ему прописываетъ лѣкарство для желудка! Вѣдь онъ даже не знаетъ, какая у него болѣзнь! Да и что ему за дѣло до моего ребенка? Его отецъ и дѣдъ съ радостью отравили бы нашего брата; чего же ждать отъ него?

Однако докторъ не ошибся съ медицинской точки зрѣнія, у Эліи точно была жестокая горячка; жаръ все усиливался, и, хотя онъ очнулся изъ страшнаго, почти мертвеннаго оцѣпѣнія, но все не вполнѣ пришелъ въ память. У него вырывались какія-то неясныя, тревожныя восклицанія; часто онъ, по цѣлымъ часамъ лежалъ съ закрытыми глазами, потомъ вдругъ вскакивалъ, и дикимъ взглядомъ смотрѣлъ на окно. Онъ какъ будто боялся свести съ него глаза, и все оборачивался къ нему. Нахима слышала, что больные горячкой, иногда чувствуютъ непреодолимую потребность вырваться на волю, такъ что даже въ бреду, выскакиваютъ изъ окна; изъ предосторожности, она придвинула къ окну шкафъ съ книгами. Но больной увидя это, пришелъ въ неописанную ярость; онъ хотѣлъ вскочить съ постели, и реббъ Шломе насилу могъ удержать его. Съ этихъ поръ, онъ уже ни на минуту не смыкалъ глазъ и все смотрѣлъ на заставленное окно.

Настали тяжкіе, печальные дни; Нахима должна была собрать послѣднія свои силы, чтобы не изнемочь подъ бременемъ горя и безпокойства.

Элія долго оставался въ одинаковомъ положеніи. Докторъ пріѣзжалъ каждый день, но Нахима не имѣла къ нему ни малѣйшаго довѣрія, и равнодушно, почти презрительно смотрѣла на его посѣщенія.

У больнаго припадки бреда, въ которыхъ онъ все говорилъ про ночь, про огонь, смѣнялись совершеннымъ изнеможеніемъ. Нахима говорила, что въ такія минуты онъ былъ не въ силахъ шевельнуть пальцемъ.

Въ домѣ воцарилась мрачная тишина. Даже дядя Кошпель, казалось, понималъ, что надъ семействомъ виситъ какое-то страшное несчастіе. Реббъ Шломе мало высказывался; но видно было, что неожиданное горе глубоко потрясло его. Онъ почти не говорилъ съ женой, и вообще они избѣгали всякаго столкновенія. Она не хотѣла ничьей помощи, хотѣла сама все дѣлать, все выносить. Безпокойство о больномъ сынѣ опять измѣнило нравъ Нахимы, она опять сдѣлалась тиха и молчалива. Но перемѣна была только наружная, въ душѣ же все шевелилась сдержанная досада; ухаживая за больнымъ, она отказывалась отъ по-

мощи мужа и дѣтей, а между тѣмъ тайно сердилась на ихъ бездѣйствіе; реббъ Шломе рѣдко бывалъ дома; онъ старался разсѣять свою тоску усиленною дѣятельностью, Нахима обвиняла его въ безчувствіи.

Можетъ-быть покажется страннымъ, что это неудовольствіе не распространялось и на Аншеля, который однако почти не входилъ въ комнату брата. Нахима не могла знать, что Элія, въ минуту бреда, назвалъ имя Аншеля съ такимъ гнѣвнымъ, грознымъ выраженіемъ, что тотъ, въ испугѣ, выбѣжалъ изъ комнаты; но, можетъ-быть, вмѣстѣ съ нѣжною заботой о больномъ, въ ней пробудилось и чувство жалости къ другому сыну, который не виновать же вѣдь, что его сдѣлали хлѣпопашцемъ!

За то, удаляясь отъ всѣхъ своихъ, она смотрѣла на совершенно посторонняго человѣка какъ на ангела, посланнаго ей съ неба. То былъ работникъ Войтѣхъ.

Войтѣхъ не ограничился дѣятельнымъ участіемъ, которое высказалъ въ первый день болѣзни Эліи; онъ продолжалъ ухаживать за нимъ съ трогательною заботливостію. Днемъ, за полевою работою, онъ былъ по прежнему угрюмъ и суровъ, а ночью, у постели больного, онъ, по выраженію Нахимы, дѣлался другимъ человѣкомъ.

Сперва, по давнишнему предубѣжденію, она боялась оставлять его одного съ «дитятей»; но, мало-по-малу, Войтѣхъ умѣлъ ей внушить такое довѣріе, что она даже рѣшилась уступать ему часть своего труда, позволяла ему просиживать ночи надъ больнымъ, между тѣмъ какъ сама, уступая его просьбамъ, ложилась отдыхать. Когда, рано утромъ, она опять приходила въ комнату сына, работникъ отдавалъ ей отчетъ во всемъ, что произошло въ ея отсутствіи, въ малѣйшемъ измѣненіи въ состояніи больного; видно было, что онъ не смыкалъ глазъ.

— Войтѣхъ, ты родился докторомъ, сказала она однажды;—ты гораздо умнѣ brandейскаго доктора, и всѣмъ бы слѣдовало у тебя лѣчиться, а не у него.

— Тебѣ нечего меня хвалить, отвѣчалъ работникъ, мрачно отъ нея отворачиваясь; если я что дѣлаю, то я дѣлаю это для его подобія, а не для кого другаго.

— Нѣтъ, сказала Нахима,—ты напрасно хочешь себя представлять хуже, чѣмъ ты въ самомъ дѣлѣ. Я должна тебѣ признаться, я была несправедлива къ тебѣ. Я все думала, что ты насъ терпѣть не можешь; прямо тебѣ скажу, я думала, что ты ненавидишь всѣхъ Евреевъ. Но теперь, я вижу, что ты насъ любишь, ты только прикидываешься такимъ сердитымъ.

— Кто тебѣ это сказалъ? воскликнулъ Войтѣхъ, и въ голосъ его слышалось болѣе испуга, чѣмъ гнѣва.

Потомъ, какъ бы боясь, что онъ потревожилъ больного, онъ прибавилъ тихо, почти шодотомъ:

— Для его преподобія я все готовъ сдѣлать, и нечего меня этимъ попрекать.

— Да намъ можно же тебя поблагодарить? воскликнула Нахима съ жаромъ.

— Мнѣ ненужно ничьей благодарности, отвѣчалъ работникъ сухо и вышелъ изъ комнаты.

Нахима съ недоумѣніемъ посмотрѣла ему вслѣдъ.

Брандейскій докторъ объявилъ, что на четырнадцатый день будетъ переломъ въ болѣзни Эліи. И тутъ выказалась враждебность «аптекарскаго сына.» Зачѣмъ онъ это сказалъ напередъ, съ такою рѣшительностію? Нахимъ показалось даже, что онъ говорилъ съ какою то злою, язвительною усмѣшкой; но тутъ она вѣроятно ошиблась.

Наконецъ насталъ день кризиса. Войтѣхъ и Нахима вмѣстѣ сидѣли у постели больного; они не говорили между собой; только по утру, когда она вошла въ комнату, работникъ взглянулъ на нее и сказалъ «сегодня!» И Нахима слишкомъ хорошо поняла его.

Сперва предсказанія доктора какъ будто бы не оправдывались; Элія цѣлый день лежалъ въ какомъ-то полуснѣ, жаръ повидимому уменьшился. Это ли предсказалъ брандейскій докторъ? спрашивала себя Нахима, и вмѣстѣ, съ радостною надеждой, въ ея душѣ зашевелилось тайное удовольствіе, что «аптекарскій сыночекъ» и тутъ ошибся. Но часа въ четыре пополудни, настала рѣзкая переменна. Въ этотъ часъ, въ деревенской гостинницѣ, за нѣсколько домовъ отъ мызы реббъ Шломе, начались танцы и музыка. При первомъ звукѣ смычка Элія проснулся. Его глаза страшно засверкали; отъ времени до времени у него вырывался глухой стонъ. Нахима замѣтила, что онъ успокоивался всякій разъ, какъ умолкала музыка, а вмѣстѣ съ нею опять начинался бредъ и жаръ. Онъ не узнавалъ никого, даже мать. Разъ, онъ съ непоня ною силою оттолкнулъ склонившагося къ нему работника, и закричалъ дикимъ голосомъ: «прочь съ дороги, Аншель!» Другой разъ, когда въ трактирѣ заиграли веселую плясовую, онъ сталъ качать головою, какъ будто бы въ тактъ, и Нахима слышала, какъ онъ прошепталъ: «почему же мнѣ не плясать? Аншель пляшетъ!» Потомъ онъ громко вскрикнулъ: «играйте, музыканты!»

Эти странныя рѣчи, такъ мало соотвѣтствовавшія обычному настроенію бохера, еще болѣе убѣдили Нахиму, что близокъ его конецъ. Она рѣшилась, на другое же утро послать въ городъ, не за докторомъ, а за «кабронимами» (людьми, которые у Евреевъ читають послѣднія молитвы надъ умирающими, и устраивають похороны): «Только чудо можетъ спасти, его говорила она,—а Богъ не сдѣлаетъ для насъ чуда. Все напрасно: мы забыты и Богомъ и людьми.»

Никто не смыкалъ глазъ въ эту ночь. Элія все оставался въ томъ же положеніи. Музыка все еще не умолкала, а напротивъ, подъ вечеръ сдѣлалась еще живѣе и веселѣе; до большого долетали крики и пѣсни. Вдругъ Нахимъ показалось, что она слышитъ шаги, приближающіеся къ дому; музыка въ эту минуту замолкла. Больной также какъ будто бы услышалъ шорохъ; онъ широко раскрылъ глаза и пристально смотрѣлъ на окно, къ чему-то прислушиваясь. Минуту спустя, кто-то потихоньку постучалъ въ окно, и свѣжій дѣвичій голосъ три раза сряду спросилъ по-чешски: «ты спишь, или нѣтъ?» Эти слова страшно подѣйствовали на больного. Онъ вспрыгнулъ съ дикимъ, неестественнымъ крикомъ и хотѣлъ соскочить съ постели. Войтѣхъ бросился его удерживать, но больной защищался съ судорожною силой, которая показалась бы удивительною даже въ здоровомъ человѣкѣ. Эта борьба длилась нѣсколько минутъ. Нахима смотрѣла въ ужасѣ, и была не въ силахъ пошевелиться. Вдругъ, Войтѣхъ почувствовалъ, что больной пересталъ сопротивляться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, горячечный жаръ его тѣла уступилъ смертельному холоду. Онъ въ испугѣ выпустилъ его изъ рукъ; Элія лежалъ недвижно, и повидимому, безъ дыханія.

— Посвѣти сюда, сказалъ работникъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Нахима невольно повиновалась. Слабый лучъ упалъ на блѣдное, исхудалое лицо больного. Казалось, онъ пересталъ дышать; даже перышко, нечаянно упавшее на его верхнюю губу, не шевелилось. Глубокое спокойствіе, какъ послѣ выдержанной борьбы, изображалось на его лицѣ; не было слѣдовъ жара. Видѣтотъ почти утѣшительно подѣйствовалъ на мать: она видѣла, что страданія прекратились. Долго они молча смотрѣли на него, потомъ Нахима воскликнула съ раздрающимъ воплемъ:

— Онъ умеръ, умеръ! Мнѣ ничего не осталось въ этой жизни! и упала, рыдая, у кровати.

Войтѣхъ же сказалъ:

— Да, все кончено! Это смерть приходила за его преподобіемъ; она-то постучала въ окно.

Онъ хотѣлъ оправить покойника и взялъ его за руку. Вдругъ онъ закричалъ внѣ себя:

— Боже мой! что это такое? Это не рука мертвеца! возьми ее сама, попробуй.

Нахима недовѣрчиво посмотрѣла на работника; она схватила руку сына; и точно, въ этой рукѣ была жизнь и теплота.

— Онъ живъ? спросила она.

— Да, не будь я Войтѣхъ, отвѣчалъ работникъ, — теперь все пойдетъ хорошо; онъ теперь выздоровѣетъ.

Въ голосѣ Войтѣха слышалось такое волненіе, его лицо озарилось

такую неземною радостью, что Нахима показался онъ какимъ то высшимъ существомъ.

Въ эту минуту Элія открылъ глаза и окинулъ комнату слабымъ, невѣрнымъ взглядомъ.

— Какъ ты себя чувствуешь, Элія, жизнь моя? воскликнула Нахима видя себя, нагнувшись надъ больнымъ.

Элія ничего не отвѣчалъ; онъ опять закрылъ глаза.

— Теперь не мѣшай ему спать, сказалъ работникъ, почти насильно, хотя и ласково удаляя ее отъ больного.—Все пойдетъ хорошо, если онъ теперь заснетъ.

Нахима повиновалась; она вышла изъ комнаты въ какомъ-то полуснѣ: сколько она переживала въ эти послѣдніе часы! Войтъхъ былъ правъ. Опасность миновалась; Элія въ первый разъ уснулъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ.

ХІІІ.

На другой день пріѣхалъ брандеизскій докторъ. Онъ удивился, найдя больного въ такомъ хорошемъ положеніи. Онъ объявилъ, что опасности больше нѣтъ никакой; но что больного спасло какое-то чудо; что онъ, съ своей стороны, совершенно отчаявался въ его жизни. Нахима разказала ему про таинственное, ночное посѣщеніе, про голосъ, раздавшійся у окна; но, въ радости, разказала такимъ страннымъ, несвязнымъ образомъ, что доктору это простое происшествіе точно должно было показаться чудомъ.

— Еслибы вы были христіянка, госпожа Ганъ, сказалъ онъ съ свойственною ему язвительною улыбкой,—вы могли бы подумать, что Пресвятая Матерь Божія сама пришла исцѣлить вашего сына.

Нахима не вполне поняла его намекъ; но она была такъ счастлива въ эту минуту, что невольно улыбнулась; однако, еслибъ ее не удерживало смущеніе передъ «аптекаремъ сыномъ», то она сказала бы ему, что онъ долженъ быть очень ожесточенъ противъ Евреевъ, если такъ легкомысленно говорить о *собственной святости*?

— Да, продолжалъ докторъ,—еслибы вашъ сынъ захотѣлъ перейти къ намъ, это чудо помогло бы ему сдѣлать въ короткое время свою каррьеру.

— Что вы этимъ хотите сказать, господинъ докторъ? спросила Нахима съ испугомъ, но все еще улыбаясь.

— Я хочу сказать, воскликнулъ докторъ насмѣшливо,—что еслибы только вашъ сынъ обратился къ одному изъ свѣтилъ католической

церкви, съ просьбою *объяснить* это чудо, онъ бы могъ, и себѣ, и вамъ всѣмъ принести большую пользу.

Тутъ только Нахима поняла его.

— Вы хотите сказать, проговорила она спокойноѣ, чѣмъ можно было ожидать,—чтобы мой сынъ...

— Ну да! чтобъ онъ окрестился, дополнилъ докторъ смѣясь.

— Мой сынъ, который будетъ раввиномъ? воскликнула Нахима въ ужасѣ и изумленіи,—что вы говорите, господинъ докторъ?

— Э, право, сказалъ докторъ,—скоро вамъ совсѣмъ ненужны будутъ раввины. Новая свобода убѣдетъ еврейскую вѣру. Всѣ ваши теперь могутъ сдѣлаться чѣмъ угодно: адвокатами, чиновниками, министрами, землевладѣльцами: не стануть же они себя стѣснять религіею, которая во всемъ будетъ имъ помѣхой? Всѣ умные, дѣльные люди зададутъ себѣ вопросъ: что выгодыѣ, остаться ли при старой вѣрѣ, которая при теперешнихъ обстоятельствахъ сдѣлалась неудобна, или поступить такъ?

И докторъ сдѣлалъ движеніе рукою, какъ бы отряхая съ себя пыль или что-нибудь подобное.

Этотъ выразительный жестъ сильно подѣйствовалъ на Нахиму; она ужъ тутъ совсѣмъ испугалась при такой откровенности «аптекарскаго сына». Но она скоро оправилась и отвѣчала съ истинно женскимъ присутствіемъ духа.

— Господину доктору угодно шутить, сказала она улыбаясь,—какъ возможно кому-нибудь изъ насъ бросить нашу вѣру? Можно сбросить червячка съ платья, стряхнуть пыль, но вѣру такъ не сбрасываютъ. Я не умѣю такъ говорить, какъ вы, господинъ докторъ, я не училась въ четырнадцати наукамъ; но думаю, скорѣе придетъ конецъ свѣта, скорѣе все развалится на землѣ, чѣмъ случится то, про что вы говорите. Развѣ вы думаете, господинъ докторъ, что такъ и будетъ всегда свобода? Нѣтъ, придетъ время, когда свобода кончится, тогда....

Нахима вдругъ остановилась. Докторъ самъ нѣсколько смѣшался и взглянулъ на ея покраснѣвшее лицо; она въ эту минуту казалась совсѣмъ инымъ существомъ, какимъ онъ еще не видалъ ея. Въ ея послѣднемъ замѣчаніи о непродолжительности свободы, слышалось какое-то радостное чувство, которое его поразило.

— Ну что же тогда? спросилъ онъ, желая, чтобъ она досказала свою мысль.

— Тогда намъ можно будетъ уѣхать изъ деревни, отвѣчала Нахима торопливо и съ волненіемъ.

Докторъ еще болѣе изумился.

— И вы этого ждете съ такою радостію? воскликнулъ онъ.—Зачѣмъ же всѣ ваши такъ трудились, хлопотали, чтобы приобрести землю? Теперь имъ это позволено, а вы ждете, не дождетесь

времени, когда это опять будетъ запрещено? Что вы на это скажете, г. Шломе?

— Въдь вы сами говорите, г. докторъ, прервала Нахима, прежде чѣмъ ея мужъ собрался отвѣчать, — что пропала наша вѣра, если будетъ слишкомъ много свободы? Я императора ни о чемъ не просила, мнѣ и такъ было хорошо.

— Вамъ съ нею не столковать, г. докторъ, сказалъ реббъ Шломе, стараясь принять веселый видъ; — по ней, пожалуй, лучше, еслибы все осталось по старому. Не всѣ женщины таковы; инныя любаго мушину перещеголяютъ. Я недавно читалъ про одну женщину, которая, съ ружьемъ въ рукахъ, сражалась за свободу, не хуже мушины. Но эта до свободы не охотница. При малѣйшей перемѣнѣ, она закричитъ такъ, что можетъ услышать императоръ въ Вѣнѣ. Она этихъ вещей не понимаетъ.

Такая перестрѣлка колкими намеками дѣлается еще тягостнѣе, когда происходитъ при третьемъ постороннемъ лицѣ. Необходимость себя сдерживать, сохранять веселый видъ дѣлаетъ еще мучительнѣ тайныя раны, нанесенныя другъ другу. Къ счастью Нахима вспомнила, что передъ нею сынъ аптекаря; ей показалось стыдно показывать отъявленному врагу свои семейныя страданія. Самолюбіе дало ей силу продолжать разговоръ веселымъ, шутливымъ тономъ.

— Что за вздоръ говоримъ мы! воскликнула она, принужденно смѣясь; — какое дѣло императору до того, хочу ли я свободы или нѣтъ? Развѣ онъ меня знаетъ? Развѣ онъ знаетъ о моемъ существованіи? Лучше вы мнѣ выльчите сына, г. докторъ, это мнѣ будетъ дороже всякой свободы.

— Что жъ дѣлать, г-жа Ганъ? сказалъ докторъ, смѣясь; — я долженъ сознаться, что не я выльчилъ вашего сына. Вы лучше вѣрьте тому живому чуду, которое его спасло; не мудрено, что оно его и совершенно исцѣлитъ.

Докторъ уѣхалъ, но вся радость Нахимы исчезла за горечью, пробужденною въ ней замѣчаніями мужа. Такъ вотъ они, естественныя послѣдствія свободы! Вотъ до чего ихъ доведетъ деревенская жизнь! Какъ сохранить свою вѣру среди поселянъ, вдали отъ всѣхъ единовѣрцевъ? Уже самъ докторъ, христіанинъ, это говоритъ; что бы сказалъ кто-нибудь изъ *тамошнихъ*, напримѣръ, ея благочестивая мать, еслибъ она могла видѣть ихъ жизнь? Такъ ли живутъ истинные Евреи, такъ ли соблюдаютъ праздники и шабашъ? А въдь за все будетъ отвѣчать *она*, мать; съ нея взыщется, если ея дѣти погибнуть и погубятъ свои души. Никто не пойметъ, что *она* тутъ меньше всѣхъ виновата.

При такомъ настроеніи, не мудрено, что Нахима, больше чѣмъ

когда-либо, мечтала услатъ Элію изъ деревни. Эта мысль не выходила у ней изъ головы, она одна ее утѣшала и поддерживала. По крайней мѣрѣ она, невинный ребенокъ, будетъ спасенъ. Какъ только онъ оправится, она все приготовитъ къ его отъѣзду.

Между тѣмъ, Элія быстро выздоравливалъ; казалось, онъ нашелъ въ себѣ силу побѣдить и подавить болѣзнь. Жаръ совершенно прекратился, но на него еще нападали минуты страшнаго безпокойства. Часто онъ по цѣлымъ часамъ недвижно лежалъ въ постели, когда подлѣ него сидѣла Нахима или Войтѣхъ. Но голосъ или шаги Аншеля раздражали его и возобновляли припадки его прежней болѣзни.

Спросили доктора о причинѣ этого страннаго явленія. Но докторъ только пожалъ плечами и сказалъ, что желательно было бы, чтобы возобновилось то чудо, которое уже принесло ему такую рѣшительную пользу; но во всякомъ случаѣ, опасность совершенно прошла.

Нахима опять нашла случай заподозрить искусство доктора. Она лучше знала, что нужно ея сыну. Какъ же онъ, ученый человекъ, не догадался? Какъ же онъ не сказалъ больному: «Встань, возьми свои книги, и возвратись туда, откуда ты пришелъ?»

Одно обстоятельство могло бы заставить Нахиму усомниться во всемогуществѣ придуманнаго ею средства; Элія вовсе не показывалъ желанія учиться; онъ даже не раскрывалъ своихъ книгъ. Конечно, Нахима сама бы не захотѣла, чтобъ онъ, послѣ тяжкой болѣзни, утомлялъ себя занятіями; она бы даже этому воспрепятствовала; но какъ же это онъ ни разу не спросилъ своихъ книгъ? Неужели болѣзнь до такой степени измѣнила его нравъ и привычки? Это обстоятельство перазило Нахиму, но она не придавала ему значенія; охота къ ученію опять придетъ. Тѣмъ лучше, что онъ теперь отдыхаетъ.

Мы должны упомянуть и о другомъ обстоятельствѣ, неизвѣстномъ Нахимѣ. Послѣ болѣзни, бохеръ сталъ говорить по-чешски. Въ первый разъ это случилось ночью, когда Войтѣхъ одинъ сидѣлъ у его изголовья. Сперва работникъ не вѣрилъ своимъ ушамъ; до тѣхъ поръ Элія ни слова съ нимъ не говорилъ. Ему показалось даже, что больной говоритъ въ бреду; онъ подошелъ ближе и спросилъ, что именно ему угодно? Элія явственнымъ голосомъ повторилъ свои слова; онъ просилъ воды. Войтѣхъ поспѣшно подалъ ему стаканъ; рука его такъ дрожала, что онъ пролилъ нѣсколько капель на постель больного.

— Ты, кажется, самъ боленъ, Войтѣхъ? сказалъ Элія, пристально посмотрѣвъ на него.

— Я? отвѣчалъ работникъ невѣрнымъ голосомъ, — я здоровъ, какъ рыба въ водѣ.

— Да ты весь дрожишь! сказалъ больной.

— Я только радуюсь, что ваше преподобіе со мною говоритъ, отвѣчалъ работникъ,—и его рѣзкія черты приняли какое-то особенное, мягкое выраженіе.

— Развѣ я до сихъ поръ съ тобою не говорилъ? сказалъ бохеръ съ удивленіемъ.—Кажется, я тебя давнымъ давно знаю.

— Въ самомъ дѣлѣ? радостно закричалъ работникъ; но потомъ, испугавшись своего громкаго возгласа, прибавилъ:—Но ваше преподобіе были такъ больны!..

Послѣ нѣкотораго молчанія Элія сказалъ:

— Зачѣмъ же ты меня называешь ваше преподобіе? вѣдь я не преподобный.

— Какъ же мнѣ сказать? воскликнулъ Войтѣхъ съ удивленіемъ.— Всѣхъ священниковъ зовутъ преподобіемъ, заключилъ онъ тономъ глубокаго убѣжденія.

— Да я-то что за священникъ? воскликнулъ бохеръ, совершенно сбитый съ толку отвѣтомъ работника.

— Не священникъ, отвѣчалъ Войтѣхъ почтительно,—а все-таки духовная особа.

Слабая улыбка опять промелькнула на лицѣ Элія.

— Нѣтъ, сказалъ онъ помолчавъ, и глаза его странно заблестали, — я никогда не буду духовнымъ, знай это, милый Войтѣхъ!

Работникъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ; ему показалось, что больной опять бредитъ. Но Элія лежалъ спокойно и все еще улыбался. Войтѣхъ сказалъ ласковымъ голосомъ:

— Какъ же, ваше преподобіе, вы не духовный? Еслибы вы только захотѣли, вы бы и нашего священника могли перещеголять. Вы и каноникомъ могли бы сдѣлаться, ваше преподобіе. Мало развѣ вы учились! У кого найдешь столько толстыхъ книгъ? Я думаю, что всей этой премудрости и на епископа хватитъ!

Больной не прерывалъ болтовни Войтѣха; казалось, онъ былъ радъ, что можетъ слушать кого-нибудь, а не долженъ самъ говорить. Войтѣхъ долго продолжалъ въ этомъ тонѣ; вдругъ Элія его остановилъ вопросомъ, произнесеннымъ такъ тихо, что работникъ сперва не разслыхалъ его.

— Какъ ты находишь, Войтѣхъ, повторилъ Элія, возвысивъ голосъ,—хорошо я говорю почешски?

Этотъ вопросъ такъ мало приходился ко всему предыдущему разговору, что работникъ посмотрѣлъ на бохера съ какимъ-то испугомъ, ожидая припадка прежняго бреда.

Элія въ третій разъ повторилъ вопросъ съ какимъ-то нетерпѣніемъ.

— Хорошо ли вы говорите почешски? воскликнулъ наконецъ.

Войтѣхъ, рѣшась потакать прихоти больнаго.—Понимайте, ваше преподобіе! Вы хоть завтра могли бы читать проповѣдь въ церкви!

— Съ чего ты взялъ, что я хочу читать проповѣди? спросилъ Элія, смѣясь.

— Зачѣмъ же вамъ говорить по-чешски, ваше преподобіе? спросилъ работникъ въ недоумѣніи.

Бохеръ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Минуту спустя онъ опять спросилъ:

— А мой братъ хорошо говоритъ? И люди его понимаютъ?

— Онъ-то, ваше преподобіе, говоритъ, какъ будто бы родился здѣсь, въ деревнѣ, какъ будто бы его родители были Чехи, а не...

— Что, Войтѣхъ? спросилъ Элія.

— Нельзя узнать, что онъ изъ вашей семьи, сказалъ работникъ вполголоса. — Богъ знаетъ, какъ это онъ выучился. Родной мой братъ не могъ бы лучше говорить.

Еслибы Войтѣхъ въ эту минуту взглянулъ на больнаго, онъ бы замѣтилъ тоскливое выраженіе его лица. Элія вздохнулъ едва слышно, повернулся на другую сторону, и долго лежалъ молча.

Войтѣхъ наконецъ спросилъ: не хочетъ ли онъ чего-нибудь? Тогда Элія вполонину приподнялся.

— Можешь ли ты мнѣ принести книгу, писанную по-чешски? спросилъ онъ у работника.

— У меня только и есть молитвенникъ, отвѣчалъ Войтѣхъ, запинаясь.—Вашему преподобію онъ вѣрно не придется, прибавилъ онъ поспѣшно.

— Если у тебя нѣтъ ничего другаго, то принеси мнѣ молитвенникъ, сказалъ бохеръ помолчавъ.

Войтѣхъ пошелъ къ дверямъ, но Элія его остановилъ.

— Если у тебя спросятъ, что это такое? ты ничего про меня не говори, Войтѣхъ. Ты никому несказывай, о чемъ мы съ тобою говорили. Слышишь ли, Войтѣхъ?

Работникъ кивнулъ головою. Тотчасъ потомъ, онъ принесъ въ карманѣ молитвенникъ. Элія съ жадностію ухватился за книгу.

XIV.

Когда Элія, послѣ долгой болѣзни, наконецъ могъ выйти на свѣжій воздухъ, настала ужъ весна. Все вокругъ измѣнилось; на

бороздахъ, проведенныхъ плугомъ Аншеля, взошелъ посѣвъ; поле шумѣло зеленою волной, подъ яркими лучами весенняго солнца. Но одна только душа слѣдила за восходомъ хлѣбовъ, одна радовалась Божьему дару. Аншелю казалось непонятнымъ, какъ все такъ быстро всходитъ и растетъ. Неужели *онъ* тутъ работалъ, *онъ* участвовалъ въ этомъ чудномъ явленіи, *онъ* покрывъ поля роскошною зеленью, *онъ* бросилъ сѣмя, изъ котораго выросъ этотъ колосъ? Когда онъ вспомнилъ, какъ годъ тому назадъ, онъ разтѣзжалъ по ярмаркамъ, нехотя, скрѣпя сердце, зазывалъ покупателей и расхваливалъ товаръ, и теперь вдругъ его жизнь такъ неожиданно измѣнилась, ему казалось, что надъ нимъ совершилось какое-то чудо. Самъ Господь внушилъ отцу эту мысль, думалъ онъ; а то какъ бы могло все такъ великолѣпно расти и зеленѣть? не знакъ ли это Божіей благодати? Пусть придутъ люди изъ «еврейской общины», посмотрѣтъ на насъ: они не узнаютъ насъ; такъ все у насъ перемѣнилось.

Въ радости Аншель забывалъ о горѣ матери; какъ всѣ счастливы, онъ думалъ объ одномъ себѣ.

— Думалъ ли ты когда-нибудь, что мы до этого доживемъ? говорилъ Аншель отцу.—Еслибы годъ тому назадъ намъ кто-нибудь сказалъ: «Ты, реббъ Шломе, и все твое семейство, черезъ годъ будете ѣсть хлѣбъ, который вы сами посѣяли!» вѣдь мы бы надъ нимъ посмѣялись? а теперь это сбылось!

— А развѣ мы ужъ свой хлѣбъ ѣдимъ? сказалъ реббъ Шломе.

— Нѣтъ, но будемъ ѣсть, отвѣчалъ Аншель тономъ глубокаго убѣжденія.

— Глупенькій, сказалъ реббъ Шломе съ горькою усмѣшкой, —что намъ въ собственномъ хлѣбѣ? Развѣ намъ пойдетъ кусокъ въ горло, пока мать отъ всего будетъ отворачиваться? А ея не перемѣнишь, я ее знаю. Если она себѣ что-нибудь заберетъ въ голову, ея ничѣмъ не вразумишь. Вотъ, теперь, она хочетъ отослать Элію въ городъ; того и гледи, она и сама за нимъ пойдетъ. Такъ и оставайся одинъ въ деревнѣ.

— Боже мой! воскликнулъ Аншель въ испугѣ.—Неужели ты хочешь продать мызу?

— Чѣмъ же ты меня считаешь? сказалъ реббъ Шломе, выпрямившись во весь ростъ передъ сыномъ.— Ты думаешь, что я такъ сейчасъ и брошу все? Ты меня мало знаешь, и твоя мать меня не знаетъ. Хотя мнѣ разориться совершенно, я не уѣду изъ деревни.

Этотъ рѣшительный отвѣтъ отца и радостно и грустно подѣйствовалъ на Аншеля. Ему больно было слышать жалобы отца на мать. Не ему же быть судьей между ними.

— Ты не разсердишься, отецъ жизнь моя, сказалъ онъ помолчавъ,—если я тебѣ сдѣлаю вопросъ?

— Говори, отвѣчалъ реббъ Шломе сухо.

— Отчего ты не посоветовался съ матушкой, когда купишь землю? Еслибы ты ей сказалъ напередъ все, можетъ-быть пошло бы иначе, сказалъ Аншель, робко взглянувъ на отца.

— Оттого что у меня такъ заведено, отвѣчалъ реббъ Шломе отрывисто;—я, слава Богу, не ребенокъ, и самъ могу все разсудить.

Послѣ такого отвѣта Аншель не могъ продолжать разговора: онъ ясно сознавалъ, что не ему упрекать отца. Однако, минуту спустя, онъ сказалъ:

— Кто бы повѣрилъ, что матушка до сихъ поръ не видала нашихъ полей? Можетъ-быть, еслибы она увидѣла, какъ тамъ все хорошо, она бы стала повеселѣй? Она вѣдь не знаетъ, сколько у нея добра, и все тоскуетъ и сохнетъ.

— Я ее уговаривать не стану, сказалъ реббъ Шломе рѣшительно.

— А кому же, если не тебѣ, ее уговаривать? возразилъ Аншель.

— Тебя она скорѣе всѣхъ послушаетъ.

— Ни за что на свѣтѣ не стану ее уговаривать, повторилъ реббъ Шломе съ силой.—Думаешь ли ты, я не кусокъ дерева, и вѣдь что-нибудь чувствую? Мнѣ легко развѣ слышать ея жалобы и видѣть ея слезы? А чѣмъ же мнѣ помочь ея горю?

Въ эту минуту Аншель больше, чѣмъ когда-либо, почувствовалъ, какъ отдалилась отъ нихъ мать. Ни онъ, ни отецъ не рѣшились предложить ей взглянуть на собственныя ея владѣнія: отецъ изъ самолюбія, онъ изъ робости. Однако, подумавъ, онъ рѣшился обратиться къ матери съ этою просьбою, заранѣе почти упрямый въ отказѣ.

Въ этотъ день Аншель все ходилъ около матери, выжидая случая поговорить съ нею. Но Нахима показывала видъ, будто не замѣчаетъ этого. Однако она была веселѣе и спокойнѣе обыкновеннаго. Элія въ первый разъ вышелъ изъ комнаты и сидѣлъ въ саду подъ деревьями. Нахима была спокойна какъ въ лучшие дни своего домохозяйства; сквозь смуту перенесеннаго горя снова пробилось кроткое выраженіе ея лица.

Пришелъ вечеръ; Аншель все еще не зналъ, какъ приступить къ матери съ просьбой; были минуты, когда онъ совершенно отчаивался въ ея согласіи и рѣшался ей ничего не говорить, чтобы даромъ ее не разсердить и не разстроить. Наконецъ случай неожиданно помогъ ему.

Нахима вышла къ воротамъ и, по обыкновенію, стала разстоянно смотрѣть на улицу. Она никогда не ходила дальше этихъ воротъ, съ тѣхъ поръ какъ переехала сюда. Можетъ-быть въ ея взглядѣ выражалась тоска по родному городу; можетъ-быть она поджидала мужа; вдругъ Аншель, который тихо пошелъ за нею вслѣдъ, услышалъ ея восклицаніе:

— Боже мой! какъ малютка хороша!

— Про кого ты говоришь, мать жизнь моя? спросилъ Аншель поспѣшно.

— Посмотри-ка на нашу Тиллю, сказала она съ сіяющимъ взглядомъ, — посмотри на нее; видѣлъ ли ты когда-нибудь такую красоту?

Аншель взглянулъ. Шаговъ за двадцать отъ нихъ, стояла Тилля въ какомъ-то странномъ уборѣ; вся голова ея была украшена синими васильками и ярко-краснымъ полевымъ макомъ, такъ что почти не видны были ея черныя косы. Лучъ заходящаго солнца падалъ на лицо ребенка; все на ней сіяло и горѣло. Изобиліе цвѣтовъ заставило ее откинуть нѣсколько назадъ голову, такъ что она матери и Аншелю показалась выше ростомъ.

— Твоя правда, матушка жизнь, отвѣчалъ Аншель, который не могъ свести глазъ съ малютки, — она прелестъ какъ хороша!

Между тѣмъ, Тилля къ нимъ подошла ближе и показала имъ еще во сто разъ милѣе, чѣмъ издали. Необычайный нарядъ придавалъ ей какой-то странный, фантастическій видъ.

— Кто тебя такъ принарядилъ, дурочка? спросила Нахима, скрывая свою материнскую гордость подъ тономъ ласковаго упрека.

— Чтò же? спросила Тилля съ плутовскою улыбкою. — Развѣ я не хороша такъ?

— Дурочка, сказала Нахима, невольно улыбаясь, — подумай только, еслибы тебя кто-нибудь дома увидалъ въ такомъ нарядѣ, чтобы сказали?

— Да развѣ я здѣсь не дома? сказала дѣвочка съ какимъ-то изумленіемъ.

— Я хотѣла сказать въ еврейской общинѣ, поспѣшно проговорила Нахима; потомъ прибавила:

— Да кто же тебя такъ нарядилъ?

— Судейская дочь! весело отвѣчала малютка.

— Вотъ кто? сказала Нахима голосомъ, отъ котораго невольно вздрогнулъ Аншель. — Кого ты не знаешь въ деревнѣ!

— Я всѣхъ знаю, сказала дѣвочка серіозно, — а ее больше всѣхъ.

— Потому-то ты все такъ бѣгаешь по деревнѣ, сказала Нахима съ упрекомъ, который однако не былъ довольно силенъ, чтобы согнать съ ея лица улыбку. — Не мудрено, что ты наконецъ сдѣлаешься деревенскою дѣвчонкой, съ которою стыдно будетъ въ люди показаться.

— Стыдно? повторила малютка, широко раскрывъ свои черныя глаза. — Отчего же стыдно? Развѣ судейской дочери стыдно со мною?

— Она сама деревенская, сказала Нахима серіознымъ тономъ.

— И отецъ ея, и дѣдъ были деревенщина. А мы?... Нахима оста новилась.

— А мнѣ все-таки не стыдно, матушка жизнь, весело воскликнула Тилля, лукаво склонивъ на сторону свою разукрашенную цвѣтами головку.—Приходи себѣ хоть тысячу разъ изъ городу самъ учитель, реббъ Вольфъ, съ своею длинною палкою, мнѣ все-таки не будетъ стыдно!

— Поди, поди, сказала Нахима, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.—Когда слышишь твою болтовню, можно подумать, что твои родители весь вѣкъ свой садили картофель и дошли коровъ. Ты всегда была и будешь вѣтренницей.

Эти слова матери не произвели никакого дѣйствія на Тиллю. Она сперва взглянула на мать какъ-то вопросительно, потомъ тряхнула головой и побѣжала въ домъ. Нахима посмотрѣла ей вслѣдъ, и ея лицо озарилось теплою, радостною улыбкою. Аншель это замѣтила.

— Какъ она хороша! сказала она вполголоса, и долго еще смотрѣла въ ту сторону, куда исчезла Тилля. Потомъ она отвернулась. «Теперь, подумалъ Аншель, пора поговорить съ нею. Ни разу еще, съ тѣхъ поръ какъ мы уѣхали изъ городу, она такъ радостно не улыбалась, такъ весело не говорила. Нужно воспользоваться этимъ хорошимъ расположеніемъ.»

Аншель робко дотронулся руки матери; она обернулась къ нему: на ея лицѣ все еще сіяла та же ясная, любовная улыбка, какъ лучъ весенняго солнца.

— Чего ты хочешь, дитя мое? сказала она.

— Матушка жизнь, какъ хороша наша малютка! воскликнулъ Аншель съ одушевленіемъ; больше ничего онъ не могъ сказать. Онъ не зналъ, какъ начать разговоръ.

— Тише, тише, проговорила Нахима, приложивъ палецъ къ губамъ.—Она можетъ услышать тебя.

— И ты думаешь, матушка жизнь, воскликнулъ Аншель громко, несмотря на предостереженіе матери,—ты думаешь, что стыдно было бы показать малютку кому-нибудь изъ общины? Спросилъ бы я ихъ: видѣли ль они тамъ, въ гетто, что-нибудь подобное нашей Тиллѣ! Они бы насмотрѣться не могли на нее; завидно бы имъ стало. А ты говоришь малюткѣ, чтобъ она стыдилась!

— Тише, тише, опять повторила Нахима, но глаза ея все еще блистали прежнею радостію.—Развѣ я не вижу? Развѣ я слѣпа? Но я не хочу, чтобы малютка слышала всѣ эти похвалы, онѣ ее избалуютъ.

— Нѣтъ, матушка, Тиллю не избалуешь, отвѣчалъ Аншель рѣшительно.—Тилля вѣдъ твоя дочь. Не все ли равно, воспитывается ли она въ деревнѣ или въ городѣ? Ее ничѣмъ не испортишь, за это я ручаюсь. Развѣ эти цвѣточки, которые она

нарвала въ полѣ, могутъ сдѣлать ее тщеславною, могутъ испортить ее? Нѣтъ, матушка жизнь, это невозможно, извини меня, ты тутъ ошибаешься.

Аншель произнесъ послѣднія слова такимъ робкимъ, умоляющимъ тономъ; ясно было, что онъ не имѣлъ никакого намѣренія оскорбить или огорчить мать. Нахима это почувствовала.

— Не принимай это такъ къ сердцу, сказала она ласково.— Я говорила шутя. Я сама думаю, что если Богъ продлитъ мою жизнь, изъ нашей Тилли выйдетъ хорошая дѣвушка; не придется вамъ за нее краснѣть. Но выговоривъ эти слова, она съ какимъ-то испугомъ провела рукою по лицу. Боже милосердый! почти закричала она.—Что я сказала? Если Богъ продлитъ мою жизнь.... Да развѣ я хочу жить?

— Тебѣ не хочется жить, матушка жизнь? воскликнулъ Аншель съ трогательнымъ упрекомъ.—Кому же изъ насъ слѣдуетъ жить, если не тебѣ? Скажи сама, матушка, не грѣшишь ли ты противъ Бога? Давно ли ты радовалась и смѣялась, была весела, довольна, — а теперь, вдругъ, ты говоришь, какъ будто бы ты покинута Богомъ и людьми, и тебѣ ничего не остается, какъ только лечь въ могилу?

— Чему же я радовалась? спросила Нахима, разсѣянно взглянувъ на сына.

— Ты радовалась, глядя на малютку, на нашу Тиллю, отвѣчалъ Аншель глубоко огорченный разсѣяннымъ вопросомъ матери. Какъ ужасно давило ее горе, если она могла такъ скоро забыть недавнюю радость!

— И что же меня въ ней обрадовало? опять спросила Нахима, повидимому развлеченная совсѣмъ иными мыслями.

Аншель былъ такъ пораженъ разсѣянностью матери, что въ первую минуту не зналъ что отвѣчать.

— Я самъ не знаю, матушка, жизнь, проговорилъ онъ, запинаясь.—Помню, помню, теперь воскликнулъ онъ спохватясь,— ты восхищалась цвѣтами... которые такъ чудно пристали малюткѣ. Да, право такъ, матушка жизнь.

Лицо Нахимы опять прояснилось. Аншель тревожно слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ.

— Да, точно, Аншель жизнь моя, сказала она;—я любовалась цвѣтами. Какъ хороша была малютка! Право, мнѣ въ эту минуту показалось, что она вовсе не изъ нашей семьи, а изъ какого-нибудь графскаго рода, такъ что я и обрадовалась, и испугалась вмѣстѣ.

— Скажи сама, матушка жизнь, заговорилъ Аншель, отгадывая всѣ чувства Нахимы,—могло ли бы тебя что-нибудь такъ порадовать въ городѣ? Вѣдь тамъ, нашей Тиллѣ и въ голову бы не

пришло приколоть себѣ въ волосы цвѣтокъ; ты сама говоришь, что люди бы надъ нею насмѣялись. Съ тѣхъ поръ, какъ я самъ видѣлъ, какъ изъ земли вырастаетъ цвѣтокъ, какъ онъ распускается изъ малаго сѣмечка, мнѣ кажется, что люди въ гетто и понятія не имѣютъ о цвѣткѣ. Да, на что онъ имъ? Дѣвушки не стануть его вкалывать въ волосы, какъ наша Тилла. Имъ дѣла нѣтъ до цвѣтка; они на него и не смотрять, бросаютъ его. А вѣдь ты теперь увидѣла, матушка жизнь, что цвѣты на что-нибудь годятся.

Нахима слушала его молча; ей казалось, что онъ говоритъ на новомъ, неслыханномъ ею языкѣ, переносить ее въ новый міръ. Крупныя слезы катились по ея щекамъ, она напрасно старалась остановить ихъ.

Аншель хорошо понялъ, что онъ въ эту минуту можетъ говорить съ матерью откровенно, что онъ найдетъ доступъ къ ея сердцу.

— Тебѣ покажется страннымъ, матушка жизнь моя, сказалъ онъ, — что я какъ будто бы берусь тебя учить. Я знаю, что ты умѣе всѣхъ насъ, и, повѣрь, мы всѣ это чувствуемъ, хотя ты мало высказываешься. Но не грустно ли намъ, не больнѣе ли всего на свѣтѣ видѣть, что ты отъ всего удаляешься, что нечѣмъ тебя развеселить, что хоть ты и живешь съ нами, а не радуешься съ нами? Точно мы стали тебѣ чужими. Тутъ мы съ нашимъ полемъ, а тамъ ты, не знаю съ чѣмъ; ты сама чувствуешь, что ты съ нами поступаешь жестоко; оттого-то ты мнѣ позволяешь такъ говорить съ тобою, оттого ты теперь-то и плачешь.

Нахима точно плакала и продолжала молчать. Плакала ли она отъ того, что сынъ осмѣливается поучать ее, или ласковыя слова Аншеля растрогали ея сердце? Самъ Аншель не могъ этого рѣшить; но видя, что мать не отвѣчаетъ, онъ опять заговорилъ:

— Ты сама сказала, что ты утѣшалась цвѣтами Тиллы. Знаешь ли ты, матушка жизнь моя, что ты каждый день могла бы имѣть такую радость?

— Какъ же, какъ? спросила Нахима, улыбаясь сквозь слезы.

— Матушка жизнь! воскликнулъ Аншель почти внѣ себя отъ давно сдерживаемаго волненія:—вѣдь ты ниразу еще не посмотрѣла на свое поле!

Нахима вся задрожала; слезы ея вдругъ остановились, она хотѣла сказать что-то, и не могла. Замѣтивъ это, Аншель испугался; ему показалось, что онъ глубоко оскорбилъ мать своимъ неосторожнымъ упрекомъ.

— Не сердись на меня, матушка, сказалъ онъ, я не хотѣлъ тебя огорчить. Я тебѣ совѣтую взглянуть на поле, чтобы ты сама порадовалась ему. Да и намъ-то что въ полѣ, если ты на него смотрѣть не хочешь?.. А какъ тамъ хорошо, матушка жизнь

моя, ты себѣ этого представить не можешь! Я самъ не знаю, что со мною дѣлается, когда я поутру вижу зеленое поле, и какъ на немъ пестрѣютъ красные и синіе цвѣты, и птички поютъ такъ чудно! Боже мой, думаю я, откуда все это взялось! Я, Аншель, бросилъ сѣмечко, а изъ сѣмечка выросла былинка; птицы живутъ въ моемъ полѣ, и вьютъ себѣ тамъ гнѣзда! Не смѣйся надо мною, матушка жизнь, я часто беру въ руки былинку и разговариваю съ нею какъ съ чѣмъ-то живымъ. Не знаю, пройдетъ ли это со временемъ; но теперь, мнѣ все кажется какимъ-то чудомъ, не только зеленое поле, не только птица, которая въ немъ живетъ, а пуще всего то, что я здѣсь, что и я участвую во всемъ этомъ. Право, поле какъ будто бы разговариваетъ со мною!

Аншель все болѣе и болѣе одушевлялся; лицо его разгорѣлось, глаза сверкали: никогда можетъ-быть бѣдная мать не видала его такимъ. Она не могла свести глазъ съ него; слезы ея исчезли. Когда Аншель пересталъ говорить, настало глубокое молчаніе, пока наконецъ Нахима, не въ силахъ долѣе сдерживать своего волненія, воскликнула дрожащимъ голосомъ:

— Что же ты замолчалъ, Аншель, дитя мое? Говори, говори, я вѣкъ могла бы тебя слушать!

И она протянула обѣ руки, какъ бы желая обнять сына. Но Аншель схватилъ руки матери и прижалъ ихъ къ губамъ, къ сердцу, ко лбу; онъ не помнилъ себя отъ волненія. Полурыдая, полусмѣясь, онъ воскликнулъ:

— Ты сама мнѣ велишь говорить, матушка жизнь моя? Ты сама? Теперь я могу тебѣ сказать только одно: иди, иди, матушка, взгляни на свое поле!

Нахима также и плакала и смѣялась.

— Завтра же, завтра, я пойду съ тобой, Аншель жизнь моя. Я послушаю, что говоритъ твое поле.

— Дай Богъ только тебѣ здоровья! могъ только выговорить Аншель.—Лучше тебя нѣтъ матери на свѣтѣ.

— А ты—мое лучшее дитя, прошептала Нахима, радостно взглянувъ на него.

Въ эту минуту у двери дома показался Элія. Нахима приложила палецъ къ губамъ, дѣлая Аншелю знакъ молчать. Но и безъ того бы онъ не проговорился; эта минута была слишкомъ торжественна!

XV.

Все это произошло въ пятницу вечеромъ, — и какъ все въ домѣ вдругъ измѣнилось! Два существа таили въ душѣ своей тайну радостную, свѣтлую; два существа поняли другъ друга, хотя не высказались еще словами. Но и этого уже было достаточно, и посреди разлада, воцарившагося въ домѣ, казалось, прозвучалъ наконецъ гармоническій аккордъ.

Можно было заключить это по разнымъ признакамъ. Нахима зажгла сегодня лампу о семи рожкахъ, которая, со времени ихъ переселенія, висѣла безъ употребленія. И свѣтъ, озарившій комнату, отразился въ душѣ каждаго. Они не признавались въ этомъ другъ другу, но всѣмъ какъ-то стало веселѣе на сердцѣ, подъ мягкими лучами этого давно-знакомаго свѣта. Даже всѣми забытый дядя Коппель, не получившій ничего въ замѣнъ похищеннаго у него драгоценнаго могоень-довида, шепнулъ Тиллѣ на ухо:

— Ужь не опять ли мы въ еврейской улицѣ, Тилла жизнь моя?

— Отчего ты это думаешь, дядя? съ удивленіемъ спросилъ ребенокъ.

— Миѣ что-то показалось, возразилъ старый приверженецъ Авессалома, остановивъ блуждающій свой взглядъ на лампѣ.

Сегодня въ первый разъ, послѣ долгаго времени, Нахима облеклась въ бѣлое шабашное платье; чепчикъ съ пестрыми лентами окаймлялъ ея блѣдно-матовое лицо и придавалъ ему необыкновенный блескъ и красоту. Всѣ такъ отвыкли видѣть мать въ этомъ нарядѣ, въ которомъ, въ былыя времена, она всегда являлась передъ ними въ пятницу вечеромъ, что теперь всѣ взоры съ удивленіемъ обратились на нее, какъ на странное, незнакомое явленіе. Одинъ Аншель зналъ, что все это значило, зналъ, что въ лучахъ лампы свѣтилось примиреніе, что нарядъ матери означалъ радость и переломъ въ ея жизни.

Всѣхъ болѣе былъ пораженъ этою переменой реббъ Шломе. Онъ ни слова не сказалъ; но отъ внимательнаго взгляда Аншеля не ускользнулъ какой-то неуловимый оттѣнокъ въ выраженіи всегда суроваго его лица, который вполне приходился къ радостному настроенію всего дома. Онъ видѣлъ, какъ взглядъ отца останавливался на матери, и, казалось, не могъ оторваться отъ ней. Но замѣтилъ онъ также, что Нахима избѣгала этихъ взглядовъ, что они смущали ее, заставляли то блѣднѣть, то краснѣть.

Неужели же она стыдится его? подумалъ Аншель.

Единственный человекъ, не принимавшій участія въ этой об- щей, тихой радости, свѣтившей въ глазахъ всѣхъ, даже дяди Коп- пеля, Элія, въ мрачномъ раздумьи и съ опущенной головой си- дѣлъ за столомъ. Странно поражало то, что Нахима мало забо- тилась о только-что выздоровѣвшемъ сынѣ, въ первый разъ послѣ болѣзни занявшаго свое мѣсто за шабашнымъ столомъ. Взглядъ ея ниразу не остановился на немъ; онъ всего чаще обращался на кудрявую головку Тилли. Отъ богатаго полеваго убора въ черныхъ волосахъ ребенка остался одинъ цвѣтокъ. Забыла ли она его? знала ли она, какъ онъ идетъ къ ней?

За ужиномъ только всѣ могли замѣтить до какой степени пере- воротъ, совершившійся въ Нахимѣ, пріятно подѣйствовалъ на ребба Шломе. Давно уже онъ не былъ такъ разговорчивъ, какъ сегодня; онъ принялся разказывать дѣтямъ то, что въ продол- женіи недѣли онъ вычиталъ въ одной прагской газетѣ, единствен- номъ источникѣ его политическихъ свѣдѣній. Обращался онъ пре- имущественно къ Тиллѣ, которая всегда внимательно всѣхъ выслушивала его разказы. Нахима, между тѣмъ, хлопотала вокругъ стола; Аншель съ безпокойствомъ слѣдилъ за каждымъ ея дви- женіемъ. Онъ теперь только молилъ Бога о томъ, чтобъ отецъ его не сказалъ, не сдѣлалъ чего-нибудь, чтобы разстроило ясное настроеніе духа матери; онъ слишкомъ хорошо видѣлъ, на какой тонкой нити оно висѣло въ этотъ вечеръ. Надѣюсь, думалъ про себя Аншель, что отецъ не заговоритъ о полѣ, а то все будетъ опять испорчено. Съ ней нужно теперь обращаться какъ съ боль- ною, и, по возможности, отстранять отъ пути ея все, что можетъ напомнить ей о ея болѣзни.

Но все обошлось лучше, нежели ожидалъ Аншель. Реббъ Шломе совершенно углубился въ свою политику; изъ далекой Америки быстрымъ скачкомъ переносился въ Пруссію, разбиралъ поступки «Француза», «Англичанина», глубокомысленно разсуждалъ о Россіи. Казалось, ему необходимо было высказаться, хотя раз- говоръ шелъ вовсе не о томъ, что было близко его сердцу; и наконецъ, онъ такъ разговорился, что захотѣлъ вовлечь и дядю Коппеля въ разсужденія о дѣлахъ міра сего. Съдой, какъ лунь, старикъ сидѣлъ за столомъ, сѣдалъ все то, что накладывала ему на тарелку Нахима, и, казалось, не обращалъ ни малѣйшаго вни- манія на то, что происходило вокругъ.

— Еслибы твой Авессаломъ, дядя Коппель, закричалъ ему реббъ Шломе, — былъ еще въ живыхъ, много бы теперь ему было дѣла.

— Почему же, отецъ жизнь моя? спросила Тилли вмѣсто дяди.

— Потому что теперь на свѣтѣ такъ много возмущеній, смѣ-

льсь, отвѣтилъ реббъ Шломе.—Дядя Коппель, не приготовленный къ такому нападенію, сперва открылъ ротъ, а потомъ воскликнулъ жалобнымъ голосомъ:

— Мнѣ вѣдь не отдали моего могоень-довида. Чтожь мнѣ дѣлать, если его у меня нѣтъ?

— И Богъ съ нимъ, дядя, возразилъ реббъ Шломе весело,— въ воскресенье я достану тебѣ индѣичье перо, и тогда ты можешь себѣ сдѣлать новый могоень-довидъ, который будетъ еще лучше стараго.

— Никогда! отвѣтилъ дядя Коппель, болѣе твердымъ голосомъ, нежели можно было отъ него ожидать. — Это было бы глупо! Стану я дѣлать могоень-довидъ, чтобы потомъ у меня отняли его! Не затѣмъ я разбилъ сердце своего отца.

Хотя всѣ привыкли слушать безъ страха эти слова, особенно послѣднія, они теперь какъ-то необыкновенно поразили всѣхъ. Бохеръ бросилъ почти страшный взглядъ на старика, и даже реббъ Шломе былъ потрясенъ. Онъ однако старался это скрыть и съ неумѣстнымъ, громкимъ смѣхомъ, воскликнулъ послѣ минутнаго молчанія:

— Чтò съ воза упало, то пропало. Твой могоень-довидъ хорошо пристроенъ; съ нимъ тамъ ничего не случится; да къ тому же, ты себѣ и новый можешь сдѣлать.

— Не хочу я новаго, возразилъ дядя Коппель рѣшительно, покачивая головой;— въ этомъ домѣ я новаго не стану дѣлать.

Крупныя слезы покатались по его щекамъ.

— Прошу тебя, батюшка, оставь его, шепнула Тилля отцу,— съ нимъ невозможно говорить, когда рѣчь зайдетъ о его могоень-довидѣ, котораго ты подарилъ судьѣ.

— Хорошъ подарокъ, нечего сказать! насмѣшливо воскликнулъ реббъ Шломе. — Мужикъ, не знаю почему, вообразилъ себѣ, что эта картина, Богъ знаетъ, какое сокровище, и я былъ радъ, что могъ доставить ему удовольствіе, подаривъ ее ему.

— Но дядя Коппель неутѣшенъ и безпрестанно горюетъ по ней, вполголоса замѣтила малютка.

— Пусть же онъ достааетъ ее себѣ, какъ хочетъ, громкимъ голосомъ отвѣтилъ реббъ Шломе,— и пусть знаетъ онъ, что я ему его могоень-довида не намѣренъ возвратить.

Нахима, казалось, не обращала вниманія на то, чтò происходило вокругъ; но наблюдавшій за ней Аншель, тотчасъ же замѣтилъ, что выраженіе лица ея совершенно измѣнилось. Ему казалось, что она съ трудомъ сдерживаетъ свое негодованіе, и что изъ устъ ея готово вырваться одно изъ тѣхъ рѣзкихъ словъ, которыхъ онъ такъ боялся; онъ видѣлъ, что губы ея дрожали, и что съ лица ея исчезло мягкое, кроткое выраженіе, такъ давно

не озарившее его. Наконецъ, какъ бы не въ силахъ болѣе бороться съ собой и скрывать свое волненіе, она встала изъ-за стола и вышла изъ комнаты.

Аншель ясно видѣлъ все, что происходило въ душѣ матери; онъ чувствовалъ, что отъ этой минуты зависить многое, что онъ долженъ дѣйствовать, если не хочетъ, чтобъ пропали всѣ плоды этого вечера, и послѣдовалъ за матерью. Реббъ Шломе не замѣтилъ этого; онъ опять углубился съ Тиллей въ запутанный лабиринтъ политики.

Аншель нашелъ мать подъ навѣсомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, они открыли другъ другу свои души. Она стояла прислонившись къ дверямъ дома, и, когда увидала Аншеля, отошла на нѣсколько шаговъ, какъ бы желая избѣгнуть разговора съ нимъ. Но прежде, нежели Аншель нашелся, что сказать, она обратилась къ нему и воскликнула съ свойственными ей, съ нѣкоторыхъ поръ, раздраженіемъ и горечью.

— Ты видишь теперь, каковъ твой отецъ. Даже минуточки не далъ онъ мнѣ порадоваться спокойно, отдохнуть душою. Мнѣ давно уже не было такъ легко на сердцѣ; я чувствовала въ себѣ новыя силы, а теперь все опять пропало. Не знаю, чѣмъ я навлекла на себя гнѣвъ Божій, и за что Онъ меня такъ жестоко наказываетъ?

— Полно, матушка жизнь, нѣжно и убѣдительно сказалъ Аншель,—зачѣмъ ты говоришь такія вещи? За что, скажи мнѣ, ты такъ разсердилась на батюшку? Развѣ въ первый разъ ему случается подшутить надъ дядей Коппелемъ? Онъ всегда это дѣлаетъ, когда бываетъ веселъ; неужели ты еще къ этому не привыкла?

— И ты думаешь, Аншель жизнь моя, сказала Нахима, съ трудомъ сдерживая рыданіе,—что я могу сердиться на отца твоего за то, что онъ веселъ? Дурная же была бы я жена, еслибы сокрушалась о томъ, что радуется сердце моего мужа. Не это отталкиваетъ меня отъ него, не это заглушаетъ во мнѣ всѣ другія чувства, дѣлаетъ меня несчастнѣйшею женщиной!

— Что же это? тихо спросилъ Аншель. — Говори, Бога ради, матушка жизнь.

— Не веселость его огорчила меня, поспѣшила ему отвѣтить Нахима. — Развѣ я не видѣла, не понимала, что причиной его веселости была одна я? Твой отецъ увидалъ, что лицо мое просияло, а это развеселило и его.

— Ты это понимаешь, матушка, съ удивленіемъ воскликнулъ Аншель,—и однако можешь жаловаться на отца!

Нахима, казалось, не слышала этого вопроса и съ горькимъ упрекомъ въ голосѣ продолжала:

— Но ты видишь, какъ онъ обращается съ старымъ, полуученымъ дѣдомъ? Сперва отнялъ у него могонь-довидъ; не сказавъ ему ни слова, отдалъ въ чужія руки то, что его сердцу было всего ближе, и потомъ, когда червякъ корчится отъ боли, и спрашиваетъ: зачѣмъ ты меня такъ обидѣлъ? онъ смѣется надъ нимъ и говоритъ: потому, что такъ хотѣлъ. И это-то отталкиваетъ отъ него мое сердце. Развѣ онъ не поступилъ точно такъ же и со мной? Спросилъ ли онъ меня напередъ, сказалъ ли онъ мнѣ хоть слово, когда отнялъ то, что на землѣ мнѣ было всего милѣе и дороже? Сказалъ ли онъ мнѣ хоть разъ: Нахима, какъ ты думаешь? долженъ я это дѣлать или нѣтъ? согласна ли ты со мною? Нѣтъ, онъ обошелся со мной какъ съ какою-нибудь деревяшкой; онъ думалъ, что можетъ забросить меня въ уголъ; онъ воображаетъ, что я также что-то въ родѣ дяди Коппеля. Но и тотъ показалъ ему, что одною силой не много сдѣлаешь на свѣтѣ. Богъ все видитъ, и тому, кому вздумается вообразить себя Богомъ, распорядиться людьми по своему, можетъ придтись худъ. Человѣкъ не долженъ зазнаваться.

Аншель выслушалъ съ трепетомъ и страхомъ эти мрачныя слова, протяжно и тихо, то судорожно, быстро и яростно, какъ огненный потокъ, изливавшійся изъ устъ его матери. Въ нихъ выразалось столько злобы и желчи, что Аншель испугался и съ отчаяніемъ сказалъ себѣ, что ошибся, понадѣявшись, что въ душѣ матери его произошелъ переворотъ. По неопытности своей, Аншель не могъ постичь, до какой степени можетъ быть сильно негодованіе возмущенной души. Много, очень много нужно времени, чтобы любовь своими лучами согрѣла, освѣтила всѣ закоулки больнаго сердца. Не легко ей овладѣть имъ, если въ немъ поселилась злоба и негодованіе, желчь и ненависть. Страшные это гости, и трудно отдѣлаться отъ нихъ.

Обо всемъ этомъ невольно подумалъ Аншель. Слова матери поразили его до такой степени, что онъ сперва ни слова не могъ выговорить въ отвѣтъ. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, онъ сказалъ:

— Но, матушка жизнь, какъ же это ты вдругъ опять все вспомнила старое, а такъ недавно еще была весела и спокойна? Развѣ ты этого не поминишь? Какъ могла ты такъ скоро забыть то, что тебя утѣшило, что тронуло твое сердце?

Самъ того не подозревая, Аншель высказалъ мысль, которая въ эту минуту больше всего могла подѣйствовать на Нахиму. Очевидно было, что никакія доказательства и убѣжденія не могли подѣйствовать на уязвленную душу матери; но примирительное слово сына, воспоминаніе о сладостномъ мгновеніи, на время

утишило всѣ эти тревожные голоса; всѣ чувства въ душѣ матери замолкли передъ однимъ, передъ ея любовью къ своему дѣтищу.

— Боже мой, твоя правда, твоя правда, мой Аншель! воскликнула она, голосомъ, въ которомъ слышалось полное сознание вины:—какъ хорошо ты дѣлаешь, что напоминаешь мнѣ объ этомъ! Но развѣ ты думаешь, что сама я не чувствую, какъ много грѣшу передъ Богомъ? Въ этомъ-то и мое несчастье! Радость мнѣ не въ радость, смѣхъ не въ смѣхъ. И какая же это радость, когда, минуточку спустя, самъ не знаешь, чему радовалась?

— Извини меня, матушка, возразилъ теперь Аншель, болѣе твердымъ голосомъ;—но я тебя не совсѣмъ понимаю; ты сама себя противорѣчишь! Сперва радуешься, благодаришь Бога за то, что въ горести твоей. Онъ послалъ тебѣ утѣшеніе; а потомъ...

— А потомъ, дополнила Нахима, съ отчаяніемъ ломая себѣ руки, и какъ бы изнемогая отъ сердечнаго сокрушенія,—потомъ я богохульствую! Развѣ я этого не знаю? Развѣ ты думаешь, что я все это дѣлаю «нарочно»? что не желаю побѣдить себя? Какъ же мало всѣ вы меня знаете и понимаете! Но когда нужно, каждый день, каждый часъ, повторять себѣ: оскорбленіе все остается, оскорбленіемъ, когда безпрестанно чувствуешь надъ собой насиліе, тогда невольно спрашиваешь себя: зачѣмъ же мнѣ переламявать себя? тогда дѣлаешься тѣмъ, чѣмъ я теперь; тогда не помогаютъ ни совѣты, ни убѣжденія. Дайте же лучше мнѣ идти своею дорогой, не заботьтесь обо мнѣ. Переимѣнить вы меня все-таки не можете.

— Боже милосердый! воскликнулъ Аншель въ сильномъ волненіи:—какъ можешь ты, матушка, говорить такія вещи? Ничего не измѣнится, говоришь ты; но развѣ человѣкъ можетъ знать это? развѣ будущее не скрыто отъ насъ?

— Повѣрь мнѣ, Аншель, съ горькою улыбкой сказала Нахима, —что я лучше знаю себя и свое положеніе. Я убѣждена, что измѣниться ничего не можетъ. Въ самой тяжкой и опасной болѣзни, всегда можно надѣяться на выздоровленіе, но для меня нѣтъ надежды.

— Не думай этого, матушка жизнь, воскликнулъ Аншель, со слезами на глазахъ.—И ты можешь изцѣлиться отъ своей болѣзни, ты только не должна отчаиваться.

— Какъ же мнѣ это сдѣлать? спросила Нахима съ безнадежною улыбкой.

Аншель почувствовалъ, что у него не достаетъ храбрости назвать самое, по его мнѣнію, дѣйствительное средство. Онъ упалъ духомъ послѣ этого грустнаго разговора. Тихо, такъ что едва мать могла слышать его слова, онъ произнесъ:

— Ты общала мнѣ, матушка жизнь, пойдти со мной въ поле. Или ты уже забыла?

— Что я тамъ буду дѣлать? разсѣянно спросила Нахима, не сводя глазъ съ лица сына.

— Ты только приходи, продолжалъ просить Аншель,—ты увидишь, что не будешь каяться.

— Но я не знаю, зачѣмъ мнѣ туда идти, возразила Нахима дрожащимъ голосомъ,—я увѣрена, покажи ты мнѣ хоть сто полей, дѣло не измѣнится. Не такое мнѣ нужно лѣкарство.

— Приходи только, приходи, умоляющимъ голосомъ продолжалъ Аншель, и схватилъ руку матери.—Взгляни хоть разъ на поле, гдѣ выросли цвѣты Тилли.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Нахима, и свѣтлая улыбка мелькнула на ея лицѣ, и Аншелю показалось, что вокругъ него стало свѣтло, и яркій лучъ освѣтилъ мракъ ночной: то была прежняя улыбка его матери.

— Видишь ты, матушка жизнь, въ восторгѣ воскликнулъ онъ, что и ты можешь радоваться.

Нахима не могла противостоять этому восторженному порыву, и съ нѣжностью приложивъ руку къ его пылающей щекѣ, сказала:

— Какой же ты добрый, Аншель! Если это можетъ тебѣ доставить удовольствіе, я непременно завтра пойду съ тобою въ поле. Ты можешь быть увѣренъ въ этомъ.

— Завтра, матушка, ты увидишь что такое поле, могъ только проговорить Аншель.

На устахъ Нахимы опять показалась сіяющая улыбка, такъ радостно поразившая Аншеля. Улыбалась ли она легковѣрію Аншеля, ожидавшаго такъ много отъ своего поля? Или она вспомнила о необыкновенной красотѣ Тилли въ уборѣ полевыхъ цвѣтовъ?—Нахима сказала только:

— И ты надѣешься, что поле твое мнѣ что-нибудь скажетъ? Желала бы я дожить до такого чуда.

— Тѣ ли ты еще увидишь, матушка! началъ Аншель.

— Довольно объ этомъ, прервала его Нахима.

Спокойно, какъ будто за минуту передъ тѣмъ въ душѣ одной не кипѣла буря, а сердце другаго не колебалось между надеждой и страхомъ, мать и сынъ возвратились въ комнату. Реббъ Шломе все еще былъ занятъ своею политикой. Эліа же, при тускломъ свѣтѣ потухавшей лампы, въ углу комнаты, читалъ маленькую книгу. То былъ молитвенникъ Войтъха.

XVI.

Солнце еще не всходило, когда, на другое утро, всталъ Аншель. Онъ вспоминалъ то улыбку матери, то ея слезы и слова, проникнутыя безнадежнымъ отчаяніемъ, и въ душѣ его уныніе боролось съ надеждой. Потомъ онъ думалъ о томъ, что если мать его увидитъ поле, онъ этимъ обязанъ будетъ судейской дочери, и мысль эта не выходила изъ его головы. Какъ это «ей» вздумалось убрать голову Тилли цвѣтами? Какъ это случилось? До тѣхъ поръ, Аншель старался скрыть отъ себя самого новый свѣтъ, такъ таинственно вспыхнувшій въ его душѣ, въ самый день его пріѣзда въ деревню: только изрѣдка летѣли искры изъ этого тлѣвшаго огня, и тогда яркое пламя освѣщало лицо и душу Аншеля, и горѣло до тѣхъ поръ, пока другія мысли, отдѣленные цѣлою пропастью отъ дома судьи, мысли о его семействѣ, не овладѣвали его сердцемъ.

Итакъ его мать увидитъ сегодня поле! Онъ спрашивалъ себя, не во снѣ ли все это грезится ему? такъ невѣроятна казалась ему эта мысль. Странно. Мысль эта сегодня потеряла для него всю свою заманчивость; онъ съ какою-то безнадежностью смотрѣлъ на все, что его окружало.

«И если матушка побываетъ на полѣ, нашептывалъ ему злой голосъ, что же въ этомъ? Идетъ она съ тобой только потому, что ей надоѣли твои просьбы! или потому, что ей вспомнились цвѣты на головѣ Тилли! Почему я знаю? Она хочетъ сдѣлать мнѣ удовольствіе; но развѣ я знаю съ какими мыслями, съ какими чувствами она взглянетъ на поле? Выйди на поле—не то, что войдти въ лавку, гдѣ по полкамъ разложены товары, гдѣ въ глаза бросаются пестрыя ленты, шелкъ и бархатъ. Когда, кромѣ зеленого поля и разбросанныхъ по немъ голубыхъ и красныхъ цвѣтовъ, ничего не представится ея глазамъ, она быть-можетъ спроситъ: Только-то? Что ей на это скажешь?

Можно ли будетъ, не разсердивъ ея, сказать ей: ты ошибаешься; или ты не видишь, что пришла не въ лавку, а на поле? что надъ тобой не каменный сводъ, а со всѣхъ сторонъ тебя обхватываетъ Божій, безпредѣльный міръ?

Всю ночь думалъ объ этомъ Аншель, и ничего не могъ придумать; вдругъ въ головѣ его мелькнула одна ясная мысль, и онъ съ радостью ухватился за нее. Онъ такъ боялся, что поле, при обычной его обстановкѣ, не понравится матери, что на-

паль на мысль чѣмъ-нибудь особеннымъ обрадовать и утѣшить ее. Онъ скажетъ Войтѣху осмотрѣть и приготовить бричку, только за двѣ недѣли передъ тѣмъ купленную при распродажѣ вещей, оставшихся по смерти сельскаго священника; онъ самъ выпряжетъ лошадей, вычиститъ сбрую, чтобъ она блестяла какъ золото, привяжетъ бубенчики, чтобы далеко раздавался веселый ихъ звонъ; головы лошадей уберетъ пестрыми лентами, какъ бы для свадебнаго поѣзда. И тогда онъ пригласитъ мать сѣсть въ бричку, съ нею сядетъ отецъ; противъ нихъ, Тилля и Элія; самъ же онъ схватитъ вожжи, щелкнетъ бичомъ и помчатся добрые кони по улицѣ, изъ деревни вонъ. И, глядя на это, вся деревня узнаетъ, что «поселянка-еврейка» ѣдетъ въ поле, со всѣмъ семействомъ, и что везетъ ее родной ея сынъ.

Эта-то мечта овладѣла всѣми мыслями Аншеля, и заставила его подняться до утра. Онъ тотчасъ же хотѣлъ приняться за дѣло, и покончить часть его въ тишинѣ безмолвнаго утра; онъ всѣхъ хотѣлъ удивить. Но онъ боялся, что одинъ не успѣетъ всего сдѣлать; Войтѣхъ долженъ былъ ему помочь. Полный этихъ мыслей, онъ направился къ каморкѣ Войтѣха прилегавшей къ конюшнѣ. Когда онъ ступилъ на дворъ, то увидалъ, что ворота конюшни растворены настежь, и услышалъ, что работникъ во все горло распѣваетъ пѣсню, прѣвѣтствовавшую ихъ въ страшную ночь ихъ прибытія въ деревню: звуки эти обдали холодомъ исполненное радостныхъ надеждъ сердце Аншеля. Онъ остановился и сталъ прислушиваться. Войтѣхъ, повидимому, не замѣчалъ его, потому что пѣсню свою повторилъ еще разъ, и съ большимъ удовольствіемъ, что выразилось въ громкомъ его смѣхѣ, по окончаніи ея.

Аншель подошелъ къ работнику. При тускломъ свѣтѣ фонаря, Войтѣхъ чистилъ лошадь; когда онъ увидалъ Аншеля, тотчасъ же прервалъ свою пѣсню, которую было затянулъ въ третій разъ.

— Что же ты остановился, Войтѣхъ? спросилъ Аншель, стараясь говорить спокойно: — пѣсня твоя такъ хороша, что ея нельзя наслушаться.

— Не правда ли? возразилъ работникъ, но въ голосѣ его не слышалось насмѣшки;—но чтобы пѣсня эта была хороша, нужно знать ее, какъ свои пять пальцевъ, знать ее, какъ я ее знаю.

— Отчего ты поешь ее именно теперь? спросилъ Аншель послѣ довольно долгаго молчанія; онъ не зналъ въ какомъ тонѣ отвѣчать работнику.—Такая прекрасная пѣсня, весь день, думаю я, не можетъ выйти изъ головы, прибавилъ онъ съ принужденною улыбкой.

— Ты этого не понимаешь, сказалъ Войтѣхъ, съ хитрою улыб-

кой искоса поглядывая на Аншеля, но ни на минуту не отрываясь отъ своего дѣла;—ты этого не понимаешь, сударикъ мой. Такая пѣсня лучше глотка пива, лучше самой прекрасной музыки, поэтому я ее и приберегаю для утра.

Можетъ показаться страннымъ, что въ отвѣтъ на эти и подобныя рѣчи работника, Аншель не находилъ ни слова противорѣчя или досады. Но Аншель уже давно пересталъ удивляться загадочной натурѣ Войтѣха; онъ привыкъ къ его странностямъ. Несмотря на всю необузданную его неприязненность, которую работникъ вовсе не старался скрыть, Аншель чувствовалъ и уже успѣлъ испытать на дѣлѣ, что на этого человека можно положиться. Къ тому же Аншель питалъ что-то въ родѣ уваженія къ угрюмому, ворчливому работнику; онъ смотрѣлъ на него почти со страхомъ школьника передъ строгимъ учителемъ. Быть-можетъ уже по этому одному молчалъ Аншель.

— Отчего ты такъ рано принялся сегодня за работу? быстро проговорилъ Аншель, чтобы чѣмъ-нибудь прервать тягостный для него разговоръ.

— Вѣдь ты знаешь, отвѣтилъ Войтѣхъ,—что мнѣ нужно бѣгать въ Брандейсѣ, за досками. Хоть люди и знаютъ, что это жидовскія лошади, но все таки я не хочу, чтобъ они могли сказать, что работникъ Войтѣхъ нерадивый и безпорядочный работникъ. Лошадки всегда должны блестѣть какъ солнушко на небѣ.

— Тебѣ, кажется, придется пока оставить доски въ Брандейсѣ, сказалъ Аншель,—лошади понадобятся на другое.

— Что? спросилъ Войтѣхъ и выпрямился передъ Аншелемъ.

Тогда Аншель разказалъ ему о своемъ намѣреніи и о томъ, что его мать сегодня въ первый разъ хочетъ отправиться въ поле; старался объяснить въ первый разъ какой радостный день это для всѣхъ, какъ много отъ него зависитъ. Поэтому онъ непременно хотѣлъ утѣшить свою мать чѣмъ-нибудь неожиданнымъ, показать ей, какъ онъ ей благодаренъ, что она не отказала ему въ просьбѣ. За тѣмъ онъ и всталъ такъ рано и надѣялся, что Войтѣхъ дастъ ему добрый совѣтъ, поможетъ ему.

Въ безмолвномъ удивленіи, выслушалъ работникъ длинное объясненіе Аншеля, и когда онъ кончилъ, сперва язвительно улыбнулся, а потомъ сказалъ:

— Подождете и до другаго дня; что за спѣхъ!

Аншель не понялъ выраженія его лица и вообразилъ, что Войтѣхъ откладываетъ поѣздку въ поле только потому, что торопится привести доски.

— Намъ до другаго дня ждать нельзя, отвѣтилъ онъ добродушно,—матушка сегодня хочетъ взглянуть на поле.

— Чортъ побери! сердито воскликнулъ работникъ, — очень нужно жидовкѣ въ коляскѣ ѣхать въ поле? Развѣ она какаа-нибудь королева, что не можетъ идти пѣшкомъ, какъ другіе?

Въ первую минуту Аншель былъ такъ пораженъ неожиданною выходкой, что не могъ найти слова въ отвѣтъ, но потомъ воскликнулъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ:

— Войтѣхъ, я тебѣ этого не прощу. Богъ съ тобой! такого работника, какъ ты, держать въ домѣ нельзя.

— Ты думаешь, возразилъ Войтѣхъ съ громкимъ, насмѣшливымъ хохотомъ, — что я такъ и позволю выгнать себя какъ собаку? такъ таки, ни слова не говоря, и уйду? Нѣтъ, я останусь хоть бы меня насильно хотѣли вытащить отсюда, останусь наперекоръ тебѣ, и всѣмъ жидамъ на свѣтѣ.

— Если ты хочешь у насъ остаться, сказалъ Аншель, все еще дрожа отъ волненія, — такъ отчего ты нападаешь на насъ, своихъ хозяевъ? развѣ мы въ чемъ виноваты передъ тобой? А мать моя, которую ты такъ обидѣлъ, что она тебѣ сдѣлала?

Мысль о матери такъ смягчила Аншеля, что послѣднія эти слова онъ произнесъ безъ всякаго гнѣва и обиды, почти съ мольбой. Казалось, Войтѣхъ это почувствовалъ и устыдился своей вспыльчивости; онъ отвернулся отъ Аншеля, и сказалъ, опять принимаясь чистить сбрую:

— Кто говорить о твоей матери, простота? Твоя мать славная женщина, и такой между жидовками я въ жизнь свою не встрѣчалъ. Я много ихъ зналъ, больше нежели ты думаешь, сударикъ мой. Всѣ онѣ задирали носъ, гордились Богъ вѣсть чѣмъ. Чортъ побери! когда я вспомню, что со мной сдѣлала одна изъ нихъ, такъ я только одного могу желать, всѣхъ жидовъ въ мірѣ собрать на берегу Эльбы въ томъ мѣстѣ, гдѣ она поглубже....

— Войтѣхъ, Войтѣхъ, съ ужасомъ воскликнулъ Аншель, — неужели ты бы этого желалъ?

Но, казалось, чудака только въ шутку произнесъ эту угрозу, онъ засмѣялся и продолжалъ:

— Да, желалъ бы я дожить до того дня, чтобы мнѣ сказали сегодня ночью всѣ жидаы, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ, сгнули и пропали, ни одного не осталось. Вотъ бы я порадовался!

— Еслибы всѣ мы умерли, я, и отецъ, и мать, и сестра, и братъ, возразилъ Аншель, спокойнѣе нежели можно было ожидать, — кого бы ты тогда ненавидѣлъ? Кого бы ты сталъ дразнить своею прекрасною пѣсенкою? Подумай-ка объ этомъ, Войтѣхъ!

Эти слова словно громомъ поразили страннаго работника; онъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на Аншеля, а потомъ со вздохомъ прервалъ рукой по своему лбу.

— Его преподобіе не умретъ! Ему не слѣдуетъ умирать! До

этого еще далеко, не говори мнѣ, что это возможно! Я вѣдь еще ни о чемъ съ нимъ не потолковалъ. Или ты думаешь, что его преподабiе не можетъ выздоровѣть, что болѣзнь его опасная?

Этотъ вопросъ, а еще больше измѣнившееся выраженiе на лицѣ Войтѣха, такъ поразили Аншеля, что онъ забылъ все, что за минуту передъ тѣмъ работникъ наговорилъ ему горькаго и непрiятнаго. Онъ только видѣлъ встревоженнаго, сокрушеннаго человека.

— Ты говоришь о моемъ братѣ, Войтѣхъ, сказалъ онъ съ участiемъ,—не безпокойся о немъ. Онъ теперь непременно выздоровѣетъ, будь въ этомъ увѣренъ.

— Тебѣ это сказалъ докторъ изъ Брандейса? спросилъ работникъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Аншель,—да и нечего его спрашивать; никакой докторъ не поможетъ брату; онъ забоялся отъ занятiй, а теперь поле вылѣчить его.

Работникъ, казалось, не могъ удовлетвориться этою отдаленною надеждой.

— Я вижу теперь, возразилъ онъ грустно,—вы не хотите мнѣ сказать, какъ опасна болѣзнь его преподабiя. А я, я еще не поговорилъ съ нимъ.

Потомъ, безъ малѣйшаго слѣда прежней раздражительности, онъ проговорилъ смиренно:

— Но все же таки, сударикъ ты мой, ѣхать вамъ сегодня въ поле вовсе не приходится. Развѣ ты забылъ, что нынче у тебя святой день, тебѣ ни за какое дѣло приниматься нельзя? Вѣдь сегодня шабашъ.

Аншеля обдало жаромъ. Войтѣхъ былъ правъ; сегодня былъ шабашъ. Тревожныя думы, наполнившiя его голову со вчерашняго дня, заставили его совершенно объ этомъ забыть. Онъ ужаснулся при этой мысли. А потомъ овладѣло имъ чувство совершенной безнадежности, тоски, и онъ сказалъ себѣ, что все пропало, все разрушено и разстроено. Онъ возложилъ столько надеждъ на эту побѣдку въ поле, что теперь, когда увидалъ, что она не можетъ состояться, онъ совершенно упалъ духомъ.

Отъ работника, казалось, не ускользнула борьба, происходившая въ душѣ Аншеля. Онъ съ участiемъ глядѣлъ на его поблѣднѣвшее лицо.

— Я вижу, сударикъ мой, сказалъ онъ съ непривычною ему кротостью, — тебѣ досадно, что тебѣ сегодня нельзя ѣхать. Но что же съ этимъ дѣлать, если сегодня у васъ шабашъ? Вѣдь это тебѣ зачтется грѣхомъ! Такъ поговори съ его преподабiемъ, твоимъ братомъ, онъ непременно дастъ тебѣ хорошiй совѣтъ. Что онъ тебѣ скажетъ, то и дѣлай. Его преподабiе дурному тебя не научитъ.

Аншель грустно покачалъ головой.

— Это невозможно, Войтѣхъ, сказалъ онъ, — тутъ никакіе совѣты не помогутъ.

Сказавъ эти слова, Аншель съ опущенною головою направился къ дому. Войтѣхъ глядѣлъ ему вслѣдъ; онъ не зналъ, какъ страдало въ эту минуту это молодое сердце!

Въ домѣ все еще царствовала утрення тишина дня субботняго: онъ наложилъ свою печать на все и на всѣхъ. Никто, кромѣ Войтѣха и Аншеля, не былъ еще на ногахъ; всѣ пользовались необходимымъ бездѣйствіемъ этого дня, посвященнаго отдыху, чтобы дать добрую высыпку. Съ мрачною покорностію ожидалъ Аншель пробужденія жизни въ домѣ; онъ ничего добраго не ожидалъ отъ этого дня.

Въ первый разъ, быть-можетъ, въ своей жизни, Нахима встала послѣдняя. Реббъ Шлеме и Элія уже творили утреннюю молитву, когда она вышла изъ своей комнаты. Когда Аншель увидѣлъ мать, имъ овладѣлъ страхъ; онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ ней, и не смѣлъ поднять глаза на нее при мысли, что не можетъ сдержать даннаго ей слова.

Но выраженіе лица матери скоро его успокоило; она, казалось, и тѣломъ и душой отдохнула послѣ крѣпкаго сна. Легкій, чуть замѣтный румянецъ игралъ на ея щекахъ, лицо ея прояснилось и какъ бы помолодѣло.

Но все же Аншель не рѣшался заговорить съ ней: ему слишкомъ чувствительна была разница между вчерашнимъ днемъ и нынѣшнимъ. И вдругъ онъ увидѣлъ, что за спиной отца и Эліи, которые, обратившись на востокъ, повторяли въ эту минуту молитву «Шмона Эзра», мать рукой дѣлаетъ ему знакъ идти за ней. Съ сильнымъ біеніемъ сердца, онъ вслѣдъ за нею вышелъ изъ комнаты. Нахима опять ожидала сына у воротъ, гдѣ наконецъ они такъ много высказали другъ другу. Въ эту минуту на улицу выѣзжалъ Войтѣхъ. Когда онъ увидалъ Нахиму, онъ закричалъ ей, не останавливая лошадей:

— Радуйся, хозяйка, хорошій для тебя сегодня будетъ шабашъ!

И прежде чѣмъ Нахима успѣла спросить у него объясненія этого страннаго привѣтствія, работникъ уже исчезъ за домами.

— Что это значитъ? спросила она у Аншеля, — развѣ онъ что-нибудь знаетъ?

— Извини, матушка жизнь съ смущеніемъ проговорилъ Аншель, — я долженъ былъ кой-что сказать ему.

— Такъ что же? съ улыбкою возразила Нахима, — пусть весь свѣтъ знаетъ, что я иду въ поле. Неужели ты думаешь, что я буду стыдиться крестьянъ?

— Матушка, воскликнулъ Аншель, задыхаясь отъ радости, — я теперь только вѣрю, что ты въ самомъ дѣлѣ пойдешь со мной!

— Ты могъ мнѣ не повѣрить, Аншель? спросила Нахима.

— Нѣтъ, матушка жизнь, убѣдительно воскликнулъ Аншель, — я самъ себя не вѣрилъ. Еслибъ я тебѣ разказалъ, что я со вчерашняго вечера перестрадалъ, ты бы не повѣрила мнѣ. Я хотѣлъ тебѣ приготовить радость, но это мнѣ не удалось. Я хотѣлъ въ бричкѣ повезти тебя въ поле; я самъ правилъ бы лошадьми, а лошадей бы убралъ лентами точно какъ къ свадебному поѣзду. И мы проѣхали бы такимъ образомъ по всей деревнѣ, и всѣ, кого бы мы встрѣтили, останавливались бы и говорили: «вотъ наша новая сосѣдка, она ѣдетъ съ своимъ семействомъ въ поле». Но все это какъ въ воду кануло, потому что сегодня шабашъ, а я объ этомъ совершенно позабылъ. Но вѣдь прогулка наша только отложена, не правда ли?

— Богъ съ тобой! съ испугомъ воскликнула Нахима. — Неужели ты могъ подумать, что я соглашусь на это? Что я, съ моимъ горемъ, захочу выставить себя, такимъ образомъ, напоказъ? Не понимаю, какъ могла въ твою умную головку войти такая глупая мысль. Развѣ я для своего удовольствія иду въ поле? Я увидѣла, что ты этого желаешь, и готова сдѣлать это для тебя.

— Но только сдѣлай, сказалъ Аншель голосомъ, гдѣ слышались и грусть и радость.

— Я это сдѣлаю, рѣшительно сказала Нахима, — объ одномъ только я тебя прошу и умоляю: не слишкомъ много говори объ этомъ. Съ тобой однимъ, да развѣ еще съ Тиллей, желаю я идти въ поле.

— А отецъ? А Элія? Развѣ ты не хочешь, чтобъ они были съ нами? спросилъ Аншель съ умоляющимъ взглядомъ.

Нахима на минуту задумалась, а потомъ быстро проговорила:

— Я хочу идти только съ тобою и съ Тиллей!

Аншель понялъ, что настаивать ему больше не слѣдовало: уступка со стороны матери уже и то была велика.

— Послушай, продолжала Нахима, — послѣ завтрака, ты при отцѣ, какъ бы нечаянно, скажешь мнѣ: «матушка, я иду въ поле, не пойдешь ли и ты со мной? Мы съ собой можемъ взять и Тиллю.» На это я отвѣчу: «пожалуй, вѣдь сегодня и безъ того шабашъ». Но Бога ради, Аншель жизнь моя, не слишкомъ кричи объ этомъ; я знаю, что ты добръ, и многое желалъ бы переменить. Но противъ воли Божіей идти невозможно, знай это и не воображай, чтобы ты что-нибудь могъ сдѣлать.

Аншель, хотя не охотно, обѣщался исполнить ея желаніе. Онъ не легко могъ покориться мысли, что отецъ его не увидитъ, какъ мать въ первый разъ ступитъ на свое поле.

Послѣ завтрака, Аншель, по уговору, обратился къ матери и произнесъ свою просьбу. Но голосъ его дрожалъ, и онъ съ трудомъ могъ выговорить эти немногія слова. Уже это поразило ребба Шломе, но еще болѣе то, въ чемъ заключалась просьба Аншеля. Старикъ съ удивленіемъ поглядывалъ то на жену, то на сына; но Нахима, казалось, напередъ приготовилась къ этой просьбѣ, и спокойно, безъ всякаго смущенія, сказала:

— Пожалуй, я готова идти съ тобою, Аншель жизнь; къ тому же сегодня шабашъ, и мы можемъ взять съ собою Тиллю.

Когда реббъ Шломе услышалъ эти слова, ясно свидѣтельствовавши о томъ, что этотъ планъ напередъ былъ составленъ между женою и Аншелемъ, лицо его покрылось мрачною тѣнью. Грудь его высоко поднялась, и жилы на лбу надулись, и, казалось, гнѣвъ его былъ готовъ тотчасъ же разразиться. Но онъ удержался, и хотя сдѣлалъ шагъ впередъ, не сказалъ ни слова. Даже Тилля такъ была удивлена неожиданнымъ предложеніемъ матери, что нѣсколько минутъ не находила словъ, и съ недоумѣніемъ, почти съ испугомъ, глядѣла на нее.

— Ты хочешь, чтобъ я пошла съ тобою? воскликнула она наконецъ.

— Можетъ, ты этого не желаешь? сухо сказала Нахима.

— Матушка жизнь! воскликнула Тилля, и въ глазахъ ея блеснула слеза,—и ты можешь это спрашивать?

Нахима взглянула на малютку и долго не отрывала глазъ отъ нея, быть можетъ для того, чтобы не встрѣтить взгляда мужа. Потомъ она совершенно равнодушно сказала:

— И такъ мы идемъ, Аншель жизнь, а ты, Тилля, насъ догонишь, если еще не готова.

Она повернулась къ дверямъ, ни разу не взглянувъ на мужа; казалось, что она рѣшилась исполнить свое намѣреніе, совершенно независимо отъ него. Но вдругъ раздался голосъ, до тѣхъ поръ по обыкновенію не принимавшій участія въ разговоръ, голосъ Элія.

— Но я не знаю, матушка, можно ли тебѣ сегодня идти въ поле. Вѣдь сегодня шабашъ.

Нахима уже держала ручку двери; она обернулась и твердымъ голосомъ сказала:

— Ты бы долженъ былъ сказать мнѣ это прежде, Элія, теперь поздно. И отчего бы мнѣ нельзя было идти? Развѣ я отправляюсь въ какой-нибудь дальній путь? Я только хочу выйти изъ деревни въ поле? Неужели это грѣхъ?

— Но я не знаю, вполголоса и не поднимая глазъ на мать, продолжалъ Элія,—написано ли гдѣ-нибудь о томъ, что человѣку подобаешь дѣлать, когда онъ въ поле выходитъ, въ первый разъ, въ шабашъ. Дай мнѣ по крайней мѣрѣ справиться.

Сильное негодованіе противъ бокера кипѣло въ душѣ Аншеля. Очень нужно ему было въ эту минуту вспомнить о своей торѣ и сдѣлать изъ нея препятствіе намѣренію матери? Нахима на минуту задумалась, но потомъ сказала спокойно:

— Я не изъ ученыхъ, Элія жизнь, и не знаю, что написано, или не написано въ твоихъ книгахъ. Но пусть грѣхъ этотъ падетъ на мою голову. Я не могу себя представить, чтобы такой ничтожный случай, какъ тотъ, что я сегодня отправляюсь въ поле, былъ бы показанъ въ гемарь. Я иду.

Элія хотѣлъ еще что-то сказать, но Нахима, а за нею Аншель и Тилля, такъ поспѣшно вышли изъ комнаты, что слово замерло на его устахъ. Нахима ушла, ни съ кѣмъ не простившись.

Страшно было выраженіе лица ребба Шломе, когда комната опустѣла; казалось, вся сила, вся твердость покинула его, и неподвижный его взглядъ не могъ оторваться отъ двери, за которою скрылись его жена и дѣти.

Наконецъ онъ въ изнеможеніи опустился въ кресла и поникъ головою. Казалось, онъ совершенно забылъ, что въ комнатѣ былъ свидѣтель его малодушія, его горькаго отчаянія. Элія слышалъ, какъ болѣзненный стонъ вырвался изъ груди отца, и какъ онъ, почти рыдая, проговорилъ:

— Нахима, Нахима, неужели я это заслужилъ отъ тебя?

XVII.

Между тѣмъ Нахима, съ дѣтьми своими, спѣшила впередъ, и не оглядываясь бѣжала отъ своего дома, какъ бы спасаясь отъ пожара. Такимъ образомъ, ни разу не взглянувъ ни направо, ни налево, она прошла всю деревню. Дѣти, игравшія на дорогѣ, женщины, стоявшія у дверей своихъ домовъ, съ удивленіемъ глядѣли на эту незнакомую, не подеревенски одѣтую женщину. Немногіе изъ нихъ видѣли новую сосѣдку, и тѣ даже успѣли о ней забыть. Странно сказать: Нахима, со дня прибытія своего на новую родину, ни разу ея не видала: она добровольно сдѣлала себѣ тюрьму изъ своего дома.

Но что теперь заставляло Нахиму такъ стремительно спѣшить впередъ? Было ли то чувство радости, при мысли о томъ, что она отомстила ему, такъ много заставившему ее страдать, доказала ему, что силой не все можно сдѣлать? Или стыдилась она своей выходки, укоряла себя за то, что при дѣтахъ оскорбила ихъ отца? Всего вѣроятнѣе, что и то и другое, и стыдъ и удовлетвореніе, волновали ея душу.

Только у самаго выхода изъ деревни она остановилась; она запыхалась отъ скорой ходьбы; но на лицѣ ея не было видно слѣдовъ волненія; оно было только немного блѣднѣе обыкновеннаго.

— Долго ли намъ еще идти? спросила она.

— Мы сейчасъ дойдемъ до мѣста, отвѣчалъ Аншель, — и поэтому матушка, ты не спиши.

Минуту спустя, Нахима пошла далѣе нѣсколько тише, но все же такъ быстро, что Аншель и Тилля насилу могли поспѣть за нею.

Вдругъ Аншель почувствовалъ, что Тилля схватила его за руку.

— Видѣлъ ты ее, какъ мы проходили мимо дома? шепнула она ему.

— Кого? кого? спросилъ Аншель также тихо, но дрожа отъ волненія.

— Ее, шепнулъ ребенокъ.

— Ради Бога, молчи! воскликнулъ Аншель.

— Она вчера наколола мнѣ въ волосы цвѣтовъ, пролепеталъ ребенокъ, прижимаясь къ брату, — и мнѣ нужно было тебѣ что-то сказать.

Тутъ Нахима обернулась къ нимъ и спросила:

— О чемъ вы толкуете, дѣти?

— Ни о чемъ особенномъ, матушка, съ смущеніемъ и покраснѣвъ до ушей, отвѣтилъ Аншель.

— Неужели и ты мнѣ этого не скажешь, Тилля жизнь моя? воскликнула Нахима.

— Я, маменька? возразилъ ребенокъ, не зная что сказать, — я право уже забыла, о чѣмъ мы это толковали. Да, теперь я помню, воскликнула она послѣминуты, какъ бы припомнивъ въ чемъ дѣло, — теперь я помню; я разказывала Аншелю, что дядя Коппель хочетъ себѣ сдѣлать новый могоень-довидъ.

Нахима улыбнулась, но промолчала; она понимала, что ребенокъ говоритъ неправду, но не хотѣла допытываться до истины, видя, что она такъ желаетъ скрыть ее.

Наконецъ глазамъ ихъ представились поля.

Уговаривая мать пойти съ нимъ въ поле, Аншель не принялъ въ разчетъ одно обстоятельство, которое помогло ему именно теперь, когда ему не удалось устроить то, на что онъ надѣялся. То была затворническая, грустная жизнь, которую такъ давно уже вела его мать, ея душевное одиночество. Уже одна свѣжая зелень полей благотвѣтельно на нее подѣйствовала. Мягкій вѣтерокъ колыхалъ тонкіе стебли, и они со всѣхъ сторонъ нагибались къ ней, какъ бы привѣтствуя ее; изъ-подъ ногъ ея вспархивали птицы, и съ громкимъ пѣніемъ кружились надъ ея головой. Давно уже она не испытывала сладостнаго чувства идти по

узкой, едва видной тропѣ, между двумя сплошными стѣнами высокой ржи, пробираться сквозь нее, рукою раздвигать передъ собой склонившіяся другъ къ другу колосья. Съ тѣхъ поръ какъ она была замужемъ, она полей не видала иначе, какъ мимоходомъ, отправляясь изъ города на деревенскія ярмонки. Какое дѣло ей было до поля? Она ѣла хлѣбъ, плодъ его, но подобно тысячамъ другихъ людей не заботилась о томъ, какъ онъ добывался, какимъ путемъ этотъ даръ Божій доходилъ до ея рукъ.

И вдругъ видъ этихъ полей напомнилъ ей объ одномъ отдаленномъ, забытомъ случаѣ ея жизни, и всѣ малѣйшія подробности его живо представились ея воображенію, хотя, съ тѣхъ поръ, прошло уже двадцать пять лѣтъ. Она вспомнила о другой прогулкѣ по полю, тоже лѣтомъ, и тоже въ день субботній. Тотъ, кто тогда шелъ съ ней по узкой тропѣ, сквозь колыхавшуюся рожь, былъ ея женихъ, ребѣ Шломе. Это было не задолго до ихъ свадьбы. О чемъ они тогда говорили, она припомнить не могла, но одно обстоятельство осталось у нея въ памяти. Женихъ ея вырвалъ нѣсколько колосьевъ и сказалъ ей указывая на нихъ: «Посмотри, Нахима, это Божій даръ, изъ этого дѣлается хлѣбъ. И съ помощью Бога, я надѣюсь, что ни ты, ни дѣти наши, никогда не будете нуждаться въ хлѣбѣ.» И тогда она, какъ бы призывая небо въ свидѣтели своего обѣщанія, положила руку на колосья и сказала: «А я, Шломе, буду тебѣ помогать, какъ подобаетъ доброй женѣ.»

Вся эта картина такъ живо представилась ея глазамъ, что ей чудилось, будто она и въ самомъ дѣлѣ слышитъ эти слова. Сама того не замѣчая, она сорвала нѣсколько колосьевъ и остановилась въ раздумьи.

— А я, Шломе, буду тебѣ помогать, какъ подобаетъ доброй женѣ, тихо повторила она.

Какъ странно простые слова эти, произнесенныя ею за двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ, подѣйствовали на нее! Она крѣпче сжала колосья въ рукѣ, губы ея задрожали, и она невольно, почти въ слухъ, произнесла:

— И съ помощью Бога я надѣюсь, что ни ты, ни дѣти наши никогда не будете нуждаться въ хлѣбѣ.

И развѣ онъ не сдержалъ слова, даннаго имъ тогда? Нуждалась ли она когда-нибудь въ хлѣбѣ? Не ему ли она была обязана своимъ благосостояніемъ? Чтò стало съ другими женщинами, которымъ сулили золотыя горы, безоблачное счастье, жизнь безъ заботъ и печали! Сколько ихъ сгинуло и пропало, между тѣмъ какъ она никогда ни въ чемъ не нуждалась и всегда жила въ довольствѣ!

Но и она, развѣ она не сдержала своего слова? Развѣ онъ не

нашелъ въ ней добрую жену, помощницу въ своихъ трудахъ? Случалось ли ей когда-либо сидѣть сложа руки, не пеклась ли она столько же, какъ и онъ, о благосостояніи дома? И все бы шло прекрасно, еслибъ ему не вдумалось осуществить безразсудную мечту и привязать свою судьбу, судьбу своихъ дѣтей, къ клочку земли!

Послѣдняя эта мрачная мысль нашла такъ много отголосковъ въ сердцѣ Нахима, что она заглушила всѣ другія, и она опять ни о чемъ не могла думать, какъ о своемъ горѣ. Но она это теперь дѣлала безъ всякой жолчи, какъ бы по привычкѣ. Сама того не замѣчая, она уже испытывала на себѣ вліяніе поля, подчинялась ему. Вокругъ нея шумѣли волнующее вѣтромъ колосья и касались ея рукъ, ея лица. И опять въ ухахъ ея прозвучали слова ея жениха:

«Смотри, Нахима, это Божій даръ, и изъ этого добывается хлѣбъ. И съ помощью Бога, я надѣюсь, что ни ты, ни дѣти наши никогда не будете нуждаться въ хлѣбѣ.»

Полная этихъ мыслей, Нахима медленно шла впередъ, часто останавливалась, и дѣти молча слѣдовали за ней, боясь прервать ея размышленія. Аншель чувствовалъ, что теперь заговаривать ему съ матерью не слѣдуетъ, и когда Тилла, утомленная молчаніемъ, открывала ротъ, онъ знаками старался объяснить ей, что теперь не время для разговоровъ. Такъ прошли они довольно далеко, и эта безмолвная прогулка въ тихое лѣтнее утро, когда слышался только шумъ колышущейся ржи и пѣніе птицъ, имѣла что-то необыкновенно торжественное.

Опять Нахима остановилась у края поля, опять въ рукѣ ея очутились колосья. И въ эту минуту она услышала голосъ Аншеля:

— Матушка жизнь моя, говорилъ онъ, — глянь сюда, это наше поле.

Слабый крикъ вырвался изъ устъ Нахимы; она выпустила изъ рукъ колосья, все тѣло ея задрожало.

— Боже милосердый! воскликнула она.

Но она не обернулась назадъ и продолжала путь свой вдоль волнующейся нивы. Это кольнуло Аншеля въ сердце. Вотъ какъ мать его въ первый разъ увидала свое богатство, богатство своихъ дѣтей! Она проходила мимо поля, вспаханнаго ея роднымъ сыномъ! и ни слова не могла найти сказать ему? Какое, она казалась даже испуганною, такое отвращеніе внушало ей поле. Этого-то и боялся Аншель, но въ чемъ же было виновато поле?

Еслибъ Аншель могъ понять, что именно теперь происходило въ душѣ матери, отчего она вскрикнула при видѣ поля, онъ ни за что бы на свѣтѣ не рѣшился прервать ея размышленій, не заговорилъ бы съ ней. Въ такія минуты малѣйшаго толчка достаточно, чтобы привести дѣло къ счастливому окончанію или

все разрушить. Шаги Нахимы становились все тише, и тише и странно: вѣтерокъ, колыхавшій колосья, утихъ; они не нагибались больше къ ней, она не протягивала къ нимъ руку. Насъ, ознакомленныхъ съ борьбой, происходившею въ этой душѣ, это не можетъ удивить. Нахима стояла на перепутьи двухъ дорогъ. Она видѣла передъ собой «хлѣбъ», тотъ хлѣбъ, который за двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ обѣщалъ ей мужъ ея; но слышались ей также слова: «Но развѣ я не была для тебя доброю женой? Развѣ я не была для тебя вѣрною помощницей? Зачѣмъ ты меня поставилъ въ такое положеніе, что я больше не могу тебѣ помогать?»

Вдругъ дѣти увидали, что мать нагнулась къ колосьямъ, такъ что они закрыли все ея лицо. Вмѣстѣ съ тѣмъ они услышали, что оно горько рыдаетъ.

— Матушка, что съ тобой? воскликнули они съ испугомъ.

Слезы Нахимы полились еще обильнѣе.

— Матушка жизнь моя, сказалъ Аншель,—если тебѣ такъ жаль, что ты пришла въ поле, мы можемъ сейчасъ вернуться домой.

Тогда Нахима подняла голову и обратилась къ дѣтямъ. Лицо ея было мокро отъ слезъ; она пыталась говорить, но сперва рыданіе мѣшало ей произнести хоть слово.

— Чтобъ я жалѣла о томъ, что пришла сюда, дѣти мои жизнь моя? воскликнула она наконецъ съ какимъ-то восторженнымъ увлеченіемъ,—это было бы мнѣ грѣшно. Я всю жизнь свою должна быть благодарна Богу за этотъ часъ! Боже милосердый! Какъ хорошо, что я рѣшилась прійти на свое поле!

Эти слова не только удивили, но даже сперва испугали дѣтей. Но когда они взглянули на сившее, сквозь слезы, лицо матери, они были поражены измѣнившимся его выраженіемъ. Они почувствовали, что въ душѣ матери ихъ произошло что-то великое, неожиданное, хотя не понимали, что такое это было именно, и не могли бы это выговорить словами.

— И ты не шутишь, матушка, и ты въ самомъ дѣлѣ думаешь то, что говоришь? наконецъ воскликнулъ Аншель, послѣ долгаго, испытующаго взгляда на мать.—Какъ это въ тебѣ вдругъ сдѣлалась такая переменъна?

— Не спрашивай меня, Аншель жизнь моя, отвѣтила она кротко.

— Я сама этого не знаю. Знаешь ли ты, какъ выросла эта рожь, какъ вытянулись эти колосья? Такъ же точно непонятно для меня и то, что произошло въ моей душѣ.

— Я и не спрашиваю тебя, матушка, отвѣчалъ Аншель,—мнѣ достаточно того, что ты сказала.

Опять Нахима взяла въ руку нѣсколько колосьевъ.—Эту рожь посѣялъ вашъ отецъ, сказала она, а я не только ему не помогала, но еще укоряла его за это въ душѣ, находила, что онъ меня

оскорбляетъ. Нѣтъ, я не поступила какъ добрая жена. Мое ли дѣло было спрашивать: Шломе, отчего ты это дѣлаешь такъ, а не иначе; отчего ты не дѣлаешь того, что я желаю? Вѣдь я двадцать пять лѣтъ тому навадъ обѣщала ему помогать ему добывать хлѣбъ насущный! Я не сдержала своего слова! Вотъ этотъ хлѣбъ плодъ его трудовъ, а я съ ненавистью думала о немъ, и если бы могла вырвала, бы его и затоптала бы ногами!

Это самоуничженіе матери было тягостно для Аншеля; онъ не зналъ, до какой степени необходимо высказаться душѣ, только что избавившейся отъ тяжелата гнета.

— Ты въ этомъ не виновата, мать жизнь моя, сказалъ онъ, — развѣ ты могла знать, что такое поле? Какъ могла ты это узнать за своимъ прилавкомъ? Не увеличивай же, въ собственныхъ глазахъ, вину свою.

— Аншель, дитя мое, горестно возразила Нахима, — ты не знаешь, до какой степени я виновата. Я портила жизнь твоему отцу, я дѣлала его несчастнымъ. Ты не знаешь, какия выдумщицы бываютъ, женщины когда дѣло идетъ о томъ, чтобы по мучить человека, имъ близкаго. А я того хотѣла, еще сегодня утромъ хотѣла, и никогда себѣ этого не прощу.

Для Аншеля эти слова матери были ужаснѣе всего, что онъ слышалъ отъ неи; онъ не выдержалъ и шепнулъ ей на ухо:

— Мать жизнь моя, хоть при малюткѣ этого не говори.

— Дай мнѣ, дай мнѣ высказать все, что у меня накопилось на душѣ, отвѣтила она.

Но, Аншель хотѣлъ, во что бы то ни стало, прекратить эту исповѣдь матери, и воскликнулъ вдругъ:

— Но, матушка, ты еще не видѣла всего того, что намъ принадлежитъ. Развѣ ты думаешь, что больше у насъ ничего нѣтъ?

— Что же у насъ еще есть? разсѣяннo спросила Нахима. Ей трудно было вдругъ перенести свои мысли съ одного предмета на другой.

— Оглянись кругомъ, матушка, сказалъ Аншель, и лице его заеяло радостною гордостью, — рядомъ съ этимъ полемъ растетъ овесъ, а немного дальше, черезъ поле судьи, посѣяны нашъ картофель. А зеленая полоса за картофельнымъ полемъ — не знаю видишь ли ты ее отсюда — это ленъ, и Войтѣхъ посѣялъ его только для тебя. И все это наше, все, все!

Нахима, почти невольно, слѣдила глазами за указывающею рукой Аншеля. Она вмѣсто отвѣта кивала головой, какъ бы въ знакъ того, что она все видитъ; но въ самомъ дѣлѣ, показанія Аншеля ее только смутили. Владѣнія ея представились ей въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что она не сразу могла все это сообщить.

— Боже милосердый! сказала она нетвердымъ голосомъ, — и ты говоришь, что все это наше?

— Да, мать жизнь моя, все, весело отвѣтилъ Аншель, — одинъ судья можетъ похвастаться, что у него «мѣсколькими полосами» больше, чѣмъ у насъ.

Нахима останоилась въ раздумьи и глядѣла въ даль на зеленые поля, указанныя ей Аншелемъ. Вдругъ, дрожащею рукою она схватила руку сына, и все лице ея измѣнилось.

— Все это, судорожно проговорила она, — принадлежитъ намъ. Но что, Аншель жизнь моя, если все это пропадетъ? Если на наше поле падетъ градъ, или его зальетъ дождемъ, или солнце его засушитъ? Боже милосердый! почему я знаю, что еще можетъ случиться? Что мы тогда станемъ дѣлать? На полѣ родится хлѣбъ, много хлѣба, но что, если онъ весь погибнетъ вдругъ? Аншель такъ не былъ приготовленъ къ этому рѣзкому переходу отъ яснаго настроенія къ самому мрачному, что онъ совершенно смутился и могъ только отвѣтить:

— Объ этомъ, матушка, я еще не подумалъ.

Нахима еще крѣпче сжала руку Аншеля и, съ укоризной и страхомъ, воскликнула:

— Какъ могъ ты объ этомъ не подумать, Аншель жизнь моя? Вѣдь Богу стѣбитъ послать одинъ дурной часъ, и не станетъ нашего богатства, и отецъ твой, и всѣ мы, сколько насъ есть, должны будемъ пойдти по миру.

— Это, мать жизнь моя, никогда не случится, возразилъ Аншель, успѣвшій между тѣмъ оправиться. — Я думаю, что если и все погибнетъ у земледѣльца, у него все таки останется поле, а поле у него ни градъ, ни дождь, ни солнце, не могутъ отнять. На слѣдующій годъ Богъ пошлетъ ему урожай, и прошлое забудется.

Нахима грустно улыбнулась.

— Какъ ты еще молодъ и неопытенъ, дитя мое, сказала она; — ты не понимаешь, что съ голода человѣку придется пожагуй вѣсть и землю.

Это послѣднее выраженіе матери заставило Аншеля улыбнуться, хотя ему въ эту минуту вовсе было не до смѣха.

— Не безпокойся, мать жизнь моя, сказалъ онъ, — скорѣе чѣмъ разстаться съ своимъ полемъ, я соглашусь, я не знаю, на что. Мы не будемъ принуждены вѣсть землю, положись въ этомъ на меня.

Эти увѣренія, казалось, не очень успокоили Нахиму.

— Ты говоришь о вещахъ, когорыхъ не понимаешь, съ уныніемъ отвѣтила она; — посмотримъ, что ты скажешь, если случится о, чего я боюсь.

— Но что же дѣлаютъ всѣ наши сосѣди, воскликнулъ наконецъ Аншель, — я не вижу, чтобъ имъ было бы уже такъ плохо жить.

— Сосѣди, задумчиво повторила Нахима, — но развѣ Еврей можетъ быть тѣмъ, чѣмъ они?

— Матушка, послѣ короткаго молчанія сказалъ Аншель, — зачѣмъ ты себѣ пустою тревогой портишь этотъ прекрасный часъ? Мы будущаго знать не можемъ, къ чему же о немъ говорить? А вчера ты мнѣ обѣщала послушать, какъ говорить со мной мое поле, хочешь ты знать, какъ это дѣлается?

Но лучъ, освѣтившій душу Нахимы, уже снова пробился сквозь тучу, на минуту затмившую его. Какъ бы желая насильно прогнать тягостную мысль, она провела рукой по своимъ глазамъ, и сказала съ истинною радостною улыбкой:

— Тебѣ не нужно напоминать мнѣ объ этомъ, милое дитя мое, поле мнѣ уже самой многое сказало, повѣрь мнѣ.

И какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, она опять взяла въ руку нѣсколько колосьевъ и задумчиво взглянула на нихъ.

— Но теперь пойдѣмъ, дѣти, сказала она послѣ короткаго молчанія. — Становится жарко.

— Да вѣдь ты еще не все видѣла, мать жизнь моя! воскликнула вдругъ молчавшая до тѣхъ поръ Тилля.

— Я довольно видѣла, значительно сказала Нахима, — и довольно слышала, тихо, какъ бы про себя, прибавила она.

Она повернула назадъ, и тутъ взглядъ ея упалъ на Тиллю, которая, чтобы пропустить ее впередъ, должна была войти въ самую рожь. И сіяющая улыбка, вызванная видомъ малютки и накануне, не смотря на уныніе и грусть, теперь опять озарила лицо Нахимы.

— Одну вещь я бы еще желала видѣть, не совсѣмъ рѣшительно сказала она Аншелю, — но сегодня нельзя.

— Отчего же? спросилъ Аншель, стараясь отгадать ея желаніе.

— Нельзя, нельзя, повторила Нахима, качая головой.

— Но скажи мнѣ матушка, въ чемъ дѣло! воскликнулъ Аншель. Нахима нагнулась къ нему, и шепнула ему на ухо:

— Я бы желала еще разъ видѣть Тиллю такую, какъ она вчера вернулась съ поля.

Аншель ничего на это не отвѣтилъ; но когда мать ушла на нѣсколько шаговъ впередъ, онъ наскоро шепнулъ сестрѣ что то на ухо и поспѣшилъ за матерью; Тилля же осталась позади.

Черезъ минуту уже на головѣ ея опять появился тотъ причудливый уборъ, который такъ поразилъ накануне Нахиму, и она бѣгомъ догнала мать и брата.

— Мать жизнь моя, сказала она смѣясь, преграждая ей дорогу, — это ли ты желала видѣть?

— Боже милосердый! съ испугомъ воскликнула Нахима,—что ты надѣлала? Вѣдь сегодня шабашъ!

— Для деревенской дѣвочки это не грѣхъ, весело отвѣтила малютка.

Но Тилля была опять такъ очаровательна въ уборѣ полевыхъ цвѣтовъ, что глядя на нее, Нахима невольно улыбалась; и хотя она грозила ей пальцемъ и кричала ей, чтобъ она сняла цвѣты, дѣти читали на ея лицѣ, что сама она не почитаетъ этого за такой большой грѣхъ. Тилля не сняла цвѣтовъ, и какъ бабочка, именно тогда развертывающая свои крылья и показывающая весь блескъ ихъ, когда она видитъ, что ее преслѣдуютъ, кружилась вокругъ матери, подлетала то къ ней, то къ брату, до тѣхъ поръ, пока они не дошли до первыхъ домовъ деревни, и Нахима уже рѣшительно сказала ей, чтобъ она сняла цвѣты съ головы.

— Пусть она въ нихъ остаетя, матушка, сказалъ Аншель.

— Но что скажетъ Элія, воскликнула Нахима,—если она возвратится домой съ нарванными сегодня цвѣтами? онъ подумаетъ, что мы нарочно захотѣли грѣшнить въ субботу. Тилля неохотно вынула изъ волосъ цвѣты и далеко отбросила ихъ отъ себя.

— Очень нужно слушать, что онъ говоритъ, сказала она надувши губки.

Разговоръ замолкъ, когда они вошли въ деревню, и Нахима опять опустила голову и, не оглядываясь по сторонамъ, быстрыми шагами продолжала свой путь. Но какъ многое съ утра измѣнилось въ ея душѣ, какъ много она перечувствовала, какой урокъ ей дало поле!

XVII.

Прогулка Нахимы по собственному полю не имѣла однако видимыхъ послѣдствій, ни въ этотъ день, и не въ слѣдующіе. Перемѣна, совершившаяся въ ней, была велика, но не успѣла еще проникнуть во всѣ закоулки ея сердца, очистить его совершенно отъ горечи, накопившейся въ немъ.

Къ тому же, Нахима принадлежала къ числу женщинъ, которыя не легко забываютъ оскорбленія, нанесенныя имъ. Она двадцать пять лѣтъ ни въ чемъ не прекословила мужу, молчала, когда она находила, что онъ правъ, молчала и тогда, когда находила, что онъ не правъ; трудно ей было теперь прервать это молчаніе, чтобы сознаться въ собственной винѣ; тѣмъ болѣе, что это сознаніе успѣло еще только самые слабые пустить корни въ ея душѣ.

Нахимъ не доставало того, что теперь было нужно всего: духа кроткаго и смиреннаго, не стыдящагося своего раскаянія, не разбирающаго слишкомъ каждое движеніе своей души, но готоваго съ истиннымъ сокрушеніемъ сердечнымъ покаяться передъ Богомъ въ своей винѣ. Однимъ словомъ, ей не доставало вѣры, она не смирилась еще своей гордости. Языкъ «хлѣба», на полѣ, безъ сомнѣнія не даромъ сталъ ей ясенъ, но благое сѣмя, запавшее тогда въ ея душу, не вполне развилось, и какъ нѣжное растеніе, перенесенное изъ теплаго климата на неблагоприятную ему почву, принесло скудные плоды. Видѣ поля не могъ не привести Нахиму къ сознанию, что хотя мужъ ея поступилъ легкомысленно, промѣнявъ вѣрное положеніе на невѣрное, все же она не могла упрекнуть его въ томъ, что онъ не сдержалъ даннаго ей двадцать пять лѣтъ тому назадъ слова, и пересталъ заботиться о насущномъ хлѣбѣ своего семейства. Упрекъ этотъ совершенно падалъ на нее самою. Зачѣмъ она перестала заботиться о хозяйствѣ? зачѣмъ она не захотѣла взять на себя часть заботъ и трудовъ, связанныхъ съ новою ихъ жизнью? Развѣ хлѣбъ на полѣ не касался ея столько же, какъ и другихъ? Не долженъ ли былъ разрастаться гнѣвъ Божій на ихъ домъ, за то, что одинъ изъ членовъ его, да къ тому же мать семейства, проводилъ свои дни въ убійственномъ, вредномъ бездѣйствіи, безъ участія смотрѣлъ на то, что составляло богатство, необходимую пищу, жизнь дома!

Нахима, по природѣ своей, и по роду своей дѣятельности, была истинной дочерью еврейской улицы. Женщины тамъ не сидятъ сложа руки, онѣ раздѣляютъ труды своихъ мужей, и дѣло возложенное на нихъ исполняютъ совѣстливо. Такова была и Нахима. Она знала цѣну каждой копейки, потому что помогала добывать ее, испытала на дѣлѣ, что она даромъ не дается. Въ этомъ отношеніи она прошла черезъ трудную школу; реббъ Шломе и она начали ни съ чего, и силѣ своей воли и умѣренности своей были обязаны своимъ благосостояніемъ. И вдругъ теперь ее оторвали отъ знакомаго ей круга дѣйствій, перенесли ее на чуждую ей почву, насильно навязали ей дѣятельность не сродную ея вкусамъ и привычкамъ. Мужъ ея, «изъ угоды императору», воображала она, измѣнилъ образъ жизни, и изъ «политики» подвергъ опасности будущность своего дома. Говорить все это и жаловаться на это она имѣла полное право, но что могло извинить ея бездѣйствіе теперь, когда жребій былъ брошенъ и отступить было не возможно? Что выигрывалъ черезъ это домъ? И если она о себѣ не заботилась, имѣла ли она право не заботиться о будущности своихъ дѣтей?

И потому она съ ужасомъ подумала о своемъ отчужденіи отъ дѣтей и мужа, о томъ, сколько времени она потеряла, сколько

пропустила случаевъ быть полезною. Хозяйство въ домѣ шло независимо отъ нея, хорошо ли, дурно ли, она ничего не знала. Присматривала ли она какъ слѣдуетъ за прислугою дома? могла ли она быть увѣрена, что на честность прислуги можно положиться? Чтò стало съ дѣятельной и бодрой хозяйкой Еврейской улицы? Сама Нахима не повѣрила бы, еслибы, за годъ передъ этимъ, ей сказали, что она дойдетъ до такого нерадѣнія, до такой степени забудетъ всѣ свои обязанности.

Она краснѣла при этой мысли, и говорила себѣ, что ей немедленно теперь слѣдуетъ приняться за дѣло, поправить то, чтò по ея мнѣнiю упущено. Въ полевоиъ хозяйствѣ она конечно ничего не смыслила, и ей нечего было и браться за него; но за то были тысячи другихъ вещей, въ которыхъ она, какъ женщина, лучше понимала толкъ. Дѣло женщинъ, разсуждала она совершенно справедливо, смотрѣть за тѣмъ, чтобы ничего въ домѣ даромъ не пропадало, и чтобы однако ни въ чемъ не было недостатка, не выпускать изъ глазъ бездѣлицы и не забывать, что изъ грошей составляются талеры. Все это она хорошо знала и нѣкогда исполняла въ точности, но въ послѣднее это время она отступилась отъ своихъ всегдашнихъ правилъ, и Богъ одинъ зналъ, сколько черезъ это пропало всего въ домѣ, сколько еще могло пропасть. И по чьей винѣ?

И какъ превзошелъ ее въ этомъ отношенiи сынъ! Она сознавалась въ этомъ, съ чувствомъ радостной гордости, смѣшаннымъ со стыдомъ, при мысли о томъ, какъ Аншель взялъ на себя все хозяйство, какъ ему одному она была обязана тѣмъ, что дѣла пошли еще не совсѣмъ худо. То, чтò она называла упрямствомъ и духомъ противорѣчiя, то, чтò на время отдалило отъ него ея сердце, любовь его къ полю, представилось ей теперь совершенно въ иномъ видѣ. Аншель поступилъ такъ, какъ бы слѣдовало ей поступить. Къ тому же она не могла не сознаться, что неловкiй, дикiй Аншель удивительно возмужалъ и развился, съ тѣхъ поръ какъ переѣхалъ въ деревню; онъ на ея глазахъ совершенно измѣнился, и теперь только она вполнѣ отдавала себѣ отчетъ въ этой переменѣ. Неужели же это было дѣйствiе поля? Былъ ли бы онъ такимъ и при прежнихъ обстоятельствахъ? Она гордилась своимъ сыномъ, и быть-можетъ, въ ея душѣ это было единственное чувство вполнѣ радостное, безъ всякой горькой примѣси. Оно было для нея опорой, придавало ей силу и бодрость, смягчало ея сердце.

Вскорѣ стало замѣтно, что Нахима имѣетъ твердое намѣренiе опять взять въ руки бразды домашняго хозяйства. Аншель, безпрестанно наблюдавшiй за матерью, въ первые дни послѣ достопамятной прогулки, не могъ замѣтить въ ней никакой пере-

мѣны. Нахима казалась даже болѣе чѣмъ когда либо, недовольною; но въ этомъ недовольствѣ стала уже проглядывать заботливость хозяйки. Замѣчательно было то, какъ Нахима принялась за дѣло, чтобы незамѣтно поставить себя на новую ногу въ домѣ; она никогда прямо ни о чемъ не осведомлялась, но со стороны, и какъ бы стыдась. Аншелю было поэтому очень трудно отвѣчать на ея вопросы. Хотѣла ли она, напримѣръ, знать, честны ли работники и служанки, она спрашивала, куда дѣвается лишнее молоко, масло, яйца? Очень натурально, что отвѣты на вопросы, поставленные такимъ образомъ, не могли быть вполнѣ удовлетворительны. Нахима принялась разчитывать, и нашла, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, что хозяйство идетъ очень дурно, что многое теряется; вездѣ видѣла обманъ, нерадѣніе и воровство. Она сдѣлалась подозрительною.

— Боже милосердый, сказала она однажды Аншелю, — не понимаю, какъ это домъ еще выдерживаетъ такую жизнь, какую мы ведемъ? Не вырабатываемъ мы ничего, или почти ничего, а судя по тому, что мы потребляемъ, можно бы подумать, что у насъ весь дворъ вымощенъ талерами! Работники и работницы съѣдаютъ больше, нежели стоить вся ихъ работа; чѣмъ все это кончится!

— Не безпокойся, матушка, возразилъ Аншель, — вѣдь ты у себя въ домѣ имѣешь все, что тебѣ нужно, тебѣ не нужно покупать молоко, масло, яйца; не говоря уже о мукѣ и тысячѣ другихъ вещей. Въ этомъ-то и состоитъ разница между хлѣбопашцемъ и торговцемъ, что тотъ долженъ все покупать, а хлѣбопашецъ имѣетъ все подъ рукою.

— Богъ съ тобой, съ досадою воскликнула Нахима, — я не понимаю, какъ ты это все можешь говорить про хлѣбопашцевъ? Развѣ мы хлѣбопашцы? Развѣ мы можемъ быть хлѣбопашцами?

— Ты думаешь, что нѣтъ? спросилъ Аншель съ смущеніемъ;

— Мы теперь земледѣльцы, съ жаромъ продолжала Нахима, — потому что отецъ твой хотѣлъ угодить императору. Но знаешь ли ты, навѣрное ли мы останемся ими и на будущій годъ? И если, чего Боже сохрани, дѣла наши пойдутъ дурно, что мы тогда станемъ дѣлать? Человѣкъ всегда долженъ думать о будущемъ. Ты засмѣялся когда я тебѣ сказала, что намъ придется съѣсть нашу землю, но повѣрь, Аншель жизнь, моя это время не такъ далеко.

Аншель съ горестью видѣлъ, что отвращеніе матери его къ деревнѣ приняло только другую форму, а въ сущности ни чуть не ослабѣло. Поэтому онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ отвѣчалъ:

— Я вижу, матушка, ты желаешь, чтобы я опять развѣзжалъ по рынкамъ и продавалъ ситцы.

— Ты сердисься, Аншель, послѣ минутнаго молчанія сказала

Нахима, съ любовью глядя на огорченное лицо сына,—ты обижаешься тѣмъ, что я не могу смотрѣть на поле твоими глазами? Неужели ты хочешь, чтобъ я, твоя мать, не говорила тебѣ, что я думаю? Притомъ же, клянусь тебѣ Богомъ, что я останусь въ деревнѣ, пока вы будете жить въ ней, буду дѣлать все то, что вы дѣлаете. Неужели и этого тебѣ недовольно?

— А все-таки, угрюмо сказалъ Аншель,—ты не хочешь быть поселянкой.

— Но какъ же ты этого можешь требовать? умоляющимъ голосомъ произнесла Нахима.—Развѣ я рождена для этого? понимаю ли, знаю ли я что-нибудь въ этомъ дѣлѣ? Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, время, и я быть-можетъ привыкну.

Это обѣщаніе и просьба тронули и совершенно смягчили Аншеля. Онъ старался утѣшать себя мыслию, что теперь мать его, по крайней мѣрѣ, будетъ заниматься хозяйствомъ.

На другой день Аншель собрался ѣхать на клеверное поле, чтобъ привезти свѣжаго корма для коровъ. Въ ту минуту, когда онъ усѣлся въ телѣгу и схватилъ возжи, въ дверяхъ дома показалась Нахима.

— Куда ты, дѣтя мое? спросила она.

— Въ поле, матушка, за клеверомъ, отвѣтилъ онъ.

На устахъ Нахимы показалась улыбка насмѣшливой жалости, и это не ускользнуло отъ Аншеля.

— О чемъ ты смѣешься, матушка? спросилъ онъ.

Нахима не съ разу отвѣтила, и черезъ минуту сказала:

— Я засмотрѣлась на тебя, Аншель жизнь моя, какъ ты это гордо держишь возжи и правишь лошадьми, словно король какой; и изъ-за чего? ѣдешь ты за вязанкой клевера для двухъ, трехъ коровъ.

— Имъ нужно полагомиться свѣжею травкой, весело возразилъ Аншель.

— Я только хотѣла сказать, продолжала Нахима, — стоитъ ли такъ хлопотать о пучкѣ клевера и двухъ, трехъ коровахъ?

Аншель выѣхалъ изъ двора, и только дорогой, когда онъ вполне сообразивъ, что ему вѣроятно хотѣла сказать его мать, почувствовалъ боль въ сердцѣ, при мысли о ея насмѣшливой улыбкѣ.

«Матушка, матушка! говорилъ онъ про себя, ей было бы гораздо пріятнѣе, если бы теперь вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ поле, я сидѣлъ на возѣ съ товаромъ и кричалъ бы на всю деревню: дешево продамъ, дешево! что, къ горю моему, мнѣ такъ долго приходилось дѣлать. Я знаю, что она этого желаетъ, но она никогда меня къ этому не принудитъ. Этого никогда, никогда не будетъ.»

И такимъ образомъ, оглядываясь назадъ, при каждомъ шагѣ

впередъ, Нахима дѣлала для себя еще болѣе трудною борьбу, которую она начала съ такою рѣшительностію. И теперь становилось все яснѣе, что боролась она не съ одними предразсудками, но съ самою природою своею, и рѣдко, и то только поверхностно, удавалось ей побѣдить ее.

Это настроеніе ея души отозвалось и въ томъ, какъ она принялась за хозяйство; она обращала вниманіе только на мелочи, на бездѣлицы, а главное упускала изъ виду. Она вставала рано, чтобъ наблюдать за тѣмъ, какъ работница доить коровъ. Но это ея не успокоивало. Работница, быть можетъ, уже прежде успѣла укрыть что-нибудь отъ нея, иначе зачѣмъ бы она такъ рано встала? Куры какъ-то перестали нестись, и если Нахима, въ какомъ-нибудь углу двора или дома, находила зарытое яйцо, то подозрѣніе ея никогда не падало на материнскую заботливость птицы, но всегда на людей: она видѣла въ этомъ дѣло рукъ ихъ.

Эта подозрительность сдѣлалась мученіемъ ея жизни, совершенно лишила ее способности видѣть вещи какъ онѣ есть. Сонъ бѣжалъ ея очей, она ни минуты не имѣла покоя, и часто ночью вскакивала, чтобъ осмотрѣть, все ли въ порядкѣ въ домѣ. Вездѣ видѣла она заговоры, злонамѣреніе, жадныя руки, готовые отнять у нея то небольшое, что еще у нея оставалось.

Мучимая такими тревогами, она въ одну лѣтнюю ночь услышала, что скотница въ своей комнатѣ съ кѣмъ-то шепотомъ переговаривается. Она поспѣшно вошла къ ней, увѣренная, что наконецъ подтвердится ея подозрѣніе. Дѣвушка высунулась изъ окна, и Нахима успѣла только рассмотреть, что другая голова при появленіи ея скрылась за стѣной.

— Кто-то былъ здѣсь! строго сказала Нахима, осматривая всѣ углы освѣщенной луной комнаты.

— Я не знаю, о комъ вы говорите.... возразила дѣвушка съ видимымъ смущеніемъ.

— Полно притворяться, рѣзко сказала Нахима,—но знай, если окажется, что въ домѣ пропало что-нибудь, ты отъ меня не уйдешь, и всѣ узнаютъ, что ты за одно съ ворами.

Эти слова такъ испугали служанку, что она ни слова не нашла въ отвѣтъ на эти угрозы; но на другое утро она рыдая пришла къ хозяйкѣ и объявила, что не намѣрена больше служить у нея: ее заподозрили въ воровствѣ, и она согласится скорѣе просить милостыню нежели оставаться долѣе въ домѣ, гдѣ такъ обращаются съ прислугой.

— Но сознайся сама, отвѣтила Нахима, тронутая слезами дѣвушки,—вѣдь ты съ кѣмъ-то говорила? Я сама видѣла чью-то голову.

— По все же это не былъ воръ, возразила дѣвушка, опустивъ глаза.

— Не былъ воръ! насмѣшливо повторила Нахима.—Къ какой бы тебѣ тогда стати говорить съ нимъ ночью? О чемъ ты шепталась съ нимъ у окна?

— Это не былъ воръ, еще разъ сказала дѣвушка.

— Такъ скажи же, кто это былъ? нетерпѣливо воскликнула Нахима.

— Я теперь еще не могу этого сказать, въ полголоса проговорила дѣвушка.

Тогда Аншель самъ подошелъ къ матери, и краснѣя шепнулъ ей нѣсколько словъ на уху.

— Любезный, у нея! громко воскликнула Нахима:—какой вздоръ тебѣ приходитъ въ голову! можетъ ли быть, чтобъ кто-нибудь въ нее влюбился. Нѣтъ, вспомни мое слово, она въ разговорѣ съ ворами, и поможетъ имъ пробраться въ домъ.

Служанка вѣроятно поняла смыслъ этихъ словъ, сказанныхъ на употребительномъ въ домѣ нѣмецкомъ языкѣ. Она вспыхнула отъ негодованія, и громко воскликнула:

— Мой любезный не воръ, онъ обѣщался жениться на мнѣ послѣ Пасхи! Но тѣмъ, которые бранять его воромъ, можетъ придтись плохо отъ него. Дернулъ же меня нелегкій опредѣлиться къ жидамъ!

Только съ трудомъ и почти силою удалось Аншелю вывести изъ комнаты взбѣшенную служанку. И странно, это произшествіе вовсе не такъ тягостно подѣйствовало на Нахиму, какъ на остальныхъ членовъ семейства; оно всѣхъ разстроило. Имъ больно было сознаться, что въ этомъ дѣлѣ мать ихъ была совершенно виновата.

— Я дышу свободнѣе, говорила Нахима,—съ тѣхъ поръ, какъ ея нѣтъ больше въ домѣ. Еслибъ она осталась, я бъ измучилась думая, что каждую минуту можетъ что-нибудь случиться. Эта неизвѣстность хуже всего.

Грустно, когда дѣти поставлены въ необходимость судить о дѣйствіяхъ и словахъ своихъ родителей. Для добрыхъ дѣтей это тягостная обязанность, и они избѣгаютъ ея сколько могутъ; дурные же и испорченные рады этому случаю поумничать, и судятъ и рядятъ, какъ будто дѣло ихъ быть обвинителями тѣхъ, кому они обязаны жизнью. Не таковы были дѣти Нахимы, но хотя они въ присутствіи матери и не говорили того, что думали, они не могли не потолковать между собой о томъ, что было у нихъ на душѣ.

— За что матушка такъ разсердилась на служанку? въ вечеръ того же дня спросила Тилля у Аншеля:—что же она сдѣлала такого дурнаго?

— Лучше намъ объ этомъ не говорить, возразилъ Аншель.

— За то, что у нея есть любезный? простодушно продолжала

Тилля, какъ бы сама себя отвѣчая. Аншель съ удивленіемъ взглянулъ на дѣвочку.

— Почему ты это знаешь? спросилъ онъ.

— Я это знаю уже давно, отвѣтила Тилля, — и не одно это знаю. Я бы матушкѣ могла сказать, кто онъ такой. Это работникъ земскаго пристава, что живетъ въ замкѣ. Онъ каждую ночь приходитъ сюда поговорить съ ней, а послѣ Пасхи они сыграютъ свадьбу.

— Отъ кого ты все это знаешь? опять спросилъ Аншель.

Тилля подумала минуту, потомъ отвѣчала лукаво:

— Ко мнѣ летаетъ птичка и рассказываетъ мнѣ, что дѣлается въ деревнѣ.

Видя, что Аншель молчитъ, она продолжала:

— Всѣ дѣвушки, у которыхъ есть любезные, разговариваютъ съ ними по ночамъ въ окно. Днемъ, ни ему, ни ей, на это нѣтъ времени. И говорятъ они тогда о томъ, какъ они обзаведутся своимъ хозяйствомъ, какъ они въ воскресенье будутъ танцовать вмѣстѣ, или о томъ, когда будетъ свадьба. Служанка наша вѣрно ни о чемъ другомъ съ работникомъ не говорила. Скажи же мнѣ, отчего матушка этого не хочетъ позволить? Вѣдь никто въ деревнѣ на это не смотритъ!

— Почему я знаю, Тилля жизнь моя, задумчиво отвѣтилъ Аншель. — Матушка, къ несчастію, смотритъ на все не такъ, какъ всѣ здѣшніе.

XIX.

Одинъ человекъ только могъ бы противодействовать этимъ страннымъ выходкамъ. Нахимы; но этотъ человекъ, казалось, вовсе не былъ намѣренъ употреблять на нее свое вліяніе.

Реббъ Шлеме съ удивленіемъ смотрѣлъ на измѣненіе въ обращеніи жены, все болѣе и болѣе обозначающееся, но молчалъ, и трудно было бы отгадать, что онъ о немъ думаетъ; казалось, онъ хотѣлъ обождать, что изъ этого выйдетъ, но кромѣ того, по разнымъ признакамъ можно было заключить, что и въ немъ произошла большая перемена; видно было, что что-то сломило въ немъ упорство, мѣшавшее ему до тѣхъ поръ сдѣлать малѣйшую уступку. Съ самого того дня, какъ жена его отправилась въ поле, душа непреклоннаго ребба Шлеме находилась въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Было ли то огорченіе о томъ, что Нахима ушла не обратившись къ нему? Почувствовалъ ли онъ, что въ этой борьбѣ не ему удастся одержать верхъ? Или было то недовольствіе собой?

Когда въ ту достопамятную субботу, Нахима вернулась съ поля, онъ не сдѣлалъ ей ни одного вопроса, и Нахима тоже ни словомъ не намекнула на то, что она перечувствовала во время этой прогулки. Но, она очень охотно бы заговорила, еслибы мужъ ея, вопросительнымъ взглядомъ или движеніемъ, подалъ ей малѣйшій къ тому поводъ. Нахима успѣла между тѣмъ забыть, что она глубоко оскорбила того, чей «хлѣбъ» она такъ недавно держала въ своихъ рукахъ. Въ сердцѣ ея одинъ голосъ только былъ слышенъ. «Отчего онъ не спрашиваетъ тебя, понравилось ли тебѣ поле? говорилъ онъ. Ему, кажется, и дѣла до того нѣтъ.» Но она не понимала, что вопросы, схожіе съ этими, тревожили душу ея мужа. «Отчего онане говоритъ тебѣ о полѣ? Еслибъ я злѣйшаго врага своего послалъ посмотрѣть на свое поле, и тотъ бы мнѣ сказалъ: поле твое слишкомъ хорошо для такого человѣка какъ ты, пропади оно совсѣмъ! Но ни слова не сказать о своемъ собственномъ добрѣ! Этого, клянусь душою, я не заслужилъ.»

Итакъ все болѣе и болѣе расширялась пропасть, раздѣлявшая эти два сердца. И какъ бы нарочно, въ тѣ минуты, когда казалось, они готовы были сойтись, какое-нибудь необдуманное слово еще болѣе отдаляло ихъ другъ отъ друга.

Замѣчательно было также то, что послѣ прогулки своей въ полѣ Нахима вовсе перестала заботиться о бохерѣ. Казалось, ей было достаточно того, что смерть не похитила у нея Элію. А объ его отъѣздѣ не могло быть и помину. Какъ въ самомъ дѣлѣ можно было отправить въ чужую сторону щедушнаго юношу, теперь особенно, когда ему такъ нужно было укрѣпиться и запасть силами.

Такимъ образомъ загадочная личность бохера опять приняла прежній характеръ молчаливаго безличія, и онъ опять сталъ чужимъ въ кругу роднаго семейства.

Одинъ Аншель не могъ забыть, и не могъ простить брату, что онъ въ тотъ памятный шабашъ хотѣлъ помѣшать матери идти въ поле. Аншель чувствовалъ, что вовсе не уваженіе къ шабашу заставило его поднять голосъ.

Отчего онъ молчитъ, говорилъ онъ про себя: когда я, или отецъ, или Тилля, въ шабашъ идемъ въ поле? Это происходитъ отъ того, что онъ насъ боится, амагушки, —ничуть; онъ желалъ бы возстановить ее противъ насъ, прибрать ее въ руки. Онъ знаетъ, что она ненавидитъ деревню, и самъ желаетъ возвратиться къ своимъ реббамъ. Листикъ его Талмуда дороже ему самаго прекраснаго поля!

Но злоба противъ брата имѣла въ душѣ Аншеля еще другіе корни, болѣе глубокіе, нежели онъ самъ признавалъ; онъ не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ предчувствіяхъ, но они не обманывали.

вали его. Бохеръ былъ помѣхою на его дорогѣ, присутствіе его было для него тягостно, и онъ избѣгалъ его, на сколько могъ.

О томъ, что Элія долженъ былъ давать уроки Тиллѣ, перестали также совершенно говорить. Нахима, съ горячностію несвойственною ей прежде, льнула теперь къ *малюткѣ*, и въ нѣжности, съ которою она глядѣла на нее, было видно, какое она находитъ въ ней утѣшеніе.

— Вѣдь ты больше ничего, какъ деревенская дѣвчонка, сказала она ей однажды съ нѣкоторою досадою, но и съ улыбкой,—зачѣмъ тебѣ много знать? Для деревни ты всегда будешь довольно учена. Какая ты теперь, такую и оставайся. Да и Эліѣ будетъ скучно давать тебѣ уроки.

Но это была только одна отговорка передъ самой собою, причины же на это были другія. Когда она почувствовала себя одинокою въ кругу своего семейства, она невольно сблизилась съ нелюдимымъ, забытымъ всѣми Эліей. Тилла должна была быть звеномъ между нимъ и ею; уроки Эліи—протестомъ противъ деревни и ея вліянія. Но образъ мыслей ея съ тѣхъ поръ измѣнился, и вмѣстѣ съ тѣмъ Элія потерялъ для нея значеніе. Онъ пересталъ быть ей нужнымъ.

При такихъ обстоятельствахъ, не удивительно, что въ душѣ бохера опять вспыхнуло пламя, такъ грозно озарившее ее въ первую ночь по прибытіи его въ деревню. Болѣзнь потушила его на время; но съ первыми признаками выздоровленія, оно опять пробило себѣ дорогу, и обхватило его всего. Между тѣмъ, какъ всѣ въ домѣ воображали, что онъ опять изучаетъ Гемару, въ его рукахъ находилась совершенно другая книга. Элія зналъ наизусть почти весь молитвенникъ Войтѣха, онъ сдѣлалъ удивительно быстрые успѣхи въ изученіи чешскаго языка.

Однажды ночью, Нахиму внезапно разбудилъ пронзительный крикъ, который, какъ ей показался, раздавался подъ окнами дома. Прежде еще чѣмъ реббъ Шлеме успѣлъ совершенно проснуться, она уже вскочила на ноги, зажгла свѣчу, чтобъ узнать, что случилось. Ей почудилось, что то былъ голосъ Эліи; потому ей представлялось, что вскрикнулъ не сынъ ея, а работникъ Войтѣхъ. Со свѣчой въ рукѣ она вышла на дворъ, гдѣ все теперь было тихо. Неужели же все это ей пригрезилось? Но нѣтъ! ужасный тотъ крикъ еще раздавался въ ея ушахъ. Она стала прислушиваться. Ничто вокругъ нея не шевелилось. Ей тотчасъ же пришло въ голову, что то былъ воръ, быть-можетъ любезный той служанки, которая отошла отъ нихъ. Но зачѣмъ бы ему кричать? И если онъ былъ пойманъ, гдѣ же былъ его преслѣдователь? Нахима никогда не отличалась особенною храбростію; но мысль о ворѣ, о томъ, что наконецъ оправдаются ея подозрѣнія, заста-

вила ее теперь обо всемъ забыть. Она обошла весь дворъ и наконецъ подошла къ воротамъ, и тутъ къ ужасу своему увидала прислоненную къ нимъ человѣческую фигуру.

— Кто тамъ? рѣшилась она однако спросить.

— Это я, хозяйка, отвѣчалъ знакомый голосъ.

— Ты, Войтѣхъ? съ удивленіемъ сказала Нахима.—И это ты такъ кричалъ?

— Да, хозяйка, отвѣтилъ работникъ и медленными шагами подошелъ къ Нахимѣ.

Она только тогда могла рассмотреть его лицо, и была поражена его разстроеннымъ видомъ. Работникъ дрожалъ какъ листъ.

— Ты его видѣлъ, Войтѣхъ? спросила Нахима, заключая по этимъ признакамъ, что онъ боролся съ воромъ.

— Я никого не видѣлъ, хозяйка, дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Войтѣхъ, и бросилъ испуганный взглядъ вокругъ себя.

Нахима это замѣтила, и это еще подтвердило ея подозрѣнія.

— Онъ быть-можетъ еще здѣсь? воскликнула она, и въ страхѣ схватила руку работника.

Войтѣхъ положилъ другую руку на плечо Нахимы, и крѣпко сжалъ его, какъ бы для того, чтобы помѣшать ей обернуться назадъ.

— Тутъ никого не было, хозяйка, чуть слышно проговорилъ онъ.

— Кто же это кричалъ? спросила Нахима, — и что ты дѣлаешь здѣсь въ глухую ночь? Я кажется не сошла еще съ ума; я навѣрное слышала, что кто-то кричалъ, и этотъ крикъ у меня еще до сихъ поръ звенитъ въ ушахъ.

— Это должно быть я самъ кричалъ, возразилъ работникъ, съ трудомъ переводя дыханіе, — да, да, я теперь припоминаю; я видѣлъ чудный сонъ, и вскрикнулъ.

— Но какъ же ты очутился у воротъ?! воскликнула Нахима.

Войтѣхъ вздрогнулъ при этомъ вопросѣ и нѣсколько минутъ ничего не отвѣчалъ. Наконецъ онъ быстро проговорилъ:

— Я видѣлъ во снѣ, что какой то преподобный отецъ стоитъ у рѣки. И вдругъ я вижу, что вода поднимается все выше, выше, доходить ему до горда. Я хочу броситься чтобъ его спасти... а тутъ онъ вдругъ исчезъ подъ водой. Тогда-то я и закричалъ, и когда проснулся.... вижу, что стою у воротъ.

Войтѣхъ, казалось, вздохнулъ свободнѣе послѣ этого разказа; но смущеніе, съ которымъ онъ началъ его, не ускользнуло отъ Нахимы.

— И тебѣ не совѣстно меня обманывать, Войтѣхъ? сказала она, ближе поднося свѣчу къ его лицу и пристально глядя ему въ глаза. — Ты знаешь все, и не хочешь мнѣ ничего сказать? Дѣло идетъ объ имущество твояхъ хозяевъ, а ты молчишь?

— Кричалъ я, а не кто другой, хозяйка, съ усиленіемъ повторилъ работникъ.

— Въ такомъ случаѣ, я завтра пошлю за судьей, сухо возразила Нахима, и повернулась, чтобъ идти.—Судья долженъ узнать, что въ деревнѣ завелись воры.

— Ты хочешь послать за судьей? съ испугомъ воскликнулъ Войтѣхъ.

— Да, ему ты долженъ будешь сказать, кого ты видѣлъ.

— Хозяйка! почти громко закричалъ Войтѣхъ:—не посылай за судьей! Для твоей же пользы, совѣтую тебѣ, не посылай за судьей! Онъ ничего для тебя не можетъ сдѣлать.

— Для моей же пользы? повторила Нахима, со страхомъ глядя на работника:—кому же, какъ не мнѣ, хлопотать о моихъ дѣлахъ?

— Не дѣлай этого, хозяйка, убѣдительно произнесъ Войтѣхъ, —ты потомъ сама будешь жалѣть.

Но въ голову Нахимы запала мысль, что Войтѣхъ зналъ что-то, но скрывалъ, быть-можетъ для того, чтобы не повредить оставившей ихъ домъ служанкѣ. Этотъ работникъ, съ горечью говорила она про себя,—кажется и не желаетъ намъ зла; онъ честенъ и работаетъ съ утра до вечера, а пальцемъ не хочетъ двинуть, чтобъ отвратить отъ насъ, быть можетъ, большую опасность. Всѣ они заодно противъ насъ, и послѣ этого хотятъ, чтобъ Еврей селились въ деревняхъ и покупали поля?

— Довольно объ этомъ на нынѣшній день, сказала она послѣ короткаго молчанія. — Быть-можетъ ты за ночь образумишься.

Съ этими словами она возвратилась въ домъ. Войтѣхъ же, казалось, не былъ намѣренъ въ эту ночь предаваться сну. Онъ медленно сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по двору, останавливался при малѣйшемъ шорохѣ, и со страхомъ прислушивался къ нему. Что могло его заставить провести безъ сна эту ночь? Чего боялся онъ?

Только когда начало разсвѣтать и раздался первый крикъ пѣтуха, Войтѣхъ рѣшился оставить свое мѣсто. Онъ подошелъ къ колодезю и умылся. Потомъ, какъ будто оживившая его лицо струя смысла и воспоминаніе о тяжелой ночи, онъ бодро оглянулся кругомъ. Взглядъ его остановился на окнѣ комнаты, гдѣ жилъ Элія. Лицо работника приняло выраженіе отважной рѣшительности.

Но мы должны наконецъ, хоть насильно, сорвать съ этой души завѣсы, такъ долго скрывавшія отъ насъ каждое ея движеніе, всѣ ея тайны.

Работникъ находился въ состояніи постояннаго раздраженія, въ душѣ его царствовалъ вѣчный разладъ. Такіе характеры

развиваются и въ деревнѣ; не одни города порождаютъ ихъ; внѣ вредной атмосферы ихъ есть также люди, растрачивающіе всю душевную свою силу на борьбу съ самими собой. Мы должны будемъ пробудить воспоминанія о далекой старинѣ въ душѣ этого человѣка, коснуться того, что его сердцу всего ближе, чтобы объяснить противорѣчія его характера и дать о немъ нѣсколько ясное понятіе.

Въ этотъ же день Нахима вдругъ вспомнила, что она не заплатила еще брандейскому доктору за лѣченіе Эліи. Столько разнообразныхъ, новыхъ чувствъ наполняли ея душу въ послѣднее это время, что она позабыла объ этой обязанности. Навело ее на эту мысль ночное происшествіе. Нахима до сихъ поръ не знала, что подумать о странной своей встрѣчѣ съ Войтѣхомъ, и въ ея душѣ подозрѣніе боролось съ довѣріемъ къ нему. Она припомнила все, что могло служить объясненіемъ загадочнаго поведенія работника, вспомнила о томъ, что въ отношеніи къ ней онъ всегда былъ необыкновенно хорошъ, во время же болѣзни Эліи былъ неощутимымъ помощникомъ для нея.

Трудно было предположить, чтобы этотъ Войтѣхъ, который съ нѣжностью брата ухаживалъ за ея сыномъ, расторопности котораго она почти единственно была обязана его спасеніемъ, теперь станетъ скрывать отъ нея воровъ, будетъ за одно съ ними. И развѣ онъ, въ самомъ дѣлѣ, не могъ во снѣ вскрикнуть, спросонка выбѣжать на дворъ?

Поэтому, на другое утро, Нахима, скрѣпя сердце, призвала къ себѣ работника, чтобы объяснить съ нимъ. Она рѣшилась не оскорблять подозрѣніемъ спасителя своего сына, но рѣшилась не забывать также этой ночи и быть всегда на осторожкѣ.

Когда подошелъ къ ней Войтѣхъ, отъ нея не ускользнуло, что онъ смущенъ. Нахима пристально на него взглянула, и потомъ сказала:

— Войтѣхъ, не бойся, я не пошлю къ судѣ.

— И хорошо сдѣлаешь! радостно воскликнулъ работникъ:— зачѣмъ ему объ этомъ знать!

— О томъ, что кто-то былъ здѣсь ночью? равнодушно спросила Нахима, надѣясь, что Войтѣхъ какъ-нибудь проговорится.

— Нѣтъ, хозяйка, въ полголоса возразилъ работникъ,—о томъ, что я такъ громко вскрикнулъ.

Нахима поняла, что отъ работника ничего не добьешься, вспомнила о своихъ намѣреніяхъ, и поэтому прервала разговоръ, вручивъ ему деньги для доктора и приказавъ отвезти ихъ ему.

Войтѣхъ взялъ бумажки, счелъ ихъ, положилъ въ карманъ, и сказалъ:

— Ихъ здѣсь двадцать, хозяйка; ты слишкомъ много даешь доктору.

— Но вѣдь не онъ ли вылѣчилъ моего сына? съ удивленіемъ спросила Нахима:—развѣ я могу слишкомъ много дать ему за это?

— И ты воображаешь, хозяйка, воскликнулъ Войтѣхъ, и глаза его заблестѣли,—ты воображаешь, что докторъ помогъ его пре- подобію?

— Прежде всего, конечно, Богъ, возразила Нахима.

Войтѣхъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее; отвѣтъ ея, казался, былъ не по немъ.

— Оно конечно такъ, медленно произнесъ онъ. — А чудо-то? Да, чудо произошло на моихъ глазахъ, не для него одного, а для меня.

Нахима очевидно поняла работника; она сказала только:

— Но все же нужно заплатить доктору, хотя бы чудесъ этихъ случилась и тысяча.

Послѣ этого разговора, Нахима задумалась; она вдругъ вспомнила, что въ послѣднее время она вовсе не заботилась объ Эліи, и его блѣдное, исхудалое лицо какъ живой упрекъ представилось ея воображенію. Онъ нѣсколько оправился послѣ болѣзни, но теперь она не могла отдѣлаться отъ мысли, что ему грозитъ другая, еще болѣе тяжкая. То, что Элія послѣ выздоровленія отсталъ отъ своихъ книгъ, представилось ей самымъ зловѣщимъ признакомъ. Онъ разлюбилъ занятія, составлявшія прежде всю его жизнь вопреки прежнимъ своимъ привычкамъ, онъ теперь часто уходилъ изъ дому, не на одинъ или два часа, но на цѣлые дни: все это было такъ странно въ человѣкѣ какъ Элія, и Нахима еще болѣе задумалась.

— Элія, дитя мое, закричала она проходившему мимо, какъ всегда мрачному бохеру,—куда ты идешь?

— Въ поле, матушка, возразилъ онъ.

— Освѣжись хорошенько, закричала она ему отъ полноты душевной,—тамъ лучше нежели въ душной комнатѣ! И постарайся поскорѣй совершенно выздороветъ, слышишь, Элія жизнь!

— Скоро, скоро, матушка, разсѣянно отвѣтилъ Элія и ушелъ.

«Скоро, скоро!» это слово болѣзненно отозвалось въ душѣ Нахимы. Она слѣдила взорами за сыномъ, пока онъ не скрылся отъ ея глазъ.

Но бохеръ не пошелъ въ поле; онъ свернулъ на улицу, ведущую въ Грандейсъ. Когда послѣдній домъ деревни остался за нимъ, онъ осторожно оглянулся кругомъ, вынулъ изъ кармана уже знакомый намъ молитвенникъ Войтѣха, и углубился въ чтеніе все продолжая идти впередъ. Прошелъ онъ такимъ образомъ

довольно далеко, и наконецъ утомленный легъ въ высокую траву у дороги, и продолжалъ читать. Но каждый разъ, какъ въ отдаленіи раздавался стукъ колесъ, онъ поднималъ голову и внимательно прислушивался. Такъ прошло нѣсколько часовъ: наступили сумерки, а Элія все еще ждалъ возвращенія работника.

Наконецъ, на дорогѣ показался пѣшеходъ, и Элія удивился, узнавъ Войтѣха; онъ воображалъ, что работникъ отправился въ Брандейсъ на лошади, но Войтѣхъ предпочелъ пройти всю дорогу пѣшкомъ.

Элія привсталъ и въ полголоса позвалъ работника. Войтѣхъ въ удивленіи остановился, онъ не сразу узналъ сына своего хозяина. Тогда Элія еще разъ и громче произнесъ его имя; но и тутъ Войтѣхъ не призналъ его, и принялъ голосъ его за голосъ Аншеля.

— Развѣ здѣсь поле, съ упрекомъ воскликнулъ онъ,—и къ какой стати, сударикъ ты мой, я тебя нахожу такъ далеко отъ дому, у дороги? Что скажетъ матушка, какъ узнаетъ, что ты такъ загулялся?

— Вѣдь это я, Войтѣхъ, сказалъ бохеръ, и ближе подошелъ къ работнику.

— Ваше преподобіе! съ изумленіемъ прознесъ Войтѣхъ, и поспѣшно снялъ шапку.

— Ты величаешь меня преподобіемъ, смѣясь повторилъ Элія, —а сейчасъ вообразилъ, что я напился пьянъ.

— Святая Богородица! воскликнулъ работникъ:—какъ это у меня языкъ повернулся сказать такое слово!

Бохеръ нѣсколько времени молча шелъ по дорогѣ. Работникъ держался въ почтительномъ отдаленіи отъ него, такъ что ихъ раздѣляла почти вся ширина дороги. Вдругъ къ нему подошелъ Элія. Войтѣхъ остановился.

— Скажи мнѣ, Войтѣхъ, началъ бохеръ не совсѣмъ твердымъ голосомъ,—ты удивился, встрѣтивъ меня здѣсь?

Работникъ, сперва казалось, не зналъ что отвѣчать.

— Смѣю ли я, ваше преподобіе, смиренно сказалъ онъ наконецъ,—удивляться тому, что вы дѣлаете?

— Ты не отвѣчаешь на мой вопросъ, сказалъ Элія.

— Я знаю отчего вы здѣсь, ваше преподобіе, а потому и не удивился, чуть слышно возразилъ работникъ.

— Ты это знаешь! воскликнулъ Элія и остановился.

— Да, отвѣчалъ Войтѣхъ,—вы меня дожидались.

— Войтѣхъ, Войтѣхъ! воскликнулъ бохеръ и отвернулся, какъ бы для того, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Спрашивайте у меня что хотите, ваше преподобіе, я вамъ все скажу, сказалъ работникъ, съ благоговѣніемъ глядя на бохера.

Тогда Элія опять обратился къ нему; при тускломъ свѣтѣ догорающей зари лицо его казалось еще измученнѣе, еще блѣднѣе; блѣдность его какъ бы свѣтила въ темнотѣ.

— Если такъ, Войтѣхъ, быстро проговорилъ онъ, — скажи мнѣ, отчего ты, вчера ночью, не захотѣлъ сказать матушкѣ правды? Отчего ты крикъ этотъ взялъ на себя?

— Ваше преподобіе, послѣ долгаго молчанія, медленно и почтительно промолвилъ работникъ, — еслибъ весь свѣтъ собрался, никто бы изъ меня не вытнулъ ни слова. Я скорѣе бы откусилъ себѣ языкъ.

— Да отчего же, Войтѣхъ? тихо спросилъ Элія.

— Неужели же, ваше преподобіе, я долженъ ей былъ сказать, отвѣчалъ работникъ, возвышая голосъ, — что вы перелѣзали черезъ ворота и вскрикнули, когда я васъ поймалъ, думая, что въ домъ крадутся воры? Я не могъ этого сказать вашей матери, это бы ее убило.

Войтѣхъ не могъ замѣтить волненія, которое овладѣло душой Элія при этихъ словахъ; онъ вздрогнулъ, и болѣзненный стонъ вырвался изъ его груди.

— И ты знаешь, Войтѣхъ, гдѣ я былъ? сказалъ онъ, нѣсколько оправившись.

— Да, ваше преподобіе, чуть слышно отвѣчалъ работникъ.

— И ты не выдалъ моей тайны?

— Ваше преподобіе! съ укоромъ возразилъ Войтѣхъ.

— Но я не понимаю, отчего ты этого не дѣлаешь, Войтѣхъ, продолжалъ Элія, — ты этимъ могъ бы заслужить благодарность отца и матери, сдѣлаться имъ еще нужнѣе. Отчего ты не выдаешь меня имъ? За что ты мнѣ такъ преданъ? Чѣмъ я это заслужилъ?

— Мнѣ ли судить ваши дѣйствія, почтительно отвѣчалъ Войтѣхъ, — разбирать, правы ли вы или виноваты.

Элія слушалъ его съ удивленіемъ и рѣшительно не зналъ, что на это отвѣчать.

— Послушай, Войтѣхъ, воскликнулъ онъ, — а выдалъ бы ты моего брата, еслибы зналъ о немъ-то, что знаешь обо мнѣ?

— Да, ваше преподобіе, съ страшною рѣшительностью отвѣтилъ работникъ, — непременно бы выдалъ.

— Развѣ онъ тебѣ что-нибудь сдѣлалъ? спросилъ бохерь.

— Ничего, ваше преподобіе, мрачно возразилъ работникъ.

— Такъ за что же, Войтѣхъ!

— Въ этомъ-то и бѣда моя, ваше преподобіе, сказалъ работникъ взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ.

— Я тебя не понимаю, Войтѣхъ, возразилъ бохерь.

— Въ душѣ моей адъ, съ отчаяніемъ воскликнулъ работникъ,

— и нѣтъ мнѣ надежды избавиться отъ него. То мнѣ хочется всѣхъ Евреевъ разомъ уничтожить, истребить; то каждаго прижать къ сердцу, какъ ребенка приголубить и приласкать. Я самъ не знаю, чего хочу; не знаю, въ самомъ ли дѣлѣ Евреи Богомъ оставленный народъ, слѣдуетъ ли ихъ гнать, или это праведники и имъ слѣдуетъ поклоняться. Не ужасна ли такая жизнь? Не лучше ли вмѣсто такой жизни надѣть себѣ камень на шею да въ воду?

Съ возрастающимъ удивленіемъ, почти съ ужасомъ слушалъ Эліа эти признанія работника. Онъ и прежде подозрѣвалъ, что Войтѣхъ боленъ душой, но какимъ образомъ, и въ какой степени онъ не могъ себѣ представить. Теперь, когда работникъ раскрылъ передъ нимъ свою душу, онъ испугался, заглянувъ въ нее, и увидѣвъ, въ какомъ странномъ отношеніи онъ самъ стоитъ къ нему.

Чего могъ ожидать онъ отъ человѣка, такимъ образомъ расположеннаго къ Евреямъ? И по какой странной судьбѣ человѣкъ этотъ попался именно къ нимъ въ домъ? Но это чувство страха исчезло тотчасъ же, когда послѣ короткаго молчанія Войтѣхъ смиреннымъ, почти умоляющимъ голосомъ произнесъ:

— Какъ же вы думаете, ваше преподобіе, можно ли мнѣ пособить?

— Но вѣдь я даже не знаю, Войтѣхъ, какъ въ тебѣ развилась эта болѣзнь, возразилъ смущенный Эліа.

— Да, ваше преподобіе, радостно воскликнулъ работникъ, — да, это именно болѣзнь; она грызетъ меня, но я теперь радъ, что знаю, что это болѣзнь.

— Но какъ же она родилась въ тебѣ, Войтѣхъ, спросилъ бохеръ, — какъ развилась въ тебѣ эта ненависть къ Евреямъ? Съ дѣтства ли ты такой?

Войтѣхъ грустно покачалъ головой.

— Нѣтъ, ваше преподобіе, сказалъ онъ. — Ребенкомъ я зналъ о Евреяхъ только по слухамъ, въ лицо же ни одного не видалъ. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ встрѣтилъ ее.

— Кого? спросилъ бохеръ, и самъ содрогнулся при этомъ вопросѣ; онъ отозвался въ собственной его душѣ.

Войтѣхъ, казалось, собирался съ духомъ, какъ человѣкъ намѣренный свалить тяжелое бремя съ своихъ плечъ.

— Ваше преподобіе, началъ онъ, — у насъ, католиковъ, всякій долженъ исповѣдываться. Наши священники этого требуютъ; но никогда мнѣ этого такъ не хотѣлось какъ теперь, а вы не принадлежите къ нашему духовенству. Но не даромъ вы преподобный человѣкъ.

Бохеръ молчалъ; онъ думалъ о томъ, какіе странные бываютъ случаи. Какъ могъ онъ, ученикъ Талмуда, сойтись съ этимъ католическимъ работникомъ? Чтò привлекало ихъ другъ къ другу?

— Въ молодости моей, ваше преподобіе, продолжалъ работникъ, — я, какъ птица, ликовалъ цѣлые дни, и въ домѣ священника, гдѣ я служилъ, меня называли веселымъ Войтѣхомъ. Гдѣ теперь моя безопасность, моя веселость! всего этого меня лишили Евреи, эти злодѣи, наказаніе моей жизни: мнѣ какъ-то легче становится на душѣ, когда я ихъ браню; у меня другаго не осталось удовольствія... Ну да что объ этомъ. Такъ вотъ я былъ работникомъ у священника миляхъ въ десяти отсюда, и до семнадцати лѣтъ никогда не видалъ никого изъ вашихъ, и не зналъ, каковъ на видъ человекъ, предавшій Иисуса Христа. Да и вправду сказать, я объ этомъ и не очень заботился; по мнѣ, хоть Евреевъ бы и вовсе не было на свѣтѣ. Но ровно тому назадъ двадцать два года, въ одинъ зимній день, все это переменялось. Какъ теперь помню: стою я на дворѣ и разметаю снѣгъ на дорогѣ, по которой господинъ деканъ ходилъ въ церковь; вдругъ ѣдетъ экипажъ и останавливается передъ нашимъ домомъ. Я подумалъ, что это священникъ изъ города пріѣхалъ навѣстить нашего, но когда дверцы коляски отворились, я увидѣлъ передъ собой человека съ такимъ лицомъ, какое я въ жизнь свою не видалъ. И когда онъ сталъ вылѣзать изъ коляски, слышу я, что внутри дитя плачетъ, такъ горько плачетъ, что у меня сердце перевернулось. И любопытно мнѣ стало знать, какое это дитя такъ плачетъ. Вдругъ этотъ мужчина выскочилъ изъ коляски, но двѣ руки уцѣпились за него и держатъ его, и я вижу, дѣвушка разливается-плачетъ и хочетъ его удержать. Чтò она ему говорила сквозь слезы и рыданія, я не могъ понять, потому что она говорила не почешски; да къ тому же на меня напала какая-то дурь, я ничего не видѣлъ, ничего не понималъ. И тутъ, ваше преподобіе, начались всѣ мои несчастія.

Работникъ тяжело вздохнулъ, помолчалъ немного и продолжалъ.

— И спрашиваетъ меня этотъ человекъ, дома ли господинъ деканъ? я ему отвѣчаю, что да, но какъ только я это слово выговорилъ, меня какъ острымъ ножомъ кольнуло въ сердце. Я тотчасъ же почувствовалъ, что не слѣдовало мнѣ этого говорить. Какъ только человекъ этотъ услышалъ, что священникъ дома, онъ вырвался изъ рукъ дѣвушки и вошелъ въ домъ, а ее оставилъ въ коляскѣ.

— Какихъ же она была лѣтъ Войтѣхъ? спросилъ бохеръ.

— Лѣтъ шестнадцати, ваше преподобіе, сказалъ работникъ, — и какъ она была хороша! просто писаная красавица. Подошелъ я къ коляскѣ и не могъ удержаться, чтобы не заговорить съ ней:—о

чемъ ты дѣвушка, такъ плачешь и горюешь? спрашиваю я ее, — вѣдь нашъ пасторъ добрый человѣкъ и ничего ему не сдѣлаешь. Тутъ дѣвушка вдругъ перестала плакать, и какъ взглянетъ на меня своими большими глазами, меня такъ и обдало жаромъ. — Твой пасторъ сдѣлаетъ изъ моего отца христіанина; и ты говоришь, что онъ ему ничего не сдѣлаетъ! говоритъ она мнѣ. Тутъ только я все понялъ. — Твой отецъ Еврей? спрашиваю я. — Да, отвѣчаетъ она, — и онъ пріѣхалъ къ пастору, чтобъ перекреститься. — А ты этого не хочешь? спрашиваю я опять. Тутъ она опять расплакалась, стала ломать себѣ руки, а руки у нея были тоненькія и бѣленькія. Боже мой, закричала она, — каково мнѣ будетъ видѣть, какъ отецъ мой пойдетъ въ церковь! Тутъ, ваше преподобіе, скажу я вамъ, въ душѣ моей закипѣла злость на этого человѣка, который могъ такъ огорчать эту дѣвушку. Я хотѣлъ бѣжать за нимъ, остановить его, я совершенно обезумѣлъ. Однако я остался, къ несчастію своему, остался, не понимаю, что меня удержало.

Войтѣхъ утеръ себѣ потъ съ лица, голосъ его прерывался. Отъ сдержаннаго ли негодованія, отъ волненія ли, Эля не могъ разобрать.

— Такъ я остался подлѣ дѣвушки, продолжалъ онъ послѣ короткаго молчанія, — но я больше не заговаривалъ съ нею, а она все плакала. Прошло съ часъ времени; наконецъ дверь открылась, — выходитъ священникъ во всемъ облаченіи, а за нимъ незнакомый человѣкъ. Войтѣхъ, говоритъ мнѣ священникъ, хочешь ты быть воспріемникомъ этого человѣка? Я смотрю на него и не знаю, что отвѣчать; но тутъ дѣвушка пуще зарыдала, я все забылъ и закричалъ: Нѣтъ, ваше преподобіе, не хочу! Деканъ разсердился и говоритъ мнѣ, что я беру грѣхъ на свою душу, не исполняя того, что велитъ церковь; но я все твержу: Нѣтъ, нѣтъ, господинъ деканъ, и слышать ничего не хочу. Наконецъ священникъ говоритъ, что онъ и безъ меня обойдется, найдетъ другаго, и весь красный отъ злости, во всемъ облаченіи бѣжитъ въ деревню. Тогда дѣвушка выскочила изъ кареты, бросилась на колѣни въ холодный снѣгъ, передъ своимъ отцомъ, и со слезами умоляла его, уговаривала его; а онъ только покачиваетъ головою. Меня такъ это взбѣсило, что мнѣ хотѣлось броситься на него, задушить его. Наконецъ возвратился священникъ съ кѣмъ-то изъ деревни; они идутъ въ церковь, а я съ дѣвушкой остался на дворѣ.

« Ваше преподобіе, продолжалъ работникъ послѣ короткаго молчанія, — какъ стоялъ я тутъ, у церкви, мнѣ думалось, что ужъ мнѣ никогда не входитъ въ нее, и еслибы мнѣ кто сказалъ: Войтѣхъ, вѣдь ты не крещеный, никогда не приобщался Святымъ тайнамъ, я бы пожалуй повѣрилъ. Мнѣ хотѣлось теперь только утѣшить

дѣвущку. Полно плакать, говорю я ей, вѣдь отецъ твой, и послѣ крещенія, будетъ для тебя тѣмъ же отцомъ. Она взглянула на меня своими большими черными глазами и говоритъ: Ты думаешь? Какъ же это возможно? Развѣ ты не знаешь, что Богъ это запрещаетъ? Я взглянулъ на небо, и ждалъ, что моимъ глазамъ явится Господь Богъ, и скажетъ мнѣ, въ самомъ ли дѣлѣ онъ это запрещаетъ. Но полно такъ ли это, говорю я. Стали ли бы это запрещать наши равнины, еслибы это не было такъ? сквозь слезы говоритъ она, и я не зналъ что ужь сказать. А ты, говорю я ей, ты не хочешь сдѣлать то же чтò твой отецъ? Какъ промолвилъ я эти слова, она вскрикнула, точно ее кольнуло, и опять сказала: Вѣдь этого не велать наши равнины.

« Скоро священникъ воротился съ ея отцомъ. Увидавъ его, она поблѣднѣла, какъ полотно, и я думалъ, что она тутъ же умретъ. Перекрестъ опять сѣлъ въ экипажъ, а я беру ее на руки и несу за нимъ, потому что она такъ дрожитъ, что не можетъ стоять на ногахъ. Она еще разъ взглянула на меня, и этого взгляда я никогда не забуду. Лошади тронулись, и тутъ набросился на меня господинъ деканъ, разбранилъ меня, и выгналъ отъ себя. Я и безъ того не остался бы у него; въ головѣ у меня была только одна мысль, отыскать эту дѣвущку; я собралъ свои пожитки и пошелъ, куда? и говорить нечего.

« Жили они только въ четырехъ миляхъ отъ нашей деревни, и отыскать ихъ мнѣ было не трудно; во всемъ околоткѣ разговора только и было, что о нихъ. Этотъ человѣкъ недавно поселился въ нашемъ краю. Ему не дозволяли купить поле и домъ, вотъ онъ сказалъ и поклялся, что поставитъ на своемъ, купить себѣ мѣсто въ самой деревнѣ, и никто не посмѣетъ его и пальцемъ тронуть. Въ судѣ всѣ его осмѣяли, да и еще погрозили, что за дерзость его засадятъ въ тюрьму. А онъ говоритъ: посмотримъ! да и прямо къ священнику. Потомъ опять явился въ судъ, и говоритъ: Ну что, господа, чтò скажете вы на это? и бросаетъ на столъ свидѣтельство о крещеніи. Какъ онъ сказалъ, такъ и случилось. Посреди деревни купилъ себѣ домъ, и къ нему самыя лучшія поля, и никто слова на это не могъ сказать.

« Я пошелъ къ нему, какъ можете вы себѣ представить, не ради его самого, и говорю ему: возьми меня въ работники, я буду тебѣ служить вѣрой и правдой. Ты не привыкъ къ полевымъ работамъ, я тебѣ пригожусь. Еслибъ онъ сказалъ, нѣтъ,—я не знаю, чтобы я сдѣлалъ, но онъ сказалъ: да, и я остался.

« Не опомнился я, какъ уже прошли четыре года. Я трудился для этого человѣка, хлопоталъ о его дѣлахъ, какъ о своихъ собственныхъ, но все-таки терпѣть его не могъ. А все отъ того, что я его вовсе не уважалъ, хотя онъ каждое воскресенье хо-

дѣлѣ въ церковь, и крестился, и становился на колѣни. Я этого видѣть не могъ, мнѣ становилось тошно, глядя на него. Онъ-то и виноватъ, что я терпѣть не могу Евреевъ: мнѣ все кажется, что всѣ они такіе же притворщики, какъ и онъ.

«Съ дочерью же, ваше преподобіе, дѣла мои были совсѣмъ другія. Она приворожила меня къ себѣ, я думалъ только о ней. Я ей никогда не говорилъ про свои чувства, не могъ принудить себя. Разъ вхожу, вижу, сидитъ она, читаетъ молитвенникъ; отецъ ея только что ушелъ въ церковь. Я и говорю ей, какъ мнѣ кажется страннымъ, что она молится по одному молитвеннику, а отецъ по другому; что это не слѣдуетъ, что дочь должна дѣлать то, что дѣлаетъ отецъ.—Ты вѣрно шутишь, Войтѣхъ, говоритъ она мнѣ, развѣ ты уже забылъ, какъ ты утѣшалъ меня у церкви? Хотѣлъ я сказать что-то другое, но языкъ у меня не повернулся. Я заговорилъ про власть отца, что онъ можетъ заставить ее принять его вѣру.—Заставить меня никто не можетъ, отвѣчаетъ она, я никого не послушаюсь, я знаю, что велитъ намъ наша вѣра. Другой разъ я ей говорю: Терезка, еслибы твой отецъ раздумалъ быть христіаниномъ, что бы онъ тогда сталъ дѣлать? Она усмѣхнулась и отвѣчала, что это невозможно, что онъ не можетъ уже теперь отступить, что наше духовенство этого не допустить. Но если онъ все-таки захочетъ, и поставить на своемъ? спрашиваю я, не помня себя отъ досады.—Тогда онъ долженъ будетъ уѣхать отсюда, далеко-далеко, а онъ этого не захочетъ.—Почему же? спрашиваю я.—Онъ долженъ будетъ тогда продать свой домъ и поля, отвѣчаетъ она.—Терезка, говорю я, не въ силахъ болѣе молчать, уговори его уѣхать отсюда.—Онъ этого никогда не сдѣлаетъ, отвѣчаетъ она,—онъ не броситъ того, что добылъ съ такимъ трудомъ.—Въ такомъ случаѣ, Терезка, брось ты и его, и эту деревню, и этотъ край.—Зачѣмъ? спрашиваетъ она, и вся задрожала и опустила глаза.—Какъ же мнѣ иначе сдѣлать, чтобы ты была моя? кричу я, и притянулъ къ себѣ, крѣпко прижимаю ее къ сердцу. Тогда, ваше преподобіе.... я не могу обо всемъ этомъ говорить хладнокровно, она призналась мнѣ, что любитъ меня, съ тѣхъ поръ какъ увидала меня у церкви, что она знала, что я отыщу ее, и этому не удивилась. Теперь уже не было рѣчи, чтобы намъ уѣзжать отсюда, мы говорили и не могли наговориться, были неразлучны.

«На хозяина же своего, ваше преподобіе, я въ душѣ еще больше озлобился. Мнѣ казалось, что онъ нарочно остается здѣсь, чтобы помѣшать мнѣ жениться на своей дочери. Часто также мнѣ хотѣлось напомнить Терезкѣ, что пора бы ей рѣшиться на что-нибудь; вѣкъ жить такимъ побытомъ было невозможно. Стою я разъ въ саду съ топоромъ въ рукахъ, нужно мнѣ было срубить

гнилое дерево. Ко мнѣ подошла Терезка и спрашиваетъ: отчего я хочу рубить это дерево.— Оно не ражаетъ плодовъ, говорю я,— а изъ-за того, что весною на немъ распускаются дватри листика, не стоитъ его оставлять.— Въ такомъ случаѣ, говоритъ она, кстатѣ, нужно было бы срубить и меня и тебя, Войтѣхъ.— Отчего? спрашиваю я съ удивленіемъ.— Вѣдь мы ни на что другъ для друга негодны, отвѣчаетъ она.— Я тебя не понимаю, говорю я ей.— Что пользы въ томъ, Войтѣхъ, говоритъ она мнѣ на это,— что ты молчишь да молчишь? Сколько времени это еще будетъ продолжаться? И отчего ты этому конца не положишь.— Терезка, говорю я, а самъ чуть дышу отъ радости.— Объ этомъ-то я и думаю, говоритъ она и прямо глядитъ мнѣ въ глаза.— И ты согласишься бросить отца, ухъать со мной отсюда?— Я не объ этомъ думала, отвѣчаетъ она мнѣ.— Такъ о чемъ же? спрашиваю я. На это она мнѣ говоритъ со смѣхомъ, какъ будто о самой простой вещи:— Войтѣхъ, хочешь ты отправиться со мною къ священнику? Отецъ согласенъ. Эти слова сперва какъ громомъ поразили меня; но потомъ въ душѣ моей закипѣла такая злость, что у меня потемнѣло въ глазахъ, и я въ бѣшенствѣ крикнулъ:— Обманщица! Негодная обманщица! такъ-то ты исполняешь заповѣди твоей церкви? Когда отецъ твой отправился къ священнику, ты ревѣла, и чуть не рвала на себѣ волосы, а теперь сама хочешь дѣлать то же самое? Въ рукахъ у меня былъ топоръ, и въ эту минуту мнѣ хотѣлось убить ее.— Войтѣхъ, Войтѣхъ, закричала она, и рыдая бросилась мнѣ на шею,— клянусь тебѣ, мнѣ это разрѣшать наши равнины и наши священники.— Что мнѣ въ твоихъ клятвахъ, говорю я ей, не помня себя отъ бѣшенства,— ты и твои священники, всѣ вы обманщики, и отталкиваю ее отъ себя, и иду въ домъ. Тамъ наскоро собралъ свои пожитки, и ни съ кѣмъ не простившись, бѣгу вонъ, какъ будто съ цѣпи сорвался. Однако, я нѣсколько разъ останавливался, и оглядывался назадъ. Я самъ не зналъ чего я ждалъ; но когда я вошелъ въ лѣсъ, около деревни, вижу я, между деревьями мелькаетъ свѣтлое платье. Это была Терезка; она напередъ приближала сюда по кратчайшей дорогѣ.— Войтѣхъ, милый Войтѣхъ, закричала она, когда увидала меня,— не грѣхъ ли тебѣ покидать меня?— Хочешь ты идти со мною? еще разъ спрашиваю я ее. Она отвѣчаетъ, что готова идти за мною на край свѣта, но что для этого необходимо, чтобъ она могла молиться въ одной со мною церкви.— Развѣ это допустить твои равнины, говорю я ей опять.— Спроси ихъ объ этомъ, кричитъ она,— ты увидишь, что они мнѣ это разрѣшаютъ.— Чтобъ я сталъ ихъ спрашивать объ этомъ, обманщица, отвѣчаю я ей, дрожа отъ гнѣва,— убирайся къ чорту!

Войтѣхъ замолчалъ; онъ съ трудомъ удерживалъ слезы, на-
вернувшіяся ему на глаза.

«Съ тѣхъ поръ, ваше преподобіе, началъ онъ снова, я не видалъ моей Терезки. Я прибылъ въ этотъ край, и до прїѣзда вашихъ родителей, нанимался у другаго мужаика. Года два спустя до меня дошелъ слухъ, что послѣ моего отъѣзда, Терезка скоро умерла. Отецъ ея сказывалъ тому, кто передалъ мнѣ это извѣстіе, что на смертномъ одрѣ она призвала къ себѣ пастора, и приняла христіанскую вѣру. И это-то больше всего меня мучитъ. Если уже она, на смертномъ одрѣ, рѣшилась на такой шагъ, должно думать, что она была права!... Господи Боже мой! ну что, если она была права! Мысль эта, ваше преподобіе, не выходитъ у меня изъ головы, не даетъ мнѣ покоя. Что если она была права!

«Пробовалъ я, не поможетъ ли мнѣ исповѣдь, но тѣ, къ которымъ я обращался, прогоняли меня, какъ собаку. Одинъ только, казалось, сжалился надо мною, и наложилъ на меня легкую епитимью. Но и это не помогло: каждую ночь, глазамъ моимъ представляется бѣдная моя Терезка, я слышу ея слова: «Спроси объ этомъ нашихъ священниковъ!» Мнѣ уже не разъ приходило въ голову обратиться къ одному изъ нихъ. Они такіе же священники, какъ и наши, говорилъ я себѣ, и должны выслушать мою исповѣдь. Но я ни разу не могъ рѣшиться. Что, если она была права!...

— Ваше преподобіе! пронзительнымъ голосомъ воскликнулъ вдругъ работникъ, бросаясь на колѣни передъ Эліей.—Вы святой и мудрый человекъ, и я смотрю на васъ, какъ на священника. Скажите же мнѣ, ваше преподобіе, кто изъ насъ былъ правъ?

Бохеръ вздрогнулъ и совершенно смѣшался.

— Встань, встань, Войтѣхъ, проговорилъ онъ наконецъ, стараясь приподнять работника.

— Я не встану, ваше преподобіе, сказалъ Войтѣхъ,—до тѣхъ поръ, пока вы мнѣ не скажете, правъ ли я былъ или нѣтъ.

— Какъ могу я тебѣ это сказать? съ волненіемъ отвѣчалъ Элія.—Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, время обдумать этотъ вопросъ.

— Ваше преподобіе! почти съ упрекомъ воскликнулъ работникъ,—неужели же и вы, какъ наши священники, не хотите мнѣ дать отвѣта!

Почувствовалъ ли Элія, что ему необходимо разрѣшить сомнѣнія работника, представился ли его уму другой человекъ, въ подобномъ положеніи, но ему вдругъ стало ясно, что онъ долженъ отвѣчать Войтѣху. Онъ дрожащею рукой коснулся его преклоненной головы и тихо произнесъ:

— Войтѣхъ, ты былъ правъ.

Дикій, пронзительный крикъ огласилъ ночную тишину полей. Въ ту же минуту бохеръ почувствовалъ, что его ноги крѣпко обхватилъ работникъ; онъ нѣсколько минутъ оставался въ этомъ положеніи. Потомъ онъ быстро вскочилъ на ноги и воскликнулъ:

— Вы сдѣлали изъ меня новаго человѣка, ваше преподобіе. Вы гору сняли у меня съ плечъ.

Поздно вечеромъ они возвратились домой; отсутствія ихъ никто не замѣтилъ; Нахима ни разу не вспомнила о сынѣ.

XX.

На другой день, въ работникѣ нельзя было замѣтить другой перемены, кромѣ той, что онъ былъ какъ-то тише обыкновеннаго, и на его устахъ часто появлялась радостная, ясная улыбка. Казалось, онъ дышалъ свободнѣе, отдыхалъ душевно: такъ сильно подѣйствовало на него слово прощенія, произнесенное бохеромъ. Элія одинъ понималъ, что происходило въ душѣ Войтѣха. Нахима иначе объясняла его тихую задумчивость: она воображала, что онъ все еще не спокоенъ, и боится, что она пожалуется на него судьѣ.

Но, между тѣмъ какъ въ душу одного человѣка нисходилъ миръ, на душу другаго ложилась мрачная тѣнь. Послѣ разговора съ работникомъ, Элія всю ночь не смыкала глазъ. Онъ оправдалъ работника! Онъ краснѣлъ отъ стыда при мысли о томъ, какими глазами смотрѣлъ на него Войтѣхъ, и спрашивалъ себя, былъ ли бы онъ въ состояніи, какъ этотъ работникъ, оттолкнуть отъ себя любимую женщину, готовую ради его отречься отъ своей вѣры. Сердце отвѣчало ему, что нѣтъ. Эта нешреклонная воля работника внушала ему невольное уваженіе. Войтѣхъ не могъ вынести мысли, что возлюбленная его сердца унижится до притворства, не будетъ вѣрна самой себѣ; онъ не принялъ этой жертвы, предпочелъ на вѣки разстаться съ ней. Эти мысли заставляли сердце Эліи биться сильнѣе; онъ схватилъ молитвенникъ Войтѣха, надѣясь найти въ немъ успокоеніе и углубился въ чтеніе его. Началъ онъ изучать его съ тѣмъ, чтобъ ознакомиться съ ея языкомъ; но теперь книга эта, получила еще другое значеніе въ его глазахъ.

Между тѣмъ Аншель, какъ сокровище, хранилъ платокъ, память о его возлюбленной. На его молодую душу страсть дѣйствовала не разрушительно; напротивъ того, любовь его, скрытая въ глубинѣ его души, была для него источникомъ наслажденій. Онъ довольствовался тѣмъ, что издали поклонялся предмету своей страсти; надеждъ онъ никогда не имѣлъ, онъ понималъ, что дѣлая пропасть отдѣляетъ его отъ нея. Съ одной стороны стояла она, съ другой стороны его семейство, и онъ не колебался; онъ и думать не хотѣлъ о томъ, чтобы къ горю его матери присоединилось новое горе.

Но часто искушеніе дѣлалось слишкомъ сильнымъ и для чистой души Аншеля, и въ такія минуты, онъ невольно задавалъ себѣ вопросъ: хорошо ли они, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлали, что оставили старую родину?

Дѣятельность Аншеля была для него, въ такихъ случаяхъ, неотъемлемымъ средствомъ противъ унынія. День, проведенный въ полѣ, въ трудахъ, освѣжалъ и успокаивалъ его. Мысль о предстоящей жатвѣ теперь ни на минуту не покидала его. вмѣстѣ съ золотымъ колосомъ, чувствовалъ онъ, острый серпъ долженъ былъ отрѣзать и послѣднюю его связь съ прошлою жизнью, должны были сдѣлаться очевидными плоды новой.

До тѣхъ поръ оставалось еще нѣсколько дней; Аншель былъ настроенъ совершенно какъ наканунѣ великаго праздника; онъ съ трепетомъ и волненіемъ ожидалъ того, что будетъ.

— Ты не можешь себѣ представить, матушка жизнь, сказалъ онъ однажды Нахимѣ,—что я теперь чувствую. Я этого даже выговорить не могу. Но когда я вспомню о днѣ передъ своею барьмицвой (1), то мнѣ кажется, что тогда я былъ въ совершенно такомъ же настроеніи, какъ теперь. Въ душѣ моей страхъ борется съ радостью.

— Радоваться я буду только тогда, со вздохомъ отвѣтила Нахима, когда все съ поля будетъ свезено и убрано.—Я не буду спокойна до тѣхъ поръ.

— Чего же ты боишься, матушка жизнь? спросилъ Аншель.

— Боже милосердый! воскликнула Нахима:—какъ можешь ты быть такъ увѣренъ, что все пойдетъ хорошо? Развѣ на насъ не можетъ разразиться гнѣвъ Божій? Все въ рукахъ его. Взгляни-ко на небо.

На синемъ небѣ не было видно ни одного облачка; солнце ярко свѣтило; однако Аншель невольно вздрогнулъ.

— Матушка жизнь, сказалъ онъ,—не понимаю, отчего тебѣ приходятъ такія мрачныя мысли.

— Дитя, почти съ укоризной отвѣтила Нахима,—дитя, я вотъ уже двѣ недѣли не смыкаю глазъ; все воображаю, что градъ или дождь, громъ или молнія уничтожатъ нашу жатву. Какое мнѣ прежде было дѣло до хорошей или дурной погоды? Но теперь, когда я знаю, что все наше благосостояніе зависитъ отъ нѣсколькихъ теплыхъ или дождливыхъ дней, я все гляжу на небо, со страхомъ слѣжу за каждымъ облачкомъ. Вотъ до чего я дожила подъ старость лѣтъ, Аншель жизнь моя; скажи же мнѣ, не пытка ли такая жизнь?

(1) Тринадцати лѣтъ, мальчикъ становится способнымъ къ исполненію религиозныхъ обязанностей. Церемонія, съ кеторою новый членъ принимается въ синагогу, называется барь-мицва.

Что могъ Аншель на это отвѣчать? Все, что мать ему представляла, было, конечно, возможно, и онъ не могъ заставить ее смотрѣть на вещи съ менѣе мрачной точки зрѣнія. Но въ душѣ онъ сердился на нее, и говорилъ себѣ, что она съ радостью думаетъ и говоритъ о возможности, чтобы градъ или дождь уничтожилъ ихъ жатву.

Къ тому же, предчувствія матери невольно дѣйствовали на него; онъ отправился въ поле, но и видъ золотой нивы не подѣйствовалъ на него успокоительно, по обыкновенію. Ему все вспоминались слова матери.

Не даромъ, думалъ онъ про себя, не даромъ говорятъ, что Еврей не годится въ земледѣльцы. Я самъ почти начинаю этому вѣрять. И чего у него не достаетъ? Силы у него столько же, какъ у другихъ, терпѣнія такъ же. И однако, я увѣренъ, что нѣтъ ни одного поселанина, нѣтъ ни одной поселанки, которые въ ожиданіи жатвы, такъ бы мучились и беспокоились какъ мы. Чего мы боимся? Отчего мы не можемъ быть такъ какъ другіе? Когда мы были торговцами, наши деньги постоянно находились въ оборотѣ, въ чужихъ рукахъ, а намъ и въ голову не приходило опасаться за нихъ. Теперь же, когда у насъ есть поля, мы живемъ въ безпрестанномъ страхѣ. Неужели же на Бога меньше можно положиться, чѣмъ на людей? Что, кажется, вѣрнѣе поля, своего клочка земли? никто его у насъ отнять не можетъ. Но нѣтъ, мы на дѣло смотримъ иначе, и если бы теперь кто-нибудь предложилъ матери возвратиться къ прежней жизни, она бы съ радостію согласилась. Еврей, кажется, ничего постоянного, определеннаго, вѣрнаго любить не можетъ; это не въ его природѣ. Неужели же это всегда будетъ такъ? неужели и намъ никогда не удастся сладить съ этою жизнью?

Погруженный въ эти мысли, онъ, однажды вечеромъ, возвращаясь домой съ поля, встрѣтилъ сестру Тиллю.

— Я уже цѣлый часъ ищу тебя, еще издали закричала она ему, — и никакъ не могла тебя найти.

— Развѣ что-нибудь случилось? спросилъ Аншель и остановился въ испугѣ. Тилля значительно улыбнулась; это успокоило Аншеля.

— Ничего не случилось, отвѣтила она, когда поровнялась съ братомъ, — но отчего ты такъ испугался?

Аншель замаялся; ему трудно было объяснить Тиллѣ, въ какой связи находился внезапный его испугъ съ его предыдущими мыслями.

— А сказать тебѣ, отчего ты испугался? смѣясь воскликнула Тилля, прямо глядя въ глаза брату.

— Если ты отгадаешь, съ принужденной улыбкой отвѣтилъ Аншель, — я готовъ дать тебѣ, не знаю что.

— И такъ, по рукамъ! живо вскрикнула дѣвушка.

Аншель съ удивленіемъ взглянулъ на нее; лицо ея имѣло необыкновенно лукавое выраженіе.

— Говори же, Тилля!

— Ты обѣщаешься дать мнѣ все, что я потребуую? сказала Тилля.

— Если скажешь мнѣ правду, отвѣтилъ Аншель.

Тилля на минуту задумалась, потомъ воскликнула съ лукавою улыбкой:

— Кто-то меня прислалъ къ тебѣ, чтобы я что-то вытребовала у тебя назадъ.

Аншель вздрогнулъ и отвернулся.

— Чего ты испугался? безъ всякаго замѣшательства продолжала малютка:—вѣдь она прислала меня къ тебѣ.

— Что она тебѣ сказала? въ полголоса спросилъ Аншель.

— А ты ужъ и знаешь о комъ я говорю? смѣясь сказала Тилля,—вѣдь я не называла еще ея имени.

— Она одна могла прислать тебя ко мнѣ, тихо проговорилъ Аншель,—я это знаю.

— Тогда, возразила Тилля,—ты долженъ знать также, что я должна вытребовать у тебя назадъ; я уже этого не знаю.

— И она въ самомъ дѣлѣ сказала, что я долженъ ей это отослать? съ волненіемъ воскликнулъ Аншель.

— Да, она такъ и сказала, отвѣтила Тилля, съ удивленіемъ глядя на разстроенное лицо брата.

— Тилля, ты меня обманываешь, воскликнулъ Аншель, и такъ крѣпко сжалъ руку сестры, что она вскрикнула отъ боли.—Она и не думала присылать тебя ко мнѣ, ты все это выдумала.

— Клянусь тебѣ, Аншель жизнь, произнесла испуганная Тилля,—я сказала тебѣ правду.

Мертвенная блѣдность покрыла лицо Аншеля; онъ выпустилъ руку сестры, схватился за грудь и досталъ тотъ платокъ, который въ ночь пожара ему переданъ былъ черезъ заборъ.

— Бери, сказалъ онъ, дрожащею рукой передавая его сестрѣ. Дѣвушка нѣсколько минутъ въ молчаніи и съ удивленіемъ глядѣла на платокъ.

— И я это должна ей передать! воскликнула она наконецъ;—что же это должно значить?

— Да, страстно воскликнулъ Аншель,—отдай ей этотъ платокъ, и скажи отъ меня, что она хорошо дѣлаетъ, отнимая его у меня.

— Ты плачешь, Аншель жизнь моя, воскликнула Тилля, видя, что крупныя слезы текутъ по щекамъ брата, — быть-можетъ, мнѣ не слѣдовало тебѣ это говорить?

— Что за вадоръ, возразилъ Аншель, стараясь скрыть волненіе отъ сестры.

Тилля вопросительно взглянула на брата; потомъ воскликнула голосомъ, который Аншелю показался совершенно незнакомымъ, потому что то не былъ больше лепетъ ребенка, но языкъ взрослой дѣвушки.

— Аншель жизнь, кланусь тебѣ, я скрою твою тайну отъ всѣхъ.

Аншель вздрогнулъ; онъ понялъ, что въ дѣтской душѣ произошло переворотъ, что для ней стали ясны вещи, которыя, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, могли бы еще нѣсколько лѣтъ быть ей неизвѣстны; ребенокъ до этой минуты не подорывалъ, какъ важно порученіе данное ему.

— Тилля жизнь, съ восторгомъ воскликнулъ онъ, — какое же ты милое, удивительное дитя!

Онъ обнялъ сестру, крѣпко прижалъ ее къ груди, и долго съ любовію, съ какою-то гордостію, смотрѣлъ на нее.

— Тилля жизнь моя, сказалъ онъ, — ты мнѣ кажешься теперь совершенно другою. Ты какъ будто выросла; я тебя не узнаю. Неужели ты та же Тилля?

И въ самомъ дѣлѣ, лицо Тилли преобразилось. Въ большихъ, черныхъ ея глазахъ горѣлъ огонь страстный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣжный. На самыхъ глазахъ Аншеля, природа совершила одно изъ своихъ чудесъ: дѣтская душа проснулась, оживилась, распустилась какъ цвѣтокъ.

— Да, я та же Тилля, задумчиво отвѣчала она.

Эти слова привели Аншеля въ себя; онъ упрекнулъ себя въ томъ, что посвящалъ тринадцати-лѣтняго ребенка, въ тайны своей души; ему стало стыдно своей опрометчивости. Но одинъ взглядъ на Тиллю успокоилъ его. Она въ самомъ дѣлѣ не была уже ребенкомъ; онъ говорилъ съ разумною сестрою, человекомъ, способнымъ его понимать, сочувствовать ему.

— Да, Тилля жизнь, воскликнулъ онъ, — вижу, что могу говорить съ тобою, что ты поймешь меня, хотя ты еще ребенокъ по лѣтамъ.

— Итакъ, я должна возвратить ей платокъ? спросила Тилля, вида, что Аншель замолчалъ, и какъ будто бы раздумываетъ съ чего начать свои признанія.

— Да, да, воскликнулъ Аншель, — отдай, Тилля жизнь моя, я не имѣю права оставлять его у себя.

— Аншель жизнь моя, возразила Тилля и покраснѣла, — отчего ты отдаешь его, если это тебя такъ огорчаетъ? Неужели ты думаешь, что она это непременно требуетъ? Повѣрь, она только сердится на тебя за то, что ты не довольно обращаешь на нее

вниманія, проходишь мимо ея, и не смотришь на нее, и только поэтому требуетъ, чтобы ты отдалъ ей платокъ.

— Но все же, я не имѣю права оставлять его у себя! почти съ отчаяніемъ воскликнулъ Аншель.

— Я этого не понимаю, съ глубокимъ убѣжденіемъ возразила Тилля,—она деревенская дѣвушка, и мы съ тобою такія же деревенскія дѣти.

— Тилля жизнь, дрожащимъ голосомъ воскликнулъ Аншель, — берегись, чтобы такое слово не вырвалось у тебя при матери; ты можешь этимъ убить ее. Хотя мы теперь и поселяне, насъ отъ ней отдѣляетъ пропасть. Развѣ ты это забыла?

— Я этого не вижу, Аншель жизнь моя, возразила дѣвочка;— конечно, мы когда-то жили въ Еврейской улицѣ, но объ этомъ пора и забыть. Мы теперь такіе же поселяне, какъ и всѣ.

— Все это такъ, Тилля жизнь, отвѣчалъ Аншель, — но есть другія препятствія.

— Да, я это знаю, спокойно продолжала дѣвочка, — и если бы мы еще жили въ Еврейской улицѣ, это въ самомъ дѣлѣ были бы препятствія. Но здѣсь, въ деревнѣ, дѣло другое; ты не можешь жениться иначе, какъ на деревенской дѣвушкѣ; а гдѣ ты такую найдешь въ Еврейской улицѣ?

— Молчи, Тилля жизнь, съ волненіемъ воскликнулъ Аншель. — Ты не понимаешь того, что говоришь. Это грѣшно.

— Извини, Аншель жизнь моя, возразила Тилля, — но я съ тобою не согласна. Какой тутъ грѣхъ? Мы теперь поселяне, и не должны ни чѣмъ отличаться отъ другихъ, забыть, что мы Евреи.

— Молчи, молчи, Тилля жизнь моя, воскликнулъ опять Аншель.—Мы должны, говоришь ты, забыть, что мы Евреи? Но развѣ это возможно? развѣ это позволено? Если мы не будемъ соблюдать все, что намъ предписываетъ наша религія, если не будемъ дѣлать то, что всѣ, мы перестанемъ быть Евреями, будемъ отступниками отъ своей вѣры.

Тилля не тотчасъ же отвѣчала; она, казалось, обдумывала слова брата. Вдругъ она воскликнула:

— Но, Аншель жизнь моя, намъ въ такомъ случаѣ и не слѣдовало пріѣзжать въ деревню: вѣдь другіе не дѣлаютъ же этого!

Это замѣчаніе дѣвочки озадачило Аншеля; онъ нѣсколько минутъ молча глядѣлъ на смѣлую свою сестричку, такъ ловко защищавшую свое мнѣніе. Наконецъ, чтобы не показаться совершенно обезоруженнымъ, отвѣчалъ:

— Совсе не мудроно сдѣлаться поселяниномъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ отказываешься быть Евреемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что нужно умѣть быть поселяниномъ и Евреемъ вмѣстѣ. Еслибы это было такъ легко, развѣ это можно было бы назвать услугою

государю? Ты видишь, какъ матушка страдаетъ отъ переменъ въ нашей жизни, и думаешь, что отцу легче? Трудно отказаться отъ всѣхъ своихъ прежнихъ привычекъ; но это необходимо, и мы докажемъ, что можно быть поселяниномъ, не переставая быть Евреемъ.

Тилля замолчала; Аншель подумалъ, что убѣдилъ ее; но кто знаетъ, какую связь имѣли доводы брата съ мыслями дѣвочки?

— И если бы даже, продолжалъ онъ потомъ, — мы и захотѣли, развѣ ты думаешь, что намъ стоить только пожелать, и все будетъ сдѣлано? Неужели ты думаешь, что я сегодня пойду къ судѣ, и скажу' ему: отдай за меня свою дочь, онъ это такъ и сдѣлаетъ? Для нихъ это такъ же невозможно, какъ для насъ.

— Невозможно! воскликнула Тилля, съ горестью ребенка, обманутаго въ своемъ ожиданіи.

— Невозможно, Тилля жизнь, повторилъ Аншель.

— Въ такомъ случаѣ, я должна отдать ей платокъ, сказала Тилля, стараясь говорить спокойно; но на глазахъ ея блесгли слезы, слезы сочувствія и состраданія.

— Я уже сказалъ тебѣ, что это необходимо, отвѣчалъ Аншель.

— Какъ же намъ послѣ этого оставаться въ деревнѣ? чуть слышно проговорилъ ребенокъ.

Аншель ничего не отвѣчалъ на это. Грустно и молча братъ съ сестрою возвратились въ деревню. Тилля судорожно сжимала въ рукѣ смятый, бѣлый платокъ; кто бы могъ подозрѣвать, сколько связано было съ нимъ мыслей, новыхъ ощущеній.

XXI.

Въ тотъ же вечеръ Тилля отнесла платокъ. Аншель просилъ ее подождать до слѣдующаго утра, но она этого не захотѣла.

— Если тебѣ не возможно, сказала она, — и ей невозможно, то зачѣмъ же еще откладывать?

И Аншель, хотя неохотно, долженъ былъ согласиться съ ней.

Тилля возвратилась съ заплаканными глазами; замѣтилъ это одинъ Аншель, но не рѣшился ее разспрашивать. Передъ тѣмъ, какъ идти спать, она взяла свой молитвенникъ, и громко прочла длинную вечернюю молитву. Это она дѣлала въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ была въ деревнѣ. Нахима была удивлена, и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросила: «Что съ тобою, Тилля жизнь?» Но дѣвочка ничего не отвѣчала и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Казалось, пришло и для малютки время, испытать то, что уже испытали всѣ члены ея семейства. Чтобъ набавиться отъ тревожныхъ мыслей и мечтаній, Тилла почувствовала необходимость обратиться къ Богу своего племени, искать въ Немъ силы и поддержки. Только въ концѣ слѣдующаго утра, Аншелю удалось поговорить съ сестрою. Тилла, казалось, убѣгала разговора съ нимъ, а ему самому было какъ-то стыдно показывать ей все свое нетерпѣніе. Наконецъ онъ встрѣтилъ ее одну въ саду.

— Не спрашивай меня, не спрашивай меня! закричала ему Тилла, когда увидѣла его, и закрыла лицо руками, какъ бы желая спрятаться отъ Аншеля.

— Что же она сказала? съ наружнымъ спокойствіемъ спросилъ Аншель.

— Не спрашивай меня, умоляющимъ голосомъ повторилъ ребенокъ.

— И ты мнѣ ничего другаго не скажешь? спросилъ Аншель. — Должно быть она сказала тебѣ что-нибудь очень ужасное?

Тилла подняла теперь голову, все лицо ея было мокро отъ слезъ.

— Все кончено, Аншель жизнь, рыдая, произнесла она, — все пропало. Сперва она меня любила, теперь — ненавидитъ. Но это мнѣ все равно; сердитъ меня то, что она и о тебѣ отзывалась такъ дурно. Если двумъ людямъ не суждено идти по одной дорогѣ, зачѣмъ имъ сердиться другъ на друга? отчего бы имъ не разстаться друзьями?

— Итакъ, она очень сердится? спросилъ Аншель, который, казалось, понялъ только одно это слово.

— Когда я ей сказала, что ты ей отсылаешь платокъ, она взяла его у меня изъ рукъ, и нуть было тутъ же не разорвала. «Развѣ, я спрашивала его у твоего брата?» сказала она; я ей на это отвѣтила, что она сама поручила мнѣ, спросить его у тебя, и ты бы послушалъ, какъ она тогда расхохоталась. «Хорошо же, сказала она, онъ отсылаетъ мнѣ его, такъ ужъ не вѣдать ему больше этого платка. Найдется другой, кто счастливъ будетъ, если я только подамъ ему надежду, получить его. И искать мнѣ не придется долго, я знаю, кому я его отдамъ.»

— Кто это? чуть слышно проговорилъ Аншель.

— На это, продолжалъ ребенокъ, — я ей отвѣчала: «За что ты хочешь такъ обидѣть моего брата? Что сдѣлалъ онъ тебѣ? Вѣдь ты сама потребовала у него платокъ, а теперь серднишься. Аншель родимый, я не воображаю, что, человекъ, можетъ такъ измѣниться, какъ она тогда. Ее нельзя было узнать. Она схватила меня за руку. Не правда, говоритъ она, это вы ему посоветывали отослать мнѣ платокъ; вы же хотѣли допустить, чтобъ онъ меня

любилъ. Да никто не знаетъ объ этомъ, отвѣчаю я ей, съ чего ты это взяла? Въ такомъ случаѣ, онъ меня обманулъ, говорить она, твой братъ меня обманулъ; скажи ему отъ меня это.

Тилля думала, что слова ея произведутъ страшное впечатлѣніе на брата; но лицо Аншеля осталось спокойно, и только голосъ его слегка дрожалъ, когда онъ спросилъ:

— А сказала ли ты ей, отчего я не могъ оставить у себя платка?

— Развѣ ты думаешь, что для ней это важная причина? Она расхохоталась, когда я ей сказала, что ты думаешь.

— Однако она что-нибудь тебѣ отвѣтила? нетерпѣливо спросилъ Аншель.

— Я не смѣю повторить тебѣ то, что она сказала, отвѣчала Тилля и содрогнулась.

— Говори скорѣй, возразилъ Аншель.

Тилля колебалась; ей видимо тяжело было отвѣчать брату; на ея кроткомъ личикѣ, какъ въ зеркалѣ, отражалась борьба, происходившая въ ея душѣ.

— Да, я должна все тебѣ сказать, воскликнула она наконецъ,— ты долженъ все знать. Къ тому же все кончено. Но ты не испугаешься тому, что я тебѣ скажу?

— Меня ничто теперь не можетъ испугать, сказалъ Аншель.

— Хорошо же, дрожащимъ голосомъ проговорила Тилля,—она сказала: а развѣ на свѣтѣ нѣтъ священника?

И, какъ бы испугавшись собственныхъ словъ, Тилля опять закрыла лицо руками.

— Молчи, молчи! воскликнулъ Аншель.

Тилля взглянула на брата. Что выражалъ этотъ испытующій, долгій взглядъ? Хотѣла ли она видѣть, какое впечатлѣніе слова ея произвели на брата? Сомнѣвалась ли она въ твердости его намѣренія? Желала ли она, чтобъ онъ обдумалъ вопросъ своей возлюбленной?

— Вотъ все, что она сказала, прибавила она и остановилась.

— Довольно и этого, отвѣтилъ Аншель.

— Аншель живъ, вдругъ воскликнула Тилля и ближе подошла къ брату.

— Что тебѣ? тихо спросилъ онъ.

— Аншель живъ, сказала Тилля и прижалась къ брату,—неужели все кончено?

— Да, съ усиліемъ проговорилъ Аншель.

— Что же ты теперь будешь дѣлать? еще спросилъ ребенокъ.

Аншель ничего не отвѣчалъ, и съ поникшею головою напра-

вился къ дому; Тилля послѣдовала за нимъ. На дворѣ онъ остановился и подозвалъ къ себѣ сестру.

— Не говори мнѣ больше объ этомъ, Тилля жизнь, сказалъ онъ ей тихо.

Но что между тѣмъ происходило въ домѣ судьи, что въ сердцѣ его дочери?

Гордость ея жестоко страдала. Она была не въ состояніи оцѣнить любовь Аншеля, понять всю величину жертвы, принесенной имъ; въ душѣ ея кипѣла буря.

И въ то время, какъ Аншель слушалъ въ саду разказъ Тилли, она громко распѣвала веселую пѣсню. Съ тѣмъ ли она пѣла, чтобъ онъ услышалъ ее? хотѣла ли она ему отомстить? Но звуки эти не долетали до его слуха; другой жадно прислушивался къ нимъ. Въ это самое время, подлѣ дома судьи случился Элія.

Какое-то внутреннее чутье сказало ему, что въ этой веселой пѣсни выражалась не одна веселость; онъ подошелъ къ забору сада, приложилъ глазъ къ щели и увидѣлъ ту, которая такимъ страннымъ образомъ овладѣла всѣми мыслями, всѣмъ существомъ его.

Онъ никогда не видѣлъ ее такъ близко, и въ первый разъ имѣлъ случай наглядѣться на нее, слѣдить за каждымъ ея движеніемъ. Она стояла у колодезя и черпала воду. Какъ хороша она была! Какъ шли къ ней ея нахмуренные бровки! Вдругъ черезъ дворъ перелетѣла курица, преслѣдуемая кошкой, и не зная куда скрыться, взмахнула своими короткими крыльями, перелетѣла черезъ заборъ и съ отчаяннымъ кудахтаньемъ онустилась къ ногамъ Элія.

Бохеръ безсознательно нагнулся къ землѣ и поймалъ трепещущую птицу. Въ ту же минуту изъ воротъ вышла Анна, и почти испуганная остановилась; ее поразило сходство Элія съ Аншелемъ, и она съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ приняла птицу изъ его рукъ.

Элія въ первый разъ стоялъ съ нею лицомъ къ лицу.

— Напрасно ты ловилъ курицу, сказала она, глядя по спинѣ испуганную птицу, — она бы сама нашла дорогу домой.

Бохеръ былъ такъ смущенъ, что въ отвѣтъ пробормоталъ лишь нѣсколько безсвязныхъ словъ. Дѣвушка взглянула на него; онъ дрожжалъ какъ въ лихорадкѣ, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ.

— А ты давно живешь въ деревнѣ? спросила она его вдругъ.

— Неужели ты этого не знаешь? чуть слышно возразилъ Элія.

— Развѣ ты пріѣхалъ съ ними? спросила дѣвушка, протягивая руку по направленію, гдѣ находился домъ его родителей.

— Въ первую ночь, какъ мы пріѣхали сюда, ты меня видѣла, а я тебя, съ усиліемъ проговорилъ Элія.

— Я видѣла тебя? воскликнула дѣвушка и отступила на нѣсколько шаговъ.

— Ты, быть-можетъ, меня не замѣтила, но я тебѣ хорошо замѣтилъ, сказалъ Эліа.—Я стоялъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стою теперь, въ то время, какъ ты говорила съ другимъ.

— Такъ это былъ ты? воскликнула дѣвушка, и брови ея еще больше намурлились.

— Да, ты говорила съ нимъ, продолжалъ Эліа, все болѣе и болѣе одушевляясь,—ты смотрѣла на него, а на меня и не обратила вниманія. Для отца и для матери, для брата или сестры, для всѣхъ все равно, что существую я или нѣтъ. И ты не лучше ихъ. Ты смотрѣла на меня и не видѣла меня, знала, что я въ деревнѣ, и не знала меня даже въ лицо. А когда на встрѣчу тебѣ идетъ другой, ты его узнаешь уже издали, и сердце твое рвется къ нему. И отчего? Чѣмъ я хуже его? Развѣ у меня не такія же глаза и не такое сердце, какъ у него? Развѣ я не знаю, что лучше тебя нѣтъ никого на свѣтѣ?

Можетъ показаться страннымъ, что Эліа, при первомъ же своемъ свиданіи съ Анной, высказалъ ей все это. Но не нужно забывать, какъ давно онъ молчалъ, скрывалъ въ душѣ свою тайну, и теперь, когда представился ему случай говорить съ нею, онъ не могъ не излить передъ нею всю свою душу. Трудно было бы узнать въ страстномъ, восторженномъ юношѣ молчаливаго, задумчиваго бохера.

Анна молча выслушала его, и почти со страхомъ глядѣла на него. Быть-можетъ ей представилось, что съ нею говоритъ человѣкъ сумасшедшій. Она съ безпокойствомъ оглянулась и наконецъ отворила ворота, какъ бы для того, чтобы уйти. Эліа быстро подошелъ къ ней.

— Ты боишься меня? воскликнулъ онъ:—вѣдь я только хочу поговорить съ тобою. Я такъ давно жду этой минуты, а ты хочешь уйти отъ меня. Это жестоко. Неужели ты хочешь, чтобы я опять умеръ? Ты мнѣ уже одинъ разъ воскресла, дай же мнѣ теперь время поблагодарить тебя!

Эти слова, казалось, подтвердили дѣвушкѣ въ мысляхъ, что Эліа лишился разсудка, и вмѣстѣ съ тѣмъ придалъ ей храбрости.

— Я въ жизнь свою не видѣла мертвеца, со смѣхомъ отвѣтила она,—какъ же могла я мертваго воскресить?

— Ты хочешь знать какъ? тотчасъ же началъ Эліа,—слушай же. Ты, быть-можетъ, не знаешь, что я былъ при смерти боленъ, и что ты тому была виною! Никто не надѣялся, что я выдоровлю; но и все время былъ въ памяти и думалъ только о тебѣ. Однажды ночью, въ домѣ все было тихо и всѣ спали, кромѣ моей матери и работница нашего Войтъха; я жестоко стра-

далъ; изъ трактира до меня долетали звуки веселой музыки, и я не могъ найти себѣ мѣста. Ты быть-можетъ, думаешь, что меня мучила музыка? Нѣтъ, мучила меня мысль, что вотъ ты теперь танцуешь съ другими. Вдругъ слышу я шаги подлѣ дома, и кто-то стучится въ окно. Я зналъ, что это ты, видѣлъ тебя, хотя было темно. Я услыхалъ твой голосъ и съ этой минуты сталъ здоровъ. Теперь скажи: вѣдь я не ошибся, ты подходила къ моему окну?

— Ты не ошибся, сказала дѣвушка, задумчиво взглянувъ на Элію.—Я тогда постучалась въ окно; но я не знала, прибавила она краснѣя,—что ты услышишь это.

— Да! съ отчаяніемъ воскликнулъ Элія:—я знаю, кого ты хотѣла вызвать; нечего тебѣ мнѣ напоминать объ этомъ. Но онъ спалъ и не зналъ, что ты тамъ. Я уже слышалъ и видѣлъ тебя. Меня ты воскресила, спасла отъ смерти. Неужели тебя не поражаетъ это стеченіе обстоятельствъ? Нашъ Войтѣхъ почелъ это за чудо.

— Чтѣ за вздоръ, сказала дѣвушка, краснѣя до ушей,—я въ ту ночь хотѣла только пошалить, у меня не было никакихъ особенныхъ намѣреній.

— Я знаю, что онъ спалъ тогда, продолжалъ Элія, — если не вѣришь, спроси его самого объ этомъ; спроси у него, въ самомъ ли дѣлѣ онъ тебя любитъ? Онъ думаетъ теперь, кажется мнѣ, совершенно о другомъ.

— Ты и это знаешь? воскликнула она и ближе подошла къ нему.

— Я все знаю! отвѣтилъ Элія и вздрогнулъ, и невольно опустилъ глаза при взглядѣ, который теперь обратила на него дѣвушка.

— Приходи сегодня ночью, чуть слышно, какъ бы про себя проговорила она,—ворота будутъ отперты, и тебѣ не придется ждать; мнѣ нужно съ тобой переговорить.

Элія ничего не отвѣтилъ; когда онъ поднялъ глаза, онъ былъ одинъ... Наступила ночь, теплая звѣздная ночь, Элія стоялъ у забора. Все въ деревнѣ уже спало; воздухъ былъ душентъ; Элія тяжело дышалъ.

— Тсъ! это ты?

— Да!

— Входи.

Ворота безъ шума отворились. Горячая рука беретъ руку Элію и ведетъ его черезъ дворъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Чтѣ совершилось въ эту темную таинственную ночь? Съ надзвѣздной вышины смотрѣли ли ангелы на то, чтѣ происходило въ домѣ судьи, или они отвернулись,

и духи тьмы могли порадоваться, видя, что слабость не могла противостоятъ страсти?

Когда Элія вышелъ изъ воротъ, востокъ уже багровѣлъ; утренній воздухъ былъ рѣзокъ и холоденъ. Тихо отворились, тихо заперлись за нимъ ворота. Также тихо перелѣзъ онъ черезъ ворота родительскаго дома, не спускаясь на дворъ, но наткнулся на спящаго человѣка. Это былъ Войтѣхъ: онъ ожидалъ возвращенія Эліи и всю ночь провелъ у воротъ. Элія это зналъ. Работникъ вскопчилъ на ноги, и сонный еще пробормоталъ:

— Такъ правъ я былъ, ваше преподобіе?

Элія ничего не отвѣчалъ и побѣжалъ въ свою комнату. Врядъ ли ему въ эту ночь удалось заснуть.

XXII.

До сихъ поръ наше семейство не сблизилось ни съ кѣмъ въ деревнѣ; оно чуждалось всѣхъ и каждаго, и вело жизнь угрюмую и грустную. Нахима, напримѣръ, не знала никого изъ своихъ сосѣдокъ; послѣ первой своей прогулки въ полѣ, она ни разу не показывалась въ деревнѣ: она старалась увѣрить себя, что ей нѣтъ дѣла ни до кого, и что никому нѣтъ дѣла до ней, но въ сущности, эта затворническая, уединенная жизнь была тягостна для ней, заставляла ее страдать.

Реббъ Шломе тоже былъ несчастенъ. Не говоря ужъ о томъ, что онъ страдалъ отъ сопротивленія жены, ея отчужденія отъ него, его снѣдало собственное бездѣйствіе. Онъ впалъ въ совершенную апатію. Онъ проводилъ цѣлые дни въ полѣ, распоряжался въ домѣ, но эти занятія были не по немъ; онъ не могъ къ нимъ привыкнуть, и не скрывалъ отъ себя, что его присутствіе вовсе не необходимо, что дѣло точно также хорошо пойдетъ и безъ него. Для человѣка, привыкшаго всю жизнь свою повелѣвать, распоряжаться, сознаніе это было очень горько. Онъ видѣлъ, что Аншелъ уже теперь имѣетъ больше знанія въ полевомъ хозяйствѣ, нежели ему когда-либо удастся пріобрѣсть. Молодчикъ, долженъ онъ было сознаться, дѣлалъ свое дѣло какъ нельзя лучше; его ни въ чемъ упрекнуть не было возможно. Конечно, говорилъ онъ себѣ, то былъ плодъ воспитанія, даннаго сыну; Аншелъ понялъ, что пора ему вознаградить отца за всѣ заботы его о немъ; онъ исполнялъ свой долгъ; онъ былъ бы извергъ, еслибы поступалъ иначе. Къ тому же, развѣ онъ для себя переѣхалъ въ деревню? развѣ то не была новая жертва, принесенная имъ для будущности своихъ дѣтей? Еще бы имъ послѣ этого не помогать ему всѣми

своими силами! Дѣятельностью Войтъха онъ также не могъ не быть вполне доволенъ; работникъ, казалось, отгадывалъ его желанія, все было исполнено, прежде нежели онъ могъ успѣть отъдать приказаніе. Но для людей, съ сильнымъ характеромъ, путь безъ всякихъ препятствій иногда бываетъ самый трудный; когда не надъ чѣмъ имъ трудиться, пробовать свою силу, имъ неловко, они чувствуютъ себя не на своемъ мѣстѣ. Это-то именно случилось съ реббомъ Шломе.

Онъ не сблизился ни съ кѣмъ изъ поселянъ и, по возможности, избѣгалъ встрѣчъ съ ними. Боялся ли онъ, что они вовлекутъ его въ разговоры о полѣ и хозяйствѣ? стыдился ли онъ своего незнанія и неопытности въ этомъ дѣлѣ?

У него не было ничего съ ними общаго, и какъ ни старался, онъ не могъ жить ихъ жизнію, на каждомъ шагѣ чувствовалъ какъ многого ему не достаетъ. Это сознаніе безпрестанно мучило его; онъ сдѣлался угрюмымъ, раздражительнымъ, вѣчно недовольнымъ.

Мысль о предстоящей жатвѣ его не радовала; напротивъ ему было непріятно, когда о ней говорили; онъ сердился и не могъ скрыть своего раздраженія. Въ такихъ случаяхъ Аншель съ удивленіемъ смотрѣлъ на отца: онъ рѣшительно не могъ понять, отчего разговоры о жатвѣ ему непріятны.

— Отецъ жизнь моя, сказалъ онъ ему однажды, — не начать ли намъ жать на будущей недѣлѣ? Въ сосѣднихъ деревняхъ жнутъ уже два дня.

— Что жъ ты не распорядился, чтобъ начали жать и у насъ? насмѣшливо спросилъ реббъ Шломе.

— Я? съ удивленіемъ воскликнулъ Аншель, — какъ смѣю я распорядиться безъ твоего приказанія?

— Вѣдь у тебя есть къ кому обратиться за совѣтомъ, продолжалъ реббъ Шломе тѣмъ же тономъ. — Что жъ ты не спросишь у своего наставника Войтъха, какъ и когда нужно жать?

— Помилуй, отецъ жизнь моя, съ жаромъ возразилъ Аншель, — чтò мнѣ спрашивать у него? Распорядиться долженъ не работникъ, а хозяинъ.

— Спрашивай кого хочешь, только не меня, съ сдержанною досадою отвѣтилъ реббъ Шломе, — кажется, ты и до сихъ поръ обходишься безъ моихъ совѣтовъ.

Но читатель очень ошибется, если заключить изъ всего этого, что реббъ Шломе меньше заботился о томъ, чтò снадетъ жатва, чѣмъ Нахима или Аншель. Онъ стыдился только того, что въ эту важнѣйшую минуту ихъ новой жизни, онъ самъ былъ какъ-то отстраненъ отъ всякой дѣятельности. Чтò зналъ онъ о томъ, когда слѣдуетъ жать? Онъ поневолѣ во всемъ долженъ

былъ положиться на Войтѣха и Аншеля; и онъ не могъ покориться на эту незначашую роль въ отношеніи къ родному сыну.

Онъ рѣшился, во что бы то ни стало, показать Аншелю, что его слово еще что-нибудь да значить въ домѣ. «А то пожалуй, говорилъ онъ себѣ, они сдѣлають изъ меня втораго дядю Коппеля, которому изъ милости даютъ уголь въ домѣ и кусокъ хлѣба. Цѣтъ, я имъ покажу, что со мной шутить не приходится, что я еще не совсѣмъ выжилъ изъ ума.»

И правду сказать, реббу Шломе было пора дать почувствовать, что онъ глава и хозяинъ дома, потому что то, что ему представляло его безпокойное воображеніе въ эту минуту, было очень недалеко отъ правды. Въ первый разъ въ жизни, Аншель былъ раздраженъ противъ отца, его обычное почтеніе къ нему было поколеблено; онъ не могъ ему простить насмѣшливаго отвѣта на вопросъ, столь важный для всѣхъ.

«Онъ воображаетъ, говорилъ онъ себѣ, что я все тотъ же глупый мальчишка, которымъ онъ понукалъ, котораго разсылалъ по рынкамъ и заставлялъ дѣлать, что хотѣлъ. Я, кажется, доказываю ему, что я не ребенокъ, что на меня можно положиться; отчего же онъ такъ обращается со мной; не хочетъ говорить со мной, какъ съ человѣкомъ?»

Въ вечеру того же дня, Аншель, который не могъ забыть обиду, нанесенную ему отцомъ, сказалъ Тиллѣ, но такъ громко, что всѣ въ комнатѣ могли его слышать:

— Знаешь ли ты, Тилля, когда мы будемъ жать? Если ты отгадаешь, я тебѣ что-нибудь подарю.

— Какъ, когда? со смѣхомъ воскликнула дѣвочка,—вѣдь рожъ уже созрѣла. Ты думаешь, что я не знаю, что такое зрѣлый колосъ? Не дальше какъ вчера я сорвала одинъ, и сочла сколько въ немъ зернышекъ. Какъ ты думаешь, сколько я насчитала?

— Сто! воскликнулъ Аншель голосомъ, въ которомъ слышалась горькая насмѣшка.

— Вотъ чего захотѣлъ, съ досадой сказала Тилля.—Будь доволенъ и двадцатью пятью.

— А я тебѣ скажу, Тилля жизнь моя, весело воскликнулъ Аншель,—что сколько ты ни насчитай зеренъ, это совершенно все равно.

— Какъ такъ? возразила малютка, и съ удивленіемъ взглянула на брата,—ты, кажется, шутишь со мной.

— Нѣтъ, душа моя, воскликнулъ Аншель,—къ горю моему, я говорю совершенно серіозно. Но скажи сама: когда рожъ не жнуть и даютъ ей сгнить, пропасть, такъ, что солома даже не годится на подстилку для коровъ, развѣ не все равно, что зеренъ въ колосѣ будетъ сто или одно?

— Относятся ли ко мнѣ эти мудрыя слова? медленно произнесъ реббъ Шломе.

Нахима, ничего не зная о предыдущемъ разговорѣ Аншеля съ отцомъ, стала прислушиваться, и тотчасъ же приняла сторону сына. Онъ боялся за поле; вѣрилъ, что жатва въ опасности. Но такъ сильно было вліяніе ребба Шломе на сына, что этихъ его немногихъ словъ было достаточно, чтобы заставить его опомниться и замолчать.

— Я спрашиваю тебя еще разъ, сказалъ реббъ Шломе,—ты на мой счетъ сказалъ свои мудрыя слова?

— Я хотѣлъ только сказать, съ сильнымъ смущеніемъ произнесъ Аншель,—что я не знаю, когда мы будемъ жать.

— Ты, кажется, воображаешь, что ты умнѣе роднаго отца? угрюмо воскликнулъ реббъ Шломе:—ты тоже хочешь обсуживать мои дѣйствія, ты думаешь, что все знаешь, потому что нѣсколько недѣль былъ въ ученьи у работника? Кажется мнѣ и отъ тебя прійдется слышать попреки и упреки, жалобы на то, что я ничего не знаю, все, что дѣлаю, дѣлаю дурно?

Нахима чувствовала, что онъ намекаетъ на нее, и этого было достаточно, чтобы возмутился духъ ея. И прежнія мысли, прежнія чувства громче, нежели когда-либо, заговорили въ ея душѣ.

— Родное дитя, кажется, имѣетъ право сказать свое мнѣніе, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, сказала она, не обращаясь прямо къ мужу,—сказать слово о дѣлѣ, которое столько же касается до него, какъ и до насъ. Еслибъ онъ еще сказалъ: отецъ, дай мнѣ денегъ, я хочу пойти въ трактиръ прокутить ихъ, и если ты мнѣ не дашь ихъ добровольно, то употреблю силу, тогда было бы за что на него сердиться. Но что же онъ сказалъ? что не нужно дать ржи сгнить въ полѣ? Развѣ это несправедливо? развѣ это дерзко съ его стороны?

Только теперь, слушая эти слова, исполненныя желчи, Аншель понялъ, какъ далеко еще стоятъ другъ отъ друга отецъ его и мать; какъ трудно, почти невозможно сближеніе между ними. И хотя мать вступилась теперь больше за него, нежели за себя, онъ почувствовалъ, что ему слѣдуетъ, что его обязанность—принять сторону отца.

— Матушка жизнь! воскликнулъ онъ:—зачѣмъ ты силишься доказать что разумѣется само собой? Долгъ мой заботиться о нашихъ дѣлахъ, но дѣло отца распоряжаться. И если отецъ думаетъ, что мнѣ не слѣдовало говорить мое мнѣніе, если онъ находитъ, что я виноватъ, то конечно я виноватъ.

Нахима почти съ упрекомъ взглянула на сына; ей было непонятно, что онъ такъ скоро могъ простить обиду и несправед-

ливость. Но за то, во взглядѣ ребба Шломе на сына была благодарность. Онъ оцѣнилъ намѣреніе сына, который избавилъ его отъ тяжелой для него борьбы. Аншель не помнилъ, чтобъ отецъ когда-либо съ такою любовію взглянулъ на него, и не раскаивался въ томъ, что заставилъ замолчать свою гордость; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, до какой степени его мать переѣмилась, какъ измѣнились ея отношенія къ мужу. Реббъ Шломе боялся ея!

Онъ ни слова не сказалъ въ отвѣтъ на нападеніе жены, и споръ этотъ, начавшійся съ такимъ жаромъ, внезапно прекратился.

Но реббу Шломе не суждено было провести спокойно этотъ вечеръ. Въ ту минуту, когда всѣ собрались идти спать, дядя Коппель подошелъ къ нему и дрожащею рукою схватилъ его за рукавъ.

— Реббъ Шломе! воскликнулъ онъ плаксивымъ голосомъ— гдѣ же мой могоень-довидъ? Мнѣ уже наконецъ надоѣло ждать.

Мысли ребба Шломе были такъ далеки отъ дяди Коппеля, что онъ не съ разу понималъ, что старикъ требовалъ отъ него, и потому разсѣянно сказалъ:

— Что вы пристааете ко мнѣ, дядя? Развѣ онъ у меня въ карманѣ? Вѣдь вы знаете, гдѣ онъ.

— Реббъ Шломе Ганъ! громко рыдая, воскликнулъ послѣдній приверженецъ Авессалома.—Послушайся моего совѣта, возврати мнѣ моего могоена-довида, а то тебѣ можетъ прійтиса плохо.

Въ другую минуту угроза старика заставила бы только другихъ улыбнуться, но теперь и безъ того никому не было до смѣха, и слова дяди Коппеля болѣзненно отозвались въ сердцахъ всѣхъ. Никогда, казалось, не говорилъ онъ съ такою рѣшительностію, и всѣ вздрогнули, всѣмъ показалось, что въ злобщещъ предреченіи старика слышится проклятіе.

— Дядя Коппель, съ ужасомъ воскликнула Нахима,—Богъ съ вами! какъ можете вы говорить такія вещи? Что можетъ пойти плохо?

— Почему я знаю, Нахима жизнь моя, жалобно продолжалъ старикъ.—Но въ густомъ лѣсу лежать и гниютъ много сваленныхъ деревьевъ, и не все ли равно теперь, сто ли зеренъ въ нихъ или одно?

Очевидно, въ головѣ старика спутались въ насмѣшку сказанныя слова Аншеля и его собственные давнишнія мечты о лѣсѣ; но тѣмъ не менѣе слова его сдѣлали на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Никто не имѣлъ духа отвѣтить на нихъ шуткой.

— Дядя Коппель, воскликнулъ наконецъ реббъ Шломе голосомъ, въ которомъ не слышалось и слѣда обычной насмѣшливости, съ какою онъ говорилъ съ старикомъ,—клянусь вамъ, завтра

рано утромъ, у васъ будетъ вашъ могонь-довидъ. Я самъ пойду къ судѣ и выпрошу у него. Довольны ли теперь мною?

Дядя Коппель не нашелся, что отвѣчать; онъ выпустилъ рукавъ ребба Шломе и пошелъ въ свою комнату. Онъ не подзрѣвалъ, какое впечатлѣніе, въ первый разъ въ жизни, произвели его слова, и что реббъ Шломе, въ самомъ дѣлѣ, рѣшился во что бы то ни стало, воротить въ свой домъ изгнанныхъ изъ него львовъ іудейскихъ.

XXIII.

На другое утро, реббъ Шломе не только не забылъ, но даже спѣшилъ исполнить обѣщаніе, данное дядѣ. Онъ не далъ себѣ времени позавтракать, и послѣ утренней молитвы тотчасъ же вышелъ изъ дому.

Нахима съ удивленіемъ поглядѣла ему вслѣдъ; она почти забыла о происшествіи вчерашняго вечера, а когда вспомнила, зачѣмъ ея мужъ такъ спѣшить къ судѣ, сказала Аншелю:

— Удивительный человекъ твой отецъ! Когда ты только намекнулъ ему, что пора бы начать жать, а то все въ полѣ можетъ сгнить и пропасть, онъ разсердился, накричалъ на всѣхъ; а теперь, нѣсколько словъ, сказанныхъ полоумнымъ дядею, испугали его не на шутку, заставили его сдѣлать то, на что онъ иначе никакъ бы не согласился. Какъ объяснить, какъ понять такіа противорѣчія?

— Я думаю, матушка, возразилъ Аншель,—что мы всѣ не со всѣмъ знаемъ отца.

Нахима недовѣрчиво покачала головой. Реббъ Шломе скоро возвратился съ озабоченнымъ и грустнымъ видомъ. Дядя Коппель былъ такъ занятъ своимъ завтракомъ, что не замѣтилъ, когда онъ вошелъ въ комнату. Но когда Тилля въ полголоса привѣтствовала отца вопросительнымъ восклицаніемъ, онъ тотчасъ же встрепенулся и сталъ прислушиваться.

— Онъ не отдаетъ его, уныло сказалъ реббъ Шломе,—ни за какія деньги не отдаетъ.

— Неужели? съ горестію воскликнула дѣвочка.

— Что станешь съ нимъ дѣлать? продолжалъ реббъ Шломе; по лицу его было видно, до какой степени онъ упалъ духомъ.— Столковать съ мужикомъ нѣтъ никакой возможности. Онъ, какъ сокровище, хранитъ своего могона-довида и убѣжденъ, что пока онъ будетъ у него, ни пожара и никакой другой бѣды не можетъ случиться въ его домѣ.

— Какъ, онъ тоже это думаетъ? воскликнула дѣвочка.

— Кто же еще это думаетъ? спросилъ реббъ Шломе и невольно вздрогнулъ.

Тилля ничего не отвѣчала и опустила глаза.

— И ужъ какъ я его просилъ, снова началъ реббъ Шломе, — ничего не беретъ; какъ затвердилъ свое, ничѣмъ его не уломаешь. Нечего дѣлать, пришлось уйдти съ пустыми руками.

Дядя Коппель молча выслушалъ весь этотъ разговоръ, но съ видимымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ словомъ ребба Шломе. Теперь, онъ всталъ и побрелъ вонъ изъ комнаты.

— Идите за нимъ! съ испугомъ воскликнула Нахима: — я боюсь, чтобъ онъ съ отчаянія не наложилъ на себя рукъ.

Аншель и Тилля поспѣшили за старикомъ. Они нашли его на дворѣ; онъ сидѣлъ у колодца на землѣ; голова его была опущена, и онъ закрывалъ лицо руками:

— Чтò ты, дядя, здѣсь дѣлаешь? воскликнула Тилля, подбѣгая къ нему.

Старикъ поднялъ голову; дѣти думали, что онъ плачетъ и съ удивленіемъ увидѣли, что не только выраженіе лица его нисколько не грустно, но даже бодро и рѣшительно. Глаза его блестѣли почти разумнымъ блескомъ.

— Я думаю о своемъ густомъ лѣсѣ, спокойно возразилъ онъ, — и я добыюсь своего, хотя бы реббъ Шломе еще тысячу разъ обманулъ меня.

— Оставимъ его, шепнулъ Аншель сестрѣ, — за него опасаться нечего.

Въ самомъ дѣлѣ, дядя Коппель весь день былъ спокоенъ и тихъ. Онъ предпринялъ обычную свою прогулку по деревнѣ и только у дома судьи остановился долѣе обыкновеннаго и, казалось, никакъ не могъ оторваться отъ него. Однако онъ къ обѣду возвратился домой, и всѣ, быть-можетъ въ первый разъ, отъ души порадовались аппетиту старика.

Послѣ обѣда реббъ Шломе отвелъ Аншеля въ сторону.

— Неужели ты думаешь, тихо сказалъ онъ ему, — что я безъ всякой причины до сихъ поръ не начиналъ жать на нашемъ полѣ?

— А какія же твои причины? рѣшился спросить Аншель.

— Я ждалъ, чтобы началъ жать судья! какъ бы напередъ приготовившись къ отвѣту, быстро проговорилъ реббъ Шломе. — Судья первое лицо въ деревнѣ, и всѣхъ умнѣе. Если онъ не спѣшитъ, говоритъ я себѣ, нечего и мнѣ спѣшить. Я не хотѣлъ, чтобы могли сказать, что Еврей торопится запереть въ амбары свое добро, что ему не терпится, пока оно въ полѣ. Теперь, я знаю, что судья начнетъ жать завтра; поэтому я нахожу, что намъ приходится начинать послѣзавтра.

Аншель понималъ, что отецъ готовъ сдѣлать ему уступку, и только ищетъ благовиднаго предлога. Онъ былъ тронуть до глубины души.

— Ты, какъ всегда, былъ правъ, батюшка жизнь, отвѣчалъ онъ, — и прости мнѣ, если вчера я осмѣлился дать тебѣ совѣтъ. Правда, что я нетерпѣливъ и не могу дожидаться той минуты, когда все будетъ убрано, прибрано. Но что мнѣ съ собой дѣлать? Вѣдь мнѣ въ первый разъ приходится испытать, что такое значить имѣть хлѣбъ свой въ полѣ!

Съ этой минуты необычайное оживленіе, какъ свѣжій вѣтерокъ среди душнаго дня, стало чувствительно въ домѣ; и больше всѣхъ, конечно, суетился Аншель; онъ вѣчно былъ на ногахъ, всюду слышался его веселый голосъ. Въ продолженіе слѣдующаго дня, онъ, по крайней мѣрѣ, десять разъ сбѣгалъ въ деревню, на-помнить тому или другому работнику, чтобъ онъ не опоздалъ на другой день. Онъ былъ въ какомъ-то чаду, лицо его сіяло радостью.

Нахима наблюдала за нимъ, и странное дѣло! въ душѣ своей негодовала на сына за его веселость.

«И чему онъ радуется? говорила она себѣ, тому ли, что завтра будетъ трудиться въ потѣ лица своего, какъ послѣдній работникъ? Конечно, если съ этимъ полемъ что-нибудь случится, если они не успѣютъ его убрать, мы всѣ должны будемъ пойти по міру; но что тутъ веселаго, я рѣшительно не понимаю.»

Нѣсколько разъ она пыталась сообщить Аншелю свои сомнѣнія, объяснить ему, что ему рѣшительно радоваться нечему. Но Аншель ускользалъ изъ ея рукъ и, казалось, нарочно избѣгалъ разговоровъ съ ней.

— Боже мой! съ горестію воскликнула Нахима:—я его рѣшительно не узнаю. Слова разсудительнаго отъ него не добьешься.

Наконецъ насталъ давножеланный Аншелемъ день. Уже съ ранняго утра онъ со всѣми работниками ушелъ изъ дому. Позже послѣдовалъ за ними и реббъ Шломе, и когда, въ обыкновенный часъ, Нахима вышла изъ своей комнаты, она нашла пустой домъ; Элія и дядя Коппель также куда-то скрылись. Кромѣ Тилли никого дома не было. Это одиночество, а главное, мысль, что въ эту рѣшительную минуту ихъ новой жизни, она не можетъ принять участія въ общемъ дѣлѣ, что ея присутствіе или отсутствіе никто не замѣтитъ, тяжелымъ бременемъ пала на ея уже безъ того наболѣвшее сердце. И когда она вспомнила, что черезъ нѣсколько часовъ къ ея дому подѣдутъ возы, наложенные насущнымъ хлѣбомъ, то почти ужаснулась. Она не довольно приготовилась къ этому. Она понимала, что теряетъ теперь право

быть недовоальною, бороться, таить горечь въ своемъ сердцѣ. Развѣ мужъ не сдержалъ даннаго ей слова? Развѣ обманулъ ее? И опять на нее повѣяло давно знакомымъ запахомъ поля, и въ ухахъ ея раздались слова: «Смотри, Нахима, это Божій даръ, и изъ этого дѣлается хлѣбъ! И съ помощію Бога, я надѣюсь, что ни ты, ни дѣти наши, никогда не будете нуждаться въ хлѣбѣ.»

Она поникла головой, и въ первый разъ вполне сознала, до какой степени она виновата передъ мужемъ, передъ дѣтьми! Глаза ея какъ будто вдругъ раскрылись, и все, что ее окружало, представилось ей въ иномъ видѣ. Она ужаснулась своихъ чувствъ, своихъ мыслей, и сильнѣе, нежели когда-либо, почувствовала потребность обратиться къ Богу, искать утѣшенія въ молитвѣ.

Она не ввѣла обыкновеннаго молитвенника; ей въ эту минуту не хотѣлось повторять молитвы на непоматужомъ ей языкѣ Сіона. Она достала другую книжку, много разъ уже употребившуюся и подаренную ей матерью въ день ея свадьбы. Книжечка эта называлась: *Върующая дочь Израиля*, потому что была написана на нѣмецко-еврейскомъ языкѣ, и только для женщинъ. Она была не длинна, но сколько содержала она въ себѣ! Каждое обстоятельство жизни, каждое чувство было предусмотрено.

Неизвѣстный сочинитель хорошо зналъ сердце женщины. Нахима давно уже не брала въ руки этого молитвенника, и теперь стала его перелистывать, въ надеждѣ найти молитву сообразную ея положенію и настроенію. Она хотѣла знать, о чемъ носелянкѣ слѣдуетъ просить у Бога, когда въ первый разъ съ ея поля убираютъ жатву. Но напрасно прочла она всѣ заглавія; ни въ одномъ не нашла того, что искала. Тутъ были молитвы для всѣхъ праздничныхъ и постныхъ дней; за тѣмъ цѣлый рядъ молитвъ, для всевозможныхъ случаевъ въ жизни женщины. Невѣста, жена, мать, всѣ могли прибѣгать къ этой книжечкѣ, и, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, она была вѣрною спутницей Нахимы. Сколько разъ она находила въ ней разрѣшеніе сомнѣній, утѣшенія, облегченія! Но теперь эта книга была нѣма, теперь она измѣнилась! Нахима не могла вѣрить и съ лихорадочнымъ волненіемъ еще разъ пробѣжала всю книгу, но опять не нашла въ ней отвѣта.

«Боже милосердый! съ сердечнымъ сокрушеніемъ воскликнула она, не несчастна ли я? Я вѣдь хочу молиться и не могу найти молитву, которая мнѣ нужна.»

Она задумалась, и вдругъ ей стало ясно, отчего она не находитъ себѣ отвѣта, въ *Върующей дочери Израиля*.

«Шма Израель! воскликнула она, какъ могъ знать тотъ, кто писалъ эту книгу, что я буду существовать? Какъ могъ

онъ знать, что я буду поселанкой? Какъ могло это ему придти въ голову? Да тогда вѣроятно и не было поселанъ. Обо всемъ онъ подумалъ, все предвидѣлъ, кромѣ этого. Боже мой! что они со мною сдѣлали! лишили меня послѣдняго утѣшенія!

• Она съ сердцемъ бросила книгу на столъ; но потомъ, какъ бы испугавшись, взяла ее опять въ руки, и прижала къ своимъ губамъ.

• Развѣ ты виновата, сказала она, какъ бы извиняясь передъ *Върующей дочерью Израилля*, что я не нахожу въ тебѣ совѣта и утѣшенія? Мать не подарила бы тебя мнѣ, еслибы она знала, что я буду поселанкой. Для поселанки нѣтъ молитвы.

Нахима не стала молиться; она была слишкомъ взволнована, разстроена; къ тому же она говорила себѣ, что ей теперь не о чемъ молиться, что Богъ, помимо ея воли, далъ жатвѣ созрѣть, и теперь не хочетъ принять ея молитвы, съ гнѣзомъ отвернулся отъ нея. Она почувствовала себя вдругъ до того утомленною, слабою, что была принуждена сѣсть. Она звала смерть; у нея потемнѣло въ глазахъ, и ей представилось, что она въ самомъ дѣлѣ умираетъ.

• Къ чему мнѣ жить? думала она про себя, я никому не нужна, и только мѣшаю жить другимъ. Они порадуются моей смерти.

Мысль о смерти ни чуть не пугала ея теперь; она закрыла глаза и, мало-по-малу, буря, волновавшая ея душу, утихла; она стала дышать спокойнѣе, ровнѣе; она заснула. Какъ долго она спала, и сама не знала; но вдругъ она проснулась и увидѣла передъ собой улыбающееся лицо Тилли.

— Ты устала, матушка? спросила дѣвочка, — отчего ты встаешь? Я сейчасъ уйду.

— Развѣ я спала? воскликнула Нахима, послѣшно вскакивая со стула, на которомъ заснула. — Тебѣ, я думаю, смѣшно, что я могла заснуть среди бѣлаго дня, сегодня, когда у насъ столько дѣла.

— Отчего же? сказала Тилли: — ты вѣрно устала; засни опять. Я сейчасъ уйду.

— Ты, кажется, съ ума сошла, Тилли, воскликнула Нахима. — Какъ можно мнѣ сегодня спать? ты забыла на сколькихъ людей мнѣ нужно готовить обѣдъ? Вѣдь съ работы сегодня всѣ воротятся голодные, какъ же мнѣ теперь лѣниться? Мнѣ уже давно бы слѣдовало быть въ кухнѣ, я боюсь, что я опоздала.

— Объ этомъ не заботься, матушка жизнь, со смѣхомъ возразила Тилли, — коровъ только-что выгнали въ поле.

Странное дѣло! Нахима чувствовала себя теперь свѣжею и бодрою, какъ никогда. Она забыла свое утомленіе и съ радостію думала о томъ, что много ей предстоитъ дѣла на этотъ день.

И трудно было бы узнать въ суетящейся, дѣятельной женщинѣ, у очага, ту Нахиму, которая за часъ передъ тѣмъ собиралась

умирать. Тилла, сколько могла, помогала матери, и на лицѣ ребенка было видно какъ радуется его дѣятельная веселость матери. Нахима была вся погружена въ хозяйственныя хлопоты и, казалось, ни о чемъ другомъ не думала, какъ о томъ, чтобъ обѣдъ удался, чтобы все было сварено, изжарено, какъ слѣдуетъ.

Утро прошло незамѣтно въ хлопотахъ. Вдругъ, около полудня, Тилла задыхаясь вбѣжала въ кухню и воскликнула: — Ъдутъ, ъдутъ, матушка жизнь! Они сейчасъ будутъ здѣсь!

— Кто, кто? воскликнула Нахима.

— Возь, поле, рожь, хочю я сказать, съ восторгомъ воскликнула дѣвочка, — а наверху, высоко, высоко, сидитъ Аншель и правитъ лошадьми.

Нахима вздрогнула, услыхавъ эти слова и испугалась, чего? и сама бы не могла она объяснить. Однако, она совладѣла съ собою и медленными шагами вышла изъ дому и подошла къ воротамъ, откуда улица была видна во всемъ своемъ протяженіи.

Цѣлая гора сноновъ подвигалась къ дому; двѣ крѣпкія лошади съ видимымъ усміемъ тащили тяжелый возъ, а наверху сидѣлъ человекъ. Одна голова его была видна. Неужели это былъ Аншель? Зачѣмъ взобрался онъ такъ высоко, зачѣмъ подвергался такой опасности? У Нахимы ноги подкосились отъ страха, и она была принуждена прислониться къ воротамъ. Возъ съ снопами уже былъ близокъ; сомнѣваться было невозможно: голова, на этой страшной высотѣ, была голова Аншеля.

Голова, должно быть, тоже примѣтила ее; потому что лошади, послушныя голосу своего господина, вдругъ побѣжали быстрѣе. Нахима еще болѣе испугалась; ей показалось, что лошади прямо несутся на нее, что Аншель не можетъ ихъ удержать, что все погибло.

Но теперь, въ самомъ дѣлѣ, приближалась опасная минута. Чтобы вѣхаться на дворъ, возъ долженъ былъ круто повернуть. Чтобы совершить это дѣло, требовалось не мало силы отъ того, кто правилъ лошадьми. Нахима часто замѣчала, что самъ Войтѣхъ, и не съ такими возами, осторожно, шагомъ вѣзжалъ на дворъ. Но Аншель, казалось, и не думалъ объ опасности; онъ смѣло ѣхалъ впередъ; а достаточно было одного неловкаго движенія, и все кончено! онъ будетъ лежать убитымъ на землѣ! У Нахимы закружилось въ головѣ; она закрыла глаза.

Въ ту же минуту послышался голосъ Аншеля:

— Матушка, ради Бога, отойди отъ воротъ.

Голосъ сына привелъ ее въ сознаніе. Она нашла силу отскочить въ сторону, и увидала, какъ возъ, съ шумомъ вкатился въ ворота, какъ снопы колыхались и прыгали; лошади остановились посреди двора.

— Здравствуй, матушка жизнь! закричалъ ей голосъ съ высоты:—мы теперь можемъ быть покойны и благодарить Бога; у насъ хлѣба будетъ вдоволь.

Нахима съ трудомъ переводила дыханіе, мертвенная блѣдность покрывала ея лицо.

— Но я всю жизнь свою не забуду, сказала она, когда нѣсколько оправилась,—какъ ты меня сегодня напугалъ.

— Чѣмъ, матушка? съ удивленіемъ воскликнуть Аншель.

— Боже милостивый! и ты еще спрашиваешь? съ усиліемъ проговорила Нахима.—Зачѣмъ, скажи на милость, ты взобрался такъ высоко? Развѣ ты не могъ посадить туда кого-нибудь другаго, а самъ идти пѣшкомъ, рядомъ съ возомъ?

— Какъ это возможно, матушка? отвѣтилъ Аншель изъ своей засады;—хорошій бы я былъ поселенинъ, еслибы даже этого не умѣлъ. Къ тому же я долженъ былъ показать, на что я способенъ.

— Какая же въ этомъ необходимость? насмѣшливо возразила Нахима.

— Развѣ ты не знаешь, матушка жизнь моя, воскликнулъ Аншель,—что каждый новый поселенинъ долженъ дать обращикъ своего умѣнья? Желалъ бы я, чтобы кто-нибудь изъ еврейской улицы попробовалъ, съ полнымъ возомъ, вѣхатъ на дворъ, не уронивъ ни одного зернушка! Это не такъ легко, какъ кажется.

— Я видѣла, что это вовсе не легко; но о матери своей ты и не подумалъ, съ горечью возразила Нахима.

Аншель слишкомъ хорошо зналъ мать, онъ не могъ не понять по голосу ея, что она очень взволнована.

— Хорошій бы я былъ поселенинъ, воскликнулъ онъ, стараюсь стать на ноги, чтобы слова его явственнѣе долетали до матери,—какъ всѣ бы надо мной смѣялись, еслибъ я не сумѣлъ этого сдѣлать. Къ тому же, матушка, какъ могъ я допустить чтобы кто-нибудь, кромѣ меня, привезъ домой первый нашъ хлѣбъ?

— Но слѣзай же ты теперь, отвѣтила Нахима болѣе мягкимъ голосомъ,—дай на себя посмотреть.

— Не могу, матушка жизнь, весело отвѣчалъ Аншель, — мнѣ прежде нужно все это повыбросать на землю.

Съ этими словами, Аншель, сильною рукой, схватилъ два огромныхъ снопа, и такъ ловко перебросилъ ихъ черезъ дворъ, что они упали около самаго сарая.

— Смотри, матушка, говорилъ онъ бросая снопы за снопомъ—смотри, что у насъ за рожь! Всѣ удивляются необыкновенному урожаю на нашемъ полѣ. Мы нажали до двухъ тысячъ сноповъ. Самъ Войтъхъ разчитывалъ только на тысячу двѣсти. И что за рожь! Зернистая, тяжелая. И какъ радъ отецъ! Онъ какъ царь

рассказываетъ между жнищами, и ты бы посмотрѣла, какъ всѣ онѣ уважаютъ его, слушаются. Отецъ угостилъ ихъ обѣдомъ и пивомъ, и ты бы послушала, какъ онѣ теперь говорятъ о насъ, Бвреяхъ.

— Развѣ онъ увѣренъ, что урожай хорошъ? прервала его Нахима.

— Это ясно какъ день, возразилъ Аншель;—вѣдь мы не слѣпые: чтобы ты сказала, матушка еслибы мы тебѣ, наприимѣръ, привезли домой головнистую рожь?

— Что это такое? спросила Нахима, никогда не слышавшая этого слова.

— Это ужасное дѣло, матушка, возразилъ Аншель, не отрываясь отъ своей работы,—тотъ поселянинъ, которому случилось испытать, что это такое, въ жизнь свою этого не забываетъ. Это черныя, мелкія пятнышки, которыя, Богъ вѣсть почему, вѣдаются въ зерно. Но вѣрно то, что они содержатъ въ себѣ ядъ, и Войтѣхъ мнѣ говорилъ, что не разъ люди умирали отъ такого хлѣба.

— И это могло бы случиться и съ нашимъ полемъ? съ умасомъ спросила Нахима.

— Всякое поле можетъ подвергнуться этой болѣзни, сказалъ Аншель.—Она внезапно нападаетъ на поле, сегодня оно здорово, а завтра смотришь, оно безнадежно больно; и тутъ никакой докторъ не поможетъ. Полю нельзя прописать лѣкарства.

Нахима молча выслушала эти объясненія. Аншель не подозрѣвалъ, какъ не кстати онъ пустился въ эти земледѣльческія подробности.

— И знаешь ли что еще, матушка жизнь моя? продолжалъ онъ.—Старый.... поселянинъ, не знаю, знаешь ли ты его, старикъ Вацлавъ Сметана, которому всѣ очень вѣрятъ, предсказалъ, что будущій годъ будетъ дурной; а это, по его мнѣнію, самое выгодное для достаточныхъ поселянъ, которымъ не до заработка нужны деньги, и нечего сейчасъ же продавать нынѣшнюю рожь. Отецъ тоже сказалъ, что онъ ни одной четверти не продастъ теперь, а будетъ выжидать удобнаго времени.

— Онъ ничего не хочетъ продавать! повторила Нахима,—чѣмъ же мы будемъ жить весь этотъ годъ? Въ вовсе не успокоивала такая отдаленная надежда на доходъ.

— А это что, матушка? воскликнулъ Аншель, указывая на снопы.

— Ужели ты воображаешь, что мы это все съѣдимъ въ этотъ годъ?

Аншель покончилъ свое дѣло. На телѣхъ не оставалось болѣе ни одного снопа, и онъ стоялъ теперь совершенно на виду пе-

редь матерью. Нахима все забыла, залюбовавшись его юношескою силой и красотой.

— А вѣдь ты сталъ настоящимъ пахаремъ, сказала она голосомъ, въ которомъ не слышалось ни малѣйшаго упрека.

— Мнѣ пріятно, когда ты это мнѣ говоришь, воскликнулъ Аншель.

— Развѣ ты не хочешь отдохнуть? сказала Нахима, замѣчая, что онъ не выпускаетъ вожжей изъ рукъ:—я думаю, что ты уже и то до смерти усталъ.

— Что ты, матушка? съ удивленіемъ возразилъ Аншель:—развѣ теперь время отдыхать? Ты меня до вечера не увидишь, и завтра, послѣзавтра будетъ то же самое.

И съ этими словами онъ крѣпче сжалъ въ рукахъ вожжи.

— Теперь, матушка жизнь, сказалъ онъ, — будь такъ добра, и посторонись немного, мнѣ нужно повернуть.

— Будь осторожень, Бога ради! воскликнула Нахима, въ новомъ припадкѣ ужаса.

— Не безпокойся, матушка, возразилъ Аншель, — лошади меня знаютъ; мнѣ не первый разъ приходится править ими.

Нахима отошла на нѣсколько шаговъ. Но Аншель не двинулся съ мѣста; онъ чѣмъ-то, казалось, былъ озабоченъ, и нарочно медлилъ.

— Что жъ ты не ѣдешь? съ безпокойствомъ спросила Нахима:— или ты боишься?

— Ты ни къ кому не хочешь мнѣ дать порученія? вмѣсто отвѣта спросилъ Аншель, прямо глядя матери въ глаза.

Нахима поняла вопросъ сына. Она покраснѣла, опустила глаза и быстро проговорила:

— Посовѣтуй ему не слишкомъ утомляться, и не пить, пока ему жарко.

— Сказать мнѣ это отъ себя? тихо спросилъ Аншель.

— Развѣ не все равно, что отъ меня или отъ тебя? возразила Нахима, отворачиваясь отъ сына.

— Итакъ, я передамъ ему это отъ тебя, матушка жизнь! громко и радостно воскликнулъ Аншель.

Нахима не успѣла опомниться, какъ лошади уже пронеслись мимо нея, и Аншель выѣхалъ благополучно на улицу. Она стояла какъ вкопаная, и долго еще прислушивалась къ удалявшемуся стуку колесъ.

XXIV.

Аншель сказалъ правду: благословленіе Божіе видимо сошло на амбары ребба Шломе. Одна за другой и одна полѣе другой въѣзжали фуры, нагруженныя золотистою рожью. Ихъ привозили Войтъхъ и Аншель, сѣбяясь поочередно. Едва одинъ успѣвалъ справиться съ своею работою, какъ уже другой вводилъ упряжь въ ворота, стоявшія цѣлый день настезь.

Работникамъ было дѣла по горло за уборкой сноповъ и постоянно прибывали снопы; казалось, имъ не будетъ конца. Нахима смотрѣла на все это съ изумленіемъ, возраставшимъ при видѣ каждой новой телеги. Ей, не знавшей мѣрки, по которой крестьянинъ вѣрнымъ и опытнымъ взглядомъ напередъ оцѣниваетъ жатву, все это казалось какимъ-то чудомъ. «Отроду не могла я вообразить, думала она про себя, что за такимъ полемъ, если его вспахать, будетъ столько работы. Кажется слабое дитя снесло бы всю жатву на рукахъ, а вмѣсто того здоровые мужчины работаютъ безпрестанно, и имъ будетъ еще работы на нѣсколько дней.

Въ полдень она выслала обѣдъ съ нѣсколькими служанками въ поле.—Пусть кушаютъ хорошенько, велѣла она имъ сказать;—обѣде сегодня особенно хорошъ, да пусть Аншель посоветуетъ «ему» сдѣлать то, о чемъ я такъ убѣдительно просила.

— Много ли еще осталось? спросила она работника Войтъха, когда онъ пріѣхалъ съ новымъ грузомъ.

— Эхъ хозяйка, отвѣчалъ тотъ съ худо сдержанною злобой,—если дѣло идетъ такъ хорошо, такъ ужъ развѣ только потому, что тамъ трудится его преподобіе, иначе я этого и понять не могу.

— Развѣ мой другой сынъ тоже въ полѣ? перебила Нахима мрачнаго работника. Тутъ только она вспомнила, что цѣлый день ни разу не вспоминала объ Эліи.

— Да, хозяйка, отвѣчалъ Войтъхъ,—и онъ въ полѣ. И если мы завтра, а можетъ-быть еще и послѣ завтра не управимся съ работою такъ вини его. Еслибы не онъ, почему бы всѣ сосѣднія поля стояли словно объѣдены крысами, а все добро досталось однимъ Евреямъ?

Очевидно въ работникѣ опять пробудился мрачный духъ раздора. Онъ овладѣлъ имъ въ то самое время, когда онъ собственными руками ввозилъ въ домъ Божью благодать. То былъ снова прежній, сердитый Войтъхъ, которому Эльба казалось не

довольно глубокою, чтобы перетопить въ ней всѣхъ тѣхъ, кого онъ ненавидѣлъ.

Можетъ-быть, этотъ снова такъ внезапно вспыхнувшій гнѣвъ былъ только признакомъ его выздоровленія. Можетъ-быть, Войтѣхъ только и вынесъ изъ разговора съ бохеромъ, что ненависть, отнынѣ укрѣпившуюся и оправданную въ собственныхъ его глазахъ. Какъ бы то ни было, враждебное настроеніе работника произвело на Нахиму почти радостное впечатлѣніе. Она не знала, въ какой связи находились слова Войтѣха съ его болѣзненнымъ раздраженіемъ; она видѣла въ нихъ только зависть и недоброжелательство, которыя даже простой работникъ чувствовалъ къ ея семейству.

«Только теперь вѣрю я въ самомъ дѣлѣ, что Богъ послалъ намъ благословеніе, и что все идетъ хорошо, такъ радовалась она внутренно. Иначе сталъ ли бы этотъ работникъ такъ говорить? Онъ бы потиралъ себѣ руки! А теперь ему больно и тошно, что нельзя придти съ дурнымъ извѣстіемъ и сказать: хозяйка, жатва наша такъ плоха; что ея не достанетъ вамъ на пропитаніе; колосъ жидокъ; сильные дожди все испортили, а на зернѣ показывается черный ядъ,—какъ бишь его называлъ Аншель?»

Странно, въ ея душу запала капля этого чернаго яда, капля маленькая, но довольно сильная, чтобы не дать ей переполниться радостью при видѣ богатой жатвы. Она забыла слово, но звукъ, но впечатлѣніе осталось. Такъ и на ея полѣ могъ завестись черный ядъ? а если ихъ и миновало на этотъ разъ тяжкое бѣдствіе, кто поручится, что оно не постигнетъ ихъ въ слѣдующемъ же году?

— Какъ называется черный ядъ, о которомъ говорилъ Аншель? крикнула она Тиллѣ, когда Войтѣхъ ушелъ молча и безъ поклонна.

— Не знаю, маменька, отвѣчала Тилля,—я не слыхала.

— Вѣдь это было при тебѣ, возразила Нахима.

— Я не слушала, сказала малютка.

Нахима не могла удержаться, чтобы не побранить ее немного за такую невнимательность; ей хотѣлось затвердить это ядовитое слово, можетъ-быть для того, чтобы постоянно имѣть его наготовѣ, все равно понадобится оно ей или нѣтъ. Молча, даже грустно выслушало дитя упреки; вообще этотъ день былъ не радостный день для Тилли. Ее мучило что-то, ей было грустно и досадно. Всякій разъ какъ Аншель вѣзжалъ съ хлѣбомъ, при видѣ его шумной радости ея овладѣвала дрожь, и она чувствовала острую боль въ сердцѣ; глаза, полные слезъ, встрѣчали его смѣхъ. Дитя видно, не понимало, какъ могъ братъ ея «такъ» радоваться?

Вернулась послѣдняя телѣга; ею правилъ Аншель. Съ нимъ прибылъ и реббъ Шломе; явились и Элія и дядя Коппель. Домъ вдругъ оживился тою жизнію, которая такъ благотворно дѣйствуетъ на душу послѣ опустѣнія. При свѣтѣ луны были убраны въ сарай послѣдніе снопы. Войтѣхъ, несмотря на возраженія утомленнаго Аншеля, настоялъ на томъ, чтобъ это было сдѣлано въ тотъ же день.—Хлѣбъ, говорилъ онъ сердито,—тоже хочеть опать; вчера Господь Богъ далъ ему ночлеги, а сегодня Евреи хотять отказать ему въ убѣжищѣ?

Странна была Нахима въ этотъ вечеръ. Когда мужъ ея вошелъ, она не сказала ему ни слова, только дѣтей привѣтствовала она; она спрашивала о томъ и другомъ, но къ нему не обращалась. Стыдилась ли она, что, вопреки своей досадѣ, послала ему слово любви, какъ въ лучшія времена своего супружества? или давила ее мысль, что мужъ, который теперь сидѣлъ передъ нею до такой степени усталый и изнуренный, что, казалось, муха повалила бы его, честно потрудились, чтобы добыть своей семьѣ «хлѣбъ» насущный? Часто по ея лицу пробѣгало что-то, словно вечерняя зарница; можетъ-быть она въ эти минуты хотѣла говорить, но движеніе это исчезало съ ея лица, и угрюмая досада возвращалась на него, какъ только она приходила въ соприкосновеніе съ реббомъ Шломе. Съ дѣтьми она была ласкова, весела и даже засмѣялась, когда Аншель разказалъ ей, какъ дядя Коппель принималъ дѣятельное участіе въ работѣ и во весь день соорудилъ ровно одинъ енопъ!

— Но какъ же ты-то, Элія жизнь моя, провелъ цѣлый день въ полѣ, спросила она,—развѣ ты привыкъ къ этому?

— Я хотѣлъ посмотреть, что тамъ дѣлается, отвѣчалъ онъ и сильно покраснѣлъ.

Послѣ обильнаго ужина, реббъ Шломе тотчасъ же заснулъ сидя. Онъ ѣлъ молча, и ни разу не взглянулъ на Нахиму; наконецъ усталость одолѣла его. Когда дѣти увидѣли, что онъ спитъ, разговоръ остановился и перешелъ въ самый тихій шопотъ. Нахима замѣтила это и взглянула на мужа. Какъ испугалась она! Сонъ сдѣлалъ суровыя черты лица его мягкими, почти нѣжными; въ губахъ его было какое-то неопредѣленное выраженіе, какъ будто глубокаго горя, и глаза, казалось, закрылись для того, чтобы не было видно набѣжавшихъ слезъ. Такимъ онъ никогда еще не являлся ей, съ тѣхъ поръ, какъ она его знала. И въ счастья и въ невзгодѣ умѣлъ онъ всегда сохранять ровное и суровое лицо. Но вотъ сонъ открылъ его тайну: и этотъ мушкетеръ не могъ скрыть своего горя, и онъ долженъ былъ покориться закону, который, по мнѣнію мушкетера, имѣетъ силу надъ однимъ женщинами. Сердце ея сжалось отъ искренней жалости, когда она

вглядывалась въ него. Она была принуждена встать и подойти къ окну, чтобы присутствующіе не замѣтили ея внутренняго волненія.

Черезъ нѣсколько времени она тихонько подошла къ себѣ Тиллю.

— Разбуди же отца, сказала она ей, отвернувшись отъ нея лицомъ. — Ему не годится спать на этомъ жесткомъ стулѣ. Онъ слишкомъ усталъ, я боюсь, какъ бы это не повредило ему. Скажи ему, чтобъ онъ лучше легъ въ постель.

— Маменька, вѣдь я не могу, возразила Тилля шовотомъ.

— Отчего? отчего? спросила Нахима съ сердцемъ, хотя и тихо.

— Вѣдь дѣти не должны будить своихъ родителей, сказала Тилля, — это великій грѣхъ.

Нахима забыла это. Она постояла еще нѣкоторое время у окна; потомъ дѣти увидѣли, какъ она на цыпочкахъ прошла черезъ всю комнату и остановилась возлѣ отца. Съ удивленіемъ смотрѣли они на нее. Тихо, черезчуръ тихо коснулась Нахима рукою лица спящаго. Онъ не проснулся отъ этого. Тогда она нагнулась къ нему и сказала ему шопотомъ, однакоже такъ, что всѣ въ комнатѣ слышали:

— Шлеме, отчего ты нейдешь спать? ты вѣдь усталъ.

Полусонный поднялся ребѣ Шлеме и взглянулъ вѣкругъ себя широко открытыми глазами; но Нахима быстро отступила въ тѣнь, и онъ не видалъ ея. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы преодолѣть сонъ, но напрасно, и снова опустился на свой стулъ. На лицѣ Нахимы выразилась глубокая грусть.

Но впечатлѣніе напечатанныхъ словъ осталось, какъ видно, въ его слухѣ; черезъ нѣсколько минутъ онъ вдругъ опять проснулся провелъ рукою по лбу, какъ пробужденный отъ сладкихъ грезъ и взглянулъ вѣкругъ себя ясными глазами. Потомъ онъ сильно потянулся, такъ что можно было видѣть все развитіе его мускулистыхъ рукъ.

— Прощайте всѣ, сказалъ онъ свѣжимъ голосомъ и твердою походкой пошелъ въ спальню.

На слѣдующее утро Нахима гораздо спокойнѣе смотрѣла на уборку хлѣба. Отъ потрясенія вчерашняго дня осталось чувство мира и спокойствія. Она сегодня уже не удивлялась, что на такомъ полѣ можетъ вырасти столько хлѣба; благодать Божія не казалась ей болѣе упрекомъ. И она не пугалась, когда Аншель съ своею упражью совершалъ смѣлый поворотъ въ ворота и изъ воротъ; она стала спокойнѣе.

Только разъ вышла она изъ этого мирнаго настроенія. Ей опять захотѣлось молиться; теперь побуждала ее къ молитвѣ болѣе благодарность, нежели бурное волненіе духа. Но странно, *Благоче*

стивая Дочь Израилля потеряла для нея всю свою прелесть. Книжка эта измѣнила ей въ слишкомъ мрачный часть; она больше не надѣялась на нее. Она взяла *Сидуръ*, гдѣ находились ежедневныя молитвы и читала его отъ «жилицъ Іаковлевыхъ» до «услыши, Израилю». Все вниманіе ея было невозмутимо сосредоточено на священныхъ словахъ, какъ вдругъ Тилля прервала ее вопросомъ, касающимся до хозяйства. Нахима не отвѣчала, потому что во время молитвы можно произносить только слова священныя, но все-таки она смутилась. Ея глаза опустились на нижній край страницы, гдѣ былъ помѣщенъ жидовско-нѣмецкій переводъ. Безъ намѣренія, почти противъ воли прочла она.

«Вамъ будетъ пища въ избыткѣ! Но берегитесь, да не поколеблется ваши сердца, да не отступитесь и не послужите идоламъ. Иначе надъ вами заплыаетъ гнѣвъ Божій, онъ затворитъ небо, чтобы дождь не падалъ на землю, и чтобы земля не давала плодовъ, и вы погибнете на той доброй землѣ...»

Дальше Нахима не могла читать; у нея потемнѣло въ глазахъ. Въ ужасѣ положила она книгу.

«А черный ядъ, котораго названіе забыла она вчера, вдругъ подумала она, а черный ядъ? Развѣ это еще не самое худшее? Развѣ можно быть еще болѣе наказаннымъ?»

Нахима была готова впасть во вчерашнее болѣзненное волненіе; въ ней опять кипѣли попрежнему тѣ мрачныя силы которыя такъ легко овладѣвали ею. По счастью, въ эту минуту Аншель въѣхалъ въ ворота съ новымъ грузомъ, и черныя мысли приняли тотчасъ же другое направленіе. Но все-таки она не могла удержаться, чтобы не спросить:

— Ну что, Аншель жизнь, и сегодня ничего не замѣтно на хлѣбѣ?

— Что такое? спросилъ Аншель съ телѣги.

— Я разумѣю черный ядъ, о которомъ ты говорилъ, отвѣчала она запинаясь.

— Что ты это, матушка жизнь! воскликнулъ Аншель съ удивленіемъ,—зерно чисто, какъ золото, на немъ нѣтъ ни одного пятнышка.

— Да я только такъ, сказала Нахима, почти стыдась, — вѣд могло же оно случиться.

— Случиться все можетъ, отвѣчалъ Аншель смѣясь,—да только нѣтъ этого. Не напускай на себя такихъ мыслей, матушка!

Нахима въ самомъ дѣлѣ успокоилась. День прошелъ благополучно. Уборка хлѣба шла своимъ чередомъ, не прерываемая никакою случайностью.

Опять трудилась до поздней ночи надъ тяжелою работой: казалось, ей не будетъ конца. Усталые, изнуренные воротились всѣ домой, отказались отъ ужина и тотчасъ же легли спать.

Слѣдующій день была пятница. Нахима вознамѣрилась на этотъ разъ праздновать шабашъ по старому, какъ въ городѣ. Жатва была убрана, такъ пусть же всё снова почувствуютъ сладость такого шабаша. Она думала не объ одной только стряпнѣ, другія мысли неотступно шевелились въ ея умѣ. Она сознавала, что при самомъ лучшемъ кушаньѣ, шабашъ будетъ не въ шабашъ, если она не будетъ прежнею Нахимой. Въ ней какъ будто мерцало забвеніе прошлаго и примиреніе. Неотступно говорилъ ей внутренній голосъ, что на завтрашнемъ шабашѣ она должна быть прежнею Нахимой.

Радостно принялась она въ этотъ разъ за работу; она хотѣла все устроить такъ, какъ еще никогда... Она, какъ для большаго праздника, не жалѣла ничего, что только было у нея хорошаго и дорогаго въ запасѣ. Въ вѣнецъ завтрашняго угощенія изготавила она куличъ, осыпанный изюмомъ. «Когда мужъ и дѣти отвѣдаютъ его, думала она съ справедливою гордостью, то они узнаются, что такой куличъ можетъ испечь одна только Нахима.»

Посреди этихъ приготовленій ее вдругъ испугалъ одинъ вопросъ Тилли.

— Матушка, отчего ты не отложишь такого празднованія до другаго шабаша?

— Зачѣмъ же откладывать? возразила Нахима.—Другой такой шабашъ не скоро придетъ. Хлѣбъ убранъ, такъ я и хочу устроить праздникъ.

— Такъ ли, матушка? сказала малютка, помолчавъ немного.—Мы Аншель говорилъ вчера ночью, что они сегодня не уберутся съ работой. Тогда хлѣбу придется лежать два дня на полѣ; кто знаетъ, не повредитъ ли это ему? Вѣдь въ эти два дня можетъ пойти дождь и градъ.

— Отчего же два дня? спросила Нахима, у которой мысли начинали путаться.

— Завтра шабашъ, отвѣчала Тилли, а послѣ завтра воскресенье,—тутъ тоже нельзя работать.

— Такъ они не управятся сегодня? спросила Нахима беззвучнымъ голосомъ.

— Если захватятъ немного шабаша, такъ управятся.

— Что же они хотятъ дѣлать? проговорила Нахима послѣ краткаго молчанія, глубоко вдыхая. Она какъ будто боялась, что слишкомъ много спрашиваетъ.

— Не знаю, матушка, отвѣчала Тилли тихо.

Нахима не повѣрила ей. Она требовала, чтобы Тилли сказала ей все, что знаетъ. Но малютка увѣряла всѣмъ, что есть святаго, что ничего не знаетъ, кромѣ того, что сказалъ ей Аншель.

— Какъ же ты думаешь, будутъ они работать въ шабашъ?— спросила опять Нахима съ испытующимъ взглядомъ, который какъ будто хотѣлъ проникнуть въ самую глубину этой дѣтской души.

— Не знаю, повторила малытка.

— Я ужь вижу, что будутъ! воскликнула Нахима сердито.— Что твоему отцу до того, что онъ наложитъ грѣхъ на домъ; что ему до шабаша? Это какъ разъ въ его нравѣ. Онъ поставитъ на своемъ и заставитъ дорабатывать въ шабашъ. Что ему до этого? А тогда послушай-ка что будутъ говорить въ Еврейской улицѣ о Нахимѣ Ганъ и ея домѣ. Намъ нельзя будетъ взглянуть людямъ въ лицо, и плевать они будутъ на насъ.

Съ возрастающимъ удивленіемъ слушала дѣвочка гнѣвные восклицанія матери.

— Матушка, сказала наконецъ Тилля, — да развѣ они уже сдѣлали это когда-нибудь?

— Отъ твоего отца все станется! закричала Нахима, — и святой шабашъ долженъ плясать по его дудкѣ!

Тилля молчала. Она видѣла, что не успокоитъ краткими словами волненія матери. Но ее удивило, что, несмотря на свой гнѣвъ, Нахима не прерывала приготовленій къ шабашу. Что бы это значило? Пронзательный ребенокъ не могъ смекнуть связи между словомъ и дѣломъ; онъ не понималъ матерш.

Но и Нахима сама не понимала себя. Когда бурное волненіе улеглось, и снова просвѣтлѣло въ ея головѣ, она была принуждена спросить себя: «Да почему жь ты знаешь, что они это сдѣлаютъ? Можетъ-быть они и не думаютъ объ этомъ. Что ты выходишь изъ себя, какъ дикій звѣрь?» Эти вопросы составляли естественный переходъ къ другимъ, болѣе тяжкимъ и болѣе важнымъ. Она не выказывала ихъ; она не хотѣла даже объ нихъ думать, но какъ встревоженные пчелы кружились они въ ея головѣ, что бы она ни дѣлала.

• Такъ хлѣбу два дня лежать на полѣ. Гнить ему, или быть побиту градомъ? И это угодно Богу? • Таковы были первые изъ этихъ вопросовъ.

• Нѣтъ, отвѣчала она сама себя, Богъ не можетъ хотѣть, чтобы человекъ ради двухъ, трехъ часовъ шабаша погубилъ свое состояніе. Чѣмъ же существовать ему? Не можетъ же онъ питаться однимъ воздухомъ? •

Тутъ пришло ей на помощь воспоминаніе дѣтства. Въ праздникъ Йомъ Киппуръ былъ пожаръ въ Еврейской улицѣ. Набатный колоколъ, ревя, возвѣстилъ распространеніе страшной стихіи. Тогда всѣ бросились, какъ были, въ бѣлыхъ саванакъ на мѣсто пожара и погасили губительное пламя. Почему же нѣтъ

не сдѣлать того, что все сдѣлали тогда въ праздникъ Йомъ Киппуръ, чтобы спасти свое состояніе? Развѣ ихъ состояніе подвергалось теперь меньшей опасности?

Потомъ она уцѣпилась за воскресенье. Положимъ, ворчала она, что нельзя работать въ шабашъ; такова ужъ воля Божья! Но зачѣмъ праздновать и воскресенье? Развѣ Еврей земледѣлецъ, развѣ онъ такъ богатъ, что ему ни почему потерять цѣлый день? Вѣдь это не слыхано, и императоръ долженъ непременно измѣнить это, если хочетъ, чтобы существовали Еврей-земледѣльцы.

Одно обстоятельство въ особенности подавало поводъ къ этимъ вопросамъ и сомнѣніямъ. Аншель не возвращался въ этотъ день домой. Хлѣбъ привозилъ въ амбары Войтѣхъ или другой какой-нибудь работникъ. Боялся ли онъ, что она будетъ его допрашивать? Ей бы такъ хотѣлось поговорить съ нимъ. Можетъ-быть, онъ разрѣшилъ бы ея сомнѣніе. Однако же она не рѣшилась спросить у работника, что происходитъ въ полѣ. Можетъ-быть она получила бы отвѣтъ, котораго не хотѣла слышать.

Она боялась, что пришлютъ спросить ея совѣта, и рѣшилась отвѣчать: пусть дѣлаютъ, какъ знаютъ, это ея не касается. Теперь она почти радовалась, что никто не идетъ, что ей не приходится еще дать этотъ тяжкій отвѣтъ. Между тѣмъ она продолжала приготовленія къ завтрашнему дню, какъ будто въ самомъ дѣлѣ собирается праздновать окончаніе жатвы.

Въ полдень она опять выслала обѣдъ въ поле. На этотъ разъ она не дала служанкамъ никакого порученія къ жнецамъ. Что ей было сказать имъ? Вѣдь до нея не касается, что они тамъ дѣлаютъ.

Подъ-вечеръ она окончила приготовленія къ шабашу. Сама она вправила въ этотъ разъ свѣтильню въ лампаду о семи рожкахъ, сама постлала на столъ бѣлую скатерть; она старалась сдѣлать все это, по возможности, безъ помощи Тилли. Но она дѣлала все съ послѣдностью; не было въ ея движеніяхъ той набожной обдуманности, съ которою она нѣкогда приготовляла празднованіе шабаша. Малѣйшій шумъ на улицѣ пугалъ ее: вотъ придутъ ее спросить. Но никто не приходилъ. Телѣга за телѣгой пріѣзжала съ грузомъ хлѣба, но ~~мѣз~~ все не было. Уже вечерѣло. Нахима взглянула на часы; они показали ей, что пора уже зажигать лампаду. Насталъ шабашъ. Но Нахима все еще медлила. Думала ли она отсрочить этимъ шабашъ, котораго наступленіе чувствовала всѣмъ существомъ своимъ?

За одно утѣшеніе, какъ ни было оно слабо, ухватилась она: Элія также еще не возвращался. Если онъ могъ оставаться въ полѣ, значитъ шабашъ не былъ еще оскверненъ. Но когда она, нѣсколько времени спустя, опять взглянула на часы и потомъ

въ окно, она не могла долѣе скрыть отъ себя самой, что шабашъ рѣшительно наступилъ. Дрожащими руками схватила она свѣчу, чтобы зажечь лампаду, и на первомъ рожкѣ уже вспыхнулъ огонь, когда вошелъ Элія съ дядей Коппелемъ.

— Доброга шабаша, матушка! сказалъ Элія входя.

Нахима такъ испугалась, что привычный отвѣтъ замеръ на ея губахъ. Но тотчасъ же она такъ быстро обвела свѣчей вокругъ лампы, что всѣ рожки вспыхнули въ одно мгновеніе.

— Неужели ты убралась сегодня такъ поздно, матушка, что укоротила шабашъ на полчаса? спросилъ Элія своимъ беззвучнымъ голосомъ, который именно въ эту минуту проникъ въ самую душу Нахимы.

— Вѣдь они еще не вернулись? возразила Нахима, глубоко вздыхая.

— Если ты хочешь ждать ихъ, матушка, отвѣчалъ Элія тѣмъ же голосомъ,—то ты долго прождешь!

— Не моя вина, что они такъ долго работаютъ, сказала Нахима пожимая плечами,—это до меня не касается.

Но она была не въ силахъ выдержать свое притворство, которое она такъ долго обдумывала. Совѣсть страшно мучила ее. Элія началъ читать вечернюю молитву. Каждое слово священнаго языка, произносимое имъ, врѣзывалось какъ ножъ въ ея сердце. Молитва казалась ей упрекомъ; она была не въ силахъ слушать ее. Она вышла изъ комнаты и пошла въ кухню. Но и здѣсь ей не сидѣлось: запахъ кушанья, праздничное убранство были ей невыносимы. Она вышла на дворъ и смотрѣла нѣкоторое время на работниковъ, убиравшихъ снопы въ сарай. Со двора вышла она на улицу. Не пойдти ли имъ на встѣчу? Не поторопить ли ихъ? Но вѣдь шабашъ былъ уже оскверненъ; теперь все равно, воротятся они, или нѣтъ. Чего же ей еще нужно?

Торопливо пошла она въ домъ. Но на каждомъ шагу оглядывалась она назадъ. Нейдутъ ли они? Она прислушивалась. Все было тихо въ деревнѣ. Вездѣ кончилась работа. Всѣ ворота были заперты. Только у ней одной не было покоя; только домъ жиды не утихалъ. «И мнѣ быть крестьянкой? подумала она съ прежней грустью. И мой мужъ хочетъ быть крестьяниномъ! Вотъ что это значить. Не довольно шабаша, нужно соблюдать еще ихъ воскресенье, хотя бы хлѣбъ сгнилъ на полѣ, хотя бы все погибло. И я принуждена быть крестьянкой!»

Она воротилась на дворъ. Была уже ночь. Входя, она услышала, какъ дядя Коппель говорилъ кому-то:

— Ты увидишь, я еще найду его!

— Какъ же это, дядюшка? спрашивала Тилля.

— Я самъ пойду въ глухой лѣсъ, отвѣчалъ тотъ.

Какъ громовой ударъ, поразили ее эти слова. Темная угроза выжившаго изъ ума старика наполнила ее ужасомъ.

— Этого еще не доставало! воскликнула она, содрогаясь. Поспѣшно вышла она опять на улицу; ей казалось, что дядя слѣдуетъ за нею. Но дальше идти она не могла; страхъ сковалъ ея члены. Почти съ полчаса простояла она, прислонившись къ дому. Чего не прудумала и не почувствовала она? Ею овладѣло все горе, все страданіе грѣха, которое только можетъ чувствовать душа человѣческая.

Уже давно пробило десять часовъ на деревенской колокольнѣ, когда она услышала отдаленный скрипъ телѣгъ и хлопанье бича. Она прислушалась: все ближе и ближе. Ъдутъ ли они наконецъ? Что имъ сказать и какъ ихъ принять? Молчать ли ей, или встрѣтить ихъ гнѣвнымъ словомъ за дерзкое нарушеніе шабаша? Она увидѣла, какъ среди мрака ночи приближалась какая-то черная масса.

Одно было ей ясно въ эту минуту: она не должна была встрѣтить ихъ у воротъ, ея мѣсто было въ комнатѣ, подлѣ бѣлой ска-терти, подъ лампадою о семи рожкахъ. Она сама не знала, что будетъ дѣлать. Въ ней не было гнѣва, а скорѣе робость и неясный страхъ. Уже довольно долго сидѣла она въ комнатѣ, освѣщенной свѣтомъ лампы, когда въ ворота въѣхала тяжело нагруженная телѣга.

XXV.

Реббъ Шлеме вошелъ, широко распахнувъ дверь, съ обычнымъ привѣтствіемъ «добрый шабашъ всѣмъ». Нахима не отвѣчала; она даже не взглянула на него. Ея лицо приняло мрачное и строгое выраженіе. Но оно мгновенно прояснилось, когда мужъ сказалъ:

— Ну, Тилля жизнь моя, что же ты ко мнѣ не подойдешь подъ благословеніе? развѣ я тебѣ ужъ не свой, оттого что прихожу не изъ школы, а прямо съ поля?

Тилля прижалась къ отцу и подставила голову подъ его благословляющія руки. Онъ тихо прошепталъ древнее изреченіе патриарховъ надъ своею дочерью.

Потомъ швырнувъ шапку и платъ въ уголъ, онъ воскликнулъ съ нѣсколько дикою веселостью:

— Теперь хоть камни падай съ неба, намъ горя мало, весь хлѣбъ убранъ!

Тогда Нахима взглянула на мужа. Было ли то слѣдствіемъ увѣренности, съ которою онъ произнесъ эти слова; или же она по-

мала, что не имѣеть права на него сердиться, она разомъ почувствовала, что у ней легко на душѣ.

— Какъ думаешь ты, реббъ Эліа, обратился онъ съ вопросомъ къ бохеру, —осталось ли время для майрива (вечерней молитвы); сегодня я какъ-то забылся, не знаю почему.

— Время есть, отвѣчалъ Эліа едва внятно.

Реббъ Шломе тотчасъ началъ читать вечернюю молитву, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Нахимѣ казалось, что въ пѣвучемъ голосѣ, которымъ онъ произносилъ древнюю молитву, слышалась какая-то веселость. А если онъ былъ веселъ, то почему ей не быть, по крайней мѣрѣ, спокойной? Вѣдь онъ молился; если онъ себя не чувствовалъ виновнымъ передъ Господомъ, то зачѣмъ же ей мучиться и страдать?

Въ то время, какъ реббъ Шломе, по уставу, стоя произносилъ молитву *Шмона Эзра*, Аншель подошелъ къ матери и шепнулъ ей:

— Ты сердилась, матушка жизнь, что мы пришли такъ поздно, и работали въ часъ шабаша? Мы много думали о тебѣ... особенно онъ не хотѣлъ... Но что жъ намъ было дѣлать? Нельзя же намъ ждать цѣлыхъ два дня? Въ это время, мало ли что можетъ случиться?

— Онъ для меня хотѣлъ вернуться? спросила Нахима такъ тихо, что Аншель едва могъ слышать ея слова.

— Да, матушка, сказалъ онъ, —я насилу его уговорилъ не бросать работы. Но теперь мы все покончили, и весь хлѣбъ свозили домой. Ты на насъ сердилась, матушка?

У Нахимы на языкѣ вертѣлся заготовленный отвѣтъ: « мнѣ что за дѣло? »

Но она не была въ силахъ его выговорить. Она пристально посмотрѣла на сына, а потомъ сказала, съ полугрустною улыбкой:

— Хорошо, что вы наконецъ пришли домой. Я была въ большомъ безпокойствѣ.

Аншелю хотѣлось многое еще сказать матери, но онъ не успѣлъ, потому что реббъ Шломе уже окончилъ молитву, и сдѣлавъ три шага назадъ, какъ предписано закономъ.

— А теперь, накрывайте на столъ! весело воскликнулъ реббъ Шломе:—сегодня мы, какъ важные господа, поздно поужинаемъ и поздно ляжемъ спать. Теперь только я понялъ поговорку: «быть голодну, какъ молотильщикъ». У насъ, въ Гетто, и понятія не имѣють о такомъ голодѣ. Не правда ли, Аншель?

— Развѣ тамъ знаютъ, что значить работа? сказалъ Аншель съ какою-то гордостью.—Они воображаютъ, что они работаютъ, когда равносятъ по деревнямъ коленикоръ и заячьи шкуры, или когда ѣздятъ на армарку. Повелъ бы я ихъ въ поле, хотъ на одинъ часочекъ!

— Ты правду говоришь, Аншель, Божью правду, воскликнул реббъ Шломе смѣясь.—Гдѣ имъ работать? Первый вѣтерокъ ихъ сдунетъ какъ перышко.

— А знаешь ли, чтѣ я тебѣ скажу, батюшка, возразилъ Аншель, вспомнѣ сочувствовавшій шуткѣ отца, — можетъ-быть, мнѣ бы не слѣдовало этого говорить, но все же оно правда! Люди въ Гетто можетъ-быть и рады были бы поработать, еслибъ у нихъ были поля; вѣдь не у всякаго же свое собственное поле!

— Ну ужъ ладно! прервалъ его отецъ, бросивъ бѣглый взглядъ на Нахиму,—полно намъ толковать про дѣла!

Можетъ-быть реббъ Шломе нашелъ неумѣстнымъ замѣчаніе сына; можетъ-быть, самъ Аншель это почувствовалъ; какъ бы то ни было, онъ безпрекословно повиновался приказанію отца.

Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, реббъ Шломе произнесъ обычныя благословенія надъ виномъ и надъ *шабашными хлѣбами*, лежавшими передъ нимъ на тарелкѣ. Впервыхъ, онъ воздалъ хвалу Творцу вселенной, установившему седьмой день недѣли днемъ покоя и молитвы, сталъ величать и прославлять Господа и Царя, сотворившаго плодъ виноградный. Потомъ онъ отпилъ нѣсколько капель вина и передалъ стаканъ, сперва Нахимѣ, а потомъ и другимъ по порядку. Тилла была послѣдняя. Потомъ, реббъ Шломе разрѣзалъ бѣлый шабашный хлѣбъ и, произнесъ надъ нимъ молитву, въ хвалу Господа, «который повелѣлъ хлѣбу вырости изъ земли», раздалъ каждому по куску.

Сдѣлавъ это, реббъ Шломе, взявъ свой ломоть хлѣба и поднесъ его къ лампадѣ, чтобы лучше его рассмотреть.

— Да, могу сказать, проговорилъ онъ, — хороша мука, и бѣла. А все-таки я думаю, что наша пшеница будетъ еще лучше. Я самъ поищу мельника.

Потомъ, обращаясь къ Аншелю, онъ продолжалъ:

— Мы на этой же недѣлѣ попробуемъ свою пшеницу. Не забудь, Аншель, и вели намолотить съ четверть мѣрки. Будущіе *баргесы* (шабашные хлѣбы) будутъ испечены изъ нашей муки. Нужно же намъ знать наконецъ, каково наше добро.

И на лицѣ его отразилась вся гордость зажиточнаго крестьянина. Нахима взглянула на него, и ея лицо, на минуту проявившееся, опять приняло выраженіе досады.

«Ему бы все повелѣвать и распоряжаться, подумала она. Не довольно ему, что онъ весь хлѣбъ свезъ домой, ему ужъ хочется его ѣсть. Подумалъ бы онъ лучше о томъ, какъ онъ согрѣшилъ противъ святаго шабаша!»

Во время ужина мало говорили; всѣ были заняты ѣдой; только марѣдка, реббъ Шломе и Аншель, которые кушали съ особеннымъ аппетитомъ, хвалили блюда, приготовленныя Нахимой. Подъ ко-

нецъ ужина, когда Тилля уже стала убирать тарелки, ребъ Шломе прервалъ молчаніе и обратился къ сыну.

— Знаешь ли ты, что мнѣ сейчасъ пришло на умъ? проговорилъ онъ.—Вѣдь наши сараи еще не застрахованы! Пока они стояли пустые, я и не думалъ объ этомъ, но теперь, когда мы весь хлѣбъ свезли домой, я не буду имѣть покоя, пока у меня все не будетъ застраховано.

Нахима вздрогнула при этихъ словахъ. Что это значило? Застраховать сараи? Такъ вотъ она, эта хваленая безопасность сельской жизни!

— Не успѣемъ ли мы это сдѣлать послѣ жатвы? сказалъ Аншель.—Вѣдь у меня дѣла будетъ еще недѣли на двѣ.

— Ты опять вздумалъ мнѣ давать совѣты? сердито закричалъ реббъ Шломе, и ударилъ кулакомъ по столу. — Не позже какъ въ понедѣльникъ, прибавилъ онъ болѣе спокойнымъ тономъ,—ты отпавишься въ Брандейсъ, и застрахуешь наши сараи, въ самую высокую цѣну.

— Да, Аншель жизнь, въ самую высокую цѣну, подтвердила Нахима, — вѣдь о бездѣлицѣ какой-нибудь не стоитъ хлопотать. Нужно себя обезпечить.

Аншель хорошо зналъ мать, и его не удивило ея безпокойство; но его изумилъ отецъ! Его прежнее радостно-гордое настроеніе вдругъ уступило мѣсто тяжелой заботѣ. Къ тому же Аншеля оскорбилъ несправедливый гнѣвъ отца; это ему придало силу отвѣчать какъ-то сухо:

— Батюшка, купецъ подумаетъ, что мы сами хотимъ поджечь свои сараи.

— Аншель, Аншель! закричала Нахима такимъ пронзительнымъ голосомъ, что всѣ невольно на нее оглянулись.

— А если и подумаетъ, сказалъ реббъ Шломе, спокойнѣе, чѣмъ можно было ожидать,—мнѣ до этого что за дѣло?

— Слухъ разойдется по деревнѣ, сказалъ Аншель,—и тогда станутъ говорить: видно жидъ трусить, что онъ все хочетъ застраховать, до волосъ на своей головѣ. Зачѣмъ намъ имъ показывать, что мы ихъ боимся?

— Кому какое дѣло до того, боюсь ли я крестьянъ, или нѣтъ? проговорилъ реббъ Шломе, все еще сдерживая свою досаду.—Спрашиваю, кому какое дѣло? Я хочу себя обезпечить на всякій случай, чтобы потомъ спать покойно, и не пугаться всякаго огонька, который гдѣ-нибудь промелькнетъ.

У Аншеля готовы были вырваться рѣзкія, запальчивыя слова; кровь его кипѣла.

— Перестань, Аншель жизнь, воскликнула Нахима, тревожно глядя ему въ лицо, — ради Бога, не говори ни слова, и дѣлай,

что тебѣ велятъ. Развѣ тебѣ не дорогъ покой отца? Я тебя не понимаю, Аншель!

Робко-умоляющій голосъ матери, испуганный взоръ ея, видимо подѣйствовали на молодого человѣка.

— Я и тебя не понимаю, матушка, сказалъ онъ помолчавъ, и голосъ его уже сталъ звучать мягче. — Я не понимаю, съ чего ты такъ встревожилась. Развѣ я сказалъ, что не нужно застраховывать сарай? Я только противъ того, чтобы ихъ застраховать втрое дороже, чѣмъ они стоять, я и теперь это повторяю. Мы не должны показывать сосѣдямъ, что мы трусомъ. Тогда только....

— Что ты хочешь сказать, тревожно воскликнула Нахима, когда онъ остановился.—Что будетъ только тогда?

— Они насъ не станутъ пугаться, быстро добавилъ Аншель, нѣсколько измѣнившимся голосомъ.

— Я больше ничего слышать не хочу, сказалъ реббъ Шломе вставая; повидимому, онъ съ трудомъ могъ подавить свой гнѣвъ; можетъ-быть его удерживало только присутствіе Нахимы. Онъ нѣсколько разъ, тяжелыми шагами, прошелся по комнатѣ, потомъ вдругъ остановился передъ сыномъ.

— Поѣдешь ли ты, или нѣтъ? воскликнулъ онъ громкимъ, рѣшительнымъ голосомъ.

— Я не говорилъ, что я не поѣду, отвѣчалъ Аншель тихо, но твердо,—если ты мнѣ что-нибудь прикажешь, я долженъ повиноваться. Но я тебѣ сказалъ свое мнѣніе, и остаюсь при немъ.

— Прощайте всѣ, сказалъ реббъ Шломе, и ушелъ въ свою комнату, ни на кого не взглянувъ.

Когда онъ удалился, настало нѣсколько минутъ мрачнаго молчанія. Элія и дядя Коппель также ушли, въ комнатѣ остались только Нахима, Аншель да малютка.

— Аншель жизнь моя, тихо проговорила Нахима, ближе подвигаясь къ сыну, — что это тебѣ вздумалось? Я тебя не понимаю. Со мною ты часто спорилъ, и все стоялъ за отца, а теперь ты противъ него возстаешь. Какъ мнѣ это понять? Развѣ онъ не правъ? Что же ты съ нимъ такъ горячишься? Вѣдь малый ребенокъ можетъ понять, что такіе сарай слѣдуетъ застраховать! Надо же себя обезпечить! Не ждать же, пока будетъ поздно, и завистливые люди сами намъ о себѣ напомнятъ? Я, право, тебя не понимаю!

— Это-то меня и оскорбляетъ, матушка, воскликнулъ Аншель, растроганный кроткими словами матери. — Теперь, вдругъ, онъ сталъ бояться сосѣдей? Что же они ему сдѣлали? Развѣ они насъ не приняли, какъ братьевъ? Развѣ они насъ пугаются?

Нахима печально покачала головою.

— А потомъ, продолжалъ Аншель, — неужели ты думаешь, что

они про это не узнаютъ? Они не такіе дураки, чтобы не понять, что значить такая высокая страховка!

— Доброй ночи, Аншель, проговорила на это Нахима печальнымъ голосомъ, и ушла. Тилля послѣдовала за нею. Казалось, что Нахима насилу подавляла рыданія. Аншель еще долго сидѣлъ передъ погасающею лампадой, опершись на столъ и закрывъ лицо руками. Такъ вотъ какъ начался первый шабашъ послѣ жатвы! Было далеко за полночь, когда онъ улегся въ постель.

XXVI.

Въ эту ночь, ворота на улицу не были заперты; ни Нахима, ни Войтѣхъ, утомленные работой, продлившеюся до позднаго вечера, не вспомнили про нихъ. Была тихая, безлунная ночь, одна изъ тѣхъ ночей, въ которыя природа какъ будто бы готовится къ таинственному перевороту, чтобы на другой день явиться человѣку въ новомъ, измѣненномъ видѣ. Таинственная тревога царствуетъ и въ воздухѣ и на землѣ въ такія ночи; нужно самому прислушаться къ н-й, чтобы имѣть о ней понятіе. Кажется, будто бы и неодушевленные предметы получаютъ жизнь и движеніе; по воздуху носятся неясные, ничѣмъ не объяснимые звуки. Вѣтеръ утихъ; ничто не шелохнется; но вотъ скрипнула дверь. Кто же ее толкнулъ? Кто захотѣлъ показать что ничѣмъ не защищенъ входъ дома, что дорога открыта всякому злему хотѣнію, всякой человѣческой страсти?

Въ эту ночь, одинъ изъ жителей мызы ребба Шломе не могъ сомкнуть глазъ. Уже давно пробила полночь съ деревенской колокольни, когда темная фигура вышла изъ дома; она на минуту остановилась въ недоумѣніи у отпертыхъ воротъ, потомъ послѣшно пошла своею дорогою. Намъ не трудно догадаться, что то была Элія.

Онъ нѣсколько разъ оглядывался назадъ. Зачѣмъ такая нерѣшительность? отчего онъ идетъ такъ осторожно? Онъ то идетъ впередъ, то опять останавливается и прислушивается: не раздаются ли за нимъ шаги? Или его обманулъ слухъ? Что это за тѣнь промелькнула мимо него? Но вотъ онъ дошелъ до дома судьи, онъ стоитъ у знакомаго забора, и не слышитъ больше ничего.

Заботливый хозяинъ вѣроятно заперъ ворота, но другая рука, должно быть, отодвинула задвижку: при первомъ толчкѣ, калитка подалась, и Элія исчезъ въ темномъ дворѣ.

Но шаги, раздававшіеся за нимъ, приближались къ забору судьи; предшествуемая своею тѣнью, другая фигура подвигалась вслѣдъ за нимъ, и то не было ночное видѣніе, а живой человѣкъ. Но онъ, по видимому, не знакомъ съ этимъ домомъ, онъ ощущую

пробирается вдоль забора, онъ ищетъ калитку и долго не находитъ ея. Вотъ наконецъ онъ ощупалъ, онъ старается отворить калитку, но ее уже заперли изнутри. Раздается тяжелый вздохъ, и за нимъ слѣдуетъ рыданіе, рыданіе ребенка боящагося, чтобъ его не услышали. Но его не слышатъ спящіе, а бодрствующіе слышатъ лишь трепеть любви, трепеть своего упоенія, и больше ничего не слышатъ...

Проходитъ часть, другой, а ночной посѣти: ель все еще ощущиваетъ заборъ, все еще силится распатать калитку.

Наконецъ за воротами послышались тихіе шаги. Темная фигура какъ будто бы испугалась, и скорчившись, прижалась къ забору. Кто-то осторожно отворяетъ калитку и выходитъ на улицу: мы опять узнаемъ Элію.

За нѣсколько шаговъ отъ дому, онъ останавливается: онъ услышалъ жалобный стонъ. На этотъ разъ, онъ не ошибся, что-то темное подвигается къ нему: онъ прибавляетъ шагъ, онъ хочетъ уйти отъ неизвѣстнаго преслѣдователя, но невольно оглядывается назадъ и показываетъ ему лице свое. Каждый разъ, какъ онъ остановится, останавливается и тотъ, отъ кого онъ бѣжитъ. Наконецъ вблизи отъ родительскаго дома, онъ еще разъ приостановился. Тутъ черная фигура быстро приблизилась къ нему. Она нагнала его у самыя ворота. Элія хотѣлъ войти, но его схватила сзади чья-то рука... Съ дикимъ воплемъ: Аншель! Аншель! Элія грянулся о землю. То былъ послѣдній, предсмертный крикъ его.

Взошелъ день, мрачный, непривѣтливый. Ни малѣйшій лучъ солнца не могъ пробиться сквозь сѣрыя тучи, навѣянные ночнымъ вѣтромъ. Накапывалъ мелкій, холодный дождикъ. Онъ падалъ на безжизненное тѣло Эліи, но не могъ его пробудить. Подлѣ него, скорчившись, сидѣлъ на землѣ дядя Коппель, и какъ будто бы его стерегъ.

Случилось такъ, что въ это утро Аншель первый вышелъ изъ дому. Протирая заспанные глаза, онъ подошелъ къ колодцу и умылъ себѣ лицо, чтобъ освѣжиться.

Онъ не замѣтилъ отпертыхъ воротъ. Вдругъ онъ обернулся и увидѣлъ передъ собою брата.

Онъ не ужаснулся, не вскрикнулъ; онъ находился еще въ полуснѣ, и не ясно видѣлъ все окружающее его. Онъ безотчетно пошелъ къ воротамъ, но по мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ ближе, туманъ все болѣе разсѣвался, страшная истина становилась яснѣе для него, наконецъ ему не осталось болѣе сомнѣнія, онъ стоялъ передъ трупомъ брата!

— Элія, мой братъ! закричалъ онъ.—Боже мой! это Элія!

Долго онъ безсознательно смотрѣлъ на блѣдное лицо умершаго; потомъ онъ нагнулся, приподнял его голову, сталъ осматривать

его со всѣхъ сторонъ. Онъ приложилъ ухо къ груди несчастнаго: сердце не билось. Аншель въ первый разъ встрѣтился, лицомъ къ лицу, со смертью: ему стало страшно; голова Эли съ тяжестью свинца давила ему руки; онъ невольно выпустилъ ее. Тутъ только онъ замѣтилъ дядю Коппеля.

— Дядя Коппель, откуда ты? воскликнулъ онъ:—ради Бога, скажи, что здѣсь случилось?

Дряхлый приверженецъ царевича Авессалома, казалось, вовсе не понималъ ужаснаго происшествія, совершившагося передъ его глазами.

— Я пошелъ вслѣдъ за нимъ, Аншель жизнь, заговорилъ онъ плаксивымъ голосомъ, — я думалъ, что онъ мнѣ его принесетъ. Лучше бѣ я самъ за нимъ пошелъ!

— Какъ? Куда ты хотѣлъ пойти? спросилъ Аншель, все еще не сводя глазъ съ лица брата.

— Онъ нынче ночью хотѣлъ мнѣ принести мой могоень-дovidъ, простоналъ дядя Коппель.—Развѣ ты не знаешь?..

Аншель ничего не могъ понять. Онъ стоялъ, безъ словъ, безъ определенной мысли, не въ силахъ рѣшиться на чтò бы то ни было. Дядя Коппель всталъ и пошелъ къ дому.

— Куда? куда? воскликнулъ Аншель въ испугъ.

— Я хочу ихъ разбудить, сказалъ старикъ, пусть они посмотрятъ, гдѣ онъ его спряталъ.

— Ни съ мѣста, закричалъ ему Аншель и насильно его остановилъ. Мысль объ испугѣ родителей возвратила ему присутствіе духа.

Однако, возгласъ его разбудилъ одного изъ домашнихъ. Аншель только что хотѣлъ поднять тѣло брата, какъ онъ услышалъ торопливые шаги, и къ нему подбѣжалъ работникъ Войтѣхъ.

— Боже милостивый! воскликнулъ Войтѣхъ, въ ужасѣ всплеснувъ руками. — Его преподобіе не выдержитъ этого во второй разъ!

— Войтѣхъ, ты видишь? воскликнулъ Аншель, глядя на него сквозь слезы.—Я его нашелъ здѣсь, на землѣ, и подлѣ него стараго дядю! Но отъ него ничего не узнаешь. Чтò скажутъ родители, когда они проснутся!

— Да тугъ нечѣмъ помочь, сказалъ работникъ,—но нужно беречь твою мать; она пожалуй умретъ съ испуга. Нечего ее будить, отнесемъ его въ домъ. Вотъ уже второй разъ мнѣ приходится его нести!

— Войтѣхъ, не знаешь ли ты, чтò съ нимъ случилось? спросилъ Аншель вздрагивая.—Я понять не могу...

— Я... я не знаю ничего, сказалъ работникъ, и почти насильно отодвинулъ Аншеля отъ покойника. Потомъ онъ нагнулся къ нему и хотѣлъ его приподнять, но опять опустилъ его на

землю.—Онъ умеръ, проговорилъ онъ со вздохомъ,—онъ тяжелъ, какъ камень.

— Ты точно думаешь, что онъ умеръ? воскликнулъ Аншель.

— Не кричи! сказалъ работникъ.—Ты иль разбудишь.

Аншель въ безмолвномъ отчаяніи пошелъ за работникомъ, который съ трудомъ донесъ Элію до его комнаты. Никто не проснулся; они молча уложили его въ постель.

— Теперь ужь не поспасемъ за докторомъ, сказалъ работникъ, —онъ ужь тутъ не поможетъ.

— А если онъ еще не умеръ?

— Это я знаю лучше тебя, сказалъ Войтѣхъ.

— Но что намъ дѣлать съ матушкой, когда она проснется? воскликнулъ Аншель.

— Ты ей не вдругъ говори, возразилъ Войтѣхъ.—Скажи ей, что съ его преподобіемъ случилось что-то не хорошее, придумай что-нибудь... въ такихъ дѣлахъ нельзя прямо сказывать правду... а я, между тѣмъ уложу его на постель. Когда твои родные войдутъ, они подумаютъ, что онъ спитъ.

— Матушка! матушка! задыхаясь проговорилъ Аншель. — Что будетъ съ матушкой! Боже мой! вчера онъ былъ свѣжъ, здоровъ, а теперь умеръ! Что ты съ нами сдѣлалъ, братъ Элія!

— Оставь его, сказалъ работникъ дрожащимъ голосомъ,—иному лучше умирать въ молодости!

Войтѣхъ сталъ раздѣвать покойника. Аншель на него смотрѣлъ, и былъ не въ силахъ пошевелинуться. Когда Войтѣхъ захотѣлъ уложить бохера въ постель, что-то, звеня, упало на полъ. Аншель поднялъ и поднесъ къ окну, чтобы получше разсмотрѣть: то былъ мѣдный крестикъ на черномъ шнуркѣ.

— Это ты уронилъ, Войтѣхъ? спросилъ Аншель спокойно, подавая ему крестъ.

— Я? повторилъ работникъ съ непонятнымъ для Аншеля ужасомъ.—Покажи, покажи скорѣй!

Онъ схватилъ крестикъ и нѣсколько времени держалъ его въ рукахъ. Потомъ, какъ бы желая отдѣлаться отъ тягостной мысли, онъ медленно провелъ рукою по лицу.

— Нѣтъ, проговорилъ онъ не твердымъ голосомъ,—мнѣ кажется, что у меня не было этого креста. Я... я право не понимаю..

Повидимому онъ былъ сильно встревоженъ; онъ дрожалъ вѣсѣмъ тѣломъ и крѣпко сжималъ въ рукѣ мѣдный крестикъ. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и напрасно старался сказать что-нибудь. Наконецъ онъ воскликнулъ съ страшнымъ напряженіемъ:

— Господи Іисусе Христе! это онъ носилъ на шеѣ! у меня не было такого креста.

— Какъ? братъ Элія? закричалъ Аншель, которому работникъ указалъ на покойника.

Войтѣхъ съ быстротой молніи сдернулъ покрывало съ покойника, и обращаясь къ нему, заговорилъ съ какимъ-то адскимъ неистовствомъ:

— Такъ-то ты мнѣ сказалъ, что я былъ правъ? Такъ вотъ она, твоя правда? Ты меня тоже провелъ, какъ дурака? Ты мнѣ говорилъ одно, а самъ дѣлалъ другое? и ты, ты меня обманулъ?

Аншель слушалъ его съ ужасомъ; сердце замерло въ немъ.

— Такъ вставай же! закричалъ работникъ, и схватилъ бохера за руку.— Вставай и скажи, откуда у тебя крестъ? *Она* тебѣ его дала? Ты ей обѣщалъ, что будешь христіаниномъ? Да, ты обѣщалъ, а это вижу по твоему лицу. А я, по твоему, былъ правъ, не правда ли? или ты меня дурачилъ? Вставай и говори мнѣ, что ты такое сдѣлалъ? Ты не умеръ, ты только притворяешься, потому что боишься меня. А я еще называлъ тебя преподобнымъ отцомъ!

— Ради Бога, оставь его, воскликнулъ Аншель насильно оттакивая его отъ постели.— Развѣ ты не видишь, что онъ умеръ?

— Въ самомъ дѣлѣ онъ умеръ, сказалъ Войтѣхъ, и гнѣвъ его вдругъ исчезъ.— А еслибъ онъ былъ живъ, ужъ я бы заставилъ его дать мнѣ отвѣтъ... но теперь онъ умеръ!

И онъ въ изнеможеніи упалъ на стулъ, и разразился судорожнымъ рыданіемъ, которое мало-по-малу перешло въ тихій плачь. Казалось, сильный и угрюмый Войтѣхъ вдругъ превратился въ ребенка.

— Можетъ-быть ты меня и не обманулъ, воскликнулъ онъ сквозь слезы, обращаясь къ покойнику.— Можетъ-быть, тебѣ самому приходилось тяжело, и ты хотѣлъ меня утѣшить! Ахъ, зачѣмъ ты умеръ, зачѣмъ ты мнѣ не можешь объяснить, какъ это случилось! Зачѣмъ ты исчезъ съ земли, не оставивъ мнѣ въ утѣшеніе ни одного слова? Я на тебя возложилъ всю надежду, я тебѣ исповѣдовался, какъ духовному отцу, а теперь ты умеръ, ты не можешь болѣе со мною говорить. Что мнѣ дѣлать, къ кому обратиться безъ тебя? Или ты убоился, ты почувствовалъ, что ты самъ не правъ? Бѣдный, бѣдный преподобный отецъ, какъ мнѣ тебя жаль! Я бы съ радостью умеръ за тебя!

И, задыхаясь отъ слезъ, работникъ еще долго говорилъ съ бохеромъ въ такомъ родѣ.

Само собою разумѣется, что Аншель не могъ его понять. Слова работника наполняли его ужасомъ; холодный потъ выступалъ у него на лбу. Для него было ясно, что Войтѣхъ не бредитъ. Но его отношенія къ брату, этотъ крестъ, который должно быть принадлежалъ покойнику, что за ужасная тайна скрывалась тутъ? Сперва, эта странная, непонятная смерть, потомъ несвязныя, страшныя рѣчи работника! Не удивительно, что Аншель не въ силахъ былъ долѣе выдержать ужаснаго зрѣлища и выбѣжалъ изъ комнаты, закрывъ лицо руками. Ему на встрѣчу попалась Нахима.

— Боже мой, Аншель, что съ тобою? воскликнула она.—На тебѣ лица нѣтъ!

— Элія, Элія... могъ только прошептать Аншель.

— Чтò съ нимъ? говори? сказала она.

Аншель поднялъ голову и взглянулъ на нее: она испугалась выраженія его лица.

— Не входи туда, матушка, закричалъ онъ,—не входи.

— Боже милосердый! проговорила Нахима и остановилась, какъ бы боясь выразить ужасную мысль.

— Элія умеръ! вскрикнула она, и схватила Аншела за руку.

Аншель могъ только проговорить прерывающимся голосомъ:

— Не входи, матушка, для тебя это слишкомъ ужасно...

Но Нахима съ какою-то сверхъестественною силой отодвинула его въ сторону, и, несмотря на его старанія ее удержать, вошла въ комнату Элія.

У нея не вырвалось ни крика, ни восклицанія ужаса; она съ какимъ-то наружнымъ спокойствіемъ подошла къ постели сына, и нагнулась надъ нимъ.

— Онъ, можетъ-быть, еще не умеръ, проговорила она вполголоса, какъ будто бы про себя.—Можетъ-быть, это опять та же прежняя болѣзнь. Милосердый Господь знаетъ, чтò это за болѣзнь!

— Нѣтъ! раздался за нею голосъ работника,—не обманывай себя; теперь это не болѣзнь.

— Чтò же это такое? воскликнула Нахима, почти спокойно.—Посмотри же на него, онъ спитъ. Развѣ онъ похожъ на мертваго?

— Въ самомъ дѣлѣ? радостно воскликнулъ работникъ и поспѣшно вскочилъ. Потомъ, взглянувъ на мертвеца, онъ грустно прибавилъ:

— Ты можетъ-быть права; мнѣ бы слѣдовало давно поскакать за докторомъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть здѣсь.

— Только не въ Брандейсъ! воскликнула Нахима.—Пока тотъ пріѣдетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, туда далеко, отвѣчалъ работникъ.—Я пойду за старымъ докторомъ, который живетъ въ замкѣ, и никого почти не лѣчитъ. Онъ будетъ здѣсь черезъ полчаса.

— Но сумѣетъ ли онъ его лѣчить? спросила Нахима.

— Самый плохой докторъ сумѣетъ сказать, живъ ли человекъ или умеръ, отвѣчалъ Войтѣхъ съ печальною улыбкой.

— Такъ пойдѣ, милый Войтѣхъ, сказала Нахима,—Богъ тебя наградить.

Нахима осталась одна подлѣ сына. Казалось, она точно была убѣждена, что съ Эліей приключился только припадокъ преж-

ней болѣзни. Рука ея не дрогнула, поправляя ему подушку: она не ужаснулась, видя его странную неподвижность, чувствуя смертельный холод его лица. Она все это уже видѣла прежде, когда она сама нашла его въ обморокъ, на полу. Когда, вскорѣ потомъ, къ ней вбѣжалъ реббъ Шломе въ ужасѣ и отчаяніи, она ему сдѣлала знакъ быть осторожнымъ, приложивъ палецъ къ губамъ, какъ будто бы она боялась, что онъ разбудитъ спящаго.

— Богъ дастъ, это ничего, прошептала она,—но уходите всѣ. Ему нужнѣ всего тишина и спокойствіе.

Всѣ повиновались; ея спокойный видъ успокоилъ другихъ; но выйдя изъ комнаты, Аншель сказалъ:

— Матушка не хочетъ видѣть, что онъ умеръ; но она очень скоро убѣдится, что все кончено.

Вскорѣ возвратился Войтѣхъ съ докторомъ. Докторъ долго осматривалъ безжизненное тѣло; долѣе даже чѣмъ было нужно; онъ не вѣрилъ своимъ слабымъ глазамъ, своимъ дрожащимъ пальцамъ. Наконецъ, онъ объявилъ, что тутъ ему нечего дѣлать, что съ минуты смерти, должно быть, прошло уже нѣсколько часовъ, что вѣроятно лопнула жила или какой-нибудь другой сосудъ, но что дѣло въ томъ, что онъ умеръ.

Нахима услышала приговоръ врача съ наружнымъ равнодушіемъ; казалось, она ему не повѣрила.

— Можетъ-быть это не правда, прошептала она, но въ ту же минуту зашаталась и упала безъ чувствъ подлѣ постели.

Молва о случившемся быстро разнеслась по деревнѣ. Ворота все еще были отперты, и толпа постороннихъ собралась около дома, чтобы ближе разузнать о странномъ происшествіи. Иные доходили до комнаты бохера, и смотрѣли на его тѣло, не съ тупымъ любопытствомъ, а съ глубокою, непритворною жалостью. Внезапная смерть въ молодыхъ лѣтахъ всегда поражаетъ людей, какъ странное нарушеніе законовъ природы. Иные рѣшались спросить о подробностяхъ ужаснаго происшествія, но имъ не отвѣчали. Все семейство, погруженное въ горе, никого не видѣло и не слышало вокругъ себя.

Нахиму безъ чувствъ уложили въ постель.

Однако еще не кончились испытанія этого дня. Послѣ обѣда, когда нѣсколько разсѣялась толпа поселянъ, еъ комнату вдругъ вошелъ судья. Реббъ Шломе, увидя его, невольно всталъ, и пошелъ къ нему на встрѣчу; рѣшительныя манеры и бодрая осанка сосѣда и на этотъ разъ подѣйствовали на него.

— Вы слышали, господинъ судья, про несчастіе, которое у насъ случилось? воскликнулъ онъ.—Право, отъ эгого не мудрено поспѣть въ одну ночь!

Судья отступилъ на нѣсколько шаговъ.

— Намъ съ тобою, сказалъ онъ, не слѣдовало бы другъ съ дру-

гомъ и говорить. Насъ обоихъ караетъ Господь, такъ лучше бы намъ другъ отъ друга удалиться. Ты потерялъ сына, а я лишаюсь дочери.

И крупныя слезы катились по блѣднымъ, морщинистымъ щекамъ судьи: въ немъ нельзя было узнать прежняго твердаго и сильнаго человѣка.

— Какъ, и ваша дочь, господинъ судья?...

— Да, и она также, проговорилъ тотъ мрачно.—Господь всегда у насъ отнимаетъ то, что намъ дороже всего на свѣтѣ.

Но потомъ, какъ бы почувствовавъ, что неумѣстны его горькія слова, онъ продолжалъ, почти спокойнымъ тономъ:

— Сегодня утромъ, она была весела и здорова. Вдругъ приходитъ кто-то, и рассказываетъ про несчастье, случившееся у васъ. «Это старшій, или младшій?» спрашиваю я. Мнѣ говорятъ, что младшій, который недавно былъ боленъ. Она вѣрно испугалась, потому что особенно любила всѣхъ васъ, и выбѣжала изъ комнаты. Полчаса спустя, приходитъ ко мнѣ жена, вся перепуганная, и говоритъ, что Терезка лежитъ у себя въ комнатѣ, на голомъ полу, и хочетъ умирать. Я иду къ ней, и вижу, она точно лежитъ на полу, блѣдная какъ полотно, глаза распухли, и все смотритъ въ одну сторону. Я спрашиваю: Терезка, что съ тобой? А она мнѣ въ отвѣтъ: батюшка: я тебя огорчу, но я сегодня же должна умереть. Мы всѣ ей говоримъ, что вздоръ, а она только качаетъ головой, и твердитъ, что ей лучше знать, и что мы сами увидимъ. Я ей говорю: Терезка, да что это съ тобою приключилось? А она какъ зарыдаетъ, и какъ закричитъ, что все для нея кончено, что она сама виновата, что погубила она свою жизнь молодую. Я ей говорю, что пошлю за докторомъ, можетъ-быть онъ ее и вылѣчитъ, но она ни за что не хочетъ и говорить, что не поможетъ ей и сама Пресвятая Богородица. Она проситъ объ одномъ, чтобъ я вамъ отнесъ назадъ вотъ эту картинку; она думаетъ, что она-то и накликала несчастье на нашъ домъ. Я бы съ картинкой вѣкъ не расстался, но дочь такъ меня просила, что я ужъ рѣшился вамъ ее отдать.

И съ этими словами, поселянинъ положилъ на столъ извѣстный могоень-довидъ дяди Коппеля.

— Можетъ-быть, теперь все пойдетъ лучше, проговорилъ судья уходя, но у дверей онъ еще разъ обернулся и бросилъ грустный взглядъ на картинку, какъ будто бы тяжело ему было съ ней расстаться.

Но только что ушелъ судья, прежде чѣмъ всѣ остальные успѣли переглянуться или вымолвить слово, двѣ торопливыя руки жадно ухватились за мизрахъ. Дядя Коппель прижалъ къ груди свою вновь обрѣтенную собственность, грозно поглядывая на всѣхъ окружающихъ, съ твердымъ намѣреніемъ не дать себя во второй разъ въ обиду.

Впрочемъ никто и не подумалъ оспаривать у него наслѣдство царевича Авессалома.

Въ душѣ Аншеля вдругъ блеснула неожиданная мысль, объяснившая ему многое, непонятное до тѣхъ поръ.

Реббъ Шломе же былъ такъ погруженъ въ свое горе, что не могъ подумать о чемъ-либо другомъ.

XXVII.

На третій день, въ понедѣльникъ, тѣло отвезли въ Брандейсъ, на погребеніе. Реббъ Шломе сперва хотѣлъ похоронить сына въ родимой общинѣ, но потомъ раздумалъ; можетъ-быть, онъ не хотѣлъ распространять тамъ слухъ о несчастіи, настигшемъ его семейство. Нахима не могла съ нимъ спорить; она уже два дня лежала не шевелясь, не пила и не ѣла, не говорила ни слова, и только одной Тиллѣ позволяла за собою ухаживать.

Она даже не замѣтила, когда увезли тѣло; она въ эту минуту заснула крѣпкимъ сномъ. Тилля сидѣла подлѣ нея, и не посмѣла подойти къ окну, боясь разбудить мать, но услыша стукъ колесъ, она догадалась, кого увозятъ, и горько заплакала про себя.

Войтѣхъ самъ правилъ лошадьми; реббъ Шломе и Аншель захотѣли идти пѣшкомъ до самаго города. Проѣзжая мимо дома судьи, Войтѣхъ быстрѣе погналъ лошадей; надъ домомъ царствовало гробовое молчаніе: и тутъ прошла смерть. Аншель невольно закрылъ лицо руками, и только далеко отъ деревни рѣшился поднять глаза. Отецъ и сынъ не обмѣнялись ни единымъ словомъ.

Похороны задержали ихъ долѣе, чѣмъ они предполагали. Нужно было сколотить гробъ, купить мѣсто погребенія у общины, да и «тахрихимъ» (погребальныя одежды) не были готовы. Прошло нѣсколько часовъ, пока все устроили; надъ покойникомъ совершили обычныя омовенія, и одѣли его въ бѣлое погребальное платье, сшитое наскоро.

Когда гробъ повезли на кладбище, и раздались страшно торжественныя слова псалма, повторяемая всѣми присутствующими: «Къ тебѣ, Господи, воздвигохъ душу мою», реббъ Шломе не могъ долѣе сохранить наружнаго спокойствія и разразился громкимъ плачемъ.

— Элія, дитя мое! нѣсколько разъ восклицалъ онъ. — Не я ли причиной твоей смерти?

Но громкое пѣніе заглушило его слова, и одинъ Аншель могъ ихъ слышать.

Похоронный поѣздъ медленно подвигался по Еврейской улицѣ; каждую минуту къ нему присоединялись новыя лица, чтобы по-

читать покойника. Знали только, что кончилась молодая жизнь, и многія, совершенно постороннія женщины и дѣвушки, никогда не выдавшія Эліи, плакали, глядя на его гробъ.

Когда наконецъ дошли до кладбища, ребба Шломе грустно поразило, что его сыну вырыли могилу у самой ограды, нѣсколько поодаль отъ другихъ гробницъ. Несмотря на глубокое его горе, такое пренебреженіе вызвало въ немъ вспышку гнѣва, которую онъ съ трудомъ могъ подавить.

— Зачѣмъ моего сына не кладутъ ближе къ другимъ? сказалъ онъ, обращаясь къ одному изъ тѣхъ, которые шли рядомъ съ нимъ.—Зачѣмъ меня хотятъ обезчестить? Вѣдь я за мѣсто заплатилъ звонкими деньгами, а моего сына хоронятъ въ сторонѣ отъ всѣхъ, какъ будто бы, чего Боже упаси, онъ на себя руки наложилъ?

Ему замѣтили, что покойникъ не принадлежитъ къ общинѣ, что у него тутъ нѣтъ родни. Никто бы не позволилъ, чтобы рядомъ съ его родными, на мѣстѣ приготовленномъ для него самого, похоронили чужаго, посторонняго человѣка. Вѣдь онъ самъ бы этого не потерпѣлъ въ родимой общинѣ?

Реббъ Шломе на это ничего не могъ возразить; но его сердце обливалось кровью при мысли, что онъ вырвалъ сына изъ среды близкихъ и родныхъ.

— Еслибъ она знала, гдѣ похоронили ея Элію! прошепталъ онъ про себя.

Потомъ, обращаясь къ Аншелю, онъ прибавилъ вслухъ:

— Послушай, что я тебѣ скажу, и запомни мои слова. Когда мнѣ придется умереть, ты меня похорони здѣсь, подлѣ моего Эліи. Пусть онъ не скажетъ, что мы съ нимъ поступили какъ съ чужимъ. Ты не забудешь?

Аншель наклонилъ голову въ знакъ согласія.

Это приказаніе, казалось, придало силы реббу Шломе и помогло ему спокойно, почти безъ волненія, смотрѣть на весь грустный обрядъ погребенія.

Положили подъ голову покойника подушку, набитую свѣжею травою, и на глаза ему черенки разбитаго горшка, какъ бы для того, чтобы защитить ихъ отъ земли. Потомъ, къ покойнику подошелъ одинъ изъ членовъ благочестивой братіи, и во имя родныхъ, друзей, содѣй и всей общины, попросилъ у него прощенія, за всѣ нанесенныя ему вольныя или невольныя обиды, возвѣщая ему въ то же время, что теперь между ними и имъ прекратилось всякое сообщество.

Послѣ него подошелъ ребъ Шломе, и также попросилъ у сына прощенія; голосъ его не дрожалъ. Но Аншель, отъ волненія, почти не могъ выговорить обычныхъ словъ. Неужели онъ чувствовалъ себя виновнымъ передъ братомъ? Неужели онъ его обидѣлъ?

Реббъ Шломе не содрогнулся, когда могилу стали засыпать землей; имъ владѣла одна только мысль: желаніе отдохнуть здѣсь, подлѣ сына. Каждый изъ присутствующихъ бросилъ по нѣскольку лопать земли, пока могила была засыпана до края. Все совершилось быстро и поспѣшно. Наконецъ служитель при синагогѣ, по обычаю, трижды провелъ лопатой по землѣ, и сравнялъ края могилы.

— До сихъ поръ, шепнулъ мальчикъ, присутствовавшій при погребеніи, своему маленькому товарищу, — до сихъ поръ покойникъ все видѣлъ и все слышалъ, оттого-то такъ и спѣшили, чтобы дать ему успокоиться. Но когда въ третій и послѣдній разъ проводятъ лопатой по землѣ, покойникъ перестаетъ видѣть и чувствовать.

— Въ самомъ дѣлѣ? проговорила товарищъ недовѣрчивымъ голосомъ.

— Ужь я тебѣ говорю! возразилъ тотъ. — Мнѣ рассказывала бабушка, а она все знаетъ. А хочешь: я тебѣ скажу, зачѣмъ люди рвутъ теперь траву и бросаютъ за себя, приговаривая: «Они вырастаютъ изъ земли, какъ полевая трава?» Я это также знаю!

— Ну, отчего?

— Не надо думать, объяснилъ мальчикъ, — что люди вымираютъ! они растутъ, какъ трава: ее скосятъ, а она потомъ вырастетъ вновь.

Несмотря на все то, что происходило вокругъ него, реббъ Шломе подслушалъ разговоръ двухъ мальчиковъ; онъ странно подѣйствовалъ на него. Онъ до тѣхъ поръ не объяснялъ себѣ такимъ образомъ обряда срыванія травы. Онъ съ какою-то благодарностью улыбнулся маленькому толкователю. Какую радостную надежду возбудили въ немъ эти слова! Люди умираютъ и исчезаютъ, это ихъ судьба; даже молодая, не вполне развернувшаяся жизнь ребенка не избѣгаетъ желѣзной необходимости; но остальные хотятъ жить, расти, какъ трава; они отказались отъ «сообщества» съ покойникомъ. Теперь только реббъ Шломе понялъ смыслъ просьбы о прощеніи, обращенной къ покойнику.

Послѣ того, какъ служитель при синагогѣ тупымъ ножомъ прорѣзалъ платя обоимъ родственникамъ покойника, реббъ Шломе громкимъ голосомъ произнесъ молитву объ умершихъ, послѣ чего всѣ разошлись съ кладбища. Реббъ Шломе еще разъ грустно взглянулъ на одинокую могилу: упрекнула ли его совѣсть, что онъ былъ причиной одиночества Эліи въ этой могилѣ?

Оба родственника умершаго должны были еще просидѣть цѣлый часъ на низкихъ скамейкахъ, въ одной изъ комнатъ *кагала* (1). Это было начало семидневнаго плача о покойникѣ. Имъ присла-

(1) Кагаль—домъ, гдѣ собираются старшины общины.

ли кушанье и питье, и они съѣли ровно столько, сколько приказываетъ *Законъ*.

Было уже довольно поздно, когда они собрались домой. Они зашли за Войтѣхъ, оставшимся съ лошадьми въ какой-то гостиницѣ. Передъ самымъ отъѣздомъ, онъ отозвалъ Аншеля въ сторону:

— Вы забыли *это* съ нимъ положить въ гробъ, сказалъ онъ, показывая ему крестикъ.

Аншель взглянулъ на него съ недоумѣніемъ.

— Помилуй, Войтѣхъ, что ты говоришь? Развѣ ты забылъ, кто такой мой братъ? Развѣ можно мертваго похоронить вмѣстѣ съ его грѣхомъ, чтобъ онъ вѣкъ не нашель себѣ покоя?

— Это грѣхъ? сказалъ Войтѣхъ, печально улыбувшись.

— И какой грѣхъ! проговорилъ Аншель, вздрогнувъ.

— Такъ возьми *ты* этотъ крестикъ!

— Я? воскликнулъ Аншель съ новымъ изумленіемъ.—Зачѣмъ же ты его не оставляешь у себя, Войтѣхъ?

— Такъ ты у меня его не отнимешь? радостно воскликнулъ работникъ.—Такъ ты мнѣ позволишь его взять себѣ? Я не надѣялся, что у меня останется что-нибудь на память объ его преподобіи!

— Возьми, возьми крестикъ, сказалъ Аншель.—Но, прошу тебя, ни слова больше про все это!

При этомъ Аншель многозначительно взглянулъ на работника, и протянулъ ему руку.

— Понимаю, сказалъ Войтѣхъ отрывисто, и крѣпко стиснулъ протянутую ему руку.

Больше они не говорили ни слова, но у Аншеля какъ-то отлегло на душѣ.

Дорогой почти не прерывалось молчаніе. Только разъ, идя пѣшкомъ по длинному Брандейскому мосту, реббъ Шломе вдругъ остановился.

— Что съ тобою, батюшка? спросилъ Аншель.

— Нѣтъ, нѣтъ, съ жаромъ заговорилъ реббъ Шломе, глядя пристально на сына.—Время еще терпѣть. Нельзя же знать...

Аншель не посмѣлъ спрашивать отца; но неясныя эти слова озадачили и озаботили его. Также его поразило и то, что отецъ, подъѣзжая къ деревнѣ, непременно захотѣлъ выйдти изъ повозки и дойдти пѣшкомъ до дому. Зачѣмъ же онъ не хочетъ подъѣхать къ мызѣ на собственныхъ лошадяхъ, какъ истинный крестьянинъ? Развѣ онъ больше не хочетъ быть крестьяниномъ? Аншель печально послѣдовалъ за отцомъ, и они молча, сквозь темную ночь, добрали до дому. На дворѣ ихъ встрѣтила Тилля.

— Что же? Что дѣлаетъ мать? поспѣшно спросилъ реббъ Шломе, и со страхомъ ждалъ ея отвѣта.

— Она встала, и начала *шмее* (1), отвѣчала малютка серьезно.

— Зачѣмъ ты ей позволила встать? воскликнулъ реббъ Шломе съ безпокойствомъ.

— Она непременно захотѣла, сказала Тилля.—Только что вы ушли, она проснулась и спросила про васъ. Я ей сперва не хотѣла говорить, но она сказала: «Ты думаешь, я не знаю, что сегодня понедѣльникъ, и что начинается *шмее*? Потому она встала и одѣлась. «Матушка, какъ ты себя чувствуешь?» спросила я. «Хорошо, дитя мое!» отвѣчала она, и сѣла на скамейку. Съ тѣхъ поръ она не вставала; иногда она плачетъ, иногда читаетъ *См-дуръ* (молитвенникъ). Съ часъ тому назадъ она въ первый разъ со мною заговорила: «Скоро вернется отецъ?» спросила она меня. А про нашего Элію она не сказала ни слова!

Реббъ Шломе молча слушалъ малютку; казалось, онъ съ трудомъ удерживалъ слезы. Наконецъ онъ отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе, и быстрыми шагами пошелъ въ домъ. У дверей комнаты онъ остановился въ какой-то нерѣшительности, и тихо, осторожно, отворилъ дверь.

Нахима сидѣла на низенькой скамейкѣ, освѣщенная поминальною свѣчою, зажженною въ память Эліи. При звукѣ шаговъ ребба Шломе она обернулась.

— Добраго вечера, Нахима жизнь, сказалъ мужъ самымъ мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ.—Какъ ты себя чувствуешь?

Нахима вздрогнула и хотѣла-было встать, но безъ силъ упала опять на скамейку. Она закрыла лицо руками и горько заплакала.

— Прости меня, Нахима жизнь моя, прости мнѣ то, что я съ тобою сдѣлалъ! воскликнулъ реббъ Шломе.—Я самъ страдаю не меньше тебя.

Она вдругъ перестала плакать, схватила руку мужа и смиренно нагнулась надъ нею, какъ бы желая ее поцѣловать.

— Чтò ты теперь со мною хочешь дѣлать, Шломе? спросила она раздражающимъ голосомъ.

— Боже милосердый! воскликнулъ онъ въ ужасѣ.—Это ты *милъ* говоришь?

— Я не могу говорить, простонала она,—у меня сердце разрывается.

— Такъ поплачь, Нахима жизнь моя, сказалъ реббъ Шломе,—поплачь, это тебя облегчитъ.

Онъ ее привлекъ къ себѣ и обнялъ обѣими руками. Такъ они стояли нѣсколько времени. Нахима громко плакала, и напрасно

(1) *Шмее*, семидневный плачь, или поминовеніе по умершемъ, состоитъ въ томъ, что всѣ родные, въ продолженіи недѣли, не должны выходить изъ дома, и все сидѣть на полу или на низенькихъ скамьяхъ.

силѣлась говорить. Насталъ переломъ въ ея жизни. Тилла и Аншель стояли у двери и не смѣли войти.

— Зачѣмъ ты меня не прогонишь отъ себя прочь? наконецъ проговорила она.—Я знаю, что я дурная жена.

— Ради Бога молчи, воскликнулъ реббъ Шломе,—и не обвиняй себя. У меня сердце разрывается. Развѣ я передъ тобою не виноватъ? Зачѣмъ ты про меня ничего не говоришь, а только про себя?

— Вѣдь ты мужъ, и я твоя жена, сказала Нахима съ силою; потомъ она прибавила болѣе мягкимъ голосомъ:—Ты думаешь, что я плачу объ нашемъ Эліѣ,—нѣтъ, я плачу надъ самою собою. Дитя умерло, на то воля Божія, ему теперь хорошо. Но я не умерла, я теперь должна думать каждую минуту: вѣдь я могла бы умереть вдругъ, среди ночи? Каково бы мнѣ тогда было предстать предъ нашимъ Господомъ со всѣми моими грѣхами, не такъ, какъ нашъ добрый, невинный Элія? Какъ же мнѣ не плакать надъ собою? Смерть нашего ребенка только открыла мнѣ глаза, заставила меня оглянуться на себя...

— Не клевети на себя, Нахима, прервалъ ее мужъ умоляющимъ голосомъ.—Тебѣ не въ чемъ себя упрекать! Каждое твое слово для меня острый ножъ.

Но Нахима не обратила вниманія на его слова; казалось, горькое самообвиненіе облегчало ея душу.

— Меня назвали Нахимой, продолжала она,—я знаю, это значитъ *утѣшете*: и каждой женщинѣ слѣдовало бы такъ называться. Слѣдовало бы устроить, чтобъ не было другихъ именъ, чтобы всякая помнила, чѣмъ она должна быть для мужа и для дѣтей. А я... хорошо я васъ утѣшала! Господь милосердный да избавитъ всякаго отъ такой Нахимы! вмѣсто того, чтобы васъ утѣшать, я васъ оскорбляла; вмѣсто того, чтобъ усладить вашу жизнь, я вамъ портила всякую радость. Передъ кѣмъ изъ васъ я не была виновата? Но тебя, Шломе, я обижала нарочно, я тебя унижала передъ собственными дѣтьми, я тебѣ отплатила сторицею за маленькую твою несправедливость ко мнѣ. Послѣ этого не говори, что я хорошая жена!

— Ты называешь это *маленькою* несправедливостью, Нахима жизнь моя? прервалъ ее реббъ Шломе.—Боже милосердный, ты всегда готова всю вину взять на себя! Но я знаю, я чувствую, на сколько я передъ тобою виноватъ, эта мысль меня давно мучить, тому свидѣтель милосердный Богъ! Давно мнѣ хотѣлось съ тобою переговорить...

— Развѣ я этого не видѣла? воскликнула Нахима.—Я это знала, и все-таки тебя избѣгала. Правда, малѣйшаго слова отъ тебя было бы достаточно, чтобы меня успокоить, но я сама не хотѣла вызвать это слово. Да и какъ ты могъ рѣшиться заговорить

со мною, взглянувъ мнѣ въ лицо? Вѣдь собственный мой ребенокъ отшатнулся отъ меня; не мудрено, что тебя холодомъ обдавало, глядя на меня. Я своими грѣхами накликала на нашъ домъ всё несчастіе, которыя надъ нимъ разразились!

— Нахима, Нахима жизнь моя, перестань такъ говорить, воскликнулъ реббъ Шломе. — Мнѣ больно тебя слушать. Да и что рассуждать, кто изъ насъ виноватѣе другаго? Повѣрь мнѣ, если разсмотрѣть хорошенько, то выйдетъ, что оба правы, или оба равно виноваты.

— Ты это думаешь, Шломе? спросила Нахима, и слабая улыбка промелькнула на ея лицѣ.

— Да, я это думаю, тому свидѣтель милосердый Богъ, проговорилъ реббъ Шломе торжественно.

Нахима вся задрожала, услыша эти слова; она подняла на него вопросительный взглядъ:

— И что же ты теперь со мною сдѣлаешь, Шломе? проговорила она робко, дѣлая шагъ къ нему.

— Я хочу жить съ тобою, Нахима, жить съ тобою въ согласіи и любви, на радость намъ самимъ, въ примѣръ дѣтямъ и внукамъ.

— Я этого не заслужила, Шломе, прошептала Нахима и упала къ нему на грудь.

Дѣти все еще стояли у дверей; они и теперь не посмѣли войти, хотя сердца ихъ бились отъ радости.

Когда Нахима высвободилась изъ объятій мужа, съ ея лица исчезли слѣды слезъ, щеки ея покрылись легкимъ румянцемъ.

— Знаешь ли, что ты мнѣ теперь напоминаешь, Нахима жизнь моя? воскликнулъ реббъ Шломе, съ сіяющимъ взглядомъ. — Ты мнѣ напоминаешь то время, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, когда всѣ молодцы въ Гетто умирали съ зависти, что я у нихъ отбилъ мою хорошенькую Нахиму!

— А я, возразила Нахима, еще больше зарумянившись, — я вспомнила, какъ мы съ тобою, женихами, гуляли по полю, вечеромъ, въ шабашъ. Ты мнѣ тогда далъ обѣщаніе...

— Я? воскликнулъ реббъ Шломе въ изумленіи.

— Ты это забылъ, Шломе, но я не забуду до конца своей жизни. Дѣти знаютъ, гдѣ и какъ я про это вспомнила. А ты...

— Я знаю только, что ты мое сокровище, прервалъ ее реббъ Шломе. — Не говори больше про это.

Они сѣли рядомъ на скамейкѣ, дѣти противъ нихъ. Но объ умершемъ не поминалъ никто. Вечеръ прошелъ въ тихихъ, задушевныхъ разговорахъ; часто глаза Нахимы съ любовію оставались на мужѣ, часто рука ея искала его руки. Такъ настало время ложиться спать.

XXVIII.

Когда, на другое утро, Нахима вышла изъ своей спальни въ общую комнату, на ея лицѣ была та же тѣнь, которую, въ послѣднія недѣли, привыкли видѣть ея мужъ и дѣти. Только когда реббъ Шломе у нея спросилъ съ безпокойствомъ: «что съ тобою, Нахима жизнь моя?» лицо ея прояснилось, и она отвѣчала съ какою-то робкою радостью:

— Мнѣ хорошо, никому на свѣтѣ не можетъ быть такъ хорошо.

Но тугъ же, оглянувшись на дѣтей, сидѣвшихъ на низкихъ скамейкахъ, она вздрогнула и закрыла лицо руками.

— Прости, Боже, мои согрѣшенія! простонала она.—Я совсѣмъ забыла о моемъ Эліѣ.

Потомъ она сѣла на скамейку подлѣ мужа и тихо зарыдала. Горе объ умершемъ взяло свое, но то не было уже прежнее отчаянное, безнадежное горе. Видно было, что эти слезы облегчали и исцѣляли ея измученную душу.

Когда рыданія ея нѣсколько утихли, реббъ Шломе сказалъ, взявъ ее за руку:

— Можно мнѣ теперь съ тобою поговорить, Нахима жизнь моя?

— Говори, отвѣчала она беззвучнымъ голосомъ.

— Мнѣ тяжело тебѣ въ этомъ признаться... но я не хочу, чтобы между нами осталась хотя капля неправды или обмана... Я отвезъ нашего Элію на кладбище въ Брандейсъ.

— Какъ, не *къ намъ*? воскликнула Нахима, блѣднѣя.

— Не къ намъ! повторилъ реббъ Шломе.

— И могу я спросить, отчего? съ усиленіемъ проговорила Нахима послѣ минуты молчанія.

— Развѣ ты хотѣла бы, возразилъ онъ,—чтобы всякій, кто придетъ на наше кладбище, говорилъ: вотъ сынъ Нахимы! Вотъ какое наказаніе имъ послалъ Господь за то, что ея мужъ такъ дурно съ нею поступилъ? Всѣ бы про это твердили, малые ребята знали бы это наизусть. Не унижительно ли это было бы для тебя самой, Нахима? Не больно ли для твоего сердца?

— На чужомъ кладбищѣ, далско отъ родныхъ! твердила она рыдая; она была поглощена одною этою мыслию.

— Я тебя спрашиваю, Нахима жизнь моя, отвѣчай! сказалъ реббъ Шломе, помолчавъ. Голосъ его дрожалъ.

— Ты хорошо сдѣлалъ, Шломе, сказала Нахима тихо и оперлась на его плечо.

— Ты это говоришь отъ души? воскликнулъ реббъ Шломе съ изумленіемъ.

— Ты мнѣ не хочешь вѣрить? сказала она съ грустною улыбкой.—Я вѣдь знаю, что ты умнѣ меня, и все лучше придума-

ешь. Нашему Эліѣ все равно, гдѣ его ни похоронили, а что касается до родныхъ... вѣдь мы всё со временемъ увидимся. А покуда, пусть онъ лежитъ въ Брандейсѣ.

— Ты лучшая женщина въ мірѣ, и я тебя не стою, проговорилъ реббъ Шломе въ волненіи.

Онъ зналъ, какую тяжкую жертву Нахима приносила ему въ эту минуту; онъ зналъ, что она глубоко огорчена. Нѣсколько времени онъ тревожно расхаживалъ по комнатѣ, потомъ остановился передъ женой, и пристально посмотрѣлъ на нее.

— Ты думаешь, что я тебѣ позволю мнѣ во всемъ уступать? воскликнулъ онъ. — Ты думаешь, что я самъ не сумѣю ничего для тебя сдѣлать? Нѣтъ, рѣшено, я все брошу, все продамъ, и мы возвратимся домой, въ городъ! Пусть люди говорятъ, что мнѣ угодно, мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ. Гдѣ я отыщу другую такую жену, какъ моя Нахима?

Въ комнатѣ раздался отчаянный крикъ, но не изъ устъ Нахимы. Закричалъ Аншель, и внѣ себя вскочилъ съ мѣста, выпрямляясь во весь ростъ.

Настала минута мучительнаго молчанія. Аншель стоялъ недвижно за отцомъ, и, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдилъ за малѣйшимъ движеніемъ Нахимы. Странное дѣло! на ея лицѣ не изобразилось никакого волненія; она осталась спокойна, почти равнодушна.

— А про императора ты забылъ, Шломе, проговорила она наконецъ. — Что скажетъ онъ, если ты вдругъ бросишь хлѣбопашество?

— Да, смѣйся надо мной, Нахима, воскликнулъ реббъ Шломе, съ жаромъ, но безъ малѣйшей горечи. — Смѣйся надо мною, я это заслужилъ.

— Да накажетъ меня милосердый Господь, если я теперь смѣюсь! отвѣчала Нахима серьезно. — Я тебя спрашиваю въ самомъ дѣлѣ, что скажетъ твой императоръ, если онъ это узнаетъ? вѣдь ты ему въ угоду пошелъ въ хлѣбопашцы.

Реббъ Шломе не тотчасъ же нашелся отвѣчать. Наконецъ онъ воскликнулъ: — Самъ Господь небесный не хочетъ, чтобы чловѣкъ слишкомъ мучился и страдалъ, какъ же этого захочетъ императоръ? Я всегда готовъ его на колѣняхъ благодарить, что онъ мнѣ позволилъ купить землю и поля, но не станетъ же онъ отъ меня требовать невозможнаго? Я ему такъ и скажу: Ваше величество! добрый нашъ государь! мы чувствуемъ твою милость! И мы, и наши дѣти, и внуки вѣкъ тебя будутъ благословлять. Ты захотѣлъ, чтобы мы закрыли лавочки и магазины, и стали хлѣбопашцами: такъ я и сдѣлалъ тебѣ въ угоду. Ни я, ни дѣтки, не жалѣли своихъ силъ и трудовъ, всё хотѣли тебѣ угодить. Да что жь дѣлать, если жена эгъ этого страдаетъ? Ты вѣдь не хо-

чешь, чтобъ я уморилъ съ горя собственную жену? Я хотѣлъ было ее принудить, но Богъ меня наказалъ за этотъ грѣхъ. Какъ же ты хочешь, чтобъ я остался хлѣбопашцемъ? Вѣдь ты мнѣ позволишь опять вернуться въ городъ? И, повѣрь мнѣ, императоръ мнѣ не откажетъ, у него такая добрая душа!

— Полно, Шломе, проговорила Нахима, вставая, — тебѣ нечего идти къ императору и разговаривать съ нимъ: ты все-таки главное забылъ.

— Чтò такое, Нахима жизнь моя?

— Ты не спросилъ меня, *хочу* ли я ѣхать?

— Чтò это значитъ, Нахима? воскликнулъ изумленный реббъ Шломе.

— Это значитъ, отвѣчала она спокойно, но рѣшительно, — что я не хочу возвращаться въ городъ; я остаюсь здѣсь.

При этихъ послѣднихъ словахъ у Аншеля вырвалось неясное восклицаніе.

— Подожди, Аншель жизнь моя, твоя рѣчь впереди, сказала ему мать.

— Но я *хочу*, чтобъ ты возвратилась въ городъ, Нахима жизнь моя, воскликнулъ реббъ Шломе съ жаромъ, — хотя бы я принужденъ былъ тебя на рукахъ пронести сотни миль. Я хочу, чтобы ты опять зажила прежнею жизнью.

— Хочешь ты меня опять принуждать, Шломе? сказала Нахима улыбаясь сквозь слезы. — А если я тебѣ скажу, что я въ другой разъ не дамъ себя принудить, чтò ты тогда сдѣлаешь? Вѣдь ты говорилъ, что ты теперь узналъ меня, что ты увидѣлъ, кака я упорная: хочешь ли, чтобъ я тебѣ это доказала еще разъ?

— Извини меня, Нахима, помолчавъ сказалъ реббъ Шломе. — Извини меня! Что ты прежде не хотѣла жить въ деревнѣ, среди крестьянъ, это мнѣ было понятно. Но теперь ты не хочешь возвращаться домой, увидѣть свой шкафъ, гдѣ ты спрятала коралловую цѣпочку! Признаюсь, я этого не понимаю!

— Тебѣ не нужно меня понимать, сказала она съ полугрустною улыбкою.

— Нахима! сказалъ реббъ Шломе почти строго. — Нахима! ты слишкомъ добра: зачѣмъ ты хочешь жертвовать собою? Ты думаешь, что мнѣ тяжело будетъ вернуться въ городъ? Право, ты ошибаешься. Еслибы только нашелся покупатель, я хоть сегодня готовъ продать съ уступкой и мызу, и поля, не будь мое имя Шломе, если я лгу!

— Я знаю, что твое имя Шломе, сказала Нахима съ лукавою улыбкою, — я знаю также, что ты не захочешь свое добро продать за безцѣнокъ. Да чтò ты горячишься? чтò ты меня вздумалъ разувѣрять? Я развѣ не знаю, какъ ты привязался къ деревенской жизни?

— Но ты, Нахима, что съ тобою будетъ? воскликнулъ реббъ Шломе, не замѣчая самъ, что онъ этими словами подтвердилъ догадки жены.

Нахима опять улыбнулась, взглянувъ на него.

— Что жъ, развѣ мнѣ здѣсь не хорошо? воскликнула она съ видомъ удивленія. — Развѣ я слѣпа? Развѣ я не вижу, въ какомъ довольствѣ и богатствѣ мы здѣсь живемъ? Покажите мнѣ женщину, которую бы мужъ лучше устроилъ, чѣмъ ты меня! И посмотри на *меня*, прибавила она, внезапно указывая на Аншеля, — посмотри на него, Шломе: видишь ты, какъ онъ перепугался, какъ онъ дрожитъ! Вѣдь это нашъ Аншель, наше доброе дитя, лучшее дитя въ мѣрѣ! Ты не знаешь еще, каковъ нашъ Аншель, ты этого не можешь знать! Если я, съ отчаянія, не наложила на себя руки, то причиной тому онъ одинъ. У него самого сердце кровью обливалось, а онъ меня утѣшалъ! Онъ меня повелъ на поле! Онъ мнѣ показалъ, какъ ты позаботился о пропитаніи своего семейства. Посмотри на него: его сердце привязалось къ полю, онъ съ полемъ сжился, его не легко отъ поля оторвать. Хочешь ты ему на вѣкъ жизнь испортить? Я тебѣ говорю одно, Шломе, я съ Аншелемъ не разстанусь. Гдѣ онъ будетъ, тамъ буду и я, я не дамъ себя принудить во второй разъ!

И она съ громкимъ плачемъ бросилась въ объятія сына.

— Добрѣйшая жена! воскликнулъ реббъ Шломе, и плача и смѣясь. — Кто тебя станетъ принуждать? Развѣ ты не видишь, что я самъ хочу остаться?

— Да благословить тебя Господь, отецъ жизнь моя! закричалъ Аншель. — Господь тебя наградитъ.

Но Нахима медленно высвободилась изъ объятій сына. Когда она обернулась къ мужу, лицо ея было смертельно блѣдно.

— Такъ ты меня хотѣлъ испытать, Шломе? проговорила она съ холодною горечью. — Право, то былъ напрасный трудъ. Отчего ты мнѣ прямо не сказалъ: Нахима, я не уѣду отсюда, хочешь ли со мною остаться?

— Не сердись, матушка жизнь моя, не сердись, прервалъ ее Аншель, испуганный ея тономъ. — Развѣ ты не знаешь отца?

И Тилла также подбѣжала къ ней и схватила ея руки.

— Матушка! воскликнула она, — не мучь себя, не мучь всѣхъ насъ. Вѣдь отецъ не хотѣлъ тебѣ сдѣлать неприятности!

Но Нахима все еще отворачивалась въ досадѣ.

— Нахима, посмотри на меня! вдругъ воскликнулъ реббъ Шломе.

Она невольно подняла глаза и встрѣтила прямой, открытый взглядъ мужа.

— Странная ты женщина! сказалъ онъ. — Ну, да, я захотѣлъ тебя испытать. Но неужели ты за это станешь сердиться? Вотъ,

видитъ Богъ, что я не отрекся бы отъ своихъ словъ, еслибы увидѣлъ, что тебѣ сколько-нибудь хочется уѣхать отсюда.

— И ты бы уѣхалъ, Шломе? воскликнула растроганная Нахима: — ты бы уѣхалъ мнѣ въ угоду?

— Я бы уѣхалъ! повторилъ реббъ Шломе, звучнымъ, торжественнымъ голосомъ.

Никогда семидневныя поминки по умершемъ не прошли въ такомъ тихомъ счастьи, какъ въ семействѣ ребба Шломе. Казалось, исчезли всѣ слѣды прежнихъ недоразумѣній, воцарился миръ и упокоеніе. О самомъ Эліѣ рѣдко упоминали. Было ли то заслуженное наказаніе его проступка? Или люди въ счастьи всегда забываютъ о другихъ?

Когда наконецъ кончился семидневный плачь, и они встали со своихъ скамеекъ и принялись за обычную дѣятельность, имъ казалось, что прошелъ длинный, чудный сонъ, проливающий свое благодатное вліяніе и на всю остальную жизнь.

Намъ немного остается прибавить на счетъ дальнѣйшей судьбы семейства Шломе.

Реббъ Шломе и Нахима остались вѣрны свосму слову: они зажили въ согласіи и любви. Нахима мало по малу привыкла къ сельской жизни, и сдѣлалась отличною хозяйкою. Правда, она сохранила какую-то важность и чопорность во всѣхъ своихъ приемахъ, она все еще нѣсколько свысока смотритъ на всю свою обстановку. Но и это послужитъ къ пользѣ и ей, и ея семейству; это не позволитъ имъ огрубѣть среди крестьянъ. Однако она примирилась съ деревнею, и не боится болѣе сближаться съ своими сосѣдами.

Нельзя не упомянуть о томъ, что сараи по совѣту Аншеля застраховали только приблизительно по ихъ настоящей цѣнности. Сама Нахима на это согласилась. И она себя чувствуетъ спокойною и безопасною на новой родинѣ.

Четыре недѣли послѣ смерти Эліи, скончался дядя Коппель. Онъ умеръ безъ страданій, безъ опредѣленной болѣзни, прижимая къ груди свой могоень-довидъ, съ которымъ не разставался съ тѣхъ поръ, какъ онъ ему былъ возвращенъ. Его похоронили на Брандейскомъ кладбищѣ, рядомъ съ Эліей.

Мизрахъ же его и теперь виситъ на восточной стѣнѣ главной комнаты мызы; мы надѣемся, что онъ долго останется на этомъ почетномъ мѣстѣ!

Войтѣхъ остался въ домѣ; онъ примѣрный работникъ и вѣрно охраняетъ добро своего хозяина. Онъ попрежнему мраченъ, сердце его еще не нашло успокоенія; но прежнія вспышки гнѣва совершенно прекратились: онъ сталъ кротокъ и тихъ. Съ Анше-

лемъ его связываетъ полуразгаданная тайна любви и смерти Эліи. Но съ тѣхъ поръ, какъ Аншель уступилъ работнику крестъ, найденный на шеѣ брата, ни одинъ изъ нихъ не произносилъ имени Эліи.

Аншель не забылъ своей молодой любви. Часто она является передъ нимъ во снѣ, и наводитъ на него тихую грусть. Къ счастью, ему не вполне извѣстна грустная развязка этой любви! Но такіа печальныя минуты не часто повторяются: Аншель возмужалъ и окрѣпъ духомъ послѣ тяжелаго испытанія. Онъ точно сжился съ полемъ, и сдѣлался поселяниномъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Талія во всемъ помогаетъ матери, и сдѣлалась красивою и цвѣтущею дѣвушкой. Она сговорена съ молодымъ хлѣбопашцемъ, который, подобно Аншелю, переселился въ деревню изъ улицъ Гетто; но реббу Шломе трудно отвыкнуть называть ее «малюткой». Еще труднѣе ему будетъ привыкнуть къ разлукѣ съ нею.

Итакъ, все семейство счастливо и спокойно. Только прошлый годъ принесъ тяжкое горе реббу Шломе, и мы не можемъ объ немъ не упомянуть. Мы говоримъ объ ограниченіи права владѣнія землею. Конечно, эта мѣра не касается лично до ребба Шломе, потому что онъ купилъ свою землю прежде обнародованія новаго закона, но однако, она глубоко огорчила и его и все его семейство. Вѣдь тягостно себя чувствовать исключеніемъ, наслаждаясь правомъ, главный смыслъ котораго заключался въ его всеобщности, между тѣмъ, какъ тысячи, и сотни тысячъ братьевъ лишились его!

Однако не все еще кончено. Они надѣются, по крайней мѣрѣ реббъ Шломе почти убѣжденъ, что добрый его императоръ утѣшитъ его на старости лѣтъ, уничтожить всѣ ограниченія права собственности!

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Изъ Берлина. <i>Б. И. Утина</i>	3
Мысли означеніи механическаго искусства въ наше время и о будущности его въ Россіи. <i>А. С. Ершова</i> . . .	19
Нужды и желанія промышленности. Статьи, доставлен- ныя В. А. Кокоревымъ: Объ устройствѣ механиче- скаго заведенія для приготовленія земледѣльческихъ машинъ и орудій <i>г. Вараксина</i> .—О повсемѣстномъ дозволеніи частнымъ лицамъ отыскивать каменный уголь въ Оренбургскомъ краѣ на особо составлен- ныхъ правилахъ <i>г. Покровскаго</i>	30
Деревенскія думы.—I.—Князя <i>С. П. Голицына</i>	48
Изъ письма въ редакцію. <i>С. С.</i>	52
Внутреннія извѣстія.	55
Политическое Обзорѣніе.	62
Прощальный объѣздъ въ Кіевѣ <i>Н. Р. Ребиндеру</i>	89
Письмо къ редактору.	94

ЯНВАРЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Экономическая корреспонденція. <i>Густава де-Молинали</i> . . .	97
Замѣтка на статью графа Ржевускаго. <i>С. С. Громеки</i> . . .	108
Замѣчанія о необходимости и пользѣ выкупа. <i>А. М. Унков- скаго</i>	112
Кредитъ и крѣпостное право.—I.— <i>И. Х. Бунге</i>	125
Мнѣніе о выкупѣ угодій крестьянами въ Московской гу- берніи. <i>С. И. Витберга</i>	136
Важность гласности въ вопросѣ о выкупѣ.	141
Внутреннія извѣстія.	149
Политическое Обзорѣніе.	155

ФЕВРАЛЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ за истекшее лѣто.

<i>Я. Ѡ. Данилевскаго.</i>	191
Изъ Америки. <i>Г. Матилл.</i>	202
Помѣщики и крестьяне. <i>П. Э.</i>	219
Внутреннія извѣстія.	230
Политическое Обзорѣніе.	243
Письмо къ редактору. <i>А. А. Авдѣева.</i>	277
Поправки.—Объявленія.	283

ФЕВРАЛЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Открытіе англійскаго парламента 3 февраля 1859. (Изъ

<i>Times</i>)	285
Публичныя лекціи профессора Стасюлевича о провинціаль- номъ бытѣ Франціи при Лудовикѣ XIV. <i>А.</i>	363
Внутреннія извѣстія.	389
Политическое Обзорѣніе.	400
Отъ редакціи	432

О Г Л А В Л Е Н И Е

ДЕВЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

	<i>Стр.</i>
Вступленіе на престоль императрицы Анны <i>П. К. Щербальскаго</i>	5 ✓
Аристократія и интересы дворянства. Мысли и замѣчанія по поводу крестьянскаго вопроса.— <i>И.—В. П. Безобразова</i>	118 ✓
Записки Льва Николаевича Энгельгардта.— <i>И.—П.</i>	118 ✓
Майоръ. Малороссійская повѣсть.— <i>И.—П. А. Кулиша</i>	146 ✓
Кадриль. I. Разказъ Надины. <i>К. К. Павловой</i>	181 ✓

ЯНВАРЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Западная Европа въ дофеодальную эпоху. Очерки сравнительной исторіи политическихъ учреждений и сословныхъ отношеній во Франціи, Англіи и Германіи.— <i>И.—VII.—Г. В. Вызинскаго</i>	197 ✓
Записки Льва Николаевича Энгельгардта.— <i>III.—(Продолженіе)</i>	255
Майоръ. Малороссійская повѣсть.— <i>II.—VI.—(Продолженіе)</i> . <i>П. А. Кулиша</i>	279
Кадриль. II. Разказъ Лизы. <i>К. К. Павловой</i>	337
Письма о крестьянахъ и земледѣліи во Франціи. <i>Евгенія Боннера</i>	350

ФЕВРАЛЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Климать европейской Россіи.— <i>I.—А. Н. Бекетова</i> . 375 ✓	
Путешествіе по Америкѣ.— <i>I.—Отъ Нью-Йорка до Чарльстона</i> <i>Э. Р. Циммермана</i>	404 ✓
Козачка. Малороссійскій разказъ <i>Марка Вовчка</i>	435 ✓

Майоръ. Малороссійская повѣсть. (Окончаніе.) <i>П. А. Ку-</i> <i>мша.</i>	453
Кадриль. III. Разказъ Ольги. <i>К. К. Павловой.</i>	501
Феодализмъ и аристократія. Статья Макса Дункера.	515 ✓
Георгины. Стихотвореніе. <i>А. А. Фета.</i>	554

ФЕВРАЛЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Западная Европа въ дофеодалную эпоху.—VII—XXI. <i>Г. В. Визинскаго.</i>	555
Записки Льва Николаевича Энгельгардта.—IV.—	619
Климатъ Европейской Россіи.—II.— <i>А. Н. Бекетова.</i>	674
Кадриль. Разказъ Графини. <i>К. К. Павловой.</i>	691
По дорогѣ. <i>А. Д. З.</i>	709
Вопросъ объ устности и гласности суда. <i>А. А. Палюбце-</i> <i>каго</i>	727

СТИХОТВОРЕНІЯ:

«Яркимъ солнцемъ въ лѣсу пламенѣтъ костеръ» <i>сво же.</i>	737
«Въ лѣса безлюдной стороны» <i>А. А. Фета.</i>	738
«Свѣтло, тепло, пылаетъ каминъ» <i>А. А. Жемчужникова.</i>	738

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

✓ За плугомъ. Романъ Леопольда Комперта.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОПИСЬ

Изъ Берлина. Б. И. УТИНА.

Мысли о значеніи механическаго искусства въ наше время и о будущности его въ Россіи. А. С. ЕРШОВА.

Нужды и желанія промышленности. Статьи доставленныя В. А. Коборевымъ: Обь устройствѣ механическаго заведенія для приготоленія земледѣльческихъ машинъ и орудій г. ВАРАКСКОГО. — О повсемѣстномъ дозволеніи частнымъ лицамъ отыскивать каменный уголь въ Оренбургскомъ краѣ на особо составленныхъ правилахъ г. ПОКРОВСКАГО.

Деревенскія думы. — I. — Князя С. П. ГОЛИЦЫНА.

Изъ письма въ редакцію. С. С.

Внутреннія извѣстія.

Политическое Обзорѣніе.

Прощальный объѣздъ въ Кіевѣ Н. Р. Ребиндеру.

Письмо къ редактору.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1859 ГОДУ.

ВЪ КОНТОРАХЪ РУССКАГО ВѢСТНИКА.

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

При Конторѣ Типографіи Каткова и Ко, въ Армянскомъ переулкѣ, и при книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

При книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ.

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Печатать позволяется.

Января 24-го. Ценсоръ Н. Гилларовъ-Платоновъ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1859

ЯНВАРЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ВЪ ДОФЕОДАЛЬНУЮ ЭПОХУ. Очерки сравнительной исторіи политическихъ учрежденій и сословныхъ отношеній Франціи, Англій и Германіи.—I.—VII.— Г. В. ВЫЗИНСКАГО.
- II.—ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА.—III.—(Продолженіе).
- III.—МАЙОРЪ. Малороссійская повѣсть.—II.—VI.—(Продолженіе). П. А. КУЛИША.
- IV.—КАДРИЛЬ. II. Разказъ Лизы. К. К. ПАВЛОВОЙ.
- V.—ПИСЬМА О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ ВО ФРАНЦІИ. ЕВГЕНІЯ БОНМЕРА.
- VI.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотѣ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

За плугомъ. Романъ Леопольда Комперта. IX.—XVI.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА № 1.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1859

ОБЪЕМЪ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—КЛИМАТЪ БРИТАНІЙСКОЙ РОССІИ.—I.— А. Н. БЕКЕТОВА.
II.—ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АМЕРИКѢ.—I.— Отъ
Нью-Йорка до Чарльстона. Э. Р. ЦИММЕРМАНА.
III.—КОЗАЧКА. Малороссійскій разказъ. МАРКА ВОВЧКА.
IV.—МАЙОРЪ. Малороссійская повѣсть. (Окон-
чаніе.) П. А. КУЛИША.
V.—КАДРИЛЬ. III. Разказъ Лизы. К. К. ПАВЛОВОЙ.
VI.—ФЕОДАЛИЗМЪ И АРИСТОКРАТІЯ. Статья
Макса Дункера.
VII.—ГЕОРГИНЫ. Стихотвореніе. А. А. ФЕТА.
VIII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотѣ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

За плугомъ. Романъ Леопольда Компорта. IX—XVI.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1859

ФЕВРАЛЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ВЪ ДОФЕОДАЛЬНУЮ ЭПОХУ. Очерки сравнительной исторіи политическихъ учрежденій и сословныхъ отношеній ов Франціи, Англии и Германіи.— VIII.—XXI.— Г. В. ВЪЗІНСКАГО.
- II.—ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА.—IV.—
- III.—КЛИМАТЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.—III.— А. Н. БЕКЕТОВА.
- IV.—КАДРИЛЬ. IV. Разказъ графини К. К. ПАВЛОВОЙ.
- V.—ПО ДОРОГѢ А. Д. З.
- VI.—ВОПРОСЪ ОБЪ УСТНОСТИ И ГЛАСНОСТИ СУДА А. А. ПАЛЮМБЕЦКАГО.
- VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.
- Яркимъ солнцемъ въ лѣсу пламенѣеть костеръ». А. А. ФЕТА.
- Въ лѣса безлюдной стороны». ЕГО ЖЕ.
- Свѣтло, тепло; пылаетъ каминь». . . . А. А. ЖЕМЧУЖНИКОВА.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

За плугомъ. Романъ Леопольда Комперта. Окончаніе.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ

X Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ за истекшее лѣто. Я. Е.
НИЛЕВСКАГО.

Изъ Америки. Г. МАТИЛЯ.

Помѣщики и крестьяне. П. Э.

Внутреннія извѣстия.

Политическое Обзорѣнїе.

Письмо къ редактору. А. А. АВДЪЕВА.

Поправки.—Объявленїе.

ПОДПИСКА КРИНИМАЕТСЯ

НА 1859 ГОДЪ

ВЪ КОНТОРАХЪ РУССКАГО ВЪСТНИКА :

ВЪ МОСКВѢ

При Конторѣ Типографїи Каткова
и К^о, въ Армянскомъ переулкѣ, и
при книжной лавкѣ Базунова, на
Страховомъ Бульварѣ, въ домѣ
Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

При книжной лавкѣ Базунова,
на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ
Энгельгардтъ.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*,
въ Москву.

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пере-
сылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬ-
ДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Печатать позволяется.

Февраля 24-го. Ценсоръ А. Драгуцовъ.

